

С.Б. Борисов

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
РУССКОГО ДЕТСТВА**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

В двух томах

Том 1

А – Н

2008

ББК 92 + 88.8 + 71.1
УДК 03 + 371.015 + 372.015
Б 82

Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства: В двух томах. Том 1. А–Н. – Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 2008. – 518 с.

Борисов Сергей Борисович – доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Шадринского государственного педагогического института, член Союза российских писателей, автор изданий: «Мир русского девичества: 70–90 годы XX века» (М.: Ладомир, 2002. 343 с.); «Рукописный девичий рассказ» (М.: ОГИ, 2002. 512 с.; 2-е изд. 2004); «Шадринск XVIII–XXI вв.: Очерки истории повседневности» (Шадринск, 2004. 112 с.); «Человек. Текст. Культура. Социогуманитарные исследования. Изд. 2-е, дополненное» (Шадринск, 2007. 532 с.) и др.

Издание представляет собой опыт систематизации эмпирической информации о разнообразных социокультурных явлениях, составлявших в совокупности «мир русского детства» в его историческом развёртывании.

Издание предназначено для специалистов в области социологии детства, культурантропологии детства, исторической антропологии, истории детства, истории культуры, истории быта, истории повседневности.

Энциклопедический словарь русского детства может также представить интерес для работников образовательно-воспитательной сферы, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

Научное издание

Борисов Сергей Борисович

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ДЕТСТВА

В двух томах. Том 1. А–Н.

Под редакцией автора

Подписано в печать **29. 04. 2008.** Формат **60x84 1/64.** (другой) Бумага офсетная (ВХИ) Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. **60, 0.** (др.) Уч. изд. л. **72, 0.** (др.). Тираж **100 экз.**

Лицензия ЛР №10210057 от 7 апреля 1997 г.

Издательство Шадринского пединститута. 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОГУП «Шадринский Дом печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641 870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. **2-33-51.**

© С.Б. Борисов, 2006
© С.Б. Борисов, 2-е изд, перераб. и доп., 2008.
© С.Б. Смирнов, дизайн обложки, 2008.

ISBN 978–5–8–78–18–378–9

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
РУССКОГО ДЕТСТВА**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

В двух томах

Том 2

О – Я

2008

ББК 92 + 88.8 + 71.1
УДК 03 + 371.015 + 372.015
Б 82

Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства: В двух томах. Том 2. О–Я. – Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 2008. – 520 с.

Борисов Сергей Борисович – доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Шадринского государственного педагогического института, член Союза российских писателей, автор изданий: «Мир русского девичества: 70–90 годы XX века» (М.: Ладомир, 2002. 343 с.); «Рукописный девичий рассказ» (М.: ОГИ, 2002. 512 с.; 2-е изд. 2004); «Шадринск XVIII–XXI вв.: Очерки истории повседневности» (Шадринск, 2004. 112 с.); «Человек. Текст. Культура. Социогуманитарные исследования. Изд. 2-е, дополненное» (Шадринск, 2007. 532 с.) и др.

Издание представляет собой опыт систематизации эмпирической информации о разнообразных социокультурных явлениях, составлявших в совокупности «мир русского детства» в его историческом развёртывании.

Издание предназначено для специалистов в области социологии детства, культурантропологии детства, исторической антропологии, истории детства, истории культуры, истории быта, истории повседневности.

Энциклопедический словарь русского детства может также представить интерес для работников образовательно-воспитательной сферы, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

Научное издание

Борисов Сергей Борисович

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ДЕТСТВА
В двух томах. Том 2. О–Я.**

Под редакцией автора

Подписано в печать 29. 05. 2008. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная (ВХИ) Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 60, 0. (др.) Уч. изд. л. 72, 0. (др.). Тираж 100 экз.

Лицензия ЛР №10210057 от 7 апреля 1997 г.

Издательство Шадринского пединститута. 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОГУП «Шадринский Дом печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641 870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

© С.Б. Борисов, 2006.
© С.Б. Борисов, 2-е изд, перераб. и доп., 2008.
© С.Б. Смирнов, дизайн обложки, 2008.

ISBN 978–5–87818–378–9

Предисловие

Без широкого историко-культурного фона любые психологические и социологические исследования социализации остаются наивными и провинциальными. Ещё в начале 1970-х годов я заинтересовался историей русского детства и обнаружил, что этим никто не занимался всерьёз с дореволюционных времён...

Монографий по истории русского детства... до сих пор нет.

Кон И.С. Социологическая психология. – М., 1999. С. 44, 46.

Особенно плохо обстоит дело с историей русского детства.

Кон И.С. Ребёнок и общество. – М., 2003 – С. 46.

Настоящий Энциклопедический словарь русского детства призван охватить собою по возможности все «единицы» («атомы»), «элементы», составлявшие в прошлом и составляющие в настоящем культурную (социально-культурную и культурно-антропологическую) среду русского детства.

Русское детство. Если описывать детство как период социализации и использовать принятые термины, то эти элементы следовало бы именовать «агентами» и «институтами» социализации. Действительно, родителей, учителей, классных руководителей, милиционера, директора можно назвать «агентами социализации», учебные и воспитательные заведения-учреждения поименовать «институтами социализации». Однако при таком агентно-институционально-социализационном подходе мы бы получили лишь предельно общее и абстрактное представление о русском детстве. Так, если драку или коллективное курение при большом желании можно называть «институтом социализации», то куклу, перочинный ножик, номер журнала «Мурзилка», заучивание наизусть басни «Стрекоза и муравей», шпартгалку, пускание бумажных самолётиков, ползание по деревьям и сиденье на заборах, игру в прятки, разведение голубей и вышивание из рук портфеля можно называть «институтами», лишь абсолютно лишив это понятие сколько-нибудь определенного содержания. Если рассуждать о детстве в терминах теории социализации, то личный дневник, книгу «Золотой ключик», сплетённую фенечку, куклу и т. п. мы бы предложили назвать орудиями или инструментами социализации; игру в «двенадцать палочек», дёрганье за косу и сбегание с уроков в кино, дразнение и бойкотирование – техниками или практиками социализации, а агентов, институты, орудия (инструменты) и техники (практики) социализации в целом (и порознь) – механизмами социализации. В этом смысле настоящий словарь можно определить как «расположенные в алфавитном порядке названия механизмов (агентов, инструментов, практик и институтов) социализации русских детей».

Здесь следует сделать следующее уточнение. Теория социализации категориально более разработана, она же пользуется и довольно большой известностью. Однако поскольку в словаре речь идёт не о механизмах абстрактно-всечеловеческой социализации, а о механизмах ранней социализации в русском социально-культурно-антропологическом континууме, то точнее было бы использовать пока малораспространённый в отечественной научной среде термин «инкультурация». Таким образом, можно сказать, что настоящий словарь представляет собой описание механизмов ранней (индивидуально-спонтанной, коллективно-стихийной и властно-управляемой; первичной и вторичной) инкультурации в пределах «русского хронотопа».

Здесь не время и не место погружаться в толщу рассуждений о понятии «русский» («русские»), является ли оно обозначением этноса, «суперэтноса», народа, нации, особой культурно-исторической общности или ещё чего-то. Автор считает достаточным сообщить, что он достаточно давно и глубоко посвящён во все дискуссии относительно «русскости» и знаком с литературой по этому вопросу – от объёмных монографий и научных журналов до популярных брошюр и газетных публикаций. В данном случае автор предпочел, не доводя до нестерпимой (слепящей глаза) ясности теоретическую сторону проблемы «русскости» («русской культуры», «русского начала», «русского народа»), заняться систематизацией эмпирического материала, интуитивно (не стихийно-наивно-интуитивно, а теоретически-отрефлектированно-интуитивно) полагая одни явления причастными «культуре русского детства» и включая их в состав словаря, а другие таковыми не полагая и в состав словаря не включая.

Энциклопедический словарь. В обыденном, повседневном словоупотреблении прилагательное «энциклопедический» (применительно к словарю) часто трактуется как «всеохватный», содержащий информацию обо всём в указанной области знаний. Поэтому сразу хотим пояснить, что прилагательное «энциклопедический» в конструкции «энциклопедический словарь» отсылает подготовленного читателя к оппозиции «лингвистический словарь» – «энциклопедический словарь». В соответствии с нею в лингвистическом (толковом) словаре объясняются значения слов, в энциклопедическом же – даётся описание «устройства» вещей, история их возникновения, бытования и функционирования в обществе.

Поскольку наш словарь предназначен для составления описания механизмов (орудий, практик, агентов, институтов) социализации-инкультурации, мы назвали его «энциклопедическим». Именно поэтому, а не

потому, что мы подразумеваем, что включили-де в словарь всё, что на данный момент известно о русском детстве. Мы специально подчеркиваем это обстоятельство, так как уже встречались с суждениями типа: «В издании отсутствует понятия “L”, “N” и даже “S”, поэтому претензии автора на энциклопедичность словаря неосновательны».

Итак, если главной целью лингвистического словаря является толкование слов, то цель автора энциклопедического словаря – систематизация элементов определенной ипостаси (аспекта, среза) действительности с её вещами, обладающими пространственно-временными и прочими характеристиками.

Тем не менее, поскольку толкование той или иной реалии входит в социокультурный контекст бытования самой реалии, в настоящее издание словаря мы включили толкования слов, взятые из различных словарных изданий. Это, во-первых, даёт читателю возможность получить пусть абстрактно-формальное, но «санкционированное» (филологической наукой) представление о явлении. Во-вторых, читатель, сравнивая между собой (приведённые во многих случаях) определения-толкования из разных словарей и соотнося словарное значение с тем семантическим полем, в котором выступает данное слово в приводимых отрывках, имеет возможность установить конкретно-исторически обусловленную вариативность (динамику) его (слова) семантики.

Словарная статья. Первая часть словарной статьи (как явствует из вышеизложенного) состоит из слова и его лингвистического (толково-словарного) значения. Во второй части статьи автор стремился представить, во-первых, информацию об объективных аспектах явления (о его социокультурном контексте, функционировании) и, во-вторых, информацию о субъективном восприятии явления (ребёнком).

Вторая часть статьи представляет собой совокупность цитат из различных источников, призванных дать целостное представление об исторической эволюции социокультурного функционирования описываемого механизма социализации.

Перед началом цитаты автор по возможности указывает, во-первых, возраст (класс в школе) и пол ребёнка, о котором идёт речь в цитате; во-вторых, автор по возможности указывает, где (в каком населённом пункте) происходит действие, и, в-третьих, время, когда (насколько было возможно это установить из анализа всего текста) явление имело место. Примеры (цитаты) расположены в хронологическом порядке, так, что читатель может воспринимать бытование механизма социализации в его историческом развитии.

После цитаты в скобках излагается закодированная информация о её источнике. Если в скобках приводится слово, то его вместе с указанным через запятую годом издания можно отыскать в списке литературы, размещённом в конце второго тома. Там дано библиографическое описание цитируемого издания. После года издания приводятся номера страниц, на которых расположен цитируемый текст. В ряде случаев перед годом издания цитируемой книги указывается – в квадратных скобках – год первоиздания книги или её написания. Если в скобках после цитаты приводится только число, это значит, что цитируется рукописный источник. Он также расшифровывается в конце второго тома.

Получить и представить читателю информацию о субъективном восприятии ребёнком описываемого явления автору удавалось далеко не всегда, тем не менее, однако, важно подчеркнуть, что автор методологически отвергал установку на рассмотрение предметов культуры исключительно объективно. Субъективное восприятие механизма социализации, его включённость в духовную, рефлексивную и материально-практическую деятельность ребёнка-субъекта – «вещи», по мнению автора словаря, не факультативно-акцидентальные, но атрибутивные, имманентно присущие культурфеномену, выступающему в качестве механизма социализации. Желающие прояснить более отчётливо сущность и истоки данной методологической установки автора словаря благоволят обратиться к «Тезисам о Фейербахе» известного социального мыслителя и непосредственно вслед за этим – к интерпретации оных в философской литературе.

Установка на получение информации о мире детства не в привычной объективистской, деонтологически-прескриптивной парадигме, а в неразрывном диалектико-диалогическом единстве двух его (детства) непримиримо-неразрывных ипостасей – социально-объективной (принудительной) и индивидуально-субъективной (свободной), привела автора, во-первых, к расширению числа признаваемых научно значимыми видов опубликованных источников, а во-вторых, к предпринятию действий по получению «сырой» (не опубликованной и даже не написанной) информации относительно субъективных аспектов функционирования явлений культуры.

Источники словаря. Источниками информации для данного словаря стали: во-первых, книги (художественные, научные, документальные, детские и т. д.), журналы, газеты, фильмы; во-вторых, тексты (разных авторов), написанные до начала работы над словарем (то есть до 2006–2007 гг.); тексты, написанные по просьбе автора словаря непосредственно в ходе работы над вторым его изданием.

Настоящее издание в сравнении с изданием 2006 года имеет ряд важных отличий:

- существенно (в несколько раз) увеличился объём информации по периодическим изданиям для детей;
- существенно увеличилась представленность в словаре «лингвистической» части детской культуры – устойчивых слов и словосочетаний из «школьного жаргона», детско-подростковых фразеологизмов;
- число цитируемых опубликованных источников увеличилось с 400 до 1775;
- число первичных источников (главным образом, рукописных работ) увеличилось с 2–3 до 380.

Автор считает приятным долгом отметить, что подготовку настоящего издания он рассматривает в контексте творческого сотрудничества с постоянно действующим научным семинаром «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». Его руководитель – доктор филологических наук, профессор С.Ю. Неклюдов, заместитель директора Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета (с 1995 по 2004 г.), главный редактор журнала «Живая старина» (с 1997 г.), директор учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ (с 2004 г.).

Научное консультирование, осуществлявшееся Сергеем Юрьевичем Неклюдовым в 2000–2002 гг., позволило выйти научным исследованиям автора настоящего словаря на кардинально новый уровень, сделало возможным написание и защиту им докторской диссертации, а также публикацию основных её результатов в авторитетных московских издательствах.

Автор благодарит преподавателя Европейского университета в Санкт-Петербурге, доцента кафедры детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидата филологических наук, родоначальника современной школы изучения детского и школьного фольклора Александра Фёдоровича Белоусова за многолетнее (с 1989 года) научное сотрудничество, помощь в получении новейших научных монографий и за конструктивную критику первого издания «Энциклопедического словаря русского детства».

Автор благодарит доктора филологических наук, профессора кафедры литературы Карельского государственного педагогического университета Софью Михайловну Лойтер (Петрозаводск) за многолетнее (с 1994 г.) научное сотрудничество, рецензирование «Энциклопедического словаря русского детства» и помощь в получении научных текстов, необходимых для восполнения пробелов первого издания.

Автор благодарит члена-корреспондента Российской академии образования, главного научного сотрудника Института теории и истории педагогики РАО, доктора педагогических наук Виталия Григорьевича Безрогова (Москва) за рецензирование «Энциклопедического словаря русского детства» и помощь в получении малодоступных научных изданий.

Автор благодарит ректора Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Шадринский государственный педагогический институт» (ШГПИ) профессора Людмилу Ивановну Пономареву за помощь в осуществлении публикации второго издания «Энциклопедического словаря русского детства».

Автор благодарит заведующую библиотекой ШГПИ Елену Александровну Бурлакову за обеспечение эффективной работы с книжно-журнальными фондами и организационно-техническую помощь в подготовке первого и второго изданий словаря.

Автор благодарит доцента кафедры философии и социологии ШГПИ Наталью Фёдоровну Чипинову, ассистентов кафедры культурологии ШГПИ Ольгу Евгеньевну Верхотурцеву и Надежду Юрьевну Маткину за помощь в получении социологических и культурно-антропологических материалов, требовавшихся для устранения информационных пробелов первого издания.

Автор благодарит старшего преподавателя кафедры культурологии ШГПИ Ирину Геннадьевну Борисову за содействие в подготовке первого и второго изданий «Энциклопедического словаря русского детства».

Автор благодарит студентов филологического факультета (специальность «Культурология») ШГПИ, чьи усилия на протяжении 2006–2008 гг. позволили качественно обогатить словарь авторизованной антропологической информацией. В числе наиболее активно, ответственно и эффективно работавших студентов автор словаря считает необходимым упомянуть Оксану Павлову, Татьяну Таблер, Татьяну Меньщикову (выпуск 2007 г.), Юлию Ионину, Марию Сычугову, Светлану Овчинникову, Ирину Юрину (выпуск 2008 г.), Евгению Барашеву и Ольгу Вербицкую (4 курс).

Автор благодарит дизайнера Станислава Борисовича Смирнова (г. Шадринск) за помощь в работе над первым и вторым изданиями «Энциклопедического словаря русского детства».

Автор благодарит педагога-психолога лицея № 1 г. Шадринска, кандидата психологических наук Анну Владимировну Булыгину за помощь в работе над вторым изданием «Энциклопедического словаря русского детства».

Автор благодарит главного редактора спортивного журнала «SKIстайл» Александру Борисовну Валаеву (г. Жуковский Московской области) за помощь в редактировании первого и второго издания «Энциклопедического словаря русского детства».

Автор благодарит студентку Южно-Уральского государственного университета Дарью Сергеевну Борисову (г. Челябинск) за помощь в работе над вторым изданием «Энциклопедического словаря русского детства».

Автор благодарит коллективы Центральной библиотеки г. Шадринска и Центральной детской библиотеки г. Шадринска за содействие в получении информации для первого и второго изданий «Энциклопедического словаря русского детства».

Автор благодарит руководство Областного государственного унитарного предприятия «Шадринский дом печати» за содействие в публикации первого и второго изданий «Энциклопедического словаря русского детства».

16 мая 2008 года

Приложение I. Выдержки из первого издания «Энциклопедического словаря русского детства»

Библиографическое описание и аннотация

Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. – Шадринск: ПО «Исеть», 2006. – 548 с.

Данное издание представляет собой опыт первичной систематизации информации о разнообразных элементах культуры, составлявших в той или иной степени «мир русского детства» в XIX-XX вв.

Издание предназначено специалистам в области исторической и культурной антропологии и истории культуры повседневности.

[С. 2]

Предисловие

В предисловии к своей историографической монографии «Ребёнок и общество: (Историко-этнографическая перспектива)», изданной под эгидой Института этнографии АН СССР, И.С. Кон отметил, что «особенности русского детства нужно изучать специально и гораздо более основательно, чем делалось до сих пор» (Кон, 1988-1, 4); в главе «Детство в зеркале исторических наук» той же книги он констатировал: «Особенно плохо обстоит дело с историей русского детства» (Кон, 1988-1, 40). Спустя пятнадцать лет в учебном пособии «Ребёнок и общество», написанном на основе получившей широкое признание вышеназванной монографии, И.С. Кон констатировал неизменность ситуации в данном вопросе: с историей русского детства дело обстоит по-прежнему плохо (Кон, 2003, 46). Как мы полагаем, и за прошедшие со времени издания указанного учебного пособия три года задача написания истории русского детства была не только не решена, но фактически даже не поставлена в практическую плоскость.

Настоящее издание мы рассматриваем как подготовительный этап к началу разработки темы «мир русского детства» в единстве диахронного и синхронного её аспектов. Задачи издания: во-первых, зафиксировать в форме словарных статей максимальное количество социокультурных реалий, характеризующих условия жизни детей в разные исторические периоды. Во-вторых, зафиксировать время, когда каждая нашедшая выражение в словарной статье реалия обрела общественно признанное бытование. В-третьих, объединить в рамках словарной статьи всю обнаруженную информацию, позволяющую уяснить социокультурный контекст функционирования данной реалии.

Ввиду того, что наше «подготовительное исследование» облечено в форму не толкового словаря, указывающего значение, употребление и грамматические и фонетические особенности слов, а словаря энциклопедического – содержащего существенную информацию о понятиях, обозначаемых словами, мы считаем необходимым дать специальное разъяснение относительно того, как устроена большая часть словарных статей.

1. В кавычках приводится цитата, содержащая информацию о явлении, название которого вынесено в заглавие словарной статьи.

2. После цитаты следуют скобки, в которых:

– приводится сокращенное обозначение источника информации. В конце книги приведен список источников, по сокращенному наименованию читатель может установить полные данные об источнике;

– указывается год публикации источника, по которому цитируется информация;

– указывается номер страницы, на которой помещена цитируемая информация.

В большинстве случаев между сокращенным обозначением источника информации и годом публикации источника, по которому цитируется информация, в квадратных скобках указывается год написания или первой публикации цитируемого источника.

В отыскании данной информации автор словаря усматривал отдельную важную задачу, так как выявление «перводаты» создает предпосылки для решения задачи локализации существования той или иной реалии во времени. Содержательный анализ текста (источника цитаты) давал возможность определить, насколько задолго до времени первопубликации имели место описываемые события.

Так, если в книге, опубликованной в 1983 году, упоминается о некоей игре, в которую играла девочка, это совсем не значит, что эта игра действительно существовала в начале 1980-х гг. Так, предположим, нам удалось выяснить, что книга была впервые опубликована в 1973 году, героине 25 лет, и она вспоминает об игре, в которую играла в 11-летнем возрасте. Путем несложных вычислений игру мы относим к 1959 году. В результате мы предвараем цитату ремаркой: «О второй половине 1950-х» или «О конце 1950-х гг.».

Далее, если к какому-то понятию найдено несколько цитат, они располагаются в хронологическом порядке, в соответствии с реконструированным временем бытования отраженного в понятии явления. Таким образом, читатель, знакомясь с содержанием статьи, движется от наиболее раннего периода бытования упоминаемой реалии до наиболее позднего. Тем самым, реалия предстает в своей временной динамике, и читатель может с известной долей достоверности установить либо время появления какого-либо (и поныне существующего) явления, либо время исчезновения какой-либо издавна существовавшей социокультурной реалии, либо время и появления, и исчезновения какого-либо культурного факта.

Какие же понятия включены в словарь? Мы стремились включить в словарь все явления, которые так или иначе связаны с детством, с жизнью ребенка, его обучением и досугом. Так, в словарь включены следующие «области детского бытия»: одежда (бытовая и форменная); пища (особо любимая или нелюбимая детьми); обстановка, персонал и нравы учебных заведений; пионерская жизнь; внешкольные учреждения; игры; игрушки; жанры детского фольклора; газеты и журналы для детей; телепередачи и радиопередачи для детей; популярные в детской среде фильмы и персонажи.

Данный словарь призван выявить составные элементы «мира русского детства», кратковременные и преходящие *sub specie aeternitatis*, но воспринимавшиеся как объективная данность каждым конкретным поколением детей.

Работа над словарем продолжается, и уже к моменту выхода книги в свет электронный вариант словаря значительно превзойдет объемом и числом статей публикуемый «бумажный» вариант.

Мы, тем не менее, решили предпринять публикацию словаря в том виде, в каком он предстал к середине июня 2006 года – 1500 словарных статей, 400 источников, 500 книжных страниц – с тем, чтобы получить от заинтересованных читателей советы и конструктивную критику.

Писать автору можно по адресу: 35253@mail.ru [в настоящее время данный электронный почтовый ящик, к сожалению, не действует – прим. С.Б. Борисова 27 мая 2008 г.]

Шадринск, июнь 2006 г.
[С. 3–5]

Отзывы на электронную версию словаря

* * *

...Бесстрастная подача информации без всяких умилительно-ностальгических и пафосных штук, обычно сопровождающих тему детства, позволяет с интересом вспоминать маленького себя, осваивающего позиции словаря, и с не меньшим интересом следить за развитием того или иного компонента детской культуры во времени.

Многих компонентов уже нет, многие эволюционировали и видоизменились, но при чтении создается ощущение, что автор не только застал существование гимназических школ, успел сносить не одну пару калош, но и умудрился поиграть в «Денди» в начале 1990-х

Некоторые статьи показались мне лишь намеченными, а не законченными. Но с другой стороны, эта незаконченность есть своеобразный вызов памяти читающего. Незавершенность провоцирует полемический диалог читателя и составителя. Позвольте, – воскликнет читатель, – я отлично помню, как..., а вовсе не только так, как здесь описано!»

Но, подчеркиваю, такой фундаментальный труд составителя вызывает уважение.

И ещё забавно: читая о том, что знакомо из своего детства, ощущаешь себя уже пожившим. Но читая о детской атрибутике конца XIX – середины XX века, понимаешь, что есть и более древние бывшие дети. И от этого возникает ощущение связанности человечества, ощущение родства, и, как следствие, вдруг умножается толерантность к самым разным людям – тоже бывшим детям...

Очень приятный труд, очень. Благословенны собиратели и хранители эфирнейших нитей, ткущих воспоминания детства.

Лара Галль, Санкт-Петербург.

* * *

Можно представить, что есть такой волшебный холщовый мешочек, в него ребенок – случилось что-то в его детской жизни – складывает камешек, предварительно повертев его, пограв в ладонях, может быть, помусолив и запомнив как следует. Мешочек с течением времени постепенно наполняется. И вот я взрослый человек, у меня игра. Я зажмуриваюсь и выуживаю наугад, как в моментальной лотерее вынимают билет, одну из давнишних «меморинок». Первым делом, конечно, реагирует память ладони – каждый камешек ложится в неё особенным образом, пальцами ощущается форма и все-все выщербленки. На свету я рассматриваю рисунок: прожилки, крапинки. Картинка из детства восстанавливается почти мгновенно, к ней цепляется другая, близкая, ещё одна. И пошло-поехало... То, что казалось навсегда утраченным, – вот оно, на ладони. Именно на такую игру кажется мне похожим чтение «детского словаря». Каждая статья обязательно откликается воспоминанием, или воспоминанием воспоминания – своего ли, чужого. Цитаты из, казалось уже, забытых книжек, когда-то любимых, сродни горячим ласковым касаниям, от которых внутри наводится ток, он будоражит память, от него как будто система координат, к которой ты привык, меняется на другую, точка отсчета смещается в сторону главного, жизненно важного, некоего подразумеваемого абсолюта. Несмотря на небольшой объем, словарь вмещает в себя огромный мир. Стоит оказаться в нем, и мы почувствуем, как он ежесекундно расширяется, подобно Вселенной. На ум приходит понятие сингулярности: в крохотной точке высочайшая плотность смыслов, культурных, социальных, психологических и прочих аспектов русского детства.

Александра Валаева, Москва

[с. 545–546]

Приложение II. Отклики на первое издание «Энциклопедического словаря русского детства»

ПЯТЬ КНИГ НЕДЕЛИ

Сергей Борисов. Энциклопедический словарь русского детства. – Шадринск: Исеть, 2006, 548 с. ISBN 5-7142-0748-3

Сергей Борисов – доктор культурологии, профессор Шадринского государственного педагогического института, автор книг «Мир русского девичества: 70–90-е годы XX века» (2002), «Рукописный девичий рассказ» (2004). Из предисловия: «Задачи издания: во-первых, зафиксировать в форме словарных статей максимальное количество социокультурных реалий, характеризующих условия жизни детей в разные исторические периоды...» Ну, и сами статьи. «Лифчик детский (у мальчиков) – (...) Кинорежиссер и сценарист Л.М. Бердичевский (1945 г.р.) вспоминает о 1950–1951 гг.: «Когда мне было пять или шесть, я гулял с «группой» детей в Ильинском саду, в Москве... Под рубашкой был лифчик с резинками, которые держали длинные чулки...» Далее, разумеется, идет «Личная книжка пионера»...

Независимая газета. Ex Libris.
17 августа 2006 года.

Пупсы, фонарики и дразнилки Путешествие в детство – в алфавитном порядке

Сергей Борисов. Энциклопедический словарь русского детства. – Шадринск: Исеть, 2006, 548 с.

Традиционное деление вещей и явлений окружающего мира на «взрослые» и «детские» давно уже стало общим местом не только в научной, но и в художественной литературе. Тем не менее данная книга является одной из первых попыток систематизации и обобщения составляющих детского мира.

Доктор культурологии, профессор кафедры литературы и культурологии Шадринского государственного педагогического института Сергей Борисов известен как автор ряда работ, в том числе книги «Мир русского девичества: 70–90 годы XX века». Его словарь призван дать общее представление о жизни нескольких поколений детей, с первой трети XIX-го по 90-е годы XX века. В результате изучения разрозненных статей об особенностях детского фольклора, литературы, внешкольных занятий, еды, одежды и пр., создается пестрая картина.

Круг явлений ограничен: «...одежда (бытовая и форменная); пища (особо любимая или нелюбимая детьми); обстановка, персонал и нравы учебных заведений; пионерская жизнь; внешкольные учреждения; игры; игрушки; жанры детского фольклора; газеты и журналы для детей; телепередачи и радиопередачи для детей; популярные в детской среде книги и персонажи» (это из предисловия автора). Многого, как можно видеть, в этом списке не учтено, особенно это касается мира современных детей, растущих не на волшебных фонарях, целлулоидных пупсах и даже не игровых приставках. Кроме того, некоторые словарные статьи посвящены явлениям, которые, будучи заимствованы у взрослых, существуют у детей в том же статусе (например, драки), поэтому их внесение в книгу, считаю, неоправданно. То же самое можно сказать о делении на вещи (одежду, игрушки, книжки и т.д.) для девочек и для мальчиков, которое часто оказывается лишним, особенно если речь идет о совсем маленьких детях.

Обращение к подобного рода книгам предполагает поиск со стороны читателя, поиск себя – ребенка среди многих поколений детей и новое обретение вещей, забытых с возрастом. Путешествуя таким образом во времени, особенно обидно не обнаружить в книге того, что неожиданно всплыло в голове, тем более, если речь идет о считалках, рифмованных перебранках или анекдотах, которые насчитывают десятки вариантов в детском фольклоре.

Это еще раз подчеркивает неполноту собранного материала. Впрочем, как отмечает автор в предисловии к словарю, работа над ним продолжается, и электронный вариант книги, который готовится в ближайшее время к выходу в свет, превзойдет по объему печатное издание. К тому же такая тема, как мир детства, не вписывается ни во временные, ни в социокультурные рамки.

Тем не менее это несколько не умаляет ни огромной работы, проделанной автором, ни количества информации, предоставленной в словаре читателю. Многие из статей дают представление о предметах и явлениях, которые даже пожилым людям знакомы лишь понаслышке от их родителей или старших товарищей (например, «американские человечки» – игрушки, популярные в начале XX века, до 1930–1940-х годов). Иногда словарная статья ограничивается приведением нескольких цитат (из литературной классики чаще всего – из Кассиля, к примеру), часто не до конца проясняющих смысл объясняемого слова. В большинстве случаев это не позволяет воспринимать данную книгу как наглядное пособие по описанию игр и т.д., как бы этого ни хотелось читателю.

В целом, кроме отсутствия системы, которое ловко скрывается за алфавитным порядком, ничто не мешает погрузиться в приятное путешествие по воспоминаниям и заново очутиться в таинственном, казалось бы, утраченном мире детства. Согласитесь, радость от такого возвращения дарит не каждая книга.

*Независимая газета. Ex Libris.
28 сентября 2006 года*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Ивова

Словарь воспоминаний

Сергей Борисов. Энциклопедический словарь русского детства. – Шадринск: Изд-во ПО “Исеть”, 2006.

Есть люди, для которых едва ли не самое интересное чтение – всевозможные энциклопедии. Есть словари, которые просто можно читать как интереснейшую книгу. Любовно составленный шадринский культурологом, профессором местного пединститута С.Б. Борисовым “Энциклопедический словарь русского детства” – как раз из таких.

Издание – “опыт первичной систематизации информации о разнообразных элементах культуры, составлявших в той или иной степени “мир русского детства” в XIX–XX вв.”. Словарь так и составлен: каждое словарное гнездо – это “кусочек”, определенное явление детской жизни. Более подробно, конечно, говорится о XX столетии – оно и ближе, и памятнее, да и документальных источников побольше. Кстати, об источниках. В конце книги их список дан на двадцати четырех страницах – такая основательность подхода сразу внушает уважение. Итак, какими же архивами руководствовался С.Б. Борисов при составлении словаря?

Это и художественные произведения – от Льва Толстого, Николая Крашенинникова и Владимира Набокова до Самуила Маршака, Агнии Барто и Владислава Крапивина. И воспоминания – Сергея Ожегова о своем знаменитом отце, академика Владимира Топорова о Москве 1930-х годов, Леонида Утесова об Одессе начала XX века... В библиографическом списке – “Записки институтки” Лидии Чарской, “Родное слово” Константина Ушинского, всевозможные пособия для воспитателей детских садов и учителей; советы школьникам по режиму дня и первой помощи; календарный путеводитель “Спутник пионерского вожака”, книга для учителя “Пионерские и комсомольские организации в борьбе за знания”, записки о шадринской школе 1850–1959-х годов... Фрагменты некоторых исторических очерков автор словаря уже публиковал в других своих работах (вспомним хотя бы “Культурные коммуникации и ритуалы”).

Ну а теперь – сами словарные статьи. Уже сами заголовки вызывают ворох ассоциаций, наплыв воспоминаний – ощущение, обычно именуемое ностальгией. Перед нами названия детских игр, в том числе и азартных (крестики-нолики, вышибалы, раскидыв), журналов, радио- и телепередач (“АБВГДейка”, “Пионерская зорька”, “Детский очаг”), школьный жаргон и клички (педель, профессор – об очкариках), предметы одежды и обуви (ботинки, фардук), наказания (“Без обеда оставлять”), излюбленные детские забавы (“Сдергивание трусов”, “Лизать металл на морозе”),

элементы пионерско-советского быта (“Портрет В.И. Ульянова-Ленина”, линейка, рапорт, политинформация)... Порой номинации сопровождается краткое объяснение (чаще оно отсутствует). Главная же часть словарной статьи – цитата или даже цитаты, из которых более или менее ясным становится назначение упомянутого предмета или действия, смысл описываемого явления.

По большей части все эти реалии давно и хорошо знакомы, хотя... Далеко не каждый читатель использовал в речи слово “волос” как “некое специфическое ругательство”, а будучи наказанным, стоял на горохе. Да что там – многим даже торжественное обещание пионера давать не пришлось. Что ж, остается только читать об этом.

Как бы то ни было, равнодушных к книге Сергея Борисова точно не будет. Все-таки детство – особый период. Да вот хотя бы один пример словарной статьи, при чтении которой в памяти сама собой всплывает забытая картинка:

“Пикульки” – из воспоминаний о детстве в Свердловске в середине 1960-х гг.: “Из акации мастерим пикульки, поющие на все голоса” (Смирнов, 2005).

Нередко в издании даются параллельные описания одного явления – применительно к мальчикам и к девочкам. Интересно, что характеристики при этом могут быть совершенно разными:

Бить мальчиков... – ударами причинять боль (с целью подчинить, заставить выполнять свои желания, ощутить и продемонстрировать свое бесстрашие, свою власть над другими ребятами). Важнейший элемент детской жизни...

Бить девочек, драться с девочками... – проявление школьного или уличного хулиганства...

Однако все же отвлекаясь от ностальгических эмоций и обратимся, собственно, к научной ценности издания. Главное, что бросается в глаза, – неоднородность словарных статей. И это не только неоднородность оформления (почему, например, название “баскетбол” дано в кавычках, а “бадминтон” нет?). Описания в издании неравнозначны по объему (например, статья “Рыбий жир” занимает более двух страниц и проиллюстрирована семью цитатами, тогда как статья “Школа” уместилась... всего на двух строках). Наконец, статьи и выстроены по-разному. К сожалению, анализ приводимых реалий как явлений культуры ведется достаточно редко. А ведь эпизоды, где такое рассуждение присутствует, наиболее интересны (и не только сведениями о том, что смысл “классической” детской игры в больницу на самом деле “заключался в том, чтобы увидеть друг друга голыми”).

Чаще всего, однако, сразу “вступают в дело” цитаты. При этом суть описываемого из них понять можно далеко не всегда. И если, к примеру, к такому валенку, уж по крайней мере уральцам, можно не объяснять, то такое название, как “вечная ручка”, давно не в ходу, услышать его можно разве что из уст мам и бабушек. Да и слова о мальчиках, “мчавшихся по асфальтовым тротуарам на двухколесках”, вряд ли помогут представить это средство передвижения тому, кто ни разу им не пользовался.

“Нестыковки” четко видны на примере двух параллельных статей: “Горка (деревянная)” и “Горка (снежная, ледяная)”. Почему в первом случае составитель решил обойтись без объяснения, а во втором все же сообщил, что представляет собой описываемый предмет, – остается только догадываться.

И разве может не вызвать недоумение следующая статья:

Вовочка – персонаж анекдотов.

Все! Ни датировки, ни примера, ни попытки исследовать истоки этого красочнейшего персонажа, уже шагнувшего из детского фольклора на телеэкраны. Лишь два слова... Зато какой простор для будущих поправок и доработок!

В предисловии составитель перечисляет задачи издания. Одна из них – “зафиксировать время, когда каждая наша вещь выражение в словарной статье реалия обрела общественно признанное бытование”. Иными словами – найти наиболее ранние упоминания о ней в литературе. Сложнейшая задача! И все же, даже учитывая эту сложность, как-то не верится, что, к примеру, детские валенки появились в России лишь в середине 20 века.

Вывод: словарю нужна основательная редактура. Конечно, давать точное определение каждому слову – тяжелейшая и объемнейшая работа, которую невозможно сделать в одночасье. По крайней мере, сделать ее еще предстоит и словарь от этого, несомненно, выиграет, обретя массу благодарных читателей.

Пока же и в читателях – загвоздка. Тираж словаря, составление которого было таким огромным и кропотливым трудом, “впечатляет” – всего пятьдесят (!) экземпляров. Между тем, доработанный и прошедший через редакторские руки, словарь заслуживает не просто переиздания, а переиздания существенно более масштабного. И хорошо бы – в московском издательстве: такую книгу наверняка захотят хотя бы пролистать не только уральцы. Ведь первая названная автором задача издания – “зафиксировать в форме словарных статей максимальное количество социокультурных реалий, характеризующих условия жизни детей в разные исторические периоды”, выполнена “на ура”. Реалии зафиксированы, осталось лишь осмыслить их бытование – “социокультурный контекст функционирования”.

“Очень приятный труд, очень, – говорит одна из читательниц электронной версии словаря Лара Галь (ее отзыв помещен в конце книги). – Благословенны собиратели и хранители эфирнейших нитей, ткущих воспоминания детства”. Думаю, к этому отзыву присоединится каждый, кто возьмет в руки версию печатную. И уж точно каждый, кто начнет читать словарь, непременно станет сравнивать его материалы с образами собственного детства и наверняка вспомнит что-то, чего среди словарных статей пока нет.

*Журнал «Урал».
2006. № 10. С. 254–256.*

Дни и книги Анны Кузнецовой

С.Б. Борисов. Энциклопедический словарь русского детства. – Шадринск: Исеть, 2006.

Это не толковый словарь, а, скорее, цитатный каталог образов: из литературы и периодики выбраны и сгруппированы по ключевым словам сведения, например, о том, как советские дети воспринимали увлечение авиамоделированием, что такое личная книжка пионера, что четыре разновидности лифчика встречались 1) у девочек-подростков, 2) у детей обоего пола, 3) у девочек и 4) у мальчиков...

*Журнал «Знамя».
2007, № 3. С. 236.*

И. Булкина

[Новые книги]

Книга С.Б. Борисова – едва ли не первая и единственная на сегодняшний день попытка систематизировать огромный массив материалов по теме “Мир русского детства”. Автор рассматривает этот том как “подготовительный этап”, предупреждая, что на момент выхода книги (июнь 2006 г.) электронная версия значительно превосходит объемом и числом статей “бумажный вариант”. Это, казалось бы, отменяет упреки в неполноте словника и тех или иных статей. Тем не менее, задача рецензента – дать оценку тому, что предъявлено в книге, и мы попытаемся описать здесь основные принципы отбора и презентации материалов, работы с источниками, составления статей.

Итак, издание содержит 1500 словарных статей, в словник входят предметы, понятия, явления, “культурные факты”, так или иначе принадлежащие “миру русского детства”, при том хронология достаточно широка (границы ее нигде специально не оговариваются). Однако хронологические рамки имеют непосредственное отношение к источниковедческой базе, каковая на данный момент насчитывает 400 единиц и состоит главным образом из детских книжек – художественных, просветительских и пропагандистских. А также, в гораздо меньшей степени – из мемуаров (притом, что совсем нет женских мемуаров XVIII–XIX вв.; нет, что удивительно и непростительно, “детских” повестей Аксакова, Андрея Белого, Пастернака и т.д.). В основном представлена советская детская литература. Кроме того, в списке находим некоторое количество исследований по истории материальной культуры (к сожалению, очень небольшое!), статьи, касающиеся рецензий тех же детских книжек, сборники детского фольклора (однако этот материал в других работах автора представлен гораздо полнее), наконец, работы по детской психологии. Последний раздел представлен исключительно книгами И. Кона, что, по меньшей мере, странно.

Диспропорции в использовании научной литературы предопределили состав словника и основные принципы построения словарных статей.

Статья, как правило, состоит из заглавия, краткого определения и начальных границ исторического бытования (например: “Аттестат зрелости – документ о получении среднего образования... впервые введен в 1872 г. в мужских гимназиях...” и т.д.). Основным содержанием статьи является цитата (или несколько цитат) из оговоренного выше списка источников, главным образом из “советского” массива, так что историческая диспропорция в подаче информации налицо. В случае с “аттестатом зрелости” такая диспропорция означает неполноту информации, но когда речь заходит о “бирюльках”, “вышивании”, “куклах” или “воздушных змеях”, при том нижняя хронологическая граница в статье не указывается, а “первое упоминание” в цитатах относится к заведомо позднему времени (в лучшем случае – концу XIX в.), получаем некий концептуальный “сдвиг” значения. Иными словами, “мир русского детства” на этом “подготовительном этапе” проекта представляет собой “ограниченный” вполне мир: конец XIX в., предреволюционные годы, октябрьско-пионерское детство и... все. Реалии современного “русского детства” – компьютерные игры, телепузики, сникерсы и куклы Барби, “Макдоналдс”, наконец, – все они тут блистательно отсутствуют. Точно так же мы не найдем здесь гувернеров и гувернанток, школьных дам, Московского благородного пансиона, об “институтках” узнаем лишь то, что они носили чулки, а про школьную латынь... что она была, т.е. преподавалась.

Наверное, все же имело бы смысл сознательно ограничить хронологические рамки проекта: это бы облегчило работу составителей, способствовало бы “чистоте” концепции и сняло бы многие вопросы.

Состав статей, как уже отмечалось рецензентами, неоднороден: есть своего рода “предметные узлы”, одна часть которых проработана, другая – едва обозначена. Так, в словаре относительно полно представлены детские игры и игрушки, одежда, девичьи альбомы (здесь у автора-составителя несомненный профессиональный приоритет), пионерские символы и культовые герои советских мультфильмов. С героями детских книг уже возникают проблемы: есть Карлсон, но нет Мэри Поппинс, есть Незнайка, но нет Алисы, а “доктор Айболит” в словнике присутствует как “игрушечный набор”. Статьи о “культовых героях” в лучшем случае “номинативны”, т.е. вводят некую обязательную информацию (годы издания, авторы, переводчики, экранизации). Что же касается “культы” как такового, то содержания его либо нет вовсе (как в случае с Незнайкой; кстати, и само по себе происхождение “веселых человечков” – персонажей детских комиксов из старых журналов, в энциклопедическом словаре никоим образом не обозначено), либо оно домысливается “в свободном полете”. Так, трудно согласиться с тем, что популярность Карлсона у “русских детей” обусловлена исключительно мультфильмами, “где Карлсона озвучил Василий Ливанов”. И даже, несмотря на ссылку на статью О. Мязотс в “Неприкосновенном запасе”, трудно согласиться с тем, что “представители интеллигенции увидели в повестях А. Линдгрена художественное раскрытие темы одинокого страдающего ребенка в благополучном обществе <...> аналог рефлектирующего подростка Холдена Колфилда из повести Дж. Сэлинджера...” (с. 148). Надо думать, “представители интеллигенции” прежде увидели разницу в возрасте между шведским Мальшом и американским тинейджером.

Отдельный блок составляют статьи про “детские” СМИ, бумажные и электронные. Бумажные представлены несколько лучше, однако и здесь информация довольно скупа (годы издания, названия некоторых разделов и общая, зачастую произвольная, характеристика), собственно истории издания нет, и культурный смысл его едва обозначен; как правило, отсутствуют имена редакторов, основных авторов, ключевые публикации. О происхождении Мурзилки нам не сообщают, соответственно о попытке достичь преемственности между детскими журналами начала XX в. и советской детской периодикой мы из этих статей не узнаем. С электронными СМИ дела обстоят гораздо хуже: больше других повезло “КОАШПу” и “Спокойной ночи, малыши”, хуже с “Радионяней”. Здесь все приблизительно, даже годы выхода (хотя уточнить их не сложно). После перечисления имен основных ведущих и воспроизведения одного куплета “заглавной” песни и нескольких (случайных) куплетов из “Веселого урока” (авторы текста не указаны) следует цитата из “Уральской нови”. Мемуарист (В. Киришин), путая имена ведущих, сообщает, что “они ваяли дурака <...> с преждевременным антисоветским блеском”. Вот, собственно, и все, и какая-то доля истины в этом есть, но странно, что составитель словаря и автор блестящих работ о “генеалогии” черного юмора и “детских” источниках Даниила Хармса проглядел “Ивана Топорышкина” и прочий репертуар “Ежа” во всех этих “абсурдных веселых уроках”. Отсутствуют имена авторов передачи (Э. Успенского и А. Хайта), неизменных создателей “веселых уроков” (М. Танича и Б. Савельева), никоим образом не обозначена настоящая история “Радионяни”, а она была достаточно драматична – “Радионяни” до 1980-го и после 1980-го существенно различались (даже “на слух” неискушенного “адресата”).

В заключение заметим, что автор-составитель сознательно выбрал “форму <...> словаря энциклопедического – содержащего существенную информацию о понятиях, обозначаемых словами”, в отличие от толкового словаря, чья функция – указать значение (с. 3). Однако “существенная информация”, состоящая, главным образом, из цитат, отобранных в специфических источниках, сама по себе показательна, но, думается, далека от объективного “энциклопедизма”. Наверное, точнее было бы назвать такого рода информацию “контекстуальной”, а не “энциклопедической”. И в таком случае встает вопрос о выборе контекста и, соответственно, о методологии отбора источников и

работы с ними. Но об источниковой базе и о возможном ее расширении мы уже говорили, равно и о том, что упрек в какой бы то ни было “неполноте” на заведомо оговоренном “подготовительном этапе” не вполне корректен.

А самое удивительное в этой книге – ее тираж: 50 экз. С оглядкой на вышесказанное предпочитаем думать, что перед нами черновик. Плохо вычитанный, к слову сказать, но добротнo изданный. Об экономических предпосылках и смысле этого недешевого предприятия судить не беремся, но, кажется, гораздо дешевле и полезнее для самого проекта было бы “виртуальное” издание “Словаря”. Тогда бы “советы и конструктивная критика” от заинтересованных читателей поступали бы к автору непосредственно. Тем не менее автор рассчитывает именно на такую реакцию, для чего сообщает в предисловии свой электронный адрес. Поскольку тираж “НЛЮ” существенно превышает тираж книги, полагаем, что бесполезно было бы поместить этот адрес здесь: 35253@mail.ru.

Журнал «Новое литературное обозрение». 2008, № 8. С. 379–381.

Печатные источники второго издания «Энциклопедического словаря русского детства»

Абдулкеримова, 2008 – Абдулкеримова Г. Спасибо воспитателям за науку // Дошкольное образование. 2008, № 2 (218). – С. 19.

Абрамов, 1959 – Абрамов В. Детские странствия. Повесть. – М.: Детгиз, 1959

Авдеев, 1960 – Авдеев В. Моя одиссея. Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1960

Авдеев, 1971 – Авдеев В.Ф. «Зайцем» на Парнас. Повести и рассказы. – М.: Советский писатель, 1971.

Аверченко, 1989 – Аверченко А. Кривые углы. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1989 – 304 с.

Аверченко, 1991 – Аверченко А. Записки простодушного. «Я в Европе» // Подъем. 1991, № 11. – С. 73-155.

Австрияник, 2007–1 – Любимые игры минувших времен. Из воспоминаний старой воспитательницы. Рассказала Маргарита Австрияник. Записала Марина Аромштам // Дошкольное образование. 2007. № 13. – С. 2–3.

Австрияник, 2007–2 – Любимые игры минувших времен. Из воспоминаний старой воспитательницы. Рассказала М. Австрияник. Записала М. Аромштам // Дошкольное образование. 2007. № 14. – С. 2–3.

Автобиографии, 1998 – Природа ребёнка в зеркале автобиографии. Учеб. пособие по педагогической антропологии. Под ред. Б.И. Бим-Бада и О.Е. Кошелевой. Сост. В.Г. Безрогов, О.Е. Кошелева, при участии Л.В. Мошковой и И.И. Огородниковой. Предисловие к книге Б.М. Бим-Бада. Вступ. статья и предисловия к главам В.Г. Безрогова и О.Е. Кошелевой. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 432 с. Автор словаря благодарит Виталия Григорьевича Безрогова (г. Москва) за любезно предоставленный им экземпляр данного издания.

Агапкина, 1996 – Агапкина Т.А. Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А. Топорков. – М., Ладомир, 1996. – С.103–150.

[...]

Алексеев, 1973 – Алексеев М. Мишкино детство. – М.: Малыш, 1973. – 79 с.

Алексеев, 1987 – Алексеев В. Игры на асфальте. Повесть. – М.: Дет. лит., 1987. – 191 с.

Алексеев, 1988 – Алексеев С. Рой. Роман. – М., 1988 – 128 с.

Алексеева, 1960 – Алексеева О.В., Брандис Е.П., Гроденский Г.П. и др. Дет. литература. Пособие для факультетов нач. классов пед. ин-тов и пед. училищ. – М.: Учпедгиз, 1960. – 423 с.

Алексеевский, 2006 – Алексеевский М.Д. Телефонные розыгрыши как жанр детского фольклора // Детский фольклор и культура детства. Материалы науч. конференции. XIII Виноградовские чтения. / Редакторы-составители Е.В. Кулешов, М.Л. Лурье. – СПб.: СПбГУКИ, 2006. – С. 136–157.

Алексин, 1974 – Алексин А. Повести. – М.: Дет. лит.-ра, 1974. – 575 с.

Алексин, 1974а – Алексин А. Голоса нашей юности // О родине, о дружбе, о себе. Школьные сочинения. Сб. – М.: Молодая гвардия, 1974. – С. 5–8.

Алексин, 1980 – Алексин А. Собрание сочинений в трёх томах. Том 2. Повести и рассказы. – М.: Дет. лит., 1980.

Алексютина, 2002 – Алексютина Н. Михаил Ткачев: «Я оптимист, планирую дожить до ста лет» // Учительская газета. 2002, № 2. – С. 24.

Аленник, 1960 – Аленник Александр и Энна. Семь приключений Серёжи Стульчикова. – Л.: Детгиз, 1960. – 76 с.

[...]

Аренштейн, 1973 – Аренштейн А. Ласточки грядущей весны. Повесть. – М.: Дет. лит., 1973.

Арзамасцева, 2007 – Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Дет. лит.: Учебник для студентов высших пед. учебных заведений. 4-е изд., исправленное. – М.: Академия, 2007. – 576 с.

Аромштам, 2007 – Аромштам М. Начало начал. К истории дошкольной педагогики в России // Дошкольное образование. 2007, № 18 (210). – С. 2–3.

[...]

Баранович–Поливанова, 1999 – Баранович–Поливанова А. Из воспоминаний // Волга. 1999, № 10.

Бараш, 2006 – Бараш А. Счастливое детство. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Барто, 1937 – Барто А. Стихи. – М.-Л.: Издательство дет. литературы ЦК ВЛКСМ, 1937. – 68 с.

Барто, 1960 – Барто А. Твои стихи. – М.: Детгиз, 1960. – 464 с.

[...]

Белоусов, 1998 – «Садистские стишки». Предисловие и публикация А.Ф. Белоусова // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. – М.: «Ладомир», «АСТ-ЛТД», 1998. – С. 545–577.

Белоусов, 2000 – Белоусов А.Ф. Образ семинариста в русской культуре и его литературная история (от комических интермедий XVIII века – до романа Надежды Хвошинской «Баритон») // Традиция в фольклоре и литературе. – СПб, 2000. – С. 159–176.

Белоусов, 2004 – Белоусов А.Ф. «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге...» // Отечественные записки. 2004, № 3.

Белоусов, 2005 – Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник докладов. Том 1. – М., 2005. – С. 215–243.

Белоусов, 2007 – Белоусов А.Ф. Анатомия успеха институтских повестей Лидии Чарской: институтка как тип языковой личности и её влияние на девочек-подростков // Детская литература. Литература и формирующаяся личность. meroprg.ropryal.ru/liter2007/img/tom1.pdf

Белый, 1989 – Белый Андрей. Из воспоминаний о детстве // Дет. лит., 1989, № 10. – С. 45–53.

Белых, 1965 – Белых Г. Дом весёлых нищих. – Л.: Дет. лит., 1965. – 222 с.

- [...]
- Богомолова, 2006 – Богомолова Н. От барышни до пионера // Культура. 2006, № 51. – С. 4.
- Божик, 1962 – Божик В.Л. Юные спутники семилетки (из опыта работы пионерской дружины школы № 12 г. Ростова-на-Дону). – М.: Издательство Академии пед. наук РСФСР, 1962 – 48 с.
- Болдырев, 1978 – Болдырев Н.И. Классный руководитель. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1978 – 271 с.
- Болдырев, 1984 – Болдырев Н.И. Методика работы классного руководителя. – М.: Просвещение, 1984 – 172 с.
- Бондаренко, 1959 – Бондаренко И. Володькино счастье. В осажденном городе. Повести. – [Л.:] Лениздат, 1959.
- Бондаренко, 2006 – Бондаренко В. Очевидец XX века. // Независимая газета. 2006, 16 февраля. Еженедельное приложение Ex libris. – С. 3.
- [...]
- Борисов, 2002 – Борисов С.Б. Мир русского девичества: 70–90 годы XX века / Ответственный редактор С.Ю. Неклюдов – М.: Ладомир, 2002 – 343 с.
- Борисов, 2002–1 – Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-х – 90-х гг. XX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии. Научный руководитель С.Ю. Неклюдов – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2002.
- Борисов, 2007 – Борисов С.Б. Человек. Текст. Культура. Социогуманитарные исследования. – Шадринск: ПО «Исеть», 2007 – 532 с.
- Борисова, 2007 – Борисова Т.В. Жертва рубиновой моды // Комсомольская правда. Челябинск. 2007, 31 мая.
- Боровиков, 1995 – Боровиков С. В русском жанре – 7 // Волга. 1995, № 4. – С. 171–175.
- Боровиков, 2007–7 – Боровиков С. В русском жанре – 35 // Волга-XXI век. 2007, № 7–8.
- Боровиков, 2008 – Боровиков С. В русском жанре – 36 // Волга-XXI век. 2007, № 1–2.
- [...]
- Быховец, 1963 – Быховец В. Земные радости. Повести и рассказы. – Ставрополь: Книжное издательство, 1963 – 368 с.
- Вавилова, 1968 – Вавилова Е.Н. Детские игры во дворе // Здоровье. 1968, № 6. – С. 25.
- Вавилова, 2006 – Вавилова А.А. Мои ученики – самые лучшие [письмо в рубрике «Назад в СССР». Ведущая рубрики Инна Кумейко] // Комсомольская правда в Челябинске. 2006, 13–19 июля.
- Вайль, 2006 – Вайль П. Северянин // Книжное обозрение. 2006, № 41 (2103) – С. 19.
- Валов, 1986 – Валов В. Отёсовцы. Повесть. – Л.: Лениздат, 1986 – 224 с.
- Ваншенкин, 1996 – Ваншенкин К. Из записей // Литература в школе. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1996, № 14. – С. 14–15.
- [...]
- Вишневская, 1972 – Вишневская Ю.Н. Возникновение пионерской печатной газеты в СССР (1922–1925 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 20. История. Язык. Литература. Выпуск 4. Октябрь. 1972. – С. 78–86.
- Вишня, 2005 – Вишня И. Куда послать ребенка. Хороший оздоровительный лагерь – или большой, или дорогой // Огонек. 2005, № 27.
- [...]
- Володяева, 1960 – Володяева М. Записки многодетной матери. – М.: Издательство Академии пед. наук РСФСР, 1960. – 118 с.
- Волченко, 2006 – Волченко В. «Балтика № 3» и другие истории // Знамя. 2006, № 10.
- Воробьев, 1967 – Воробьев Н. Если знать, как лучше... то можно обойтись без теории игр // Неделя. 1967, №23 (379). – С. 8–9.
- Воронин, 1976 – Воронин С. В мире доброй любви. (О творчестве В. Козлова) // О литературе для детей. Сб. критических статей. Выпуск 20-й. – Л.: Дет. лит-ра, 1976. – С. 71–79.
- Воронина, 1945 – Воронина Е. Таинственный подарок. Повесть. – М.–Л.: Детгиз, 1945. – 67 с.
- Воронкова, 1949 – Воронкова Л. Снег идёт. – М.–Л.: Детгиз, 1949. – 60 с.
- [...]
- Иванова, 1981 – Иванова Л.П. Пионерский вожатый в школе. В помощь учителю. – М.: Просвещение, 1981 – 127 с.
- Иванова, 1989 – Иванова Т. Никогда! // Дет. лит-ра. 1989, № 4. – С. 2–6.
- [...]
- Ильина, 1962 – Ильина Е. Вожатая звездочки // Твой день рождения. Сборник. – М., Молодая гвардия, 1962 – С. 21
- Инбер, 1947 – Инбер В. Стихи. – М.–Л.: Детгиз, 1947 – 47 с.
- Инбер, 1958 – Инбер В. Как я была маленькая // Инбер В. Избранные произведения. В трёх томах. Том второй. Рассказы. Повести. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958 – С. 245–329.
- [...]
- Крапивин, 2001–1 – Крапивин В. Собрание сочинений. Книга 26. Восьмая звезда: Повести, рассказы. – М.: Центрполиграф, 2001 – 503 с.
- Краснопевцева, 1964 – Краснопевцева М.А. «Почемучка» нужен детям // Книга – друг ребенка. Воспитатели о детских книгах. – М.: Просвещение, 1964. – С. 58–66.
- Крашенинников, 1991 – Крашенинников Н.А. Целомудрие: Роман. – М.: Советский писатель, 1991 – 608 с.
- Крестьянская, 1969 – Крестьянская Н.И. В.А. Осеева // Детская литература. 1969. – М.: Дет. лит., 1969. – С. 175–194.
- Кривомазов, 1985 – Кривомазов Н. Пропало лето. Повесть для юношества в шести магнитофонных записях. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985 – 112 с.
- Кривошеина, 1999 – Кривошеина Н. Четыре трети нашей жизни. – М.: Русский путь, 1999
- Кротков, 2005 – Кротков А. Одетый король и голые писатели. Несоветская советская детская литература // НГ-Ex Libris. Книжное приложение к «Независимой газете». 2005, 30 июня. – С. 5.
- Кротова, [1996] – Кротова М. Воспоминания // Библиотека Якова Кротова (Интернет) (www.krotov.info/library)
- Кругоскоп, 1963 – Кругоскоп. Сборник. – М.: Молодая гвардия, 1963.
- Крупская, 1954 – Крупская Н.К. О детской литературе и детском чтении. Статьи и высказывания. – М.: Детгиз, 1954. – 78 с.
- [...]
- Назаркин, 2007 – Назаркин А.Д. Иркутские бумажные куклы-«пандоры» – персонажи произведений Лидии Чарской // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. / Главный редактор С.Ю. Неклюдов. 2007, № 2. – С. 36–37.
- Назарова, 2003 – Назарова Т. «Чиж» – чрезвычайно интересный журнал. Немного о питерских журналах для детей // Библиотека в школе. 2003, 16–31 января, № 02 (86). – С. 28.
- Найденова, 1962 – Найденова Н. Я дежурная // Солнце не уходит с небосвода. – М.: Детгиз, 1962. – С. 115.

- Найман, 2001 – Найман А. Славный конец бесславных поколений. – М., 2001. – 415 с.
- Нам весело, 1973 – Нам весело. Пособие для воспитателя и музыкального руководителя детского сада. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: Просвещение, 1973 – 207 с.
- Наровчатова, 1986 – Наровчатова [инициалы и название статьи утрачены] // Литературное обозрение, 1986 [номер журнала утрачен]. – С. 101–104.
- [...]
- Пантелеев, 1984–3 – Пантелеев А.И. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. – Л.: Дет. лит-ра, 1984.
- Панькин, 1960 – Панькин И. Начало одной жизни. – М.: Детгиз, 1960 – 238 с.
- Папченко, 1992 – Папченко А. Кузнечик // Уральский следопыт. 1992, № 5–6. – С. 31–37.
- Пастернак, 1991–4 – Пастернак Б. Детство Люверс // Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах. Том четвертый. Повести. Статьи. Очерки. М., Художественная литература, 1991. С. 35–86.
- Патент, 1984 – Патент В.В. Моё пионерское детство // Начало большого пути. – 2–е изд., доп. – Минск: Народная асвета, 1984 – С. 20–29.
- Пашнев, 1990 – Пашнев Э. Белая ворона // Школьные годы. Выпуск 3.– М.: Дет. лит-ра, 1990.
- ПГ, 1967 – Пионерский глобус. – М., 1967.
- ПДД, 1995 – Песни для детей. – М.: Омега, Денис Альфа, 1995 – 191 с.
- [...]
- Плотникова, 2005 – Плотникова А.В. Неполная средняя школа № 4 в 1941–1945 гг // Шадринск военной поры. – Шадринск, ПО «Исеть», 2005. – С. 104–112.
- Плотникова, 2006 – Плотникова А.В. Шадринская школа № 4: 1856 – 1970 гг. – Шадринск, ПО «Исеть», 2006. – 152 с.
- Плющев, 2004 – Плющев В. Пацану без книг никак нельзя. Что читали кемеровские школьники в шестидесятых // Независимая газета. 2004, 30 сентября. Еженедельное приложение Ex libris. – С. 5.
- ПО, 1964 – Песенник октябрёнка. – М.: Музыка, 1964. – 95 с.
- ПО, 1971 – Приглашаем в Октябрьск. Книга вожакого звездочки. – М.: Молодая гвардия, 1971.
- Победин, 1995 – Победин К. Харьковская прописка // Дружба народов. 1995, № 5–6. – С. 23–51.
- Поварков, 1966 – Поварков Я.Я., Черепашенец Г.Р. Обществоведение // ПЭ, 1966–3, 175–178.
- Подлеснова, 1998 – Подлеснова Н., Руденко И. Легенда о Тамагочи и другие страшилки // Семья и школа. 1998, № 3. – С. 19–21.
- [...]
- Пономарева, 1985 – Пономарева Т. Папины ботинки. Рассказ // Костёр. 1985, № 7. – С. 26–27.
- Пономарева, 1992 – Пономарева М. А ну-ка, рыцари! // Ступени. 1992, № 1. – С. 23–24.
- Попов, 1970 – Попов В. Все мы не красавцы. Рассказы и повести. – Л.: Дет. лит-ра, 1970. – 102 с.
- [...]
- Потемкин, 1947 – Потемкин В.П. Статьи и речи по вопросам народного образования. – М-Л.: Издательство Академии пед. наук РСФСР, 1947. – 303 с.
- Пояркова, 1984 – Пояркова Р.С. Мужество, храбрость и доброта! – М.: Знание, 1984. – 80 с.
- ПП, 1959 – Песенник пионера первой ступени. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1959 – 96 с.
- ПП, 1980 – Песенник пионера. 1980. / Составила О. Очаковская. – М.: Музыка, 1980. – 127 с.
- ППМ – Правда о Павлике Морозове // Советская Россия. 1989.11 марта. Цит. по перепечатке в журнале: Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. 1989, № 11.
- [...]
- Разин, 1931 – На чьей стороне вы? // Пионер. Орган Ц[ентрального] Б[юро] детской коммунистической организации им. В.И. Ленина при ЦК ВЛКСМ... / Ответственный редактор И. Разин. – 1931, № 1. – С. 16–17.,
- Разманихин, 2006 – Разманихин А. Тайная миссия советской мультипликации // Утро (Интернет-издание). 2006, 5 сентября.
- Разумневич, 1974 – Разумневич В.Л. Проводы в совершеннолетие. Очерк. – М.: Дет. лит-ра, 1974. – 111 с.
- Разумневич, 1975 – Разумневич В. Книжки на всю жизнь. Рассказы о творчестве современных детских писателей. – М.: Просвещение, 1975. – 176 с.
- [...]
- Рубашкина, 1964 – Рубашкина Л.С. Язык прозы // Книга – друг ребёнка. Воспитатели о детских книгах. – М.: Просвещение, 1964. – С. 130–139.
- Руденко, 2001 – Руденко С. Пустой кошелек – мастеру упрёк? [Интервью с зам. нач. Управления сред. профобразования Минобразования РФ Н.Г. Ярошенко] // Учительская газета. 2001, № 37, 4 сентября. – С. 18.
- Рудницкая, 2006 – Рудницкая А. По половому признаку // Огонек, 2006 № 16.
- Ружанский, 1962 – Ружанский Е. Про дела геройские.– [Свердловск:] Свердловское книжное изд-во, 1962 – 102 с.
- Рузина, 2003 – Рузина М. Хранители игр. Ходилки-бродилки // Детский сад со всех сторон. 2003, май, № 17 (149). – С. 4–5.
- [...]
- Савушкин, 1990 – Савушкин Н.И. Детский уличный театр // Дети и народная культура. Четвёртые Виноградовские чтения 15–20 мая 1990 года: Тезисы докладов. / Отв. редактор М.Н. Мельников. – Новосибирск, Изд. НГПИ, 1990. – С. 85–86.
- Савченко, 1962 – Савченко Е.Г. Стихи – детям // Книга – учитель и друг. О восп. значении детской и юношеской литературы. / Под редакцией Т.Д. Ползовой. – М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1962. – С. 156–176.
- Сагайдачный, 1963 – Дневник Пети Сагайдачного, ученика московской школы № 211. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963. – 287 с.
- [...]
- Семёнов, 1985 – Семёнов А.И. Ябеда-Корябеда и её проделки: Сказочные истории с загадочными картинками. – М.: Дет. лит., 1985 – 127 с.
- Семёнов, 1987 – Семёнов С. Первый трудный день // Крестьянские дети. – Л.: Дет. лит., 1987. – С. 133–142.
- Семёнова, 1985 – Азбука здоровья. Выпуск № 13. Ведёт врач И. Семёнова // Мурзилка. 1985, № 3. – С. 27
- [...]
- Словарь, 1894 – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Составлен под редакцией А.Н. Чудинова. – СПб, 1894 – 989 с.
- Словарь, 1895 – Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Выпуск третий. I. Да – Дя. II. Поправки и опечатки. – СПб, Типография Императорской академии наук, 1901 – Стлб. 949–1250 [+ дополнит. страницы поправок и опечаток].

- Словарь, 1901 – Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Второго тома выпуск пятый. Закреплять – Заносить. – СПб, Типография Императ. акад. наук, 1901 – Стлб. 1273-1592.
[...]
- Словарь, 1958–7 – Словарь современного русского литературного языка. Том 7. Н. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958 – 1468 стлб.
- Словарь, 1959–9 – Словарь современного русского литературного языка: Том 9. П. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 1482 стлб.
[...]
- Словарь, 1990–25 – Словарь русских народных говоров. Выпуск двадцать пятый. Отчурить – Первачок. – Л.: Наука, 1990 – 352 с.
- Словарь, 1991–1 – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. 2-е издание, перераб. и доп. Том 1. А–Б. – М.: Русский язык, 1993. – 864 с.
[...]
- Словотолкователь, 1877 – Бурдон И.Ф. и Михельсон А.Д. Словотолкователь 32 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней, составленный по словарям французской академии, Боаста, Гейзе, Рейфа, Брокгауза, Бешереля, Александра, Ранка, Ригра и других. Издание пятое, исправл. и доп. – М., 1877 – 623 с.
- Смирнов, 1970 – Смирнов В. Весной семнадцатого. Повесть. – М.: Дет. лит-ра, 1970 – 256 с.
- Смирнов, 1972. – Смирнов О. Девичья слобода. Повести и рассказы. – М.: Воениздат, 1972. – 456 с.
- Смирнов, 1973 – Смирнов В. Саша Чекалин. Повесть. – М.: Мол. гвардия, 1973 – 384 с. («Твои герои, комсомол»)
- Смирнов, 1985 – Смирнов А. Горка // Круглый год. Альманах. Рассказы, стихи, сказки, очерки. – М.: Дет. лит-ра, 1985 – С. 36.
[...]
- Тимошенко, 1983 – Тимошенко Л.Н. Воспитание старшекласниц. – М.: Просвещение, 1983. – 144 с.
- Тимченко, 2004 – Тимченко И. Недетские воспоминания восьмилетнего блокадника. Пережившим войну ленинградцам нелегко расстаться с прошлым // Независимая газета. 2004, 2 февраля. – С. 15.
- Титаренко, 1982 – Титаренко Е. На маленьком кусочке вселенной: Повесть – М.: Дет. лит-ра, 1982 – 190 с.
- Титов, 1965 – Титов С. Два детства. – М.: Советская Россия, 1965. – 170 с.
[...]
- Фарафонтова, 1958 – Фарафонтова Т. Крепостная бабушка. Сказ крестьянки Марии Ивановны Волковой о своей жизни. – Л.: Детгиз, 1958 – 48 с.
- Федин, 1959–1 – Федин К. Собр. соч. в девяти томах. Том первый. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. – 415 с.
- Фёдоров, 1979 – Фёдоров Н. Ника. Повесть // Дружба. Лит.-худ. сборник. – Л.: Дет. лит-ра, 1979. – С. 3–37.
[...]
- Фрейдгейм, 2005 – Фрейдгейм Л.И. Страницы шадринской жизни военных лет (Война и эвакуация глазами ребенка) // Шадринск военной поры. Книга третья. – Шадринск, 2005.
- Фридкин, 1998 – Фридкин В.М. Прогулка по Поварской // Наука и жизнь. 1998, № 9 – С. 117–126.
- Фридкин, 2003 – Фридкин В. Лицеисты советских времен // Знамя. 2003, № 11.
[...]
- Хрипкова, 1970 – Хрипкова А.Г. Разговор на трудную тему. Заметки о половом воспитании. – М.: Педагогика, 1970. – 60 с.
- Хрипкова, 1981 – Хрипкова А.Г., Колесов Д.В. Девочка – подросток – девушка: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1981. – 128 с.
- Цветкова, 1992 – Цветкова Н. Два рассказа. Ванюшкин мост. Мамоки // Простор (Алма-Ата). 1992, № 4. – С. 118–128.
- Ценципер, 1970 – Ценципер М. Барышни не в моде // Подросток и его друзья. Сб. – Алма-Ата: Казахстан, 1970 – С. 346–352.
[...]
- Четвериков, 1982–2 – Четвериков Б. Избранное в трех томах. Том 2. Повести, роман. – М.: Современник, 1982 – 528 с.
- Чехов, 1977 – Чехов А.П. Детвора. Рассказы. – [Хабаровск:] Хабаровское книжное издательство, 1977. – 80 с.
- Чехов Н., 1909 – Дет. лит-ра. Составил Н.В. Чехов. – М.: Книгоиздательство «Польза», 1909 – 256 с. (Автор словаря благодарит Елену Александровну Бурлакову (г. Шадринск) за указание на этот источник и предоставленную возможность познакомиться с ним)
[...]
- Щетинин, 2002 – Щетинин В. Завтра была война. Детство окончилось внезапно, когда мы играли в Чапаева // Корабельная сторона (Северодвинск, Архангельская область). 2002, 2 июля.
- Эйдельман, 2006 – Эйдельман Т.Н. И всё-таки это шаг вперёд... // Семья и школа. 2006, № 8 – С. 8–9.
- Эккеева, 1998 – Эккеева Ю.В. Школьная перемена как явление детской культуры // Традиционная культура и мир детства: Материалы междунар. науч. конф. «XI Виноградовские чтения». Часть 1. – Ульяновск, 1998. – С. 59–61.
- Эмден, 1952 – Эмден Э. Школьный год Марины Петровой. Повесть. – М.: Детгиз, 1952. – 231 с.
[...]
- Якуб, 1988 – Якуб С.К. Вспомним забытые игры. – М.: Дет. лит., 1990 – 159 с.
- Якубович, 1989 – Якубович П.Ф. Повести о детстве и юности. – М.: Советская Россия, 1989.

[Общее количество приведённых выше печатных источников словаря на 28 мая 2008 года составило 1800]

Рукописные источники второго издания «Энциклопедического словаря русского детства»

Сведения об авторах сообщений, написанных в процессе подготовки второго издания «Энциклопедического словаря русского детства» (июнь 2006– май 2008 гг.)

019 – Анна Стюкова, студентка 4–5 курсов фил. фак-та ШГПИ, работы окт. 2006 г. – марта 2008 г.

- 020 – Мария Сычугова, студентка 4–5 курсов фил. фак-та ШГПИ, работы окт. 2006 г. – мая 2008 г.
 021 – Наталья Воложанина, 1986 г. р., студентка 4–5 курсов фил. фак-та ШГПИ, работы 2006–2008 гг.
 022 – Вера Патракеева, студентка 4 курса фил. ф-та ШГПИ, работа 2006 г.
 040 – Мария Седяева, студентка 3 курса фак-та психологии ШГПИ, работа написана в окт. 2006 г.
 041 – Дресвина Ксения Николаевна, 1989 г. р., г. Шадринск, студентка 1 курса фак-та технологии и предпр-ва (ТиП) ШГПИ, работа дек. 2006 г.
 042 – Лазарева Ольга Сергеевна, 1988 г. р., г. Шадринск, студ. 1 курса факультета ТиП ШГПИ, работа дек. 2006 г.
 043 – Булычева Татьяна Александровна, 1988 г.р., д. Погадайское Шадринского р-на, студ. 1 курса фак-та ТиП ШГПИ, работа дек. 2006 г.
 044 – Суворова Анна Александровна, 1989 г.р., г. Шадринск, студ. 1 курса фак-та ТиП ШГПИ, работа дек. 2006 г.
 045 – Сысоева Марина Николаевна, 1989 г.р., г. Шадринск, студ. 1 курса фак-та ТиП ШГПИ, работа дек. 2006 г.
 070 – Кузнецова Екатерина, студентка 5 курса фак-та истории и права ШГПИ. Работа 2007 года.
 071 – Мясникова Елена, студентка 5 курса фак-та истории и права ШГПИ. Работа 2007 года.
 072 – Елесина Н., студентка 5 курса фак-та истории и права ШГПИ. Работа 2007 года.
 073 – Зайцева Н.Ю., 1984 г. р., с. Шутихинское Катайского р-на, студ. 5 курса фак-та ист. и права ШГПИ. Работа 2007 г.
 074 – Орехова Е., 1984 г. р., с. Крутиха, студ. 5 курса фак-та ист. и права ШГПИ. Работа 2007 г. (она же – автор работы 451).
 075 – Новосельцева Надежда Владимировна, 1987 г.р., г. Шадринск, ШГПИ.
 086 – Князева Татьяна Анатольевна, 1986 г. р., 387 гр., село Чкалово Кокчетавской области.
 087 – Логунов Вячеслав Вячеславович, 1987 г. р., 388 гр., г. Шадринск, ШГПИ.
 088 – Охрименко Анастасия Геннадьевна, 1986 г. р, 384 гр. пос. Белоярский Свердловской области.
 089 – Зайкова Ирина Сергеевна, 1986 г. р., село Песчано-Коледино Далматовского района Курганской области.
 092 – Лебедкина Ксения Александровна, 1986 г. р., гр. 386, г. Шадринск.
 093 – Пястолов Евгений Андреевич, 1986 г. р., г. 384 гр., г. Далматово Курганской обл.
 106 – Павлова Оксана, студентка 5 курса фил. фак-та, 2007.
 108 – Баландина Алёна, студентка 5 курса фак-та ист. и права, 2007.
 109 – Слепнева Анна – 1985 год рождения, г. Шадринск, студентка 5 курса фил. фак-та, 2007.
 111 – Таблер Татьяна, студентка 5 курса фил. фак-та, 2007.
 112 – Юрина Алёна, студентка 5 курса фил. фак-та, 2007.
 113 – Мельникова Светлана, студентка 5 курса фил. фак-та, 2007.
 132 – Палийчук Анастасия, студентка 3–4 курсов фил. фак-та ШГПИ, работы мая 2007 г. – мая 2008 гг.
 133 – Кузнецова Галина, студентка 3 курса фил. фак-та ШГПИ, работа мая 2007 года.
 134 – Барашева Евгения, студентка 3–4 курса фил. фак-та ШГПИ, работы мая 2007 г. – мая 2008 г.
 135 – Костыря Елена, студентка 3–4 курсов фил. фак-та ШГПИ, работы мая 2007 – мая 2008 гг.
 136 – Мелёхина Любовь, студентка 3–4 курсов фил. фак-та ШГПИ, работы мая 2007 – мая 2008 гг.
 137 – Павлова Ирина, студентка 3–4 курсов фил. фак-та ШГПИ, работы мая 2007 г. – мая 2008 г.
 138 – Стецюк Светлана, студентка 3–4 курсов фил. фак-та ШГПИ, работы мая 2007 – мая 2008 гг.
 139 – Сухарева Марина, 1987 г. р., студентка 3–4 курсов курса фил. фак-та ШГПИ, работа мая 2007 г. – мая 2008 г.
 177 – Задоя Е., 367 гр., работа 2007 г.
 178 – Теплоухова Татьяна, 264 гр., работа 2007 г.
 179 – Бучельникова Ольга, 264 гр., работа 2007 г.
 210 – Кузнецова А., студентка 2 курса, работа 2007 г.
 211 – Пospelова Екатерина, студентка 4 курса филологического ф-та, работы апреля – мая 2008 гг.
 212 – Ефремочкин Максим Аркадьевич, 1987 г.р., г. Далматово Курганской обл.
 213 – Чебыкина Екатерина Викторовна 1986 г.р., с.Шатрово Курганской обл.

Сведения об авторах сообщений, написанных до начала работы над вторым изданием «Энциклопедического словаря русского детства» (до июня 2006 г.)

- 446 – Нуржигитова Алена Владимировна 1983 г. р. – с. Никитинское Катайского р-на Курганской области, студентка 5 курса филологического ф-та ШГПИ, работа 2005 г.
 447 – Захарова Светлана Александровна, 1983 г. р., студентка 5 курса филологического ф-та, работа 2005 г.
 448 – Гречушкина Елена Вячеславовна 1983 г. р. – с. Просвет Кетовского р-на Курганской области, студентка 5 курса филологического ф-та ШГПИ, работа 2005 г.
 449 – Лебедева Анна Сергеевна, 1982 г. р., с. Звериноголовское Звериноголовского р-на Курганской области, студентка 5 курса филологического ф-та ШГПИ, работа 2005 г.
 450 – Барнашева Дамира Шайхутдиновна 1983 г. р., село Кызылбай Шатровского р-на Курганской области, студентка 5 курса филологического ф-та ШГПИ, работа 2005 г.
 496 – Краснова Ирина, студ. ф-та дошк. педагогики и психологии. Работа середины 1990-х гг.
 497 – Сологуб Анна, студентка 4 курса, работа середины 1990-х гг.
 498 – Ермакова Любовь, студентка 3 курса, работа «Социология шк. жизни» середины 1990-х гг.
 499 – Сычугова Оксана, студентка 5 курса фак-та дошк. педагогики и психологии.
 500 – Даурцева Ольга, 1 курс, работа 2002 г.
 501 – Приданикова Е.Г., 1982 г.р., студ. ШГПИ, работа «Социология жизненного пути», июнь 2003 г.
 502 – Светлана Александровна Захарова, 1983 г. р. студ. 5 курса фил. фак-та ШГПИ. Работа марта 2005 года.
 512 – Дмитрий Обухов 1984 г. р., студент 4 курса фак-та истории и права. Работа «Игры 1960-х гг.», май 2006 г.
 524 – Ширияева А.А. Рассказ записан в марте 2006 года от Евгения Николаевича Ильиных 1953 г. р., село Уксянское Далматовского района Курганской области.
 525 – Недокушева М.А., 1976 г. р., районный поселок Каргаполье Курганской области, студентка 4-го курса заочного отделения филологического факультета ШГПИ, работа «Детские игры» написана в мае 2004 года.
 537 – Казакова Юлия, [1977 г. р.] студентка 531 гр. ШГПИ, работа сентября 1999 года.
 552 – Харитоновна Наталья (примерно 1977 г.р.), фак-т коррекц. психологии, студ. 4 курса, работа 1997–1998 гг.
 553 – Вепрева Татьяна Ивановна 1956 года рождения, работник промышленной сферы. Опрос проводился Вепревой Марией, студенткой фак-та дошк. и социальной педагогики и психологии.

- 578 – Женщина 1951 г. р., с. Ичкино Курганской обл.; работа написана по просьбе студентки 4 курса ф-та дошк. восп.
- 579 – Светлана З., студентка 5 курса фак-та дошк. восп., 1978 г. р., работа написана в 1999 г.
- 580 – Евгения, 1981 г. р., г. Шадринск. Работа написана по просьбе студентки 4 курса фак-та дошк. восп. в 1999 г.
- 591 – Н.Г. Петрова, 1963 г. р., 1963–1976 гг. – ст. Пески-Целинные Кокчетавской обл. Казахской ССР, 1976 – 2000 гг. – г. Курган, студентка 3 курса заочн. отд. фак-та дошк. педагогики и психологии, работа октября 2000 г.
- 608 – Грибанова Наталья, студентка 4 курса ф-та дошк. восп., работа 1993 г.
- 609 – Горшкова Наталья, студентка 4 курса ф-та психологии ШГПИ, работа 1999 г.
- 610 – Бирюкова Вера, г. Камышлов, студ. 4 курса физ.-мат. фак-та ШГПИ, работа середины 1990-х гг.
- 611 – Работа набрана с оригинала, оригинал работы временно утерян (в бумагах внутри архива автора словаря).

«А ЗОРИ здесь тихие» – повесть (1969) Бориса Васильева (р. 1924); фильм (1972), снятый по этой повести.

«В 1973 г. на городском туре московской лит. олимпиады среди других заданий ученикам VIII, IX и X классов была предложена тема: “Какое произв-ие совр. лит-ры мне больше всего понравилось и почему”. Из названных старшеклассниками на первом месте повесть Бориса Васильева “А зори здесь тихие...” Через неск. месяцев во всех школах Москвы в девярых классах проходила контрольная работа по лит-ре. “Книги, которые учат побеждать” – так была сформулирована третья тема сочинения. В числе таких книг многие назвали и повесть Бориса Васильева» (Айзерман, 1974, 66).

О Шадринске в конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «В 1994, когда мне было 7 лет, я очень любила мультики... Одним из самых любимых фильмов был “А зори здесь тихие”. В нём очень ярко описываются переживания главных героинь. Фильм про войну. Очень грустный, ведь это не женское дело воевать» (076).

«А И Б сидели на трубе...» – загадка, построенная на каламбуре: «А и Б сидели на трубе. А упала, Б пропала, кто остался на трубе?» Правильный ответ – «И»: часть фразы, звучащую как [а и бз] можно интерпретировать не только как «А и Б», и как «А, И, Б». Загадка-каламбур «А и Б» сидели на трубе существует по меньшей мере с 1950-х гг. [...]

О Катайске в 1998 г.: «Когда я училась в 6 классе Катайской средней школы № 2, одноклассница, когда мы вместе шли после уроков домой, загадала мне загадку. Загадка звучала так: “А и Б сидели на трубе. А упала, Б пропала, кто остался на трубе?” Отгадать её я не смогла. Ответ сказала одноклассница: “И осталась на трубе”. Недавно я загадала эту загадку своей племяннице, которая учится в 4 классе (10 лет). Как ни странно, она её сразу отгадала» (018).

«А МНЕ НЕ БОЛЬНО, курица довольна» – рифмованный ответ на причинённую боль.

О девочке 5–6 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1991–1992 гг.: «Когда брат (7–8 лет) дергал меня за косички, я отбежала в сторону и, показав язык, говорила: “А мне-то не больно, курица довольна!” И обязательно после таких слов нужно убежать к взрослым, а то, если не убежишь, то дерганьем за косичку уже не отделаешься» (141).

О девочке 6–7 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1991–1992 гг.: «Мы с подружками играли в классики. Я споткнулась и упала. Подружки засмеялись, а я поднялась, отряхнулась и сказала им: “Ха-ха! А мне не больно, курица довольна»» (137).

О девочке 6–8 лет в г. Далматово в 1993–1995 гг.: «У меня есть брат, кот. старше меня на 4 года. Мы с ним никогда не жили дружно и поэтому часто дрались и ругались. И когда он в очередной раз меня за что-то отлупил, я не стала реветь, а сказала ему: “А мне не больно, курица довольна”, хотя на самом деле мне было больно. Я не знаю, от кого я узнала эту фразу, но помню, что слышала на улице от кого-то из ребят нашего двора» (136).

«А МЫ просо сеяли...» – игра с песней.

О девочке восьми лет в 1932 году: «На переменах мы выходили из школы и играли... в разные игры. Тогда в школах ребята водили хоророды и играли в старинные игры с песнями, которые достались нам, наверно, от наших дедов и прадедов. В этих играх все играющие делились на две партии и, взявшись за руки, с песнями шли навстречу друг другу, то одна сторона, то другая пели, например: одна сторона, идя навстречу: “А мы просо сеяли, сеяли”; идя назад: “Ой, дид-ладо, сеяли, сеяли!”; другая, идя навстречу: “А мы просо вытопчем, вытопчем! Ой, дид-ладо, вытопчем, вытопчем!” “А чем же вам вытоптать, вытоптать?...” “А мы коней выпустим, выпустим!...” “А мы коней переймём, переймём!...” “А чем же вам перенять, перенять?...” “А шелковым поводом, поводом!...” “А мы коней выкупим, выкупим!...” “А чем же вам выкупить, выкупить?...” “А мы дадим сто рублей, сто рублей!...” “Нам не надо тысячи, тысячи!...” “А чего ж вам надобно, надобно?...” “А нам надо девицу, девицу! (или: молодца, молодца) Ой, дид-ладо, девицу,

девицу!” “А какую девицу, девицу? Ой, дид-ладо, девицу, девицу?” “А нам надо Катеньку, Катеньку...” После этих слов названная “девица” или “молодец” переходит в другую команду, а песню снова начинает другая, проигравшая сторона» (Кубанева, 1988).[...]

Об учащихся нач. кл. в Шадринске в 1943–1947 гг.: «А однажды, помню, вышла из учительской пожилая учительница, завуч Грецкая Амфия Михайловна и научила нас старинной игре-песне «А мы просо сеяли», – нам очень понравилось, все могли участвовать, всем места хватало» (Иовлева, 1995, 32).

«А НУ-КА, ДЕВОЧКИ!» – соревнования между девочками. Появились как подражание телепередаче 1970-х гг. «А ну-ка, девушки!»

О конце 1990-х гг.: «Когда я училась в 8 классе (1999 год) в средней школе № 2 г. Катайска, в начале ноября проводился конкурс “А ну-ка, девочки!”. Уже по названию можно догадаться, что участвовала в нём только женская половина всех 8-х классов. Нам заранее дали задания для конкурса: нужно было сделать что-нибудь своими руками (связать, сшить, вышить, нарисовать и т. д.); приготовить самим какое-нибудь блюдо (торт, салат и т.д.), а также подобрать себе красивое платье и причёску. На подготовку было дано 2 недели. “А ну-ка, девочки!” проводился в форме конкурса, победительница должна быть рукодельницей, вкусно готовить. Проводился тур на самое красивое платье и самую изысканную причёску. А свой ум и смекалку участницы проявляли в туре «Умница». Таким образом, конкурс состоялся всего из 4–5 туров: представление (рассказ о себе, своих увлечениях); “оочумелье ручки” (конкурс рукоделий); “кулинария” (конкурс блюд); конкурс платьев и причёсок; “умница”. Судьбу участниц решало строгое жюри, которое состояло из учителей школы. Оно выставляло оценки по 10-балльной системе. Я, например, для “Оочумелье ручек” вышила крестиком красивую картину. А в туре “Кулинария” жюри лакомилось моим тортом “Птичьё молоко”. К огромной моей радости я выиграла этот конкурс. У меня до сих пор хранится картонная медаль на красной атласной ленточке с I местом. Были победительницы и в других номинациях: Мисс Очарование, Мисс Улыбка, Мисс Оригинальность, приз зрительских симпатий. Им тоже были вручены свои медали и грамоты. И для всех победительниц в своих номинациях был приготовлен большой торт, который мы съели в классе за дружным обсуждением прошедшего конкурса» (018).

«А НУ-КА, ПАРНИ!» – соревнования между мальчиками.

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «[Я] работала в шк. старшей вожатой... Сейчас я организатор внешк. работы в школе № 1... в Калмыкии... Раньше мы проводили конкурс “А ну-ка, парни!”, где ребята демонстрировали лишь физическую силу» (Пономарева, 1992, 23).

«А, ПОПАЛАСЬ ПТИЧКА, СТОЙ...» – см.: «Пойманная птичка».

«А ПОЧЕМУ?» – журнал для детей.

Выходит с 1991 года. В 1992–1994 гг. в журнале указывалось, что он является ежемесячным приложением к журналу «Юный техник».

В середине 1990-х гг. обозначался как «Журнал для мальчиков и девочек о науке, технике, природе, путешествиях и многом другом».

В середине 2000-х гг. обозначался как: «Журнал для мальчиков, девочек и их родителей о науке, технике, природе, путешествиях и многом другом. Спорт, игры, голволомки».

Рубрики – «Секреты наших удобств», «Сто тысяч почему», «Преданья старины глубокой», «Со всего света», «Теплоходом, самолётом», «Воскресная школа», «Игротека», «Когда прадедушки были маленькими», «Данила-мастер», «Наш мультик», «Загадки большие и маленькие», «Наш вернисаж».

Тираж в 1991 году – 145 тыс. экз., в 1992 – 440 тыс., в 1994 году – 75 тыс. в 2005 – 6, 3 тыс. экземпляров. Объём – 32 страницы.

«А ЧТО у вас?» – стихотворение (1935) С.В. Михалкова.

«В 1935 г. было опубликовано ставшее знаменитым стихотворение [С.В.] М[ихалкова] “А что у вас?”» (Шошин, 1998, 57).

«АБВГДЕЙКА» – телевизионная развлекательно-обучающая программа для дошкольников. Выходила с января 1975 года по Первой программе по субботам. Телеуроки вела учительница Татьяна Кирилловна (Т. Черняева), её учениками были клоуны. С 1975 по 1978 год это были Сеня, Саня, Таня и Владимир Иванович, с 1978 года – Ириска, Клепа, Левушкин и Юра. В середине 1990-х годов «АБВГДейка» перестала выходить в эфир из-за финансовых проблем. В 2000-х годах «АБВГДейка» выходила на канале ТВЦ, ученики – клоуны Клепа, Саня и Макаронка.

В начале программы звучала песня: «[1.] Вот вам стол, а вот – скамейка. / Взяли в руки карандаш. / Наша АБВГДейка / На экран придет ваш. / [2.] Вас участники программы / Будут грамоте учить, / Если не забыли мамы / Телевизоры включить. [Припев:] АБВГДейка, АБВГДейка, / Это учеба и игра. / АБВГДейка, АБВГДейка, / Азбуку детям знать пора. / Знать пора – / Азбуку знать пора»

О 1987–1991 гг. в Шадринске: «Насколько помню, передачу “АБВГДейка” я смотрела в возрасте 2,5 – 6 лет. Не вспомню уже точного смысла этой передачи. Обрывочные воспоминания: клоун-ведущий, женщина, которая его учила жить, возможно, надувные игрушки-телефоны. Но зато прекрасно помню песенку из этой передачи. Я очень любила ее петь: “АБВГДейка, АБВГДейка – это учеба и игра. АБВГДейка, АБВГДейка – азбуку детям знать пора. Знать пора. Азбуку знать пора... Взяли в руки карандаш. Наша “АБВГДейка” на экран приходит ваш!” Вообще, не так уж “прекрасно” я её и помню» (109).

АБДРАШИК – азартная игра в кости.

О 1953 годе в Крыму: «На углу Садовой и Новосадовой сидели на корточках четверо шпанюков и было понятно, что они играли в абдрашик. Они то нагибались в кружок, то разгибались и что-то недобро обсуждали. Завидев меня с портфелем, бредущего из школы, они... рассмеялись: ...иди к нам, может сыграешь, или ты только в жоску жарить... Жоска в те времена была самой популярной уличной и школьной игрой... Те, кто играл в жоску, считались априори хулиганами. Но все-таки игра в жоску не была чистой игрой на деньги. В ней было больше спорта. Абдрашик была чистой игрой на деньги. И в табели о рангах, конечно же, была выше жоски, ибо ни на что другое в абдрашик никогда не играли, и поэтому ещё больше запрещалась в те времена. По-простому это была игра в кости, потому что играли высушенными фалангами бараньего хвоста. От того, как они упадут после перемешивания их в сведённых ладонях, зависело, сколько очков набирал каждый. “Ну что, бросишь? Давай на школьный рубль”. Я поставил. И выиграл. И ещё раз выиграл. Шпана деловито подбадривала меня, и вскоре я проиграл всё. “Теперь давай на штаны, коль денег нема... вот так, теперь рубашку снимай и портфель. Ботиночкиними”. А я все бросал и бросал кости и проигрывал. “Ну всё, хватит, пусть идет к мамане и принесет нам жратвы. Скажи, что вернем всё». И я пошел домой в трусах, обливаясь жуткими слезами вместе с пьющим и пахнущим тополей. Отец был дома. Он всё понял. Метнулся наверх шкафа и медленно пошел на угол к шпане. Они знали его и боялись. Увидев, что отец сжимал в кармане пистолет, они разбежались, оставив на землю мою одежду. Отец никогда не ругал меня. Он просто засунул ворота на засов и сказал матери: проводи его в школу и встречь несколько дней после уроков...» (Ткаченко, 2001, 85–87).

АБОРТ – самопроизвольное или искусственное прекращение беременности в первые 28 недель» (СИ, 1994, 10).

О конце 1990-х – начале 2000 гг.: «В Российской Федерации ежегодно прерывают беременность около 40 тысяч девочек до 17 лет» (ПЭС, 2003, 9).

«АБСОЛЮТ» – принятое в «Артеке» название обязательного послеобеденного сна.

«В “Артеке” свои правила. Ну, например, вы знаете, что такое “абсолют”? В других местах он обычно называется “тихим часом”, а у нас, здесь, “абсолютом”, потому что абсолютно ничего нельзя во время абсолюта делать: только спать» (Польгуева, 2005).

Об Артеке середины 1970-х гг.: «После “абсолюта” [сноска-примечание в низу страницы:] [“Послеобеденный час, когда абсолютно все дети должны спать”] начальник... надевает белую фуражку...» (Зюзюкин, 1977, 117).

АВИАМОДЕЛИЗМ – конструирование, постройка и испытание авиамodelей в технических или спортивных целях; «постройка и запуск modelей летательных аппаратов» (Ожегов, Шведова, [1993] 1996, 14).

О 1930-х гг.: «Широкое распространение получили кружки юных авиамodelистов... В целях развития авиамodelизма как действенного фактора военно-патриотического воспитания Центральный совет Осоавиахима утвердил нагрудный знак “Юный авиамodelист”. Проводились слеты авиамodelистов... В 1939 г. юные авиамodelисты установили 11 международных рекордов...» (Очерки, 1980, 415–416).

О школьниках 1930-х гг.: «Нет, – отозвался он пренебрежительно. – Я не играю ни в шахматы, ни в шашки, ни в бириульки и не занимаюсь авиамodelизмом...” “При чем тут авиамodelизм?” “Все дураки увлекаются авиамodelизмом”. Я этим не увлекался, но почувствовал себя оскорбленным. Мне казалось, что я обиделся за хороших, умных, способных и сосредоточенных ребят, занимающихся непростым и благородным делом, но задело меня другое: он вроде в дураки меня зачислил...» (Нагибин, 1998).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «“И еще афиша: “Городской дом пионеров и школьников. Открыт кружок юных авиамodelистов. Группы: начинающая (парашюты, схематические модели, планеры), средняя (модели с резиновыми моторчиками, фюзеляжные), старшая (модели с бензиновыми моторчиками, “летающие лодки”, гидропланы)”» (Великанов, 1951, 72).

О начале 1950-х гг.: «Хорошей традицией стали ежегодно проводимые соревнования юных авиамodelистов и юных судомodelистов. Однако отсутствие должной связи и согласованности в действиях органов народного образования и органов ДОСААФ приводит к тому, что авиамodelизм и судомodelизм развиваются в школах и внешних учреждениях пока еще недостаточно активно» (ВВВР, 1955, 25).

О начале 1960-х гг.: «Две недели напролёт / Мастерил я самолёт. / Мне не жалко двух недель, – / Вышла славная модель: / Лёгкое и длинное / Тело стрекозиное, / Крыльев оперение / Для плавного парения. / Для вращения винта / Два резиновых жгута. / Обойдёмся без бензина, – / Будет винт вращать резина! / Ну, счастливого пути! / Поднимайся и лети!» (Лифшиц, 1964–1, 6–7).

АВИАМОДЕЛЬНЫЙ КРУЖОК – кружок, в котором занимаются авиамodelизмом.

О мальчиках 9–11 лет в 1940–1941 гг.: «Я узнаю его... Мы ходили вместе с ним в Дом пионеров заниматься в кружке авиамodelистов» (Демиденко, 1962, 25).

О пятиклассниках в г. Курске в 1954–1955 гг.: «Увлекаясь работой в авиамodelьном кружке, пионеры проявляли исключительный интерес к летному искусству» (Нечаева, 1958, 59).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «“Слушай, старик!... – Отец наклоняется над [сыном]. – А может, мама права? Брось ты всё это!... Я понимаю радиодело там или авиамodelьный кружок, или, наконец, мотоцикл!”» (Алмазов, 1977, 43).

«АВИАЦИОНКА» – нитевидная резина.

О Свердловске первой половины 1960-х гг.: «Свята Дубасов, крупный авторитет Юмбовского двора, в котором я вырос, владел огромной заводской катушкой “авиационки”. И он с успехом использовал её в качестве свободно конвертируемой валюты при любой мальчишеской сделке. Не помню, что я отдал ему взамен,

но никогда не забуду, с каким замиранием сердца глядел, как Сява отматывает ее для меня. Ровно такой длины, какая потребна на изготовление совершенной, четырехрядной рогатки с оптическим прицелом...» (Застырец, 2006).

АВИТАМИНОЗ – «Физиол. и медиц. Болезненное состояние, болезнь, развивающиеся при отсутствии или недостаточном количестве в пище витаминов» (Словарь, 1950–1, 30).

О мальчике в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Прости мне, детство, злость и худобу, / Плешь авитаминозную под кепкой, / Тоску по пионерской дружбе крепкой...» (Дидулов, [1976] 1992, 76).

«**АВТОБУС**» – журнал для детей, издававшийся в Санкт-Петербурге во второй половине 1990-х гг.

«[“Очень петербургский детский журнал”] – так называется на обложке новый дет. журнал “Автобус”, кот. издают в Петербурге... три соредатора: Илья Бутман, Леонид Каминский и Михаил Яснов... Теперь о...тех шести [номерах журнала], которые успели выйти к концу 1997 г.... Появился журнал... на стыке неск. направлений. Кроме чисто детских стихов, рассказов и сказок, юный читатель обнаружит истории о судьбах людей, идей, зданий, городов, стран» (Воскобойников, 1998, 106).

О 2003 г.: «...Предмет “белой зависти” московских краеведов – петербургский дет. журнал “Автобус”. Журнал о Петербурге, отдельные номера – тематические (посвящённые Русскому музею, тем или иным императорам), Немало материалов об Эрмитаже. В журнале есть постоянная рубрика – «Страница гл. художника города”. А на полях в каждом номере – Петербургский словарь. Напр.: А – Автово, Б – Бочарная слобода, В – Весёлый посёлок, Г – Галтеев остров и т. д.» (Назарова, 2003, 28).

О 2003 г.: «Вот, напр., журнал о животных “Тошка и компания” (сред. шк. возраст). Там... авторы вполне достойные – Николай Дроздов, Андрей Усачев... Но есть и совсем другой журнал всё для того же среднего возраста – “Автобус”, петербургский дет. ист. журнал. В выходных данных указано – “для детей 11 лет и старше”. Весь строгий, почти черно-белый, тексты которого отмечены легкой академической сухостью. Несмотря на эту особенность, статьи действительно интересны, информативны. Никаких заигрываний с “младшими братьями”. Не буду писать обо всех рубриках, но одна – доставила мне простое человеческое удовольствие. Это – “Словарь” (автор Юрий Кружнов). Номер, оказавшийся у меня, посвящен первой половине XIX века. И почти на каждой странице – фрагменты “Словаря”. По одной краткой биографии известных людей того времени на каждую букву. Словарные статьи, крохотные сами по себе, написаны замечательно. Некоторые пассажи хочется разучивать наизусть. Вот, например, что можно прочитать про Л. Дубельта: “Будучи близок к декабристским кругам, едва избег ареста. Поразмыслив, поступил в жандармы и сделал стремительную карьеру...”. И так – два журнала, рассчитанные на детей одной возрастной группы. Но читатели одного журнала поражают своей инфантильностью. Для общения же с читателями “Автобуса” требуется хорошая интеллектуальная подготовка» (Мальчуженко, 2003–1, 26).

О 2003 г.: «В Доме книги на скромной вертушке толпятся почти все “Автобусы” за последние два года... На вопрос: “Покупают ли кто-нибудь эти журналы?” – мне ответили: “Да, очень хорошо покупают. Лицеи, гимназии...” Но оценка спроса слегка преувеличена. Это понятно любому» (Мальчуженко, 2003–2, 26).

АВТОМАТ – «Ручное автоматическое скорострельное оружие для стрельбы с небольшого расстояния» (Словарь, 1991–1, 68).

Автомат игрушечный.

О середине 1970-х гг.: «“Ты убит! Ты убит!” – ликовала Катька, размахивая победно пластмассовым автоматом... Я посмотрел ей прямо в глаза остановившимся взглядом, затем повернулся медленно и повалился на прибрежный гравий. Раскинув руки лежал я, уставившись в небосвод и по возможности не дыша, в конце концов того и хотела эта юная воительница. Какой

идиот купил ей эту трещотку, этот автомат, до такой степени похожий на настоящий, что у взрослых так и чешутся руки схватить его и надавить на гашетку. Особенно у тех, у кого, как у меня, единственной ценной игрушкой в детстве была гладко оструганная палка, и автомат по мере необходимости изображающая, и винтовку, и рыцарское копье, и меч, и что только ни придётся... “Вставай!” – толкнула [Катька] меня дулом автомата» (Макаров, [1979] 1981, 222).

О конце 1970-х г. – нач. 1980-х гг.: «...Из мешка... выгасил он [Дед Мороз] автомат, стрелявший огоньком. Я этот автомат желал страстно, а он мне подал его..., словно и не зная, что исполняет самое заветное моё желание, о котором вчера я ему молился. Мама тогда сказала мне пойти под елку и попросить Деда Мороза исполнить самое главное желание, и я стоял там на коленках да громко, как она учила, произносил желание вслух... Я бродил по квартирке с автоматом. А [потом] углядел за шкафом... коробку... На ней был нарисован такой же, как и мой, автомат» (Павлов, 2003).

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ручка – то же, что *авторучка*.

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «На Диминой парте, поблескивая коричневой обложкой, лежала чья-то новенькая общая тетрадь и прекрасная и тоже абсолютно новенькая автоматическая ручка. ...Дима... понял что к чему. Автоматическую ручку и тетрадку подложила с коварной целью Светка Ложжарева... На партах перед мальчишками лежали точно такие, как у него и у Вовки, тетрадки и автоматические ручки» (Печерский, 1963, 462–463).

АВТОМОБИЛЬ – «Транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам» (Словарь, 1991–1, 70).

Автомобиль детский.

О Петрограде во вт. пол. 1910-х гг.: «“Оснащение” наших игр было довольно примитивным: зимой – санки, летом – мячи..., скакалки..., обручи... Предметом зависти были немногие счастливые обладатели детских велосипедов... Иногда на дорожках Елагина [острова] появлялось чудо, вызывающее у нас трепет – детский автомобиль. Построенный на базе четырехколесного велосипеда или педальной дрезины, он имел вид автомобиля того времени со всеми необходимыми атрибутами: рулевым колесом (“баранкой”), ветровым стеклом, фонарями и даже гудком. Пожалуй, именно гудок в виде резиновой оранжевой груши с раструбом действовал на нас особенно ошеломляюще. Мы стремглав бежали смотреть на это великолепие, но владелец его смотрел на нас надменно и с презрением. “Это с Каменного [острова]!” – говорили нам няньки, и мы понимали, что это что-то совершенно для нас недоступное. И действительно Каменный остров был совершенно чуждым для нас миром. Нас туда почти никогда и не водили, да и делать нам там было нечего. Громадные, похожие на дворцы дачи-особняки, окруженные садами и огороженные решетками, вот что встречало нас на Каменном» (Штерн, 2000).

См. также: *Педальная машина*.

Автомобиль игрушечный.

О нач. 1960-х гг.: «В продаже часто имеются дешевые пластмассовые автомобильчики, сделанные в виде цистерн или фургончиков с надписями: “Бензин”, “Хлеб”, “Молоко”, “Книги”, “Игрушки»» (Носов, [1966] 1982–4, 435).

О 1970-х – 1990-х гг.: «Особо в иерархии игрушечных авто стояли так называемые “модельки” – мини-копии настоящих автомобилей отечественного, а после перестройки и импортного производства. Иметь такую машинку считалось особым шиком, и стоили они дорого» (Жавелева, 2006).

Автомобиль игрушечный заводной.

О конце 1950-х гг.: «В руках у него оказывалась то какая-то деталь от Лёшиного конструктора, то заводной автомобиль...» (Браиловская, 1962, 45).

О девочке в дет. саду г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «В группе... было уютно, много игрушек, по крайней мере их было столько, что конфликтов не возникало.

Конечно, были любимые игрушки, которыми хотели играть все, – это игрушечное пианино..., заводные автомобильчики, бегающие по кругу, в них мы играли по очереди» (Мосалова, 2007, 7).

См. также: *Заводная машина*.

Гадание и загадывание желаний на автомобиле. См.: *Номера автомобилей, Цвет автомобилей*.

«АВТОНЯНЯ» – услуга «женского такси» (такси с женщиной-водителем) по доставке ребёнка (в муз. школу, на спортивные занятия и т. п.), появившаяся в начале 2000-х гг. в некоторых крупных городах.

О фирме «Розовое такси» в Москве 2006 г.: «На мой взгляд, услуга эта [“автоняни”] – одна из самых удачных идей “Розового такси”. Машинки ДЭУ “Матиз”, “матизики”, с опытной дамой-водителем перевозят ребёнка без сопровождающего. Родители поручают водителям “Розового такси” отвезти своих детей к бабушке, или “на музыку”, или в художественную школу, или в спортивную секцию. Для детей в машинах есть игрушки, музыкальные кассеты, журналы» (Пищикова, 2006, 7).

См. также: *«Детское такси»*.

АВТОРУЧКА – «ручка для письма, в которой чернила автоматически подаются к перу» (Ожегов, [1960], 1970, 17). «ручка для письма, в которой чернила из внутреннего резервуара автоматически подаются к перу» (Ожегов, 1972, 21; Ожегов, 1988, 19; Ожегов, Шведова, 1996, 15); «ручка для письма, в которой чернила (или чернильная паста) автоматически подаются к перу (к шарошк)» (Лопатин, 1997, 3).

О второй половине 1940-х гг.: «Однажды [К.И. Чуковский] вызвали в школу: внук его вопреки указаниям учителя пишет “вечным” пером (которое тогда было редкостью)... “Но Дед не ругал меня, – вспоминает повзрослевший [Женя]. – Он обратился ко мне как равный к равному и не запрещал мне писать авторучкой, а только просил этого не делать...” И внук внял этой просьбе» (Сивоконь, 1983, 75).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «“Тарик, – лукаво сказала мама..., – ты ни о чем не догадываешься?” Я поблудел от волнения. Я понял, что сейчас исполнится моя давнишняя мечта. Дело в том, что я уже давно мечтал о настоящей авторучке. Но сколько я ни доказывал маме, что Министерство просвещения разрешило старшеклассникам пользоваться вечными перьями, она все отмалчивалась. Напрасно я намекал, что ради авторучки готов носить галоши, ложиться спать не позже десяти и никогда не ссориться с Мишкой. Ничто не помогало. (Теперь выяснилось: для того, чтобы я получил вечное перо, родители просто должны были за меня испугаться)... “Да ладно, – сказал папа. – Не мучай парня”. И полез в карман за своим вечным пером... Я схватил ручку и тут же, на папиной газете, стал пробовать, как она пишет... Хитрый! Видали таких! Мой карандаш бросит! Ручку свою брось. (У Сереги была авторучка, которую он собирал по частям чуть ли не месяц). Серега в упор посмотрел на Гуреева. Глаза его сделались узкими и жесткими. Вдруг, не говоря ни слова, он с разбегу вспрыгнул на подоконник. Через минуту вечное перо – единственное Серегино богатство – чёрной чёткой вылетело в открытую фрамугу» (Зелеранский, 1961; 63, 79).

О конце 1950-х гг. в совхозе под Ленинградом: «В это время Витя, шепотом приказав Сене вытереть руки, ткнул ему в пальцы авторучку и подставил письмо для подписи» (Котовщикова, 1962, 22).

О 1965–1968 гг.: «Я пошла в 1 класс в 1965 году в Новокузнецке... Все было, как полагается: ...коричневое форменное платьице, ...новенький портфель. А в нём – вещи, которые незнакомы нынешним школярам, – чернильница-непроливайка, перочистка, деревянная ручка-вставочка. Впрочем, уже через год мы официально перешли на авторучки, а через два или три – на шариковые ручки». (Политова, 2006, 3).

О 1960-х гг.: «Зика подарила мне авторучку. Молодец девчонка! Пронюхала каким-то образом, что у моей колпачок треснул, и сразу же сообразила, что делать» (Вольф, 1971, 57).

О середине 1970-х гг.: «...[Большухий мальчик] метился авторучкой в цветочный горшок на подоконнике» (Ермолаев, 1977, 7).

АГИТБРИГАДА – «Небольшой (обычно передвижной) самодеятельный или профессиональный концертный коллектив, репертуар которого строится на остроосовременном, злободневном материале» (Словарь, 1991–1, 80).

О 1941–1945 гг.: «Особое внимание в школах воен. времени уделялось восп. работе... В те годы получили распространение такие формы идеол. воздействия на школьников, как кружки комсом. политсети, митинги школьников по поводу различных полит. событий, устные газеты, агитбригады, лекторские группы и ученические лектории... и т. п.» (ИПО, 2001 484).

«АДИДАС» – фирма, изготавливающая спортивную одежду и обувь. Одежда и обувь, выпущенные этой фирмой, в 1970-е – 1990-е годы воспринимались как предмет престижа.

О третьекласснице во вт. пол. 1970-х гг.: «“Рухлядь? – возмутилась Люська. – Да если бы мне ещё кроссовки “Адидаас”, джинсы “Вранглер” и куртон из плащевки, я была бы в полном порядке!”» (Ласкин, 1988, 135).

«АДРЕС любви» – жанр девичьего альбома-песенника вт. пол. XX в. Условное название адреса, указываемого в девичьих альбомах-песенниках: «Мой адрес: Город – любовь. Улица – свидания. Дом – ожидания. Квартира – расставание»; «Мой адрес. Город любви. Улица Ожидания. Дом свидания. Квартира – целования»; «Адрес любви: Город – любви. Улица – счастья. Дом – ожиданий. Квартира – свиданий»; «г. Любовь. Тоскующая область. Улица Свиданий. Ревнующий дом ожиданий». Некоторые альбомные «адреса любви» заканчиваются фамильярным призывом: «Город желаний, улица ожидания: дом любви. Будет время – заходи!»; «Улица Свиданий. Дом ожиданий. Кв. Любви. Будет время – заходи»; «Мой адрес. г. Ожидания, ул. Свидания. Дом любви. Время будет заходи!»; «Влюбленная область. Ревнивый район. Город ожидания. Дом Любви. Пиши, звони, заходи»; «Мой адрес: г. Свидания. Ул. Ожидания. Дом у брода ищи три года».

АЗАРТНЫЕ игры – «игры, в которых выигрыш зависит от случая, случайного расклада карт» (Ожегов, [1960] 1970, 19; Ожегов, Шведова, 1996, 17). Указанное значение не совпадает с тем, которое придается словосочетанию «азартные игры» в обиходе.

В «Словаре современного русского литературного языка» 1991 года указывается значение, не совпадающее с обычным словоупотребительным, однако в нём приводится пример, который и указывает действительное (бытующее в жизни) значение словосочетания: «Азартные игры. Игры, в которых выигрыш зависит от случайности... *Запрещается играть в азартные игры, – можно прочесть в правилах домов отдыха. Здесь подразумеваются игры в карты на деньги.* К Платонов. Занимательная психология» (Словарь, 1991–1, 102–103).

В данной статье словосочетание «азартные игры» мы трактуем именно как «игры на деньги».

О середине 1930-х гг. (название игры неясно): «Год назад он проигрался Репину. Сначала игра шла на деньги – Колюшкин спустил всё до копейки. Стали играть в долг. Когда дошло до двухсот рублей, Репин сказал: “Тебе их все равно никогда не отдать. Что будешь делать?” – “Давай еще сыграем. Отыграюсь”. И тут Репин поставил условие: если и на этот раз Колюшкин останется в проигрыше, это будет означать, что он проиграл себя. “Это значит, – сказал Репин, – я имею право сделать с тобой что хочу: велю – не отказывайся, ударю – не отвечай, и вообще ты больше себе не хозяин”. – Сыграли ещё. Михаил проиграл. “Ну вот, – сказал Репин, – пока не отдашь двести рублей, считается – ты проиграл себя. Что хочу, то с тобой и делаю”. “Ничего он такого не делал, – глухо, на одной ноте рассказывал Колюшкин. – Нет, не бил. Нет. Я и раньше делал, как он велит. Но теперь уж знал: иначе нельзя”» (Вигдорова, 1969, 175–176).

Лит.: Зимица Т. Азартные игры // РД, 2006, 13–18.

См. также: «Абдрашик»; «Выбивка»; «Горошина»; «Об стенку»; «Орлянка»; «Пожар»; «Пожарчик»; «Пуговицы»; «Расшибалочка»; «Ростовчик»; «Стенка»; «Трясучка»; «Чика».

АЗБУКА – «Книга, таблица и т. п. служащая для обучения грамоте» (Словарь, 1991–1, 103).

Из изданий до 1917 года можно отметить: «Азбука и уроки чтения и письма» Н.Ф. Бунакова, «Азбука для обучения грамоте по естественному методу» М.И. Тимофеева, «Новая азбука» Л.Н. Толстого. (ПС, 1960–1, 26).

Азбука разрезная.

О Свердловске в нач. 1960-х гг.: «Под таким одеялом я во время очередной ангины в возрасте пяти лет легко научился читать при помощи квадратиков разрезной азбуки, выкладывая их на большой фанерный лист – “пельменный”» (Застырец, 2006).

О перв. пол. 1960-х гг.: «...Надо... позаботиться, чтобы весь этот мощный поток не оседал преимущественно в больших городах, а... направлялся и в не столь крупные города, и в колхозы, в которых сейчас не то что каких-то там кубиков, а даже простой разрезной азбуки днём с огнем не найдешь» (Носов, [1966], 1982–4, 439).

О нач. 1970-х гг.: «Разрезная азбука употреблялась в комплекте с кассой букв и слогов. Имеется и у первоклашек 2000-х гг.» (Жавелева, 2006).

См. также: *Касса букв и слогов.*

АЗБУКА Морзе – «Условная передача букв и знаков по различным каналам связи при помощи комбинаций точек и тире; код Морзе» (Словарь, 1991–1, 103); школьный предмет в женской школе в 1943–1945 гг.

О Москве в 1943–1944 гг.: «Мы приехали в Москву из эвакуации уже в [19]43 году... В конце войны нам ввели особый предмет – азбуку Морзе. В один прекрасный день в наш класс, состоящий из семнадцати девочек, вошёл верзила... Это был работник почтамта, которому поручили обучать нас морзянке. Так мы его и называли – морзянщик... Кроме морзянки у нас было ещё военное дело как таковое» (Яхнина, 2004–2, 12).

АИСТ – «Крупная перелётная птица отряда голенастых с длинным прямым клювом и длинными ногами» (Словарь, 1991–1, 106).

Аист принёс (версия родителей, объясняющая ребёнку, как тот появился на свет).

О конце XIX в.: «Я боялась, что они мешают спать моей маленькой Жене. Она пришла сегодня после утреннего чая в мою комнату и, поцеловав меня, показала мне куклу: “Сегодня, мамочка, я родилась?.. Папочка подарил мне куклу... Да?... Как это я родилась?... Меня принёс аист?”... Потом она спросила меня, почему я всё сижу в своей комнате...: “Папочка всё был сердитый, а сегодня подарил мне куклу... Как это, мамочка, я родилась?... Где же взял меня аист?..”» (Чириков, 1902, 214).

О нач. XX в.: «Если не мать, – пишет Л.М. Василевский, – то старая няня или соседка клятвенно уверяют малыша, что нового братца или сестрицу принёс “аист в клюве”, или “послал боженька”, или младенца нашли “под капустным листом в огороде”. А то и прямо “купили на базаре”» (Василевский, 1924, 29).

В статье 1925 года критически упоминаются “всякие сказки, вроде аиста и доктора с чемоданом, который приносит младенца...”» (Сорохтин, 1925, 85).

Ср.: *Капустя, В капусте нашли.*

АЙБОЛИТ, доктор Айболит – добрый доктор, персонаж сказок К.И. Чуковского.

Имя «Айболит» давно стало нарицательным. В Британишский вспоминает: «Я был нервный ребёнок, и однажды мама пошла со мной к профессору, специалисту по нервным детям. Профессор был добрый, почти как доктор Айболит, и мне он понравился» (Британишский [1964], 1994, 187).

О второй половине 1960-х гг.: «Шести- и семилетним детям хорошо покупать... игрушки, изображающие героев знакомых сказок (например, Айболит, Крокодил, Буратино, Чиполлино)» (СВ, 1967, 99).

Существуют наборы для игры во врача «Доктор Айболит».

«**АЙБОЛИТ**» – популярная более полувека в детской среде сказка К.И. Чуковского о добром докторе Айболите.

«Поколение за поколением зачитывается “Доктором Айболитом” К. Чуковского (в прозе), рассказами Б. Житкова, В. Бианки» (Рубашкина, 1964, 138).

О 1987–1988 гг.: «“Мойдодыр”, “Тараканище”, “Айболит” – эти книги мне читали в 3–4 года (г. Нягань, 1987–1988 гг.). Я помню яркие картинки и до сих пор знаю книги почти наизусть» (072).

О 1990–1991 гг.: «“Айболит” – очень любили вместе со старшей сестрой читать эту книгу, когда мне было 6–7 лет (это было в 1990–1991 гг. в селе Шухтинском Катайского р-на, где мы жили с родителями и сестрой). Её автор, по-моему, Чуковский» (073).

«**АЙДАНЫ**» – игра, сходная с игрой в *бабки*.

О мальчишке 11 лет в Новочеркасске в 1920 г.: «[Подросток] дружески полюбил меня... “Знаешь что, Авдеша, сыграем в айданы?” И Володька Сосна достал из кармана горсть крашенных бараньих костей из коленных суставов... Дома в станице я довольно сносно стрелял из рогатки, гонял “чекухой” деревянные шары, но айданов у нас не было, и я смущенно в этом признался. “Не умеешь играть?” – изумленно переспросил Володька... – Во дикари живут у вас на Хопре! Аида на улицу, обучу”. Игра напоминала “бабки”: в ней также ставился “кон”, и по нему били залитой свинцом “сачкой”. Наловчился я довольно быстро. Весь интернат имени рабочего Петра Алексеева увлекался айданами, и среди ребят они расценивались наравне с деньгами и порциями хлеба. “О, да ты настоящий парень! – хлопнул меня по плечу Володька Сосна после того, как я выменял за новый карандаш десяток айданов, которые тут же и спустил своему учителю. – Хочешь дружить?...” ...Тут ко мне подошел Володька Сосна, весёлый, с полной пригоршней выигранных айданов...» (Авдеев, 1960).

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ – первое в России светское среднее общеобразовательное учебное заведение (1726–1805) при Петербургской Академии наук, готовило учащихся к поступлению в академический университет. Первоначально имела немецкое (3 года обучения) и латинское (2 года) отд-ния. Впоследствии были выделены классы «русские» (русский язык, русская история, ораторское искусство и стихотворчество), «латинские» и «классы общих оснований» (естествознание, математика, философия и др.), обучение в которых велось параллельно.

Ист.: ПЭС, 2003, 13.

С 1990-х гг. вновь действует Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета.

«**АКАДЕМИЧЕСКИЙ бой**» – вид учебной деятельности в 1920-е годы, в период применения «бригадно-лабораторного метода».

О Петрограде в середине 1920-х гг.: «Где-то ближе к весне происходило последнее учебное мероприятие, которое я могу припомнить: академический бой. Мне это кажется единственным интересным изобретением “бригадно-лабораторного метода”, и мне жалко, что вместе со всем методом впоследствии выбросили из школьной жизни и академические бои. Заключался он в следующем: два параллельных класса выбирали из своей среды по четыре-пять лучших учеников из разных бригад. В большом классе собирались все девятиклассники в роли “большечиков”, а по двум торцовым концам большого стола сидели “бойцы”. Каждая команда должна была по очереди задавать трудные вопросы противоположной команде по программе всех школьных предметов. За вполне исчерпывающий и ясный ответ, данный одним из членов команды, вся команда получала два очка, за не вполне исчерпывающий – очко. Если представитель команды не мог ответить или ответил не полностью, ответ должен был дать представитель спрашивающей команды, иначе та теряла соответственно, очко или два очка. Выигрывала команда, набравшая наибольшее число очков. Академический бой должен был содействовать повторению программы перед выпускным экзаменом и учил ясно выражать свои мысли в публичном выступлении; в какой мере он оправдывал

свое назначение, я не знаю, но, во всяком случае, это было очень интересно, и при этом не только “командам”, но и болельщикам, которые кипели и волновались, как на футболе. Победа нашего класса была обеспечена, потому что по математике и физике, да и по литературе мы имели такого непобедимого бойца, как Сережа Лозинский, по находчивости не было равных Оське Финкельштейну, а я и Димка Войташевский тоже могли не посрамить нашего класса. (Дьяконов, 1995, 215).

О школах 1920-х – 1930-х гг.: «...В школах проводились “академические бои” между учениками и классами... “Академические бои” проводились так: в двух школах отбирались лучшие ученики шестых-седьмых классов. В присутствии др. учеников преподаватели задавали им вопросы по разл. предметам, и они должны были на них по очереди отвечать. За ответы ставили баллы. Кто больше баллов наберет – тот победитель. Победителей награждали ценным подарком (книгой, например). Наиболее выдающихся учеников переводили в “образцово-показательную” школу» (Андреевский, 2003, 311–312).

О начале 1930-х гг.: «...Не всё осталось в практике школы. Некоторые формы борьбы за знания, возникшие в начале 1930-х гг., не выдержали испытания временем и были отвергнуты жизнью (“академические бои”, “чёрные и красные доски”, сборы “кандидатов на второй год” и т. п.)» (Очерки, 1980, 325)

«**АКАДЕМИЯ домашних волшебников**» – полное название: «Академия Домашних Волшебников, или История о том, как однажды зимним вечером в комнату влетел кораблик – кленовый листок и Калинка сняла шапку-невидимку». Впервые вышла в издательстве «Детская литература» в 1980 году, неоднократно переиздавалась в 1985–1993 гг. Автор – Саида Юсуфовна Сахарова. В книге содержатся кулинарные рецепты и различные хозяйственные советы. Главные герои – двенадцатилетние школьники – под руководством крошечной волшебницы Калинки шьют джинсы и карнавальные костюмы, консервируют, готовят мороженое и торты.

АКВАРИУМ – сосуд с прозрачными стенками для содержания и разведения рыб.

О мальчике 6–7 лет в 1948 г.: «Мама подарила ему аквариум с красными рыбками. В аквариуме растут водоросли. Кормить рыб нужно порошком из коробки. “Он так любит животных, – сказала мама, – это его займет”. Правильно, он любит животных... Но рыбы не животные... ...От рыб какая радость, плавают в банке и ничего не могут делать, только шевелить хвостами...» (Панова, [1955] 1956, 477–478).

АКРОБАТ (игрушка) – игрушка в виде циркового артиста, исполняющего сложные гимнастические номера.

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «... Лиля разглядывала стоявших рядом с ней грубых кукол... Тут были матрёшки с намалёванным румянцем, и висящие на шнурках акробаты с жестяными заклёпками, и резиновые пупсы с дырочками на спине» (Виткович, Ягдфельд, 1961, 168).

АКРОБАТИЧЕСКИЙ этюд – выступление со сложным гимнастическим номером, связанным с сохранением равновесия.

О второй половине 1950-х гг.: «Правда, ростом Таня и Наташа почти одинаковы, хотя Наташа уже в третий перешла, а Таня только нынче в школу пойдёт... А уж худенькая, словно тростинка. Её даже в акробатическом этюде брали старшкласники участвовать, потому что она легче перышка к потолку взлетает. С тех пор Наташа стала ходить как-то по-особенному, чуть приподнимаясь на цыпочки, а мизинчики отставляет: кажется, вот-вот возьмётся за края юбочки и начнёт раскланиваться, как артистка в цирке» (Черноголовина, 1962, 48–49).

АКСЕЛЕРАТ – «Ребёнок, подросток, отличающийся ускоренным физическим и физиологическим развитием» (Словарь, 1991–1, 121).

АКСЕЛЕРАТКА – (разг.) *акселерат* женского пола.

О 1980-х гг.: «В четвертом классе многие изменились да и повзрослели. Класс уже разделился на небольшие группы. Выделялись девочки, которые были о себе

высокого мнения и которые рано стали краситься и носить украшения. Выделялись и несколько мальчишек, нарушавших дисциплину. В основном девчонки-акселератки дружили почему-то с ними» (493).

АКТИВ класса – наиболее деятельная часть класса.

О начале 1960-х гг.: «Актив ученический класса состоит в младших классах из совета звеньевых, председателя совета отряда, в старших классах – из членов комсомольского бюро, комсорга, старосты, физорга, членов редколлегии, а также руководителей ученических кружков, пионервожатых, членов общешкольных выборных органов и т. д.» (ПЭ, 1964–1, 58)

О перв. пол. 1970-х гг.: «В младш. классах [актив класса] это, прежде всего, командиры октябрятских звёздочек, в четвёртых-седьмых классах это звеньевые, члены и председатель совета пионер. отряда, а в старш. классах актив включает членов комсом. бюро и комсорга (комсомольского организатора). В актив класса обязательно входит также староста, члены редколлегии (редакционной коллегии стенной газеты), пионервожатые, физорг (физкультурный организатор), руководители шк. кружков и т. д. Однако это не значит, что актив состоит только из школьников, которые занимают какие-нибудь выборные должности. В него входят все ученики, которые активно участвуют в обществ. жизни своего класса» (Денисова, 1978, 56).

О середине 1980-х гг.: «В классе было несколько лидеров, так называемые официальные и неофициальные. К официальным относились те, которые были выбраны на собрании класса: председатель, ответственные за учеб. деят-сть, за культ.-масс. мероприятия, редколлегия, физрук – это был актив класса. Иногда эти лидеры не справлялись со своими обязанностями, не могли организовать класс, добиться выполнения поручений. К кому-то из них просто не прислушивались или относились несерьёзно, особенно в мл. классах (5–7, 8). Я думаю, это зависело от их личных качеств, может быть, не хватало уверенности в себе, своих организаторских способностях, или просто были недостаточно ответственными и активными. В актив класса не всегда выбирали по желанию, некоторым просто навязывали те или иные обязанности. А если бы этого не делали, то постоянно в активе были бы одни и те же люди, а в большинстве случаев это вообще не надо было никому – так сказать, отучиться и бегом домой или кому куда нужно. Выборы проходили путем голосования (открытого), и кл. рук-ль предлагала свои кандидатуры. И [она] всё это организовывала, а порой навязывала своё мнение. Но я не считаю, что это плохо, наоборот, это способствовало собранности и организованности класса» (498).

АКТИВ учащихся – наиболее деятельные учащиеся, играющие ведущую роль в жизни детского коллектива школы, класса.

О 1960-х гг.: «В актив учащихся входят лучшие комсомольцы и пионеры, члены комитета или бюро ВЛКСМ, вожатые звеньев, члены совета отряда или дружины, члены ученич. комитета, старосты и уполномоченные ученич. коллектива по разл. видам работы: по стенной печати, спортивной, культурно-просветит., санитарной и т. д.» (ПС, 1960–1 33).

О 1970-х гг.: «Ученич. актив составляют школьники, которые играют ведущую роль в жизни и работе коллектива класса или школы. Как правило, это представители шк. обществ. орг-ций... Ученич. актив выступает организатором всех многочисленных мероприятий, проводимых в классе или в школе: собраний, пионерских сборов, субботников, смотров худ. самодей-сти, спорт. соревнований и т. д. Актив работает в тесном контакте с кл. рук. под руководством пед. совета, партийной орг-ции и директора школы» (Денисова, 1978, 56–57).

См.: *Актив класса, Актив школы.*

АКТИВ школы – наиболее деятельная часть учащихся школы.

О нач. 1960-х гг.: «Актив ученический школы включает актив всех классов, членов комитета ВЛКСМ, совета пионерской дружины, учкома» (ПЭ, 1964–1, 58).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Актив школы составляет пионерский актив (председатели советов отрядов, члены и председатель совета пионерской дружины, пионервожатые) и комсомольский актив (комсорги, члены и секретарь комитета комсомола школы, члены редколлегии шк. стенгазеты)» (Денисова, 1978, 56).

АКТИВИСТ – ребенок, проявляющий общественную активность. О начале 1950-х гг.: «Все сказали: “Молодчага! / Ты, Андрюша, активист! / Раз ты выступил в печати, / Ты и шефом будешь кстати. / В наш подшефный детский сад / Пусть тебя и пригласят”» (Барто, [1954], 1969–1, 354–355).

«**АКУЛИНА**» – игра в карты.

О нач. 1960-х гг.: «Дережня моего детства находилась... вблизи Михайловского завода... А играли в обычные деревенские игры – ляпки, прятки, колдунчики, вышибалы, цепи кованые... Ещё играли в карты. В коварную “Акулину”, в “дурака”, простого и подкидного... Сидели прямо на крыльце и шлепали картами по золотым и горячим от солнца доскам» (Застырец, 2003).

«**АКУЛЬКА**» – игра в карты, вероятно, то же, что «Акулина».

О девочке 3–5 лет в селе Архангельском бывшей Уфимской губернии в 1942–1944 гг.: «Тетя Дуня родом была с Украины... И пятеро ребят было с ней – Николай, да Васька с Ванькой, да Райка с Маруськой... От печки до горницы полати перекинута, там на всякой рухляди в душном сумраке коротали мы дни зимние, дулись замусоленной пухлой колодой в “акулину” и “пьяницу” с Райкой да Линкой соседской. Васька с Ванькой... поумнее были, играли в “дурака”, а нас не брали в “дурака”, потому как умом никто из нас еще не вышел...» (Сотникова-Ратнер, 2007).

АЛГЕБРА – «Часть математики, изучающая общие законы действия над величинами, независимо от их числовых значений. *Изучать алгебру*» (Словарь, 1950–1, 90); «1. В математике – область изучения свойств переменных числовых величин и общих методов решения задач при помощи уравнений. // Учебный предмет, излагающий этот раздел математики. *Урок алгебры*. 2. Разг. Учебник по этому предмету. [О начале 1840-х гг.:] *В одной руке я держал изорванную... “алгебру” Франкера, в другой – маленький кусок мела. Л. Толстой. Юность*» (Словарь, 1991–1, 131)

О начале 1940-х гг.: «В 6-м классе у нас начиналась алгебра. Для 6–9-х классов был единый задачник Шапошникова и Вальцева» (Баевский, 2006).

О 1950-х гг.: «Иногда мама помогала мне в учебе. Начручивая перед сном волосы на бумажки, она споро решала алгебру. А теперь сам, говорила она. Я канючил: не получа-ается. Мама раздраженно выдергивала папилютки из головы и угрожающе шипела: “Через 10 минут не сделаешь – измордую”. Я решал – через 5» (Каледин, 2007, 53).

АЛЕБАСТРОВЫЕ шарики.

О Свердловске 1960-х гг.: «Алебастровые шарики у меня были, замечательные, гладкие и приятные на ощупь, изначально белые, но с естественным от этой постоянной ошупи серым оттенком. Те же самые, что у Тома Сойера. Те же, что у всех. Не было, наверно, ни одного мальчишки во дворе, чтобы не владел хоть одним. И странное дело, алебастровые шарики служили доказательством реальности не захватывающих приключений в книжке Марка Твена, а как раз наоборот – моей собственной жизни, моих ежедневных историй, горестей и радостей. В этом заключался завораживающий и единственный смысл алебастровых шариков. Каких еще искать им применений? Просто знаем, что они у тебя есть, в кармане или дома, в ящике, полном сокровищ, и чувствуешь: все правильно, трудно, всяко, но правильно... Куда подевались мои алебастровые шарики? Я не знаю ответа. Как-то сами собой исчезли, растворились в течении времени. И не только мои. Куда они все подевались? У нас много чего теперь появилось новенького, исключительно полезного и даже многофункционального... А вот шариков на пороге третьего тысячелетия нам явно всем не хватает. Обыкновенных, алебастровых» (Застырец, 2006).

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ лицей – см. *Лицей царскосельский.*

«**АЛЁНКА**» – молочный шоколад, предмет особой гордости кондитерской фабрики «Красный Октябрь».

Шоколад «Аленка» был разработан по специальному постановлению правительства в 1966 году и сразу же стал эталоном российского молочного шоколада. С тех пор вот уже 40 лет «Алёнка» остаётся одной из самых популярных российских марок шоколада. Отличительная особенность шоколада «Алёнка» состоит в его неподражаемом молочном вкусе. На этикетке – изображение лица маленькой девочки в платке.

О середине 1970-х гг.: «Буфетчица поправляла в витрине покосившуюся плитку шоколада “Алёнка”» (Пивоварова, 1977, 58).

«**АЛЁНУШКИНЫ сказки**» – книга (1894–1897) Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912).

Включает «Сказку про храброго зайца...», «Сказку про Комара Комаровича», «Умнее всех», «Ванькины именины».

О 1910-х гг.: «“Устюша, бросай всё! Идём заниматься”. В руках у меня была целая стопка книг: букварь, “Аленушкины сказки”, книжка для маленьких “Смерть кота” и английский переводной роман “Лэди Анна” с цветными картинками» (Игумнова, 1957, 11).

«“Алёнушкины сказки” – одна из любимых книг маленьких детей» (Алексеева, 1960, 131).

«**АЛЁНЬКИЙ цветочек**» – сказка, приложенная к книге С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» (1858).

«Сказку “Аленький цветочек”, слышанную мальчиком от ключницы Пелагеи, Аксаков запомнил на всю жизнь и впоследствии записал по памяти... “Аленький цветочек”, включённый Аксаковым в его книгу, был результатом сложной переработки фольклорного материала... Аксаков расцветил яркими красками фантазии описание пребывания героини в очарованном царстве, в палатах “чудища”, расширил и углубил изображение внутреннего мира героини, показав нарастание в её душе постепенно, день за днем, чувства жалости, а затем любви и благодарности к “чудищу”. Всего этого не было ни в одном из существовавших вариантов рус. нар. сказки. Следует отметить, что Аксаков заимствовал для разработки своего произв-ия некоторые элементы из сказки фр. писательницы Лепренс де Бомон “Красавица и чудище”... В переработке Аксакова “Аленький цветочек” соединил в себе нац. колорит произв-ий рус. фольклора..., обаятельность и убедительность для читателя-ребёнка образа героини, а вместе с тем увлекательность сюжета и богатство фантазии. Всё это создало сказке неизменный успех в дет. аудитории вот уже на протяжении целого столетия» (РДЛ, 1972, 131–132).

В 1952 году был выпущен мультипликационный (анимационный) фильм «Аленький цветочек», в 1976 году – одноименный художественный (игровой) фильм.

О Шадринске в 1983–1984 гг.: «“Аленький цветочек”. Я помню, как сильно я рыдала над этим мультфильмом. Мне было лет 5–6, в “Спокойной ночи, малыши” показывали этот мультфильм, как раз последнюю часть, когда Алёнушка опоздала к чудищу, и он лёг у раскидистого дерева. Я так горько плакала, что он умер, я вжималась в маму и рыдала. Мне было жаль его – такого доброго, большого, любящего, хорошего. Не было обиды на злых сестёр, были горькие слёзы о его горе. Я напугалась, что он умер и никогда больше не позовет Алёнушку. Мама меня долго успокаивала, утешала, показывала, что вот он оживает, смотри, он превращается в чудесного юношу, и они начинают быть вместе навсегда. Счастливым концом сказки меня успокоил. Я помню, я была удивлена, как Алёнушка живет, а он всё о ней знает и всё видит, как она ходит в туалет. Мне так хотелось быть похожей на Алёнушку, и часто я представляла, что я живу, делаю что-то, ем что-то, а он, невидимый, смотрит на меня, какая я есть. От этой мысли я есть начинала аккуратнее и вести себя доброприличнее... Каждый раз, когда я смотрю этот мультфильм, я плачу, я плачу от чистоты

чувств, которые вижу, я пробуждаюсь сама от сна, обид и глупых мыслей» (1001).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Когда я была маленькой, я очень любила сказку “Аленький цветочек”. Сначала мне её читали родители, а когда я научилась читать сама, то перечитывала её раз за разом. Не знаю, чем именно она понравилась. Может, тем, что в ней добро побеждает над злом, а гл. героиня обрела своё счастье. В этой книге много таинственного, а я люблю тайны. Для меня она была очень интересной и увлекательной, в ней было много красочных иллюстраций. Из неё я поняла, что всё зло наказуемо, а всё тайное становится явным. Нужно к людям относиться с добром, тогда и они тоже будут так относиться к тебе. Любить родных и уметь их прощать. Возможно, благодаря этой сказке я стала такой, как сейчас» (183).

«АЛИ-БАБА» – подвижная игра неизвестного содержания.

О первой половине 1960-х гг.: «Был восьмой час, но в октябре в это время ещё светло. В садике с голыми деревьями бегали и орали девчонки. Они играли в “Али-Бабу”. Витяй посмотрел на них с презрением и стал глядеть в другую сторону» (Минчковский, 1966, 83).

Автор из города Сортавала (Карелия) пишет о начале 2000-х гг.: «Теперь даже в маленьких городишках дети больше не бегают по дворам и не играют в “салочки” или “Али-бабу”. Их лишили... радости свободного, раскованного движения» (Глибова, 2002, 5).

«АЛИСА в Зазеркалье» – см.: «Алиса в стране Чудес»

«АЛИСА в стране чудес», «Алиса в Зазеркалье» – сказочные повести (1865 и 1871) Льюиса Кэрролла (псевдоним Чарлза Лютвиджа Доджсона, 1832–1898).

«В 1909 году Толстой напечатал несколько своих маленьких рассказов и сказок в журнале для детей “Тропинка”. В... журнале [“Тропинка” в 1909 году] на протяжении почти всего года (начиная со второго номера и кончая двадцатым) печаталась “Алиса” Л. Кэрролла в переводе Allegro (П. Соловьевой...)... Журнал сопровождает английскую сказку иллюстрациями Дж. Тенниела... В детской журналистике 1900-х годов “Тропинка” была едва ли не единственным изданием, где могла появиться столь эксцентричная и “неприкладная” вещь, как “Алиса”» (Петровский, 1986, 195).

О 1911–1916 гг.: «Я в детстве страстно любила сказки. Помню ощущение глубокого счастья, когда шла из школы или из библиотеки, а в сумке у меня лежала очередная книга сказок. Идешь – и предвкушаешь: вот сейчас пообедаю, сделаю уроки – и сяду за сказки... Три дня с утра до вечера... я читала [“Сказки тысячи и одной ночи”]... И на всю жизнь запомнила эти сказки. Такое же огромное впечатление произвела на меня в детстве “Алиса в Стране Чудес”. Я и сейчас люблю эту книгу – ту, старую, с теми самыми рисунками, которые подолгу рассматривала тогда» (Воронкова, 1978, 85).

О 1993 году: «Любимые мультики, начиная с 5 лет, были “Ну, погоди!”, “Алиса в стране чудес”. Последняя была моей любимой книгой, и когда у меня появилась её английская версия (а об английском алфавите тогда не было ни малейшего представления), я всё равно была ей безумно рада от сознания того, что она у меня есть» (003).

О 1993 году: «Когда я смотрела мультфильм “Алиса в стране чудес”, то чувствовала, как пухнет и шевелится мой мозг, но оторваться всё равно не могла. Но больше мне нравилось слушать сие произведение на пластинке...» (006).

О 1995–1996 гг. в Шадринске: «Книгу “Алиса в стране чудес” Л. Кэрролла мне подарили на день рождения. Там были большие картинки и интересные, запоминающиеся персонажи. Читала несколько раз» (069).

О 1997–1999 гг.: «В детстве моими любимыми сказками являлись “Алиса в стране чудес”, “Алиса в зазеркалье”, “Золушка”. Я хотела быть, как Алиса, мечтала попасть в Зазеркалье, в чудесный сад за маленькой дверью, в яму, в которой нужно долго лететь, встретить Чеширского кота, подняться по длинной лестнице. Я верила, что когда-нибудь это всё равно

исполнится. Иногда я подходила к зеркалу, приставляла к нему руки и пыталась проникнуть внутрь или хотя бы разглядеть там что-нибудь интересненькое...» (565).

АЛКОГОЛЬ – вино, спирт, спиртные напитки.

Употребление алкоголя детьми, подростками.

О 1908–1914 гг.: «[Доктор А.М. Коровин осенью 1908 г. в Московской губернии, обработав] материалы опроса почти 23 тыс. учащихся, проведенного в 358 сельских школах, ...выяснил, что употребляют алкоголь 67,5% мальчиков и 46,2% девочек. В возрасте 7–8 лет число пьющих мальчиков составило 61,2%, девочек — 40,9%. С повыш. возраста оно увеличивалось. Гл. инициаторами употребления алкоголя были родители детей. Обследование, проведенное Саратовским уездным земством в пятнадцати крупнейших школах уезда в 1912 г., показало, что из мальчиков знакомы с алкоголем 79%, из девочек — 48,5%. Знакомство с алкоголем у некоторых начиналось с пяти лет, у осн. массы школьников с 8 до 10 лет. Наибольшее число детей получало угощение от родных по случаю свадеб и праздников. Приблизительно такие же данные были выявлены в рез. неоднокр. опросов учеников нач. школ в разных городах и губ. России. (Исключение составил Петербург, где цифры были самыми впечатляющими, – в гор. нач. училищах оказалось 94% мальчиков и 91% девочек, употреблявших водку.) Среди русских школьников к началу мировой войны по разным губ. число пьющих колебалось: у мальчиков – 65–83%, у девочек – 45–79%. Сельский учитель Псковской губ. так описывал пьянство детей в деревне: “Пьянство развито безусловно среди крестьянских детей (даже дошкольного возраста). Дети пьют, не стесняясь ни родителей, ни посторонних, во время воскресных гуляний, во время “богомолений”, храмовых праздников; пьют порой допьяна, наравне с родителями» (Балашов, 2003, 76).

О 1924–1927 гг.: «В одной из нач. сельских школ Волоколамского уезда Московской губ. в 1923–1924 учеб. году были опрошены учащиеся ст. групп. Как выяснилось после обработки анкет, все они без исключения знали вкус алкоголя, 90% выпивали периодически по инициативе взрослых, половина из них начала пить с 4–5 лет, другая половина – с 6–8 лет (некоторые отметили, что взрослые иногда дают выпить “для крепости” и грудным детям). На вопрос “зачем употребляли алкоголь?” большинство отвечало: “для праздника”, “для здоровья”, “с устатку”. На вопрос “могут ли отказаться от угощения?” половина школьников заявила, что боятся отказаться, так как “папенька с маменькой будут бить” и родные осмеют... Группа педагогов провела в 1924 г. обследование домашнего быта детей из дошкольных учреждений Москвы. Обследование выявило, что дети 5–6 лет пьют вино, брагу, вино и даже самогон. Поили детей родители: “чтоб был крепче”, “все пьют, как же и малому не выпить”, “за компанию”, “чтоб не отставал от больших”, иногда “потехи ради” (“смешно, как малый пригубляет”). Маленький мальчик рассказывал педагогу, что такое брага и как её готовят. Он пил её каждое воскресенье. В играх дети изображали то, что “всамделишно” переживали дома. Весьма популярна была игра в выпивку: дети “пили”, падали “пьяными” и укладывали “пьяных” спать. В одном детском саду дети приглашали воспитательницу принять участие в этой игре: “Ты присядь с нами, выпей, нельзя отказываться, когда зовут”. Анкетный опрос учащихся (с преобладающим составом детей рабочих и ремесленников) школы-семилетки Краснопресненского р-на Москвы в 1925 г. показал, что среди школьников разных возрастов пьющих – от 70 до 90%. Пили водку, наливку, вино, пиво, гл. образом, по праздникам. Некоторая часть детей пила регулярно вместе с родителями... Из опрошенных весной 1926 г. 280 учащихся пятых классов другой московской шк. более 88% заявили, что знакомы со спиртными напитками. Выпивали ежедневно 9,3% детей, получали угощение по воскресеньям 25%, а по праздникам – 69,3%. Более трех четвертей выпивающих школьников признались, что напитки им нравятся, и только 8% ответили, что нет. На вопрос “кто причащает к

алкоголю?» в большей части ответов назывались: отец и мать (81%), родные (13,8%). Впервые попробовали алкоголь в 5–6 лет 21% детей, в 7–9 лет – свыше 45 %. ...Обследование в 1926–1927 гг. детей, поступавших в одну из школ в центре Твери, по преимуществу из семей так называемых “советских служащих” выявило совсем другую картину. Среди них случаи употребления даже легких вин и пива составили не более 4–5%» (Балашов, 2003, 77–79).

О 1930 годе: «Собираясь друг у друга, ребята играют “во флирт”. Читаются стихи Надсона или... слышны... стихи Есенина... Это читает... парень с красным галстуком на шее. Девчата заводят альбомы... Устраиваются вечера с вином. После одного такого вечера в группе была перехвачена записочка: “Как ты себя чувствуешь после социалистич. попойки?”» (Пионер. Орган ЦБ дет. комм. орг-ции им. В.И. Ленина при ЦК ВЛКСМ. Отв. ред. И. Разин. 1931, № 1 – С. 17).

О Москве в 1931–1932 гг.: «На первом её [школы] этаже в те годы постоянно гудели токарные и слесарные станки – примета обязательного трудового воспитания. Оно не мешало царившему в школе хулиганству и даже случавшемуся пьянству. История о двух погибших мальчишках, выпивших по бутылке спирта в подвальных школьных уборных и там же скончавшихся в муках отравления, долго преследовала мое перепуганное воображение» (Старикова, 2003, 240).

О начале 1960-х гг.: «Одна старшеклассница из Краснодара рассказала мне: “На школьные вечера ребята ходить не любят... У нас директор сначала все пластинки прослушает, а потом отберет штук шесть вальсов и краковяков – танцуйте. А в десять – все по домам. Ну, мы идем к кому-нибудь домой, у кого квартира побольше и мама добрее, – и дотанцовываем. А иногда и вина бутылку выпьем. Что особенного? Не маленькие”» (Матвеева, 1966, 12).

О девятиклассниках в середине 1970-х гг.: «...Вечер у метро “Войковская”, середина семидесятых годов, мы, девятиклассники, бредем с Левоу Кучаем в зимней толпе, мимо желтых витрин. После бутылки дешевого... портвейна “Кавказ”, распитого на скамейке в парке у кинотеатра, качает, и уже начинает подташнивать. Состояние и сладкое, и тревожное: ты попадаешь в другую плоскость мира, где всё возможно: и воплощение главной мечты – знакомство с ласковыми девушками, и... встреча со стайей шпаны, и совсем катастрофическое – попадание под руку милиции... Выпивка на улице – или путешествие по городу после выпивки – несёт в себе все черты настоящего асипа. Сборы компании, переговоры... подсчеты денег; затем – марш-бросок по магазину (там – слишком большая очередь, там – слишком дорого...). Наконец, отдаленная скамейка в парке – зубы на пробке... – *чок!* – винный дух в ноздри... И широкий жест: первый глоток – другу! ...Он – не отхлебывает, а льет... струёй прямо в горло... Но вот бутылка с мутно-бордовым счастьем у тебя – и огромный глоток холодного и обжигающего, сладкого и отвратного *напитка* прорывается в горло... Тут надо срочно, иначе не тот кайф, закурить сигарету...» (Бараш, 2006).

АЛЫЕ ПАРУСА – образ из повести А. Грина «Алые паруса», ставший «романтическим архетипом» подростково-молодежного сознания. Алые паруса – символ обоснованности надежд на осуществимость романтических идеалов чистой любви в реальной жизни вопреки доводам логики косного повседневного существования.

См.: «Алые паруса» (песня), «Алые паруса» (повесть); «Алый парус» (рубрика газеты).

О 2000 г.: «Моей любимой книгой была “Алые паруса”. Впервые я прочитала её примерно в 9–10 лет. Эта книга меня очень потрясла в то время. Я даже помню, что, прочитав книгу, я заплакала. Может быть, я и не до конца понимала, о чём там было написано, но эта книга оставила у меня какую-то грусть, печаль на душе» (178).

«АЛЫЕ ПАРУСА» – романтическая повесть (1923) русского писателя Александра Грина (псевдоним; настоящая фамилия Гриневский) (1880 – 1932). По

повести «Алые паруса» созданы одноименный балет (1942) и фильм (1961).

О 2000 г.: «Моей любимой книгой была “Алые паруса”. Впервые я прочитала её примерно в 9–10 лет. Эта книга меня очень потрясла в то время. Я даже помню, что, прочитав книгу, я заплакала. Может быть, я и не до конца понимала, о чём там было написано, но эта книга оставила у меня какую-то грусть, печаль на душе» (178).

«АЛЫЕ ПАРУСА» – распространённое название пионерских лагерей в 1960-е – 1980-е годы. Название отсылает к романтической повести А. Грина «Алые паруса».

О середине 1970-х гг. в Челябинской обл.: «После первого класса меня сослали в пионерский лагерь. Огромная территория пионерлагеря “Алые паруса” была “прошита” кумачовыми лозунгами» (Кумейко, 2007–2).

«АЛЫЕ ПАРУСА» – песня, слова и музыка Владимира Ланцберга (1948–2005), включающая реалии повести А. Грина «Алые паруса» и бытующая в подростковой среде фактически в фольклорном режиме с конца 1960-х гг. по 1990-е гг.

Авторский текст: «А зря никто не верил в чудеса... / Но вот однажды, летним утром рано / Над злой Каперной алые взметнулись паруса – / И скрипка разнеслась над океаном. / Глаза не три, ведь это же не сон, / Ведь алый парус вправду гордо реет / Над бухтой, где отважный Грэй нашел свою Ассоль, / Над бухтой, где Ассоль дождалась Грэя. / А рядом корабли из дальних стран / Тянули к небу мачты, словно руки./ И в кубрике на каждом одинокий капитан / Курил, вздыхал и думал о подруге. / С любимым легче волны бороздить, / И соль морскую легче есть на пару, / Ведь без любви на свете невозможно было б жить, / И серым стал бы даже алый парус! / И стал бы серым даже алый парус!» (1966 г.)

Фольклоризированный текст песни (три строфы изменены, одна устроена, две добавлены): «Ребята, надо верить в чудеса: / Когда-нибудь весенним утром ранним / Над океаном алые взметнутся паруса / И скрипка пропоет над океаном. / Не три глаза, ведь это же не сон, / И алый парус правда гордо реет / В той бухте, где отважный Грэй / Нашел свою Ассоль, / В той бухте, где Ассоль дождалась Грэя. / С друзьями легче море переплыть / И есть морскую соль, что нам досталась, / А без друзей на свете было б очень трудно жить, / И серым стал бы даже алый парус. / Узнаешь зло, без этого нельзя, / Ведь люди не всегда бывают правы, / Но зла вы никому не причиняйте никогда, / И пусть не станет серым алый парус. / Когда-то где-то счастье ты найдёшь, / Узнаешь Грэй и Ассолью станешь. / В свою мечту ты веришь и её ты не предашь. / Гори, гори под солнцем алый парус» (1980-е гг.).

О 1998 годе: «Песню “Алые паруса” (“Ребята, надо верить в чудеса...”) мы учили в лагере “Приморский” в Анапе, когда мне было 12 лет. Мне очень нравилась эта песня, потому что в ней утверждалось, что чудеса существуют, мечты сбываются, надо только верить и ждать. Мы пели эту песню даже у себя в комнате, а не только вместе со всеми в холле, когда заставляли вожатые» (111).

«АЛЫЙ ПАРУС» – тематическая страница (для старшеклассников) газеты «Комсомольская правда».

«Страница для старшеклассников» «Алый парус» появилась в «Комсомольской правде» в 1963 году. В первом выпуске «Алого паруса» была помещена статья «Слово коммунар!».. Какое-то время страница выполняла функции периодического печатного органа коммунарского движения.

О конце 1970-х гг.: «Однажды “Алый парус” обратился к ребятам “из подворотни” с просьбой написать о себе. В ответ пришло около тысячи писем... Вот что пишет в “Алый парус”... девятиклассница из Волгограда Лика З...» (Мудрик, 1981; 53, 57).

АЛБОМ ДЕВИЧИЙ – тетрадь (обычно с большим количеством листов – более 24–36), в которой девочка 10–15 лет делает записи и предлагает делать записи другим.

Русский девичий альбом ведет свое начало, по-видимому, от русского домашнего альбома. Последний возникает во второй половине XVIII века, а уже к 1800–1810 гг. «складывается целая альбомная культура, ее специфическая изобразительная символика и устойчивый лит. репертуар, включавший в себя дружеские послания, мадригалы, попул. романсы, моралистич. изречения и разнообразные прозаические выписки» (Ханютин, 1989, 197). В первой половине XIX века происходит разделение альбомной культуры на два «уровня». Первый «поток» – элитарный литературный альбом. Хотя к 1850-м годам интерес к «элитарному» лит. альбому падает (Ханютин, 1989, 198), все же сам феномен такого альбома сохраняется вплоть до XX века: достаточно упомянуть знаменитый альбом К.И. Чуковского «Чукоккала». Второй «поток» – альбом как феномен массовой дворянской культуры. Вероятно, количественно преобладающей разновидностью такого альбома становится альбом девицы. Вот как описывает его П.Л. Яковлев: «В 8-ку. Переплет обернут веленовою бумажкою. На первом листке советы от матери, – стихи французские, английские, итальянские; выписки из Жуковского, много рисунков карандашом. Травки и сушеные цветы между листами» (Цит. по: Лотман, 1980, 242). Описание альбома живущей в провинции дворянской девушки – начала XIX века – содержится в XXVIII–XXIX строфах 4-й главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: «Конечно, вы не раз видали / Уездной барышни альбом, / Что все подружки измарали / С конца, с начала и кругом... / Тут непременно вы найдете / Два сердца, факел и цветки; / Тут верно клятвы вы прочтете / В любви до гробовой доски...».

На уровне «массовых» альбомов к середине XIX века «сохраняются безыскусность, дилетантизм, домашний тон, характерный для ранних образчиков жанра» Автор данной характеристики, А. Ханютин, в следующем отрывке, с одной стороны, излагает предположительный путь эволюции массовой альбомной культуры в XIX – начале XX вв., а с другой стороны, справедливо указывает на полную незнученность данного феномена: «Изменение общественного вкуса минует страницы массового альбома. Здесь идет своя медленная эволюция, связанная с проникновением альбома в культурную жизнь социальных групп более низкого ранга. О том, как протекает эта эволюция, как менялся в это время репертуар альбома, мы почти ничего не знаем. Можно предположить, что важную роль в распространении альбома сыграли женские и отчасти мужские учебные заведения. Еще в 1820–1830-е годы пансионерские альбомы составляли наиболее распространенный и наиболее типичный вид массового альбома. Пансионы, женские гимназии, курсы, бывшие (особенно в конце XIX столетия) местом сословного смешения, видимо, и стали основным каналом трансляции альбомной традиции от привилегированных социальных слоев к слоям с более низким социальным и культурным статусом» (Ханютин, 1989, 198–199).

Об альбомах воспитанниц институтов благородных девиц некоторое представление можно составить по лит. произв-ям. Так, в повести М.Н. Воскресенского «Сердце женщины» (1842 г.) приводится запись в институтском альбоме: «На последнем я листочке / Напишу четыре строчки / В знак дружества моего / Ах, не вырвите его!» (Цит. по: Белоусов, 1992, 132). Другое свидетельство о внешнем виде и содержании институтских альбомов содержится в повести А. Бруштейн «Дорога уходит в даль...» в которой, в частности, описывается вильновский женский институт 1890-х годов: «Сейчас все девочки очень увлечены писанием друг другу стихов в альбом... У всех девочек есть альбомчики – бархатные, кожаные, всякие. В углу каждой страницы наклеены картинки. Есть альбомчик и у меня – синенький, славенький, но полный... стихотворной дребедени, вписанной руками моих одноклассниц... Нас... подружки особенно осаждают просьбами написать им что-нибудь в альбом: мы знаем много стихов, – правда, все больше неальбомных. Мы часто и пишем стихотворения, не предназначенные авторами для альбомов, но красивые,

хорошие стихи. И хозяйки альбомов обычно очень этим довольны» (Бруштейн, 1963, 345–346). Это всё, пожалуй, что известно на сегодня об альбомах институток.

Вот еще одно описание гимназического альбома начала XX века: «Подруги перечитывали старенький гимназический альбом в зеленом бархатном переплете – забавное воспоминание о первом классе, когда у всех были такие альбомы... “Оля – золото с гранатом, / Оля – жемчуг с бирюзой, / Оля – дышит ароматом, / Оля – ангел милый мой. От твоей школьной подруги Л.”... Она снова склонилась над альбомом с нелепыми стихами далекого, странно-невинного прошлого... (Слезкин, 1922, 66–67). Обобщенную характеристику альбомов конца XIX–начала XX века дают В.В. Головин и В.Ф. Лурье: «Альбомы гимназисток конца XIX – начала XX века еще достаточно строги в своей орг-ции, многие из них открываются советом матери, включают аллегорические рисунки, четкие символы цветов, рисованных игральных карт и обязательные кладбищенские сцены. Доля альбомных поэтических штампов в них не так высока, часто встречаются многострочные авторские стихи хорошего поэтического уровня, хотя и в рамках типичных альбомных сюжетов... В альбомных стихах ощущается влияние как модной, так и программной поэзии. Часто цитируются Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Фет, Тютчев, Полонский, Апухтин, Бальмонт и особенно Надсон. Много строк из попул. фортепианных романсов. Альбом гимназисток не был лишен и прозы: ее можно определить как экзальтированные стихотворения в прозе с сентимент. лексикой гимназисток, характерными гимназич. прозвищами: “Голубка моя Серка, в те часы, когда я с тобой говорила, когда мои мысли и стремления находили отзвук и сочувствие в твоей душе, я была бесконечно счастлива...”» (Головин, Лурье, 1998, 269–270).

Альбомы вели и девочки, воспитание которых не было связано с институтами и гимназиями. Читаем о ёлке в начале 1900-х гг.: «Нас позвали на елку к Мыльниковым... У них мальчик Павлик и девочка Таня, которую домашние зовут почему-то Гулей... Пока не собралась гости, Гуля занимает нас, как любезная хозяйка. Она принесла альбом с золотым обрезом и надпись: “На память”. Просит нас написать что-нибудь. Я в нерешительности перелистываю страницы, высматриваю, нельзя ли что-нибудь списать. На первой странице старательно выведено крупными буквами: “Пишите, милые подружки, / Пишите, милые друзья, / Пишите, все, что вы хотите.– / Все будет мило для меня!” На следующей странице наклеена лаковая картинка: голубь несет в клюве громадную розу. Под голубем написано с двумя грамматическими ошибками, которые я тотчас заметил: “Всегда вперед, назад ни шагу, / Запомни это на всегда. / И, затаив в душе отвагу, / Не падай духом никогда! 24 мая, в 6 часов вечера Мила Прозорова, ученица 2 класса”. Дальше шли стихи не хуже этих: “Если хочешь быть счастливой, / Кушай больше чернослива, / И от этого в желудке / Разведутся забвудки...” И ещё: «Много есть примет на свете, / Всех примет не перечешь, / Но в одну приметку верю: / Весел – значит деньги есть!» Один уголок в альбоме загнут и даже зашит ниточкой. Надпись на загнутом уголке гласит: “Секрет на сто лет”. Впрочем, несмотря на ниточку, “секрет” легко можно подглядеть. Там написано: “Кто прочтет секрет без спроса, Тот останется без носа”. На последней странице альбома чай-то размашистый почерк извещал: “Кто любит более тебя, / Пусть пишет далее меня”... Я знал, что в альбомы надо писать по-особенному, как нигде больше не пишут. И, уж во всяком случае, писать так, как никто и никогда не говорит. Пока я вспоминал стишки, слышанные мною от Лизы, Глеб примостился к столу, для начала поставил большую кляксу и написал: “Однажды в студеную зимнюю пору / Я из лесу вышел. Был сильный мороз. / Гляжу, поднимается медленно в гору / Лошадка, везущая хворосту воз. Глеб Чердынцев”. Никто не понимал, при чем тут “лошадка, везущая хворосту воз”, но Глеб был собою доволен. Гуля промокнула кляксу и поблагодарила Глеба. “Теперь вы”, – сказала она и,

совсем как взрослая, поправила платье. Я обмакнул перо и храбро начал: “Ты хочешь знать, кого люблю я? / Его нетрудно угадать!” Нужно было написать четыре строчки так, чтобы, если прочтешь первые буквы сверху вниз, получилось: «Т е б я». Я вовсе не хотел сказать, что люблю Гулю. Просто так полагалось писать в альбом. На мое несчастье, я забыл две последние строки... Я совершенно растерялся и только делал вид, что прочищаю перышко... Тогда я решился! Я макнул еще раз в чернильницу перышко и вместо третьей и четвертой строк поставил только буквы: Б..... / Я..... И затем подписался, проставив месяц, число, год и даже время: девять часов вечера. “Я знаю, кого он любит!... – кричал, прыгая и кривляясь, Павлик» (Четвериков, [1927] 1981–1; 43–44, 55–57).

Пора институтских и гимназических альбомов закончилась в 1918–1919 гг. Однако девичьи альбомы перенесли испытание революцией.

Об альбоме 14–15-летней девочки 1918–1919 гг.: «Юлька скрыла от Рябинина одну тетрадку, – ей было стыдно показать ее, потому что это был альбом. У всех девочек в школе были альбомы. Девочки приставали ко всякому: “Напишите мне что-нибудь в альбом. Только хорошее”. На первой странице Юлькиного альбома рука председателя детгруппы Ванечки Митяева вывела четкими, большими буквами жирно и размашисто: “На память по совместной работе в горкоме детгруппы – Юле”. “Твою я просьбу исполняю, / В альбом пишу листочек сей: / Будь стойким, честным коммунар / И защитой республику труда. / Писал бы больше, да нечего. И. Митяев”. На следующем листке девочки из детдома, в котором Юлька была представителем горкома, написали ей коряво и с кляксами: “Милая! дорогая Юлечка. Тебя мы, все девочки детдома № 1, любим и уважаем за твою ласку и отношение. Любим тебя лучше, чем своих воспитательниц, и целуем тысячу раз. Шура, Поля, Оля, Шура, Маруся, Вера, Соня, Зина, Даша, Таня, Лена, Варя”. Целую страницу заняло нравоучение Сашки Хнылова, вихрастого комсомольца, штатного оратора в детгруппе: “В продолжение жизни твоей желаю тебе всего наилучшего. Желаю стать образованным человеком, хорошей коммунисткой и общественной деятельницей, дабы принести пользу”, – и т. д. и т. д., с многими “дабы” и “ибо”. А поэт группы Костя Чукалов написал ей: “Учись, трудись, работай – люби науку, любви и труд. / Борис с невзгодой за бедный весь ты люд”. Надписей в таком роде было много. Когда писали ей в альбом, Юлька заглядывала через плечо писавшего и волновалась: “Только не глупости пиши, а дельное что-нибудь!” И если это были “глупости” – о любви или в этом роде, она беспощадно вырывала страницу. Над многими записями она останавливалась в нерешительности. Они нравились ей своей красотостью, но ее мучила мысль: не “глупость” ли это? Особенно много в этом духе писали девочки: “Пусть жизнь твоя течет спокойно, / Усыпанная тысячьо цветов, / И пусть всегда живет с тобою / “Надежда”, “Вера” и “Любовь”. Зоя”. Первые строчки очень нравились Юле, и ради них она простила конец. Юлька любила цветы, и тут она была упорна... А это писали ей в альбом девочки: “Расти, как пальма, горделиво, / Цвети, как розы цвет”. Или: “Ты прекрасна, точно роза, / Только разница одна: / Роза вянет от мороза, / Ты же, прелесть, никогда”. Или: “Пусть сумрак, что на сердце так долго лежит, / Как летняя ночь, пролетит”. И много еще в этом духе – о фиалках, о волнах, о тучах, о лучах. Альбом благоухал, и, перечитывая его по вечерам, Юлька тоскливо осматривала свою маленькую комнатку, в которой сгрудилась вся их семья – мать, она и две сестрички. Тесно мы живем, – вздыхала Юлька, – и некрасиво!» (Горбатов, 1968, 150–152).

В книге 1928 г. встречаем следующее описание: «Голос Люли, – читает, вероятно, по писаному: “Незабудку голубую ангел с неба уронил, для того, чтобы родную я навеки не забыл...”. Вот еще миленькие стишки...: “Пишу тебе в альбом три слова: живи, цвети и будь здорова”. А вот тут, гляди, ангельчик. Смотри, крылья какие хорошенькие. Ангельные картинки труднее всего

теперь доставать”... Альбом с институтскими стишками, с “ангельными картинками” – в нашей школе? Что за наваждение? Неужели альбом пережил революцию и реформу школы?» (Григорьев, 1928, 70–71).

О 1930 году: «Пышно и ярко, гераневым цветом цветет кое-где мещанство. Собираясь друг у друга, ребята играют “во флирт”. Читаются стихи Надсона или при лампе слышны вполголоса читаемые стихи Есенина... Это читает здоровый парень с красным галстуком на шее. Девчата заводят альбомы. В альбомы подруга и друзья пишут стихи. Мы открыли альбом Нади В., ученицы 7-й группы одной из московских ФЭС: “Надя роза, Надя цвет, / Надя розовой букет. / Если Надию не любить, / То зачем на свете жить? / Петя Старостин”. Устраиваются вечера с вином...» (Пионер. Орган ЦБ детской коммунистической орг-ции им. В.И. Ленина при ЦК ВЛКСМ. Отв. редактор И. Разин. 1931, № 1 – С. 17).

Девичьи альбомы 1930-х годов (с их «монолитным, стройным и в достаточной степени гнусным» мировоззрением, укоренившимся «на девятнадцатом году революции в сердцах и умах... школьниц») рассматриваются в статье К. Чуковского. «Конечно, клеветником на советских детей был бы тот, кто сказал бы, что такие альбомы представляют собою бытовое явление, – оговаривается автор. – Но и музейной редкостью их тоже невозможно назвать... Стихи, наполняющие “Альбом для любви и страдания”, несомненно, достались этим... девочкам в наследство от их теток, матерей, пожилых сестер и т. д.» (Чуковский, 1989, 1; 441–466).

Если о девичьих альбомах дореволюционного периода мы могли лишь читать чужие свидетельства, то с альбомами 1918–1940-х годов мы имели возможность ознакомиться вочию. Вот некоторые черты альбомов данного периода.

1. Важную роль в альбомах 1918–1940-х гг. играют как прямые обращения к хозяйке альбома, так и вообще записи, предназначенные персонально ей. Как правило, все эти записи заканчиваются подписью. «На память!!! Учиться, Ниночка, старайся, к урокам повнимательней ты будь. В урок другим не занимайся, что зададут, то исполняй. Писала твоя сестра» (запись 1918–1919 года; Борисов, 1997, 90); «На память Нине!! Нина розочка цветочек! Нина ландыш у ручья! Нина белый голубочек! Нина душечка моя! Писала писачка по имени собачка... уч. 1-го клас. 10-й школы К.Р.» (запись 1918–1919 года; Борисов, 1997, 90). «Учися, Фаничка, учися, / Все пятерки получай / Не встречайся с единицей / И меня не забывай!... Алферова. Твоя соученица Поля А.» (запись 1930–1931 гг.; Борисов, 1997, 93); «Милая Нэта, учись и живи, / Много годов у тебя впереди. / Вырастешь, Нэта, и будешь большой. / Все пригодится тебе, дорогой» (альбом 1949 года; Борисов, 1997, 99)

2. В альбомах 1918–1940-х годов встречаются сообщения, зашифрованные первыми буквами. «На память. Дайте кисти, дайте краски, я срисую ваши глазки, их оставлю у себя. П. Т. З. Н. Конева 20 февраля» (запись не датирована, на предыдущей странице – запись от 1920 года; Борисов, 1997, 91); «На память Фане!!!... Комарова Юля. П. Т. И. А. Д. Н.» (запись 1930–1931 гг.; Борисов, 1997, 94); «Нэта от В.П. Лучше вспомни иногда, чем никогда П. Я. П. В. Л. Т. Д. М. И. Н. З. Н.» (запись 1949 года; Борисов, 1997, 103). В последнем случае с учетом контекста запись предположительно может быть расшифрована следующим образом: «Помни, я, Прямоносова Валя, люблю тебя до могилы и не забуду никогда».

3. В альбомах 1918–1940-х годов можно встретить упоминания ангелов, а также нарративы, сюжетно-тематически связанные с дореволюционным временем. «Вера ангел! / Вера цвет. / Вера розовой букет. / Вера лента голубая! / Не забудь меня, родная» (Из альбома 1918–1923 гг., цит. по: Головин, Лурье, 1998, 271) «Ангел летел над покровом, / Нэта в то время спала. / Ангел сказал ей три слова: / Нэта, голубка моя» (запись в альбоме 1948 года; Борисов, 1997, 100). «Чай. Раз прислал мне барин чаю / И велел его сварить, / А я отроду не знаю, / Как проклятый чай варить. / Взял я все на скорую руку / Чай весь всыпал в котелок, / На приправку – перцу, луку / И петрушки корешок. ... /

Вижу, барин расхохотался, / Меня в горницу позвал. / В волосы мои вцепился / И таскал меня, таскал...» (Из альбома 1949 года; Борисов, 1997, 104). Также в альбомах 1920-х – 1930-х гг. встречаются песенные жанры ушедшей эпохи (дореволюционный «жестокий романс», нэповская «блатная песня» – «Маруся отравилась», «Мурка», «Гоп со смыком»), в альбомах 1930-х – 1940-х гг. присутствуют злободневные официальные военно-политические песни («Орленок», «Москва – Пекин», «Партизан Железняк») и песни из кинофильмов («Футболисты», «Ходит по полю девчонка», «Жил отважный капитан»). При этом в них практически отсутствуют так называемые «самодеятельные», «дворовые» песни о любви.

О 1941–1942 гг.: «Ася потащила [Галю] в другую комнату, где жила Ирма Пересыпкина. “Пойдем, пойдем. У неё чудный-пречудный альбом”... С явной неохотой подав им альбом, [Ирма] отошла в сторону. Альбом был большой, внушительный. На тёмно-зелёном фоне красовалась алая роза, углы корочек прятались под узорным золотым колпачком. Ася осторожно откинула плюшевую корку. На розовом тяжёлом листе глянцевого бумаги было четко выведено: “Дорогой внучке Ирмочке”. Дальше пошли картинки: девочки в воздушных платьях и золоченых туфельках, мальчики с бантиками на шелковых чулках, вперемежку с ними – необыкновенно яркие цветы, гномы, деды-морозы и голуби, державшие в лапах конвертики, перевязанные ленточками. Картинки были наклеены то справа, то слева. Для записей оставалось много места... [Галю], как и Асю, ослепило это дешёвое великолепие... [Ирма] сказала, что это очень дорогой альбом, его делали ещё в старое время... “А кому ты дашь писать?” – спросила Галя... Бабушка советует подождать года два, а то сейчас девочки “набалакают” как попало. “Два года! – ахнула Галя. – Тогда лучше уж самодельный альбом! Его не жалко. А здесь клякнешь, и кок...” “Что “кок”?” “Ну, кок. Знаешь, яйцо, его кокнешь, и всё”. “Тебе завидно...”. Галя засмеялась нарочно громко. “Завидно? Вот уже нисколько не завидно. У меня свой есть альбом. И картинки есть. И могу сделать ещё, сколько угодно. Верно, Ася?...” “Ты заходи, – сказала Ася, проводив [Галю] до дверей. – ...Я свой стишок тебе напишу в альбом. Я умею”, – прибавила она тихо» (Рожественская, 1960, 22–23).

Из дневника десятиклассницы в Котласе в 1942 г.: «6 февраля. Может быть, некоторым взрослым и смешно, что мы сейчас завели альбомы – такие маленькие альбомы из половинки тетрадей. Конечно, в гимназиях писали разные слащавые стишки про какие-нибудь там незабудки, цветочки. А ведь мы просто хотим друг другу что-то оставить на память и пишем очень даже полезные стихи» (Вещезерова, 1999, 15).

О второй половине 1940-х гг. в г. Свердловске: «...Сестра... принесла альбом подружки. На каждой странице, возле красиво и четко выведенных стихов, вились венки ромашек, в углах были нарисованы розы или букеты ландышей, а на некоторых углах были “секретки”. “Секретка” устраивалась так: угол загибался и закреплялся в прорези или – еще более искусное устройство – прижимался пропущенной через две прорези и завязанной в бантик лентой. Сверху обычно писалось предостережение и заклинание ни в коем случае не вскрывать “секретку”, чтобы не узнать чужой тайны. Конечно же, все нарушали этот запрет и, открыв, узнавали довольно нелестное мнение о себе, изложенное в рифму. В некоторых “секретках” при вскрытии обнаруживались загадочные тексты из сокращённых или перевернутых и перемешанных слов, смысл которых невозможно было угадать, но угадывать было приятно. В альбоме этой девочки они вместе с сестрой насчитали более шестидесяти стихотворений... В письме содержались глупости, почерпнутые из альбомов..., хорошо знакомых ему...; что-то про розу, которая вянет и страдает, а прекрасный принц никак ее тоски не разгадает. Он с удовольствием ответил ей в той же манере незыблемых альбомных образов. Нечто про

цветок, который мнил себя розой, а оказался репейником» (Дробиз, 2004).

О начале 1950-х гг.: «Интересный факт... можно привести из опыта классной рук-цы VI класса семилетней школы № 11 г. Тулы А. В. Шариковой. “Как-то Агния Васильевна заговорила об альбомах, которые нет-нет да и заводят ученицы ее класса. Пустые стишки, украшенные сердцами и стрелами. Ира, вожатая отряда, задумалась. И вот в VI Б появился альбом – с цветными глянцевыми страницами. Лучшие художницы отряда написали на обложке: “Дневник внеклассного чтения”. Дневник стал ходить из рук в руки. Страница за страницей стали рассказывать, что класс читал и что особенно полюбил. Были тут русские классики и советские писатели. О мещанских альбомах со стихами “на память” и речи не стало” [Яковлева К. Содружество // Комсомольская правда. 1951, 9 октября]» (КР, 1957, 152).

В конце 1950-х – 1960-х годах происходит изменение в тематике песенников. Возникает тема дружбы и любви между мальчиком и девочкой. Описание одного из альбомов начала-середины 1960-х годов можно встретить в повести В. Орлова «Происшествие в Никольском»: «Тетрадка, общая, в клеточку, была... чрезвычайно знакома Вере... Тетрадки эти, по примеру некоторых старших учениц... Вера с Ниной завели... года четыре назад... Волновались, тянули жребий, кому чью фотографию наклеить на обложку. По неписаной традиции полагалось, чтобы в классах одного возраста на тетрадках у девочек фотографии были обязательно разные. В тот год особенно ценились Муслим Магомаев, Бруно Оя, Софи Лорен и хоккеист Рагулин. Нине... повезло – ей выпала Софи Лорен... Тетрадь Нины... на первом листе имела название «Альбом для души, или Возраст любви и дружбы» с меленько написанным эпиграфом...: «Эта книга правды просит. Не люби, который бросит». Дальше шли стихи, взятые из книжек и тетрадей подружек и записанные с пластинок слова модных в ту пору песен... Через каждые несколько страниц текста попадались подклеенные фотографии артистов и... кадры из «Советского экрана». После стихов и песен шли разделы о поцелуях, о дружбе, о любви и о различиях между любовью и дружбой. Аккуратно были списаны Ниной образцы посланий к мальчику. И на случай любви удачной, и на случай любви неразделенной. Вера... наткнулась на знакомые ей пункты отличий любви от дружбы, много их было, и все схожие: «Если мальчик может делать уроки, оставшись в одной комнате с девочкой, значит это дружба. Если же уроки у них не получаются, значит, это любовь... Боже ты мой, какая это была чушь!... А тогда верили во всё... волновались, перечитывая свои глупые тетради...» (Орлов, 1975, 214–216).

К концу 1960-х – середине 1970-х годов, как представляется, складывается «новый» девичий альбом-песенник. Речь идет о возникновении и закреплении ранее отсутствовавших жанров: рукописного девичьего рассказа о любви романтико-трагического и романтико-авантюрного содержания; стихотворного рассказа о любви («Зависть», «Стрекоза»); правил («законов») любви и дружбы; «теорем любви», «формул любви», «любовных квазиаббревиатур», «акrostихов», «адресов любви»; «лекций профессора» (о любви). Характерно, что ни один из этих жанров не указан в вышеприведенных описаниях альбомов В. Орлова и Э. Пашнева. Помимо собственно девичьих жанров, в альбомы 1980-х годов попадает такой «обоеполый» жанр как «школьные термины». Следует упомянуть, кроме всего, тексты эротического содержания (рассказы, басни, куплеты, загадки).

1960-е–1980-е годы – период расцвета «новой» девичьей рукописности. 1990-е годы отмечены тенденцией к упрощению жанрового состава альбомов-песенников. Это связано, возможно, с развитием «индустрии девичьей культуры» (куклы «барби», книги и журналы о них, появление специализированных девичьих журналов, книг «для девочек», типографски исполненных девичьих альбомов различной модификации). Однако вплоть до настоящего времени,

насколько мы можем судить, альбом продолжает оставаться важной частью девичьей культуры.

Лит.: Чеканова, 2003; Кулакова, 2003.

Альбом девичий для стихов.

О середине 1910-х гг.: «Ирина... подняла небольшой альбом для стихов. Перелистала... Вот здесь писали девочки из той гимназии. “Кто любит более меня, пусть пишет далее меня...”... Ирина перечитала чьи-то чувствительные стихи, переписанные в ее альбом Зойкой: “Все тише, все медленней скрипка рыдала, / И плакал аккордами старый рояль, / Как будто бы осень цветы осыпала, / Как будто бы счастье разбила печаль”» (Филиппова, 1938, 171).

О десятилетней девочке в середине 1910-х гг. «Ванда принесла из детской целый ворох подарков. Тут были различные игры..., две куклы... и четыре альбома для стихов» (Бродская, [1938] 1957, 65).

О деревенских школьниках-пятиклассниках в начале 1950-х гг.: «Посыпались поручения... Мальчики просили купить “прожигательные стёкла” и рыболовные крючки. Боря Дюков заказал словарь непонятных слов. Девочки заказывали альбомы для стихов..., цветные карандаши» (Матвеев, 1954, 29).

АЛЬБОМ для марок.

О 1870-х гг.: «Ещё у Пети был альбом для марок. Мы тоже с Колей собирали марки, но у нас их было всего несколько штук и наклеены они были в простой тетрадке, а у Пети была уже тогда хорошая коллекция, внесенная им в настоящий альбом, которым он дорожил...» (Харузина, [1919] 1999, 175).

О 1945 году: «Виктор Николаевич подошел к этажерке дочери. На нижних полках всё лежало вперемежку – учебники и тетради вместе с номерами довоенного “Пионера”, альбомы со стихами и с коллекциями марок» (Рождественская, 1960, 98–99).

АЛЬБОМ для рисования.

О подарках 10-летнему мальчику в 1940 году: «...Родня дружно понесла мне всяческие подарки... Большой красно-синий мяч, цветные карандаши..., шахматы, заводной танк, альбом для рисования и многое другое» (Сиснев, 1973, 45).

О десятилетней девочке в частной гимназии в 1915 году: «...Оказалось, что кроме гимназических правил существуют еще гимназические традиции. А на них-то у мамы не было денег. Оказалось, что кроме учебников, тетрадей и т. п. гимназистка должна иметь альбом для стихов и картинок... И вот всей этой дребедени у меня не было, и я видела, что девочки с обидным сочувствием косятся на... мой более чем скромный альбом в переплете из коричневой клеенки, и горечью наполняло меня их сочувствие» (Панова, 1980, 39–40).

АЛЬБОМ для фантиков.

О 1960-х – 1970-х гг.: «“Мама, а ты, когда была маленькая, собирала что-нибудь?” “Представь: собирала фантики, бумажки от конфет. Потом наклеивала их в альбом”. “А где этот альбом?” “Не помню. Кажется, кому-то подарила. Ну, пора спать” (Коронатова, 1994, 16).

АЛЬБОМ с наклейками.

О 1990-х гг.: «В детстве я обожала покупать альбомы с наклейками, воздушные шарики и киндер-сюрпризы...» (Иванова, 2003, 44).

АЛЬБОМ с открытками

О девочке 11–13 лет 1970-х гг.: «Я сидела в... кресле в Юлиной комнате и рассматривала альбом с открытками... Я уже давно не перелистывала страниц альбома, а рассматривала одну и ту же открытку...» (Масс, 1976; 7, 11).

АЛЬБОМ самодельный тематический – собрание газетных и журнальных вырезок, фотографий, репродукций картин по определенной теме, наклеенные в специальный альбом или тетрадь.

Как следует из воспоминаний В. Берестова, составление альбомов с наклеенными газетными вырезками было обязательным занятием в (некоторых) детских садах в 1930-х – 1960-х гг.: «После Первого мая 1934 года меня, шестилетнего, отдали в детский сад... Мы получили домашнее задание – вырезать из газет и нести в детсад снимки ударников и строков, трактористов

и силосных башен. Жаль было смотреть на изуродованные рваными пустыми окнами газеты! Жаль тяжелых альбомов с гляцевитыми листами! Фото на вырезках серые, мутные и, если приглядеться, все в точечках, редких там, где небо, и густых там, где лицо или машина. Края вырезок желтели от клея. Листать альбомы было противно... Что же до альбомов, то их сразу куда-то уносили, и мы больше их не видели. Наверное, в подарок почетным гостям на слеты и конференции. А мы клеили новый альбом – “Счастливое детство”. Не детсад, а какая-то артель по клейке фотоснимков!.. Альбомы с серыми, скучными фотографиями продолжали клеить и при Хрущеве, и при Брежневом. И даже я сам, посещая с писательскими бригадами райкомы и завкомы, получал их в подарок и не знал, что с ними, такими роскошными и нелепыми, делать» (Берестов, [1968–1996] 1998; 557, 559, 568).

В «Пед. словаре» 1960 г. содержится статья «Альбомы самодельные», свидетельствующая о том, что изготовление таких альбомов под руководством старших оценивалось положительно: «Альбомы самодельные – тематически подобранные и художественно оформленные собрания фотографий, репродукций картин, газетных и журнальных вырезок и др. материалов, распространённый вид наглядного пособия, результат творч. самодеят-сти учащихся. Учащиеся изготавливают альбомы при консультации педагогов и пионервожатых в процессе ознакомления с обществ.-ист. событиями, жизнью и творчеством отд. писателей, учёных, художников или в связи с посещением памятных мест, предприятий, колхозов, проведением краеведческих походов и экскурсий» (ПС, 1960–1, 38–39).

Вероятно, наклеивание в альбомы газетных вырезок на определенную тему становилось увлечением некоторых ребят. Основания предполагать это дает нам повесть И. Бондаренко, речь в которой идёт о жизни в Ленинграде в 1942 году: «У Андрейки был альбом, куда он наклеивал вырезанные из газет портреты известных разведчиков, снайперов, летчиков – Героев Советского Союза. Такие альбомы были у многих ленинградских мальчиков и девочек... Как ни откачивался Андрейка, как ни уверял, что он сыт, Ваня заставлял его есть вместе с ним да ещё напоил чаем, разделив пополам соевую конфету. После обеда они сидели у окна, Ваня отдыхал, выгнувшись в кресле-качалке, Андрейка рассматривал альбом, где было много снимков футболистов, бегунов и пловцов. “Ох, вот интересная фотография! – звонко выкрикнул он. – Первая сборная Ленинграда! Вы кем играли в сборной? Нападающим?” “Да. Левым крайним”. Перелистывая страницы альбома, Андрейка задавал еще какие-то вопросы...» (Бондаренко, 1959; 247, 306).

О 1950 году в суворовском училище: «“Знаешь что? – сказал Костя Мовчан Игорю. – Я заведу такой альбом, как у тебя о футболе. Я буду собирать всё об автомашинках: марки автомобилей, рисунки, числа... Можно наклеивать вырезки из газет или самому рисовать... Ты лучше скажи, из какой тетради мне делать альбом для автомашин... Сначала, может быть, перерисовать кое-что из “Огонька”? Как ты думаешь?” “А ты просто вырежь подходящие рисунки. Это ведь легче”, – посоветовал Игорь... “Я хочу сделать не легче, а лучше... Да и журнал жаль портить...”, – сказал Костя» (Багмут, 1951; 14, 16–17).

О мальчиках 12–14 лет в Москве в 1971–1973 гг. «...Иногда, прямо в один день, всю школу охватывает какой-нибудь психоз всеобщий. Вдруг все сразу бросаются собирать или программки футбольно-хоккейные, или дребедень всякую. Календарики там с кошечками, этикетки дурацкие. У девчонки свои радости еще бывают – артисты популярные. А у нас, у настоящих ребят, – спортивные фотографии. Их надо из “Огонька” бритвой вырезать в библиотеке... Или рано утром, по пути в школу, опережая армию других “коллекционеров”, озираясь и прячась от прохожих, той же бритвой кромсать газеты, развешанные на уличных стендах. Потом необходимо наклеить все трофеи в специальную тетрадку и смотреть! И подсчитывать их количество, и снова смотреть! До ряби в глазах!.. Раз по триста в день

можно любоваться черно-белым Вячеславом Старшиновым. Или хвастаться всем подряд глянцевым, из журнала, Зиминым, забивающим канадцам... И тогда все остальные толпятся вокруг тебя, счастливого... и выдыхают: “Ух ты! Снимочки!”» (Чилап, 2001).

О конце 1970-х гг.: «Пионерский галстук обошел меня только по болезни... [Для вступления в пионеры] нужно было выучить клятву и сделать свой альбом об одном из пионеров-героев. Мы расселись за продолговатым столом..., и пионервожатая достала стопу уже готовых альбомов, изданных в виде книжек наподобие детских: больших, мягких, где главное всегда – это картинка, и обратилась вдруг с вопросом, а есть ли у кого-то из нас уже свой любимый герой и, может, кто-то сам ей скажет, о ком бы хотел делать альбом. В одном порыве... все начали выпрашивать Павлика Морозова. Вожатая растерялась, а когда прекратила шум, стала сама раздавать альбомы по очереди с таким видом, как если бы назначала судьбу... Мне достался Лёня Голиков... Я украшал свой альбом, будто могилку. Все шло в ход. И цветная бумага, и даже елочный “дождик”. На заседании совета дружины, где в полной тишине принимали наши знания, вожатая сделала мне выговор за пестроту, и о подвиге Лени Голикова рассказал я уже плача, так что ей пришлось меня утешать...» (Павлов, 2004, 3).

О середине 1980-х годов: «Самый учёный и образованный – Илья... У него есть самодельный альбом с портретами различных президентов, премьеров и королей, которых он вырезает из газет и некоторых иностранных журналов, которые ему покупает папа, но не за границей, а в киоске возле универсама в Орехово-Борисове... Он делает все доклады нашего класса и ходит на все олимпиады, поэтому все учителя нашей школы, кроме учителя физкультуры, велят нам брать с него пример» (Баскин, 1989, 5).

АЛЬЧИКИ – то же, что *бабки*.

О 1918–1920-х гг. на Кубани: «Возле бакалейной лавки мы с Гавриком увидели станционных ребят. На вытопанной дорожке они играли в костяшки – в альчики. Игру вели Пашка Бочкарев и Мишка Шевченко. Пашка Бочкарев, толстый, с красными щеками, всё время проигрывал. Он неуклюже нагибался, ставил на кон разрисованные альчики и медленно крутил между пальцами свинцовый биток. Мишка Шевченко был проворнее: тонкий, худощавый, он ловко сбивал с кона Пашкины костяшки и хохотал, широко раскрывая рот. “Эге, – говорил он, – были ваши, стали наши!” Пашка проигрывал альчики один за другим. Он краснел, пыхтел, ругался. Наконец не выдержал, повернул фуражку козырьком назад, подошел к Мишке поближе и ни с того ни с сего съездил его по носу. Кровь брызнула у Мишки из носа фонтанчиком. “За что бьешься?” – крикнул Шурка Кузнецов, выбираясь из толпы ребят. Пашка испуганно пробормотал: “А за то, что играет не по правилам. Пусть, когда бьет казанки, не мухлюет”. “Врет он, я не мухлюю”, – плаксиво закричал Мишка... Мишка Шевченко нагнулся и стал собирать альчики. Оба кармана он набил костяшками. “Отдай мою белую! Чего хапает? – закричал Афонька. “На, подавись!” – крикнул Мишка. Он бросил наземь костяшку, сунул руки в оттопыренные карманы штанов и зашагал по дороге... Гаврик бросился догонять Мишку, а я остался с ребятами. Афонька подобрал с земли белую костяшку и тоже пошел прочь» (Мирошниченко, [1936] 1966, 71–72).

«АЛЯСКА» – 1. Сапоги.

О середине 1960-х гг.: «Лена все еще стояла в будке автомата... И вдруг она позавидовала Майке Скурихиной. Майка хорошо одевается: платки “мохер”, пуловеры, сапоги “аляска”» (Коршунов, [1967] 1985).

«АЛЯСКА» – 2. Куртка с меховым подкладом, с капюшоном, по низу снабжена кулиской с затягивающим шнуром. Бывают «аляска» для мальчиков и девочек.

«АМЕРИКАНКА» – 1. Название мальчишеской игры неизвестного содержания.

О первой половине 1970-х гг.: «Эта жизнь начиналась там..., где строили на деревьях шалаши..., клали пятикопечные монеты под паровоз, играли в ножички, “двенадцать палочек”, штандер, “американку”, просто

футбол и настольный теннис..., вечерами жгли костры и пекли в золе картошку...» (Варламов, 2000).

«АМЕРИКАНКА» – 2. Пари, при котором проигравший должен безоговорочно выполнить любое желание выигравшего.

О 1942–1944 гг.: «“Давай, Толька, сыграем на щелчки”... Лупало щёлкало здорово. Он бил с размаху, так, что у Носова звенела голова. После каждого щелчка Толя всё глубже вбирал её в плечи... Лупало пожалел его: “Ладно, хватит пока. Дюжина остается за тобой. Это вроде американки будет. Попрошу что – исполнишь. А не исполнишь – получишь остальную дюжину. Давай ещё сыграем. Ты тоже можешь отыграться. Тогда квиты будем”» (Вишнев, 1966, 53–54).

О 1946–1947 гг.: «...Сошлись на том, что нет ничего отчаяннее, как потрепать по шее собак, и не каких-нибудь дворняжек, мопсиков..., а тех самых знаменитых на весь город овчарок..., что сторожат универмаг. Сашка в запале немедля решил сделать это сегодня же, а Михаська, понятно, стал над ним потешаться... [Сашка] не отступал от слова, хотя Михаська подсмеивался над ним просто так, без всякой злобы. Да каждый же скажет, что пойти навстречу псам и потрогать их может только сумасшедший. Но Сашка все перемены шумел, хвастался, подталкивал Михаську, и Михаська сказал: ладно, так и быть, он спорит с Сашкой на три “американки”, что тот струсит. Три “американки”, а каждая – исполнение трёх любых желаний выигравшего – цена для такого дела очень немалая, и Сашка тут же согласился... Уже смеркалось, когда овчарки появились на дороге. Сашка, увидев их, побледнел. Михаська сказал ему, чтобы бросил дурить, – он отменяет все свои “американки”, но это почему-то только сильнее разозлило Сашку» (Лиханов, [1967] 1986–2, 75–76).

«АМЕРИКАНСКИЙ ЖИТЕЛЬ» – «род игрушки: наглухо закрытая стеклянная трубочка с жидкостью, в которой “скачет” плавающая фигурка» (Словарь, 1950, 115–116).

О Вербной неделе в Петербурге в конце XIX в.: «... Шла торговля детскими игрушками и особыми “вербными” чудесами: пишалками, “чертями”. Предлагались “тещины языки”, “иерихонские трубы”, “американские жители”, надувные свиньи, павлиньи перья... В большой моде был “американский житель” – стеклянная пробирка с водой, сверху затянута резиновой пленкой. Внутри маленький стеклянный чертик с рожками, хвостиком, выпученными глазками. Он плавал на поверхности воды. Но если нажать пальцем резиновую пленку, он опускался вниз, крутясь вокруг вертикальной оси, затем снова поднимался. Почему эта игрушка получила такое название – непонятно. По-видимому, кустарь, который ее мастерил, имел такое представление об американцах. Доходили, может быть, слухи, что народ этот энергичный, подвижный, ему приходится вертеться, чтобы заработать, но почему его загнали в воду – тайна» (Засосов, [1976], 2003, 182).

У В. Набокова в произведении «Память, говори: К вопросу об автобиографии» читаем: «Из всех петербургских весен та весна 16-го года представляется мне самой типической, когда вспоминаю такие образы, как: ...пеструю от конфетти ярмарочную слякоть Конно-Гвардейского Бульвара на вербной неделе, ...деревянные игрушки, ...картезианских чертиков, называемых “американскими жителями”, – крохотных бесенят из стекла, поднимающихся и опускающихся в стеклянных трубках, наполненных розоватым или сиреневым спиртом, вроде как настоящие американцы (хоть эпитет означал всего лишь “иноземные”) в лифтовых шахтах прозрачных небоскребов...»

В статье о России 1917 года читаем: «Привычные народные игрушки... актуализировались в духе текущего момента... “Чертик в пробирке” или “американский житель”, поднимающийся и опускающийся в трубке со спиртом, тоже приобрел политический смысл: “Морской житель, народа истребитель, из царских холопов – Господин Протопопов”» (Архипов, 2001).

О 1918 году: «Имя ее – Нюша, но она столь часто повторяет одну и ту же фразу: «Сил моих нету», что ее так и стали звать – Сил Моих Нету. Рассказчица... передает свой сон.... Она ходила по вербному базару и скупала все, что хотелось: дрожаших на нитке бабочек, «американского жителя», прыгающего в трубке с водой, сладкую вату...» (Лойко, 1964, 120–121).

В рассказе Сергея Горного (псевдоним Александра Оцуца, печатался в петербургском «Сатириконе») «Вербное», опубликованном в Берлине в 1927 году, читаем: «Ну, разумеется, он был тверденьким, стеклянным, смешным таким. Махонький, ножки твердые, стеклянные сосочки. Глазки выпучены – две бусинки. А сам – смешной, тверденький, литого стекла. Густого стекла, совсем густого, как камешек. А назывался: Американский житель. И вздымался так, прыгал упруго и легко. Лишь нажать на перепонку, одним только пальцем. На резиновую пленку. Стеклашка узенькая. Стаканчик, вроде пробирки. А в ней американский житель. Легко так, упруго. То вниз, то вверх. То вверх, то вниз. Главное, легкость его забываема. Дыхание в нем было какое-то. В этом прыжке его. Легко так, певуче, упруго, плавно. Лишь нажмешь пальцем – он в воде взнесется. Потом опять назад, уже тише, уже чуть качаясь. Возьмешь его на ладошь, а он миленький такой лежит. Ножки, как сосочки. Глазки беленькие. Бусинки. Выпучил. Не то смеется. Не то сердится. Лежит на спинке – твердая, горбом. И кто его знает, может, он живой. Жители амери-канские! Американские жи-те-ли!... Чертик, вздымаемый легко, воздушно. В воде попрыгун стеклянный». (Горный, [1927] 2001).

Обратимся к тексту сказки-комедии С.Я. Маршак «Умные вещи» (опубликована в 1964 году, первый вариант пьесы написан в конце 1940 – начале 1941 года), действие которой происходит в России до революции: «Первый торговец игрушками: “Эй, мамыши и папаша, / Покупайте куклы наши!” ...Третий: “Развлекаться / Не хотите ль? / Американский / Житель, / Настоящий янки, / Плавающий в банке!”» (Маршак, 1968–2, 429).

О 1920-х гг. в Петрограде-Ленинграде: «Очень интересным... был для нас, ребят, «Вербный торг», проводившийся на Вербной неделе перед Пасхой. Так называемая “Верба” в начале 20-х годов устраивалась на бульваре вдоль ул. Софьи Перовской.... “Вербу” надо описать особо. Во-первых, там была уйма народа... Затем была масса... ларьков с игрушками... И, конечно, бесчисленное количество торговцев с рук, выкрикивавших: “Теща околела – языки продавать велела”, “А вот московский раскидай...” ... Затем: “Американский житель спускается на дно морское, ищет счастье людское” – это для американского жителя, смешного стеклянного человечка, который поднимался и опускался в баллоне с водой от нажима на резиновую мембрану. Но был и другой тип с быстрокипящей цветной жидкостью, закипавшей в баллоне от нагрева рукой и подкидывавшей стеклянного человечка» (Поздняков, 1994, 293).

Об «американском жителе» упоминает А. Битов: «Раскидайчик – дешёвая базарная игрушка, продается на улицах во время демонстраций 1 Мая и 7 ноября цыганами.... Раньше репертуар подобных игрушек был значительно богаче: и “уйди-уйди”, и “американский житель”, и леденцовые петушки, и много других соблазнительных штук...» (Битов, 1989, 136).

АНАТОМИЯ – «Научная дисциплина, изучающая форму и строение отдельных органов, систем и организма в целом... // Учебный предмет, излагающий эту науку» (Словарь, 1991–1, 166).

О конце 1980-х гг.: «А в учебнике анатомии есть два параграфа, которые изучались отдельно. Нам [девочкам] было интересно строение мужских органов, мы очень часто туда заглядывали» (489).

«АНГЕЛЫ» – зимняя детская забава.

О середине 1990-х гг.: «“Рисование” ангела заключалось в том, чтобы упасть в сугроб спиной, ноги вместе, руки в стороны – получается “слепок” человека. Затем, продолжая лежать в сугробе, нужно было

совершать движение руками вверх и вниз – потом очень аккуратно выбраться из слепка (чаще всего кто-нибудь вытягивал за руки). На снегу получилась фигурка ангела. Ангелом стали называть фигурку из-за следа помпона на шапке, который оставал над слепком что-то похожее на звезду или шарик. Сначала ангела звали “бабочкой”, потому что падали в снег в капюшонах, надетых сверху на шапку – и совершали движения не только руками, но и ногами. Потом “бабочки” и “ангелы” существовали одновременно, но со временем “ангелами” стали называться любые слепки на снегу, а про “бабочек” забыли. Данная игра у нас была популярна в 1994–1996 гг.» (012).

См. также: «Портреты».

АНГИНА – инфекционное заболевание; острое воспаление горла, зева, глоточных миндалин.

О конце 1890-х гг.: «...Когда я был маленький... я почему-то очень часто хворал. Главным образом свинкой или ангиной» (Зощенко, [1939] 1968–1, 228).

О конце 1950-х гг.: «Это тихий худой парнишка. Он каждую зиму болел ангиной и даже за партой до апреля сидит в шарфе» (Козлов, 1963, 93).

О начале 1960-х гг.: «Да нет, дяденька. Вы мне не поможете, – ответила девочка сквозь слёзы. – Я всю зиму болела, болела... И свинка у меня была, и ангина...» (Макарова, 1965, 42).

АНГЛИЙСКИЙ язык – учебный предмет в школе. Массовое преподавание английского языка в школах вместо абсолютно преобладавшего немецкого (в 1930-е – 1940-е) началось в 1950-е годы.

Об учебнике англ. языка 1970-х – 1980-х гг.: «...ЛЛЛЛандн. Зэ раа мэни плейсез оф интерес хиар... Биг Бэн, Вэстминстер Эбби, опять же и, разумеется, Нэшнл Гэлери, а также Сантполз Кафидралл. Это из краткого советского учебника “по английшу”. Все помнят. Все, кто в пятом классе средней школы попадал... на английский... Так вот, каждому второму (а как нас тогда на языки делили? Кажется, просто – рассчитывали, как на физкультуре, на первый-второй) доставался такой потрепанный, красный... учебник... В учебнике главным героем была некая Лена Стогова. Стерильная. Полированная в своей правильности. Мама-папа-друзья-школа-хобби. И не было в ее биографии и судьбе никаких изломов, перегибов. Зато в простых (и усложняющихся по мере чтения учебника) выражениях должен был то и дело появляться “Ллландн”. Тот самый, где “зэ рраа мэни плейсез оф интерес...”» (Чернышева, 2007–3, 8).

АНДЕРСЕН – Ганс (Ханс) Христиан (Кристиан) Андерсен (1805–1875), датский писатель, приобретший известность своими «Сказками для детей» (1835–1837), «Новыми сказками» (1844–1848), «Историями» (1852–1853).

О мальчике в Москве в середине 1910-х гг.: «Я жил так, как жило большинство детей в тогдашних интеллигентных семьях... Я любил сказки Пушкина, Андерсена, “Приключения Мурзилка”...» (Жуковский, 1992, 24).

О середине 1910-х гг.: «В повести Лёнька читает Диккенса, Твена... Всех этих авторов читал в этом возрасте и я. Но несколько раньше познакомился я с Андерсеном и был околдован его сказками. А год-два спустя ворвалась в мою жизнь Чарская» (Пантелеев, [1979] 1984–3).

«В Советском Союзе издание сказок Андерсена исчисляется кол-вом, далеко превысившим цифру сто. В дет. изданиях сказки публикуются почти без изменений по сравнению с оригиналами: сам писатель выбрал такую манеру изложения, которая делает его сказки доступными ребёнку» (Зубарева, 1976, 47).

О дет. библиотеке в Шадринске в 1955 г.: «...В воскресенье 1 апреля 1955 г. на утреннике, посвященном 150-летию со дня рождения Г.Х. Андерсена, [зав. чит. залом] Таисья Михайловна [Блюденнова] рассказала о жизни и творчестве сказочника, а артист С.Г. Рагмиров прочитал сказки “Свинопас”, “Огниво” (присутствовало 200 человек)» (Плотникова, 1999, 120).

О 1970-х гг.: «Имя “величайшего сказочника мира” Г.Х. Андерсена знают и начинают любить с самого раннего детства. Он “входит в наши дома прежде, чем мы научились читать”. Поэтому трудно, пожалуй, встретить школьника, который не знал бы сказок Андерсена» (Збарский, 1980, 41).

См.: «Снежная королева», «Стойкий оловянный солдатик», «Русалочка».

«АНДРЕЙ-воробей...» – распространённая дразнилка-«обзывалка», обыгрывающая имя Андрей.

О поселке Новооганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. в середине 1980-х гг.: «Ещё я помню несколько обзывалок:... “Андрей-воробей / На коне катался, / Руки-ноги оборвал, / Без трупов остался!”» (503).

О середине 1980-х гг.: «Девичьи дразнилки:... “Андрей-воробей на коне катался, руки-ноги оборвал, без штанов остался»» (534).

Записано в Петрозаводске от девочки 6 лет в 1987 г.: «Андрей-воробей / В озере купался. / Руки-ноги утонули, / А живот остался» (Лойтер, 1991, 108).

О девочке 6–9 лет в г. Лянторе в 1992–1995 гг.: «Во дворах мы дразнили друг друга. Про Машу говорили: “Машка – ромашка, промокашка”. Про Андрея: “Андрей-воробей, не гоняй голубей». Про Антона: “Антошка – картошка, пошли копать картошку”» (015).

Ср.: «Витка-титка»; «Катя, Катя, Катерина...»; «Ленка-пенка».

АНЕКДОТ детский, анекдот в детской среде – короткий рассказ о вымышленном смешном событии, случае.

Из обзорной статьи «Детский фольклор: итоги и перспективы изучения» (2005): «Среди смеховых жанров дет. фольклора особое место занимает детский анекдот. Исследователи установили, что анекдоты, бытующие у детей в возрасте от 3–4 до 9–10 лет практически не пересекаются с анекдотическим репертуаром взрослых. Школьники рассказывают анекдоты, которые едва ли могут насмешить взрослого человека: эти тексты используют огранич. набор комич. приемов, связанных по большей части со скатологическими мотивами или приемами каламбура...» (Белоусов, 2005, 233–234).

О персонажах детского анекдота: «Отличие детского анекдота от взрослого, по сути дела, определяется кругом его персонажей: ими могут быть животные, герои волшебных сказок, известных современным детям по книгам и фильмам, персонажи популярных мультфильмов и т. п.» (Белоусов, 1989, 27–28); «...Несомненными лидерами в детском анекдоте выступают образы лит.-кинематографич. происхождения, знакомые детям прежде всего по мультфильмам, а затем уже по книгам. Чаще всего рассказывают анекдоты про Чебурашку и крокодила Гену. Нередки анекдоты про Винни-Пуха и Пятачка, Мальша и Карлсона и др. В одном сюжете дети могут свести фольклорного Колобка и лит.-кинематографич. Чебурашку. Детский фольклор сохраняет забытые взрослыми анекдоты про дистрофиков, про русского, немца и поляка; популярными остаются тексты про Василия Ивановича и Петьку» (Трыкова, 1999, 23).

Детские анекдоты 1980-х гг.: «Детские анекдоты. [1] Лев – царь зверей созвал всех зверей и приказал им разделиться: “Умные налево, красивые – направо”. Все звери разошлись, кто направо, кто налево. Осталась одна обезьяна. Лев её спрашивает: “А ты почему стоишь?” Обезьяна: “Так что мне, разорваться что ли?” [2] Приходит чебурашка в магазин, спрашивает: “У вас липсины есть?” Продавщица ему отвечает: “Не липсины, а апельсины” и прогнала его. Чебурашка снова приходит в магазин: “У вас есть липсины?” Продавщица его опять поправляет: “Не липсины, а апельсины” и опять его прогоняет. Приходит Чебурашка третий раз в магазин: “У вас есть липсины?” Продавщица: “Не липсины, а апельсины” ещё раз так скажешь, я тебя гвоздями к стенке приколочу”. Чебурашка приходит снова: “У вас гвозди есть?” “Нет”. “А липсины?”» (111).

АНЕКДОТ политический в детско-подростковой среде.

О нач. 1930-х гг.: «Сплетни и слухи, пускаемые антисоветскими элементами, иногда находят поддержку среди ребят. Рассказываются антисоветские анекдоты, не говоря уж о неприличных – их смакуют и передают даже пионеры» (Разин, 1931, 16).

О 1935–1937 гг.: «В 5–7-х классах обстановка была нормальной. На переменах и по пути домой после уроков постоянно обменивались впечатлениями о прочитанных книгах, о кинофильмах, обсуждали полит. и спорт. новости. С друзьями делились небезопасными в то время анекдотами. Подходит, например, ко мне во время перемены мой приятель и спрашивает: “Как ты думаешь, почему Ленин носил ботинки, а Сталин ходит в сапогах?” Ответ: “Ленин вел нас посуху, а Сталин завел в болото”» (Цидильковский, 1996, 132).

«АНИМЭШНИКИ» – подростковое движение начала 2000-х гг.

«Анимэшники» – подростковое движение (началось примерно в 2000–2003 гг.), которое объединяло поклонников японской анимации. В него входили люди минимум лет 13, были группы постарше – 15–18 лет, иногда в эти группы входила пара взрослых (25–30 лет). Они собираются тусовками, пересылают друг другу по Интернету картинки из любимых мультфильмов, слушают музыку из этих мультфильмов, придумывают друг другу псевдонимы (клички) на японском. Например, “Мико” (не знаю, что обозначает), употребляют исковерканные японские слова в обычной речи, например, “кавай”, “кавайно” – значит, “хорошо”. Группы подростков-анимэшников в 2000-е годы есть в Челябинске, в Шадринске. Они проводят “анимэ-тусовки”, собираются на улице или в кафе, где обсуждают новые вышедшие серии японских мультсериалов. Анимэшники считают, что смотреть японские мультфильмы надо не в дубляже, а с титрами, потому что надо слышать японскую интонацию, она много значит» (1003).

«АТАНДА!» – возглас, означающий: «Тревога! Грозит опасность!».

О середине 1920-х гг.: «Только успеваем сесть, как Петька оказывается в объятиях здорового стрелка. “Атанда!” – кричит Володя. Бросаемся враспынную... И вдруг тот же голос вскрикивает: “Володька, атанда! Милиция!”... “Пацаны, атанда, наконец выговаривает Петька, – надо скорее смызаться из колонии”» (Панькин, 1960; 141, 143, 173). Ср.: «Атас!»

«АТАС!» – возглас, означающий: «Тревога! Грозит опасность!» «Постоять на атасе» – покарать во время совершения потенциально наказуемого деяния (кражи, драки и т. д.). С давних пор (примерно с 1920-х гг.) возглас «Атас!» вошёл в мальчишечий лексикон. Ср.: «Атанада!»

О пятиклассниках мужской школы в 1947 году: «...Драка. “До первой краски”... Кончились уроки. Мы с Рыбкиным... двинулись вниз в сопровождении всего класса. Внизу, там, где раздевалка, никого не было... – в общем, там тихий тупик... Рыжий с Корягой поставили человек трех на атас, караулить, значит, и дать сигнал, если появится какой-нибудь учитель... Следующее, что мне выпало – была “тёмная”... Меня били... Лупили ботинками в поддых... Били кулаками по голове... Я свалился и тут же чей-то голос завопил: “Атас!” Потом послышались взрослые шаги и мужской голос гаркнул: “Всем на место!”...» (Лиханов, 1995; 22, 29–31).

О Свердловске в конце 1940-х гг.: «Он, не ответив на удар, разревелся, и этим позорным... рёвом закончилась его первая настоящая драка... Во дворе раздался зычный голос матери победителя, с повелением немедленно объявиться и идти домой. Кто-то выкрикнул все прегражающий “Атас!”, все полезли на забор, очутились в городском саду, где и разбрелись в разные стороны...» (Дробиз, 2004).

О 1950-х гг.: «Заметный даже в массе / Других учеников, / Был атаманом в классе / Алёша Козырьков... / Высказывался кратко / Алёша Козырьков – / Не более десятка / Имел в запасе слов. / “Железно!” – замечал он. / “Законно!” – добавлял, / И это означало: / Превыше всех похвал. / Когда беда грозила, / Предупреждал он вас: / Внезапно, что есть силы, / Выкрикивал: “Атас!”... Куда

скромней и тише / Он держится сейчас / И морщится, услыша / Знакомое “Атас!”» (Серова, 1960, 15–16).

О Москве в 1950-е гг.: «В первые дни я бродил по двору ошарашенный..., и всё вокруг представлялось мне неестественным: исковерканные “не по-нашему” имена (Гошка, Жека, Миня, Толец), непонятные выкрики (“Атас, ребя! Капка! Обрыв!”)...» (Алексеев, 1987, 27–28)

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «Наконец Мишка решился и дал Сереге пощечину. Через секунду они уже катались на полу. “Атас!” – приоткрыв дверь, крикнул Соломатин, который был оставлен в коридоре, чтобы сигнализировать об опасности. Мишка и Серега едва успели встать и отряхнуться, как в уборную вошел Петр Ильич, классный руководитель восьмого “а”...» (Зелеранский, 1961, 126–128, 130).

О 1960-х гг.: «“Всего-то делов! Тебе только на атасе постоять и баночки от меня принять”. Я полезу. Там у них окошко у самой земли... А ты рядом погуляешь как бы. Свистнешь, если что...” ...Я... помнил, что предложенный Серегой план – самое настоящее воровство...» (Туинов, 1985, 19).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «На радостях, что все так хорошо кончилось – я не утопился и снова подружился с ребятами, – я сделал стойку на учительском столе. Это был мой коронный номер, никто у нас в классе, кроме меня, его не умел делать. И как раз в этот момент к нам вошла Екатерина Моисеевна – наш директор. Я заметил ее краем глаза. “Атас!” – зашумели ребята. Я спрыгнул на пол и сказал: “Я могу и больше простоять”» (Машков, 1974).

АТЛАС школьный – учебное пособие, представляющее собой собрание геогр. или ист. карт различного размера для самостоят. занятий в классе и дома. Геогр. атласы используются в школе начиная с 4-го класса, а исторические – начиная с 5-го класса. (ПЭ, 1964–1, 149)

АТРИБУТЫ пионерские, атрибуты юных пионеров – см.: *Пионерские атрибуты*.

АТТЕСТАТ зрелости – документ, свидетельствующий об окончании средней общеобразоват. школы и о получении сред. образования.

Аттестат зрелости был впервые введён в 1872 году в мужских гимназиях и давал право поступления в университет. Окончившие женские гимназии могли держать экзамены на аттестат зрелости экстерном. Аттестаты зрелости выдавались до 1917 года.

В 1918–1935 гг. учащимся, окончившим среднюю общеобразовательную школу, выдавалось *свидетельство* установленного образца. В 1935 году взамен свидетельства ввели *аттестат о среднем образовании*.

21 июня 1944 г. Совет Нар. Комиссаров СССР принял решение: «Установить для учащихся, окончивающих нач. и семилетнюю школу, обязательную сдачу выпускных экзаменов, а для учащихся, окончивающих сред. школу, сдачу экзаменов на аттестат зрелости. Сдачу выпускных экзаменов и экзамены на аттестат зрелости ввести с 1944–1945 учебного года» (НО, 1974, 182).

Были установлены аттестаты зрелости трёх образцов: аттестат зрелости без отличия, аттестат зрелости для учащихся, окончивших среднюю школу с золотой медалью, аттестат зрелости, окончивших среднюю школу с серебряной медалью. Аттестат зрелости давал право поступления в вузы СССР при условии успешной сдачи конкурсных экзаменов. Выдача аттестатов зрелости осуществлялась с 1944 по 1962 год.

О выпускниках женской школы в Москве в 1944–1945 гг.: «Мы были первыми, кто сдавал экзамены на аттестат зрелости – их ввели именно в тот год» (Яхнина, 2004–2, 13).

О 1945–1946 гг.: «Безумное и беспорядочное чтение книг при свете копилки, а позже – керосиновой лампы, изнурило Димку, испортило зрение, но успешно заменило среднее образование и даже позволило Димке получить медаль, – правда, не без помощи отчима, который, к ужасу и стыду Димки, приезжал... в райцентр накануне экзаменов на аттестат зрелости...» (Смирнов, [1985] 1989, 89).

О Москве в 1949 г.: «Десятый класс тянулся бесконечно долго и нудно... На этом фоне разворачивалась подготовка к... празднованию семидесятилетнего юбилея Сталина... Мы всем классом ходили на экскурсию в Музей Революции и разглядывали под лупами рисунки, на которых виртуозы писали письма, полные преданности своему вождю и учителю. Люди всех стран мира посылали подарки Сталину. Мне запомнился подарок французской женщины: она прислала детскую вязаную шапочку – единственную вещь, оставшуюся у нее после гибели дочери во время фашистской оккупации. Об этой матери я написала в своем сочинении на аттестат зрелости. Я выбрала свободную тему: “Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет!” Получила я за него четверку, вместо ожидаемой отличной отметки. Я сделала одну-единственную ошибку – Виссарионович написал с одним “с”! Как сказала Наталья Николаевна, это была непростительная ошибка, и, несмотря на блестящее сочинение, комиссия с большим огорчением поставила четверку» (Туманова, 1995).

О конце 1940-х гг.: «[Неисправимым двоечникам]... “натянули” по всем предметам годовые тройки и допустили к экзаменам на аттестат зрелости» (Бодров, 1966, 19).

О середине 1950-х гг.: «В этом году Рита кончала школу, и все её помыслы были о том, как лучше сдать экзамены на аттестат» (Котовщикова, 1958, 77).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «...Сегодня... выпускной вечер, и... мамы хлопочут в физкультурном зале, накрывая праздничные столы, пока их выросшие дети получают там, наверху, аттестаты зрелости» (Долинина, 1963, 70).

В 1962 году взамен аттестата зрелости был введён *аттестат о среднем образовании*. (ПЭ, 1964–1, 149)

«До 1962 г. документ об окончании сред. общеобразовательной школы имел наименование аттестата зрелости и поэтому в обиходной речи аттестат о среднем образовании до сих пор часто называют аттестатом зрелости» (Денисова, 1978, 61).

О 1970-х гг.: «Сочинение на аттестат зрелости эта девочка написала очень сухо и формально» (Исарова, 1977–2, 142).

См.: *Аттестат о среднем образовании*.

АТТЕСТАТ о среднем образовании – документ об окончании средней общеобразовательной школы СССР.

Аттестат о среднем образовании был введен в 1935 году взамен *свидетельства*. Он выдавался по 1944 год. С 1944 по 1962 год вместо аттестата о среднем образовании выдавался аттестат зрелости.

В 1962 г. было вновь введено название «аттестат о среднем образовании». С 1962 по 1967–1968 учеб. год выдавались аттестаты о сред. образовании трёх образцов: для окончивших сред. школу с золотой медалью; для окончивших сред. школу с серебряной медалью; без отличия. В аттестатах, выдаваемых лицам, награжденным золотой или серебряной медалью, слово «Аттестат» выполнялось золотым или серебряным тиснением. Аттестат о сред. образовании давал право поступления в вузы СССР при условии успешной сдачи конкурсных экзаменов. (ПЭ, 1964–1, 150)

С 1968–1969 учебного года стали выдаваться аттестаты двух образцов: обычный и с золотой медалью.

О 1970-х гг.: «Аттестат о среднем образовании выдаётся выпускникам всех типов средней школы. В нём представляются отметки по всем учебным предметам. Медалисты средней школы получают аттестат особого образца, в котором добавлены слова: “За отличные успехи в учении, труде и за примерное поведение награждён золотой медалью”. Аттестат о среднем образовании даёт право поступления в высшее учебное заведение и на старшие курсы средних специальных учебных заведений. Аттестаты торжественно вручаются на выпускном вечере. До 1962 г. документ об окончании сред. общеобразовательной школы имел наименование аттестата зрелости и поэтому в обиходной речи аттестат о среднем образовании до сих пор часто называют аттестатом зрелости» (Денисова, 1978, 61).

См.: *Аттестат зрелости.*

АТТЕСТАЦИЯ общественно-политическая (у комсомольцев) – См.: *Общественно-политическая аттестация.*

«АТЫ-БАТЫ, шли солдаты...» – считалка, распространённая в детской среде с начала XX века по настоящее время.

О середине 1920-х гг.: «Вспомним считалку, варианты которой записаны в Тверской, Псковской, Новгородской губерниях: “Аты-баты / Шли солдаты / Аты-баты / На базар / Аты-баты / Что купили / Аты-баты / Самовар”» (Капица, 1928, 126–127).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Когда я вышел из дома, посреди двора только-только слепился кружок мальчишек и девчонок, из кружка доносилась считалка: “Аты-баты, шли солдаты, / Аты-баты, на базар, / Аты-баты, что купили? / Аты-баты, самовар...” Считалку эту, надо полагать, тоже при царе Горохе изобрели. Я успел втиснуться, куда считали первый раз. А то бы именно мне, опоздавшему, пришлось водить. Или мне же и выпадет? “Аты-баты, сколько стоит? / Аты-баты, три рубля. / Аты-баты, он какой? / Аты-баты, зо-ло-той...” Нет, миновало. Водить, конечно, выпало на долю Марика Уманского. Ему всегда выпадало такое счастье» (Рекемчук, 1974).

О 1950-х гг.: “Аты-баты, шли солдаты!...” – громко считает Наташа, ударяя по груди Соньку, брата и себя. Сейчас решится, кому первому водить в прятки... “...и купили са-мо-вар!” – произносит Наташа по складам, и последний слог решает Сонькину судьбу. Она с покорным видом прижимается головой к стене избы и крепко... зажмуривает глаза...” (Нагибин, 1960, 69).

О 1994–1995 гг. в с. Верх-Геча Китайского района: «9–10 лет. “Аты-баты, шли солдаты, аты-баты – на базар. Аты-баты, что купили? Аты-баты – самовар. Аты-баты, сколько стоит? Аты-баты, три рубля. Аты-баты, он какой? Аты-баты – золотой”» (097).

АУДИОПЛЕЙЕР – то же, что плеер. «Плеер... портативный стереомагнитофон или проигрыватель компакт-дисков для воспроизведения звукозаписи через наушники» (НСИС, 2005, 7906).

О 1995 годе: «Примерно в это же время (1995 г.) стали появляться аудиоплееры. Впоследствии у каждого был такой плеер. Мы, когда шли гулять, брали его с собой, ходили на улице и слушали» (017).

АФРИКА – материк.

«...и в Африке...» – при любых условиях, везде.

Вероятно, восходит к выражению «как до Африки» – далеко, долго. Из студенческой песни 1980-х гг. (по воспоминаниям автора словаря): «А до диплома – как до Африки, / А нам еще на стройках вкалывать, / А впереди нас ждёт романтика, / Восток и Запад, стройка, БАМ...»

О с. Ожогини Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «Услышала впервые либо в школе на перемене, либо на каникулах. Напр.: “Слушай, Женька, а в какой школе училась раньше Светка?” “Не знаю. Какая разница! Школа – она и в Африке школа!”» (154).

О девочке 7–10 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1995–1998 гг.: «Переехали в новую квартиру. Осматриваю комнаты, захожу в ванную, говорю маме: “Маленькая ванна здесь”. Мама отвечает: “Ванна – она и в Африке ванна”» (134).

О девочке 12 лет в г. Шадринске в 1998 г.: «У нас во дворе, когда говорили о чём-то с уверенностью и хотели подчеркнуть, что именно так и не иначе, говорили: “...и в Африке”, например: “Подарок – он и в Африке подарок”, подразумевая, что подарок имеет такое же значение и важность, даже в Африке» (132).

«АХ, КАКАЯ я красивая» – см.: «*Какая я красивая.*»

АЭРОБИКА – «...Ритмическая гимнастика» (Словарь, 1991–1, 278).

Об ученице 6–8 классов в Шадринске в 1991–1993 гг.: «Раньше показывали аэробику по полчаса. У нас не было программы, а если и была, я пользоваться ей не умела и, о счастье, если я попадала на аэробику. Я быстро переодевалась в купальник летний (другого просто не было) и начинала повторять движения за девушками. Там ещё был мужчина в светлом костюме всегда весь в

поту. Мне так не нравилось, что будто бы он специально показывает свой пот, что он устал. Но даже это легкое раздражение не мешало мне отдыхать. Я повторяла все движения, мне хотелось быть похожей на них. Не умела считать свой пульс. Эти девушки были одеты в гетры, я попробовала – ногам очень жарко. Вся аэробика длилась полчаса, но это были полчаса радости и наслаждения» (1001).

«АЭРОПЛАН, аэроплан...» – традиционный детский речитатив 1920-х–1970-х гг., выкрикивался при виде самолета (аэроплана).

О Москве во второй половине 1920-х гг.: «Над домом простиралось... голубое... небо. Иногда с глухим гулом его пересекал самолет, в ту пору именовавшийся аэропланом. Это сразу же отвлекало от игр и других наземных интересов, взоры устремлялись ввысь (“Где он? Ах, вон, вон!”), и дети иступленно скандировали немудреный стишок: “Ироплан, ироплан, / Посади меня в карман, / Из кармана упаду, / Всю головку расшибу”. О этот примитивный дворовый детский и полудетский фольклор! ...Он так цепко влезал в детские души, запоминался раньше и прочнее чарующих стихов и сладостных песен...» (Федосюк, 2004, 14).

О Сибири в 1933 г.: «Бабушка кляла городское поветрие, сулила глад и мор, – страшала людей тем, что будут по небу летать железные птицы... Глад наступил. Мор, хоть и небольшой, тоже был, железные птицы – аэропланы, летали над горами... Напуганный жуткими предсказаниями, я забивался под крыльцо или на печку, когда аэропланы пролетали над селом. Однако боялись железных птиц старухи, я да еще кое-какие ребятишки, послабей пупком. Орлы дяди Левонтия ничего не боялись, и когда аэроплан гудел над селом, они, голозадые, высыпали на улицу, кричали в небо: “Ироплап, ироплан! / Посади меня в карман! / А в кармане пуста, / Выросла капуста!...”» (Астафьев, 1989–1, 121).

О Москве в 1930-е гг.: «Когда в небе показывался аэроплан, все дети, сгрудившись и смотря на небо, кричали: “Ероплан летит, мотор работает, на нем поп сидит, картошку лопают” (и еще о “ероплане”: “Ероплан, ероплан, посади меня в карман, а в кармане пусто, вырастет капуста”)...”» (Топоров, 1997–1, 27).

В Заонежье (Карелия) 1940-х гг. звучало: «Ироплан, ироплан, / Посади меня в карман, / А в кармане пусто, / Вырастет капуста» (ДПФ, 1997: 250, 511)

О Свердловске начала 1950-х гг.: «Он... услышал далекое тарыхтение, а приподнявшись, увидел заходящий со стороны пруда самолетик... Во дворе тоже заметили двукрылку, редкого гостя городского небес, и вот уже кто-то затянул: “Эроплан, эроплан, посади меня в карман...”» (Дробиз, 2004).

О середине 1960-х гг.: «Все дети любят одни и те же стихи. Считалки, дразнилки. “Аэроплан, аэроплан! / Посади меня в карман! / А в кармане пусто, / Выросла капуста...” Стремительно меняется жизнь. Появляются новые предметы быта, неслыханные прежде, за ними входят в жизнь новые слова (“аэроплан”). Потом слова умирают, вытесняются другими. (Сегодня никто не назовет аэропланом реактивный самолет)... Но не меняется, не стареет, живет... – сегодня такая же молодая, как пятьдесят, и сто, и кто его знает сколько еще лет назад, – озорная детская считалка: “Шла кукушка / Мимо сети...” Видно, неспроста эти “нелепицы” не стареют, живут десятки, а то и сотни лет, умудряясь пережить многие, далеко от бессмысленные стихи, написанные настоящими поэтами. “Эне-бене раба, / Квинтер-финтер жаба...” Какая чепуха! Но, видимо, в этой “чепухе” есть что-то, очень нужное детям. Вот так в известном возрасте едят штукатурку, потому что организму недостает кальция... Эти заумные “нелепицы”... любят, выкрикивают, выплясывают все дети. Все, без исключения» (Сарнов, 1968, 90–91).

В Шадринске начала 1970-х гг. звучало: «Эроплан, эроплан, / Посади меня в карман, / А в кармане пусто, / Выросла капуста» (по воспоминаниям автора словаря).

Записано в 2002 году в г. Кондопоге «от неизвестного мальчика»: «Аро, аро, ароплан, / Посади меня в карман. /

А в кармане пусто – / Выросла капуста» (Лойтер, 2005, 201).

Ср.: «Самолёт, самолёт...»

«БАБА» – то же, что *Снежная баба*.

О 1950-х гг.: «В феврале в саду бело, / Груды снега намело... / Лепим “бабу” – вот она: / Мы нашли горшок без дна, / Вместо шляпы ей надели...» (Зарубин, 1959, 2).

О нач. 1960-х гг.: «Первый снег выманил на улицу всех Валеркиных друзей. “Давайте лепить бабу” – предлагает Шишпорёнок. Валерка не умеет делать бабу, но оказывается, это очень просто. Стоит только слепить небольшой ком снега, а потом кати его по земле, и он прямо на глазах растёт. Работа кипит быстро, и вскоре посредине двора стоит большая снежная баба. Ребята из угольков сделали ей глаза, рот, нос и даже бусы. Баба получилась смешная и важная» (Костюковский, 1965, 54).

«БАБА сеяла горох» – 1. Девичья подвижная игра с пением и прыжками.

А.Н. Мартынова о с. Мехонка [ныне] Курганской обл. в 1942–1943 гг.: «“Баба сеяла горох”... Игра девчоночья. Девочки образуют круг, в центре которого одна из них – “баба”. Все вместе поют эту песенку и делают вместе с “бабой” то, о чем поют: прыгают, ставят ногу на носок и др.» (ДПФ, 1997, 539).

Текст песни: «Баба сеяла горох. / Прыг-скок, / Прыг-скок. / Обвалился потолок. / Прыг-скок. Прыг-скок. / Баба шла, шла, шла, / Пирожок нашла, / Села, / Поела, / Опять пошла. / Баба стала на носок, / А потом на пятку, / Стала русского плясать, / А потом вприсядку» (ДПФ, 1997, 368–369).

О перв. пол. 1940-х гг.: «Помню, как неунывающая бабушка, играя с маленькой Машкой, пела: “Прыг-скок, прыг-скок. / Обвалился потолок!”» (Либединская, 1966, 174).

О десятиклассницах женской школы конца 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Раскрасневшиеся девушки забыли о своём возрасте, веселились и дурачились. Они организовали хоровод, и неожиданно от топота ног задрожал пол. “Баба сеяла горох, / Прыг-скок, прыг-скок! / Провалился потолок, / Прыг-скок, прыг-скок!” Казалось, что от таких прыжков не только потолок, но и всё здание может рухнуть» (Матвеев, [1947–1954] 1956, 177).

О перв. пол. 1950-х гг. «Дети II и III классов... увлекаются такими играми, как, например: “Узнай, кого нет”, “Узнай по голосу”. Но, к сожалению, игр такого типа у нас мало и до сих пор еще бытуют бессмысленные игры типа “Баба сеяла горох”» (ВВВР, 1955, 223–224).

О девочке двух лет в 1956 г.: «3 мая [1956 г.] Сегодня приходила в гости тетя Сима, учила Олюшку танцевать “Баба сеяла горох”. Восторгу нет границ, как и не заметна усталость у маленькой плясуньи» (Низова, 1961, 177).

О девочке 2,5 лет в 1957 г.: «20 января [1957 г.]... Когда шла спать, сказала: “Я буду хорошо спать, а то тетя Сима ко мне не придёт... Спокойная, ласковая, всегда весёлая, она любит петь и танцевать с Олюшкой. Самую первую игру-танец “Баба шла, шла, пирожок нашла” Сима разучила с Олей, когда та только что научилась ходить» (Низова, 1961, 114).

«БАБА сеяла горох» – 2. Детская игра-соревнование на выносливость с сидением под водой.

О перв. пол. 1980-х гг.: «Игра в воде в каникулы летом. Нужно было встать кругом, и, прыгая, приговаривать такие слова: “Бабка сеяла горох и сказала слово “Ох!””. После этих слов нужно заткнуть рукой нос и погрузиться с головой под воду. Игра кто больше просидит под водой, но обязательно должен быть смотрящий, который не ныряет, а считает, сколько, кто под водой продержится» (499).

О девочке в Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «В эту игру мы играли, только когда купались в воде. Вставали кругом, держась за руки и прыгая в воде, кричали: “Баба сеяла горох и сказала слово: “Ох!””. На слове “Ох” мы дружно уходили под воду и держались там, кто дольше. Выигрывал тот, кто выныривал последним» (1001).

О середине 1990-х гг.: «В эту игру мы играли летом, в 10–11 лет. Все участвующие становятся в круг в воде. Все вместе говорят: “Баба сеяла горох и сказала громко

“Ох!””. С этим “Ох!” все затыкают нос пальцами и опускаются под воду. Нужно пробыть под водой дольше всех. Кто вперёд всех выскочит из-под воды – тот проиграл» (019).

О д. Октябрь Шадринского р-на в 1997–1998 гг.: «В эту игру мы играли лет в 11–12, когда купались в реке. Все участники игры становятся в круг. Хором говорят слова, держась за руки: “Баба сеяла горох и сказала громко: “Ох!””. Со словом “Ох!” все должны нырнуть под воду. Кто дольше всех находится под водой, тот – победитель» (011).

О середине 1990-х и середине 2000-х гг.: «Название этой игры происходит от фразы, которую произносит один из участников. Обычно мы в нее играли летом во время купания. Мы заходили в речку по пояс, вставали в круг, кто-то из игроков говорил фразу: “Баба сеяла горох и сказала слово “Ох!””, и на слове “Ох!” все ныряли под воду. Кто первый выныривал, тот выбывал из игры. Побеждал тот, кто дольше всех продержался под водой. А наблюдал над соблюдением правил игры тот участник, который говорил фразу “Баба села на горох и сказала слово “Ох!””. Повторяли игру обычно несколько раз подряд. Летом 2006 года на озере Песковском видела, как дети нескольких отдыхающих семей, взявшись за руки, на весь пляж кричали эту фразу и ныряли в воду, набрав подные легкие воздуха» (018).

БАБАЙ – существо, которым в 1960-е – 1970-е годы пугали детей («бабай» по-татарски – дедушка).

О первой половине 1970-х гг.: «... Меня пугали, умиряли... каким-то дедом Бабаем... [Трубку телефона] мне... под страхом, что придет за мной Бабай, запрещалось... брать в руки. Дедушка, что грозил непрестанно его пришествием, не был в силах испросить прощения у Бабая за мои проступки. Деду был известен каждый мой шаг и все поступки, которые я совершал, но тотчас о том же узнавал и Бабай. Жил он, Бабай, всюду, где запрещено было гулять... Только прибежал я домой... как выглядывал из-за портьеры дедушка и всё уж знал. “Я же тебе говорил, не ходи со двора, не бери чужих яблок... – вздыхал дедушка. – Всё. Идёт, идёт за тобой... Пропал ты, Олеша... А я же тебе говорил!” Бабай жил на свете этом лишь по мою душу. Только за мною должен был он однажды прийти и забрать навсегда к себе... В ожидании наказания страх овладевал душой до того, что я в слезах молил дедушку не отдавать меня Бабаю. Дед всегда охотно соглашался спрятать меня и командовал залезть под огромную двуспальную кровать... под которой после лежал я не один час... В другой раз он говорил с Бабаем обо мне по телефону, сообщая тому, что я уехал домой в Москву, а за это несколько дней сидел я послушно в квартире и не просился гулять. Или отправлял опять же в комнату, сидеть в ней тихо, а потом заявлялся, когда был я уже ни жив ни мертв, и сообщал, что Бабай на этот раз не пришел. В ожидании этого прихода я прощался с жизнью... воображая пустое запертое жилище Бабая, где нету ничего, кроме, быть может, его собственной лежанки, и куда дед этот... утаскивал и до меня многих и многих грешных несчастных детей. Дедушка рассказывал, что детей, которые никого не слушались и попадали к Бабаю, никто уж не мог потом отыскать и спасти, а сам Бабай никого никогда не прощал: пока ты хорошо работал для него, во всем ему подчинялся, он оставлял тебя жить, а если снова не слушался или плохо делал, что он приказывал, то заживо съедал...» (Павлов, 2003).

БАБАЙКА – существо, которым пугают детей

О нач. 1980-х гг.: «В детстве я верила в Бабайку, который живет под кроватью и крадет маленьких детей, если те не спят. Я представляла его мужского рода в виде маленького уродливого человека с большим и длинным носом, острыми ушами, из которых идёт дым. Со лба на лицо и плечи свисают длинные грязные волосы, на спине огромный горб. Мне казалось, что он выскакивает из-под кровати и хватает детей, кот. не спят или лежат на краю кровати. Поэтому из предосторожности ложилась поближе к стенке и старалась побыстрее заснуть... В Бабайку я верила года в 4, но быстро перестала...» (577).

О с. Ольховке Шадринского р-на в 1990–1991 гг.: «Когда мне было 5–6 лет, старший брат иногда пугал меня бабайкой. Говорил, что она прячется в тёмных углах комнаты, когда включен свет, поэтому я боялась заходить одна в темную комнату. Для меня бабайка представлялся тёмным, мохнатым, горбатым существом с горящими глазами. Бабой Ягой, как помнится, не пугали, но из книжек я себе воображала ее, пыталась представить ее в жизни» (009).

О г. Шадринске в 1992 году: «Когда мне было 6 лет, мы вместе с моими родителями пришли в гости к бабушке. Была зима, бабушка затопила баню, и через несколько часов мы с мамой пошли в баню... Мы с мамой вымылись и пришли домой. И тут я захотела выбежать на улицу раздетая, так как после бани мне все еще было жарко и бабушка мне сказала: “Не ходи на улицу, видишь на улице темно и холодно, бабайка тебя заберёт с собой. И будешь ты жить с бабайкой и лешим в болоте”. После этого я всегда боялась заходить в тёмную комнату и выходить на улицу раздетой и когда темно» (028).

О 1991 гг.: «Мое детство прошло в г. Шадринске... Потом я выросла на 2 года (1991 г.) и перестала бояться Буканушку, а стала бояться Бабайку, которая живет у бабушки в дровенике (так сказал мне брат), поэтому я ревела, как только меня хотели увезти к бабушке, мотивируя это тем, что меня съест ночью Бабайка. Перестала бояться я лишь тогда, когда дедушка сходил со мной в дровеник и показал, что кроме старых вещей там никого нет. И я успокоилась» (012).

О начале 1990-х гг.: «В детстве я очень боялась засыпать одна или даже оставаться одной в темной комнате. Когда я ложилась спать, мне казалось, что из окошка ко мне прилетит “бабайка” и заберет меня к себе в лес» (094)

О 2001 году: «Меня в детстве родители бабайкой не пугали. У меня есть племянница, когда ей было три года (2001 г.), я её очень часто пугала, когда она пыталась открыть ящик, где у меня лежали мои тетради и фотографии. После того, как она узнала, что там сидит “бабайка”, она отходила от ящика и боялась к нему подходить. Но сейчас, когда ей исполнилось 8 лет, она уже не верит в “бабайку»» (022).

БАБА-ЯГА, баба-ёжка – старуха (персонаж русских волшебных сказок), которой пугают маленьких детей.

О начале 1910-х гг.: «Однажды наша бойка [четырёхлетняя] Марина струсилась. Няня уложила её спать, а сама собралась ужинать. Но Марина без умолку смеялась и болтала, не отпуская от себя няню. Наконец няня надоело это, и она сказала: “Слышишь, баба-яга стучит в окно!” “Где она?” – с любопытством спросила Марина. Няня подняла шторы. Из окна на девочку глянула черная ночь. Марина в испуге затихла. С тех пор она начала бояться темноты» (Малинина, [1951] 1954, 8).

О девочках 6–10 лет в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Если портилась погода и на улицу нас не пускали, мы играли в квартире, чаще у нас. Комната превращалась в дремучий лес и, хотя был день, ставни, для большего впечатления, закрывались. Одна из старших – Тамара или Нила избирались бабой-Ягой, а другая – Мамой. Баба-Яга уходила в “лес” и пряталась там под диваном или креслом, закрытыми чехлами. “Мама” с “детьми” жили в другой, светлой комнате и отправлялись в “лес” за грибами. Дети должны были весело гулять по лесу, рвать цветы и собирать грибы, не подозревая о присутствии бабы-Яги. Мы бодро напевали песенку, но голоса наши выдавали наш страх, ноги почему-то так и поворачивали к “дому”. И вдруг раздавался традиционный вой бабы-Яги. “Дети” тотчас кидались прочь из страшного леса, а баба-Яга с криком: “Чур-чур, я так не играю!” – выскакивала из засады и, пристыдив нас, возвращала назад, предварительно исчезая в “чаще леса”. “Дети” вновь начинали собирать грибы и время от времени раздавались вопли ужаса, когда кого-либо из нас хватала выскочившая из-под дремучего кресла баба-Яга. Игра эта продолжалась до тех пор, пока возвратившаяся с базара мама не открывала ставни, нарушив страшную прелесть игры» (Кубанева, 1988).

О с. Погорелке Шадринского р-на в 1992 г.: «Когда мне было 6 лет, меня пугали бабой-ёжкой, пугали родители, чтобы запретить что-нибудь. “Не сиди у Юльки допоздна, а то пойдешь домой, тебя баба-ёжка утащит”, – говорили они. Но если всё-таки случилось заиграться допоздна, я возвращалась, оглядываясь, боясь бабы-ёжки (хотя Юлька жила напротив, и расстояние от домов было метров 25–30). Родители и другие взрослые пугали меня, чтобы просто позабыться, так, когда выключали электричество, они говорили: “Сейчас придет баба-ёжка и утащит тебя”. Я начинала громко кричать и плакать, забиралась на колени к маме» (021).

«**БАБКА, бабка сколько время?**» – детская игра. Аналог игр «Царь, царь, сколько время?», «Заяц, заяц сколько время?».

О 1990-х гг.: «Ведущий отходит от остальных играющих на расстояние примерно 5 метров и останавливается. Поворачивается спиной к участникам игры. Один из играющих первый говорит: “Бабка, бабка, сколько время? / Я спешу на день рождения. / У меня часы стоят, / Ничего не говорят”. Бабушка назначает время. Например: “2 “зонтика”, 3 “лилипутика”, 5 шагов, 1 “гигант”, 4 “плевка”, 2 “лягушки”, 4 “кастрюли””. И первый игрок выполняет все эти действия. И так же все остальные – спрашивают время, затем выполняют задание. Цель игры – “заяпать” ведущего. Выигрывает тот, кто это делает. Он и становится ведущим, а бывший ведущий возвращается к остальным играющим. Объяснение игровых терминов: “зонтик” – поворот вокруг себя с вытянутыми в сторону руками; “лилипутики” – маленькие шажки на одной линии: где заканчивается один шаг, там же начинается второй; “гиганты” – шаги-прыжки; “плевки” – встаешь на то место, до которого доплонул; “лягушки” – прыжки из положения присяд (как прыгают лягушки); “кастрюля” – оборот вокруг себя, руки сомкнуты перед собой в кольцо, шаг шире, чем в “зонтиках»» (012).

«**БАБКА сеяла горох**» – см.: «Баба сеяла горох».

БАБКА-КОНФЕТНИЦА – персонаж детских вызываний.

О 1988–1989 гг.: «Я очень часто лежала в больнице, и так как в больнице много детей разного возраста и из разных мест, а ещё там нечем заняться, поэтому я много слышала страшных историй, которые случаются с теми, кто допустил оплошность при вызывании. Мы вызывали Пиковую даму, бабку-конфетницу, бабку-матершинницу, гномика... Бабку-конфетницу вызывали в 13 лет. К ножкам стула привязывали конфету и говорили: “Бабка-конфетница, выходи”. Должна была выйти (по рассказам девочек, с которыми мы вызывали бабку-конфетницу) маленькая старушка с зонтиком и спросить, что мы от неё хотим получить, и мы должны были назвать конфеты, которые хотим получить. Поэтому всегда, прежде чем приступить к вызову бабки-конфетницы, мы писали список конфет, которые хотим получить, и в каком количестве. Но, как всегда, к нам никто не выходил» (515).

Ср.: «Бабка-сладкоежка».

БАБКА-МАТЕРШИННИЦА – персонаж детско-подростковых магически-игровых действий («вызываний»). См.: *Вызывания*.

О с. Понькино Шадринского р-на в середине 1980-х гг. в: «Вызывание бабки-матершинницы. Брала два стула, за их спинки натягивали нитку, на этой нитке висел кусочек хлеба. Снизу над кусочком хлеба ставилась табуретка, на которой лежало зеркало, свеча, блюдце с водой, ножницы. В комнате должна быть абсолютная темнота. Затем нужно зажечь свечу и произнести заклинание: “Бабушка-матершинница, приди поругай нас”. В это время нельзя ни смеяться, ни разговаривать. А то бабушка-матершинница может руку оторвать. Когда бабушка-матершинница придет и немного поругает, нужно взять ножницы и расстричь нитку. Иначе бабушка-матершинница навсегда останется в этом доме. И все кругом будут злые и будут ругаться. Бабушку-матершинницу, девочки говорят, что видели, но материлась она не успевала. Мы вызывали её всегда с парнями. И парни начинали материться, прикалываясь, а

мы, девочки, в страхе оттого, что что-нибудь может случиться, сразу обрезали нитку» (514).

О 1985–1987 гг.: «Летом, когда я приезжала в гости к бабушке на каникулы, мы с моими сёстрами и их подругами любили вызывать “бабку-матершинницу”, “веселого гнома” и многих других. Я сама в это не очень верю, но мне было любопытно и интересно. Когда вызывали “бабку-матершинницу” мы ставили на табуретку два высоких стакана, переворачивали их, ставили на расстоянии друг от друга. Один стакан обвязывали белой ниткой, а другой чёрной, нитки соединялись, и получалось, как мост. На табуретку ложилась конфета и лучше всего шоколадная. В комнате должна быть полная темнота, ни лучика света. Все участвующие садились вокруг табурета и выбирали один, кто будет вызывать бабуку. Все сидят и молчат, а этот один вызывает бабуку-матершинницу. Он несколько раз говорит: “Бабка-матершинница, иди к нам!” Говорит до тех пор, пока не появится маленький огонек на табурете. Этот огонек будет бегать до тех пор, пока бабка не найдет конфету. Когда забираешь конфету, “бабка-матершинница” начинает выражаться нецензурными словами» (589).

О Шадринске в 1987 г.: «В детстве я каждое лето ездила в пионерские лагеря, а именно там вызывания и пользуются большой популярностью. Один случай, я запомнила особенно ярко. Мне было 7 лет, и в лагере я была первый раз. В нашем кубрике было 7–8 девочек. Там были две подружки постарше остальных. Именно они и предложили вызывать гномика... Там же в лагере мы вызывали “Три белых коня”... Ещё я помню такой случай. Одна девочка из нашей комнаты в лагере захотела вызвать бабуку-матершинницу. Но мы боялись, что она придет и будет громко материться, а нам за это попадет! И тогда девочки придумали, что они залезут в шкаф и будут вызывать ее там, а мы будем ждать, а чтобы она не вышла из шкафа мы все навалимся на дверцу и будем держать. Для того чтобы вызвать бабуку-матершинницу, надо было взять три стакана с водой, обвязать их ниткой и завязать на ней узелки. Всё это мы сделали, затем эти две девочки взяли стаканы в шкаф и залезли туда сами. Затем они стали звать бабуку-матершинницу. Мы – все остальные – сидели в тишине и ждали, что же будет дальше. Вдруг они завизжали и выскочили из шкафа, крича, что бабка появилась. Мы все с визгом навалились на дверцу шкафа, прижимая её, чтобы она не вышла оттуда. И мы все были уверены, что действительно слышим из шкафа какие-то слова. Потом мы прислушались и ничего не услышали, тогда потихонечку стали приоткрывать шкаф. В нём никого не было. Девочки, которые вызывали, сказали, что увидели маленький красный огонек, который двигался по ниточке и матерился. Мы им поверили, а потом ночью, боялись спать, думали, что она появится снова» (542).

«БАБКА-СЛАДКОЕЖКА» – персонаж детских *вызываний*.

О конце 1980-х гг.: «Вызывали бабуку-сладкоежку. Выключали свет в 12 часов ночи, натягивали ниточку, под ниточку клали конфету и приговаривали: “Бабка-сладкоежка, выйди, пожалуйста”» (489).

Ср.: *«Бабка-конфетница»*.

БАБКИ – русская нар. игра, в которой одной костью надкопытного сустава животного выбивают из круга другие кости, расставленные определенным образом.

И.П. Сахаров в начале 1840-х гг. описывает игру в бабки следующим образом: «В игре в бабки русские употребляют надкопытную говяжью кость, которая по городам и селам составляет особенный род промышленности мальчиков... Самые игры в бабки разделяются на бесчисленные виды...» (Сахаров, [1841] 1997, 169–171).

О нач. XX в.: «...[Отец] рассказывал нам о своем детстве... “В детстве босоногим мальчишкой вместе со своими сверстниками я любил убежать на луг, где мы играли в свои любимые игры. Одной из таких игр была игра в “бабки”. “Бабками” назывались небольшие округлые бараньи косточки, которые выстраивались в ряд, наподобие кеглей. Игра заключалась в том, что

ребята по очереди сбивали их тяжелой свинцовой “битой”. Выигравший забирал себе “бабки”. В эту игру начинали играть, едва успевал сойти снег и немного подсыхало»» (Кубанева, 1988).

О мальчишке 6–7 лет в 1915 г.: «Скоро можно играть в бабки. Отыскиваю старые за печкой, их осталось немного. Здорово обчистил меня в прошлом году Ванька Комаренок. Рука у него хорошо несет: резнёт по кону – бабки колотятся. Нет у меня панка-налитка. У Миньки Акатенка есть свинец, да он просит за него десять бабок. Достать бы барабанный зуб или плитку, а то и галька хороша. Федька Тормозенок сулил, да жадуля он» (Титов, 1965, 25).

О конце 1930-х – начале 1940-х гг.: «А для мальчишек любимая игра – бабки. Весной мы жадно следили, как тает снег, как появляются на бугорках первые проталинки. И вот когда немножко просохнет такой бугорок (пусть кругом еще снег), можно играть в бабки. Играющие ставят на этом бугорке в ряд свои бабки (косточки из ноги животных длиной сантиметров восемь) и по очереди бьют в этот ряд панком – более крупной бабкой, внутрь которой заливали обычно свинец, для увесистости. Выбитые бабки – твои. Какая была радость, когда от твоего сильного удара бабки брызгали в разные стороны! Бабки можно было обменивать, продавать, они были у нас “твердой валютой”» (Санников, 2001).

О 1942–1944 гг.: «Незаметно переключились на другие мальчишеские дела. Всем очень хотелось поиграть в бабки. Но старые бабки растерялись, а новых не было – скотину не кололи, берегли к началу зимы. Зато весной мы отводили душу. На первых дымящихся “пятаках” земли устраивались настоящие сражения. Налитые свинцом панки, длинные бабки, аж давали трещины – вот как мы били. Они то и дело улетали в снег, ещё лежавший вокруг, мы их выуживали оттуда и, грея руки дыханием, снова метали. Особенно мы любили солнцепёк против школы, на нём ранее всего возникала проталина. И едва уборщица, Марья Федоровна, встряхивала колокольчиком, как мы волной выплескивались во двор и бежали сломя голову к солнцепёку. Вместе с тетрадками и учебниками в наших холщовых самодельных сумках весной всегда лежали бабки... Эти воспоминания прервал чей-то спокойный голос» (Михасенко, 1959, 74).

О 1940-х гг.: «В каждом месте у ребятшек свои любимые игры: где “чиж”, где “лапта”, где “мяч”. А в Хакасии – “бабки” и “бараньи лодыжки”... Миша Коков был страстным любителем бабок и лодыжек, они вечно погромыхивали у него в карманах. Играл он замечательно и годам к тринадцати на всю округу приобрел славу непобедимого... Неподалеку стационные мальчишки играли в бабки. Миша подошел к ним полюбопытствовать. “Играешь? – спросил его. – Ставь!” Миша поставил и выиграл, поставил ещё и снова выиграл; пока лошади пили, почти все бабки оказались у него. Надо было ехать дальше, а выходить из игры на половине, когда есть большой выигрыш, – неудобно, и Миша отдал его обратно. Новичок понравился старожилам: мастак на игру и не жадный, они собрали свои бабки и пошли за ним. В тот же вечер Миша обыграл всех лучших “битоков”...» (Кожевников, [1940–1949] 1952, 97–98).

О 1950-х гг.: «“Значит, у вас моря нет? Во что же вы играете?” – спросил Валерий. “В рюхи, в бабки, в лапту”. “А что такое бабки?” “Что, не знаешь? – удивился Гринька. – Холодец, поди, ел? Ну, вот из ног коровьих бабки и получаются”. Валерий поглядел на него недоверчиво, сдвинул брови на переносе. “Это кости, да? Фи! Противно костюми играть”. “Вовсе нет. Я бы тебя научил, так не оторвался бы, выигрывал бы, полные карманы и шапку приносил бы”. Валерий осуждающе хмыкнул. Гринька замолчал, чувствуя, что Валерий не понимает его» (Дягилев, 1961, 21–22).

О 1980-х гг.: «[А. Самойлов:] “...Там, где играли повсеместно, прежде всего в деревнях, теперь редко где играют в бабки, лапту, городки, другие старинные русские игры. Современная ребятня, как правило,

слыхом не слыхивала об этих самых козонках, битках, литках и прочих бабках...» (НЛ, 2006, 45)

«БАБКИНЫ панталоны» – игра с вербальным провоцированием смеха; то же, что *«Панталоны»*.

О с. Межборном Притобольного р-на в 1991–1997 гг.: «В игру “Бабкины панталоны” играли на протяжении многих лет, когда мне было 7–13 лет. Участников может быть неограниченное количество. Выбирается один ведущий, остальные сидят перед ним в линейку. Мы обычно сидели на бревне, на улице, за оградой. Ведущий подходит по цепочке к каждому и задает любой вопрос, на который участник может ответить, только сказав: “Бабкины панталоны”. Например, мне запомнились следующие вопросы ведущего: “Что ты сегодня ел на обед?” Ответ: “Бабкины панталоны”. “Что у тебя вместо антенны?” Ответ: “Бабкины панталоны”. И т. п. Но самое главное то, что отвечающий не должен засмеяться при ответе, иначе он просто выбывает из игры или у него забирают обувь с одной ноги. Ведущий прячет обувь от участников, чтобы её не было видно (за бревно, за палисадник). Когда вся обувь участников окажется снята, ведущий различно перемещает обувь, путая пары, располагает “перемешанную” обувь в одну линию и нумерует её по порядку. Участники этого ничего не должны видеть. Когда вся обувь пронумерована, ведущий поочередно спрашивает у игроков какое-либо число (независимо от количества обуви; если обувь при счете заканчивалась, то её начинали считать снова), обувь под этим числом выдавалась игроку, то есть один ботинок, сандалий и т. п. с правой и левой ноги. Смысл состоял в том, чтобы у тебя оказалась целая пара, необязательно твоя, тогда ты выигрываешь. Для ведущего было важно не только придумать интересные вопросы, но и произнести его с особой интонацией. Иногда смешил не сам вопрос, а манера его произнесения. Играли в эту игру летними вечерами на улице. Вопросы обычно часто повторялись, но удержаться от смеха редко кто мог» (099).

О г. Завитинске Амурской обл. в 1992–1994 гг.: «Когда мне было 7–9 лет, мы играли в игру “Бабкины панталоны”. Дети садились на скамейки (в основном играли в беседке, где можно сидеть), заранее выбирают галящего (ведущего). Ведущий задает всевозможные вопросы каждому по очереди, стараясь рассмешить, например: “Что ты ел сегодня на завтрак? Что у тебя на голове? На чем ты сидишь? Как зовут тебя?” и другие. Задача играющих ответить: “Бабкины панталоны” и не засмеяться. У того, кто хотя бы улыбнется, ведущий забирает один ботинок (сандалий, туфель, тапок), затем, через кон, если улыбнется, второй. Игра переходит во вторую стадию, когда у всех участников, кроме ведущего, не остается ни одного ботинка. Затем ведущий за какой-либо перегонкой прячет обувь и расставляет их в одну или две шеренги. Игрокам предлагается назвать число. Ведущий отсчитывает ботинок и подаёт игроку. Каждому из игроков может выпасть два левых (правых, не своих, меньших) больших по размеру ботинок. Потом игроки обуваются и бегают наперегонки. Бегут по сигналу до черты и обратно. Кто прибежит последним, тот проиграл» (107).

«БАБКИ-ПУТАНИЦЫ» – игра, аналогичная игре *«Бабушка, распутай нас»*.

О середине 1980-х гг.: «В гляделки меня научил играть старший двоюродный брат... Точно так же играли в молчанки... Следующей, наиболее захватывающей игрой была игра в бабки-путаницы. Игра проходила с участием трёх человек, можно, конечно, и больше, но мы играли вдвоём. Два человека путались, а один человек распутывал. Я, как самая старшая, хитрила. Допустим, когда я путалась с кем-либо, то разжимала руки, а этого нельзя делать в игре и путалась по-другому. В таком случае нельзя было никак распутать. Когда сестры меня раскусили, то они стали делать точно так же. Меня это стало раздражать. Я им сказала: “Вы неправильно играете, не буду с вами играть”... А так как нас было трое, то они продолжали играть» (537).

БАБОЧКА – род игрушки.

О 1930–1931 гг.: «И вот вместо школы однажды шмыгнула в сельпо, в отдел игрушек, да так и простояла там все четыре часа... Запомнила дядьку, который палкой толкал вперёд большую бабочку, и она, хлопая крыльями, двигалась по полу. Брови у него подняты в блаженстве, а глаза озорно улыбаются. Он и не заметил, как локтем не дал сыну перехватить палочку. “Ну, пап”, – заплакал малыш, и отец с сожалением отдал сыну игрушку» (Мордюкова, 1998, 15).

«БАБОЧКИ» на снегу, делать (рисовать) «бабочек» на снегу – См.: *«Ангелы» на снегу*.

«БАБСКАЯ школа» – презрительно о женской школе.

О 1946–1952 гг.: «С тех пор как во время войны мальчиков отделили от девочек и они стали ходить в разные школы, появилось взаимное отчуждение. О девчонках – даже о тех, с кем когда-то, в первую зиму, сидели за партой, – говорили пренебрежительно, считая их ни на что не годными плаксами, об их школе – “бабская школа”» (Атаров, [1954] 1971, 357).

О 1946 г.: «Весной сорок шестого года Таня с Юрой стали собираться в школу. Очень обидно было думать, что им придётся сидеть... в разных классах... Первые же дни сентября принесли Тани горькое разочарование. Она так бежала домой, так хотела скорее поделиться с Юрой своими впечатлениями! А он стоял во дворе, окруженный мальчишками, и встретил Таню словами: “Ну, чему тебя научили там, в бабской школе?” С этого дня все переменялось... начались разговоры о делах “мужских” и “бабских”, о том, что с девчонками разговаривать не о чём...» (Долинина, 1963, 20–21).

«БАБУШКА, распутай нас» – игра, аналогичная играм *«Бабки-путаницы»*, *«Бабушкин клубок»*, *«Путаница»*.

О вт. пол. 1990-х годов: «Была среди девочек и игра “Бабушка, распутай нас”. Девочки вставали в так называемый хоровод, запутывались кто как мог (заранее выбирается “бабушка”, которая не видит, как остальные запутываются). После чего “бабушка” приходит и пыгается распутать девочек. Причем нельзя разрывать круг, расцеплять руки. В этом и состоит суть игры» (цит. по: Борисов, 2002–1, 80).

О середине 1990-х гг.: «“Бабушка, распутай нас”... Суть... игры заключается в том, что девочки, выбрав водящего (т.н. “бабушку”), встают в круг и запутываются (например, перекидывают ноги за руки), затем зовут “бабушку”, которая должна их “распутать”» (Эккеева, 1998, 59).

«БАБУШКИН клубок» – игра, аналогичная играм *«Бабки-путаницы»*, *«Бабушка, распутай нас»*, *«Путаница»*.

О Шадринске в 1991 г.: «Зимой мы обычно собирались на площадке общежития по 5 или 7 человек, а летом во дворе или около входа в общежитие. Играли мы и в классики, и в резиночку. Но любимые игры у нас были другие... “Бабушкин клубок”. Выбирается ведущий и уходит в другое место или отворачивается. Мы становимся в круг, держась за руки. Затем мы начинаем все запутываться, не разжимая рук. Приходит ведущий и распутывает нас так, чтобы мы приняли исходное положение. Если при распутывании разжались руки, то начинается игра снова. Иногда мы так запутывались, что не могли устоять на ногах и падали всей гурьбой друг на друга, а отсюда всегда ходили с синяками на коленках» (131).

«БАБЫ» – детская игра с комьями снега.

«Большие, скатанные из снега комья использовали в игре “бабы”. Сначала дети собирались, чтобы их скатать и установить на площадке на небольшом расстоянии друг от друга. Затем их оставляли на несколько дней, чтобы они хорошо подмерзли и “окрепли”. Когда комья платформ становились настолько крепкими, что выдерживали вес человека, дети собирались для игры. Количество игроков должно быть больше числа заготовленных комьев. В начале игры дети разбежались, а по команде каждый старался занять какой-либо ком, запрыгнув на него. Тот, кто не успевал, водил. Водящих могло быть от одного до трех-четырех человек. Они

старались спихнуть кого-нибудь со своего места и занять его. Стоящие на комьях, подзадоривая водящих, кричали: “Баба-баба!” Если удавалось занять чужой ком, то водящим становился тот, кого столкнули» (Зимица, 2006–2, 118).

БАДМИНТОН – (английское badminton), спортивная игра с воланом и ракетками на площадке, разделенной в середине сеткой. В бадминтон можно играть и без площадки с сеткой – на открытом пространстве.

О 1963 г.: «В моду вошла новая игра – бадминтон» (Киршин, 2002).

О Шадринске в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: «У меня единственной во дворе был бадминтон, и мы с подругой учились в него играть. Большим достижением было перекинуть воланчик три раза. А потом научились играть долго. Даже прилепляли к воланчику пластилин, чтобы он был потяжелее и ветром бы его не уносило. Большим переживанием было, когда порвались струны в ракетке» (1001).

О Шадринске в середине 1990-х гг.: «Лена, которая жила в соседнем подъезде, всё время ездила к своим родственникам в разные города. И каждый раз она привозила какую-нибудь новую идею, игру или конкурс. Так, однажды она “заразила” нас всех игрой в бадминтон. Все ребята накупали ракеток, воланчиков и начали играть – во дворе у нас всегда было много свободного места. Сначала играли парами до определенного количества очков, а потом те, кто выигрывали, соревновались между собой, и так, пока не останется один победитель. Сначала казалось, что будет сложно, ведь играли долго, но потом как-то привыкали и появлялся азарт, хотелось выиграть. Я всё время попадала в пару к мальчику Саше, а один раз я даже обыграла всех и осталась победителем. Потом мы приглашали команду к себе во двор из других домов, и соревновались с ними. Эти игры у нас проходили все лето, иногда продолжались и в следующем году» (516).

БАЗА – см.: *Пионерская база*.

БАЗАР детских игрушек – см.: *Игрушечный базар*.

БАЗОВАЯ школа – в 1950-е – 1960-е годы: общеобразовательная начальная, неполная средняя и средняя школа, «закрепленная за пед. учеб. заведением или научно-исследоват. ин-тами педагогики для проведения пед. практики студентов или для орг-ции научно-исследоват., экспериментальных работ по вопросам воспитания и обучения» (ПЭ, 1964–1, 161).

БАЗОВОЕ предприятие – организация, оказывающая учеб. заведениям практ. содействие в осуществлении трудовой подготовки учащихся и создающая для неё соответствующие условия.

В 1960-е – 1970-е годы базовым обычно являлось ближайшее к сред. школе пром. предприятие (завод или фабрика). Рабочие и инж.-тех. работники проводили с учащ-ся теор. и практ. занятия. На период произв. практики на базовом предприятии выделялись раб. места для учащихся. Адм. закрепление баз. предприятий за школами получило распространение в конце 1970-х гг.

Ист.: ТВПО, 1968, 23; СВ, 1990, 16–17.

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Баз. предприятие формирует как свои структурные подразделения учеб. цехи, участки, мастерские на собств. территории, в учеб. заведении, в УПК, обеспечивает хоз. и тех. обслуживание таких подразделений, ремонт помещений и др. ...Для орг-ции учеб. процесса базовое предприятие направляет специалистов и выделяет необх. оборудование. Базовое предпр-ие устанавливает... произв. задания, ведёт учёт выполненной работы и реализацию продукции, изготовленной учащимися, оплачивает труд учащихся... За учеб. заведением может быть закреплено неск. базовых предпр-ий, а одно базовое предпр-ие – за неск. учеб. заведениями. Базовое предпр-ие и учеб. заведение заключают договор о совм. работе, кот. определяет контр. содержание труд. подготовки учащихся, её формы, взаимные обязательства и сроки» (РПЭ, 1993–1, 68).

«БАКЛАЖЕЧКА» – популярная пионерская песня 1920-х гг. (баклажка – небольшой жестяной плоский сосуд). [...]

БАКФИШ – девочка-подросток.

Из словаря нач. XX в.: «Бак-фиш (иноск.) девушка-подросток (от 14-ти [до] 15-ти лет). Ср. “На более тонные вечера в Казино она не может ехать одна, а со своими бакфишами ей скучно...” П. Боборыкин. “Из новых”. 1, 9. “Нынче всякая девчонка, бакфиш в короткой юбке – уже личность, и всячески себя ограждает и хочет жить на свой страх” П. Боборыкин. “Распад”. 18. Ср. Backfisch – подросток (намек на небольшую, мелкую рыбу, употребляемую для жаренья)...» (Михельсон, [1912] 1994–1, 39).

О середине 1870-х гг.: «“Вы думаете, вы – бакфиш? – дразнил он меня с комично серьезным видом, хорошо мне знакомым. – Нет-с, далеко вам до бакфиша; вы – просто пеналькрете”» (Харузина, [1919] 1999, 246).

БАЛ – «Большой танцевальный вечер» (Словарь, 1950–1, 250); «Большой танцевальный вечер» (Ожегов, Шведова, 1996, 31).

Бал для старшеклассников.

«Это было 17 июня 1942 года... Я хотела уже собраться в парк, как вдруг увидела Риту. Она забежала ко мне, чтобы сообщить новость: сегодня во Дворце пионеров – бал для старшеклассников, и она принесла пригласит. билеты на вечер. “Ты собирайся, – сказала она, – а я сбегу к Лиде. Ну что, пойдём во Дворец или в парк?” “Давайте во Дворец!” Рита ушла, а я стала собираться – погладила свое полотнояное с вышивкой платье и вышла на крыльцо, чтобы почистить зубным порошком белые парусиновые с голубой резиновой каемочкой, модные тапочки» (Кубанева, 1988).

БАЛАЛАЙКА – «Струнный народный музыкальный инструмент с треугольной декой» (Словарь, 1950–1, 251).

Игрушечная механическая балалайка.

О Москве 1910-х гг.: «Папа не любит механических игрушек: крутишь вправо ручку, которая приделана посредине этой балалайки, и всегда один и тот же мотив...» (Сац, 1973, 37).

БАЛАХОН – о 1990-х – начале 2000-х гг.: особая подростковая одежда.

О дер. Подгорка Притобольного р-на в 1998–2001 гг. и о Шадринске в 2002–2007 гг.: «Балахон – кофта из чёрного трикотажа с начёсом, с капюшоном. Они бесформенные, с длинными рукавами. Спереди – изображение популярных муз. групп и исполнителей (чаще – в стиле “тяжелый рок”). Их носили любители музыки этого стиля, просто так балахоны, по-моему, не надевали. Появились они уже в конце 1990-х гг. (1998–1999 гг.). Балахоны носили (и сейчас носят) чаще подростки 12–17 лет, увлекающиеся музыкой в стиле тяжелый рок» (072).

О подростках 13–15 лет в г. Катайске в 1998–2000 гг.: «“Балахон” – вид одежды, сшитый из тёплой ткани, чаще всего чёрного цвета, с изображением смертной символики (череп, скелеты, косы, смерть в чёрном балахоне с капюшоном). “Балахон” имел остроконечный капюшон. Я такой не носил, но носили мои знакомые» (202).

«БАЛДА», игра(ть) в «балду» – графическая игра в слова.

Из статьи об играх (раздел «Игры с буквами и словами»): «“Балда”. Играют двое. Первый записывает на листе бумаги любую букву, второй приставляет к ней слева или справа свою [букву], при этом он имеет в виду какое-то слово (существительное в именительном падеже и единственном числе). Первый добавляет (опять-таки слева или справа) ещё одну букву, имея в виду своё слово... Это продолжается до тех пор, пока кто-то из играющих не сможет приписать новой буквы или будет вынужден приписать такую, что получится слово, которое имел в виду соперник. Его проигрыш отмечается буквой Б. Ещё раз проиграл – к Б присоединяется А. Потом возникает БАЛ, и в конце концов кто-то доиграется до слова БАЛДА. Партия сыграна, можно начинать заново... “Королевская балда”. Вычерчивается квадрат три на три клетки (или чётыр на четыре, или пять на пять). По средней горизонтали в клетки вписывается слово из трёх (четырёх, пяти) букв. Затем соперники (их двое) по очереди вписывают одну букву в любую пустую клетку по соседству с которой буква уже есть, – так, чтобы при этом возникло новое слово;

цепочка букв, из которых оно сложено, должна, разумеется, быть неразрывной и не пересекаться сама с собой (то есть нельзя использовать дважды букву одной клетки). Игрок получает за свой очередной ход столько очков, сколько букв в его новом слове (поэтому надо стараться составлять слова подлиннее)» (Дружинин, 2004, 11).

О 1960-х гг.: «...На скучных предметах всегда весело, потому что всем не до учителя, все занимаются своими противозаконными делами. Можно... с Колькой Калашниковым... поиграть в перышки... Можно и в “балду”, и в “морской бой”, но это уже с Банниковым...» (Ионин, [1983] 1988, 104).

О перв. пол. 1970-х гг.: «“Балда”. На листе бумаге расчерчивают квадрат 5 x 5 клеточек. На средней горизонтали пишут слово “балда”. Играющие по очереди приписывают букву, так чтобы из части имеющихся, следующих подряд друг за другом букв и новой получалось бы осмысленное слово. Игроку засчитывают столько баллов, из какого числа букв состоит слово. Можно увеличить размер квадрата и в качестве начального выбрать любое другое слово. В эту игру удобно было играть на уроках» (Томилова, 2006).

О 1970-х гг.: «“Я это предвидел, – сказал Генка... – Конечно, хотеть раз в год на “Щелкунчика” и играть в “балду” легче. Никаких тебе хлопот...”. “Лучше в “балду” играть, чем тут по лестницам вверх-вниз без толку носиться...” ...Ни говорить, ни играть в “балду” уже не хотелось» (Фёдоров, 1983; 25–26, 47).

О первой половине 1980-х гг.: «Однажды на перемене играли с [Мишкой] в “балду”. Я проиграл – и так мне плохо, так Мишка заставил меня тридцать раз кукарекать. Правда, перед игрой мы так и условились» (Линчевский, 1987, 45).

БАЛЕТ для детей – балетный спектакль, предназначенный для детей.

О 1890-х – 1950-х гг.: «В дорев. России балетные спектакли ставились для детей на воскресных “утренниках” (балеты П.И. Чайковского, “Конёк-Горбунко” Ц. Пуни, “Кот в сапогах” Ц. Кюи, “Волшебное зеркало” А. Корещенко, “Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях” А. Лядова и др.). Но эти спектакли были доступны лишь детям имущих классов. В годы Советской власти были созданы специально для детей балеты: “Аистёнок” Д. Клебанова, “Аладдин и волшебная лампа” Б. Савельева, “Доктор Айболит” И. Морозова, “Сказка о попе и работнике его Балде” М. Чулаки, “Три толстяка” В. Оранского, “Двенадцать месяцев” Б. Битова, “Ивушка” О. Евлахова, “Конёк-Горбунко” Р. Щедрина и др. Советские муз. театры обязательно включают в свой репертуар классические балеты-сказки (“Лебединое озеро”, “Спящая красавица” и “Щелкунчик” П.И. Чайковского, “Копеллия” Л. Делиба, “Золушка” и “Сказ о каменном цветке” С. Прокофьева и др.), которые ставятся для детей на утренних спектаклях в воскресные и праздничные дни и дни шк. каникул. Ос. интерес для эстетич. восп. школьников, особенно старшеклассников, представляют балеты, созданные на сюжеты произв. рус. классич. лит-ры (“Кавказский пленник” и “Бахчисарайский фонтан” Б. Асафьева, “Медный всадник” Р. Глиэра..., “Тарас Бульба” В. Соловьёва-Седого и др.), а также произв. мировой классики (“Ромео и Джульетта” С. Прокофьева..., “Дон Кихот” А. Минкуса... и др. Кроме балетов проф. театров, существуют балеты, кот. ставятся на сценах внешк. учреждений, клубов и школ хореограф. кружками» (ПЭ, 1964–1, 163–164).

БАЛЕТКА – небольшой чемоданчик, использовался как портфель.

О девочке-подростке в с. Альменево Курганской обл. в 1967–1968 гг.: «До старших классов покупали дерматиновые портфели, к которым как кисет привязывалась чернильница... В 9–10 классах покупали уже не портфели, а балетки – небольшие чемоданчики» (018).

БАЛЕТНАЯ студия – кружок, в котором обучают основам балетного искусства.

О 1938–1939 гг.: «Года два назад я начинала ходить в балетную студию вместе с Любей Завадиной. И хотя мы

были уже большие для вновь поступающих, после испытательного срока меня приняли на третьем занятии, а Любу немного позже. Мы хорошо занимались у станка, свободно делая ногами всевозможные “позиции”, легко мы делали “Дункановский прыжок”, у меня балетмейстер похвалил руки, а Люба прекрасно делала шпагат. Но когда дело дошло до колеса, то есть надо было боком с разбега падать на руки и переворачиваться, я отказалась наотрез делать колесо и ушла из балета» (Кубанев, 1988).

БАЛЕТНАЯ школа.

«Ведь именно папам и мамам надо принимать решение – отдавать чадо в балетную школу или нет... [Юлия Яковлева] рассказывает... о том, как суров первоначальный отбор в балетную школу (здесь важно всё: осанка, телосложение, чувство ритма, приятная внешность, а главное – талант и характер). О сотнях часов, которые предстоит провести ученицам у балетного станка. О пролитом поте и натёртых до крови мозолях» (Мирошкин, 2007, 22).

БАЛЬНЫЕ танцы – танцы, музыка и фигуры которых предназначены преимущественно для исполнения на танцевальных вечерах в больших залах.

Разучивание и исполнение бальных танцев (*Краковяк; Мазурка; Падесгра; Падекатр; Падепатинер; Падеспань; Падефир*) было частью жизни учащихся старших классов во второй половине 1940-х – 1950-х гг.: «Это было начало пятидесятых годов, детей учили чинным танцам Смольного института благородных девиц» (Петрушевская, 1999, 16–17).

О Шадринске в 1945–1947 гг.: «Директором школы была Ольга Ивановна Антонова. Она и моя мама, Софья Николаевна, обучали учениц старших классов бальным танцам (па-де-катр, па-д’Эспань, краковяк, полька, чардаш, венгерка, русско-славянский и др.). Сначала мама объясняет танец стройной и изящной Ольге Ивановне, потом та, уже с одной из учениц, показывает по отдельным фигурам остальным, а мама на сцене играет. Потом все – множество пар – танцуют по кругу, а я выглядываю в зал из-за пианино» (Иовлева, 1995, 31).

О Ленинградском нахимовском военно-морском училище: «18 сент. 1944 г. – первое зачисление в Ленинградское нахимовское училище... Занятия ин. языками..., бальными танцами – вальс, падепатинер, падекатр (бальные танцы преподавали до 1959 г.)...» (Зиновьева, 2003).

Ср.: *Вальс; Фокстрот.*

«БАНАН» – оценка 2 (два, двойка) на школьном жаргоне.

О вт. пол. 1970-х гг.: «На физике я поспорил с Гарриком и схватил “банан”. Двойке я ни капельки не удивился: вчера во дворе девчонки из 5-го “Б” нагадали мне по руке неприятность... На следующий день по расписанию был труд. По правде сказать, в мастерскую меня совсем не тянуло. Не очень-то приятно, когда над тобой смеются. А исправить “банан”... Васька играл с соседом в морской бой, а я гадал, удастся мне до конца четверти исправить двойку или нет» (Ампелово, 1980; 38, 46).

«БАНАНЧИКИ», «бананы» – молодые веточки клёна, которые дети едят, снимая тонкую кору.

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «“Бананчиками” у мальчишек и девчонок 5–7 лет в нашем дворе г. Шадринска в 1990–1992 гг. назывались молодые побеги клёнов, которые мы охотно употребляли в пищу. Наверно, такое название появилось из-за того, что прежде, чем съесть “банан”, нужно было его очистить от листочков и “распечатать”, как настоящий банан. Побеги клёна были вкусными и сладковатыми, мягкими, поэтому мы их сразу объедали, а затем ждали появления следующей порции “бананчиков»» (012).

О с. Погорелка Шадринского р-на в 1996 г.: «Когда мне было 10 лет, мы с подружками любили ползать по деревьям. На футбольном поле Погорельской школы в ряд были посажены деревья клены. Нас было 3 девочки. У каждой – свое дерево. Мы называли себя – орангутанг, шимпанзе, мартышка. Питались на деревьях “бананчиками”. Это молоденькие веточки клена, они зеленые и мягкие. Мы снимали с них кожуру, как с бананов, и ели их. Мне они не нравились, они были горьковатые» (021).

«БАНАНЫ» – «...брюки, расширяющиеся где-то на уровне колен и сужающиеся к щиколотке, которые не имеют традиционной стрелки» (Орлова, 1988, 145); «брюки, расширенные на бёдрах и суживающиеся к щиколотке, не имеющие традиционной стрелки. Вошли в моду в 80-е годы XX века» (Терешкович, 1999, 34).

Из книги, подписанной в печать в 1988 г., о мальчиках начала 1950-х гг.: «Мы носили короткие штаны... Длинные брюки – это было событие! “Варёные” джинсы или “бананы” – нынче куда меньшая редкость» (Алмазов, 1989, 6).

О нач. 1990-х гг.: «“Бананы” – не очень широкие тканевые брюки, которые на щиколотке были собраны полоской ткани. На талии была либо резинка, либо тканевый пояс. Носили их не часто, но нам с сёстрами по паре таких брюк сшила тётя. Это было в 1990–1992 гг.» (073).

БАНДАНА – платок (косынка) с надписями (названия музыкальных групп, известных автомобилей и т. д.), яркой символикой, носится главным образом на голове, завязывается узлом на затылке, в некоторых случаях носится на руке, повязывается в виде браслета на предплечье.

Рекомендации девочкам-подросткам на лето 1996 года: «Отвзнее тебя во дворе девчонки не найти – смело надевай косыночку – банданно (бандан в простонародье)» (Шумская, 1996, 5).

О 1998–1999 гг.: «Бандана – это был платок большой из чёрного материала, на котором пришиты рисунки (череп, череп с костями, как у пиратов). Это был головной убор рокеров, хулиганов, показывая их стиль; в нашем случае – подражание “внешней крутизне”. Этот платок был у моего брата, он его купил, когда учился в ДОСААФ, но открыто носить его стеснялся. Я его надела сама в школе, когда нужно было переодеться в парня» (110).

О девочке 10–12 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1998–2000 гг.: «Моя одноклассница носила вместо осенней шапки кожаную черную бандану с вельветовыми вставками. Мальчишки примерно в это же время носили летом яркие банданы с пестрыми узорами, рисунками (череп, пистолеты, мечи, ножи)» (134).

О конце 1990-х гг.: «Бандана – треугольная косынка из плотной ткани с различными рисунками, надписями. Её носили на голове, закрывая лоб, при этом сзади кончики косынки завязывали на затылке. Впервые я их увидела где-то в 1997–1999 гг.» (073).

О мамльчике 14 лет в Катайске в 2000 г.: «“Бандана” – головной убор в форме платка, чаще всего тёмных цветов. Я носил бандану в 14 лет. Бандана повязывалась на голову узлом на затылке» (202).

О Шадринске в 2002 г.: «Банданы появились у нас в 9 классе. Сначала появились банданы-косынки, то есть любая косынка, например, у меня была шёлковая, заворачивалась, как бандана. Завязывались они под волосами, возле шеи. Потом стали появляться специальные банданы – с особыми рисунками, из чёрного материала. У меня была бандана со смайлом (жёлтой рожницей), а у моей подруги – с черепом. Банданы мы носили мало, примерно один год, а потом и вовсе не ходили в них» (012).

О перв. пол. 2000-х гг.: «Нынче девочка, которая ещё недавно щеголяла в бейсболке, лихо натянутой козырьком назад поверх банданы, начинает тяготиться унылым унисексом и всё чаще тянется к более женственному образу» (Индустрия моды, 2006, № 4 – С. 14).

«БАНДЬЕРА РОССА» – (в переводе – «Красное знамя»), песня испанских революционеров, была популярна в СССР начиная с периода поддержки Советским Союзом республиканцев в середине 1930-х гг.

О лете 1936 года: «А Карла Бруннера играл настоящий мальчик, такой же, как Митька!.. А как этот мальчишка пел в конце пьесы знаменитую песню “Бандьера росс”! Два раза Митька был на спектакле, и оба раза весь зал подхватывал песню... А потом пришло время для песни, которая была главной. Главной – в ту пору. Ее пели по-русски и по-итальянски. По-испански и по-немецки, у нее было много переводов, а кто не знал слов, находил их тут же. И, быть может, перевирая незнакомые слова, но

зато со звонкой силой выводил Вовка в высоту: “Аванти, пополо, а ля рискосса! / Бандьера росс, / Бандьера росс!” И с той же силой повторяли Валька и мальчишки: “Вперед, товарищи! Гори над нами / Победы знамя, / Свободы знамя!” Потом Митька вспомнил немецкий припев: “Ди ротэ фанэ, / Ди ротэ фанэ...” И совсем притихла улица, слушая боевую песню Испании: “Ты, знамя алое, / Красней зари, / Ты, знамя красное, / Гори, гори...” Они стояли и пели у самой крыши, среди тополиной листвы, под бледными ионьскими звездами, веселые, абсолютно бесстрашные, готовые лететь навстречу всем пулям и штыкам, навстречу всем врагам. Вместе с песней, яростной, как горячий ветер...» (Крапивин, [1971], 2001; 12–13, 68–69).

БАНКА из-под пива – небольшой цилиндрический контейнер из металла доля хранения пива.

Банки из-под пива.

Об учащихся 5–7 классов в Шадринске в 1990–1992 гг.: «...Модно было играть в пробки от одеколонов, духов. Некоторые накапливали сто и более пробок... Я тоже играла и копила пробки. Ещё я копила пачки (пустые) от сигарет, они висели на стене, вся стена была в пачках, и многие копили такие пачки, ещё копили баночки из под пива» (583).

«БАНКА» – игра.

О с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1999–2002 гг.: «Игра “банка”. Чертилось четыре горизонтальные полосы на расстоянии примерно полутора метров, они подписывались буквами “В” (валет), “Д” (дама), “К” (король), “Т” (туз). Ставилась одна банка, и был водящий. Все играющие стоят на полосе с буквой “В” (то есть на самой дальней) и по очереди пытаются сбить банку. Когда все палки будут за периметром полосок, все играющие одновременно бегут забирать палки, а водящий джолжен задеть любого из команды, и тогда тот станроится на его место возле банки. Выигрывает тот, кто первым становится на букву “Т” и сбивает банку. Кстати, если игрок сбивает палкой банку, он передвигается на другую букву, которая расположена ближе к цели (к банке). Игали вплоть до 15 лет» (141).

«БАНКИ» – 1. Игра.

О г. Далматово в 1991–1995 гг.: «Все игры, которые приведены здесь являлись неотъемлемой частью моего детства, в период с 11 до 15 лет... “Банки”. Очень интересная игра, хотя и потерявшая популярность в последнее время. Количество игроков не менее трех человек, игра проходит обычно на расчерченном мелом асфальте. Поле имеет горизонтальные полосы с названиями мастей: первая – “валет”, вторая – “дама”, третья – “король”, четвёртая – “туз”. Последняя черта посередине проводится в нескольких метрах от полосы “туз”. Цель – добраться до последней полосы. Сначала играющие выбирают галящего, кидая каждый свою палку с помощью ноги; тот, у кого она окажется ближе всех, и становится галящим. После этого каждый участник имеет три попытки для броска по банке из-за полосы влета. При удачном попадании киданый должен успеть вернуть палку и при этом, коснувшись ею круг[а], сказать “Клём”. Галящий же должен успеть поставить банку на место и коснуться палкой игрока, сделавшего бросок, после этого уже сам сбивает банку и бежит за черту. Проигравший должен выполнить желания победителей. Остальные должны пройти все ступени от вальта до туза, на каждом поле по три попадания. Игрок, находящийся на поле, – “туз” – имеет иммунитет и не может стать галящим, однако его может сместить игрок стоящий перед ним. Бывает и еще одна полоса (причем практически всегда – “бессмертный”) она идет после “туза” и также обладает иммунитетом» (547).

«БАНКИ» – 2. Игра, аналог игры в горючки.

О середине 1990-х гг.: «“Банки”. В эту игру играли в 1997 году на улице, во дворе, в городе Лянторе Сургутского района Тюменской обл., когда мне было 12 лет. Мы находили банки железные, строили из них различные пирамиды или просто ставили в линию. Отходили на расстояние (очерчивали черту) за черту. И

по очереди кидали палку, чтоб сбить банки. Выигрывал тот, кто сбивал больше банок» (015).

БАНТ – украшение из ленты, завязанной узлом со свободно выпущенными петлями.

О начале 1890-х гг.: «В конце зала... появилась девочка в коричневом платьице... Волосы были зачесаны в косу, за ушами на затылке черный бант» (Толстой, [1919–1922] 1984, 109).

О 1910-х гг.: «Ну как же Таньке не форсить? Сапоги у неё новенькие со скрипом. Платье крахмальное топорщится. Три банта на голове, и все разного цвета – розовый, фисташковый, яичный» (Васильева, 1971, 169).

О середине 1910-х гг.: «Там собралось уже много детей: нарядная Ляля с огромным, похожим на пропеллер бантом в волосах... Дети чинно сидели вдоль стен и разглядывали друг друга. Мальчиков было всего двое... Остальные были девочки. Все они были очень нарядные, в кружевах, воланчиках и бантиках. У одних банты торчали в волосах, у других на плече, у третьих были шелковые кушаки с бантами, а у одной девочки было целых шесть голубых бантов: один большой на голове, два поменьше на плечах, один огромный на поясе и два совсем маленьких на лайковых туфельках» (Бродская, [1938] 1957; 23, 56).

О начале 1950-х гг.: «На площадке, окруженной березами, он задержался. Сюда сбежали девочки Железнодорожного поселка показать свои новенькие форменные платья и пышные шелковые банты... “А он какое имеет право? – запальчиво ответила Женя и вырвалась. – Мы его ни чуточки... не трогали, а он... за бантики дергал...”» (Ликстанов, [1953] 1964, 422).

О нач. 1950-х гг.: «Лена в день Восьмого марта / Говорила мамам реч. / Всех растрогал белый фартук, / Банты, локоны до плеч» (Барто, [1954] 1969–2, 99).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Тут из парадной вышла девочка Люся; у неё было белое нарядное платье и на голове, будто бабочка, капроновый бант». (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961, 7).

О 1950-х гг.: «Ариша... когда увидела Алёнкины банты, то и сама засмеялась. “Эх, ты, – сказала она, – если у тебя только одна белая лента, так и косу заплети одну!” Ариша быстро расплела Алёнкины косы, из двух кос сделала одну и завязала белым бантом. Бант получился очень красивый...» (Воронкова, 1961, 9).

О нач. 1960-х гг.: «Таиска стояла одна-одинёшенька в своей накрахмаленной юбочке... “Какая ты нарядная, Таиска, – сказала баба Таня. – И банты в косах – просто мотыльки...”» (Цюрупа, 1964; 195, 204).

О нач. 1960-х гг.: «...Стояли девчонки..., и в волосах у них были... гребёнки и прозрачные капроновые банты...» (Цюрупа, 1964, 248).

О нач. 1960-х гг.: «Девчонка тоже шею вытянула. Бант у неё розовый, капроновый» (Долинина, 1962, 97).

О нач. 1960-х гг.: «Бант у Насти / Как корона, / Как корона / Из капрона» (Барто, [1964] 1969–1, 364).

О г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «В те годы в детский сад ходили очень немногие. Нас с сестрой устроили... Единственно, кому мы завидовали, так это обладателям капроновых бантов, которых у нас не было, но их мама брала у знакомых напрокат на праздник или сфотографироваться» (Мосалова, 2007, 7).

О 1980-х гг. в г. Карталы Челябинской обл.: «В школу я пошла в далекие 80-е годы... Коричневое платье, белый фартук, воротничок и манжеты... Своим нарядом я безмерно гордилась! Завершали образ белые гольфы и бант. Мама всегда делала мне большущий бант, собранный при помощи резинки и иглки в розочку. Пожалуй, любовь к этому я сохранила намного дольше одноклассниц – класса до седьмого я украшала свои волосы разноцветными капроновыми лентами. (Малеева, 2006, 3).

«БАНИО делать» – см.: «Делать баню».

БАНЯ – специальное помещение для мытья.

О 1994–1996 гг. в Шадринске: «В девятом классе мы с подружкой... в августе решили ехать в пионерский лагерь. Я сбежала оттуда через неделю. Меня убивал распорядок дня, эти пустые, глупые занятия, выпендрёжничество, открытый девичий цинизм, пошлость и грубость.

Единственное, что мне понравилось – это баня: большая комната, свободная, много тазов и горячей воды, там было тихо и пусто – там было ощущение свободы. Я позвонила маме и меня тут же забрали, я забилась к бабушке в дом на весь август... У бабушки я уходила в баню на полдня, напаришься – отдыхаешь, напаришься – отдыхаешь, выйдешь из бани часа через четыре – хорошо. Раньше мы с мамой в бане обсуждали прочитанные книги, делились мыслями (класс 9–11), потом я стала маму стесняться и стала ходить в баню одна. А если с мамой, то мыться, без душеоткрывательных разговоров» (1001).

См.: *Мальчики в женской бане; Печка; Подглядывать в женской бане (о мальчиках).*

«БАНЯ» – гриб. См.: «Делать баню».

БАРАБАН – ударный музыкальный инструмент в виде полого цилиндра, основания которого обтянуты кожей.

Неизвестный автор 1800-х гг. в стихотворении «К осемилетнему мальчику»: «Куклы, дудочки и скрипки, / Барабан гремющий твой / Уж, конечно, без ошибки / Не поссорится с тобой» (РПД, 1989, 112).

С начала 1920-х гг. барабан – один из атрибутов пионерского отряда.

Из издания 1961 г.: «Дружина и отряды имеют пионерские горн и барабан. Пионерский отряд имеет красный флажок...» (Товарищ, 1961, 78).

О 1970-х гг.: «Пионерский барабан звучит во время парадов, шествий и походов пионеров. Начало многих пионерских ритуалов – пионерской линейки, выноса Красного знамени дружины, подъёма флага и др. – всегда сопровождается барабанной дробью» (Денисова, 1978, 62).

См. также: *Барабанщик.*

«БАРАБАН» – журнал юных пионеров, орган Московского комитета Российского коммунистического союза молодежи, издавался в Москве в 1923–1926 гг. [...]

В 1925 году тираж «Барабана» достиг 20 тыс. экз. [...]

«БАРАБАНИТ по улице дождь...» – песня, популярная у подростков в 1980-е – начале 2000-х гг. [...]

См. также: *«За окном барабанит дождь».*

БАРАБАНИЩИК – пионер, подающий сигнал или отбивающий такт на барабанах при маршировке.

О 1927 году: «А впереди строя, с отрядным знаменем в руках, выступает сам председатель базового совета Димка Логвиненко. Справа от Димки вышагивает барабанщик Вася Янченко... Кепка лихо заломлена набекрень. И причина всего этого – пионерский барабан, который висит у него на груди. Нет в школе, нет в целом Январском районе и, вероятно, во всем Киеве такого барабанщика! В строю Вася и барабан – одно нераздельно целое, звучное, озорное существо. Вот Вася берет в руки палочки, ударяет по тугой коже барабана. И – тра-та-та, тра-та-та!.. – послышалась бодрая музыка. Как весело, как легко шагается под нее! Когда барабанщик умолкает, пионеры начинают песню» (Шкаровская, 1963, 73).

О Шадринске в нач. 1930-х гг.: «В пионерский лагерь и из него мы всегда шли пешком под дробь барабана. Барабанщиком был Миша Морозов. Шли с песнями» (Такунцева, [1989] 2002, 44).

О нач. 1970-х гг.: Отрядный барабанщик назначается советом отряда. Он должен уметь исполнять “Марш” и “Дробь”. Место барабанщика на линейке в строю – на правом фланге, рядом с горнистом» (Денисова, 1978, 62).

О 1980 г.: «Я научился здесь барабанить пять маршей. Могу организовать у себя школу барабанщиков» (Пионерская правда, 1980, 4 июля; цит. по: Мокиенко, 1998, 43).

«БАРАНКА» – школьно-жаргонное название оценки «неудовлетворительно», «плохо», «двойки».

Об ученике 8–9-го классов в 1940–1941 гг.: «10 октября. Вчера схватил “баранку” по литературе и взял тетрадь у Ольги, дабы подучить... 9 ноября... Он часто пропускал школу и поэтому всегда имел “баранки”... 14 ноября... Учеба снова захромала, вчера схватил “баранку” по немецкому, хотя и учил троекратно.

Вообще я начинаю приходить к выводу, что я не могу учиться хорошо... 28 ноября... Мое больное место – школа. “Баранки” сменяют “посы”... 1 декабря... Завтра надо идти к “зубоврачу” и исправлять “баранки”... 3 декабря... Я едва добрался до кровати и заснул тяжелым кошмарным сном, который не помешал мне, впрочем, проспать до 10 часов и получить четвертую “баранку” по алгебре. Всё дальше и дальше отхожу от школьной жизни, с которой меня роднят разве только “баранки”, не считая Ольги. Она стала теперь такой красивой... 14 января... В школе пока все нормально. “Баранок” нет... 14 февраля... Мне надо: а) прочитать штук 6 толстых книг...; д) ликвидировать “баранку” по тригонометрии... 25 февраля... В школе завтра напишу контрольную по тригонометрии и вообще навалюсь на ликвидацию трех проклятых “баранок”... 22 марта... Все “баранки” выправлены и раны залезаны, а ведь немало труда я вложил в это дело. Последнюю неделю я буквально не вылезал из дому: утром вскакивал и садился за уроки; придя из школы, снова ишачил до поздней ночи, и вот все в порядке. Правда, если повнимательнее взглянуть, то четверть закончена позорно: два – “хора” и одна – “пятерка”. Остальное – “жучки”, “жучки”, “жучки”. Но ведь и “баранок” было немало, а их я всех “попридавил”» (Сагайдачный, 1963; 90, 98, 100, 104, 105, 106, 128, 149, 154, 162).

«**БАРАНКИ, баранки...**» – игра с детьми.

О с. Мыржайском в 1988–1989 гг.: «“Баранки, баранки, / Бух головой”. Это игра с детишками. Нужно встать так, чтобы лбы оказались на уровне. Затем нужно качать головой в разные стороны, одновременно приближаясь лбами, друг к другу, а затем тихонько сталкиваться ими. И всё заново. Мы это делали с сестренками обычно. Мне было годовиков 4–5. Сейчас я делаю это с Викулькой, ей 8 месяцев. Очень нравится ребенку, она сама тянет голову, чтобы это сделать» (106).

«**БАРАНКИН, будь человеком!**» – сказочно-приключенческая повесть Валерия Владимировича Медведева (р. 1923), опубликованная в 1962 г. Два школьника, решив, что людьми быть плохо, превращаются в воробьев, потом в бабочек, затем в муравьев. Повесть в 1960-е – 1990-е гг. переиздавалась более тридцати раз. Популярностью у детей пользовался одноименный мультфильм (1963, режиссер А. Снежко-Блоцкая).

«От Льва Кассиля я услышал историю, как молодой писатель принес ему небольшой рассказ. Кассиль прочитал и заметил автору, что изводить на рассказ такой сюжет – расточительство. Надо писать повесть. И повесть была написана. Она популярна много лет. И ещё будет популярной долго. Эта повесть – “Баранкин, будь человеком!” В. Медведева» (Мотышов, 1972, 93).

О 1970-х гг.: «Повесть-сказка В. Медведева “Баранкин, будь человеком!” весьма популярна у школьников... Читая сказку В. Медведева, школьники обычно увлекаются сюжетными коллизиями, много смеются над весёлыми приключениями, которые происходят с её незадачливыми героями» (Збарский, 1980, 38).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Любимых книги две: “Незнайка на Луне” Носова и “Баранкин, будь человеком”. Первую книгу я читала в более раннем возрасте... Вторую книгу я читала гораздо позже... История заинтересовала меня интереснейшими историями из жизни животных, ведь в детстве я считала, что маленькие зверюшки так же, как и люди, разговаривают, играют... И в этой книге мои фантазии подтвердились» (039).

«**БАРБАРИС**» – вид карамели.

О мальчиках 11–12 лет в Москве в 1970–1971 гг.: «Школьная раздевалка напоминала развороченный муравейник – всюду процветала бойкая торговля всем, что представляло хоть малейшую ценность. В ход шли авторучки, закладки, ластики, фантики..., фотографии спортсменов, конфеты “Барбарис”..., пустые флаконы из-под иностранного шампуня и даже пуговицы...» (Чилап, 2001).

О 1989 г. в Шадринске: «Я люблю конфеты “барбарис” с 4-х лет. Их мне купала мама в продуктовом магазине. Это обычная леденцовая карамель со

вкусом барбариса. Карамель была в белой с красными краями обертке, в середине были нарисованы ягоды барбариса и написано название. Продавались они на развес, и я всегда съедала их помногу» (111).

«**БАРБИ**» – тип куклы, появившейся в 1959 году и получившей широкое распространение в России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Куклы «Барби» в отличие от кукол, выпускавшихся в СССР и изображавших девочек, воспроизводили облик взрослых девушек.

«...На излете 80-х отец привез Барби из заграничной командировки. Грудастая златокудрая красавица в шикарном, подчеркивающем узкую талию трико заняла почетное место на книжной полке и лишь изредка извлекалась из своей прозрачной коробочки. Поиграть с ней как следует я не успела, не купала и не причесывала приложенной к комплекту крошечной щеточкой, только с интересом трогала её высокий бюст и четко уяснила от старших, что голую Барби сажать на кровать неприлично: слишком вызывающе натурально она смотрелась в детской, на фоне невинных мягких игрушек. Спустя три года её и вовсе задвинули в ящик подальше» (Басилашвили, 2005, 70).

«“Барби” – это громадная индустрия: куклы разных модификаций, одежда разных фасонов, мебель, автомобили, все возможные атрибуты жизни. Есть Кены – куклы-мужчины из семейства “барби”. Одно время продавались “беременные” Барби – у куклы откидывается, как створка, живот, внутри младенец» (Томилова, 2006).

О девочках 7–8 лет в селе Межборном Притобольного р-на в 1991–1992 гг.: «В начале 1990-х гг. появились куклы, которые все называли Барби. Они были почти у всех девочек и не по одной. Девочки сами шили на них одежду или им помогали мамы. Шили из остатков, лоскутков ткани или старой одежды. Эти куклы с целыми пакетами одежды девочки приносили в школу (в том числе и я) и играли на переменах, часто переодевая одежду на них и демонстрируя её, хвастаясь, у кого какая сшита. На уроке могли играть в Барби и под партой, пока не видит учитель» (099).

О Шадринске в 1993–1994 гг.: «Журнал “Барби” я увидела в киоске. Попросила маму его купить. Там были разные модели одежек для кукол, также мебель кукольная, выкройка как всё шить, склеить» (069).

О Шадринске в 1995 г.: «Когда мне было 8 лет, родственники из-за границы привезли мне Barbi. Я была просто на седьмом небе от счастья и готова была эту куклу не выпускать из рук. Постоянно то заплетала ей косички, то переодевала, даже построила для неё домик» (057).

О Шадринске в 1996 г.: «Когда мне было 10 лет, я играла в куклы. Моей любимой куклой была кукла Барби. У неё были длинные тёмные волосы и много одежды. Я шила на неё разные платья и переодевала» (091).

О с. Песчано-Коледино Далматовского р-на в середине 1990-х гг.: «С девочками мы играли сначала в кукол, переодевая их в свои детские вещи... Повзрослев немного, мы стали играть в куклы Барби. Шили на них одежду, выбирали для них мужей, строили домашний очаг» (089).

«**БАРВИНОК**» – журнал для школьников младших классов. Выходил в Киеве с апреля 1945 года один раз в месяц, с 1950 года – двумя отдельными изданиями – на украинском и русском языках.

О нач. 1960-х гг.: «В журнале помещаются рассказы, стихи, сказки, легенды, поговорки, загадки. Печатаются рисунки детей» (ПЭ, 1964–1, 166).

В 1983–1987 гг. – рубрика «Школа профессора Маковки». Тираж в 1983 году – 670 тысяч экземпляров.

О конце 1980-х гг.: «Также играла, если так можно было назвать, в бумажные куклы, которые приходили в журналах “Мурзилка” и “Барвинок”. Я вырезала кукол и сама моделировала им одежду; расовала, разукрашивала и одевала на кукол, устраивала парад моделей» (474).

БАРЕТКИ – род обуви, полуботинки.

О девочке 11–14 лет в середине 1930-х гг.: «В эти годы мы не только голодны. Мы еще и очень плохо одеты... На ногах у нас зимой валенки... Очень и весной мы носили “баретки” – грубые мальчишеские полуботинки,

поздней весной и летом – “спортсменки”...» (Лупанова, 2007, 66).

БАРТО – Агния Львовна Барто (1906–1981), детская поэтесса.

После выхода в свет в 1936 году цикла поэтических миниатюр для самых маленьких – «Игрушки» стала одним из самых известных и любимых читателями детских поэтов, её произведения издавались огромными тиражами. К началу 1970-х гг. тираж изданных книг А. Барто составил 60 миллионов экземпляров.

О детях 1930-х – 1970-х гг.: «...Все нынешние взрослые, примерно от тридцати до восьмидесяти лет выросли на одном поколении детских поэтов советского времени. Это круг Маршак, Чуковский, Михалкова, Барто. Благодаря многомиллионным тиражам их книги доходили до каждой библиотеки, каждой парты, каждого дома...» (Яснов, 2006, 29).

О с. Зеленоборском Шадринского р-на в 1989–1993 гг.: «Мне было 2 года. Мама, сёстры читали мне А. Барто “Зайку бросила хозяйка...”, “Уронили Мишку на пол...”, “Наша Таня громко плачет”, “Спать пора. Уснул бычок...”, “Идёт бычок, качается...”. Мне очень, до слёз, было жалко всех этих зверюшек, Таню. Помню, как доставала взрослых вопросами: “Почему, кто оторвал ему лапу?”, “Почему хозяйка у зайки такая плохая, неотвечественная?”... Когда училась в начальных классах, перечитывала эти стихотворения с удовольствием, с интересом» (134).

О 2000-х гг.: «Недавно было столетие Агнии Львовны Барто, её стихи для малышей читаются и любимы, как прежде, а вот школьные стихотворения уходят» (Яснов, 2006, 29).

«БАРЫШНЯ» – игра, аналог игр *«Барыня»*; *«Барышня из Питера»*; *«Вам бабушка прислала...»*; *«Вам барыня прислала...»*. [...]

«БАРЫШНЯ из Питера» – игра, аналог игры *«Барышня»*.

О середине 1870-х гг.: «Но мы не задерживаемся наверху – надо еще поиграть в зале в “короли” или в “барышню из Питера”, и так это весело: “да” и “нет” не говорите, чёрного с белым не покупайте”. Настя прекрасно сбивает или смешит, когда по условиям игры запрещено смеяться» (Харузина, [1919] 1999, 164).

«БАРЫНЯ» – словесная игра, аналог игры *«Барышня»*.

«В широко распространённой игре “Барыня” общим является только постоянное вступление, которое произносит ведущий: “Барыня прислала голик да веник, да сто рублей денег. / Что хотите, то берите, чёрное с белым не носите, / “Да” и “нет” не говорите, не смеяться, не улыбаться, / Вы поделете на бал?”. Остальной текст создаётся в процессе игры... Играющие должны... не попадать в ловушки, которые им расставляет ведущий» (Капица, 2002, 73)

«БАРЫНЯ и служанка» – условное название детской (девичьей) ролевой игры.

О девочках из дворянской семьи во второй половине 1850-х гг.: «“Слушай, Оля, – сказала я ей... – я буду весь день играть с тобой и делать решительно все, что ты ни захочешь. Но зато уж после обеда... уйди ты куда-нибудь и оставь меня в покое... Оля согласилась на мое предложение, и я в течение всего дня честно исполняла мою часть договора. Я играла с ней во все игры, какие она ни придумывала, брала на себя какие роли она мне ни назначала, из барыни превращалась в кухарку и из кухарки в барыню, по первому её слову» (Ковалевская, [1890] 1986, 79).

О девочках из бедных семей в Москве 1903 года: «Ну, ладно, Ксень, будем с Пеленашкой играть”, – сказала Аришка. “Пеленашку” подарили Ксеньке два года назад на школьной ёлке. Это была безрукая и безногая, туго спеленатая кукла из папье-маше. Ксенька безргла свою единственную игрушку: даже малиновый румянец ещё не облез с её выпуклых картонных щёк. Подруги начали играть в “Няньку и барыню”; нянькой была Аришка. Она завернула Пеленашку в лоскут и пошла с ней к сундуку. Здесь была баня. Положив куклу на сундук, Аришка стала её мыть – слегка тереть

кусочком тряпки. “Ты смотри, нянька, ребёнка не шибко три, он у меня нежный, и кипятком не зашпарь, – наказывала Ксенька сердитым голосом, как и подобает барыне. “Будьте покойны, барыня. Я привычная к детям. Двадцать годов по местам служу, – скороговоркой отвечала Аришка и, укачивая Пеленашку, пела: “Баю-баюшки, баю, / Едет тётя с рыбою...”» (Бродская, Голубева, 1938, 39–40).

«БАРЫНЯ прислала...» – детская словесная игра. См.: *«Вам барыня прислала...»*

О нач. 1950-х гг.: «“...Помнишь, была такая детская игра: барыня прислала туалет, в туалете сто рублей, что хотите, то купите, “да” и “нет” не говорите, красного и чёрного не покупать...”» (Кочетов, [1957] 1959, 263).

О вт. пол. 1950-х гг.: «...Нелепое развлечение, какому предавались мы в детском саду: одна из девочек читала стишок, а другие ей отвечали. Стишок был такой: “Барыня прислала сто рублей: / Что хотите, то купите, / “Да” и “нет” не говорите, / Белого и черного не покупайте...”» (Киселев, [1966] 1969, 57).

См. также: *Фанты*.

«БАСКЕТБОЛ» – настольная детская игра.

О середине 1960-х гг.: «Даже катапультой... игры в “Баскетбол”... нужно уметь управлять, стараясь нажимать так, чтобы... целлулоидный шарик летел точно в цель...» (Коссаковская, 1967, 28–29).

БАСНЯ – «Небольшой нравоучительный рассказ в стихотворной или прозаической форме» (Словарь, 1950–1, 291); «жанр сатирической поэзии, небольшое произведение, преимущественно стихотворное, нравоучительного характера. В басне аллегорически изображаются человечески поступки и социальные отношения» (Квятковский, 1966, 57).

«...Хотя как жанр лит-ры [басни] никогда специально не предназначались для детей, но во все времена и эпохи входили в круг детского чтения... В... статье известного русского педагога Н.В. Чехова я прочитал рассуждение о том, что в былые времена в домах богатых русских помещиков, где наставник не смел ничего требовать от своих избалованных воспитанников и... наказывать их за нерадивость, одним из действенных средств добровольно приохотить ребёнка к чтению стала басня» (Галанов, 1972, 107).

Басни И.А. Крылова.

И.А.Крылов принадлежит к числу тех редких классиков, чьи произведения ещё при их жизни начинали изучать в школе.

Впервые басни И.С. Крылова появились на страницах детских книжек уже в 1810-х гг.

В 1819 году вышло в свет издание И.И. Греча «Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений в стихах и прозе». В это издание, предназначавшееся для гимназий, уездных училищ, пансионов и многократно переиздававшееся, вошло 38 басен И.А. Крылова.

«В 1820-е годы в книгу для детей начинает проникать та крыловская басня, без которой не мог обойтись ни один составитель... сборников [для детей] во все последующие годы. так, в сборник “Памятник для детей, или Подарок на новый 1823 год” вошли хорошо знакомые теперь каждому ребёнку басни “Ворона и Лисица”, “Стрекоза и Муравей”, “Пустынный и Медведь”. ...Среди многочисленных дет. альманахов, появившихся в печати в [1830-е и 1840-е годы], не было, кажется ни одного, где бы не значилось имя великого баснописца... Круг крыловских басен, отобранных для дет. чтения, очень расширился. Среди них были теперь такие общеизвестные басни, как “Лисица и Виноград”, “Маргышка и Очки”, “Любопытный”, “Осел и Соловей”, “Квартет”» (РДЛ, 1972, 77).

О вт. пол. 1830-х – нач. 1840-х гг.: «[В.Г. Белинский] внёс басни Крылова в список лит. произв-ий, рекомендованных для дет. чтения... Рекомендация басен Крылова, которую вёл Белинский, оказала большое влияние на их распространение среди юных читателей. Многие басни вошли в “Полную русскую хрестоматию А.Д. Галахова (1843) и стали широко известны школьникам»

Критик А.М. Скабичевский о своем детстве перв. пол. 1840-х гг.: «...Никогда не производил на меня такого живого, потрясающего впечатления дедушка Крылов, как именно в возрасте от 5 до 7 лет... Я всерьёз принимал все те приключения, какие испытывали лисицы, волки, барбосы, Васьки и мохнатые мишки. Некоторые басни заставляли меня плакать...» (РДЛ, 1972, 76).

В 1860-х годах К.Д. Ушинский включил более 40 басен И.А. Крылова в учебные книги для I–IV классов «*Детский мир*» и «*Родное слово*», многократно переиздававшиеся вплоть до 1917 года.

О нач. XX века: «...Были ли в самом деле так богаты старые книжные полки. Да, конечно, их нельзя назвать бедными, если... на них стояли в голубом и красном коленище “Робинзон Крузо”..., “Русские народные сказки”, басни Крылова...» (Маршак, 1971–7, 284).

Басни И.А. Крылова входят в школьную программу до настоящего времени.

О 1970-х – нач. 1980-х гг.: «Имя Крылова, его басни дети знают ещё с дошкольного возраста. С I по III класс [общеобразовательной школы] в программе чтения девять басен Крылова... В программе V класса четыре басни Крылова: “Волк и Ягнёнок”, “Квартет”, “Волк на псарне” и “Демьянова уха»» (Зепалова, 1983, 63).

БАССЕЙН – «большой искусственный водоём, устриваемый... для купания» (Словарь, 1950–1, 292).

О нач. 1990-х в Екатеринбурге: «В садике мы два раза в неделю ходили всей группой в бассейн, где мы сперва просто плавали, потом выполняли разл. упражнения, а позже готовились к показат. выступлениям. Самое прекрасное воспоминание – это показат. выступление перед родителями, когда мы плавали “дельфинчиками”, а потом с шариком. Нам в этот момент было и страшно, вдруг мы что-нибудь сделаем не так, и в то же время радовались, видя, что наши родители счастливы» (056).

Бассейн во дворе.

О 1960-х гг.: «Мы росли и узнавали мир за пределами двора. Начали путешествовать очень далеко – в 10-й квартал, где двор был с бассейном и счастливые дети того квартала в нем купались» (Ермакова, 2005, 24).

Математические задачи о бассейне.

О 1931–1933 гг.: «Вторым моим горем-злосчастьем после Борькиной любви была в младших классах математика. Особенно ненавистной она стала с тех пор, как появились задачи с бассейнами, в которые вытекает и вытекает вода, и с пешеходами, бредущими из пункта А в пункт Б. Мама, окончившая гимназию в досюльные времена, щёлкала эти задачи как семечки. Я же переставала понимать ход решения уже со второй строчки...» (Лупанова, 2007, 48–49).

См.: «*Через одну трубу...*»

БАТНИК – «искажённый английский термин “*buttondown*” в буквальном переводе “пуговицы донизу”. Так в нашей стране называли женские блузы, напоминающие мужские сорочки. Впервые они были показаны в середине 1970-х годов французским модельером Кашарелем (Жаном Буске). Их шили из набивных тканей или тонкого трикотажа» (Орлова, 1988, 146).

О 1975 году: «15 лет. Я – у “своей девочки”. После одной из вечеринки, которые она устраивала для одноклассников (родители ушли в гости...), мы разговорились... Её комната... Длинная узкая юбка, обтягивающий узкое тело батник в блеклых цветочках... Горит только настольная лампа...» (Бараш, 2006).

О вт. пол. 1970-х гг.: «Отец... увидел, что [дочь] не в домашнем платье, а в брюках и свитере... Лида... прямо на ходу стала снимать через голову свитер. Теперь она осталась в ярко-зелёной почти мальчишеской рубашке, которые одно время звали батниками... [...]»

О старешкласснице на школьном вечере в нач. 1980-х гг.: «Хрупкая, тоненькая, в длинной вязаной юбке, в белом батничке с кармашком на груди, она лишь на миг скосила в его сторону глаза...» (Якименко, 2002, 254).

О конце 1970-х и середине 1990-х гг.: «На вид батник представляет собой сочетание легкой обтягивающей блузы с рукавами (сверху) и закрытого купальника (снизу). Батник одевается через голову, застегивается в

районе нижней части живота на маленькие пуговицы. Ворот, как у рубашки, рукав прямой с манжетом или без, ткань эластичная, обычно яркая, однотонная или с цветочным орнаментом. По словам моей мамы, в Шадринске в конце 1970-х гг. батники не продавались, но у них с сестрой, учениц старших классов, эта одежда появилась в числе первых. Батник им либо привезла мама из московской командировки, либо его выслали родственники из Киргизии (мама точно не помнит). Сначала батник носила старшая мамина сестра, а потом и сама мама стала ходить в нём в музыкальную школу (в обычной школе носили форму). Но особого восторга эта вещь у нее не вызывала, так как застёжка приносила некоторые неудобства. В отличном состоянии этот батник достался мне. В 1995–1996 гг. (10–11 лет) я его носила в школу. Подругам очень нравился его необычный цвет. На мой взгляд, это очень удобная одежда для ношения с юбкой или джинсами. Видимо, из-за особенностей фасона подобные вещи сейчас принято называть не “батником”, а “комбидрес»» (109).

БАЧОК с водой и кружкой – в 1930-е годы в школьном коридоре мог находиться наполненный водой бачок с кружкой.

О конце 1930-х гг.: «Один Петров остался в коридоре. Он гремел кружкой возле бачка с водой, притворяясь, что пьёт, а сам жадно прислушивался к разговору в учительской» (Волк, 1956, 43).

«**БАШИ**» – игра, аналог игры в *догонялки*.

О с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. во вт. пол. 1990-х гг.: «“Баши” (ударение на “и”) – игра, очень похожая на догонялки. Есть человек, который догоняет, и люди, которые убегают. Догоняющий должен “забашить”, то есть задеть любого из игроков, тот, в свою очередь, начинает водить» (141).

Ср.: «*Башики*»; *Башишь*.

«**БАШИКИ**» – игра, разновидность игры в «*догонялки*».

О 1980-х гг.: «Игра “Чай-чай, выручай” похожа на игру “башики”. Играет много детей, один – водящий. Водящий должен кого-нибудь из играющих забашить. Тот, кого водящий заденет, должен стоять на одном месте и говорить такие слова: “Чай-чай, выручай”. Остальные играющие должны постараться выручить его, а водящий не должен допустить этого. Игра заканчивается тогда, когда водящий забашит всех играющих. Затем выбирается другой водящий и игра продолжается» (493).

О с. Лопатки Лебяжьевского р-на во вт. пол. 1980-х гг.: «Иногда играли в “Догонялки” или, как ещё называли эту игру, “Башики”. Так же выбирали галящего при помощи считалки. Галящий должен догнать любого из играющих и задеть рукой, “забашить”. Этот человек становится галящим и т. д. По такому же принципу строится игра “Выше ноги от земли»» (455).

Ср.: «*Баши*».

БАШИТЬ – задевать рукой в игры типа *догонялки*, «*ляпки*», «*салки*»; салить, ляпать.

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «“Чай-чай, выручай”. Выбирался ляпа с помощью считалки. Ляпа бегал за всеми и башил их. Забашенные вставали на одну ногу и кричали: “Чай-чай, выручай!» Ляпа старался от них далеко не убежать, а то другие заляпают их, тогда игроки снова свободны. Если ляпа всех забашил, то галил первый, кого он заляпал. Чтобы отвлечь ляпу от пленника, один игрок дразнил его, второй пытался выволочь из плена забашенного» (604).

Ср.: «*Баши*»; «*Башики*».

БАШЛЫК – «Род верхнего головного убора, в виде суконного остроконечного колпака, закрывающего всю голову до плеч» (Словарь, 1950–1, 302); «Суконная или шерстяная накидка в виде капюшона с длинными концами, обычно надеваемая поверх шапки» (Словарь, 1991–1, 375).

«Башлык (тур.) – головной убор в виде съёмного капюшона с двумя длинными концами, которые обматывали вокруг шеи или вокруг туловища накрест на груди с узлом на спине. Шили из белого или чёрного сукна с украшениями из тесьмы и кистями на восточный манер. Башлык вошёл в моду в 30–40-е годы XIX века, а

с 1862 года был введён в качестве форменного головного убора для регулярных русских войск донского и кавказского казачества. В 1871 году стал частью формы и других видов войск, а затем был заимствован армиями Германии и Франции. К концу века из гражданского населения башлык носили только дети» (Герешкович, 1999, 19).

О 1880-х гг.: «За чаем матушка сказала, что ночью был большой мороз... и когда пойдут гулять, то Никите нужно одеть башлык. “Мама, честное слово, страшная жара”, – сказал Никита. “Прошу тебя надеть башлык”. “Щеки колет и душит, я, мама, хуже простужусь в башлыке”... Никита надел короткий полшубок, валенки, шапку, засунул башлык под комод, чтобы не нашли, и выбежал на крыльцо» (Толстой, [1919–1922] 1984; 8, 10).

О конце 1880-х – нач. 1890-х гг.: «Я проскочил за ним и, не снимая башлыка, повязанного поверх шапки, остановился в предбаннике... Я стоял около двери, закутанный, как кукла, и мешал всем. “Что же ты стал?” – сказал мне Сережа, наткнувшись на меня. “Я не достану развязать башлык”. “Завязывают зачем-то на спине, изволь развязывать”, – проворчал он» (Романов, [1928] 1990, 185–186).

О конце XIX – нач. XX вв.: «Зимних шапок гимназисты и учащиеся других учеб. заведений не имели... В морозы надевали башлык цвета натуральной верблюжьей шерсти, отделанный серой тесьмой» (Риовш, 1990, 189–190).

О Москве в 1903 г.: «Много здесь было студентов и кадет[ов], которых пресненские мальчишки дразнили “башлычниками”. Кадеты носили белый суконный башлык, повязанный крест-накрест поверх шинели» (Бродская, Голубева, 1938; 17). [...]

О 1950-х гг.: «...Юра непременно... останавливался у забора, окружавшего усадьбу детского сада. И каждый раз он видел, как закутанные в мамины платки или цветные башлыки ребятишки выходили гулять» (Рязанова, 1960, 10).

БАШМАКИ – «с XII по XVIII век общее название всех видов низкой обуви на каблук или без него из кожи или ткани. С начала XIX века название сохранилось только за женской обувью для улицы, более грубой, чем туфли» (Герешкович, 1999, 19); «Род низкой обуви, обычно женской» (Словарь, 1950–1, 302); закрытая обувь для улицы – ботинки или полуботинки. По отношению к обуви слово «башмаки» употреблялось с 1830-х по 1960-е гг.

Башмаки у девочек

О конце 1830-х – начале 1840-х гг.: «...Другая – маленькая, вся закутанная в зеленую шаль, из-под которой виднелись только маленькие ножки в меховых ботинках. ...И когда ливрейный лакей... снял с неё меховые ботинки, из закутанной особы вышла чудесная двенадцатилетняя девочка в... крошечных черных башмачках» (Толстой, [1852] 1966, 82).

О начале 1890-х гг.: «В конце зала... появилась девочка в коричневом платьице. Руки её были заложены под белый фартучек, жёлтые башмачки тоже отражались в полу» (Толстой, [1919–1922] 1984, 109).

О 1890-х гг.: «...Катя не могла сама застегнуть пуговицы на своих башмаках и застряла. “Что за противные, ну что это!.. – закричала она, жестом отчаяния показав на свои ноги с незастегнутыми башмаками. Как я счастлива, что со дня своего ангела отделалась наконец от этих проклятых башмаков с пуговицами. Таня и нянька как-то ловко застегивают их шпильками, но мы ломаем себе пальцы, сосем их, и если некому помочь, то кончаем слезами и клятвами – лучше ходить совсем босиком, чем терпеть эту муку» (Романов, [1928] 1990, 163).

О Москве в 1903 году: «Поев и убрал со стола, Аришка сняла башмаки и надела старые отцовские калоши. “Ноги, небось промочила?” – спросила Анна. “Немножко” “А ну, покажи башмаки. Ох, Аришка, лупить тебя буду... Давно ли Егоров новые подметки ставил?.. Мне на тебя не напасть”. Анна бросила

башмак на пол... Сняв башмаки, девочки забрались на кровать...» (Бродская, Голубева, 1938, 13–15).

О Москве в 1908–1910 гг.: «...Мама всегда покупает Соне башмаки на пуговицах и всегда такие большие, что даже носок загибается. Она говорит, что это на вырост. Соня подрастет, нога у нее станет больше, и башмаки тогда будут в самый раз!.. ...[Коричневое] платье было ниже колен, башмаки велики, так что даже носок загибался кверху, но зато всё было новое: платье топорщилось, башмаки блестящие... И они отправились в школу» (Воронкова, 1959-а; 62–63, 106).

О середине 1910-х гг.: «Тут Ляля дёрнула её за рукав: “Девочка... Разве вы не видите, что у вас порвался башмак? Подите домой и наденьте другие туфли...”» (Бродская, [1938] 1957, 27–28).

О девочках из обеспеченных семей в начале 1910-х гг.: «Игра на сквере возникла как-то чинно... По усыпанной лепестками отцветающих яблонь аллее бежали хорошенькие ножки в белых башмачках...» (Луговская, [1983] 1987, 48–49).

О Москве в нач. 1930-х гг. в: «Ощущение холода постоянно сопутствовало нашей зимней жизни в начале 1930-х годов... Чулки в резинку... не защищали от мороза, грубые скороходовские башмаки на шнурках постоянно жали (ноги росли быстро), а прохудившиеся калоши создавали ощущение сырости» (Старикова, 2003, 243).

О перв. пол. 1930-х гг.: «Мила спрыгнула / с кровати, / на ходу / надела платье / и помчалась / на подмогу / в башмаках / на босу ногу» (Барто, [1935] 1969–1, 137).

О середине 1950-х: «Взяла Алёнка башмачок, / Со лба смахнула чёлку. И в каждый кругленький глазок / Прудела узенький шнурок, / Как ниточку в иголку» (Зубкова, 1955, 4).

О конце 1950-х гг.: «...Наткнулись на девочек башмак... И она [девочка]... аккуратно оделась... И сразу в комнате стало меньше беспорядка, потому что башмаки, и чулки, и платьице – всё было надето, а не валялось как попало» (Гурьян, 1960; 73, 77).

О 1950-х гг.: «Таня пришла в школу нарядная... Только калоши у неё очень загрязнились дорогой и даже на башмаки грязь попала... Но калоши Таня сняла, а башмаки вытерла тряпкой» (Воронкова, 1961, 8).

Башмаки у мальчиков

О 10-летнем мальчике из дворянской семьи в конце 1830-х гг.: «...Я... стал натягивать чулки на... ноги... Вошёл дядька Николай... Он нёс наши платья и обувь: Володе сапоги, а мне покуда ещё несносные башмаки с бантиками» (Толстой, [1852] 1966, 17).

О нач. XX в.: «“...Как она могла догадаться, что это я?” – думал Сашка, натягивая на ногу башмак...» (Аверченко, 1989, 61).

Об 11-летнем мальчике в конце 1900-х гг. в Одессе: «Я поставил ногу в потёртом башмаке на Надькину голову и некоторое время простоял так, скрестив на груди руки» (Катаев, [1972] 1983, 170).

О 3–5-летнем мальчике в 1912–1914 гг.: «...Осенью, когда уже было холодно и дождливо, на меня надели новые башмаки с приятно щёлкнувшей застёжкой и отправили гулять с няней...» (Жуковский, 1992, 31).

О середине 1910-х гг.: «...Мне хорошо запомнилось, как осенью, когда уже было холодно и дождливо, на меня надели новые башмаки с приятно щёлкнувшей застёжкой и отправили гулять с няней, сказав, что теперь у меня “ножки не промокнут”» (Жуковский, 1992, 31).

О нач. 1950-х гг.: «Брату в пору башмаки: / Не малы, не велики. / Их надели на Андрюшку, / Но ни с места он пока – / Он их принял за игрушку, / Глаз не сводит с башмака. / Мальчик с толком, с расстановкой / Занимается обновкой: / То поглядит башмаки, / То потянет за шнурки. / Сел Андрей и поднял ногу, / Языком лизнул башмак... / Ну, теперь пора в дорогу, / Можно сделать первый шаг!» (Барто, [1953] 1969–1, 393).

О середине 1950-х гг.: «Алёша... перевалился со стула к себе на подушку. Но он забыл, что нужно сначала раздеться. Труднее всего оказалось снять башмаки. Шнурки-бантики, такие послушные у мамы в руках, как только Алёша до них дотронулся, превратились в тугие

узелки. Узелки пришлось распутывать при помощи ногтей и зубов. Наконец, совсем запыхавшись, Алеша освободился от башмаков» (Артюхова, [1958] 1987, 11).

О середине 1950-х гг.: «Нравится Вовке / Быть плохо одетым... / Вдруг ещё примут / Его за стилинга. / Лучшие худые / Надеть башмаки» (Барто, [1958] 1969–1, 207).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Однажды утром бабушка... сказала: "...Ты сегодня именинник. Расти здоровенький и счастливый". – И крепко поцеловала его, даже причмокнула. Вадик еле дождался вечера. И вот наконец мама с работы пришла и папа тоже. Мама подарила Вадиду Вадиду коричневые, отливающие блеском башмаки...» (Буцень, [1959–1966] 1977, 129–130).

О нач. 1960-х гг.: «Мальчишка очень спешит. Он перепрыгивает через ступени, и его башмаки будто выколачивают барабанную дробь: там-тра-та-там!.. Громко стуча башмаками, шагает мальчишка по улице» (Карпенко, 1962; 3–4, 6).

БАШНЯ – (жарг.) Голова.

Башню сносит, срывает (у кого-либо) – (кто-либо) сходит с ума.

О с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «Когда мы с одноклассниками долго учили какой-н. шк. материал, кто-н. из нас говорил: "Ну у меня уже крыша едет от этой учебы! Скоро с ума сойду!"... Также могли употреблять подобные выражения немного с другой окраской: "...У тебя чё сегодня, башню рвёт?!"» (154).

О девочке 10–12 лет в г. Когальме в 1997–1999 гг.: «В школе на переменке идем с подружкой по коридору, мимо пробегает мальчик и случайно налетает на подружку, врзается в неё. Она на мальчика кричит: "Чё, башню снесло?"» (134)

«БАШНЯ» – телепередача для подростков.

О 2000–2001 гг.: «Когда мне было 15 лет, я с огромным удовольствием смотрела передачу "Башня" о жизни подростков (подобие "До 16 и старше")» (094).

БАЯН – «Большая гармоника со сложной системой ладов» (Словарь, 1950–1, 304; Словарь, 1991–1, 378).

О 13–14-летнем мальчике 1948 г. р. в Москве в 1962 г.: «А ещё я хотел научиться играть на баяне. Мечтать о покупке собственного муз. инструмента я не мог, вот и нарисовал клавиши на фанере. Стал барабанить по ним пальцами, чтоб хоть как-то душу отвести. Вот отец увидел это, защемило ему душу, и получил я на 14-летие новенький баян» (Жарков, 2004, 24).

БГТО – см. *ГТО*.

О середине 1950-х гг.: «"Ребята! – крикнул Сашка Тимошкин. – Кому сдавать БГТО – на каток!" "На каток!" – закричали ребята, и сразу началась весёлая сумятица. Все стали одеваться, толкаясь и хватая коньки» (Виткович, Ягдфельд, [1959] 1961, 109).

БЕГ в мешках – игра, при которой соревнующиеся влезает в мешок и пытаются перегнуть друг друга.

О конце 1890-х гг. – нач. 1900-х гг.: «В зоологич. саду. Мать держит меня за руку. Мы идем по дорожке. Мать говорит: "Зверей потом посмотрим. Сначала будет состязание для детей". Мы идём на площадку. Там множество детей. Каждому ребенку дают мешок. Надо влезть в этот мешок и завязать его на груди. Вот мешки завязаны. И дети в мешках поставлены на белую черту. Кто-то машет флагом и кричит: "Бегите!" Пугаясь в мешках, мы бежим. Многие дети падают и режут. Некоторые из них поднимаются и с плачем бегут дальше. Я тоже чуть не падаю. Но потом, ухитрившись, быстро передвигаюсь в этом своем мешке. Я первый подхожу к столу. Играет музыка. И все хлопают. И мне дают коробку мармелада, флажок и книжку с картинками. Я подхожу к матери, прижимая подарки к своей груди. На скамейке мама приводит меня в порядок. Она причёсывает мне волосы и платком вытирает мое запачканное лицо» (Зоценко, 1994–3, 525).

Описание игры для воспитанников детского сада: «Бег в мешке... На ноги играющим (их может быть двое–трое) надевают мешок, который завязывают у пояса. Руки у детей свободны. Играющие должны пройти или пробежать условное расстояние (2–3 м). Кто раньше это сделает, тот выигрывает» (Кожевникова, 1961, 107).

БЕГАТЬ за кем-либо – в молодёжно-подростковой среде: то же, что ухаживать за кем-то, проявлять симпатию к кому-то.

О начале 1910-х гг.: «"...А за гимназистками, наверно, уж бегаешь?" "Вот и беда что нет – не умею..."» (Крутиков, 1959, 162).

О середине 1950-х гг.: «И вот, когда прозвенел звонок и учитель вышел из класса, Стёпка Колмогоров неожиданно вскочил на парту и закричал: "Ребята! Ребята! А Женька Косых бегаёт за Карташевой!" Кто-то с задней парты крикнул: "Ну? Врешь!" Тогда вскочил Игорь Макаров: "Правда, ребята, правда! Бегаёт! Он ей даже подарок на именины готовит! Я точно знаю!"» (Давыдов, 1958, 95).

О начале 1960-х гг.: «Марина не "бегала" за Серёжкой, ни у кого его не "отбивала"»...» (Долинина, 1963, 173).

О пятиклассницах в 1970-е гг.: «А другие девочки обсуждают свои важные проблемы... "Если ты будешь с ней водиться, я с тобой разговаривать не буду. Так и знай!" "Да что ты, Оля! Я с ней несколько не возжусь. Один раз только поговорила, она сама ко мне пристала". "Пристала. Мало ли что... Она сплетница – это раз. Зачем она наврала, что я за Максимом бегаю? Разве я за ним бегаю?" "Нет, Оля, ты за ним не бегаешь несколько, – с готовностью отвечает Оксана. – Но она не про тебя говорила, а про другую Олю – Горелову". "Во-первых, про меня. А во-вторых, разве Горелова бегаёт за ним? Куда ей, Гореловой..."» (Матвеева, [1982] 1986, 90).

О 1990-х гг.: «В 14 лет мне мальчик написал записку: "Наташа, я тебя люблю, давай с тобой дружить". А за этим мальчиком "бегали" все девочки из нашего класса. Я, конечно, согласилась дружить с ним, он в общем-то нравился мне. Он по вечерам приходил ко мне, и мы гуляли по улице, обнимал..."» (551).

«БЕГУ...» – выражение, демонстрирующее нежелание горящего выполнять высказанную просьбу.

О 1997–2004 гг.: «"Бегу и падаю", "Бегу и запинаясь" – выражения служили ответом на просьбу в приказном тоне» (138).

О второй половине 1990-х гг.: «Когда кто-то из сверстников выражал просьбу, просил что-то сделать, – другой говорил: "Ага! Счас! Бегу и падаю". Тем самым выражал нежелание угодить» (154).

О девочке 12 лет в селе Кундровы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1998 г.: «В этом возрасте я начала чувствовать себя взрослой и смелой. На любые просьбы моих сверстников, с которыми я не так близко общалась, я отвечала: "Бегу и падаю"». (141)

О девочке 12 лет в г. Шадринске в 1999 году: «Отдыхая в лагере, я всегда узнавала большое количество новых выражений. Вот и это выражение "Бегу, колени сбила!" я услышала, отдыхая на первой смене в лагере "Салют". Его произнесла вожатая, когда её просили о чем-то. Мне понравилось выражение, и потом я заметила, что оно часто употреблялось у многих моих знакомых» (132).

О 2002–2003 гг. в г. Далматово: «Фразу "Бегу – тапочки теряю!" я узнала, примерно в 15–16 лет. Она применялась, когда человек отказывался что-л. делать. Например: "Вася, зайди ко мне после школы за книгой". "Ага, бегу – тапочки теряю!"» (136).

БЕЖАТЬ на фронт – см. *Фронт*.

«БЕЖИН луг» – рассказ (1852) Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) из цикла «Записки охотника». Входит в число произв-ий, подлежащих обязательному изучению в школе (6 класс).

БЕЗ обеда оставлять – официальное наказание в гимназиях.

О нач. 1890-х гг.: «Виктор усмехнулся. "Я учусь в гимназии, во втором классе. Вот у нас так строго: меня постоянно без обеда оставляют" (Толстой, [1919–1922] 1984, 28).

О гимназии в Саратове в конце 1890-х гг.: «Отн-ия к ученикам были сухо формальными и чиновничьими. Нас не считали за детей, а скорее за солдат штрафного батальона, где за каждым малейшим нарушением следовало соответствующее наказание – без обеда на один

или два часа со внесением в кондуит...» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

О 1900-х гг.: «Может, её оставили “без обеда”? Но “без обеда” гимназисток не оставляют, “без обеда” оставляют только нас, “воробчатников”, и отбирают у нас шапки, чтобы мы не убежали» (Василенко, 1967, 158).

О реальном училище во вт. пол. 1900-х гг.: «Эта мера наказания – оставить без обеда – считалась в то время достижением педагогики. Карцер был упразднен не так уж давно – в 1905 году. От этого “достижения” педагогики ученики оставались голодными, часто наживали себе малокровие, учиться начинали хуже за недостатком времени...» (Кононов, 1958, 268).

См. также: *Наказания в учебных заведениях (официальные).*

«**БЕЗ ПРЯНИКОВ не заигрывают!**» – фраза, трактующая то или иное поведение мальчика как заигрывание, ухаживание.

О 1990-х гг.: «“Без пряников не заигрывают!” – говорили девочки мальчикам, которые “строили глазки” девочкам или просто просили у них списать домашнюю работу и т. п.» (154).

По воспоминаниям автора словаря, эта фраза использовалась девочками в школе в Шадринске в 1970-е гг.

БЕЗ трусов заставлять находиться – см.: *Трусы.*

БЕЗНАДЗОРНОСТЬ – отсутствие присмотра за детьми, наблюдения за их поведением и времяпрепровождением.

«Безнадзорность детская – отсутствие или недостаточность контроля за поведением и занятиями детей и подростков, воспитательного влияния на них со стороны родителей или заменяющих их лиц. Крайнее проявление безнадзорности – беспризорность... Причины безнадзорности: утрата детьми одного или обоих родителей, условия труда и быта взрослых членов семьи (длительные командировки или состояние их здоровья), не позволяющие в должной мере заниматься воспитанием детей, неблагопр. обстановка в семье (конфликты, разводы, аморальный образ жизни родителей и т. п.) и в дет. ученич. коллективе... Безнадзорность характерна для ситуаций, когда дети проводят всё своё свободное время вне семьи и ученич. коллектива. Иногда неблагополучная семейная обстановка вынуждает детей к самовольному уходу из семьи, бродяжничеству. В нек. случаях такие поступки объясняются романтическими причинами (напр., стремлением путешествовать)... Предоставленные самим себе, несовершеннолетние... легко попадают под влияние уличных группировок с асоциальной направленностью, втягиваются в употребление алкоголя, наркотиков, в аморальную деградацию вплоть до преступной» (РПЭ, 193–1).

БЕЗРУКАВКА – короткая одежда (рубашка, кофта, куртка и т. п.) без рукавов или с очень короткими рукавами.

Об элементе пионерской формы мальчиков на Дальнем Востоке в 1922 г.: «Они шли мимо нас чёткими широкими рядами, все, как один, в красных галстуках, в сиреневых безрукавках и черных трусах... Алое шелковое знамя... развевалось над головой колонны... В красных галстуках, сиреневых блузках и черных юбках шли за колонной мальчиков пионерки. Короткая команда – и песня оборвалась, ряды перестроились в треугольники и квадраты. Пионеры остановились и стали делать разные гимнастич. упражнения... И лишь тогда [я] надел новенькие, еще пахнущие утюгом, сиреневую безрукавку и чёрные сатиновые трусы. Не было только галстука. В школу мы отправились, как на большой праздник: я в безрукавке и трусах, а Саша и Волик в своих обычных штанах и рубахах. Им должны были выдать форму бесплатно» (Чаусов, 1963; 221, 228).

О пионер. лагере в середине 1930-х гг.: «Возле кроватки стояла белая табуретка. На ней лежали: синие трусики, голубая безрукавка... После ужина ребята получили новые трусы, безрукавки и галстуки... Наступил вечер праздника... “А ну, ребята, одернуть безрукавки, поправить галстуки...”» (Гайдар, [1934–1935], 1980–2; 33, 65, 66).

О перв. пол. 1960-х гг.: «По берегу шла гурьба мальчишек... Один из ребят, в белой безрукавке, нёс детское ведерко с кистью» (Мошковский, [1967] 1972, 38–39).

БЕЙСБОЛКА – головной убор, род кепки с длинным широким жестким козырьком.

О нач. 1990-х гг.: «Бейсболки – лёгкие кепки – носили в начале 1990-х годов. На них были эмблемы – орёл с надписями под ним. Можно было надеть бейсболку козырьком вперёд или назад» (073).

О дер. Подгорка Притобольного р-на 1992–1997 гг.: «Бейсболка – кепка с длинным жестким козырьком. Их носили (и до сих пор носят) и девочки, и мальчики лет с 6. Впервые я их увидела где-то в 1992 году (точно не помню). У них сзади было специальное крепление, чтобы можно было менять размер. Над этим креплением – дырочка, в неё девочки часто продевали волосы, собранные в хвостик» (072).

О 1994 г.: «Мне было 9 лет, когда у моего брата появилась бейсболка. Этот головной убор впервые появился в г. Шадринске в 1994 г. Мама купила мне такую же бейсболку, как у моего старшего брата. Она была бело-чёрного цвета с козырьком и сзади сделана сеточкой» (068).

Рекомендации девочкам-подросткам на лето 1996 г.: «Ты любишь помечтать – заведи себе милую соломенную шляпку, ты предпочитаешь активный образ жизни – тебе подойдет бейсболка» (Шумская, 1996, 5).

О конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Бейсболка – кепка летняя с козырьком синего, чёрного цвета из материи, на лобной части – рисунок: орёл с расправленными крыльями, и на нём – английские буквы USA. Этот головной убор носили мальчишки для “крутизны”, затем девочки с боевым характером – “пацанки”. “Крутизна” показывалась, когда козырек – на затылке (то есть кепка перевернута назад) или козырек сбоку, над ухом. Мы, девочки, использовали бейсболки в танцевальных номерах, одеваясь под пацанов. Это было “престижно”, как говорится, показывало твой “крутой стиль”» (110).

О перв. пол. 2000-х гг.: «Нынче девочка, которая, которая ещё недавно щеголяла в бейсболке, лихо натянутой козырьком назад поверх банданы, начинает тяготиться унылым унисексом и всё чаще тянется к более женственному образу» (Индустрия моды, 2006, № 4 (23)).

«**БЕЛАЯ ладья**» – всесоюзные детские соревнования по шахматам, проходившие с 1960-х по 1980-е гг.

О конце 1960-х гг.: «Клуб “Белая ладья”. Это он проводит Всесоюзные соревнования юных шахматистов... Условия соревнований просты: в школах проводятся турниры, в которых участвуют все ребята, умеющие играть в шахматы. По результатам турниров определяется сборная команда школы, она состоит из пяти человек (4 мальчика и 1 девочка). Эта команда получает право выступать на районном, городском областном или краевом турнирах» (ПО, 1971, 50).

О 1970-х – нач. 1980-х гг.: «...Для ребят... проводятся большие всесоюзные соревнования... по отдельным видам спорта. У них красивые, завлекательные названия: ...“Золотая шайба” – хоккей с шайбой, “Белая ладья” – шахматы... и многие другие. В этих соревнованиях участвуют миллионы советских ребят, в том числе младшие школьники... Самые крупные шахматные соревнования для детей, проводимые в нашей стране, да и во всем мире, – это командные соревнования пионерских дружин клуба “Белая ладья”. Они проводятся Центральным Комитетом ВЛКСМ, Спорткомитетом СССР и журналом “Пионер”. В них участвуют по всей стране более миллиона школьников от 9 до 14 лет. Более миллиона!.. В финале, в который выходят сильнейшие из сильных, участвовало в 1981 году – а в том году турнир проводился в тринадцатый раз, – 100 пионеров» (Кулешов, 1983; 12, 41).

«**БЕЛЕЕТ парус одинокий**» – опубликованная в 1936 году повесть Валентина Петровича Катаева (1897–1986). В 1960-е – 1980-е годы изучение повести входило в программу средней школы (5–6 класс).

События повести происходят в Одессе в 1905 году, главными её героями являются сын учителя, мечтательный Петя Бачей и его друг – внук бедняка,

деловитый, смекалистый Гаврик Черноиваненко. В 1937 году на экраны вышел фильм «Белеет парус одинокий», снятый по повести В.П. Катаева (режиссер В.Г. Легошин).

«В гл. ролях мы снимались вместе с Ирой Большаковой. Она была уже кинозвездой со стажем, предыдущей ее ролью был... Павлик в фильме “Белеет парус одинокий” (1937) по повести В. Катаева» (Воронцов, 1998, 137).

О чтении мальчика 8–12 лет во вт. пол. 1940-х гг.: «Учебники довоенного издания... Из первых худ. произв-ий – Пушкин... Потом Валентин Катаев. Гаврик и Петя, “Белеет парус одинокий”. Весь Аркадий Гайдар...» (Мироненко, 2004, 4).

О 1950 году: [Глава] 77. Из дневника Марины... 21 апреля. Начались экзамены. Ура! Мне достался 22-й билет!.. Рассказать о дружбе Гаврика и Пети по повести Катаева “Белеет парус одинокий”. И это как раз моя любимая книга. Правда, мне хотелось больше 5-й билет – о детстве и юности Пушкина. Я тогда говорила бы полтора часа. Но про дружбу Гаврика и Пети тоже хорошо. В общем, все вышло совсем не страшно и даже хорошо. Пять» (Эмден, 1952, 198).

О г. Саратове во вт. пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.: «“Белеет парус одинокий” прежде Лермонтова пришло от повести Катаева не только в моё, но, думаю, в детство многих тогдашних советских детей, посещавших специализир. дет. библиотеки. Я не помню, чтобы особенно предлагали классику, в т[ом] ч[исле] стихи. Зато очень хорошо помню, как даже не навязывали, а просто обязывали брать книги по программе, и, сдавая книгу, надо было изложить содержание. Лишь после этого допускали к книгам иным...» (Боровиков, 2000).

О перв. пол. 1970-х гг.: «...В читательском сознании живут и старые, испытанные временем произведения... Одна из таких книг до сих пор стоит на книжной полке среди самых любимых произведений – это “Белеет парус одинокий” Валентина Катаева» (Разумневич, 1975, 16).

БЕЛЕНА – «Ядовитое растение семейства паслёновых. В просторечном выражении. Белены обелся – обезумел, безумствует (связано с симптомами отравления белены)» (Словарь, 1950–1, 370).

О девочках 3–6 и 6–9 лет в Шадринске в 1941–1945 гг.: «Ещё лакомством были хлебные крошки, которые приносила мама, когда работала на хлебозаводе... Вечером собирались дети нашего двора, подружки и все ждали нашу маму. Она отдавала нам эти крошки, и мы делили на всех поровну. Крошки мы насыпали на ладошку и слизывали языком. Это было для нас лакомством. Как-то весной, перекапывая огород, соседка Давыдовна выкопала корни белены. Мы играли во дворе, она подозвала нас и дала нам их, сказав: “Ешьте, это – сахарная свёкла”. Корни были действительно сладкие, мы и соседская девочка Лина их поели. Вечером нам стало дурно, мы плохо соображали, кричали, бросали вещи, падали, у нас были галлюцинации и, действительно, лезли на стены. Когда мама дозналась, что мы что-то съели, она поняла, что мы отравились. Она напоила нас сахарным сиропом, чтобы вызвать рвоту, а утром увела в больницу. В глазах двоилось и различали только красный цвет. Лина лезла на стену, сорвала часы, у Вали разбежались глаза в разные стороны, а Тома срывала с маминой головы красную косынку и кричала, что Вовка утащил её игрушки. В больнице нам оказали необходимую помощь. Вот и на себе испытали, что такое поесть белены. Недаром в народе говорят: “Ты что, сдурел – белены обелся?”» (Чижова, 2005, 208–209).

«БЕЛКИ-СТРЕЛКИ» – игра двумя командами с поиском спрятавшихся.

О Каргаполье в 1984–1987 гг.: «Группа детей из любого количества делится на две команды. Одна команда называется “Стрелки”, другая команда – “Белки”. Задача команды “Стрелок” – спрятаться от “Белок”, но в то время как они прячутся, а самое главное прячут свой “штаб”, они рисуют по дороге в различных местах стрелочки и запоминают количество нарисованных стрелок. Когда они находят подходящее место для укрытия, то они должны где-то рядом

нарисовать и спрятать “штаб” и сидеть после этого тихо; ждать, когда их найдут “Белки”. Задача команды “Белок” – найти все стрелки, расставленные командой “Стрелки”, а самое главное – найти “штаб” противника. По мере нахождения стрелок они зачеркиваются или стираются, так как стрелочки рисуются подручными средствами: кирпичиком, палочкой на земле, в лучшем случае – мелом. Если команда “Белки” нашла большую часть стрелочек и “штаб”, она считается выигравшей, а если нет, то снова ищет “Стрелок”. Если “Белки” выигрывают, то они становятся “Стрелками”, а “Стрелки” – “Белками”. В эту игру играли в Каргаполье, в основном, летом и с большим количеством участников» (525).

См. также: «Стрелки»; «Стрелки-белки».

«БЕЛОЛОБЫЙ» – рассказ (1895) А.П. Чехова; в 1960-е – 2000-е гг. входит в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (3-й класс).

«БЕЛОСНЕЖКА и семь гномов» – сказка братьев Гримм; снятый по этой сказке студией У. Диснея полнометражный анимационный фильм (1937).

О мальчике 1926 г. р. в 1930-е гг.: «Наше поколение в самом раннем возрасте воспитывалось в основном на русских сказках... Но были и иностранные книжки...; показывались диснеевские фильмы – ...“Белоснежка” (Александрова, 2004).

«БЕЛОЧКИ-СОБАЧКИ» – подвижная игра неизвестного содержания.

О Перми в 1962 г.: «Подвижные игры тех лет: чур-немоя (горелки), сопки (царь горы), штандар, уголки, белочки-собачки, лапта...» (Киришин, 2002).

Возможно, именно об этой игре идёт речь в следующем отрывке, описывающем вторую половину 1960-х гг.: «Давно не было так весело ребятам из третьего корпуса сорок шестого дома. “Казачи-разбойники”? Пожалуйста... Потом играли в “Белочку на дереве, собачку на земле”» (Драбкина, 1975, 82).

«БЕЛЫЕ и красные» – разновидность игры «в войну», характерная для 1930-х гг.

См.: «Красные и белые».

«БЕЛЫЕ медведи» – игра.

О 1993–1995 гг.: «В возрасте 8–10 лет, когда я жила в городе Катайске, мне с друзьями очень нравилось играть в игру «Белые медведи». Нас собиралось человек 10–12 разного возраста, от 6 лет и до 12. Для этого мы ставили скамью (можно любой другой предмет) в центре определенной намеченной площадки. Определяли ведущего при помощи считалки, либо он сам вызывался на его роль. Цель ведущего заключалась в том, что он должен поймать участника игры или же задеть его рукой. При этом все дети убегали от него, но нельзя забегать за рамки определенной территории. Тогда пойманный брался за руку ведущего и они уже вместе должны ловить других участников. Так продолжалось до тех пор, пока все дети не оказывались в цепочке. Когда все участники оказывались в цепочке, то она разрывалась и начиналась заново» (029).

БЕЛБЕВАЯ веревка – орудие домашнего (семейного) наказания в 1940-е – 1950-е гг. См.: *Физические наказания детей в семье*.

О мальчике 6–7 лет в 1946–1948 гг.: «Так получилось, – сказал [Павлуша]. – Я больше не буду ходить в [детский] сад...” “Ах, не будешь! Давно, оказывается, по тебе верёвка не ходила. Вот она сейчас по тебе немножко походит, а потом посмотрим, будешь ты в сад ходить или нет”. [Мама] сдёрнула с гвоздя бельевую верёвку, схватила закричал Павлушу за руку и повернула спиной к себе. “Не пойду... Не пойду!” – Павлуша. Но мама не слушала и несколько раз больно ударила его верёвкой по спине. “Всё равно не пойду”, – тихо сказал он и даже не заплакал. “Нет, пойдёшь! – сказала мама и снова ударила его... – ...По-моему будет, а не по-твоему, – говорила мама и трясла у него перед лицом верёвку. “Не пойду, – сказал Павлуша и закрыл глаза, ожидая, что она снова ударит. Но мама не ударила. Бросила верёвку и сказала: “Пойди и встань в угол. На колени...”» (Сабилло, 1980, 161–162).

О мальчике 1948 г. р. в Москве в 1950-е гг.: «После войны нравы были суровыми. Отец закалил меня бельевой верёвкой. Брючный ремень всякий раз снимать было не с руки, а веревка – она всегда рядом...» (Жарков, 2004, 24).

БЕЛЯЕВ – Александр Романович Беляев (1884–1942), русский писатель, автор популярных научно-фантастических повестей «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля», «Ариэль» (1940).

«...Современная критика замечает, что многие произв. [науч. фантастики]... перестают быть тем специфически детским и юношеским чтением, какими были, например, романы А. Беляева» (Лупанова, 1969, 659).

«БЕМБИ», **«Бэмби»** – (англ. «Bambi») книга Феликса Зальтена, выпущенная в 1923 году; снятый по книге мультфильм – пятый по счёту классический мультфильм Уолта Диснея (1942). Главные действующие лица – оленёнок Бэмби, его родители (мать и отец – Великий Князь леса) и друзья.

О пос. Белоярский Свердловской обл. в середине 1990-х гг.: «Любимой книгой была и есть “Бемби”. Эта история об оленёнке по имени Бемби, который в конце стал мудрым и сильным оленем» (088).

О Шадринске в 1996–1997 гг.: «Когда мне было 10–11 лет, я первый раз увидела мультфильм “Бемби” у подруги. Он был на видеокассете. Это был первый значимый для меня американский, очень яркий мультфильм, я пересматривала его несколько раз» (112).

«БЕН, Бэм, джурри...» – см.: «Дон-дон, дерри...»

«БЕНЕФИС» – облученная в шутивно-игровую форму *обструкция* новому преподавателю.

О 1880-х гг. в институте благородных девиц: «Травить Миддерлиха! Бенефис ему хороший закатыть, бенефис с подношением!» “Ты ещё не знаешь, что такое “бенефис”. Но ты сама, собственными глазами увидишь... Скандал выйдет большой... “Шестёрки” нас выучили...”» (Чарская, 1910, 151).

Описание «бенефиса» содержится в повести К. Филипповой, большая часть которой посвящена описанию быта женской гимназии в уральском губернском городе в середине 1910-х гг.:

«Ирина пришла в гимназию в веселый день. На второй урок класс готовил „бенефис“ новому преподавателю русского языка. Старый словесник умер, и на его место приехал другой... Девочки ещё не видели своего нового преподавателя, но сразу же, как только Сова сказала, что он приехал и завтра будет его урок, решили устроить ему “бенефис”. “Чтобы не задавался!” Обо всем этом Ирине рассказали Мика и Зоя Заикина. “Какой-то он будет! – мечтательно добавила Зоя. – Красивый или нет?...” “Да будет тебе, – с досадой остановила её Мика. – Тут о деле говорят... Ну, ты как, Ирина, будешь участвовать в бенефисе?” “Я – как все!” – решительно ответила Ирина. “Тогда тебе сейчас же надо сделать репетицию”, – озабоченно проговорила Зоя. “Верка! Телятникова!” – остановила она за рукав коротко остриженную девочку... “... Послушай, Веруська, Лотоцкая участвует в бенефисе. Её надо научить брусси”, – сказала Зойка. “Правда? – оживленно спросила Телятникова. – Вот молодец! Бежим в уборную!...” Ирина оказалась способной ученицей и к началу “бенефиса” была готова. Перед самым уроком, уже после звонка, обнаружилось, что Бурунова и Маковкина исчезли. “Это они нарочно! Я знаю! – объявила Патэ-Федотова. – Чтобы удрать с бенефиса. В лазарет ушли...” – уверяла Федотова. “А если они скажут Сове [классной даме]? – послышался голос Колобовой. – Может быть, лучше не надо бенефиса? Опять скандал будет...” “Не посмеют! Это даже лучше, что их нет. Смотрите, девочки, чтобы все было, как уговорились... Кто не хочет – говорите сейчас. Ну?” Мика встала и строгим взглядом оглядела девочек. “Как это не хочет!” – всполошилась Вера Телятникова. “Значит, подвести весь класс?” “Да ладно! Чего ты? Решили ведь...” “Как только я кашлянну – начинайте. И пусть Сова мечется сколько угодно – не обращать внимания!” – распоряжалась Мика. “Знаем! Знаем!” Сова ввела в класс невысокого, круглого человечка, уже немолодого... Сова сладко улыбнулась: “Вот ваш новый преподаватель, девочки! Его зовут

Геннадий Петрович... Груздовский. Надеюсь, вы будете вести себя хорошо...” И... вышла. Обрадованные такой неожиданной удачей, девочки стали медленно садиться. Правда, бенефис они устроили бы и при Сове, но раз ее нет... Сначала опустилась на парту одна девочка, потом другая, третья, четвертая, пока не сели все. Это проделывалось серьезно, без единого слова, без улыбок, с деревянными лицами и нарочито вытаращенными глазами. Мика громко кашлянула. Враз поднялись правые руки, пальцы ударили по губам: “Брусси-брусси-брусси-брусси!” Пальцы били по надутым щекам: “Пути...” Опять по губам: “Бриня...” По щеке и по губам: “Пути-бром!” Затем все начиналось снова. ... “Пути-бриня! Пути-бром!” – продолжали девочки» (Филиппова, 1938, 29–33).

«БЕРЕЗКА», **«березку ставить»**.

О 1900-х гг.: «...И “березку ставят”, и “блины едят”, и в чехарду играют, и с моста вверх тормашками кидаются... Вдоль берега сидят измазанные с ног до головы жидкой грязью ребята, – отдыхают. По перилам моста восседают рядком, как птицы, такие же фигурки. “Прошка! А Прошь! Поставь березку!” Прошка куврыкается, скрывается в грязной воде, и через несколько секунд оттуда выставляются Прошкины ноги. Это и есть “березка”» (Чириков, 1918, 20).

БЕРЕЗОВАЯ жвачка.

О Шадринске в 1991 г.: «Когда мне было примерно 6 лет, мама из деревни привезла нам эту жвачку. Её делала нам бабушка из бересты, которая варилась в горшке в печке. Это жвачка была черного цвета (напоминает гудрон) и с совершенно особенным вкусом. Долго эту жвачку было жевать нельзя, так как в отличие от покупных жвачек, которые при жевании уплотняются, березовая жвачка, наоборот, рассыпалась. После смерти бабушки, мама еще несколько раз покупала на рынке такую жвачку, но потом она и продаваться не стала» (103).

БЕРЕЗОВКУ добывать – получать из берёзы сок.

О девочке 5–12 лет в с. Межборном Притобольного р-на в 1989–1996 гг.: «Ещё когда я ходила в детский сад, папа меня брал весной в лес за березовой (так мы называли березовый сок). Каждый год мы ездили в одно и то же место, так как там были подходящие для сбора сока берёзы, то есть не прямые, а наоборот, согнутые к земле частью ствола, и чем ниже, тем лучше. Это было нужно для того, чтобы, когда часть коры с нижней стороны согнутого ствола вырубалась, сок мог капать прямо в банку, которая стояла на земле, частично вкопанная в землю, а остальное присыпано сухими прошлогодними листьями (чтобы не нашли: случалось, что иногда берёзовку сливали другие). Берёзовка начинала течь в апреле – мае, в зависимости от температуры. Чем теплее было, тем раньше начиналась. Банки мы всегда брали только трёхлитровые (несколько), другие позднее стали пользоваться и полторалитровыми пластиковыми бутылками, отрезая горлышко. Когда я подросла (примерно с 9 лет), то ходила за берёзовкой со своими друзьями-ровесниками, тогда увидела немного другие способы “добычи” берёзовки. Например, некоторые делали зарубку и на прямых березах, но при этом в место зарубки вставляли металлическую пластинку длиной 5–7 см, шириной 1,5–2 см, согнутую пополам таким образом, что она одним концом была воткнута в древесину, а с другого берёзовка капала в ёмкость. Пластина была наклонена, конечно, вниз. Другие просто вбивали в березу гвоздь, а к нему привязывали веревочку и опускали ее в банку или в бутылку, а по ней и бежал сок. Вышеописанные способы требовали времени для сбора берёзовки. Обычно берёзовку “собирали” на следующий день, придя в лес и слив березовый сок в другие емкости, а эти ставили обратно для следующего их наполнения им. Если прийти за берёзовкой через несколько дней, то она могла испортиться, как говорили, “закиснуть”. Когда же хотелось попить берёзовку сразу в лесу, не дожидаясь, когда она набегит в банку, то на согнутой части березы, но уже с верхней, а не с нижней стороны вырубали топориком выемку в коре, до древесины, но уже более

глубокую, чем в вышеописанных способах, примерно глубиной 3–5 см. Стоило подождать 3–5 минут, и в этом углублении набирался сок, который пили через соломинку, её иногда заготавливали ещё дома (выбирали из сена) и брали с собой или искали в лесу какую-либо траву со стволем, подобным соломинке. Иногда перед тем как поставить берёзовку для сбора, пробовали сок этой берёзы на вкус. Если она была не сладкой, то пробовали, сделав зарубку на другой березе, а ту замазывали землёй, чтобы берёзовка зря не текла. За берёзовкой весной ходили многие из нашего села, её нужно было пить сразу, иначе она мутнела и становилась невкусной. Но некоторые (и мы иногда) наливали берёзовку в чистые банки и спускали в погреб, который был на улице, то есть в нём было холодно даже летом, поэтому сок мог храниться до нескольких месяцев (2–3 месяца хранили мы и доставали летом, когда у других берёзовки и быть не могло, ведь сезон для неё заканчивался). Березовый сок всегда считался очень полезным для здоровья и пили его все литрами» (099).

БЕРЕЗОВЫЙ СОК – см.: *Берёзовку добывать*.

БЕРЕМЕННОСТЬ – «Физиологический процесс развития плода из оплодотворённой яйцеклетки в организме женщины...; состояние женщины... в период такого процесса с момента оплодотворения до родов» (Словарь, 1991–1, 493).

Игра в беременность – девичья игра.

Еще в конце XIX в. детские игры «в свадьбу» растягивались порой «на несколько дней, а то и месяцев», в них имитировались и беременность, и роды. Так, во время игры, проводившейся в конце XIX века детьми 10–12 лет в Орловском уезде, «невестой» (после первой «ночи») изображались беременность («для чего подружки наматывали ей на живот тряпок») и роды (Морозов, 1995, 22).

Наличие игровых имитаций беременности в девичьей среде отмечалось и после революции: «В своих играх девочки очень часто играют в маму. Подкладывают под платьице тряпки или бумагу, изображая беременность, и вытаскивают из-под юбки куклу, показывая этим самым процесс родов» (Сорохтин, 1925, 85).

Из брошюры 1979 г. «В дошк. возрасте у детей наблюдаются игры с сексуальным содержанием. Дети играют, например, в “дочки-матери”, “папы и мамы”, “свадьбу”... Маленькие девочки иногда подкладывают под платье различные вещи и заявляют: “А у меня будет ребёночек”» (Санюкевич, 1979, 14–15).

Имитация беременности, как показывают сообщения, является чрезвычайно распространённой современной девичьей игровой практикой.

Способ изображения девочками беременности весьма прост: «Беременных женщин мы изображали с двоюродной сестрой. Себе под кофту толкали всякие тряпки и делали живот»; «С девчонками играли, засовываем подушку под платье, и мы беременные»; «Когда моя сестра ходила в положении, я старалась быть похожа на нее: прятала под платье мяч, одежду, тем самым демонстрируя беременность»; «...Мы любили имитировать беременность, подкладывали под платье подушки и так ходили, рассуждали над тем, кто родится и как назову. В такие игры мы играли..., когда ... не было взрослых»; «Интересным занятием было изображать беременную женщину. Под подол я ложила подушку или тряпок. Я делала себе такой большой живот, и так я ходила по ограде...» (Борисов, 2000, 44).

Игровая «беременность», как правило, завершается «появлением ребенка». См.: *Роды, Игры в роды*.

БЕРЕТ – «Мягкий женский и мужской головной убор без околышка и козырька» (Словарь, 1950–1, 397); «Головной убор круглой формы без полей» (Словарь, 1991–1, 495); «мягкий плоский головной убор различной величины, круглой или квадратной формы... В России берет вошёл в моду с начала XIX века, а в 20–30-х годах стал частью парадного туалета» (Терешкович, 1999, 20–21).

Берет, беретик, береточка у девочек.

О 1910-х гг.: «Говорят, что на алферовских гимназистках всегда лежал какой-то особенный

отпечаток: их узнавали не только по синим беретам, но по манере держать себя» (Реформатская, 1993, 143).

О девочке 5–8 лет в середине 1930-х гг.: «Светочка стоит спиной к нам, в синем берете, в ботах, играет с малышами... Она кажется немного чужой в новом красном пальто, в новой береточке...» (Александрова, 1992).

О 1941–1942 гг.: «...Подошла девочка в жёлтом, как подсолнух, пальто... У девочки всё было под стать: и жёлтый беретик, и пальто с прозрачными алыми пуговицами» (Рождественская, 1960, 19).

О 1944–1945 гг.: «Надя была в вязаной кофте, на голове беретик, из-под которого выбивались пряди золотистых волос» (Бакинский, [1955] 1956, 246).

О 1950 году: «Он помнит восхищенные взгляды учениц женской школы, случайно увидевших, как Игорь приветствовал офицера на улице города. Среди них была одна девочка с длинными толстыми косами. Она ходит в ярко-красном берете» (Багмут, 1951, 102).

О середине 1950-х гг.: «В одном с Алёшей классе / Была девчужка Ася, / Носила синенький берет, / Любила груши и балет» (Серова, 1960, 19).

О шестилетней девочке в первой половине 1960-х гг.: «С прогулки [Надя] пришла грязная-прегрязная... Берет, побывавший в луже, пришлось стирать, ботинки поставили сушиться возле батареи парового отопления...» (Котовщикова, 1966, 65).

О 15-летней девочке в середине 1960-х гг.: «По... тротуару под... ливнем медленно шли двое. Мальчишка был длинен и тонок. Девчонка едва достигала ему до плеча, берет на самом затылке, тёмные косы, переброшенные на грудь, висят двумя мокрыми жгутами» (Котовщикова, 1969, 78).

О 1997–1998 гг.: «Думаю, каждая девочка знакома с таким головным убором, как берет, который получил популярность примерно в 1997–1998 гг. Чёрный берет (шерстяной) был у многих в нашем классе, в том числе и у меня. Классические цвета (белый, чёрный) подходили к любому виду верхней одежды, поэтому были наиболее распространены» (449).

Берет, беретик у мальчиков.

Об авг. 1960 г.: «...[Вовка] насадил на вихры серый беретик – такие совсем недавно были придуманы Минпросом вместе с новой школьной формой» (Крапивин, 2001, 438).

О перв. пол. 1960-х годов: «И прежде всего зашли в двухэтажный магазин, купили Пыште [второкласснику Павлу] синий берет...» (Цюрупа, 1966, 119).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Оба ученики 5-го “Б”..., оба в... курточках... Ростик – в красной, Антон – в голубой... Ростик был в берете под цвет курточки...» (Миксон, 1976, 196).

«БЕРИ да помни» – игра на проверку памяти.

О Шадринске в 1966–1971 гг.: «Игру “Бери да помни” мне рассказала мама. В неё мы играли примерно с 9 до 14 лет. Когда мы ели куриный суп и кому-нибудь попадалась косточка, то она отдавалась тому, кто был рядом, со словами: “Бери да помни”. А человек должен был ответить: “Беру да помню”. После того, когда проходило некоторое время и этот случай как бы забывался, тот, кому попадалась косточка, подавал любой предмет тому, кому была подарена кость, а последний должен был не забыть ответить: “Беру да помню”. Если не отвечал, то считали проигравшим» (103, записано со слов мужчины 1957 г. р.).

«БЕРМУДЫ» – «[брюки,] напоминающие кюлоты [несколько ниже колен] по длине, но более свободные, со стрелкой, а иной раз с отворотами по низу» (Орлова, 1988, 148); «женские узкие, чуть шире ноги, брюки длиной на 5 сантиметров ниже колен, со стрелками, иногда с отворотами» (Терешкович, 1999, 34).

О середине 1980-х гг.: «Вдруг в парикмахерскую вбегает девочка... Короткие, до колен, бархатные брючки. Майка с попугайчиками... Такие брюки называются “бермуды”, такая майка называется “олимпика”...» (Матвеева, 1987, 11–12).

БЕСЕДА – «Обл. Посиделки, вечеринка, пирушка» (Словарь, 1991–1, 500–501).

О деревенских подростках 11–13 лет в 1940-х гг.: «[Поля] была старше меня года на два, миловидна, проста и смешлива. Помню, собиралась уезжать в Ленинград к каким-то родственникам и собрала на “беседу” немногочисленных сверстниц. Ребятишки-школьники тут же пронохали про эту беседу. На этом-то гулянье я и стал впервые в жизни “кавалером”, Поля позвала меня ко столбу. Какая беседа без горюна? Гармошки, правда, кажется, не было, но Поля отвела угол в избе, завесила его какой-то рухлядью и завела горюн с Васькой Дворцовым. Они пошушукались для виду, и Васька скоро вышел на свет. Поля велела ему позвать меня... с тем, чтобы, когда выйдет она, я позвал ту, которая нравится мне. Но я был ещё школьник и настолько стеснителен, что покраснел и сделал Полю “головёшкой”, не пошёл к ней за занавеску. Горюн пришлось “зажигать” заново... Конечно, никакой любви не было, она, любовь-то, пришла позже, в шестом классе» (Белов, 2001–9)

БЕСЕДКА – «Крытое небольшое лёгкое строение, сооружаемое в садах, парках и т. п. для отдыха в тени и защиты от дождя» (Словарь, 1950–1, 401); «Крытая лёгкая постройка в саду, парке для отдыха, защиты от дождя и солнца» (Словарь, 1991–1, 501).

Судя по статье Н. Носова, опубликованной в 1950-х – 1960-х гг., в названные годы во дворах было принято устраивать беседки: «...Когда мы предпринимали строительство нового дома, то не бросаем дело, доведя постройку до предусмотренного типовым проектом пятого или десятого этажа, а соорудим ещё сверх того во дворе беседку, чтоб детишки могли поиграть в тени... В последние годы строительство ведется у нас чаще всего не отдельными зданиями, а целыми кварталами, районами или микрорайонами. И у каждого дома теперь обязательны и ярко раскрашенная беседка, и грибомухомор, и деревянная горка... Попробуйте заглянуть в какой-нибудь из этих очаровательных уголков через год-полтора – и вашему взору представится менее живописная картина... У беседки проломан бок...» (Носов, 1982–4, 426–427).

О начале 1980-х гг.: «Вечерами Саша приходил в беседку, здесь собирались большие ребята. Они курили, пели под гитару смешные песни и рассказывали о том, как целовались с девчонками. Саша мечтал поскорее стать таким же большим» (Шорин, 1985, 31).

«БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ» – песня (часто обозначается как «Артековская песня») на слова Зинаиды Николаевны Александровой (1907–1983), написанное в 1935 году.

Рассказывает З. Александрова: «Тридцатые годы. Точнее – 1935 год. Дождливое лето... ..Послала я своего “Чапаева” и ещё одно стихотворение “Бескозырка белая” на закрытый конкурс детской песни, организованный ЦК комсомола... Кажется, в начале зимы 1936 года были объявлены результаты конкурса. Первые премии не были присуждены, а вторую и третью премии получила я: вторую – за “Гибель Чапаева”, третью – за “Бескозырку белую”...» (Александрова, [1975] 1978, 15–16).

Песня разучивается с детьми, пользуется популярностью в детской среде со второй половины 1930-х гг. по вторую половину 1980-х гг.

Исполняемый обычно текст, по-видимому, представляет собой продукт «народной» переработки (адаптации) стихотворения З. Александровой. Из 10 строф оставлены шесть, слова изменены. Для сравнения сначала приводим первые четыре строфы стихотворения «Песня» З. Александровой, затем – текст песни.

Стихотворение «Песня»: «Бескозырка белая, / Матросский воротник. / Октябрята смелые / Спросили напрямик: / “Какого, парень, года, / С какого парохода? / И на каких морях / Ты побывал, моряк?” / Ленты за плечами, / Как флаги за кормой. / Ребятам отвечает / Товарищ звеньевой: / “Эх, мы, друзья, Освода, / Недавно из похода, / Одиннадцать недель / Гостили на воде...”» (Александрова, 1975, 36).

«Артековская песня»: «[1]Бескозырка белая, в полоску воротник... / Пионеры смелые спросили напрямик: / “С какого, парень, года, с какого парохода, / И на каких морях ты побывал, моряк?” / [2] Ленты за плечами, как

флаги за кормой... / Смело отвечает товарищ молодой: / “Да, мы, друзья, со флота, недавно из похода, / Одиннадцать недель гостили на воде”. [3] С водопада падали, сидели на мели, / А сколько мы товарищей хороших завели! / А сколько песен спели, а сколько рыбы съели! / Одних пятнистых щук поймали сорок штук» (ПДД, 1995, 136).

БЕСПРИЗОРНОСТЬ детская – отсутствие у детей и подростков постоянного места жительства, определённых занятий, семейного или государственного попечения и систематического воспитательного воздействия в результате утраты родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательного учреждения и т. п. причин. [...]

В 1990-е гг. в России произошёл рост беспризорности (по некоторым данным к концу 2000 насчитывалось св. 2 млн. беспризорных детей).

Ист.: ПЭ, 1964–1, 191–194; ПЭС, 2003, 23–24.

«Мы не требуем указать источник сведений, когда слышим, что “у нас 4 миллиона беспризорников...”». Эти цифры, без проверки подхваченные всеми СМИ, пустил гулять доктор философских наук Владимир Добренков... А откуда взялись эти 4 млн. беспризорных? Цифра просто нелепа: повторяющиеся замеры по Москве, где больше всего, выявляют одновременно не более 800 беспризорных, в основном из СНГ – об этом был материал в газете “Первое сентября” (№ 15 за 2002 год). Значит, в стране их несколько тысяч. Ужасно, но все-таки не миллионы» (Горянин, 2008, 23).

См. также: *Попрошайничество*.

БЕСПРИЗОРНИК – бездомный, не имеющий семьи или оторванный от неё, никем не воспитываемый ребенок, подросток.

О 1923 году: «В темноте закрытого вагона, тесно прижавшись друг к другу, жалобно, протяжно пели беспризорники: о... бездомном мальчишке..., что скитался по чужим городам... Вожак беспризорников был в широких обвислых галифе, в солдатских ботинках, под растянутой рубашкой – грязная полосатая тельняшка. Расставив ноги, закрученные до колен потрёпанными обмотками, он спокойно курил возле двери... Вожак... презрительно сплюнул под ноги. Молча развернулся и так ударил Павлушку, что тот отлетел в угол... Беспризорники начали торопливо обсуждать, как на вокзале пробраться через перрон, чтобы не попасть в руки милиции. Павлушка решил не отставать от них» (Соловьев, 1967, 126–127).

О Ленинграде в 1926 г.: «...Огромное..., зиявшее дырами в крышах и стенах железобетонное здание “Скэйтинг-ринка”, построенное перед войной для... катания на роликах; теперь это было штаб-квартирой полчища беспризорных мальчишек, известной под названием “кошачьей фабрики”: беспризорные зарабатывали продажей кошачьих шкур. Ловля кошек была поставлена на широкую ногу, и впоследствии, когда облавой милиции было уничтожено это прибежище “шпаны”, в “Скэйтинг-ринке”... были найдены тысячи гниющих кошачьих тушек» (Дьяконов, 1995, 89).

О Москве в 1927–1929 гг.: «...Пионерская жизнь показалась мне увлекательной. Мы постоянно были чем-то заняты: разыскивали беспризорников и с помощью наших шефов помогали им вырваться из их среды и войти в жизнь. Одним из них заинтересовался мой отец... Отец устроил его на работу в типографию, помог получить образование... После войны я узнал, что бывший беспризорник стал сотрудником Министерства иностранных дел» (Некрич, 1991–1, 54).

О Москве в 1946 г.: «...Прохожие ходят в военных обносках и орденах... Много беспризорников, они торгуют общими тетрадами и в дождь, и осыпанные огромными хлопьями снега, сидят на ступенях подъезда. Я дивился – как можно жить без родителей!...» (ВС, 2004, 6).

См.: *Беспризорность детская*, «Макароны».

БЕСПРИЗОРНЫЙ, беспризорный ребенок, беспризорные дети – см.: *Беспризорник*, *Беспризорность детская*.

Об Иркутске в янв. 2002 г.: «Собрать и накормить, отмыть и одеть беспризорных ребятишек, которые скитаются по подвалам Иркутска, – такова цель акции “Рождество для маленьких бродяг”... ..Более полусотни беспризорных ребятишек пришли на Иркутскую дезинфекционную станцию. Старую одежду, а точнее, грязные лохмотья, дети оставляли там. Переодевались в чистое белье, выбирали тёплую верхнюю одежду. С собой забирали подходящие по размеру кофты, халаты, штаны, куртки. “Душ – это классно, – делилась впечатлениями девочка лет двенадцати со своей младшей сестрой. – Вода из него лется – так прикольно!” В просторном, отделанном кафелем коридоре Иркутской дезинфекц. станции было тепло. Беспризорники шумели и играли» (Карасёва, 2002, 7).

БЕСПРОИГРЫШНАЯ лотерея – лотерея (розыгрыш призов), при которой выигрывают все «номера» (лоты).

В статье «Шуточная беспроигрышная лотерея на свадьбе», опубликованной в 2004 году (№ 3) на страницах журнала «Живая старина» (отв. редактор С.Ю. Неклюдов), автор настоящего словаря рассказывал о беспроигрышной лотерее как явлении «взрослого мира», существовавшем до 1917 г. и со вт. пол. 1980-х гг.

Нижеследующее сообщение свидетельствует о том, что беспроигрышные лотереи проводились также в середине XX века в детской среде.

О новогоднем празднике для первоклассников в декабре 1956 г.: «После выступления [детей] была проведена веселая беспроигрышная лотерея, где каждый выиграл новогоднюю открытку, или украшение для елки, или маску. Были разыграны частично и украшения, вывешенные в классе. С премиями за хорошие выступления, с выигрышами, довольные, разошлись дети по домам (Трофимова, 1961, 45–46).

БИБАБО – см. *Куклы-бибабо, Би-ба-бо.*

БИ-БА-БО – то же, что *Бибабо, Куклы-бибабо.*

О 1900-х гг.: «Мама подарила мне маленькую смешную куклу. Называлась эта кукла “Би-ба-бо” и состояла из целлулоидной головки и синего халатика, надевающегося на руку, как перчатка. Указательный палец входил в голову, а большой и средний становились ручками куклы. Если пошевелить указательным пальцем, то головка начинала кивать, а если пошевелить большим и средним пальцами, то смешно и совсем позаправдашнему двигались руки. Или Би-ба-бошка мог брать карандаш или спичечную коробку, чесать в затылке, утирать слёзы – одним словом делать что угодно. Мордочка у Би-ба-бо была очень смешная, глаза вертикальные, вытаращенные, носа почти нет, только точки ноздрей; рот длинный, растянутый, а на голове не то колпачок, не то феска. Выражение лица у него было какое-то неопределённое. Если руки растопырить, то глаза казались удивлёнными; если захлопать ручками в ладоши, казалось, что Би-ба-бо смеётся; если схватиться обеими ручками за голову, у Би-ба-бо лицо становилось испуганным, а если наклонить голову вниз и сжать куклу комочком, Би-ба-бо плакал. Всё, что ни делал Би-ба-бо, всё было смешно и немного трогательно... ..Гулять я его брал с собой, и он торчал в рукаве моего полубубка...» (Образцов, 1981, 164–165).

«БИБИГОН» – телеканал для детей от 4 до 16 лет.

Носит имя по имени главного героя произведения *К.И. Чуковского* «Приключения Бибигона».

Вышел на экраны телезрителей 1 сент. 2007 г. Его создатель – Всероссийская гос. телерадиокомпания (ВГТРК) – демонстрирует программы для детей в «детских» (временных) «окнах» каналов «Россия», «Культура» и «Спорт».

О 2000-х гг.: «Сегодня вообще передачи для детей и о детях на российском ТВ – редкость. И два новых детских канала – “Теленяня” и “Бибигон” – пока не могут изменить ситуацию к лучшему» (Аргументы и факты. 2008, № 3).

«БИБЛИОТЕКА военных приключений» – книжная серия Воениздата.

О начале 1950-х гг.: «В поздние сталинские годы в СССР получила распространение серия книг под общим

названием “Библиотека военных приключений”. Были они половинного книжного формата, и поскольку брэнд располагался наискосок, то всё это получило у читателей условное название “Косая серия”. Книги были назидательно-устрашающие, снабженные соответствующими картинками. Вот шпион, а вот наш славный полковник МГБ, разоблачивший его. Вот мелкий негодяй, попавший в сети зап. спецслужб, а вот простые советские люди, разоблачившие его... В свое время в одном из рассказов Солженицын точно заметил, что простые советские люди с интересом читали “комиксы про шпионов”. Да, по картинкам, по “захватывающему” содержанию они точно походили на амер. комиксы...» (Сысоев, 2006, 5).

О 1950-х гг.: «С непонятым усердием насаждают лит. пошлость, шпиономанию и нек... изд-ва, Воениздат, например, в “Библиотеке военных приключений”. За их выпусками, названными “косячками” за то, что названия написаны наискось, наши мальчишки гоняются, добывая их у перекупщиков, как в своё время гимназисты добывали запретные книжки про сыщиков. Лидером этого потока явился старый, опытный “приключенец” Н. Шпанов с его Нилом Кручининим. За ним тянутся многочисленные подражатели, засоряя нашу литературу всякой шпиономанской чепухой» (Богданов, 1958, 72).

См. также: *Шпион, Шпионские повести, книжки; книги про шпионов.*

«БИБЛИОТЕКА пионера» – книжная серия.

Книжная серия «Библиотека пионера. Избранные повести и рассказы» в 12 томах выпускалась издательством «Детская литература» с 1958 по 1964 год. Тираж – 200 тыс. экз. Вновь эта серия в 12 томах была выпущена тиражом 200 тыс. экз. в 1971–1976 гг. Книги в серии «Библиотека пионера» выходили также в конце 1980-х гг.

БИБЛИОТЕКИ детские – см.: *Детские библиотеки.*

БИБЛИОТЕКИ школьные – см.: *Школьные библиотеки.*

«БИБЛИОТЕЧКА детского сада» – серия книг для детей.

О конце 1950-х гг.: «Большую популярность приобрели серии [Государственного издательства детской литературы]: “Библиотечка детского сада”, “Мои первые книжки”...» (ПС, 1960–1, 275).

БИБЛИОТЕЧНАЯ тетрадь – см.: *Читательский дневник.*

«БИЗНЕС» – игра начала 1980-х гг.

О нач. 1980-хх гг.: «Большое внимание надо уделять... борьбе с попытками... бурж. пропаганды воздействовать на умы юных советских граждан. Наши идеол. противники не гнушаются никакими средствами, чтобы посеять в сознании детей и подростков неверие в социализм, в его реальные достижения. Именно детям подбрасываются анекдоты сомнительного характера, игры под названием “Бизнес”. Никогда не проходи мимо таких явлений» (Гринберг, 1983, 27).

«БИКС» – одно из названий распространённой настольной игры. Правила игры напоминают игру в *«японский бильярд»*.

О 1860-х гг.: «...У окон красовался длинный чёрный стол. В праздники на этом столе обедали, а после обеда крышку поднимали и из внутренности устраивали игру “бикс”. Хорошо я не помню, в чём она заключалась. Помню, что поднималась покатающаяся доска, на ней были лунки и ворота с колокольчиками и отделения с цифрами. Надо было кием ударять в шар и попадать через ворота в лунки и в отделения с цифрами. В детстве я умела и любила играть в “бикс”, но теперь забыла» (Лукашевич, [1918] 1994, 95).

БИЛЕТ гимназический – документ, удостоверяющий, что его владелец является учащимся какой-либо гимназии.

О 1905 году: «Гаврик со всех сторон осмотрел маленького гимназиста в длинной, до пят, шинели, с пустым ранцем за спиной. По-видимому, он остался вполне доволен. “Билет гимназический есть?” “Есть”. “Покажь!” Петя вынул билет. Гаврик его раскрыл и по складам прочел первые слова: “Дорожа своею честью,

гимназист не может не дорожить честью своего учебного заведения...» «Верно, – заметил он, возвращая билет. – Сховай. Может, сгодится!» (Катаев, 1961, 205).

БИЛЕТ комсомольский – см.: *Комсомольский билет*.

БИЛЕТ экзаменационный – билет, содержащий вопросы, на которые должен ответить учащийся на устных экзаменах.

«В советской общеобразовательной школе введены в 1938 г., составились школами. С 1945 г. Мин-вом просвещения РСФСР... были введены единые билеты для выпускных экзаменов» (ПЭ, 1964–1, 235).

БИЛЬБОКЕ (от французского bilboquet: bille – шарик + bouquet – поддевать на рога) – игрушка (распространённая в Европе с XIX века) в виде шарика, прикрепленного к палочке, который подбрасывается и ловится на острие палочки или в чашечку, находящуюся на другом конце палочки; так же называется игра с такой игрушкой. Об Одессе конца 1900-х – начала 1910-х гг.: «...В детстве, в юности у нас... были распространены бильбоке, которые... делались все на один манер: красные деревянные лакированные игрушки, искусно выточенные из дерева, – бальясинка, на одном конце которой была чашечка, а другой конец был заострён. На шелковом длинном шнурке болтался привязанный к бальясинке красный деревянный шарик с просверленной в нем круглой дыркой. Можно было ловким движением руки подбрасывать этот шарик так, чтобы он с приятным хлопанием попадал в чашечку, а можно было подставить острый конец и насадить на него шарик... Посадить шарик в чашечку было, конечно, гораздо легче, чем попасть острием в его дырочку, но среди нас, гимназистов, попадались великие мастера, делавшие это запросто. Почти у всех мальчиков и девочек в ранцах и карманах лежали бильбоке, и в каждую свободную минуту их извлекали на свет божий, и раздавались звонкие деревянные щелчки шариков, не попавших в чашечку, и плотное хлопанье – попавших. Шарик садился на острие почти беззвучно. Потом эта игрушка как-то постепенно вышла из моды. В памяти у меня осталось только слово “бильбоке”. Оно вызывало представление об удивительно приятном, музыкальном звуке шелкающего деревянного шарика и о темно-красной лакированной поверхности всей этой игрушки, искусно выточенной кустарями, вроде тех мельниц, счетов, пасхальных писанок, бирюлек и волчков, которые так украшали наше детство» (Катаев, [1972] 1983, 27–28).

БИЛЬЯРД детский, бильярд детский – игра с пусканием шарика из катапульти по наклонной плоскости; цель игры – попадая шариком в лунки с числами, набрать оговоренное число очков.

О нач. 1960-х гг.: «“А вот и есть!.. – с обидой закричал Колбаскин. – Бильярд с шарикам есть, которые выскакивают, если нажать пружинку, и ещё есть игра “Поймай рыбку!”... И ещё!...” Митя... вытащил из угла свой бильярд и стал играть. Сам с собой. Блестящий шарик прыгал в коробке, стучаясь о фанерные стенки, о проволочные косячки и жестяные вертушки. Мите удалось попасть в лунку с самым большим числом – 500. Никогда до сих пор он так метко не попадал. Но Колбаскин почему-то не обрадовался... Ведь никто не видел, как шарик вкатился в лунку, покачался, словно хотел выскочить, и замер...» (Мамлин, Соколовский, 1963, 59–60).

«Даже катапультию детского бильярда ... нужно уметь управлять, стараясь нажимать так, чтобы... шарик бильярда попал в лунку с наибольшим цифровым показателем, не скатился бы в “огонь”, т. е. в лунку, аннулирующую все предыдущие показатели попаданий» (Коссаковская, 1967, 28–29).

БИЛЬЯРД настольный – настольная игра для детей.

О нач. 1900-х гг.: «И вот однажды наши родители ушли в театр, и мы с Ленькой остались в комнате. И мы с ней стали играть на маленьком настольном бильярде... А у нас для бильярда были хотя и маленькие, но удивительно тяжёлые металлические шарики» (Зошенко, [1939] 1968–1, 228).

«**БИЛЬЯРД**» – видеоигра.

О 1995–1997 гг. в г. Шадринске: «В видеоигру на приставке “Бильярд” я играла, когда мне было примерно 11–13 лет. Мне нравилось, что эта игра позволяла размышлять, просчитывать траекторию полета шара, просчитывать различные комбинации» (113).

БИОЛОГИЯ – учебный предмет в школе.

О Москве в 1937–1940 гг.: «Директором была у нас Пелагея Павловна Волчкова, женщина вполне простецкая, невзрачной внешности, скорее всего крестьянского происхождения, прямая и открытая. Преподавала она в старших классах биологию и очень неплохо это делала, как я в этом убедилась позднее. Я тогда увлеклась дарвинизмом и даже подумывала, не стать ли мне биологом. Но отвращение к лабораторным работам на органических тканях, особенно ужас перед распотрошенной живой крысой, отвратили меня от стройной логической теории» (Старикова, 2003, 331).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «В школе на биологии у нас показывали диафильмы про природу, лес, что-то ещё. Помню, что это было время отдыха от биологии как таковой, от скрипучего голоса биологички, время посмотреть на мальчиков и девочек» (1001).

О конце 1990-х гг.: «Мы всегда всякими способами пытались [довести учительницу биологии], потому что нам было смешно и весело, когда она повышала на нас голос (она визжала, а не кричала). А мы хотели сорвать урок, она – визжала и топала ногами, затем выбегала за дверь, как бы к директору, но мы знали, что она никуда не пойдёт, а только постоит за дверью, успокоится и зайдет обратно, продолжит урок как ни в чем не бывало. Еще мы ей задавали вопросы, касающиеся строения человека, но она не отвечала на них, а выгоняла нас из класса, бегая за нами по классу. Но зато на следующий урок она... устраивала урок-повторение и приглашала директора» (557).

БИОСКОП – проекционный аппарат; род развлечения.

О конце 1900-х – нач. 1910-х гг.: «...Традиционный волшебный фонарь, который дома был игрушкой, а в гимназии назывался учеб. пособием, уже устарел. В игрушечных магазинах появился новый проекционный аппарат-синемаграф, или биоскоп. Он показывал вместо неподвижных изображений изображения движущиеся. Он мало чем по виду отличался от старинного волшебного фонаря, пылящегося на шкафу в учительской, если не считать ручки, которую надо было крутить, для того чтобы целлулоидная лента двигалась по замкнутому кругу ритмично, но прерывисто цепляясь за шипы медного барабана. Та же керосиновая лампа с рефлектором, те же зайчики, зеркально пятнавшие темную комнату, та же копоть и запах горелой краски... но какая разница в изображении! Сначала мы смотрели как на чудо на движущиеся разноцветные картинки на стене – клоуна в остроконечном колпачке, жонглирующего шариками, или танцующую балерину. Но зрелище это скоро надоело: замкнутая лента была невелика и чудо движения не могло испугать своей монотонности, бедности, своего механического стрекотания, навещающего скуку. В городских, общественных иллюзиях движущаяся фотография была куда интереснее. И наша дорогая игрушка скоро попала... в чулан, где долгие годы пылилась» (Катаев, [1972] 1983, 125–126).

БИРЮЛЬКИ – игра, заключающаяся в том, чтобы из кучки маленьких точёных из дерева фигурок доставать крючком одну за другой, не шевеля остальных.

Описание игры для детей старшей группы дет. сада: «Бирюльки – старинная народная игра... В наборе находится один или два крючка с деревянными ручками и 20 полированных токарных или резных фигурок – бирюлек: чашечки, самоварчики и т. п. Играющие по очереди вытаскивают крючком по одной бирюлке из коробочки так, чтобы не задеть соседние. Выигрывает тот, кто вытаскивает больше бирюлек. Правила игры. 1. Бирюльки можно вытаскивать только крючком. 2. Каждый играющий имеет право пять раз попытаться вытаскивать бирюльку. Если все пять раз ребенок

вытаскивает пустой крючок, он передает очередь следующему» (Кожевникова, 1961, 93).

О 1890-х гг.: «Соломинки, бирюльки. Сообразуясь с числом играющих, берут столько соломинок, величиной каждая в пядень, чтобы на всякого игрока приходилось по 10 или 15. Один бросает соломинки с некоторой высоты на столе, или на полу, а затем остальные по очереди начинают выбирать их по одной крючком, сделанным из соломинки такой же величины, стараясь не шевелить другие. Если кто пошевелит, тот теряет право выбирать остальные соломинки до новой очереди. Если кто не выберет своих соломинок в течение игры, тот получает щелчки от каждого выигравшего соответственно числу недобранных соломинок» (Покровский, [1895] 1994, 351).

О Новосибирске в 1930-е гг.: «Зимой... катаемся с горки... Устав от беготни и возни, мы усаживаемся вокруг стола и предаёмся тихим занятиям: рисуем, читаем, играем в лото, в бирюльки и блошки. Бирюлька – это точеная из дерева фигурка: чашка, ваза, блюдце, кувшинчик. Все фигурки кучей укладываются в блюдце, и надо при помощи тонкой палочки с крючком на конце суметь подцепить из кучки фигурку за тоненькое проволочное ушко, не пошевелив другие. Выигрывает тот, кто вытянет большее количество бирюлек» (МН, 1999).

БИСЕР – «Мелкие цветные шарики из стекла, реже металла со сквозным отверстием (для нанизывания, вышивания и т. п.)» (Словарь, 1991–1, 582).

Плетение из бисера, бисероплетение.

О середине 1990-х гг.: «Я сама не плела из бисера никаких фенечек, но мне нравятся сами фенечки. Плела из бисера браслеты и брел[о]ки моя сестра. Я видела, как она сидела и усердно плела, ей это нравилось. Для этого нужны были леска определенного номера и различных цветов бисер круглой и длинной формы. Сестра плела браслеты с именем и с узорами. Для того, чтобы их сплести, нужны были схемы, которые она чертила сама. В этом ей помогала учитель труда. Плетение из бисера со временем превращается в некое состязание. По словам сестры, состязание состояло в том, что у кого больше всего бисера различных цветов, в плетении сложных узоров на браслете. Сестра никогда не обменивалась браслетами, так как она считала, что мастерство бисероплетения у неё утратится. И как бы её знания передадутся через браслет другому человеку» (450).

О девочке 13–14 лет в 1999–2000 гг.: «Как-то вечером я забежала к подружке в гости.... [Я прошла к ней в комнату] Она сидела за столом и что-то очень увлеченно делала. Я подошла ближе и увидела, что она что-то делает из бисера. Оказывается, как я узнала из её уст, это были так называемые фенечки. Меня это очень заинтересовало. И так каждый вечер мы сидели с ней и плели самые разнообразные фенечки: тонкие и толстые, цветные, красные, синие, зеленые, на руки, на ноги, на шею. А однажды мы в магазине увидели книгу “Умелые ручки”. В ней было указано, как плести фенечки. Конечно, мы её купили. Пришли домой и стали подробно рассматривать и читать, так чтобы не пропустить любой мелочи. И вот мы наткнулись на изделие, которое можно сделать из бисера – это ободок. Надо сказать очень муторная и кропотливая работа, но рез-т впечатляющий. Мы делали его целый месяц. Не раз хотели бросить это дело, но, как говорится, “глаза боятся, а руки делают”. И вот последние бусинки нанизаны на леску, последний узелок – и готово. Мы были переполнены радостью, в нас появилось чувство гордости, ведь ни у кого не было еще такого. Правда, он был один на двоих, и носили мы его по перемене, всё же было приятно и радостно, что ни у кого такого нет» (567).

О девочке 6–7 лет в 2006 г.: «Юля... решила сплести для мамы бусы из бисера. Бисероплетению детей обучали в дет. саду... Юля... принялась рукодельничать... Наступило Восьмое марта... Юля преподнесла маме бисерные бусы. Мама надела бусы и воскликнула: “Неземная красотища!”» (Шарапова, 2006, 12).

См. также: *Фенечка, фенька.*

БИСЕРОПЛЕТЕНИЕ – см.: *Бисер.*

БИТЬ – «Наносить удары, побои кому-либо; избивать» (Словарь, 1991–1, 586).

Бить детей в семье – см.: *Наказания в семье.*

Бить девочек, драться с девочками (о мальчиках) – ударами причинять боль (с целью подчинить своей воле), вид школьного или уличного хулиганства.

О нач. 1930-х гг.: «Около школы очень часто организовались тут, в Москве, целые банды хулиганствующих ребят. Они пристают к проходящим девочкам, жгут им пальто, избивают их, грабят и запугивают ребят послабее и т. д. и т. п.» (Крупская, [1932] 1972, 107).

О середине 1930-х гг.: «До чего же я старался: / Я с девочками не дрался! / Как увижу я девчонку, / Погрожу ей кулаком / И скорей иду в сторонку, / Будто с ней я незнаком» (Барто, [1938] 1969–1, 71).

О 1941–1945 гг.: «“Вот что, милая, о сыне твоём говорить пришла... Хулиган из него растёт. Так и знай...” [Учительница] Мария Сергеевна глянула на неё... Сказала раздумчиво: “...Молода, глупа. Думаешь, коли сын плохих отметок домой не носит, это и всё? Нет, милая, оценка не человеку – способностям его ставится, а они и у негодня могут быть. Мало того, что он ежедневно срывает уроки, грубит, – самое страшное – он бьёт девочек. Бьёт тех, кто слабее его... Он делает это сознательно, со зла...”» (Гуссаковский, 1974, 136).

О пятиклассниках в г. Курске в 1954–1955 гг.: «...Некоторые учащиеся, особенно мальчики, вели себя крайне недисциплинированно. Мальчики не хотели подчиняться девочкам, поэтому и не выполняли требований председателя совета отряда и старосты класса... За правду, сказанную в глаза, мальчики избивали девочек» (Нечаева, 1958, 48).

О 1950-х гг.: «Взять хоть Альку Грозных, которого постоянно можно было видеть на площадке у дома, где он гонял футбол или лупил девчонок» (Никонов, [1958] 1962, 25).

О конце 1950-х гг.: «В одном с Алёшей классе / Была девчужка Ася... / Она боялась пауков / И чёрных тараканов, / Но не страшилась кулаков / мальчишек-хулиганов» (Серова, 1960, 19).

О 1960-х гг.: «“Вот что, дети, – сказала учительница, – пора нам старосту выбирать... Выдвигайте кандидатуры – кто кого хочет...” “Костю, – сказал... Миша. – Костя, он фокусы знает”. “Знает, знает! – закричали все. – Он показывал! Он ещё на голове стоял!” “Так, – сказала учительница. – А девочку на перемене Костя не бил?” “Бил...” – сказала одна девочка и всхлипнула. “Бил...” – сказала другая девочка и тоже всхлипнула...”» (Мошковская, 1968, 24–25).

О 1960-х гг.: «Каждый раз, когда её обижали... вспоминался сразу Федька Толкачев, который еще во втором классе поймал ее в ее же собственном дворе и сунул за воротник сосульку, а потом излупил просто так, ни за что ни про что. Сколько ночей проплакала тогда маленькая Юлька, жалея, что у нее нет отца, который мог бы за нее заступиться... Но Юлька все-таки победила тогда Толкачева!.. Когда однажды на перемене он ударил её, а потом прижал к стене так, что хрупнули пробирки в её руке, которые она несла в класс на урок, и осколки начали впиваться ей в ладонь, она, глядя в его наглые хулиганские глаза..., сказала звенящим от ненависти голосом: “Вот я вырасту! И у меня будет... Сын! И он будет лупить тебя каждый день...” ...Толкачев глупо засмеялся и отпустил ее. Больше он почему-то её не трогал...”» (Ширяева, 1982).

О нач. 1980-х гг.: «В большом городе жила девочка Настя. В школу она еще не ходила. Но у Насти была старшая сестра Рита, и та училась в третьем классе. Рита ... давала ей [Насте] свои игрушки, защищала её во дворе от мальчишек...» (Вяземский, 1986).

Об учениках 5 класса в Шадринске в 1990–1991 гг.: «Один раз я очень сильно разозлила нашего драчуна Игоря К. И он, не стерпев обиды, сильно избил меня. Домой я пришла вся в слезах, на лице появились синяки, форма порвана, у портфеля лямки оторваны. На следующий день моя мама пришла в школу разобратся, что же произошло. Хотя в этом случае была и доля моей вины, но всё же Игорь попросил у меня прощения перед

всем классом. Этот случай стал для меня уроком, и я больше никогда не связывалась с ним, очень уж его боялась» (571).

Бить мальчиков (о мальчиках) – ударами причинять боль (с целью подчинить, заставить выполнять свои желания, ощутить и продемонстрировать свое бесстрашие, свою власть над другими ребятами). Важнейший элемент детской жизни.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Агафонов – самый сильный, самый рослый и самый грубый парень в школе. Он учился у нас с третьего класса... Свою власть Агафонов утвердил кулаком. Наиболее строптивых и гордых он избивал просто так, для профилактики. Многие годы измывался над классом...» (Нагибин, 1974, 93).

О конце 1930-х – 1940-х гг.: «Андрей не был тем тихим, болезненным, интеллигентным мальчиком, которых обычно лупят в школе и во дворе» [...]

Бить мальчиков (о девочках) – ударами причинять боль (с целью продемонстрировать своё превосходство, подчинить своей воле).

О 1950-х гг.: «Я... был хилым, тощим. Большинство сверстников, если случался у них со мной конфликт, обходились снисходительно – вызывали на одну правую, а то и левую руку. Но и в таких случаях я не всегда выходил победителем. Чего уж греха таить, доставалось и от девочек, и особенно от Надьки Михайловой. Не скажешь, что она – оторви да брось, однако чуть слово ей поперек – держись. Сосед по парте после очередной взбучки, полученной мной от кого-то из девочек, настропал меня: “Ты хоть царапайся, что ли. Нельзя же быть таким вареным”» (Акулинин, 1985, 138–139).

Бить книгой (учебником) по голове – см.: *Ударять книгой (учебником) по голове*.

Бить учеников (о педагогах, учителях).

О Ленинграде в 1980-е гг.: «Сейчас прямо и открыто заговорили о фактах рукоприкладства в школах: педагоги избивают учеников. И факты эти не единичны. Для нашего города это большой позор. Дети, живущие в интернатах, по существу беззащитны» (Детство, 1989, 19).

О 1980-х гг.: «Был у нас учитель по химии, ...его все боялись и ненавидели. Он мог на уроке обозвать ученика, схватить за ухо, ударить указкой» (494).

Бить учителей (об учениках).

О середине 1960-х гг.: «Идёт заседание педсовета школы... Обсуждается поведение ученика 7 класса Пети К. Классный руководитель докладывает: “Петя принёс на урок физики самодельный моторчик и мешал нормальному проведению занятий. Учительница Вера Михайловна сломала моторчик. Петя ударил её книгой”... Дело кончилось тем, что Петя извинился перед учительницей» (Матушкин, 1965, 12–13).

БЛАГОРОДНЫЕ ДЕВУШКИ – воспитанницы *Института благородных девиц*.

«БЛЕСТЯЩИЕ» – музыкальная группа.

О девочке-подростке 14 лет в г. Снежинске Челябинской обл. в 1998 г.: «В 14 лет я стала слушать группу “Блестящие”, мне нравились Ольга Орлова и Жанна Фриске. Я собирала их постеры и покупала жевательную резинку, в которой были наклейки со строчкой из какой-нибудь их песни» (117).

«БЛИНЧИКИ», «БЛИНЫ» – цепочка кругов на поверхности воды, образующаяся вследствие последовательных ударов по ней брошенного по касательной плоского камня. Обычно в выражениях *«блины печь»* и *«блины есть»*.

О нач. 1920-х гг.: «Мы спустились к реке, уселись на бревна и стали швырять плоские голыши в воду, считая “блинчики”» (Чаусов, 1963, 9).

О 1940 г.: «Лёшка запустил плоским камешком по воде, чтобы пошла “блины”. Получилось пять штук» (Сиснев, 1973, 99).

О 1970-х гг.: «Генка поднял с земли камешек и, пустив по воде “блинчики”, сказал...» (Фёдоров, 1983, 40).

«БЛИНЫ ЕСТЬ» – то же, что *«блины печь»* – бросать по касательной к поверхности воды плоские камни (см. *Блины*).

О 1900-х гг.: «“Огашка! Огашь!” “Чиво?” “Глядь, сколь блинов съем!” – кричит, выходя из себя, маленький

карапуз, с большой головой. Карапуз кидает по воде черепок. Черепок подпрыгивает и оставляет на воде круги, все шире и шире расплывающееся на поверхности. “Один, два, три... четыре!.. пять!..” “Пять только!.. А вот гляди, – я!..”» (Чириков, 1918, 20).

О 1970-х гг.: «И девчонка тут же нашла себе новое занятие, стала искать плоские камешки, которые поглаже и потоньше, и азартно кидать их по-над водой. “Раз, два, три...” – считала она, сколько раз подпрыгивал камешек. “Раз, два... о-оо-ооо, это, наверно, сейчас все сто было!” – восхищалась она каждым удачным броском... Подбежал Николка близко к девчонке, стал несмело ее рассматривать, та была выше и старше мальчика... Смотрел, смотрел Николка, наконец решился: “Ты чё делаешь?” “Блинчики ем!”... Снова притих, наблюдая за девчонкой. Той это, по-видимому, очень нравилось. Она продолжала серьёзно и деловито “есть блинчики”» (Голубков, 1984, 30).

«БЛИНЫ ПЕЧЬ» – то же, что *«блины есть»* – бросать по касательной к поверхности воды плоские камни (см. *Блины*).

О нач. XX в.: «С морем связаны были и другие, излюбленные дачниками развлечения: бросать плоские камешки так, чтобы они прыгали по воде. Это мы называли “печь блины” – и если камешек выбран удачно и море совершенно спокойно, можно было испечь “блинов” десять – двенадцать» (Лихачев, 1996).

О нач. 1930-х гг.: «Потом... мы подались на Ключарку. Поиграли в лапту, “попекли блинов” на воде плоскими галечками, повалялись на проклюнувшейся травке» (Соболев, 1964, 9).

Об Одессе в 1950-е гг.: «Девочка... подняла плоский голыш и неумело, из-за головы, запустила его в море. Голыш споткнулся два раза и плюхнул на дно. Володька... посмотрел на девочку краем глаза и тоже запустил голыш. Лучше Володьки никто не умел “печь блины”... Голыш стремительно коснулся воды, взмыл вверх, а потом пошел и пошел выплывать кренделя. Девочка с восхищением смотрела, как прыгает и пляшет обыкновенный кремневый камешек, а потом... захлопала в ладоши» (Печерский, 1963, 484).

О вт. пол. 1960-х – нач. 1970-х гг.: «[Легкоатлеты-многоборцы] на берегу реки или озера обязательно побросают плоские камешки. Да так, чтобы круги расходились, чтобы скакали камни по воде, как мячики. Чем больше кругов, тем лучше. У ребят эта игра называется “блины печь”» (Товарищ, 1973, 282).

БЛОКАДА Ленинграда – 900-дневная осада г. Ленинграда немецко-фашистскими войсками с сентября 1941 по январь 1943 г.

Жизнь детей во время ленинградской блокады.

О мальчике в 1941–1942 гг.: «“Когда началась война, мне было восемь лет, – рассказывает Александр Сергеевич. – Отец и мать работали на оружейном заводе “Арсенал”. С первых дней войны завод перевели на казарменное положение. Правда, мать раз в две недели отпускали на несколько часов домой, а мужчине не имели права покидать территорию завода. Так что остались мы с бабушкой вдвоем... Спали мы с бабушкой вместе, чтобы теплее было. А 23 февраля, как раз в День Красной Армии, она умерла. Глянул я на неё, мертвую, а по её лицу вши полчищами ползают. Я прямо с простыней стащил её с кровати и отволок к окну. Просыпаюсь ночью, копилка горит, слышу писк, посмотрел в сторону окна, а там в свете копилки тени мечутся – крысы едят её тело. Жутко стало. Забился я в угол под одеяло и до утра уснуть не мог. Поутру решил всё хоронить. Жили мы на пятом этаже, но спустить труп вниз не составляло особого труда, так как все ступени обледенели (люди воду носили и проливали). Внизу положил её на саночки и повёз на Богословское кладбище... Когда мать на побывку пришла, бабушка уже не было... С наступлением весны жить стало легче. Солнышко пригрело, начала прорастать зелень. Рвали лебеду, крапиву – суп из них варили. И ещё за землёй ходили. На Бадаевских складах она после пожара сладковатая была от сахара. А в районе Сосновки, где на станции из-за диверсии был взорван состав с крахмалом,

земля была крахмалом пропитана. Кисель варили из этой земли. Школьники в Ленинграде целый год не учились, занятия возобновились в 1942 году. Из-за постоянных бомбежек уроки проходили в подвалах-бомбоубежищах» (Тимченко, 2004, 15).

См. также: *Война Великая Отечественная 1941–1945 гг.*

БЛОХА заводная – игрушка в виде маленького прыгающего насекомого.

О 1960-х гг.: «...Витальке исполнилось шесть лет... Самый лучший [подарок] от дяди Серёжи: в коробке сидело что-то непонятно с двумя кривыми лапками по бокам. Если погладить – мягкое, если пощупать – твёрдое. Деревянное яйцо обтянули чёрной фланелькой и нарисовали на чёрном огромные красные глаза... Сбоку на коробке было написано, что это... заводная блоха. И ещё в коробке был ключик. Если вставить его блохе в пузико и повернуть три-четыре раза, она заводилась и со страшным треском начинала носиться по комнате. Быстро-быстро, как ненормальная. И вдруг как треснется о ножку стула. Трах! Думаете, всё? Ничуть не бывало! Перекувырнулась через кривые лапки и опять понеслась. И опять трах-тарарах! Ну прямо можно лопнуть от смеха! Виталька...захохотался... И Виталькин старший брат Сева, хотя ему уже было пятнадцать, тоже хохотал... И ему показалась забавной эта сумасшедшая блоха» (Надеждина, 1968, 4).

БЛОХИ – маленькие прыгающие насекомые-паразиты.

О детях в эвакуации в г. Миассе Челябинской обл. в 1941–1942 гг.: «Я закрываю глаза и вижу нас четырех в деревянном городе Миассе. Нет, не вижу – едва различаю в полумраке сырого подвала, чуть просветленного вздернутым под самый потолок оконцем и чающим фитильком, опущенным в склянку с керосином. Здесь... мы... спим на вколотенном в землю сооружении, покрытом чем-то нечистым, темным... С земляного пола прыгают блохи и преробльно кусаются. На свете много насекомых, на этих приходится охотиться и убивать их, этим занимается мама...» (Сотникова-Ратнер, 2007).

БЛОШКИ – «Разноцветные костяные кружочки, которые прыгают при нажиме на мягкой поверхности (служат детской игрой» (Словарь, 1950–1, 518).

Описание игры для детей старшей группы дет. сада: «Блошки... Старинная игра... Играющие получают коробку, в которой лежат 20 разноцветных пластмассовых кружочков диаметром 12–16 мм и толщиной 1–1,5 мм и 4 кружка-биты диаметром 20–22 мм. В игре могут участвовать 4 человека (по количеству бит). Каждый из них берёт из коробки комплект из 5 кружочков и одну битку определенного цвета. Коробку ставят на середину стола и недалеко от неё проводят линию кона. Стол накрывают чем-нибудь мягким (например, легким одеялом). Играющие по очереди ставят свои блошки на линию кона и, нажимая краем биты на край блошки, заставляют ее взлететь вверх и опуститься в коробку. Тот, кто первый загонит свои пять блошек в коробку, выигрывает. С разной силой нажимая битой на блошку, можно регулировать длину ее прыжка. Варианты игры. Берутся две блошки и одна битка. В игре принимают участие двое детей. После очередного хода играющие передают битку своему партнеру. Блошки кладут на один конец стола, а на другой – прямоугольный кусок картона длиной 50 см, шириной 25 см, разделенный на 5 равных частей (по 10 см в каждой). С задней стороны его ставится картонная пластинка длиной, равной длине лежащего прямоугольника, а высотой 20–25 см. назначение её – загораживать летящие блошки. Играющие кладут блошку около края стола и с помощью биты заставляют ее прыгать в одно из отделений, начерченных на картоне. Выигрывает тот, кто первый делает пять удачных попаданий. Правила игры. 1. Загонять блошку в коробку можно только нажимом на её край битой. 2. Кто не попадет блошкой в коробку, тот уступает очередь следующему. Примечание. Блошки могут быть взяты из готовой игры или сделаны из пуговиц. Для этой цели мы берем пуговицы размером 1,5 см из кости или пластмассы с гладкой поверхностью, без

углублений. Пуговицы должны быть различные по цвету. Битой служит пуговица большего размера (2–2,5 см)» (Кожевникова, 1961, 92–93).

О г. Новосибирске в 1930-е гг.: «Зимой... строим снежные крепости, лепим баб, катаемся с горки, прыгаем в сугробы с высокого забора... Устав от беготни и возни, мы усаживаемся вокруг стола и предаемся тихим занятиям: рисуем, читаем, играем в лото, в бирюльки и блошки... Блошки – это костяные кружочки-диски с утолщением в центре. Они разных размеров и напоминают пуговицы. Если правильно нажать на блошку, она подпрыгнет. Чем выше, тем лучше. Иногда она прыгает так высоко, что слетает со стола, чему мы особенно радуемся» (МН, 1999).

О детях во вт. пол. 1930-х гг.: «Мы..., забросив бильярд и блошки, весь этот вечер носились по квартире... Мы с Танькой уселись в её комнате прямо на полу, на истертом ковре, и занялись этими дурацкими блошками. Щелк. Мимо. Скок. Мимо. Прыг. Прыг... В детской валялись на ковре рассыпанные блошки» (Рекемчук, 1974).

О середине 1960-х гг.: «Настольно-печатные игры могут быть разделены на следующие виды: 1. Парные картинки... 5. Кубики с картинками... 6. "Гусек"... 7. Настольно-двигательные игры... К этой же группе относятся игры, способствующие развитию мелких мышц руки – "блошки", бирюльки, лабиринты, "загонялки", а также кольцебросы, бильярды и др.» (Григорьева, 1966, 85–86).

БЛУЗА – просторная верхняя рубашка, которую носят без пояса и не заправляя в брюки.

О жизни в конце 1880-х годов: «Павлика переодели, зачинили на нём изодранную блузу... Коломянковая блуза... намочка от воды и сделалась темно-серой» (Крашенинников, [1924] 1991; 114, 155).

БЛУЗА у пионеров – см. *Блуза*.

О конце 1920-х – начале 1930-х гг.: «Вот показалась колонна пионеров – в белых блузах с красными галстуками» (Смирнов, 1963, 138).

БЛУЗКА – женская кофточка из лёгкой ткани.

О 1919 году: «"Видишь девочку в голубой блузке? – вдруг шепнул Павлику Валька. – Вон, вон... сейчас около двери идет... Это Алешкина любовь: Тася". Павлик посмотрел на девочку в голубой блузке. Она прибилжалась к выходу... Еще более смутившись, он посмотрел на Тасю и Марину, – девочки были в нарядных блузках, заправленных в коротенькие черные юбочки. У Таси был даже галстук. Марина – в лихой клетчатой кепке» (Горбатов, 1968, 238).

О 13-летней девочке в 1934 году: «Утром [бабушка] придирчиво осмотрела мой туалет: белую блузку и синюю сатиновую юбку, красный галстук и белые, с голубыми каёмками резиновые тапочки...» (Либединская, 1966, 67–68).

О девочке-подростке 14 лет в нач. 1960-х гг.: «Потянулась она так, что "молния" на спортивной курточке поехала вниз, открывая блузку в синюю полоску – полоски шли модно, горизонтально, как волны на море...» (Мошковский, [1963] 1987–1; 52–53, 55).

БОГ – «Могущественное сверхъестественное существо – предмет религиозного поклонения и веры» (Лопатин, 1997, 27).

Вера в Бога.

О 1990-х гг.: «Точно не помню, когда впервые задумалась о существовании Бога, загробного Царства и подобных религиозных понятий, но в школе всегда (начиная примерно с 5–6 класса – 1997–1998 года) перед уроком, на котором должна быть контрольная работа или диктант, обращалась к Богу со словами: "Господи, помоги!". Первое непосредственное столкновение с церковной жизнью случилось зимой 1991 года, когда мне было 5 лет. В этот период меня крестили в Боровской церкви Китайского района. После обряда крещения родители в этой же церкви купили мне книгу "Закон Божий. Первая книга о православной вере", которая была издана в 1990 году издательством Московская патриархия. Книга предназначена для ознакомления детей с православным мировоззрением, с Законами

Божьими... В конце каждой главы указаны вопросы и самостоятельные работы. Например: что означает вкось поставленная перекладина внизу креста? Сочинить рисунки к тому, что было создано во второй, третий, четвёртый, пятый и шестой дни творения. Используя эту книгу, я играла в “учителя и учеников”. Моя комната служила классом. Ученики, конечно же, были вымышленные. Я представляла, что они сидят передо мной, и я выстраивала урок. Основной предмет – Закон Божий. Для каждой главы выделен отдельный урок. На домашнее задание я задавала те вопросы и задания, которые представлены в конце каждой главы. Естественно, проработав на таких уроках всю книгу, я и сама ознакомилась со всеми религиозными понятиями, знаками и обрядами» (018).

«**БОГАТЫЕ тоже плачут**» – мексиканский телесериал, снятый в конце 1970-х гг.

О 1989–1990 гг.: «...Мы играли в театрализованные игры. По телевизору транслировали различные сериалы, но они были не в таком кол-ве как сейчас. Помню, показывали сериал “Богатые тоже плачут”, и мы по вечерам играли в этот сериал, распределяли роли и проигрывали те моменты, кот. уже были показаны по телевизору. Но некот. моменты мы придумывали сами и вели игру в своём нужном русле, как мы хотели, так и закончился наш сериал, причём выдумки нашего окончания сериала оказались недалёкими от того, как действительно закончился сериал. В этом сериале я играла роль Эстер, которая была кузиной главного героя и всячески пыталась выйти за него замуж, в итоге она умерла. Этот сериал единственный, который я смотрела с начала до конца, не пропустила ни одной серии. И помню я этот сериал, так как мы играли, изображая всех героев» (474).

БОДРОВ – Сергей Бодров, ведущий, актер, режиссер, исполнитель роли *Данилы Багрова* в фильмах «*Брат*» и «*Брат-2*».

О с. Шухтинское Катайского р-на в 1990-е гг.: «Сергей Бодров понравился с тех пор, как начал вести передачу “Взгляд” на первом канале. Позднее смотрела фильмы с его участием. Затрудняюсь сказать, сколько мне было тогда лет» (073)

О г. Шумихе в 1997 г.: «Когда мне было 13 лет, после просмотра телефильма “Брат”, мне стал нравиться Сергей Бодров. Бодров мне понравился из-за своей внешности. Я даже накупила несколько разных плакатов и календарей с ним» (100).

«**БОЕВЫЕ ребята**» – литературно-художественный сборник для детей. Издавался в Свердловске в 1940-е – 1950-е гг. (до 1958 года) тиражом 15–35 тысяч экземпляров. Вышло не менее 30 выпусков.

Выпуск 15 вышел в 1952 г. (147 с. 30 тыс. экз.; из содерж. – «Я принят в пионеры», «Приезжайте к нам в колхоз»; рубрики – «Для малышей», «Изучай родной край»). В 1953 г. – вып. 16 (165 с., из содерж.: «Исполним Сталинский завет», «Вожатый звена») и 17 (118 с.); рубрики – «Для малышей», «В часы досуга». Тираж каждого выпуска – 25 тыс. экз. В 1954 г. – вып. 18 (135 с., 30 тыс. экз., из содерж. – «У юных мичуринцев»), 19 (148 с., 25 тыс. экз.), 20 (120 с., 25 тыс. экз., из содерж. – «О совместном обучении», «Юный рудознатец»); рубрики вып. 18–20 – «Для малышей», «В часы досуга»). В 1955 г. – вып. 21 (135 с., 25 тыс. экз. – рубр. «Для малышей»), 22 (192 с., 30 тыс. экз., рубр. «Для шк. самодеят-сти», «В часы досуга», «Юным художникам»). В 1956 г. – вып. 23 (120 с.), 24 (135 с., рубрика «Рассказы о том, что нас окружает»), 25 (183 с.), 26 (184 с., рубрики «Весёлые странички», «В шестой пятилетке»). Во всех выпусках – рубрика «Для малышей». Тираж каждого вып. – 25 тыс. экз. В 1957 г. – вып. 27 (128 с., 35 тыс. экз., рубрики «У наших друзей», «Очерки», «Для малышей», «Шк. самодеят-сть», «В часы досуга»). В 1958 г. – вып. 28 (168 с., 35 тыс. экз., рубрики «У наших друзей», «Шк. самодеят-сть», «Веселье странички», «Для малышей», «В часы досуга»), 29 (124 с., 25 тыс. экз., рубрики – «У наших друзей», «Для малышей», «Изучай родной язык!», «В часы досуга»), 30 (127 с., 15 тыс. экз., из содерж. – «Мой брат – пограничник», «Юные партизаны», «Леня-“мясокомбинат”»).

Ист.: Старцев, 1958, 188–191; Старцев, 1959, 266–270; Старцев, 1961, 344–345.

БОЕПРИПАСЫ – боевые припасы: снаряды, патроны и т. п..

Боеприпасы долгие годы были предметом интереса мальчиков-подростков. Мальчики прятали патроны, снаряды, бросали их в костёр. См.: *Костёр, Тайники*.

БОЖЬЯ коровка – небольшой летающий жучок яркой окраски с чёрными пятнышками на красных или жёлтых надкрыльях.

Божья коровка с давних пор включена в русскую детскую магически-игровую традицию. Когда ребёнку попадает божья коровка, он берёт её на ладонь и произносит фразу примерно такого содержания: «Божья коровка, / улети на небо, / Там твои детки / Кушают котлетки [конфетки], / Всем – по одной, / А тебе – ни одной!». После этого божью коровку подбрасывают, и она улетает. [...]

О Шадринске в конце 1970-х: «Если вдруг по кому-то ползла божья коровка, то все рассматривали её, спорили, сколько ей лет (по количеству пятен на теле) и отправляли на небо: “Божья коровка, полети на небо, / Там твои детки кушают котлетки, / Всем – по одной, а тебе – ни одной”» (608).

О середине 1980-х гг.: «Вспомнила еще один интересный момент. Когда мы ссорились, чтобы помириться, находили божью коровку, брали вдвоем в руки и говорили: “Божья коровка, / Улети на небо, / Там твои детки / Кушают конфетки, / Всем – по одной, / А тебе – ни одной” Тем самым считали, что мы помирились» (537).

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Когда видели божью коровку – говорили: “Божья коровка, лети на небо, там твои детки кушают конфетки! Всем по одной, а тебе – ни одной!”» (154).

О девочке 6–7 лет в 1991–1992 гг.: «Когда ходила в детский сад, на детсадовском участке, в траве находили насекомое “божья коровка”, брали её в ладонь и отпускали и произносили это стихотворение. А ещё считали, сколько точек чёрных на её крылышках, если, напр., их было 5, то это всегда означало, сколько божьей коровке лет» (211).

О девочке 6 лет в с. Кундравы Челябинской обл. в 1992 г.: «Когда мы находили божьих коровок, мы клали их на ладонь, склонялись над ними и говорили: “Божья коровка, лети на небо, там твои детки, кушают конфетки, всем по одной, а тебе ни одной”. В этот момент мы подбрасывали божью коровку, и она улетала. В тот момент мы искренне верили, что она летит к своим детям» (141).

«**БОЖЬЯ коровка**» – музыкальная группа 1990-х гг. Песня «Гранитный камушек» пользовалась большой популярностью у девочек-подростков в середине 1990-х гг.

О середине 1990-х гг. в Шадринске: «Песню группы “Божья Коровка” “Гранитный камушек” я впервые услышала на дискотеке в лагере “Салют”. Она использовалась очень активно в качестве музыки для медленных танцев. “Гранитный камушек” неизменно начинала любой песенный альбом, а строчки “Не ходи к нему на встречу, не ходи, / У него гранитный камушек в груди” обычно выделялись красной пастой» (012).

О 1996 г.: «Песню “Гранитный камушек” в исполнении группы “Божья коровка” я впервые услышала в д. Павелево Далматовского района в 1996 г. Я с сестрой пришла в гости к моей подружке, у которой находились старые записи группы “Божья коровка”. И, в частности, мне запомнилась песня “Гранитный камушек”. После этого мы каждый день у неё собирались послушать эту песню» (027).

О девочке 10–12 лет в с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1996–1998 гг.: «Старший брат принес сборник песен, в числе которых и оказалась песня “Гранитный камушек” группы “Божья коровка”. Она была популярна довольно долго. Я до сих пор знаю слова этой песни наизусть» (011).

БОЙКОТ – прекращение отношений с кем-либо, систематическое игнорирование кого-либо в знак протеста против чего-либо.

Бойкот ученикам.

О начале XX века: «Были среди гимназистов... и фискалы... Особенно активно боролись с фискальством... В старших [классах] выдерживался бойкот в отношении таких типов: им не подавали руки, с ними не разговаривали, не принимали в компанию, пока провинившийся не попросит извинения и не покажет своим поведением, что стал настоящим товарищем» (Пызин, Засосов, [1976] 2003, 204).

О женской гимназии середины 1910-х гг.: «Бойкот. В понедельник... Ирина опоздала в гимназию. Запыхавшись от быстрого бега, она вошла в класс. Девочки уже пришли с молитвы. Они столпились около доски и оживленно разговаривали... Ирина успела услышать только: “Ни одного слова, девочки. Как будто мы с ней...” “Чшшш!” Увидев Ирину, все сразу замолчали и начали расходиться по местам. “Здравствуйте, девочки! Звонок был?” – спросила Ирина. Ей никто не ответил. Она обвела глазами класс. Но все уже были заняты своим: деловито перелистывали учебники, раскладывали тетради, чистили промокашками перья» (Филиппова, 1938, 64–65).

О женской школе во вт. пол. 1940-х гг.: «Нинка... писала самопиской. Вдруг она пробормотала: “Чернила кончились...” У меня тоже не было. Единственная чернильница стояла на соседней парте. Её владелица старательно макала: она тоже писала. Нинка, не долго думая, потянулась, схватила чернильницу. На соседней парте поднялся переполох... От Нинки потребовали извинения. ...Она только усмехнулась с вызовом. Класс возмутился. На следующий день класс решил объявить Нинке бойкот. Специальная делегация подошла ко мне и потребовала подчиниться решению класса. Я отрицательно покачала головой... Получилось, что бойкот был объявлен нам двоим. Меня это не тронуло. Я считала, что класс не прав. Мы честно придерживались бойкота: ни с кем в классе не заговаривали. Так продолжалось до тех пор, пока однажды класс не выполнил домашнее задание по арифметике. Я единственная решила задачу. А так как домашнее задание было важнее какого-то бойкота, то пришлось обращаться ко мне» (Латьева, 1969, 47–48).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Утром, едва я переступил порог класса, на меня налетела Галка Новожилова. “Ну, Коробухин, это переходит всякие границы. На своих товарищей науськать бешеную собаку! Так тебе это не пройдет”. Она оглядела орлиным взором весь класс и произнесла: “Наш отряд решил объявить тебе бойкот. С сегодняшнего дня мы с тобой не разговариваем. Ты нам не товарищ”. “Все со мной не разговаривают?” – Я посмотрел на Сёмку. Сёмка отвернулся. “Все”, – отрезал Ленька Александров. На первом уроке со мной никто не разговаривал, на переменке тоже, на втором уроке в мою сторону никто даже не глянул, на второй переменке на мои вопросы не отвечали, на третьем уроке – тоже, на большой переменке – целых 15 минут! – со мной никто не перекинулся словечком, на четвертой переменке бойкот продолжался» (Машков, 1974).

Бойкот учителям.

О вт. пол. 1920-х гг.: «...Железнодорожная школа (как, впрочем, и другие школы в то время) встречала учителя бурным кипением страстей: ученики с восторгом учреждали свои “формы правления”, отводившие преподавателям далеко не первые роли. Нелюбимые учителя разгуливали на нацепленных на спины ругательными плакатами, им объявляли бойкот, им срывали уроки» (Лупанова, 2007, 18).

О г. Петрозаводске в 1936–1937 гг.: «Жгучая брюнетка... с резкими “комиссарскими” движениями и такими же “комиссарскими” интонациями, [А.И.] вообще не очень вписывалась в интеллигентную учительскую среду нашей школы... В отличие от Р.Н. и других преподавателей, уважительно называвших нас на “вы”, А.И. всем нам “тыкает”. Её любимое ругательство – “гнилая интеллигенция”. Кстати, именно на этой почве у нас возникает с ней в девятом классе отчаянный конфликт. В очередной раз обзванный за какие-то грехи

“гнилой интеллигенцией”, класс решил ответить бойкотом. Провели мы его тоже “интеллигентно”: заставив самых злостных лодырей выучить наизубок очередной урок по истории, наша “инициативная группа” обязала всех отвечать его глядя не на А.И., а мимо, например – в окно. Представление закончилось на четвертом или пятом ответе: оскорбленная явно выраженным презрением, директриса бросила на стол журнал и, красная, как свекла, вылетела в коридор. Позднее мы узнали, что в учительской с ней было что-то вроде сердечного приступа» (Лупанова, 2007, 81).

БОЙСКАУТ – член скаутской организации мальчиков (см.: Скауты).

О вт. пол. 1910-х гг.: «Павел, или Поль, по фамилии Раек, родился и вырос в Москве. Своей национальности он не знал... Павлик-Поль увлекся новой, модной в то время системой воспитания, пришедшей в Россию из Англии. Сначала он был рядовым в отряде первых русских бойскаутов при “Императорском московском речном яхт-клубе”. Потом быстро продвинулся, получил звание “волка”, затем стал помощником скаутмастера и, наконец, скаутмастером...» [...].

О 1920-х гг. (вспоминает герой в начале 1960-х гг.): «“Вот когда я был пионером, – сказал дядя Саня, – мы в лагерь ни одного вечера без костра не проводили”. Все посмотрели сперва на дядю Саню, а потом друг на друга, потому что очень удивились тому, что дядя Саня был пионером. Но никто ничего не сказал, а дядя Саня продолжал: “Давно это, друзья, было. Ленинград тогда ещё Петроградом назывался. В те годы, кроме пионеров, ещё бойскауты были. Ходили в коротких штанах и ковбойских шляпах, вот с такими полями, – дядя Саня широко обвёл вокруг головы. – А в руках у всех длинные палки, будто собираются в Ленинграде по горам, которых нет, лазить. Одеты все чистенько... Ботинки что надо! Не то что у нас – рвань. Тогда ещё много разных торговцев и всяких частных фабрикантов было, а это их деточки... Но у нас хоть и не было палок, а мы их здорово лупили, этих маменькиных бойскаутов. Они ведь только прикидывались сильными, а сами ничего делать не умели”. “А куда же они подевались, эти бойскауты?” – спрашивает Нолька. “Да куда. Как стало пионеров побольше, так они и сгнули”. “Здорово!” – воскликнул Валенка и громко рассмеялся» (Минчиковский, 1966, 178).

БОКС – 1. Вид спорта: кулачный бой между двумя спортсменами в специальных перчатках, ведущийся на ринге по особым правилам.

О 1941–1945 гг.: «В тяжелые военные годы сколько кружков (добровольно, бескорыстно!) вели наши учителя!.. Физкультурник – боксер, потерявший на войне руку, – учил ребят боксу и организовывал показательные бои. (Рассказывали: шел он вечером с учениками, а на них – двое здоровенных детей. Однорукий Петр Дмитриевич быстренько уложил их в снег... После этого в боксерский кружок отбою не было)» (Санников, 2001).

О 1947 году: «К подобным атакам надо готовить себя с раннего детства, например, с первого класса заниматься боксом или карате. Но какое карате в послевоенном городе? Бокс – и тот мы знали только по кино...» [...]

БОКС – 2. «Род мужской стрижки, при которой волосы по бокам головы и сзади выстригаются машинкой или сбиваются» (Словарь, 1950–1, 547).

«Мужская причёска, при которой волосы на висках и затылке выстригаются или выбриваются» (Словарь, 1991–1, 682).

О мужской школе в 1947 году: «А в мужской [школе] нас заранее предупредили – нестриженным нельзя. Причем, никаких полубоксов и даже боксов. Полный ноль!» (Лиханов, 1995, 10).

БОЛКОНСКИЙ Андрей – князь, герой романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

О девушке 17 лет в 2001 году: «Когда я прочитала “Войну и мир” Л. Толстого, я, можно сказать, влюбилась в А. Болконского. И даже Н. Ростова, которая считается одной из любимых героинь Л. Толстого, мне не нравилась из-за того, как она поступила с А. Болконским. После просмотра фильма “Война и мир” по телевидению мое отношение к А. Болконскому не изменилось, хотя

мне и не понравился актер, сыгравший этого героя (на внешность). Даже в институте перечитывая “Войну и мир”, я по-своему представляла А. Болконского – красивым, высоким, темноволосым» (100).

БОЛЬНИЦА – «Медицинское учреждение, в которое помещают больных для лечения» (Словарь, 1991–1, 695).

О середине 1980-х гг.: «Когда я была во втором классе и лежала в больнице, с ребятами из 7 класса играли в бутылочку в палате. Когда медсестры уже спали, но целовались строго через полотенце. Хотя нас скоро там обнаружили, пригрозились сообщить родителям и разогнали по палатам» (497).

См. также: «Больница».

О Шадринске в 1990–1991 г.: «Когда мне было лет 12–13, я впервые в жизни попала в больницу на 5 недель. Я помню растущее, сильное, непреодолимое желание, желание, от которого текут слюни, поиграть в больницу дома, когда меня выпишут. Я представляла в голове очень четко, медленно, ясно была картинка: я ставлю укол, даю таблетки. Я даже знала, что насыплю во все баночки. Меня бешено тянуло домой, чтобы поиграть в больницу, сделать укол, запахнуть [игрушечному] Мишке таблетку. Я помню был июль, я насобирала тополиный пух во все баночки (меня поражает особая тщательность моей подготовки к игре: подписала все баночки, всё разлила, подготовила, налила чистой воды. Ещё неск. дней после выписки я не играла. Я словно настраивалась, предвкушала это удовольствие от этой игры. Я помню, как методично, иногда даже с силой я ставила эти уколы, давала таблетки и поразилась (помню это ощущение в игре), как быстро закончилась игра, как быстро мне расхотелось в неё играть. Мне даже кажется, что играла я в эту игру очень мало раз. Помню еще случай. Мы играли в больницу с девочками...» (1001).

«БОЛЬНИЦА» – распространённая детская игра, приблизительно то же, что игра в «доктора» (см.).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «В сюжетные игры мы играли на своей улице вместе с нашими мальчиками. “В больницу” – кто-нибудь из нас был врачом, остальные – “больные” (играли по очереди [роль] врача). Брали чемоданчик “доктор Айболит”, выполняли все те же действия, как у настоящего врача. Измеряли температуру, прослушивали, ставили горчичники, делали уколы, смазывали ранки, бинтовали руку или ногу. В возрасте от 6 до 10 лет у нас не было никакого смущения, стеснения. Может, мы ещё не понимали, что при мальчиках нельзя раздеваться, поднимать юбку» (544).

«Дети любят играть в “больницу”, “завод”, “детский сад”, строить. Для этого им понадобятся игрушки, позволяющие отразить замысел» (Урбанская, 1977, 84).

Содержание игры зависит во многом от того, проходит ли она под присмотром воспитателя (взрослого) или без контроля взрослых.

Об игре в детском саду под контролем воспитателя см.: «Вот уже несколько дней мы оборудуем свой медицинский кабинет. Вата, бинтик, пузырьки с водой, подкрашенной гуашью, и всякие инструменты, которыми нельзя порезаться или уколоться. Медицинского персонала много, больных мало. Поэтому каждому пациенту стараются сделать все мыслимые процедуры. Его смазывают, перевязывают, выстукивают, смотрят языки. (Леонидова, 1968, 41).

И без контроля взрослых игра в больницу может быть просто игрой в больницу.

О г. Новоанганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. в 1985–1986 гг.: «Иногда компанией в несколько человек (минимум трое), лет в 6–7 убежали в соседний лес... Мальчики строили домики из досок, мы приносили с Олей туда посудку и играли в “домик”, еще играли в “больничку”. У нас были настоящие бинты, шприцы, иголки, капельницы» (503).

О середине 1980-х гг.: «Игра в больницу. Иногда участвовали мальчики, а чаще нет. Игра происходила так: как в настоящей больнице кто-нибудь приходил на прием. Больной раздевался догола. Его слушали, затем ставили укол, и он уходил. Укол, слушалка и другие медицинские инструменты брали в детской больничке. Это набор для детей, он продавался в магазине» (534).

О середине 1980-х гг.: «Играли в “больницу”. Обнажения как такового не было, только поднимали кофточку, когда “врач” слушал при помощи трубочки больного. Уколы ставили в область запястья, а если в попу, то через одежду. Врач давал витамины, делал перевязки, мазал раны зеленкой, йодом, мазью, мерил температуру» (552).

О середине 1980-х гг.: «Я забыла рассказать игры в младшем возрасте, это игры в семью, в больницу... Игра в больницу. Выбирали по желанию врача, другие – больные. Больные приходят к врачу на прием. Врач слушал каждого, затем ставил укол (или в руку, или в попу). Иногда врач делал операцию (разрезал живот, смотрел там что-то, лечил, затем зашивал). Были и роды...» (538).

О середине 1980-х гг.: «Когда мы играли в больницу, мальчики все время хотели ставить уколы в попу, а девочки уже стеснялись мальчиков, и соглашались ставить уколы только в руку. Хотя были и такие девочки, которые не стеснялись снять перед мальчиками трусики, что очень нравилось и тем и другим. Но в основном и девочки и мальчики уже стеснялись друг друга» (483).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Когда нам было лет 5 мы играли в семью, в больницу. В больницу приходили больные на прием к врачу. Врач слушал пациента, большой раздевался до гола по пояс. Затем врач говорил, что он с больным будет делать: оперировать или лечить. Лечили – мазали мазями, ставили укол, назначали прогревание. Приходила беременная на прием. Врач принимал у неё роды...» (540).

Но игра в больницу в отсутствие взрослых может обрести и иной смысл: созерцание и ощупывание чужого обнаженного тела

О 1983–1984 гг.: «И ещё когда я ездила к бабушке в г. Шадринск, где-то во втором-третьем классе. У них было на улице в районе квартала много ребятишек. Возраст был очень разный, от 5 лет и даже до 14–15 лет. Играли все – и девочки, и мальчишки. Много было приезжающих из других городов (внуки которые приезжали к бабушкам на каникулы). Помню, что мы там играли в такую игру: она называлась “больница”. Большие мальчишки натянули палатку – это и была больница. Врачами были девочка, ей было 12 лет, и мальчик, ему было 14 лет. Они обязательно слушали больного, приходилось задирать майку, было очень стыдно, но это нужно было обязательно. Ложили в больницу. Накладывали повязки (компрессы) на голову. Мальчик нам все время говорил, что будем ставить уколы в попу. Многие соглашались, особенно мальчишки, а мне было так страшно, ведь он же уже взрослый, поэтому я со слезами ушла из игры, хотя каких посягательств на меня не было, наверное, напугали разговоры» (499).

«В “больницу” мы стали играть с 4-х лет и с каждым годом превращали её в более интимную... В игре “больница” нам нравилось быть и врачом, и пациентом... “Излечивая” больные места, мы... старались лечить интимные зоны... Иногда мы заигрывались по целому дню... В больницу мы играли долго, до 10–12 лет» (Борисов, 2002, 131–132).

«“В игры с обнажением я играла в детском саду (в старшей группе) и в школе на “продленке”. Одна из таких игр – “больница”. У нас был врач, который лечил больных. Больные были и мальчики, и девочки, приходили к врачу, тот их слушал, ощупывал, ставил градусник или укол. И так, пока все не пройдут. Самое главное было – когда врач слушал, т.е. снимал одежду до пояса, а когда ставил укол, то снимал обязательно штаны. Поиграв немного, роли менялись, т.е. все были в роли врача. Нам всем нравилось, когда другой человек обнажал свое тело”; “На сончас мы расставляли раскладушки, и я с моим другом (у нас были взаимные симпатии) ставили свои раскладушки рядом...: то разговаривали, то играли. А потом стали играть в “больницу”, по очереди исполняя роль врача и пациента. Пациент должен был лежать смиренно, спокойно: а врач залезил под одеяло к пациенту, осматривал и ощупывал... Во время этой игры я ... не стеснялась, так

как у игры есть правила, и их надо выполнять...»; «В больницу играли где-то с 5 до 7 лет. В школе, когда начали учиться, эта игра исчезла... Если больным была девочка, то врачом был мальчик и наоборот: если врачом была девочка, то больным был мальчик. Смысл игры в “больницу” заключался в том, чтобы увидеть друг друга голыми. Играли в “больницу” в доме в отдельной комнате...» (Борисов, 2002, 159–160).

О девочке 12–13 лет в 1990–1991 гг.: «...Несколько дней после выписки [из больницы] я не играла. Я словно настраивалась, предвкушала это удовольствие от этой игры. Я помню, как методично, иногда даже с силой я ставила эти уколы, давала таблетки и поразилась (помню это ощущение в игре), как быстро закончилась игра, как быстро мне расхотелось в неё играть. Мне даже кажется, что играла я в эту игру очень мало раз. Помню еще случаи. Мы играли в больницу с девочками. У нас были врачи, медсестры, палаты. И к нам пришли играть мальчики пациентами. Я помню, ко мне на прием пришел Андрей – он мне нравился, он пристально или просто внимательно на меня смотрел, я же, – потупив взор (тут очень важно) и четко зная, что это приятно ему, и это непонятно волновало меня, – брала его руку, очень нежно её касаясь, нащупывала ему пульс. Я четко знала – это приятно, и я не топилась прекращать. Я ставила ему укол: намочила ватку, очень нежно протерла ему руку, он смотрел на меня, и я понимала, что делаю всё правильно, и ставила ему укол. Причём, я делала всё с выражением кротости, скромности, заботы и внимания и Андрей, когда я его отправила в палату, странно затих и поглядывал на меня, и я понимала: я всё делаю правильно» (1001).

См. также: *Роды*.

БОЛЬШАЯ перемена – см.: *Перемена*.

О 10-летней девочке в частной гимназии в 1915 г.: «На большой... перемене надо было позаботиться... о завтраке. В том же зале, где мы по утрам пели молитвы, был буфет, где за несколько копеек можно было купить либо пирожок, либо бутерброд с колбасой, либо горячую котлетку. стакан сладкого чая стоил копейку» (Панова, 1980, 38–39).

О 10–11-летней девочке в 1931–1932 гг.: «С какого-то времени в школе были организованы “горячие завтраки”. В большую перемену мы устремлялись в столовую, на стенах которой висели нами же начертанные плакаты: “Поскорее жуй и жуй, а иначе ты – буржуй”, “Когда я ем – я глух и нем”. По правде говоря, эти стимулирующие призывы были излишни: свою кашу мы уминали мигом и бессловесно вовсе не из боязни прослыть “буржуями”» (Лупанова, 2007, 65–66).

О вт. пол. 1930-х гг.: «На больших переменках мы обычно высыпали во двор и приступом брали турник, срывая с него малышей, подтягивались, делали “лягушку”, крутили “солнышко”, хохотали и дурачились» (Мошковский, [1963] 1987–1, 371).

О Новосибирске в 1941–1942 гг.: «Все мы, школьники, особенно любили большую перемену, потому что на ней нас бесплатно поили чаем и выдавали маленькую, диаметром в пять сантиметров, булочку. Мы ее прозвали “соплюшкой” и моментально съедали» (МН, 1999).

«Я...вспоминал всякие школьные дела, какие в войну были:... про то, как нам давали маленькие булочки на большой перемене, с эконький детский кулачок, и мы, чтобы булки стали побольше, засовывали их в учебник, чтоб не запачкать, совали под парту и партой их давили – получался широкий блин, хоть и тонкий, но зато плотный, так что вроде еда получалась увеличенного размера...» (Лиханов, 1983, 1986–1; 323).

О 1944–1945 гг.: «В школе на большой перемене раздавали крошечные сыроватые булочки – из-за этого я старалась не пропускать, хотя ничего бы не случилось, если и пропустить разок-другой» (Прусакова, 2003).

БОЛЬШОЙ детский хор – хор при российском (советском) государственном телевидении и радио.

Большой дет. хор образован в 1970 г. при Российском Гос. комитете по телевидению и радиовещанию. Полное название – Большой детский хор Центр. телевидения и Всесоюзного радио. После 1990-х гг. носит название

Большой дет. хор Российской гос. телерадиокомпани. Худ. рук. и гл. дирижер – Виктор Попов. Около 200 мальчиков и девочек в возрасте от 7 до 17 лет 2–3 раза в неделю занимаются под руководством дирижеров-хормейстеров. За время существования хор записал свыше тысячи произведений, в том числе такие популярные детские песни, как «Антошка», «Вместе весело шагать», «Голубой вагон», «Дважды два – четыре», «Когда мои друзья со мной», «Крейсер “Аврора”», «Крылатые качели», «Лесной олень», «Не дразните собак!», «Орлята учатся летать», «Песенка крокодила Гены», «Прекрасное далеко», «Пропала собака», «Улыбка», «Чему учат в школе», «Чунга-чанга».

БОЛЬШОЙ фестиваль – вечерняя программа для детей, выходила с 1989 по 2001 г. в эфире телерадиокомпани «Петербург». Ведущими были куклы: серьезный мальчик Тото (Андрей Князьков), рыжий Веснушка (Файна Костина) и шалопай Хоха, существо с кедом вместо головы (Ричард Богущкий). Автор кукол – Маргарита Скрипова-Ясинская. В каждой передаче ведущие обыгрывали различные жизненные ситуации, затем демонстрировался пятиминутный мультфильм. Особенно большую популярность обрёл весельчак Хоха, говоривший с обаятельной лёгкой хрипотцой. На его имя в редакцию приходили тысячи писем.

О 1989 г.: «В детстве моей любимой передачей – только я не помню, как она называется, это было очень давно, когда мне было где-то 5–6 лет. Главным персонажем был башмак – такой болтун, всё болтает и болтает, говорит, что нужно и что не нужно. Эту телепередачу любили смотреть все дети, даже из моего садика. В этой передаче он учил детей, что нужно делать, а что нельзя, к нему приходили в гости различные персонажи из сказок (куклы), а в конце каждый приглашённый приносил с собой свой мультик. Эти мультики мне очень нравились. Если я не ошибаюсь, то телепередача называлась “Большой фестиваль”» (189).

О Шадринске в 1989–1991 гг.: «Передача для детей “Большой фестиваль” шла по 5-му каналу (Петербургскому). Я смотрела её с удовольствием в возрасте 3–6 лет. Очень огорчалась, что в Краснодаре, куда я ездила к бабушке и дедушке летом, 5-го канала не было. Помню кукол-ведущих: кроссовок с “просящей кашей” подошвой – Хоха, девочкоподобный мальчик с рыжими волосами – Веснушка и, кажется, ведущая – женщина. Хоха, насколько помню, всегда оказывался виноватым во всех грехах, Веснушка и ведущая нравовали его и зрителей-детей. Потом показывали или мультик, или сказку-спектакль с участием петербургских актёров» (109).

О 1990–1992 гг.: «Я смотрела передачу “Большой фестиваль” в 6–8 лет. Очень интересные там были главные герои: Хоха, Веснушка и Паутиныч. Самый смешной был Паутиныч. Они рассказывали интересные истории. Показывали, что можно сделать своими руками» (104).

О 1991–1992 гг. в г. Шадринске: «Когда мне было, примерно, 7–8 лет, в то время ещё существовал “пятый канал”. Ведущим передачи “Большой фестиваль” был “просящий каши” кед – Хоха и ещё, по-моему, две кукольных фигуры (девочка и мальчик). Они рассказывали что-нибудь интересное и поучали Хоху. Потом показывали какой-нибудь мультфильм» (113).

О 10-летней девочке в с. Красная Нива Шадринского р-на в 1994 г.: «Передачу “Большой фестиваль” смотрела почти каждый вечер. Были такие персонажи, как Хоха, Веснушка и Паутиныч. Особенно нравился Хоха – голова в форме кеда. В конце показывали мультфильм» (102).

О г. Шадринске в 1994–1996 гг.: «Когда мне было 9–11 лет, мне нравилась передача “Большой фестиваль”, её показывали каждый день, кроме выходных, по каналу “Санкт-Петербург”. Из ведущих, а ими были куклы с именами Веснушка, Хоха и Тото, мне больше всех нравился Хоха. Он был очень забавным – с зелёной головой в виде кроссовка. В этой передаче мне очень нравились мультфильмы, которые показывали в конце. Больше всего мне нравились “Русалочка” и “Братя-лебеди”. Также в “Большом фестивале” иногда были выступления, где показывали рисунки детей, которые приходи-

ли на программу. Помню, что я тоже нарисовала что-то, но не отправила. Очень радовало, когда показывали рисунки детей из близких к нашему город» (111).

О г. Шадринске в 1994–1998 гг.: «Когда мне было 8–12 лет, я смотрела передачу “Большой фестиваль” вместе с братом. Там были очень интересные куклы, которые вели программу: Хоха, Веснушка, Тотошка. В конце программы всегда показывали мультфильмы, из-за которых я только и смотрела передачу» (112).

О девочке 10 лет в 1995 г.: «Я любила эту передачу “Большой фестиваль” потому, что там показывали мультики 10–15 минут, а в “Спокойной ночи, малыши” – всего 5 минут. Ещё в “Большом фестивале” проводились различные конкурсы, а призом была кукла “Барби”. Я даже писала на эту передачу, но к сожалению, ничего не выиграла» (068).

О с. Верхняя Полевая в перв. пол. 1990-х гг.: «Моя любимая передача была “Большой фестиваль”, она нравилась больше, чем “Спокойной ночи, малыши”, так как там мультики не сокращали. Смотрела эту передачу с начала её появления и до её закрытия. Все в классе расстроились, когда эту передачу перестали показывать» (120).

О Шадринске в 1990-е гг.: «Моя любимая передача была “Большой фестиваль”, она нравилась больше, чем “Спокойной ночи, малыши”, так как там мультики не сокращали. Смотрела эту передачу с начала её появления и до её закрытия. Все в классе расстроились, когда эту передачу перестали показывать» (153).

«БОМБОЧКА» – сложенная из бумаги и наполняемая водой «ёмкость»; используется в детских играх, шалостях.

О вт. пол. 1980-х гг.: «...Когда жили с другом в соседях, то... в моменты ссоры мы перекидывались порченными помидорами в двери..., обливали брызгалками, использовали бомбочки из бумаги, которые наполняли водой, также резиновые шары» (497).

БОННА – «В дорев. России – воспитательница, обычно из иностранок, при маленьких детях в буржуазно-дворянских семьях» (Словарь, 1991–1, 707).

О 1908 г.: «Но детские комнаты всегда были переполнены нянками, боннами, прислугой и детьми» (Андреев, 1966, 42).

«БОРИС – председатель дохлых крыс» – дразнилка.

О 1930-х гг.: «...В комнате патефон начинает играть фокстрот “Риорита”. И тут же из окна, где только что была бабушка, выглядывает Тома. Тома маленькая, она в третьем классе. Тонкие короткие косички свешиваются вдоль щек. Тома посмотрела вниз и сказала бесстрастно и четко: “Борис – председатель дохлых крыс”. Борька сразу перестал хохотать. Так дразнили всех Борисов, он не обиделся очень уж сильно. Но все-таки показал Томе кулак: “Только выйди”. “Испугалась”, – ответила Тома» (Матвеева, 1975, 57).

«БОРОДИНО» – стихотворение (1837) М.Ю. Лермонтова (1814–1841). В 1940-е – 1960-е гг. изучалось в 5 классе средней школы, с 1970-х годов стихотворение изучается в 4 классе.

«С этим стихотворением учащиеся знакомы по курсу V класса. Они должны знать его наизусть...» (Корст, 1954, 229).

«С именем М.Ю. Лермонтова учащиеся хорошо знакомы по IV классу, где они изучали “Бородино»» (Зепалова, 1983, 118).

БОРОНОВОЛОК, борноволок – «В земледельческих районах возрастное определение подростка 8–10 лет, хозяйственной обязанностью которого являлось боронование пашни после пахоты и сева» (РД, 2006, 23).

Лит.: Федорова Е. Бороноволок. // РД, 2006, 23–25.

БОРЧОВКА – растение.

О детях в в Саратовской губ. в конце 1910-х – перв. пол. 1920-х гг.: «Как только сойдет полая вода, Санька и Ленька со своими товарищами бегут в лес..., где... взойдет раст, луковиче которого... сладки и сочны... Вслед за растом тут же пойдут слёзки... За слёзками наступает очередь косматок... Почти в одно время с косматками, но только чуть раньше, собирают щавель. Потом дети опять устремляют свои взоры к лесу: подоспели дягили, борчовка. Ну, дягиль – это и есть

дягиль. А борчовка? Это растение с резными, широкими и шершавыми, как наждак, листьями, стебель его, освобожденный от такой же шершавой кожицы, кисло-сладок и пахуч, пахнет он немного дягилем, немного чернобылом, который, как известно, тоже съедобен, немножко свирельником, а в соединении всего этого – просто борчовкой, и ничем иным. Когда дети напичкают ею свои животы, в животах начинает отчаянно бурчать. Так, вероятно, бурчовка, несколько видоизменяясь, стала борчовкой. Но как бы там ее ни называли, она вместе с другими травами и корнями не давала ребятишкам помереть с голоду... А потом еще будут столбунцы, чернобыл, лук дикий, чеснок дикий, ну, а затем уж вообще наступит благодать: поспеют ягоды – земляника, вишня дикая, малина дикая, черемуха, костяника, ежевика...» (Алексеев, 1973; 22, 24–26).

Ср.: *Раст.; «Слёзки»; «Косматки».*

БОРЬБА с религией.

О Москве в 1928–1929 гг.: «А в 1928–1929 гг. против религии были приняты самые крутые меры... Особые протесты вызывал звон колоколов не закрытых еще церквей. Нас, второклассников, заставляли подписывать петицию о закрытии близлежащей церкви: колокольный звон-де мешает нам заниматься... В разгар антирелигиозной кампании, в 1929 г., не только отменили религиозные праздники, но и запретили рождественские елки... Закрылись ёлочные базары, прекратился выпуск ёлочных украшений и свечей, устраивать ёлку строго возбранялось. Конечно, маленькие ёлки потихоньку рубились в подмосковных лесах и тайком в мешках, обложенных тряпьем, привозились в московские квартиры. Но вид в окне освещенной ёлки грозил не серьезным разговором с управдомом, а то и с милицией. Для меня, обожателя праздничной ёлки, это было тяжелым ударом. Правда, родные ухитрились покупать и устраивать нелегальные крохотные ёлки, но ощущение запретности, почти преступности такой акции надламывало детскую душу и портило весь праздник. Ёлка стала не в радость. А тут ещё в школе учительница Анна Гавриловна приказала нам нарисовать к отмененному Рождеству в тетради наряженную ёлку и перечеркнуть ее двумя толстыми красными линиями: “Долой ёлку!”. Все, в том числе и я, послушно выполнили задание» (Федосюк, 2004; 193, 201).

БОСОНОГИЕ – не имеющие на ногах обуви.

О жизни в имении в Тульской губернии в 1880-х гг.: «Гораздо интереснее было играть в лапту, городки или горелки с шумной босоногой оравой крестьянских ребят» (Аренштейн, [1965], 1973, 6).

БОСОНОЖКИ – лёгкие летние женские туфли обычно открытые, без задника.

О девочке 11–12 лет в Москве в 1945 г.: «И вот наконец ПОБЕДА!!! Яркий солнечный день, все ликуют на улицах. Военных в Москве качали на руках. Туда я поехала одна, надев лучшее платье и босоножки на деревянном ходу» (Иванова, 2005, 2).

О девочке-подростке во вт. пол. 1950-х гг.: «На ногах у неё были стоптанные красные босоножки...» (Алексеев, 1987, 26).

О середине 1960-х гг.: «Он быстро вытащил из-под Аниных шорт босоножки, старенькие, с потрескавшейся кожей и сильно стоптанными каблучками» (Мошковский, [1969] 1987–1, 69).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Генка и Леля идут по бульвару и молчат... В сумерках зеленеет колонка, трава около нее мокрая. “Босоножки промокли”, – говорит Леля» (Матвеева, 1977, 144).

О конце 1970-х гг.: «В самом конце 70-х моя семья получила новую квартиру... Но где было взять лёгкие туфельки в расцвет махрового советского дефицита? Кургузые босоножки или сандалии запасливые родители покупали на два-три размера больше! В расчете на несколько сезонов» (Дергалева, 2006, 2).

Рекомендации девочкам-подросткам на лето 1996 г.: «Обувь. Максимум три пары. Это резиновые вьетнамки в тон купальника, сандалии или кожаные босоножки на плоской подошве и тонких ремешках, белые полукеды» (Шумская, 1996, 5).

«**БОТАНИК**» – прозвище старательно занимающихся, носящих очки, много читающих и т.д. школьников в 1990–2000-е гг.

«Ботаник... – шутил-ирон. Шк. *Отличник, прилежный ученик*. “Неужели у вас теперь все как на подбор отличники-ботаники?” (Московский комсомолец, 1992, 4 февраля). От: “ботать” – прилежно учить уроки, зубрить» (Никитенко, 2003, 61).

О с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1999 г.: «Ботаник – тот, который ходит в очках, он постоянно сидит за книжками. Очень обидное слово для школьников. Помню, когда нас перевели в пятый класс, у нас была девочка, которая хорошо училась, но её не любили (не из-за этого), а наши мальчики начали её обзывать “ботаником”, после чего девочка перевелась в другую школу» (141).

О девочке 15–17 лет в г. Тюмени в 2000–2005 гг.: «“Долой дискотеки! Только балет и керамика” – так говорили “ботаники” в классе, когда мы собирались на школьную дискотеку» (134).

БОТАНИКА – «1. Научная дисциплина, изучающая растения... 2. Учебный предмет, излагающий эту дисциплину... // *Разг. Учебник по этому предмету*» (Словарь, 1991–1, 722)

О середине 1900-х гг.: «Только два предмета мне интересны – зоология и ботаника. Остальные нет... Я очень огорчаюсь, что плохо учусь. Но не знаю, что нужно сделать, чтобы этого не было. Даже по ботанике у меня тройка. А уж этот предмет я отлично знаю. Прочитал много книг и даже сделал гербарий – альбом, в котором наклеены листочки, цветы и травы» (Зощенко, 1994–3, 550).

«**БОТАНКА**» – девочка-«ботаник».

«Ботанка – школ.-ирон. *Отличница, примерная ученица*. “Ботанка Таня с задвигом на французских романах” (Комсомольская правда, 1998, 4 декабря)» (Никитина, 2003, 62).

БОТИКИ – высокие калоши, резиновая или фетровая, суконная тёплая обувь, закрывающая щиколотки, надеваемая поверх другой обуви в сырую или холодную погоду.

Ботинки у девочек.

О Москве в 1903 г.: «По субботам, около пяти вечера, Ксенька и Аришка всегда встречали остроносую девочку в капоре и в синей бархатной шубке. Это была дочь военного доктора Матвеева с Большой Пресни... Однажды подруги шли сзади и видели, как девочка, поставив ногу на тумбу, scomандовала: “Трофим, застегни!” Солдат наклонился и стал застёгивать ботинок» (Бродская, Голубева, 1938, 7–8).

О девочке 5–8 лет в середине 1930-х гг.: «Светочка стоит спиной к нам, в синем берете, в ботах, играет с мячиками...» (Александрова, 1992).

О 1941 г.: «...Груша и Таиска разглядывали девочку. “Гляди-ка, в ботиках!” “А чулок рваный!”... А девочка в синем капоре неподвижно сидела на краешке лавки. Правой рукой она прижимала к груди жёлтую сумочку, висевшую через плечо... Долго стояла возле девочки мать... Взяла с пола её ботики, поглядела – худые, промокли. Завтра эта девчушка наденет их и опять пойдёт куда-то...» (Воронкова, 1966, 340–342).

О 1941–1945 гг.: «На Лиле было коротенькое, в обтяжку, пальтишко и несообразно большие резиновые боты, как видно, доставшиеся от старшей сестры. Ноги ее в такой обуви выглядели тонкими и длинными не по росту. Я приметил, как стыдится она такой несуразности, переминаясь с ноги на ногу, и старался не глядеть вниз» (Леонов, 1983, 63).

О первокласснице в 1954 г.: «Вернувшись во двор, Лида слонялась от подъезда к подъезду, перепрыгивала через лужи, осторожно ходила по ним. Чёрные резиновые ботики от воды заблестели. Только ботики и блестели!» (Котовщикова, 1956, 57).

О семикласснице в 1955–1956 гг.: «Девочка торопливо семеняла резиновыми ботиками, изредка, как сорока, подпрыгивая. Должно быть, в ботиках было скользко идти. Алина торопилась» (Рязанова, 1958, 31).

О нач. 1960-х гг.: «Все уйдут, а Оля стоит и ждёт Лёшку. Лёшке слышно, как она нетерпеливо постукивает ботиком в деревянную стенку перегородки... Оля ботиком гонит ледышку...» (Лихоталь, 1964; 5, 6).

О нач. 1960-х гг.: «Три девчонки собрались во дворе. / Болтовнёю занялись во дворе. / “Мама мне купила боты / Замечательной работы! / Я довольно рослая, / А в них – совсем как взрослая!”» (Лифшиц, 1964–1, 15–16).

О 1970-х гг.: «Возле колодца он столкнулся с Мариной – в этом году она перешла в десятый класс...; она шла из лесу с корзиной на руке, и к её сверкающим ботам и белой спортивной куртке прилипли дубовые и берёзовые листья» (Мошковский, 1979, 56).

Ботинки у мальчиков.

О середине 1910-х гг.: «...Только толстый Мара выходил иногда во двор... Поверх заячьей шапки у него был надет башлык, туго перетягивающий его толстые румяные щёки, на ногах – шерстяные рейтузы и резиновые ботики с застёжками...» (Бродская, [1938] 1957, 119).

БОТИНКИ – обувь на шнурках, молнии, пуговицах и т. п., закрывающая ногу по щиколотку.

«Ботинки (франц.) – общее название обуви, закрывающей щиколотки с помощью застёжки (ремешков, шнурков, пряжек, замков “молния” и т.д.). В России ботинки появились как мужская обувь, вытеснившая сапоги, в начале 40-х годов XIX века» (Терешкович, 1999, 28).

Ботинки у девочек.

О конце 1830-х – нач. 1840-х гг.: «...Другая – маленькая, вся закутанная в зеленую шаль, из-под которой виднелись только маленькие ножки в меховых ботинках. ...И когда ливрейный лакей... снял с неё меховые ботинки, из закутанной особы вышла чудесная двенадцатилетняя девочка в... крошечных черных башмачках» (Толстой, [1852] 1966, 82)

О середине 1860-х гг.: «Мне шесть лет... Сестре Лиде пять... Ботинки мы носили прюнельевые на резинках» (Лукашевич, [1918] 1994, 10).

О середине 1910-х гг.: «[Марийка] начала наряжаться. Она надела накрахмаленное ситцевое платье-татьянку, чистые белые носки и ярко начищенные ботинки» (Бродская, [1938] 1957; 43, 53).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Ах, какая это трудная задача – одеваться!.. Больше всего возни с ботинками. Особенно если только что куплены новые высокие кожаные ботинки: не на пуговках, как раньше, а как у взрослых – на шнурках, которые надо просовывать в дырочки крест-накрест, затягивать и потом завязывать крепко в два узла... У Алёнки от усердия сразу отрываются железные кончики со шнурков, и она мусолит-мусолит их, суёт в дырочки куда попало и, совсем запугавшись, говорит с отчаянием: “Никак! Тётя Вера, никак!” И жалобно протягивает мне ногу. Ирришка же ни за что не позволит зашнуровать ей ботинки. “Сама! – говорит она решительно. – Сама!” Ей нравится продевать шнурок в дырочки, и она терпеливо пыхтит – трудится... Девчонки уже давно умылись и завтракать сели... Тогда Ирришка в незашнурованных ботинках убежит ко мне в комнату, чтобы ей никто не мешал, сядет на пол и доведёт дело до конца» (Смирнова, 1963, 13–15).

[...]

О шестилетней девочке в первой половине 1960-х гг.: «С прогулки [Надя] пришла грязная-прегрязная... Берет, побывавший в луже, пришлось стирать, ботинки поставили сушиться возле батареи парового отопления...» (Котовщикова, 1966, 65).

Ботинки у мальчиков – обувь на шнурках, молнии, пуговицах и т. п., закрывающая ногу по щиколотку.

О Москве в 1925 г.: «[Паренёк] был в синих трусах и в белой рубашке. На ногах у него были коричневые чулки в резинку до колен и новые тупоносые ботинки. На шее пионерский галстук» (Шманкевич, 1962, 27).

О мальчике 8 лет в 1946 г.: «Севка... весело раскидывал ногами жухлые листья. На листьях блестела тонкая пыльца изморози. Новая кожа ботинок покрывалась от нее тонкими, как волоски, влажными полосками. Севка шел в ботинках, а не в старых кирзовых бахилах, потому что в этот... день уличная

грязь окаменела от холода. Ботинки мама недавно получила по ордеру на товарном складе Облрыбкоопа...» (Крапивин, 1986, 20).

О начале 1950-х гг.: «По вечерам мама сидела за машиной – шила Жене школьный костюм, серую форму с длинными брюками. Папа привёз из города блестящие ботинки – тоже для Жени» (Гернет, [1953] 1960, 112).

О шестикласснике в 1958 году: «“Вертолет! Смотри! – крикнул Юлька, стаскивая с отмели лодку. Он залез в воду прямо в ботинках» (Сластников, 1963).

БОТЫ – высокие калоши; резиновая или фетровая, суконная тёплая обувь, закрывающая щиколотки, надеваемая поверх другой обуви в сырую или холодную погоду.

О 1930-х – перв. пол. 1940-х гг.: «Осень. Стало холодно. Идут дожди – тепла не жди... Дети надели шубы, шапки и боты. Вот им и тепло» (Редозубов, 1945, 60).

О 1956 г. и вт. пол. 1950-х гг.: «А войлочные сапоги без голенищ назывались – боты. Были они черного цвета, на резине, с застежкой-кнопкой, позже – с молнией» (Киршин, 2002).

О пятикласснице в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Синяя вязаная кофта, пёстрые, в крапинку, чулки, боты, полоска мела на рукаве... Оказывается, Маруся совсем большая» (Воронцова, 1977, 109).

«БОЯРЕ» – детская игра.

О перв. пол. 1990-х гг.: «Мы играли в “Ляпки”... Также продолжали играть в “Выше ноги от земли”. Ещё мы играли в “Кондалы”. Мы делились на две команды, вставали друг против друга держась за руки. Мы подходили и отходили друг от друга и при этом говорили текст: 1-я команда: “Кондалы”. 2-я команда: “Закованы”. 1-я команда: “Раскуйте нас”. 2-я команда: “На которого из нас”. И после этого 1-я команда выбирала человека из 2-й команды, который должен был разбежавшись разбить эти цепи, если это удавалось, то он забирал в свою команду одного человека, если нет, то сам оставался в этой команде. Ещё эта игра называлась “Бояре”. Соответственно и текст говорили другой: 1-я команда: “Бояре, а мы к вам пришли, / Дорогие, а мы к вам пришли”. 2-я команда: “Бояре, а зачем пришли, / Дорогие, а зачем пришли”. 1-я команда: “Бояре, нам невеста (жених) нужна, / Дорогие, нам невеста нужна”. 2-я команда: “Бояре, открывайте ворота, / Едет, едет к вам ... навсегда”. И дальше делалось то же самое, что и в “Кондалах”. В это же время мы играли ещё и в классики» (560).

См. также: «Бояре, а мы к вам пришли...»

«БОЯРЕ, а мы к вам пришли» – детская игра.

О 1970-х гг.: «...Фильм поблек по сравнению с отроческой фантазией, если только не считать документальных кадров, в которых фанатичные китайцы... бесновались на границе..., а рослые... славяне... их удерживали руками, будто играли в дачную игру для третьеклассников под названием “Бояре, а мы к вам пришли» (Варламов, 2000).

См. также: «Бояре».

БРАТ – «Каждый из сыновей в отношении к другим детям тех же родителей» (Словарь, 1991–1, 738).

Старший брат.

О вт. пол. 1930-х гг.: «Мальчики вообще любят хвастаться своими старшими братьями. И каждый хотел иметь чем-нибудь примечательного старшего брата. Это была поголовная мечта. “Вот у меня брат!” – слышалось то и дело в классе. “У меня брательник, знаешь, он на заводе первый. Ему к Октябрю велосипед премировали”. И даже толстый Плинтус, старший брат которого был замечателен лишь тем, что превосходил по объему младшего, похвалился однажды: “Это что! Вот у меня брат, так он может два батона, халу и кило ситного зараз съесть!” Другие рассказывали, что у них братья инженеры, врачи, пограничники. У Коли Званцева брат был художник. Миша Сбруев хвастал, что у него двоюродный брат – конный милиционер» (Кассиль, 1987–2, 17–18).

«БРАТ» – фильм (1997 г., режиссер А. Балабанов). Исполнитель главной роли – *Сергей Бодров*. Участник боевых действий в Чечне *Данила Багров*, любитель

творчества группы «Наутилус Помпилиус», приезжает к брату в Санкт-Петербург и становится киллером. В 1999 году А. Балабанов снимает фильм «Брат–2» с тем же главным героем.

О 1997 году в г. Шумихе: «Когда мне было 13 лет, после просмотра телефильма “Брат”, мне стал нравиться Сергей Бодров... Фильм “Брат” я решила посмотреть только из-за того, что в школе все только и говорили, что скоро будет фильм “Брат”, хвалили его (хотя ещё и не видели)» (100).

БРАТАТЬСЯ – вступать в тесную дружбу, в братские отношения, заключать братский союз.

О конце 1880-х – нач. 1890-х гг.: «С Вовой уже через месяц после встречи мы стали “братьями крови”, то есть порезали себе руки и с клятвой о вечной дружбе в открытые ранки поменялись кровью один другого» (Петров-Водкин, 1991, 201). [...]

«БРЕМЕНСКИЕ музыканты» – музыкальный мультфильм (1970), первый в истории отечественной культуры мультипликационный мюзикл.

Сюжет одноименной сказки братьев Grimm едва просматривается, гл. героями становятся отсутствовавшие в сказке Трубадур и Принцесса. Бременские музыканты: Трубадур, Кот, Пёс, Осёл и Петух путешествуют, носят модные клёши и поют современные песни. Пластинка с песнями и музыкой из «Бременских музыкантов» разошлась тиражом 28 миллионов экземпляров. Песни «Ничего на свете лучше нету...», «Ох, рано встает охрана» сохраняют популярность до настоящего времени.

О нач. 1980-х гг.: «Наконец наступил день похода. У всех ребят было отличное настроение. В электричке они пели песни про весёлое пионерское звено, про картошку и ещё из “Бременских музыкантов” – про разбойников и трусливую королевскую охрану. Тимка сидел рядом с Галкой Новиковой, смотрел в окно и подпевал ребятам» (Тараскин, 1982, [16]).

О г. Снежинске Челябинской обл. в 1989 г.: «Я очень любила и до сих пор люблю музыку из мультфильма “Бременские музыканты”. Где-то с пяти лет у бабушки я каждый раз, когда приезжала к ней в гости на выходные, слушала одноимённую пластинку. И знала все песни наизусть» (117)

О Челябинске в 1990–1991 гг.: «Советский муз. мультфильм “Бременские музыканты” смотрела, когда мне было 5–6 лет. Этот мультфильм привлекал меня смешными ситуациями, весёлыми песнями и находчивостью главных героев» (067).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1995–1996 гг.: «“Бременские музыканты” – один из любимых моих мультфильмов. Первый раз я посмотрела этот мультфильм, наверное, лет в 9–10. Я очень хотела знать все песни из этого мультфильма, поэтому записала его на магнитофон, слушала и заучивала тексты. Главная песня из мультфильма – это “Песенка друзей”, так, по-моему, она называется: “Ничего на свете лучше нету, / Чем бродить друзьям по белу свету, / Тем, кто дружен, не страшны тревоги. / Нам любые дороги дороги”» (011).

«БРИГАДА» – группировка с криминальным уклоном; криминальное сообщество.

О восьмиклассниках в 1979–1980 гг.: «...Зовут меня Алексей. Физической силой никогда не отличался, и любой в школе мог меня поколотить... И в 8-м классе я решил, что должен... найти себе компанию, которая могла бы постоять за меня. Друзья оказались несколько наиболее сильных и смелых (когда все вместе) ребят из своей и соседних школ. Уже обладая круговой порукой, мы тогда еще по-детски поклялись хранить тайны, умереть, но не выдать “врагам” и, как особо настаивал я, “...горой стоять друг за друга”. Мы взяли лезвие и немного “выпустили” на себя крови на наш “свод законов”, написанный на бумаге, а потом торжественно сожгли тот лист. Сейчас улыбаюсь, вспоминая придуманный мною сценарий принятия в “банду” – так называли нас все люди, а мы же величали себя “бригадой”. В школе мы были среди своих сверстников “короли”, да и старшекласники уже побаивались нас – отчаянных сорванцов. Естественно, и в их возрастной

группе была какая-то своего рода “бригада” (“команда” и т. д.), а вернее, компания, состоящая из нескольких физически (и очень мало – интеллектуально) развитых людей. И вот “короли” пошли к “королям”. Мы... начали хулиганить. Нас побаивались 20–25-летние» (Щекочихин, 1986, 15).

БРИГАДНО-ЛАБОРАТОРНЫЙ метод – см. *Лабораторно-бригадный метод*.

БРИГАДНЫЙ метод – см.: *Лабораторно-бригадный метод*.

О 1934 году: «Зимой 1934 г. я училась уже во втором классе... Тамочка училась в седьмом классе. Школа того времени искала новые методы преподавания... Это было время преподавания новым “бригадным” методом. Выглядело это приблизительно так: класс делился на бригады. Каждая бригада получала задания по разным предметам и за выполнение этого задания бригаде ставилась общая оценка. За всю бригаду отвечал преподавателю один ученик и по его ответу преподаватель судил о знании всей бригады. Так, на уроках химии задание (лабор. работу, решение хим. уравнений), всегда выполняли два человека, которые лучше других разбирались в химии. Задание по математике и физике выполнял Боря Бурштейн – хороший математик. А по лит-ре за всю бригаду писала сочинения Тамара. За эти два года математику она перестала понимать и когда в 8-м классе Тамочка стала учиться во Владивостоке, папе пришлось нанять репетитора, чтобы она смогла догнать то, что они “прорабатывали” в 7-м классе» (Кубанева, 1988).

БРОДИЛКА – вид игры на «Денди».

БРОДИТЬ ПО ЛУЖАМ – см. *Лужи*.

БРЫЗГАЛКИ, играть в брызгалки – детское летнее развлечение с поливанием друг друга водой.

О Шадринске в середине 1980-х гг.: «В школе нас парни очень обижали... Нам не было от них никакого покоя. Они использовали различные способы, чтобы как-то нас обидеть, сделать больно... 4. Была у них привычка задирает нам формы и обсмеивать... 5. Потом у них пошла мания на масленки. Набирали в них воду и обрызгивали нас с ног до головы... Не могу сказать, что обиженными были единицы, это были массовые облавы» (460).

О девочке во вт. пол. 1980-х гг.: «...Когда жили с другом в соседях, то... в моменты ссоры мы перекидывались порченными помидорами в двери, бросались яйцами, обливали брызгалками... Кроме этого, в брызгалки наливали смешанную с клеем воды, чтоб оставались следы» (497).

Об учениках 5 класса в Шадринске в 1991 г.: «У мальчишек любимая игра была брызгаться из самодельных брызгалок. Причём, не только на переменах, но и даже на уроках. А ребята посмелее умудрялись брызнуть в учителя» (571).

О с. Чкалово Кокчетавской обл. в нач. 1990-х гг.: «Ещё мне вспоминается... игра “брызгалки”. Я и все остальные ребята с моей улицы искали дома самые разные бутылки, обязательно мягкие, продырявливали крышку, набирали тёплой воды (естественно, это происходило летом в жару) и по команде бросались из своих дворов к соседям или носились друг за другом по всей улице брызгаясь водой. Таким образом мы развлекались и одновременно охлаждали свои разгорячённые жарой тела водой (в ближайшей округе купаться было негде, поэтому все были абсолютно счастливы, поливая друг друга). Обычно игра заканчивалась тем, что мы собирались у кого-то из ребят, у кого ещё осталась вода (в чане, ванной, бочке) смывали с себя всю налившуюся за время беготни пыль и образовавшуюся из неё грязь и дружно расходились по домам, чтобы надеть сухую одежду, пока родители не вернулись с работы. Затем собирались вместе и придумывали, чем бы ещё заняться» (086).

О д. Октябрь в середине 1995 г.: «Летом..., когда мне было 9 лет и я училась в нач. школе, я впервые столкнулась с таким явлением, как брызгалка. Это пластмассовая бутылка из-под шампуня, в крышке которой делалось отверстие раскалённым гвоздём. В эту бутылку наливалась вода и при любом удобном случае из

неё выбрызгивалась приличная порция воды. Позже твёрдые бутылки из-под шампуня заменили более удобные пластиковые бутылки (“полторашки”), которые превосходили пластмассовые прежде всего по объёму, кроме того, на них было проще и легче надавить, нажать, чтобы вода разбрызгивалась во все стороны. После мальчишки стали делать несколько отверстий в крышке. Взрослые сами помогали нам делать дырочки в пробках (чтобы мы не обожглись, не поранились), а позже – когда мы (дети) приходили насквозь мокрые и холодные (но довольные) – ругали. Играли – поливали друг друга весной (май) – летом в любой жаркий денёк, стоило кому-то брызнуть водой, как начинается цепная реакция, и ты успеешь оглянуться, как все и всё вокруг мокрое» (008).

О селе Ольховка Шадринского района в 1993–1999 гг.: «Поливалки (брызгалки). Когда мне было 8–14 лет, в летнее время, когда на улице стоит невыносимая жара, наша свора соседских мальчишек забавлялась брызганьем водой из различного вида брызгалок, которые мы обычно мастерили из “полторашек” (“полторашки” – это бутылки из-под газированной либо минеральной воды или из-под пива, объём бутылки – 1,5 литра), банок из-под шампуня и др.; пробку полторашки или банки протыкали гвоздём или другим острым предметом посередине. Набирали в бутылку обычную воду и поливали друг друга» (009).

БРЮКИ – верхняя одежда, покрывающая ноги и нижнюю часть туловища до пояса; штаны.

Брюки у девочек.

«У женщин длинные панталоны в качестве нижней одежды появились в XVI веке, но только в начале XX века женские брюки получили всеобщее распространение как верхняя одежда» (Терешкович, 1999, 32).

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «Многие девочки предпочитают дома ходить в брюках. Это очень удобная форма одежды, особенно когда занимаешься хозяйством. Брюки или комбинезон для дома должны быть сшиты из плотной темной ткани: репса, диагонали, штапельного коверкота или габардина» (БГКП, 1961, 485–486).

О девочке-подростке 14 лет в начале 1960-х гг.: «Она ехала на велосипеде, деловито склонившись над рулем, в светлой спортивной курточке, в тесных плисовых брючках чуть пониже колен и белых мягких туфлях... Она... стаскивает с себя курточку. Стащила, получше заправила в брюки кофточку... Без курточки, в коротеньких, плотно облегающих фигуру брючках она кажется немисливо стройной...» (Мошковский, [1963] 1987–1; 52, 55).

О первой половине 1960-х гг.: «Когда я была маленькой, мне казалось, что лучше быть мальчиком, чем девочкой. Я уговорила маму купить мне штаны и стреляла из рогатки. Но сегодня я думаю о том, как хорошо все-таки, что родилась я девочкой. Хотя я снова надела штаны. Однако совсем не для того, чтобы быть похожей на мальчишку. Эти ярко-голубые брюки из тонкой шерсти с лавсаном мне купила ко дню рождения мама. А ещё я надела темно-синюю тонкую шерстяную кофточку без рукавов... И я уже жалела, что поехала на эту прогулку, что надела голубые брюки, на которые никто не обратил внимания, и синюю кофточку...» (Киселев, [1966] 1969; 33–34, 37).

О середине 1960-х гг.: «Проблема 1966 года: можно ли женщине носить брюки? Одна девочка в десятом классе пришла в школу в брюках. Был скандал, истерика» (Киршин, 2002). О 1960-х – начале 1970-х гг.: «Утром Саша вышла из дома и сразу увидела чужую девочку. Она была высокая, в клетчатых брюках и красной кофточке» (Матвеева, 1977, 180).

Брюки у мальчиков.

О десятилетнем мальчишке из дворянской семьи в конце 1830-х гг.: «Я... побежал примеривать московское платье. Московское платье оказалось превосходно: коричневые полуфрачки... были сшиты в обтяжку..., черные брючки, тоже узенькие, чудо как хорошо обозначали мускулы и лежали на сапогах. “Наконец-то и у меня панталоны со штрипками, настоящие!” – мечтал я,

вне себя от радости, осматривая со всех сторон свои ноги» (Толстой, [1852] 1966, 64).

О 1910-х гг.: «Дядя Олег стал рассказывать о том, что рисует маленький Левушка, о том, что ему недавно сшили длинные брючки, для зимы. Упоминание о длинных брючках вызвало гримасу на подвижном лице бабушки. У нее в доме было не принято, считалось дурным вкусом надевать мальчикам длинные брюки до двенадцати лет» (Игумнова, 1957, 50).

Об учащихся ремесленного училища в середине 1940-х гг.: «Всё было, как всегда: вахтер отстучал по рельсу отбой, в комнате № 7 ребята сложили брюки и гимнастерки на тумбочки и укрылись байковыми одеялами, Степа Хмара пробежал в чулках к двери и выключил свет...» (Василенко, [1948] 1949, 3). О второй половине 1940-х гг.: «Ходили в школу кто во что горазд. Но как ни экономили на одежде, мальчишки любого класса носили брюки. Ходить в коротких штанишках считалось неприличным» (Андреевский, 2003, 371). «... В ворота вбежали два незнакомых мальчика. Один из них был в длинных брюках и синей матросской куртке, другой – в коричневом костюме с коротенькими штанами» (Носов, [1952] 1979–1, 209).

БРЮКИ-ДУДОЧКИ – см.: *Дудочки*.

БУБЕН – «ударный музыкальный инструмент в виде обода, обтянутого кожей, с бубенчиками или металлическими пластинками по краям» (Лопатин, 1997, 35); игрушка крестьянских детей.

«Самодельные игрушки... были наиболее распространенными в крестьянском быту... Вот некоторые самодельные игрушки... Бубен – круг, согнутый из обруча или лубка. Окружность круга увешивалась маленькими колокольчиками или бубенчиками, а середина его обшивалась натянутым и высушенным пузырем. При сотрясении бубна или ударе по натянутому пузырю получались бряцающие звуки» (Латышина, 1998, 136–137).

БУДЁНОВКА у детей – в 1960-х – 1970-х гг.: детская шапочка, по форме имитирующая будёновку времен гражданской войны – красноармейский суконный головной убор в виде богатырского шлема с красной звездой. От: будённовцы – бойцы Первой Конной армии (1919–120 гг.) под командованием Семёна Михайловича Будённого.

Ист.: Шанский, 1980, 28.

«БУДИЛЬНИК» – телевизионная развлекательная передача для школьников, выходила с 1965 по 1980-е годы по воскресеньям.

«На добрую улыбку вас настроит воскресный “Будильник” – в нем всегда новые стихи, песни, сценки, занимательные задания» (СПВ, 1976, 119). Телепередачу «Будильник» вели Валентина Леонтьева (см.: *Тетя Валя*), Надежда Румянцева. Позже появились ведущие-дети.

«БУДЬ здоров, расти большой, не будь лапшой» – формула, произносимая в адрес ребёнка непосредственно после того, как тот чихает.

О с. Ожогово Шатровского р-на в нач. 1990-х гг.: «“Будь здорова! Расти большой, не будь лапшой” – так мне говорили мои ровесники, когда я чихала. Впервые услышала эту фразу в нач. 1990-х. Было и так: “Будь здорова, Ольга!”. Когда я чихала во второй раз подряд, мне желали: “Расти большой, не будь лапшой!”» (154).

О девочке 5–7 – так говорят человеку, лет в 1992–1994 гг. в с. Зеленоборском: «“Будь здоров” который чихнул. Если человек чихает второй раз, иногда говорят: “Расти большой, не будь лапшой!” или “Будьте здоровы! Живите богато!” Мне было 7 лет, я чихнула, бабушка мне сказала: “Будь здоровенька, будь счастливенька!”» (134).

О девочке 6–9 лет в г. Далматово в 1993–1996 гг.: «Когда чихала, мама говорила мне: “Будь здорова!” А когда я чихала подряд два раза, то к фразе “Будь здоров!”, мама добавляла: “Расти большой”. И я верила, что и вправду вырасту» (136).

О девочке 12 лет в Шадринске в 1998 г.: «На днях рождения у моих друзей мы всегда поздравляли именинника со словами: “Расти большой, не будь лапшой!” Так

говорили мои друзья мальчики и девочки из моего двора примерно моего возраста» (132).

О с. Карачельском Шумихинского р-на в 1990-е гг.: «“Будь здоров, расти большой, не будь лапшой!” При чихании мне так говорили бабушка и мама, – говорили с детства и говорят до сих пор». А также бабушка мне говорила: “Будь здорова!” – это когда чихнешь один раз, а когда второй раз чихнешь – “Будь счастлива!”» (142).

БУЗА – «В просторечии и обл. Нарушение порядка; шум, скандал» (Словарь, 1950–1, 671).

Историю слова «буза» («бузить» «бузотер») в литературе см.: Боровой, 1974, 236–239.

О нач. 1920-х гг.: «Первым был урок французского языка. Преподавательница... сказала ученикам несколько непонятных для меня слов... Класс дружно ей что-то ответил, большая часть учеников встала. Я вопросительно поглядел на Володюку. Он, развалясь, сидел за партой и небрежно бросил мне: “Буза! Поздоровалась на своём буржуйском языке”... Однажды ненастным осенним вечером ребята стали рассказывать сказки. Когда очередь дошла до меня, я передаю содержание брошюры о Нике Картере – короле американских сыщиков. “И про всё это написано в книжке? – не поверили хозкомовцы. – А нам в школе какую-то бузу подсовывают, как мальчик слив украл, и за это его бог косточкой поперхнул...”... “О, корешок, теперь ты попер в гору, – одобряюще хлопнул меня по плечу Колдыба Хе-хе-хе. – А экзамена в академию?.. Ну чего тебе там зададут эти волосатики?.. Написать: “Маша поела кашу, ее похвалила мамаша”? Это буза. Ять – букву отменили, не завалишься...”» (Авдеев, 1960).

БУЗИТЬ – «Вызывать беспорядок, скандал; беспокоиться» (Словарь, 1950–1, 671). (доп.)

О шестиклассниках в нач. 1950-х гг.: «“Их надо рассадить по всем звеньям”, – предложил Цыганков. “Они забуют, – возразил Каверин. – Ведь всех, кто с кем дружит, в одно звено включаем...”» (Синяев, 1953, 29).

О нач. 1920-х гг.: «Я очень обрадовался: здорово ж Клавочка меня завлекает, если сама приехала в поселок... Я поспешно стал надевать лыжи... “Я не поеду, – внезапно мрачно заявил Алексей. – У меня крепление испорчено”. Крепление испорчено? Ещё минуту назад Алексей ничего не говорил о креплении... Девушка... через силу улыбнулась мне: “Пошли вдвоём, Витя? Догоняй!” И, ударив бамбуковыми палками в снег, покатила к окраине. “Ты что забузил?” – смущенно спросил я друга. – Айда!” “Гуляйте сами”, – сказал он и взвалил лыжи на широкое плечо» (Авдеев, 1960).

БУЗОТЁР – «Человек, поднимающий бузу, скандал» (Словарь, 1950–1, 672).

О шестиклассниках в нач. 1950-х гг.: «“...А в шестом “В” все сильные ученики – [–сказал тихони; верховодят же коллективом бузотёры, и ничего вы тут не сделаете” учитель математики]» (Синяев, 1953, 9).

БУЗОТЕРИТЬ – то же, что *бузить*.

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «“Ладно, Гуреев, – попросил Сперанский. – Хватит бузотерить. Давайте за дело”. “Обожди, Мишка, – вмешался Серега. – Ты ведь был с нами?”» (Зелеранский, 1961, 48).

БУКА – фантастическое существо, которым пугали маленьких детей.

Текст 1830-х гг.: «[Баба с ребёнком:] “Агу, не плачь, не плачь; Вот бука, бука / Тебя возьмёт!”» (Пушкин, Борис Годунов).

О середине 1930-х гг.: «Ко мне бука никогда не приходила, но вот к моим братьям, особенно к Гере, она частенько наведывалась. Он был склонен поэросить (покапризничать). В неистовстве падал иногда на пол, бился головой об пол... И вот когда никак уж не могли успокоить Геру или другого расхондрившегося младенца, кто-нибудь из взрослых потихоньку выходил в чулан, надевал там тулуп овчиной наружу, на голову – вывернутую шапку, на лицо – тряпицу. И громко стучал в дверь. Уже это одно должно было напугать – у нас никто из приходивших не стучался, а прямо вламывался в дверь. Взрослые изображали смятение: “Ой, наверно, Бука идет!” И входила Бука, страшная, с палкой в руке:

«Кто тут эросит?!» Ребяенок в ужасе прижимался замурзанной мордашкой к материнской юбке. «Ну, будешь ишо эросить? Бука заберет!» Онемевший малыш только головенкой трясет: нет, мол, никогда не буду. И взрослые подводят итог: «Уходи, Бука, он больше эросить не будет!» (Санников, 2001).

О первой половине 1960-х гг. в Свердловске: «Мне три года. Меня привезли на Эльмаш в гости к тете Вале. Дом у нее двухэтажный, с кухней, туалетом, двумя комнатами и балконом... В гостях на Эльмаше Юрка с Иринкой напугали меня Букой. Я стала бояться темноты. Бука представлялась мне большой лохматой щеткой, черной и страшной. Проснулась, а никого нет. В комнате тускло горит лампа без абажура, за окном темно, и страшные тени из палисадника мечутся по стене. Я заревела, стала звать бабушку и маму, стучать в дверь. Боялась, что Бука вылезет из-под кровати и схватит меня. Боялась, что бабушка никогда не вернется. Её и не было долго. Но все же она пришла с дровами в охапке, и я успокоилась. Правда, с тех пор нигде одна не осталась» (Смирнова, 2005).

БУКАНУШКА – мифическое существо, которое запутывает по ночам волосы.

О 1989 году в Шадринске: «Когда я была четырёхлетней маленькой девочкой, у меня постоянно запутывались волосы, и мама всегда говорила, что это Буканушка меня любит и потому запутывает мне волосы на затылке так, что невозможно распутать, и приходится выстригать клок волос. Потом я подросла на 2 года (1991 г.) и перестала бояться Буканушку, а стала бояться Бабайку...» (012).

О начале 1990-х годов: «Впервые слово “буканушка” я услышала от своей бабушки, которая жила в деревне Октябрь Шадринского района, когда мне было лет 5–6, то есть в 1991 или 1992 году. Буканушка – это существо, которое спутывает волосы. Несколько раз по утрам, в детстве, я просыпалась со спутанными волосами. Они не расчесывались, поэтому приходилось выстригать волосы, спутанные буканушкой. После этого мне стали заплетать на ночь волосы в косу» (011).

О середине 1990-х гг.: «Когда мне было 8–9 лет, моя бабушка ходила на соседнюю улицу к другой бабушке расплетать ей косу (примерно в 16 волосков). Тогда я из рассказа бабушки и узнала, что это сделал буканушка: он ночью плетёт косички, которые потом невозможно расплести, поэтому нельзя спать с растрёпанными волосами» (008).

О селе Погорелка Шадринского района Курганской области в начале 1990-х гг.: «Впервые я услышала это слово от бабушки, в 1993 году, когда мне было 7 лет. Однажды я осталась у неё ночевать, наутро встала с запутанными волосами. Бабушка сказала, что это буканушка запутал мне их. Почему-то это название ассоциировалось у меня с боженькой» (021).

«Когда мне было 9 лет (1994 г.), у меня были длинные волосы. Их было очень сложно расчесать после того, как их вымыли. Я чуть не плакала, когда мама расчесывала мне волосы. И она в шутку говорила: “Это буканушка волосы тебе запутал”. В моем представлении буканушка – это маленькое насекомое с ручками и большими тремя пальцами» (022).

БУКВАРЬ – книга для первоначального обучения грамоте, усвоения чтения и письма.

Первые русские печатные буквари появились в XVI в. Букварь Ивана Фёдорова был напечатан в 1574 г. в городе Львове. Букварь состоял из азбуки, небольшого курса грамматики и содержал материалы по начальному обучению счёту. Буквари того времени были одновременно и учебником и книгой для чтения с текстами религиозно-нравственного содержания. Позднее в буквари добавляются сведения по истории, географии и математике. В 1694 г. в Москве был издан иллюстрированный букварь Кариона Истомина. Предназначая свой букварь детям, Истомин стремился сделать его занимательным: в букваре были даны предметные картинки, названия которых начинались на изучаемую букву (д – дверь и т.д.). С XVI в. до конца XVIII в. в России было издано 19 различных букварей. В

1864 г. К.Д. Ушинский выпустил книгу «Родное слово», содержащую «Азбуку» и «Первую после азбуки книгу». В 1875 г. была издана «Новая азбука» Л. Н. Толстого.

О 1910-х гг.: «Устюшка сидела прямо, вытянув перед собой босые, худенькие, почти чёрные от загара и грязные ноги. Она сняла с головы белый головной платок... и старательно разглаживала его мятые уголки... Я открыла букварь. “Ну, гляди теперь сюда!”» (Игумнова, 1957, 12).

После 1917 года выпускалось немалое количество букварей для первоклассников. Буквари существенно менялись по содержанию, в методах подачи учебного материала, в оформлении.

О букваре нач. 1920-х гг.: «А вот букварь деда Матвея, старый букварь, самый первый наш букварь... букварь, с которого отсчёт нового времени начался... Смотрят – и перед ними открываются страницы истории... Рабочий, бьющий молотом по наковальне – искры звездочками разлетаются; красноармеец с метой, метущей толстых клопов в чёрных фраках – летят горбоносые и толстопузые в пропасть!» (Шаповалов, 1986, 107). [...]

О Челябинске в 1981 г.: «Я пошел в школу в 1981 году. 1 сентября строгая учительница в очках выдала каждому малышу первый учебник - букварь. Синие обложки, оранжевые большие буквы. Незатейливые тексты. Простенькие картинки. Наверное, таким и должен быть первый учебник. Много я прочел с той поры книжек, но тексты из букваря помню и сейчас. “Ма-ма мы-ла ра-му”, “У Ма-ры ша-ры”, “На, Ма-ша, мяч”. И последнее стихотворение учебника “Прощание с букварем”: “Беру букварь в последний раз, / Несу букварь в просторный класс. / И дорогому букварю я говорю: “Благодарю!” / Ты книга первая моя, теперь читать умею я. / На свете много книжек есть, все книги я могу прочесть!”» (Иванов, 2007, 10).

«**В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ**» – сказочная повесть Лии Борисовны Гераскиной (р. 1910) о мальчике, оказавшемся в стране собственных школьных ошибок. Опубликовано в 1966 г. Большую популярность обрёл одноименный мультфильм, снятый в 1969 г. (режиссер Ю. Прытков). Повесть неоднократно переиздавалась как в составе сборников (1991), так и отдельной книгой (1994, 1995, 1996, 1997 гг.).

О 1997 г.: «“В стране невыученных уроков” – одна из немногих книг, которые мне очень нравились. Эта книга про мальчика, который не учил уроки и попал в страну, где ему необходимо было решить все задачи, которые он не мог решить. Этим мне и понравилась эта книга» (176).

«**В ТЁМНУЮ**» **БИТЬ** – см.: *Тёмная*.

«**В ТРАВЕ СИДЕЛ КУЗНЕЧИК...**» – песня на слова Н. Носова и музыку В. Шаинского из мультфильма «Приключения Незнайки и его друзей» (1971–1977).

О девочке 9 лет в с. Ново-Ильинское Петуховского р-на в 1994 г.: «Песня: “В траве сидел кузнечик, / Совсем как огуречик. / Зелёный он был... / Представьте себе, / И с мухами дружил”. Дальше не помню, кто-то прилетел или прискакал и слопал кузнечика. Впервые эту песенку я услышала от своей старшей сестры, мне было тогда 9 лет. Эта песенка вызвала у меня бурю эмоций, мне было очень жалко кузнечика. Мне нравился мотив этой песенки» (011).

Об ученице 3 класса начальной школы в пос. Каргаполье в 1994 г.: «На уроках музыки мы обычно пели разные детские песенки. Особенно запомнилась песня “В траве сидел кузнечик”. Мне нравилось, как эту песню исполняла наша учительница музыки. У неё был звонкий мелодичный голос. Я старалась петь так, как она учила, но у меня это плохо получалось. Учительница аккомпанировала нам на пианино, отчего песня становилась более веселой, энергичной» (013).

«**В ЭТОЙ КОРЗИНКЕ**» – см.: *Корзиночка*.

«**В ЭТОЙ МАЛЕНЬКОЙ КОРЗИНКЕ...**» – распространённая дет. считалка перв. половины XX века.

«Более удачным в создании считалок оказался опыт поэта и фольклориста Н.С. Ашукина. Одна из его считалок – парафраза считалки Ф.Б. Миллера [«Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять», а считалки “В синем море-окияне / Зотой корабль плывёт...” и “В этой маленькой корзинке / Есть ромашки...”], как и

считалка Ф.Б. Миллера, вошли в дет. традицию и стали бытовать как фольклорный текст» (Лойте, 2005, 47).

О середине 1920-х гг.: «Считалки широко распространены среди детей всех соц. слоев – городских и крестьянских. Нек. считалки несут отпечаток гор. происхождения, такова считалка, особенно любимая девочками, но постоянно встречающаяся и в записях, сделанных среди крестьянских детей: “В этой маленькой корзинке / Есть помада и духи, / Ленты, кружево, ботинки, / Что угодно для души”» (Капица, 1928, 128).

ВАГОН-ШКОЛА – см. *Школа-вагон*.

ВАЛЕНКИ – «зимняя обувь в виде сапог из войлока, выбитого и спрессованного на специальной колодке. Известны в России с XVIII века. Валенки делали из некрашеной шерсти: белой, серой, чёрной... Изготавливали валенки кустарным способом, промышленное производство было налажено в 20-е гг. XX века. Валенки не вышли из обихода до нашего времени и используются как рабочая и детская обувь, а также повседневная обувь в сельской местности» (Терешкович, 1999, 40).

Валенки у девочек

О 1950-х гг.: «[Вспоминает] Завьялова Л.Е. 1949 г. р.: “Зимой я носила валенки. Родители заказывали для нас валенки у сельского пимоката. Весной и осенью я носила валенки с калошами”...» (Завьялова, 2005, 10).

Валенки у мальчиков

О мальчике 11–12 лет в Свердловске в конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Домой он вернулся потный, мокрый, волосы под шапкой слиплись, валенки полны снега, пальтишко – хоть выжимай» (Дробиз, 2004).

О первой половине 1960-х гг.: «...Джим... успев обежать всех своих знакомых собак, потолковать с ними о том, о чём, разыскал ребят и уселся возле Мишкиных валенок, так славно пахнувших на морозе новыми галошами» (Зубавин, 1970, 37).

О первой половине 1960-х гг.: «Закутанный... ребёнок глухо плакал и дрыгал ногами в валеночках с галошами» (Котовщикова, 1966, 49).

О начале 1970-х гг.: «Вышел я на улицу, / гляжу: / я по лужам в валенках хожу!» (Беднов, 1976, 5).

«ВАЛЕНТИНКА» – открытка в виде символического «сердечка» для поздравлений.[...]

«...С 2000 года “валентинки” стали продавать в магазинах, они были яркие, красочные, цветные, а самое главное, внутри были написаны стихи – готовые поздравления, т.е. можно было не придумывать. Самым главным и важным людям покупали магазинские сердечки, а всем остальным выстригали из бумаги. Бумажные сердечки склеивали клеем, а магазинские склеивали скотчем. Если в первые годы празднования 14 февраля допускались только красные сердечки (из красной бумаги), то потом их делали из розовой, желтой, белой бумаги. В нашем классе была девочка, которая умела хорошо рисовать, поэтому от нее всегда приходили самые оригинальные “валентинки”. Вечером 14 февраля обязательно было общешк. мероприятие, проводившееся в актовом зале. Выбиралась команда девочек и мальчиков и между ними проводилась игра. А после мероприятия была дискотека» (011).[...]

«...При написании “валентинки” я подделывала почерк, писала мелким корявым почерком, так как они могли узнать мой почерк...» [...]

О 2001 г.: «“Валентинки” на моей памяти стали распространены примерно с 2001 г. Участь на I курсе Китайского пед. училища, я впервые столкнулась с массовым вручением “валентинок” на День Влюбленных. В школе мы не придавали значения ни данному празднику, ни “валентинкам”» (154).

См. также: *«День влюбленных»*

ВАЛЕОЛОГИЯ – учебный предмет, введённый в некоторых в школах в конце 1990-х – начале 2000-х гг.; на занятиях рассматривались вопросы, посвященные формированию здорового образа жизни.[...]

ВАЛЬС – танец с трехдольным ритмом, состоящий в плавном поступательном кружении

О школьном вечере в 1944 году: «Радиола источала сладкие мотивы, но никто долго не решался первым

выйти на середину. Наконец две пары закружились – девочки с девочками. Тогда и ребята решились отделиться от стен. И вскоре весь спортзал заполнился вальсирующими, среди которых поблескивали золотыми галунами погон неизвестно как сюда проникшие “спецы” – курсанты подготовительного военного училища» (Сиснев, 1970, 86).

О старшекласниках в 1950–1952 гг.: «Нам не разрешали танцевать фокстротов. Нас заставляли танцевать занудистые падеграсы и падепатинеры, нам разрешали выбрыкивать мазурки. Единственным утешением были краковяк и вальс» (Бодров, 1966, 29).

О начале 1960-х гг.: «Одна старшекласница из Краснодара рассказала мне: “На школьные вечера ребята ходить не любят... У нас директор сначала сам все пластинки прослушает, а потом отберет штук шесть вальсов и краковяков – танцуйте. А в десять – все по домам...”» (Матвеева, 1966, 12).

«ВАМ бабушка прислала...» – детская словесная импровизационная игра. Аналог игр *«Вам барыня прислала...»*; *«Барышня»*; *«Вы поедете на бал?»*.

О с. Понькино Шадринского р-на в 1980-х гг.: «Выбирается ведущий, остальные все королевы. Ведущая говорит: “Вам бабушка прислала коробочку соплей. Велела не смеяться, губы бантиком не делать, “да” и “нет” не говорить, чёрно с белым не носить, “р” не выговаривать». Затем ведущая начинала задавать вопросы. Первый вопрос обычно начинался: “Вы поедете на бал?” Все королевы должны ответить, однако придерживаясь правил игры, которые были сказаны вначале. Пока одна королева отвечает, другие её смешат, подсказывают прикольные ответы. Если королева не удержалась или нарушила какое-то другое правило игры, то она выходит из игры. Игра продолжается, пока все принцессы не ошибутся или самая стойкая может стать ведущей» (514).

«ВАМ барыня прислала...» – детская словесная импровизационная игра. Аналог игр *«Вам бабушка прислала...»*; *«Вам барышня прислала...»*; *«Барышня»*; *«Вы поедете на бал?»*

О 1988–1989 гг. в Шадринске: «В игру “Вам барыня прислала...” я играла лет в 8–9, причём играли не только девочки, но и мальчики. Слова: “Вам барыня прислала коробочку конфет, велела не смеяться, губы бантиком не делать, “да” и “нет” не говорить, чёрное с белым не носить... Вы поедете на бал? И т. д.” Задавались такие вопросы, чтобы поймать играющего на ошибке. (504).

«ВАМ барышня прислала...» – детская словесная импровизационная игра. Аналог игр *«Барышня»*; *«Вам бабушка прислала...»*; *«Вам барыня прислала...»*; *«Вы поедете на бал?»*

О Шадринске в середине 1980-х гг. в Шадринске: «Часто мы играли в игру “Вам барышня прислала коробочку соплей, велела не смеяться, губки бантиком не делать, “да” и “нет” не говорить. Вы поедете на бал?” Это были слова ведущего, а отвечающие должны были отвечать на его вопросы, соблюдая указанные условия. Дальше были такие вопросы: Какое у вас будет платье, синее? На чём вы поедете на бал? Кто с вами будет? Что вы там будете делать? И т. д. Выбывал из игры тот, кто нарушал оговоренные условия» (1001).

«ВАМ и не снилось» – фильм о подростковой любви, снятый в 1980 году режиссером Ильей Фрэзом по одноимённой повести Галины Щербаковой. По опросам журнала «Советский экран» кинокартина «Вам и не снилось» была признана лучшим фильмом 1981 года. Дополнительную популярность фильму обеспечила музыка Алексея Рыбникова и песня «Я улетаю, и время несёт меня с края на край» (слова Рабиндраната Тагора).

«ВАНЬКА Жуков» – рассказ А.П. Чехова, впервые опубликованный 25 декабря 1886 г. в «Петербургской газете» в разделе «Рождественские рассказы». На протяжении всего XX и в начале XXI вв. входит в число произведений, подлежащих обязательному изучению в начальных классах школы.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА – детская игрушка, куколка с круглым или овальным туловищем (без ног),

принимающая вертикальное положение, как бы её ни положили.

О середине 1870-х гг.: «Разнообразие в нашу жизнь вносили... поездки мамы... в город... Иногда они... предпринимали поездки в Троице-Сергиевскую лавру – “к Троице”, как было принято говорить. Мама... спрашивала: “Что тебе привезти от Троицы?” – и я неизменно просила: “Грибочек и ваньку-встаньку”. Грибочки были разные, очень изящные, другой формы, чем те, которые изготовлялись в посаде позднее. Ваньки-встаньки были тоже иные – очень маленькие, почти крошечные, с свинцовым донышком, прилепленным снаружи, и намалеванным лицом без туловища». (Харузина, [1919] 1999, 324)

О середине 1930-х гг. (стихотв-ие «Ванька-встанька»): «Уснули телята, уснули цыплята... / Один только мальчик – по имени Ванька, / По прозвищу Встанька – не спит никогда. / У Ваньки, у Встаньки – несчастные няньки: / Начнут они Ваньку укладывать спать, / А Ванька не хочет – приляжет и вскочит, / Уляжется снова и встанет опять. / Укроют его одеялом на вате – / Во сне одеяло отбросит он прочь, / И снова, как прежде, стоит на кровати, / Стоит на кровати ребенок всю ночь. / Лечил его доктор из детской больницы. / Больному сказал он такие слова: / “Тебе, дорогой, потому не лежит, / Что слишком легка у тебя голова!”» (Маршак [1937] 1968–1, 33).

ВАНЯ Солнцев – герой повести В. Катаева «Сын полка».

«Если спросить у школьника: “Кто твой любимый герой?” – он назовет много имен. В том числе Петю и Гаврика, Ваню Солнцева из книг В. Катаева, Мишу из “Кортика” А. Рыбакова, героев “Кондуита и Швамбрании” Л. Кассила, героев А. Гайдара и прежде всего, конечно, Тимура...» (Лифшиц, 1964–2, 124).

О 1950-х – перв. пол. 1960-х гг.: «...Мысленно вернёмся к любимым образам нашей дет. лит-ры, вспомним Тимура, Ваню Солнцева, Володю Дубинина...» (Мотязов, 1967, 59).

ВАР – варёная смола.

О вт. пол. 1940-х гг.: «У школьников был свой мир вещей... Любили жевать черный, как антрацит, вар, от которого белели зубы. Вар варили на улицах для приготовления асфальта» (Андреевский, 2003, 382).

«**ВАРВАРА краса – длинная коса**» – фильм-сказка (1969) режиссёра А. Роу, снятая по мотивам баллады В. Жуковского «Сказка о царе Берендее, о добром царе Еремее и злом Чуде-Юде, о любви Варвары-красы к рыбацкому сыну Андрею».

О девочке 5 лет в 1992 г.: «Мне очень нравился фильм-сказка «Варвара краса – длинная коса». В этой сказке меня привлекали главные герои, особенно дочь подводного короля – Варвара, а еще мишки-паромщики. Вообще я считаю эту сказку очень доброй и поучительной. Впервые я её посмотрела в 5 лет, она оставила массу впечатлений и до сих пор является моей самой любимой сказкой» (187).

ВАРЕЖКА – вязаная рукавица с одним большим пальцем.

Варежки у девочек.

О середине 1940-х гг.: «Маша варежку надела. / “Ой, куда я пальчик дела?...” / Маша варежку сняла. / “Поглядите-ка, нашла!...”» (Саконская, [1948] 1961, 14).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Однако пора в школу. Симочка с сожалением выбирается из сугроба, запикивает в карман мокрые варежки и чинно идет по тротуару, словно и не она только что бросала во все стороны снежки, будто и не у нее мокрые чулки и варежки» (Кудряшова, 1961, 37).

О 1960-х гг.: «Зимой мы делали в сугробах пещеры, или катали друг друга на санках, или просто падали в снег – от кого лучше отпечаток получится. Я возвращалась домой с... задубелыми варежками, которые тяжело раскачивались на резинке...» (Ермакова, 2005, 24).

Варежки у мальчиков.

О 1910-х гг.: «...Только толстый Мара выходил иногда во двор с деревянной лопаткой и салазками. Поверх заячьей шапки у него был надет башлык, туго перетягивающий его толстые румяные щёки, на ногах –

шерстяные рейтузы и резиновые ботики с застёжками, на руках – варежки с тесёмками, продетыми в рукава. Ему было трудно двигаться в тяжёлой, длинной шубе» (Бродская, [1938] 1957, 119).

О Ленинграде 1941–1942 гг.: «[Четырёхлетний] Валька... кротко терпел, пока [Таня] вытирала ему нос, застёгивала тугие крючки у шубки и надевала варежки на маленькие озябшие ручонки» (Карасёва, 1960, 22).

О второй половине 1950-х гг.: «А вот и враг – стоит под деревом в голубой шапочке, с пушистыми светлыми косами и бессовестно хохочет. Мальчишка только и сделал, что погрозил Симочке кулаком в красной варежке» (Кудряшова, 1961, 37).

О четырёхлетних мальчиках в 1959 году: «Как мы, мальчишки, были одеты. Плюшевое пальто, байковые шаровары..., шапка..., шарф... Бабушкины варежки на резинке с обсосанным в ледышку большим пальцем» (Киршин, 2002).

Об ученике начальных классов в г. Кемерово в начале 1960-х гг.: «Мороз был страшным: носы, щеки, подбородки прихватывало запросто, несмотря на варежки, вязанные мамой из овечьей шерсти, и валенки с носками и портянками, пальцы на руках и ногах, пока добежишь до тёплого дома, задеревенеют настолько, что не чувствуешь. А потом у печки, топившейся круглые сутки, греешь и ревьешь, когда отходят с болью» (Плющев, 2004, 5).

«**ВАРЕЖКА**» – отечественный кукольный мультфильм (1976) по сценарию Жанны Витензон, о девочке, которой мама не позволяла иметь собаку, и тогда её воображение превратило в щенка красную варежку.

О девочке 4–9 лет в перв. пол. 1990-х гг.: «Мой любимый мультфильм детства. Я не помню его названия, но визуально чётко его представляю. Первый раз увидела в 4 года, т.е. в 1990 году. И как слышала его первые слова – сразу бежала к телевизору. Главный герой – мальчик-маленький, но с большим желанием, которое не оставляло его никогда – он очень хотел завести друга – самого преданного, доверчивого – хотел собачку, но родители не разрешали. И кадры – как мальчик кормит и гуляет свою варежку – так заботливо и ласково – не выпадут из памяти никогда, хотя я этот мультфильм очень давно не видела. Я даже помню, что варежка была красного цвета. Он занимался с ней, дрессировал – и был абсолютно счастлив – его “собачка” победила в соревнованиях, но вот ниточка-хвостик зацепилась за что-то, и “собачка”-варежка распустилась. Мальчик пришел в отчаяние, но дома его ждало исполнение его заветного детского желания – живая собачка. Этот восторг, ласка и любовь главного героя всегда во мне будет вызывать умиление и воспоминание моих детских желаний – таких же наивных и трогательных» (193).

«**ВАСЁК Трубочёв и его товарищи**» – вышедшая в 1947–1952 гг. трилогия Валентины Александровны Осевой (1902–1969) о школьниках. Пользовалась популярностью в конце 1940-х – 1950-х гг. В 1952 г. во второй части трилогии был поставлен фильм для детей «Отряд Трубочёва сражается».

О конце 1940-х – 1950-х гг.: «Большую популярность приобрела у ребят и трилогия В. Осевой “Васёк Трубочёв и его товарищи”. Вышедшая в 1947 году первая часть книги рассказывала о школьниках подмосковного городка. Читатель вводился в жизнь четвертого класса “Б”, ознакомился с председателем совета отряда Васьком Трубочёвым и его товарищами... Во второй части трилогии все названные лица оказались в гуще военных событий: отправившись в июне всем классом на Украину, в колхоз “Червоны Зирки”, ребята очутились за линией фронта, в немецком тылу. В труднейших условиях жизни в занятой фашистами деревне пионеры отряда Трубочёва проявили мужество, силу воли, сплочённость... В последней части трилогии Осеева рассказала о возвращении своих героев... в родной город и об их помощи взрослым в трудных тыловых делах военных лет. Как уже было сказано, книга приобрела популярность у ребят, была очень высоко оценена критикой и удостоилась Гос. [Сталинской – Авт. сл.]

премии 1952 года. Всё же нельзя не заметить, что удача Осеевой не так уж безоговорочна. По-настоящему хороша только вторая, военная часть повести, передающая атмосферу первого года войны. Здесь запоминающиеся образы взрослых, принявших горячее участие в судьбе маленьких москвичей..., здесь достоверность обстоятельств времени и, главное, достоверность дет. характеров, поставленных в условия суровые и необычные. Если же оценивать трилогию в целом, то масштаб замысла кажется несоразмерным с его худ. воплощением... Конфликт, положенный в основу повести [первой части трилогии] оказался слишком незначительным, чтобы стать настоящим пробным камнем для формирующихся характеров. Во время урока в четвертом классе “Б” не оказалось мела. Учитель сделал замечание дежурным – Ваську Трубачеву и Саше Булгакову. ...[Мел же] похищен... Колей Мазиным, пытавшимся таким способом выручить не знающего урока товарища, Петю Русакова. ...Дежурные подозревают друг друга в нерадивости, возникает ссора. Васёк жестоко обижает приятеля. Объективный летописец шк. событий Коля Одинцов пишет в газету заметку о поступке председателя отряда. Чувствующий себя виновником разразившегося скандала Петя Русаков вычеркивает в заметке фамилию Трубачева. Теперь последний обвиняется не только в оскорблении и драке, но и в трусости. На помощь ребятам приходят вожатый Митя и учитель Сергей Николаевич, сумевшие объяснить питомцам существо их ошибок и помочь понять разницу между настоящей дружбой и “...ложным выручателем”... Великий скандал из-за маленького кусочка мела произошёл в книге между ребятами, которых писательница с первой страницы объединяет узами крепкой, закадычной дружбы. А главное – инициатором ссоры становится “лучший из лучших”, по уверению писательницы, самый авторитетный в классе мальчик – предс. отряда Васёк Трубачев. Тот самый Трубачев, которому уготована автором роль ребячьего командира в тяжелые дни войны. Именно он совершает один за другим два скверных поступка: оскорбляет лучшего своего друга Сашу Булгакова и грубо толкает большого товарища Севу Малютину. А дома срыгает злость на старой тетке, называя ее ведьмой. Придя на другой день в школу, Васёк, хотя ему “стыдно и нехорошо”, успокаивает себя: “А что такое? Фью! Больше бояться меня будут! Никто не полезет ко мне”. Васёк Трубачев задуман Осеевой как образ ребячьего вожака. Именно таким изображен этот мальчик во второй и третьей частях повести. Первая часть, как и во многих других книгах рассматриваемого рода, призвана показать читателю, что героями не рождаются, что героями становятся в трудных условиях совсем обыкн. мальчики и девочки, не застрахованные от ошибок и заблуждений. Но ведь ошибка ошибке, заблуждение заблуждению рознь. Такой мальчишка, каким сделан в двух последних частях трилогии Васёк Трубачев, не мог в первой части ошибаться теми ошибками, которыми наградила его Осеева. Он наверняка мог поколотить какого-нибудь Мишку Квакина, но не большого товарища. Он, наверное, мог вспылить и поссориться с другом, но не из-за такого пустяка, как в книге, и не в такой форме. В критике Васька Трубачева усиленно сопоставляли с Тимуром. А ведь на деле Осеева лишила своего героя как раз гл. качества, делавшего таким обаятельным и безотказно подчинявшимся своему влиянию героя Гайдара: гуманности. И самое парадоксальное в том, что все одноклассники Васька, кому в книге выделена писательницей роль “ведомых”, о которых взрослые говорят только как о товарищах Трубачева, даже сорванец и постоянный нарушитель спокойствия Мазин, оказываются гораздо более чуткими, внимательными, человечными, нежели “вожак”. И, между прочим, все они очень правильно оценивают поступки Васька. “...Какая это дружба! Из-за одного куса мела все вдребезги! Я бы так Петьку не бросил”, – размышляет Мазин. И читатель понимает: в самом деле, Мазин в случае чего может своему Петьке по шее надавать (но только за дело!), зато он и рад каждой его радостью, и огорчен каждым его

огорчением. Осеева, кажется, не заметила, что дружба Мазина и Русакова оказалась, по существу, противопоставленной непрочному союзу ее мнимо закадычных друзей... Что касается третьей части, то в критике справедливо отмечалась некоторая ее идиличность, снизившая естественность и типичность детских характеров» (Лупанова, 1969, 366–370).

О конце 1940-х гг.: «Ученица III класса Люда К., прочитав “Васёк Трубачёв и его товарищи” В. Осеевой, пишет: “Как я рада, что Русаков сдал экзамен по русскому языку на “отлично”, но мне было стыдно, когда произошла ссора из-за мела. Ох, скорее бы вышла вторая книга» (Каиров, 1952, 11).

О вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Анализ дет. писем и отзывов, присланных в Детгиз (кол-во их выросло с 6,7 тыс. в 1946 г. до 45 тыс. в 1951 г.), даёт основание сделать вывод, что первые места среди любимых книг сейчас занимают след. книги:... В. Каверин “Два капитана”, В. Катаев “Сын полка”, А. Фадеев “Молодая гвардия”, В. Осеева “Васёк Трубачёв и его товарищи”..., А. Гайдар “Тимур и его команда”...» (Дубровина, 1952, 46–47).

О 1950-х гг.: «Повесть В. Осеевой “Васёк Трубачёв и его товарищи” и повесть Н. Носова “Витя Малеев в школе и дома” много читаются учащимися V классов и принадлежат к числу книг, любимых пятиклассниками» (Гердзей-Капица, 1961, 111).

О 1950-х – 1960-х гг.: «У советских ребят из добрых друзей одно из первых мест... занимает... Тимур. Горячо любят они и... партизана Володю Дубинина, порывистого Ваську Трубачева, ...Витю Малеева... и... др. героев-сверстников» (Николаев, 1965, 150).

О 1960-х гг.: «Повесть “Васёк Трубачев и его товарищи” стала любимым произведением юных читателей. За это произв-ие писательница была удостоена Гос. премии» (Кремянская, 1969, 184).

«**ВАСИЛИЙ ТЁРКИН**» – поэма (1941–1945) Александра Твардовского (1910–1971).

С 1950-х гг. изучалась в школе.

О 1945–1950 гг.: «После войны не было ни одного концерта, где бы артист, пионер, ремесленник не читали “Василия Тёркина”» (Гурченко, [1980] 1987, 103).

О нач. 1960-х гг.: «...Учащиеся... в VII классе прочитают поэму “Василий Тёркин”» (ТИ, 1963, 150).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 2002–2003 гг.: «Поэму Твардовского “Василий Тёркин” мы изучали в 11 классе» (011).

ВАТАГА – уличная группировка мальчиков-подростков.

О 10-летнем мальчике в 1914 г.: «И его слушались. Он был признанным вожаком всей буйной ватаги. “Волька силен!” – восхищались ребята... Было решено, что он прыгнет с колокольни на глазах у всей ватаги» (Водопьянов, 1959; 20, 23).

О мальчиках 6–8 лет в 1914–1915 гг.: «Федькин отец прописал, что воюет на коне. Последнее сообщение взбудоражило мальчишек. Миг – и ватага на лихих конях-хворостинках налетает на придорожный бурьян, сечет с выдохом прутьями широкие лопухи!» (Титов, 1965, 17).

О г. Новосибирске в середине 1920-х гг.: «Каждая улица по неписанному закону имела свои ватаги – эдакие бойцовские дружины. Наша, Гудимовская, долгие годы считалась непобедимой. И кто только не ходил на нас войной! И Фабричная, и Закаменка, и другие прочие, но наши дрались лучше всех на кулачках и ходили гоголем – знай наших! Жаль, что в период апогея этих сражений я еще был мальцом и в боях не участвовал, а то бы я им показал – в пионерском отряде я был самый сильный, хотя сражался с ребятами постарше и покрупнее» (МН, 1999).

О г. Усинске Республики Коми в нач. 2000-х гг.: «Когда кто-н. интересуется, что из себя представляет четырнадцатилетний Димка Пансков, учащийся девятого класса “Г” сред. школы № 3, характеристику ему дают... исчерпывающую: “Отморозок!” ...Пансков... был заводилой, атаманом и в шумных школьных ватагах..., и в драке, и на танцплощадке... Интересы у Панскова были

самые примитивные: выпить, закусить, запустить какой-нибудь девчонке руку под юбку, “пощупать” её, как курицу, и всё» (Белобородов, 2004, 18).

ВАТНИК – «Полупальто или куртка, стёганная на вате» (Словарь, 1951–2, 60); «Стёганая ватная куртка» (Словарь, 1991–2, 41).

О беспризорниках в 1920-е гг.: «Ребята укладываются спать... Я тоже уснула, ...прижавшись к Ленкиной спине. Он открыл меня полкой ватника...» (Петренко, 1977; 63, 64).

О 1946 годе: «Начальная школа номер девятнадцать была маленькая, одноэтажная. Вернее, полтораэтажная, потому что под классами находился ещё подвал... Но в подвале всегда стоял промозглый холод... Одно время внизу устроили... раздевалку, но ребячьи пальто и ватники за полдня успевали так отсыреть и промерзнуть, что директор Нина Васильевна распорядилась прибить вешалки прямо в классах... Было совсем тепло. Севка распахнул ватник и подумал, что можно ходить уже не в шапке, а в пилотке...» (Крапивин, 1986, 21–22, 141).

ВАФЛЯ – тонкое сухое печенье из муки на сливках и яйцах с клетчатым оттиском на поверхности.

О 1912–1915 гг.: «Ещё воспоминания детства – праздники... Вербные базары, воздушные шары, длинноносые китайцы, продающие цветные... веера и мячики-раскидайчики... Помню пишалок-чертиков “уйди-уйди” и ванильный запах теплых вафель, которые пеклись там же в палатках» (Александрова, 1978, 9).

О начале 1960-х гг.: «Скучный урок! Володю мало интересовало то, что тела от нагревания расширяются. Впрочем... Он вспомнил вкусную вафлю, которую съел на перемене. Вот если б от нагревания она увеличилась раза в три! Это другое дело! От такой заманчивой картины у Володи даже слюнки потекли» (БГКП, 1961, 129).

ВАФЛИ круглые для мороженого.

О вт. пол. 1920-х гг.: «Николая Николаевича Асеева я знала с детства. Он приходил к нам вместе с Алексеем Крученыхом, и когда они играли в карты, Асеев усаживал меня рядом с собой, уверяя, что я приношу ему счастье. Из выигрыша мне полагалось двадцать копеек – на них можно было купить четыре порции мороженого в круглых клетчатых вафлях, на которых написаны имена. А вдруг попадетса твое собственное имя – то-то счастье!» (Либединская, 1966, 115).

О Москве во вт. пол. 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Праздником было появление [во дворе] мороженщика с его ящиком на колесиках. Его окружали раскрасневшиеся, взволнованные дети. Мороженщик в белом переднике, но с немтыми руками быстро укладывал в ручную форму круглую вафельку, намазывал поверх нее сладкую, холодную массу, накрывал другой вафелькой, нажимал на низ формочки, и вот волшебная, желанная сласть в твоих руках. Как хотелось её вкушать медленно, продлить наслаждение, но жадность и быстрое таяние заставляли проглатывать порцию – увы, очень маленькую – почти мгновенно. Правда, еще оставалась такая услада, как обнимающие вафельки. А на них были отпечатаны разные имена в уменьшительной форме: Ваня, Маша, Петя, Люба и так далее. Какие же имена достались мне? А товарищам? Происходил живой обмен информацией. “У меня Лена. А у тебя?” – “У меня Саня, а с другой стороны Надя”. Источники детских радостей непостижимы. До сих пор помню острое чувство восторга, смешанное с изумлением, когда на своей вафельке я прочитал: “Юра”. Не волшебник ли мороженщик, что отгадал, как меня зовут?» (Федосюк, 2004, 23–24).

О конце 1920-х гг.: «В послеобеденную пору приходил мороженщик. Он толкал перед собой ящик на двух колесах, набитый подсолненным льдом. За ящиком оставался мокрый пунктир на пыльной дороге. Мороженщик останавливался у околицы и его тотчас окружали мальчишки и девчонки. Он степенно открывал ящик и тогда можно было увидеть два жестяных цилиндра со сливочным мороженым. Круглой ложечкой с длинной рукоятью он ловко вынимал из цилиндров круглые шарики и клал их на блюдечки или же, что особенно ценилось детьми, другой ложечкой вмазывал

мороженое в жестяную же штучку, куда предварительно закладывалась вафля. Прикрывал мороженое другой вафлей и вытаскивал толстое колесико, как бывает на пишущей машинке, только белое и холодное. На вафлях были написаны имена: Саша, Надя, Вера. Мы сперва их прочитывали, а потом, сжимая постепенно вафли, слизывали выступающее мороженое – желтое, с запахом ванилина, пощипывающее язык. Счастливица обступали те, у кого не было пятака или трех копеек (порции бывали разные) и просили: “Дай лизнуть!” Им давали, следя, чтобы слизывали не очень помногу и не смели откусывать» (Самойлов, 1993, 236).

О 1929–1932 гг.: «...Некоторое время после кончины НЭПа остается одно лакомство... Речь идет о мороженом. Не знаю, что помогло “частному сектору” в лице мороженщиков продержаться на плаву дольше других, но помню, что еще и в первом, и во втором, и даже в третьем классе я копила “карманные деньги” на эту ни с чем не сравнимую вкуснотищу. Разноцветные тележки с мороженым стояли возле опустевших лавок гостиного двора. Ощущение счастья приходило уже с той минуты, когда хозяин тележки укладывал в формочку с выдвигаемым доньшком круглую вафлю, на которой было выдано какое-нибудь имя. На эту “Валю” или “Катю” ложкой накладывалась желтоватая сладкая масса, продавец долго (слишком долго!) отглаживал ее с боков, затем прикрывал другой вафлей (“Боря”, “Вова”), щёлкал ручкой – и вот уже в руках кругляш с двумя крышечками, пространство между которыми начинаешь вылизывать. Продолжительность “вылизывания” зависит от потраченной суммы: самая маленькая порция – пятачок, самая большая – двадцать копеек. Я беру обычно среднюю – за десять, по деньгам» (Лупанова, 2007, 63).

О конце 1930-х гг.: «Раньше [мороженое] продавали в нашем магазине. Были порции “большая” и “маленькая”. Продащица выдавала поршнем из жестяной трубки. Сверху и снизу хрустящая круглая вафелька, на ней надпись, какое-нибудь имя: “Юля”, “Вова”. Берешь двумя пальчиками, а мороженое вылезает по краям вафельки, и ты слизываешь его, вот так всасывая в себя воздух: “У-уф! У-уф!”» (Васильев, 1989, 105)

О конце 1930-х гг.: «Прежде здесь стояла афишная тумба. Возле нее я поцеловал Аксюшу в щеку. Аксюша очень тогда расстроилась. Я тоже очень расстроился. Сюда же, к афишной тумбе, прикапывал тачку продавец мороженого. В белом фартуке и в белых нарукавниках. Ребята спешили, бежали к нему, сжимая в ладонях серебряные монеты, вытряхнутые из копилка. Заказывали порции на двадцать пять, пятьдесят и семьдесят пять копеек. С восторгом следили, как продавец намазывал плоской ложкой столбик мороженого на круглые вафли. За двадцать пять копеек – столбик маленький, за пятьдесят – побольше, а за семьдесят пять – совсем большой! На вафлях написаны имена. Гадали, кому какие попадутся» (Коршунов, [1961] 1985).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Лето. Это мороженое, за которым бегали ко 2-му магазину, получен от родителей очередные 10, 15, 20 копеек. За 10 копеек накладывали формочку поменьше, за 15 – среднего размера, а за 20 – самую большую. На дно круглой коробочки с небольшими бортами и подвижным донцем клали вафлю, на неё ложкой из глубокой жестяной банки, стоявшей на тележке у продавца, как из колодца, доставали мороженое, водружая горкой на вафлю, подравнивая края. Сверху прикрывали еще одной вафлей. Вафли лежали стопкой по размерам, на каждой было написано имя. “Оля”, “Тая”, “Лида”. Получишь мороженое – сразу смотришь, “кто” тебе достался, и поинтересуешься, а что же у подружки. Бегали за вафельными трубочками с гоголем-могелем, их делали на наших глазах в палатке тоже у 2-го магазина и вручали нам теплыми» (Казарма, 2000).

См. также: *Мороженое*.

«**ВАШУ зелень...**» – детская игра, аналог игры в «Зелёное».

О Шадринске в 1941–1945 гг.: «Ещё была игра, называлась “Вашу зелень”. Это надо было всегда иметь при себе какой-нибудь зеленый листок или травинку, так как могли неожиданно спросить: “Вашу зелень!” или так: “Не рвать, не щипать, вашу зелень показать”. Иначе проштрафишься» (Иовлева, 1993, 31).

О второй половине 1950-х гг.: «Я боялся, что Тоня встанет и ко мне подойдет: что с неё возьмешь? Одно слово – девчонка. Подойдет, например, и скажет какую-нибудь глупость: “Не сорвать, не поднять, вашу зелень показать”. И захихикает, а я вынужден буду шарить по карманам в поисках чего-нибудь зелёного» (Алексеев, 1987, 35).

«**ВДАЛИ** бушуют камыши...» – текст, (вероятно, песенный), широко представленный в девичьих альбомах 1970-х – 1980-х гг.

Из девичьего песенника 1985–1986 гг.: «1. Вдали бушуют камыши. / Судили парня молодого. / Он был красив и молчалив, / Но в жизни сделал много злого. 2. Его хотели расстрелять, / У судей попросил он слово, / И не сумели отказать / Закона не было такого. 3. Когда мне было 10 лет, / Я от своей семьи скрывался. / Я научился воровать / И со шпаной связался. 4. Когда мне было 20 лет, / Я был в кругу друзей хороших, / Я воровал один за всех, / И мы делили меж собою. 5. Однажды мы зашли в село, / Где люди тихо, мирно спали, / Мы стали грабить дом один, / Но света мы не зажигали. / 6. Однажды я зажег свечу, / О, боже, что я там увидел. / А на столе лежал отец, убит моей рукою. / А под столом лежала мать, убитая кинжалом. / А пятилетняя сестра / В кроватке тихо умирала. / Она, как рыбка без воды. / Свой алый ротик открывала. 7. Вдали бушуют камыши, / Судили парня молодого. / Он был красив и молчалив, / Но в жизни сделал много злого» (597).

ВЕЗДЕХОД с дистанционным управлением – игрушка.

О Москве в 1967–1969 гг.: «У входа в метро – киоск с игрушками, с длинной витриной, в которой... стоит, уткнувшись фарами в бок сиреневому медведю, Он – Вездеход С Дистанционным Управлением. Купить его – невозможно. В школу выдается сумма копеек в 25, которая обеспечивает булочку-с-маком-и-чай, метро... хватает ещё на газировку... ну и всё... Попросить родителей – нельзя. Я знаю, что у них нет денег... Можно – навешать эту жёлтую пластмассовую отливку счастья – каждый день по дороге из школы... глядеть на неё, знать, что такое – в принципе существует в мире... Вездеход появился на полу детской комнаты через пару лет. Он ездил назад так же, как вперед, и – преодолевая препятствия!.. Но уже пережитое, опережающее страдание осталось на своем месте, в смоле моей осени 67-го года» (Бараш, 2006).

«**ВЕЗУВИЙ**» – игра для детей.

О начале XX века: «Идешь перед праздником по... “базару детских игрушек” и долго колеблешься, что выбрать. Что выбрать, чтобы доставить истинную радость, чтобы не слишком обмануть ожидания моей доченьки? Я помню её смущение, когда моя знакомая привезла ей игру “Везувий”. С недоумением стояла она над большим раскрашенным картоном, и, когда ей показали, что надо делать, чтобы из него вылетали шарики, изображающие извержение лавы, она, как бы стыдясь, нехотно повторила это, потом убрала всё в ящик и вернулась к старым игрушкам. Но весь день была задумчива и грустна. А вечером, уже в кровати, она вдруг, волнуясь, сказала мне по секрету, что ей “совсем не нравится новая игра и она не знает, что с ней делать”. И я видела, какого труда ей стоило удержаться от слез» (Герцык, 1991, 51).

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА – см.: *Война Великая Отечественная 1941–1945 гг.*

«**ВЕЛИКАНЫ**» – игра, аналог игры «Заяц, заяц, сколько время?»

О конце 1980-х гг.: «Распространенной игрой была следующая игра: “Просто, хлопок...” Ещё были такие игры, как: “Съедобное – несъедобное”; “Джем”; “Великаны” (“Зайчик, зайчик, сколько время, я спешу на

день рождения”. Ведущий отвечает, например: “Два великана, две резинки”; “Арам-шим-шим”...”» (489).

ВЕЛОСИПЕД – двухколесная (в детском варианте – трёхколесная) машина для езды, приводимая в движение ногами с помощью педалей.

О Москве в 1937 г.: «Мы переселились из коммунальной квартиры... в новенькую отдельную квартиру в только что отстроенном доме на Малой Никитской... Мне было шесть лет... Мой отец работал в Госплане... Отцу посчастливилось попасть в члены строительного кооператива “Кремлевский работник”. Жилищные кооперативы в те времена были необыкновенной редкостью. Большинство людей жило в коммунальных квартирах, и это считалось нормой. Об отдельной квартире мало кто мог мечтать. Мы оказались среди избранных и воспринимали это как должное... Уже через несколько дней я знала всех ребят во дворе. Некоторые дети гуляли с нянями. Меня выпускали во двор одну, а с домработницей я гуляла на бульваре... Дети в нашем доме, как и сам дом, были необыкновенные! У моей подружки и соседки по подъезду все было заграничное: и шикарный велосипед, и замысловатый самокат... Я уже знала, что все красивые и необычные вещи семья привезла из Германии, где несколько лет работал отец Люки... У другой девочки, Инны Гариной, тоже был необычный велосипед, и он тоже был заграничный. Из Англии! “Дай прокатиться!” – клянчили ребята. “Становись в очередь, – деловито предлагала Инна... – И только по одному кругу! Тормозом пользоваться нельзя, испортите!” – напутствовала она каждого садящегося на велосипед. Её власть над нами казалась законной, и каждый мечтал добиться ее расположения» (Туманова, 1995).

Велосипед трехколесный.

О Петрограде второй половины 1910-х гг.: «“Оснащение” наших игр было довольно примитивным: зимой – санки, летом – мячи, палки с конскими головами, скакалки, ну и, конечно, обручи... Предметом зависти были немногие счастливые обладатели детских велосипедов. Не двухколесных, конечно, детских двухколесных тогда просто не было, а самых примитивных трехколесных» (Штерн, 2000).

Об Украине 1910-х гг.: «Зимой, когда у мальчиков не в чем было выйти на мороз, коридор дома был скорее похож на улицу. Туда и сюда разъезжали трехколесные велосипеды, в корытах убаюкивались дети, а в закутках играли в жмурки...» (Ямпольский, 1964, 341). [...]

О станции Анисовка Саратовской области в 2006 году: «Беспалов жмет кнопку звонка. Открывший нам дверь человек недоуменно глянул на меня, потом узнал Беспалова и улыбнулся. Из-за колена машиниста, которого зовут Михаилом, возникла уменьшенная его копия – сын Никита. Мы прошли в комнату... Михаил, сидя в кресле, ...читал письмо. Никита на трехколесном велосипеде крутился возле... ..Никита наехал одним колесом отцу на ногу...» (Липилин, 2006, 7).

Велосипед двухколесный.

Об Одессе начала XX века: «...Шествовали мы однажды ... по Тираспольской улице..., с завистью провожали глазами редких счастливых, мчавшихся на велосипеде. Велосипед был самой заветной мечтой наших юных дней. Иметь его мы не надеялись. На всю Одессу только у нескольких мальчиков, сыновей крупных богачей, таких, как фабрикант конфет Крахмальников, были собственные велосипеды. Хоть бы покататься. Покататься было можно, взяв велосипед напрокат – существовали такие предприятия. Час катания стоил пятнадцать копеек. В залог нужно было оставлять ученический билет, а в случае аварии, вроде “восьмерки колеса”, надо было оплатить стоимость ремонта... Боже мой! Как мы жили этот день! Как миллионеры. Мы взяли напрокат четыре велосипеда, мы ехали по Одессе кавалькадой... Незабываемый день!» (Утесов, 1976).

Об Одессе в начале 1910-х гг.: «[Стасик] обычно выезжал из своего переулка на новеньком велосипеде марки “Дукс”, ценой в сто десять рублей, и сперва несколько раз проезжал перед нами... К нам, мальчикам,

он относился довольно хорошо и даже изредка позволял прокатиться на своем “Дуксе” с педальным тормозом» (Катаев, [1972] 1983, 211–213).

О Москве в конце 1920-х – начале 1930-х годов: «Продолжу о дворе... Велосипеды были наперечёт, только у некоторых юношей из зажиточных семей. Ни у меня, ни у сестры велосипеда, даже трехколесного, никогда не было. Обещали купить, да так и не купили» (Федосюк, 2004, 21).

Об Украине в 1935–1937 гг.: «Зимой мы катались на коньках, летом – на велосипеде, на лодках. Велосипед был один на всю улицу – для большинства родителей это было слишком дорогим удовольствием» (Цидильковский, 1996, 131).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Для нас же, детей, все эти дворовые пространства, казалось, просто были самой естественной и органичной... средой обитания... По дорожкам, которые по периметру охватывали наш и соседний... двор, наматывали круги на велосипеде. Девчонки до педалей еще не доставали, гонялись “под рамой”. Я завидовала, мне не разрешали» (Кравенко, 2007).

Об учениках 7 класса в 1939–1940 гг.: «Весной у Саши появился велосипед. Он сажал Наташу на раму машины и ехал кататься... Саша знал, что и она мечтала иметь свой велосипед, но на него ведь надо много денег» (Смирнов, 1973, 147).

О 1945–1947 гг. в Ленинграде: «...Валька... увидел, как вдоль [Гаврического] сада идут Жиженина с Пантелеевой. Жиженина вела велосипед. Она села на него и поехала не очень быстро, так, чтобы Пантелеева могла идти рядом, придерживаясь за багажник. С этого дня так стало повторяться регулярно. В шестом часу Жиженина приходила к саду. Каталась всегда в одном и том же месте. И Вальке захотелось тоже приобрести велосипед. Но он знал, что на такую покупку мать денег не даст. Велосипед стоил дорого. А Вальке казалось: будь у него велосипед, и решится все. Что “всё”, он и сам не знал. Но чувствовал: дело только за велосипедом...» (Васильева, 1985, 66).

О 1947 году: «...Они подошли к магазину игрушек... За стойкой находился старичок-продавец... “Вы что хотели?” “Детский велосипед”, – сказал Коростелев... “Трехколесный?” – спросил [старичок]. “На кой мне трехколесный...” – ответил Сережа... “Варя!” – крикнул старичок... ...Варя... принесла велосипед. Настоящий велосипед со спицами, звонком, рулем, педалями, кожаным седлом и маленьким красным фонариком! И даже у него был сзади номер на железной дощечке – черные цифры на желтой дощечке!... Домой [Сережа] ехал на велосипеде. То есть – сидел на кожаном седле, чувствуя его приятную упругость, держался неуверенными руками за руль и пытался овладеть ускользающими, непослушными педалями. Коростелев, согнувшись в три погибели, катил велосипед, не давая ему упасть... ...Сережа здорово научился ездить, научился даже съезжать с горки, бросив руль и сложив руки на груди, как – видел он – делал один учёный велосипедист.... А там и надоел ему велосипед. Стоял в кухне со своим красным фонариком и серебряным звонком, красивый и исправный, а Сережа пешком отправлялся по делам...» (Панова, [1955] 1956, 432).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Паня покрепче притянул ремешками подушечку к раме Вадиного велосипеда» (Ликстанов, [1953] 1964, 361).

См. также: «Орленок»; «Школьник»; *Катать на велосипеде девочек (о мальчиках)*; *Кататься на велосипеде*.

Велосипед «дамский» – велосипед двухколесный без рамы.

О 1962 году: «Велосипеды тогда выпускали нормальные и “дамские”: без рамы, ущербные (для девочек)» (Киршин, 2002).

О девочке 7–12 лет в селе Ольховке в 1992–1997 гг.: «Я не имела своего велосипеда, как собственно и кататься на нем не умела. Когда в нашу деревню переехал мой двоюродный брат Саша, он имел велосипед “Кама”, и приехал к нам на нём. Тогда-то я и научилась на велосипеде ездить (в 9 лет). Сиделась на него – он

невысокий, отталкивалась ногой от земли и съезжала с небольшой горки, которая была возле ограды. Сначала часто падала, потом научилась сама ездить, катать на багажнике младшего брата и соседних малышей 5–6 лет. Тогда он был мне редко доступен – Саша сам на нём катался, каталась и мои братья. Желание иметь свой велосипед было огромное, в 12 лет моя бабушка отдала нам свой дамский велосипед (у него рамка расположена низко). С этого момента я ездила на нем и в магазин, и к подружкам, просто каталась с грейдера (приподнятая неасфальтированная дорога), расположенного в полукилометре от нашего дома, перпендикулярно огороду. Заехав в горку на грейдер, устав, с таким наслаждением, с ветерком еду обратно, поставив ноги на педали и немного притормаживая, где скорость беспредельная, подкручиваю педали, где скорость спадает» (009).

«**ВЕЛОСИПЕД**» – жестокий розыгрыш над спящим.

О живущем в Свердловске мальчике в конце 1940-х гг.: «...Он дважды ездил в пионерские лагеря, после третьего и четвертого классов... Ничего хорошего... не вспоминалось ему о тех ранних лагерях. Пацаны там, ему казалось, были, как на подбор, жестокими, обожали дикие розыгрыши вроде “велосипеда”, когда спящему всовывали меж пальцев ног вату и поджигали ее. Каждый день состоял из столкновений, противоборств по любому поводу и без повода...» (Дробиз, 2004).

«**ВЕСЁЛЫЕ медвежата**» – ежемесячный детский лит.-познават. журнал для детей мл. шк. возраста. Выходит с сент. 1994 г. Тираж 2006 года – 40 тыс. экз.

«**ВЕСЁЛЫЕ нотки**» – телепередача для детей 1970-х гг. Дети – солисты и детские коллективы – исполняли песни и танцы. Ведущие – В. Леонтьева, С. Жильцова, Л. Вербицкая и др.

«В передаче “Весёлые нотки” в своё время дебютировали Кристина Орбакайте, Татьяна Овсиенко и другие нынешние звёзды. Сменившая “Нотки” “Утренняя звезда” уже тоже стала историей» (Аргументы и факты. 2008, № 3).

«**ВЕСЁЛЫЕ рассказы**» – книжка со стихотворными подписями к картинкам. Автор – Вильгельм Буш, издавалась в России в переводе (до 1920-х гг.) и пользовалась большой популярностью у детей.

«Видное место в дореволюционном детском чтении занимали стихотворные подписи к картинкам. Из картинок выросли книги, и среди них одна, ставшая в своем роде классической. Это “Веселые рассказы” в стихах немецкого художника-карикатуриста Вильгельма Буша, изданные Маврикием Вольфом в переводе К. Льдова [псевдоним сотрудника издательства Вольфа К.Н. Розенблюма]. ...Наибольшую популярность в России стяжали не безобидные, просто шуточные стихи и карикатуры Буша, а сугубо озорные его герои – “братья-разбойники” Франц и Фриц, Макс и Мориц. И о них смело можно говорить как о персонажах *русской* лит-ры для детей “доброе старое времени”. Неугомонные бушевские мальчишки строят непрерывные каверзы взрослым. Каверзы завершаются возмездием. В одном случае только розги помогают шк. учителю превратить нестерпимых озорников в пай-мальчиков. В другом – крестьянин, поймавший воришек с поличным, перемальвает их на мельнице. Перемолотых озорников не жалеет никто. Наоборот, все радуются их жуткой гибели. Жестокий юмор? Да, жестокий. И несчастный, и “счастливый” концы историй в этом смысле равноценны. В сущности, показана пагубность общества, где дети и взрослые – два враждующих лагеря, где розга – основное средство воспитания, а воспитанные ею дети сами берут ее на вооружение... Переводы книг Буша характерны для периода исканий в советской лит-ре для детей. Кстати, в советских изданиях его стихов (1922, 1923, 1924, 1928 годы и др.) “Веселые рассказы” не воспроизводились полностью. Отбирались лишь некоторые из них...» (Бегак, 1971, 26–28).

См. также: *Макс и Мориц*.

«**ВЕСЁЛЫЕ старты**» – телевизионная передача для детей, в которой показывались спортивные соревнования

и конкурсы. Выходила с 1971 года в 1970-е – 1980-е годы. Выход в эфир возобновлен по каналу «Детский» в 2006 году.

«**ВЕСЁЛЫЙ ветер**» – см.: «*Песня о весёлом ветре*».

«**ВЕСЁЛЫЙ дельфин**» – всесоюзные соревнования по плаванию среди школьников.

О конце 1970-х – начале 1980-х гг.: «...Для ребят... проводятся большие всесоюзные соревнования по... отдам видам спорта. У них красивые, завлекательные названия: “Старты надежд” – спорт. игры..., “Весёлый дельфин” – плавание... и многие другие... Газета “Советский спорт” установила призы для победителей всесоюзных соревнований по плаванию “Весёлый дельфин”. В 1980 году в них участвовали ребята 1967, 1968, 1969 годов рождения» (Кулешов, 1983; 12, 14).

«**ВЕСЁЛЫЙ звонок**» – юмористич. рубрика журнала «*Костёр*». Возникла в 1981 г. и существовала четверть века. Создателем рубрики, её бессменным ведущим и художником был Леонид Давидович Каминский (1931–2005).

ВЕСНУШКИ – «Мелкие коричневые пигментные пятна, встречающиеся обычно у людей со светлой кожей, на лице и руках, особенно заметные весной и летом» (Словарь, 1951–2, 223); «Мелкие жёлто-коричневые пигментные пятна на лице и руках (обычно у людей со светлой кожей), особенно заметные весной и летом» (Словарь, 1991–2, 143); «Рыжеватые пятнышки на коже, особенно заметные весной» (Лопатин, 1997, 46).

О деревенских школьниках-пятиклассниках в начале 1950-х гг.: «Посыпались поручения... Мальчики просили купить... рыболовные крючки... Девочки заказывали... ленты всех цветов... А Тося просила купить какую-нибудь мажорку для веснушек. В пятом классе она впервые обратила на них внимание» (Матвеев, 1954, 29).

«**ВЕСТИ из леса**» – радиопередача для детей 1960-х гг.

О 1960-х гг.: «Если ты услышал знакомые радиопозывные, которыми начинаются твои любимые передачи – “Вести из леса”, “Угадайка”, “Звёздочка”, – тебе, конечно, захотелось послушать» (Левашева, 1970, 6).

«**ВЕТЕР на речке**» – изданное в 1932 году стихотворение З. Александровой (1908–1983).

В 1932 году «книжка-картинка со стихами» «Ветер на речке» вышла двумя изданиями по 300 000 экземпляров каждое. Книжка переиздавалась в 1936, 1949, 1950, 1952, 1954, 1969, 1970, 1971 (совокупный тираж 1969–1971 гг. – более 5 млн. экз.), 1973 гг. [...]

ВЕТРЯНАЯ ОСПА, ветрянки – заразная детская болезнь, вызываемая фильтрующимся вирусом. Обычно ветрянкой болеют дети до 10 лет, после чего остается иммунитет к ней на всю жизнь. (ПЭ, 1964–1, 324)

О девятикласснице и десятикласснике во второй половине 1950-х гг.: «Нора: У тебя хорошая зрительная память, Саша?.. Саша: Что ты у меня такие пустяки спрашиваешь? У тебя под правым глазом шрамик, на левом виске след от ветрянки. На подбородке маленькая родинка» (Гераскина, 1962, 99–100).

О первой половине 1970-х гг.: «В самом начале пятого класса [Ольга] заболела не очень страшной болезнью – ветрянкой. Ее сразу же изолировали от Родьки и Леньки – отправили обратно на дачу» (Иванов, 1978, 46).

ВЕТРЯНКА – см.: *Ветряная оспа*.

ВЕЧЕР встречи – традиционное собрание бывших выпускников школы.

О 1970-х гг.: «Вечер встречи устраивается в один из выходных дней, установленный по традиции. Бывшие ученики..., а также учащиеся выпускных десятых классов, собираются в актовом зале. Со словами приветствия выступают директор школы, учителя, учащиеся. Бывшие ученики школы рассказывают, где они учатся или работают. После торжественной части обычно устраивается концерт художественной самодеятельности. В непринуждённой обстановке преподаватели и выпускники вспоминают дни учёбы» (Денисова, 1978, 65). См. также: *Школьный вечер, Выпускной вечер*.

ВЕЧЕР в школе – см. *Школьный вечер*.

ВЕЧЕР детский – см.: *Детский вечер*.

ВЕЧЕР литературный – см.: *Литературный вечер*.

«**ВЕЧЕРА на хуторе близ Диканьки**» – фильм по повести Н.В. Гоголя.

О Кургане 1997 года: «В 1997 году я посмотрела фильм “Вечера на хуторе близ Диканьки” [по повести] Н.В. Гоголя, в то время он произвел на меня неизгладимое впечатление и до сих пор я стараюсь смотреть его, когда у меня есть возможность» (051).

«**ВЕЧЁРКИ**» – вечерние осенние сборища-игрища сельской молодежи в помещении. Приходили на смену «*сумеркам*».

О 16-летних подростках-юношах и девушках в Зауралье в 1940 году: «Сумерничать и мы, и молодёжь старших возрастов, прекращали под осень, когда гулянье на улице без верхней одежды становилось невозможным: вечера становились холодными. В этот период и появлялись на селе вечерки. По договоренности с хозяйкой собиралась девичья компания в одной из комнат дома и до полуночи, примерно, устраивали игры, пели песни, плясали. С собой из дома девушки брали какую-либо работу: прядение или вязание обычно. Вечерок в селе было столько, сколько было девичьих компаний. Парни с гармоникой, или без, стайками переходили с одной вечерки на другую, общаясь с девушками и друг с другом. Между парнями с разных улиц и краёв нередко случались разборки. До драк дело доходило редко, но шумок бывал. К полуночи все вечерки, обычно, закрывались: девушки ложились спать, парни расходились по домам. Дольше, иногда почти до утра, оставались на вечерках парни-ухажёры. Забавной была традиция пришивать к шапкам парней-ухажёров атласные ленты вместо фабричных завязок. Зимой сорокового довелось поносить голубые ленты на своей шапке и мне. Покупала и пришивала эти ленты девушка, с которой дружил парень. В начале февраля сорок первого около тридцати парней и девчонок моего возраста отправили в “Зарю” (участок бывшей коммуны “Заря” в 8-и километрах от деревни) готовить чурку для газогенераторного трактора... На участке стоял огромный двухэтажный дом... Среди нашей комнаты была печь, по двум сторонам были нары от стены до стены. У всех с собой была привезена какая-никакая постель... Как-то вечером подошла ко мне, улыбаясь, Паша Кузьмовна: “Хочешь скажу, кто с тобой “сидеть” хочет?” “Сидеть” – это дружить. Так говорили в то время. “Не знаю”, – уклончиво ответил я... Паша прижалась к моему уху и завороченно прошептала: “Настя...” ... “Ждите, вечером “перееду” к вам”... Парни, у которых не было девчонок, спали на нарах у другой стены. На девичьей половине, рядом со своими ухажерками, спали всего двое парней... Хочу предупредить потомков от вольного толкования обычаев, традиций времен нашей молодости: “Ничего себе! Только познакомились, и сразу спать рядом!” Да, такое в нашу юность было. Откуда пришло? От дедов и бабок, наверное. Не афишировалось и не поощрялось, но и жестоко предосудительным не считалось. При этом, ночевать в середине двух подружек, на культстане или на сенокосном стане, только это и означало, а не что-нибудь ещё. И понятно, не раздетыми до белья. Поцелуи тоже ничего другого не предвещали: ухажёр целовал милую девушку, она – его. В годы нашей юности отношения “парень – девушка” были по обычаю взаимоважительно. Не поощрялось заливчатство. Парень, допустивший грубость или мат в присутствии “своей” девушки, рисковал быть утратившим свою «спутницу». Парни-ухажёры допускали появиться перед девушкой с запахом спиртного, но не пьяными. Девушку нашей юности ни по какому поводу нельзя было склонить к рюмке. Так, примерно, мы жили до Великой Отечественной. Именно на этом рубеже общественные нравы начали понемногу меняться» (Влогин, 2003; 139–141, 152).

ВЕЧНАЯ ручка – то же что *авторучка*.

О первой половине 1941 года: «...Дядя Наума, корреспондент, приехав из Львова, подарил ему “вечную ручку” с золотым пером. Это было новинкой, мы только

слышали о таких ручках, а сами писали обыкновенными ручками, макая их в чернила» (Кубанева, 1988).

О 1940-х гг.: «2 июня. Ура! Мама подарила мне вечную ручку. Вот теперь я буду писать этой ручкой» (Носов, [1950] 1979–1, 342).

ВЕЧНОЕ перо – то же, что *авторучка*.

О нач. 1960-х гг.: «По двору ползало и ходило... много малышей. Двое из них тянули друг у друга вечное перо и тихо ругались: “Отдай! Тоже мне – авторучки не видел!” “Сам не видел! Я ее чинил!”... Малыш, который только что отобрал у своего соперника авторучку, вызвался в провожатые» (Бейлина, 1966; 13, 14).

«ВЕЧНЫЙ коридор» – игра 1920-х – 1930-х гг. неизвестного содержания.

О г. Москве во вт. пол. 1920-х гг. – нач. 1930-х гг.: «Играли в кошки-мышки, чижика, вечный коридор, круговую веревочку, лапу, казаки-разбойники, горелки – игры, подчас довольно сложные и известные совр. поколению только по названиям да по упоминаниям в классической худ. лит-ре» (Федосюк, 2004, 17).

«ВЕШНИЕ всходы» – «Книга для классного чтения и бесед, устных и письменных упражнений в школе и в семье», составленная Дмитрием Ивановичем Тихомировым (1844–1915). «Вешние всходы» состояли из 4 книг и, будучи впервые выпущены в 1896 году, до 1918 года выдержали 46 переизданий.

«ВЗВЕЙТЕСЬ кострами» – песня пионеров (слова А. Жарова, музыка А. Дешкина).

О 1920-х гг.: «Московские пионеры переделали дорев. солдатскую песню и пели: “Лейся, песнь моя, пионерская, / Буль-буль-буль, баклажечка / Походная моя!..” И “Взвейтесь кострами” Александр Жаров написал на мелодию марша солдат из оперы фр. композитора Ш.-Ф. Гуно “Фауст”» (Биленко, 1975, 157).

Об ист. песни: [...]

Переделку песни, записанную от девочки в 1989 г., см.: Лурье, 1998–2, 457.

«ВЗРЫВ на макаронной фарике» – ироническое название прически.

О девочке 15–17 лет в Катайске в 1965–1967 гг.: «О причёске с начёсом [говорили]: “Мама, поцелуй меня с разбегу”, “Взрыв на макаронной фабрике”, “Я упала с самосвала, тормозила головой”, “Я упала с сеновала”» (134; «по словам моей мамы»).

О девочке 13–14 лет в с. Погорелка Шадринского р-на в 1999–2000 гг.: «Когда собирались на дискотеку перед зеркалом, недовольные причёской, говорили: “Ну и причёска. “Взрыв на макаронной фабрике” называется”. Либо: “Не одна я в поле кувыркалась”» (021).

«ВЗЯТИЕ крепости» – всесоюзная военно-спортивная детская игра середины 1960-х гг.:

Из Постановления Бюро ЦК ВЛКСМ и др. орг-ций от 14 сентября 1967 г.: «Большую популярность у ребят завоевали всесоюзные военно-спортивные игры – “Взятие крепости”, “Зарница”, соревнования на призы газеты “Пионерская правда”, “Золотая шайба” и “Кожаный мяч”» (НО, 1974, 309).

«ВЗЯТИЕ снежного городка» – игра.

О XIX веке: «Необходимо коротко остановиться на игре “взятие снежного городка”. В наст. время она хорошо описана и изучена. “В Пензенской и Симбирской губерниях, в субботу на масленице, крестьянские ребята строят на реке из снега род городка с башнями и двумя воротами, между коими находится прорубь. Игра начинается так: ребята разделяются на две партии – на конницу, кот. осаждает городок, и на пехоту, которая защищает его. Устраиваясь в боевом порядке, конные, по данному знаку, пускаются во всю прыть на взятие городка, где пешие, вооруженные помелами и метлами, стараются маханием испугать лошадей, чтобы не допустить к городку. Но нек. из конных, невзирая на сопротивление, прорываются сквозь пехоту и на всем скаку въезжают в ворота снежной крепости, что и значит взять городок. Победителя купают в проруби”. Следует всеобщее взаимное угощение всех играющих, и этим заканчивается масленица (Снегирев И.М. Русские престолярные праздники и суеверные обряды. Вып. II. – М., 1837–1839 – С. 132–133). А.А. Макаренко дает

описание, по которому видно, что всадники перескакивают стену по одиночке. Одиночный всадник изображен также на картине В.И. Сурикова “Взятие снежного городка” (1891). По этой картине видно, с каким азартом к игре относились как играющие, так и зрители» (Пропп, [1963] 2000, 147).

«ВИДАЛ мидал?» – у мальчиков: фраза, выражающая чувство превосходства или угрозу.

О приходском училище в начале 1900-х гг.: «В первую же перемену нас, новичков, решили “обезжечь”. Долговязый прыщавый мальчишка... вскочил на спину Глеба. Но я подошел к нему и сказал: “Слезь!” Он слез и, помахав перед моим носом кулаком, спросил: “Видал мидал?” “Всыпь ему хорошенько!” – ...посоветовал... толстый мальчик, явно подлизываясь к долговязому» (Четвериков, [1927] 1981–1, 43).

Об Украине в нач. 1917 г.: «Котя... снял [ранец] со спины, щёлкнул никелированным замком и бережно выложил на скамейку новенькие... тоненькие книжки. Как игральные карты, он разложил ещё совсем чистые, без клякс, белоснежные хрустящие тетрадки в линейку, и в арифметическую клетку... “Видал мидал?” – сказал Котя, как факир двумя пальцами вытаскивая из каждой тетрадки розовую промокашку» (Ямпольский, 1964, 309).

О 1918–1920 гг.: “[Беспризорник] хихикнул, потом засмеялся... “А что, – помолчав, с расстановкой спросил он, – отобрать деньги захотел? – и вытащил из кармана скомканные бумажки: – Видал-мидал? Получишь их, – подмигнул он своей компании, – после дождика в четверг...”» (Конторович, [1963] 1981, 94).

ВИДЕОИГРЫ – совокупное название для игр на «денди» и компьютерных игр.

О конце XX – начале XXI вв.: «На видеоиграх уже практически выросло поколение, которое привыкло к тому, что у особи бывает в среднем от трех до девяти жизней. Развитая интуиция, быстрота реакции, точность глаза и ловкость пальцев добавляют тебе ещё жизней, так что терять их – не трагедия. Что это, если не философия?» (Метелица, 2007–1).

ВИДЕОМАГНИТОФОН – «Аппарат для записи на магнитную ленту и последующего воспроизведения сигналов телевизионного изображения и звукового сопровождения» (СИ, 1994, 124).

Просмотр на видеомагнитофоне кассет эротического содержания как средство половой социализации.

Об учениках 8–9 классов в 1994 г.: «Позже появились видеомагнитофоны. Одноклассники брали у родителей кассеты с эротикой. Собирались у кого-нибудь дома и смотрели их. Когда показывали интимные сцены, все смеялись или прикалывались» (572).

ВИЗГ – «Пронизительный крик или резкий, высокий звук (о звуках, издаваемых животными или человеком)» (Словарь, 1951–2, 366). См.: *Визжать*.

ВИЗЖАТЬ – «Издавать визг, визгливо кричать» (Словарь, 1951–2, 367). См.: *Визг*.

Об учениках 5 класса во вт. пол. 1930-х гг.: «Звонок уже был, но в классе еще не угомонились – от крика и возни парты ходуном ходили. Ребята всем своим видом давали понять, что им дела нет до новичка. На него будто и внимания не обратили. Но всем хотелось показать себя новенькому с лучшей стороны. Поэтому девочки бегали вокруг парт, старательно визжа. А мальчики, схватившись у доски, тузили друг друга с преувеличенным рвением. Упрямый новичок должен был видеть, что попал в класс отчаянный... И девочки очень обидно визжали от хохота. А Плинтус затыкал уши пальцами и жмурился» (Кассиль, 1987–2; 8, 29).

«ВИННИ-ПУХ» – краткое (разговорное) обозначение книги «Винни-Пух и Все-все-все» (автор оригинала – Александр Алан Милн; русскому читателю текст известен в пересказе Б. Заходера), а также серии мультфильмов: «Винни-Пух» (1969), Винни-Пух идёт в гости (1971) и «Винни-Пух и день забот» (1972) (режиссер Фёдор Хитрук).

О первой половине 1990-х гг.: «Мне нравился мультфильм “Винни-Пух”. Особенно его слова, что кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, и всё в этой серии. В этом

мультике были смешно изображены актёры: Винни-Пух, Заяц, Пятачок, Сова, Осёл. Винни-Пух был прикольный. У него были маленькие лапки, а сам он был толстый. Особенно мне понравилось, когда Пятачок стрелял в шарик, а попал в Винни-Пуха. В общем, хороший мультфильм» (170).

О д. Погадайское Шадринского р-на в 1993–1996 гг.: «Когда мне было 5–8 лет, меня увлекали такие мультфильмы как “Ну, погоди”, “Карлсон”, “Винни-Пух”. Все эти мультфильмы не содержали в себе какой-то жестокости, как в нынешних мультфильмах. Данные мультфильмы учили меня добру, как правильно повести себя в той или иной ситуации, как кого-либо можно обхитрить» (043).

О пос. Каргаполье в 1995 г.: «Когда мне было 6 лет, мои родители стали выписывать журнал “Миша”... Также ярким воспоминанием из моего детства был мультфильм “Приключения Винни-Пуха”. Этот мультфильм я смотрела очень много раз. Когда мы с мамой приходили из садика, я сразу садилась на диван, и мама мне включала “Винни-Пуха”. Особенно мне нравился главный герой этого мультфильма – Винни-Пух. Он был такой смешной и забавный, что когда я его видела, я непроизвольно смеялась. Я хорошо запомнила его смешные песенки, которые он пел в течение всего мультфильма. Например: “Куда идем мы с Пятачком – большой, большой секрет! И не расскажем мы о нем, о нет, и нет, и нет!” И даже сейчас, когда мне 17 лет, я с удовольствием смотрю этот мультфильм со своим маленьким племянником».

«На мой день рождения в 1996 году мне подарили книгу про Винни-Пуха. Я с удовольствием её прочитала. Эту книгу подарили не только мне, но и моей подружке. Мы обсуждали героев книги, моменты, которые нам понравились. Моим любимым героем был Тигра. Мне он нравился, потому что был очень весёлым, находчивым, никогда не унывал. Он ни минуты не сидел на месте, всегда двигался и веселил других» (121).

Винни-Пух и Пятачок стали персонажами детских анекдотов.

О селе Уксянском в 1980-е гг.: «Итак, всё, что только запрещалось “цензурой”, учителями, родителями, разрешалось и с удовольствием исполнялось и придумывалось в компаниях. Говорили в школе о доброте и братской любви – сочинялись в противовес жестокие стишки и анекдоты... [1.] Идёт Пятачок. Навстречу ему Винни-Пух с лопатой. Пятачок спрашивает: “Куда ходил?” Винни-Пух с грустью: “И-А хоронил”. “А чё лопата в крови?” “Так он не хотел”... [2.] Идут Пятачок с Винни-Пухом. Идут, идут, молчат, молчат. Вдруг Винни-Пух разворачивается: бабах по морде Пятачку. Пятачок: “Винни, за что?” Винни-Пух: “Идёшь, всякую чепуху про меня думаешь” Вот такие анекдотики» (599).

«**ВИСЕЛИЦА**» – игра; возможно, графическая игра, с отгадыванием букв в загаданном слове и рисованием элементов виселицы и «частей» висящего на ней человека (отгадчика) за каждую неправильно отгаданную букву.

О 1929–1930 гг.: «Каким-то образом нам троим удалось унездиться на задней парте (тогда её еще называли, следуя гимназической традиции, Камчаткой), и теперь школьные занятия проходили мимо нас. Вместо того чтобы слушать урок, мы играли в “виселицу”, в “фантики”, обменивались “старинными” открытками. А так как в классе было около сорока человек, то уследить за нами Валентине Андреевне было очень трудно, и мы развлекались, как хотели» (Лупанова, 2007, 42).

Об учениках 4–6 классов в Шадринске в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «На уроках, которые нам были неинтересны, мы с девочками любили играть в “морской бой” или в “виселицу”. Например, я загадываю любой предмет, который находится в кабинете, и считаю, сколько в нём букв. Затем на тетрадном листе (в конце тетради) рисовала столько же квадратиков и показывала своей соседке по парте. Она должна была назвать любую букву, и, если в слове есть она, то я вписывала её в

нужный квадратик. В том случае, если она назовёт букву неверно, я начинала рисовать виселицу» (571).

«**ВИТЬКА-ТИТЬКА...**» – закрепленное в фольклоре 1930-х – 1960-х гг. обыгрывание имени Витя (Виктор).

О 1933–1934 гг. в Сибири: «Я вознамерился хватануть щепотку капусты из кадки, да увидел меня Санька, поманил к себе. Он находился не среди ребятни... Колотит Санька пестиком так, что ступа колоколом звенит на весь дом... “Витька-титька – королёк, / Съел у бабушки пирог! / Бабушка ругается, / Витька отпирается!” – подыгрывая себе пестиком, грянул Санька» (Асафьев, 1989–1, 140).

О середине 1960-х гг.: «Бугров подумал, подумал и сказал: “Тебе сколько лет, пацан?” “Тринадцать скоро”. “А зовут тебя как?” “Геха”. “А тебя как, рыжий?” – обратился он к Вите. “При чём тут рыжий? – солидно ответил тот. – Если на то пошло, так ты рыжей меня даже. А звать Виктор”. “Виктор, – засмеялся чему-то Женька. – Витька, значит? Витька, титька, колбаса, / Кислая капуста, / Съел селедку без хвоста / И сказал, что вкусно”. Мальчики переглянулись. Вот это да! Он, оказывается, дурак, даром, что ему восемнадцать лет. Вспомнил прибаутку, которую они и то давно забыли» (Кузьмин, 1966, 25).

Записано в 1998 г. в поселке Тикша Муезерского района («Так дразнили брата»): «Витька-титька, девять лет, / А у Витьки титек нет. / Витька плачет и ревет, / Мамка титьку не даёт» (Лойтер, 2005, 198).

Ср.: «Ленка-пенка»; «Катя, Катя, Катерина...».

«**ВИТЯ Малеев в школе и дома**» – повесть Николая Носова, написанная и изданная в 1952 году. Пользовалась большой популярностью у детей. Только в 1952–1953 гг. повесть издавалась не менее семи раз общим тиражом более 1,2 млн. экз. С 1957 по 1986 гг. издавалась не менее десяти раз общим тиражом более 2 млн. экз. Издания продолжались и в 1990-е годы небольшими (10–20 тысяч) тиражами. По повести был снят фильм «Два друга».

«Когда появились повести Н. Носова “Витя Малеев в школе и дома” и “Весёлая семейка”, успех их был потрясающим именно в силу того, что в героях этих книг ребята увидели отражение собственной человеческой сущности. Витя Малеев не был ни “конченным”, ни “любимчиком”. Он был обыкновенным, весьма средним учеником. Но его не шпыняли тем, что он “средний”. В нём разглядели доброе сердце и искреннее желание быть лучше. Хотя в этом стремлении он нередко терпел неудачу и становился смешным. Но, смеясь над Витей Малеевым, читатель любил его» (Мотяшов, 1983, 92).

О 1950-х гг.: «Повесть В. Осеевой “Васёк Трубочёв и его товарищи” и повесть Н. Носова “Витя Малеев в школе и дома” много читаются учащимися V классов и принадлежат к числу книг, любимых пятиклассниками» (Гердзей-Капица, 1961, 111).

О 1950-х – 1960-х гг.: «Много создано в советской литературе для детей интересных и ярких героев. У советских ребят из добрых друзей одно из первых мест... занимает честный, прямой, смелый вояка Тимур. Горячо любят они и отважного партизана Володю Дубинина, порывистого Васька Трубочева, своего верного школьного друга милого и непосредственного Витю Малеева... и многих других героев-сверстников» (Николаев, 1965, 150).

О 1970-х гг.: «[Книга Н. Носова “Витя Малеев в школе и дома”] мне очень понравилась, и иногда вечерами я её читаю второй и третий раз, а потом снова перечитываю... И каждый раз узнаешь что-то новое для себя» (Д[евичка]. 5 кл., г. Саранск)» (Малахова, 1982, 40).

ВИЦИН, Никулин, Моргунов.

После фильмов «Пес Барбос и необычный кросс» (1961), «Самогонщики», «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» (1965), «Кавказская пленница» (1966) актёры Г. Вичин, Ю. Никулин и Моргунов стали персонажами русской смеховой культуры 1960-х – 1980-х гг., в том числе и детской смеховой субкультуры. В фильмах их персонажи обозначались как Бывалый (Евгений Моргунов), Балбес (Юрий Никулин) и Трус (Георгий Вичин), однако в массовое сознание они вошли

именно как «троица» «Вицин-Никулин-Моргунов». Стали они и персонажами детских анекдотов. Например: «Идут Вицин, Никулин, Моргунов, навстречу – бандиты. Моргунов (угрожающе): “Сейчас здесь будет море крови”. Никулин (в тон ему): “...И груды костей”. Вицин (убегая): “Я за солью побежал, я за солью побежал...”» (1970-е гг., по воспоминаниям автора словаря).

ВКЛАДЫШИ – листки, карточки, вкладывавшиеся в жевательные резинки; в 1990-е – 2000-е годы являлись предметом собирательства, обмена и выигрыша у детей.

О вт. пол. 1980-х гг.: «Когда я была маленькой, было модно собирать вкладыши от жвачки. Девочки и мальчики обменивались ими, пересчитывали и всячески наслаждались обладанием. Мне же все это было до лампочки. У меня было две страсти: читать книжки и ходить в библиотеку... Бытовало мнение, что я очень хочу иметь сотню-другую вкладышей, просто мне изначально не повезло. А сейчас уже поздно начинать – даже если я ограблю кооперативный киоск, мне никогда не догнать остальных олигархов-вкладышевладельцев. Поэтому с горя я и читаю “Республику ШКИД”. Я пыталась объяснить: “Мне это неинтересно, понимаете?” Все лишь смеялись. Девочки раскладывали передо мной свои сокровища и вопрошали: “Ты ведь хочешь?” Я пожмала плечами. “Хочет”, – хихикали девочки. Одноклассник, написав записку “Наташа давай дружить”, вложил в неё обертку от жевательной резинки “Турбо” – это приравнилось к кольцу с бриллиантом. Предполагалось, что я не смогу устоять. Даже тётя привезла мне целую стопку вкладышей – остались от повзрослевшего сына: “В твоём возрасте их очень любят, я знаю”. Я сдалась. Я приняла тетин дар, решила стать такой, как все. Но на душе почему-то было паршиво, и через неделю я буквально пустила свое имущество по ветру» (Радулова, 2006, 62).

О перв. пол. 1990-х гг.: «Уже в школьные годы (1–5 классы) на переменах помимо подвижных игр нас занимала и несколько другая забава. Это время можно назвать настоящим бумом жевательных резинок. Насколько я помню, нас больше интересовала не сама эта “сладость”, а скорее то, что прилагалось к ней. Это различные фантики и наклейки, которые собирали почти все в нашем классе. Наиболее “популярные” были вкладыши жевательных резинок “Love is...”, где были определения любви, например, “Любовь это... отдать ей всё до последней капли крови”, “Любовь это... когда говоришь ему, что он самый красивый мужчина на пляже”, “Любовь это... когда делаешь покупки до тех пор, что он падает под их тяжестью”. Кроме этого были и вкладыши-наклейки с изображением Барби и её семейства, а так же актёров популярного в то время сериала “Элен и ребята”. Так как при покупке этих жевательных резинок вкладыши иногда повторялись, то мы часто менялись друг с другом. При этом “товарообмен” производился следующим образом: если обменивались “популярными” наклейками, то за одну такую отдавали пять простых фантиков, а если меняли на аналогичную, то соотношение было 1:1» (559).

О середине 1990-х гг.: «Болезнь вкладышей началась примерно в 1994 г., когда я училась в 4 классе. Стали появляться жвачки с вкладышами внутри, и все начали их собирать. В основном, собирание распространилось на жвачки с вкладышами “Love is...” Иногда мы играли с ними. Обычно собиралось несколько девочек, и начиналась игра. Каждая должна была положить по одному вкладышу. Они клали друг на друга рубашкой вверх (картинкой вниз). Затем происходил счет, кто будет ударять первым. После этого девочка должна была вытянуть руку со слегка согнутой ладонью над вкладышами и хлопнуть по ним, чтобы перевернуть вкладыши картинкой вверх. Если у нее получалось это сделать, то она забирала себе перевернувшиеся фантики. Если еще остались нераскрытые вкладыши, то следующий игрок продолжает хлопать. Так продолжается, пока все вкладыши не будут перевернуты» (017).

О вт. пол. 1990-х гг.: «В 1996 г., когда мне было 10 лет, я училась в третьем классе лицея №1 г. Шадринска. В перерывах между уроками мы (я и мои друзья-

одногодки) играли во “вкладыши”. Поначалу эта игра считалась только мальчишеской, но со временем в неё втянулись и девочки. Для того чтобы принять в ней участие, необходимо было иметь “начальный капитал”, а именно: так называемые вкладыши из жевательных резинок “Turbo” или “Love is...”, которые представляли собой маленькие (примерно 5 x 7 см) бумажки с изображением спортивных автомобилей (“Turbo”) или мультяшной семейной парочки (“Love is...”). На вкладышах “Love is...” под картинкой, изображающей, например, как влюбленные молодожены вместе делают уборку, продолжение надписи “Love is...” – “... это когда все заботы делите пополам”. Такие фантики очень нас забавляли. У каждого вкладыша был серийный номер, и появление в личной коллекции второго вкладыша с таким номером было нежелательным. Когда, наконец, накапливалось минимальное (примерно 10 штук) количество вкладышей, можно было приступать к игре. А выглядело это приблизительно следующим образом: вокруг скамейки в коридоре, где сидели два игрока, собирались 6–7 человек (мальчики и девочки), выполнявших роль зрителей. Обычно на кон ставили по одному вкладышу, которые клались на середину скамьи, и по ним начинали ладонью ударять участники. У кого оба вкладыша переворачивались на другую сторону, тот забирал их себе. Если переворачивался один вкладыш или ни одного, наступала очередь второго игрока. Так продолжалось до тех пор, пока участникам не надоело терять или приобретать вкладыши. Цель игры: пополнение личной коллекции вкладышей. Мы продолжали в неё играть примерно до 1998 года (до 5 класса). Сейчас, в середине 2000-х гг., как мне кажется, дети уже не играют в эту игру» (020).

О 1997 году: «Когда мне было 11 лет (1997), мы с моей подругой Наташей собирали вкладыши от жевательных резинок “Love is...”, причем у каждой должно было быть по 2 одинаковых вкладыша: один вклеивался по номерам в специальную тетрадочку, мы составляли истории (каждая свою, потом читали друг другу). Помню, даже был такой конкурс (передавали по TV) на лучшую историю. Я отправила свою историю по указанному адресу, но даже ответа не получила. Вторые экземпляры хранились в коробочке. Когда я собрала 256 вкладышей, я поменяла их на куклу Барби той же Наташе. Через полгода Наташа взяла у меня куклу поиграть и не вернула» (021).

О Шадринске в 1999 г.: «Я хотел бы описать игры, характерные для нас с класса восьмого. У нас было распространено играть в школе на кэпсы – фишки... До игры на кэпсы была распространена игра на вкладыши – бумажные картинки, которые встречаются под упаковкой жевательной резинки... После жеребьевки кладут вкладыши в одну стопку картинками вниз, затем первый по очереди игрок ударяет ладонью сверху по ним. Ладонь ударившая по стопе резко поднимается, и смотрят, какие из вкладышей перевернулись: все вкладыши картинками вверх являются выигрышами. В этой игре существовали определенные формы обмана, к примеру: перед ударом многие игроки дышали на руку или вообще облизывали ладонь, благодаря чему можно было достичь лучшего сцепления руки с верхним вкладышем, и тем самым было проще его перевернуть» (444).

«**ВЛАДИМИР Ильич Ленин**» – 2. Поэма В.В. Маяковского.

В 1950-е – 1980-е гг. изучалась в 7–10 кл. школы.

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистич. Союз Молодёжи. См.: *Комсомол*.

ВЛЮБЛЁННОСТЬ – сильное любовное влечение.

О девочке 8–10 лет в с. Ольховке Шадринского р-на в середине 1990-х гг.: «Чувства моей влюбленности проявлялись ко многим друзьям моего брата. Иногда они были взаимны. Чувства проявлялись в игровых формах: например, игра: “Заяц, заяц, сколько время?”, где тот же мальчишка, который признавался мне, доходил быстрее всех до меня... Ещё одна игра – “Ручеёк”, где участники становятся парами, держась за руки и поднимая их вверх, образуя коридор... Оставшийся без пары проходит сначала и также выбирает себе пару. Тем ребятам,

которым нравились определенные девочки – выбирали всегда только их, бывало так, что одни никому не нравились и стояли подолгу» (009).

Влюблённость девочки в девочку – см.: *Обожание*.

О 1980-х гг. в балетной школе: «А через неделю Иришка влюбилась. Её звали Лиза, и она училась в выпускном классе. Она была недосыгаема и прекрасна. Иришка встречала её по утрам в раздевалке, когда переодевалась к занятиям. Лиза почему-то всегда опаздывала, и Иришка, переодевшись, стояла тайком за ветвистым фикусом в коридоре, напротив раздевалки старших девочек, пока, наконец, оттуда не выскакивала Лиза, в последнюю минуту затягивая поясик на талии... Ей часть представлялось, как Лиза заговорит с ней, а она скажет что-то умное ей в ответ, и Лиза увидит, что она вовсе не маленькая, что с ней можно даже дружить...» (Евгеньева, 1990; 195, 196).

Влюблённость девочки в мальчика, юношу.

О 1911 году: «Ей было двенадцать лет, когда на детском вечере во время рождественских каникул ее пригласил на вальс молодой студент. Через несколько дней он приехал с визитом к родителям. Когда он вошел в гостиную, ей это было как солнце во тьме, незнакомое до тех пор счастье – сознания не было, один всепоглощающий свет. Студент о чем-то снисходительно спросил ее, краснеющую, смущенную, она что-то робко отвечала. Он уехал в Петербург в Университет... Он смотрит невидящими глазами на дома, на прохожих, на неё, прижавшуюся к стене дома, уронившую сумку с книжками, только бы самой не упасть... У Ляли медленно кружится голова, но лёгкую девочку поддерживает стена дома, она быстро поднимает книги, оглядывается: никто ничего не заметил...» (Пришвина, 2003).

О середине 1950-х гг.: «...В седьмом, точно, в седьмом классе началось, мы ведь в одном районе жили и учились почти рядом, через пять улиц, он в шестьдесят пятой, а я в пятьдесят седьмой. Нас на уроки физкультуры водили, когда уже потеплеет, весной, в сад Прямикова, – такой есть маленький парк на Таганке, – ну вот, мы приходим один раз, а там шестьдесят пятая, в волейбол играют, через сетку. Все уже в майках, в трусах, хотя еще прохладно было, начало мая... И вот там я впервые его вижу... Он бегаёт, смеется, мяч подаёт, – чем-то выделяется, не такой, как все, лёгкий мальчишка, часы на руке, а часы тогда ещё в редкость, – ну, как в таком возрасте: часы, – и ты уже влюблена. Но тут не в часах было дело... Я будто окаменела. А он мне подмигнул: мол, смотри, я их сейчас сделаю. И правда, вильнул, обманул и помчался опять впереди всех по площадке. А со мной обморок клянусь, удар, сроду такого не случалось. Лорка, моя подруга, мы на одной парте сидели, поддерживала, спасибо, а то я бы грохнулась: “Аля, ты что?” И ведь мы ещё девчонки совсем, по четырнадцать лет» (Роцин, 2002, 77–78). [...]

Влюблённость школьников в учителей.

О середине 1960-х гг.: «...К нам в школу прислали нового завуча по английскому обучению – переведённого из Тбилиси офицера госбезопасности весьма спортивного вида... Девчонки класса “А” сразу влюбились в него – все до единой, – они ходили за ним табуном, доводя этим и телефонными звонками до каления его жену...» (Клех, 2003).

О г. Свердловске в нач. 1980-х гг.: «Помню в 7–8 классе к нам в школу пришел новый историк с женой. Они только что закончили институт, интеллигентные, красивые и модные. Наш историк разговаривал с учениками на “вы”, это было впервые за годы нашей учебы в школе. Девчонки нашего класса поголовно в него влюбились. На уроках мы задавали ему разные глупейшие вопросы по теме и не по теме. Он всегда, смущаясь, отвечал. Мы его ужасно любили, улыбались, прихорашивались к урокам истории и т. п. Наша любовь к учителю истории длилась пять месяцев, потом он переехал в другой город с женой, а мы как будто что-то потеряли. Теперь уже некому было улыбаться, не перед кем выставить себя. А все наши мальчишки влюбились в его жену, она вела у нас географию пять месяцев. До

сих пор вижу этого учителя, Александра Сергеевича, перед глазами – моего первого учителя, в которого была влюблена» (478).

Влюблённость девочки в женщину.

О вт. пол. 1920-х гг.: «А вот настоящая “первая любовь” пришла осенью, когда мама отдала меня в вечернюю группу дет. сада, организованную специально для детей “работников просвещения”, работавших в те времена по четырнадцать часов в сутки. Вот тут-то я и влюбилась... в нашу молодую воспитательницу тетю Шуру! Сейчас я совершенно не помню ни её внешности, ни особенностей поведения, но помню ощущение безграничной радости от её близости, ощущение счастья от мысли об очередной встрече. Думаю, что она обладала недюжинными пед. способностями: не я одна – вся группа смотрела ей в рот и была готова на любые подвиги ради ее похвалы и одобрения. Даже самые озорные мальчишки (а их в группе была добрая половина) сидели, как мыши, когда тетя Шура начинала рассказывать какую-то занимательную историю или просто читать нам книжку. А с каким усердием все постыли над заданными рисунками, с каким удовольствием мастерили незамысловатые игрушки! Вечернее время не позволяло вывести нас “на природу”, но тетя Шура не жалела использовать для этой цели свои выходные дни, выводя нас в ближайший лесок. Эти дни я особенно любила... И когда однажды такой день совпал с моим днем рождения, на который должны были прийти гости, я устроила настоящий бунт на корабле: счастье общения с тетей Шурой было куда дороже всех подарков и всех визитеров. Помню, в тот вечер мама шутя (“но в каждой шутке...”) спросила меня, кого я люблю больше – её или тетю Шуру? Я “выбрала” маму, но быть в этот момент мне все-таки больше всего хотелось с тетей Шурой» (Лупанова, 2007, 15–16).

См. также: *Обожание*.

Влюблённость мальчика в девочку.

О 1937 году в пионерлагере: «Лагерные будни, спорт, соревнования и подготовка к худ. самодеят-сти, близкий лес, куда мы ходили всем отрядом за ягодами, собирать гербарий лесных цветов и трав... дежурства на кухне..., складывающиеся новые знакомства и дружбы, обязательные влюбленности в девочек, тщательно скрываемые от окружающих и от самих девочек, вызвавших к себе такие чувства, – всё это и многое, многое другое, из чего складывались лагерные дни, заслаивало события, происходившие за границами лагеря...» (Гончаров, 1991, 96). [...]

Влюбленность мальчика-подростка в мужчину.

О начале 1950-х гг.: «[18–20-летний] Михаил владел всеми слесарными инструментами, умел паять, лудить, сделал маленький точильный станок и острил всей улице ножи... Михаил любил увечных животных. К здоровым он относился спокойно, без особых эмоций, но стоило ему увидеть волочащую лапу собаку или кошку, как он брал их под свою опеку. Во дворе у него мирно уживались, помимо собак и кошек, ворона с перебитым крылом и скворец с пораненным клювом... По натуре Михаил был довольно резким, взрывным, иногда же, того более, переходил невидимую грань и в него словно бес вселялся. Посылал всех подальше, начинал бужить, нарочно нарывался на скандал, причем будучи абсолютно трезвым – вина он не пил. К моей откровенной радости он сблизился со мной. Просил помочь в ремонте, поддержать напильник, молоток, паяльник, объяснял устройство английских замков. Что уж он находил во мне, не знаю, но дружба наша завязывалась крепко, и даже Жердей с Боцманом стали отходить на задний план. Постепенно я начинал испытывать чувство влюбленности – нечто более высокое, нежели мальчишеское поклонение. Я подражал Михаилу во всем, его слово значило для меня столько же, сколько материнское, а может, и больше. Он мог повелевать мной, как преданнейшим слугой, чем, к его чести, не злоупотреблял. Когда мы по каким-либо причинам не виделись день или два, мной овладевала тоска и почему-то хотелось плакать. А отъезд Михаила на месяц в родное село вызвал настоящую болезнь. Меня

рвало, я ничего не ел, исхудал, мать решила – отравился стручками акации, которые мы поедали в огромных количествах и из которых делали свистульки. Но я-то знал – стручки здесь ни при чем. Теперь понимаю: такую влюбленность в мужчину должен пережить каждый подросток, не обделенный чувствами. И никакая любовь к женщине не заменит ее. Это совершенно особое состояние души, ни с чем не сравнимые переживания. И хотя, наверное, всякая влюбленность оканчивается разочарованием, испытать ее должен каждый, иначе что-то недополучит от жизни» (Гай, 1987, 92–94).

«**ВМЕСТЕ весело шагать**» – песня на музыку В. Шаинского и слова М. Матусовского.

Стихийная популярность песни у детей в 1970-е – 1980-е годы подкреплялась и деятельностью взрослых: песню разучивали с детьми в пионерских лагерях, пели в хорах муз. и общеобразовательных школ, она постоянно передавалась по радио.

Слова песни: «[Припев:] Вместе весело шагать / По просторам, по просторам, по просторам! / И, конечно, припевать лучше хором, / Лучше хором, лучше хором. [1.] Спой-ка с нами, перепёлка-перепёлочка! / Раз иголка, два иголка – будет ёлочка! Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка! / Раз словечко, два словечко – будет песенка! [Припев] [2.] В небесах зари полоска заполочется. / Раз березка, два березка – будет рощица! / Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка! / Раз словечко, два словечко – будет песенка! [Припев] [3]. Нам счастливую тропинку выбрать надобно. / Раз дождинка, два дождинка – будет радуга! / Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка! / Раз словечко, два словечко – будет песенка! [Припев]» (Цит. по: ПП, 1980, 82–84).

О девочке 7 лет в г. Когальме Тюменской обл. в 1995 г.: «Песню “Вместе весело шагать по просторам...” учили в школе на уроке музыки в первом классе» (134).

О 10-летней девочке в Шадринске в 1997 году: «Каждое утро по радио, после долгой речи ведущего (я даже не помню о чём) играла громко песня “Вместе весело шагать”» (135).

Переделки песни, записанные в 1989 и 1994 гг., см.: Лурье, 1998–2, 486–487.

ВНЕКЛАССНАЯ работа – учебно-воспитательная работа школы с учащимися в свободное от уроков время.

«Название внеклассной получила многообразная образовательно-воспитательная работа с учащимися, проводимая самой школой помимо основных, учебных, занятий» (ВВВР, 1955, 8).

«Под внеклассной работой понимаются просветительные и восп. мероприятия для учащихся, проводимые в школе вне учеб. плана, во внеурочное время... Внеклассная работа проводится в школах в двух формах: через кружки и путем массовых мероприятий. Кружки организуются для учащихся, начиная с 3 класса... Массовая внекл. работа – это шк. праздники и вечера, спектакли, концерты, выставки, экскурсии, встречи учащихся с писателями, учеными и с передовиками пром-сти и с. х-ва, шк. лектории и т. п. (Медынский, 1955; 103, 104).

О 1970-х г.: «В каждой шк. составляется план восп. работы на учеб. год. Важную часть этого плана составляет орг-ция внеклассной работы со школьниками... За выполнение плана отвечает организатор внекл. и внешк. работы. Каждый школьник после уроков может найти себе в школе занятие по интересам. Он может записаться в любой шк. кружок, принять акт. участие в работе шк. музея или стать членом шк. клуба (например, клуба интернац. дружбы или клуба любителей поэзии). Он может участвовать в шк. олимпиаде по какому-либо учеб. предмету. Все школьники имеют возможность заниматься каким-н. видом спорта в одной из спорт. секций и т. д. Почти все мероприятия в школе проводятся коллективно – в группах октябрят, в пионерских отрядах, в комсом. группах ст. классов. Интересные и нужные дела намечают и осуществляют сами школьники при участии и помощи учителей. Октябрятам читают книги о В.И. Ленине, о пионерах, вожатые октябрят разучивают с ними стихи и песни, помогают делать игрушки на ёлку, подарки для мам ко Дню 8 марта.

Популярен во мн. школах праздник первоклассников “Прощание с букварём”. Часто устраиваются утренники. Для пионеров важным событием является пионер. сбор. Пионеры – акт. участники шк. творч. коллективов: пионер. театра, хора, изостудии и т. п. Они выступают с концертами худ. самодеят-сти на утренниках и шк. вечерах. В актовом зале школы и в пионер. комнате устраиваются выставки дет. творчества. Проводятся соревнования по пионерскому четырёхборью. Интересны и многообразны формы внекл. работы со старшеклассниками. После уроков в школе они проводят комсом. собрания, устраивают диспуты на волнующие их темы, читательские конференции, вечера отдыха, спорт. соревнования и т.д. Старшеклассники часто приглашают в гости в школу передовиков произв-ва, деятелей науки и культуры...» (Денисова, 1978, 68–70).

См. также: *Клуб интернациональной дружбы, Школьный музей, Школьный вечер, Утренник, Внешкольная работа.*

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ – школьный предмет

О 2000-х гг.: «В школах, например, нет сейчас такого предмета, как внеклассное чтение. Есть предмет “литература”, есть пр-ия, которые нужно изучить, но нет живого обсуждения “непрограммных” книг, рекомендаций. Списков по внекл. чтению, которые раньше, например, всем обязательно давались на лето. Внеклассное чтение как путь формирования личности обязательно нужно в школу вернуть» (Литвинец, 2006, 2).

ВНЕШКОЛЬНАЯ работа – учебно-воспитательная работа с детьми во внешкольных учреждениях.

«Название внешкольной приобрела работа с детьми, проводимая всевозможными специально для этого созданными внешк. учреждениями» (ВВВР, 1955, 8).

«Под внешкольной работой разумеется работа спец. учреждений, которые вместе со школой и в дополнение к ней развивают и удовлетворяют разнообразные интересы детей и разумно организуют досуг учащихся» (Медынский, 1955, 103).

О 1970-х гг.: «Внешкольная работа является составной частью учеб.-восп. работы с учащимися школ. В каждой школе есть организатор внеклассной и внешк. работы, который координирует планы внекл. работы школы и внешк. работы различных дет. учреждений. Он информирует школьников о всех мероприятиях, которые проводятся в район. внешк. учреждениях, помогает им определить свои интересы. Внешк. работа проводится по тем же направлениям, что и внеклассная, но более разнообразна по формам... Внешк. работа ведётся так, чтобы каждый школьник мог заняться любимым делом и полностью раскрыть свои способности в определённой области. Школьники, которые проявляют интерес и способности к чему-либо, записываются в соответствующие кружки Дома (Дворца) пионеров, занимаются на станции юных техников и в др. учреждениях. Они могут стать членами тематич. клуба (например, клуба интернац. дружбы или клуба юных авиамоделистов). Творч. способности детей развивают ансамбли песни и пляски..., дет. оркестры, кружки худ. слова, изостудии и другие творч. объединения. Школьники организуют отряды красных следопытов... Ребята объединяются в спорт. и туристич. клубы, занимаются в спорт. секциях, участвуют в военно-патриотич. игре “Зарница”, в междунар. соревнованиях по пионерскому четырёхборью и лыжных кроссах на приз газеты “Пионерская правда”. Популярны среди школьников общесоюзные соревнования “Кожаный мяч” и “Золотая шайба”. Внешк. работа предусматривает участие школьников в олимпиадах, смотрах-конкурсах, праздниках, выставках дет. творчества и др. массовых мероприятиях. Внешк. работа с детьми организуется и по месту их жительства. Рабочие, колхозники, работники науки и искусства добровольно, на обществ. началах (то есть не получая платы за свой труд) руководят различными кружками, спорт. секциями, клубами, в которых занимаются школьники их микрорайона. Для занятий с детьми выделяются спец. помещения и спорт. площадки» (Денисова, 1978, 70–71)

См. также: *Внешкольные учреждения, Дворцы и дома пионеров и школьников, Внеклассная работа, Кружок, Клуб интернациональной дружбы, Красные следопыты.*

ВОЖАТЫЙ – руководитель октябрятской группы, пионерского отряда или пионерской дружины.

Как правило, слово вожатый относится к мальчику, подростку или юноше. Иногда слово используется для обозначения должности и применяется к девушкам: «Ты, Натка, будешь вожатым. Ну, разобьешь по звеньям, намеришь звеньевых, выберете совет отряда» (Гайдар А.П. «Военная тайна»).

«И в четвертый класс, и в пятый / Приходил на сбор вожатый, / Вслух ребятам он читал / “План работы на квартал”» (Барто, [1954] 1969–2, 112).

См. *Пионервожатый*.

ВОЖАТЫЙ пионерского звена – то же, что *Звеньевой*.

Из дневника 14-летней ученицы в 1929 году: «23 декабря 1929... Наконец-то мне 14 лет. Как радостно и в то же время больно чувствовать себя не 13-летней девочкой, а уже 14-летней. ...В пионеротряде я вожатая 6-го звена. Звено совершенно не работало, но теперь, кажется, стало работать. Утильсырье собираем, но у нас что-то не ладится. По пятилетке делали только один доклад, да и другие звенья недалеко уехали. Хотели ехать в подшефную деревню – совсем собрались и пожитки сложили, и дома нас отпустили, и на вокзал собрались идти, но вдруг узнали, что там скарлатина...» (Татьяничева, 2007).

ВОЖДЬ – «*Полит.* Руководитель и учитель коммунистической партии и трудового народа, являющийся выразителем его воли, стремлений, желаний; общественный деятель, способный поднять на высокий уровень политическое сознание и активность масс и правильно определить пути борьбы рабочего класса за полную победу и обеспечение интересов всех трудящихся; руководитель, организатор и вдохновитель построения социализма и перехода в коммунистическое общество» (Словарь, 1951, 527); «Общепризнанный идейный, политический руководитель (общественного движения, партии, класса и т. п.)» (Словарь, 1991–2, 366).

Игра «в вождей» – игра детей младшего возраста в первой половине 1920-е гг.

О 1923–1925 г.: «[Среди детей младшего возраста] получила огромное распространение игра “в вождей”. Большое количество обследований, проведенных в середине 1920-х гг. в дошкольных детских домах, показало, что почти не встречается случаев, когда бы в этих играх, чрезвычайно увлекающих мальчиков, девочка претендовала на роль “Ленина”, “Троцкого” или какого-либо другого “вождя”. Как правило, девочки шли только на подсобные и подчиненные роли... Игры “в вождей” имели огромное значение для процесса формирования и закрепления живых детских представлений о власти. В них наглядно проявляется характер восприятия ребенком образа могущества изображаемых им “вождей”, которые для детского сознания являлись исключительным и реальным воплощением власти. Один из мальчиков, созывая приятелей на собрание, говорит: “будем записывать вождей”. “Я – Ленин”, – тут же добавляет он, чтобы обеспечить за собой первенство. Другие торопливо выкрикивают: “Я – Троцкий”, “Я – Рыков”, “Я – Каменев”, “Я – Карл Маркс”... Неоспоримый приоритет “Ленина” вызывал ожесточенную борьбу за его роль в игре. Обследования зарегистрировали массу столкновений из-за дележа ролей вождей, и прежде всего конечно, роли “Ленина”, которую никто не хотел уступать другому, что приводило к жестокой расправе. Власть “вождя” в представлении ребенка приобретала форму строго действенной, непрерываемо повелительной силы, способной вмешаться в ход любых событий. Как-то в игре в “паровоз” роль “паровоза” досталась одному маленькому мальчику, но счастливое состояние игры у него продолжалось недолго. Два старших товарища остановили “паровоз” и отказались пропустить дальше. “Почему?”, – спросила воспитательница. “Мы – Ленин и Троцкий”, – важно заявили мальчики и стали выдавать

пропуска, грозно покрикивая на подходящих к ним детей» (Балашов, 2003, 178–179).

ВОЖАТЫЙ форпоста – см.: *Форпост; Вожатый*.

О середине 1920-х гг.: «С целью ликвидации разрыва между школой и пионерской орг-цией создавались форпосты, а на их базе – пионерские отряды непосредственно при школах. Вожатый форпоста входил в состав пед. совета, принимал участие в орг-ции самодеят-сти, вечеров, а главное – контролировал успеваемость и поведение пионеров в школе» (Жижель, 1984, 46).

ВОЗДУШНЫЙ шар – шарообразная игрушка – тонкая растягивающаяся оболочка, наполненная газом или воздухом.

О Саратове конца 1880-х гг.: «В числе весенних удовольствий было посещение всей семьей в праздничные дни Пасхи Московской площади с её балаганами, каруселями и перекидными качелями. Ходили всей семьей, а дети иногда с одной бабушкой... Нам покупали мороженое, яблоки, орехи, халву-тянучку, цветные воздушные шары и пр». (Золотарев, [до 1975], 1995, 51–52).

О Москве в нач. 1930-х гг.: «Но самыми привлекательными на рынке мне казались китайцы. Их тогда было много в Москве... А на самом рынке китайцы прельщали детей пёстрым товаром... А вот воздушные шары – ещё одна детская приманка – мне кажется, продавали не китайцы. Гроздь шаров торговцы носили на длинных палках, ты выбирал тот шар, что тебя прельщал, продавец обрезал ножом его веревочку и сам прикручивал ее к пуговице твоей одежды, чтобы шар не улетел. Ведь эти волшебные шары не были похожи на теперешние вялые тряпочки, которые надо самому надуть, а они, даже расправившись, будут покорно слушаться твоей руки. Те шары надувались где-то в неизвестном тебе месте водородом, и стоило только спустить с шара глаз, как он взмывал в воздух – и поминай как звали. Вот и прикручивали его веревочку крепко к твоей пуговице. В тех шарах была прелесть и азарт риска: ты им владеешь, он твой, но ты можешь его и мгновенно потерять, что часто и случалось. А однажды на Смоленском рынке я видела, как чумазый беспризорник перерезал у торговца веревку, скреплявшую всю гроздь продававшихся шаров, и она устремилась в головокружительную высоту синего неба. Рынок, здрав головы вверх, ликовал от неожиданного зрелища. А продавец, оставшись с одной палкой в руках, плакал» (Старикова, 2003, 226–227).

О девочке 5–6 лет в Москве в 1939–1940 гг.: «В нашем довоенном детстве воздушный шарик почитался большой ценностью. В иерархии он располагался где-то между поездкой в легковом автомобиле “эмка” и круглой лепешкой мороженого с вафлями, на которых значилось имя, если повезет – даже твоё собственное... Мороженое исчезало мгновенно, почти в самый миг своего появления; поездка в автомобиле по ещё не разросшейся Москве длилась не более получаса, а шарик жил меньше суток, пока не превращался в сморщенный, противно воняющий резиной комок, который при некоторой оборотистости можно было выменять во дворе на фантик – красивую обёртку от съеденной кем-то конфеты. Только отчаянные натуры превались на прекрасный и безумный поступок: выпустить из рук хвостик еще упругого, полного жизни шарика и подарить себе мгновение полета. Тобюю сотворенного полета. О случаях, когда шарик вырывался из рук и взмывал в небеса, не стоит и вспоминать, так это было печально. ...1-е Мая – это был единственный день в году (а годов жизни к тому времени набежало пять, много – шесть), когда в руках собирались разом три, четыре, а то и целая гроздь шариков. Они трепетали на пучке тонких веревочек, они рвались из рук, и это не страшило. Подумаешь, упустишь один – вон сколько останется! Шарики приносили особые, первомайские гости – в иные дни они у нас не появлялись... Мы жили в Замоскворечье, неподалеку от Красной площади, и после демонстрации мама приводила к нам чуть ли не всю редакцию “Огонька”, где она работала. Гости вваливались... толпой с бумажными цветами, портретами

вождей и – шариками. Я очень любила день 1-го Мая» (Богатырева, 2002).

О 1950-е годы: «Алексей Степаныч проводил Марину до дверей... – и спустился с Мариной по лестнице. У ворот дома он купил два цветных шарика: красный с петушком и зеленый с бабочкой; красный намотал себе на палец, а зеленый привязал к пуговице Маринино пальто. “Что вы, Алексей Степаныч, я же большая!” – протестовала, смеясь и краснея, Марина» (Эмден, 1952, 209).

[О первой половине 1960-х гг.] «В праздники на улицах / В руках у детворы / Горят, переливаются / Воздушные шары. / Разные-разные: / Голубые, / Красные, / Жёлтые, / Зелёные / Воздушные шары! / Очень любят шарик / Ребята в эти дни / У каждого за пуговку / Привязаны они... / Вот над демонстрацией / летят они, легки, / Как будто в небе вспыхнули / Цветные огоньки» (Аким Я. Цветные огоньки. Цит. по: Сегодня праздник, 1968, 16).

О 1990-х гг.: «В детстве я обожала покупать альбомы с наклейками, воздушные шарик и киндер-сюрпризы...» (Иванова, 2003, 44).

ВОЗДУШНЫЙ змей – см. *Змей воздушный*.

ВОЗДУШНЫЙ поцелуй – знак поцелуя, переданного в воздухе на расстоянии движением руки от губ в направлении к кому-то.

О Москве в 1930-е гг.: «Долгое время я удивлял [ребят] тем, что уходящим с бульвара папе или маме посылал воздушный поцелуй, пока [ребята] не разгадали загадку: “ён прикуриват”...» (Топоров, 1997–1, 27).

«ВОЗЬМЁМ винтовки новые» – пионерская военная песня на слова В. Маяковского (музыка В. Белого). Исполнялась пионерами в 1930-е годы.

О начале 1930-х гг.: «...Будучи председателем городского бюро пионеров Гомеля, я участвовала в оргции военизированных пионерских походов, к рук. которыми привлекали... командиров из воинских частей... Например, летом 1931 года на время военного похода пионерских отрядов города гомельский гарнизон оказал нам помощь – выделил духовой оркестр и командиров. На рассвете пионеры со своими знаменами, барабанами, горнами двинулись в поход к лесу вдоль реки Сожа. Шли под звуки походного марша с пионерской военной песней, написанной композитором В. Белым на слова В. Маяковского: “Возьмём винтовки новые, / На штык – флажки / И с песнею в стрелковые / Пойдем кружки. / Раз, два! Все в ряд! / Вперед, отряд! / Когда война-метелица / Придет опять, / Должны уметь мы целиться. / Уметь стрелять. / Шагай круче! Целься лучше! / И если двинет армию / Страна моя, / Мы будем санитарями / Во всех боях!” Во время похода проводились военизированные игры, ребята знакомились с военной техникой, учились выносливости» (Латышева, 1984, 124–125).

О школе в перв. пол. 1930-х гг.: «А ещё я пою в хоре... В хоре обязаны петь все, кому медведь не наступил на ухо... Мы поем “Взвейтесь кострами, синие ночи, мы – пионеры, дети рабочих” или “Возьмём винтовки новые”... К “общественной работе” я отношу и бесконечные сборы, на которых опять-таки пели “Взвейтесь кострами” и “Возьмём винтовки новые”, маршировали под звуки школьного пианино и слушали рассказы про славных советских героев» (Лупанова, 2007, 50).

О пионерском лагере 1949–1950 гг.: «“начинаем наш концерт! – прокричала Ирина... Сначала ребята делали гимнастические пирамиды... Девчонки танцевали “барыню”, и лезгинку, и “татарочку”. Ирина читала стихи. А под конец объявила: “Мужской квартет!” Федул, Липа, Бойцов и Серёга выстроились, переглянулись и стали под музыку маршировать. А потом Липа пропел: “Возьмём винтовки новые! На штык флажки!” Серёга подхватил: “И с песнею в стрелковые пойдём кружки!” И все вместе они выкрикнули: “Раз! Два! Все в ряд! Шагай, отряд!” У них очень здорово получилось... Липа прокричал следующий куплет: “Когда война-метелица! Придет опять! / Должны уметь мы целиться! Уметь стрелять!”... Женщины пристально

и печально смотрели на квартет. Никто не улыбался» (Алмазов, 1979, 208–209).

«ВОЙНА», «войнушка» – игра, имитирующая боевые действия между двумя сторонами.

«Во все времена ребята играли в войну. Мы, например, [в 1920-е – 1930-е гг.] играли в “красных и белых”, а после Отечественной войны я видел, как везде играли в “наших и фашистов”. Но каких-нибудь, общих для всех, правил у этих игр не было, поэтому проходили годы, и постепенно ребята играть в них переставали» (Якуб, 1988, 66).

О 1937–1941 гг.: «Мы подросли, и одной из самых любимых игр стала игра в войну. Вооруженные палками, деревянными кинжалами, игрушечными пистолетами, мы с криками “Ура!” носились по двору и одерживали бескровные победы над врагом. А в мире шли войны. Поэтому какая-нибудь пожилая женщина порой неодобрительно говорила: “Подождите, доиграетесь, накличете войну”» (Богданков, 1972, 34).

Из воспоминаний о 1941–1945 гг. в городе Всеволожске: «Как только началась война, мы играли, безусловно, в войну. Мальчики были разведчиками, а девочки, конечно, санитарками. И такой был уговор, чтобы санитарок не убивать. В крайнем случае, разрешалось брать в плен» (Бутина, 2001). «“Воевать любишь? – спросил директор и чему-то улыбнулся... – Я тоже, знаешь, любил воевать. Наделаем, бывало, сабли из обручей, возьмём щиты – крышки от бочек – и вот носимся, белых бьем...”» (Дягилев, 1961, 79). «Окопались мы в снегу, / Мы стреляем по врагу, / Я никак от пулемёта / Оторваться не могу. / Я с сегодняшнего дня / Мастер меткого огня. / Мама этого не знала, / Увела домой меня» (Барто, [1941], 1969–1, 43).

О деревенских мальчишках в первой половине 1940-х гг.: « Степа был нерасторопен, доверчив, хитрить не умел... Ребята пользовались этим... Когда играли в войну, он обычно выполнял роль “конной тяги” перевоза на дребезжашей тележке ржавую трубу от миномета, которая в одном и том же бою была и противотанковой пушкой и гаубицей» (Мусатов, [1948] 1971, 42).

О 1943–1945 гг.: «Больше всего играли в войну. До драки спорили о том, кому быть “нашими”, кому фашистами, выслеживали воображаемых шпионов, ходили двор на двор и устанавливали знамя победы на завоеванном сарае» (Медынский, 1963, 67).

Об учащихся начальных классов в конце 1940-х гг.: «Во вступительной беседе учитель выясняет, в какие игры дети играют во дворе, в саду, на бульваре. Дети перечисляют ряд игр: пятнашки, горелки, лапта и, среди других игр, называют игру “в войну”. Учитель подробно расспрашивает детей, как они играют в войну. Дети рассказывают, что они разделяются на две группы, одна из групп нападает, другая защищается, у каждой группы есть свой начальник, есть разведчики, часовые и т. д.» (НШ, 1950, 292).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Под темной зеленью ветвей / В саду среди двора / Шумит ручей, а у детей / Весь день идет игра. / Какие игры у детей? / Они ведут войну, / Они форсируют ручей, / И враг у них в плену» (Маршак, 1953, 298). [...]

О девочке во вт. пол. 1980-х гг.: «Когда наступала зима, у нас в огороде наметало огромные сугробы... [Я] сама себе устраивала соревнования... Кроме лыжных соревнований я играла в войнушка. Попыталась вырыть окоп, чтобы прятаться от воображаемых врагов, но земля очень замерзла, и я не могла её расковырять. Я предпочитала роль партизана за кустами вишни, малины, за яблонями. Доску, похожую на ружьё, я нашла в сарае, и стреляла метко по врагам. Рисовала карты, где обозначала место нахождения вражеских войск, и забрасывала гранатами (роль гранат у меня исполняли ледышки, их я выдалбливала ломом из большого железного бака. Там с осени оставалась вода, она застывала, а я пользовалась этим» (607).

«ВОЙНА грибов» – возникшая на базе русской сказки детская песенка-сказка конца XIX – первой четверти XX века.

«В сборниках среди сказок (у Афанасьева и других) помещается песня “Война грибов”: “Заводилась война / Среди белого дня. / Уж как начато палить, / Только дым пошел валить. / Как сказали на войну / Всеми нашему селу, / Пораздумал белый гриб / Всем грибам полковник, / Под дубочком сидючи, / На грибочки глядячи”. Он обращается к разным грибам, но все отказываются идти на войну. Рыжики говорят: “Мы богаты мужики, / Не повинны во полки”. Опенки говорят: “У нас ноги очень тонки, / Нейдём мы на войну” и т. д. Соглашаются, наконец, грузди: “Ну, ребятушки, мы дружны, / Подавайте сабли, ружья, / Мы заступники селу, / Мы идем на войну”. Эта детская песенка-сказка была в своё время песней сатирической, сложенная во время Пугачева, она высмеивала тех, кто отказывался идти сражаться против него» (Капица, 1928, 106).

«**ВОЙНА и мир**» – роман (1865–1868) Л.Н. Толстого; в 1950-е – 2000-е гг. входит в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе.

О Шадринске в 2000 г.: «В 9 классе школы № 15 г. мы, в возрасте 15 лет, начали проходить “Войну и мир”. Мальчики учили один из двух предложенных отрывков из сцен войны, а девочки – либо “Первый бал Наташи Ростовской”, либо “Андрей и цветущий дуб”. Я учила про дуб, но до сих пор не понимаю, зачем “Войну и мир” мы проходили фрагментарно, то есть выхватывали из общего текста фрагменты наиболее интересные для учителя. Например, “бал Наташи Ростовской” мы разбирали целых 3 или 4 урока. Читали мы тоже не всё произведение, а мальчики – войну, девочки – мир. Поэтому я до сих пор не знаю “Войну и мир” со стороны войны» (012).

О с. Мальцево Шадринского р-на в 2001–2002 гг.: «В 10 классе, когда мне было 17 лет, мы изучали роман Л.Н. Толстого “Война и мир”. Учитель задавала нам учить отрывок “Ночь в Отрадном”. Я учила его не без труда. Трудность состояла в том, что это была проза» (019).

ВОЙНА Великая Отечественная 1941–1945 гг. – война Советского Союза против нацистской Германии и её европейских союзников (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии).

Жизнь детей во время Великой Отечественной войны.

[...]О 10-летнем мальчике в деревне под Москвой в ноябре 1941 г.: «Немецкие летчики не брезговали и охотой за одиночными целями. Однажды я с мальчишками возвращался с поля, мы везли солому на тележке. И тут немецкий самолет начал низко крутиться над нами, я даже видел лицо лётчика в защитных очках. Он начал нас обстреливать... До сих пор помню звук пуль, попадающих в тележку и солому... Через два дня... женщин и маленьких детей... погнали на запад, по направлению к Истре. Мы поняли, зачем они нас гнали по дороге: нам навстречу по параллельной дороге (метрах в пятидесяти от нас) шли немецкие войска. Мы нужны были, чтобы наши самолеты не могли бомбить немецкие колонны. Помню, как два наших самолета почти подлетели к немецкой колонне, но отвернули, видимо, увидев женщин и детей» (Андреев, 2006). [...]

О 1942–1944 гг.: «Без “пайка” дядя Андриуши мы снова стали набирать нездоровую припухлость. Толька, как и прочая голдная пацанва, наловчился стрелять из рогаток воробьёв. В диких зарослях тёрна мы раздували тайный костерок и на палочках-вертелех жарили воробьятину. Долго и томительно обгорали птичьи перья, а когда огонь с шипением добирался до крохотного тельца – внезапно, как обморок, ударял запах жаренго мяса, мы не выдерживали этой пытки... – и расправлялись с чёрным комочком воробьиной плоти моментально! Мне обычно доставались обгорелые лапки-спички, которые можно было только долго-долго сосать – как упоительно-сытно они благоухали! Толька же, трясясь, как голошный щен, заглатывал остальное, почти не жуя – и его через час-другой долг и мучительно, до желчи, выворачивало... Но на следующий день он снова отправлялся на воробиную охоту» (Шульженко, 1990, 44).

О 1944–1945 гг.: «Каждый класс и каждая школа делились на две половины – на тех, у кого отец воюет, и на тех, у кого отец дома. Детей тыловиков мы презирали, и, как часто это бывает у ребят, гораздо несправедливее и с большей жестокостью, чем взрослые фронтовики взрослых тыловиков...» (Лиханов, [1983] 1986–1 286).

См. также: *Блокада Ленинграда; Оккупация.*

ВОЙНУШКА, игра(ть) в войнушку. – то же, что играть в войну (см.: *Война, войнушка*).

О вт. пол. 1970-х гг.: «В дошкольном возрасте мы часто играли в войнушку (одни были русские, другие – немцы (или белые – красные); кто посильней – были русские, а все другие – немцы. Мы разбегались в разные стороны, прятались, и когда я видел перед собой (даже если между нами 50–100 метров) противника, я орал во весь голос: “Я тебя убил, падай”. Естественно, русские всегда побеждали, в крайнем случае, иногда были ранены, и уж совсем редко – кто-нибудь из русских был убит. Немцы убивались беспрекословно. Обычно в войну мы играли не больше двух раз в день» (519).

О деревне Чусовое (район и область неизвестны) в конце 1980-х гг.: «Войнушки – правила как у всех. Войнушки с яблоками. Те же самые правила, что в войнушки, но патроны стали осызаемы» (062).

О Каргаполье в 1983–1985 гг.: «В “войнушку” играли мальчики и девочки в нач. школы после уроков. Как правило, участники делились на две команды. И обычно все девочки – в одной команде, а мальчики – в другой. Разделившись на группы, участники придумывали название команде, связанное с военной тематикой, придумывали пароль, выбирали командира. Соперники, то есть враги, продельвали то же самое. Каждый участник обеих команд вооружался, конечно, кто чем мог, например: палочки, сучки деревьев, палки и т. д. Намечали границы, за которые нельзя переходить врагу, так как его могут поймать и забрать в плен, где будут пытать, чтобы выяснить пароль, командира сдать и т. д. Кроме этого на бумаге рисовалось что-то вроде карты, которая хранилась в штабе. Штаб также выбирался командой, противники не должны были знать, где находится штаб, он охранялся спец. людьми (охраной), была обязательно медсестра, которая лечила раненых (чем придётся). Гл. задача: как можно больше убить противников или ранить, взять кого-нибудь в плен, выпытать пароль, название команды (отряда), узнать, кто является командиром, захватить карту и, если очень повезёт, то захватить штаб. Стреляли и убивали словесно, просто, если замечали противника, говорили “пиф-паф”, или изображали звук пистолета с автоматом и кричали: “Всё, я тебя ранил (или убил)”. Враги постоянно делали набеги, стараясь взять кого-нибудь в плен. Обычно мальчики брали в плен девочек. Иногда в виде пытки мальчики грозили, что если не скажут пароль или не назовут командира, то поцелуют. Перед такой “страшной” пыткой девочки быстро сдавали всё и всех, и мальчики становились победителями. Со стороны прожитых лет, оценивая игру и поведение мальчиков, можно сделать вывод, что мальчики старались брать в плен девочек, которые им нравились. Девочки не очень красивые выполняли роль охраны штаба или медсестёр. Медсестра практически ничего не делала, так как в большинстве случаев раненых брали в плен. Игра заканчивалась, если противник выдал карту или сдал командира» (525).

О г. Новоаганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. 1985–1986 гг.: «Иногда компанией в несколько человек (минимум трое), лет в 6–7 убегали в соседний лес... Играть в “больничку”. У нас были настоящие бинты, шприцы, иголки, капельницы. Очень часто с мальчиками играли в “войнушки”. Собирались в группы, человек по 5, мальчики воевали, а мы с девчонками были медсестрами, у нас были специальные белые сумочки с красными крестами» (503).

«**ВОКРУГ света**» – журнал.

Журнал «Вокруг света» был создан в 1860 году и издавался М.О. Вольфом до 1868 г. С 1869 по 1885 г. не издавался. С 1885 по 1890 г. выходил под редакцией М.

Вернера. С 1891 по 1917 г. издавался И.Д. Сытиным. Вновь стал выходить с 1927 года.

О даче под Петербургом во вт. пол. 1900-х гг.: «По вечерам повелось в нашей мальчишеской компании... рассказывать друг другу о прочитанных книгах... В этом устном клубе, на старых брёвнах, на дачных задворках, рассказаны были по порядку книги всех властителей дум того времени: романы Жюль Верна, Жаколио, Буссенара, Лори... Мальчики были начитанны – иные из них брали книги в библиотеках, иные получали журналы “Вокруг света” или “Природа и люди»» (Тихонов, 1977, 4).

О 9–10-летних мальчиках в Москве в конце 1920-х гг.: «На книжных полках его господствовали Жюль Верн и Майн Рид, Фенимор Купер и Луи Буссенар, журналы “Вокруг света” и “Мир приключений” – Володя охотно давал мне на дом свои богатства» (Федосюк, 2004, 219).

О журнале 1928–1930-х гг.: «Помню, [школьный друг] Колька Нельзин дал мне почитать комплекты журнала “Вокруг света” за 1928–1930 годы... Такое богатство! В конце [19]20-х журнал “Вокруг света” был интересный, ещё не скованный советской цензурой. Приводились любопытные геогр. сведения, но мне больше всего нравились худ. произв.-я. Как мне понравились, например, фантаст. романы Беляева “Продавец воздуха” и “Голова профессора Доуэля”! Многие из тех журналов запомнились на всю жизнь, даже немудрящий юмор. (Например, из рубрики “Как самому...”: Как самому вывести цыплят? Купите 500 г яичного порошка; разделите его на 10 (равных!) частей; посадите на них курицу; если через две недели цыпята почему-либо не выведутся, снимите курицу, а из сэкономленного порошка приготовьте вкусный и питательный омлет)» (Санников, 2001).

О мальчишке 8–10 лет в 1946–1948 гг.: «Алёша много читал. Старая подшивка журнала “Вокруг света” теперь в полном его распоряжении» (Карпенко, 1960, 110).

В 1972 году (№ 5–9) в журнале печаталась фантастическая повесть «Неукротимая планета». Автор словаря в детстве читал (и перечитывал) эту повесть в журнале.

Тираж 1972 г. – 2,4 млн. экз., 1988 г. – 2, 9 млн. экз., 1993 г. – 390 тыс. экз.

ВОЛЕЙБОЛ – командная игра, в которой игроки стремятся ударом послать мяч на площадку противника через высоко натянутую сетку.

О Петрограде в нач. 1920-х гг.: «“Спорт” было универсальное спортивное общество. В нём, кроме тенниса, играли в баскетбол (волейбол в начале двадцатых годов был ещё не известен), занимались легкой атлетикой... Однако нас, мальчишек, эти виды спорта интересовали мало...» (Штерн, 2000).

О Москве в 1927 г.: «Школа стояла в глубине большого двора, отгороженного от улицы высоким дощатым забором. В теплую погоду во дворе проводились физкультурные занятия и играли в волейбол, в то время наиболее распространенную спортивную игру». (Некрич, 1991–1, 53).

О 1934 году: «Во второй половине 1934-го года... мы сняли... двухкомнатную квартиру... У дома был зеленый двор. Ко двору примыкал большой пустырь, который для ребят с Пионерской и окрестных улиц служил площадкой для футбола, волейбола, крокета и других игр» (Цидильковский, 1996, 131).

О 10-летней девочке в Москве в 1934 г.: «...Лето 1934 года было одним из самых веселых лет нашей детской довоенной жизни. Наша юная двоюродная тетка, правоверная комсомолка, спортсменка, шахматистка, а впоследствии университетский математик, Ирина Михайловна Краевская, научила нас тогда играть в волейбол, любимую массовую игру 1930-х годов. Сеткой служила веревка, натянутая на толстые прямые стволы лип» (Старикова, 2003, 283–284).

Об Украине в 1935–1937 гг.: «У нас [на Пионерской улице] было несколько футбольных и волейбольных команд... Особенно мы радовались, когда побеждали зазнаек из “дома социализма”, в котором жила верхушка города: руководители райкома и горкома партии, горисполкома и т.д. У них было прекрасное оснащение: великолепные футбольные и волейбольные мячи, бутсы.

Относились мы к ним как к “буржуям” – не любили» (Цидильковский, 1996, 131).

О пионерлагере в 1937 г.: «Лагерные будни..., река, футбол на лугу и волейбольные игры по вечерам у продранной сетки, на “высадку”, то есть с заменой проигравших новой, нетерпеливо ждущей своей очереди командой, дежурства на кухне... – всё это... заслоняло события, происходившие за границами лагеря...» (Гончаров, 1991, 96).

О девочке в 1938–1941 гг.: «Был день её несложен: хохочи, / Учи уроки, расцветай на воле! / И высоко над ней на волейболе / Взлетали вверх веселые мячи» (Тараховская, [1942] 1963, 77).

О конце 1930-х гг.: «Они [два мальчика-школьника] никогда не бывали в одной команде, когда играли в футбол или волейбол... Когда девочки играли в волейбол, Вароя лучше всех “гасила” мячи» (Вигдорова, 1963; 51, 76).

О середине 1940-х гг.: «Позднее, в классе шестом-седьмом, мама купила нам волейбольный мяч, и мы с моими школьными друзьями, натянув во дворе веревку, играли там в волейбол» (Санников, 2001).

О конце 1940-х гг.: «В этом дворе было всегда много ребят. По утрам они набивались во двор... Много шумели, кричали и внезапно крикливой стайкой куда-то исчезали. Вечером появлялись снова и дотемна играли в волейбол или в прятки между дровяниками и какими-то клетушками, сколоченными из старья» (Акулов, 1962, 36).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «А детвора Горы Железной доигрывала лето, провожала каникулы. Улицы и переулки звенели смехом и криками. Пыль висела облаком над волейбольными площадками» (Ликстанов, [1953] 1964, 424).

О суворовском училище в 1950 году: «Зато как хорошо на переменах! Футбольный мяч летает от ворот к воротам, на нескольких площадках идет игра в волейбол...» (Багмут, 1951, 125).

О Свердловске 1950 года: «Возраст был... почти полные двенадцать. В то лето всеобщим увлечением был волейбол, во дворе вкопаны столбы, натянуто сетку, по вечерам собирались пацаны и взрослые чуть ли не со всего квартала, и попасть на площадку было непросто. ...Он мог часами лупить по мячу, покрикивал на старших, требуя точного паса, спорил с судьями, распался...» (Дробиз, 2004).

О летнем лагере под Свердловском в начале 1950-х гг.: «Волейбол был его давней любовью, и здесь, в лагере, он показал себя одним из лучших. Все вечера проходили у волейбольной сетки» (Дробиз, 2004).

О середине 1990-х гг. в Шадринске: «Летом у нас появилась новая забава: волейбол. Родители помогали нам натягивать сетку во дворе, и мы целые дни проводили возле неё. Причём, правила сначала никто не знал, потом кто-то нашел в библиотеке книжку по волейболу, и мы пытались играть правильно. Все эти книжки внимательно читали, что-то записывали, чтобы не забыть. Но подготовка у нас была неважная, точнее, вообще никакой. Поэтому трудно было подавать мяч, даже не трудно, а больно, некому было учить правильной подаче. Но зато в школе на уроках физ-ры мы стали просить поиграть и научить нас волейболу. На следующее лето мы все играли хорошо, брали в команду ребят из других дворов, могли даже рассказать им основы. Интересно, а ведь мы смогли бы, наверное, занять в каких-нибудь соревнованиях какое-нибудь место. И играли бы как дворовая команда. Правда, мальчишки потом играли в школе с командой другой школы, и мы ходили за них болеть» (516).

«ВОЛЖСКИЕ зори» – литературно-художественный сборник для детей, выходил в Куйбышеве в 1950-е годы.

Имеется информация о выпусках с 3 по 6. Выпуск 3. 1952. – 136 с., 15 000 экз. (рубрики «В родном краю», «Рассказы о технике», «Для маленьких»), «В часы досуга»; Выпуск 4. 1955 – 124 с., 30 000 экз. (рубрики «В родном краю», «Сказки», «Фельетоны», «В часы досуга»); Выпуск 5. 1956. – 135 с., 15 000 экз. (рубрики «В родном краю», «Сказки»); Выпуск 6. 1959 – 154 с.,

15 000 экз. (рубрики «Родные картинки», «Вокруг Европы», «Из прошлого», «Сказки», «Фельетоны»).

Ист.: Старцев, 1958, 193; Старцев, 1959, 276–277, Старцев, 1961, 354–355.

«ВОЛЖСКИЕ зори» – сборник рассказов и стихов для детей, выходил в Ярославле в 1950-е годы.

Выпуск 3. 1955. – 120 с., 50 000 экз.; Выпуск 4. 1956. – 127 с., 25 000 экз.; [Без указания номера выпуска]. 1960. – 117 с., 10 000 экз.

ВОЛК – персонаж мультфильма «Ну, погоди!». Его изображение было популярно у детей (главным образом, мальчиков) 1970-х – начала 1980-х гг.

О начале 1980-х гг.: «Наконец наступил день похода. У всех ребят было отличное настроение. В электричке они пели песни... Тимка сидел рядом с Галкой Новиковой, смотрел в окно и подпевал ребятам. Он так увлекся, что не сразу заметил двоих чужих ребят, которые вошли в вагон. Он обратил на них внимание, когда, остановившись возле Галки Новиковой, один из них громко сказал: “Ну-ка, ты, пончик, освободи-ка местечко у окна”. Ребята были чуть старше Тимки. Один, пониже, такой лохматый, что глаз из-под волос не видно, а другой, высокий, в грязной майке, на которой нарисован волк и написано “Ну, погоди!”» (Тараскин, 1982, [16–17]).

ВОЛК, игра(ть) в волка – Л.Н. Толстой описывает эту игру следующим образом: «Игра в волка. Один будет волком и будет ловить, а другие будут овцы и будут прятаться... Волк должен выбрать угол и стать в него лицом к стене и не смотреть. Этот угол называется дом. Овцы все прячутся, где кто хочет. Когда все спрятались, одна овца кричит: готово! и тогда волк бежит отыскивать и ловить овцу, а овцы стараются прибежать в дом волка так, чтобы волк на дороге не поймал их. Если одна овца прибежала в дом прежде, чем волк поймал овцу, то волк уже делается овцой, а овца делается волком. И сначала прячутся овцы, а волк становится в дом. А если волк поймал одну овцу прежде, чем другая овца прибежала в дом, то пойманная овца выходит из игры, и опять сначала прячутся, и волк уходит в дом. И до тех пор, пока не переловит всех овец. Когда волк тронул овцу, то считается, что он поймал. Играть эту игру можно на дворе, и в одной комнате, и в двух комнатах с открытой дверью» (Толстой, 1987, 354).

«ВОЛК и Журавль» – басня И.А. Крылова.

О 1970-х гг. – нач. 1980-х гг.: «...Басни, знакомые пятиклассникам по начальной школе (“Стрекоза и Муравей”, “Слон и Моська”, “Волк и Журавль”, “Мартышка и Очки”, “Зеркало и Обезьяна” и т. д.)» (Зепалова, 1983, 77).

«ВОЛК и Ягнёнок» – басня И.А. Крылова.

О 1980-х гг.: «В программе V класса четыре басни Крылова: “Волк и Ягнёнок”, “Квартет”, “Волк на псарне” и “Демьянова уха»» (Зепалова, 1983, 63).

«ВОЛК на псарне» – басня И.А. Крылова.

О 1980-х гг.: «В программе V класса четыре басни Крылова: “Волк и Ягнёнок”, “Квартет”, “Волк на псарне” и “Демьянова уха»» (Зепалова, 1983, 63).

ВОЛОДЯ Дубинин – Владимир Никифорович Дубинин (1928–1942), пионер-герой. Один из членов партизанского отряда, воевавшего в каменоломнях вблизи Керчи. После освобождения Керчи Володя Дубинин погиб при разминировании подходов к каменоломням. Посмертно награждён орденом Красного Знамени. О Володе Дубинине написана книга «*Улица младшего сына*».

О середине 1950-х гг.: «Обратимся к... опыту работы пионерской дружины школы № 2 гор. Клинцов... Будущие юные ленинцы [второклассники] видят здесь [в пионерской комнате] портреты краснодонцев, Павлика Морозова, Володи Дубинина и других прославленных героев, которые некогда были пионерами...» (Шварц, 1957, 254).

О 1950-х – перв. пол. 1960-х гг.: «...Мысленно вернёмся к любимым образам нашей дет. лит-ры, вспомним Тимура, Ваню Солнцева, Володю Дубинина...» (Мотяшов, 1967, 59).

О 1950-х – 1960-х гг.: «У советских ребят из добрых друзей одно из первых мест... Тимур. Горячо любят они и отважного партизана Володю Дубинина, порывистого Васюка Трубачева...» (Николаев, 1965, 150).

«Из жизни пришли в литературу многие героико-пионеры Великой Отечественной войны – керченский школьник Володя Дубинин, Валя Котик, Тихон Баран, житель белорусской деревни Байки, повторивший подвиг Ивана Сусанина» (Мотяшов, 1983, 90–91).

«ВОЛОС» – ругательство, распространённое у мальчишек в 1930-е годы.

Из восп. академика В.Н. Топорова: «Насколько я могу судить, к середине [19]30-х годов в Москве стало очень употребительным слово *волос* как некое специфическое ругательство-обозначение квалифицирующего типа. Оно было, бесспорно, самым употребительным знаком некоей ситуации и было известно всем мальчишкам, не полностью изолированным от улицы. Такое состояние сохранялось до начала войны. После войны мне приходилось слышать это слово лишь изредка и главное год от года реже.... Кажется, оно действительно исчезло или просто отступило в глубокую тень. Повторяю – слово *волос* в указанном употреблении пронизывало собою всё, и граффити московских довоенных стен, классные доски, обложки тетрадей и учебников пестрели эти словом. Одним из удобных преимуществ его было то, что формально оно не относилось к неприличным, и его можно было употреблять открыто – при родителях, взрослых, в относительно благопристойной обстановке, хотя по существу оно было неким субститутом чего-то иного, подобно не менее знаменитым *ё моё*, *ёлки-палки* и под[обным]. Типичная схема употребления слова примерно такова. Встречаются двое мальчишек. Один другому рыча: “У, волос”... В ответ: “Сам волос” или: “От волоса слышу”...» (Топоров, 1997–2, 8).

ВОЛОСТНЫЕ училища – начальные школы в России, готовившие детей казённых поселян (мальчиков) к писарской деятельности.

Учреждены по Указу 1830 года, открывались по одному на волость, содержались за счёт особого сбора с государственных и удельных крестьян. Учащимся давались навыки чтения, письма и канцелярского производства. Уровень обучения в волостных училищах был крайне низким.

В 1860-е годы сборы на училища стали необязательными. Училища лишились источника финансирования и почти повсеместно прекратили свое существование.

Ист.: ПЭ, 1964–1, 372–373; ПЭС, 2003, 40.

ВОЛОСЫ, кидать в волосы девочкам колючки, репей и др. – См.: *Репей*.

ВОЛОСЯНКА – «Устар. Трёпка за волосы. Однажды Беневдов, первый чилач классак, поймал его за волосы под партией и задал ему волосянку. Помяловский. Очерки бурсы» (Словарь, 1991–2, 427); то же, что *голосьянка*.

«ВОЛЧАТА» – см. *Юные Спартаки*.

ВОЛЧИЙ билет – документ с отметкой об исключении из учебного заведения, закрывавший путь в другое учебное заведение.

О 1870-х гг.: «Ученики нередко ухитрялись подслушивать речи учителей во время заседаний Педагогического совета, и всегда оказывалось, что грозный инспектор являлся там горячим защитником всякого провинившегося гимназиста, принципиальным врагом суровых кар, особенно же так часто практиковавшегося в те времена исключения из гимназии с волчьим билетом» (Якубович, 1989, 113).

О начале XX века в Москве: «Я знал, что меня ждёт “волчий билет”, то есть исключение из гимназии без права поступить в другую» (Шнейдер, 1970, 15)

ВОЛЧОК – игрушка в виде круга или шарика на оси, которая при быстром вращении удерживается в вертикальном положении; *юла*.

О середине XIX века: «Говорит брат сестре: “Не тронь моего волчка”. Отвечает сестра брату: “А ты не тронь моих кукол”.... Скоро им обоим стало скучно» (К.Д. Ушинский).

О Саратове 1890-х гг.: «На том же дворе жил токарь по дереву, он делал нам “точки” разной величины, которые мы вращали особыми кнутиками, этот спорт в то время очень был развит среди ребят, делал нам волчки (юлы) с дырой – они при вращении издавали сильное гудение» (Золотарев, [до 1975] 1995, 59).

О 1930-е гг.: «Пилсудский торгует в будке за церковным садом. Семь лет уже торгует – с двадцать третьего года. На полках у него – волчки, куклы, папиросы, конверты, душистое мыло...» (Будогоская, [1929] 1988, 85).

О 1930-х гг.: «Мама спит, она устала.../ Ну и я играть не стала! / Я волчка не завожу, / А уселась и сижу» (Благинина, [1940] 1968, 9).

О середине 1940-х гг.: «Мой волчок – на тонкой ножке, / С деревянной головой. Покрутил его немножко – / Оказалось, он живой. Он и пляшет, и поёт, / И гудит, как самолёт. / Он бежит бегом, / Он жужжит жуком. / Покружился мой волчок, / Завалился на бочок, / Лёг на коврик / И – молчок...» (Саконская, [1948] 1961, 12).

О вт. пол. в нач. 1960-х гг.: «Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел... пластмассовую дудку, помятый волчок... и много... разного игрушечного утиля» (Драгунский, [1966] 1975, 37).

ВОЛЧОК серенький – серый волк, персонаж колыбельной.

О 1987–1991 гг.: «Когда я была маленькой, то мифом в моей жизни было представление о Бабе-Яге, Бабайке и других придуманных родителями существ для того, чтобы напугать меня, заставить хорошо себя вести. Например, на ночь пели песню: “Баю-баюшки-баю, / Не ложися на краю, / Придет серенький волчок / И ухватит за бочок”. Появилось представление о сереньком волчке, который хватается всех непослушных детей» (100).

ВОЛЧЬИ ягоды – «листопадный, маловетвистый кустарник семейства волчниковых... Все части растения ядовиты... Волчьими ягодами называют также и другие кустарники и травы с красными и чёрными ягодовидными несъедобными или ядовитыми плодами, например, бузину красную, крушину ломкую... а также жимолость лесную; из трав – воронец, вороний глаз, некоторые паслёновые и др.» (Шиманюк, 1971, 333).

О шестилетней девочке в середине 1850-х гг.: «...Мы с сестрой раз убежали из дому, заблудились, пропадали целый день а когда нас разыскали к вечеру, мы успели объесться волчьими ягодами и проболели несколько дней» (Ковалевская, [1890], 1986, 53).

«ВОЛШЕБНИК Изумрудного города» – сказочная повесть Александра Мелентьевича Волкова (1891–1977). Издана впервые в 1939 году. Книга представляет собой литературный пересказ повести Л.Ф. Баума «Мудрец страны Оз». Сказочная повесть А.М. Волкова обрела огромную популярность в стране и многократно переиздавалась.

Об отличиях сказки А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» от сказки Л.Ф. Баума «Мудрец страны Оз»: «Сохранив почти все повествовательные движения сказки, Волков решительно изменил стилистику повествования. Точную, но графически суховатую прозу Баума он “перевёл” в акварельно-мягкую живопись. Американская сказка не психологична, внутренний мир человека исследуется в ней сугубо рационально. Пересказ Волкова обогатил сказку иронич. психологией (или, если угодно, психологич. иронией)... Четыре симпатичных героя “Мудреца из страны Оз” одерживают победы с легкостью и впрямь сказочной. Легкость их побед чрезмерна, пожалуй, даже для сказки... Волков, должно быть, заметил в “Мудреце” эту особенность, она показалась ему сомнительной, и он “подбросил” героям дополнит. трудности, создал на их пути новые, более сложные препятствия. Так появились в “Волшебнике Изумрудного города” главы, не имеющие соответствий в американской сказке: “Элли в плену у Людоеда”, “Наводнение”, “В поисках друзей”. Из них первая представляет собой вставку, две остальные – замену глав “Бой с воинственными деревьями” и “В стране Хрупкого фарфора”... Вместо женственного (“для девочек”) эпизода с фарфоровыми куколками Волков

ввёл сцену мужественной борьбы с наводнением, захлестывающим островок, на котором очутились наши герои. Замену определила тема, актуальная для советской лит-ры тех лет – одоление природы, борьба с ее необузданными стихиями. Четвёрка героев выдерживает натиск волн на своём островке, как папанинцы на льдине или челюскинцы на гибнущем корабле... Баум, по-видимому, знал сказку Кэрролла об Алисе – следы знакомства с нею обнаруживаются в “Мудреце из страны Оз”, и самый заметный из них – глава “В стране Хрупкого фарфора”... Из волковского пересказа выпали все места, так или иначе связанные с “Алисой”, – в том числе целая “кэрроллианская” глава. Следовательно, “Волшебник Изумрудного города” противостоит “Алисе” ещё резче, нежели “Мудрец из страны Оз”. Потом, уже после войны, Волков снова переделает сказку и ещё дальше – много дальше – уйдет от своего американского источника. В том, послевоенном варианте, появится множество остроумных находок: ураган, уносящий домик Элли в сказочную страну, будет вызван колдовством ведьмы Гингема, которая под этим домиком и погибнет, – следовательно, по собственной злой воле; безмолвный песик Тоттошка заговорит и принесёт для Элли волшебные туфли Гингема... Волкову казалось, будто в сказке отсутствует сюжетный стержень, – и таким стержнем стало предсказание феи Виллины, а главным действием сказки возвращение героини домой» (Петровский, 1986, 254–258).

Об истории издания и восприятия повести А.М. Волкова в 1939–1984 гг.: «Издательская судьба книги идёт своим чередом: через несколько месяцев после выхода первого издания, в том же 1939 году, книга была в срочном порядке выпущена вторым изданием – таким же тиражом (25 тыс. экз.). Ко времени появления тиража второго издания уже всю кипела работа над третьим, которое вышло в самом начале 1941 г. в массовой серии “Школьная библиотека” (177 тыс. экз.). Таким образом, до начала войны читатель получил 227 тыс. зелененьких книжек “Волшебника Изумрудного города”. Продолжается и авторская судьба книжки: после войны Волков ещё раз основательно переработал сказку, ещё дальше увел её от американского первообразца, и “Волшебник Изумрудного города”, изданный в Москве и Минске, начал новый виток своего успеха... “Волшебник Изумрудного города” – это книга нашего детства!» – воскликнула Ирина Токмакова. Люди того поколения могут подтвердить: на их детстве лежат изумрудно-зелёные отблески этой книги. Владелец экземпляра “Волшебника” был счастливым и богачом, в библиотеках на книгу записывались в очередь, прочитавший смотрел на нечитавших с чувством сожаления и превосходства. Ещё бы – ведь он побывал, а те не побывали в волшебной стране этой книги! В дет. библиотеках “Волшебник” до сих пор содержится в фонде самого высокого спроса и, как мог убедиться автор этих строк, работая над историей книги, выдается осторожно, как премия добросовестному и толковому читателю...» (Петровский, 1986, 270–271).

Рассказывает А.М. Волков: «В 1939–1941 гг. сказка “Волшебник Изумрудного города” вышла тремя изданиями общим тиражом 227 тыс. экз.... Читатели первых изданий “Волшебника Изумрудного города”, ...мальчишки и девчонки довоенной поры, давно выросли, когда в изд-ве “Советская Россия” появилось новое, основательно переработанное и дополненное издание этой сказки с прекрасными цветными иллюстрациями Владимирского. Это произошло в 1959 г. Сказка... получила громадное распространение: ...за прошедшие с тех пор годы вышло 1 250 000 экз. “Волшебника”, не считая переводов на другие языки, а это тоже сотни тысяч книг. Девочка Элли, её смешные и милые друзья Страшила, Железный Дровосек, Смелый Лев полюбили ребят. Они засыпали автора множеством писем, требуя продолжить приключения героев... Автору пришлось подчиниться... Первым продолжением “Волшебника” стала сказочная повесть “Урфин Джус и его деревянные солдаты”... “Урфин Джус” только раззадорил, что называется, юных читателей, поток писем с

требованиями продолжать эпопею о Волшебной стране не иссякал. “Зацепка” для создания новой книги нашлась. В “Урфине” было рассказано о том, как Элли и её спутники, пробираясь к Изумрудному городу подземельем, увидели колоссальную пещеру, населенную людьми, драконами, странными шестилапыми зверями... Чем не сюжет для новой сказки? Так появилась третья сказочная повесть “Семь подземных королей”... Четвёртая сказка, “Огненный бог Марранов”, снова ставит в центр событий злого Урфина Джюса... [Цикл продолжают сказки] “Жёлтый туман” и “Тайна заброшенного замка”. Я получил тысяч писем с похвальными отзывами о моих сказках, о чудесных иллюстрациях Л. Владимирского» (Волков, [1975] 1978; 74, 75–77).

О Свердловске середины 1960-х гг.: «Изумруд. Этот изумительный самородок я только и знал, что по картинкам в книжке писателя Волкова “Волшебник Изумрудного города”. Мне откуда-то издалека прислала её в подарок тетюшка. Надо заметить, что я был в том возрасте, когда даже весьма условные изображения действуют не слабее реальных вещей. И судя по тому, как меня пугала пещера Гингеми и сам облик этой злобной колдуньи – так, что я зажмурился, прежде чем перелистнуть известную страницу, – можно представить и насколько захватывающим дух казалось обилие изумрудов в волшебном городе под началом Гудвина» (Застырец, 2006).

Об изобразительных «переработках» повести: «В 1973 году объединение “Экран” сняло десятисерийный мультфильм кукольный фильм по сказкам Волкова “Волшебник Изумрудного города”, “Урфин Джюс и его деревянные солдаты” и “Семь подземных королей”. Фильм был несколько раз показан по Всесоюз. телевидению. Ещё раньше Московская студия диафильмов выпустила ленту “Волшебник Изумрудного города”» (Петровский, 1986, 273).

Издание в начале 1990-х годов на русском языке оригинальной повести не изменило ситуации. Повести Л.Ф. Баума осталась на периферии читательского интереса, а переиздание повестей А.М. Волкова продолжалось и в 1990-е и в начале 2000-х гг.

О Симферополе в 1994 г.: «До 1995 г. я жила в Крыму и всё своё детство я провела там. Когда мне было 5 лет, я попросила маму прочитать мне книгу “Волшебник Изумрудного города”. Я слушала маму с замиранием сердца и я очень сильно переживала за главных героев. Но уже буквально через год по первому каналу показывали мультфильм, поставленный на основе этой книги. Я была очень разочарована в мультике, так как когда моя мама читала мне книгу, я представляла всех героев и всё по-своему. И когда я увидела мультфильм, мои все стереотипы просто разрушились. Но несмотря ни на что, я до сих пор люблю эту книгу. Сейчас я сама читаю её своей младшей сестрёнке. Я смотрю на неё и вижу, как она переживает за Элли и её друзей, прямо как я, когда была маленькая» (046).

О г. Далматово в 1994 г.: «Моей любимой книгой, которую я впервые прочитала в 1994 г., когда мне было 7 лет, является “Волшебник изумрудного города”. Эту книгу я перечитывала много раз. Любимым персонажем была Элли и Смелый Лев. Элли в книге всегда смелая, решительная, добрая, и мне хотелось на неё походить. Именно эта книга развила во мне такие качества как преданность другу и взаимопомощь» (059).

О 1994 г.: «[Книгу] “Волшебник Изумрудного города” (и всю эту серию Волкова) [я] читала запоями, многие моменты до сих пор помню наизусть» (006).

О г. Снежинске Челябинской обл. в 1995 г.: «Когда мне было 11 лет, у меня была толстая книжка, где были все произведения серии “Волшебник Изумрудного города”, написанные Волковым. Мне нравилось читать про девочку Элли и её друзей. Из волшебниц нравилась Стела, так как она была самой молодой и красивой на иллюстрациях. Мне хотелось верить, что есть на самом деле такая страна, где все животные разговаривают» (117).

О девочке 12 лет в 1995 г.: «Моя любимая книга – “Изумрудный город”. Первый раз я прочитала эту книгу

в 12 лет. Читала раз семь. Мне нравилась эта книга, потому что в ней описаны приключения, волшебство, путешествия, много героев. В этой книге мне понравилась Элли, потому что она смелая, добрая, дружелюбная, целеустремленная девочка» (196).

О с. Межборном Притобольного р-на в 1995–1996 гг.: «В 11–12 лет от книги “Волшебник Изумрудного города” я была просто в восторге. Не помню, как звали всех героев, но запомнилась собака Тотошка. Еще были злые колдуньи, саблезубые тигры, девочка – главная героиня (кажется, звали Эмми), её друзья Дровосек, Чучело. Больше всего мне нравился Чучело, мне он казался самым добрым и наивным. Эта книга мне казалась самой справедливой, где добро побеждает зло. Тем более, что в ней всё начиналось как в реальности, поэтому я верила, что подобная волшебная страна существует на самом деле» (099).

О вт. пол. 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Самая запоминающаяся книга, которую я помню до сих пор и даже храню в своем новом доме, – это “Волшебник Изумрудного города”. Она произвела на меня огромное впечатление. Я так переживала за Элли и её друзей. Я просто не могла оторваться от этой книги. После я перечитывала её снова и снова, но она всегда была мне интересна. Я читала её столько раз, что выучила наизусть, я могла пересказать её из слова в слово, я пересказывала эту книгу своей младшей сестренке, даже бабушке... Когда у меня будут дети, то я обязательно подарю им свою самую любимую книгу из детства» (174).

О 1998–2000 гг.: «Книгу “Волшебник Изумрудного города” прочитала впервые в 1998 году. Мне в детстве очень нравилась эта сказка. Каждый раз, когда я заболела, я читала эту книгу. В этой книге мне очень нравилось то, что чучело, собака, девочка, лев и дровосек искали волшебника. Мне нравилось, когда они попадали в передряги, спасали друг друга, пытались исполнить свою мечту» (007).

О конце 1990-х гг.: «Самая первая книга, которая произвела на меня наиболее впечатление, была “Волшебник Изумрудного города”. Её нам задали прочитать в 4-м классе. Как помню, она читалась легко и увлекательно, явно представлялось всё происходящее. Теперь, когда я вспоминаю школу, особенно начальные классы, перед глазами встаёт именно эта книга» (177).

О конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Намного позже, когда я уже умела читать, я прочла книгу “Волшебник Изумрудного города”. Эту книгу я перечитывала раз за разом, и она осталась моей любимой книжкой на всю жизнь» (175).

О нач. 2000-х гг.: «В четверг Милена... принесла свою любимую книжку “Волшебник Изумрудного города”. Она была большого формата, старая и растрёпанная, читанная, наверно, раз тысячу. Или чуть больше. В ней были очень забавные рисунки. Конечно, Лена давно уже её не читала – потому что выросла и ещё потому, что знала её почти наизусть. Но Машка эту книгу ещё не видела... Лена открыла книгу. Она знала, что сказка девочке должна понравиться, но даже не представляла себе – насколько! Малышка сидела и слушала, открыв рот» (Дзюба, 2003, 82–83).

«**ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО**» – рассказ В. Осеевой, впервые опубликованный в 1944 г.; сборник рассказов В. Осеевой.

О 1960-х гг.: «Кто из наших детей не знает сборника рассказов В.А. Осеевой “Волшебное слово”?... Совершенно справедливо рекомендовала в своё время “Учительская газета” родителям и воспитателям использовать рассказы Осеевой в беседах с детьми. И сейчас нередко можно услышать вопрос, обращённый к ребёнку: “А ты забыл “волшебное слово”?» (Кремьянская, 1969, 178).

Рассказ о «волшебном» действии слова «пожалуйста» стал хрестоматийным. Рассказ «Волшебное слово» как в составе одноименного сборника рассказов В. Осеевой, так и в сборниках произведений для детей многократно перепечатывался в 1950-е – 1970-е гг.

«**ВОЛШЕБНОЕ ТАКСИ**» – веселое радиобозрение для дошкольников, приложение к передаче «Угадайка».

Впервые в эфире прозвучала 1 ноября 1956 года (автор С.М. Богомазов).

О 1960-х гг.: «...По ходу “Угадайки” дети – и действующие в ней, и слушающие её – переезжают с места на место, встречаются со многими людьми. Ну, хотя бы с дет. поэтами, кот. читают ребятам свои новые поэтические загадки. И ещё: часто приходится въезжать, или влетать, или вплывать в новую загадку! Нужен транспорт. Не ковер-самолет, а нечто более современное: такси. Не простое, конечно, – волшебное. Отсюда и выросла новая, смежная с “Угадайкой” форма радиопередачи для малышей: “Волшебное такси”. Возник постоянный персонаж – его шофер. Артист Борис Иванов. И вот уже слышится знакомая песенка: “Такси умею я водить, / Сигналов не даю, / А чтобы всех предупредить, / Я песенку пою. / Скорей, дружище светофор, / Свой красный свет гаси – / Летит, летит во весь опор / Волшебное такси!” Чем шире популярность дет. передач, тем острее необходимость в “волшебном такси”. Смотрите: за один только день “Угадайка” получила почти пятнадцать тысяч писем. Ребята прислали хорошие ответы, отгадали загадки, интересно иллюстрировали их. Дет. писем слишком много, чтобы все их читать по радио: есть с далекого острова Цейлон, есть из... Хельсинки, есть из Польши и Болгарии... Надо же детям поводить своих корреспондентов! Здесь не обойтись без “Волшебного такси”. Только куда ехать? Надо Галочке или Боре зажмурить глаза и вытащить наугад письмо. В городе Джорхате живет мальчик..., которому хочется побольше узнать о советских ребятах. И “волшебное такси” мчит участников “Угадайки” в сказочную Индию.... Пальмы. Слоны. Новая, рассказанная индийской учительницей нар. индийская сказка-загадка о том, какмышь выручила тигра. А вот “волшебное такси” везет Дедушку, Бору и Галочку в Книгогород, на “Книжину неделю”. Везёт не зря, потому что в книжном городе возникают новые загадки, связанные с книжными новинками» (Бегак, 1972, 132–133).

ВОЛШЕБНЫЙ фонарь – «аппарат, служащий для показывания на экране в увеличенном виде изображений, сделанных на стекле» (Словарь, 1951–2, 629); «Устар. Прибор для проекцирования на экран изображений, сделанных на стекле» (Словарь, 1991–2, 430).

О 1860-х гг.: «Кроме того, в кабинете стоял столярный станок и масса интересных начатых работ. То дедушка делал для своей босоногой команды волшебный фонарь, то клеил огромный змей, иногда делал театр кукольный, то что-нибудь чинил» (Лукашевич, [1918] 1994, 97).

О конце 1900-х – нач. 1910-х гг.: «...Волшебный фонарь с его вытяжной трубой, загнутой назад гармоникой, с его неподвижными разноцветными картинками – диапозитивами, – которые обычно проектировались на белой стене или даже просто на светлых обоях, с его керосиновой лампой с рефлектором и быстро накаляющимся черным железным корпусом, сквозь щели и дырочки которого в разные стороны вылетали зеркальные зайчики, неподвижно пятная стены, пол, потолок темной комнаты, наконец, с запахом горелой краски и копотью, струившейся вверх из вытяжной трубы, этот традиционный волшебный фонарь, который дома был игрушкой, а в гимназии назывался учебным пособием, уже устарел» (Катаев, [1972] 1983, 125–126).

О нач. 1910-х гг.: «В магазине Колпакчи на Екатерининской улице продавались детские игрушки. Наиболее привлекали к себе внимание – да просто вы окаменевали, глядя на них! – волшебные фонари. В них была всегда вложена пластинка с изображением – с торговой, так сказать, целью: посмотрите, мол, как это делается. Бледная туманная пластинка из матового стекла, которая... Нет, это очень неясное описание! Он был заряжен, волшебный фонарь, вот как надо сказать, заряжен, и если бы можно было зажечь лампу, стоящую в нем, и если бы в помещении было темно, то можно было бы тут же и пустить его в действие – пластинка тут же появилась бы на стене в виде румяного, зеленого, карминового светящегося изображения какой-нибудь, известной всем детям, сказки. Волшебный фонарь был игрушкой, о которой даже не следовало мечтать...

Вероятно, это стоило очень дорого. Он стоял, блестя своей черной камерой, как некий петух, глядящий поверх всех. Мы не мечтали о нем. Мы покупали пистоны» (Олеша, [1931] 1999, 71).

О конце 1930-х гг.: «Какой хороший Новый год был в прошлый раз! Мама и папа были дома. Пришли знакомые ребята и принесли волшебный фонарь. А в фонаре были картинки про медведя, и про лису, и про деду избушку...» (Эмден, 1965).

О 1946–1948 гг.: «Появились в продаже игрушки... Особую радость доставляли “Волшебные фонари”, фильмоскопы с диафильмами. Когда ещё не было телевизора, домочадцы гасили свет в комнате, самый младший член семьи включал свой аппарат и на стенке или простыне появлялись черно-белые или цветные картинки с титрами: “Синдбад-мореход”, “Калиф-аист”... и многие другие, которые запоминали наизусть» (Андреевский, 2003, 383).

О 1940-х гг.: «“Возьми мои лыжи, коньки, волшебный фонарь, альбом с марками”... “Хочешь, я дам тебе волшебный фонарь со всеми картинками? Ты ведь очень хотел, чтобы у тебя был волшебный фонарь” “Нет, не надо мне волшебного фонаря. Бери так”... “Дружба ведь дороже волшебного фонаря”» (Носов, [1947] 1979–1; 54, 55).

О конце 1940-х гг.: «В этот день папа подарил мне волшебный фонарь с картинками... Восьмого ноября тоже был праздник. Я побывал в гостях у многих ребят из нашего класса, и многие ребята побывали у нас. Мы только и делали, что играли в разные игры, а вечером смотрели на стене картины от волшебного фонаря» (Носов, [1951] 1979–1; 473, 474).

О середине 1950-х гг.: «Катя задумалась на минутку. “Вот глупая!” – вдруг сказала она сама себе и схватила с этажерки глиняную свинью-копилку, в которой копилась деньги на “волшебный фонарь”» (Гернет, Ягдфельд, [1957] 1959, 21).

ВОЛШЕБНЫЙ экран – игрушка, появившаяся примерно в 1990-е годы. Проводя палочкой по поверхности экрана, ребенок получает изображение. Затем крышечка приподнимается, и рисунок стирается, можно рисовать снова.

«ВОЛШЕБНЫЙ ящик» – оптическое устройство для рассматривания занимательных картин.

О конце 1920-х – начале 1930-х гг.: «Во второй “комнате” стоял письменный стол..., кровать Андрея Ивановича и его кресло-коляска... Настоящим чудом был “Волшебный ящик”, который стоял в первой комнате в углу, между окном и портьерой. Это была высокая тумба, высотой со взрослого человека. В верхней её части были вделаны два окуляра – стеклянных глазка в оправе, в которые нужно было смотреть. Для нас, детей, подставлялись разные по размеру скамеечки, смотря по нашему росту. Это был огромный стереоскоп. Глядя в окуляры, мы видели внутри ящика, освещённые боковым светом откуда-то из глубины, “живые картины”. Справа на тумбе были две ручки. Поворачивая одну, можно было менять картины. Другая возвращала картины, если было нужно, назад. Картин было очень много, мы уставали смотреть их. Это были виды городов и картины из древней мифологии. Это было удивительное зрелище! Картины были большие, сантиметров 30 в длину. Нам казалось, что всё это мы видим живое, только в уменьшенном виде. До сих пор в памяти у меня осталось несколько картин. Особенно ярко запомнилась одна: греческий бог обнажённый, с могучей кудрявой бородой, лежит, наполовину погружённый в воду, вокруг него резвятся маленькые дети с крылышками (я не знала тогда, что это были за дети), в прозрачной воде видны стебли лилий, цветы, как живые, вплетены в волосы великана, вода стекает светящимися каплями с его волос. От этой картины мы просто не могли оторваться. Но нам не всегда разрешалось смотреть в “Волшебный ящик”, а когда позволяли, мы, боясь пошевелиться или зашуметь, чтобы не спугнуть, смотрели чудные видения» (Кубанева, 1988).

«**ВОНЮЧКА**» – школьная игра, аналог игр «Сифа»; «Сифак»; «Чуханка»; «Догони меня, кирпич».

О середине 1970-х гг.: «В младшем возрасте мы играли в игру “Три-пятнадцать”... А в старших классах стали играть в игру с таким очень невзрачным, неприятным названием “Вонючка”. Правила этой игры заключались в том, что галящий бегал за нами с тряпкой, которой стирают с доски, и в кого попадает, тот становится “вонючкой”. Тряпка должна быть обязательно сухой, чтоб хуже летала. На перемене, конечно, всё своим чередом, по правилам, если ты быстро передала эту тряпку, тем лучше, но когда звенел звонок, то игра не прекращалась, так как все 45 минут ты остаешься “вонючкой”, если эта тряпка у тебя, и все, затыкая нос, показывают и шепчут: “Фу, пахнешь!”, – поэтому эта игра продолжалась на уроке, но в более закрытой форме, но все равно продолжалась. Случалось, что галящий бросил и не попал ни в кого, то ему нужно было как-то эту тряпку подобрать, то придумывались различные вещи: или бросишь туда ручку и просишь разрешения достать её, или просишься выйти, поднимая, уходишь. Но после шестого урока игра заканчивалась со звонком, и галящий до утра не считался неотгальненным, но на следующее утро, как только он приходил в школу, ему вручают тряпку и он становится галящим» (479).

ВООБРАЖАЛА – ребёнок, который, по мнению окружающих, мнит о себе, считает себя выше, значительнее, чем на самом деле.

О 1930-х гг.: «“Воображала! – крикнул Витька. – Получил “оч. хор.” и нос задрал”... “Воображала! – сказал Витька. – Идешь к дядечке?”» (Коринец, [1968] 1977; 115, 116).

О 1970-х гг.: «На дорожке показалась Лена... Она быстро шла к автобусу. Виновато улыбувшись, Володя шагнул ей навстречу... Но Лена вдруг ни с того ни с его повернула на сто восемьдесят градусов и обошла автобус с другой стороны. “Воображала!” – крикнул Юрик» (Ампеловы, 1980, 59–60).

О середине 1970-х гг.: «Тося слушала всё это, вытаращив глаза. Столпившиеся вокруг пятиклассники с удивлением взирали на эту сцену. “А ты... – закричала Тося, – ты... вредина! Воображала! Я хотела с тобой дружить, а теперь ни за что не буду!...” Перед невидящим взором потерпевшей крушение отличницы вставали торжествующие Гвоздева с Собакиной, и до её ушей долетали произносимые ими свистящим шёпотом слова: “Воображала! Так ей и надо! Пусть не задаётся. Уж теперь-то она ни за что не выйдет в отличницы!”» (Пивоварова, 1977; 24, 75).

См. также: «Воображала, хвост поджала!»; *Воображуля*.

ВООБРАЖАЛА хвост поджала – дразнилка.

О 1930-х гг.: «“Воображала! – крикнул Витька. – Получил “оч. хор.” и нос задрал”... А ты не получил! – крикнул я. – Потому не задрал!” Витька был второгодник. “Подумаешь! – крикнул Витька. – Зато у меня дохлая крыса! Я её сам убил, из рогатки...” “Сам ты дохлая крыса!” – сказал я. “Воображала, хвост поджала!” – крикнул Витька, размахивая крысой» (Коринец, [1968] 1977, 115).

См. также: «Воображала», «Воображуля первый сорт»; «Выбражуля номер пять».

ВООБРАЖАТЬ – задаваться.

О девятикласснице во второй половине 1950-х гг.: «Зина: Прелестно. Если чего-нибудь не поймешь, она [Ира] смотрит на тебя, как на последнюю дуру. Много воображать стала, потому что пятёрки кругом. Нора: А ты заведи пятёрки и воображай на здоровье. И завидно не будет» (Гераскина, 1962, 123).

ВООБРАЖУЛЯ первый сорт... – дразнилка.

О второй половине 1960-х гг.: «Зато Соня Мишку поддержала. “Видела я её, – сказала она, – воображуля первый сорт... Пальто заграничное, берет мохнатый... Разодета, как на выставку» (Драбкина, 1975, 75).

О 1960-х – 1970-х гг.: «Дразнилке: “Воображуля – первый сорт, / Куда едешь? На курорт. / Шапочка с пумпончиком, / Едешь под вагончиком!” – соответствует отговорка: “А я еду закаляться, / А ты едешь

задаваться!”» (Осорина, 1985, 58–61).

О середине 1980-х гг.: «Когда мы одевались принцессами, то я всегда говорила: “Воображуля первый сорт, / Куда едешь? – На курорт / С белым чемоданчиком / Целоваться с мальчиком”. Есть и продолжение, но, к сожалению, больше не помню» (537).

См. также: *Воображала*; «Воображала хвост поджала»; «Выбражуля номер пять».

«ВОПРОСНИКИ» – вероятно, принятое в конце 1930-х годов название тетрадей для ответов на вопросы. Вероятно, аналог *анкет*.

В повести Л.А. Кассиля «Великое противостояние» рассказывается о событиях 1938 г. Девочка-старшеклассница идет на день рождения к однокласснице. Знакомство с домашним (внешкольным) времяпрепровождением старшеклассников конца 1930-х годов читатель получает из главы 2-й «На кого вы похожи?». В ней описывается «вопросник», аналог позднейших «анкет» (последняя треть XX века): «“Ребята, Крупицына своей персоной явилась!...” Все вылетели в переднюю и окружили меня... Тата, в новом платье... схватила меня за локти и закружила: “... Идём, идём, ты тоже должна написать что-нибудь”. Толкаясь в дверях, мы ввалились в столовую... На столике перед диваном лежала толстая тетрадь. Все окружили столик, подталкивая меня: “Пусть и Крупицына напишет!” Я взяла тетрадь. На первой странице ее было крупно выведено: “Прошу писать откровенно”. Я уже слышала, что в школе в старших классах ребята завели такой вопросник. Там наставили разные вопросы о нашей жизни, настроении, о дружбе, о любви, и каждый должен был писать тогда все начистоту и без утайки. И наши девочки, видимо, собезьянничали у старших. “Когда Вам бывает скучно?” – прочла я. Под этим на странице разными почерками, среди которых я увидела много знакомых, были записаны ответы: “Тогда, когда у меня плохое настроение”. “В нашем государстве не бывает скуки”. “У Сони Крук не бывает скучно...” Кто-то сунул мне в руку химический карандаш. “– Внимание! У нашего микрофона Крупицына!” – провозгласил Ромка. И я написала: “Мне бывает скучно, когда ко мне плохо относятся. И потом, от глупых острог мне тоже скучно”. “Ого! – многозначительно сказал Ромка Каштан. “Кого или чего вы больше всего боитесь?” – было написано на второй странице. “Никого и ничего не боюсь”. “Мне еще незнакомо жалкое чувство трусости”. “Боюсь пьяных, зачетов и мышей”. “Иногда побаиваюсь собак, несмотря на возраст”... “Никого и ничего не боюсь. Кроме сплетен и сплетниц”, – прочла я дальше и узнала почерк Ромки Каштана. “Мстительны вы или нет?” “Смотря за что и кому. Мшу редко, но метко. Но я еще не всем отомстил, кому мне следует мстить...” Это опять почерк Ромки. Я быстро перелистала тетрадь. Мне не хотелось отвечать на эти вопросы сейчас же, при всех. “Можете ли вы пожертвовать собой?” “Если этого требует близкий человек или дело, то, конечно, да”. “Думаю, что могу, если надо будет”. “Для Родины, для любимых друзей всегда и во всем, даже жизнью (для Родины)”. Мне тоже захотелось написать здесь именно такой ответ, но тогда надо было бы отвечать уже на все вопросы, а их было очень много. Тетрадка спрашивала и о том, кого я больше всего люблю на свете, и о том, что мне нравится во владелице тетради, то есть в Тате, – эта страница целиком была заполнена всякими похвалами Тате: ум, красота, глаза, волосы, веселый нрав, хороший характер. Потом надо было еще написать, каков у меня характер ..., что лучше – откровенность или скрытность..., чем увлекаюсь..., с кем я хочу дружить..., есть ли у меня враги ..., кто моя симпатия..., довольна ли я жизнью... и о чем я мечтаю... “Я лучше потом напишу”. “Нет, нет, надо сейчас!” – закричали все. Тата пришла мне на помощь: “... Давайте лучше играть во что-нибудь или потанцуем...”» (Кассиль, 1987, 76–78).

«ВОРОБЕЙ» – журнал для детей, издававшийся в Петрограде с октября 1923 года. В 1923 году «Воробей» – скорее, ещё альманах. Однако в 1924 году положение меняется. С № 4 на его обложке появляются слова «ежемесячный детский журнал». Эти изменения связаны с активной деят-стью С.Я.Маршак, который, не будучи

офиц. сотрудником, увлеченно работал над созданием нового журнала, объединяя вокруг него как опытных, так и молодых литераторов. «К середине 1924 года “Воробей” становится журналом с сильным лит. активом, с различными отделами: литературным (проза и поэзия), научно-попул., природоведч., публицистическим (очерки, сообщения на полит. темы), развлекательным (игры, загадки, головоломки, шарады) и даже спортивным, что не часто встречалось в ту пору. Расцвет журнала, начинающийся с середины 1924 года, почти совпадает с переименованием “Воробья” с № 8 в “Новый Робинзон”. Под новым названием и в новом качестве он просуществовал еще полтора года» (Колесова, 1993, 34–35)

«ВОРОБЧАТНИКИ» – прозвище учеников четырехклассного *городского училища*. О 1900-х гг.: «Прохожие ругаются: “Воробчатники!...” Почему у нас такая кличка – воробчатники? В городе есть гимназия, техническое училище, коммерческое училище, мореходное. В каждом училище своя форма. Гимназисты ходят в мундирчиках с серебряными пуговицами, техники – в тужурках с золотыми пуговицами, а на пуговицах молоточек и гаечный ключ, у коммерсантов – бархатные зеленые петлички на тужурках и тоже золотые пуговицы. Это все дети дворян, купцов, чиновников. “Воробчатники” их не зовут, “воробчатниками” зовут только нас, учеников четырехклассного городского училища. Ни форменных фуражек, ни золотых пуговиц на нас нет, ходим и чем попало: один в сапогах, другой в козловых полуботинках; на том – шапка, на этом – кепка; кто в сатиновой рубашке, кто в недоношенном отцовском пиджаке. Мы – это дети ремесленников, мелких лавочников, конторщиков, извозчиков и, в редких случаях, рабочих. Учим мы тут и геометрию, и алгебру, и минералогию с зоологией, а когда кончаем училище, то не знаем, куда себя приткнуть: мы ничего не умеем. И идем в писцы, в счетоводы. Только редко кто, поднатужившись, держит экзамен на звание учителя начальной школы и едет в деревню учить детей грамоте» (Василенко, [1961] 1967, 155–156).

ВОРОВСТВО детское.

О девочке 8–10 лет 1943–1945 гг.: «...А зимой мы стащили целый бак самодельного мороженого. Его продавала тетка Поля, грубая, толстая... Знакомство с ребятами было и опасным, и романтичным. Многому меня научило. И хорошему, и плохому. Я знала, что “ракло” лучше, чем “сявка”. “Сявка” – это опустившийся, безвольный человек, ничто. А “ракло” – это вор действующий, сообщающий. Я научилась воровать. Для этого пользовалась всё тем же способом “отвлечения”. Рассматриваю себе на прилавке штучный товар. Прямо перед носом у торговки... Перегнувшись через стол, перебираю правой рукой товар, стоя на цыпочках. Товар ругаю или хвалю, а левой рукой незаметно первое попавшееся тихо опускаю вниз под прилавок. Смотришь, яблоко или помидор есть. На базаре дорого стоили кремни для зажигалок. За один камешек можно было купить гору леденцов. Подойду к прилавку, послонявлю указательный палец и как бы случайно уроню его на разложенные камешки... “Нет, моему папе эти слишком большие”. – И отхожу. А на палец два-три камешка и прилипло. Осенью мама возвратилась после менки. За “то” мыло она привезла мешок фасоли. “Сейчас куплю луку... сварю фасолевого суп... соль у нас еще есть”, – сама себе приговаривала мама, перебирая у торговки лук. “Мам! Пойдем со мной...” Мы отошли... Мама смотрела на меня с тревогой: мол, что случилось, с чего это вдруг “пойдем”? Я ей протянула большую головку синего луку. – Боже мой, какой ужас! Где ты его взяла? “А ты его дольше всех в руке держала... А пока ты с теткой говорила...” Мама хрясть по щеке. Я даже не успела договорить. Она быстро пошла вперед. “Какой ужас! Если бы Марк это узнал! Он же никогда и крошки чужой не возьмет. Откуда это у тебя?” Откуда, откуда... Сама уйдет на свою менку – и жди ее. Что оставит, съедается быстро, а потом что? Да что я, одна? Все дети так. Все! Ничего больше не буду ей рассказывать... Дома мама отошла. Она нудным тоном вычитывала мне, какой

должна быть девочка, как некрасиво я поступила... А потом взяла с меня слово, чтобы “это” было в первый и последний раз. Я дала честное слово. Но это было только начало. Я воровала до двенадцати лет. В школе – ручки, перья, тетради. В гостях – сахар, конфеты, печенье. Все копила на “чёрный” день. В укромном месте я прятала свои запасы. Старые съедала, а новыми пополняла. А потом в одно прекрасное утро все кончилось. Желание воровать исчезло навсегда. Даже как-то скучно стало...» (Гурченко, [1980] 1987, 57–59).

См. также: *Красть яблоки из сада...*

«ВОРОНА и лисица» – одна из басен И.А. Крылова. В 1970-е – 1990-е гг. изучается в школе. См.: *Басня, Басни И.А. Крылова*.

О девочке 4–6 лет в г. Когалыме в 1992–1994 гг.: «Мама мне читала басни Крылова. Басня “Ворона и лисица” мне очень нравилась, и мама помогла её выучить» (134).

О с. Мальцево Шадринского р-на в 1996 г.: «Когда я училась в 5 классе, мы учили наизусть басню Крылова “Ворона и лисица”. Басня хорошо запомнилась, и я выучила её очень быстро» (019).

О с. Красная звезда Шадринского р-на в 1996–1997 гг.: «Басни Крылова проходили, мне кажется, классе в 5–6. “Ворону и лисицу” заучивали наизусть» (011).

ВОРОТ – «Пришивной край одежды, облегающий шею, а также вырез в одежде около шеи с разрезом на груди или без него» (Словарь, 1951–2, 580).

Сыпать снег за ворот.

О 1918–1919 гг.: «Ребята обрадовались первому снегу. Им хотелось покататься на санках с горки, побегать по скользкому льду, слепить бабу, поиграть в снежки, насыпать холодного снега за ворот зазевавшегося барчонку, друг другу или “цацам”, как они называли заносчивых девочек из богатых семей» (Картавый, 1964, 120).

ВОРОТНИЧОК – «часть одежды, пришиваемая или пристёгиваемая к вороту» (Лопатин, 1997, 64); в XX веке – элемент школьной формы.

Воротничок у девочек. Пришивать воротничок к школьному платью.

О 1942 году: «А Клава сидела у стола. Близко, почти вплотную придвинувшись к слабенькому огоньку коптилки, они пришивала белый воротничок к новому школьному платью» (Могилевская, [1949] 1966, 149).

О 1950-х гг.: «Таня с вечера уложила свою школьную сумку и пришила чистый воротничок к своему коричневому платью» (Воронкова, 1961; 47, 61).

Воротничок у мальчиков.

О первоклассниках в конце 1930-х гг.: «...Вовка... снял школьную гимнастёрку, засучил рукава рубашки и принялся... натирать себя мылом... Затем мама сказала, что она пошла Вове и Пете к их гимнастёркам свежие воротнички. Это было принято без особого восторга, но вполне терпимо. “У меня знаете был какой воротничок? – не утерпел похвастаться Вовка. – Ого-го, грязнючий!”» (Могилевская, [1941] 1958, 185–186).

О первокласснике в 1947 году: «Почему сегодня Петя / Просыпался десять раз? / Потому что он сегодня / Поступает в первый класс. / Он теперь не просто мальчик, / А теперь он новичок, / У него на новой куртке / Отложной воротничок» (Барто, [1947] 1960, 255).

«ВОРОШИЛОВСКИЙ стрелок» – звание и соответствующий ему значок.

29 октября 1932 года Президиум Центрального Совета Осоавиахима СССР и РСФСР (далее – ЦСО) утвердил Положение о звании «Ворошиловский стрелок», а 29 декабря 1932 года был учрежден значок «Ворошиловский стрелок». Уже в марте 1934 года ЦСО отметил, что «Ворошиловский стрелок» стал популярнейшим значком в нашей стране. В июле 1934 года ЦСО утвердил нормы на значок «*Юный ворошиловский стрелок*». В 1941 году в связи с начавшейся Великой Отечественной войной значок «Ворошиловский стрелок» был упразднен.

О 1936 году: «...А ты пионер? У тебя и галстука-то нет”. “Просто не надел сегодня. Ну вот я за значок берусь, он со звездочкой. Значит, не вру. Ну честное

слово!” Митька ухватился за тяжелый значок “Ворошиловского стрелка” второй ступени, которым оттягивал левый край матроски. “Не считается это, – возразил милиционер. – Значок-то не твой”. “Не мой?” “А твой, что ли? Был бы хоть еще маленький, а то взрослый “Ворошиловский стрелок”! Ты голову не морочь. Такой значок заработать – это не стрелы пулять...” “...Значок все равно мой! Вот!”... Из нагрудного кармашка выхватил Митька сложенный четверо листок, уже порядком измочаленный и потертый на сгибах. С лиловой печатью Осоавиахима и подписью военрука. Это было временное удостоверение (для настоящего не нашлось корочек, обещали дать потом)... Была... ещё одна причина, по которой Митька собрал ребят: хотелось похвастаться перед ними значком. Значок был что надо! Со стрелком и маленькой черно-белой мишенью. С большой звездой и флагом. Тяжелый, второй ступени. Немного похожий на орден Красного Знамени. Мальчишки щупали значок и вздыхали. Нетактичный Цыпа сказал: “Хорошо, когда папаша в школе работает...” “Папаша мне, что ли, норму выбивал?” – разозлился Митька» (Крапивин, [1971], 2001, 18–19, 40–41).

О Москве в 1937–1938 гг.: «Милитаризация страны шла вовсю, значки ГТО (“Готов к труду и обороне”), БГТО (“Будь готов к труду и обороне”), “Ворошиловский стрелок” с гордостью носили подростки, большинству из которых было уготовано судьбой погибнуть в 1941 г.» (Воронцов, 1998, 133).

ВОСКРЕСНИК – «Добровольное коллективное выполнение какой-либо общественно полезной работы в воскресенье; день такой работы» (Словарь, 1991–2, 478).

Проводились специальные школьные или пионерские воскресники.

О 1942 году: «В годы Великой Отечественной войны пионеры по призыву комсомола собрали дикорастущие полезные растения. Только в день Всесоюзного воскресника “Пионеры – фронту” 8 ноября 1942 года ребята собрали 355, 4 тонны дикорастущих и лекарственных трав...» (Иванова, 1981, 39).

О середине 1940-х гг.: «Сегодня в школе воскресник. Место сбора – райсовет. Мостовая кишит ребятами. Первокласники играют в снежки» (Демиденко, 1962, 86).

О пятиклассниках в г. Курске в 1954–1955 гг.: «Мальчики не хотели подчиняться девочкам... Не ладились в отряде коллективные дела: на первый общешкольный воскресник явилось всего 5 человек из класса» (Нечаева, 1958, 48).

О середине 1950-х гг.: «В субботу на линейке было объявлено, что завтра проводится воскресник – посадка деревьев около новых домов... Ребята копали ямки, насыпали в них перегной, сажали деревца» (Махров, 1959, 176).

О начале 1960-х гг. (из стихотворения «Пионерский воскресник»): «Нынче грохот и песни / Во дворах, возле каждого дома – / Пионерский воскресник, / Сбор железного лома...» (Долматовский, 1962, 19).

О Москве конца 1960-х – начала 1970-х гг.: «Полина Васильевна отвечает за комсомольскую работу... Василий сказал про неё: “Комсомольская богиня”... Вчера комсомольская богиня вошла к ним в класс... и сказала звонко: “Ребята! Выставка – наши шефы” “Знаем”, – прогудел класс. “Надо помочь им убрать территорию. Завтра воскресник”. “Ну-у”, – протянул класс. “Не стыдно?” – взметнулась Полина Васильевна... “Да мы пойдем на воскресник, – сказал Василий. – Это мы так”. “Другое дело, – улыбнулась богиня. – Сбор у школы к девяти. Инна-комсорг еще болеет? Выберем бригадира. Может быть, Гену Жарова?”... На выставке пусто и просторно... Павильоны стоят торжественные, как храмы. “Вот это ваш участок, от ворот до зеленого театра, – говорит взвинченно Полина Васильевна. – Будете сгребать листья в кучи, быстро разбирайте грабли. А ты, Макушина, что стоишь? Куртка у тебя слишком красивая, Макушина. На свидания ходить в такой куртке, а не на работу”. Богиня не шутит. Макушина краснеет. Голубая новая куртка очень идет Макушиной, капюшон оторочен белым

мехом. “Куртка как куртка, – отвечает Макушина. – Телогрейки у меня нет”. Макушина берет грабли, снимает свою голубую куртку и вешает ее на сук корявой яблони... Лелька Макушина начинает прочесывать траву на газоне, она изо всех сил тащит грабли на себя, но они запутываются в длинной, по-осеннему крепкой траве. Все уже нагребли большие кучи листьев, а у Макушиной маленькая охапка. Полина Васильевна убежала за павильон, там работает девятый “А”. Из-за павильона слышен ее очень звонкий голос: “Даешь воскресник! Что вы такие сонные?” Генка весело орудует граблями» (Матвеева, 1977; 133, 135).

См. также: *Субботник*.

ВОСКРЕСНЫЕ школы – учебные заведения для взрослых и работающих детей.

В первой половине XIX в. отдельные предприниматели устраивали общеобразовательные воскресные школы для несовершеннолетних рабочих и детей рабочих в Москве. К началу 1862 года в 178 городах России действовала 331 воскресная школа (в том числе в Петербурге – 61). Обучение в воскресной школе было бесплатным, труд учителей – добровольным и безвозмездным. В 1860 году воскресные школы получили официальный статус и были приравнены к начальным школам. Преподавание в них ограничивалось элементарной грамотой (чтение, письмо, счёт). В 1900 году в 175 городах действовало 286 воскресных школ. В 1920-е гг. воскресные школы были закрыты

ВОСПАЛЕНИЕ лёгких – пневмония.

О начале 1970-х гг.: «В детстве я часто болела воспалением легких, мы жили на Дальнем Востоке, и родители отправили меня к бабушке Симе в Азов» (Волченко, 2006).

«ВОСПАЛЕНИЕ хитрости» – иронически о мнимой болезни ученика.

О середине 1940-х гг.: «Федя расстегнул полушубок... и по-домашнему уселся на стул. “Так ты, выходи, Лена, больна воспалением хитрости?” – лукаво посмеиваясь, сказал он. “Нет, Федя, я всерьез болела ангиной... А в школу завтра пойду”, – сказала Елена...» (Кузнецова, [1948] 1983–2, 358).

О 1993–2007 гг. в Шадринске: «В 6–7-летнем возрасте (1993 г.) я не хотела идти в школу и притворилась больной, а брат прибежал к маме на кухню и закричал, что у меня “воспаление хитрости”. Потом в школе про прогульщиков говорили, что у них “воспаление хитрости”. Позднее выражение приобрело анатомические вариации, типа “аппендицит пятки или мозоль левого уха”. Данное выражение активно употребляется до сих пор» (012).

О вт. пол. 1990-х годов в Шадринске: «В средних и старших классах школы когда кого-то из учениц, склонных к прогулам, не было на уроке и на вопрос учительницы: “Где она?”, другие ученики говорили: “Она болеет!”, то учительница язвительно спрашивала: “Чем? Воспалением хитрости, что ли?”» (1003).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1996–2007 гг.: «Выражение “воспаление хитрости” я впервые услышала в 10 лет (1996 г.) от двоюродного брата. Когда сестра сказала, что болеет, то брат ответил: “Чем? Воспалением хитрости левой пятки?” До сих пор данное выражение встречается у школьников» (011).

ВОСПИТАННИК воинской части – ребёнок, взятый на воспитание воинской частью.

14 февраля 2000 г. было утверждено «Положение о зачислении несовершеннолетних граждан Российской Федерации в качестве воспитанников в воинские части и обеспечении их необх. видами довольствия». 19 мая 2001 года министр обороны С.Б. Иванов издал приказ № 235, согласно которому статус воспитанника в армии и на флоте был узаконен. Вскоре аналогичные приказы появились в погранвойсках и Министерстве по чрезвычайным ситуациям. С этого времени стать воспитанниками воинской части могут физически здоровые дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, достигшие четырнадцати лет. Одна воинская часть может взять не более восьми воспитанников. Перечень армейских подразделений, которым разрешается зачислять в свой

состав подростков, включает части пост. боеготовности, учеб. центры, а также подразделения обеспечения учеб. процесса военных институтов и академий. В начале 2004 г. во всех Вооруж. Силах России насчитывалось около 400 воспитанников. (Птичкин, 2004).

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА – женщина-специалист, занимающаяся воспитательной работой в детском саду.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ колонии – в 1940-е–1960-е годы: учебно-воспитательные учреждения закрытого типа для несовершеннолетних правонарушителей, достигших 11-летнего возраста и нуждающихся для своего исправления в особых условиях воспитания и особом педагогическом режиме.

Под названием «воспитательные колонии» существуют с 1943 года. В них направлялись: подростки, совершившие общественно опасные действия, предусмотренные уголовным кодексом, но не подлежащие по возрасту уголовной ответственности (то есть до достижения 14 или 16 лет, смотря по тому, какое именно деяние совершено); подростки, подлежащие по возрасту уголовной ответственности, если сделанное ими малозначительно или не представляет большой опасности и виновный может быть исправлен без применения мер уголовного наказания; подростки, злостно и систематически нарушающие правила общественного поведения (напр., воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие коллектив).

О начале 1960-х гг.: «Существуют восп. колонии для мальчиков и для девочек. Направление в восп. колонии рассматривается действующим законодательством... как наиболее серьёзная мера из принудительных мер восп. хар-ра и применяется лишь в тех случаях, когда иные восп. меры не могут привести к нужным результатам... Не следует смешивать восп. колонии с трудовыми колониями для несовершеннолетних, которые являются местом отбытия уголовного наказания несовершеннолетними, осуждёнными судом к лишению свободы за совершение серьёзных преступлений. Восп. колонии не являются местом отбытия наказания, направление в них не создаёт судимости, а преследует лишь цель предупредить необходимость применения мер уголовного наказания к подросткам, поведение которых создаёт реальную опасность перехода их на путь преступлений, а также обеспечить их правильное воспитание. Решение о направлении в восп. колонию могут принимать только суды или комиссии по делам несовершеннолетних (по материалам, переданным на их рассмотрение судом, прокурором, следователем, милицией, органами нар. образования, дружинами, родительскими комитетами и т. д.» (ПЭ, 1964–1, 395–396).

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ дом – учреждение для воспитания подкидышей и беспризорных младенцев.

В России первый воспитательный дом для «незаконнорождённых и всяких подкидных младенцев» был открыт в Новгороде в 1706 при монастыре. В дальнейшем восп. дома возникли и при других монастырях и церквях. Восп. дома содержались на «доброхотные подаяния благотворителей». Впервые гос. поддержка была им оказана при Петре I, который в 1715 году издал указ об открытии госпиталей «для зазорных младенцев, которые ежедневно помирают или умерщвляются». Однако широкого развития восп. дома тогда не получили, а после смерти Петра I многие из них были закрыты. В 1763 году был создан восп. дом в Москве, а в 1771 году – в Петербурге. Согласно указу Екатерины II, восп. дома числились «государственными» учреждениями, но гос. средств на них назначено не было и они продолжали существовать на благотворительные средства, а также за счёт специальных налогов.

«При Екатерине II возникает сеть воспитательных домов для детей-сирот и незаконнорождённых (“зазорных”) младенцев... Первый такой восп. дом с госпиталем для бедных рожиц был открыт в 1764 году в Москве как гос. учреждение. Строили этот дом на частные пожертвования (сама Екатерина II выделила из своих средств 100 тысяч рублей и обязала ежегодно жертвовать еще по 50, а цесаревич Павел – по 20 тысяч).

Через шесть лет такой же дом открыли и в Петербурге. В восп. дома принимали подкидышей, детей, рожденных вне брака, а также “законных детей, оставляемых родителями по бедности”. Здесь дети росли и получали элементарное общее образование, а с 14–15 лет воспитанников отдавали в обучение ремеслам в мастерские, организованные при самом доме, или же городским ремесленникам. На содержание восп. домов шли миллионные суммы» (Годунский, 2006, 35).

«Чрезвычайная скученность, недостаточное питание, отсутствие ухода и мед. помощи приводили к огромной детской заболеваемости и смертности в воспитательных домах. В большинстве воспитательных домов смертность колебалась от 60% до 90%...» (ПЭ, 1964–1, 398–399).

После 1917 года воспитательные дома были закрыты. Для воспитания детей до трёхлетнего возраста (сирот, а также детей одиноких матерей) были созданы благоустроенные дома ребёнка, для детей в возрасте после 3 лет – детские дома.

ВОСЬМИЛЕТКА – см. *Восьмилетняя школа*.

ВОСЬМИЛЕТНЯЯ школа, восьмилетка – неполная средняя общеобразовательная трудовая политех. школа, осуществляющая обязательное совместное обучение и воспитание детей в возрасте от 7 до 15–16 лет включительно; новый тип учебно-восп. учреждения, установленный вместо семилетней школы Законом 1958 года «Об укреплении связи школы с жизнью...» (ПЭ, 1964–1, 412) и закреплённый Положением о восьмилетней школе 1959 года (НО, 1974, 197).

«**ВОСЬМОЕ марта**» – см.: *День «Восьмое марта»*.

«**ВОТ какой рассеянный**» – стихотворение С.Я. Маршака. Впервые опубликовано в 1928 году. Многие десятилетия пользовалось популярностью у детей.

Из текста: «Жил человек рассеянный / На улице Бассейной. / Сел он утром на кровать, / Стал рубашку надевать, / В рукава просунул руки – / Оказалось, это брюки... / Вместо шапки на ходу / Он надел скворороду. / Вместо валенок перчатки / Натянул себе на пятки... / Побежал он на перрон, / Влез в отцепленный вагон... / Сел в углу перед окном / И заснул спокойным сном... / “Это что за полустанок?” – / Закричал он спозаранок. / А с платформы говорят: / “Это город Ленинград”... / Он опять поспал немножко / И опять взглянул в окошко, / Увидал большой вокзал, / Потянулся и сказал: / “Что за станция такая – / Дибуну или Ямская?” – / А с платформы говорят: / “Это город Ленинград”. / Закричал он: “Что за шутки! / Еду я вторые сутки, / А приехал я назад, / А приехал в Ленинград!” / Вот какой рассеянный / С улицы Бассейной!»

О 1950-х гг.: «Моему сыну было тогда лет шесть. Как все дети этого возраста, он очень любил, чтобы ему читали вслух стихи. Самые обыкновенные стихи, те, какие обычно читают маленьким детям: “Ехали медведи на велосипеде...”... И вот однажды совершенно случайно он услышал, как я, держа в руках ту самую толстую книгу, в которой, как он знал, были напечатаны его любимые стихи – “Человек рассеянный” – / Дама давала в багаж...” и многие-многие другие, – прочитал вслух совсем иное стихотворение, совершенно ему неизвестное...» (Сарнов, 1968, 110).

«**ВОТ приехали мы в лагерь...**» – начальные строки песни, описание которой содержится в статье «*Много у нас диковин...*».

«**ВРАГ народа**» – в данной статье речь идёт о том, как воспринимались детьми (учениками, школьниками) провозглашение того или иного человека (персонажа учебника) «врагом народа».

«Ещё зимой 1937 года начали ходить какие-то слухи, что где-то появились враги народа. То в новой партии выпущенных тетрадей, с рисунками к сказкам Пушкина, вдруг обнаруживались какие-то таинственные вражеские знаки, и все тетради у учеников изымались; то где-то выявлялись “враги народа”, которых арестовывали» (Кубанева, 1988).

О школе в зауральском селе в 1937–1938 гг.: «Учебный год прошёл быстро, интересно и даже весело, можно сказать, если б не отдельные события в стране. То лезутчики лезут в нашу страну через границу, то враги

народа обнаруживаются на заводах и фабриках. Не раз за зиму случалось: приходит учитель на урок и предлагает на такой-то странице учебника зачеркнуть такую-то фамилию. Мы, пятиклашки, по возрасту, наверное, были ещё маловаты, чтобы осмысливать происходящее, и поэтому кроме “вычеркнуть”, “замазать”, никак больше на события не реагировали. “Враг, значит, враг! Засудить его, чтобы не вредил!” Помню, прошёл слух, будто депутаты, которых у нас в деревнях выбирали в Верховный Совет 12 декабря тридцать седьмого года, тоже оказались врагами. Реакция наша мальчишеская и на этот слух была той же: “Так им и надо, раз они враги народа!” Я вспомнил под этот случай семерых ожоженных мужиков, увезённых милиционерами с полевой в 1937 году. Их тогда тоже называли врагами народа. Уже год прошёл – ни одного письма от них не пришло. Враги – не враги были? Никто ничего так и не узнал. Может и депутаты тоже так?» (Вологин, 2003, 124)

О 1937 году в пионерлагере: «Лагерные будни, спортивные соревнования и подготовка к художественной самодельности... – всё это... заслоняло события, происходившие за границами лагеря, на просторах страны и мира. Мы словно были на каком-то... острове, а вся остальная земля существовала где-то вдаль... Но всё же главное отсюда, с Большой земли, к нам прорывалось... В лагерь поступали газеты... Газеты и журналы привозили родители, приезжавшие проведать своих детей, они же рассказывали, что делается в городе и в стране. Громом с ясного неба прозвучало известие, что среди высшего военного командования, прославленных полководцев гражданской войны со многими орденами Красного Знамени, оказались предатели, заговорщики, фашистские шпионы, поставившие своей целью свергнуть советскую власть и вернуть власть помещиков и капиталистов. Писалось в газетах и говорилось по радио об этом с горячим гневом, заражавшим всех, кто читал и слушал эти сообщения. Гнев этот горячо бушевал и в нас, смешанный с радостью, что враги все же изловлены, армия наша очищена от предателей и останется по-прежнему сильной и непобедимой» (Гончаров, 1991, 96).

О 1937–1938 гг.: «Он вдруг поднес палец к губам и продолжал почти шёпотом: “Знаешь, кто там [в Испании] у нас был?” Он... ладонью смел окалину с газеты. “Где твой портфель?” Я мигом соскочил со стула, кинулся в другую комнату, приволок оттуда свой выдавший вида... портфель. Ганс расстегнул замок, разинул утробу этого портфеля, стал перебирать корешки учебников. Пальцы его при этом мелко дрожали: все-таки вымотала человека война. “Вот...” Он извлек из портфеля обтрёпанный учебник “История СССР”, начал его торопливо листать... Сердце мое зануло в недобром предчувствии. Противный ознб пробежал по спине. “Вот...” Он нашёл страницу. Чёткий текст на этой странице углом огибал белое поле. На этом белом поле раньше, прежде, когда-то был портрет. Портрет командарма. А теперь на этом белом поле был густо заштрихованный лиловыми чернилами слева направо, и сверху вниз, и еще наискосок, пропитавший страницу насквозь, кое-где продранный пером, беспросветный, как повязка слепца, квадрат. Это я сам сделал. Своей рукой. Нам так велели в школе. И не только этот портрет» (Рекемчук, 1974).

О мужской довоенной школе в 1945–1946 гг.: «Первые книги. Учебники довоенного издания. В некоторых заклеенные портреты. Это “враги народа”. Пытались оторвать бумагу и посмотреть на лица “предателей”, но клей был надёжным, а наказание неотвратимым» (Мироненко, 2004, 5).

«**ВРАТАРЬ**» – спортивная кинокомедия по книге «*Вратарь республики*» (1936 год, режиссёр С. Тимошенко). Главный герой фильма – «непробиваемый» вратарь Антон Кандидов – стал примером для подражания для миллионов мальчишек 1930-х годов.

«Кстати, поколение мальчишек, воспитанное на приключениях голкипера Антона Кандидова, сумело выиграть Олимпиаду-[19]56 и Кубок Европы по футболу в 1964 году» (Коробатов, 2006, 11).

«**ВРАТАРЬ республики**» – роман Л.А. Кассия, опубликованный в 1938 г..

О конце 1930-х гг.: «О том, каким успехом пользовался в свое время “Вратарь республики”, в частности у юных читателей, свидетельствует, к примеру, такой факт. До сих пор среди самых дорогих сувениров у писателя хранится поистине уникальное издание романа. В выходных данных этого издания говорится: “Оформление, переплёт и суперобложка работы А. Коврижкина, ученика 7-го класса 209-й школы. Текст переписан с “Пионерской правды”. 1937–1939 гг.”. Не дождавшись издания романа отдельной книгой, московский школьник Толя Коврижкин сам издал “Вратаря республики”, аккуратнейшим образом от руки переписав текст произведения со страниц газеты. Издание это очень искусно оформлено и представляет собой изящный томик в твёрдом переплётке величину чуть больше спичечной коробки» (Николаев, 1965, 82).

«**ВРЕДНЫЕ советы**» – книга Григория Остера.

О конце 1990-х – начале 2000-х гг.: «...Прочно вошли в состав детского чтения Юнна Мориц, Эдуард Успенский, хочешь не хочешь – Григорий Остер с его “Вредными советами”... Бывает... соблазн эксплуатировать найденный приём. Возьмите первые выпуски “Вредных советов” – замечательно! А дальше жила иссякает, появляется тот самый стёб» (Яснов, 2006; 29, 30).

ВРУНГЕЛЬ – персонаж книги А.С. Некрасова «*Приключения капитана Врунгеля*».

ВСЕВОБУЧ – всеобщее военное обучение граждан СССР. Введено в 1918 и перестало существовать в 1923 г. Возрождено в сентябре 1941 г. В составе Наркомата обороны было организовано Главное управление всеобщего воен. обучения. В военных округах и в обл. военкоматах были созданы отделы всевобуча, а в районных военкоматах введены инструкторы. Всевобуч перестал существовать после окончания войны.

О первой половине 1940-х гг.: «...К полудню подводы прибыли в город... Санька с Тимкой пошли на почту. По дороге... заглянули на стадион, где когда-то Санька с отцом смотрели футбольный матч. Сейчас на стадионе футбол никто не играл, а какие-то парнишки кололи штыками хворостяные чучела. “Они тоже воевать будут?” – спросил Тимка. “Это у них всевобуч, – пояснил Санька. – Они еще пока гражданские”» (Мусатов, [1948] 1971, 43).

«**ВСЕГДА готов!**» – девиз пионерской организации.

О 1943–1945 гг.: «Надя подняла руку и произнесла негромко, но торжественно: “Ребята! К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!” И пионеры, и те ребята, что стояли вне строя, и даже самые маленькие, что сидели на корпусе самолета, высоко вскинули руки и дружно ответили: “Всегда готовы!”» (Ноздрин, 1955, 145–146).

В Положении о Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина, утверждённого Бюро ЦК ВЛКСМ 17 марта 1967 года, говорится: «Девиз Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. На призыв: “Пионер, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!” – пионер отвечает: “Всегда готов!”» (ПРШ, 1972, 14).

ВСЕСОЮЗНАЯ пионерская радиоточка – пионерское действо 1960-х – 1980-х годов, проходившее 19 мая и 2 октября одновременно во всех подразделениях *Всесоюзной пионерской организации* (пионерских дружинах).

О 1964–1970 гг. в школе № 4 г. Шадринска: «...Всесоюзная пионерская радиоточка... ежегодно проводилась 2 октября. Все отряды дружины выстраивались в рекреации 2-го этажа. Торжественно звучал бой кремлевских курантов, горнист играл сигнал “Слушайте все!”. На радиоточке был дан старт Всесоюз. смотра пионер. дружин под девизом “Сияйте, ленинские звезды!”. посвященного 50-летию Советской власти. Председатель совета дружины Марина Красникова ознакомила ребят с предстоящей работой. В этот день во всех пионер. отрядах прошли сборы, намечен план работы, проведены встречи с ветеранами революции, войны и труда» (Плотникова, 2006, 118–119).

О конце 1960-х гг.: «Например, 2 октября, когда проходит Всесоюзная радиопрограмма. На совет дружины решили: 2 октября отметить так – во всех отрядах провести сборы и обсудить обращение Центр. Совета пионерской организации, сбор закончить трудовым делом...» (Лекманова, 1970, 110).

О середине 1970-х гг.: «Ежегодно 2 октября в день выступления В.И. Ленина на III съезде комсомола, проводится Всесоюз. пионер. радиопрограмма» (Кунгурцев, 1977, 39).

О середине 1970-х гг.: «Стала традиционной Всесоюзная пионер. радиопрограмма, которая проводится в честь юбилейной даты со дня рождения пионерии (19 мая), а также 2 октября» (Денисова, 1978, 163).

О нач. 1980-х гг.: «...2 октября... в годовщину речи В.И. Ленина на III съезде комсомола пионеры всей страны собираются на Всесоюзную радиопрограмму. Примерно за две-три недели радиостанция “Пионерской правды” “Сигнал” подробно рассказывает о порядке проведения такой радиопрограммы в дружине, сообщает точное время для пионеров, живущих в различных районах нашей страны» (Ануфриев, 1985, 18).

ВСЕСОЮЗНЫЕ СМОТРЫ СОЧИНЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ – проводимые в масштабах СССР во 2-м пол. 1960-х – 1-м пол. 1980-х гг. конкурсы сочинений школьников на заданную тему.

Всесоюз. конкурсы шк. сочинений проводились на такие темы, как: «Моя Советская Родина» (1-й, 1967 г.), «Мой современник» (2-й, 1968 г.), «Есть у революции начало – нет у революции конца» (3-й, 1969 г.), «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» (4-й, 1971 г.), «Ленин с нами» (1974), «Они сражались за Родину» (1975), «Наша биография» (1977), «Ленин и теперь живёт всех живых. Наше знание – сила и оружие» (1980), «Мы за партией идём, слава Родину делам!» (1982), «Я голосую за мир!» (1984). (Очерки, 1987, 226; Никольский, 1971, 64–65).

О I, II и III конкурсах (смотрах): «Конкурсное сочинение... 1967 г. привлекло около четырёх миллионов участников. Его тема – “Моя Советская Родина”. На столе центр. жюри конкурса оказалось почти две тысячи лучших работ, восемьдесят из которых отмечены как самые совершенные. В 1968 г. ЦК ВЛКСМ и Мин. просв. СССР провели второй всесоюз. смотр сочинений школьников на общую тему “Мой современник”... В 1969 году секретариат ЦК ВЛКСМ и коллегия Мин. просв. СССР объявили Всесоюз. смотр сочинений школьников... Общая тема этого смотра – “Есть у революции начало – нет у революции конца”» (Никольский, 1971, 64–65).

О IV, V и VI Всесоюзных конкурсах: «...Летом 1971 г. в Москву... из разных... республик, краев и областей приехали победители Всесоюз. смотра шк. сочинений, кот. был посвящен XXIV съезду КПСС: “Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи”... Вместе с московскими ребятами, тоже завоевавшими первые места, гости столицы побывали в Кремле, в ленинском Мавзолее... А потом в студии Центр. телевидения они встретились с теми, о ком писали... – с Героями Советского Союза и Героями Социалист. Труда, с новаторами произв-ва, передовиками науки и культуры. Старшие товарищи – коммунисты рассказывали ребятам... о том, какими дорогами пришли они к победам. В той... встрече принимали участие все 5,5 миллиона участников... Всесоюз. конкурса: тут уж помогло телевидение, для кот. сейчас не существует непреодолимых расстояний. Так завершился IV Всесоюз. смотр шк. сочинений... А потом вышел на старт V Всесоюз. смотр. Он был объявлен Центр. Комитетом ВЛКСМ, Мин. просв. СССР и Гос. комитетом по проф.-тех. образованию Совета Министров СССР в тот год, когда народы страны... праздновали 50-летие образования СССР, и... был посвящен этому... событию. Тема сочинений была такой: “О Родине, о дружбе, о себе”. Думаю, что Всесоюз. смотры – это самые массовые лит. соревнования в ист. человечества: только в последних двух смотрах участвовало 12,5 миллиона учащихся... Так называется новый, VI Всесоюз. смотр сочинений учащихся: “Ленин с нами!” Он посвящен... 50-летию

присвоения комсомолу имени [В.И. Ленина]» (Алексин, 1974; 5–6, 8).

ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДОВ – «примерная программа жизни и работы пионерских отрядов, рассчитанная на пять лет» (Кунгурцев, 1977, 13); комплексная программа действий для пионерских отрядов страны. Такого рода программы стали приниматься с 1970 года.

В 1970 г. начался всесоюзный марш пионерских отрядов «Всегда готов» по семи маршрутам.

«[Ребята из Гусь-Хрустального] ...выступают с концертами агитбригады перед рабочими и участвуют в трудовых десантах. Отправляются на лыжные прогулки и в дальние походы. Пишут стихи и сочиняют песни. Выпускают стенгазеты и рукописный журнал. Ставят спектакли и занимаются в спортивных секциях. Устраивают весёлые отрядные “огоньки”... Иначе говоря, дружно выполняют программу Марша пионерских отрядов... В 1970 году... на IV Всесоюзном слёте пионеров в Ленинграде стартовал Марш отрядов... Всесоюзный марш пионерских отрядов, начавшийся в 1970 году, действует как боевая комплексная программа пионерской организации» (Зараховский, 1980; 3, 6, [80]).

О 1976–1980 гг.: «[Всесоюзный] марш [пионерских отрядов] – это примерная программа жизни и работы пионер. отрядов, рассчитанная на пять лет. Марш проводится в неск. этапов. Первый этап посвящается 60-летию Великой Октябрьской социалист. революции (1976–1977 годы). Девиз – “Идём дорогой Ленина, дорогой Октября!”. Второй этап – 60-летию Всесоюз. Ленинского Коммунист. Союза Молодёжи (1978 год). Девиз – “Мы верная смена твоя, комсомол!”. Третий этап – 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина (1979–1980 годы). Девиз – “Пионеры всей страны делу Ленина верны!”» (Кунгурцев, 1977, 13–14).

Всесоюзный марш юных ленинцев «Всегда готов!» 1981 – 1985 гг. проходил в три этапа и посвящался 60-летию образования СССР.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЁТ ПИОНЕРОВ – см. *Пионерский слёт*

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЁТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ПОХОДОВ – мероприятие, проводившееся ежегодно с 1965 года по начало 1980-х гг.; вид воспитательной работы среди школьников.

О 1965–1980 гг.: «Школы соревнуются за право участвовать во Всесоюзном слёте победителей походов, который проводится ежегодно. Первый такой слёт состоялся пятнадцать лет назад в Бресте. Он подвёл итоги начатой работы. Но они оказались такие, что никакая книга не вместит. В походах по дорогам отцов участвовало более 10 миллионов комсомольцев и пионеров. Юные патриоты собрали богатейшие историч. материалы, реликвии труда и подвигов, фотографии, записи воспоминаний командиров и политработников, солдат и офицеров, партизан, на основе которых создано 59 тысяч музеев, комнат и уголков боевой славы. Молодёжь установила 15 тысяч памятников, обелисков и мемориальных досок на местах сражений. Приведены в порядок тысячи братских могил, открыты имена многих неизвестных ранее героев войны. Красные следопыты посадили леса, дубравы и парки на местах былых боев. А сколько ребята прочитано докладов для населения, местных школьников, сколько дано концертов худ. самодеят-сти, сколько тысяч и тысяч часов отработано на воскресниках, сколько тонн металлолома собрано и сдано на заготовит. пункты. Второй Всесоюз. слёт победителей походов “По дорогам отцов” проходил в Москве, на Красной площади. Парад юных патриотов с трибуны Мавзолея принимали руководители партии и правительства, прославленные военачальники – маршалы и генералы. Это было незабываемое зрелище. У знамён славы на Красной площади участники слёта дали клятву молодёжи на верность Родине. “...Принимая твою славу, Родина, – разносилось над Москвой тысячеголосым эхом, – мы будем крепить и множить твое величие, вдохновенным трудом, кипучей энергией молодости создавать будущее. Мужеством первых палаток, трудовой гордостью, комсомольской честью клянемся от

дать свои силы во славу и могущество нашей Отчизны! Клянемся! Отсюда, с Красной площади, уходили на смертный бой наши отцы. Здесь, к подножию Мавзолея, были брошены знамена поверженного фашизма. Святостью братских могил, сединами матерей наших, радостью победы клянемся быть достойными бессмертия отцов и по первой тревоге, под овеянными славой знаменами пойти в бой и победить! Клянемся!» Потом были слеты в Ленинграде, Киеве, Ульяновске. ... В дни празднования 35-летия Победы победители походов участвовали во Всесоюзной вахте памяти, проходившей в Волгограде. А пятнадцатый слет состоялся в сентябре 1980 года в Минске» (Матвеева, 1981, 90–91).

«ВСКАКИВАНИЕ» в **поневу** – обряд совершеннолетия девушки. (см.: *Понёва*)

По описаниям этнографов в XIX веке девушки в деревнях до 15–16 лет ходили в одних рубахах, опоясанных шерстяным поясом. Когда наступала пора наряжаться во взрослую одежду, проводился спец. обряд: девица «становится на лавку и начинает ходить из одного угла на другой. Мать ее, держа в руках открытую поневу, следует за ней подле лавки и приговаривает: “Вскоци, дитетко; вскоци, милое”; а дочь каждый раз на такое приветствие сурово отвечает: “Хоцу – вскоцу, хоцу – не вскоцу”. Но как вскоци в поневу значит объявить себя невестой и дать право женихам за себя свататься, то никакая девка не заставляет долго за собой ухаживать да и никакая девка не дает промаху в прыжке, влекущего за собой отсрочку в сватовстве до следующего года». Д.К. Зеленин, рассмотрев все варианты названного обычая, пришел к выводу, что он некогда предназначался для малолетних детей, поскольку испытание – запрыгнуть в поневу – слишком легко для взрослой девушки. «Обряд совершеннолетия девушки, будучи пережитком глубокой старины, совершался некогда у русских в раннем, отроческом возрасте девушки, когда последней еще нелегко было спрыгнуть с лавки на пол, то есть спрыгнуть с полуторааршинной вышины. Обряд этот сопровождался всегда облачением девушек в одежду взрослых женщин и происходил публично, в присутствии всех родных и соседей» (Зеленин, 1994: 185, 191).

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ школа – см.: *Школа вспомогательная*.

ВСТАВАТЬ при входе в класс учителя или взрослого.

Обычай вставать, когда в класс входит учитель, существует с XIX века в учебных заведениях по настоящее время. Когда парты имели крышки, ученики, прежде чем встать, откидывали их.

О конце 1890-х гг. в Саратове: «После народной школы, где... с нами обращались как с детьми, совсем другое отношение к нам было со стороны преподавателей гимназии. При появлении преподавателя, одетого во фрак, все ученики класса вставали и стояли до тех пор, пока учитель не садился за кафедру, тогда и ученики садились за свои парты» (Золотарев, [до 1975], 1995, 60).

Об Одессе 1910-х гг.: «Преподаватель. Он входит в класс. Когда сорок мальчиков одновременно встают, причем откидывая специально для этого приспособленную доску парты, – звук получается довольно внушительный: похоже на короткий порыв ветра» (Олеша, [1954] 1999, 271).

О первоклассниках в конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «Но все это было ничто в сравнении с той минутой, когда Клавдия Сергеевна сказала им, что урок начался, и показала, как нужно встать, когда учитель входит в класс. Они встали все, как один. Правда, первый раз это получилось чересчур громко. Но ведь они так старались! Зато в следующий раз Клавдия Сергеевна их похвалила. Она сказала: “Так. Правильно. Только крышки поднимайте тише”» (Могилевская, [1941] 1958, 28).

О перв. пол. 1940-х гг.: «Я на уроке в первый раз, / Теперь я ученица. / Вошла учительница в класс, / Вставать или садиться?» (Барто, [1945] 1969–1, 242).

Об учениках начальной школы во вт. пол. 1940-х гг.: «...Гомон стоял привычный: кто-то жалобно просил списать, кто-то кукарекал... Шум поулегся... Все встали. Это вошла Елена Дмитриевна. Потом стало еще

спокойнее. Это Елена Дмитриевна сказала: “Тихо, тихо, ребятки. Садитесь”» (Крапивин, 1986, 24).

О перв. пол. 1950-х гг.: «...По стуку крышек парт, по тишине, наступившей в классе, она сразу догадалась, что вошёл учитель...» (Жестев, [1955] 1961, 83).

О середине 1970-х гг.: «Открылась дверь. В класс вошла Нина Петровна, учительница по русскому и лит-ре и кл. руководитель пятого “А”. Загremели отодвигаемые стулья. Класс встал, приветствуя учительницу... ..Стулья в пятом “А” отодвигались с таким грохотом, что даже у привычных ко всему учителей делалось испуганное и даже как бы слегка оглушённое лицо. А уж что касается осанки!.. В такую торжественную, как нам кажется, и волнующую минуту, когда учитель входил в класс, добрая половина пятого “А”, можно было подумать, страдала ревматизмом. Одни еле-еле поднимались на полусогнутых ногах, другие повисали над столом наподобие вопросительного знака... Ну, а был даже такой ученик, который, видно, настолько был плох, что вообще не мог подняться со стула, хотя минуту назад он, как смерч, пронёсся по коридору... Но мы, однако, задержались! Стоит ли тратить время на описание класса, приветствующего входящего учителя, когда впереди у нас столько всяких важных событий!.. Итак, пятый “А” встал, приветствуя учительницу» (Пивоварова, 1977, 6–7).

ВСТАВКА – см.: *Вставочка*.

ВСТАВОЧКА, вставка – «В просторечии и обл. Ручка, в которую вставляют стальной перо» (Словарь, 1951–2, 876); «*Устаревающее*. Школьная ручка с вставным стальным пером» (Словарь, 1991–2, 606).

О конце 1890-х гг.: «А я... не слышал, что сказал учитель... потому, что мальчики, которые сидели позади..., дёрнули меня за волосы и, когда я от неожиданности вскакивал – подкладывали под меня карандаш или вставочку» (Зошенко, [1939] 1968–1, 224).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Лёля... достала из портфеля... тетрадки, обёрнутые в блестящую оранжевую бумагу, гранёную стеклянную вставочку...» (Антонов, 1955, 39–40).

О 1954 году: «Попроси у [Васи] резинку, карандаш, вставочку, – сразу достанет из пенала и протянет: “Бери”» (Котовщикова, 1956, 52).

О середине 1960-х гг. (из стихотворения М. Бородинской): «...Помнит чернильницу-непроливайку, / Светлый пенал из дощечек и дальше по списку: / Кеды китайские, с белой каемочкой майку, / И промокашку, и вставочку, и перочистку» (цит. по: Молдавская, 2007–3, 21).

См. также: *Ручка-вставочка*.

«ВСТРЕЧИ юнкором телестудии “Орленок” – телевизионная передача. «“Встречи юнкором телестудии “Орленок” со знатными людьми нашей страны проводятся нечасто – всего один раз в месяц, зато пиши для размышлений о своем месте в жизни, о чести и достоинстве, преданности своему делу, своей Родине они дают много и надолго» (СПВ, 1981, 63).

«ВСХОДЫ» – иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал для детей старшего школьного возраста. Выходил в Петербурге с 1896 по 1912 гг. два раза в месяц, с 1908 г. – ежемесячно.

«[Журнал “Всходы” [сыграл] значит. роль в становлении реализма в лит-ре для подростков. Осн. отделы: 1. Худ. лит-ра, 2. Науч.-попул. и науч.-худ. очерки, статьи. 3. “Из текущей жизни”. 4. “Из науки и жизни”. 5. “Обо всем”. 6. “Для младших братьев и сестер”... Много места уделялось повестям, рассказам, сказкам, стихам, гл. образом русских авторов. Науч. статей было немного, иногда этот отдел носил название “На родине” и помещались здесь очерки о путешествиях по России... В отделе “Из текущей жизни” давались сообщения о русско-японской войне, а позднее – о первой империалист. войне. Сообщаемые факты, как правило, не комментировались. В отделе были и другие сообщения – о Гос. думе, о взаимоотношениях России с разными гос-вами и т. п. Отдел “Из науки и жизни” также был связан с современностью. В небольших рассказах, заметках речь шла об известных путешествиях – к Северному полюсу, в Восточную Сибирь, об извержении Везувия и др.

Материалы отдела “Обо всём” брались из различных газет и журналов, главным образом, иностранных. Собирались здесь веселые и занимат. сообщения. Иногда в конце отдела давались юморист. картинки. Для мл. возраста в каждом номере печатался один рассказ или сказка, стихотворение, иногда развлечения, игры. Темы рассказов – животные, их взаимоотнош-ия с человеком, их приключения, жизнь детей. Редакция привлекала к участию в журнале передовых писателей. Первый свой рассказ для детей А.М. Горький напечатал на страницах “Всходов” – “Из Мишкиной жизни” (1898, № 7). По заказу редактора... А.И. Свирский пишет приключ. повесть о судьбе детей бедняков и начинает ее печатать в журнале в 1902 г. под названием “Приключения маленького бродяги”. В чтение советских детей повесть вошла под названием “Рыжик”... Из ин. лит-ры отбирались прежде всего рассказы, повести тех писателей-реалистов, которые в эти годы стали популярны в чтении детей – Сетон-Томпсон с его яркими рассказами о животных, Конан-Дойль, чьи приключ. рассказы противостояли нонконформной лит-ре такого типа, наводнявшей книжный рынок в нач. XX столетия. Редакция явно отдавала предпочтение англ. дет. лит-ре, считая её более подходящей для чтения русских детей, более реалистической, чем фр. и немецкая. Много внимания уделялось естественно, о жизни животных писали А. Чеглок, Рагоза, о растениях – Волногорский, Игнатъев. Публиковались статьи геогр. хар-ра, например, очерки Суружского “Уголок Крыма” (1912, № 4, № 5), “На Днепре” (1912, № 10). К каждому номеру журнала давалась одна книжка приложения, состоящая из повестей, рассказов, иногда очерков рус. и иностр. авторов. Так, например, за 1905 г. было дано 12 книжечек приложений (рассылались они 15 числа каждого месяца)...» (РЖДД, 1982, 36–37).

«**ВТОРАЯ ОБУВЬ**» – то же что *сменная обувь*.

О конце 1950-х гг. в Шадринске: «“Осенью и весной в школе нас заставляли менять обувь, так как на улице была грязь. Мы носили для этого с собой тапочки в тряпичном мешочке. Дежурные проверяли и никого не пропускали в школу без второй обуви. Конечно, были непослушные мальчишки, которые специально не приносили вторую обувь или забывали приносить. Таких школьников заставляли мыть свою грязную обувь. Для этого около школьного крыльца стояло большое корыто с водой»» (Завьялова, 2005).

ВТОРАЯ ступень – см. *Школа второй ступени*.

ВТОРОГОДНИК – ученик, оставленный из-за неуспеваемости для повторного обучения в том же классе.

О второй половине 1940-х гг.: «Лодырей нынче не много / Водится / В школах у нас. / Юная армия / В ногу / Шагает из класса в класс. / Но, к сожаленью, / Сегодня / Возле одной из школ / Встретился мне второгодник. / С ним разговор я завел...» (Маршак, [1949] 1953, 257).

О начале 1950-х гг.: «Пришлось Серёже день-дешкой... / Сидеть с учебником в руках. / А в жарком августе Сергей / Сдавал экзамены опять, / Чтобы догнать своих друзей / Чтоб второгодником не стать» (Сергеев, 1952, 12).

О первой половине 1970-х гг.: «В конце учебного года по итогам четвертных отметок ученикам выставляют годовые отметки. В восьмых и десятых классах годовые отметки ставятся с учётом отметок за выпускные экзамены. Если у школьника неудовлетворительные годовые отметки (двойки) по трём учеб. предметам, он остаётся на второй год. Если у него одна или две двойки за год, он получает задание на лето. Перед началом учеб. года педагоги проверяют его знания по основным разделам предмета, и в случае удовлетворит. ответов он переводится в след. класс. Решение об оставлении ученика на второй год, как и о переводе в следующий класс, выносится на заседании пед. совета... Пед. коллектив, пионерская и комсомольская орг-ции школы помогают отстающим ученикам усвоить учебный материал и исправить отметки: с ними учителя проводят доп. занятия, прикрепляют отличников для совместного приготовления домашних заданий» (Денисова, 1978, 80).

ВТОРОГОДНИЦА – ученица, оставленная в том же классе на второй год. См.: *Второгодничество*.

О конце 1950-х гг.: «“Так ведь она второгодница, твоя Бочарова. Она и в этом году плохо училась, потому и боится» (Лагин, 1963, 60).

«**ГИБЕЛЬ Чапаева**» – стихотворение Зинаиды Николаевны Александровой (1907–1983), написанное в 1935 году. Издано отдельной книжкой в 1937 году, переиздавалось в 1938, 1940, 1966 (1,5 млн. экз.), 1969 (0,45 млн.), 1971 (1,75 млн.), 1978 (1,8 млн. экз.), 1980, 1985 (2 млн. экз.).

Текст: «В уральских степях непогода и мрак. / Лисицей во тьме пробирается враг. / Чапаев не слышит, чапаевцы снят. / Дозор боевой неприятелем снят. / Урал, Урал-река! / Ни звука, ни огонька. / Чапаев винтовку сорвал со стены: “Ребята, не время досматривать сны!” / Казацкие кони храпят у ворот. / Тревожный рассвет над станицей встаёт. / Урал, Урал-река! / Тяжёлые облака. / Чапаев, удача рассталась с тобой!.. / Везде и всегда ты выигрывал бой, / Но в этом бою погибают друзья. / Враги окружают, и медлить нельзя... / Урал, Урал-река! / Вода холодной штывает. / Последнюю пулю пошли по врагу! / Живые, скрывайся на том берегу! / Вдогонку палят: недолёт, перелёт... / И, раненный в руку, Чапаев плывёт. / Урал, Урал-река! / Слабеет его рука. / Проклятая пуля догнала в воде. “Товарищ Чапаев?” Не видно нигде. / “Товарищ Чапаев, наш друг боевой!..” / Круги разошлись над его головой. / Урал, Урал-река! / Могила его глубока. / До красных отрядов, река, добеги, / Скажи, что любимый Чапаев погиб. / Пусть конница мчится, пусть пули свистят, / Пусть красные белым за всё отомстят! / Урал, Урал-река! / Бурлива и широка...» (цит. по: Сегодня праздник, 1968, 7–9).

Рассказывает З. Александрова: «Как-то из одной редакции по телефону мне задали вопрос, когда и почему я написала “Гибель Чапаева”? ...Начала вспоминать. Тридцатые годы. Точнее – 1935 год. Дождливое лето. Дачный поселок Клязьма под Москвой... В который раз... смотрю “Чапаева” и вновь выхожу с мокрым от слез лицом... И послала я своего “Чапаева” и ещё одно стихотворение “Бескозырка белая” на закрытый конкурс детской песни, организованный ЦК комсомола... Кажется, в начале зимы 1936 года были объявлены результаты конкурса. Первые премии не были присуждены, а вторую и третью премии получила я: вторую – за “Гибель Чапаева”, третью – за “Бескозырку белую”... Музыку на мои стихи о Чапаеве написали несколько композиторов... Но странно: песня о Чапаеве как песня широко не пошла... “Гибель Чапаева” как стихотворение стало жить в книжках и сборниках. Детиздат в 1937 году издал книжку “Гибель Чапаева”, с рисунками Д. Шмаринова и переиздавал ее несколько раз... “Чапаева” из года в год стали печатать в календарях и школьных хрестоматиях, и когда я на встречах с ребятами в библиотеках и школах начинала читать это стихотворение, ребята улыбались, как будто встретили старого знакомого, и дружно мне помогали...» (Александрова, [1975] 1978, 15–16).

О второй половине 1930-х – 1950-х гг.: «В творчестве каждого поэта есть одно или несколько стихотворений, ...[которые] заучивают наизусть, сохраняют в своей памяти на всю жизнь. Именно таким стихотворением явилась “Песня о Чапаеве” З. Александровой. Прошло уже не одно десятилетие, как это стихотворение увидело свет, первые его читатели стали взрослыми людьми, а... его по-прежнему с затаённым дыханием читают и слушают дети» (Яковлев, 1958, 169–170).

«**ГИГАНТСКИЕ шаги**», «**гиганты**» – «(фр. pas de géant) гимнастическая игра вокруг столба, на вершине которого прикреплены верёвки на подвижном железном круге» (Словарь, 1892, 796); приспособление для гимнастической игры, состоящее из столба с вертушкой наверху, к которой прикреплены веревки с ляжками; держась за них, играющие с разбега кружатся вокруг столба.

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «...Старый громадный сад доставлял девочкам так много радости. Передняя площадка... была удобна для всяких

игр. Направо и налево на ней стояли два высоких столба “гигантских шагов”, лежали колеблющиеся брёвна, закреплённые одним верхним концом, и другие гимнастические игры... Был утомительно-жаркий августовский день, и, несмотря на запрещение бегать на “гигантских” до обеда, первый класс, воспользовавшись отсутствием [классной дамы], бросился на качели. Ирочка Говорова, хорошенькая брюнетка с замечательно толстой и длинной косой, была особенно весела; она перетягивала всех, кто хотел, то есть подпускала вниз свою верёвку, и тот, кто был наверху, летал особенно легко и высоко. Когда дежурный солдат... появился на каменном подъезде института и, подняв высоко руку, три раза ударил огромным коколом, Ирочка сбросила с себя ляжку и раньше, чем на площадку стеклись все классы, влетела в галерею и, схватив свою порцию холодного молока, выпила до дна свою кружку» (Лухманова, [1903] 1997; 400, 415).

О конце 1880-х – начале 1890-х гг. в институте благородных девиц: «В то время как младшие и средние классы с началом весны разлетелись на каникулы по всем уголкам России, мы, перешедшие из II-го в выпускной класс, должны были оставаться все лето в институте. Это делалось, во-первых, для того, чтобы усовершенствоваться в языках, а во-вторых, для изучения церковного пения на клиросах институтской церкви, где певчими обязательно были институтки-старшеклассницы. Проводить лето в стенах института не считалось особенным лишением. Все три месяца мы буквально прожили на воздухе в густом, громадном институтском саду, бегали на гигантских шагах, качались на качелях, играли в разные игры» (Чарская, [1903] 1993, 160).

Д.С. Лихачев о дачах под Петербургом в 1910-х гг.: «Взрослые и дети вместе играли в крокет, рюхи, серсо. На даче у Пуни катались на “гигантских шагах”... Пожилые играли в саду в винт и преферанс. Неторопливо беседовали» (НЛ, 2006, 43).

О 1910-х гг.: «Когда, в ожидании чая, мама предложила нам с Верочкой пройтись по саду, она охотно поднялась с места и, протянув мне руку, с живостью спросила: “А что, гигантских шагов у вас нет?” “Только столб от них остался!” “А вы просите бабушку восстановить... Ведь это чудесное ощущение – взлетать, отрываться от земли, чувствовать себя без почвы!”» (Игумнова, 1957, 125).

О 1919 году: «Мне четырнадцать лет. Это, стало быть, 1919 год. Я... полюбила бегать на “гигантских шагах” и плавать на байдарке, у меня выросли порядочные косички..., и я переживаю свой первый роман... Коля Ф. приехал к ним погостить, и мы подружились на базе качелей, “гигантских шагов”, крокета и байдарок...» (Панова, 1980, 61).

О 1930-х гг.: «...Они зашли в Дом отдыха... Между двухэтажными деревянными корпусами для отдыхающих Яша увидел нечто новое для себя. На спортивной площадке был врыт высокий столб, а к вращающемуся на его верхушке кольцу прикреплены шесть длинных канатов с петлями на конце. Усевшись в петле и взявшись за канаты, парни и девушки бежали по кругу, отталкивались от земли и вдруг взлетали в воздух. Так каждый из них то бежал по земле то летел вокруг столба. “Что это?” – спросил Яша. ““Гигантские шаги”. Ты никогда на них не катался?” “Даже первый раз вижу”. “Подойдём, посмотрим”. Вскоре Яша с Ирой завладела двумя канатами. Это было замечательно! Яша разбежался, подпрыгивал и – летел. Даже дух захватывало... “Видел я, как ты на “гигантских” крутился. Очень неплохо!”... “Знаешь, Яков, а у тебя отличное чувство воздуха. Я наблюдал за твоими полётами на “гигантах”. Воздуха не боишься, сердце крепкое, в руках и ногах силенка. У нас на таких “гигантских шагах” лётчиков проверяют. Летать, значит, можешь...”» (Фрадкин, 1958).

О второй половине 1930-х гг. в Ленинграде: «...Однажды во дворе стараниями взрослых появился турник, веревочная лестница, канат, качели... Но когда установили столб с висащими на нем канатами –

“гигантские шаги”, качели отступили на второе место. Качание на качелях не могло сравниться с чувством легкости и невесомости, которое возникало, когда, сидя в петле каната, мы бежали вокруг столба. Центробежная сила отрывала нас от земли, и, пролетев над ней, мы плавно опускались. Шаг, другой – и снова полет, и снова приземление, и снова... А когда нас, сидящих в петлях, разгоняли, придерживая снизу, другие ребята, мы не поднимались высоко и быстро мчались вокруг столба. Было жутко и радостно. Казалось, это мчится вокруг тебя двор с домами, забором, водопроводной избушкой» (Богданков, 1972, 14).

О середине 1940-х гг. в деревне: «Из ребячьих игр вспоминаю хождение в крапиве и “гигантские шаги”. Только эти “шаги” скоро отказали. Перестало крутиться колесо на вершине столба, и верёвка начала наматываться на столб. Как верёвка укоротится, мы стукнемся о столб головами. Шагов, да ещё гигантских, не получилось. Столб был спилен, верёвку бабы использовали по хозяйству» (Белов, 2005–1).

О 1947 году в деревне возле Шадринска: «В 1947 году я была в пионерском лагере под Шляпиной... Помню, как... украшали центральную площадь, где мачта с флагом, зелеными и белыми мхами, выкладывали шишками звезду с серпом и молотом. Как готовили концерт к открытию лагеря... Прощальный костер на лугу, за оградой, там, где были “гигантские шаги”» (Иовлева, 1996, 5–6).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Когда смотришь на план, нарисованный архитектором сразу видишь весь школьный участок... Посмотрите, как всё хорошо разместилось на этом листе! Вот большой школьный сад... На школьном участке есть, конечно, физкультурная площадка и гимнастический городок с турником и “гигантскими шагами”» (Мар, [1951, 1954] 1961, 7).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Взрослые не были равнодушными к нашим забавам, но они не вмешивались... Зато установка по весне “гигантских шагов” была заботой именно взрослых. Этот когда-то очень широко распространенный аттракцион сейчас не увидишь нигде. А ведь как все просто: на вершину столба крепится большой подшипник, приспособливают три-четыре крепких каната с петлей на концах – вот и вся хитрость. Зарывай надежнее столб в землю, поудобней (чтоб не резало) садись на петлю, и отталкивайся от земли ногами, и вот ты взлетаешь все выше и выше, кубыркаешься, переворачиваешься в воздухе. Дух захватывает от полета и совсем не опасно» (Казарма, 2000).

О середине 1970-х гг.: «...Мы добрались до детской площадки никем не замеченные... Мы разрядили... две каталки... и взялись за “гигантские шаги”. В них пистоны были запрятаны наверху, между вращающихся дисков... “Гигантские шаги” стреляли громче всех» (Ермолаев, 1977, 128).

См. также: «Гиганты», «Гиганты».

«ГИГАНТЫ» – то же, что «Гигантские шаги».

О нач. XX века: «Девочки идут по аллее к площадке..., на которой устроены трапеции и гигантские шаги... На скамье против гигантов сидит реалист... Ева сразу узнала короля трэф. И развеселилась. “Давай, Нина, побегаем на гигантах”. “Давай”. Бегут к гигантам. Сорвали шляпы, кинули их на песок и схватили по петле друг против друга... “Побежим!” – крикнула звонко Ева. И побежали. Ева хорошо бегаёт на гигантах... Ева разбежится, с силой оттолкнется от земли, взрывая пыль, и взлетит высоко – выше берёзок. Ветер рвет рыжие вихри со лба. “Нина, – кричит Ева, – убегай! Нагоняю!” Нина убегаёт. Столб скрипит, скрипят ржавые петли на вершине столба. Мелькают ноги в чёрных чулках, развеваются юбочки. И вдруг Нина камнем с высоты. Стала на ноги и бегом к столбу вместе с петлей. Никогда так нельзя делать. Когда бегают на гигантах, нужно останавливаться вместе. Тот, кто стал, тому ничего, а кто разбежался высоко, того закрутит. Захлестнёт верёвку вокруг столба, начнёт закручивать и может ударить головой о столб. “Эй, – кричит Ева с высоты, – что ж ты делаешь!” И вмиг Еву закрутило. Со страшной силой

крутит вокруг столба. Ноги высоко над землей: и до земли не достать и из петли не вырваться. А Нина как вкопанная стоит у столба и смотрит вверх на Еву. Ева перетрусилась так сильно, что даже о короле трэф забыла. Совсем близко столб. Сейчас головой о столб – и вылетят мозги... Раз! Кто-то схватил Еву за ноги, рванул с силой к себе и остановил. “Так можно убится”, – сказал сын начальницы... Потом стряхнул пыль со своей серой блузы и отошел... А Ева стоит у столба, не скинув петли, смотрит ему вслед. “Ишь ты, – фыркнула за столбом Нина, – идет, как аршин проглотил”. Ева обозлилась. “Ты что наделала, дура? Из-за тебя я чуть не треснула головой о столб!» (Будогоская, [1929] 1988, 26–27).

О 1960-х гг.: «Мы построили у школы / Физкультурный городок. / Лишь звонок – с разбега прыг / На гиганты, на турник» (Лапыгин, 1966, 38).

«ГИГАНТЫ» – то же, что «*Гигантские шаги*».

О перв. пол. 1930-х гг.: «В теплое время года мы по большей части собираемся у Ольги. У них свой дом... При доме небольшой сад, где тоже можно без свидетелей предаваться нашим порочным страстям: игре в фантики и чтению “запрещенной” Чарской. Ольгин дом притягателен ещё и тем, что на дворе есть “гигантские шаги”, “гиганты”, как их обычно называют. Это столб с нехитрым устройством наверху. Со столба спускаются веревки с петлей на конце. Садись в петлю и начинаешь бегать по кругу. В какой-то момент отрываешься от земли и – летишь! Потом на секунду касаешься земли – и опять в воздухе. Только бегать нужно обязательно вдвоем или втроем – словом, чтоб ты был не один. И останавливаться нужно всем сразу – иначе закрутит и – головой об столб! Я готова крутиться на гиганах с утра до вечера» (Лупанова, 2007, 59).

ГИГИЕНА – «...система действий..., направленных на поддержание чистоты, здоровья» (Лопатин, 1997, 95)

Гигиена девочек-подростков во время менструации – см.: *Менструации*.

ГИГИЕНИЧЕСКИЙ пояс, менструальный пояс – средство гигиены девочек-подростков во время менструации в 1950-е – 1970-е гг.

О перв. пол. 1960-х гг.: «В осеннее-зимнее время в период менструации девочка должна носить длинные тёплые рейтузы... При менструации надо пользоваться специальным поясом. Смена подкладок должна быть не реже 2 раз в день. При пользовании ватой последняя после употребления выбрасывается» (Заяц, 1965, 28).

О середине 1960-х гг.: «По маминым словам, когда у неё начался в 14 лет месячные (1965 год), никаких прокладок вообще не было. Да и слова-то такого – прокладка – не было. Альтернативой служил гигиенический пояс. Выглядел он следующим образом: снизу была клеёнка размером примерно 13 на 7 сантиметров, спереди и сзади к которой крепились две тряпичные верёвочки. Они, в свою очередь, пристёгивались на две пуговицы каждая к своеобразному ремню, тоже тряпичному, который закреплялся на талии. Такой гигиенический пояс можно было приобрести в аптеке. Стоил он примерно 75 копеек, поэтому в материальном плане был доступен. Пояс можно было подобрать по размеру: от 44 до 50, в зависимости от объёма талии. Гигиенический пояс носили все дни месячных, во время которых на клеёнку с внутренней стороны накладывали вату. По мере пропитывания вату меняли на другую. В конце цикла клеёнку протирали влажной тряпкой, чтобы удалить пятна крови, тогда пояс был готов к следующему использованию» (1011).

О конце 1970-х гг.: «Девочку следует научить, как сделать менструальный пояс (если нельзя купить его в аптеке), какие трусы (плавки) удобнее носить и т. д.» (Хрипкина, 1981, 61).

См.: *Менструации; Прокладки гигиенические*.

ГИМН – торжественная песня программного характера.

Гимн СССР — государственный гимн Союза Советских Социалистических республик.

В 1943 году на мелодию написанного в 1936 году «Гимна партии большевиков» (слова В. И. Лебедева-

Кумача, музыка А.В. Александрова). был написан новый вариант слов (слова С.В. Михалкова, Г.А. Эль-Регистана). Гимн был утверждён 14 декабря 1943 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б). Впервые гимн СССР исполнен в ночь на 1 января 1944. Эта же музыка стала применяться как гимн РСФСР. С 1955 года гимн исполнялся без слов, но официально старые слова гимна отменены не были. В 1977 году был утверждён новый вариант слов гимна (тех же авторов), в таком виде гимн просуществовал до 1991 года, когда СССР прекратил своё существование.

Изучение и разучивание гимна СССР в школе.

О 1944 г.: «В нашем классе собрались эвакуированные и местные, бедные и богатые... Гришка Абрикосов водился с хорошенькими девочками и вместе с ними опаздывал на уроки. Потом нас разделили на мужскую и женскую школы... Мы ходили в госпиталь, пели там, плясали – развлекали раненых. Мы занимались тимуровской деятельностью: таскали кому-то дрова, стояли в очередях за хлебом. Разучивали “А вечер опять хороший такой, что песен не петь нам нельзя...” Читали про Зою Космодемьянскую. А однажды нас выстроили в актовом зале и прочитали новый Гимн – и мы учили его, и учили, и учили, но это дело привычное, еще в детском саду учили “Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...” и “Если завтра война...”... Что такое “древнего Кремля”, было непонятно, я долго пела “дремлего”» (Пруссакова, 2003).

Из пособия 1949 г. для учителей нач. школы: «Книга “Родная речь” заканчивается гимном Советского Союза. Вокруг его замечательных слов также следует построить обобщающие уроки; используя накопленные в течение года знания, учащиеся при помощи учителя сумеют разобраться в содержании гимна и глубоко осмыслить его. Темы этих бесед могут быть следующие... [Первая строфа] “Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь. Да здравствует созданный волей народов единый, могучий Советский Союз”. Здесь учащиеся вспомнят всё, что знают об объединении народов нашей родины вокруг Руси, об их совместных боях и совместной победе над своими врагами – царём, помещиками и капиталистами; белогвардейцами и интервентами; фашистскими полчищами; о совместном стр-ве своего государства – СССР. В беседе вокруг второй строфы гимна “Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, и Ленин великий нам путь озарил. Нас вырастил Сталин – на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил” – учащиеся подытожат свои знания о положении трудящихся в прошлом и сопоставят его с положением трудящихся в СССР, вспомнят пройденный под рук. Ленина и Сталина путь борьбы, труда и побед наших людей за лучшую жизнь. В беседе по третьей строфе “Мы армию нашу растили в сраженьях, захватчиков подлых с дороги сметём! Мы в битвах решаем судьбу поколений, мы к славе отчизну свою поведём!” – учащиеся проследят славную историю Советской Армии и подойдут к выводу о том, за что с таким героизмом боролся народ нашей родины; учитель в этой беседе, широко используя дополнительные материалы, должен развернуть перед детьми величественную картину героического труда и борьбы за выполнение великого сталинского плана – построения счастливого будущего» (НШ, 1949, 95–96).

ГИМНАЗИСТКА – ученица женской гимназии.

«В 1896 году появилось положение о гимназической форме для девочек» (Зорченко, 2007, 9).

О начале XX века: «Реалисты и гимназистки чинно гуляют по коридорам в ожидании танцев... Гимназистки – в коричневых платьях, с белоснежными передниками и все завитые» (Будогоская, [1929] 1988, 32).

О 1900-х гг.: «Женская гимназия – это большое, на полквартила здание... Парадная дверь раскрывается, и на тротуар выходят гимназистки. Одни, младшие, в коричневых платьях, другие, постарше, в светло-серых, а самые старшие, невесты, в синих» (Василенко, [1961] 1967, 157).

«В гимназии, куда девочка поступила в 1909 году, гимназистки носят тайно под передниками красные

банты: это запретное наслаждение риска, смысл его до первоклассниц не доходит, но они мужественно подражают старшим классам и рискуют отметкой за поведение» (Пришвина, 2003).

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ форма – см.: *Форма гимназическая*.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ церковь – церковь в гимназии или при гимназии.

О 1870-х гг.: «Согласно гимназическим правилам мы обязаны были не только ежегодно говеть у своего законоучителя, но и всякую субботу бывать у всенощной в гимназической церкви, а всякое воскресное утро – у обедни. Каждый класс стоял при этом на своем определенном месте, а за благоговейным поведением учеников следил инспектор» (Якубович, 1989, 153).

О конце 1900-х – нач. 1910-х гг.: «В императорском Новороссийском университете была собственная церковь, в семинарии, в кадетском корпусе – то же самое... После того как собственная церковь с освященным алтарем открылась в нашей гимназии, мы тоже как бы поднялись на высшую ступень общественной лестницы, хотя гимназия наша до сих пор считалась далеко не из лучших... Нас, гимназистов, приводили в церковь попарно во главе с классными надзирателями и выстраивали по левую руку от клироса, в то время как директор, инспектор и старшие преподаватели в своих вицмундирах и форменных сюртуках, в орденах и медалях становились впереди, а уже за ними все остальные молящиеся: дамы в шляпах, господа в сюртуках, офицеры в мундирах, чиновники, барышни...» (Катаев, [1972] 1983, 152–153).

См. также: *Молитва утренняя перед началом занятий*.

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ шалости и забавы.

О мальчиках.

О гимназич. шалостях рассказывает со слов своего отца С. Ожегова (1900 г.р.), автора «Толкового словаря русского языка», его сын: «Гимназические шалости были в общем-то достаточно невинными. В лавках узнавали, нет ли “жареных аористов” или другой подобной чепухи. Газетчиков спрашивали: “Голос” есть?” “Есть”. “Время” есть?” – “Есть”. – “Ну, так спой что-нибудь!” И, счастливые, убежали со всех ног. В гимназии “доводили” начальство. На большой перемене толпа гимназистов собиралась на лестнице и начинала глухо и тревожно скандировать: “Ум-па, ум-па, ум-па!” На этом фоне дискант выводил: “Мини-мини ясы, у-ква-ква!» (Ожегов, 1999, 207–208).

Роман Якобсон писал: «Существовала такая гимназическая забава – похабные азбуки... Эти азбуки были рукописными или даже продавались из-под полы» (Цит. по: Шапир, 1996, 365). Речь идет об азбуке, состоящей из двустушии, на каждую букву алфавита. Обе строки начинались на «обыгрываемую» букву алфавита. Первая строка двустушия звучала «гимназически» («Земля имеет форму шара», «Юпитер был женат на Гере»), вторая же – подчеркнуто похабно, объединяемая с первой размером и рифмой («Забавно...», Юнец...»). О середине 1900-х гг. (повидимому, цитируется гимназическая азбука): «Схоронив котенка, мы отправились на реку купаться, а заодно помыть клеенку и Митины хирургические инструменты. Я спросил Андрея: “Неужели тебе не противно было его душить?” “Давид играл на лире звучно – / Душить котенка очень скучно...”» (Кузьмин, [1964] 1990, 92).

О девочках.

О женской гимназии середины 1910-х гг.: «Подруги не прочь были и пошалить. Мика была большая мастерица на всякие выдумки, Зойка не отставала, и за Ириной числились тоже кое-какие делишки. Учителю рисования она ловко, на виду у всего класса, пришила к пиджаку бумажного чертика на ниточке. На сидении стула Совы густо начертила мелом крест. Сова целую перемену шеголяла с оттиском креста на юбке» (Филиппова, 1938, 37).

ГИМНАЗИЧЕСКИЙ хор – хор, состоявшийся из учащих гимназии.

О 1887 году: «Недавно ещё робкая девочка, послушно певшая в гимназическом хоре гимн «Боже, царя храни»,

она [София] по-иному увидела мартовские события, тенью виселицы омрачившие ее пятнадцать лет!» (Аренштейн, [1965] 1973, 14).

О мужской гимназии в 1890-х гг.: «Гимназический день начинался общей молитвой... Хор гимназистов пел молитву, затем поп читал очередную главу из евангелия, снова пели вторую молитву перед учением» (Блонский, [1941] 1971, 34).

О 1913–1914 гг.: «Мы, мальчишки лет четырнадцати... [Я] гимназист... Каждый день в гимназии утренняя молитва в зале. Хор был серьёзный – спевки, сольное пение. Старшеклассники с усамии... Я дискантом пел в хоре» (Васнецов, 1990, 80).

ГИМНАЗИЯ мужская – среднее общеобразовательное учреждение до 1917 года.

Первые мужские гимназии в России появились в XVIII века: в Петербурге (1726 г.), в Москве (1755 г.) и Казани (1758 г.). Эти гимназии ещё не имели единого учебного плана. Четырёхлетний курс обучения в гимназиях отличался громоздкостью. В него входили латинский, фр. и нем. языки, курс истории, географии, нач. курс философии, лит-ра, математика, физика, рисование и т. д.

«В гимназии принималась молодёжь по окончании начальных училищ, независимо от сословия. Однако вскоре были введены сословные ограничения. Гимназии стали предназначаться для детей дворян и чиновников. В гимназиях был введён строгий устав, казарменная дисциплина; из учеб. плана были исключены философия, политэкономия и право. Срок обучения устанавливался до 7 лет. Для того, чтобы поступить в гимназию, надо было сдать вступит. экзамены, что удавалось далеко не всем желающим, т. к. начальные училища не всегда давали достаточную подготовку. Кроме того, обучение в гимназии было платным, поэтому практически приём в гимназию был ограничен...»

В середине 1860-х годов установилось два осн. типа гимназий: классич. гимназия – с преимуществ. изучением греч. и лат. языков, с незначит. количеством часов на естествознание и физику; реальная гимназия – без изучения древних языков, с расширенным преподаванием естествознания и физики... Однако предпочтение отдавалось классич. гимназии, так как её выпускники имели право поступать в университет и другие высшие учеб. заведения; выпускники реальных гимназий могли поступать только в высшие тех. учеб. заведения. Но и классич., и реальные гимназии оставались учеб. заведениями с ярко выраженным гуманитарным уклоном.

В 1871 г. был принят новый Устав гимназий, по которому единств. типом гимназии признавалась семиклассная классическая гимназия с восьмилетним курсом обучения (седьмой класс делился на два года) и с преподаванием лат. и греч. языков. Были учреждены подготовит. отд-ния для детей от 8 до 10 лет. По Уставу гимназистам было запрещено посещать театры, лекции, библиотеки. Восп. работу с учащимися проводили классные наставники, наблюдавшие за поведением гимназистов. Реальные гимназии были преобразованы в реальные училища. В конце XIX в. Мин. просвещения пыталось перестроить гимназию, ослабить в ней классицизм, приблизить учеб. программу к практич. потребностям общества. Но и после принятия нового учеб. плана (1914 г.) гуманитарные дисциплины остались в гимназиях преобладающими. Выпускники гимназий принимались в университет без экзаменов: в первую очередь – окончившие с золотой и серебряной медалью, остальные – по конкурсу аттестатов. Гимназия как тип учеб. заведения была ликвидирована в 1918 г.» (Денисова, 1978, 89–90).

Генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский (1900–1981) о 1910-х гг.: «Учился я во времена знаменитого Кассо. При Кассо гимназисты находились на таком, значит, полувоенном положении: после восьми часов вечера на улицу выходить не имели права, к различным неполадкам в форме строжайшие были придирки... Так называемые надзиратели и их помощники могли остановить, записать, и потом происходили от

этого всякие неприятности. Никакого телесного наказания в наши дни, конечно, не применялось, но карцер существовал. Можно было получить карцер на один день, а можно было и на две недельки получить...» (Автобиографии, 1998, 351–352).

См. также: *Учителя (в гимназии); Гимназист; Форма гимназическая; Гимназическая церковь; Классный наставник; Гимназические шалости и забавы; Карцер; Медали в учебных заведениях; Молебен; Молитва; Мундир гимназический; Наказания, Наказания в учебных заведениях официальные; Педель; «Синяя говядина»; Форма гимназическая мальчиков; Форменная одежда; Фуражка, Фуражка форменная.*

ГИМНАСТ – «Человек, искусный в гимнастике; человек, профессионально занимающийся гимнастикой» (Словарь, 1954–3, 103).

Деревянная игрушка в виде гимнаста.

О второй половине 1920-х – 1930-х гг. в Новосибирске: «Высокое крыльцо облюбовали китайцы. Десятки худеньких фигурок продавали игрушки. В их руках... пестрели фонарики и веера, кувыркались деревянные гимнасты, двигались фанерные медведи» (МН, 1999).

ГИМНАСТЁРКА (до 1917 года) – «Форменная рубашка из плотной ткани, надеваемая чрез голову (принятая в Советской Армии до 1969 г.)» (Лопатин, 1997, 96); верхняя однотонная рубашка из плотной ткани, обычно со стоячим воротом, подпоясываемая ремнём, элемент форменной одежды гимназистов (до 1917 года), воспитанников ремесленных училищ и школьников (во второй половине 1930-х – первой половине 1960-х гг.).

О конце XIX – начале XX века: «Летом гимназисты носили коломьяковые гимнастерки с серебряными пуговицами. Пуговицы были не пришиты, а приклеплены к гимнастерке спец. медными колечками, чтобы можно было легко их снять при стирке. Старшеклассники обычно ходили не в гимнастерках, а в куртках... В некоторых гимназиях гимнастерки и куртки приняты были не синие, а серые, брюки же всегда были черного цвета» (Ривош, 1990, 189–190).

О бывших гимназистах в 1917 году: «Все складки гимнастерки были убраны назад и заправлены за пояс. Кушаки нам затынул первый силач класса Биндюг» (Кассиль, 1935, 157).

О первоклассниках в конце 1930-х гг.: «И, наконец, сама форма чего стоит! Длинные брюки, длинная, чуть не до колен, гимнастёрка! И всё это он наденут первого сентября... [Первоклассник] Петя старается удержать [петяклассника] Лёву за край гимнастёрки... Вовка... снял школьную гимнастёрку, засучил рукава рубашки и принялся... натирать себя мылом... Затем мама сказала, что она подшила Вове и Пете к их гимнастёркам свежие воротнички» (Могилевская, [1941] 1958; 22, 185–186).

О воспитанниках ремесленного училища середины 1946–1947 гг.: «Всё было, как всегда: вахтер отстучал по рельсу отбой, в комнате № 7 ребята сложили брюки и гимнастерки на тумбочки и укрылись байковыми одеялами, Степа Хмара пробежал в чулках к двери и выключил свет...» (Василенко, [1948] 1949, 3).

О подборе обмундирования для воспитанника ремесленного училища в конце 1940-х гг.: «[Тётя] долго и придирчиво примеряла на Петю гимнастерку, брюки, шинели, а когда, наконец, выбрала, кладовщик облегченно вздохнул» (Бахтин, 1956, 7).

О школе середины 1950-х гг.: «Посиди-ка на солнышке в шерстяной гимнастерке! Конечно, на севере такая форма в самый раз, а у нас, в Приазовье, в ней одно мучение. Вот почему на переменке мы выползли из класса, как осенние мухи, – сонные, размоленные и толстые в своей шерстяной форме... В подъезде самой близкой к школе Женькиной квартиры мы сняли свои форменные гимнастерки, отдали Женьке портфели, и он отнес их домой. (Мелентьев, [1958] 1961, 4).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «Ни слова не говоря, он подошел к ребятам вплотную, схватил за шиворот сначала Серегу, потом Мишку и вытащил их из-за парты. Гимнастерки у ребят гармошкой сбились где-то

у затылков. Ремни теперь опоясывали у Мишки голубую майку, а у Сереги – голую веснушчатую спину» (Зелеранский, 1961, 12).

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «В магазине было шумно. Приветливая светловолосая продавщица прикинула к плечам Женя серую гимнастерку. Гимнастерка оказалась ему впору... «Пусть примерит, – вмешалась продавщица. – Такой покупатель требовательный пошел! Да и понятно: школьную форму покупает!» Женя вошёл в кабинку и задёрнул за собой занавеску на звонких металлических кольцах. Как по мерке сшитая гимнастерка очень понравилась Жене... Наконец Женя выбрал [фуражку] и подошел к большому зеркалу. Оттуда на него глянул школьник в ладной тёмно-серой гимнастерке, подхваченной ремнём с блестящей пряжкой, в отутуженных брюках и великолепной фуражке с желтыми кантами и желтым блестящим значком... А на следующее утро все ребята во дворе видели, как Женя вышел из своей парадной. Женя был в новенькой форменной гимнастерке и фуражке с блестящим значком» (Туричин, 1962, 17–20).

О 1950-х гг.: «...Наверное, все вы / Ребята не встречали / Неряшливей / Севы... / Чернильные кляксы / От уха до уха... / Гимнастерка в мелу...» (Аким, 1961, 9).

Об учениках 4-го класса во второй половине 1950-х гг.: «Директорский сынок не дал Димке досказать. Схватил его за приполлок гимнастёрки и, притянув к себе, поднёс кулак к носу» (Баздырев, 1961, 44).

О начале 1960-х гг.: «Мы, переминаясь, опраивали школьные гимнастёрки... Мы родились через пять лет после окончания войны... К нашему 6-му «а» классу... подошёл... директор» (Трубин, 1987; 22, 23)

ГИМНАСТИКА – упражнения для развития мускулатуры и ловкости.

Утренняя гимнастика.

О 1950-х гг.: «Разбудит солнце Настеньку – / Она с постели всочит / И делает гимнастику / И весело хохочет! / Водю обливаешься / И зубы чистит пастой» (Лифшиц, 1960, 4).

О гимнастике в детском саду: «День в детском саду, как всегда, начался с гимнастики. “Раз, два, шевелись! / На зарядку становись!” – вызывает маленький бубен» (Леонидова, 1968, 23–24).

Гимнастика перед занятиями в школе.

О начале 1960-х гг.: «Сегодня Зоя Ивановна не узнавала своих ребят. Они были на себя не похожи. Понуро стояли на построении в зале. Вяло делали гимнастику, обычную перед уроком» (Могилевская, [1963] 2004, 160).

См. также: *Зарядка, Зарядка перед занятиями в школе.*

ГИМНАСТИКА – урок в учебных заведениях, на котором делаются упражнения для развития мускулатуры и ловкости.

О гимназии 1890-х гг.: «Умнее всех поступал учитель гимнастики. Он был богатым домовладельцем, гласным думы, дельцом, кажется, театралом. Зачем ему понадобилось преподавать такой гиблый в то время предмет, как гимнастику, я не знаю. Но человек он был неглупый и культурный. Он выстраивал нас, командовал, проводил некоторые упражнения и обыкновенно, не доканчивая урока, предлагал “отдохнуть”. Чем старше класс, тем продолжительней были эти “отдыхи”». (Блонский, [1941] 1971, 38–39).

О Харьковском институте благородных девиц в 1915–1917 гг.: «У нас, разумеется, были уроки гимнастики и танцев. Но они, если не ошибаюсь, были раз в неделю поочередно. На уроках гимнастики мы снимали наши формы и надевали легкие серо-голубые платочки длиной до половины голени и с полукороткими рукавами» (Морозова, [1994] 2001, 411).

О 1917 году: «Преподавателем гимнастики был у нас в школе борец Ричард Синягин...» (Кассиль, 1935, 181).

ГИМНАСТИЧЕСКАЯ пирамида – см. *Пирамида гимнастическая.*

ГИМНАСТИЧЕСКИЙ кружок – см.: *Кружок.*

О девочке-подростке в конце 1970-х гг.: «В тот же день [Нюся] вступила в школьный гимнастический кружок. Говорят, у нее есть способности к гимнастике:

она с ходу идет на полушпагат, после небольшой разминки – вот вам полный шпагат, пожалуйста. Ей говорят, что надо “пахать и пахать, чтобы сделать из себя спортсмена”. Нюся не верит, что из неё может выйти спортсмен, потому в кружке смотрят на неё без надежды» (Голявкин, 1984, 108).

ГИНЕКОЛОГИЧЕСКАЯ служба для девочек.

О конце 1960-х гг.: «В последние годы в стране создаётся специализир. гинекологич. служба для девочек. В Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Харькове... и многих других крупных городах при дет. поликлиниках или женских консультациях открыты кабинеты дет. гинекологии. Прошедшие специальную подготовку врачи ведут приём девочек до шестнадцати лет» (Для девочек // Здоровье. 1969, № 8 – С. 20).

ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИЙ осмотр.

О середине 1980-х гг.: «Первый гинекологический осмотр я прошла, когда ездила в лечебно-оздоровительный лагерь, мне было лет 11. За нами (т.е. за отрядом, который состоял из девочек всех возрастов) пришла медсестра и попросила построиться в ряд и пройти за ней. Мы, ничего и не заподозрив, шли за ней. Я думала, что нас ведут на очередную процедуру (лечебные грязи или морские ванны). Но когда медсестра сказала, что заходить будете в кабинет по одному и снимать трусики, а затем ещё садиться в кресло, раздвигая ноги, я испытала настоящий шок. Мне хотелось убежать, но старшие девочки сказали, что все равно придется проходить эту процедуру. Я шла, не чувствуя ног, все девочки тряслись перед кабинетом. И каждая, выходя из кабинета ничего не отвечала на вопросы девчонок, потому что ей было стыдно. Но вот пришел и мой черед. Зашла я в кабинет, сняла трусики, мне показали, как и куда сесть. Это было ужасно стыдно раздвигать ноги перед тремя врачами, которые какими-то инструментами туда лезли, причем это было больно. Мне показалось вечностью, пока я сидела на кресле (хотя и не прошло и 5 минут). Думая об этом весь оставшийся день, мне было омерзительно, что осматривают таких маленьких девочек, как я. Все девочки ходили под впечатлением, потому что только и рассказывали об этом. А от одной девочки из моей комнаты (нас было 10 человек в комнате) я услышала, что это было даже приятно. После этого я с ней мало общалась, она мне казалась какой-то не такой, как все девочки» (611).

ГИТАРА – «Шести- или семиструнный щипковый музыкальный инструмент среднего размера, на котором играют, держа его в руках» (Лопатин, 1997, 96).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «...Во дворе был маленький садик и песочница, в которой... вечером собирались взрослые мальчишки, громыхали на гитаре, пока их дворничиха не прогнала» (Алмазов, 1977, 59).

О Шадринске в 1993–2007 гг.: «В 1993 году, когда мне было 6 лет, я первый раз взял в руки гитару. Папу моя игра крайне раздражала. Поэтому он решил меня научить играть. Сперва у меня, конечно, ничего не получалось. Но через неск. дней я уже умел играть три аккорда... Через неск. месяцев я научился играть частушки. Когда мне было лет 8–9, меня брат научил играть какую-то песню, и я тогда хвастался перед друзьями. Мы эту песню пели целыми днями. Буквально через неск. месяцев мне брат отдал песенник. Я пытался научиться играть все песни, но только ничего не получалось. Лет в 13–14 я уже играл хорошо. И даже научил играть моего друга. Сейчас я играю любую песню, которую услышу... В свободное время я играю на гитаре и провожу много времени. К тому же в любой компании ценят гитару. И каждый раз, когда мы с друзьями идем на какой-нибудь праздник, то я обязательно беру гитару» (151).

ГЛАВНЫЕ народные училища – учебные заведения с пятилетним сроком обучения, образованные по «Уставу народных училищ» 1786 года в губернских городах России. В них дети обучались чтению, письму, изучали сокращ. и пространный катехизис, священную историю, Евангелие, грамматику, всеобщую и русскую историю, всеобщую и русскую географию, естественную историю, арифметику, геометрию, механику, физику, гражданскую архитектуру, рисование.

Ср.: *Малые народные училища.*

«ГЛАЗ на анализ» – мальчишеская угроза.

О Москве в 1950-е гг.: «В первые дни я бродил по двору ошарашенный..., и всё вокруг представлялось мне неестественным: ...странные угрозы (“Стыкнемся? Ща пендала! А глаз на анализ?”)... А ведь я приехал не с Камчатки, я москвич и родился в Москве» (Алексеев, 1987, 27–28).

О конце 1950-х гг.: «Не веря глазам, я подошел к Борьке и обескураженно спросил, откуда у него велик, так похожий на мой? Ответил он более чем определенно: “Вали отсюда, шибздик, не то глаз на анализ натяну. А матери пожалуешься – сожгу”». (Гай, 1987, 59).

ГЛАНДЫ – нёбные миндалины.

О первокласснике в конце 1950-х гг.: «“Давайте не пустим его завтра в школу”, – предложил папа... На всякий случай я заплакал. “Это он боится, что Клавдия Николаевна будет его ругать”, – сказала мама. “Чудак! – рассмеялся папа. – Мы придумаем для твоей Клавдии Николаевны какую-нибудь байку...”... Мне очень хотелось самому придумать какую-нибудь байку... “А что, если сослаться на гланды?” “Что ж, гланды – это правдоподобно”, – согласилась мама. Когда я пришел в класс, мне сразу стало весело... Я... пошёл к Клавдии Николаевне. Я отдал ей записку, она прочла и спросила: “Чем ты болел?” “У меня болели гланды”» (Шатров, 1961, 98–99).

В 1950-е – 1960-е годы была распространена операция по удалению гланд детям.

О мальчике в 1958–1959 гг.: «Незадолго перед школой ему вырезали гланды – просто вырвали к чертовой матери загнутыми ножницами, закутав в клеенчатый фартук и поставив за креслом дожего санитара с волосатыми ручищами, чтоб удерживал его. Коротконогая баба в таком же клеенчатом фартуке телесного цвета, со сверкающим диском на лбу, вооруженная зловеще лязгающими инструментами, сердилась и кричала, чтобы он не смел реветь, иначе она сейчас все бросит и уйдет, но не уходила и вновь наваливалась на него ражим брюхом. Он уже догадался, что не избежать того, что задумали с ним сделать, и продолжал глотать слезы, пока она обматывала его миндалины ватой, обещая дать ему после операции съест их поджаренными в масле – они очень вкусные, – и выдирала их, выдирала у него из горла бесконечно долгие полчаса. Мальчик успел поверить ей и несколько дней ждал поджаренных гланд... В палате он попросил: “До-ды!” Все обыскались, покуда не добрались до мутноватого гранёного графина с питьевой водой на столе. Его пожалели и в нарушение запрета все-таки смочили его пересохший распухший язык водой с раздирающей рот огромной столовой ложки» (Клех, 2002).

О девочке в 1960-е гг.: «Через некоторое время выяснилось, что мне нужно удалять гланды. По-моему, то было какое-то поветрие, чуть ли не мода. Только в нашем дворе гланды удалили почти всем моим сверстникам. “Гланды – это маленькие тефтели в горле”, – говорила я. Была ли от операции какая-то польза, я так и не поняла, потому что болеть меньше не стала. Из больницы я написала записку родителям: “Лучше всю жизнь болеть, чем терпеть такую боль”» (Глущенко, 1997, 8).

О 1960-х гг.: «“Может быть, тебе лечь в больницу гланды удалят? – предложил Коля. – Когда человек в больнице, его никто не ругает”. “Я здоров, – вздохнул Гришка, – я в бассейне занимаюсь. А гланды мне в прошлом году удалили”» (Матвеева, 1975, 77).

ГЛИНА, лепить из глины – см.: *Лепка.*

ГЛИНЯНАЯ свистулька – игрушечный свисток из глины.

О Москве начала 1910-х гг.: «Папа покупает соловья, глиняные свистульки в виде недоразвитых зверушек...» (Сац, 1973, 37).

О второй половине 1920-х гг.: «Минька [мальчик] и Аксюша родились в один год... Их игрушки были совместные: глиняные ярмарочные свистульки, корзинки

из раскрашенных стружек, бумажные мячики на тонких резинках, набитые опилками» (Коршунов, 1985).

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «Глиняная свистулька [заголовок]. “Птица-свиристелка, / Звонкая поделка! / Ну-ка, ну-ка, говори: / Что там у тебя внутри?” “Верь, не верь ли, мой хороший, / А внутри-то – ничего, / Кроме двух сухих горошин / И дыханья твоего”» (Бородинская, 1999, 79).

ГЛОБУС – «Искусственный шар, представляющий небо или землю» (Словарь, 1892, 815); «Модель земного шара с изображённой на ней картой всей поверхности Земли или модель небесной сферы, служащие наглядным учебным пособием» (Словарь, 1954–3, 137); «Наглядное пособие – модель земного шара, обычно вращающаяся на подставке» (Ожегов, [1960] 1970, 129); «Наглядное пособие – вращающаяся модель земного шара или другого сферического небесного тела. *Глобус Луны. Небесный глобус* (модель небесной сферы)» (Ожегов, 1972, 123; Ожегов, 1988, 109); «Вращающаяся модель земного шара или другого сферического небесного тела с его картографическим изображением. *Глобус Земли. Глобус Луны. Небесный глобус* (модель небесной сферы)» (Ожегов, Шведова, 1996, 128).

О Челябинске во вт. пол. 1960-х гг.: «Жили мы небогато, но денег к 1 сентября родители не жалели. Вот только одна моя мечта так и не исполнилась: не было у меня в доме глобуса. Не кружился он у меня на письменном столе, потому что и стола-то у меня не было. Жили мы в одной комнате, стол был один – для еды, глажки белья и приготовления уроков» (Мымыкина, 2007, 10).

«**ГЛОБУС**» – географический ежегодник для детей. Выпускался с 1938 года.

Глобус. Геогр. ежегодник для детей. – Л.: Детгиз, 1957 – 438 с., тираж 15 000 экз. (Для ст. возраста). Из содержания: «Новости геогр. науки», «Из истории географии», «Случаи из жизни путешественников», «Геогр. календарь».

Глобус. Геогр. ежегодник для детей. – Л.: Детгиз, 1960 – 342 с., тираж 30 000 экз. (для сред. и ст. возраста). Из содержания: «География великих работ», «Путешествия, исследования, геогр. приключения», «Новости геогр. науки», «По всему свету», «Геогр. календарь». (Старцев, 1961, 358).

О геогр. ежегоднике «Глобус» за 1983 год в сравнении с ежегодниками 1930-х гг.: «Это очень почтенное и заслуженное издание в тридцатых годах, несмотря на гриф “научно-художественное” (и отвечая ему по качеству материалов), неслыханно чётко выраженный общ.-полит. хар-р, тесно, нерасторжимо увязывая познавательную географию с важнейшими событиями советской и междунар. жизни. Например, в предвоенных “Глобусах” был интереснейший контрпропагандистский раздел о том, как империалисты перекраивают карту мира, как пытаются прибрать к рукам новые колонии. А что же “Глобус–83”? Уж чего-чего, а цифры “83” в нём не чувствуется вовсе. Даже порядкового номера десятилетия не ощущается. Ни слова о сложном междунар. положении... Казалось бы, как в “Глобусе” не поведать об американских евrorакетах, нацеленных на СССР...? ...Как не растолковать о том, что происходит в... Центр. Америке, поднявшейся на борьбу за свободу? Но ничего этого нет и в помине... Подавляющее большинство материалов объёмистого ежегодника – это компиляции на темы истории городов и путешествий, геогр. открытий, причем многие из этих материалов именно из-за своей компилятивности, вторичности отнюдь не соответствуют грифу “научно-художественный”, не говоря уже о том, что в эпоху телевизионного “Клуба путешествий” такая лобовая описательность выглядит лит. анахронизмом. Отчетливо ощущается, что составители “Глобуса–83” испытывают острейший дефицит новых, сегодняшних тем, и вовсе не от хорошей жизни уводят ежегодник в “ист. географию”» (Салуцкий, 1986, 17).

«**ГЛОТЫ**» – подростки, отбирающие еду у сверстников.

Об изоляторе для беспризорных детей в Москве в 1926–1927 гг.: «Я остался в большом мрачном здании среди сотен малолетних уголовников... Очень сложно было организовать питание ребят. У неопытного слабохарактерного дежурного педагога часть пищи исчезала до того, как он впускал ребят в столовую. Много хлопот доставляли так называемые “глоты”. Это были взрослые парни, сильные, наглые. Они держали в страхе если не всё отделение, то определенную группу ребят. И те, и другие действовали одним методом – силой, но не своей, а своих помощников. Стоило только такому “глоту” повести бровью или кивнуть в сторону очередной жертвы, как тут же на неё обрушивался град ударов. Любая прихоть “глота” выполнялась беспрекословно; того же, кто эту прихоть не исполнял, ожидала жестокая расправа. Вот эти “глоты” и наводили свой “порядок” в столовой, сводя на нет всю работу педагогов. В одиночку педагоги старались среди ребят не появляться, опасаясь возможных оскорблений и даже увечий!» (Гунин, 1984, 114–117).

«**ГЛУПОСТИ**» – свойственное для общения детей и взрослых обозначение области и темы гениталий.

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Так в детском саду называли всё, связанное со сферой гениталий. “Марь Иванна, а Петров свои глупости трогал!”, “А Сидоров опять глупости говорил!”» (Жавелева, 2006).

О середине 1980-х гг.: «В баню с отцом я ходила с 2 или 3 лет до 12. Только один раз я спросила у папы: “Почему ты не снимаешь трусики, я ведь на глупости не не смотрю?” Сколько лет мне тогда было, не помню. На интересный вопрос он только засмеялся, поцеловал меня и поставил на полку» (1010).

«**ГЛУХОЙ телефон**», «**глухонемой телефон**», «**испорченный телефон**» – детская игра 1930-х – 1990-х гг.

Участники садятся в ряд. Ведущий подходит к первому участнику и быстро шепчет ему на ухо слово.. Участник шепчет услышанное другому, тот – третьему и так до конца. У последнего в ряду спрашивают, что он услышал. Тот отвечает, после этого то, что произнес, сообщает ведущий. Если слова различаются, поочередно спрашивают у участников, какое они слышали слово. Когда выявляют участника, исказившего первоначальное слово, он садится в конец ряда.

О юноше-студенте (18–22 лет) в середине 1930-х гг. в Москве: «Мы пошвыряли наши по-студенчески замызганные... пальтишки на чьи-то меха и вошли в комнату... И закружился вечер... Здесь, в старинной московской квартире, играли в глухонемой телефон, в шарады, угадывали картины, читали стихи» (Цесарский, 1971, 116–117).

О Шадринске 1940-х гг.: «В перемены, в школьном дворе, любили играть в игры... “Глухой телефон”: недослышал слово – отправляйся на “камчатку”» (Плотникова, 2003, 38).

О конце 1970-х гг.: «Играли в “глухой телефон”. Шёпотом на ушко говорили какое-нибудь слово ключевое. И по порядку друг другу его шептали. Потом у самого последнего спрашивали, какое слово до тебя дошло? Иногда выходило так, что ключевое слово и слово, которое услышал последний участник, не имели между собой ничего общего. Выходило очень смешно» (490).

О с. Вознесенском Далматовского р-на в середине 1980-х гг.: «Игра “Глухой телефон” пользовалась у нас большой популярностью. В неё играли все: и кто помладше и постарше. Правила игры были следующие: один из нас выбирался галящим, именно он шептал на ухо первому сидящему человеку любое слово (все мы сидели на одной скамейке). А дальше было просто: этот человек передавал (тоже шепотом) услышанное слово сидящему от него справа, тот, в свою очередь, следующему и т.д. У игрока, который сидел последним, галящий спрашивал: “Какое слово ты услышал?” Обычно слово было исковеркано так, что порой это было уже не слово, а отдаленные звуки. Это было по-настоящему смешно» (456).

О ст. Макушино вт. пол. 1980-х гг.: «Также весьма популярной в мое время была игра в “глухой телефон”. Мы играли в неё где-то до 7 класса. Компания у нас была почти всегда одна и та же – я, две мои младшие подруги, одноклассники Саша и Толя. Выбирался ведущий, все остальные садились рядом друг с другом. Ведущий говорит какое-нибудь слово шепотом первому участнику, тот передает его следующему и так дальше, пока слово не дойдет до последнего. До последнего человека слово всегда доходило в искаженном виде. Затем спрашивали у каждого, кто какое слово услышал, кто говорил неправильное слово, садился на “Камчатку” (последним). С возрастом мальчики стали говорить матершинные слова. Девочкам было неудобно говорить такие слова, и мы их передавали друг другу, говоря очень быстро» (528).

О с. Ключи Далматовского р-на в нач. 1990-х гг.: «Ещё в садике чаще играли с воспитателями в “глухой телефон”. Мы садились на стульчики в ряд, а воспитатель говорил слово на ухо (шепотом) и тот что услышал должен был передать дальше и т. д.» (084).

Ср.: «Испорченный телефон».

«ГЛЯДЕЛКИ» – игра-состязание.

Судя по повести Л. Кассиль «Конduit и Швамбрания», в 1918 г. девочки-гимназистки принесли в «единую трудовую школу» в городе Покровске игру в «гляделки»: «“А в гляделки можно играть?” – спросили хором самые маленькие ученицы с огромными бантами на макушках. “Гляделки? – задумался я. – Как по-твоему, Степка?” “Гляделки, я думаю, можно”, – снисходительно сказал Степка... Девочки ввели в класс много новшеств. Главным из них были “гляделки”. В эту увлекательную игру играл поголовно весь класс. Состояла она в том, что какая-нибудь пара начинала пристально глядеть друг другу в глаза. Если у игрока от напряжения глаза начинали слезиться и он отводил их, это засчитывалось ему как поражение. У нас были лупоглазые чемпионы и чемпионши. Был организован даже турнир – чемпионат гляделок. Весело и незаметно проходили уроки. Матч на звание “зрителя-победителя” всего класса длился подряд два урока и часть большой перемены...» (Кассиль, 1935, 166–167).

В повести 1970-х годов фразу о гляделках произносит учитель физики, так что нельзя сказать с уверенностью, говорит ли он об игре, распространенной среди современных ему старшеклассников (1970-х гг.), либо же он вспоминает времена своей молодости (1930-е годы): «И вот сегодня на уроке он, кажется, отучил Татку от обмороков. Она отвечала у доски, а на пальцах – свежий маникюр... Татка подняла на него свои огромные глаза и стала старательно их наполнять слезами... “Вы со мной решили в гляделки играть? – спрашивает Николай Степанович.– Но я уже староват для этого занятия, советую тренироваться на юных усачах...” И на Сеньку кивает» (Исарова, 1977, 69).

О середине 1980-х гг.: «Игры в гляделки. Две девочки смотрели друг на друга в глаза, пока кто-нибудь не моргнет» (534).

О середине 1980-х гг.: «В гляделки меня научил играть старший двоюродный брат. Сначала я не могла играть, опускала глаза и начинала смеяться. Затем научилась смотреть долго и непрерывно. Затем я начала доканивать своих сестер. В основном мы играли на что-нибудь. Допустим, кто проигрывал – тот выносит мусорное ведро или моет посуду» (537).

О 1987 году в Шадринске: «В игру “в гляделки” я играла с 7 лет. В основном, играли в эту игру в школе, на перемене. Два участника должны смотреть в глаза друг другу, не мигая. Кто мигнет, тот проиграл» (504).

О конце 1980-х гг. в поселке Уренгой: «Ещё мы любили играть в “гляделки”, кто кого переглядит» (550).

О конце 1980-х гг.: «Ещё мы играли в гляделки. Со слов “1, 2, 3” начинали смотреть друг на друга, и кто первый моргнет, тот проиграл. Можно было смешить друг друга. Что-нибудь говорить или строить рожи (не моргая)» (483).

О с. Понькино Шадринского р-на в 1990 г.: «Игры в гляделки проводились уже в более старшем возрасте,

когда нам было примерно лет 12. Сначала играли только с девочками. Возникла она вроде бы как-то сама по себе. Кто-нибудь задумчиво смотрит в одну точку. А другая подойдет и предложит: “Давай, кто кого пересмотрит”. И начинались “гляделки”. Кто не моргнет, тот выиграл. Сразу с ней кто-нибудь еще захочет “посмотреться”. Потом стали эти игры затевать, где были мальчики. Конечно, мы начинали играть с девочками, ну а затем парни сами предлагали с ними поиграть. Было так интересно. Некоторые девчонки смущались, говорили: “Алеша, я не могу смотреть тебе в глаза так долго”. Некоторые, наоборот, смотрели парням в глаза долго, долго и иногда даже выигрывали парней. Эта игра была как бы заигрыванием с парнями. Иногда нравится мальчик, ну не скажешь же ты ему это. Как-нибудь невзначай, когда идет эта игра, предложишь ему поиграть. Смотришь ему в глаза, смотришь, и говоришь про себя всё, что бы хотел сказать вслух. Иногда помогало, мальчик затем начинал обращать на тебя внимание» (514).

О Шадринске в 1997–1998 гг.: «В гляделки играли в 13–14 лет. Два человека, желательно девочка и мальчик, садились друг напротив друга и смотрели пристально в глаза противоположному игроку. Проигрывал тот, кто первым моргал. В нашем дворе такая игра считалась завлекательной: мальчик и девочка таким образом проявляли симпатию друг к другу» (105).

ГНЕЗДО – «Место, устраиваемое птицами для кладки яиц и высиживания птенцов» (Словарь, 1992–3, 165).

Гнёзда птичьих разорять – малчишеская забава.

О 1880 г.: «Надя... увидела деревенских ребятишек у костра. “Давай спустимся к ним!” – попросила она мать. И обе... сбежали вниз. Ребятишки сидели вокруг угасающего костра, каждый с прутиком в руке, которым они что-то осторожно перекачивали в жаркой золе. “Здравствуйте, дети! Картошку печёте?” – обратилась к ним Елизавета Васильевна... Мальчик... объяснил: “Мы не картошку. Её давно всю слопали. Птичьи яйца печём. Угощайтесь, барышня”, – выкатил он несколько крохотных яичек, взял их в руки и, перекачивая с ладони на ладонь, протянул Наде. Надя убрала руки за спину и готова была наговорить этому мальчишке, который разоряет гнезда, много поучительных слов, но мама пожала ей плечо: молчи, мол. “Спасибо, ешьте, ешьте, – сказала мама. – Это какие же яйца, каких птиц?” Мальчишка, оглянувшись на своих присмиривших товарищей, объяснял, выкатывая крохотные обуглившиеся яички из пепла. “Вот это сорочки, вот это галочки, это скворчкины”. “А где соловьиные? – робко спросила Надя. “Что вы, барышня, соловьиных яиц мы не берём... Мы и у других птиц не все таскаем, оставляем на развод, – похозяйски объяснял мальчик... Когда выбрались наверх и присели отдохнуть на комле упавшей сосны, Надя спросила: “Мама, почему ты не объяснила ребятам, что стыдно разорять птичьи гнезда? Ведь так они всех птиц истребят”. Елизавета Васильевна вздохнула: “Не спеши осуждать. Они делают это не ради озорства. Сейчас самое голодное время в деревне. Хлеб и картошку поели, а земля ещё ничего, кроме крохотных кустиков крапивы, не даёт. Ребята просто голодные, вот и утоляют голод чем могут. И они же сказали, что берут по одному-два яичка из гнезда» (Воскресенская, 1973; 98, 99).

О деревенских мальчишках конца XIX века: «Стенке стукнул седьмой год, и хотя он еще не носил штанишек, но обладал полной свободой действий. Пропадал с раннего утра из дому и куролесил с ребятами по деревне и окрестностям, делая удалые набеги на галочки и вороньи гнезда и на засеянный в полях горох» (Касаткин, [до 1939] 1991, 23).

О деревенских мальчиках 10–12 лет в 1937 г.: «В апреле 1937 года... я, Гошка Лашков и Федька Лукиных пошли зорить птиц в Боровлянских лесах... Под деревней Боровушка... в... лесу мы обнаружили гнезда воронов. Они чернели на самых макушках... берёз. Гошка Лашков был на два года старше меня и Федьки... На березы [за птичьими яйцами] всегда лазил он. И в этот раз Гошка залез на высокую берёзу до самого гнезда. Хотел было засунуть свою руку в гнездо, как тут

же появилась небольшая стая воронов, и птицы с криком стали бросаться на Гошку. К тому же подул ветер, береза сильно закачалась, и Гоша с огромной высоты, обессиливший, сорвался и грохнулся на землю. Мы с Федькой подбежали к нему... Гоша не дышал. Мы оба заплакали... На наше счастье, Гошка застонал. Лицо его все было исклевано птицами, из ран сочилась кровь» (Лукиных, 2007, 165).

ГНОМИК – «В древнегерманской мифологии фантастическое существо, карлик, охраняющий подземные сокровища» (Словарь, 1992–3, 171)

Гномик как персонаж детских вызываний.

О Тюменской обл. в 1986 г.: «В 8 классе в трудовом лагере вызывали доброго гномика. Ровно в 12 часов ночи зажигали свечку перед зеркалом и кружкой с водой. Натягивали нитку посередине комнаты (зачем-то), одна девочка говорила слова: “Гномик добрый, повявись!”. В этот момент я ложилась, залазила под одеяло и миглом засыпала. Гномика вызывали множество раз, но я всякий раз засыпала, конец гадания я никогда не видела. Утром мне стыдно было признаться, что от страха я заснула. Поэтому я громче всех кричала, что я видела Доброго гномика, и шепнула ему свое желание» (590).[...]

О Шадринске в 1993 году: «Вызывание гномика-жвачника. Когда мне было примерно 8 лет, мы с подружками решили вызвать гномика. Для этого на табуретку положили жвачку и нарисовали вокруг нее три круга зубной пастой. Табуретку поместили в ванную. Выключили свет и стали водить хоровод вокруг табуретки, приговаривая шепотом что-то примерно такое: “Гномик, приди, жвачку нам принеси”. Тогда мы верили, что гномик придет, съест нашу жвачку и за это даст нам много других. Это вызывание закончилось после того, как кто-то толкнул табурет и якобы спугнул гномика. Забыла сказать, что круги из пасты рисовали для того, чтобы гномик оставил следы» (103).

«ГНУТКА» – приспособление из согнутого стального прута для катания по твердому снегу. Вероятно, примерно то же, что «орынка».

О 1940-х гг.: «Они там, в Белоруссии, играли в жёстку, и у нас точно такая игра была. Но зато изобретение деревенских кулибинных – то ли самокат, то ли салазки из согнутого стального прутка – они называли таратайкой, а мы – “гнуткой”» (Перуанский, 2007, 60).

ГОВЕТЬ – «В установленные церковью сроки постигаться и посещать церковные службы, готовясь к исповеди и причастию» (Словарь, 1992–3, 175).

О середине 1820-х гг.: «Семилетний мальчик, я, конечно, должен быть говеть, так как уже миновал официальный срок моего младенчества. Говенье происходило в доме Кафтыревых. Там совершались все службы, кроме обеден» (Полонский, [1890–1891] 1986–2, 390).

О 1870-х гг.: «Согласно гимназическим правилам мы обязаны были... ежегодно говеть у своего законоучителя...» (Якубович, 1989, 153).

«В конце XIX – начале XX в. к семи-восми годам... все крестьянские дети соблюдали Великий, Рождественский и Петровский посты... Нередко уже с трёх-четырёх лет дети сознательно постились по примеру старших» (Островский, 2006, 37).

ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ – «Сырой яичный желток, взбитый с сахаром (иногда с ромом)» (Словарь, 1992–3).

О детях предстателей творческой интеллигенции в середине 1930-х гг.: «Молодые писатели Илья Ильф, Евгений Петров, Борис Левин и художник Константин Ротов в 1931 году приобрели дачу на ст[анции] Клязьма... На даче жили дети Петька (Петров), Ирка (Ротова) и я (Елка Левина). Все мы родились друг за другом: я и Ирка осенью 1928 г., а Петька в январе 1929 г. Позднее, уже в 1935 г., появилась на свет Сашенька Ильф... У Петьки... была бабушка, которая любила его кормить... Однажды она выбежала за ним с горшочком пшенной каши... но вместо него подбежали мы с открытыми ртами, и она нас поочередно кормила... вкусной кашей..., сладкой, как гоголь-моголь. Кстати, гоголь-моголем нас часто кормили» (Левина, 2004, 3).

О начале 1960-х гг.: «Лёшка... часто простужался, и у него болели уши. Мама давала ему гоголь-моголь с тёплым молоком, а когда Лёшка шёл гулять, повязывала ему платок из ангорской шерсти... Гоголь-моголь с тёплым молоком Лёшка так и быть ел – всё-таки сладкий, хоть и надоел порядком, – но платок надевать отказался наотрез, потому что мальчишки кричали: “Платок! Платок!”» (Лихоталь, 1964; 3, 5).

ГОГОЧКА – маленький сынок; чистюля; слабак, изнеженный, «барчук»; задавака; мальчик, носящий новую (непотрепанную) одежду. Время достоверного бытования – 1920-е – 1940-е гг.

О начале 1920-х гг. в школе-интернате: «Давно ушел от нас самый яркий, самый талантливый из шкидцев – Георгий Ионин, он же Япончик. Это был человек необыкновенной, исключительной одаренности. Еще в шкидские времена, то есть в возрасте 14–15 лет, Японец свободно читал на четырех иностранных языках, хорошо знал историю, философию, мировую литературу, искусство. И при этом он, как вы знаете, не был “гогочкой”, во всех шкидских затеях Ионин выступал верховодом» [...]

О конце 1960-х гг.: «Ох и врезал бы ему Мишка за такие вопросы, да ещё некстати. Но попробуй-ка, сунься к Ваське, если он и ростом высокий, и кулаки у него что надо, а вдобавок он – председатель совета отряда, и выбрали его не потому, что он гогочка, а потому, что уважают... [Мишка] размышлял о своей незадачливой судьбе и слабым характере... В конце концов, пускай Васька... Стоп. То, что делает Васька, обсуждать не стоит. Васька ведь сильный – не какой-нибудь гогочка. Мишка ушёл домой в глубоком отчаянии» (Драбкина, 1975; 75, 85).

ГОЛИТЬ – то же, что *галить*.

Об игре в «кол» в середине 1930-х гг. в сибирской деревне:

О середине 1930-х гг. в сибирской деревне: «Настал самый напряженный и ответственный момент в жизни – выбор голящего... Всегда голил самый честный и тихий человек. Кеша наш не вылезал из голящих и в конце концов бросил играть в кол... Стоит голящему отдалиться, как из засады вырывается ловкий, ушлый враг, хватает колотушку и вбивает кол до тех пор, пока ты не вернешься и не застучаешь его... Вымотанный трясухой лихорадкой, я как-то три дня подряд голил в кол, не мог отголиться и снова захворал. Орлы дяди Левонтия, Васька Вершков, Леня Сидоров, Ваня и Васька Юшковы, Колька Демченко навещали меня, приносили гостинцы, с крестьянской обстоятельностью желали поскорее поправляться, чтобы отголиться, иначе не будет мне прохода, должником жить на селе не полагается, из должника не выйдет и хозяина-мужика. И когда мне в жизни становилось и становится невмоготу, я вспоминаю игру в кол и, стиснув зубы, одолевая беду или преграду, но все же с облегчением заканчиваю я рассказ об этой игре – очень уж схожа давняя потеха с современной жизнью, в которой голишь, голишь да так до самой смерти, выдать, и не отголишься» (Астафьев, 1989–1, 230–233).

ГОЛОД – «Отсутствие или крайний недостаток хлеба и вообще продуктов питания как массовое бедствие в результате неурожая, войны и других причин (в отношении страны, края, населённого места и т. п.)» (Словарь, 1954–3, 227).

О 1921 году в Воронежской губернии: «В 1921 году, в страшный голод, домой насовсем вернулся отец, и семья опять, в поисках лучшей доли, отправилась на юг. Там на руках у [9-летнего] Миши умер от голода младший братик. Оставшиеся в живых Миша с сестрой просили по станицам “Христа ради”. Давали кто пирожок, кто копейку» (Алексюткина, 2002, 24).

О первой половине 1920-х гг.: «А хлеб – он был лишь не у многих. / Разруха. Голод. Нищий быт... / У наших кукол тонконогих был непомерный аппетит, / И мы на них ворчали: “Дуры! Чем вас кормить в конце концов?! – / ...Лепили детство мы с натуры, / Не зная лучших образцов”» (Татьяничева, 1960, 12).

О сибирской деревне в 1933 г.: «В тридцать третьем году наше село придавило голодом. Замолкли песни..., не стало голубей. Шумные ватаги ребятишек не сыпались на санках с яра... Ослабел я скорее всех. Начал опухать. И ноги, худые мои ноги перестали меня слушаться, ходил я, шатаюсь, голова у меня кружилась... Однажды наелись мы мерзлых картошек. С молоком ели картошки, с солью, и вроде бы все довольны остались, но меня начало мутить и полоскало так, что бабушка еле отводилась со мною» (Астафьев, 1989–1, 110, 112, 113).

О 15-летних подростках в сибирском городе в 1943 г.: «Когда мы вышли из магазина, Танька первой полезла в сумку, достала оттуда черную горбушку и жадно надкусила ее. “Еще горячий”, – сообщила она, жуя полным ртом. Я пощупал хлеб, который болтался в моей авоське, привязанной к портфелю. Да, он был еще горячий изнутри, а сверху уже остывал, леденел, потому что на улице стояла лютая стужа. Не утерпев, я тоже извлек хлеб из авоськи, яростно вгрызся в мякоть. “Горячий – он тяжелее, – хмуро сказал я Таньке. – Горячего получается меньше...” Мы были голодны. Мы все время были отчаянно голодны. Нет, ведь нельзя сказать, чтобы мы ничего не ели. Мы ежедневно аккуратно съедали положенный нам по карточкам хлеб. И матери ухитрились добавить к этому кое-какой приварок: кашу из магары – горького дикого проса, суп-рытатуй, о котором только и можно сказать, что был он круто посолен, пили кипяток с сахарином. Так что умереть с голоду мы не могли. Это не был жуткий блокадный голод вроде ленинградского. Это был о б ы к н о в е н н ы й голод, унылый голод военной поры. Но нас измучило это вечное недоедание. Каждую минуту, каждое мгновение мы думали только о еде. О чем бы мы ни думали, мы в то же время думали о еде. Мы сидели на уроках, читали книги, кололи дрова, стояли в очередях, а перед глазами маячило одно и то же – кусок хлеба. И, съев этот заветный кусок, мы продолжали мечтать о куске. Даже во сне. Из-за этого, должно быть, мы никак не могли ни на чем сосредоточиться, в ушах непрерывно стоял тихий и легкий звон, а в голову приходили какие-то нелепые и странные мысли» (Рекемчук, 1974).

«ГОЛОСЯНКА» – игра-состязание: у кого первого из состязающихся не хватает запаса воздуха, чтобы тянуть звук, того все дерут (тянут) за волосы. Другое название той же игры – *волосьянка*.

О середине 1900-х гг.: («Редаль сказал мальчикам: “Ну ладно! Будем все втроем молчать. А проговоритесь – заставлю спеть голосянку. Голосянку Гриша знал. Кто-нибудь говорил первый: “Ванька, Ванька, спой голосянку, кто не дотянет, тому уши драть!” И тогда все голосили – кричали в одну ноту, – и каждый старался сберець дыхание как можно дольше. У кого дыхания не хватало и он останавливался первый, тому драли уши. Драли крепко, на совесть. Голосянка часто кончалась слезами. Взрослые в голосянку всегда выигрывали у ребят – у них дыхание длиннее. Так что играть в эту игру с Редалем – значит наверняка быть выдраным за уши» (Кононов, 1958, 59).

О новогоднем времяпрепровождении в 1910-х гг. в Шадринске: «Потом малыши затягивали “голосянку” (игра для самых маленьких). Один тягуче запеваёт: “Давайте, ребята, голосянку тянуть. Кто не вытянет, того за уши-ы-ы...” Все набирают побольше воздуха и подхватывают бесконечное “ы”, следя друг за дружкой, чтобы никто не передохнул. Первому остановившемуся с хохотом дерут уши и затягивают опять» (Иовлева, 1995, 46).

«ГОЛУБАЯ чашка» – рассказ (1936) *А.П. Гайдара*.

О девочке в Шадринске в середине 1980-х гг.: «Я помню ощущение солнечного по-мягкому тёплого дня, тропинку, мягко стелющуюся вдаль, поля, глубоко и ароматно дышащую траву – это мои ощущения, когда я читала “Голубую чашку”. Очень мягко, легко, как мамина рука в детстве, было это произведение. Я видела эту девочку, я чувствовала её борьбу, её стыд и её признание, и я так была рада, что моя расположенность к её жизни в этом рассказе позволяет мне быть хорошей и

становится еще лучше. Я перечитывала её несколько раз – мягкое, светящееся, струящееся ровное дыхание лета, жизни было для меня в этом тексте» (1001).

«ГОЛУБОЙ вагон» – песня (слова Э. Успенского, музыка В. Шаинского) из мультфильма «Шапокляк» (1974, режиссер Р. Качанов).

Текст: «[1.] Медленно минуты уплывают вдаль, / Встречи с ними ты уже не жди, / И хотя нам прошлого немного жаль, / Лучшее, конечно, впереди. [Припев:] Скатертью, скатертью дальний путь стелется / И упирается прямо в небосклон. / Каждому, каждому в лучшее верится... / Катится, катится голубой вагон. [2.] Может, мы обидели кого-то зря, / Календарь закроет этот лист. / Жить без приключений нам никак нельзя... / Эй, прибавь-ка ходу, машинист! [Припев] [3.] Голубой вагон бежит, качается, / Скорый поезд набирает ход... / Ах, зачем же этот день кончается, / Пусть бы он тянулся целый год! [Припев]

Песня пользовалась большой популярностью у детей в 1970-е – 1980-е гг. Сохраняет свою известность и до настоящего времени.

О Шадринске в 1989–1990 гг.: «С песней “Голубой вагон” я познакомилась в возрасте 4–5 лет. Впервые я услышала её в мультфильме про Гену и Чебурашку. Песня исполнялась на выпускном в детском саду» (012).

О с. Ястребинка Пресновского р-на Сев.-Казахстанской обл. в 1992–1995 гг.: «Когда я училась в начальных классах, мы пели песенку “Голубой вагон” на уроках музыки» (019).

«ГОЛУБОЙ патруль» – охрана детьми водоёмов и их обитателей.

О конце 1970-х гг.: «...Тишину нарушают мерные удары по металлической миске. Условный сигнал понятен: “Обед готов!”. Услышав сигнал, с двух сторон от берегов отчалили лодки и взяли курс к лагерю. Прежде чем вымыть руки и сесть за обед, гребцы – ребята из краеведч. отряда московской школы № 425 – извлекли на берег странный “улов”: банки, полиэтиленовые мешки, баллончики из-под противомоскитных жидкостей. Были здесь и бутылки, и дырявый мяч, и пластмассовая кегля, и даже полиэтиленовая фляга с остатками какао... Одни ребята считали, что замусорили берега горе-туристы, другие доказывали, что источник загрязнения – ...дом отдыха или пионерлагерь. Так закончился этот... маршрут, проведённый по краеведч. заданию Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников “Моя Родина – СССР”. Польза от работы таких отрядов вполне реальна, ошугима – не зря повсюду в нашей стране так авторитетны ребята “голубые патрули”... Рейды “голубого патруля” – это ещё и привалы на берегах рек, и знакомство с прекрасными уголками природы, с памятными ист. местами. И пусть юные краеведы пошлют рапорт о своей работе в штаб Всесоюз. эксп... “Моя Родина – СССР”... И пусть в рапорте будут не только факты нарушений, пусть там будет рассказано и о местах, где люди бережно относятся к щедрой и беззащитной природе» (Белинский, 1979, 85).

О вт. пол. 1970-х гг.: «В далеком первом классе нас... поставили перед сложнейшей дилеммой. Кем мы хотим быть: зелёным патрулем или голубым? Я тогда уже слышала, конечно, о том, что природу нужно беречь. Но не представляла, что для этого надо вступать во всероссийское общество “зелёных” или “голубых”. Учительница разъяснила, что “зелёные” охраняют траву, кусты, деревья и живую природу. А “голубые” – водные ресурсы и подводных обитателей: рыбу и всякую живность. Я выбрала зелёный патруль. Наверное, потому что плавать не умела. Вдруг, спасая раненую выдру, мне пришлось бы нырять!» (Кумейко, 2007–3, 6).

Ср.: «Зелёный патруль».

ГОЛУБЬ – «птица Columba» (Словарь, 1892, 851); «птица отряда голубиных, распространённая во всех частях света в диком и домашнем состоянии... Голубь дикий, лесной, полевой, египетский и т. п. – различные породы голубей. Почтовый голубь – порода голубей, выводимая специально для пересылки почтовых сообщений» (Словарь, 1954–3, 241); «птица

преимущественно с серовато-голубым или белым оперением и большим зобом» (Ожегов, [1960] 1970, 133; Ожегов, 1988, 112); «птица средней величины с коротким клювом, большим зобом и оперением разнообразной окраски (чаще серовато-голубой или белой)» (Словарь, 1992–3, 216); «дикая и одомашненная птица, преимущественно с серовато-голубым или белым оперением и большим зобом» (Ожегов, Шведова, [1993] 1996, 133).

Разводить голубей – увлечение мальчиков (детского и подросткового возраста).

О начале XX века: «Я любил книжки, а [отец] купил мне полдюжины каких-то голубей-трубачей. Почему я должен был восхищаться тем, что у них хвосты не плоские, а трубкой, до сих пор считаю невыясненным. Мне приходилось вставать рано утром, давая этим голубям корм и воду, что вовсе не увлекало меня» (Аверченко, 1989, 191).

О середине 1900-х гг.: «Вот, выстроив парами, нас – гимназистиков – ведут в театр. Представлять будут пьесу Фонвизина “Недоросль”... ..Открылась сцена, – и на неё выбежал Митрофанушка – сын богатых помещиков. Он держит длинный шест с грязной, когда-то белой, тряпкой. Ясно: сейчас только гонял голубей. Сопровождающий нас учитель чистописания... объясняет нам, что голубей гоняют только вот такие недоросли – неучи и бездельники – да уличные мальчишки. А мы – ученики столичной казенной гимназии – огню не должны предаваться этому пустопорожнему времяпрепровождению. Смотрите на девочек:... ни одна девчонка... не позволит себе заниматься этим. [Учитель] был прав: девочки голубиной охотой почему-то совсем не интересовались. Но боже мой, как мы – чистенькие гимназистики – завидовали “уличным мальчишкам”, когда они, босые и оборванные, схватив шест с белой тряпкой или заложив два пальца в рот, оглушительным свистом заставляли подняться с крыши стайку красивых разноцветных птиц и с полным знанием дела управляли ими. Эта праздная забава влекла нас к себе почему-то необычайно» (Бианки, 1971, 5).

О второй половине 1950-х гг.: «Голубей Валька держал с восьми лет, с тех пор как отец, шофер грузовой машины, привез ему с рынка за пазухой пару монахов – белых, с чёрными головками птиц. А сейчас у него пятьдесят семь голубей, и из них куплено не больше десятка. Остальные вывелись в его голубятне или были чужими, сманенными его же стаей... А в другой раз к Вальке прибежал его школьный приятель Сенька Суздальцев за своей чайкой. Хорошо зная Валькин характер, он не стал просить отдать ему свою чайку, а протянул две десятки. Валька спрятал деньги в карман. “Вот ключи, иди бери”, – сказал он. Валька доверял приятелю, который сидел через парту от него. Многие голубятники распродавали своих птиц на рынке, ломали голубятни, потому что рядом с ними жил такой опасный сосед, как Валька, от которого нельзя было ждать пощады» (Мошковский, 1959; 91, 92).

О середине 1960-х гг.: «В возрасте 10–11 лет мы с другом “коллекционировали” голубей. После школы шли к клеткам с голубями, кормили и ухаживали за ними. Были и дикие, и ручные. Вообще этим увлекались многие мальчишки в нашем селе. Помню случай, как мы пошли воровать голубей к нашим соседям. Дело было летом, клетка с голубями стояла на улице в огороде. Мы закрыли хозяев дома с наружной стороны на палку, а сами пошли в огород, за голубями. Взяли 2 голубя. Потихоньку сняла палку с двери и ушли. Но потом соседи заметили пропажу и сообщили нашим родителям. Голубей пришлось вернуть хозяевам» (524).

О 1970-х гг.: «Небольшой двухэтажный дом смотрел окнами на набережную, а старая каменная лестница... выходила во дворик... И ещё была голубятня... Тёмное деревянное сооружение с современными заплатами-досками, со свежеструганными перилами на шаткой многоступенчатой лестнице. Хозяином голубятни был Игорь Турбин. К нему слетались все голуби Замосворечья. Облепляли сизыми стаями голубятню... Их бормотание волнами разливало по дворику... Игорь размахивал

длинным шестом, развевалась красная тряпица, привязанная на тонкий его конец, пронзительный свист разлетался над крышами домов, а внизу, застывшие от восхищения и гордости, задрав кверху... мордашки, жмурились младшие Турбины. Гибкий, с горящими глазами... мечется он по площадке, и словно продолжение его длинной гуттаперчевой фигурки – вибрирующий шест в небе и стаи голубей плавают в весеннем счастливым воздухе...» (Маркина, [1979] 1984, 11).

Ловить голубей – см.: *Ловить птиц*.

ГОЛУБЬ бумажный – «запускаемая в воздух самодельная детская игрушка из бумаги (обычно в виде самолётка)» (Словарь, 1992–3, 216); сделанные из бумаги фигурки, напоминающие птиц; с их помощью развлекаются – фигурки движением руки запускают в полёт.

О церковно-приходской школе в 1917 году: «Любимым нашим занятием в школе было выпускать в перемены самодельных бумажных голубей. Из старых тетрадок делали мы и синехвостых, и просто синих или белых острокрылых птиц. Летом выпускали их на дворе, а зимой в классе. На улице им было раздолье летать, а в классе потолок и стены мешали» (Марков, 1963, 111).

О Дальнем Востоке в нач. 1920-х гг.: «...Бойскауты... нагнали всё больше, даже на уроках: доводили до слёз паанов, запускали бумажных голубей и стреляли из свёрнутых в трубку тетрадок в девчонок» (Чаусов, 1963, 149).

Об учениках второго класса в 1946 г.: «[Сергея Тошев] вовсе не пишет, а что-то мастерит из листка. Наверно, голубя. Хочет пустить его под потолок. Вот Гетушка завопит: “Кто?! Оставлю после уроков!” Но Серега не очень-то боится Гетушку...» (Крапивин, 1986; 145, 146).

О школе в нач. 1950-х гг.: «Несмотря на полдневную жару, ребята постарше с азартом гоняют по полю упругий футбольный мяч. Малыши носятся за бумажными голубями, которые легко взмывают в синее небо и плавно, вызывая восторженные крики юных авиаторов, снижаются на землю. Первоклассники играют в пятнашки, бега друг за другом» (Синяев, 1953, 3).

В учебном издании «Ручной труд в начальной школе» даётся описание, как изготовить бумажного голубя: «Котик. На рисунке... показано последовательное изготовление игрушки “котика”... Голубь. Применяя тот же способ сгибания квадратного листа бумаги, что и при изготовлении “котика”, строим “голубя”. Он представляет собой как бы летающую модель. На рисунке... показано последовательное получение этой модели из бумаги: ... от тетрадного листа отрезается столько, чтобы остался ровно квадрат, причём отрезанный лоскут бумаги не бросается, а используется потом для хвоста голубя... Для запуска голубя в воздух надо взять его двумя пальцами за самую тяжелую часть снизу... При пробных полётах этой модели надо проследить, хорошо ли держится голубь в воздухе. Если он “козыряет”, то есть круто склоняется и пикирует сразу же после взлёта, надо несколько прогнуть крылья... и, может быть, увеличить хвост, то есть слегка выдвинуть его из гнезда» (Жилкина, 1956, 34–35).

О мальчике 7–8 лет в нач. 1960-х гг.: «С Ощеуловым мучается вся октябрьская звёздочка... Когда все пишут, он кладёт ручку на парту и начинает делать бумажных голубей» (Костюковский, 1965, 61).

О перв. пол. 1960-х гг.: «А мальчишки во дворе / Свищут звонко-звонко / И бумажных голубей / Шлют живым вдогонку» (Яхнин, 1965, 4).

О 1967 г.: «Восьмиклассник Данька Родькин... чинил все возможные каверзы угрюмой “немке”. То бумажного голубя прилепит к потолку во время урока, то отпустит голубя между рядами ручного мышонка в бумажных очках...» (Глушенко, 1976, 24).

О 1970-х гг.: «Всё дело в том, что это мой подъезд. Тот самый, в котором я росла. Грелась зимой у батарей, пускала летом из окон мыльные пузыри и бумажных голубей. Жгла первые в жизни спички» (Коршунова, 2004, 9).

О пятиклассниках в конце 1970-х гг.: «“А у нас свой писатель есть – Гришкин! Он детектив сочиняет!” – крикнул тот, что пускал бумажного голубя, и

засмеялся... Таня сидит за своей партой, а на парте лежит солнечный рыжий ромбик. Вдруг на этот ромбик садится бумажный голубь. Сел плавно, с тихим шорохом. Откуда ты прилетел, бумажный голубь в клеточку?.. Таня берет голубя. Только мальчишки умеют делать таких голубей. Крылья изогнуты, клюв острый, тяжелый. И хвост у голубя, как у самолета. Сколько раз пыталась Таня сделать голубя из бумаги. Ничего хитрого – всё получается так же. И хвост, и клюв, и крылья. Только никогда её голубь не летает так ровно и плавно, так долго не летает и не приземляется так точно, как голубь, сделанный Максимом» (Матвеева, [1982] 1986; 18, 245).

ГОЛЬФ, брюки-гольф – «Брюки-гольф обычно шьют из клетчатой ткани, на притачных манжетах, которые застёгиваются под коленями на пуговицы» (Орлова, 1988, 148).

О школьниках 16 лет в 1937 г.: «А через неск. дней, придя в школу, я столкнулась в вестибюле со странным мальчиком, которого раньше не видела. Меня поразила его одежда: сандалии поверх теплых носков, брюки гольф и тёмно-зелёный свитер толстой вязки, с широкой белой полосой у шеи» (Либединская, 1966, 74).

ГОЛЬФЫ – 1. «Короткие брюки с манжетами, застёгивающимися под коленом» (Ожегов, [1960] 1970, 133); «1. Короткие брюки с манжетами, застёгивающимися под коленом» (Ожегов, 1972, 127; Ожегов, Шведова, 1996, 133).

См.: *Гольф, брюки-гольф.*

ГОЛЬФЫ – 2. «2. Короткие чулки с резинкой, охватывающей ногу ниже колена» (Ожегов, 1972, 127; Ожегов, Шведова, 1996, 133).

О 1980-х гг.: «В детской моде – гольфики, гольфы, которые носят девочки и мальчики в коротких штанишках» (Орлова, 1988, 150).

О начале 1960-х гг.: «... Два близнеца, мальчик и девочка, щекастые, лупоглазые, в одинаковых синих трусах и белых гольфах. Знака их знает – они живут в их городке напротив бабули Калерии» (Бейлина, 1966, 24).

Гольфы у девочек.

О Свердловске в середине 1960-х гг.: «Нельке исполнилось семь лет. Она в коричневом платье с белым фартуком, волосы заплетены в косы с белыми бантами, на ногах белые гольфы с бомбошками. Больше всего мне нравятся бомбошки. Они такие кругленькие и пушистые, и мне хочется ими поиграть... Мама нарядила меня в белое капроновое платье с чехлом, белые гольфы и собралась повезти в какой-то “парк маяковского”» (Смирнова, 2005).

О вт. пол. 1960-х гг.: «От такой “мягкой посадки” и скольжения по траве все коленки, новые белые гольфы и руки Асты окрасились в черно-зелёный цвет» (Земская, 1971, 107).

О пятиклассниках в 1970-е гг.: «Разве для того Людка надела новенькие беленькие гольфы с кисточками? В мартовский день, когда еще холодно и коленки стынют... Прямо около Максима стоит она – Людка. Маленькая, крепенькая, в синей короткой юбочке и белом свитере. Белые гольфы с кисточками. Людка любит носить гольфы; наверное, это хорошие гольфы, и наверное, они идут Людке. Но Тане кажется, что гольфы Людка носит нарочно, чтобы понравится Максиму. И синюю короткую юбку, и белый ладненький свитерочек. Маленькая, складненькая, живая, хитренькая, противная Людка» (Матвеева, [1982] 1986; 184, 226).

О 1980-х гг.: «В школу я пошла в далекие 80-е годы... Коричневое платье, белый фартук, воротничок и манжеты... Своим нарядом я безмерно гордилась! Завершали образ белые гольфы и бант» (Малеева, 2006, 3).

Гольфы у мальчиков.

О Москве в нач. 1910-х гг.: «Восьмилетний Шурик был жильцом кирпичного дома против нашего, ходил в шапке “блином” и гольфах, а при виде нас с Ниной неизменно сплёвывал через плечо» (Сац, 1973, 36).

О 10-летнем мальчике в 1940 г.: «Так я лежал долго и начал засыпать. Хотел раздеться, снял чулок-гольфчик и больше ничего не успел – заснул... Проснулся я оттого, что кто-то резким рывком понял меня с постели... [Отец] схватил меня за шиворот и потащил... на лестничную

площадку. Я стоял на ступеньках в одном чулке...» (Сиснев, 1940, 26–27).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Но тут вдруг прибежал откуда-то бойкий веснушчатый мальчик в гольфах и стал всем распоряжаться...» (Новиков, 1975, 49).

О Кайтасе в 1990–1993 гг.: «Я носил гольфы – те же носки с высоким голенищем, почти до колен – когда ходил в детский сад» (115).

«ГОЛЫ руки не казать» – подвижная детская игра с ударами крапивой по телу.

О 1940-х гг.: «... Девяткин... был недоволен: без Маши ни одно дело не обходится... “Отвадить надо девчонку, проходу от нее нет”, – решил Петька и как-то раз... когда Маша пришла к мальчишкам, он предложил сыграть в “голы руки не казать”. “Сыграем, сыграем!” – обрадовались ребята. Каждый обернул руку зеленым лопухом, сорвал длинный стебель крапивы. Потом все запели: “Голы руки не казать, голы ноги не казать”, принялись бегать друг за другом и хлестать крапивой по босым ногам и рукам. Сначала Маше такая игра понравилась: бегаешь, визжишь, увертываешься. Но рукава кофты были коротенькие, юбка по колени, и девочке доставалось больше всех. Руки и ноги у нее покрылись красными волдырями, на глазах выступили слезы. ... Мальчишки разошлись – прыгали вокруг неё, хохотали, размахивали крапивой. Тут Маша и разъярилась. Нарвала большой пучок крапивы и, забыв про все правила игры, как венником принялась направо и налево хлестать мальчишек: по рукам, по спине, по головам. Девяткину досталось больше всех. Отступили мальчишки и с тех пор побаивались прогонять Машу от себя» (Мусатов, [1948] 1971, 24).

ГОЛЬШ – см.: *Кукла, куклы-гольши.*

«ГОМИНДАНОВКА» – «народное» название школьной формы 1950-х гг.

О 1950-х гг.: «Первые дни [по приезде мальчика в интернат]... Сначала слезли... кирзовые сапоги. Затем штаны, затем вельветовая куртка. Такие куртки в селе называли почему-то “чирлистонками”... В течение трёх-четырёх дней меня – по частям – обмундировали, и стал я, как все: в ботинках и в школьной форме мышиного цвета. Последняя, как и “чирлистонка”, тоже имела иноземное наименование, но уже куда менее благодушное: “гоминдановка”... Володя... пока скажет слово... отвергнет пару пуговиц на вашей “гоминдановке”...» (Пряхин, [1981] 1986; 17, 20).

«ГОНЯТЬ попа» – детская игра, вероятно, то же, что «*поп-гоняла*»; «*поп-загоняла*».

О 1940-х гг.: «Из ребячьих игр вспоминаю хождение в крапиве и “гигантские шаги”... Но прыганье на гибкой доске было самой распространённой игрой... Любили мы играть “в муху”, “гонять попа”, играли в чалу, в “цыпки” и т. д.» (Белов, 2005–1).

«ГОРЕ от ума» – комедия А.С. Грибоедова (1795–1829); в 1950-х – 2000-х годах изучалась в 8–9 классах школы.

ГОРЕЛКИ – «Народная игра, в которой играющие становятся по двое, одна пара за другою, а впереди тот или та, кто горит и ловит одно из лиц разбегающейся врознь самой задней пары» (Словарь, 1892, 875); русская народная игра, на каждом этапе которой участник стремится догнать одного из двух убегающих участников до того, как они встретятся.

О жизни в имении в Тульской губернии в 1880-х гг.: «Гораздо интереснее было играть в лапту, городки или горелки с шумной босоногой оравой крестьянских ребят. И маленькие Черносвитовы стали часто по вечерам исчезать из дому» (Аренштейн, [1965] 1973, 6).

О Москве в 1905–1906 гг.: «И я целый день бегаю по двору с девочками. Иногда собирается много ребятшек, и мы играем в любимые наши горелки. Больше всего я люблю “водить”: «Гори, гори ясно, / Чтобы не погасло, / Глянь на небо – / Птички летят, / Колокольчики звенят...» Говоришь это каким-то особенным, поющим, звонким голосом, а сама посматриваешь одним глазом и ждешь – вот-вот из-за твоей спины вырвутся с той и другой стороны стоящие в паре подружки и побегут со всех ног, делая большой круг, чтобы успеть встретиться прежде, чем

я схвачу кого-нибудь из них. И когда после такой игры приходишь домой, мама проводит рукой по моим волосам, по лбу и говорит: “Опять вся мокрая!..”» (Емельянова, 1955, 151).

Д.С. Лихачев о дачной местности под Петербургом в 1910-х гг. «У подростков свои забавы, рюхи – игра мальчишек, горелки – мальчишек и девочек. Называлась так потому, что начиналась с песни: “Гори, гори ясно, чтобы не погасло...” Мальчику надо было догнать девочку. Не по подворотням жались, знакомились в игре» (НЛ, 2006, 43).

О середине 1920-х гг.: «Играющие становятся в пары одна за другой, перед ними становится один из детей и речитативом произносит песенку, после чего последняя пара разбегается в разные стороны, а тот, кто “горит”, старается догнать одного из бегущих. ...Кто горит, произносит: “Гори, гори ясно, / Чтобы не погасло, / Стой подоле – / Гляди на поле, / Едут там трубаچی / Да едят калачи. / Погляди на небо / Звёзды горят, / Журавли кричат – / Гу, гу, гу, убогу, / Раз, два, не воронь, / Беги как огонь”» (Капица, 1928, 138,139).

О второй половине 1920-х гг. – начале 1930-х гг. в Москве: «Играли в кошки-мышки, чижика..., казаки-разбойники, горелки – игры, подчас довольно сложные и известные современному поколению только по названиям да по упоминаниям в классической худ. лит-ре. В горелки играл Нехлюдов с юной Катюшей в “Воскресении” Льва Толстого; как много теряют нынешние читатели, не зная содержания этой прекрасной игры, столь лирически описанной Толстым. У меня же до сих пор в ушах звенит припев горелок: “Гори, гори ясно, / Чтобы не погасло. / Глянь на небо / Птички летят, / Колокольчики звенят. / Горим!” И начинается перебежка горящих, спасающихся от ловцов» (Федосюк, 2004, 17).

О Томске 1920-х гг.: «Рассказывать о всех играх – письма не хватит, расскажу лишь о некоторых... Любила я игру в горелки. Помнишь? Я тебе рассказывала, как играть в горелки. Это, когда пары становятся друг за другом, а к ним спиной стоит тот, кто галит, и он пропоеет или прокричит: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло, глянь на небо, птички летят, колокольчики звенят...» И пара, стоящая позади, разбегается, и тому, кто галит, надо кого-то из пары поймать. Тогда черед галить – пойманному. Вспомнила? (Коронатова, 1994, 75).

О 1930-х гг.: «Горелки. Дети играли на лужайке. Там были и Женя, и Петя, и Боря, и Вася, и Коля, и Катя, и Оля, и Варя. Они играли в горелки. Ловила Оля. Она говорила: “Гори, гори ясно, / чтобы не погасло. / Глянь на небо – / птички летят”. Вот бегут Вася и Боря, а Оля их ловит» (Редозубов, 1945, 67).

О 1930-х – 1950-х гг.: «“Гори гори ясно, / Чтобы не погасло...” / На поляне, где сосна, / Впереди стою одна... / По берёзовой опушке / Разбегаются подружки. / Я бегу, бегу за ними...» (Трутнева, [до 1959] 1962, 115).

О семилетних детях на детской площадке в Свердловске в 1944–1945 гг.: «Ему хотелось взять её за руку, но это было возможно только в игре, и то не во всякой, а, например, в “горелках”» (Дробиз, 2004).

О Перми в 1962 г.: «Подвижные игры тех лет: чур-немоя (горелки), сопки (царь горы), штандар...» (Киршин, 2002).

Д.С. Лихачев о середине 1980-х гг. в сравнении с 1910-ми гг.: «“Беда в том, что исчезают не только русские игры – исчезают игры вообще... Прискорбно, что у нас не играют или мало играют в лапту, волейбол, горелки...» (НЛ, 2006, 42).

«ГОРЕЦ», «Highlander» – фильм 1986 года (США-Англия). В 1992 г. началось производство телевизионного сериала «Горец» («Highlander: The Series»): 1 сезон (22 эпизода); в 1993–1994 гг. вышел 2 сезон сериала, в 1994–1995 гг. – 3 сезон; 1995–1996 гг. – 4 сезон; 1996–1997 гг. – 5 сезон (18 эпизодов); 1997 год – 6 сезон (последний, 13 эпизодов).

О конце 1990-х гг.: «Наверное, мне было 13 или 14 лет, когда начали показывать по первому каналу сериал “Горец”. Эдриан Пол стал моим богом года на 3–4. Я не пропускала ни одной серии. Я была вся в телевизоре,

особенно если Дункан Манклауд с кем-то уже бился на мечах. Это было состояние почти транса, для меня ничего не существовало, я забывала обо всем. Другие фильмы с участием этого актёра я тоже смотрела, но интересовалась уже не сюжетом, а просто смотрела на актёра. Вырезки из журналов и фотографии не собирала. Иногда читала статьи про него, когда подружки приносили. У моей соседки был целый блокнот, исписанный фамилиями любимых актёров, а у меня – только один на всю жизнь» (108).

«ГОРИ, гори ясно...» – вероятно, то же, что игра в горелки.

О Ленинграде в середине 1930-х гг.: «Мы подрастали, и менялись игры: на смену прежним приходили “гори, гори ясно”, “а мы просо сеяли”, “прятки”» (Богданков, 1972, 12).

«ГОРИЗОНТ» – киноальманах.

О 1970-х – 1980-х гг.: «...Киноальманахи “Горизонт”, “Звездочка” пользуются неизменной популярностью у многих поколений советских детей» (СВ, 1990, 101).

ГОРКА – специально устроенное возвышение, предназначенное для скатывания с него на лыжах, санках, ледянках, кусках фанеры, картона или пластмассы и т. п.

Горка деревянная.

Судя по статье Н. Носова, опубликованной в 1950-х–1960-х гг. (точная дата публикации неизвестна) в названные годы деревянные горки уже существовали в городских дворах. «... Когда мы предпринимаем строительство нового дома, то не бросаем дело, доведя постройку до предусмотренного типовым проектом ... этажа, а ... устроим песочницу с ярко раскрашенной крышей ... и конечно же, деревянную горку, с которой так любят ребятишки спускаться на своих собственных штанишках. В последние годы строительство ведется у нас... целыми кварталами, районами или микрорайонами. И у каждого дома теперь обязательны и ярко раскрашенная беседка, и гриб-мухомор, и деревянная горка... Попробуйте заглянуть в какой-нибудь из этих очаровательных” уголков через год-полтора... Перила у горки обломаны, желоб растрескался и почернел, из него угрожающе торчат острые, как шипы, щепки». (Носов, 1982–4, 426–427).

Горка снежная.

О середине 1940-х гг. «Сгребали лопатами снег, таскали его в корзине со всего двора и сваливали в кучу. К обеду горка была готова. Ребята полили ее водой и побежали домой обедать. Они говорили: “– Вот пообедаем, а горка замерзнет, тогда мы придем с санками и будем с горки кататься”» (Носов, 1946, 13).

О 1950-х гг.: «В воскресенье Зойка пришла на горку с новыми санками. .. У Кольки санки были старые... Во дворе царил веселье. Мальши, повизгивая от удовольствия, скатывались на куске фанеры с маленькой ледяной горки. Ребята постарше катались на санках с большой горы. Обе горки одна от другой были отделены снежным барьером» (Воскресенская, 1962, 27).

О нач. 1980-х гг.: «По дорожке ледяной / мчится с горки удалой / первоклассник Барсуков / в ящике из-под сырков! / Рукавишников Ира – / на решётке для кефира! Хоккеисты Вася с Осей – / на пластмассовом подносе! / Как волчок, кружится Тоня, / проезжая на картоне!... / А на самой горке в ряд / все их саночки стоят» (Смирнов, 1985, 46).

О Екатеринбурге в 1991–1993 гг.: «В 1991 г. и последующие неск. лет мы всем двором собирались, включая старших и таких маленьких, как мы, и строили огромную снежную горку. ...Просто это нужно видеть, какая она получалась в итоге и как весело и дружно мы её строили» (056).

ГОРН – сигнальный духовой медный инструмент; с 1920-х гг., как и барабан, – один из пионерских атрибутов.

О нач. 1930-х гг.: «...На прогулку / Звонкий горн / Даёт сигнал...» (Барто, [1933] 1969–1, 330).

О деревне возле Шадринска в 1947 г.: «В 1947 г. я была в пионер. лагере под Шляпиной. Узели на бортовой машине из Дома пионеров, с вожатыми... Помню,

как... готовили концерт к открытию лагеря... Сигналы горна: "Бери ложку, бери хлеб, отправляйся на обед!" или "Спать, спать, по палаткам!" – мы различали на слух их значение» (Июлева, 1996, 5–6).

О летнем пионерском лагере в 1950-е гг.: «"Спать, спать, по па-лат-кам!" – плывёт над лагерем певучий призыв. Отбой. Пионеры расходятся по своим спальням» (Письменная, 1959, 55).

О пионер. лагере в конце 1950-х гг.: «...Мама... отправила Любашу с октябрятами в пионерский лагерь. Заиграл утром в лагере горн: "Тру-гу-гу, тру-гу-гу!" Повскакали октябрята, быстро надели на босу ногу сандалии – и на зарядку» (Бурцева, 1961, 35–36).

Из издания 1961 года: «Дружина и отряды имеют пионерские горн и барабан. Пионерский отряд имеет красный флажок...» (Товарищ, 1961, 78).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Пионерский горн звучит во время парадов, шествий и походов пионеров. Начало многих пионерских ритуалов – пионерской линейки, выноса Красного знамени дружины, подъёма флага и др. – всегда сопровождается сигналами горна. К горну крепится красный флажок с бахромой, изображением пионер. значка и пионер. девизом. Отрядный горнист назначается советом отряда. Горнист должен уметь подавать спец. сигналы: "Внимание", "Слушайте все", "Сбор", "На знамя", "На подъём флага", "На спуск флага", "Походный марш", "Тревога", а также сигналы внутреннего распорядка (обычно в пионерском лагере): "Подъём", "На линейку", "Обед", "Ко сну" и др. Место горниста на линейке в строю – на правом фланге, рядом с барабанщиком» (Денисова, 1978, 91).

О пионерском лагере в перв. пол. 1970-х гг.: «И я убежала. Спряталась за кухней, где дрова, и там сидела на поленьях. И на ужин не пошла, хотя слышала горн и слышала, как девчонки меня звали. Они покричали, покричали и пошли в столовую» (Матвеева, 1977, 11).

ГОРНИСТ – музыкант, подающий сигнал с помощью горна.

О детской трудовой колонии во вт. пол. 1920-х гг.: «И Сафронов так расписал колонию, будто там было райское житьё. "Вот представьте, – говорил он, – в колонии тихо. Вдурю, всё равно как на военной службе, на линейку выбегает горнист и дудит: "Вставайте, вставайте, стряхивайте лён умыванием, зарядкой, встречайте новый день". Когда физзарядка заканчивается, горнист снова берёт свою трубу и дудит уже по-другому: "Бери ложку, бери бак, а не хочешь, иди так". Это он зовет всех на завтрак, а с завтрака колонисты расходятся по классам..."» (Панькин, 1960, 149).

О пионерском лагере 1939–1940 гг.: «Хрустя галькой, [мальчишка] бежал по дорожке с горном в руках. Взобрался на серебряную от росы трибуну, поднял было горн, да так и застыл – тоже залюбовался морем. Потом взглянул на часы, обратил горн растробом к зорьке и загорнил: "Вставай, вставай, дружок!" Опустил горн» (Воскресенская, [1969] 1984, 8–9).

О пионер. лагере в 1949–1950 гг.: «"Бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед!" – запел горн, и отряды пошли в столовую... "Вставай, вставай, рубаху надевай!" – запел горн. Тихий час кончился» (Алмазов, 1979; 162, 164).

О 1950-х гг.: «...Заиграл-запел пионерский горн. Горнист Саша Грачёв высоко поднял маленькую блестящую трубу, он горнил звонко и весело и изо всех сил надувал свои красные щёки. Пионеры... построились в линейку... Снова заиграл горн, барабанщики ударили барабаны... Вожатые подошли к пионерам и прикололи каждому на грудь красную пятиконечную октябрятскую звёздочку. А горн всё трубил, и барабаны били...» (Воронкова, 1961, 11).

О 1950-х гг.: «Утром в лагере лесном / Спят ребята крепким сном... / И даёт сигнал подъёма / Алик, лагерный горнист. / Он горнит на всю округу, Так задорно он поёт, / Что уже бежит по лугу / С полотенцами народ» (Барто, [1959] 1969–1, 331).

О пионерском лагере в нач. 1960-х гг.: «Приучают нас к порядку: / Заиграл горнист с утра, / Это значит, на зарядку / Подниматься нам пора... / У весёлого костра /

Время мчится быстро. / "Спать пора, пора, пора!" – / Слышим зов горниста» (Ружанский, 1962, 36–37).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Ей представился пионерский лагерь, шишки на дорожках, коричневые дачи с белыми каёмками вокруг окон. И горнист Витя, высокий, темноволосый, тонкий. Он плавно подносил трубу к губам, а губы заранее складывал вишенкой. И, весь изогнувшись, подняв трубу к солнцу, играл долгий и чистый сигнал. Витя был самый красивый мальчик в лагере. Так считали все девочки. Даже те, кому нравились другие мальчишки. Они были не самые красивые. Самый красивый был Витя-горнист» (Матвеева, 1975, 62).

ГОРНОЗАВОДСКИЕ школы – учебные заведения при горных заводах в России XVIII–XIX вв., готовившие квалиф. рабочих и техников горной промышленности. Положили начало развитию проф.-тех. образования в России. [...]

ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫЕ училища и школы – профессиональные учебные заведения, существовавшие в 1949–1958 гг.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года для подготовки квалиф. рабочих-горняков были организованы ремесленные училища с двухгодичным сроком обучения, а для подготовки рабочих массовых профессий – школы ФЗО с 6-месячным сроком обучения. Постановлением Совета Министров СССР от 10 июня 1949 ремесленные училища и школы ФЗО, подготавливающие молодых рабочих для угольной промышленности, были преобразованы в горнопромышл. училища со сроком обучения 2 года и горнопромышл. школы со сроком обучения 6 месяцев. С 1953 года в горнопромышл. школах был установлен 10-месячный срок обучения.

В горнопром. училища и школы принималась молодёжь с образованием не менее 7 классов средней школы в возрасте не моложе 16–17 лет. Обучение в горнопром. училищах и школах было бесплатным; в период обучения учащиеся получали бесплатное питание, обмундирование, общежитие. За работу в шахтах при прохождении произв. обучения учащимся выплачивалась заработная плата. В соотв. с законом «Об укреплении связи школы с жизнью...» (1958) горнопром. училища и школы наряду с другими учеб. заведениями системы трудовых резервов преобразованы в специализир. городские проф.-тех. училища.

Ист.: ПЭ, 1964–1, 596; ТВПО, 1968, 280–281.

«ГОРОДА» – 1. Устная игра на географическую эрудицию.

О 1970-х – 1980-х гг.: «"...Давай в города; "Давай. Кто первый?" "Я". "Ну придумывай". "Ялта". "Алжир. Страны тоже можно придумывать?" "Можно. Ревель... Нет, Ревель... Это что, страна такая или город?" "Это по-старинному город назывался. Ленинакан". "Невеж". "Ага, – соглашается Лена, – это бабушка живёт... Жданов". "Ворошиловград"...» (Володин, 1991, 77).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Игра "Города". В эту игру играет любое количество игроков. По цепочке, друг за другом игроки называют название городов. Первый [например,] говорит: "Курган", второй называет город, который начинается на последнюю букву в слове "Курган", значит, на букву н": "Новосибирск". Третий говорит: "Кострома", четвертый: "Алма-Ата", пятый – "Астрахань" и т. д. Игра длится до тех пор, пока будут называть города. Условие: названия городов не должны повторяться. Победитель – кто больше знает городов» (530).

О поселке Уренгой во вт. пол. 1980-х гг. в: «Так как у нас зимой бывало очень холодно на улице и долго там не погуляешь, мы любили играть в игры в подьезде. Площадки в подьездах у нас очень большие... Также в подьезде мы любили играть в краски... Ещё мы любили играть в города: ведущий говорит любую букву, следующий город на него, следующий на последнюю букву город и т. д. Позже мы придумывали и реку на эту букву, и растение, и дерево, и животное и т. д.» (550).

О с. Половинном Половинного р-на в 1997 г.: «Начиная с класса с пятого, я начал играть в "города".

Это происходило у меня дома. Играло нас обычно человек пять. Играли либо по городам России, либо по городам всего земного шара. Сначала казалось, что знаешь много городов, а как доходило до игры – то называешь не больше 5–8 наименований. Процесс проходил интересно. Первый называет любой город России, второй – называет город, название которого начинается на последнюю букву первого. Третий – на последнюю второго. Четвертый – на последнюю третьего. И так по кругу. Пример: Москва – Архангельск – Калуга и т. д. Интерес в том, что игра идёт на выбывание. Должен остаться один, лучший. Кто затруднялся ответить, считали до пяти. Если человек за это время не называл город, то он выбывал. В дальнейшем он только следил за ходом игры. Чем меньше народа оставалось, тем сложнее – мало времени на раздумье. В конце победитель получал приз (например: конфету)» (016).

«ГОРОДА» – 2. Письменная (домашняя) игра.

О девочках, учащихся в начальных классах в 1986–1989 гг.: «Ещё играли в “города-реки”, делили листочек на несколько частей и вписывали в “шапку”: города, реки, имя мамы, имя девочки, растение, цветы, машина, мебель, посуда, ягоды, животное, птица, насекомое, очки. Один из участников “про себя” перечислял буквы алфавита, а другой говорил: “стоп”, на какой букве остановились, на ту букву придумывали слова. Затем зачитывали, за слово – 10 очков, за совпадение слов между участниками – 5 очков, а если слово не написано – 0 очков. В конце игры подсчитывали очки. Выигрывает тот, у кого больше очков» (583).

См. также: «Городки» (3).

«ГОРОДА» – 3. Подвижная уличная (дворовая) игра.

О середине 1990-х гг.: «Игра проводится либо на земле, либо на асфальте. Если на асфальте, то нужен мел. Для игры нужна палка примерно 80 сантиметров. Выбирается территория, и чертится большой круг. Он делится на одинаковые части (по количеству участников). Каждый участник выбирает название города и записывает его на своей территории. Обязательно присутствует Москва – с неё начинается игра. В центре круга лежит палка. Игроки стоят одной ногой на своей земле, приготовившись бежать. Игрок “москвич” начинает. Говорит: “Город Москва вызывает город такой-то”. В это время все разбегаются, а игрок с названным городом берет палку и говорит: “Стоп”. Все останавливаются. Затем он должен назвать количество шагов до ближайшего игрока. Сделав названное количество шагов, он должен дотянуться до игрока палкой. Это означает, что ведущий “завоевал” этот город, и может отрезать от его территории кусок равный двум своим ступням. Если расстояние угадано неверно, то ведущий отдает такое же количество земли этому “не завоеванному” игроку. Следующий кон начинает проигравший город. Играли с 1993 по 1997 год» (017).

«ГОРОДА-РЕКИ» – то же, что «Города» (2).

ГОРОДКИ – 1. «Русская народная спортивная игра, в которой деревянные цилиндрические чурки, сосатвленные в виде различных ягур, выбиваются палкой (битой) из играниченного квадратом пространства (города)» (Лопатин, 1997, 105); «В сущности, под этим названием понимается множество игр с метанием биты в деревянные чурки, имеющих целью захват “городов” (очерченной площадки)» (Элашвили, 1985, 9).

Игру в городки в конце XIX века описал Е.А. Покровский: «Перед игрой дети сначала запасаются деревянными чурками... от 8 до 50 штук. Запасшись чурками, игроки устраивают два города, один в виду другого, на расстоянии... 20–30 шагов... Устройство городов начинается с того, что чертой обводят по земле два круга или четырехугольника. На передней черте города укладывают или устанавливают чурки... Для битья по городкам игроки запасаются палками – обыкновенными битками, длиной около аршина... Приготовившись ... к игре, принимающие в ней участие делятся ... на две равные партии. Затем партии бросают между собою жребий – какой стороне начинать.

Начинающее, или... „зажигающие” неприятельский город идут на ту черту своего города, с которой, по условию, они должны бить... Город считается зажженным тогда, когда хоть одна чурка вылетит за черту города. Цель игры та, чтобы возможно скорее выбить все чурки из неприятельского города ... Безусловный проигрыш считается за той партией, которая ещё не успела выбить из своего неприятельского города всех чурек, когда враждебная ей сторона уже покончила с игрой» (Покровский, [1895] 1994, 313–317).

О конце 1870-начале 1880-х гг. (вспоминает художник И.П. Павлов): «Родился я 17 марта ...1872 года. Детство мое проходило так же, как и детство многих ребят бедняков и мелких служащих. Я рос, много бегая, часто балуясь, играя в городки и бабки на пустыре». (Павлов, 1995, 33). [...]

О г. Новоанганске Нижневартковского района Тюменской обл. в 1987–1988 гг.: «Пытались в 8–9 лет играть в городки. Но фигур, названий фигур мы не знали, поэтому строили, что попало и с расстояния 8–9 метров сбивали палкой» (503).

ГОРОДКИ – 2. Детская игра; то же что игра в камушки.

О 1860-х гг.: «Травля началась систематически и, вероятно, по способу, постоянно практиковавшемуся верей бурсой. Один из деревенских новичков подходит и говорит: “Давайте поиграем...”... “Мы не умеем играть...” -- отвечал Паша, который был побойчее. “Как не умеете? – удивлялся Шиликун. – Это вы притворяетесь... В городки умеете?” Мальчики переглядываются и, ввиду такого невинного предложения, соглашаются. Игра в городки – самая невинная, по существу, детская забава. Берутся пять и больше небольших, гладких камушков, которые укладываются в руку. Один камень бросается вверх, и, пока он летит, игрок должен из лежащей перед ним кучки взять сначала один камень, потом другой и т. д., до тех пор, пока все камни будут в горсти. Это и есть “взять городок”. Следующий номер, – берут камни по два, потом по три и, наконец, нужно схватить все разом. Игра очень несложная и не требующая особенного искусства. Но бурса ухитрилась сделать из нее настоящую пытку. Паша оказался искуснее деревенского новичка и обыграл его. Тогда его место заменил Шиликун, оказавшийся настоящим мастером своего дела... “Кончен бал! – провозгласил Ермилыч с какой-то особенной радостью. – Ну, Шиликун, покажи ему, как нужно играть...” Теперь началась расплата за проигранную партию. Паша должен был положить руку ладонью вниз рядом с камушками. Шиликун бросал камень вверх и во время его полета успевал пребольно ущипнуть руку Паши, так что она сейчас же покрылась синяками и вспухла... Следующим номером было новое истязание: Шиликун при бросании камушков стал щипать вспухшую руку продолжительнее, сильнее, так что показалась кровь. “Ай да Шиликун... Молодца!..” – хвалил кто-то. У бедного Паши показались слезы в глазах, и это его окончательно погубило в глазах всей публики. “Да он пойдет ябедничать!” – крикнул кто-то... Последнее истязание заключалось в том, что один камень за другим кляли под руку Паши, и Введенский во время полета камня бил по ней кулаком... Мне приходится описывать подобные отвратительные сцены, чтобы дать понятие, что такое была старая жестокая школа... Меня глубоко возмутила эта игра в городки...» (Мамин-Сибиряк, [1902] 1975, 438–440).

«ГОРОДКИ» – 3. Письменная (домашняя) игра, то же, что «Города» (2).

О девочке 10 лет в селе Ильино Шатровского района в 1997 году: «Когда мне было 10 лет, мы с подружками играли в городки. Брала книгу, тыкали в неё ручкой или карандашом, какая буква выпадала, то на неё писали: имена девочек, мальчиков, название городов, животных, растений, любой предмет. Потом считаются очки – 5 или 10. 5 баллов ставят тогда, когда названия совпадают. Максимальное число очков – 60, минимальное – 30. Кто набрал больше очков тот и выиграл» (157).

ГОРОДОК спортивный – см.: *Спортивный городок*.

ГОРОДСКАЯ школа (с конца XIX века по 1912 год) – «Городские школы (четырёхклассные училища, находящиеся в ведении городских дум) имели форму, состоящую из черных фуражек с красным кантом и околышем, с черным лакированным козырьком. Эмблема помещалась на околыше и представляла собой позолоченный веночек с монограммой “ГУ” (городское училище). Зимой учащиеся ходили в чёрных косоворотках (застежка на левую сторону) и в чёрных же брюках. Летом носили коломьянковые косоворотки с медными выпуклыми пуговицами без эмблемы. Полагалась им также двубортная шинель (военного покроя) с красными петлицами, но обычно учащиеся – дети бедных родителей, рабочих, мелких служащих – из всей формы носили только фуражки» (Ривош, 1990, 194).

ГОРОДСКОЕ училище – учебное заведение повышенного типа. Городские училища существовали с 1872 по 1912 г. [...]

О 1904–1907 гг.: «Учился я отлично, из класса в класс переходил с наградами. И вот мне 13 лет, в руках у меня аттестат городского училища, дававший в те времена немалые житейские преимущества: льготу по воинской повинности, право на первый классный чин (помните, как держал экзамен на чин почтовый чиновник в знаменитом рассказе Чехова?), возможность сдать несложные испытания и стать сельским учителем... Но все эти блага маячили передо мной в довольно-таки отдалённом будущем. Сельским учителем можно было стать лишь в 16 лет. На государственную службу принимали в 18, в армию призывали и того позже. Аттестат с круглыми пятерками только тешил глаз и был повешен на стену в красивой рамке под стеклом. Для моих одноклассников по учебе дело с выбором профессии обстояло просто: они кончали городское училище в 16, 17, 18 лет... В 1907 году... мне пришлось... держать конкурсный экзамен в Томский учительский институт... Я окончил институт в 1910 году с дипломом учителя городского училища и младших классов гимназии» (Волков, [1975] 1978, 68–69).

См.: *Городская школа*, «Воробчатники», «Гусятники».

ГОРОДСКОЙ лагерь – О середине 1970-х гг.: «Кроме загородных пионерских лагерей, создаются городские лагеря для детей, остающихся на лето в городе. Городские пионерские лагеря организуются при школах, Домах и Дворцах пионеров, в парках культуры и отдыха. В таких лагерях школьники проводят основную часть дня (обычно с 10 часов утра и до 7 часов вечера)» (Денисова, 1978, 171).

Ср.: *Пионерский лагерь; Лагерь труда и отдыха*.

ГОРОШИНА – азартная игра.

О начале 1960-х гг.: «Вова Бык улыбнулся и дружески хлопнул Мишу по плечу. “Ничего, – сказал он, – ты парень хороший, ты мне нравишься, из тебя будет толк. Хочешь, я тебя одной игре научу?” “Хочу”, – сказал Миша. Бык достал из кармана три деревянных формочки, которыми малыши играют в песок, потом порылся на дне кармана и вытащил обыкновенную маленькую горошину. “Игра такая, – заговорил он, – вот я ставлю три формочки. Под одной лежит горошина. Под какой?” “Под этой, – сказал Миша, отлично видевший, что Бык положил горошину под формочку, стоявшую справа”. “Правильно, – согласился Бык, – теперь я буду на твоих глазах переставлять формочки. Ты можешь смотреть как хочешь внимательно. [...]»

ГОРШОК, ночной горшок – «сосуд для мочи и испражнений» (Ожегов, 1972, 130). В изданиях [Словарь, 1954–3, 314–315] и [Ожегов, [1960] 1970, 136] данное значение слова «горшок» отсутствует.

О конце 1920-х гг.: «Что ж удивительного, что маленькие граждане, когда ночной горшок сделался их привилегией, изо всех силенок стараются привлечь к себе внимание окружающих именно в таком положении. Даже если убеждаются, что это связано с определенным риском. За столом, вокруг большущей светлой лампы, гости... кушают, беседуют, смеются. А ты должен один сидеть в тёмной кухне. Не для этого же попросился на горшочек. Как бы произвольно начинаешь дрейфовать

в направлении света, умело покручивая голой попкой... Горшок под тобой не может двигаться напрямик, а сложными петлями, надо при этом и нужное направление выдержать и не опрокинуть его. А если “водителю” дватри годика и обчёлся – задача эта не из легких. Главное – подрулить незаметно и как можно ближе к столу. Нет, не ради того, чтобы себя показать, а чтобы на других посмотреть, послушать живой смех, разговор... Мамин вскрик!.. Вскривает, загораживает стол. Схватив вместе с горшком тебя, уносит на кухню! В темноту, откуда ты и появился. Вас провожает неуверенный смех гостей» (Адамович, 1993, 18).

О начале 1960-х гг.: «Детей, высаженных на горшок, не следует оставлять в туалетной комнате одних... Проснувшихся детей раннего возраста ... высаживают на горшок» (Смирнова, 1964, 186).

О 1989–1991 гг. в Катайске: «Нас перед сончасом садили на горшки, чтобы во время сончасы в туалет не просились» (115).

ГОРШКОМ машут! – то же, что «Горшок звенит».

О девочке 12 лет в 1997 году: «Когда мы играли на улице и было уже поздно, родители выходили и говорили, что пора заходить домой. Остальные, кто оставался, ещё говорили тому, кто уходит: “Иди, тебе горшком уже машут”» (025).

ГОРШОК звенит – насмешливая фраза, намекающая на то, что её адресат является «малолетним», «не взрослым».

О с. Крутихи Далматовского р-на в нач. 1990-х гг.: «Когда я в детстве поздно приходила домой, мне говорили: “Горшок давно уже звенел”, это означало, что уже в это время я должна была спать» (211).

О девочке-подростке 12–16 лет в селе Мальцево Шадринского района в 1996–2000 гг.: «В нашей среде была распространены поговорки: “Детское время окончено”, “Горшок звенит” Так мы дразнили тех, кого заставляли рано возвращаться домой с прогулки. Например: “Ну, что, Сашка, опять мама горшком звенит?” или “Это не твоя мама горшком звенит?”» (019).

О девочке 5–10 класса в селе Ушаковском Катайского района в 1997–2002 гг. «Когда мы гуляли по вечерам с подружками, одна постоянно раньше всех уходила домой. И к ней привязалось это выражение – “Горшок звенит”, то есть пора домой или пора спать» (139).

О девочке 12 лет в с. Кундравы Челябинской обл. в 1999 г.: «Когда вечером мы играли во дворе, то за мою сохранность (чтобы меня никто не обидел) отвечал брат, так как он был старше меня на два года. И как только начинало смеркаться, он мне всегда говорил: “Иди домой, горшок звенит”. Эта фраза меня всегда обижала, так как она часто говорилась и в присутствии других людей, которые в этот момент могли разразиться громким смехом» (141).

О подростках 14–15 лет в с. Погорелка (пригород Шадринска) в 2000–1001 гг.: «Вечерами мы гуляли, и если кто-то из нас говорил: “Ну ладно, я пойду домой”, кто-нибудь отвечал: “Чё, горшок звенит?”, что звучало как насмешка. Еще добавляли: “Что, мамка ругаться будет?” Собранный уходил, обижался, особенно обидны были эти слова мальчикам» (021).

Ср.: «Детское время кончилось»; «Мама горшком машет».

ГОРЬКИЙ – Максим Горький (наст. имя – Алексей Максимович Пешков; 1868–1936), русский писатель. Его прозвища «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Мать», «На дне»; «В.И. Ленин» в 1940-е – 1990-е гг. входили в число подлежащих изучению в школе.

ГОРЯЧАЯ картошка – игра с мячом. Ср.: «Картошка».

О селе Шатрово в 1987–1990 гг.: «Я участвовала и в игре «Горячая картошка». Игроки стоят в круге, быстро перекидывая мяч друг другу, говоря при этом “Ох, горячо”. Кто задерживался, ронял мяч, садился в центр круга. Сначала сидел, затем “картошка” начинала расти, пока игрок не вставал во весь рост. После эта “выросшая картошка” (игрок) старалась поймать мяч у тех игроков, которые ещё не ошибались, а, поймав, вставал на место игрока, который упустил этот мяч. Вариантом этой игры

является “Собачка”. Двое игроков перекидывают мяч, а третий – “собачка” старался поймать его» (529).

ГОРЯЧЕЕ питание в школах.

На смену бутербродам из дома в школах вначале появились буфеты, на смену буфетам постепенно вводится так называемое «горячее питание», то есть пища, приготовленная (сваренная, испеченная) непосредственно перед употреблением – суп, пюре, каша. «Охват учащихся горячим питанием в [2005–2006] учебном году составил в среднем 63 %, в 5–11 классах – 52,7 %, при этом в начальных классах охват горячим питанием составил 79,5 %. ... Только 25 % школьников в России получают горячую пищу два раза в день», – подчеркнул [главный санитарный врач России] Геннадий Онищенко» (Митерева, 2005, 2).

«ГОРЯЧО, холодно» – детская игра.

О 1970-х – нач. 1980-х гг.: «“Дети! Мы начинаем. Предмет находится в комнате, вы его не знаете. Вы ищите, передвигаетесь во всех направлениях, а я говорю вам: тепло, ещё теплее, холоднее, совсем холодно, Северный полюс. Поняли меня? Играем по очереди”. Детская игра – выбор состоит из двух позиций: тепло или холодно» (Злобин, 1988).

О 1980-х гг.: «В детстве мне нравилась одна игра, давно уже забытая. Один человек выходит из комнаты, а другой в это время прячет предмет. Первый входит и пытается понять, ориентируясь на “горячо”, “теплее”, “холодно”. Мне больше всего нравилось предмет прятать. Возможно потому, что в этом я была успешна. Причём, мне нравилось прятать предмет на виду, буквально “под носом” товарища, зная, что искать тот будет в укромных уголках» (ЗИ, 2003, 7).

О девочке 10 лет в с. Ново-Ильинском Петуховского р-на в 1996 г.: «В игру “Горячо, холодно” мы играли вчетвером: я, моя сестра, подруга, младший брат. Играли дома. Один был ведущим (выбирался по считалке), тот, кто галил, выходил в другую комнату, остальные прятали в комнате какую-нибудь вещь. Затем человек входил в комнату и начинал искать эту вещь. А остальные подсказывали, далеко он от разгадки или близко. “Горячо” – близко, “холодно” – далеко» (143).

ГОСПИТАЛЬ – «Больница, преимущественно военная» (Лопатин, 1997, 106).

Посещение детьми госпиталей во время войны 1941–1945 гг. и в послевоенное время.

О 1941–1943 гг.: «Жила-была девочка. Обыкновенная школьница, пионерка. Когда началась война, ей было десять лет, когда кончилась – четырнадцать. Она жила, как и все её сверстники во время войны, – училась в холодной, нетопленной школе, собирала бутылки для зажигательной смеси, ходила в госпиталь читать бойцам книжки и гладить бинты, стояла в долгих очередях за хлебом, копала картошку» (ДВП, 1984, 228).

О 1944 годе: «Потом нас разделили на мужскую и женскую школы... Мы ходили в госпиталь, пели там, плясали – развлекали раненых» (Пруссакова, 2003).

«Примерно с 1944 г. (боюсь ошибиться, но, вероятно, по 1948–1949 гг.) мы стали выступать в госпиталях. Один из них размещался в большом кирпичном здании средней школы № 3, куда мы ходили навещать раненых. Невозможно забыть, как нас принимали, как аплодировали, как плакали и смеялись. Патетические и трогательные стихотворения сменяли веселые пляски, басни и душевные песни. Большой радостью для нас было участие раненых в наших концертах. Нередко среди них находились аккомпаниаторы, умевшие играть на баяне, многие подпевали нам, иногда кто-то из них замечательно пел соло. Такие концерты оставляли в душе особенный след» (Куштанова, 2004, 63).

«ГОСТЬЯ из будущего» – 5-серийный фильм, снятый в 1984 году Павлом Арсеновым по книге Кира Булычева «Сто лет тому вперед». Вышел на телеэкраны в марте 1985 года. В роли Алисы Селезневой снялась Наталья Гусева. Прозвучавшая в фильме песня «*Прекрасное далёко*» обрела долговременную популярность.

О девочке в 1987 году: «На меня большое впечатление в детстве произвел фильм “Гостя из будущего” и его главная героиня Алиса Селезнёва. Когда я впервые

увидела фильм, мне было примерно 9 лет. Посмотрев фильм, мне очень хотелось быть во всем похожей на главную героиню: учиться хорошо, быть везде “первой”. Я и без фильма была активной девочкой, училась хорошо, везде участвовала, но фильм дал толчок – “быть еще лучше”. С 5 по 9 класс в своем классе меня постоянно выбирали старостой, я ходила в спортивные секции, кружок хореографии. Затем поступила в техникум и, очевидно, устав быть “первой”, просто училась. Но все равно до сих пор где-то в глубине живет Алиса. Мне и сейчас очень нравится этот фильм и я люблю его смотреть» (155).

О девочке в Шадринске в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: «“Гостя из будущего” – чудесный фильм. Его ждали каждое лето и, если фильма не было, то говорили, что в августе его должны показать. Ждала его с трепетом, как светлую, добрую сказку. Смотрела, затаив дыхание, впитывая каждое слово, жест, эмоцию. Очень хотелось быть похожей на Алису – на девочку из будущего. Мне было жалко, что у меня не было ямочек на щеках. Я пыталась уловить какую-то другую, “будущую” сторону фильма. Смотрела всегда с сожалением, что Алиса вернется в будущее, но, возможно, мы с ней встретимся. После фильма я выходила спокойная, женственная, мягкая, “девишная” девочка, романтическая, пробуждающая добрые чувства. У меня светилась улыбка, я даже набиралась смелости – распускала волосы, мне казалось, это делает меня еще более женственной. Осенью в “Пионерской правде” напечатали фотография Наташи Гусевой – девушки, которая играла Алису. Я вырезала статью, фотографию, пыталась окружить это ореолом своей любви к Алисе, не совсем получалось. Было странно, что она уже взрослая, другая, чем в фильме» (1001).

ГУЛЯ Королева – главная героиня книги Е. Ильиной «*Четвёртая высота*».

«Из жизни пришли в литературу многие героини-пионерки Великой Отечественной войны... И те, что были пионерами до войны, а в войну стали героями-комсомольцами и коммунистами: Гуля Королева, Зоя и Александр Космодемьянские...» (Мотяшов, 1983, 90–91).

О нач. 1980-х гг.: «Анкетные данные и беседы показали, что у 70% старшеклассниц уже есть идеал... Большинство девушек назвали своим идеалом Ульяну Громову, Любовь Шевцову, Зою Космодемьянскую, Гулю Королёву, Надю Курченко, Валентину Терешкову и др.» (Тимошенко, 1983, 36).

О 2000-х гг.: «...Обветшали и потерялись наши детские книжки о Гуле Королёвой и разведчике Кузнецове, военная проза ушла из ассортимента детского чтения, а пионерская повесть ещё раньше скончалась в корчах. И вдруг оказалось, что подростки потеряли какой-то очень важный кусок реальности» (Молдавская, 2007, 21).

ГУЛЯТЬ по улице (тротуару) – вид времяпрепровождения.

О конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Минске: «На каток мы обычно ходили целой ватагой. Катались парами, взявшись наперекрест за руки... Не знаю, как в остальных городах, но в Минске в те годы существовала традиция: в субботу и в воскресенье все старшеклассники по вечерам выходили на главный проспект и, фланируя, часами “утюжили” тротуары. Здесь происходили запланированные встречи, приятные знакомства, иногда – выяснение отношений и сведение счётов» (Лапидус, 2004).

ГУСАРИКИ – детские ботинки.

О середине 1910-х гг.: «У Акимки были его четырнадцать пятаков, у меня – два двугривенных и пятак. Сложив все деньги вместе, мы с Акимкой думаем, на что их потратить. “На полушалак хватит, – рассуждает Акимка, – а я же и гусарики купить обещался”. Дуня смеётся: “Дашутку и в глаза не видел, а уже наобещать успел”» (Петров, 1962, 375).

О конце 1960-х гг.: «Витя вынул брата из коляски, поставил на пол. “Эх, подожди, босиком нельзя”, – и посадил обратно. Лешка снова заревел. “Да замолчи ты, кому говорят. Выну сейчас. Я же обуть тебя хочу. Где

твои эти... как их... гусарики? – Витя ворошил подушки на диване, разбрасывал игрушки. – Да перестань! Для тебя же стараюсь, – и сам чуть не плакал. – Где гусарики!!» – крикнул он наконец что есть мочи. Раздался звонок. Может, мама? Нет, это Юрка. «Что это у вас? Я со второго этажа шум услышал. Это ботинки – гусарики? Так они на кухне висят, сохнут. Я проходил, видел!»» (Киселев, 1972, 155–156).

ГУСЕЙ пасти – обычное занятие детей, живших в сельской местности (главным образом до 1917 года).

«Я проходил свой первый класс, / Когда гусей в деревне пас. / Второй в столице я кончал, / Когда кроил я стельки / И дочь хозяйскую качал / В скрипучей колыбельке» (Маршак, [1947] 1968–1, 410).

ГУСЕК – «Игра: на доске представлена змея; по телу её цифры и разные изображения, между которыми гуси. Играющие бросают кости и отсчитывают вышедшее число; кто попал на гуся, отсчитывает вдвое. Последний номер тоже гусь; достигший его выигрывает. Вариант этой игры: клеточка с картинками и т. п.» (Словарь, 1892, 943); «Игра, состоящая в передвижении пешек по разрисованной и разграфлённой доске на определённое число очков, выпавшее на брошенных костях» (Словарь, 1954–3, 503). В изданиях [Ожегов, [1960] 1970, 144–145] и [Ожегов, 1972, 137–138] данное слово отсутствует.

«Я хочу кинуть кубик снова! Я хочу переходить!...» – Лена раскраснелась, топает ногой, чуть не плачет. Первый раз за свои три с половиной года жизни она играет в игру-бродилку, с кубиком и фишками, и вот попала на клетку «пропуск хода». Какое счастье, гнев, бунт. Дети постарше, партнеры по игре, недолго послушав яростные вопли, предлагают выбор: «Не хочешь – не играй, тогда нам не мешай. Или терпи: что выпало, то выпало». Шмыгнув носом последний раз, малышка разжимает кулак, с явной неохотой отдаёт кубик, вместе со всеми склоняется над картонным полем. Через несколько минут снова раздается её вопль, на этот раз ликующий: выпало счастливое число, и она летит на ракете вперёд сразу через девять клеток, обгоняя соперников. Они очень древние, подобные игры. Первые упоминания об игре в кости на Руси относятся к двенадцатому-тринадцатому веку. Правда, тогда лишь считали очки, выпавшие на верхних гранях костей-кубиков. В семнадцатом веке появилась на Руси игра «Гусёк», родоначальник всех нынешних «ходилок-бродилок». Широкая доска игрового поля, на которой прочерчена извилистая линия – путь, вдоль пути помещены многочисленные препятствия: постоянный двор, кабак, тюрьма, овраги, капканы... Можно не только пропустить ход или отправиться назад, как в современных играх, но и сгинуть навеки. В конце пути – гусёк, до которого каждый игрок мечтает добраться первым. Играли в «Гуська», в первую очередь, взрослые, часто – на деньги. К веку девятнадцатому появились первые настольные дет. игры, имеющие не только развлекательное, но и образоват. направление, помогающие осваивать историю, географию, астрономию: «Русский крейсер», «Кругосветное путешествие», «Настольный планетарий». После Октябрьской революции [1917 года] игры наполнились идеол. содержанием: «Красная Армия», «Вперед, пионер!», «Электрификация». Идея кругосветного путешествия была подхвачена и воплощена по-новому: «Вокруг света по пятиконечной звезде». Такие сюжеты царили достаточно долго. Шестидесятые годы, времена оттепели, возродили добрые неидеологизированные игры; именно тогда наступил расцвет игр со сказочными сюжетами: «Дюймовочка», «Гуси-Лебеди», «Старик Хоттабыч». В девяностых, в период компьютерного бума, казалось, бумажным играм придет конец. Однако они выжили, сейчас их великое множество, и обращаются к ним дети самых разных возрастов» (Рузина, 2003, 4)

О 1950-х гг.: «Везде за столами можно было видеть коротышек. Одни обедали, пили чай, кофе или ситро; другие читали газеты, рассматривали журналы с картинками; третьи играли – кто в лото, кто в домино, кто в гусёк или еще во что-нибудь... У стен стояли буфет, большой диван..., два мягких кресла и несколько

стульев. У окна стоял небольшой стол с шахматами, шашками и игрой в гусёк» (Носов, [1958] 1959; 68, 76).

О середине 1960-х гг.: «Настольно-печатные игры могут быть разделены на следующие виды: 1. Парные картинки... 2. Лото... 3. Детское домино... 4. Разрезные... картинки... 5. Кубики с картинками... 6. «Гусек». Этот вид имеет своеобразный принцип построения игры: игровые действия заключаются в выбрасывании кубика с числовыми фигурами и передвижении фишек по игровому полю на такое количество ходов, какое выпало на верхней грани кубика. Таковы игры: «Упрямые козлики», «Кто первый?», «Вверх-вниз» и др.» (Григорьева, 1966, 85).

См.: «Кто быстрее!».

«ДЕТСКИЙ пляж».

О девочке 8–9 лет в Евпатории в 1929–1930 гг.: «По совету лечившего меня врача, родители отдали меня на так называемый «детский пляж». Это было нечто вроде дет. санатория, где ребята проводили время с восьми утра до четырех дня, находясь под неусыпным наблюдением медперсонала... На «детском пляже» кормили не только каменными биточками, как в нашей столовой. Для меня пребывание на «детском пляже» стало маленькой каторгой... Девчонки, в чью группу я попала, были в основном старше меня, а главная – принадлежала к другой социальной категории. Почти все они были дочерьми каких-то «ответственных работников», на всех были невиданной красоты кулпальники, вылезая из которых, они надевали столь же невиданной красоты платья. Приходившие за ними мамы тоже были ослепительны в своих пестрых шелках...» (Лупанова, 2007, 44–45).

ДЕТСКИЙ приёмник-распределитель, приёмник-распределитель для несовершеннолетних, детприёмник – учреждение для приёма и дальнейшего распределения беспризорных детей и подростков.

О 1920-х – 1930-х гг.: «Эти курносые шпингалеты, висая на подножках, с папиросами, лихо зажатые в зубах, сотнями прибывали с юга. Милиция не успевала ловить и устраивать их в детприёмниках» (Из романа В. Белова 1976 года «Кануны») (Словарь, 1993–4, 206–207).

О 1945–1947 гг.: «На переднем фронте борьбы оказалась милиция, проводившая рейды... в местах скопления беспризорников. При отделениях милиции были созданы детские комнаты, куда закатывали помещалки задержанных и приносили подкидышей. Если родители или родственники не находились, малышей до трех лет отправляли в дом ребенка, остальных в детский приёмник-распределитель, где и определялась их дальнейшая судьба... Мест... катастрофически не хватало. Многие беспризорники поступали в приёмники-распределители в состоянии крайнего истощения... В июле 1947 года в дет. приёмниках-распределителях по всей стране содержалось 41 130 детей при лимитной ёмкости – 28 605 мест... Переполненные детские приёмники-распределители... отказывались принимать детей из детских комнат милиции. ...Созданный еще в 1930 году Центр. дет. приёмник-распределитель, самый крупный в стране, находился в Даниловском монастыре. В нём не хватало кроватей и постелей, дети спали на нарах или на полу, из-за отсутствия одежды и обуви не ходили гулять. Положение с одеждой было настолько катастрофическим, что, доставив детей в детские дома, эвакуаторы снимали с них выданные в приёмниках рубашки и пальтишки, чтобы вернуть их обратно...» (Зезина, 2001, 83, 84, 86).

О середине 1990-х гг.: «Детский приёмник-распределитель Томского областного УВД рассчитан на двадцать человек. В иные дни здесь собирается до 40–50. Впритык стоят кровати и раскладушки. Но нередко спят в одной постели по два человека... Здесь коротают время перед отправкой в спецшколы и училища юные правонарушители и даже преступники» (Черных, 1994, 76).

ДЕТСКИЙ сад – учреждение для общественного воспитания детей в возрасте от 3 до 7 лет.

В 1840 году своё заведение для детей дошк. возраста Фридрих Фребель, ученик швейцарского педагога Песталоцци, назвал не «приют», не «школа для

маленьких», не «воспитательное учреждение», романтически – «Kindergarten» – буквально: «сад детей», или, как стали называть подобные заведения в России, «детский сад».

Детские сады в 1860-е – 1890-е гг.

В России первый детский сад открыла 27 сентября 1863 года в Петербурге госпожа Люгебильт. В 1866 году Аделаида Семёновна Симонович (урожденная Бергман) при поддержке своего мужа открывает в Петербурге второй детский сад и начинает выпускать первый журнал по дошкольной педагогике – «Детский сад».

Во вт. пол. 1890-х гг. А.С. Симонович констатировала: «У нас, в России, детские сады не привились. В то время как столицы Западной Европы считают тысячами детей, посещающих детские сады, и маленькие города изобилуют подобными учреждениями, у нас в столицах едва две-три сотни детей посещают детские сады, а в провинции они почти совсем отсутствуют!» (Аромштам, 2007, 2–3).

Детские сады в 1900–1917 гг.

Об Одессе середины 1900-х гг.: «Еще при жизни мамы была сделана попытка водить меня в детский сад, что по тем временам считалось большой новинкой. На весь город был, кажется, один-единственный детский сад, где какие-то пожилые дамы воспитывали маленьких детей по фребелевской системе... В детском саду мы сидели, одетые в специальные фартучки, на маленьких неудобных стульчиках перед низеньким столом и по фребелевской системе лепили из глины различные плоды: вишни, груши, яблоки и в особенности грибы, которые потом раскрашивали эмалевыми красками: ярко-красной, белой, коричневой, зеленой. Кроме этих неуклюжих фруктов и не менее неуклюжих грибов, которых мы наделали великое множество, мы также плели из ленточек лакированной разноцветной бумаги коврики и корзиночки, что должно было привить нам трудовые навыки. Мы водили какие-то затейливые хороводы, сопровождающиеся хлопаньем в ладоши и притоптываниями, а также разучивали французские песенки и бесхитростные стишки...» (Катаев, [1972] 1983, 387–388).

Об Омске 1910 года: «...Было задумано определить меня в самый лучший в городе детский сад фрау Бракш, где детям сообщались элементарные навыки разговорной немецкой речи... Этот сад оказался... довольно мрачным домом, стоящим наискосок от самого настоящего, натурального, пыльно-зеленого Казачьего сада... На дворе громоздилось обычное: каретник, сарай и еще что-то в этом роде, а детские голоса доносились явно из самого дома, в который мы и вошли, аккуратно вытерев ноги о коврик в передней... И я прошел в зальце, где довольно меланхолический хоровод мальчишек и девчонок чинно кружился вокруг бледной, худенькой фрейлен, помощницы фрау. “Танцен зи, киндер, танцен! – приговаривала наставница. И, увидев меня, вскричала: “Новый мальчик, хороший мальчик, локоны блонды, танцуй с нами тоже, чтоб стали рюмянцевей твои красные щетки!” И, смутившись, что неправильно сказала: “щетки” вместо “щечки”, она показала тонким пальцем на свою бледную щеку, а я, кивнув в знак понимания, ввязался в хороводик. И тогда фрейлен пригласила нас петь, но никто не решался почему-то начать, и нечленораздельное посапывание и пыхтение длилось до тех пор, пока один мальчик, покрупнее других и облаченный в красный колпачок, не выкрикнул вдохновенно: “Жоржик Борман, / Нос оторван, / Вместо носа / Папироса!” “Фи, Карлуша, как нехорошо ты спел! – воскликнула наставница. – Пой другую песенку! Фи, ты будешь наказан!” Но Карлуша, вырвавшись из хоровода, убежал прочь» (Мартынов, 1977, 34–35).

В воспоминаниях князя Сергея Голицына читаем: «На следующую зиму – 1913–1914 годов... мои родители сняли небольшой двухэтажный дом... В том же дворе помещался дет. сад. Тогда эти учреждения были редкостью. Не только в состоятельных семьях, но и в семьях мелких служащих и зачастую у рабочих, пожилые няни и деревенские девочки ходили за малыми хозяйскими детьми. Я очень боялся, когда ребята из детского

сада – мои сверстники – высыпали с криками во двор. Они начинали играть в снежки, порой подсакивали к нам, а я, держа сестру Машу за руку, замирал от страха... Слушал я свою мать внимательно, а все же мне больше нравилось быть князем; чем быть равным тем же ребятам из дет. сада» (Голицын, 1993, 26).

Детские сады в 1918–1920-е гг.

«Идея детского сада – одна из немногих идей “старой жизни”, которая пришлась по вкусу строителям нового советского государства». Впрочем, к началу 1920-х годов «от фребелевских детских садов осталось одно название и доведенные до абсурда принципы коллективного и трудового воспитания» (Аромштам, 2007, 2–3).

О 1918–1924 гг.: «В соответствии с первыми декретами Советской власти по нар. образованию дет. сады были включены в гос. систему нар. образования как начальное ее звено и взяты на гос. обеспечение... В 1920-е гг. система дошкол. воспитания переживала серьезные трудности. Если в первые годы Советской власти дет. сады состояли на гос. бюджете, то с переходом к новой эк. политике они, как и все учреждения нар. образования, были переведены на местный, в те годы весьма ограниченный бюджет. Это привело к временному сокращению сети дет. садов... В РСФСР... в 1924 г. насчитывалось всего 915 детских садов, в которых воспитывались 41 975 детей. Создание гос. системы дошкол. воспитания было делом совершенно новым, не имеющим прецедентов в истории» (Очерки, 1980, 104).

Детские сады в 1930-е гг.

О 1930–1933 гг. в Москве: «Годовалого, меня привели в этот дом учить немецкий язык. В то время в Москве ещё сохранялись частные детские сады. В доме жили две молодые немки... Одну звали Инга, другую – Шарлотта... Утром мама отводила меня к сестрам, а возвращаясь с работы, забирала домой. В группе было пять или шесть детей из соседних домов, и я был самым младшим. Учили нас сурово. Говорить по-русски запрещалось. За это ставили в угол лицом к стене. Мама рассказывала, что по-немецки я начал говорить раньше, чем по-русски... Сестры водили нас гулять. Мы шли парами по Поварской мимо моего дома к площади Восстания и гуляли там в сквере. После прогулки нас кормили обедом. И весь день Инга и Шарлотта говорили с нами по-немецки. Через три-четыре года я болтал по-немецки свободно» (Фридкин, 2004).

См.: *Детский очаг.*

Детские сады в 1940-е гг.

О Свердловске в перв. пол. 1940-х гг.: «В детском саду мальчик не побывал. Как он понял впоследствии, устроить ребенка в детский сад в годы войны удавалось далеко не всем. Менее прочих таким, как его мама, рядовой врач военного госпиталя» (Дробиз, 2004).

О Шадринске в 1942–1943 гг.: «...В большом старом одноэтажном доме был мой детский сад... [В нашей групповой] комнате были дощатые полы, которые периодически при мойке выскабливались ножом практически добела. Зато в туалетах все было по-простому. Стояли горшки для маленьких и обычные ведра для старших. Для мытья рук на стенке висели несколько умывальников. Вода текла при нажатии на свисающий снизу сосок умывальника. Взаиморасположение дет. сада и музея мне запомнилось по игре в фанты. Однажды одному из проигравших было дано задание состричь длинный ноготь, которым он очень гордился, и отнести его в музей. Вся группа облепила окна и смотрела, как с понурой головой шел проигравший к музею, наискосок переходя улицу» (Фрейдгейм, 2005).

Детские сады в 1960-е гг.

О г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «В те годы в детский сад ходили очень немногие. Нас с сестрой устроили потому, что мама и папа работали, а бабушка жила в другом конце города...» (Мосалова, 2007, 7).

О начале 1960-х гг.: «... [В детский сад] я ходила в начале [19]60-х годов в большом селе Утевка Куйбышевской обл. Мой дет. сад находился в деревянном доме около большого сельского озера... Группа в то время была всего одна, но смешанная: в неё ходили дети сред. и старшего дошкол. возраста. Дет. сад имел групповую

комнату, спальное помещение, кухню и кабинет заведующей... В то время утром по радио шла дет. передача “В гостях у сказки”. Известный диктор Литвинов читал дет. сказки. Заведующая сажала нас полукругом, включала радио, и мы, затаив дыхание, внимательно слушали диктора. Еще к нам в группу на муз. занятия приходил красивый молодой баянист, и мы с ним разучивали и пели дет. песни. Эти песни я запомнила на всю жизнь. Еще помню огород на участке дет. сада, мы с воспитателями собираем урожай морковки, вытаскивая её из земли. Помню, как любила трудиться в дет. саду – “стирать” кукольное белье, купать кукол, помогать поварам на кухне мыть после обеда посуду. (Водопровода в детском саду не было, и посуду мыли в нескольких тазиках). Спать днем мне не хотелось, а помощь на кухне продлевала период бодрствования. В жаркие летние дни нас водили купаться на озеро через дорогу от дет. сада. Только одно обстоятельство “омрачало” мое дошк. детство: во время обеда всем детям наливали большую столовую ложку рыбьего жира. Я его ненавидела и выпивала, с трудом пересиливая отвращение. Запах рыбьего жира не забуду до конца своей жизни» (Ершова, 2007, 6).

Детские сады в 1980-е гг.

О девочке 4-7 лет в перв. пол. 1980-х гг.: «В д[ет]садике девочки говорили, что дети появ[ляю]тся от поцелуя. И когда-то в один день не знаю, что нашло на мальчиков нашей группы. Они брали девочку за руку и вели в раздевалку. Там доставали из шкафчика своё пальто, потом на него толкали девочку и ложились рядом и целовали. В тот день у меня вечером была истерика, потому что я не знала, сколько у меня будет детей, т. к. с первым мальчиком я пошла ради интереса, а другие меня туда тащили силой» (575).

О пос. Каргаполье в 1986–1989 гг.: «В детский садик я не особо любил ходить. Из-за того, что надо было рано вставать, идти туда и обратно, к тому же там были воспитатели, приказание которых всегда надо было выполнять. К тому же мне очень не нравились прививки» (443).

Детские сады в 2000-е гг.

О нач. 2000-х гг.: «Если... ребёнок оказывается свидетелем родительских “забав”, ...можно ожидать ...серьёзных отклонений в поведении. К примеру, в одном дет. саду воспитательницы пришли в панику. ...Обычный мальчонка начал проявлять то, что называется “нездоровые наклонности”. Все дети в дет. садах любят время от времени прижаться к воспитательнице, обнять её в ожидании, что та погладит по головке, скажет ласковое слово. Так и этот мальчик – до некоторых пор. А с какого-то момента, обнимая воспитательниц, он осторожно, тайно начинает поглаживать им грудь, бёдра, живот. Женщины растерялись – что делать? Ребёнок же, не обругаешь, не оттолкнешь. Так ещё и хуже, туалет-то в группе общий, так он, как увидит, что девочка туда отправилась, сразу за ней, чтоб... увидеть, как она трусики снимает... У воспитательниц гл. забота, чтобы др. родители не узнали, скандалов не оберётся» (Букин, 2004, 6).

«**ДЕТСКИЙ садик – что пчелиный рой...**» – фольклорная песня. Существует, по меньшей мере, с 1930-х годов. С 1960-х годов – определенно циркулирует в детской среде.

Из альбома ученицы 7 класса в 1936 г.: «Детский садик. Детский садик что печальный [неразб. – рай или рой] / Дети бегают гурыбой / И все играют и поют / Взпуски бегут...бегут. / Возле речки, где фонтан / Черномазый мальчуган. / Рядом с девочкой стоит / Шепотливо говорит. / “Слусай-ка, Катюша, ирасту большой. / Далеко уедем мы с тобой / И носить я буду для класы / Как у дяди-двольника усы” / Годы мчатся, точно ураган, / Жизнь несет им свой признан / Черномазый мальчуган / Стал уже студент. / А Катюша в 18-ть лет / Расцвела что розовый букет. / У фонтана повстречались вновь / И в сердцах их вспыхнула “Любовь!”. / “Будешь ли, Катюша, ты любить меня?” / И в ответ чуть слышно было: “Да”. / “Буду, милый, буду, дорогой, / Помнишь, как сидели мы с тобой” / Зимним поздним вечером /

Старички сидят вдвоём, / Тускло лампочки горят, / Старички о прошлом говорят» [...]

ДЕТСКИЙ сеанс – демонстрация фильмов в кинотеатрах и домах культуры утром, в 10.00.

О мальчишке в перв. пол. 1960-х гг.: «Школьники усердно полировали на уроках ластиком медные двушки до серебряного десятикопеечного блеска и ходили покупать на них металлические перья. Протянув продавщице их орлом вверх, можно было получить восемь копеек сдачи, добавить те же две и пойти на детский сеанс в кино!» (Клех, 2002).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Детские сеансы в домах культуры были испытанием на выносливость: сперва давка в дверях, чтобы занять место, в течение сеанса гогот по поводу и без повода, а когда пленка рвалась – ...тут ...такой подымался свист» (Киршин, 2002).

О 1960-х гг.: «Мы росли и узнавали мир за пределами двора... Стали бегать в кинотеатр “Ракета”... За 10 копеек можно было попасть на детский сеанс» (Ермакова, 2005, 24).

ДЕТСКИЙ спектакль – любительский, самодеятельный спектакль, в котором роли исполняют дети (в отличие от спектакле в театра для детей – *детском театре*).

О 1900-х – нач. 1920-х гг.: «Профессиональных дет. театров (труппа Чистякова и др.) у нас было немного. Зато любительские дет. спектакли устраивались часто – в гимназиях, институтах, и в прежние времена, а сейчас еще чаще, чуть ли не в каждой школе, детском доме и очаге» (Маршак, [1922] 1971–6).

ДЕТСКИЙ театр – профессиональный театр для детей.

Первый детский драматический театр был открыт в Москве в 1920 году. Позднее детские театры стали создаваться во многих городах страны.

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «“Вопрос о критике отпадает, – решил отец, покочив со вторым куском. “Принимай, Маша, хозяйственный отчет... Во Дворец культуры приезжает драматическая труппа. Я на три абонемент записался и в детский театр один абонемент заказал...”» (Ликстанов, [1953] 1964, 393).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: (стихотворение С.Я. Маршака «В театре для детей»): «Народу-то! Народу! / Куда ни кинешь взгляд, – / По каждому проходу / Идет волна ребят. / Сажают их на стулья / И просят не шуметь, / Но шум стоит, как в улье, / Куда залез медведь.... / Но вдруг погасли лампы, / Настала тишина, / И впереди за рампой / Раздвинулась стена. / И увидели дети / Над морем облака, / Растянутые сети, / Избушку рыбака... / Все эту сказку знали – / О рыбке золотой, – / Но тихо было в зале, / Как будто он пустой. / Очнулся он, захлопал, / Когда зажгли огонь. / Стучат ногами об пол, / Ладонью о ладонь. / И занавес трепещет, / И лампочки дрожат – / Так звонко рукоплещет / Полтысячи ребят...» (Маршак, 1953, 238–240).

О 1960-х – перв. пол. 1970-х гг.: «Среди детских театров выделяются театры юного зрителя (ТЮЗы), кукольные и собственно детские. В 1965 г. в Москве открылся первый в мире муз. театр для детей. Все дет. театры в СССР – предприятия государственные. Театрам предоставлены спец. здания; установлена гос. дотация, которая обеспечивает низкие цены билетов на спектакли. Билеты в дет. театры можно купить в театральной кассе или получить в школе. В школах часто устраиваются коллективные просмотры спектаклей дет. театров. Репертуар дет. театров очень разнообразен, рассчитан на детей всех возрастов. Для мл. школьников в театрах идут спектакли-сказки: “Аленький цветочек”, “Золотой ключик”, “Красная шапочка” (драматические спектакли), опера “Мойдодыр”, балет “Айболит” (музыкальные спектакли) и т. д. Для старшеклассников ставятся пьесы русской, советской и зарубежной классики. В репертуар обязательно включаются нек. пьесы или инсценировки тех произв-ий, которые изучаются школьниками по учеб. программе по лит-ре. В театрах во время шк. каникул часто проводятся дет. утренники, ёлки, встречи актёров с юными зрителями, обсуждения спектаклей. Коллективы дет. театров выезжают на гастроли в различные города

страны, показывают выездные спектакли. Пьесы для детей и юношества идут на сцене многих театров страны. Дети приходят сюда на утренние спектакли. В репертуар театров постоянно включаются такие пьесы, как “Синяя птица”, балеты “Щелкунчик”, “Конёк-Горбунок”, “Золушка”, “Коппелия”. В СССР существуют спец. школы-студии для подготовки актёров дет. театров» (Денисова, 1978, 98–99).

О третьеклассниках в конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «[Люська] потянулась. “Вчера Сергей Фёдорович приехал, – сказала она всё так же громко. – ...И сегодня мы с ним идём на балет “Доктор Айболит”. Сейчас надену свою синее платье, туфли надену новые – красные, с дырочками – и пойдём. И она ушла... “Она пошла смотреть “Доктора Айболита”, – сказала я. – А я так давно мечтала о “Докторе Айболите”!» (Пивоварова, 1979, 72).

ДЕТСКИЙ трамвай.

О г. Воронеже в 1930-х гг.: «Воронеж в годы моего детства можно назвать детской республикой. По улицам дрынчали специально “детские” трамваи, увешанные флажками, были детские парикмахерские, магазины, театр, кинотеатр» (Демиденко, 1987, 5).

ДЕТСКИЙ труд – труд детей.

О конце XIX – начале XX века: «До рев. у детей гор. и деревенской бедноты по существу не было детства. Уже с малых лет им приходилось работать вместе со своими родителями, старшими братьями, сестрами, испытывать всю тяжесть подневольного труда, бесправия, нищеты. Дет. труд широко использовался в пром-сти, с. х-ве, в торг. и ремесленных предприятиях... С развитием капитализма, с ростом крупных фабрик и заводов применение дет. труда не сокращалось... В конце XIX века 10% общего количества рабочих на фабриках Московского уезда поступали на работу в возрасте до 10 лет, около 30% – в возрасте 11–12 лет. Три четверти рабочих поступали на ф-ки и заводы, не достигнув 16 лет. Труд детей применялся не только на “ситцевых фабриках” Даниловых, Прохоровых, Цинделей, но и на металлургич. и машиностроит. заводах братьев Бромлей, Доброва и Набгольца, Гужона и многих других. С тяжелым чувством вспоминали свое детство старые рабочие этих предприятий. “Какая же раньше была жизнь? – рассказывал мастер завода “Серп и молот” (бывш. Гужона) т. Коротин. – Отец работал гвоздильщиком у Гужона, получал 30 рублей в месяц, мать – ткачихой, зарабатывала 10 рублей в месяц. Я с 12 лет начал работать в листопркатном цехе завода Гужона. Подростки работали по 10–12 часов за 40 копеек в день. От ночных смен нас не освобождали...” Работа малолетних оплачивалась, как правило, вдвое дешевле, чем труд взрослых мужчин. А рабочий день длился 11–12, а то и 13 часов. В годы перв. мировой войны положение рабочей молодежи и подростков ещё более ухудшилось. Гужон, например, стал заставлять и малолетних работать по 18 часов. В марте 1915 г. царское пр-во ввело особое положение, которое узаконивало применение труда малолетних даже на подземных и ночных работах... Бывало нередко, что дети-труженики, задавленные тяжелыми условиями жизни, нищетой, запуганные хозяевами, не видя выхода, кончали жизнь самоубийством. “Правда” в статье “Дети-мученики” приводила такие факты: “Отравился мальчик Мурашев, боясь наказания хозяина за потерянный рубль”; “Повесился 15-летний мальчик Богачев, боясь быть уволенным за разбитое стекло, стоящее 3 руб. 50 коп.”... “Нечем мне вспомнить свое детство, не было его у меня, – рассказывал вальцовщик листопркатного цеха завода “Серп и молот” т. Иванов. – С 12 лет я пошёл в пастухи, батрачил у помещиков, кулаков за 12–15 рублей в год. Кормили остатками со стола. Зимой среди ночи будили и посылали молотить. Одним словом, была не жизнь, а человеческое истязание”. А сколько детей работало в мелких кустарных и торговых предприятиях, у ремесленников-одиночек в качестве “учеников”! Здесь царил полный произвол хозяев. На фабриках, заводах малолетние хоть были на виду у взрослых рабочих, и те могли вступить за них. А дети, отданные в “ученье”,

были совсем беззащитны. Их поднимали до света, заставляли убирать мастерскую, носить и колоть дрова, бегать в магазин, нянчить хозяйских детей. Подмастерья посылали их за водкой. Хозяин при всяком удобном случае нешадно бил...» (Яковлев, 1962, 6–9).

ДЕТСКИЙ уличный театр.

О 1950-х – 1960-х гг.: «Детский уличный театр принадлежит к малоизвестным по материалам и по существу неисследованным явлениям детского творчества. Он отличен от детских игр, в том числе драматических, сходен с нар. театром взрослых и возник, очевидно, под его влиянием. Сходна и их эволюция. Записи и наблюдения дет. уличного театра, о которых пойдет речь, относятся к 1950–1960 гг. (Луховицкий и Дмитровский р-ны Московской обл.) и 1980-м годам (русские села Мамадышского и Куйбышевского р-нов [атарской] АССР)... Представления происходят в летнее время, приурочиваются к современным и старым праздникам (от Пасхи до Яблочного спаса), иногда – воскресеньям. Они устраиваются на улице, у дома, а по большей части – во дворе. Сценической площадкой служит крыльцо, пространство перед воротами дома, в проеме дверей сарая. Для публики, оповещаемой устно или пригласительными билетами, “афишами”, сооружаются сидения из досок, положенных на табуретки, дрова, кирпичи. Участвуют в представлении дети от 7 до 12 (реже 14) лет, преимущественно девочки, исполняющие и мужские роли. Среди них выделяется режиссер – “заводила”, знаток текстов и приемов разыгрывания. Костюмы, бутафория и реквизит komponуются из домашних “взрослых” вещей и предметов – одежды, головных уборов, шалей и платков, посуды и т. д. Часть их имитируется с установкой на комический эффект. Гримом служит свекольный сок, уголь, помада; бороды и усы изготавливаются из мочала. Представления строятся как концерт, направленность его комическая, развлекательная. Это проявляется прежде всего в конферансе – парном, реже индивидуальном (“петрушничанье”). Ядром программы служат драматические сценки, близкие сатирическим пьесам нар. театра. Они дополняются инсценировками песен и сказок, исполнением песен и танцев, спорт. номерами с элементами эксцентрики. Наиболее традиционные сюжеты драматич. произведений – “Доктор и больная”, “Барин и слуга” (“Барыня и служанка”), позже – “Учитель и ученик” и т. д. В них обыгрываются комические ситуации, высмеиваются лень, глупость, недогадливость и т. д. Стилиевые приемы комического близки народной драме: пародирование, обыгрывание “глухоты”, механический повтор, комическая речевая путаница, использование омонимии, оксюморона. Представления дет. уличного театра сочетают нар. драматические и театральные традиции с чертами шк. самодееят-сти. Однако в целом они сохраняют свою самостоятельность и “неофициальность» (Савушкин, 1990, 85–86).

Ср.: *Концерт, Концерты дворовые самодееятельные.*

ДЕТСКИЙ утренник – см.: *Утренник.*

«ДЕТСКИЙ час» – телепрограмма.

О 1990-х гг.: «То же можно сказать и о Сергее Столярове – популярном тогда ведущем “Детского часа”, который относился к своим собеседникам уважительно деликатно...» (Яковлев, 2002).

ДЕТСКИЙ шампунь – шампунь, предназначенный для детей.

О девочке 4 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1990 г.: «У меня всегда были пышные, густые волосы. Так как раньше шампунь покупали простые, я панически боялась мыть голову и всегда начинала заранее плакать. Однажды мама купила детский шампунь “Капелька без слез”. Каково же было моё удивление, когда мама начала мыть мне голову, а мне совсем не щипало глаза. Кроме того, шампунь очень вкусно пах карамелью» (141).

О девочке 6–8 лет в г. Когалыме в 1993–1995 гг.: «Мама покупала мне детский шампунь “Дракоша”, а мыло так и называлось: “Детское”» (134).

ДЕТСКОЕ автокресло – специальное удерживающее устройство в автомашине, соответствующее весу и росту ребенка.

С 2007 года перевозить детей до 12-летнего возраста в автомашинах можно только с использованием детских автокресел.

«**ДЕТСКОЕ время...**» – ироническое выражение из детско-подростковой речевой практики, указывающее на несамостоятельность собеседника, неспособного находиться без контроля взрослых дольше установленного ими временного предела.

О с. Крухити Далматовского р-на в нач. 1990-х гг.: «“Детское время кончилось”, – так всегда в течение всего моего детства говорил мой папа мне и моему брату, когда надо было идти спать в свою комнату» (211).

О девочке 11 лет в с. Ушаковском Катайского р-на в 1996–1998 гг.: «Когда мне было примерно 9–11 лет и я училась в 4–6 классах, мы с девочками ходили гулять по вечерам. Когда из нас кто-нибудь уходил раньше, ему говорили: “Что, детское время кончилось?”» (139).

О с. Ожогово Шатровского р-на в 1990-е гг.: «Когда дети хотели послушать взрослые рассказы (или разговоры старших сестер, братьев и т.д.), им говорили: “Детское время кончилось!”, тем самым дети были вынуждены удалиться или вообще идти спать. Также такое выражение и по сей день используется, когда старшие хотят уложить детей пораньше. Или когда равные по возрасту дети (а также подростки) пытаются изобразить из себя взрослого, подчеркивая свою вседозволенность (возможно, ложную) и указывая на якобы “детскость”, “отсталость” другого человека. “Да ты ещё малювка! Иди спать! Детское время кончилось!” – говорили некоторые из сверстников друг другу» (154).

О девочке-подростке 12–16 лет в с. Мальцево Шадринского р-на в 1996–2000 гг.: «В нашей среде была распространены поговорки: “Детское время окончено”, “Горшок звенит” Так мы дразнили тех, кого заставляли рано возвращаться домой с прогулки» (019).

О девочке в с. Погорелка Шадринского р-на в 1996–2000 гг.: «Когда мне было 10–11 лет, мои родители обычно говорили мне: “Детское время кончилось” в 9 часов вечера после передачи “Спокойной ночи, малыши”. А если в это время я ещё гуляла во дворе, мама выходила и говорила: “Пора домой, детское время кончилось”. Когда мне было 13–14 лет, мы собирались вечерами во дворе (сидели на лавочке, шелкали семечки, разговаривали, бегали друг за другом). Если кто-нибудь, кого мы не хотели видеть в своей компании, подходил к нам, то если он был моложе нас, кто-нибудь из нас говорил: “Проходи мимо, иди домой спать, детское время кончилось”» (021).

О Шадринске в 1997–2002 гг.: «Во дворе, когда вечером одного из ребят звали домой, вслед уходящему кричали: “Иди давай, горшок звенит”. Это показывало несамостоятельность и зависимость от взрослых. Позднее, примерно в 13-15 лет стали говорить: “Тебя мамочка домой заждалась – детское время кончилось!” Это было так обидно, что все как можно дольше оттягивали момент ухода домой» (012).

О подростках 16–17 лет в 2002–2003 гг.: «“Детское время вышло” или “Тебе мама горшком машет”, – говорили в нашей компании, когда один человек из компании раньше всех собирался домой или если кто-либо уходил раньше 23.00» (138).

Ср.: «Горшок звенит»; «Мама горшком машет».

ДЕТСКОЕ лото – лото, изготовленное специально для игры детей (с картинками).

О лото конца 1930-х гг.: «На картонной карточке детского лото – щенок... На обороте стихи: “А кому отдать щенка? / Пять недель ему пока. / Надо с ним гулять почаще, / Не водить без поводка”. Рядом с этими печатными строчками – другие, выведенные неустоявшимся детским почерком... И вот лежит с тех пор эта карточка детского лото с изображением щенка на самом верху толстой папки детских писем, что хранятся у меня свыше сорока лет» (ДВП, 1984, 228).

«**ДЕТСКОЕ такси**» – такси для детей.

О 2008 г.: «В Екатеринбурге появилась новая услуга – “детское такси”. Желающие могут вызвать машину,

которая отвезет ребенка в школу, в детский сад или заберет из кружка... Похожие услуги таксисты уже два года оказывают и в Иркутске... Водители “детского такси” из Екатеринбурга... отвечают за доставку ребенка в школу или детский садик. Эту схему работы с маленькими клиентами екатеринбургские перевозчики позаимствовали у своих иркутских коллег. Два года назад там аналогичную службу открыла... Оксана Белоусова... В машине дети не скучают: в салонах такси есть телевизоры и аудиосистема. Дети могут смотреть мультики или слушать аудиокнижки... А вот в Москве “детское такси” оказалось нерентабельным. Единственная компания, которая специализировалась на детских перевозках, совсем недавно прекратила свое существование» (Новые Известия, 2008, 27 февраля).

См. также: «Автоняня».

«**ДЕТСКОЕ шампанское**» – появившийся в 1990-е годы безалкогольный газированный напиток.

«**ДЕТСКОЕ чтение**» – еженедельный иллюстрированный журнал для детей, издававшийся с 1869 года по 1906 (1918) год.

Журнал был основан А.Н. Острогорским и В.Н. Острогорским в 1869 г. В 1880-х гг. журнал редактировал Д.Д. Семёнов. В 1890-х гг. журнал перешел в руки Д.И. Тихомирова и был перенесен из Петербурга в Москву. Журнал готовил читателей к практ. жизни, воспитывал уважение к труду. При отборе худ. произв-ий редакция руководствовалась желанием правдиво показать нар. жизнь. В журнале публиковались повести и рассказы Григоровича, Д.Н. Мамина-Сибиряка, И.А. Бунина, Серафимовича. Из переводов на первых порах особенно много печатался Ч. Диккенс. Также публиковались произведения М. Твена, Дж. Лондона, Э. Сетон-Томпсона. С самого начала в журнале был хорошо поставлен науч.-поп. отдел. В каждом номере журнала читатель находил попул. очерк из жизни природы и окружающей среды, ист. материалы, практ. советы юным садоводам и друзьям животных. Раздел «Занятия, игры, забавы» включал шарады, ребусы, мат. задачи, загадки. Журнал был очень популярен среди детей. В 1906 году журнал был переименован в «Юную Россию», под этим названием журнал выходил до 1918 г.

«**ДЕТСКОЕ чтение для сердца и разума**» – первый детский журнал в России. Издавался Н.И. Новиковым в качестве приложения к газете «Московские Ведомости» с 1785 по 1789 г.

«...В самом начале января 1785 года, “в университетской типографии у Н. Новикова” вышел первый номер журнала “Детское чтение для сердца и разума”. С тех пор с редкостной аккуратностью в течение 5 лет (1785–1789) он выдавался раз в неделю “безденежно” (бесплатно) подписчикам газеты “Московские ведомости”. Всего вышло двести шестьдесят номеров “Детского чтения” объёмом в один печатный лист каждый, в конечном итоге составивших двадцать книжек (частей), имеющих свою самостоят. пагинацию... ..Внешний вид журнала: размером с “осьмушку”, слепой текст – ни рисунков, ни всевозможных развлечений, шарад, ребусов и тому подобного. [Это] приложение к “Московским ведомостям... на протяжении десятилетий... не раз переиздавалось... Самое видное место на страницах “Детского чтения” было предоставлено... худ. произв-ям. В них мы находим развернутую пед. концепцию, согласно которой человек с юных лет должен следовать законам великодушия и чести, дружбы и преданности, честности и благородству по отношению к беднякам. Рассчитанный в первую очередь на детей состоятельных сословий, журнал тем не менее с презрением писал о паразитизме, чванстве, легкомыслии дворянства; напротив, внушал читателям уважение к тяжкому труду крестьянина, показывал духовное богатство его и его детей... “Детское чтение”... охотно обращалось к ин. лит-ре. На страницах журнала появились произв-ия Вольтера, Лессинга, Геснера, Томсона, Попа, Кампе, Жанлис. Часть переводов была переделана на русский лад, что приближало прозу и поэзию к читателю, делало их более понятными русским детям. С оригинальными произв-ми на страницах

журнала выступил Н.М. Карамзин... Журнал Новикова – это ещё энциклопедия всевозможных сведений. Науч. заметки о природных явлениях, этнограф., зоол., биол. наблюдения, очерки об астрономии, физике, химии, рассказы о выдающихся открытиях – всё это, во взаимодействии с худ. и публицист. произв-ми, делало издание разнообразным по форме и содержанию. В науч. разделе дети получали самые последние сведения из естественных и обществ. дисциплин» (Холмов, 1984; 98, 101, 103, 105).

«Первым русским дет. журналом было “Детское чтение” Новикова. Мы уже говорили о том глубоком впечатлении, кот. производил этот журнал на своих юных читателей, и о том, как долго сохранялись о нём в об-ве и лит-ре хорошие воспоминания. Скажем теперь немного подробнее о самом журнале. Он выходил в виде приложения к “Московским Ведомостям” с 1785 по 1789 год. Вышло всего 20 книжек. Полное заглавие журнала было “Детское чтение для сердца и разума”. Спрос на этот журнал был настолько велик, что он затем перепечатывался отд. книжками... Почти каждая книжка журнала заключала в себе какую-нибудь повесть и ряд науч.-поп. статей. Переводные статьи преобладали над оригинальными, но это было, впрочем, скорее пересказы, чем переводы. Авторы статей и переводов часто пересыпали свои изложения замечаниями от себя, обращенными к детям, и нравоучит. сентенциями» (Чехов Н., 1909, 59–60).

В журнале печатались художественные и научно-популярные рассказы, а также краткие советы родителям по вопросам воспитания. «Оказал большое влияние на развитие детской литературы в России, часто назывался “отцом детской литературы”» (ПС, 1960–1, 324).

ДЕТСКО-ПОДРОСТКОВАЯ преступность – см.: *Преступность детско-подростковая.*

ДЕТСКО-ЮНОШЕСКАЯ спортивная школа – специализированное учебно-воспитательное учреждение, занимающееся подготовкой спортсменов высокой квалификации. Первые детские спортивные школы были организованы в 1934–1935 гг.

О 1950 году: «...Надо зайти к врачу нашей спортивной школы... и получить разрешение на тренировки в начальной группе. Сложен ты неплохо, ноги крепкие, а все остальное приложится...» Перед этим [тренер] внимательно... считал мой пульс, включив секундомер. Потом тренер ушел, мы с Кимкой уселись рядом, и он растолковал мне, что это детско-юношеская спортивная школа, – сокращенно ДЮСШ – записывают всех, есть разные секции...» (Лиханов, 1995, 111).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Дет. спорт. школы создаются при... отделах нар. образования, а также при советах добровольных спорт. обществ... В спорт. школы принимаются дети в возрасте от 8 до 14 лет. Срок обучения – от 3 до 8 лет. Занятия проводятся круглогодично, на тренировки ребята приходят от двух до четырёх раз в неделю и тренируются по 2–3 часа... Все спорт. школы имеют специально оборудованные залы, спорт. площадки... Занятия проводятся бесплатно. Занятия проводят опытные педагоги-тренеры, мастера спорта... В спортшколах регулярно проводятся спорт. соревнования...» (Денисова, 1978, 99–100).

О начале 1980-х гг.: «В нашей стране очень много ДЮСШ – детско-юношеских спорт. школ, около 4000, много общеобразоват. школ со спорт. уклоном, спорт. школ-интернатов. Только в Москве сейчас 57 ДЮСШ в системе нар. образования, и занимается в них 46 000 счастливых!» (Кулешов, 1983, 21).

О 1980-х гг.: «Спорт. школы выявляют... способных детей и подростков для привлечения их к специализир. занятиям спортом в школах-интернатах спорт. профиля и специализир. детско-юношеских школах олимпийского резерва, школах высшего спорт. мастерства. ...[Школы] подразделяются на... детско-юношеские спорт. школы (ДЮСШ) и специализир. детско-юношеские школы олимпийского резерва (СДЮШОР).

ДЮСШ [работает]... с группами нач. подготовки и учебно-тренировочными группами...

СДЮШОР создается... на базе... ДЮСШ, достигших

выс. уровня работы по подготовке юных спортсменов. Осн. задачей СДЮШОР является подготовка спортсменов..., способных пополнять составы кандидатов в сборные команды страны... и команды мастеров... СДЮШОР формируют учеб.-тренир. группы, группы спорт. совершенствования и высш. спорт. мастерства.

Группы нач. подготовки ДЮСШ комплектуются из числа учащихся общеобразоват. школ... Учеб.-тренир. группы формируются из... детей и подростков, прошедших нач. спорт. подготовку... Группы спорт. совершенствования комплектуются из числа спортсменов, прошедших этап подготовки в учебно-тренир. группах и выполнивших приемные нормативы... Группы высш. спорт. мастерства комплектуются из числа спортсменов, ...соответствующих требованиям к кандидатам в сборную команду страны или её резервному составу... Возраст зачисления учащихся в спорт. школы... варьируется от 6 лет (напр., худ. гимнастика, фигурное катание) до 11 (конный спорт, стрельба из лука)» (СВ, 1990, 54–55).

ДЕТСОВЕТ – совещательный выборный орган в детском доме-интернате, избираемый из числа его воспитанников.

О нач. 1980-х гг.: «Оживилась работа детсовета, веселее зажили воспитанницы» (Комсомольская правда, 1982; цит. по: Мокиенко, 1998, 162).

«ДЕТСТВО» – повесть М. Горького.

Главы повести изучались в школе в 1940-е – 1980-е гг. (7 класс).

ДЁРГАТЬ за косу – см.: *Косы, Дёргать за косу.*

ДЕФЕКТИВНЫЙ – в специфической терминологии 1920-х гг.: психически ненормальный (точнее: признанный психически ненормальным).

О нач. 1920-х гг.: «...Варя... раскрыла большую книгу, озаглавленную: “Запись поступающих воспитанников в детдом № 2 для дефективных детей”» (Четвериков, [1924] 1982–2, 6).

«**ДЕФЕКТИВНИК**» – детдом для *дефективных* детей.

О нач. 1920-х гг.: «...Дневники Варины... “17 марта вечером. Пришла со службы, как всегда, разбитая. Тяжело смотреть на дегишек в дефективнике...”» (Четвериков, [1924] 1982–2, 6).

ДЖАЗ – «1. Оркестр смешанного состава, с преобладанием ударных и духовых инструментов. 2. Увеселительная (по преимуществу танцевальная) музыка, проникнутая грубой чувственностью» (Словарь, 1954, 762); «1. Оркестр или ансамбль, в состав которого входят преимущественно духовые и ударные шумовые инструменты и певцы-солисты... 2. Увеселительная (преимущественно танцевальная) музыка, исполняемая таким оркестром» (Словарь, 1993–4, 214).

Детский джаз.

О 1937 году: «В Никольск-Уссурийске был детский клуб нашей части. В нем было много различных кружков... Самым интересным занятием в клубе был детский джаз. В нем участвовали школьники с 4-го по 10-й класс. Джазы в то время входили в моду, уже гремел джаз Леонида Утесова, и это увлечение ребят тепло встречали зрители. В джазе у большинства ребят муз. инструментами были “трубы”, напоминающие пионерские горны и фанфары, на которых не было клапанов, и ребята голосом воспроизводили мелодию (звук, похожий на игру на грешках). У некоторых “музыкантов” были ударные инструменты и другие, несложные, наподобие ксилофонов. Помню я и солистов, двух девочек-сестёр... Они красиво пели вдвоем, запевали песни, а весь джаз сопровождал их аккомпанементом или подпевал им. Тогда на экранах наших кинотеатров шла немецкая картина “Петер”. Очень модной была песенка Петера. На одном из концертов джаза ребята исполняли эту песню. Слова были переделаны на наш лад. Запевала песню четвероклассница, хорошенькая толстушка Рина. Она вышла с огромным букетом цветов и пела только одно слово: “Ха-рашо”. Пела с придыханием, произнося букву “Ха” как немецкое “аш”, – “Ха-ра-шо!” – джаз отвечал

ей: “Жить нам весело и легко!” и т. д. Мы все были очарованы джазом, нам очень нравились его солисты – девочки и мальчики. Джаз выступал зимой в клубе, а летом 1937 года в полном составе выезжал в пионер лагерь на 19-м километре, где ребята отдыхали и выступали в своем лагере и для гостей» (Кубанева, 1988).

«ДЖАЗ» – детская игра с мячом, аналогичная играм «Съедобное-несъедобное»; «Жизнь»; «Шанс».

О Шадринске в 1988–1989 гг.: «Ещё я очень любила играть в “Джаз”. Это было в 1988–1989 году и позже... Суть игры. Выбирается ведущий при помощи считалки. Все остальные садятся. Называется ведущим вопрос, например: “Как тебя зовут?” И участникам по очереди бросается мяч. Участнику называется любое имя с каждым броском мяча, причём это делается быстро. Участник может поймать мяч или оттолкнуть. Если он отталкивает мяч, то не выбирает имя, которое было названо. Если ведущим говорится слово “Джаз” и участник ловит этот бросок мяча, он придумывает сам, как будут его звать. И т. д. Задаются такие вопросы: “Как тебя зовут”, “Сколько тебе лет?”, “Кем работаешь?”, “Как зовут твоего мужа?” и т. д. При этом можно называть и шуточные, вымышленные имена и другие слова. Как я помню, мы всегда говорили ерунду, а когда участник ловил этот мяч, мы долго хохотали» (504).

О Шадринске в 1990–1991 гг.: «Ещё одна замечательная игра называлась “Джаз”. Впервые я узнала её в лагере, когда мне было лет 10–11. Она нам тогда очень понравилась, а немного позднее мы начали играть в нее во дворе. Смысл игры в следующем. Все девочки садятся на скамейку, а одна ведущая стоит напротив них с мячом. Сначала каждая из играющих выбирает свое имя. Ведущая кидает мяч сначала первой участнице, называя женское имя; если та его не ловит, то ведущая называет следующее имя. Так продолжается, пока участница не выберет себе имя. Но ведущая в любой момент может крикнуть: “Джаз”. В этом случае, если участник ловит мяч, то она выбирает себе имя сама, если не поймает, то ей достается имя, которое было названо перед “Джазом”. Затем ведущая кидает мяч следующей и т. д., пока все не выберут себе имена. Следующим этапом выбирается “его” имя по этим же правилам. Затем: “Сколько у вас будет детей?” В эту игру можно играть очень долго придумывая новые и новые вопросы: “Как зовут детей?” “Сколько тебе лет?” “Сколько ему лет?” “Где вы живете?” “Какая у вас машина?” и так далее» (542).

О Шадринске в 1995–1996 гг.: «Играли в “Джаз”, когда мне было 11–12 лет. Ведущий выбирался считалкой. Остальные сидели на скамейку. Ведущий кидал мяч каждому по порядку, задавая такие вопросы: “Сколько тебе лет?” И сам ведущий начинает перечислять различный возраст – реальный и вымышленный. Если ведущий кидает мяч и говорит: “Джаз”, а игрок ловит мяч, он имеет возможность выбрать возраст себе сам (например, 15–16 и т. д.). Если не поймает, то автоматически его возраст становится таким, каким его до этого называл ведущий (1 000 000 до н.э.). Вопросы могут быть различными: “Как зовут тебя, твоего мужа, твоих детей?”. Всё зависит от фантазии. В неё играют до тех пор, пока не надоест» (105).

О Шадринске 1990-х гг.: «Ещё в детстве я очень любила такую игру как “Джаз”. В ней мы кидали мячик человеку, сидевшему напротив ведущего, называли различные имена (они могли быть настоящими или придуманными). Если ты хотел, чтобы у тебя было такое имя или что-нибудь другое, то ты ловил мячик, а если нет, то отбивал его. Это было очень весело и всегда вызывало много радости. Но так же иногда обиды, если ты поймал то, что не хотел. И для нас это была какая-то интрига. Всё же интересно, что скажет ведущий и успеешь ты поймать или нет» (050).

ДЖАННИ Родари – итальянский писатель (1920–1980), автор популярных у русских детей сказочных повестей.

О Шадринске в 1994 г.: «Когда мне было 7 лет и я закончила первый класс, нам родители подарили книгу Дж. Родари “Сказки с тремя концами”. Эти сказки мне очень нравились, потому что сказки заканчивались на

середине и продолжение заканчивалось под заголовками: “Первый конец”, “Второй конец”, “Третий конец”. Каждое окончание было разным. Очень нравилось размышлять, какое окончание нравилось больше» (112).

О г. Завитинске Амурской обл. в 1994–1995 гг.: «Сборник произведений итальянского писателя Джанни Родари был прочитан мною в 9–10 лет. Сначала читала короткие “Сказки по телефону” (понравилась предыстория: папа вдали от детей звонил им и рассказывал сказки на ночь по телефону); затем “Планету новогодних елок”. Мне очень нравился созданный писателем мир и особенно хотелось попасть на сказочную планету. Другие сказки плохо помню. Помню только еще историю про мальчика Джузеппе, у которого был очень громкий голос и друг – нарисованный мелом трёхлапый котенок» (107).

«**ДЖЕЙН Эйр**» – роман Шарлотты Бронте, один из самых знаменитых романов Британии. Впервые был опубликован в 1847 году. Сразу же после публикации книга заслужила любовь читателей и хорошие отзывы критиков. С давних пор известна русскому читателю. В переводе И. Введенского роман был опубликован в 1849 году, в переводе С.И. Кошлаковой – в 1857 году, в переводе В. Владимирова – в 1893 году. В 1901 году роман вышел в «Библиотеке юного читателя» без указания переводчика. В первой половине XX века на русском языке роман не выпускался. В 1950 году роман «Джейн Эйр» вышел в «Гослитиздате» в переводе В. Станевич. С тех пор в этом переводе он переиздавался десятки раз. Роман вошёл в читательский обиход детей (подростков) 1950-х – 1960-х гг. В 1990-е годы роман “Джейн Эйр” многократно переиздавался в различных коммерческих издательствах. Был экранизирован в 1944, 1983 и 1996 гг.

О девочке-подростке 1975 г. р. в Москве в нач. 1990-х гг.: «Позже я и сама получила... опыт макулатурного обмена. Мне запомнился... фургончик позади... продовольственного магазина. Там мы получили, наверное, последние в советскую эпоху “макулатурные” книги. ...Среди них были два томика “Унесенных ветром” Маргарет Митчелл, а ещё страстно желаемый мной тогда роман “Джен Эйр” Шарлотты Бронте, увлечение которым началось с одноименного фильма. Изрядно измусолив и закапав слезами библиотечный экземпляр, я страстно желала иметь свою собств. книгу дома. Но, увы, полученное “макулатурное” издание повергло меня в разочарование... Бумага страниц была тонкая и грязно-жёлтая, похожая на обёрточную» (Семенова, 2008–2, 20).

О Шадринске в перв. пол. 1990-х гг.: «“Джейн Эйр” – это один из моих любимых фильмов. Я впитывала каждую секунду, каждое слово, каждое движение актёров. Я бежала домой, боясь опоздать на фильм. Я не любила, когда я смотрю этот фильм, а кто-то еще есть в комнате. Они мне мешали переживать – им было видно мои переживания. Я ревела. Не плакала, а ревела по этому фильму, болело нутро от тоски, от любви, от желания соединить Джейн и мистера Rochester. Я ложилась спать у бабушки и просто рыдала. Мне нравилась их сильная любовь, я сама чувствовала в себе это сильное чувство, мне хотелось быть похожей на Джейн – некрасивая, умная, аккуратная в мыслях, действиях, поступках, и чтобы меня также бы сильно любили. Я была готова на такую вечную любовь, на любовь к одному человеку. И момент, когда он кричит, зовет её за тысячи километров от неё и это крик отчаяния и боли, и она слышит его, она выбегает в долину и кричит “Я здесь. Я иду”. Это воплощение любви. Даже записывала имена актёров – Тимоти Далтон, а Джейн Эйр не помню. Я помню все их фразы: “Мой маленький эльф Пилот узнал меня”. Даже когда я читала книгу (перечитывала её несколько раз), я сравнивала фразы в фильме и книге – похожи ли они. Я верила в исцеляющую силу любви – Мистер Rochester стал видеть: “после рождения нашего первенца, Эдвард увидел ожерелье из жемчуга на моей шее”. После чтения этой книги, фильма, всегда хотелось начать новую жизнь – жизнь робкой, нежной умной девушкой, которая будет любить и будет любима... После “Джейн Эйр” я

насобирала в свой чемодан (мама мне отдала старый чемодан под мои игрушки, он стоял у меня под кроватью) старые мамины платья и думала, что я буду одеваться дома в платья и буду дома как Джейн Эйр – кроткая, добрая. Мне кажется, что желание учить английский язык у меня окрепло после этого фильма. Джейн Эйр знала французский» (1001).

О 1994 г.: «Когда мне было 10 лет, мама порекомендовала мне прочитать роман “Джейн Эйр”. Я после этого романа долго была в романтическом настроении. Наверное, из-за этого и сделала в жизни столько ошибок» (145).

О Шадринске в 2004 г.: «Когда я училась в 11 классе, мне мама рассказала о том, как она любила читать эту книгу и о том, что даже есть фильм, основанный на книге “Джейн Эйр”. Я очень заинтересовалась и взяла книгу в шк. библиотеке. В книге было большое количество страниц (где-то 600), но она мне так понравилась, что я даже не заметила, как её прочитала. Эта книга взывает к высшим человеческим чувствам и “берёт за душу”. Я знаю многих людей, кто прочитал эту книгу; отзывы о ней были самые положительные. По телеканалу “Культура” показывали фильм “Джейн Эйр”, я его посмотрела два раза и могу сказать, что не была разочарована. Потому что обычно у создателей фильма (на мой взгляд) не получается экранизировать книгу так, какая она есть в оригинале. А здесь, в фильме «Джейн Эйр», не были выпущены те ключевые моменты, от которых я была в восторге, читая книгу» (135).

«**ДЖЕК Восьмеркин – американец**» – книга Николая Григорьевича Смирнова (1890–1933).

«...Экспозицией интересной повести “Джек Восьмеркин – американец” (1930) стало действительное событие. Весной 1918 года петроградские интеллигенты отправили на Волгу большую группу детей, спасая их от голода. Военные события сложились так, что дети оказались отрезаны линией фронта, попали в распоряжение американского Красного Креста и были увезены в Америку. Взяв за отправной пункт этот факт, Смирнов изобразил в повести судьбу деревенского парнишки Яшки Восьмеркина, прибывшего к маленьким петроградцам и тоже оказавшегося в Америке. Сбежав с помощью беспризорников из колонии, Яшка становится сезонным поденщиком “Джеком Осмеркингом”. Скитаясь вместе с приятелем Чарли Ифкиным по чужим фермам, Джек мечтает о своей собственной, деньги на которую они с Чарли усиленно копят... Однако жизнь убеждает друзей, что здесь, в Америке, их планам никогда не суждено осуществиться. И тогда появляется мечта о “дальних странах”. Для “американца” Джека Восьмеркина такой “дальней страной” оказывается его собственная родина – Россия. Совершенно случайно узнает он о совершившейся там революции и о том, что землю там раздадут бесплатно. Джек пробирается в свою “дальнюю страну” и оказывается в родной деревне Починки. Но, увы... Хозяйство матери и сестры настолько бедное, что едва-едва может прокормить трёх человек. Все рационализаторские идеи Джека терпят крах. И разочарованный “фермер” уже готов уехать обратно в Америку. Но оказывается, родные Починки тоже могут стать воплощением счастливой мечты. Только для этого нужно Джеку перебороть свой индивидуализм и пойти навстречу предложению молодых активистов о создании коммуны. Когда в финале повести к Джеку приезжает Чарли, которому невдомек, на какие деньги его друг смог купить сообща с другими эту огромную “ферму”, председатель коммуны “Новая Америка”, показывая огрубевшие ладони, гордо поясняет: “Я платил вот этим золотом, Чарли... В Америке, на чикагской бирже, это совсем не котировается. Но вот нашлась на свете страна, где мозоли расцениваются на вес золота» (Лупанова, 1969, 168–170).

«Во время гражданской войны... крестьянский мальчик Яшка Восьмеркин... прибудил к вывезенной...из голодного Петрограда дет. колонии. Случилось так, что это учреждение... было... вывезено в Соединённые Штаты. Там Яша Восьмеркин превратился в “Джека

Осмеркина”, фермерского рабочего... Джек возвращается на родину и здесь, испытав множество трудностей, совершив множество оплошностей, получает в достаточной количестве и воду, и землю, на которой возделывает вывезенные из американских скитаний отборные семена пшеницы..., табак, идущий на самые дорогие сигары... В тридцатых годах книги Смирнова переиздавались не раз, не застаивались на библиотечных полках, их вырывали из рук» (Рахтанов, 1980, 341).

О нач. 1930-х гг.: «Любопытную просьбу высказывают ребята в письмах к Горькому: они просят написать продолжение к повести Смирнова “Джек Восьмеркин”» (Маршак, 1971–6; 200).

О Ленинграде в 1944 г.: «“Сгоняем в “Молоток” – там “Знак Зорро” – киношка правильная... – предложил тогда Мика. – Слушай, Андрэ, а ты читал “Джек Восьмеркин – американец”?” “Нет”. “Правильная книгаленция...”» (Липилин, 1983, 98).

О девочке 8–9 лет в Шадринске в 1986 г.: «Я смотрела двухсерийный фильм “Джек Восьмеркин – американец” летом. Сухая мука. У меня было представление, что я должна посмотреть его до конца, а он всё не кончался и не кончался. Я с тоской смотрела на уходящий летний вечер, с тоской слглатывала слюну несостоявшихся гуляний с девочками, а фильм всё шёл и шёл: какой-то постоянно весёлый мужик с каким-то колесом кого-то дурил. У меня не было претензий к этому мужику в русской рубашке. Просто мое должествование “до конца” окрасило этот фильм неприятными ассоциациями» (1001).

ДЖЕК Лондон – см: *Лондон*.

ДЖИНСЫ – «Брюки из прочной плотной хлопчатобумажной ткани, простроенные нитками обычно контрастного цвета» (Словарь, 1993–4, 216).

«Джинсы – брюки унисекс, впервые были сшиты из палаточного брезента в 1850 году американским фабрикантом Леви Страусом как замена кожаным брюкам и запатентованы...» (Гершкович, 1999, 68).

«Мода обратила на [джинсы] внимание лишь в конце 1950-х – нач. 1960-х гг., и буквально молниеносно они завоевали всеобщую популярность» (Орлова, 1988, 152).

В СССР джинсы появились в июле – августе 1957 года – в период проведения в Москве VI Междунар. фестиваля молодёжи и студентов. С тех пор джинсы стали предметом как взрослой, так и молодёжно-подростковой моды.

«Начался так называемый “джинсовый бум”. Джинсы поднялись в цене... Их стали носить буквально все, кто мог купить, и женщины, и подростки, и пожилые люди... Возникли джинсовая мода и джинсовый стиль в одежде. Из джинсовой ткани шили куртки..., платья, юбки, головные уборы, сумки, обувь, пальто. Их характерная особенность – спортивность, обилие карманов, молний, отделка строчкой, металлические пуговицы, заклёпки, очень рациональный крой» (Орлова, 1988, 152–153).

Джинсы у девочек.

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «“Ох и заспанный! – смеется Люба. – А я не могу долго спать в каникулы...” На Любе зелёный свитер и джинсы, как у Шурки» (Матвеева, 1975, 90).

О конце 1970-х гг.: «“А джинсы у тебя тоже из Индии?” “Да”. “Счастливый”. Нюся смотрит не отрывая глаз. Она точно знает: чьи родители ездили на заработки, у тех джинсы, яркие куртки и дорогие кожаные пиджаки. Так она и различает людей: если в пиджаках, куртках и джинсах – значит, богатые. У кого этого нет – те бедняки, ни на какие заработки не ездили... “Скажи лучше, что тебе привезти оттуда [из командировки]?” – прерывает мать. “Джинсы!” – кричит Нюся. “Джинсы мы тебе здесь купим, там их не шьют. А что тебе привезти кроме джинсов?” “Джинсы!” “Ну а кроме того?” “Джинсы!” – настаивает Нюся. “Неужели ничего другого, кроме джинсов, тебя не интересует?” (Голявкин, 1984; 32, 116–117).

О Шадринске в 1990-х гг.: «Джинсы для меня были только способом демонстрации своей фигуры, красования перед мальчишками, мужчинами. Подруга Катя рассказывала: повернувшись задом, перед ней хвасталась новыми джинсами её подруга Лена. Катя

посоветовала ей положить в задний карман джинсов носовой платок, чтобы было побольше выпуклостей. Для меня джинсы в институтском возрасте не были удобны – грубая ткань, пережимает кожу, торчит мешком... Но ради соответствия моде я их купила и ещё так недоумевала: и что же в них хорошего? Когда однажды мы с Катей покупали мне джинсы, Катя оценила их по прижимаемости заднего места: “Бери, хорошая вещь”. Помню, на 16-летие сама себе купила чёрные обтягивающие джинсы, но внутренне было ощущение вызова миру: “Да, вот я, какая!” Они как-то хорошо выражали, оформляли моё состояние “мужского ожидания”, а потом, когда старенькие стали, просто было удобно в них: “Как бы я ни при чем, но вот я какая!” (1001).

Джинсы у мальчиков.

О конце 1950-х гг. – нач. 1960-х гг.: «Привлеченные шумом, в прихожую выглянули гости: три девочки в юбочках-трапециях, два парня в “джинсах»» (Длуголенский, 1972, 67).

О середине 1960-х гг.: «...Под... взглядом [Ани] тело [Феликса] само собой подобралось...; и узкие, грубые, простроченные светлой ниткой джинсы с пришитой фирменной этикеткой на заднем кармане, ещё плотней и туже сжимали его в поясе и сзади, и Феликс, как говорится, чувствовал себя в отличной форме... Вдруг Феликса кто-то тронул за штаны. Он обернулся. Перед ним стоял Ваня и рассматривал фирменную марку, пришитую к заднему карману его джинсов, – ковбой в широкополой шляпе обьезжает упрямящегося мустанга. “Где ты достал эти штаны?” – спросил Ваня, щупая надёжную, грубую ткань, и радостно крикнул: – Мам, посмотри, какие у него брюки!” “В Стамбуле, завуч отцовской школы привез из турпоездки...”» (Мошковский, [1969] 1987–1; 65, 77).

О нач. 1970-х гг.: «“Главное, ребята, сердцем не стареть”, – запели в углу. Десятиклассник в синих джинсах с белыми коленками махнул по-дирижёрски рукой, и оркестр заиграл эту песню весело, немного танцевально» (Матвеева, 1975, 13).

О середине 1970-х гг.: «Марина придирчивым взглядом оглядела Саньку, велела повернуться левым боком, потом задом. “Опять разодрал джинсы!...” ...Вася... увидел Саньку в мокрых джинсах, рубахе и кедах» (Мошковский, 1979; 76, 157).

О шестикласснике в конце 1970-х гг.: «“Давай договоримся...– папа меня за плечи взял ив глаза заглянул. – Ты заканчиваешь вторую четверть без троек, а мы со своей стороны в долгу не останемся!” “Джинсы! – говорю. – Но только фирму, а то купите какое-нибудь барахло. Обязательно “Ли” или “Врангель” на худой конец и чтобы мой размер...” ... Джинсы мне совершенно необходимы. Я в них сразу взрослым буду...” “Меряй” – сказал отец и развернул джинсы. Конечно, джинсы были потрясающие. И швы, и заклёпки, и материя, и наклейка...”» (Алмаз, 1982; 4, 20).

О нач. 1980-х гг.: «“Не разрешайте Сереже носить в школу сверхмодные джинсы”, – сказал я как-то одной родительнице. “Что это за казарменные порядки! – разгневалась она. – Мальчик носит приличную фирменную одежду. Не нужно портить его вкус!” Для нее джинсы с броской заграничной наклейкой – сверхтонченный вкус» (Губин, 1984, 109).

«ДЖОКЕР» – игра с мячом, аналог игры в «Джаз»; «Жизнь»; «Шанс».

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Ещё мы играли в “Джокера”. Выбирается один ведущий и несколько игроков. [Ведущий] кидает мяч и говорит: “Твою жену (мужа) будут звать...” и идёт перечисление имён Аня, Марфуша, Парашка, и если игроку не нравится имя, то он должен оттолкнуть мяч. Если ведущий кидает мяч и говорит: “Джокер”, а участник отталкивает мяч, то остаётся предыдущее имя, если ловит, то имеет право выбрать имя сам. Вопрос: “Куда поедите?”; “Сколько будет детей?”; “Какая машина?” и т. д. Главное в этой игре, чтобы были смешные варианты ответа. Например, миллион детей, машина – трактор или “Запорожец”, жену зовут Феклуша и т. д.» (454).

«ДЖУЛЬЕТТА» – ежемесячный журнал для подростков (девочек-подростков), выходит с нач. 2000-х гг. Темы: любовь, школа, музыка, отн-ия с родителями. Названия разделов из рубрики «Гадалочка» в № 10 за 2007 г.: «Как приворожить по фотографии?»; «Приворот прутиками»; «Как приворожить водой?». Общий тираж (с журналом «Мне 15») в 2007 г. – 10 тыс. экз.

ДИ КАПРИО – см. *Леонардо ди Капριο*.

ДИАСКОП – «Диаскоп. 1. Оптический прибор для рассматривания диапозитивов, диафильмов и т. п. на светопропускающем экране, встроенном в прибор. 2. Устар. То же, что диапроектор (в 1 знач.); «Диапроектор. 1. Проекционный аппарат для демонстрации диапозитивов, диафильмов и т. п. путём проецирования их (с увеличением) на светоотражающий экран. 2. То же, что диаскоп (в 1 знач.)» (Словарь, 1993–4, 223).

Оба вида диаскопа-диапроектора присутствуют в нижеприведённом отрывке.

О 1950-х гг.: «В детстве, когда телевизоров еще не было, а в кино ходили редко, одним из любимых вечерних развлечений были диафильмы. Вся семья усаживалась у края стола, на который ставился хранящийся в спец. чёрном чемоданчике драгоценный тяжелый тоже чёрный диаскоп, с чёрными же полукруглыми железными корытцами для рулонов пленки, черной же ручкой для перевода кадров, и – главная тайна – опять же черным, вывинчивающимся туда-сюда объективом. Обычно управлял диаскопом старший брат, многоопытный и вообще технический человек. Гасился свет, и в ослепительно вспыхнувшем луче сразу начинали клубиться невесомые живые пылинки. Пока я не умел читать, ... слушал сопроводительный текст, который обычно читала мама... Экрана в виде простыни не вешали, а показывали на белой стене, я помню трещины на штукатурке, не замечаемые днем и странно оживающие в волшебном свете диаскопа. Пленки хранились в круглых сперва жестяных, затем всё чаще пластмассовых коробочках с наклейками... Большой стационарный диаскоп, кроме нас, был ещё у моего одноклассника Шурика Бородина, и каждый год на день его рождения, после угощения, нас усаживали смотреть один и тот же, в трех частях фильм “Ленин в Октябре”. Управлял диаскопом и читал самый старший из гостей, долговязый Володя, тогда, вероятно, семи-восьмилетний, и каждый раз я с волнением ждал, когда он подойдет к моменту, когда Владимир Ильич, обличая кого-то из своих противников, кажется Зиновьева с Каменевым, обзовет их “проститутками” – слово в доме, а не на улице, совершенно немыслимое, и Володя каждый раз удивлялся: “Смотри-ка – ругается!” А вот маленькие ручные диаскопы, тоже жестяные, выкрашенные черным, где надо было смотреть в окуляр, подставляя противоположный бок диаскопа с матовым стеклышком на солнце или на лампу, такие диаскопы были у многих. Сейчас диаскоп умиляет своей патриархальностью, но по существу он был первым шагом к отлучению от книги, к которому привели его потомки – телевизор и компьютер» (Боровиков, 2007–7).

ДИАТЕЗ – «Предрасположенность организма к некоторым болезням или болезненным проявлениям вследствие врождённого нарушения обменных процессов» (Словарь, 1993–4, 223).

О вт. пол. 1950-х гг.: «В беседе с воспитательницей удалось выяснить, что Олю заставляют пить молоко с пенками, которое она после заболевания диатезом не переносит» (Низова, 1961, 74).

О мальчике 10 лет в перв. пол. 1970-х гг.: «“...Скажи маме, чтобы натёрла тебя одеколоном и дала на ночь димедрол”. “Я его в детстве пил от диатеза...” – сказал я... Я своими болезнями и диатезом часто расстраивал маму» (Алешковский, 1975; 46, 154).

О нач. 1980-х гг.: «Болезненная девочка, руки как в рыбьей чешуе, коротко остриженная голова в струпьях от диатеза» (Макарова, 1985, 62).

ДИАФИЛЬМ – «Расположенные на киноплёнке в определённой последовательности фотографические изображения, объединённые общей тематикой»

(Словарь, 1993–4, 223); плёнка, у которой каждый кадр представляет собой картинку с подписью.

Диафильмы проецировали с помощью диаскопа (фильмоскопа) на вертикальную плоскость (стену).

О 1936–1937 гг.: «Иногда в окно высовывался и папа. “Домо-ой! Пора смотреть диафильмы!” – командовал он. Да, кроме кинофильмов, я еще должен был дома в обязательном порядке смотреть диафильмы. Раньше папа... требовал, чтобы я сам вешал на стену свой пододеяльник, предварительно, конечно, вынув из него одеяло, и чтобы сам возился с чёрным аппаратом, вставляя в него узкие ленты диафильмов. Теперь папа не разрешал мне вешать экран-пододеяльник и не позволял близко подходить к аппарату – он всё делал сам, а я был только зрителем» (Алексин, [1964] 1980, 431).

О 1950-х гг.: «В детстве, когда телевизоров еще не было, а в кино ходили редко, одним из любимых вечерних развлечений были диафильмы... Пока я не умел читать, с жадностью и нетерпением слушал сопроводительный текст, который обычно читала мама. Что смотрели? Любимые мультфильмы “Халиф-аист”, “Братья Лю”, игровые – “Первоклассница”, “Чапаев”, “Детство” и “В людях” Марка Донского по Горькому. Экрана в виде простыни не вешали, а показывали на белой стене... Пленки хранились в круглых сперва жестяных, затем всё чаще пластмассовых коробочках с наклейками...» (Боровиков, 2007-7).

О г. Свердловске в середине 1960-х гг.: «С Алкой мы иногда смотрим диафильмы. У нее есть такой маленький ручной фильмоскоп» (Смирнов, 2005).

О Шадринске в середине 1980-х гг.: «Вечером, когда мама была свободна, мы в зале (большой комнате) что-то вешали на стену и смотрели. Не помню что, не помню ни одного диафильма. Помню мамино плечо, мамино присутствие, мамин голос и мир, проплывающий рядом. Сказка. Тепло. Уютно. Защищено» (1001).

О 1988 г.: «Я очень любила смотреть диафильмы. Впервые я их посмотрела года в 4. Старшая сестра прикрепляла белую простынь на ковер, включали свет и начинали смотреть. Я её внимательно слушала, так как сама не умела читать. Самый любимый диафильм у меня был “Ну, погоди!”, у нас его были все выпуски» (104).

О 1988 г.: «До сих пор с трепетным чувством внутри вспоминаю эту картину из своего детства – как я, мне было года два, и мой старший братик начинали прыгать и петь, когда папа доставал нашу заветную коробочку, где хранились наши любимые мультики-диафильмы. Выключался свет, и папа своим добрым и ласковым голосом начинал читать и перелистывать кадр за кадром. Моим любимым диафильмом был “Ежик и ёлка”. Любимым героем, конечно же, являлся ёжик, который из жалости к ёлочкам и [из] желания принести радость всем окружающим в этот светлый праздник – Новый год – встал на стульчик и предложил себя на роль ёлочки. Наверное, это одно из самых замечательных чувств – видеть, как благодаря тебе радуются все остальные» (193).

О с. Верхняя Полевая в 1989 г.: «Я тогда ходила в детский сад, папа купил проектор для диафильмов. Мы смотрели вечерами на белой стене печки. Когда мне было лет 6, я сама уже включала и смотрела разные плёнки. Мы смотрели плёнки с разными мультиками, сказками. В садике мне запомнилась плёнка о “Мамонтенке”. Дома у нас была целая коробка плёнок. Любимый мультфильм был “Крылья, ноги и хвосты”. Даже сейчас он есть у меня на диске. После того как я его в первый раз увидела, сразу возник вопрос: так ли быстро вырастает хвост у ящерицы? У нас во дворе я увидела ящерицу, но хвост ей отрывать не стала» (120).

О Шадринске в 1989–1992 гг.: «В 1989 году или раньше, я тогда ходила в детский сад, папа купил проектор для диафильмов. Мы смотрели вечерами на белой стене печки. Когда мне было лет 6, я сама уже включала и смотрела разные плёнки. Мы смотрели плёнки с разными мультиками, сказками. В садике мне запомнилась плёнка о “Мамонтенке”. Дома у нас была целая коробка плёнок. Любимый мультфильм был “Крылья, ноги и хвосты”... После того, как я его в первый раз увидела, сразу возник вопрос: так ли быстро

вырастает хвост у ящерицы? У нас во дворе я увидела ящерицу, но хвост ей отрывать не стала» (153).

О г. Завитинске Амурской обл. в 1992 г.: «Диафильм “Железная птица” мы любили смотреть с моей сестрой. Когда мне было 7 лет, папа принес диапроектор. Впоследствии мама подкупала диафильмы, но мне больше всего нравилось смотреть этот диафильм. Мы с сестрой вешали простыню на стену или на шифоньер и смотрели сказки, иногда ссорились из-за того, кто будет крутить колесико. Читала чаще всего я, так как сестра была младшая и читала медленно, с запинками» (107).

См. также: *Диаскоп, Фильмоскоп.*

ДИЕТА – «Специально подобранный по количеству, химическому составу, калорийности и кулинарной обработке рацион питания; определённый режим питания» (Словарь, 1993–4, 229).

О девочке-подростке в 1993 году: «В восьмом классе мы с кружком по химии (я там занималась) ездили в Курган смотреть, как химия помогает работе криминалистов. На обратном пути мы зашли в книжный магазин, и я там впервые в жизни накупила себе книжек по красоте – штуки три, и все разные... Я была очень рада купить эти книги. Некоторые диеты оттуда, салаты красоты с геркулесом я делала и ела. Я помню, был июнь, я отработывала в школе – я каждое утро вставала рано, бежала кросс (худела), ела тошнотворный салат красоты, обмывалась по пояс, одевала поутюженное с вечера платье и шла на остановку. Так начиналась каждый день моя новая жизнь» (1001).

«**ДИКАЯ РОЗА**» – телесериал.

О 1999–2002 гг. в селе Брылино Каргапольского района: «“Дикая Роза” и “Дикий Ангел” – два любимых сериала. Суть их одинакова: из девушки низкого слоя получается, путем сильного преобразования, девушка высшего общества. И эта девушка выходит замуж за самого богатого молодого мужчину» (133).

«**ДИКАЯ СОБАКА ДИНГО, или Повесть о первой любви**» – изданная в 1939 году повесть Рувима Исаевича Фраермана (1891–1972).

«В 1939 году советские дети – и девочки, о которых пёкса автор, и мальчики – с увлечением читали чудесную, необыкновенно лирическую и чрезвычайно современную книгу “Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви”» (Лупанова, 1969, 221).

О г. Снежинске Челябинской обл. в 1996 г.: «Одноклассница подарила мне на день рождения (12 лет) книгу “Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви”. Мне очень понравился мальчик Филька. Его немного безумный поступок, когда он выжег на солнце имя “Таня”. Я мечтала, чтоб у меня был такой же друг. Мне интересно, как смог Филька сделать трусы из пионерского галстука. Также нравился Коля, который не мог выбрать между Таней и ещё одной девочкой, которая была толстой. Было жалко, что в конце книги они все расстались и непонятно, встретятся они ещё или нет» (117).

«**ДИКИЕ ЛЕБЕДИ**» – мультфильм.

О Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «В мультике “Дикие лебеди” меня потрясло то, что эта девушка плела рубашки лебедям из крапивы голыми руками, чтобы снялось это заклятие, и время уже шло на секунды, когда она должна была закончить рубашку последнему, любимому брату, а крапива закончилась. Я не помню, чем кончился мультик, я помню ощущение крапивы на пальцах, это жертвование, это спешка, желание помочь, эта беспредельная любовь. Я так думаю, что это для меня стало своеобразным эталоном в отношениях, такой должна быть любящая девушка: пальцы жжёт от боли крапивы, но она не замечает этого, она любит, старается спасти любимых братьев» (1001).

О г. Далматово Курганской обл. в 1993 г.: «Мой любимый мультфильм “Дикие лебеди”. Я посмотрела его в 1993 году, когда мне было 6 лет. На меня он произвел сильное впечатление. Я переживала за главную героиню – удастся ей спасти своих братьев, или нет» (059).

«**ДИКИЙ АНГЕЛ**» – аргентинский телесериал второй половины 1990-х гг., в главной роли – *Наталья Орейро*.

О 1997 году: «Нравилось смотреть сериал “Дикий ангел” (с 1997 года). Нравилась внешность Натальи Орейро, её роль, темперамент, хотелось быть похожей на неё. Переживала за неё, с кем она останется» (110).

О с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1997–1998 гг.: «Когда мне было 12 лет, моим любимым фильмом был “Дикий ангел”. Мы с сестрой бросали все игры, дела, чтобы посмотреть его. А если пропускали хоть серию, даже плакали» (137).

О с. Мальцево Шадринского р-на в 1998–1999 гг.: «Сериал “Дикий ангел” я смотрела, когда мне было 14–15 лет. Я приходила из школы и сразу усаживалась за телевизор» (019).

О с. Межборном Притобольного р-на в 1998–2000 гг.: «Сериал “Дикий ангел” я смотрела, когда училась в 8–9 классе (14–15 лет). В этом сериале снималась актриса Наталья Орейро. Она мне очень нравилась и казалась красивой. Этот сериал смотрела вся молодежь в деревне, а потом обсуждала. Н. Орейро играла девушку-служанку в доме богатых людей, в которую влюбился сын хозяина. Сериал начинался песней в исполнении Н. Орейро, песня мне очень нравилась, и я её всегда напевала, но сейчас не помню даже мотива» (099).

О конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Моим самым любимым сериалом был и остается по сей день “Дикий ангел”. Впервые я посмотрела его в 15 лет. Наталья Орейро – главная героиня. Она мой кумир. Не пропускаю ни одной серии, я была в восторге от энергичной, весёлой, оптимистически настроенной героини, которой я всячески старалась подражать» (207).

ДИКТАНТ – учебное записывание текста под диктовку.

О 9-летнем мальчишке в школе в конце 1880-х гг.: «Равнодушно писал он свои диктанты, равнодушно складывал и умножал цифры...» (Крашенинников, [1925] 1991, 34).

О девочке-пятикласснице в нач. 1960-х гг.: «Шура никогда не списывала чужих решений или диктантов» (Карпенко, 1962, 18).

О шестиклассниках начала 1960-х гг.: «До конца урока еще двадцать минут, и я пытаюсь разглядеть книгу, из которой Валентина Петровна читает диктант...» (Трубин, 1987, 22).

О середине 1980-х гг. «Мария Юрьевна проверяет тетради с немецким диктантом. Этот диктант писали восьмиклассники... То и дело учительница делает поправки красной шариковой ручкой... Восьмые классы, совсем взрослые, и то вон сколько ошибок насажали. И диктант всего лишь, диктант в сто раз легче писать, чем сочинение...» (Матвеева, 1987, 198).

О второй половине 1980-х гг. – начале 1990-х гг. в Шадринске: «Диктант. Мобилизация сил, знаний, желание быть хорошей, чтобы понравиться (вопрос – кому), пристальное вглядывание в учителя, вслушивание в его слова, желание быть его частью, чтобы понравится ему своим усердием. Безуспешная, пустая игра “повезет – не повезет” с собой: куда поставить запятую. И всегда думаешь потом: “Надо было поставить её в другом месте”. Всегда момент придыхания, когда получаешь тетрадь с проверенным диктантом, немного медлишь, замираешь, как бы думаешь неосознанно: “На сколько обошлись мои старания, усердные заглядывания на учителя?”. Когда видишь “4”, редко “3”, как-то чувствуешь пустотельность всех своих игр и приглядываний, немного опускаются руки, потому что по-другому не умеешь. И уже совсем равнодушно, только как работу для “галочки”, воспринимаешь работу над ошибками...» (1001).

ДИКТОВКА – то же, что *диктант*.

Об учениках 5 класса женской школы в 1948 г.: «Потом [учитель] предложил нам диктант (никогда не говорил “диктовка”, всегда – “диктант”), собрал листочки (по его просьбе каждая вынула из чистой тетради развернутый лист) и ушел» (Шендерова, 2008).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Однако пора в школу. Симочка... чинно идет по тротуару... Она уже думает о безударных гласных, существительных и глаголах. Ничего удивительного – сегодня диктовка... Анна

Васильевна взяла в руки листок, на котором была написана диктовка, и начала ее читать... Симочка успокоилась: диктовка оказалась нетрудной. Это был короткий рассказ про осеннюю ночь в избушке рыбака...» (Кудряшова, 1961; 37, 39).

«**ДИНАМЫ**» – коньки.

О конце 1930-х гг.: «Тм... А какие у тебя коньки?» ““Динамы” – гордо ответил Петя. – Прямо к ботинкам приклепаны... Мне папа к ёлке подарил”. “Эх! Разве на таких катаются! – с презрением проговорил Лева. – Вели матери “гагены” купить...” “Нет, со своей мамой я так разговаривать никогда не буду”. “Ну и дуралей! До десятого класса будешь на своих “снегурочках” гонять”. “У меня “динамы”, – обиделся Петя. – Это разница”. “А по-моему, никакой...” – отрезал Лева... “Вот ещё! – тоже сердито проговорил Петя. – Как ты не понимаешь? У Лёвы “гагены”; у меня “динамы”, а у Вовы какие-то “снегурки”...”» (Могилевская, [1941] 1958; 92–93, 95).

«**ДИНКА**» – повесть В.А. Осеевой.

«Осеева Валентина Александровна (1902–1969)... [Автор] автобиограф. дилогии: повесть в трёх частях “Динка” (1954 – первая публикация, 1959 – окончание работы над второй частью, 1965 – выход в свет третьей части) и повесть “Динка прощается с детством” (1969). ...В. Осеева в “Динке” изобразила... нравств. становление восьмилетней Динки Арсеньевой, проходящее под влиянием духовной атмосферы дома и реалий жизни приволжских бедняков. Психология ребёнка, жаждущего во всём справедливости, неугомонного, самостоятельного в речах и поступках, была отражена писательницей так хорошо, что путь юного поколения в революцию представлялся очевидной закономерностью. “Динка” остаётся одной из популярных книг среди детей 10–14 лет... Продолжение [“Динка прощается с детством”] имело меньший успех, так как В. Осеевой не удалось проникнуть в психологию юности» (Арзамасцева, 1997; 319, 322).

О середине 1960-х гг.: «Тепло были встречены юными читателями роман М. Прилежаевой “Под северным небом”..., повесть В. Осеевой “Динка”, книга А. Бруштейн “Дорога уходит в даль”, ист. повести С. Алексеева...» (Мотышов, 1967, 15–16).

О 1960-х гг.: «“Я прочитала “Динку” два раза”, – сообщает ученица пятого класса из Приморского края, а мальчик и девочка из Улан-Удэ пишут, что “перечитывали повесть по 5–9 раз!”. “Прочитав “Динку”, я стал предлагать её товарищам, близким. И все благодарили меня”, – рассказывает Рафик из города Гулистан. “Мы читали “Динку” всем классом”, – пишут ребята из Восточно-Казахстанской обл.... “И хотя пройдут годы, промчатся зимы и весны, я буду думать о Динке и её друзьях”, – пишет девятилетняя Наташа из города Марганец... Вспоминается совсем недавняя, наша последняя встреча весной 1969 года... “Вас удивляет обилие игрушек у меня, – [сказала В.А. Осеева]. – Это всё... – подарки детей. А вот недавно... На звонок открываю дверь. Два мальчугана с большим свёртком. Сунули в руки: “Это Вам от всех нас за Динку!” – и убежали. Развернула: самодельная шкатулка. Крышку подняла – музыка заиграла. Сделана шкатулка чисто, красиво...”» (Кремянская, 1969, 193).

О 1970-х гг.: «...Детские письма... приходят в Дом детской книги по несколько тысяч в год со всех концов страны... Дети привязываются к литературным героям-геростратам очень сильно и на долгие годы. “Впервые я встретила с ней, когда училась в 4 классе... Сразу я перечитала ее раз пять... Недели через 2 я взяла “Динку” снова... Сейчас я учусь в 10 классе. В весенние каникулы я снова перечитала “Динку”. Я настолько свылась с Динкой, что считаю её своей подружкой, сестрой и даже чем-то большим...”... “Мне кажется, что я сама воспиталась на этой книжке... – делится с нами девятиклассница. – Книгу “Динка” мне подарила моя мама в мой первый shk. день 1 сент. 1969 г. Признаться, я очень не любила читать, а по-настоящему полюбила книги после прочтения “Динки”. Я люблю “Динку” и “Динка прощается с детством”. Эти книги самые потрепанные, но самые любимые. Я так много раз читала их, что смогу,

наверное, рассказать содержание слово в слово. Это прекрасно, что книги эти попали ко мне, когда мне было столько же лет, сколько и Динке. Она стала для меня жизненным идеалом...» (Д[евичка] 9 кл., г. Воронеж)... Бывает, что воссозданный читательским воображением образ не совпадает с его экранной интерпретацией. «Я смотрела кинофильм “Найди меня, Лёня!”. Но там другая Динка, не эта...” – с разочарованием сообщает читательница» (Малахова, 1982; 28, 29, 31, 32).

О 1970-х – перв. пол. 2000-х гг.: «До сих пор пользуется популярностью среди девочек среднего школьного возраста... автобиографическая диалогия [В.А. Осевой] – повести “Динка” (1954–1956) и “Динка прощается с детством” (1969)» (Арзамасцева, 2007, 398).

«ДИНЬ-ДИНЬ-ДАРИ...» – см.: «Дон-дон, дерри...»

ДИПЛОМ – свидетельство об окончании среднего проф.-тех. училища или среднего спец. учеб. заведения.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Выпускники всех сред. проф.-тех. училищ и сред. спец.... учеб. заведений получают диплом установленного образца. В дипломе указывается, в каком году учащийся или студент поступил в учеб. заведение, когда его окончил, по какой спец-сти учился. В дипломе также записывается решение гос. экзаменационной (или гос. квалификац.) комиссии о присвоении выпускнику соответств. квалификации. Диплом с отличием выдаётся тем, кто за время учёбы получил не более 25% отметок “хорошо” при остальных “отлично”... К диплому прилагается выписка из зачётной ведомости. В ней выставляются все отметки, полученные учащимся... на экзаменах и зачётах в течение всех лет обучения, отметки за курсовые проекты (курс. работы), производств. (пед.) практику и дипломный проект (дипл. работу). Дипломы вручаются выпускникам на торж. собрании или выпускном вечере представителями адм-ции и обществ. орг-ций учеб. заведения» (Денисова, 1978, 101–102).

ДИПЛОМАТ – род верхней мужской одежды.

О 1898–1890 гг. во Владимирской губернии: «Мальчикам до 12–13 лет шьют зимние дипломаты на простых овчинах, которые при их поступлении на фабрику заменяются на суконные дипломаты на овчинах. Кроме того, осенью носят драповые дипломаты, весной – трековые или пиджаки» (Тенишев, 1993, 218–219).

ДИРЕКТОР школы – руководитель средней школы, организующий в ней учебно-восп. и хоз. деят-сть, возглавляет педагогический совет школы.

ДИСКОТЕКА – «Музыкально-танцевальный вечер с использованием звукозаписи; зал для проведения таких вечеров» (Лопатин, 1997, 128).

В нашей стране первые дискотеки появились в 1970-е годы.

О 1970-х гг.: «Когда в 1970-х годах создавались первые дискотеки..., [предполагалось, что] без особых материальных затрат и больших организационных усилий можно [будет] слушать музыку, беседовать о ней, смотреть слайды, участвовать в разнообразных конкурсах, обсуждать волнующие вопросы, танцевать... Дискотека представлялась клубом молодежного досуга...» (СВ, 1990, 57).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Там, где [диск-жюкей] хорошо подготовлен, осведомлен о важнейших событиях в муз. мире, информирует собравшихся о новинках, умело применяет тех. эффекты, умеет быть общительным и остроумным, проявляет завидную фантазию и худ. вкус, дискотека не превращается в стимул для проявления низменных инстинктов. Но... случилось так, что молодые люди все чаще стали приходить на дискотеку просто “побалдеть”. ...В последние годы наблюдается... то, что... следовало бы именовать распущенностью, мода на сверхгромкую, отупляющую музыку и её слишком непритязательный подбор, безвкусица, подражательство. Это стало возможным еще и потому, что взрослые превратили дискотеку... в коммерческое предприятие» (СВ, 1990, 57–58).

О Шадринске в 1990-е гг.: «Первые дискотеки были в школе. Я даже не умела танцевать под музыку, мне показывали девочки из класса движения, я повторяла, добавляла своё. Мальчик, с которым я сидела за партой,

показывал оттопыренный большой палец: “Молодец”. Я смущенно улыбалась, но было какое-то чувство, что я их немного обманываю, я могу лучше, больше, просто стесняюсь. Потом меня пригласил танцевать мальчик из одиннадцатого класса – это уже было на другой дискотеке: то ли пьяный был, то ли не знаю что. Тот вечер для меня был чем-то потрясающим. Я обалдела: меня! Старший мальчик! Танцевать! Я ждала автобус на остановке и втягивала живот, улыбалась, что-то превращалось во мне в девушку. В тот вечер я отказалась от бабушкиной стряпни (свежей!), просила бабушку погадать, я становилась леди. На другой день в воскресенье я опять блюла талию, чтобы быть красивой, прямо держала спину. В понедельник я нашла на стенде в коридоре школы фотографию этого мальчика, ходила, смотрела на него и связывала свои мечтания с ним. Потом я услышала, как девочка из его класса сказала, что этот мальчик в субботу напился и неизвестно что вытворял. Вмиг его образ рухнул. Потом я осмелела и уже танцевала как хотела, и мне это нравилось, как способ выражения музыки. В институте мы всегда с нетерпением ждали объявлений, когда будет дискотека во Дворце культуры. Наряжались, красились. Первый этап – все вычурно мнутся, ещё успевая показать наряды, девичью скромность, томные взгляды. Этап второй – прыгают как “как хотят”, и всё тут. Для меня всегда танцевать было здорово – я слушала музыку и выражала её, и я знаю (девичья хитрость): у меня получалось хорошо, мальчики на меня смотрели. Ходить на ночные дискотеки было ужасом, но обязательным. Моя подруга: “Надо, пойдем, может, там кого встретим”. Я помню этот бешеный протест внутри, идти в ночь, хочется спать (меня однажды ужаснула девушка на дискотеке из нашей группы. Она танцевала, так виляя задом и всем, что стало страшно, неудобно мне, как-то всё понятно, и захотелось уйти), потом идти домой в 4 часа ночи (не любила спать у чужих дома)» (1001).

О девочке-подростке в Санкт-Петербурге в середине 1990-х гг.: «Когда мои родители куда-то уезжали и мне... хотелось пойти на дискотеку..., я спускалась вниз в халатике и тапочках, охраннику говорила: мол, к Сереже пойду – на компьютере поиграю. Там я переодевалась... и выпрыгивала в окно – благо первый этаж. А часа через три проделывала то же самое, только в обратном порядке» (Собчак, 2004, 16).

О 10-летней девочке в детском оздоровительном лагере «Янтарный» Кетовского района в 1998 году: «Вечером был обычно ужин, а после ужина была дискотека. На дискотеку мы собирались очень тщательно, одевались, красились, как будто нам было лет по 18–19, мы очень хотели понравиться мальчикам и быть лучше других девочек. Но так как мы были очень маленькими, мальчики не обращали на нас внимания» (518).

ДИСНЕЕВСКИЕ мультфильмы – см.: *Дисней*.

ДИСНЕЙ – Уолт Дисней (Walt Disney, 1901–1966) – американский художник-мультипликатор, кинорежиссёр, сценарист и продюсер, основатель компании «Walt Disney Productions», которая к настоящему времени превратилась в «The Walt Disney Company».

Мультфильмы [студии] У. Диснея.

О девочке в с. Шатрово в перв. пол. 1990-х гг.: «Насколько я себя помню в детстве, я всегда любила смотреть мультфильмы Уолта Диснея. Я просто обожала всех этих Микки Маус, Дональд Дак, Гуффи и т. д. Я даже помню, что мне всегда было до слёз обидно, когда они заканчивались. Ни один советские мультфильмы не смешили меня так, как диснеевские» (213).

ДИСПУТ – «публичный спор на научную или общественно важную тему» (Словарь, 1993–4, 252); форма воспитательной работы со старшеклассниками.

О десятиклассниках в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Клавдия Петровна... неожиданно спросила: “А диспут “”В человеке должно быть всё прекрасно” вы как думаете проводить?” “Поставим доклады, – солидно пробасил Миша. – Только не знаем, кого назначить ответственным за это дело”» (Долинина, 1963, 53).

О нач. 1970-х гг.: «Среди старших школьников (как показали последние исследования) такая форма общения,

как диспут, становится все более популярной и на уроках, и при проведении факультативов, и в практике комсомольской работы. В этом можно увидеть своеобразное возрождение – на новой основе – боевитости, наступательного духа комсомольцев 1920-х годов» (Невельштейн, 1973, 22).

О 1970-х гг.: «В старших классах иногда проводят диспуты. Это сложная, но вместе с тем действенная форма нравств. воспитания. Трудно воспитать и закалить убежденность у молодежи без споров и дискуссий, без обсуждения острых вопросов. Нравственные убеждения невозможно формировать без собственных размышлений и самостоятельных суждений... Диспуты проводятся примерно на такие темы: “Надо ли мечтать?”, “О романтике подлинной и мнимой”, “Что такое счастье”, “О красивом и уродливом в жизни”, “Личное и общественное”, “О труде интересном и неинтересном”, “О смелости и трусости”, “В чем смысл идейной принципиальности и партийности?”, “Боец или обыватель?”, “Называться человеком легко, а быть настоящим человеком трудно”, “Дружба и любовь в жизни человека”, “О девичьей гордости и мужском достоинстве”, “О дружбе юношей и девушек”, “Об упорстве и упрямстве”, “О словах и делах”, “Скупость и бережливость”, “Почему скромность украшает человека?”, “Что такое честь класса и школы?”, “Что значит быть революционером в наши дни?”, “О хорошем и плохом вкусе”, “Как стать настоящим человеком?”, “Можно ли изменить свой характер?”» (Болдырев, 1978; 54, 55).

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ журнал – журнал для записи фактов нарушения дисциплины учащимися.

О мужской школе в 1944–1945 гг.: «“Эдя! У вас неблаготолучно с дисциплинарным журналом!” – говорит ему наконец Полина Антоновна. “Разве? – с невинным видом спрашивает Сухоручко. – А я думал, наоборот, хорошо!” “А вот посмотрим!” Полина Анатольевна открывает дисциплинарный журнал и читает: ““Ведёт себя очень развязно” “разговоры, выкрики с места”, “препирался с учителем”... Ну, как?.. Достаточно?”» (Медынский, [1954] 1963, 83).

«**ДЛЯ особо одарённых повторяю**» – ирон.: о невнимательно слушающих, медленно соображающих и т. д.

О девочке 12–17 лет в Шадринске в 1998–2003 гг.: «Учителя в школе часто говорили нам, ученикам: “Для особо одарённых ещё раз повторяю”. Особенно часто это выражение употреблялось учительницей математики. Когда мы что-то не понимали в материале, нам объясняли заново с фразой: “Для особо одарённых”» (132).

О с. Ожогово Шатровского р-на в конце 1990-х гг.: «Когда кто-то из школьников не слышал объяснения, переспрашивал, объясняющий говорил: “Для особо одарённых повторяю ещё раз...”» (154).

О девочке 13 лет в с. Кундровы Чебаркульского р-на в 1999 г.: «Учительница математики (возраст 40 лет) объясняла нам тему, а когда увидела, что два мальчика занимались своими делами, она подошла к ним и сказала: “Для особо одарённых повторяю...” Мальчики очень обиделись, а нас это всё развеселило» (141).

О девочке 12–16 лет в Шадринске в 1999–2003 гг.: «Моя классный руководитель говорила очень часто: “Для особо одарённых повторяю...” – в том случае, когда кто-н. что-нибудь переспрашивал или не понимал» (135).

ДНЕВНИК наблюдения за погодой, дневник наблюдения за природой – См.: *Природоведение*.

О Шадринске в 1984–1986 гг.: «С первого по третий класс у нас было природоведение... Был по природоведению дневник наблюдения за погодой. Это была самая отвратительная вещь на всем природоведении. Надо было каждый день отмечать погоду – облачность, осадки, температуру, ясный или пасмурный, направление ветра. Для этого специально был дневник покупной как толстая тетрадь с графами под каждый пункт. И я постоянно забывала отмечать эту погоду, направление ветра и вовсе была мука, и температура. А с нас его требовали, в четверти не ставили оценку без этого дневника. И у меня то несколько дней заполнены, то неделя пустует. И я придумала – просто наугад писать. Я так была рада своей мысли – ведь никто не помнит, какое направление ветра

было неделю назад, какие были дни – облачные или не очень. Я писала наугад – так, чтобы не повторяться. Я так была рада, и мне поставили “отлично”» (1001).

О Каргаполье в 1993–1994 гг.: «Во 2–3 классе начальной школы у нас был предмет, который назывался “природоведение”. Что изучали на этом уроке я плохо помню, но помню, как учитель заставлял нас вести дневник наблюдения за природой. Мы должны были вести его аккуратно. Помню, что я вырезала из разных журналов, которые были у нас дома, картинки с изображением природы осенью, зимой, весной и летом. Эти картинки я приклеивала в тетрадь. На каждый месяц мы рисовали в тетради таблицу с количеством дней этого месяца. В каждом квадрате с числом месяца мы должны были заносить данные о погоде. Нужно было указать температуру воздуха дневную, вид осадков, а также графически изобразить погоду. Кружок, покрашенный полностью красным, означал солнечную погоду, синим – пасмурную, наполовину красным, наполовину синим – переменную облачность. Лично меня утомляло вести этот дневник, я просто о нём забывала. Когда надо было сдавать его на проверку, то я сидела дома и заполняла наугад либо переписывала у подружки, немного изменяла температуру воздуха» (013).

О с. Ястребинка Пресновского р-на С.-Казахстанской обл. в 1995–1996 гг.: «Когда я училась в 4 классе, учительница выдала нам дневники наблюдения за природой, который нужен нам был по предмету “Природоведение” (мамы заплатили за этот дневник немного денег). Дневник был оранжевого цвета, там были напечатаны картинки и задания, которые нам нужно было выполнять дома. Однажды нам дали задание пронаблюдать за действиями паучка в паутинке на улице. Там ещё была таблица наблюдения за температурой воздуха на улице и за осадками, облачностью. Но мы так и не довели этот дневник до конца, не успели до конца года. Он до сих пор лежит у меня дома в ящике с тетрадами» (019).

О девочке 11–12 лет в Шадринске в 1996–1997 гг.: «В школе в 5 классе на уроках географии мы вели дневник наблюдений за погодой. Он представлял собой тонкую (12 листов) тетрадь в клеточку, каждый лист которой отражал состояние погоды в определенный месяц (1 лист – сентябрь, второй – октябрь и т. д. до мая). Тетрадный лист разворачивали горизонтально и писали название месяца. Ниже чертили таблицу, где каждая ячейка представляла собой день месяца по порядку слева направо (число ставили в правом верхнем углу ячейки). Страницу с названием месяца оформляли в соответствии с событиями в природе в это время (например, я на странице “сентябрь” по углам рисовала жёлтые листья, грибы, кто-то изображал зонт и дождь). Каждый день мы должны были отмечать в ячейках таблицы температуру воздуха, направление ветра (если ветер северный, то рисовали стрелочку вверх, если северо-западный – стрелочку вверх, наклоненную влево и т. п.), облачность (если пасмурно, рисовали тучку; если временами облачно – солнышко, выглядывающее из-за тучки; если ясно – солнышко) и осадки (дождь изображался капельками, снег – снежинками, град – точками). Затем на уроках географии в течение всего учебного года учитель спрашивал по журналу одного ученика, который зачитывал свои наблюдения за погодой с момента последнего урока географии, а все остальные сверяли его ответ со своими наблюдениями. Потом другой ученик рассказывал о погоде в тот день, когда проходил урок. Домашним заданием на лето было отмечать наблюдения за погодой в июне, июле и августе, но я это делала только в июне, а потом стала забывать о наблюдениях» (020).

О Шадринске в 1997 г.: «В третьем классе на уроке природоведения в школе № 10 мы вели дневник для наблюдений за погодой. Записи велись в тонкой тетради в клеточку, обернутой обложкой. В тетради чертилась сетка по дням месяца, в каждый квадратик которой вписывалась температура, ясная и пасмурная погода, осадки и направление ветра, тепло или холодно (если тепло (для теплых месяцев) рисовали красный кружок, если холодно – синий)» (012).

О Шадринске в 1998 г.: «В пятом классе нас заставляли по уроку природоведения вести дневник наблюдения за природой. На каждый месяц полагалась одна страничка в тетради, рисовалась специальная схема, расчерченная на квадратики. В центре каждого квадрата – число месяца, а по бокам – четыре уголка, где надо указать облачность, осадки, температуру среднюю и положение луны (убывает, прибывает, полная и т. п.). В конце месяца это надо было сдавать. Реально каждый день за лунной у нас наблюдала только одна девочка. Я наблюдала иногда, а потом подписывала по газеткам и по логике. У этой девочки и других типа меня в конце месяца потом все всё списывали» (1003).

О Шадринске в 1999 году: «В 7-м классе я стала учиться в школе № 8. На уроках географии весь класс вел дневник наблюдений за природой. Я не знала, как его вести, и одноклассники рассказали мне, что каждый день нужно выходить на открытое пространство. Первым делом нужно определить температуру (её мы смотрели либо на домашних, либо на шк. термометрах), затем определяли направление ветра с помощью компаса и мокрого пальца (сначала мочили палец, и определяли сторону, с которой дует ветер, потом становились лицом к ветру, брали компас и определяли направление ветра), потом смотрели наличие осадков, облачность. Все показания записывались в спец. тетрадку-дневник в виде таблицы. Наблюдения велись ровно год (потом учитель уволился). Наши дневники мы сдавали на проверку один раз в две недели, за это нам ставились оценки» (017).

ДНЕВНИК наблюдения за природой – см.: *Дневник наблюдения за погодой*.

ДНЕВНИК отряда – летопись общественно полезной работы пионерского отряда, оформленная в идее альбома (Мокиенко, 1998, 168).

ДНЕВНИК прочитанных книг – см.: *Читательский дневник*.

ДНЕВНИК учащегося – введённая в 1936 году специальная тетрадь установленной формы для ежедневной записи *домашнего задания* и занесения выставленных учителем *оценок*.

Дети записывают в дневник расписание уроков, а учителя проставляют отметки и заносят свои замечания и сообщения, предназначенные для родителей учащегося. Родители еженедельно знакомятся с дневником и расписываются в нём.

О 1940-х гг.: «Я Володины отметки / Узнаю без дневника...» (Барто, [1945] 1969–1, 247).

О 1950-х гг.: «В конце недели отец Виталика посмотрел дневник: нет в нем новых клякс, зато появились две четверки» (Баруздин, 1960, 46).

О середине 1950-х гг.: «Дневник ученика является док-том, в котором отражена как его учеб. деят-сть, так и поведение. Поэтому кл. рук. систематически, раз в неделю, просматривает дневники учащихся, подписывает и требует от учащихся, чтобы они показывали дневники родителям для просмотра и подписи... В нек. шк. вместо дневников введены таблицы. Нам кажется, что дневник, отражающий всю учеб. деят-сть ученика и его поведение, является более совершенным док-том, чем табель» (КР, 1957, 271).

О вт. пол. 1950-х гг.: «“Как успехи? – спросил Орловский, раздеваясь. – Ну-ка, покажи дневник”. Юрка покорно достал из затрёпанного портфеля дневник» (Дягилев, 1961, 75).

О нач. 1960-х гг.: «В дневнике у Петрова Егорки / Никогда не бывает пятёрки» (Преображенская, 1963, 34).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Учащиеся вторых-десятих классов регулярно ведут дневники. Ежедневно в конце каждого урока учитель диктует классу или пишет на доске домашнее задание, а ученики записывают его в графе того дня, на который урок задан. Когда учитель вызывает ученика к доске, то ученик берёт с собой дневник и кладёт его на стол учителя. После ответа учитель ставит отметку в кл. журнал и в дневник, в котором расписывается. В конце недели кл. рук. проставляет в дневнике отметки за письменные контр. работы по всем предметам. Родители должны каждую неделю просматривать дневник и подписывать его.

Последняя страница дневника отведена под сведения об успеваемости, где проставляются отметки за учеб. четверть (полугодие) и за весь учеб. год. Здесь же отмечается, переведён ученик в следующий класс или оставлен на второй год» (Денисова, 1978, 104–105).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Насчет оценок в дневнике: когда ставили двойки, то листы вырывались, к концу года не хватало дневника, приходилось вставлять добавочные листы. Если ставили единицы, то исправляли на оценку “4”. А если учитель писала запись в дневнике по удовлетворительному поведению, то расписывалась за маму сама» (497).

О 1980-х гг.: «Мы прибегали к различным уловкам, чтобы родители не узнали о наших плохих оценках. Многие имели по два дневника: для выставления плохих оценок или для записи замечаний мы подавали один дневник, а второй дневник служил для хороших оценок. Некоторые делали проще, убирали листы с плохими оценками и вставляли другие. Иногда мы подтирали оценки бритвой или сначала рисовали карандашом по оценке, а затем стирали резинкой. За всех учителей у нас расписывалась девочка, которая набила руку на этом. В девятом, десятом классе оценки за неделю нам выставляли девочки из нашего класса. И мы их предупреждали, какие оценки выставлять, а какие нет» (494).

О восьмикласснике с. Межборном Притобольного р-на в 1998 г.: «Со мной в классе учился мальчик, который часто шел на хитрости, чтобы не получить двойку, а учился он плохо. Однажды перед уроком он натер доску обычной восковой свечкой, и на ней невозможно было писать, урок был сорван. Подобное он проделывал и со своим дневником. Так как за двойки его всегда очень сильно ругали родители, то он всячески старался, чтобы ему не выставляли плохие оценки в дневник. Для этого он проводил восковой свечой по графе в дневнике, где должны ставиться оценки и учитель не мог поставить ему оценку и расписаться, так как ручка по воску не писала. Ещё он шел на другую хитрость: у него просто было два дневника. Одни для хороших оценок, который он показывал родителям, а другой – для плохих, для учителей» (099).

См. также: *Запись учителя в дневнике*.

ДНЕВНИК читательский – см.: *Читательский дневник*.

ДНЕВНИК школьный – см.: *Дневник учащегося*.

ДНЕВНИЧОК – тетрадь, выполнявшая функции дневника у учащихся 1–4 классов в 1950-х гг.

О первокласснике в 1954 году: «“Ты готов на любые штуки, лишь бы помешать уроку, – очень строго сказала учительница. – Дай твой дневничок, я напишу в нём замечание. И пусть твой папа, именно папа, подпишется. И становись в угол!” Женья достал дневничок – маленькую тетрадку, куда записывал, что задано на дом. Настоящих дневников, как у пятиклассников, например, у них ещё не было. Отправляясь за счёты, Женья положил этот дневничок на стол учительницы... Всё-таки Женья понёс домой дневничок, где было написано: “Получает замечания в классе, смешит ребят на уроках”» (Котовщикова, 1956; 73, 76).

«**ДО КРОВЯНКИ**» – вероятно, то же, что «до первой кровянки». См.: *Драка «до первой крови», «до первой кровянки»*.

О семиклассниках середины 1940-х гг.: «Но 203-ю, тварей позорных, мы теперь, где ни встретим, ремень на руку бляхю вверх – и до кровянки! Ремней ни у кого нет, так, ремешки, но – до кровянки, отныне и навеки!» (Найман, 2001; 54).

О второй половине 1940-х гг.: «...Все – от нас до почти годовалых – / “Толковищу” вели до кровянки, – / А в подвалах и полуподвалах / Ребятишкам хотелось под танки» (Высоцкий, [1975] 1993, 358).

«**ДО ПЕРВОЙ крови**» – см. *Драка «до первой крови», «до первой кровянки»*.

«**ДО ПЕРВОЙ кровянки**» – см. *Драка «до первой крови», «до первой кровянки»*.

«**ДО 16 и старше**» – молодежная телепередача 1990-х – начала 2000-х гг.

О перв. пол. 1990-х гг.: «Мне не нравилась эта программа “До 16 и старше”, да ещё старшая сестра запрещала мне её смотреть, но она меня привлекала как атрибут взрослого мира, как то, что я смогу смотреть и понимать, будучи взрослой. Я помню своё ощущение от заставки этой программы: прямые линии, резкие движения, непонятная музыка, слова, сложно, неинтересно, чуждо, как не хочется лезть в этот мир резкий, грубый, динамичный» (1001).

О девочке 11–12 лет в с. Межборном Притобольного р-на в 1995–1996 гг.: «Передачу “До 16 и старше” смотрели мои старшие сестры... Я не всегда всё понимала в ней. Но, смотря её, я казалась сама себе старше. В общем, это молодежная программа, её ведущими были девушки и юноши 16–17 лет» (099).

О с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1995–1996 гг.: «В 4 классе, когда мне было 10 лет, мы учились со второй смены, а “До 16 и старше” шло в обед, и я могла даже пропустить уроки, чтобы посмотреть эту передачу» (137).

О Шадринске в 1996–1997 гг.: «Передачу “До 16 и старше” показывали каждый день с понедельника по пятницу. Когда успевала смотреть – смотрела. Но обычно не успевала – школа. Показывали разные сюжеты из жизни молодежи» (069).

О с. Шугихинское Катайского р-на в 1996–1998 гг.: «С 12 до 14 лет мне очень нравилось смотреть передачу “До 16 и старше...”, когда её вел один ведущий. Не могу сказать, как его звали, но помню, что он был полный и добрый» (073).

О 1998 г.: «Когда мне было 12 лет, по первому каналу шла передача “До 16 и старше”. Когда я приходила после уроков домой, я непременно садилась перед телевизором и с великим интересом её смотрела. В этой передаче было несколько рубрик (их название я не помню). В конце передачи обычно звучала песня и клип какого-либо исполнителя» (022).

О г. Шумихе в 1998–1999 гг.: «Передачу “До 16-ти и старше...” я начала смотреть в 13–14 лет. Мне нравилось, что это молодежная передача, нравились музыкальные клипы, которые там показывали, рубрика “Знакомство”, а также интересные сюжеты о молодежной культуре города» (107).

О Шадринске в конце 1990-х гг.: «Когда я училась в школе я очень любила смотреть передачу “До 16 и старше”. Передача была о подростковой культуре, вели её девочки и мальчики-подростки, и это мне почему-то очень нравилось. Её смотрели все мои одноклассники, подруги и часто обсуждали интересные моменты, поэтому не смотреть её, считалось даже как-то нехорошо, и у меня даже было желание в будущем быть журналистом и работать в этой программе вместе с другими ведущими и журналистами. Но вскоре передача была закрыта, а я – очень расстроена» (132).

О г. Шадринске в 1999–2000 гг.: «Когда мне было 13–14 лет, я любила смотреть передачу “До 16 и старше” по телевизору, она шла с 16.00 до 17.00. Я считала себя молодой, не доросшей до этой передачи. Она была для меня как бы запретной» (112).

О г. Шадринске в 2000–2001 гг.: «Когда мне было 15 лет, я каждый пятничный вечер смотрела передачу “До 16 и старше” о жизни подростков» (094).

«Первое время передача “До 16 и старше” была интересной, но позднее, когда редакторы уже не знали, чем заинтересовать молодежь, стали создавать дурацкие репортажи, а потом эта передача исчезла совсем» (105).

«**ДО ЧЕГО ЖЕ ХОРОШО КРУГОМ**» – песня на музыку И. Дунаевского и слова Л. Некрасовой.

По восп. автора словаря, песня часто передавалась по радиоточке на территории пионерлагеря в 1970-х гг.

Текст: «[1.] До чего же хорошо кругом! / Под деревьями густыми светлый дом. / И дорожка золотая, ярким солнцем залитая, / По которой мы идем, мы идем, мы идем. / До чего же хорошо кругом! [2.] До чего же хорошо кругом! / Земляника покраснела под кустом, / Так и просится в корзинки и манит сойти с тропинки, – / Много ягод наберём, наберём, наберём, – / До чего же хорошо кругом! [3.] До чего же хорошо кругом! / Мы с

гимнастикой дружим и с мячом. / Здесь, на воздухе на чистом, каждый станет футболистом, / Прыгнуём и бегуном, бегуном, бегуном, – / До чего же хорошо кругом! [4.] До чего же хорошо кругом! / Мы друзей весёлых в лагере найдем / И подружмся за лето. / Много песен будет спето / Тихим летним вечерком, вечерком, вечерком. / До чего же хорошо кругом!» (СП, 1962, 50).

В др. источниках нам встречался текст из пяти куплетов. Дополнительный (к процитированному тексту) куплет расположен между перв. и вт. куплетами: «До чего же хорошо кругом! / Над рекой с крутым зелёным бережком / До обеда загораем, ловим рыбу и ныряем / Прямо в воду кувыркком, кувыркком, кувыркком! / До чего же хорошо кругом!»

«**ДО, РЕ, МИ, ФА, СОЛЬ, ЛЯ, СИ...**» – считалка.

О Шадринске в конце 1970-х гг.: Чтобы выбрать галящего в играх, использовали считалки: “До, ре, ми, фа, соль, ля, си, / Кошка села на такси, / Заплатила 5 рублей / И поехала в музей”» (608).

О середине 1980-х гг.: «До, ре, ми, фа, соль, ля, си, / Кошка села на такси, / Заплатила 5 рублей / И поехала в музей, / А котят прицепились / И бесплатно прокатились» (496).

Автор словаря помнит эту считалку (Шадринск, конец 1960-х – начало 1970-х гг.) в такой форме: «“До, ре, ми, фа, соль, ля, си, / Села кошка на такси / И поехала в музей, / А котят прицепились / [И бесплатно прокатились]».

«**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИЛИ ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕНО**» – фильм 1964 года о приключениях мальчика в пионерском лагере.

«Как интересно и весело смотреть фильм “Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен” о пионерском лагере, о смешных и серьёзных злоключениях ребят, попавших под начало чиновника-бюрократа» (Эренграсс, 1977, 101).

«**ДОБРОЕ УТРО**» – двухнедельный детский журнал, издававшийся К.С. Деевой в Москве в 1909–1918 гг. С февр. 1918 г. стал выходить выпусками, объединяющими несколько номеров, всего вышло шесть выпусков.

«Авторы и редакция детского журнала стремились уберечь детей от политики. Журнал рассчитан на читателя, отгороженного от мира стенами уютной детской, поэтому... разговор ведется о рождестве и пасхе, о несчастных сиротках и трудолюбивых бедняках, о кошечках и собачках и т. п.» (Колесова, 1993, 39–40).

«**ДОГОНИ МЕНЯ, КИРПИЧ**» – название игры типа «чуханка» или фраза, имитирующая (эту) игру и призывающая разойтись.

О 1993–1995 гг. в г. Завитинске Амурской области: «В возрасте 8–10 лет, когда играть было неохота и просто так слонялись по двору, либо когда подходило время, когда должны были родители загонять домой, один предлагал: “Давайте поиграем в игру “Догони меня, кирпич!” Первый кидает и больше не играю”» (107).

О 1996 году в с. Глядянское: «В игру “Догони меня, кирпич” играют столько человек, сколько захотят. Один галящий, обычно у него в руках (как у нас было) подсолнух или тряпка какая-либо. Галящий бежит за игроками и пытается попасть тряпкой или подсолнухом в какого-либо игрока. Если попал в него, то тот становится водящим, а если нет, то играют до тех пор, пока не сменится лидер. Очень весело и забавно» (106).

ДОГОНЯЛКИ, догоняшки, догонячки – игра, аналог игры в салки.

О г. Новосибирске в 1930-е гг.: «...На площади стояла огромная деревянная трибуна для проведения парадов и демонстраций. И мы, ребяташки, не имея во дворах детских площадок, любили сюда прибегать и играть здесь в догоняшки, лазали, как обезьянки, по стенам, качались на перекладинах, прыгали по ступенькам и взвизгивали от боли при очередной занозе» (МН, 1999).

О 1941–1942 гг.: «Мы играли в чирика..., в догонялки, в третьего лишнего. ...Шла война...» (Калинин, 1988, 41).

О 1943 году: «Мама ушла, а я с Олей играл около дома в догонялки. Потом Оля съела кашу, я помог ей снять

платье с карманчиком, и она улеглась спать» (Шмерлинг, 1959, 14).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Начальная школа номер девятнадцать была маленькая, одноэтажная... Даже для учительской не нашлось отдельного помещения, и её отгородили от вестибюля фанерной стенкой. На переменах в стенку ударяются с разбегу те, кто пробует играть в догонялки» (Крапивин, 1986, 22–23).

О гонках на коньках в перв. пол. 1950-х гг.: «Один круг, второй, третий... – ничего не меняется. Бегут, как в догоняшки играют, – рывками» (Горбунов, 1956, 38).

О 1950-х гг.: «Дети... играли во дворе...; играли в догонялки, в классики, в чехарду...» (Алексеев, 1988, 116).

О нач. 1960-х гг.: «Вряд ли можно отыскать ребёнка, который никогда не играл бы в “прятки” или “догонялки”, не играл бы с мячом» (Коссаковская, 1967, 8).

О 1977–1978 и 2000 гг.: «В детском саду в старших группах играли в догонялки. Мальчики догоняли девочек. Причём, могли 2–3 мальчика догонять одну девочку, ловили её, целовали в щёки, и ввели в домик на веранду. Туда приводили пленниц и не выпускали их, охранял мальчик. Но девочки всё равно убегали из плена, и игра повторялась вновь. Причём, я не помню, чтобы девочки догоняли мальчиков. В этом году я увидела ту же самую игру у детей старших групп детского сада. Девочки визжали, кричали, громко смеялись. Мальчики их догоняли, целовали, ввели в домик...» (590).

См. также: *Догонялки*.

ДОГОНЯЧКИ – см.: *Догонялки*.

О нач. XX в.: «...Тогда поиграют. Между поленицами побегают: и в хоронячки, и в догонячки – по-всякому» (Павлова, 1980, 175).

О 1950-х гг.: «Игры с мячом, лапта, “цыганская лапта”, “хоронички”, “догонячки”, “стрелы”, “казаки-разбойники” – в них постоянно уходили наши силовые заряды» (Кашарма, 2000).

ДОГОНЯШКИ – см.: *Догонялки*.

ДОЖДЬ – «Атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды» (Словарь, 1993–4, 312).

Бегать под дождем.

О девочке во второй половине 1930-х гг. в Шадринске: «Ещё любили мы дождь, игра такая была. Босиком по лужам, под дождём. У кого длинные волосы были, специально распускали» (556).

О 1942–1944 гг.: «...Я, босой, бегал под дождем и кричал на всю улицу: “Дождик, дождик, пуще!...”» (Бакинский, [1955] 1956, 403).

О 1950-х гг.: «А Настя не боится / Ни града, ни росы, / И на весёлой Насте / Лишь майка да трусы... / Мы с Настенькой не тужим – / Нам нравится тайком / Под дождиком / По лужам / Пошлёпать босиком!» (Лифшиц, 1960, 10).

См. также: «*Дождик...*».

«**ДОЖДИК...**» – начало детских закличек, обращённых к дождю (см.: *Заклички*).

О Москве во вт. пол. 1920-х гг.: «О этот примитивный дворовый дет. и полудетский фольклор! Почему он так цепко влезал в детские души, запоминался раньше и прочнее чарующих стихов и сладостных песен? Здесь, наверно, сказывалась неискусственность детской души, легко поддававшей под обаяние простейших слов, четкого ритма и чеканных рифм. Стоило закапать дождю, как дети хором декламировали стихи, наполовину им непонятные: “Дождик, дождик, перестань, / Мы поедем на Рязань, / Богу молиться, / Христу поклониться”» (Федосюк, 2004, 14).

О мальчике 6 лет в г. Мещовске Западной (ныне Калужской) обл. в 1934 г.: «Стою на... крыльце и вместе с другими мальчишками приказываю туче, что плывет по ясному небу, сея грибной дождь: “Дождик, дождик, перестань! / Я поеду в Аристань / Богу молиться, / Христу поклониться!” Кричу и чувствую, что делаю нечто запретное, неподобающее. Бог, Христос – всё как-то не по-советски» (Берестов, 1998, 550).

О 1942–1944 гг.: «За водокачкой... видны были трубы заводов, преобразивших город ещё в те дни, когда я, босой, бегал под дождем и кричал на всю улицу:

“Дождик, дождик, пуще!...”» (Бакинский, [1955] 1956, 403).

О с. Архангельском бывш. Уфимской губ. в 1944–1945 гг.: «А забав и песенок, что зерна в колхозном амбаре, хранила Архангелка, мы припевали и приплясывали с нею вместе: “Гори-гори ясно, чтобы не погасло... Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои...” И по топким теплым лужицам бежали за дождем, тянули к солнцу руки: “Дождик, дождик, перестань, мы поедем в Иордань, Богу молиться, Христу поклониться... А у Бога струята, открывает ворота ключиком-замочком, шелковым платочком...” Слова и музыка народные, в книжках не встречались...» (Сотникова-Ратнер, 2007).

О г. Свердловске в середине 1960-х гг.: «Мы играем с Нелькой и другими девчонками у колонки. День жаркий, солнечный. Вдруг небо заволочилось тучами, и пошёл дождь. Девчонки завизжали и разбежались... Струи дождя пляшут по асфальту около колонки, а под струями пляшем мы с Нелькой – обе босые, в прилипших к телу платьях, и припеваем: “Дождик, дождик, пуще! / Дам тебе гущи, / Хлеба каравай, / Весь день поливай!”» (Смирнова, 2005).

О девочке 7 лет в г. Лянторе в 1993 г.: «Во дворе с ребятами, когда мы хотели, чтобы пошёл дождь, мы все вместе с ребятами брались за руки и вставали вокруг, прыгали и кричали: “Дождик, лей, лей, чтоб было веселей” или “Дождик, лей, лей, никого не жалеи!”» (015).

«**ДОЖИВЁМ до понедельника**» – худ. фильм (1968 г., авт. сцен. – Георгий Полонский, режиссер – Станислав Ростоцкий). Прокат 1968 г. – 31 млн. зрителей, лучший фильм 1968 года по опросу журнала «Советский экран», гл. приз VI Междунар. кинофестиваля в Москве (1969), Гос. премия СССР (1970).

В школе работает учительницей английского языка бывшая выпускница, Наташа Горелова (актриса И. Печерникова). В этой же школе работает учителем истории Мельников (актер В. Тихонов).

О нач. 1970-х гг.: «Вы помните, как по два или по три раза бегали старшеклассники на “школьную” кинокартину “Доживём до понедельника”? Как бурно обсуждали, как волновались и спорили? Потому что им показали жизнь не только из класса, но и из учительской, показали с доверием и откровенностью» (Линкова, 1975, 53).

ДОЙЛЬ – Артур Конан Дойль, английский писатель, автор повестей и рассказов о сыщике Шерлоке Холмсе.

О 1910-х гг.: «...В детстве перечитал я всего Жюль Верна, Томаса Майн Рида, Жаколио, Буссенара, Александра Дюма, не говоря уже о рассказах Артура Конан-Дойля о Шерлоке Холмсе» (Гунии, 1984, 60).

Об опросе 265 детей 12–15 лет в Ярославле в 1997 году: «Любимыми авторами книг по данному опросу оказались: В. Каверин..., Э. По..., Ж. Верн..., В. Крапивин..., К. Льюис..., А. Конан Дойль, М. Рид... Большинство из этих книг традиционно любимы детской аудиторией...» (Олейников, 1998, 56).

«**ДОКТОР**» – ролевая игра детей, примерно то же, что игра в больницу (см.: *Больница*).

Из брошюры о половом воспитании детей: «В дошк. возрасте у детей наблюдаются игры с сексуальным содержанием. Дети играют, например, в “дочки-матери”, “папы и мамы”, “свадьбу”, “дóктора”: делают укол, измеряют температуру, ставят клизмы» (Санюкевич, 1979, 14).

О конце 1950-х гг.: «Вот две девочки играют “в доктора”. Заранее подробно уславливаются они, что будет происходить в игре, какие слова будут произносить каждый: “А ты скажешь: “Что у вас болит?” А я скажу: “Живот”. А ты скажешь: “Раздевайтесь...” и т. д.” Таким образом, создаётся довольно точный “режиссёрский сценарий”» (Сарнов, 1961, 57).

О конце 1960-х гг.: «Люська – это моя двоюродная сестра... Она как придет к нам, так начинаю говорить, говорить, я даже слова сказать не успею... Или вот: почему она всегда доктор, когда мы играем, а я больной? Даже на 8-е Марта я был больным. А я хотел поздравить женщин, стихотворение выучил. Пришли к нам гости, все хорошо так было, весело. Двух тётенок я поздравил.

Потом вдруг пришла она. Опять говорила, говорила со всеми гостями и стихи, и не стихи им рассказывала. Наконец моя мама сказала: “Спасибо, Люсенька. Иди теперь с Мишей играй”, – и проводила нас в другую комнату. Тут Люська сразу ко мне: “Ну ложись, ты больной”. “Почему же, – спрашиваю, – я опять больной? Теперь я доктор”. “Ну что ты – доктор! Ты же командир раненый. Ты кровью затекаешь...” “Да не затекаю, а истекаю”. “Ну истекаешь. Сам же говоришь – истекаешь. Ложись!” “Нет уж. Я в прошлый раз истекал. Теперь – ты”. “Как я? В мой праздник?” Фу ты, тоже женщина! Пришлось лечь на диван. Люська завязала мне голову полотенцем, сунула карандаш под мышку. Потом накрыла байковым одеялом и ушла к гостям. Я полегал, полегал – скучно. “Люська! – кричу. – Иди, я поправляюсь! Я уже сел”. “Да что ты! – закричала она на всю комнату. – Лежи, лежи!” Потом вынула карандаш у меня из-под мышки, посмотрела и говорит испуганно: “Лежи, у тебя температура красная”. Я прямо фыркнул: “Это карандаш красный, какая тебе температура. Температура не бывает красной”. “Бывает. Что ты споришь? Ты же не доктор”. “Сними, – говорю, – одеяло! Я уж вспотел”... Тут я совсем разозлился и сбросил одеяло. Люська ахнула, как будто я разбил чашку. “А воспаление легких?” “Хватит!”... Забыла, что я командир раненый. “Ну ладно. До половины укройся. Будет воспаление живота”. – И завернула меня, как младенца. Я опять лежал. А за дверью гости смеялись... Я только хотел... выйти в столовую, а Люська как закричит: “Дядя Толя, посмотрите, он встает, а у него температура красная!” “Какая? – сказал папа. – Красная? Ну раз красная, надо лежать. Долго, брат, лежать”» (Киселева, 1972, 162–165).

О педагогической точке зрения на игру в «доктора» можно получить представление из следующего отрывка: «...Содержание игры в “доктора” различно у малышей и старших дошкольников. У малышей главным содержанием такой игры является слушание, выстукивание “больного” и различные действия с трубкой, пинцетом или шприцем. Малыши подражают гл. образом действиям взрослых людей с предметами. В сред. дошк. возрасте дети воспроизводят уже отн-ия между доктором и сестрой, доктором и больным, то есть переходят к изображению определенных отн-ий между людьми. Наконец, у старших дошкольников на перв. план выходит отображение в игре заботы доктора о больном – собственно то, что и составляет гл. функцию врача в об-ве» (МДД, 1979, 227).

На ознакомительно-эротический аспект данной игры указывают сексологи. И.С. Кон пишет: «Широко распространены среди дошкольников так называемые социосексуальные игры (в “папу-маму”, в “доктора”), в которых дети иногда демонстрируют друг другу свои гениталии, ощупывают друг друга...» (Кон, 1988, 198). В.Е. Каган отмечает, что «в таких играх, как “доктор”, “семья” дети могут увидеть тело других и показать свое, дотронуться до чужого тела и дать другим дотронуться до своего» (Каган, 1990, 16).

О с. в Ташкентской обл. в конце 1960-х гг.: «В детском саду играли в доктора. Я всегда обычно была доктором. Играющие приходили ко мне на прием, я предлагала опустить трусики и делала уколы. Может, и было бы дальше, но рядом с нами всегда были взрослые» (485).

О 1980-х гг.: «В детском саду играли в доктора. Я всегда была доктором. Играющие девочки раздевались догола, но дальше уколов не заходило» (Борисов, 2002, 131–132).

О середине 1980-х гг.: «В первую игру с обнажениями я с моими подружками или сестрами играла в 5-м классе (я была самой старшей и поэтому всегда играла роль доктора, остальные девочки были в возрасте от 7 до 9 лет). Мы обнажали или всё тело, или только его нижнюю часть. Мне очень нравилось лечить гениталии, к которым я прикладывала всевозможные листики, бинтики, трогала палочкой, поливала водой. Пациент обязательно должен был подчиняться всем требованиям врача. Потом мы менялись ролями, и я была пациентом. Мне также лечили половые органы, ставили уколы, поливая водой на

гениталии (это и был укол). Ощущения какие-то приятные, нравилось, что врач командует и заставляет, например, раздвигать ноги. Также играли в больницу и с куклами, которых тоже обнажали, ставили уколы (это были шприцы с иголками) куда только можно было. А потом еще и сами раздевались, рассматривая друг друга, особенно нижнюю часть тела. В такую игру я играла с подружкой, которая была на год меня старше» (611).

«**ДОКТОР Айболит**» – сказка К.И. Чуковского.

«Целые поколения дошкольников воспитывались, воспитываются и будут воспитываться на таких книжках, как “Рассказ о неизвестном герое” С. Маршака, “Доктор Айболит” К. Чуковского, на многих и многих книжках, которые рассказывают пяти-шестилетним о дружбе, о стойкости, о скромности» (Рубашкина, 1964, 139).

Ср.: «*Айболит*».

«**ДОКТОР Айболит**» – набор игрушечных орудий инструментов для игры в больницу (врача). См. также: *Айболит*.

О перв. пол. 1960-х гг.: «Для игр в поликлинику, парикмахерскую... выпускают спец. наборы игрушек (“Доктор Айболит”, “Маленький парикмахер”»)» (ПЭ, 1965–4, 150).

О середине 1960-х гг.: «Хорошо дети используют такие наборы, как туалетный, парикмахерский, медицинский “Доктор Айболит” и др.» (Григорьева, 1966, 37).

О детях 6–10 лет в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «В сюжетные игры мы играли на своей улице вместе с нашими мальчиками. “В больницу” – кто-нибудь из нас был врачом, остальные – “больные” (играли по очереди [роль] врача). Брали чемоданчик “доктор Айболит”, выполняли все те же действия, как у настоящего врача. Измеряли температуру, прослушивали, ставили горчичники, делали уколы, смазывали ранки, бинтовали руку или ногу» (544).

О 1970-х гг.: «...наборы игрушечных орудий и инструментов (например, наборы типа “Доктор Айболит”»)» (МДД, 1979, 150).

О середине 1980-х гг. в Шадринске: «У меня был покупной чемоданчик “Доктор Айболит”, но он мне не нравился своей ограниченностью. Он был красив закрытым, не “играющим”, было приятно его наличие, но играть с ним я особо не играла. В нём был шприц, я часто делала из этого шприца куклам укол, но меня раздражало, что нужно всё обратно складывать, словно это больничка не настоящая, а игрушечная. Этот чемоданчик напоминал мне о ненастоящности игры» (1001).

ДОКУЧНЫЕ сказки – «прибаутки или потешки, которыми стараются отвлечь детей, когда они слишком настоятельно требуют рассказывания сказок» (В.Я. Пропп).

В своем большинстве докучные сказки очень коротки: всего несколько строк. Вместо развернутого повествования – повторение одного эпизода или действия. Это нарочито бесконечное повторение одного и того же, выраженное чаще всего в форме раёшного стиха, делает рассказываемое комическим. «Жил-был царь, у царя был двор, во дворе был кол, на колу мочало. Не сказать ли сказку сначала?»; «Жил-был бычок, смоляной бочок, хвост, как мочало. Начинай сначала» (Лойтер; 1991, 83, 86).

Лит.: Мадлевская Е. Докучная сказка. // РД, 2006, 74–77.

ДОЛБИТЬ – «(выдолбить). *Школьн.* Учить что-нибудь наизусть от слова до слова, механически, без сознательного усвоения. *Я насилу выдолбил свой урок*» (Словарь, 1895, 1090); «механически повторяя, заучивать; зубрить» (Словарь, 1993–4, 338–339).

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «Маша Евграфова нанизывала фразу за фразой, и Пышка только следила за нею с открытым ртом. “Вот так хорошо! Когда это ты так выдолбила?” “Летом, я все каникулы долбила, я много параграфов так знаю, только меня сбивать не надо!” – с гордостью отвечала Маша» (Лухманова, [1903] 1997, 411).

О 1930-х гг.: «*Я тоже загружен: ...зубрю немецкий, долблю таблицу умножения и четыре правила арифметики под нетерпеливым надзором отца.*

Нагиб[ин]. Переулки моего детства» (Цит. по: Словарь, 1993–4, 339).

ДОЛЬЧИКИ – капроновые колготки с рисунком.

О Шадринске в 1992 году: «Мне было шесть лет, когда мама купила мне дольчики – белые в розовую розочку капроновые колготки. Не знаю, почему они назывались именно так и носили ли их взрослые женщины, но я была горда, что у меня есть дольчики, потому что у многих девочек они были. Дольчики носили не очень долго (примерно два года), а сейчас это понятие вообще устарело» (020).

«О девочке 4–5 лет в 1993 году в г. Когалыме Тюменской области: «Видела как сёстры старшие носят яркие (салатовые, алые, белые, черные, блестящие) дольчики» (134).

О 1997 году: «Дольчики – это капроновые плотные колготки без следков. Они были черного цвета, а также с крупным рисунком красных цветов. У меня были черные дольчики, а у моей сестры – цветные, они были не чёрные, а серые с сиреневыми цветами. Дольчики появились позднее лосин, и их носили также с юбками, платьями, футболками» (022).

«ДОМ» – импровизационно-ролевая игра. То же, что «Домик» (1).

О мальчике и девочке 5–6 лет в 1914–1915 гг.: «Проспал, якорь те в нос, – оборачивается ко мне дед. – Спать надо в штанах – всегда поспеешь. Ты уже большенький стал – голяком стыдно. Вот скажу Паланьке, – не пойдет за тебя. Что без невесты будешь делать?» Это меня не огорчает: у самой Паланьки нет штанов. За дружбу с соседской девочкой взрослые прозвали нас «женихом и невестой», и мы привыкли к этому. За баней, возле мелкого ручейка, часто играем в «дом». Я – мужик, а Паланька – баба. Из сухих стеблей бурьяна строю дом, крою лопухом, хожу на охоту, приношу полную горсть козявок. На берегу ручья у нас пашня. Выгнутой жестяной вспахал целый загон, а Паланька варит похлебку, бросая в черепок лепестки цветов. Когда паужин готов, отпрягаю лошадей, покрикнув для порядка. Садимся к черепку, но тут Паланька спохватывается: «А мы не молились!» «Некуда молиться-то». «Давай на баню». «Там черти живут». «Они ночью там бывают». Поворачиваемся к бане, крестимся на стену и паужинаем. Долог летний день, а работы невпроворот. Паланька надо выстираться, мне – запрудить мельницу, намолотить сусек муки. С мукой прибавляется еще работа: пора квашню заводить да шаньги стряпать. Так не заметишь, как день пройдет. Вот уже и вечер. Пора встречать мать с сенокоса» (Титов, 1965, 16–17).

О 8–9-летней девочке в деревне в 1932–1933 гг.: «Самое привлекательное – устроить дом из ясель. Берутся двое старых ясель, кладутся боком на небольшом расстоянии друг от друга, чтобы одно отверстие смотрело на другое, между ними стелится несколько дощечек: вот и дом готов, как полагается, из двух половин, с холодным коридором (дощечки). Коротенькие чурбачки и чурбак повыше изображают лавки и стол, несколько кирпичей – печь. Теперь нужна посуда. Тут нет чашечек с незабудками и алюминиевых кастрюлек из Мосторга, как у меня дома. Тут всё гораздо увлекательнее, потому что требует труда и воображения. Идём на задворки, где когда-то давно был зарыт мусор... В нём-то и можно всегда найти «посуду», не только глиняные, но и фарфоровые черепки. Какие узоры, цветочки, краски можно здесь найти! Сверкающие то позолотой, то цветным узором осколки служат нам чашками, а глиняные изображают горшки и миски. Нашлась посуда, надо готовить пищу. Это нетрудно: всё растёт под рукой. Между двумя листами щавеля раздавливаются несколько земляничин – вот и пирог готов, можно сажать в печь. Крошится тот же щавель в воду – получаются щи. И зеленый лук уже вон как вырос, он так вкусен, если его посолить» (Серкова, 2003, 113–114).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Мы с рождения воспитывались с мальчиками вместе. Играли в игры «магазин», «домик». В «дом» играли: был муж, жена, ребёнок. Строили домик где-нибудь на крыльце или в

кустах. Делали кровать, стол, стулья, приносили посуду, одеяла, разные тряпочки. Мама готовила обед, стирала, убирала, ходила за ребенком в садик, маленького ребенка кормила грудью, понарошку прикладывали к одежде. Папа ходил на работу, почему-то он всегда был водителем. Ребёнка отводили в садик, он там играл игрушками. Папа привозил его на машине домой. Вечером собирались, кушали и ложились спать – папа с мамой, ребенка укладывали отдельно. Когда мама ходила в положении, клали под платье подушку маленькую, привязывали. Потом рождался ребенок. Мы не знали, откуда берутся дети и как их рожают. Думала, что живот разрезают и достают ребенка» (544).

ДОМ для бумажных кукол – см.: *Тетрадь-дом для бумажных кукол*.

ДОМ малютки – специальное учреждение закрытого типа, предназначенное для воспитания детей-сирот до трёхлетнего возраста.

О 2008 г.: «В Доме малютки кузбасского города Прокопьевска 5 февраля состоялось массовое крещение детей-сирот до трех лет. Благочинный Прокопьевского округа Кемеровской и Новокузнецкой епархии протоиерей Владимир Колесников крестил 85 детей... Социологи... констатируют: Дома малютки в нашей стране не компенсируют сиротам нехватку родительского тепла, а учат их выживать. Их первый учитель – нянечка, раздраженно реагирующая на детский плач и не берущая детей на руки («чтобы не привыкали»)» (Минин, 2008, 3).

ДОМ ребёнка – специальное учреждение закрытого типа, предназначенное для воспитания детей-сирот до трёхлетнего возраста. В дом ребёнка также принимаются дети одиноких матерей. Дома ребёнка существуют с 1950-х гг.

«...В Дом ребёнка попадают не только те, от кого матери отказались в момент рождения. Мало, очень мало, но есть ведь и подкидыши – детишки, брошенные воровски, тайком, оставленные в подъезде, на вокзале, где придётся» (Овчинникова, 1983, 8).

«ДОМ-2» – телепроект, еженедельное «реалити-шоу», посвящённое построению любовных отношений между юношами и девушками (лозунг раннего периода проекта – «Построй свою любовь») выходящее на канале ТНТ с 11 мая 2004 года.

Об одиннадцатикласснице в г. Далматово в 2004 г.: ««Дом-2» я начала смотреть в конце 11 класса и смотрела регулярно. В школе мы всегда обсуждали передачу. Я очень хотела попасть на ту передачу, но мне не было 18 лет. Когда я поступила в институт, то перестала смотреть, так как ТНТ не показывало» (136).

ДОМА пионеров и школьников – внешкольные учреждения, осуществлявшие с 1920-х по 1980-е годы массовую учебно-воспитательную работу, направленную на развитие творческих интересов и индивидуальных способностей детей.

Если Дворцы пионеров открывались в столицах союзных республик, областных центрах, то Дома пионеров открывались в «нестоличных» городах и сёлах.

О первой половине 1970-х гг.: «В каждом Доме или Дворце пионеров работают различные кружки (шахматный, мат., химический, лит., авиамодельный и др.), дет. творческие объединения (музыкальные ансамбли, хоровые и танцевальные коллективы, драматические студии и т. п.), многочисленные спорт. секции. Каждый школьник может записаться в понравившийся ему кружок или секцию. Занятия в кружках и секциях ведут опытные педагоги, специалисты и тренеры.

В Доме пионеров организуются и проводятся пионерские праздники, слёты, конференции, смотры, конкурсы, выставки дет. творчества, олимпиады по предметам шк. программы, военно-спорт. игры, туристические походы... Дома и Дворцы пионеров являются организаци. и методич. центрами массовой внешк. учеб.-восп. работы с учащимися. Они оказывают методич. помощь вожатым, старшим пионервожатым и учителям» (Денисова, 1978, 105–107).

О Шадринске в 1988–1989 гг.: «Дом пионеров и школьников. Прохладное ощущение при воспоминании этого учреждения. Меня принимали там в пионеры. Это была какая-то особая честь – быть принятым в пионеры не в своей школе, а в доме пионеров... Заходила я с кем-то по пути в дом пионеров еще раз. Там были очень старые дощатые, вытертые ногами, временем, уже без краски полы, полутёмные большие коридоры, крашенные до половины стены. Там был уютный дух, но мне там не понравилось. Там занимались балльными танцами девочки. Я загорелась – тоже хочу учиться танцевать, но меня напугала серьёзность этого здания, его тяжесть. Больше я там не была» (1001).

ДОМАШНЕЕ задание – «уроки», учебное задание, которое учащийся должен выполнить самостоятельно после классных занятий.

О 1970-х гг.: «Уроки, или домашние задания, задаются школьникам каждый день. В группах продлённого дня дети делают уроки в присутствии педагога-воспитателя, к которому они могут обратиться за помощью, если урок показался им трудным. Письменные уроки делаются в тетрадях для домашних заданий. Эти тетради регулярно берут на проверку учителя. Выполнение устных уроков проверяется при опросе» (Денисова, 1978, 207).

ДОМАШНЕЕ обучение – обучение детей с серьёзными заболеваниями вне школы, в домашних условиях; дом. обучение осуществляется либо в школах надомного обучения, либо в форме индивидуального обучения на дому.

О 2000-х гг.: «...Можно учиться, не ходя в школу. И совершенно на законных основаниях – причем способов для этого множество... Домашнее обучение – вариант для серьёзно больных детей. Преподаватели из школы приходят на дом, поэтому нужна справка из поликлиники. Как правило, врачи дают её крайне неохотно, руководствуясь перечнем болезней, дающих право на надомное обучение. Суть дом. обучения в том, что к ребенку прикрепляют учителя из ближайшей школы, который даёт ему уроки по основным предметам – 10 часов в неделю. Часть предметов родители должны преподавать сами... или нанимать педагога. Больше возможностей в этом смысле дают школы надомного обучения. Дети могут приходить туда для занятий в малых классах, когда это позволяет состояние их здоровья» (Лукьянова, 2007, 63).

Ср.: Семейное обучение.

ДОМАШНИЕ концерты, спектакли – представления, которые дети по своей инициативе устраивают для родителей, сверстников, гостей.

О середине 1960-х гг.: «В театр можно играть и без игрушек – дети сами становятся в нём действующими лицами... К сожалению, “домашние спектакли” в наше время почти исчезли, а было время, когда во многих семьях устраивались такие представления и в них участвовали дети» (Коссаковская, 1967, 71).

О 1984–1987 гг.: «[В 6–7 лет] ...у меня уже были сестры и я с ними играла... Средней сестре было 3 года, а младший уже 1 год. Еще одним интересным занятием для нас было устройство концерта. Мы включали проигрыватель с грампластинками, любимой пластинкой была “Кот Леопольд и мыши”. Мы одевались в одеяла, натягивали на себя какие-то тряпки. Я была всегда Котом и мышами одновременно. Пели под пластинку. Когда уже немного подросли, мы устраивали другие концерты. Уже распределяли роли. Младшей сестре было 4 года, средней – 6 лет, а мне 10 лет. На наших концертах присутствовали родители, в основном мама, так как папа постоянно был на работе. Одевались соответственно ролям, рисовали усы. Взлохмачивали себе волосы. Бедная мама, она, наверное, ужасно уставала слушать наши “незабываемые концерты”. Прослушав сказку “Про Красную шапочку”, мы её проигрывали, сами того не осознавая. Я была бабушкой, надевала мамин розовый халат, на голову повязывала белый платок и старые очки. Девочки были: кто Красной шапочкой – в основном была Лена, так как она была младшей, а средняя – была Волком. Но, как правило, строгого сюжета сказки мы не придерживались. Бывало, что неудовлетворённые

сказанными словами, мы прекращали игру. В основном это делала я по праву старшей, придумывала разные отговорки, сёстры верили мне, а позже, когда выяснялось, они вредничали» (537).

О девочке 12 лет в Шадринске в 1999 г.: «Когда мне было 12 лет, я очень любила устраивать “домашний театр”, но делала я это не одна, а с моей подругой Алесей и её братом Алексеем. Мы очень часто ставили ширму (настоящую), придумывали декорации – это могли быть новогодние гирлянды, фантики от конфет и т. п. В основном, мы показывали спектакли для родителей, просили их сесть на диван, напротив “сцены” и целый час показывали им представление; иногда это затягивалось на целый вечер. Придумывали мы в качестве сюжета сказки, и они всегда были музыкальные. Алеся хорошо танцует, а я умею играть на фортепьяно. И вот, например, во время нашего спектакля, обыгрывая сюжет, мы обязательно использовали наши умения – пели, танцевали. Одевались мы в те вещи, которые были у Алеся дома. Чаще всего брали её вещи, потому что спектакли проходили у неё дома, они были спонтанными, и поэтому я не приносила свои вещи, так как даже не знала, что вечером будет представление. За 15 минут до начала спектакля мы придумывали сюжет и без заминки и ошибок, с удовольствием его исполняли, а еще и импровизировали на ходу. Одежда была разная: юбки, брюки, топы, блузки, но обязательно летние. Дома зимой было холодно, и родители ругались, что мы так легко одевались, ведь летние вещи ярче и наряднее. Ещё Алеся занималась в танц. студии, и у неё были костюмы для танцев, все блестящие и красивые, которые тоже мы использовали. Мы обязательно брали мамину косметичку, и как сейчас помню, красились ярко и не совсем аккуратно, но нам нравилось и так! Брата её мы чаще наряжали зайчиком, волком или другими животными, иногда и женского рода – например, белка, ворона и т. п. но ему это нравилось, он не обижался. Наоборот, за каждую роль мы так спорили, что даже обижались, если кому-то доставалось больше персонажей и слов. Родители были в восторге после каждого спектакля! А мы, проведя один спектакль, уже придумывали, приморно задумывали, что будем делать в следующий раз» (135).

ДОМАШНЯЯ работа – выполненное домашнее задание.

О начале 1950-х гг.: «Не сдал он в понедельник / Домашнюю работу, / Она кричит: – Бездельник! / Не сдал он и в субботу!» (Барто, [1955] 1969–1, 249).

«ДОМИК» – 1. Импрвизиационно-сюжетная ролевая игра, преимущественно девичья. То же, что «Дом».

О пос. Лебяжье в конце 1980-х гг. – нач. 1990-х гг.: «Я очень в детстве любила играть со своими подругами в “домик”. Мы делали его на сеновале. Всё там прибирали, сделали стол из старого ящика, из сена – кровать. Повесили зеркало, на пол [положили] половики, из коробки сделали газовую плиту. Посуда у нас была пластмассовая, кукольная. Мы представляли, что мы уже взрослые и это наш дом. Я была мамой, а моя сестра – дочерью. Я варила суп. Вместо продуктов у нас было всё, что найдём на улице, например, вместо картошки у нас был мелкий щецень, вместо муки – песок, трава у нас была вместо лука и т. д. Конечно, всё это мы ели не по правде, а только делали вид. Я ходила в магазин, дочь уводила в садик, потом когда все дома делала, я её как бы забирала» (458)

О с. Крутиха в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Наверное, моя самая любимая игра в детстве, да что “наверное”, это – правда. Я могла целыми днями играть, забывая обо всем! В комнате или где-то на улице выбиралось место, где устраивался своеобразный домик, с кухней, залом. Если это было летом, то ставились вазы с цветами. И начиналась игра, при этом я могла играть и одна и с подругами, мы ходили в “магазины”, “варили”, “готовили еду” и “прибирались в доме”. Самая любимая игра, так как эта была даже не игра в жизнь, а сама жизнь!» (451).

О ст. Макушино в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Зимой, этой же компанией мы любили играть в

“домики”. Играли до класса 5–6. Мы брали лопаты и строили в палисаднике из снега, подручного материала (досок, палок) с крышей “дома”, в которых можно было ходить в полный рост. Мы играли в “семью” в этих домиках, представляя себя героями Уолта Диснея. Еще мы любили замуровывать кого-нибудь в этих домах. Кто-то из нас заходил туда, остальные закидывали дверь снегом. Потом этого человека откапывали (вернее откапывали дверь)» (528).

«**ДОМИК**» – 2. Деревянное сооружение в виде дома (четыре стены с окнами и крыша) для игры детей (во дворах или дет. садах). Судя по статье Н.Носова, опубликованной в 1950-х – 1960-х гг. (точная дата публикации неизвестна) в названные годы эти домики во дворах уже существовали: «В последние годы строительство ведется у нас чаще всего не отд. зданиями, а целыми кварталами, районами или микрорайонами. И у каждого дома теперь обязательны и ярко раскрашенная беседка, ... и деревянная горка. А некоторые доходят даже до того, что по собственной инициативе устраивают сверх плана еще крошечные, миниатюрные фанерные домики размером чуть побольше пчелиного улья и до того симпатичные, представьте себе, что некоторые детишки способны просиживать в них чуть ли не по целым дням. Попробуйте заглянуть в какой-нибудь из этих очаровательных уголков через год-полтора – и вашему взору представится менее живописная картина... Двери и окна домиков грубо заколочены крест-накрест досками...» (Носов, 1982–4, 426–427).

ДОМИК для бумажных кукол – см.: *Тетрадь-дом для бумажных кукол*.

ДОМИНО – «игра в двадцать восемь костей с очками и самый набор костяшек для этой игры» (Словарь, 1895, 1105–1106); «настольная игра, состоящая в последовательном выставлении пластинок, на лицевой стороне которых нанесены очки» (Словарь, 1994–3, 364).

О 1890-х гг.: «[Жорж глухой,] как пробка, – ответил [Маше] Андрюша. – Сейчас будет играть в домино, садитесь рядом со мной”. Весь вечер они дружили и вместе играли. Разделились на партии: Нюша – с Леной, Маша – с Андрюшей, а Жорж – сам с собой» (Шагинян, 1959, 82–83).

О середине 1960-х гг.: «Ведь случается, что ребята, по примеру старших, часами играют в домино, как они говорят, “забивают козла”...» (Низова, 1967, 100).

ДОМ-КОММУНА – Детский дом-интернат (в первые годы Советской власти). «Подростком ушёл из семьи в дом-коммуна, детский городок имени III Интернационала, Володя Векслер» (Юность, 1969, № 11 – С. 91; цит. по: Мокиенко, 1998, 176).

ДОМКОР – домовый корреспондент.

О 1924–1925 гг.: «У газет теперь были свои постоянные корреспонденты – пикоры, школкоры (школьные корреспонденты), домкоры (домовые корреспонденты), сельпикоры...» (Вишневская, 1972, 83).

См.: *Пикор*.

«**ДОМОВЁНОК Кузя**» – мультфильм о домовёнке Кузе, живущем в городской квартире и подружившемся с девочкой.

«Мультфильм “Домовёнок Кузя” я смотрела в любом возрасте. Мне очень симпатичен этот герой. Я хотела, чтобы он в одной из серий стал чистым и опрятным, жил спокойно, как Нафаня» (105).

О 1995–1996 гг. в г. Завитинске Амурской области: «Мультфильм “Домовёнок Кузя” посмотрела впервые в 10–11 лет. Мультик очень понравился, к тому же мама говорила, что в каждом доме есть свой домовый. И мне хотелось также подружиться с домовёнком, как девочка из мультика» (107).

О середине 1990-х годов в г. Шадринске: «Когда я была в возрасте 6–10 лет, я очень любила мультфильм “Домовёнок Кузя” о домовом и воображала, что у меня в квартире живет такой же домовёнок» (132).

О 1995–1998 гг. в г. Шадринске: «Когда мне было 9–12 лет, я любила смотреть мультик “Домовёнок Кузя”, где мне нравилась Баба-Яга. Она была очень страшная» (112).

ДОМОВОДСТВО – учебный предмет, вводящий учащихся в круг знаний и умений в области хозяйственно-бытового труда.

Из доклада нар. комиссара просвещения 2 августа 1943 г.: «В женских же школах следовало бы отвести часы для обучения девочек рукоделию и домоводству...» (Потёмкин, [1943] 1947, 178).

Учебный предмет «домоводство» существовал с конца 1950-х гг. до 1967 года: в 1–4 классах – для мальчиков и девочек, а в 5–8 классах – только для девочек. С 1967–1968 учебного года предмет стал называться «Обслуживающий труд».

Ист.: ПС, 1960–1, 352; ТВПО, 1968, 75; СВ, 1967, 66.

О начале 1960-х гг.: «К тому же она потеряла весь свой авторитет и все её стали называть Оля-мода... А дружить с ней девочки начали только тогда, когда учительница по домоводству объявила, что Оля хорошо шьёт и что у неё хозяйственные способности» (Чеповецкий, 1962, 35).

О первой половине 1960-х гг.: «Домоводство – круг дел, связанных с повседневной жизнью и бытом семьи. Это – соблюдение гигиены жилища, оказание помощи медицинской помощи, заготовка продуктов и приготовление пищи, кройка и шитье, уход за домашними растениями и животными, всевозможные работы по хозяйству: стирка, крашение, удаление пятен, чистка, штопка и т. д... Школа учит детей домоводству на специальных уроках. В I–IV классах эти уроки проводятся со всеми детьми – мальчиками и девочками, в V–VIII – только с девочками. Они изучают главным образом кройку и шитье» (СВ, 1967, 66).

О первой половине 1960-х гг.: «На последнем уроке у нас было домоводство. Для занятий по домоводству в школе – спец. класс. Там две газовые плиты и буфет с посудой, а посреди комнаты – длинный стол. На уроке мы сидим по обе стороны этого стола, друг против друга... Наша учительница домоводства Миля Степановна – странная женщина. Она очень серьезно нас учит, как готовить разные блюда и сервировать стол, и шить, и всё это она очень хорошо знает, но разговаривает она так, как будто в жизни не читала никаких книг... Ребята её любят. Даже мальчишки ходят на её уроки и тихо сидят, хотя им домоводство учить не обязательно. Сегодня у нас, по словам Миля Степановны, основной вопрос домоводства на Украине: как готовить вареники с творогом. Все наши девочки принесли в школу по сырому яйцу, немного творога и муки. Миля Степановна засучила рукава и принялась за тесто. “Смотрите, – говорила она, – в муке делается вот такое углубление, а в него наливают воду и сырые яйца...” До чего же красиво все это получалось у Миля Степановны! Толстая, румяная, веселая, она все это показывала с таким удовольствием, и так ловко всё у неё выходило, что нашим девочкам хотелось уже скорей самим приняться за тесто для вареников» (Киселев, [1966] 1969, 130–131).

О г. Челябинске в 1985 г.: «Я училась в 6-м классе. Трудовое обучение... всегда было разделено “по половому признаку”: мальчики изучали столярное дело и слесарили, девочки постигали азы домоводства: шили из ситца на швейных машинках трусы, косынки и учились кашеварить. Сначала готовили омлет и варили макароны, потом какой-нибудь супчик, а уж после переходили к выпечке тортов. Продукты для уроков домоводства приносили из дома, распределяла заранее, кто позаботится о сахаре, кто захватит муку, кто сливочное масло. Времена тогда были полуголодные, продукты в дефиците. Потому родители для уроков труда давали их неохотно» (Пегова, 2007, 6).

О девочке-подростке в селе Мальцево Шадринского района в 1996–2002 гг.: «Когда я училась в 5–10 классах, у нас был предмет “Труды”. У мальчиков он так и назывался (труды), а у девочек это было “домоводство”. Там мы учились шить, вязать спицами, крючком, вышивать, готовить пищу, делать различные поделки, подарки и т. п.» (019).

ДОМОВОЙ – «дух, живущий, по мнению простого народа, в домах и смотрящий за домом» (Словарь, 1895,

1107); «по суеверным представлениям – добрый или злой дух, живущий в доме» (Словарь, 1993–4, 367).

Запугивать детей домовым.

О нач. XX в.: «Самым распространенным методом воспитания ребенка в старое время было запугивание. Запугивали все: дедушка и бабушка, отец и мать, дядюшка и тетюшка, сосед и соседка. “Тише, сейчас домового позову”, – обычно слышал расшалившийся ребенок от взрослого. “А где он, домового-то?”, спрашивает малыш. “На чердаке. Вот если ещё раз забалуешься, – он заберет тебя, отнесет к бабе-яге. Она тебя будет в ступу запрягать, помелом погонять”. После таких угроз ребенок сразу притихает» (Володяева, 1960, 29).

Вызывать домового – см.: Вызывания.

О 1989 г.: «Когда я была маленькой (9 лет), мы с сестрой были в пионерском лагере. И там мы вызывали всякую нечисть. Например, бабку-матершинницу... Ещё мы вызывали домового. Оставляли открытой зубную пасту, и потом по всему полу были следы домового этой пастой, а паста была вся выдавлена» (483).

О г. Кировграде Свердловской обл. в середине 1990-х гг.: «Проверяли, есть ли дома домовая. Брали шесть новых карандашей, складывали из них прямоугольник (карандаши между собой соприкасались). Гадали вдвоём, сидя напротив друг друга. Каждый держал по три карандаша. Домового спрашивали о чём-нибудь, карандаши расходились в стороны или поднимались вверх. Если в стороны, то ответ отрицательный, если вверх – положительный» (573).

О селе Ольховка Шадринского района в 1998–2002 гг.: «Вызывали домового в 13–17 лет. Я и мои подружки делали так: брали чистый лист бумаги, не менее 10 x 10 сантиметров. Расчерчивали циркулем либо от руки круг. По линии круга писали алфавит от А до Я полностью. В центре круга писались цифры от 0 до 9 и два слова: “да”, “нет”. Затем брали иголку с вдетой в неё недлинной ниткой. Острием ставили в центр круга. В комнате, где вызывали, не должно было быть кошек. Волосы расплетены, обувь снята. Ставили зажженную свечу, выключали свет. Необходимо было настроиться серьезно, иначе, считалось, что мы можем разгневать домового усмешками и шумом. Когда все было готово, брали за кончик нитки и задавали любые вопросы, например: “Как меня зовут?”, “Сколько мне лет?”, а также спрашивали “Как его (домового) зовут?”, “Кто он: мальчик или девочка?”, “Сколько ему лет?”, “Любит ли он нас?”, “Устал ли он?” и др. Нельзя было много его спрашивать, так как он мог утомиться и наврать. Но, что удивительно, на вопрос, например, “Как меня зовут?” иголка двигалась по буквам НАТАША. Когда гадали первый раз, и нитка с иголкой стала двигаться, то было немного жутко. Тот, кто не держал иголку, а только наблюдал за происходящим, не верил в её неестественное движение. Помню, что вызывать домового меня научила моя школьная подруга, хотя мы вместе никогда не вызывали его» (009).

«ДОН-ДОН, ДЕРРИ...», «Бен Бэм джури», «Дон, дон, дари...», «День-день-дари...» – игра с хлопками в ладоши под речитатив.

О перв. пол. 1980-х гг.: «Игра с хлопками. “Бен Бэм джури / Бэм Бэм о джури джури / Шанту дазе / Манту о даза дазе / О ю мери, ою(не помню) / Ою мери ою джи джи / Ака-дака сеньорита / А ка дака Лоурен / Ака-дака сеньорита / А ка дака Лоурен / I love you. / Я тебя люблю»» (499).

Записано от девочки 12 лет в г. Иркутске в 1999–2000 гг.: [1 вариант] «День-день-дари, / Дари-дари-дари. / Чап-чеп-беби, / Ча-ча-беби-Мексика. / Джими-джими-Ягуа, / Джими-джими-Гури. / Джими-джими-Ягуа, / Джими-джими-Гури. / Аи, роби-роби, / Аи, роби-са, / Аи, роби-роби, / Аи, роби-са. / Джими-ача, / Кукарача!»; [2 вариант] «Дон-дон-дари, / Дари-дон-дон. / Дон-дон-дари, / Дари-дон-дон. / А ром-беби, / А ром-беби-Мексика. / А ром-беби, / А ром-беби-Мексика. / Саша-пепи, / Саша-пепи-са, / Саша-пепи, / Саша-пепи-са. / Антики-бантики, / А-я-яй. / Антики-бантики, / О-ё-ёй. / Антики-бантики, / Пи-о-нер, / Антики-бантики, / Буква “Т”, / Антики-бантики, / Ка-ра-те» (Назаркин, 2006, 92).

«С этой игрой я познакомилась в 2004 г. в Свердловской обл., в лагере “Рассветный”, когда работала там вожатой. Два человека становятся друг против друга и говорят следующие слова, сопровождая их движениями. Но движения я не помню, поэтому приведу в пример только слова: “Дон-дон, дерри, / А дерри-дерри; дон-дон, / Санчо с Бейби, а / Санчо с Бейби – пепси-кола, / Джими-Джими-Яго, / А Яго-Яго-уж, / В траве сидела саранча / И пела песенку ча-ча, ча-ча”. Затем играющие поворачиваются друг к другу спиной и загадывают желания, вытянув при этом руки перед собой и совершая ножничные движения. И каждый говорит друг другу: “Стоп” – то есть когда нужно остановить руки в том же положении, в каком они были на тот момент. Затем поворачиваются друг к другу лицом, и берут друг друга за руки. Если затем можно руки разъединить, то желание сбывается, а если – нет, то не сбывается» (027).

«ДОН, ДОН, ДАРИ...» – см.: «Дон, дон, дерри...»

ДОПРИЗЫВНОЕ обучение – обучение основам военного дела в образовательных учреждениях.

Допризывное военное обучение было введено в средних учебных заведениях в середине 1910-х годов, во время первой мировой войны. «...Немалую роль в смысле и физической, и психологической подготовки учащейся молодежи к войне сыграло допризывное обучение, введенное во многих средних школах во время Великой Войны. Несмотря на то, что в большинстве случаев дело ограничивалось обучением пешему строю и ружейным приемам (иногда также стрельбе), впоследствии, во время гражданской войны, вновь поступившие добровольцы, прошедшие допризывную подготовку, сразу выделялись среди своих вполне штатских товарищей и внешним видом, и дисциплинированностью. Нет никакого сомнения в том, что с гос. точки зрения введение допризывного обучения в сред. школах было очень удачным мероприятием императорского правительства» (Раевский, 1992, 48–49).

«ДОРОГА уходит в даль...» – автобиографическая трилогия (1956–1961) А.Я. Бруштейн.

«Бруштейн Александра Яковлевна (1884–1968). Родилась в Прибалтике, в семье врача Я.Е. Яновского, широко образованного человека, неутомимого труженика, образ которого стал центром трилогии “Дорога уходит в даль”... Наиболее значительные её произведения для детей среднего и старшего возраста – повести “Дорога уходит в даль” (1956), “В рассветный час” (1958) и “Весна” (1961), составляющие автобиографич. трилогию. В центре повествования – мир детства Сашеньки Яновской... Трилогия воссоздаёт биографию и моральный облик поколения, сформировавшегося в последние годы XIX – начале XX в.... Особую объёмность, точность, живость придаёт книге безошибочно найденный стиль повествования... Две точки зрения как бы переплетаются: одна принадлежит Сашеньке Яновской, другая – Александре Бруштейн, оценивающей давно пережитое во второй половине XX в. Роман – не воспоминание, монологу девятилетней девочки сохраняют все приметы прямой речи. Но иногда внутри одного эпизода интонация меняется и раздаётся другой голос много пережившего и познавшего человека» (Данилкина, 1997, 78–79).

О середине 1960-х гг.: «Тепло были встречены юными читателями роман М. Прилежаевой “Под северным небом”..., повесть В. Осевой “Динка”, книга А. Бруштейн “Дорога уходит в даль”, ист. повести С. Алексева...» (Мотышов, 1967, 15–16).

О конце 1970-х гг.: «А письма 10–12-летних, присылаемые в Дом дет. книги, помогают проникнуть непосредственно в сферу читательских переживаний. Особенно откровенны письма девочек. “Когда я прочитала книгу “Дорога уходит в даль” (А. Бруштейн), – пишет, например, двенадцатилетняя Таня из г. Видное, – мне просто стало необходимо поделиться с кем-нибудь своими чувствами. Это прекрасная книга! Я смеялась вместе с героями этой книги и вместе с ними огорчалась. Мне очень хотелось бы побывать в том времени и увидеть Сашу Яновскую, познакомиться с... (перечислено много персонажей. – Э. С.). ...Пока я читала эту

книгу, я многое поняла. Мои чувства вряд ли можно передать словами. У меня в голове настоящий муравейник. Я больше ничего не могу понять, то, что со мной творится, нельзя передать словами» (Сандалова, 1982, 7).

Автор словаря неоднократно читал и перечитывал трилогию в конце 1970-х гг. – начале 1980-х гг.

ДОРТУАР – «(фр. от глагола *dormir* спать). Общая спальня в воспитательных заведениях» (Словарь, 1895, 1133).

О 1870-х гг.: «“...В пансионе, когда я училась, как сейчас помню: раз утром мы одевались в дортуаре...”» (Шереметьева, [1946] 1982, 114).

Об институте благородных девиц во вт. пол. 1880-х гг.: «После чая мы поднялись... в четвёртый этаж и вошли в дортуар, как называлась в институте спальня. Это была длинная комната, в которой спали два класса, шестой и седьмой, и в конце которого находились двери в комнаты классных дам и ширмы, отгораживающие от нас постели дежурных пепиньерок. С другой стороны к дортуару прилегал небольшая комната, где был устроен медный жёлоб для умыванья, с дюжиной кранов. Тут же стояли комоды с выдвигаемыми ящиками, в которых дортуарные девушки устраивали себе на ночь постель» (Чарская, 1910, 127).

О Харьковском институте благородных девиц в 1915 году: «Нам велют постройться в пары и идти спать. По извилистой каменной лестнице мы поднялись вверх и оказались в дортуарном коридоре. Дортуар – огромная комната. Посередине, изголовье к изголовью, два ряда кроватей. Вдоль внутренней стены еще кровати. Между кроватями небольшие тумбочки для умывальных принадлежностей, ночной обуви и других мелочей. В ногах у каждой кровати табуретка, на которую мы должны аккуратно сложить дневную одежду» (Морозова, [1994] 2001, 398).

ДОСКА – 1. «Плоский с обеих сторон кусок дерева небольшой толщины, выпиленный или вытесанный из бревна» (Словарь, 1954–3, 1020).

Прыгать на доске.

О 1930-х гг.: «Многие из наших детских игр давно вымерли. Например, прыжки на доске. На довольно высокую поперечину (сантиметров 25) кладется длинная прочная доска, и каждый из двух играющих, прыгая на свой конец доски, высоко подбрасывает другого. Тот, опускаясь, должен точно попасть ногами на свой конец доски и силой падения подбросить в свою очередь партнера. И так – подолгу. Прямо цирковой номер! А тогда такие доски встречались на каждом шагу, и прыгали на них в основном девочки...» (Санников, 2001).

О 1940-х гг.: «Из ребячьих игр вспоминаю хождение в крапиве и “гигантские шаги”... Но прыганье на гибкой доске было самой распространённой игрой. Некоторые девчонки скакали уже и взрослыми, ломали ноги или руки» (Белов, 2005–1).

О конце 1940-х гг.: «Возле площадки у сараев нам было... [удобно] скакать на доске. Находили среди привезённых на топливо хорошую ровную, не толстую, не тонкую, без сучков и перекосов дощечку, клали на бугорок, подложив ещё по желанию доску или несколько. Получалось вроде весов. Двое вставали по краям. Один давал небольшой толчок, второй, подпрыгнув, ударял посильнее, взлетал то один, то другой. Чем длиннее доска, чем выше она поставлена, тем дальше подлетали, тем интереснее. Руки в стороны, как крылья, невольный вскрик – ух! Стук доски – ты вниз, но уже готова снова взлететь. Упавшего сменяет поджидающий, и так, пока не надоест, или пока не поломается доска» (Казарма, 2000).

О начале 1950-х гг.: «А прыжки на доске! Следи за ритмом, подскочив, держи равновесие, приземляйся точно – не сорвись. Подлетая, чувствуешь упругость своего тела, упругость воздуха, блаженство взлёта» (Казарма, 2000).

О Перми 1961 года: «А то затевали строить ходули. Качели. Подкидные доски – как они прыгали, наши парни, на этих досках: выше облаков!» (Киршин, 2002).

О перв. пол. 1960-х гг.: «С риском быть пойманными мы бежали... с доской в руках, охранники кричали

вслед... Доски эти нам были нужны позарез... Весной... мы... устраивали себе на радость отличный спортивный снаряд: середину доски клали на плоский камень, становились на край и взлетали высоко в небо, стараясь точно опуститься на свой край доски и как можно сильнее ударить по ней ногами. Кто первым слетал с доски, тот и был проигравшим» (Казарма, 2000).

ДОСКА – 2. «...Пластина, плита специального назначения» (Словарь, 1999–4, 411).

Грифельная доска – «[Доска,] на которой пишут грифелем» (Словарь, 1895, 1136); «Грифельная, аспидная доска – пластинка из аспидного сланца, на которой пишут грифелем» (Словарь, 1954–3, 1021). См.: *Грифельная доска.*

Золотая доска – «Особо оформленная (часто мраморная) доска с именами лучших учеников» (Словарь, 1954–3, 1021); «Устар. Особо оформленная (обычно мраморная) доска с именами лучших учеников гимназии, лицея и т. п.» (Словарь, 1993–4, 412).

Классная доска – «окрашенная чёрною краскою на подставке или висящая (стенная) доска, на которой пишут мелом» (Словарь, 1895, 1137); «широкая чёрная доска, на которой пишут мелом» (Словарь, 1954–3, 1020); «Приспособление в виде щита, используемое обычно в учебных заведениях для письма мелом» (Словарь, 1993–4, 411).

О 1860-х гг.: «Классная доска сделана столяром из дерева и выкрашена чёрной краской. Она имеет четырёхугольную форму, стоит на раздвижных ножках или висит на стене. Классная доска всегда остается в классе. На ней пишут мелом» (Ушинский, [1864] 1949–6, 114).

О гимназии в Саратове в конце 1890-х гг.: «Классные доски были больших размеров, на стойках и в раме, и их можно было повернуть на другую сторону, если не хватало места для писания. Бывало и так, что за преподавателя на доске писал один из учеников» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

О женской гимназии в нач. XX в.: «За спиной Чижа выстроились две большие черные доски. Чиж вызывает сразу четырех девочек. Две доказывают теоремы перед классом, а две – по другую сторону досок – раздумывают и чертят. А потом доски поворачивают, и вторая пара отвечает перед классом урок» (Будогоская, [1929] 1988, 16).

О нач. 1950-х гг.: «Стала классная доска / Глаже и черней: / Не написано пока / Ничего на ней... / Отдохнув за много дней, / Оживёт доска, / И появится на ней / Первая строка» (Маршак, 1953, 218–219).

О конце 1950-х гг.: «Марина пишет на доске, / “Заря” сверкает на руке. / Задача что-то нелегка. / “Посмотрим, сколько до звонка?”» (Барто, [1961] 1969–2, 108).

О вт. пол. 1980-х гг.: «У нас в классе был негласный соревнование – кому мыть доску после урока. Мыть доску означало показать себя аккуратной, прилежной ученицей, завоевать расположение учителя. А ещё мыть доску – показать сзади мальчикам, какая ты хорошая девочка» (1001).

Натирать воском классную доску – действие школьников, направленное на то, чтобы на классной доске невозможно было писать мелом.

О восьмикласснике в селе Межборном Притобольного р-на в 1998 г.: «Со мной в классе учился мальчик, который часто шел на хитрости, чтобы не получить двойку, а учился он плохо. Однажды перед уроком он натер доску обычной восковой свечкой, и на ней невозможно было писать, урок был сорван» (099).

Чёрная доска – «Разг. Стенд со списками провинившихся, отстающих в учёбе, работе» (Словарь, 1993–4, 412).

ДОСТОЕВСКИЙ – Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881), русский писатель.

О середине и вт. пол. 1930-х гг.: «Время, конечно, было непростое. Имя Достоевского в школе вообще не упоминалось» (Александрова, 2004).

В 1969 г. (по программе 1968 г.) в шк. программу после неск. десятилетий отсутствия было включено произв-ие Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

«ДОЧКИ-МАТЕРИ» – детская ролевая импровизационная игра.

О г. Ленинграде в середине 1930-х гг.: «А игр было много: тут были и девчоночки “краски”, “золотые ворота”, “дочки-матери”. Играть в них девчонки принимали и малышкой: им нравилось чувствовать себя взрослыми и всячески опекать нас» (Богданков, 1972, 12).

О нач. 1940-х гг.: «Во дворе я – как все, хочу быть как все... От неловкости избегаю скакать по асфальту в классы. Играю в войну, в прятки, раз играл в дочки-матери» (Сергеев, [1977] 1995–1, 10).

О 1941 г.: «Малышки на крыльце играли в “дочки-матери” – бессмертную игру девочек, прошедшую все эпохи – от первобытных времён до социализма» (Карнаухова [1958], 1961, 267).

О г. Всеволожске в 1941–1945 гг.: «Играли мы... в фанты и в дочки-матери, в игру “серсо”...» (Бутина, 2001).

О 1950-х гг.: «...Дети ушли в спальню и стали играть в “дочки-матери”. У Наты было пять кукол... Лёля принесла свою Маринку и целлулоидного пупса, и у неё... стало двое детей. Игорёк закричал: “Я тоже буду мама!...” Нина засмеялась: “Какая же ты мама? Ты – папа...”» (Котовщикова, 1961, 13–14).

О 1970-х гг.: «В дошк. возрасте у детей наблюдаются игры с сексуальным содержанием. Дети играют, например, в “дочки-матери”, “папы и мамы”, “свадьбу”, “доктора”...» (Санюкевич, 1979, 14).

О нач. 1980-х гг.: «Играли в игру “Дочки-матери”, то есть выбирали маму, папу, дочь, сына. Прямо на улице делали себе дом и играли, то есть мама ходила на работу, в магазин, готовила обед, ходила за детьми в дет. сад; дети играли в детском саду, а папа ходил на работу» (546).

О г. Новоанганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. в 1982–1984 гг.: «Первая моя любимая игрушка – это плюшевый голубый медведь... Мне его купили в три года. Я помню, как играла с ним в “дочки-матери”, катала его на санках...» (503)

О Шадринске в 1984 г.: «Первое, что я помню – это то, что когда мне было около трех лет, мы с девчонкой-соседкой, моей ровесницей, любили сидеть в песочнице... Затем, примерно через год, как и большинство девочек моего возраста, я обожала играть в дочки-матери. Эта игра была распространена как у нас во дворе, так и в детском саду. Во дворе у нас была компания из пяти девочек, и мы играли “В дом”. Помоему, такое название придумала я. У нас очень забавно были распределены роли этой игры: “бабушка”, “мама”, “сестра”, “дочка”, “лялька”. Иногда кто-нибудь из девочек играл папу, но это было редко, поскольку игра довольно хорошо функционировала и без этого персонажа, так как, по сути, он ничего не делал, а только ругался с мамой и смотрел телевизор. Для этой игры мы приносили из дома разные вещи, вплоть до одеял, подушечек, посуды, чтобы обустроить наш домик как можно уютнее и могли играть с утра до вечера, пока нас не разгоняли по домам. В детском саду же эту игру нам предложила воспитатель. Она сказала “Давайте играть в “дочки-матери””. Все дети в группе были в недоумении, что это за игра? Конечно, каждый из нас играл в неё по-своему в своем дворе, но такого названия мы ещё не слышали. Воспитательница же объяснила нам, как в неё играть, рассказала правила игры: “В семье есть родители, дети, другие родственники. Каждый из них занят своим делом. Родители воспитывают, ходят на работу, дети – играют, ходят в детский сад...” Она подсказала нам в игре, но играть по правилам нам не нравилось, и скоро мы оставили эту игру. Но когда я пришла из детского сада, я гордо объявила своим дворовым подружкам, что обращаться друг к другу “лялька” и “сестра” неправильно, так как в игре мы “сестрой” называли старшую дочь, а “лялькой” – младшую» (542).

О девочках 10–13 лет в 1993–1996 гг. в селе Рассвет Мокроусовского района: «“Дочки-матери” была нашей самой главной игрой. Мы строили себе дома, ставили там мебель, приносили посуду. Могли даже принести еду из дому, чтобы всё было по-настоящему. Пацаны ходили на

охоту, на мамонта. Мы тем временем вязали из веток. Могли разжечь костёр, варили на нём еду. Однажды сварили компот из ранеток, но он не получился. Кормили кукол кашей из песка. На прогулки их водили зимой на санках с горки, а потом якобы моя дочка заболела, я её лечила чаем с вареньем. Делали качели для кукол. Пацаны нам мешали, доставали и прикалывались» (521).

ДОШКОЛЬНИКИ – дети дошкольного возраста (3–6 лет).

О 1950-х гг.: «Опять в соседнем садике / С утра идёт игра... / Опять шумят дошкольники...» (Барто, [1959], 1969–2, 391).

ДОШКОЛЬНЫЕ учреждения – ясли, детские сады, ясли-сады (объединенные детские учреждения), в которых воспитываются и обучаются дети дошк. возраста по желанию родителей, начиная с младенческого (первый год жизни) до старшего дошк. возраста. Дет. сад дети посещают с трех лет. Дошк. учреждения выполняют две осн. функции: высвобождение матери для произв-ва и обеспечение правильного воспитания детей.

ДРАЗНИЛКА – небольшое стихотворное произведение, построенное либо как рифмованное прозвище, либо как гиперболически, заостренно изобразительное качество, признак, состояние, действительное или приписываемое осмеиваемому лицу.

«Между рифмованными прозвищами и специальным жанром словесной агрессии – стихотворением-“дразнилкой”: “Сергей-воробей, / Не гоняй голубей, / Голуби боятся, / На крышу садятся”, – существенной разницы нет. Дразнилка разве что длиннее рифмованного прозвища, но чем, к примеру, является такой текст, как “Петька – петух / На завалинке протух», – рифмованным прозвищем или дразнилкой, зависит лишь от ситуации его употребления» (Белоусов, 1989, 18).

«Наиболее популярна среди жанров игрового словесного фольклора дразнилка. Г.С. Виноградов, написавший фундаментальную книгу об этом жанре, относил его (наряду с поддевкой и заманкой) к сатирическому детскому фольклору. Мы относим дразнилку к детскому словесному игровому фольклору по ряду причин: одна из самых популярных форм бытования дразнилки – дразнилочный диалог, передразнивание, то есть словесная игра. Как и в игре есть партнер, который, посрамляя последним, проигрывает. Некая поэтическая игра детского ума. Но, разумеется, функциональное поле дразнилки значительно шире игры. Дразнилка – важнейший элемент детского права, правовой регулятор повседневного и игрового поведения, превращающий кризисную ситуацию в интеллектуальный спор» (Белоусов, 2005).

По мнению М.В. Осориной, дразнилка – не только форма словесной агрессии, она «может выразить желание установить контакт или потребность внести драматич. элемент в обыденную жизнь, она представляет собой традиц. способ уничтожения врага, но может быть всего лишь демонстрацией словесного искусства». С помощью дразнилки осуществляется целенаправленное влияние на участников общения, осмеиваются отклонения от правил и норм поведения в группе (ябедничество, плаксивость, зазнайство и т. д.) и тем самым утверждается неписанный моральный кодекс детской жизни. «Однако, видимо, наиболее значимы дразнилки как способ испытания «социальной прочности» члена группы, особенно новичка, его умения постоять за себя». Это умение проявляется в том, как он отвечает на дразнилку. Самым правильным с точки зрения детей будет словесный ответ на дразнилку – *отговорка*. (Осориная, 1983, 40).

Лит.: Капица, 2002, 100–109; Мадлевская Е. Дразнилки. // РД, 2006, 81–85.

О нач. 1910-х гг.: «Оленька... вместо обычной дразнилки: “Мамзель-сковородель, ещё соври копейки на три” – сказала серьёзно...» (Шереметьева, [1946] 1982, 84).

О Москве во вт. пол. 1920-х гг.: «Были и дразнилки. Не раслышишь сказанного, спросишь: “Чего?” – последует ядовитый стишок: “Чего, чего./ Села баба на

чело / И кричит: “Чего? Чего?”” В школе я узнал, что “чело” означает “лоб”, и счел стишок совсем бессмысленным, но потом выяснилось, что в деревнях челом называют отверстие в русской печи, на которое и в самом деле можно усесться. Обидчика часто дразнили так: “Колька – Колястик, / Вшивый поросыстик!” Конечно, это “модель”: вместо “Колька” можно было вставлять любое имя, в том числе женское» (Федосюк, 2004, 15).

О начале 1930-х гг.: «На улице... в голос ревел Фимка. “Мамка выпорола!” – пожаловался он Миньке. “А за что выпорола?” “За крупу. Я в огороде крупу посеял. Я думал – семена. А ещё Кеца дразнит: две дощечки сложено, горсть соплей положено. О-о!..” “Идем к нам, Фимка, – сказал Минька. – ...А Кецу мы изловим и язык воротами прищемим”» (Коршунов, 1985).

О г. Ленинграде во вт. пол. 1930-х гг.: «Играть в “двенадцать палочек” было интересней, чем в прятки... Если водящий успеет добежать до доски раньше и “разбить” палочки, водить придется тебе. Может случиться, ты не будешь удачлив, и игра закончится дразнилкой: “Тили, тили, заводили, на кобылу посадили!” Вроде бы в дразнилке ничего обидного нет, но когда, гримасничая и приплясывая вокруг тебя, ее поют твои сверстники, от обиды можно и расплакаться» (Богданков, 1972, 12).

О второй половине 1940-х гг.: «Была популярной еще одна дразнилка. Начиналась она с имени того, кого ей дразнили, например: “Витька-дурак курит табак, спички ворует, дома не ночует”». (Андреевский, 2003, 380).

О 1940-х – 1950-х гг.: «Когда дети хотят доставить кому-нибудь неприятность, чаще всего они начинают дразниться. Кто не помнит популярных дразнилок на воображалу (“воображала хвост поджала”), на “неотвожу” в игре (“неотвожа, красна рожка”), на обжору, на ябеду (“ябеда-карябеда”), на толстяка (“жирный, жирный, поезд пассажирный”) и т. п.? Все это детский фольклор, безымянное творчество. Всё это они сочинили для себя, значит, это им нужно» (Лейбсон, 1961, 122).

О середине 1950-х гг.: «Мальчик надулся, обиженно опустил голову. Но тут же заскакал на одной ноге, запел: “Зи-инка-корзинка, / Спреди резинка, / Сзади барабан, / На боку карман!”» (Котовщикова, 1960, 29).

О первой половине 1960-х гг.: «“Квиты мы с тобой! – ... объявил Басков. – Я тебя дразнил, а на меня тоже дразнилку пустили. – Про дразнилку он сказал небрежно и таким тоном, словно это была какая-то птица, которую выпустили, а она взяла, да и села ему на голову. – Значит, мы уже квиты”... Смущённо Надя рассказывает и про дразнилку, которую она кричала Баскову. Из-за этой дразнилки и берет в лужу попал...» (Котовщикова, 1966: 57–58, 66–67).

О первой половине 1970-х гг.: «Тома посмотрела на Бориса и сказала бесстрастно и четко: “Борис, председатель дохлах крыс”. Борис перестал смеяться. Он не так уж сильно обиделся, так дразнили всех Борисов. Но всё-таки показал Томе кулак. “Только выйди”. “Испугалась до обморока, – сказала Тома. – Молоко допью и выйду...”» (Матвеева, 1977, 107–108)

См. также: *Жади́на-говя́дина*; *Плакса*; *«Толстая бочка...»*; *«Толстый, жирный, поезд пассажирный»*; *«Ябеда-карябеда»*.

ДРАКА – «борьба между поссорившимся с нанесением побоев, ран; рукопашная схватка» (Словарь, 1895, 1168); «ссора, стычка, сопровождаемая взаимными побоями» (Словарь, 1993–4, 452).

Драки между мальчиками из разных учебных заведений.

О конце 1880-х гг.: «...и сейчас же кучка гимназистов бежит на шум во тьму ночи, и в руках их булыжники мостовой. “Что это они делают?” – спрашивает Павел Степу. Кадетик отвечает: это гимназисты дерутся с городскими учениками. Издавна завелся обычай побоища между гимназистами и учениками городских школ» (Крашенинников, [1925] 1991, 135).

Генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский (1900–1981) о 1910-х гг.: «В Николаевском парке... с одной стороны находилась наша Первая гимназия. Императорская Александровская, с другой стороны, прямо напротив,

кажется, Императорское коммерческое училище. По традиции, особенно зимой, по снегу, в Николаевском парке по субботам после уроков происходили кулачные бои между нашей гимназией и коммерч. училищем. Это, конечно, было предприятие, связанное с целым рядом мероприятий по защите от начальства гимназич. и коммерч. и от полиции. Потому что, конечно, начальство всё это не одобряло. Но проводились настоящие стычки по всем старинным правилам, с запретом набирать пятаки в кулак и с опред. правилами, куда можно и куда нельзя бить. И эти бои проходили настолько интенсивно, что иногда мне после таких боев приходилось часик-другой где-нибудь оттираться снегом и в парке отлеживаться перед тем, как возвращаться домой, чтобы очень уж не бросалось домашним в глаза то состояние, в котором мы после таких боев находились... И вообще в поведении гимназистов и школьников на улицах, в парках – всюду в Киеве – по традиции сохранялось “льцарство”, как говорилось, рыцарство своего рода. Например, мы идем втроем – встречаем четырех “коммерсантов”. Мы могли задрать их и начать небольшую свалку или драку, но они не могли, потому что их было четверо, а нас трое. На их стороне было большинство, и это считалось бы не рыцарским поведением: задрать, так сказать, более слабую сторону» (Автобиографии, 1998, 351–352).

Драки между группами мальчиков и подростков (деревня на деревню, двор на двор, улица на улицу, школа на школу).

О начале XX века: «...В деревне... существовала давняя традиция кулачных драк, иногда групповых – “стенка на стенку”. “Дерутся без зла и драку считают игрой, удовольствием, хорошим делом и даже удачей, – писал Н. В. Чехов по результатам опроса 1909 г. – Дракой приобретает авторитет; не драться “стыдно”, подбить кому-нибудь глаз – своего рода геройство... Случается, что дети одной деревни устраивают общие драки с детьми другой... Поощряют эти воззрения и взрослые. Иной раз вся деревня бежит смотреть на кулачные бои ребят и поощряет их» (Балашов, 2003, 74).

О 1942–1943 гг.: «Драться я не любил, больше того, предпочитал ретироваться, если собралась толпа, где обычно начинали двое, а потом шло побоище – двор на двор, улица на улицу, школа на школу, а то и просто так – одни против других, и уж тут не поймешь, кто кого и за что, пока кто-нибудь не на шутку, а всерьез, точно заколотый, заверещит. Бывало, и правда, ткнут шилом, хорошо ещё, если в мягкое место» (Лиханов, 1986–1, 500–501).

О 1946–1949 гг.: «В послевоенном Ленинграде одно время происходили довольно-таки суровые стычки между ребятами с Петроградской и с Выборгской сторонами» (Кон, 1989).

О 1940-х гг.: «Дети и подростки во дворе обязаны драться – даже если не хочется... Для этого во дворе были все условия. В 1960-х если вылез в новом пальто – родные однодворцы побьют и оторвут пуговицы... Но в классическом дворе прежде всего ценились драки двор на двор – стенка на стенку. “Выходим на улицу, а там – эти (то есть ребята из соседнего двора), – оживленно рассказывает пенсионер Владимир Никифоров со Сретенки 40-х. – Вот главный заводила, она самый маленький, курить есть, спрашивает. Я к нему подошёл, тонул за пальто, он упал в снег как мёртвый. Ну и началось!” В тот зимний день Владимир Иванович ночевал в недалёкой 1-й Градской больнице» (Никитин, 2005, 56).

Драка между фанатами.

«Москва поделена на зоны влияния болельщиков разных клубов. “За цвета клуба надо биться”, – гордо говорит мне Саня – давний фанат ЦСКА... Это значит, что болельщиков обидевшей ЦСКА команды надо обязательно наказать... В “честном” кулачном бою. Стенка на стенку. “Делается это так, – начинает рассказ Саня. – Во время игры сидящие на разных трибунах лидеры группировок фанатов по мобильнику договариваются “в принципе”. То есть быть мордобоем или обойдемся. Шлют друг другу эсэмэски. Уточняются

детали. Решено – схватке быть. Но где? Опять идут уточнения. Обычно выбирается уже пристрелянное место. Скажем, парк возле стадиона “Динамо”. Или пустырь на нейтр. территории... Лидеры оговаривают заранее, сколько бойцов будет с каждой стороны. Скажем, “малая кровь” – 30 на 30. “Большая” – 100 и более... Уточняется – драка только на кулаках или с применением... холодного оружия... На сленге – с “игрушками” или без. Как правило, обе стороны клянутся друг другу, что придут на пустырь без кастетов, заточек, цепей, ремней, бит, “розочек”... В данном случае “розочкой” называется горлышко от бутылки. Острые края напоминают розу. Так вот, обещать-то обещают, но всё равно кое-кто приходит на сходку с [холодным оружием]. И все как один – в “гриндерах” и “мартинсах”... Так называется тяжелая убойная обувь с металл. вставкой в носок. Ботинок весит до килограмма... И не дай бог кому-то упасть – затопчут... Главное в такой бойне удержаться на ногах. И если видишь, что твой дрогнули, тоже сваливай. Иначе не пощадят, добьют. Убежать с поля боя, конечно, стыдно, но жизнь дороже. Сегодня – тебя опустили, завтра – ты”. “Как распознать, где свой, а где чужой?” “А клубная символика на что? Шарфы, бейсболки, маечки, нашивки, значки... Бывает, что и своего заденешь, но тут уж как поведёт – не до извинений. Да и пригляделись друг к другу за годы противостояний. “Бригадиры” уж точно знают друг друга в лицо. Да и основной костяк бойцов тоже – ведь именно они начинают драку... Дерутся, как правило, “пионеры” или “фанаты”. Это группировки болельщиков возрастом от 12 до 16 и от 17 до 20 лет. Они и на футбол-то часто ходят ради того, чтобы кулаки почесать. Солидник такой чепухой не занимается. Это в прошлом...” (Рыков, 2007, 20).

Драка «до первой крови», «до первой кровянки» – драка, заканчивающаяся при появлении крови у одного из участников

О 1937–1940 г. на Украине: «Если примерно до 1937-го года практически не было серьезных ссор на национальной почве, то в 1937–1940-х годах слово жид можно было все чаще услышать в общественных местах... А между школьниками еврейских и украинских школ, по инициативе последних, стали нередко вспыхивать драки. Правда, соблюдалась “джентльменские” правила: “до первой крови” и “лежачего не бьют»» (Цидильковский, 1996, 131).

О детях дошк. возраста в 1941 г.: «Одним из моих ближайших друзей в детском саду был мальчик (кажется, Игорек), которого почему-то регулярно били на выходе из детского сада – совершенно не помню, в чем была причина, да она, в конце концов, и не важна: такая уж ему досталась роль. Если, спускаясь по лестнице к выходу, он успевал заметить изготвившихся к боям противников, то на их глазах колотил себя кулаком по носу, лила кровь, и по закону «первой кровянки» Игорек беспрепятственно двигался домой. А не заметил – пеняй на себя: результат достигался тот же, но с посторонней помощью» (Сафонов, 2001).

О г. Севастополе в 1946-1947 гг.: «Я подошел к нему вплотную: “Получить захотел?” Он был пониже меня и уже в плечах. Мальчишки встали кругом. “До первой кровянки”, – сказал Жереб. Чугунок сразу же бросился на меня. Я попробовал поймать его встречным ударом, но он увернулся. Он был увертлив, и мне никак не удавалось хорошо приложиться, хотя он несколько раз попал мне по лицу. Наконец он пригнулся, он метил в мой подбородок. Я только этого и ждал. Я поймал его голову и дал ему коленкой по носу. Он упал. Когда он поднялся, под его носом растекались усы... “Всё”, – сказал я и собрался уходить. Жереб молча смотрел на меня. “Нет! – крикнул Котька. – Это не кровь. Ты поцарапал старую болячку”. У Чугунка не было болячки. “Это кровь”, – сказал я. “Где?” Чугунок повернулся. Цубан прятал в карман носовой платок. Жереб, засунув руки в карманы, смотрел на меня... “Давай дальше”, – сказал Чугунок. “Давай...” – сказал я... Я почувствовал вдруг безразличие ко всему на свете. И перестал ощущать боль. Я отбивался и думал: “Когда это

кончится?” Наконец мне удалось хорошо попасть Чугунку по носу. Он упал. Меня тоже не держали ноги, и я лег рядом. “Довольно, – сказал Жереб. – Хватит”... Жереб посмотрел на Шурку: “Сядь, Чугунок, или я буду за него. Иди, Цубан, один. До первой кровянки”. Я ждал Цубана внизу. Мне было все равно» (Черкашин, 1973; 46–47, 50).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «... У двора существовали свои законы... С утра драка “до первой кровянки” была вместо разминки. Правила уличного боя я неплохо выучил» (Никоненко, 2006, 33).

Драки между мальчиками.

Вспоминает Леонид Утесов об Одессе начала XX века: «Подражаться для меня было истинным наслаждением. Подражаться не за что-нибудь, не для решения спорного вопроса, а просто так, из любви к искусству. Я порой долго поджидал партнера по драке. Завидев мальчика, подходил к нему и спрашивал тоном, в котором не было ничего миролюбивого: “Ты куда идешь?” “В лавку, мама послала” “А почему по Дегтярной? Шел бы по Кузнечной” “По Дегтярной светлее” “Ах, светлее! Ну тогда получай для света! – и ставил ему фонарь под глазом. – Следующий раз будешь ходить по Кузнечной”. Бедный пацан с плечем убежал, а я был горд и удовлетворен» (Утёсов, 1976).

О 1914 году: «Вскоре Валерий стал первым учеником по арифметике. Охотно объяснял другим, когда к нему обращались за помощью... Но, если его объяснения долго не понимали, терпения не хватало и он сердился: “Никуда ты, голова, не годишься!” Случалось, обиженный ученик отвечал своему “строгому учителю” тумакон, и занятия заканчивались дракой. Обиженный и обидчик схватывались тут же, в классе. Тогда и парты трещали, и чернила лились... В те времена споры между учащимися василёвской школы нередко решались кулаками. Валерий обычно оставался победителем, но часто ходил в синяках и получал за поведение тройки» (Водопьянов, 1959, 21).

О начале 1920-х гг. в Калужском крае: «“Не трогай его!” – сказал Илюша и стал между ними. “Ты что, макаронов захотел? – спросил Врангель, взявшись за длинный козырек клетчатой кепки, точно собиравшись снять её перед дракой. – Или, может быть, тебя лапшой накормить?”... Ребята расступились, образуя круг. “Пускай вдарят. Не мешайте”. “Огольцы, подержите кепку”. Врангель плюнул на ладони, пригладил взлохмаченные волосы и, шагнув к Илюше, ударил его и тут же присел – это означало, что он «лежащий», его бить нельзя. Но Илюша приехал из шахтерского края, и там не знали подобных правил. Он дал Врангелю подножку и, не успев тот вскочить, снова крутанул, да так, что Врангель ткнулся носом в землю. Ребята оторопели. Никто не ожидал от худенького новичка такой ловкости. На Солдатской улице Врангель считался атаманом, его побаивались даже взрослые. Но сейчас он не успевал закрываться от ударов Илюши. А когда удалось подхватиться, кинулся к своему двору... [У Илюши с] плеча свисал клок разорванной рубашки, а драка еще не кончилась. Врангель выбежал с топором в руках и помчался к Илюше. “У вас на шахтах так дерутся, да? – спросил он, яростно сверкая глазами. – А у нас вот как!” – И он замахнулся на Илюшу топором» (Жариков, 1971, 95).

О второй половине 1930-х – начале 1940-х гг.: «В начале своей жизни автору этих строк из-за переездов родителей пришлось учиться в целых шести школах в разных концах страны. И каждый раз приходилось выходить на кулачную дуэль, чтобы определиться не на самом последнем месте в классе (кроме старших классов, которые пришлось на годы войны, когда было не до дуэлей). Иных способов самоутверждения в советской школе не существовало. Занял своё место – изволь отстаивать ежедневно» (Бестужев-Лада, 2002).

О начале 1990-х гг. в селе Канаши Курганской области: «В нашем селе драка проводилась по следующим правилам: вначале договаривались, как и где проводится будет драка: до крови, до рёву. Драка проводилась обычно до школы в тёмном огороженном

углу, где нас никто не мог увидеть. Дрались строго один на один. Друзья криками подбадривали своего дерущегося товарища, обзывая и унижая его соперника. Руки должны были быть голыми, то есть без кастетов, свинчаток, запрещалось щипать, кусать и царапать противника» (101).

См. также: *Драка между фанатами; Ремень, Ремень как орудие драки (у мальчиков)*.

Драка между девочками и мальчиками.

О 1915–1916 гг.: «За домом, где мы жили, был сад, за садом овраг, – и туда приходили не только мы, но и наши друзья из соседних домов; мы вели организованные войны, но только одна из них была непрекращающаяся, война девочек с мальчиками, и верх почти всегда одерживали девочки, потому что, когда нас было трое или четверо, а их пятеро, они заискивали перед нами, давали нам конфеты и держались чрезвычайно дружески. Но достаточно было кому-нибудь из нас очутиться в одиночестве, как они тогда набрасывались на него. Такая вещь поочередно случалась с каждым из нас, и однажды особенно жестоко пострадал я, они порвали мне плотную гимназич. рубашку, лицо моё было исцарапано, и руки искусаны до крови. Но когда я через четверть часа после этого вернулся с товарищами, чтобы отомстить, то застал только одну из них, двенадцатилетнюю девочку, Хану, которая стала нас уверять, что она одна меня защищала. И так как нас было четверо, а она одна, то ничем не рисковала; мы даже посадили ее на забор, и только, когда она была уже с другой стороны, она быстро крикнула: – Я его тоже била! Сволочи!» – и побежала, что было сил; мы бросились за ней, но опоздали» (Газданов, 1994, 41).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Нет, – сказала девочка..., – моя волшебная иголка поможет... Но в другой раз ты всё-таки поменьше по деревьям лазай и с мальчишками не дерись» (Гурьян, 1960, 97).

Драка между девочками.

О девочках 4–7 лет в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «С той поры каждый день у нас в квартире драка. То Анка Алёнку поколотит, то Алёнка на Иришку нападёт, а Анка заступится, то все трое сцепятся. Шум, крик, стулья падают, и посуда бьётся. Даже благонравная и трусоватая Иришка скоро тоже стала драться кулаками и ногами и чем придётся... Иришка... подставляла разгоревшуюся щёку к моим губам и успокаивала: “Не обращай на нас внимания. Просто мы любим немножко подражаться”» (Смирнова, 1963, 30).

«Вы... когда-нибудь видели, как дерутся девочки? ... Совсем обычные. Школьницы. Студентки. Учишься ПТУ. Чьи-то дочки, внучки, любимые... Не удивлюсь, если видели. Во всяком случае, в нашем Мурманске драки девочек – явление обычное. Знающие, опытные люди в возрасте от 13 до 17 лет убеждали меня, что без таких драк в городе, да и в каждом районе, не проходит ни дня...» (Нечаева, 1989, 13).

Об ученицах школы в Шадринске в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Вообще, конфликты между девочками в нашем классе происходили очень часто... Один раз у нас была даже драка. Я не помню, из-за чего она возникла. Но помню, что была она за школой после уроков и одна из участвующих в ней девочек сбегала домой и принесла цепь, на которую садят собак. В результате у обоих на лице были синяки, царапины» (571).

См. также: *Бить; Избивать*.

ЕДИНИЦА – самая низкая оценка успеваемости ученика, школьный балл, означающий «очень плохо».

О перв. пол. 1900-х гг.: «В классе хохот. Учитель тоже смеется. И ставит в мой дневник единицу. Это неприятно. Я всего пять дней в гимназии. И вдруг сразу единица» (Зощенко, 1994–3, 541).

О нач. XX в.: «И учитель... сказал: “А ну-ка, дай сюда свой дневник! Я тебе туда единицу поставлю”. И я заплакал, потому что это была моя первая единица и я ещё не знал, что за это бывает. После уроков моя сестрёнка Леля зашла за мной... По дороге я достал из ранца дневник, развернул его на той стороне, где была поставлена единица, и сказал Леле: “Леля, погляди, что

это такое? Это мне учитель поставил за стихотворение... Леля поглядела и засмеялась. Она сказала: “Минька, это плохо! Это тебе учитель влепил единицу по русскому языку... Я сказал: “А что же делать?” Леля сказала: “Одна наша ученица взяла и заклеила две страницы в своём дневнике, там, где у неё была единица. Её папа послонил пальцы, но отклеить не мог и так и не увидел, что там было”» (Зощенко, [1939], 1968–1, 225).

О нач. 1940-х гг.: «Я Володины отметки / Узнаю без дневника. / Если брат приходит с тройкой – / Раздается три звонка... / Ну, а если единица – / Он чуть слышно в дверь стучится» (Барто, [1945] 1969–1, 247).

О нач. 1950-х гг.: «Шёл, заданчик теребя, / Шёл и думал про себя: “Ни к чему мне торопиться / И бежать домой стремглав – / Рассказать о единице / Я смогу и погуляв!”... Всё поёт – ручьи и птицы, Всё поёт: “Конец зиме!” / А у Павы – единица, / Единица на уме» (Тараховская, [1954] 1975, 55–56).

О нач. 1950-х гг.: «Охает вожатая: / “Единица в табеле! / Значит, мы внимание / К мальчику ослабили”» (Барто, [1954] 1969–1, 356).

О середине 1950-х гг.: «Скачет шустрая сенница» – / написал он на доске, / И за это единица / У Смирнова в дневнике» (Барто, [1958] 1969–1, 206).

О вт. пол. 1950-х гг.: «И единицу он получил случайно. Вот как было дело: он в окно посмотрел на какую-то птицу и забыл, что он в классе. И стал разговаривать с этой птицей. В это время его к доске вызвали – чтобы он повторил, что сейчас объяснили. А он ничего не смог повторить. Птица всё виновата. А Вовка тут ни при чём» (Голявкин, 1960, 9).

«**ЕЖ**» – журнал для детей, орган Центрального бюро юных пионеров, выходил в Ленинграде с 1928 по 1935 гг. На протяжении восьми лет издания тираж журнала колебался от 30 до 125 тысяч экземпляров. [...]

О восприятии мальчиком комплектов журнала «Еж» в 1941 г.: «“Еж” конца двадцатых – нач. тридцатых комплектами ... “Еж” утверждал, что жизнь везде отвратительна. Например, в Америке. Там есть один наш, хороший – пионер Гарри Айзман (его письмо и портрет), остальные – не наши, плохие. Агентство Пинкертона в “Еже” ничего общего не имело с прекрасным Нат Пинкертоном папиных воспоминаний. Безработный с горя идет в шпик и из номера в номер – в картинках – пыгает и убивает таких же рабочих. Было в “Еже” и смешное – ненужные изобретения: машина для сбивания яблок, машина для снятия сапог, машина для мытья спины. Но главное для “Ежа” – Лига наций, буржуи с сигарами, контрреволюционные переговоры о разоружении. Похожи на американцев – фашисты: в Италии они пьют касторкой, в Германии – бьют. В ожидании немцев “Еж” пошел в печку» (Сергеев, 1995–1, 22).

«**ЕЖИК**», прическа «ежиком» – название стрижки. О мальчике в 1941–1942 гг.: «В школе шёл урок, в классе было тихо..., стучал и крошился мел, которым лихо выводил геометрическую фигуру мальчик с большой головой, стриженной “ежиком”, когда дверь тихонько приотворилась...» (Кнорре, 1976, 251).

«**ЕЖИК в тумане**» – мультфильм, снятый режиссером Ю. Норштейном по одноимённой сказке С. Козлова.

О девочке 7–10 лет в 1992–1995 г.: «“Ежик в тумане” был самый непонятный из всех мультфильмов. Смысл я вообще не поняла до сих пор. Всё в тумане, и лишь изредка ежик звал то медвежонка, то лошадку. Все это было больше похоже на галлюцинации. Философские размышления ежа мною совершенно не ценились, напротив, от них начинала болеть голова, а если всматриваться в туман, то в глазах начинало все плясать» (012).

О Шадринске в 1994 г.: «Когда мне было 7 лет, я очень любила мультики “Король Лев” и “Ежик в тумане”...» (076).

О Шадринске в 1994–1996 гг.: «Когда я была маленькая (3–5 лет), я очень любила мультсериал “Пчёлка Майя”... По мере того как я становилась старше, у меня менялись вкусы, мечты и фантазии. В этом возрасте я впервые посмотрела 2 самых клёвых мультфильма, от

которых я до сих пор без ума. Это “Жил-был пёс” и “Ёжик в тумане”. Они очень весёлые и наполнены хорошим настроением» (052).

«ЁЖИКИ» – организованные движения группы детей 4–7 лет, проводимые под текст-кричалку.

О 1989–1900 гг.: «Эту кричалку (“Ёжики”) я помню ещё с детского сада, когда я жила в селе Мыркайском, мне было 5–6 лет: “Приходили, приходили / Ёжики, ёжики (маршируешь на месте). Наквали, навали (стучишь кулачками друг о друга) ножики, ножики (делаешь руками крест-накрест). Бег на месте, бег на месте (просто прыгаешь на двух ногах) – зайчики, зайчики (делаешь двумя пальчиками зайчиков). Ну-ка, дружно, ну-ка вместе (далее нужно перекричать друг друга) – девочки (кричат девочки), мальчики (кричат мальчики)”» (106).

ЕЗДИТЬ на собаках – см.: *Собака*.

ЁЛКА – см. *Ёлка новогодняя, Ёлка рождественская*.

О мальчике (р. 1909) в Москве во вт. пол. 1910-х гг.: «Я жил так, как жило большинство детей в тогдашних интеллигентных семьях. Я строил домики из кубиков..., вырезал узоры из... бумаги, любил ёлку и день своего рождения» (Жуковский, 1992, 24).

ЁЛКА новогодняя – новогодний детский праздник с ёлкой и подарками для детей.

«Подшёл новый 1933 год, но по всей стране было запрещено наряжать ёлки, что считалось соблюдением одного из религиозных обрядов. По домам ходили пионеры, проверяя, у кого в доме соблюдают этот ритуал... И все свои ёлочные игрушки – целую корзину старинных бус и других украшений – мама отдала знакомой женщине в деревню» (Кубанева, 1988).

О запрещении рождественских ёлок в конце 1920-х гг и разрешении новогодних ёлок в 1935 году: «Одно время новогодняя детская ёлка считалась у нас буржуазным предрассудком. Первый против этого нелепого мнения выступил старый революционер, один из руководителей партии, Павел Петрович Постышев. Однажды Постышев вспомнил о ёлке в Сокольниках, на которую приезжали Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская. И в декабре 1935 года “Правда” опубликовала письмо Постышева: “Давайте организуем в Новом году детям хорошую ёлку!” “В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии, – писал он, – всегда устраивали на Новый год своим детям ёлку. Дети рабочих с завистью через окна поглядывали на сверкающую разноцветными огнями ёлку и веселящихся вокруг нее детей богачей. Почему у нас школы, детские дома, ясли, пионерские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Комсомольцы, пионерработники должны под Новый год устроить коллективные ёлки для детей. Я уверен, что комсомольцы примут в этом деле самое активное участие и искоренят нелепое мнение, что детская ёлка является буржуазным предрассудком”. Так нам подарили ещё один праздник, красивый и яркий» (Богданков, 1972, 29).

Ёлка новогодняя в школе и внешкольных учреждениях.

О девочке 14 лет в дек. 1938 г.: «На зимние каникулы в школе мы получили приглашение на новогоднюю ёлку во Дворец Пионеров... Ёлка была очень красивая, а праздник – великолепный, с большим представлением, множеством действующих лиц, в красочных костюмах. На огромной лестнице, ведущей во внутренность дворца, прибывших встречали медведи, и, хотя я была уже не мл. шк. возраста, это новогоднее представление мне очень понравилось. Единственное, что снижало впечатление, это очень много приглашенных сразу ребят, хотя Дед Мороз и Снегурочка и другие ведущие вечера очень хорошо справлялись со своими обязанностями массовиков и все дети принимали участие» (Кубанева, 1988).

Об учащихся начальных классов в 1943–1947 гг. в Шадринске: «Очень любили мы выступать: пели, читали стихи, танцевали, разыгрывали сценки по басням Крылова. Больше всего нам нравились новогодние ёлки. Мы были кто снежинками – летали, то опускала руки, то поднимая, в пышных белых платьях; кто бусинками – на

голове корона с разноцветными бусами, бусы на шее, на платье; кто зайчиками в шапочке с длинными ушами; кто клоуном в пестром костюме и колпаке. Взявшись за руки, ходили вокруг нарядной ёлки и пели песню: “В лесу родилась ёлочка”» (Плотникова, 1995, 50).

Ёлка новогодняя домашняя.

О 1935–1936 гг. в Москве: «Первое воспоминание четко датировано. Мы с мамой на улице Кирова (Мясницкой) на углу у аптеки покупаем маленькую ёлку. К новому 1935 (а может быть, это было в 1936-м?) году снято запрещение на ёлки, введенное после революции. Разумеется, они теперь не рождественские, а новогодние. Мама купила у кого-то с рук верхушку большой ели с шишками и устанавливает её на бесконечно высоком для меня каменном (из мраморной крошки) подоконнике в высоком конусообразном горшке. Ёлочных игрушек нет, и мама что-то мастерит ножницами из золотой фольги и клеит бумажные цепочки. Мне без дня год (или два)» [...]

О перв. пол. 1970-х гг.: «Ёлка обычно проводится и в семьях, где есть дети. На ёлку ребята приглашают своих друзей и одноклассников. Дети веселятся, поют песни, играют, читают стихи. Под конец праздника им раздают подарки» (Денисова, 1978, 107–108)

ЁЛКА рождественская – рождественский детский праздник с ёлкой и подарками для детей.

Ёлка рождественская для учащихся.

О Саратове конца 1880-х гг.: «Другим местом, где мог я слышать хорошее пение в дощ. годы, были ёлки, устраиваемые городом для школьников Саратова в городском театре в рождественские каникулы... Мои сестры, обладая хорошими голосами, выступали в детском хоре на сцене театра, а меня брали с собой, но оставляли в зале, откуда я мог видеть всё происходящее на сцене. На сцене дети играли и пели вокруг ёлки, разукрашенной разными игрушками и световыми эффектами. Я знал большинство этих песен, так как сестры пели их дома. На одной из таких ёлок мои сестры получили большого бумажного коня, на которого я садился верхом и меня катали по комнате» [...]

Ёлка рождественская домашняя.

О домашней ёлке у дворянских детей в начале 1870-х гг.: «Запас наших детских игрушек пополнялся раз в год, на ёлке. Большой частью на ёлку приезжали к нам Дьяковы... Лучшие игрушки привозились ими. Ёлка была годовым торжеством. За месяц до рождества мама ездила в Тулу и привозила целый короб деревянных куколок, скелетиков, как мы их называли, и начиналось одевание этих скелетиков мамой, нами и девочками. Для этого у нее в комнате целый год собираются остатки разных материй, обрезки лент, косячки бархата и ситца. Она торжественно приносит в залу большой черный узел, и все мы, сидя у круглого стола, с иголками в руках сосредоточенно шьем разные юбочки, рубашечки, панталончики и шапочки, украшаем их золотыми галунами и лентами и радуемся, когда из голых деревяшек с глупыми раскрашенными лицами делаем нарядные красивые мальчики и девочки... Куколки эти предназначались для раздачи деревенским детям, и их обыкновенно приготавливалось штук тридцать или сорок. Затем начиналось золочение орехов и привязывание ленточек к разным картонажам, расписным пряникам, крымским яблокам и конфетам. Своих подарков мы никто не знаем. В сочельник вечером приезжают священники и служат всенощному, В день рождества мы с утра одеты по-праздничному, и в зале на месте обеденного стола стоит огромная густая ёлка... Обедаем торопясь... и бежим в свои комнаты. В это время двери залы запираются, и “большие” убирают ёлку и раскладывают по столикам наши подарки. Волнение наше было такое, что мы уже не можем сидеть на месте, двадцать раз подбегаем к двери, спрашиваем – скоро ли готово, подсматриваем в ключевину, и время кажется длинным-длинным. После обеда в передней толпилась куча деревенских ребят в полушубочках и кафтанчиках, бабы и несколько мужиков... Наконец все готово. Двери залы отпираются, в одну дверь втискивается толпа деревенских, в другую, из гостиной, вбегаем мы.

Огромная ёлка до потолка блестит зажжёнными свечами и золотыми безделушками... Вдоль стены наши столики с подарками: цветная почтовая бумага, сургуч, пенал, это почти всегда дарилось всем, но вот дяковские подарки. Огромная кукла, “закрывающая глаза”, и если её потянуть за два шнурочка с голубыми бисеринками на концах, которые у неё привязаны между ногами, она кричала “папа” и “мама”. Детская кухня, кастрюлечки, сковороды, тарелки и вилки, медведь на колесиках, качающий головой и мычащий, заводные машинки, разные всадники на лошадях, мышки, паровики и чего-то только нам не даровали. У Сережи ружьё, которое громко стреляет пробкой, и жестяные часы с цепочкой. В это время большие раздают деревенским детям скелетики, пряники, орехи и яблоки. Их впустили в другие двери, и они стоят кучей с правой стороны елки и на нашу сторону не переходят. “Тетенька, мне, мне куколку! Ваньке уже давали. Мне гостинцу не хватило”. Мы с гордостью хвалимся перед деревенскими ребятами своими подарками» [...].

«**ЁЛОЧКА**» – название двух песен, традиционно исполняемых детьми во время новогоднего праздника. Одна из них начинается со слов «*Маленькой ёлочке холодно зимой*», другая – со слов «*В лесу родилась ёлочка*».

ЁЛОЧНЫЕ игрушки – украшения для рождественской или новогодней ёлки.

«Первые ёлочные игрушки появились в России в конце XIX столетия. Их завозили из Нюрнберга и Берлина и продавали по заоблачным ценам. Позволить себе такую роскошь могли лишь царские семьи. А аристократы мастерили украшения сами всей семьёй. На ёлку вешали пряники, конфеты, бусы, шкатулки с гостинцами, букеты и даже флакончики с духами. В скорлупках от грецких орехов, обернутых в фольгу, прятали сюрпризы. Под деревом устраивали крепости-макеты из картона. Повальное украшение ёлок началось в России в 1870-х годах» (Брыкина, 2006, 4).

Изготовление ёлочных игрушек.

О конце 1920-х гг. в Москве: «Ёлочные игрушки были преимущественно самодельными. Под руководством бабушки мы с сестрой обклеивали грецкие орехи белой и желтой фольгой, вставляли в верхушку спичку с нитяной петлей, чтобы можно было повесить. Клеили бесконечные цепи из разноцветной бумаги, вырезали картонные домики и картинки с изображением разных зверей. Этого удовольствия – делать многое собственными руками – не знают совр. дети, облившиеся из-за доступности покупных ёлочных украшений» (Федосюк, 2004, 199–200).

О мальчишке 6–10 лет в Ленинграде в 1936–1940 гг.: «Часть ёлочных игрушек мы делали сами. В канцелярском магазине напротив нашего двора продавались пачки разноцветных стружек. Яркие и блестящие, они одним своим видом напоминали о близости новогоднего праздника. Однажды вечером на столе появлялись пачки цветных стружек, листы белой бумаги, акварельные краски, клей со сказочным названием “гуммиарабик”. И начиналась работа! Мы с братом рисовали и красили, вырезали и клеили. Из стружек делали разноцветные цепи и корзиночки, из бумаги – домики, кораблики, морковки. В окна домиков вставляли слюду, а крыши мазали клеем и посыпали борной кислотой, которая сверкала, как снег. Покупные игрушки красивее, но то, что сделано своими руками, имеет особую ценность. Мы ходили друг к другу и смотрели игрушки друзей, а потом старались свои сделать лучше» (Богданков, 1972, 30).

О псковской деревне в 1946–1949 гг.: «В послевоенные годы радостным ожиданием новогодних елок предшествовало изготовление игрушек руками самих детей. Мы всем классом клеили бумажные girлянды и раскрашивали их, рисовали картинки и прилаживали к ним нитяные петли, девочки шили игрушки из разноцветных лоскутков. Стекланные игрушки были редкостью» (Миронов, 1999, 71)

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «...В этот день затеяно было изготовление ёлочных украшений. Маль-

чик, его сестра и две её подружки получили во временное владение весь огромный обеденный стол. Ёлка ждала их трудов праведных, внесенная отцом час назад... Запах сырой елочной хвой смешивался с вкусным, домашним запахом клея, заваренного из ржаной муки. Изготовление украшений шло в нарастающем темпе и принимало хар-р соревнования. Ножницы так и порхали в руках, сочно хрустя газетными листами или с тяжелым хрустом разрывая крепкие голубоватые листы ватмана, выданные из альбома для рисования. Обмазанные клеем вырезки, как ни береглись, приклеивались к рукам, цеплялись к одежде, и у всех щеки, а то и носы были вымазаны клеем. Веселое занятие! Изготавливались фонарики, называемые китайскими, бумажные бусы, шкатулки, дождь из фольги, красились золотой краской скорлупки грецких орехов, а самых больших трудов требовали маски из папье-маше. Мальчику пришлось основательно повозиться, добывая глину под кухонным крыльцом, куда намело изрядный сугроб. Раскидав его лопаткой, он добрался до перемерзшей, в камень высохшей глины... Теперь эта глина, сдобренная водой, была превращена в тяжелый скользкий ком. Каждый получил по хорошему куску и волен был дать полет своей фантазии. И появились маски. Теперь их следовало терпеливо оклеить во много слоев лоскутами газетной бумаги – засохнув, они превратятся в прочную и легкую корку, которую останется раскрасить подходящим образом» (Дробиз, 2004).

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ училища – средние женские учебные заведения в России до 1917 года.

Епархиальные училища «открывались с 1843 года в епархиях главным образом для дочерей православного духовенства и находились в ведении Синода. Учебный курс (6 классов, с 1900 г. – доп. 7-й пед.) приближался к курсу женской гимназии» (ПЭС, 2003, 82).

«**ЕРАЛАШ**» – детский юмористический киножурнал.

Первый выпуск вышел в 1975 году. К 1986 году было снято 53 выпуска. В 2005 году отмечалось тридцатилетие журнала. Названия некоторых сюжетов: «Невероятные приключения трёх мушкетёров в России» (1981), «ЧАО, бабину!» (1985), «Ещё раз к вопросу о тимуровской работе» (1977), «Чудеса в решетке» (1983), «Тюк, тюк, тюк, поломался наш уют» (1985).

О 1970-х – 1980-х гг.: «Киножурналы для детей и подростков – “Хочу все знать”, “Ералаш”... пользуются неизменной популярностью у многих поколений советских детей» (СВ, 1990, 101).

О Шадринске в 1991–1992 гг.: «Как только я слышу: “Девчонки и мальчишки, а также их родители...”, всё мое внимание направлено к телевизору. Мне было лет 7–8, когда впервые увидела “Ералаш”, и сейчас я смотрю этот киножурнал, если есть время» (113).

О Шадринске в 1993 г.: «Примерно в 1993 г., когда мне было лет 5–6, я в первый раз увидела “Ералаш” по телевизору. Мне очень понравился этот киножурнал, и я до сих пор смотрю его с радостью и улыбкой на лице» (057).

О Шадринске в 1998 г.: «Когда мне было 12 лет, я смотрела “Ералаш” тогда мне он казался очень смешным. Но мне не нравилось, что он идет недолго» (091).

«**ЕРАЛАШ**» – детский ежемесячный юмористический журнал для младшего и сред. шк. возраста». Выходит с 1999 г. Отрывок рассказа из № 7 за 2007 года: «“Ой, напугали. Двойку, что ль, поставите?” “Всё, ты меня, Обложкин, достал”. “Вы чо! Больно же! Совсем что ль?” “Я тебя предупреждала. Быро к доске” “Ну ваще-е-е! Глобусом, ваще, под дых...”» Тираж 2006 года – 54 500 экз.

ЕСЕНИН – Сергей Александрович Есенин (1895–1925), русский поэт.

«...Максим Горький в пору творческой зрелости написал ряд сказок для детей, однако они не оставили настоящего заметного следа в детской литературе, а между тем многие юношеские стихи Сергея Есенина легко перешли из журналов в детские хрестоматии» (Арзамасцева 2007, 28).

О 1930 годе: «Пышно и ярко, гераневым цветом цветет кое-где мещанство. Собираясь друг у друга,

ребята играют “во флирт”. Читаются стихи Надсона или при лампе слышны вполголоса читаемые стихи Есенина “Ты прохладой меня не мучай / И не спрашивай, сколько мне лет. / Одержимый тяжелой падучей, / Я душой стал как желтый скелет”. Это читает здоровый парень с красным галстуком на шее» («Пионер». Орган ЦБ дет. коммунистич. орг-ции им. В.И. Ленина при ЦК ВЛКСМ. Отв. редактор И. Разин. 1931, № 1 – С. 17).

О середине и вт. пол. 1930-х гг.: «Время, конечно, было непростое... За переписанные в тетрадку стихи Есенина девочек, моих подруг, вызывали к директору, потому что Есенин был “певец кулачества”» (Александрова, 2004).

О 1942–1944 гг.: «...Не особенно жалел Ленька, что распростился со школой. До того эти науки надоели, а еще... зануда эта, Анастасия Павловна. Она сразу невзлюбила Леньку за то, что он много стихов поэта Есенина знал. А стихи эти Леньке с раннего довоенного детства запали. Мама этими стихами его на ночь баюкала» (Чумичев, 1987, 16).

О с. Красная звезда Шадринского р-на в 1992–1997 гг.: «Со стихами Есенина я “познакомилась” лет с 6, то есть в 1992 г. Его творчество очень любит мой папа, читает стихи вслух. Поэтому папа и привил мне любовь к поэту. Лет с 11, то есть в 1997 г., я стала читать стихи самостоятельно» (011).

О Шадринске в 1995 г.: «В школе, в начальных классах (9–10 лет) мы учили наизусть стихотворение С. Есенина “Белая берёза” и рассказывали его у доски. Стихотворение мне нравилось, и училось оно быстро и легко. Помню стихотворение до сих пор. Это самое приятное изучаемое в школе стихотворение С. Есенина» (012).

О г. Шадринске в 1998 г.: «Стихи Есенина в песенниках. “Выспался на озере алый свет зари, / На бору со звонами плачут глухари. / Плачет где-то иволга, схороняся в дупло, / Только мне не плачется – на душе светло. / Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, / Слезем в конце свежие под соседний стог. / Зацелую допьяна, изомну, как цвет, / Пьяному от радости переезду нет. / Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, / Унесу я пьяную до утра в кусты. / И пускай со звонами плачут глухари. / Есть тоска веселая в алоях зари”. Когда мне было 12 лет, это стихотворение я списала в свой песенник из песенника своей одноклассницы» (094).

Сергей Есенин как объект «вызываний».

О Тюменской обл. в 1988–1989 гг.: «В возрасте 17–18 лет собрались мы втроём и решили погадать. Стали вызывать дух Сергея Есенина. Ночь в доме, тишина, родители спят. Напряжение на пределе. И вдруг в комнату открывается дверь, из темноты появляется огромный мужчина в белых трусах, мы чуть не умерили от испуга, так и обмерли, а он говорит: “Я вам вызову Сергея Есенина”. Оказалось, что отец подруги проснулся и подошел к двери, решил проверить, что мы делаем, войдя к нам» (590).

Сергей Есенин как предполагаемый автор текстов эротического характера.

О селе Уксянском в 1980-е гг.: «Итак, всё, что только запрещалось “цензурой”, учителями, родителями, разрешалось и с удовольствием исполнялось и придумывалось в компаниях. Говорили в школе о доброте и братской любви – сочинялись в противовес жестокие стишки и анекдоты, запрещали говорить о сексе, половых отношениях – всё это с великими чрезмерными подробностями обсуждалось в нашем кругу девчонок и парней. Помню, ходили рассказы, сочинения о половых отношениях и утверждалось при этом, что всё это написал сам великий Есенин. В них всё очень подробно описывалось: кого он имел и что делал в постели со своими возлюбленными, его чувства и чувства девушек» (599).

«ЕСЛИ б я был султан...» – песня (1967) на музыку А. Зацепина и слова Л. Дербенёва из кинофильма «Кавказская пленница».

В детской среде существовали многочисленные переделки (перетекстовки) данной песни.

О 1980-х гг.: «“Если б я был султан, / Я б имел мопед, / Мотоцикл “Урал” / И велосипед. / Я иду и курю / “Беломорканал”, / На пути светофор, / Я его сломал”. (Не помню дальше, её парни пели)» (522).

Переделки 1990 г. см.: Лурье, 1998–2; 469–470, 511.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ – «Совокупность наук о явлениях и закономерностях природы; естественные науки... Предмет школьного преподавания» (Словарь, 1954–3; 1278, 1279).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «На первом уроке Ольга Николаевна сказала что в четвёртом классе нам придётся работать гораздо больше, чем раньше, так как у нас будет много предметов. Кроме русского языка, арифметики и других предметов, которые были у нас в прошлом году, теперь прибавляются ещё география, история и естествознание» (Носов, [1952] 1965, 11).

ЕСТЬ землю – см.: *Земля, Землю есть*.

ЕСТЬ растения, употреблять в пищу растения.

О первой половине 1990-х гг.: «Ещё мы ели цветки акации весной, это было очень вкусно и модно среди сверстников» (019).

См. также: «*Бананчики*».

«**ЕХАЛА машина**» – детская игра.

О г. Далматово в нач. 1990-х гг.: «“Ехала машина”. Ведущий становился в двадцати шагах от участников игры спиной и говорил: “Ехала машина. Стоп!” – и поворачивался. В это время все игроки должны бежать вперед. Когда слова звучат, всем можно бежать, как только предложение закончилось, все должны остановиться и не двигаться, не шевелиться. Если ведущий заметит, что кто-то пошевелился, отправляет в конец. Кто первым добежит до ведущего и заляпает его, тот становится ведущим» (508).

«**ЕХАЛА машина тёмным лесом...**» – популярная в 1970-е 1990-е годы детская считалка.

О нач. 1980-х гг.: «Чаще всего мы играли в игры: ляпы, прятки, светофор. Играя в эти игры мы использовали разнообразные считалки; чтобы выбрать, кто будет галить. Вот, например: “Катилось яблоко по огороду / И упало прямо в воду / Бульк!”; “Ехала машина тёмным лесом / За каким-то интересом, / Инти, инти, интерес, / Выходи на букву “С”, / А на буквочке звезда / Отправляет поезда, / Если поезд не уйдет, / Пассажир с ума сойдет”. Иногда использовали формулу: Например, “Не я” – кто последний скажет, тот и галит» (546).

О Шадринске в 1989 г.: «Примерно в 1989 г. в нашем дворе была популярна такая считалка: “Ехала машина тёмным лесом за каким-то интересом, инти-инти-инти-рес, выходи на букву “с”, а на буквочке звезда, провожают поезда, если поезд не придёт, пассажир с ума сойдёт. Вот и поезд не пришёл, пассажир с ума сошёл”. Мы с подругами вставали в небольшой круг, лицом внутрь, выбирался один ведущий и начинал всех рассчитывать. На ком заканчивалась считалка, тот выходил из круга. Последний человек начинал игру, то есть был ведущим» (105).

О г. Завитинске Амурской обл. в 1993–1994 гг.: «Считалка (8–9 лет): “Ехала машина тёмным лесом, / За каким-то интересом. / Инте-инте-интерес, / Выходи на букву “с”. / А на буквочке звезда, / Там проходят поезда. / Если поезд не пройдёт – Пассажир с ума сойдёт. / Вот и поезд не прошёл, / Пассажир с ума сошёл”» (107).

Записано в г. Петрозаводске от девочки 11 лет в 2001 г.: «Ехала машина тёмным лесом / За каким-то интересом, / Инте-инте-интерес, / Выходи на букву “с”. / А на буквочке звезда, / Там проходят поезда. / Если поезд не пройдёт, / Пассажир с ума сойдёт. / Вот и поезд не прошёл, / Пассажир с ума сошёл. / А изх прятного вагона / Вышла Алла Пугачева» (Лойтер, 2005, 196).

Ср.: «*Шла машина тёмным лесом*»

«**ЕХАЛИ бояре...**» – начальные слова одной из разновидностей речитатива, определяющего начало игры в молчанку. См. также: *Молчанка, Ехали цыгане*.

О шестилетних детях в с. Красная Нива Шадринского р-на в 1990 г.: «Молчанка: “Ехали бояре, кошку потеряли. / Кошка сдохла, хвост облез, / Кто слово скажет, тот её и съест. / Кто засмеется, тот её крови

напьется”. По окончании все замолкают, кто первым произносит слово, тот проиграл» (102).

О г. Шумихе в 1991–1992 гг.: «“Ехали бояре, / Кошку потеряли, / Кошка сдохла, / Хвост облез, / Кто слово скажет, / Тот ее и съест, / Кто засмеется, / Тот крови её напьется”. Это была игра в молчанку (когда мне было 7–8 лет, мы часто играли с братом в молчанку). После произнесения этих слов, если кто-нибудь сказал слово или засмеялся, его начинали дразнить, что он кошку съел, либо напился её крови. Очень часто специально начинали смешить или пугать друг друга, чтобы добиться слова или смеха» (100).

О с. Межборном Притобольного р-на в 1992–2002 гг.: «“Ехали бояре, кошку потеряли. / Кошка сдохла, хвост облез, / Кто слово скажет, тот ее и съест. / Кто засмеется, тот её крови напьется. / Рыба, карась, игра началась”. После этих слов все должны молчать, не говорить и не смеяться. Так мы играли с друзьями, а также на уроках в школе, когда учительница выходила и просила вести себя тихо, но все начинали шуметь, тогда один из учеников (самый ответственный) кричал эти слова, и всё замолкали. Действовало всегда, без исключений. Но ненадолго, кто-нибудь не сдерживался (смеялся) или, забыв, говорил слово, тогда все сразу начинали говорить, снова моментально становилось шумно. Играли с 7 до 17 лет» (099).

«**ЕХАЛИ цыгане...**» – первые слова речевой формулы, определявшей начало игры в молчанку. См. также: *Молчанка, «Ехали бояре...*».

О 1993 году в г. Шадринске: «“Ехали цыгане, кошку потеряли, кошка сдохла, хвост облез, кто слово скажет, тот ее и съест”. Эта речевая формула произносилась в начале игры “молчанки”. После того как было сказано последнее слово указанной выше речевой формулы, участники должны были молчать; запрещалось смеяться, улыбаться. Тот, кто нарушил правило, тот якобы съел дохлую кошку. С этой игрой я познакомилась примерно в 8 лет» (103).

«**ЖАВОРОНКИ**» – орнитоморфные фигурки, выпеченные из теста.

Жаворонков кликать, жаворонков печь из текста – об обряде встречи весны. См.: *Закликанье весны*.

В России «в день Сорока мучеников и в другие праздники пекут птичек из теста, называемых жаворонками... В России дети бегут с ними на улицу, влезая на сараи, бросают “жаворонков” вверх и кричат... Или идут с ними в поле и кричат: “Жаворонок, жаворонок, на тебе зиму, а нам лето”... Жаворонки подбрасывают вверх со словами: “Жаворонки, жаворонки, прилетите, с собой весну принесите!”» (Гура, 1999, 191).

«...9 марта считался днём прилёта жаворонков – первых весенних птиц. Ребятишки собирались гурьбой, приносили с собой птичек – “куликов”, печёных из теста, привязывали их к высоким палкам, чтобы птичка качалась на ветру, и пели при этом весенние песенки: “Весна красна, / На чём пришла?” “На жёрдочке, / На бороздочке...”» [...].

«**ЖАВОРОНОК**» – худ.-иллюстрир. журнал для детей младшего возраста (8–12 лет) издавался в Петрограде с 1913 по 1918 г., в 1923 г. издание возобновилось, но вышло всего 4 номера двумя выпусками. «Лит. произв-я журнала, как и все прочие, очень далеки от жизни» (Колесова, 1993, 48–49).

О в Шадринске в перв. пол. 1910-х гг.: «Дедушка ничего не жалел для детей; выписывал много журналов: “Жаворонок”, “Солнышко”, “Природа и люди”, “Мир красоты”, “Нива”, “Родина” – с приложением худ. лит-ры» (Иовлева, 1995, 46).

«**ЖАДИНА-ГОВЯДИНА**» – этой формулой (или более длинной дразнилкой, в которую данная формула входит как составная начальная часть) дети на протяжении более полувека (с 1940-х по 1990-е годы) дразнят сверстников, которые, на взгляд произносящих эту формулу (или дразнилку), проявляют жадность, скупость, разные формы эгоизма.

1940-е гг.

О 1930-х – 1940-х гг.: «В нашем детстве, если среди ребят попадался ябеда, то дразнили его так: “Ябеда-корябеда, тухлая капуста, съела крысу без хвоста и сказала “Вкусно!”...” Ещё одна дразнилка. Ею дразнили жадного мальчишку или девчонку (предположим, что это Саша): “Жади́на-говя́дина, солёный барабан, кто на нём играет? – Сашка-таракан!”» (Семёнов, 1985; 13, 17, 19).

О начале 1940-х гг.: «Лилька... уплетала яблоко за яблоком и бросала в ребят огрызки. “Жади́на-говя́дина, дай хоть Витьке яблочко. У него на фронте батьку убили” – сказал Митька Локотков» (Курочкин, 1967, 53).

О 1947 году: «...Очень скоро Женька сказал: “Хватит! Слезь! Моя очередь!” Сереже страшно не хотелось слезать, он вцепился в велосипед руками и ногами и сказал: “Я хочу ещё! Это мой велосипед!” Но сейчас же Шурик его выругал, как и следовало ожидать: “У, жади́на!” А Лида добавила нарочно противным голосом: “Жади́на-говя́дина!” Быть жадиной-говядиной очень стыдно; Сережа молча слез и отошёл. Он удалился к тимохинскому плетню и, стоя к ребятам спиной, заплакал. ...Лида пискнула было: “Две жадины!” “А ты – паразитка, – ответил Васька. И еще сказал про Лиду нехорошие слова. – Не могла обождать, пока маленький научится...”» (Панова, [1955] 1956, 432–433).

1950-е гг.:

О 1950-х гг.: «“У-у, жади́на-говя́дина! – с возмущением крикнул Вася – Она просто жалеет...” “Не жалею, а у меня мало”, – упрямо повторила Люся...”» (Могилевская, 1959, 31).

О 1950-х гг.: «“Жади́на-говя́дина – вот кто ты!” “А ты жила! – выкрикнул Валерка. – Забил мою удочку вместе с крючком... Жила!”» (Козлов, 1960, 56).

О девочке 2,5 лет в 1957 г.: «1 марта [1957 г.]... Вечером дразнит брата: “Жади́на-говя́дина”. “Оленька, так нельзя говорить, так плохо”. “Игорь так сказал”. “Он ошибся”. Девочка тут же обращается к брату: “Ты никогда-никогда не будешь так говорить? Нет? А то люди скажут: “Какой у этой девочки братик плохой! Чему научил!”»» (Низова, 1961, 143).

1960-е – 1970-е гг.

О перв. пол. 1960-х гг.: «“Хм, – сказал папа. – И как же они дразнятся?” “Плакса-вакса, жади́на-говя́дина... по-всякому. Такие противные девчонки!”» (Аксёнова, 1966, 79).

О середине 1960-х гг.: «А на улице Наташе тоже не с кем играть: дети её “жадиной-говядиной” дразнят» (Коссаковская, 1967, 19).

О середине 1960-х гг.: «“Всё равно, – ... заявил Эдик. – Я – капитан!” В спор вмешалась Люда: “Ты не капитан, а жади́на-говя́дина, надутый барабан!” Солидарные пассажирки обрадованно подхватили: “А на нем играет / Эдька-таракан!”» (Леонидова, 1968, 36).

Запись 1978 г.: «“Жади́на-говя́дина, / Пустая шоколадина”; “Жади́на-говя́дина, / Солёный огурец, / По полу валяется – / Никто его не ест. / Муха прилетела, / Понюхала и съела”» (Лойтер, 1991, 124).

1980-е гг.

О начале 1980-х гг.: «Дразнилку я помню только одну: “Жади́на-говя́дина, солёный огурец, на полу валяется, никто его не ест!”, были, конечно, и другие» (545).

Запись 1984 г.: «Жади́на-говя́дина, / Турецкий барабан! / “Кто на нём играет?” “Вася-таракан!”» (Лойтер, 1991, 125).

О середине 1980-х гг.: «Когда играли со всеми во дворе, то часто можно было услышать такие слова: “Жади́на-говя́дина – / Солёный огурец, / На полу валяется, / Никого не ест”» (537).

Запись 1987 г.: «Жади́на-говя́дина, / Солёный огурец, / Никто тебя не любит, / Никто тебя не ест!”» (Лойтер, 1991, 125).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Девичьи дразнилки:... “Жади́на-говя́дина, пустая шоколадина”» (534).

О второй половине 1980-х гг.: «Девичьи дразнилки... “Жади́на, говя́дина, простая шоколадина”» (538).

1990-е гг.

О девочке 7 лет в с. Кундрвы Челябинской обл. в 1993 г.: «Когда кто-то из одноклассников, друзей появлялся в школе, дворе с какой-нибудь интересной

вещицей и не давал ее никому, то мы обычно говорили ему “жадина-говядина”. Это всегда звучало обидно и оскорбительно» (141).

О девочке 6–9 лет в г. Далматово в 1993–1996 гг.: «“Жади́на-говя́дина, больша́я шоколади́на!” – так говорили в детстве. Обзываетельная фраза. Говорили человеку, который чем-либо жадничал. Позже этого человека могли долго так дразнить» (136).

В в. с. Половинном Половинского р-на в 1993–1997 гг.: «Если пожадничашь – сразу шёл шквал криков, типа: “Жади́на-говя́дина, / Соле́ный огурец, / По полу катается, / Никто его не ест. Фу, жмот!” После этого делали обиженное выражение лица» (016).

О 1995 г.: «Мне было лет 10, а моей сестре Свете – 11. Она приехала ко мне в гости на летние каникулы. Света научила меня следующей обзываетке: “Жади́на-говя́дина, / Соле́ный огурец, / По полу валяется, / Никто тебя не ест”» (068).

О середине 1990-х гг.: «Когда кто-то выходит с чем-то съедобным или предметом интересным для другого, а он не дает его, то ему говорят: “Жади́на-говя́дина – / Соле́ный огурец, / Никто его не любит, / Никто его не ест, / Муха прилетела, / Понюхала и съела”» (017).

ЖАКЕТ (у девочек) – О середине 1900-х гг.: «Навстречу им шла рыжая девочка... На её ногах были козловые башмачки, короткой стеганый жакет ладно облегал ее фигурку; жакет был из дешевой грубой материи...» (Кононов, 1958, 330).

ЖАЛКО – у пчёлки... – фольклоризированный ответ на сказанное кем-либо «Жалко».

По существующей несколько десятилетий (по меньшей мере, с 1960-х гг.) детской фольклорной традиции на произнесённое кем-либо «...Жалко» (в значении: «жал») принято озвучивать формулу: «Жалко – у пчёлки...» («жалко» – в значении «жало»).

О середине 1980-х гг.: «Жалко? – Жалко у змейки в шейке, у пчелки в попке, у собачки в с...ачке» (534).

ЖАРГОН – «Речь какой-л. социальной молм профессиональной группы, отличающаяся от общеразговорного языка особым составом слов и выражений, например, студенческий, школьный жаргон...» (СИ, 1994, 218).

Жаргон ученический.

О русских гимназистах в Чехии в 1920-е гг.: «Неудовлетворенность обычным разговорным языком в вопросах, наиболее близко касающихся личной жизни, всегда влекла ученика к собственному словотворчеству или созданию собственного жаргона. Часть словаря, относящаяся к понятиям, эмоционально окрашенным, наименее константна, наиболее богата и разнообразна... В этой области с наибольшей силой проявляется творч. деят-сть языка в смысле создания новых слов, стилей, жаргонов... Отлично (эмоция восторга): на ять, на пи, на дзец, на ю пи, смачно, сочно, чики, чекичу, шик-мок, цимис, фортово, на пи фермач. Слова-ругательства (уличный жаргон): зануда, застёба, затруха, псих, рахитос, шкет, халуйка, халупёный. Мягче и иной по происхождению “верблюд”, совсем снисходительно “цыпочка” – чудак... Императивные понятия (жаргонные): вались, катись, отскочь, сыпсья (со значением “иди прочь”) или заткнись, закройся, закрой гудок (со значением “замолчи”). Просить окурок – стрелять бычка... Аккорды так называемой блатной музыки: зажать, слимонить, слямзить, спереть, спулить, стибрить (украсть); драпать, смяться, ушитьсья, улизнуть (убежать); выгнать – наладить; драгьсья, бить – гвоздить, лускать, накостьлять, навернуть, сунуть, приварить, спустить сапало; есть, кушать – рубать, шамать; обманывать – брать на арапа (Одесса, портовое), брать на понт, брындить, наливать, садить на кохтю; смотреть – зыритьсья, стрёмать; сторожить – стоять на шестой; опасность – шесть!; спать – кемать; громко смеятьсья – ржать; плакать – скаучить; револьвер – шпалер; продать – загнать; обозначение процесса ухаживания – влопатьсья, втрескаться, вториться, разводить шуры-муры, стрелять. Для того, чтобы роман начался, нужно обратить на себя внимание, то есть, по-тшевски (моравский Тшебов в Чехословацкой Республике – здесь находилась наиболее

обеспеченная и многолюдная русская гимназия из имеющихся [во вт. пол. 1920-х гг.] за рубежом) дать пить, дать гвоздя, гваздануть, придавить или просто давить марку, давить фасон, а то и просто задаваться и фасонить. Если в ухаживании постигла неудача, это значит, что неудачник получил чайник (“отказ”). Нужно сказать, что все эти слова, разные по источнику (например, давить марку и фасон – юнкерское, стрелять – вообще военное) – старые слова из языка других русских социальных групп. Новое, кажется, самое объяснение в любви и помощи цифрового шифра: “Я вас 12, 32 и 2, 12, 32” – то есть “Я вас л (12 буква алфавита) ю (32-я), б (2-я), л (12-я), ю (32-я)”... Советская “буза” – ерунда – тоже имеется в описываемом жаргоне. Лицо – сапало, хряпало, ряшка; голова – буёк (одесское, из морского жаргона), рот – гудок (там же), ноги – лыжи, оглобли, циркуля; кикало (футб.). Вместо “нет” – турецкое “ёк”. Если ученик неудачно сострил, то кто-нибудь из его приятелей слушателей подымет руку и говорит: “пощекочи”, желая тем показать, что только при таком вспомогательном средстве острота будет смешной» (Копецкий, 1929; 220–221, 223–225).

Жаргон воровской в детской речи.

О 1914–1927 гг.: «Через уличную среду в речь юного поколения ворвались два мощных вербальных потока ненормативной лексики: мат и воровской жаргон (“блатная музыка”)... Рабочая среда, в которой мат и блатной жаргон имели широкое распространение, через своих младших представителей оказывала влияние на детей из других социальных слоев. Обычно в рабочих семьях знакомство с уличным языком начиналось буквально с пеленок... Опред. кол-во детей из этой среды и в прошлом попадало в сред. учеб. заведения, но под влиянием окружения довольно быстро меняло свои языковые навыки. Теперь же в школу (главным образом в младшие и средние классы) ворвалась толпа тех самых уличных мальчишек, которых так боялись раньше благопристойные семьи гимназистов. Эта толпа принесла с собой новый языковой стиль, уличный словарь и очень примитивный синтаксис. Под ее массивированным воздействием стала быстро преобразоваться шк. языковая среда... Жаргон дорев. школы со всеми его звучными и выразительными словечками не идет ни в какое сравнение с тайным лексиконом, рожденных в мире проф. преступников. “Блатная музыка” имела необыкн. притягательность для школьников и как сладкий запретный плод, и как отзвук необыкновенного угловно-романтич. мира, и как источник естественной, непосредственной выразительности. Неожиданные, звучные, грубые слова быстро заполнили обиходный школьный лексикон: “хаза”, “маза”, “сарма”, “мура”, “буза”, “клёво”, “хряпать”, “шамать”, “скисовать”, “плитовать” и т. п. Блатной жаргон в сравнении с привнесшими затасканными выражениями обычного языка был экспрессивен и многообразен в своих формах. Чего стоит, например, набор синонимов глагола “замолчи” – “заткни хайло”, “закрой плевательницу”, “закрой хлебало”, “закрой чавкало (чавку)”, “захлопни”, “засохни”, “брось подметками шлепать”, “сядь в калошу, лаптем накройсья”, “закрой харчевню, а то щами пахнет”; глагола “побью” – “плох навешу”, “выдам банок”, “шватырок надаю”; глаголов “обманывать”, “врать” – “взять на понт”, “лепить горбатого”, “свистеть”, “заливать” и т. д. Словарь жаргона ярославских школьников, составленный в 1926 г. студентами лингвистического факультета местного пединститута, включил более полутора сотен слов блатного языка. Популярность среди учащихся этого языка поддерживалась еще и тем, что жизнь уголовной шпаны и школьников имеет нечто общее: те и другие находятся под надзором и рискуют “зашухериться” и “завалиться”. Поэтому наиболее употребительными были те слова, что вызвали к бдительности: “зек”, “зекать”, “шухер”, “стрём”, “застрёмить”, “засыпаться”, “легавый” и т. п. Но, разумеется, в устах школьника, многие слова воровского жаргона приобретали новые значения, соответствующие его жизненному опыту. Так, слова “сбагрить”, “сбачить”, “спуырить”, “стырить” и др.

стали означать: “взять без спроса” (“Я стындрю у воспиталки ключик, задам стрекача, только меня и зекали”), а грозное “пахан” – старшего, более сильного ученика, командующего “шкетами”. Блатной словарь сочетался со словечками традиционного школьного жаргона, представлявшими иногда творчество самих детей, такими как “слабо”, “ни фига”, “нафиг”, “напсих” (зачем – “Напсих ты мне сдалась!”), “ёла!” (выражение удивления и восторга – “Я был в киношке. Ёла!”) и др» (Балашов, 2003, 139–141).

О вт. пол. 1920-х – начале 1930-х гг.: «Откуда в правильный, чистый русский язык влился этот жаргон – одесский, тюремный, воровской? Некоторые ученые филологи, исследователи языка, думают, что блатный язык пришел к нам от уголовников, выпущенных в Февральскую революцию из тюрем. Уголовные проникли в армию, во флот и всюду внесли свой язык. Вернувшись из армии, старшие братья передали эти слова младшим, и так случилось, что теперь часто молодежь и ребята говорят из десяти слов пять жаргонных. Мало того, говорить “свойским” языком считается особым молодежеским, признаком “хорошего тона”. “Если так разговаривает – значит свой парень”. Поэтому, поступая в школу или пионеротряд, парнишка или девочка первым делом стараются усвоить все эти “бузи”, “гоня”, “катись” и т. д... Часто взрослые пользуются “свойскими” словами для того, чтобы подладиться к молодежи, показать, что они с нею “на равной ноге”... Есть блатный язык одесский и сибирский. “Свойский” жаргон заимствовал слова от обоих. Некоторые ребята так привыкают говорить испорченным языком, что забывают, как это слово говорится по-русски, по-настоящему. Между тем все они отлично знают, что этот язык неправильный, не литературный, ни в печати, ни в книгах не употребляемый. Надо делать стенгазету, и ребята мучительно выискивают в памяти завалявшиеся где-то правильные слова, литературные или политически нужные. Надо послать корреспонденцию в “Пионер” и “Пионерскую правду”, и деткор тщательно подбирает выражения, избегая всех слов, которые могли бы напоминать о „свойском” языке. Для ребят “свойский” язык – это как корь, как увлечение стихоплетством. Каждый должен пройти сквозь пошлый строй этих словечек. В старой, дорев. гимназии гимназисты, скрывающие все свои незаконные “делишки” от строжайшего начальства, выдумывали свои языки. Был язык просто с приставкой “рцы”. “Иванов, беги-рцы, надзиратель-рцы идёт-рцы”. Был и посложнее, с разбивкой на слога: “Ты-сы-чу-че-сы-го-чу-спи-сы-сы-чу-ваешь”. Все эти выдуманные языки, коды, жаргоны, блатные слова имеют явный душок чего-то нечистого, нечестного, скрытного и преступного. В “свойском” языке, например, нет ни одного слова, означающего одобрение или попросту порядочный поступок. Прислушайтесь: “не трепись”, “не бузи”, “не заливай” или: “стоять на стрёме” (сторожить), “застукаться”, “зашитесь”. В советской школе, где все основано на взаимном доверии, где нет ни шпииков-надзирателей, ни строгих инспекторов, где, как в огромном учебном цеху, идет дружная работа, ребятам незачем скрываться и придумывать свой код. Поэтому “свойский” язык – просто дурная привычка, с которой нужно бороться. И мы боремся с ней, потому что этот язык порождает кастовщину, кружковщину, обособляет ребят, мешает их развитию, портит, опошляет литературный язык. “Свойскому” языку не место в советской школе» (Кадманок, 1931, 16–17).

Ср.: *Тайные языки*.

«**ЖАТЬ масло**», «давить масло» – развлечение игрового характера.

Об Украине 1910-х гг.: «Мальчики сидели на партах, тесно прижавшись друг к другу, и под самым носом учителя толкались, чтобы согреться, и тихо щипали друг друга, приговаривая: “Жми масло...”».

Описание жизни воспитанников интерната нач. 1920-х гг.: «В ожидании завтрака они [воспитанники интерната], как умели, коротали субботнее время и согревались.

Вдоль стены «жали масло»: цепь десятка в полтора ребят, затискивав одного подростка в угол, давила его до тех пор, пока он, весь красный, чуть не со слезами на глазах вырывался. Подросток тут же перебежал в другой конец цепи и с азартом начинал давить плечом ближнего, “выжимая масло” из того, кто теперь оказывался в углу» (Авдеев, [1957] 1971, 5–6).

О начале 1930-х гг.: «Зимой в перемены толклись в коридорах и маленьком верхнем рекреационном зале, где в углах с азартом “жали масло”» (Самойлов, 1993, 224).

О Ленинградском нахимовском военно-морском училище в 1940-е – 1990-е гг.: «...С позапрошлого века до начала XXI сохраняется кадетский набор проступков и шалостей: “давить масло”, устраивать “кучу малу”...» (Зиновьева, 2003).

Возможно, действие «жать масло» ведет свое происхождение от действия «выжимать масло». О нём, излагая правила игры в «пыж», пишет в начале 1840-х гг. И.П. Сахаров: «Если бы кто из игроков задумал спорить, то из него *выжимают масло*. Это делается так: один из игроков прижимает спорщика к себе, а другой к себе – палками. Спорщик сквозь слезы соглашается продолжать игру» (Сахаров, [1841] 1997, 164).

ЖВАЧКА – «табак, резина и т. п., употребляемые для жевания» (Словарь, 1955–4, 43); в 1980-е – 2000- гг. – разговорное название *жевательной резинки*.

О 1945–1946 гг.: «Слюна моментально заполнила Лёнькин рот. Он зло, длинно сплюнул и купил жвачку. Это была настоящая жвачка, из канифоли, а не черный липкий гудрон, который постоянно жевали нахаловские и кирзаводские ребята Ленька бродил по базару и жевал жвачку» (Чумичев, 1987, 56).

О пятиклассниках в 1970-е гг.: «Таня принесла в класс пакетик апельсиновой жвачки, которую папа подарил ей вчера. “Апельсиновая – самая вкусная, – сказала Людка и разделила жвачку пополам, половину – себе, половину – Тане. Настоящая подруга. Таня мечтала о такой подруге всю жизнь» (Матвеева, [1982] 1986, 164).

О конце 1970-х – нач. 1980-х гг.: «И я назвал её [собачку] Лёлькой – по имени заграничной жвачки, “лелики-болики”, о которой знал, то есть видел у мальчишки обёртку от неё. О жвачках слышали, наверное, все дети, но мало кто знал, какого они вкуса, цвета и даже – для чего или как их надо жевать. И если появлялся мальчик и показывал всем, хвастаясь, обёртку от жвачки, то эту обертку ему приходилось не только давать поглядеть: дети долго по кругу её нюхали, как собачки, а то и норовил кто-то лизнуть. У “леликов-боликов”, у обёртки разноцветной, был приятный ванильный запах, почти как от варенья. О жвачке я мечтал равно с той страстью, что и о собаке» (Павлов, 2003).

Кидать «жвачку» в волосы – вид детского озорства.

«В 1996–1997 гг., когда мне было 10–12 лет, в нашем дворе было очень распространено кидаться колючими шишечками репья. Особенно страшно, когда этот репей попадал в волосы: репей невозможно было вытащить – он плотно вцеплялся в волосы и спугивал их так, что приходилось выстригать волосы вместе с репейником... Многие девчонок после этого родители подстригли под “карэ”, но мои длинные волосы героически спасла мама. А уже в школе в волосы стала попадать жвачка – вот уж её-то совсем не достать из волос, поэтому подстричь меня все же пришлось. Эта забава продолжалась месяц или два – но уже в 1998 г. (12 лет) жвачкой больше никто не кидался – её начали приклеивать к стульям» (012).

ЖЕВАННАЯ бумага – бумага, размятая зубами и смоченная слюной.

Жёваной бумагой мальчики на уроках «стреляли» в одноклассников.

О вт. пол. 1950-х гг.: «...Сразу после звонка перед пением в классе началось такое, чего Илья за весь день не видел. Мальчишки стреляли друг в друга жеваной бумагой, девчонки шушукались и хихикали» (Баздырев, 1961, 46–47).

О конце 1970-х гг.: «У неё будет много друзей. Девчонки на переменах будут наперебой звать её в буфет. Мальчишки будут кидать в неё жёваной бумагой» (Матвеева, [1982] 1986, 22).

О девочках-подростках в г. Лянторе в 1999–2000 гг.: «В классе 8–10 мальчики на переменах делали трубочку из ручки, вынимая стержень и плевались друг в друга жеваной бумагой» (015).

ЖЕВАТЕЛЬНАЯ резинка, жвачка – вид лакомства.

До 1980-х годов привозилась только из-за границы и была объектом желаний и предметом зависти многих детей 1960-х–1980-х годов.

О середине 1970-х гг.: «...я назвал [собачонку] Лёлькой – по имени заграничной жвачки, “лёлики-болики”, о которой знал, то есть видел у мальчика обертку от неё. О жвачках слышали, наверное, все дети, но мало кто знал, какого они вкуса, цвета и даже – для чего или как их надо жевать. И если появлялся мальчик и показывал всем, хвастаясь, обертку от жвачки, то эту обертку ему приходилось не только давать поглядеть: дети долго по кругу ее нюхали, как собачки, а то и норовил кто-то лизнуть. У “леликов-боликов”, у обёртки разноцветной, был пряный вишневый запах, почти как от варенья. О жвачке я мечтал равно с той страстью, что и о собаке...» (Павлов, 2003).

О пос. Увельский в 1977 г.: «Первый раз жевательную резинку я попробовала в десять лет, в 1977 году. Мама привезла несколько пластиночек из Болгарии, где отдыхала по турпутёвке. Жвачка была невероятно вкусной, и мы выбросили её только тогда, когда она совсем почернела. А так как “двигать челюстями” хотелось постоянно, мы жевали резиновые вкладыши из пробки от духов и одеколонов, жевали берёзовую кору и кусочки гудрона» (Забуга, 2007, 4).

В середине 1980-х гг. начала производиться отечественная жевательные резинка – «апельсиновая», «мятная» и «клубничная». [...]

О 2006–2007 гг.: «...Меньше всего на свете я хотела бы... узнать... биохимический состав... любимой жвачки [моих детей]. И почему так происходит, что она красит язык фиолетовым, будучи сама скорее малиновой. Пожалуй, мне было бы легче ощутить гармонию с миром, если бы я так и не узнала, что дешёвые чипсы, жвачку и прочий отстой мой старший сын постоянно покупал не где-нибудь, а в shk. библиотеке вместо завтраков» (Метелица, 2007–2, 12).

Щёлкать жевательной резинкой.

О начале XX века: «Огняניתь назад, на детство: вы вспомните, что в каждом из училищ, в каждой гимназии была такая неожиданная вспыхивающая эпидемия: вдруг – игра в перья! И все мальчишки, все классы с головой уходят в дурацкую игру... Но однажды, во время разгара игры в перья, кто-то, разжевав резинку, на что ушла добрая половина дня, надул воздухом разжёванную массу и причудливо щёлкнул ею. И вдруг первая эпидемия (игра в перья) сразу... прекратилась... И вместо перьев – целые ряды безмолвно сидящих за партами мальчишек, с дурацки благоговейными лицами, с выпученными от напряжения глазами, с механически, как машина, двигающимися челюстями... весь класс заболел новой эпидемией. Это – весь класс жуёт резину из-за сомнительного наслаждения один раз щёлкнуть ею. Лица людей, играющих в лото, напоминают мне физиономии мальчишек, жующих целыми часами резину, чтобы один раз щёлкнуть ею» (Аверченко, 1991, 99–100).

ЖЕВАЧКА – «В детской речи: жевательная резинка, жвачка (во 2 знач.)» (Ожегов, Шведова, [1994] 1996, 186).

ЖЕЛАНИЕ – см.: *Игры детские, Игры на выполнение желаний.*

«**ЖЕЛЕЗНАЯ дорога**» – стихотворение (1864) *Н.А. Желасова*. С 1950-х гг. изучается в школе (5–6 классы).

ЖЕЛЕЗНАЯ дорога игрушечная.

О начале XX века: «“А железная дорога есть?” – решил я опросить толстую... барыню, которая наблюдала за этим игрушечным кладом и развлекала окружающих ее дам игрушками, заводя их и демонстрируя. “Есть, голубчик... Вот она!” Действительно, под самым моим носом стояла железная дорога. И как я не заметил ее раньше?! Паровоз, из трубы несущие клубы белого дыма из ваты, вагоны – зеленые, желтые, синие... “Она ходит?” “Ходит. А тебе хочется

железную дорогу?” “Хочется”, – сказал я, потупив в пол взоры... “Она ходит?” – повторил я вопрос... “Разве заводится? – спросила одна из дам. “Да”. Толстая барыня завела пружину, и вагоны покатались... Я был в восторге» (Чириков, 1918, 128).

Об игрушке царевича в 1910-х гг.: «Когда мне было лет восемь или девять [1949–1950 гг.], был у нас знакомый часовщик – Вакулка... Один раз отец пошёл отдавать ему часы и взял меня... Из шкафа была извлечена на свет железная дорога. Шпалы деревянные, рельсы крепятся настоящими костылями – миллиметровыми, старинные вагоны в мельчайших подробностях: открываются двери, опускаются окна. Но главное искушение – паровоз!.. Вакулка залил воду, натолкал в топку щепочек, разжёл, поднялись пары – пых-пых, пых-пых – и поезд поехал! Шагуны ходят, медные части блестят, гудок гудит. Позже я узнал, что дорога эта досталась Вакулке из дворца в Ливадии, когда там после революции распродавали игрушки наследника.) Вакулка меня подначивал: “Серёга, скажи папке, пусть купит!” Боже как мне хотелось этот паровоз!.. Царская игрушка стоила, наверное, не меньше хорошего костюма» (Чулаки, 1984, 126).

О вт. пол. 1960-х гг. «Шести- и семилетним детям хорошо покупать наборы образных игрушек на интересные для них темы: “Зоопарк”, “Город”, “Колхоз”, “Железная дорога”, “Детский парк” и т. д.» (СВ, 1967, 99).

ЖЕЛЕЗНО – слово, приобретшее в 1940-е – 1960-е гг. популярность в мальчишеско-подростковой среде и означавшее приблизительно «точно», «надёжно», «наверняка», «несомненно», «обязательно», «гарантированно».

О 1945 г.: «“А уж родного языка не знать, – добавляет Вихров, – это самое последнее дело... А иной человек, своего языка не зная, тоже вроде по-собачьи лает: “железно”, “килять”, “шмара”...» (Нагишкин, [1957–1961] 1965, 380).

О деревне в 1954 г.: «“Сдаст, – упрямо повторил Санька. – Мы с Мишкой сколько вечеров подряд учили... Диктовки писали... Вот увидите: законно сдаст. Железно”. Сенька с гордостью оглядел присутствующих, как бы желая убедиться, какое впечатление произвели его слова. “Сдал, Мишка?” – посыпались вопросы. “Делов-то!” “На сколько?” “Как всегда...” “На “пятерку?”” – засиял Санька. “На “тройку” с минусом”. Звонкий смех был ему ответом... “Законно”, – скосив на Саньку глаза, сказал Алёшка. “Железно”, – фыркнул Женька, и стены сарая дрогнули от хохота» (Никонов, [1958] 1962, 146–148).

О 1950-х гг.: «Заметный даже в массе /Других учеников, / Был атаманом в классе / Алёша Козырьков... / Высказывался кратко / Алёша Козырьков – / Не более десятка / Имел в запасе слов. / “Железно!” – замечал он. / “Законно!” – добавлял, / И это означало: / Превыше всех похвал» (Серова, 1960, 15–16).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Ничто так ясно не выражает культуры человека, как его речь... Скажет человек: “Ты хотишь пить?” или “Железно выучил уроки”, и его низкий культурный уровень становится для всех очевидным» (Товарищ, 1961, 153).

О шестиклассниках в середине 1960-х гг. «Озябли руки, всё тело дрожит. Как бы согреться?.. “Я уже пальцев не чувю”, – сказал Вова. “Я тоже, – сказал Витя. – Может, позвонить Сене, вызвать смену?” “Не надо”. “Конечно, не надо. Это я так сказал. Мы выстоим”. “Железно!” И они выстояли, продрогшие мальчишки...» (Кузьмин, 1966, 82).

О середине 1960-х гг.: «Мальчишка лет тринадцати... вертел карманным фонариком. Рядом с ним стоял парень лет семнадцати. “Почему ты не пришел сегодня, как было условлено?” – обратился мальчишка к Севке. “Не мог. – Севка приподнял брови. – А разве я обязан?” “Слово держат железно!” – сказал Толик... “Да, слово, данное корешу, держать полагается...” – сказал незнакомый...» (Котовщикова, 1969, 261).

См. также: *Железный, Законно.*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ училища – проф. учебные заведения, готовившие квалифицир. рабочих ж.-д. транспорта. Созданы на основании указа Президиума Верх.

Совета СССР от 2 окт. 1940 г. В 1958 г. ж.-д. училища были преобразованы в специализир. гор. профтехучилища со сроком обучения от 1 года до 3-х лет, в которые принимается молодежь с 8-летним образованием.

ЖЕЛЕЗНЫЙ – слово, приобретенное в 1950-е – 1960-е популярное в мальчишеской среде и означавшее приблизительно «качественный», «отличный», достойный высокой оценки.

О перв. пол. 1960-х гг.: «Отец показал на... шпиль собора Петропавловской крепости и сказал: “Видишь?...” “Ценный шпиль”, – кивнул головой Вадик... “Ростральные колонны...” – пояснил отец... “Вот законные!” – воскликнул Вадик... “Что ты сказал?” “Ценные, говорю, колонны”. “Да, действительно, стоили недешево”. “Нет, я не об этом”, – рассмеялся Вадик. “О чём же?” “Железные, говорю» (Минчковский, 1966, 63–64).

См. также: *Ценный, Законный.*

ЖЕЛЕЗНЫЙ лом – см.: *Собирать металлолом, железный лом.*

«ЖЕНИХ и невеста» – традиционная дразнилка мальчика и девочки, которые дружат и проявляют (обнаряживают) симпатию друг к другу.

О 1947 г.: «Женька углядел мое повышенное внимание к сестре и решил пошкродничать. Однажды утром на самой приметной стене дома напротив колдца обнаружилось написанное мелом: “Слава + Лида = Любовь”... Я догадывался, чьи это проделки. Впрочем, Женька и не отрицал, действуя уже в открытую. Надписи участились, появились уже на заборе. Стоило мне с Лидой появиться у ворот, Женька строил рожу и надсадно горланил: “Жених и невеста – кислое тесто...” Сестра гналась за ним, но Женька ловко перемахивал через забор и отрывался» (Гай, 1987, 49–50).

Об учениках 4 класса в конце 1950-х гг.: «Наконец рубль шестьдесят четыре копейки были собраны. Васютка едва дождался Нади и, отведя её в дальний угол класса, сообщил: “У меня всё в порядке”. “И у меня”, – сказала Надя. “Смотрите – шепчутся жених и невеста!” – закричал явившийся в дверях Генька... После уроков Васютка вышел из школы вместе с Надей. Резкий ветер расстегнул её пальто, выдернул шарф. “Подержи, пожалуйста”, – попросила она, протягивая Васютке портфель. “Ха! Жених и невеста! Посмотрите, жадина её портфель носит”, – вновь послышался визгливый Генькин голос. Васютке захотелось ударить его портфелем по голове. Надя удержала: “Не надо. Он просто невоспитанный мальчик. – Она помолчала и, взяв у Васютки портфель, спросила: “И почему у вас мальчики с девочками не дружат? Моя мама говорит, такая дружба облагораживает”» (Дягилев, 1961, 55).

ЖЕНСКАЯ школа – см.: *Женские школы.*

ЖЕНСКИЕ гимназии – сред. общеобразовательные учеб. заведения в России. Заслуга орг-ции женских гимназий в России принадлежала Н.А. Вышнеградскому, большой вклад в постановку женского образования внесли В.И. Водовозов и К.Д. Ушинский. В 1858 г. были открыты или предназначены к открытию училища в Вологде, Тотьме, Твери, Усть-Сысольске, Рязани, Чернигове, Туле, Смоленске и Нижнем Новгороде. Им было присвоено название гимназий, так как учебный курс их по существу мало чем отличался от мужских гимназий. В 1873 году в России было 55 женских гимназий, в которых обучалось около 9 тыс. девочек, в 1893 году – 143 женских гимназии с 40 тыс. учениц, в 1915 году в России имелось 913 женских гимназий.

Существовали гос. и частные женские гимназии (см.: *Женские частные гимназии*). Жен. гос. гимназии разделялись на два типа – *Женские гимназии Министерства народного просвещения* и *Женские Мариинские гимназии*.

Ист.: Константинов, 1956, 9–10, 20, 21,30; Латышина, 1998, 336.

О 1880 г.: «И Наде одиннадцать, но она может остаться на второй год. Ученье в гимназии, где всё надо зубрить “от сих до сих”, где все девочки в шерстяных платьях сидят на первых партах, а в сатиновых – позади, где учительницы ласковы только с “шерстяными” гимназистками, которые приезжают в гимназию в

собственном экипаже, – просто невыносимо. Надя выходила из дома..., хорошо зная урок, а переступая порог Лиговской гимназии, попада[ла] в переполненный тесный класс, где за партами сидело пятьдесят человек... Когда её вызывали к доске, она вдруг всё начисто забывала, сжимаясь под насмешливыми взглядами “шерстяных” гимназисток. “Можешь садиться”, – говорила учительница тоном, в котором слышалось: “Толку из тебя не будет”, и старательно выводила в журнале двойку. За рукой учительницы следили “шерстяные” гимназистки» (Воскресенская, 1973; 98, 99).

ЖЕНСКИЕ гимназии Министерства народного просвещения – вид государственных *женских гимназий*.

В 1858 году было утверждено Положение о женских училищах ведомства мин-ва нар. просвещения. Они создавались как непривилегированные всесословные общеобразоват. учеб. заведения, предназначенные в основном для городского населения «среднего достатка».

В 1870 году жен. училища переименовываются в «женские гимназии» и получают свой устав. В гимназию принимали девочек 9–12 лет, умеющих читать, писать, считать. Ношение формы для гимназисток всех классов было обязательным. Одежда гимназисток включала форменное платье, как правило, зеленого или коричневого цвета, и фартук (передник). По будням полагалось носить черный фартук, а по торж. и праздничным дням – белый. Обучение в них было семилетним, восьмой класс был педагогическим. После семи классов воспитанницы получали аттестат учительницы нач. школы, по окончании восьми – домашней учительницы, окончившим с медалью – домаш. наставницы. После окончания восьми классов можно было поступить без экзаменов на платные Высшие женские курсы.

«Из всех типов сред. учеб. заведений, финансировавшихся казной, в наиболее неблагоприятном положении находились женские министерские гимназии. Да и само это финансирование носило довольно условный характер. В 1910 г. на содержание действовавших в стране 700 женских гимназий, подведомственных Мин-ву нар. просвещения, было израсходовано около 11 млн. рублей, из которых казна дала лишь 870 тыс. рублей. Остальную сумму составляли обществ. средства, причем на первом месте стояла плата родителей за обучение. Таким образом, и в начале XX в. жен. сред. школа развивалась в России преимущественно как общественная. Внутренний строй жен. гимназий определялся “Положением” 1870 г., действовавшим без существенных изменений вплоть до 1917 г. Женские гимназии состояли из семи основных классов с годичным для каждого класса курсом обучения. При гимназиях могли организовываться и дополнительные, восьмые классы как с одногодичным, так и с двухгодичным курсом обучения, предназначавшиеся для подготовки выпускниц к пед. деят-сти. Предметы преподавания в жен. гимназиях делились на обязат. и необязательные. К обязательным относились: закон божий, русский язык (грамматика и знакомство с важнейшими произв.-ми словесности), арифметика с приложением к счетоводству и основания геометрии, география всеобщая и русская, история, главнейшие понятия из естественной истории и физики с присовокуплением сведений, относящихся к домашнему хозяйству и гигиене, чистописание, рукоделье, гимнастика. В числе необязат. предметов были фр. и нем. языки, рисование, музыка, пение, танцы. Уже одно перечисление изучавшихся в жен. гимназиях предметов свидетельствовало об их неполноценности по сравнению с муж. гимназиями. Значит. облегченностью отличались и программы учеб. дисциплин жен. гимназий. Эти различия офиц. педагогика объясняла необх-стью учета “особенностей женской природы”» (Очерки, 1991, 114–115).

Курс обучения в жен. гимназии Мин-ва нар. просвещения был несколько выше, чем в Мариинских жен. гимназиях.

Поскольку все жен. гимназии Мин-ва нар. проsv. были платными, обучение в них стоило сравнительно дорого, постепенно жен. гимназии стали привилегир. учеб.

заведениями. Дочери менее состоятельных родителей посещали жен. прогимназии.

Ист.: Константинов, 1956, 9–10, 20, 21, 30; Латышина, 1998, 336.

ЖЕНСКИЕ гимназии ведомства императрицы Марии – см. *Женские Мариинские гимназии*.

ЖЕНСКИЕ частные гимназии – частные учебные заведения, дававшие девочкам среднее образование.

О частной гимназии в 1915 году: «Её просили подготовить меня в гимназию. Была выбрана гимназия Любимовой, слышавшая очень хорошей. В этой гимназии было три подготовительных класса: младший, средний и старший, и мы с Евгенией Станиславовной прошли программу всех трёх... Я писала по прописям, Закон Божий учила наизусть, географию проходила по учебнику Крубера, а не по Гончарову. Проявились задачи с бассейнами и встречными поездами, появились – сразу – языки французский и немецкий, очень много времени мы уделяли диктанту. Сейчас вспоминаю, как для того, чтобы поступить в 1-й класс, уже порядочно нужно было знать. В частности, как много нужно было пройти по языкам – уметь считать, рассказывать содержание разных картинок, вести простейший диалог. То, что я знаю в области французского и немецкого языков, я вынесла из гимназии, а еще раньше – из уроков не особенно-то культурной учительницы Евгении Станиславовны... В конце лета 1915 года я держала экзамены (их было довольно много) и поступила в 1-й класс частной гимназии Любимовой. Помню экзамены: Закон Божий, русский (диктант), арифметика, география, языки французский и немецкий. По последним двум у меня были четверки, по остальным же предметам – пятерки. Теперь по утрам я стала уходить раньше мамы, ей надо было в свою контору к десяти часам, а мне – к половине девятого. В половине девятого нянечки переставали пускать учениц в раздевалку, а в пальто на урок не явисься. Я помню свой номер в раздевалке – 383. Мы сами вешали свои пальтишки на вешалку и сами брали их оттуда, когда кончались занятия. Классы были как в теперешних школах, коридоры тоже. Только во втором этаже был большой зал, и в нем большая, во всю стену, картина – Христос, благословляющий детей. Каждое утро ученицы выстраивались шеренгами перед этой картиной-образом и пели молитвы... Я приходила в гимназию, вешала свое пальто на кольешек под № 383, записывала в рукава кашне и шапку (у нас были пребезобразные форменные зимние шапки из грубого черного плюша), внизу ставила калоши, в подкладку которых тоже были наглухо вделаны медные цифры 383, и бежала в зал на молитву... Насколько скудные были наши средства, видно хотя бы из того, что мне даже не смогли сшить летнее форменное платье. Зимняя форма была у меня с самого начала – коричневое шерстяное платье и черный шерстяной передник. Но на лето ученицам любимовской гимназии полагалось платье из голубого сатина, белый передник и белые ленты в косы. Мне очень хотелось иметь эту форму, но бедной маме так и не удалось выкроить на это денег... Но потом оказалось, что кроме гимназических правил существуют еще гимназические традиции... Оказалось, что кроме учебников, тетрадей и т. п. гимназистка должна иметь альбом для стихов и картинок, что розовая промокашка, вложенная в тетради, считается признаком безвкусицы и почти что нищеты, а надо покупать клякспапир других цветов и прикреплять его к тетрадам лентами с пышными бантами...» (Панова, 1980; 35, 37, 39–40).

О перв. пол. 1910-х гг.: «Таким же праздником было для меня и учение в гимназии (гимназия княгини Оболенской, Басков пер. 8)... Главное, были подруги и были перемены – и тут уж на большой перемене я веселилась вовсю в громадном зале – окружающий меня гомон голосов, хождение “в обнимку”, которое, в общем, разрешалось...» (Кривошеина, [1977] 1999).

ЖЕНСКИЕ Мариинские гимназии – женские гос. учеб. заведения, принадлежавшие к Ведомству учреждений императрицы Марии.

Гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии имели семилетний курс обучения. По окончании 132

выпускницы получали аттестат домашней учительницы, а получившие награду (медаль или книгу) – аттестат домашней наставницы и право без экзаменов поступать на платные пед. курсы. Знания оценивались по двенадцатибалльной системе.

В 1862 г. Мариинские жен. училища для приходящих девиц были переименованы в жен. гимназии, был утверждён Устав жен. гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии, действовавший до закрытия Мариинских гимназий в 1918 году. Согласно Уставу, в гимназии принимались девочки «всех сословий и вероисповеданий, показавшие для поступления в них достаточные познания, в возрасте 9–10 лет», при каждой гимназии состояли начальник, главная надзирательница; для содействия главной надзирательнице при каждой гимназии состояли классные надзирательницы.

Из Устава: «Учебный курс жен. гимназий включает в себе след. предметы: 1) Закон Божий; 2) русский язык и словесность; 3) фр. язык; 4) нем. язык; 5) историю; 6) географию; 7) естествоведение; 8) арифметику и геометрию; 9) начала педагогики; 10) чистописание; 11) рисование; 12) пение; 13) жен. хозяйств. рукоделия; 14) танцы. Из числа сих предметов обучение фр. и нем. языкам, равно танцам, может быть и необязательным для всех учениц... Учебный курс начинается с 7 августа и оканчивается 15 июня... Число учениц в классе должно быть не более 40».

Программы Мариинских жен. гимназий были ещё более облегчёнными, чем программы министерских жен. гимназий.

До 1866 года было открыто в Петербурге 7 женских гимназий с 7-летним сроком обучения. По их образцу были созданы женские гимназии в др. городах. Открывались они на средства Ведомства учреждений императрицы Марии. В 1879 году была утверждена единая и обязательная для всех Мариинских женских гимназий программа обучения; перестройка учебного курса велась в направлении приближения его к курсу обучения в *институтах благородных девиц*. К 1911 году в России было 35 Мариинских женских гимназий с 16 тысячами учащихся.

Ист.: Константинов, 1956, 9–10, 20, 21, 30; Латышина, 1998, 336–337; Очерки, 1991, 115.

ЖЕНСКИЕ учительские семинарии – см. *Учительские семинарии*.

ЖЕНСКИЕ школы – образовательные учреждения, в которых обучались только девочки. Существовали с 1943–1944 по 1953–1954 гг. в ряде городов СССР.

См.: *Раздельное обучение*.

О Москве 1943–1944 гг.: «Мы приехали в Москву из эвакуации уже в [19]43 году. Я пошла в девятый класс... Наша директриса... любила прикрикнуть на учениц – в это время мы учились в женской школе, отдельно от мальчишек. Сядет за стол, стукнет по нему кулаком и рявкнет: “Девочки! Будьте женственными!”» (Яхнина, 2004–2, 12).

О 1945 году в Ленинграде: «У женской школы – не пройти. Взявшись под руки, по десять-пятнадцать в ряд девочки ходят по панели, поют хором. “Дождливым вечером, вечером, вечером, / Когда пилотам, скажем прямо, делать нечего, / Мы приземлимся за столом...”» (Васильев, 1989, 114).

О 1947–1948 гг.: «Холмогоры. Это слово Сережа все чаще слышит в разговорах Коростелева с мамой: ...“Я получила ответ из Холмогор. Предлагают в женскую школу”... Холмогоры. Это что-то высокое... Женская школа стоит на горе» (Панова, [1955] 1956, 489).

О 1944 году: «На радостях я принял решение... пойти на шк. вечер для старшеклассников, куда, как я знал, приглашают девочек из школы, что на улице Парижской коммуны. На эту улицу одним боком выходил наш городок, и когда я шагал в свою школу, навстречу мне то и дело попадались девчонки, направлявшиеся в свою» (Сиснев, 1970, 79)

О г. Свердловске в 1947 г.: «1947 год. Настала пора идти в школу. Девочки пошли в школу № 38, мальчики – в школу № 37... Все мы ходили в шк. форме – коричневом платье с черным фартуком по обычным

дням, а по праздничным фартук заменялся на белый. Девочки носили косы с темными бантами, никакие цветные бантики не допускались, как и короткие стрижки... Ставились спектакли, в которых все мужские роли исполняли девочки. Но у некоторых невозможно было спрятать под фуражку длинные и толстые косы, и приходилось отказываться от роли» (Факова, 2006).

О 13–15-летнем мальчишке в 1947 году: «Тогда мальчишки и девочки учились в отдельных школах. Были “мужские” и “женские” школы. Они назывались так же, как классы в бане. И существовала какая-то стыдливость в общении с девчонками... Мальчишки начинали поколачивать девчонок, а они с презрением относились к мальчишкам. Постепенно это перерастало в какое-то странное чувство. Лично я, например, даже стеснялся смотреть на женскую школу, как на дверь женского класса в бане, которая могла вот-вот открыться» (Васильев, 1989, 194).

О 1949–1951 гг.: «...У каждой мужской школы была “своя” женская и наоборот. Например, у нашей шестнадцатой – женская двадцать четвертая, расположенная на первых двух этажах нашего же здания. Тридцать восьмая мужская ходила в женскую двадцать девятую, а железнодорожная двадцатая в железнодорожную же двадцать первую, мужская четырнадцатая в женскую двадцать вторую» (Лиханов, 1995, 202).

О 1950 годе: «Он помнит восхищенные взгляды учениц женской школы, случайно увидевших, как Игорь приветствовал офицера на улице города. Среди них была одна девчонка с длинными толстыми косами. Она ходит в ярко-красном берете» (Багмут, 1951, 102).

О Челябинске начала 1950-х гг.: «В [19]50-е годы я училась в женской школе № 17. Дисциплина там была похлеще, чем в армии: руки по швам держали и на уроках, и на переносках. А душу отводили в кружках: ботаническом, математическом, художественного чтения, драматическом, шахматном, танцевальном. За шесть лет учебы я чем только не занималась! И только забесплатно» (Попова, 2006).

«ЖЕНЬКА» – песня на слова К. Ваншенкина и музыку Е.Э. Жарковского.

Текст: «[1.] Стоит среди лесов деревенька. / Жила там когда-то давненько, / Жила там когда-то давненько / Девчонка по имени Женька. [2.] Мальчишечье имя носила, / Высокие травы косила... / Высокие травы косила, / Была в ней веселая сила. [3.] Завыли стальные бураны, / Тень крыльев легла на поляны... / Тень крыльев легла на поляны, / И Женька ушла в партизаны. [4.] В секрете была и в засаде, / Ее уважали в отряде... / Ее уважали в отряде, / Хотели представить к награде. [5] ...Висит фотография в школе – / В улыбке – ни грусти, ни боли... / В улыбке – ни грусти, ни боли. / Шестнадцать ей было, не боле. [6.] Стоит среди лесов деревенька./ Жила там когда-то давненько, / Жила там когда-то давненько / Девчонка по имени Женька»

О второй половине 1970-х – начале 1980-х гг.: «“Стоит среди лесов деревенька...” Это строчки из ставшей популярной песни композитора... Е.Э. Жарковского. Её охотно исполняют дет. хоры, Гос. русский хор им. Пятницкого, нар. артистка СССР... Л.Г. Зыкина» (Викторов, 1984, 30).

Из девичьего альбома-песенника 1985–1986 гг. (приводим текст на странице 9): «И Женька ушла в партизаны. 4. В тылу была и в засаде, / Её уважали в отряде, / Её уважали в отряде, / Хотели представить к награде. 5. Висит фотография в школе, / Ни грусти на ней ни боли, / Ни грусти на ней, ни боли, / Шестнадцать ей было, не боле» (597).

«ЖЕРТВОВАТЬ» – (жарг.) собирать добровольные пожертвования (о 1920-х гг.).

О 12–14-летнем мальчишке в 1927–1929 гг.: «Однажды Ленька Егоров, мой школьный товарищ, сидя рядом со мной на парте, спросил меня: “А ты еще не жертвовал?” “Нет” – ответил я. “А я в прошлом году жертвовал. На пару с Рыжим. Но он дурак ленивый, в нем активности нет. Хочешь со мной в этом году жертвовать?” “Хочу”, –

ответил я. “Жертвовать” на тогдашнем шк. жаргоне означало собирать добровольные пожертвования в пользу общества “МОПР” (Междунар. общество помощи революционерам.) или “Друг детей”. И вот, записавшись заранее, в середине мая пошли мы в Василеостровский райсовет, на Большом проспекте, и там девушка под расписку вручила нам овальную жестяную кружку с продолговатым отверстием для опускания монет. Кружка была плотно закрыта и оклеена бумагой, на которой виднелся номер и лиловая круглая печать. На краях кружки поблескивали два колечка; к ним крепился шнур, чтобы носить её, перекинув этот шнур через плечо. Затем девушка выдала нам букетик бумажных розовых маков с провололочными, обмотанными зелёной бумагой стебельками, и удостоверения на право сбора пожертвований. В этих удостоверениях таилась великая сила: они давали, при наличии у вас кружки и цветов, права на бесплатный проезд в трамвае. Можно был ездить по всему Питеру! Это ли не удовольствие?!... В годы двадцатые... даже некоторые взрослые отказывались от трамвая и ради экономии порой ходили на работу пешком. У большинства же школьников денег вовсе не водилось, а прокатиться “зайцем” было очень нелегко. В каждом вагоне, справа от входа, сидел кондуктор. Он следил, чтобы все пассажиры ехали согласно купленным ими билетам. Над сумкой у него висели три рулончика с билетами разных цветов. Цвета я позабыл, но помню, что если едешь недалеко – платишь семь копеек, если подальше – десять, а проезд по всему маршруту стоил пятиалтынный. Сумма огромная! В переводе на мороженое – три порции! Так что не надо удивляться тому, что нам с Ленькой очень хотелось покатаваться по Питеру задарма. На следующий день я с утра набил карманы курточки кусками хлеба и отправился на угол Среднего проспекта и Восьмой линии, где у трамвайной остановки ждал меня мой напарник. Вскоре подошла “шестерка”. Народу в вагоне в то воскресное утро было немного. Кондуктор покосился на нас, – но и только; прогнать не имел права. Ленька громко, но не вполне внятно, проглатывая от смущения окончания некоторых слов, произнес: “Граждане! Помогите(те) кто сколько мо(жет), кто сколько хо(чет) в пользу беспризорных дефективных де(тей)!” Мы прошли до двери на переднюю площадку, – Ленька с кружкой, я – с цветами. Два или три пассажира опустили в кружку по монетке, и я выдал им по цветку. Сошли мы на площади Труда... Началось наше катанье по городу... Когда трамвайная езда нам слегка поднадоела, мы... решили идти на родной Васильевский остров пешим ходом. Цветов осталось у нас совсем мало, зато кружка приятно потяжелела; тут надо учесть, что мелочь в те годы чеканилась из меди, монеты были крупнее и тяжелее, чем нынче... Ленька замедлил шаг, оглянувшись по сторонам и тихо сказал, что неплохо бы нам вытрясти из кружки несколько монеток на пирожки. Мы собираем деньги для детей, но мы ведь и сами почти дети... Оглядевшись, нет ли поблизости дворника, мы вошли в парадное, прислушались, не спускается ли кто по лестнице, – и я подставил ладонь, а Ленька стал трясти кружку, перевернув её вверх дном... Однако тряся Ленька кружку, а из неё ничего не вытряхивалось. И вдруг в подъезд вошел пожилой... дяденька. Он сразу расчихал, в чём тут дело, стал ругать нас, заявил, что сейчас ответит нас в милицию. Но потом, вероятно, понял, что мы от него сумеем убежать, – и тогда он вслух прочел номер, обозначенный на кружке, а затем сказал, что номер этот он запомнил твердо – и всё сообщит по инстанции. Ждите, мазурики! Вас скоро вызовут куда следует! Мы выбежали из подъезда в панике. Попыток вытрясти из кружки её содержимое больше не предпринимали, в целости и сохранности сдали её девушке в райсовете, – и несколько дней ждали с душевным трепетом, что нас вызовут “куда следует”. Но всё обошлось благополучно, никуда нас не вызвали» (Шефнер, 1999).

См. также: «Друг детей»; «МОПР».

ЖЕСТКА – см.: *Жоска*.

ЖЕСТОЧКА – то же, что *Жоска*.

ЖЕСТЬ – (подростково-молодёжный лексикон) нечто экстремальное; нечто, имеющее отношение к жестокости.

О Шадринске в 2008 г.: «Когда я проходила практику в школе, я очень часто слышала слово “жесть” от детей-подростков. Я была свидетелем разговора нескольких девочек 8-х классов на уроке труда. Одна девочка рассказывала, как на дискотеке... девочки жестоко избили девочку из-за парня; также они её оскорбляли, унижали, пинали ногами. В конце она сказала: “Такая была жесть”. А кто-то добавил: “Да, жесть, как она есть”. В общем, слово “жесть” сейчас популярно, его употребляют в своей речи подростки, молодые люди от 18 до 25 лет. Мой знакомый 25 лет очень часто выражается этим словом, когда речь идет о жестокости, насилии, о чём-то страшном. Возможно, оно появилось от слова “жестокость» (142).

ЖЖЁНЫЙ сахар – лакомство в виде плиток жёлтого цвета; характерно для 1940-х гг.

О 1947 году: «Женька хитро улыбался, подмаргивал, пытался подлизаться. Я не шел навстречу, но однажды поймался, вернее, купился на предмет своего вождения – жжёный сахар. Тогда все в округе баловались им. Обыкновенный колотый сахар размачивали в теплой воде или в молоке до образования жижи, заливали жижей горячую сковородку или противень, содержащее схватывалось, сгорая, и образовывались каменно-твёрдые, желтоватого отлива плитки. Жжёный сахар оказывался вдвойне выгодным. За неимением шоколадных конфет он по справедливости считался лакомством (у меня и теперь на языке его невыразимо приятный вкус). Кроме того, распиленные мелкие кусочки не кидали в чай, а долго сосали, как леденцы, и расходовался тот же килограмм сахара, ставший жжёным, значительно медленнее. Мать тоже готовила его, но редко... А Кузнецовы делали жжёный сахар почти ежедневно. Женька не выходил гулять без желтой плиточки во рту... “Хочешь, научу?” – обратился он ко мне с невинным видом... Плеваться я не любил, курить не хотел, а вот слова заинтересовали. Привлекало, что они – матерные, то есть *материнные*, ими можно с нею поделиться. “Ещё как можно”, – подтвердил Женька и предложил сахару. Он редко бывал щедрым, и я взял у него одну плиточку... Я... за час урока выучил пятнадцать *материнных* слов и выражений и съел две жёлтые плитки, припрятав на завтра ещё три, честно заработанные... Через полчаса мать вернулась и принялась молча шуровать на кухне сковородкой. К вечеру она угостила меня жёлтыми сахарными плитками, куда вкуснее Женькиных. “Не знала, что ты так любишь сахар...” – как бы извиняясь, сказала она, соскабливая ножом со дна сковородки огарки...” (Гай, 1987, 51–53).

«ЖИВАЯ газета» – предствление, основанное на газетном материале или злободневных, актуальных фактах жизни, одна из форм художественной самодеятельности 1920-х гг. – начала 1930-х гг.

О Харькове в нач. 1920-х гг.: «[Наш пионервожатый] молодой слесарь Саня Гарбузов... организовал... “живую газету”... Душой “живой газеты” был недавний выпускник 33-й школы рабочий Володя Гуревич, который сам выступал в молодежном самодеятельном театре “У станка”. Газету мы создали в первую годовщину смерти Ленина. Это была одна из первых на Украине пионерских “живых газет”, и называлась она “Будь готов!”. Среди найденных в Харькове старых фотоснимков есть и наш “заголовок”: три пионерки на фоне лозунга “Ленин всегда с нами, Ленин всегда жив” держат плакат – название “живой газеты”. В центре – наш конфетансье, или, как тогда, избегая иностранных слов, говорили, ведущая Вера Кольченко. Это был своеобразный ансамбль художественной самодеятельности, в котором мы всё делали сами: и школьные частушки сочиняли, и обзорные “статьи” о международ. событиях составляли, и о том, как живут и работают у нас на заводе, нехитрые декорации изготовляли, и специальную форму шили себе. За неимением тканей костюмы шили из старой мешковины... Наши частушки очень хорошо действовали на лентяев, нарушителей

дисциплины, всем был известен девиз “живой газеты”: “Хвастун, лентяй, лгунишка, / Теперь вам будет крышка!” В обзоре “Школьный музей” доставалось незадачливым “штатным антивистам”: “Этим некогда учиться, / Дел у них – невпроворот: / Поучают, призывают / Брать отставших в оборот...” Выступали мы и перед шефами в заводском клубе, заблаговременно готовя специальные “статьи” из жизни и быта рабочих. “Молодцы, пионеры!” – хвалили “живгазетчиков” за то, что хорошо пробрали пьяницу и зазнавшегося мастера, который неохотно обучал фабзавучников. Пионерка Вера Кольченко тоже была душой нашей “живой газеты”. Она принимала участие почти во всех “статьях”, перед выступлением объявляя их названия, пела частушки и взбиралась под самый потолок в заклочительной пирамиде» (Биленко, 1975, 25–26).

О середине 1920-х гг.: «В шесть часов начался шк. вечер... Вечер начался с выступления живой газеты с боевым названием “Сигнал”. Живгазетчики маршировали по сцене, сходились, расходились и пели под музыку: “Живая мы газета, / И нас зовут “Сигнал”, / Даём свой первый номер, / Чтоб пионер не спал. / Все наши недостатки / Мы выявить должны / И потому, ребята, / Сюда мы к вам пришли...” ...Живгазетчики разыгрывали пьесу “Карьера Владислава Бантикова”... Когда пьеса... окончилась, живгазетчики запели частушки о плохой работе отряда седьмого класса и его вожатой – Нади Соколовой у шефов в Табачном тресте. Частушки кончались припевом, кот. вслед за “артистами” подхватывал и зал: “Эх, эх, что за грех – / На собрание пришла! / Ты хоть тресни, / А в Табтресте / Нехорошие дела!”» (Басина, 1963, 77–78).

О Витебске в 1926–1927 гг.: «Жизнь пионеров была интересной. По примеру витебских пионеров мы разучивали физкультур. упражнения, участвовали в походах, организовывали пионерские костры, пели песни... В те времена пионеры всегда ходили строем и на улице, и в походе. Впереди знаменосец и барабанщик, а вожатый – или тоже впереди, или рядом с отрядом. Мы готовили “живые” пионерские газеты, в которых ярко, доходчиво и образно при помощи песен и самодельно сочиненных стихов агитировали за Советскую власть» (Антипенко, 1984, 128).

О 1927 году: «Сима работает слесарем на заводе “Ленинская кузница”... Она руководителем отрядной живгазеты... “Итак, товарищи живгазетчики... Скоро великий праздник: десять лет Октября. Давайте обсудим, какую нам подготовить к празднику программу. Прежде всего, как наш шумовой оркестр?”... Как руководитель живгазеты предупреждаю: если ещё раз подведешь бригаду – дирижером шумового оркестра тебе не быть...”. ...Черепок сел на место. Началось обсуждение программы живгазеты. Постановили: подготовить коллективный монтаж, несколько пирамид и поставить пьесу “Красные дьяволята”... Живгазета в синих блузах строем прошла через зал... “Над землей, в облаках / Эскадрильи врагов, / Под волнами подводные лодки / Всколыхнет и встряхнет / От октябрьских шагов, / От тяжелой октябрьской походки. / Так будь же, песня, ты легка / Под миллионный шаг. / Для ленинца-большевика / Лежит и путь большак”, – звучным речитативом, под музыку декламировали живгазетчики. ”. Поразил всех шумовой оркестр... И всё-таки самое интересное было впереди. Гвоздь программы – пьеса “Красные дьяволята”... С успехом прошли и остальные номера – выступление хора, коллективные частушки живгазеты, посвященные последним междунар. событиям» (Шкаровская, 1963; 58, 59, 77, 78, 130).

«[В 1920-х-1930-х годах] во время праздников да и в обычные дни в школах и на фабриках, в парках, на площадях большой популярностью пользовалась пионерская живая газета. Никто не ускользал от зоркого глаза спецора этой газеты – ни двоечники, ни хулиганы, ни прогульщики с соседней фабрики. Доставалось спекулянтам и самогонщикам!» (Таборко, Орлова, 1963, 59).

О Шадринске в перв. пол. 1930-х гг.: «Комсомольцы и пионеры нашей школы часто ходили в деревню Полевою с художественной самодеятельностью. Также выступали

в Доме крестьянина с постановками, с “живой газетой”. Все выступления были в синих блузах, красных косынках. В выступлениях критиковали кулаков, спекулянтов, бюрократов, прогульщиков, а также попов, которые одурманивали неграмотный народ. Выступали с групповым танцем “матлет” в матросских костюмах» (Такунцева, [1989] 2002, 44).

«**ЖИВГАЗЕТА**» – то же, что «*Живая газета*».

Из дневника 14-летней девочки в 1929 году: «23 декабря 1929... А.Т.... подолгу останавливает свой взгляд на мне. Когда я его спросила, почему его нет в живгазете, он ответил – потому, что там нет меня...» (Татьяничева, 2007).

«**ЖИВГАЗЕТЧИК**» – участник «*Живой газеты*».

«**ЖИВОЕ кино**» – форма пионерской самодеятельности 1920-х гг.

«Была опубликована пьеса в трех актах “Красные внучата”, где говорилось о помощи московских пионеров детям Германии в 1923 г. Тематика “Там, в Германии” и “Пионеротряд и улица” посвящались сценарии “живого кино”. Это была излюбленная форма самостоятельных выступлений пионеров тех лет: вожатый рассказывал содержание “кадров фильма”, а “киноартисты” молча, выразительными движениями, жестами и мимикой производили содержание сценария» (Яковлев, 1962, 56).

«**ЖИВОЕ письмо**» – книга И.Н. Шапошниковой, предназначавшаяся для обучения основам правописания и грамматики в начальных классах городских и средних школ. Под этим названием с 1924 по 1931 год вышло не менее 15 изданий книги совокупным тиражом не менее 1 миллиона экземпляров.

ЖИВОЙ уголок (в школе, детском саду, в загородном лагере) – собрание живых растений и животных, используемых для наблюдений и опытов в школе, пионерском лагере и т. п. Время достоверного бытования – 1940-е – 1970-е годы.

Из книги 1968 г.: «Живой уголок [в школе]... занимает отд. комнату или размещается в биологич. кабинете... Живой уголок оборудуется цветочными горшками... с поддонниками, рассадными ящиками, стеклянными банками для мелких водных животных, садками для насекомых, аквариумами, террариумами, клетками для птиц и некоторых млекопитающих. В некоторых живых уголках имеются: комнатная теплица (световая камера), комнатный парничок, вольеры для птиц и белок, а иногда – наблюдательный улей, самодельный инкубатор. Учащиеся проводят в живом уголке наблюдения над растениями и животными и ставят с ними опыты... Все работы в живом уголке проводятся под руководством учителя биологии» (ТВПО, 1968, 81–82).

О 1940-х гг.: «После уроков нас задержал Митя Смирнов и сказал, чтоб мы шли дежурить в живом уголке. “Что ты, что ты! – замахал руками. – Какой там живой уголок! Нам некогда» (Носов, [1949] 1979–1, 297).

О 1950-х гг.: «Почти в каждой школе имеется живой уголок. О поддержании порядка в живом уголке тоже заботятся ребята» (Хотиловская, 1959, 33). «Все голосуют за крота. / Он оказался неспроста / У лагерных ворот! / Пусть в лагере живёт! / А для живого уголка / Он настоящий клад. / Там нету жителей пока, / Хотя висит плакат / На стенке, около дверей: / “Не забывай кормить зверей”» (Барто, [1959] 1969–1, 333).

О пионерском лагере в 1950-е гг.: «Кроме зайчонка..., в живом уголке теперь поселились длинный шипучий уж, престарелый ёж мрачного характера и маленький головастый кукушонок... А ящерик наловил такое множество, что Славка не придумает, куда их девать... Десятка три этих юрких созданий он велел Генке выпустить в лес» (Письменная, 1959, 51–52).

«**ЖИВЫЕ буквы**» – ручная разрезная азбука с картинками. Автор – И.Н. Шапошников. С 1925 по 1930 года вышло более 10-и изданий.

ЖИВЫЕ картины – сценические представления, обычно без слов и движений, исполняемые людьми в соответствующих теме позах и костюмах. Это времяпрепровождение было популярным у детей, молодежи и взрослых в XIX – начале XX вв. [...]

«**ЖИВЫЕ лозунги**».

Из рекомендаций работникам пионерских лагерей 1952 г.: «На физкультурном празднике, посвященном закрытию лагеря, в программу гимнастических выступлений желательно включить комплексы упражнений утренней гимнастики, завершив их пирамидами... Хорошо также показать зрителям “живые лозунги”. Для демонстрации “живого лозунга” на площадке заблаговременно производится разметка слов и букв. Ребята строятся в соответствии с разметкой и по сигналу принимают какую-либо определенную позу, например, садятся в затылок друг другу, согнув ноги и положив руки на колени. Когда “живой лозунг” образован, все пионеры одновременно, по сигналу произносят его текст» (ПЛ, 1952, 139).

«**ЖИЗНЬ**» – аналог игр «Джаз» и «Съедобное-несъедобное».

О г. Петухово во вт. пол. 1980-х гг.: «“Съедобное – не съедобное”... А ещё игра по такому же принципу называлась “Жизнь”. Ведущий кидает мяч, перечисляя, например: какое будет твоё имя; на каком имени ему случится поймать мяч, то имя ему и присваивалось, основные вопросы были такими: твоё имя, имя твоей жены, сколько у вас будет детей, где вы будете жить, где у вас будет свадьба, где будешь работать ты или где будет работать твоя жена и т. д. Это уже зависело от фантазии ведущего» (510).

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «“Жизнь” (“Джаз”). Все участники сидят на лавочке. Ведущий по очереди кидает им мячик. Первый вопрос: “Как тебя зовут?” Ведущий называет разные имена, не обязательно женские, старается, чтобы участник поймал мячик со смешным именем: Фёкла, Каштанка, Марфа... Если имя не нравится, участник отбрасывает мяч. Если звучит слово “жизнь” или “джаз” (у всех по-разному называется эта игра), то нужно обязательно поймать мяч, так как участник сам сможет выбрать себе имя. Ну а если не поймал, то имя тебе выбирает ведущий, чаще всего смешное. Следующие вопросы: “Как его зовут?”; “Сколько тебе лет?”; “Сколько ему лет?”; “Во сколько лет выйдешь замуж?”; “Фамилия?”; “Сколько у вас детей?”; “Девочки или мальчики?”; “Как их зовут?”; “В какой стране живёте?”; “Сколько денег?”; “Какой дом?”; “В чём вышла замуж?”; “Где была свадьба?” Это обязательные вопросы, остальные придумывает ведущий. Самые популярные имена были из сериалов, сказок, мультфильмов. Женские: Идэн, Келли, Джулия, Ребекка, Андреа, Настенька, Марюшюшка... Мужские: Круз, Мейсон, Ник, Балу (это был мультяш про медведя), Дима... Часто обижались и ревели, если поймали плохое имя, поэтому перегадывали» (604).

«**ЖИЗНЬ замечательных людей**» – цикл радиопередач.

«Характерен для дет. вещания также, например, цикл “Жизнь замечательных людей”. Это – вовсе не расширенные биограф. очерки вроде выпускаемых изд-вом “Молодая гвардия” (как можно подумать, услышав название цикла), а полноценные радиопьесы. Их познават. направленность несколько не мешает их худ. полноценности, как не мешает любой театр. пьесе или кинофильму, посвящённой жизни великого человека. Цикл “Жизнь замечат. людей” оказался весьма жизнеспособным – он в течение многих лет до сегодняшнего дня сохраняется в программах передач для школьников» (Бегак, 1982, 97).

«**ЖИЛ в Ростове Витя Черевичкин...**» – популярная песня 1940-х гг.

Из девичьего альбома 1948 года: «Голуби / 1. Жил в Ростове Витя Черевичкин. / В школе он отлично успевал, / А в свободный час, как и обычно, / Голубей любимых выпускал. / 2. Улетели голуби высоко, / Уносили мысли за собой. / Грёзы о девчине черноокой / Пробуждали первую любовь. / 3. Юность, ты прошла в улыбки алой, / О, страна моя любимая. / Жизнь была прекрасна и счастлива, / Но внезапно грянула война. / 4. И однажды мимо дома Вити / Шел отряд захватчиков-зверей. / Офицер им крикнул: “Отберите / У мальчишки этих голубей!” / 5. Долго Витя им сопротивлялся / И бранил фашистов, проклинал, / Но внезапно голос оборвался / И

убит был Витя наповал. / 6. И недолго дни эти тянулись / И разбив фашистов – чёрных псов / Красные герои вновь вернулись, / Снова стал советским наш Ростов / 7. Сумерки вечерние сгустились, / Город оживленно ликовав, / Песни боевые раздавались, / Только Витя им не подпевал. / 8. Голуби вы мои милые, / Улетайте в облачную высь. / Голуби вы сизокрылые, / Навек сиротами остались / Конеч: золотой венец. / писала Кузнецова Римма, уч-ца 5 б кл. 4 шк. / 29.2 – 48 года» (цит. по: Борисов, 1997, 97).

Текст 1970-х – 1980-х гг. в записи конца 1980-х – начала 1990-х гг.: «Голуби. [1.] Жил в Ростове Витя Черевичкин, / В школе он отлично успевал. / И, придя из школы, как обычно, / Голубей любимых выпускал. Припев: Голуби мои вы милые, / Улетайте в облачную высь. / Голуби вы сизокрылые, / В небо голубое унеслись. [2.] Как-то раз вечернею порою / Шёл отряд захватчиков-зверей. / Офицер прикрикнул: “Отберите / У мальчишки этих голубей”. Припев. [3.] Долго Витя с ним сопротивлялся, / Голубей любимых не давал, / Но внезапно голос оборвался, / И убит был Витя наповал. Припев. [4.] А когда Ростов освободили, / Весь народ отлично ликовав, / Все ребята пели, веселились, / Только Витя им не подпевал. Припев» (596).

«Витя Черевичкин остался в памяти народным героем, хотя формально власть героем его так и не признала. Накануне Дня Победы мы навестили в Ростове-на-Дону сестер Вити Черевичкина – мальчика, передававшего сообщения советским войскам с почтовыми голубями. В ноябре 1941 года 16-летнего разведчика расстреляли фашисты. Сёстры нашли его тело с мертвой голубкой в руках. Фото убитого мальчика с голубем представили на Нюрнбергском процессе, как один из док-тов, обличающих фашизм. Все, кто во времена СССР был пионером, помнят слова песни “Жил в Ростове Витя Черевичкин...”, наверняка, читали и одноименную книгу Агафонова... Во время Великой Отечественной звание Героя было посмертно присвоено многим подросткам: связной подпольщиков Зине Портновой, застрелившей на допросе немецкого офицера, Лене Голикову, выследившему и убившему немецкого генерала, Марату Казею, прикрывавшему отход партизанской группы... Витя ни одного фашиста сам не убил. Но, наверное, не случайно сразу после взятия города на Дону группа офицеров в прокопчённых бушлатах пришла выразить соболезнования безутешной матери – Фекле Черевичкиной... Анне Черевичкиной было 11 лет, когда они с мамой ходили по городу и искали Витю среди убитых. “В два часа дня 28 ноября 1941 года мы пообедали, и Витя – к выходу, – вспоминает Анна Ивановна. – Позже мама вышла во двор и обмерла – немец вел Витю к голубятне. Они заметили, как он подбросил над штабом несколько голубей в тот момент, когда в небе пролетал советский самолет. В штабе Витю пытали. Потом повели в парк имени Фрунзе. Голубям оторвали головы, а его расстреляли. На нем от побоев живого места не было. А ещё он в руке держал мертвого голубя. Видимо, прятал его за пазухой до самого расстрела, в последний миг хотел выпустить, но не успел... Однажды Черевичкины получили письмо из Новошахтинска от Н.В. Албула. Он писал: “Я уверен, Витя – настоящий герой. Он выведывал у немцев, а потом пересылал с голубями важные сведения. Мой брат Павел Русанов во время оккупации возил Вите голубей из села Самарского. Он рассказывал мне, что Витя был у них связным. После войны брат добивался увековечивания памяти Вити. Но не успел – в 1992 г. он умер в Краснодаре. Павел всегда считал Черевичкина героем...”. Прежде к Черевичкиным приезжали пионеры со всей страны... “Витя учился в ремесленном училище... Он мечтал чинить моторы для самолетов. Летчиком мог бы стать... – размышляет Анна Ивановна, – Брат так любил своих голубей. Перед тем, как его увели на казнь, Витя успел выпустить всех голубей на волю. Они долго кружили над нашим домом. А потом улетели. Навсегда... В военное время голуби рассматривались как надежное средство связи. Одним из направлений ОСОАВИАХИМа была работа с голубятни-

ками. Вполне вероятно, что Витя, который жил напротив штаба, посылал голубей с записками в Батайск, где стояли наши войска. Не случайно во вторую оккупацию Ростова фашисты под страхом расстрела запрещали ростовчанам держать голубей» (Мигулина, 2007).

О 1944 году: «В 1944 году в первый раз в жизни мама отправила меня в пионерлагерь... Была в пионерлагере и музыка... Аккордеонистка Дина Печенежская... вела у нас худ. самодеят-сть... Дина... разучивала со мной песни с “жестикуляцией”, с увлечением проводила надо мной эксперименты. Первым моим номером с “жестикуляцией” была песня про Витю Черевичкина – слова неизвестного автора на музыку песни Терентьева “Пусть дни проходят”. Для этого нужно было вместе с первыми строками: “Жил в Ростове Витя Черевичкин” – согнуть правую руку в локте, выбросить её чуть в сторону; взгляд – к зрителям, сидящим справа. На вторую строчку: “В школе он отлично успевал” – всё то же самое, но – в левую сторону. Дальше просто поешь: “И в свободный час всегда обычно / Голубей любимых выпускал”. На припеве и голова и руки постепенно устремляются к небу: “Голуби, мои вы милые. / Улетайте в облачную высь...” Дина меня наставляла: “Люся! Во втором куплете война. Лицо жёсткое, руки сжать в кулаки, хорошо, если в глазах заблестит слеза – это всегда впечатляет. И финал – победа! Лицо радостное, торжественное! А руки – широко-широко! Как будто хочешь обнять весь мир! Ну! “Но недолго эти дни тянулись, / И, разбив фашистских подлых псов, / Красные герои к нам вернулись. / Снова стал свободным наш Ростов” Я выступала регулярно в концертах нашего лагеря и во всех соседних, лишь бы пригласили. Путевку на первую смену мама достала с трудом, зато путевку на вторую директор лагеря предложил мне сам, – за то, что я активно участвую в самодеят-сти и отстаиваю честь лагеря... Осенью 1944 года... я поступила в муз. школу-семилетку... На экзамене... Мы с мамой подошли к роялю. “Что ты нам споешь, девочка?” “А что пожелаете. Могу спеть патристическую, могу лирическую, о любви – какую скажете. Могу исполнить песню с жестикуляцией...” “С чем?” “С жестикуляцией”. Все оживились. “Ну-ка, ну-ка, интересно, интересно...” Я откашлялась, как это делают профессиональные певицы, и запела “Про Витю Черевичкина”. Учителя рыдали от смеха, глядя на мою “жестикуляцию”. А я ни на кого не смотрела, “дула свое» (Гурченко, [1980] 1987, 117–118, 123).

«Я родом из 1940 года. С детства помню песню, в которой звучали такие слова: “Жил на свете Витя Черевичкин. В школе он отлично успевал и в часы вечернего досуга голубей любимых выпускал...” Далее слова память упустила, но, кажется, была еще такая строка: “Отберите у мальчишки этих голубей”, – это приказал немецкий офицер. Витя отказался и погиб. Эту песню любили мои сестры, их у меня было две. Старшая умерла, а младшая жива. Я даже как-то хотела попросить её поискать в книгах информацию о Вите Черевичкине. Почему-то была уверена в том, что это реальный персонаж» (Козлова, 2007).

О начальной школе в 1946 г.: «...В полутёмном вестибюле... водили хороводы. Девчонки... брались за руки, вставали в круг и с песней шагали в затылок друг другу. Иногда шагали резво, потому что песни были бодрые: “Эх, хорошо в стране советской жить”... Иногда шагали поменьше... Порой шаг делался ещё тише: “Жил в Ростове Витя Черевичкин”, “Там вдали за рекой”...» (Крапивин, 1986, 31–32).

«ЖИЛ мальчишка...» – песня.

О 2000–2008 гг.: «Песню “Жил мальчишка на краю Москвы” я услышала в 2000 г., когда мне было 14 лет: в лагере “Лесная республика” Каргапольского района Курганской обл. её пели девочки старших отрядов под гитару (играл мальчик). Но весной 2007 года я услышала её в исполнении “Петлоры” на диске у знакомой» (011).

Песня существует в двух вариантах.

Первый вариант – песня возвышенно-романтического содержания, иногда носит название «Песня о Гагарине».

Текст середины 1980-х гг.: «[1.] Жил мальчишка на краю земли, / Был таким как я, а может, ты, / Только шире чуть в плечах, / Только сдержанней в речах. / А в глазах побольше синевы. [2.] Месяц спит в серебряном пруду, / Дом стоит как будто на чеку, / И уже не в первый раз / Мальчугану снится Марс, / Свято верит он в свою мечту. [3.] Что ему приснилось в этот час, / Ни Венера, ни Луна, ни Марс, / А родимая Земля / С добрым криком журавля – / Та земля, что вырастила нас» (605).

Автор слышал аналогичный вариант в Шадринске в 1978–1979 гг.

Второй вариант – песенная баллада.

Текст середины 1980-х гг.: «[1.] Жил мальчишка на краю Москвы, / Был таким, как я, а может ты. / Только шире чуть в плечах, / Только сдержанней в речах. / А в глазах побольше синевы. [2.] И любил он девочку одну, / Но об этом слова никому. / Возле дома он стоял, / Молча взглядом провожал / Девочку, что нравилась ему.[3.] Однажды насмелившись вдруг, / Подошел к девочке юный друг, / Заглянул он к ней в глаза, / Закружилась голова, / И сказал он: “Я люблю тебя”. [4.] А девочка гордо была, / Не поверила его словам, / Отвернулась от него / И пошла своим путем, / Не поверила в его слова. [5.] А парнишка бросился бежать, / От нее отказа он не ждал. / А машина за углом / Не успела тормознуть./ И упал мальчишка на асфальт. [6.] А девочка, шедшая за ним, / Увидала парня неживым. / Она бросилась к нему, / Растолкала всю толпу / И сказала: “Я тебя люблю”. [7.] А мальчишка приоткрыл глаза, / По щеке его текла слеза, / “Верю я в твои слова, / Для меня ведь ты была одна”. [8.] На кладбище открыли ворота, / Гроб несут, за ним девочка та: / “Ах, зачем же я ушла, / Не поверила его словам, / Причинила ему столько зла”. [9.] На кладбище открыли ворота, / Гроб несут, а в нем девочка та, / На груди девочки той / Лежит листик небольшой: “Помни, милый, я всегда с тобой!”» (598).

Текст 1980-х гг.: «[1.] Жил мальчишка на краю земли, / Может быть, как я, а может, ты. / Может, шире чуть в плечах, / Может, ласковей в речах. / А [в] глазах побольше синевы. [2.] Полюбил он девочку одну, / Не сказал об этом никому. / У подъезда – стоял, / Молча взглядом провожал / Девушку, которую любил, ша-лу-ла. [3.] А девочка гордая была, / Не поверила в его слова, / А машина из-за угла / тормозить уж не могла, / И упал мальчишка на асфальт, шалула. [4.] Девушка, следившая за ним, / Увидала парня чуть живым. / Растолкала всю толпу, / Быстро бросилась к нему / И сказала: “Я тебя люблю”, ша-лу-ла. [5.] А мальчишка приоткрыл глаза, / По его щеке текла слеза. / “Верю я в твои слова, / Видно, любишь ты меня”. / И протиснулся с нею навсегда ша-лу-ла. [6.] В кладбище открыты ворота, / Гроб лежит – в гробу девочка та. / На груди девочки той / Лепесточек молодой: / “Милый, я с тобою навсегда”, ша-лу-ла» (610).

О нач. 1990-х гг.: «Песни, которые мы пели в лагере по ночам... “Жил мальчишка. [1.] Жил мальчишка на краю земли, / Был он не такой, как я и ты, / Чуть пошире был в плечах / И подержанней в речах, / А в глазах побольше синевы. [2.] Полюбил он девушку одну, / Не сказал об этом никому. / У подъезда он стоял, / Тихим взглядом провожал / Девушку, которую любил. [3.] Та девочка гордая была, / Не поверила в его слова, / И машина из угла / Стормозить уж не смогла, / И упал мальчишка на асфальт. [4.] Девушка, следившая за ним, / Увидала парня чуть живым, / Растолкала всю толпу, / Быстро бросилась к нему / И сказала: “Я тебя люблю”. [5.] И мальчишка приоткрыл глаза, / По его щеке текла слеза: / “Видно любишь ты меня, / Верю я в твои слова”, – / И протиснулся с нею навсегда. [6.] В кладбище открыты ворота, / Вносят туда вместе два гроба, / А в одном девочка та, / А в другом мальчишка тот, / Вместе на тот свет они идут» (457).

ЖИЛ-БЫЛ пёс – мультфильм, снятый по мотивам украинской нар. сказки в 1982 г. на студии «Союзмультфильм» режиссером А. Назаровым.

О Шадринске в 1994–1996 гг.: «Когда я была маленькая (3–5 лет), я... любила мультсериал “Пчёлка Майя”... По мере того как я становилась старше, у меня менялись

вкусы... В этом возрасте я впервые посмотрела 2 самых клёвых мультфильма, от кот. я до сих пор без ума. Это “Жил-был пёс” и “Ёжик в тумане”. Они очень весёлые и наполнены хорошим настроением» (052).

О Шадринске в 1997 году: «Мой самый любимый мультфильм – “Жил-был пёс”, мне было 8 лет, когда я его увидела первый раз, в 1997 году. До сих пор смотрю его с удовольствием, мультфильм о настоящей дружбе» (045).

О Шадринске в 1997 году: «Про собаку и волка – люблю этот мультфильм за его простоту и юмор. Увидела его по телевизору в 12 лет. До сих пор употребляю фразу “Щас спою”». (103)

О Шадринске в 2000 году: «Мой любимый мультфильм “Жил-был пёс”, первый раз я его увидела, наверное, лет в 11. Особенно в этом мультфильме мне понравился волк. Очень запоминающийся и яркий персонаж» (044).

«ЖИЛ-БЫЛ у бабушки серенький козлик...» – детская песенка, прототип которой восходит к XVIII веку.

«Среди больших песен в первую очередь укажем на очень распространенную у великоруссов, белорусов и украинцев песню о “козле”; вариантов ее много, содержание в том, что любимым бабушкин козлик отправляется в лес погулять, а там его растерзали волки. Профессор В. Н. Перец указывает на прототип этой песенки в сборнике польских песен Гинтовта и Рудницкого, относящегося к 1713 г. (рукопись Публичной библиотеки). Самый элементарный вариант этой песенки хорошо известен детям всех социальных слоев: “Жил-был у бабушки серенький козлик, / Бабушка козлика очень любила. / Вздумалось козлику в лес погуляти, / Напали на козлика серые волки, / Остались от козлика рожки да ножки”. После каждой строки припев “Вот как, вот как” и повторение последних двух слов... Песня эта давно попала в детскую книгу и широко использована для разных целей, она даёт материал для подвижных детских игр с пением для маленьких... Из всех больших песен она по форме и содержанию как-то особенно близка детям, чем и объясняется её популярность среди них» (Капица, 1928, 104–105).

«До революции в тоненьких шк. сборниках после царского гимна и молитв, после нескольких нар. песен можно было найти и несколько детских песенок: “Жил-был у бабушки серенький козлик”, “Вот лягушка по дорожке”, “Дети, в школу собирайтесь – бог лениться не велит” и еще про бесприютного сиротку, которого спас бог в образе доброй старушки» (Гольденштейн, 1971, 67).

«ЖИЛА-БЫЛА царевна» – игра для детей младшего школьного возраста неизвестного содержания.

О школе в Шадринске в 1919–1923 гг.: «В перемены и после уроков очень любил играть. Сами организовывали игры “Каравай”, “Кошки и мышки”, “Жила-была царевна” (кругом ходили)» (Плотникова, 2003, 19).

«ЖИЛИ-БЫЛИ» – журнал для детей, издаётся с 1993 года. Конкурсы, рассказы сказки, загадки, кроссворды. В выходных данных (2004–2005 гг.) указано: «Журнал делают: Кот Учёный, Главный редактор; Золушка, зав. отделом девичьих тайн; Иван царевич, обозреватель прошлого; Буратино, корреспондент страшной страницы; Кузьма Кузьмич, редакционный домовый; Золотая рыбка, исполнительница сказочных желаний; Карлсон, корреспондент из дальней заграницы; Незнайка, зав. отделом науки; Капитан Врунгель, зав. отделом морских бурь и путешествий; Винни-Пух, сочинитель; Конёк-горбунок, курьер для особых поручений; Оле-Лукойе, хранитель сказочных снов».

Тираж 2004 г. – 19 тыс. экземпляров; тираж 2005 г. – 15 тыс. экземпляров.

«ЖИЛИ-БЫЛИ дед да баба...» – распространённый в детской среде с 1930-х по 1970-х гг. рифмованный текст.

О Москве в 1930-е гг.: «Каноническим считался “эпический” текст, сумевший сочетать глубокую архаику с веянием времени (после коллективизации): “Жили-были дед да баба, ели кашу с молоком, рассердился дед

на бабу, стук по пузу кулаком... Баба тоже не стерпела, кулаком его огрела, а мужик её за хвост к председателю повез...» (Топоров, [1988] 1997–1, 27).

Текст конца 1960-х – нач. 1970-х гг. (по воспоминаниям автора словаря): «Жили-были дед да баба, ели кашу с молоком, рассердился дед на бабу, хлоп по пузу кулаком. Баба не стерпела – в голбец улетела...»

О сер. 1980-х гг.: «Жили-были дед и баба, / Ели кашу с молоком. / Рассердился дед на бабу, – / Хлоп по пузе кулаком. / Баба не стерпела, / В подпол улетела, / А в подполе Борис – / Предводитель дохлых крыс, / А жена его Лариса – / Удивительная крыса» (495).

«**ЖИЛИ-БЫЛИ три китайца**» – см.: «*Жили-были три китайца*».

«**ЖИЛИ-БЫЛИ три японца...**» – известная более ста лет скороговорка.

О нач. XX в.: «...Девочка произнесла скороговоркой: “Жили-были три китайца: Як, Як-цидрак, Як-цидрак-цидрони; жили-были три китайки: Ципи, Ципи-дрипи, Ципи-дрипи-лям-помпони; и женился Як на Ципе, Як-цидрак на Ципи-дрипи, / Як-цидрак-цидрони на Ципи-дрипи-лям-помпони» (Катаев, 1983–1, 28–29).

«“Жили-были три китайца: / Як, Якцы-драк, Якцы-дракцы-дрони. / Жили-были три китайки: / Цып, Цыпцы-дрип, / Цыпцы-дрип-помпони. / И женились: Як на Цып, / Якцы-драк – на Цыпцы-дрип; / Якцы-дракцы-дрони – на Цыпцы-дрип-помпони. / Наролили они деток: / У Яка с Цып – Шах, / У Якцы-драка с Цыпцы-дрип – Шах-Мамай, / У Якцы-дракцы-дрони с Цыпцы-дрип-помпони – Шах-мамай-мамони” А китайка Цып-Лямпони и китаец Фучи-Фуди-Фуни-Фут и сейчас ещё живут!” Узнала 12 декабря 1982 года от Милицы Витальевны Киселёвой (1910–1990)» (440).

О 1930-х гг.: «Жили-были три японца: / Як, Якцы-драк, Якцы-дракцы-дрони. / Жили-были три японки: / Цыпка, Ципка-дрипка, Цыпка-дрипка-дримпомпони. / Вот у них родились дети: / У Яка с Цыпкой – Шах, / У Якцы-драка с Цыпкой-Дрипкой – Шах-Шарах, / У Якцы-дракцы-дрони с Цыпкой-дрипкой-дримпомпони – Шах-Шарах-Шархони!” Это было в довоенном альбоме сестры» (440).

Запись 1980-х гг.: «Жили-были три японца: / Як, Якцедрак, Якцедракцедроли. / Жили-были три японки: / Ципа, Ципа-Дрипа, Ципа-Дрипа-Лимпомполи. / И женился Як на Ципе, / Якцедрак на Ципе-Дрипе, / Якцедракцедроли на Ципе-Дрипе-Лимпомполи» (Лойтер, 1991, 218).

О девочке 10–13 лет в Шадринске в 1997–2004 гг.: «Это было летом, во время каникул. Вся родня собиралась у бабушки. Мы с сёстрами залазили на печку с блокнотами, рассказывали скороговорки, “заумные” выражения и понравившееся записывали: “Жили-были три японца: / Ях, Ях-Цидрах, Ях-Цидрах-Цидрони. / Жили-были три японки: / Цыпа, Цыпа-Дрыпа, Цыпа-Дрыпа-Лимпомпони. / Вот они переженились: / Ях – на Цыпе, Ях-Цидрах – на Цыпе-Дрыпе, Ях-Цидрах-Цидрони – на Цыпе-Дрыпе-Лимпомпони. / Вот у них родились дети: / У Яха с Цыпой – Шах, / У Ях-Цидрах с Цыпой-Дрыпой – Шах-Шарах, / У Ях-Цидрах-Цидрони с Цыпой-Дрыпой-Лимпомпони – Шах-Шарах-Шарони”» (134).

«**ЖИРНЫЙ, жирный...**» – см.: «*Толстый, жирный...*»

«**ЖИРОМЯСОКОМБИНАТ...**» – *дразнилка*, которой дразнят полных детей с первой половины 1960-х по первую половину 2000-х гг.

О Свердловске в перв. пол. 1960-х гг.: «Алка... старше меня на год. Она толстая и не любит бегать, все сидит на лавочке и через соску пьёт молоко из бутылки. Ребята часто ее дразнят: “Жиро-мясо-комбинат, пром-сосиска-лимоннад”» (Смирнова, 2005).

В Шадринске нач. 1970-х гг. звучало: «Жиро-мясо-комбинат-пром-сосиска-лимоннад» (по воспоминаниям автора словаря).

Записано в г. Кондопоге в 2003 г. «от неизвестных играющих детей»: «Жиромясокомбинат, / Кругом сосиски, мармелад» (Лойтер, 2005; 201, 212).

«**ЖИРТРЕСТ**» – прозвище детей с избыточным весом тела.

О 1930-х гг.: «Борис стоял рядом и подкидывал мяч на руке. Золотая тубетейка блестяла. Лицо у Бориса было недовольное, от этого щеки казались толще. “Жиртрест”, – подумала Галка» (Матвеева, 1975, 58).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Толстые дети были во времена моего детства редкостью, их дразнили “жиртрест”, они стояли внизу дворовой социальной лестницы, они были париями» (Горелик, 2005).

О пятиклассниках в 1970-е гг.: «Толя, которого все в пятом “В” зовут Колбасником, вытаращил глаза. Максим сам с ним не хочет водиться и дразнит Жиртресиной... Вовка [пишет диктант и] помогает себе кончиком языка, но успевает сообщить кое-кому, что тот человек – Жиртрест, и пусть только выйдет из школы» (Матвеева, [1982] 1986; 66, 129).

О 2007 годе: «Как избавить дитя от клички “жиртрест”?.. “Жиртрест” – не приговор! Или как не допустить передания у детей?» (аннотация и заголовков статьи Ю. Экаревой в газете «Аргументы и факты», 2007, № 32 – С. 1, 18).

ЖМАТЬ – см.: *Тисканья*.

ЖМУРКИ – 1. «Игра, в которой кто-нибудь из участников с завязанными глазами ловит других» (Словарь, 1955–4, 178).

О первой трети XIX века. Стихотворение Б.М. Фёдорова «Завтра», написанное в конце 1820-х годов: «А сегодня отдохну./ Завтра свой урок начну, / Завтра не хочу лениться! / Завтра надо потрудиться! / Нынче жмурки иль лото...» (РПД, 1989, 122).

О перв. четверти XX в.: «После двух игр в “короли”, и, в особенности одной игры в “жмурки”, Петров понял, что он любит Лелю бесповоротно и просто не может жить без нее... Они были у Кукушкиных и играли в “жмурки”» (Чириков, 1918; 28, 29).

О женской гимназии в середине 1910-х гг.: Но столкновение все-таки произошло. В большую перемену в классе часто затевались игры... Любили девочки и игру в жмурки... Ирина “жмурилась”. Она ходила с завязанными глазами и водила руками в воздухе. Девочки со всех сторон дергали её за платье, за косы, трогали её руки. Играть можно было только на небольшом пространстве от стены до первых парт. Ирина с вытянутыми руками осторожно продвигалась вперед, быстро поворачиваясь во все стороны, чтобы схватить кого-нибудь...» (Филиппова, 1938, 43).

Об Украине 1910-х гг.: «Зимой, когда у мальчиков не в чем было выйти на мороз, коридор дома был скорее похож на улицу. Туда и сюда разъезжали трехколесные велосипеды..., а в закутках играли в жмурки и слышалось: “Эна, бена, рена...”» (Ямпольский, 1964, 341).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Первоклассник Дед-Мороз / Подбежал к Снегурке: / “У меня к тебе вопрос: / Ты играешь в жмурки?”» (Барто, [1956], 1967, 45).

О вт. пол. 1950-х гг.: «На перемене мальчишки играют, вокруг школы бегают; девочки болтают, секреты свои друг дружке шепотом поверяют или в жмурки играют, а Марийка стоит где-нибудь одна, робко поглядывая на девочек» (Збанацкий, 1960, 45).

О деревенских подростках в 1950-е – 1960-е гг.: «Мы... немножечко осмелели. В чужой комнате обычно так: сначала чувствуешь себя скованно, а обвыкнешь – осмелеешь... Я не выдержал: “Давайте в прятки играть” “Можно бы, – ответила Нинка, – да только прятаться негде” “Тогда в жмурки” Нинка обрадовалась, собрала нас в круг и затараторила: “Еха Грека через реку...” Водить досталось Нинке. Мы завязали ей глаза скрученным полушалком, подвели к столу и разбежались в разные стороны. И началось... Успевай поворачиваться... А как Гринька стал водить, тут уж совсем... [Руки растопырил –] всю избу перегородил. Мы – кто куда. Нинка в угол, я под лавку, а Маринка вертелась, вертелась – и на стул. Гринька сцапал её. Она вырвалась – и на стол. Со стола на кровать, с кровати на печь... Опять Нинке досталось водить. Потом опять Гриньке. Потом Нинке. Потом Гриньке. Потом... Да и водят-то с превеликой охотой... Стал я приглядываться и разгадал их хитрости. Нинка всё время ловит Гриньку. А он нарочно поддается ей. Появлет повязку – и за

Маринкой. Поймает, держит за руку, волосы поглаживает, а после скажет: “Нина”. Откроет глаза и усмехается. Не отгадал, мол... Гляжу: Гринька Маринку поймал ... О, чудо! Признал... Маринка сорвала с его глаз платок, завязала им свои глаза – и ко мне. И тоже не узнаёт. Водит по моему лицу пальцами. Нос пощекотала, за ухо подёргала...» (Рыжаков, 1971, 32–34).

О с. Лопатки Лебяжьевского р-на во вт. пол. 1980-х гг.: «В “жмурки” играли в доме, в одной комнате. Помню..., у меня был день рождения. Мы пришли со школы, сели за праздничный стол, наелись, а потом начали играть. Сначала мы выбрали галящего. Для этого мы использовали считалочку... Галящим оказался Саша Ж. Ему завязали шарфиком глаза, раскрутили его и разбежались. Саша начал ловить нас. Мы же разбежались по всей комнате. Чтобы он не ударился или чтобы не упал, мы ему помогали. Для этого мы произносили следующие слова: “холодно”, если он подходит к стене или к какому-нибудь предмету, “жарко”, если кто-нибудь находится рядом. Саша поймал Таню. И мы начали игру заново» (455).

О пос. Лебяжье в конце 1980-х гг.: «Очень часто мы играли в “жмурки”. Мы кого-нибудь выбирали галящим, чаще всего для этого мы использовали какую-нибудь считалку. Выбрав галящего, мы завязывали ему глаза, ставили в центр комнаты и раскручивали. Затем сразу же разбежались в разные стороны. Галящему нужно было кого-нибудь поймать. В это время мы бегали вокруг галящего и, самое интересное заключалось в том, чтобы обязательно его ушипнуть или дёрнуть, и если он кого-нибудь поймает, тот этот человек становится галящим» (458).

ЖМУРКИ – 2. Игра, то же, что *пратки*.

О середине 1910-х гг.: «В тёплый летний вечер подвальные ребята собрались на заднем дворе. ... И под конец решили играть в жмурки... Марийка... была очень довольна, когда ей сразу же выпал черёд жмуриться. Ей казалось, что ноги сейчас у неё очень быстрые, а руки сильные, и стоит ей только захотеть, как она сразу переловит всех ребят. Повернувшись носом к курятнику, она ждала, пока спрячутся ребята. Она слышала топот убежавших ног и смех. Кто-то, тяжело сопя, пробежал близко от неё. “Наверно, Мара...”, – подумала Марийка и закричала: “Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать! Кто не захавался, я не виноват...”» (Бродская, [1938] 1957, 194–195).

ЖМЫХ – «Остатки семян масличных растений после выжимания из них масла; избоина, дуранда» (Словарь, 1955–4, 179).

О мальчиках 10–13 лет в начале 1950-х гг.: «Летом в пакгаузе разгрузили несколько вагонов жмыха, и мы повалились туда. Пакгауз охранялся двумя сторожами, смотрившими сквозь пальцы на проникновение пацанов. Да и что оберегать от нас – коровью жратву? Мы обожали жмых. У меня и сейчас, едва вспомню, предательски ползёт слона. Мы отрезали ножами куски жмыховых брикетов, засовывали в рот и мякали не хуже животных, коим предназначалась еда. Во рту становилось вязко, начинали выделяться капельки масла, казалось бы до конца выжатого прессами из семян подсолнечника. Наши зубы и языки довыжимали недоступное прессам. Мы сплевывали буро-зеленоватую, похожую на тину массу, захватывали очередную порцию жмыха. Как это было вкусно! Жмых заменял нам и завтрак, и обед... Михаил ходил за жмыхом со мной, Сашкой, Валькой и Олегом, сосредоточенно жевал, получая вместе с нами немалое удовольствие и иллюзию сытости» (Гай, 1987, 98–99).

О мальчиках отдыхавших в пионерском лагере в начале 1950-х гг.: «После одного из таких купаний мальчики сидели на завалинке... и обсыхали... Все были голодны и с нетерпением ждали обеда. Кто-то раздобыл плитку жмыха и щедро оделил компанию. Он сидел на завалинке среди новых приятелей, с наслаждением жевал жмых, от которого замечательно пахло свежим подсолнечным маслом» (Дробиз, 2004).

См. также: *Макуха*.

ЖОКА – игра, то же, что «*Жоска*».

О конце 1940-х гг.: «От игры в жоку – в других городах: “ляндю”, “махнушку” – правый ботинок с левого бока быстро снашивается. Ещё б! Целыми днями запоем били ногой вверх круглый кусочек кожи с пушистым мехом и пришитой к нему, продырявленной на манер пуговицы лепёшечкой свинца. От ударов ноги жока взлетала таким парашютиком снова и снова, не касаясь земли. Иные умудрялись до шестисот раз подбивать без передыха. Можно и пара на пару играть, передавая, как устанешь, жоку напарнику. Были такие заковыристые жоки, с шерстью на одной стороне подлиннее: они взлетали по понятной лишь одному владельцу кривой – только держись, пока насобачишься. На деньги играли и просто так. Откуда пришла эта игра – никто не знал. Но в неё играли по всей стране» (Иванов, 1985, 76).

ЖОКЕЙКА – род шапочки.

Об Украине 1910-х гг.: «Из калитки появляется Сеня в крохотной жокейке, которая непонятно как держится на его жирной голове» (Ямпольский, 1964, 281)

«ЖОСКА», **«жэстка»**, **«жэсточка»**, **«жосточка»**, **«жостка»**, **«жошка»**, **«зоска»** – мальшеская игра, заключающаяся в подкидывании («подбивании», «нагонянии») ногой прикрепленного к кусочку меха или зашитого в материю груза.

О первой половине 1940-х гг.: «Есть игра, которой увлекаются школьники, – игра в жоску, в России ее называют “жошкой”. Жоска – кожаный кружочек с длинноворсым мехом. К этому кружочку пришита свинчатка величиной с пуговицу. Ворс расчесывается горизонтально. У нас больше всего ценились жоски из козьей шкурки. Когда ты поддаешь ногой козью жоску, она летит вверх, напоминая комету, а когда спускается, то по форме напоминает раскрытую кувшинку. Спускается она плавно: благодаря пуху плавно парашютит. Среди жосочников я был чемпионом – подбивал жоску до трех тысяч раз подряд. Почему-то все ребята говорили, что по столько раз набивать нельзя – заболит селезенка, но я этому не верил и никак до сих пор не обнаружу, где она находится» (Воронов, 1982, 270).

О Москве середины 1940-х гг.: «Андрей умел играть в разные игры: в шахматы, в домино, в карты, в “ножички”, в “жосточку”, в “пристеночек”. Я уж не говорю о каких-нибудь “пратках”, “салочках” или о “войне” – из этих игр Андрей к сорок четвертому году уже вырос. Обычно по весне начиналось поветрие – все дворы одновременно охватывала мода на какую-нибудь игру. Если это была к примеру, “жосточка”, то мальчишки рыскали в поисках крупных монет или круглых железок определенной тяжести. Их надо было завязать в тряпку, как “трюфель” (это уже теперешнее моё сравнение, таких конфет мы тогда не знали), и особым способом подкидывать ногой. Кто большее число раз подкинет, тот и выиграл. Идеальной заготовкой для “жосточки” были царские пятаки. Андрей выпрашивал их у бабушки, но по блеску в его глазах можно было догадаться, что он попробовал бы в “жосточке” и серебряные рубли – полтинники были маловаты» (Тарковская, 1992, 133–134). [...]

О середине 1950-х гг.: «Предпоследняя перемена. До звонка еще несколько минут. В коридоре одноклассники затеяли игру в “жэстку”. Прыгают на одной ноге, другой ухитряются подбрасывать вверх “жэстку” – подушечку, набитую сухим горохом. Выигрывает тот, кто умеет дольше всех продержаться “жэстку” в воздухе, не давая ей упасть на пол» (Московкин, 1961, 53).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «...Во двор вышли мальчишки, которым торопиться было некуда – одни из них учились во вторую смену, другие же просто прогуливали уроки. Они ушли в дальний угол двора и организовали там увлекательную игру в жэсточку. Жэсточка – это зашита в тряпочку монета или пуговица, клоторую подкидывают ногой – кто больше... Недалеко от дверей ребята окружили рыжего малого, который легко и небрежно подкидывал ногой жэсточку... В области игры рыжий достиг совершенства. Яркая тряпочка с грузом внутри, похожая на хризантему, ритмично взлетала до уровня глаз малого и, со стуком

опускаясь на подставленный ботинок, снова поднималась в воздух “Двадцать четыре... двадцать пять... двадцать шесть... – следя глазами за жёсточкой, считал рыжий. Лица окруживших его ребят были сосредоточены... Во дворе игра в жёсточку продолжалась. “Девятьсот двадцать один... девятьсот двадцать два... девятьсот двадцать три... считал рыжий. Пот градом катился по его лицу...” (Кончаловский, 1963; 171, 172, 175).

См. также: «Расшибалочка. 2», «Жока». Ср.: Сокс.

ЖОСТКА – см.: Жоска.

ЖОСТОЧКА – см.: Жоска.

ЖОХИ – настольная игра с палочками. Вероятно, то же, что *щелчки*.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Таня и Алёнка играли в жохи. Жохи им сделал дедушка. Он взял гладкую ольховую палочку, разрезал на ровные кусочки, а потом каждый кусочек расколол пополам. Вот и получились жохи. А играное в них так. Возьмут в горсть и бросят на стол. Одна палочка ляжет на плоскую сторону – это жох. Другая ляжет на горбатую – это ничка. И нужно щелчками выбивать: жохом в жох, а ничкой в ничку. И при этом ни одной другой не задеть и не пошевелить. От усердия подружки взгромоздились на табуретки с ногами. А иногда, чтобы ловчее бить, совсем ложились на стол. Алёнка била потихоньку, жохи у неё ходили вяло и останавливались на полпути, не додравшись до удара. А у Тани жохи даже со стола летели и вместо одного сразу пять жохов сбивали. И кон тянулся долго, потому что обе проигрывали» (Воронкова, 1949, 45).

О вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг.: «“Ой!... А я-то... – вдруг пролепетала Алёнка и даже остановилась. – Я забыла... Примеры сделать забыла... А потому, что мне было некогда... а потому, что отец дрова рубил, а я таскала в поленницу, а потом меня мама учила чулок вязать. Всё время трудилась!” “Трудилась, как же! – со слезами сказала Таня. – С Демущкой до ночи в жохи играла!” “И мало ли что в жохи, – кричала Алёнка, – а всё равно трудилась!...”» (Воронкова, 1961, 32).

ЖОШКА – см.: Жоска.

ЖУЖЖАЛКА – простейшая (самодельная) игрушка.

О 1920-х гг.: «Прошла целая неделя. За это время Прошка [приёмный отец] не сказал мне ни слова... В воскресенье... Прошка... тихо спросил меня: “Хочешь, я тебе жужжалку сделаю?” Я очень обрадовался. “Конечно, хочу! Сделай, пожалуйста”. Подай мне щепку. Я взял сухую щепку, слез с печки. Прошка сел на лавку и принялся ножом стругать щепку, а я стоял рядом и смотрел. “Достань за трубой в ящике шило и клубочек ниток суровых”. Быстро подаю ему шило с нитками. Он осторожно, чтобы щепка не треснула, проколол в ней шилом две дырки. Потом оторвал от клубка нитку, длиной с аршин, продел в дырки концы, связал их. После этого передвинул щепочку на середину, а нитку нацепил на указательные пальцы, помахал перед собой, чтобы нитка закрутилась в одну сторону, и потихоньку стал натягивать её. Щепка быстро закружилась то в одну сторону, то в другую и запела: ж-ж-ж... ж-ж-ж... “Я, дай я попробую!” – кричал от нетерпения. “Так, ведь, тебе и сделал”, – улыбнулся он. Я быстро надел нитку на пальцы, замахал в одну сторону, а потом плавно начал растягивать. Жужжалка запела. Тут вошла румяная с мороза Груня. “Мама, гляди, мне тятя жужжалку сделал!” – крикнул я» (Шилов, 1971, 29–30).

О середине 1930-х гг.: «Мы не подошли... к игрушкам, которые... продавались на базаре, и возле которых мы с Матрешенькой... простаивали, любуясь... “уйди-уйди”, жужжалками – их крутили, и они... длинно жужжали...» (Александрова, 1992).

ЖУК – см.: Майский жук.

ЖУК заводной – игрушка.

О 1970-х гг.: «Соседу Лёхе купили заводного жука. Был он чёрный, блестящий, с мелкими крапинками на спине. Усики загнутые, как маленькие коcherёжки... Когда его завели ключом... он с низким, немного хриплым жужжанием покотился, шевеля усамикочерёжками... Жук полз по ковру, ему было трудно, он гудел и пыхтел немного глуше и двигался немного медленнее, но он переполз весь ковёр и загудел и

зажужжал веселее, когда оказался на полу» (Киселева, 1980, 181).

«**ЖУК**» – 1. Самодельная игрушка (проволочка с резинкой), преимущественно школьное развлечение.

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг. в мужской школе: «Однажды перед первым уроком Коля Бурцев собрал у окна нескольких мальчиков и сказал: “Ребята, я вчера поймал колорадского жука”... Он [Коля] спокойно достал из кармана свёрточек и предупредил: “Только следите, чтоб не убежал”. Все наклонились к подоконнику, а Коля с величайшими предосторожностями стал разворачивать бумажку. И вдруг оттуда с сильным треском выскочил какой-то предмет. Ребята отпрыгнули... Коля покатывался со смеху. Никакого жука в бумажке, конечно, не было. Выскочила же оттуда проволочка, обмотанная резинкой. “Жук” всем понравился, и во время урока он выскакивал несколько раз, вызывая приглушённый смех. Нина Александровна, учительница русского языка, потребовала отдать игрушку и сказала, чтоб и в дальнейшем во время занятий эта игрушка не появлялась... На следующий день “жуков” в классе было уже много. От учителей их прятали, но всё же нет-нет да и вспыхивали смешки во время урока... На большой перемене в класс вошёл классный руководитель... Он усадил ребят за парты и, ни слова не говоря, прошёл между рядами. А затем неожиданно сказал: “Прошу пионеров положить на стол всех “жуков”. Класс притих... [Голя] вдруг встал и решительно направился к учительскому столу... Толя молча положил на стол “жука” и сказал: “Сейчас все пионеры второго звена отдадут “жуков”. Так решило звено”» (Великанов, 1951, 22).

«**ЖУК**» – 2. Игра на угадывание ударившего. То же, что «Жучок»; «Мазила».

О Шадринске в 1967–1969 гг.: «Жук – играли примерно в 10–12 лет. Кто-нибудь один становился спиной к играющим. Остальные игроки тыкали пальцем ему в его спину. Когда он поворачивался все выставляли большой палец вверх (знак “во”) и говорили: “Жу-жу-жу...”. А тот, кто отворачивался, должен был угадать, кто его ткнул» (103, записано со слов мужчины 1957 г. р.).

«**ЖУК, жук, ниже...**» – двустигшие, «обращённое» к майскому жуку.

О 1890-х гг.: «Домой мы возвращались через деревню. Мальчишки носились по улице, сшибали ветками майских жуков и громко выкрикивали известное заклинание: “Жук, жук, ниже! Я тебя не вижу!”» (Кузьмин, [1964] 1990, 63)

«**ЖУЧКА**» – вероятно, школьно-жаргонное название оценки «посредственно»; на наш взгляд, ассоциативная цепочка такова: «посредственно» – «нос» – «носик» – «нёсик» – «жучка».

Об ученике 9-го класса в 1941 г.: «28 ноября... Мое больное место – школа. “Баранки” сменяют “посы”... 22 марта... Все “баранки” выправлены и раны залезаны, а ведь немало труда я вложил в это дело. Последнюю неделю я буквально не вылезал из дому: утром вскакивал и садился за уроки; придя из школы, снова ишачил до поздней ночи, и вот все в порядке. Правда, если повнимательнее взглянуть, то четверть закончена позорно: два – “хора” и одна – “пятерка”. Остальное – “жучки”, “жучки”, “жучки”. Но ведь и “баранок” было немало, а их я всех “попридавил”» (Сагайдачный, 1963; 90, 98, 100, 104, 105, 106, 128, 149, 154, 162).

«**ЖУРНАЛ для детей**» – журнал для детей, выходил с 1851 по 1865 гг.

«С 1851 года начал выходить “Журнал для детей” М.Б. Чистякова... В журнале помещались статьи, повести и рассказы по преимуществу этих двух писателей, после вошедшие в их сборники. В то время это были несомненно лучшие статьи в нашей детской литературе. Таково было мнение о них и критиков того времени. Вот какой отзыв даёт об этом журнале Ф. Толль в 1862 году: “Одиннадцатый год г. Чистяков, постоянно с одинаковой добросовестностью, редактирует “Журнал для детей”... С самого своего основания “Журнал для детей” переживает второй период – в первом, в нём больше встречалось статей по естественной истории, во

втором – таких статей встречается меньше, зато больше статей по путешествиям, истории, географии, этнографии и изящной литературе... Статьи в “Журнале для детей”, по мнению Толля, чрезвычайно хороши. Недостатками он считает чрезмерное дробление статей и некоторую невыдержанность в тоне. Общее его заключение таково: “...“Журнал для детей” должен быть признан самым отпадным явлением в нашей детской литературе, а если бы у него не было указанных нами недостатков, то он был бы чуть не совершенством”» (Чехов Н., 1909, 68).

ЖУРНАЛ для наклеек – журнал, на страницах которого имеются квадратики с числами; хозяйка журнала (девочка) должна была покупать наклейки с числами и вклеивать в соответствующие квадратики журнала.

О 1995–1999 гг. в Шадринске: «Небольшие журналы для наклеек, которые попадались в жвачках, то ли бесплатно выдавались в магазинах, то ли продавались, – точно не помню. Смысл был в том, что нужно было покупать жвачки и наклеивать наклейки в соответствующие нецветные квадраты. Когда журнал был весь заполнен, нужно было написать мини-анкету, которая располагается в том журнале. Например, журнал “Sindy” – анкета здесь расположена слева от наклейки. Нужно было подписать имя, фамилию, адрес и в соответствующем квадрате отметить какую куклу ты хотела бы получить. А после этого журнал нужно было отправить (неизвестно на какой адрес) и ждать подарка. В журнале “Динозавры” предлагаются вообще роскошные подарки. Телевизор, велосипед, фотоаппарат. Смысл заполнения журнала во всех одинаков. Кроме журнала “Калькомания”, где никаких подарков не обещают. Этими журналами я увлекалась с 10 до 12 лет (1995–1997 гг.). Несколько позднее (1997–1999) появились журналы, которые были намного больше и толще, у них были лащённые листы и красочные рисунки. Наклейки к этим журналам продавались уже не в жвачках, а в специальных упаковках, где было, по-моему, по пять штук. Каждая наклейка имела свой номер, который соответствовал номеру в журнале. Например, № 198 на наклейке (в верхнем правом углу)» (103).

О Шадринске в 2000 г.: «Мне было 14 лет. Был мой день рождения, ко мне пришли друзья и одна моя подруга, подарила мне журнал “В мире животных”, в него надо было вклеивать наклейки специальные, которые продавались отдельно. И мы с мамой каждый раз, когда ездил в город, покупали мне эти наклейки. Затем, когда я полностью заполнила этот журнал, мама купила мне новый, который назывался “Барби”. Он мне нравился больше, чем журнал “В мире животных”. Мне также было 14 лет. Там были красивые дома для кукол, наряды. Я так любила этих кукол. У меня их было очень много, и даже комната была для Барби из этого журнала» (114).

См. также: «*Русалочка*».

«ЖУРНАЛ для чтения воспитанников военно-учебных заведений» – журнал, вышедший с 1836 по 1851 год.

«С 1836 г. начинает выходить офиц. дет. журнал гл. управления военно-учеб. заведений – “Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений”. Обеспеченный казенной субсидией и обязат. подписчиками, этот журнал не зависел, подобно остальным, от подписки и потому мог просуществовать целых 17 лет – огромный срок для дет. журналов того времени» (Чехов Н., 1909, 64–65).

ЖУРНАЛ классный – основной документ (имеющий вид книги, тетради), содержащий запись изучаемых тем, посещаемости и успеваемости учащихся общеобразоват. школ в течение года.

В кл. журнале фиксируются результаты проверки и оценки знаний учащихся, темы, проходимые на уроке, задания на дом, присутствие учащихся на уроках. В соответствующие графы заносятся годовые оценки, результаты экзаменов, итоговые оценки.

О гимназиях 1890-х гг. в Саратове: «... При появлении преподавателя... все ученики класса вставали и стояли до тех пор, пока учитель не садился за кафедру, тогда и

ученики садились за свои парты. Учитель открывал классный журнал и осведомлялся у дежурного по классу, кто отсутствует. После этого начинался урок» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

О гимназии в Петербурге 1890-х – 1910-х гг.: «В классы шли учителя с журналами. Все вставали» (Пызин, Засосов, [1976] 2005).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «“Тишина! – потребовал Николай Павлович, перелистал классный журнал и проговорил...: – Ничего не понимаю! Ты гордишься своим отцом, прекрасным работником, а сам работаешь плохо. Ни одной пятерки, мало четверок, есть двойка...” – Он закрыл журнал» (Ликстанов, [1953] 1964, 333).

О начале 1950-х гг.: «Галя плачет горько, / У Гали огорчение: / Ей в журнале двойку / Поставили за чтение» (Баруздин, [1954] 1976, 136).

О середине 1950-х гг.: «Он вылил чернила на классный журнал! Но он поведение своё осознал» (Барто, [1957], 1969–2, 231).

О середине 1960-х гг.: «В любом классном журнале на первой странице, перед оглавлением, сказано, что классный журнал является гос. док-том, утверждённым Мин-вом просвещения. Выдаётся в одном экземпляре каждому классу в каждой школе. Не допускаются подчистки, поправки, зачеркивания. Нельзя вырывать или заменять страницы» (Коршунов, [1968] 1980, 72).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Для каждого класса или учеб. группы заводится кл. журнал, с которым преподаватель приходит на урок. На каждый учеб. предмет в журнале отводится несколько страниц. Против фамилий учащихся в графах определённого дня ставятся отметки за устные ответы при опросе, за письменные контрольные работы, а в конце четверти (полугодия) и учебного года – четвертные (полугодовые) и годовые отметки. В журнале обязательно записывается раздел учеб. программы, который был пройден на уроке, то есть тема урока. Каждый день в журнале отмечаются отсутствующие на уроке. На последних страницах журнала кл. рук. записывает сведения о родителях учащихся. Классные журналы во внеурочное время находятся в учительской» (Денисова, 1978, 124–125).

ЖУРНАЛ литературный самодеятельный – см.: *Журналы ученические самодеятельные*.

«ЖУРНАЛ поведения учащихся» – тип школьного док-та, введенный в 1951 году.

В приказе мин. просвещения РСФСР от 12 дек. 1951 г. говорилось: «Учитывая, что в школах неудовлетворительно поставлен текущий учет поведения учащихся на уроках и во время перемен, ввести в семилетних и сред. школах в каждом классе, начиная с пятого, “Журнал поведения учащихся”, в который кл. рук. и учителя, ведущие занятия в данном классе, обязаны заносить записи, характеризующие как похвальное поведение учеников, так и нарушение ими “Правил для учащихся”. Для этого в “Журнале поведения учащихся” на каждого ученика отводится 2–3 страницы... Разъяснить учителям и принять к неуклонному исполнению, что: а) в случае нарушения школьником “Правил для учащихся” в “Журнал поведения учащихся” и в дневник ученика записывается лишь характер самого проступка (без оценки его каким-либо баллом); б) оценки по поведению ставятся учащимся только за четверть и за год, причём без решения пед. совета школы ни одному ученику не может быть снижена оценка по поведению...» (НО, 1974, 188–189).

О середине 1950-х гг.: «В решении вопроса о применении мер поощрения и наказания в целях дисциплинирования учащихся имеет свое значение “Журнал поведения учащихся”, введенный в школах согласно приказу “Об укреплении дисциплины в школах”. В этом журнале кл. рук. и учителя, ведущие занятия в данном классе, обязаны делать записи, характеризующие как похвальное поведение учеников, так и нарушения ими “Правил для учащихся”. Журнал служит одним из средств текущего учета поведения учащихся на уроках и во время перемен, что необходимо для анализа состояния дисциплины учащихся. Задача кл. рук.

состоит в том, чтобы разъяснять ученикам и родителям значение и роль “Журнала поведения учащихся”, быть постоянно осведомленным о тех записях, которые делают учителя, чтобы своевременно делать необходимые выводы. Практика показывает, что в школах, где директор и кл. рук-ли постоянно интересуются ведением записей в “Журнале поведения учащихся”..., периодически подводят итоги работы с журналом, там он выполняет роль одного из действенных средств укрепления дисциплины. Но во многих школах назначение журнала понимается неправильно, односторонне. В нем стали фиксировать почти исключительно отрицательные поступки учеников, создав тем самым у учащихся и родителей неверное представление и неправильное отношение к “Журналу поведения учащихся”» (КР, 1957, 137).

О середине 1950-х гг.: «“Журнал поведения учащихся” введен в V–X классах приказом министра просвещения РСФСР от 12 декабря 1951 г. В этот “Журнал” классный руководитель и учителя, ведущие занятия в данном классе, обязаны заносить записи, характеризующие как похвальное поведение учеников, так и нарушение ими “Правил для учащихся” при этом записывается лишь характер самого проступка, без оценки его каким-либо баллом. За ведение “Журнала поведения учащихся” наряду с администрацией школы отвечает и кл. рук. Поэтому он своевременно его оформляет. Обычно в начале журнала дается список учащихся, и против фамилии каждого ученика указаны страницы, отведенные для него в журнале. Затем в “Журнале поведения учащихся” на каждого ученика отводится две-три страницы. Кл. рук. должен систематически следить за правильностью учета поведения учащихся на уроках. Бывают случаи, когда учителя в “Журнале поведения учащихся” отмечают факты невыполнения домашних заданий или плохую учебную работу школьника. Это неправильно, и обязанность класс. руководителя разъяснить учителям, что в “Журнале” надо записывать только факты поведения ученика, а не его учёнь» (КР, 1957, 270–271).

О первой половине 1950-х гг.: «Актив обратился с просьбой к класс. руководителю вынести благодарность редактору за хорошую работу по выпуску стенной газеты с записью в “Журнал поведения учащихся”» (КР, 1957, 60).

ЖУРНАЛ *рукописный* – см.: *Журналы ученические самодеятельные; Журналы индивидуальные самодеятельные.*

ЖУРНАЛ *самодеятельный* – см.: *Журналы ученические самодеятельные; Журналы индивидуальные самодеятельные.*

ЖУРНАЛ *ученический* – см.: *Журналы ученические самодеятельные.*

ЖУРНАЛЫ *для детей* – периодические издания, предназначенные для детского чтения. Часто называются «детскими журналами».

См.: «А почему?»; «Автобус»; «Барaban»; «Барвинок»; «Бумеранг»; «Весёлые картинки»; «Весёлые медвежата»; «Внучок»; «Вовочка и компания»; «Всходы»; «Галчонок»; «Делай всё сам»; «Детская роман-газета»; «Детский отдых»; «Детское чтение»; «Детское чтение для сердца и разума»; «Доброе утро»; «Ёж»; «Ералаи»; «Журнал для детей»; «Журналы-учебники»; «Звёздочка»; «Задуманное слово»; «Затейник»; «Звёздочка»; «Знание – сила»; «Золотое детство»; «Игрушечка»; «Искорка»; «Классный журнал»; «Колобок»; «Костёр»; «Кукумбер»; «Кул»; «Кулгёл»; «Лола»; «Маруся»; «Маяк»; «Миша»; «Муравейник»; «Мурзилка»; «Парус»; «Пионер»; «Подснежник»; «Путеводный огонёк»; «Пятнашки»; «Родник»; «Сверчок»; «Светлячок»; «Свирель»; «Северное сияние»; «Сибирячок»; «Солнышко»; «Техника смене»; «Товарищ»; «Трамвай»; «Тропинка»; «Умка»; «Чиж»; «Школьная роман-газета»; «Штучка»; «Юные безбожники»; «Юные строители»; «Юные товарищи»; «Юный натуралист»; «Юный техник»; «Юный читатель»; «Юный эрудит» и др.

В начале XXI века в России выходило более 100 детских журналов.

ЖУРНАЛЫ *индивидуальные самодеятельные* – форма творческой самодеятельности детей.

О мальчишке 13–15 лет в 1907–1909 гг.: «Два года провисел мой аттестат на стенке; это время я провел дома, изнывая от тоски и находя единственное утешение в книгах, в сочинении корявых детских стишков и в выпуске ежемесячного литературно-художественного журнала “Мои досуги”, где я был единственным автором, художником, типографщиком. А единственным его читателем и восторженным поклонником стал мой младший брат Петя» (Волков, [1975] 1978, 68).

О 14-летних подростках в 1960-е гг.: «Один четырнадцатилетний мальчишка населяет невиданную планету десятками героев, изучает их культуру и историю... Другой номер за номером издает свой собственный журнал. Он и редколлегия, и весь коллектив авторов и художников. По подшивке журнала можно судить о творч. росте одних литераторов и явном застое других. Можно сравнивать стили, манеры, особенности творчества разных авторов. У каждого из них своя биография и абсолютно непохожие характеры. Юморист, ведущий отдел “Смешинка”, – худ и мрачен, а сочинитель томной лирики – тучен, жизнерадостен и честолобив. Автор-детективщик не обидит и мухи, а автор детских сказок вечно раздражен и сварлив. Но четырнадцатилетний издатель журнала любит всех своих авторов. Ведь это он вызвал их к жизни...» (Матвеев, 1970, 23).

ЖУРНАЛЫ *ученические самодеятельные* – форма творческой самодеятельности учащихся.

Ученические журналы в 1890-е гг.

В автобиографической повести А. Бруштейн, построенной на материалах западной (прибалтийской) части Российской империи второй половины 1890-х гг., создание журнала представлено как модное увлечение, приходящее на смену прежним:

«Домашние спектакли скоро сменяются новым увлечением: мы издаем журнал. “Издаем” – это, конечно, звучит слишком пышно. Мы ещё не “издаем”, мы только хотим издавать. Мы объявили всем в классе, чтобы кто может писал стихи, рассказы, повести – кто что хочет, кто что любит». Автор описывает организационно-технические аспекты подготовки журнала ученицами I-го класса женского института (возраст поступления – 10 лет; срок обучения – 7 лет): «Главным редактором мы единогласно выбираем Лиду Карцеву. Она хоть еще сама ничего не написала ни хорошего, ни даже плохого, но у нее две тетки писательницы... “А как мы его назовем?” – спрашивает Маня. “Я предлагаю заглавие: “Пламенные сердца”!» – говорит Варя. “...Давай иначе: “Незабудки”...” Варя изготавливает... прелестную обложку для журнала: по всей обложке сыплются незабудки, а на изящном, косо нарисованном прямоугольнике – заглавие журнала». Далее мы узнаем о характере текстов, предлагаемых ученицами в «редакцию» журнала: «...Что нам принесли для журнала! Стихи, в которых “ни складу ни ладу”. Например: “Роза. / В саду цветов росло немало, / Но всех пышнее роза расцвела! / В садик вошел раз маленький мальчик, / Розу на кустике он увидал, / К ней протянул он свой пальчик / И бедную розу сорвал. / Нет уж хорошенькой розы, / И все цветочки льют слезы!» Редактор Лида беспомощно разводит руками: “Ну можно ли поместить в журнале такую белиберду?” “Нельзя!” – отвечает хором Варя, Маня и я. Одной из первых приносит рассказ “Неравная пара” Тамара. Мы читаем... Бедный... музыкант дает уроки... княжне... Молодые люди влюбляются друг в друга... Об этом узнают старый князь и старая княгиня и решают отдать свою дочь в монастырь... Подслушав это родительское решение, молодая княжна... бросается в озеро и тонет. Бедный музыкант бросается за ней – и тоже тонет. Конец...» (Бруштейн, 1964, 402–405).

Ученические журналы в 1900-е гг.

Об общеобразовательных петербургских коммерческих училищах в 1900-е гг.: «Другим видом общешкольного объединения внеклассной работы в коммерческих училищах были ученические журналы.

Как форма внеклассной работы ученические журналы были широко распространены в лучших коммерческих училищах. Ещё начиная с первых классов школы, издание журналов было очень и очень популярно среди учащихся. Каждый класс издавал свой журнал и старался сделать его наиболее интересным и красивым. Они печатались на машинке или на гектографе и выходили тиражом в 40–50 штук, продавались среди учащихся по 20–40 копеек. Одни из них прекращались на третьем-четвёртом номере, другие существовали целый год и выходили раз в месяц, а то и раз в 2–3 недели; некоторые существовали ряд лет. Но даже если журнал прекращался в этом году, то на след. год тот же класс снова затевал журнал, порой нового направления и часто с большим успехом. Цель была – выработка сплоченности, объединения учащихся посредством какого-нибудь общего дела. Делом этим прежде всего и чаще всего в лучших коммерческих училищах и являлся журнал. Педагоги всячески поддерживали это дело. Преподаватель Лесного коммерческого училища Г. Г. Тумин отмечал, что Гоголь, как известно, редактировал Нежинской гимназии журнал (под названием «Звезда»), Пушкин – в Царскосельском лицее, Лермонтов – в Московском университетском пансионе, Белинский – в Пензенской гимназии, И. И. Панаев – в Петербургском университетском пансионе, Помяловский – в Александро-Невской семинарии, и многие др. известные писатели являлись издателями, редакторами и наиболее талантливыми сотрудниками школьных журналов в свои ученические годы. По далеко не полным данным за шесть лет в Тенишевском училище (с 1901/1902 по 1906/1907 уч. год) насчитывается 14 названий выходивших там журналов. Из ранних классных журналов сохранился журнал II класса за 1901/1902 уч. год – «Дневник школьников». Он выходил на двух-трех страницах напечатанного на машинке текста, но довольно часто и регулярно – за 6 месяцев вышло 11 номеров. В нём помещались первые дет. стишки и басни, маленькие рассказы (нравоучительного характера), коротенькие переводы с иностранного, шарады, загадки, анекдоты, «школьный день», в шуточной стихотворной форме отражающий эпизоды классной жизни. Серенький, невзрачный журнал этот объединил и выявил лит. «talанты». Из числа его корреспондентов мы позднее видим акт. издателей и редакторов общешк. журналов. Журналы IV–V классов в 1903–1904 г. – «Юный труд» и в 1905/1906 уч. году «Досуг», «Буревестник» – это тетрадки по 6–7 страниц, отпечатанные на гектографе. Выходили они примерно раз в две недели; цена номера – 7 коп. В них уже выделены отделы: 1) литературный, 2) научный, 3) «по белу свету» (в котором печатались интересные сообщения из газет и журналов «Вестник самообразования», «Новое время» и др.), 4) училищные дела, 5) критика и библиография. В журналах давалась критика на журналы параллельных классов, разбирались ученические спектакли. Начиная с 1906 г., журнальная деят-сть особенно оживляется: в III классе выходит журнал «Детская мысль», в IV классе – «Вперёд», в другом IV – «Юная мысль», в VI классе – «Возрождение» и т. п. – каждый класс имеет свой журнал. Журналы расходятся в большом кол-ве экз. не только среди учеников своего класса, но и вообще в школе. Так, напр., редакция журнала «Юная мысль» сообщала, что № 1 разошелся в 95 экз. Эти журналы были уже более объёмистые – от 15 до 25 страниц. Почти в каждом из них есть обращения от редакции, характеризующие цели, направление журнала, мобилизующие активность учащихся, объединяющие их вокруг журнала. Здесь были значит. лит. отделы, много публицистического материала из жизни школы (например, обсуждение вопроса о приглашении сверстников и родителей на классные вечеринки), сообщения и обсуждения эпизодов классной жизни («наша вечеринка», «о присоединении учеников VI семестра к нашему журналу» и т. п.), заметки о жизни школы, письма и вос-ия товарищей (о наводнении, о немецкой школе, о вечеринке соседнего класса, где корреспондент журнала был делегатом). Жизнь класса и школы

занимает всё больше места в журналах, интерес к ней растет и обсуждение её становится всё более активным. Растёт интерес к жизни своих сверстников в др. школах. В нек. журналах («Вперед» – IV класса, 1905/1906 уч. год) появляется отдел переписки учеников сред. учеб. заведений, хроника дает материалы о др. школах. Ряд журналов наиболее крепких, возглавляемых энергичными редакциями, имел тенденцию перерасти из классных в межклассные, а затем и общешкольные. Так, еще в 1903/1904 уч. году журнал, издававшийся учениками V и IV классов – «Юные силы», – приобрел хар-р общешк. органа. Это ежемесячный журнал, выходивший в 50 экземплярах, отпечатанный на гектографе, цена номера – 20 копеек. Редакционная комиссия его – инициативная группа учащихся под председательством А. Я. Зака – установила следующую определенную программу, по кот. должен был выпускаться журнал: 1) от редакции, 2) передовые статьи (по училищным делам), 3) беллетристика, 4) науч. статьи, 5) критич. статьи 6) искусство, 7) училищные дела, 8) смесь. После решения всех орг. вопросов по выпуску журнала редакц. комиссия сложила с себя свои полномочия, и была избрана редакция из пяти учащихся, которая и вела в дальнейшем журнал. Журнал довольно обстоятельный, но скучный: статьи в нем длинные, малоинтересные, печатающиеся на протяжении четырех-шести номеров («История органического мира», «Эдисон, его жизнь и изобретения»), училищные дела излагаются бесстрастно, холодно. Видимо, всё это и вызвало к жизни на протяжении года еще два общешк. журнала: «Проблески мысли» и «Жизнь». Первый всецело посвящен жизни школы, его отделы: 1) новости дня, 2) нам пишут, 3) слухи, 4) письма в редакцию. Все эти отделы построены на шк. материале, так же, как и «обличительные статьи» журнала, его критика и фельетоны. Весь материал подается в довольно острой сатирической форме. Редактор-издатель журнала «Жизнь» создал интересный юморист. журнал, где небольшое место отводилось лит. отделу, а в остальном журнал давал хронику, интервью, письма, обзоры шк. жизни в юморист. тоне («Проголосуй по Тенишевскому училищу»). Видимо, эти журналы очень хорошо дополняли друг друга и прекрасно уживались. Они были плодом творчества и официально избранных редакций из акт. учащихся-литераторов, и инициативных групп наиболее предприимчивых учащихся, и даже отдельных остро-шумных учеников. Но все они служили одной цели – объединению и развитию творческих сил и способностей учащихся, их интересов, инициативы и активности, любви к школе. И несомненно, эта цель достигалась. К 1906/1907 г. инициатива, энергия, творчество учащихся, которые в 1901/02 г. робко пробовали свои силы на убогих, неприглядных страничках своего классного журнала («Дневник школьника» – II класс), выросли и развились, настолько, что они создают серьезный большой общешк. журнал «Тенишевец». Это – устойчивое издание, журнал, печатавшийся типографским способом, на 20–30 страницах большого формата, выходивший ежемесячно и существовавший на протяжении ряда лет (с 1906 по 1910 г. включительно). Цель этого журнала та же, что и многих других; редакция писала: «Мы будем стремиться к оживлению шк. жизни, к созданию интересов, могущих сплотить учеников в нечто целое...». Журнал был «соединительным звеном» между тенишевцами, в нём отражались их интересы, их мысли, находили ответ со стороны товарищей их запросы, а взгляды их находили критику и оценку сверстников. Журнал в значит. части школьно-публицистический, но часть страниц отведена и беллетристике; был создан и спец. отдел искусства, посвященный впечатлениям учащихся от прочитанного, виденного на сцене, на выставке и т. д. Иногда журнал издавал спец. беллетрист. сборники из произв-ий учащихся. На страницах журнала обсуждались вопросы самообразования, полит. забастовки в сред. школе, роли сред. школы в освободит. движении, критика журналов, издаваемых в училище, работа шк. кружков, вечеринки, училищные дела, вопрос товарищества среди

тенишевцев, экскурсии и роль старосты в них, вопросы об ученич. собраниях, хроника жизни школы и т. п. ... На страницах журнала отражены порой очень противоречивые и иногда даже просто противоположные мнения, но общее направление журнала всё-таки остаётся умеренным и аполитичным. Видимо, это и приводило к созданию журналов, недолюбиваемых цензурой, как говорили тенишевцы. Ярким примером такого журнала в Тенишевском училище был журнал “Пробужденная мысль” – резко оппозиционный журнал, редактор и издатель его тоже ученик VII класса в 1906 г. Журнал выходил под лозунгом “Справедливая защита интересов учащихся”. Но журнал не встретил поддержки и сочувствия большинства учащихся... Эта широкая журнальная деят-сть учащихся глубоко привязывала их к своей школе и её жизни, укрепляла товарищество. Учащиеся рассматривали журналы как своё кровное дело, которому они посвятили много сил и которое долго любили всей душой. Старшие, покидая училище, бережно передавали журнальное дело младшим, той смене, которую они сами растили среди сотрудников и редакции... Таким образом, журнальная деят-сть учащихся широко культивировалась в лучших коммерч. училищах... Интерес учащихся к этому виду внекл. работы был так велик, что в большинстве этих школ ученич. поклассные и общешк. журналы прочно вошли в традицию. А в отд. годы она достигала такой интенсивности, как, напр., в Выборгском коммерч. училище, где на протяжении всего 1907/1908 уч. года издавалась гектографически ежедневная общешк. газета» (Зенченко, 1959, 73–79).

Ученические журналы в 1910-е гг.

«В 1914–1915 годах учитель Иван Ильич Демидов преподавал в 3-м приходском училище города Челябинска и решил вовлечь ребят в издание рукописного журнала... ..В течение учебного года школьники выпустили четыре номера “Школьного товарища”, написанных от руки... Узнав о почине И.И. Демидова, ученики Челябинского реального училища решили, что они не хуже ребят из приходского и тоже могут издавать журнал, да не рукописный, а печатный... ..В феврале 1916 года был выпущен 45-страничный первый номер журнала “Первые шаги”. На обложке напечатано: “На правах рукописи”, а на третьей: “Печатается с разреш. Педагогического Совета Челябинского реального училища”... Кроме Челябинска, шк. журналы, изданные в печатном виде, были и в других городах Урала. В Екатеринбурге ученицы женской гимназии издавали в 1915–1916 годах журнал “Общими силами” (вышло пять номеров). Не меньше пяти номеров журнала “Улей” выпустили ученики Шадринского реального училища. Формат журнала в два раза больше ученической тетради, и издание выглядит “по-солидному»» (Бирюков, 1969, 137–139).

В повести К. Филипповой «В гимназии» журнал в середине 1910-х гг. выпускают гимназистки 4–5 класса (14–15 лет) «...Мика сообщила подругам, что в мужской гимназии в старших классах выпускают журнал потихоньку от гимназического начальства. Пишут сами гимназисты, конечно, надежные, которые ничего не разболтают. В журнале есть и стихи, и рассказы, и серьезные статьи... Почему бы нам тоже не выпускать журнал?... “Только как мы это сделаем, Мика?” “Сделаем. Олег обещал помочь. Он рассказ напишет, мы тоже будем писать...”... Нашли тетрадь из хорошей бумаги... Решили... назвать журнал “Луч света”... Главным редактором была назначена Мика. “А кто же у нас будет писать для журнала?” – спросила Ирина. “Как кто? А ты, а Зойка, а я? Рассказ и ещё кое-что обещал Олег. Вот стихи... Без стихов... какой же это журнал!.. Кто может написать?...” Мика задумалась, сморщив брови, но сейчас же просияла. “А Русанова?” – воскликнула она... Зойка бросила на стол вчетверо сложенную бумажку и... сказала: “Посмотрите, девочки, это для журнала”. Мика развернула бумажку: “Вот madame Пикар несется / И кокетливо смеётся... / Вот madame Пикар садится, / Спутать локоны боится... / И поэтому мы русский / Знаем лучше, чем французский”...

Катя Русанова также представила свое сочинение. “Был чудно красив, но, увы, небогат / Джигит молодой бен-Ахмат. / Красавицу-деву красавец любил, / И рок их сердца съединил”... В стихах было всё: и пылкая любовь; и коварная измена, и смертоносный яд, и свадьба... Журнал получился великолепный... От заголовка шли лучи. По краям обложки каемкой были нарисованы парты, за ними девочки... Ирина унесла журнал домой и целый вечер просидела над рисунками...» (Филиппова, 1938; 126–156). Показать журнал читателям не удаётся: он попадает в руки начальства, одну из учениц исключают из гимназии.

В Российской гос. библиотеке хранятся несколько подобных журналов, выпущенных учениками гимназий в начале XX в.

Журнал «Ласточка». Первый номер подготовлен девочками 2-го класса ЖКУВ. В нем помещены стихи («Пчёлка»), рассказы (отчёты) о химических опытах, повествования о ботаническом саде. Второй номер (май 1909 г.) учащиеся выпускали, будучи ещё во втором классе, а третий номер (декабрь 1909 г.) был выпущен уже третьеклассницами. В нем – записи об экскурсии, о поездках и природе. Особенно объёмным был номер шестой, вышедший в 1912 г. – 169 страниц машинописи.

В выходных данных седьмого номера «Ласточки» значится: «Литография СВ. Кульженко, Киев». Исходя из этого, можно сделать вывод, что журналы выпускались каким-то женским киевским училищем.

Седьмой номер выпускали уже шестиклассницы в 1913 г. Опубликован дневник путешествия на Кавказ, помещены материалы о клубе, который создали некоторые девочки из класса, и темах, обсуждавшихся на его заседаниях: о приличиях и обычаях, о цели жизни. Открывался номер следующей информацией:

«Случайно вышло так, что очередной номер “Ласточки” является в то же время и 50 номером всех журналов, вышедших до сих пор в нашем училище. 7 лет тому назад ученицам 2 класса пришла в голову мысль издавать журнал. Эта мысль осуществилась, когда они были уже в 3 классе, изданием “Подснежника”. Их примеру последовали другие классы, и, таким образом, с прошлого года каждый класс имеет свой журнал. Теперь их вышло уже 50 номеров».

Отпечатанный в типографии в марте 1911 г. «литературно-художественный журнал учениц Частной Гимназии Аблецово́й и Байковской “Первые шаги”» (23 страницы). Содержание его составляют стихи («Куда идти», «Сон Павлуши», «Осенью») и шарады.

Два номера журнала «Улей» вышли в г. Шадринске Пермской губ. (сейчас – Курганской обл.) в 1914 году. В выходных данных первого номера значится: «Шадринск, Тип[ография] К.Е. Доронина. Ученический литературно-художественный и научный журнал при Шадринском реальн[ом] уч[илище]. Редактор Л.А. Потоцкий. Издатель П.Я. Кожеуров». В выходных данных второго вместо слова «журнал» значится «сборник». В выпуске журнала принимали участие ученики Шадринского реального училища с 1 по 7 класс. Оба номера состоят из трех отделов: «Литературный отдел», «Научный отдел» и «Смесь». Содержание литературного отдела: стихи («Дума», «Осенняя песенка», «Музе» и пр.), рассказы («Любовь Саранки», «Мелодия») и переводы («Lorelei» Гейне), стихотворения («Сиротка», «Тогда лишь»), стихотворение в прозе («Летняя ночь») и пр. В научном отделе публиковались рефераты («И.С. Тургенев как драматург»), домашнее сочинение («Скажи мне, чем ты любишься, и я скажу, каков ты»), фольклорный материал «Частушки», собранный в Мингалевском, Полевском и Уксянском селах. В отделе «Смесь» помещены задачи и шарады.

«Наш журнал» – «издание учениц Московской женской гимназии А.С. Алферовой». Первый (и, по-видимому, последний) номер вышел в 1918 г. Журнал открывается предисловием «От бывших редакторов старого журнала “Бабые дело”, выходившего в нашей гимназии в 1909 году»: «Журнал “Бабые дело” возник как-то сам собой, быстро и весело; он не собирався быть долговечным и просуществовал, пока сам себе и другим

нравился. Он прекратил своё существование, когда и редакторы, и читатели отвлеклись от него другими делами. Он не собирался никого поучать, и в нём писали оттого, что писать, рисовать и спорить очень хотелось... Ученический журнал очень хорошее дело, но он должен вырасти из действительного сильного желания участников». В журнале три отдела. В литературном отделе опубликованы стихотворения («Молитва», «В лесу»), рассказы: «Крестная мать (из воспоминаний детства)», «Из милого прошлого», «1917-й год» (освобожденный узник едет на санях), проза в стихах «Сирень» («Благоухала лиловая сирень и наполняла дивным ароматом воздух...»), стихотворные переводы с французского. В общем отделе помещён рассказ «Случай (один из многих)». В юмористическом отделе помещены «Записки иностранца, приехавшего в Россию» («Господа! Товарищи! Граждане!.. ..Пропустите! Пятую остановку проезжаю!»).

О профессоре Н.М. Верзиле (р. 1903): «Будучи третьеклассником [в 1916 году], начал издавать рукописный журнальчик “Луч” и стал единственным его автором, художником, редактором и издателем. Вышло четыре номера. В последнем классе издавал “Беседы у костра”, участвовал в общеученическом журнале “Проблески творчества”» (Гроденский, 1972, 43).

Традиция ученических журналов не исчезла и в советский период. Воспитанник Арзамасского реального училища 13-летний Аркадий Голиков (будущий писатель А. Гайдар) в дневнике от 11 января 1918 г. сделал следующую запись: «Было собрание по вопросу об обузании класса своим журналом». А.М. Гольдин, школьный товарищ А.П. Гайдара, вспоминает: «Аркадий... организовал классный журнал, был избран его редактором. Вот где надо, по-видимому, искать начало его журналистской деят-сти» (Гайдар, 1982–4; 253, 465).

Ученические журналы в 1920-е гг.

Г. Белых и Л. Пантелеев в повести «Республика Шкид» (1927) описывают «журнальный бум» в школе им. Достоевского: «Кто поверит теперь, что в годы блокады, голодовки и бумажного кризиса, когда население Совроссии читало газеты только на стенах домов, в Шкидской маленькой республике с населением в шестьдесят человек выходило 60 (шестьдесят) периодических изданий – всех сортов, типов и направлений?» Ход событий авторы излагают следующим образом. Из шкидской еженедельной газеты «Зеркало» возник одноименный журнал, возглавлявшийся Япончиком и переписывавшийся Янкелем: «Япончику не нравится обычный еженедельный ученический журнал, освещающий жизнь и быт школы в стихах и рассказах. Нет, Япончик мечтает из “Зеркала” сделать ежесемьячник, толстый, увесистый и солидный журнал со статьями и рефератами по истории, искуству, философии... Количество страниц увеличивается до тридцати, потом журнал становится двухнедельным, потом десятидневным, а школьная хроника и юмор изгоняются прочь. Им не место в “умном” журнале. Зато Еонин пишет большой исторический труд с продолжениями: “Суд в Древней Руси”... Янкелю очень скучно без конца переписывать статьи о Древней Руси. Он знает прекрасно, что никто не прочтет их кроме автора и несчастного типографа... Выпустив семь номеров журнала, Янкель призадумался. Ему также хотелось творить – писать стихи, рассказы, сочинять веселые фельетоны из школьной жизни, а времени не хватало». В результате Янкель начинает выпускать еженедельный «сатирический и юмористический» журнал «Комар» «форматом в тетрадный лист и размером в восемь страничек», а Япончик – ежесемьячник «Вперёд». Купец организует журнал «Мой пулемет», а Цыган – «журнал шарад, ребусов и загадок “Головоломка”». Мамочка и Горбушка выходят из состава «Моего пулемета» и начинают издавать журналы соответственно «Мысль» и «Зори». Руководитель школы Викниксор (Виктор Николаевич Сорокин) оказывает поддержку «журналистам» бумагой и краской и объявляет, что «в скором времени в школе откроется

музей, в котором в качестве самых главных экспонатов будут храниться эти журналы». Поддержка руководителя ободряет ребят, и «издательская эпидемия» охватывает все новых воспитанников. Возникают журналы «Вестник техники», «Медвежонок», «Звезда», «Красная заря», «Туман», «Вестник», «Маяк», «Красный школьник», «Летопись», «Мухомор», «Солнышко», «Красное знамя». «Журналов стало так много, что не находится уже читателей на них. Все пишут – читать некогда... Три месяца школа горела одним стремлением – выпускать, выпускать и выпускать журналы... Потом горячка стала постепенно утихать: как звезды на утренней заре, гасли один за другим “Мухоморы”, “Клоуны”, “Факелы”, “Всходы” и другие газеты и журналы... Из шестидесяти изданий остается четыре. Игра замирает, давая место серьезной работе, а от прежнего увлечения остается след в школьном музее, в виде полного комплекта всех изданий» (Белых, Пантелеев, 1973, 185–200).

«Из ученических журналов советского времени... упомяну о “Первых шагах юных краеведов”, выпускавшихся краеведческим кружком при приисковой школе-семилетке Нижне-Туринского района. Первый номер этого издания вышел в июне 1929 года» (Бирюков, 1969, 139).

Ещё об одном школьном журнале, выходившем в 1920-е гг., сообщает А.И. Рожков: «Постоянные приставания, недвусмысленные намеки, откровенное насилие сопровождали девочек на протяжении всего периода обучения. В знак протеста против этого школьницы Таганрога, например, выпустили нелегальный девичий журнал, о котором юноши не подозревали» (Рожков, 1999, 148). [...]

Ученические журналы в 1940-е гг.

О средней школе № 3 поселка Гуймазы Башкирской АССР в 1943–1945 гг.: «В литературном кружке работало 56 человек... Конец каждого года работы кружка знаменовался выпуском литературного журнала. На кружке обсуждался план журнала, выделялась редколлегия, авторы статей. И в конце года, на заключительном лит. вечере, читались статьи из этого журнала. Журнал, прочитанный всеми кружковцами, учителями и преподавателями школы, передавался на хранение в учебную часть. Перелистаем наши журналы. Вот № 1, выпущенный в мае 1943 года. В нем статьи учащихся об их любимых книгах (“Что делать?” Чернышевского, “Овод” Войнич, “Песня о Соколе” Горького, стихи Маяковского). Здесь дан анализ лучших произведений о Великой Отечественной войне, статьи о выдающихся докладах прошедшего года. Специальный раздел посвящен работе кружка... В № 2 за 1944 год особенно интересны были отделы “Книги, которые учат жить” (Н. Островский, стихи Маяковского, поэма о Зое Космодемьянской) и “Из классных сочинений”, где были показаны наиболее интересные сочинения за прошедший год: “Союз нерушимый” ученицы М. (о дружбе народов), “Мой брат – офицер...” ученика 9 класса... В журнале имеется также юморист. отдел, эпиграммы на докладчиков и оппонентов. № 3 журнала показал, чем жил кружок в 1945 г., отразил лит. интересы учащихся... Большой отдел журнала носит название “Маяковский – лучший, талантливейший поэт советской эпохи”. Другой отдел посвящен теме “Эти книги любила Зоя”. В нём помещено письмо к матери Зои и ответ её, а также статья, подробно анализирующая лит. вкусы Зои Космодемьянской. Две статьи посвящены скончавшимся советским писателям: А.Н. Толстому и Д. Бедному... В журнале много иллюстраций: 14 портретов великих русских писателей и портреты к статьям О. Маяковском, А.Н. Толстом, Д. Бедном. Портреты рисовали сами кружковцы. Выпуск лит. журналов имел большое значение в жизни кружка. Он был местом пробы критического пера учащихся и вместе с тем подводил итоги каждому году нашей работы» (Стернин, 1951; 328, 333–335).

Ученические журналы в 1950-е гг.

О перв. пол. 1950-х гг.: «Во многих школах учащиеся выпускают рукописный литературный журнал. [...]

Ученические журналы в 1960-е гг.

О 1960-х гг.: «В наше время выпуск рукописных журналов при школах, клубах, краеведческих кружках, библиотеках и им подобным местам стал довольно обычным делом» (Бирюков, 1969, 137). [...]

Ученические журналы в 1980-е гг.

О 1988–1989 гг. (из письма в журнал): «В нашем классе выходит настоящий журнал. Он называется “Разное о разном”. Издаёт его группа девочек, я – редактор отдела писем, ведь ребята пишут нам. Есть у нас в журнале страничка для хозяйшек, литературная, пионерская, конкурсная страничку. Недавно появилась “Школа смеха”. Наш журнал не имеет только КИДЖа, но очень хочет подружиться с ребятами из других городов и из-за рубежа... Пишите по адресу:.... Московская область, г. Электросталь... света Померанцева, 10 лет» (Костёр. 1990, 2. – С. 13).

ЖУРНАЛЫ-УЧЕБНИКИ – вид изданий для школы начала 1930-х гг.

«1920–1930-е годы... – время поисков и экспериментов в создании новой школы и новых методов обучения. Одним из таких экспериментов явилась попытка заменить стабильный шк. учебник журналом, который должен был давать самый свежий материал по изучаемым предметам. Журналы-учебники издавались в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Симферополе, Хабаровске и многих других городах страны. Каждая редакция делала его по собств. разумению, тех. уровень очень низок, выход в свет и доставка часто задерживались, что лихорадило работу школы. Но самое главное – журналы-учебники оказались не в состоянии заменить стабильный шк. учебник и дать детям серьезные прочные знания по изучаемым предметам. Существовали они недолго – около 1–2 лет. Вышедшие в авг. 1932 и в февр. 1933 гг. постановления ЦК ВКП(б) “Об учеб. программах и режиме нач. и сред. школы” и “Об учебниках для нач. и сред. школы” четко сформулировали гл. задачу Наркомпроса – создание стабильного шк. учебника» (Колесова, 1993, 50–51). Можно назвать такие журналы-учебники, как: «Дружная бригада» (издавался в Хабаровске в 1932 году; как и большинство журналов этого типа, “Дружная бригада” издана небрежно, на плохой бумаге, клише “слепые”; язык материалов сухой, невыразительный); «Дружно за учебу» (журнал-учебник для школ I ступени Московской области, издавался в 1932 году; в журнале много фотографий, рисунков, схем, диаграмм, есть попытки подавать материал занимательно; публикуются стихи М.Светлова, А.Безыменского); «Юные строители» (издавался в Смоленске в 1932 году); «Юные ударники» (ежемесячный журнал-учебник, издавался в Ленинграде в 1930–1932 годах...), «Костер» (выходил в Ростове-на-Дону в 1930–1933 гг., затем стал журналом для сельских школьников); «Юные ударники Крыма» (выходил в Симферополе в 1930–1931 гг.); «Школьная бригада» (журнал-учебник для школ Московской обл., издавался в Москве в 1930–1931 гг.).

Ист.: Колесова, 1993; 40, 62–63, 119, 121.

ЖУХАЛА – то, кто жухает (см.: *жухать*).

«Сделав уроки, Рита отправилась гулять во двор... Рита долго играла с подружками в “классики”, но вот рассердилась на одну из девочек и оттолкнула ее... По двору разнёсся дурной Ритин голос: “Кто так битую бросает?! Жухала!”» (Вяземский, 1986).

ЖУХАТЬ – нечестно вести себя в игре, быть *жухалой*.

О пятиклассниках в 1970-х гг.: «На улице кричат ребята. Наверное, опять играют в царя горы. “Жухаешь! Жухаешь!” – надрывается громкий голос. – А пусть не жухает! Ногами толкаться нельзя!» (Матвеева, [1982] 1986, 133).

О 1970-х гг.: «[Девочка] врала и хвасталась самым беззастенчивым образом. Она жухала во время игры. Знала множество неприличных песен, стишков и прибауток» (Коршунова, 2004, 8).

«**ЖУЧОК**», играть в «жучка» – игра на угадывание ударившего. То же, что «Жук» (2); «Мазила».

О 1928–1929 гг. в Москве: «Примерно так же выглядели демонстрации, когда я стал ходить на них со

старшими классами нашей школы. На остановках танцевали теперь уже дозволенный фокстрот, играли в “жучка” и “кошки-мышки”...» (Федосюк, 2004, 115).

О вт. пол. 1940-х гг.: «И вообще, самая интересная жизнь школьников начиналась за окнами школ и квартир, там, на улице, во дворе, где дети были предоставлены сами себе... Играли в жучка, угадывая, кто тебя ударил по выставленной сбоку ладони, в чехарду, играли в войну, в футбол и прочие... игры» (Андреевский, 2003, 380).

И. Клех (р. 1952) описывает игру в затрещины, напоминающую игру в «жучка»: «Люди той страны часто играли в затрещины. Кто-то один отворачивался, прикрывая глаз ладонью правой руки, наподобие шоры, и выставив из-под ее подмышки открытую левую ладонь. Сгрудившиеся за его спиной игроки поочередно лупили с замахом и наотмашь по этой ладони, и надо было угадать кто. Тогда игроки менялись местами. И если последний удар оказывался чрезмерно силен – а в этом-то и состоял азарт, – чаще всего следовала немедленная расплата. Ладони горели. Игроки тянули под самый нос обнувшемуся отгадчику кулаки с выставленным большим пальцем, отчаянно скалили зубы и ржали – один бил, другой “гакал”, – угадать было не так просто. В эту незатейливую игру играли повсеместно во время долгих перекуров, и исчезла она с наших просторов не раньше конца шестидесятых годов. Как и чехарда, сражения команд на бревне или верхом друг на друге, толчки в грудь на присевшего сзади “шестерку”, игра в “бутылочку” с поцелуями или всей семьей за столом – в лото и на “фанты”. Исчезли сюрпризы вроде “закрой глаза, открой рот”. Осталось только, кажется, еще перетягивание каната...» (Клех, 2002).

ЖЮЛЬ Верн – см. *Верн*.

«**ЗА АКТИВНУЮ работу**» – значок, вручавшийся активным пионерам в 1970-е – 1980-е гг.

О середине 1970-х гг.: «Самые активные пионеры, добившиеся больших успехов в учении, труде, спорте, общественно полезной работе, боевые организаторы дела на [Всесоюзном] Марше [пионер. отрядов] награждаются значком Всесоюзной пионерской орг-ции имени В.И. Ленина “За активную работу”» (Бромлей, 1977, 29).

Из Положения о Всесоюзной пионерской орг-ции им. В.И. Ленина, утверждённого Бюро ЦК ВЛКСМ 10 июня 1986 г.: «Пионеры, активно участвующие в жизни пионерской орг-ции, награждаются значком Центр. совета Всесоюз. пионерской орг-ции имени В.И. Ленина “За активную работу”» (Цит. по: Пирогов, 1987, 158).

«**ЗА ДЕТСТВО счастливое наше спасибо, родная страна**» – строка из «*Песни советских школьников*», звучавшая в хоровом детском скандировании, печатавшаяся в книгах для чтения, писавшаяся на плакатах и стендах и т. д. в 1950-х – 1980-х гг.

О перв. пол. 1950-х гг.: «...Была разучена “Песня советских школьников”, припев которой (“За детство счастливое наше спасибо, родная страна”) все дети говорили хором. (ВВВР, 1955, 66).

Надпись под рисунком на странице 3 (первой после титульного листа) книги для чтения в 1 классе начальной школы «Родная речь» (издание двадцать первое, 1964 год): «За детство счастливое наше спасибо, родная страна».

«“За детство счастливое наше спасибо, родная страна” – пионерский девиз, речёвка, надписи на стенах, плакатах (Записи 1970–1980 гг.)» (Мокиенко, 1998, 162).

«**ЗА МАМУ, за папу...**» – начальные слова традиционного текста, при помощи которого взрослые побуждают ребёнка съест ту пищу, которую он не желает есть по своей охоте.

О 1933–1934 гг.: «Первая ложка манной каши съедалась сыном охотно, вторая тоже. Но в тарелке их не одна и не две. Нужно, чтобы ребенок обязательно съел кашу. И вот мы стоим и страдаем, тщетно пытаясь уговорить его: “Эту ложечку скушай за папу, а эту за маму. Эту за кошку, а эту за собачку”. Мальчик давит. Ему не хочется есть. Видно, от этих уговоров аппетит у него совсем пропадает. Однажды сильным порывом ветра у нас разбило оконное стекло, и я пригласила

стекольщика. Когда он работал, мы начинали кормить сына. Посмотрел стекольщик, как мы втроем стоим и уговариваем ребенка: “Скушай за маму, скушай за папу, скушай за дедушку, скушай за бабушку, за беленького козлика, за серого волка...”, рассмеялся...” (Володяева, 1960, 18).

«ЗА ОДНИМ НЕ ГОНКА...» – словесная формула, произносимая в играх, где один участник должен догнать кого-либо из других участников, и призывающая не вести длительное преследование одного участника, а менять объекты преследования.

Автор словаря помнит формулу «За одним не гонка – поймаешь поросёнка» по детским играм начала 1970-х гг. в Шадринске.

О девочке 7–10 лет в с. Зеленоборском Шадринского р-на в 1977–1980 гг.: «“За одним не гонка – поймаешь поросёнка”. Сестра рассказывала, что так говорили, когда играли в “ляпы”. Если галящий бегал долго за одним и тем же человеком, то ему так кричали остальные участники игры» (134).

О с. Ястребинка Пресновского р-на С.-Казахстанской обл. в 1992–1996 гг.: «Когда я была маленькой и училась в начальной школе, у нас была такая поговорка: “За одним не гонка – поймаешь поросёнка”. Так мы говорили, когда в какой-нибудь игре (салки, “чай-чай-выручай” и др.) галящий бегал за одним человеком» (019).

О Шадринске в 1994–1997 гг.: «Выражение “За одним не гонка” использовалось в младшем школьном возрасте, во дворе при подвижных играх типа “выше ноги от земли”, “ляпы”. Фраза была направлена на то, чтобы “водящий” бегал за всеми одинаково, не выбирая слабого и гоняя за ним одним. Потом выражение претерпело изменения – продлилось для более обидного эффекта: “За одним не гонка – поймаешь поросёнка”. Правда, это выражение почти не помогало, и гонялись, как правило, за самыми слабыми» (012).

«ЗА ОКНОМ БАРАБАНИТ ДОЖДЬ» – см.: *«Барабанит по улице дождь»*

О Каргапольском р-не Курганской обл. в 2000 г.: «Песню “За окном барабанит дождь” я услышала в 14 лет в лагере “Лесная республика” от девочек старших отрядов» (011).

«ЗА ОТЛИЧНУЮ УЧЁБУ» – значок ЦК ВЛКСМ, вручался учащимся 7–11 классов в 1970-е – 1980-е годы.

Значок ЦК ВЛКСМ «За отличную учёбу» был учреждён Бюро ЦК ВЛКСМ постановлением от 25 июля 1972 г. Согласно Положению, значком награждались «учащиеся VII, VIII, IX, X, XI классов общеобразовательных школ за отличную учёбу и акт. участие в общественной работе по итогам учебного года». Награждение значком производилось «постановлениями соответствующих райкомов, горкомов комсомола», предварительно вопрос о награждении рассматривался «комитетами комсомола школ совместно с пед. советами», вручался же значок секретарями и членами бюро райкомов, горкомов комсомола на общешк. комсом. собраниях в торж. обстановке» (НО, 1974, 326).

«ЗА СТЕКЛЯННЫМИ ДВЕРЯМИ...» – считалка.

О Шадринске в конце 1970-х гг.: Чтобы выбрать галящего в играх, использовали считалки:... “За стеклянными дверями / Стоит мишка с пирогами. / “Мишка, Мишенька, дружок, / Сколько стоит пирожок?” / “Пирожок-то стоит три, / А галить-то будешь ты!”» (608).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Перед началом каждой игры мы обычно выбирали ведущего с помощью разнообразных считалок. Например: “За стеклянными дверями / Стоит мишка с пирогами. / “Мишка, Мишенька, дружок, / Сколько стоит пирожок?” / “Пирожок-то стоит три, / А галить-то будешь ты!”» (607).

«ЗА ЧЕСТЬ ШКОЛЫ» – общешкольный праздник.

О перв. пол. 1950-х гг.: «Наиболее распространёнными традиц. днями в школах стали такие, как праздник “За честь школы”, “Первый и последний звонок» (для учащихся первых и десятых классов), выставки летних работ, выставки ученических работ в конце учеб. года, новогодний вечер для учащихся старших классов,

вручение медалей отличникам, встреча с выпускниками, праздник урожая и цветов и т. д.» (КР, 1957, 75).

О конце 1950-х гг.: «В традиционные дни “За честь школы” обычно каждый отряд и группа октябрят дарят школе что-нибудь имеющее значение для всего коллектива. В одной из школ октябрят-первоклассники подарили в этот день библиотеке 60 закладок для книг, в другой – они сделали красиво вырезанные салфеточки под цветы и т. п.» (Панова, 1960, 67).

О первой половине 1970-х гг.: «Сплочению классного коллектива способствует активное участие в традиционных общешкольных праздниках (“За честь школы”, “Встреча новичков”, “Последний звонок выпускникам” и др.), каждый класс может внести свой вклад в подготовку и проведение таких праздников. Во время праздника “За честь школы” учащиеся демонстрируют успехи своей работы за год» (Болдырев, 1978, 137).

ЗА ШИВОРОТ – «за ворот, за воротник» (Ожегов, Шведова, 1996, 883).

Кидать, заталкивать что-либо за шиворот – распространённое детское озорство.

О пятиклассниках в 1970-е гг.: «Таня думает: а может быть, теперь уже скоро отыщется на большом белом свете такой человек, который захочет ей, Тане, пустить солнечного зайчика в самые глаза или кинуть ластик за шиворот, свистнуть над самым ухом... Максим толкает ее в сугроб, наталкивает снегу за шиворот и не торопясь уходит. Таня выплевывает из рта снег и сияет. Пальто никак не отряхнуть, и варежки насквозь мокрые. Как прекрасна жизнь!..» (Матвеева, [1982] 1985; 13, 152).

ЗАВЕДУЮЩИЙ учебной частью – см. *Завуч*.

ЗАВОДНЫЕ игрушки.

«Отец купил Андрейке свинку-скрипача. Ну и забавная же была свинка! В брючках и шляпе, в одной руке – скрипка, в другой – смычок, а на спине – дырочка. Сунешь туда ключик, заведёшь – свинка давай пилякать на скрипке, да ещё и приплясывать. И до того он [Андрейка] полюбил свою весёлую игрушку..., что даже за уроки не мог сесть, пока свинка ему не спляшет. Но вот однажды со свинкой что-то случилось. Стал Андрейка заводить её ключиком, и вдруг в сердёжке – хруп!... Усмехнулся Николай, взял ключик и давай заводить игрушку. Андрейка даже дышать перестал. Опустил Николай свинку на стол. А она как затарахтит, как запляшет – ну прямо взаправдашний скрипач!» (Бабанский, 1960, 12–13).

См. также: *Автомобиль заводной; Заводная машина; Лягушка заводная*.

ЗАВОДНАЯ машина – игрушка в виде машины (автомобиля, самосвала, трактора, экскаватора и т. п.).

О вт. пол. 1950-х гг.: «“Давай я, а то ещё поломаешь, – запротестовал Павлик. – Ты вон уже поломал заводной экскаватор”. “И вовсе никто его не ломал! – обиделся я. – Это же пружина в нём лопнула” (Комар, 1961, 21).

О второкласснике в перв. пол. 1960-х гг.: «Там лежит игрушечная заводная машина. Поломанная. Но когда её берёшь, она жужжит, колёса крутятся» (Цюрупа, 1966, 184).

О конце 1950-х гг.: «Однажды утром бабушка... сказала: “...Ты сегодня именинник...” – И крепко поцеловала его... Вадик еле дождался вечера. И вот наконец мама с работы пришла и папа тоже. Мама подарила Вадику... башмаки, а папа – заводной самосвал. (Буцень, [1959–1966] 1977, 129–130).

О 1950-х – 1960-х гг.: «[Ребёнку] купили дорогостоящую автомашинку, она и ездит сама, и рулит, и трещит как настоящая, даже бибикает может, а он возит её собственноручно по полу, протирая колени, сам трещит, сам рулит, сам бибикает за неё» (Носов, [1950-е–1960-е] 1982–4, 417).

См. также: *Автомобиль, Автомобиль игрушечный заводной*.

ЗАВТРАК школьный – еда между утренним и обеденным временем, пища, которую дети брали с собой в школу в период, когда в школах не было столовых и буфетов.

О начале 1930-х гг.: «...Первое / Сентября – / Славный день / Календаря, – / Потому что в этот день / Все девчонки / И мальчишки / Городов / И деревень / Взяли сумки, / Взяли книжки, / Взяли завтраки / Под мышки / И помчались первый раз / В класс!» (Маршак, [1935] 1968–1, 189).

О Свердловске во второй половине 1940-х годов: «1947 год. Настала пора идти в школу. Девочки пошли в школу № 38, мальчики – в школу № 37.... В школу ходили с туго набитым портфелем, в котором было множество кармашков. В один из них укладывали завтрак» (Факова, 2006).

О начале 1950-х гг.: «Галин портфель / Не велик и не мал: / Лежат в нём задачник, / Букварь и пенал,... / Азбука, тапочки, / Завтрак в салфетке...» (Баруздин, [1954], 1976, 128).

О начале 1960-х гг.: «А мама говорит: “... Берите свои завтраки – и никаких конфет. Молоко не забудьте”. Папа спрашивает: “... Зачем ты столько снеди готовишь?” Мы с Серёжкой засмеялись, а мама рассердилась: “Сколько раз я тебе объясняла, что на родительском собрании всем велели приходиться с завтраком и с молоком”» (Долинина, 1962, 7).

ЗАВУЧ – полн.: заведующий учебной частью; неофициальное название заместителя директора школы по учебно-воспитательной работе.

О перв. пол. 1970-х гг.: «До недавнего времени в школах была должность заведующего учебной частью. Затем её офиц. наименование изменилось, но прежде, привычное, до сих пор сохраняется. В школе обычно бывает два завуча – завуч младших (начальных) классов и завуч средних и старших классов. Завуч отвечает за выполнение учеб. плана и учеб. программ, следит за успеваемостью и поведением школьников, составляет расписание уроков и факультативных занятий, руководит учителями и организует методич. работу. Завучем, как правило, назначается опытный педагог из пед. коллектива школы. Он продолжает вести преподавание, но учеб. нагрузка ему сокращается» (Денисова, 1978, 109–110).

ЗАГАДКИ с эротическим подтекстом.

О вт. пол. 1980-х гг.: «Ещё мы загадывали друг другу загадки: ...“Чтобы спереди погладить, / Надо сзади полизать” (конверт); “Туда, сюда, обратно, / Тебе и мне приятно” (качели); “Что ты смотришь на меня? / Раздевайся, я твоя” (кровать)» (593).

О пос. Каргаполье в 2000 г.: «Когда мы пришли после летних каникул в 10 класс учиться, то мальчишки наши очень часто стали нам задавать странные загадки. Мне тогда было 16 лет. Эти загадки смущали меня очень, приводили в замешательство. Они мне казались пошлыми, неприличными, и отвечать на них я отказывалась. Когда мне сообщали ответ, то такая загадка начинала казаться мне более безобидной и невинной и вызывала улыбку. Вот одна из таких загадок: “Мы ребята удалые, ищем щели половые” (тараканы)» (013).

ЗАГАДКИ-РЕКОНСТРУКЦИИ – особого рода загадки, в которых отгадывающий должен реконструировать ход событий, предшествующий описываемой в загадке ситуации и тем самым объяснить смысл сказанного.

Впервые такого рода загадки автор словаря услышал в начале 1980-х гг. от студентов. Судя по написанной в 1979 году повести, загадки такого рода могли загадываться и детьми: «“Отгадай загадку, – засияла [Катька] хитрыми глазами в предвкушении занятнейшей игры, – муж сказал жене, что очень её любит, а она взяла и упала. Как это случилось?” “Ну, знаешь, Катерина, – забормотал я, совершенно опешивший, – это слишком трудная загадка для моего возраста. Я в таких делах мало что понимаю. Взяла и упала... Ты уверена, что именно так оно и было? Ума не приложу, где это могло произойти”. “Да в цирке! В цирке же! – не в силах молча наслаждаться моею недогадливостью и своим полным над ней превосходством, завопила Катька и запрыгала от восторга. – Он её зубами держал в воздухе, ты, что ли, никогда не видел?”» (Макаров, [1979] 1981, 183–184).

ЗАГАДЫВАНИЕ желаний – детские и подростковые практики магического, магико-игрового и игрового характера, предполагающие возможное осуществление задуманного желания в результате выполнения определенных действий.

См.: *Загадывание желаний на звон в ухе; Загадывание желаний на выпавшую ресницу; Загадывание желаний на серёжках; Загадывание желаний на цвет машин; Загадывание желаний на цветки сирени; Загадывание желаний на разрыв нитки.*

ЗАГАДЫВАНИЕ желаний на выпавшую ресницу – См.: *Загадывание желаний.*

О 1980-х гг.: «Загадывали желание на выпавших ресницах. Если у девочки выпала ресница и лежит на щеке или у глаза, то другая говорила: “Из какого глаза выпала ресница?” Но перед этим нужно было, чтобы девочка, у которой ресница выпала, загадала желание. Если она угадывала, то желание должно исполниться» (611).

О Шадринске в 1990-х гг.: «Если одна девочка замечает, что у другой выпала ресница, она предлагает ей отгадать, из какого глаза – правого или левого. Если девочка угадывает, ее желание должно исполниться. Или второй вариант: девочка, которая увидела ресницу, зажимает её между указательным и большим пальцем и спрашивает: “Где ресница, на каком пальце?” Если она отгадывает, то желание сбывается» (504).

О с. Кирово Мишкинского р-на в 1990-х гг.: «Загадывали и загадываем по сей день желания, когда выпадали ресницы. Кто увидел, что выпала ресница и находится недалеко от глаза, говорил: “Из какого глаза ресница выпала?”. Если человек, у которого выпала ресница, угадывал из какого глаза, то он загадывал желание и обязательно сдувал ресницу, взяв её в руку. А если не угадывал, то и желание не загадывал!» (517).

ЗАГАДЫВАНИЕ желания на звон в ухе – см.: *Загадывание желаний.*

О Шадринске в 1990-х гг.: «Ещё такое загадывание желания: когда в ухе “зазвенит”, спрашиваешь: в каком ухе звенит?” Если подруга отгадывает, то она загадывает желание, а если не отгадала, то желание загадывать нельзя» (504).

ЗАГАДЫВАНИЕ желания на ниточке-браслете – см.: *Загадывание желания на разрыв нитки.*

ЗАГАДЫВАНИЕ желания на номера машин – см.: *Загадывание желаний.*

О пос. Каргаполье в конце 1998–1999 гг.: «Лет в 13–14 у нас с подругами была такая забава, связанная с автомобилями. Когда мы гуляли по улицам, то нам иногда попадались навстречу машины, в номерах которых были одинаковые цифры. Например, если мы встречали машину белого цвета с номером 111 (или 333 и т. д.), то мы загадывали желание. Но чтобы желание сбылось, надо было в течение 3 дней насчитать 111 машин белого цвета. А так как поселок у нас небольшой, да и автомобилем владел не каждый, то очень часто мы не насчитывали нужное количество машин. А если и насчитывали, то желание все равно не исполнялось или мы про него забывали в скором времени» (013).

ЗАГАДЫВАНИЕ желания на разрыв нитки – см.: *Нитка.*

ЗАГАДЫВАНИЕ желаний на серёжке – см.: *Загадывание желаний.*

О 1990–1991 гг. в Шадринске: «Иногда, для того, чтобы исполнилось желание, мы делали так: загадывали желание и переворачивали серёжку наоборот» (542).

О 1997 году в селе Гляданское: «Те, кто носил серёжки, загадывали желание. Они брали серёжку и переворачивали наоборот, то есть рисунок за ухо, а сам замочек вперед. Носят так серёжки до тех пор, пока желание не сбудется. Я сама так гадала, когда мне было 13 лет. Я училась в 7 классе. Один раз у меня все-таки желание сбылось» (106).

О девочках-подростках 13–15 лет в 1998–2000 гг. в Шадринске: «Загадывали желание и переворачивали серёжку (застёжкой вперед), и носили до тех пор, пока желание не сбудется» (103).

ЗАГАДЫВАНИЕ желаний на сирени – см.: *Загадывание желаний на цветки сирени.*

ЗАГАДЫВАНИЕ желаний на телефонную фразу – см.: *Загадывание желаний*.

О 1990–1991 гг. в Шадринске: «Иногда, для того, чтобы исполнилось желание, мы делали так... На правой руке писали цифру “2”, а затем гадающая называла еще четыре цифры наугад. Их тоже записывали. Таким образом, получался номер телефона. Затем надо было загадать желание. А потом позвонить по этому номеру телефона. Если в ответ услышишь “Але” – желание не сбудется. Если “Да” – то сбудется» (542).

ЗАГАДЫВАНИЕ желаний на цвет автомобилей (машин) – см.: *Загадывание желаний*.

О детях 9–11-летнего возраста в 1995–1997 гг. в селе Погорелка Шадринского района: «Если проезжала чёрная “Волга”, то мы делали движение, как будто мы ловили её в кулак. Кулак приставляли к губам, загадывали желание. Потом сдували свое загаданное желание в небо» (021).

О 1998 году в селе Глядянское: «Мне было тогда 14 лет, я училась в Глядянской средней школе в 8 классе. Было распространено гадание на машинах. Загадывали желание, чтобы оно сбылось, нужно было встретить в течение 25 дней 200 машин определённого цвета, например, красного. Если в положенный срок ты соберешь все эти 200 машин красного цвета, то твое желание сбудется» (106).

ЗАГАДЫВАНИЕ желаний на цветки сирени – см.: *Загадывание желаний*.

О перв. пол. 1940-х гг.: «И совсем скоро в воздухе запахнет сиренью, поплывут по улицам лиловые букеты, и школьники перед экзаменами станут искать счастливые “пятёрки”...» (Лушко, 1988, 63).

О 1992–2002 гг. в Шадринске: «В букете сирени (или даже на самом кусте сирени) выискивали цветы с пятью лепестками. Если находили, то нужно было загадать желание и съесть этот цветок (тогда желание сбудется). Если находили цветок с тремя лепестками, значит – жди неудач. Гадали с 7 до 17 лет» (103).

О первой половине 1990-х гг.: «...Мы ели необычные (5, 6, 7 и т. п. -листовые) цветочки сирени, загадывая при этом желание. Считалось, что оно сбудется» (019).

О 14-летней девочке в 1996 году в селе Глядянское: «Срываешь веточку сирени. Среди лепесточков ищешь либо трёхлистник, либо пятилистник. Если найдешь, то нужно загадать желание, после того как загадаешь, надо этот лепесточек съесть. Только после этого сбудется задуманное желание» (106).

ЗАДАЧНИК – сборник математических (арифметических, алгебраических) задач.

О начале 1920-х гг.: «Стал задачник в сотый ряд, / Где задачники стоят... Стал задачник он искать, / Заглянул он под кровать» (Маршак, [1924] 1968–1, 237).

О начале 1950-х гг.: «Галин портфель / Не велик и не мал: / Лежат в нём задачник, / Букварь и пенал...» (Баруздин, [1954] 1976, 128).

О начале 1950-х гг.: «Жил-был в Тёплом переулке / Второклассник Пава Булкин. / Как-то раз под выходной / Он из школы шёл домой. / Шёл, задачник теребя, / Шёл и думал про себя...» (Тараховская, [1954] 1975, 55–56).

О конце 1950-х гг.: «На столе... лежал прошлогодний задачник по арифметике с чернильными пятнами на обложке и нарисованной кошкой на последней странице. Прошлогодний задачник для четвёртого класса, конечно, ... поможет вспомнить то, что вылетело из головы. Шура взяла задачник в руки и перелистала его. “Бедный, забытый!...”» (Карпенко, 1962, 17).

О середине 1970-х гг.: «На столе её как раз ждал открытый задачник... Лидя... стала читать задачку под номером...» (Иванов, 1979, 134).

ЗАДИРАТЬ (юбку, подол платья) – поднимать, загибать, заворачивать (юбку, подол платья) вверх.

Задирания юбки (подол платья) у девочек можно разделить на игровые и неигровые. Об игровом оформлении задирания юбок см.: «*Московский зонтик*». Что касается неигровых задираний, их можно подразделить на «авторские» и «по заданию». Пример первого типа: «Один мальчик, еще в начальных классах бегал за девочками, поднимал юбку и гордо всем

мальчикам рассказывал, какого цвета плапочки на девочке». Пример второго типа: «Когда наступала весна, на улице становилось довольно тепло, одевали капроновые колготки. Озорники улучали момент, подбегали, поднимали юбки девочкам, чтобы насладиться прекрасным зрелищем. Платья задирали в основном “шестерки”, а “тузы” созерцали со стороны, так как обзор был лучше и ярче» (Борисов, 2002, 188–189).

О второй половине 1980-х гг.: «Юбки задирали в школе мальчишки. Проходя мимо, просто рукой задирали подол. Иногда они договаривались, что один задирает, а другие стоят в стороне и смотрят. Иногда задирали таким способом. Рыболовным крючком цепляли подол платья, а нитку, которая была привязана к крючку, перекидывали через плечо девочки. Через некоторое время говорили: “Что за ниточка у тебя на плече?” (обычно использовали или белые нитки или цветные, яркие). Девочка желая убрать нитку, начинает ее тянуть, при этом подол поднимается. И все мальчишки начинают хохотать. Но это быстро прекратилось, потому что мы жаловались учителям, и мальчишек часто водили к директору» (552).

См. также: *Московский зонтик*; *Нитка на плече*.

ЗАДИРАТЬСЯ (о юбке, подоле платья у девочек) – подниматься, загибаться, заворачиваться кверху.

Эффект задирания юбки (подола платья) возникает у девочек во время прыжка или игр с прыжками.

О 1970-х – 1990-х гг.: «Об игре в “резиночку”: “...Мальчики наблюдали за игрой, так как мы прыгали, и у нас задирались школьные платья, а им этого и надо было”; об игре в “классики”: “Мальчишек мы не брали с собой играть, потому что когда прыгали, то обязательно юбочка или платье задиралось, и мальчишки начинали хохотать”» (Борисов, 2002–1).

«ЗАДУШЕВНОЕ слово» – детский журнал, основанный в 1877 г. в Санкт-Петербурге М.О. Вольфом. С 1883 года журнал выходит в двух «отделах» – «Задушевное слово для старшего возраста» и «Задушевное слово для младшего возраста» – по 52 номера в год каждый. Выходил до 1917 года.

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге в середине 1900-х гг.: «Я считаю, что журнал “Юный читатель” был таким журналом, о котором можно и сейчас только мечтать. ...Дети обожали этот журнал, так как он открывал перед ними мир и вводил от выдуманных глупостей “Задушевного слова” и Чарско-Желиковских» (Автобиографии, 1998, 229–230).

О 1908–1911 гг.: «На прощанье Анна Петровна дала мне красивую книгу в картонном переплете “Задушевное слово” и сказала, чтобы я не рвал ее и не пачкал, так как это очень хорошая книга и её нужно беречь. “Прочитаешь, а потом ко мне придешь – я тебе другую дам, – сказала она. – Впрочем, можешь оставить ее у себя. Это специально для детей написанная книга, в ней много интересного и полезного”. В книге были цветные картинки, и мне не терпелось скорее посмотреть их. Я поблагодарил учительницу... К моему удивлению, книга, которую дала Анна Петровна, совсем не понравилась мне. В ней были стихотворения и рассказы, цветные рисунки, изображающие ангелоподобных мальчиков и девочек в чистеньких костюмчиках, с фарфоровыми личиками. Это был чуждый, незнакомый мне мир. От стихов и рассказов веяло холодком, они не вызвали никаких чувств и желаний, а некоторые из них были приторно-сладкими, как патока. “Ну разве это книга?” – разочарованно сказал я, бросая книгу на кровать. – Ничего тут нет – ни про войну, ни про правду и кривду, одни мальчишки и девочки нарисованы, как они парами ходят и за руки держатся и как им матери гостинцы покупают”. “Что ты понимаешь, – оборвала меня Елизавета. – Это книжка для хорошего воспитания детей, как хорошие мальчики и девочки должны себя вести”» (Саватеев, [1954] 1963, 159).

О десятилетней девочке в 1915 году: «...Я была мешанская девочка из Нахичевани, пригорода Ростова-на-Дону. Я получила журнал “Задушевное слово”». (Панов, 1980, 37).

О девочке 1,5–2 лет в 1940–1941 гг. в Ленинграде: «А вечером укладываться... на простыни, класть голову на подушку и... засыпать под теплым одеялом... Но сначала послушать и посмотреть с мамой книжку с картинками – на коричневом колленкоре тисненые буквы, вместе они – “Задушевное слово”. Странички издают сладковатый аромат, испещрены буквами в два столбца и картинками, они уютны и задушевы...» (Сотникова-Ратнер, 2007).

ЗАЖИГАТЬ – (подростково-молодёжный лексикон) вести себя «зажигательно», эмоционально, чувственно, вызывающе, раскованно, нескромно.

О Шадринске в 2008 г.: «“Зажигать” – современное слово. Может пониматься по-разному в различных ситуациях. Например: в состоянии алкогольного опьянения танцевать, активно, нескромно, вызывающе; просто танцевать быстро, активно; красиво веселиться. Также “зажигать” может девушка с парнем. Например: спрашиваю у подруги: “Ты вчера с Сашей зажигала?” Также есть выражение: “Жги!”, то есть: веселись, танцуй» (142).

ЗАЖИМ на галстук – металлический предмет с изображением пионерского костра. Зажим использовался пионерами середины 1930-х – середины 1940-х годов для закрепления пионерского галстука. В середине 1940-х гг. ношение зажимов пионерами было отменено, и галстук стали завязывать на узел.

О принимаемой в пионеры в 1934 году: «В руках у меня новенький, бережно сложенный галстук и железный зажим, на котором нарисован эмалью пионерский костер – три огненных языка: пионерия, комсомол, партия» (Либединская, 1966, 68).

О лете 1936 года: «Митька начал вытирать слезы концами галстука, но это было неудобно. Тогда он сдернул серебристый значок-зажим, скреплявший галстук на узле, и широким красным углом стал размазывать слезы по щекам» (Крапивин, [1971], 2001, 35). [...]

О городском летнем лагере в 1947 году: «История эта случилась летом 1947 года... Вот выстроена... общедружинная линейка. Старшая вожатая выкрикивает наши фамилии: “Безлюдов! Гусев! Выйти из строя!”... “Дрр-ужина! – Раскагистый директорский голос набирает необходимую степень презрения и осуждения. – Дружина! Вы видите перед собой малолетних преступников. ... Эти двое сегодня утром забрались в сад товарища Лявончика и обчистили половину яблонь...”... “Эти люди недостойны носить высокое звание советского пионера!” По линейке пробежала дрожь, согла директор скомандовал: “Подойдите ко мне! Ближе!” Через несколько мгновений жёсткие пальцы его руки срывают зажим, а затем и галстук – сперва с шеи Артура, потом с моей» (Гусев, 2006; 117, 119).

См.: *Пионерский значок*.

ЗАЙНЬКА – («Зайчик», “Заюшка”, “Зайчик в саду” “Зайнька во саду”». Распространённая хороводная игра, центральный персонаж котарой называли “Зайнька”» (Зимица, 2006–1, 105).

О XIX веке: «Игра проводилась обычно в летнее время на улице. Участниками могла быть как мальчики, так и девочки, среди подростков в “Зайньку” играли обычно только девочки. Первоначально дети выбирали водящего – “Зайньку”, им мог быть мальчик или девочка. Водящий должен был изображать зайца, для этого он прыгал, кружился, скакал на одной ноге, приседал, хлопал в ладоши и, подражая его голосу, “куакал” и взвизгивал. В начале игры все участники, взявшись за руки, становились в круг, в центре которого оказывался “Зайнька”. Хоровод в ритмичном плясовом движении двигался то в одну, то в другую сторону, дети распевали: “Зайнька, усюки, серенький, усюки, / Кружочком, бочком повернись. / Зайнька, усюки, серенький, усюки / И под бочки подопришь... / Зайнька серенький, / Попляши!... / Зайнька серенький, / Поскачи!...” Каждый раз “Зайнька” выполнял то, что диктовали ему слова песни. Одновременно он двигался внутри хоровода, приближаясь к его участникам. Когда игроки, стоящие в хороводе, исполняли: “Здесь города все немецкие, / Закрепочки все железные, / Есть зайцу

куда выскочить, / Серому куда выскочить” – водящий дотрагивался до рук играющих, и дети поднимали вверх сомкнутые руки, чтобы его выпустить из круга, а затем впустили обратно. Это действие сопровождалось словами: “А наши ворота позамыканы, / Жёлтым песком позасыпаны”. Пока хор пел, “Зайнька”, свободно передвигаясь по кругу, выбирал из участников хоровода себе замену: мальчик – девочку, а девочка – мальчика. Иногда “Зайнька” походил к выбранному игроку и начинал с ним плясать. Только после окончания пляски становился на его место, а в центр хоровода выходил новый “Зайнька”, и игра начиналась заново» (Зимица, 2006–1, 105–106).

«Зайнька, умойся» – детская хороводная игра; вероятно, то же, что «Зайнька».

О 1932 годе: «Были просто хороводные игры: “Зайнька, умойся” и много других. На переменах дети не носились, сшибая друг друга с ног, а мирно водили хороводы, пели или играли в подвижные игры всем классом» (Кубанева, 1988).

«ЗАЙЦА гонять» – детская игра с мячом.

«Зайца гонять – детская игра с мячом. Мяч бросают в землю так, чтоб он, отскочив, ударился об стену и от неё обратно к бросившему в руки. Пермск[ая] г[уберния]. (Покровск[ий]. Детск[ие] игры, 240)» (Словарь, 1905).

ЗАЙЧИК солнечный – «светлое пятно от солнечного луча на чём-либо» (Словарь, 1955–4, 485)..

Пускать зеркальцем солнечного зайчика – распространённое развлечение детей.

О деревенских мальчиках в конце XIX века: «Но Сенька... продолжал закатываться. Тогда Степка встал на лавку и осколком зеркальца начал пускать по потолку зайчика. Это была любимая его забава, и он никак не думал, чтобы и Сенька не заинтересовался ею. А чтобы Сенька заметил зайчика, он навел его прямо на рожицу брательника. Моргая мокрыми глазенками, тот затрепыхался и заверещал пуще прежнего...» (Касаткин, [до 1939] 1991, 23).

Об учениках 5 класса во вт. пол. 1930-х гг.: «От окна новичка отвлек солнечный зайц. Заяц вспрыгнул на парту, скользнул по гимнастерке, соскочил на стену. Потом радужное пятнышко мазнуло Черемыша по макушке... Рядом тихо засмеялись. Новичок огляделся и зажмурился: зайчик, слепя, задел его глаз, вильнул, заматался и совсем погас. Но Черемыш, уколотив лучом в глаз, заметил зеркальце, вспыхнувшее в руках маленькой ученицы» (Кассиль, 1987–2, 10–11).

О пятиклассниках в 1970-е гг.: «Вот вышла во двор Света в голубом сарафане... Лена подбежала сразу и стала разглядывать сарафан... А на скамейке Димка, он пускает круглым зеркальцем зайчика прямо Свете в лицо. Яркий горячий зайчик прыгает по Светиным глазам, а она не отворачивается, и Димка крутит свое зеркало без всякого толка. Таня смотрит и думает, что в Лену Димка зайчиков не пускает, и никому не придет в голову пускать зайчиков в Лену. Лена Светина подруга, и больше никто... Тане в глаза бьет яркий, горячий оранжевый свет. Солнечный зайчик! Солнечный зайчик – прямо Тане в лицо. Прыгнул в глаза и задержался на секунду. Подрожал на щеке и опять в глаза. Таня щурится, Таня отворачивается. Ловит зайчика рукой. Она видит, как он прыгнул на парту и хлопает по парте ладонью – вот сейчас поймает, сейчас. А разве кому-нибудь удавалось схватить солнечного зайчика? Никому никогда ни за что не поймать его» (Матвеева, [1982] 1986; 12, 247).

О Шадринске в 1997–1999 гг.: «Когда я училась в 7–9 классах и мне было 12–14 лет, мы иногда, сидя на уроках в классе, ловили “солнечных зайчиков” и светили им кому-нибудь (чаще мальчикам) в глаза или на доску или просто водили им по классу. Чтобы поймать “зайчика” нужно было направить маленькое зеркальце или блестящие часы на окно в солнечный день; от этого на стене появлялся блик, который можно было куда-нибудь направить. Обычно мы делали это, когда нам было скучно. Если учителя замечали таких “солнечных зайчиков”, то делали замечание» (111).

ЗАЙЧИК – персонаж-даритель детских верований. См.: «*Заячий гостинец*».

ЗАКИДУШКИ – игра на меткость.

О середине 1920-х гг.: «А зареченцев, хотя они были природными охотниками, называли тутурками. Прозвание такое зареченцы получили из-за своих баб, которые шили детям шапки с тутурками, то есть с согнутыми вперёд шишаками... Кроме охоты, зареченские играли в закидушки. В нескольких метрах друг против друга становились два мальчугана и начинали кидать земляными комьями, стараясь попасть в тутурки. В лицо попадать запрещалось, за это от пострадавшего получали оплеухи. Однако попадали и в глаз. За это давали такую трёпку, хуже, чем за промах... Я сам не хуже баб мастерил себе тутурки. Брал дедовский треух, клал в него круглый голыш и надевал на голову, а чтобы не выпадал голыш, я завязывал уши, и у меня тутурка получалась не хуже, чем у других. Правда при игре в закидушки, когда попадали в эту тутурку, было очень больно, но я не плакал, потому что знал, что за слёзы дедушка пребольно надерёт уши» (Панькин, 1960: 68–69, 71, 72).

ЗАКЛАДКА для тетрадей – полоска материи или бумаги, которой отмечают нужное место в тетради.

О Ленинграде в 1936 году: «Я сидела дома и мечтала, как я приду в класс и начну писать в новых тетрадках. Все ребята уже писали, а у меня они ещё лежали нетронутые, завёрнутые в калечку; и ещё мы с Сашей сделали к ним закладки с переводными картинками. И я их доставала и любовалась на них» (Козырева, 1990, 67).

ЗАКЛИКАНИЕ весны – «Детский праздник, развлечение» (Соснина, 2006, 107).

«[К марту] все хозяйки пекли из ржаной муки большое количество зооморфных фигурок, символизирующих птиц и имевших различную форму... Птички из теста имели в разных местностях и различные названия: “жаворонки”, “кулики”, “грачи”... Однако... их назначение везде было одинаковым. Они должны были приблизить весну и тепло, дать возможность приступить к с.-х. работам. Помощниками пернатых в исполнении этой важной задачи повсеместно выступала деревенская детвора. С самого раннего утра дети и подростки с громкими и веселыми криками выбегали на улицы, получив от матерей “жаворонков”, “куликов” и т. д. они держали их на высоко поднятых руках, клали себе на головы, подпрыгивали и приседали, выполняли руками волнообразные движения, имитируя полет птиц. Часто фигурки привязывали на веревках к длинным шестам и носили по деревне или втыкали на огороде, где порывы ветра создавали иллюзию их самостоятельного полета. Дети бегали с “птешками” в поля, на пригорки, залезали на крыши овинов, амбаров, на гумна, дома и сараи, укладывали их на стога сена, “костры” (высокие кучи хвороста во дворах)... Часть “жаворонков” прикрепляли к веткам деревьев, преимущественно плодовых» (Соснина, 2006; 107, 109).

Лит.: Соснина, 2006, 107–113.

ЗАКЛИЧКИ – «обращения-выкрики детей к различным явлениям природы» (Белоусов, 2005).

«Уже давно они перешли из взрослого репертуара в детский. Именно дети в наст. момент выступают хранителями этой фолькл. традиции, утраченной взрослыми. Детские заклички чаще всего обращены к дождю (“Дождик, дождик, перестань...”). На втором месте – обращения к солнцу (“Солнышко, выгляни! Красное, высвети!”)» (Трыкова, 1999, 20).

«Аналогичный жанр существует / существовал во взрослой среде, но, в отличие от фольклора детей, носит явно выраженный магич. функцию. Осн. отличие – уровень магического, который в дет. среде скрывается мощным игровым началом и особой лексикой (краткие стихотворные формы с обилием экспрессивных суффиксов). Магическая задача в дет. закличках сюжетно выражена и в нек. текстах обозначает “договор” с силами природы (“Дождик, дождик гуще...”)» (Белоусов, 2005).

См. также: «*Дождик, дождик*».

ЗАКОЛКА – «скрепка, булавка для волос» (Словарь, 1955–4, 541).

О девочке 12 лет в начале 1950-х гг.: «...Девочка, порастерявшая все свои мелочи, не может жить без карандаша, ластика и линейки, без расчёски, лент и заколок и пишет маме письмо...» (Петрушевская, 1999, 11).

ЗАКОН БОЖИЙ – «вероисповедание как предмет преподавания в дореволюционной школе» (Словарь, 1955–4, 546); свод нравственных и обрядовых правил православного христианства как предмет преподавания в российской школе до 1917 года.

О начале XX века: «...Старый рабочий [завода “Серп и молот”] Пучков рассказывал: «Девяти лет я поступил в сельскую школу. Особенно донимал меня закон божий. От отца-дьякона мне доставалось: он оставлял нередко без обеда или награждал щелчками в лоб. Доходило даже до того, что он и щелчки стал жалеть, а линейкой колотил до синих бугров. Колотил он, впрочем, не меня одного, но и других товарищей, которые не могли ответить на его вопрос» (Яковлев, 1962, 10).

О 1903 годе: «...Всё это было в 1903 году, когда к “Ниве” давали в приложении сочинения Чехова. Мне было тогда двенадцать лет... Следующий урок был закон божий. Законоучитель поп Василий, лысый, с белой бородой, долго водил пальцем по классному журналу... Урок был трудный: о ересях» (Кузьмин, [1964] 1990; 63, 64).

О начале XX века: «Гимназия Самгиной... “Закон Божий был – хоре хорькое, как политграмма. Батюшка спросит: “Опять тропари не выучила?” “Да они, батюшка, не запоминаются, не в рифму – нескладные”» (Сергеев, 1995–2, 46).

О 1918 г.: «Отмена преподавания в школе Закона Божия, несмотря на невысокую популярность этого предмета среди учащихся, вызвала у большинства школьников, как и у их родителей, отрицательную реакцию... Но всё же в городских школах отмена уроков Закона Божия и удаление икон были приняты учащимися в целом вполне спокойно. Иначе обстояло дело в сельских школах» (Балашов, 2003, 145).

ЗАКОННО – слово, распространённое в 1940-е – 1960-е годы в мальчишеской среде и означавшее приблизительно: хорошо, отлично, качественно, мощно, сильно.

О 1945–1946 гг.: «“Ну че ты, Ленька! – махал руками Аляка. – Так дерешься законно, куришь взятку, не жрать по два дня можешь, а воровать боишься! Смехота!”» (Чумичев, 1987, 55).

О деревенских мальчишках в 1954 году: «“Сдаст, – упрямо повторил Санька. – Мы с Мишкой сколько вечеров подряд учили... Диктовки писали... Вот увидите: законно сдаст. Железно”. Санька с гордостью отгладел присутствующих, как бы желая убедиться, какое впечатление произвели его слова. “Сдал, Мишка?” – посыпались вопросы. “Делов-то!” “На сколько?” “Как всегда...” “На «пятёрку»?” – засиял Санька. “На “тройку” с минусом”. Звонкий смех был ему ответом... “Законно”, – скосив на Саньку глаза, сказал Алёшка. “Железно”, – фыркнул Женька, и стены сарая дрогнули от хохота» (Никонов, [1958] 1962, 146–148).

О 1950-х гг.: «Заметный даже в массе / Других учеников, / Был атаманом в классе / Алёша Козырьков... / Высказывался кратко / Алёша Козырьков – / Не более десятка / Имел в запасе слов. / “Железно!” – замечал он. / “Законно!” – добавлял, / И это означало: / Превыше всех похвал» (Серова, 1960, 15–16).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «Вот и сейчас, заметив Мишку возле меня, Серега подсел к нам. Подмигнув Мишке, он потыкал пальцем в мое колено. “Ух ты! – сказал он сочувственно. – Законно распухло...” Вдруг Серега завопил: “Мишка, законно! Так и сделаем!” – И в азарте даже встал коленями на скамейку... “Между прочим, – с усмешкой сказал вдруг Геннадий Николаевич, – забыл предупредить. Я сегодня могу заседать хоть до вечера...” “Законно, – сейчас же сказал Серёга. – Власть наговоримся”» (Зелеранский, 1961; 8, 11, 47).

О первой половине 1960-х гг. (отец пародирует речь сына): «В зелёном домике возле входа купили билеты.

Один... – отцу, другой Вадику... “Законно”, – сказал отец, взяв сдачу от кассирши...» (Минчковский, 1966, 64).

О середине 1960-х гг.: «...Сыромятников подслушивал и получил за это сногсшибательный удар дверью по лбу! Вот он сидит на полу, вокруг все ребята над ним смеются... А Сыромятников... скалится всей прелестью своей щербатой... улыбки: “Законно приложили!..”» (Полонский, 1975, 74).

См. также: *Железно, Законный, Законско; Ценно.*

ЗАКОННЫЙ – слово, приобретшее в 1950-е – 1960-е годы популярность в мальчишеской среде и означавшее приблизительно: выдающийся, отличный, великолепный, интересный, отменный, высококачественный.

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «“Слушай-ка, – голосом заговорщика продолжал Серега. – У меня вот законная идея появилась...” Мне кажется, преподаватели должны бледнеть, когда у Сереги появляется “законная идея”» (Зелеранский, 1961, 44).

О конце 1950-х гг. Из разговора двух мальчиков 12–14 лет: «“Договорились с отцом с утра в “Водник” ехать, там Дом учёных новую яхту купил...” – “Законная?” – “Во какая!”»; обмен репликами между подростком 15–16 и 12–14 лет по поводу водолазного костюма (скафандра): «“Испытания провозу” – “Законная вещь!” – “Будь спокой!”» (из фильма 1961 года «Без страха и упрёка»; сценарий Семёна Лунгина, Ильи Нусинова; постановка Александра Митты).

О первой половине 1960-х гг.: «Отец показал на... шпиль собора Петропавловской крепости и сказал: “Видишь?...” “Ценный шпиль”, – кивнул головой Вадик... “Ростральные колонны...” – пояснил отец... “Вот законные!” – воскликнул Вадик...» (Минчковский, 1966, 63–64).

См. также: *Законно, Ценный.*

ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ (в гимназии) – преподаватель Закона Божия в российских школах до 1917 года.

О 1900-х гг.: «На уроке закона божия поп-законоучитель запустил лукавую бороду в журнал. И в сотый раз переходит его гимназисты, разыграв невинными голосами хорошо составленную инсценировку. “Батюшка, а у меня сомнения...” “Скажите”. “Как же так... Бог всемогущ, батюшка?” “Всемогущ”. “Он сотворил мир, батюшка?” “Сотворил”. “А откуда же зло, батюшка?” Поп снисходительно улыбнется и долго будет цитировать апостолов дремлющим ученикам. Он не успеет никого вызвать и никому не успеет поставить пару. Бедный обманутой поп с лукавой бородой!» (Четвериков, [1927] 1981–1, 95).

О 1900-х гг.: «В прекрасной рясе... ходит по классу наш законоучитель, полная противоположность второму гимназическому попу. Тот – фанатик, донимал молитвами, требовал веры, исполнения обрядов, залезал в душу, громил научные теории Дарвина. В результате его, а вместе с ним и его предмет, терпеть не могли; он делал неверующих. Наш поп был иным. Ни тени фанатизма, ни капли принуждения. Он совершенно не интересовался, веруем ли мы, ходим ли в церковь, серьезно ли думаем по катехизису. Но ... закон божий надо учить, ему надо ставить, а нам получать хорошие отметки – и в этом всё дело...» (Блонский, [1941] 1971, 42).

ЗАКОНСКО [ударение на первый слог] – вероятно, выражение восторга, восхищения; возможно, аналог выражения «законно». См. о мальчике 11–12 лет в конце 1950-х – начале 1960-х гг. (автор в тексте каждый раз указывает ударение на первый слог): «Поздоровается Костик и спросит: “Ну, как дела?” А Женька ответит: “Законско!” “Ну, я пойду, – сказал Женька. – Моторчик буду делать... Настоящий, как у отца на заводе... Он будет... меньше спичечной коробки... Сделаю привод к мясорубке – сама будет крутиться...” “Законско!...” – сказал Костик... Они [с братом]... взобрались на горку. Дорога вниз по-прежнему казалась Костику длинной и страшной... Таратайка дёрнулась, понеслась вниз, сердце у Костики замирало... И где-то на середине спуска страх совсем прошёл, и Костик сумел крикнуть в прыгающее ухо брата: “Законско!”» (Голодный, 1963; 6–7, 33, 93–94).

152

ЗАКОНЫ мальчишеской драки – запреты, налагаемые на поведение непосредственных участников мальчишеской драки, а также наблюдателей.

О 1946–1947 гг. в Севастополе: «Мальчишки встали кругом. “До первой кровянки”, – сказал Жереб... Я поймал его голову и дал ему коленкой по носу. Он упал. Когда он поднялся, под его носом растекались усы... Чугунок повернулся. Цубан прятал в карман носовой платок. Жереб, засунув руки в карманы, смотрел на меня... Они не били меня только потому, что у нас был закон: “Двое одного не бьют”... Жереб посмотрел на Шурку: “Сядь, Чугунок, или я буду за него. Иди, Цубан, один. До первой кровянки”» (Черкашин, 1973; 46–47, 50).

О Свердловске в конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Простыми, как кукиш, были законы повседневного общения. Ни за что и ни перед кем нельзя было добровольно извиняться, зато извинений страстно требовали, а в драке не переставали лупить, пока поверженный не попросит пощады. Правда, дрались до “первой крови”: появилась кровь – можешь и пощады не просить, дальше бить не будут. Собирать “кодлу”, чтобы “отметелить” обидчика, было принято лишь в случае, когда обидчик явно старше и сильнее, тогда это считалось “законно”. В случаях, когда кто-нибудь науськивал помощничков на равного себе по возрасту, это воспринималось как признание в трусости и не одобрялось» (Дробиз 2004).

О середине 1950-х гг.: «Он сделал прыжок, обхватил руками Степины ноги и рванул к себе... Степа, точно подрезанный, упал на спину. Другим прыжком Федька очутился сверху и вцепился руками в горло. Степа пытался вывернуться, но Федька навалился на него, прижал к земле и всё сильнее давливал горло... “Степ, не поддавайся!.. Перекинь его... Дай ему в зубы – он отпустит!” – кричали Валька и Санька. “Брось душить. Брось, а то вдарю!” – взвизгнул рассвирепевший Пашка. То, что делал Федька, запрещалось даже в уличных драках. Однако Пашка медлил: неумолимо жестокие законы мальчишеских драк запрещали мешиваться в поединок» (Азбукин, [1956] 1960, 147).

О четырнадцатилетнем подростке в середине 1950-х гг.: «“Продашь? – спросил [шестнадцатилетний Володька Биндо], шагая рядом... “Ну тебя”, – сказал я... И в следующее мгновение я почувствовал острую боль в плече... Я провалялся в больнице с неделю. По тогдашним мальчишеским законам я никому, даже матери, не сказал, кто меня пирнул ножом» (Козлов, [1967] 1973, 56–57).

См. также: *Драка, Драка до первой крови, до первой кровянки; Правила кулачного боя, «Кодекс мальчишеской чести», «Честь мальчишеская», «Лежачего не бьют».*

ЗАКОНЫ пионеров Советского Союза, Законы юных пионеров – свод основных правил жизни и деятельности члена пионерской организации.

«Законы юных пионеров – пионерские законы говорят о том, как надо жить и работать пионерам... Уже в 1922 году группы юных пионеров имени Спартака выработали свои законы. В самой первой редакции они гласили: “1. Юный пионер верен рабочему классу. 2. Честен, скромн, правдив. 3. Друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу. 4. Исполнителен. 5. Трудолюбив, весел и никогда не падает духом. 6. Бережлив и уважает общепольный труд”. Впоследствии редакция законов не раз менялась, но смысл и значение их оставались неизменными» (Матвеев, 1965, 54).

Первые Законы юных пионеров были утверждены V съездом РКСМ в октябре 1922 г.: «1. Пионер верен рабочему классу и коммунизму. 2. Пионер – друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу. 3. Пионер честен и правдив. Его слово, как гранит. 4. Пионер дисциплинирован. 5. Пионер ежедневно помогает трудовым братьям в строительстве коммунистического общества. 6. Пионер трудолюбив и уважает полезный труд. 7. Пионер чист в мыслях, словах и на деле». Кроме того, в док-тах V съезда фигурировал еще «Железный закон юных пионеров»: «Буду стремиться всегда, везде, где возможно, получить знания для того, чтобы употребить их на пользу трудящихся» (НО, 1974, 262–263).

«Среди “Законов юных пионеров” 1929 года был и такой: “Пионер – друг бедняка, активный участник в борьбе за урожай, помощник колхозу, совхозу и коммуне”» (Билиенко, 1975, 150).

Новый текст Законов был утвержден Постановлением ЦК ВЛКСМ от 25 декабря 1957 года: «Пионер любит свою Родину, Коммунистическую партию Советского Союза. Он готовит себя к вступлению в члены ВЛКСМ. Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и процветание Советской Родины. Пионер дружит с детьми всех стран мира. Пионер прилежно учится, дисциплинирован и вежлив. Пионер любит трудиться и бережёт нар. добро. Пионер – хороший товарищ, заботится о младших, помогает старшим. Пионер растёт смелым и не боится трудностей. Пионер говорит правду, он дорожит честью своего отряда. Пионер закаляет себя, каждый день делает физкультурную зарядку. Пионер любит природу, он – защитник зелёных насаждений, полезных птиц и животных. Пионер – всем братьям пример» (Сборник, 1958, 59).

В 1967 году II пленумом ЦК ВЛКСМ в этот текст были внесены дополнения и изменения. Законы пионеров Советского Союза в этой редакции гласили: «Пионер предан Родине, партии, коммунизму. Пионер готовится стать комсомольцем. Пионер держит равнение на героев борьбы и труда. Пионер чтит память павших борцов и готовится стать защитником Родины. Пионер настойчив в учении, труде и спорте. Пионер – честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду. Пионер – товарищ и вожак октябрят. Пионер – друг пионерам и детям трудящихся всех стран»

В таком виде Законы просуществовали по меньшей мере до второй половины 1970-х гг.

Из Положения о Всесоюзной пионерской орг-ции им. В.И. Ленина, утверждённого Бюро ЦК ВЛКСМ 10 июня 1986 г.: «Законы пионеров Советского Союза. I. Пионер – юный строитель коммунизма – трудится и учится для блага Родины, готовится стать её защитником. II. Пионер – активный борец за мир, друг пионерам и детям трудящихся всех стран. III. Пионер равняется на коммунистов, готовится стать комсомольцем, ведет за собой октябрят. IV. Пионер дорожит честью своей организации, своими делами и поступками укрепляет ее авторитет. V. Пионер – надежный товарищ, уважает старших, заботится о младших, всегда поступает по совести» (Цит. по: Пирогов, 1987, 156–157).

ЗАКОНЫ юных пионеров – см.: *Законы пионеров Советского Союза*.

«ЗАКРОЙ ГЛАЗА – ОТКРОЙ РОТ!» – игра.

О 1960-х гг.: «Была такая наивная игра в те годы, основанная на доверии: закрой глаза – открой рот! Могли и фантик положить, но предполагалось, что на язык тебе положено будет что-то столь нежного вкуса, что для полноты наслаждения лучше отключить все другие органы чувств, – сюрприз» (Клех, 2003).

«ЗАКРЫТЫЕ КЛЕТКИ» – графическая игра.

Правила игры описаны в книге для пионеров 1961 г.: «Закрытые клетки [заголовок]. Начертите квадрат. Разделите его на 16 одинаковых клеток (маленьких квадратов). По углам клеток поставьте точки. Играют двое. Каждый из играющих по очереди должен соединить черточкой две какие-либо ближайšie точки в любом месте квадрата. Тот, кто своей черточкой закроет любой маленький квадрат (огражденный ранее черточками с трех сторон), отмечает его первой буквой своего имени. Если черточкой закрываются одновременно два смежных квадрата, то оба они отмечаются играющим. Игра продолжается до тех пор, пока все квадраты не окажутся закрытыми. Выигрывает тот, кому удастся закрыть больше квадратов» (БГКП, 1961, 439).

Автор словаря играл в аналогичную игру (названия не помнит) в начале 1980-х гг.

ЗАКУМИТЬСЯ – см.: *Кумитесь*.

«ЗАМАНКИ» – фольклорные тексты, построенные на вербальном обыгрывании произнесенной вовлеченным в диалог собеседником заранее ожидаемой фразы (слова). Используются детьми в возрасте от 4 до 7–9 лет.

О 1920-х гг.: «[Один] тип диалогов-“заманок” обычно содержит вопрос. Многочисленные записи таких вопросов с подробным описанием функционального контекста приводит Г.С. Виноградов. Например: “Проньча, сто да сто сколько?” “Двести” “Сиди дурак на месте!”... “Заманки”, основу которых составляет вопрос, часто связаны с действиями. Г.С. Виноградов так описывает характер их бытования: “Один мальчуган схватывает другого за нос и настойчиво спрашивает: “Дуб или вяз?” “Дуб...” “Тяни до губ!...” – ликует поддевшик и тянет нос книзу. Третий товарищ неожиданно хватает его за нос и вопрошает: “Дуб или вяз?” “Вяз...” “Тяни до глаз!...” – и тянет чужой нос вверх» (Чередникова, [1995] 2002, 23–24).

О 1950–1960-х гг.: «[Один] тип диалогов-“заманок” обычно содержит вопрос.... К простейшим “заманкам”, содержащим такие вопросы, относятся тексты, хорошо знакомые нескольким поколениям наших современников: “Таня, Маня, Лизавета / ехали на лодке./ Таня, Маня утонули. / Кто остался в лодке?” / “Лизавета” “Хлоп тебя за это!”; “Немец-перец, Пощипай / ехали на лодке. / Немец-перец потонул. / Кто остался в лодке?” “Пощипай”. (Предложивший вопрос щиплет ответившего)...» (Чередникова, [1995] 2002, 23).

О конце 1980-х – начале 1990-х гг.: «“Заманки” рано входят в детский фольклорный репертуар. Уже 4–5-летние дети приходят из детского сада домой с готовностью испытать взрослых с помощью внешне невинной просьбы: “Скажи “подушка”. Собеседник с готовностью повторяет: “Подушка”. И слышит в ответ: “У тебя в носу лягушка!” [записано в 1990 году от 9-летней девочки в Ульяновске]. Взрослый человек обескуражен, а ребенок весело смеётся. Фольклористы записывают великое множество таких диалогов. Они возникают мгновенно, быстро запоминаются и охотно повторяются детьми от 4 до 7–8 лет. Структурообразующим элементом диалога-“заманки” является рифма к повторяемому слову, преобразующая диалогическую ситуацию, переводящая ее в новое качество. Интересно, что сам по себе текст не всегда обладает комическим смыслом. Если в процитированном диалоге явно заметно гротесковое начало (“У тебя в носу лягушка!”), то многие “заманки” его лишены: “Скажи “редиска”. “Редиска”. “У тебя во рту ириска!” Или: “Скажи “кровать”. “Кровать”. “У тебя в тетрадке пять” [записаны в 1990 году от 5-летней девочки в Ульяновске]. Изъятый из функционального контекста или ложно понятый, такой микродиалог вообще кажется лишенным всякого смысла. Не случайно озадаченные родители спрашивают, как им реагировать на такой разговор с четырехлетним сыном: “Скажи “клей”. “Клей”. “Выпей баночку соплей!”... [Ещё один диалог формально] напоминает простейшие “заманки”. Его основу составляет условие, выраженное формулой: “повторяй” или “говори за мной” (далее следуют слова, которые должны повторяться). Однако инициатор словесной игры не просто произносит слово, а в игровом диалоге создает микросюжет, развязкой которого становится осмеяние незадачливого собеседника: “Я буду рассказывать, а ты говори: “И я тоже...” “Ладно”. “Пошли мы в лес”. “И я тоже” “Вырубили корыто” “И я тоже”. “Налили помои” “И я тоже”. “Свиньи стали ись [есть]” “И я тоже”. “А ты разве свинья?”... К “заманкам” можно отнести и многочисленные “каверзные вопросы”, которые обычно относят к загадкам...» (Чередникова, [1995] 2002, 20–25). См.: *Каверзные вопросы*.

ЗАМЭТАНО – «обязательно сделаю, как договоришься».

О 12–13-летних детях в середине 1970-х гг.: «...Но только уж всё, Севка: сказано – замэтанно!» Он улыбнулся: “Лид! Из какого детсада ты это узнала: “сказано – замэтанно”? Ну что за ахинеяшина?” Лида засмеялась: “Как хочу, так и говорю!”» (Иванов, 1979, 96).

«ЗАМРИ» – детская игра. Вероятно, то же, что «Замри – отомри».

Об учениках четвертого класса в мужской школе в конце 1940-х гг.: «И вот он стоит на пороге четвертого класса “Д”. Только что окончился урок английского

языка, и преподавательница ушла... Рыжеватый, веснушчатый мальчонка внезапно наставил на товарища палец и сказал "замри", и тот застыл с приподнятой ногой и раскинутыми в стороны руками. Оба были при этом очень серьёзны» (Котовщикова, 1954, 9)

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «До самого класса я, к счастью, не встретил никого из наших. У двери с табличкой "Восьмой "Г"" я на минуту остановился. У меня было такое ощущение, что, как только я войду, все сразу застынет, словно в детской игре "Замри", и уставятся на меня. Тишина. Враждебность. И чей-то негромкий смешок» (Зелеранский, 1961, 37).

«ЗАМРИ – ОТОМРИ» – детская игра. Вероятно, то же, что «Замри».

О середине 1950-х гг. (имеется, вероятно, в виду детство 1930-х гг.): «Однажды Ростислав Юрьевич довольно удачно, как ему казалось, заметил жене: ты, Галина, в детстве наверняка неудачно сыграла в "замри – отомри", первую команду тебе дали, а вторую дать забыли, вот и пребываешь по сей день в том положении. Жена ничего не ответила, по обыкновению улыбувшись загадочно и непознаваемо» (Гай, 1987, 4).

О конце 1950-х гг. Подросток Савинов (исполняет Савелий Крамаров) говорит юноше, продающему на рынке палатку и интересующемуся, откуда у приятеля Савинова большая сумма денег: «А ты знаешь, у него папа кто?.. Замри!.. Отомри!» (из фильма 1961 года «Без страха и упрёка»; сценарий Семёна Лунгина, Ильи Нусинова; постановка Александра Митты).

«В начальных классах с 1992 по 1996 годы мы играли в "Замри!" Суть игры: два или более человек сплетением мизинцев заключали договор. После заключения договора кто-то должен был крикнуть "Замри!" любому участнику игры. Тот замирал и не мог пошевелиться, пока ему не скажут "Отомри!" У этой игры могли быть и другие слова – "Замри!" заменялась на "Точка", а "Отомри" – на "Запятая". Так "Точка"-"Запятая" переходили на разных участников, кто успевал первым воспользоваться этим правом. Если игра надоедала, можно было расключить договор таким же образом – сплетением мизинцев» (019).

О девочке 12–14 лет в г. Когалыме в 2000–2002 гг.: «Этой игре меня научила подружка. Мы сидели в школе на уроке труда, ...Маша предложила сыграть. Она о чём-то рассказывала эмоционально, жестикулируя, я должна была её остановить, сказав: "Замри", и Маша замирала в интересном положении (рот открыт, рука поднята вверх). Она не должна была двигаться и реагировать на меня. А моя цель – её рассмешить или сделать так, чтобы она изменила свое положение, при этом не прикасаясь к ней. Потом мы менялись ролями» (134).

ЗАПИСКА – «Листок бумаги, содержащий короткое письмо, вопрос, объявление и т. п.» (Словарь, 1955–4, 769).

Записка на спине – см.: *Лист бумаги на спине.*

Записка на уроке.

О женской гимназии в губернском уральском городе в середине 1910-х гг.: «Застучали крышки парт, зашелестели страницы книг. Было слышно, как кто-то рвал бумагу. Звонок уже давно был, но урок еще не начинался. Преподаватель запаздывал. На парту к Ирине упала туго сложенная бумажка. Ирина развернула записку. "Ты показывай мне записки", – сказала Мика. "Ладно. Давай вместе прочитаем"... На парту опять упала записка... Бурунова вела себя необычно: она писала на уроках записки, перебрасывала их по партам, в перемену собирала вокруг себя девочек» (Филиппова, 1938; 26, 27, 82).

О 1932 году: «Первый и второй урок была география, учитель делал опрос, а мы весь урок географии перекидывались с мальчишками записками, хотя легко сказать, а как трудно сделать» (Луговская, [1932–1937] 2004).

О 1970-х гг.: «Как непоправимо мало... мы вспоминаем наши школьные годы. Теряются в дымке... дневники, контурные карты, переброшенные записочки и запускание ластиком..., и первые шпаргалки, и школьные "дружбы навек"...» (Климонтвич, 2004, 8).

О вт. пол. 1980-х гг.: «На уроках мы не только играли, но писали друг другу записки. До восьмого класса мы старались передавать записки так, чтобы мальчишки не могли их перехватить. А то они их читали или просили какой-нибудь выкуп за то, чтобы её передать по назначению. Записки мы перекидывали друг другу, передавали их, положив в тетрадки, книжки, ручки, пеналы, то есть в дело шло всё, что попадало под руку. После восьмого класса мы передавали записки и через мальчишек, они их не читали, а доставляли по назначению. Иногда записки перехватывали учителя, они их сразу выбрасывали в мусорное ведро» (494).

О вт. пол. 1980-х гг.: «В школе также у нас была манья писать друг другу записки. Это были просто диалоги в письменном виде. Иногда были "любвные записки". Писали это нормальным русским языком. Иногда учителя перехватывали. Некоторые записки выбрасывались сразу. А некоторые откладывались в сторону на учительском столе, а после урока прочитывались учителями. Самые интересные были приемы передачи записок. Это были и прыгающие лягушки, "летающие" шарики, передача в книгах, в тетрадках» (453).

О вт. пол. 1980-х гг.: «В классе друг с другом общались с помощью записок. Записки передавали в дневниках, закладывали в пеналы, в ручки, писали их с помощью придуманного шифра, который знали отдельные люди, которые считались друзьями. Интересно было играть с записками, когда играли в подъезде. Кто-то был на пятом этаже, кто-то на втором этаже, и через лестничный промежуток опускали на ниточке записки, писали ответ и передавали обратно. Интересна была сама передача записок. Ещё было специальное место, куда клали записки, обычно мы клали под крышу грибка в песочнице, на речки где-нибудь в уголке. Ещё было и такое, что когда жили с другом в соседях, то писали записки, клали под коврик и звонили в дверь и убежали» (497).

Записка учителю от родителей – письменное сообщение родителей о причине отсутствия ученика в школе, передаваемое через самого ученика.

О первокласснике в конце 1950-х гг.: «"Давайте не пустим его завтра в школу", – предложил папа... На всякий случай я заплакал. "Это он боится, что Клавдия Николаевна будет его ругать", – сказала мама. "Чудак! – рассмеялся папа. – Мы придумаем для твоей Клавдии Николаевны какую-нибудь байку. Вотрем ей очки. Скажем, к примеру, что у мамы были именины и ты лег поздно спать..." "Именины не справляют два раза в год, – сказала мама. – Два месяца назад ты писал записку про именины"... Когда я пришел в класс, мне сразу стало весело. "Ты опять болел?" – спросил Лешка. "Очень мне надо болеть! Я дома околачивался!" "А от Клавды не попадет?" "У меня к ней записка есть. Папа написал". "Здорово... А мой ни за что не напишет". "Мой что хочешь напишет", – сказал я и пошел к Клавдии Николаевне. Я отдал ей записку, она прочла и спросила: "Чем ты болел?" "У меня болели гланды"» (Шатров, 1961, 98–99).

ЗАПИСЬ учителя в дневнике – вид школьного наказания: учитель делает в дневнике запись для родителей: сообщает о плохом поведении их ребенка, вызывает их в школу и т. д.

О конце 1950-х гг.: «Иван Терентьевич так рассердился, что попросил дневник и крупным почерком написал в нём: "Ув. Вера Михайловна! Ваша дочь озорничает на уроках. Прошу воздействовать". "Зачем тебе понадобилось спрашивать на уроке о какой-то шляпе?" – возмутилась мама, когда увидела запись в дневнике» (Тартаковский, 1963, 29).

О вт. пол. 1960-х гг.: «"Ладно, Завязкина. Не будем устраивать здесь дебаты. Терпенью моему конец. Каждый день об одном и том же!" Павел Павлович взял у Наташи дневник и написал замечание: "Родители! Ваша дочь систематически разговаривает на уроках. Вступает с учителем в пререкания. Примите конкретные меры". Наташа сердито закрыла дневник. "Не видит, а говорит. Сплошарый!" – шепнула вдогонку учителю» (Багров, 1986; 86).

О нач. 1970-х гг.: «...Синицына, если я ещё раз замечу, что ты меня не слушаешь, я напишу тебе замечание в дневник. Садись!» Я села и стала слушать. Я слушала изо всех сил. Мне вовсе не хотелось получать замечание в дневник. Я не сводила глаз с Веры Евстигнеевны. Я даже шевелила губами, повторяя про себя её объяснения... А Вера Евстигнеевна стояла у доски и говорила: “Возьмём икс и игрек. Если мы сложим икс и игрек, то у нас получится...” ... Я подскочила на месте и толкнула Люську локтем в бок. “Ой! – на весь класс завопила Люська. – Ты что, с ума сошла?” “Косицына, в чём дело?” – медленно и раздельно сказала Вера Евстигнеевна. Я согнулась над тетрадкой и замерла. “Наври чего-нибудь”, – тихонечко, сквозь зубы пробормотала я. А Люська уже вставала за партией, охая и держась обеими руками за левый бок, как будто там была огромная рана, из которой текла кровь. “Сама толкается, а сама говорит, чтобы я врала, – растягивая слова, плаксиво говорила Люська. – Пусть сама врёт, если хочет...” “Так, – сказала Вера Евстигнеевна. – Значит, опять Синицына? Ну, на сегодня хватит. Дай-ка, Синицына, сюда свой дневник! Скорее, скорее”. И через минуту в моём дневнике на чистой зелёной странице, разлинованной в полосочку, появилась размашистая запись: “Т[оварищи] родители! Ввиду безобразного поведения вашей дочери на уроках прошу вас зайти в школу для разговора”» (Пивоварова, 1979, 113–114).

О конце 1970-х гг.: “С учебной у меня никак. Я сижу и не слышу ни одного слова. Смотрю, как летают по классу записки” “Какие записки?” “От девочек к мальчикам и обратно. У нас давно летают по воздуху, как мошкара, записки с признаниями в любви, уговорами о встречах, “не могу жить без тебя” и так далее – такая ерунда! Раньше сама бумажка кидалась, а сейчас их презираю. Чем признаваться в любви какому-то мальчишке-однокласснику, я бы лучше отцу своему в любви призналась. Да поздно спохватилась”» (Голявкин, 1984, 39–40).

ЗАПОНА – «...в Древней Руси девичья холщовая одежда из прямоугольного отреза ткани, сложенного пополам и имевшего на сгибе отверстие для головы. Запона по бокам не сшивалась, была короче рубахи, надевалась поверх неё и подпоясывалась» (Терешкович, 1999, 81).

ЗАПУГИВАНИЕ – см.: *Страх*.

ЗАРАБАТЫВАТЬ – см.: *Работать*.

«ЗАРНИЦА» – всесоюзная военно-спортивная игра пионеров и школьников. Проводилась с 1967 года по начало 1990-х гг.

Из Постановления Бюро ЦК ВЛКСМ и др. орг-ций от 14 сентября 1967 г.: «Большую популярность у ребят завоевали всесоюзные военно-спорт. игры – “Взятие крепости”, “Зарница”...» (НО, 1974, 309).

О конце 1960-х – первой половине 1970-х гг.: «Пионерская военно-спортивная игра “Зарница” проводится по инициативе «Пионерской правды» с 1967 года. Её цель – приобщение подрастающего поколения к рев. и боевым традициям советского народа, физ. разв. и закалка школьников, а также приобретение ими спец. навыков и умений. В игре могут участвовать пионерские дружины, пионерские отряды и внешкольные объединения пионеров. Каждая дружина создаёт свой штаб “Зарницы” и формирует отряды юных армейцев (юнармейцев) из пионеров и школьников третьих–восьмых классов, которые хотят участвовать в игре. В отряде избираются командир отряда, зам. по полит. части (замполит), редактор боевого листка (стенной газеты), разведчики, связисты, стрелки, санитары. Отряды юнармейцев объединяются в батальоны. Командир батальона, начальник и члены штаба избираются на общем собрании юнармейцев. Штаб батальона работает под рук-вом совета дружины школы. Юнармейцы носят на рукаве эмблему “Зарницы”. У командиров отрядов на нашивке под эмблемой три маленькие звезды, у замполита – две. Все юнармейцы обязательно носят пионерский галстук. Осн. содержание игры определяет один из Законов пионеров Советского Союза: “Пионер чтит память павших борцов и готовится стать защитником Родины”. В игре различаются четыре периода: осенний,

зимний, весенний и летний, каждый из кот. заканчивается военной игрой на местности, где проверяются знания и умения юнармейцев. Юнармейцы изучают историю Советских Вооруж. Сил, создают шк. музеи боевой славы, встречаются с ветеранами революции и войн, знакомятся с жизнью воинов Советской Армии. Каждый юнармеец должен научиться плавать, ходить на лыжах, участвовать в соревнованиях по легкоатлетич. четырёхборью “Дружба”. В кач. консультантов по проведению игры “Зарница” приглашаются генералы, офицеры Советской Армии и курсанты воен. учеб. заведений. Гл. штаб игры возглавляет один из видных военачальников Советского Союза. Условия игры и приказы Гл. штаба регулярно публикуются в “Пионерской правде” (Денисова, 1978, 112–114).

О Шадринске в 1967–1969 гг.: «Были у нас “зарницы”. Помню, зимой мы пошли в поход на Увалы, каждый класс нашивал погоны определенного цвета, у нас были синие, брали с собой кружку. Перед этим мы шили гранаты из материала и тоже брали с собой. На этой зарнице мы играли в войну, бросали гранаты в “противников”, то есть в другой класс. Когда игра заканчивалась, приезжала бочка с горячим чаем, нам давали этот горячий чай. Затем все мы шли домой» (553).

О пионер. лагере в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «“Вера! А военная игра у нас будет?” – спросила маленькая Лида. “Будет, – сказала Вера, – вместе с большими ребятами – игра “Зарница”. Очень интересная. Вы будете разведчиками”» (Матвеева, 1975, 39–40).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «В прошлом году был председатель Коля Вьюнков, вот это председатель! И в кино ходили, в театр, и газету какую выпустили, нас за неё шестиклассники даже чуть не побили. И в “Зарницу” победили всех» (Алмазов, 1977, 12).

О конце 1960-х – 1970-х гг.: «Всесоюзная военно-спортивная игра “Зарница”, сошедшая со страниц газеты “Пионерская правда” без малого полтора десятилетия назад, продолжает по-гайдаровски привлекать миллионы учащихся шестых–восьмых классов... В каждой школе есть отряды юнармейцев, командиры, штаб игры. Задания юнармейские отряды получают через “Пионерскую правду” в форме приказов командующего игрой, дважды Героя Советского Союза генерала армии И. Гусаковского. Старт “Зарнице” был дан 10 января 1967 года. С каким восторгом мальчишки встретили призыв включаться в игру, говорит хотя бы такая цифра: почти пятьдесят тысяч школ буквально во всех районах страны одновременно провели тогда на местности операцию “Флаг над крепостью”. Этой операции предшествовала серьезная работа (не игра, а работа!): ребята изучали военное дело, выполняли спортивные задания, учились ориентироваться на местности, ходить в строю с песней, разжигать костры при дожде и ветре... Многие из нас, взрослых, видели отряды ребят, шагающих строем под командованием боевых офицеров на “операцию”» (Матвеева, 1981, 63–64).

О конце 1960-х гг. – перв. пол. 1970-х гг.: «...“Зарница”. Вроде бы детская игра. Но на моих глазах она превращалась в нечто военизированное, заорганизованное: марши, военный шаг. И до сих пор так остается. Девочки с погонами, автоматами идут, копируя солдат...» (Афанасьев, 1989, 5).

О конце февраля 1975 года в школе № 4 г. Шадринска: «В нашей дружине прошла игра на местности “Зарница-75”. В полной боевой готовности выстроились отряды. Командующий игрой “Зарница” зачитывает приказ о проведении строевого смотра. Ровными рядами проходят юнармейцы перед членами штаба. По сигналу зелёной ракеты юнармейские батальоны отправляются к месту боевых действий. После марш-броска ребята преодолевают полосу препятствий. Здесь показали своё умение и навыки юные стрелки, гранатометчики, минёры, санитары, разведчики. Самым интересным был этап “воздушного” налёта. В отрядах выделяются снайперы для уничтожения “вертолётгов”. Они получают пневматические винтовки и ведут огонь по шарам. Лучшими оказались стрелки 5-х классов. Преодолев последние препятствия, батальоны разворачиваются в

цепь, занимают исходные рубежи для атаки. Так начался последний этап – штурм безымянной высоты. И вот взметнулась в небо красная ракета. Отряды решительно ринулись в последний бой, чтобы водрузить отрядный флаг. В четверку отважных вошли Женя Ф..., Толя Б..., Сережа Д..., Сережа Б.... Они первыми достигли вершины. Но вот сигнал жёлтой ракеты: юнармейцев ждёт походная кухня. Вкусная была каша после игры!» (Павлова, 1975, 3).

О 1982–1984 гг.: «Наиболее яркие впечатления остались из пионерского лагеря... В лагере я была в возрасте 10–12 лет, а в этом возрасте уже начинаешь обращать внимание на противоположный пол... Так же мазали [мальчишки] и нас, а ещё пугали. Ночью наденут простыни, стучат к нам в окна и бегают под окнами. Затем в лагере была традиционная игра “Зарница” – участвовал почти весь лагерь, который делился на два отряда – “белые” и “синие”. Была специальная подготовка, пришивались погоны на плечи. Правила были такие: противнику нужно было оторвать погоны, если один – то ранен, если оба – то убит. Суть игры: нужно было найти какой-то пакет. И весь день мы бегали по лесу, за пределами лагеря ища этот пакет, чей отряд нашел, тот победит» (541).

О 12-летней девочке в 1991 году: «Зима. У нас в школе, то есть не в школе, а у нас есть такое место за деревней, называется Карпаты, там проходила “Зарница”, то есть игра. Вся школа, кроме начальных классов, делится на три команды – синие, красные и зелёные. И у каждого на одежде должны быть пришиты погоны того цвета, в какой команде он состоит. Цель этой игры в том, чтобы у противника сорвать погоны и нужно его забрать себе в плен, если смогут поймать. Выигрывает та команда, у которой оказалось больше погон противника и пленников, а своих осталось больше. Я была в команде синих, и мы выиграли. Потом все вместе ели пшённую кашу и пили чай. Конечно, победившей команде давали какой-то приз, но я уже не помню, какой. Такая “Зарница” проходила каждый год. И каждый классный руководитель вместе со своим классом тоже участвовал в этой игре» (Кузнецова, 2004).

О Шадринске в 1992 году: «В школе раз в году в субботу в лесу зимой у нас проходила “Зарница”. Я сейчас не помню, что там происходило. Была вся параллель 7-х классов. Какое-то задание. Я помню холод, снег, азарт, ползать по снегу, драться (копашитесь) на снегу с мнимым противником, а потом есть кашу горячую и пить сладкий горячий чай. Удовольствие» (1001).

О с. Красная Нива Шадринского р-на в 1992–1996 гг.: «“Зарница” проводится в школе обычно ранней осенью или поздней весной. Все учащиеся (8–12 лет) подходят в определенное время к школе. Все дружно, во главе с учителями, идут в лес, на открытую местность, где уже всё подготовлено для различных соревнований (бег, прыжки, перетягивание каната, весёлые старты, прохождение препятствий и т.д.). Все ученики – в спорт. форме. По окончании жгут костры, жарят картошку, беседуют, рассказывают истории, кушают и возвращаются домой довольные и уставшие» (102).

О с. Половинном в 1996 г.: «Начиная с пятого класса, каждый год мы играли в “Зарницу”. Она состояла из нескольких заданий. Кто их выполнит лучше, тот победил. В основном, делились на две команды, то есть два отряда, в зависимости от количества людей. Обязательным условием было: название, девиз, песня. Перед игрой была подготовка, то есть нам говорили, что нужно и можно делать, а что нельзя. В обязат. задания входили: строевая подготовка, стрельба, приёмы самообороны, разборка сборки оружия на время, общефизич. подготовка (ОФП), знание званий и, конечно же, захват знамени. Также были и другие: ориентирование на местности по карте, установка палатки на время, разминирование минного поля. Игра проходила очень интересно. Все хотели победить, потому что выигравший получал приз. Интерес был и в том, что с нами занимались спец-сты, знающие своё дело. На протяжении всей игры мы были под контролем милиции, таможни, пограничников, служащих

военкомата. В конце игры – обязательное подведение итогов, поощрение отличившихся, песни и пляски у костра. Зимой зарница проходила в принципе без изменений. Кол-во заданий зависело от климат. условий. Но независимо от погоды одно задание присутствовало всегда – захват крепости. Суть в том, что одна команда в течение определённого времени должна была удержать гору либо снежную крепость. Участие принимали только самые сильные и ловкие, определённое кол-во человек. Несмотря на жёсткий контроль взрослых, не обходилось без ссадин и синяков, конечно, иногда бывали и разбитые носы. Это игрой так же проверялись наши знания по таким предметам как НВП и ОБЖ. Отдельно отличившихся, если такие были, освобождали от контрольной либо от сдачи зачёта. В лучшем случае можно было получить хорошую оценку за четверть (сейчас преподаётся только ОБЖ, НВП – нет). Проведение всегда было оформлено на уровне. Никаких заминок, задержек, всё строго по графику. Хотя игра длилась 1–2 дня (летом; зимняя игра проходила в течение дня), подготовка занимала больше месяца. Поскольку у нас приграничный р-он, то адм-ция не желала средств на проведение этой игры. Насколько я знаю, сейчас такого нет» (016).

О с. Межборном Притобольного р-на в 1994–1998 гг.: «Общешкольное мероприятие “Зарница” проводилось в среднем звене (5–9 классах). “Зарница” проходила исключительно в зимние месяцы, обычно после Нового года (январь, февраль), когда была не очень низкая температура. Это мероприятие подготавливали учителя физкультуры. “Зарницу” проводили всегда в бору рядом с селом. В этот день мы не учились (обычно суббота), а с утра, часов с 9–10, шли в лес. От каждого класса должна была быть представлена команда примерно из 5–6 человек. Это должны быть наиболее физически подготовленные ученики. Их задача была в том, чтобы найти по опред. ориентирам, которые им давали, флаг. Флаг был заранее спрятан учителями физкультуры в лесу. Но подробно об этом я не могу рассказать, так как непосредственно в этом сама не участвовала, а находилась с остальными. В то время пока команды искали флаг, остальные ученики класса расчищали определенную территорию в лесу, обычно в виде квадрата примерно 5–6 метров (каждый класс для себя), это обычно делали мальчики. Получались своеобразные насыпи со всех сторон, словно крепости, они соединялись узкими тропинками, которые прочищались. Каждый класс должен был сварить обед. На расчищенном пространстве разводили костер, на котором варили суп в ведре и чай (в другом ведре). Продукты приносили все из дома понемногу. Всё, что было, бросали в кипящую воду, получалась очень специфич. суп, но нам он всегда казался очень вкусным. В это время с каждым классом был класс. рук. Когда соревнования заканчивались, участники возвращались к своему классу, и все вместе обедали. После того как все поели, начинались массовые игры или конкурсы для желающих. Играли в “Царь горы”, в качестве горы была насыпь из снега. Человек было при этом много, и случались иногда и травмы. Это длилось до 12–13 часов дня, учителя уходили, а мы обычно оставались и продолжали играть или просто общались, иногда до вечера (до 16–17 часов). Мне всегда очень нравились “зарницы”, было весело и интересно. В нашей сред. школе с. Межборного “зарницы” проводятся и до сих пор. Последний раз она проходила (мне рассказывал племянник двенадцати лет) в начале февраля 2007 года, и я сама видела (на том же месте, что и проводились в наши годы) расчищенные от снега пространства в лесу» (099).

ЗАРУБЕЖНЫЕ поездки, поездки за границу.

О 1988 году: «Из детства мне запомнилась поездка с родителями за границу. Мне тогда было лет 10. По путевке поехали на курорты Румынии и Болгарии. Отдых на море на меня произвел неизгладимое впечатление. Столько позитивных эмоций, я не испытывал больше никогда в своей в жизни. Шикарная гостиница, дружелюбное отношение к советским гражданам с

стороны местного населения, и каждый день море, море, море!!! Знакомства со сверстниками, походы по магазинам. Родители купили мне много игрушек и одежды, которых в то время не было на прилавках советских магазинов. Зоопарк, дельфинарий, аттракционы, рестораны и многое другое оставили в моей памяти след. Это сейчас можно ехать куда угодно, а раньше такие поездки были чем-то фантастическим, как слетать на Луну. Две недели длилась эта сказка, очень не хотелось уезжать. Возвращаться в грязную, нищую, распадающуюся на глазах страну было сродни моей гибели. В России меня ждали нов. учеб. год, злые учителя, завистливые одноклассники и пасмурная погода» (144).

«**ЗАРЯ**», «**зоря**» – 1. Детская игра, род игры в прятки.

«Зоря. Детская игра, состоящая в том, что один из играющих отыскивает других, спрятавшихся в то время, как он бежал за брошенной палочкой. Ищущий при этом старается, чтобы никто без него не прибежал к палочке и не постучал ею. Стуча палочкой, кричат: “Зоря, зоря, зоря!” Твер. Симб., Омск. г. (Покровск[ий], Детск[ие] игры)» (Словарь, 1907, 2867–2868).

«**ЗАРЯ**», «**зоря**» – 2. «Детская игра с жгутом. Средн.-Росс. (Покровск[ий], Детск[ие] игры)» (Словарь, 1907, 2867–2868).

Ср.: «Зоренька».

ЗАРЯДКА – физические упражнения с оздоровительной целью; упражнения для развития мускулатуры и ловкости.

Утренняя зарядка.

Нет информации о том, делало ли сколько-нибудь значительное число детей зарядку, но призывы к выполнению её и изображения делающих её детей часто встречались в книгах 1950-х – 1960-х гг. В детской литературе сложился своего рода культ утренней гимнастики. «Бьют часы: / Вставать пора. / Ровно семь часов утра. / Папа встал, и мама встала... / Встала Оля / – Всё в порядке! – / Папа Оле говорит: / “Становись-ка на зарядку, / Ну, живее, / Раз, / Два, / Три!...” / Оля с папою шагает / Под весёлый марш Москвы. / Марш кончается. / Зарядка: / Руки в стороны, / Присядка, / Бег на месте, / А потом – / Мыло, / Щетка с порошком / И вода / Под краном гладким. / Лей в ладошки, Не жалеи! / От воды / И от зарядки / Будешь выглядеть бодрей» (Гольдберг, 1959, 5–6).

Из песни: «Все привыкли мы к порядку, / Утром делаем зарядку...» (Высотская, 1961, 60).

Зарядка перед занятиями в школе.

О 1941–1945 гг.: «Несмотря на тяжелое время, школы не переставали проводить перед занятиями физ. зарядку. К тем, кто от неё отлынивал, принимались строгие меры. В одной школе, например, опоздавших на зарядку “регистривали” в специальном журнале, в другой – фамилии опоздавших заносились в особый журнал, а трехкратное опоздание на зарядку грозило снижением балла по поведению» (Андреевский, 2003, 357).

О мужской школе в 1945 году: «1945 год. В мужской средней школе 1 сентября появились новые старшеклассники, крепкие, подтянутые ребята, в линиях военных гимнастерках, заправленных под офицерский ремень. Некоторые – при орденах и медалях. Обычно один из них перед уроками проводил утреннюю зарядку, опаздывать или отлынивать от которой было рискованно, так как от новых старшеклассников легко можно было “схлопотать”. Но в основном они относились к нам хорошо» (Мироненко, 2004, 4).

О мужской школе в 1945–1947 гг.: «В восемь – впуск в школу. В восемь открываются её двери, в восемь включается школьное радио, в восемь появляется директор и, заложив руки назад, встречает учащихся. Полине Анатольевне нравилась эта традиция, установленная, вернее, восстановленная, после войны... В восемь часов семнадцать минут по всем этажам раздаётся передаваемая по радио команда: “На зарядку, стройся!” Начинается зарядка – длинные ряды мальчиков приседают и поднимаются, разводят руки, раскачиваются направо и налево. Полина Антоновна помнила, сколько трудов стоило ввести эту зарядку после войны, зато её

новый, собранный из разных школ класс принял её почти с самого начала как что-то незбываемое. Таким же твёрдо установленным порядком всё шло и в этот день. Так же прошёл впуск в школу, зарядка. Начались уроки» (Медынский, [1954] 1963, 153).

О конце 1950-х гг.: «В школах гигиеническая гимнастика проводится в виде физзарядки до уроков и физкультминуток во время уроков» (ПС, 1960–1, 263).

О селе Красная Звезда Шадринского района в 1993–1994 гг.: «Общешкольная зарядка была введена в нашей школе в 2002 г., т.е. когда я училась в 10 классе (мне было 16 лет). Зарядка проводилась за 10 минут до начала занятий учителем физкультуры. Затем уже учениками старших классов» (011).

См. также: *Гимнастика, Гимнастика перед занятиями в школе.*

«**ЗАРЯ-ЗАРЯНИЦА**», «**зоря-зоряница**» – детская игра.

«“Заря”. Дети встают в круг, руки держат за спиной, а один из играющих – заря – ходит сзади с лентой и говорит: “Заря – зарница, / Красная девица, / По полю ходила, / Ключи обронила, / Ключи золотые, / Ленты голубые, / Кольца обвитые – / За водой пошла!” С последними словами водящий осторожно кладет ленту на плечо одному из играющих, который, заметив это, быстро берет ленту, и они оба бегут в разные стороны по кругу. Тот, кто останется без места, становится зарей. Игра повторяется. Бегущие не должны пересекать круг» (Латышина, 1998, 146).

Из книги 1930 года: «...Дети сами составляют считалочки для разных игр (в прятки, в горелки, в лошадки, в жмурки, в коршуны, в бабки, в зорю-зоряницу, в капусту, в городки, в классы, в кошки-мышки, в лебеди и т. д.)... [Словесный компонент игры находит себе воплощение] в описании какой-нибудь захватившей детвору игры (как играют в прятки, в горелки, в жмурки, в коршуны, в бабки, в зорю-зоряницу, в капусту, в городки, в классы, в гуси-лебеди и т. д.)...» (Бархин, 1930, 243–244).

ЗАСТРЯЖКИ – см.: *Постриг.*

«**ЗАТЕЙНИК**» – ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ, созданный в 1929 году в помощь дет. самодеят-сти и в целях лучшей орг-ции досуга пионеров и школьников.

В конце 1930-х годов «Затейник» публикует прозу, поэзию, пьесы, игры по сезону, советы начинающему режиссеру, страничку автора и т. д. В 1941 году, с началом войны, выпуск журнала прекратился.

С мая 1946 года выпуск «Затейника» возобновляется. Теперь осн. площадь журнала отдана публикации худ. произв-ий. Это стихи, отрывки из повестей и романов и их инсценировки для постановки или чтения в шк. или лагерном театре. Обычно они сопровождаются квалифицир. консультацией режиссера, костюмера, декоратора. Для публикации отбираются не только детские, но и доступные детям произв-ия для взрослых: «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Зоя» М. Алигер. Здесь печатаются снискавшие себе известность еще в 1930-е годы и новые произведения С. Маршака, В. Катаева, А. Барто, Е. Благиной, Н. Носова, Л. Кассиля, Л. Пантелеева, В. Каверина и др. Много публикуется в «Затейнике» и произв-ий молодых авторов. Пост. отделами становятся «Каждый пионер – физкультурник», «Шахматы», «Танцы», «Наша консультация». (Колесова, 1993, 51–53)

О дет. библиотеке в Шадринске в 1946 г.: «Большим спросом пользовались книги В. Коженикова “Иван Никулин – русский матрос”..., сказки “Волшебный колодезь” и др. А из журналов очень любили интересные и познавательные “Пионер” и “Затейник”, так как в них можно было найти отличный материал для худ. самодеят-сти, которой мы тоже любили заниматься» (Плотникова, 1999, 115)

В 1950-е годы в «Затейнике» публикуется всё меньше хороших художественных произведений. Журнал становится скучным, однообразным. В 1953 году «Затейник» прекращает своё существование, слившись с журналом «Вожатый». Начиная с 1968 года «Затейник» выходит выпусками по 1–2 в год, но уже не имеет

статуса журнала. (Колесова, 1993, 51–53)

«**ИЗ пункта А в пункт Б...**» – традиционное начало задач по арифметике (математике) в задачниках 1950-х – 1960-х гг.

О шестиклассниках в середине 1960-х гг.: ««Что за идея у него? – ломали головы ребята, сидя над учебниками. – “Из пункта А в пункт Б вышел пассажирский поезд. Через два часа после его отправления...” Нет, ну что за идея?...»» (Кузьмин, 1966, 54).

ИЗБИВАТЬ – ударами причинять боль, наносить увечья.

О 1930 годе: «Вот выдержка из письма из города Минусинска: “...Пионер нашей группы, получив отметку “неуд”, сговаривается с другими хулиганами, и они избивают получивших “уд”. Это наиболее яркий случай. Тут быт вышел из берегов и затопил отряд и школу...» (Разин, 1931, 17).

О начале 1930-х гг.: «Около школы очень часто организуются тут, в Москве, целые банды хулиганствующих ребят. Они пристают к проходящим девочкам..., избивают их... и т. д. и т. п.» (Крупская, [1932] 1972, 107).

О 1950-х гг.: «По пути домой Вера... увидела Колючку. Он стоял на другой стороне, окруженный тремя большими ребятами. Его выпуклые глаза напряженно шныряли по сторонам. Он хотел ускользнуть от ребят. Но сильная рука крепко держала его за шиворот. “Пусти! .. Пусти!” – повторял Колючка, и в голосе его звучали тревожные нотки. И вдруг один из ребят размахнулся и ударил Колючку по лицу. И сразу из маленького острого носика потекла красная струйка. Вера заметила, как Колючка поблдевел. Он рванулся в сторону и отчаянно крикнул: “Пусти!” Но большой парень держал его. Алая струйка уже текла по губам и сползала па подбородок. А в это время другой парень сбил с головы Колючки шапку» (Яковлев, 1964, 75–76).

О начале 1960-х гг.: «Этот случай произошел в московской школе, в 7-м классе. ...Борис Махов и Борис Калинин... как-то повздорили между собой... После уроков Борис Махов подошел к своему другу Киму Наумову и сказал: “Знаешь, этот Калинин задается”. Калинин был новичком в их классе... Есть такие странные законы у иных мальчишек. Считается: если двое дерутся, третий не мешай. А если пятеро собрались бить одного, так это чуть ли не в порядке вещей... Ким сказал: “Ладно, я скажу своим”. Вечером он пошел к известному во всей округе хулигану Гришке Гречеву, по прозвищу “Гречиха”, и подговорил его избить Бориса Калинина. И еще предупредил: “Приходи не один”, потому что знал: Калинин сумеет постоять за себя. Гречиха с удовольствием принял “приглашение”, хотя совсем не знал Калинина. Однажды вечером, когда Калинин возвращался из школы, на него напало сразу пятеро. Рослый и сильный, Борис успел здорово “двинуть” кому-то. За это через неделю его вновь избili. Теперь у Гречихи был “законный” повод. Избили и предупредили: “Молчи, а то хуже будет”. Но Борис не стал молчать. Он пошел и заявил в милицию. За это его избili в третий раз, так, что он чуть в больницу не попал. Так он и воевал один с целой шайкой» (Соловейчик, 1965, 89–91).

О мальчишке 13–15 лет в первой половине 1980-х гг. в Москве: «В школе боялись уже одного имени его, а быть битым оказывалось перед своими ребятами даже не унижительно: скорее у всех это рождало тайную благодарность за уважение, что если били или отнимали что-то у тебя, то это спасло кого-то другого. Если он кого-то бил, то превращал избивание в зрелище, заставлял смотреть школьников, как лупцует одного из них, а порой не унимался и при учителях. Главное ему было не обобщать и даже не унижать, а избить, отрабатывая на живом человеке спортивные удары. Он красовался своим умением наносить удары. То, что он устраивал, наверно, было подражанием где-то увиденным каратистским приемкам. Слух, принятый в школе на веру, что ему ведомы еще и какие-то “смертельные приемы” карате, заставляли и его одноклассников трепетать перед ним. Мы ненавидели всех, кто нас унижал да мучил, шепотом

мечтая их убить. Избитый им в очередной раз, я почти уже бредил этой мезтью... Однажды он сорвал с меня пиджак от школьной формы и раскроил ножом на лоскуты...» (Павлов, 1999)

О первой половине 1990-х гг.: «В школе дрались с девочками. Кто много говорил лишнего, распускал слухи, того били. Одна знакомая наговорила обо мне, что будто я таскаюсь со всеми. Эти слухи дошли до моей мамы, и ей стало плохо. Пришлось проучить эту девочку. Сначала всё проходило мирно, разговаривали. Я хотела выяснить, зачем она наговорила на меня. Ничего не сказав, она побежала. На улице её догнали, и я избилла её. Подружки стояли и смотрели. Сначала меня отговаривали, но потом ничего не говорили. Эта особа целый месяц не показывалась на улице, позже ходила только с мамой. Этот урок она запомнила надолго» (574).

О 16-летних подростках в 2001 году: «Мы сидели вечером возле магазина и пили пиво. Подошел подвыпивший мужик, мы ему предложили пива. Он взял бутылку и выбросил. На вопрос “Зачем ты это сделал?”, он ничего не ответил. Тогда мы решили его наказать. Дождались, когда он отойдет от магазина, и избили. Били ногами, руками, лежачего и стоячего. Но не использовали посторонних предметов» (115).

См. также: *Бить*; «Дедовщина»; «Террор».

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ёлочных игрушек – см. *Ёлочные игрушки изготавливать*.

ИЗЛОЖЕНИЕ – один из видов классной учебной работы: письменный пересказ предложенного текста. Существует в школах, по меньшей мере, с 1950-х гг. по настоящее время.

О конце 1950-х гг.: «Писали контрольную работу по русскому языку... Прозвенел звонок. Вера Николаевна ходила по рядам и собирала тетрадки. Санька торопливо перечитывал изложение – выискивал ошибки» (Воскресенская, 1962, 5).

«ИЗО» – то же, что «Изобразительное искусство».

«**ИЗО рта в рот – получается микроб**» – устойчивое выражение (произносится: [из рта в рот], [с рта в рот]), вошедшее в среду дошкольников и младших школьников в конце 1980-х – начале 1990-х гг. нередко в паре с этим выражением употребляется и другое: «С пола в рот – получается микроб».

О девочке 4–5 лет в г. Катайске в 1988–1989 гг.: «“Из рта в рот – получается микроб”, – так говорили, когда брали жвачку или конфету изо рта другого человека. “С полу в рот – получается микроб”, – так говорили, если что-то съедобное подбирали с пола и клали в рот» (116).

О девочке 5 лет в 1989 году в с. Красная Нива Шадринского района: «В детском саду: “Из рта в рот, получается микроб”, – говорят, когда кто-то у кого-то берет изо рта жвачку и кладет в свой рот. Вариант: “С пола в рот, получается микроб”, – когда подбирают с пола и кладут в рот» (102).

О 1989–1990 гг.: «“Из рта в рот получается микроб” – это была своеобразная отговорка, чтобы не давать кому-нибудь жевательную резинку или сосательную конфетку. Эта фраза бытовала среди младших детей и воспринималась шуточной отговоркой, а не категорическим отказом. Так я говорила в детском саду, когда мне было примерно 5–6 лет» (100).

О 1989–1991 гг. в г. Шадринске: «В детском саду, когда мне было 4–6 лет, если какой-то из детей давал другому жвачку, которую сам уже пожевал, [то] кто-нибудь третий, кто это видел, говорил: “Из рта в рот получается микроб”. Эти слова означали неодобрение поступка» (111).

О 1990 годе: «Выражения “изо рта в рот (“из рта в рот”) – получается микроб”, “с пола в рот – получается микроб”, я впервые услышала в детском саду “Теремок” в 1990 году. Моя подружка затолкала в рот вкусную конфету, и в ответ на моё предложение поделиться со мной лакомством произнесла: “Из рта в рот – получается микроб”. То есть нельзя передавать конфеты из одного рта в другой. В дальнейшем эта фраза стала восприниматься как вежливый отказ. И когда кто-то хотел съесть всё один, то заталкивал сладость быстро в рот, зная, что кроме него её уже никто не тронет. А вот

фраза “с полу в рот – получается микроб”, была придумана детсадовским воспитателем, чтобы мы не ели с пола продукты. Правило было очень актуально, потому что мы часто роняли еду на пол, потом сдували пыль и песчинки и продолжали есть. Но после созданного образа микроба, даже самые желанные сладости, упавшие на пол, вызывали страх, и уже не поднимались с пола. Зато позже мы стали злоупотреблять этим правилом – если у кого есть что-то вкусное, оно специально сбрасывалась на пол, по принципу “ни себе – ни людям”. Затем эти два понятия перешли в новое понятие: “Я понюхал”. То есть потом действовали уже так: подбегали к чужой сладости, подносили к носу и кричали: “Я ее занюхал”. После этого никто, кроме “занюхавшего”, не мог съесть этот продукт. Эти запреты просуществовали примерно один-полтора года» (012).

О 1990–1993 гг. в Шадринске: «Когда мне было 4–7 лет, я ходила в детский сад № 3. В то время у нас в стране появились жевательные резинки “Бубль гум” и, когда один жевал “жвачку”, другой непременно просил дать ему пожевать. А кто-нибудь постоянно говорил при этом: “Из рта в рот – получается микроб”. И, надо сказать, иногда это останавливало ребят» (020).

О 1990–1994 гг. в с. Межборное Притобольного района: «Выражение “Из рта в рот получается микроб” я слышала, когда мне было 6–10 лет. Обычно это говорили, когда кто-нибудь просил у кого-нибудь жвачку. Тогда он, чтобы её не давать и говорил: “Из рта в рот получается микроб”. Также слышала подобные слова от мам, которые этим учили своих детей не передавать друг другу что-либо изо рта» (099).

О 1991–1998 гг. в Шадринске: «“Из рта в рот получается микроб” – такие слова мы говорили другому человеку, чтобы не давать конфету или жвачку из своего рта. “С пола в рот получается микроб”, – а это нельзя было себе в рот поднимать, когда что-то падает съедобное, хочется поднять и съесть, но говоришь эту фразу и не берёшь. Говорила это, когда мне было 5–12 лет» (112).

О 1992–1994 г.г. в Завитинске Амурской области: «Когда мне было 7–9 лет, мы говорили такие слова: “С рта в рот – получается микроб” (или: “Изо рта в рот – получается микроб”). Говорилось тогда, когда один ребенок жевал жвачку (или сладость), а другой у него просил пожевать тоже. Первый не давал, приговаривая данные слова» (107).

О 1994 году: «“Из рта в рот – получается микроб” – это выражение использовалось для того, чтобы дети ничего не просили у других, иначе чужие микробы передадутся им. Это выражение я впервые услышала от моей сестры, мне тогда было лет 10. Я что-то попросила у сестры мне дать, а она так ответила» (106).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ искусство – учебный предмет, аналог «рисования».

О г. Когальме в 1994–2000 гг.: «В начальной школе у нас был урок рисования... С 5-го класса (1998 г.) урок переименовали в “Изо” (изобразительное искусство), а в 7 классе (2000 г.) отменили» (134).

ИЗОСТУДИЯ – школа, в которой обучают навыкам изобразительного искусства.

О 14-летней девочке летом 1940 года: «Второй моей попыткой приобщения к искусству было поступление в детскую изостудию... С радостью ходила я в студию, как губка впитывала все новое, интересное, чему учили нас» (Кубанева, 1988).

«**ИЗ рта в рот – получается микроб...**» – см.: «*Изо рта в рот – получается микроб*».

«**ИМАЛЬЦЫ**» – вероятно, то же, что *жмурки* (1).

О середине 1940-х гг.: «Из ребячьих игр вспоминаю хождение в крапиве и “гигантские шаги”. Только эти “шаги” скоро отказали... Вообще, кроме гармонии да игры в рюхи (в городки) мало что запомнилось. Лишь игра “в имальцы”, то есть с завязанными глазами: нужно было кого-то искать. И очень забавно было чувствовать, когда кричали “Огонь!”, чтобы ты не расшиб нос» (Белов, 2005–1).

ИМЕНИНЫ – день памяти святого, являющийся праздником для того человека (ребёнка), которое при крещении названо по имени этого святого.

Д.С. Лихачев о дачной местности под Петербургом в 1910-х гг.: «Особенно весело, озорно проходили дни рождения и именин детей. В пиротехническом магазине под Думой на Невском взрослые заранее закупали китайские фонарики, фейерверки. Фонарики вывешивали в саду, жгли фейерверк» (НЛ, 2006, 43).

ИНДЕЙЦЫ – общее название народностей (за исключением алеутов и эскимосов), являющихся туземным, первоначальным населением Америки. Названы так в эпоху открытия Америки, которую принимали за Индию.

Играть в индейцев.

Игра в индейцев была распространена у начитанных детей и подростков в последней четверти XIX – первой трети XX вв. Это объясняется популярностью в детской среде тех лет романов Фенимора Купера и Майна Рида.

[...] Великовозрастные гимназисты – а тогда гимназию кончали юноши сплошь по двадцатому году – были увлечены Фенимором Купером и Густавом Эмаром, так же как мы потом в их возрасте увлекались Шерлоком Холмсом и Натом Пинкертоном. Скоро я научилась пробираться кустами вдоль ограды незамеченным Ястребиным Глазом, Пятнистой Пантерой или каким другим кровожадным вождем краснокожих в глубь сада...»

О второй половине 1900-х гг. в Петербурге: «В детстве жил я на дачке на Чёрной речке. Там было множество детей, и мы играли в самые разные игры: в индейцев, в сыщиков, в цыган» [...].

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ обучение – обучение по индивидуальному учебному плану детей с ярко выраженными способностями, детей со школьной дезадаптацией и детей ряда других категорий преподавателями школы.

О 2000-х гг.: «Индивидуальное обучение удобно для детей, которые по каким-то причинам не справляются с программой (из-за частых болезней, например). А также для юных талантов, занятых спортом-танцами-наукой, и для старшеклассников, усиленно готовящихся в институты... Закон об образовании гарантирует право на обучение по [индивидуальному] [учебному] [плану] каждому ребенку. ...[Но] ни в системе образования, ни в системе здравоохранения нет внятных инструкций, регламентирующих, кому можно “прописать” ИУП, а кому нет. Региональные департаменты образования ориентируются на “высокую степень успешности в освоении школьных программ, устойчивую школьную дезадаптацию, профильное обучение в старших классах и другие причины”. У медиков из документов только список болезней для индивидуального обучения на дому, поэтому большинству отказывают со ссылкой на этот список. Пронырливое меньшинство берет справки у лечащих врачей или заведующих поликлиникой. Юным дарованиям пригодится справка из спортивной, художественной или музыкальной школы, где они проводят основное время. Что дает индивидуальное обучение? Десять часов в неделю ребенок занимается в школе с педагогами основными предметами в индивидуальном порядке – чаще всего после уроков. На остальные уроки может ходить или не ходить – в зависимости от загруженности или состояния здоровья» (Лукьянова, 2007, 64).

ИНДИЙСКИЕ фильмы – преимущественно мелодраматические фильмы, снятые кинематографистами Индии.

О вт. пол. 1970-х гг.: «...Маринка, Светкина подружка... доит корову... “Зорька, Зорька, стой, моя хорошая...”, – уговаривает Маринка корову. – Я тебе за это хлеба вынесу... А будешь стоять плохо, я в кино опоздаю. Сегодня знаешь какое кино? Индийское, про любовь. Вон девочки-воображалочки пошли и не дождалась... Она крикнула: “Светк, ты че не собираешься, не пойдёшь, что ли?” Та отрицательно мотнула головой: “Не-е, не хочется что-то”. Слукавила Светочка-веточка. Ну кто из девочек не любит индийские фильмы, в

которых так хорошо рассказывают про любовь, так красиво танцуют и поют? Любит, а если честно, то без ума от них Светка» (Залипаев, 1986, 85–86).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Я любила плакать в пятом-шестом классе на индийских фильмах. Мы так и говорили, чтоходим в кино на фильм “Танцор диско”, [так] хоть поплачем» (494).

О с. Шутихинском Катайского р-на в 1993–1994 гг.: «Индийские фильмы. Не помню их названия, но смотрела их очень много. Это было в кинозале клуба, я ходила смотреть индийское кино вместе с сестрой. Мне было тогда лет 9–10» (073).

О конце 1990-х гг.: «С детством у меня ассоциируются индийские фильмы. Я приходила из школы, бросала сумку и садилась смотреть индийское кино по второму каналу, даже если ничего не слышно и не видно. Помню, как счастлива была, когда заканчивался фильм благополучно. Сейчас не понимаю, что в них было интересного, увлекательного» (204).

ИНСПЕКТОР (в гимназии) – должностное лицо в гимназии, педагог, являющийся помощником директора.

«Директор в синем вицмундире... для нас... был почти недоступен, пребывал где-то в кабинете... Несравненно ближе к ученической массе, чем директор, стоял инспектор... Неожиданно, как коршун, налетал он на зазевавшегося шалуна, хватал его за шиворот и тащил, визгливо крича: “В карцер!” Он был скор на наказания, и его боялись, как огня...» (Блонский, [1941] 1971, 35).

ИНСТИТУТКА – воспитанница *Института благородных девиц*.

Институтка как культурный тип.

Об институтке как культурном типе пишет первооткрыватель этой темы для отечественного сознания конца XX века А.Ф. Белоусова: «Одним из учебных заведений, предназначенных для того, чтобы “...дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение”, было учрежденное Екатериной II в 1764 году Воспитательное общество благородных девиц... Основное место в учебной программе уделялось тому, что считали необходимым для светской жизни: изучению языков (прежде всего французского) и овладению “дворянскими науками” – танцами, музыкой, пением и т. д. Однако первостепенное значение придавалось не образованию, а воспитанию... Воспитание “нового” человека происходило в строгой изоляции от внешнего мира... Именно это должно было способствовать созданию “новой породы” светских женщин, которые смогут цивилизовать жизнь дворянского общества. Особые условия воспитания в женских институтах, как стали называться училища, устроенные по образцу Воспитательного общества благородных девиц... сформировали оригинальный женский тип. Это показывает само слово “институтка”. Его семантика не исчерпывалась обозначением воспитанницы женского института: слово “институтка” имело и более общий смысл (отсутствующий у “гимназистки” или “курсистки”), означая любого человека “с чертами поведения и характером воспитанницы подобного заведения (восторженного, наивного, неопытного и т. п.)”. Этот образ вошел в литературу, породил множество анекдотов и отразился в художественной литературе. Обстоятельства, в которых выработался особый социально-психологический тип “институтки”, его основные особенности и отношение к нему общества заслуживают внимания и объяснения. Если первые “смолянки” воспитывались в гуманной и творческой атмосфере..., то впоследствии возобладала формализм и рутина обычного казенного учреждения. Все воспитание стало сводиться к поддержанию порядка, дисциплины и внешнего благообразия институток. Осн. средством воспитания были наказания, что отдаляло институток от воспитательниц... Воспитание... основывалось “больше на манерах, умении держать себя comme il faut, отвечать вежливо, приседать после выслушания нотации от классной дамы или при вызове учителя, держать корпус всегда прямо, говорить только на иностранных языках”. Однако в отношениях между самими институтками манерность и чопорность

институтского этикета сменялись дружеской откровенностью и непосредственностью. Институтской “выправке” противостояло здесь свободное проявление чувств. Это приводило к тому, что обычно сдержанные и даже “конфузливые” на людях институтки иногда могли повести себя совершенно по-детски. В своих воспоминаниях одна из институток XIX века называет “глупым институтством” то, что произошло с ней, когда разговор с неизвестным молодым человеком перешел на “институтскую тему” и затронул любимые её предметы: “начала хлопать в ладоши, скакать, хохотать”. “Институтство” вызывало резкую критику и насмешки со стороны окружающих, когда воспитанницы выходили из института... Аффектированная чувствительность отличала выпущенных в свет институток от окружающего общества и осознавалась им как типично институтская черта... Эта черта отражала уровень развития воспитанниц институтов благородных девиц, вступавших во взрослую жизнь с душой и культурными навыками девочки-подростка... Институт строго оберегал младенческую непорочность своих воспитанниц. Она считалась основой высокой нравственности... Мечты о будущем занимали все более существенное место в жизни воспитанниц по мере того, как приближался выпуск из института. Мечтали не столько в одиночку, сколько сообща: вместе с ближайшей подругой или всем отделением перед сном... Овладевая сложным искусством парного хождения (которое служило одним из характерных признаков институтского воспитания), институтки разучивались ходить в одиночку... Отсюда и неизбежность коллективного мечтания вслух. Характерна реакция одного из героев чеховского “Рассказа неизвестного человека” на предложение “мечтать вслух”: “Я в институте не был, не проходил этой науки”. Обращает внимание подчеркнuto праздничный характер жизни, о которой мечтали в институтах. Институтки отталкивались от скучного однообразия порядков и суровой дисциплины институтской жизни: будущее должно было быть полной противоположностью окружавшей их действительности. Определенную роль играл и опыт общения с внешним миром, будь то встречи с нарядно одетыми людьми во время воскресных свиданий с родственниками или же институтские балы, на которые приглашались воспитанники самых привилегированных учебных заведений. Оттого будущая жизнь казалась беспрерывным праздником. Это порождало драматическую коллизию между институтскими мечтами и реальностью: многим институткам приходилось “прямо с облаков спуститься в самый неказистый мир”, что крайне осложняло и без того трудный процесс адаптации к действительности. Институтки были весьма благосклонно приняты культурной элитой конца XVIII – начала XIX века. Литераторы превозносили новый тип русской светской женщины, хотя и усматривали в нем совершенно разные достоинства: классицисты – серьезность и образованность, сентименталисты – естественность и непосредственность. Институтка продолжала играть роль идеальной героини и в романтическую эпоху, которая противопоставляла её светскому обществу и миру как образец “высокой простоты и детской откровенности”. Внешний вид институтки, “младенческая непорочность” мыслей и чувств, её отстранённость от мирской прозы жизни – всё это помогало видеть в ней романтический идеал “неземной красавицы”... Одновременно существовал и прямо противоположный взгляд на институтку, в свете которого все благоприобретенные ею манеры, привычки и интересы выглядели “жеманством” и “сентиментальностью”. Он исходил из того, что отсутствовало в институтках. Воспитанницы женских институтов предназначались для духовного преобразования светского быта, и поэтому институт мало готовил их к практ. жизни. Институтки не только ничего не умели, они вообще мало что понимали в практ. жизни... Это вызывало резко негативную реакцию со стороны людей, занятых повседневными делами и заботами. Они считали институток “белоручками”, “набитыми дурами”,

“кисейными барышнями” (выражение, восходящее к выпускной форме воспитанниц женских институтов: белые кисейные платья с розовыми кушаками). Вместе с насмешками над “неловкостью” институток распространялись “стереотипные суждения” о них как об “изрядно невежественных существах...”. Институтская наивность стала притчей во языцех. ...Сами институтки, чувствовавшие себя “детьми” в непривычном для них взрослом мире, иногда сознательно играли роль “ребенка”, всячески подчеркивая свою детскую наивность... “Выглядеть” институткой зачастую значило: говорить ребячьим голосом, придавая ему специфически-невинный тон, и смотреть девочкой. Однако не следует забывать и о культурном потенциале образа институтки, который возникает в период расцвета дворянской культуры и переживает ее кризис... Лишь зная этот культурный потенциал, можно понять, почему одним из самых типичных институтских сюжетов в русской реалистической лит-ре является история превращения институтки в проститутку. Это – по сути дела, падение ангелов, в виде которых с самого начала и представлялись институтки... Институтки исправляли порочных и возрождали к жизни разочарованных в ней людей, о чем мечтал Чичиков в “Мёртвых душах” и как это происходит в чеховской “Даме с собачкой”. Они воплощали в жизнь основополагающую для нашей культуры идею: очиститься от “скверны” мирской, повседневной жизни и спастись можно только с помощью сверхъестественной, потусторонней силы. Эту силу и олицетворяли “Шиллеровы ангелочки” из институтов благородных девиц. Едва ли этот сокровенный смысл ощущается совр. человеком. Он забылся не столько за давностью лет, сколько под давлением обстоятельств: люди, закрывшие институты благородных девиц, не скрывали своей ненависти и презрения к “кисейным барышням”. Однако им так и не удалось дискредитировать институток. Образ юной институтки вновь воспринимается как характерный тип старого Петербурга и как один из основных культурных символов дореволюц. России» (Белоусов, 2004).

Детали быта, одежды.

«Ещё в знаменитом Смольном институте (Воспитательном обществе благородных девиц) каждому возрасту было приписано носить свой цвет платья: для воспитанниц 6–9 лет – коричневый (кофейный), 9–12 лет – голубой, 12–15 лет – серый и 15–18 лет – белый. Парадные платья учениц шили из шелка, а в обычные дни девушки носили платья из камлота, выписываемого специально из Англии. Существует предание, что костюмы учениц придумала сама императрица Екатерина II» (Зорченко, 2007, 9).

О середине 1910-х гг.: «Я устроился на пять часов в неделю преподавателем педагогики в Елизаветинском институте... Вызванная ученица выходила ко мне и, приближаясь, в знак приветствия как-то замысловато приседала. Одеты эти почти взрослые девушки были в зеленые платья, на которые почему-то были накинuty пелерины; на ногах грубые, толстые белые чулки и некрасивые, какого-то старого фасона башмаки» (Блонский, [1941] 1971; 100, 102).

О 1918 году: «Ася встает, проверяет, высохли ли чулки... Эти белые детские чулки. Белые потому, что институтки иных не носили» (Лойко, 1964, 130–131).

ИНСТИТУТЫ благородных девиц – средние учебные заведения закрытого типа для девочек, находившиеся в Ведомстве учреждений императрицы Марии.

Первыми были созданы Институты благородных девиц в Санкт-Петербурге: Смольный институт (1764), Екатерининский (1789), Павловский (1807), Патриотический (1813) и в Москве: Екатерининский (1802), затем в Одессе, Казани, Оренбурге, Киеве, Тифлисе, Иркутске, Астрахани, Керчи, Нижнем Новгороде, Новочеркасске, Тамбове, Саратове. В Институте благородных девиц воспитанницы находились с 6 до 18 лет.

«В институте существовала общая программа (русский язык, география, история, арифметика,

иностранные языки), а также курсы домоводства для менее родовитых учениц и курсы политеса для смольянок из знатных семей. В Смольном было не только дворянское, но и мещанское отделение, куда принимали девочек всех сословий...» (Джурицкий, 2004, 210–211)

Воспитанницы Института благородных девиц получали светское воспитание (начала наук, французский язык, этикет, музыка, танцы). Курс обучения включал 7 основных классов и один педагогический.

К концу XIX века в России насчитывалось 30 институтов благородных девиц, в которых обучалось 7 500 учениц. Институты благородных девиц были упразднены после октября 1917 года.

О 1910–1916 гг.: «В 1901-м родилась моя мама... В гимназии... мама проучилась недолго, после чего отец поместил её в Екатерининский институт благородных девиц... Институт мама ненавидела – решительно всё, начиная от формы, классных дам, муштры, казённой обстановки и многочасовых стояний в церкви, вызывало в ней протест. Эти длинные ежедневные службы девочки выдерживали с трудом и нередко падали в обморок. Уроки Закона Божьего, начинавшиеся батюшкой с проклятий в адрес Толстого, выводили маму из себя, из религиозной девочки, по её словам, она превратилась в настоящую атеистку. Хотя для одной её подружки это был любимый предмет, и когда мама просила её пропустить урок (она была еврейка, и присутствие на уроке было для неё необязательно), чтобы занять очередь в библиотеке, та шла на эту жертву только ради мамы. Другие предметы тоже преподавались скучно и неинтересно. На короткое время в старших ступенях (классах) появился молодой учитель словесности – институтки, естественно, походили с ума, и на уроках словно повеяло свежим ветром; начальство, конечно, не могло с этим примириться, – институт тот же монастырь, так что его быстро изгнали. Единственно, что мама вынесла из института – блестящее знание иностранных языков, в особенности французского, заставляли учить наизусть всего корнелевского “Сида”, и шила как белозвейка, приобретённый навык сохранился на всю жизнь... Кормили скудно и невкусно. Во время прогулок по саду институтки старались подозвать к ограде пробежавших мальчишек и всучить им гривенники, чтобы те купили им калачей. Это было нелегко, так как классные дамы не спускали с них глаз и за подобные проделки строго наказывали. Самое большое счастье, о котором все мечтали, – попасть в лазарет. Когда одна одноклассница болела скарлатиной, остальные норавли даёть ей через окно леденцы, а потом сосали сами в надежде заразиться и хоть такой ценой отдохнуть от осточертевшей рутины» (Баранович–Поливанова, 1999).

О середине 1910-х гг.: «Большая группа учебных заведений, дающая права гос. служащего при любом количестве часов. К ним принадлежали женские институты. Я устроился на пять часов в неделю преподавателем педагогики в Елизаветинском институте. Во главе института стояли начальница и два почетных опекуна – по хозяйственной и по учебной части...» (Блонский, [1941] 1971; 100, 102).

О 1920 году: «В частности, попались мне женщины, воспитывавшиеся в институтах так называемых благородных девиц, и что же: эти благородные, эти бывшие дворянки умели и стирать, и готовить, и шить, и штопать» (Панова, 1980, 68).

ИНСЦЕНИРОВКА – вид художественной самодеятельности учащихся, заключающийся в разыгрывании эпизода из жизни или литературного произведения. «Авторами инсценировок часто являются сами учащиеся» (ПС, 1960–1, 445).

ИНТЕРНАТ – общежитие для учащихся при школе; школа с таким общежитием.

О мальчишке 11–12 лет в Новочеркасске в 1920–1921 гг.: «Помещался интернат на Дворцовой площади в трёх зданиях бывшей Петровской гимназии, и заведовала им сама основательница мадам Петрова – высокая седая женщина, такая важная, что я сперва принял ее за великую княгиню, которую еще дома, в станице, видел

на картинке в журнале “Нива”. Брат сразу ушел в библиотеку; я остался один в большой комнате, раньше служившей рекреационным залом. Разношерстная толпа воспитанников с хохотом играла в чехарду. Некоторые носили мундиры с блестящими гербовыми пуговицами и ругались по-французски. Передо мной остановился плотный... подросток... в синих казацких шароварах и жёлтых сапогах с подковками... “Тя, пацан, что это у тебя?” – громко сказал он мне. “Где?” Он ткнул пальцем в синюю пуговку на моей рубашке. Я с деревенской наивностью нагнул голову посмотреть, что с нею произошло, и тут подросток ловко и больно ухватил меня за нос и дернул книзу. “Во, субчик! Чего кланяешься?”... Весь интернат... увлеклся айданами, и среди ребят они расценивались наравне с деньгами и порциями хлеба. Старший брат мой... учился в восьмом классе и был выбран членом хозяйственной комиссии. В дни дежурств на кухне он поджигался то косточкой, обильно выложенной мясом, то тарелкой шей “для пробы”, то “довеском” хлеба в добрых полфунта и поэтому отдавал мне свой паек... Стояло жаркое лето 1921 года. Только год назад Красная Армия освободила... Новочеркасск от белогвардейцев, а уже молодая Советская республика подобрала в интернаты всех нас – бездомных детей и сирот – одела во что могла, отдавала лучший кусок из своих скудных запасов... В комнате стояло десятка полтора железных коек с торчащими из-под матрацев досками разной величины, на которых мы казнили клопов. Однажды ненастным осенним вечером ребята стали рассказывать сказки. Когда очередь дошла до меня, я передал содержание брошюры о Нике Картере – короле американских сыщиков. “И про все это написано в книжке? – не поверили хозкомовцы. – А нам в школе какую-то бузу подсовывают, как мальчик сливу украл, и за это его бог косточкой поперхнул. Да ты не заливаешь...? Ну и молодец: такой шкет, а все заучил – трепещет, как на граммофоне. Знаешь еще?” “Спрашиваете! – расхвастался я. – Только у меня в животе бурчит”... “...Чего ж ты не сказал раньше?” – расхохотались хозкомовцы. Сундучки их раскрылись, и, как по колдовству, в подол моей рубашки поплыли галеты, мослы, обложенные янтарным жилистым мясом, розовые плитки вареного рафинада. Хозкомовцы имели самые тяжелые кулаки в интернате, и во время дежурства в столовой, на кухне им дозволялось забирать себе “довески”. Мы с братом устроили банкет, вся палата подкрепила свои силы, и я стал пересказывать новый роман: “...и вот пробил полночь, а дождик хлещет, я те дам! Она подошла к упокойнику-лорду и зарыдала слезами. Ладно. Вдруг из бархатной занавески выглянула Красная Маска с ножиком, но тут же загремел голос: “Ошибся, убиец! Здесь ее спаситель!” Блеснула молния – ух ты! – и они увидели, что это в гробу совсем не упокойник, а переодетый сыщик с маузером. Ладно. Тогда тот как прыгнет ему на грудь, а этот как даст ему под скуло, они обое упали на пол, и тут она стала помогать, и ему надели железные нарукавники...” От страха у меня временами прерывался голос, и я мог только жестикулировать. Под утро я совсем охрип...» (Авдеев, 1960).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Школьные интернаты получили широкое распространение в сельской местности, где школы часто расположены далеко от дома учащихся. Они содержатся за счёт государства и частично – за счёт совхоза, колхоза, родителей учеников. Заведование шк. интернатом возложено на директора школы, при которой интернат создан. Воспитатели шк. интерната являются членами пед. коллектива школы, входят в состав пед. совета... В интернатах широко развито детское самоуправление» (Денисова, 1978, 119).

О 1970-х – нач. 1980-х гг.: «Интернат – это такая школа, где ребята не только учатся, но и где они постоянно живут. Здесь есть свои спальни, комнаты для приготовления уроков, пионерской работы и игр, столовая, зал для концертов кино и спорта. Не говоря уже о классах и учебных кабинетах» (Юрмин, 1983, 24).

О 1980-х гг.: «Здесь уже говорилось о случаях унижения, оскорбления, издевательства учителей над

детьми, о побоях в школах, и особенно в интернатах. В интернаты, бывает, уходят педагоги, колторые не справляются в обычных школах. Потому что в школах родители жалуются, а в сиротских учреждениях дети не жалуются» (Детство, 1989, 21).

ИНТЕРНЕТ – «(англ. Internet, от лат. inter – между и англ. net – сеть, паутина), всемирная ассоциация компьютерных сетей, интегрированная сетевая паутина, состоящая из различных физически неоднородных коммуникационных сетей, объединённых в единую логическую архитектуру. Интернет объединяет множество серверов, на которых находится огромный объём информации по разнообразным темам. Информация на серверах организована для доступа пользователей различными способами... Для пересылки сообщений по сети интернет используется электронная почта. Каждый её пользователь должен иметь адрес электронной почты, который однозначно определяет адресата. Посланная информация (файл или сообщение) попадает в почтовый ящик в любой точке сети за считанные минуты... Среди типов доступа в И. различают On-line доступ, который позволяет использовать сеть в режиме реального времени, и Off-line доступ, когда задание для сети готовится заранее, а при соединении происходит лишь передача или приём подготовленных данных...» (ПЭС, 2003, 108).

ИНФОРМАТИКА – учебный предмет, введенный в школах с 1985 года.

«С 1 сентября... [1985 года] программа среднего образования пополняется предметом “Основы информатики и вычислительной техники”» (Огонёк, 1985, 1–8 июня; Цит. по: Огонёк, 2005, 20–26 июня; рубрика «О чём писал “Огонёк”»).

О 1998–1999 гг. в Шадринске: «Самым ужасным предметом для меня была информатика. Как же я намучилась: я не любила учителя, я не понимала, что она говорит, и не знала, что делать с компьютером. Перед нами стояла задача – к концу одиннадцатого класса составить свою собственную программу по проверке знаний учащихся. Домой я приходила в истерике, я ругалась, швыряла вещи, ревела. Учителю говорила, что не буду я больше ходить на информатику, пусть мне в аттестат ставят прочерк. В десятом классе за год по информатике у меня вышла тройка. Но в одиннадцатом, после долгих разговоров с учителем, я собралась с силами и сделала эту злосчастную программу. За год у меня вышла четверка» (536).

О Катайске в 2001–2002 гг.: «Информатика проводилась в компьютерном классе два раза в неделю. Каждый из нас работал за персональным компьютером. Работу контролировал, давал задание учитель информатики – “информатичка”. Информатика велась у нас в 10–11 классах» (018).

О с. Красная звезда Шадринского р-на в 1999–2003 гг.: «Информатика – школьный предмет, изучавшийся с 8 по 11 класс» (011).

КАНАТЬСЯ, конаться – участвовать в жеребьевке перед началом игры, чтобы определить, кому первому «водить» в игре – перехватывать поочередно палку руками от одного конца до другого.

О конце XIX века: «Меряться на палах, канаться (Олонец[кая] губерния, Самарск[ая] г[уберния]). Способ этот употребляется большею частью тогда, когда приходится выбирать одного из немногих или решать: какой партии начинать игру, причем меряются на палах представители той и другой стороны. Простой прием для этого мерянья состоит в следующем: берется палка, приблизительно около аршина длины, если играющих не более 2–3 человек, или несколько длиннее, если их побольше; затем один из играющих берет правую рукою за нижний конец палки, – непосредственно за ним выше берет палку другой, рядом с ним третий, потом четвертый и т. д. После того нижний из играющих, взявший палку раньше всех снизу, переносит свою руку выше руки верхнего, взявшегося за палку после других; за ним переносят свои руки остальные до тех пор, пока наконец вся палка окажется вымеренною, и чья рука захватит верхний конец палки, на того и выпадает

жребий. Но иногда при этом возникает недоразумение, состоящее в том, что при решении жребия в благоприятную сторону очередной меряльщик старается захватить палку хотя бы и не полной рукой; наоборот в виду неблагоприятного решения, тот, кому предстоит получить его, не редко отказывается последним захватить за верхушку палки под тем предлогом, что нельзя взяться за нее полной рукой. Для решения таких случаев существует условие: тот, кому достанется хоть маленький остаток верхушки палки, во всяком случае должен хоть частью ладони захватить этот остаток и затем попытаться обвести палку кругом своей головы и плеч. Если он может это сделать, то жребий остается за ним; если нет, то за тем, кто брался под ним, или же жеребьевка начинается снова. Иногда кананье (в Олон[ецкой] губернии) делается с крышкой таким образом: когда один из игроков ухватит верхний конец палки, следующий за ним закрывает конец палки ладонью, а тот, кому следовало бы за ним брать, обзывается водить» (Покровский, 1895, 61).

«КАНДАЛЫ» – детская подвижная игра.

О конце XIX века: «Кандалы. Участвующие в этой игре становятся в два ряда, каждый лицом к противоположному, на расстоянии нескольких саженей один от другого. “Кандалы!” – кричит кто-нибудь из одного ряда. “Скован!” – отвечает кто-нибудь из другого. “Раскуй!” “На кого?” “На друга твоего!” “На какого?” “На Серегу!” (например). Серега тотчас же после того бежит из своего ряда в противоположный, преследуемый пинками от своих бывших товарищей и беспрепятственно становится среди новых. После того из другого ряда кричат также (“Кандалы!”) и пр. Сущность игры, очевидно, состоит в обмене мест и развитии скорости в беге» (Покровский, 1895, 138–139). По нашему мнению, смысл и технология игры описаны неверно.

О 1980-х гг.: «Большой популярностью пользуется игра “Кандалы” (“Цепи кованые”, “Конница”), но она утратила некоторые черты, характерные для неё в первой половине XIX века, когда она была одновременно мужской и детской игрой. В наши дни дети, произвольно разделившись на две партии, берутся за руки и становятся одна шеренга лицом к другой. Диалог: “Цепи”. “Кованые”. “Разбейте (раскуйте) нас”. “Кем из нас (кого)?” “Колей (Колу)”. Названный бежит, стараясь разорвать противоположную цепь. Разорвал – забирает одного из игроков противоположной партии» (Мельников, 1987, 114).

О Шадринске в 1992–1994 гг.: «В 1992 г., когда мне было 5 лет, летом я играл в разные игры: прятки, вышибалы, чижика... Также любили играть в кандалы – это встаешь в ряд, берешься за руки, и другой разбивает... И в эти игры играли примерно до 7 лет» (058).

См.: «Кандалы».

КАНИКУЛЫ – установленный перерыв в занятиях в учебных заведениях в течение учебного года.

О Харьковском институте благородных девиц в 1915–1917 гг.: «Волнующими и радостными были разъезды на каникулы. ...Тосклива и однообразна была бы наша затворническая жизнь в институте, если бы не было этих просветов, этих выходов в мир родных, близких, друзей – на свободу. Нас отпускали под Рождество до 8 января. Эти каникулы совпадали с праздниками: Рождество, Новый год, Крещение. Затем были пасхальные каникулы и, наконец, лето» (Морозова, [1994] 2001, 401). См. также: *Рождественские каникулы*.

В 1958 году в СССР каникулы были «установлены в следующие сроки: осенние – 5 дней (с 5 по 9 ноября), зимние – 12 дней (с 30 декабря по 10 января), весенние – 8 дней (в городских – с 24 по 31 марта, в сельских – по усмотрению местных орг-ций). Летние каникулы продолжают со дня окончания учебного года по 1 сентября» (ПС, 1960–1, 495).

В 1970-е–1980-е гг. в нашей стране школьные каникулы были четыре раза в год: с 5 по 9 ноября (осенние), с 30 декабря по 10 января (зимние), с 24 по 31

марта (весенние) и самые длинные – летние каникулы, с момента окончания учебного года по 31 августа.

О первой половине 1970-х гг.: «Школа, внешкольные учреждения, пионерская и комсомольская орг-ция уделяют большое внимание орг-ции отдыха школьников во время каникул. Часто устраиваются экскурсии, поездки по городам страны, походы по местам боевой и трудовой славы нашего народа, туристические походы и пр. Зимние каникулы школьников совпадают с празднованием Нового года. Для детей устраиваются праздники Новогодней ёлки, для старшеклассников – молодёжные балы. Часто школьники уезжают на зимние каникулы в пионерские и спортивные лагеря. Летние каникулы большинство детей пионерского возраста проводит в пионерских лагерях. Для старших школьников организуются лагеря труда и отдыха» (Денисова, 1978, 120–121).

О 1990-х – начале 2000-х гг.: «В Российской Федерации в дневных общеобразовательных школах традиционно проводятся каникулы осенние (5 дней; начало ноября), зимние (12 дней; конец декабря – начало января), весенние (7 дней; конец марта), летние (в соответствии со ступенью обучения от 2,5 до 3 месяцев: от окончания занятий до 1 сентября)» (ПЭС, 2003, 113).

КАНТОНИСТ – солдатский сын, прикрепленный со дня рождения к военному ведомству и подготовлявшийся к несению солдатской службы в особой низшей воен. школе (в России перв. пол. XIX в.).

«Начало сословию кантонистов было положено еще Петром I учреждением в 1721 году гарнизонных школ при каждом полку на 50 человек солдатских детей для обучения их грамоте и мастерству. При Николае I число этих школ и их воспитанников постоянно увеличивалось. Появились спец. кантонистские школы: аудиторская, артиллерийская, инженерная, военно-медицинская, школа топографии и т. д. При Александре II началось постепенное упразднение кантонистских школ» (Степанов, 2003, 425).

О 1890–1910-х гг. в Петербурге: «Интересным явлением были кантонисты (с самого рождения принадлежавшие военному ведомству) при Измайловском полку. Набирались они в 5–6-летнем возрасте из сирот или незаконнорожденных, а иногда и от бедных родителей. Они поступали на казенное содержание, их одевали в форму того полка, в котором они воспитывались... Их обучали грамоте в пределах городской начальной школы, игре на духовых инструментах и пению. По окончании учения они отбывали военную службу в этом же полку... Харчи у кантонистов были общесолдатские. Содержали их очень строго, главными воспитателями и наставниками их были сверхсрочные военнослужащие, фельдфебели и унтеры под наблюдением офицеров. Провинившихся пороли, ведь это были дети “черной кости”... По большим праздникам родственникам кантонистов разрешалось их навещать. Смотришь, во дворике на скамейке сидит женщина рядом с маленьким солдатиком, оба вздыхают, иногда плачут... Свидание скоро прекращается, окрик унтера заставляет... поспешно разойтись... Кантонисты были наследием режима Николая I, который хотел всю Россию сделать казармой. В наше время это учреждение казалося пережитком...» (Засосов, Пызин, [1976] 2003, 237–238).

О 1910-х гг.: «Колька и Александр – музыканты. На корнетах играют. Пять лет учились в кантонистах. Но Колька музыку бросил, служит в банке курьером, а Александр продолжает заниматься и играет в военном оркестре» (Белых, [1930] 1965, 10).

См. также: *Кантонистские школы*.

КАНТОНИСТСКИЕ ШКОЛЫ – учебные заведения для детей военных поселян. Обучение продолжалось с 7 до 18 лет.

«Имели своей целью подготовку хорошо обученных и верных престолу солдат. Возникли в России в 1805 году в результате реорг-ции гарнизонных школ, основанных Петром I. Подчинялись военному ведомству. В школах учение продолжалось с 7 до 18 лет. Кроме грамоты, обучали мастерствам и элементам военной науки.

Существовали инженерные, топографические, артиллерийские и другие кантонистские школы. Режим в них отличался исключительной суровостью, преобладала военная муштра. Окончившие школу зачислялись в солдаты на общих основаниях. С 1856 года кантонистские школы были превращены в начальные военные училища» (ПС, 1960–1, 498).

См. также: *Кантонист*.

КАПИТАН Врунгель – персонаж книги А.С. Некрасова *«Приключения капитана Врунгеля»*.

«КАПИТАНКА» – название мальчишеской курточки.

Об Украине 1910-х гг.: «...Рядом сидели совсем маленькие мальчики в вязаных капорах и мордастые оболтусы в капитанках» (Ямпольский, 1964, 312).

О мальчике 4–5 лет в Москве 1938 года: «Мама купила мне зимнее пальто, в котором я потом уехал в эвакуацию, очередную курточку-“капитанку”, сшила бархатные костюмчики, раздала долги...» (Воронцов, 1998, 137).

«КАПИТАНСКАЯ дочка» – повесть А.С. Пушкина.

С 1940-х гг. изучалась в школе (7 кл.).

«КАПЕЛЬКИ» – *серёжки* особой формы и конструкции.

О середине 1990-х гг.: «Уже в 4–5 классах я носила серёжки, которые девочки называли “капельками”. Это такие серёжки в виде гвоздик, чтобы закрепить их, “застегнуть”, – сзади металлическая клёпка, она служит замком» (064).

«КАПЛИ датского короля» – «грудной эликсир», рецепт которого пришел в Россию в конце XIX века из Германии. «Капли датского короля» включают в себя нашатырно-анисовые капли и слизистый отвар из корней солодки.

И.Л. Толстой (1866 г. р.) о начале 1870-х гг.: «Когда я кашляю, [мама] даёт мне лакрицу или капли “Датского короля”, и я поэтому очень люблю кашлять... И я ни за что не засну, пока она не прибежит и пока не накапает в рюмку ровно десять капель и не даст их мне» (Толстой, 1969, 39).

[Автор 1929 г.р. о 1930-х гг.?:] «Капли датского короля [заголовок]. Спасибо датскому королю, / Я очень капли его люблю! / (Их эликсиром теперь зовут. / Но в детстве все их, как прежде, вьют!) / Они сластят и снимают боль. / Бывало, мама мне их даёт / По десять капель...» (Граубин, 1985, 155).

КАПОР (у девочек) – детский головной убор, надеваемый обычной в холодное время, с лентами или тесемками, завязываемыми под подбородком.

Ношение капора в 1890-е – 1910-е гг.

О нач. 1890-х гг.: «Матушка приняла у кучера спящую девочку, сняла с нее меховой капор, – из-под него сейчас же рассыпались светлые, золотистые волосы, – и поцеловала её» (Толстой, [1919–1922] 1984, 28).

О начале XX века: «Зимой... девочки носили суконные или бархатные капоры, отделанные мехом, или меховые и к ним отделанные мехом бархатные и суконные муфточки на ленточке или шнурке» (Ривош, 1990, 184).

Об одежде девочки конца XIX – начала XX вв.: «К этой одежде [шубке] прекрасно подходит капор на девочку 5 лет из зеленой тафты, поля которого отделаны мелкими сборочками, образованными продетыми внутрь шнурочками; завязки и оборка сзади сшиты из тафтяных лент того же цвета» (Алёшина, 1995, 21).

О событиях 1903 года в Москве: «По субботам, около пяти вечера, Ксенька и Аришка всегда встречали остроносую девочку в капоре и в синей бархатной шубке. Это была дочь военного доктора Матвеева с Большой Пресни... Подруги называли девочку в капоре “докторская” или “дылда”... Возле часовни мученика Пантелеймона девочка в капоре остановилась. Она пошарила в карманах шубки и сказала: Трофим, дай гривенник!» (Бродская, Голубева, 1938, 7–8).

Из повести о Москве 1911 года: «Соня подняла воротник пальто и потуже завязала капор. Капор у нее был темный, простенький – мама сама сшила его... У стены, недалеко от алтаря, молилась барыня... Около

неё стояли две девочки в бархатных капорах с лентами» (Воронкова, 1959–а; 123, 209).

О десятилетней девочке в 1918 году: «Лишь пробежав палисадник, стукнув калиткой, Ася догадалась застегнуть пальто. Пальцы возились с тесёмками капора» (Лойко, 1964, 3).

Ношение капора в 1940-е – 1950-е гг.

О Ленинграде 1942 года: «В самом деле, одетая в тёплую кофточку и капор, [годоваля] Леночка сидела у [12-летней] Киры на коленях... “Вы лучше напишите про Киру из седьмого номера. Она взяла маленькую девочку и купает её, и гуляет с ней, и кашу ей варит. Даже платье сама ей сшила и капор”» (Карасёва, 1960; 17, 55).

О детях 5–6 лет в Ленинграде в середине 1940-х гг.: «А впереди бежали, взявшись за руки, вприпрыжку, две одинаковые девочки: и шубки у них были одинаковые, меховые, и капоры, и даже косички с ленточками... Девочка ничего не ответила. Она всё так и стояла, в шубке, в вязаном капоре, в ботиках, в варежках, и даже не думала раздеваться... Вдруг к девочке-кукле подбежали две другие девочки в голубых халатиках и стали её тормошить. Одна растёгивала ей шубку, другая снимала с неё капор» (Гринберг, 1949; 26, 27).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «В капоре, в шубке, румяная от мороза, Оля появилась в дверях» (Матвеев, [1947–1954] 1956, 185).

О начале 1950-х гг.: «...Он вёл за руку девочку лет пяти в красном капоре, то и дело сползавшем ей на затылок» (Георгиевская, 1954, 9).

О второй половине 1950-х.: «Это сказала маленькая девочка в широком, как колокол, пальто и в остроконечном капоре» (Ефетов, 1963, 82).

О дер. Павелево в 1995–1997 гг.: «Капор – это головной убор, похожий на кашпоном, с плотностью шарфа; в нашем классе и по школе в целом многие девчонки его носили. Они были разных расцветок: сиреневые, голубые, красные, зеленые. Мне тоже хотелось как бы не отставать от моды, но мама говорила, что их и так вся деревня носит, она любила иметь вещь, которая есть не у всех... И сама мне связала, подобно капору, но было лучше – из кроличьего пуха (был свой), а шейка (как короткий шарфик) – из цветных, шерстяных ниток. Я в нём проходила долго (с 5 по 7 класс), пока не выросла из него. Я любила его надевать – удобно, тепло и такой только у меня» (110).

О 1998–1999 гг. в селе Красная Звезда Шадринского района: «Капор – головной убор, тёплый; можно носить осенью и весной. Одевался через голову. Капор имел фасон по типу шапки-ляльки, закрывал еще и шею. В фаворе были капоры голубого и сиреневого цвета. Носили мы капоры в классе 7–8» (011).

КАПОР (у мальчиков) – детский головной убор, надеваемый обычной в холодное время, с тесемками, завязываемыми под подбородком.

Об Украине 1910-х гг.: «Здесь не было строгого разграничения на классы, рядом сидели совсем маленькие мальчики в вязаных капорах и мордастые оболтусы в капитанках» (Ямпольский, 1964, 312).

Кинорежиссер и сценарист Леонид Моисеевич Бердичевский (1945 г.р.) вспоминает о начале 1950-х гг.: «Когда мне было лет пять или шесть, я гулял с «группой» детей в Ильинском саду, в Москве... Была зима. Я носил белую шубку и коричневый меховой капор» (Бердичевский).

КАПОТ – «Домашнее женское платье свободного покроя» (Словарь, 1956–5, 786).

О перв. пол. 1860-х гг.: «Мне шесть лет... Сестре Лиде пять... Няня одела нам темные капотики и белые передники... В детстве мы ходили в особенных платьях: капотиках на кокетках и в белых передниках. Капотики были очень короткие и пышные, а из-под них выглядывали длинные-предлинные, до самых ног, панталоны с оборками и кружевами...» (Лукашевич, [1918] 1994, 9–10).

КАПУСТА – «Огородное растение сем. крестоцветных, листья которого употребляются в пищу в свежем и квашеном виде» (Словарь, 1956–5, 793).

В капусте нашли (версия родителей, объясняющая ребёнку, как тот появился на свет).

О нач. XX в.: «Если не мать, – пишет Л.М. Василевский, – то старая няня или соседка клятвенно уверяют малыша, что нового братца или сестрицу принес “аист в клюве”, или “послал боженька”, или младенца нашли “под капустным листом в огороде”. А то и прямо “купили на базаре”» (Василевский, 1924, 29).

О селе в Ташкентской обл. в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Когда я была маленькой, меня интересовал вопрос: “Откуда я появилась?” Мама уверяла меня, что меня нашли в капусте. Я часто бегала на огород, рассматривала капусту, но никого там не видела» (485).

Поедание капусты способствует росту груди у девочек-подростков (поверье).

Ср.: *Аист, Аист принёс.*

О г. Ульяновске в перв. пол. 1970-х гг.: «Говорили, что кто много ест свежей капусты, у того растут груди» (587).

О г. Шадринске в 1996 г.: «Грудь начали расти у меня в 9 классе. Хотя почти у всех моих одноклассниц были довольно большие. Они ходили все важные и гордые и говорили мне: “Ешь больше капусты!”. Я старалась на самом деле есть побольше капусты, хотя и ненавидела её. Когда у меня начали расти груди, они очень сильно болели. Я не могла даже спать на животе. Потом постепенно стали опухать соски и... Они начали увеличиваться! Моей радости не было предела: я буду такая же, как все. Думала, что капуста помогла» (1000).

«КАПУСТА» – существовавшая, по-видимому, в 1920-е годы детская игра.

Из книги 1930 г.: «...Дети сами составляют считалочки для разных игр (в прятки, в горелки, в лошадки, в жмурки, в коршуны, в бабки, в зорю-зоряницу, в капусту, в городки, в классы, в кошки-мышки, в лебеди и т. д.)... [Словесный компонент игры находит себе воплощение] в описании какой-нибудь захватившей детвору игры (как играют в прятки, в горелки, в жмурки, в коршуны, в бабки, в зорю-зоряницу, в капусту, в городки, в классы, в гуси-лебеди и т. д.)...» (Бархин, 1930, 243–244).

КАПУСТНИК – «Вечеринка у актёров или студентов с самостоятельными номерами шутивно-пародийного характера» (Словарь, 1956–5, 793–794).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Словом, Митьку – весёлого, компанейского парня-заводило – любила вся наша школа. И вот, когда осенью прошлого года было у нас школьное отчетно-выборное комсомольское собрание, мы выбрали Дмитрия Сигаило в комитет. Стал наш Митька секретарем... Митькина одноклассница... начала сбивчиво рассказывать: “Мы решили устроить вечер отдыха... Вот! Нам нужен плясун, свистун и конферансье. Потом в капустнике главную роль сыграть надо...”... Неожиданно к Митьке побежала Милка Ахинеева, наш культмассовый сектор. Она молча схватила секретаря за руку и... затараторила: “Капустник горит! Понимаешь?! Колька Семечкин в футбол играл и пятку себе отбил. А он у нас в капустнике главную роль играет. Помнишь, там стилига такой буги-вуги танцует? Без капустника, сам понимаешь, концерт провалится...” Митька её почти не слушал. “Представляю, думал он в это время, – только я начинаю выступать, приходит секретарь горкома... Скандал! Секретарь комитета комсомола играет в капустнике! И кого? Стилигу! Кошмаррр!...”» (Никитин, 1959, 118–119).

О Москве конца 1960-х – нач. 1970-х гг.: «“Ну вас, – машет рукой Полина Васильевна. – Девятый “А” поет, а с вами каша не сварилась”. “Девятый “А” поет?” – встрепенулась Моргунова. – Да там ипеть-то никто не умеет! Этот девятый “А” вообще”. “Ничего не “вообще”, – отвечает Полина Васильевна. – Они и “капустник” готовят давно, а вы только собираетесь. То у вас комсорг болеет, то еще какие-то причины...”» (Матвеева, 1977, 136–137).

О Москве 1970-х гг.: «Выпускной бал... Первым номером шло торжественное вручение аттестатов зрелости. Процедура эта, конечно, была “торжественной частью” – нудной, как всё обязательное. Кто ж не знает,

что следует за этим. Правильно – концерт самостоятельности. В хороших школах это был не концерт, а капустник. Вот когда можно было шаржировать еще недавно неприкасаемых учителей. И даже завуча, – директора чаще всего не трогали. Ведь капустник – это праздник освобождения, это день карнавала, когда шут становится королем, – спросите у актеров. Но вот все нарадовались и насмеялись, и пора к столу. Здесь тоже все необычно и перевернуто, и можно впервые запросто чокнуться с самим директором...» (Климонтович, 2004, 8).

«КАРАВАЙ катать» – развлечение девочек подросткового возраста, существовавшее на Европейском Севере России в первой трети XX века. «Так обычно развлекались на средних (“середовых”) вечерах 13–16-летние девочки до прихода парней: наклонившись и перекрестив руки, захватывали большие пальцы ног, а затем катались по полу кубарем. Это называлось “катать каравай”...» (Морозов, Слепцова, 2004, 789).

«КАРАВАЙ» – шуточная народная песня-игра, исполняемая главным образом на днях рождения у детей.

См. о 1910-х гг.: «Начались игры. Марийка всё ещё сидела в углу за пальмой. Она смотрела, как девочки и мальчики, взявшись за руки, топчутся в хороводе и поют: “Как у Ванды на именинах / Испекли мы каравай / Вот такой широты. / Вот такой высоты... / Каравай, каравай, / Кого любишь, выбирай!” Ванда стояла посреди хоровода и думала, кого бы ей выбрать. Вдруг она увидела, что Марийка сидит за пальмой и от нечего делать шиплет волосатый ствол. “Я выбираю Марийку, – сказала Ванда. Она привела Марийку за руку и поставила на своё место. Хоровод завертелся вокруг Марийки. “...Ка-равай, каравай, / Кого любишь, выбирай!” – пели дети. Марийка выбрала крохотную двухлетнюю девочку, которая с трудом попевала за хороводом на своих кривых ножках. “Не хочу больше играть в каравай! – вдруг закричала Ляля, выходя из круга. – Это игра для малышей. Давайте лучше играть в фанты!” (Бродская, [1938] 1957, 59–60).

Академик В.Н. Топоров вспоминает о своем московском детстве 1930-х гг.: «И последний пример, относящийся к очень распространенной ... детской игре “в каравай”. Дети берутся за руки, образуя замкнутый круг; в середине его сидит на корточках, опустив голову и закрыв глаза, мальчик; хоровод начинает двигаться “посолонь” с песней: “Как на Яшине именины испекли мы каравай, вот такой вышины, вот такой нижины, вот такой ширины, вот такой ужины (при этом на минуту останавливаются и движением рук показывают размеры каравая)... Каравай, каравай, кого хочешь выбирай! Чок-чок, пятючок, вставай, Яша-дурачок, где твоя невеста, в чём она одета, как её зовут?” (позже появился вариант: “и откуда привезут?”). Яша поднимался, открывал глаза и к общему веселью, выбирал себе невесту. Я Готов был играть в эту игру в качестве участника хоровода, но быть Яшей (кажется, кроме одного-двух случаев) решительно отказывался...» (Топоров, 1997–2, 9).

О 1940-х гг.: «На зелёной лужайке среди улицы маленькие ребята играли в “каравай”. Тут был и Ваня Берёзкин, и Дёмушка – Алёнкин брат, и Катя Перепёлкина, и Костя Беляк... С ними была и пионерка Ариша Родионова; она учила ребятшек петь: “Каравай, каравай, / Кого любишь, выбирай!” Пионеры часто устраивали всякие игры с маленькими ребятами. Ариша увидела Таню и позвала её: “Таня, иди с нами в “каравай” играть!» (Воронкова, [1948] 1959, 11–12).

О детях 6–7 лет в Ленинграде в 1975 году (запись А.Н. Мартыновой): «В центре круга, образованного играющими, – мальчик (или девочка); двигаясь вокруг него (или неё), хоровод поёт... “Как на Колины именины / Испекли мы каравай: / Вот такой ширины, / Вот такой ужины, / Вот такой вышины, / Вот такой нижины! / “Каравай, каравай, / Кого хочешь выбирай!” / “Я люблю вас всех, / А вот эту больше всех”... Когда поют “Вот такой ширины”, круг расширяется до предела, при упоминании “ужины” круг сжимается, дети плотно окружают стоящего в центре. При словах “вышины” и “нижины” руки играющих поднимаются или опускаются. Когда поются последние стихи, стоящий в центре

хоровода выбирает кого-либо из товарищей, и тот становится в круг вместо него. Всё начинается сначала» (ДПФ, 1997, 539, 369).

«КАРАВЕЛЛА» – детский внешкольный разновозрастный отряд, в котором ребята занимались журналистикой, парусным делом, спорт. фехтованием и съемками фильмов. Создан в 1961 году 23-летним Владиславом *Крапивиным*. Название «Каравелла» отряд получил в 1968 г. По предложению зам. глав. редактора журнала «Пионер» Владимира Матвеева, каравелловцы стали коллективным корреспондентом журнала на Урале. Им выдали спец. удостоверения, флаг и объявили особым пионерским отрядом. Это вызвало шквал негодования во всех гор. и обл. органах, как педагог., так и комсомольских. С этих пор хлопот у ребят прибавилось. С одной стороны, одолевала масса важных дел: надо было снимать кино, писать материалы для журнала, заниматься спорт. фехтованием, строить парусники, участвовать в походах и соревнованиях. С другой, приходилось постоянно отстаивать свою независимость. В. Крапивин возглавлял отряд до начала 1990-х гг.

Из статьи 2002 г.: «...Детский отряд “Каравелла” существует и в настоящее время. Десятки юных екатеринбуржцев – питомцев отряда – продолжают постигать здесь основы журналистики, морского дела и фехтования» (ВК, 2002, 8).

КАРАМЕЛЬ, карамелька – род *конфет*, леденцы из сахара и патоки с примесью красящих и ароматических веществ.

О 1950-х гг.: «На лавочке... часто сидели торговцы с ручными лотками, наверное, частники. А торговали они карамельками на палочках: красными, желтыми, зелеными петушками, уточками, зайцами, рыбами. Этой же сладкой массой обливались небольшие, ещё кислые яблоки. Яблоко обсосешь и выбросишь, а петушок надолго» (Казарма, 2000).

О конце 1950-х гг.: «“На, Тимка, – Костик разжал потную руку. Карамельки прилепились к его ладошке. – Одну тебе, одну мне”. Посасывая кислую стеклянную карамельку, Тимка как-то загадочно посмотрел на брата» (Банькин, [1961] 1969, 147).

Ср.: «Радий»; «Барбарис»; Тянушка; Шоколад.

КАРАНДАШ – «Тонкая палочка графита или сухой краски и т. п., обычно вделанная в деревянную оболочку; употребляется для письма, черчения и рисования» (Словарь, 1956–5, 802).

Карандаш как школьная письменная принадлежность.

Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сент. 1935 г.: «Особенно неудовлетворительны по качеству ученич. тетради, карандаши... Карандаши изготавливаются из недоброкачественной древесины и плохого графита, ломающегося при очинке» (НО, 1974, 519).

О 1950-х гг.: «Людочка решительно прошествовала к первой парте... и стала по-хозяйски располагаться на ней. Ах, как все было аккуратно! Карандашик, хотя и исписан почти наполовину, блестел будто новенький, ручка – точно только-только из магазина... Если б положить рядом мой обгрызенный карандаш и самодельную ручку-палочку с примотанным ниточкой пером, то, наверное, эта чистюля презрительно хмыкнула бы. Была и у меня ручка хорошая, но я её где-то посеял» (Акулинин, 1985, 140).

Красный карандаш – карандаш, оставляющий линию красного цвета; в 1940-е – 1950-е использовался для исправления ошибок в работах учащихся и выставления отметок в тетрадях.

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «На моём столе стопка принесённых тетрадей. В моей руке красный карандаш, но когда я раскрываю первую тетрадь с классным сочинением, я кладу карандаш на стол... Конечно, и при первом чтении рука невольно потянется к карандашу, чтобы как-то отметить или вопиющую нелепость, или ошибку...» (Литвинов, 1951, 265).

КАРАНТИН – система мероприятий в детских учреждениях по предупреждению инфекционных заболеваний.

Карантин заключается в проведении обеззараживания тех помещений, где находился больной, его одежды, постельного белья, посуды, игрушек и инвентаря и в том, что дети, соприкасавшиеся с больным ребенком, не допускаются в детское учреждение. «Срок карантина зависит от заболевания (для скарлатины – 12 дней, свинки – 21 день и т. д.)... На время карантина приём новых детей в детское учреждение, а также проведение в нём массовых и культурных мероприятий запрещается» (ПС, 1960–1, 500–501).

КАРБИД – «*Спец.* Соединение металла с углеродом» (Словарь, 1956–5, 810). В детской «культуре озорства» под названием «карбид» фигурирует обычно карбид кальция. При его соединении с водой образуется бесцветный газ ацетилен.

О 1953–1954 гг. в мужской школе: «Почудить – это было одно из самых любимых занятий Параманова. Он приносил в класс кусочки карбида и клал их в чернильницы. Чернила пенились, и по классу шел тяжелый запах ацетилена. Потом он любил во время уроков незаметно привязывать ребят за ремешок к партам» (Дик, 1956, 101).

О мальчике 9–10 лет в пос. Свердловской обл. во вт. пол. 1950-х гг.: «И наконец, получил настоящее ранение я – мы баловались карбидом – сейчас эти серые камушки редко применяются, а тогда ацетилен в баллонах был большой редкостью, бутылка взорвалась, парню, который держал ее в руке, – ничего, а мне пробило щеку, так что потом пришлось накладывать швы, и шрам от того ранения я ношу всю жизнь...» (Чуманов, 2002).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «...Мы всегда готовы были устроить “ашкам” [ученикам 8 “А” класса] пакость. Подсыпать карбиду в чернильницы» (Зелеранский, 1961, 16–17).

О середине 1960-х гг.: «Но Феликс был... главным нашим изобретателем. Карбидные гранаты, трубки, из которых можно было стрелять бузиной..., воздушный змей... – всё это было его рук дело» (Туинов, 1985, 4).

О конце 1960-х гг.: «“Ты просто сбежал, – сказал Венька. – А Мишка со своим Савельевым вытворают что хотят. Насыпали карбида Анне Петровне в чернильницу, вот. Она плакала...”» (Драбкина, 1975, 103).

КАРЕТА – «Закрытый со всех сторон четырёхколёсный конный экипаж на рессорах» (Словарь, 1956–5, 815).

Карета как предмет детских вызываний.

О Шадринске в 1993–1994 гг.: «Вызывание чёрной и белой кареты. Вызывали, когда мне было примерно 8–9 лет. Брли 2 стула, поворачивали их стенками друг к другу и натягивали черную и белую нитку. Всю эту конструкцию помещали в ванную, выключали свет, запирали двери. А затем сидели и ждали, когда поедут кареты. считали, что кареты, выехав с противоположных сторон ниток, встретятся в центре. За всем этим нужно было внимательно следить, и когда кареты доедут до центра, нужно было загадать желание, которое обязательно сбудется» (103).

КАРКУША – кукольная ворона, персонаж телепередачи «Спокойной ночи, малыши!».

О Шадринске во перв. пол. 1990-х гг.: «Когда я была маленькая – до 1996 года, пока не пошла в школу, – я очень любила смотреть телепередачу “Спокойной ночи, малыши”. Она шла каждый день, и я не могла лечь спать, не посмотрев её. Мой любимый герой этой передачи была Каркуша. Она казалась мне самой умненькой и очень красивой, модной птичкой» (050).

«КАРЛИКИ-ВЕЛИКАНЫ» – детская игра.

О перв. пол. 1990-х гг.: «“Карлики-великаны”. Участник становится в круг, его раскручивают, затем останавливают, он должен сказать, за сколько плевков (маленьких, больших – например, “за шесть маленьких, три больших”) дойдет до ведущего. Сделав это, участник игры должен поймать ведущего, в противном случае, он опять становится участником» (559).

КАРЛСОН – живущий на крыше забавный, толстенький и самодовольный человечек с пропеллером на спине, озорник и проказник, главный герой трилогии

Астрид Линдгрэн (см.: «*Малыш и Карлсон, который живет на крыше*»), друг Малыша.

Персонаж русского детского сознания 1970-х – 1980-х гг.

Возможно, немаловажную роль в «прорыве» Карлсона в число любимых персонажей русских детей сыграли мультфильмы «Малыш и Карлсон» (1968) и «Карлсон вернулся» (1970), где Карлсона озвучил Василий Ливанов. Отметим попутно, что сыгранный (и озвученный) В. Ливановым Шерлок Холмс стал неотъемлемой («культовой») фигурой уже взрослого культурного сознания. «Пеппи-Длинныйчулок», наиболее популярная в мире книга А. Линдгрэн, не обрела воплощения в отечественном мультфильме, именно этим, на наш взгляд, в немалой степени объясняется то обстоятельство, что Пеппи не стала «общепризнанным» персонажем русского детского сознания.

О 1968 г.: «Когда писательница [А. Линдгрэн] приехала в Москву..., она воочию убедилась, как прочно вошли в жизнь советских детей её герои Карлсон и Пеппи: массовые тиражи книг, пластинки, игрушки; тысячи ребят носят значки с изображением Карлсона и Пеппи» (Брауде, 1987, 96).

О конце 1970-х гг.: «...Детские письма... приходят в Дом детской книги по несколько тысяч в год со всех концов страны... “Эту книгу я перечитывала много раз и могу перечитывать её ещё столько же и даже больше. Мне очень нравятся приключения доброго толстенького человечка с пропеллером на спине и маленькой кнопкой на животе. Конечно же, всё это выдумка, но Линдгрэн писала так задорно и правдоподобно, что казалось, так было на самом деле. И злая Фрекен Бок, и маленький мальчик, очень хотевший щенка, могли быть на самом деле. Некоторые повадки Карлсона тоже были правдоподобны” (Д[евочка]. 5 кл., г. Москва). “Эту книгу я читаю второй раз, а когда я прочитала первый раз, то даже поверила, что Карлсон существует. Если бы это было так! Тогда я мечтала, что Карлсон когда-нибудь прилетит и скажет: “Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?” (Д[евочка]. 4 кл., г. Красный Луч). “...Я думаю так, как и родители Малыша, что Карлсон выдумка. Но дело не в том. Карлсон выдумка или не выдумка – это всё равно, но он для меня существует...” (Д[евочка]. 5 кл., Уральская обл.)» (Малахова, 1982; 28, 36–37).

КАРТ – «гоночный микролитражный автомобиль упрощённой конструкции без кузова, предназначенный для соревнований на небольшой площадке – картинге» (СИ, 1994, 266).

О г. Кургане и Шадринске в 1975 г.: «Недавно в Кургане... прошло первенство области по картингу. От Шадринска выступали две команды – профтехучилища № 8 и станции юных техников... 18 мая в 12 часов дня в [Шадринске] впервые пройдут областные соревнования по картингу в честь дня рождения пионерской оргции...» (Попов, 1975, 4).

О Шадринске в 1975 г.: «Идея создания картингов, или, как их сокращенно называют, картов, в автотоконструкторском кружке станции юных техников была подана в прошлом году шестиклассником школы № 9 Сережей И... Что такое карт? Это маленький спортивный микроавтомобиль, высота которого всего 50 сантиметров и длина – полтора метра, а скорость – до 100 километров в час. Идея была одобрена руководителем кружка Григорием Архиповичем Поповым, в с восторгом подхвачена юными конструкторами. За опытом съездили в Каменск-Уральский, спортсмены-картингисты которого имеют уже большой опыт. Получили массу советов, чертежи, отдельные детали будущих машин, изучили правила дорожного движения, соревнований, устройство двигателей и основных узлов автомобилей... 60 кружковцев принимали участие в создании картов. Нашли в металлическом ломе трубы для рам. Сами их обрезали, гнули, сваривали. Всё свободное от занятий в школе время проводили за монтажом и настройкой моторов восьмиклассник Коля В... и девятиклассник Гена К... – учащиеся школы № 32. Частенько руководителю приходилось охлаждать пыл

своих воспитанников вопросом о школьном домашнем задании. Старались, подтягивались в учебе и дисциплине, лишь бы не быть отстраненным от занятий в кружке. Весной на дворе станции опробовали моторы четырех новеньких картов. Тренировки по вождению машин с разрешения городской автоинспекции проводили на асфальте улицы» (Борцов, 1975, 3).

«КАРТОШКА» – организованная школой уборка учениками картофеля на колхозных полях в сентябре.

О 1942 году: «Вот, оказывается, какой у них в этом году сентябрь! Не похожий на остальные сентябри. Картофельный месяц! Прежние сентябри они с самого первого числа усаживались за парты. А в этом году вместо учёбы – картошка. Сперва свою убрали, теперь идут колхозную убирать. И если пришлось оторвать всех старших школьников Советского Союза от учёбы на целых тридцать сентябрьских дней, значит, стране очень понадобились рабочие руки. И, значит, им нужно очень постараться, чтобы с пользой прошли дни, которые они проведут не за партой, а в поле, на уборке картофеля. Так им вчера на собрании говорили... Да, это хорошо и очень важно, что они будут работать в колхозе, думала Катя... Но всё-таки жаль, что ещё долго не придётся бегать в школу, долго они не будут писать мелком на классной доске, отвечать уроки, решать задачи. Ещё очень долго. До самого конца сентября...» (Могилевская, [1949] 1966, 120–121).

О Шадринске во вт. пол. 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Каждую осень мы ездили на картошку. В школе отменяли занятия. Мы брали с собой еду, чаще всего помидоры, хлеб и ездили убирать картошку. На поле стояли большие железные контейнеры, в них сбрасывали картошку, собранную в ведрах. Был чистый воздух, теплая осень, но собирать картошку – это изматывало. Зато весело было ехать в автобусе. Там были парни из старших классов, можно было пококетничать. Несколько раз мы ездили на черноплодную рябину – собирали её ведрами в мешки. Обедались её ужасно» (1001).

См. также: *Колхоз; Сельхозработы.*

«КАРТОШКА» – детская игра с мячом.

О г. Свердловске в середине 1960-х гг.: «Лето... Компания наша очень большая и разномастная: от пятнадцатилетнего Весика до шестилетней меня. Вернее, мне уже шесть с половиной. Игры у нас разные: “войнушка”, “цепи кованые”, “вышибалы”, “двенадцать палочек”, “лапта”, “картошка” ... и другие» (Смирнова, 2005).

Первая разновидность «Картошки» – играющие становятся в круг и перебрасывают мяч друг другу.

Правила второй разновидности «Картошки» аналогичны правилам игры «*Вышибалы с картинками*».

О первой половине 1980-х гг. в Каргаполье: «Принцип игры “Картошка” заключается в том, что в неё может играть любое количество детей (больше трёх). Выбирается участок примерно 10–15 метров. На этом расстоянии чертятся две линии друг против друга. Выбираются два водящих, которые становятся за чертами. Для игры нужен мяч, он находится у водящих. Все остальные игроки встают в пространство, очерченное линиями. Задача водящих – постараться выбить участников, задача игроков – как можно дольше остаться внутри этих линий (принцип игры “Вышибало”). Во время игры водящие могут усложнять задачу для игроков. При броске мяча один из водящих кричит: “Картошка” и при этом мяч катает по земле. Участники, стоящие внутри линий, должны выстроиться так, чтобы мяч прокатился у них между ног, но не прикасаясь к нему, если же кто-то не успеваеет выполнить это движение, тот выходит из игры. Кроме слов “картошка” водящие могут катнуть мяч по земле и сказать: “Огонь”, участники же должны отскочить подальше от мяча. Если кто-то из участников по ошибке выполнит движение как при слове “картошка”, тот тоже выходит из игры. Но водящие при броске могут крикнуть “Свечка”, тогда кто-то может поймать мяч, если тот не коснулся земли, тогда у игрока, поймавшего мяч, прибавляется жизнь. Этой жизнью он может спасти кого-то из выбывших или оставить её себе. В последнем

случае у такого игрока есть шанс остаться подольше в игре, так как при случайном попадании в него мяча у него сгорает “свеча”, а жизнь остается (по-другому это называется “шкурка”). “Шкурка” остается и тогда, если игрок неправильно выполнил движения при словах “огонь” или “картошка”. Как правило, водящие “свечки” кидают очень редко, а чаще всего кричат: “Картошка”, “Огонь”. Иногда в игре встречаются ситуации, когда мяч “застревает” на территории, очерченной линиями, и если водящий крикнет: “Мяч горяч”, то тогда никто не имеет права взять этот мяч, кроме самих водящих или уже выбывших; если же водящий крикнул: “Мяч не горяч”, то любой участник может подать мяч водящему. Игра продолжается до тех пор, пока не выбьют всех участников, стоящих внутри линий» (525).

КАРТЫ – «Набор листов из плотной бумаги одинакового размера с изображёнными на них фигурами или очками четырёх мастей, служащий для игры» (Словарь, 1956–5, 828).

Гадать на картах.

О конце 1970-х гг.: «Старшие девочки на даче в Лианозово пробовали гадать и меня учили. Толкования были записаны в специальных тетрадках. Очень сложные. Я запомнила, что черные шестерки к поздней дороге, а красненькие – к ранней... Но это не главное. Главное загадать, что ты – дама, а он – король. Любит или не любит. Гадаешь на короля. Понятно? Но вот этого я не понимала. Короли были толстыми бородатými дядьками. При чём тут “любит – не любит”!» (Метелица, 2005, 88).

О девочке во вт. пол. 1980-х гг.: «Первый раз на мальчишек мне погадала подруга моего сродного брата. Это было тогда, когда я уезжала с сестрой к бабушке в Кемеровскую область в г. Мариинск. Гадание было на картах. [Описание видов гадания.] 1. Гадание называлось “Как он к тебе относится?” Выбрасываются карты одна за другой. Если выпадают шестерки бубей и червей, то боится, если крести и вины, то раздражает, семерки – боится встречи с тобой, восьмерки – ревнует, девятки – любит, валет – нравится, дама – ненавидит, король – переменит отношение к тебе, туз – если черви, буби, то влюблен, а если пики, крести, то издевается. 2. А ещё другое гадание на картах. “Любит? Не любит?” Раскладываются карты девять колод по три ряда. Раскладывается вся колода. Затем сверху, слева направо открываются первые карты. Нужно по порядку брать карты, у которых совпадают цифры. И если все карты совпадут (брать нужно по две). Например, две шестерки убираем, а на их месте, когда придет очередь, открываем снова первую карту. И так пока вся колода не совпадёт. Если совпала, то любит, а если нет, то нет. 3. Выбрасывается карта из всей колоды. Гадание называется “Есть ли у него другая”. Если выпадает шестерка – много, семерка – только ты, восьмерка – нет, девятка – первая и последняя, десятка – может быть, валет – ты не первая и не последняя, дама – было, но он не любил, король – сходит от тебя с ума, туз – ты одна единственная» (499).

Сидеть на картах при гадании.

О вт. пол. 1970-х гг.: «...“Сидеть на картах”. Что это значит: когда мы с подругами собирались и гадали на картах, [то] прежде чем гадать, надо было посидеть на картах, чтобы они “говорили” правду. Мы в это верили, что если посидит целованный, то правды не жди...» (479).

Играть в карты для развлечения.

О 9–14-летней девочке в 1914–1919 гг.: «У нас в доме и прежде иногда играли в карты: то преферанс составлялся, то винт. Играли и мама, и бабушка Надежда Николаевна, и дядя Володя. С нами детьми, тоже играли в разные невинные игры – в “свои козыри”, “Акульку” (она же “ведьма”), “подкидного дурака”, “комбинацию”» (Панова, 1980, 68).

О 1970-х гг.: «В тёплое время года все свободное время [девочка] проводила на окрестных крышах. Там можно было много чего делать: загорать, играть в карты, курить, рассказывать всякие истории» (Коршунова, 2004, 9).

Играть в карты на материальный выигрыш.

О начале 1940-х гг.: «Играли мы, конечно, и в карты, но не на деньги, а на те же стречки, спички, вяленую галаночную или репную пареницу, либо на стручки зеленого гороха, когда приходило лето. На гороховые стручки была самая безопасная, хотя и азартная картежная игра» (Белов, 2002–2).

Играть в карты на выполнение желания.

О девочке 14–20 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 2001–2007 гг.: “Лет с 14 я и мои друзья начали играть в карты на желание. Обычно играли в “дурака”. Кто проигрывал, тот и исполнял желание – по договоренности, или одно желание от всех игроков, или каждый загадывал своё. Часто желания носили унижающий характер, то есть проигравший должен был что-то прокричать (например: “Я дурак, я вижу море, осторожно, вон корабль”) или сделать в общественном месте (попросить ницать) и пр.» (141).

Играть в карты на раздевание.

О с. Понькино Шадринского р-на в 1980-е гг.: «Играли на раздевание в карты в дурака. Кто дурак, тот что-нибудь снимает. Но раздевались не сильно, так, например: носки, верхнюю кофту, часы, цепочку, заколку. Ну, а парни, бывало, что и рубашку снимали. Затем игра под каким-нибудь предлогом заканчивалась» (514).

О конце 1990-х гг.: «Когда мне было 13 лет, в наш двор пришла новая забава – играть в карты на желание... В более старшем возрасте игра в карты на желания перешла в игру в карты на раздевание» (012).

Карты с эротическими изображениями.

О школьниках в конце 1980-х гг.: «Приносили они [мальчики] карты с изображением “голых баб” и показывали их нам [девочкам], смеясь при этом. Или вырезали из журналов и клали на карты или молодой учительнице на стол. Мы смущали[сь], краснели и хихикали» (489).

Строить карточный домик – см.: *Карточный домик.*

КАРТУЗ – «Мужской головной убор с козырьком» (Словарь, 1956–5, 844).

Об Украине 1910-х гг.: «Самые маленькие [мальчики], те, что и штанишек ещё не имеют, а разгуливают в бумазейных платьицах, играют в классы. А уважающий себя мальчик, с глубоко надвинутым на самые глаза картузом, никогда не станет играть в классы, а играет в “расшибаловку” или в орехи...» (Ямпольский, 1964; 262–263, 281–282).

О 1930-х гг.: «Вы знаете, до войны [1941–1945 гг.] мальчишки, особенно в деревнях, часто и летом ходили в каких-нибудь картузах или кепках» (Якуб, 1988, 67).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «И она ... вытаскивала из-под дивана... корзинку; в ней были сложные старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить шк. форму и картуз с блестящим козырьком» (Драгунский, [1966] 1975, 38).

Ср.: Каскетка; Кепка; Фуражка.

КАРУСЕЛЬ – «Вращающаяся площадка с сиденьями в форме лошадок, экипажей, лодок и пр., служащая для катанья на ярмарках, народных гуляньях и т. п.» (Словарь, 1956–5, 845).

О 1930-х гг.: «Заиграла музыка, / Карусели кружатся, / Закружились карусели, / На коней мальчишки сели, / Кони мчатся / Круг за кругом, / Гривы шелковисты, / Полетели друг за другом / В бой кавалеристы. / Заиграла музыка, / Карусели кружатся, / Закружились карусели, / На коней девчонки сели. / Друг за другом, / Круг за кругом – / Что нам торопиться! / Не в поход спешить подругам – / Сели прокатиться!» (Барто, [1933] 1969–1, 59).

О середине 1930-х гг.: «Под шагром каруселей по кругу плыли, вися в воздухе, пары коней, а за ними коляски, потом опять кони и опять коляски. Внутри кто-то весело играл на гармонии русские народные песни. В очереди много мальчишек, и каждый мечтает прокатиться на лошади. Если же лошади не доставалось и пришлось ехать в коляске да сидеть на обычной скамейке с девочками и малышами, половина удовольствия была безвозвратно потеряна. Разве только под конец кружение и музыка ослабят разочарование» (Богданков, 1972, 27–28).

О начале 1940-х гг.: «Карусель. Под шатром широким кругом / Мчатся кони друг за другом, / Стройные, точеные, / Сбруи золоченые. / Едут девочки в санях, / Руки в муфты прячут. / А мальчишки на конях / За санями скачут. / Едут девочки в санях, / Лаковых, узорных, / А мальчишки – на конях, / Серых или черных... / В блеске пестрых фонарей, / В удалой погоне / Пролетают все быстрее / Всадники и кони. / А кругом бегут дома, / Тумбы и панели. / Площадь движется сама / Вроде карусели...» (Маршак, [1945] 1968–1, 133).

О карусели-кружале см. *Кружало*.

КАРЦЕР – помещение для временного одиночного заточения лиц, провинившихся в чём-либо. В учебных заведениях России заключение в карцер практиковалось как наказание до 1917 года.

О гимназии в Саратове конца 1890-х гг.: «Отношения к ученикам были сухо формальными и чиновничьими. Нас не считали за детей, а скорее за солдат штрафного батальона, где за каждым малейшим нарушением следовало соответствующее наказание – без обеда на один или два часа со внесением в кондуит; за более серьёзные нарушения классной дисциплины сажали в карцер, который помещался под лестницей главного входа в гимназию с улицы» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

Генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский (1900–1981) о 1910-х гг.: «Учился я во времена знаменитого Кассо. При Кассо гимназисты находились на таком, значит, полувоенном положении: после восьми часов вечера на улицу выходить не имели права, к различным неполадкам в форме строжайшие были придирки... Так называемые классные надзиратели и их помощники могли остановить, записать, и потом происходило от этого всякие неприятности. Никакого телесного наказания в наши дни, конечно, не применялось, но карцер существовал. Можно было получить карцер на один день, а можно было и на две недели получить. Это не значит двухнедельная отсидка, карцер означал отсидку в течение трех асов по окончании уроков. Ежели карцер давался на неделю, то всю неделю каждый день нужно было три часа отсидеть в карцере. Ну, конечно, это была неприятная штука. На неделю, на две недели получали редко, за наиболее крупные преступления. Ну, так на день-два-три – это довольно часто можно было получить» (Автобиография, 1998, 351–352).

О реальному училище во второй половине 1900-х гг.: «Эта мера наказания – оставить без обеда – считалась в то время достижением педагогики. Карцер был упразднен не так уж давно – в 1905 году» (Кононов, 1958, 268).

См. также: *Наказания в учебных заведениях (официальные)*.

КАСКЕТКА – «мужской и мальчиковый головной убор, кепка-восьмиклинка с пуговицей наверху, была в моде в начале XX века» (Терешкович, 1999, 97).

Об Украине во второй половине 1910-х гг.: «Овечка, белячий, как шарик мороженого, в новой соломенной каскетке с голубым ободком и в новых желтых сандалиях, стоит, смотрит и важно надувает щеки» (Ямпольский, 1964, 257).

Об Украине в конце 1920-х гг.: «Паренёк в разноцветной каскетке стоял на углу улицы, заложив руки в карманы брюк, и насвистывал. Каскетка придавала ему чужеземный вид, он похож был на гонщика, на жокея, на юнга, вернувшегося из дальнего плавания, и ещё на знаменитого голкипера» (Ямпольский, 1964, 560).

КАССА БУКВ И СЛОВ.

О второй половине 1940-х гг.: «Работа с разрезной азбукой проводится систематически на каждом уроке. Для удобства пользования разрезной азбукой применяются два приспособления: буквенная касса и наборное полотно. Буквенная касса представляет собой развернутую обложку тетради, на каждой стороне которой наклеены или нашиты 16 кармашков для хранения букв – по числу букв русского алфавита. Наборное полотно представляет собой картонный прямоугольник с нашитыми или наклеенными на нем

двумя-тремя узкими полосками картона с отгибающимся верхним краем; за этот край и закладываются буквы при работе с разрезной азбукой. Буквенная касса и наборное полотно должны быть у каждого ученика» (НШ, 1950, 263).

О 1965 году: «Я пошла в 1 класс в 1965 году в Новокузнецке... Все было, как полагается: ...коричневое форменное платье, ...новенький портфель. А в нем – вещи, которые незнакомы нынешним школярам, – чернильница-непроливайка, перочистка, деревянная ручка-вставочка... Была еще в портфеле тряпичная, сшитая мамой касса букв и слогов...» (Политова, 2006, 3).

О 1979 году в Челябинске: «А еще я помню... коробку “Подарок первокласснику”. В ней лежали... точилка, кассы букв и слогов. Щитки для кассы, обтянутые дерматином, покупали отдельно. Помню, бабушка подтягивала резиночки на щитке, чтобы бумажки с напечатанными буквами не вылетали» (Высочина, 2007).

О 1992 году: «Касса букв и слогов появилась у меня в 7 лет. За год перед школой мама учила меня составлять слова из слогов. Обложка была сделана из кожи. Снаружи – зеленая, изнутри – коричневая с небольшими карманчиками с обеих сторон. Буквы и слоги были небольшие по размеру, прямоугольные. Карточки сделаны из плотной бумаги. Цифры и картинки с животными были в два раза больше, и кармашки были соответственные. С одной стороны кассы помещались буквы и слоги, с другой – цифры и картинки. Мама доставала несколько слогов: слово целиком и ещё лишние слоги. Из этой кучки мне нужно было составить слово. Если у меня не получалось, то мама говорила мне слово, и я должна была правильно найти слоги и поставить их в правильном порядке. Что касается цифр, то их я выбирала сама, а мама говорила, правильно ли я сосчитала. Сначала я училась считать на картинках, так как там нарисовано определенное количество животных и их легче сосчитать» (017).

О 2006 году: «...Многие вещи остались совершенно без изменений – я этому удивляюсь каждый вечер, когда разбираю своему первокласснику его “Кассу букв, цифр и слогов”. Мне почему-то казалось, что слоги должны были как-то отмениться вместе с советской властью; какая-то ужасная глупость эти слоги. Нет, оказывается, действуют до сих пор. И сама “касса” сделана из чистого, беспримесного дерматина канонически-коричневого цвета» (Метелица, 2006, 12).

КАССИЛЬ – Лев Абрамович Кассиль (1905–1970), автор книг «*Вратарь республики*», «*Кондуит и Швамбрания*» и «*Улица младшего сына*».

КАСТЕТ – «Род холодного оружия в виде металлической пластины с отверстиями для пальцев, которая зажимается в кулаке» (Словарь, 1956–5, 856).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Я пионер... / Я прихожу из школы – галстук прочь, / В карман – кастет и между пальцев – бритву...» (Дидуров, [1976] 1992, 76).

КАСТОРКА – касторовое масло бледно-жёлтого цвета, употребляемое как слабительное.

О 1880-х гг.: «Никита и Виктор Бабкин... насупясь глядели друг на друга. “Я тебя помню”, – сказал Никита. “И я тебя отлично помню, – сейчас же ответил Виктор, – ты у нас в Самаре был один раз, ты ещё тогда уткой с яблоками объелся, тебе касторки дали”... Матушка стала замечать, что Никита ходит скучный, и говорила об этом с Аркадием Ивановичем. Решено было... пораньше отсылать Никиту спать и “закатить ему”, как очень неумно выразился Аркадий Иванович, касторки. Все эти меры были приняты. По наблюдению Аркадия Ивановича, Никита повеселел...» (Толстой, [1919–1922] 1984; 28, 57).

О конце 1920-х – начале 1930-х гг.: «Когда Аня болеет и плачет оттого, что ей больно, или оттого, что приходится принимать невкусное лекарство, Алёна тоже начинает тереть кулаком глаза и просит, чтобы и ей дали касторки» (Смирнова, 1963, 26–27).

О конце 1930-х – начале 1940-х гг.: «Вид у Вовки был подавленный... Проговорил, стараясь не встретиться с Петей глазами: “Сначала съел молочное с вафлей. За девять копеек. Потом эскимо на палочке за одиннадцать.

Потом захотел стаканчик фруктового...” Ну, теперь-то для Пети все яснее ясного! Болит живот, и придется принять касторку. Велика беда! Если хорошенько зажать нос... Но Вовка лишь рукой махнул. Какая там касторка! Касторку он бы с удовольствием...» (Могилевская, [1941] 1958, 20). Касторка имела, по-видимому, неприятный вкус: «Доктор Пиллюлькин... сказал, что если [Незнайка] не прекратит свои ночные спектакли, то придётся... давать [ему] на ночь касторки. Незнайка испугался касторки и стал вести себя тише» (Носов, [1958] 1959, 5).

Об 11-летней девочке в 1941–1942 гг.: «Наташа покосилась на белую дверь, за которой находился врачебный кабинет... Что и говорить, у Наташи до сих пор сохранилось неприятное воспоминание о ложке касторки, которую, несмотря на слёзы и стоны (это вам не мама и не бабушка), пришлось всё-таки проглотить в этом самом кабинете из рук Зои Георгиевны... “... У меня прямо полный живот огурцов” “Про касторку не забывай!” – говорит Аркаша, и они вместе громко смеются. Ох, уж эта касторка! Как её забудешь? В детдоме все они свели с ней знакомство...» (Могилевская, [1949] 1966; 9–10, 48).

О начале 1960-х гг.: «Егорка, касторка и пятерка»: «Всех уверить старался Егор: / “Неспособный я, просто беда...” / Но сказали ребята: “Вздор!.. / Посиди-ка часок или два...” / Как захнычет Егорка тут: “...Крутит живот...” / “Что ж, касторки глотни-ка вот”. / “Ой, не надо! Прошло! Не болит!” / Посмотрели – за книгой сидит» (Преображенская, 1963, 34–35).

О 10-летнем мальчике в первой половине 1970-х гг.: «...Папа, пристально глядя мне в глаза, спросил: “Ты помнишь, как ровно год тому назад я спас тебя от ложки касторки и выплеснул её в окно?” “Помню”, – сказал я» (Алешковский, 1975, 49).

КАТАЕВ – Валентин Петрович Катаев (1897–1986), русский писатель. Автор сказки *«Цветик-семицветик»*.

Произведения В.П. Катаева *«Сын полка»* и *«Белеет парус одинокий»* в 1950-е – 1980-е гг. входили в число произведений, изучавшихся в школе.

«В.П. Катаев – один из самых популярных детских писателей. Миллионы школьников в числе своих любимых книг постоянно называют “Белеет парус одинокий” и “Сын полка”» (Зепалова, 1976, 157; Зепалова, 1989, 121).

«**КАТАНИЕ яиц**» – см.: *«Катать яйца»*.

КАТАТЬ на велосипеде девочек (о мальчиках) – вид проявления симпатии, род ухаживания.

О 1919 годе: «Мне четырнадцать лет. Это, стало быть, 1919 год. Я вытянулась и поздоровела..., у меня выросли порядочные косички..., и я переживаю свой первый роман. Это несомненно (для меня) настоящий роман, так как он, этот Коля Ф.... качает меня на качелях и катает на своем велосипеде, усадив на велосипедную раму перед собой...» (Панова, 1980, 61).

О Свердловске начала 1950-х гг.: «Кто-то стройный и легкий вертелся на турнике. Мальчики катали девочек на рамах велосипедов. Молчаливые и серьезные, они следовали один за другим по обычному маршруту, объезжая длинное приземистое тело барака, пропадали за углом барака и через некоторое время возникали с противоположной его стороны, и, казалось, там, пока они были невидимы, между мальчиком и девочкой что-то происходило – объяснение? поцелуй? Там, за бараком, дорожка некоторое время шла между глухой стеной за бараком и высоким забором – самое уединенное место во дворе... Они приезжали другими, но здесь, на виду у двора и окон, торопились принять прежний вид, и снова, молчаливые и серьезные, укатывали за угол барака. Солнце разбивалось в спицах велосипедов. Самым естественным было участвовать в этом празднике жизни: выбежать, выжаться на турнике, ударить по мячу... или усадить на велосипед девочку и покатить за барак, на ту уединенную тропинку, меж стеной и забором, выходящую среди высоких, в рост колеса, лопухов...» (Дробиз, 2006).

КАТАТЬ на санках – детское развлечение.

Из воспоминаний о детстве в Свердловске в первой половине 1960-х гг.: «Двоюродный брат Юрка катает меня на санках. Он большой, ему одиннадцать лет, и он

быстро бегаёт. Мне нравится, что он завозит меня в сугробы, резко останавливает санки и переворачивает их в снег. У меня бывают полные валенки снега. Штаны намокают и покрываются ледышками» (Смирнова, 2005).

«**КАТАТЬ яйца**» – детское развлечение на Пасхальной неделе. По особому желобку катали яйца, нацеливаясь на разбросанные по ковру другие яйца, кто больше выбьет.

Описание игры имеется в книге Е.А. Покровского 1895 года: «Катание яиц по-русски... Устанавливается лоток..., то есть небольшой желобок..., по которому можно было бы свободно катать яйца. Этот лоток устанавливают наклонно... Впереди лотка “ставят на кон”, то есть кладут для игры по одному или по два яйца с игрока... Потом игроки по очереди подходят к лотку, спускают оттуда яйца..., направляя на которое либо уже из лежащих яиц. Если скатившееся яйцо ударит которое-либо из лежащих, то это яйцо считается выигранным, – после чего кативший берет его себе и, взявши свой каток обратно с кона, вновь катит им до тех пор, пока не сделает промаха...» (Покровский, [1895] 1994, 233–234).

О 1860-х гг.: «Разве возможно было не покатать яиц в первый день Пасхи? Из года в год это было наше традиционное удовольствие. Мы всегда у дедушки с бабушкой катали яйца, и, кажется, всегда для нас эта игра кончалась слезами. На полу в зале расстилалась большая старая ковровая шаль бабушки, посредине ставилась горка. Дедушка сам ее делал. Бабушка, няня, тети давали нам яички куриные и деревянные. И начиналась игра сначала с тетями. С ними играть было так весело... Если мы даже проигрывали, то они нам всегда возвращали выбитые яички. Но вдруг отворилась дверь из кабинета, и появлялся дедушка. Он нес корзину с яичками. Они так заманчиво пестрели в сене. “А ну-ка, девицы, примите и меня в игру для праздника...” Мы, конечно, не смели отказать дедушке... Дедушка намечал яйцо и приговаривал: “А вот мы этого пана в желтом кафтане да по лбу”. – И он метко выбивал намеченное жёлтое яйцо. “Клавденька, клади яйцо на горку тупым концом... Тогда непременно попадешь”, – учила меня тетя Надюша. “Тупым концом – это дело важное, целься верхней, кати быстрее!” – шутил дедушка. “Лиденька, выбивай средним, не то большое далеко катится”, – волновалась тетя Манюша. Но ни тупой конец ни среднее яйцо не помогали. Наши яички одно за другим переходили к дедушке... Дедушка забирал выигранные яйца и с победоносным видом отправлялся в свой кабинет... Игра кончалась слезами. Тети и бабушка не знали, как нас утешить, как приласкать» (Лукашевич, [1918] 1994, 57–60).

О катании яиц детьми в конце XIX – начале XX века: «Так я это помню. Паркет, солнце, гардины, черный яркий лак рояля и мы, склонившись к красной горке – желобком, спускаем по ней яйца. Они катятся как-то неуклюже, вразвалку. Иногда под рояль, иногда к чехлам кресел ... и там останавливаются. Что-то милое и беспомощное в этом тяжелом беге “вареных”, “крутых” яиц. Иногда они скатываются с красного желобка, точно с натугой, описывают потом по паркету плавное полукружие, стучают другое яйцо. Стало быть, выиграл... И чехлы, свежестиранные, ... только что надеты, и то, что нас пустили в гостиную, – всё это праздник. Мы присели на корточки. У одного два синих и одно красное. У другого два красных и одно грязно-палевое, луковое. Точно клоуны, кувырком, на голову, скатываются яйца. Тяжело..., в развалку, милое. Вот возьмите в руки эту подставку. Видите! она красная, легкая, деревянная. Сзади строганая, некрашенная. И цена где-нибудь сбоку карандашом поставлена... Называлась эта деревянная горка “катком”. Устье имело странное, вырезанное, что-то вроде раздвоенной подковы, плоский конец. А под ней была подставка. Потому она и стояла крепко и не падала. Пахло от всех этих вещей ... игрушечным магазином... Яйца, понятно, трескались. Без этого нельзя. И если хотелось есть, то можно было просто тихонько надавить на скорлупу, там, где оно и без того смялось, и испортить яйцо. “Для игры не годится. Можно его съесть, мама?” “...Ну, это съешь...”»

(Горный, [1927] 2001).

Об Одессе конце 1900-х – начале 1910-х гг.: «На пустынных, чисто выметенных улицах не было даже мальчишек: они катали в глубине дворов и пустырей крашенные пасхальные яйца» (Катаев, [1972] 1983–1, 184).

О начале 1920-х гг.: «Илюша в шелку забора смотрел на улицу. Там девочки затеяли игру: катали с горки пасхальные яйца. Варька ловко обманывала подруг, притворялась неумелой и все жаловалась: “Ой, девочки, обыграете вы меня”, а сама то и дело прятала выигрыш за пазуху.... Когда у девочек ничего не осталось, Варька предложила играть в долг: под конфеты, под шелковую ленточку... ..Когда [Илюша] снова подошел к окну и тайком приоткрыл занавеску, девочек на улице уже не было. Там собирались мальчишки, они тоже играли. Пестро раскрашенные пасхальные яйца, переваливаясь и ковыляя, скатывались с бугорка, стукались, вызывая среди ребят ожесточенные споры. Подошел Степа, церковный прислужник... Степу обыграли скоро: ребята жульничали, пользуясь тем, что он плохо видел. Потом подбежал Егорка... “Вот как надо стараться! – похвалился он и показал полную шапку пестрых пасхальных яиц – голубых, желтых, коричневых и зеленых... [Илюша] вышел за калитку... Степа уже вернулся, узнал Илюшу и предложил: “Будешь играть за меня?” “А если проиграю?” “Ну и ладно. Бери, не стесняйся. Одно треснутое, но это ничего”. “Годится...” – согласился Егорка... “Сначала надо померяться”, – потребовал Степа... Померялись на палке. Выпало начинать Егорке, вторым – Кошею Бессмертному и, наконец, Илюше... Илюшина бита катилась с горки, точно сломанное колесо: проковыляло и застряло в канавке. Здесь оно было в безопасности, и никому не удалось попасть в него. Когда снова подошла очередь Илюши, он нацелился в ближайшее, очень красивое, разрисованное под мрамор яйцо. На этот раз его бита покатила прямо в сторону и легонько стукнулась о бок желтого яйца. “Молодец, выиграл! – похвалил Егорка. – ...Кати еще раз”. Счастье сопутствовало Илюше. Его бита ударилась о бок малинового яйца, перевалила через бугорок и ткнулась в другое – синее, как небо...» (Жариков, 1971, 91–94).

О вт. пол. 1920-х гг.: «На Пасху красили и разрисовывали яйца, пекли сдобные куличи, готовили сырные пасхи... Крашенные яйца не только лупились друг о друга, чтобы узнать, у кого крепче, была и особая игра с ними – наклонный лоток, по которому яйца скатывались на плоскость, часто усеянную молодой травкой. При этом каждому важно было, чтобы пушенное по лотку-желобу свое яйцо разбивало чужое, уже лежащее внизу» (Федосюк, 2004; 197, 198–199).

О 1930-х – 1980-х гг.: «Пожалуй, наилучшим образом среди календарной обрядности Муромского района сохранилась обрядовая игра “Катание яиц”, до недавнего времени этим занимались повсеместно и регулярно – начиная с Пасхи и до петровского поста каждое воскресенье (“катальные” дни). И это был подлинный апогей совместной обрядовой деятельности взрослых и детей: “катались” от мала до велика – дети, парни, мужики, молодые бабы, старухи. “Ой, я была лютая кататься”, – говорили нам многие о себе. “Варили по несколько штук. Я знаю, вот у нас бабушка целый чугунок сварит, так поровну всем детям делились. И еще у нас гуся были. Давали по одному гусиному, мне они очень нравились, хотя у них белок грубоватый, но мне они нравились на вкус. И вот выходили – около дома уже стояли дети. Но не только дети катали яйца, но и взрослые. Женихи и невесты катали. Так во время этой игры набирали очень много яиц и приносили домой” (зап. в 2003 г. В.В. Журавлевым и О.А. Теплухиной от Нины Петровны Золотухиной, 1929 г. р., с. Чаадаево); “Катали, милый! И здесь недавно тока перестали катать. Вот в этом доме вот жила тетя Маня Куприна. Она было на Пасху заводила... И лунку приготовит, и яйца. Ребятишки мои только бегают: “Давай, ма, давай, ба, яйц!” – “Да каких тебе яйц?” – “Проиграли, яйц давай!”. Вот опять им даешь. Прокатали – опять бегут за яйцами! Катались...” (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Зинаиды

Павловны Белкиной, 1928 г.р., с. Булатниково)» (Райкова, 2006, 79).

КАТАТЬСЯ, цепляясь крюком за машины.

О середине 1930-х гг. в Москве: «И ещё излюбленное занятие: на валенках – гаги, крюком ухватишься за грузовик, другие – друг за дружку, и вот по переулкам вьются колбасой пять-десять мальчишек с криками и свистом» (Стриженов, 1999, 11–12).

О 1942–1944 гг.: «Конечно, много и хорошего было за эти три года в семилетке. Одни поездки в школу чего стоили! Ведь от кирзавода до КТЗ, считай, пять с лишним километров. И вот ты подкарауливаешь выходящую из ворот трехтонку с кирпичом, цепляешься крюком за борт и несешься на коротких лыжах-самоделках к школе, к знаниям» (Чумичев, 1987, 17).

КАТАТЬСЯ на велосипеде – см.: *Velociped*.

О вт. пол. XX в.: «...После девяти лет... обычно... ребёнок получает в своё пользование подростковый велосипед. Он является символом достижения первого этапа совершеннолетия. Это первая крупная и практически ценная собственность, полноправным хозяином которой становится ребенок. По возможностям, открывающимся перед юным велосипедистом, это событие аналогично приобретению автомобиля взрослым человеком. Тем более что родители детей после девяти лет заметно смягчают свои пространственные запреты и ничто не мешает группам детей совершать далекие велосипедные прогулки по всей округе. (Речь идет, конечно, о летней загородной жизни.) Обычно в этом возрасте дети группируются в однополые компании. И девочек, и мальчиков роднит страсть к исследованию новых дорог и мест. Но в мальчишеских группах больше выражен дух соревнования (как быстро, насколько далеко, слабо или не слабо и т. п.) и интерес к техническим моментам, связанным как с устройством велосипеда, так и с техникой езды (посадка в седло с разгона, катание “без рук”, виды торможения, способы прыжков на велосипеде с небольших трамплинов и т. д.). Девочки больше интересуются тем, где они едут и что они видят. Можно выделить два главных типа свободных прогулок детей на велосипеде между девятью и двенадцатью годами: “исследовательские” и “инспекционные”. Главная цель прогулок первого типа – открытие еще неезженных дорог и новых мест... “Инспекционные” прогулки – это регулярные, иногда ежедневные поездки по хорошо знакомым местам. В такие поездки дети могут отправиться как в компании, так и в одиночку. Их главная цель – проехать по одному из любимых маршрутов и посмотреть, “как там всё”, всё ли стоит на месте и как там жизнь идет. Это своего рода хозяйская проверка территории – всё ли на месте, всё ли в порядке – и одновременное получение ежедневной сводки новостей – знаю, видел все, что произошло за этот срок в этих местах» (Осорина, 1999, 122–123).

См. также: *Катать на велосипеде девочек (о мальчиках)*.

КАТАТЬСЯ на «колбасе» – см.: «Колбаса».

КАТАТЬСЯ на коньках – см.: *Коньки*.

КАТАТЬСЯ на ледяных дорожках.

О середине 1930-х гг.: «И на ледяных дорожках кататься без неё не очень интересно – ведь лучшие ледяные дорожки возле третьего подъезда: там живет много больших мальчишек из пятых-шестых классов, они лучше всех раскатывают эти дорожки, даже поливают их потихоньку от взрослых...» (Александрова, 1992).

КАТАТЬСЯ на льдинах – см.: *Льдина, кататься на льдинах*.

КАТАТЬСЯ с горки в автомобильной камере.

О Свердловске в середине 1960-х гг.: «Весик откуда-то приволок огромную камеру от “БелАЗа”, мальчишки её надули и стали в ней кататься с горы. Делалось это так: садись в середину камеры, поджимаешь колени, сгибаешь голову и держишься руками за торчащий ниппель. Мальчишки пускают колесо с горы. И весь мир начинает стремительно мелькать и вращаться вместе с тобой и колесом. Ты визжишь то ли от восторга, то ли от ужаса. И когда колесо наконец останавливается и падает

набок, вываливаешься из него на траву или на дорогу и не можешь прийти в себя. Ноги дрожат и не держат тебя, земля и небо то и дело опрокидываются и меняются местами. Непонятная сила швыряет тебя из стороны в сторону. Тошнота подкатывает к горлу, и ты долго ещё лежишь в траве и смотришь в синее кружащееся небо» (Смирнова, 2005).

О 1970-х гг. и 1990-х – 2000-х гг.: «Мы катались с горок на автомобильных камерах, накаченных велосипедным насосом. Нынче такие камеры модифицировались в так называемые “Ватрушки”. Та же камера, запавшая в яркий чехол с пришитыми ручками» (Жавелева, 2006).

КАТАТЬСЯ со снежных (ледяных) горок – распространённая детская забава.

О конце XIX века: «Катанье с гор. Для этой цели дети выбирают или естественные горы, или делают их искусственно. Всякий пригорок, высокая декастость у моста, или другой какой-либо спуск, а нередко и прямо снежный нанос у какого-нибудь забора составляют для детей уже естественную гору, которую они, несколько выровнявши и поливши водой, приспособляют для своих бесконечных катаний. Иногда же устраивают ледяные горы на подмостках, укрепляемых в свою очередь на козлах. На подмостки наносят снег, выравнивают его и поливают водой для того, чтобы образовалась ровная ледяная кора. Подножие горы далеко расчищается, утаптывается, выравнивается, а также поливается. По бокам горы сколько-нибудь высокой, делают более или менее высокие борты из досок, или снега. Катаются с гор на самых разнообразных, нарочно приспособленных для этой цели, инструментах: салазках, санках, ледянках, лотках, лодках, коньках, кобылах, скамейках и т. д.» (Покровский, [1895] 1994, 366).

О вт. пол. 1930-х – перв. пол. 1940-х гг.: «...Особенно любили зимой кататься с гор на куванках (тяжелых больших санках с металлических полозьями). Город расположен на холмах, не очень крутых, но длинных. Садись наверху горы на санки втроем, а то и четвером. Впереди сидит рулевой, поставив на лед перед санками ноги, обутые в коньки. И – вниз. Удивительно, как тяжелые санки послушно, как нитка за иголкой, шли за легонькими конечками рулевого. Несёмся вниз, постепенно набирая скорость и лихо покрывая встречным пешеходам: “Прочь с дороги, кривые ноги!” Затормозить в конце трудно, и мы частенько выезжали на большую поперечную улицу... Машин в городе было очень мало, но лошадей – множество, и наши санки не раз вылетали к возам, а то и прямо под ноги лошадей» (Санников, 2001).

О девочке 8–12 лет в с. Ожогово Шатровского р-на в 1991–1995 гг.: «С 8 до 12–13 лет я безумно любила кататься с ледяной горы, сделанной из снега и воды. У ворот сельских частных домов папы или дедушки сгребали лопатой снег в большую кучу, делали её под любым углом наклона вниз и заливали большим количеством воды из уличной колонки – с помощью ведер или даже шланга. Через несколько часов гора застывала, и – вперёд кататься! Мы катались по-разному: на больших санках заводского и сельского производства; на покупных санках-ледянках, которые выглядели как кусок круглой пластмассы с ручкой спереди, за которую мы держались при катании; просто на собственной шубе, а также на тонких обрезках доски, на картонках из-под коробок и т. п. А те, кто не боялся упасть и не жалел подошвы на обуви – катались, стоя на своих зимних сапогах или валенках. Лично я использовала все способы! Каталась обычно на каникулах или в выходные дни, когда было много свободного времени. Бывало, что шла с одноклассницами из школы домой и начинала кататься прямо на портфеле, то же и подружки. Но данное катание занимало буквально минутки две, так как надо было скорее идти домой: хотелось есть, и нужно было делать уроки. В выходные дни или в дни каникул за мной приходила подружка (или я сама приходила за ней) и мы шли на горку. На горке могло никого не быть, а могли и бегать несколько ребятшек (от 2 до 5 человек). Катание занимало 2–3

часа. Мы залезали на горку по её ледяным ступенькам сзади, устраивались поудобнее на плоской вершине этой горы (чтобы не свалиться за край горки на землю) и катились с горы вниз, визжа и получая удовольствие! Нам нравилась эта процедура, так как она была на свежем воздухе, в компании подруги или подружек, где всегда было весело и поднималось настроение. Когда катились с горы вниз – аж дух захватывало! Мы катались как по отдельности, так и вместе, держась за спины друг друга. Мы использовали катание и на санках, и на своих собственных шубах, в которые были одеты... Иногда на горке были и мальчики примерно нашего возраста. Папы у меня с пяти лет не было, поэтому я ходила кататься на чужие горки. Один раз горку мне сделал мой дедушка, живший с нами по соседству. Соорудил он её возле своего дома. Но я каталась на ней реже: она была не совсем удобная – я частенько сваливалась за её край. К тому же была она не очень скользкая (поливали её не каждый день и катались на ней тоже не часто). Да и чужая горка была привычнее, и на ней всегда были дети. А вместе – интереснее и веселее!» (154).

См.: Горка.

«КАТИЛАСЬ апельсина...» – считалка.

«...В играх в Ульяновской области примерно в 1980–1986 гг. при играх использовали считалки, чтобы выбрать ведущего. Вот некоторые из них: “Катилась апельсинчик / По городу Берлинчик, / Уроки не учил, / Двойку получил”» (600).

О пос. Новоаганске Нижнеартовского р-на Тюменской обл. в 1983–1987 гг.: «Зато я помню несколько считалок. “Катилась апельсина / По городу Берлина, / Уроки не учила / И двойку получила. / И плачет апельсина, / Что двойку получила. / Я больше так не буду, / Уроки делать бу-ду” (4–8 лет, Новоаганск)» (503).

«КАТИЛСЯ апельсин...» – см.: «Катилась апельсина».

«КАТИСЬ!» – уходи, отстань.

О начале 1950-х гг.: «“Слышь, рыжий? Приходи завтра на Затонский, – крикнул вслед ему Генька и так же громко повторил свою просьбу. – Приходи – за яблоками пойдем”. “Катись колесом. Яблок я и без тебя достану”» (Акулов, 1962, 48).

«КАТИСЬ колбаской!» – распространённое выражение, означающее: «Иди своей дорогой! Отстань!»

О середине 1950-х гг.: «Леночка приплясывала возле Надюши и сыпала словечками: “Ты – отличница. Нам папа сказал... А ты хорошая?” Останавливать Леночку было уже поздно. Я только сказал ей: “Не мешайся. Катись колбаской”. Леночка, когда хочет, умеет точно выполнять приказы. Выслушав мои слова, она шлепнулась на пол и покатила – с живота на спину, со спины на живот, с живота на спину. Чтоб никто не спутался, она пояснила: “Качусь колбаской”» (Гроссман, 1971, 230–231).

О с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «В ссоре, споре и т. п. моих знакомых я слышала реплику одного из них: “Слушай, дорогой! Катись-ка ты колбаской по Малой Спасской...” “Сам катись!” И пошло-поехало...» (154).

КАТОК – «Расчищенное место на льду для катания на коньках» (Словарь, 1956–5, 875).

О г. Саратове в конце 1880-х гг.: «Шести лет я уже ходил с бабушкой на Митрофаньевский каток... На катке были две высокие деревянные горы, покрытые льдом... Каток представлял собой огромный четырёхугольник, огороженный забором. С угла на угол катка, по диагоналям, через центральный столб в середине катка, была протянута проволока, на ней висела масса разноцветных фонариков, которые очень украшали каток. На каток я уходил к началу открытия, а вечером за мной приходила бабушка и вместе с ней возвращались домой...» (Золотарев, [до 1975] 1995, 51).

О 1900-х гг.: «По воскресеньям Леля обыкновенно приходила с папой и мамой на каток. Разумеется, Петров тоже ходил туда. За три пятерки подряд из арифметики мама купила Петрову американские коньки, и он не пропустил ни одного праздничного дня» (Чириков, 1918, 39).

О 1950-х гг.: «Из-за ёлок месяц кажет рожки... / Мы бежим толпой вперегонки. / По катку, по беговой дорожке / Всё быстрее скользят мои коньки» (Трутнева, 1962, 166).

О 1950-х – 1960-х гг.: «Хотите верьте – хотите нет, а только зима в пятидесятые-шестидесятые годы наступала в Новосибирске раньше, чем сейчас. И уже седьмого ноября, как правило, открывался каток. Взрослые усаживались в этот день за столы, чтобы отметить очередную годовщину Октября, а мы, подростки и молодежь, мчались на свой, настоящий праздник, туда, где кипит жизнь, играет музыка, где бодрит мороз – на каток! К началу сумерек туда, казалось, собирался весь молодежь Новосибирск – старшеклассники и студенты, ученики ПТУ и техникумов. По всем тропинкам и дорожкам стекались девчата и парни к стадионам. Баловни судьбы шли со своими коньками, переброшенными веревочками через плечо, а “пролетарии” брали конёчки напрокат. И тут уж как повезёт – дадут хорошую пару, будешь кататься в удовольствие, достанутся ботинки-развалюхи, под которыми лезвия подгибаются то вовнутрь, то наружу, намучаешься. На этот случай бывалые ребята брали с собой веревки, подтягивая к пятке конек, чтобы крепче сидел на ноге и не болтался из стороны в сторону. В просторной раздевалке народу – не протолкнуться. Две гардеробщицы едва справляются, выдавая номерки за наши пальтишки. К окошечкам проката – весёлые очереди. Точильщик выбивает радостные искры, пробует ногтем лезвие конька: хорошо ли наточено? Наденешь коньки, и на лед! А там – огни выхватывают из морозной тьмы мчащиеся по льду фигуры, звучит музыка. “Ночью за окном метель, метель”, – поёт сладкозвучный Трошин. Хорошо!.. В те годы молодежь буквально болела катком, и на тех редких наших ровесников, кто не ходил на стадион, мы смотрели с жалостью, а то и с легким презрением. Было модно и престижно быть спортивным. Училися друг у друга, как, не снижая скорости, одолеть поворот, как тормознуть, если у тебя перед носом кто-то промчался, как лавировать между новичками и неумехами, как ездить парами. Особым шиком было, конечно, умение ездить задом наперед, и те пацаны, что умели это делать, пользовались особым авторитетом. У большинства из нас были обыкновенные “дутьиши” – самые примитивные коньки, которые не очень-то позволяли блеснуть своим умением. Поэтому предметом особой зависти были “канады”: высокие, как у хоккеистов, они были маневренные и позволяли развить большую скорость. Беговые коньки были только у единицы, как правило, у взрослых... Немало было и тех, кто приносил с собой обыкновенные снегурки, прикручивал их веревочками к стареньким валенкам. И надо сказать, мальчишки на снегурках ничуть не уступали в мастерстве и скорости пижонам на “канадах”. Фигурное катание тогда ещё не вошло в моду, и если на катке изредка появлялась нарядная девочка в белой пушистой шапочке, в короткой, отороченной мехом юбочке, то все наши кавалеры начинали крутиться возле неё. Девочка не могла мчаться по кругу наперегонки вместе со всеми, ездил потихонечку, отгалкиваясь одной ножкой, но зато она могла делать ласточку и при этом медленно вращаться. Выходило очень красиво, и все останавливались, чтобы полюбоваться. Накатавшись вволю, бежали в теплушку отогреться. А там – теплынь, почти жара. На полу – лужицы стаявшего снега, в воздухе – теплый парок. Народ пьёт горячий молочный кофе и ест бутерброды. На скамейках – толчея. Здесь же – школа шнурования ботинок. Это очень важное умение – не так затянется шнурки, разболтаются ноги или ботинки будут крутиться на ноге. В теплушке сразу видно, кто за кем ухаживает, – если парень перекидывает девчачьи коньки через плечо, значит, пойдет провожать. Здесь назначаются встречи и свидания, здесь же обсуждают завтрашний зачет или контрольную. Иногда проводятся импровизированные летучие собрания – ведь собирается почти весь класс или целая группа, можно и дела какие-то порешать, пока есть время. В тёплую погоду на каток бегали почти ежедневно, в морозы – два-три раза в

неделю. И так всю зиму. Вспоминаю, в какой-то год мы завершали зимний сезон восьмого марта, скользя по мягкому, почти мокрому льду...» (Иванова, 1999)

КАТУШКА – «Небольшой, с кружками на концах, полый внутри, стержень для наматывания на него ниток, шёлка, тесьмы и т. п.» (Словарь, 1956–5, 879).

Катушки вместо каблучков.

Девочки на всём протяжении XX века, желая носить обувь на каблучках, «как у взрослых», имитировали каблук, подкладывая под пятки (под обувь без каблучков) катушки из-под ниток.

О Москве в 1908–1910 гг.: «... Мама всегда покупает Соне башмаки на пуговицах и всегда такие большие, что даже носок загибается... И вот Соня придумала. Она побежала домой, отыскала в своем ящике с лоскутьями две пустые катушки. А потом раздобыла веревочку и привязала эти катушки к своим башмакам вместо каблучков... А Соня ходила по комнате на катушках, будто на высоких каблучках, и это ей очень нравилось. Потом мама сказала: “Ну, хватит. Отвяжи эти катушки, а то еще ногу свихнешь. А башмакиними – чего в такую жару зря обувь трепать! Сейчас и босиком бегать можно» (Воронкова, 1959–а, 62–63).

О вт. пол. 1920-х гг.: «Мария Васильевна знала Асю ещё с тех времен, когда та бегала по двору в трусиках и привязывала к пяткам чужаечки ниточные катушки, изображая соседку – модную даму на сверхвысоких каблучках» (Шошмин, 1961, 9).

О 1964 г.: «Девочки... мечтали о каблучках-“шпильках”, подпирали пяточки деревянными катушками из-под ниток» (Киршин, 2002).

КАТЯ Лычёва – 11-летняя школьница, посетившая в 1986 году США. После гибели в 1985 г. *Саманты Смит*, посетившей СССР в 1983 г., орг-ция «Дети как миротворцы» предложила организовать ответный визит в США советской школьницы. Выбор предоставили советской стороне, поставив лишь два условия: девочка должна активно участвовать в борьбе за мир и не быть старше Саманты. Катя Лычёва была отобрана из нескольких тысяч кандидатур. С 21 марта по 4 апреля 1986 года она вместе с амер. школьницей Стар Роу (Star Rowe) совершила поездку по США с пропагандой мира. Поездка широко освещалась советскими средствами массовой инф-ции, и на некоторое время Катя стала довольно популярной в Советском Союзе, в особенности среди школьников.

«...Катя Лычева, первая обладательница междунар. дет. премии имени Саманты Смит, принявшая от Саманты дет. эстафету взрослого мессинства. Катя беленькая, худенькая, с огромными глазами и милой улыбкой, вся какая-то ясно прозрачная. Лёгкость в общении, чистота взгляда, живость... Одинадцатилетняя Катюша Лычева – несомненно, личность. Умна, раскованна, жива... Шесть – из одиннадцати – лет занимается хореографией, музыкой, живописью. Учится в английской школе. Снялась в пяти кинофильмах... В определенном плане Катюше, может быть, даже сложнее, чем Саманте. Та представляла только себя – во всяком случае вначале... А Катю на роль маленького посла мира выбирали. Американская организация “Дети как творцы мира” учредила премию мира имени Саманты Смит специально для советского ребенка не старше одиннадцати лет. И Клуб интернационально дружбы Московского городского дворца пионеров и школьников выбрал Катю. За ее активную работу в КИДе: она встречает и принимает вместе с другими ребятами гостей из разных стран, интересно рассказывает о жизни советских ребят, о том, какую суровую дань войне против гитлеризма и нацизма отдал советский народ. Катя знает об этом от дедушки и бабушки – участников войны. Кроме того, Катя организовала в своем классе переписку с амер. ребятами, а в школе создала музей памяти Саманты. Выбирали и выбрали ее ребята и “за её доброту и отзывчивость”, за то, что она такая, как есть сама по себе... Согласитесь, что жезл “маленького посланца мира”, который Катя приняла от Саманты, нести нелегко. ...Представлять не только себя, но свой класс и свою школу и в конечном итоге всю советскую

детвору – на редкость почетно, но и ответственно. Катюша справилась с этим блестяще. Свидетельство тому и восторженная амер. пресса..., и немедленное заявление ста амер. детей, с которыми встретила там Катя, о желании поехать в СССР» (Николенко, 1986, 8).

«КАТЯ, Катя, Катерина, нарисована картина...» – закреплённое в фольклоре обыгрывание имени Катя (Катерина), бытовало в 1920-е–1980-е годы.

Текст, записанный в дер. Емельяново Красноярского округа в 1928 г.: «Катя, Катя, Катерина, / Нарисована картина. / Катя коврик вышивала, / Офицера дождала. “Офицерик молодой, / Проводи Катю домой»» (ДПФ, 1997; 298, 520).

Текст, записанный в дер. Кузомень Мурманской обл. в 1932 г.: «Катя, Катя, Катерина, / Нарисована картина, / Под картиной огурцы, / Катю любят молодцы. / Катя голову чесала, / Офицера дождала...» (ДПФ, 1997; 298, 520).

О конце 1930-х гг.: «“Катя, Катя, Катерина – нарисована картина” – это я услышала [в конце 1990-х гг.] от своей бабушки Кати (1934 г.р.), которая рассказывала, что ей так говорили в детстве» (154).

Текст, записанный в Новосибирской обл. в 1960-х гг.: «Катя, Катя, Катерина, / Нарисована картина, / Катя с мужем подралась, / И картина порвалась. / А картина отлепилась – / Катя с мужем помирилась» (ДПФ, 1997; 298, 520).

Текст, записанный в Карелии в 1972 г.: «Катя-Катерина, нарисована картина, / На картине плюшка – Катя-Катерюшка» (Лойтер, 1991; 112, 252).

О середине 1980-х гг.: «А когда мы видели, что за девочкой из нашего двора ухаживал мальчик, то мы говорили: “Тили-тили-тесто, / Вы жених с невестой... Катя-Катя-Катерина, / Нарисована картина, / На картине петушок, / Катю любит женишок”. Когда так говорили, то мы злились, зачем нам приписывать жениха» (537).

Текст, записанный в Петрозаводске в 1988 г.: «Катя-Катя, Катерина! / Нарисована картина. / Катя волосы чесала, / Кавалера поджидала» (Лойтер, 1991; 112, 252).

О детях 5–10 лет в г. Когалыме в 1992–1997 гг.: «Когда мне было лет 5–10, мы часто обзывались в стихотворной форме друг на друга. Вот примеры запомнившихся мне стишков: “Катя, Катя, Катерина, / Нарисована картина, / А в картине огурцы, / Катю любят молодцы”» (134).

Записано от девочки 10 лет в г. Петрозаводске в 2000 г.: «Катя, Катя, Катерина, / Нарисована картина. / На картине петухи, / Катю любят женихи» (Лойтер, 2005, 199).

КАФТАНЧИК – род верхней одежды.

О гимназистке в нач. XX в.: «Ева идет по самой главной дорожке в своем синем кафтанчике с серым беличьим воротником, в серой беличьей шапочке набекрень. В руках книжки, стянутые ремешком» (Будогоская, [1929] 1988, 12).

КАХОВСКИЙ – Серёжа Каховский, герой трилогии Владислава Крапивина «Мальчик со шпагой».

О вт. половине 1970-х – нач. 1980-х гг.: «Популярных героев-детей в дет. литературе больше, чем популярных героев-взрослых. Это герои сказочные – от Мальчика с пальчик до Мальчиша-Кибальчиша. И герои вполне реальные, вроде Тома Сойера или Мишки Додонова из повести А. Неверова “Ташкент – город хлебный”. Это герои вымышленные, обобщенные, как Сережа Каховский из повести В. Крапивина “Мальчик со шпагой”. И герои, имеющие реальных жизненных прототипов, как Саша Коновалов в повести А. Кузнецовой “Честное комсомольское”» (Мотышов, 1983, 89).

КАЧАТЬ – «Подкидывать кого-либо вверх в знак восторга, любви и т.п.» (Словарь, 1956–5, 887).

О Москве в 1928–1929 гг.: «Примерно так же выглядели демонстрации, когда я стал ходить на них со старшими классами нашей школы. На остановках танцевали теперь уже дозволенный фокстрот, играли в “жучка” и “кошки-мышки”, к кому-то, тайно сговорившись, подкрадывались сзади и ни с того ни с сего начинали “качать”, высоко подбрасывая вверх» (Федосюк, 2004, 115).

КАЧЕЛИ – «Сооружение для качанья как забавы; доска, подвешенная к перекладине, ритмически взлетающая вверх и вниз при раскачивании» (Словарь, 1956–5, 889).

О девочке в г. Петрозаводске в перв. пол. 1930-х гг.: «В теплое время года мы по большей части собираемся у Ольги. У них свой дом... Ольгин дом притягателен... тем, что на дворе есть... “тиганы”... Я готова крутиться на гиганах с утра до вечера. А вот качели, которые на Ольгином дворе тоже имеются, явно не для меня. Дело не в том, что я “боюсь” (ничегошеньки я в те годы не боялась!), просто при скольжении вниз ощущения мои так болезненны, что меня мутит уже от одного вида качелей...» (Лупанова, 2007, 59).

О Ленинграде во вт. пол. 1930-х гг.: «...Однажды во дворе стараниями взрослых появились турник, веревочная лестница, канат, качели, на которых, если стоишь на конце доски, взлетаешь до перекладины. Но когда установили столб с висящими на нем канатами – “гигантские шаги”, качели отступили на второе место» (Богданков, 1972, 14).

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «На пасхальную неделю, строго на эти дни, дедушка двоюродной сестры Любы Кокориной на перекладине сарая навешивал для нас качели. Доска была длинная, прочная, так что мы устраивались на ней всей компанией – мы с Любой и ее подруги. Удивительно – качались целыми днями (с перерывами на еду): болтали, ссорились, влюблялись» (Санников, 2001).

О середине 1940-х гг.: «Шумели от ветра / Зеленые ветви, / Висели качели / Под дубом столетним. / С утра до обеда, / До тихого часа / Качались ребята / Из первого класса, / Потом из второго, / Потом из шестого, / Потом малыши / Появляются снова... / Качели взлетают / То влево, то вправо, / И громко вздыхает / Вожатая Клава... / Как только ребята / Ложатся в постели, / Вожатая Клава / Бежит на качели...» (Барто, [1946] 1969–2, 177–179).

О конце 1950-х гг.: «Мы качались на качелях, / Мы все перепели, / Мы купались, мы гребли / Мы сидели на мели!» (Тараховская, 1963, 101).

О середине 1980-х гг.: «Качаясь на качелях: “Я в полете, а ты в болоте”. “Ты в болоте, я на самолете”» (496).

О Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «Через дорогу от бабушкиного дома были качели, и мы прямо собирались там около качающегося и обсуждали что-нибудь. Была очередь на качания. Я любила прийти одна на эти качели и принять позу “романтического мечтания” или спеть песню, качаясь на качели, запрокидывая голову назад, смотрясь в небо» (1001).

См. также: *Прыгать с качелей.*

Качели в помещении (сарая, доме).

О девочке 3–5 лет и мальчиках 10–12 лет в 1914 г.: «Полосы солнечного света, падавшего в щели, разрезали пыльный сумрак сарая на отдельные пласты... Сашенька качалась на качелях – специально для неё мы привязали к перекладине под потолок веревку. Качели то вылетали в полосу света у двери – и при этом каждый раз Подсолнышка счастливо жмурилась, – то улетали к стене, в тень, и тогда девочка широко открывала глаза... Подсолнышка летала взад и вперед, а я, стоя сбоку, следил за ней, готовый подхватить её, если качели подврутятся... И опять качели летали взад-вперед, от стены к распахнутой двери и обратно, полосы солнечного света скользили по босым ножонкам Подсолнышки, по её платьицу, по белым, развевающимся волосам» (Рутько, 1962, 28).

О г. Ленинграде во вт. пол. 1930-х гг.: «На двери у нас сначала были набиты крюки для качелей, и меня качали туда-сюда, потом купили мне трехколесный велосипед, и я раскатывала на нем по маминым комнатам» (Прусакова, 2003).

Качели перекидные.

О г. Саратове в конце 1880-х гг.: «В числе весенних удовольствий было посещение всей семьёй в праздничные дни Пасхи Московской площади с её балаганами, каруселями и перекидными качелями. Ходили всей семьёй, а дети иногда с одной бабушкой.

Особенно я любил кататься на перекидных качелях: мне нравилось замирание сердца, когда ящик опускался вниз» (Золотарев, [до 1975], 1995, 51–52).

Фразы-реплики качающихся на качелях.

О середине 1980-х гг.: «На качелях. Если вверх: “Ты у черта на горе”. Если вниз: “Ты у Ленина в Кремле”» (495).

«**КАШТАНКА**» – рассказ (1892) *А.П. Чехова*; в 1960-е – 1980-е гг. входит в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (2-й класс).

«“Каштанка” впервые издана для детей в 1892 году. В основе этого произведения лежал рассказ “В учёном обществе”, написанном в 1887 году и имевший успех у ребят... “Каштанка” имела и имеет огромный успех у детей-читателей» (Алексеева, 1960; 135, 137).

«КВАДРАТ» – детская игра с мячом.

О середине 1990-х гг.: «С мальчишками играли в “квадрат”. Чертили на земле большой квадрат. Каждый игрок вставал в своё поле. Задача была выпнуть мяч так, чтобы он оказался на поле другого участника, а не за полем и не на черте. По сумме очков определялся победитель» (606).

О девочках 12–13 лет в с. Рассвет Мокроусовского р-на в 1995–1996 гг.: «Летом мы играли на стадионе в “цепи закрытые”... Ещё мы играли в “Квадрат”. На земле чертили небольшой квадрат, делили его на 4 части. Можно было в каждой части по два человека. Мяч ставили в центр, а потом одновременно пинали по нему. Был переход из одной луны в другую. Кому больше забивали, тот проигрывал и выходил из игры» (521).

О 1997–1999 гг. в Шадринске: «Игра в “квадрат” напоминает футбол. Для неё нужна площадка 4 на 4 метра. Играть могут от двух до восьми человек. Для игры нужен футбольный мяч. Квадратную площадку делят на 4 равных квадрата, в центре которого чертят круг диаметром 1 метр. Каждый игрок занимает своё поле. Один из игроков бросает со своего поля мяч в центральный круг так, чтобы он отскочил в один из квадратов. Игрок, в чьё поле попадает мяч, должен отбить его ногой на другое поле после одного касания мячом земли. Он не должен допустить второго удара мяча о землю в пределах своей площадки, иначе получит штрафное очко (выйдет из игры). Игра продолжается, но игроки передвигаются, на одно поле по часовой стрелке. Получивший штрафное очко начинает игру броском мяча через центральный круг. Если он трижды промахнется, ему также начисляется одно штрафное очко. Если играют двое или трое, то каждый из них занимает по одному полю, а при прохождении мяча через пустое поле, очко будет начислено тому, кто послал мяч в пустое поле. Если играют 8 человек, то на каждое поле встанут по два человека, которые считаются командой. При игре вчетвером можно играть двое на двое. Играют до условного количества штрафных очков. Правила игры: мяч разрешается отбивать всеми частями тела, кроме рук, как в футболе; игрок не имеет права дважды касаться мяча на своем поле, но его может выручить сосед, перешагнув на его площадку на одной ноге и послав мяч другой ногой на какое-либо поле. В “квадрат” мы стали играть приблизительно в возрасте 13–15 лет. Эта игра нам очень нравилась, и мальчишки с удовольствием играли с нами и обыгрывали нас. Но со временем мы с подружками тоже наловчились играть и нередко даже побеждали мальчишек» (113).

«КВАРТЕТ» – басня И.А. Крылова.

О 1980-х гг.: «В программе V класса четыре басни Крылова: “Волк и Ягненок”, “Квартет”, “Волк на псарне” и “Демьянова уха»» (Зепалова, 1983, 63).

КВЕСТ – то же, что *приключенческая игра (компьютерная)*.

О 1997 году: «Компания... в сотрудничестве с программистами... сделала жутко смешной квест по мотивам известного мультфильма» («Я молодой», 1997, № 4; цит. по: ТССР, 2001, 336).

КВН – феномен 1960-х – 2000-х гг., телевизионные командные «соревнования по остроумию» и порожденные их популярностью соревнования «на местах». КВН возник в 1961 г., закрыт в 1972 г.,

возобновлён в 1986 г. Создатели КВНа – Михаил Яковлев, Альберт Аксельрод, Сергей Муратов и редактор Елена Гальперина.

Предшественником КВН была передача «Вечер веселых вопросов», вышедшая в 1957 году.

С. Муратов рассказывает: «Придумали мы [КВН] вместе: врач Альберт Аксельрод – душа КВНа, инженер Михаил Яковлев... и ваш покорный слуга – конструктор игры... Все мы трое за четыре года до создания КВНа уже делали первую в стране игровую передачу с участием живых зрителей – “ВВВ” (“Вечер веселых вопросов”), сразу ставшую безумно популярной... “ВВВ” закончился грандиозным скандалом (из-за ошибки ведущего) с увольнениями, оргвыводами и специальным, закрытым, постановлением ЦК КПСС. В 1961 г. редактор молодежной редакции Лена Гальперина обратилась ко мне с просьбой: “Сергей, на телевидении очень скучно. Нельзя ли сделать что-то вроде того, что вы с ребятами делали четыре года назад?”... Тогда я собираю тех же авторов, и в течение месяца мы придумываем совершенно новую, никаких аналогов в мире не имеющую программу. В ночь, перед тем как отдать сценарий, спохватываемся: “А ведь нужно же название!” Тогда самый популярный отечественный телевизор назывался “КВН-49” – по первым буквам фамилий трех его изобретателей – инженеров, создавших эту марку в 1949 году. Ну мы и решили назвать игру по телевизионному – КВН, но расшифровать аббревиатуру иначе...» (Муратов, 2006, 43).

Несколько слов и в телевизоре «КВН-49»: «Первые аппараты с маленьким экраном для увеличения изображения снабжались линзой с дистиллированной водой. Назывались они КВН-49. 1949 год, вероятно, год получения патента, а КВН – инициалы конструкторов: Кенингсона, Варшавского, Николаевского. Остряки расшифровывали КВН так: купил, включил, не работает» (Федосюк, 2004, 71). Уже в конце 1950-х гг. телевизор «КВН» воспринимался как «старье»: «Утром отец... сидел за столом перед стаканом чая..., а мама вела на него очередную атаку. “Прямо-таки смешно: у Костиных – давно “Авангард”, у доцента Брянцева – “Темп”, и только у профессора Соломина вот уже три года этот допотопный “КВН”!” “Но почему же допотопный? Обычная схема; линза, нормальная видимость. – Отец машинально взглянул поверх очков в угол столовой, где всегда стоял телевизор, потом поискал глазами по комнате. – Что это значит, Аксинья? Ты продала его?” “Ну что ты! Кто польстится на такое старье? Я просто выставила его в чулан”» (Офин, 1960, 23).

8 ноября 1961 года в телеэфире впервые появился «Клуб веселых и находчивых» – КВН.

Продолжаем изложение рассказа С. Муратова: «В течение первых трех лет мы писали все сценарии, ...Алик Аксельрод... вёл в живом эфире КВН вместе со Светланой Жильцовой... Через три года после возникновения КВНа телевидение рассталось с тремя создателями игры. А КВН в своей прежней структуре успешно просуществовал до 1972 года, был очень популярен, что, однако, не помешало передаче закрыть... КВН отправили “импровизировать” на 14 лет за пределы студии: клубы веселых и находчивых продолжали существовать на заводах, в институтах и даже в армейских подразделениях» (Муратов, 2006, 43–44).

«КВН неразрывно связан со своим ведущим Александром Масляковым... Это была одна из немногих юмористич. и сатирич. передач, где позволялась достаточно острая критика существующих порядков» (Соколов, 2006, 14).

Мода на эту игру охватила как молодёжную, так и детскую среду (школы, пионерские лагеря), игра в КВН в детской среде существовала с 1960-х по первую половину 1970-х гг.

О перв. пол. 1960-х гг.: «“Это мы в КВН играем”, – ответил Сашка Карпов. И тут же наперебой рассказали, что значит играть в клуб веселых и находчивых. Кто быстрее и лучше ответит на разные вопросы, тот и победитель... Встретившись на другой день с Сашей, мальчишки предложили устроить КВН в классе... В

классе... появились две “тайные” группы, которые на переменах обсуждали свои “заковыристые” вопросы, а после уроков куда-то вместе исчезали... И вот объявление: “Завтра КВН”... Наконец это завтра наступило. Выстроились две команды, между ними судейский стол. Новохатский – главный судья... Состязание началось. Капитан команды “Колбы” Лена Амстивовицкая выходит вперёд: “Той еси вы, добры молодцы! / Вызываем вас мы на смертный бой, / А нашему, да на КВН, Рассудите нас, люди добрые, / Свет жюри да вы, люди умные...” К сожалению, нет никакой возможности даже перечислить все вопросы, которые звучали на этом КВН. Они касались разных областей знаний: литературы, музыки, живописи, спорта, науки. Были разыграны шуточные пантомимы, состязались ребята в стихах и рисунках, в забавных играх и фокусах. Состязались шестнадцать ребят, а остальные были болельщиками» (ТПГ, 1965, 75–77).

О шестикласснике в середине 1960-х гг.: «...В ответ доносятся голос Пети: “У меня КВН по физике. Ты же знаешь, после уроков. Ответственный день!”... Пётр Петрович с яростью трёт шёткой зубы. “Мы учились в школе совершенно нормально и были грамотнее вас, кавээнщиков”... “У нас двести сорок восемь очков. На прошлых кавезнах набрали. По химии, по алгебре, по французскому, по...”» (Коршунов, [1968] 1980, 138–139).

О 1967–1968 гг.: «...Женя попросила помочь ей подготовить часть программы для КВН школьного вечера отдыха, за которую она отвечала. “Вечер будет мировой, – говорила Женя. – Ребята из десятого “А” раздобыли киноленты комсомольских фильмов и сделали монтаж по истории комсомола... А потом наш КВН. Нужно придумать вопросы ведущих к обеим командам”. “Роман мастер по части остроумия, – кивнул Костя на приятеля. – Ему и карты в руки”. “А ты подготовишь вопросы по астрономии и технике. Хорошо?” – Женя взяла Костю за руку... Удался на славу и хроникальный киномонтаж по истории комсомола. После него состоялась товарищеская встреча смешанных команд из десятого “А” и десятого “Б”, которая проводилась по подобию телевизионных КВН... На эту встречу пришли даже уборщицы. Команда “Красная Шапочка” состояла из девочек, а “Серый волк” – из ребят. Болельщики горячились, выбрасывали над головами лозунги: “Нам не страшен серый волк”, “Спасайся, Красная Шапочка!” Они до того расшумелись, что председатель жюри пригрозил удалить наиболее ретивых. “Кто самый известный парикмахер в мире?” – спрашивала представительница “Красной Шапочки”. – “Севильский цирюльник”, неучи! А кому Айвазовский посвятил картину “Девятый вал”? Кто такой Рильке?” “Сколько килограммов весил первый искусственный спутник Земли? – в свою очередь наступали из команды “Серый волк”. – Сколько ступеней имела ракета, доставившая его на орбиту?” Девочки не терялись: “А сколько ступенек у крыльца нашей школы? В каких трех событиях яблоко сыграло решающую роль? Сколько стоит килограмм соли?” Под общий хохот выяснилось, что никто не знает. Затем было состязание на лучшее знание электроизмерительных приборов. Победили девочки, поскольку многие из них проходили практику на приборостроительном заводе. Команде-победительнице в качестве приза был преподнесён венок из сухих лавровых листиков, нанизанных на нитку. Каждому члену команды достался лавровый листик» (Марчик, 1969; 102, 113).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Сейчас прежнему очень распространён в школе КВН – клуб весёлых и находчивых. (В КВН “играют” даже пионеры III–IV классов, неумело копируя “На огонёк”, КВН взрослых: сидят за столиками, пьют чай с шоколадными конфетами, “умничают”, состязаясь иногда в мало эффективных для воспитания делах – кто быстрее съест кашу, кто быстрее сочинит анекдот на школьные темы. Это дети 10 лет – о, время!!! А мы, взрослые, терпим и иногда даже умиляемся») (Иванова, 1973, 131).

Из учебного пособия 1971 года: «Литературных знаний и литературной выдумки требуют заседания

клуба весёлых и находчивых (КВН). На них предлагаются задачи типа литературных экспромтов» (Никольский, 1971, 239–240).

Осенью 1972 года телепередача была закрыта. Возобновлена в 1986 году.

В настоящее время существует Международный союз КВН, включающий в себя более двух десятков официальных подготовительных лиг и сотни региональных чемпионатов (Соколов, 2006, 14).

О 1996–1997 гг.: «Долгое время наблюдала за взрослыми, которые при просмотре телепередачи “КВН” смеются, я не понимала почему. Но лет с 12–13 сама стала часто смотреть КВН, у меня даже было несколько любимых команд, за которые я переживала и болела» (113).

О Шадринске 1997–2003 гг.: «Когда мне было 11–16 лет, мы всей семьей смотрели КВН. Нам очень нравились шутки. Мне нравились команды “Утомленные солнцем” и “Уральские пельмени”» (112).

О 2006 г.: «В России движение КВН существует в 110 городах. Это около тысячи студенческих и двух тысяч школьных команд, около 20 тысяч кэвээнщиков, свыше 5 миллионов зрителей в залах за один год десятки миллионов телезрителей» Огонек, 29096, № 45. – С. 42).

КЕГЛИ – игра, заключающаяся в том, что расставленные столбики (кегли) должны быть сбиты катаемым по дорожке шаром.

КЕДЫ – [в издании Словарь, 1956–5 слово отсутствует] «Спортивные мягкие ботинки на ребристой резиновой подошве» (Лопатин, 1997, 227).

О 1958 году: «Китайская дружба кончалась. Ещё шли к нам из Китая... синие китайские кеды – мечта каждого мальчишки» (Киршин, 2002).

О конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Шадринске: «“На уроки физкультуры в начальных классах... я надевала тапочки... Позднее вошли в моду кеды и полукеды. Особенно красивые были китайские кеды. Они были дорогие. Мне покупали наши российские кеды. Они были дешевле”» (Завьялова, 2005).

О конце 1950-х гг.: «И видит Андрюша, как он входит в магазин “Пионер”, тот, что на Неглинной... Под стеклом витрин яркие значки, пёстрые спортивные майки, синие кеды с кремовыми, как вафли, резиновыми подошвами» (Орджоникидзе, [1961] 1974, 209).

О середине 1960-х гг.: «Мальчишка опустил на гальку камеру, сорвал с ног синие кеды и побежал к скале... Туда он уехал утром, прослышав от соседа, что в магазин “Спорттовары” закинули кеды. Свои Миша износил, а они были незаменимы для игры в волейбол и походов в горы. Однако купить кеды не удалось: перед самым носом кончился его размер» (Мошковский, [1967] 1972; 39, 104).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Я зашнуровал кеды и выбежал из нашего домика. Я торопился на волейбольную площадку...» (Машков, 1974).

О начале 1970-х гг.: «Весна. В классе душно. Скорее на солнышко, ноги – в кеды да поразмяться футболом» (Иванова, 1973, 12).

О первой половине 1970-х гг.: «Вид у Челнокова-младшего был совершенно счастливый. Мокрые школьные брюки шлепали по кедам, глаза сияли восторгом» (Матвеева, 1977, 42).

О первой половине 1970-х гг.: «Толстиков..., заправив рубашку в брюки, нагнулся, снял кед с ноги и бросил в Майю Матвеевну» (Исарова, 1977, 74).

О конце 1970-х гг.: «Раздается сопение, свешиваются ноги в кедах и в черных брюках, потом появляется худенькая спина в свитере, светлый затылок. Стоит перед нами девочка и смотрит в пол... [Девочка] молчит и вертит носком кеда по коврику. Девочка одиннадцати лет, ну, может быть, двенадцать» (Матвеева, [1982] 1986, 9).

О 1970-х гг.: «Скоро Вася почувствовал под ногами дно, открыл глаза и увидел Саньку в мокрых джинсах, рубашке и кедах» (Мошковский, 1979, 157).

О 1983 году в Москве: «Только бутс [тридцать пятого размера] не бывает. Даже на всевозможных соревнованиях “Кожаный мяч” младшие играют в кедах – это она

специально проверила по телевизору» (Иванов, [1984] 1992, 136).

О девочке 10 лет в Белоруссии в 1995 г.: «Не знаю почему, но из детства мне запомнились кеды, а не кроссовки. Я могу вспомнить только одну пару кед. Однажды (я училась в третьем классе) мы с мамой перебирали вещи в шкафах, и мама достала кеды. Я как сейчас помню, что это были тканевые “ботиночки” со шнуровкой впереди, на резиновой подошве. Высотой они были чуть выше щиколотки и плотно прижимались к ноге. Кеды были розово-коричневого цвета с синими ленточками. Если честно, то не помню, носила я их или нет на уроках физкультуры, но помню, что их примеряла» (017)

Ср.: *Бутсы; Кроссовки; «Спортсменки».*

«КЕМ БЫТЬ?» – стихотворение В.В. Маяковского.

О нач. 1960-х гг.: «Поэма “Сын артиллериста” изучается в V классе... и входит в пятый раздел программы – “Советские писатели о социалистич. родине”... В двух последних произведениях этого раздела – в повести Павленко “Степное солнце” и в стихотворении Маяковского “Кем быть” изображается... труд советских людей» (Колокольцев, 1963, 91).

«КЕН» – кукла модели «Барби», изображающая мужчину.

О нач. 2000-х гг.: «...Кроме Барби, есть ещё и Кен, приятель Барби. У шестилетней Маши – четыре “Барби” и два “Кена”. У всех кукол свои имена, Маша так и говорит: “Этого Кена зовут Степан, этого – Семён”. То есть “Барби-Кен” – это обобщённое определение некоего типа кукол» (Букин, 2004, 6).

КЕПКА (у мальчиков) – мягкий головной убор без тульи и околыша, с козырьком.

Об Одессе 1900-х гг.: «Детство в моей памяти разделяется на два периода: первый, когда я хожу одетый, как все мальчики, в коротких штанах, в куртке и кепке, имеющей на макушке пуговицу, – и второй, облачивший меня в гимназическую форму...» (Олеша, [1931] 1999, 78).

О конце 1930-х гг.: «Вы знаете, до войны [1941–1945 гг.] мальчишки, особенно в деревнях, часто и летом ходили в каких-нибудь картузах или кепках. У меня тоже была кепка, которую я надевал на рыбалку или в ненастную погоду» (Якуб, 1988, 67).

О конце 1930-х гг. читаем в рассказе Л. Пантелеева «Испанские шапочки» (1940): «Тут один маленький мальчик в серенькой кепке спрашивает... Мальчик в серенькой кепке уронил свою серенькую кепку».

О 1947 годе: «...Появился Васька. Появился, голый до пояса, в... длинных – на вырост – штанах, подпоясанных ремешком, в кепке козырьком назад, – подавляющая, сильная личность!» (Панова, [1955] 1956, 432).

О 1950-х гг.: «Странный характер / У школьника Вовки: / Вовка бледнеет / При виде обновки. / Новую кепку / Купили вчера – / Бедный мальчишка / Рыдал до утра» (Барто, [1958] 1969–1, 207).

О середине 1950-х гг.: «...Ребята знали во всех мелочах его домашнюю жизнь. Даже такие досадные подробности, как то, что бабушка... осенью вкладывает в его кепку стёганный ватный блин...» (Раковская, 1956, 103).

Ср.: *Бейсболка; Фуражка; Каскетка.*

КИД – См.: *Клуб интернациональной дружбы.*

«КИНДЕР-СЮРПРИЗ» – продукт немецкой компании «Fertigo», выпускается с 1974 года. «Киндер-сюрприз» представляет собой яйцо из молочного шоколада, внутри которого располагается контейнер с игрушкой-сюрпризом. После появления в начале 1990-х годов киндер-сюрпризов на отечественных прилавках, среди детей началось повальное увлечение коллекционированием игрушек-фигурок.

О 1992–1993 гг. в г. Завитинске Амурской обл.: «Когда мне было 7–8 лет, мама стала покупать необычные яйца – “киндер-сюрпризы”. “Киндер-сюрприз” представлял собой шоколадное яйцо (размером в два куриных), обернутое тонкой фольгой (иногда одна половинка яйца была из молочного шоколада, а другая – из белого). Внутри этого шоколадного яйца находилось

пластмассовое (чаще всего жёлтого, оранжевого цветов, а также красного, синего, зеленого, фиолетового цветов, – но это была большая редкость, и я выменивала эти разноцветные яйца у ребят на игрушки). Внутри пластмассового яйца находилась игрушка. Это были различные фигурки животных, людей, машин, а также сборные игрушки. Больше всего я радовалась, когда попадалась фигурка. По этикетке, находящейся вместе с ней в яйце, можно было подсчитать, каких и сколько фигурок ещё не хватает до полной коллекции. Для того чтобы собрать коллекцию, нужно было как можно больше покупать “киндер-сюрпризов”, можно было обмениваться с ребятами» (107).

О Шадринске в 1993 г.: «Когда мне было лет 8, я очень любила, когда мама покупала мне “киндеры”. “Киндер-сюрприз” – это шоколадное яйцо, завернутое в упаковку из фольги, внутри которого находился футляр из пластмассы красного или жёлтого цвета. В футляре находилась маленькая игрушка, которая обычно состояла из нескольких деталей, и инструкция, как её нужно собирать. На такой инструкции также рисовалось, какие ещё игрушки входят в коллекцию. “Киндер-сюрпризы” продавались почти во всех продуктовых магазинах или ларьках. Игрушки из “киндеров” я коллекционировала. Иногда мы менялись ими с подружками» (111).

О 1990-х гг.: «В детстве я обожала покупать альбомы с наклейками, воздушные шарики и киндер-сюрпризы – гонялась за коллекционными фигурками, обменивалась с подружками, собирала целые серии: бегемотики, черепашки, пингвинчики...» (Иванова, 2003, 44).

Ср.: *Шоколадные «бомбы».*

КИНО – кинофильм, демонстрируемый в кинозале; кинотеатр, здание, где смотрят кинофильм.

О 8-летних девочках в 1932 г.: «Мы с Любой... жили на одной улице... В свободное время вместе ходили в кино. Знакомая их семьи, работник обкома, отдала Любе свой пропуск на два лица во все кинотеатры города... Едва досидев последний урок, мы бежали в соседний со школой кинотеатр “Пролетарий”, смотрели в нём фильм. Затем стрелой неслись в кинотеатр “Спартак”. Отсидев там полтора часа, перебежали дорогу и едва успевали на следующий сеанс в кинотеатре “Комсомолец”. Выходили оттуда уже пошатываясь и к концу дня, в сумерках, возвращались домой. Мама обычно приходила с работы ещё позднее, а бабушка, узнав, что я была с Любой в кино, не ругалась... Так продолжалось около месяца. Сначала мы упивались фильмами, смотрели многие по несколько раз, но потом некоторые из них стали надоедать. Тогда мы решили смотреть в день только по два фильма, а затем по одному. А спустя ещё некоторое время, мы смотрели почти все фильмы по одному разу и лишь любимые – “Золушка”, “Конек-Горбунок”, “Кошей Бессмертный”, “Большая жизнь”, “Трактористы”... – смотрели... столько, сколько их показывали. Часто я уступала своё место подружкам, и с Любой в кино ходили и другие девочки. Но скоро это “счастье” кончилось, так как знакомая уехала в другой город. Но кино оставалось нашим любимым зрелищем, и мы умудрялись не пропускать ни одного фильма, покупая самые дешёвые билеты на дневные сеансы» (Кубанева, 1988).

Ходить в кино (о мальчике с девочкой) – семиотически окрашенное поведение подростков; демонстрация взаимных симпатий мальчика и девочки.

О начале 1960-х гг.: «Мама говорит в коридоре дочке: “Знаю я эти “пошла к подруге”. Чтобы в девять была дома”. И слышит в ответ: “А сама во сколько приходила, когда молодая была?” “Грубая, неласковая выросла, – горюет мама. – Дерзкая”. А девчонка влюбилась в мальчишку. И отправилась с ним в кино. А маме правду не скажешь – разве она поймет? Приходится врать» (Матвеева, 1966, 12).

Поведение детей во время киносеанса.

О поведении детей в кинозале в начале 1970-х гг.: «[Олег] купил билет в киноclub на сборник мультфильмов... [Зал небольшой], и балкон тоже маленький... Олег сел на своё место в восьмом ряду. В зале было шумно. Мальчишки и девчонки кричали, стараясь перекричать друг друга. Разворачивали

гремящие шоколадные обёртки и тайно ели мороженое, которое в зал пронести не полагалось. Какой-то рыжий мальчишка в соседнем ряду бил книгой своего соседа. Олег схватил его за руку и трякнуло. “Ну, ты, – прошипел мальчишка, зло смерив Олега глазами. – Потом выйдем, узнаешь!” Вот-вот должен был погаснуть свет. И вдруг в зале послышался топот ног, раздался какой-то крик, и Олег... увидел, что по залу от входу мчатся сразу семь мальчишек и две девчонки, а старуха контролёрша бежит за ними. “На прорыв” пошли, понял Олег. Старуха контролёрша не могла уйти далеко от дверей, потому что ей надо было проверять билеты, и нарушители по одному разбежались по всему залу. “Я всех вас запомнила! – громко крикнула контролёрша. – Будете выходить, сдам дружинникам!” Свет погас, и сзади в темноте кто-то плюхнулся в кресло... И сразу же зашуршала обёртка от мороженого» (Давыдов, [1976], 1985, 103–104).

КИНОЛЕКТОРИЙ для учащихся – лекторий, сопровождающийся показом кинофильма.

О 1976 году в Шадринске: «Начались занятия в кинолектории при Доме пионеров “В человеке должно быть всё прекрасно”. В минувшее воскресенье школьники прослушали беседу, как вести себя в общественных местах, посмотрели кинофильм о правилах поведения в обществе. Ребята ждут в дальнейшем встречи с коллекционерами, мастерами прикладного искусства, беседы о моде, причёсках и т. д.» (Соглаева, 1976, 3).

«**КИС-БРЫСЬ-МЯУ**» – детско-подростковая игра с поцелуями.

«Пик популярности этой игры пришелся на конец 1970-х – 1980-е годы, в неё играли дети от 8–9 до 13–15 лет. В 1990-е годы распространенность игры сходила к минимуму. Вот описание “классического” варианта игры: “Все сидят у стены. Выбирается два ведущих. Один ведущий говорит: “Кис” и показывает на кого-нибудь из играющих. Второй ведущий, стоящий спиной к первому, угадывает. Например, он говорит: “Брысь!”, тогда первый показывает на другого игрока, второй тоже говорит “Брысь”. Затем он может сказать “Мяу”, и тот, на кого показал первый ведущий, должен со вторым ведущим выполнить определенное действие, опираясь на цвета: красный – целовать в губы, синий – поцеловать в щеку, фиолетовый – поцеловать два раза, желтый – обнять...”. Игра имеет множество вариантов, связанных с тем, какое значение приписывается тому или иному цвету: “...Цвета были: красный (целовать в губы); синий (в щеку), зеленый (в лоб), коричневый (в ухо) и черный (пинок под зад)”; “...Красный – поцелуй в губы, розовый – поцелуй в щеку, оранжевый – поцелуй в руку, коричневый – удар по спине, черный – пинок сзади, зеленый – обнимание, синий – исполнение какого-либо желания галящего»» (Борисов, 2002, 167–168).

О 2007 году в г. Тюмени: «В июне-июле 2007 года я работала воспитателем в лагере “Звёздный”. Мы с детьми играли в игры с поцелуями “Арам, шим, шим”, “Пух, мех, перо”, “Кис, брысь, мяу”... “Кис, брысь, мяу” – все садятся в круг, ведущему завязывают глаза, и, показывая на разных людей, спрашивают: “Кис?” до тех пор, пока он не скажет: “Да”. Затем, показывая на губы, щёки, лоб, нос, глаза, голову и т. д. спрашивают: “Брысь” опять до тех пор, пока ведущий скажет “Да”. На слове “Мяу” определяли, сколько раз должен поцеловать, показывая число из пальцев. Затем развязывали глаза и говорили, кого куда и сколько раз целовать. Потом тот, кого целовали, становится ведущим. Особенно детям нравилось, если выпадало целоваться в губы с лицом противоположного пола. Так они очень веселились, когда вожакому отряда, (молодому человеку, которого дети прозвали “дядя Гоша”) выпало целовать воспитателя (то есть меня). И хотя нужно было целовать в щеку, они были очень довольны» (138).

См. также: «*Кис-кис-мяу*».

КИСЕТ – «Мешочек, затягивающийся шнурком, обычно используемый для хранения табака, спичек и трубки» (Словарь, 1956–5, 967).

Вышивать, наполнять подарками кисеты для солдат.

О девочке в 1935–1938 гг.: «Помню великую радость, наполнившую город: “Краснознаменная Дальневосточная Армия возвращается с маневров!..” Мы шили и вышивали красивые сумочки для подарков и любовно подбирали их. Помню, что я вышила красивый, на мой взгляд, кисет (тогда солдатам выдавали махорку). Положила туда всякую нужную для солдата мелочь: одеколон, носовые платки и подворотнички, маленькие карманные шахматы и домино, конфеты и другое» (Кубанева, 1988).

«**КИС-КИС**» – любимый детьми полутвёрдый молочный ирис прямоугольной формы с добавлением соли. Выпускался в 1970-е – 1980-е и последующие годы.

«**КИС-КИС-МЯУ**» – игра, аналогичная игре «*Кис-брысь-мяу*».

О 1996–1998 гг. в Шадринске: «Дворовая игра “Кис-кис-мяу”. Один человек становится спиной к остальным участникам игры. Ведущий за его спиной показывает на участников по очереди и, указывая на каждого, говорит: “Кис, кис, кис, кис...”. Игрок, стоящий спиной ко всем игрокам, должен в определенный момент сказать: “Мяу” и назвать цвет. После он выполняет задание в соответствии с тем цветом, который назвал с тем игроком, на кого указал ведущий в этот момент. После этого человек, сказавший “мяу” и выполнивший задание, уходит к остальным участникам. Игрок, говоривший “Кис, кис, кис”, становится спиной ко всем участникам. А тот игрок, на которого указали, сам становится водящим и говорит: “Кис, кис, кис...” Задания цветов: красный – поцелуй в губы; розовый – поцелуй в щеку; зеленый – рукопожатие; фиолетовый – ответить на 3 вопроса; желтый – просто обнять; и т. д. (всё точно уже не помню). В эту игру мы часто вечерами играли во дворе. Мне было лет 12–14» (113).

«**КИС-КИС, мяу-мяу**» – игра, аналог игры в «*светофор*», «*цвета*».

О первой половине 1990-х гг.: «К подвижным играм относится также игра “Кис-кис, мяу, мяу”. Выбирается ведущий, при этом мы использовали считалку: “На золотом крыльце сидели / Мишки-гамми, Том и Джерри, / Скрудж Макдак и три утенка, / А ты будешь наша Понка”. Все участники игры становятся за отчерченной линией, а ведущий стоит спиной к участникам. У него спрашивают: “Кис-кис, мяу-мяу, какой цвет?”. Ведущий должен сказать какой-нибудь цвет. Участники, найдя его на своей одежде и взявшись за неё рукой, могут спокойно проходить возле ведущего. У кого этого цвета не было, должен был пробежать мимо ведущего так, чтобы он его не задел. Это нам безумно нравилось, поэтому иногда мы старались убежать от ведущего даже если этот цвет (названный) у нас был. Чувство опасности, что тебя вот-вот споймают, но при этом теплится и надежда на то, что спасешься – всё это переполняло нас и вызвало неопишное чувство восторга» (559).

«**КИС-МЯУ**» – по-видимому, то же, что «*Кис-брысь-мяу*».

О середине 1970-х гг.: «...Подростковая компания начала обрести девичьи, без них они скучали..., с удивлением замечая, что ябеды девочки, с которыми мальчишки играли, когда им было по десять лет, в “бутылочку” и “кис-мяу”, после чего наскучили друг другу и на несколько лет разошлись... – снова оказались важнее всего на свете» (Варламов, 2000).

О 1980-х гг.: «...Дети во дворах любят играть в свои “тайные” для взрослых игры. Особой популярностью в 1980-е годы пользовалась игра “Кис-мяу”. В неё дружно играли дети разных возрастов: и 5-летние, и 12-летние... Правила игры: 5–15 человек садились в полукруг. Ведущий показывал на игроков (по желанию выбирал кого-то поочередно), а ведомый стоял спиной ко всем и наугад отвечал ведущему. Тот спрашивал “Кис?”, указывая на игрока. Ведомый мог ответить по желанию “мяу” или “брысь”. Если интуитивно чувствовал, что хочет остановить свой выбор на этом “неизвестном” ему ещё человеку, то говорил “брысь”, прогоняя ведущего

как бы, если же нет, – то отвечал “мяу”. Когда ведомый выбирал себе партнера, они становились спина к спине и по сигналу должны были повернуть в сторону головы (в одну из сторон). Если они поворачивали в одну сторону вместе, то целовались. Если в разные – то здоровались за руку, или парень дарил девушке полевую цветок, или говорил приятные комплименты. Игру продолжали, но ведомым уже был тот, кого выбирали последний раз» (ЗИ, 2003, 7).

«**КИС, брысь, мяу**» – см.: «*Кис-брысь-мяу*».

КИСЛЯЙКА – прозвище вялой, нерешительной девочки в последней четверти XIX – начале XX века.

«*Кисляй. Кисляк. Кисель* (иноск.) кислородный человек, – вялый. *Кислятина* – о человеке, о характере вялом, нерешительном» (Михельсон, [1903] 1994–1, 428).

«*Кисляй* – «*Простореч*. Вялый, скучный, постоянно ноющий человек» (Словарь, 1956–5, 973)

О второй половине 1880-х гг.: «“Я очень несчастна... А глупые девочки считают меня “кисляйкой”» (Чарская, 1910, 345).

О начале XX в.: «“А ты кисляйка, каша разварная, картофельное пюре! Кисель!”» (Чарская, 1906, 108).

КИТАЙСКИЕ тени – «Род игрушечного картонного театра с декорациями из промасленной бумаги и картонными фигурами кукол, которые, двигаясь между рамой, обтянутой белой бумагой, и занавесом, за которым находится источник света, образуют на рамке экран с силуэтами» (Словарь, 1956–5, 977).

КИТАЙСКИЙ бильярд – род настольной игрушки; вероятно, то же, что *японский бильярд*; бикс.

Из текста начала 1990-х гг.: «Неисповедимы судьбы людские. Под старость лет... представляешь себе человека чем-то вроде шарика на китайском бильярде. Пущенный чьей-то рукой, он стремительно летит, отскакивая от бортов и перегородок то влево, то вправо, взмывая то вверх, то вниз, делая бессмысленные и сложные круги, чтобы наконец – рано или поздно – попасть в уготованный загончик или лунку с большой или малой цифрой. Но, видимо, в этом беге, независимо от конечного результата, и заключается смысл жизни каждого из нас» (Федосюк, 2004, 239).

КИТАЙСКИЙ фонарик – «Фонарик, каркас которого покрыт разноцветной прозрачной бумагой» (Словарь, 1956–5, 977).

О Ленинграде 1930-х гг.: «На праздничных базарах и ярмарках имелось на выбор множество забавных игрушек: глиняные свистульки..., китайские фонарики, трещотки» (Гранин, 1990–5, 473).

О середине 1930-х гг.: «Мы не подошли... к игрушкам, которые всегда продавались на базаре, и возле которых мы с Матрешенькой всегда простаивали, любуясь ярчайшими бумажными фонариками, цветами, веерами, петушками на палочках...; изредка покупали сами маленькую уточку или китайский фонарик» (Александрова, 1992).

КИТАЙЦЫ, продающие игрушки.

О 1912–1915 гг.: «Ещё воспоминания детства – праздники... Вербные базары, воздушные шары, длинноносые китайцы, продающие цветные... веера и мячики-раскайдачки...» (Александрова, 1978, 9).

О г. Новосибирске во вт. пол. 1920-х – 1930-х гг.: «Высокое крыльцо облюбовали китайцы. Десятки худеньких фигурок продавали игрушки. В их руках прыгали разноцветные шары, пестрели фонарики и веера, кувыркались деревянные гимнасты, двигались фанерные медведи. Всё это богатство полыхало яркими красками и притягивало взгляды ребятни словно магнитом... Почему-то в Новосибирске было много китайцев... Китайцы торговали на рынке хорошенькими игрушками: фонариками, разноцветными шариками, веселыми человечками, крутящимися через перекладинку, другими забавками» (МН, 1999).

О Москве в начале 1930-х гг.: «Но самыми привлекательными на рынке мне казались китайцы. Их тогда было много в Москве. Вокруг Смоленского рынка ютились по дворам китайские прачечные. Там, кстати, работали одни мужчины. А на самом рынке китайцы прельщали детей пёстрым товаром. Прыгающие на

резинках мячики всегда нас прельщали, но в них не таилось тайны: стоило их распотрошить, в них оказывались обыкновенные опилки. А вот бумажные “веера” пронзительных “китайских” цветов – розовый, зелёный, жёлтый – те привычно-неожиданно поражали: развернешь в стороны палочки-ручки – одна фигура, встряхнешь её – другая, ещё встряхнешь – третья... И как такое чудо делалось? Я и сейчас, когда, наверное, ни одного такого “веера” в России не сыщешь, не могу этого понять. И чудится мне, что такие веера могли продавать только китайцы с длинными косами и в синих халатах. Но вряд ли. Скорее, тут собственные воспоминания теснятся впечатлениями от книжных картинок, от рисунков на старинных чайных коробках, от изображений на громадных фарфоровых вазах в чайном магазине на Мясницкой. Но дыхание бесконечного и единого европейско-азиатского материка, еще не раскромсанного “дружбой народов” на изолированные куски, ощущалось за всем этим экзотическим товаром и его продавцами, как, впрочем, и за всем нашим рынком» (Старикова, 2003, 226–227).

О 1959 году: «Из Китая. [заголовок] Треск резинки – и взлетает / Резкий, хрупкий вертолет. / “Пап, откуда?!” – “Из Китая”. / Пятьдесят девятый год. / Зонтик лаковый, бумажный / В трубку толстенькую сжат, / И шуршит на кулке важной / Неснимаемый халат. / Круглый веер с веткой дуба: / Шёлк натянут – в пальцах зуд, / Но, сияя беззубо, / Кеды взнузданные ждут! / Воспитательница Сяо / В детской книжке жила: / С детских слов письмо писала, / Тонкой кисточкой вела. / С папой книжку полистаю, / Суну нос в цветочный чай... / Я когда-нибудь слетаю / В этот праздничный Китай!» (Бородинская, 1994, 34).

КИТЕЛЬ (у мальчиков) – летняя форменная куртка со стоячим воротником из бумажной материи белого или защитного цвета; элемент школьной формы мальчиков в 1950-х – первой половине 1960-х гг.

О вт. пол. 1950-х гг.: «Форма у мальчишек тогда была светло-сизая, как у гимназистов дорев. поры. Эта странная форма, придуманная какими-то суровыми и, скорее всего, бездетными женщинами, предусматривала ношение кителя с металл. армейскими пуговицами. Китель, наглухо застёгнутый, со стоячим воротником, который тёр шею, и с пластмассовым подворотничком – я его чистил ластиком, – был без наружных карманов (ничего, мол, в карманы руки совать, меньше дряни в школу натащите), и чтобы достать самописку из внутреннего кармана, приходилось расстегивать пуговицы на груди и лезть буквально за пазуху» (Алексеев, [1984] 1987, 36).

О конце 1950-х гг.: «В каждом классе между окнами висит портрет Владимира Ильича. В Санькином классе, 5-м “А” – портрет девятилетнего Володи Ульянова. Володя сидит на стуле, скрестив ноги, в таком же кителе с белым воротничком, какой на Саньке и его товарищах...» (Воскресенская, 1962, 46).

О середине 1960-х гг.: «Утром, отправляясь в школу, Севка вместо форменного кителя надел темный пиджачок. Мама еще лежала в постели, когда он убежал к половине девятого, и не заметила, что на нем надето» (Котовщикова, 1969, 225).

КЛАД – «Ценности, спрятанные, зарытые где-либо» (Словарь, 1956–5, 985).

О вт. пол. 1920-х – 1930-х гг.: «Для меня, как и для др. детей моего возраста, наш дом, с его многочисленными подъездами, переплетениями подвальных переходов, входами и выходами, чердаками и задними лестницами, был целым таинственным миром. Здесь мы играли в “казачки-разбойники”, искали спрятанныеклады (ведь в каждом московском доме есть предания о владельцах, якобы удравших во время революции за границу, но замуровавших свои ценности в стенах оставленных ими домов)» (Некрич, 1991–1, 51).

О девочках 7 лет в середине 1980-х гг.: «Когда однажды мы с подружкой играли вблизи старого здания, где был расположен винный магазин, то решили, что в подвале должен обязательно находиться клад. Тогда мы взяли ломик, молоток, топорик и решили вскрыть дверь. Но

как только наверху послышались чьи-то голоса и шаги, мы испугались и убежали, решив, что это ходят и разговаривают скелеты, замученных в подвале людей. Тогда мы решили никогда больше туда не ходить, а после нашего похода за сокровищами, осталась только изуродованная дверь. После этого случая я долго еще обходила стороной этот магазин. Это событие произошло, когда мне было 7 лет, и я только что пошла в первый класс» (577).

КЛАСС – 1. Оборудованное специальной мебелью помещение в школе, где проходят уроки, занятия.

Стихотворение 1946 года: «Пахнет в классе свежей краской, / И бела твоя тетрадь...» (Тараховская, 1963, 91); «А Петин класс закрыт на ключ...» (Барто, [1947] 1969–1, 198).

О нач. 1960-х гг.: «Осень... Значит, скоро в класс / Побегут ребята. / В зимний день они в тиши – / На уроке в классе – / Подберут карандаши: / Синий, жёлтый, красный» (Тараховская, 1963, 93).

О 1970-х гг.: «Младшие школьники всегда занимаются в одном и том же классе. Уроки у учащихся средних и старших классов (начиная с четвёртого) проходят, как правило, в учебных кабинетах (кабинет русского языка, кабинет физики, кабинет географии и т.д.). На двери класса висит табличка: например, 2 “А”. В классе стоит школьная мебель: парты или ученические столы, стол учителя. На стене висит школьная доска. Развешены портреты... политических деятелей, писателей, учёных. Спец. место отводится уголку октябрат, пионеров, комсомольцев. В классе вывешивается также список актива класса, график дежурных, стенгазета» (Денисова, 1978, 123–124).

КЛАСС – 2. Постоянная, в пределах учебного года, группа учащихся одного уровня знаний, работающая совместно по единой учебной программе; ребята, объединённые в школе в учебную группу.

О 1940-х гг.: «Возвращался третий класс / С книжками с урока» (Барто, [1949], 1969–2, 83). О начале 1960-х гг. «Весь класс своим рассказом / Учитель увлечет...» (Тараховская 1963, 94).

О 1970-х гг.: «В средней по размерам городской школе обычно бывает 100–150 учеников одного и того же года обучения... Их разделяют на три-четыре постоянных учебных коллектива (класса), и каждому из них присваивают буквенное обозначение, начиная с буквы А. Так, в школе может оказаться три вторых класса – 2 “А” (второй класс “А”), 2 “Б”, 2 “В”. Такие классы называются параллельными. В начальных классах (первых – третьих) все уроки и внеклассную работу ведёт один учитель. Занятия проходят в одной, закреплённой за классом, комнате. С учениками четвёртых – десятых классов занимаются учителя-предметники (то есть специалисты по отдельным учебным предметам), и уроки проводятся, как правило, в учебных кабинетах. Из числа учителей-предметников директор школы назначает классного руководителя (обычно на несколько лет). Для каждого класса составляется расписание уроков и заводятся классный журнал. Для занятий по иностр. языку класс обычно делится на две группы. В классе имеются общественные орг-ции. Школьники первых-вторых классов являются октябрятами. Школьники третьих – седьмых классов, как правило, члены пионерской орг-ции, и в классе организуется пионерский отряд. Старшеклассники вступают в ряды ВЛКСМ, и в классе создаётся комсомольская группа. В каждом классе выбирается староста. Каждый день кто-нибудь из школьников (по очереди) бывает дежурным: он следит за чистотой в классе, проветривает помещение и т. д. Ученики седьмых-десятых классов по очереди дежурят по школе: следят за порядком в коридорах и на пришкольной площадке. В школе постоянно идёт соревнование за звание лучшего класса школы. Учителя с помощью актива стараются сплотить учеников класса в дружный коллектив. Школьники часто всем классом ходят в кино, театр, музей, на экскурсии. Сильные ученики помогают слабым, друзья обязательно навещают заболевшего товарища. О жизни класса рассказывает

стенная газета (стенгазета), которую выпускают сами ребята» (Денисова, 1978, 122–123).

КЛАСС – 3. Годичный курс обучения с распределением времени между изучаемыми дисциплинами; годичная ступень обучения в школе.

О 1970-х гг.: «Школьные учебные планы и учебные программы предусматривают изучение учебных предметов по классам, т. е. по годам обучения. Если говорят, что [некто] ученик четвёртого класса (или учится в четвёртом классе), то это значит (при условии, что он не второгодник), что он четвёртый год учится в школе и изучает программу четвёртого класса. Учеников первого класса называют первоклассниками, учеников второго класса – второклассниками и так далее, вплоть до десятиклассников, то есть учеников выпускного десятого класса... В каждом классе учатся школьники приблизительно одного возраста» (Денисова, 1978, 122).

КЛАССИКИ – см. *Классы*.

КЛАССКОМ – член классного комитета.

О начале 1950-х гг.: «Опыт многих лет показал, что наиболее приемлемой является следующая структура ученических орг-ций: в V–X классах – постоянные классные организаторы (старосты) и члены классного комитета (класскомы), избираемые на общих собраниях класса в присутствии классного руководителя...» (Новиков, 1952, 92).

КЛАССНАЯ воспитательница – педагогический работник женского пола, в чьи должностные обязанности входит орг-ция и воспитание классного коллектива.

О конце 1950-х гг.: «И назавтра [дядя] действительно пришел ко мне в школу. Он разговаривал с нашей классной воспитательницей, и ей жутко понравилось, что все её советы, что со мной делать, он тут же стал записывать на бумажку. И моя классная воспитательница даже пришла к твердому выводу, что в школу должен ходить именно мой дядя номер два, так как ни мама, ни мой дядя номер один нужных и правильных мер по отношению ко мне не принимают... “Они мягкие люди... – сказал дядя... – ...А я человек крутой и приму все надлежащие меры”. Тут классная воспитательница испугалась за меня и стала уговаривать дядю, чтоб очень крутых мер по отношению ко мне он не принимал... Однажды я пришел в школу в пиджаке без пуговиц, и классная воспитательница на большой перемене стала их пришивать... Я пояснил ей, что она неправильно пришивает, потому что по правилам положено нитку взять в рот... Дня через три классная воспитательница пришла навестить меня. Мой дядя номер один усадил ее в кресло, мама пошла за тортом, потому что оба они чувствовали перед моей классной учительницей некоторую вину: то, что они вдвоем не смогли со мной сделать, дядя номер два за короткий срок сделал один» (Длуголенский, 1972; 102, 104, 105).

О конце 1970-х гг.: «В школу шли, взявшись за руки. Нашли воспитательницу. “Вызывали?” – спросил отец. “Не вызывала”, – удивилась классная воспитательница. – Но видеть вас рада» (Голявкин, 1984, 32).

КЛАССНАЯ дама – воспитательница в женских сред. учеб. заведениях, выполнявшая функции надзора за ученицами, аналог классного наставника в сред. мужских учеб. заведениях.

О женском Елизаветинском институте в 1910-е гг.: «Для надзора за поведением на уроках сидела классная дама. Я преподавал в трёх старших классах один-два раза в неделю. В одной из них классной дамой было какое-то странное существо, отупевшее от бессмысленной работы сидеть полудремля на уроках весь день... В двух последних классах на моих уроках должна была сидеть другая классная дама... Она встречала меня у класса словами: “Я вам не буду нужна?” И после ответа “нет” куда-то уходила, то есть делала самое умное, что могла сделать» (Блонский, [1941] 1971, 102).

О Московской частной гимназии в 1915–1916 гг.: «По широкому коридору, как маятники, фланировали классные дамы в синих форменных платьях» (Луговская, [1983] 1987, 75).

О гимназии в уральском губернском городе в середине 1915–1916 гг.: «...Я опоздала, думала на

молитву не попаду. Вот досталось бы мне от Совы”, – продолжала девочка вполголоса. “От какой Совы?” – спросила Ирина... “А это мы нашу классную даму так называем...”... Классные дамы, “синявки”, как их звали в гимназии, требовали, чтобы пели все девочки» (Филиппова, 1938, 26).

О женской школе конца 1940-х – начале 1950-х гг.: «...Лидия Андреевна... ведёт восьмой “Б” класс... Лидия Андреевна, – продолжала Василиса Антоновна, – довольно своеобразно поняла разделение школы и скатывается на позиции... только не обижайтесь на меня... скатывается на позиции классной дамы института для благородных девиц. Она решительно отгораживает от жизни своих воспитанниц и создаёт какой-то ей одной известный идеал скромности, чистоты, святой наивности... И даже не понимает, что вместо этого она приучает девочек лгать, притворяться, лицемерить...”» (Матвеев, [1947–1954] 1956, 225–226).

КЛАССНАЯ доска – о 1914 г.: «Во время перемены классная доска – это чёрная трибуна и вечевой колокол класса – покрывается крупными надписями...» (Кассиль, 1935, 109).

КЛАССНАЯ наставница – женщина, занимающая должность в женской гимназии.

О начале XX века: «Один раз Жужелица, классная наставница, наказала Еву за то, что она на истории смеялась, и оставила ее без обеда: “Большая девочка, а за уроком вести себя не умеешь. Останешься в классе до четырех часов!”» (Будогоская, [1929] 1988, 13).

КЛАССНАЯ руководительница – женщина, выполняющая обязанности *классного руководителя*.

О лете 1936 года: «Назавтра... устроили классное собрание. Сначала выступала классная руководительница Вера Георгиевна. Сообщила, что за такие дела исключают из школы» (Крапивин, [1971], 2001, 28–29).

О 1944–1945 гг.: «Надя была в вязаной кофте, на голове беретик... Я... сжал обе её руки, безмолвно глядел в глаза. Взял её под руку. Она высвободилась. “Что ты, Андрей! Если меня классная руководительница увидит, со свету соживет”» (Бакинский, [1955] 1956, 246).

О середине 1950-х гг.: «...Сегодня в школе наверняка спросят, почему я ушел с уроков. Классная руководительница Елена Ивановна может записать в дневник замечание, а то и мать вызовет» (Мелентьев, [1958] 1961, 16–17).

О 1950-х гг.: «...Я начал врать: “терять” дневник, расписываться за родителей и т. п. Томочка [мать рассказчика], обнаружив случайно в дневнике истошный вопль классной руководительницы: “Тов. родители! Кто расписывается за вас в дневнике фамилиями Маркин и Кузнецов? Примите меры!», педагогировала кратко: “Будешь врать – убью!”» (Каледин, 2007, 53).

КЛАССНОЕ собрание – совместное заседание учащихся класса или учебной группы.

О лете 1936 года: «Назавтра отменили урок арифметики и устроили классное собрание. Сначала выступала классная руководительница Вера Георгиевна. Сообщила, что за такие дела исключают из школы» (Крапивин, [1971], 2001, 28–29).

О середине 1970-х гг.: «Классное собрание в школе обычно проводится сразу после уроков. На собрании школьники обсуждают учёбу и поведение одноклассников, намечают планы внеклассной работы (проведение экскурсий, суботников, пионерских сборов, вечеров отдыха и пр.), подводят итоги сделанного. Подготовку и проведение собрания осуществляет актив класса с помощью кл. рук-ля. Ведёт собрание один из учеников или учитель. Подобные собрания проводятся в проф.-тех. училищах и в средних спец. учеб. заведениях» (Денисова, 1978, 124).

О середине 1970-х гг.: «“Да нет, мама, что ты! – испугалась Аня. – Я... сама виновата. Мне давно надо было с этой новенькой поговорить. Она и сама не слушает, и мне не даёт”. “Так как же ты терпишь? Поставь о ней вопрос на классном собрании. Ведь ты же староста!” “Ну зачем, мама! При чём тут классное собрание?”...» (Пивоварова, 1977; 20, 24).

КЛАССНЫЙ – слово, приобретшее в 1950-е годы и сохраняющее до настоящего времени популярность в детско-подростковой среде. Означает приблизительно: отличный, замечательный, хорошего качества.

О перв. пол. 1960-х гг.: «...Глядя на тех, кто переходил мост, Вадик воскликнул: “Во, классный ветер!” Почему “классный”? – спросил отец. “Ну, это сильный, значит”...» (Минчковский, 1966, 63–64).

О Республике Чувашия в 1993 г.: «Когда мне было 10 лет я ездила в лагерь “Солнышко”... Вообще лагерь у нас был классный. Везде асфальтированные дорожки, кругом аллеи деревьев и кустарников» (513).

КЛЮЧ – «Орудие для запираания и отпираания замка» (Словарь, 1956–5, 1057).

Носить на шее верёвочку с привязанным ключом.

О девочке 6 лет в с. Кундравы Чебаркульского района Челябинской обл. в 1992 г.: «Когда я начала ходить в школу, мама повесила мне на шею на верёвочке ключи от дома. И с этого времени у меня сразу появилось две заботы. Нужно было ходить в школу, и ни в коем случае не потерять ключи. Наличие ключей на шее я проверяла очень часто, ведь наличие ключей меня очень волновало, потому что я была ответственна за всю квартиру» (141).

О г. Когалыме в 1994–1997 гг.: «В возрасте 7–10 лет мои одноклассники носили ключ от дома, привязанный на верёвочку, на шее, чтоб не потерять» (134).

«КЛЮЧ без права передачи» – фильм о взаимоотношении старшеклассников с одной стороны и их учителей и родителей – с другой.

О конце 1970-х – начале 1980-х гг.: «В популярном фильме “Ключ без права передачи”, посвящённом отношениям подростков и взрослых, лейтмотивом оказалась песня на слова Булата Окуджавы...» (Преловская, 1981, 87).

КЛЯКСА – «Чернильная капля или чернильное пятно» (Словарь, 1956–5, 1062).

О начале 1930-х гг.: «[Штука], которая в те школьные годы причиняла нам множество неприятностей и огорчений... Её нельзя назвать ни вещью, ни предметом. Что ж это такое? Почти как загадка. А это знаменитая Клякса. Каждый из нас, кто учился писать чернилами, вставочкой с пером, а не шариковой ручкой, наставил в тетрадах немало клякс. Я имею в виду большие, серьёзные кляксы, не какую-нибудь мелочь. Большие кляксы надо было осторожно осушать промокашкой. Высасывать, пока клякса не опадет до пятна. Труднейшая операция! Мокрый блеск её исчезнет, и тогда её можно прищипнуть мохнатым листком промокашки, а затем стирать резинкой. В результате усилий на месте кляксы большей частью появлялась дыра. Происходило естественное развитие кляксы, подобно переходу куколки в бабочку. Бабочка-клякса улетала сквозь эту дыру. Кляксы были врагами всех диктовок, сочинений, они падали и расплывались не на полях, а обязательно в середине текста. Она соскальзывала с пера незаметно и шлепалась причудливым пятном. Из кляксы можно было нарисовать жука, головастика, осьминога. Важно было увидеть. Иногда и не дорисовывая ножек, ручек: сама клякса принимала вид чудовища, оттуда высывались сабли, языки, рога. Если кляксе расплющить, она заполняла всю страницу. Так что от кляксы, если относиться к ним дружелюбно, можно было получить удовольствие» (Гранин, 1990–5, 477–478).

О 1940-х гг.: «”... Надо еще эти чернила из чернильницы вылить и налить другие. А то у нас один мальчик вытащил из чернильницы знаешь что?...” “Не знаю что, – сказала Лида.” “Муху. Только дохлую. Так на тетрадку и шлёпнулась. И вышла громадная клякса. А у нас кляксы строго запрещаются”» (Гернет, 1945).

О начале 1940-х гг.: «Стол у нас / Качается – / Клякса получается!» (Барто, [1945] 1969–1, 243).

О середине 1940-х гг.: «Пахнет в классе свежей краской, / И бела твоя тетрадь, / Обещай мне чёрной кляксой / Белый лист не замарать!» (Тараховская, [1946] 1963, 91).

О 1950-х гг.: «Двойку он получил случайно. Вот как было дело: он решал задачу. Хотел точку поставить, и вдруг клякса – бац! Он хотел её промокашкой снять, а

она расплзлась. Не Вовка же виноват, – всё проклятая клякса. Если бы не клякса, он пять получил бы» (Голявкин, 1960, 9).

О 1950-х гг.: «Вдруг с пера упала чернильная клякса – и хлоп прямо в дневник» (Баруздин, 1960, 45).

О конце 1950-х гг.: «Таня читала очень хорошо. А вот считать и писать не любила... Не так уж трудно решить все эти задачки и примеры. Но вот начисто переписать... Пока-то все эти цифры поставишь! Да ещё надо так поставить..., чтобы ни одной кляксы не получилось. А ведь чернила-то жидкие, они так и бегут с пера!» (Воронкова, 1961, 24).

О конце 1950-х гг.: «...Володя... смотрел, как Шура пишет, и чувствовал, что она вот сейчас, сейчас поставит кляксу. И Шура поставила кляксу. “Ой!” – сказала она. “Вот тебе и “ой”. Теперь только не три резинкой. Пусть просохнет, – посоветовал Володя. – Подсохнет, тогда подчистим ножиком”. Они вместе ждали, когда высохнет чернильное пятно, и Рогов великодушно соскоблил его своим перочинным ножом. Это было очень великодушно, не каждый мальчишка на это способен» (Карпенко, 1962, 17–18).

О начале 1960-х гг.: «У меня в табеле одни пятерки. Только по чистописанию четверка. Из-за клякс. Я прямо не знаю, что делать! У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макая в чернила только самый кончик пера, а кляксы все равно соскакивают. Просто чудеса какие-то» (Драгунский, 1964, 114).

О второй половине 1960-х гг. в Свердловске: «На уроке чистописания мы пишем перьевыми ручками. Перо макается в чернильницу, а потом пишутся трудные буквы. Иногда у меня бывают кляксы» (Смирнова, 2005).

Кляксу слизывать.

О начале 1950-х гг.: «На самом деле, ребята, шуму от вас много, а толку пока никакого, – заметила Зоя и, низко пригнувшись к столу, слизнула с заметки большую кляксу. “Но мы должны знакомиться с материалом или не должны?” – возмущенно ответил Петя. Зоя сморщилась от противного вкуса чернил. Высунув лиловый язык, она долго вытирала его платком, а потом сказала: “Мы здесь собрались, чтобы не знакомиться с работой, а работать...”» (Жемайтис, 1954, 49).

КЛЯКСПАПИР, клякс-папир – «Устар. Пропускная или промокательная бумага» (Словарь, 1956–5, 1062).

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «Степанов хохотал, глядя, как у рыженькой Баярд от волнения прыгали за плечами косы. Его тоже, вероятно, обожают кто-нибудь, потому что и для него концы тонких мелков пышно обёртывались розовым клякс-папиром и бумага для каких-нибудь записок также появлялась всегда с незабудкой» (Лухманова, [1903] 1997, 382).

О частной гимназии в 1915 году: «Оказалось, что кроме учебников, тетрадей и т. п. гимназистка должна иметь альбом для стихов и картинок, что розовая промокашка, вложенная в тетради, считается признаком безвкусицы и почти что нищеты, а надо покупать клякс-папир других цветов и прикреплять его к тетрадным лентами с пышными бантами...» (Панова, 1980, 39–40).

«КЛЯНУСЬ МАМОЙ» – вид детской клятвы.

О 1987–1988 гг. в Шадринске: «В “секретике” я играла, когда мне было 7–8 лет. Мы с девочками-ровесницами из моего двора собирали разноцветные красивые стёклышки, бусинки. И выкапывали ямку и клали туда все содержимое. Показывалось место зарывания предметов только лучшим подругам. Мы говорили: “Клянись мамой, что не расскажешь!”. И все друг другу клялись» (504).

О девочках 10–12 лет в 1987–1989 гг. в селе Понькино Шадринского района: «Раньше, чтобы доказать, что я говорю правду, мы говорили: “Клянись мамой”» (514).

«КЛЯНУСЬ СЕРДЦЕМ МАТЕРИ» – вид клятвы у девочек-подростков.

О девочке 4–6 лет в г. Когалыме в 1991–1993 гг.: «“Честное пионерское” – это я слышала от своей сестры. Она давала слово маме, что не обманывает или, что выполнит ее просьбу. В это же время подружка мне говорила: “Клянись сердцем матери, что не вру”» (134).

О девочке 9 лет в 1996 году в селе Кундравы Чебаркульского района Челябинской обл.: «Клятва “Клянись сердцем матери” означала, что ты говоришь стопроцентную правду. Ведь мама для всех – это святое. Когда человек клялся “сердцем матери”, то ему обязательно должны были поверить» (141).

«КЛЯНУСЬ ЧЕСТЬЮ» – вид клятвы у девочек-подростков.

О девочках-подростках 13–15 лет в 1990–1992 гг. в селе Понькино Шадринского района: «Раньше, чтобы доказать, что я говорю правду, мы говорили: “Клянись мамой”. А когда нам было лет 13–15, у нас модно было говорить: “Клянись честью”. Причём, это говорили только девственницы. Так как не девственница не имеет чести, – так считалось в кругу моих подруг» (514).

КЛЯТВА – «Торжественное обещание, уверение, подкрепляемое иногда упоминанием чего-либо священного, дорогого для того, кто обещает, уверяет; присяга» (Словарь, 1956–5, 1064).

Клятвы детские.

О 1930-х гг.: «А знаете, какая в школьные годы была наша самая страшная клятва, “честное-пречестное” слово? “Честно Ленина, честно Сталина, честно всех вождей!”» (Санников, 2001).

О 1950-х гг.: «За свою долгую... жизнь мне пришлось давать множество самых разнообразных клятв... Вообще, надо сказать, наиболее распространенная в быту клятва, так называемое “честное слово”, в русском обществе традиционно пользуется заслуженным презрением... Поэтому в моём далеком детстве для придания этой формуле хоть какой-то убедительности применялись различные методы усиления. Существовала целая иерархия этих методов. На нижней ступени находилось “честное пионерское”, далее в порядке возрастания следовали “честное ленинское”, “честное сталинское” и, наконец, могучее “честное всех вождей”. Правда, и тогда имелась возможность обезопасить себя от последствий нарушения даже этой страшной клятвы, лишив ее магической силы. Достаточно было в момент произнесения незаметно сделать за спиной две двойных фиги (большой палец, понятно, между указательным и средним, мизинец же мучительным образом переkreщивается с безымянным). Думаю, впрочем, что и одной вполне достаточно...» (Иртенев, 2001).

О 1997–2000 гг. в г. Когалыме: «Позднее, примерно, в 10–13 лет я услышала от девочки выражение: “Клянись копытами козла”» (134).

См.: «Гадом буду», «Клянись мамой», «Клянись сердцем матери», «Клянись честью», «Честное благородное слово», «Честное ленинское», «Честное октябрьское», «Честное пионерское».

КНИГА, ударить книгой (учебником) по голове – См. Ударить книгой (учебником) по голове.

«КНИГА джунглей», «Jungle book» – игра на «Денди».

«“Книга Джунглей” – игра о приключениях Маугли в тропическом лесу... Бродилка с великолепной графикой и звуком с сюжетными вставками и разнообразными уровнями» (Денди, 2000, 87).

«КНИГА о вкусной и здоровой пище» – О детстве 1970-х гг.: «Моя семья до сих пор пользуется “Книгой о вкусной и здоровой пище”, изданной еще при Иосифе Сталине. Заключение в тяжеленные коричневые корки книга содержит массу полезных, простых и удобоваримых рецептов... Не было для нас с сестрой в детстве забавы любимей, чем открывать книгу на произвольной странице и понарошку хватать сфотографированные яства пальцами: “Я это съела! И это тоже съела!” Удивительно, но позже оказалось, что в такие “поедалки” в детстве играли многие мои коллеги» (Кумейко, 2006–6, 5).

КНИГА почёта пионерской дружины.

О начале 1970-х гг.: «В Книгу почёта пионерской дружины заносятся пионерские отряды, успешно работавшие в течение учебного года и в период летних каникул, пионерские звенья – организаторы различных интересных дел в отряде, лучшие пионеры дружины... Отряд звено, каждый пионер получают специальное

удостоверение о том, что по решению совета дружины они занесены в Книгу почёта» (Иванова, 1973, 103).

КНИГА почёта Всесоюзной пионерской орг-ции им В.И. Ленина – учреждённая в 1954 году XII съездом ВЛКСМ памятная книга, в которую до 1980-х гг. заносились особо отличившиеся пионеры и пионерские работники, а также пионерские звенья, отряды, дружины. Запись в Книгу почёта представляла собой высокую форму поощрения.

Постановление ЦК ВЛКСМ от 10 апреля 1954 года о Книге почёта пионерской орг-ции имени В.И. Ленина: «1. Образец Книги почёта пионерской орг-ции имени В.И. Ленина утвердить. 2. Установить, что занесение в Книгу почёта пионерской орг-ции имени В.И. Ленина производится ЦК ВЛКСМ по представлению обкомов, крайкомов комсомола, ЦК ЛКСМ союзных республик. Пионерам, пионерским отрядам, дружинам, пионерским работникам, занесённым в Книгу почёта пионерской орг-ции имени В.И. Ленина, вручается удостоверение ЦК ВЛКСМ о занесении в Книгу почёта» (Сборник, 1958, 68).

«В 1954 году по решению XII съезда ВЛКСМ была учреждена Книга почёта пионерской орг-ции имени Владимира Ильича Ленина. В эту книгу вносятся имена лучших из лучших пионеров, чьи подвиги и дела служат немеркнущим примером для всех пионеров и школьников Советского Союза. Эта книга почёта открывается именем пионера-героя Павлика Морозова» (Хотилевская, 1959, 5).

О 1957–1965 гг.: «Всесоюзный смотр работы пионерских коллективов в честь 50-летия Советской власти. держания, форм и методов работы. В книгу почёта Всесоюзной пионерской орг-ции, учреждённую в 1954 решением ЦК ВЛКСМ, за успехи в учении и общественно полезной деятельности занесены сотни пионерских коллективов.– победителей смотра, посвященного 90-летию со дня рождения В.И. Ленина, пионерской двухлетки “Пионеры – Родине”, соревнования в честь XXII съезда КПСС и Всесоюзного смотра в честь 50-летия Советской власти» (ПЭ, 1966–3, 396–398).

О первой половине 1960-х гг.: «В Центральном совете пионерской орг-ции имени Ленина хранится тяжелый том в кожаном переплете – Книга почёта. На её страницах имена пионеров-героев, названия отрядов и дружин, добившихся самых больших успехов в учении, труде, всесоюзных пионерских смотрах и соревнованиях. В Книгу почёта пионерской орг-ции внесены имена всех советских космонавтов – они получили первую закалку в рядах пионеров. Книга то и дело пополняется новыми записями. Их делают по решению Центрального совета юных пионеров» (Матвеев, 1965, 55).

КНИГИ-ИГРУШКИ – печатные издания, предназначенные для игр детей дошкольного возраста.

О 1950-х гг.: «[Книги-игрушки] содержат различные изображения, используемые для вырезывания. Вырезанные части при склеивании образуют различные композиции. Книги-игрушки дают возможность ребёнку путём раздвигания или складывания построить макет аквариума, сада, комнаты и т. п.» (ПС, 1960–1, 527).

КНИГИ-СТИКЕРСЫ – см.: *Книжки-игрушки*.

КНИГИ-ЭЛЕРМАНЫ.

О конце XX – нач. XXI вв.: «Книги-элерманы, страницы которых сделаны из картона, психологически важны в жизни дошкольника. Они не рвутся при неосторожном обращении ребенка с ними, не доставляют ему психических травм. Элерманами могут быть не только книжки-картинки, но и книги разнообразного содержания» (Гриценко, 2007, 263).

КНИГОНОСКА – вероятно, перетянутая ремнём клеёнка для переноски школьных принадлежностей.

См. о 1910-х гг.: «Девочка-гимназистка лукаво посмотрела на меня..., затем, тайно и ответственно отвернувшись, порывлась в своей клеенчатой книгоноске, что-то сделала и вдруг быстро обернулась, протянув ко мне руку, кисть которой превратилась в какое-то... существо с целлулоидной... головкой и глупыми большими глазами... И

девочка умчалась, громыхая пеналом в своей клеенчатой книгоноске...» (Катаев, [1972] 1983–1, 28–29).

О 1916 году: «Она была счастлива шагать рядом со мной, бесшабашно размахивая клеенчатой книгоноской, за ремешки которой был заложен пенал... Значит, она уже успела сбежать домой, оставить там книгоноску и шляпу, наскоро пообедать...» (Катаев, 1983–2; 7, 215).

Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1935 года: Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1935 года: «Наркомпрос РСФСР, а равно и наркомпросы других союзных республик не позаботились до сих пор о производстве в массовых размерах и высокого качества сумок, ранцев, ремней, клеёнок для ношений книг... и прочих предметов, необходимых для школьников... Обеспечить в 1936 году производство... школьных сумок, ранцев, портфелей и ремней-книгоносок хорошего качества» (НО, 1974; 519, 521).

КНИГОНОША – «Человек, занимающийся продажей книг вразнос» (Словарь, 1956–5, 1069).

О начале 1930-х гг. в Шадринске: «Были у нас в школе и книгоноши, которые распространяли книги по домам» (Такунцева, [1989] 2002, 41).

О середине 1950-х гг.: «Вечером в квартиру дома № 14 по улице Коммуны города Арзамаса поступали две школьницы. Приветливая хозяйка впустила их в комнату... “Здравствуйте, извините, что оторвали от домашних дел. Мы книгоноши. Вот посмотрите, что у нас есть, может, что-нибудь выберете...” Девочки быстро разложили на столе свое богатство: тут были и “Записки охотника” Тургенева, и роман Чернышевского “Что делать?”, и русские народные сказки. Через несколько минут уже с облегченными пачками пионеры-книгоноши шагали к соседнему дому... В это же время другие пионеры входили с книгами в другие дома города. И так за короткий срок они распространили более трёх тысяч книг» (Гусев, 1957, 121).

О первой половине 1960-х гг.: «Пионер-книгоноша занимается распространением книг и журналов. Это давнее занятие пионеров и по сей день остается очень важным их делом. Книгоноши работают при библиотеках и книжных магазинах, помогают взрослым купить, найти нужную книжку, журнал, газету» (Матвеев, 1965, 58).

КНИЖКИ про шпионов – см.: *Шпионы, книги про шпионов*.

КНИЖКИ про индейцев – см.: *Индейцы*.

КНИЖКИ-«ВОСЬМУШКИ».

«До середины 80-х гг. XX в. особого разнообразия типов детских книг не наблюдалось. Советские изд-ва, в частности, работавшее для дошкольников изд-во “Малыш”, выпускали “восьмушки” и “четвертушки” (1/8 и 1/4 стандартного листа), книжки-ширмы (“раскладушки”) и обычные стандартные книги разного объема. “Восьмушки” и “четвертушки” издавались для самых маленьких читателей, учитывая их физ. возможности. Такие книги легко держать в руках и рассматривать без помощи взрослых. Они содержат минимум текста или состоят из одного зрительного ряда. На картинках изображено то, что может быть знакомо детям раннего возраста: домашние и некоторые дикие животные (лиса, заяц), овощи, фрукты, игрушки, детская одежда и т. д. Содержанием таких книг являлись широко известные нар. сказки и стихи. В наст. время они также имеют шир. распространение» (Гриценко, 2007, 262).

КНИЖКИ-ВЫРУБКИ.

В [конце XIX века] педагог и детский писатель Иван Держачев придумал тип книжки-вырубки... Детям она приглянулась сразу, а воспитатели стали говорить о том, что форма книги будет отвлекать детей от содержания. Издатели учли мнение педагогов, и до 50-х гг. XX в. в детских библиотеках не было книжек такого типа... Книжки-вырубки, придуманные И. Держачевым, [в конце XX века] существуют в традиционном исполнении: книга “вырублена” по контуру какого-либо предмета или героя, о котором в ней говорится» (Гриценко, 2007; 262, 263).

КНИЖКИ-ИГРУШКИ – изделия для детей, соединяющие свойства книги и игрушки.

В начале XX века в России были популярны детские книжки с обложкой, вырезанной по контуру какого-либо предмета. Так, твёрдая обложка книжки «Соня в деревне» (М., 1916) была вырезана по контуру нарядно одетой девочки. Внутри яркой книги-куклы большого формата – цветные и чёрно-белые рисунки, рассказы, стихи и задания детям.

Во второй половине 1920-х гг. была выпущена сконструированная и проиллюстрированная В. Ермолаевой серия книг с текстом Б. Житкова (например: Житков Б. Девчонки – М.–Л., 1927), предлагалось разрезать листы и, складывая определённым образом их части, получать различные комбинации. Прочитать и рассмотреть картинки в книжках-игрушках, созданных художниками Б. Татариновым и Е. Дорфман (например: Маршак С. Синие загадки – красные разгадки. – М.–Л., 1929), можно было, лишь последовательно наложив на страницы синюю и красную прозрачную бумагу. При быстром перелистывании книжек М. Цехановского (например: Поезд – М.–Л., 1928) изображенные в них фигурки «оживали», двигались по принципу мультипликации.

О 1940-х – 1950-х гг.: «В 1940-е годы немало конструкторов и иллюстраторов детской книги вновь увлеклось созданием книг с обложкой, вырезанной по контуру определённого предмета, так называемых книжек-вырубок. В Ленинграде этим занимались Ю. Васнецов и конструктор Ю. Глуховцев. Их «Ванька-Встанька», «Лошадка» с помощью картонного клапана легко превращались из игрушки в книжку (например: Маршак С. Ванька-Встанька – М., 1944). В Москве такие книги делала художница Н. Ушакова вместе с конструктором Ю. Бугельским. Их «Щенок», «Котик» и другие подобные книжки были удивительным соединением вырезки «гармошкой» (например: Барто А. Щенок. – М., 1944). «Елка» и «Книжный киоск» – тоже книжки-вырезки Н. Ушаковой и Ю. Бугельского, но совершенно иной конструкции: с помощью системы картонных клапанов и отверстий нижняя часть листов и обложка могла превратиться в картонный барабан, над которым возвышалась игрушечная елка или игрушечный книжный киоск (например: Елка – М.–Л., 1944). Интересной была изданная в те годы и книга В. Таубера «Моя библиотека», которая, после выполнения ребенком необходимых действий, становилась игрушкой, основными частями которой были настоящие дет. книжки небольшого формата. Из книги рекомендовалось сделать 9 книжек-малышек и картонную полочку для них (Моя библиотека. – М., 1944). Подобную конструкцию представляла собой и вышедшая позднее книга «Кот-книгоноша» (Кот-книгоноша – М., 1957)» (Дьячкова, 1989, 68–69).

В 1960 году вышла книжка «Который час?» со стихами А. Кардашовой о режиме дня и иллюстрациями Н. Ушаковой. Конструкция книги была такова: к циферблату, нарисованному на третьей странице обложки, крепились подвижные картонные стрелки, а в листах книги были вырезаны круглые отверстия, соответствующие размеру циферблата, так что при перелистывании книги циферблат появлялся на каждой правой странице. Это позволяло переводить стрелки «часов» в соответствии с прочитанным отрывком. Издательство «Детский мир» в 1961 году выпустило книжку-панораму Ю. Бугельского «Мы летим на Луну» с текстом Г. Юрмина, объёмные элементы которой были выполнены из цветной папиросной бумаги.

В 1970-е гг. выходят книжки-игрушки с картонным или пластмассовым подвижным диском, книжки с пластинкой; книжки с последовательно разворачивающейся страницей; книжки с открывающейся дверцей на странице и многие другие. В книжке-игрушке «Что снится моржу» (Заходер Б. / Художник А. Канторов – М., 1972) каждая последовательно разворачивающаяся иллюстрированная страница «вызывает удивление и восторг маленького читателя». Книжка «Тук-тук! Кто там?» (Художник В. Курчевский. – М., 1975) с

открывающимися дверцами нарисованных домиков на страницах предлагает занимательную игру-викторину по сказкам.

О 1970-х – 1980-х гг.: «Остроумие создателей книжки-игрушки хорошо обнаруживается при сравнении трёх различных изданий для детей стихотворения К. Чуковского «Телефон». Одна из книг с удачными рисунками В. Перцова снабжена пластинкой с записью трех стихотворений в исполнении автора (Чуковский К. Телефон. Путаница. Федорино горе. – М., 1978), форма другой книжки представляет собой вырезку по контуру телефона, причём трубка нарисованного аппарата «снимается» (двигается) и приводятся в движение изображения героев произведения (Чуковский К. Телефон / Художник В. Карпович. – М. 1986), к внутренней стороне обложки третьей книги прикреплен игрушечный пластмассовый телефонный диск, который можно вращать, а в листах книги вырезаны круглые, соответствующие диску отверстия (Чуковский К. Телефон / Художник В. Андриевич. – М., 1985)... ..Книжка-игрушка «Что внутри?» позволяет детям заглянуть внутрь телебашни, маяка, шахты, космического корабля. Для этого нужно разрезать определенные страницы книги по пунктирным линиям и произнести «волшебные» слова: «Стенка, стенка, расступись!»... (Юрмин Г. Что внутри? / Художник А. Борисов. – М., 1986) ...Издателям книги «Батискаф» (Акимущкин И. Батискаф / Художник А. Барсуков. – М., 1986) удалось удачно соединить интересный познавательный текст с конструкцией книги. Рассматривая книжку, ребенок словно опускается в этом аппарате в толщу вод и видит в лучах прожектора все новых и новых обитателей морских глубин!» (Дьячкова, 1989, 69–70).

О 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Книжка-игрушка, вид издания для детей, выполненный в оригинальной форме... «Книжки» из синтетич. полимеров, страницы которых имеют форму подушечек, напоминают резиновые игрушки; книжки, обшитые тканью с рельефными аппликациями, – мягкую игрушку. Миниатюрные книжки-раскладушки, панорамы, издания с аудиовизуальными, оптическими эффектами, электронными деталями и прочими игровыми формами развивают познават. возможности ребенка. Большой раздел в книжках-игрушках составляют книжки-раскраски и книжки-поделки (с материалами для вырезания, складывания, склеивания и т. д.). Книжки-картинки целиком или почти целиком строятся на изобразит. материале (текст существует лишь в виде надписи и подписи к изображению). Это может быть фотокнига, комикс, анималистическая книга и т. д.» (ПЭС, 2003, 121).

О конце XX – нач. XXI вв.: «Содержание книжек-панорам (книжек-театров) «оживляются» с помощью панорамных, то есть объёмных, создающих иллюзию реальности происходящего действия иллюстраций. Иногда они снабжены картонными фигурками. Приведенные в действие, фигурки делают текст динамичным. Эти книги воздействуют не только на слуховое, но и на зрит. восприятие текста маленькими читателями, включают их в происходящее и превращают в участников событий. Такие книги называют книжками-игрушками. Но в наст. время возникла новая разновидность книжки-игрушки, в листы которой «встроены» фигурки животных, сказочных персонажей с двигающимися частями (глаза животных, кукол, клювы птиц и т.д.). часто в движение можно привести саму книгу, снабженную колесиками... Есть целый ряд «звенящих», снабженных погремушками книг для детей раннего возраста... С их помощью можно научить детей комбинаторике, счету, различению цветов, развить мелкую моторику. Они не имеют отношения к дет. лит-ре, но имеют значение в воспитании читателя... Среди них своей оригинальностью выделяются книжки-стикеры (от англ. to stick – приклеивать) – книги с наклейками. ими вполне может пользоваться ребенок от четырех лет» (Гриценко, 2007, 263).

КНИЖКИ-КАРТИНКИ.

О конце XIX в. «Примеры особых изданий детских книг пришли [в Россию] из Германии. Это были книжки-

картинки, вызвавшие интерес детских читателей. Одним из первых на это явление откликнулся... петербургский издатель М. Вольф. Затем такие книги стали печатать и в других городах» (Гриценко, 2007, 262).

«Книжка-картинка – это такой тип издания, в котором рисунки имеют главное значение, а подписи лишь дополняют, поясняют их. Книжками-картинками, в широком понимании этого слова, можно назвать и такие издания, где текст имеет равное с рисунками значение. В них писатель и художник – равноправные авторы. Книжка-картинка – основной тип издания для дошкольников... За последние годы в детской литературе широкое распространение получили научно-познавательные книжки-картинки: “Астрономия в картинках”, “География в картинках”» (Тимофеева, 1987; 16, 19).

КНИЖКИ-МАЛЫШКИ – книги небольшого размера для маленьких детей.

О Москве 1944 года: «...Тетя Нина [Гернет] была... занята в качестве сценариста в кукольном театре С.В. Образцова... Кроме того, из-под ее пера вышло множество детских книжек – я особенно вспоминаю так называемые книжки-малышки, размер которых чуть превышал спичечный коробок, а толщина – спичку». (Сафонов, 2001)

О 1950-х гг.: «Как правило, все читатели, вспоминая своё чтение в раннем возрасте, называют имена Маршака, Чуковского, многочисленные “книжки-малышки”» (Гердзей-Капица, 1961, 22).

О 1991–1993 гг. в селе Брылино Каргапольского района: «Когда мне было 5–7 лет, я ходила в детский сад и мне мама купила серию книжек-малышек. Они мне нравились, во-первых, размером, во-вторых, было много картинок, и на каждом листе (а листы были толстые, картонные), было по 4 строчки из сказки. В эту серию входили такие сказки, как “Курочка Ряба”, “Колобок”, “Ёжик и Заяц” и другие, которых я не помню, но из всех мне больше нравилась “Курочка Ряба”, я ее перечитывала по несколько раз в день. В конце концов, я её выучила наизусть и рассказала всем своим подружкам. Я даже ложилась спать с ней!» (133).

КНИЖКИ-ПАНОРАМЫ – см.: *Книжки-игрушки*.

«КНИЖКИ-ПОДУШКИ».

О конце XX – нач. XXI в.: «Самой первой в жизни ребёнка раннего возраста может быть “книжка-подушка”, “изданная” московской текстильной фабрикой “Трехгорная мануфактура”. “Листы” этой книги сделаны из тонкого синтепона, обшиты яркой тканью с “иллюстрациями” и текстом. В единый блок они связаны тесёмками. Несмотря на свой размер (35x32), книга очень легкая и удобная... Фабрика наладила произв-во таких книг, сделав их разнообразными по содержанию и оформлению. Сейчас такой тип “изданий” освоило изд-во “Дрофа”» (Гриценко, 2007, 262–263).

КНИЖКИ-РАСКРАСКИ.

«Все родители покупают детям книжки-раскраски... Хорошие альбомы для раскрашивания, предназначенные дошкольникам, выпускает издательство “Малыш”... Для детей 7–9 лет изд-во “Художник РСФСР” создало новый тип книжки-раскраски: в них иллюстрации частично раскрашивает сам ребёнок» (Тимофеева, 1987, 19).

В.Н. Иовлева (1935 г.р.) о Шадринске: «Такие книжки с рисунками Н. Радлова выходили уже в 1945–1946 гг. У нас была такая книга большого формата, с текстом, который запомнился» (сообщение 2006 г.).

О середине 1960-х гг.: «Зое купили книжки-раскраски, девочка ежедневно рисует» (Низова, 1967, 83).

О середине 1990-х гг.: «Самой ещё любимой книгой была “Золушка”. Эту книгу я начала читать ещё в детском садике. По крайней мере, у меня точно было несколько книжек-раскрасок, а под картинками был текст, и каждый раз, когда даже садилась раскрашивать, поневоле перелистывала страницы и читала» (178).

КНИЖКИ-САМОДЕЛКИ.

В.Н. Иовлева (1935 г.р.) о 1944–1945 гг. в Шадринске: «В школе № 9: нарезали и сшивали из газет в половину тетрадного листа книжки-самоделки и приклеивали

картинки и стихи из “Пионерской правды”» (сообщение 2006 года).

КНИЖКИ-«ЧЕТВЕРТУШКИ» – см.: *Книжки-«восьмушки»*.

КНИЖКИ-«ШИРМЫ» – см.: *«Книжки-раскладушки»*.

«КНИЖКИН праздник»

О нач. 1960-х гг.: «Во многих дет. садах устраивают праздники книги, на которые приходят любимые персонажи. Дети встречают их с восторгом, а после праздников долго говорят о своих любимых книгах, вспоминают их. Расскажу о таком опыте. Задолго до праздника детской книги, или, как его называют дети, “книжкина праздника”, мы по договоренности с родителями купили дет. книги. Подготовили программу праздника, в которой принимали участие большинство воспитателей. Праздник начался словами ведущего. “Сегодня, дети, “книжкин праздник”. В гости к нам придут наши знакомые, о них мы с вами читали в книгах. Спойем наши любимые песни. Звучит музыка, и дети поют... песни... Потом дети читают стихи, а после этого им предлагается посидеть в тишине. Появляется рассказчик-воспитательница в нарядном русском костюме, в кокошнике. Ведущий объясняет детям, что по радио рассказывают сказки рассказчицы, и в детский сад она пришла. Дети улыбаются, узнав свою воспитательницу, но интерес их не снижается. Всех увлекла русская нар. сказка “Девочка и лиса”. Вдруг раздается стук в дверь. Появляются почтальон из “Почты” С. Маршака, дядя Степа, Красная Шапочка, доктор Айболит, а за ними Федора со своими сковородками и утюгами. Дети всех их узнали. Сколько смеха было, когда пришел Рассеянный с улицы Басевой. В заключение праздника почтальон достал из своей сумки книжки и роздал их детям» (Успенская, 1964, 176–177)

«КНИЖКИНЫ именины» – см. *Неделя детской книги*.

КНИЖНЫЙ киоск (в школе) –

О заводском поселке в конце 1930-х гг.: «...Он побрел в школу... Школьные двери были открыты, но учеников пока не было... И зеркало в раздевалке. И ряды вешалок за выс. деревянным барьером. И маленький книжный киоск, где можно было купить тетрадку или перо...» (Могилевская, [1941] 1958, 134).

КНИКСЕН – «Поклон с приседанием, принятый в буржуазно-дворянской среде для девочек и девиц как знак благодарности, приветствия; реверанс» (Словарь, 1956–5, 1074).

О девочках из состоятельных семей в Москве в нач. 1910-х гг.: «Игра на сквере возникла как-то чинно... Самая главная, самая настоящая девочка-кукла, пошептавшись со своей бонной, вставала и подходила к той девочке, которая ей больше всего приглянулась. Книксен. “Девочка, вы будете играть в “гуси-лебеди”, или в “ходи в петлю, ходи в рай”, или в “Сеньку Попова”?” Приглашенная девочка вставала, делала ответный книксен, и ходить с приглашением начинали уже двое, трое, четверо, и наконец возникал большой кукольный хвост, который одновременно делал книксен перед очередной девочкой...» (Луговская, [1983] 1987, 48).

КНОПКА – «Металлическое острие с широкой плоской шляпкой, служащее для прикалывания бумаги, ткани и т. п. к чему-либо твёрдому» (Словарь, 1956–5, 1074).

Кнопки подкладывать (на стул, скамейку) – распространённая детско-подростковая преимущественно школьная забава.

О школе в Шадринске в перв. пол. 1980-х гг.: «Часто прикрывали незаметно на спины товарищей таблички: “Ищу жену”, “Ищу работу”, “Я – осел” и т. д. Бывало, подкладывали кнопки на стулья» (608).

О середине 1980-х гг.: «В перемену и на уроках летали самолеты, сделанные из бумаги... Подкладывали кнопки на стулья» (494).

О 1997 годе: «На перемене мы с соседом по парте подложили одному ужасно глупому парню кнопку на стул. Прозвенел звонок. В класс заходит учительница математики. Все садятся за парты, и вдруг громкий крик:

«А-а-а...» Это орал тот самый парень. Учительница спрашивает: «Что с тобой, Денис?» Он долго раздумывает, а потом говорит: «Извините, пожалуйста, Татьяна Петровна, я не так решил задачу». Татьяна Рюмина, Архангельская обл.» («Маруся». 1997, № 9. – С. 27).

О с. Крутиха Далматовского р-на в 1997 г.: «В нач. школе, 5 классе клали на стул учительский канцелярские кнопки. Когда в класс заходили одноклассники на перемене и спрашивали: “Что вы делаете?” – мы отвечали: “Тише! Да это приколом такой!”» (211).

О Шадринске в 2000 г.: «Когда мне было 15 лет, я часто шутила над моим соседом по парте, подкладывая ему на скамейку канцелярские кнопки. В тот момент, когда учитель в начале урока входил в класс и все вставали, я, поскольку сидела рядом, клала кнопку на его часть скамейки. Когда он садился на нее, то обычно вскрикивал, все, кто сидели рядом, начинали смеяться, особенно я. Но после того, как он сел на кнопку раза 3, он начал проверять, куда садится, и поэтому мне от этой шалости пришлось отказаться» (111).

«КНОПКИ» – игра в водоеме.

О д. Октябрь Шадринского р-на в 1998–2000 гг.: «В “кнопки” мы играли во время купания в реке. Все участники игры становятся в круг. По любой считалочке или по желанию ребенка определяется водящий, т.е. тот, кто начнет игру. Первый человек ныряет и находится под водой столько, на сколько воздуха хватит в лёгких. Когда он выныривает, то рядом стоящий человек должен нырнуть не замеченным. В свою очередь, первый должен увидеть второго и залапать его. И так по кругу. Проигравшие выбывают... Младшее поколение не играет в эту игру» (011).

КНУТ – «Веревка или ремень, прикреплённые к палке и служащие для поноукания животных» (Словарь, 1956–5, 1075).

О 1944–1948 гг.: «Село у нас было большое, дворов четырёхста. По вечерам коров из стада встречали мальчишки. И каждый считал делом чести иметь настоящий пастуший кнут. Кнуты все плели сами. Это составляло предмет гордости перед товарищами. И, конечно, если кнут сплетён хорошо, он жажет что твоё ружьё, – уши закладывает. И я научился тогда. И сейчас ещё это искусство не утратил» (Устинов, 1990, 55).

«КОАПП» – (расшифровка: Комитет (Клуб) Охраны Авторских Прав Природы) радиопрограмма для детей. Впервые вышла в эфир в декабре 1963 года.

«КОАПП» – это серия радиопьес [...]

О конце 1970-х – начале 1980-х гг.: «Для меня “свои” – те, кто в детстве читал “КОАПП” и “Мэри Поппинс”» (Анкудинов, 2006, 5).

«КОБЦА получить» – испытать болевое ощущение от проведения по голове суставом большого пальца.

О 1890-х гг.: «“А хочешь кобца? – спросил другой мальчишка, широкоплечий и скуластый. Мне было совестно признаться, что я... этого слова не знаю. Я подумал немного, а потом сказал тихо и нерешительно: “Хочу”. “Ну коли хочешь, так получай!” И мальчишка проехался по моей голове суставом большого пальца. Я закричал от боли» (Маршак, 1960, 393).

КОВБОЙКА – «Верхняя клетчатая рубашка с отложным воротничком, заправляемая в штаны» (Словарь, 1956–5, 1090).

«Ковбойка – клетчатая рубашка, элемент одежды унисекс, вошедшая в моду в 40-е годы XX века. Характерные детали – кокетка, накладные карманы, длинные рукава, погоны» (Терешкович, 1999, 107).

Ковбойка у мальчиков.

Об ученике 9 класса в 1940 году: «Когда я пришёл, я был весел и остроумен. На мне была моя любимая форма: парусиновый клеш и ковбойка» (Сагайдачный, 1963, 61).

О мальчике в 1947 году: «То, что рубашка не белая, меня слегка тревожило. Вчера Елена Ивановна сказала, что на сбор все должны прийти в белых рубашках. А у меня не было. Так уже получилось. Были две клетчатых ковбойки с пуговками на воротнике, одна зелёная футболка с заплатой на плече да вот эта синяя рубашка» (Крапивин, 1982, 201).

О середине 1950-х гг.: «[Шестнадцатилетний Володька] был в клетчатой ковбойке и синих парусиновых штанах» (Козлов, [1967] 1973, 54).

О 1950-х гг.: «...Наташа... чуть было не познакомилась с мальчиком в ковбойке и бархатных штанах. Мальчик был московский...» (Нагибин, 1960, 54).

О нач. 1960-х гг.: «“Едем по радуге!” – закричал Лёнька, вкладывая в ноги всю силу, и ковбойка на спине его раздулась пузырем» (Мошковский, [1963] 1987–1, 58).

О 1960-х гг.: «В кабинете врача Нина Васильевна подняла вверх блестящий шприц и выпустила из него маленький фонтанчик... “Снимай скорей рубашку!” – громко зашептал Витя другу. Он быстро разделся... Но Алька так быстро не мог. Надо было растегнуть все пуговицы на ковбойке... А они почему-то очень медленно расстегивались...» (Леонидова, 1968, 49).

О мальчике 9–10 лет в пионерском лагере в середине 1970-х гг.: «Наташа потрепала ему волосы. “Антон, у тебя ковбойка надета наизнанку”. “Я знаю, это специально. Чтобы рубашка не пачкалась. Вечером перед линейкой вывернул, опять чистая”. Наташа почему-то рассмеялась: “Выдумщик ты великий. После тихого часа отдашь мне рубашку, а сам в другой походишь”. К вечеру Антон увидел, что его ковбойка и носки сушились на верёвке рядом с Наташиным сарафаном» (Матвеева, 1977, 156).

О перв. пол. 1970-х гг.: «...[В столовую] вошли... мужчина в тёмно-сером костюме и мальчик в ковбойке, но на этот раз не в зелёной, а в синей с коричневым» (Пивоварова, 1977, 58).

О перв. пол. 1970-х гг.: «...[Новичок явился] в класс числа десятого сентября. Из-под его форменной куртки выглядывала довольно-таки простецкая ковбойка» (Иванов, 1978, 17).

Ковбойка у девочек.

О девочке 12–13 лет в 1950-х гг.: «За ним пыхла девочка – такая крепко сбитенькая, в тренировочных брюках и ковбойке с короткими рукавами» (Иванов, 1979, 146).

О девочке 12–13 лет в середине 1970-х гг.: «Лида... ещё успела снять жаркий свитер, совершенно забыв, что под низом самая простецкая ковбоекка. Пролетела: “Я сейчас...” И уснула мертвецким сном» (Иванова, 1979, 91).

КОВЫРЯТЬ в носу – см.: *Нос*.

«КОГДА моё счастье?» – девичий магически-игровой обычай. См. также: «*Моё счастье*».

О селе Понькино Шадринского р-на в середине 1980-х гг.: «Если хором сказали какое-то слово, то нужно схватить друг друга за волосы, точнее за чёлку, и спросить “Когда мое счастье?” И говорят друг другу, когда будет счастье. Например: “Твоё счастье завтра вечером примерно в 8 часов”. Затем другая говорит, например: “А твоё – завтра в школе на перемене”» (514).

О середине 1980-х гг.: «Ещё была такая игра, как “Когда мое счастье?” Когда на девичнике или в какой-нибудь игре две девочки говорили вместе одно и то же слово, нужно было вместе сказать: “Когда мое счастье?” Затем эти две девочки брали друг друга за волосы и говорили по очереди, когда и во сколько (например, завтра в 7 часов вечера) будет у них счастье, счастливое время» (534).

О с. Кирово Мишкинского р-на в 1995–1996 гг.: «В классе 5–6 у нас в школе среди девочек было ещё вот что: когда девочки одновременно говорили одно и то же слово, то они хватались друг другу за волосы и кричали “Когда мое счастье?”, другая девочка должна была назвать день и время, а так еще и место, куда придет счастье» (517).

«КОГДА я ем, я глух и нем» – формула, которую побуждают заучивать и повторять детей в местах коллективного потребления ими пищи; цель формулы – побудить детей не разговаривать во время еды. В несколько ином виде зафиксирована еще в словаре В.Даля: «Коли ем (Покуда ем), так и глух и нем».

О 10–11-летней девочке в 1931–1932 гг.: «В большую перемену мы устремлялись в столовую, на стенах которой висели нами же начертанные плакаты: “Поскорее жуй и жуй, а иначе ты – буржуй”, “Когда я ем – я глух и нем”. По правде говоря, эти стимулирующие призывы были излишни: свою кашу мы уминали мигмом...» (Лупанова, 2007, 65–66).

Встречается в фильме 1964 года «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен» (режиссер Э. Климов).

«КОГОТЬ, ЛОКОТЬ И КУЛАК» – вид наказания в детских играх.

О 1930-х – 1940-х гг.: «В нашем детстве, если среди ребят попадался ябеда, то дразнили его так: “Ябеда-корябеда...”... Ещё одна дразнилка. Ею дразнили жадного мальчишку или девочку...: “Жадина-говядина, солёный барабан...”... “Коготь, локоть и кулак” – довольно суровое наказание для тех, кто не отводился (в прятки, салочки) и хочет улизнуть домой. Раньше за это полагался “коготь, локоть и кулак”. Хитрецу проводили ногтём по руке (“коготь”), стукали локтём и кулаком по спине (“локоть” и “кулак”» (Семёнов, 1985; 13, 17, 19, 27).

КОДЕКС мальчишеской чести.

О второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: «С электричками я не разлучался и позже, когда с матерью и один ездил в Москву по разным надобностям. Они так же неотделимы от меня, как уличное детство с его твердым кодексом чести» (Гай, 1987, 56–57).

О повести Г. Бальдыша “Люля” («Искорка», 1957, № 9): «...Юра Самурин... получив по физиономии и обратившись в бегство, ...организует избивание Олега целой компанией, да еще и с палками. Здесь нарушен вековой “кодекс чести”, признанный порядочными мальчишками всего мира, и репутация Юры Самурина в глазах читателя непоправимо испорчена» (Тамарченко, 1959, 141).

О 1950-х гг.: «Все мы были детьми послевоенных лет, воспитанными на уличных драках. Тогда в русских селах и городах пацаны ещё ходили двор на двор, улица на улицу. Дрались не стальными прутьями, как теперь на улицах Москвы и других городов, а только кулаками. Часто просто так, на спор, до первой крови. Лежачих не били – не позволял кодекс мальчишеской чести» (Ищенко, 2001).

См. также: *Законы мальчишеской драки; Мальчишеские ценности; Честь мальчишеская.*

КОДЕКС чести – см.: *Кодекс мальчишеской чести; Уличный кодекс чести; Школьный кодекс чести.*

«КОЖАНЫЙ мяч» – всесоюзные соревнования среди детей по футболу.

О 1960-х гг.: «Пионерской орг-цией в ЦК комсомола я занимался в так называемое застойное время... Со Славой Фуриным мы думали в те годы над тем, как дать жизнь всесоюзной игре “Кожаный мяч”» (Афанасьев, 1989, 5).

О 1970-х – начале 1980-х гг.: «...Для ребят... проводятся большие всесоюзные соревнования по многим видам спорта сразу... и по отдельным видам спорта. У них красивые, завлекательные названия: ...“Золотая шайба” – хоккей с мячом..., “Кожаный мяч” – футбол... и многие другие. В этих соревнованиях участвуют миллионы советских ребят, в том числе младшие школьники... Много лет проводятся всесоюзные соревнования юных футболистов на приз “Кожаный мяч”. Приз этот учрежден “Пионерской правдой”, Центральным Комитетом комсомола и Федерацией футбола СССР. В нём... участвуют дворовые, школьные, уличные команды. Их тоже многие тысячи» (Кулешов, 1983; 12, 13)

О 1983 году в Москве: «Стела придумала, что на ярмарке в Лужниках продаются футбольные бутсы тридцать пятого размера... Только тридцать пятых бутс не бывает. Даже на всесоюзных соревнованиях “Кожаный мяч” младшие играют в кедах – это она специально проверила по телевизору» (Иванов, [1984] 1992, 136).

Ср.: «Кузнечик».

«КОЗАНЫ», «козанки» – то же, что *бабки*.

О Саратове начала 1890-х гг.: «Позади нашего двора начиналась “ограда” – так называлось продолжение... кладбища, когда-то огороженного забором... Среди жителей “ограды” процветала игра в козаны (бабки), в чушки (городки) как среди ребят, так и взрослых... Рядом с двором... находился... пустырь – там ребята и взрослые играли в плиты-козаны, в чушки (городки), пускали змей» (Золотарев, [до 1975], 1995, 58–59).

О 1916 году: «...Нина увидела, как Костя, Сеня и ещё несколько ребят затеяли игру в козанки. Они провели черту на земле, поставили в ряд с десятков косточек, отмерили шагами расстояние, с которого можно бить, и стали “считаться”. Первым вышел Сеня, ему и начинать. Он стал на отведенное место, нагнулся, долго целился, прищурил левый глаз, и... промахнулся. “Эх, ты, – усмехнулась Нина, – “мазила”!” У Нины в углу, за печкой, сложена целая горка козанков. Она умеет выбивать из кона сразу по пять, по шесть штук. Она бы сейчас показала Сене, как надо разжигать...» (Бондаренко, 1959, 56–57).

КОЗЁЛ – «перекладина на высоких подставках с мягким, обитым кожей верхом, служащая при гимнастических упражнениях для прыгания через неё» (Словарь, 1965–5, 1115); «обитый кожей короткий брус на подставках для гимнастических упражнений» (Ожегов, 1970, 275; Ожегов, 1972, 258); «гимнастический снаряд – короткий брус на ножках, род козла (в 3 знач.)» (Ожегов, Шведова, 1996, 275).

О середине 1930-х гг.: «На уроках физкультуры дела у меня шли просто отлично: я лихо прыгала через “козла”, без страховки ходила по буму...» (Лупанова, 2007, 51).

О начале 1950-х гг.: «Однажды, на физкультуре было дело, этот Фомкин не стал прыгать через козла – испугался...» (Иванов, 1979, 124).

О 1980-х гг.: «На уроке физкультуры, ещё во втором классе, прыгали через козла. Козёл был высокий, крупный такой... И мальчишка, который стоял в строю впереди Тани, а значит, был выше, прыгнул и не смог перепрыгнуть – зацепился, брякнулся на маты. А ногами и кое-чем еще – с небывалым грохотом – прямо на жёсткий крашенный пол. И учитель физкультуры поймать его не успел. И мальчишка заплакал, сев на низкую спортивную лавочку у стены» (Иванов, 1990, 4).

Об ученицах 7–8 кл. в г. Шадринске в середине 1990-х гг.: «По моим воспоминаниям (учёба в средних классах), прыжки через козла – самое страшное испытание для девочек, потому что это мало у кого получалось. Когда была учительница женщина, почти все к ней подходили и сообщали по секрету, что у них “месячные”, и они (девочки) не могут прыгать. Но учительница не верила, ругалась и всё равно заставляла прыгать. А когда на следующий год (примерно 8-й класс) учитель был мужчиной, то ему мало кто решался врать про месячные, но те, кто решался, не прыгали, потому что он тут же смущался и разрешал им не прыгать. Особенно было страшно прыгать не потому, что не перепрыгнешь в прыгаче, а потому что мальчишки смеялись над девочками, что те не могут перепрыгнуть» (1003).

О 2000-х гг.: «Оказывается, существует множество способов (и все они законные) выучить ребенка, не гоняя его в школу в 8 утра, не заставляя прыгать через козла на физкультуре и выслушивать окрики “не вертись”» (Лукьянова, 2007, 63).

«КОЗЁЛ» – 1. Игра с прыжками через отскакивающий от вертикальной поверхности мяч.

О поселке Новоаганск Нижневартовского района Тюменской обл. в 1984–1986 гг.: «В 5–7 лет часто играли в “козла”. Играющие становятся в цепочку перед стеной. Первый бросает мяч, мяч должен удариться о стену, затем об асфальт (пол), и его ловит следующий участник. Пока мяч летит от стены до асфальта, его нужно перепрыгнуть (мяч должен пролететь между ног) так, чтобы не задеть игрока. Если мяч задевает участника, то он получает штрафную букву “к”. Допускается вторая ошибка – штрафная буква “о” и так далее, все буквы слова “козёл”. Если доходишь до штрафной буквы “л” – выходишь из игры» (503).

О Шадринске в 1987 г.: «Игры “в козла” я увлекалась в первом классе. В этой игре принимали участие и мальчики, и девочки. Мяч ударяли о стенку, и нужно было подпрыгнуть над ним, не коснувшись его. Если мяч задевал участницу, то ей присваивалась буква “к”, затем буква “о” и так далее, пока все буквы не будут присвоены. На этом игра заканчивалась» (504).

О вт. пол. 1980-х гг. в Кургане: «“Козел”. Для игры нужен был мяч. Играли только девочки. Выбирали стену дома, где не было окон (обычно с торца дома). Девочки вставали руг за другом. Нужно было кинуть мяч в стену, а когда он, отскочив от стены, летел обратно, нужно было перепрыгнуть через него. Это было сделать не так просто, требовалось определенная сноровка. Через мяч можно было прыгать двумя способами: 1. Подпрыгнуть вверх, широко расставив ноги. Такой способ назывался “козел”; 2. Стоя на одной ноге, поднять другую ногу вверх, в сторону. Такой способ назывался “форточка”. Мяч должен был пролететь между ног, не задевая их. В этой игре не было никаких заданий, девочки просто прыгали по очереди через мяч. Стояли друг за другом» (535).

О с. Затеченском Далматовского р-на в конце 1980-х гг.: «Также играли в “козла”, в эту игру играли и девочки, и мальчики. Игра с мячом. Мяч бросали о стену, и нужно было перепрыгнуть тому, кто бросил. Если кто-нибудь не справлялся и не перепрыгивал, или во время прыжка задевал мяч, тот становился к стенке, и должен был поймать мяч, который остальные бросали в стену, продолжая играть, кто-нибудь из играющих мог помочь тому, кто стоял у стены, специально кинув мяч в руки, за это ничего не было. Игрок, поймавший мяч, отходил из стены и продолжал играть. Тот, кто дольше всех и больше всего раз попадал к стене, назывался “козлом»» (474).

О с. Мехонском в 1993–1998 гг.: «“Коза – козел”. Возраст: 10–15 лет. Правила: могли участвовать и мальчики, и девочки. Нужно было бросить мячик об стену, а затем перепрыгнуть через него или перешагнуть. Если в то время, как ты перепрыгиваешь через мяч, задеваешь его, то тебе присваивается буква “к”, после этого ты вторично бросаешь мяч. В остальных случаях все бросают по очереди. Девочке может быть присвоено только 4 буквы: “к”, “о”, “з”, “а”, а мальчику – 5 букв: “к”, “о”, “з”, “е”, “л”. После того как девочка наберет 4 буквы, (а мальчик – 5 букв), она должна из пальцев сделать рога над головой, пропрыгать по всей ограде, издавая звуки: “Ме-е-е-е”. Случай из детства. Одна девочка очень любила с нами играть, но эта игра ей не нравилась. Но так как ей ничего не оставалось делать, ей приходилось с нами играть. Она плохо играла в эту игру: почему-то не могла перепрыгнуть через мячик; поэтому очень часто проигрывала. Она всё выполняла до конца: делала над головой рожки, прыгала по ограде, издавала какие-то звуки. Она делала это так смешно, что мы не могли сдержаться, чтобы не засмеяться. Она обижалась на это, начинала плакать, убегала домой. Потом, минут через 15–20 она возвращалась, садилась на скамейку, смотрела на нас, видела, что мы над всеми смеялись, и снова начинала играть. Опять проигрывала, плакала, убегала» (509).

О 1994–1995 гг.: «Когда мне было 8–9 лет, мы с моими подружками играли в козла. У меня был мяч, который мне подарили в детсаду. Мы вставали друг за другом лицом к забору или к стене дома или сарая. Кидали мяч, чтобы он отбилась от стены (по очереди). Если мяч задевал какую-либо часть тела, той девочке присваивалась буква “к”, потом “о” и так до слова “козел»» (021).

«КОЗЕЛ» – 2. Игра с перепрыгиванием через человека.

О середине 1900-х гг.: «Приехал на неделе Лешов с сыном. Прасол ушел к помещице..., а Евлампий, на этот раз одетый в розовую рубашку с синими пуговицами, подошел к Грише и, не здороваясь, спросил: «Хошь, будем в козла играть?» “Это что – в карты?” “Какое в карты! В живого козла... А, сметанная голова! – закричал он, приметив издали Яна. – Лети сюда, будем играть”. Ян

подошел, остановился, глядя застенчиво. “Ну, вот ты, к примеру, будешь козёл. Становись! Вот так. – Евлампий показал, как надо стать: согнулся, уперся руками в колени.– А я через тебя буду скакать. А ты считай: один раз прыгну – это называется: “вилочки козлу”, другой раз прыгну – “ложечки козлу”. Потом: “как бы не задеть козла”, “как бы не помять козла”. Тут я все время должен скакать через тебя так, чтобы не задеть ногами. А уж потом: “задел козла”. Я тебя тогда двину ногами. Под конец: “помять козла” – это значит, я, как хочю, могу на тебя навалиться, хоть на голову сесть... А если я задену раньше времени козла или забуду сказать “вилочки козлу”, спутаюсь, скажу сразу “ложечки”, ну, тогда я – козел, тогда через меня сигайте. Ну, становись!” – сказал он Яну. Ян согнулся, руки, как было показано, упер в колени. Евлампий сперва прыгал старательно, приговаривая вполголоса с озабоченным видом: “вилочки козлу”, “ложечки козлу”, а когда вышло “помять козла” – садился с размаху Яну на шею так, что тот тыкался носом в песок. Ян вставал, снова терпеливо нагибался, и Евлампий опять прыгал... Похоже было, что этот опытный игрок так и не собьётся: вовремя скажет “вилочки”, вовремя заденет козла. Прошло много времени. Ян стоял смиренно и только от раза к разу все сильнее тыкался носом в землю...» (Кононов, 1958, 88–89).

«КОЗНЫ» – то же, что *бабки*.

«Козон. Кость из ног барана или других животных, употребляемая для игры; бабка... [Козны.] Игра в эти кости; бабки» (Словарь, 1956, 1120).

О Саратовской губернии в 1890-х гг.: «А мы с Евлашкой выходили на двор и играли в “козны” и в “скаланцы”... Появлялся... Тит. Сначала она грыз семечки и наблюдал за игрой... Потом принесил... козны и включался в кон. Евлашка... – курносенький, с... девчачьим голоском, – был ровесник мне... Порывистый, с лукавыми зелеными глазками, он завистливо смеялся над каждым пустяком: брошу я битком в козны – смеется, выбиваются козны – смеется, сам швырнёт биток – хохочет, а когда Тит целится в кон – рассыпается колокольчиком...» (Гладков, 1956, 268).

О 1930-х гг.: «Пожилые люди любят вспоминать и собственно о детских играх (в Муромском р-не особенно популярны были подвижные игры “Лапта”, “Козны”, “Чижик”, “Клёк” / “Клок”, “Чехарда”, “Попа-гонялово”, в них играли мальчики и девочки вместе)» (Райкова, 2006, 80).

«КОЗЫРНЫЙ» – (молодежно-подростковый жаргон) модный, авторитетный, классный.

О 20-летней девушке в г. Ханты-Мансийске летом 2007 г.: «Я заметила, что большинство молодежи г. Ханты-Мансийска использует слово “козырный” для обозначения чего-то хорошего, модного, классного, то есть того, что котируется: “Мы идём сегодня в “Территорию первых” “А что это?” “Это самый козырный клуб в городе!” Приехав осенью в Шадринск, заметила, что слово “козырно” здесь тоже встречается, но оно не так популярно и распространено как в Хантах» (132).

КОКА-КОЛА – «Прохладительный тонизирующий напиток с добавлением экстракта из листьев какао и орехов кола» (СИ, 1994, 286).

О девочке 10 лет в с. Канаши в 1994 г.: «Первый раз “Кока-колу” мне купили на день рождения. Десять лет – юбилей всё-таки. У неё вкус тогда был не такой как сейчас, более приторный с какой-то добавкой, и продавался в очень больших бутылках или стеклянных “чебурашках»» (сообщ. девушки 21 года записала респ. 138).

О девочке 7–10 лет в г. Когальме в 1994–1997 гг. любимыми газировками стали “Фанта”, “Спрайт” и “Кока-кола”. Бабушка меня ругала, что я пью их, и говорила, что “Кока-кола” – это нефть. До сих пор, когда пью этот напиток, вспоминаю её слова» (134).

КОКЛЮШ – «Острое инфекционное, преимущ. детское заболевание, выражающееся в частых припадках судорожного кашля, иногда со рвотой» (СИ, 1994, 286).

«КОЛ» – 1. Просторечное название низшей школьной отметки – единицы («1»).

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «Весь остальной день девочки были неузнаваемы, рассеянные, отвечали невпопад, многие совершенно неожиданно получили “кол”...» (Лухманова, [1903] 1997, 358).

О женской гимназии в середине 1910-х гг.: «Математик сел, потер ладони и улыбнулся. “Ну, значит, плохо! Наверно колов да пар наставил!..” – шёпотом сказала Зойка...» (Филиппова, 1938, 66).

Поэт К. Ваншенкин пишет о 1930-х – начале 1940-х гг.: «...“Очень плохо” (как и “единицу”) ставили крайне редко. “Кол” известен скорее из литературы о дореволюционной школе» (Ваншенкин, 1996, 15).

В.Н. Иовлева (1935 г. р., Шадринск): «Во второй половине 1940-х гг. говорили: “Огородилась колами”» (сообщение 2006 года).

О второй половине 1940-х гг.: «[Эрка Криушин] вместе со всеми сбегал с уроков, бил стёкла и изредка получал “колы”. Уж слишком честно он получал “колы”. Начиная урок, он вставал и докладывал: “Домашнее задание я не сделал”» (Бодров, 1966, 23).

О 1950-х гг.: «В наших с Федею тетрадах / Нет ни двойки, ни кола» (Татьяничева, 1959, 6).

О первой половине 1960-х гг.: «“А потом получилось как-то раз, что я не успел выучить правило и еще отрывок наизусть. Учительница мне пару и кол сразу поставила. Отец, как увидел это, выпорол меня ремнем до бесчувствия...”» (Низова, 1967, 141).

«КОЛ» – 2. Разновидность игры в прятки.

О середине 1930-х гг. в сибирской деревне: «Деревце в кулак толщиной, чаще всего лиственничное, обрубалось в полтора-два полена длиной и затесывалось на конце – получался кол. К нему колотушка, або тяжелый колун, лучше кувалда – вот и весь прибор для игры. Сама игра проще пареной репы – один из видов пряталки. Но кто в эти “пряталки” не играл, тот и горя не видал! Игроки с колом и кувалдой выбирали затишный переулочек или шли за бани, на полянку, чтоб от неё близко были амбары, заплоты, сараюхи, стайки, заросли дурнины либо кучи старых бревен, за которыми и под которыми можно надежно спрятаться. Кол приткнут в землю, к нему прислонена колотушка – кувалду редко удавалось раздобыть. Настал самый напряженный и ответственный момент в жизни – выбор голящего... Всегда голил самый честный и тихий человек... Каждый из тех, кто удачлив в жизни..., бил разок по колу, бил, плянув перед этим на ладони и яростно ахнув. Кол подавался в землю иногда сразу на несколько вершков, иногда чуть-чуть – это от ударов твоих закадычных друзей, тайно тебе сочувствующих. Кол почти весь в земле, но впереди самое главное и страшное – матка-забойщик. На роль эту выбирали, как правило, самого сильного, самого злого и ехидного человека... Он наносил по колу столько ударов, сколько душ принимало участие в игре. Колотил неторопливо, с прибаутками: “Ах, мы колышек поглядим, дураков землей накормим!..”, “Коли, кол, дурака на три четвертака!”, “Кол да матка – вся отгадка!”, “Кол да свайка, возьми, дурак, отгадай-ка!...” ...Кол уже вколочен в землю, но забойщик беспощадно лупит и лупит колотушкой, вгоняя дерево глубже и глубже в земные недра. Правило: пока голящий выдергивал кол, все должны спрятаться. Выдернув, притыкает его в цельное место на полянке, ставит к нему колотушку и отправляется искать погубителей. Нашел – скорей к колу! Лупи теперь сам по нему колотушкой, кричи победно: “Тараська килантый за бревном!”. Но как далеко до победного удара! Кол забит так, что и вершка нету, щепы, коры и те в землю втоптаны. Вытаскивай кол руками, зубами, чем хочешь из того, что на себе и в себе имеешь. Посторонние инструменты никакие не допускались, за всякую хлюзду, то есть если струсишь, домой сбежишь либо забунтуешь, предусмотрено наказание – катание на колу и колотушке. Возьмут тебя, милого, за ноги, за руки, положат спиной на кол и колотушку да как начнут катать – ни сесть потом, ни лечь – все кости болят, спина в занозах. Но вот..., срывая ногти..., выколупываем из земли кол, шатаешь его, тынешь, напрягаясь всеми жилами, а из жалащцы, с крыш амбаров, из-под стоек и сараев несутся

поощрительные крики, насмешки, улюлюканье. Р-раз! – и всё смолкло. Кол вытасчен! Насторожен. Теперь любой из затаившихся огольцов может оказаться возле кола – надо только быть зорким, держать ухо востро! Стоит голящему отдалиться, как из засады вырывается ловкий, ушлый враг, хватает колотушку и вбивает кол до тех пор, пока ты не вернешься и не застукаешь его. Но такое удается редко. Очень редко. Чаще случается: вернешься, а кол снова забит по маковку и забивалы след простыл...» (Астафьев, 1989–1, 230–233).

КОЛА – разговорное название одного из безалкогольных тонизирующих газированных напитков с экстрактом ореха африканского тропического растения (*пенси-кола, кока-кола*).

О 1999 году: «Мой сын весь день усиленно собирал зелёные крышечки из-под “колы” под рекламным лозунгом “Запомни это лето”, надеясь на многочисленные призы, обещанные компанией» (газета «Час пик» (Санкт-Петербург), 1999, 8–14 сентября; цит. по: ТССР, 2001, 349–350).

«**КОЛБАСА**» – шланг подвода воздуха к пневматической тормозной системе прицепного вагона трамвая, расположенной на его задней стенке. Кататься на «колбасе» (точнее, на соединительной штанге, лишь держась руками за шланг-«колбасу») – распространенное развлечение мальчишек крупных городов первой половины XX века.

О Ленинграде в 1920-е гг.: «Распространенным развлечением «уличных мальчишек» было катание на трамвайной «колбасе», то есть шланге подвода воздуха к пневматической тормозной системе прицепного вагона, расположенной на его задней стенке» (Поздняков, 1994, 291).

О 1920-х – 1930-х гг.: «...Когда, наконец, трамвай показался, Павлик попробовал было втиснуться в вагон, да где там! Тогда его осенила отчаянная мысль: прицепиться сзади на “колбасу”. Так он и сделал... Трамвай проходил мимо школы, и Павлик услышал приветственные возгласы своих товарищей. “Смотрите! Смотрите! Павлик на колбасе едет! А-га-га! Ура!”» (Мавр [1934] 1956, 27).

О начале 1930-х гг.: «К семнадцатой школе / Примчался трамвай. / Взобрался на буфер / Блинов Николай. / Трамвай – по проспекту. / Трамвай – по шоссе, / А он на трамвайной / Висит колбасе... / У самого дома / Тряхнуло трамвай, – / Сорвался с трамвая / Блинов Николай... / Но только, пожалуйста, / Помните все: / Кататься не следует / На колбасе» (Маршак, [1935] 1968–1, 371–373).

О 1930-х гг.: «Мальчишка ехал у трамвая на хвосте, там была такая штукавина, железная, что ли. На ней всегда бесплатно ездили мальчишки, куда и сколько хотели, называлась она – “колбаса”. Новые усовершенствованные трамваи были без колбасы, и мы сердились на взрослых, что они не подумали о мальчишках, и лишили их такого вида транспорта» (Александрова, [1970-е] 1992).

О 1930-х гг. в Москве: «На задке вагона, помимо торчащего буфера, висел конец тормозного шланга, популярному – колбаса. Езда на буфере или на колбасе была любимым спортом московских сорванцов. Сегодня [начало 1990-х гг.] это можно делать с тем же успехом, но я давно “буферщиков” не вижу» (Федосюк, 2004, 57).

О Симферополе 1941 года: «В первый класс я пошел, как уже было упомянуто, в первую военную осень... От дома до школы я и мои сорванцы-товарищи добирались на трамвае, но не в его салоне, а “на колбасе” – так называлась изогнутая железная балка, торчащая сзади вагона. Если “колбаса” была занята, то мы ехали “на подножке”, а на промежуточных остановках соскакивали с нее, чтобы, дождавшись момента, когда трамвай тронется, вновь вскочить “на подножку” и висеть, ухватившись за поручни» (Шем, 2000).

О конце 1940-х гг.: «Трамваи стали для пацанов бесплатным аттракционом. “Айда покатаемся!” – они прыгали на подножки на ходу, хватаясь за поручни; ехали с грохотом и звоном, спрыгивали на скорости и поджидали следующий. Кондукторы их ненавидели.

Сейчас-то понятно, что не за убыток в тридцать копеек – шею ведь можно свернуть. Самое замечательное – трястись сзади на “колбасе”, там ты один. А зимой возьми длинный железный крюк и гоняй себе на коньках за трамваем, цепляясь за поручень» (Иванов, 1985, 96).

О Ленинграде конца 1940-х – начала 1950-х гг.: «Ещё во всем чувствовалась недавно окончившаяся война. Город был разбит, изуродован блокадой. ...Из всех видов транспорта [Серёга] предпочитал трамвайную “колбасу”. Да, я совсем забыл, что нынешние ребята не знают, что это такое. Во времена нашего детства у... трамваев... из-под вагона торчала штанга, которая скрепляла вагоны между собой. И поскольку у последнего вагона к ней ничего не крепилось, мы пользовались ею для бесплатного проезда, что очень не одобряли наши родители, учителя и милиционеры. И в самом деле, со штанги было очень легко сорваться. Спасала трамвайная “колбаса” – толстая резиновая кишка с проводами, что свисала из задней стенки вагона. За неё можно было уцепиться мёртвой хваткой и катить через весь город – и бесплатно, и на свежем воздухе» (Алмазов, 1989, 5–6).

О конце 1950-х гг.: «Я помню время, когда... мама, провозжая в школу, говорила мне: “Не катайся на “колбасе”! Ещё раз узнаю – отцу скажу. Выпорет!”» (Туинов, 1985, 27).

См. также: «Колбасник».

«КОЛБАСА, на веревочке оса» – инвариантная часть ряда дразнилок.

О середине 1980-х гг.: «Когда мы с подругами ссорились, то обзывались и дразнились друг на друга как только могли: “Олька-полька-колбаса, на веревочке оса, руки-ноги на балконе, голова на стадионе”, “Ирка-дырка-колбаса, на веревочке оса, а оса шевелится, Ирка скоро женится» (515).

КОЛБАСИТЬСЯ – (молодежно-подростковый лексикон) веселиться, тусоваться, прикалываться, отрываться.

О девочке 12–14 лет в г. Когалыме в 1999–2001 гг.: «Одноклассница Таня сказала: “В субботу вечером у меня будет тусовка. Приходи. Поприкалываемся, поколбасимся»» (134).

Ср.: *Расколбас*.

«КОЛБАСНИК» – мальчишка, катающийся на «колбасе».

О Ленинграде 1930-х гг.: «...Трамвай тех лет – с открытыми площадками, резиновым шлангом сзади (это называли “колбасой”). Цепляясь за неё, катались бесплатно мальчишки (их звали “колбасники»)» (Грагин, 1990–5, 485).

О второй половине 1940-х гг.: «К буферу трамвая прицепился мальчик... Точно кто-то подтолкнул Петю. Метнувшись с тротуара, он подскокил к тронувшемуся трамваю, схватил мальчика поперёк живота и поставил его на мостовую. По росту это был... ученик четвёртого класса... Деловито нахмурившись, точно и не он висел только что на буфере трамвая, мальчишка рысдой побежал прочь. Портфель смешно подскакивал у него на спине. В другое время Петю непременно рассмешил бы забавный вид убежавшего мальчишки. Но сейчас он без улыбки смотрел ему вслед и думал: “Почему же раньше я проходил равнодушно мимо “колбасников”, мимо драк и возни мальчишек на мостовой? Почему?»» (Котовщикова, 1954, 37–38).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Переполненный одновагонный трамвай уныло полз в гору... Ленка прижался к заднему стеклу и наблюдал за висящими на трамвайной “колбасе” двумя пацанятами. Они не просто ехали, но еще умудрялись играть в ляпы, то и дело прыгивали со своего “сиденья”, потом снова догоняли трамвай... Парень... сказал громко: “Пацаны на ходу выпрыгнули! ...Опять чего-нибудь из карманов сперли”. Почти все пассажиры... стали ощупывать сами себя. Первым всполошился... толстяк: “Где пацаны?” “А вон, бегут”, – показал парень на догоняющих друг друга “колбасников”. Толстяк грузно вывалился из трамвая, упал, тяжело поднялся и, громко крича, похромал за мальчишками» (Чумичев, 1987, 99).

«КОЛБАСНЫЙ» язык – название одной из простейших разновидностей тайного детского языка.

О середине 1990-х гг.: «Когда мой сосед – девятилетний Сашка – съездил в лагерь в 1995 году, он сразу научил всех мальчишек а нашем дворе “колбасному языку”, а мы, девчонки, долго не могли понять, что они говорят и как и нам научиться этому странному непонятному языку. Секрет был выдан младшей сестрой Сашки – Машкой. Она рассказала нам, что нужно после каждого слога подставлять букву “с” с той же гласной. Например: “Ты дурочка – ничего не понимаешь” звучало так: “Тысы дусуросочкаса, нисичесегоса несе посонисимасаесешь” (012).

См. также: *Тайные языки*.

КОЛГОТКИ детские – соединение трусов и чулок в один предмет; трикотажное изделие, плотно облегающее всю нижнюю часть тела. Колготки пришли на смену чулкам, прикреплявшимся при помощи *резинок* к *детскому лифчику*.

О середине 1940-х гг.: «Как только мы вышли на улицу, у ребят предательски поползли вниз чулки» и делает примечание: «Колготки появились много позже, в начале [19]60-х годов, и первое время, как и сейчас, были страшно дефицитны» (Гречина, 1994, 207).

Из программы 2007 года «Вести» (телеканал «Россия»), посвящённой 50-летию открытия московского магазина «*Детский мир*»: «Но нет уже тех очередей... и шерстяные детские колготки давно не в дефиците. – он с Колготки, кстати, в стране появились с помощью Гарника Оганесяна, первого дня работает в “Детском мире”. Чулки, соединённые с трусиками, Гарник увидел в командировке в Чехословакии, очень удивился, потому что советские дети 50 лет назад носили чулки на резиночках со спец. поясом-лифчиком».

Из книги 1968 г.: «Её ноги свешивались с кресла, точно вымытые и выжатые колготки» (Надеждина, 1968, 62).

О 1980-х гг.: «Под окнами играла мелюзга. Играли в прятки. Пацан в колготках верховодил, устанавливал правила в кругу свой ровни...» (Кривомазов, 1985, 28).

Ср.: *Лифчик детский*; *Чулки*.

КОЛГОТКИ – «[< чешск. kalhoty] – трикотажное изделие, плотно облегающее ноги и нижнюю часть тела, чулки, соединённые с трусами» (СИ, 1994, 287).

Колготки у девочек.

О середине 1960-х гг.: «Общественное мнение девочек рано или поздно возьмет верх; дочь будет в душе завидовать им и, быть может, не высказывая это вслух, мечтать о модных колготках и сетовать на родителей, которые не хотят её одевать “как все другие”» (Низова, 1967, 44).

О конце 1960-х гг.: «Первые мои [колготки] были нежно-голубого цвета и произведены в какой-то из республик советской Прибалтики. Оттуда же и привезены с okazji... Я их возненавидела... И выбросила в дачный помойный пруд. Оттуда их... извлекли, постирали и вновь надели на меня, излёпанную. И после этого я их уже очень полюбила... А до этого колготок никто не видел и даже не знал такого слова. Известно было слово “колгота” с ударением на А, примерно то же самое, что “копуша”, как меня называли, когда я не проявляла расторопности, собираясь в детский сад. В детском саду мои голубые колготки были сенсацией. Все носили коричневые простые чулки, которые пристегивались к специальному пояску, называемому отчего-то лифчиком. У мальчиков тоже, я помню. Следовательно, все мужчины – мои одноклассники и старше носили в детстве лифчики... Чудесные колготочки с белыми и розовыми ромбами были самой большой радостью моих начальных школьных лет... Колготки были так называемые эластичные и так называемые простые. Эластичные считались вредными для детей – “химия на тугой резиночке”. Они действительно были противноватыми по ощущениям, но зато не сползали. Простые (хлопковые) – сползали. Это была катастрофа. Особенно если посреди урока вызывали к доске. Лучше всех с этой проблемой справлялась подруга моя..., которая делала так:

выходила к доске, поворачивалась лицом к классу, поднимала коричневую плиссированную юбку, не спеша подтягивала колготки, становилась в третью балетную позицию и затем уж достойно принималась отвечать что там её спрашивали. Но не все были способны на такие радикальные жесты. Я вот – нет» (Метелица, 2005, 103–104).

О Перми 1969 года: «Девчонкам гимнасткам-перворазрядницам выдавали тонкое облегчающее ногу “трико” – позже получившее всенародную известность под названием “колготки”. С [19]70-го года колготы стали носить женщины всех возрастов. Кончилась эпоха поясов с резинками» (Киршин, 2002).

О третьеклассниках в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Мы пошли в театр. Мы шли парами, и всюду были лужи..., потому что только что прошёл дождь. И мы прыгали через лужи. Мои новые синие колготки и мои новые красные туфли стали все в чёрных брызгах. И Люськины колготки и туфли тоже!» (Пивоварова, 1979, 62).

О Краснодарском крае в 1977–1980 гг.: «Когда мы учились в младших классах, то не видели ничего зазорного, если подтянуть колготки посреди класса, при этом задрать платье» (590).

О 13-летней девочке в Москве в 1983 г.: «Но тут же поднялась, так и не найдя тапки. В одних колготках, то есть совершенно бесшумно, подбежала к двери... Потому, что от опасности, как успела убедиться Лида в свои... тринадцать лет, всё равно не уйти... Забыв, что она без туфель, без сапог, даже без домашних тапочек, а в одних только колготках, Лида пошла вперед» (Иванов, [1984] 1992; 332, 334).

О девочке-старшекласснице в первой половине 1980-х гг.: «[Парни] скинули с Оли пальто, шапку, шарф и подняли за ноги. “Вот так. Повиси немножко. Нам сказали, девочке надо вправить мозги”. Волосами Оля коснулась земли... Платье задралось, опустилось к шее. Ноги в тонких колготках обдало холодным ветром...» (Симонова, [1985] 2003, 226).

О 1993 годе: «Я тогда пошла на 1 сентября 1993 года в 3-й класс, и мама купила мне капроновые колготки. Они были белого цвета с бантиками по бокам. Они выглядели очень нарядными, и я очень любила их» (070).

Колготки у мальчиков

О мальчике 3–7 лет в середине 1970-х гг.: «Надевая колготки – синие шерстяные, которые дорого стоят и нигде не достать, – я почувствовал запах гари. Одна колготина доходила лишь до щиколотки. Сама ценная её часть, та, которая образует носок, увы, догорала на рефлекторе... Бабушка достает из лежавшего у двери пакета запасные колготки... Я переодеваюсь... На сиденьях... лежали... мои вещи – шерстяные безрукавки, фланелевые рубашки, колготки. Колготки я ненавижу. Бабушка не разрешала снимать их даже на ночь, и я все время чувствовал, как они меня стягивают» (Санаев, 1996, 55).

КОЛГОТЫ – то же, что колготки.

О девочке 12–13 лет в середине 1970-х гг.: «[Отец] всё продолжал сидеть перед пустым телевизором. Лида в одних колготах бегала по квартире. “Ты есть будешь, батянь?”... Она живо-два сбросила [школьную] форму... Стоп!... Она единым духом набрала Севин номер. И тут Лида заметила, что она в одних колготах!» (Иванов, 1979; 97, 97).

О 1970-х – 1980-х гг.: «А вот с наступлением осенних сквозняков из комода угрожающе высовывались шерстяные штаны двух подвидов – укороченные шорты и длинные, настоящие “понтюхи”. Длинные... носили на трусы, а как же иначе, если они зачастую были шерстяными, с начесом. А на всю эту красоту сверху для полного утепления надевались колготы – с крупной вермишелевой вязкой, плохо тянущиеся, коричневого цвета, а на них – рейтузы с отвисшими коленями и вечно сползающие. До сих пор с содроганием вспоминаю эту экипировку» (Денисова, 2002).

О девочке-подростке в Москве в 1983 г.: «Она стремительно повернулась... для того, чтоб подол ее форменного, чуть расклешенного платья мелькнул,

словно лисий хвост. Это был мастерский трюк...! В кратчайшее мгновение перед Сережей блеснули коричневые сапожки и светло-серые колготы» (Иванов, [1984] 1992, 280).

«**КОЛДУНЧИКИ**» – детская игра типа «догонялок», «салок».

О первоклассниках в конце 1930-х – начале 1940-х гг.: «И в “колдунчики” его не берут играть. На переменах все мальчики играют, а его не берут...» (Могилевская, [1941] 1958, 44). О середине 1950-х гг.: «Когда весной в скверике между школами восьмиклассники играли в “салочки” и “колдунчики”, девочка гонялась только за Витькой» (Жуховицкий, 1963, 6).

В одной из разновидностей «колдунчиков» «осаленный» водящим считается «заколдованным», он должен замереть на месте и ждать, пока его «расколдует» другой, не «заколдованный» водящим, участник.

О второй половине 1940-х гг.: «Играли также в прятки, салочки, колдунчики, где осаленный застывал на месте и ждал, пока его, пробегая, расколдует прикосновением руки другой участник игры...» (Андреевский, 2003, 380).

О детях 11–12 лет в санатории в начале 1950-х гг.: «Сил у ребенка двенадцати лет не хватает, чтобы справиться со своей буйной натурой..., и ребенок буйствует, бегает, кричит, чулки рвутся, ботинки мокрые от этой беготни по уже сырому осеннему парку, рот не закрывается, крик исходит из грудной клетки, потому что идет игра в колдунчики или в казаки-разбойники» (Петрушевская, 1999, 11).

О начале 1960-х гг.: «Деревня моего детства находилась... вблизи Михайловского завода... А играли в обычные деревенские игры – ляпки, прятки, колдунчики, вышибалы, цепи кованные...» (Застырец, 2003).

О начале 1960-х гг.: «...В этот обычный июньский вечер ребята посёлка занимались обычными делами: кто-то читал в саду книжку, кто-то разучивал на баяне гаммы; на улице перед школой играли в “колдунчиков”, и галдеж от этой шумной игры разносился по всему поселку» (Матвеев, 1965, 26).

В начале 1970-х годов «заколдованные» участники выкрикивали двустийшие: «Я советский человек, / Заколдованный навек» (По воспоминаниям автора словаря).

Другая разновидность игры. О г. Лянторе Сургутского района Тюменской обл. в 1996 г.: «В эту игру мы играли во дворе, когда мне было 11 лет. Играющие у нас находились в одной стороне, они должны были перебежать на другую сторону. Посередине находились “колдунчики”. “Колдунчики” спрашивали у играющих: “Бойтесь ли вы нас?” Играющие отвечали: “Нет” и перебегали на другую сторону. “Колдунчики” их прыгали. Запятнанные “колдунчиками” становились в центре в линию, где стояли “колдунчики”. Играющие могли освобождать пленных только на обратном пути. Они должны были ударить пленных по протянутой руке и те должны были бежать с ними и так далее» (015).

«**КОЛДУНЫ**» – вероятно, то же, что «колдунчики».

О 1890-х гг.: «Зато у моих младших сестер и брата полон двор подруг и товарищей, с которыми можно играть с утра до вечера в колдуны, в золотые ворота, в палочку-стукалочку и прятаться в закоулках... дома...» (Маршак, 1960, 643).

КОЛЕНИ, на колени ставить – см. *Ставить на колени*.

КОЛЕСО, гонять колесо – см.: *Обруч*.

О вт. пол. 1930-х гг.: «Пешком мы почти не ходили. Летом бегали с колесом. Это обруч от бочки или маленькое тележное колесико, которое подгоняли специальной проволоочной ручкой, загнутой на конце в виде буквы П» (Санников, 2001).

О 1930-х гг.: «Когда Галка выйдет гулять во двор, Костя, конечно, уже будет там. А может быть, он уже вышел. Очень даже просто – встал пораньше и вышел гулять. Катает по двору железное колесо. У всех мальчишек есть такое колесо и проволоочный крючок. Они толкают колесо крючком, а оно катится и звенит. Со

стороны кажется, что они притягиваются, как на магните, крюк и колесо. Может быть, Костя бежит сейчас вдоль двора, мимо старого дерева, мимо их подъезда... И колесо тихо звенит, подпрыгивает на асфальте» (Матвеева, 1975, 50).

«КОЛЕСО» – в выражениях: делать колесо, перекачаться колесом, ходить колесом – кувырнуться боком через голову.

О второй половине 1830-х гг.: «Серёжа... снял курточку..., он беспрестанно хохотал и затеивал новые шалости: перепрыгивал через три стула, поставленные рядом, через всю комнату перекачывался колесом...» (Толстой, [1852] 1966, 79).

О 12-летней девочке в конце 1950-х гг.: «Да, конечно, мамочка», – серьезно отвечала Юкка [Юля], но, как только дверь закрылась, делала по комнате круг колесом. Это искусство стоило ей долгих часов труда и многих синяков, но, когда она однажды во дворе, зашпилив подол платья английской булавкой, прошла колесом перед ошеломленными ребятами, все признали, что колесо она делает даже лучше, чем Петька из семнадцатой “а”» (Дубов, 1963, 85).

«КОЛЕСО ИСТОРИИ» – телеигра на историческую тему для школьников.

О девочке 12–14 лет в 1997–1999 гг.: «Передачу “Колесо истории” вёл Леонид Якубович (любимый телеведущий родителей), и мне нравилось, как участники набирали “вёрсты”, езда на каретах. Были инсценировки исторических событий. Но, как оказалось, эта передача была шоу и не годилась для изучения истории. Один раз я разработала эту игру (я была в 8 классе – 1998 г.) и провела её на школьном вечере, все одноклассники хотели участвовать в сценках, но я взяла только лучших подружек. Участников выбирала тоже я по оценкам за четверть по истории. После этой игры классный руководитель записала меня на факультатив по истории» (065).

«КОЛЕЧКО» – детская игра с прятанием в ладони одного из участников «колечка». Существует два основных вида игры. Первый вид предусматривает только выбегание участника, которому в ладонь тайно вложили колечко. Второй вид включает компоненту с воображаемым выполнением желаний участников (приобретение костюма, машины).

О нач. 1980-х гг.: «Игра “Колечко-колечко”. Правила. Выбирался ведущий, у которого было колечко. Все дети садились в ряд. Ведущий подходил к каждому и делал вид, что положил колечко, а кому-то одному в руки он действительно незаметно крал колечко и затем, обойдя всех, говорил: “Колечко, колечко, выйди на крыльцо!” И тот человек, у которого было колечко, должен был выбежать и он становился ведущим» (546).

О вт. пол. 1980-х гг. в дер. Портнягино Шатровского р-на: «“Колечко”. Игроки садились на лавочку, а водящий (выбирали по считалочке) брал в руки колечко или какой-то другой предмет. Игроки протягивали руки вперёд и ладошки соединяли. Водящий вкладывал колечко в свои ладошки, вводил их в ладошки других игроков и незаметно у кого-то оставлял. А потом говорил: “Колечко, колечко, выйди на крыльцо”. Игрок выходил и становился водящим» (530).

О загородном летнем лагере 1980-х гг.: «Каждую минуту мы были чем-то заняты. На пляже играли в “колечко”, “штандер”, “кондалы-закованы» (Кумейко, 2006–2, 7).

О 1980-х гг.: «“Колечко”. Выбирается водящий. У водящего колечко. Он проходит мимо играющих и должен незаметно положить кому-нибудь колечко. Если, например, он положил второму играющему, то всё равно он должен дойти до последнего. Потом водящий говорит такие слова: “Колечко, колечко, выйди на крыльцо”. Тот играющий, у кого колечко, должен постараться выйти к водящему, а остальные – его задержать. Если играющий всё-таки вышел, то он с водящим загадывает число, остальные отгадывают. Тот играющий, который отгадал число, просит исполнить желание. Допустим, он хочет приобрести машину. Водящие загадывают разные марки машин. Затем один из водящих их описывает. Тот, кто

отгадал по описанию, выбирает машину и уходит с тем водящим, чью машину выбрали. Они снова загадывают число и игра продолжается» (493).

О Шадринске в 1987 г.: «Ещё была популярна игра “Колечко, колечко, выйди на крыльцо”. Играла я в эту игру с 7 лет. Играющих должно быть больше четырёх человек, чтобы было интереснее. Ведущий берет в ладошку колечко или заменяющий предмет и кладет кому-нибудь незаметно в ладони. Затем говорит: “Колечко, колечко, выйди на крыльцо”. Если играющие задержат того, у кого колечко и не дадут ему встать, то колечко забирается и начинается сначала всё. Если тому, у кого кольцо, удаётся встать, то он и ведущий идут и загадывают число, например, от 0 до 10. Приходят. Все по очереди пытаются отгадать. Кто отгадывает, у него спрашивают: “Что ты хочешь?”. Он говорит, например: “Костюм”. Эти двое идут и загадывают два разных костюма. Приходят. Один объясняет, что они загадали. Тот, который отгадал число, выбирает какой костюм. Называет себя тот играющий, который придумал этот костюм. Чей костюм не выбран, садится на место отгадывающего. И всё так далее. Выигрывает тот, кто больше одежды на себя “надел”» (504).

О Шадринске в 1990–1991 гг.: «Ещё одна веселая игра называлась “Колечко”. Выбирался ведущий. В ладонях у него было зажато колечко. Все остальные сидят в ряд с вытянутыми руками, соединенными в ладонях в форме лодочки. Ведущий проводит руками между ладоней каждого, как будто незаметно вкладывает колечко, но на самом деле колечко он оставляет только кому-то одному. Остальные внимательно следят за действиями ведущего и пытаются определить, у кого осталось колечко, потом ведущий кричит: “Колечко, колечко, выйди на крыльцо!” Тот, у кого колечко, выбегает, а другие должны его задержать. Если они задержали его, то ведущий снова повторяет процедуру передачи колечка, но уже кому-то другому. А если этот игрок успел добежать до ведущего, то они вместе загадывают какое-либо число. Возвращаясь, они называют, в каких параметрах оно находится. Например, от 1 до 30; от 30 до 100 и т. д. Остальные игроки отгадывают, называя по очереди предлагаемые числа. Если названное игроком число больше задуманного, то один из ведущих говорит: “Меньше”. И наоборот, если игрок называет число меньше задуманного, ведущие говорят: “Больше”. Если игроки называют предыдущее и последующее задуманного числа, ведущие объявляют: “Окружили” и уходят загадывать другое число. После того, как кто-то отгадал заданное число, он начинает “одеваться”. То есть все представляют, что они сидят голые, и отгадавший заказывает себе какую-нибудь деталь одежды, начиная с белья. Но он должен успеть крикнуть: “Без юмора и без брака”. Иначе ведущие могут придумать одежду немыслимой формы, с дырками, вырезами и т. д. Затем ведущие загадывают одежду. Каждый свой вариант и рассказывают их отгадавшему число игроку. Он выбирает наиболее понравившийся ему вариант. И с тем ведущим, который придумал ему одежду, они уходят и задумывают снова число. Игра повторяется снова и снова. Все участники постепенно одеваются, отгадывают числа, задуманные ведущими, и сами в результате чего становятся ведущими, которые постоянно меняются. Победившим считается тот, кто быстрее оденется, набрав обговоренный заранее комплект одежды» (542).

О г. Лянтор Сургутского р-на Тюменской обл. в 1995–1996 гг.: «В эту игру мы играли во дворе, когда мне было 10–11 лет. На веревку надевали кольцо, концы веревки связывали вместе. Играющие становились в круг, а ведущий в центре круга, играющие брались обеими руками за веревку. У одного из играющих под ладонью находилось кольцо. Играющие не должны были дать ведущему угадать под какой именно рукой оно спрятано. Для того чтобы ведущий не угадал, играющие делали множество обманных движений рукой. Ведущий должен был заметить, под какой рукой находится кольцо и ударить по ней. Он должен был это сделать до того, как оно окажется где-то в другом месте. Если он успевал сделать это, то ведущий менялся местами с тем

играющим, кто не успел передать кольцо дальше. Если ведущий обнаруживал кольцо между двумя людьми, то в круг шел тот, кто не успел спрятать кольцо» (015).

«КОЛИКА-БАБА» – мальчишеская игра.

О XIX – начале XX в.: «Типичными для мальчиков являлись также такие игры, как “колика-баба”, “еги-баба”, “масло”; их называют еще испытательные игры. В игре “колика-баба” один из игроков забирается на возвышение и кричал: “Колика-баба!” Остальные ему отвечали: “Наш дядя, нажимай кулаки, на чьи боки?” Стоявший указывал на одного из игроков. Тот должен был занять место водящего. В то время как он бежал к возвышению, товарищи старались его сильнее ударить, задача бегущего игрока, уклоняясь, избегать ударов» (Зимица, 2006–3, 147).

КОЛЛЕДЖ – появившееся в 1990-е годы название некоторых средних специальных учебных заведений (обычно бывших ранее училищами и техникумами).

«В Рос. Федерации с начала 1990-х гг. название “колледж” принимают нек. новые или реорганизованные учеб. заведения, дающие, как правило, среднее профессиональное образование» (ПЭС, 2003, 122).

О конце 1990-х – начале 2000-х гг.: «“Сейчас очень многие [средние] [с[пец.] у[чеб.] з[аведения] называются колледжами. В чём их отличие от техникумов?” “Колледжи, как правило, реализуют программы более выс. уровня, это инновационные образоват. учреждения. Они многопрофильные, осуществляют подготовку по широкому спектру специальностей”» (Руденко, 2001, 18).

О вт. пол. 1990-х – начале 2000-х гг.: «В колледжи и техникумы зачастую поступают ребята, не слишком отличившиеся в школе, “слабачки”. Туда идут и те, кому совсем не хочется учиться, а надо» (Ушкова, 2002, 19).

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ – «целенаправленное собирательство разнообразных предметов, объединённых по определённым признакам и представляющих познавательный и худ. интерес» (ПЭС, 2003, 123)

«Осн. виды коллекционирования: филателия (изучение знаков почтовой оплаты, преимущественно марок) и почтовых изделий (конвертов и др.), филокартия (коллекционирование открыток), филумения (коллекц-ие спичечных этикеток), фалеристика (коллекц-ие значков, нагрудных знаков), нумизматика (коллекц-ие монет и медалей), библиофилия..., филофония... и др.» (ПЭС, 2003, 123)

Коллекционирование у детей.

Из книги М.В. Осориной: «Приблизительно после пяти лет (сроки условны) детское собирательство приобретает новые черты. У ребенка появляется собственная “сокровищница”... Детская “сокровищница” существует в течение неск. лет, а потом незаметно исчезает... После шести-семи лет появляется нов. тип дет. собирательства – коллекционирование... В основу коллекции всегда заложен некий, пусть и несовершенный, интеллектуально-логич. принцип подбора материала... Коллекция социальна и больше обусловлена внешними факторами, связанными с жизнью ребенка в группе сверстников: модой, престижем, соперничеством, новыми отношениями и т. д. Поэтому коллекции дети с удовольствием показывают друг другу, хвастаются, гордятся ими... Дети семи-десяти лет обычно собирают предметы, которые можно добыть без денег, но сделать это нелегко, так как эти предметы сравнительно редки и труднодоступны. В этом плане типичны коллекции советских детей [19]30–[19]60-х годов. При тогдашней всеобщей бедности собиратель фантиков, например, мало надеялся на то, что ему когда-нибудь достанется конфета в желанной красивой обертке. Он больше рассчитал на свою способность заметить этот фантик валяющимся около какой-нибудь урны, на свою социальную ловкость, которая позволит потихоньку сохранить обертку от конфеты, съеденной во время чинного чаепития на чьем-нибудь роскошном дне рождения, и т. п. Многие дети никогда в жизни не ели дорогих (и поэтому вообще редко покупавшихся кем-либо) конфет с красивыми сложными картинками на обертках, конфет типа “Красной Шапочки”, “Тулливера”, “Утра в сосновом лесу”. Но прекрасно знали цену такого

фантика при обмене его на другие, как теперешние люди знают отношение курсов валют, поскольку конфетные обертки были не только объектом коллекционирования, но и гл. элементом дет. азарта игры “в фантики”» (Осорина, 1999; 131, 134–135).

См. также: *Киндер-сюрприз; Марка почтовая; Собирательство у детей; «Сокровищницы у детей».*

КОЛОБ – спрессованный подсолнечный жмых.

О 1917 году в Саратовской губернии: «Голодно было в большой семье Харламовых, Михаил Аверьянович и Петр Михайлович часто уходили с обозом в Саратов... и на вырученные деньги покупали немного муки, немного пшена и как можно больше колоба – спрессованного подсолнечного жмыха. Колоб почти полностью поступал в распоряжение детей и был их главной радостью. Нужно было видеть, с какой жадностью набрасывались они на него, в кровь обдирали губы и десны, и до чего ж вкусна была эта железобетонная макуха, из которого тяжкий пресс маслобойки, казалось, выжал все, что можно было выжать! Дети отчаянно дрались из-за малейшего кусочка, а потом жестоко страдали от запора, часами косяча где-нибудь под плетнем пли в заброшенном сараюшке. Сад и тут приходил на помощь: взвар из терна и сливы заменял слабительное» (Алексеев, 1973, 19–20).

«КОЛОБОК» – русская сказка.

О с. Ястребинка Пресновского р-на С.-Казахстанской обл. в 1988 г.: «Впервые со сказкой “Курочка Ряба” я познакомилась в возрасте 4-х лет. Мне её рассказывала бабушка по отцовской стороне... Все остальные сказки я узнала в детском саду. Например, “Колобок” (мне в нём нравился эпизод, когда бабка начинает заводить тесто и печет его, и эпизод, когда лиса съедает колобка)» (019).

О Шадринске в 1990 г.: «Когда я ходила в детский сад (4 года), воспитатели читали нам в сончас сказку “Колобок”, а также показывали её инсценировку на мольберте, обтянутом бархатом, с помощью нарисованных персонажей. Всю группу рассаживали полукругом на стульчики, и таким образом мы наблюдали своеобразный бумажный театр. Вскоре у меня появилась книжка “Колобок” с большими (на всю страницу) картинками, которую мне читала мама» (020).

«КОЛОБОК» – дет. звуковой журнал, «ежемесячное дет. приложение к журналу “Кругозор”». Издавался Гос. Комитетом Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию с 1969 года. Сказки, стихи, рассказы, гибкие пластинки. Тираж 1977 г. – 250 тыс. экз., 1989 г. – 540 тыс. экз., 1990 г. – 430 тыс. экз.

О девочке в деревне Павелево в 1989 г.: «Журнал “Колобок” мои родители выписывали с 1989 года. Это был детский журнал с пластинками (тоненькие, голубого цвета). Папа всегда их сам вырезал аккуратно. Было всегда интересно листать и читать новый номер, разные картинки, стишки, загадки, в конце номера была какая-то развлекательная игра по маленьким сюжетным картинкам. Пластинки мы слушали все вместе, папа сам включал» (110).

О девочке 6–8 лет в 1989–1991 гг. в Шадринске: «Особенность журнала “Колобок” состояла в том, что его можно было не только смотреть и читать, но и слушать. В нём были пластинки. Это мне больше всего и нравилось» (113).

«КОЛОБОК и два жирафа» – радиопередача.

О девочке 10–12 лет в с. Костыгин Лог в 1995–1997 гг.: «“Колобок и два жирафа” – радиопередача. Мы сидели на кухне всей семьей. Мой старший брат рассказывал анекдот, и мы смеялись. В этот момент по радио заиграла песенка: “Мы приносим радость в каждый дом. / Кто такие? Кто такие? Кто такие? / Колобок и два жирафа. Колобок и два жирафа. / Колобок и два жирафа”. Это начиналась радиопередача для детей. Она, по-моему, до сих пор передается по радио России» (137).

«КОЛОКОЛЬЧИКИ-БУБЕНЧИКИ, ДУ-ДУ» – песня, произведение городского фольклора.

О Мишкинском р-не в середине 1970-х гг.: «Много песен пели вечерами, собравшись у кого-нибудь на лавочке. Мальчишки брали гитару и пели: “[1.] Колокольчики, бубенчики ду-ду. / На работу я сегодня не

пойду. / Пускай работает железный паровоз, / Не для работы он сюда меня привез. / [2.] Колокольчики, бубенчики ду-ду. / На работу я и завтра не пойду. / Пускай работает железная пила, / Не для работы меня мама родила. / [3.] Колокольчики, бубенчики бу-бу. / На работу я и вовсе не пойду. / Пускай взрывают динамит, а я плевал, / Я это все по телевизору видал» (491).

Автор словаря слышал эту песню в студенческом возрасте, в начале 1980-х гг.

КОЛОНИЯ для малолетних преступников.

О Ленинграде во вт. пол. 1940-х гг.: «Послевоенные годы – сороковые... Дисциплина в школах была мало сказать строга – почти армейская. Второгодники считались отпетыми мужиками, считалось, что их путь – через ремесленное училище в колонию для малолетних... Хождение по кругу в рекреационном зале под наблюдением дежурного педагога [уживалось] с колонией, куда забирали прямо с уроков, откуда, отсидев, приходили обратно к школе, чтобы что-нибудь отнять, “сделать облом”, “научить свободе”... Так было уже в 47 году» (Найман, 2001; 46, 48).

«КОЛПАЧОК, колпачок...» – ритмически организованный рифмованный текст, восходящий по меньшей мере к 1920-м – 1930-м гг. В 1930-е – 1940-е годы использовался как считалка, в 1940-е – 1980-е гг. – в качестве хороводной песни.

О Ленинграде в 1942 г.: «Однажды Кириушка и Таня сидели вместе со своими друзьями на лавочке и думали, во что бы им поиграть. “Давайте в пряталки”, – предложил Серёжа. “Не в пряталки, а в прятки, – поправила его Таня. – А палочка-выручалочка у тебя есть?” Палочка у Серёжи нашлась. Все стали в круг, сжали руки в кулаки, и Таня стала считать. “Колпачок, Колпачок, маленькие ножки, красные сапожки”, – приговаривала Таня и постукивала по каждому кулаку. Это была очень старинная считалка, но, пока не придумали новой, можно было отлично пользоваться ею. Водить выпало Гале» (Карасёва, 1960, 45).

Об учащихся нач. школы в Шадринске в 1943–1947 гг.: «[Линейки] проводила в небольшом вестибюле Е.С. Крылова. Здесь же мы играли на переменах... Например..., попеременно шли навстречу друг другу и пели: “А мы просо сеяли, сеяли”... Или вставали кругом, одного человека ставили в середину и пели: «Колпачок, колпачок, тоненькие ножки, / Мы тебя вскормили, мы тебя вспоили, / На ноги поставили, танцевать заставили. / Танцуй, танцуй сколько хочешь, / Выбирай кого захочешь!» Или “Каравай”, или “Гуси-гуси”, или “Пионерский ручеёк» (Плотникова, 1995, 50).

Из книги 1987 года: «...Распространённой в наши дни песней хороводного исполнения является “Колпачок”: “Один из играющих сидит в кругу на корточках, остальные дети, взявшись за руки, ходят вокруг и поют: “Колпачок, колпачок, / Тоненькие ножки, / Красные сапожки. / Мы тебя поили, / Мы тебя кормили”. Все подбегают к “Колпачку” и ставят его на ноги. “На ноги поставили, / Танцевать заставили. / Танцуй, сколько хошь, / Выбирай, кого захошь”» (Мельников, 1987, 112–113).

Из записей в Петрозаводске в 1982–1987 гг.: «Колпачок. Играющие двигаются по кругу, взявшись за руки. Водящий в центре. Движение сопровождается словами: “Колпачок-колпачок, / Тоненькие ножки, / Красные сапожки. / Мы тебя поили, / Мы тебя кормили, / На ноги поставили, / Танцевать заставили. / Танцуй, сколько хочешь, / Выбирай, кого захочешь”. Водящий выбирает следующего по желанию, тот садится в центр, и игра продолжается» (Лойтер, 1991, 232).

КОЛТУН – болезнь кожи на голове, при которой волосы слипаются в плотный ком.

О девочках 5–7 лет в 1920-е гг.: «Дошкольный детдом... размещен в патриарших покоях Нового Иерусалима. Здесь нас, маленьких московских оборвышей, приняла заботливые, тёплые руки воспитательницы и нянь. В печке горели вшивые кофты, платки и другие наши лохмотья. Туда же бросали и состриженные волосы. У многих они скорее походили на паклю. “Батюшки, опять колтун! – причитала нянечка, стригшая

наши головы. Она плакала. Или нас было жалко, или себя. Больно трудно сдирать с головок детей – этот войлок, казалось, вросший в кожу» (Петренко, 1977, 64).

КОЛХОЗ, ездить в колхоз – об отправке школьников в обязательном порядке на с.-х. работы в колхоз (прополка, уборка).

О 1944 году: «Все мои планы рухнули, когда Садофьев на очередном собрании объявил, что седьмые-девятые классы сразу после экзаменов направляются в колхоз, на прополку. Не меньше чем на месяц, а кто пожелает побольше заработать – на два» (Сиснев, 1970, 167).

О девушке 17 лет в 1980-х гг.: «Впереди меня ждал “трудовой семестр”: сентябрь-октябрь студенчество неизменно проводило в полях... Но ватник мне справили по размеру: мама приобрела его через знакомого преподавателя ПТУ. В профтехучилищах обучались мальчики и девочки шк. возраста, их тоже гоняли на поля, но гос-во проявляло о них заботу. Так что в колхоз я выехала нарядная: чёрная фуфайка, подпоясанная ремешком от папиных джинсов, новые хлопчатобумажные перчатки, резиновые сапоги-дутьши, мохеровый шарф, завязанный морским узлом. В руках – болоньевая авоська с термосом» (Кумейко, 2007–4).

О Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «Каждую осень мы ездили на картошку. В школе отменяли занятия. Мы брали с собой еду, чаще всего помидоры, хлеб и ездили убирать картошку. На поле стояли большие железные контейнеры, в них сбрасывали картошку, собранную в ведрах. Был чистый воздух, теплая осень, но собирать картошку – это изматывало. Зато весело было ехать в автобусе. Там были парни из старших классов, можно было поккетничать» (1001).

См. также: «Картошка», *Сельхозработы*.

«КОЛХОЗНЫЕ ребята» – см. «Дружные ребята».

«КОЛЫ», «колы-забивалы» – разновидность игры в прятки.

О середине 1940-х гг.: «Как-то раз ребята затеяли игру в “колы-забивалы”. В землю воткнули остро отточенный, как карандаш, осиновый кол. Рядом положили несколько березовых поленьев. Санька поставил всех мальчишек в круг и начал выбирать водящего. Неожиданно к ним подошел Федя Черкашин: “В колы играет? Знаю такую игру. А водят у вас как – по жребию или на охотника?... Ага, по счету. Тогда и меня посчитайте”, – и он втиснулся в круг. Санька смерил новичка взглядом. “Посчитаем, посчитаем”, – согласился Девяткин... Девяткин ходил по кругу, тыкал мальчишек толстым пальцем в грудь и бормотал считалочку: “Катилося яблоко вокруг города, кто его поднимет, тот вон выйдет...” На кого приходилось последнее слово, тот отходил в сторону... Водить досталось Феде. “Имей в виду: у нас до конца играют... пощады не просят”, – предупредил Санька. “А как же иначе”, – согласился Федя и лёг лицом на землю. Мальчишки побежали прятаться. Когда голоса и топот ног стихли, Федя поднялся с земли и поступал палкой в полено, предупреждая всех, что начинает поиски. Он заглядывал в канавы, в огороды, за дворы, шарил в кустах и, обнаружив игрока, со всех ног бежал к колу и троекратно ударял по нему палкой: игрок найден и должен выйти из укрытия. Иногда Федя уходил от кола слишком далеко. Тогда, точно из-под земли, выскакивали ребята и березовыми поленьями загоняли кол в сырую, податливую землю. Заслышав удары, Федя мчался обратно, но игроки уже исчезали. Снова в поиски. Наконец все мальчишки обнаружены. “Теперь тащи кол!” – напомнил Санька. Но это было не так легко. Молодой, в соку, осиновый кол по самую маковку ушел в землю. Не за что было даже схватиться. Федя нашел обломок железного прута и попробовал взрыхлить землю. “Железкой нельзя, не по правилам”, – остановил его Санька. – Надо голыми руками. Федя попытел минут десять, но ничего не мог сделать. Пришлось водить ещё раз. В землю воткнули новый кол, и всё началось сначала. Теперь Федя искал осторожнее. Далеко от кола не уходил, зорче осматривался по сторонам... Второго кола Федя также не смог вытащить.

На беду, он зашиб о камень ногу и захромал. “Проси пощады – пожалеем!” – снисходительно предложил Санька. “Привычки такой не имею”, – отказался Федя... Игра затянулась до позднего вечера. Утром, нагнав прихрамывающего Федю по пути в школу, Санька насмешливо сказал: “Не отыгрался вчера! Сегодня после обеда опять водить будешь”. “Я?!” – растерялся Федя. “А кто же! У нас все по-честному играют. Степа Карасев прошлым летом две недели водил... похудел даже. А Девяткин как-то матери вздумал пожаловаться, так мы его потом от всех игр отлучили...” И после обеда Федя снова пришел за околицу: “Давайте в колы играть. Я водить буду”. “У тебя же нога болит”, – удивились мальчишки. “Поджила малость”. Но играть ребятам не хотелось... “Ладно, – сказал [Санька], – мы тебя прощаем”. “Тогда считаю, что отыгрался”, – сказал Федя. Мальчишки только переглянулись и смолчали» (Мусатов, [1948] 1971, 40–42).

КОЛЫБЕЛЬ – «Качающаяся кроватка для ребёнка» (ЛТРЯ, 1994, 219).

Лит.: Баранов Д. Колыбель. // РД, 2006, 156–159.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ – песня, которой убаюкивают ребёнка.

«Колыбельные песни – произведения, назначение которых успокоить и усыпить ребёнка... Важнейшая особенность всех колыбельных песен – монотонный ритм и успокаивающий мелодико-интонационный стих» (ПЭС, 2003, 308).

Лит.: Мадлевская Е. Колыбельная песня. // РД, 2006, 159–165.

КОЛЫШЕК из земли **вытаскивать зубами** – см.: *Зубами вытаскивать колышек из земли.*

КОЛЬЦО – 1. То же, что *обруч*.

О конце 1920-х – начале 1930-х годов в Москве: «Продолжу о дворе... Мальчишки катали кольца: бегали с тонким обрезком металлической трубы. Кольцо удерживалось и направлялось твердой проволокой, верхний конец которой держали в руке, а нижний, с изгибом, обнимал края кольца. Занятие столь же шумное, сколь и однообразное» (Федосюк, 2004, 21).

КОЛЬЦО – 2. Украшение в форме ободка из металла, носимое на пальце.

О 1970-х – 1980-х гг.: «В чём проявлялась подростковая фронда в недавние времена, когда старшеклассники обязанности были ходить в школьной форме, не носить колец и серег, не краситься, не курить?» (Медведева, 1995, 3).

КОЛЯДКИ – обрядовые песни, исполняемые в святки, Рождество и все дни до Крещения во время *колядования*.

КОЛЯДОВАНИЕ – обряд хождения по домам в святки и Рождество с поздравлениями, песнями-колясками, со звездой и житом для сбора денег, пищи и т.п. Колядование начинали дети, молодые парни и девушки: под окнами изб они пели песни-колядки, получая за это от хозяев угощение, монетки, обновки, дешёвые крашения. (ТСРК, 1998, 307).

КОЛЯДОВАТЬ – заниматься *колядованием*.

О девочке 6–7 лет в начале 1990-х гг. в Шадринске (пригороде Шадринска поселке Осеево): «Еще помню, что мы ходили колядовать. Тоже пели какие-то песенки, даже не знаю, откуда мы их узнали и как выучили. Я в этой компании была самой маленькой, младше всех и, наверное, выглядела в этих разных спектаклях очень трогательно, потому что мне больше давали конфет, побольше тортика. Это я замечаю только сейчас, а тогда было как-то всё равно, ведь мы – это одна семья, все вместе» (516).

КОЛЯСКА – «Маленькая ручная повозка для катания детей» (Ожегов, 1972, 262).

О начале 1950-х гг.: «... Нынче мальчику полгода... / В честь Андрюши будут пляски, ребятишек полон двор. / Мальчик смотрит из коляски / На танцующих сестёр. / Он сидит, как зритель в ложе... Едет брат по мостовой / В собственной коляске... / Вдруг, откуда ни возьмись, / Как принцесса в сказке, / Едет важно с горки вниз / Девочка в коляске...» (Барто, [1953] 1969–1, 388–390).

О 1955 году: «Коляски тогда были низенькие, этикие тележки с ручкой-дугой, круглыми обводами они напоминали автомобиль “Победа”» (Киршин, 2002). «Наташа спит в коляске, а мы пируем» (Долинина, 1962, 69).

Коляска игрушечная, кукольная.

О середине 1950-х гг.: «Перед скамейкой на корточках сидела [пятилетняя] Милка. Рядом с ней стояла пустая кукольная коляска» (Гернет, Ягдфельд, [1957] 1959, 63).

О девочке 6–8 лет в г. Когалыме в 1994–1996 гг.: «Игрушечную коляску мне на день рождения подарила старшая сестра. Всех кошек нашего двора я в ней перекатала, что уж говорить об игрушках. И в магазин вместо пакета брала коляску. Примерно в это же время мне купили куклу Барби и к ней игрушечный домик, в котором были столик, стулья, ванна, кровать, посуда, в комплект также входила маленькая пластмассовая колясочка. Сестра рассказывала, что она в свои детские годы (1982–1986 гг.) делала коляску для кукол из небольшой картонной коробки, к которой привязывала веревочку» (134)

КОМАНДИР звёздочки – см.: *Звёздочка*.

О 1980-х гг.: «Каждому октябрёнку – поручение. Серёжа усадил ребят и сказал: “Сегодня у нас важный разговор о том, какие поручения вы будете выполнять в звёздочке и группе. Вы, наверное, знаете, что у каждого пионера есть какое-нибудь поручение. Его даёт звено или совет отряда... У всех свои обязанности. Давайте и мы учиться выполнять различные поручения. Командир звёздочки – Марина. Её обязанность – собирать звёздочку, передавать поручения учителя и водителя, помогать каждому выполнить поручение вовремя. Кроме командира, в звёздочке должен быть санитар...”» (Бесова, 1988, 18–19).

«**КОМАРИКИ кусаются...**» – инвариантная часть стихотворного речитатива, сопровождающего различные игровые действия.

О вт. пол. 1980-х гг.: «Я пугала своих сестер, садилась им напротив себя и тихо, приглушенно говорила, а при этом шипала лицо: “Темной ночью комарики кусаются, кусаются, кусаются, / Жених с невестой обнимаются, обнимаются, обнимаются, / Царь уехал за границу, / А невеста – в Ленинград, / Царь посеял там пшеницу, / А царица – виноград, / Царь хотел на ней жениться, / А царица в гроб ложится”. При последних словах надо человека резко повалить на кровать» (537).

О конце 1980-х гг.: «Во втором классе играли в хлопki, при этом говорили: “Ля-ли, ля-ли, ля-ли, два пупсика гуля[ли] в тропическом саду...”. Ещё играли в хлопki со словами: “Тёмной ночью комарики кусаются. Царь с царицей на лавочке прощаются. Царь поехал за границу, а царица в Ленинград, царь посеял там пшеницу, а царица – виноград. Винограду было много, а пшеницы – ни шиша. Царь купил себе сапожки, а царица – босоножки. Царь купил себе кафтан, а царица – сарафан. Царь хотел на ней жениться, а царица злится, злится. Не хочу, не хочу, не хочу”» (488).

О с. Глядянское в 1991 г.: «Впервые такой массаж мне делал папа, когда мне было лет 7: “Ночь, комарики кусают (ладошками разогревают спину, затем пощипывают кожу по всей спине), царь с царицею гуляют (пальчиками перебирают по коже), поссорились немножко (бить кулачками по всей спине). Царь уехал за границу, а царица в Ленинград (двумя согнутыми руками в кулачки расхаживать в разные стороны, начиная от поясницы до шеи (царь влево, а царица вправо). Царь посеял здесь пшеницу, а царица – виноград (просто перебирать пальчиками по правой и левой стороне спины). Винограду много-много (обеими руками проводить по всей спине), а пшеницы ни шиша (делать фигурки на том месте, где садил царь, то есть в левой стороне). Царь заплакал громко-громко (медленно передвигать кончиками пальцев по бокам), а царица – “ха-ха-ха” (тут начинать щекотать)”. До сих пор помню этот массаж и делаю его своим маленьким племянникам» (106).

Записано от девочек 10–11 лет в г. Иркутске в 1999–2000 гг.: «“Черной ночью комарики кусаются, / Царь с

царицей на лавочке прощаются: / “Бог с тобой, живи с другой, / Я не собачка, чтобы бегать за тобой!” / Царь поехал за границу, а царица в Ленинград. / Царь посеял там пшеницу, а царица виноград. / Винограду было много, а пшеницы ни фига. / Царь заплакал от обиды, а царица: “Ха-ха-ха!”. / Царь купил себе кафтан, а царица сарафан. / Царь купил себе сапожки, а царица босоножки. / Царь хотел на ней жениться, а царица – в гроб ложится. / Царь поехал в Ленинград, оборвал весь виноград, / А царица ожила и пощечину дала”. (Произносящий последнюю фразу сопровождает ее соответствующим действием.)» (Назаркин, 2006, 94).

Ср.: «Царь с царицей».

КОМБИНАЦИЯ – «4. Женское бельё в виде длинной рубашки, надеваемое непосредственно под платье» (Словарь, 1956–5, 1225); «Женское бельё в виде рубашки, надеваемое непосредственно под платье» (Ожегов, 1972, 263); «Женская сорочка» (СИ, 1994, 291); «Предмет женского белья в виде открытой рубашки» (Лопатин, 1997, 237).

О девушке 16–18 лет в середине 1950-х гг.: «Я плечами пожалала и проворно надела халат, потому что мне вдруг не понравилось, как оглядывает бабка мою фигуру, обтянутую комбинацией, ноги, с которых я сняла, скатывая, чулки» (Рошин, 2002, 84).

О середине 1960-х гг.: «Сегодня у тебя день большой стирки. Тебе придётся выстирать: носовые платочки; воротнички и манжеты; лифчик; трусики и комбинацию из шёлкового трикотажа... Шёлковый трикотаж никогда не кипятят. Если же твои трусики и комбинация очень грязные, положи их на один-два часа в тепловатую воду... Свою шёлковую трикотажную комбинацию... надо гладить с изнанки и тёплым, а не горячим утюгом» (Могилевская, [1967] 1974; 229, 231, 238).

«Комбинаций для девушек с 1990-х гг. и в помине нет. Никто их никогда сейчас не носит» (1000).

КОМИКС – серия рисунков с краткими сопроводительными текстами, образующими связное повествование, обычно развлекательного характера.

«Творчество Буша сформировалось под влиянием стили бидермайер, получившего расцвет в немецком и австрийском искусстве 1815–1848 годов... Бидермайер воспевал (правда, не без иронии и юмора) незамысловатые радости и привязанности обывателей, их безобидные слабости и любовь к уюту и комфорту. Буш был одним из тех, кто стоял у истоков появления комиксов. Во многих его работах можно видеть такие черты, как развитие сюжета с продолжением, то есть серийность, наличие постоянных персонажей, переходящих из истории в историю, яркие выразительные рисунки, короткие и афористичные подписи, напряжённость сюжетных ситуаций, внезапность финалов. Сочетание в одном лице автора текста и картинок приносило положительный результат, ведь автор лучше других знает, как должны выглядеть его герои. Макс и Мориц, ставшие самыми знаменитыми персонажами художника, принесли Бушу мировую известность. Впервые отдельной книгой их история вышла в свет в 1865 году. В дальнейшем книга была переведена на сорок языков мира» (Чернецова, 2005, 23).

«С конца XIX века комиксы стали печатать в газетах и журналах. Первая газетная серия картинок с одним персонажем появилась в Америке в 1892 году... В мае 1934 года по цене 10 центов за экземпляр поступил в киоски в продажу первый комикс “Знаменитое семейство Фани”...» (Павлюк, 2003)

«[В 1960-е гг.] затеян был... еженедельник “Неделя”, в кото-мо все должно было быть, как “у них” [в капиталистических странах]. В детском разделе – непременно комикс... Мы с А. Елисеевым принесли в редакцию приключения в картинках о мальчике, попавшем в переулки, где каждый делал, что хотел, такой микрорайон хулиганства и непослушания... Все делалось по первому разряду, печаталось внизу детской страницы. Но скоро всё свернулось. Пошли письма, что “уже надоело, похоже одно на другое”. Сказалось, видимо, отсутствие привычки к этому. “Там”, “у них” комиксы с одними и тем и же героями идут в газете 196

годами. Маленькую книжечку с этими картинками выпустил “Мальш” в библиотечке комиксов...» (Скобелев, 1998, 29).

О Шадринске в 1997–1998 гг.: «В 12–13 лет читала комиксы – книжечки с картинками. Особенно мне нравились “Утиные истории” и “Черепашки-ниндзя» (067).

О г. Шумихе в 1998–1999 гг.: «Мне было тогда 13–14 лет. Мама купила в книжном магазине комиксы “Парк Юрского периода” (в 4-х частях); несколько номеров про персонажа из мультфильма “Бамси – самый сильный медвежонок”; про Мумии-Тролля, про маленьких пони; комиксы “Дисней” с диснеевскими персонажами. Комиксы были яркими, красочными и интересными. Мы с сестрой любили перерисовывать героев в увеличенном масштабе» (107).

О 1990-х – начале 2000-х гг.: «Наши детишки младшего возраста с удовольствием листают книжки про медвежонок Вами, очень доброго и отзывчивого, получившем особенные способности: силу, ловкость, смелость – с помощью волшебного мёда. Полюбились также комиксы о коте Томе и мышонке Джерри, которые постоянно соперничают друг с другом и строят козни один другому. По этим комиксам поставлены мультфильмы – в 1950-х годах короткометражный, а в 1970-е годы полнометражный. В комиксах “Русалочка”, “Красавица и чудовище” рассказывается о чистой и благородной любви главного героя, оба созданы по мотивам сказок. В комиксе “Альф”, появившемся вслед за фильмом и мультфильмом, говорится о земных приключениях забавного и доброго инопланетянина, оказавшегося на нашей планете в результате аварии его корабля. В известном комиксе, появившемся после мультфильма “Бэтмен”, мы узнаем о любви супергероя с супервозможностями. В последние годы все прилавки заполнили комиксы о мутантах и суперменах, обладающих невероятными возможностями, жаль только, что они не всегда учат доброте, смелости, отзывчивости. Это “Спайдермен”, “Х-мен”, “Фантом”, “Капитан Америка” и другие» (Павлюк, 2003).

КОМИССИЯ по делам несовершеннолетних.

Из Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации дет. беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г.: «Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей при отделах нар. образования ликвидировать» (НО, 1974, 353).

Из Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних, утверждённого Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 3 июня 1967 года: «Районные (городские) комиссии по делам несовершеннолетних осуществляют контроль... за орг-цией культурного досуга детей и подростков по месту жительства, а также в необх. случаях за воспит. работой с несовершеннолетними в общеобразоват. школах, иных учеб. заведениях культ.-просв. учреждениях и спорт. орг-циях... Исключение несовершеннолетнего из общеобразоват. школы или иного учеб. заведения может быть произведено только с согласия районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних» (НО, 1974, 360–361).

«КОМИЧЕСКИЙ футбол» – традиционное для пионерских лагерей 1970-х – 1980-х гг. игровое мероприятие смехового хар-ра: переодетые (ряженые) вожатые играют в футбол с воспитанниками (мальчиками).

О нач. 1980-х гг.: «Два года подряд в 4 и 5 классе я ездила в пионерский лагерь “Лесная сказка”. И ездила вожатой. У нас в лагере, когда я была вожатой, были дни смены власти, “День Нептуна”, “Комический футбол”... “Комический футбол” был традиционным праздником в этом лагере. Правила этого “футбола” были таковы. Одна команда играла по правилам футбола, а другая – без правил. Мяч можно было брать руками, мы клали мяч в ведро и старались донести его до ворот, ловили игроков, привязывали их к скамейкам, брызгали, обливали их водой, мазали» (479).

О пионерском лагере в 1980-е гг.: «В детстве я часто ездила в лагерь. Я любила лагерь, так как там всегда было интересно. Особенно запомнилась смена, в конце

которой мы ходили в поход... В лагере ещё запомнился «комический футбол». Вожатые наряжались и играли с командой мальчишек. Мальчишки играли по правилам, а для вожатых правил не было. В конце концов, после упорной борьбы победили мальчишки» (493).

О 2005 г.: «Про комический футбол впервые я узнала в июне 2005 г. в г. Каменск-Уральский Свердловской области, точнее, в оздоровительном лагере «Салют». Для комического футбола собирается две команды – команда вожатых и команда детей. Вожатые переодеваются в различные костюмы: цыганки, монаха, петуха, клоуна, царя, матроса и т. д. Команда детей играет в своей обычной одежде. Вожатые играют без правил, то есть могут брать в руки мяч, ставить подножки, держать детей за одежду, водить хороводы во время игры, лежать на футбольном поле, выносить на поле ещё один мяч. Дети должны играть только по правилам. В конце игры обычно игроки обливают друг друга и зрителей водой» (011).

О 2006–2007-х гг.: «Будучи вожатой в лагере «Салют» в г. Каменск-Уральский, я увидела как вожатые играли против детей. Причём, дети должны были соблюдать футбольные правила, а вожатые [могли] играть, как хотят. Вожатые были одеты в маскарадные костюмы. Выигрывали вожатые, но побеждала дружба. Через год с таким же явлением я столкнулась в шадринском лагере «Салют». Правила игры были такие же, только костюмы вожатые должны были сделать сами по карточкам, которые были выданы на дневной планерке ([карточки распределялись] жребием). Нашему отряду досталась Мальвина, которую исполняла моя напарница. Мы нашли розовый парик, пришли к короткому вечернему платью тюль, заплели белые бантики и вырезали из картона собаку – Артемона, от которого в конце матча остался только хвост. Да и Мальвина была весьма потрёпанная, но счастливая, потому что забила два гола» (012).

КОММЕРЧЕСКИЕ училища – профессиональные общеобразовательные средние учебные заведения.

«Первое коммерческое училище создано в 1772 г. при Московском воспитательном доме (...в 1804 г. переведено в Петербург как самостоятельное учебное заведение). [...]

К 1901 году в России действовало 88 коммерч. училищ. Их выпускники могли сразу же идти на работу в торговлю и промышленность или поступать в высшие коммерч. институты [...]

О 1900-х гг.: «В городе есть гимназия, техническое училище, коммерческое училище, мореходное. В каждом училище своя форма.... У коммерсантов – бархатные зелёные петлички на тужурках и тоже золотые пуговицы» (Василенко, [1961] 1967, 155–156).

КОММУНА детская трудовая – см. *Детская трудовая коммуна*.

КОММУНАРЫ, коммунарская методика, коммунарское движение – общественно-педагогический феномен 1960-х – 1980-х гг.

«Наряду с пионерской и комсомольской орг-циями в нашей стране периодически возникали и возникают всевозможные дет. самодейт. движения, группы, объединения – тимуровское движение, тимуровские команды в [19]30-е и [19]40-е годы, коммунары – в [19]50-е и [19]60-е годы» (СВ, 1990, 156).

«Коммунарская методика, система приёмов и орг-ционных форм воспитания учащихся школьного возраста... Разработана в России в 60-х гг. XX в. И.П. Ивановым и другими педагогами для учеб. заведений и внешк. учреждений на основе пед. идей А.С. Макаренко. Апробирована как методика коллект. организаторской деятельности Ивановым, Л.Г. Борисовой и Ф.Я. Шапиро в созданной ими Коммуне юных фрунзенцев – сводной пионерской дружине при Фрунзенском районном доме пионеров... Разработку методики продолжил коллектив студентов и преподавателей ЛГПИ им. А.И. Герцена (Коммуна им. А.С. Макаренко, 1963–1973 гг.). Идеи коммунарской методики были также положены в основу деятельности Всесоюзного пионер. лагеря «Орлёнок», где в 1963–1966 гг. О.С. Газман, А.Ф. Дебольская и

другие педагоги создавали модель образа жизни коммунар. коллектива. Коммунар. методика возникла как новаторская система восп., кот. противопоставлялась офиц. педагогике. С 1980-х гг. коммунарская методика развивалась в русле педагогики сотрудничества... Осн. положения коммунар. методики: создание коллектива на основе привлекательных для детей идеалов; орг-ция социально значимой и интересной для всех деят-сти; построение ученич. самоуправления на принципах сменяемости организаторов с целью включения всех воспитанников в акт. работу; особые отношения в коллективе, проникнутые заботой о каждом ребёнке и взрослом» (ПЭС, 2003, 124).

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ партия Советского Союза, КПСС – полит. орг-ция; возникла в 1903 году как Российская Коммунистическая партия (большевиков), с 1918 года – Всесоюзная коммунистич. партия (большевиков), с 1952 года – Коммунистич. партия Советского союза (КПСС). С 1917–1918 гг. по 1990 – правящая партия в Советской России, затем – Союзе Советских Социалистических Республик (СССР).

Изучение в детской среде истории и роли КПСС.

Из рекомендаций работникам пионерских лагерей 1952 года: «За время пребывания детей в лагере следует провести с ними не более 3–4 бесед на различные темы, интересующие ребят. В частности, в каждом лагере должны проводиться беседы о коммунистической партии, о её ведущей и организующей роли в жизни советского гос-ва. Многие темы для бесед подсказывает сама жизнь. Особое внимание следует обратить на беседы, посвященные выполнению сталинского плана преобразования природы и великим стройкам коммунизма» (ПЛ, 1952, 47).

КОМПЛЕКСНАЯ система обучения – система, при которой учебный материал объединяется темами-комплексами.

«...В 1923 году... в практику школы стали вводиться так называемые комплексные программы, подготовленные научно-пед. секцией Гос. ученого совета (ГУСа). Идеологич. основанием нов. программ были признаны мировоззренч. идеи и понятия марксизма большевистского толка... В соответствии с этими принципами содержание учеб. материала в программах ГУСа концентрировалось вокруг трех тем: природа, труд, общество. Во главу внимания ставилась трудовая деятельность человека, которая должна была изучаться в связи с природой как объектом этой деят-сти и обществ. жизнью как следствием трудовой деят-сти. При комплексном построении учеб. программ предметная система обучения практически ликвидировалась. Наиболее полно комплексный подход был реализован в учеб. программах для школ I ступени, где содержание традиц. учеб. предметов объединялось вокруг той или иной комплексной темы: «Наш город», «Наша деревня», «Праздник 1 Мая» и т. д. При распределении содержания учеб. материала по годам обучения за основу брался принцип «от близкого к далекому». Так, напр., на первом году обучения весь учеб. материал группировался вокруг жизни ребенка в семье и школе и изучался наиболее близкий для детей труд, который рассматривался в связи с изменениями в природе в различ. времена года и т. д. В школах II ступени предметная система сохранялась, а программы учеб. предметов строились с учетом их взаимосвязей. Однако и здесь учеб. материал стремились концентрировать вокруг общих комплексных тем. По мнению создателей комплексных программ, такое их построение помогало увязке содержания образования с народнохоз. задачами страны, выработке у школьников акт. отношения к жизни. Перв. опыт реализации нов. программ показал, что они хотя и помогали устанавливать связь между школой и жизнью, привлекать учащихся к акт. общественно полезной деят-сти, однако не обеспечивали овладения учащимися систематич. знаниями и формирования у них учеб. навыков. Все это привело к тому, что в 1927–1928 уч. году были введены программы ГУСа в нов. редакции – первые обязат. для всех школ РСФСР гос. программы. Они предполагали сочетание комплексного и

предметного обучения. Так, в программах школ I ступени объем знаний, умений и навыков по родному языку и математике не “растворялся” в комплексах, а выделялся в виде обязат. минимума для всех школ I ступени Российской Федерации. Признавая самостоятель- сть учеб. предметов в школе II ступени, программы 1927–1928 года предполагали, однако, существование стержневых комплексных тем по годам обучения» (ИПО, 2001 462–463).

«В 1923 году комплексные программы применялись и советскими педагогами. В основу этих программ было положено изучение трудовой деятельности людей; природа изучалась как объект, на который обращен труд человека; при ознакомлении с явлениями из жизни общества в первую очередь обращалось внимание на связи между людьми на почве труд. деят-сти, экономики... Сторонники комплексных программ утверждали, что природе детей не свойственно расчленять жизненные явления на особые системы, представленные в учеб. предметах, что проще, доступнее и естественнее брать целые куски жизни, как они даны в действительности, и их изучать. Эти “куски жизни” – комплексы и были представлены в программах Гос. ученого совета в виде ряда комплексных тем, например: “Осенние работы в деревне”, “Наш город”, “Охрана здоровья” и др. По темам организовывались наблюдения детей, велись беседы, выполнялись иллюстративные работы, те или иные виды общ.-полезной работы, читались статьи в учеб. книгах и т. д. Занятия по языку и математике строились на материале комплексных тем, навыки чтения, письма и счета давались учащимся, таким образом, попутно... опыт показал, что учащиеся приобретали лишь обрывки разрозненных знаний, не имели твердых и достаточных навыков по языку, математике и другим предметам» (ПС, 1960–1, 547).

О Ленинграде середины 1920-х гг.: «Школа наша считалась “показательной”, и в ней применялся какой-то комплексный метод обучения. В чем он заключался, мне сказать трудно, но своеобразие его заключалось в том, что мы по всем шк. предметам должны были проходить одну тему. Например, проходила “Зима”. По рус. языку читались произв-ия, посвященные этому времени года, по естествознанию рассказывалось об изменениях, происходящих зимой в животном и растительном мире, по физике изучались физ. св-ва снега и льда. Впрочем, такая методика просуществовала недолго. Видимо, учителя взбунтовались и уговорили директора отказаться от этой надуманной формы обучения. (Утвержденных единых программ тогда не было, каждый учитель учил нас, опираясь на свой собственный опыт)» (Штерн, 2000).

КОМПЬЮТЕРНАЯ игра – компьютерная программа, предназначенная для развлечения, отдыха. Компьютерные игры можно разделить на несколько групп – аркадные (см. *аркадная игра*), приключенческие (см. *приключенческая игра*), ролевые (см. *ролевая игра*), стратегические (см. *стратегическая игра*). (ТСРК, 259–260)

О Шадринске в 2001 году: «Когда мне было 14 лет, в моей жизни появился компьютер. Тогда я играл в компьютерные игры. Сейчас я в них почти не играю» (060).

КОМСОМОЛ – коммунистический союз молодежи, общественная орг-ция молодежи в СССР (1918–1991 гг.).

Вступление в комсомол, приём в комсомол.

Из дневника 15-летней девушки в 1930–1931 гг.: «12 сентября ...8 ноября, возможно, перейду в комсомол. Вот бы было счастье! Ведь я об этом думаю целый год. 12 ноября 1930. Ох, сколько случилось за последнее время. Во-первых, меня не приняли в комсомол. Горечь, бессмысленная горечь! Вначале – слезы, истерика. Теперь тупая, забываемая боль. Ну, разве я хуже Праховой, Волынской и пр. А между тем они комсомолки. Такие, как я, в комсомол не нужны – неустойчива, индивидуалистка, слаба – вот мнение многих. А они сильны? Нет. Они устойчивы? Не знаю. Коллективисты? Не все. Тем не менее они приняты. Говорила с С. и Р.И. Р.И. обещала поставить вопрос на ком. бюро о пересмотре дела. Посмотрим, что будет. Но 198

если меня не примут? Я не могу себе представить, что будет тогда. Отнять у человека самое заветное, самое желанное, пользуясь при этом необдуманными доводами – слишком безрассудно. Тяжело, слишком тяжело. Комсомол, мой комсомол! Добиться, чтобы приняли, т.е. выявить себя с хорошей стороны, едва ли сумею. Я вся тут. Ничего хорошего не скрываю, не прибавляю плохого. Перевоспитываться? Нет, я сама не сумею, мне нужна прочная опора ячейки, мне нужна чуткость и строгость коллектива. Сегодня была классная комиссия. Прошла незаметно и серо. И опять обо мне. О моем “кривлянье” и надутости. И это говорит человек, который меня не знает – заведующий школой... 15 ноября. Вчера было бюро комсомольской ячейки. Говорили обо мне. Конечно, не приняли. “Ты можешь посещать комсомольские собрания, участвовать в работе!” Так мне сказали. Ни того, ни другого делать не буду. Пусто и тошно. Эх, юность “виселая”. Пока не отчаиваюсь. Может, примут. Но когда? Почему не сейчас? Чем я буду через месяц? Вчера долго не спала. Думала, строила планы, решала их, критиковала себя и других... 4 февраля 1931 года. Что мне написать? Прежде всего – Я Комсомолка. Что еще может быть радостней этого? Сейчас ничего. Комсомолка, вожатая отряда, ударница, веселая и простая – вот какой я стала! Хорошо, больше, чем хорошо. Даже не о чем писать – вот до чего все просто и несложно. Личного нет. Стирается гордая, замкнутая индивидуальность. Чувствовать себя членом комсомольской семьи очень и очень приятно. Устала, но не раскисла. Прошел горячий, торопливый день. Сейчас сияя, красивая ночь. Как хорошо жить!» (Татьяничева, 2007)

О 1970-х гг. в Челябинске: «Я так тряслась перед вступлением в комсомол! Уф, приняли! Помню, мы очень гордились тем, что стали комсомольцами...» (Кузьминых, 2007, 14).

Комсомольская орг-ция школы, учебного заведения – объединение комсомольцев какой-либо школы, учебного заведения.

О Шадринске в перв. пол. 1970-х гг.: «“Что происходило после пионерии?” “После пионеров вступали в комсомол. Вступали в 8 классе с 14 лет. Форма была такая же: коричневое платье и чёрный фартук, в праздники – белый фартук. Не было галстуков и пилоток у комсомольцев. Был такой значок – красное знамя, внутри – В.И. Ленин. В комсомоле были до 28 лет. “Всех ли принимали в комсомольскую орг-цию?” “Нет, не всех. Принимали только тех, кто хорошо учился; хулиганов и двоечников не принимали. На классных собраниях обсуждали, кто достоин и кто имеет право вступать в комсомол, смотрели на успеваемость и поведение. Для того, чтобы вступить в комсомол, надо было выучить Устав, в котором были описаны права и обязанности комсомольца. Принятие в комсомольцы было очень строгим, задавали вопросы по Уставу, и лишь на основании ответов решали о вступлении в комсомол. Так обсуждали каждого ученика. Так же как и пионеры, собирали макулатуру, металлолом. Были субботники по уборке территорий и дежурство в школе. Ездили в колхоз “на картошку”, летом была отработка. Были культпоходы – в музей, театр, кино. Но есть одно различие – комсомольцы не ходили как “тимуровцы”. Проводились соревнования, кроссы, веселые старты между всеми школами”. “Платили ли комсомольцы взносы, и как это происходило?” “Да, платили взносы каждый месяц по 2 копейки. Были членские книжки, в которых указывались взносы. Эти взносы шли в комсомольскую орг-цию – ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистич. союз молодежи). Такая комсом. орг-ция была в каждой школе. Был комсомольский билет, куда клеивались марки: отдаешь 2 копейки – тебе клеивают в билет марку. Деньги шли на нужды комсом. орг-ции. Проходили комсомольские собрания, на которых обсуждали плохие поступки. На собраниях был секретарь и председатель совета. Говорили: “На повестке дня 3 вопроса: обсуждаем тех, кто плохо учится; вопрос по сбору металлолома; и насчет культпохода”. Если в рядах комсомольцев появится двоечник или

неуспевающий по какому-либо предмету, то за ним закрепляется отличник, который будет ему помогать. Такая ситуация также обсуждалась на комсом. собраниях. Проходили политинформация по вторникам в 7.45 утра, за 15 минут до урока. Для этого каждый должен был приготовить какую-либо информацию о спорте, политике, вырезки из газет. А общешк. линейки были после учебы 30 минут, линейки проходили каждую неделю, на ней обсуждались комсом. дела, взносы, учеба. Комсомольцы ходили со школой на демонстрации, и шли после пионеров, сначала 8-е, потом 9-е, затем 10-е классы. Комсомольцы от орг-ции ВЛКСМ ездили в лагерь. Деньги на взносы давали родители, о чем писали в дневнике... А общешк. линейки были после учебы, 30 минут. Линейки проходили каждую неделю, на ней обсуждались комсом. дела, взносы, учеба. Комсомольцы ходили со школой на демонстрации и шли после пионеров, сначала 8-е, потом 9-е, затем 10-е классы. Комсомольцы от орг-ции ВЛКСМ ездили в лагерь. Деньги на взносы давали родители, о чем писали в дневнике» (553).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Основой ВЛКСМ является первичная комсом. орг-ция. Первич. комс. орг-ции создаются в каждой сред. школе, проф.-тех. училище, сред. спец. и высшем учеб. заведении. Первичная комс. орг-ция учеб. заведения объединяет всех учащихся, преподавателей и сотрудников комс. возраста (от 14 до 28 лет). Внутри первичной комс. орг-ции... сред. спец. учеб. заведения создают низовые первич. орг-ции... курсов. В учеб. группах и классах члены ВЛКСМ объединяются в комс. группы. Высшим органом первич. комс. орг-ции является комс. собрание. Только оно правомочно принимать в ряды ВЛКСМ новых членов, избирать комс. актив, выносить решения по наиболее важным вопросам комс. жизни. Для ведения текущей работы комс. орг-ция всего учеб. заведения избирает комитет комсомола во главе с секретарём, а комсом. орг-ция... курса – комсомольское бюро. В комсом. группах избирается бюро или только комсорг (комсомольский организатор). Деят-стью комсом. орг-ции руководит партийная орг-ция учеб. заведения... В школе комсомольцы... борются за повышение успеваемости и укрепление дисциплины, являются инициаторами всех общественно полезных дел... Комсомольцы направляют повседневную работу пионерских отрядов и дружин, организуют учёбу пионерского актива и т. д. Для работы с пионерами комитет комсомола выделяет пионервожатых и рук-лей различных кружков...» (Денисова, 1978, 127–130).

О 1980-х гг.: «Центр. место в системе социальных отношений старшеклассника должна занимать комсомольская орг-ция, выступающая одновременно как институт политич. социализации и как продукт собственной активности подростков. Однако, как отмечалось на XX съезде ВЛКСМ, работа школьного комсомола оказалась в наибольшей степени обюрокраченной, формальной, подконтрольной старшим. Многочисл. постановления и директивы о развитии ученич. самоуправления не выполнялись, а комсомольская работа сводилась к проведению ритуальных мероприятий ради галочки. В результате и престиж комсомола, и моральное значение членства в нем по сравнению с прежними десятилетиями резко упали. По данным одного из исследований..., только 28,2 процента старшеклассников чувствуют себя хозяевами своей школы. При опросе секретарей школьных комсомольских орг-ций в 1982 г. 67 процентов из них жаловались на пассивность комсомольцев-школьников, низкую дисциплину, отсутствие интереса к комсомольской работе, 54 процента комсомольских активистов не удовлетворены качеством проведения комсомольских собраний... Изучение 427 классов комсом. орг-ций VII–X классов городских и сельских школ Костромской обл. показало, что только 2 процента их можно отнести к уровню собственно коллективов; деять-сть многих комсом. орг-ций не отличается ни обществ. значимостью, ни содержательностью, ни достаточной интенсивностью и личной привлекатель-

ностью... А если в школе скучно – появляются другие центры притяжения. Прежде всего это подростковые клубы или объединения по интересам» (Кон, 1989)

КОМСОМОЛЕЦ – мальчик-подросток или юноша, состоящий в *комсомоле*.

О 1970-х гг.: «Я так тряслась перед вступлением в комсомол! Уф, приняли! Помню, мы очень гордились тем, что стали комсомольцами. Вместо изжѣванного пионерского галстука на лацканах пиджаков у мальчишек и на ляпочках школьных фартуков у девчонок красовались лаконичные значки с профилем Ленина. У каждого было комсомольское поручение... Мы занимались с отстающими в учебе одноклассниками, ходили к ним домой, беседовали с их родителями... Лидерами класса у нас были две девочки. Комсоргом по очереди выбирали то одну, то другую... Когда я познакомилась со своим будущим мужем, он заявил, что стал членом ВЛКСМ уже в 10-м классе, и то только для того, чтобы поступить в вуз! Я была в шоке!» (Кузьминых, 2007, 14).

КОМСОМОЛКА – девочка-подросток или девушка, состоящая в *комсомоле*.

КОМСОМОЛЬСКИЙ билет – документ в виде книжки, удостоверяющий принадлежность к комсомолу.

Из повести *А.П. Гайдара* «Пусть светит» (1933): «Он подал ей клеѣнчатый бумажник, из которого высовывался рыжий комсомольский билет».

КОМСОМОЛЬСКИЙ значок – знак принадлежности молодого человека к ВЛКСМ (комсомолу).

О 1958–1964 гг.: «Новый образец значка введѣн ЦК ВЛКСМ в 1958 году. Он изображает собой красное знамя, развѣрнутое вправо от древка. На знамени – барельеф В.И. Ленина и надпись “ВЛКСМ”. Поверхность знамени покрыта рубиново-красной эмалью. Барельеф и надпись золотистого цвета. Значок сделан из цветного металла – томпака; помещается на левой стороне груди. Комс. значок вместе с комс. билетом вручается принятому в ряды комсомола в торж. обстановке на комс. собрании секретарём райкома (горкома) ВЛКСМ» (ПС, 1960–1, 405).

КОМСОМОЛЬСКИЙ комитет школы – см.: *Комсомол. Комсомольская орг-ция учебного заведения*.

О конце 1940-х гг.: «Лядов, чистенький белообрый мальчик..., член комсомольского комитета школы, поднялся, вытаскивал блокнот из кармана и, не раскрывая его, деловито проговорил...» (Шаров, 1961, 30).

КОМСОМОЛЬСКОЕ поручение – поручение комсомолу от комсомольской орг-ции.

О Шадринске в 1931 г.: «[Годом] вступления в комсомол... для меня был 1931. Нас, несколько человек учащихся 7-х классов, принимали в комсомол в райкоме комсомола. В то время он располагался по улице Ленина в маленьком деревянном помещении. Нам задавали вопросы по уставу комсомола, требовали рассказать биографии вождей, а также задавали вопросы о междунар. положении. Затем вручили комс. билеты и прикрепили комс. значки. В 1930-е годы ещё продолжалась борьба с неграмотностью, и новым членам комс. ячейки школы было дано первое комс. поручение – обучать неграмотных. Помню, как я ходила на улицу Коммуны в одну семью и обучала двух неграмотных. Второе комс. поручение было – выявить спекулянтов хлеба. Мы, несколько девчат, рано утром шли на рынок и следили, кто тайно продает печѣный хлеб. Затем незаметно шли за этим человеком на некотором расстоянии и тем самым узнавали адрес местожительства спекулянтов. Адреса сообщали в райком комсомола. После этого спец. комиссия шла по этим адресам. У нек. хлеб изымали и передавали в дет. дом. Затем мне поручили работать пионервожатой одного из пионерских отрядов школы» (Такунцева, [1989] 2002, 40).

КОМСОМОЛЬСКОЕ собрание – высший орган первичной комсомольской орг-ции. См.: *Комсомол. Комсомольская орг-ция школы, учебного заведения*.

Комсомольское собрание было правомочно принимать в ряды ВЛКСМ новых членов, избирать комсомольский актив, выносить решения по наиболее важным вопросам

комсомольской жизни.

О 1947 г.: «Её невесёлые мысли нарушает голос Веры Сверчковой. “Товарищи, – говорит она, стоя за столом на сцене. – Общее собрание комсомольской организации нашей школы считаю открытым”... “Прошу называть кандидатуры председателя и секретаря”, – говорит Вера... Елена стоя объявляет: “На повестке дня два вопроса. Первый – прием в комсомол товарищей Ночки и Петровой, и второй – доклад Сверчковой о ходе подготовки к тридцатой годовщине Октября. Добавления или изменения будут?”» (Кузнецова, 1983–2, 427).

О дизайнере Ольге Солдатовой: «Чем занималась при советской власти. Училась в школах – обычной и художественной, убежала с комсомольских собраний. Конечно, протест был. Но и многое советское нравилось: елочные игрушки, мультфильмы, спортивные костюмы» (Огонек, 2005, № 44. – 31 октября. – С. 26).

КОМСОРГ – руководитель комсомольской группы. См.: *Комсомольская орг-ция учебного заведения*.

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «Мишка Сперанский – ...человек... серьезный и слишком принципиальный. В начале года мы избрали его комсоргом. Это окончательно испортило Мишку. Он с яростью принялся себя перевоспитывать. Прежде всего Мишка прекратил читать детективные романы, которые очень любил, и перестал плавать сквозь зубы (это умение считалось у нас очень ценным...)» (Зелеранский, 1961, 7).

О 1970-х гг.: «Лидерами класса у нас были две девочки. Комсоргом по очереди выбирали то одну, то другую. Тайно они ненавидели друг друга: на какое-то время внимание одноклассников переключалось на одну “приму”, а другая была в тени!» (Кузьминых, 2007, 14).

«КОМУ на Руси жить хорошо» – поэма *Н.А. Некрасова*; с 1960-х гг. входит в число произведений, изучающихся на уроках литературы в школе.

О девочке 13 лет в г. Когальме в 2000 г.: «На уроке литературы мы изучали поэму “Кому на Руси жить хорошо”» (134).

О с. Красная звезда Шадринского р-на в 2002 г.: «Поэма Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” изучалась в 10 классе, мне было 16 лет. На уроках литературы мы записывали различные типы крестьян в тетрадь. Например, из первой части про Якима Нагого – цитировали из текста со слов “в деревне Басове” до слов “Ой, брат Яким! недешево картинки обошлись!...” 4 гл.: от “Пришёл дьячок уволенный” до “Эй! Счастье мужицкое!.. проваливай домой”... Здесь же про Якима Перина от “Пошёл Ярмило царствовать” до “а просто он – мужик!” 5 гл.: от “Оболт-Оболдуевич” до “усадьбы переводятся”. О Матрене Тимофеевне: с “Матрена Тимофеевна – осанистая женщина” до “Как мы домой пошли”... Писали под диктовку учителя и дальше, но я уже не писала» (011).

«КОМУ-КОМУ, только одному» – фраза, предлагающая желающим угоститься чем-то вкусным.

О детях 8–9 лет в с. Погорелка (пригород Шадринска) в 1995–1996 гг.: «Фразу “Кому-кому, только одному», мы употребляли, когда хотели угостить чем-нибудь кого-нибудь. Например, когда кто-нибудь из нас выходил гулять с полным карманом конфет, кричал: “Кому-кому, только одному?” Все прибежали к нему и кричали: “Мне, мне”. Угощающий всем раздавал конфеты» (021).

КОНВЕНЦИЯ о правах ребёнка – Конвенция о правах ребенка была принята Орг-цией Объединенных Наций в 1990 году. В том же году СССР ратифицировал данную конвенцию.

«КОНВЕРТ» делать – вид шалости.

О 1940-х – 1990-х гг. в Ленинградском нахимовском военно-морском училище: «...С позапрошлого века до начала XXI сохраняется кадетский набор проступков и шалостей: “давить масло”..., делать “конверт” (подворачивать простыни в постели товарища)...» (Зиновьева, 2003).

«КОНВЕРТИК» – условное (данное автором) наименование забавы начала 1920-х гг. с разворачиванием свернутого конвертиком с рисунками и рассказыванием истории.

«...Бойкий, весёлый Васька Чайник уговаривал [Гудзыка]: “Ну, кусочек хлеба отщипнешь и покажу. Жалко?” Гудзыку... хотелось поглядеть, что есть у занятого, богатого на выдумку Васьки Чайника... Он ... буркнул: “Ну, хай вже. Покажуй” Васька проворно вынул лист бумаги, сложенный замысловатым квадратным конвертом. На конверте был нарисован солдат... В руках он держал огромное ружье. Внизу стояла подпись, которую Васька громко прочитал: “Шел солдат с похода / Одна тыща девятьсот двадцать первого года”. Он ловко выдернул одну часть бумаги: образовался такой же конверт, но с другим рисунком и надписью. Чайник опять довел её до слушателей: “Нашел часы и вилку, / Променял на колбасу и водки бутылку”. Он снова дернул конверт – и появился следующий рисунок с двустижием: “Наелся, напился, / В царя обратился”. Царь был похож на солнце, каким его рисуют дети, – круглолицый, в короне, с торчащими во все стороны лучами волос. Чтобы показать его всемогущество, художник в одну руку вложил царю бутылку водки, а в другую целый ветчинный окорок. Во рту у него дымились папироза, у пояса торчали бомба-лимонка, револьвер и кинжал. Во всеоружии – как налетчик. Надпись на следующем развороте гласила: “Не захотел быть царем, / Захотел быть баринном”. И был изображен пузатый человечик в огромной, похожей на зонтик шляпе. Толстяк сидел на мешке, испещренном кружочками – золотыми червонцами. Вообще все рисунки носили явную печать влияния «Окон РОСТА» и имели сатирич. хар-р. В этом и таился их успех. Следующий разворот конверта вешал о том, что солдат: “Не захотел быть и баринном...” Затем описывалась дальнейшая его одиссея, которая заканчивалась тем, что, став извозчиком, он: “Катился, катился / И в ад провалился”. На последнем квадрате козлоподобные черти радостно поддевали на вилы разборчивого солдата, наказанного таким образом судьбою. Всю соль составляло ловкое устройство бумажного конверта: как ни разверни – новый рисунок...» (Авдеев, [1957] 1971, 45–47).

«КОНДАЛЫ», «кондалы-закованы» – детская игра.

О 1950-х гг.: «Играли в “кондалы”. Ребятня делилась на две команды, бралась за руки и вставала друг напротив друга. Бежал и рвал цепь соперника тот, чье имя выкрикивали. Если цепочка “расковывалась”, то из противоположной команды один человек выходил из игры» (Чайкова, 2006, 2).

О 1980-х гг. в загородном лагере: «Каждую минуту мы были чем-то заняты. На пляже играли в “колючку”, “штандер”, “кондалы-закованы» (Кумейко, 2006–2, 7).

О вт. пол. 1980-х гг. в Кургане: «“Кондалы”. В игру играли и мальчики, и девочки. Играющие делились на две группы, с одинаковым количеством человек в каждой группе. Вставали напротив друг друга, на расстоянии 4–5 метров. Крепко держали друг друга за руки. Первая группа говорила: “Кондалы!” Вторая группа отвечала: “Закованы!” Первая группа говорила: “Раскуйте нас!” Вторая группа отвечала: “Кем из нас?” Первая группа говорила: “Ваней!” Ваня разбежался и старался с разбега разорвать первую группу. Если ему это удавалось, то он забирал в свою группу человека из первой группы. Если ему не удавалось разорвать первую группу, то Ваня оставался у них. Выигрывала та группа, в которой количество участников прибавлялось» (535).

О пос. Лебяжье в конце 1980-х гг.: «Я очень в детстве любила играть со своими подругами в “домик”... Ещё одна игра, в какую мы играли летом, это – “Стандер стоп”... Следующая игра... – это “съедобное – несъедобное”... Также зимой мы ещё играли в игру “Царь горы”... Ещё одна игра – это “кондалы”. Чаще всего в эту игру мы играли на поле, так как это очень подвижная игра, и для нее нужно много места. Мы делились на две команды. И вставали на большом расстоянии друг от друга, крепко держались за руки. И начинали кричать по очереди. Первая команда: “Кондалы!” Вторая команда: “Закованы!” вт. команда: “Раскуйте нас!” Перв. команда: “Кем из нас?” Вторая команда называет человека, который должен будет их расковать. Этот человек бежит к команде и должен

разорвать сцепленные руки, если разрывает, то забирает с собой любого человека в свою команду, если не разбивает, то команда забирает его к себе» (458).

О конце 1980-х – начале 1990-х гг.: «В эту игру мы в основном играли в школе. Со мной училась девочка Юля, она была очень популярна среди одноклассников. В “кондалы” её всё время выбирали. Юля очень долго отказывалась, говорила: “Почему всё время я, выбирайте кого-нибудь другого”. Но на самом деле ей было очень приятно. Некоторые специально разжимали руки и давали себя разбить, если бежала их подруга (или мальчик, который нравился), чтобы уйти с ними в другую команду. А другие специально не разбивали, чтобы остаться в этой команде» (604).

О перв. пол. 1990-х гг.: «Мы играли в “Ляпки”... Ещё мы играли в “Кондалы”. Мы делились на две команды, вставали друг против друга держась за руки. Мы подходили и отходили друг от друга и при этом говорили текст: 1-я команда: “Кондалы”. 2-я команда: “Закованы”. 1-я команда: “Раскуйте нас”. 2-я команда: “На которого из нас”. И после этого 1-я команда выбирала человека из 2-й команды, который должен был разбейте эти цепи, если это удавалось, то он забирал в свою команду одного человека, если нет, то сам оставался в этой команде. Ещё эта игра называлась “Бояре”» (560).

См.: «Кандалы».

КОНДУИТ – в России до 1917 года: журнал, куда заносились сведения о проступках учащихся. В России кондуиты широко применялись в гимназиях, духовных учебных заведениях и кадетских корпусах.

«То и дело в штрафном журнале-кондуите появлялись, например такие записи: “Ученик Петров был встречен на улице после 7 часов вечера” или “Ученик Смирнов в коридоре гимназии не соизволил поклониться учителю закона божьего. Оставить на 2 часа после уроков”. Часто одна или несколько ябед в кондуите служили причиной исключения ученика из учебного заведения с волчьим билетом. Это означало, что его обладатель навсегда лишался права где-нибудь учиться» (Юрмин, 1983, 22).

О гимназии в Саратове в конце 1890-х гг.: «Отношения к ученикам были сухо формальными и чиновничьими. Нас не считали за детей, а скорее за солдат штрафного батальона, где за каждым малейшим нарушением следовало соответствующее наказание – без обеда на один или два часа со внесением в кондуит...» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

См. также: *Наказания в учебных заведениях (официальные)*.

«“КОНДУИТ” и “Швамбрания”» – книга Л.А. Кассия.

«Повесть “Кондуит” (1929) посвящена описанию последних лет старой гимназии в провинциальном городе. Повесть “Швамбрания” (1931) явилась её продолжением; в ней события разворачиваются уже в первые революционные годы. В 1935 г. автор переработал обе повести, соединив их под общим обширным названием “Кондуит и Швамбрания, повесть о необычайных приключениях... с приложением множества тайных документов, мореходных карт, государственного герба и государственного флага”. Юные читатели по достоинству оценили книгу. Она не залеживалась на полках библиотек... “Кондуит” и “Швамбрания” сделали Л. Кассия популярным детским писателем» (Чернявская, 1971; 264, 268)

«**КОНЁК-ГОРБУНОК**» – сказка в стихах Петра Павловича Ершова (1815–1869), написанная в 1834 году.

«...В основе сказки Ершова – различ. народ. сюжеты: об Иване-дурале, о Сивке-Бурке – вещей каурке, о Марко богатом, о Жар-птице и Василисе Премудрой. На основе народ. мотивов П. Ершов создал совершенно новое, оригинал. произведение...» (РДЛ, 1972, 112).

О начале XX века: «...Были ли... так богаты старые книжные полки. ...Их нельзя назвать бедными, если... на них стояли в голубом и красном коленище “Робинзон Крузо”..., “Русские народные сказки”..., “Конёк-горбунок”...» (Маршак, 1971–7, 284–285).

«В круге дет. чтения сказка “Конёк-горбунок” появилась сначала как подцензурная переделка, а потом уже в настоящем виде. До сих пор она остаётся одной из лучших сказок русского детства... Ершовские стихи дети слышат задолго до того, как начинают читать. “Конёк-горбунок” воспринимается детьми сначала как сказываемая сказка, то есть как произв-ие скорее устное, чем книжно-литературное. Позднее они осознают, что это именно лит., авторская сказка» (Арзамасцева, 2007, 142).

О 1930-х–1960-х гг.: «И теперь трудно найти в нашей стране человека который бы ещё в детстве не читал “Конька-Горбунка”» ...» (РДЛ, 1972, 114).

КОНЕЦ учебного года – праздник для учеников начальных классов в 1940-е – 1950-е гг.

О конце 1940-х гг.: «На празднике – конец учебного года – школа отчитывается о проделанной за год работе. Устраивается выставка дет. работ: лучших письменных работ, тетрадей, рукоделья, рисунков, самодельных технич. игрушек, авиамоделей и т. д. На праздник приглашаются родители и представители общественности. В стенной газете подводится итог всей работы, помещаются портреты лучших учителей, учеников, родителей. Гости рассматривают выставку, знакомятся с учениками, которые до начала торжеств. части, во время сбора, участвуют в различных развлечениях в помещении школы или на площадке. Интереснее всего проходят аттракционы и парные игры (поединки)... Торж. часть праздника начинается кратким докладом, приветствиями и рапортами детей. Затем следует выдача отличникам грамот и подарков (портретов, бюстов, ценных книг, рисовальных, письменных и рукодельных принадлежностей, конструкторов, настольных игр и т. д.). Заканчивается торж. часть пением “Гимна СССР”. После небольшого перерыва начинается худ. часть – программа самодеят-сти. Она должна являться рез-том. годовой работы школы и включать все самое лучшее, самое интересное и разнообразное. Продолжит-сть её должна быть не более 45–60 минут. В программе праздника следует также предусмотреть физкульт. упражнения и соревнования, кот. желательно провести после худ. части на площадке. Массовые игры под музыку тоже следует провести на площадке...» (НШ, 1950, 762).

«**КОНИ-КОНИ**» – игра (преимущественно девичья), которая заключается в хлопках ладоши, сопровождаемых произнесением текста.

О второй половине 1980-х гг. в Кургане: «“Дюба-дюба”. Обычно в эту игру играли в школе, на переменах между уроками. Две девочки садились напротив друг друга, брались за руки, хлопали друг друга по ладошкам и говорили текст: “Дюба-дюба-дюба-дюба... / Мышка бегала-скакала / И сказала: “Всё сначала!”” Так можно было играть до бесконечности. Во время игры скорость хлопанья друг друга по ладошкам возрастала. Хлопали друг друга по определенной системе (не описать, нужно показывать). Можно было играть и с другим текстом: “Кони-кони”. “Кони, кони, кони / Сидели на балконе, / Чай пили, / В ложки били, / По-турецки говорили: / “Чаби, чаляби, / Чаляби, ляби, ляби” / Мы набрали в рот воды / И сказали всем: “Замри! / А кто первый отомрет, / Тот получит шишку в лоб!” / Шишечка еловая, / Стопятипудовая! / Раз! Два! Три! / Все замри!” Играющим в конце игры нужно было замереть и не двигаться, кто первый засмеялся, моргнул, пошевелился – тот проиграл» (535).

КОНКУРС инсценированной песни.

О 1970-х гг.: «Конкурс инсценированной песни, в основном, проводился в пионерлагерях. Были такие хиты, как “На Мамаевом кургане тишина”, “Гренада”. Сообразались нехитрые декорации. Отряд разучивал песню и пел припев хором. Кто-то солировал, а кто-то изображал героя песни в меру актерских способностей...» (Жавелева, 2006).

КОНКУРСЫ сочинений – см.: *Всесоюзные смотры школьных сочинений*.

«**КОННИЦА**» – мальчишеская игра.

О мальчиках-школьниках середины 1950-х гг.: «На дворе опять сыро и холодно, а в школе еще не топят. На перемене ребята начали играть в “конницу”.

Разделились на пары, и один другому сел на шею, а потом устроили “рубку лозы” – стали толкаться так, чтобы сбить противника. Сначала “рубил лозу” своим класом, а потом пошли в атаку на шестой “Б”... В самый разгар “рубки лозы” в коридор пришла Елена Ивановна и сразу же разогнала “конников»» (Мелентьев, [1958] 1961, 56). См.: *«Конный бой»*.

«КОННЫЙ БОЙ» – мальчишеская игра.

О гимназистах конца 1890-х – начала 1900-х гг.: «Бывали и конные сражения: ребята мчались в бой верхом на своих товарищах, которые с полным удовольствием изображали резвых боевых коней» (Маршак, [1962], 1987, 547). См.: *«Конница»*.

О первой половине 1980-х гг.: «Как-то раз Никита вернулся из школы позже обычного – спросила я. “На собрании и в плохом настроении. “Случилось что-нибудь?” ругали, – вздохнул он, – мы на перемене в конный бой играли. Хорошая игра, правда, но очень тихая, потом констральная была по математике...”» (Семёнова, 1985, 27).

«КОНСКИЙ ВОЛОС» – мифическое существо, которое, по поверьям петроградских (ленинградских) мальчишек, во время купания может проникнуть в тело и стать причиной смерти.

Из восп. Вадима Шефнера о 1920-х гг.: «Мы, мальчишки, иногда купались в Неве... Однако за это могли в милицию забрать, да и течение в Неве сильное... Поэтому куда чаще мы ходили купаться “на возморье” (так почему-то, мы все это слово произносили). Там, где Смоленка разделялась на несколько рукавчиков, вода была куда теплее, чем в Неве, а дно ближе, и течение медленнее, и никакая милиция не угрожала. Правда, на «возморье» грозила нам некая мифическая опасность: говорили, что там в воде “конский волос” водится. Это таинственное существо может незаметно проникнуть тебе под кожу, а через тридцать три дня оно до сердца твоего доберется – и капут тебе» (Шефнер, 1995, 217).

«КОНСКИЙ ХВОСТ», **«конский хвостик»** – волосы, собранные на затылке в пучок.

О 1950-х гг.: «В “волосьяном” дискурсе властных структур, в особенности в нач. 1950-х годов... явно прослеживались и антизападные тенденции. Это нашло отражение в критике причёсок “колдунья”, “бабетта” и “конский хвост”, ставших модными под влиянием зарубежного кинематографа... Больше всего власть раздражало то обстоятельство, что колдунья”, “бабетта” и “конский хвост” были изобретены на Западе» (Лебина, 2007, 124–125).

О середине 1960-х гг.: «С невольной улыбкой Тина смотрит на шестилетнюю девочку в синих брючках и красном свитере. На затылке у девочки болтается “конский хвостик”... Ирка вторично размахнулась суком. ...Мальчишка схватил её за “конский хвостик” и потащил в сторону. Ирка... завопила...» (Котовщикова, 1969; 179, 212).

О 1968–1969 гг.: «Передо мной стояла незнакомая девочка... Через плечо у неё был перекинут “конский хвостик” – кажется, так называется эта причёска... Я ждал, что она повёрнется и бросится бежать, а я в один прыжок настигну её, и вот тут-то причёсочка “конский хвостик” весьма пригодится. Я схвачу её за волосы левой, правую сожму в кулак и поднесу к самому её носу. “Морда, морда! – скажу. – Я кулак. Иду на сближение”. А она задёргается, будет всхлипывать: “Пусти, я твоей матери скажу...” Только девочка не повернулась и не побежала... И вот в окне появилась Таня... А причёска “конский хвостик” ей идет. Если распустить его, волосы разметнутся по плечам, по спине... Таня открыла мне дверь, и я сразу же заметил, что “конского хвостика” уже нет. У неё была теперь короткая, почти мальчишеская стрижка» (Тихомиров, [1971] 2002; 8, 11, 16).

О нач. 1970-х гг.: «Они были в разноцветных купальниках, у каждой за спиной “конский хвостик”... Тогда Инга... сказала: “Сама ты хромая!” И побежала. Видимо, ей не терпелось доказать, что она не хромает. Вся стайка кинулась за ней. Завились на ветру “конские хвостики”: рыжие, чёрные, светлые... Мальчику хотелось

накинуться на этих глупых девчонок, растащить их за “конские хвостики”, наговорить дерзостей, но он был скован каким-то непонятным чувством, мешавшим ему прийти на помощь подруге... Инга встала. Колочие струйки песка потекли по спине и по животу. Ветер трепал её “конский хвостик”. Сквозь купальник белыми разводами проступала соль... Но неожиданно прочла в его глазах, что там, у ненастоящей лодочки фотографа, ему очень хотелось вступить за неё, отгаскать девчонок за “конские хвостики”, но он сдержался, потому что это было их девичье дело, в которое мальчишке не следует вступать, чтобы не унизить свою подругу» (Яковлев, 1974, 79–84).

«КОНСТИТУЦИЯ СССР» – предмет, изучавшийся в школе.

Распоряжением Совнаркома СССР от 1 февраля 1937 года совнаркомом союзных республик было предложено: «1. Организовать в теч. остающегося периода 1936–1937 учеб. года подробное ознакомление с нов. Конституцией Союза ССР учащихся VII, VIII, IX и X классов средних школ. 2. С 1937–1938 учебного года ввести преподавание Конституции Союза ССР в качестве самостоятельного предмета в VII классе средней школы» (НО, 1974, 175).

«В 1937 г. в учебный план школы был включен курс Конституции СССР» (Очерки, 1980, 305).

О середине 1940-х гг.: «На уроке сталинской конституции Костыль (так прозвали преподавателя этого замечательного предмета) заметил, что Витя держит под партой и читает постороннюю книгу» (Фридкин, 2003).

Из Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1958 г.: «...ЦК КПСС постановляет: Установить, что курс “Конституция СССР” в выпускных классах сред. общеобразоват. школ должен знакомить учащихся не только с Основным законом Советского гос-ва, но и с нек. сведениями из гражданского, трудового, колхозного, семейного, уголовного права» (НО, 1974, 192).

КОНСТРУКТОР – детская игра в виде набора деталей для сборки различных предметов, строительства сооружений.

О девочке 7–8 лет и её отце в конце 1920-х гг.: «В моем игрушечном хозяйстве из кукол – только голенькая резиновая “Гаяля”..., зато у меня целых два “конструктора”, из деталей которых я мастерю разные “механизмы”... А из деталей моего любимого конструктора мы [с отцом] сооружаем совершенно диковинные механизмы, которых мне одной ни за что бы не сработать» (Лупанова, 2007; 13–14, 25). [...]

КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА – одна из форм контроля и учёта знаний; письменное задание по пройденному учебному материалу для закрепления и проверки знаний учащихся. Контрольные работы проводятся по завершении изучения темы или раздела курса, в конце четверти, учебного года и на экзаменах.

О 1937 г.: «Новая учителька двинулась между рядами парт. Шаги ее черных шнурованных ботинок на резиновой подошве были неслышны... “Раскройте тетради... Пишите: “Контрольная работа... двадцать четвертое октября... тысяча девятьсот тридцать седьмого года...”» (Рекемчук, 1974).

О 1970-х гг.: «В средней школе учащиеся пишут контрольные работы в классе. Текущие контрольные даются после изучения какой-либо темы или раздела осн. учеб. предмета. В конце четверти и учеб. года ученики пишут итоговые контр. работы – четвертные и годовые. На контрольных по математике, физике и химии школьники решают задачи, на контрольных по языку и литературе пишут диктанты, изложения и сочинения. Учащиеся готовятся к контрольным заранее, повторяют разделы в учебнике» (Денисова, 1978, 130–131).

О 1970-х гг.: «Контрольная работа – основной способ проверки знаний в школе. Ученику выдается задание, включающее в себя задачи и примеры или вопросы, и он должен выполнить его, не заглядывая в учебник в течение урока (иногда двух). Решающими для выставления оценок за четверть, полугодие, год являлись соответственно результаты выполнения четвертной, полугодовой или годовой контрольной работы, задания для которой поступали из района или гороно»

(Томилова, 2006).

О 1970-х гг.: «За два урока контрольной он успевал решить четыре варианта, и весь класс без зазрения совести пользовался его шпаргалками и подсказками» (Маркова, [1979] 1984, 19).

КОНТУРНАЯ карта – «Географическая карта с нанесёнными на ней очертаниями суши и водоёмов без их названий» (Словарь, 1956–5, 1346).

О начале 1950-х гг.: «И сразу вспомнилось, что завтра на уроке географии учительница Елена Павловна с доброй улыбкой пройдёт по рядам и сама соберёт контурные карты с обозначенными там городами, морями, реками и озёрами страны... Вернувшись домой, Петя допоздна сидел за своим столом, рисуя новую контурную карту» (Седугин, 1953; 25, 26).

О 1970-х гг.: «Как непоправимо мало... мы вспоминаем наши школьные годы. Теряются в дымке конфликты с учителями и вызовы в школу родителей, дневники, контурные карты, переброшенные записочки и запускание ластиком...» (Климонтович, 2004, 8).

О Шадринске в начале 1990-х гг.: «Я так не любила контурные карты по географии. Это было сущим наказанием для меня. Не понимала ни где рисовать, ни что рисовать» (1001).

КОНФЕТТИ – «кружочки из разноцветной бумаги, которые бросают друг в друга на балах, карнавалах и т. п.» (Словарь, 1956–5, 1352); «разноцветные бумажные кружочки, которыми осыпают друг друга на балах, маскарадах» (Ожегов, [1960] 1970, 285; Ожегов, 1972, 269).

Судя по следующему отрывку, описывающему бал в жен. гимназии начала XX века, бросание конфетти в сверстника противоположного пола было проявлением симпатии к нему: «Антракт между танцами. Музыка стихла. Толпа из зала хлынула в оранжевый коридор... Запенился в стаканах холодный лимонад. У всех разгоряченные лица, все хлещут друг в друга горстями разноцветного конфетти. И в кого хлещут сильнее, тот, значит, нравится больше. А если весь засыпан, – значит, полный успех. Вон Талька Бой и Симониха гуляют по коридору, и никто не бросает в них конфетти. Ни одной пестрой кругленькой бумажки на волосах. А потом они убежали в уборную и, когда вышли, у каждой на голове была целая грудка конфетти. Должно быть, высыпали себе на голову по пакету и разгуливают с довольными физиономиями. Как глупо! Пусть никто не кинет в Еву ни одной бумажки, Ева никогда так не сделает. Никогда!» (Будогоская, [1929] 1988, 35).

КОНФЕТЫ – сладкое кондитерское изделие, лакомство в виде плиточки, батончика, лепёшки, шарика и т. д.

Традиционно считается, что дети любят есть конфеты.

О детстве 1920-х гг. и отрочестве 1930-х гг.: «Я вспомнила и коробки конфет, которые потом, став продавщицей кондитерского магазина, приносила нам Анна Ивановна. В детстве нашем не хватало конфет..., и эти роскошные коробки с шоколадными конфетами навеки поразили мое воображение» (Гречина, 1994, 209).

О 1930-х гг.: «[Шаргунов]: “Вы общались со Сталиным?” Д[арья] М[аксимовна] [внучка А.М. Горького]: “Марфа [вторая внучка] дружила с его дочкой, Светланой. Они вместе учились все десять лет. А как-то Сталин прислал за мной машину, меня привезли на дачу. Он повел меня на второй этаж, напоил чаем, угостил шоколадными конфетами”. “Опять конфеты...” Д[арья] М[аксимовна]: “Я от ужаса, что вижу “живого бога”, не могла ни одну проглотить. Сталин был обходителен, спрашивал: “Как ты живешь?”» (Шаргунов, 2004).

О г. Завитинске Амурской обл. в перв. пол. 1990-х гг.: «Из детства помню следующие названия конфет и шоколада, которые покупали нам родители. Конфеты: батончики “Буратино”, карамель “Гусиные лапки”, “Снежок”, “Дюшес”, ирис “Кис-кис”, “Мяу-мяу”, “Золотой ключик”, шоколадные конфеты: “Курортные”, “Красная шапочка”, “Весна”, “Ласточка”, “Школьные»» (107).

Конфеты как новогоднее ёлочное украшение.

В перв. пол. XX века конфеты являлись, по-видимому, традиционным елочным украшением.

О Москве в 1903 г.: «“Вот нам и ёлочка!” – обрадовалась Аришка, подобрав ветку. Дома подруги поставили ветку в бутылку с водой и начали её украшать. У Ксеньки давно уже были припрятаны конфетные бумажки. Она нарезала маленькими кусочками черный хлеб и завернула каждый кусочек в бумажку на манер конфеты. “Конфеты” обвязали ниточками и повесили на ёлку. Ещё на ёлку повесили две медные пуговицы и фигурки, вырезанные из газеты» (Бродская, Голубева, 1938, 52).

О 1941–1945 гг.: «Ёлочных игрушек у деда Матвея, конечно, не было, потому ребята притащили из дому всё, что могли, что у кого было. Украсили ёлку тряпичными куклами, разноцветными флажками и конфетами. Только настоящих конфет не было. Сохранились всего лишь обёртки-фантики. Девочки собирали их для игры ещё до войны. Нарезали плиточками сырую картошку таких размеров, как были когда-то конфеты, завернули кирпичики в цветные фантики, повесили на ёлку – настоящие конфеты получились. Никто чтобы не подумал, что они поддельные. Когда убрали ёлку, сами удивились, какой она вышла нарядной» (Шаповалов, 1986, 112).

КОНЦЕРТ – «Публичное исполнение ряда вокальных, инструментальных муз. произв-ий, балетных, эстрадных и т. п. номеров» (Словарь, 1956–5, 1362)

Концерты школьные.

О конце 1950-х гг.: «Не первый год руководит [Мая Портянская] работой отрядного кружка самодеят-сти. И вот как-то раз предложила она на совете дружины устроить в школе большой концерт. Пусть ребята из разных классов подготовят номера и выступят с ними на сцене в физкультурном зале. А билеты на концерт пускай будут платные, решил совет. Хотя бы по три рубля. Ведь эти деньги тоже можно передать в кассу будущей поездки хора в Ленинград. И вот во всех отрядах началась подготовка к концерту, Разучивали песни и танцы, стихи и физкультурные пирамиды. А ученики шестого класса решили поставить целую пьесу...» (Соколовский, 1960, 67).

Концерты дворовые самодеятельные – организовывались и проводились детьми в 1960-е – 1990-е гг.

О Шадринске в конце 1970-х – нач. 1980-х гг.: «Играли мы на поляне, которая находилась недалеко за домами. Поляна была окружена кустарниками и деревьями... На поляне... устраивались концерты для взрослых. Концерту предшествовала предварительная репетиция. Пели песни детские и взрослые, подражая и переодеваясь в исполнителя, читали стихи, пели частушки, танцевали, показывали сценки. Обязательно рисовали билеты для зрителей, которые продавали по 5 копеек. Взрослым концерты очень нравились. Они хлопали в ладоши и на всю следующую неделю разговоры были только о концерте» (608).[...]

Ср.: *Детский уличный театр.*

КОНЬ – «обитый кожей брус для гимнастических упражнений на 4 выдвинных ножках» (Словарь, 1956–5, 1372); «обитый кожей длинный брус на подставках для гимнастических упражнений» (Ожегов, [1960] 1970, 286; Ожегов, 1972, 269).

О 1950-х гг.: «На уроках физкультуры он был предметом общих насмешек. Когда ему предлагали прийти по буму, ребята уже заранее начинали хихикать... Через “коня” ему тоже не удавалось перепрыгнуть. Он застревал на чёрной кожаной спине и некоторое время восседал, как всадник в седле. Ребята смеялись, а он неуклюже сползал на животе на пол и шёл в строй» (Яковлев, 1964, 14–15).

КОНЬ игрушечный – игрушка в виде коня

О Саратове 1880-х гг.: «На одной из таких ёлок мои сестры получили большого бумажного коня, на которого я садился верхом и меня катали по комнате. Водовоз, который привозил нам воду в бочке, рассказывал мне, что летом он купает свою лошадь в Волге. И вот я также решил искупать своего коня в кадке с дождевой водой. После купания мой конь облез, краска с него сошла и сам

он развалился на части. Как же я плакал потом, лишившись своего коня!» (Золотарев, [до 1975] 1995, 53).

Деревянный конь на доске с колесиками.

«Мне сегодня / В подарок / Коня принесли – / Вьётся грива / До самой земли. / Целый день я / От лошади / Не отходил, / На колёсах гулять / Выводил» (Аким, 1961, 65).

Конь-качалка.

О 1942–1944 гг.: «Они пошли в смежную комнату, заваленную игрушками: конём-качалкой, трёхколёсным велосипедом, кубиками и разными пирамидками; на полу на толстом ковре валялись куклы-голыши и разные плюшевые зверюшки» (Глушко, [1988] 1990, 69).

О середине 1960-х гг.: «...на примере одной из любимых игрушек детей – коня-качалки...» (Григорьева, 1966, 16).

См. также: *Лошадка.*

КОНЬКИ – узкие металлические полозья с площадками, прикрепляемые к подошвам обуви для катанья по льду или обледеневшему снегу. Катание на коньках – распространенная с XIX века русская детская забава.

О нач. XIX в.: «Мальчишек радостный народ / Коньками звучно режет лёд» (Пушкин А.С. Евгений Онегин).

О 1830-х – 1840-х гг. (из стихотворения 1840-х гг. Я.К. Грота «Зимнее веселье»): «Снова над глубиной реки / Пол нам готов ледяной. / Братцы! подвйжем коньки – / Кто молодец, тот за мной!.. / В руки по палке, друзья! / Мячик возьмем – и за ним, / По льду, как выюга, скользят, / Взапуски все побежим! / Или по зеркалу льда / Вензели станем писать...» (РПД, 1989, 129–130).

О Саратове в конце 1880-х гг.: «Против нашего дома жил один старик – польский ссыльный... Он был мастер на все руки и любил детей; он клеил нам змеи, вытачивал “точки” и юлы, он же сделал мне деревянные коньки с железными подрезами» (Золотарев, [до 1975] 1995, 51).

О конце 1890-х гг. – нач. 1900-х гг.: «Мы бежали задами на только что замерзшую речку кататься по льду. Металлические коньки были у нас в ту пору в диковинку. Мы катались на деревянных колодочках, в которых провертывали дырки и бечевкой прикручивали к валенкам. Такие коньки то и дело соскакивали, и привязка к ногам занимала больше времени, чем самое катанье» (Кузьмин, [1964] 1990, 52).

О 1913–1914 гг. в Петербурге: «... Гимназисты в серых шинелях с блестящими пуговицами, предпочитавшие марку “Снегурочка”; уличные мальчишки на самодельных, подвязанных верёвкой железных пластинках; специалисты фигурной езды, выписывавшие тройки, восьмерки, легко взлетающие на воздух и, перевернувшись, падавшие на остроносый, изогнутый “Нурмис”, – всё это неслось, летело, падало под звуки вальса “На сопках Манчжурии”, под медный грохот оркестра, широкими звонами проплывавший в сером петербургском воздухе» (Андреев, 1966, 87).

В воспоминаниях о 1920-х годах в Петрограде-Ленинграде читаем: «В большом ходу у мальчишек, так называемых “уличных”, зимой было катание на коньках “Снегурочки” или “Нурмис”, прикрученных веревками к валенкам. Катание очень часто происходило прямо на проезжей части улицы, например, у нас на Садовой. Пользовались успехом проволочные крючки, чтобы цепляться сзади за сани легковых извозчиков. Крючок должен был быть такой длины, чтобы извозчик не мог достать “конькобежца” кнутом... Кстати, снег с проезжей части убирался плохо, кататься на коньках было вполне сносно, несмотря на раскаты и рытвины» (Поздняков, 1994, 291).

О Ленинграде в 1930-е гг.: «Зимой на коньках катались повсюду, то ли зимы были крепче, то ли снег не убирали на мостовой... К... валенкам прикручивали коньки-снегурки. Потом уже появились спец. ботинки с металлическими пластинками» (Графин, 1990–5, 477).

В стихотворении 1933 года С. Маршака «Кот и лодыри» катание на коньках является признаком лодырничества и отлынивания от школы: «Собиралась лодыри / На урок, / А попали лодыри / На каток./ 204

Толстый ранец с книжками / На спине, / А коньки под мышками / На ремне... / Отвечают лодыри: / “... Нам пойдет двенадцатый / Скоро год... / Нам учиться, лодырям, / Что-то лень./ На коньках катаемся / Целый день. / Мы не пишем грифелем / На доске, / А коньками пишем мы / На катке!...”» (Маршак, [1933] 1968–1, 203).

О середине 1930-х гг.: «Катались, конечно, и на коньках. Коньки были “хагенские”, или “гагенские”, по-нашему “гаги”. Стоили они рублей 20–25. Другие коньки, “нурмис”, стоили 8 руб. 50 коп., ботинки для коньков стоили 9–10 рублей. Лыжи заграничные стоили 17–18 рублей, а наши – 15–16. Не каждый, конечно, мог себе все это позволить. Покупали тогда старье на рынке, оно было дешевле» (Андреевский, 2003, 339).

О Ленинграде середины 1940-х гг.: «Город был ещё полон минувшей блокадой... Вот местная пожарная команда залила ребятам каток, и теперь половина нашей улицы с визгом и хохотом носится по голубому льду, звонко чиркая самодельными деревянными коньками или довоенными “снегурками”, прикрученными с помощью палки и верёвки к разбитым залатанным валенкам» (Алмазов, 1989, 180). О Свердловске второй половины 1940-х годов: «Сами жильцы заливали во дворе небольшой каток. Почти у всех детей были коньки-снегурки, которые привязывались веревками к валенкам и укреплялись на них палочками. Тепло, уютно ногам!» (Факова, 2006).

О начале 1950-х гг.: «Петя выпил горьковатой чайной заварки и стал собираться на каток. Надвигаясь один ботинок с коньком, Петя послонявил бахромчатый конец шнурка и, спеша, пропуская дырки, начал шнуровать. Во втором ботинке обнаружил гвоздь» (Седугин, 1953, 25).

О середине 1950-х гг.: «Вовка мне привинтил коньки к валенкам. Так только Вовка умеет привинчивать. Я потом домой прямо в валенках пришёл. Снять-то я их сниму, а потом как надену?» (Голявкин, 1960, 23).

О Свердловске в конце 1960-х гг.: «Одно время в зимние каникулы мы вставали на коньки почти каждый день. Не пугаясь даже тридцатиградусного мороза. Доводя свои ноги до состояния бесчувственных култей. Так, на бесчувственных, и ковылял до дому с Центрального стадиона, не снимая коньков (с ботами там или с валенками предпочитали не связываться – без них на катке чувствуешь себя свободнее). А дома, через десяток минут, проведенных в тепле, орал и катались по полю от боли. Чтобы назавтра проделать все то же самое... Я купил свои коньки у Рашида за восемь рублей. Это была огромная сумма в ту пору, когда кусок хлеба стоил копейку, пирожок с повидлом – пять, эскимо – одиннадцать... То были не какие-нибудь канады, или гаги, или, упаси Господи, девчоночьи снегурки, а настоящие беговые “ножи” с черными ботинками, не закрывающимися шиколотки, и потрясающим клеем ленинградского “Динамо” на лезвиях. Связав шнурки, я повесил свое сокровище на шею и отправился вояжировать...» (Застырец, 2006).

КОПИЛКА – кружка, ящичек или фигурка с узкой щелью для опускания монет с целью сбережения, накопления их.

О конце 1880-х гг.: «И Олег, и Нелли, и другие все имели свои копилки и хранили в них деньги... Пересчитывают дети новенькие деньги... Теперь начинаются разговоры. Всем дано по рублю, половину следует отложить в копилку, а на другую можно бы чего вкусного купить» (Крашенинников, [1925] 1991; 99, 101).

О начале 1900-х гг.: «[10-летняя] Лёля сказала: “Из моей копилки я возьму три рубля. Я думаю, что нам хватит этих денег”. Стёпка сказал: “Три рубля нам, безусловно, хватит, потому что нам деньги нужны только лишь на покупку семечек и конфет...”» (Зошенко, [1939] 1968–1, 235).

О девочке в Петербурге в перв. пол. 1910-х гг.: «Глиняная кошка-копилка вскоре была разбита, все накопленные медяки и серебряный полтинник были пушены в дело» (Александрова, [1975] 1978, 7).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Долго шестилетний сын упрашивал меня купить ему велосипед. Но денег у меня не было: большая семья, да и время – это было сразу

после войны – нелёгкое. “Я куплю тебе копилку, – сказала я ему, – ты будешь складывать в неё деньги. А когда она наполнится, мы вынем эти деньги и купим тебе велосипед”. Мальчик согласился. Я купила на Даниловском рынке большую чёрную кошку с дыркой в голове, поставила её на комод, дала сыну несколько пятак, и он, очень довольный, сам опустил их в копилку. С этого момента чёрная кошка начала богатеть не по дням, а по часам, так как хозяин копилки развил... бурную деятельность по добыче пятаков... Стоило только отцу прийти с работы домой, как мальчик уже направлялся к нему с протянутой рукой. “Папа, дай пятачок, кошка просит”... Зайдет к нам, бывало, кто-нибудь из соседей или знакомых – мальчик бежит к нему и начинает хвастаться своей копилкой: “Вот какая у меня кошечка. Она деньги любит”. Медь и серебро летели в копилку со всех сторон... Часто я ловила сына на том, что он подолгу изучает свою чёрную кошку: то потрясет её, прислушиваясь к звону монет, то возьмет увеличительное стекло, поднесет копилку к окну и начинает разглядывать через щель её недра. Так незаметно с помощью добрых людей, а точнее – папы и мамы, шестилетний мальчик превращался в стяжателя. Однажды утром ко мне постучала одна из моих соседок и сообщила: “Ваш сынок стоит у молочного магазина с протянутой рукой и просит милостыню”... Я тихо подошла к нему и измененным голосом спросила: “Мальчик, что ты тут делаешь?”... А сын плакал около меня и оправдывался: “Мама, это я для копилки собирал деньги, чтобы она быстрее наполнилась”. Вот к чему привела эта затея с копилкой! Вернувшись домой, я взяла с комода чёрную кошку и бросила ее на пол. Мальчик долго стоял и смотрел на черепки, которые валялись у его ног. “Не жалея эту кошку, – успокаивала я расстроенного сына. – Мы разбили с тобой копилку, которая превратила тебя в попрошайку...” С тех пор я никогда не заводила копилку. И каждый раз, когда я вижу копилки в других домах, они мне напоминают маленького мальчика в меховой шубке с протянутой рукой» (Володяева, 1960, 52).

Об ученике шестого класса, живущем в нач. 1950-х гг. в рабочем посёлке: «И еще к одной вещи был Сергей равнодушен, потому что была она чисто городской – к большому гипсовому льву-копилке, занимавшему половину подоконника. Мать купила льва на базаре, когда они ездили в Энск... И вот на том шумном городском базаре... купила мать копилку – тяжелого гипсового льва... С головы до хвоста зверь был покрашен в коричневый цвет. Широко раскрытая пасть была ярко-красной... Но больше всего удивили Сергея глаза. Голубые... А кореец-торговец был доволен своими львами, ставшими в ряд возле его ног на цветном лоскуте. Он улыбался беспрепятственно... всем, кто останавливался возле него... И мать, хотя Сергей и не просил об этом, вдруг купила ему голубоглазого льва, который вот теперь самодовольно уселся на подоконнике. Всякий раз, в получку, мать давала Сергею двадцать копеек, и он бросал их в ненасытную пасть. Иногда мать сама бросала туда сложенные рублёвки, но это случалось редко. Однако лев успел потяжелеть и от серебра. И трести его было уже не просто. А приходилось. Особенно когда хотелось в кино, а мать денег не давала. Тогда он вставлял в пасть льва ножик и осторожно по лезвию вытряхивал монеты. Научил этому дружил его приятель Сашка Козлов, с которым они дружили хорошо и долго и который прошлым летом навсегда уехал из их поселка со своими родителями в Донбасс...» (Муссалитин, 1985)

О сестрине 1950-х гг.: «Катя задумалась на минутку. “Вот глупая!” – вдруг сказала она сама себе и схватила с этажерки глиняную свинью-копилку, в которой копились деньги на “волшебный фонарь”. Она долго трясла свинью над столом, пока не натрясла пригоршню меди и серебра» (Гернет, Ягдфельд, [1957] 1959, 21).

О конце 1950-х гг.: «...Глиняная птица... / Будто круглые очки, / У неё глазищи, / И глотает пятак – и

нету!... / Я разбил эту сову...» (Барто, [1961], 1969–2, 102)

О нач. 1960-х гг.: «...Можно вытряхнуть из своей копилки все монеты, купить две ириски “Ледокол” и выменять фантики на бумажку от “Мишки на Севере”» (Цюрюпа, 1964, 14).

КОРАБЛИК – «Самодельная детская игрушка из бумаги, щепок и т.п., напоминающая по виду корабль» (Словарь, 1956–5, 1410).

О начале 1930-х гг.: «Матросская шапка, веревка в руке, веду я кораблик по быстрой реке...» (Барто, [1936], 1969–1, 20).

О псковской деревне в 1942–1943 гг.: «Снова наступила весна. Из щепок и сосновой коры вырезаем кораблики, пристраиваем палочки-мачты и надеваем на них бумажные паруса. Елозим вдоль ручья с прутиками, подгоняя и направляя свой флот, устраиваем грязе-снежно-ледовые запруды и лепим из этих же материалов узкие, но глубокие фарватеры. Короче, забот – полон рот» (Миронов, 1999, 87).

О Москве середины 1940-х гг.: «Бульжные мостовые, аккуратно профилированные так, чтобы ручьи текли по обочинам. И каким наслаждением было пускать кораблики в весенние потоки, мчавшиеся весной вдоль этих обочин!» (Сафонов, 2001).

О деревенских мальчиках 1949–1951 гг.: «Но если не соскочил с валенка чубарик и веревка на нем не лопнула, ты счастливчик! Домой придешь с сухими валенками и выпросишься у взрослых на улицу. А там, в низовьях оврагов... синее ямы-бочаги с талой водой, и в них можно пускать парусные лодочки, выструганные из пористой сосновой коры... И мы, мальчишки, будем каждый день прибегать на реку, а деревенные чубарики позволят нам подойти к самому уезу воды, чтобы... пустили мы в плаванье свои – легкие, выструганные из чешуйчатой сосновой коры, качливые парусные кораблики» (Морозов, 1986, 23).

О Свердловске во вт. пол. 1960-х гг.: «На всю осень, зиму и весну улицы между зоопарком, оперным театром и парком Энгельса становятся нашими, мы по ним путешествуем... То идём в зоопарк... То... пускаем кораблики в прозрачной воде фонтана...» (Смирнова, 2005) «Мой кораблик уплывёт / И причалит где-то... / Скоро снег с земли сойдёт / И наступит лето!» (Новицкая, 1966, 15). О 1960-х гг.: «...Через двор побежал ручей... Никита сделал из щепки кораблик. Судёнышко вместе с ручьём проскользнуло под забором, косо промчалось поперёк тротуара и нырнуло в глубокую сточную яму» (Цюрюпа, 1970, 3).

О пос. Каргаполье в 1993–1994 гг.: «Когда мне было лет 9–10, мы с сестрой каждую весну играли в кораблики. Мы брали тетрадные или альбомные листы, сворачивали их особым образом (сейчас я уже и не вспомню, как это делается), и получались кораблики. Этим корабликам мы давали имена. чтобы кораблики дольше не промокали, мы иногда пропитывали их жиром или подсолнечным маслом (это нам подсказали одноклассники). Затем эти кораблики мы спускали на воду, в ручейки. Мы ходили по улицам поселка Каргаполье и искали широкие, глубокие, с быстрым течением ручьи. Нам было интересно наблюдать сам процесс движения корабля по воде. Если кораблик падал на бок от сильного дуновения ветра или застревал на “мелководье”, мы помогали ему снова поймать течение. Иногда у нас было просто спортивный интерес: чей корабль дольше продержится на воде и не утонет, а также дальше уплывет, тот был лучшим “кораблестроителем”» (013).

О пос. Осеево (пригород Шадринска) в нач. 1990-х гг.: «Когда наступила весна, мы каждый раз запускали кораблики. Если ручьи были большие и глубокие, корабли делали почти как настоящие: с палубами, матросами, даже колокольчики прикрепляли. А по маленьким ручейкам запускали лодочки из коры или какое-то подобие корабля. Причём, девочки всегда делали свой корабль, а мальчики свой. И в определенный день мы все собирались и запускали эти корабли. Иногда получалась целая флотилия. Дети с других улиц

запускали свои кораблики. Могла начаться гроза – мы начинали топить корабли или пускать по тем ручьям, где были водопады. Могла начаться война, и мы топили корабли неприятеля – забрасывали камешками, мальчишки стреляли в них из рогаток. Всегда был и победитель – тот корабль, который проплыл дальше остальных по ручью. Этот корабль мы оставляли до сильного дождя (с ручьями) или до следующей весны. Было очень весело» (516).

КОРЗИНА – плетёное изделие из прутьев.

В плетеные корзины-колыбели в начале XX века укладывали новорожденных.

Воспоминания князя Сергея Голицына о 1914 году: «Няенька нам объявила, что ночью у нас родилась маленькая сестричка. Тогда в состоятельных семьях полагалось рожать не в родильных домах, а в своей квартире. Узнав столь интересную новость, мы захотели немедленно идти смотреть новорожденную... Моя мама лежала на кровати с распущенными волосами... А рядом, в плетеной корзине, утопая в белом и розовом, покоилось маленькое, сморщенное, красное личико.. И я мог часами проводить у ее корзины-колыбели и смотреть, как она шевелит губками, помаргивает глазками.» (Голицын, 1993, 26).

«КОРЗИНОЧКА» – игра с пением и выбором пары.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Игр с пением было немного, одна из них начиналась с того, что кто-нибудь (водящий, определенный по “считалке”) садился на корточки в центре круга из участников игры, которые пели: “Сиди, сиди, Яша...” Дальнейшие слова, да и самый смысл игры я забыл: кажется, водящий Яша должен был выбирать себе невесту из круга или ловить кого-то. Сходной игрой была “корзиночка”, которая запомнилась благодаря нудно-сентиментальному тексту и мотиву. Дети – непременно нечетное число – становились в круг, один выходил из круга и выбирал себе пару. При этом круг пел: “В этой корзиночке много цветов, / Я принесла их из разных садов, / Розы, фиалки, лилии там есть, / Всяких цветочков в корзиночке не счесть... Маятник качается, двенадцать часов бьет, / Петя просыпается и к Лидочке идет. / Лидочка, Лидочка, как вы хороши, / Любит вас Петенька ото всей души”. Имена, разумеется, соответствовали водящему и его избраннице. Круг сохранялся, но постепенно переформировывался: рядом, взявшись за руки, стояли парочки. Последнюю участницу, никем не избранную, выгоняли на всеобщее позорище в центр круга и издевательски пели: “Наша корзиночка стала пуста, / Лысая крыса осталась одна”. Жестокая игра! “Лысая крыса” начинала горько и безутешно рыдать. В эту игру, по идее общую, играли чаще всего одни девочки, мальчишки презирали её как бабски сентиментальную. Девочки же часто затевали “корзиночку” для сведения личных счетов, заранее договариваясь, кого оставить “лысой крысой”. Любопытно другое: 50 лет спустя мне попались в руки тексты песен из популярнейшей в пушкинское время оперы Геснера “Леста, или Днепровская русалка”. Эту оперу Пушкин цитирует в “Евгении Онегине” (“Приди в чертог ко мне златой!..”), не без её влияния написана пушкинская “Русалка”. Уже к середине [XIX] века “Леста” была прочно забыта. Но один из её хоров, как я прочитал, начинается словами: “В этой корзиночке много цветов, / Я принесла их из разных садов”. Вот какой долгожительницей оказалась “Леста”, вернее пара её бездарных стихов. Впрочем, уже давно игра “корзиночка” вышла из обихода» (Федосюк, 2004, 17–19).

Запись перв. пол. 1930-х гг.: «В этой корзине. Девочки берут за руки, образуют кружок, начинают петь и медленно двигаются по кругу, постепенно ускоряя движение. “В этой корзинке есть много цветов, / Я нарвала их из разных садов: / Роза, фиалка, лилия там есть, / Можно для Любочки веночек сплести./ Любочка-Любочка, как вы хороши, / Любит вас Манечка ото всей души. / Маятник шатается, двенадцать часов бьет, / Люба одевается и к Манечке идет. / Куда вы так торопитесь, мой ангел дорогой, / Все ноженьки промочите, вернётесь

домой”. Игра повторяется: поется та же песня с изменением имен девочки или мальчика» (Лойтгер, 1991, 228).

Вероятно, об этой же игре речь в описании Петербурга 1914 года: «...Екатерингофский сад... На площадке курорта девчонки водили хоровод, противно пища тонкими голосами: “В летнем садочке есть много цветов, / Я собираю их разных сортов. / Розы, фиалки и лилии там есть, / Можно для Леночки веночек сплести”. Роман сидел на скамейке, болтал ногами, подпевал» (Белых, [1930] 1965: 19, 20).

«КОРИЧНЕВАЯ ПУГОВКА» – песня (автор музыки и слов неизвестны), исполнялась (иногда с элементами инсценировки) в пионерских лагерях в 1960-е – 1980-е гг. [...]

События в цитируемой далее книге происходят в первой половине 1980-х гг. Если в это время директору Дома пионеров хотя бы 30 лет, то дата его рождения приходится на первую половину 1950-х гг, следовательно, его «сознательное» детство – на первую половину 1960-х гг.

[О мальчике в первой половине 1960-х гг.:] «А [директору Дома пионеров] Сергею Борисовичу вспомнилась песня, которую он пел в детстве. “Коричневая пуговка лежала на дороге. / Никто не замечал её в коричневой пыли...” Очень она тогда ему нравилась, там было про то, как оцин мальчик проявил бдительность и помог задержать шпиона... “Как там дальше?” – стал припоминать директор. “Но мимо по дороге прошли босые ноги. / Босые, загорелые, протопали, прошли!” “Смотри-ка... Ведь помню! – удивился он. – А ведь, в сущности, совершенно дурацкая песня, и чего я её пел?...” И он тихонько запел дальше: “Ребята шли купаться весёлою гурьбою, / Последним шёл Алёшка и больше всех пылил. / Нечаянно ль, нарочно ль – и сам не зная точно, / На пуговку Алёшка ногою наступил”. Сергей Борисович оглянулся: не видит ли кто, как он вышагивает по коридору, отчаянно размахивая руками в такт песне... Слава богу, никого! “Он поднял эту пуговку и взял её с собою, / Но вдруг увидел буквы нерусские на ней... / К начальнику заставы ребята всей гурьбою / Бегут, бегут дорожку – скорей, скорей, скорей!” “Просто ерунда какая-то!” – нахмурился директор, но остановиться уже не мог и допел до конца: про то, как встревожился начальник заставы и велел сесть коней, как враг пойман, а шпионская пуговка с тех пор хранилась в Алёшкиной коллекции: “Ёму за эту пуговку всегда большой почёт!...” “Вот какие глупые песни пел я в детстве...” – покачал директор головой...» (Соломко, [1985] 1986, 56–57). [...]

См. также: Буртшейн, 2005.

КОРМИЛИЦА – «Женщина, кормящая грудью чужого ребёнка» (Словарь, 1956–5, 1432).

О 1890-х гг.: «Был тогда обычай в состоятельных и средних семьях: матери сами не кормили, а нанимали кормилиц. У нас денег было мало, но у мамы не было молока, и кормилицу наняли. В старые времена, говорят, кормилицы приходили со своим ребенком, выкармливали своего и чужого; чужой ребенок звался молочным братом или сестрой кормилицыного ребенка. Но времена в городах становились суровее, патриархальное молочное братство кончилось. Квартиры небольшие, ни о каких молочных братьях разговора не было; кормилицу нанимали, ребенка своего она оставляла, и, вероятно, его дома кормили соской из жеваного хлеба. Кормилицы ходили по улицам в специальных костюмах от хозяйки, вроде древнерусского, какими они представлялись журналу “Нива”: кокошник, вышитый фальшивым жемчугом. Если мальчик, то кокошник у кормилицы синий, а если девочка, то красный. Кофта не в талию, тоже красная. Юбка не запомнил какая, а на голову к кокошнику привязано много разноцветных лент. Кормилицу нанимали выкормить, – вероятно, месяцев на восемь, – и очень следили, чтобы не приходил к ней её муж. Муж чтобы был законным, потому что нравы были лицемерны. Законный муж не должен быть во время выкормки мужем: чтобы у кормилицы молоко было небалованное, оба должны были жить монашеской жизнью. Отдай сына, мужа, своё молоко, пройди

медицинский осмотр и ешь восемь месяцев сытно. Платили кормилице больше, чем кухарке» (Шкловский, [1961], 1973–1, 21–22)

О Свердловске второй половины 1940-х гг. (в тексте присутствует отсылка к событиям 1938 года): «Однажды к ним пришла огромная полная женщина, радостно встреченная бабушкой, схватила мальчика в охапку, прижала к груди и заворковала, запричитала, заохала. Он задохнулся, прижатый к огромной, мягкой, горячей груди... сердито вырвался... “Не узнает! – хохотала женщина. – Сосунок родимый!” “Вы кто?” – спросил он, набывшись. Ответ ошеломил его. Оказалось, это его кормилица Маруся. Когда он родился, у мамы не хватало молока, и эта Маруся выкормила его своей грудью. Думать об этом было дико и стыдно» (Дробиз, 2004–1)

КОРМУШКА (для птиц) – дощечка с крошками или зерном для подкармливания птиц.

С 1950-х гг. идея помощи птицам зимой стала активно проводиться взрослыми в детской среде, изготовление кормушек стало распространенным детским занятием.

Из пособия для уроков ручного труда середины 1950-х гг.: «На зиму не все птицы улетают на юг. Оставшихся зимовать надо подкармливать, и они будут прилетать, если мы об этом позаботимся. Нужно регулярно выставлять корм на видное место. Кормушку можно ставить на подоконник, можно вешать на верёвке, вынося из комнаты через форточку, можно устраивать на деревьях. Для устройства самой обычной кормушки требуется: кусок фанеры, дощечки (из которых можно бы было нащепать планочек), мелкие гвозди и соответствующий инструмент... Отрезаем от листа фанеры кусок шириной в ширину карниза, длиной около полуметра. Накальваем из соснового бруска планочки толщиной в 1,5–2 см: три планки длиной в длину фанерной дощечки, две длиной в ширину фанеры, прибавляем их мелкими гвоздиками к фанере или приклеиваем столярным клеем. Затем находим стеклянную или глиняную баночку для воды и отгораживаем место по её размеру кусочком дощечки. Надо приспособить кормушку для помещения за окно. Если будем вешать на гвоздь, то лучше сделать дополнительно рамку из пяти планок. Если будем ставить на подоконник, то на углы фанеры снизу прибьём четыре заострённых пробки, чтобы остриём они упирались в подоконник (карниз), не позволяли скользить и падать на землю. Для предупреждения падения от слишком бурного прилёта пернатых гостей кормушки можно привязать верёвочкой к гвоздю» (Жилкина 1956, 169–170).

В учебнике для первого класса 1961 г. (с. 31) на четырёх цв. картинках изображено, как мальчик изготавливает кормушку (1), подвешивает её на сук дерева (2), как девочка насыпает корм в кормушку (3), как дети наблюдают за птицами, клюющими корм (4). Вопросы под картинкой: «Кто сделал кормушку? Куда он её повесил? Что насыпала в кормушку девочка? Кто прилетел к кормушке? Что делают дети?» (Костин, 1961, 31).

«Когда ребята шли из школы домой, то у них только и разговором было, что о кормушках. “Я живо кормушку сделаю, – сказал Митя Колечкин, – Это мне недолго!”... Не прошло и недели, а у всех октябрят из Таниной звездочки уже висели во дворах птичьих кормушки» (Воронкова, 1961, 51).

Из книги 1975 года: «Мы кормушку смастерили, / Мы столовую открыли. / Воробей, снегирь-сосед, / Будет вам зимой обед... / В пятницу в столовой нашей / Голубь лакомился кашей. / А в субботу на пирог / Налетело семь сорок» (Александрова, 1975, 91).

О конце 1980-х гг. в Шадринске: «Однажды мне отец не знаю откуда привез диковинных семечек – трехгранные, очень жирные, очень вкусные. Была зима. Я сидела у печки и ела эти вкусные семечки. В школе нам рассказывали, что птичек надо кормить. И я, жалея птиц, тут же соорудила кормушку из коробки из-под конфет и насыпала туда этих вкусных семечек. Была [внутренняя] борьба: они вкусные, я тоже их хочу, но птички летают, им холодно и негде взять еду. Победили птички. Я насыпала семечек в кормушку и повесила на яблоньку на улице. Мне стало обидно, жалко, когда,

спустя какое-то время, я увидела парней, жующих эти вкусные семечки» (1001).

«КОРОВКА» – игра.

«В игре, известной в Астраханской губернии под названиями “юла”, “купи бычка”, в Московской и Симбирской губ. – “коровка”, в Тульской губ. – “ласы”, выбранный в ходе конания водящий прыгал на одной ноге в круге, образованном остальными игроками. Второй ногой или палкой он подталкивал небольшую льдинку (или деревянный шар, или “шовяк” – кусок навоза), стараясь попасть в кого-нибудь из игроков; при каждом ударе водящий приговаривал: “Купи коровку” или “Купи бычка”. Игроки внимательно следили за его передвижениями и в случае опасности подпрыгивали, чтобы избежать попадания. Если водящий добивался своей цели, то все игроки набрасывались на неудачника и со словами: “Продай коровку” – били его по спине. Он же пытался добежать до льдинки и послать её в ноги другому игроку. Если сразу это не удавалось, то игру возобновляли, новым водящим был неудачник. Правилами игры разрешалось водящему, который долго не мог найти себе замены, менять ноги для прыганья» (Зимица, 2006–2, 119).

«КОРОЛЕВА» – разновидность игры в «козла» (см.: «Козёл»).

О с. Шатрово в 1987–1990 гг.: «Играли мы и в “козла”, используя мячик. Мячиком ударяя об стену, нужно подпрыгнуть над ним, чтобы не задеть мяч. Если мяч задевает участницу игры, то ей присваивается буква “к” от слова “козёл”, затем буква “о”, пока все буквы не присвоятся. Кто вперед проигрывает, встаёт к стене, так все участники пока не проиграют, остаётся один. (Иногда называется игра “королева”). Он кидает мяч первому игроку, тот, в свою очередь, ударяет мячом назад об стену (он стоит у стены спиной), победитель (“королева”) должна поймать, и это нужно сделать три раза. Если “королева” поймает три раза, то “козёл” (первый участник) становится “слугой” “королевы”. Он помогает ловить мяч. Если же “королева” ошибается, не словит мяч, то другой участник становится “королевой”. Так продолжается до конца, пока не останется одна “королева” со слугами» (529).

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Часто летом играли в “козла” или, по-другому называлась игра, в “королеву”. Суть её заключается в том, чтобы перепрыгнуть через мяч, не задев его ногами. Чаще всего мяч мы кидали в ворота соседские, они были крепче, чем наши. К нашей игре присоединялись и мальчишки. “Козлом” считался тот, кто окарывался три раза (т.е. мяч задевал ногу), он выходил из игры, а остальные продолжали играть. Конечно, мальчишкам прыгать было удобнее, они ведь носили брюки, а не юбки и платья как мы» (607).

«КОРОЛЕВСКАЯ НОЧЬ» – последняя ночь в загородном летнем лагере (пионерлагере).

«КОРОЛЕВСТВО кривых зеркал» – сказочная повесть Виталия Губарева (1912–1981), написанная в 1951 году. В 1963 году по повести был снят фильм (режиссер Александр Роу).

Капризная и ленивая девочка Оля попадает по другую сторону зеркального отражения, в Королевство кривых зеркал. Оля и её отражение, девочка Яло, после опасных испытаний побеждают зло. Взглянув на себя (свое отражение) буквально «со стороны», Оля исправляется в лучшую сторону.

По опросу журнала «Советский экран» фильм «Королевство кривых зеркал» был признан лучшим фильмом для детей 1963 года.

О вт. пол. 1960-х – нач. 1970-х гг.: «...Фильм “Королевство кривых зеркал”, снятый по его [В. Губарева] сценарию, стал популярнейшей детской кинокартиной» (Разумневич, 1975, 6).

О перв. пол. 1990-х гг.: «Самая первая книга, которую я прочтала в детстве – “Королевство кривых зеркал”. Я была просто в восторге от прочтения книги. Наверное, мне понравилось то, что Оля увидела свои ошибки в Яло и в конце книги поняла, что была неправа и исправилась. Прочитав эту книгу, я стала обращать внимание на свои ошибки» (520).

О Шадринске в 1993 г.: «В детстве я смотрела сказку “Королевство кривых зеркал” несколько раз. Впервые – лет в 8. Нравилось, что имена там читались наоборот. После просмотра я начинала играть с мамой или с подружками в игру: нужно было произнести какое-нибудь слово наоборот, а другой человек должен был его угадать» (111).

О г. Завитинске Амурской обл. в 1993–1994 гг.: «Фильм “Королевство кривых зеркал” я посмотрела в 8–9 лет. Мне нравилось сопоставлять себя с персонажами этого фильма (Олей и Яло). Потом с ребятами во дворе мы инсценировали некоторые эпизоды из фильма» (107).

О 1995 годе: «Тогда я училась в 3-м классе и мне было 9 лет. Как-то раз после школы я зашла в библиотеку. Мне захотелось почитать что-нибудь интересное. Я спросила у библиотекаря, и она мне посоветовала книгу “Королевство кривых зеркал”. Я её очень быстро прочитала, так как она действительно оказалась очень интересной» (022).

О г. Снежинске Челябинской обл. в 1995 г.: «С одиннадцати лет я смотрела фильм “Королевство кривых зеркал”. Мне нравились двойняшки Оля и Яло. Я удивлялась, как можно есть варенье ложками. Было жалко мальчика Гурда, когда он такой несчастный сидел на верху башни. Особенно мне нравилась песня в конце фильма, когда злые персонажи превращались в животных. Интересно было “разгадывать” их имена, которые читались наоборот. Мы во дворе потом придумали игру, где надо было разгадывать таким образом слова и предложения» (117).

О середине 1990-х гг.: «Одним из любимых фильмов была сказка “Королевство кривых зеркал”, причём, книгу я прочитала раньше, поэтому в фильме, возможно, не увидела того, что ожидала и книга показалась намного интереснее» (004).

«КОРОЛИ» – детская игра, возможно, аналог игры в «Короля-принца».

О середине 1870-х гг.: «Но мы не задерживаемся наверху – надо еще поиграть в зале в “короли” или в “барышню из Питера”...» (Харузина, [1919] 1999, 164).

О 1900-х гг.: «После двух игр в “короли”, и, в особенности одной игры в “жмурки”, Петров понял, что он любит Лелю бесповоротно и просто не может жить без нее... Однажды, когда они играли в “короли”, Леля замесила старалась сделать “королем”, а Петрова пристроить в “принцы”, даже сплутовала в этих видах, что Петров заметил, но никому не сказал» (Чириков, 1918, 28).

«КОРОЛЬ», игра(ть) в «короля» – детская игра.

О середине 1910-х гг.: «На чёрном крыльце появляется Лора... “Марийка, пойдём играть с девочками!” – кричит Лора и пробегает мимо Марийки на полянку. Там собралось уже много детей: нарядная Ляля..., Володька..., белокурая длинноногая Ванда Шамборская. Они играют в “короля”, и Марийка слышит, как Лора говорит мальчику Маре, который живет во втором этаже: “Здравствуйте, король!” “Здравствуйте, милые дети, – сонно отвечает толстый Мара. – Где вы были, что вы делали?” “Были в саду, а что делали – угадай!” – хором отвечают дети и начинают подпрыгивать вверх, хватая горстями воздух. “Рвали вишни”, – думает Марийка и, зажав в руке вонючий селёдкой нож, следит за игрой. Мара-король морщит лоб и надувает щёки – он никак не может отгадать. Король сообщает медленно, и все дети успевают разбежаться в разные стороны. Марийке тоже хочется поиграть в “короля”» (Бродская, [1938] 1957, 23).

«КОРОЛЬ горы» – игра, то же, что «Царь горы».

О конце 1970-х гг.: «Они охотно рассказывают, как играли в короля горы. ...Володя и Серёжа сказали, что все дети, даже маленькие, эту игру знают... А игра такая: надо забраться на ледяную или снежную горку и всех оттуда сталкивать. Они лезут вверх, а ты стоишь выше всех и сталкиваешь, и они катятся. И если тебе это удаётся и ты стоишь наверху долго, а тебя стянуть и столкнуть никто не может, то ты есть самый главный король горы. Звучит красиво – король горы. А вообще-то эта игра мне не очень нравится. Ну что это за игра – сам

стоишь, устроился на верхушке, а других столкнул вниз. “Володя, а ты часто бываешь королём горы?”... “Редко. Я не очень люблю толкаться, мне всех почему-то жалко”. “А ты, Серёжа?” Маленький Серёжа мнётся, но отвечает честно: “Я потолкаться люблю. Но королём бываю редко – разве всех толкнёшь?”... На улице кричат ребята. Наверное, опять играют в царя горы. “Жухаешь! Жухаешь! – надывается громкий голос. – А пусть не жухает! Ногами толкаться нельзя!”» (Матвеева, [1982] 1986; 29–30, 133).

«КОРОЛЬ жевачек» – персонаж детских *вызываний*.

О первой половине 1990-х гг.: «Уже в школьные годы (1–5 классы) на переменах помимо подвижных игр нас занимала и несколько другая забава. Это время можно назвать настоящим бумом жевательных резинок... Другой способ нашего времяпровождения касается уже скорее магической практики – вызывание “короля жевачек”. Ложась спать, нужно было положить под подушку несколько фантиков от жевательных резинок, сказав при этом “Король жевачек, приходи!” Считалось, что утром найдешь вместо бумажек жевательные резинки. Конечно же, никто их не находил. Но мы из-за этого не переставали верить в него, а объясняли это тем, что он чего-то испугался и только поэтому не пришел» (559).

«КОРОЛЬ Лев» – анимационный фильм, выпущенный студией У. Диснея в 1994 году.

О 1996 г.: «В детстве на меня большое впечатление произвёл мультфильм “Король Лев”... Родители не могли меня оттащить от телевизора, но самое главное, меня не могли успокоить, когда в мультике был момент, когда умирает папа-лев, я так редела» (175). [...]

«КОРОЛЬ-ПРИНЦ» – детская игра, возможно, аналог игры в «Короли».

О 1905 годе в Одессе: «Когда же оказалось, что, кроме русско-японских картин, у Моти есть еще превосходные кремешки, орехи для игры в “короля-принца”, бумажки от конфет и даже картонки, Петина любовь дошла до наивысшего предела» (Катаев, 1961, 135).

КОРОТКИЕ штаны – см.: *Штаны короткие*.

КОРОЧЕ, дело к ночи – выражение, употреблённое в речи в 1990-е гг.

О середине 1990-х гг.: «Выражение “Короче, дело к ночи!” употреблялось, когда надо было закончить или прервать какое-либо дело, разговор и идти спать! “Короче, дело к ночи! Кончай базар, дружок! Пошли домой и байньки!” – реплика, которую я услышала в с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.» [...]

О 2002 г.: «Выражение “Короче, дело к ночи!” я услышала, когда мне было 15 лет. Это выражение мы говорили в случае, если кто-то долго, например, не мог дать нам ответ на вопрос или долго делал какое-либо задание. У нас это означало: давай быстрее!!!» (139).

КОРСАЖ – «часть женского платья, покрывающая верхнюю часть туловища» (ВСТ, 1894, 809); «часть женского платья, охватывающая грудь, спину и бока» (Словарь, 1956–5, 1476).

О 1907–1912 гг. (автор цитируемого текста родился в 1902 году): «Мне вспоминается, как в дни моего детства, при посещении утреннего спектакля в праздничные дни, “классные дамы” закладывали институткам за корсаж, между лопатками, линейки, чтобы девочки привыкали сидеть в ложе, гордо выпрямившись и лишь слегка склоняя головки в ответ на приветствия знакомых юношей. А как плавно приседали они, не сгибая корпуса, чуть не до полу при встрече с директрисой!.. Невольно подумаешь, что и у дореволюц. школы были свои неплохие традиции!» (Дорохов, 1966, 83).

КОРСЕТ – «часть женского костюма, стягивающая грудь в талии; состоит из ткани, в которую вшиты китовый ус и стальная пластинка; ныне заменён более гигиеническим, в виде широкого пояса, но и тот мало-помалу выходит из употребления как весьма вредная выдумка моды» (ВСТ, 1894, 809); «широкий упругий пояс для стягивания талии» (Словарь, 1956–5, 1477; Ожегов, 1972, 273); широкий пояс под платьем со вшитыми – для придания стройности фигуре – упругими пластинками.

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «На другое утро, в воскресенье, девочки встали несколько позже, все были в корсетах и перетянуты в “рюмочку”... Кровати уже были постланы, покрыты пикейными белыми одеялами... [Классная дама] вошла в дортуар, все были готовы, кроме Пышки, тянувшей ещё свой корсет. (Лухманова, [1903] 1997, 359). [...]

О женской гимназии в губернском городе на Урале в середине 1910-х гг.: «Через несколько дней под воскресенье в гимназии устраивался бал “в пользу недостаточных учениц”... Зойка рассказывала Ирине о том, как весело бывает на этих балах. “Ну, уж весело! – сделала недобровольную гримаску Мика. – ...Колобову в прошлом году отчитывала: “Вы неприлично толсты, разве можно бывать на балах с такой талией! Затягивайтесь в корсет, вы уже взрослая”. А Колобова слезами заливается: “Я, говорит, не виновата, Лидия Георгиевна, я и так укус пью, и никак не худею, а корсет не могу носить – меня давит”» (Филиппова, 1938, 52).

«КОРТИК» – повесть А. Рыбакова о пионерах 1920-х годов. Пионеры борются с бандитами и открывают тайну морского кортика.

О 1946–1948 гг. в дет. библиотеке Шадринска: «Очень нравились конференции по обсуждению новых книг, где можно было выступить со своим мнением, послушать своих товарищей. Были обсуждены любимые наши книги: “Повесть о Зое и Шуре” Космодемьянской, “Стожары” Мусатова, “Дети Горчиного Рая” Кальма, “Кортик” А. Рыбакова» (Плотникова, 1999, 116–117).

В 1954 году по повести А. Рыбакова (и его сценарию) был снят фильм «Кортик» (режиссеры М. Швейцер, В. Венгеров).

О нач. 1960-х гг.: «Если спросить у школьника: “Кто твой любимый герой?” – он назовет много имен. В том числе Петю и Гаврика, Ваню Солнцева из книг В. Катаева, Мишу из “Кортика” А. Рыбакова, героев “Кондуита и Швамбрании” Л. Кассила...» (Лифшиц, 1964–2, 124).

О перв. пол. 1960-х гг.: «...[Мы.] дети, продолжали читать Гайдара и всякие “Кортики”, “Бронзовые птицы”, “Старые крепости”...» (Клѣх, 2002).

«КОРШУН», «коршуны», игра(ть) в «коршуна» – детская игра конца XIX – начала XX века.

«Коршун». Играющие выбирают коршуна и наседку, остальные – цыплята. Коршун роет ямку, а наседка с цыплятами ходит вокруг него и нараспев говорит слова: “Вокруг коршуна хожу, / По три денежки ношу, / По копейке, / По совелочке”. Коршун продолжает рыть землю, он ходит вокруг ямки, встаёт, машет крыльями, приседает. Наседка с цыплятами останавливается, спрашивает коршуна: “Коршун, коршун, что ты делаешь?” “Ямку рою”. “На что тебе ямка?” “Копеечку ишу”. “На что тебе копейка?” “Иголочку куплю”. “Зачем тебе иголочка?” “Мешочек сшить”. “Зачем мешочек?” “Камешки класть”. “Зачем тебе камешки?” “В твоих деток кидать”. “За что?” “Ко мне в огород лезать!” “Ты бы делал забор выше. / Коли не умеешь, так лови их”. Коршун старается поймать цыплят, наседка защищает их, гонит коршуна: “Ши, ши, злодей!” Пойманный цыплёнок выходит из игры, а коршун продолжает ловить следующего. Цыплятам следует крепко держать друг друга за пояс. Тот, кто не удержался в цепи, должен постараться быстро встать на свое место. Курица, защищая цыплят от коршуна, не имеет права отталкивать его руками. Игра заканчивается, когда поймано несколько цыплят» (Латышина, 1998, 147–148).

О 1870-х гг.: «Коршуны. Вот как играют в коршуны. Сначала канаютя. И чья рука будет наверху, тот будет коршун, а чья рука внизу всех, тот будет маткой. Остальные все будут цыплятами. Матка становится впереди всех, а позади ее все цыплята, и все они держатся сзади за платье. Коршун садится на пол и пальцем будто бы копает землю. Матка подходит к нему и говорит: Коршун, коршун, что ты делаешь? Коршун говорит: Ямочку рою. Матка говорит: Зачем ямочку роешь? Коршун говорит: Иголочку ишу. Зачем иголочку? Мешочек сшивать. Зачем мешочек? Песочек

насыпать. Зачем песочек? Твоим детям глаза засыпать. И коршун вскакивает и старается поймать одного из цыплят. Матка расставляет руки и старается не пустить коршуна. Когда коршун поймает одного из цыплят, тот, которого он поймал, выходит из игры. И коршун ловит остальных, пока всех переловит. Тогда канаютя сначала, и игра идет сначала» (Толстой, [1875] 1987, 354).

О конце XIX века: «Коршун. Играющих прежде всего выбирают из среды своей двух товарищей посылнее. Одного из них назначают коршуном, другого маткой, остальных играющих называют цыплятами или детками матки. Коршуна сажают где-нибудь на земле, в которой он палочкой роет ямку. К нему подходит матка, за которую крепко держатся детки, становясь один за другим гуськом и крепко держась за платье друг друга. После этой церемонии, а в некоторых местах и прямо без неё, матка, останавливаясь перед коршуном, ведет с ним разговор. После таких разговоров коршун, размахивая и изображая собою летящего коршуна, бросается на детей матки и сначала на заднего, стараясь поймать и оторвать его от вереницы остальных. Мать всеми мерами защищает и отбивает своего цыпленка, последний в свою очередь также всеми средствами старается уклониться и увернуться от ловких и сильных рук хищника. При таких условиях коршуну не всегда удается сразу поймать заднего цыпленка, потому он иногда пускается на разного рода хитрости. Пойманный тотчас же отводится в сторону, как добыча коршуна, который после того таким же образом охотится за остальными детьми матки, пока не переловит всех их. Когда переловит всех, игра кончается» (Покровский, 1895, 162–163).

О Москве в 1908–1910 гг.: «Несмотря на хромоту, Сенька бегал очень быстро. Когда случилось играть в “Коршуна”, его всегда заставляли быть “наседкой”. Ребятишки, уцепившись друг за друга, прятались за широкой Сенькиной спиной от “коршуна”. “Коршуном” чаще всего был Сенькин братишка Коська, худенький, белобрысый, цепкий, как релей, и очень азартный. Коська настоящим коршуном носился вокруг, стараясь ухватить кого-нибудь из вереницы. Но Сенька-“наседка” умел защитить своих “цыплят” от самого быстрого “коршуна”... Снова играли ясными вечерами в “Коршуна” и в “Сеньку Попова”, который приходил за красками...» (Воронкова, 1959–а; 31–32, 273).

КОРЬ – детская инфекционная болезнь, сопровождающаяся красной пятнистой сыпью, лихорадкой, высокой температурой, сильным кашлем, головной болью.

О 1890-х гг.: «...и, наконец, корь. Одажды утром обе сестры пришли с прогулки, как-то странно озябнув, хотя на улице стояла настоящая милая московская весна. Они признались няне, что их тошнит... ..смерила им температуру. Оказался жар. ...Выяснила при помощи знакомого доктора, что у девочек корь. Обе кроватки перетаскили на самую середину детской, чтоб лежать было светлей и удобней, и стали поить наших больных вкусным-превкусным питьём – горячим молоком с мёдом. В ту пору на корь доктора смотрели как на “вкусную” болезнь: был распространён обычай пичкать детей во время этой болезни сладостями, рассчитывая, что корь “скорей выйдет наружу”. Так и теперь...» (Шагинян, 1959, 85–86).

О 1910-х гг.: «Болезни все время вились возле нас, гимназистов. Я помню, как я и какой-то из моих одноклассников сидим высоко на железной ступеньке лестницы... и перечисляем, кто из товарищей болен корью. Темно в этом закутке почти еще по-ночному и страшновато: может быть, она сидит рядом с нами, корь, в платке и со скулами, выглядывающими из овала платка, как два камня. Я не могу восстановить в памяти, когда именно я болел корью – в гимназические годы или раньше. Тогда берегли во время этой болезни глаза заболевшего, закрывали днем ставни» (Олеша, [1931] 1999, 62–63).

КОСА – заплетённые волосы. См.: Косы.

КОСАЛКА – драка один на один «под присмотром» сверстников.

О пятиклассниках в мужской школе в 1947 г.: «“Сволочь”, – крикнул я ему, сдерживаемый пацанами. “Тихо, тихо! – деловито суетился Рыжий Пес. – Косалка, пацаны, косалка! После уроков покосаетесь, а сейчас успокойся! – Это он... обращался ко мне, меня утешал и мне улыбался, проклятый провокатор. – Ты согласен?” – спрашивал он меня, и даже без всякого предупреждения было ясно, что это мой последний шанс. “А ты?” – спрашивал он Рыбкина, и тот рьяно кивал головой, сверкал глазами, изображал из себя отчаянного человека и умелого драчуна. “Смотрите, пацаны! – предупредил, подходя к Рыжему, Корягин. – Если кто откажется, отметелим!”... Я был загнан в угол и не мог отказаться, а [Рыбкину] косалкой угрожали. Правда, по-хорошему угрожали. Мол, давай, ничего страшного, ты победишь, мы тебя поддерживаем, потому что ты из нашего класса, ты наш, а этого новичка надо отвалтузить. Причина была под рукой. Но я... тогда... не знал..., что Рыбкин... струхнул, раз вызвал меня на косалку со страха... ...Драка. “До первой краски”. Это выражение Рыжего Пса!.. Кончились уроки. Мы с Рыбкиным... двинулись вниз в сопровождении всего класса. Внизу, там, где раздевалка, никого не было... – в общем, там тихий тупик... ...Рыжий с Корягой поставили человека трех на атак, караулить, значит, и дать сигнал, если появится какой-нибудь учитель. Мы с Рыбкиным бросили портфели к противоположным стенкам коридора, он снял китель. Я остался как был... Между нами встал Рыжий и объявил правила: “Значит так, пацаны! Косаетесь до первой краски, в поддых не бить и ногами не пинаться”. ...Ноги у меня были ватными – наверное, от страха, от новизны положения, в котором никогда ещё не был: тридцать стриженных голов вокруг нас, тридцать пар глаз жаждут побоища... Герка приблизился ко мне и стукнул меня в грудь... Мы... не следовали правилам умелой драки, а постояв, просто кинулись навстречу друг другу, схватились и стали бороться. “Э-э! – разнял нас Рыжий Пес. – Так не годится! Это не борьба, а косалка, понятно? Драться надо! Деритесь!”... Я уже получил к тому мгновению семь или восемь хороших тумаков... Я понял, что ещё немного, и он шарахнет в мой нос... И я проиграю. Хлынет кровь – первая краска... Мы кинулись навстречу друг другу одновременно, я с силой выставил свой кулак, а Рыбкин прямо носом нарвался на него, его же удар снова пришепел мне в ухо. Я тряс головой и пошатывался, по сути проиграв, но у Герки из носа шла кровь, а значит, победа причиталась мне. Послышались разочарованные возгласы, но Рыжий Пес оказался человеком слова... “Всё, пацаны, всё! – кричал он. – Как договаривались, до первой краски! Победил новичок!” “Да, победил!” – ворчал кто-то. “Еле на копытах устоял!” “Его бы, нежного!” “Косалка есть косалка, – отвечал Щепкин назидательно. – Можно и одним ударом краску достать!”... Я расстегнул китель, подтянул брюки, взял портфель и вот так, в расстегнутой форме вышел на улицу. Пусть плохо, но я победил» (Лиханов, 1995, 22–26).

КОСАТЬСЯ – см. *Косалка*.

«КОСМАТКИ» – диалектное название полевого растения.

О детях в Саратовской губ. в конце 1910-х – перв. пол. 1920-х гг.: «Как только сойдет полая вода, Санька и Ленька со своими товарищами бегут в лес..., где... взошёл раст, луковичы которого... сладки и сочны... Вслед за растом тут же пойдут слёзки... За слёзками наступает очередь косматок – примерно за две недели до сенокоса. Растут косматки на поле, на залежах, но большей частью, конечно, на лугах... Наверно, это какая-нибудь разновидность молочая, потому что, как только откусишь очищенный от густого оперения (отсюда – косматки) стебелёк, из него... брызнет густая белая струя, но не горькая, как у молочая, а вкусно-сладкая, напоминающая сливки. Белым это косматкино молоко остается недолго, всего лишь одну минуту, потом тускнеет, застывает, делается сначала желтым, затем шоколадным и, наконец, темно-коричневым. В этот-то цвет на весь косматкин сезон – а он довольно

продолжительный – окрашиваются и детские лица, и их холщовые рубахи да платья. За косматками ребят ведет уже Егорка: ему лучше всех известны хорошие места. Считалось, что самые вкусные и сочные растут на Больших лугах, и туда-то чаще всего и отправлялись харламовская детвора и ее товарищи. Было много косматок и на кладбище. Но рвать косматки на кладбище никто не решался: грешно, поди, да и страшновато...» (Алексеев, 1973; 22, 24–26).

Ср.: *Борчовка; Раст; «Слёзки»*.

КОСМЕТИЧКА – «Женская сумочка для косметических принадлежностей и др. мелких вещей» (Лопатин, 1997, 248).

О 1980-х гг.: «Историю у нас вел молодой мужчина, первый год работавший в школе. На его уроках мы что хотели, то и делали... Девчонки без стеснения выкладывали на стол косметичку и красились. Мы его не считали за учителя, так как он был старше нас на 5–6 лет» (494).

КОСМОГРАФИЯ – «Учебный предмет, излагающий основы учения о земном шаре и вселенной» (Словарь, 1956–5, 1502).

«“Положением” 1886 г. в кадетских корпусах устанавливались след. учеб. предметы: закон божий, рус. язык с церковнославянским и церковная словесность, фр. язык с нем. язык, математика, нач. свед. по ест. истории, физики, географии, география, история, чистописание, рисование... В 1889 г. были приняты нов. программы, сократившие кол-во учеб. материала... Сокращение объёма сведений произошло в основном за счет ест. истории, физики и космографии» (Очерки, 1991, 112–114).

О гимназии в конце 1890-х – нач. 1900-х гг.: «В другой раз на уроке космографии ученики вдруг подхватили кресло с Лавром Михайловичем и начали носить его вокруг стола. “Что вы делаете, что делаете?” “А это Земля вращается вокруг Солнца, как вы рассказывали”. “А, Земля... Так не так, не так! В другую сторону!” И его потащили вокруг стола в другую сторону. Это все из рассказов старших товарищей» (Конашевич, 1968, 140–141).

КОСМОНАВТ – человек, совершающий полет в космос. Игра в космонавтов была популярна у детей в 1960-е, возможно, в начале 1970-х гг.

О вт. пол. 1960-х гг.: «Маленькие читатели с увлечением играют в... разведчиков, космонавтов, мушкетеров..., находясь под впечатлением от прочитанной книги, просмотренного фильма или спектакля» (Никольский, 1971, 62).

О середине 1960-х гг. (из Постановления Бюро ЦК ВЛКСМ и др. орг-ций от 14 сентября 1967 г.): «С большим увлечением пионеры и школьники играют в “чапаевцев”, “челюскинцев”, “буденовцев”, “космонавтов”, “строителей”...» (НО, 1974, 309).

КОСОВОРОТКА – «Мужская рубашка с косым воротом, боковой застёжкой на груди» (Словарь, 1956–5, 1509).

О мальчиках 10–12 лет в 1925 г.: «...Я и Борис... были в косоворотках, в чёрных штанах, заправленных на кубанский манер в тёплые носки, и в чукьяках» (Шманкевич, 1962, 28).

О середине 1930-х гг. в Москве: «Разревелся я уже дома от злости: купите мне, как у всех, косоворотку, и ходить я теперь буду только босиком. И всё дальнейшее замоскворецкое детство прошло в сатиновых трусах и простенькой рубашонке...» (Стриженов, 1999, 12)

О деревенском 9–10-летнем мальчике в 1947 г.: «Мать к школе сшила Павлику новую косоворотку, а отец – сапоги по-сандальному, с рантами, простроченными драгвой» (Сысоев, 19981, 67).

КОСТЁР – «1. Горящая или подготовленная для горения куча хвороста, дров и т. п.» (Словарь, 1956–5, 1516).

Разводить костёр, сидеть у костра – вид детско-подросткового времяпрепровождения.

О 1940-х – 1970-х гг.: «Дети любят разводить костры... Даже в городе, только сойдет снег, собираются они шумными табунками где-нибудь на пустырях, и

глухих задворках, и первым делом разжигают костер» (Дедов, 1991, 138).

О девочке 7–15 лет в селе Ольховка Шадринского района в 1992–2000 гг.: «Наступал вечер – время с 5 до 12.30 часов ночи, когда я жгла костер с другими ребятами. Ещё днем я и другие решали, что “после коров”, то есть после того как пригонят коров с пастбища пастухи и коровы придут домой; после поливки (если стоял жаркий день, необходимо поливать выращиваемые в огороде и в саду овощи и ягоды непременно после захода солнца – чтобы влага пропитала землю в течение ночи и всё подросло) ребята начинают собираться на берегу. Решаем, кто что принесет из дома для того, чтобы не просто посидеть у костра, а ещё печёнки испечь. Печёнки – запекающаяся в углях картошка в кожуре. Я несу зелёный лук с огорода, соль (если нарос – редис, огурцы – всё распределяем), остальные – кто хлеб, кто картофель. Распределение происходит следующим образом: один за другим говорит, кто что может принести, например: “Я могу принести хлеб, соль, а картофель – нет, у нас его мало (кончился – кто хлеб, и пр.)” Другой: “Я принесу картошку, у нас её много”. Все расходятся по домам, приносят кто что смог, после идём за дровами для разжигания костра. Я с подружкой направляемся в заулоч (проход между нашим и соседним домом – выход на поскотину, за огорода, где пасут коров), надеемся найти там щепки, стащить пару полешек у дяди Паши – нашего соседа. Если удаётся – бежим к месту разжигания костра и хвастаем: “Мы стащили большое полено, смотрите”... Другие тоже приносят свои “находки”. Моего брата отправляем домой за спичками, но ему их не дают, так как считают его ещё маленьким (он жёг с нами костры с 1995 по 2000 г., ему было 8–13 лет), поэтому иду я. Принесла спички. Сложенные в кучу дрова поджигаются, где положена береста или бумага, солома, сухая крапива – всё легко воспламеняющиеся, что было найдено нами на мусорках. Костёр горит, я и другие учиняем прыжки через него: попеременно, одни один за другим прыгаем, но недолго. После сидим возле костра на досках, брёвнах, корточках и рассказываем страшные истории, случаи и пр. (иногда придумываем сами). Следим за костром, подбрасываем дрова, когда прогорает – закидываем в угли печёнки и зарываем. Ждём минут 15–20, достаём одну – смотрим, если готова, то достаём все, нет – кладем обратно. Готовность определяем так: берём печенку, протыкаем проволокой или палкой посередине; если она проходит свободно сквозь неё, то значит картошка испеклась. После того как печенки достаты, мы садимся ужинать. (В этот вечер мало кто из нас ужинал дома). Попадается полусырая печёнка – выкидываю её в реку, другие следуют моему примеру. Не всегда костер жёгся для того, чтобы испечь печёнки. Практиковалась традиция простых посиделок – с капанием горячего целлофана, пластмассы. Находили полиэтиленовые пакеты, пластмассы, поджигали их с одной стороны, с другой держали, горячая часть начинала капать. Если горит целлофан – капает чёрные капли, если цветная пластмасса, то своим цветом, в зависимости от цвета самой вещи. Получалось очень интересно, если капашешь на одну поверхность – выкладываешь узор. Мальчишки устаивали военные игры: бомбили мнимых немцев, капали, кричали: “Фашистов мочи”, “Бомби немцев” и др. Следующий раз, когда жгли на этом же месте костёр – рассматривали следы прошлых “бомбёжек” и “узоров”, вспоминали, смеялись. Практика разжигания вечерних костров к нам пришла от моего старшего брата, который жёг его со своими друзьями. Сначала, когда мне было 7–10 лет, я сидела с ними возле костра, после, в возрасте 10–15 лет, мы разжигали свои. Именно в 7–10 лет (1992–1995 гг.) разжигание костра сводилось к тому, чтобы устроить взрывы. Находили старые баллоны из-под дихлофоса, шифер – всё закладывалось в горящий костер, а я и другие бежали на безопасное расстояние. Ждём взрыва. Происходит взрыв, и мы веселые идём к костру» (009).

Печь на костре картошку, яйца, хлеб, сосиски.

О 1880 г.: «Надя... увидела деревенских ребятшек у костра. “Давай спустимся к ним!” – попросила она мать. И обе... сбежали вниз. Ребятишки сидели вокруг угасающего костра, каждый с прутиком в руке, которым они что-то осторожно перекачивали в жаркой золе. “Здравствуйте, дети! Картошку печёте?” – обратилась к ним Елизавета Васильевна... Мальчик... объяснил: “Мы не картошку. Её давно всю слопали. Птичьи яйца печём. Угощайтесь, барышня”, – выкатил он несколько крохотных яичек, взял их в руки и, перекачивая с ладони на ладонь, протянул Наде» (Воскресенская, 1973, 98).

О с. Ожогово Шатровского р-на в 1990 г.: «Когда я была в I классе, мы ходили в поход всем классом вместе с первой учительницей. Взяли картошку, различные походные вещи и решили: разведем костер и будем печь печенки. А ещё я вспоминаю, как перед первым классом мы с мальчиками выходили к озеру, в Кислый сад (так у нас зовут место, где растут яблочки-дички, черемуха, березы, тополя...) и пекли печёнки. Так было вкусно и весело! Ну а в школьной жизни костров, печёнок из картошки, походов – было немало» (154).

О с. Ушаковском Катайского р-на в 1993–1994 гг.: «Печёнки – запечённая в костре картошка. Как они пекутся, я узнала где-то в 6–7 лет. Мы с родителями и их друзьями ездили отдыхать на речку, где разжигали костер: сначала мы жарили шашлык, иногда варили уху; а когда от костра оставались одни горячие угли, в них мы забрасывали картошку. На природе она казалась необычайно вкусной» (139).

О девочке 8–10 лет в г. Далматово в 1995–1997 гг.: «Накануне вся наша улица копала картошку. Вечером мой брат с друзьями собрались в огороде, где была посажена раньше картошка. Они сделали лавки из досок и кирпичей и разожгли костер. Я подбежала позже, когда картошка уже была в костре. Они сидели у костра, разговаривали и пугали, что меня заберет НЛЮ. Позже печёнки были готовы. Мы ели их с солью. На свежем воздухе они казались очень вкусными» (136).

О девочке 11–12 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1996–1997 гг.: «Я очень любила собираться с друзьями в лесу вечером и печь печенки (картошку) на костре. Собирались мы с обеда. Я, моя сестра (тоже 11–12 лет) набирали дома картошку помельче, складывали в пакет, потом ещё соль в спичечный коробок насыпали и лук зелёный, (перья) брали – всё это в сумку складывали. Этот набор продовольствия оставался ждать вечера. А мы с сестрой брали тачку, шли в лес и собирали дрова, ветки, то, что можно сжечь, чтобы угли были. У нас был лес рядом, березовый. В лесу у нас было место, где был выложен из кирпичей костёр и в две рядом стоящие березы была вколочена доска – это была лавка. Вот к этому месту мы с сестрой дрова свозили. Сестра тачку возила, а я в неё дрова складывала. Когда темнело, я брала сумку с продовольствием, и мы с сестрой шли в лес. Я зажигала костёр, потихоньку собирались все друзья. Пока горел костер, мы разговаривали, была гитара. Один мальчик хорошо играл на ней, и мы пели песни под гитару. Я очень любила их петь. Когда угли появлялись в костре, они чуть отодвигались, чтобы костер продолжал гореть, а в углях можно было жарить печенки. Я складывала несколько картофелин к углям и присыпала их этими углями. С этого момента все с нетерпением ждали, когда печенки будут готовы. После последней съеденной печёнки мальчики костер тушили и расходились все домой» (137).

О девочке 11–15 лет в Шадринске в 1997–2001 гг.: «В лагере на “костре” мы с ребятами из отряда (мои одноклассники) брали картофель, зарывали его под угли (в землю перед разведением костра). Он пёкся и в конце “костра” доставали его и ели. Картошка была горячая и очень-очень вкусная. В основном, этим занимались вожатые-мужчины или мальчишки из отряда. Когда картошка остывала, на палочках жарили хлеб и ели слегка поджаренный хлеб (чуток обугленный даже) и горячую картошку, от которой все руки были черные. Обжигаясь, картошку перекидывали из руки в руку и потихоньку чистили. Иногда старший брат (1980 г. р.) брал меня с собой купаться на котлован или озеро (в

Красную Ниву или Красную Звезду), тогда он и его друзья разжигали костёр, и мы жарили сосиски, надевая их на веточки. После купания горячие сосиски казались безумно вкусными!» (132).

О девочке 10–13 лет в с. Карачельском Шумихинского р-на в конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Когда мы в детстве ходили в поход в лес, мы жарили на углях печёнки (картошку), она обугливалась, и когда мы её ели, у нас были грязные руки, лицо, вокруг губ. Также мы жарили на палочках хлеб, яблоки, в общем, всё, что было, в лучшем случае – сосиски. Когда мы ездили в лес, мы родителям не говорили, ездили на велосипедах. Брали с собой все, что было дома; а если дома были родители, чтобы они не догадались, я в огороде собирала все, что можно: огурцы, помидоры, редиску, зелёный лук... а дома по-тихому насыпала соли в спичечный коробок и брала несколько кусочков хлеба» (142).

Бросать в костёр боеприпасы – вид детско-подросткового озорства.

О Москве середины 1940-х гг.: «После боев в Подмоскovie осталось много боеприпасов, разбросанных по лесам и оврагам. Мы обращались с ними довольно бесцеремонно: бросали в костёр, ожидая в кустах, когда бабахнет, прятали в тайниках» (Лучков, 2006, 86).

КОСТЁР – «2. У пионеров – торжественный сбор у зажженного костра или у его имитации» (Словарь, 1956–5, 1516).

У пионерского костра проводились воспитательные беседы, встречи с участниками революции, войны, передовиками труда; обсуждались пионерские дела. Пионерские костры «обычно завершаются художественной самодеятельностью пионеров: пением, плясками, декламацией и т. п.» (ПС, 1960–1, 566).

«Первый пионерский отряд был создан 13 февраля 1922 г. дружными усилиями комсомольцев ячейки 16-й типографии Краснопресненского района Москвы... А 7 мая в Сокольниках состоялся массовый пионерский праздник первого костра. Этот день был выбран не случайно. Пионерский праздник был противопоставлен традиционному дню скаутов, который в честь их “покровителя” – “святого Георгия Победоносца” – проводился обычно 6 мая» (Яковлев, 1962, 36–37).

О начале 1930-х гг. в Шадринске: «После окончания учебного года некоторые пионеры нашей школы отдыхали в пионерском лагере... В те годы одной из замечательных традиций пионерской орг-ции были пионерские костры. Костер устраивался при открытии и после закрытия смены, изредка во время смены. Интересно они проводились: к костру готовили художественные номера, выступали чтецы, танцоры, исполняли инсценировки. Помню, как Сережа Соколов рассказывал забавные шутки, юморески. Он был любимцем пионеров. Мы от души смеялись, слушаю его, просили повторить полюбившуюся нам юмореску “Подальше положишь – поближе возьмешь” и готовы были эту юмореску слушать без конца. Пионерка Леля Потапова выступала на костре с русской пляской. В пионерский лагерь и из него мы всегда шли пешком под дробь барабана» (Такунцева, [1989] 2002, 44).

О 1935–1937 гг.: «Пионерский костер, заканчивающий нашу смену, остался навсегда как самое яркое впечатление детства... Был подготовлен большой концерт художественной самодеятельности силами всех отрядов. В лесу..., на фоне моря стояла летняя эстрада... У эстрады на скамейках и прямо на траве расселись ребята... Огромная луна освещала эту картину... Рядом сверкало под луной море. В стороне от эстрады, посреди большой поляны был приготовлен костёр, сложенный из бревен, покрытых дровами и хворостом. После ужина сюда собрался весь лагерь... Празднично одетые в белые костюмы сидели притихшие ребята. Концерт открывал конференс – Почтальон. Он читал смешные письма, в которых с юмором рассказывалось о трудностях работы почтальона... Пока шёл концерт, ребята то притихшие слушали чтецов и певцов, то весело аплодировали танцорам, то дружно смеялись веселым сценкам и шуткам своих товарищей. Но вот концерт окончен и все разместились на поляне вокруг костра. Тёплые слова

приветствия начальника лагеря, песня “Взвейтесь кострами”, и фейерверком вспыхивает костёр! Музыка, смех, крики сливаются в радостный счастливый гул ребячьих голосов. “Костер” объявлен до утра! И вот все танцуют вокруг костра “бешеную польку”. Так весело, что мы с Тамочкой скачем в смешном весёлом танце, хохоча и подпрыгивая, чуть не залезаем в костер. Чьи-то руки оттаскивают нас от груды углей, а мы, смеясь, мчимся дальше по кругу... И вот, уже собравшись у догорающего костра, все вместе дружно поем: “Эх, хорошо в стране советской жить!...” ...Уже светлеет небо, а нас никто не гонит спать. И, побродив ещё немного, мы медленно идём в спальни...» (Кубанева, 1988).

О работе пионерских отрядов во вт. пол. 1940-х – начале 1950-х гг.: «Иногда организуются “пионерские костры” – летом пионеры собираются вокруг костра, ведутся беседы, поются песни, устраиваются пляски; зимой в помещении при помощи электрического освещения создается декорация костра» (Медынский, 1955, 95).

О 1950-х гг.: «Чтоб получше провести / Наш костер прощальный, / Мы теперь часов с шести / Пляшем утром в спальне... / День другой и трое суток / Подготовка длится. / У танцоров почему-то / Побледнели лица... / Нету сил у нас идти / На костёр прощальный. / Нам бы только доползти / Как-нибудь до спальни! / Костёр придётся отложить, / Подольше в лагере пожить!» (Барто, [1959] 1969–1, 344–346).

О Свердловске в середине 1960-х гг. «Лагерная смена заканчивается. Вечером нас одели потеплее и повели в лес. На лесной поляне вожатые разожгли большой костёр. Огонь взметнулся высоко к небу. Ребята стали веселиться, бегать вокруг костра, кричать. Потом все уселись вокруг и стали петь песни» (Смирнова, 2005).

О нач. 1970-х гг.: «Снилась Васе праздничная линейка в школьном коридоре. Ребята раздобыли двухсотваттную электрическую лампу, установили её внутри опрокинутой табуретки, обложили берёзовыми поленьями, на которые кинули несколько галстук. Эта лампа с поленьями должна была изображать пионерский костер. Погасили свет в коридоре, и прозвучал торжественный голос вожатого: “Председатель совета дружины Лена Тихогорова, зажгите пионерский костер!” И тогда заиграл горн, рассыпалась барабанная дробь, и вышла крайняя правопланговая Леночка, и включила лампу, а алый пламя костра озарило её одухотворенное личико» (Карпунин, 1975, 80).

«КОСТЁР» – ежемесячный журнал для детей среднего и старшего возраста, издаваемый в Ленинграде (Санкт-Петербурге) с июля 1936 года.

«Костёр» во второй половине 1930-х гг.

В значит. степени журнал «Костер» принял эстафету у журнала «*Ёж*», состав авторов был во многом прежним: С. Маршак, Н. Олейников, Ю. Герман, М. Ильин, В. Каверин, Е. Чарушин, В. Бианки и др.

Вт. половина 1930-х гг. характеризуется в жизни «Костра» стремлением к разносторонности, энциклопедичности. В беллетристике наряду с известными авторами публикуются новые: Д. Бродская («Дневник Лиды Карасевой»), В. Беляев («Старая крепость»), Ян Ларри («Приключения Карика и Вали») и др. Печатаются в большом количестве сказки народов нашей страны и мира, отрывки из произведений зарубежных писателей: Я. Гашека, Ш. де Костера, Дж. К. Джерома и др. Журнал печатает статьи о творчестве писателей.

Публицистические материалы, как это свойственно всей детской журналистике 1930-х гг., были чрезмерно серьезны и суховаты, велики по объёму, перенасыщены фактами. В «Костре» помимо беллетристики и публицистики печаталось много науч.-попул. и природоведч. материала. В рубрике «Наша Родина» печатались письма ребят о своих городах и селах. Большой популярностью пользовался клуб читателей «У костра», а также разделы «Уголок веселого Архивариуса», «Обо всем понемногу» и др. (Колесова, 1993, 65–66).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Меня водили гулять в Таврический сад, где самое интересное – библиотека-читальня, но там мне немедленно предложили только что

вышедшую “Что я видел” Бориса Житкова, а я читала, не пропуская, все номера “Костра” подряд, с “Тилем Уленшпигелем” и “Двумя капитанами”, к Житкову у меня тут же возникло стойкое отвращение, и библиотекарша качала головой, укоризненно глядя на упрямую дикарку» (Прусакова, 2003).

«Костёр» в 1940-е гг.

К нач. 1940-х гг. «Костер» сформировался как толстый многоплановый пионерский журнал. С первого же военного номера (1941, № 7) определялись темы журнальной беллетристики и публицистики: героическое прошлое нашей страны, борьба на фронте, трудовой подвиг народа, место подростка в общем строю и разоблачение фашизма. Беллетристика “Костра” в это время очень скромна, однако разнообразна по тематике и жанрам: приключенческая повесть (Г. Матвеев «Зеленые цепочки»), юмористический рассказ (Н. Носов «Мишкина каша»), сказки (Е. Шварц «Ленинградская сказка»), стихи. Особенность «Костра» военных лет – цельность, лаконизм, единство замысла, подчиненного выполнению главной задачи. (Колесова, 1993, 66–67).

В 1947 году выпуск журнала был приостановлен.

Костёр во второй половине 1950-х гг.

Выпуск журнала был возобновлен в 1956 году. Вторая половина 1950-х гг. – это период собирания авторского актива, восстановления традиций, поиска пути.

О 1957–1958 гг.: «...Произведения о героизме сверстников нужны детям как воздух... Из произведений о детях пионерского возраста, напечатанных в журналах “Костер” и “Искорка”, немногие отвечают этой потребности. Это главным образом произведения о детях на войне... “Костер” и “Искорка” – дети одного времени и одного города – ...это журналы-ровесники... Собственно, они и по внешности совсем разные. “Костер” не только больше по формату и объему, но и богаче, наряднее, красочнее. Он печатается на более качественной бумаге, имеет больше иллюстраций, да и сами иллюстрации хотя и не свободны от недостатков, гораздо яснее и выразительнее, чем те бледные и часто неряшливые рисунки, которыми снабжается “Искорка”. А значение качественных иллюстраций в детской книге и особенно в детском журнале ясно всякому. Более высокий уровень полиграфической культуры и художественного оформления связан с более высокой издательской культурой в целом. Материалы “Костра” тщательнее отредактированы, здесь реже встречаются стилистическая неряшливость и всякого рода прегрешения против чистоты русского литературного языка, от которых, к сожалению, далеко не свободна “Искорка”. Однако, как ни важна внешняя сторона издания в детском журнале, содержание важнее. И здесь тоже можно уловить существенные индивидуальные различия между “Костром” и “Искоркой”. Мы рассматривали беллетристику обоих журналов, посвященную современным детям... “Костёр” более солиден. Его не оставляют своим вниманием писатели старшего поколения, хорошо известные читателям... Здесь систематически выступает один из старейших детских писателей Ленинграда – В. Бианки и не только с маленькими рассказами о природе, написанными в его обычной манере, но и с новыми выдумками; в печати уже отмечались как удача “Костра” рассказы-загадки В. Бианки, написанные от имени юного охотника и натуралиста Кита Великанова. А с начала 1958 года он выступает также в качестве постоянного издателя газеты “Заячий вестник” – весёлого продолжения традиции “Лесной газеты”. Поэзия близкого знакомства с природой раскрывается в этих материалах с той любовью ко всему живому, с тем счастливым, живым юмором и неистощимой изобретательностью в области формы, которые с ранних лет знакомы уже нескольким поколениям советских ребят по книгам В. Бианки. Печатаются в “Костре” и рассказы других авторов о природе – о птицах, рыбах и животных, населяющих наши леса и поля, реки и океаны... Удачно выбраны в “Костре” и переводные произведения зарубежных прогрессивных писателей современности – такие, как повесть Марчелло Арджилли “Ватага из Сан-Лоренцо” (перевод с

итальянского...; “Костер”, 1956, № 1–5), вызвавшая многочисленные отклики читателей; или главы из книги Арк. Фидлера “Маленький бизон” (перевод с польского; “Костер”, 1958, № 1–2). Систематически появляются здесь и переводные сказки, легенды, басни разных народов, – китайские, индийские, сербские, африканские и т. д. Ясно ощущается стремление журнала расширить круг своих читателей во времени и пространстве, обогатить их память и воображение разнообразными сведениями и представлениями. Это проявляется не только, даже не столько в подборе беллетристики, сколько в обилии и разнообразии материалов научно-познавательного содержания – о природе и разных странах, о возможностях современной науки, об истории и археологии, об искусстве театра и кино и т. д... Редакция привлекла к участию не только умелых популяризаторов, но и серьезных учёных разных отраслей знания, а также деятелей театра и кино. По форме подобные материалы тоже достаточно разнообразны: письма ученых по вопросам, интересующим ребят (например, письмо академика В.А. Обручева пионеру Игорю Михайленко: почему и как он стал геологом; “Костер”, 1957, № 12); литературная запись беседы с учеными или бывальными людьми (беседа с академиком Д.В. Наливкиным “По горным тропам”; “Костер”, 1957, № 7); рассказ живописца И.М. Титовского “СП–6” (“Костер”, 1957, № 7) или написанные крупными специалистами научно-популярные очерки и статьи по отдельным вопросам географии и геофизики, физики и естествознания. Не только пионеры и старшие школьники, но и многие взрослые читатели с живым интересом прочли статьи проф. Е.С. Рубинштейна – “Международ. геофизический год”, проф. П.В. Ушакова – “Обитатели Антарктики”, доктора биол. наук К. Бродского – “В водах южного полушария”. Хотя эти статьи свободны от всякой беллетризации, от каких бы то ни было приемов нарочитой занимательности, но написаны они так ясно, живо и просто, что несомненно нашли своего читателя, достаточно любознательного, чтобы увлечься самим предметом. Также систематически журнал даёт материалы и по гуманитарным областям знания. Наряду со статьями о писателях и художниках прошлого (о Рембрандте, Ив. Франко, Лу Сине, В. Дале) печатались и воспоминания современников о М. Горьком и Б. Житкове и небольшие беллетристические произведения, рисующие эпизоды из жизни Арк. Гайдара (Евг. Коковин – “Лесокат”; 1957, № 5; Ю. Принцев – “Командир полка”; 1958, № 4). Особенное сочувствие вызывают попытки рассказать школьникам о том, как создаются произведения искусства, уже знакомые им. Очерки режиссеров кино и театра или писателей и искусствоведов о том, “Как снимался фильм “Хоттабыч”...”, “В гостях у кукол”, “Твой театр” (о ТЮЗе), – рассказывают об увлекательной трудности художественной работы... В “Искорке”... более или менее регулярно печатаются материалы по истории пионер. орг-ции..., печатаются произведения о детях-героях. В “Костре” такие материалы так редки, что кажутся почти случайными, а начатый с января 1957 года отдел “Наши пионерские дела” был так бледен, что в конце концов заглох и прекратился совсем. Регулярнее и интереснее ведется в “Искорке” и отдел “Творчество юных”, печатающий и стихи, и рассказы школьников; отдел, существующий в “Костре” только номинально, потому что почти за два года произведения детей там появлялись всего три раза. В “Искорке”, наконец, несколько богаче и разнообразнее отдел юмора: здесь постоянно печатаются... стихотворные комич. рассказы в картинках К. Бекташева. Это достижение тоже только относительное... Но все-таки это лучше, чем совсем уже искусственные и даже не смешные “Двенадцать приключений Тани и Леша” (рисунки Б. Семенова, стихи В. Торопыгина), целый год “развлекавшие” читателей “Костра”...» (Тамарченко, 1959; 121, 150–155).

«Костёр» в 1960-е – 1970-е гг.

В 1960-е годы на страницах журнала появились «Будьте готовы, ваше высочество!» Л. Кассиля, «Там, вдали, за рекой» Ю. Коринца, «Шел по городу

волшебник» Ю. Томина и многие другие. Развитие современной психологической прозы, истоки которой нужно искать в литературе 1920-х – 1930-х годов, произошло на страницах «Костра». В отделе беллетристики журнала печатаются произведения зарубежных писателей: Астрид Линдгрэн, Джанни Родари, а также научно-фантастические и приключенческие повести и рассказы.

О 1960-х – 1970-х гг.: «...“Костер” энциклопедичен. «Здесь печатаются материалы, учитывающие самые разнообразные запросы юного читателя, – о современной политике и экономике, об истории пионерского движения и делах сегодняшних пионеров, о достижениях науки и техники, об авиации и флоте, о жизни зверей и птиц, о спорте и многом другом. Обилие рубрик “Страна поэзия”, “Клуб любителей кино”, “Уголёк”, “Морская газета”, “Зелёные страницы”, “Большие путешествия “Костра”” и т.п. – яркое тому подтверждение. Редакция тесно связана со своим читателем, о чем свидетельствует и переписка с ним, ответы на его вопросы, иногда строгий, взыскательный разговор. Но самым большим достижением журнала во второй половине 1960-х годов является его публицистика... “Костер” весьма оперативен в подаче материала, и практически нет тем, мимо которых прошли бы его публицисты. При этом характерно чрезвычайное разнообразие жанров: очерк, репортаж, интервью, беседа, обзор писем, фельетон, заметка, отчет. Огромны достижения журнала в разработке различных видов очерка (проблемный, путевой, портретный и др.). В 1970-е годы значительно обновился авторский и редакционный коллектив “Костра”, что привело к постепенному спаду, отказу от традиций и как следствие – утрата собственного лица. В последние годы “Костер” стал бледной тенью “Пионера»» (Колесова, 1993, 68–69)

В «Костре» публиковались произведения детской художественной прозы и поэзии, материалы о жизни советских пионеров и школьников и детей за рубежом, обзоры переписки советских и зарубежных школьников, очерки по искусству, физкультуре и спорту, юмористические рассказы, цветные иллюстрации. Тираж в 1973 году составлял 600 000 экземпляров.

«Костёр» в 1980-е гг.

О 1980-х гг.: «Именно от души Саша и помог корреспондентке “Костра” познакомиться с “неформалами» (в том числе наркоманами), облюбовавшими два кафе на Невском проспекте. С. Иванова точно и с хорошим чувством меры описала обстановку, хиппующую “систему”, жалкий эпатирующий жаргон, с вниманием и надеждой рассказала о некоторых обитателях сих значных мест (С. Иванова “Между “Эльфом” и “Сайгоном” – “Костёр”, 1988, № 8), опять же с помощью Саши Фатеева, сообщила о том, что есть выход... По свидетельству библиотечарей, раньше особой популярностью пользовался строгий негромкий “Костёр”, а с 1988 года первенство захватил шумный многопроблемный “Пионер»» (Овчарова, 1990, 12).

«Костёр» в 1990-е гг.

В 1990 году журнал печатает рассказы, публикует материалы в рубриках «Барабан» («Журнал юнкоров печатает твои заметки, стихи, рисунки»), «Советы Маши-искусницы», «Конкурс изобретателей и фантастов», «Зелёные страницы», «Весёлый звонок», «Арчбек» (шахматные конкурсы). В №№ 4 и 5 помещены статьи «Пасха» и «Троица». Тираж 1990 года – 1, 24 миллиона экземпляров.

Тираж первой половины 1992 года – 500–600 тысяч экз. Тираж второй половины 1992 года – 26–29 тысяч экз.

«Костёр» в 2000-е гг.

В. Крапивин о журнале «Костёр» в начале 2000-х гг. «[Современные детские журналы] на меня не производят никакого впечатления... Единственным исключением на общем фоне отсутствия представляется журнал “Костер”. Он не приседает перед читателями, не подлаживается под подростковый сленг, под псевдоинтересы, не притворяется: “Ах, ребята, мы такие же, как вы!” Хранит прежние, интеллигентные традиции “голстых” детских

журналов, каким был когда-то и журнал “Пионер»» (ВК, 2002, 8).

«КОСТЁР» – ежемесячный детский журнал, выходивший в Ростове-на-Дону в 1930–1941 гг.

«Костёр» начал выходить как «краеведческий журнал ребят Северного Кавказа». В 1930 г. в ноябрьском номере на его обложке появилась надпись: «журнал-учебник». С июня 1933 г. «Костер» стал адресоваться сельским пионерам и школьникам. Внешне напоминал блокнот, формат был меньше, чем у «Дружных ребят». В журнале коротко передавались наиболее примечательные события, совершившиеся в мире (приход фашистов к власти, костры из книг на площадях Берлина и т. п.). Очерки по вопросам с. х-ва (как выхаживать телят, как кормить кроликов и т. д.) были просто, доступно написаны. Был и краеведч. материал, и беллетристика. К середине 1934 года «Костер» утратил свой краеведч. хар-р, стал всё менее связан с пионерами. В самом конце 1930-х гг. журнал вновь обрёл пионерский хар-р. Появились беллетристич., публицистич., науч.-поп., пионерский отделы. Был открыт в связи с началом Великой Отечественной войны.

Ист.: Колесова, 1993, 62–64.

«КОСТРОМА» – детская игра.

О перв. четверти 1920-х гг.: «В заключение нашего обзора весенних и летних обрядовых песен укажем как на пережиток старины детскую игру “Кострому”. В нашем собрании 20 вариантов этой игры записаны во Владимирской, Костромской, Тульской и других губерниях. Обряд похорон “Костромы”, долго сохраня[лся] среди взрослого крестьянского населения... “Кострома” – соломенная кукла... Обряд исчез среди взрослых и перешел к детям как игра, обрядовое происхождение которой совершенно забыто. Игра сводится к следующему. Кто-нибудь из детей изображает “Кострому”, другой – “няньку” или мать её, дети приходят и спрашивают о здоровье “Костромы”, им отвечают, что она заболела, на следующие вопросы отвечают, что ей всё хуже и хуже и, наконец, что она умерла; после этого “Кострому” хоронят – дети относят её куда-нибудь в сторону и кладут, но “Кострома” вскакивает и ловит участников игры» (Капица, 1928, 78).

КОСЫ, косички (у девочек) – заплетённые волосы.

О нач. 1940-х гг.: «Она была смешлива, весела, / Болтались косы в лентах за плечами...» (Тарховская, [1942] 1963, 77).

О перв. пол. 1940-х гг.: «Платица – на стуле, / Девочки заснули. / Спать легли москвички, / Заплели косички... Скоро станут косами / Тонкие косички, / Скоро станут взрослыми / Девочки-москвички» (Барто, [1946] 1969–1; 61, 64).

О 1947 г.: «Сестры носили по две толстые и длинные косы. Они в этом году перешли в шестой и пятый классы, а брат – в третий. Позади у всех была самая страшная послевоенная зима 1946/47 годов, голодная для людей и скотины, щедрая на поголовный мор» (Сысоев, 1991, 67).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Марине тринадцать лет. У неё светлая коса, такая толстая, что лежит на спине совсем неподвижно, ровно посередине, меж тоненьких лопаток. Марина гордится своей косой...» (Цюрупа, 1964, 17–18).

О Свердловске в середине 1960-х гг.: «Нельке исполнилось семь лет. Она в коричневом платье с белым фартуком, волосы заплетены в косы с белыми бантами, на ногах белые голфы с бомбошками» (Смирнова, 2005).

О 1960-х гг.: «Были и у меня чудесные соседи и чудесный двор. Но жил в этом дворе злой гений по имени Толька. И вот однажды все соседи, как в те времена водилось, «гуляли» на свадьбе его сестры. Всем было весело. А мне особенно. Потому что мама ухитрилась заплести в две тугие косички мои жесткие, непослушные кудряшки и оснастила их роскошными красными бантами. И вот этот самый злой гений Толька подкрался ко мне сзади и здоровым кухонным ножом, которым нарезали сало на пиршественный стол, отхватил одну из принадлежащих мне чудесных, толстеньких

косичек. Убежала я тогда за сараи, спряталась там и горько-горько плакала, сжимая в руке то, чем только что так гордилась. Плакала я, плакала, а потом пришла мне в голову гениальная мысль: уж если волосы растут на голове, то в земле-то моя косичка в два счета вырастет! И стала я копать ямку, чтобы посадить мою косичку...» (Кодзаева, 1989, 27).

Дёргать за косу (девочек) – тянуть, тащить, отрывистыми и резкими движениями за косу; распространённое мальчишеское озорство.

О конце 1890-х гг.: «Лёля сказала: “Это Минькина работа”. Я дёрнул Лёлю за косичку и сказала: “Это меня Лёлька научила”» (Зошенко, [1939] 1968–1, 216).

О соединении женской и мужской гимназий в единую трудовую школу в 1918 году: «“Мальчишки будут за косы дергать, – сказала басом толстая гимназистка, – или целоваться начнут”» (Кассиль, 1935, 159).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Алёша появился в детском саду всего месяц назад. Никто не знал, почему он так любит дёргать чужие косы... А девочки визжали. И не только визжали а иногда и плакали. Зинаида Фёдоровна не раз наказывала Алёшу: не разрешала играть с другими ребятами. Но проходил день-два – и он опять дёргал кого-либо за косу... Даже на прогулке, когда ребята строились парами, никто из девочек не хотел становиться впереди Алёши. Попробуй встань! Он обязательно дёрнет тебя за косу!» (Баруздин, [1951] 1960, 23).

О вт. пол. 1940-х гг.: «На крыльце появилась Лида, посмотрела на Федю далеко запрятанными маленькими глазами, мотнула коротенькими косичками. “Иди есть, мама сказала”. “У, шепталка, даже противно!” “Не твое дело” “Я бы тебе, знаешь, как поддал, если бы не ныла!” “А я маме скажу. Вот и скажу, скажу, скажу. Федя схватил ее за косы”. “Мама! – запищала Лида негромко. – Вот дёрни ещё, так будешь знать!” Но Федя не стал больше дергать» (Грязнова, 1955, 24).

«Сегодня [после 1954 года] в этой школе и мальчики и девочки сидят за одной парты. Но было время [с 1944 по 1954 г.] – здание называлось “Мужская средняя школа” и девочки обходили его стороной: не ровен час, еще выскочит из дверей какой-нибудь сорванец, снежком залепит или за косу дёрнет» (Дик, 1956, 4).

О конце 1950-х гг.: «У Лоры Финогеновой большие синие глаза, а косы словно из золотых колосков сплетены, пушистые, длинные, – таких больше ни у одной девочки в школе нет. Радоваться бы только таким косам, а вот Лоре они причинили немало огорчений. И не потому, что мальчики дергали за них, едва они начинали отрастать – это бы еще можно было перенести, тем более что в шестом классе стали дергать меньше и не так уж больно, – но тут одна за другой стали приходиться записки, в которых мальчики-одноклассники предлагали Лоре дружить до гроба...» (Черноголовина, 1960, 96).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Как и мы со Смаковым, [Ёлкин] получал тройки и четверки... На переменах, как и все, валился в “кучу малу” и дергал девчонок за косы» (Минчиковский, 1966, 51).

О 1970-х гг.: «В одном детском саду жили-были три мальчика... А с третьим... никто из ребят не хотел играть... То игрушку отнимет, то девочку за косичку дёрнет» (Туричин, 1976, 3).

О Шадринске в середине 1980-х гг.: «В школе нас парни очень обижали... Нам не было от них никакого покоя. Они... постоянно дергали нас за косички и обзывались... Была у них привычка заирать нам формы и обсмеивать... Не могу сказать, что обиженными были единицы, это были массовые облавы» (460).

О 1997–2002 гг. в Шадринске: «В школе мальчики дёргали девочек за косичку. Это стало наиболее популярно, начиная с класса 6 и до 11. Дергали обычно во время уроков. Девочки сердились или делали вид, что сердятся, и пытались тоже чем-нибудь ответить (например, дать учебником по голове). В старших классах мальчики дёргали за волосы, чтобы снять резинку с головы. Если это им удавалось, они забирали резинку, а девочки всячески пытались её вернуть, выхватить из рук... Жертвами становились девчонки, которые сидели рядом» (111).

Косу обмакивать в чернила – школьная шалость.

О 1954 году: «Минуты не прошло, и снова над его ухом прошелестело: “Ой, ка-ак пло-охо!”... [Женю] взяло сомнение. “А что у меня неверно? Костина, где у меня ошибка?” Лида будто не слышала. Перед Женей темнел её затылок. Торчали тугие косички с коричневыми бантами. Лида ещё больше повернулась спиной, немного склонила голову набок. Одна косичка свесилась над чернильницей в углублении парты. Искусение было слишком велико. Просто невозможно было пропустить такой удобный случай... Женя осторожно ухватил двумя пальцами кончик косички, и он погрузился в чернильницу. Затем всё произошло очень быстро. Лида внезапно шевельнулась. Мокрый хвостик, роняя фиолетовые капли, мазнул Женю по лицу и превратил его не только в Усатика, но и в Бородатика. Раздался вскрик Лиды, испуганно глядевшей на свою тетрадку, всю в кляксах. И вот Лида стоит и плачет и зажимает в руке кончик косички. Между лиловыми пальцами стекают у Лиды лиловые капли. Елена Сергеевна берёт Женю за руку и сама отводит его в угол: “Останешься после уроков и при мне будешь снова писать это упражнение. Лида, ступай в умывальную и хорошенько отмой косу и руки. Галя Степанова, проводи её, помоги ей умыться”. Галя Степанова выводит плачущую Лиду. В классе напряжённая тишина. Лицо учительницы не просто строгое, а необычно недовольное. На следующем уроке Лида, которую Галя отмыла всю перемену, неподвижно сидела на самом кончике парты... На арифметике Женя придвинулся к Лиде и пробормотал: “Я не нарочно обмакнул... Коса сама влезла в чернильницу... Лида не шелохнулась» (Котовщикова, 1956, 41–42).

О 1950-х гг.: «Варя учится в третьем классе и на уроках пения поёт в первых голосах. Кончик её беспокойной косички вечно перепачкан чернилами. За Вариной спиной сидят в классе подружки, которые в хоре поют во вторых голосах, поэтому они изредка макают Варину косичку к себе в чернильницу. Извольте сами судить, что значит первый голос и второй, какая между ними пропасть (так думает Варя)» (Коршунов, 1959, 77).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Марина гордится своей косой... В классе 6 “Б”, где её избрали старостой, она воспитывает всех так усиленно, что мальчишки уже стали показывать ей язык и обещали окунуть косу в чернильницу...» (Цюрупа, 1964, 17–18).

Привязывать косы к спинке парты, скамейке, стулу.

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Костя встал, с трудом собираясь с мыслями. Он занимался тем, что привязывал косичку Лёли к спинке парты и не успел ещё подать ответ» (Антонов, 1955, 39–40).

О Челябинске 1960-х – 1980-х гг.: «О первом впечатлении от школы пишут и стар и млад. Все уж и забыли о двойках по физике и биологии, о вредных мальчишках, что привязывали косы к стулу ленточками» (Кумейко, 2006–5, 3).

КОСЫНКА (у девочек) – «Женский головной или шейный платок, обычно треугольный» (Словарь, 1956–5, 1530).

О девочке в конце 1830-х гг. «...Катенька сделала это самое движение, и в то же время ветер поднял косыночку с её беленькой шейки» (Толстой, [1852] 1966, 43).

О середине 1930-х гг.: «Шла весною Катя / По лесной тропинке / В новом красном платье, / В шёлковой косынке» (Александрова, 1939, 10).

«**КОТ в сапогах**» – сказка (1697) французского писателя-сказочника Шарля Перро (1628–1703).

О девочке в 1989–1997 гг.: «“Кот в сапогах” – одна из любимых сказок, сколько себя помню, всегда знала её. Перестала читать её в 14 лет, до этого играла с этой книжкой-раскладушкой в сказку с бумажными куклами» (065).

О девочке в с. Ястребинка Пресновского р-на Сев.-Казхстанской обл. в 1994 г.: «Книгу “Кот в сапогах” я прочитала в 3-м классе в 10 лет. Мне нравилось, как кот обманывал короля» (019).

О середине 1990-х гг.: «Самой любимой книжкой у меня была сборник сказок и стихов. Названия я не помню, но там было очень много сказок, и одну я любила больше всего, это “Кот в сапогах”. Эту сказку я заставляла маму читать мне и очень часто, но, в конце концов, я её даже выучила» (175).

КОТ Леопольд – главный персонаж серии мультипликац. фильмов (режиссер – Анатолий Резников, сценарий Аркадия Хайта, художник – Вячеслав Назарук): «Месть кота Леопольда» (1975, все роли озвучивал А. Миронов), «Кот Леопольд и золотая рыбка» (все роли озвучивал Г. Хазанов), «Автомобиль кота Леопольда» (эту и все остальные серии озвучивал А. Калягин), «День рождения кота Леопольда», «Клад кота Леопольда», «Лето кота Леопольда», «Поликлиника кота Леопольда», «Телевизор кота Леопольда», «Прогулка кота Леопольда».

Двое вредных мышей (одна – белая и тощая, другая – серая и толстая) преследуют кота Леопольда; тот всякий раз одерживает верх над противниками и произносит неизменную фразу: «Ребята, давайте жить дружно!»

О г. Асбесте Свердловской области в 1989 г.: «Когда мне было 5 лет, я смотрела мультфильм “Приключения кота Леопольда” по телевизору. Мне было жалко кота Леопольда, так как мыши постоянно издевались над ним» (071)

О 1989–1990 гг. в г. Шумихе: «Когда мне было 5–6 лет, каждое утро, пока мне мама заплетала волосы, я смотрела “Кота Леопольда”. В данном мультике мне нравился толстый мышонок, он был очень смешным, а кота мне было жалко. Мама каждый раз обращала мое внимание на заключительную фразу мультфильма – “Ребята, давайте жить дружно!”» (100).

О в с. Ястребинка Пресновского р-на Сев.-Казахстанской обл. в 1990–1991 гг.: «Мультфильм “Леопольд” я посмотрела впервые в детском саду в возрасте 6–7 лет. Мне было очень жаль кота» (019).

«КОТЁЛ» – игра.

О Сургуте начала 1920-х гг.: «В шапку-бабку играли осенью и зимой. А с наступлением весны, как только где-нибудь на бугорке сходил снег и подсыхала земля, начинали играть в эти же бабки, но по-другому. На горке очерчивали круг до 8 метров в диаметре и в центре его рыли неглубокую круглую ямку в виде котла диаметром в 15–20 см. Эта игра и называлась “в котел”. Каждый играющий должен был положить в котел по одной бабке. Кроме того, для игры нужна была еще одна квадратная железная гайка с длиной стороны примерно в 6 см и толщиной до 1,5 см. Эту гайку игрок бросал от границы круга в котел, стараясь выбить из него хотя бы одну бабку. Если это удавалось, он получал право войти в круг и уже у самого котла бить по оставшимся бабкам. Тот, кто “промазал” или, попав брошенной гайкой в котел, не выбил из него ни одной бабки, уступал место следующему игроку. Каждый старался выбить бабку с кона за черту круга – тогда она становилась его собственностью» (Кузнецов, 1996, 5–6).

«КОТЁНОК Гав» – мультфильм, снятый по сценарию Г. Остера.

Г. Остер о 1970-х гг.: «...У меня такая история произошла... Издатели получили у “Союзмультфильма” права на звуковые дорожки, скомпоновали из них текст, да ещё плохо, и издали. И хотя я давным-давно запретил им это делать, пластинка с рынка не уходит. Пойди теперь найди этих пиратов. Она везде продается, а там и “38 попугаев”, и “Котенок Гав”...» (Остер, 2006; 268, 269).

О Шадринске в начале 1990-х гг.: «Одним из моих любимых мультфильмов был “Котенок Гав”. Мне нравился котенок – главный герой этого мультфильма. У него была такая черненькая мордочка. Мне помнится сцена когда он со своим другом – щенком ели сосиску. Они начали, есть её с двух сторон и когда доели до середины, то поцеловались и разбежались в стороны» (055).

КОФТА – «Короткая верхняя женская одежда, обычно просторная» (Словарь, 1956–5, 1548).

Кофта у девочек.

О девочке 11–13 лет в Ленинграде 1941–1942 гг.: «Гаяля надела тёплую кофту, сверху лыжный костюм и меховую шубку» (Карасёва, 1960, 27).

О 1944–1945 гг.: «Надя была в вязаной кофте, на голове беретик, из-под которого выбивались пряди золотистых волос» (Бакинский, [1955] 1956, 246).

О 1980-х гг.: «Ещё – кофта. Её заставляли надеть под шубу, и, если не было действительно трескучего мороза, раздавался протестующий вопль... Были ещё весенние битвы за право снять кофту из-под шубы, сменить саму шубу на куртку...» (Метелица, 2002, 8).

Кофта у мальчиков.

О третьекласснике в 1944–1945 гг.: «Я... ходил в ботинках с галошами..., в серых широких шароварах, отчего низ у меня делался как бы тяжелее – в увес тонким рукам и впалой груди, прикрытым тонкой вязаной кофтой...» (Лиханов, 1983, 1986–1, 305).

КОФТОЧКА – «Уменьш. ласк. к кофта» (Словарь, 1956–5, 1546); «короткая женская одежда, носимая с юбкой» (Ожегов, 1972, 276).

Кофточка у девочек.

О начале XX века: «Однажды...к Ирине Владимировне Овраговой пришла девочка двенадцати лет Галочка Кегич. Сняв в передней верхнюю серую кофточку и гимназическую шляпу, Галочка подергала ленту в длинной русской косе, проверила, все ли на месте, – и вошла в неосвещенную комнату...» (Аверченко, 1989, 98).

О девочках-пионерках в 1925 г.: «Девчонки встречались редко, и все они были в синих юбках и белых кофточках» (Шшманкевич, 1962, 27–28).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Девочки собирались в гости... К Новому году Анке, как старшей, купили в магазине матросский синий костюм Иришке и Аленке я... кофточки сшить не успела. Пришлось надеть Аленке её голубую вязаную кофточку, а Иришке – Анночкину, точно такую же... “А может быть, это потому, что на Иришке была моя голубенькая кофточка?...” – прошептала Анка» (Смирнов, 1963, 91–92, 97).

О девочке-подростке 15–16 лет в перв. пол. 1940-х гг.: «...Волода оглянулся и чуть не вскрикнул от удивления, увидев девочку, похожую на серую птичку. Хохолок на её голове растрепался, из-под расстёгнутой кофточки розовела рубашка. Девочка неторопливо подошла к Володе и, поднявшись на цыпочки, поцеловала его...» (Печерникова, 1971, 158).

О семикласснице женской школы в 1953–1954 гг.: «[Зина] была в зелёной кофточке с белыми пуховыми помпонами у воротника и в туфлях... Под манжеткой рукава она держала батистовый платочек и, поминутно вынимая его оттуда, комкала в кулачке» (Дик, 1956, 14).

О 15-летней девочке в 1954 г.: «Я остался с Ольгой один и долго...сидел возле, не решаясь дотронуться до неё, а только смотрел на вспухшее, не похожее на Ольку лицо, на раскинутые застывшие руки, на обнажённую из-под разорванной кофточки маленькую белую грудь с коричневыми кружочками наверху, на вытянутые в изодранных шароварах ноги, на израненные ступни с надетыми на пальцы синими напёрстками» (Цикин, 2003, 126–127).

О нач. 1960-х гг.: «...Волнуются все первоклассники. Да и родителям забот немало: хлопочут, покупают белые кофточки и рубашки...» (Волков, 1965, 49).

О нач. 1960-х гг.: «“Ну погоди, – сказала бабка, – придёт отец, он тебе задаст жару! Посмотри, на кого ты похожа?...” – Она дёрнула Лору за кофточку» (Зобнин, [1962] 1963, 34).

О перв. пол. 1960-х гг.: «В класс медленно вплыла Тошка. Она была в ярко-голубой кофточке. Ох, до чего она была красивая, просто страшно, не то, что в форме... девчонки тут же подскочили к ней и стали рассматривать кофточку. Из их толпы только и слышались вздохи и ахи» (Железников, 1966, 127).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Эти ярко-голубые брюки из тонкой шерсти с лавсаном мне купила ко дню рождения мама. А ещё я надела тёмно-синюю тонкую шерстяную кофточку без рукавов прямо на голое тело, как это теперь модно. И когда я все это надела, я посмотрела в зеркало и

снова подумала, как приятно быть девочкой... И я уже жалела, что поехала на эту прогулку, что надела голубые брюки... и синюю кофточку... [О зиме:] Кроме того, на мне были две шерстяные кофточки и ещё столько всякого другого белья, что я... еле влезла в своё... пальто» (Киселев, [1966] 1969; 34, 37, 151).

О середине 1960-х гг.: «Аня была в голубых шортиках с “молниями” на карманах и в белой кофточке без рукавов, загоревшая дочерна...» (Мошковский, [1969] 1987–1; 67).

О девочках-старшеклассницах в перв. пол. 1980-х гг.: «“Расстегнулось”, – насмешливо сказала Киссицкая... Оленька... едва наклонила голову, глянула мельком: кофточка действительно расстегнулась. Тогда Оленька тряхнула головой, золотой дождь рассыпался по плечам, заслонил грудь от посторонних глаз»

Кофточка у мальчиков.

О мальчике 2–4 лет в середине 1890-х гг.: «Носили мы бумажные кофточки, серые, с резинкой, продетой внизу. Под резинку клали носовой платок; карманов в коротких штанишках не было. Надевали суконные штанишки. Слово “кофточка” обидное – не мужское» (Шкловский, [1961], 1973–1, 22).

О мальчике 3–5 лет в начале 1940-х гг.: «Глянул на себя, а голубая праздничная кофточка с оловянными пуговками (я очень ее любил и гордился ею – как же, пуговками она была похожа на гимнастерку) быстро становилась красной. Поняв, что это моя кровь, я огласил окрестности ревом» (Сафонов, 2001).

«КОЦЫ» – игра с монетами на денежный выигрыш.

О первой половине 1960-х гг. в Киеве: «Прежде мы возвращались из школы все вместе: Витя, Сережа, а у нас шесть, то он все равно нас ждал и гонял пока в школьном дворе мяч или играл с пацанами в самую запретную игру “коцы”, когда столбиком на земле складываются полученные от родителей на завтрак монетки и их нужно перевернуть ударом особого битка, обычно екатерининского пятака» (Киселев, [1966] 1969, 65).

КОШЕЛЁК на ниточке – вид детского озорства.

О начале 1910-х гг.: «Кроме трёх копеек, у меня ничего не было... И вот иду по улице и вдруг на панели вижу: что такое? Маленький красный плюшевый кошелёк. И, видать, не пустой, а туго набитый деньгами... Я сделал шаг к кошельку. И протянул за ним руку. Но в этот момент кошелёк (или мне это показалось) немного отодвинулся от моей руки. Я снова протянул руку и уже хотел схватить кошелёк. Но он снова отодвинулся от меня, и довольно далеко. Ничего не соображая, я снова бросился к кошельку. И вдруг в саду, за забором, раздался детский хохот. И кошелёк, привязанный за нитку, стремительно исчез с панели. Я подошёл к забору. Какие-то ребята от хохота буквально катались по земле. Я хотел броситься за ними» (Зощенко, [1939] 1968–1, 233).

О конце 1940-х гг. в Новосибирске: «Ничто не ново под луной!.. И мы, пацаны, подбрасывали взрослым затурканным согражданам кошельки со свежим, только что “приготовленным” дерьмом или рубль на ниточке, присыпанной дорожной пылью. И хохотали самозабвенно, до колик, наблюдая за обалдевшими лицами одурачиваемых нами мужиков и баб. Учиться-то нам было у кого: мы были вокзальными, и этим все сказано» (ИН, 1999).

КОШКА – «Домашнее животное, ловящее мышей» (Словарь 1956–5, 1558).

Кошка как объект детских игровых притязаний.

О 1990 г.: «Когда мне было около четырёх лет, я очень любила играть в куклы. У меня дома был свой кукольный домик. Особенно мне нравилось пеленать куклу и готовить ей всякую вкусную еду. Кушанье было приготовлено из подручных продуктов: песок, глина, трава, опилки, ботва из огорода. Но так как кукла быстро надоедала, то предметом обожания становились домашние животные, особенно кошка. Я одевала её в платья куклы и укладывала в коляску спать» (161).

Мучить кошек.

О 1925–1926 гг.: «Первая [драка] была опять-таки в первом классе. Подрался я с одним... мальчишкой в нашем переулке... Это была гроза нашего переулка. Ему стукнуло уже помнится, лет десять-одиннадцать, и был он, как мне сейчас кажется, вроде беспризорного. Называли его Казарма, и все мы, первоклашки, почтительно обходили его стороной. Боялись, прощя говоря. Он мог и завтрак отнять, и нос разбить, и книжки выкинуть в канаву из портфеля. А тут я увидел его в переулке. И хотел было, как обычно, поскорее перейти на другую сторону. Но только слышу ужасный кошачий вопль. Посмотрел – а этот головорез кошку мучает. Даже не буду рассказывать, что он с ней делал. Ужасно мучил. И откуда у меня смелость взялась – не знаю. Но только я подошёл к нему и без долгих слов – раз ему в нос. Началась драка. А я драться совсем не умел» (Заходер, 1978, 171).

О девочке 12–13 лет в Шадринске в 1998–1999 гг.: «У меня в подъезде жил мальчик Антон. Он очень любил издеваться, мучить мою кошку. Он дергал её за хвост, за уши, тискал её, пытался накормить её луком. Если я видела его с кошкой, я всегда его била. Он сначала возмущался, но потом опять бежал за моей кошкой. В общем, ему нравилось, когда я за ним бегала с криками на весь двор, потом еще и лупила его. У нас во дворе, кроме Антона, ни мальчики, ни девочки никогда не издевались над животными, по крайней мере, я этого не видела» (132).

«КОШКИ и мышКИ» – см.: «*Кошки-мышки*».

«КОШКИ-МЫШКИ» – детская игра. Е.А.

Покровский в книге 1895 года пишет: «*Кошка и мышка*. Эта игра встречается во всей Европе. В России она разыгрывается так: играющие становятся в круг, хватаясь руками один за другого. Кроме того, один из игроков изображает кошку и, в начале игры, становится вне круга, а другой изображает мышку и становится в середине округа. Обязанность кошки ловить мышку; обязанность мышшки ловко увертываться от преследований кошки; обязанность игроков делать всякие облегчения для пропуска мышшки чрез цепь круга при бегстве её от кошки и наоборот делать всевозможные препятствия кошке в ее стремлении поймать мышку. Когда игроки стали все на места, кошка, бегая вокруг круга и подмечая где игроки послабее держат руки, старается здесь прорвать цепь, прорвавшись в круг и потом поймать мышку. Но игроки, заметивши такое намерение кошки, крепко держатся за руки и не пускают её в круг. Тогда кошка старается ворваться в круг силой. Если это удалось ей, то с противоположной стороны круга игроки тотчас же поднимают свои руки для пропуска мышшки наружу круга, а как только по тому же пути устремится кошка, то перед ней тотчас же опускают и крепко держат взаимно друг другу руки, крепко замыкая таким образом цепь. Но вот кошка где-нибудь прорвала и эту цепь, – тогда игроки моментально пропускают мышку в круг, а перед кошкой везде крепко замыкают цепь» (Покровский, [1895] 1994, 193).

Из повести о Москве 1908–1910 гг.: «Потом зазвенел звонок. Надо было выйти в коридор на перемену. Открылись двери всех классов, и в коридоре сразу стало тесно. Тогда Елена Петровна собрала свой первый класс, поставила девочек в круг и стала играть с ними в “кошки-мышки”. Девочки бегали, смеялись, визжали...» (Воронкова, 1959–а, 113).

О начале 1910-х гг.: «На масленице устроили в Народном доме вечер для всех учащихся города... Пошли в комнату для игр. Там “кошка” ловила “мышку”, царило неподдельное веселье. Было шумнее, чем в самом буйном классе в большую перемену. Когда “мышка” бывала поймана, она немилосердно визжала, а “кошка” награждалась взрывом аплодисментов» (Крутиков 1959, 149).

Об Украине в начале 1917 года: «Классная дама была вся розовая, в розовой шляпе, в розовой кофточке и розовых чулках... “Ну, хорошо, дети, беритесь все за руки, – и она хлопнула в ладошки. – Точка, точка, запятая, вышла рожкица святая...” Мальчики насупились. “Ну, что же вы стоите? Будем играть в кошки-мышки. Кто будет кошка? Вот ты будешь кошка!” – обратилась

она к Микитке. Микитка не двигался с места. “Ну, что же ты?” “Не хотим в кошки и мышки”, – басом ответил Микитка. “Как не хотите?” – спросила дама. “В кошки и мышки не хотим”, – упрямо повторил Микитка» (Ямпольский, 1964; 304, 307).

О 1940-х – 1950-х гг.: «Игра. В школе в перемену мы играли в кошки-мышки. Маша была кошкой, а Миша – мышкой. Кошка ловила мышку. Маша ловила Мишу. Маша поймала Мишу. Мышкой стал Лёша, а кошкой – Люба» (Воскресенская, 1949, 78; Воскресенская, 1961, 78).

О середине 1950-х гг.: «Я бы тоже стал вожатым / Октябрь... / Каждый день читал им книжки / И журнал, / А подчас и в кошки-мышки / Поиграл» (Маршак, [1959] 1968–1, 200).

КПСС – см. *Коммунистическая партия Советского Союза*.

«**КРАДЕНОЕ солнце**» – сказка (1927) *К.И. Чуковского*.

КРАЖА (новогодняя) – «Красочное описание сценки с кражей в Кадниковском уезде» принадлежит А.А. Шустикову. “В ночь на Новый год дети в возрасте 10–15 лет имеют обыкновение красть разные экипажи местной деревни, как то: сани, пошовни, соху, борону, телегу и т. п., и всё это утаскивают куда-нибудь под гору около деревни, где складывают их в одну кучу. Кража эта сопровождается сильным криком, хохотом, и поэтому зачастую хозяин слышит это и поступает в данном случае согласно своему нраву: если смиренный, то не выходит на улицу, чтобы разогнать ребятишек, а только скажет: “Ну, пусть потешатся!”; если не смиренный, то горе тогда маленьким ворюшкам! Он выскакивает на улицу и бьёт их. Но несмотря на получаемые побои, обычай этот никогда не прекращался и не прекращается до сих пор. Получивши “потасовку”, ребятишки не покидают своего дела и всю ночь просидят где-нибудь вблизи “сердитого”, а дождутся-таки того, что последний уснёт, и тогда они с удвоенной смелостью и энергией уташат у него всё, что будет можно. То-то будет у них веселье, когда удастся утащить сани у “сердитого”! Эти сани непременно постараются разбить вдребезги, чего с другими не делают. На другой день вся эта куча разбирается хозяевами, и ребятишки уже ничего не трогают более”. Характерной деталью этих шалостей являлось складывание украденных предметов в одну грудку, связывание и спутывание их» (Морозов, Слепцова, 2004, 302–303).

КРАКОВЯК – «Парный бальный танец установленной композиции, созданный в России на основе соединения народного краковяка с вальсом...; темп быстрый или умеренно быстрый» (СИ, 1994, 316).

О 1945–1947 гг. в Шадринске: «Директором школы была Ольга Ивановна Антонова. Она и моя мама... обучали ученик старших классов бальным танцам (па-де-кватр..., краковяк, полька, чардаш... и др.). Сначала мама объясняет танец... Ольге Ивановне, потом та, уже с одной из ученик, показывает по отдельным фигурам остальным, а мама на сцене играет. Потом все – множество пар – танцуют по кругу...» (Иовлева, 1995, 31).

О старшекласниках в 1950–1952 гг.: «Нам не разрешали танцевать фокстротов. Нас заставляли танцевать занудистые падеграсы и падепатинеры, нам разрешали выбрыкивать мазурки. Единственным утешением были краковяк и вальс» (Бодров, 1966, 29).

О начале 1960-х гг.: «Одна старшекласница из Краснодара рассказала мне: “На школьные вечера ребята ходить не любят... У нас директор сначала сам все пластинки прослушает, а потом отберет штук шесть вальсов и краковяков – танцуйте. А в десять – все по домам...”» (Матвеева, 1966, 12).

КРАПИВА – «Травянистое растение с тонкими, обжигающими при прикосновении волосками на стебле и листьях» (Словарь, 1956–5, 1577).

Игры с крапивой.

О 1940-х гг.: «Из ребячьих игр вспоминаю хождение в крапиве и “гигантские шаги”... Но прыганье на... доске было самой распространённой игрой...» (Белов, 2005–1).

См. также: «*Голы руки не казать*».

КРАПИВИН – Владислав Петрович Крапивин (р. 1938), писатель, «классик детской литературы» (Книжное обозрение. 2007, № 5 – С. 21).

В 2001–2002 гг. в свет вышло 30-томное собрание сочинений, написанных В.П. Крапивным в 1957–2000 гг. Фамилия писателя с 1970-х годов является своего рода «брендом»: яркой отличительной чертой художественных произведений В. Крапивина является действенное противостояние детей с романтическими идеалами злу реального мира. Наиболее ярким произведением писателя, принёсшим ему всесоюзную известность и любовь миллионов детей и подростков, стала повесть «*Мальчик со шпагой*», опубликованная в 1976 году в журнале «Пионер» полуторамиллионным тиражом.

«Гайдаровские традиции продолжаются... новым поколением писателей, одним из ярких представителей которых является Владислав Крапивин, руководитель юнкорского и морского отрядов в Свердловске, работающий под флагом “Пионера”. Его повести и романы последних лет – “Всадники со станции Роса”, “Мальчик со шпагой”, “Колыбельная для брата”, “Журавленок и молнии” – вызывают огромный интерес юных читателей. Неудивительно, что нередко ребята пишут на конверте: “Москва. “Пионер”. Серёже Каховскому”, “Москва, “Пионер”, Кириллу Векшину”, считая, что герои Крапивина – реальные мальчишки и девчонки» (СПВ, 1983, 38–39).

Редколлегия журнала «Детская литература» в 1998 году: «С именем Владислава Крапивина связана целая эпоха не только в детской литературе, но и в жизни наших детей. Для нескольких поколений мальчишек и девчонок он был и остаётся Вожатым, Вперёдсмотрящим, Учителем, Командором...

“Оруженосец Кашка”, “Та сторона, где ветер”, “Вальчики друзья и паруса”, “Тень каравеллы”, “Мальчик со шпагой”, “Всадники со станции Роса”, “Трое с площади Карронад”, “Посмотри на эту звезду”, “Мушкетер и фея” – эти и другие книги Крапивина стали знаменитыми, любимыми, их читали взахлёб, перечитывали, думали над ними, переживая за героев и вместе с ними.

В 1980-е годы, когда Московский Дом детской книги проводил исследование, выявляя среди литературных героев героя современных читателей, рядом с гайдаровским Тимуром встал крапивинский Серёжа Каховский, мальчик со шпагой, взволновавший, взбудораживший, не давший обмануться многим» (Детская литература. 1998, № 5–6. – С. 48).

О 1996–2001 гг.: «Книги Крапивина читала в 12–17 лет (деревня Подгорка Курганской области, 1996–2001 гг.). Две книги было у меня дома, ещё две я взяла в библиотеке. До сих пор иногда перечитываю» (072).

КРАПИВНИЦА – «Заболевание, сопровождаемое зудом и появлением на коже волдырей, напоминающих ожоги крапивой» (Словарь, 1956–5, 1577).

О мальчике 4–5 лет в г. Мещовск Западной (ныне Калужской) обл. в 1932–1933 гг.: «Родители были... потрясены моим поступком. Ночь, а кроватка пуста, неизвестно, где я пропадаю. Но мама не стала меня шлепать. “Ты никогда его не наказывал, – сказала она папе. – Вот и результат!” Папа молча снял ремень. Даже не знаю, ударил он меня тем ремнем или нет, так как потерял сознание. Дальше – утро, голоса в соседней комнате: “Это крапивница. Уж очень он впечатлительный”. После этого... я заболел корью. Видимо, мой побег объясняется и тем, что у меня еще вечером поднялась температура, вот и перевозбудился» (Берестов, 1998, 549–550).

«**КРАСАВИЦА и чудовище**» – полнометражный мультипликационный фильм студии Уолта Диснея.

О конце 1980-х гг. в поселке Уренгой: «В детстве я очень любила мультфильмы У. Диснея. Особенно “Красавица и чудовище”. И я всегда любила по несколько раз посмотреть этот мультфильм. И всегда представляла себя на месте этой красавицы Бэль. Мне нравилось, что её добивается самый лучший парень из того городка, а ей он не нравился. Мне нравилось, что

она все время любила читать, и все в городке ее считали странной. Мне тоже очень хотелось быть очень красивой и странной для других. И мне нравилось, что она полюбила чудовище за его доброту, а не за внешность, и после чудовище стало прекрасным принцем. Мне очень нравился этот мультфильм» (550).

О 1994 году: «Когда мне было 7 лет, в гостях у своей подруги я впервые посмотрела мультфильм “Красавица и чудовище”. В конце мы вместе с подругой плакали, когда чудовище умер» (094).

О девочке 7 лет в селе Ильино Шатровского района в 1994 году: «Когда мне было 7 лет, у меня появился мультфильм “Красавица и чудовище”. Я долго упрашивала маму купить мне этот мультик. Она долго его мне не покупала так как его быстро разбирали. Мультфильм очень интересный, особенно концовка. В первый раз просмотра я заревела, потому что мне было жаль чудовище, когда его ранили» (157).

О девочке 7 лет в пос. Белоярском Свердловской обл. в 1995 г.: «Когда мне было 7 лет, я посмотрела свой первый любимый мультфильм. Это был диснеевский мультфильм “Красавица и чудовище”. Помню, в то время этот мультик не показывали по обычному телевидению, и мама подключила нам кабельное. Она заказала этот мультик мне на день рождения. Этот мультик запомнился тем, что в нём злая ведьма заколдовала принца и всех обитателей его замка. Принца превратила в ужасное чудовище, а жителей дома – в различные предметы. Особенно мне нравился подсвечник, которого звали Люмьер. Он был жёлтого цвета, и у него было три свечи» (088).

«**КРАСКИ**» – 1. Детская игра, то же, что «Сенька Попов», «Иваика Попов».

О Москве в 1908–1910 гг.: «“Давайте в краски!” – кричал Сенька..., портновский сын... Тут пошла веселая игра в краски. [...]»

О д. Портнягино Шатровского р-на во вт. пол. 1980-х гг.: «В игре “Краски” мы выбирали продавца красок, покупателя, остальные дети – краски. Продавец придумывал название краскам и шептал им на ухо. Дети-краски садились на лавочку. Покупатель стучался в магазин и говорил слова: “Тук-тук-тук”. Продавец: “Кто там?” Покупатель: “Я – монах в красных штанах, синей рубашке, приехал на хромой собаке”. Продавец: “Зачем приехал?” Покупатель: “За краской”. Продавец: “Какой?” Покупатель: “Белой”. Если есть такая краска, она убегает, а покупатель платит деньги, стучит по руке продавца и говорит: “Шапка, шуба, пальто. Вот тебе сто”. И бежит догонять краску. Если краску не догонит, краска прибежит в магазин, то продавец придумывает другое название краски. А если покупатель догонит, то забирает себе» (530).

«**КРАСКИ**» – 2. Детская игра, аналог игры в «Светофор».

О поселке Уренгой во вт. пол. 1980-х гг. в: «Так как у нас зимой бывало очень холодно на улице и долго там не погуляешь, мы любили играть в игры в подъезде. Площадки в подъездах у нас очень большие... Также в подъезде мы любили играть в краски. Ведущий отворачивается и говорит какой-то цвет, у кого он есть, спокойно проходит, а у кого его нет, должен быстро пробежать, если он не успевает – становится на место ведущего» (550).

КРАСНАЯ доска – доска с фамилиями лучших учеников.

О конце XIX века в институте благородных девиц: «Ещё одна доска, но уже не чёрная, а красная висела на стене, и на ней красовались фамилии воспитанниц, отличавшихся примерным поведением, так называемых парфеток [от слова parfait – превосходный], в отличие от мовешек [mouvais – гадкий], девочек, приводивших в ужас своими шалостями синявок, то есть классных дам» (Чарская, 1906, 48).

«Красная доска, доска почёта и т.п. – доска с именами лучших производственников, ударников, стахановцев» (Словарь, 1954–3, 1021); «Доска почёта. Стенд с именами и фотографиями тех, кто заслужил признание своими

успехами и достижениями... Почётная, красная доска. Устар. То же, что Доска почёта.» (Словарь, 1993–4, 412).

О начале 1930-х гг.: «...Не всё осталось в практике школы. Некоторые формы борьбы за знания, возникшие в начале 1930-х гг., не выдержали испытания временем и были отвергнуты жизнью (“академические бои”, “чёрные и красные доски”, сборы “кандидатов на второй год” и т. п.)» (Очерки, 1980, 325).

Ср.: *Золотая доска; Чёрная доска.*

«**КРАСНАЯ кавалерия**», игра(ть) в «красную кавалерию».

О Ленинграде в 1930-е гг.: «Во что мы играли? Почему-то вспоминаются прежде всего “казаки-разбойники”.... Но были у нас и свои новые игры. В младших классах наряду с “казаками-разбойниками” соседствовали игры в “красную кавалерию”. С криками “ура!” конники-рубаки скакали на деревянных конях, рубились деревянными саблями, трубили в дудки-горны. Были счастливы, у которых сохранились отцовские будёновские шлемы. Настоящие будёновки, не то что сейчас, детские. Сражения наши происходили во дворах, но главным образом в саду у Спасской церкви» (Гранин, 1990–5, 473–474).

КРАСНАЯ плёнка, красное стекло – предметы, которым приписывалась способность создавать изображение обнаженного тела сквозь одежду.

Рассказы о существовании таких предметов, были достаточно широко распространены среди школьников в 1970-е – 1980-е годы. Вариант первый: мальчики сообщают девочкам, что у них (мальчиков) есть стекло или нечто подобное, что позволяет видеть девочек обнаженными: «Двое парней принесли два квадратных стеклышка, такого желто-оранжевого цвета. Они ходили с ними и говорили, что эти стекла все просвечивают, например, они все видят сквозь одежду, видят всех голых. Все сначала поверили: кто закрывался ниже пояса книгой, кто пакетом, а они бежали и смеялись, никто не мог у них отобрать эти стеклышки...» В отдельных случаях источник информации не ясен: возможно, что существенным механизмом возникновения слуха являются сами девочки: «Одно время по классам ходила байка, что у мальчишек есть что-то типа «красного фонаря», который просвечивает одежду. Об этом много говорилось. Девочки в основном старались не ходить по классу, а сидеть на месте...». Вариант второй: распространяется информация о существовании у мальчиков особого фотоаппарата или особой (как правило, красной) пленки для (обычного) фотоаппарата, позволяющей увидеть девочку обнаженными на фотографии: «Классе примерно в 6–7 прошёл слух, что у кого-то из пацанов есть “красная плёнка”, если сфотографировать на неё, то на снимке будешь без одежды. Среди девчонок этот слух вызвал панику: мы прятались на перемене от мальчишек, старались поменьше ходить по классу, сидели за партами». «Мальчишки нам рассказывали, что есть красные пленки, они вставляются в фотоаппарат, и если человека фотографируют, то на этой пленке он проявляется в обнаженном виде...» «... На перемене все выходили в коридор. В кабинете, вернее, оттуда не выпускали двух или трех девочек, фотографировали насильно, а потом говорили, что пленка – специальная, “красная”, и когда они её проявят, на снимке человек останется голым. И потом они это фото будут показывать». «Еще мальчишки нас пугали тем, что существует такой фотоаппарат, который фотографирует сквозь одежду и на снимках люди получают голые. Они говорили, что видели эти фотографии и что они незаметно нас фотографируют, а мы этого не знаем. Мы с девочками очень боялись, что нас так сфотографируют» (Борисов, 2002, 174–175).

О Тюменской обл. в 1983–1984 гг.: «Мальчишки на переменах в 5–6 классе рассказывали о красном стекле. Если через него смотреть на человека в одежде, то будешь видеть его совсем голым. Девочки боялись, что вдруг на нас посмотрели в стекло это. Потом один мальчик принес (“сварочное” стекло) и стал смотреть на нас в коридоре. Девочки прятались друг за друга. Затем бойкая девочка подбежала и выхватила у него это

стеклышко. И стала кричать, что видит всех мальчишек голых, это было так шумно, громко и оживленно, что подошла учительница химии и забрала это стекло. На уроке нам классная руководительница рассказала, что нет такого стекла, пристыдила нас и велела такие темы не обсуждать на переменах, т.к. это очень не прилично для пионеров. Мальчики рассказывали, что есть такие же фотоаппараты, которые фотографируют тебя одетым, а на кадре и на фотографии ты будешь голой. Вот так делают карты игральные с голыми женщинами. Мы с девочками после таких рассказов боялись фотографироваться во весь рост. Поэтому чаще всего фотографировались по пояс или до плеч» (590).

О Шадринске в 1990 г.: «Ещё я помню такой случай, примерно из 10-летнего возраста. Однажды в лагере мы с девочками пошли на дискотеку, там была светомузыка, сверкающая отдельными вспышками. И кто-то из девчонок пустил слух, что это не просто вспышки, а вспышки от фотоаппарата, в котором спец. “красная” плёнка, и когда парни фотографируют им, направляя на кого-то, то на фотографии этот человек получается без одежды. Мы шаркались от этих вспышек, прикрывая руками свои интимные места. Кто-то сказал, что уже видели эти фотографии. Какое-то время после этого мы даже не ходили на дискотеку, напуганные этим известием, но потом это всё забылось» (542).

«КРАСНАЯ Шапочка» – сказка Шарля Перро.

О г. Шадринске в 1989 г.: «Книжку “Красная Шапочка” мне в 5–6 лет читала бабушка, когда я у неё гостила. Мы обсуждали с ней поведение волка, Красной Шапочки, дровосеков» (110).

О девочке 6–8 лет в г. Далматово в нач. 1990-х гг.: «Моей любимой сказкой была “Красная Шапочка” Шарля Перро. Я полюбила это произв., когда ещё не умела читать. Мне рассказала её мама. Я знала всё произв. наизусть. Затем научилась читать в 7 лет и читала её всем. Гл. героиня Красная Шапочка была, конечно, для меня примером для подражания. Мне хотелось быть, как и она, любимой у мамы, бабушки, быть такой же приветливой и привлекательной. Дома я нашла старую красную шапочку, корзинку и ходила из комнаты в комнату, как по лесу. Когда Красная Шапочка встретила волка, я переживала за неё, боялась, что волк съест её и мама с бабушкой умрут от горя. У мамы я спрашивала: разве она не знает, как опасно разговаривать с незнакомыми? Я думала: какой же хитрый волк, какой страшный, какие большие у него зубы. Мне очень было жаль бабушку, которую съел волк. Когда я оставалась в темноте, мне казалось, что волк придет и съест меня и всех моих родных. Я думала: Красная Шапочка же такая умная, как она сразу не догадалась, что это серый волк оделся в бабушку и лежит в постели, у него же такие большие уши, большие глаза, большие зубы. А когда лесорубы прибежали и разрезали волку живот, мне жалко было волка: ведь ему было больно, и он умер. И думала: как это бабушка сидела у него в животе и вышла оттуда целая и невредимая? Это же невозможно. По моему мнению, сказка “Красная Шапочка” на меня повлияла тем, что я люблю гулять по лесу; до сих пор любимый цвет – красный» (563).

Об опросе 265 детей 12–15 лет в Ярославле в 1997 г.: «Любимыми авторами книг по данному опросу оказались: В. Каверин..., Э. По..., Ж. Верн..., В. Крапивин..., К. Льюис..., А. Конан Дойль, М. Рид. В этом же популярном ряду сказки “Красная Шапочка” Ш. Перро, “Чиполлино” Д. Родари, “Волшебник страны Оз” Л. Баума. Большинство из этих книг традиционно любимы детской аудиторией...» (Олейников, 1998, 56).

«КРАСНАЯ Шапочка» – шоколадная конфета.

О старшеклассниках в 1949–1951 гг.: «...В общем, Женюра... угощал нас шоколадом... Или конфетами, да не какой-нибудь карамелькой, а “Красной Шапочкой” или “Мишками»» (Лиханов, 1995, 179).

КРАСНОЕ стекло – см.: *Красная плёнка*.

КРАСНУХА – острое инфекционное заболевание, сопровождающееся сыпью, кратковременной (2–4 дня) лихорадкой и небольшим насморком. Чаще всего болеют дети в возрасте от 2 до 8 лет.

О 1944 годе: «...Я никак не мог уснуть. Не то мне было холодно, не то жарко, Вдруг я услышал, как Боб во сне жалобно стонет. “Боб, проснись! Проснись!” – будил я его. Но Боб не просыпался. Он стонал и метался по койке. А у меня отчаянно заболела голова и начали зудеть грудь и руки... Красные пятна на наших лицах, а у меня даже на руках и шее, привели Людмилу Ивановну прямо в ужас... У нас у обоих был сильный жар. Бедная Людмила Ивановна бросилась за лагерной докторшей. На даче поднялась суматоха. Доктор тотчас же отвела меня и Боба в изолятор при медпункте, уложила в кровати... рано утром нас на машине отправили в город, в больницу... Как вы думаете, что у нас оказалось? ...Самая обыкновенная краснуха!... И вот мы с Бобом оказались в больнице. Нас могли бы в тот же день отправить домой, но наши матери решили, что лучше нам провести три недели под надзором в больнице, чем сидеть взаперти у себя по квартирам в полном одиночестве. Тем, кто болеет этой несчастной краснухой, полагается трёхнедельный карантин» (Воронина, 1945, 7–8).

«КРАСНЫЕ дьяволята» – повесть Павла Андреевича Бляхина (1887–1961), пользовавшаяся большим успехом в 1920-е годы. В 1923 году по повести был снят одноименный немой фильм (режиссёр И.Н. Перестиани), а позже – фильм «*Неуловимые мстители*».

«[В повести 1916 года “Дикарь” Л. Чарской ребята] ...вывозят из занятого немцами города русское семейство. ...[Боевые члены] “Зоркой дружины”... работают под немецких офицеров. А ещё страницей позже... в костюмах немецких военных, выпытывают у простодушных собеседников... секретные военные сведения... А юные читатели “Задуманного слова”, где печатается очередная “военная” повесть Лидии Чарской, дрожат от возбуждения. ...Это она умеет – заставить глотать страницы, ежеминутно окунаясь с головой в водоворот увлекательнейших приключений... Повесть “Красные дьяволята”, была задумана её автором, большевиком П. Бляхиным, как прямой вызов литературе Чарских – Агафиных. В предисловии к первой части (1923) Бляхин прямо предупреждал читателей, что они не найдут здесь “красивых небезлиц и сказок, фантастических приключений и подвигов”, а только “живую жизнь и голую правду”... Писатель старался не перевзрослить своих подростков. Брат и сестра упоенно играют в индейцев; друг друга называют не иначе, как “Следопыт” и “Овод”...; понимание существа борьбы за свободу ультраромантично... В полном согласии с романтическим мировосприятием и... планы юнцов (например, поймать “Голубую лисицу” – Махно)... [Однако] в первой части книги восторжествовала та самая “сказка”, против которой ополчился автор. “Красные дьяволята” оказались героями событий поистине необычайных и играли в них роль, явно непосильную для реального ребенка (достаточно сказать, что автор позволил осуществиться самой фантастической из их “задумок”: поймать – да ещё в мешок, как куропатку! – самого батьку Махно)... Авангардистские ошибки были в значительной мере преодолены писателем во второй части книги (1926)... Приключения ребят в этой части не менее захватывающи, чем в первой, но читатель уже не воспринимает юных героев как главных вершителей судеб революции... Колоссальный успех повести Бляхина в детской аудитории стимулировал появление целой серии приключенческих повестей на военную тему (Л. Остроумов, “Макар-следопыт”, 1925; С. Ауслендер, “Дни боевые”, 1926; М. Михайлов, “Апчхи”, 1926, и многие другие). К сожалению, все эти книги утверждали в качестве нормы как раз то, что в первой части “Красных дьяволят” появилось вопреки замыслу» (Лупанова, 1969, 42–46).

«Повесть Н. Бляхина являлась, с одной стороны, попыткой заменить бульварную, переводную приключенческую литературу, оживавшую в годы нэпа, и одновременно вывести на страницы детской книги нового юного героя, воодушевленного идеалом современной революционной борьбы» (Л.И. Тимофеев,

Введение // История русской советской литературы. Т. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1958 – С. 80; цит. по: Скороспелова, 1971).

О середине 1920-х г.: «Были нек. остросюжетные сочинения рев.-авантюрного жанра, кот. привлекали детей... Из них на первом месте по популярности стоял “Макар Следопыт”, на втором – “Красные дьяволята” П. Бляхина» (Балашов, 2003, 41).

«В годы гражданской войны в тылу молодой Красной Армии... бесчинствовали кулацкие шайки, возглавляемые разными батьками и атаманами. В такой обстановке действуют юные герои повести Павла Бляхина “Красные дьяволята”. Герои именуют себя Оводом и Следопытом. Сидя у костра, они “курят “трубку мира””, вызывающую слезы на их глазах, и начинают “совет вождей”. Следопыт произносит речь, из которой ясно, что “одинадцать лун назад Черный Шакал вырыл томагавк войны, а проклятая Голубая Лисица разоряет наши родные вигвамы и села... Не пора ли и нам взяться за томагавки?”. Другой член “совета вождей” говорит, что в ответ на злодейства Голубой Лисицы они должны “разыскать её хоть на дне моря, заковать в железные цепи и отправить, на суд Великого Вождя краснокожих”. В дальнейшем раскрывается, что беседа вводит малолетние брат и сестра, в чьём сознании “современные события и герои гражданской войны так причудливо переплетались с книжными образами, что они уже и сами не знали, где кончается чудесная сказка и вымысел, а где начинается подлинная суровая жизнь”. Черным Шакалом ребята именуют Врангеля, Голубой Лисицей – Махно... Но и в самой повести тоже причудливо переплетаются возможное и желаемое. Мстя за погибших от рук махновцев отца и брата, охотясь за Голубой Лисицей, дети совершают неслыханные подвиги. Успешно похищают они материалы махновского штаба, пишут атаману издательские записки и спасаются в тот момент, когда на их спасение никакой надежды не остаётся. Мало того, ребята ловят самого Махно, посадив его в мучной мешок, и в таком виде привозят партизанскому командованию, предварительно учинив атаману экзекуцию розгами! Иными словами, подростки в повести Бляхина совершают то, что, пожалуй, не под силу даже взрослому герою, человеку негнбимого мужества, сильному, ловкому, хитрому, предусмотрительному. Совершают то, о чём мечтают подростки их возраста. В суровой обстановке дети решают всё – взрослые, в сущности, остаются на втором плане. Такой творческий метод, вернее, творческий орех критики впоследствии назвали авангардизмом... Заметим, что наибольшую популярность повесть Бляхина стяжала благодаря её экранизации. Фильм... впервые показал детям увлекательность родной советской героики, вытеснив из их сознания сомнительные подвиги заграничных персонажей тогдашних приключенческих фильмов. В школах и отрядах страстно и взволнованно играли в “красных дьяволят»» (Бегак, 1985, 79–80).

О 1927 году: «Сима работает слесарем на заводе... Она руководитель отрядной живгазеты... “Итак, товарищи живгазетчики... Скоро великий праздник: десять лет Октября. Давайте обсудим, какую нам подготовить к празднику программу”... Началось обсуждение... Постановили: подготовить коллективный монтаж, несколько пирамид и поставить пьесу “Красные дьяволята”... Живгазета в синих блузах строем прошла через зал... Поразил всех шумовой оркестр... И всё-таки самое интересное было впереди. Гвоздь программы – пьеса “Красные дьяволята”... должна была пойти во втором отделении... Декорация изображала степь, ночное звездное небо. Четыре красных “дьяволенка” крались по степи. С захватывающим вниманием следили за всем происходящим на сцене зрители. В конце действия раздалась громкие аплодисменты» (Шкаровская, 1963; 58, 59, 77, 78).

«...В 1928 г. успехом у детей пользовались антихудожественные повести П. Бляхина “Красные дьяволята” и Л. Остроумова “Макар Следопыт”...» (Дубровина, 1952, 46).

О Северном Кавказе в 1920-х гг.: «...Каждый ждал, когда отец начнет читать вслух. Как мы любили эти вечера, когда... мама... подкручивала фитиль в лампе, отец... раскрывал книгу... ...Отец... прочёл нам “Красных дьяволят”. Они нас захватили целиком, мы только о них и говорили. Они были такие смелые, как от них доставалось белякам! Нам с Венькой ужасно хотелось походить на них. Как жаль, что мы так поздно родились!.. [Генька прошел] вчера мимо Сони..., а потом обернулся и буркнул: “У меня случайно два билета на “Красных дьяволят”, пойдешь?” ...Конечно, Соня тут же согласилась, хотя и видела эту картину. Я бы на её месте тоже согласилась, потому что лучше “Красных дьяволят” на свете картины не было!» (Соколовский, 1979; 26, 27, 72).

С.Я. Маршак в нач. 1930-х гг. писал: «А у нас выходило... либо неверовское “горе горькое”, либо романтически бесшабашная удаль очень популярных в свое время бляхинских “Красных дьяволят”, которые взяли в плен аж самого батьку Махно!» (Маршак, 1971–6).

Играть в «красных дьяволят».

«...Книжка “Красные дьяволята” Павла Бляхина... рассказывала о приключениях трёх подростково-добровольцев Красной Армии на фронтах гражданской войны. Невелик был её тираж. Узок круг читателей. Для детей старой интеллигенции она была классово чужда. Пролетарская детвора была ещё неграмотна. И не случайно книгу затмил выход на экран кинокартины “Красные дьяволята”. Наивный приключенческий фильм так захватил детвору, что вскоре для уличных мальчишек игра в “красных дьяволят” стала любимой» (Богданов, 1958, 59).

«Маленькие читатели с увлечением играют в... мушкетеров, альпинистов, “красных дьяволят”, находясь под впечатлением от прочитанной книги, просмотренного фильма или спектакля» (Николюк, 1971, 62).

«**КРАСНЫЕ и БЕЛЫЕ**, «**белые и красные**» – детская игра, разновидность игры «в войну».

О вт. пол. 1920-х гг.: «Тут и заманчивость подвига, и призыв к военной игре. Это ведь постоянный мотив извечных детских игр – от старинных прятков и “казакорзбойников” до вошедших в обиход с гражданской войны игр в “красных и белых»» (Ивич, 1967, 55).

О мальчиках в 1938–1941 гг. в Ленинграде: «Но самыми азартными играми были “в Чапаева”, “в белых и красных”, “в войну”. Сражались на палках, бросались в рукопашную...» (Щетинин, 2002).

КРАСНЫЕ следопыты – участники патриотического движения 1950-х – 1970-х гг.

Отряды красных следопытов появились в Ленинграде, в 1957 г. – накануне 40-летия Октябрьской революции.

О 1957 году: «Впервые красные следопыты появились в Ленинграде в дни подготовки к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На страницах ленинградской пионерской газеты “Ленинские искры” замелькал образ пионера в буденовке – Генки-ординарца. Генка-ординарец от имени штаба красных следопытов призывал всех пионеров отправиться на поиски затерявшихся следов героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн, мест былых сражений, боевых путей воинских частей, партизанских соединений, могил отважных бойцов. Он давал задания красным следопытам дружин и отрядов описывать свои находки: делать зарисовки, фотографии: записывать песни, пословицы, поговорки военных лет, рассказы бывалых людей, ветеранов революции, участников героических боев. Поначалу красные следопыты должны были закончить свою деятельность к 40-й годовщине Октября. Но произошло непредвиденное. Ребята не захотели расстаться с Генкой. Красные следопыты стали продолжать свою работу и после праздника. К ленинградцам присоединились пионеры других городов и сёл...» (Таборко, Орлова, 1963, 25–26).

С конца 1950-х гг. движение красных следопытов распространилось по всей стране.

О перв. пол. 1960-х гг.: «...Широкое распространение среди пионеров V–VI классов [получила] работа красных следопытов. Участники отрядов красных следопытов

занимаются поисками и собиранием новых сведений о героях Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн, по истории пионерской орг-ции и комсомола, выявляют забытые места важных историко-революционных событий и т. п. Деятельность красных следопытов обычно сочетается с практическими делами по приведению в порядок и охране обнаруженных исторических мест, памятников, могил, пропаганде собранных сведений среди населения, а также оказанию посильной помощи взрослым: ребята сообщают о своих находках в местные краеведческие музеи, в Музей Революции» (Монахов, 1966, 52).

О 1964–1965 гг.: «...Красные следопыты... открыли десятки ранее неизвестных имен патриотов, совершивших замечательные подвиги на фронте, в партизанских отрядах и в тылу, узнали новые имена бесстрашных героев-воинов, посадили цветы у памятников героям. Пионерами созданы новые музеи боевой славы, ленинские залы» (Монахов, 1966, 12–13).

О вт. пол. 1960-х гг.: «В наше время бурно развивается движение красных следопытов... Идут поиски безвестных героев. Покрываются свежими цветами братские могилы. В эти годы с песнями Пахмутовой вошла в музыку новая романтическая струя. Одна лишь кантата “Красные следопыты” дала пионерам несколько прекрасных песен. Не умолкая звенят и сегодня “Марш красных следопытов”, “Гайдар шагает впереди”...» (Гольденштейн, 1971, 85).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Красный следопыт – активист школьного музея боевой и трудовой славы... Красные следопыты изучают архивные материалы, встречаются с бывшими воинами, отправляются в походы по местам боевой славы. Во время таких походов школьники беседуют с жителями тех мест, где проходили бои, разыскивают участников и свидетелей прошедших здесь сражений и постепенно воссоздают картину боя и имена героев, которые были до сих пор неизвестны. Красные следопыты собирают для школьных музеев материалы о героях, именами которых названы школы или пионерские дружины. По их инициативе в школах устанавливаются мемориальные доски с перечнем имен и фамилий воспитанников школы и учителей, погибших на войне. Ребята постоянно ведут поиск под девизом “Герои среди нас”. Часто с их помощью становятся известны новые факты биографии как героев войны, так и героев труда–людей, которые живут рядом с нами. Материалы, собранные красными следопытами, входят в экспозиции школьного музея...» (Денисова, 1978, 131–132).

О середине 1970-х гг.: «Красные следопыты ведут разведку “Герои среди нас”, записывают воспоминания участников Великой Отечественной войны... Они открывают в школах музеи боевой и трудовой славы...» (Забзеева, 1978, 57).

О 1979–1980 гг.: «Накануне 60-летия ВЛКСМ газета “Пионерская правда” объявила новую “командировку” красных следопытов под названием “История комсомола в биографиях моих родителей”» (Иванова, 1981, 17).

«КРАСНЫЕ-БЕЛЫЕ» – военизированная игра.

О детях 12–14 лет в 1933–1935 гг. в селе Межборном, Притобольного района: «Эта игра называется “Красные – белые”. Игра проводится в школе на уроке физкультуры, руководит игрой учитель по физкультуре. Суть игры заключается в борьбе за советскую власть рабочих и крестьян с белогвардейцами (за власть царя). Армия за власть советов называлась “красными”, а за власть царя – “белыми”. Эта игра сложилась из событий гражданской войны в России 1917–1920 гг. Учитель набирает две группы детей, одна группа называется “красными”, а вторая – “белыми”, и вот, значит, белые убегают от красных, прячутся на постройках или даже в лесу, а красные должны их разыскать, поймать и захватить в плен, в общем, одержать победу. Игра была интересной, активной, и красные были довольны своей победой над белыми (то есть над властью царя), над белогвардейцами. Были деревянные ружья» (119).

«КРАСНЫЕ-СИНИЕ» – игра.

О 12-летней девочке в середине 1930-х годов: Люба «с раннего возраста недолюбливала общество девочек и с полным безразличием относилась к куклам», ей «нравилось бегать с мальчишками, перелезать через заборы, играть в лапту, в “чижика”, в “красные-синие”, “в Чапаева”» (Фрадкин, 1958, 135).

КРАСНЫЙ карандаш – см.: *Карандаш, Красный карандаш*.

«КРАСНЫЙ уголок» – помещение или часть помещения для размещения материалов политико-идеологического характера.

«Красный уголок» в школьном классе – помещение в школе, имеющее культурно-просветительские цели.

О 8-летней девочке в Москве в 1932 г.: «К 21 января 1932 года я приготовила дома для школы портрет Ленина. Фотографию я вырезала из старого “Огонька”, а витиеватую красную рамочку – откуда-то ещё и склеила их вместе, получилось, на мой взгляд, красиво. Портрет тоже украсил “красный уголок” в классе» (Старикова, 2003, 242).

«Красный уголок» в домашних условиях.

О 1935–1938 гг.: «В середине лета 1935 года мы переехали в Никольск-Уссурийск и жили там до апреля 1938 года... Мы, дети, с интересом следили за событиями в нашей стране: за героическим рейдом челюскинцев, их спасением отважными летчиками, за... смелыми полярниками-папанинцами. У многих ребят нашего поколения дома были “Красные уголки”, где над столиком для занятий, прямо на стене, мы наклеивали портреты вождей и любимых героев и вырезки из газет с сообщениями о подвигах наших моряков, летчиков, о спасении челюскинцев, о встрече четверки папанинцев в Москве... В это время мы все восхищались смелостью летчика Валерия Чкалова, Беспосадочный перелет его в Северную Америку через Северный полюс – завоевал наши сердца. Мы играли в папанинцев, в Чкалова, Байдукова, Белякова... В моем “Красном уголке” я вырезала из газеты и наклеила фотографию узбекской девочки Мамлакат Наханговой – сборщицы хлопка, награжденной за труд» (Кубанева, 1988).

«КРАСОЧКИ» – тоже, что «Краски».

О второй половине 1980-х гг. в г. Петухово: «Самая наша любимая игра была “Красочки”. Выбирался ведущий, он был продавцом, выбирался покупатель, остальные были Красочками в магазине. Продавец на ушко каждому говорил, какого цвета у него будет красочка. Затем, когда все имели какой-нибудь цвет, приходил покупатель в магазин и говорил: “Тук-тук”. Продавец спрашивал: “Кто там?” Покупатель отвечал: “Это я, монах в синих штанах, в белой рубашке, в сопливой фуражке, пришел за Красочкой”. Продавец спрашивал: “За какой?” Покупатель называл, например: “Синяя” и если такая красочка была, она убежала от покупателя, пока не вставала на своё место. А если не было такой, то продавец говорил: “Скачи на правой ножке по этой дорожке...”. И так далее. Когда все красочки были пойманы, назначался новый покупатель и продавец» (510).

КРАСТЬ яблоки из сада, таскать яблоки из сада – традиционное «героическое» занятие мальчишек.

О предместье Москвы – Химках в середине 1950-х гг.: «Меня как-то мало греют воспоминания о том, как старшие мальчики захватывали меня воровать яблоки в большом общественном саду, по старой памяти называвшемся совхозным, хотя никакого совхоза нигде вблизи не было, и ставили на атасе, чтобы крикнул, коли увижу приближающегося сторожа-татарина...» (Климонтович, 2005, 3).

О 1954 г.: «Ребята вышли на зады деревни, к высокой изгороди колхозного сада. Место тут было пустынное... “Вот они! – возбуждённым шёпотом сказал Алёшка, показывая глазами в дальний конец забора”. Из бурьяна торчал чёрный затылок Мишки и белёсая голова Саньки. “Ложись, – тихо сказал Алёшка, пригибаясь к земле. Женька, как автомат, выполнил приказание. – Поползли!” Бесшумно, раздвигая лебеду, начали подкрадываться к забору. “Стой пока. Думаешь, что они делают?” “Не знаю” “Яблоки из сада таскают”... Женька

увидел, как Мишка, Санька и появившийся откуда-то Ванюшка, оглядываясь, пошли к забору. В руках у Мишки был шестик, на конце которого поблёскивала жестянка. «Черпалку сделали, – прошептал Алёшка. – ... Это штука такая. Яблоки таскать. Берут, значит, жердину и к ней банку консервную прибивают. А у банки на боку щель делают. Подведут такую черпалку к яблоку, чтобы стебелёк в прорезь попал. Дёрнут – яблоко “трынь” – в банке”. Тем временем Санька взобрался Мишке на плечи и начал подводить свой инструмент к ближайшей яблоне. “Видишь! Готово, – сказал Алёшка. – Айда! Вы что тут делаете!” – грубым голосом спросил он, когда подобрались к любителям яблок на близкое расстояние. Черпалка вылетела из Санькиных рук. Он уцепился за забор. Мишка испуганно повернул голову, а Ванюшка даже не оглянулся. Он задал стрекача» (Никонов, [1958] 1962, 162–163).

«КРЕМЛЁВСКИЕ» дети – дети, жившие на территории Кремля, в семьях политиков высшего ранга.

О подростке 13–14 лет в 1940 – перв. пол. 1941 гг. (рассказывает Владимир Скрыбин, племянник члена Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотова, взятый в его семью в 1940 г.): «[Сестра В.М. Молотова однажды сказала жене В.М. Молотова]: посмотри, как Ксения (моя мать) с двумя мальчишками мучается... Вот так и получилось, что я из комнаты в коммунальной квартире переехал в Кремль и стал кремлёвским ребенком. Правда, комнату мне там отдельную не дали – кровать поставили в библиотеке. После переезда в Кремль в моей жизни произошли и другие перемены: школу я посещал ту же самую, но привозили меня туда на машине. Машина в данном случае была совсем не роскошью – действительно, было бы странно, если бы к кремлевским воротам каждый день подходил мальчик и говорил: дяденьки, пропустите, я здесь живу. ...Подобным образом в семье Молотовых оказался не только я, а ещё девочка Соня. Тогда вообще в высокопоставленных семьях было принято брать на воспитание детей из “обычных” семей. Вот и Сониная мама была обычной кремлевской уборщицей. Соню взяли гл. образом для того, чтобы Светлана Молотовой не было скучно: жизнь кремлевских детей была довольно замкнутой, и общение с “посторонними” сверстниками не поощрялось. К нам была приставлена воспитательница, в обязанности которой входило проверять, как мы выполняем уроки. ...[Жена В.М. Молотова]... водила нас в театры, цирк. С ней мы ездили в Новый Иерусалим и в Ленинград, чтобы посмотреть Эрмитаж... В нач. лета 1941 г. мы – [жена В.М. Молотова], Светлана, Соня и я – поехали в Крым на дачу. Ехали в специальном вагоне – вроде бы бывшем царском. Дача была очень большая: внутри бассейн, у каждого отдельная комната. Днём мы купались, ездили на экскурсии, играли в теннис» (Скрыбин, 1997).

КРЕМ-СОДА – безалкогольный слабогазированный напиток с карамельным вкусом.

О праздничных днях 1 мая и 7 ноября в 1937–1939 гг.: «Прошла демонстрация, и мы, ребята, бежим на Кировскую площадь. Тут много буфетов, а мы сегодня богачи! И хотя дома лежат свои пироги, как не купить горячий пирожок на площади, как не выпить воды “Крем-сода”! На её этикетках синей краской напечатан высокий бокал. Ну как не соблазниться этим напитком медового цвета! Мы наливали его в картонные стаканчики, и он, сладкий и душистый, стрелял пузырьками углекислого газа, смешно щекотал в носу...» (Богданков, 1972, 27–28).

КРЕМУШКИ – детская игра.

О середине 1930-х гг.: «...Страсть к азартной игре не исчезла. ...Ребята стали играть в пуговицы. Игра была глупая, не требующая ни ума, ни большой ловкости – что-то вроде “кремушков”, которые так любят девочки» (Вигдорова, [1954] 1969, 47).

Об Одессе конца 1930-х гг.: «Из этого дома, из этого вот двора, где они вместе играли в кремушки..., обе они в первый раз пошли в школу» (Георгиевская, [1954] 1965, 288).

Об Одессе 1946–1947 гг.: «Во дворе, несмотря на поздний час, еще играли дети. Сидя на ступеньках

черной лестницы, четыре девочки сражались в кремушки. Ловко работали руки. Кремушки стучали, ударялись о цемент» (Георгиевская, [1954] 1965, 291).

КРЕПОСТНОЙ – «Являющийся собственностью помещика, принадлежащий помещику-крепостнику» (Словарь, 1956–5, 1628).

Крепостные дети как предмет продажи, дарения.

Об 11-летней девочке из дворянской семьи в 1857 году: «Расскажу один случай из моей детской жизни – он покажется диким в наше время. 29 октября было моё рождение, мне минуло десять лет... Меня занимал подарок моей крестной матери, Татьяны Ивановны Захарьиной, зажиточной ярославской помещицы: она всегда дарила мне что-нибудь интересное... Скажу несколько слов о Т.И. Захарьиной. Это была женщина лет 50-ти, сухая, прямая, добродушная. Её муж, Василий Борисович, был хозяин и хлебосол. У них была воспитанница Дуняша, дочь их кучера. Ей было 16 лет, она выросла в их доме на положении не то горничной, не то барышни... Захарьиная... крестила меня и... заботилась обо мне и любила меня, как дочь... Но вот в столовую неожиданно вошла няня и сказала мне: “Приехала Дуняша...” Я... побежала за няней... “Татьяна Ивановна, – начала Дуняша, – больны, они... прислали вам “живой подарок... я сейчас приведу его”. И Дуняша быстро ушла... Дверь открылась, и Дуняша вошла в сопровождении девочки, одетой очень бедно, с косичками, перевязанными тряпочками сверху головы. “Иди же”, – говорила Дуняша, толкая девочку. Девочка, потупя глаза, не двигалась с места. “Вот, – начала Дуняша, – крестная прислала вам в подарок эту девочку Федору, ей 14 лет, она пойдет вам в приданое, а пока будет служить вам”. Я молчала, пораженная неожиданностью, устремив глаза на Федору. Няня с одобрением смотрела на девочку. “Ну, что ж, дело хорошее, мы её всему обучим”, – сказала няня, чувствуя всё неприличие моего молчания... Я поблагодарила Дуняшу за подарки, но все же неподвижно стояла на месте. Разочарование было полное. Эта круглолицая, рябая, с косичками девочка, с потупленными глазами и плаксивым лицом не радовала меня... День рождения прошел. Я лежу в постели и не могу заснуть. Няня зажигает лампаду. Мне грустно. Плаксивая девочка не выходит у меня из головы. “Няня”, – говорю я... “Федора моя? Моя собственная?” “Ваша, вам подарена”, – отвечает просто няня. “И я, что захочу, то и буду делать с ней. Да?” “Известно, что захотите. Да что там делать-то? Будет вам служить, комнату вашу убирать, одевать вас”. Ответ няни не удовлетворил меня. Мне хотелось, чтобы она была только моей. Чувство власти и тщеславия закралось ко мне в душу. “Лиза и Соня [сёстры] не будут иметь собственной девочки. Мне её подарили”, – думала я, и это немного мирило меня с ней... Время шло, и Федора понемногу стала привыкать и перестала плакать. Обучение её было поручено старшей горничной Прасковье... Не раз ей приходилось бить посуду, за что доставалось от Прасковьи. ...Однажды, входя в девичью, я увидела, как Прасковья драла ее за косу. “Оставь её, не смей её трогать! Она моя!” – закричала я, и Прасковья с воркотней вышла из комнаты... Прасковья... была уверена, что девочка без муштровки не вырастет. Прасковья шила на неё, так как девочку заново одели, учила её шить, мыть и гладить. Лизе было поручено учить Федору грамоте, Соне – смотреть часы, а мне – считать» (Кузминская, 1986, 59–63).

«КРЕСТИКИ-НОЛИКИ» – графическая детская игра.

На поверхности (бумажной или др.) чертится квадрат, разделённый на девять клеточек – 3 на 3. Один игрок ставит крестик, другой – кружок («нолик»), так по очереди. Победившим считается тот, кто быстрее поставит в ряд свои крестики или нолики, по горизонтали, по вертикали или по диагонали. До революции 1917 года эта игра называлась «херики-оники» – по названию букв кириллической азбуки – «Х» – «Хер» и «О» – «Он».

О школьниках в 1927 году: «Была большая перемена. Вовка Черепок ходил на руках и кукарекал, Вася

Янченко выстукивал на парте марши, Соня и Липа играли в крестики и нолики» (Шкаровская, 1963, 114).

О школьниках в Шадринске в 1990–1993 гг.: «Когда стали старше, стали играть на уроках в “крестики-нолики”, в “морской бой”, а иногда даже в карты» (583).

КРЕСТИНЫ – угощение, пирушка, устраиваемая родителями по случаю крещения новорожденного ребенка.

Воспоминания князя Сергея Голицына о крестинах его сестры в 1914 году: «Наступило время крестин. Как тогда полагалось, их устроили не в церкви, а в нашей квартире. Крестными родителями были приглашены самые богатые родственники: крестным отцом был ... муж тети Маши, сестры моей матери – князь Владимир Петрович Трубецкой, а крестной матерью – тетка моей матери графиня Екатерина Павловна... Почему пригласили богатых? Да ведь рассчитывали – пройдет лет двадцать, придется младшую дочку замуж выдавать, а приданого нет никакого, вот, крестные родители и помогут. Того, что произойдет в России через три с половиной года ... никто в стране и не думал и не предполагал. Крестить был приглашен священник нашего прихода... Под пение молитв священник трижды погружал маленькое красное тельце в медную, специально принесённую из церкви купель, приглашенные родные стояли, крестились, и я крестился. Назвали мою сестренку Катенька» (Голицын, 1993, 27–28).

«КРЕСТИТЬ», «окрестить» – о мальчишеском обряде посвящения «новенького», связанном с причинением боли и присвоением прозвища (клички).

О Дальнем Востоке в 1922 году: «“Новенький?” “Ага! Вторую неделю живет. С ангарского моста переехал”, – трещал Яшка. “Все одно, – сурово перебил Коровин. – Антилигент, значит? Окрестить надо”. “Вот здорово! – взвизгнул Стриж. – Антилигент, антилигент!” Не в силах двинуться с места, я во все глаза смотрел на страшного, гориллообразного толстяка, ожидая, что он ещё скажет. Но атаман вдруг резко выбросил руку, схватил меня за рукав, притянул к себе. “Пусти! Как ты смеешь!” – закричал я, пытаюсь вырваться. “Пиши: Колька Антилигент. Новенький. Крещеный восемнадцатого июня тысяча девятьсот двадцать второго года. Записал?” Я не видал, кому басил атаман и кто ответил ему “записано”: жуткая режущая боль обожгла всю мою голову, ото лба до затылка. Вероятно, я заорал бы на все предместье, если бы мой рот не был прижат к толстому коровинскому животу. Отпущенный атаманом, я схватился за голову. Пацаны и приятели Коровина хохотали, а Яшка так визжал от восторга, что звенело в ушах. Плача, я нагнулся поднять с земли свою игрушку, но получил сзади пинок... и упал в песок... ...В эту минуту [Валентина] больше интересовал Иван Коровин. “Мы с вами будем дружить, правда? Я люблю таких сильных мальчиков, как вы...” “Не знаю, – процедил атаман и, поворачиваясь к нам, спросил: – Это что, новенький?” “Ага, новенький, – за всех ответил Стриж. – Седня два новеньких приехали. Только один так, нищенский...” “Окрестить бы надо, да ладно, – перебил атаман. – Хлипкий больно, – он чуть дотронулся до плеча мальчика, и тот в испуге отпрянул. – И пуганый шибоко. А ну его”, – и зашагал восояси... “Цыганок! Крестить Цыганка!” – взвизгнул Стриж. Атаман протянул руку, норовя взять новенького за ворот, но тот спокойно отвел ее коромыслом: “Уйди! У меня рука жесткая, как бы не покалечить”... Атаман сплюнул на ладонь, потёр их одна о другую и вдруг схватил Волика за чёрную шевелюру. И тут же, неестественно взмахнув ручищами, шлёпнулся навзничь... Яшка Стриж... вдруг поправил картуз, как ни в чём не бывало подошёл к Волику и протянул руку: “Давай дружить. Ты у нас будешь атаманом...” И не договорил. Волик поймал Стрижа за птичий нос и завертел вокруг себя: “Дружить, говоришь? Сперва крестить, а потом дружить, морда?” “А-а!” – визжал Стриж, прыгая, извиваясь, тщетно стараясь освободить свой несчастный нос. “Что, купец, хороша наша дружба? – повторял Волик. – Сперва крестить, а потом в атаманов зовешь?” И, оттолкнув от себя Стрижа, ...зашагал прочь... А когда один из пацанов не захотел прокатить

на себе Яшку Стрижа, Коровин... провел ногтем по голове так, как это делал мне во время крещения» (Чаусов, 1963; 28, 45, 53–54, 148).

«КРЕСТОНОСЦЫ» – Опубликованный в 1900 году роман польского писателя Генрика Сенкевича (1846–1916) о борьбе польских рыцарей с немецкими крестоносцами – рыцарями Тевтонского ордена (1399–1410). Романом «Крестоносцы» зачитывалось неск. поколений юных читателей. В 1960 г. роман был экранизирован польскими кинематографистами. Демонстрация фильма «Крестоносцы» в Советском Союзе породила в мальчишеской среде моду на «сражения» мечами.

«В [19]60-е [годы] вся пацанва Союза билась деревянными мечами, насмотревшись “Крестоносцев”» (Мартынов, 2006, 39).

«КРЕСТЬЯНКА» – журнал для женщин.

О 1994–1995 гг. в селе Костыгин Лог Целинного района: «Когда мне было 9–10 лет, я увидела у мамы журнал “Крестьянка”. Прочитав его, я нашла, что он очень полезен и интересен для девушек. Потом я читала все его номера» (137).

«КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ» – стихотворение (1861) Н.А. Некрасова, в 1960-е – 1980-е годы входило в число произведений, подлежащих изучению в школе (4 класс).

«Ученики хорошо знают Некрасова-пота... В IV классе ребята читали стихотворение “Крестьянские дети» (Зепалова, 1983, 125).

Отрывок из поэмы, начинающийся со слов «Однажды в студёную зимнюю пору...», подлежал заучиванию наизусть в школе в 1970-х – 1980-х гг.

КРЕЩЕНИЕ – христианский обряд, совершаемый над младенцами (или взрослыми) для включения их в число членов церкви.

О 1942–1946 гг.: «Обряд крещения мне и моей двоюродной сестре Любке очень нравился, и мы (11–14-летние ребята) нередко выступали там крестными отцом и матерью. Интересно было получить из купели, из рук попа, визжашего, извивающегося младенца, держать его на руках. А потом – праздничное угощение у родителей младенца. Смешило нас с Любой, что после этого обряда мы становились друг для друга кумой и кумом. Помню, шутили: “Кумушка, а ты алгебру к завтрашнему уроку выучила?” – “Ой, куманек! Чо-то не решается одна задача, помоги!”» (Санников, 2001).

О девочке 3 лет в 1989 году в г. Коркино. «В то время мы жили в селе Кундравы Чебаркульского района Челябинской области. В селе была церковь, но по неизвестной мне причине мы всё-таки поехали в г. Коркино. Из всего, что там происходило, мне запомнилось только то, что мне давали горящую свечку, а я очень сильно боялась её взять и громко редела. Еще помню, что у меня были длинные волосы, и мне обстригли прядку. Я очень долго об этом жалела и спрашивала у мамы, отрастет ли эта прядка волос или нет» (141).

О девочке 6 лет в 1993 г. в Шадринске: «В 6 лет меня и моего брата решили крестить. Рано утром бабушка с дедушкой привели нас в церковь недалеко от дома, где мы проживали. Очень долго стояли, выполняя определенные обряды, слушали молитву, крестились вместе с батюшкой и повторяли “Аминь” или “Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь”. Затем по окончании осталась небольшая группа людей, в том числе я, мой брат, бабушка с дедушкой и еще человек пять. Точно процесс не помню. Но запомнилось то, что нас умывали и обрызгивали водой, которая называлась святая вода; надевали крестик...» (132).

О 2008 г.: «В Доме малютки кузбасского города Прокопьевска 5 февраля состоялось массовое крещение детей-сирот до трех лет. Благочинный Прокопьевского округа Кемеровской и Новокузнецкой епархии протоиерей Владимир Колесников крестил 85 детей. Городские власти присутствовали и тем самым происходящее одобряли... Массовые крещения сирот в детских домах подчас объясняют так: дескать, семейные пары, желающие усыновить ребенка, интересуются, крещен ли он. То есть крещеных берут более охотно,

таинство дает им счастливый “билет” в полноценную жизнь...» (Минин, 2008, 3).

Лит.: Островский А. Крещение. // РД, 2006, 178–182.

КРИКЕТ – «Игра в мяч, при которой играющие, разделившись на две группы, стараются палкой загнать мяч в ворота противника» (Словарь, 1956–5, 1655–1656).

О суворовском училище в 1950 году: «Зато как хорошо на переменах! Футбольный мяч летает от ворот к воротам, на нескольких площадках идёт игра в волейбол, крикет» (Багмут, 1951, 125).

КРОВАТКА – «...небольшая кровать (обычно детская)» (Словарь, 1956–5, 1675). См.: *Кровать, Кровать детская, кроватка*.

КРОВАТЬ – «Предмет домашней обстановки, предназначенный для сна, в виде рамы на ножках с двумя спинками, на которую кладётся постель» (Словарь, 1956–5, 1676)

Кровать детская, кроватка.

О конце XIX в.: «Я... вошла в детскую... Перед иконой теплилась розовая лампадка и осторожно бросала лучи свои на детскую кроватку...» (Чириков, 1902, 196).

Кровать с сеткой – кровать, снабженная сеткой, призванной предотвратить выпадение ребёнка из постели.

О конце 1880-х – нач. 1890-х гг.: «...Мать позволяла... лежать на её... постели. На широком просторе этой постели... можно было кувыряться... Тогда как наши, окруженные сеткой со всех сторон, были похожи на какие-то клетки, в которых только и оставалось делать, что спать» (Романов, [1928] 1990, 179).

О 1927–1936 гг.: «...В эту комнату... втиснулась ещё и моя кровать. Детская кроватка, которую Ма завела, когда я появился на свет. Сначала она была с сеткой, потом сетку сняли» (Рекемчук, 1974).

О Москве в 1935–1936 гг.: «Я в ночной... розовой фланелевой рубашке стою за верёвочной сеткой детской металлической кроватки и требую, чтобы меня вынесли оттуда на волю...» (Воронцов, 1998, 131).

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «Мальчик был послушным и рано ложился спать... Кроватка была уже маловата, он ещё помнил предохранительную сетку на ней, вроде гамачной, чтобы младенец не выпал; ноги приходилось поджимать, иначе они застревали в прутьях спинки» (Дробиз, 2004)

О мальчике 5–6 лет в 1947 г.: «[Коростелев] снял с Серёжиной кровати боковую сетку. Мама боялась, что Сережа упадет и расшибётся, но Коростелев сказал: “А вдруг поездом придется ехать? На верхней полке? Пусть привкает по-взрослому”. Теперь Серёже не надо перелезть через сетку по утрам и по вечерам. Раздевается он, сев на край постели. И спит по-взрослому» (Панова, [1955] 1956, 437).

О середине 1950-х гг.: «Алеша налил воды в кружку и пошел в ванную. Теперь нужно опустить сетку кровати. Но железный крючок очень туго сидел в железной петельке. Отцепить крючок удалось только с одной стороны, и сетка почти не опустилась. Опять помог стул. Алеша придвинул его к кровати и перевалился со стула к себе на подушку» (Артюхова, [1958] 1987, 11).

О конце 1950-х гг.: «...Ната быстро перелезла через сетку, приделанную к кровати, чтоб девочки ночью не попадали, и, босая, в одной рубашонке, побежала к ёлке» (Бабанский, 1960, 44).

О конце 1950-х гг.: «Но сам забраться в кроватку [трёхлетний Шурик] ещё не умеет, потому что у кроватки высокая сетка, и тут ему помогает мама» (Карасёва, 1961, 5).

КРОВЬ – «Красная жидкость, которая, обращаясь в организм, обеспечивает питание его клеток и обмен веществ в нём» (Словарь, 1956–5, 1687).

Бояться крови.

О вт. пол. 1970-х гг.: «Светка считала себя достаточно храбрым человеком – не боялась темноты, могла одна ночью выйти на улицу, одна ходила в лес и брала в руки лягушек, но крови она, как и любая девчонка, боялась пуще всего на свете» (Залипаев, 1986, 92).

КРОКЕТ – «Игра, в которой участники, разделившись на две партии, ударами молотков проводят шары

через проволочные воротца, расставленные на площадке в определенном порядке» (Словарь, 1956–5, 1692).

Об имени в Тульской губ. в 1880-х гг.: «В Щучьем... для мальчиков... приобретались всевозможные игры... Но чем старше становились мальчики и Соня, тем чаще сиротливо лежали брошенные где попало крокетные шары и молотки...» (Аренштейн, [1965], 1973, 6).

О 1890-х – 1900-х гг.: «“ В крокет играешь?” – спросил он издалека. “Вчера играли...” Петя хотел спросить, где играл Павлов в крокет и играла ли Леля, но опять спросил обходом: “Много народу играло?” “Много... Леля ловко играет...” Петя вздрогнул и вспыхнул. “Как-нибудь надо сразиться”, – произнес Петров как бы мимоходом. “Пойдем сейчас! – предложил Павлов.– У них, наверное, теперь играют... Они переехали на новую квартиру, и теперь двор у них большой... Лужок... Теперь только в крокет играют редко...”» (Чириков, [1903] 1918, 23).

О 9–10-летнем мальчике в в Одессе в 1904–1905 гг.: «Затем, конечно, он любил на даче ту самую Зою в розовых чулках феи, с которой даже целовался возле кадки с водой под абрикосой. Но эта любовь оказалась ошибкой, так как на другой же день Зоя так нахально мошенничала в крокет, что пришлось ей дать хорошенько крокетным молотком по ногам, после чего, конечно, ни о каком романе не могло быть и речи» (Катаев, 1961, 133).

О середине 1910-х гг.: «Однажды мы с няней наблюдали, как Володя играет в крокет с другими гимназистами. Володя играл удачно, быстро вышел в разбойники и мог начать закалывать всех подряд. Но он почему-то не стал никого закалывать, а нарочно (я же видела, что нарочно!) заколол сам, вышел из игры и ушел домой читать» (Луговская, [1983] 1987, 38).

Об Украине во вт. пол. 1910-х гг.: «Котя Бибииков играет в крокет. В гости к Коте пришел неизвестный мальчик в синем матросском костюмчике с вышитыми на воротнике якорями и в лодочках, с бантиками. Котя с молотком в руках ходил вокруг шара и сопел, изучая позицию. “Вот это ай-я-йй! –говорил он. – Вот, я вам скажу, ай-я-йй!” “Ну, скорее”, – говорил матросик. “Поспешись – людей насмешишь”, – отвечал Котя. Расставив ноги в башмаках на толстых подошвах и опершись на молоток, он что-то высчитывал, потом ложился животом на землю и, щуря глаз, проводил мысленную линию от шара к дужке. – Поспешись – людей насмешишь”. Увидев меня на заборе, Котя крикнул: “Не смотри!” “А что, нельзя?” “Значит, нельзя” – отвечал Котя. Теперь он окончательно утвердил молоток у шара..., долго целился, но что-то не понравилось ему в расположении шара и дужки, и он направился на дополнительную разведку. “Заказывай!” – кричал матросик. “Поспешись – людей насмешишь”. Если шар стоял точно и Котя был уверен, что пройдет дужку, то громко заказывал: “Дужка!” Если же шар стоял плохо и мог “замазаться”, Котя шептал, например: “Бью в разбойника”. И если не попадал, то немедленно говорил: “А что я сказал: не бью в разбойника”. Теперь Котя громко крикнул: “Мышеловка!”, плюнул на ладони и тихонько, но тщательно ударил по шару, который медленно, но прямо покати к дужкам и вдруг, будто его дернули за веревочку, остановился как раз на пороге мышеловки, “в замаске”. “Холера!” – топнул Котя толстым башмаком и, завистливо оглянувшись, тихонечко, как бы невзначай, поправил шар. “Мошенничаешь!” – завопил матросик. “Кто, я мошенничаю?!” – кричал Котя. “Нет, я мошенничаю?!” – кричал матросик. “Ты ответишь за свои слова”, – говорил Котя, наступая с молотком в руках. Оба, охрипшие, взъерошенные, решили переиграть. “Вот тут”, – сказал матросик, устанавливая шар на старом месте. “Нет, тут”, – сказал Котя, прикидывая более прямую и выгодную линию к мышеловке. “Вот ямка еще сохранилась”, – показал матросик. “Какая ямка? Где ямка? Это вчерашняя ямка, – определил Котя. – А вот ямка сегодняшняя”. Наконец согласились на средней позиции между ямкой вчерашней и ямкой сегодняшней. Перед тем как ударить, Котя поспешно тронул себя за мочку

уха – примета! Много у него примет: выйдет из дома – обязательно ступит на правую ногу – счастье; играет в цурку – над палочкой пошепчет-пошепчет – заговоренная. “Котя, иди пить молочко”, – сказали из окна. “Не хочу”, – отвечал Котя и со всей силой стукнул по шару... Котя бежал за шарочку и умолял: “Ш-ш-ш”. Но посланный сильным ударом шар прокатился мимо, в кусты жасмина, и там застрял. “Бог правду видит”, – кричал матросик. “Не считается, не считается! – кричал Котя. – Под руку сказали”. “Опять мошенничаешь?” – сказал матросик. “Иди, Котик, я тебе дам еще тянучку”, – сказали из окна. Котя, неся на плече молоток, направился к окну..., выпил полстакана молока и получил за это тянучку. “Ну, давай ещё раз переиграем”, – предложил Котя, жуя тянучку. “Умный!” – кричал матросик. “Сам умный”, – ответил Котя. Матросик твердо установил молоток между ног, быстро прицелился. “Бей!” – крикнул я. “Тебя не спрашивают” – Котя показал язык. “Бей, я отвечаю!” Щёлкнул сухой удар. Шар точно ножом перерезал всю площадку, чисто прошел мышеловку и, скосив ещё вторую боковую дужку, завертелся на месте, как бы спрашивая: “Ну, куда там еще?” “Молодец!” – крикнул я. “Спасибо, мальчик”, – вежливо ответил матросик. “Перестань играть! – завопил Котя и с молотком на плече подошел к забору. – Уходи, это наш забор!» (Ямпольский, 1964, 275–277).

О дачах под Петербургом в 1910-х гг.: «А какая из игр детства нравилась вам больше всего? Была ли игра, в которую на дачах играли все?» [Д.С. Лихачев:] “Очень красивая игра – серсо. Знаете? Это когда бросают круги шпагами. А самая замечательная – в неё играли все – крокет. Этой игрой полон девятнадцатый век. Она заполняла, очень серьезно, жизни. Это длинная игра. Для неё требовалось чётное число участников. Крокет давал хорошую физическую нагрузку, для успеха в этой игре требовалось быть ловким, хитрым и честным... Крокет – очень сложная игра со множеством правил, их, кстати, надо непременно записать, только старики вроде меня их еще помнят. Мы уйдем, и, боюсь, совсем перестанут играть в крокет. Из-за того что в крокете было множество правил, он развивал в соревнующихся, я бы сказал, чувство юридической ответственности... Во что только не играл я в детстве и отрочестве – в горелки, лапгу, рюхи (сейчас говорят “тородки”), гонял на велосипеде. Но крокет ни с чем не сравнить» (НЛ, 2006, 44)

О 1919 г.: «Мне четырнадцать лет. Это, стало быть, 1919 год. ...Я переживаю свой первый роман... Не было в этом романе ничего, чего можно бы стыдиться, была река, и небо, и некоторое красование друг перед дружкой, кто лучше гребет, кто одним ударом молотка проведет крокетный шар через две первые дужки и через “мышеловку»» (Панова, 1980, 61).

О нач. 1920-х гг.: «У них три “обозника”-силача гостюют! В шары играют, а в землю проволоку натянули и шары под нее, молотками запикивают!..» В палисаде Панковичей... собралось добрых полдвора мальчишек. Даже те, кто ездил с нами на остров и ругал Коровина, Яшку и Вальку, оказались в саду Панковичей и тоже играли в крокет» (Чаусов, 1963, 69).

О 1934 г.: «Во второй половине 1934-го года... мы сняли... двухкомнатную квартиру... У дома был зеленый двор. Ко двору примыкал большой пустырь, который для ребят с Пионерской и окрестных улиц служил площадкой для футбола, волейбола, крокета и других игр» (Цидильковский, 1996, 131).

О 1936–1937 гг.: «Я умел играть... в крокет. Так получилось, что на даче, где я несколько лет подряд жил летом, все очень увлекались крокетом. И я тоже, не разгибаясь по целым дням, гонял молотком большие деревянные шары. Ни у кого из моих соседей по дому не было такого богатого крокетного опыта...» (Алексин, [1964] 1980, 381).

О вт. пол. 1930-х гг.: «...Мальчик Шурик и девочка Шурочка... дачники и живут по соседству... Шурик... большой любитель крокета, которым со временем заразил всех нас... ..Две вещи всплывают в памяти из лимузинского быта: крокет и гамак. Крокет пришел к

нам от Шурика, интеллигентного мальчика в очках... У них на даче я впервые познакомился с этой игрой и пристрастился к ней. А потом настал день, когда папа торжественно привез из города длинный ящик с крокетными молотками, и началось оборудование нашей собственной крокетной площадки на тихой улице перед нашей дачей. В строительстве площадки принимали участие все с большим увлечением, и потом это стало одним из наших основных времяпрепровождений – и взрослых, и детей. Крокет на даче настолько полюбился всем, что, когда кончился летний сезон, он перекочевал в город уже в виде настольной игры. Мной и папой были изготовлены из проволоки маленькие воротки, которые устанавливались на обеденном столе, служившем импровизированной крокетной площадкой. Шары и молотки тоже были маленькие, а азарт в игре такой же, как на большой площадке в Лимузи» (Морев, 2007).

О середине 1940-х гг.: «На площадке для крокета / Чуть не с самого рассвета / Начинается игра. / Спорят мальчики с утра. / То повалятся воротца, / То Андрей опять дерётся!... Прибежала звеневая / Посмотреть игру в крокет...» (Барто, [1946] 1969–2, 146).

О 1960-х гг. (разговор первоклассника и пятиклассника): «А я в шашки умею!» – сказал Морковкин. Щукин не ответил... “Я в крокет могу научить!” Щукин молчал. В “кто быстрее” могу!...» (Мошковская, 1968, 29).

Д.С. Лихачев о середине 1980-х гг.: «“Беда в том, что исчезают не только русские игры – исчезают игры вообще... Совсем перестали играть в крокет, лото» (НЛ, 2006, 42).

КРОКОДИЛ – крупное водное пресмыкающееся с толстой панцирной кожей, живущее в тёплых странах» (Словарь, 1956–5, 1693).

Крокодил игрушечный.

О Шадринске в нач. 1990-х гг. «В 1991–1992 гг., когда мне было лет 4–5, папа привёз мне из командировки маленького крокодиля (игрушечного). Этому крокодиля нужно было заводить, после этого он начинал грести лапками, с помощью чего он плавал по воде. Это была моя любимая игрушка, без которой я никогда не ходила купаться, пока он не сломался» (092).

Крокодил резиновый – наполняемая воздухом резиновая фигурка, держась за которую можно держаться в воде, плавать.

О начале 1960-х гг.: «Встретили мы однажды семью дачников. Чистенькие девочки с визгом плавали на ярких туго надутых крокодилях» (Матвеева, 1966, 22).

О первой половине 2000-х гг.: «В этом году шестилетний Виктор Дубинкин победил в первенстве школы по прыжкам в воду... Любимая Витина игрушка (тоже водоплавающая) – крокодил. Без своего “крококата”, так он его называет, ни в какую не хочет засыпать. А ещё любит играть с машинками, танками и пистолетами» (Короткая, 2006, 15).

«КРОКОДИЛ» – сказка Чуковского К.И.

О 1918–1920 гг.: «...Одна умилённая мать заметила, что её пятилетняя дочка для собственного удовольствия декламирует стихи из “Крокодила”, да не то что отдельные строфы, а большими кусками... Счастливая мать спешила поделиться новостью с подругой. Но... подруга как раз собиралась рассказать, что её четырёхлетний сынишка сам повторяет “Крокодила” целыми главами» (Ивич, 1967, 127–128).

«Взрослые взяли меня с собой в гости, – вспоминает эпизод своего детства [начала 1920-х гг.] поэт Маргарита Алигер. – В доме... меня сразу же привлекла книга... Едва открыв её и прочитав первые строчки..., я так и не могла оторваться и, усевшись на диван, принялась за чтение. Мне предлагали поиграть во что-нибудь, меня звали пить чай – я не отзывалась. Я читала и оторвалась от чтения, лишь дочитав до конца большую книгу, которая называлась “Крокодил”... Таких восторженных впечатлений от первой встречи с “Крокодилом” много. Причем все вспоминающие о нём отмечают, что запомнили эту сказку наизусть чуть не с первого раза...» (Сивоконь, 1983, 23).

Вероятно, о вт. пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Как-то в “Правде” один взрослый читатель, инженер, возмущался, почему не переиздаётся “Крокодил” Корнея Чуковского. “Крокодил” переиздаётся. Но купить эту сказку действительно трудно. Ведь ею в годы своего детства восторгались даже нынешние бабушки и дедушки» (Мотяшов, 1967, 3).

«КРОКОДИЛ» – игра со скакалкой.

О перв. пол. 1980-х гг.: «Игра на скакалке “Шёл крокодил”: “Шёл крокодил, / Трубку курил, / Трубка упала и написала: / “Кро-ко-дил!”” Нужно прыгать через скакалку сначала на двух ногах, затем левой, на правой, ноги крестиком, качалкой. Затем после каждого движения приговаривания слов на слог -дил скакалка бросается на землю, как правило, она закручивается. Нужно выбрать самую маленькую петлю, встать в неё, как хочется, лишь бы простоять в ней, считая до 10, и главное, чтобы хватило места» (499).

О девочках 8–12 лет в Шадринске середины 1990-х гг.: «“Крокодил”. Игра со скакалкой. Вначале осуществляют обычн. прыжки на скакалке под лозу: “Шёл крокодил, / Трубку курил, / Трубка упала / И написала: / “Кро-ко-дил!”” При произнесении последнего, ключевого слова скакалка бросается на землю. В “петлю”, которая хотя бы одна, как правило, образуется шнуром упавшей скакалки, нужно встать одной ногой (иногда только на носок или на пяточку) и сосчитать до десяти. Затем игра возобновляется. Проигрывает тот, кто не сможет встать в “петлю” или не успеет, стоя, досчитать до десяти из-за неудобного положения ног» (012).

«КРОКОДИЛ» – сатирический журнал.

О 1927 году на Украине: «Читать я научился в четыре года, в основном благодаря “Мурзилке”... С большим удовольствием перелистывал “Крокодил” и “Огонек» (Цидильковский, 1996, 129).

О начале 1960-х гг.: «Валерка взял “Крокодил” и отправился на кухню, а дверь прикрыл неплотно – вдруг удастся услышать, что про него говорят. Но дверь притворили. Валерка вздохнул, сел на табуретку и принялся читать “Нарочно не придумаешь”. Но почему-то смешно не было» (Матвеева, 1966, 70).

КРОКОДИЛ ГЕНА – персонаж повести Э. Успенского и трех мультипликационных (анимационных) фильмов. С 1970-х гг. стал (наряду с *Чебурашкой*) героем серии анекдотов.

О 12–13-летних детях-подростках: «“Лидя... – сказал он... Она собрала всё своё мужество. “Плыви-плыви, бревно зелёное!” (Вы, конечно, знаете, что существует такой анекдот про Чебурашку и Крокодила Гену.)» (Иванов, 1979, 83).

КРОЛИК – «Небольшое животное из отряда грызунов, семейства зайцев» (Словарь, 1956–5, 1694).

Разведение кроликов, кролиководство.

В 1958–1964 гг. важнейшим элементом жизни пионеров и школьников являлось обращение к ним побуждение к занятию кролиководством.

Вот издания 1958–1960-х гг., посвященные распространению занятий кролиководством в среде школьников: Буценко. Выращивание кроликов и птицы. Советы пионерам и школьникам. – Челябинск: Обл. станция юннатов, 1959 (Методич. пособие) – 24 с.; В помощь юному кролиководу. – Махачкала, Дагучпедгиз, 1960 (...Республ. станция юных натуралистов) – 10 с.; Дмитриева Н., Циммерман Р. В помощь кролиководу. – Рязань, Кн. издательство, 1958 – 79 с. (для сред. возраста) (переиздано в 1959 году); Задание учёных юным натуралистам. В помощь юным кролиководам. – Барнаул, ...Краевая станция юных натуралистов. Заочный клуб юных натуралистов, 1958 – 7 с.; Зусман Н. Разводите кроликов. – М.: ...Центр. станция юных натуралистов и опытников с. хоз-ва, 1959 – 18 с.; Никитин Ф. Пришкольное кролиководство. – Казань: Таткингиздат, 1958 – 36 с.; Никитин Ф. Пришкольное кролиководство. – Вологда, Книжное издательство, 1959 – 32 с.; Никольский Ю. Разводите кроликов. (Советы школьникам). – Ульяновск, Книжное издательство, 1959 – 34 с.; Новокрещенова Н. Юному кролиководу. Справочник. – Куйбышев: Куйбышевская обл. станция

юных натуралистов и опытников с. хоз-ва, 1958 – 20 с.; Памятка юного кроликовода. Сост. А. Букина. – Омск: Омская обл. станция юных натуралистов, 1959 – 22 с. Пришкольное кролиководство. Памятка для учащихся. – Орёл: Орловская станция юных натуралистов и опытников с. хоз-ва, 1959 – 20 с.; Школьники, разводите кроликов! – Кемерово, Книжное издательство, 1958 – 8 с.; Совету юному кролиководу. – Калуга: Книжное издательство, 1959 – 13 с.; Шатров Ю. В помощь юному кролиководу. – Кемерово, Книжное издательство, 1959 – 20 с. (подборка сделана по: Старцев, 1961, 484–500).

КРОССОВКИ – «(разг.) спортивные закрытые туфли со шнуровой» (Лопатин, 1997, 255). В 1980-е – начале 1990-х гг. годы кроссовки являлись предметом престижного потребления.

О 1980-х гг.: «[пятиклассник] ушёл стоять в очереди за кроссовками и должен был звонить про то, какие размеры и какие кроссовки. Вчера вечером им сказали в “Спорттоварах”: “Приходите-приходите, завтра утром будут...” У них же там, в универмаге, приближался конец месяца, понимаете? А когда это в другой раз получится столько совпадений: чтобы конец месяца, и чтобы продавщица была добрая – сама предупредила, – и чтобы народ ещё как следует в Москву не наехал – значит, уж точно достанется. Для ребят, которые замзуртятся за эту книжку лет через сто, будет совсем непонятно, что это за кроссовки да что это за очередь. Но нам-то... всё совершенно ясно. Кому не хочется первого сентября пойти в школу в новых кроссовочках?» (Сванов, 1990, 156–157).

О середине 1980-х гг.: «Оказалось, они [старшеклассники] стояли в очереди за кроссовками. Пока ждали, пока успели съездить к родителям, к знакомым за деньгами...» (Симонова, [1985] 2003, 26).

О Курган. обл. в нач. 1990-х гг.: «В старшей группе детского сада (1991 г.) сандалии стали заменяться кроссовками. Первый раз я увидела кроссовки, когда мне их привез папа. Они были белые, кожаные, на боках – жёлтые и синие линии из кожи; шнурки – белые-белые. Я одна была на выпускном в беленьких кроссовках, остальные – в сандалиях. Потом кроссовки купили старшему брату – и он тоже в своем б классе был один в кроссовках. Затем, примерно через 1–2 года, кроссовки были уже практически у каждого. Но интерес к ним не угасал, наоборот, кроссовки приобрели всеобщую популярность как самый модный, удобный и красивый вид обуви» (012).

«Кроссовки появились в середине 1990-х годов. Были сделаны из кожзаменителя, поэтому быстро трескались. Они выпускались под фирмой “adidas”. Были в основном белого цвета» (068).

КРОТ – персонаж серии мультфильмов.

О 1994–1995 гг. в г. Завитинске Амурской области: «Когда мне было 9–10 лет, я посмотрела мультфильм про крота по телевизору. Сначала не было понятно, что мультфильм – нерусский, но потом мне об этом сказала мама. Кротик был очень мил, и мне нравилось наблюдать за его приключениями, хотя они были очень просты» (107).

О 1995 году в Шадринске: «Когда мне было 8 лет, моим любимым был мультфильм про крота. Он был очень маленьким, добрым, смешным, он всем помогал» (121).

«КРОТЫ» – детская игра с рытвем «ходов» в снегу.

О девочке 10 лет в с. Ново-Ильинском Петуховского р-на в 1996 году: «Зимой, по субботам и воскресеньям, когда не нужно было идти в школу, мы играли в кротов. Собирались около полудня по 5–6 человек, выбирались место, где настил снега был более метра. Каждый выбирал исходную точку, примерно в двух метрах друг от друга, и центр, куда нужно было копать. Начинали рыть сначала в глубину до 1,5 метров, а затем вдоль к центральной точке. Рыли лопатками, тарелками, лопатами, некоторые, руками. Входное отверстие делалось круглым, диаметром немного больше ребёнка, чтобы свободно влезть и вылезть, а внутри стены расширялись так, что могли проползть 2 человека. Через слой снега можно было слышать, как другие ребята

скребутся. Это значило, что вскоре вы встретитесь. Кричали друг другу, подбадривали, голоса становились отчетливей и, наконец, появлялась рука, обязательно здоровались, обнимались, делились впечатлениями. Снег с внутренней стороны убирали ведерками, иногда грузили на картон и выносили на поверхность. Было очень интересно ползать по туннелям. С наступлением вечера маскировали входы в туннели, чтобы не надуло снега. Вырезали твердую корку снега, диаметром чуть больше входа, снизу счищали снег и закрывали этим куском вход. Это занимало у нас все выходные» (143).

КРУГЛОСУТОЧНЫЕ группы, ночные группы в яслях и детском саду – группы, в которых дети находятся круглые сутки, включая ночное время – в отличие от обычных групп, из которых детей родители забирают вечером.

О 1960-х гг.: «Это случаи, когда... детей искусственно лишают семьи, отдавая их в так называемые круглосуточные группы... Разрешите поделиться опытом работы в “ночной” группе... Вчера – круглосуточные ясли, сегодня – недельный сад, завтра... школа-интернат. Но те, кто требует, чтобы круглосуточных яслей, садов, интернатов было как можно больше..., не хотят, чтобы дети отдалились от семьи... Это призыв к родителям подумать: не отдавать детей в круглосуточные сады без крайней на то необходимости» (Леонидова, 1968, 68–70).

«КРУГЛЫЙ год» – ежегодное издание для детей (в разное время – книга-календарь, книга игр и развлечений, книга для чтения, литературно-художественный сборник). Выходило ежегодно с 1946 года по 1985 год (возможно, и позже).

О детской библиотеке в Шадринске в 1947–1948 гг.: «Большим спросом [в 1946 году] пользовались книги... А из журналов очень любили... “Пионер” и “Затейник”... Позднее познакомились со сборником “Круглый год”, за которым буквально занимали очередь» (Плотникова, 1999, 115).

Издание «Круглый год. Книга для чтения на 1954 год» (М.-Л., Детгиз, 1953 – 159 с.) предназн. для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Включает разделы: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», «Опять зима». Из содержания: А.П. Гайдар «Сказка о военной тайне»; А. Барто, Буква «Р»; С. Могилевская, «Гори, наш костёр»; З. Александрова «На октябрьской улице».

«Круглый год. Книга-календарь для детей на 1955 год» (М.-Л., Детгиз, 1954 – 189 с.) предназн. для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Включает разделы: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», «Опять зима». Из содержания: А. Барто «Два снежка»; стихотворная подборка «Праздник Первого мая»; рассказ в картинках «Приключения Васи Календаркина и его умного щенка Урсика».

«Круглый год. Книга-календарь для детей на 1959 год» (М.: Детгиз, 1958 – 256 с.) – для детей дошкольного и младшего возраста. Включает разделы: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», «Опять зима». Из содержания: «Почему идёт дождь», «Почему снег скрипит под ногами».

«Круглый год. 1960. Книга для чтения» (М.: Детгиз, 1959 – 223 с.); «Круглый год. 1961. Книга для чтения» (М.: Детгиз, 1960 – 240 с.) – предназначены для детей младшего возраста. Включают разделы: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», «Опять зима». Из содержания: «Как Боба Бубенчиков не мог сколотить скворечник», «Почему бывает гроза?», «Почему бывает “слепой дождь”?», «Почему бывает день и ночь?», «Как стрижи воду пьют».

«Круглый год» за 1970 год предназначен «для младшего школьного возраста» и содержит разделы: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», «Опять зима». Из содержания: «Залп из тысячи орудий», «Крапивные солдаты», «Путешествие в страну красных галстуков», «Детский альбом», «История букваря», «Лесная кормушка». (КГ, 1970)

Альманах «Круглый год» за 1981 год содержит разделы: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», «Опять зима». В каждом из первых четырех разделов – рубрики «Загадки», «Мы смотрим в мир», «Мы живём в стране

Советов», «Из дорожного чемодана», «Весёлый звонок». Содержание – сказки народов мира, стихи, рассказы, шутки, очерки; иллюстрации, фотографии. Из аннотации: «В книгу входят произведения советских писателей, связанные с юбилейными и знаменательными датами года, многие страницы посвящены тайным природы, различным областям науки, техники, знакомят с жизнью школы, с делами пионеров и октябрят» (КГ, 1981).

Ист.: Старцев, 1958, 205–209; Старцев, 1961, 381–388.

КРУГЛЫЙ отличник, круглая отличница – об учащемся, имеющем только отличные оценки (в четверти, в году).

О первой половине 1970-х гг.: «“В шестом поднажму, – утешал себя Антон. – Захочу – сразу даже в круглые отличники выскочу”» (Миксон, 1976, 87).

«КРУГОВАЯ верёвочка» – игра 1920-х – 1930-х гг. неизвестного содержания.

О второй половине 1920-х гг. – начале 1930-х гг. в Москве: «Играли в кошки-мышки, чижика, вечный коридор, круговую верёвочку, лапту, казаки-разбойники, горелки – игры, подчас довольно сложные и известные современному поколению только по названиям да по упоминаниям в классической художественной литературе» (Федосюк, 2004, 17).

КРУЖАЛО – карусель на льду.

О селе Шатрово [ныне] Курганской области в 1936 году: «Перед трудной зимой у нас был ещё глоток детства... Каждый год, в основном для девочек и малышей, парни постарше устраивали карусели-кружала. Конструкция устройства шла, наверное, “из глубины далёкой”. Пробивается во льду лунка диаметром около девяти сантиметров... В лунку вставляется и забивается в дно озера прочный кол. На кол одевается тележное колесо с трубицей под деревянную ось. Две жерди, длиной по четыре-пять метров, толстыми концами крепятся супротивно на колесе, и кружало готово. На концы жердей крепятся санки, две двухметровые палки вставляются концами в спицы колеса. С помощью этих палок карусель приводится в круговое движение. На большой скорости движения “пилоты”, как правило, удержаться на санках не могут. На этом этапе меняют “экипаж”. Теперь крутят “пилоты”... Через час карусель была готова... Только закончили мы устройство карусели – слышим: забивают кол в дно озера у соседнего переулка. Там тоже строят карусель» (Вологин, 2003, 82).

КРУЖОК – группа учащихся с общими интересами, объединившихся для совместных занятий во внеучебное время.

«Внеклассная работа проводится в школах... через кружки и путем массовых мероприятий. Кружки организуются для учащихся, начиная с 3 класса. Разнообразные кружки можно свести к следующим основным группам: 1) общеобразовательные (лит., ист., геогр., краеведч., юных натуралистов-мичуринцев, мат. и др.); 2) худ. (драм., хоровой, муз., живописи и рисования, хореографич. и др.); 3) трудовые и тех. (кружок “Умелые руки” для учащихся 3–5 классов, электротех., радиотех., авиамодельный, кройки и шитья и др.); 4) физкультурные и спортивные. Участие детей в кружках совершенно добровольное. Дети группируются в кружки независимо от класса и возраста, соответственно своим интересам» (Медынский, 1955, 103).

Из пособия 1957 года для классных руководителей: «Одним из основных видов внеклассной работы является кружковая работа. Кружками обычно руководят учителя-предметники или кто-либо из приглашенных специалистов. Но бывают случаи когда кл. руководитель организует кружок в своем классе по тому предмету, который он сам преподает, или какой-либо другой кружок... Шк. кружки бывают предметные, лит.-драм., тех., краеведч., туристские, муз.-хоровые, кружки “Умелые руки”, спортивные и др. В орг-ции и проведении кружковой работы роль кл. рук. заключается в том, чтобы... вовлечь учащихся в кружки и затем следить за их работой, памятуя о том, что каждый ученик может состоять не больше как в двух кружках (один – предметный, а другой – худ. или спорт.... Наиболее

распр. кружками, которыми могут руководить сами кл. руководители в зависимости от их склонностей и способностей, являются различные тех. кружки, худ. и спортивные. Вовлечение учащихся в кружки нужно осуществлять с учетом их интересов и склонностей, с учетом возраста. VII пленум ЦК ВЛКСМ и XII съезд ВЛКСМ рекомендовали для уч-ся VI–VII кл. создавать такие предметные и тех. кружки, как физ., хим., электротех., радиотех., фотографии, авиамодельные, судомодельные, с.-х. и тех. Для учащихся пятых классов рекомендуется создавать кружки “Умелые руки” по изготовлению простейших моделей и приборов, по обучению переплетному делу, выпиливанию, рукоделю. Для учащихся V–VII классов создаются юннатские кружки, имеющие большое значение в формировании материалистич. мировоззрения учащихся, в восп. у них любви к природе, в приобщении их к труду. В VIII–X классах создаются различного рода предметные и тех. кружки. Для учащихся V–X классов организуются также хоровые, драм. и различ. спорт. кружки... Наиболее распространенными тех. кружками являются такие, как кружки юных электротехников и радиолюбителей, юных авиамodelистов, по изучению автомобилей, мотоциклов, тракторов, комбайнов... Важное значение приобретает работа кружков в сельских школах [–] юных растениеводов и животноводов, по изучению автомобилей, тракторов, комбайнов и других с.-х. машин...» (КР, 1957, 182–184).

О 1930-х гг. в Ленинграде: «...Кружков в школе работало множество... Ставили спектакли, выпускали журналы» (Гранин, 1990–5, 479).

О середине 1930-х гг.: «...Те кружки, которые у нас есть, носят чаще всего либо физкультурный, либо театральный характер. Затем, у нас считается, что кружок по литературе, по изучению природы, по истории – это продолжение учёбы. Непременно в кружке должен быть руководитель, который должен всё рассказывать, а ребята, как птенцы, должны лишь разевать рты и только глотать им преподносимое. Без руководителя у нас кружок не мыслится. Нужно в кружках больше детской самостоятельности» (Крупская, [1937] 1954, 75).

О литературном и боксерском кружках в 1941–1945 гг.: «В тяжелые военные годы сколько кружков (добровольно, бескорыстно!) вели наши учителя! Книг было мало, и поэтому особенно приятны были чтения вслух в нашей библиотеке, в лит. кружке... Физкультурник – боксер, потерявший на войне руку, – учил ребят боксу и организовывал показательные бои. (Рассказывали: шел он вечером с учениками, а на них – двое здоровенных детей. Однорукий Петр Дмитриевич быстренько уложил их в снег... После этого в боксерский кружок отбою не было)» (Санников, 2001).

О перв. пол. 1950-х гг.: «В своё время ещё Н. К. Крупская осуждала тот факт, что в дома пионеров “брали только одарённых ребят, отличников, а ребят с улицы не брали”. Этой болезнью, к сожалению, страдают и сейчас некоторые пед. коллективы школ и внешкольных учреждений. Они строят внекл. и внешк. работу, опираясь только на наиболее организованных и хорошо успевающих школьников. Они подчас возводят даже в принцип недопустимость вовлечения в кружки или различные другие внекл. или внешк. мероприятия неуспевающих учеников, а порой не допускают в кружки даже имеющих “тройки”... В задачу работы с учащимися по технике входит создание кружков “Умелые руки” для мл. школьников, в первую очередь для III–V классов, орг-ция разнообразных тех. кружков для учащихся сред. и старшего возраста, а также кружков юных физиков, химиков, математиков для учащихся VII–X классов» (ВВВР, 1955; 12, 22).

О начале 1960-х гг.: «После уроков в пятом классе “А” выбирали редколлегую, старосту и записывались в различные кружки» (Карпенко, 1962, 16).

О 1970-х гг.: «Кружки для школьников организуются в школах, внешк. учреждениях и по месту жительства детей. Занятия в кружках являются одной из самых распростран. форм внекл. и внешк. работы с учащимися. Записаться в интересующий его кружок может любой

желающий. Занятия проводятся бесплатно один-два раза в неделю. Кружки помогают выявлению индивидуальных наклонностей детей и развитию их творческих способностей. Самыми распростран. в школе являются предметные кружки, в которых ученики занимаются углублённым изучением какого-либо учеб. предмета, например, физ. кружок, мат. кружок, кружок ин. языка, географич. кружок и т. д. В таких кружках, как правило, занимаются по группам, объединяющим учеников одного года обучения (например, учеников девятых классов). Ведут кружки учителя-предметники. В помощь руководителям кружков издаются спец. программы. Занятия проводятся в форме бесед, докладов, рефератов, сообщений, практических опытов. На них кружковцы изучают материал сверх учеб. программы, знакомятся с новостями науки, техники, лит.-ры. Предметные кружки часто объединяются в шк. и пионер. науч. общества и клубы. Так, активисты кружка ин. языка становятся, как правило, членами клуба интернац. дружбы. Кроме предметных, в школе действуют и такие кружки, как “Умелые руки”, в котором дети учатся своими руками делать красивые и нужные вещи, кружки юных радиотехников, драм. кружки, кружки худ. самодеят-сти и др. Работу в таких кружках часто ведут шефы школы и родители учеников. ...Во внешк. учреждениях... работают кружки самого разного профиля. Юные техники, натуралисты, химики, художники – постоянные участники различ. конкурсов, смотров и соревнований. Лучшие работы кружковцев представлены на выставках дет. тех. или худ. творчества. Кружковая работа развита в проф.-тех. училищах, сред. спец... учеб. заведениях» (Денисова, 1978, 132–133).

О конце 1970-х гг.: «Мама записала его в шесть разных кружков. Максиму жалко маму. Он беспокоится, ей кажется, что самое главное – не оставить ему ни минуты свободного времени, тем меньше у него возможности попасть в плохую компанию, сбиться с пути» (Матвеева, [1982] 1986, 36).

О 1980-х гг.: «В отличие от факультативов, ученич. кружки могут создаваться уже в нач. классах, работают они без обязат. программы, планы и хар-р работы определяются руководителями кружков и ребятами-кружковцами. В школах создаются кружки различного профиля: предметные (служащие для расширения и углубления знаний по интересующим ребят предметам шк. программы), художеств.-эстетич., технические, краеведческие и экскурсионно-туристические, красных следопытов, юных натуралистов и защитников родной природы, спортивные (секции) и др.» (СВ, 1990, 283).

Кружок выразительного чтения.

О середине 1960-х гг.: «Бывает, что хорошо читающие ученики (школьные “лауреаты”) быстро покидают кружок [выразительного чтения]. Кропотливая работа над исполнением их не увлекает, а с успехом выступить на шк. вечере они могут и без этого. И, наоборот, часто “оседают” учащиеся, не имеющие на первый взгляд никаких исполнительских способностей» (Завадская, 1968, 25–26).

Кружок радиолюбителей – см.: *Радиолюбительство*.

Кружок современных танцев.

О вт. пол. 1960-х гг.: «Я обернулся и увидел, что сзади ковыляет Кудя. “Ногу подвернул”, – сказал он. “Когда? Сейчас?” “Вчера. На кружке современных танцев. Вчера был кружок современных танцев...”» (Вольф, 1971, 39).

Кружок судомодельный.

О перв. пол. 1960-х гг.: «...Однажды мы... отправились в судомодельный кружок при Доме пионеров, чтобы научиться строить пока что хоть маленькие корабли. Но там все с азартом делали кордовые авиамодели, мастер неохотно выдал нам какой-то готовый набор из плохо обструганных деревяшек...» (Клех, 2003).

Кружок юннатов – см.: *Кружок; Юннаты*.

О конце 1940-х гг.: «Взрослые и Лена, недавно избранная председателем кружка юннатов, заняли места за учительским столом» (Шаров, 1961, 30).

Кружок юных натуралистов – см.: *Кружок; Юннаты*.

О перв. пол. 1950-х гг.: «Все более широкое распространение в школах получают кружки юных натуралистов, в кот. под рук-вом учителя на шк. учебно-опытных участках и в уголках живой природы занимаются пионеры и школьники, особо интересующиеся вопросами сел. х-ва и биологии» (ВВВР, 1955, 27).

КРУЖОК юных киномехаников – см.: *Кружок*.

О 1953–1954 гг.: «За последние два года широко стали развиваться кружки юных киномехаников. Изучив киноаппарат, школьники активно помогают учителям и пионер. вожатым демонстрировать фильмы на уроках, на пионер. сборах, на шк. вечерах» (ВВВР, 1955, 23).

КРУТОЙ – авторитетный, обладающий властью, поступающий независимо, без оглядки на мнение окружающих, бесстрашный, имеющий влияние и т. д.

О девочке 10–15 лет в с. Костыгин Лог в 1995–2000 гг.: «Когда маленькие ребята пытались строить из себя взрослых и крутых, мы говорили: “Нога на ногу, сопля на щеку”. Так могли сказать и на меня и моих сверстников старших ребят, ведь мы тоже иногда строили из себя крутых» (137).

О 1998–1999 гг.: «Бандана – это был... головной убор рокеров, хулиганов...; в нашем случае – подражание “внешней крутизне”» (110).

О 1990-х – нач. 2000-х гг.: «...Каждый день старшие школьники собирают денежную дань с младших... Если платят тебе – ты “крутой”, тебя уважают...» (Гетманский, 2002, 46–47).

«КРУТИ педали» – (из детско-подросткового лексикона) уходи отсюда!

О мальчике 9–10 лет в Шадринске в 1990–1991 гг.: «Как-то я с друзьями во дворе сидел, мы разговаривали обо всякой ерунде. К нам мальчишка помладше подошел. Просто рядом встал. А мы не хотели, чтобы он слушал, о чем мы говорим. Один из моих друзей сказал: “Надо что-то?” Парнишка ответил: “Да нет, ничего!”, а в ответ ему: “Ну вот и крути педали, пока не дали, а то догонят и дадут, что педали отпадут!”» (сообщ. записала респ. 137).

КРЫЛОВ – Иван Сергеевич Крылов, русский писатель, баснописец. См.: *Басни Крылова*.

КРЫША – 1. «Верхняя часть строения, покрывающая его и служащая защитой от атмосферных явлений» (Словарь, 1956–5, 1759).

Крыша как место времяпрепровождения детей.

О 1970-х гг.: «В тёплое время года все свободное время [девочка] проводила на окрестных крышах. Там можно было много чего делать: загорать, играть в карты, курить, рассказывать всякие истории. Но, конечно, домой оттуда бегать по нужде было хлопотно. Проще было писать в водосточные желоба. Кто умел – писал прямо в трубу. Потом это всё, натурально, вытекало на тротуар» (Коршунова, 2004, 9).

О девочке 3–12 лет в с. Крутихи Далматовского р-на в 1990–1999 гг.: «Начало: 3–4 года. На моё посещение крыши сельского дома, в котором я жила, моя бабушка, увидев меня на ней, отреагировала взволнованно и немедленно попросила меня слезть. Именно с этого возраста моё главное любимое развлечение в этом и заключалось до достижения 11–12 лет» (211).

Прыгать с крыши – см.: *Прыгать в снег / сугроб с крыши, забора*.

КРЫША – 2. (жарг.) Голова; способность мышления.

Крыша едет (у кого-либо) – (кто-либо) сходит с ума.

О с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «Когда мы с одноклассниками долго учили какой-н. шк. материал, кто-н. из нас говорил: “Ну, у меня уже крыша едет от этой учебы! Скоро с ума сойду!” или: “Крыша уже поехала, вчера до ночи учила...” Также могли употреблять подобные выражения немного с др. окраской: “Да он вообще чушь порет! У него, наверное, крышу сносит! Не соображает совсем, ведет себя, как дурак!”... или: «У меня сегодня крыша едет, дом стоит» (154).

О с. Ушаковском Катайского р-на в 1996–1997 гг.: «Выражение “Крыша едет, дом стоит” я знаю примерно с 9–10 лет. Его мы говорили в случае, если кто-то нам говорил что-то нехорошее или неправильное. Чаще всего это выражение мы говорили мальчишкам. Ещё есть

похожее выражение: “Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша”» (139).

О девочке 10–12 лет в г. Когалыме в 1997–1999 гг.: «Сестра приходит уставшая домой с учебы, я у неё спрашиваю: “Как дела?”. Она отвечает: “Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша”» (134).

О девочке 12–14 лет в Шадринске в 1998–2000 гг.: «В школе одноклассники говорили: “Крыша едет, дом стоит”, когда были очень уставшими или не понимали чего-то. “Я не могу перевести рассказ об Анне (с англ. яз)”. “У меня вообще уже крыша едет от этого иньяза”. “Ага, крыша едет, дом стоит”» (132).

О девочке 10–13 лет в с. Карачельском Шумихинского р-на в конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Выражение “Крыша едет, дом стоит” я использовала в детстве, в различных ситуациях, когда человек вел себя неадекватно, ненормально. Напр., моя подружка Оля решила пошутить надо мной: она стояла возле лужи и сказала: “Смотри, там кто-то плавает!”. Я наклоняюсь к луже, чтобы посмотреть, а она взяла и палкой ударила по грязной воде, обрызгав меня, на что я ей сказала: “Крыша едет, дом стоит”» (142).

О Шадринске в 2001–2004 гг.: «Когда мне было 14–17 лет, я употребляла выражение: “Крыша поехала” только при общении с друзьями и приятелями. Например, если мне подруга предлагала поздно идти гулять, я ей отвечала: “У тебя, что ли, крыша поехала, уже ведь поздно”. Или, напр., когда я была утомлена после уроков, я говорила: “У меня уже крыша едет от этой учебы”» (135).

КСИЛОФОН – муз. инструмент, состоящий из ряда прикрепленных к ящику (или двум планкам) и подобранных в известном строе деревянных пластинок, по которым ударяют деревянными молоточками или палочками.

О 1950-х гг.: «Какой-то толстяк в енотовый шубе бил молоточком по детскому ксилофону, но ничего не было слышно, потому что только что кончился “золотой дождь” и покупательницы громко спрашивали, будет он ещё или не будет» (Виткович, Ягдфельд, [1959] 1961, 133).

О начале 1960-х гг.: «Здесь нарисован ксилофон. Это муз. инструмент. Он состоит из звонких деревянных пластинок разной длины. Чем короче пластинка, тем выше она звучит, когда по ней ударяют. Восемь пластинок ксилофона, начиная от нижней, звучат как ступени гаммы. На ксилофоне играют палочками. Звук ксилофона – отрывистый, лёгкий. Представь себе, что ты играешь на ксилофоне» (Солоникина, 1962, 30).

Статья 1967 г. (о родителях, не дающих детям игрушки, «опасные» для чистоты комнаты) указывает на то, что в 1960-е годы ксилофоны были распространены в детской среде: «Усвоив, что нельзя отнимать у детей пластилин или краски, они начнут отбирать у них дудочки, свистульки, игрушечные флейты, гармошечки и столь распространенные в детской среде ксилофоны, именуемые в просторечии цимбалами». (Носов, [1967] 1982–4, 422).

«КТО быстрее» – название игры, правила которой совпадают с правилами игры в *гусёк*.

О начале 1960-х г.: «Лидя объяснила: “У меня дома есть игра. Называется “Кто быстрее”. Надо бросать кубик с точечками и передвигать по доске деревянную фишку. Сколько точек будет на кубике, на столько клеточек и передвигать”» (Мамлин, Соколовский, 1963, 58).

«КТО возьмёт без спросу, тот останется без носу» – предостережение, писавшееся учениками до революции 1917 года.

«До революции дет. фольклором – песенками, считалками, дразнилками – интересовались только специалисты (П. Бессонов, П. Шейн и другие). Однако в их записях устного творчества детей преобладал фольклор крестьянский. К гор. песенкам и считалкам, к уличным и шк. дразнилкам относились в те времена пренебрежительно. Никому и в голову не приходило напечатать в каком-либо сборнике знаменитое стихотворное предостережение, которое большинство

детей-школьников писали на учебных книгах: “Кто возьмёт её без спросу – / Тот останется без носу”» (Галанов, 1965, 39–40).

«...[Дядька нёс] на плечах большую корзину с книгами, тетрадами, перьями, карандашами, резинками и линейками. Книги уже были давно знакомы Буланину: задачник Евтушевского, французский учебник Марго, хрестоматия Поливанова и священная история Смирнова. Все эти источники премудрости оказались сильно истрепанными руками предшествующих поколений, черпавших из них свои знания. Под зачеркнутыми фамилиями прежних владельцев на холщовых переплетах писались новые фамилии, которые, в свою очередь, давали место новейшим. На многих книгах красовались бессмертные изречения вроде: “Читаю книгу, а вижу фигу”, или: “Сия книга принадлежит, / Никуда не убежит, / Кто возьмёт ее без спросу, / Тот останется без носу”... Попадались также нередко обидные и насмешливые выражения по адресу учителя того предмета, который трактовался учебником» (Куприн А.И., На переломе (Кадеты)).

О 1899 г.: «Мы прошли в учительскую, где инспектор... проэкзаменовал меня. Стоя с опущенной головой у большого стола, покрытого зеленым сукном..., я бойко читал страницу из “Родного Слова” Ушинского. “Отлично, превосходно!” – восклицал добрейший Александр Иванович. “А я и по письменному могу! – ободренный успехом, похвалился я. Прежде чем меня успели остановить, я откинул корочку книжки и стал читать неровные строчки, написанные корявым детским почерком: “Сия книга принадлежит, никуда не убежит. Кто возьмёт её без спросу, тот останется без носу. Кто возьмёт её без нас, тот останется без глаз...” “Довольно, Саша, довольно! – рассмеялась молоденькая учительница Таисия Георгиевна Новоселова. – Видим, что умеешь...”» (Волков, [1975] 1978, 67–68).

Из стих-ия С.Я. Маршака «Книжка про книжки»: «В географии Петрова / Нарисована корова / И написано: “Сия / География моя./ Кто возьмёт её без спросу, / Тот останется без носу”» (Маршак, [1924] 1968–1, 231). В 1924 г. ещё не выпускались новые учебники, поэтому ученики пользовались учебниками, изданными до революции. Следовательно, по всей видимости, речь в стих-ии идёт не о надписи, сделанной учеником в период с 1917 по 1924 г., а о надписи на учебнике, перешедшей в послереволюционный период с дореволюционных времён.

О девочке 3–5 лет в г. Когалыме в 1990–1992 г.: «Воспитатели в садике нам говорили: “Кто возьмёт без спросу, тот останется без носу”. Я всегда эту фразу воспринимала всерьёз, и прежде чем что-то взять, спрашивала разрешения» (134).

О девочке 12–13 лет в 1999–2000 гг.: «Выражение “Кто возьмёт тетрадь без спроса, тот уйдёт домой без носа” – я прочитала у подружки в её “дневнике” (тетради, в которую она собирала различные стишки). Это выражение было написано на тетради, чтобы её без спроса никто не брал. Потом я всё чаще слышала это выражение, читала у других девочек на тетрадах» (139).

«**КТО ЗА МНОЙ СТОИТ...**» – формула в *прятках*. Некоторые игроки не прячутся, а стоят за спиной галящего с тем, чтобы “застукаться» сразу же. Произнесение данной формулы лишает их такого права.

О второй половине 1940-х гг.: «При игре в прятки тот, кто вошёл, вставал лицом к стене, закрывал его по бокам ладонями и громко произносил: “Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать. Тот, кто за мной стоит, тому три кона водить”...» (Андреевский, 2003, 380).

О конце 1970-х гг. (пожилой человек играет в прятки с малышами): «“Вышел месяц из тумана, вынул звёзды из кармана. Раз, два, три, четыре пять... Я иду искать!”... Дед стоял, прижавшись носом к стене дома. “Раз... – тянул он. – Два... Два с ручками, два с ножками, два с половиной...” А по всему двору – за скамейками, за песочницей, за дверью парадной – притаилась мелкота. “Три! – выпалил дед. – Кто за мной стоит, тот в огне горит...”» (Алмазов, 1982).

О девочке 7–12 лет в с. Зеленоборском Шадринского р-на в 1977–1982 гг.: «“Кто за мной стоит, тот в огне

горит”. Второй вариант: “Кто за мной стоит, тот четыре кона галит”. Так говорил галящий в игре “прятки”. Он произносил такую фразу: “Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват. Кто за мной стоит, тот в огне горит”. Это значило, если кто-то из участников игры не успел спрятаться и галящий, досчитав считалку, видел его, то игра начиналась заново, прежний “Галя” прятался» (134).

«**КТО КАК ОБЗЫВАЕТСЯ, ТОТ ТАК И НАЗЫВАЕТСЯ**» – формула, произносимая ребёнком в ответ на обзывание.

О Саратове в перв. пол. 1950-х гг.: «...[Я] понял простую вещь, выраженную в детской присказке: “кто так обзывается, сам так называется”...» (Боровиков, 2008).

Автору словаря неоднократно доводилось слышать приведённую в заголовке статьи формулу в Шадринске в нач. 1970-х гг.

О девочке 3–6 лет в г. Когалыме в 1990–1993 гг.: «Впервые выражение “Кто как обзывается, тот так и называется” я услышала от мамы. Она учила так говорить, а не ругаться, не обзывать, потому что только невоспитанные дети позволяют себе обзываться» (134).

О девочке 6–10 лет, в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1991–1995 гг.: «Когда говорили что-то обидное в твой адрес или обзывались, была такая отговорка: “Кто так обзывается, тот сам так называется”. Я сама её использовала и слышала от своих подружек, иногда в свой адрес» (137).

О Шадринске в 1994–1997 гг.: «В мл. шк. возрасте во дворе в ответ на оскорбление говорили: “Кто как обзывается, тот так и называется”. Данная фраза помогала защищаться от дальнейших оскорблений. Иногда доходило до смешного, после использования данной фразы, обзывающий начинал не ругать, а хвалить обзываемого, так как [получалось, что] он хвалил себя» (012).

О Шадринске в 1990-е гг.: «В детском саду и особенно в школе (класса до седьмого) мне часто приходилось слышать обзывательные слова в свой адрес, на что я незамедлительно отвечала тем же (сама я никогда не обзывалась первой). Например, мне говорили: “Дура”, а я в ответ – “Идиотка”. Такая словесная перепалка могла продолжаться достаточно долго, пока кто-нибудь один (я или “противник”) не говорил: “Кто как обзывается, тот так и называется” и не уходил. Мы с подружкой до сих пор иногда в шутку применяем это выражение, если одна из нас как-нибудь назовет другую» (020).

«**КТО НА СЕРЕДИНКЕ...**» – см.: «*Кто посерединке...*»

«**КТО ПЕРВЫЙ...**» – игра, характерная для учащихся школы.

О середине 1980-х гг.: «Перед уроком кто-нибудь говорил: “Кто первый войдет в класс, тот “чухан””. И мы все толпились перед входом, пока кого-нибудь не толкнут в класс. Или наоборот говорили: “Кто последний войдет, тот дурак”. И все толпой забежали в класс, что вызвало большое удивление у учителей» (494).

О селе Затеченском Далматовского р-на в 1990–1994 гг.: «Была еще такая игра, когда во время перемены все выходили из класса. Кто-нибудь говорил: “Кто первый зайдет обратно в класс, то будет...” [и добавлял] либо “козел”, либо “чмо” и другие обзывания. Но это иногда кто-нибудь не слышал, например, [когда] кто-нибудь сразу выбежал после звонка, допустим, в туалет, тот не слышал этих слов, и в итоге первым заходил в класс, и все громко смеялись. Когда эти слова слышал весь класс, то по звонку никто в класс не заходил, все стояли в коридоре, пока не приходил учитель, который всегда спрашивал: “Почему вы все здесь? Заходите”. Но никто не заходил, и первый шаг делал учитель. Конечно, такого бурного смеха, как по отношению к ученикам, не было, но тихие смешки и ухмылки были. Потом следом за учителем заходил весь класс, и все рассаживались по своим местам. Почти такая же игра была “Кто первый выйдет из класса”. Тогда весь класс всю перемену сидел в классе. Но иногда из такого положения выручал кто-нибудь из друзей или подружек, которые на перемене заходили в гости. И тогда все могли спокойно выходить и заходить» (474).

«КТО ПОСЕРЕДИНКЕ...» – часть детской шуточной формулы.

О девочке 4–6 лет в с. Зеленоборском Шадринского р-на в 1974–1976 гг.: «Кто посерединке, тот женится на Нинке», – по рассказам сестры, так говорили девочки мальчишкам, когда шли в ряд, взявшись за руки. Мальчики Нину (девочку из группы) не очень любили, поэтому перебежали на край ряда из серединки» (134).

О середине 1980-х гг.: «Кто на серединке – / Тому апельсинки. / Кто по краям – / Тому семечек стакан» (495).

О девочках 5–7 лет в 1986–1988 гг.: «В садике мы любили дразниться: “Лапочка, лапочка... Фу, половая тряпочка!”... “Кто посерединке, тот ест апельсинки, кто по краям, тому золото в карман”, “Кто к нам подойдёт, пусть сначала сопли утрёт”» (574).

О 1980-х гг.: «Кто по краям, тому по лошадям. А кто в серединке, тому апельсинки» (522).

О девочке 7–10 лет в 1994–1997 гг.: «Когда шли куда-то вместе с подружками брались за руки и хором кричали: “Кто посерединке – тому витаминки, кто по краям – тому по деньгам”. Смеясь, толкаясь, менялись местами» (134).

О Шадринске в 1994–1997 гг.: «Кто посерединке, тому апельсинки”. Эта фраза существовала в младшем школьном возрасте во дворе. Поэтому все старались сесть именно посерединке. Выражение использовалось так же и в машине, и было особенно актуально в машине, потому что все дети стремились сесть ближе к окошкам, а в середине никто не хотел сидеть, но после “апельсинок” все старались» (012).

«КТО СО МНОЙ – ТОТ ГЕРОЙ...» – начальные слова рифмованного призыва следовать за собой или играть в какую-либо игру.

О перв. пол. 1980-х гг.: «Зазывалка играть в игру. “Собирайся, народ, кто в (любая игра) играть идет. Кто со мной, тот герой, / Кто без меня, тот поганая свинья”» (499).

О детях 6–8 лет в 1991–1993 гг.: «Когда мы были маленькими, то часто обижались с подружками друг на друга и дразнились... А ещё если кто-то один хотел пойти играть в соседний двор, то, созывая, с собой народ говорил: “Кто со мной – тот герой, а кто без меня, тот паршивая свинья”» (022).

О нач. 1990-х гг.: «В детстве мы играли в различные игры. На нашей улице был заводилой Сережа, и если он что-то придумывал (какую-нибудь новую игру или еще что-нибудь), то он кричал: “Кто за мной, тот герой!”. И все бежали за ним» (025). [...]

О детях 10–11 лет в с. Погорелка (пригород Шадринска) в 1996–1997 гг.: «Мне было 10–11 лет, когда мы использовали эту кричалку. Если кому-то из нас родители дали деньги на шоколадку или конфеты, он, направляясь в магазин, кричал: “Кто со мной, тот герой, кто без меня, тот настоящая свинья”. Все подбегали к нему и шли вместе в магазин» (021).

КУБАРЬ – «Детская игрушка наподобие волчка – шар с ножкой, на которой он вертится» (Словарь, 1956–5, 1778).

«Среди археологических материалов часты находки дет. деревянных мечей... Для девочек, будущих хозяек, изготавливалась игрушечная посуда... Кроме игрушек, сделанных как уменьшенные копии “взрослых” предметов, известны игрушки, предназначенные не для ролевых игр, а для развлечения, в ходе которого, однако, развивались ловкость и координация движений. К таким относились волчки-кубари, кот. полагаюсь вращать, поддерживая кнутиком, вертушки, разных размеров мячи, санки и пр.» (Долгов, 2006, 79).

«С пяти-шести лет дети создавали самодельные игрушки, которые поражали своим разнообразием. Рано овладевали деревенские ребята инструментом (топором и ножом), быстро перенимали приемы работы с разными материалами. Порой дет. самоделки были настолько совершенны, что их невозможно было отличить от изделий старших... Волчок (кубарь). В России волчки... чаще делались точёные из какого-нибудь крепкого дерева в виде вазы, небольшого шара, в середине

пустого, с боковым отверстием и на ножке. Делалось толстое вставное дно, которое было тяжелее основной массы и не позволяло кубарю падать набок во время вращения. При волчке была палочка, называемая ручкой или веретенцем. Перед игрою ножка волчка оборачивалась шнуром, который пропускался сквозь ручки. Когда за шнурок дергали, волчок начинал вращаться, производя звук, напоминающий завывание волков, отчего и произошло название игрушки» (Латышина, 1998, 136–137).

Из стихотворения М. Хераскова «К дитяти» (1816): «Играй, дитя, играй в глазах у некоей мамки; / Верти кубарик свой, ставь карточные замки...» (Цит. по: Гриценко, 2007, 148).

О конце XIX века: «...Игры с кубарем особенно занимают детей от 4-х до 8-и лет, и дети в этом возрасте способны подолгу увлекаться этой игрой. В России самый простой кубарь имеет вид небольшого деревянного шара или цилиндра на коротенькой ножке. Но иногда кубари вытачиваются из дерева с перехватом посередине. Кубарь пускается обыкновенно по твердому, ровному полу, убитой земле и по льду. При игре дети подхлестывают его кнутиком и тем заставляют вертеться без конца. Иногда дети спорят, кто дальше угонит кубарь или перегонит его чрез какое-либо препятствие, например, песок, грязь и т. п. Выигравший спор получает какое-либо вознаграждение. В Астраханской губернии большим вниманием пользуется особого рода кубарь, известный под именем “точки”» (Покровский, 1895, 80).

О 1980-х гг.: «“А в пионерском лагере под Ленинградом во время съемок мы показали ребятам кубарь...” [Д. Лихачев:] “Да-да, это юла, ее гоняют кнутиком”. “Вы-то, естественно, знаете, но никто из ребят, включая пионервожатых, не знал, что это за зверь”. [Д. Лихачев:] “Подозреваю, что кубарь делают сейчас несколько стариков где-нибудь на Вологодчине и в верховьях Волги”. “Да что кубарь... Есть потери обиднее и горше...”» (НЛ, 2006, 45).

См. также: «Точка».

КУБИК Рубика, кубик-рубик – головоломка, имевшая популярность как у взрослых, так и у детей школьного возраста.

О конце 1980-х гг.: «Кубик-рубик – занимательная игрушка в форме разноцветного куба, состоящего ещё из маленьких кубиков, цвета которых надо было расположить правильно, что значит: каждой стороне должен был присущ один цвет. Я играла в него в 1980-х гг., когда мне было 3–4 года. К 5 годам, по-моему, я его изломала и оборвала все наклейки с мини-кубика» (154).

О 1980-х гг.: «Однажды Алёшку на уроке послали губку помочить, которой стирают с доски. И в уборной он увидел троих мальчишек-старшеклассников, которые, убежав с занятий, коротали время за кубик-рубиком. Они вроде бы с таким интересом его крутили-вертели, а на самом деле было им тоскливо и скучно» (Иванов, 1990, 47).

О девочке 7–10 лет в 1992–1995 гг. в г. Челябинске: «Кубик Рубика – головоломка: кубик, разделённый на много кубиков разного цвета. Путем поворачивания сторон кубика, нужно собрать один цвет на одной стороне. Когда я была в гостях у тети и зашла в зал, я увидела на полке среди разных вещей цветной кубик. Было интересно крутить его. Но я ни разу не смогла собрать хотя бы один цвет» (137).

О 12-летней девочке в Шадринске в 1999 г.: «Кубик Рубика – это кубик, состоящий из мелких квадратиков нескольких цветов. Нужно было собрать одну грань (сторону) кубика так, чтобы получился какой-то один цвет этой стороны. Я очень любила собирать кубик Рубика» (135).

О девочке-подростке 16 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 2003 г.: «Кубик Рубика мне и моему брату папа привез с работы. У меня он никакого интереса не вызвал, а брат мой до сих пор любит его собирать» (141).

КУБИКИ – детская игрушка, состоящая из набора маленьких деревянных предметов в форме куба, обычно с картинками, буквами и т. п.

О 1908 году: «Я учил Нину играть на маленьком детском пианино, строил из кубиков дома для её кукол...» (Андреев, 1966, 29).

О нач. 1920-х гг.: «Я показал мальчикам все свои игрушки... Но и оловянные солдатики, и кубики... вскоре надоели моим... знакомым...» (Чаусов, 1963, 14).

О 1930-х гг.: «... Бориска, сидя на полу, строил из кубиков дом, а в кухне разговаривали два голоса» (Осеева, [1939] 1985–2, 427).

О детях 2–3 лет в Ленинграде 1942–1943 гг.: «Посреди комнаты на коврике возились с игрушками два мальчика в одинаковых бумажных шароварчиках. Мальчик был постарше, лет около трёх... Старший воздвигал дом из кубиков, девочка пыталась его разрушить» (Карасёва, 1960, 58).

О 1950 году: «Маленькая Маринка сидела на высоком стуле перед столом. На столе стоял ящик с кубиками. Когда Алексей Степаныч с Мариной вошли в комнату, Маринка взяла из ящика кубик и с грохотом бросила его на пол. “Так, – сказал Алексей Степаныч, – молодец!” Маринка сейчас же взяла др. кубик и... тоже бросила его на пол. Так продолжалось до тех пор, пока в ящике не осталось ни одного кубика... Побросав все кубики, она попросилась на руки к Марине... Потом Маринка стала ползать по ковру, подбирая кубики» (Эмден, 1952, 208).

О 1950-х гг.: «Но тут некоторые... споткнулись о кубики, которые валялись посреди комнаты... Девочка протёрла глаза, но всё равно ничего не увидела, кроме своей беспорядочной комнаты, одевая на полу и рассыпанной кучи кубиков» (Гурьян, 1960; 73, 75).

О нач. 1960-х гг.: «“Алёшка, – не вытерпела мама, – прибрал бы ты лучше свои игрушки! Смотри – у нас с папой полный порядок, а ты кубики свои никак не соберёшь!”» (Браилловская, 1962, 9).

О 1960-х гг.: «Огромную помощь здесь может оказать такая игра, как кубики-азбука. Ребенок, строя из таких кубиков свои сооружения, невольно обращает внимание на буквы, постепенно привыкает к их виду, начинает их различать. Один мой знакомый четырехлетний малыш, которому недавно купили такие кубики, очень быстро выучил почти всю азбуку. К чести нашей игрушечной промышленности надо сказать, что она... хотя, может быть, ещё в недостаточных количествах, но поставляет столь необходимые ему кубики. Беда лишь в том, что, помимо этих допотопных кубиков, по которым учились ещё наши прабабушки, мы за последние двести лет ничего, по сути дела, не придумали...» (Носов, [1966] 1982–4, 435).

О 1970-х гг.: «Только нашим трём Андрюшам ничего не досталось: ни кубиков, ни машин, ни кукол...» (Туричин, 1976, 3).

КУВЫРОК – переваливание, переворачивание через голову; одно из упражнений на физкультуре.

О 1980-х гг.: «Учитель физкультуры меня ненавидел. Я не могла... ни перепрыгнуть козла..., ни исполнить кувырок вперед (казалось, что от этого может переломиться шея)...» (Метелица, 2004–4, 8).

«КУДА ФИГА, ТУДА ДЫМ» – формула, сопровождающая соответствующий жест и призванная отогнать дым от костра в сторону от произносящего.

О Шадринске в 1989–1996 гг.: «Когда мы в одном из дворов Шадринска разжигали костёр, то чтобы дым от него не шёл в нашу сторону, мы показывали пальцы, сложенные фигой в ту сторону, в какую должен был идти дым и кричали: “Куда фига, туда дым”. Считалось, что дым должен послушаться. И мальчишки, и мы, девочки, в возрасте от 4 до 11 лет соблюдали это правило» (012).

О селе Трусилово Шумихинского р-на в перв. пол. 1990-х гг.: «Когда в школе мы ходили в походы или просто собирались на улице (не всегда), мы жгли костры. Если дым лез в лицо, нужно было сделать “фигу” и направить её куда-нибудь в другую сторону от себя, повторяя: “Куда фига – туда дым!” (несколько раз). Дымило в другую сторону, но ненадолго» (024).

См. также: «Дым, дым, я масло не ем».

«КУЗНЕЦЫ» – игрушка.

О конце 1880-х гг. в Саратове: «Моя бабушка...объявила мне, что сейчас мы поедем на Никольскую

ярмарку. Спустившись к Волге, мы подошли к трём биржам, на которых размещалась вся ярмарка. Сначала по мосткам взошли на одну из баржей с щепным товаром – ложками, мисками, салазками, скалками, рубелями, различными игрушками, сделанными из дерева. Мне понравилась игрушка – кузнецы: на двух жёрдочках помещались два кузнеца с молотами в руках, которые бьют по наковальне в середине, когда ту и другую жёрдочки тянешь в разные стороны. Эта игрушка очень распространена и в настоящее время. Бабушка купила мне эту игрушку...» (Золотарев, [до 1975] 1995, 52).

О нач. 1960-х гг.: «Кузнецы-молодцы [заголовок]. Была у Наташи деревянная игрушка – на дощечке два мишки с молотками: потянешь дощечку вправо – синий медведь ударит красным молотком по наковальне, потянешь влево – красный медведь ударит синим молотком, и так по очереди: тук-тук, тук-тук. А вот теперь что-то сломалось, и мишки, перестали стучать... “Бедные мои кузнецы! – думала Ната. – Никто вас не починит...” Толя соединил дощечки и заново прикрутил синего мишку. Лишнюю проволоку он отломил. “Дай я кончики загну, чтоб не кололись”, – сказала Ната. И вот кузнецы-молодцы стали как новые...» (Бороздин, 1962; 15, 19, 20).

«КУЗНЕЧИК» – металлическое сооружение с пружиной для прыжков.

О 1990-х гг. – это пружина, на которую мы вставали в детстве и в Шадринске: «“Кузнечик” прыгали. Это сооружение из железа, на котором находится пружина, место для рук (за что держаться) и для ног (куда вставать). Это для равновесия. Если хорошее равновесие, то можно было прыгать много раз и в течение долгого времени» (135).

«КУЗНЕЧИК» – спортивный клуб прыгунов и спринтеров (в 1980-е гг.).

К 1985 году прошло шесть всесоюзных финальных соревнований спортклуба «Кузнечик».

О 1985 году: «Управление лёгкой атлетики Спорткомитета СССР, Совет спорт. клуба “Кузнечик” и редколлегия журнала “Костёр” приняли реш. о проведении VII Всесоюзных соревнований юных прыгунов и спринтеров. По традиции очередные финальные соревнования членов СК “Кузнечик” будут проведены в Ленинграде, во время зимних каникул, 4 и 5 января 1986 года. Согласно “Положению о соревнованиях СК “Кузнечик”” в них смогут принять участие команды школ-победителей всесоюзного конкурса на лучшую команду по прыжкам в длину и высоту и в беге на 60 метров, а также лучшие юные спортсмены – члены СК “Кузнечик”... Юные спортсмены, ставшие чемпионами и призёрами в своих возрастных группах, получают призы и награды Спорткомитета СССР и редакции журнала “Костёр”» (Костёр, 1985, № 10. – С. 42–43).

«КУЗНЕЧИК» – песня (слова Н. Носова, музыка В. Шаинского), пользовавшаяся большой популярностью в 1970-е годы.

Текст: «[1] В траве сидел кузнечик, / В траве сидел кузнечик. / Совсем, как огурчик, / Зелененький он был. / Представьте себе, представьте себе, / Совсем, как огурчик. / Представьте себе, представьте себе, / Зелененький он был. [2] Он ел одну лишь травку, / Он ел одну лишь травку. / Не трогал и козявку / И с мухами дружил. / Представьте себе, представьте себе, / Не трогал и козявку. / Представьте себе, представьте себе, / И с мухами дружил. [3] Но вот пришла лягушка, / Но вот пришла лягушка, / Прожорливое брюшко – / И съела кузнеца. / Представьте себе, представьте себе, / Прожорливое брюшко. / Представьте себе, представьте себе, / И съела кузнеца. [4] Не думал, не гадал он, / Не думал, не гадал он, / Никан не ожидал он / Такого вот конца. / Представьте себе, представьте себе, / Никан не ожидал он. / Представьте себе, представьте себе, / Такого вот конца».

«КУКАРАЧКА» – детская фольклорная песенка; имела фольклорное бытование в детской среде в 1970-е–1990-е годы.

Автор словаря слышал эту песню, певшуюся на мелодию «Неаполитанской песенки» П.Я. Чайковского, в

Шадринске в конце 1960-х – нач. 1970-х гг. Речь шла в песне о старушках и их собачке. Автору запомнились лишь следующие строки: «И была у них собачка / По прозванию Кукарачка... / Операчка – неудачка, / Вот и сдохла Кукарачка».

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг. (запись текста песни студенткой): «Жили-были две старушки, / На одной были речушке, / И была у них собачка / По прозванию Кукарачка. / Эх, Кукарачка, очень умная собачка / По прозванию Кукарачка. / Вдруг поехали на дачку, / Захватили Кукарачку, / А в дорожке неудачка – / Заболела Кукарачка. / Эх, Кукарачка, очень умная собачка / По прозванию Кукарачка. / Повезли её в больницу, / Сделали ей там оперичку. / Оперичка неудачка, / Сдохла наша Кукарачка. / Эх, Кукарачка, очень умная собачка / По прозванию Кукарачка» (522)

О г. Завитинске Амурской обл. в 1994–1995 гг.: «Песню “Кукарачка” я пела со своей сестрой, когда мне было 9–10 лет. Мы запомнили ее со слов мамы. “[1] У одной большой речушки, / Жили-были две старушки, / И была у них собачка, / Под названием Кукарачка. Припев: Ах, Кукарачка, / Очень милая собачка, / Очень славная собачка, / Под названием Кукарачка. [2] Раз поехали на дачку, / Захватили Кукарачку, / А в дороге неудачка: / Заболела Кукарачка. Припев. [3] Повезли ее в больницу, / Сделали ей оперичку, / Оперичка – неудачка, / Сдохла наша Кукарачка. Припев. [4] У одной большой речушки / Плачут, плачут две старушки, / Больше нет у них собачки / Под названием Кукарачка. Припев» (107).

См. также пример в: *Игры с хлопками в ладоши под речитатив.*

КУКИШ – то же, что *фига*.

О 15-летней девочке в середине 1960-х гг.: «...Сережа открыл на звонко, впустил Юльку и, хмурясь, прямо глядя ей в лицо, сказал вполголоса: “Если б не Костя, ох, я б и вытурил тебя, Люлька!” “Попробуй вытури!” – последовал насмешливый ответ. В воздухе мелькнул и задержался под самым Сережиным носом крепкий кулачок. Пальцы были сложены в кукиш» (Котовщикова, 1969, 87).

КУКЛА – детская игрушка в виде фигурки человека, чаще девочки.

Лит.: Морозов, 2006; Чередникова, 2006.

«Существует несколько типов кукол: кукла-младенец, в возрасте до одного года, с согнутыми ножками (в сидячем положении); кукла, изображающая детей дошкольного, реже школьного возраста, с прямыми ногами; кукла определённого национального облика; кукла характерная, забавная, смешная, которая большей частью изображает персонажей лит. произв-ий, напр., Буратино, Незнайку, Шустрика, Мямлика, клоуна и др.» (Григорьева, 1966, 30).

О вт. пол. 1930-х – перв. пол. 1940-х гг.: «“... Куклы в редких семьях были. На моих детских фотографиях (их множество) отец меня запечатлел и с кошкой, и с книжками, и с кеглями, и с кубиками, а с куклой – никогда. Я не помню, чтобы была кукла. В это время боролась с мешанством, с буржуазными предрасудками... А иметь куклу очень хотелось. Во время войны, в эвакуации, я часами мечтала о кукле: как я её одеваю, гуляю с ней, кормлю. Но я знала, что это стыдные желания – никому об этом рассказать нельзя» (Федорова, 2002, 11).

О 1930-х – 1940-х гг.: «Кукла. Мать на базаре купила Клаве куклу. На шею у куклы были бусы, а в косе белые ленты. Клава пела ей песни. “Спи, кукла! Бай-бай! Бай-бай!”» (Редозубов, 1945, 58). «Кукла. Мама купила Лене куклу. Зовут куклу Зина. Хороша кукла у Лены. На кукле лента. Лена носила куклу и пела песни. “Мама, купи и Шурику куклу”» (Воскресенская, 1949, 46).

Делать (изготавливать) кукол.

О 1920-х – 1930-х гг.: «...В [19]30-е годы куклы в семьях были редкостью. Одна из немногих фабрик по производству кукол, сохранившихся после революции, находилась в Москве, там изготавливали кукол с фарфоровыми головами по аналогии с лучшими игрушками нем. и фр. мастеров. Но в 1928 г. за “излишнюю буржуазность” её закрыли по решению Наркомпроса, а

кукол, хранившихся на складе разбили. В Петрограде, на “Треугольные”, делали резиновую игрушку по англ. образцам, а хим. комбинат на Озте выпускал целлулоидные игрушки. Но в масштабах страны этого было мало» (Федорова, 2002, 11).

О 1961 году: «[Соб.: В снег прыгали?] Все прыгали в снег, вот такая игра. Не знаю, кто нас научил. Во втором классе была, 1961 год... [Соб.: А вот делали кукол из цветов?] Да, мы делали. Это любимое было занятие, из одуванчиков, из васильков, а больше всего из одуванчиков: легче было” (зап. в 2005 г. О.В. Жуковой и С.В. Просиной от Татьяны Николаевны Кузнецовой, 1953 г.р., с. Булатниково)» (Райкова, 2006, 81).

О селе Кирово Мишкинского р-на в перв. пол. 1990-х гг.: «Ещё мы делали кукол из проволоки. Эти куклы, в основном, были солдатами и у них были жены. Так же были маленькие детишки. Из скрученной проволоки. Так же я делала кукол из пластилина. У меня была большая пластилиновая семья. Причем эти куклы были очень маленькими. Взрослые достигали 1 см, а детишки были и вовсе 4–5 мм» (517).

Играть в куклы.

О девочках в таёжной деревне в начале XX в.: «Мне вспоминается отнюдь не детская поэма сибиряка М. Кубышкина “Кисельные берега”, напечатанная в журнале “Октябрь” [1960, № 4]. Там есть описание, как в дорев. таёжной деревне крестьянские девчонки играют в куклы. “Кукол мы учили плакать, / Корку резать по частям; / Посадив их в старый лапоть, / Развозили по гостям. / Куклы ели, куклы пили, / Куклы по миру ходили / И протяжно пели стих. / Умиralи – / На могиле / Мы оплакивали их”... Описана дет. игра. Но в ней, как в капле воды, отразилась вся страшная в своей безысходной нищете и монотонности жизнь русского крестьянина – от рождения до смерти» (Мотышов, 1964, 178).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Но мы играли в девчоночьи игры: дочки–матери, домики разные строили, в куклы играли. Особенно была популярна игра с Барби, у меня их было четыре и ещё Кен с ребенком. Иногда мы этими куклами менялись, шили им одежду, причем, для нее хранили самые красивые кусочки ткани. Строили из картонных коробок дома для кукол, мастерили для них мебель, телевизоры, посуду. Уже несколько позже стали продавать в магазинах пластмассовые дома, специально для Барби и ее семьи. В таких домах все необходимое для игры уже было: вплоть до крошечных вилок и ложек и фенов для кукол. Иногда ходили с этими домами к подружкам и играли у них. Или выносили их на улицу. Сначала были куклы, у которых руки и ноги не сгибались, а потом начали появляться Барби почти как люди. Их руки сгибались и ноги можно было согнуть в коленях. Эти куклы считались лучшими. У меня Барби хранились довольно долго, лишь года 3 назад я отдала их младшей сестренке. А так, кто-нибудь из девчонок обычно придумывал новые сценарии для жизни семьи Барби: они ходили в театр, друг с другом на дни рождения, ездили на пикники на игрушечных машинках, даже в бадминтон играли. Вот сейчас кажется как скучно – сидеть, делать что-то с куклами, которые не могут отвечать, им все равно что с ними происходит. А тогда было интересно: проигрывать какие-то роли с куклами, самой придумывать их жизнь, которая всегда была весёлой и беззаботной» (516).

Куклы бумажные из журналов, книг – куклы, изготовленные путём вырезания отпечатанных на страницах изображений.

В 1960-х – 1980-х гг. изображения кукол печатали в различных дет. журналах, продавали отдельно в киосках «Союзпечати» и книжных магазинах. Девочки их вырезали, наклеивали на плотную бумагу, после чего играли с ними.

О нач. 1960-х гг.: «Пришли мы сегодня на пение. Кто подальше сидит – разговаривает, книжку читает. Мы с Галей, например, играем в бумажные куклы» (Долинина, 1962, 69).

О 1980-х гг.: «Собрались две звездочки вместе с пионерами в кабинете труда, чтобы пополнить игротеку второклассников в группе продленного дня. Мальчики

принялись изготавливать флотилию для морского боя. Девочки занимались куклами. Из журналов “Мурзилка” и “Пионер” они вырезали бумажных кукол и наборы различных одежек к ним. А потом сделали для первоклассников лото “Дикие звери» (Бесова, 1988, 116).

Куклы бумажные фабричные.

О середине 1980-х гг. в Шадринске: «У каждой девочки была своя любимая бумажная кукла. Их продавали в бумажном конверте – картонных, красивых, улыбающихся – с одеждой первой необходимости: платья, брюки, свитер, обувь. И мы собирались с девочками вместе и по полдня рисовали, придумывали куклам разных цветов и форм одежду: платья, плащи, пальто, брюки. Для этого мы обводили куклу на листе бумаги, затем рисовали форму одежды, разукрашивали. Делали крепления, чтобы одежда не спадала. Этот процесс придумывания одежды был увлекательным и постоянным. Я ходила и присматривалась к одежде других людей: что мне нравилось – рисовала похожее. Один раз, дело было летом, я шла к бабушке, увидела девушку в длинной юбке – красной с тёмными большими цветами. Мне настолько понравилась эта юбка, что я, глотая слюны от предвкушения создания такой же юбки, быстро пошла к бабушке и первое, что сделала, это села за стол и нарисовала для своей куклы такую же юбку, померила и осталась очень довольна. Потом я нарисовала ещё одну такую же юбку, только короткую» (1001).

См. также: *Тетрадь-дом для бумажных кукол.*

Куклы бумажные самодельные – куклы, изготовленные путём вырезания нарисованных на бумаге изображений.

О Москве в 1908–1910 гг.: «Играть ребята собирались лишь в сумерки. А целый день, длинный и жаркий, томил бесконечной скукой. Послونهاсь по двору, постоишь у ворот... А дальше что? Не зная, куда деться от этой душной застойной скуки, Соня придумала себе игру. Она нарисовала человечков и вырезала их. Получились маленькие бумажные куколки. В толстой книге, которую Соня уже давно исчертила карандашом, был отдел мод. Соня срисовывала оттуда женские фигурки в модных платьях, раскрашивала их цветными карандашами, давала им разные имена; чаще всего эти имена она брала из сказок. Тут была и Алёнушка, и Адальмина, и Белоснежка... Для них строились на столе картонные домики; они ходили по столу, разговаривали, ссорились, мирились, ездили на прогулку в бегониевый лес – на окно. Соня делала им из бумаги столы и стулья, вырезала для них лошадок и сани. В сани эти фигурки могли садиться; умели они сидеть и за столом. Игру в бумажных человечков девочки называли “играть в барыньки”. Но Лизка или Оля редко играли в “барынек”. Играла Соня, а они смотрели... Постепенно у каждой “барыньки” сложился свой характер. Арианда (Соня где-то вычитала название одного дворца в Крыму и решила, что это хорошее имя) в розовом платье, самая красивая “барынька”, была и самой доброй, и самой умной. Она никогда не ссорилась; она только плакала, если её обижали. Очень положительной дамой была Алёнушка в синем платье. Зато Адальмина была горда, заносчива и всегда лезла в ссору. Однажды эта красавица Адальмина так досадила всем “барынькам” и самой Соне, что Соня схватила её, скомкала и выкинула в окно. И Сонины подруги были очень довольны, что избавились от Адальмины. Соня читала сказки, играла в “барынек”, бегала по вечерам с ребятами в салочки, водила хороводы...» (Воронкова, 1959–а, 260–261).

О Москве середины 1910-х гг.: «В детстве больше всего на свете я любила слушать сказки, рисовать бумажные куклы и плакать... “Посмотри, из печки выбежал уголёк и хочет спалить твои бумажные куклы” (Рев усиливался)... Я любила рисовать. Кроме разных картинок, я рисовала бумажные куклы, вырезала их и наряжала в бумажные платья... В детстве я не любила фарфоровых кукол, нравились мне больше бумажные, нарисованные» (Луговская, [1983] 1987; 17, 59, 62).

О Харькове в нач. 1920-х гг.: «Лена... достала бумагу, чёрный и красно-синий карандаш, ножницы и начала мастерить. Я следила за ней. Несколькими движениями,

приговаривая: “Точка, точка, запятая, минус – рожица кривая”, выводила... хорошенькие “личики”... ..Я заснула, а сестра всю ночь мастерила кукол. Из-под рук Лены выходили феи, и японки в кимоно, и просто девочки в коротких платьицах... На следующий день... девочкою я повезла на Благлаз... Лена трудилась не зря. Я молчала, а бумажные куколки будто кричали за меня своими нарисованными ротиками... Куклы же и чертики стали моей специальностью. По вечерам мы их делали все вместе. Кукол мастерили не только из бумаги, но и из тряпок» (Шмерлинг, 1965; 151, 152).

О Ленинграде 1930-х гг.: «У девочек шла... игра в куклы. Настоящие куклы были дорогими... Большой же частью нянчили матерчатых матрешек, возились с бумажными куклами, которых они сами рисовали и вырезали с ручками, ножками и вырезали им платья разных фасонов. Самый интерес был создать наряды, целый гардероб платьев, раскрасить их цветными карандашами – платья, о которых мечтали наши матери, и такие, о которых и мечтать не могли. Да еще пальто, шубы, манто – фантазия пировала, тут соревновались на равных, у кого вкус лучше, воображение богаче» (Гранин, 1990–5, 475).

О 1949 годе: «Куклы у больших девочек не бывают большими. У больших девочек куклы маленькие, целлулоидные или бумажные. И этих бумажных кукол вместе с их платьями набралось несколько коробок. Марина решила подарить их. Может быть, устроить для малышей кукольный театр? Или просто отдать их маленьким девочкам?» (Эмден, 1952, 86).

О вт. пол. 1980-х гг. в с. Шатрово: «Я помню, что часто играла и в бумажные куклы. У меня были и нарисованные мною куклы, для них я рисовала в тетрадках домики, выстригая им окна, двери, кровати, в шкафы укладывала кукольную одежду, но были у меня и покупные бумажные куклы. Мама нам с сестрой купила по большой папке, где была изображена большая кукла, ее одежда, обувь, гардероб. Мне доставляло удовольствие играть с ними, но даже больше нравился сам процесс изготовления кукол, придумывания одежды для них» (529).

О с. Кирово Мишкинского р-на в перв. пол. 1990-х гг.: «Большое знач. в моей игровой жизни имели бумажные куклы. Их у меня было очень много. В осн., я рисовала их сама, но были и такие куклы, которых мне рисовали друзья, сестра и даже мама с папой. Были и такие, которых я вырезала из журналов мод, причем, выбирая только красивых и в красивых “одежках”. Но в этих вырезанных куках мне не нравилось одно – их нельзя было переодеть, они уже были одеты. У моих бумажных кукол были индивидуальные имена и у каждой свой характер. Имена кукол я писала с обратной стороны, то есть на “спине”, чтобы не забыть их. У бумажных кукол был бумажный дом (из тетрадки). Были нарисованы различ. комнаты, были вклеены “карманчики”, чтобы вставлять кукол. Куклы ходили друг к другу в гости пить чай. Помню своих последних бумажных кукол. Это были куклы, вырезанные из вкладышей жвачки “Love is...” Эти куклы были очень маленькими – максимум достигали 1 см. У них был дом – вернее, домик (сделанная тетрадка...)...» (517).

Лит.: Назаркин, 2007, 36–37.

Куклы ватные.

О конце 1930-х гг.: «У Танюшки свой угол – там живут всякие девчоночки игрушки: молчаливые, неподвижные куклы (а одна уже такая старая, ватная, что даже Таня с ней не играет), ...байковые медведи, мячики, запрятанные в сетки...» (Эмден, 1965).

Куклы глиняные – куклы, изготовленные из глины.

О перв. пол. 1920-х гг.: «В смешных рубашках из холстины, / На вырост сшитых нам до пят, / Лепили мы из жёлтой глины / Забавных маленьких кукулят... / А хлеб – он был лишь не у многих. / Разруха. Голод. Нищий быт... / У наших кукол тонконогих был непомерный аппетит, / И мы на них ворчали: “Дуры, Чем вас кормить в конце концов?! – / ...Лепили детство мы с природы, / Не зная лучших образцов”» (Татьяничева, 1960, 12).

О с. Кирово Мишкинского р-на в перв. пол. 1990-х гг.: «Очень часто мы делали кукол из глины. Мы все собирались, брали с собой глину и все друженько шли на озеро. Там мы и изготавливали своих кукол, потом сутки мы их сушили, и на следующий день уже играли этими куклами из глины. Этим куклам мы делали дом в песочнице. Мы с девочками разбивались на группы, делили песочницу на равные части и строили там себе домики. Когда у нас ломались эти куклы, а это было очень часто, т.к. они были сделаны, скажем так, не очень качественно, мы снова все собирались и опять шли на озеро делать себе новых кукол» (517).

Куклы «говорящие» – куклы, которые при определённых действиях с ними (наклон, нажатие на кнопку) издадут звуки, напоминающие человеческие слова.

О 1860-х – 1870-х гг.: «А тетя Варвара подарила мне новую куклу, которая умеет кланяться и пищать уморительно-тонким голосом, стоит только пожать пуговку» (Якубович, 1989, 177).

О дворянских детях в начале 1870-х гг.: «Большой частью на ёлку приезжали к нам Дьяковы... Лучшие игрушки привозились ими... Огромная кукла, “закрывающая глаза”, и если её потянуть за два шнурочка с голубыми бисеринками на концах, которые у неё привязаны между ногами, она кричала “папа” и “мама”» (Толстой, 1969, 67–69).

О конце XIX в.: «Я боялась, что они мешают спать моей маленькой Жене. Она пришла сегодня после утреннего чая в мою комнату и, поцеловав меня, показала мне куклу: “Сегодня, мамочка, я родилась?.. Папочка подарил мне куклу...”... Она оживлённо болтала, прижимая к груди свою куклу. “Она, мамочка, говорит “папа” и “мама”... Послушай”» (Чириков, 1902, 214).

О конце 1930-х гг.: «Женя... пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит – у девочки разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик ..., а у одной – большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошах... Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: “папа-мама”, “папа-мама”» (В.П. Катаев, «Цветик-семицветик» (1940)).

О Ленинграде 1938–1941 гг.: «Это было самое прекрасное воспоминание из довоенной, мирной, солнечной жизни. Еще одним очень приятным воспоминанием была кукла Катя. Юлька любила её почти так же, как маму и бабушку. Катя была большая, ростом с Юльку. Она послушно закрывала глаза, когда ее укладывали спать, и говорила “мама”, когда ее поднимали...» (Денисова, 2006).

О псковской деревне 1943–1944 гг.: «Ко мне тут же подошли мальчик моих лет и девочка помладше. Мальчик протянул акробата на лучинках... Девочка показала куклу. Это была настоящая “торговая” игрушка довоенного времени. Не то что те, которыми играли все девочки в Алтуне: тряпичные, с нарисованными “фимическим” карандашом лицами. У этой красивая головка и длинные льняные волосы. Розовое лакированное личико с закрывающимися голубыми глазницами и черными ресницами, алые губки. И еще она говорила “мама”. Что девочка тут же многократно продемонстрировала» (Мионов, 1999, 103).

О Свердловске во вт. пол. 1940-х гг.: «Вернувшийся с войны отец моей подруги привез ей большую немецкую куклу, которая передвигалась и говорила: “Мама”. Кукла вызвала во дворе огромный интерес, мы с удивлением смотрели в ее большие закрывающиеся глаза, всем хотелось ее подержать, походить с ней» (Факова, 2006).

О 1950-х гг.: «Свой мяч она любила больше всех игрушек, даже больше куклы Кати, которая, если потянуть за веревочку, говорит что-то похожее на “мяу”» (Шишкова, 1958, 5).

Куклы гуттаперчевые.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Он улыбнулся шире, полез в карман, достал белый пакет, развернул: кукла! Гуттаперчевая, такую я видела впервые... Новая гуттаперчевая кукла... так и не прижилась. Я поставила

для неё кровать..., сшила для неё одеяло, но роли в моей игре у этой куклы не было. Целыми днями лежала она в кровати под одеялом, спала» (Латьева, 1969; 254, 258).

О нач. 1950-х гг.: «“Ну, а как Соня?” – спросил Даня Володьку. “Ничего себе, – ответил Иванов. – Мама приехала... А я Соне к новому году куклу гуттаперчевую достал. Весь город, понимаешь, избегал...”» (Георгиевская, 1954, 247).

Куклы деревянные.

«Среди археологич. материалов часты находки дет. деревянных мечей... Для девочек, будущих хозяек, изготавливалась игрушечная посуда... Довольно широко известны деревянные куклы, форма кот. позволяет предполагать, что их пеленали как младенцев (они не имеют ни рук, ни ног)» (Долгов, 2006, 79).

Куклы из папье-маше.

«В Липецк мы переехали весной 1931 года... В [семье командира] был мальчик Олег... Рядом с нами жили две девочки-сестры – Валя и Галя. Все вместе мы дружно играли в куклы... Кукла эта была не очень большая, из папье-маше, у неё не было одной ноги, и вместо неё была вставлена зелёная палочка от “Строителя”. Но всё-таки это была наша любимая кукла. В то время не было таких красивых кукол, как теперь. Чаще это были тряпичные куклы, с головками из папье-маше или целлулоидные – “пупсы”, но из-за этого мы не любили их меньше. Я завернула куклу в маленькое одеяльце, и Олег уехал, прижимая к себе одноногую куклу» (Кубанева, 1988).

Куклы из шишек.

О перв. пол. 1990-х гг. в с. Кирово Мишкинского р-на: «Очень часто мы делали кукол из глины... Частенько мы делали кукол из шишек. Просто брали шишку, приклеивали глаза, рот, вставляли спички (это были руки и ноги). Обычно из шишек делали семьи, реже – отдельных кукол» (517).

Куклы резиновые – куклы, изготовленные из резины.

О девочках 2–4 лет в 1926–1927 гг.: «Папа с мамой читают книгу. Мы с Тамочкой играем в песке. В руках у нас резиновая кукла – Зина. Мы закапываем её по очереди в песок, долго кружимся с закрытыми глазами и ищем её, роя песок. После многократного поиска куклы мы так хорошо прячем её и так долго и старательно кружимся, что, в конце концов, теряем Зину окончательно и грустные уходим с пляжа. Это было примерно в 1926–1927 годах» (Кубанева, 1988). [...]

О середине 1960-х гг.: «“Ты только никому не говори: меня есть старая резиновая Катька...” “...Я подарю тебе куклу!” “Не надо куклу! – серьезно возразила девочка. – Новая мне не нужна – я буду её стесняться! А Катька меня знает с пяти лет! Я к ней так привыкла!”» (Леонидова, 1971, 64).

Куклы с закрывающимися глазами.

О дворянских детях в начале 1870-х гг.: «Большой частью на ёлку приезжали к нам Дьяковы... Лучшие игрушки привозились ими... Но вот дьяковские подарки. Огромная кукла, “закрывающая глаза”...» (Толстой, 1969, 67–69). [...]

О 1941–1942 гг.: «“Галоши забыли взять, – сказала [девочка]... – Всё оставили в Белгороде. У меня кукла была с закрывающимися глазами. И её оставили, вот как...”» (Рождественская, 1960, 19).

О 1950-х гг.: «Я куклу Наташу / Катаю в коляске, / Спать уложу – / И закроются глазки. / Как быстро её / Ветерок убаюкал! / Кататься в коляске / Полезно для кукол» (Барто, 1966, 42).

Куклы тряпичные – куклы, сшитые из тряпок.

«Кукла. Это была наиболее распространенная игрушка. До 7–8 лет все дети вносили игрушки в куклы. Но как только мальчик начинал носить порты, а девочка – юбку, их игровые роли и сами игры строго разделялись. Куклы делали из тряпок, дерева, лепили из глины, вертели из соломы. Куклой могло стать и берёзовое полено, завернутое в старую тряпку, и туго свернутый головной платок, и щепочка... Куклы из ткани шили матери, бабушки и обучали этому искусству девочек. Лет с пяти такую потешку могла делать любая девочка. Как только девочка начинала шить, она обшивала свою куклу

наряды из лоскутков, ненужных тряпочек. Кукла рассматривалась как эталон рукоделия, поэтому часто на посиделки вместе с прялочкой девочки-подростки брали повозочку с куклами... Тряпичные куклы девочки брали с собою на жатву, ходили с ними в гости. А потом их клали им в приданое» (Латышина, 1998, 137–138).

О 1860-х гг.: «Иногда няня, еще не окончив уборки кухни, говорила: “Сегодня станем куклу шить”. Радости нашей нет границ. Няня была великая мастерица в этой работе. Шить куклу не очень-то просто. Надо разыскать белых тряпок для туловища, старых чулок для лица, веревок для волос, разных лоскутков, ленточек, бус и т. п... Но вот целый ворох тряпок уже в детской. Няня надела круглые модные очки и вооружилась иглой. Сестра Лида и я, не спуская восторженных глаз, жадно следим за тем, как создается кукла... В умелых руках няни сначала появлялось туловище, с руками и даже пальцами, с ногами и головой... Голова делалась непременно из старого чулка и мало-помалу оживала... Мы с Лидой раскручивали веревку, няня ее расчесывала... И на голове вырастали длинные чудные волосы... Но милее всего было, когда на меня взглядывали веселые черные глазки из бусинок и улыбался красный рот из шерсти. Мне казалось, что на свет Божий появился человек. Я обнимала новую куклу и начинала ее любить, как живое существо. Любовь моя к куклам доходила до какого-то странного одухотворенного чувства... Это были мои дети, мои заботы... Я играла в куклы до шестнадцати лет» (Лукашевич, [1918] 1994, 119–121).

О 1910-х гг. (стихотв. М.А. Пожаровой «Тряпичная кукла»): «Свернута из тряпки / Кукла у Параши. / Не отыщешь краше: / Руки – словно лапки, / Глазки – пара точек, / А лицо – комочек. / Кукла смотрит косо, / Взгляд ее уныл. / Кто-то вместо носа / Пуговку пришил. / Но Параша любит, / Нежит и голубит / И целует в щечку / Маленькую дочку» (РПД, [1915] 1989, 551–552). [...]

О Ленинграде 1942–1945 гг.: «В тех подарках были еще и игрушки. Но Юлька уже давно забыла вкус шоколада и не видела настоящих игрушек. В детдоме, кроме тряпичных кукол, которые шили сами воспитательницы, их не было» (Денисова, 2006). [...]

Куклы фарфоровые – куклы из фарфора.

О Москве середины 1910-х гг.: «В детстве я не любила фарфоровых кукол, нравились мне больше бумажные, нарисованные» (Луговская, [1983] 1987; 17, 59, 62). [...]

Куклы ходящие.

О 1970-х гг.: «Куклы еще были ходящие. Они были большие, тяжелые, твёрдой пластмассы. В тазовой области располагался какой-то механизм-противовес. Девочка ставила куклу на землю, опирая о землю лишь одну кукольную ногу, и тогда вторая нога подтягивалась сама. Но кукла сама не шла, её нужно было вести. Но ощущение чужда, от того, что кукла “идёт”, было» (Жавелева, 2006).

Куклы целлулоидные – куклы, изготовленные из целлулоида.

О середине 1910-х гг. «Ванда принесла... целый ворох подарков. Тут были различ. игры..., две куклы... – одна голая, целлулоидная, другая фарфоровая...» (Бродская, [1938] 1957, 65). [...]

Куклы-бибабо – куклы-перчатки, надеваемые на руку и приводимые в движение пальцами руки.

Об Одессе конца 1900-х – нач. 1910-х гг.: «Помню, однажды появилась новая игрушка, окончательно вытеснившая бильбоке...» [...]

Куклы-голыши – целлулоидные или пластмассовые куклы без одежды, которые можно купать, завёртывать в пелёнки, одеяльца.

О середине 1950-х гг.: «“Ну, давай играть. У тебя будет Нона, Маша и голышок в конвертике, а у меня Лариса и Наденька”» (Котовщикова, 1960, 30). О 1958 годе: «По-видимому, вертолет здесь был не редкостью. Его появление не вызвало на кордоне особого интереса. Пятилетняя девочка с куклой-голышкой на руках мельком взглянула на машину и побежала дальше по своим неотложным делам» (Сластников, 1961).

Куклы-неваляшки – см.: *Неваляшки*.

Куклы-пупсы, пупсики – куклы в виде голого малыша.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Появились в продаже игрушки... В “Мосторге” продавались целлулоидные пупсы и немецкие губные гармошки. (Андреевский, 2003, 382–383). [...]

О Шадринске в 1996 г.: «Когда мне было 10 лет..., моей любимой куклой была кукла Барби... Ещё у меня был любимый пупсик. Мы его покупали в Киеве. Когда мы переехали в Шадринск и я пошла в первый класс, я его всегда носила с собой и потеряла. Я долго плакала потому, что здесь таких не было, а другого мне не надо было. Когда мне стало 15 лет, я увидела в магазине похороже и купила, хотя уже в куклы не играла» (091).

Кукольная посуда – посуда для игры в куклы.

О середине 1910-х гг.: «Лора заранее приготовила для [десятилетней] Ванды подарок. Докторша взяла её в игрушечный магазин и вместе с ней выбрала фарфоровый кукольный сервиз. В большой розовой коробке лежали крохотные чашечки, сахарница, молочник, чайничек и даже стеклянная вазочка для варенья, завернутая в папиросную бумагу» (Бродская, [1938] 1957, 42).

О середине 1940-х гг.: «Гвардейцы стали шефами детдома. Они привезли нам целую машину с куклами и детской игрушечной посудой» (Шмерлинг, 1959, 173).

Одежду для кукол шить – см.: *Шить одежду для кукол*.

«КУКЛЫ» – игра с элементами театрализации.

О с. Вознесенском Далматовского р-на в середине 1980-х гг.: «Одной из самых любимых наших игр была игра “Куклы”. Все, кто играл, были куклы, кроме тех, кого выбирали продавцом и покупателем. Игра проходила примерно так: из числа играющих выбирался продавец (тот, кто продавал кукол), покупатель (тот, кто этих кукол покупал) и куклы. “Продавец” заранее давал куклам имена и говорил, что они умеют делать. Помню, однажды мне было дано имя “Маша”, и я должна была уметь шекотать. Происходило это примерно так: в магазин приходил “покупатель” и спрашивал: “Я хотел бы купить куклу”. “Какую куклу вы выбираете?” – спрашивал продавец. “Вот эту”, – и “покупатель” указывал на понравившуюся ему “куклу”, то есть на кого-то из нас. Пока “покупатель” выбирал, мы должны были стоять, не шелохнувшись, как настоящие куклы. Затем “покупатель” просил у “продавца” включить данную куклу и показать, что она умеет. Вот тут начиналось самое интересное. После того, как “куклу” включали, она показывала то, что умела, а именно: шекотать, щипать, дразнить и т. д. И доставалось это все бедному покупателю. Он убегал, а “кукла” его догоняла и переставала его донимать лишь тогда, когда он просил “продавца” выключить её. В эти игры и многие другие мы играли, когда на улице было тепло, солнечно» (456).

О 1992–1994 гг.: «Родилась я в Казахстане, г. Канчагай Алма-Атинской обл., там жила до 5 лет... Никаких особенных игр у нас не было... На память приходит одна игра, называли мы её “Куклы”. Суть такова: воображаемый кукольный магазин, один продавец, один покупатель, остальные – куклы. Куклам необходимо придумать, кого они из себя представляют, обыграть “визитную карточку”. Куклам необходимо заинтересовать покупателя, чтобы он купил именно эту куклу. Причем у каждой куклы воображаемый заводной механизм. Перед тем как покупатель заходит в магазин, “продавец” и “куклы” договариваются, кто из “кукол” будет больше всего желать быть у этого хозяина. При просмотре покупателем “визитных карточек” эта кукла” ни с того ни с сего начинает бегать за покупателем, если догоняет, то он вынужден купить именно её, если нет, то покупает на свой выбор» (140).

«КУКОЛКА, балетница, выбражуля, сплетница...»

– инвариантная часть текста, сопровождающего 1) чаще всего игру-развлечение со своего рода «гаданием» на пуговицах; 2) игру со скакалкой.

О с. Понькино Шадринского р-на в 1980-е гг.: «Когда с девочками собирались, смотрели, у кого сколько пуговиц, и по пуговицам считали, кто она сегодня:

“Соня, засоня, Иван, болван, куколка, балетница, выражуля, сплетница, царь, царица, красная девица, туфелька хрустальная, дура ненормальная”. И так звали её весь день. Если выпадало что-нибудь плохое, обидное, бежали домой переодеться или ещё что-нибудь надевали. Если пуговок было больше, чем в этой прибаутке, то начинали проговаривать её заново» (514).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в нач. 1990-х гг. «Это своеобразная считалочка по пуговицам. То есть смотрели, сколько пуговиц на одежде и по считалке вы были тем, кем выпадало: “Девка, парень, поп, татарин, куколка, балетница, выражуля, сплетница”» (011). [...]

О нач. 1990-х гг.: «Другой способ игры со скакалкой заключался в следующем: ведущий складывал скакалку вдвое, присаживался на корточки, при этом двигая скакалку в разные стороны; другой участник игры должен, стараясь не задеть скакалку, перепрыгнуть через нее в такт со словами, произносимыми ведущим: “Куколка, балетница, / Выражуля, сплетница, / Мать-рукодельница, / Дочь-бездельница”. При этом цель игры была в том, чтобы подловить участника на ошибке, и слово, на котором он запнулся, становилось буквально на минут пять его неким прозвищем» (559).

КУКОЛЬНАЯ посуда – см.: *Куклы, Кукольная посуда*.

КУКОЛЬНЫЙ театр (театр кукол) – вид театральных представлений, в которых действуют куклы (объемные и плоские), приводимые в движение актёрами-кукловодами, чаще всего скрытыми от зрителей ширмой. В СССР в 1975 г. работало свыше 100 кукольных театров. Кукольные постановки пользовались популярностью в шк. самодеят-сти, во дворцах пионеров.

О 1953–1954 гг.: «В детский сад часто приезжал кукольный театр. На маленькой сцене куклы творили чудеса. Они танцевали, курили, плакали. И плакали они так сильно, что слезы тоненькой струйкой поливали зрителей. Димка всегда старался подставить под струйку свою голову. А еще куклы пели. Пели они тоненькими и очень приятными голосами» (Дик, 1956, 39–40).

«**КУКУМБЕР**» – «литературный иллюстрированный журнал для детей», выходит с 1999 года. Объём – 64 страницы. Тираж 2002 года – 30 тысяч экземпляров.

«**КУЛЬ**», «**СООЛ**» журнал – для подростков.

О 1997–1999 гг.: «На бюро Объединения московских детских и юношеских писателей... обсуждался журнал для подростков “Кул”. Вот где диверсия! Представьте себе картинки и фотографии с таким текстом: когда мамы с папой нет дома, а вы с другом захотите получить удовольствие, и если вы должны лишиться невинности, то принимайте такие позы... так вам будет удобнее. И это долго рекламировали по телевизору, где три распатланых девки истошно вопили: “Ку-у-у-ул! Ну просто мерзость журнал!” Такая мерзость. Мне кажется, нам пора заводить полицию нравов, чтобы она занялась подобной периодикой. Вот журнал “Мы” для подростков – неплохой» (Томкакова, 1999, 40).

«**КУЛАЧКИ**» – игра девочек.

О 1980-х гг.: «А ещё была такая игра (тоже в школе на перемене), называлась она “Кулачки”. Играли в неё только девочки, а нас было восемь в классе. Садятся в ряд, кладут руки, сжатые в кулаки, друг другу на колени, и с первого человека начинают стучать по определенному коду, у кого какая фантазия. Мы ограничились такими: один раз – два – один раз – два раза –... Кто ошибся, убирает одну руку, а если и второй раз ошибка вышла на его руках, то выбывает. Это игра на внимательность. Играли я со своими одноклассниками в 8, 9, 10-м классах» (611).

«**КУЛГЁЛ**» «**Cool girl**» – журналы для подростков.

О девочке 13 лет в Шадринске в 2000 году: «Я покупала журнал “Cool girl” ежемесячно. И у моих ровесниц этот журнал пользовался большой популярностью. Это был в то время самый лучший и самый известный журнал для девочек» (135)

О Шадринске в 2001 г.: «Когда мне было 14–15 лет, я каждый месяц покупала журналы «Cool» и «Cool girl». Я любила постеры, в середине журнала в каждом номере был постер со знаменитостью. В тот период мне

нравились многие певцы, певицы, актрисы, актеры. В этих журналах описывались различные истории из жизни известных певцов и актеров, мне очень нравилось читать статьи. У меня были все номера журналов, но со временем я их растеряла. В возрасте 14–15 лет все мои подруги покупали эти журналы, а после, прочитав их, мы делились впечатлениями, менялись постерами и обсуждали все статьи. Сейчас у меня нет интереса к этим журналам. Но я могу сказать, что информация, описываемая на страницах журналов, их оформление удачно подобрано для подростков и соответствует интересам большинства подростков» (135).

КУЛАЧНЫЕ бои – сражение на кулаках между двумя сторонами (группами).

О Саратове в нач. 1890-х гг.: «Позади нашего двора начиналась “ограда” – так называлось продолжение ... кладбища, когда-то огороженного забором... Среди жителей “ограды” процветала игра в козаны (бабки), в чушки (городки) как среди ребят, так и взрослых; процветали бои с ребятами и взрослыми, живущими по ту сторону Белоглинского оврага. Эти бои начинали обычно маленькие ребята, к ним присоединялись подростки, а уж затем в бой вступали взрослые мужчины. Условия боя: не бить с крыла (сбоку) и лежащего, в руках не иметь твёрдых предметов. За выполнением этих условий строго наблюдали. Эти бои всегда оканчивались подбитыми носами, глазами, а иногда и более солидными увечьями» (Золотарев, [до 1975], 1995, 58).

О приволжской деревне в 1900-х гг.: «Широкая масленица... Вечером, когда в избах начинали зажигать огни, на всех улицах села заваривались кулачные бои. Подготовку к ним обычно вели ребяташки. Они собирались толпами, продвигались до середины улицы и, потрясая в воздухе кулаками, кричали: “Давай, давай!...” На этот выкрик прибегали мальчишки с другого конца улицы и, подпрыгивая, как петухи, насакивали на противников... Дрались по “по-честному”: без подножки, гирьки или свинчатки в варежки и рукавицы никто не прятал, лежащего не били... Потом “стена на стену” дрались парни и мужики, оттеснив нас, ребяташек, на задний план. Дрались беззлобно...» (Алферов, [1957] 1965, 99–100).

«**КУЛИКУШКИ**» – игра в прятки.

О середине 1940-х гг.: «Мы начали играть с ребятами в “куликушки” – так называли в нас в детдоме игру в прятки» (Шмерлинг, 1959, 164).

«**КУЛИЧИ ПЕЧЬ**», «**куличики печь**» из песка – занятие маленьких детей.

О 1941–1942 гг.: «...Мальши из дошкольной группы пекли куличи на песочной горке под клёнами...» (Могилевская, [1949] 1966, 16).

О детском саде в конце 1940-х гг.: «Быстро сбросил у реки / Тапочки и майки, / Лепит булки, пирожки, / Куличи и сайки...» (Маршак, [1951] 1968–1, 150).

О второй половине 1950-х гг.: «Пока Любаша была маленькой, летом жила у бабушки в деревне. Скажет ей бабушка: “Любаша, иди обедать!” “Сейчас, только один “куличик” сделаю”. Пока Любаша копается да пока собирается, у бабушки и суп остыл» (Бурцева, 1961, 35).

КУЛЬТПОХОД – коллективное посещение выставки, кино, спектакля, музея и т. п.

О 1947 году: «Если бы бабушка Кривополенова приехала не в старый Петроград, а в нынешний Ленинград, наверно, на её выступление многие школы устроили бы культпоходы. Но в 1915 году мы о таких вещах и не слыхивали» (Колпакова, 1948, 4).

О начале 1960-х гг.: «Пошёл я вечером к Жукам и говорю: “Если вы позволите, я над вашим Валеркой шефство возьму. Буду... сказки ему рассказывать, в кино водить...”... “Добро, – сказал отец. – ...Кроме спасибо, тебе за это ничего не скажем”. “Конечно, конечно, – засуетилась мама. – Ты нам окажешь большую услугу. – Она тут же достала из сумочки двадцать копеек и дала их мне. – Вот возьми. Если у тебя по плану будет культпоход в кино, то пусть и деньги будут”. Я взял деньги и сказал: “Пожалуйста, я с удовольствием, мне не трудно»» (Чеповецкий 1962, 6–7).

О первой половине 1970-х гг.: «...Я считаю, что тебя обсудить надо. Со сбора сбежал, в культпоходе не участвовал... У тебя что, уважительные причины есть?» (Алмазов, 1977, 34).

КУЛЮЧКИ – игра в прятки.

О конце XIX века: «Заключить. В детской игре в “кулючки” (прятки): спрятаться куда-нибудь, пока другие разбегаются и прячутся, а потом искать спрятавшихся. *Опять Мишка заключил, не везёт ему!.. “Нет, теперь уж я заключу, а то ты измаешься”* Терск. и Кубан. (Водарск.)» (Словарь, 1901, 1280).

КУМИТЬСЯ – заводить дружбу путём обряда кумения.

«Закумитесь... Повести дружбу. Они закумились. Н о в г о р. (сообщ. Белозор.) // Начать дружить. На Троицу мальчики и девочки бросают в реку венки, поют известные песни, и каждая девочка выбирает себе кума, которого потом считает своим другом. *Севодня на кумованьи наша Алёнка с вашим Петькой закумилась. Теперь примечай за ними.* К у б а н. (Водарск.)» (Словарь, 1901, 1280).

КУПАЛЬНИК (у девочки) – костюм для купания.

О Москве в 1937 г.: «Мы переселились из коммунальной квартиры... в новенькую отдельную квартиру в только что отстроенном доме... Мне было шесть лет... Это был 1937 год... ..Отцу посчастливилось попасть в члены строит. кооператива “Кремлевский работник”. Жилищные кооперативы в те времена были необыкновенной редкостью. Большинство людей жило в коммунальных квартирах, и это считалось нормой. Об отдельной квартире мало кто мог мечтать. Мы оказались среди избранных... Дети в нашем доме, как и сам дом, были необыкновенные! У моей подружки и соседки по подъезду все было заграничное: и шикарный велосипед, и замысловатый самокат... Я уже знала, что все красивые и необычные вещи семья привезла из Германии, где несколько лет работал отец Люки. Толстенькая рыжеволосая Люка бегала по двору в ярких заморских купальниках, вызывая восхищение окружающих» (Туманова, 1995).

О пионерлагере в 1937 году: «В этот год наш шк. пионерский лагерь размещался в селе Новожиловинное, на самом берегу Дона, в бывшей помещицкой усадьбе... Утром... мы, шумное население этого дома в возрасте от четвертого до восьмого классов, с гомоном вскакивали со своих постелей... Построившись, под команды физрука быстро проделывали для разминки наклоны и махи руками, а затем всей гурьбой скатывались по... откосу... на утреннее купание... Все те десять или пятнадцать минут, пока длилось купание..., среди брызг, барахтанья, истошных криков и пронзительного визга девочек, что купались одновременно совсем неподалёку от нас, мальчишек. В это лето все наши ровесники были уже во “взрослых” трикотажных купальниках, оставлявших обнаженными только руки, ноги и часть спины. Зимой они превратились в девушек, и было до стеснения в груди заманчиво исподволь, незаметно и бегло оглядывать их новые, преобразованные фигурки...» (Гончаров, 1991, 96).

О второй половине 1930-х гг.: «...Не знаю, когда это произошло, но я увидел в Аксюше девочку с узкими коленками, едва прикрытыми легким платьем. Увидел маленький нос с ласковой ужимкой, губы, глаза, гривку вострепанных волос. Теперь, когда приходили к Салгиру купаться и Аксюша раздевалась, я отворачивался, хотя она была, как всегда, в пестром ситцевом купальничке. Но мне казалось, что я уже не должен на нее смотреть вот так, слишком близко. Что это будет нехорошо по отношению к ней. Аксюша этого не понимала. Позабыв расстегнуть пуговички, дергивала платье и, запутавшись в нем, кричала: “Минька, ну помоги же!” Я помогал, но все равно старался не смотреть, чтобы случайно не увидеть совсем близко ее узкие коленки, худенькие плечи с ленточками купальника, гривку вострепанных волос. Правда, в воде я обо всем забывал. Брызгался, хватал Аксюшу за пятки, орал и веселился» (Коршунов, [1961] 1985).

О детях-подростках 1950-х гг.: «Мы ... подныривали, боролись, на выдержку сидели без дыхания. Я с криком “утоплю” гонялся за Марийкой, на которой был купальник с разноцветными полосами, кругами и искрами...» (Михасенко, [1964] 1972, 153).

О нач. 1960-х гг.: «Фима на ходу стала стаскивать через голову платье и, когда добежала до ребят, была в одном тёмно-синем купальнике. Стряхнула тапки, подпрыгнула, изогнулась и... Аверя вынырнул и увидел в воздухе изогнутую фигурку в купальнике» (Мошковский, [1963] 1987–1, 188).

О нач. 1960-х гг.: «Прошли, наконец, экзамены, кончился восьмой класс... Все поздравляют, даже подарки приносят... Игорю купили новые боксерские перчатки, Симке – двухтомник... Александра Твардовского. Лерин брат Федя и тот ради такого случая раскошелился, подарил своей сестре серебристый капроновый купальник и жёлтую резиновую шапочку» (Офин, 1964, 54).

О середине 1960-х гг.: «Стройная, в синем с голубой звездой купальнике, она гнула мостик, ходила колесом, делала шпагат... Ей было лет тринадцать, не больше... Тут к ним по гальке подошла Аня в чёрном в косую полоску купальнике и белой резиновой шапочке с оттиснутыми рыбками... Кончив с уборкой, Аня взяла цапку... и пошла в сад в своем страшном, выгоревшем купальнике, заштопанном на животе и на боках» (Мошковский, [1969] 1987–1; 70, 71, 158).

О нач. 1970-х гг.: «Выступает Лена Скворцова, – сказал чёрненький. – Акробатический этюд”. На сцену Лена Скворцова вышла в одном купальнике. Она стала наклоняться в разные стороны и делать всякие движения руками» (Арро, [1975] 1982, 70).

Рекомендации девочкам-подросткам на лето 1996 г.: «...Выбирай отдельный купальник с трусиками-шортиками и лифчиком-маечкой. Практичнее всего однотонный, к примеру, белый» (Шумская, 1996, 5).

О нач. 2000-х гг.: «Мама ...отправилась спать, а Лена ещё немного полежала, думая..., на что... можно будет потратить деньги. Ей очень хотелось купить новый купальник, а то старый ещё в том году стал неприлично мал» (Дзюба, 2003, 70).

КУПАЛЬНЫЙ костюм для девочки.

О девушке 15–17 лет в конце 1920-х гг.: «Ещё несколько секунд, и голова Оли скрылась под водой. Но я успел схватить её за ляжку купального костюма» (Коквин, 1972, 429).

Об учащихся старших классов в 1944–1945 гг.: «Аня, зарывшись в песок, растянулась возле меня во весь рост..., а Надя, стройная, стоит на берегу в купальном костюме, полощет ногу» (Бакинский, [1955] 1956, 158).

О выпускниках 8 класса и их учительнице в 1947 г.: «Не успели разместиться на отдых, как послышался голос Феде: “Эй, сюда, сюда! Отличное купание!” Он выскочил из кустов мокрый, в красных трусах, жестами приглашая к себе. Мальчики дружно ринулись к нему. “Федя! Для нас найди хорошее местечко!” – кричала Вера, второпях отыскивая в чемодане купальный костюм. Федя на минуту скрылся, затем в кустах снова мелькнули красные трусы. “Идите! Есть!” Агриппина Федоровна схватила свой купальный костюм и со смехом, как девочка, помчалась к реке вперегонки с Верой. В этот момент она забыла, что она учительница» (Кузнецова, 1983–2, 396–397).

О девочке из колхоза и 10-летнем мальчике из города в 1948–1950 гг.: «Оглянувшись, Сергей заметил девочку лет восьми-девяти, в купальном костюмчике... [Сергея настигает солнечный удар. Присмотреть за ним просят Зину Чумакову. Они находятся в саду, возле пруда] Зина шепнула Сергею: “Хочешь, испукаемся один раз?” “А можно?” “Что за глупость такая! Мы все тут купаемся”, – и, одним махом сбросив с себя купальный костюмчик, она, приплясывая, побежала в воду. Сергей заторопился за нею. Вода оказалась удивительно теплой... “Вы у себя фантики собираете?” – вертясь и куврякаясь в воде своим гибким тельцем, спросила Зина. “Конечно, собираем...” В это время с улицы к пруду сехал на велосипеде молодой человек... “То-ва-рищ Се-ме-нов! – пронзительно вскрикнула Чумакова, подпрыгивая в воде

и махая руками. – Вы к нам, да? Идите купаться, я вам что сейчас расскажу!» Семенов спрыгнул с велосипеда, осторожно положил его на траву и стал деловито раздеваться... “Ты что же это, Чумакова, в пруду прохлаждаешься, когда все ваши на работе?” – ...спросил он, сбрасывая через голову рубаху... “Ага”, – сказал Семенов, подтягивая трусы и входя в воду... Семёнов схватил Сергея подмышки и... поволок на берег... Зина... вяло плелась сзади... Подхватив с земли свой купальный костюмчик и прыгая на одной ноге, она на бегу влезла в него. Мокрая и блестящая, как лягушонок, она была сейчас такая приятная ...» (Павленко, 1952; 39, 41).

О конце 1950-х гг.: «[Света] отстегнула у ворота пуговку и стала быстро стягивать платье. Но, когда она осталась в одном купальном костюмчике, помощь её уже не понадобилась» (Бороздин, 1963, 55).

КУПАЛЬНЫЙ КОСТЮМ ДЛЯ МАЛЬЧИКА.

О середине 2000-х гг.: «А тут в Москве зашла в большой спорт. магазин и случайно увидела... Эластичный купальный костюмчик на небольшого мальчика. Черно-синий, на плечах – пробковые вставки. А еще бывают, мне сказали, костюмчики со вшитыми пробковыми поясами, тоже страшно удобно» (Метелица, 2006–4, 8).

КУПАТЬСЯ, купание – погружаться в воду (озеро, пруд, реку, море) для удовольствия.

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «Они еще мальчишками / Сдружились в Шарташе, / Купались вместе в озере / И спали в шалаше» (Барто, [1943], 1969–2, 292).

О пионерском лагере в нач. 1960-х гг.: «В полдень жаркий на реку / Нас вожатый водит. / Мы послушно по свистку / Из воды выходим» (Ружанский, 1962, 37).

См. также: «*Кнопки*»; *Сдёргивание трусов (во время купания)*; «*Чашки, ложки, поварежки, окунулись матрешки*».

КУПЕР – Купер Джеймс Фенимор (1789–1851), амер. писатель. Мировую известность приобрёл циклом романов, объединённых героем Натти (Натаниэль) Бумпо, выступающим под именами: Зверобой, Следопыт, Соколиный Глаз, Кожаный Чулок, Длинный Карабин («Пионеры», 1823, рус. перевод 1832; «Последний из могикиан», 1826, рус. пер. 1833; «Прерия», 1827, рус. пер. 1829; «Следопыт, или Озеро-море», 1840, рус. перевод 1841; «Зверобой, или Первая тропа войны», 1841, рус. пер. 1848). Купер ввёл новые этнограф. мотивы, раскрывавшие быт и нравы амер. аборигенов-индейцев, на специфич. амер. материале выразил типичный для романтизма антагонизм природы и искусственной цивилизации.

О даче под Петербургом во вт. пол. 1900-х гг.: «По вечерам повелось в нашей мальчишеской компании... рассказывать друг другу о прочитанных книгах... В этом устном клубе, на старых брёвнах, на дачных задворках, рассказаны были по порядку книги всех владельцев дум того времени: романы Жюль Верна..., Густава Эмара, Фенимора Купера, Сальгари» (Тихонов, 1977, 4).

Ю. Олеша о 1908 г.: «В бытность мою в гимназии, когда мне было около девяти лет, я впервые узнал о Шекспире. В нашем пансионе существовала библиотека, помещавшаяся в небольшой комнатке... Заведовал этой библиотекой инспектор... Воспитанникам первого и второго классов выдавались Жюль Верн, Майн-Рид, Купер и подобные авторы. Третьему классу иногда давали Гоголя, Пушкина, и то не все, а с ограничениями» (Цит. по: Автобиографии, 1998, 222).

О 9–10-летних мальчиках в Москве в конце 1920-х гг.: «На книжных полках его господствовали Жюль Верн и Майн Рид, Фенимор Купер и Луи Буссенар... – Володя охотно давал мне на дом свои богатства» (Федосюк, 2004, 219).

О 1950-х – 1970-х гг.: «В 10–11 лет становятся любимым чтением приключенческие романы Ж. Верна, А. Дюма, Ф. Купера, Майн Рида, современных авторов» (Мотышов, 1983, 27).

О 1960-х гг.: «Среди подростков пользуются популярностью... романы [Ф. Купера], посвященные североамер. индейцам (“Зверобой”, “Следопыт”, “По-

следний из могикиан”, “Кожаный чулок” и “Прерия”) и морской теме (“Лодман” и др.)» (Скороспелова, 1971–6).

«**КУПИ слона!**» – род словесной забавы; розыгрыш, напоминающий докучную сказку. См.: *Докучные сказки*.

О 1970-х гг.: «Вон прислонился к стенке круглолицый сероглазый мальчишка в такой же, как Максимкина, форме... Значит, из музыкантов... [Мальчик-музыкант] оттолкнулся от стенки, подошел к Максиму, голову набок наклонил и спросил: “Тебя как зовут?”... “Максим...” “Максим, купи слона”. “Какого... слона?” Лицо у мальчика стало слегка грустным. Он вздохнул: “Все говорят “какого слона”... А ты купи слона!” Глаза у него сделались хитроватыми. “Игра такая!” – догадался Максим. Но не стал показывать, что догадался. Потому что незнакомый мальчик ему нравился и делалось весело. “Я бы купил...” – начал он. Мальчик опять вздохнул и перебил: “Все говорят “я бы купил”. А ты возьми и купи”. “Вроде “белого бычка”, – подумал Максим... “Если денег хватит”, – серьезно сказал Максим. “Все говорят “если денег хватит”. А ты не считай – возьми и купи!” “А в квартиру влезет?” Мальчик понимающе улыбнулся. “Все спрашивают: “В квартиру влезет?” А ты просто возьми и купи”. “Ладно!” “Все говорят “ладно!” А ты...” И тут принесло Маргариту Пенкину – старосту хора... Он попросился с мальчиком глазами и пошел за Пенкиной. Они шагали длинным коридором, и Максим смотрел, как на Риткином затылке прыгают белые с черными горошинами банты. “Пенкина, купи слона”, – сказал он. “Да ну вас! – бросила она, не обернувшись. – Все с ума посходили с этим слоном. И так переживаешь из-за концерта, а они еще...”... Они пришли в комнату, где собрался хор... Алик Тигрицкий... весело повернулся к Максиму... “Рыбкин, купи слона!” “Да я уже знаю”, – сказал Максим. “Все говорят “да я уже знаю”...” – обрадовался Алик. И тут раздался голос Анатолия Федоровича: “Друзья! Минутку внимания!...”» (Крапивин, 1986, 174–176).

«**КУРАБЬЕ**» – сорт печенья.

О Шадринске в 1993–1997 гг.: «В детстве (мне было 8–12 лет) я любила печенье “курабье” Мама покупала его довольно редко, поэтому я всегда радовалась ему. Печенье продавалось на вес в кондитерских (например, в “Заре”). Внешне оно напоминало цветок, было сделано из песочного теста, а в центре каждого такого цветка была капелька повидла» (111).

КУРЕНИЕ – см.: *Курить*.

«**КУРИЛКА**» – игра с передачей по кругу горячей (тлеющей) лучинки.

Описание игры первой половины XIX века: «Садилась все в кружок зажигали лучинку и, потушивши, передавали один другому, приговаривая: “Жил-был Курилка, ножки тоненьки, душа коротенька. Не умри, Курилка, не оставь печали, не заставь плясати”. Всякий старался скорее передать Курилку другому, приговаривая: “Жив, Курилка!” У кого лучинка гасла, с того брали фант» (Авдеева Е.А. Из воспоминаний // Отечественные записки., т. 63. – СПб, 1849, № 4. – С. 244; цит. по: Капица, 2002, 72)

КУРИТЬ – втягивать в себя и выдыхать дым табака. Курение для детей и в XIX, и в XX веке считалось занятием, предосудительным для учащихся.

Курить (о мальчиках).

О начале 1890-х гг.: «В сумерки пришел Виктор, прямо из гимназии, рассказал, что пятиклассники курят в уборной...» (Толстой, [1919–1922] 1984, 111).

О 1926 годе: «Я остался в большом мрачном здании среди сотен малолетних уловников... Курили почти все мальчишки. Разговаривали в основном на воровском жаргоне» (Гунин, 1984, 114–117).

О 1946–1947 гг.: «...В том, что пионер может курить, тоже нет ничего удивительного... Я много раз видел, как пионеры, забравшись за поленницу в нашем дворе, курили папиросы, предварительно сняв галстуки и сунув их в карман. Старшие ребята курили и в школьной уборной, как-то по-хитрому пуская дым в собственные рукава, на случай, если войдет учитель. И ничего

особенного в этом не было, потому что те пионеры курили таясь» (Лиханов, [1971] 1986, 186).

О середине 1950-х гг.: «Один пионер / Признавался на сборе: / Он дрался! / Курил! / Он сидел на заборе!.. Он вечером / Просит прощенья / На сборе, / А утром / Он курит / Верхом на заборе» (Барто, [1957], 1969–2, 231–232).

О середине 1950-х гг.: «Он был простой, обыкновенный мальчишка и уж, конечно, не знал, что именно такие, на первый взгляд ничем не примечательные люди совершают подвиги куда чаще, чем те, что... с малых лет приучаются курить и ругаться скверными словами» (Никонов, [1958] 1962, 132–133).

О 1970-х гг.: «Как... мало... мы вспоминаем наши школьные годы. Теряются в дымке конфликты с учителями..., курение в туалете в пику завучу...» (Климонтович, 2004, 8).

Курить (о девочках).

О середине 2000-х гг.: «Сегодня же стало нормой, когда 15-летние девочки, не стесняясь, курят...» (Москальчук, 2006, 9).

Заставлять курить.

О девочках 9 лет в с. Канаши в 1993 г.: «Нам с подружкой Женькой было лет по 9, когда мы силой заставили курить девочек-одноклассниц. Женька была крупной и сильной, поэтому держала им руки и лицо, моей же задачей было заставить сделать затяжку. Доводили до слёз, но родителям они ничего не говорили» (сообщение девушки 21 года записала респ. 138).

Учить курить.

О мальчиках 11–13 и 6–7 лет в 1946–1947 гг.: «Уши... достал из кармана папиросу и сказал: “Все вы трусы. Один Павел настоящий парень. Курить хочешь?” – спросил он у Павлуши и протянул папиросу. Павлуша взял, прикурил и закашлялся. “Не так, шкет – сказал Уши. – Надо набрать полную пасть дыма и вдохнуть в себя. Вот как! – Он набрал в рот дыма и затянулся. Получилось это у него красиво, по-мужски. – Пошла баба на базар, купила дров, растопила печь, повалил из трубы дым”, – сказал Уши и выпустил дым, который нахлестнулся у него внутри. Павлуша тоже набрал полный рот дыма и вдохнул в себя. С ним ещё ничего не произошло, но он уже увидел, что ребята смеются. Потом он уже ничего не видел, его стало тошнить. Наконец полегало. Сел на траву и посмотрел на ребят» (Сабило, 1980, 130).

О начале 1950-х гг.: «Петька сел на траву, а Крюк, высоко поднимая плечи, пошел через дорогу к ларьку, где торговали теплым квасом, твердокаменными пряниками и папиросами. Вернулся он с папиросой в зубах, довольный. “Не обманешь – не проживешь, – с солидным спокойствием рассказывал он, устраиваясь рядом с Петрухой: – Высыпал этой лотошнице всю свою мелочь и говорю: скорее пачку “Беломора”. А папиросы раз-два и в карман. Теперь считай не считай – двадцати копеек не хватит. Учись, рыжий. На, кури”. Петька взял из рук Крюка его окурочку с обкушенным мундштуком и лихо затянулся. Перед глазами все пошло колесом, язык связала густая слюна, и вдруг ударил глубокий кашель. Крюк смеялся, катаясь на спине, сучил в воздухе задранными ногами, кричал: “Ах, слабак. Сопля зеленая. – После тоном старшего назидательно сказал: – На окурках нельзя учиться. В них весь никотин оседает: Понял?” Генька заглянул в лицо Петрухи и наткнулся на взгляд его сердитых глаз. Заговорил совсем по-дружески, как с равным: “Ладно, рыжий, не сердись. Все мы начинали курить с кашля. Привыкнешь. На вот тебе три папиросы – с них и учись. А потом можешь и окурочки шибать. Чем крепче, тем приятней”. Петька взял папиросы, бережно положил их в карман брюк...» (Акулов, 1962, 45–46).

Курить в подъезде, на лестничной площадке – традиционное времяпрепровождение городских подростков.

«Вечером я слышу через дверь смех и гвалт на лестничной площадке. Запах табачного дыма, ломкие подростковые голоса, которые взрослые просто не могут слышать без раздражения. Выскакиваю на лестницу, полная решимости разогнать всех на чёртовой матери.

Нашли место. Пусть идут во двор, в другой подъезд, куда угодно. Нечего здесь сорить, дымить и галдеть. Двое ребят и девочка курят у окна. Девочка здешняя, из нашего подъезда, ребята незнакомые. Все трое оборачиваются на мои шаги и здороваются. После этого мне как-то неловко на них орать. Довольно миролюбиво прошу их не бросать окурки на пол. Ладно, мы не будем, – отвечают они. Будут, конечно, – куда же ещё их бросать? Я иду домой, достаю из помойного ведра пустую пивную жестянку и выношу в подъезд, чтобы им было куда стряхивать пепел и бросать окурки. Терпеть не могу окурков на полу» (Коршунова, 2004, 9).

«КУРИЦА встала – место потеряла» – словесная формула, призванная обосновать право ребёнка занять временно освободившееся место.

О детях 5–9 лет в 1992–1996 гг. в г. Когалыме: «Во дворе, где мы играли, была скамейка. Так как в компании народу было много, места всем не хватало. Если кто-то из сидящих, о чем-то эмоционально рассказывая, вставал, забываясь, то ребенок, который стоял, занимал его место, произнося фразу: “Курица встала – место потеряла”» (134).

«КУРОЧКА ряба» – одна из самых известных русских сказок, рассказываемых детям.

«В русском фольклоре очень распространена сказка “Курочка ряба”. Содержание сказки следующее. Мышка случайно разбила яйцо, которое курочка ряба снесла деду и бабе. Этот ничтожный факт ведёт за собой ряд немаловажных последствий: баран с горя ломает рога, девушка роняет ведро в воду, печь перестаёт топиться, старуха разбрасывает тесто по комнате, пономарь рвёт книгу и т.д. Большинство вариантов заканчивается картиной полной неурядицы и переполоха. В хрестоматиях и детских книгах сказка помещалась в сокращённом виде. Она или превращалась в бессмысленную присказку, или приобретала мораль: не плачь по золотому яичку – получишь простое. А.Н. Толстой восстановил сатирический вид сказки. Он взял за основу один из вариантов в сборнике А.Н. Афанасьева “Русские народные сказки”, прибавив к нему начало второго варианта сказки того же сборника. К сказке прибавлен оптимистический конец: курочка обещает снести яичко “пестрб, вострб, костяноб, мудренб, яичко не простое – золотое”» (Привалова, 1955, 70). Сборник русских народных сказок в обработке А.Н. Толстого вышел в 1946 году.

О первой четверти XX века: «Но самая популярная [сказка] – это о курочке-рябе: приведем записанный нами в Новгородской губернии вариант: “Была себе курочка рябенька, / Снесла яичко беленько, / Дедушка бил, бил – не разбил, / Бабушка била, била – не разбила, / Только мышка-покатаюшка / Ударила хвостиком и разбила. / Дед плачет, баба плачет, / Курочка кудкудахчет, / А мышка-покатаюшка / Шмыг в норку и – ушла, ушла» (Капица, 1928, 64).

О 1988 году в селе Ястребинка Пресновского района Северо-Казанской области: «Впервые со сказкой “Курочка Ряба” я познакомилась в возрасте 4-х лет. Мне её рассказывала бабушка по отцовской стороне. Для меня долго оставалось загадкой, как курица могла снести золотое яйцо. После этого, конечно, я устремилась в мечты о такой же курочке» (019)..

КУРТКА, курточка – короткая верхняя одежда, застегивающаяся наглухо.

Об Одессе 1900-х гг.: «Детство в моей памяти разделяется на два периода: первый, когда я хожу одетый, как все мальчики, в коротких штанах, в куртке и кепке..., – и второй, облачивший меня в гимназическую форму...» (Олеша, [1931] 1999, 78).

О конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Ленинграде: «Я отправился на Сытный рынок... При том рынке была большая барахолка, и я с рук купил курточку из серого бумажного сукна... Она была на “молнии”, их изобрели совсем недавно, мода на них только разгоралась. Я очень рад был такой ценной покупке. Конечно, далеко ей до сингапурской робы, а все-таки она с молнией! И я на свои денежки её приобрел!» (Шефнер, 1999).

О 1941–1945 гг.: «Федя Русанов в коротенькой куртке

на “молнии”, со спортивным румянцем на смуглом лице, как никогда, был хорош!» (Прилежаева, 1982, 142).

О девочке 8 лет в 1943 г. в Харькове: «Мое единственное платье с бантиками мама носить каждый день не разрешала... Вот я и ходила в жару всё в тех же шароварах и курточке с “молнией”, которую мне перешили из немецкого байкового серого халата. А “молнию” заклинило навеки. Я каждое утро, сцепив зубы от обиды, с трудом просовывала голову в узкий ворот. Да еще шаровары на веревке...» (Гурченко, [1980] 1987, 85).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «То есть на том ушастом мальчике в серой курточке с синей кокеткой и в сатиновых шароварах, столь же обязательных тогда повсеместно, как ныне джинсы» (Макаров, [1978] 1981, 34).

О начале 1960-х гг.: «... Опять стал для всех прохожих просто неизвестным мальчиком в расстегнутой драповой курточке в новых блестящих калошах...» (Цюрюпа, 1964, 18).

О 1970-х гг.: «Были ещё весенние битвы за право снять кофту из-под шубы, сменить саму шубу на куртку. Апеллировали к тому, что “Аня уже в куртке”. Ответом бывало: “Пусть Аня ходит хоть голой, раз родители ей разрешают, а ты недавно болела”» (Метелица, 2002, 8).

О девочке-подростке в конце 1970-х гг.: «Стоять тут в растерянном виде в этом пальтишке, не то что в джинсах и в куртке с наклейками. Детям модная одежда уверенности придает, а это иногда бывает дороже родительских денег... Отец обнял ее за плечи. “Ты подожди, это ещё не все. Ещё одно дело есть, и оно без тебя никогда не получится. Джинсы ты мне купи и куртку с этикетками”. “Достанем...”, – сказал отец. “А трудно достать?” – спросила дочь» (Голявкин, 1984, 32–33).

Куртка, курточка спортивная у девочек.

О девочке-подростке 14 лет в начале 1960-х гг.: «Она ехала на велосипеде, деловито склонившись над рулем, в светлой спортивной курточке... Потянулась она так, что “молния” на спортивной курточке поехала вниз, открывая блузку в синюю полоску... Она прислонилась к березе велосипед и стаскивает с себя курточку. Стащила, получше заправила в брюки кофточку... Спрячь к себе в рюкзак, – просит Инга, аккуратно складывая курточку, и Лёнка с не присущей ему суетливостью сует курточку в рюкзак... Без курточки, в коротеньких, плотно облегających фигуру брючках она кажется немислимо стройной...» (Мошковский, [1963] 1987–1; 52–53, 55).

О 1970-х гг.: «Возле колодца он столкнулся с Мариной – в этом году она перешла в десятый класс...; она шла из лесу с корзиной на руке, и к её сверкающим ботам и белой спортивной куртке прилипли дубовые и берёзовые листья» (Мошковский, 1979, 56).

Куртка, курточка форменная у мальчиков – короткая верхняя одежда, застегивающаяся наглухо, часть ученической формы у мальчиков.

О конце XIX – начале XX века: «Летом гимназисты носили коломянковые гимнастерки... Старшеклассники обычно ходили не в гимнастерках, а в куртках со стоячим воротником, как у морского кителя. Под куртку надевали крахмальную воротничок. Застежка была боковая, скрытая, на крючках. Поверх куртки надевался пояс. В некоторых гимназиях гимнастерки и куртки приняты были не синие, а серые, брюки же всегда были черного цвета» (Ривош, 1990, 189). См.: *Форма гимназическая*.

О 1930-х гг.: «Почему сегодня Петя / Просыпался десять раз? / Потому что он сегодня / Поступает в первый класс. / Он теперь не просто мальчик, / А теперь он новичок, / У него на новой куртке / Отложной воротничок» (Барто, [1940], 1969–1, 240).

О 1940-х гг.: «Пришёл старик в зелёный сквер – / Собрался отдохнуть. Вдруг видит: юный пионер / Куда-то держит путь. / Блестит на курточке значок – Пылающий костер» (Барто, [1953], 1969–2, 239–240).

О Ленинграде конца 1940-х – начала 1950-х гг.: «И школьная форма у нас была совсем другой: мы носили вельветовые курточки с отложным белым воротничком,

который ужасно пачкался, и его нужно было каждый вечер менять» (Алмазов, 1989, 6).

О 1950-х гг.: «“Мне нужно на рукав две красные нашивки”, – сказал своей маме Володя, когда вернулся из школы домой... ..Володина мама быстро нашла красную ленту, из которой вышли две отличные нашивки на левый рукав школьной куртки... Володька то и дело поглядывал на свою куртку. Завтра он наденет её и придёт в класс. Он был очень доволен собой» (Карпенко, 1962, 66).

КУРТОЧКА у мальчиков – см. *Куртка, курточка; Куртка, курточка форменная у мальчиков*.

«**КУРЬЕР**» – фильм 1986 года режиссера Карена Шахназарова, снятый по его одноименной повести.

Окончив школу и не поступив в пединститут, Иван Мирошников устроился курьером в редакцию. В первый же рабочий день он знакомится с профессором Кузнецовым и его дочерью Катей. В отличие от отца, решившего, что курьер – типичный представитель молодых людей, у которых нигилизм сочетается с хамством, девушке новый знакомый понравился. Молодые люди начали встречаться. Но постоянные розыгрыши Ивана сорят Катю с отцом. Когда юноша приходит в дом, чтобы извиниться, она решает с ним расстаться.

Лучший фильм 1987 года по опросу журнала «Советский Экран». Лидер проката (1987, 6-е место) – 31,9 млн. зрителей.

КУХАРКИНЫ дети – дети из простонародья, мешаства, которым был затруднён доступ в средние общеобразовательные заведения.

«Выражение возникло из циркуляра (1887) министра нар. просвещения И.Д. Делянова (1818–1897). Циркуляром этим, одобренным Александром III, учебному начальству предписывалось допускать в гимназии и прогимназии “только тех детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство о правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства”. Таким образом, как пояснялось далее, “при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одарённых необычн. способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» (Рождественский С.В. Ист. очерк деяти-сти Мин-ва нар. просвещения, СПб, 1909 – С. 641)» (Ашукин, 1955, 289).

О гимназии в Саратове конца 1890-х гг.: «Я попал в первый основной класс... Большая часть учеников класса были дети дворян, крупных чиновников города, купцов и родителей интеллигентных профессий – врачей, адвокатов и прочих – и вообще принадлежала к материально обеспеченному классу. Я по своему материальному и соц. положению принадлежал к разряду “кухарских детей”. Первое время я чувствовал себя несколько робко среди знатных и богатеньких сынков, а затем стал постепенно осваиваться» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

Об Одессе 1910-х гг.: «Учились в гимназии аристократы: Стибор-Мархоцкий, Крупенский, Стембок-Фермор, Де Рибас. Дворянам говорили “вы”, кухаркиным детям – “ты”» (Олеша, [1931] 1999, 80).

«**КУЧА мала**», «**мала куча**» – возглас, по которому устраивается общая свалка; сама эта общая свалка; детско-подростковое, преимущественно мальчишеское развлечение, заключающееся в том, что одного из ребят велят на пол, а затем (с криками «Куча мала!» или «Мала куча!») на него сверху наваливаются остальные.

О начале XX века: «Вчера во время “большой перемены” в первом основном классе поднялась страшная возня около классной доски. Петров и Григорьев стали бороться. Петров хватил “под ножку” и повалил Григорьева. Кто-то закричал в этот момент: “Куча мала!” – и скоро оба борца исчезли под грудой повалившихся первоклассников. Кто-то... закричал во всё горло “ура”, другие поддержали...» (Чириков, [1903] 1918, 102).

О 1910-х гг.: «Это было похоже на ощущение попавшего в самый низ – «мала куча», когда тебя, беспомощного, плющит навалившееся беспросветное удушье и нет даже возможности протолкнуть крик...» (Кассиль, 1935, 105). [...]

О девочке 12–14 лет в с. Кундравы Челябинской обл. в 1998–2000 гг.: «Зимой я со своими подружками ходила в снежный городок. И на самой большой горке всегда была “куча-мала”. Мальчики скатывали девочек с горки, а вслед сами катились, кто оказывался на самом вершине этой кучи громко кричал: “Куча-мала!”. Девочки обычно невольно становились участниками этой игры» (141).

«**КУЧА мала**» – журнал для детей, выходил после 1992 и до 1996 гг.

«Журнал “Куча мала” меня просто поразил. Особенно стихи о том, как дети ждут маму домой, греют на батарее водочку, потому что у мамы болит горлышко.... И кончаются стихи, что-то вроде, пришла мама-красавица (цитирую неточно), на щеках румянец, наша мама-пьяница, лучшая из пьяниц. Это же просто растление малолетних, нашего порастающего поколения» (Токмакова, 1999, 40).

«Уже в 1992 году в ассоциацию малой прессы вошли более 450 детско-молодёжных изданий из разных городов России. К началу 1996 года... кризис задушил две трети из этих школьных, городских и региональных газет и журналов... Перестали существовать журналы “Трамвай”, “Вместе”, “Троя”, “Искорка”, “Куча мала”, “Очаг”» (Звонарева, 2002, 16–17).

КУШАК – пояс из широкого длинного куска материи, шнура или ремня.

О начале 1910-х гг.: «Виктория... прошла мимо трюмо, глянула на своё отражение и приостановилась. Ей понравилась белое платье с вишнёвым кушаком...» (Шереметьева, [1946] 1982, 89).

О середине 1910-х гг.: «Ванда вышла на середину комнаты и, дёргая кушак своего платья, пролетела что-то себе под нос» (Бродская, [1938] 1957, 57).

«**КЭПСЫ**» – см.: «*Фишки*».

ЛАБОРАТОРНО-БРИГАДНЫЙ метод, бригадный метод, бригадно-лабораторный метод – способ орг-ции учебного процесса в школе, основанный на выполнении бригадами учащихся самостоятельных учебно-лабораторных заданий. В 1920-х – начале 1930-х гг. лабораторно-бригадный метод, разработанный под влиянием *Дальтон-плана*, получил определенное распространение в отечественной школе.

Учащиеся класса объединялись по бригадам и самостоятельно работали по заданиям в лабораториях (срок выполнения – от 2 недель до 1–2 месяцев). В заданиях указывалась учеб. лит-ра, задачи и упражнения, контрольные вопросы. Бригадно-лабораторный метод включал общую работу класса, коллективную работу бригады, индивидуальную работу каждого ученика. В общую работу класса входило планирование работы, обсуждение заданий, подготовка к общим экскурсиям, объяснение нового, трудного для самостоятельного, учебных изысканий материала, разъяснение встретившихся затруднений, общих для нескольких бригад, и учёт (итоговые конференции). Как дополнение к заданиям на общих занятиях проводились беседы, чтение вслух статей и т. д. Самостоятельная лабораторная работа детей, чтение книг, составление докладов, решение задач рассматривались как основной путь изучения учебного материала. Учителю отводились только контрольные функции.

После выполнения всех заданий проводились заключит. занятия, на которых отчитывались бригады; оценивалась их работа в целом. Индивидуальный учёт труда каждого ученика отсутствовал, в рез. в бригадах работали главным образом наиболее активные, сильные учащиеся. Всё это отрицательно сказывалось на знаниях учащихся, приводило к бесконтрольности и безответственности учащихся, их обезличиванию.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» были вскрыты отрицательные стороны лабораторно-бригадного метода и осуждена практика

превращения его в универсальный метод учебной работы. Вместе с тем из шк. практики были изъяты и положит. стороны подобной орг-ции учеб. работы (деятельность малых групп, курс на самостоятельность и пр.).

Ист.: ПС, 1960–1, 595; ПЭ, 1964–1, 281; РПЭ, 1993–1, 112.

«...При [бригадном методе обучения] бригадир отвечал на вопросы, а членам его бригады ставили зачет. Это был эффективный метод перетаскивания двоечников из класса в класс» (Андреевский, 2003, 311).

О вт. пол. 1920-х гг.: «Дети молчат. А у Ивана Николаевича глаза злые-презлые. Он берет в руки журнал и против фамилии Ивицкая выводит жирное “неуд”. Инка не поднимает головы. Пусть “неуд”, ведь она заслужила его. Мучит Инку другое: учитель ставит точно такую же отметку, “неуд” или “кол” по-современному, Соне, Липе, Васе Янченко, Вовке Черепку. Ну ладно, пусть уж и Черепку “кол”. Он, как и Инка, не слушал... Но Соня, Липа, Вася – они внимательно слушали: чем же они провинились? А тем, что состоят в одной бригаде с Инкой. В школе введен новый метод учебы – бригадный. За ответ одного ученика ставят отметку всем. Ты можешь прекрасно знать урок, но, если твои товарищи по бригаде не подготовились, получай “неуд” и ты. Отвечай не только за себя, а и за коллектив – вот в чем смысл этого метода. Может быть, это и неплохо, но получается суцная неразбериха. Видно, и учителям не очень по душе эти новшества. Взять, например, бригаду № 1, в которой состоит Инка. Инка ненавидит математику..., а кроме того, терпеть не может физику и черчение. Но она любит и хорошо знает литературу, А Липа, бригадир бригады, обожает математику и физику, а литературы не любит. Что же получается? У Липы “неуды” по физике и математике, а у Инки “неуды” по литературе. Вот что такое бригадный метод! Итак, настроение у бригады № 1 совершенно испорчено» (Шкаровская, 1963, 27–28).

О Ленинграде 1930 г.: «...Если в начале было что-то похожее на уроки, то постепенно всякое сходство с уроками исчезло. Отметки не выставлялись; занимались мы “бригадами” – садились группками за столы, каждая группа вокруг одного учебника, и долбили его – или делали вид, что долбим... Учитель естествознания, Яровой... почти единственный из всех учил нас по настоящему (генетике), – несмотря на то, что по его предмету “бригадно-лабораторный” метод проводился наиболее последовательно. Запомнились устные уроки Яровой, в те довольно короткие минуты, когда он говорил, а не предоставлял нам, согласно правилам “бригадно-лабораторного” метода, читать, – мы сидели, раскрыв рот... Еще была маленькая, молодая учительница химии, отважно учившая нас, как ни в чем не бывало, почти без приемов “бригадно-лабораторного” метода – правда, и без опытов, так как их не на чем было ставить. (Дьяконов, 1995, 206–207).

О нач. 1930-х гг.: «По путевке мы пошли в областную текстильную школу... И мы сдали экзамены. И нас приняли на ткацкое отделение... Мы с Кукушкиным занимались во второй ткацкой группе. Занимались бригадным способом. В нашу бригаду входило пятеро: Таня Сергиевская, Тося Стабровский – бессменный бригадир, я с Кукушкиным и Колька Бляхман – пижон и лодырь, по прозвищу Фермер Расколосся. Этот титул он получил за то, что на вопрос преподавателя: “Что сейчас происходит в Америке?” – ответил ничтоже сумняшея: “Фермер расколосся”, – подразумевая под этим классовое расслоение фермеров в Америке. Преподаватель обществоведения за этот ответ всей нашей бригаде поставил “неуд”. Дело в том, что при бригадном методе обучения на вопрос педагога отвечал любой член бригады по назначению бригадира, а отметка ставилась всей бригаде. Поэтому на уроках русского языка и лит-ры у нас всегда отвечала Таня Сергиевская, Тося Стабровский – по спецделу. Я – по физике и химии, Кукушкин – по математике и черчению» (Дудин, 1979, 61–62).

ЛАГЕРЬ отдыха, детский оздоровительный лагерь.

О перв. пол. 2000-х гг.: «Лагерь отдыха делятся на приличные и неприличные. В неприличных – деревянные

дома, туалет на улице и фельдшер. В приличных – удобства в блоке, бассейн, врач и продуманная программа... Летние каникулы каждый раз ставят родителей перед вопросом: «Как организовать отпрыскам счастливое лето?» Традиционное решение в России – отправить ребенка в лагерь. Но раньше, когда пионерские лагеря принадлежали заводам, автобазам или министерствам, было проще. О своем лагере родители знали почти все, и, если у него была дурная слава, пионер отправлялся в более достойный лагерь. Теперь родителям сложно. На предприятиях путевок мало, их продают турфирмы, да и стоит отдых в лагерях с новым названием «оздоровительные» недешево. Российские детские лагеря можно разделить на две категории: на море и на суше... За смену дети могут успеть сделать массу интересных вещей: проколоть уши или пупки, сделать татуировки, покрасить волосы в экстремальный цвет, научиться пить-курить и даже приобрести сексуальный опыт. Из этого неполного перечня администрация может отчислить из лагеря только за алкоголь, про все остальные «нельзя» нигде не написано. Более того, места для курения оборудованы почти во всех лагерях» (Вишня, 2005).

ЛАГЕРЬ пионерский – см. *Пионерский лагерь*.

ЛАГЕРЬ труда и отдыха – загородный лагерь для старшеклассников.

Положение о лагерях труда и отдыха для учащихся 7–10 классов общеобразовательных школ было утверждено в мае 1976 года (ЛЮ, 1978, 108).

О середине 1970-х гг.: «Лагерь труда и отдыха. Воспитательное и оздоровительное учреждение для отдыха и развития трудовых навыков старшеклассников во время летних каникул. Осн. задача лагеря – обеспечить акт. отдых школьников и их участие в общественно полезном труде. Лагеря труда и отдыха создаются школами, отделами нар. образования совместно с профсоюзными и комсом. орг-циями на базе совхозов, колхозов, лесничеств, строек и предприятий. Шефы школы, колхозы, совхозы арендуют спец. помещения для лагеря, устанавливают палаточные городки, приобретают необх. оборудование и спорт. инвентарь, выделяют средства на питание учащихся и т. д. Лагерь устраивается обычно за городом, на берегу реки, в лесу. Лагеря труда и отдыха комплектуются по школам, классам. Старшеклассники выезжают в лагерь вместе с учителями. Высшим органом самоуправления лагеря труда и отдыха является общее собрание учащихся, которое избирает совет (штаб) лагеря, обсуждает план работы, условия соревнования, вопросы дисциплины и быта. В лагере создаётся пед. совет во главе с начальником лагеря. С утра школьники работают на прополке овощей, уборке урожая и т. д. (не больше 4 часов). Весь коллектив учащихся делится на бригады, отряды, группы, которые соревнуются между собой. Победители соревнований награждаются грамотами, памятным подарками. Заработанные средства идут в обществ. фонд лагеря для орг-ции отдыха учащихся. Важное место в жизни лагеря занимают туризм, краеведческая работа, спорт. состязания, культурно-массовые мероприятия» (Денисова, 1978, 136–138).

О 1980-х гг.: «Между школой и орг-цией, принимающей трудовой коллектив школьников, заключается договор. В нём учитываются все стороны деятельности лагеря труда и отдыха: производств, бытовая, хозяйственная и т. д. Продолжительность пребывания старшеклассников в лагере – не более 24 дней. Рабочий день не превышает 4 часов. Лагерь труда и отдыха действует на основе самоуправления. Органы самоуправления определяют... содержание, объём и сроки выполнения трудовых заданий, нормы индивид. выработки; решают вопросы быта и отдыха учащихся..., поощрения лучших, распределения заработанных средств. Повседневное руко- водство лагерем осуществляет штаб или совет лагеря, избираемый общим собранием. В штаб лагеря, как правило, входят начальник лагеря, руководители бригад, командиры отрядов, организаторы идейно-пол., культ.- масс., спорт. работы. Труд. деят-сть учащихся лагеря труда и отдыха самая разнообразная: сбор фруктов,

уборка овощей, очистка леса, проколка, уход за животными, работа в сфере обслуживания и т. д. Не менее разнообразен и отдых учащихся: конкурсы и огоньки, фестивали, вечера в форме творч. встреч с местной молодежью, театрализованных представлений, походы по местам трудовой и боевой славы, читательские конференции, спорт. соревнования и др.» (СВ, 1990, 114).

Ср.: *Пионерский лагерь, Городской лагерь*.

ЛАДОНЬЮ о ладонь ударять – жест, означающий приветствие или заключение пари.

О 1948 годе: «...В наше время мальчишки не здоровались за руку, не жали руку при знакомстве... Другое дело, ударяли по пегушкам при споре каком-нибудь...» (Лиханов, 1995, 100).

О девочке 12–13 лет в середине 1970-х гг.: «Она не была какая-нибудь дурочка и сто раз здоровалась с мальчишками, шлёпая ладонь об ладонь (была у них в классе такая манера) и толкалась с ними, если они лезли без очереди» (Иванов, 1979, 42–43).

«**ЛАДУШКИ**» – одна из самых известных русских потешек.

О первой четверти XX века: «Переходим теперь к потешкам, т.е. песенкам, сопровождаемым разными элементарными играми с пальцами, руками и другими движениями. В деревенском быту, где нет почти игрушек для маленьких детей, пальцы и руки заменяют их и своими движениями изображают самые разнообразные предметы и действия... Самой популярной игрой такого рода у великорусов, украинцев и белорусов являются “ладушки” – песенка сопровождается хлопаньем в ладоши и под конец подыманием рук на головку ребенка, изображающим полет птиц. Текст этой песенки-игры, повсеместно распространенный, устойчив... “Ладушки, ладушки, / Где были? У бабушки. / Что ели? Кашку. / Что пили? Бражку. / Бабушка добренька, / Попили, поели / Шу-у-у! полетели. / На головку сели!”» (Капица, 1928, 57–58).

О 1956–1957 гг.: «Первые детские игры, знакомые каждой матери, – “Ладушки-ладушки”, “Сорока”... – всё это многому учит ребенка» (Низова, 1961, 176).

О начале 1960-х гг.: «На бульваре бабушки / Баюкают внучат. / Поют внучатам ладушки, / А малыши кричат. / “Ладушки, ладушки...” – / Ох, устали бабушки» (Барто, [1961–1963] 1969–1, 290).

О девочке 2–3 лет в 1986 году в с. Красная Нива Шадринского района: «Мама играла со мной: “Ладушки, ладушки / Где были? У бабушки. / Что ели? Кашку. / Что пили? Бражку. / Кашка сладка, / Бражка горька” Играют с детьми до 1 года, хлопая в ладоши, а затем о ручки малыша своими руками» (102).

О 1987–1988 гг. в Шадринске: «Игра “Ладушки”. “Полетели, полетели, полетели (махать в быстром темпе руками вверх-вниз, как птицы летают), на головку сели (ладошки положить на макушку своей головы), “Ладушки” запели (ничего не делать)”: “Ладушки, ладушки, ладушки-оладушки. Где были?” – “У бабушки” (хлопать в ладоши) “Что ели?” – “Кашку” – “Что пили?” – “Бражку”. Кашка – слатенька, бражка – кисленька (ничего не делать)”. Я не помню, когда я играла в эту игру, просто всегда её знала» (112).

О 1987–1988 гг. в с. Верх-Теча Катайского района: «Когда мне было 2–3 года, со мной мои родственники играли в эту игру, хлопая ладошками. “Ладушки, ладушки, где были? Что ели? Что пили? Были у бабушки, ели кашку, пили бражку. Кашка сладенька, бабушка добренька, попили, поели, домой полетели”» (097).

ЛАЗАРЕТ – название медицинского кабинета в некоторых учебных заведениях до 1917 года.

О середине 1910-х гг.: «В большую перемену Мика и Ирина пошли в длинный полутемный коридор около лазарета и там сели на скамью. Девочкам хотелось побыть одним» (Филиппова, 1938, 106).

«**ЛАЗЕР**» – игрушка типа карманного фонарика, дающая тонкий цветной луч.

О 1998 годе в Шадринске: «Когда мы учились примерно в 8 классе (мне было 13 лет), появились лазеры, они были в основном у мальчишек. Лазеры

выглядели так: они были небольшого размера (с мизинец), продолговатой цилиндрической формы в металлическом желтоватом корпусе, закругленном к одному концу, с кнопкой. Когда нажмешь на кнопку, из закругленного конца появлялся длинный тонкий красный луч. Было модно брать эти лазеры с собой в школу. Мальчики светили им на девочек, девочки сердились. Особенно неприятно было, когда им светили в глаза. Лазером ещё светили на доску, на учительниц, когда они отворачивались. Я помню, когда мы ходили с классом в театр, мальчики брали с собой эти лазеры и светили им на занавес и даже на сцену» (111).

О конце 1990-х – начале 2000-х гг.: «С лазером было вот как: мой старший сын... упрасивал купить ему лазер, когда учился классе так в третьем. Я думала, мальчик бредит. В моем представлении лазер – это было что-то сугубо... высокотехнологичное, громоздкое... Лазером... режут металл. Я пыталась ему объяснить. Он говорил: “Да нет, лазер вообще не опасный. Он маленький, я буду носить в пенале”. Он говорил: “У всех ребят в нашем классе есть лазеры”. А потом он в отчаянии сказал: “Если ты ни за что не хочешь купить мне лазер, я скоплю деньги от завтраков и куплю сам. Хороший лазер стоит сто рублей”. “И где же ты его купишь?” “В “Печати”. Лазеры продаются в палатках “Печать”, – тут я впервые заподозрила, что он вовсе не бредит» (Метелица, 2006–4, 8).

О Шадринске в 2000–2001 гг.: «Когда я была в 8–9 классе школы № 15, в моду вошли лазеры – продолговатые металлические трубочки, работающие на батарейках. Лазер так назывался из-за красного луча, который он выпускал. Первоначально лазер использовался как дискотечный атрибут, так как его луч наиболее ярк в темноте. Лазеры стоили довольно дорого и были не у всех. Затем стали появляться лазеры с насадками, которые в темноте создавали рисунки: Эйфелеву башню, голову ведьмы, красивую женщину, чашку кофе, средний палец и др. Лазеры стали более доступны по цене и были уже у всех» (012).

ЛАЗИТЬ по деревьям – детское развлечение.

О 1820-х гг.: «Некоторые девушки переживают в детстве период мальчишества, или то счастливое время, когда им нипочем бороться с мальчиками, лазить с ними по деревьям или в снежки играть» (Полонский, [1886] 1986–2, 86).

О 1950-х гг.: «Нет, – сказала девочка с иглой, – моя волшебная иглолка поможет. Она сейчас всех твоих кроликов переловит. Но в другой раз ты всё-таки поменьше по деревьям лазай и с мальчишками не дерись» (Гурьян, 1960, 97).

О середине 1970-х гг.: «“Володя, давай ... возьмём в деревню и мою подружку Олю! Она лучше всех в “классы” играет и по деревьям умеет неплохо лазить... Только я ещё быстрее лазаю...”» (Рутковский, 1977, 14).

О второй половине 1970-х гг.: «Мое детство было “дворовым”, “подъездным”... В то время я была настоящей бродягой, лазила по деревьям, даже дралась» (Овсиенко, 1997, 45).

ЛАКРИЦА – лакричный (солодковый) корень; корень лакричника (солодки, растения семейства бобовых); входит в состав лекарств, кондитерских изделий.

Илья Львович Толстой (1866 г. р.), сын Л.Н. Толстого, вспоминает о начале 1870-х гг.: «Когда я кашляю, [мама] даёт мне лакрицу или капли “Датского короля”, и я поэтому очень люблю кашлять...» (Толстой, 1969, 39).

«**ЛАМБАДА**», «**ламбадка**» – юбка со шнурками на поясе. Юбки такого фасона были распространены в 1990-е годы.

О 1991 годе: «Когда я была в старшей группе детского сада (1991 г.), стали очень модны юбки “Ламбада”. Они были джинсовые, “трёхъярусные”, каждый ярус был окаймлен кружевами, а пояс был очень широкий – он скрывал всю талию, состоял из резинок, а впереди ещё находилась декоративная шнуровка по типу корсета (крест-накрест), на третьем ярусе расцветал красным, жёлтым и зелёным пышный цветок и заветная лайба – “Lambada”. Юбки были дороже, и дети, у которых они имелись, ходили очень гордые. Из нашей группы в

садике такие юбки были только у меня и ещё одной девочки – Оксаны. Поэтому мы дружили с Оксаной, а с остальными только разговаривали. А ещё мы крутились как волчки, и “Ламбады” “раскрывались” как цветки. А уже через полгода почти все ходили в “Ламбадах” и интерес к ним вскоре утратился» (012).

О 1993–1994 гг.: «Юбка-“ламбадка” (“солнце”) была в гардеробе у каждой девочки примерно в 1993–1994 гг. На таких юбках были на поясе с двух сторон по три шнурочка, которые мы завязывали спереди различными способами (косичкой, на узел и др.)» (449).

О 1993–1995 гг.: «“Ламбадка” – широкая со складками юбка, со шнурками на поясе. Обычно они были чёрные. Но у меня была цветная – мама мне её сшила сама. Одноклассницы ходили в школу в чёрных “ламбадках”. Это было в 1993–1995 гг.» (073).

О 1995 г.: «“Ламбада” – юбка чуть повыше колена, чёрного цвета, сбоку на резинке вшиты по 3 черных верёвочки с колокольчиками. Эти веревочки завязывались впереди на узелок или 2 узелка. Юбка стала модной в 1995 г., когда мне было 10 лет. Её носили с белой блузкой. Юбка считалась нарядной и праздничной» (068).

О д. Подгорка Притобольного р-на в 1994–1996 гг.: «Ламбадка – пышная короткая юбочка из шёлкового материала с 2–3 широкими оборками и шнурками вокруг талии. Эти юбки появились в 1994–1996 гг. Такие юбки были у многих моих знакомых девочек. Когда я училась в 5–6 классах, девочки (я тоже) их надевали в составе торжественного костюма “чёрный низ, белый верх”» (072).

«**ЛАМБАДКА**» – см. «Ламбада».

ЛАНДРИН – род леденцов.

О 1914–1915 гг.: «“Продай голубя”, – сказал он... “Гривенник дам...” ...На гривенник можно было купить сотню рыболовных крючков, наестся пряников, даже сходить на галерку в “Экспресс”, где тогда показывали двенадцатую, самую интересную серию “Таинственной руки”. Яркие, цветные афиши... волновали наше воображение: над сонным... городом угрожающе распростерта зловещая сиреневая пятерня... Я подмигнул Юрке: продай!.. Через десять минут мы шли со двора, по очереди исследуя пятнадцатикопеечную монету. Пробовали её на зуб, били о мостовую, – нет, кажется, она не была фальшивой: при ударе о камень звенела, как настоящее серебро. Но оказалось, что три билета в кино на пятиалтынный купить нельзя... Мы купили обрезков колбасы – это было самое дешёвое лакомство – и немного ландрина – кисленьких леденцов, попробовали и то и другое и отправились на площадь» (Рутько, 1962; 31, 32).

ЛАПОТЬ – «Плетённая из лыка обувь, охватывающая ступню ноги» (Словарь, 1957–6, 63).

См. также: *Лапти*.

ЛАПТА – 1. Игра в мяч. Судя по найденным описаниям, лапта бытовала у русских детей с XIX века по 1960-е годы. Описаний игры в лапту в 1970-е и более поздние годы нам не встречалось.

О Саратове 1890-х гг.: «Летом на площади мы пускали змея, играли в лапту, в чучки и даже в прятки...» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60). [...]

Д.С. Лихачев о середине 1980-х гг. в сравнении с 1910-ми гг.: «“Беда в том, что исчезают не только русские игры – исчезают игры вообще... Прискорбно, что у нас не играют или мало играют в лапту, волейбол, горелки...”» (НЛ, 2006, 42).

О 1980-х гг.: «[А. Самойлов:] “...Там, где играли повсеместно, прежде всего в деревнях, теперь редко где играют в бабки, лапту, городки, другие старинные русские игры. Современная ребятня, как правило, слыхом не слыхивала об этих самых козонках, битках, литках и прочих бабках...”» (НЛ, 2006, 45).

Лит.: Зимина Т. Лапта. // РД, 2006, 188–191.

ЛАПТА – 2. Лопатка (палка), которой ударяют мяч в игре в лапту игре. «Там у Олешки хранились ценные вещи: лапта – летом мяч забивать...» (Цюрупа, 1964, 108). См. также: «Перебежки».

ЛАПТИ – см.: *Лапоть*.

Как следует из приводимых ниже воспоминаний, в 1930-е годы лапти были обычной обувью деревенских жителей (как взрослых, так и детей) в Рязанской области: «Отцу моему в 1941-м исполнилось тридцать пять лет, а мне – тринадцать... Лапти были незаменимой обувью на все времена года. В липовых взрослые работали круглый год в любую погоду... Для весенней и осенней распутицы предназначались лапти на колодках, так же мастерили лапти и для катания на коньках... В холодное время года лапти надевали на онучи, сотканые из чистой белой шерсти, а летом – на посконные, простые портянки. Крепились лапти оборками – веревочками, свитыми из пеньки. Женщины носили шерстяные чулки, оборы плели из шерстяных ниток. Мы, дети, носили лапти и в школу и на улицу, а дома снимали их у порога и бегали в шерстяных чулках... Я снова заложил пару лаптей, на этот раз для младшей сестры Насти... Я стал охотнее выполнять заказы остальных сестер – Маши, Зины и Нюры. Как только лапотки снимались с колодки, сестренки тут же с радостью надевали их и бегали по избе. ...Немало учителей и учеников ходили в сплетенных мною лаптях... Город Шацк, наш районный центр, находился в тридцати пяти километрах от Кермиси, и не было между ними иного сообщения, как ходить пешком. И все мы, учащиеся техникума, преодолевали это расстояние в лаптях, которые по приходе в общежитие складывали в углу, а на занятия шли все-таки в другой обуви» (Редичев, 2000, 42–44).

«**ЛАСКОВЫЙ МАЙ**» – вокально-инструментальная группа, образовавшаяся в 1986 году. Первая в России XX века муз. группа, ориентированная на подростковую аудиторию и снискавшая в 1986–1989 гг. огромную популярность у девочек-подростков 13–15 лет. См. также: *Шатунов*.

Наиболее удачные композиции группы «Ласковый май» (продолжают звучать и в 1990-е, и в 2000-е годы) – «Белые розы» и «Розовый вечер».

«Белые розы. [1] Немного теплее за стеклом, но в злые морозы / Вхожу в эти двери, словно в сад июльских цветов. / Я их так хочу согреть теплом, но белые розы / У всех на глазах я целовать и гладить готов. [Припев:] Белые розы, белые розы – беззащитны шипы. / Что с ними сделали снег и морозы, лёд витрин голубых? / Люди украсят вами свой праздник лишь на несколько дней, / И оставляют вас умирать на белом холодном окне. [2] А люди уносят вас с собой, и вечером поздним / Пусть праздничный свет наполнит в миг все окна дворов. / Кто выдумал вас растить зимой, о белые розы, / И в мир уводит жестокий вьюг, холодных ветров? [Припев:]».

«Розовый вечер. [1] Закат окончил летний теплый вечер, / Остановился на краю земли. / Тебя я в этот вечер не замечу, / И лживые не нужно слезы лить. / Достаточно терпеть твои обманы / И слушать ночью сказки о любви! / И можешь верить мне: больше я не стану / Заглядывать в окно. Как хочешь, так живи! [Припев:] Пусть в твои окна смотрит беспечный розовый вечер, / Пусть провожает розовым взглядом, смотрит вам вслед, / Пусть все насмешки стерпит твои, / Пусть доверяет тайны свои – / Больше не надо мне этих бед. [2] Не будут больше надо мной смеяться / Из твоего подъезда пацаны. / Не нужно по ночам с тобою шляться – / Уж лучше посмотреть спокойно сны! / И розовый закат, и летний вечер / Вполне со мной согласны, так и знай! / И можешь верить мне: ни за что на свете / Не подойду к тебе! Забудь, не вспоминай! [Припев:]».

О середине 1990-х гг.: «Песни группы “Ласковый май” я услышала уже после её распада – в середине 1990-х годов. Её самую популярную песню “Белые розы” “крутили” каждый день на местном телевидении (Катайский район) в рубрике “Телепрезент”. Эту же песню публика заказывала на школьной дискотеке (Катайская средняя школа № 2). Группа образовалась ещё в 1985 году в Оренбурге. А её солист, в то время ученик седьмого класса, Юра Шатунов записал свой первый магнитоальбом в местном ДК и спел песню, по которой его узнают до сих пор – “Белые розы”... В июне 1988 года Шатунова заметил Андрей Разин, который стал

руководителем “Ласкового мая”. Осенью 1988 года Шатунов и Разин в Москве в профессиональной студии переписали альбом “Белые розы”, а в январе 1989 года в программе “Утренняя почта” состоялась премьера клипа на эту песню. Группа стала знаменитой, собирала стадионы. Девочки плакали, слухая незамысловатые песни в исполнении Шатунова. Об этом свидетельствуют видеозаписи тех времён, которые показывают в телепередачах до сих пор. К сожалению, песни группы намного пережили её существование. “Ласковый май” распался в 1992 году, после ухода из неё Юры Шатунова... После этого о “ласковом” кумире было долго ничего не слышно... В 2000 году страна вновь заговорила о Шатунове уже как о сольном исполнителе. Недавно по телевизору передавали концерт “Легенды Ретро FM”. Участвовал в нём и Юра Шатунов, как исполнитель хитов 1980-х годов. И пел он, что неудивительно, “Белые розы”, ведь эта песня стала легендой, и её слушает уже не одно поколение» (018).

О 1995–1997 гг.: «Впервые услышала о существовании данной группы от подруги, которая была страстной поклонницей Юры Шатунова; кропотливо собирала всё, что с ним было связано. Я не слушала “Ласковый май”, но, поскольку из соседнего окна сутками звучали “Белые розы”, мелодия неизбежно начинала запоминаться и петься» (012).

О 1996 году в селе Красная Нива Шадринского района: «В 12 лет мне нравились все песни “Ласкового мая”. Особенно “Белые розы”...» (102).

О 1996–2001 гг.: «Песню “Белые розы” группы “Ласковый май” впервые услышала, наверное, в 1996–1998 гг., то есть когда мне было 10–12 лет. С творчеством “Ласкового мая” меня познакомили старшие творческие сестры в деревне Октябрь. А когда мне было лет 14–15, то есть 2000–2001 гг., кто-то из подруг купил кассету с записями “Ласкового мая”. Мы каждый день слушали Ю. Шатунова (солист группы), его песни “Забудь его”, “Секая ночь”, “Розовый вечер” и другие» (011).

ЛАСТИК – «резинка для стирания написанного» (Словарь, 1957–6, 74).

О московской гимназии в нач. XX в.: «Когда... министра торжественно повели на завтрак, к нам подошла группа старших: “Эй вы, у кого есть перочинные ножки?” Нащупав в своих карманах ножки, мы благообразно молчали. (“Свяжись с ними, отнимут, и баста!”) “Ну что же? Есть ножки? Хотите получить хорошие ластики?” Мы пододвинулись. “У главного подъезда стоит карета министра. Кучер спит на козлах. Идите, у кого есть ножки, и нарежьте себе сколько угодно с задних колёс красной резины...” Мы постарались, как надо, набив полные карманы упругими кусочками красноватой резины, чудесно стиравшей карандаш» (Шнейдер, 1970, 17).

В.Н. Иовлева (1935 г.р.) о 1940-х гг. в Шадринске: «Нас учителя поправляли: “Не “ластик”, а “резинка”» (сообщение 2006 года).

О 1970-х – начале 1980-х гг.: «...Кто зовёт его “ластик”, а кто и “резинка”. Он ведь и верно резиновый» (Юрмин, 1983, 29).

ЛАТИНИСТ – преподаватель латинского языка. Об Одессе 1910-х гг.: «Обычно грозой гимназии бывали преподаватели латинского языка. Это понятно. Латень – это предмет, требующий ежедневного неукоснительного изучения, требующий ни на мгновение не исчезающего внимания... Стоит не сообразить, куда вдвинут хотя бы ничтожнейший шурупчик из этого языка-машины, как вся машина в скором времени рухнет, погребая под собой несчастного школьника. Отсюда и страх перед латинистами» (Олеша, [1931] 1999, 271).

ЛАТКИ – игра. О перв. пол. 1930-х гг.: «Вечером Коська, Галка и пепка играли в латки. Стали считаться. Галка затынула старую: “Жили-были три японки: Циппи, Циппи-Дриппи, Циппи Дриппи-Лин-Помпони» (Кассиль, 1936, 49).

ЛАТЫНЬ – латинский язык (как учебный предмет). О конце 1900-х гг.: «...Я на юридический поступлю!»

«А латыни!» В реальных училищах латинский язык не преподавался, а без знания его в университет не принимали» (Кононов, 1958, 270).

«Возвращение к старой школе достигло своего максимума в [19]40-е годы, когда проводилась известная политика “огимназирования” школы... Была даже сделана попытка возобновить изучение латинского языка, но эта попытка, насколько я знаю, не удалась (в 569-й московской школе, где я учился, преподавание латыни было введено в одном из восьмых классов, но уже через год отменено). Латынь была “ощупана” и отброшена за ненадобностью» (Каграманов, 2007).

ЛАУН-ТЕННИС – то же, что теннис.

О Туле 1880-х гг.: «Пока дети были маленькими, они редко выглядывали за пределы своего домашнего мирка... Для мальчиков... приобретались всевозможные игры. Даже – по примеру соседа, богатого помещика, – сделали площадку для лаун-тенниса, дорогой и малораспространенной в России английской игры. Но чем старше становились мальчики..., тем чаще сиротливо лежали... крокетные шары и молотки, а теннисная площадка и вовсе зарастала травой» (Аренштейн, [1965], 1973, 6).

«**ЛЕБЕДЬ**» – разговорное название оценки «2» («двойка»).

О 1960-х–1970-х гг. (??): «...Нашу... восьмилетку перестали посылать на традиционную уборку картофеля... Я пообещал ему, что, де, если он в этот... раз ничего не ответит, то я не только поставлю ему “два”, но нарисую “лебедей” на месте всех точек, с начала года трассирующих в журнале напротив истоминской фамилии» (Поляков, 1991, 159).

«**ЛЕГО**» – пластмассовый конструктор датского производства. В России появился и приобрел популярность в начале 1990-х гг.

«Существуют наборы “Лего”, включающие в себя небольшое количество деталей, из них собираются простейшие модели автомобилей, самолетов, мотоциклов и т. п., до огромных и дорогих, которые годны для постройки космических станций. “Лего” – это, в основном, увлечение мальчиков. Из нескольких небольших наборов можно собирать собственные интересные конструкции» (Томилова, 2006).

О 8–10-летнем мальчике во второй половине 1990-х гг.: «“Рассказать тебе, – произносит мой мальчик..., – ...как ты меня мучаешь? Ужасно”. Сообщив это, он... возвращается к родному “Лего”» (Метелица, 2005, 89).

О семилетнем мальчике в первой половине 2000-х гг.: «“Конструктором” Стас увлекается... с шестимесячного возраста. Сейчас строит из “Лего” такие космические корабли, что позавидовал бы академик Королев» (Короткая, 2006, 15).

См. также: *Конструктор*.

ЛЕДЕНЕЦ – прозрачная конфета из сахара, сваренного с фруктовым соком.

О конце 1880-х гг.: «Надо отломить от леденца кусок... И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел» (Житков, [1934]).

О середине 1910-х гг.: «В полутёмной лавчонке... перед прилавком толпятся дети из соседних домов: они покупают леденцы и переводные картинки. Лавочник – длинный тощий старик в жилетке и чёрной шёлковой шапочке. Он охает и кряхтит, когда ему приходится доставать с верхних полок железные банки с леденцами. ...Лавочник вынимает из банок леденцы: тувельки, рыб и бабочек – все ядовитого розового цвета» (Бродская, [1938] 1957, 25).

О конце 1900-х – нач. 1910-х гг.: «Торговали нехитрыми игрушками..., леденцами-петушками на палочках и удивительно вкусным мороженым из сундука на колесах» (Ожегов, 1999, 207).

О 10-летней девочке в 1915 г.: «Мне давали утром пятнадцать копеек на завтрак, из этой суммы я копейку пять тратила ещё по пути в гимназию на лакомство. На этом пути тут и там сидели торговцы с лотками. На копейку можно было купить... три больших леденца, завернутых в папиросную бумагу (один такой леденец можно было сосать до вечера)...» (Панова, 1980, 38–39).

О 1920-х гг.: «В детстве нашем не хватало конфет (были одни леденцы и подушечки)...» (Гречина, 1994, 209).

О середине 1930-х гг.: «И девочки сунули нам деревянный самоварчик, какие попадались в новогодних хлопюшках или в круглых шоколадных конфетах, конфета была внутри пустая и называлась бомбочкой, и в ней что-нибудь лежало: такой самоварчик, леденец или просто копеечка» (Александрова, 1992).

О 1941 г.: «Купили на Сенной... по паточному леденцу каждому. Леденцы... были чудесны – даже вкуснее довоенных засохших конфет, которые ребята как-то нашли... Что особенно ценно, леденцы долго не таяли во рту: прилепи их языком к передним зубам – и соси себе всю дорогу» (Холопов, 1995, 115).

О середине 1940-х гг.: «Мама уходила из дому и сказала Мише. “Я ухожу, Мишенька, а ты веди себя хорошо... За это подарю тебе большой красный леденец”» (Носов, [1946] 1979–1, 187).

О восьмикласснице в конце 1950-х гг.: «Ира Грушева, долговязая девчонка, с причёской “под мальчика”, сидела на первой парте. Никто из нас и не заметил, что она сосёт леденец» (Зелеранский, 1961, 18).

Леденцовые подушечки.

О нач. 1950-х гг.: «Вчера в колхозе стало известно, что в магазине получены конфеты. Не вообще конфеты, а именно те, которые пользовались особым спросом у детей, – леденцовые подушечки, окрашенные во всевозможные цвета. Главное – они долго не таяли во рту» (Матвеев, 1954, 219).

Леденцовый петушок – см.: *Петушок леденцовый*.

Ср.: *Тянушка; Карамель*.

ЛЕДЕНЦЫ – см.: *Леденец*.

ЛЕДЯНКА – приспособление для скатывания со снежной горы.

О конце XIX в.: «Катаются с гор на самых разнообразных, нарочно приспособленных для этой цели, инструментах: салазках, санках, ледянках, лотках, лодках, коньках, кобылах, скамейках и т. д. Наибольшее внимание из этих инструментов заслуживают следующие: ледянка, устраиваемая так: берут глыбу льдины такой величины, чтобы на нее можно было усесться одному, придают ей кругловатую форму, обтачивая немного снизу кругом, и ледянка готова. Иногда же ледянки устраиваются так: берут какую-нибудь негодную в хозяйстве лубяную утварь, старое решето, лукошко и т. д., залепляют их снизу снегом, или, что считается еще лучше, свежим коровьим навозом, всё это замораживается, несколько раз обливается водою и ледянка готова» (Покровский, [1895] 1994, 366).

О Саратове в конце 1880-х гг.: «Мне было около 7 лет, когда мои родители переехали на новую квартиру... Белоглинский овраг в то время был очень глубоком. Зимой мы съезжали с боков оврага на коньках или ледянках» (Золотарев, [до 1975], 1995, 58).

Из пособия для ручного труда середины 1950-х гг.: «С гор обычно катаются на лыжах и на санках. Но не всегда они есть, да и не так уже быстро катятся санки. Ледянка, собственноручно сделанная и подмороженная, едет быстрее и для посадки удобнее. Основная часть – доска, шириной, как обычные средние доски, сантиметров 30–40, длиной для одного достаточно сантиметров 60–70, для коллектива – до двух метров. Толщина доски желательна побольше, так как на толстой доске лёд лучше держится, сантиметра три-четыре. Хотя, с другой стороны, тонкая доска легче... Строгать её не нужно. Заднюю и переднюю стойки можно обстрогать... Сколачивать части начинаем со стоек и основной доски. Ставим переднюю стойку верхом вниз, накладываем на неё конец доски и прибаваем двумя прочными гвоздями, затем таким же порядком на другом конце доски прибаваем заднюю стойку. На их плечики прибаваем продольные палки, предварительно остроганные. В вершину задней стойки ввинчиваем кольцо для верёвки, затем, отступив на толщину доски, прибаваем поперечную доску – сиденье. Её ширина должна равняться ширине ледянки в этом месте (ширина и высота ледянки неодинаковы: впереди уже и ниже, а сзади

шире и выше, хотя основная доска ровная по ширине на всю свою длину). Деревянный остов готов. Остаётся подморозить ледянку. Подмораживание производится различно: можно просто периодически поливать в морозный день до тех пор, пока толщина льда не достигает таких размеров, что можно не опасаться стереть его; но можно и усложнить, применяя конский или коровий навоз, который накладывается на доску слоем в один сантиметр, прежде чем заливать её водой. Такой лёд прочнее: он и не стирается, и не ломается. Когда лёд застыл, переворачиваем ледянку, накладываем на неё свежего сена, берём за верёвку и бежим на гору. Наконец, если нет опасения, что лёд обколется, а хочется подморозить поскорее, можно просто наложить нетолстый слой снега, залить его водой и дожидаться, пока не замёрзнет...

На том же рисунке... мы видим ещё один тип ледянки, которая сделана из старой круглой корзинки или даже из решета. Можно её замораживать так: набить наполовину снегом и окунуть дном в воду, дать промёрзнуть в всяком положении и ещё раз окунуть, снова подержать на воздухе, снова окунуть и вынуть. И когда она будет вся покрыта слоем льда, можно считать, что ледянка готова для катания с горы. В неё тоже кладут солому, сено или рогаши, как и в ледянку дощатую» (Жилкина 1956, 174–177).

О 1950-х – 1960-х гг.: «Ребят на горке было мало, остались самые непослушные – Пашка Сидоркин, Володька Калачов и рыжий Сема, который катался не на санках, а на круглой ледянке, устроенной из старого сита. Он то и дело просил Володьку сделать “волчка”. И Катя видела, как Володя, прежде чем толкнуть Сему вниз, резко крутил его вместе с ледянкой... На горе остались Катя и Сема. “Хочешь на ледянке прокатиться? – предложил Сема. – Иди садись... Держись только крепче... Вот так”, – объяснил Сема, придерживая ледянку, чтобы она не скатилась раньше... “Сам сделал ледянку! – похвастался Сема. – Ни у кого такой нет!”» (Глеов, 1979, 267–268).

ЛЕДЯНЫЕ дорожки – узкие полосы льда, образующиеся на тротуаре, покрытом утоптанном снегом. Кататься на ледяных дорожках – излюбленное развлечение детей.

О 1940-е гг.: «Идти было далеко, и мы всю дорогу почти бежали, с разбегу прокатываясь на длинных ледяных дорожках, натертых любителями “валенкового спорта”, отогрелись» (Кубанева, 1988).

О первой половине 1960-х гг.: «Вдоль всех улиц потянулись узенькие ледяные дорожки, которые в два счета успели раскатать ребята. В Киеве такие дорожки называются скользянками, и я не знаю, как их называют в других местах. Мы с папой по очереди проехали по одной такой длинной скользянке, а потом вернулись и снова проехали, а потом еще в третий раз...» (Киселев, [1966] 1969, 142).

«**ЛЕЖАЧЕГО не бьют**» – элемент мальчишеского «кодекса чести»: упавшего противника не били.

См.: о 1908–1911 гг.: «Иногда, собравшись стайками, мальчишки вывертывались откуда-нибудь из-за угла и налетали на меня, намереваясь избить и отнять сумку. Я знал неписанный закон улицы – “лежащего не бьют” и молча валился на землю, прикрывая телом подаяния... Мальчишки стояли надо мной, возбужденно блестя глазами и переговариваясь: “Хитрый заморыш! Не хочет принимать бою”. Я молчал, зная, что они не посмеют тронуть меня. Закон улицы соблюдался свято. Но мальчишкам надоело стоять и ждать, когда я поднимусь, и они, озлобленные, уходили, грозя мне: “Погоди, заморыш, мы тебя все равно отлупим, поймем...”» (Саватеев), [1954] 1963, 149).

О 1937–1940 гг. на Украине: «Если примерно до 1937–го года практически не было серьезных ссор на национальной почве, то в 1937–1940-х годах слово жид можно было все чаще услышать в общественных местах... А между школьниками еврейских и украинских школ, по инициативе последних, стали нередко вспыхивать драки. Правда, соблюдались

“джентльменские” правила: “до первой крови” и “лежащего не бьют”» (Цидильковский, 1996, 131).

О пятиклассниках в 1950-е гг.: «“Ты чоо-о? – поднялся... Чумаков и... крикнул: – Бей его!” Но никто не тронулся с места. “Один на один!” – кто-то из ребятшек подал голосок, как серебряный колокольчик... Они сшиблись как два петуха... Чумаков изловчился и сбил Мошкина подножкой, упав на него сверху, схватил за волосы и раз за разом ткнул Сашку лицом в жесткий снег. “Лежачего не бьют”, – остановил поединок всё тот же серебряный колокольчик. Ничего не поделаешь – законы улицы» (Носков, 1994, 41).

См. также: *Честь мальчишеская.*

ЛЕКТОРИИ для учащихся.

О нач. 1950-х гг.: «Школьные лектории. Лектории для учащихся средних и старших классов получили значительное распространение не только в домах пионеров, но и в школах» (ВВВР, 1955, 79).

См. также: *Кинолекторий для учащихся.*

ЛЕНИН – Владимир Ильич Ленин (настоящая фамилия – Ульянов) (1870–1924), рос. революционер, лидер партии большевиков (Российской Коммунист. партии (большевиков), организатор Октябрьской революции 1917 г., основатель и лидер Советского гос-ва, один из наиболее влиятельных полит. деятелей XX века.

Изучение жизни, деятельности и сочинений В.И. Ленина в воспитании детей – См.: *«Владимир Ильич Ленин»; Ленинская комната; Ленинский день; Ленинский зачет; Ленинский музей; Ленинский уголок; Ленинские чтения»; «Рассказы о Володе Ульянове».*

Использование изображений В.И. Ленина и вокальных произведений о нём в воспитании детей – см.: *«Песня о Ленине»; «Портрет Ильича»; Портрет В.И. Ульянова-Ленина».*

Из пособия для учителей нач. школы конца 1940-х гг.: «Во всех этих беседах о борьбе советского народа важно показать организующую роль большевистской партии, руководящую роль великих вождей Советского Союза В.И. Ленина и И.В. Сталина... В книге “Родная речь” отображён ряд моментов из жизни и деятельности В.И. Ленина и И.В. Сталина. К концу учеб. года важно повторить и обобщить изученное. В этом направлении и следует построить работу над биографиями Ленина и Сталина. Дети вспомнят ранее прочитанные в др. связи статьи и стихотворения о вождях советского народа» (НШ, 1949, 95).

Из рекомендаций работникам пионерских лагерей 1952 года: «Жизнь и деятельность величайших гениев человечества В.И. Ленина и И.В. Сталина является ярким примером для каждого советского человека. Воспитание пионеров и школьников на примерах замечат. жизни и деятельности Ленина и Сталина является важнейшей задачей пионерского вожатого и учителя. Методы ознакомления пионеров с жизнью и деятельностью Ленина и Сталина могут быть самые различные: беседы, сборы, пионерские костры, чтение книг, проведение экскурсий и походов по местам, связанным с жизнью и деятельностью вождей, оформление альбомов, выставок, посвященных Ленину и Сталину... Наиболее распространенными формами ознакомления пионеров в лагере с жизнью и деятельностью Ленина и Сталина являются беседы, экскурсии и походы по местам, связанным с жизнью и деятельностью вождей. Беседы по тематике могут быть очень разнообразными. Для пионеров и школьников 3–4-х классов, исходя из опыта работы многих пионер. лагерей, рекомендуется проводить беседы на след. темы: “Детские и юношеские годы В.И. Ленина”... “Как учился Ленин”, “Ленин и дети”... Готовясь к беседе, вожатый должен поставить перед собой определенную восп. задачу – на примерах жизни и деятельности великих вождей показать пионерам, какие необходимые качества они должны воспитывать в себе, чтобы достойно носить имя юных ленинцев... Для пионеров старших классов можно рекомендовать беседы на такие темы: “Жизнь В.И. Ленина и И.В. Сталина – пример беззаветного служения народу”... Беседы с ребятами должны проводить не только вожатые и педагоги. Желательно, чтобы с беседами о Ленине и Сталине перед ребятами выступали партийные,

советские и комсомольские работники, люди, лично встречавшиеся с великими вождями коммунизма. Но важно, чтобы вожатый предварительно рассказал проводящему беседу об уровне подготовки ребят, их запросах и интересах. В лагерной библиотеке обязательно должны быть книги, которые необходимы вожатому, педагогу и пионерам для подготовки сбора, посвященного великим вождям» (ПЛ, 1952, 42–44).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Во многих школах и домах пионеров успешно используются во внекл. работе для бесед, вечеров и пионерских сборов следующие темы в III классах: “Великая дружба Ленина и Сталина”... В IV классах: “В.И. Ленин и И.В. Сталин – вожди Великой Октябрьской социалистической революции”, “В.И. Ленин и И.В. Сталин – великие полководцы советского народа”, “Сталин – продолжатель дела Ленина”... В V классах... обобщающими представлениями детей темами для внеклассных бесед, читок и сборов являются следующие: “Образ В.И. Ленина и И.В. Сталина в поэзии советского народа»» (ВВВР, 1955, 77).

О середине 1960-х гг.: «В младших классах любовь к Ленину фактически преподавалась. Конечно, не было такого предмета, который бы назывался “Любовь к Ленину”. Но и не было ни одного урока, где бы об этой любви речь так или иначе не заходила. Учителя не зря трудились, я понял, что Ленин – удивительная, беспрецедентная личность. Тем не менее, как и все дети в СССР, я его не любил. Я его обожал. Обожать, между нами говоря, намного легче, чем любить. В школе меня быстро заметили функционеры всяких празднеств. Видать, глазенки сияли, голосок звенел. Был я отобран в особую команду таких же горластых детишек... Нас постоянно снимали с уроков и отводили в зал на спектакли. Но мы не пели. Мы по очереди выкрикивали различные клятвы, уверения и пожелания. Вся эта божба должна была, по идее, улаживать слух представителей общественности. Нас дрессировали так, чтобы вышло зычно, бойко, с улыбкой по стойке “смирно”» (Победин, 1995, 34).

Из букваря 1976 г. (11-е изд.): «Владимир Ильич Ленин отдал свои силы борьбе за счастье народа. Ленин создал Коммунистическую партию. Партия продолжает дело Ленина. Она ведёт наш народ к светлой, счастливой жизни. Ленин всегда заботился о детях. Поэтому октябрят называют внучатами Ленина» (Букварь, 1976, 91).

О вт. пол. 1950-х – нач. 1980-х гг.: «Ленин приходит к человеку, можно сказать, с рождения. Ребёнок видит портрет на стене. Ему говорят: “Это Ленин”. В сквере, в парке, на городской площади стоит памятник. Ребенку говорят: “Ленин”. Имя Ленина звучит в песнях, в речах, в задушевных беседах – всюду. И ребенок, едва научившись говорить, спрашивает: “Кто это – Ленин?” На этот вопрос отвечают книги. Сегодня дошкольники и октябрята имеют прекрасную библиотеку книжек о В.И. Ленине, поднимающих маленького человека на первую ступень в постижении великого образа. Эти книжки всем известны: “Детские и школьные годы Ильича” А.И. Ульяновой-Елизаровой, “Володя Ульянов” Н.И. Веретенникова, “О Ленине” В.Д. Бонч-Бруевича, “Шушу” Г.М. Кржижановского, рассказы о Ленине М. Зошенко, А. Кононова, М. Пришвина, П. Замойского, обработанные для малышей отрывки из воспоминаний Н.К. Крупской, коллективно написанная книжка “Детям о Ленине” и вышедшей к ленинскому столетнему юбилею публицистически-биографический очерк Зои Воскресенской “Дорогое имя”. Большой популярностью пользуются также поэмы С. Михалкова “В музее В.И. Ленина” и “На родине Ленина”» (Мотяшов, 1983, 82).

О середине 1980-х гг.: «[Ленинские чтения получили] широкое распространение в школах... Формы проведения Ленинских чтений разнообразны: устные журналы, обсуждение книг и кинофильмов, диафильмов и диапозитивов о жизни и деятельности В.И. Ленина, выступления журналистов, писателей, артистов... Широкое распространение получила такая форма работы, как заочное путешествие во ленинским местам. Уже шестилетние дети должны знать, что В.И. Ленин –

основатель Советского гос-ва, что под его рук-вом рабочие и крестьяне нашей страны совершили Великую Октябрьскую социалист. революцию. Им полагается знать товарищей В.И. Ленина по рев. борьбе: Ф.Э. Дзержинского, Н.К. Крупскую, Я.М. Свердлова... Детям рассказывается о том внимании, которое В.И. Ленин проявлял к трудящимся, воинам, детям, о том, как он их любил и о них заботился, что советские люди и лучшие люди всего мира чтут память вождя, а в дни праздников возлагают цветы к памятникам В.И. Ленина и его соратников... Заканчивая нач. школу, учащиеся, согласно программам и действующим “Книгам для чтения”, изучают все наиболее содержательные произведения об Ильиче: ...“О Ленине” Д. Гулиа..., “В Горках” О. Высотской и другие. Заканчивая обучение в нач. классах, школьники должны много знать о В.И. Ленине как о человеке, как гос. деятеле, как о революционере и вожде трудящихся всего мира, о том, как, идя ленинским курсом, наша партия и весь советский народ борются за выполнение заветов В.И. Ленина» (Пирогов, 1987, 40–41).

О девочке 8–12 лет в Шадринске в во вт. пол. 1980-х гг.: «Очень большое (как я понимаю сейчас) влияние оказала вся эта пропаганда Ленина. Это ведь даже был какой-то культ этого человека. К нему внушался страх – нельзя то делать, другое, это было какое-то летучее соединение (простят меня химики), которое было везде, всё наполняло, всё равняло, все мерило. Я помню эти большие портреты, я старалась завоевать расположение портрета смотрела на него добрыми глазами: “Дяденька, вы ведь хороший”. Эти буквари с большим портретом Ленина, эти бесчисленные классные часы и рассказы по чтению про Ленина, о Ленине. Я так думаю, что чтобы не так его бояться, я старалась быть на него похожей. Сколько раз ставили Ленина в пример, рассказывали про его ссылки, про его залив [вероятно, жизнь в Разливе – авт. словаря]. Мы даже с мамой рисовали молоко по бумаге, а потом прогревали на газу – так писал Ленин письма своим товарищам. Мне всегда хотелось, чтобы у него с Крупской была любовь, но как-то об этом не рассказывали. Очень тщательно проходили детские годы Ильича. Я понимаю сейчас, что многие вещи я стала делать, как Ленин. Нам рассказывали, что в их хорошей семье один день говорили по-английски, другой день – по-французски, третий – по-испански. Я тоже так хотела и даже завидовала ему. Потом, там описывали детство, и я до сих пор сверяю эту картинку с детством: Маленький Володя после завтрака шел гулять в сад. Для маленького мальчика всё казалось большим, даже гигантским, и он пробирался сквозь эти кусты, воображая, что он в зарослях таинственных джунглей. Я помню, что тоже ходила у бабушки в огороде, представляя, что я пробираюсь в джунглях, как Володя. Даже сейчас, до момента, пока писала, мне казалось, что эта картинка – бродить зарослях – картинка детства. В юности Володя много занимался, вечерами горела лампа в его окне, комната была маленькая, узкая, он мерил шагами комнату, уча материал. Я тоже, стремясь подражать Ленину, включала настольную лампу – горел свет, и ходила по комнате, зубря материал – слово в слово по тексту. Я ещё помню, что меня радовала такая схожесть в отношении к учебе с Лениным (я пишу и мне жутко). С тех пор у меня так и осталась привычка зубрить материал, ходя по комнате. Ленин воспевался, восхвалялся за то, что он трудился по двадцать часов в сутки, много читал, много работал, любил людей, всё успевал, был такой живой универсальной машиной, которой надо подражать. Я могу ошибаться, но мне кажется, что даже пугали, мол, дядюшка Ленин все видит. Рассказывали нам, как его застрелили, какая плохая была эта женщина... Я жутко боялась Ленина, боялась вызвать его неодобрение, он одинокой фигурой мелькал в моей голове, требуя зубрёжки, чтения, подражания, труда. И ведь мы шли на субботники, нам приводили в пример, показывали картинку, где Ленин на субботнике с рабочими тащит бревно. Надо трудиться на субботнике, ведь Ленин трудился. Этот Ленин был на одной линейке с первой учительницей, отчасти с мамой, являя из себя пример и требуя такого подражания. Это в детских букварах его лицо

было добрым и улыбающимся, а на значках (пионерском, комсомольском) была ужасная, строгая, невидящая фигура в профиль, – заслужить одобрение такого невозможно. Я помню, в моей голове всегда была неувязка – и это вот тот улыбающийся здесь такой. Я не верила ему на картинке в букваре, я его еще больше боялась. Ни подняться, ни догнать, на завоевать расположение этой фигуры в профиль невозможно» (1001).

«**ЛЕНИН и печник**» – стихотворение (1940) Александра Трифоновича Твардовского (1910–1971).

В 1950-е – 1960-е гг. изучалось в 6 классе, в 1970-е – 1980-е гг. – в 4 классе общеобразовательной школы.

О нач. 1960-х гг.: «В VI классе прорисовывает первая встреча школьников с ... Александром Твардовским. В программу классного чтения вошло его стихотворение “Ленин и печник”» (ГИ, 1963, 144).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Читает учитель сам – желательнее наизусть (это очень подкупает детей), читает мягко, душевно, в манере народного сказа... Ученики, даже слабые, хорошо понимают содержание стихотворения, от души смеются... На дом детям предлагается внимательно перечитать стихотворение и выучить отрывок, который больше всего понравился (8–12 строк)» (Григина-Земскова, 1975; 268–269, 270).

ЛЕНИНСКАЯ комната, ленинский музей, ленинский уголок.

В 1959 г., накануне 90-летия со дня рождения В.И. Ленина в пионер. орг-ции развернулось соревнование на лучшую дружину в стране. «Одним из условий этого соревнования было – создать в школе ленинскую комнату, ленинский музей или ленинский уголок. В 1960–1963 гг. во многих дружинах ленинские комнаты, музеи и уголки были созданы. В ленинских уголках, комнатах и музеях собирались материалы не только о В.И. Ленине, но и о его соратниках, о Комм. партии, о комсомоле, о стр-ве коммунизма и т.д. В ленинских комнатах и музеях проводились пионерские сборы, здесь принимали в пионеры. (Таборко, Орлова, 1963, 17–18).

Из издания 1983 г.: «Четверть века назад возникли первые шк. музеи и комнаты Владимира Ильича Ленина. Замечательное патриотическое движение пионеров год от года растет. Многие школьные ленинские музеи ныне носят звание народных» (Гринберг, 1983, 18).

«**ЛЕНИНСКАЯ тетрадь**».

О конце 1960-х гг.: «“Ленинская тетрадь”. У нас в нач. классах на тетрадь, в которой не было других отметок, кроме пятерок, надевалась бархатная обложка, кажется, жёлтого цвета, с изображением Ленина» (Томилова, 2006).

«**ЛЕНИНСКИЕ искры**» – еженедельная газета для детей и юношества. Первый номер вышел 31 августа 1924. Освещала деят-сть пионер. орг-ций Ленинграда и Ленинградской обл. На страницах газеты печатались К.И. Чуковский, С.Я. Маршак, А.Л. Барто, А.П. Гайдар. С 1990-х годов выходит под названием «*Пять углов*».

О нач. 1930-х гг.: «Король предложил написать заметку в “Ленинские искры”. Мы не очень верили в успех этой затеи, но мешать не стали. Всё наше общество “Друг детей”, в полном составе, пыхтело и корпело над заметкой. В ней было много фактов, попали туда все приятели Коробочкина – и Фелька Феоктистов, и Лешка Переделкин, и Сухоручко. Добавил и Король всё, что знал, а знал он немало. Заметку долго и усердно переписывали. Кончалась она, помню, так: “И куда смотрит горно?” Король сам отвез заметку в редакцию, заявив, что такой документ нельзя доверить почте. Ровно через две недели заметку напечатали – и ликованию не было границ. Пробовали газетную страницу на ощупь, по пять раз перечитывали вслух и про себя всё, начиная с заголовка и кончая подписями (а подписались полностью все наши “друзья”. Так и стояло: “Воспитанники детдома № 60...” – и дюжина имен и фамилий), и с особенным выражением скандировали концовку: “И куда смотрит горно?!!” Сила печатного слова подсказала Королю новую идею: “Алексей Саввич, а как вы думаете – если попросить, чтобы в “Ленинских искрах” напечатали объявление: вернись, мол, Плетнев, тебя товарищи ждут?” “Боюсь, что Плетнев не читает газет, – серьёзно
250

возразил Алексей Саввич. – Притом, ты сам видишь, в Ленинграде его нет. А в другие места “Ленинские искры” не доходят» (Вигдорова, [1953] 1969, 174–175).

О перв. пол. 1930-х гг.: «К “общественной работе” я отношу и бесконечные сборы, на которых... слушали рассказы про славных советских героев. Я этих героев тоже читала, но и без сборов все про них знала из “Ленинских искр” и “Пионерской правды”, которые мне выписывали родители» (Лупанова, 2007, 50).

О нач. 1980-х гг.: «...С янв. 1982 г. газета “Ленинские искры” стала выходить один раз в неделю (вместо двух), на шестнадцать страниц уменьшенного формата. Иные теперь вёрстка газеты, размер клише, шрифтового набора, заголовков... Еженедельник позволил собрать воедино все направления, заявленные редакцией, вести тему постоянно, а не дробить её в нескольких номерах, отнесённых во времени друг от друга. В результате эффект выступления “Ленинских искр” заметно возрос... Обогастился и жанровый состав газеты: короткая хроника, интервью, подборки авторских писем, корреспонденции, очерковые зарисовки, лит. произв-ия (стихи, сказки, рассказы), представленные одновременно, делают каждый выпуск разнообразным по форме» (Холмов, 1982, 19).

О 1970-х – 1980-х гг.: [Л.А. Анищенко:] «...Когда я работала редактором в газете “Ленинские искры”, мы получали около тридцати тысяч писем в год. Ребята в письмах делились с нами своими тревогами, жаловались на одиночество, непонимание. Действовала при газете и большая группа юнкоров» (Детство, 1989, 22).

ЛЕНИНСКИЕ уроки – форма воспитательной работы в старших классах в 1970-х – 1980-х гг.

О 1970-х гг. «Ленинские уроки проводят в старших классах. Их цель – помочь учащимся овладеть ленинизмом, научить их в своей деяти руководствоваться ленинскими идеями. Тематика Ленинских уроков весьма разнообразна, например: “Заветы Ленина молодежи”, “Твоя общественная активность”, “Мы патриоты-интернационалисты”, “Быть комсомольцем-ленинцем в мыслях и делах”, “Учиться коммунизму” и др. Особое внимание обращают на ознакомление учащихся с заветами великого вождя и с их реализацией совр. условиях. Значит. место занимает и ознакомление с жизнью и деяти В. И. Ленина. Это стало хорошей традицией во многих школах. В связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистич. революции [в 1977 г.] проводился Ленинский урок на тему “Революционный держим шаг”. Он помог школьникам глубоко осознать, что они являются наследниками рев. боевых и трудовых традиций Коммунистич. партии и советского народа. Ленинские уроки проводятся в форме беседы, лекции, рассказа. Иногда к их проведению привлекают учащихся. Им рекомендуют ленинские произв-ия для самостоятельного изучения, предлагают написать рефераты по этим произведениям. Опыт показывает, что Ленинские уроки проходят более эффективно, если кл. руководители в подготовит. период проводят с учащимися беседы примерно на такие темы: “Как изучать ленинские произведения”, “Как самостоятельно работать с книгой”» (Болдырев, 1978, 46–47).

О середине 1970-х гг.: «Ленинские уроки предусматривают самостоят. изучение произв-ий В.И. Ленина, коллект. их осмысление и непосредств. применение знаний на практике. Ленинский урок ставит перед каждым комсомольцем задачу – найти собств. ответ на наиболее актуальные вопросы обществ. жизни. Выводы и решения, принятые на Ленинском уроке, являются программой жизни молодёжного коллектива» (Денисова, 1978, 139).

О пос. Санчурск Кировской обл. 1970-х гг.: «Проведение Ленинских уроков стало доброй традицией нашего клуба юных следопытов и юнкоров... Начиная с 1960 г. (когда был создан клуб) мы считаем своей гл. темой ленинскую... Ленинский урок обычно проходит в шк. музее. Портрет Ленина, под ним пламенеют красные гвоздики. Ярко оформлены стенды: “В.И. Ленин и наш край”, “Коммунисты всегда впереди”, “Наши земляки, награждённые орденом Ленина”. После этого урока ребята вместе с гостями выходят на воскресник...

Ленинские уроки... Они включают в себя многое. Это и долгий следопытский поиск..., и мудрое слово педагога, коммунистов, ветеранов войны и труда» (Наумова, 1978, 18–19).

О нач. 1980-х гг.: «Ленинские уроки... получили широкое распространение в школах нашей страны... Ленинские уроки бывают всесоюзные и местные. Всесоюзные проходят по решению ЦК ВКСМ во всех комсомольских орг-циях страны в определенные сроки с единой повесткой дня. Местные (районные, школьные) ленинские уроки проводятся комсомольскими орг-циями по темам, обсуждение которых наиболее важно для данной комсом. орг-ции» (Лисова, 1984, 14).

ЛЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ – форма воспитательной работы, существует с 1960 года.

О 1970-х гг.: «В старших классах организуют также Ленинские чтения. Впервые их провели при подготовке к 90-летию со дня рождения В.И. Ленина. Теперь Ленинские чтения стали традиционными. Формы их проведения разнообразны. Это цикл бесед, докладов, лекций, конференций, посвященных жизни и деятельности В.И. Ленина, его идейному наследию и претворению в жизнь ленинских заветов... На основе обобщения опыта школ можно рекомендовать примерно такие темы для Ленинских чтений: “В.И. Ленин – вождь, товарищ, человек”, “В.И. Ленин о коммунист. морали”, “Как мы выполняем заветы В.И. Ленина”, “По-ленински жить, учиться и работать”, “В.И. Ленин о коммунист. труде”. В старших классах в программу Ленинских чтений можно включать изучение отдельных работ В. И. Ленина... Подготовка к Ленинским чтениям предполагает изучение и конспектирование произв-ий В.И. Ленина, подготовку устных докладов и письменных рефератов» (Болдырев, 1978, 47–48).

О середине 1980-х гг.: «Вот тематика Ленинских чтений, получивших широкое распространение в школах, для учащихся I-IV классов: I класс. 1. Детские и школьные годы Ильича. 2. «Нас назвали октябрята в честь победы Октября». 3. В. И. Ленин и дети. II класс. 1. В. И. Ленин – вождь Великого Октября. 2. Октябрята – внучата Ильича. 3. По заветам В. И. Ленина. III класс. В.И. Ленин – вождь Великого Октября, организатор первого в мире социалистич. гос-ва – гос-ва трудящихся. 2. Их называют верными ленинцами (о соратниках В.И. Ленина – Н.К. Крупской, Ф.Э. Дзержинском, М.В. Фрунзе, С.М. Кирове). 3. Пионеры - юные ленинцы. IV класс. 1. В.И. Ленин – учитель и друг трудящихся всего мира. 2. Семья Ульяновых. 3. Имени Ленина (по ленинским местам). Формы проведения Ленинских чтений разнообразны: устные журналы, обсуждение книг и кинофильмов, диафильмов и диапозитивов о жизни и деятельности В. И. Ленина, выступления журналистов, писателей, артистов. Для того чтобы большее количество детей выступило перед своими товарищами, на каждой страничке устного журнала может выступить по несколько октябрят» (Пирогов, 1987, 40).

«ЛЕНИНСКИЙ ДЕНЬ» – торжественно отмечаемый день рождения В.И. Ульянова-Ленина (22 апреля).

О конце 1950-х гг.: «При подготовке к ленинским дням... проводятся читательские конференции и экспонируются выставки книг о Ленине, организуются экскурсии и туристские походы по ленинским местам, колл. посещения спектаклей, демонстраций кинофильмов, худ. выставок о Ленине... В Ленинские дни проходят встречи учащихся со знатными людьми [посвященные темам: “Имени Ленина”, “По заветам Ленина”], проводятся смотры общественно полезных дел, итоги которых оглашаются на торж. линейке, комсом. собрании, отражаются в шк. стенной печати. К Ленинским дням в кружках худ. самодеят-сти учащиеся разучивают стихи и песни о Ленине, готовят инсценировки, оформляют выставки рисунков на темы [о Ленине]. Учащиеся ст. классов проводят вечера, а пионеры – отрядные и дружинные сборы и костры, в программу которых входят воспоминания или рассказы старших о Ленине и показ худ. самодеят-сти учащихся. В эти дни торжественно проводится приём в пионеры» (ПС, 1960–1, 611).

О конце 1950-х гг.: «Вот однажды после уроков пришла в третий класс старшая вожатая. Она сказала, что завтра, в Ленинский день, ребят будут принимать в пионеры» (Баруздин, 1960, 37).

[О перв. пол. 1960-х гг.:] «А в классе, как память о Ленинском дне, / Цветок распустился на школьном окне... / Ребята ему помогали расти, / Они торопили его расцвести... / И вот распустился в задуманный срок – / К рождению Ленина – красный цветок» (Александрова, [до 1969] 1975, 77–78).

«ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ» – одна из форм воспитания молодёжи, соединявшая изучение трудов В.И. Ленина с активизацией учеб. и обществ. работы учащихся. С 1969–1970 гг. по перв. пол. 1980-х гг. проводился ежегодно во всех учеб. заведениях страны.

О 1969–1975 гг.: «Впервые Ленинский зачёт был проведён в 1969–1970 гг. по инициативе комсомольских орг-ций Москвы и Ленинграда, в связи с празднованием столетия со дня рождения В.И. Ленина. С этого времени Ленинские зачёты проводятся ежегодно в несколько этапов и, как правило, связываются с важными общ.-полит. событиями в жизни страны. Девизом Ленинского зачёта стали слова “Учиться коммунизму” из речи В.И. Ленина на Третьем съезде комсомола (1920 г.). Для проведения Ленинского зачёта на комсомольских собраниях в школах, проф.-тех. училищах, сред. спец. и высших учеб. заведениях избирается спец. комиссия, в состав кот., кроме учащихся, входят представители партийной орг-ции учеб. заведения. Комиссия разрабатывает общий план проведения Ленинского зачёта. Учащиеся, участники Ленинского зачёта, составляют личные планы. В каждом из этих планов отражены интересы, потребности и желания комсомольца. Учащиеся берут на себя обязательства активно участвовать в системе полит. просвещения, повышать кач-во учёбы, развивать взаимопомощь и т. д. Лич. план участника Ленинского зачёта имеет конкр. хар-р: каждый комсомолец записывает в него то, что он сам должен выполнить. Ленинские зачёты проводятся в неск. этапов. Формой проведения Ленинского зачёта являются Ленинские уроки... В рамках Ленинского зачёта в учеб. заведениях проводятся соревнования на лучший класс или учеб. группу... Каждый этап Ленинского зачёта заканчивается общим комсом. собранием, на кот. Отчитываются все участники. Члены комиссии по проведению Ленинского зачёта подводят итоги сделанного. Наиболее акт. участников комиссия представляет к награждению памятным значком» (Денисова, 1978, 139–140).

О школе № 4 г. Шадринска: «В марте 1969 года комсомольцы вступили в Ленинский зачет. Первая и основная часть Ленинского зачета – изучение теор. наследия В.И.Ленина, программных док-тов партии и комсомола, повышение общеобразоват., культ. и нравств. уровня. У каждого комсомольца был личный творческий план. В нём отмечались обязательства по учебе, трудовым делам, обществ. поручениям. В подготовке к сдаче зачёта комсомольцы изучили работы В.И. Ленина “Великий почин”, “Задачи союза молодежи”, “О гос-ве”, “Партийная орг-ция и партийная лит-ра”, “Три источника и три составные части марксизма”, “Странички из дневника”, “Лучше меньше да лучше”, “Уроки московского восстания” и др. Были проведены теор. конференции “Начало рев. деят-сти В.И. Ленина”, “В.И. Ленин и Великая Октябрьская социалист. рев.”, “Тезисы ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина”. В апреле 1969 г. состоялась теор. конференция, посвященная дню рождения В.И. Ленина (подготовила учитель истории Г.С. Федоренко). После вступит. слова Галины Семеновны были прослушаны: речь В.И.Ленина “Что такое советская власть” в записи на грампластинке, доклады “Партийность философии” (учитель М.А. Шохирева); “Партийность литературы” (ученица Надежда Ильиных); “В.И. Ленин о роли молодежи в управлении гос-вом” (ученик Николай Нагорный); “Образ В.И. Ленина в совр. лит-ре” (ученица Галина Таскаева)... Прошли общешк. комсом. собрания: “50-летие Шадринской комсом. орг-ции”, “По-ленински работать, учиться, жить” и отчетно-выборное. 371

комсомолец сдал Ленинский зачет в марте 1970 года» (Плотникова, 2006, 108–109).

О 1971–1977 гг.: «Ленинский зачет. Эта форма комсомольской работы родилась в дни подготовки к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. По решению IV пленума ЦК ВЛКСМ (апрель, 1971) итоги зачета подводятся ежегодно ко дню рождения В.И. Ленина... Реш. о сдаче Ленинского зачета комсомолцы принимают на собрании комсом. орг-ции класса. При этом учитываются выводы аттестац. комиссии о рез-тах выполнения каждым комсомольцем принятых обязательств, их личных планов. Полезно поощрять комсомольцев за хорошие показатели, за усп. выполнение ими обязательств...» (Болдырев, 1978; 49, 50).

О 1979 году: «В постановл. ЦК КПСС “О дальнейшем улучшении идеол., полит.-восп. работы” поставлена задача: повышать роль Ленинского зачёта в комплексном реш. задач комм. восп. молодёжи» (Болдырев, 1984, 85).

О начале 1980-х гг.: «Участие старшеклассников-комсомольцев в Ленинском зачёте предполагает составление лич. комплексных планов. В них предусматривается изучение ленинского теор. наследия, материалов парт. съездов, выполнение пост. и врем. общ. поручений, практ. деят-сть в школе и по месту жительства, самовоспитание и другие виды деят-сти» (Болдырев, 1984, 85).

ЛЕНИНСКИЙ музей – см.: *Ленинская комната*.

«ЛЕНИНСКИЙ рассвет».

О Челябинске в перв. пол. 1980-х гг.: «Наша школа № 87, что стоит на пересечении улиц Молодогвардейцев и Братьев Кашириных, в советские времена была оплотом гор. пионерского движения. Дважды в год, накануне Дня Октябрьской рев. и дня рождения Ленина, адм-ция школы устраивала масштабное мероприятие “Ленинский рассвет”. К шести утра (!) полусонные пионеры неслись по тёмным дворам к зданию школы. Попробуй, отлынь: дружинная пионервожатая Ирина Вячеславовна лужёным голосом так читает перед сотней примерных пионеров, что свет милым не покажется! Скорейное построение, и вот уже многоголосая колонна под звуки горна и барабана бодро шагает вверх по улице Молодогвардейцев к кинотеатру «Победа». От наших криков просыпается сонный город: люди испуганно выглядывают из окон. Круто! Мы всех разбудили! Через час, в семь утра, в большом зале “Победы” начинается торж. сбор. Сначала лучшие пионеры читают стихи, потом все это перемежается отрывками из идеол. филмов, типа “Ленин в Октябре” или “Офицеры”. Все вместе это называется монтаж. После нам крутят дет. филм... Весь день после “Ленинского рассвета” был выходной!» (Кумейко, 2006–1, 3).

ЛЕНИНСКИЙ уголок – «То же, что красный уголок» (Словарь, 1957–6, 155).

В следующем отрывке выражение «ленинский уголок» трактуется как «ленинский кружок»: «Серьёзное знач... имели ленинские кружки, ставившие своей задачей подробно знакомиться с жизнью и деят-стью великого вождя и с наиболее выдающимися его произв-ми... О шир. распространении ленинских кружков сообщалось, например, в отчёте Псковского губоно и губсоцвоса за июль-декабрь 1924 г.: “В Торопецком уезде почти по всем дет. учреждениям организованы ленинские уголки, нек. школы по четвергам проводят “час Ленина”. В Невельском уезде при школах есть кружки, изучающие ленинизм. В г. Пскове во всех шк. имеются ленинские уголки, выпускаются газеты, посвящённые памяти Ленина» (Королев, 1961, 346–347).

О 1924–1927 гг.: «И вдруг... умер Ленин. И хотя мне не было еще и одиннадцати лет, день этот – вернее, вечер – помню... Вскоре стали возникать ленинские уголки, они образовывались всюду, даже во дворах. В сарае, отведенном нам для игр, мы сделали ленинский уголок: портрет Ленина, его же фотографии вместе с соратниками, стихи, вырезанные из газет. Да и сами, кто постарше, что-то писали. В последующие годы уголок этот всегда обновлялся к 21 января. Сюда же потом прибавлялись фотографии и стихи, посвященные Первому мая, дню Парижской коммуны, 9 Января, Октябрьской революции – праздникам, которые

особенно отмечались в те годы. Все это мы читали с самой детской чистотой. Может быть, уголки эти носили характер детской игры, но уже какой-то особой, с оттенком большой серьезности. И с полной искренностью и верой» (Розов, 1987, 270).

См. также: *Ленинская комната*.

ЛЕНИНСКИЙ урок – см.: Ленинские уроки.

«ЛЕНКА-пенка...» – закреплённое в фольклоре 1980-х–1990-х гг. дразнилка девочек по имени Лена.

Записано в 1984 году в Петрозаводске: «Ленка-пенка, дай поленко, / Нечем печку затопить» (Лойтер, 1991; 113, 252).

Записано в 1984 году в Петрозаводске и в 1989 году в Москве: «Ленка-пенка колбаса, / На верёвочке оса, / Руки-ноги на балконе, / Голова на стадионе» (Лойтер, 1991; 113; 252; ДПФ, 1991; 299, 521).

Записано в 1986 году в Петрозаводске: «Ленка-пенка ходила по лесу, искала принцессу» (Лойтер, 1991; 114, 252).

О середине 1980-х гг.: «Девичьи дразнилки: “Ленка-пенка, колбаса, жарена капуста. Съела кошку без хвоста и сказала вкусно» (534).

О середине 1980-х гг.: «На сестру свою всегда говорила: “Ленка-пенка-колбаса, / На верёвочке оса”» (537).

Записано в 1987 году в Медвежьегорске и в г. Жуковский Московской обл.: «Ленка-пенка, голая коленка» (Лойтер, 1991; 114, 252; ДПФ, 1997; 299, 521).

О девочке 6–9 лет в г. Лянторе в 1992–1995 гг.: «Во дворах мы дразнили друг друга. Про Лену говорили: “Ленка-пенка, колбаса, на верёвочке оса”» (015).

О детях 5–10 лет в г. Когалыме в 1992–1997 гг.: «Когда мне было лет 5–10, мы часто обзывались в стихотворной форме друг на друга. Вот примеры запомнившихся мне стишков: “Лена-пена, колбаса, / Жарена капуста. / Съела мышку без хвоста / И сказала: “Вкусно!””; “Ленка-пенка, колбаса, / На тарелке волоса, / Волоса шевелятся, / Скоро Ленка женится”» (134).

Записано в 2000 году в г. Петрозаводске от девочки 12 лет: «Ленка-пенка, колбаса, / На верёвочке оса, / А верёвочка порвалась, / Ленка с лестницы сорвалась» (Лойтер, 2005, 199).

Ср.: *«Андрей-воробей»*; *«Витька-тутька»*; *«Катя, Катя, Катерина...»*.

ЛЕНТА, ленточка (у девочек) – узкая полоска ткани, употребляемая для вплетания в косу, завязывания бантов и т. д.

О гимназистке середины 1910-х гг.: «Ирина, опустив голову, молча мяла пальцами кончик коричневой ленты, которой была повязана коса». (Филиппова, 1938, 86).

О конце 1930-х гг.: «...[Мальчики-пионеры] на улице пристали к двум девочкам-третьеклассницам..., сорвали у них с кос ленты...» (Суворина, 1959, 17).

О перв. пол. 1940-х гг.: «Синенькая юбочка, / Ленточка в косе. / Кто не знает Любочку? / Любу знают все» (Барто, [1945] 1969–1, 132).

О 8-летней девочке во вт. пол. 1940-х гг.: «Мамина школа тоже в совхозе. По праздникам Сережа бывает с мамой на школьных утренниках. Там он познакомился с рыжей Фимой... У неё косы уложены на ушах крендельками, а в косы вплетены ленты и завязаны бантами: или черные ленты, или голубые, или белые, или коричневые; очень много лент у Фимы... Фима... спросила его: “Ты обратил внимание, сколько много у меня лент?”» (Панова, [1955] 1956, 411).

О 1950-х гг.: «А Таиска бегала по дому в трусиках, грела уют, разглаживала свои самые красивые капроновые ленты» (Цюрупа, 1964, 195).

«Девочкам надо запомнить, что ленточки в косичках будут выглядеть у них красиво лишь в том случае, если волосы будут совершенно чистые» (Мильман, 1961, 57).

«Люба положила на полку ленты, а то их всегда искать приходится» (Концевая 1961, 17).

О 1950-х гг.: «Алёнка... запледала туго-претуго две косы. Только у неё не было одинаковых лент, и она в одну косу вплела белую ленту, а в другую – красную... Ребяточки увидели, что у неё в косах разные ленты, и начали смеяться...» (Воронкова, 1961, 8).

О 1950-х гг.: «Войдя в комнату, она бросила портфель

на стол и подскочила к зеркалу. “А у меня новые ленты. Вчера мама купила. Красивые? Мне красное идёт и голубое тоже... Я в детстве scarлатиной болела, и ещё у меня лёгкие слабые. Меня каждый год мама на ЮБК возит. Не знаешь что? Южный берег Крыма”. “А я только в лагерях была”, – сказала Таня, с завистью разглядывая новые ленты Тани Раковой» (Дягилев, 1961, 39).

«У них, как у всех девочек на свете, была тысяча вопросов к новенькой. Кто её мама? И кто папа? И какие ленты ей больше нравятся – шелковые или капроновые? И пускают ли её вечером в кино?» (Карпенко, 1962, 32).

О 1960-х гг.: «Катяка влетает в косы капроновые ленты...» (Дубровина, Янишевская, 1970, 53).

ЛЕНТОЧКА и картинка для тетради.

О реальном училище в 1900-е гг.: «Виктор Аполлонович [надзиратель] подвёл его к конторке. Там лежали карандаши, резинки, перья, шелковые ленточки – закладки для тетрадей, картинки-печатки для приклеивания закладок. Картинок было много; на них нарисованы были тигрята с полосатыми мячами, птички с письмом в клюве. “У тебя все школьные принадлежности имеются?... А это?” – И он покачал перед самым носом Григория Шумова лиловой ленточкой. Григорий молчал. “Возьми, – великодушно сказал Виктор Аполлонович. – И ещё вот это! – Он порылся в конторке, вытащил оттуда картинку величиной с пятак и подал её вместе с ленточкой Грише... “...Ленточка с печаткой стоит всего шесть копеек...” [Григорий] внимательно разглядел свою... покупку. Муаровая ленточка отливала живым волнистым блеском. На картинке была птичка неизвестной породы – с зелеными перьями и изумленно вытаращенными коралловыми глазами. Это были прекрасные вещи – с такой закладкой тетрадь для чистописания будет выглядеть совсем по-другому...» (Кононов, 1958, 129–130).

О школе во вт. пол. 1900-х гг.: «...В старшем классе мальчики уже учились вместе с девочками... На переменах девочки, учившиеся в нашем классе, первое время держались особняком; мальчишки презрительно обходили их, будто не замечали... И вдруг я будто впервые заметил в классе одну девочку, сидевшую наискосок от меня, впереди через парту. Иван Емельянович показал нам с Потаповым тетрадку этой девочки, чтобы мы сравнили ее со своими тетрадками. “Поглядите, только не замажьте”, – сказал он. Мы загляделись, но не столько на тетрадку, сколько на цветную картинку, которой была прикреплена ленточка к промокашке. Картинка, изображавшая парусную лодку, уплывающую в голубое море, была такая глянцевиная, что её хотелось потрогать. И мы не утерпели». (Абрамов, 1959, 83).

О женской гимназии в середине 1910-х гг.: «Точная наука положил на стол стопку тетрадей со свисающими разноцветными ленточками. На ленточках держались промокашки, украшенные картинками. Чем любимее был преподаватель, тем ярче наклеивалась картинка. Ленточка выбиралась «со значением». В тетрадях, которые принёс Точная наука, больше всего было ленточек желтого цвета. Желтое, на языке цветов, значило измену, ненависть... Конечно, это её тетрадь! Это видно по ленточке. Промокашка прикреплена совершенно особенной ленточкой – белой, с вытканными на ней крошечными пунцовыми розами. Такой ленточки не было ни у кого...» (Филиппова, 1938; 66, 113).

ЛЕОНАРДО ди Каприо – актер, главный герой фильма «Титаник», предмет поклонения (интереса, обожания) девочек-подростков в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

О 1999–2000 гг. в г. Шумихе: «Примерно в 1999–2000 гг., когда я училась в 8–9 классах, мне нравился актер Леонардо ди Каприо. Я собирала вырезки из газет и журналов с его фотографиями и наклеивала в альбом, покупала тетради с его фото на обложке. В 2000 году мы 9-м классом ходили в кинотеатр на фильм “Титаник” с участием ди Каприо. Особенно мне нравилась у него стрижка. Позднее мне стали нравиться мальчики с такой же стрижкой» (100).

О 12–13-летней девочке в начале 2000-х гг.: «...У меня был любимый фильм... – “Титаник” с любимым актёром Леонардо ди Каприо» (048).

ЛЕОПОЛЬД – см. *Кот Леопольд*.

ЛЕПКА – изготовление объёмных фигур из глины или пластилина на занятиях в детском саду и начальных классах школы. В процессе лепки используются стеки (деревянные, пластмассовые или металлические лопаточки или стержни длиной 12–15 см) и подкладные фанерные доски.

О детском саде 1940-х гг.: «Принялись ребята за дело: одни стали рисовать, другие лепить из глины игрушки» (Баруздин, [1951] 1960, 17).

О 1950-х гг.: «Ребята лепят из пластилина... Когда Алёша прикрепил человечку жёлтый колпак, ребята узнали Петрушку. Юра вылепил из пластилина шарик, обернул его серебряной бумагой...» (Концевая 1961, 26).

В 1960-е годы лепка из глины и пластилина практиковалась на уроках труда в начальных классах: «Сначала учащиеся лепят... предметы простой формы... – фрукты, ягоды, овощи... Затем дети начинают лепить предметы, состоящие из 2–3 деталей (гриб, чашка, чайник) или сочетания нескольких одноименных предметов (например, группа из 2–3 грибов разной величины). Следующая ступень – лепка фигур домашних птиц, животных и диких зверей. На первых порах фигурам придаются общие контуры, позже начинается проработка деталей» (ТВПО, 1968, 134–135). О Свердловске начала 1960-х гг.: «Когда я ходил в детский сад, на занятиях лепили не из пластилина, а из настоящей глины. Её запах смутно витает возле моего носа и сейчас. На вкус я её не пробовал. Цвета – не помню, вроде бы серая. Еще она была мокрая, холодная... Не помню, чтобы мы лепили из нее что-нибудь, кроме птичек, чьё уродство несколько скрашивалось натуральной величиной и естественным цветом “оперения”, но усугублялось квадратной картонной подставкой... Глиняные птички были призваны изображать... скорее всего – чижики. Лучшие отбирались и хранились в подсобном помещении, дожидаясь своего часа, когда любая из них могла послужить дежурным подарком ко дню рождения. Этот подарок воспринимался как неизбежное запланированное разочарование. Необоженная глина со временем, вконец высыхая, трескалась и крошилась, расквашена» (Застырец, 2006).

«ЛЕСНАЯ газета» – произведение Виталия Валентиновича Бианки (1894–1959).

«“Лесная газета” появилась на свет первоначально как постоянный природоведческий отдел в журнале “Воробей”. В 1926–1927 гг. Бианки работал над материалами этого отдела для издания книги “Лесная газета на каждый год”, и в 1928 году книга вышла в свет... В расположении материала имитируются газетные отделы: статьи – корреспонденции – письма читателей... Переведённая на многие языки, “Лесная газета” входит в золотой фонд мировой дет. литературы» (Арзамасцева, 2007, 365).

«...Бианки осуществил... в [19]20-е годы... свой большой, интереснейший труд, который был написан для детей, но был необычайно увлекателен и для взрослых. “Лесная газета” сыграла огромную роль в воспитании любви к природе у многих поколений читателей...» (Матафонов, 1984, 145).

«...Литературная манера Бианки, простая, традиционная... в известной степени... складывалась на отрицании усложненного литературного языка, особенно свойственного прозе [19]20-х годов, и в этом по-своему была передовой. А “Лесная газета” – едва ли не главный труд его жизни...! Ведь это именно газета, произведение смелое..., новаторское по конструкции, учитывающее опыт современного ребёнка, где бы он ни жил... Скажем, в аксаковские времена такая форма была бы просто невымыслима» (Воеводин, 1967, 188).

«ЛЕСНОЙ олень» – песня из кинофильма «Ох, уж эта Настя!» (1971).

«ЛЕТАЮЩИЕ колпачки» – настольная игра. Существовала в 1930-е – 1980-е годы.

Описание игры содержится в книге «500 игр и развлечений» 1949 года: «Летающие колпачки. Из деревянных планок шириною по 3 см делают квадратную рамку; к ней прибывают фанеру, в которой просверлены круглые отверстия. Возле каждого отверстия пишат число. Такой вид имеет мишень. Для метания употребляют три-четыре колпачка конусообразной формы, склеенных из толстого картона, открытых со стороны основания. Внутри вершины конуса находится небольшой груз (песок, комочек глины), закрытый картонным кружком. Приспособление для метания колпачков представляет собою фанерную ракетку, прикрепленную к бруску полукруглого сечения. Мишень и ракетку кладут на стол: расстояние между ними – 60–80 см. Играющий ставит колпачок на широкую часть ракетки и резко ударяет пальцами по ее рукоятке – колпачок высоко взлетает вверх и, описывая дугу, летит вперед по направлению к мишени. При падении колпачок повёртывается острым концом вниз. Если он попадает в одно из отверстий мишени, то играющему засчитывается количество очков, равное числу, написанному около этого отверстия... В игре участвуют от двух до шести человек. Победителем выходит тот, кто первый наберет 100 очков» (Чкаников, 1949, 197–198).

В книге написано, как изготовить эту игру для взрослых. Однако, эта игра разстояния между ними – 60–80 см. Играющий ставит колпачок на широкую часть ракетки и резко ударяет пальцами по ее рукоятке – колпачок высоко взлетает вверх и, описывая дугу, летит вперед по направлению к мишени. При падении колпачок повёртывается острым концом вниз. Если он попадает в одно из отверстий мишени, то играющему засчитывается количество очков, равное числу, написанному около этого отверстия... В игре участвуют от двух до шести человек. Победителем выходит тот, кто первый наберет 100 очков» (Чкаников, 1949, 197–198).

Описание игры для детского сада: «Летающие колпачки... Игра состоит из коробки с круглыми отверстиями, бумажных или пластмассовых колпачков и двух ракеток, прикрепленных к подставке, или двух трамплинчиков. Играющие в порядке очередности ставят колпачки на ракетку и, ударив пальцем по ручке ракетки, направляют колпачок вверх, с таким расчетом, чтобы он попал острым концом в отверстие коробки. Игра продолжается до тех пор, пока все колпачки не окажутся в коробке. Выигрывает тот, у кого больше число колпачков попадает в отверстия коробки» (Кожевникова, 1961, 96).

О Москве во вт. пол. 1930-х гг.: «В старом двухэтажном доме на одной из московских улиц..., в комнате старого многонаселённого этажа, пропахшего кухни, керосинками и примусами, стоял... комод... В центре этого комода-пьедала почётное место занимал СВД-9 – один из довоенных отечественных радиоприёмников... Слева от приемника лежало несколько альбомов с патефонными пластинками и коробки с играми “Рыболов” и “Летающие колпачки”, а в 1940 году там проявился “детский календарь”...» (Надеждин, 1995, 43).

О середине 1950-х гг.: «...Лучше [получить в качестве подарка] фотоаппарат или “Конструктор”, – уговаривала тётя Клава. – Или какую-нибудь игру. Сейчас много разных игр есть для твоего возраста: “Летающие колпачки” или “Давайте прыгать”» (Лихоталь, 1962, 30).

О начале 1960-х гг.: «“Подумаешь, игра! – сказал Гена. – Вот у меня есть летающие колпачки!.. Правда, колпачков нет. Все улетели. А коробка осталась. И планочка, с которой они летают...” “Не беда, – сказала Лида. – Колпачки сами сделаем”... На другой день Митя заглянул в пионерскую комнату. В пионерской разгорелось сражение. Лида и Гена играли в “летающие колпачки”. Гена все время оказывался победителем. Лиду сменил Никита Кузнецов, Никиту – Жора, Жору – Саня Попугайчиков из третьего “А”. Но Гена неизменно побеждал. Понуро стоял в стороне Митя, глядя на орущих от восторга ребят, на летающие разноцветные колпачки.... И вдруг Гена окликнул: “Митя, а ты что же не идешь?”... Первым бросил колпачок Гена. Колпачок упал в дырочку с цифрой 20. Митя тоже бросил. Колпачок упал в дырочку с цифрой 10. Следующим ударом Гена набрал сразу 50 очков... И на этот раз победил Гена» (Мамлин, Соколовский, 1963, 58).

О 1960-х гг.: «Даже катапульты детского бильярда или игры в... “Летающие колпачки” и др. нужно уметь

управлять, стараясь нажимать так, чтобы... колпачок ... летел точно в цель...» (Коссаковская, 1967, 28–29).

О второй половине 1970-х гг. – начале 1980-х гг.: «Мама купила Юре новую игру “Летающие колпачки”» (Пономарева, 1985, 26)

«**ЛЕТЕЛ гусь...**» – аналог игры «Летела ворона...»

«Обычно играющие образуют круг и при этом прикладывают тыльную сторону ладони правой руки своей к ладони левой руки (своего соседа справа); а в ладони левой руки (своей) приложена тыльная сторона ладони правой руки. Водящий начинает игру, ударяя своей правой рукой по ладони правой руки своего соседа слева. Каждый из участников говорит только по одному слову. Вариант: “Летела ворона по синему небу, / Читала газету под номером...” (и называется любая цифра, например, один, два, три, четыре, пять...) Кто на слово “пять” не успевает убрать ладошку, выходит из игры. В этой игре всегда остается только один победитель. Вариант: “Летел гусь, / Кричал: “Женюсь” / “На ком?” / “На тебе” / “Сколько раз?” (называется число)» (113).

О 1980-х гг.: «А ещё в школе мои одноклассницы научили меня играть в игру “Летел гусь...”. Она заключалась в том, чтобы два или больше участников вытянули руки, согнутых в локтях, выпрямили ладони и приставили к своим соседям, и начинали говорить: “Летел гусь, кричал: “Женюсь”. На кого?” На ком останавливалось, тот говорил любое число, начинался отсчёт. Всё это время каждый по очереди хлопал по ладони, которая приставлена, на чью ладонь пришёлся хлопок (по названному числу), и тот не успел убрать – выбывает из игры. И так до тех пор, пока не остаётся выигравший. Так как это занимает мало времени, мы играли на перемене» (611).

«**ЛЕТЕЛ лебедь...**» – игра с произнесением речитатива и хлопками; аналог игры «Летели лебеди...»

О 1980-х гг.: «Игры в ладошки были, в основном, на переменах. Слова:... “Летел лебедь по синему небу, загадал число “три”. Раз! Два! Три!” На число “три” надо было резко поднять руку, чтобы второй человек не успел хлопнуть. “Улица Пушкина, дом Колотушкина, квартира “3”, точно так же» (489).

Ср.: «Шла собака по роялю».

«**ЛЕТЕЛА ворона...**» – игра с произнесением речитатива и хлопками.

О Шадринске в 1993–1996 гг.: «Обычно играющие образуют круг и при этом прикладывают тыльную сторону ладони правой руки своей к ладони левой руки (своего соседа справа); а в ладони левой руки (своей) приложена тыльная сторона ладони правой руки. Водящий начинает игру, ударяя своей правой рукой по ладони правой руки своего соседа слева. Каждый из участников говорит только по одному слову. Вариант: “Летела ворона по синему небу, / Читала газету под номером...” (и называется любая цифра, например, один, два, три, четыре, пять...) Кто на слово “пять” не успевает убрать ладошку, выходит из игры. В этой игре всегда остается только один победитель...» (113).

О детях 10–11 лет в г. Катайске в 1994–1995 гг.: «“Летела ворона по синему небу (морю), читала газету под номером ...” Участники игры становятся в круг; рядом стоящие складывают ладошки так, чтобы правая рука смогла ударить ладошку соседа и т. д. На каждый удар участники проговаривают (тот, кто ударяет) слова, приведенные выше. Последний называет номер газет, например, 3, и игроки начинают отбивать цифры по порядку, пока не дойдет до цифры 3, в это время тот, кому должны ударить, должен убрать руку, если его задела, то он выбывает из игры. Игра продолжается до двух человек, из которых и выявляется победитель» (116).

О Шадринске в 1994–1996 гг.: «В игру “Летела ворона...” мы играли, когда нам было лет 9–11. В игре могли участвовать от 2 до 10 человек. Все становились кругом, соединяли руки (своя кисть руки прижималась к ладони соседа). Затем начиналась игра. Каждый из игроков произносил по слову, при этом зажимая руку соседа слева (или справа по кругу) своей ладонью. Так, рука оказывалась между двух ладоней одного человека.

Затем говорил слово следующий и тоже хлопал руку соседа. Текст: “Летела ворона по синему небу, читала газету под номером ...” (назвать цифру до 100). После того, как прозвучала цифра, все так же по кругу начинали считать от 1 до этой цифры. По очереди каждый называл по цифре и зажимал ладонь соседа. Но как только счет доходил до названной цифры, тот, кому досталась очередь ее произносить, должен был захлопнуть руку соседа между своих ладоней. А задача соседа была этого не допустить и руку убрать. Если он не успевал, то проигрывал» (111).

О Шадринске в 1996–1997 гг.: «“Летела ворона по синему небу и загадала число...” В этой игре все участники становятся по кругу, при этом кисти рук участников соединяются следующим образом: кисть правой руки одного участника кладется на ладонь левой руки другого участника. Затем игроки начинают произносить фразу по одному слову, при этом ударяя своей правой ладонью по ладони соседа слева. Когда вся фраза будет произнесена, то следующий человек загадывает число и произносит его вслух, и со следующего игрока начинается отсчет от одного тем же способом, что и при произнесении фразы. Считают до тех пор, пока не дойдут до загаданного числа. Смысл игры в том, что на последнюю цифру игрок слева (на кого и приходится это число) должен успеть убрать свою руку, а игрок справа наоборот успеть хлопнуть по ней. Затем игра начинается заново. С этой игрой я познакомилась примерно в 11–12 лет» (103).

О с. Глядянское в 1997 г.: «“Летела ворона по синему небу и загадала число [, например,] семь: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь”. Суть игры в том, что все играющие садятся в круг, так, чтобы ладошка твоя закрывала другую, чтобы можно было по ней хлопнуть. Так все делают до тех пор, пока не дойдут до числа семь. Если играющий успел задеть твою ладошку на этой цифре, то ты становишься ведущим, а если нет, то игра начинается снова, пока не изменится галдящий. Эту игру я привезла из санатория “Сосновая роща”. Мне тогда было 13 лет. Мы с вожатой пошли на игровую площадку поиграть до ужина. Сначала мы играли в волейбол (пионербол), а потом надоело, и она нам предложила поиграть в “Летела ворона...” Мы расселись на траве по кругу, вожатая объяснила нам суть игры, мы поиграли в неё, а затем она нам показала игру “Стёклышки”. Мы поиграли и в неё. На следующий день мы практически только в эти игры и играли» (106).

О 1999–2000 гг.: «“Летела / Ворона / По синему / Небу / И / Загадала / Число” / “Какое?” / “Любое” / “Например?” / “Десять” / “Раз”, / “Два”, / “Три”, / ... / “Десять!” (Ловля хлопком руки партнера.) (Зап. от Оли Макаровой, 10 лет, г. Иркутск, школа № 66 Рабочего предместья)» Назаркин, 2006, 93).

О 1999–2000 гг.: «Летела / Ворона / В голубых / Панталонах, / Читала / Газету / Под номером / Пять” / “Раз”, / “Два” / “Три”, / “Четыре”, / “Пять” (Зап. от Марши, 7 лет, и Ани, 11 лет, урожай. г. Томска, поезд Иркутск – Москва)» (Назаркин, 2006, 93–94).

См. также: «Летели лебеди...»; «Летел гусь...»

«**ЛЕТЕЛИ ГУСИ...**» – игра с хлопками, аналог игры «Летел гусь...».

Записано от девочек 10 и 12 лет из Иркутской обл. в 1999–2000 гг.: «“Летели / Гуси / По синему / Небу / И / Загадали / Число / “Какое?” / “Любое” / “Например?” / “Пятнадцать” / Раз, / Два, / Три... / Пятнадцать!” Ловля хлопком руки партнера. “Летели / Гуси / По синему / Небу / И / Сказали / Слово” / “Какое?” / “Любое” / “Например?” / “Сова” / “С” / “О” / “В” / “А”» (Назаркин, 2006).

«**ЛЕТЕЛИ лебеди...**» – игра с хлопками, аналог игры «Летела ворона...».

О с. Понькино Шадринского р-на 1980-х гг.: «Играли группами, часто звали играть с собой мальчишек, они соглашались. Вставали кругом, руки слегка согнуты в локтях, вытянуты в стороны. Вставали так, чтобы у каждого одна ладонь была внизу чужой ладони, а другая вверх другой ладони. Затем, хлопая друг другу по ладошке, говорят слова: “Летели лебеди по синему небу,

сколько было лебедей, сосчитай скорей”. Тот, на ком остановится слово “поскорей”, должен назвать любую цифру, которая придет в голову. Затем начинается счёт, так же хлопками по кругу. Один другому говорит: “раз”, хлопая рукой о руку соседа другой, “два”... и т. д., пока не досчитают до нужного числа. Когда наступит, последний игрок, передавая, должен постараться хлопнуть соседа по игре по ладошке. А тот, в свою очередь, должен убрать ладонь. Если он ладонь убрать не успел, то тот, кто хлопал, выходит из игры. Игра продолжается до тех пор, пока не останется один участник игры. Он считается победителем» (514).

«**ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ**» – песня (музыка И. Дунаевского, слова М. Матусовского).

Текст: «Летите, голуби, летите, / Для вас нигде преграды нет! / Несите, голуби, несите / Народам мира наш привет! / Пусть над землёю ветер стонет, / Пусть в чёрных тучах небосвод, – / В пути вас коршун не догонит, / С пути вас буря не собьёт. / Во имя счастья и свободы, / Летите, голуби, вперёд! / Глядят с надеждою народы / На ваш стремительный полёт. / Летите, голуби, летите, / В лучах зари и в грозной мгле, / Зовите, голуби, зовите / К труду и миру на земле!».

О 1957–1958 гг.: «Студентка фак-та фр. языка Гордон-Гордина, работавшая в этом лагере с отрядом мальчиков 10–12 лет, рассказывает, что весь отряд чувствовал себя победителем фестиваля, когда за исполнение песни Дунаевского “Летите, голуби” пять мальчиков из отряда завоёвали почетное звание лауреатов фестиваля» (Радина, 1958, 191).

О перв. пол. 1960-х гг.: «... Любимые песни... старшекласников – “Летите, голуби” Дунаевского (слова М. Матусовского), “Школьные годы” Кабалевского (слова Е. Долматовского)...» (ПЭ, 1966–3, 378).

ЛЕТНИЕ практические работы.

«Положение о летних практических работах учащихся общеобразовательной школы» было утверждено Минвом просвещения СССР в 1973 г. (ЛО, 1978, 58). В 1975 г. было принято Постановление Коллегии Мин-ва Просвещения СССР «О задачах по дальнейшему улучшению орг-ции летних практик. работ учащихся общеобразоват. школы в 1975 году» (ЛО, 1978, 91).

ЛЕТНЯЯ трудовая четверть учащихся – период обязательной работы школьников в 1970-е годы.

В мае 1973 г. было принято постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ «О летней трудовой четверти учащихся “Мой труд вливается в труд моей республики”» (ЛО, 1978, 48–50). Предписывалось создать в каждом городе и районе штабы летней трудовой четверти. (ЛО, 1978, 58) В 1975 г. летняя трудовая четверть «Мой труд вливается в труд моей республики» была посвящена 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (ЛО, 1978, 92). Летняя трудовая четверть старшекласников 1977 г. «Мой труд вливается в труд моей республики» была посвящена «60-летию Великого Октября» (ЛО, 1978, 121). «В летней трудовой четверти в 1973 году участвовали 6 млн., 1977 г. – 10 млн., 1981 г. – 10 млн., 1985 – 13 млн. юношей и девушек» (Очерки, 1987, 313). Учащиеся трудились в с. х-ве, на пром. предприятиях, в сфере обслуживания, на благоустройстве и озеленении городов и сел, ремонте школ.

ЛЕТОПИСЬ пионерского отряда, дружины – альбом с историей отряда, дружины.

О конце 1960-х – 1970-х гг.: «В каждом пионерском отряде, в каждой пионерской дружине существовала летопись – альбом из ватманских листов большого формата, куда записывались репортажи о проведенных отрядом или дружиной мероприятиях, вклеивались фотографии» (Томилова, 2006).

«**ЛЕТЧИК**», «летчика» запустить – род озорства.

О 1920-х гг.: «Придумал он учителку дразнить. Как только станет она писать на доске слова, повернется к нам спиной, сейчас он прицелится и шлёт на доску бумажную жвачку... А то начнём “лётчиков” пускать. Свернём бумажную трубочку, нажём кончик, прицелимся и – раз! – приклеим к потолку... Я привстал на лавку и вздрогнул. Прилепившись к стеклу, качался “лётчик”. Кто же мог запустить его? Только Андрон да я

знали, как надо нажевать кончик бумажной самокрутки, чтобы образовалась липкая жвачка, и как ловко запустить “лётчика”, чтобы прилепился к потолку» (Пинясов, [1964] 1982; 62, 104).

ЛИЗАТЬ металл на морозе – действие, приводящее к тому, язык примерзает к металлу. Предложение полизать железо – розыгрыш, существующий в детской среде по меньшей мере последние полвека.

О Свердловске середины 1960-х гг.: «Из подъезда выходит с ведром дядя Володя Медведев и, усмехаясь, спрашивает меня: “Ты пробовала, какая ручка у двери сладкая?” На мой отрицательный ответ он смеется: “Ну, так попробуй!” Я подхожу к двери и пытаюсь лизнуть ручку. Мгновенно язык и губы пристают к морозному железу. Я понимаю, что отцепиться просто так не удастся, дергаюсь и до крови обрываю кожу. Иду домой и громко реву не столько от боли, сколько от обиды на противного соседа» (Смирнова, 2005).

О Шадринске 1989 года: «Впервые я попробовала лизнуть железную качелю в детском саду г. Шадринска. Мне было тогда 4 года (1989 г.). У нас был один мальчик, который первый лизнул качелю и “приклеился” к ней. Потом он рассказал всем об этом и мы пошли проверить – правда или нет можно «приклеиться» языком к железу. За неделю были облизаны все горки, качели, лесенки, домики. Потом, кто-то из детей лизнул качелю не кончиком языка, а полностью – он пытался плакать, издавал какие-то булькающие звуки, и воспитатели еле-еле, при помощи теплой воды из чайника «оторвали» его от качели. После этого мы перестали лизать металл на морозе и перешли на сосульки» (012).

«ЛИЗУН» – липкий мячик из силикона; «липкий мячик, который при ударе о поверхность размазывался, как слизь» (132), а потом приобретал прежнюю форму.

О 1990-х гг.: «В детстве я обожала покупать альбомы с наклейками, воздушные шарики и киндер-сюрпризы... И ещё липкие мячики из силикона – “лизуны”, на них тогда вся Москва помешалась» (Иванова, 2003, 44).

О 1995 г.: «Со словом “лизун” я столкнулась, когда училась в третьем классе в п/о Боровка в Белоруссии. “Лизун” – это мягкий мячик диаметром 3–4 см, сделанный из прозрачного материала. “Лизун” был зелёного цвета. До него были распространены среди детей такие же маленькие мячики, только они были упругие и при сжатии не деформировались. Мне такие шарики (“прыгунки”) нравились больше. “Лизун” был у моей подруги, которая жила напротив, именно от неё я узнала про такой мячик. Когда ударяешь его об стену, он делается плоский и соскальзывает со стены, вновь становясь круглым. Такое название мячик получил после просмотра мультфильма “Охотники за привидениями”. Одним из главных героев было привидение – Лизун. Оно было зеленое и бесформенное, проходило через стены, при этом становясь плоским» (017).

О селе Каргапольском Шумихинского района в середине 1990-х гг.: «В моём детстве была такая игрушка, как лизун, затем появился прыгун. Лизун – это комочек липкого мягкого тягучего вещества. Когда его кидаете в стенку, он расплывается, а затем приобретает прежнюю форму. Прыгун – прыгающий шарик, он высоко подпрыгивает от твёрдых поверхностей» (142).

О девочке 10 лет в Шадринске в 1996 г.: «Первый “лизун” Первый лизун у меня появился в третьем классе, мама купила нам с братом по лизуну, мы так обрадовались, что начали прилеплять лизун ко всем поверхностям и кидать в обои. Когда мама увидела на обоях жирные пятна, оставляемые лизуном, она запретила играть с ним дома, но на улице лизун быстро грязнился и становился непригоден для игры. Потом мы стали таскать лизуны в школу и бросать их в стены на переменах. Мы так всем надоели с этими лизунами, что на родительском собрании родителям запретили отпускать детей в школу с лизунами. Само название игрушке дали, как мне кажется, из мультфильма “Охотники за привидениями”, где было привидение “Лизун»» (012).

ЛИЗУНЧИК – «о детях, любящих целоваться, ласкаться» (Словарь, 1928, 552).

«ЛИЛИПУТСКИЕ ляпы» – см.: *Ляпы*.

ЛИМОНАД – «Прохладительный напиток, приготовляемый из лимона или других фруктов и ягод, воды и сахара... Лимонад газовый, шипучий или лимонад-газес, с содержанием углекислого газа» (Словарь, 1928, 577); «Сладкий прохладительный напиток с соком лимона или других фруктов, ягод... Лимонад-газес. *Устар.* Газированный шипучий лимонад»» (Словарь, 1957–6, 226); долгие годы едва ли не единственный доступный русским детям вид газированных сладких напитков.

О бале в женской гимназии начала XX века: «Антракт между танцами. Музыка стихла. Толпа из зала хлынула в... коридор... Запенился в стаканах холодный лимонад» (Будогоская, [1929] 1988, 35).

О 1945 году: «Он выклянчил у буфетчицы недопитую бутылку лимонада. Вот здорово! Если бы я знал, что такое нектар, я бы сказал, что лимонад показался Генке нектаром» (Нагишкин, [1957–1961] 1965, 229).

О конце 1940-х гг.: «В ларьке направо – шоколад./ В ларьке налево – лимонад» (Маршак, [1952] 1968–1, 331).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Мама ушла на занятия. И мы с папой остались одни. Но тут позвонили – это пришёл дядя Игорь. Он ... принес ... мне ... шоколадку и лимонад. Только мне нельзя шоколадку, потому что желтуха... Но папа сказал, что ничего, хватит с меня лимонаду... Они про меня забыли. А лимонад стоит на тумбочке. Я за шкафом лежу, лимонад попиваю и слушаю, про что они говорят» (Долинина, 1962, 50).

О середине 1960-х гг.: «Феликс достал из рюкзака бутылку лимонада, содрал о сук на сосне блестящую крышечку и протянул Лиде. Та длинно глотнула из горлышка. “Ох, холодная! Еще можно немножко?” Бутылка пошла по рукам. Потом, уже из другой бутылки, пили Аня, Захарка, Сёмка и Ваня. У Сёмки бутылку пришлось вырвать из рук..., потому что тот одним махом хотел выпить всю бутылку. “Ты будешь?” – спросил Феликс у Артема... “Не употребляю лимонадики”. “Не та этикетка, – заметил Аркаша, наконец отдышавшись, и отодрал от бутылки плохо приклеенную овальную бумажку с золотистыми яблоками» (Мошковский, [1969] 1987–1, 98).

О пятиклассниках в 1970-х гг.: «“Давай, Лариса, открывайка, – сказал Сережа, – буду лимонад открывать”... Все ели торт и яблоки, пили лимонад» (Матвеева, [1982] 1985, 228).

О середине 1970-х гг.: «Но Гоша... заявил, что после уроков он вынесет из дома пирожки с капустой и бутерброды. “А я лимонаду принесу, – сказал Бориска, – вчера мама три бутылки купила”» (Ермолаев, 1977, 122).

О Москве в 1983 г.: «Всё было сегодня хорошо. Несколько удивив даже Стелу, Леня расставлял на столе “напитки”: яблочный сок, виноградный сок, “Буратино”, “Лимонад” и еще какую-то югославскую штуку вроде пепси-колы» (Иванов, [1984] 1992, 122).

О 1980-х гг.: «До чего же я люблю лимонад, лимонад! / В нём иголочек сотни сидят, / И гортань холодят, и щекочит язык... / Вот я вырасту – детям куплю лимонад, / Сто бутылок! Поставлю их в ряд» (Кушнер, 1988, 26–27).

ЛИНЕЙКА – «Сбор (...пионеров, учащихся) с построением в шеренги. *На вечерней линейке Альки вдруг не оказалось.* Гайдар, Военн[ая] тайна. Строиться на линейку. *Утром, когда всё училище построилось, как обычно на линейку, прочитали приказ директора.. Василен[ко], Звёздочка*» (Словарь, 1957–6, 231).

Линейка школьная – построение учащихся, одна из организационных форм воспитательной работы. На школьных линейках учащихся школы или нескольких классов информируют о важных решениях пед. коллектива. Продолжительность линейки – 10–15 минут.

Об ученике 9-го класса в 1941 г.: «14 января... Перед началом урока Лидия созывает у нас на этаже общешкольную линейку, на которой мы узнаем о ряде “нововведений” из того класса “нововведений”, которые вводятся каждый год по несколько раз. Но в конце она вдруг зачитывает список учащихся, которым объявляется

благодарность с занесением в личное дело за выпуск химических газет. Туда же втиснулся и я» (Сагайдачный, 1963, 127).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Утром в школе была линейка третьих и четвертых классов. Директор Константин Андреевич, высокий и седой, пришедший в школу из суворовского училища, расхаживал перед учениками, говорил о том, как начал учеб. год и как его следует продолжать (Михасенко, [1959–1963] 1965, 82).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Это называлось “торжественная линейка”. Но нас просто всех собрали в школьный зал, а на сцене двое военных... дали Юре Дроботу из 6-го “А” класса именные часы и грамоту. Юра... сказал в ответном слове, что он ничего особенного не сделал и что так же, как он, поступил бы на его месте каждый пионер, а мы все аплодировали ему и немного завидовали. Конечно, Юра сказал неправду. Так бы поступил не всякий...» (Киселев, [1966] 1969, 124–125).

О начале 1970-х гг.: «...[Письмо] восьмиклассницы Кати из Киева...: “У нас в школе ещё с прошлого года начали проводить линейки. На линейках выставляли лучших и худших учеников. Правая сторона – отличники, левая – двоечники, прогульщики. Особенно противно, когда двойка была у тебя случайной. Сначала все очень боялись этих линеек, а сейчас просто ненавидят их, а некоторые даже перестали обращать на них внимание. Как это надоело! “Дети! Равняйтесь на правую сторону! Левая сторона! Как вам не стыдно? Посмотрите на правую сторону!”» (Невельштейн, 1973, 8).

О Челябинске в 1980-е гг.: «Каждый понедельник с утра начинался с отчетной линейки за прошедшую неделю. Дежурный класс отчитывался за дежурство. Когда мы учились в первом классе на первой линейке в понедельник мы стояли и перешептывались между собой, и хихикали над директором. Он нам казался сильно смешным, был очень маленького роста, с большим, до затылка, лбом и в очках, и все время дергал губами. Он наш класс после уроков за это выстроил, что мы себя плохо вели на линейке, и мы стояли на ногах целый урок: 45 минут. Когда мы начинали шевелиться, перетаптываться с ноги на ногу, разговаривать, он девочек дергал за косички, а мальчишек за волосы на висках. С этого момента я его возненавидела раз и навсегда. И до сих пор чувствую к нему неприязнь... Один раз меня оставили после уроков что-то учить, но я не хотела, т.к. весь класс отпустили, а меня на ключ учительница закрыла в классе, и ушла в учительскую. Я долго стучала в дверь, чтобы открыли, но потом разбежалась и проломила дверь. На следующий день собрали общешкольную линейку, пристыдили меня, и вызвали отца ремонтировать. Потом мне дома в очередной раз попало» (452).

О г. Катайск Курганской обл. во вт. пол. 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Когда я училась в Катайской сред. школе № 2 каждую неделю по субботам с 5 по 11 класс у нас проводились линейки. Они проходили на всех трех этажах школы. В субботу после второго урока мы выходили из класса в коридор этажа, на котором был урок. На первом этаже линейку обычно вела Александра Андреевна Ермолаева – директор школы, на втором – завуч, на третьем – организатор массовых школьных мероприятий. На построение нам отводилось минуты 3–4. Вставали вдоль стен буквой “П” плотными рядами. В первом ряду стояли 4 человека от каждого класса. На линейке говорили о всех шк. событиях. Объявляли о предстоящих конкурсах, праздниках. Выступали с докладом представители классов, которые всю неделю дежурили по школе. Назначался другой класс – дежурный по школе. Пофамильно назывались нарушители шк. порядка. Подводились итоги каких-нибудь соревнований как между классами, так и между школами района. Выдавались грамоты за участие и победу. И так на каждом этаже. В праздничные дни проводились доп. линейки. Например, линейка, посвященная Дню учителя, на которой поздравляли учителей, дарили им цветы и подарки. Длились линейки обычно всю перемену – 10 минут. После этого все школьники снова расходились по кабинетам» (018).

Линейка пионерская – «форма построения пионерской дружины (по отрядам) или пионерского отряда (по звеньям) в одну шеренгу перед началом и в конце пионерского сбора. Построением [пионерской линейки] начинается и заканчивается каждый день жизни детей в пионерском лагере, во время походов» (ПС, 1960–1, 618–619).

Линейка пионерская в школе – строй пионеров в одну шеренгу; сбор пионеров-учащихся с построением в шеренги.

О вт. пол. 1950-х гг.: «Вдруг заиграл-запел пионерский горн. Горнист Саша Грачёв высоко поднял маленькую блестящую трубу, он горнил звонко и весело... Пионеры быстро построились в линейку. А ребят построили напротив пионерской линейки, у стены, под самым портретом Ленина» (Воронкова, 1961, 11).

О проведении пионерской линейки в конце 1960-х гг.: «Пионерской линейкой начинается и заканчивается каждый сбор дружины и отряда. Кроме того, линейка проводится тогда, когда вожатый или совет дружины, отряда должен сообщить пионерам какую-либо новость, подвести итоги работы, соревнования, рассказать о планах на ближайшее будущее. Торжественные пионерские линейки в отличие от обычных проводятся в дни народных торжеств, ими отмечаются важные события, происшедшие в дружине, районе, городе, в нашей стране или за рубежом; по случаю присвоения отряду имени прославленного героя, революционера, труженика... На торжеств. линейки пионеры приходят в парадной форме, а на обычные линейки – в школьной, но обязательно в галстук. Линейка дружины начинается сигналом горна на построение. По окончании сигнала горна все отряды выстраиваются в шеренгу или каре (буквой “П”) – это зависит от места, где проходит линейка. Группа знаменосцев стоит отдельно, в указанном ей месте, и готова по команде вожатого вынести знамя. Старший вожатый и председатель совета дружины становятся перед общим строем дружины. Председатели советов отрядов – в трех шагах от своего отряда. Звеньевые – на правом фланге своего звена. Председатель совета дружины подает команду: “Дружина, равняйся! Смирно! Приготовиться к сдаче рапорта!” Команды подаются четко, громко, с интервалами, дающими возможность увидеть, что каждая команда выполнена всеми отрядами. После команды “Вольно!” пионеры стоят в строю свободно, а председатели или кто-либо из членов совета отряда проверяют, сколько пионеров в строю, выясняют причины, по которым кто-либо отсутствует. После проверки председатели советов становятся на свое место и ожидают следующую команду. Когда все отряды подготовятся к сдаче рапорта, председатель совета дружины подает новую команду: “Отрядам сдать рапорты!” По этой команде к председателю совета дружины по очереди подходят с рапортом председатели советов отрядов, предварительно подав команду своим пионерам: “Отряд, смирно!” Для этой команды каждый председатель совета отряда поворачивается на месте кругом, лицом к своим пионерам. Подав команду, он снова поворачивается кругом и идет кратчайшим путем к председателю совета дружины. Не доходя трёх-четырёх шагов, останавливается, отдает салют и рапортует. Форма рапорта может быть примерно такой: “Товарищ председатель совета дружины! Отряд имени Аркадия Гайдара на линейку построен! Отсутствуют столько-то по такой-то причине. Председатель совета отряда Игорь Иванов”. Председатель совета дружины, если нужно, задает уточняющие вопросы, а затем отдает салют и говорит: “Рапорт принят! Вольно!” Председатель совета, сдававший рапорт, отдает салют, поворачивается кругом и идет к своему отряду, перед которым останавливается и подает команду: “Вольно!” А в это время рапорт уже сдает председатель совета следующего отряда. Обычно первым рапортует председатель старшего отряда, и так далее, до самого младшего. Приняв рапорты от всех отрядов, председатель совета дружины подает команду: “Дружина, под знамя – смирно!” При появлении знаменосца отдается вторая команда: “Равнение на

знамя!» Все пионеры поворачивают голову в сторону знамени и отдают салют. Знаменосец, сопровождаемый ассистентами, горнистами и барабанщиками, пронесит знамя мимо всего строя, от левого его фланга до правого, и останавливается на правом фланге дружины или же подходит к центру строя и становится лицом к пионерам. Председатель совета дружины поворачивается к старшему вожатому, отдает салют и рапортует ему примерно так: «Товарищ старший вожатый! Пионерская дружина имени Юрия Гагарина построена. Председатель совета дружины Алла Смирнова!» Старший вожатый отдает салют и отвечает: «Рапорт принят! Вольно!» Председатель совета дружины поворачивается лицом к строю пионеров и командует: «Вольно!» После этого он объявляет о цели линейки, предоставляет слово тем, кто должен выступить. Заканчивая линейку, вожатый или председатель совета дружины обращается к пионерам с призывом: «Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» Пионеры отвечают: «Всегда готовы!» и отдают салют. Затем следует команда: «Под знамя – смирно!» – и знаменосцы опять пронесут знамя мимо всего строя. Пионеры салютуют знамени. После этого дается команда: «Вольно!» Далее либо тут же дается команда «Разойдись!», либо отряды уходят строем и расходятся за пределами линейки» (Товарищ, 1969, 61–63).

О проведении пионерской линейки в середине 1970-х гг.: «Пионерская линейка... проводится на каждом сборе дружины, ею открывается и заканчивается сбор отряда. С пионерской линейкой связано также торжественное событие в жизни каждого школьника: приём в пионеры. Дружинная линейка начинается сигналом горна. Торжественным маршем входят отряды в актовый зал школы. Во главе отряда идёт пионервожатый и председатель совета отряда. Марш пионеров сопровождается барабанной дробью и звуками горна. Отряды строятся по звеньям в шеренгу. Председатели советов отрядов стоят на шаг впереди своего отряда, звеньевые – на правом фланге звеньев. Старший пионервожатый и председатель совета дружины становятся перед общим пионерским строем. Председатель совета дружины даёт команду: «Дружина, равняйся! Смирно! Председателям советов отрядов сдать рапорты». Обычно первым рапортует председатель старшего пионерского отряда. Он докладывает о готовности пионеров к началу сбора. Приняв рапорты от всех отрядов, председатель совета дружины рапортует старшему пионервожатому о том, что дружина построена и готова к сбору. Затем в зал под дробь барабана и звуки горна торжественно вносят Красное знамя дружины. За знаменосцем следуют два пионера (ассистенты). Они отдают пионерский салют. Старший пионервожатый обращается к пионерам с призывом: «Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!» Пионеры отвечают: «Всегда готовы!» – и отдают салют. Торж. пионерские линейки проводятся в дни больших праздников и посвящаются важным событиям в жизни нашей страны или Всесоюзной пионер. орг-ции имени В.И. Ленина. Стала традиционной Всесоюзная пионер. радиолейка, которая проводится в честь юбилейной даты со дня рождения пионерики (19 мая), а также 2 октября. На торж. линейку пионеры приходят в парадной пионерской форме» (Денисова, 1978, 162–163).

О конце 1970-х гг.: «...Пионерские линейки... В январе, когда умер Ленин, и уже в апреле, в день его рождения, все классы строились шеренгами в спортивном зале... Линейки пионерские начинались всегда рано утром, ещё до уроков. За окнами зала ещё бродили сумерки... С утра мало кто успевал поесть, и поэтому стояли мы в шеренгах натошак; помню это голодное ощущение, когда рот затекал безвкусной слюной. По рядам рыскали учителя, проверяя, у всех ли есть галстуки. Голоса их звучали гулко, как приказы... Многие уже стыдились носить пионерские галстуки, считая себя куда взрослее, и без всякой радости повязывали мятые алые тряпицы, доставая их из карманов... И начиналась линейка. Трубил горн... Воспаряла барабанная дробь... Голоногая пионервожатая

маршировала к директору, звонко докладывая о сборе дружины... И тогда вносили знамя дружины... Алла Павловна следила за каждым. Если ей что-то не нравилось, то молча подходила к тому, кого заметила, и одергивала, стискивая по-женски губы от злости. Или если замечала, что у какой-нибудь девочки в ушах сережки или подкрашены ресницы, то рывкала на весь зал: «Беляева, ко мне! Вынимай из ушей побрякушки!», «Румянцева! Шагом марш в туалет смывать мазню!» Бывало, на линейке кому-то делалось плохо, и падали в обморок прямо лицом об пол. Чаще всего случалось это с девочками. Но линейку не останавливали – и этот миг был самый торжественный, жуткий: к упавшей или к упавшему подбегала учительница, помогала подняться, давала платочек утереть разбитый нос и, прячась за шеренгами учеников от недовольного цепкого взгляда Аллы Павловны, бесшумно уводила в медпункт» (Павлов, 2004, 3).

О Москве в 1983 г.: «Часто красота нужна девчонкам для дела – старостой вот, например, стать. Или председателем совета отряда. А посудите сами: идет сдача рапортов на дружинной линейке, и от шестого “А” выходит красивая председательница, от шестого “Б” красивая, а от шестого “В”, например, какая-нибудь страшненькая... Тут и объяснять ничего не надо!» (Иванов, [1984] 1992, 333).

Линейка в пионерском лагере – ежедневный ритуал, включающий построение отрядов, сдачу рапортов, подъем флага, выступление представителей руководства лагеря.

О гор. летнем лагере в 1947 г.: «История эта случилась летом 1947 г. в послевоенной Восточной Белоруссии... рукой подать до России... Что такое был наш лагерь? Обычная средняя школа, из классов и коридоров которой выпотрошены длинные тесные парты, учебные доски и пособия... Теперь классы стали спальнями, человек по тридцать... Замечу на всякий случай, что на одной из первых линеек я был избран председателем совета отряда... После завтрака дружина выстраивалась во дворе буквой “П” по периметру школьного плаца. Горнили горнисты, отчаянно барабанили барабанщики, взвивался ввысь по флагштоку лагерный красный стяг. “Дружина! Смирна! Равнение на флаг!” И становилось тихо, муха пролетит – услышишь. Строй замирал, и начиналась сдача отрядных рапортов председателю совета дружины... Лене Кошель. Всё как обычно: в отрядах все здоровы... серьезных нарушений дисциплины не выявлено... И все четырнадцать утренних лагерных линеек рядом с Леной стоял директор лагеря, он же директор Бараньской средней школы... Вот выстроена буквой “П” общедружинная линейка. Старшая вожатая выкрикивает наши фамилии: “Безлюдов! Гусев! Выйти из строя!” – Мы выходим из своего отряда и движемся к центру, к флагштоку... “Дрр-ужина! – Раскатистый директорский голос набирает необходимую степень презрения и осуждения. – Дружина! Вы видите перед собой малолетних преступников. Пользуясь недостатками в охране лагеря, эти двое сегодня утром забрались в сад товарища Лявончика и обчистили половину яблонь...” А Козлов всё продолжает клеймить и клеймить нас: “Эти люди недостойны носить высокое звание советского пионера!” По линейке пробежала дрожь, когда директор скомандовал: “Подойдите ко мне! Ближе!” Через несколько мгновений жёсткие пальцы его руки срывают зажим, а затем и галстук – сперва с шею Артура, потом с моей. “Марш в палату!” – И мы, понурив головы, уходим, облитые презрением взрослых и тайным сочувствием товарищей. Так почти 60 лет назад состоялась моя “гражданская казнь”» (Гусев, 2006; 117, 119).

О конце 1940-х гг. в летнем лагере: «Дошколят не пускают на территорию шк. лагеря... Они видят, как выстраиваются на линейке пионеры, сдают рапорты... Одному объявляют благодарность, другому – выговор. Всё необыкновенно интересно» (Артюхова, [1955] 1961, 230).

О нач. 1960-х гг.: «Вот проснулся тихий лагерь, / Заспешил и зашумел. / Барабан к подъёму флага / На линейке прогремел» (Ружанский, 1962, 37).

О нач. 1960-х гг.: «В пионерском лагере. Пионеры построились на линейку. Кто отдаёт рапорт? Кто принимает рапорт? Утром флаг поднимается. Вечером флаг опускается» (Баранников, 1965, 6).

О конце 1960-х гг.: «Второе звено первого отряда... Прорабатывали их каждый день! На утренней и вечерней линейках, в рапортах дежурных, на летучках воспитателей и вожатых, на совете лагеря. Обращали внимание, ставили на вид, объявляли выговор, вешали на черную доску...» (Принцев, [1972] 1975, 5).

О середине 1970-х гг.: «Пионерская линейка – торжественное собрание пионеров в строю; построение пионеров в шеренгу... Пионерская линейка играет большую роль в жизни ребят в пионерском лагере. День начинается с утренней линейки, во время которой поднимается лагерный флаг, и заканчивается вечерней линейкой, на которой флаг спускается. На утреннюю и вечернюю линейку выстраивается вся пионерская дружина лагеря. Все дела в отряде также начинаются и заканчиваются отрядной пионерской линейкой» (Денисова, 1978, 162–163).

О 1980-х гг. «Лагерь большой, разделенный на две территории – младшей и старших. Мы – семилетние малявки – живем в каменном двухэтажном корпусе, с туалетом прямо на этаже. Горячая вода тоже здесь же... Каждое утро в 8.00 – общелагерная линейка. Не почистив зубов (потом, потом, а то опять последними придем!), в наспех напяленной одежде криво выстраиваемся на местном плацу, посыпанном желтым песочком. Горн хрипло выдает звуки пионерского марша, по флаштку, скрипя, ползет вверх дружинное знамя. “Доброе утро, дружина!” – тренированно кричит старшая вожатая. “Всем, всем – доброе утро” – выдают дети в ответ. Далее – по корпусам, умываться. В 9.00 – завтрак» (Кумейко, 2006–2, 7).

«**ЛИСИЦЮ в кряж имать**» – игра девочек подросткового возраста.

О конце XIX – нач. XX в.: «Игры-испытания проводились обычно на посиделках, когда отсутствовали мальчики. Для одной такой игры выбирали девочку и закрывали ей голову платком так, чтобы она ничего не видела. Затем подруги поочередно кололи её лучиной до тех пор, пока она не отгадает имя той, которая последней к ней прикоснулась. Подобные игровые испытания могли сопровождаться насмешками и вышучиванием. Иногда испытываемую в ходе игры заставляли принимать такое положение, которое доставляло ей неприятные ощущения и делало ее совершенно беззащитной. Наблюдавшие девочки смеялись не только над нелепой позой подруги, но, воспользовавшись случаем, то толкали, то шипали, то поднимали ей юбку, заголяя заднюю часть тела. К такому типу относится вологодская игра “лисицю в кряж имать” (“петуха делать”), её разыгрывали на средних беседах девочки 13–16 лет. Новую участницу беседы уговаривали принять участие в игре в роли “лисицы”. Её партнершей, которую называли “кряж”, становилась более опытная девочка, которая должна была превосходить напарницу по телосложению. Последняя ложилась на бок, ей связывали ноги и руки, вытянутые над головой. “Лисиця” должна была сесть напротив “кряжа” и “защемить” свои руки и ноги, просунув их соответственно между ног и рук “кряжа”, затем, наклонившись вперед, положить голову на бок “кряжа”, захватив руками пальцы своих ног. После того, как это было сделано, к паре подошли две девочки и сначала слегка приподнимали “лисицю”, чтобы она еще ближе подвинулась к “кряжу”, а затем резко опрокидывали её на спину. В рез. девочка-“кряж” перекатылась на другой бок и прижимала “лисицю” к полу. Не понимая, что происходит, “лисиця” безуспешно пыталась освободиться; её попытки вызывали у окружающих смех» (Зимица, 2006–3, 137–138).

«**ЛИСИЧКИН хлеб**» – хлеб, приносимый ребёнку в качестве угощения, которое передала лиса; один из

сюжетов взрослой мифологии для детей (наряду с бабайкой, Дедом Морозом, Снегурочкой и др.).

О 1914 г.: «Проснулся я от людского говора, заполнившего избу. Надо мной наклонилась мать. Я не видел её неделю: работала в степи. Я обнял её шею, прижался губами к лицу, солёному от пота, пахнувшему полынью. “А мы тебе хлебушка привезли, лисичка в поле испекла”, – сказала мать... Я сел на подоконник и начал грызть “лисичкин” сухарь, пахнувший солнечным теплом и степными травами» (Коновалов, 1974, 17).

Ср.: «*Заячий гостинец*».

ЛИСТ бумаги на спине – лист бумаги с текстом, прикрепляемый на спину с целью наказания или розыгрыша.

1. Лист бумаги на спине ребёнка с текстом, написанным взрослым – как вид наказания.

О середине 1850-х гг.: «“Барышня, вставать пора! – раздается над самым моим ухом, и Дуныша безжалостной рукой стягивает с меня одеяло. На дворе только что начинает светать. Есть ли что-нибудь неприятнее на свете, как вставать при свечах! Я сажусь в постели на корточках и медленно, машинально начинаю одеваться, но глаза мои невольно опять слипаются и приподнятая с чулком рука так и застывает в этом положении... [Не мямли, Соня! Если ты не будешь готова через четверть часа, ты выйдешь к завтраку с билетиком “лентяйка” на спине!]” – раздается грозный голос гувернантки. С этой угрозой шутить нельзя. Телесные наказания изгнаны из нашего воспитания, но гувернантка придумала заменить их другими мерами устрашения; если я в чем-нибудь провинюсь, она прищипливает к моей спине бумажку, на которой крупными буквами значится моя вина, и с этим украшением я должна являться к столу. Я до смерти боюсь этого наказания; поэтому угроза гувернантки имеет способность мгновенно разогнать мой сон. Я моментально прыгиваю с кровати» (Ковалевская, [1890], 1986, 56).

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «“Вот она, – и она тряхнула Лисицыну за руку. – Из столовой с чужого стола она крадет серебряную ложку!” Я сама примерно накажу вас, m-lle Лисицына, подайте мне лист бумаги! – приказала инспектриса). Ей подали чистый лист, она оторвала от него четвертушку и крупными буквами написала: “Воровка”. “Mademoiselle Лисицына, я вас спрашиваю, и помните, что Господь Бог слышит ваш ответ. Вы унесли ложку из столовой?” “Да, я унесла, нам нечем было кушать варенье, я не знала, что она серебряная, что она дорогая”. “Значит, вы сознаётесь? Подите сюда”. Корова пошарила на своей сухой груди и достала булавку, повернула девочку к себе спиной и прищиплила ей к пелерине билет: “Воровка”. Лисицына рыдала судорожно: “M-lle, простите, простите меня!”. Надя Франк и Вихорева бросились вперед. “Этого нельзя, нельзя”, – кричали девочки. К ним присоединились ещё человек десять. “Нельзя, снимите билет, мы старшие, мы переходим в первый класс, с нами нельзя так обращаться, она не воровка, она не краля, мы скажем нашим родным, мы заплатим этому солдату, мы купим дюжину новых ложек, – кричали девочки, и чья-то рука сорвала билет “воровка”, – Скажите maman, скажите maman, пусть она сама рассудит!» (Лухманова, [1903] 1997, 396–397).

2. Лист бумаги на спине с текстом, написанным сверстниками от первого лица и тайно (в целях оскорбления, мести, розыгрыша, шутки) прикреплённый на спину (на одежду) кому-либо.

О вт. пол. 1920-х гг.: «... Железнодорожная школа (как, впрочем, и другие школы в то время) встречала учителя бурным кипением страстей... Нелюбимые учителя разгуливали с нацеленными на спины ругательными плакатами..., им срывали уроки» (Лупанова, 2007, 18).

О 1930-х гг.: «Даже в осеннюю грязь приходила она в чистых ботинках, на ее пальцах и лице никогда не было чернильных клякс, тетради ее ставились в пример другим.... Ее внимательность на уроках была выше моего понимания. Нет, нужны были срочные меры! Недолго думая я выдрал из тетради лист, сунул мизинец

в непроливайку и вывел огромными фиолетовыми буквами: “Я дурочка”. На переменке сбегал в канцелярию, мазнул обратную сторону листа клеем и незаметно приклеил лист на спину Верке. Успех был полный. Ни о чем не подозревая, ходила она по школьным коридорам, и вслед катился смех. Верка ничего не понимала, краснела, металась из угла в угол..., пока лист не отвалился от ее спины клей в канцелярии оказался неважным. На следующий день Верка носила по коридорам огромное объявление “Ищу мужа!”, и хохот всей школы громыхал за ней по пятам. Верка припустилась назад и укрылась в классе, где Петя и сорвал с ее спины лист. Верка глянула на лист, и глаза ее наполнились слезами. Сморгнув их, села за свою парту, отвернулась к стенке, и мне было видно, как вздрагивает её спина. Я торжествовал: получила по заслугам!» (Мошковский, 1965, 7–8).

О школе в Шадринске в нач. 1980-х гг.: «Часто прикрепляли незаметно на спины товарищей таблички: “Ищу жену”, “Ищу работу”, “Я – осел” и т. д.» (608).

О середине 1980-х гг.: «Приклеивали мы и записки друг другу на спину, прикрепив их на булавку или на липучку. На записках было написано: “Ищу мужа”, “Ищу жену”, “Я дурак”, “Ищу квартиру” и т. д.» (546).

О школьниках в середине 1980-х гг.: «Были и такие случаи, когда прикалывали листок бумаги с записью на спину, чтобы тот, кому прикалывали, не видел и не замечал, а содержание было разным. Например: “Ищу мужа на 1000 кг, желаю соединить с ним свою судьбу” или “Не обижайтесь, но я просто легавая лошадь” и другие» (605).

О 1980-х гг.: «Был у нас учитель по химии, ...его все боялись и ненавидели. Он мог на уроке обозвать ученика, схватить за ухо, ударить указкой. Ему постоянно делали что-нибудь назло. Ломали стекла в его кабинете. Даже один раз повесили сзади на спину бумажку, где его обозвали» (494).

О вт. пол. 1980-х гг.: «На уроках прицепляли сзади на воротник записки: “Ищу работу”, “Я у мамы дурочка” и др.» (497).

О детях в возрасте 12–16 лет в с. Межборном Притобольного р-на в 1996–2000 гг.: «Время от времени кто-нибудь шутил друг над другом, приклеивая на спину различные надписи. У нас обычно были такие: “Пни меня”, “Я лох”. Когда появились небольшие, клейкие ценники полуовальной формы, размером 2–3 см, обычно ярких цветов (у нас были оранжевые), то мальчики, раздобыв их (у них мамы работали в магазине), обклеивали ими всех подряд и в больших количествах. Иногда просто не успеваешь очищать от них одежду – тебя обклеивают снова» (099).

О Шадринске в 1998–1999 гг.: «Когда я училась в школе (школа-лицей № 1, классе в 8–9) такие явления, как записка на спине, не было столь распространенным явлением. Но все же порядка ...дцати раз я встречалась с таким явлением среди моих одноклассников. Записки обычно приклеивались на ленту, которой обычно пользуются продавцы: на ней они пишут ценники. Как-то раз моя одноклассница утянула у своей мамы (продавщицы) небольшой рулончик этой ленты, так и появились в нашем классе записки на спине. Приклеивались такие записки обычно двумя способами: первый – очень легко, так, чтобы «жертва» не заметила происходящего; второй – как бы случайно толкнув или стукнув по спине в знак одобрения чего-либо. Обычно такие записки приклеивались детям-изгоям в классе, реже такие записки с приколом и приклеивались забиякам, чтобы их проучить. Содержание таких записок обычно было импровизацией. В них обычно писали то, что могло вызвать смех у окружающих. Вот примерно такое содержание имели записки, когда я училась в 8–9 классе (1998–1999 гг.): “Я лох”, “Я ищу спонсора”, “Помогите голодающему Поволжья”, “Я сошел с ума”, “Ищу мужа”, “Внимание: розыск”, “Пни меня”, “Эх, прокачу!”. Записки с приколом прикреплялись только в ученической среде, учителю – по крайней мере, у нас в школе – такие записки на спину не приклеивались,

потому что это могло обернуться исключением из школы» (113).

О с. Глядянском в 1998–1999 гг.: «Когда мы учились в 8–9 классах, мне тогда было лет 14–15, то прикалывались над семиклассниками и восьмиклассниками. ...Мы... наклеивали [им] различные надписи на спину. Например, “Привет, чувак”, “Я корова, ха-ха даю парного молока”, “Не видишь старшишки идут” и т. д., было тоже очень смешно» (106).

О Шадринске в 1999 г.: «Классе в 8–9-м (мне было примерно 14 лет) у мальчиков появилась новая забава: они приклеивали незаметно кому-нибудь на спину на кусочек скотча или на наклейку от жвачки бумажки, на которых было написано “Я дурак”, “Пни меня”, “Плюнь в меня”. Жертвой розыгрыша в нашем классе становился обычно один и тот же мальчик (послабее остальных). Когда он ходил с подобной запиской на спине, все над ним смеялись, некоторые пытались пнуть. Жертва розыгрыша не понимала, в чем дело. Когда догадывалась, пыталась найти причину всеобщего веселья» (111).

ЛИТЕРАТУРНОЕ чтение – урок в начальных классах.

Об учениках четвертого класса во второй половине 1950-х гг.: «Вторым уроком было литературное чтение» (Баздырев, 1961, 45).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ вечер.

О школе в пос. Туймазы Башкирской АССР в 1943–1945 гг.: «В лит. кружке работало 56 человек... Конiec каждого года работы кружка знаменовался выпуском лит. журнала... И в конце года, на заключительном литературном вечере, читались статьи из этого журнала» (Стернин, 1951; 328, 333).

О 1970-х гг.: «Нашему классу поручили организовать литературный вечер. Регина Крестьянинова, председатель нашего отряда, сказала, что нужно разыграть на сцене в актовом зале рассказ» (Ампелонов, 1980, 34).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ диспут.

О вт. пол. 1930-х и вт. пол. 1940-х гг.: «До Великой Отечественной войны и в послевоенные годы автору этих строк приходилось присутствовать на литературных диспутах во многих средних школах... В одной школе мы видели почтовый ящик под большим красочным плакатом, на котором было написано: “Готовьтесь к диспуту по повести Р. Фраермана “Дальнее плавание”! Какие вопросы в связи с этой книгой вы хотели бы обсудить на диспуте? Записки с вопросами опустите в почтовый ящик!” В течение 10 дней поступило свыше 150 записок... Преподавателю лит-ры и секретарю шк. комсомольской орг-ции пришлось сгруппировать вопросы по тематическому принципу... Нам пришлось присутствовать и на самом диспуте» (Правдин, 1951; 338–339, 342).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ журнал самодельный – см.: *Журналы ученические самодельные.*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ клуб – по-видимому, примерно то же, что *литературный кружок* или литературная студия.

О 1967 г.: «Все ребята, чьи стихи вы сейчас прочли, любят и ценят шутку. Поэтому в литературном клубе Харьковского дворца пионеров, где они занимаются, всегда весело» (Левин, 1967, 21).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ кружок – см. *Кружок (школьный).*

О нач. школе в конце 1940-х гг.: «Лит. кружок является... одной из важнейших форм пробуждения у детей интереса к книге. Работа в лит. кружке имеет след. цели и задачи: 1. Ознакомить детей с лучшими произведениями дет. лит-ры, воспитывающими худ. вкус детей. 2. Через чтение лучших образцов дет. лит-ры дать детям навыки выразит. чтения и декламации. 3. Развить устную и письменную речь. 4. Развить творч. силы детей. В кружок входят гл. образом дети III и IV классов (15–20 человек). Орг-ция кружка проста. Прежде всего из коллектива школы выделяется руководитель кружка, знающий дет. лит-ру и умеющий увлечь детей своего любовью к худ. слову. Затем производится запись в

кружок. Дети входят в кружок по собственному желанию. В плане первое место должно занять чтение и рассказывание, осуществляемые гл. образом членами кружка. Постепенно в план кружка следует вводить и творч. работы: инсценировки, драматизацию, устные и письменные сочинения на свободные темы, составление лит. сборников. Достижения в работе кружка необходимо делать достоянием всех учащихся. Кружок должен выступать на шк. вечерах, быть организатором так называемых лит. утренников. «Утро» может быть посвящено творчеству одного писателя или какой-нибудь теме, или просто самостоят. творчеству детей» (НШ, 1950, 739–740).

О школе в пос. Туймазы Башкирской АССР в 1943–1945 гг.: «В литературном кружке работало 56 человек... Конец каждого года работы кружка знаменовался выпуском литературного журнала... И в конце года, на заключительном лит. вечере, читались статьи из этого журнала... Выпуск лит. журналов имел большое значение в жизни кружка. Он был местом пробы критического пера учащихся и вместе с тем подводил итоги каждому году нашей работы» (Стернин, 1951; 328, 333, 335).

О 1947 г.: «Староста литературного кружка Чернилин в семь часов вечера открыл литературный кабинет и хозяйским взглядом осматривал, все ли в порядке... С того дня в литературном кружке Дворца пионеров два раза в неделю Стася встречала Сафронова» (Кузнецова, 1983–2; 321, 334).

Об учениках 12–13 лет в нач. 1960-х гг.: «Когда в прошлом году у нас в классе стали создавать лит. кружок, никто не представлял себе, что из-за этого может случиться... Наш новый кл. руководителем, обязательно работал лит. кружок...» (Алексин, [1969] 1974, 9).

О *Дворце пионеров* в Куйбышеве в 1950-х – начале 1960-х гг.: «Васе, Лиде, Косте, Вере / Не топтаться у крыльца – / Им всегда открыты двери / Пионерского дворца... / Много важных дел у Светы: / Литкружок поручен ей» (Кошечкин, 1962, 18–20).

Из учеб. пособия 1971 г.: «Лит. кружки в школе. Как показывает сама грамматическая форма слова, кружок объединяет сравнительно небольшое число учащихся: обычно от пятнадцати до двадцати пяти человек. Но это школьники с устойчивым и серьезным интересом к литературе... Шк. практика знает множество различных направлений в деят-сти лит. кружков... Одни кружки могут быть названы литературно-творческими. Они объединяют молодых авторов... К этой же группе кружков могут быть отнесены и кружки переводческие... Кружки выразит. чтения и худ. рассказывания привлекают юных чтецов... Много сил соств. творчеству отдают и члены кружков юных журналистов... Большой обществ. резонанс приобретает деят-сть лит.-краеведч. кружка... Существуют кружки, кот. можно назвать читательскими, поскольку гл. задачей они считают расширение лит. кругозора участников... Выпускает кружок бюллетени, лит. газеты и журнал... Иногда вся работа кружка строится вокруг журнала... Журнал труднее довести до шк. читателя, чем газету, так как он издаётся в одном-двух экземплярах, зато его легче сохранить в биб-ке школы, в пионерской комнате, метод. кабинете...» (Никольский, 1971, 240–243).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАСКАРАД.

О нач. 1950-х гг.: «Лёня: Ребята! Посмотрите-ка план проведения литературного маскарада одиннадцатой женской школы. Обратите сугубое внимание на пункт третий: “Пригласить принять участие в проведении маскарада учащихся старших классов десятой мужской средней школы”» (Гераскина, 1962, 14).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ монтаж – поочередное чтение выступающими перед зрителями детьми частей тематической композиции. Время достоверного существования данного явления – 1920-е – 1980-е гг.

О 1927 году: «Сима работает слесарем на заводе... Она руководитель отрядной живгазеты... “Итак, товарищи живгазетчики... Скоро великий праздник: десять лет Октября. Давайте обсудим, какую нам

подготовить к празднику программу”... Началось обсуждение... Постановили: подготовить коллективный монтаж, несколько пирамид и поставить пьесу “Красные дьяволята”...» (Шкаровская, 1963; 58, 59, 77, 78).

О нач. школе в конце 1940-х гг.: «Лит. монтаж. Слово “монтаж” означает соединение, сборку, установку, расположение осн. частей по опред. плану для получения целого сооружения или произв-я. В лит. монтаже могут быть исполз. стихи и проза, музыка и пение, драм. отрывок и отд. сценки. Сухой и не сценический, но ценный по содержанию, док. материал может звучать ярко и убедительно, если он удачно вмонтирован в общий худ. текст. Большие художники-чтецы часами занимают слушателей мастерским исполнением лит. композиций. Но для чтецов-школьников, как правило, выступления должны быть короткими. Лит. монтаж можно составить на любую тему, посвящ. событиям общ.-пол. жизни, ист. факту, жизни и деят-сти выдающегося человека: вождя, героя, ученого, писателя и т. п... Руководствуясь намеченным планом, составитель последовательно располагает куски, чередует стихотв., прозаич., муз. текст так, чтобы осн. тематич. замысел, идея монтажа логично и убедительно раскрывались перед зрителем. Примером самого простого монтажа может служить соединение двух произв-ий, как бы дополняющих одно другое. Например, перед выступлением хора, исполняющего песни о Сталине, можно прочитать стихотворение, посвященное вождю народов. Чтение и непосредственно последующее за ним хоровое исполнение воспримутся как одно целое. В монтаже выгодно использовать различные сценич. приемы. Живые тени, кино, танец, самые разнообразные театр. формы могут найти свое место в монтаже, но они должны быть логически оправданы и развертываться, не нарушая единства действия» (НШ, 1950, 745–746).

О пионерах в 1952–1953 гг.: «Десять... мальчиков подготовили ко дню рождения Иосифа Виссарионовича Сталина литературный монтаж “Юный Сталин”. Монтаж шёл без суфлёра, хотя в нём были большие прозаические отрывки и много трудных слов» (Синяев, 1953, 41).

О 1954 году: «“Вот видите, мальчики, мы... то есть наш класс... решили сделать литературный монтаж”... День за днем в женской школе, в седьмом классе “А”, медленно, но верно шла подготовка литературного монтажа. Девочкам нравилось вечерами после уроков бегать по коридорам, смеяться, петь песни и говорить о чем только душа пожелает... На сцене нужно было повесить занавес, нарисовать на огромном куске марли макет Кремля с зубчатой стеной и Спасской башней и сделать гирлянду из разноцветных лампочек... “Литературный монтаж седьмого класса “А”!” – звонко объявила Аня. В зале погас свет, а затем сцена стала постепенно озаряться розовыми лучами. Толя увидел большую панораму зубчатого Кремля. Над Кремлем всходило солнце. За сценой на рояле кто-то выбивал бой курантов Спасской башни. В зале захлопали, и тут, как в театре, начался самый настоящий концерт. Какая-то девочка сыграла на ксилофоне “Нас утро встречает прохладой”. После неё в форме летчика гражданской авиации вышла другая ученица и прочла рассказ о том, как в глухом селе спустился посланный из Москвы самолет и врач спас больную колхозницу. Затем в ярком сарафане со ржаным снопом в руках выбежала на цыпочках колхозница. Это был танец урожая. Девочка вертелась на одной ноге, кружилась по сцене, подкидывая к потолку ржаной сноп, потом махала руками, будто снимала с деревьев яблоки, и все это делала она легко и красиво. В первых рядах завизжали: “Би-ис! Бис!”... ..Перед зрителями закружился хоровод из узбечек, армянок, русских, татарок и других девочек, одетых в нац. костюмы. Над стенами Кремля спускается вечер. И вдруг взлетают разноцветные огни салюта. Это были гирлянды разноцветных лампочек, которые подбрасывались к потолку за макетом Кремля... Занавес медленно закрылся. Зал захлопал...» (Дик, 1956; 14, 63–64, 124–125).

О 1970-х – 1980-х гг.: «Монтаж – часть праздничной классной или школьной линейки. Ребята стоят в шеренге,

и каждый по очереди читает часть стихотворной тематической композиции» (Жавелева, 2006).

О Челябинске в перв. пол. 1980-х гг.: «...В семь утра, в большом зале “Победы” начинается торж. сбор. Сначала лучшие пионеры читают стихи, потом все это перемежается отрывками из идеол. фильмов... Все вместе это называется монтаж. После нам крутят дет. фильм...» (Кумейко, 2006–1, 3).

ЛИТКРУЖОК – Литературный кружок.

ЛИФЧИК – см.: *Лифчик у девочек-подростков; Лифчик детский, Лифчик пробковый.*

ЛИФЧИК у девочек-подростков – нижнее бельё без рукавов, охватывающее и поддерживающее грудь, придающее ей определённую форму.

О гимназистке 1–3 класса в 1914–1915 гг.: «Виктория, стоя в лифчике и панталонах, размахивала голыми руками» (Шереметьева, [1946] 1982, 164).

О старшекласснице 1939–1940 гг.: «[Зина]... стала срывать с себя одежду...: халатик, рубашку, лифчик, трусики... “Господи, ну при чем тут райком? – вздохнула Зиночка.– Искра, тебе за лето стал тесным лифчик?” “Какой лифчик?” “Обыкновенный. Не испекай меня, пожалуйста, взглядом!”» (Васильев, [1984]).

О мальчиках и девочках 14–15 лет в июне 1941 года: «На безоблачном небе светило жаркое солнце. Мальчишки давно скинули рубашки и штаны. Загорали в одних трусах. Девчонки долго крепились, а потом тоже разделись. У Принцессы золотистая загорелая кожа. И только из-под черного сатинового лифчика выглядывает узкая белая полоска. У Принцессы красивые руки и ноги. И вся она красивая, и раздетая и одетая. Люська тоже ничего, но она больше похожа на мальчишку-подростка, чем на девушку. У Люськи худенькие острые плечи с веснушками. И маленький, в синюю крапинку лифчик смешно топорщился на ее мальчишеской фигуре. Это был первый Люськин взрослый лифчик, который на днях мать сшила ей. И Люська, неумело поправляя тоненькие бретельки, совсем по-женски, с некоторой гордостью поглядывала на мальчишек. Коля Бэс и Сашка Ладонщиков не обратили никакого внимания на то, что девчонки разделись... Люся Воробьева, обиженная равнодушием мальчишек, в десятый раз поправила бретельки и пожаловалась подружке: “У меня лифчик жмет... Не знаю, что делать”. Алла только улыбнулась, а Гошка не утерпел и буркнул: “Жать-то ему ничего...” Люся даже поблдедела от негодования, но ничего не ответила. На эту щекотливую тему было как-то неудобно разговаривать» (Козлов, 1977).

О десятикласснице на школьном вечере в середине 1950-х гг.: «Кончилась долгая торжественная часть... ..Стали шумно выносить стулья, освобождать зал для танцев... ..Первый раз в жизни я так смела, так открыта с незнакомым человеком, чего за мной не водилось, и кокетлива и привлекательна в своей школьной, “гимназической” форме, но в тонких чулках и туфлях на невысоком каблучке, – а на руках у меня уже был маникюр без лака, а за лифчиком лежала надушенная ватка, – так делала мама, собираясь куда-нибудь, и Ольга, – так всех нас учила бабка, готовя нас в женщины» (Рощин, 2002, 82).

О двух девочках и мальчике 10–11 лет (окончили 3 класс) в Сочи в 1956 г.: «“А ты разве – спрашивает [толстая] Гретка. “Не-а, – крутнула Света не носишь лифчик?” головой. – А ты?” “Ношу, конечно. Ещё с прошлого лета. Показати?” Гретка села, выставив из-под подола красные колени и ляжки, и между тем, по одной отстегнула пуговицы на своём сарафане, глядя на нас, и Света покраснела, потому что один мешочек лифчика завернулся трубочкой, и мы увидели над ним белую грудь – совсем как у взрослых женщин, только ещё красивей, с тупым розовым кончиком. А потом Гретка тоже посмотрела на эту грудь, ойкнула и, хохоча, шлёпнулась на живот. И они стали шептаться и хихикать...» (Юрьенен, 1993, 21).

О девочке-подростке во вт. пол. 1950-х гг.: «...У самого забора в брызжущем водовороте стояла Жена с доскою в руках. На ней не было ничего, кроме трусов и лифчика, и мокрая спина её и плечи отливали холодным

латунным блеском... А Тимка... поднял лицо и почти с наслаждением сказал Жене: “Ну и тварь же ты... Ну и сволочь же ты!...” А она стояла перед ним в мокрых трусах и грязном лифчике, с оцарапанной щекою, с волосами, нелепо торчащими в разные стороны, измазанная, потная и всё-таки прекрасная, и ещё продолжала улыбаться, и глаза её были ясны, как у ребёнка» (Шим, [1960], 1963; 130, 132).

О середине 1960-х гг.: «Сегодня у тебя день большой стирки. Тебе придётся выстирать: носовые платочки; воротнички и манжеты; лифчик; трусики и комбинацию из шёлкового трикотажа... Свою стирку ты начинаешь с белого – значит, с носовых платков, воротничков, манжет и лифчика. Если эти вещи очень грязны, сперва их все замочи... лифчик – в тепловатой воде с небольшим количеством стирального порошка... Теперь возьми за лифчик. Сначала прогладь бретели, потом пояс, затем всё остальное» (Могилевская, [1967] 1974; 229, 231, 238).

О 1970-х гг.: «Ленка возвращается в чулан, натягивает поверх трусишек и майки короткое... платьишко... Появляется Жанка в узеньких красных плавках, в таком же лифчике, в руках – скомканное впопыхах платье и какая-то книжка... Жанка большая, полная, ей скоро шестнадцать, хоть она и учится в одном классе с Ленкой, один школьный год пропустила из-за болезни, да не по одному году в четвёртом и шестом классах сидела... Ленка ... пристроилась рядом, бок о бок с Жанкой. Майка и трусишки пусть на ней сохнут, как лифчик и плавки на Жанке, – не так жарко будет... “...Во книга! – показала Жанка большой палец. – Я, когда брала её, библиотекарша... поджала губки: “Не рановато ли для шестиклассницы?” “Не рановато”, – говорю”.... Душно, пора снова купаться. Жанка, не отрываясь от книги, заворачивает руку назад, пытается нашарить на спине пуговку туго натянутого лифчика. Нашарила, расстегнула, с облегчением выдернула лифчик из-под себя – всё дышать легче. “Ты с ума сошла!...” – тарашит на неё глаза Ленка!... Серёга ... схватил Жанкино платье, разорвал его пополам, распинал, расшвырял ногами и всё остальное Жанкино: лифчик, плавки, книгу...» (Голубков, [1978] 1984; 68, 69, 76, 82, 95).

О 1970-х – 1990-х гг.:

«С класса 7-го у девочек стали проверять наличие лифчиков. Мальчики водили рукой по спине и громко говорили либо “Без” либо “С”. Делалось это на перемене, мальчишки не встречали особого сопротивления со стороны девочек. Результат проверки говорил громко, на весь класс, девочки не обращали на это внимания, мальчишки улыбались”;

“Это все началось в 7-м классе... На уроках физкультуры мальчишки, проводя рукой за спиной, проверяли, не носит ли кто лифчики”;

“...В старших классах, девчонки начали носить лифчики... Парни оттягивали их лямки, и они звонко шелкали о спину. Это делали даже на уроке, а так как каждый хорошо знал этот звук, то весь класс громыхал хохотом”;

“Забавой [для мальчишек] было засунуть линейку под застежку лифчика и, повернув ее, расстегнуть его. Или просто-напросто взять и оттянуть его и больно шелкнуть по спине”» (Борисов, 2000, 77–79).

См. также: *Бюстгальтер у девочек-подростков.*

ЛИФЧИК детский – детская одежда без рукавов, облагающая грудь (типа жилета, кофточки) и застёгивающаяся на пуговицы (спереди или сзади); обычно – с прикрепленными резинками для удержания чулок. Детские лифчики существовали с 1870-х по 1960-е гг.

Илья Львович Толстой (1866 г. р.), сын Л.Н. Толстого, вспоминает о начале 1870-х гг.: «...Мамá... должна всё для нас делать. Она следит за нашей едой, она шьёт нам рубашки, лифчики и штопает наши чулки, она бранит нас, когда мы по росе намочим башмаки...» (Толстой, 1969, 37).

Из руководства по рукоделию начала 1950-х гг.: «На лифчик для ребенка 3–4 лет можно взять плотное, сатин, фланель, бумазею, бязь и тому подобную материю около

полуметра. На рисунке 50 изображена патронка [рисунок выкройки] лифчика. Срисуюем её на сетку... Шьем сначала плечики... Проёмы для рук и горловины подшиваем узкой косой бийкой... На нижнем краю лифчика можно тоже прорезать петли для пуговиц или пришить пуговицы для надевания резинок» (Жилкина, 1953, 111–112).

О дет. саде в Шадринске в 1956 г.: «Но вот время сна истекло: открывает глаза сначала один, потом другой... Проснулись все. Воспитательницы строго следят за внешним видом своих малышей. Ребята это хорошо знают. “Нина Ивановна, – говорит Света Первушкина, – причешите, пожалуйста, мне голову”. “А у меня лифчик застегните”, – произносит Валя. Лифчик застегнут. И вот уже Нина Ивановна Галькина приводит в порядок Светину головку...» (Дворянинова, 1956).

О середине 1950-х гг.: «...Советские дети 50 лет назад носили чулки на резиночках со специальным поясом-лифчиком. [Гарник Оганесян, коммерч. директор ОАО “Детский мир”:] “Для этого надо было лифчик иметь, резинки. Ну, куда ни шло, эти атрибуты ещё для девочек, понятно было. Но для мальчиков это было где-то ущемление интересов”» (Из программы «Вести» 2007 г. (телеканал «Россия»), посвящённой открытию в 1957 году московского магазина «Детский мир»).

О середине 1950-х гг.: «А в детском саду ярко горели лампы. Дети вставали, помогали друг другу застегивать пуговицы на лифчиках» (Ильина, 1959, 51).

О Перми в 1960 г.: «1960 год. Все дети в чулках. Мальчики и девочки пристегивали чулки резинками к лифчику, и никто не считал лифчик принадлежностью пола. “Вова, ты надел лифчик?” У мальчиков на коленках вечно были дырки от ползания по полу с машинками, в целях экономии нам в садике разрешали скатывать чулки бубликом, девочкам – нет. Такая дискриминация». (Киршин, 2002).

О перв. пол. 1960-х гг.: «...Для детей младших возрастов рекомендуются штанишки и юбочки на бретелях (или пристёгивающиеся к лифчику, кофточке), а не на поясах и резинках» (ПЭ, 1966–3, 187).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Если одежда очень тесная, она нарушает дыхание, кровообращение, затрудняет движения и наносит ребенку большой вред: например, ...узкие не по размеру лифчики... Одежда детей старше 1,5 лет состоит из нижней рубашки, лифчика для пристёгивания резинок, тёплого или легкого костюма..., чулок, ботинок...» (Смирнова, 1964, 151–152).

О середине 1960-х гг.: «Все дети в садике, даже мальчики, носят чулки, которые пристегиваются спереди и сзади резинками к лифчику. Лифчик – это такая кофточка без рукавов и с пуговицами впереди. Мне тоже такой сшили!» (Смирнова, 2005).

О конце 1960-х гг.: «Первые мои [колготки] были нежно-голубого цвета и произведены в какой-то из республик советской Прибалтики... В детском саду мои голубые колготки были сенсацией. Все носили коричневые простые чулки, которые пристегивались к специальному пояску, называемому отчего-то лифчиком. У мальчиков тоже, я помню. Следовательно, все мужчины – мой одноклассник и старше носили в детстве лифчики...» (Метелица, 2005, 103).

Лифчик детский с резинками у девочек.

О девочках 6–7 и 8–9 лет в конце 1890-х гг.: «...Они принялись одеваться наперегонки. Много времени для этого не требовалось – летом обе девочки бегали босиком. Лифчики было трудно застегивать сзади, но Маша и Лена помогли друг другу. Скорей, скорей, пока не пришла няня и не потребовала скучного умывания с мылом и зубными щётками...» (Шагинян, 1959, 111).

О матери и дочери в конце 1890-х гг.: «По вечерам я разбиралась в ящиках комода и не торопясь укладывала своё бельё, кофты, всякое тряпье... С особенной любовью, почти с благоговением, я делала это с платицами, лифчиками, чулочками маленькой Жени» (Чириков, 1902, 206).

О девочке 3–7 лет в Москве в середине 1900-х гг.: «Удивительно, что ...я совсем не помню её [няни] лица. Хорошо помню её руки – ...какие-то очень цепкие и

корявые: по голове погладит – волосы выдерет..., раздевает на ночь – так рванет лифчик, что пуговицы летят» (Луговская, [1983] 1987, 16).

Об учительнице и упавшей в воду ученице перво-второго класса в Москве в 1910–1911 гг.: «Елена Петровна принялась поспешно раздевать Анюту. Она стащила с неё мокрое платье, рубашонку, лифчик с резинками...» (Воронкова, 1959-а, 248).

О девочке 7–11 лет во вт. пол. 1940-х гг.: «И вот, наконец, бабушка надевает на меня тёплый лифчик, розовые байковые штанишки, сверху белые, ещё теплей, платье, вязаную кофточку, пальто... Мамочка торопливо натягивает на меня чулки, лифчик, рубашку, платье, торопливо расплетает, причёсывает и заплетает мои косы» (Латьева, 1969; 240, 252).

Из рассказа В. Осеевой 1940-х – 1960-х гг. «Пуговица»: «У Тани оторвалась пуговица. Таня долго пришивала её к лифчику» (Осеева, 1985–2, 519).

О начале 1950-х гг.: «Жила маленькая девочка по имени Ниночка. Ей было всего пять лет... Ниночкина мама уходила каждый день на работу, а с Ниночкой оставалась бабуля. Она учила Ниночку и одеваться, и умываться, и пуговицы застегивать на лифчике, и башмаки зашнуровывать, и заплетать косы, и даже буквы писать» (Носов, [1952] 1979–1, 207).

О девочке 2,5 лет в 1957 г.: «20 января [1957 г.]. Проснулась веселая и начала уговаривать: “Папа, пойдем картошку кушать”. Одевалась весело, приговаривая: “А теперь лифчик, а теперь туфли”. Умылась» (Низова, 1961, 113).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Семья Смирновых состояла из трёх человек: отец, сын Алёша – девятиклассник – и семилетняя дочка Надя, осенью ей предстояло идти в школу... Надя нежилась в постели, позёвывая... Отец говорил: “Вставай, солдат, побудку играют!” – И она вскакивала. Она одевалась сама, стараясь делать это аккуратно и проворно, и только надевая лифчик, вворачивалась к отцу спиной и просила: “Застегни”» (Пангва, 1973, 127).

О конце 1950-х – перв. пол. 1960-х гг.: «Вы думаете, если вас одевают, это хорошо? Совсем нет. И даже неинтересно. Сидишь в кровати, а мама натягивает на тебя лифчик, чулочки, платье, ботинки... Интереснее самой одеваться! Правда, всё надеть на себя очень трудно, например, лифчик. А чулки – нет. Любочка надевает их сама» (Буцень, [1959–1966] 1977, 18).

О 1961 г.: «“Сегодня, двенадцатого апреля, тысяча девятьсот шестьдесят первого года...” Я слезаю с кровати и нехотя надеваю мальшовый лифчик, пристёгиваю к нему нитяные чулочки...» (Палей, 1991, 117–118).

О первоклассниках в середине 1960-х гг.: «Все дети... готовились к уроку физкультуры. И именно те ребята, которые чувствовали себя неуверенно на уроке арифметики, сейчас тоже были недостаточно самостоятельны. Таня несколько раз обращалась к соседям: “Расстегни мне лифчик, поддержи мой передник, помоги вынуть тапочки из мешка”... “Я это вижу, – сказала Елена Николаевна. – Вижу, потому что Таня еще с пуговицами не справляется. Не нужно так опекать детей... Первоклассник должен чувствовать, что учится он, а не родители» (Низова, 1967, 94–95).

Лифчик детский с резинками у мальчиков.

О середине 1890-х гг.: «В то время у меня была няня... Утро. На рубашку надевали лифчик, застегивающийся сзади, к лифчику пристегивались резинки, к резинкам – бумажные чулки из бело-красной или бело-синей крученой нитки» (Шкловский, [1961], 1973–1, 22).

Из рассказа Михаила Кузмина (1875–1936) «Петин вечер» о 1880–1910-х гг.: «Петя снял сапожки и в чулках направился к себе. Также и нянька хороша! Совсем его забыла. Хотя всю ночь в пустой гостиной сиди – ей хоть бы что! Пете очень хотелось ещё, сидя среди теплой детской, спеть, как всегда: “Кончен, кончен дальний путь”, но он не посмел, и, кое-как сам раздевшись, оборвав пуговицу на лифчике, он наскоро перекрестился и закрылся одеяльцем» (Кузмин, [до 1936] 1994, 31).

О 1905 году в Одессе: «В квартире все ещё крепко спали... Четырёхлетний Павлик проворно вскочил с кровати и “сам оделся”, то есть напялил задом наперед лифчик с полотняными пуговицами и сунул босые ножки в башмаки» (Катаев, 1961, 230).

О младшем брате десятилетнего мальчика в 1940 году: «Пришёл укладываться спать Рэмик. Его куда-то уводили, пока шла беседа со мной, – наверное, из педагогических соображений, – и братишка не знал, как горько справиться с лифчиком, и, наконец, тихо попросил: “Рат[мир], а Рат, расстегни, а?” Раньше я бы обязательно объяснил ему пользу самостоятельности, но тут... помог братишке» (Сиснев, 1973, 25–26)

Кинорежиссер и сценарист Л.М. Бердичевский (1945 г. р.) вспоминает о 1950–1951 гг.: «Когда мне было лет пять или шесть, я гулял с “группой” детей в Ильинском саду, в Москве... Под рубашкой был лифчик с резинками, которые держали длинные чулки» (Бердичевский).

О мальчике 12 лет в 1954–1955 гг.: «Отец погладил Толю по голове, мать поднесла ему обеими руками [пионерский] галстук... Сын сидел на кровати, а отец и мать, улыбаясь, смотрели, как он надевает лифчик на пуговицах... Толя самодовольно улыбнулся... Тщательно завязав перед зеркалом галстук, он сел завтракать» (Раковская, 1956, 100–101).

О мальчике 3–5 лет в середине 1950-х гг.: «Наконец, совсем запыхавшись, Алеша освободился от башмаков. Ночная рубашка лежала под подушкой. Все это хорошо, но как снять лифчик, когда пуговицы сзади? Алеша попробовал дотянуться рукой и расстегнуть верхнюю пуговицу, потом нижнюю. Ничего не выходило. Тогда он попытался просто сдернуть лифчик через голову. Сначала всё пошло хорошо: лифчик, слегка потрескивая, съехал со спины и груди, перешел на плечи, но вдруг застрял около шеи и плотно привязал к голове оба Алешиних локтя. Почему-то и ноги тоже потянуло кверху. Алеша почувствовал, что погибает, и хотел уже крикнуть: “Мама!” Что-то больно щёлкнуло по коленке: это оторвалась пуговица слева и отпустила одну подвязку. Теперь левому боку стало поспокойнее. Правую подвязку удалось отстегнуть. Ого! Лифчик двигается! Пошло, пошло... Ещё маленькое усилие – и Алеша, красный, потный, разгоряченный, смог, наконец, свободно вздохнуть. Снять чулки и надеть ночную рубашку – все это было уже совсем просто. Алеша с наслаждением вытянулся. Как он устал!.. Теперь всё. Теперь можно спокойно спать. Когда Алеша опять перебирался через сетку, он уронил со стула лифчик и один башмак... Мама сделала над собой усилие и открыла глаза... Мама увидела стулья, странным образом разбежавшиеся по всей комнате. Мама подняла с пола лифчик, застегнутый на все пуговицы и вывернутый наизнанку. Мама тихонько засмеялась...» (Артюхова, [1958] 1987, 11–15).

О трёхлетнем мальчике в конце 1950-х гг.: «Мама помогает Шурику снять ботинки, расстёгивает ему лифчик. А штанишки, чулочки и курточку Шурик снимает сам» (Карасёва, 1961, 4).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «“Завтра ворон надо будет покормить”, – сказал Мишка, раздеваясь. “Пришлось понаблюдать за ними?” – спросил дед. “Ещё как! – сказал Мишка. – Дед, отгадай загадку: жилет на букву “Л” – что такое?” “Не знаю”, – признался дед. “Сдаёшься?” “Сдаюсь” “Эх, ты! Лифчик!” Мишка засмеялся и нырнул под одеяло» (Зубавин, [1963] 1970, 48).

О мальчике 5–7 лет в нач. 1960-х гг. Свердловске: «Утром, второпях, надел лифчик, натянул и подцепил на резиночки чулки, долго возился с пуговицами рубашки, наконец надел штаны на лямках...» (Застырец, 2006).

О нач. 1960-х гг.: «Приучила я детей одеваться самостоятельно. Вова медлителен, поэтому я решила организовать соревнование. Вова стал одеваться быстрее, но за Ниной не успевал, и это вызывало у него горькие слезы. Что делать? Использовали игру. “Надень лифчик – считаем до пяти”. Считаем нарочно медленно: «один...

два... три», а Вова торопится, ему хочется раньше успеть одеться» (Вершинина, 1963, 4).

О середине 1960-х гг.: «В кабинете врача Нина Васильевна подняла вверх блестящий шприц и выпустила из него маленький фонтанчик... “Снимай скорей рубашку! – громко зашептал Витя другу. – Нам первым сделают”. Он быстро разделся и, подойдя к Нине Васильевне, повернулся к ней спиной. Но Алька так быстро не мог. Надо было расстегнуть все пуговицы на ковбойке, на лифчике, на нижней рубашке. А они почему-то очень медленно расстегивались...» (Леонидова, 1968, 49).

О вт. пол. 1960-х гг.: «“...Что же тебе нынче приснилось?...” “Знаешь что? – Мальчуган подумал. – Ко мне приснился волк...” Лицо его стало воинственным: вот, мол, какие я страсти вижу ночью и не боюсь. “Ка-кой храбрец! – засмеялась Любовь Андреевна. – Ну ступай носи лифчик, штанишки: будем одеваться» (Авдеев, 1971, 343).

ЛИФЧИК пробковый – вероятно, то же, что «пробковый нагрудник»: «Пробковый нагрудник. Связка из плавательных пробок, надеваемая на грудь и поддерживающая человека на поверхности» (Словарь, 1958–7, 123).

О 8-летней девочке в 1908–1912-х гг.: «Динка не боится воды – на ней волшебный лифчик. С виду это самый обыкновенный лифчик, который застегивается сзади на пуговицы, но зато изнутри лифчик подшит пробковым поясом. Это сделала мама, когда учила Динку плавать. Она сама надела на Динку пробковый лифчик и при этом сказала: “Не бойся ничего, помни, что на тебе волшебный лифчик и что в нем ты никогда не утонешь”. Динка перестала бояться и быстро научилась плавать. Она плавала и на боку, и на спине..., а иногда, чтобы проверить волшебную силу лифчика, она заплывала подальше от берега и пробовала там нырять, но лифчик всегда выносил ее на поверхность... Девочка бросается в плавать. Мокрое платье, как пузырь, лепится к ней и стесняет её движения, но волшебный лифчик легко держит ее на поверхности» (Осеева, 1985–3).

ЛИЦЕЙ – 1. До 1917 года: «привилегированное (дворянское) мужское учебное заведение, совмещавшее курс средней школы с высшим юридическим образованием (в Петербурге, Москве, Ярославле и др.)» (СИС, 1954, 407); лицеи готовили высших гос. чиновников всех ведомств. Наиболее известны: Царскосельский Александровский лицей (см. *Лицей царскосельский*), Ришельевский лицей (открыт в Одессе в 1817 году), Ярославский юридический лицей (открыт в 1803 году), Нежинский лицей (открыт в 1820 году).

ЛИЦЕЙ – 2. «Название некоторых современных средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведений в Рос. Федерации (с конца 1980-х гг.), работающих по собственным учебным программам» (ПЭС, 2003, 133).

ЛИЦЕЙ царскосельский – закрытое дворянское высшее учебное заведение с шестилетним курсом обучения. Образован в 1811 г. в Царском селе. В 1844 г. лицей был переведён в Санкт-Петербург и назван Александровским лицеем. За время существования выпустил более 1800 воспитанников. Ликвидирован в 1918 г.

В Уставе отмечалось, что Лицей учреждается с целью образования юношества для гос. службы и что Лицей приравнивается к рос. университетам. Предусматривалось общее образование (без специализации), но с преобладанием гуманитарных наук. Учеб. предметы в Лицее разделялись на два курса, из которых первый назывался начальным, второй – окончательным. Каждый курс продолжался 3 года. В нач. курс входило следующие предметы: а) грамматика языков: русского, латинского, фр., немецкого; б) первонач. основы Закона Божьего и философии нравственной, первонач. основы логики; в) мат. и физ. науки: арифметика, начиная с тройного правила, геометрия, часть алгебры, тригонометрия прямолинейная, начало физики; г) исторические науки: российская история, иностранная, география, хронология; д) первонач. основания изящной словесности: избранные места из лучших писателей с их

разбором; правила риторики; е) изящные искусства и гимнастические упражнения, а также чистописание, рисование, танцы, фехтование, верховая езда, плавание. Окончательный курс состоял из следующих наук: а) нравственные науки; б) физ.; в) матем.; г) ист.; д) словесность; е) изящные искусства и гимнастические упражнения. Также давались понятия о гражд. архитектуре и искусстве. Кроме того, полагалось, чтобы в свободное от учебы время воспитанники разговаривали между собой по-французски и по-немецки. Многочисленными были физические упражнения: плавание, зимой катание на коньках, верховая езда, фехтование, танцы. Разнообразны были и предметы искусств, способствующих духовному развитию: рисование, музыка, пение. К ним присоединялись занятия литературой. Лицейская библиотека была составлена из лучших соч. рус. и иностр. авторов, постоянно пополнялась новыми журналами, имелись здесь и книги по искусству, большое собрание эстампов.

В Лицей принимали мальчиков в возрасте 10–12 лет, приём проводился один раз в три года, принималось от 20 до 50 человек. Первоначально предполагалось, что в лицее будут воспитываться сыновья знатных дворян. Однако поскольку знатное и богатое дворянство не захотело расставаться со своими детьми на 6 лет и предпочло давать им домашнее образование, то случаем поторопилось воспользоваться стеснённое в средствах служилое дворянство, имевшее протекцию, – оно устроило своих детей учиться за счет гос. казны с тем, чтобы обеспечить затем их дальнейшую судьбу. Первый набор состоял из 30 человек. Царскосельский лицей был первым в России учебным заведением, где не предусматривалось телесное наказание. Педагогам и наставникам полагалось относиться к воспитанникам корректно, как ко взрослым, их должны были называть только на «вы». К фамилии обязательно прибавлялось обращение «господин». Каникулы воспитанники должны были обязательно проводить в стенах Лицея, а с родителями и родственниками им позволялось видеться только в определенные дни и только в Лицее. Занятия проходили с 1 августа по 1 июля, каникулы (один месяц) – в июле. У лицеистов имелась форменная одежда, у каждого лицеиста была отдельная комната. При лицеистах было несколько дядек: они заведовали чистой одеждой, сапог и прибирали в комнатах. В числе первых выпускников лицея (1817 года) – поэт А.С. Пушкин, министр иностр. дел А.М. Горчаков. (Латышина, 1998, 260–278).

ЛИЧНАЯ книжка пионера – учетный документ пионера, явление 1958–1964 гг.

VIII пленум ЦК ВЛКСМ 29 ноября 1957 г. постановил: «Считать целесообразным ввести личную книжку пионера, в которую заносить записи о приобретенных умениях и навыках, поощрениях, о выполнении поручений пионерской орг-ции и т. п. Бюро ЦК ВЛКСМ утвердить образец книжки пионера» (НО, 1974, 294).

О конце 1950-х гг.: «Личная книжка пионера – учётная книжка, в которой отмечалось приобретение знаний, умений и навыков, соответствующих ступеням юного пионера. В личной книжке пионера отмечается также получение пионером нагрудных значков, званий пионера-инструктора, поощрений. В конце книжки оставлено место для записи решения совета дружины о рекомендации в ряды ВЛКСМ» (ПС, 1960–1, 631).

О конце 1950-х гг.: «“Личная книжка пионера” – написано золотыми буквами на красной обложке. Тебе, конечно, уже хорошо знакома эта книжка. Ты и твои товарищи получили точно такие же на сборе дружины. Каждый поспешил просмотреть её, правда? Немного страниц в ней – всего 28, но на этих страницах отражен весь твой пионерский путь – с того дня, когда ты давал торжественное обещание юного пионера, до того момента, когда совет дружины сможет рекомендовать тебя в члены комсомольской орг-ции. В “Личной книжке пионера” написано, чему ты должен научиться, что нового узнать за свои пионерские годы. Посмотри, вот

они, 3 ступени: первая для пионеров 3–4, вторая – 5–6, третья – 7–8 классов» (Потапова, 1960, 3).

О начале 1960-х гг.: «Воспитанник Юра... был исключен из пионеров... Но он очень скоро забыл о случившемся... Только при раздаче “Личных книжек пионера” вспомнил Юра о неприятном событии» (Ханчин, 1962, 51).

ЛИШАЙ – «Пятно на коже, покрытое чешуёй или коростой; болезнь кожи, характеризующаяся наличием таких пятен» (Словарь, 1957–6, 298).

О мальчике 1925 г. р. в 1930-е гг.: «Я был здоровым ребенком, и если болел золотухой и годами меня донимали лишай – неминуемая, должно быть, дань любви ко всяким бездомным и своим кошкам, собакам и телятам, – то эти недуги не могли служить основанием для душевных изъязнов, рефлексии и слабого самочувствия...» (Смокуновский, 1995).

ЛОВИЛЬШКИ – детская игра начала XX века.

См. отрывок из рассказа: «“Как-нибудь надо сразиться”, – произнес Петров как бы мимоходом. “Пойдем сейчас! – предложил Павлов. – У них, наверное, теперь играют... Они переехали на новую квартиру, и теперь двор у них большой... Лужок... Теперь только в крокет играют редко, а больше – в ловильшки”. “Что же, в ловильшки тоже весело”... А мы играем в ловильшки, ныряем внутрь хоровода...» (Чириков, 1918; 23, 155).

ЛОВИТЬ птиц.

О мальчиках 6–7 лет в 1915 г.: «Микитка сообщает, что дед Мармошка покупает сорок по пятаку за штуку. Надо поймать десять сорок, продать, а на деньги купить бабок. Правильно он придумал! В пригоне настораживаем подсевальное решето, кладем под него кусочки мяса, протягиваем веревку в окно хлева и с нетерпением ждем. “Сейчас, живчиком прилетят, – уверяет шепотом Микитка. – Они, сороки, почуткие на мясо!” Сороки не летят. Нам холодно сидеть без движения. Шевелим пальцами рук и ног, швыряем носами, утираемся рукавичками... Решили наплевать на сорок. Пошли греться в избу» (Титов, 1965, 25–26).

О мальчиках в 1941–1942 гг. в псковской деревне: «Одним из всегдашних развлечений была у нас ловля голубей. Технология проста. Мы клали большую ивовую корзинку на землю, потом приподнимали один её край и ставили его на рогатку – небольшую палочку с развилкой на конце. К рогатке привязывали длинную бечевку и тянули её к двери в сени. Под приподнятую корзину насыпали корм – зерно, крошки. Потом забегали в сени и закрывали дверь. Через щели в двери было отлично видно, что творится у корзины и под ней. Воробьи шмыгали под корзину незамедлительно, а голуби, попав под её тень, мялись, нерешительно перебирали лапками и крутили головами. Мы переставали дышать, и тогда голуби ступали под корзину. Но одного-двух голубей нам было мало. Мы хотели “впоймать” много. И тут начиналась борьба за бечевку. Наконец рогатка отлетала в сторону, корзинка падала на землю, голуби веером, испуганно хлопая крыльями, разлетались, – кроме тех, что, оказались в ловушке, – а мы, толкая друг друга, неслись к корзинке» (Миронов, 1999, 78).

ЛОГАРИФМИЧЕСКАЯ линейка – «прибор в виде линейки с движком, служит для вычислений» (СИС, 1954, 408); «прибор для различных вычислений» (Словарь, 1957–6, 318); «счётная линейка» (Ожегов, [1960] 1970, 319); «прибор для вычислений» (Ожегов, 1972, 297; Ожегов, 1988, 262); «счётный инструмент» (Ожегов, Шведова, 1996, 324).

О нач. 1960-х гг.: «Прошли, наконец, экзамены, кончился восьмой класс. Конечно, это очень важное и радостное событие, – недаром все поздравляют, даже подарки приносят. Инна Андреевна подарила Славке логарифмическую линейку – свою собственную, по которой сама училась когда-то. Игорю купили новые комсерские перчатки, Симке – духотомник... Александра Твардовского» (Офин, 1964, 54).

О Челябинске во вт. пол. 1960-х гг.: «Старшеклассники охотились за готовальнями с разнокалиберными циркулями внутри (кто теперь знает, что это такое?),

логарифмическими линейками (это вообще раритет!)» (Мымыкина, 2007, 10).

ЛОГИКА – наука о законах мышления; школьный предмет в 1947–1955 гг.

Из речи нар. комиссара просвещения 7 февраля 1943 года: «В пересмотренных учебных планах найдут своё место такие новые дисциплины, как логика и психология. Мы придаём им самое серьёзное образовательное значение» (Потёмкин, [1943] 1947, 166).

«...На основе постановления ЦК ВКП(б) 4 декабря 1946 г. “О преподавании логики и психологии в средней школе” в 1947–1951 гг. в старших классах средней школы (сначала в крупных городах, а затем повсеместно) преподавались логика (в IX классе – 2 часа в неделю) и психология... Время на это выделялось за счет увеличения общей недельной нагрузки учащихся этих классов. Опыт показал, однако, во-первых, невозможность обеспечения этих курсов высококвалиф. Преподавателями, во-вторых, перегрузку учащихся ст. классов. В 1955 г. было отменено преподавание курса логики... Курс логики был исключен из учебного плана. С осн. понятиями логики учащиеся знакомились в курсе психологии» (Очерки, 1988; 133, 139).

О девочке 15 лет и мальчике 4 лет в Ленинграде в 1952 г.: «...За столом Августа зубрила урок. Она подняла от учебника “Логика” свои насмешливые глаза: “То, чего ты не потерял, ты имеешь”. Я пнул дверцу нашей печки... “Ты не потерял рогов. Следовательно...” Я схватил кочергу, и она прикусила свой длинный язык. Но как только я отшвырнул кочергу, Августа растопырила мне из-за своей головы два пальца, испачканных чернилами. Я задохнулся – но она зажала уши и забыла, глядя в учебник: “Софические уловки – излюбленный прием мышления современной империалистической буржуазии и ее правосоциалистических лакеев...”» (Юрьенен, [1983] 1992).

ЛОДОЧКА, пускать лодочку (кораблик, пускать кораблик).

О 1860-х – 1870-х гг.: «Пришла весна, потекла вода. Дети взяли дощечки, сделали лодочку, пустили лодочку по воде. Лодочка плыла, а дети бежали за нею, кричали и ничего впереди себя не видели и в лужу упали» (Толстой, [1875] 1987, 225).

«**ЛОДОЧКИ**» – качели.

Из воспоминаний о детстве в Свердловске в середине 1960-х гг.: «Мы качаемся с Нелькой на низкой железной лодочке-качели. Возле нас топчутся Алька и Любка Катаевы и просят пустить их покачаться» (Смирнова, 2005).

ЛОЖКА, ложкой ударять по лбу – см. *Ударять ложкой по лбу*.

«**ЛОЛА**» – журнал для девочек, у которых есть куклы «Барби».

О Шадринске в 1994 г.: «Когда мне было 8 лет, мама мне купила журнал “Лола”, в котором были показаны различные модели одежды для Барби и инструкции, как их связать или шить, а также как можно обустроить домик для Барби. Так с мамой мы сшили и связали много одежды для моих кукол Барби и обстроили домик. После этого мы покупали каждый выпуск этого журнала» (094).

О Шадринске в 1995–1997 гг.: «В период, когда мне было 5–7 лет, мама выписывала мне журнал “Веселые картинки”, когда я стала старше, меня заинтересовал журнал “Лола”, в нем печатались выкройки одежды для кукол Барби» (105).

ЛОМ металлический – см.: *Сбор металлолома*.

О начале 1960-х гг.: «Другая вожатая как-то поделилась со своими коллегами. “Ну, по лому нас никто не осилит. Мне шефы с завода столько квитанций дадут, что моя дружина все равно будет первая”» (Матвеев, 1965, 42).

ЛОНДОН – Джек Лондон (настоящее имя – Джон Гриффит) (1876–1916), американский писатель.

С 1899 Дж. Лондон публиковал северные рассказы, в которых противопоставлял цивилизации мир нетронутой природы. Положительный герой северных рассказов Лондона – волевой, мужественный человек, готовый прийти на помощь товарищу, способный на большую и 266

настоящую любовь. Благородство человеческой природы, яркий мир экзотики и приключений выделяют и произведения Лондона на «морскую» тему.

О вт. пол. 1900-х гг. на даче под Петербургом: «По вечерам повелось в нашей мальчишеской компании... рассказывать друг другу о прочитанных книгах... В этом устном клубе, на старых брёвнах, на дачных задворках, рассказаны были по порядку книги всех властителей дум того времени: романы Жюль Верна..., Пембертона, Джека Лондона, Густава Эмара...» (Тихонов, 1977, 4).

О 1960-х гг.: «Аленку учили музыке и заставляли... играть гаммы. А книги читать и заставлять не надо было. В двенадцать лет был проглочен весь Джек Лондон и все тома Детской энциклопедии, и горы всяких других книг» (Матвеев, 1970, 19).

«**ЛОНДОНКА**» – род кепки.

О конце 1950-х гг.: «Пришёл я в наш двор... Ребята под аркой в пристенок играют... А Слава Самсонов, мой друг, под аркой, с пятаком между пальцев. И в новой кепке серой, мохнатой, лондонке то есть. О такой тогда все мечтали. Козырёк у неё гуттаперчевый, и считалось, что ударь им кого хочешь – с ног свалит. И слезает с трубы Макаров из нашего класса, переросток... И тут Слава подошёл к Макарову и как даст ему своим смертельным козырьком в нос! Вообще удар не сильный получился. Но тот больше от страха попятился, на трубы сел и штаны порвал» (Попов, 1970, 85–86).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «А в тот же вечер Юра вышел из дому в надвинутой на брови светлой рябой кепке, называющейся в нашем городе почему-то “лондонкой”, – удивительной кепке, которую носят многие ребята и не видят, как их милые, умные и живые лица приобретают в ней какое-то обезьянье выражение» (Долинина, 1963, 24).

ЛОПАТКА – небольшая лопата для детских игр.

О дет. саде в 1950-е гг.: «Зимой [ребятишки] копались в снегу, как медвежата... Однажды, стоя у забора, Юра увидел, как два таких медвежонка ссорились из-за лопатки. Один отнимал, а другой не отдавал... Надо было изготовить пятьдесят детских лопаток для соседнего детского сада. “Вы понимаете, – рассказывала заведующая, – наши ребята всё время ссорятся из-за лопаток. И даже дерутся”. “А сколько это будет – поинтересовалась детсадовская бухгалтерша» (Рязанова, 1960; 10, 25). стоить?»

ЛОСИНЫ – одежда девочек, плотно облегающая тело от талии до щиколоток. Лосины получили распространение в середине 1990-х гг.

О нач. 1990-х гг.: «Когда мне было 7 лет, мне купила мама лосины для занятий гимнастикой. Они очень похожи на колготки. Но у них не было носок; они были капроновые. Очень плотные, черного цвета. Они были облегающие, что было удобно для выполнения многих упражнений. Я их носила с длинной футболкой» (070).

О перв. пол. 1990-х гг.: «...В недавние времена... старшекласники обязаны были ходить в школьной форме... Что же сейчас? Школьную форму отменили. Хочешь – в мини-юбке ходи, хочешь – в брюках, хочешь – в лосинах (за которые 20 лет назад девочку наверняка бы выгнали из школы)» (Медведева, 1995, 3)

О Шадринске в 1993 г.: «Когда мне было 7 лет, я училась в школе-лицее № 1. Все девочки носили лосины. Это были тонкие облегающие блестящие штанишки для девочек (кстати, не только для девочек: моя мама (а ей к этому времени было уже 32 года) ходила в них на шейпинг) без пяток, то есть они доходили до щиколотки. Лосины могли быть различных цветов: черными, белыми, голубыми, розовыми, сиреневыми, зелеными, жёлтыми, но обязательно яркими. Их носили, в основном, с длинными, закрывающими попу, футболками, с юбками различной длины или платьями. Часто лосины не совсем облегли худенькие ножки девочек и тогда они собирались в гармошку на коленях, что выглядело достаточно смешно. Носили лосины довольно долгое время (примерно 5 лет), но даже, когда они вышли из моды, многие донашивали их дома» (020).

О дер. Октябрь Шадринского р-на в 1993 г.: «Когда мне было 7 лет, это была ультрамодная вещь. Девочка, у

которой не было лосин, считалась немодной. Лосины были разного цвета и разного качества. Самые популярные лосины были голубого, даже бирюзового цвета. Это были синтетические с лайкрой лосины, очень гладкие и приятные на ощупь. Но у меня были фиолетовые, по типу капроновых колготок и как гамаши, то есть с обрезанными ступнями» (011).

О 1993–1995 гг.: «Лосины – женские облегающие штаны очень ярких, “кислотных” цветов с блестящими (салатовые, розовые, голубые или чёрные). В нашей местности (село Шутихинское) их носили многие. У меня были чёрные, у сестры – розовые, одноклассница носила салатные лосины. Их надевали с юбками, с платьями или с длинным джемпером “летучая мышь” (то есть рукава начинались примерно в районе талии). Это было в 1993–1995 гг.» (073).

О 1993–1995 гг.: «Когда мне было 7–9 лет, мама купила мне лосины. Я к тому времени вообще не знала, что это такое, но через день-два у всех моих сверстниц-девочек они тоже появились. И мы все, 6–7 человек, надевали эти лосины самых разных цветов (чёрные, фиолетовые, розовые, голубые...) Их носили с юбками и блузками, с юбками и футболками, с длинными футболками, иногда носили вместо колготок. “Появились” лосины в конце лета. Сначала их даже надевали и шли в школу. Но директор запретил являться в школу в таком виде» (008).

О Шадринске в 1993–1995 гг.: «Когда и как они попали в мою жизнь, к сожалению, не помню. Думаю, лет в 8–10, знаю, что у меня они были ярко-сиреневые, а у моей сестры чёрные. Носила я их с длинной футболкой. Лосины сделаны из эластичного материала, блестящие. Когда мода на них утихла, я помню, что мы их обрезали, и они стали как бриджи, т.е. чуть ниже колен. Потом лосины еще долго лежали в шкафу, когда я их перестала носить» (026).

О середине 1990-х гг.: «Был такой период, когда почти все надевали капор, лосины, мокасины, футболки в полоску... Лосины – женские плотно облегающие штаны, доходящие до щиколоток. Они были различных цветов: синие, желтые, красные, зеленые и др. В них девочки ходили на физкультуру, но иногда одевали вместо колготок с юбкой» (450).

О Каргаполье в 1994 г.: «Я училась в 3 классе нач. школы. В это время среди школьников очень модно было носить лосины. Это часть одежды, которая плотно облегалась часть тела от талии до верхней части ступни. Чем-то они были похожи на гамаши. Только гамаши изготавливались из трикотажа и носились преимущественно в холодное время поверх колготок. А лосины по структуре материала напоминали капроновые колготки, только были плотнее и прочнее. Носили мы их либо с длинными футболками, либо с короткими юбками, и только летом. Лосины были однотонными, но яркие и иногда даже ядовитых оттенков: салатные, желтые, оранжевые, красные, фиолетовые, черные, голубые, малиновые и др. года через 2 появятся лосины с рисунками. Наряду с лосинами носили еще велосипедки. Это были практически те же лосины, только короче – до колена. А материал и цвета совпадали. И в тех и в других очень удобно было заниматься на уроках физкультуры и танцев. Они не стесняли движений. Поэтому для многих лосины и футболка были любимыми спортивными костюмами» (013).

О Казахстане в 1994 г.: «...Когда мне было 10 лет и я жила в Казахстане, в моду стали входить лосины... Лосины – это вид одежды под вид колготок, только обрезанные до щиколоток. Они были самых разных цветов и сделаны из лайкры. Самыми модными были “зеркальные” лосины, которые переливались на солнце. Всем очень хотелось иметь их, но они были в дефиците» (019).

О д. Павелево в 1994–1995 гг.: «Лосины мне купили в городе в 10–11 лет, они были зелёного цвета с блестящим отливом. Многие девочки их носили и в школе – на физкультуре или с юбкой. В первом случае – практично, а в другом – красиво, как им казалось. Мне нравилось в них ходить дома, удобно танцевать было» (110).

О 1995 г.: «Лосины появились в начале 1990-х гг. Мне мама купила их не сразу. Тогда мне было 9 лет. Я ходила в них в школу. Их надевали с юбкой, с платьем, футболкой. Лосины были яркого цвета: желтые, голубые, зеленые, фиолетовые, белые, черные и т.д. У меня были фиолетовые лосины. Это такой материал эластичный, в нем содержится много лайкры, они очень красиво блестели и переливались» (022).

О с. Ильино Шатровского р-на в середине и вт. пол. 1990-х гг.: «Лосины – вид колготок, только без “носков”. В то время если у тебя были лосины – то ты была очень модной. Лосины – обтягивающие штанишки – сначала были одноцветные, очень яркие – зелёные, салатные, малиновые и т.д., а затем стали появляться чёрные с не очень ярким рисунком, чаще всего цветочки, на голени. И если зелёные, красные ходить было можно чёрных в то юбкой, и лосины мы надевали только на школьные вечера, причём с туфлями в школу, опять же надевая их с юбкой и модными туфлями» (502).

О Шадринске в 1997 г.: «Лосины появились, когда мне было лет 10, их рекламировали по телевизору. Это облегающие гамаши с лайкрой разного цвета (яркие), их носили с удлиненной кофтой; у меня их не было, но были у моей сестры, ей было в то время лет 13–14» (142).

О девочке 13–14 лет в 1997 г.: «Лосины появились, когда мне было лет 10, их рекламировали по телевизору. Это облегающие гамаши с лайкрой разного цвета (яркие), их носили с удлинённой кофтой; у меня их не было, но были у моей сестры, ей было в то время лет 13–14» (142).

О 1998–1999 гг.: «Лосины были модными в 8–9 лет. Они появились у меня в 4-м классе. Я носила чёрные лосины, потом мне купила мама – голубые. А позже в моде появились цветные лосины» (068).

Ср.: *Дольчики; Колготки; Чулки.*

ЛОТО – «игра, состоящая в том, что играющие должны на особых картах с напечатанными на них рядами номеров закрывать выкликаемые номера, причём выигравшим считается тот, кто раньше закроет один или несколько рядов цифр на своей карте» (СИС, 1954, 410–411).

О том, что игра в лото существовала уже в первой трети XIX века, свидетельствует стихотворение Б.М. Фёдорова «Завтра», написанное в конце 1820-х годов: «А сегодня отдохну. / Завтра свой урок начну, / Завтра не хочу лениться! / Завтра надо потрудиться! / Нынче жмурки или лото...» (РПД, 1989, 122).

О перв. пол. 1880-х гг.: «[Дети] играют в лото... Стол... пестрит цифрами, ореховой скорлупой, бумажками и стеклышками. Перед каждым из играющих лежат по две карты и по кучке стёклышек для покрывки цифр. Посреди стола белеет блюдечко с пятью копейными монетами... Играют дети на деньги. Ставка – копейка. Условие: если кто смошенничает, того немедленно вон. В столовой, кроме играющих, нет никого... Играют с азартом. Самый большой азарт написан на лице у Гриши. Это... девятилетний мальчик... Он... учится в приготовительном классе... Играет он исключительно из-за денег... Выиграв, он с жадностью хватается за деньги и тотчас же прячет их в карман. Сестра его Аня, девочка лет восьми... зорко следит за игроками. Копейки её не интересуют. Счастье в игре для неё вопрос самолюбия. Другая сестра, Соня, девочка шести лет..., играет в лото ради процесса игры... Кто бы ни выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши... У [Алёши] него ни корыстолюбия, ни самолюбия... Сел он не столько для лото, сколько ради недоразумений, которые неизбежны при игре... Так как он знает одни только единицы и те числа, которые оканчиваются нулями, то за него покрывает цифры Аня... Выкрикивают числа все по очереди, кроме Сони и Алёши. Ввиду однообразия чисел, практика выработала много терминов и смехотворных прозвищ. Так, семь у игроков называется кочергой, одиннадцать – палочками, семьдесят семь – Семен Семенычем, девяносто – дедушкой и т. д. Игра идет бойко. “Тридцать два! – кричит Гриша, вытаскивая из отцовской шапки жёлтые цилиндрики. – Семнадцать! Кочерга! Двадцать восемь –

сено косим!”... “Сорок три! Один! – продолжает Гриша, страдая от мысли, что у Ани уже две катерны. – Шесть!” “Партия! У меня партия!” – кричит Соня, кокетливо закатывая глаза и хохоча... Начинается следующая партия... В столовую входит Вася, ученик V класса... “Это возмутительно! – думает он, глядя, как Гриша ощупывает карман, в котором звякают копейки. – Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры?.. Возмутительно!” Но дети играют так вкусно, что у него самого является охота присоединиться к ним и попытаться счастья. “Погодите, и я сяду играть”, – говорит он» (Чехов, [1886] 1977, 3–8).

О конце 1917 – нач. 1918 гг.: «... Нам с Оськой казалась, что на площади играют в наше любимое лото “Скачки в Камеруне”: там на картах тоже торопились слоны, верблюды и страусы... А тут еще у цейхгаузов люди ворочали груды бочек с черными цифрами на днищах. Толстый человек выкрикивал номера, другой смотрел в бумаги и ставил печать, как большую фишку. Иногда подъезжал взмыленный всадник. “Квартира?” – спрашивали его, как спрашивают всегда при игре в лото. “Все заполнил!” – отвечал квартирьер» (Кассиль, 1935, 206–207).

О школьниках в 1932 г.: «Но вот мы... подошли к дому Наташи, где должна быть вечеринка... Ира позвонила, кто-то открыл дверь, мы вошли в переднюю и огляделись... Мы сели, не зная, что делать и о чем говорить... К счастью, все скоро пришли, кто-то сел играть на рояле, а мы начали играть в лото, и я удивлялась, как развязно Алька себя вел среди девочек... Через некоторое время к нам подошла Ю.И.: “Бросьте эту игру, давайте бегать и смеяться”. Она слезила карточки и погнала нас в другую комнату... Когда опять стали играть в лото, он встал рядом со мной, и я слегка касалась его колен. В общем, мы прекрасно провели время, и хотя я не люблю всякие игры, это не помешало мне хорошо повеселиться». (Луговская, 2004).

О мальчике в 1943–1944 гг.: «“А я хожу уже, мам!” – ...говорю я... Ноги плохо слушаются, но я делаю несколько кругов по комнате. “Хорошо, хорошо. Боря, ложись. Что будем делать сегодня? Читать? Или в лото поиграем?” “Давайте в лото” “В лото, в лото!” – кричит Дина и бежит в другую комнату за картами и номерами» (Ляленков, [1962] 1981, 241).

О середине 1940-х гг.: «...Тимур Шумихин... был картежником, орляничником, лотошником, шашечником, бильярдистом. Играл только на деньги... В лото Тимур Шумихин играл еще ловчее. Самые заядлые лотошники брали только по шесть карт. Попробуй успеть проверить, есть ли на твоих картах номер, названный тем, кто кричит, а если есть – успей его закрыть фишкой, денежкой или просто камушком. Трудно следить за шестью картами, особенно когда деревянные бочонки достаются из мешочка горстью, а цифры, выгиснутые на их донцах, провозглашаются чуть ли не в секунду раз. Тимур берет десять, а то и двенадцать карт. Закрывает номера картонными пыжами. Руки его мелькают, как у жонглера. И следить он успевает, и закрывать, и курить. А как он кричит, то есть выкликает, номера – зычно, радостно, торжественно, сыплет прибаутками, насмехаясь над тем, кому номера не идут, и над тем, кто надеется услышать заветную цифру, чтобы забрать котел – все деньги, находящиеся в банке. Чаше других закрывает номера сам Тимур. Его “зрячие” пальцы стремительно шныряют среди гремучих бочонков и выхватывают тот, на котором нужный номер: уж если он улавливает на картах крап, то определить на ощупь резные цифры для него пустяки. К тому же он ловок косить глаз в мешок: молниеносно скользнет туда взглядом, приметит бочонок, требующийся для завершения кона, и тотчас выхватит. Когда в котле изрядная сумма (на кон взнос за карту от рубля до червонца), Тимур выигрывает на низ – выкликнет все пять нижних номеров какой-то из своих карт. Мало в котле денег – он окончит на верх: ему не платить за карты, всем остальным надо раскошелиться. На серединку он берет редко: взять полкотла – не ахти какое удовольствие. Деньги Тимур засовывал под рубаху

и к концу игры пузырился со всех сторон, как надутый». (Воронов, [1972] 1982, 227).

О 1947 году: «Перед младшими Женька не задается, как Васька, – охотно играет с ними во что угодно: в войну так в войну, в милиционеров так в милиционеров, в лото так в лото... А когда играют в лото с картинками и он выигрывает, он рад; а если не выигрывает, то обижается» (Панова, [1955] 1956, 440).

О 1950-х гг.: «Папа купил Шуре шашки, а Симе – лото. Шуре и Симе весело. У них шашки и лото» (Воскресенская, 1961, 46).

О середине 1960-х гг.: «Ведь случается, что ребята, по примеру старших, часами играют в домино..., либо даже играют на деньги в цифровое лото» (Низова, 1967, 100).

Д.С. Лихачев о середине 1980-х гг. в сравнении с 1910-ми гг.: «“Беда в том, что исчезают не только русские игры – исчезают игры вообще... Совсем перестали играть в крокет, лото. Раньше все семейство играло по вечерам в цифровое лото, а сейчас торчит у экрана телевизора» (НЛ, 2006, 42).

ЛОШАДКА – игрушка, изображающая лошадь.

Д.Н. Мамин-Сибиряк о конце 1850-х гг.: «Тут и дешёвенькая лошадка из папье-маше, и дрыгавший ногами раскрашенный пац, и Сергиевская лавра, и целый ряд особенно дорогих картинок, и картонные домики, – всё это вижу, как сейчас» (Цит. по: Автобиографии, 1999, 198).

О мальчике 8–10 лет в середине 1870-х гг.: Пока девочки были заняты рассматриванием кукол, Рыжик уже успел взобраться верхом на деревянную лошадь. “Вези меня!” – приказал он Сереже, размахивая ногами. Санька... громко понукал лошадь, причмокивал, повсвистывал и раскачивался во все стороны» (Свирский, [1901] 1975, 54).

О конце XIX века: «В современной России лошадкой служит детям иногда просто палочка, немного остроганная или слегка испещрённая полосками или какими-либо другими узорами, сделанными в коре палочки. К концу палочки иногда приделывают резную головку лошади или туловище её, и тогда эта лошадка делается для ребенка ещё более похожей на настоящую. Иногда конёк весь вырезается из дерева, красится какой-либо краской, большею частью красной, а глаза, рот и грива разводятся чёрною краскою. Близ больших городов однако встречаются иногда в числе игрушек и картонные лошадки. При лошадках этих иногда делаются для летней езды разнообразные тележки, а для зимы – сани. При лошадках кроме того иногда полагаются: кнутики, колокольчики и бубенчики. Вместо лошадки дети иногда надевают эти колокольчики и бубенчики на себя и со всеми этими незатейливыми игрушками беззаботное “ребя” возится иногда без усталости целыми днями» (Покровский, 1895, 93).

О начале XX века: «Лошадка!.. Маленькая, дешёвенькая, из папье-маше, с грубо намазанным убором шлеи, с острыми, как у кошки ушами не на том месте, где растут уши у лошади, с одними передними, ногами и с длиннейшею палкою вместо хвоста, – как памятна мне эта игрушка, предназначенная, обыкновенно, для детей бедных родителей!..» (Чириков, 1918, 121).

О середине 1930-х гг.: «Я люблю свою лошадку, / Причешу ей шёрстку гладко, / Гребешком приглажу хвостик / И верхом поеду в гости» (Барто, [1936], 1969–1, 17).

О второй половине 1930-х гг.: «Мы знали, когда Смирновы переставляли мебель, когда мыли полы, когда катали по комнате коляску с малышом и когда подросток малыш сам стал ездить на скрипучей лошади из папье-маше. Все было слышно» (Матвеева, 1977, 202).

О второй половине 1940-х гг.: «Поиграл он пять минут / В куклы и в лошадки, / А потом его кладут / В белые кроватки. (Маршак, [1951] 1968–1, 150).

О середине 1950-х гг.: «Толстый малыш... карабкался на деревянную лошадь» (Котовщикова, 1960, 13).

«**ЛОШАДКИ**» – распространённая детская игра

О XIX – начале XX в.: «Игра “в лошадки” была популярна у детей разных возрастов, но по мере взросления участников усложнялась. Опытный игрок

становился “коноводом” или “хозяином”, младшие ребята или те, кто не пользовался среди сверстников уважением, исполняли роли “лошадей”, а самые маленькие – “жеребят”. “Хозяин” запрягал “лошадей” с помощью верёвочки. Он перекидывал её через шею “лошади”, а концы продевал под мышками. Иногда запрягали “тройку лошадей”: отдельно “коренника” и “пристяжных”. Затем их взнуздывали, то есть каждому из “тройки” давали в руки веревочку. “Хозяин” держал поводья-веревочки в своих руках и руководил “запряжённой тройкой”, подергивая концы веревок и помогая себе веревкой-“кнутом” и криками» (Зими́на, 2006–3, 146–147).

О 7–8-летнем мальчике в середине 1820-х гг.: «Иногда мы играли в лошадки, и у меня была целая четверка босоногих коней» (Полонский, [1890–1891] 1986–2, 400)

О 1870-х гг.: «Мне определенно симпатичен был Петя. Он был милым товарищем в играх, приветливым и гостеприимным... И мне определенно антипатичен был Сережа... Он... раздражал нас, потому что, маленький, ввязывался в наши игры. Едва успеем, бывало, поздороваться, сейчас Петя спросит, во что играть в ожидании учительницы танцев. В один голос все втроем скажем: “В лошадки”. Играть в лошадки – значит носиться по всем комнатам: мы с Колей впереди парой на красивых игрушечных вожжах с Петей в кучерах. И тотчас – это повторялось непременно всякий раз – Сережа станет просить прихватить и его. Мы отказываемся, говорим, что мы – пара больших лошадей. Сережа всякий раз заладит: “А я понишкой буду”. Как ненавистно мне было почему-то и повторение, и само слово “понишка”, и то, как он его произносил. “Понишка” не отстает – и приходится его брать в пристяжную. Несёмся по большой зале, через “дубовую”, в гостиную и дальше кругом в детскую – и неизменно, не сговорившись, делаем как-то так, что в одной из неосвещенных комнат лошади усиливают бег и “понишка” летит на пол. Лошади летят дальше, “понишка” встает и бросается догонять, жалобно прося подождать, но догоняет нас только в детской. Мы ужасно довольны, доказав, что “понишка” не может бежать в одной упряжке с большими лошадьми, и спешим бежать опять. “Понишка” в тех же выражениях пристаёт снова взять его – и снова повторяется то же. В третий и четвертый раз то же, всегда на одном и том же месте. Наконец разгоряченная “понишка” бежит в слезах в “дубовую”» (Харузина, [1919] 1999, 173).

А.П. Чехов в книге «Остров Сахалин» (1893) пишет: «Много детей [в Корсаковке], все на улице и играют в солдатики или в лошадки и возятся с сытыми собаками, которым хочется спать».

О деревенских детях в конце XIX века: «Выкупавшись в пересохшей Змеянке, орава хлынула в деревню и затеяла игру в лошадки. Для этого каждый участник обязан был пообрезать в своем доме все оборки у старых и новых лаптей, какие только найдутся в его избе. Когда из связанных оборок получилась веревка очень большой длины, ребята впряглись, и по деревне гуськом поскакала крикливая вереница русских, черных, белых и желтых голов...» (Касаткин, [до 1939] 1991, 23).

О девочке в конце 1900-х гг.: «Нет, конечно, все было в детстве... Были шумные игры, с криком до хрипоты, с прятаньем по чердакам, рассаживанием в кровь коленок... Упоительно играть в разбойники или даже в простые лошадки... Правда, редко игры эти кончатся без слез и обид...» (Пришвина, 2003)

О трёхлетней девочке, эвакуированной из Ленинграда в Миасс Челябинской области, в 1941–1942 гг.: «Хорошо было после завтрака, надев пальто и калошки, позволить няне потуже затянуть шарфик, чтоб потом тайно ослабить узел, чинно выйти во двор играть с хозяйским мальчиком среди дровяных лабиринтов в прятки или в лошадки, запрягши кого-нибудь из нас красной с золотыми бубенчиками упряжку, – она из нашего багажа, из нашего прошлого, она о чем-то напомнит на мгновение» (Сотникова-Ратнер, 2007).

О середине 1980-х гг.: «В детстве, когда я ходила в детский сад, мы играли в лошадки, где мальчишки были лошадами, а девочки – наездницами. Мы

распределялись в пары по желанию, один – лошадка, другой – наездник, который запрягает лошадку и едет по площадке (запрягали лошадок скакалками)» (531).

ЛОШАДЬ – «Крупное домашнее однокопытное животное из семейства лошадиных, ходящее в упряжи или под седлом» (Словарь, 1957–6, 382).

Ездить на лошади верхом (о детях).

О мальчике 5–12 лет в 1907–1914 гг.: «Когда мне было пять или шесть лет, меня посадили на маленькую кариковую лошадку. Звали её – Келячок. На этом смирном коньке меня прокатывали. Позже я стал ездить верхом на разных лошадях и годам к 12-ти сделался любителем верховой езды, не как “спорта”, а как самой жизни, с этой ездой сопряженной...» (Шаховской, 1990, 31–32).

ЛУЖА – «вода, скопившаяся в углублении на поверхности почвы» (Словарь, 1957–6, 389).

Гулять по лужам, бродить по лужам, мерить лужи – занятие, любимое многими детьми.

О середине 1910-х гг.: «...Мне хорошо запомнилось, как осенью, когда уже было холодно и дождливо, на меня надели новые башмаки с приятно шелкнущей застежкой и отправили гулять с няней, сказав, что теперь у меня “ножки не промокнут”. Последнее я понял только в том смысле, что мне можно будет делать то, что обычно запрещалось, – становиться в самые большие лужи. Это я и стал исполнять; выискивая ямки, наполненные водой и топтался в них, стараясь стать поглубже. Ощущения не было никакого, оно было заглушено нахлынувшим обаянием мига, того что я в одежде, хотя бы только ступнями, погружаюсь в воду. Когда я вернулся домой, был крик и была суетня, меня бранили, бранили няни, что-то делали с моими ногами, давали мне что-то пить... “Да как же недоглядели?!”, “Какой ты скверный мальчишка!” – доносятся до меня еще сейчас смятенные возгласы» (Жуковский, 1992, 31).

О первой половине 1970-х гг.: «Пролетают по проспекту машины, и солнце блестит в стеклах. Маленькая девчонка в красных резиновых сапожках переходит лужу. Лужа большая, по краям она дымит, высыхает. Девчонка перебрывает лужу в самом широком месте: ей интересно, зачерпнёт или нет» (Матвеева, 1977, 44).

О второй половине 1980-х гг. в Шадринске: «Мы любили гулять по лужам. По застывшим – осенью и по простым – летом. По застывшим – идешь, лед трескается, и стараешься с него убежать или, если проваливаешься, то вся взбаламученная грязная вода из лужи фонтаном выливается в эту дырку. Ещё: осенью мы брали палку и в сапогах шли по луже. Где глубоко, там шли осторожно. Палка была в руках у идущего первым, но иногда палку, меряющую глубину лужи, брал и второй человек. Мы также ходили зимой мерили на глубину сугробы. Брали длинную палку и, проваливаясь по пояс в сугроб, мерили его глубину» (1001).

О первой половине 1990-х гг.: «Мерить лужи в нашем дворе было главным развлечением осени. С 5–6 лет до 10-летнего возраста мы бродили по лужам, мерили их глубину и “вязкость”. Глубокой считалась лужа, если вода доходила до самого края сапога, а ещё лучше – если заливалась в сапоги. Иногда для измерения лужи использовали палки, и ступали туда, где нельзя провалиться. Развлечением было также не только самому начерпать воды в сапоги, а ещё и найти в луже яму, и обманом заманить туда своих друзей. “Вязкость” же проверяли, в основном, в неглубоких лужицах. Нужно было встать в самую грязь и посмотреть: засосет – не засосет. При этом повторяли: “Грязька, грязька, засоси, больше хлеба не проси”. Были случаи, что “вязкость” была настолько “хорошая”, что сапоги оставались в луже, и вытаскивать их приходилось родителям» (012).

ЛУК – «Ручное оружие для метания стрел, в виде дуги, стянутой тетивой» (Словарь, 1957–6, 391); «Орудие для метания стрел: гибкая дуга, стянутая тетивой» (Лопатин, 1997, 276).

Лук и стрелы самодельные.

О будущем царе Петре I в 1670-е гг.: «Для маленького Петра Алексеевича тоже покупались и делались игрушки: стрельцы деревянные потешные на колёсах,

луки и стрелы, знамёна и барабаны... “В 1674 г. ему наравне с восьмилетним Иваном покупают в городе лучки и стрелы...”» (Греков, 2000, 73).

О лете 1936 г.: «Они стояли и пели у самой крыши, среди тополиной листвы..., абсолютно бесстрашные, готовые лететь... навстречу всем врагам... И в тысячах других дворов тоже пели, гоняли мяч, клеили воздушных змеев и стреляли из луков тысячи мальчишек, которых, видимо, не принимал в расчет и о которых разбил свою стальную мощь... рейхсканцлер Адольф Гитлер... Впереди у них еще четыре лета – солнечных и почти мирных» (Крапивин, [1971], 2001, 69–70).

О 1943–1944 гг.: «Я, Грач и Лёнька охотились проще – с луком и стрелами. Причём луки делали дубовые – тугие, а стрелы из сухой конопля – лёгкие, с жестяными наконечниками из консервных банок. Эти ржавые банки были у нас дефицитом. Их в сорок третьем встречалось так мало. И ладно хоть у нас был Лёнька. Ему отчим нет-нет да приносил такую порожнюю банку со склада. Лёнька прятал сокровище у себя на огороде, и если у нашей тройки появлялись излишки, мы “продавали” банки другим ребятам. Торг вели все трое, а рядился с покупателем Грач. (Морозов, 1971, 22–23).

О девочке в Шадринске в 1980-е гг.: «У каждого из нас был свой самодельный лук. Каждый делал себе его сам. Я помню, столько палок переломаешь, пока согнешь лук и перевяжешь его веревочкой. Потом делаешь стрелы. Палку расщепляешь на конце, чтобы было удобно закреплять ее на веревке. Большим удовольствием было строгать ножом палку клена под лук» (1001).

Лук и стрелы игрушечные.

О девочке 7 лет в конце 1920-х гг.: «...Мальчишек четверо... Играем мы в основном в индейцев. Я в эту индейскую среду принята на равных, поскольку являюсь обладательницей великолепного лука, подаренного папой. Дома этот лук приносит маме немалые огорчения, потому что мы с отцом ежедневно дырявим стены медными наконечниками стрел. Правда..., стены у нас деревянные, без обоев, но все же дырки их не украшают. Зато на дворе мое боевое снаряжение производит настоящий фурор, а меткость моей стрельбы – безусловное уважение... Отец ждал мальчика, и теперь воспитывает меня соответственно – отсюда и лук со стрелами» (Лупанова, 2007, 13–14).

О мальчике 4–5 лет в г. Рагун (Таджикистан) в 1988–1989 гг.: «Езда на велосипеде, стрельба из лука. Стрелы были с липучками и прилипали к разным предметам. Однажды потерял стрелу – горе» (062).

«**ЛУНКИ**», игра(ть) в лунки – игра с мячом; возможно, разные игры, объединённые общим названием. «Все мы, взрослые, конечно, играли в детстве в лапту, “лунки”, “перебежки” и другие» (Коссаковская, 1967, 24).

О XIX веке: «Широко распространенной в России была игра..., которую считают прообразом хоккея: в разных местностях она известна под названием “котёл”, “лунки”, “шар-мазло”, “дук” и пр. В ходе подготовки расчищали площадку, в центре которой делали одно углубление – “котёл”, а рядом с ним, в радиусе 1,5–2 м, несколько ямок поменьше – “лунки”, количество лунок должно было соответствовать числу игроков. Каждый игрок имел палку с загнутым концом, с помощью которой по полю гоняли деревянный шар или мяч. В начале игры участники вставали у лунок, опустив в ямку загнутый конец палки. Водящий, определявшийся по жребию, не имел лунки. Стоя у края поля, он подкидывал шар и, подталкивая его палкой, начинал движение по полю к центру, чтобы, минуя все лунки, отправить шар в котел. Задача игроков – помешать ему забросить шар в котел. Если шар оказывался в котле, то игравшие должны были поменяться лунками. И в это время водящий получал возможность занять чью-нибудь освободившуюся лунку. Игрок, оставшийся без лунки, начинал водить» (Зминова, 2006–2, 119).

Об Омске 1910-х гг.: «Но улица с её истинными ребячьими играми не дремала за окнами, а снова и снова звала к себе, как бы призывая пройти полный курс детских игр. И вот однажды на смену бабкам и пулям,

змейкам и бумерангам пришла и захватила нас целиком и полностью игра в лунки. Я уж забыл, в чем именно она заключалась, видимо, это было нечто вроде крокета, и что-то, как будто бы мячик, загонялось именно в лунку, то есть в ямку, против рытья которых и восстал наш домохозяин Андрее Петере Вальс, по-русски просто Андрей Петрович Вальс» (Мартынов, 1977, 41).

О второкласснике в 1946 г.: «...Гарик... принёс для Севки чёрный резиновый мячик. У Севки был свой мячик, но большой, красно-синий. А этим можно играть летом в лунки, в штандер, в лапту, в стенку-стукалку» (Крапивин, 1986, 96).

О 1954 году: «Играть уговорились в лунки. Алёшка выкопал щепкой восемь ямок, покрутил в них пяткой, чтобы сделать круглыми, и каждый из ребят положил в свою лунку кто гальку, кто стёклышко, кто травинку. Начали считаться... Женька остался последним. Игра началась жаркая. Мячик катили по земле, и едва он западал в чью-нибудь ямку, все кидались враспынную. Хозяин лунки должен был схватить мяч, крикнуть “стой” и метко бросить в одного из играющих... Женька ... часто промахивался, не мог быстро убежать, падал под дружный смех ребят, а сам чуть не плакал с досады.... Когда, наверное в тридцатый раз, ему пришлось гальку..., он бросил мячик и... пошёл прочь» (Никонов, [1958] 1962, 31–33).

О 1950-х гг.: «Лунки. (Игра проводится с детьми старшей группы [детского сада].) По кругу, в снегу вырываются лунки (ямки) по количеству играющих детей... Сбоку от лунок располагаются дети с клюшками. В середине круга находится водящий с небольшим мячом или льдинкой и клюшкой в руках. По условному сигналу водящий гонит клюшкой мяч, стараясь занять им какую-нибудь лунку. Дети защищают свои лунки, отбивая клюшкой мяч. Если водящий попадает мячом в лунку, то он меняется местом с ребёнком, у которого занял лунку...» (Кожевникова, 1961, 70).

Ср.: «**Ямки**».

ЛУНОХОД – самоходный аппарат, предназначенный для изучения особенностей лунной поверхности, хим. состава и свойств грунта. Был доставлен на поверхность Луны в 1970 г. советской межпланетной станцией «Луна-17» и проработал на её поверхности до 1971 года.

Луноход (игрушка).

О середине 1970-х гг.: «Лет с шести в мои дни рождения мама водила меня в главный “Детский мир”, что на Лубянке... Бывало, я видел, что мальчику купили автомат, и тут же хотел такой же. Или луноход. И всегда продавались еще солдатики. Из года в год лишь это и встречало на прилавке: автомат, луноход и солдатики...» (Павлов, 2003)

ЛУПА – см.: *Увеличительное стекло*.

О 1970-х гг.: «Я хотел уже сознаться, что вместо работы мы с Гариком прожигали лупой стол, но отец встал и ушел на кухню» (Ампелонов, 1980, 46)

«**ЛУЧЧИ**» – журнал для девочек старшего возраста, основанный А.О. Ишимовой в 1850 году. Журнал содержал сведения о музыке, литературе, живописи, науке, рукоделии, также о жизни в деревне, святках и т. д. В публикуемых повестях и рассказах речь обычно шла о замужестве как о достойной награде за благонравие девицы. Направление журнала можно определить как религ.-нравственное, тон журнала – как сентиментальный, назидательный. Выпуск журнала прекратился в 1860 году. (РДЛ, 1972, 71–72).

ЛЫЖИ – «Плоские деревянные полозья для хождения и бега по снегу» (Словарь, 1957–6, 419); «Плоские длинные полозья для передвижения на ногах по снегу» (Лопатин, 1997, 276).

Кататься на лыжах.

О Ленинграде 1930-х гг.: «...Ездили же на санях, значит, и на коньках могли, а уж про лыжи и говорить нечего. Лыжи тогда были простейшие – сосновые, березовые доски, коричневатые от протравы, крепления-ремешки с резинками либо же – классом выше – ротефеллы, жёсткие. Палки деревянные, с деревянными

колечками. О клееных лыжах мы не слышали. Надели на валенки и – на улицу» (Гранин, 1990–5, 477).

ЛЫЖНЫЕ штаны – одежда для катания на лыжах.

О девочке-второкласснице в 1946 г.: «Алька... пошла из класса. Севка смотрел ей вслед. Тонкие белобрысые косички Альки вздрагивали над воротником бумажной лыжной курточки. Такие же, как курточка, лыжные штаны были заправлены в залатанные резиновые сапожки. Вокруг пояса моталась короткая юбочка – розовая в черную полоску» (Крапивин, 1986, 30).

О детдомовских детях, отправленных в сентябре на уборку картофеля во второй половине 1940-х гг.: «Чтобы удобнее было работать, мальчики и девочки надели старые лыжные штаны. А девочки по-бабьи повязались платками».

О девочках в перв. пол. 1960-х гг.: «Пышта [второклассник Павел] поднял голову. Его противник, в зеленых лыжных штанах, сидел на краю сцены под лампой... и заплетал косицу. “О-о-ой, девчонка-а...” Она заплела косицу, но волосы выскользнули и встали торчком... “А я умею на руках ходить”, – сообщает он... Она презрительно пожала плечиком, и – рывок!.. Её длинные ноги в лыжных штанах вытянулись вверх, и, крепенькая как струнка, она прошла на руках по сцене, кверху чинёнными башмаками с заплатой» (Цюрупа, 1966, 52).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Когда наступала зима, у нас в огороде наметало огромные сугробы. Огород находился на наклонной поверхности, и поэтому получалась превосходная горка. И вот тогда я одевалась потеплее (свою чёрную шубу с капюшоном, вязаную серую пуховую шапку с белым узором, красный шарф с большими помпонами, который мне связала мама, штаны ватные синие, чёрные валенки и красные варежки на резинке), брала свои жёлтые лыжи (они назывались “Снеговик”, произведено в Новосибирске; мне их купил дедушка и сделал петельки на них из толстой резинки, чтобы ноги в валенках не выскальзывали каждый раз), палки и отправлялась покататься. Сначала я накатывала лыжню, проехав раз 6 по одному и тому же месту. Затем сама себе устраивала соревнования («Олимпийские игры»). Исполняла роли разных спортсменов, комментировала соревнования, примерно так: “Сейчас на старт выходит чемпионка Ольга Федотова (имена и фамилии либо сама придумывала, либо слышала по телевизору), она уже завоевала медаль на прошлых соревнованиях. Посмотрим, как сейчас она пройдет этот сложный этап...” Сама себе давала старт (мысленно). Если я удачно скатывалась с горки, не падала, не съезжала с лыжни, то я называла себя своим именем, а если что-то не получалось, то брала псевдоним. Иногда к моей спартакиаде присоединялся мой сосед Ваня, он учился со мной в одном классе. Он перелезал через невысокий деревянный забор со своими лыжами зеленого цвета (они у него были с креплениями, ни как у меня), и мы вместе катались. Ваня ездил лучше меня, это было не очень приятно. Я всегда боялась, что в огород неожиданно зайдет мама, увидит мальчика и наругает меня. Поэтому Ваня приходил только пару раз» (607).

ЛЫЖНЫЙ костюм – костюм для катания на лыжах.

О девочке 10–11 лет в 1941 году: «Привычным слухом уловив, что поезд стал замедлять ход, она проворно вскочила, расправила куртку рыжего лыжного костюма с шароварами на резинках, натянула вязаную шапочку и, выйдя на площадку, стала высматривать, нет ли признаков приближающейся станции» (Кнорре, 1976, 160).

О девочке 11–13 лет в Ленинграде в 1941–1942 гг.: «Гаяля надела тёплую кофту, сверху лыжный костюм и меховую шубку» (Карасёва, 1960, 27).

О конце 1950-х гг.: «На тротуар выпрыгнула девчонка в лыжном костюме и чёрной котиковой шапке с опущенным козырьком... Молния на куртке расстёгнута, виднеется белый пушистый свитер. Шаровары мокрые, локти тоже. Видно, не один раз кувыркнулась с горы. На вид ей лет восемнадцать» (Козлов, 1973; 7, 8).

ЛЬДИНА, кататься на льдинах – детское развлечение.

О середине 1910-х гг.: «Плотник вдруг сердито нахмурился и показал на копошившиеся внизу фигурки: “Погляди-ка, Павел Григорьевич, мало им, озорникам, горло драть – опять на “ледяных конях” катаются! В прошлый ледоход, помнишь, как Алешка Филинов искупался? Еле вытащили. И сейчас ещё лёдаший. И чего отцы с матерями смотрят?!” Мальчишки постарше и посмелее прыгали на проплывающую мимо льдину. И сразу же с одной перебирались на другую... Вот совсем близко плывет третья... Скачок – и они уже на новом “ледяном коне”. Бойкие ребята, а всё же держатся поближе к берегу. В случае, расколется льдина или перевернётся – можно сразу выскользнуть... На середине реки в белизне плавучих льдов маячил чёрный тулупчик; подпоясанный красным кушаком... Ловко отталкиваясь маленькими ногами, обутыми в сапоги, мальчик словно перелетал с одной льдины на другую. После каждого прыжка вода набегала на края ледяного плота. Но он и не думал об опасности» (Водопьянов, 1959, 4–6).

«ЛЬДИНКИ» – зимняя игра.

«Лед в качестве подсобного материала использовался в игре “льдинки”. На игровом поле очерчивался круг, в центр которого складывались льдины крупных размеров. Водящий занимал место внутри круга, остальные игроки группировались вокруг черты. В задачу водящего входило не только сохранить льдинки, но и успеть в пределах круга ударить рукавицей игрока, стремившегося вытащить льдинки, игроки же должны были захватить из круга все льдинки и не быть запятыми. Если водящему не удавалось выполнить свою задачу, ему приходилось водить ещё раз» (Зимина, 2006–2, 118).

«ЛЮБИМЫЕ книги девочек» – книжная серия, основанная в 1999 году. Выпускается издательствами «АСТ» и «Олимп».

«ЛЮБОВЬ с первого взгляда» – телевизионная игра, выходившая в эфир в 1991–1998 гг. В игре участвовали трое юношей и трое девушек. Нужно было найти свою пару, руководствуясь лишь услышанными репликами. Взаимно выбравшие друг друга молодые люди отправлялись в ресторан, а в случае успешного исхода суперигры они могли выиграть «романтич. путешествие» – путевку на поездку за рубеж. Передача пользовалась популярностью у детей и подростков.

О 1991–1993 гг.: «Телепередачу “Любовь с первого взгляда” я и все мои друзья любил смотреть. Часто бывало, что сами выбирали подходивших, как нам казалось, друг другу людей, говорили, кто нравился, кто нет. Очень сильно болели за красивую, удачно совпавшую пару. Желали, чтобы они выиграли суперприз – романтич. путешествие. В детском кругу сами не раз играли в неё. Мне было тогда 6–8 лет» (009).

О с. Глядянском в 1994 г.: «Была весна 1994 года, когда мне было 10 лет и я впервые посмотрела по каналу РТР такую передачу, как “Любовь с первого взгляда”. Мне она очень понравилась, во-первых, так как там были интересные мужчины, а во-вторых, игра была предназначена не для подростков, а уже для молодых людей старшего возраста. В ней мне больше всего нравилось, когда начинали выбирать пары, особенно переживала по поводу того, совпадут или нет понравившаяся пара, так как со стороны виднее, подходят они или нет. Ещё мне нравился финал в этой передаче, когда оригинальная пара, которая совпала из всех, должны были стрелять по сердцам, чтобы выиграть путешествие. Главное – нужно было попасть не в разбитое сердце, а в сердце, где было путешествие, так как это был самый главный приз этого шоу. В конце передачи участникам, которые выигрывали или проигрывали, всегда дарили торт в виде сердца, так как именно он был символом этого шоу. Ещё мне оно (это шоу) запомнилось тем, что в школе на вечеринках или с друзьями на дни рождения или другие праздники мы постоянно играли в “Любовь с первого взгляда”, ну прямо как взрослые. Да, чего только в нашей жизни не было, даже не перескажешь» (106).

О Шадринске в 1994–1995 гг.: «Мне было лет 8–9 или 7 (не знаю). По РТР шла передача “Любовь с первого взгляда”. Мне она нравилась. Мы даже у себя во дворе устраивали с друзьями игру “Любовь с первого взгляда”.

Правда, главного приза – “романтического путешествия” – у нас не было» (114).

О Шадринске в 1995 г.: «Когда мне было лет 10, я иногда в один из выходных смотрела передачу “Любовь с первого взгляда”. Мне нравилось оформление студии: всё было голубого цвета, было интересно смотреть, как образовывались пары. Я всегда за кого-то из игроков болела» (111).

О 1995 году: «Когда мне было 11–12 лет, по второму каналу шла весёлая интересная передача “Любовь с первого взгляда”, где трое юношей и три девушки выбирали друг друга с помощью различных вопросов. Чем больше совпадений, тем больше шанс попасть в финал. В финале пары стреляли по сердечкам, за которыми были зашифрованы призы, и можно было выиграть путешествие. Мне хотелось тоже побывать на этой передаче. Но, к сожалению, она почему-то закончилась» (117).

О девочке 10–11 лет в Шадринске в 1996–1997 гг.: «У нас во дворе была одна из любимых игр “Любовь с первого взгляда”, мы играли в неё с мальчиками и в итоге почти всегда совпадало 2 пары, иногда – 3, смотря кто играл. В финале игры пара должна была поцеловаться, но так как все стеснялись друг друга, мы придумали так, что девочка брала кленовый листочек и целовала его, а затем его должен был поцеловать мальчик, с которым они совпали в пару. Таким образом считалось, что мы поцеловались, раз каждый поцеловал листочек в одно место. Мальчики всегда делали вид, что им жутко неприятно, но при этом всегда с удовольствием и без споров, соглашались играть в “Любовь с первого взгляда”, потому что мы им нравились, а они нам. После поцелуя мы ещё недолго играли в мужа и жену; но “мужьям” это обычно не нравилось – быть мужем» (132).

О 1996–1998 гг. в г. Шумихе: «Когда мне было 12–15 лет, я очень любила смотреть программу “Любовь с первого взгляда”. Мне нравилось на протяжении игры следить за развитием взаимоотношений между участниками и предугадывать их дальнейший выбор. Но больше всего мне нравился момент, когда в конце игры пара-победительница разыгрывала призы» (100).

О 1998 году: «Передача “Любовь с первого взгляда” всегда шла поздно вечером в воскресенье. Мама тоже иногда её смотрела. Смотрела её с 1998 года, но так как она поздно, то родители отправляли меня спать, так как утром рано в школу вставать (будет тяжело, неохота вставать). Особенно мне нравились конкурсы (задания), нравилось оценивать пары, подходят они или нет, и сами ведущие (они были муж с женой). Как они весело и задорно вели передачу, подавая пример уважения друг другу» (110).

О 1998–1999 гг. в Шадринске: «Когда мне было 12–13 лет, я иногда смотрела передачу “Любовь с первого взгляда”. Я мечтала, что сама попаду туда, выиграю и поеду путешествовать» (112).

О 14-летней девочке в с. Красная Нива Шадринского р-на в 1999 г.: «Молодые люди и девушки (одинокие) приходили на передачу в поисках своей второй половинки. Нравился финал, когда пара-победительница могла выиграть романтическое путешествие, выстрелив в “сердечко”» (102).

О с. Верх-Теча Катайского р-на в 1999–2000 гг.: «Передача нравилась тем, что там могли быть запутанные выборы между парами. Также показывали их после первого свидания» (097).

ЛЮЛЬКА – подвесная колыбель.

О 1905–1907 гг.: «В люльке сидел годовалый ребенок и сосал горелую корку черного хлеба» (Емельянова, 1955, 224).

О 1916 году: «Корыто, в которое Нина уложила малыша, укреплено на гнутых полозьях. Если толкнуть его посылнее, – оно некоторое время будет качаться, наклоняясь то вправо, то влево. Сейчас Сережка лежал в нем. Спокойно, стараясь тоненькой ручкой дотянуться до привязанной над ним цветной коробочки. Изредка подталкивая люльку, Нина стала подметать комнату...» (Бондаренко, 1959, 56–57).

«**ЛЮСИ**» – популярная в первой половине 1990-х гг. песня Олега Газманова.

О 1993–1995 гг.: «Впервые, песню “Люси” я услышала в 8–9 лет, когда её исполнили по телевизору Олег Газманов и его маленький сын – Родион. Мы всем двором пели: “Пропала собака, живущая в нашем дворе, / Она откликнулась на кличку “Люси” детворе...” и знаменитый припев: “Люси! О-о-о-о, Люси!” звучал, наверное, в каждой квартире. И все ребята в нашем дворе просили пластинку с песней “Люси”. Где-то через 1–1,5 года песня стала забываться» (012).

«**ЛЯГУШАТНИК**» – неглубокий бассейн с тёплой водой для детей 5–10 лет.

О начале 1960-х гг.: «Зоя Ивановна сказала, что учиться плавать они будут не в большом бассейне, а сначала в маленьком. “В том! – Она показала на огромную ванну, стоявшую на полу недалеко от бассейна. Ванна была величиной с комнату. – В “лягушатнике” мы начнем заниматься, вот где!” “В “лягушатнике”? – переспросила Маринка и очень обрадовалась, хотя пока еще не совсем ясно понимала, что такое “лягушатник”. Но название весёлое, как будто это игрушка “лягушатник”. И вот вся шестерка, толкаясь, зашпешила к тому крохотному бассейну, который Зоя Ивановна назвала по-смешному – “лягушатником”. Держась за перильца крутой и узкой лестницы, каждый из них сперва лез вверх, а потом, перешагнув через борт, очень осторожно ступая босыми ногами по мокрым ступенькам, спускался в воду... А вода-то в “лягушатнике”, оказывается, была такая теплая, такая приятная, почти как дома в ванне. И несколько не глубокая. Самым маленьким – по грудь» (Могилевская, [1963] 2004, 66–67).

О 1960-х гг.: «“Входи сюда, – обратилась Мария Михайловна к Юрасику, открывая перед ним дверь в раздевалку. – На бирке номер твоего шкафчика, в который сложишь одежду... Только не забудь вымыться под душем. Я буду ждать тебя в “лягушатнике”...” В “лягушатнике” Юрасика поджидали Мария Михайловна, Алёнка и Синяя птица... Юрасик восхищённым взглядом обвёл “лягушатник”... В небольшой “ванне” резвилась стайка маленьких пловцов. Одни старались плыть, держась за досточку, другие – самостоятельно... Окончив тренировку, [Маринка] забегала в “лягушатник”, следила справляется ли Юрасик с броском» (Чайковский, 1970, 66–67, 75).

О 1960-х гг.: «Только после этого начнутся разные дела большого лагерного дня. Октябрят выстроят в пары и поведут всех на “лягушатник” купаться и загорать» (Матвеев, 1970, 70).

ЛЯГУШКА – «Бесхвостое земноводное с длинными задними ногами, приспособленными для прыгания и плавания» (Словарь, 1957–6, 456).

Ловить лягушек – детское развлечение.

О мальчике 5–7 лет в Саратове во вт. пол. 1880-х гг.: «По другую сторону плотины шёл пруд до Астраханской улицы. Ребята называли этот пруд лягушачьим по множеству обитавших в нём лягушек. Любимой забавой моей и моих товарищей было следующее: из булавки мы сгибали крючок, делали удочку, насаживали на крючок траву-просвирник, во множестве растущую по краям пруда; лягушка хватала приманку и повисала на удочке. Это доставляло нам большое удовольствие. Когда я рассказывал об этой охоте своим сёстрам, они брезгливо называли меня и моих товарищей живодёрами» (Золотарев, 1995, 53).

Лягушку надуть.

О 1942–1944 гг.: «Вовка потерялся в траве – не видать. Но вот он вылетает из болотной ямы – довольнѐхонек. “А я лягуху надул, во!” “Отпусти! – сморщилась Фишка. – Фу, какой ты!” Под напором девчонок Вовка краснеет... “...Отпусти! – приказывает [Лидка] сердито. – А то мы с тобой играть не будем... Правда, Фиша?” Вовка неохотно подчиняется. Отпускает лягушку» (Прокопьева, [1975] 1982, 225).

ЛЯГУШКА игрушечная – игрушка, изображающая лягушку.

Лягушка заводная.

О 1930–1931 гг.: «И вот вместо школы однажды шмыгнула в село, в отдел игрушек, да так и простояла там все четыре часа.... [Родители] проверяли завод у игрушек. Ключик снизу вставишь – и пошла лаять собачка или через весь магазин запрыгает лягушка» (Мордюкова, 1998, 15).

О 1949 году: «...На ёлке у малышей... шутил и смеялся Алексей Степаныч больше всех и подарил своим маленьким ученикам заводные игрушки: Сашеньке – автомобиль, а Оле – прыгающую лягушку» (Эмден, 1952, 154–155).

О 1950-х гг.: «Пришла ко мне подружка, / И мы играли с ней. / И вот одна игрушка / Вдруг приглянулась ей: / Лягушка заводная, / Весёлая, смешная» (Благинина, 1961, 15).

О 1960-х гг.: «... Ребёнок с удовольствием играет с заводными забавными игрушками – ключошей курочкой, скачущей лягушкой» (Коссаковская, 1967, 88).

О 1980-х гг.: «Дядя Коля принёс нам игрушку – / Заводную игрушку... / “Вот, – сказал он, – поскачет, как в поле”. / Сунул ключик в животик. / Затрясаясь, задрожала лягушка. / Он пустил её на пол. / С жутким грохотом, как погремушка, / Поскакала на лапах» (Кушнер, 1988, 16).

Лягушка самодельная.

О Санкт-Петербурге в середине 1910-х гг. «Колька был большой. Он уже курил. Даже сам папиросы покупал и, конечно, с такой мелкотой, как Женька или Роман, не водился. Но разные штучки для малышей придумывал охотно. Научил ребят стрелять спичками из ключа. Показал, как делать лягушку, чтоб хлопала, прыгала и шипела...» (Бельх, [1930] 1965, 10).

«ЛЯГУШКА» – игра с мячом, аналог игры в “козла” (см.: «Козёл»(1)).

О г. Катайске в середине 1980-х гг.: «Я помню игру “Лягушки” с мячиком возле стенки. Кидаешь мячик в стенку, он отлетает, а ты через него перепрыгиваешь» (588).

О Шадринске в середине 1980-х гг.: «У нас была игра в мяч – “лягушка”. Бросаешь мяч о ворота и подпрыгиваешь так, чтобы мяч не задел ноги, юбку. Мяч ловит следующий в шеренге. Кто окарался (задел юбкой мяч) встает к воротам и бросает мяч выше твоей головы так, чтобы его поймал следующий игрок. Если не поймает, то тот, кто бросал мяч, отходит от ворот и встает в шеренгу» (1001).

«ЛЯГУШКА» – упражнение на кольцах, которое учащиеся должны были исполнять на уроках физкультуры в конце 1930-х гг.: «Я не любила уроков физкультуры – у меня не получалась “лягушка” на кольцах. Ребята смеялись, когда я неловко перекувыркивалась через голову, вместо того чтобы красиво прогнуться, а потом выгнуться в другую сторону. Я рывком перекувыркивалась и летела на жесткий матрас, подстеленный под кольцами. Все умели делать “лягушку”, а я не умела. Смех казался мне таким оскорбительным, что я перестала ходить на уроки физкультуры. Я уходила перед уроком в школьный двор и там разгуливала среди сугробов» (Матвеева, 1977, 204).

«ЛЯ-ЛЯ, ТОПОЛЯ» – выражение, заменяющее подробный пересказ какого-то неважного для рассказчика содержания.

О с. Ожогово Шатровского р-на в 1990-е гг.: «“Ля-ля, тополя” – выражение для связи слов, предложений у молодежи. Впервые услышала примерно в конце 1990-х. Пример: “Он пришёл вчера, ля-ля, тополя там, пригласил её на свидание...” “Ля-ля, тополя” часто заменяет монолог или диалог чей-то в пересказе» (154).

«ЛЯЛИ, ЛЯЛИ, ЛЯЛИ...» – см.: «Два пуссика гуляли...»

ЛЯПКИ, ляпанки – то же, что *салки, ляпы*.

О вт. пол. 1930-х гг.: «Ну а летом обычные игры во дворе – прыжки через веревочку, ляпанки (салочки) или прятанки (прятки)» (Санников, 2001).

О с. Песчано-Коледино Далматовского р-на в середине 1990-х гг.: «Также любимой игрой была “в ляпки”. Когда один догоняет другого и заляпывает и этот человек догоняет другого» (089).

О Шадринске в середине 1980-х гг.: «У нас каждую зиму... из большой кучи снега родители Наташи строили нам ходики – несколько входов и выходов, как пещера, внутри на корточках, сверху потолок снежный. Самое любимое – играть в ходиках в ляпки – ползаешь по этим входам выходам, а нас там много и ползают все и копошимся, и падаем, и торопимся убежать от ляпы (ведущего). Счастье» (1991).

Ляпки на деревьях.

О мальчике старше пяти лет в деревне Чусовое в конце 1980-х гг.: «Игры: ляпки по деревьям. Правила: запрещалось бегать по земле, разрешалось перебежать до дерева. Ляпать только на дереве, перепрыгивать с дерева на дерево» (062).

См. также: *Ляпы*.

ЛЯПЫ – тоже, что *салки, ляпки*.

О Шадринске в середине 1980-х гг.: «Надо было догнать, заляпать (коснуться рукой), и тогда уже догонял другой. Я помню, мы играли в ляпы вокруг поленицы и маленькой поросли клёнов, и [я] бегала от ведущего и кричала: “Полундра, спасайся, кто может”. Мне было весело, а Юля (догоняющая) обиделась, и я прекратила её так называть» (1001).

О г. Петухово во вт. пол. 1980-х гг.: «Летом, когда уже можно было купаться, мы на озере играли в “ляпы”. По считалке выбирался ведущий, он был ляпой, все остальные должны были уплыть от него, прятаться под водой, и кого он задевал, тот становился ляпой» (510).

«Лилипутские ляпы».

О Шадринске в начале 1990-х гг.: «Разновидностью “Ляп” являются “Лилипутские ляпы”. Они играют почти так же, как и простые “Ляпы”. В них так же присутствует “галящий”, “заляпанный”, в них может участвовать любое количество человек, в них можно играть везде. Но главной отличительной особенностью “лилипутских ляп” является то, что участники игры должны передвигаться мелкими шагами, что в какой-то степени, я считаю, усложняет игру в ляпы» (594).

«МАГАЗИН» – 1. Одна из самых распространенных детских импровизационно-ролевых игр.

О вт. пол. 1930-х гг.: «Самой тихой и чисто девчоночьей игрой в нашем дворе была игра в магазин. В ней мы в полной мере отдавали должное всем растущим вокруг травам. Они и составляли то, чем торговали в “магазине”. Кислица была капустой; листок одуванчика всегда сеledкой; клевер – “кашка”, естественно, крупой: нужно только растереть цветок; белые сладкие зевчики глухой крапивы – конфетами. Об остальном уславливались. Листья подорожника служили тарелками и подносами, на которых раскладывался товар. Росла в наших дворах, и изобильно, еще такая низкая ромашка без лепестков – одни желтые шарики на пушистых веточках-стебельках, она тоже всегда шла в ход... Весами были щепочки, гири – камушки. Стеклышки – деньги. Как-то утром, когда мы только начали играть и ещё не успели разложить весь свой “товар”, девочки вдруг всё побросали и... побежали к шаповаловскому дому» (Кравченко, 2007).

О середине 1940-х гг.: «Как-то на берегу домашние, или, как мы их называли, родительские, девочки играли в продавцов и покупателей, “отоваривали карточки”. “Покупатели”, повязанные головными платками, становились в очередь и чернильным карандашом выводили на ладонях номера. Одна девочка протягивала другой бумажку, а та ей отпускала колбасу из глины...» (Шмеринг, 1959, 166).

О начале 1960-х гг.: «Дети, приходя из садика домой, спрашивают: “Мама, чем нам заняться?” Но чаще они сами находят себе занятие. Например, Вова предлагает сестре: “Давай играть в “магазин”. Пока “строят магазин”, дети очень оживлены. Но вот дело дошло до покупки и продажи, и игра быстро надоедает. Тут же я включаюсь – схожу раз пять-шесть за “покупками”. Продавцов” и “покупателей” меняю. Потом предлагаю “магазин закрыть”, то есть убрать все игрушки на место, и заняться, например, рисованием» (Вершинина, 1963, 4).

О девочке в дет. саду в г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «Играли мы и на хозяйственном дворе. Это не особенно

приветствовалось воспитателями. Но иногда они отпускали нас набрать “мяса” для игры в магазин, и мы застревали там надолго. “Мясо” – это волокна размякшей сердцевинки бревен, которые привезли для печки. (В саду было печное отопление)» (Мосалова, 2007, 7).

О вт. пол. 1960-х гг.: «Играют маленькие подружки в “магазин”. У одной листики-деньги, и у другой такие же деньги. Но только одна из них может сказать: “Я с тобой больше играть не хочу”, а другая таких слов никогда не скажет. И только одна из них решает, кого еще она хочет принять в игру и кому достанется высокая роль продавщицы, а кто будет покупателем... Девочки в облюбованных ими углах двора играют в “магазин”, разложив на скамейке пучки травы, изображающие зелёный лук, и щепочки, обозначающие докторскую колбасу, или, сложив кирпичи квадратиком и постелив сверху белую бумагу, устраивают поликлинику» (Матвеев, 1970; 8, 9).

О г. Новоанганске Нижнеартовского р-на Тюменской обл. в 1984–1986 гг.: «Помню, пока ходила в детский сад (в старшую группу и подготовительную), любимыми играми были “магазин” и “больница”, еще любила собирать разные конструкторы и мозаики» (503).

О середине 1980-х гг.: «Самой интересной из всех китайских игр была игра “в магазин”. Тут нашей фантазии не было границ. Из песка мы лепили различные торты, пирожные. Рвали цветы в палисадниках и ими украшали свои поделки. Один из ребят был продавцом. У нас в ограде были песочницы, так вот продавец сидел внутри этой песочницы, а деревянная загородка была прилавком. Мы находили большую досочку, клали её на кирпич. Это были у нас весы, а камни служили гириями. Листья с деревьев являлись деньгами. И вот, когда всё “испечено”, один из нас садился за прилавок, а все остальные выстраивались в длинную очередь. Когда торты и пирожные заканчивались, мы опять все вместе их лепили, а потом играли. Кроме продуктового, мы играли в ювелирный магазин. Каждая девочка выносила все свои драгоценности. Мы раскладывали их на лавочке или столе (в ограде стоял стол, где мужики играли в домино). Покупали сережки, колечки, браслеты и т. д. у кого уши были проткнуты те носили сережки, у кого не проткнуты, обходились листочками или вообще не покупали» (576).

О с. Вознесенском Далматовского р-на в середине 1980-х гг.: «В эти игры... мы играли, когда на улице было тепло, солнечно. Но очень часто бывали долгие дождливые дни и вечера, которым, казалось, не будет конца и края. В такие дни мы обычно собирались у меня. В нашем доме очень просторная светлая веранда. Вот там-то мы и играли, когда на улице шел дождь. Играли мы обычно четвером: я, Оля, Таня и Ирина. У каждого из нас было свое “дело”. Например, у нас с Таней был “магазин”, в котором мы продавали все, что найдется подходящего в доме. Продавали посуду, бижутерию, свои бантики, мамины духи, часы и т.д. На каждом товаре был ценник со стоимостью товара. Деньги мы делали сами; выстригали из белой бумаги прямоугольники и на них указывали стоимость купюры (10 рублей, 1 рубль, 5 копеек и т. д.) В нашем магазине обязательно был перерыв, во время которого мы ходили в столовую, которой заведовала Ира. Заранее из дома мы приносили что-то вкусненькое, кто что мог. Вот этим-то нас и потчевали в столовой. Мы все чувствовали себя взрослыми, самостоятельными людьми, хотя иногда все же продолжали играть в кукол» (456).

«МАГАЗИН» – 2. Разновидность игры в «классы».

О 1987–1989 гг.: «Играли в классики. У всех была своя отдельная бита – камешек удобный для кидания. Как правило, до четвертого класса доходили спокойно, без лишних усердий. Во время игры все тщательно смотрели, чтобы бита не попала на черту, иначе надо было ждать опять своей очереди. Разновидностью классиков была игра в магазин. Расчерчивали большой прямоугольник, в котором было много горизонтальных широких полосок. В этих маленьких прямоугольниках подписывалось значение: “деньги”, “дом”, “машина”, “одежда”, “тюрьма” и т.д. Для того чтобы начать игру,

надо было попасть на графу “деньги”. Играли такой же битой. Если попадали на графу тюрьма, то всё, что ты имел, пропало, надо начинать всё сначала» (537).

«МАГАЗИН» – 3. Разновидность игры в скакалки.

О 1984–1987 гг.: «В детстве мы с девчонками играли в разные игры... Чаще всего мы играли в скакалки, много подвидов этой игры. Одна такая игра называется “Магазин”. Двое участниц этой игры крутят скакалку – они считаются продавцами, а другие участницы, которые будут прыгать – покупателями. Одна участница запрыгивает на середину и поворачивается лицом к одному из продавцов и, прыгая, спрашивает: “Магазин открыт?” Продавец отвечает: “Открыт” и называет, какой у неё товар и сколько стоит. Например: 5 рублей. Покупатель покупает этот товар, то есть прыгает пять раз, и говорит: “Спасибо. До свидания” и поворачивается к другому продавцу, покупает у него какой-нибудь товар и выпрыгивает с середины. За ней запрыгивает другая участница, и игра так продолжается. Если одна хоть ошибётся, она становится продавцом и кружит скакалку. Стоимость товара не может превышать десяти рублей» (589).

МАГАЗИН игрушек – магазин, где продаются игрушки и товары для детей.

О 1947 году: «...Они подошли к магазину игрушек. В магазинном окне кукла с толстыми щеками улыбалась, расставив ноги в настоящих кожаных башмаках. Синие медведи сидели на красном барабане. Пионерский горн горел золотом. У Сережи дух захватило от предвкушения счастья... За стойкой находился старичок-продавец» (Панова, [1955] 1956, 429–430).

МАГНИТ – «объект, который создаёт магнитное поле...; притягивает материалы типа железа, кобальта, никеля и их сплавов. У магнита всегда два полюса, называемые северным и южным» (КЭС, 2002, 534).

О второй половине 1940-х гг.: «У школьников был свой мир вещей. Многие из них имели компасы и магниты. Тогда в магазине можно было купить магнит, формой похожий на подкову. Одна половина его была окрашена в красный, а другая – в голубой или синий цвет» (Андреевский, 2003, 382).

О девочке в Шадринске в 1980-е гг.: «Магнит был особой вещью. Очень ценился, когда он был у кого-нибудь. Он придавал важности своему хозяину, а смотреть на сам магнит было волшебством. Он завораживал» (1001).

МАГНИТОФОН – устройство для записи на магнитную ленту и воспроизведения звука.

О девочке-подростке в конце 1970-х гг.: «Песня у них в этот день не состоялась. Всё перекрыл магнитофон. Но засмеялись они обе громче магнитофона. Потом Нюся сделала звук потише и сказала: “Но это тебе, а не мне, кажется, что магнитофон на двух нотах работает. А я слушаю музыку моего поколения с удовольствием и мне интересно. Хочешь, тебе покажу?” И поскольку нельзя от важного разговора отказываться, мать согласилась еще послушать. Под рукой у Нюси заскрежетало десятка два кассет, выставленных на столе вереницей. Потом блеснула пластмассой, словно рыбьей чешуей одна, видимо, особо подходящая к данному случаю кассета. Для матери началось прокручивание кассеты. Для дочери – музыка её поколения с комментарием: “Играет очень интересная группа. Ты слышишь: музыка схватывает тебя железными клещами и тащит, тащит и в космос закидывает... Чувствуешь?..” “Нет, этого я не чувствую”. “Тогда другое послушай. Просто диск: жизнь как музыкальная карусель – одно и то же снова и снова...”. “Откуда у тебя столько кассет? Ведь они дорогие. У тебя всего одна была. Воруешь ты их, что ли?” – спросила мать. “Нет, что ты. Меняюсь. В нашем классе магнитофонов больше всего, у нас самый дружный класс из-за этого. Видела бы ты, как меня овацией встретили, когда я с магнитофоном пришла. Из отсталых сразу в передовые вышла. Мы по-братски обмениваемся кассетами”. “По-братски? А сёстры там есть?” “И сестёр полно. Магнитофонные братья и сёстры, представь себе?..» (Голявкин, 1984, 101).

О начале 1980-х гг.: «Вечером подростки собрались... в одном из дальних углов двора... Наконец с небрежно зажатой в зубах сигаретой появляется виновник семейного торжества. “Ну, Васек, что тебе отвалили на шестнадцатилетие?” – поинтересовались друзья. “Батя магнитофон вручил, триста пятьдесят рэ стоит”, – небрежно ответил именинник... Мальчишки довольно спокойно восприняли ответ товарища. Привыкли, видать, шестнадцатилетние к таким “подарочкам”! А ведь заработки Вазиных родителей довольно скромные. Подарок для сына ценой в 350 рублей достался им, конечно же, не просто» (Губин, 1984, 109).

О 1980-х гг.: «Историю у нас вел молодой мужчина, первый год работавший в школе. На его уроках мы что хотели, то и делали. Пацаны приносили на урок магнитофон, и тихо включали на задней парте. Когда он спрашивал у кого играет, то ему отвечали: “На улице радио играет”. Мы его не считали за учителя, так как он был старше нас на 5–6 лет» (494).

МАЗАТЬ зубной пастой – см.: *Зубной пастой мазать*.

«МАЗИЛА» – игра на угадывание ударившего. То же, что «жук (2)».

О 1960-х – 1970-х гг.: «Я поднялся на второй этаж и очутился перед веселой толпой мальчишек, которые играли в “мазилу”. Посредине стоял очкарик с розовыми от волнения ушами. Правой рукой он подпирал щеку, будто спать собрался, а левую выставил из-под мышки. Вот по этой руке один из ребят и бил изо всей силы, а когда очкарик оборачивался, мальчишки глядели на него с самым невинным видом – мол, угадай, кто из нас тебя “погладил”. Очкарик морщился и наобум показывал. Конечно, он не угадывал, мальчишки смеялись, и очкарик снова подпирал правой рукой щеку, а левую выставлял из-под мышки. Нет, к ним я не пойду. К ним попадешься, потом живым не уйдешь» (Машков, 1982).

МАЗУРКА – «Польский национальный танец, получивший распространение в качестве бального» (Словарь, 1957–6, 496); «Польский народный парный танец, стремительный и одновременно лиричный по характеру, образно передающий элементы кавалерийской езды; в XIX в. распространился во многих странах Европы как сценический или бальный танец...; темп от умеренно быстрого до быстрого» (СИ, 1994, 354).

О 1946–1948 гг.: «...Совсем не похоже на наши школьные вечера, где мы в последние годы пыжились, пытаясь создать обстановку дореволюционных балов. В неподходящей обуви и платьях мы торжественно выделяли фигуры мазурки, тарантеллы, падеграсы и других “старорежимных” танцев» (Туманова, 1995).

О старшекласниках в 1950–1952 гг.: «Нам не разрешали танцевать фокстротов. Нас заставляли танцевать занудистские падеграсы и падепатинеры, нам разрешали выбрыкивать мазурку» (Бодров, 1966, 29).

МАЙКА – 1. «Летняя спортивная трикотажная рубашка без рукавов» (Словарь, 1957–6, 500).

О дет. сад: «Быстро сбросил у реки / Тапочки и майки, / Лепит булки, пирожки, / Куличи и сайки...» (Маршак, [1951] 1968–1, 150).

«Физкультура и спорт. Таня делает упражнение на бревне. Расскажите, чем занимаются ребята. Какая у них одежда? Майка. Трусы. Кеды... Чем вы занимаетесь на уроках физкультуры?» (Баранников, 1965, 121).

Майка у девочек.

О вт. пол. 1930-х гг.: «...Я часто видел из своего окна, как она в майке ходит по балкону, поливает из чайника цветы в ящиках и загорает с книгой в руке. Все звали её детским именем Аленка, хотя она была почти взрослая... и училась в девятом классе... Носила Аленка прорезиненные спортсменки на шнурках и голубую майку с белым воротничком» (Мошковский, [1963] 1987–1, 325–326).

О 1950-х гг.: «А Настя не боится / Ни града, ни росы, / И на весёлой Насте / Лишь майка да трусы, / Да голубая лента / Связала две косы, / Отчасти для удобства, / Отчасти для красоты! / Мы с Настенькой не тужим – / Нам нравятся тайком / Под дождиком / По лужам / Пошлёпать босиком!» (Лифшиц, 1960, 10).

О 1960-х гг.: «Лариса вымокла вся, ватник сбросила, в одних трусиках и маечке кружится, и роза у неё в косичке прыгает» (Дубровина, Янишевская, 1970, 108).

О шестикласснице 1970-хх гг.: «Ленка возвращается в чулан, натягивает поверх трусишек и майки короткое... платьишко... Ленка выкрутила своё платье, бросила сушиться на куст черёмухи и пристроилась рядом, бок о бок с Жанкой. Майка и трусишки пусть на ней сохнут... – не так жарко будет...» (Голубков, [1978] 1984; 68, 76).

О середине 1980-х гг.: «Вдруг в парикмахерскую вбегает девочка... Короткие, до колен, бархатные брючки. Майка с попугайчиками... Такие брюки называются “бермуды”, такая майка называется “олимпийка”...» (Матвеева, 1987, 11–12).

О середине 1980-х гг.: «У меня майка была обязательной частью одежды. Зимой под рубашку, чтобы теплее было. Даже летом тоненькие майки носила. А когда мы ходили в баню к родным и там не было наших мочалок, я мылась майкой, как велела мама» (1001).

Рекомендации девочкам-подросткам на лето 1996 года: «Майки. Трёх штук для одного лета будет вполне достаточно. Майки могут быть разной степени облегаия и разной длины выше и ниже пупка. Они даже могут быть довольно дорогими, ведь всего же три штучки. Но им имеет смысл оказаться однотонными, и, по меньшей мере, одна из них обязана быть белой» (Шумская, 1996, 5).

Майка у мальчиков.

О второй половине 1930-х гг.: «Играем, бывало, во дворе в ножички или в городки, и вдруг ветер донесет издали военную музыку. Легкий порыв срывает нас с места, и мы, босоногие, загорелые, в латаных трусах и майках... мчимся вперегонки на улицу». (Мошковский, [1963] 1987–1, 285).

МАЙН Рид – см.: *Рид*.

МАЙСКИЙ жук – «Небольшой жук из семейства пластинчатосых, являющийся вредителем леса» (Словарь, 1957–6, 504).

Об июне 1941 г.: «Вечерами в парк прилетали майские жуки. Их стало гораздо меньше, чем две недели назад. Они кружились вокруг деревьев иногда стучались в окна. Мальчишки и девочки ловили жуков и упрятывали в спичечные коробки. Если поднести коробок к уху, то услышишь монотонное тархтение» (Козлов, 1977).

О 1950–1952 гг.: «Игры начала пятидесятых... Никогда не изгладится во мне восторг тех незатейливых, незамысловатых игр, даривших настоящее вольготно-безмятежное детство... Пришла мода на ходули... Мы часами вышагивали, пугая окрестных собак, и даже устраивали сражения на верхних этажах. Ходули оказались незаменимыми при ловле майских жуков. Едва вечерело, на улицу высыпало все детское население с сачками. Неумная страсть распространилась и на взрослых. Мы как оглашенные носились между березами, стучали по стволам, азартно прыгали, визжали от восторга и ловко захватывали сачками недовольно гудящих потревоженных жуков. Жуки с бременного полета переходили на высотный, прятались в кронах, и тут в дело шли ходули. Добыча помещалась в пустые спичечные коробки, становясь эквивалентом товара, могущего быть с пользой обменным. Жуки менялись на подшипники для самокатов, мячики, цветные стеклышки самодельных трубочек-калейдоскопов, магниты, свинцовые битки, резину с кожей для рогаток. Жукам не хотелось лишаться свободы, они противно скрежетали в своих клетках, гневно требуя возвращения на деревья. Чаще всего мы шли им навстречу. Вволю наигравшись и потеряв интерес к накопленным богатствам, мы приоткрывали коробки, жуки выползали на свет божий, недоверчиво косились по сторонам и после намекающих подталкиваний тяжело, словно отвыкнув, взлетали и устремлялись на желанные березы» (Гай, 1987, 77–80).

«МАК» – род (вариант) игры в «классы».

О середине 1930-х гг.: «Она всё помнила, но та жизнь теперь не волновала её. Слово то была не её жизнь, не её весна с расчерченными “классами” – “мак?.. мак?.. дурак...”» (Глушко, 1990, 63).

О Красноярске в 1941–1945 гг.: «Девочки играли в классы с правилами, мне не известными: “Мак?” Закинув голову и зажмурив глаза, Милка шагала длинными ногами из клетки в клетку нарисованного на песке класса. “Мак...” Милка остановилась на одной ноге... Милка... шагнула: “Мак?” “Дурак!” Замерев на месте, Милка открыла глаза и поглядела под ноги. Широкий рант сандалия залез на черту. “Эх, сколько раз говорила – не надо с левой ноги!” – с досадой воскликнула Милка» (Корытковская, 1963, 74). О Москве середины 1940-х гг.: «Мелком чертились на асфальте “классики” разных конфигураций и сложности, звучали “мак? – мак!” – “мак? – дурак!”» (Сафонов, 2001).

О начале 1960-х гг.: «В сумерки Светлана... пришла к Аниске на крыльцо. Они... играли в “мак”. Аниска прыгала неуклюже – то наступала на черту, то попадала в “огонь”. Светлана не прошла ей ни одного промаха. Но Аниска не обижалась... Первая подошла к ним Танюшка. В следующий кон она уже прыгала вместе с ними. Верка бежала мимо. Но увидела “мак”, и ноги сами собой привели её к Анискиному двору. Потом подошла Катя и тихонько стала в стороне. “Давайте снова! – скомандовала Светлана. – Чур, первая!” “Чур, вторая!” “Чур, третья!” “Четвёртая!” Аниска была последняя... Она по-прежнему проигрывала и без конца оставалась последней, но зато как было весело!» (Воронкова, 1966, 444).

О начале 1970-х гг.: «Всё было как обычно. Обычный день. Обычная погода. Наш обычный двор. Как обычно, мы с Люськой играли во дворе в классики. Люська с закрытыми глазами перешагивала из одной клетки в другую и спрашивала: “Мак?” – “Мак”. – “Мак?” – “Ты давай не подглядывай”. – “Бессовестная! Я не подглядываю!” – “Сама бессовестная. Я вижу – подглядываешь. Зажмурься изо всех сил”. Люська зажмурилась изо всех сил, сделала шаг и наступила на черту. “Мак?” – “Дурак!” Люська открыла глаза и ... открыла рот, чтобы заспорить» (Пивоварова, 1979, 105).

«**МАКАР-СЛЕДОПЫТ**» – пользовавшаяся во второй половине 1920-х годов большой популярностью в детской аудитории повесть Льва Евгеньевича Остроумова (1892–1955) о приключениях деревенского паренька, ставшего в годы гражданской войны разведчиком в Красной Армии. [...]

«...Остроумов в своем “Макаре-следопыте” ухитрился перешеголять самого Пинкертона. Пинкертон... был несколько суховат и по-своему лаконичен – ему отпускатось не больше десяти страничек на каждый подвиг. Никакой психологии, никакой лирики! А в пухлых книжках Остроумова хватает места для всего: и для лирических сцен, в которых участвуют красный разведчик Макар и позабывшая свои классовые интересы дочь помещика Любочка, и для сцен бытовых с участием патентованных корчмарей-евреев, которые визжат и цепляются за полы барских кафтанов. Это уже напоминает не Пинкертона, а одно из приложений к старинному черносотенно-мещанскому журналу “Родина”» (Маршак, 1971–6).

О второй половине 1980-х гг. в Шадринске: «“Макар-следопыт” – детский фильм, по-моему, 5-серийный. Увлечательный. Я смотрела все разы, что его показывали, очень волновалась за Макара, очень ему сопереживала, махала руками, кричала в поддержку этому герою» (1001).

«**МАКАРОНЫ**» – какой-то вид силового воздействия (удар, оплеуха).

О начале 1920-х гг.: «“Не трогай его!” – сказал Илюша и стал между ними. “Ты что, макаронов захотел? – спросил Врангель, взявшись за длинный козырек клетчатой кепки, точно собирался снять её перед дракой. – Или, может быть, тебя лапшой накормить?” “Отстань, а то плохо будет”, – пообещал Илюша. Но Врангель наступал: “Не стесняйся, говори: макаронов тебе или лапши?” Ребята расступились, образуя круг. “Пускай вдарятся. Не мешайте”. “Огольцы, поддержите кепку”. Врангель..., шагнув к Илюше, ударил его...» (Жариков, 1971, 95).

О середине 1920-х гг.: «К Гриньке подкатил шкет в рваном, с чужого плеча, френче и, не говоря худого слова, треснул новоявленного чистильщика обуви по шее. “За что?” – спросил Гринька, глотая слезы обиды. “Ха! – хохотнул шкет. – Ты откуда сюда примахнул? Расселся, фраер, тут, у чужого магазина, да еще вопросы спрашиваешь?” И он легонько смазал Гриньку ещё раз по затылку. Мигом возле них собрались беспризорники. Они громко высказывали предположения, что Гриньки не было на месте, когда раздавали ум, и советовали оборванцу устроить новенькому “макароны”. Однако шкет ограничился угрозами и смылся. Огольцы тоже рассосались по окрестным улицам. В конце концов, со всем этим можно было помириться. Тут не было ничего такого, очень уж страшного. Ну, треснут еще раз по шее. Подумаешь! А может, Гриньке удастся сколотить свой рубль до неведомых ему, но, несомненно, не очень-то приятных “макаронов”?» (Гроссман, 1971, 252).

«**МАКАТЬ**», «**ОБМАКИВАТЬСЯ**» – делать реверанс.

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «“Вы куда?” – спрашивала [классная дама] строго... Захваченная воспитанница “обмакивалась”, то есть быстро приседала... Звонок заставил девочек соскочить с деревянных скамеек... и быстро вылететь вон. Снова пробегая перед ошеломлённым учителем музыки, они не только не “обмакнулись”, но чуть не свалили его с ног» (Лухманова, [1903] 1997; 349, 371).

О конце 1890-х гг. в институте благородных девиц: «Нас с Маней охватывает настоящий ужас. Он ещё усиливается оттого, что Меля Норейко испуганно шепчет нам: “Макайте! Да макайте же!” Мы не понимаем, чего она от нас хочет. Чтоб мы махали? Кому махать – директору? Чем махать?... Тут сама Меля, не переставая шипеть на нас “макайте!” – опускается в глубоком реверансе, словно в воду ныряет. Тогда и мы, как умеем, делаем реверанс (у нас он получается очень коряво). Затем, схватив за руки, Меля быстро увлекает нас за собой в небольшой темноватый боковой коридорчик. Там она обрушивается на нас: “Я вам говорю, я вам шепчу “макайте”, а вы стоите, как глупые куклы!” “А кому махать?” “Да не “махать”! Господи, твоя воля, никогда таких дурноватых детей не видала! – искренне возмущается Меля. – Не “махать”, а “макать”! Понимаете? Макаать, макать – ну, свечкой макать! Соображаете вы?” Вероятно, у нас очень растерянные лица... [Меля] объясняет: макать свечкой – значит делать реверанс при встрече с начальством. “Кого ни увидите в коридоре – учителя, синявку, – макайте свечкой, вот так! Директора встретите или начальницу – макайте глубоко... Видели, как я сейчас директору макнула?...” – с торжественной хвастливостью напоминает нам Меля...» (Бруштейн, [1958] 1964, 228–229).

О конце XIX века: «“Обмокнись! Обмокнись!...” И слово “реверанс”, и слово “обмокнись”, то есть присядь на институтском жаргоне, ей были одинаково непонятны» (Чарская, 1906, 49).

МАКОВКА – конфета или пряник из мака с сахаром.

О Ленинграде 1930-х гг.: «Если говорить о памяти вкусовой, то лучше всего помнится вкус сластей тех лет. Сидели бабки с корзинками и продавали самодельные сласти. Во-первых, маковки, варенные в меду, во-вторых, тянучки» (Гранин, 1990–5, 473).

О начале 1950-х гг.: «...Он вёл за руку девочку лет пяти в красном капоре... Дойдя до конца улицы, он... покупал ей всё, что продавалось на угловых лотках: маковки, тянучки, прочерстевшее на морозе печенье» (Георгиевская, 1954, 9).

МАКС и Мориц – два мальчика-сорванца, герои юмористической повести в стихах В. Буша «*Макс и Мориц*».

«В дореволюционной России очень хорошо знали истории о двух отчаянных сорванцах Максе и Морице и другие истории немецкого художника и поэта Вильгельма Буша (1832–1908). Те, кто знал немецкий язык, могли читать эти озорные рассказы в оригинале в “Мюнхенских иллюстрированных листах”, которые выписывали в то время многие образованные семьи. А те, кто языка не знал, могли познакомиться с историями

Буша в переводах поэта К. Льдова, много раз переиздававшихся в “Золотой библиотеке” Маврикия Вольфа. Творчество Буша сформировалось под влиянием стиля бидермайер, получившего расцвет в немецком и австрийском искусстве 1815–1848 годов... Бидермайер воспевал (правда, не без иронии и юмора) незамысловатые радости и привязанности обывателей, их безобидные слабости и любовь к уюту и комфорту... Макс и Мориц, ставшие самыми знаменитыми персонажами художника, принесли Бушу мировую известность. Впервые отдельной книгой их история вышла в свет в 1865 году. В дальнейшем книга была переведена на сорок языков мира. Ее персонажи так живы и их поступки так выразительны, что даже не владеющий немецким языком человек без труда понимает смысл происходящего. Первый перевод Буша на русский язык был осуществлён в 1890 году... Мировая литературная традиция знает много историй о мальчишках, об их наивной романтике, жажды приключений, их легкомыслии и проказах. Вспомним хотя бы Тома Сойера и Гекльберри Финна, Пиноккио, Нильса. Вильгельм Буш внес свой вклад в этот ряд забываемых образов. От сорванцов доставалось всем – родителям, служанке, кухарке, соседям, пекарю и особенно учителю. В своих шалостях Макс и Мориц неутомимы и изобретательны. То они крадут кур через дымовую трубу со сковороды у вдовы Больте, то подкладывают в постель дядюшке Фрицу жуков, то подсыпают порох в курительную трубку учителю, то во время купания умудряются перевернуть корыто с водой, то забираются к пекарю, чтобы полакомиться булочками, то мстят своим обидчикам. Художник, словно и сам заражаясь их шалостями, с удовольствием разворачивает их похождения перед зрителем в серии эпизодов. Он изобретателен в построении сценок: кувьрки, взрывы, пинки, брызги, чернильные кляксы, летящая кувьрком мебель, разбивающаяся вдребезги посуда, падения в болота и лужи. Всего не перечислить. А какое богатство типажей! Какая смена физиономий! ...Мальчишки у Буша были злыми в своих проделках...» (Чернецова, 2005, 23–24).

О 1890-х – 1910-х гг.: «А ребятам нужно было действие, нужен был песенный и плясовой ритм, нужен был юмор. Все это они находили в бойком переводном “Степке-растрепке”, в смешных, хоть подчас и жестоких книжках Вильгельма Буша о Максе и Морице, о Фрице и Франце...» (Маршак, [1934–1957] 1971–6, 198).

См. также: «Макс и Мориц»; «Весёлые рассказы».

«МАКС и МОРИЦ» – юмористическая повесть в стихах (1865) немецкого поэта и художника Вильгельма Буша (1832–1908) о весёлых, а иногда жестоких шалостях двух мальчишек-сорванцов. Впервые переведена на русский язык в 1890 году. (Скороспелова, 1971–6, 621).

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге во второй половине 1900-х гг.: «Я рано научилась читать... Одной из любимых книг была “Макс и Мориц” В. Буша. ...Как сейчас вижу белый переплёт и смешные рожицы сверху его. Книга была немецкая, но до сих пор помню и русский перевод некоторых стихов: “А Макс и Мориц, видя то, / На крышу лезут, сняв пальто!” или “«Да это дело – не слова, / Сказала братова вдова...” Стихи эти ходили как присказки в раннем детстве моем в семье...» (Цит. по: Автобиографии, 1998, 228).

О Детском театре в Москве в 1918 г.: «Голейзовский... усиленно искал сюжет, который мог увлечь всех детей, в первую очередь мальчиков. Наконец, он внес предложение поставить “Макса и Морица” по В. Бушу. Эта постановка была осуществлена и действительно имела большой успех, особенно у мальчиков, но выпуск “Макса и Морица” был нашей большой ошибкой. Заботиться только об успехе у детей, о том, что детям нравится, недооценивая того, что им нужно, было очень опасно и, конечно, неправильно. Голейзовский поставил спектакль с обычной для него изобретательностью, но его выдумка ещё усилила пед. опасность сюжета, взятого из книги Буша. Смех, на котором шел спектакль, подчас был недобрым, а

наказанный порок в конце спектакля несколько не умалял желания подражать виденным, совсем не безобидным проказам. Мы чувствовали, что-то здесь не так, вносили отдельные изменения в спектакль, спорили с Голейзовским, но после двенадцати-пятнадцати представлений этот спектакль пришлось снять с репертуара» (Сац, 1961, 97).

См. также: *Макс и Мориц*; «Весёлые рассказы».

МАКУЛАТУРА – старая использованная бумага, идущая в качестве вторичного сырья в переработку. Сбор макулатуры многие десятилетия был одним из основных видов деятельности пионеров и школьников.

О школе конца 1940-х годов в Свердловске «Регулярно проводились пионерские сборы и собрания. Обязательным для всех мероприятием считался сбор макулатуры и металлолома» (Факова, 2006).

О начале 1960-х гг.: «Недовольный ходит Юра / По квартирам, по домам, / Юра спрашивает хмуро / У соседских пап и мам, / Юра спрашивает хмуро: / “Есть у вас макулатура?” / Он не в духе: взялся сдуру / Собрать макулатуру... / Старичок захлопнул дверь / Перед носом Юры / И бормочет: “Верь не верь, / Нет макулатуры”... / И звучит в ушах у Юры: / “Нет у нас макулатуры”...» (Барто, [1964] 1969–2, 125).

О Шадринске в 1988–1989 гг.: «Мы собирали в школе макулатуру. Даже было соревнование по звеньям в классе. Искали дома газеты, старые книги. Однажды мы с бабушкой набрали дома старых книг и пошли по линии (железная дорога) в школу сдавать макулатуру. Бабушка подбирала по пути все картонные коробки – для весу. А потом она засовала кирпич в бумагу. Мне стало страшно – это же мы врём. Она говорит – “Для весу”. Сдали, но наше звено все равно осталось во втором месте» (1001).

О конце 1980-х гг.: «В нашей московской общеобразоват. школе мы были освобождены от перетаскивания громоздкого металла, собирали только бумагу. Это были такие аккуратные пачечки, перетянутые крест-накрест магазинными веревками для упаковочных тары. Впрочем, мы... не звонили в чужие квартиры, а довольствовались накопленными дома газетами и журналами. Четыре или пять килограммов – это был уже почти рекорд. Если не хватало, просили у соседей» (Семенова, 2008–2, 20).

Из письма в журнал пятиклассницы Насти Козловой в 1990 г.: «Каждый ученик нашей школы приносит не меньше трёх килограммов макулатуры. Но где же тетради и дневники? Их приходится “ловить” в магазинах. Куда же идёт наша бумага?» (Костёр. 1990, № 2. – С. 10).

МАКУХА – «Жмыхи семян масличных растений (подсолнечника, конопли, мака и т. п.)» (Словарь, 1957–6, 520).

О Новочеркасске в 1919–1921 гг.: «Сторож дал звонок, ребята побежали в классы. Во мне ещё всё тряслось от волнения, я сел на лавочку под окном нашей палаты, достал кусок подсолнечной макухи, но откусить не мог... Мы возвращались... из Кадетской роши, неся за плечами вязанки сухостоя для обмена торговкам сеного базара на макуху» (Авдеев, 1960).

См. также: *Жмых*.

«МАЛАЯ куча» – то же, что «Куча мала».

«МАЛАЯ Третьяковская галерея» – вывешенные в коридоре или зале школы репродукции картин, явление 1950-х – 1960-х гг.

О середине 1950-х гг.: «...Преподаватель литературы школы № 2 города Калач-на-Дону Р.С. Калмыкова сказала: “В нашей школе пионеры создали “Малую Третьяковскую галерею”: здесь вы увидите картины художников-классиков, произведения советских мастеров кисти...” И такие “Малые Третьяковские галереи” есть во многих школах. Пусть и в вашей школе она появится. Соберите репродукции картин художников, наклейте их на картон, сделайте рамки и развесьте картины по коридорам школы» (Гусев, 1957, 98).

О первой половине 1960-х гг.: «Малая картинная галерея. В школьном зале – экспозиция великих полотен. Собрание из 300 картин, и с каждым днем добавляются новые. Ребята – завязанные коллекционеры. Они разбудут из-под земли, достанут самые редчайшие

шедевры. Ребята приходят в зал посмотреть на новые поступления» (Матвеев, 1965, 56).

По мере утраты новизны, интерес к «Малым Третьяковским галереям» в школах стал падать. О начале 1960-х гг.: «Сейчас, пожалуй, уже не встретишь школу, где бы не было хоть маленькой картинной галереи. Но, к сожалению, многие из них давно уже пылятся в школьных коридорах, никто не обращает внимания на выцветшие, криво висящие репродукции, а в каждом отчёте отмечается, что в школе есть “Малая Третьяковская”. Вот поэтому художники на Всесоюзной конференции по пионерской работе очень просили вожатых не компрометировать нашу заслуженную великолепную галерею и называть свои shk. галереи просто: картинная галерея. Что же получилось? Ведь было время, когда все эти репродукции бережно вырезались, наклеивались на картон, торжественно открывались shk. галереи и пионеры-экскурсоводы рассказывали посетителям о художниках и их картинах... Но выросли и окончили школу экскурсоводы, примелькались и стали обыденными репродукции, висящие в shk. коридоре, – и интерес к галерее пропал, словно её и не было» (Таборко, Орлова, 1963, 52).

«МАЛЕНЬКАЯ Баба-Яга» – наиболее известная сказочная повесть немецкого писателя Отфрида Пройслера (р. 1923). Первая книга О. Пройслера вышла в 1956 году. В 1957 году свет увидела «Маленькая Баба-Яга» («Маленькая ведьма») – самая известная книга писателя. На русском языке сказочная повесть впервые опубликована в журнале «Мурзилка» в начале 1970-х гг. В 1973 году вышла отдельной книгой. С тех пор неоднократно (1992, 1993, 1998, 1999, 2000 гг.) переиздавалась.

О начале 1970-х гг.: «Отфрид Пройслер – наш старый знакомый, почти друг детства. Ведь мы выросли на журнале “Мурзилка”, который не раз публиковал зарубежные сказочные повести... И мы... отлично знаем, как старалась Маленькая Баба-яга, чтобы стать настоящей колдуньей...» (Порядина, 2006, 18).

«МАЛЕНЬКАЯ страна» – песня Игоря Николаева, обретшая популярность в исполнении Наташи Королёвой.

Текст: «[1.] Есть за горами, за лесами маленькая страна. / Там звери с добрыми глазами, / Там жизнь любви полна. / Там чудо-озеро искрится, / Там зла и горя нет, / Там во дворце живет жар-птица / И людям дарит свет. [Припев:] Маленькая страна, маленькая страна, – / Кто мне подскажет, кто расскажет, где она, где она? / Маленькая страна, маленькая страна, – / Там, где душе светло и ясно, / Там, где всегда весна. [2.] Эта страна мне только снится, / Но светлый миг придёт, / И на крылатой колеснице я совершу полет. / Мне час свиданья предназначен / В звёздной моей стране. / Там ждёт меня красивый мальчик / На золотом коне. [Припев:] [3.] Льёт за окошком дождь осенний, / В доме сию одна. / Верю в тебя, моё спасенье, маленькая страна! [Припев:]».

О 1993–1997 гг.: «Впервые я услышала песню в возрасте 8 лет (1993 г.). Её исполнила Наташа Королева. После этого песня стала очень популярна: её пели на всех мероприятиях в школе, на уроке ритмики мы танцевали под неё, на уроках музыки её разучивали и исполняли хором. “Маленькая страна” до сих пор остаётся “детским гимном”» (012).

«МАЛЕНЬКИЕ женщины» – повесть Л. Олькотт.

О начале XX века: «...Были ли в самом деле так богаты старые книжные полки. Да, конечно, их нельзя назвать бедными, если справа на них стояли... “Робинзон Крузо”, “Гулливер”..., а слева – ...Фарадей, Брем... А ещё привлекательнее классиков и Фарадеев были для двенадцатилетнего читателя целые полки школьных повестей – сюжетных, длинных, трогательных... Английские школьники, борющиеся за первенство на спортивном поле и в классе, “Маленькие мужчины” и “Маленькие женщины”...» (Маршак, 1971–7, 284).

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге во второй половине 1900-х – начале 1910-х гг.: «Эти первые детские увлекательные книги

приключений – “Робинзон”, “Гулливер” и особенно “Дети капитана Гранта” – мои излюбленные друзья... Позднее к ним присоединились друзья из так называемой “Розовой библиотеки” – милый Том, которого обижал злой Легги... “Маленькие женщины и маленькие мужчины”», они же “ставшие взрослыми” Луизы Олькотт, герои рассказов д’Амигиса...» (Автобиографии, 1998, 229).

«МАЛЕНЬКИЙ барабанщик» – в песеннике 1959 года читаем: «Маленький барабанщик. Немецкая революционная песня. Русский текст М. Светлова».

«[1] Мы шли под грохот канонады, / Мы смерти смотрели в лицо. / Вперёд продвигались отряды / Спартаковцев, смелых бойцов. [2] Среди нас был юный барабанщик, / В атаках он шёл впереди. / С весёлым другом барабаном, / С огнём большевистским в груди. [3] Однажды ночью на привале / Он песню весёлую пел. / Но, пулей вражеской сражённый, / Пропеть до конца не успел. [4] С улыбкой юный барабанщик / На землю сырую упал; / И смолк наш юный барабанщик, / Его барабан замолчал. [5] Промчались годы боевые, / Окончен наш славный поход. / Погиб наш юный барабанщик, / Но песня о нем не умрет» (ПП., 1959, 26–27).

Из истории песни: «В конце [19]20-х годов пришла к нам “Песня о маленьком барабанщике”. Должно быть, её привезли к нам с собой нем. пионеры – гости первого пионерского слета в 1929 г. За 4 года до того, тринадцатого марта 1925 г., в нем. городе Галле погиб от руки полицейского юный горнист Фриц Вайник. Он пришел с друзьями в парк на коммунист. митинг, кот. должен был проводить вождь немецких рабочих Эрнст Тельман... Митинг собирались открыть торж. сигналом горна. Мальчик держал наготове ярко начищенный инструмент. Пионеры в парадной форме встали около трибуны. Праздничное настроение нарушила полиция, ворвавшаяся на митинг... Тельман спокойно обратился к горнисту: “Пусть сигнал трубы призовет к порядку”. Фриц поднял сверкающий инструмент. Но, не успев доиграть сигнала, упал, сражённый пулей полицейского... Вскоре после трагич. гибели мальчика ему создали песенный памятник. Слова об отважном пионере прекрасно слились с мелодией старой нем. песни. Это была песня о маленьком трубаче, любимце полка, погибшем в бою. “Спи спокойно, маленький трубач! / Мы все так любили тебя...” – пелось в старой песне. Но после кровавых событий в Галле песня пелась по-иному; в ней звучала не только печаль о погибшем друге, но гнев, клятва бороться с врагом... Так старая солдатская песня стала революционной. У нас тогда еще никто не знал истории, случившейся в Галле. Поэт Михаил Светлов, услышав песню, сочинил свой, русский вариант, и трубач превратился в барабанщика, идущего впереди отряда. Муз. обработку мелодии “Маленького барабанщика” сделал композитор Александр Давиденко... Давиденко... сделал сопровождение “Маленького барабанщика” сдержанным, отрывистым маршем, в духе нем. рев. песен. “Маленький барабанщик” был первой песней о юном герое – задолго до “Орленка”. На shk. уроках пения, отрядных сборах, в любом дворе распевали её. В газетах писали тогда, что мальчики, прежде равнодушные к пению, хлынули в хоровые кружки, потому что там хорошо пели “Барабанщика”. Летом 1931 г. в Артеке жил... Аркадий Петрович Гайдар. С утра до вечера перед его глазами кипела бодрая жизнь лагеря. Прошло полтора года, Гайдар сочинил повесть “Военная тайна”... В главе, где описывался праздничный день в лагере, этой песне уделена всего одна фраза: пионеры “сразу же рассчитались, повернули направо и с дружной песней о юном барабанщике, слава о котором не умрет никогда, двинулись вниз”. Но этого было достаточно, чтобы в ушах читающего уже зазвучала знакомая мелодия, а перед глазами встал пионерский отряд с его дружной песней, потому, что тогда, в тридцатые годы, не было школьника, которому она была бы неизвестна. Да и в ... семидесятые... эта старая, славная песня не затерялась» (Гольденштейн, 1971, 67–68).

О начале 1930-х гг. в Шадринске: «...Мне поручили

работать пионервожатой одного из пионерских отрядов школы... Пионерские сборы проводили по-деловому: составляли план работы, давали задание каждому звену..., разучивали пионерские песни. Нашими любимыми песнями были: "Взвейтесь кострами", "Баклажечка", "Картошка", "Маленький барабанщик", "Орленок"...» (Такунцева, [1989] 2002, 40–41).

«**МАЛЕНЬКИЙ и гнилой апельсинчик мой**» – рефрен песни «*Апельсинчик мой*».

«**МАЛЕНЬКИЙ парикмахер**» – набор игрушек.

О первой половине 1960-х гг.: «Для игр в поликлинику, парикмахерскую магазин игр. Выпускают специальные наборы игрушек ("Доктор Айболит", "Маленький парикмахер") (ПЭ, 1965–4, 150).

«**МАЛЕНЬКИЙ принц**» – повесть (1942) Антуана де Сент-Экзюпери (1900–1944).

О 1998–1999 гг.: «Антуан де Сент-Экзюпери, "Маленький принц". Прочитала в первый раз, когда мне было лет 10–11. Она произвела на меня неизгладимое впечатление, книжку перечитывала уже много раз, всегда открываю для себя что-то новое...» (002).

«**МАЛЕНЬКОЙ ёлочке холодно зимой...**» – начальные строки песни «Ёлочка» (слова – З. Александровой, музыка – М. Красева), традиционно исполняемой детьми с 1950-х гг. на новогоднем празднике.

Текст: «[1] Маленькой ёлочке / Холодно зимой. / Из лесу ёлочку / Взяли мы домой. / [2] Сколько на ёлочке / Шариков цветных, / Розовых пряников, / Шишек золотых! / [3] Ветку нарядную / Ниже опусти, / Нас шоколадную / Рыбкой угости! / [4] Встанем под ёлочкой / В дружный хоровод, / Весело, весело / Встретим Новый год!» (СП, 1958, 14).

Куплет «Ветку нарядную...» часто не исполняется на новогодних праздниках и нередко даже не публикуется в песенных сборниках (например: Буратино, 1987, 23).

О 1988–1992 гг.: «"Маленькой ёлочке холодно зимой" – эту песню я знаю, наверно, уже с 3 лет (1988 г.). Под нее бесконечно водили каждый год хороводы вокруг ёлки, как дома, так и в детском саду. "Маленькую ёлочку" мы пели на утренниках и уроках музыки» (012).

МАЛОКОМПЛЕКТНЫЕ школы – школы без параллельных классов, с малым числом учащихся. Распространены главным образом в сельской местности.

В СССР до начала 1970-х гг. термин «малокомплектные школы» применялся к начальной школе, в которой несколько классов, насчитывавших вместе менее 15 учеников, объединялись в один класс-комплект. Для таких малокомплектных школ разрабатывались специальные дидактические материалы, позволявшие организовать самостоятельную работу учащихся одного класса в то время, пока учитель занят с другим классом.

В 1970-е гг. в понятие «малокомплектные школы» стали включать неполные средние и средние школы с малой наполняемостью классов.

О 1980-х гг.: «Большинство начальных сельских школ малокомплектные, в них может работать один, два или три учителя. Для орг-ции учеб. занятий формируются классы-комплекты, состоящие из учеников двух и более классов. Для повышения эффективности обучения часть уроков может проводиться отдельно для каждого класса, входящего в состав класса-комплекта. Для этого вместо четырех уроков по 45 минут учителю малокомпл. школ разрешено проводить шесть уроков по 30 минут. В этом случае время начала занятий для каждого класса – разное. Так, в классе-комплекте, где занимаются учащиеся 2-го и 4-го классов, учащиеся 4-го класса могут начинать занятия с перв. урока, ученики 2-го класса – с третьего... В сред. и старш. кл. объединение учащихся в классы-комплекты не производится. Учебный план, учебные программы и учебники в малокомпл. школах те же, что в обычной школе...» (СВ, 1990, 126).

В 1970-е–1980-е годы удельный вес малокомплектных школ в структуре школьной сети увеличивался.

МАЛОЛЕТНИЕ дети – правовой статус детей в возрасте до 14 лет. Ср.: *Несовершеннолетние дети*.

МАЛЫЕ академии наук – вид научных объединений (обществ) для учащихся 7–10 классов. Существовали в

1970-е–1980-е годы.

О 1970-х – перв. пол. 1980-х гг.: «Вместе со старшеклассниками тысячи старших пионеров страны работают в ученических науч. объединениях и даже в малых академиях наук. Такая академия создана в 1983 г. при Якутском филиале Сибирского отделения АН СССР. На пяти отделениях обучается свыше 200 школьников VII–IX классов... Много лет в содружестве с учеными проводит интересную и плодотворную работу объединение юных любителей науки и техники Крымской области – Малая Академия наук "Искатель". Тысячи школьников получили в ней подготовку к творч. деят-сти, приобрели к науч. поиску, а многие приобрели здесь путевку в большую науку. Только в Ялтинском филиале работает 6 секций: мат., физ., химич., инженерно-тех., краеведч. и астрономическая. Старшеклассники готовят интересные доклады..., конструируют вычислит. машины, разл. приспособления и оригинальные пособия, принимают участие в иссл-х взрослых. Во время Междунар. года спокойного Солнца юные астрономы г. Симферополя внесли заметный вклад, признанный большой наукой, в исследование метеоров... Малая Академия наук действует также в г. Львове. А недавно Малая Академия наук создана в Винницкой области. В её уставе сказано, что "школьники, представившие наиболее интересные и ценные работы, принимаются в действит. члены МАН без кандидатского стажа"... Полезную работу с помощью общественности проводит Ухтинский горком ВЛКСМ (Коми АССР). Много лет здесь работает Малая Академия наук. На её одиннадцати факультетах – архитект.-строительном, мат., хим., ист., юрид. и т. д. – занимаются сотни учащихся VIII–X классов. Они имеют возможность глубже познакомиться с интересующей каждого отраслью знаний, приобрести необходимые умения и навыки. Курс обучения в академии двухгодичный, основные формы занятий – беседы, лекции, диспуты, экскурсии, походы, исследование. Работа. Перед нач. нов. учеб. года проводится осенняя науч. конференция старшеклассников, перешедших на второй курс. В ней принимают участие и те школьники, которые впервые пришли на занятия. Малая Академия не только служит делу подготовки учащихся к свободному выбору профессии, но и развивает у них интерес к науке, прививает вкус к исследоват. деят-сти. [Нужно сделать так,] чтобы занятия [старшеклассников] в академии органически сочетались с обучением в школе...» (Розенберг, 1986; 45, 102, 126).

МАЛЫЕ народные училища – двухгодичные начальные школы для детей всех сословий, кроме крепостных. Организованы по «Уставу народных училищ» 1786 года в уездных и заштатных городах, а также в сёлах. Содержались на местные средства. Обучение было бесплатным. Преподавались «чтение, письмо, цифры, числа церковные и римские, катехизис и священная история», далее – арифметика, чистописание, рисование. В малых училищах полагались два учителя и особый учитель рисования. Преподавание Закона Божьего возлагалось на тех же учителей. В 1803 году малые нар. училища преобразованы в приходские и уездные училища. Ср. *Главные народные училища*. (Латышина, 1998, 235).

«**МАЛЫШ**» – радиожурнал.

«Уже в перв. годы расцвета дет. худ. вещания в нём зачастую счастливо сочетались худ. и пед. начала. Такое сочетание характерно было для тогдашней дет. радиопериодики, – в частности..., для радиожурнала "Малыш", который вела в те годы видный педагог-литератор, автор книги "Живое детское слово" Елизавета Шабаз» (Бегал, 1982, 95).

«**МАЛЫШ и Карлсон**» – мультипликационный фильм, снятый по книге «*Малыш и Карлсон, который живёт на крыше*».

Мультфильм «Малыш и Карлсон» выпущен в 1968 году. Второй фильм – «Карлсон вернулся» – был снят в 1970 году.

О д. Погадайское Шадринского района Курганской области в 1993–1996 гг.: «Когда мне было 5–8 лет, меня увлекали такие мультфильмы как "Ну, погоди",

“Карлсон”, “Винни-Пух”. Все эти мультфильмы не содержали в себе какой-то жестокости, как в нынешних мультфильмах» (043).

О 1990-х гг. в Шадринске: «Очень любил смотреть мультики, самые любимые мои мультики – “Ну погоди”, “Мальш и Карлсон”. Наши советские мне нравились гораздо больше, чем зарубежные» (090)

О 1995–1996 гг. в Шадринске: «Мультфильм “Карлсон, который живет на крыше” (впервые я посмотрела его, когда мне было 11–12 лет), на мой взгляд, не устаревает. Это просто интересный добрый, поучительный мультфильм, в котором присутствует доля юмора, причём, юмора жизнеутверждающего. Крылатыми стали некоторые выражения из этого мультфильма, например: “А мы тут это... плюшками балуемся”» (113).

О девочке 9 лет в 1996 году в г. Катайске: «Самая моя любимая книга была “Мальш и Карлсон”, её я прочитала, когда мне было 9 лет... По этой книге ещё снят мультфильм, очень забавный. Я его смотрела много раз, и до сих пор, если по телевизору идет этот мультик, я бросаю все дела и бегу его смотреть. Благодаря этой книге и мультику я полюбила малиновое варенье... Когда по второй программе шёл “Мальш и Карлсон”, меня не могли оторвать от телевизора» (124).

«МАЛЬШ И КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ» – повесть Астрид Линдгрен, написанная в 1955, и вышедшая на русском языке в 1957 году (перевод Л. Лунгиной). Перевод второй повести – «Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел» (1962) вышла в 1965 году. Перевод третьей повести – «Карлсон, который живёт на крыше, проказничает опять» (1968) опубликован в 1973 году.

Если представители интеллигенции увидели в повестях А. Линдгрен худ. раскрытие темы одинокого страдающего ребенка в благополучном обществе и в качестве центр. персонажа выделили Мальша (трактовавшегося как аналог рефлектирующего подростка Холдена Колфилда из повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» или Маленького принца А. де Сент-Экзюпери) (см. Мязотс, 2002), то детское сознание, безусловно, сделало своим Карлсона.

О 1968 годе: «Когда писательница [А. Линдгрен] приехала в Москву на кинофестиваль, она воочию убедилась, как прочно вошли в жизнь советских детей её герои Карлсон и Пеппи: массовые тиражи книг, пластинки, игрушки; тысячи ребят носят значки с изображением Карлсона и Пеппи» (Брауде, 1987, 96).

О Шадринске в конце 1980-х гг.: «У нас дома была книга “Мальш и Карлсон” – толстая, потрёпанная, в синей обложке. Я перечитывала её несколько раз, и во рту всегда стоял и привился с этой книги вкус булочек с корицей, хотя до тех пор я эти б

улучки в глаза не видела. И всегда я искала в магазине, ждала булочек с корицей. От этой книги веяло уютом и теплом» (1001).

О девочке 9 лет в 1996 году в г. Катайске: «Самая моя любимая книга была “Мальш и Карлсон”, её я прочитала, когда мне было 9 лет. Мне нравился человек с пропеллером за спиной, его поведение, характер... Благодаря этой книге и мультику я полюбила малиновое варенье. Хотя в свои 9 лет я не очень хорошо читала, но эту книгу я прочитала очень быстро, мои родители были счастливы, что их ребенок наконец-то читает, а не где-то бегаёт... Я бы сейчас ещё раз прочла бы её» (124).

МАЛЬЧИК – «Ребёнок или подросток мужского пола» (Словарь, 1957–6, 572).

Труд хозяйственный у мальчиков.

О крестьянских мальчиках в 1900-х гг.: «Дети крестьянские почти с пяти лет принуждаются следовать с родителями: сыновья за отцом, девочки за матерью... Сыновья работают зимой с отцом в лесу, ездят на луга за сеном, возят со двора на поле навоз, ухаживают за лошадьми, пилят и колот дрова... Одним словом, как для мальчиков, так и для девочек в хоз-ве крестьянина круглый год не прекращается работа. И чем крестьянин зажиточнее, тем больше работы у него для детей. Даже в

праздничные дни некогда детям покататься с горки на салазках, на лыжах и на коньках» («Задушевное слово для младшего возраста. 1909, № 5).

МАЛЬВИНА – персонаж сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

О вт. пол. 1990-х гг.: «Мой любимый телефильм детства – “Буратино” – смотрела раз пять. Любимый герой – Мальвина. Нравились в ней красивые синие волосы. Была красивой девочкой. На ней было красивое платьышко» (186).

О 1997 г.: «Моя любимая книга – это книга про приключения Буратино. Мне её подарили на 10 лет подруги. Я её в первые же дни прочитала. Потом ещё несколько раз перечитывала. Любимой героиней была Мальвина, так как была очень красивая, добрая и умная» (198).

«МАЛЬВИНЫ» – род джинсов.

О 1993–1994 гг.: «Очень распространенным видом одежды среди девочек и мальчиков были джинсы-“мальвины”. Это джинсы-варёнки голубого цвета, которые носил практически весь наш класс и каждый второй во всей школе. У меня таких джинсов-“мальвин” было двое, и они считались просто необходимым видом одежды» (449).

МАЛЬЧИК – «Ребёнок или подросток мужского пола» (Словарь, 1957–6, 572).

Труд хозяйственный у мальчиков. (доп.)

О XIX в.: «В девять-десять лет мальчик-подросток летом помогал отцу в полевых работах: возил на поля навоз, разбрасывал его по пашне, участвовал в бороновании поля, подавал снопы в овин, иногда молотил рожь или пшеницу специально изготовленным по его росту цепом. В местностях, где были распространены лесные промыслы, а также промысловые охота и рыболовство, мальчики снабжали мужчин, находившихся далеко от деревни, всеми необходимыми припасами. Кроме того, они сами участвовали, объединяясь в небольшие артели, в ловле рыбы на дальних речках, в охоте на сусликов, колонков, кротов. Зимой десятилетний мальчик ездил с отцом в лес за дровами, помогал их пилить, колот, складывать в поленицы, плел лапти, сидя в теплой избе на мужском месте у двери» (Шангина, 2003, 209).

«МАЛЬЧИК» – малолетний работник в ремесленном, торговом заведении, помощник мастерового, приказчика, купца. О Москве начала XX века: «У дверей лавки стоял “мальчик” – лет четырнадцати парнишка в белом фартуке и огромных сапогах» (Бродская, 1938, 11).

О 1900-х гг.: «Отец определил меня в большой магазин готового платья мальчиком для побегушек – носить приказчикам из соседнего трактира кипятки в огромном медном чайнике, бегать за булками, открывать дверь богатым покупателям» (Алферов, [1957] 1965, 148).

О 1911 г.: «Я работаю мальчиком в игольно-галантерейном магазине купца первой гильдии... Мне десять лет, и в мои обязанности входит открывать дверь для покупателей, стирать с витрин и прилавков пыль, подметать полы, ставить самовары для приказчиков, разносить по квартирам заказчиков покупки и выполнять разные мелкие поручения... В магазине меня не зовут по имени, а ограничиваются словом “мальчик”. Это удобно и солидно. “Мальчик, заберите товар!”, “Мальчик, подмети пол!”, “Мальчик, принеси чаю!” Для всех я являюсь каким-то близким существом, которого не видят, не замечают» (Саватеев, [1954] 1963; 162, 166).

МАЛЬЧИК В ЖЕНСКОЙ БАНЕ – «архетип» русского городского детства 1930-х – 1970-х гг. Мальчика, воспитывавшегося без отца, матери нередко брали с собой в женскую баню. «Зеркальный» сюжет – девочки (с отцом) в мужской бане – насколько мы можем судить, в русской письменной культуре отсутствует.

О середине 1930-х гг.: «Походы в баню... В “первый жар”, в самое пекло, ходили мужики... Пошатываясь между огородными грядками, брели в дом: “Ну, теперь вы идите, бабы!” Женщины (и мы с ними) шли во “второй жар”, не такой адский, но все-таки, все-таки... Мы, дети обоего пола, валялись на полу, у самой двери, принимая к щели под дверью, чтобы вдохнуть глоток свежего воздуха. Когда жара немного спадала, нас мыли

в тазаках... Была в Воткинске и общая, городская баня... Помню, наш с мамой поход в баню закончился небольшим скандалом, вызванным моим, видимо тогда уже довольно почтенным, возрастом. "Ты чо, дура, такого жениха в женскую баню привела? Пусть с отцом ходит!" – возмущались женщины...» (Санников, 2001).

См. о 1941–1945 гг.: «Чуть не до второго класса матери водили [мальчишек] мыться с собой в общую баню: одних в мужскую не отпускали – малы еще! Но какое там малы! Восьми-девятилетние огольцы срамно ощущали себя среди голых женских тел и в то же время разглядывали их с тайной жадностью, а потом между собой обсуждали, что у женщин к чему... Хотя к третьему классу Качан и Жека уже стали ходить в мужскую баню, но женскую помнили. Помнили и как некрасиво женщины натягивают трикотажные трусы с резинками – приседают, раздвигают колени...» (Холопов, 1995, 113–114).

О мальчике 3–5 лет, девочке 15–17 лет и их маме в 1952–1953 гг.: «Из школы девочек Августа приносит весть о том, что в бане сегодня женский день. [Я кричу:] "Ура! Ур-р-ра!"... "Пора ему уже с мужчинами ходить", – говорит бабушка. "Где их взять-то, мужчин?" "Со мной бы тогда отпустила". "С вами? Как же!.. Когда вы до баньки пиво, а после – прямо в шашлычную на угол". "Национальный обычай... После баньки... хоть укради – да выпей". "Вот я и говорю, Александр Густавович: с нами оно верней. Пусть пользуется, пока возраст позволяет". "Да возраст-то уже того... На лимите". "Ничего, ещё пока пускают нас, – говорит мама обо мне. – Мы ведь ещё не понимаем ничего – да, сынулька? Ну-ка посмотри мне в глаза!.." В ущелье улицы кружится снег... Мы сворачиваем в Чернышев переулок. Перед входом в баню – длинная очередь... ..Здесь одни женщины. "Вы нас не пропустите, – спрашивает мама, – с мальчиком?" "Еще чего! – отвечает очередь. – С мальчиком пусть папа ходит"... Мы доходим до конца очереди, и мама... прислоняется к облупленной стене... Стоя на лестнице, мы подпираем стену... На каждой ступеньке стоишь так долго, что от тусклого света глаза сами слипаются... Первый марш. А потом – площадка. Второй... И вот, наконец! ...Туго открывается на пружине... дверь, и мы окутываемся призрачным туманом предбанника. ...Здесь – ряды лавок..., они белые и... шершавые. Слева и справа у лавки по шкафчику, а на спинке – посередине – овальное зеркало. Дежурит сегодня здесь банщик Одоевский. Высокий... старик с... бородой... Банщик... запирает за нами шкафчики с нашей одеждой, потом он достает из кармана халата два алюминиевых номерка и наделяет маму и Августа – голых... На манер крестов нательных надевают они на себя номерки... Банщик приносит тазик из оцинкованной жести, который в бане называется... "шайкой". Мама берет шайку за уши, и Августа отворяет перед ней мокрую дверь. Мы окунаемся в туман – такой жаркий, что меня пробирает озноб. ...Пол такой скользкий... Я осторожно слеую в туман за тощим... задом Августы... Мы подходим к страшным кранам. Из одного на мокрый камень бежит холодная вода, а из другого с шипением сочится пар – там кипятик. Мама отворачивает этот кран, наполняет шайку кипятком и с криком "Берегись!" широко окатывает каменную плоскость скамьи. Я отбегаю, но брызги успевают опарить ноги. Мама ставит на скамью шайку... "Садитесь, дети!" – кричит мама. Я сажусь, кладу рядом мыло... Мыло – отпиленная дома волнистым ножом половинка черного бруска – постепенно смыливает с себя свои буквы... ..Теряя буквы, оно уже не так больно гуляет по ребрам. Накорот вымыв меня в четыре руки, мама с Августой начинают мыться сами, и это надолго за счет волос... Вот возникает из тумана бабушка-слон. Ноги такие толстые, что каждая стоит в отдельной шайке... На другой скамье – девочка. Сидя как лягушка, в пилку себе смотрит. Я присаживаюсь, и мы начинаем смотреть вместе... За свое любопытство к себе девочка получает от своей матери по шее мочалкой. "Ах ты, дрянь!.." ...Я даю Августе утащить себя... в парное... отделение бани. Затворяясь, дверь поддает мне, и... я

выбегаю в самый центр. Тут пар такой, что не вздохнуть... ..На нижних полках хлещутся так, что листья летят. Одни хлещутся попарно, другие... обезумело нахлещивают самих себя... В предбаннике меня ставят на лавку. Заворачивают в простыню, оставляя голой правую руку, в которую мама дает мне половинку яблока...» (Юрьенен, [1983] 1992).

О мальчике во вт. пол. 1950-х гг.: «Живые женщины в бане мальчика нисколько не занимали. Одно сидения в тазу на табуретке, едкого мыла и жесткой мочалки посреди пара, визга, толкотни и криков было более чем достаточно, чтобы не возникло никакого интереса к чужому телу – обилию мяса, лохматым подмышкам и лобкам» (Клех, 2002).

«**МАЛЬЧИК со шпагой**» – роман-трилогия Владислава Крапивина.

О восприятии романа «Мальчик со шпагой» подростками в конце 1970-х гг.: «А вот суждение пятиклассника о повести В. Крапивина. Олег: "До этого я читал "Фантастику" А. Беляева. Но "Мальчик со шпагой" понравился больше, там (у Беляева) придумано, а здесь – жизнь!"... Повесть Э. Цюрупы "Теплый берег" изображает... Ю. Коринец в "Володиных братьях" через образ 11-летнего мальчика показывает пример... А. Власов в "Трудном вопросе" заостряет проблему... Ю. Томин в юморист. повести "Нынче все наоборот" исследует... С. Иванов в повести "В бесконечном лесу" раскрывает... В. Крапивин знакомит читателей с группой ребят из кружка "Эспада", его персонажи решают проблемы акт. гуманности и гражданственности. Не останавливаясь подробно на отношении отдельных групп читателей к каждой из этих книг, заметим, что во время обсуждений самый эмоц. и заинтересованный разговор возник акт. после прочтения повести В. Крапивина "Мальчик со шпагой". Разумеется, читательские впечатления очень индивидуальны. Но и наблюдения библиотекарей Москвы, и интервью с читателями, присланные из Челябинской обл., и письма детей из разных уголков нашей страны, и дет. сочинения – всё даёт основание заключить, что книга В. Крапивина удовлетворила духовные потребности читателей. Он не просто затронул важные для детей социальные, нравств. и этич. проблемы, но нашел для их воплощения удачную, наиболее близкую дет. восприятию форму. Младший подросток хочет всерьез разобратся в жизни взрослых, освоить "опыт человек. взаимоотношений и чувств, в данный момент ему недоступный". И В. Крапивин, откликаясь на эту потребность, правдиво показывая совр. жизнь противоречивой и сложной, быть может, в неожиданном для подростка ракурсе, остается вместе с тем романтиком. Эта-то особенность его творчества и покорила читателей. Нравится читателю и то, что образ Сережи Каховского являет собою пример нравств. зрелости подростка, его взрослости, и то, что он показан в знакомой, естественной для читателя обстановке. Иными словами, писателю удалось создать образ героя в масштабе дет. восприятия. В. Крапивин укрепляет веру подростка в его собственные возможности, помогает его нравственному самоутверждению. "Эта книга веселая, – говорит четвероклассник. – Она как бы ободряет душу человека, и хочется быть таким же, как Сережа". Кроме того, и личность автора авторитетна, внушает доверие подростку: ведь В. Крапивин сам помогал создавать кружок юнкоров и фехтовальщиков, сам был очевидцем подлинной дружбы, о которой так мечтает средний шк. возраст! Вот почему именно о романе "Мальчик со шпагой" дети говорят: "Эту книгу мы будем вспоминать, когда будем взрослыми", именно её подростки перечитывают чаще других... Опыт жизни, столкновение с негативными явлениями, сделали подростков требовательнее к изображению сверстника, к воплощению нравств. идеала. Отношение их к [роману В. Крапивина "Мальчик со шпагой"] отличается индивидуальным разнообразием. При обсуждении индивид. как-то стихийно возникал спор между читателями. Одни были настроены критически, говорили, что Сережа Каховский в романе – это хар-р исключительный, выдуманный. Такого в жизни не встретишь. Другие верят в

правдоподобие выведенного хар-ра, сомневаются только в отдельных подробностях, например, в том, что Серёжа мог выбить нож из рук бандита... Некоторые приводили массу примеров из жизни, уверяли, что встречали таких, как Серёжа, что даже брат есть такой же, или друг, или знакомый во дворе, в пионерлагере. Доказывали, что таким, как Серёжа: смелым, гордым и благородным, чутким, быть можно и нужно... Самые интересные для детей страницы – это страницы о дружбе ребят, об Олеге, сплотившем ребят в “Эспаду”, о коллект. чувстве чести, о смелости и гуманности одиннадцатилетнего рыцаря Сережи Каховского. Нравств.-эстетич. акцент этого произв-ия соответствует эстетич. ожиданиям читателей. “Один за всех и все за одного” – так кратко выражают суть романа дети. И радостно вспоминают все случаи, когда звучит в романе его призывный рефрен: “Не тронь товарища!” А история дружбы членов “Эспады”, их преданность своему делу не раз вызывают у читателей слезы восторга. “Я начал плакать от уважения и любви ко всем членам клуба”, – пишет Сергей П. из г. Славянска. “Когда я читала их, – пишет Светлана Т. из г. Салехарда, имея в виду книги В. Крапивина, – плакала. И это были не слезы жалости... а хорошие, светлые слезы”... В письмах в Дом дет. книги школьники 4, 5, 6-го классов признаются, что или создали такую “Эспаду” у себя, или решили создать и просят совета у автора, как это сделать. Четвероклассница Таня Макарова, капитан уже созданной команды “Эспада”, пишет: “Теперь я полюбила звон клинков, фехтование, птицу из стали в руке. Я сочинила об “Эспаде” стихи. Я знала: “Эспада” – по-испански, а по-русски – это значит “шпага”. И мы сделали свой отряд. Он помогает и совершает операции. У нас есть свой знак, девиз. У нас и Арамис, и Атос, и Портос, и д’Артаньян, и их песня, и наш гимн” (село Алексеево Оренбургской обл.). Так нравств. идеал писателя претворяется самими детьми в жизнь... Юра В. задумался о себе после чтения книги В. Крапивина “Мальчик со шпагой”. “Я не знаю, чем я изменился, – пишет Юра, – но мама утверждает, что после этой книги я очень изменился» (Сандалова, 1982; 12, 13–14, 15–16, 18, 19, 21–22).

Об опросе 265 детей 12–15 лет в Ярославле в 1997 году: «Любимыми авторами книг по данным опроса оказались: В. Каверин (“Два капитана”), Э. По (“Золотой жук”), Ж. Верн (“Таинственный остров”), В. Крапивин (“Мальчик со шпагой”), К. Льюис (“Хроники Нарнии”), А. Конан Дойль, М. Рид... Большинство из этих книг традиционно любимы детской аудиторией...» (Олейников, 1998, 56).

МАЛЬЧИШЕСКАЯ честь – см.: *Честь мальчишеская.*

МАЛЬЧИШЕСКАЯ школа – то же, что мужская школа. См.: *Мужские школы.*

О 1953 годе: «И я вас знаю! – оживившись, сказала Настя. – Только я не в вашем доме живу, а в семнадцатом, рядом с мальчишеской школой. Меня Настей зовут» (Карелин, 1954, 51)

МАЛЬЧИШЕСКИЕ игры – игры, в которые играют главным образом мальчики, свойственные мальчикам.

О начале 1960-х гг.: «Учительница принимает ребят в пионеры, назначает и смещает председателей... Учитель собирает ребят на сбор и тянет их на экскурсию, делает десятки других дел, помимо, а иной раз и вопреки воли ребят. Что привлекательного для ребят в этой пионерской работе? Она не по душе ни девочкам, ни мальчикам. Но девочки послушнее... А мальчишки – мальчишки спешат удрать на улицу, где ждут их свои игры и затеи, о которых мы часто с раздражением говорим: “Уличные, хулиганские”...» (Матвеев, 1965, 39–40).

Лит.: Зимица Т. Игры мальчиков. // РД, 2006, 141–147.

См.: *Жоска; Чика; Чиж; Футбол; Хоккей; Расшибалка; «Пёршики».*

МАЛЬЧИШЕСКИЕ компании – см.: *Уличные мальчишеские компании.*

МАЛЬЧИШЕСКИЕ неписанные правила.

О середине 1910-х гг.: «Девочка брела, низко опустив голову. Её... голубые глаза... сейчас были полны слёз... “Нюрка! Что с тобой?” – Валерий растерялся... По 282

неписанным мальчишеским правилам, если девочка плачет, – надо дразнить её “рёвой”... Дразнить совсем не хотелось» (Водопьянов, 1959, 14–15).

См. также: *Честь мальчишеская; Мальчишеские ценности.*

МАЛЬЧИШЕСКИЕ ценности – ценности «мальчишеского мира»; ценности, присущие мальчишескому «сообществу», мальчишеской субкультуре.

О 1960-х гг.: «В [пионерский] лагерь съезжаются дети из разных школ... Объединенные в отряд мальчишки всегда показывают себя друг перед другом. В мальчишеской среде набор “достоинств” своеобразен – авторитет кулака, внешняя грубость, жестокость и т. п. Это и есть показатели мужества, по их понятиям» (Шмаков, 1970а, 73).

О 1960-х гг.: «...Самой высокой моральной ценностью у мальчишек обладают смелость, отвага, решительность. Ни один из них не упустит подходящего случая показать, доказать, убедить, что он-то наделен этими качествами сполна. В автобус он склонен вскочить на ходу и проехать в нем, если едет не один, а с приятелями, по возможности, без билета. В холодную речную струю, если на него смотрят другие, он кинется, не раздумывая, а уж если поспорит с друзьями, то сможет, пожалуй, холодея от страха, дотронуться поздним вечером и до мраморной плиты. Всеобщему осмеянию с широким использованием специально созданного на этот счет фольклора подвергается малейшее проявление жадности. Глубочайшим презрением встречается всякая попытка похвастаться чем-нибудь – папиной машиной, своими собственными сокровищами или своими несуществующими успехами, вымышленными качествами и свойствами. Есть у мальчишек еще и особая категория умений, которая тоже влияет на положение человека в обществе, определяет его моральный вес. Невероятно стыдно человеку в этом возрасте не уметь плавать, – это унижает тебя в твоих собственных глазах и глазах окружающего. Или не уметь свистеть, какой же ты мальчишка, если не можешь, вложив в рот три пальца, огласить округу оглушающим посвистом? Наконец, что же ты за парень, если не умеешь влезть на дерево?.. Есть категория предметов, о которых с вожделием мечтают в детстве. Ценность их отнюдь не определяется ценой в магазине. Ценность их в том, что они будят воображение, придают могущество. Милицейский свисток, офицерская линейка с пробитыми в ней буквами и цифрами и условными знаками, бинокль, старинный штык, большая пуговица, моток изоляционной ленты, ртуть в коробочке. Раньше это были бабки, кусок свинца, стреляные гильзы, рогатка, перышки – “рондо”, “восемьдесят шесть”, “лягушка”, “пионер”. У девочек не падает цена на фантики, яркие открытки, фотографии киноартистов, “золото” от шоколада» (Матвеева, 1970; 16, 18).

См. также: *Кодекс мальчишеской чести; Мальчишеские неписанные правила, Честь мальчишеская.*

«МАЛЬЧИШКИ и девчонки» – 1. Песня, написанная в середине 1950-х гг.; музыка А. Островского, слова И. Дика.

Текст: «[1] Ровесники, ровесницы, / Девчонки и мальчишки, / Одни поём мы песенки, / Одни читаем книжки. [Припев:] Девчонки, мальчишки, мальчишки, девчонки! / Мы учимся вместе, друзья! / Всегда у нас весело в классе! / Да здравствует дружба, ура! [2] Идём по общей лестнице, / Звонко услышав громкий, / Ровесники, ровесницы, / Мальчишки и девчонки. [Припев] [3.] Ровесники, ровесницы, / Мальчишки и девчонки, / Пусть будет дружбы вестником / Припев вот этот звонкий. [Припев] (ПДД, 1995, 118).

«...Песенка, что пришла из популярной радиопередачи “Мальчишки и девчонки”, песня о дружбе: “Ровесники, ровесницы, девчонки и мальчишки! Одни поем мы песенки, одни читаем книжки...” Мысленно слышу, как вы сейчас подхватили озорной припев этой песни: “Девчонки-мальчишки, мальчишки-девчонки, мы учимся вместе, друзья. Всегда у нас весело в классе. Да здравствует дружба, ура!...” Пели? Конечно, пели, не сомневаюсь» (Лагина, 1987, 42).

«МАЛЬЧИШКИ и девчонки» – 2. «...Песенка, что пришла из популярной радиопередачи “Мальчишки и девчонки”, песня о дружбе: “Ровесники, ровесницы...”» (Лагина, 1987, 42).

См.: «Мальчишки и девчонки» (1).

«МАЛЬЧИШНИЦА» – прозвище девочек, которые «водятся» (общаются, играют, дружат) с мальчиками.

О 1938 г.: «Когда они учились уже в седьмом классе, Ленка Немалаяев, увидев Надю и Костю идущими вместе в школу, крикнул им вслед: “Девчатник!”... После уроков в классе был пионерский сбор... Костя... попросил слова. “Ребята! – сказал он. – ... Сегодня один мальчик назвал меня “девчатником” за то, что я дружу с девочкой... Я считаю, что имею право дружить с девочкой, а кто говорит “девчатник” – это пережиток капитализма!”... Девочки захопатали... Кто-то из ребят спросил, хорошо ли, когда девочки называют друг друга “мальчишницами” за дружбу с мальчиками» (Артюхова, 1961, 25–26).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Аню Баратову дразнили в школе “мальчишницей”, потому что она одинаково хорошо и просто водилась как с девочками, так и с мальчиками. И ни Гешке, ни Плинтусу, ни тихонькому Коле Званцеву, ни воинственному задире Лукашину никогда не приходило в голову подразнить Аню, как других девчонок. Она была своя. С ней было интересно» (Кассиль, 1987–1, 20–21).

О конце 1930-х гг.: «С девчонками Люська никогда не играла и большую часть времени проводила среди нас, мальчишек, за что её и прозвали “мальчишницей”... “А ты, а ты мальчишница. Всегда с мальчишками вертишься”. Люська помрачнела» (Рыжков, 1979; 9, 53).

О десятилетних детях в нач. 1960-х гг.: «Мальчишки грубы по отношению к девочкам, толкают их, таскают за косы. Не мудрено, что девочки избегают мальчишек. Мальчишки любят объединяться для игры в футбол и принимают девочек-“мальчишниц”, чтобы укомплектовать команду» (Матвеева, 1966, 34).

О пятиклассниках в 1970-х гг.: «Максим толкает её в сугроб, наталкивает снегу за шиворот и не торопясь уходит. Таня выплевывает из рта снег и сияет... Как прекрасна жизнь!.. Оля говорит ей вслед: “Мальчишница!” Оксана смеется: “За мальчишками бегает! Как не стыдно?” Лариса тоже смеется. Пускай смеются. Ни за кем она не бегает. Зачем ей бегать?» (Матвеева, [1982] 1985, 152).

См. также: «Парнишница». Ср.: «Девичий пастух»; «Девичий поп», «Девчатник», «Девчоночник».

«МАЛЮТКА» – Журнал для маленьких детей, выходил в Москве с 1896 по 1917 г.

МАЛЯРИЯ – «Острое инфекционное заболевание, сопровождающееся приступами лихорадки; болотная лихорадка» (Словарь, 1956–7, 579).

О конце 1920-х гг.: «Мы, Сушковы, – потомственные кузнецы. И отец мой, и дед, и прадед, и прапрадед – все отличные кузнецы и... знатные пьяницы... Отец мой был точь-в-точь как все Сушковы. И когда я мальцом заболел малярией, то и лечил он меня по-своему: как только начинало меня трясти в ознобе, брал два порошка хины, высыпал в граненый стакан с водкой и заставлял выпить! После этого я, укутанный в тулуп, согревался и засыпал. Лет восемь подряд с наступлением тепла трепала меня эта лихоманка, и все эти годы батя пользовал меня “народным средством” до тех пор, пока болезнь сама не отпустила. И как я не спил с младых ногтей и как вообще пьяницей не стал – не знаю, сам удивляюсь» (ИН, 1999).

О Сибири в нач. 1930-х гг.: «Во время половодья я заболел малярией, или, как её по Сибири называют, весухой. Бабушка шептала молитву от всех скорбей и недугов, брызгала меня святой водой, травами пользовала до того, что меня начало рвать, из города порошки привозили – не помогло. Тогда бабушка увела меня вверх по Фокинской речке, до сухой россохи, нашла там толстую осину, поклонилась ей и стала молиться, а я три раза повторил заученный от нее наговор: “Осина, осина, возьми мою дрожжалку-трясину, дай мне леготу”, – и перевязал осину своим пояском. Всё

было напрасно, болезнь меня не оставила. И тогда... моя тетка Августа... заявила, что она безо всякой ворожбы меня вылечит, подкралась раз сзади и хлестанула мне за шиворот ковш ключевой воды, чтобы “выпугнуть” лихорадку. После этого меня не отпускало и ночью, а прежде накатывало по утрам до восхода и вечером после захода солнца. Бабушка назвала тетку дурой и стала поить меня хиной. Я оглох и начал жить как бы сам в себе... Со двора меня никуда не выпускали, в особенности к реке, так как трясуха эта проклятая “выходила на воду”» (Астафьев, 1989–1, 33).

МАМА – см.: *Мать*.

МАМА – [мамá], слово «мама», произносимое на французский манер.

Илья Львович Толстой (1866 г. р.), сын Л.Н. Толстого, о нач. 1870-х гг.: «...Мамá... должна всё для нас делать. Она следит за нашей едой, она шьёт нам рубашки, лифчики и штопает наши чулки, она бранит нас, когда мы по росе намочим башмаки..., она – всё. Что бы ни случилось: “Я пойду к мамá”. “Мамá, меня Таня дразнит”... Никому из нас в голову не могло прийти, чтобы мамá могла когда-нибудь устать, или быть не в духе, или чтобы мамá что-нибудь захотела для себя. Мамá живёт для меня, для Серёжи, для Тани, для Лели, для всех нас, и другой жизни у неё и не может и не должно быть» (Толстой, 1969, 37).

«МАМА горшком машет» – выражение из речевой практики подростков, озвначающее: «Уже поздно, пора идти домой».

О девочке 11-15 лет в с. Костыгин Лог в 1996–2000 гг.: «Когда мы с друзьями вечером гуляли и кто-то вдруг говорил, что ему пора домой, то в ответ он слышал: “Что, мамá горшком машет?” Или если хотели, чтобы человек ушёл, ему говорили: “Тебе мамá уже горшком машет”» (137).

О подростках 16–17 лет в 2002–2003 гг.: «“Детское время вышло” или “Тебе мамá горшком машет”, – говорили в нашей компании, когда один человек из компании раньше всех собирался домой или если кто-либо уходил раньше 23.00» (138).

Ср.: «Горшок звенит», «Детское время...».

«МАМА для мамонтенка» – мультфильм (1981) режиссера О. Чуркина. Большую популярность получила прозвучавшая в мультфильме «Песенка мамонтенка».

О девочке 6 лет в 1992 г.: «Мои любимым мультфильмом детства был “Мамонтенок”... В нём мне нравилось то, что этот маленький, покинутый детёныш стремится обрести материнскую любовь. Его желание, мечта быть с той самой единственной мамой, несмотря на все испытания, так трогает детское, чистое сердце, что до сих пор, [когда я смотрю] этот мультик, [во мне] просыпается чувство сострадания, горечи за тех детей, которые не могут познать, обрести и прочувствовать любовь дорогой, родной, любимой матери» (197).

О Шадринске в 1993–1994 гг.: «Мультфильм про мамонтенка я запомнила песенкой, которую исполнял мамонтенок. Когда я слышала эту песню, я плакала. Этот мультфильм появился в моей жизни, когда мне было 8–9 лет» (103).

О Шадринске в 1993–1994 гг.: «Когда я была маленькая, моими любимыми мультфильмами были “Приключения мамонтенка” и “Снежная королева”. В мультфильме о мамонтенке мне нравилась музыка и песенка. Этот маленький мамонт, не боясь неизвестности, поплыл искать свою маму. Я смотрела этот мультик, потому что, наверное, каждый из детей может потеряться, а ребенку без мамы очень плохо. Этот мульт мне нравится до сих пор». (122).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1993–1994 гг.: «Мультфильм “Мама для мамонтенка” – очень добрый и жалостливый мультфильм моего детства. Сознательно я помню этот мультфильм лет с 7–8. Всегда плакала, когда смотрела этот мультик. А ещё у двоюродной сестры был диафильм “Мама для мамонтенка”, мы всегда с радостью смотрели его и слушали, когда Люда его озвучивала. Песенку мамонтенка пели хором. Я и сейчас с удовольствием смотрю этот мультфильм» (011).

О девочке 5–6 лет в середине 1990-х гг.: «Моим одним из самых любимых мультфильмов в детстве был мультяк про мамонтенка, мне нравился мамонтенок, как он путешествовал, преодолевая трудности, чтобы найти свою маму. Также мне нравилось, как он поёт песенку и находит свою маму, преодолев все трудности» (192).

«**МАМА, чао!**» – песня.

Из «Песенника пионера первой ступени» 1959 г.: «Мама, чао! Песня итальянских пионеров. Русский текст А. Тверского». Воспроизводим приводящийся далее текст песни: «1. Я проснулся сегодня рано, / Мама, чао, мама, чао, / Мама, чао, чао, чао, / Я проснулся сегодня рано / В нашем лагере в лесу. 2. Светит солнце, сверкает ярко, / Мама, чао, мама, чао, / Мама, чао, чао, / Светит солнце, сверкает ярко, / В гости к солнцу я иду. 3. Смело в горы иду высоко, / Мама, чао, мама, чао, / Мама, чао, чао, чао, / Смело в горы иду высоко, / Горных там цветов нарву. / 4. Шлю отчизне букет огромный, / Мама, чао, мама, чао, / Мама, чао, чао, чао, / Шлю отчизне букет огромный, / Свою родину люблю!» (ПП, 1959, 90–91).

Из сб. 1963 г.: «Мама, чао! Песня итальянских пионеров. Музыка народная [Русский текст А. Тверского]». Текст (без рефрена «мама, чао...» и повторяющейся третьей строки): «1. Я проснулся сегодня рано / В нашем лагере в лесу. 2. Светит солнце, сияет жарко / В гости к солнцу я иду. 3. Смело в горы иду высоко, / Горных там цветов нарву. 4. Шлю отчизне букет тюльпанов, / Свою родину люблю!» (Кругоскоп, 1963, 325).

Судя по годам публикации песни в изданиях 1959 и 1963 гг., песня была известна в детско-пионерской среде в конце 1950-х гг. – первой половине 1960-х гг. Автор словаря неоднократно слышал эту песню (без второго куплета) в пионерском лагере в 1970-е гг.

О 1987 г.: «В детстве я часто ездила в лагерь... “1. Я проснулся сегодня рано, / Мама, чао, мама, чао, чао, / Я проснулся сегодня рано / В нашем лагере в лесу. 2. Светит солнце, сияет ярко, / Мама, чао, мама, чао, чао, / Светит солнце, сияет ярко, / В гости к солнцу я иду. 3. Смело в горы иду высоко, / Мама, чао, мама, чао, чао, чао, / Смело в горы иду высоко, / Горных там цветов нарву. / 4. Шлю отчизне букет огромный, / Мама, чао, мама, чао, чао, чао, / Шлю отчизне букет огромный, / Свою Родину люблю”» (493).

О с. Ястребинка Пресновского р-на Сев.-Казахстанской обл. в 1992–1995 гг.: «Когда я училась в начальных классах, мы пели песню “Мама, чао!” под граммофонные пластинки. Мы исполняли их 8-го марта для мам» (019)

Таким образом, песня была частью культуры русского детства в 1950-х – 1990-х гг.

МАМЕНЬКИН сынок – избалованный, изнеженный мальчик, подросток.

О 1941 г.: «Ребята постарше всё ещё не принимали Ростислава играть с ними в чижика, как мелюзгу и маменькиного сынка» (Холопов, 1995, 103).

О середине 1950-х гг.: «А на [мальчика-подростка] Женю смотрели с презрением. Ведь в самом деле, как это противно: все ребята работают, а несколько маменькиных сынков и дочек околачиваются в классе! Ручки боятся испачкать» (Мелентьев, [1958] 1961, 72).

О 1980-х гг.: «Мама всегда ставила мне в пример Филиппа. Однажды я делал планёр, и мне нужен был клей. Я полез в кухню на полку и разбил две тарелки. Мама сказала, что я непослушный и что вот Филипп никогда не разбил бы тарелки. Он такой примерный мальчик... “Настоящий мальчишка должен быть футболистом, – говорил я Филиппу, – а на скрипке пиликают только маменькины сынки. Неужели ты не понимаешь, что занимаешься ерундой?”» (Сергеев, 1990, 14).

МАМЕНЬКИНА дочка – (иронически) избалованная, изнеженная девочка.

О 1910-х гг. «Мы, ребята, тоже делились на два лагеря: на девчонок и мальчишек. Мальчишки ни за что не хотели играть с девчонками. Нам, девчонкам, это было обидно, хотя мы и сами видели, что со многими из нас играть и вправду никак нельзя. Бывало, во время игры подвернётся какая-нибудь девчонка под арабский мяч или под лапту – рёв поднимается на весь двор. На

крик дочка вылетит мать и, не долго думая, натреплет парнишке вихры, надерёт уши... Вот и перестали мальчишки принимать нас в свою компанию... Тогда я и мои подруги решили заключить с мальчишками договор: они принимают нас во все игры, а мы зато обязуемся не реветь и не ябедничать. Мальчишки нас приняли. И с этих пор ребята на нашем дворе делились не на мальчиков и девочек, а по-другому: в одном лагере – сильные и смелые, в другом – плаксы и маменькины дочки» (Васильева, [1932] 1971, 17–18).

О середине 1920-х гг.: «Лена рыдала самым настоящим образом. “Потом поеду к Алёшке, и мы пойдём в зоопарк или на Воробьёвку. Потому что мы будем сводные трудящиеся, а ты маменькина дочка...”» (Перфильева, 1961, 141).

» (100).

«**МАСТЕРСКАЯ Деда-Мороза**».

О середине 1950-х гг.: «...В дни подготовки к новогодней ёлке... во многих школах... открывается “Мастерская деда-мороза”. Заглянем в школу № 14 города Горького... давно работает в школе “Мастерская деда-мороза”. С помощью Дворца пионеров совет дружины открыл её, когда началась подготовка к новомуднему празднику. Шестнадцать пионеров стали консультантами по изготовлению елочных игрушек, масок, украшений...» (Гусев, 1957, 117).

О конце 1950-х гг.: «А сколько радости доставляют октябрятам организованные пионерами к Новому году мастерские Деда Мороза, фабрики игр и игрушек, на которых под руководством пионеров малыши делают игры и игрушки для своей октябрянской мастерской и в подарок детскому саду» (Панова, 1960, 30).

МАСТЕРСКАЯ школьная – специально оборудованное помещение для трудового обучения школьников (преимущественно 5–8 классов) в 1950-х – 1980-х годы. В обычной шк. мастерской имелось 20–25 одинаково оборудованных ученич. рабочих мест. (ТВПО, 1968, 138–139).

О вт. пол. 1950-х гг.: «В своих школьных мастерских [ребята] ремонтируют и красят парты, вешалки из гардероба, учительские столы, стулья и другую школьную мебель» (Хотиловская, 1959, 33).

МАТЕМАТИКА – учебный предмет, пришедший в конце 1960-х гг. на смену арифметике.

О девочке, учащейся в третьем классе: «...Рита ... грустно добавила: “Мне сегодня по математике тройку поставили. А я на пятерку отвечала”». (Вяземский, 1986).

МАТЕРИТЬСЯ (о мальчиках) – неприлично браниться.

О 1918–1922 гг.: «Через уличную среду в речь юного поколения ворвались два мощных вербальных потока ненормативной лексики: мат и воровской жаргон... Дети буквально на лету подхватывали то, что носилось в воздухе. А воздух послереволюционной России был густо пропитан матерной бранью. Петроградский интеллигент, шокированный и удрученный этим нашестием матерщины..., с горечью повторял: “Матерная брань висит в воздухе... Неужели это наша национальная особенность и присущая только одним нам. Как тяжело это... Особенно, когда дети, подражая старшим, употребляют эти ругательства. Семи-девятилетние дети”... Рабочая среда, в которой мат и блатной жаргон имели широкое распространение, через своих младших представителей оказывала влияние на детей из других социальных слоев. Обычно в рабочих семьях знакомство с уличным языком начиналось буквально с пеленок... Брань детей по размаху и многообразию не уступала песням. Определенное количество детей из этой среды и в прошлом попадало в сред. учеб. заведения, но под влиянием окружения довольно быстро меняло свои языковые навыки. Теперь же в школу (гл. образом в младшие и сред. классы) ворвалась толпа самых уличных мальчишек, которых так боялись раньше благопристойные семьи гимназистов... Под её массивным воздействием стала быстро преобразовываться школьная языковая среда» (Балашов, 2003, 139–140).

О мальчиках 7–9 лет в 1947 году: «Женька хитро улыбался, подмаргивал, пытался подлизаться. Я не шел навстречу, но однажды поймался, вернее, купился на предмет своего вождения – жжёный сахар... За неимением шоколадных конфет он по справедливости считался лакомством... [Женька] рассказывал, как жили они в Сибири, где имевший бронь отец работал на оборонном заводе. Общение с блатнягами (так девятилетний Женька называл заводских корешей) помогло ему познать нехитрую уличную науку: плевать сквозь зубы длинной тонкой струйкой, курить, произносить матерные слова. “Хочешь, научу?” – обратился он ко мне с невинным видом, без всегдашнего шутовского подмигивания. Плеваться я не любил, курить не хотел, а вот слова заинтересовали. Привлекало, что они – матерные, то есть *материные*, ими можно с нею поделиться. “Ещё как можно”, – подтвердил Женька и предложил сахару. Он редко бывал щедрым, и я взял у него одну плиточку. “Повторяй за мной... – и он произнес два коротких, непривычно звучащих слова. – Выучишься, еще сахару дам, у меня много”. Я оказался способным учеником. За час урока выучил пятнадцать *материных* слов и выражений и съел две жёлтые плитки, припрятав на завтра ещё три, честно заработанные. Не терпелось продемонстрировать матери свои новые познания. Улучив момент, в один присест выдал заученное на Женькином уроке. Мать выронила крышку от кастрюли. “Где же ты услышал?” – едва вымолвила она, в испуге прикрыв ладонью рот. “Женька научил”, – с гордостью ответил я, умолчав, правда, о полученном вознаграждении. “Ты хоть понимаешь эти слова?” “Это матерные слова”, – с не меньшей гордостью заявил я. “Не матерные, а матерные, глупенький, ругательства, их вслух нельзя произносить и вообще не надо знать”, – сказала мать с горестной интонацией, заставившей меня опешить. Хотел сделать приятное и только расстроил её... Вскоре хлопнула входная дверь. Через полчаса мать вернулась... К вечеру она угостила меня жёлтыми сахарными плитками... “Не знала, что ты так любишь сахар, – как бы извиняясь, сказала она... – А то, чему Женька учил, постарайся забыть, ладно?» (Гай, 1987, 51–53).

О 1970-х гг.: «“Посмотри, как одевается товарищ, трах-тара-рах! Понял? Подожди, я ещё расскажу, кто его папаша, тра-тара-рах!” Венька – редкий матершинник. Динка краснеет и начинает жалобно тянуть: “Помидор, что же ты сделал в прошлый раз?! Я иду с девочкой, а он подскакивает и начинает разговор с матом. Помидор, что ты сделал? Она из интеллигентной семьи!” “Да ладно, не плачь, – говорит Венька. – Что ты, трах-тара-рах, расплакался?...”...» (Левинзон, 1980, 53).

См. также: *Сквернословие*.

МАТЕРШИННИК – персонаж девичьих «вызываний».

О вт. пол. 1980-х гг.: «Как-то однажды вызывали мы Золушку, для того чтобы она исполнила твоё заветное желание... Потом мы как-то вызывали русалочку... Как-то раз вызывали матершинника. Надо было ночью положить 12 карандашей под кровать, зеркало – под подушку. И говорить при этом: “Матершинник, приходи”. Когда узнала мама, нам влетело по первое число. Больше мы этого не делали» (537).

МАТЕША – (школьно-жаргонное) то же, что *математика*.

О 1970-х гг.: «“...Ох и трудно с вами, вундеркиндами... Дай лучше матешу скатать...”...Привлеченная криками, из кухни вышла бабушка в переднике. “Мы решаем задачки по математике, – не моргнув глазом, соврал Гриша и преданно устался на бабушку. – Повторяем пройденное...”... А в конце Гриша уже без смущения “скатывал матешу”, то есть списывал задачку по математике, которую я ему решал, запикивал тетрадку в сумку и исчезал до завтра... Я... твёрдо решил – сегодня ни за что не буду за Гришу решать математику... Дождавшись, когда Гриша раскрыл тетрадь и вопросительно устался на меня, мол, подавай матешу... Гриша почувствовал, что на сей раз “скатать матешу” ему не удастся...» (Машков, 1982).

«**МАТКИ, матки...**» – в процедуре деления на две команды в играх-соревнованиях – начало традиционного обращения к главам двух будущих команд («Матки, матки, чей запрос?», «Матки, матки, чей запрос?», «Матки, матки, чьи отгадки?»).

О конце 1910-х гг.: «Но если бы в ребячьей игре при делении на две команды меня спросили: “Матки, матки, чей запрос? “Иртыша” или “Ольгу”?» – я бы ни минуты не колебался бы в выборе» (Коковин, 1972, 124).

МАТРЕШКА – деревянная кукла (румяная, круглолицая, в крестьянской одежде) со вставляющимися в неё куклами меньшего размера.

О середине 1950-х гг.: «Сидя на корточках, девочка держала в одной руке резиновую куклу, в другой – деревянную матрёшку» (Котовщикова, 1960, 3).

О конце 1950-х гг.: «Тут были матрёшки с намалёванным румянцем, и всякие на шнурках акробаты..., и резиновые пупсы...» (Виткович, Ягдфельд, 1961, 168).

«Восемь кукол деревянных, / Круглолицых и румяных, / В разноцветных сарафанах / На столе у нас живут. / Всех Матрешками зовут. / Кукла первая толста, / А внутри она пуста. / Разнимается она / На две половинки. / В ней живет еще одна / Кукла в серединке. / Эту куклку открой – / Будет третья во второй. / Половинку отвинти, / Плотную, притертую, – / И сумеешь ты найти / Куклку четвертую. / Вынь ее да посмотри, / Кто в ней прячется внутри. / Прячется в ней пятая / Куклка пузатая, / А внутри пустая. / В ней живет шестая. / А в шестой – / Седьмая, / А в седьмой – / Восьмая. / Эта кукла меньше всех, / Чуть побольше, чем орех. / Вот, поставленные в ряд, / Сестры-куколки стоят...» (Маршак, [1958] 1968–1, 166–167).

О нач. 1960-х гг.: «Проехать и ещё разок посмотреть в новом магазине покупные самокаты!.. А Вовка... сегодня сбегал туда и посмотрел самокат. Стоял он там, стоял и вдруг видит – Люська на матрешек глазееет...» (Зобнин, [1962] 1963, 114–115).

О 1960-х гг.: «Некоторые игрушки специально сделаны для того, чтобы приучить детей правильно распознавать цвет, величину и форму предметов. Таковы вкладные мисочки..., грибки, шарики, матрешки, пирамидки...» (СВ, 1967, 99).

МАТРОСКА – детская блуза с большим воротником особого покроя, напоминающая форменную блузу матросов.

Матроска у девочек.

Об 11-летней девочке в Одессе в конце 1900-х гг.: «...Она была в матроске с синим воротником, в короткой плиссированной юбке» (Катаев, [1972] 1983–1, 170).

О девушке 16–18 лет в 1910-х гг.: «Когда, в ожидании чая, мама предложила нам с Верочкой пройтись по саду, она охотно поднялась с места и... спросила: “А что, гигантских шагов у вас нет?”... Всё мне нравилось в Верочке: и светло-каштановые кудрявые волосы, коротко остриженные вопреки моде, и тёмно-синий английский костюм, – сняв жакет, она оказалась в белоснежной батистовой матроске, широко открывающей шею, – и белые спортивные туфли без каблучков. Не хватало ей только теннисной ракетки» (Игумнова, 1957, 125).

О 1949 году: «А потом одна маленькая девочка играла на баяне... Такая хорошенькая девочка в матроске» (Эмден, 1952, 112).

Матроска у мальчиков.

О конце 1890-х – нач. 1900-х гг.: «На мне были сапожки, новенькая матроска с отглаженными воротничками, короткие волосы были приглажены и причесаны с боковым пробором... Я таскал ненавистную теперь для меня матроску с отложным воротником и белыми каемочками» (Романов, [1928] 1990; 204, 210).

О мальчике в 1905 г.: «На Пете был городской праздничный костюм...: шерстяная синяя матроска с короткими штанишками вдоволь по воротнику белыми тесемками, короткие штанишки» (Катаев, 1961, 8).

О мальчике, пришедшем на именины к десятилетней девочке в середине 1910-х гг.: «...Гога вышел на переднюю комнату. Он был одет в темно-синюю шерстяную матроску, очень длинную и собранную внизу

на резинке.. Коротенькие штанишки почти совсем не были видны из-под матроски, и Марийке сперва показалось, что Гога вовсе без штанов. Марийка фыркнула и даже привстала от удивления. Нет, всё-таки штаны были, только очень-очень коротенькие. Несколько минут Гога стоял и молча теревил на своей матроске галстук» (Бродская, [1938] 1957, 57–58).

О 1930-х гг. «К Первому маю я сшила Олегу две обновки: простую рубашку и матроску» (Цит. по: РР, 1963, 15).

О середине 1930-х гг. в Москве: «И вот я вышел в первый раз из дома на прогулку во двор. В белых носочках, сандаликах, береточке, матросочке... Местные мальчишки тотчас решились... “подкинуть пачек” новосёлу из “гнилых интеллигентов”... Я уже знал, что если к тебе подступают группой, – бей сразу главного, бей первым. Удалось сбить его с ног, другие затихли, зауважали барчука в матросочке» (Стриженов, 1999, 11–12).

О лете 1943 г. в Харькове: «Мальчик в синей матроске, в коротких штанишках, колено аккуратно перебинтовано» (Гурченко, [1980] 1987, 83).

О конце 1940-х гг.: «Рядом с ней мальчик в матроске, тоже обеспокоенный разлукой» (Артюхова, [1955] 1961, 200).

О середине 1950-х гг.: «Алёша подался вперёд, и на его аккуратной матроске с отложным воротником и шитыми золотыми якорями заблестели крупные капли... “Предатели!” – закричал Алёша с горечью, отжимая матроску и штаны... Не так уж приятно чувствуешь себя в мокрой одежде: штаны липнут к ногам, матроска плотно пристала к животу и спине...» (Мошковский, 1959; 74, 75).

О середине 1960-х гг.: «Нам повстречались / Муж с женой, / Малыш / В матроске шерстяной, / Подростки-пареньки» (Барто [1969] 1969–1, 285).

МАТРОССКАЯ КУРТКА – «Вдруг она увидела, что в ворота бежали два незнакомых мальчика. Один из них был в длинных брюках и синей матросской куртке, другой – в коричневом костюме с коротенькими штанами» (Носов, [1952] 1979–1, 209).

МАТРОССКАЯ ШАПКА – детский головной убор в виде форменной матросской бескозырки.

О мальчиках 10–11 лет в середине 1870-х гг.: «Паньчи, как и всегда, были одеты в красивые, изящные костюмчики... На обоих были одинаковые матросские шапочки с черными ленточками. На каждой ленточке золотыми буквами значилось имя владельца шапочки» (Вировский, [1901] 1975, 82).

О конце 1920-х – начале 1930-х гг.: «...Она повела меня к... скамейке, где сидел... худенький мальчик в пальто и матросской шапочке» (Смирнова, 1963, 77).

О перв. пол. 1930-х гг.: «Матросская шапка, веревка в руке, веду я кораблик по быстрой реке...» (Барто, [1936], 1969–1, 20)».

О 1947 годе: «Она... надела на него... матросский костюм и матросскую шапку с лентами – очень много вещей!» (Панов, [1955] 1956, 447).

О 1940-х гг.: «...Волькина матросская шапка с черными ленточками весело мелькала в кустах» (Осеева, [1950] 1985–2, 379).

О 1950-х гг.: «И пуше всего / он завидует Вовке – / Подарку сестры – / Необычной обновке. / Надета на Вовке / Красивая, / Ноская, / Синяя, / С лентами / Шапка матросская» (Бедарев, 1961, 24).

МАТРОССКИЙ КОСТЮМ

Матросский костюм у девочек.

О нач. XX в.: «После четырех лет костюмы мальчиков и девочек становились отличными друг от друга. Костюм девочек сохранял свой хар-р, только становился длиннее. Распространены были платья, стилизованные под матросский костюм. Матросский воротник был не только синий, но и красный и черный. Сзади на воротнике вышивались якоря. Якорь был и на белой грудке, закрывающей вырез воротника. Спереди, под воротником, часто носили черный галстук. Манжеты соответствовали цвету и отделкой воротнику» (Ривош, 1990, 184).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Девочки собирались в гости. Был первый день Нового года, и наши знакомые

устроивали ёлку. К Новому году Анке, как старшей, купили в магазине матросский синий костюм: юбка в складочку, воротник обшит три ряда разноцветной тесьмой, на рукаве красный шелковый якорь – он нам нравился больше всего... “А может быть, это потому, что на Иришке была моя голубенькая кофточка? – прошептала Анка. – Лучше завтра я сама её надену. А Иришка пусть носит мою матроску”» (Смирнов, 1963, 97).

О девочках в дет. саду в г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «Одеты мы были неплохо и очень чисто... ...У нас с сестрой были и матросские шерстяные костюмы с юбками в складку, и шерстяные нарядные платья...» (Мосалова, 2007, 7).

Матросский костюм у мальчиков.

«...В конце XIX столетия самым распространенным костюмом для мальчиков становится “матросский” костюм, воспроизводящий упрощенные элементы военно-морской формы сначала Англии, а затем и других стран, в том числе и российской. Он состоял из белой или темно-синей блузы свободного покроя с отложным воротником и полосами, которая шилась из практичных моющихся тканей, и коротких или длинных штанишек той же ткани. Популярность этой одежды сохранилась до нашего времени» (Алёшина, 1995, 23).

О Дальнем Востоке в начале 1920-х гг.: «...Панковичи появились во дворе в своем замечательном экипаже. Валентин в нарядном матросском костюмчике спрыгнул с облучка, кивнул нам своей золотистой головкой: “Здравствуйте, дети!” – и ушёл в дом вместе с родителями» (Чаусов, 1963, 51).

О лете 1936 года: «Это был просто маленький Митька, с зареванным лицом, лохматый, в мятом матросском костюме и пыльных, стоптанных уже сандалиях» (Крапивин, [1971], 2001, 35–36).

Об ученике 3–4 класса в 1940–1941 гг.: «Вовка был пай-мальчик, ходил в чистеньком матросском костюмчике. Мать провожала и встречала его с занятий, боясь, чтоб он не набрался вступных манер от нас, “уличных” мальчишек» (Демиденко, 1962, 25).

О 1947 годе: «Она вымыла Сереже лицо, руки и ноги, надела на него носки, туфли, матросский костюм и матросскую шапку с лентами...» (Панов, [1955] 1956, 447)

О середине 1950-х гг.: «Из-за буфета выглядывал мальчик лет шести-семи в матросском шерстяном костюме» (Котовщикова, 1960, 29). «Однажды утром бабушка достала для внука матросский костюмчик и сказала: “Смотри не испачкай, пока мама с папой с работы не придут. Ты сегодня именинник. Рости здоровенький и счастливый”, – и крепко поцеловала его...» (Буцень, [1959–1966] 1977, 129).

МАТРОССКИЙ ТАНЕЦ – О середине 1940-х гг.: «Нам же, мальчишкам, гвардейцы подарили футбольные мячи... Когда гвардейцы пришли к нам в гости, мы читали им стихи, а Земфира сплясала матросский танец... Как выяснилось, Земфира вовсе не “цыганочка” и не Земфира, а Аня» (Шмерлинг, 1959; 173, 235).

О середине 1950-х гг.: «Миша пришёл радостный: бабушка сшила красивый костюм для матросского танца. Уж он станцует отлично, раз есть костюм! Он сразу же переоделся, надел круглую шапочку с пушистым помпоном... Снова заиграл Коля весёлое “яблочко”. Миша... сорвался с места. “Ай да танцор!” – воскликнул Николай Егорович, наблюдая, как Миша старательно отбивал чечётку. Услышав похвалу, Миша пустился вприсядку, да так лихо, что чуть не сбил с ног подвернувшуюся Надю Асафьеву» (Кудряшова, 1961; 97, 98).

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «Плясать я действительно плясал. В основном матросский танец “Яблочко”, знал несколько колен “русского”. По-настоящему же в танцевальном деле не “кумекал”. В школе многие мальчишки, в том числе и я, азартно отдавались “плясовому” занятию. Как зараза, распространялась среди нас матросская пляска. Плясали везде: и в школьных коридорах, и на улице, и даже у классной доски, когда какой-нибудь “танцор”, не зная урока, от волнения елозил по полу ногами. Учителя сердились,

когда мы, держась за парты, в проходе, между рядами, дружно на “раз” отбивали чечетку» (Заволокин, 2000).

МАТРОССКОЕ платье.

О 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Именно так – счастливо и весело – жилось ей в отпуске, когда вместе с Машей она приезжала в Полтаву. Дома в шкафу висело ее любимое платье – матросское, синее с белым, – сшитое к выпускному вечеру. Оно слегка выгорело, было тесноватым, но Лена и теперь надевала его. А как она волновалась в тот вечер, когда вошла в зал и увидела, что все девчонки в бальных платьях – белых, голубых, розовых, и только она одна... Впрочем, именно на это и делался расчет, и по глазам девчонки Лена сразу поняла, что её наряд приняла. Да, с матроской ей повезло: в ателье работала бывшая мамина ученица, и она сразу почувствовала фасон, который придумала Лена, – и широкий воротник, и большие накладные карманы с клапанами, и короткие рукава» (Гейдеко, 1981, 6).

МАТЬ – «Женщина по отношению к своим детям» (Словарь, 1957–6, 715).

Отношения матери и дочери.

О нач. 1960-х гг.: «Мы же, взрослые, бываем удивительно нечутки. Мама говорит в коридоре дочке: “Знаю я эти “пошла к подруге”. Чтобы в девять была дома”. И слышит в ответ: “А сама во сколько приходила, когда молодая была?” “Трубая, неласковая выросла, – горюет мама. – Дерзкая”. А девчонка влюбилась в мальчишку. И отправилась с ним в кино. А маме правду не скажешь – разве она поймет? Приходится врать» (Матвеева, 1966, 12).

Отношения матери и сына.

О нач. 1960-х гг.: «Володке теперь четырнадцать. У него прорезается басок Он, как все подростки на свете, не терпит “телячьих нежностей”. Если мать по старой привычке взъерошит его чуб, он может сказать сурово: “Не трогай меня за голову – не люблю!” Но он может сказать так же сурово: “Мам, отойди-ка, я сам посуду вымою. Устала же, что я, не вижу? И будет в этих словах настоящая нежность» (Матвеева, 1966, 24).

«**МАТЬ**» – роман М. Горького; в 1940-е – 1980-е гг. изучался в школе.

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 2002–2003 гг.: «Роман “Мать” М. Горького мы проходили в 11 классе» (011).

«**МАУГЛИ**» – 1. Повесть-сказка Р. Киплинга. В 1970-е годы был снят отечественный мультфильм «Маугли».

О мальчике в Свердловске в 1940-е гг.: «Из других первых книг впоследствии чаще всего вспоминались: “Русские сказки” Афанасьева..., “Маугли”, рассказы Сетона-Томпсона о животных» (Дробиз, 2004).

О Шадринске в 1993 г.: «Книгу Р. Киплинга “Маугли” я получила на свой девятый день рождения. И хоть она была довольно объемная, я решила прочитать её во что бы то ни стало от корки до корки. И я не пожалела о таком решении, потому что книга оказалась интересной, захватывающей, поучительной, а кроме того, я любила смотреть мультфильм с одноименным названием» (113).

«**МАУГЛИ**» – 2. Игра на «Денди», вероятно, то же, что «Книга Джунглей».

О Шадринске в 1992 г.: «Мне было 6 лет. Папа купил мне “Денди” и кассеты к нему. Там были различные игры, но больше всего любила игру “Марио” – играла допоздна... “Маугли” – ещё одна игра, которая мне нравилась. Там надо было собирать “алмазики”. И в конце сражаться со зверями (на основе книги)» (114).

«**МАША-РАСТЕРЯША**» – повесть (публ. 1956) Любови Фёдоровны Воронковой (1906–1976).

Из текста: «Жила-была девочка Маша. Утром встало солнышко, заглянуло в окно. А Маша спит. Пришла мама: “Маша, поднимайся, Маша, одевайся! Светит солнышко с утра, в детский сад идти пора!” Маша проснулась, открыла глаза: “Встану – не устану. Я немножко полежу да в окошко погляжу”. А мама опять: “Маша, поднимайся, Маша, одевайся!” Нечего делать – надо подниматься, надо чулки надевать. Оглянулась Маша – а чулок-то нет! “Где же, где мои чулки? / Обыщу все уголки. / Их на стуле нет, / И под стулом нет, / На кровати нет, / Под кроватью – нет...” Ищет Маша чулки,

никак не найдёт. А кошка на стуле мурлычет-приговаривает: “Ищешь, ищешь – не найдёшь, / А разыщешь – так пойдёшь. / Надо вещи убирать – / Не придётся их искать”. И воробьи за окном Машу поддразнивают: “Опоздаешь, Маша, / Маша-растеряша!”... Мама спрашивает: “Маша, скоро?” А Маша отвечает: “Надеваю чулки, / Обуваю башмаки”... Подошёл к окну петушок и запел: “Опоздаешь, Маша, Маша-растеряша!”... Мама спрашивает: “Маша, скоро?” А Маша отвечает: “Вот надену платье / И пойду гулять я!” А платья тоже нет нигде! “В чём пойду гулять я? / Потерялось платье! / Платье в горошину, – / Куда оно положено?...”... А кошка всё своё мурлычет-приговаривает: “Ищешь, ищешь – не найдёшь, / А без платья не пойдёшь... / Надо вещи убирать – / Не придётся их искать... / Опоздаешь, Маша, / Маша-растеряша!” Но тут Маша увидела своё платье. Обрадовалась... Бежит Маша в детский сад, торопится. А ребята в детском саду уже позавтракали и пошли гулять. Они увидели Машу и закричали: “Опоздала, Маша, / Маша-растеряша!”» (Воронкова, 1986–1, 25–28).

О 1933–1934 и о 1956 гг.: «Почти четверть века назад [то есть в 1933–1934 гг.] по радио передавался рассказ о приключениях “Маши-растеряши”. Маленькие слушатели Машу запомнили и полюбили. Вероятно, за то, что у неё был свой хар-р, за то, что приключения её были забавны, и, как это ни парадоксально... ..Меткое, удачно найденное имя “Маши-растеряши” оказалось таким крылатым прозвищем, которое и запоминается и легко применяется в жизни. “Эх, ты, Маша-растеряша”. Так ведь можно сказать и не только Маше, а похожей на неё девочке с другим именем. Так счастливо найденная Маша жила много лет среди слушателей радио, но на страницы книги не попадала. Когда и автор и редакторы о Маше вспомнили и прочитали радиорассказ о её приключениях, оказалось, что рассказ этот надо переписать, сделать его и более поэтичным, и более книжным, и даже более забавным. Радиорассказ оказался слишком растянут и недостаточно лёгким и хорошим. Л. Воронкова, автор радиной “Маши-растеряши”, переписала её, и вот в 1956 г. появилась впервые новая – книжная – “Маша»» (Эмден, 1958, 19–20).

«У этой книжки для малышей своя интересная судьба. [До 1941 г.] была лишь радиопередача про смешную девочку Машу-растеряшу, и многие тогда даже и не знали, кто её написал... Впервые эта повесть для самых маленьких была издана в 1956 г. в Детгизе. Печаталась в журнале “Весёлые картинки” (1967, № 9). В 1973 г. была напечатана в массовой серии “Мои первые книжки”... “Маша-растеряша” неоднократно переиздавалась – существует более десяти изданий на русском языке. В 1981 г. была переиздана в издательстве “Малыш»» (Путилина, 1986, 428).

О 1990-х гг.: «Когда девочка теряла свои вещи и не могла их найти, ей говорили: “Маша-растеряша”. Говорили как ровесники, так и взрослые» (154).

О девочке в 1990 г.: «Когда мне было 4 года, мама мне прочитала книгу “Маша-растеряша”. Мне это стихотв-ие понравилось я его даже знала наизусть» (120).

О девочке 3–4 лет в г. Далматово в 1991–1992 гг.: «“Маша-растеряша!” – говорила мне моя мама, когда я не могла найти что-нибудь из своих вещей. Я так говорила своим подружкам, когда они что-либо теряли. В этом случае фраза носила обзывательный характер» (136).

О девочке 5–7 лет в с. Ушаковское Катайского р-на в 1992–1994 гг.: «Слова “Маша-растеряша” я слышала, когда мне было лет 5–7, от родителей. Я приходила из школы, обязательно что-то теряя, то карандаш, то ручку, а родители называли меня “Машей-растеряшей”» (139).

МАШИНКА (парикмахерская) – машинка, которой стригли волосы в парикмахерской, в том числе и детям. Машинка нередко зацепляла и дёргала волосы, вызывая у остригаемого болевые ощущения.

О 5-летнем мальчике во вт. пол. 1940-х гг.: «Выдумали, будто он на девочку похож. Это прямо смешно... А что у него такие волосы, так их сколько раз стригли машинкой, и Сережа сидит смиренно, закутанный

простыней, и терпит до конца, а они всё равно растут опять» (Панова, [1955] 1956, 411).

МАШИНКА для очинки карандашей.

Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сент. 1935 г.: «...Обеспечить в 1936 г. произв-во для школьников... машинок для очинки карандашей в количестве 150 тысяч штук» (НО, 1974, 521).

МАШИНКИ, играть в машинки – детская сюжетно-ролевая игра.

О 1986–1987 гг.: «Я тоже принимала участие в мальчишеских играх. Мне было 5–6 лет и я играла с Сашей и ещё с одним мальчиком в машинки» (528).

МАШИНОПИСЬ – вид трудового обучения (практикум) в 9–10 классах во вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг., преимущественно у девочек. Программа практикума по машинописи включала осн. сведения по устройству пишущих машинок, о приемах выполнения различных машинописных работ и оформления служебных док-тов. Центр. место программа отводила практ. работам по выполнению заданий, требующих составления док-тов и машинописного их оформления. Для практикума по машинописи в школах организовывался, как правило, отдельный кабинет, в котором имелись пишущие машинки, плакаты, таблицы и иные пособия, представляющие собой образцы и формы служеб. док-тов. (ТВПО, 1968, 151).

«**МАЯК**» – журнал для детей старшего и среднего возраста, издавался в Москве с 1909 по 1918 год под редакцией И.И. Горбунова-Посадова. Это был журнал «толстовского направления», реализовавший просветительские задачи.

«Наряду с обычными отделами детских журналов – худ. произв-ия (повести, рассказы, сказки, стихи), науч.-поп. очерки, статьи (“По белу свету”, самоделки, развлечения) в “Маяке” был отдел “Письма наших читателей и ответы на них”, введенный в 1910 году... В рекомендательных списках литературы о крепостном праве (1911, № 2) и о том, что читать детям среднего и старшего возраста (1912, № 11), широко рекомендуется всё передовое, чем тогда располагала лит-ра для детей – рассказы и повести Горького, Станюковича, Мамина-Сибиряка, сборник “Знание” с рассказами В. Фигнер. В конце номера помещаются сказки, стихи, рассказы для младшего возраста, часто проникнутые... идеями любви ко всему живому, к умственному и физ. труду... В виде приложенных давались сборники рассказов, стихов, руководства по рисованию, разным занятиям, по ручному труду» (РЖДД, 1982, 48–49, 50).

После 1917 года журнал стремился уберечь детей от политики, отвлечь от совершающихся в стране событий, проповедовал толстовские идеи смирения, всепрощения, любви к ближнему. «Основное место в “Маяке” занимал природоведческий отдел, составленный преимущественно из рассказов Лонга, Робертса, Сетона-Томпсона и др. Большинство произв-ий – переводные с английского, немецкого, французского. Журнал закрылся в самом конце 1918 года в связи с дороговизной издательского дела» (Колесова, 1993, 78).

МАЯКОВСКИЙ – Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930), русский поэт.

О конце 1920-х гг.: «...Д. Ханин сообщал о фактах изъятия из московских библиотек дет. стихов Маяковского на основании инструкции Моск. облполитпросвета и Моск. центр. библиотеки: “Что такое хорошо и что такое плохо”, “Прочти иитай в Париж и Китай”, “Эта книжечка моя про моря и про маяк”, “Что ни страница...”, “Сказка о Пете...”, “Гуляем”, “История Власа...”. Единств. приемлемым стихотв-ем признавалось “Кем быть?”. Д. Ханин приводил и доводы, которыми подкреплялась инструкция: “Дет. писатель Маяковский не пользуется симпатиями... Сведения, кот. он преподносит, не оригинальны; язык труден... грубая агитка...”» (Путилова, 1982, 58).

В.В. Маяковский – автор стихотворений для детей «*Что такое хорошо и что такое плохо*» и «*Кем быть?*».

Творчество В.В. Маяковского изучается в школе с 1950-х гг. по настоящее время («*Владимир Ильич Ленин*»; «*Хорошо!*»; «*Необычайное приключение*»; «*Разговор с*

фининспектором о поэзии»; «*Товарищу Нетте, пароходу и человеку*»).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 2002–2003 гг.: «“Стихи о советском паспорте” Маяковского проходили в 11 классе. Также обзорно изучали “Облако в штанах”, стихотв-ие “Наш марш”, “Левый марш”, “О дряни”, “Прозаседавшиеся”. Наизусть из Маяковского учили: “Если звезды зажигают...”, вступление из стихотв-ия “Товарищу Нетте – пароходу и человеку”, отрывок из поэмы “Во весь голос” со слов “Слушайте, товарищи потомки...” до “...как в наши дни вошел водопровод, сработанный ещё рабами Рима”, отрывок из стихотв-ия “Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (011).

«**МАЯЛКА**» – мешочек, наполненный грузом, для подбрасывания ног.

О нач. 1960-х гг.: «Была еще “маялка”, мешочек, наполненный, по-моему, семечками подсолнуха, хотя нет – что-то потяжелее, но именно семена, кажется... Его надо было подбивать внутренней стороной стопы так, чтобы он не падал на землю. Были спецы, делавшие это бесконечно. Те, у кого не получалось, утешались тем, что... мол, перегружаются мышцы паха... (Михайлов, 2004, 5).

См.: *Жоска*.

МАЯТЬСЯ – «водить» в игре.

О конце XIX в.: «Замаяться. Устать маяться, то есть “водить” в какой-либо игре. Перед всякой игрой дети обыкновенно “хватаются на палки” (конаются) для того, чтобы определить, кому маяться. Коломен. (Боден)» (Словарь, 1901, 1388).

МЕДАЛИСТ – выпускник средней школы, за успехи в учёбе награждённый медалью (см.: *Медали*).

МЕДВЕДЬ игрушечный – игрушка, изображающая медведя.

Медведь байковый.

О 1928 году в Москве: «У меня была мечта. Мечта, если вдуматься, довольно прозаическая: получить в подарок... красного, байкового медведя, такого, как недавно подарили подруге моей Лидке Тороповой. Но беда заключалась в том, что медведи продавались только в одном магазине Москвы – закрытом распределителе для работников ГПУ. Лидкин отец работал в ГПУ шофером, а мои родственники к этому учреждению отношения не имели» (Либединская, 1966, 36).

О конце 1930-х гг.: «У Танюшки свой угол – там живут всякие девчоночьи игрушки: ...куклы... неуклюжие байковые медведи, мячики, запрятанные в сетки...» (Эмден, 1965).

Медведь, издающий звуки.

О 1950-х гг.: «Но сильнее всего поразил моряка большой жёлтый шерстяной медведь с круглыми стеклянными глазами и клеёнчатый носом. Стоило наклониться медведя, и он, раскрыв розовую пасть, издавал долгое, добродушное, медленно затихающее ворчание... [Саша] любил этого медведя, которого звали Кузя, часто клал с собой спать...» (Нагилин, 1960, 44–45).

См. также: *Мишка*.

МЕДИЦИНСКИЙ осмотр (в учебном заведении, принудительный).

Принудительные медосмотры являлись и являются непременным элементом жизни и взросления многих поколений подростков. «...Описание медицинского осмотра в кадетском корпусе в романе А.И. Куприна “Юнкера”: “Кадеты быстро разделились донага и босиком подошли по очереди к доктору... Такой подробный осмотр производился обыкновенно в корпусе по четыре раза в год, и всегда он бывал для Александра чем-то вроде беслечной и невинной забавы, тем более что при нем всегда бывало испытание силы на разных силомерах – нечто вроде соперничества или состязания... оболочкой, одинаковой у всех и ничуть не интересною» (Кон, 1989, 97).

О московской школе во вт. пол. 1960-х гг.: «“Вас просят срочно прийти в медицинский кабинет”. Я пошёл. В тот день в крохотной в школьной “амбулатории” бригада врачей осматривала старшеклассников. “Безобразия, никакой дисциплины! – встретил меня молодой хирург, даже не ответив на мое приветствие. –

Третья ученица отказывается от осмотра, барышень каких-то, недотрог воспитывают!“ Он сердито взглядывал в сторону дверей. Там стояли виноватые, три ученицы в том акварельном возрасте, когда не знаешь, что о них сказать – то ли девочки, то ли девушки. Заплаканные глаза, взволнованные, в красных пятнах лица... Не по силам пришёлся им барьер – шагнуть из привычного школьного коридора... в эту комнату и остаться один на один с человеком в неопрятном халате, с затейливыми усиками, который всех подряд торопит: раздевайтесь! Ничто не могло их убедить: ни докторская профессия этого человека, ни его ссылки на “дисциплинированных” сверстниц. Им стыдно...» (Ценципер, 1970, 347).

О 1980-х гг. «Мальчики подглядывают за девочками во время проводимых в школе медосмотров: “Когда был медосмотр в школе, все девочки боялись раздеваться, и когда мы все стояли по пояс раздетые..., за дверью подсматривали парни. ... Ребята часто подглядывали за нами во время медосмотров. Там нужно было раздеваться до пояса. Обычно занавески на окнах мы задерживали, но парни все же находили дырочки и во все глаза смотрели...» (Борисов, 2002, 178).

См. также: *Гинекологический осмотр*.

МЕДОСМОТР – см. *Медицинский осмотр*.

«МЕЖДУ нами, девочками» – журнал для девочек-подростков. Выходит в с конца 1996 года. Тираж 1997 года – 50 тыс. экземпляров.

Главный редактор журнала В. Елисеева в 1997 г.: «...Мы решили издавать наш журнал для тех, кто молод, кому сейчас от 14 до 20... Мы... проводим психологические тесты, говорим о проблемах общения, о приемах нанесения макияжа и создания причёсок, о сексуальных проблемах, публикуем интервью с популярными певцами, рассказываем о новостях музыки, кино и моды, печатаем гороскопы, даём кулинарные советы начинающим хозяйкам... Большим интересом пользуется рубрика, где опытный психолог-консультант отвечает на письма девушек. Но своеобразная изюминка журнала – love story – история любви в картинках... Сюжеты нам поставляют читательницы, а снимаются обычные девочки и ребята

О 1998–2002 гг. в селе Глядянское: «“Между нами, девочками” – это журнал – подобие “Маруси”. В нём практически всё то же самое, что и в “Марусе”. В этом журнале огромное количество тестов: например: “Ты ревнивая?”, “Любит ли он тебя?”, “Умеешь ли ты делать подарки?” и т. д. Ещё мне в нём нравились истории различные про любовь, наподобие комиксов, то есть в одном номере – одна часть истории, а в других – продолжение. Мне вот, например, до сих пор помнится история “Лицом к лицу”, где две сестры-близняшки встретились однажды с молодым человеком» (106).

МЕЖДУНАРОДНАЯ детская неделя.

О конце 1920-х гг.: «Концерт, посвященный Международ. дет. неделе, происходил в рабочем клубе Январского района... К шести часам вечера демонстрация, посвященная Международ. дет. неделе, закончилась. Пионеры пошли в школу, чтобы там оставить оформление» (Шкаровская, 1963; 128, 134).

«МЕЖДУНАРОДНАЯ детская игра», «молодёжная почтовая игра» – вид почтовых игр 1950-х – 1970-х гг.

Ребенок (подросток) получал по почте письмо, в котором ему предлагалось выслать по адресам открытки и обещалось, что через определенное время он получит по почте открытки, числом многократно превосходящие отправленные им. В нашем архиве есть тексты двух таких писем, приводим их: «Дорогой Товарищ! Вышли по адресу № 1 фото киноартиста в течении 2-х дней. Полученное письмо перепиши в 4-х экземплярах, и отправь по почте кому хочешь: другу, подруге, но надёжным, чтобы ответили на письмо. На место адреса № 1 поставь адрес № 2...<...> свой адрес. Не испорти игру! С нами играют дети ГДР, Чехословакии, Польши и другие. Если не испортишь, то в течении месяца получишь 256 фотоартистов. Ты должен выполнить это задание иначе опозоришь честь комсомола СССР. Письма которые напишешь отправь в тот же день когда

получишь это письмо...»; «Здравствуй дорогой друг! Когда ты получишь письмо, то по адресу № 1 пошли открытку чистую в конверте В графе “адрес отправителя” напиши: “Международная детса[я] игра”. Перепиши это письмо 6 раз, пошли эти письма по адресу, написанные в конце письма. Когда ты будешь переписывать письмо, адрес № 1 писать не надо, а на месте № 1 адрес № 2 и т. д. Под адресом № 6 напиши свой адрес. Если ты отправляешь это письмо позднее, чем 4 дня, то игра будет прервана, а если вовремя, то через 24 дня получишь 240 открыток из разных стран и городов. Игру начали ребята из Вьетнама. Просьба: не прерывай и ты. Родители! Просьба: помочь вашему ребёнку. Если он по какой[-]то причине не може[т] написать эти письма, [напишите] их вы, иначе игра будет прервана и радость многих детей омрачена. Ни в коем случае не изменяйте текст письма. Срок отправления 4 дня...».

Хронологич. рамки бытования данной эпистолярной практики в значит. степени указаны предположительно. В этой ситуации неоспоримую ценность представляет опубликованный 25 января 1962 г. в курганской обл. газете «Советское Зауралье» фельетон Л. Куликова «Вирус “бендерис”» (в названии и обыгрывается фамилия Остапа Бендера). Автор фельетона приводит текст распространяемой по почте «молодежной игры»: «Молодёжная игра! Дорогой друг! Приглашаем тебя принять участие в международной игре. Если хочешь взамен одной получить 256 открыток, то вышли открытку по адресу № 1 и зачеркни его. На место № 1 поставь адрес № 2, на место № 2 поставь адрес № 3, на место № 3 поставь № 4, на место № 4 поставь свой собственный адрес. Это письмо перепиши в четырех экземплярах и отправь их к четырём своим друзьям...». Гипотетич. инициатор-автор этой «игры», «Остап Бендер, весёлый жулик», поступает след. образом: «Письмо было готово. Остап четырежды переписал его и разослал незнакомым школьникам... И тронулась лавина молодёжной игры». Кроме того, в фельетоне содержится информация о том, что «открыточная эпидемия», порождённая «междунар. молодёжной игрой», «вспыхнула в 1956 г. и потом погасла». И после некоторого перерыва «в нашей области опять появились известные письма: “Молодёжная игра! Дорогой друг! Приглашаем тебя и т. д...”». Таким образом, благодаря фельетону Л. Куликова мы можем достоверно определить хронологич. «ядро» бытования данной эпистолярной практики – 1956–1962 гг.

МЕЛОК – «Кусок мела (для писания, рисования, черчения)» (Словарь, 1957–6, 819).

Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1935 года: «...Обеспечить в 1936 году производство для школьников... классных мелков – в количестве 10 миллионов штук размером 85 x 15 мм, нехрупких и средней твёрдости» (НО, 1974, 519).

О конце 1930-х – начале 1940-х гг.: «От десяти отнять семь, сколько будет? Очень просто. В одну секунду можно сосчитать в уме: три! Но какое же сравнение, когда это приходилось делать на доске! Мелок то и дело падал на пол. Поднимешь его, а пальцы становятся совершенно белыми, будто их специально окунали в зубной порошок. От пальцев и вся рубашка покрывалась меловыми разводами, и сразу можно было понять: человек отвечал у доски» (Могилевская, [1941] 1958, 34).

МЕНАРХЕ – первая менструация (см.: *Менструация*).

МЕНСТРУАЦИИ у девочек-подростков – ежемесячные маточные кровотечения; то же, что регулы, месячные.

Менархе (первая менструация): вопросы физиологии.

О перв. пол. 1960-х гг.: «Первая менструация появляется чаще всего в возрасте от 13 до 15 лет. Наступление менструации значительно раньше или значительно позже этого срока следует считать патологическим явлением...» (Заяц, 1965; 25, 28).

О конце 1960-х гг.: «Нормальным считается начало менструации не раньше 11–12 и не позднее 17–18 лет» (Хрипкина, 1970, 19).

О 1970-х гг.: «...Мать обязательно должна объяснить дочери, что с каждым годом она взрослеет, что в возрасте 10–13 лет или позже появляются менструации, которые бывают ежемесячно» (Санюкевич, 1979, 31).

Менархе: обрядово-ритуальные аспекты.

Рассматривая вопрос о присущих славянской традиционной культуре ритуалах и обычаях, связанных с появлением первых регул, Т.А. Агапкина считает «натяжкой утверждать, что эти ритуалы и обычаи составляют сложную обрядовую систему. Как и большинство славянских ритуалов инициационного типа..., они воспринимаются скорее как зачатки ритуального комплекса, так и не оформившегося – ни в структурном, ни в мировоззренческом плане – в развитую систему» (Агапкина, 1996, 110–111). Отмечая крайнюю редкость зафиксированных у славян спец. обрядовых актов, посвященных менархе, Т.А. Агапкина ссылается на опубликованные Т.А. Бернштам архивные свидетельства: в Орловской губ. отмечались пиршество женщины села и последующие танцы на расстеленной на полу девичьей рубашке, а во Владимирской губ. устраивались игры в «молодые»: созревшую девушку («невесту») вместе с девушкой постарше («женихом») оставляли в овине на ночь «молодиться» (Бернштам, 1988, 91).

«В XIX в. в некоторых южнорусских деревнях, например, с наступлением у девочки первых месячных родители приглашали в дом родственниц. После обеда, который готовила сама девочка, ей полагалось показать родне своё умение прясть, ткать, шить, вышивать. В Рязанской губ. девочку в первую после наступления менструации Пасху водили по селу, предлагая всем встречным мужчинам: “Надо ли вам?” В Тульской губ. девочек, вступающих в брачный возраст, выставляли в Пасху или Успение на всеобщее обозрение на сельской площади. Девушкам-“первогодкам” полагалось звонить в Пасху в колокола, оповещая всех о своей готовности к браку» (Шангина, 2003, 213).

О XIX – нач. XX вв.: «Появление регул воспринималось как важный этап... полового взросления [девочки], полагали, что с этого времени начинается процесс её полового созревания. По отзывам, “на девушку смотрят без опаски до тех пор, пока не придут регулы, пока она не “стала на себе носить”. С этих пор её считают в некотором смысле способной на увлечение и начинают приглядывать, чтобы с мальчиками-ровесниками она не заигрывала поздно вечером”... Крестьяне считали возраст девушек от 13 до 17 лет “самым опасным”, поскольку “в это время она может пасть, не сознавая важности проступка и его последствий”. С приходом регул менялся, по наблюдениям окружающих, характер и стиль поведения девочек. Они становились “сдержаннее, осторожнее, покладивее”. Менялся и костюм: “лет с 12-ти не пустят девочку бегать в одной рубашке”, “как только “пятно” появляется – девочки начинали носить сарафан поверх рубахи”. О будущих регулах девочка узнавала из разговоров в девичьей среде и в семье. Прежде всего, она получала рациональные советы относительно поведения в это время... Как сообщали: “при первом появлении “...парубашечного” советуют не пугаться и не ходить на беседы и в церковь. Но девушки и так друг от друга перенимают”, “когда первый раз месячные, мать девушки много не объясняет, а говорит, что это явление самое обыкновенное, и советует ей держаться аккуратнее” – то есть не поднимать тяжестей, сильно не париться, бояться простуды и т. д. Из женских разговоров девочка усваивала общепринятое отношение к регулам как к явлению “не то чтобы стромному, но очень неприятному, что лучше скрыть”. Чтобы утаить происшедшее с ней изменения, девочка “прибегает к разным уловкам – самолично и тайком стирает загрязненное белье”. Смысл скрывания месячных, по-видимому... – не только боязнь сглаза, но и убеждение в том, что знание окружающих о происходящем отягчает протекание процесса: “Лучше не говорить о месячных,

особенно когда первый раз идут, а то долго и тяжело будут проходить”. По многочисленным сообщениям, говорить на эту тему избегали даже с матерью. Более того, многие считали, что именно с матерью не нужно разговаривать “о женских делах” лучше посоветоваться с кем-либо из теток или подруг. Объясняли это не только стеснительностью, но и принятыми нормами отношений матери и дочери. Стремление к утаиванию подкреплялось и местными приметам. Так, в Вязниковском уезде верили в то, что если девушка скажет кому-либо о начавшихся месячных, то “очищение, хотя и без времени, начнется в день свадьбы”. В основной массе корреспонденты сообщали, что наступление регул не имело какого-либо обрядового оформления. Но имеются сообщения и о том, что определенные обрядовые действия к этому моменту все же приурочивались. Прежде всего – это действия, цель которых обеспечить регулярность и безболезненность месячных очищений в будущем. Для этого рекомендовалось вылить воду от обмывания рубашки на угол чужой избы или, по более распространенному варианту, – “на три нижние венца избы, бани или двора, с тем, чтобы следующие очищения были безболезненны и продолжались не более трёх дней”. С той же целью, то есть, желая ограничить будущие месячные тремя днями, в эту воду добавляли три камня, воду затем выливали под угол дома, а камни закапывали в землю. В Гжатском уезде на девушку по пришествии регул надевали рубашку её матери, в которой та “носила первые кровь”. Рубашка эта, по словам очевидцев, сберегалась “специально с этой целью”. Её одевание должно было не только способствовать установлению норм. менструального цикла – “чтобы кровь шла в свое время и не причиняли вреда”, но и передать дочери детородные способности: “чтобы у дочери были дети, как и у матери”. Вера в магич. связь месячных с будущим деторождением... лежала в основе следующей рекомендации девушке: “Во время первых месячных нужно пальцем замарать стенку – нарисовать палочки, сколько палочек – столько и детей будет”. Для легкого протекания регул советовали рубаху, “в которой застали месячные, носить ещё несколько дней после их окончания”. По-видимому, сходным можно считать и совет девочке не замывать испачканную рубаху сразу после первого месячного очищения, что должно было обеспечить легкие регулы в будущем... Существовали и локальные варианты магич. действий. Так, в Калужском уезде в случае, если пришедшие регулы протекали “болезненно и долго”, девушке “велят рубашку, окрашенную кровью, показать какому-либо не понимающему этого мальчику и, когда последний спросит, отчего на рубашке кровь, следует ответить – напоролась на соху”. С первыми регулами связывали и некоторые приметы относительно будущей жизни девушки. Например, в Порховском уезде считали, что “если рано откроются месячные, – рано замуж выйдет, до 16 лет не откроются – останется старой девой. У какой месячные будут обильные – будет больше мальчиков, чем девочек”. В Брянском уезде для того, чтобы всю жизнь у девушки был румянец, мать при первом очищении дочери “непременно ударит её по щеке”. Месячные очищения, по общепринятым воззрениям, считались хотя и естественным, но “нечистым” состоянием... Отношение к регулам как к нечистому состоянию сказывалось и в шуточных, а часто и насмешливых действиях при первом очищении: “Девушки, заметившие первое появление месячных очищений у какой-либо из своих подруг во время зимних посиделок, сговорившись заранее, ночью, когда находящаяся в очищении уснет, выносят её на двор и сажают в снег, приговаривая: “Очищается раба Божия Марья белым снегом”, – или обливают её водой, зажигают рубашку, насыпают крошечкой и нечистой» (Листова, 1996, 152–153).

О Карелии в XX в.: «Момент физиолог. созревания, когда девочка вправе причислять себя к девочкам-подросткам, определяется в наше время наступлением у неё первых месячных выделений, по-местному – “красок”, то есть совершенно так же, как прежде в крестьян-

ской традиции. Когда-то след от первых “красок”, оставшийся на юбке, служил своеобразным пропуском на первую в жизни девушки “беседу”. Его предьявляли парням, стерегущим у входа, для чего приподнимали или отводили в сторону передник, прикрывающий пятно от “красок» (Логинов, 1999, 173).

Менархе: вопросы психологического освоения.

О девочке 12 лет, находящейся вместе с сестрой в институте благородных девиц в конце XIX века: «Два дня у меня болела голова, озноб бежал по спине и замирал в ногах, сон был тревожен. Хотелось плакать... Работа валилась из рук... Болели спина, поясница. Так нудно и тупо болели. Утром я проснулась от странного ощущения... Я лежала с широко открытыми глазами, глядя вверх, прислушиваясь к таинственному процессу в моем организме, к болезненным ощущениям, от которых дрожали ноги и пылало лицо... Сердце застучало от восторга. Неужели?.. Да, да!... На этот раз нет ошибки. Наступил долгожданный. Великий момент. Я уже не ребенок. Я взрослая. “Семь часов... Отчего ты не встаешь?” – спросила меня удивленная Анюта. Я обернулась к ней лицом, и она по глазам моим поняла все... “Неужели?” – радостно шепнула она. “Да, да... Наконец-то! Милая, обними меня!” И слезы обожгли мне глаза. “Mesdames!... Слушайте!...” Поднявшись с моей постели, Анюта торжественно объявила классу новость. Какую сенсацию вызвала она! Мою постель окружили мгновенно. Меня поздравляли. Целовали... С этого дня уже никто не будет снисходительно смотреть на меня сверху вниз, как на маленькую, самую младшую в классе... Меня признают равной. От меня не будет тайн... Голова кружилась от гордости. “Mesdames... она может простудиться, ей надо дать кофточку суконную на весь день”, – говорит взрослая девушка, мягко улыбаясь мне. Опытные, великовозрастные окружают меня, дают советы: не надо гулять, не надо бегать, двигать доску... Не надо есть лимонов... Советов много... Я слушаю растерянно, но с благоговением. Я чувствую, что начинается новая эпоха в моей жизни... До чего... мало обращали внимания на физ. восп. девушки, видно хотя бы из того, что эти самые важные, самые критич. моменты девичьей жизни мы встречали совершенно неподготовленными. На все вопросы половой сферы умышленно накидывалось покрывало. Всё было неприлично, позорно. Все вызывало отвращение, брезгливость, стыд... Не удивительно, что многие губили себе здоровье, потому что нарочно ели лимоны, пили чернила, держали ноги в холодной воде, чтобы остановить процессы развития; чтоб избавиться от него, считая всё это грязным и позорным. Не все были так развиты, как наш класс. В этом возрасте все поголовно ели всякую дрянь; карандаши, грифеля, мел... Я сама долго ела магнезию...» (Вербицкая, 1911, 202-203).

О девочке 12 лет в нач. XX в.: «Впоследствии Женя... только помнила, что француженка сперва накричала на неё, а потом взяла ножницы и выстригла то место в медвежьей шкуре, которое было закровавлено... Женя стала укладываться в постель и увидела, что день долг оттого же, что и тот, и сначала подумала было достать ножницы и выстричь эти места в рубашке и на простыне, но потом решила взять пудры у француженки и затереть белым и уже схватилась за пудреницу, как вошла француженка и ударила ее. Весь грех сосредоточился в пудре. “Она пудрится! Только этого не доставало...” ...Когда вошла мать, то было уже поздно. Она застала дочь в слезах, француженку – в краске... Француженка напрямик объявила ей, что ... *её* дочь пудрится ... Мать не дала договорить ей – ужас ее был непритворен: девочке не исполнилось еще и тринадцати... Женя... путаясь в словах, непохоже и страшно рассказала матери *про это*. Мать...поднялась с кровати и сорвала с постели одеяло. Она подозвала дочь и стала ее гладить по голове медленно-медленно, ласково... На другое утро мать сказала ей, что нужно будет делать в таких случаях и что это ничего, не надо бояться, что это будет не раз еще... Француженка была разочтена за нерадение...» (Пастернак, [1922] 1991-4, 39-42).

О девочке 12-14 лет в 1950-е гг.: «Наташа спрыгнула с кровати и сразу попала ногами в разношенные спортивные тапочки. Натянув узенькое платьице, сшитое матерью больше года назад, она ненароком коснулась своей уже округлившейся, твёрдой и тёплой груди, вспыхнула и стремглав двинулась в кухню... Наташа быстро ополоснулась под рукомойником и выскользнула на улицу... Дети играли в древною как мир игру в “классы”. Вот подошла Колькина очередь... Биток благополучно добирается до предпоследнего квадрата, тут Колька чуть медлит, затем ловко посылает биток вперед и прыгает вслед за ним. В ту же секунду Наташа, следившая за братом с ревнивым нетерпением, громко восклицает: “Чира!” “Чего врешь? – отзывается Колька. – Какая чира?” “Нет, ты задел!” – И Наташа обеими руками толкает брата в грудь. Колька с трудом удерживает равновесие, танцуя на одной ноге, и вдруг с силой выбивает битку из игры. “Выиграл!” “На обмане!.. Ты всё обманываешь! – жалобно кричит Наташа. – И чего он всё обманывает?...” – взывает она, обращаясь к кому. Она кидается к брату, хватая его за шею и пытается повалить... Колька... падает на землю. “Так тебе и надо!...” – злорадствует Наташа и вслед за тем с каким-то раненым криком уходит прочь. Колька поднимается, отряхивает рубашку. “Иди круг чертуй!” – миролюбиво зовёт он сестру... “Небось обманешь!” – опять с какой-то болезненной жалобой произносит Наташа... Наташа сильно и до болезненности остро чувствовала сейчас свою жизнь... Ей хотелось носиться, колобродить, одерживать верх, но какая-то неловкость внутри её тела мешала ей... А потом у неё опять закружилась голова и острая, горячая боль опалила живот. Она согнулась, выпрямилась и потерянно побрела к дому. Колька пошёл было за ней. “Отстань!” – резко крикнула Наташа. Она вошла в дом, молча прошла мимо матери в комнату и повалилась на кровать. Секунду-другую она словно чего-то ждала, и, когда это пришло, Наташа решила: это смерть. Вот отчего было ей так тоскливо днём, вот почему томилась и страдала она вечером. Она умирает, жизнь стремительно вытекает из её тела. “Мама!” – крикнула она отчаянно, крипло, звонко. И когда мать, сразу почувя опасность, вбежала в комнату, сказала: “Я умираю”. – И заплакала. Марья Васильевна поначалу как-то оторопела, а потом засмеялась. “Ну что ты, доченька, что ты, глупая!» – горючила она. – Разве ж это смерть, это у всех девушек бывает...” “А разве я девушка?” – спросила Наташа. “Девушка”, – сказала мать...» (Нагилин, 1960; 50, 72-74).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Первая менструация у девочки, не подготовленной к этому, может вызвать смутение, страх или брезгливость... Поэтому ко времени наступления менструаций мать в осторожной форме должна заранее предупредить девочку о предстоящих переменах в ее организме. Необходимо разъяснить значение наступивших менструаций чтобы избавить дочь от возможного страха перед этим новым для неё состоянием» (Поллак, 1966, 31).

О конце 1960-х и 1980-х гг.: «Когда у меня начались первые месячные, а это было в 12 лет, то я совсем не паниковала и не была в шоке. Я восприняла это спокойно, пошла подложила тряпочку и даже маме (и вообще никому) ничего не сказала. И насчёт месячных мама долго ничего не знала, я не хотела, чтобы кто-нибудь вообще догадывался, что “они” у меня есть. Но было ужасно неудобно ходить с тряпочкой (тогда еще не придумали прокладки), казалось, видно её через штаны. Но через время я маме сообщила об этом (когда у меня уже пошли вторые месячные), она удивилась, что я так тщательно скрывала “их” и она не замечала. И рассказала мне историю, когда у неё началась первая менструация. Мама у меня с 1956 года рождения и когда у неё начались месячные, она была в школе и боялась сказать своей маме, потому что ничего об этом не знала и ей об этом никто не рассказывал. Еще одна причина, по которой мама ничего не рассказала своей маме, это то, что думала, что она сделала что-то постыдное и её будут ругать. Но её мама заметила странное поведение своей дочери и спросила в чём же дело, и, увидев запачканную

кровью постель (мама тщательно скрывала это и даже пыталась втихушку постирать, но у неё не получилось), улыбнулась и сказала, что так бывает у всех женщин и ничего постыдного нет, теперь это будет каждый месяц и, даже сделала ей прокладку из марли. А мама теперь считала себя взрослой девушкой и поделилась этим событием со своими подругами» (611).

О г. Ульяновске в 1972–1975 гг.: «Когда мне исполнилось лет 12, мама со мной беседовала на такие темы, так как она у меня мед. работник, и к этому я была готова. А вот подружка моя, когда у неё началась менструация, пришла ко мне и говорит, что она скоро умрет, что оттуда у неё идёт кровь. Я так долго смеялась, а потом её всё это объяснила» (587).

О 1970-х гг.: «При незнании назначения менструаций у девочек может появиться страх, стыд. Некоторые девочки даже считают, что они заболели какой-то страшной болезнью, избегают людей, становятся замкнутыми» (Санюкевич, 1979, 31).

О 1970-х гг.: «К появлению первых менструаций девочка должна быть подготовлена матерью. В противном случае девочка при неожиданном для неё выделении крови из влагалища может совершить необдуманный поступок. Так, одна девочка при первой менструации попыталась остановить кровотечение струей холодной воды...» (Юнда, 1978, 32).

О 1970-х – 1980-х гг.: «В ряде случаев девочка получает информацию от мамы: ...“Моя подруга была в возрасте примерно 6–7 лет, когда мама ей рассказала про менструацию. Она в игре – не помню, во что мы играли, – рассказала, что скоро у нас будет период, который называется «переходный возраст», и в этот переходный возраст один раз в месяц в течение недели будет красная (кровяная) моча, но это естественный процесс, и что все через это проходят. Мы расстроились, стали обсуждать эту новость, а моя младшая сестра (4 года), которая присутствовала при этом, начала громко реветь, и мы с ней ничего не могли поделать. Плакала она до тех пор, пока мы не увели её домой, и моя мама не объяснила ей, что в этом ничего страшного нет. А она была убеждена, что умрет от потери крови. Но мама ей объяснила, что она не умрет, и она успокоилась”. Также источником информации могут быть сверстницы и более старшие девочки: “О менструации тоже услышала от девчонки-соседки, которая была старше. Мама почему-то никогда не говорила со мной на эту тему, а я стеснялась спрашивать”; “О менструации я узнала от своей подруги, она была старше меня на год, мне было лет 11-12. Менструация началась у меня в 13 лет. Все соответствовало рассказам подруги. Когда мама спросила меня о менструации, я напрочь отперлась, мол, это не так, это неправда. Я долго скрывала от мамы этот факт. Мне было почему-то очень стыдно и как-то не по себе... Я, очень скрытный человек, и с подругами мне общаться легче, чем с мамой. Мама попыталась объяснить, что в этом нет ничего особенного, но чем больше она пыталась что-то объяснить, тем больше я замыкалась и раздражалась”; “О менструации я узнала от соседок-девочек (старше меня на 2–3 года) с улицы, которые говорили о том, что бывает кровь. Для меня это было шоком, я страшно боялась, что “это” может со мной произойти. ...Когда в 13 лет у меня пришли первые месячные, я упала в обморок. Эти обморочные состояния продолжались каждый раз...”; “...Одна девочка мне сказала, “по секрету, чтобы я не говорила никому” (ей сказала бабушка), что если вдруг когда-то я увижу на простыне, белье или ночной рубашке красное пятно, то должна буду сама это постирать. Я пообещала, что так и сделаю. Это было в классе 4-м, и до половой зрелости было еще долго, хотя этот “секрет” я помню всегда”. В тех случаях, если девочка к началу менструальных кровотечений ничего не знает об их природе, она испытывает испуг: “Об менструации я узнала от подруги брата в 12 лет в тот день, когда начались месячные. Она была неожиданной, я очень испугалась и подумала, что это аппендицит”; “О месячных узнала только тогда, когда они пришли, я испугалась, я была в это время в гостях у родственницы и сразу побежала рассказывать

ей”; “Гораздо хуже было с первой менструацией, о ней я ничего не знала. И вот мы после окончания 7 класса, мы поехали с классом в Ленинград. И по дороге туда я почувствовала недомогание, у меня заболел живот, я подумала, что отравилась. Но когда я пошла в туалет, то увидела кровь. Не передать словами тот испуг, который я испытала. Я целый день пролежала на полке и не знала, что делать. И вот к вечеру я отважилась и рассказала своей подруге”; “Когда я увидела кровь, подумала, что умираю, так как ещё при этом были сильные боли в животе. У меня началась истерика, но мама меня потом успокоила, рассказала, что это такое, только не сказала, зачем это происходит”; “В первый день, когда у меня началась менструация, я думала, что сойду с ума. У меня была истерика. Я гуляла во дворе, мы с девчонками играли в “козла”. Я почувствовала легкую боль в животе. Когда я пришла домой, пошла в ванную, то увидела кровь. Я напугалась. Я думала, что заболела чем-то и умираю. У нас в гостях была бабушка, и мама сидела с ней в комнате. Я позвала маму. Она пришла, и я ей все рассказала. Я плакала. Меня всю колотило. Но мама начала меня успокаивать, что это нормально. Я не сразу ей поверила, но все же успокоилась”; “Первая менструация была лет в четырнадцать. Я, конечно, ничего о ней не знала и очень испугалась, и трусики спрятала, но бабушка, видимо, за бельем строго следила и потребовала их с меня. Мне пришлось все рассказать. Она сказала, что так будет каждый месяц, но об этом никто не должен знать, и когда стираешь белье, чтобы никто не видел, и воду наливать в укромном месте, чтобы через это место не перешагнул никто”; “Первый раз я узнала про менструацию, когда мне было 10 лет, у меня в гостях была сестрёнка сродная, и у нее пришла менструация. Она меня позвала в ванную комнату и говорит: “Я, наверное, посидела на бетоне и простыла”, и из неё бежит кровь. Она так испугалась. Я сразу же побежала в туалет и начала заглядывать себе в плавки, но у меня ничего не было. Моя сестра пошла к моей маме, та ей дала прокладку и рассказала нам про все. Что мы уже взрослые и можем забеременеть”. В тех же случаях, когда девочка знает о природе менструации до её начала, менархе психологически переживается как разрыв с детством, переход во взрослое состояние: “...Да, первая менструация – событие такое, которое забыть невозможно. Одновременно она приносит и радость, и тревогу. В общем-то, о менструации я знала теоретически все, мама меня к этому подготовила. За что я ей очень благодарна. Но случается такое всегда, когда забудешься. И вот тут не знаешь, как сказать маме. Появляется какое-то непонятное стеснение за то, что ты повзрослела, и “это” уже случилось. Я долго решалась. Как сказать маме, с чего начать, было так тяжело. Наконец-то я это сделала”; “Для меня менструальный цикл в детстве, когда первый раз пришла менструация, это было ударом для меня. Я поняла, что стала взрослой. Гордости по этому поводу у меня не было. Я пережила это большое горе, и все стало на свои места”» (Борисов, 2000).

Гигиена девочек-подростков во время менструации.

Рекомендации девочкам подросткам в издании 1965 года: «Подмываться надо тёплой кипяченой водой над тазиком с направлением воды сверху вниз. В осенне-зимнее время в период менструации девочка должна носить длинные тёплые рейтузы во избежание охлаждения. При менструации надо пользоваться специальным поясом. Смена подкладок должна быть не реже 2 раз в день. При пользовании ватой последняя после употребления выбрасывается» (Заяц, 1965; 25, 28).

Рекомендации девочкам-подросткам в издании 1966 г.: «Подмываться в эти дни нужно не меньше двух раз в день теплой водой. Лучше это делать на корточках перед тазом, под струей воды, падающей спереди назад. Подмываться непосредственно из таза ни в коем случае нельзя, так как при этом можно легко внести инфекцию. Во время менструаций можно мыться и под душем (не слишком горячей водой), однако ни в коем случае не в ванне. Повязки или мягкие прокладки (из ваты, марли,

чистых тряпок) следует менять несколько раз в день по мере их пропитывания кровью. Во время менструации нужно носить длинные закрытые трико, а зимой тёплые рейтузы» (Поллак, 1966, 32).

О 1970-х гг.: «Девочки-подростки должны быть знакомы... с правилами личной гигиены, особенно в менструальный период. Во время месячных необходимо носить гигиенические повязки, которые готовят сами или покупают в аптеке. Следует подсказать девочке, что использованные прокладки или тщательно стираются и проглаживаются утюгом, или, если выбрасываются, то обязательно заворачиваются в бумагу. Некрасивое, неэстетичное зрелище бывает, когда в школьных женских туалетах валяются окровавленные куски марли и ваты» (Санюкевич, 1979, 33).

О 1970-х – 1980-х гг.: «Начало менструальных кровотечений может переживаться негативно и из-за сопутствующих гигиенич. неудобств, ограничений в поведении: “Помню число и месяц, когда пришли мои первые месячные. Это было настоящей трагедией. У меня бежала кровь, пришлось тут же подкладывать вату или тряпки. Было ужасно неудобно. Казалось, что идешь в брюках, а сзади все видно. В этот день я сильно ревела. Мало того, что приходилось носить бюстгалтер, нельзя было одевать белую одежду, обтягивающие брюки и короткие юбки. А главное – нельзя купаться в озере”; “У некоторых одноклассниц были старшие сестры, поэтому о менструации я уже знала к периоду начинания. И все же это был шок и обида. Все шли купаться, а тебе нельзя, и другим не объяснишь почему» (Борисов, 2000).

Рекомендации девочкам-подросткам в издании 1970 г.: «В переходный период у девочек появляются менструации... Во время менструации девушка должна оберегать себя... от охлаждения. Зимой для этого надо носить длинные тёплые рейтузы, летом – плотные закрытые трико... При менструации важно часто менять бельё носить гигиенические повязки... Лучшее всего использовать ватно-марлевые повязки... Менструальные гигиенические повязки можно приобрести в аптеке или сделать самой из марли или кусочка чистой мягкой материи. Менять их следует 3–4 раза в день, а иногда и чаще. Использованные повязки выбрасывают или же извлекают из них загрязнённую вату, марлю стирают, кипятят, проглаживают горячим утюгом, а затем снова закладывают в неё чистую вату и используют» (Хрипкова, 1970, 20–21)

Рекомендации девочкам-подросткам в издании 1981 г.: «С началом менструаций девочка должна... тщательно соблюдать все правила личной гигиены женщины: ...во время менструации следует пользоваться ватно-марлевыми подкладками (вата заворачивается в марлю). Менять их следует по мере промокания... Девочку следует научить, как сделать менструальный пояс (если нельзя купить его в аптеке)...» (Хрипкова, 1981, 61).

См. также: *Гигиенический пояс*.

Лексические обозначения менструации в среде девочек-подростков.

О селе в Ташкентской обл. в середине 1970-х гг.: «В школе во время менструации девчонки радостно сообщали друг другу: “У меня гости пришли, на физкультуру не иду”. Эти выражения говорили почти все девочки из нашего класса» (485).

О конце 1980-х гг.: «Менструацию в девичьем кругу мы, то есть я и мои близкие, в основном, подруги, называли так: “Машка”; “праздники”; “дела”; “мены”; “гости”; “поплыла”; “У меня пошли”. Мы друг друга понимали, а окружающие, особенно мужской пол, даже не задумывались о чем мы говорим» (611).

О конце 1980-х гг.: «Менструацию называли по-разному: “месячные”, “годовушники”, “временное явление”, “гости”, “бабушка приехала в гости на красной машине»» (488).

О конце 1980-х гг.: «А ещё мальчики делали так: находили в классе распоротый стул, вытаскивали из него вату и предлагали её девочкам. Или подшучивали: “У тебя красное пятно взади”, или: “У тебя течка началась”. А девчонки радостно сообщали друг другу: “У меня

гости приехали”, “Красная армия пришла”, “У меня бабка приехала»» (489).

О конце 1980-х гг.: «Я слышала от своих подруг, знакомых девочек следующие высказывания, слова: “Гости приехали”; “Красные “жигули” приехали”; “Наступила весна, потекли ручейки”; “Дела начались”; “Красный богатырь”; “Менстра”; “Потекла”; “Льёт как из ведра”; “Поломка вышла”; “У меня идёт” или: “У меня начались»» (603).

О 1990-х гг.: «Слово “менструация” как только мы не заменяли! То “бабушка на красных “жигулях” приехала”, то “красный день календаря”, “менстры”, “критические дни”, “праздники»» (592).

О с. Ожогово Шатровского р-на, г. Шатрово, Катайске во вт. пол. 1990-х – перв. пол. 2000-х гг.: «Слова и выражения для обознач. менструации: красные дни, гости приехали, критические дни. Также некоторые девушки говорят: “У меня дела” или “Эти дни”. Распространено – “менстры»» (154).

О конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Слова и выражения для обознач. менструаций: “менсы”; “менстры”; “месячные”; “праздники”; “они”; “они самые”; “проблемы”; “гости пришли”; “праздники пришли»» (134).

МЕНИТЬСЯ – «Производить взаимный обмен; обмениваться» (Словарь, 1957–6, 842).

Обычай меняться у детей.

О буднях детского сада в 1960-е гг.: «Утро, полно хлопот. “Принес солдатики?” “Ага. И еще настоящую батарейку от фонарика”. “Смотрите, у Игоря какой кортик!” “Ух, ты! С цепочкой!” “Настоящий морской!” “Сказал! У моряков не такие”. “Такие! Мне папка говорил, он все знает”. “Давай меняться: я тебе солдатики, а ты мне кортик”. “Нет. Я с тобой больше не вожусь. Я с Васей”. “А у меня книжка про космонавтов!” “Вот это да! Смотрите, Гагарин!” “Давай меняться: я тебе фантик от “мишки”, а ты мне книжку”. “Да-а! Книжку можно читать, а фантик просто так” (Леонидова, 1968, 5). Отрывок из книги того же автора: «В нашем дворе царил здоровый дух товарищества и был в почёте честный товарообмен. “А у меня что есть! – объявлял кто-нибудь, предварительно убедившись, что поблизости нет ни взрослых, ни школьников, а только свои. – Ух, что есть!” Это вовсе не было хвастовством. Просто это означало, что у человека есть товар, который он согласен менять, если найдутся желающие. Желающие всегда находились. На свет извлекались из карманов переводные картинки или конфетные фантики, марки, ножик перочинный без единого лезвия... Словом, интересные и нужные вещи. После внимательного разглядывания кто-то говорил: “Давай меняться?” “Давай! – отвечал хозяин вещи. – А что у тебя есть?” Что-нибудь всегда находилось, и без лишней формальностей производился обмен. Несомненно, стоимости меняемых предметов нас не смущало. Никому не хотелось прослыть сквалыгой – мы дорожили своей репутацией. Кроме того, учитывалась конъюнктура: например, весной и летом, когда мы запойно играли в “классы», особенно высоко котировались красивые стеклышки, а перед Новым годом – серебряная фольга, в которую можно было завертывать грецкие орехи для елки». (Леонидова, 1971, 31).

Меняться «втёмную» – вид развлечения, преимущественно мальчишеский, при котором каждый из мальчиков меняет имеющийся у него предмет, неизвестный другому, на принадлежащий другому предмет, неизвестный меняющемуся.

Описание обмена «втёмную», происходящее в начале 1920-х годов в интернате: «На полу двое ребят, расстелив вытертое одеяло, затеяли французскую борьбу... На одной кровати собралось человек шесть: рассказывают сказки. В другом конце идет оживлённая мена. Под тусклой... лампочкой стоят двое ребят. Оба протянули один к другому крепко сжатую правую руку. Что у каждого в кулаке – неизвестно. “Сменяем втёмную?” – говорит лохматый, что побойчее. Второй – новичок с дальнего хутора – в нерешительности: у него сачка – залитый свином крашенный айдан-биток. “Да у тебя в руке ничего нету” – “Что ты, дружок?! За это у нас морду

бьют". Новичок мнется, со всех сторон оглядывает руку лохматого, боится прогадать. Тот небрежно бросает: "Не хочешь? Как хочешь... Да я и сам передумал". И с деланным видом зевает. "Надуешь ведь?" – вслух рассуждает новичок. "Тут уж кто кого, – резонно замечает один из любопытных наблюдателей. – Дело полюбовное. Силком никто не заставляет". Новичок видел у лохматого на пальце медное колечко. Сейчас колечка нет. Ещё минуту он раздумывает и... наконец произносит: "Ладно, давай"... Лохматый проворно хватая из открытой ладони новичка сачку и говорит: "Ну, теперь держи ты. Да покрепче". Он разжимает ладонь: в ней ничего нет. "Это не по-честному, – обижается новичок. И в это время с ладони лохматого взвизывает черная точка: блоха. "Говорил: держи крепче, – повторяет тот. – Сам виноват". Дружный хохот покрывает его слова. Добрая четверть палаты кидается ловить блоху и вскоре с торжеством вручает ее хуторскому новичку» (Авдеев, [1957] 1971, 42–43).

«**МЁРТВЫЕ души**» – поэма Н.В. Гоголя (1809–1852), в 1950-е – 2000-е гг. входит в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (8 класс).

«**МЁРТВЫЙ час**» – «То же, что тихий час. *Каждый день в четыре часа вечера, после "мёртвого часа", обитатели студенческого дома отдыха сходились с кубиками к ясеням у околицы усадьбы. Верес[ав]. Исанка. Шёл послеобеденный мёртвый час, город-санаторий был пустынен. Федин, Санаторий Арктур*» (Словарь, 1957–6, 874); время послеобеденного отдыха (сна) в пионерских лагерях, санаториях, домах отдыха, детских домах.

О нач. 1920-х гг.: «Удивил я в день своего приезда не только деревенских ребят, но и взрослых. Родственников напугал даже – после обеда залёг на лавку под образа и заявил: "Мёртвый час!" Тётка Настасья руками всплеснула: "батюшки, помирает!..." Услыхал мой отец: "Ничего, ничего!... Это у них правило такое пионерское: после еды – покой. Его ещё в детском саду этому обучили, потом в пионерах. – И рассмеялся: – А ты, пионер, чего людей страшными словами пугаешь?"» (Богданов, 1961, 12).

О санатории в 1930-х гг.: «После "мертвого часа" [мама] Марина взяла [отдыхавшую в детском отделении дочь] Таню на пляж» (Малинина, [1951] 1954, 73).

О пионерском лагере под Ленинградом в 1941 г.: «Каждый день мы ходили в походы, пели у пионерских костров, играли в мяч, купались и загорали. Дисциплина была полувоенная – строгая. Например, курение рассматривалось как преступление; шум во время сна или "мертвого часа", опоздание в столовую или на пионерскую линейку, оскорбление девочек карались наказаниями вплоть до исключения из лагеря» (Щетинин, 2002).

О Харькове летом 1943 г. в: «В это время я услышала женский голос: "Лара! Юра! Я вас жду!" Они вежливо кивнули мне и побежали в дом. Парадное было рядом, и я слышала: "Обедать - и мертвый час. Устали, мои маленькие котята". Вот какая мама: "обедать", "котята", "маленькие"... Хоть бы мне так кто-нибудь сказал! А с чего это "мёртвый час" среди бела дня? А! Ну да! Как до войны у нас в детском саду... после обеда мы спали. Но тогда мы были маленькими. А сейчас уже восьмой год. Тю!» (Гурченко, [1980] 1987, 84).

О детском доме в 1950 г.: «В нашем распорядке "мертвым часом" насмешливо именовался долгий промежуток между обедом и полдником. Мечта воспитателей: рой надолго затихает в кроватях в разгар летнего дня. Размечтались... Должны были сидеть в каждой спальне, уговаривая, покрикивая, наказывая» (Ибрагимов, 1993, 27).

О пионерлагере во вт. пол. 1950-х гг.: «[Олег] строго объявил тёткам, что в лагере "мёртвый час" и что в это время на территории лагеря пребывать посторонним строгойше запрещено» (Рязанова, 1964, 43).

О пионерлагере в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «После "мертвого часа" играет четыре тайма! До полной победы!» – сказал [Котька] капитану первого отряда... Что такое "мёртвый час" лучше всех знают

врачи да те мальчишки и девчонки, кому хоть раз привелось побывать в пионерском лагере. Спросите про "мёртвый час" врачей – так они ответят, что это очень нужная и даже необходимая для человека любого возраста мед. процедура, укрепляющая здоровье и повышающая аппетит. Пионеры про "мёртвый час" скажут совсем другое: "И кто его только придумал! Врачи? Пусть тогда сами после обеда спят – свою процедуру выполняют..." Котька Сырешиков про "мёртвый час" думал точно так же и, будучи принципиальным противником, старался всеми правдами и неправдами улизнуть от каждого послеобеденного сна. Решив и на этот раз во что бы то ни стало увильнуть от "мертвого часа", Котька уже завернул за угол дома и подошёл к поленнице дров, как тут его схватил за воротник рубашки дежурный по лагерю и молча потащил в палату» (Мишаткин, 1963, 133).

О пионерлагере в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Лагерь спал... Этот послеобеденный час когда-то назывался "мертвым", потом, борясь с мистикой, переименовали в "тихий", теперь опытные пионервожатые кричали в палатах: "Мертвая тишина!" – и старое прекрасно уживалось с новым» (Принцев, [1972] 1975, 3).

МЕРИТЬ лужи – см. *Лужи*.

МЕТАЛЛОЛОМ – см.: *Сбор металлолома*.

МЕТАЛЛОФОН – «Ударный музыкальный инструмент, состоящий из ряда металлических пластинок, подобранных в известном строе, по которым ударяют деревянными молоточками» (Словарь, 1957–6, 900).

О 1960-х гг.: «Знакомые Лилиных родителей подарили девочке металлофон, на нём она с удовольствием выстукивала знакомые мелодии... [Металлофон] не требует настройки, звучит правильно, не портится, если с ним бережно обращаться. На нём можно исполнять простые мелодии, звуки его не резки, приятны» (Коссаковская, 1967; 18, 73).

«**МЕТЕЛИЦА**» – рассказ А.А. Фадеева, написанный им по материалу его романа *«Разгром»*.

В 1940-е – 1980-е годы изучался в 4–5 кл. школы.

О нач. 1960-х гг.: «Поэма "Сын артиллериста" изучается в V классе в конце учеб. года и входит в пятый раздел программы – "Советские писатели о социалистич. родине". Изучению поэмы предшествует чтение и разбор... рассказа А.Фадеева "Метелица", рисуемого героизм советских людей в борьбе с белогвардейцами в годы гражданской войны» (Колокольцев, 1963, 91).

МЕТКА – «Знак, сделанный на какой-либо вещи, на каком-либо предмете и т. п. (для отличия и от других подобных)» (Словарь, 1957–6, 919).

Метка, вышитая на одежде ребенка.

О нач. 1950-х гг.: «Отправляясь летом в пионерский лагерь, каждый ребенок на каждой своей вещи – на белье и на одежде, на вещевом мешке и на платке – должен поставить свою метку. В зависимости от возраста и от успехов в рукоделии он может сделать цветной ниткой какой-н. отличительный знак (букву или свои инициалы, а иногда и имя)... В наше время трудно себе представить, чтобы школьник ни разу не принял участия ни в походе, ни в экскурсии, ни в путешествии. Наши школьники летом хорошо отдыхают. Кто едет в туристич. экскурсию, кто отправляется в пионер. лагерь, кто принимает участие в дальних путешествиях. Все эти поездки совершаются коллективно. Но у каждого путешественника должны быть личные вещи. И чтобы эти вещи не перепутать, требуется ставить метки... За несколько дней до отъезда в пионер. лагерь пионер должен позаботиться о своём белье. Ведь обслуживающий персонал должен разобраться при стирке большой массы белья. Нужна метка, чтобы вещь находилась сразу. Бывает, что у нерадивого ребёнка мама накануне отъезда целыми ночами сидит, выполняя эту трудоёмкую работу, а он спит (потому что не умеет). Работа нетрудная, но занимает много времени» (Жилкина, 1953; 29–30, 53–54).

МЕТОД проектов – система (форма) обучения, при которой учащиеся приобретают знания и умения в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий-проектов.

Сам метод зародился в Америке в середине 1820-х гг. в практике подготовки инженеров. Позднее метод стал вводиться в практику орг-ции обучения в американских опытных и частных школах (например, «Как мистер Мозер разводит таких прекрасных кур»).

В 1920-х гг. у ряда советских педагогов сложилось мнение, что критически переработанный метод проектов сможет обеспечить развитие творческой инициативы и самостоятельности учащихся в обучении и будет способствовать осуществлению непосредственной связи между приобретением учащимися знаний и умений и применением их в решении практических задач. При этом предполагалось, что содержанием проектов будут общественно полезные дела, привлечение учащихся к стр-ву социализма. Метод проектов был перенесен в практику отеч. школы, он стал частично применяться в практике школ – сначала опытных, а затем и в некоторых массовых. Сторонники метода проектов провозгласили его единственным средством преобразования школы учёбы в школу жизни, где приобретение знаний будет осуществляться на основе и в связи с трудом учащихся. Универсализация метода проектов и развитие комплексной системы обучения привели к составлению и изданию комплексно-проектных программ (1929–1930 гг.). Учебные предметы отрицались, систематическое усвоение знаний под руководством учителя на уроке подменялось работой по выполнению заданий-проектов, в том числе общих, таких, как «Поможем ликвидировать неграмотность», «Поможем ликвидировать прорыв на фабрике» и др. Вместо систематических знаний по основам наук учащиеся, работая на фабрике, заводе, в школьных мастерских, в колхозе, учебно-опытном участке, получают неупорядоченные и поверхностные сведения, связанные преимущественно лишь с выполнением проекта. Уровень общеобразовательной подготовки школьников резко снизился.

После постановлений ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. и 25 августа 1932 г. отечественная школа отказалась от применения метода проектов.

Ист.: ТВПО, 1968, 160–161; РПЭ, 1993–1.

«**МЕХ, пух, перо**» – игра с поцелуями, аналогичная играм «Пух, перо, медные трубы»; «Пух, мех, домино»; «Пух, мех, перо»; «Точка, трубы, пылесос».

О девочке 13 лет в г. Воткинске в 1991 году: «Ещё играли в игру “Мех, пух, перо”. Собирались кучками по 2–8 человек (отдельно мальчики и девочки). Кучка выбирала “жертву” (одного человека) и ловила его. Оставался он в кругу. Ему говорили: “Мех, пух, перо, медные трубы” (больше не помню), и он должен [был] выбрать одно из слов. Слова обозначают: “мех” – целуй всех; “пух” – целуй двух; “перо” – целуй одного; “медные трубы” – целуй в губы. Кого ловили, все отпирались, а на самом деле тлько и хотели, чтобы их поцеловали» (572).

МЕЧ – «Холодное колющее и рубящее оружие с обоюдоострым длинным прямым клинком» (Лопатин, 1997, 293).

Меч деревянный – игрушка для мальчиков.

«Среди археологических материалов часты находки детских деревянных мечей. Например, в Старой Ладогe найден деревянный меч длиной около 60 см и шириной рукояти около 5–6 см, что соответствует ширине ладони ребенка в возрасте 6–10 лет. Обычно форма деревянного меча аналогична форме настоящего оружия данной эпохи. Формы наверхий игрушечных деревянных мечей служат датирующим признаком точно так же, как формы наверхий настоящих. Играя, мальчик набирался опыта владения оружием, который обязательно пригождался ему во взрослой жизни. Помимо мечей в набор игрушечного вооружения будущего воина входили деревянные копья, кинжалы, лук со стрелами и лошадка, сделанная из палки с концом в виде головы коня, во рту которого – отверстие для поводьев. Были также маленькие лошадки-каталки на колесиках, лодочки из коры или дерева и пр.» (Долгов, 2006, 79).

Меч пластмассовый – игрушка для мальчиков.

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «Купил я своему сыну пластмассовый меч с ножнами. Точь-в-точь как

старинный. Но к мечу обязательно нужен был и шлем, а шлема в магазине не оказалось» (Калинин, 1988, 81).

«**МЕЧТА**» – игра с загадыванием желания. Ср.: «Зубы, зубы...»

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Мечта. Два игрока садятся друг против друга и берутся за руки крест-накрест. И говорят следующий стишок, при этом двигая перемененно руками: “Зубы, зубы, зубы, / Зубы надо подлечить. / А я боюсь. / А ты не бойся! / А я умру. / Не беспокойся! / В траве сидела саранча / И говорила ча-ча-ча!” Когда говорят последние две строчки, участники игры закрывают рот руками и шепчут свою мечту, желание. Дальше, после этого они отворачиваются и начинают двигать руками крест-накрест, снова поворачиваются друг к другу и смотрят на свои руки, если положение рук обоих участников совпадает, то их мечта обязательно должна сбыться» (594).

МЕШОК – см.: *Бег в мешках*.

МЕШОК для галош – мешок, в котором дети хранили галоши, которые были надеты на обувь, в которой они пришли в школу.

О второй половине 1950-х гг.: «Васютка закрыл глаза и куда-то поплыл, провалился. Он почувствовал себя... таким большим, что ему тесно стало на диване... И вот он стоит – великан – посредине мира и раздаёт людям добро в мешочках, таких, в какие он в школе галоши кладёт...» (Дягилев, 1961, 68).

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «...Сегодня Валерка забыл дома мешочек для галош и, чтобы они не потерялись в гардеробе, принес их в класс... “Чтого нос повесил...” “Так.. Мешочек для галош забыл дома, под партой поставил. От них знаешь сколько грязи в классе”» (Михасенко, [1959–1963] 1965: 42, 47).

О начале 1960-х гг.: «В пятницу утром мы с Толей встретились в раздевалке. Он засовывал свои галоши в мешок, на котором было вышито “А. Р.”». (Надеждина, 1963, 57).

О начале 1960-х гг.: «Когда я ещё был во втором или третьем классе, мама вышила на мешке для галош мою фамилию... Это был самый обыкновенный мешок...» (Алексин, [1969] 1974, 7).

См. также: *Мешок калашный*.

МЕШОК калашный – то же, что *Мешок для галош*.

О начале 1930-х гг.: «Осень в школе [название]. Ветер хлопнул школьной дверью, / Мяч в кусты забросил. / Говорят, но мы не верим, / Будто снова осень. / Так недавно мы видали / Рожь в полях нескошенной, / А сегодня нам сказали: / Шить мешки калашные» (Саконская, [1934] 1961, 34–35).

О первоклассниках в конце 1940-х гг.: «Большая перемена. Девочки окружили Анну Ивановну. Спрашивают: ...“Анна Ивановна! Когда я без калош в школу иду, калашный мешок надо приносить?”» (Шварц, [1949] 1960, 33).

О начале 1960-х гг.: «Самый низенький из всех прохожих, с мешком для калош на спине... Никита снимает калоши и прячет их в мешок... С мешком для калош на спине... Никита ... снял калоши, уложил в мешок, а мешок закинул за спину... И он засунул свой трофей в калашный мешок... “Дайте я его в калашный мешок пока что засуну”... Никита Кузьмич засунул свёрток в Никитин мешок, затянул потуже верёвочку... Объяснил Никита, на ходу заталкивая в карман тесёмку калашного мешка... Никита... потянул за шнурок на мешке... Он... поудобнее пристроил [Никите] за спиной мешок, где теперь вместо калош лежали ушанка и разные трофеи... [Мама]... улыбалась, вынимая сокровища из калашного мешка...» (Цюрупа, 1964; 16, 17, 26, 30, 31, 43, 44, 50).

МЕШОЧЕК для обуви – мешочек, предназначенный для доставки учащимися в школу «домашней» обуви. Чтобы сохранить чистоту в школе, ученикам предписывалось снимать «грязную» уличную обувь и надевать на время занятий обувь чистую.

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «[Вспоминает] Завьялова Л.Е., 1949 г. р. (пошла в школу в 1957 г. в Шадринске): “Осенью и весной в школе нас заставляли менять обувь, так как на улице была грязь. Мы носили

для этого с собой тапочки в тряпичном мешочке. Дежурные проверяли и ни кого не пропускали в школу без второй обуви. Конечно, были непослушные мальчишки, которые специально не приносили вторую обувь или забывали принести» (Завьялова, 2005).

О Челябинске в 1980 г.: «1980 год. Дети сотрудников нашей швейной фабрики идут в первый класс. В коллективе к этому событию отнеслись очень чутко. Каждому новоиспеченному ученику сшили мешочек для обуви с аппликацией: кленовые листочки и цифра “1”. Туда положили всякую приятную мелочь: простые и цветные карандаши, ножницы, ластик, пузырек силикатного клея... Положили картон для уроков труда, линейки, ручки. Радости было!» (Дудина, 2007, 10).

МЕШОЧЕК для чернильницы.

О второклассниках в 1946 г.: «...Алька Фалеева... всегда тихо и ненадоёдливо заботилась о Севке. Оборачивала газетами его учебники и тетрадки, давала новые перышки для ручки... Благодаря Альке Севка не таскал в школу пузырек с чернилами. Он знал, что перед уроком Алка достанет из аккуратного мешочка фаянсовую непроливашку с голубым петушком на боку и поставит не перед собой, а в среднее гнездо на парте – на двоих» (Крапивин, 1986, 27).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Перья были разного вида и разных названий... Обмакивали эти перья в чернильницы-непроливашки. А назывались они так потому, что из них чернила выливались не все, если она переворачивалась. Носили ученики эти чернильницы в специально сшитых мешочках, которые затягивались вдетой верёвочкой» (Русакова, 2007).

Вероятно, о 1950-х гг.: «Хранилась [чернильница] в ранце и, хотя и называлась непроливашкой, сумела залить отведенный ей уголок... Она путешествовала со мной не меньше года из дома в школу... Я был аккуратен, как девочка. Но девочки носили чернильницы в мешочках, привязанных к ручке портфеля на внешней стороне, им не надо было опасаться за чистоту рук и учебников» (Образцов, 1996, 8).

«**МИКАДА**» – см.: «*Микадо*».

«**МИКАДО**», «**микада**» – название самодельных треугольных вафель в 1920-е – 1940-е гг.

Объяснение появлению такого экзотического названия можно, вероятно, найти в следующем отрывке. О второй половине 1900-х гг.: «Тыл существовал отдельно от театра военных действий, расположенных на гаюляновых полях Мукдена и Лаояна. Здесь же, в тылу, в Петербурге и в Москве любовались... “загадочной душой” Японии. В русский язык входили слова: “гейша”, “чайный домик”, “Мадам Баттерфляй – Чио-чио-сан”. Московская парфюмерная фабрика Ралле выпустила одеколон, мыло, пудру и духи “Садо-Яко” с изображением на этикетке этой прославленной танцовщицы, гастролировавшей по Европе. Кондитер Сиу зашёл куда дальше. Его новый вафельно-шоколадный торт и такое же пирожное называлось по титулу враждебного “Сына Солнца” – “микадо»» (Рахтанов, 1980, 327).

О Северном Кавказе в 1920-е гг.: «У входа в театр я увидела Фридку и Олега... Они... грызли вафельные пирожные “микадо”, предел наших с Венской мечтаний, и разглядывали прохожих...» (Соколовская, 1979, 32).

О Ленинграде в 1930-е гг.: «Если говорить о памяти вкусовой, то лучше всего помнится вкус сладостей тех лет. Сидели бабки с корзинками и продавали самодельные сладости. Во-первых, макавки, варенные в меду, во-вторых, тянучки... Продавали семечки... Постный сахар... Шоколадные треугольные вафли. Их почему-то называли “Микадо”... Всё это ныне тоже исчезло, хотя лакомства эти никак не назовешь ненужными» (Гранин, 1990–5, 473).

О Шадринске в 1941–1945 гг.: «Каждая школа имела свой огород... Собранный урожай использовали для приготовления пищи в школе... Завхоз Таня готовила очень вкусные супы. Ну, а “микадо” – треугольная вафля с прослойкой сахарной свёклы к чаю – была объедением» (Плотникова, 2003, 40).

О 9–10-летней девочке, эвакуированной в Шадринск, в 1943 г.: «В школе на завтрак нам давали “микады” –

вафельные треугольники, заполненные джемом. Почему “микады”? Больше нигде такого названия я не встречала» (Соколова, 1998, 77).

О Шадринске в 1943–1944 гг.: «В 1943–1944 учебном году, в первом классе, я училась в школе № 5, сама туда записалась. Помню, что нам на большой перемене давали треугольные вафли, липкие, с прослойкой из сладкого повидла со свекольным вкусом, мы звали их “микады”» (Иовлева, 1995, 33).

«**МОНАХИ**» – совместная игра девочек и мальчиков.

Е.А. Покровский в книге 1895 г. описывает данную игру следующим образом: «*Монахи* (Тульская губерния). Играют зимой, в избе. На одной лавке помещаются мальчики, на другой – девочки. Один... – “Монах” обходит поочередно сидящих мальчиков и спрашивает каждого: “Какая тебе любя?” Если кто назовет уже выбранную, то Монах объявляет об этом. Затем Монах по очереди подводит девочек сначала к одному из сидящих мальчиков, потом к другому и т. д. Каждый раз при этом Монах спрашивает: “Не эта ли?”, то есть любя тебе. Когда он подведет к сидящему выбранную им девочку, тот усаживает её рядом с собою. Игра продолжается до тех пор, пока Монах разместит всех девочек» (Покровский, [1895] 1994, 350).

«**МОНЕТА, класть монеты на рельсы** – см.: *Рельс. Класть монеты на рельсы*.

«**МОНОПОЛИЯ**» – настольная «экономическая» игра.

О 2005 г.: «Да и обеспеченные родители не спешат в “Книжный мир”, а если и заходят, то за самой популярной детской игрой – “Монополией”... Людмила Баранова, Барнаул» (Огонёк, 2005, № 38. – С. 8).

«**МОНПАНСЬЕ**» – сорт фруктовых леденцов (от названия французского графства Монпансье).

О Одессе в 1905 г.: «...Павлик увидел в углу столик с подарками... Подарки были превосходные... Были, кроме того, жестяные коробочки монпансье “Жорж Борман”, шоколадки... и маленький тортик...» (Катаев, 1961; 185, 230).

О Ленинграде в 1930-е гг.: «Если говорить о памяти вкусовой, то лучше всего помнится вкус сладостей тех лет... В кондитерских магазинах имелись помадки, пастилки, цветные лимонные корочки. Все это ныне тоже исчезло, хотя лакомства эти никак не назовешь ненужными. Были еще разных цветов прозрачные монпансье в круглых жестяных коробочках» (Гранин, 1990–5, 473).

О 1950 г.: «Мне дали коричневые шелковые ленты, карандаши и точилку, книжку “Васёк Трубочев и его товарищи”, розовые рукавички, коробочку монпансье, кусок шефского торта... Девочки сосали леденцы из щедро выставленной мною коробочки» (Ибрагимова, 1993, 27).

«**МОНТАЖ**» – 1. См.: *Литературный монтаж*.

О середине 1950-х гг.: «8 марта, в Женский день, у нас в школе решили устроить большой вечер... Кончилась долгая торжественная часть, пионерский монтаж “Мамы всякие нужны, мамы всякие важны”, подношение букетов сидящим в президиуме» (Рощин, 2002, 81–82).

«**МОНТАЖ**» – 2. Соединенные вместе вырезанные картинки. Это значение присутствует в приводимом ниже отрывке. В то же время на тех же страницах присутствует слово «монтаж» можно проинтерпретировать и в первом значении (как чтение текста):

О вт. пол. 1950-х гг.: «Олег старался припомнить, в чем именно состояла пионер. работа в те дни, когда он сам носил красный галстук. Но почему-то в памяти возникли только праздничные концерты... и коллективные декламации на темы “зима” или “осень”; помнились развешанные по всем классам похожие друг на друга монтажи, составленные из цветных, вырезанных из журналов картинок. “Неужели и я с моими шестиклассниками буду вырезать картинки?” – мучился новоиспеченный вожатый... “Галка, ...я совершенно не знаю, что мне делать в моём отряде...” “Подготовь с ними монтаж к Первому мая...” ... В задних рядах поднялась рука, и из-за парты встала остроноса девочка с

косичками. “Мы хотели подготовить монтаж к Первому мая. А мальчишки не захотели. Наше звено уже предлагало: можно стихи, а можно песни...”» (Рязанова, 1964, 16–17).

МОНТЕКРИСТО – система мелкокалиберных ружей и пистолетов (по имени героя романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо»).

Об Одессе в конце 1900-х – нач. 1910-х гг.: «Теперь никак не могу вспомнить, каким образом у меня в руках очутилось это ружье. Оно было более настоящее, чем монтекристо, и менее настоящее, чем мелкокалиберный винчестер для спортивной стрельбы. Я думаю, его привез с собой один приезжий мальчик. Мы провели с ним... два или три дня, пока он гостил у своих родственников у нас в Отраде» (Катаев, [1972] 1983, 171).

О середине 1910-х гг.: «Мальчишкой жил Володя Карасёв в маленьком городке – Пензе. Отец его служил в магазине, который принадлежал богатейшему купцу Мартынову... Однажды на праздник решил отец побаловать своего сынишку. Купил он Володе на ярмарке детский пистолет, который назывался “монтекристо”. Стрелял этот пистолет дробинками довольно далеко. И такой славный был никелированный пистолетик – маленький и блестящий! Володя с ним не расставался даже ночью – под подушку клал. А днем постоянно носил в кармане. Был Володя ростом мал. Частенько его обижали ребята постарше – и на улице и в школе... А с пистолетом Водя чувствовал себя как-то увереннее, смелее. Засунет руку в карман, почувствует холодок железа и сразу повеселеет. Всё-таки – оружие!» (Анненков, 1962, 8).

О середине 1910-х гг.: «Если мамы нет дома, то Чуйка хватает Володино ружье “монтекристо” и целится в... соседскую горничную Маню. Маня визжит на всю квартиру» (Луговская, [1983] 1987, 53).

О 1917 г.: «Витька и Мотыка обрадовались, хотели потащить гостей за собой, показать ружьё “монтекристо”, которое ссыкалось-таки на чердаке и отлично стреляло пулями» (Смирнов, 1970, 222).

О вт. пол. 1920-х гг. и о нач. 1930-х гг.: «Нэп был уже на исходе... Лишь раз я был близок к осуществлению своей мечты о неутомимой танцорке: на Фоку должны были пойти остатки гигантской суммы в десять рублей, собранные мною по алтынам и пятакам на приобретение пистолета “монтекристо” и выкраденной у меня из кармана в магазине Мюра и Мерилиза. Никогда еще “город” не слышал такого истошного рева, каким я разразился, обнаружив пропажу. Благородное оружие (в пять шагов убивает наповал человека) уже тяжело мне правую руку... Чтобы развлечь гостя, я показал ему... альбом с марками, финский нож и пистолет “монтекристо”, на который я вторично скопил деньги после большого ограбления в “Мюре и Мерилизе”. Благородно тяжёлый, с длинным блестящим стволом и шершавой, красиво изогнутой ручкой, из всего барахла детских лет он один сохранил притягательность. Оська, смеясь, прицелился в меня, сильно сошурив правый глаз, – он не умел обращаться с огнестрельным оружием”. “В пяти шагах убивает человека, – сообщил я. – Наповал!” Оська посмотрел на опасную игрушку и тихо отложил» (Нагибин, 1998).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Достав из кладовки старый отцовский рюкзак, вытряхнул из него все свои сокровища: игрушечный кортик, оловянный револьвер, почта взправдашний, остов мелкокалиберного пистолета “монтекристо”, порванную футбольную камеру и сломанный фотоаппарат “Юнкор”. Сунув револьвер в карман, а “монтекристо” заткнув за пояс, пошёл на кухню» (Поливин, 1988, 49).

МОПЕД – легкое двухколёсное транспортное средство с небольшим двигателем внутреннего сгорания и pedalным цепным приводом заднего колеса.

О с. Шатрово в 1993 году: «Когда мне было 7 лет, я пришел домой из школы, а в моей ограде был мопед, который папа подарил на 1 сентября. Я сначала не решался подойти к нему, потому что думал – это сон. Но когда я сел на него, убедился, что все происходящее не сказка. Папа научил меня ездить на нем и я исколесил

все окрестности нашего села. Это было так здорово, все ребята-однокурсники завидовали моему счастью. Этот момент запомнился мне на всю жизнь. (079)

МОПР – Международная организация помощи борцам революции. Пионеры и школьники в 1920-е годы принимали участие в сборах средств в фонд МОПРа.

О пионерах в Минске в середине 1920-х гг.: «Участвовали мы и в сборе средств в фонд МОПРа (международной орг-ции помощи рабочим), во всех праздничных демонстрациях, особо важных политических событиях...» (Табачник, 1984, 118). [...]

См. также: «Жертвовать».

«**МОРЕ волнуется**» – под этим названием в разное время фигурировали две игры.

1. О 1890-х гг.: «Море волнуется (Астрах[анская] г[уберния]). Игра происходит в комнате. По числу играющих становятся стулья в два ряда так, чтобы спинка одного стула соприкасалась со спинкой другого стула. Каждый играющий должен твердо помнить свой стул, где он сидит. После того, как все усядутся, нарочно выбранный вожак кричит: “Море волнуется!” Все играющие вскакивают и бегают вокруг стульев до тех пор, пока вожак не улучит минутку, когда каждый отбежит далеко от своего стула, вдруг закричит: “Море утихло!” После того, каждый должен занять свое место, а так как вожак занял один из стульев, то между играющими, происходит суматоха и каждый старается захватить место, какое попало. Играющий, оставшийся без места, становится вожаком. (Покровский, [1894с. 350).

Скорее всего, именно об этой игре говорится в описании бала в суворовском училище в 1950 г.: «Обрадованные девочки наконец танцуют с суворовцами. После танцев они играют в “Море волнуется”, в “Соседей”, снова танцуют» (Багмут, 1951, 122).

2. В 1970-е – 1980-е гг. игра под названием «Море волнуется» протекает по другим правилам.

О конце 1970-х гг.: «Часто играли в “Море волнуется раз”. Там идут такие слова: “Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура на месте замри!” Пока говорят слова, все бегают, прыгают, изображая волны. При последних словах нужно придумать какую-нибудь фигуру и не шевелиться. Тот, кто пошевелится, и ведущий [это] увидит – [тот] выбывает из игры. Иногда правила игры мы меняли, нужно было угадать, что за фигура была исполнена, это правда уже сложнее, но не менее интересно» (490).

О нач. 1980-х гг.: «Игра “Море волнуется”. Правила. Выбирался ведущий. Все дети вставали в круг, брались за руки, поднимали и опускали руки вверх и вниз и при этом говорили: “Море волнуется раз, / Море волнуется два, / Море волнуется три, / Морская фигура, на месте замри”. Затем все замирали и изображали какую-либо фигуру; ведущий выбирал самую красивую, оригинальную фигуру, и чью фигуру он выберет, тот и был затем ведущим» (546).

О г. Тавде Свердловской обл. в середине 1980-х гг.: «В игре “Море волнуется раз” выбирается ведущий (с помощью считалочки). Он встает в центр, остальные дети идут по кругу и говорят такие слова: “Море волнуется раз, / Море волнуется два, / Море волнуется три, / Морская фигура, на месте замри”. Все дети замирают в каком-нибудь смешном положении и стараются не пошевелиться. Ведущий ходит среди них и смотрит – кто шелохнулся. Ведущий может рассказывать что-то смешное, чтобы кто-то из участников засмеялся и пошевелился. Кто чуть-чуть шевельнулся и ведущий это заметил – этот человек становится ведущим. Если ведущий отвернулся и не видит, то в это время можно изменить положение» (523).

Запись середины 1980-х гг.: «Выбирается водящий. Он говорит: “Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура – замри!” Все играющие должны замереть в какой-нибудь позе. Цель водящего – рассмешить играющих. Кто рассмеётся, тот будет водить» (Лойтер, 1991, 234).

О г. Петухово во вт. пол. 1980-х гг.: «“Море волнуется раз”. Мы вставали в круг, взявшись за руки, выбирали ведущего, он стоял в центре круга, а мы шли по кругу и

пели: “Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, на месте, морская фигура, замри”, и у кого была самая лучшая фигура, выбирался ведущим» (510).

О г. Кургане во вт. пол. 1980-х гг.: «“Море волнуется”. Количество играющих не ограничивалось. В игру играли и девочки, и мальчики. С помощью считалки выбирался ведущий. Играющие становились в круг, в центр круга вставал ведущий. Ведущий говорил слова: “Море волнуется раз! / Море волнуется два! / Море волнуется три! / Морская фигура, на месте замри!” Когда ведущий говорил эти слова, играющие делали разнообразные движения (качались в разные стороны, кружились, поднимали руки и др.) Когда ведущий говорил: «Морская фигура, на месте замри!» Играющие должны были “замереть” в какой-нибудь интересной позе. Когда они “замирали”, то есть стояли, не шевелились, ведущий ходил и смотрел, следил, чтобы никто не шевелился. Тот, кто первым шевелился или смеялся – выходил из игры. И все повторялось сначала» (535).

МОРОЖЕНОЕ – мороженое сладкое кушанье из сливок, сахара, сока ягод, ароматических веществ.

О Москве в 1932 г.: «Именно на Чистопрудном бульваре летом 1932 года я впервые, отведал новый, фабричный тип мороженого – эскиммо на палочке... Фабричное мороженое разных сортов, включая многослойные сэндвичи, быстро вытесняло кустарные кружочки, обтятые вафельками» (Федосюк, 2004, 130).

О девочке 7–8 лет зимой 1942–1943 гг.: «...А зимой мы стащили целый бак самодельного мороженого. Его продавала тетка Поля, грубая, толстая... От места, где стояла с мороженым Поля, уже издали шел запах ванилина. Она проворно вкладывала в железную формочку круглую вафельку на дно. Потом заполняла мороженым и сверху накрывала опять вафелькой. Снизу этой формочки – железная трубочка, внутри которой “ходил” железный карандаш. Он-то и вытаскивал кругленькое, обложенное вафлями ароматное мороженое. Деньги она прятала в сумку, которая висела у нее прямо на груди. Сколько денег! Так хотелось купить мороженого и... леденцов. Леденцы, маленькие-маленькие – по рублю штука. На немецкую марку – десять штук. А петушок на палочке малинового цвета!» (Гурченко, [1980] 1987, 57).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Девочки подошли к магазину, где продавали мороженое и воду... Наташа дернула Нину за рукав, шёпотом спросила: “А мороженого сколько дадут на две копейки?” “Нисколько. На мороженое надо десять копеек”, – ответила Нина и подтолкнула Наташу к прилавку» (Бабанский, 1961, 47).

О конце 1950-х гг.: «Остановившись у ларька, Борис купил себе и Стасику по порции мороженого. “...Тут одно дельце подвернулось...”, – пояснил он... Стасик... уставился на него, перестав лизать стаканчик» (Зобнин, [1962] 1963, 122).

О девочках в нач. 1960-х гг.: «...Мы с подругой заглядывали под лоток, где... были хорошо видны кругляши монет, выбирали их оттуда... Деньги тратили всегда сразу: на конфеты..., иногда на стрельбу в тире – выстрел стоил две копейки, а на самое дешевое мороженое – молочное за девять копеек – их обычно не хватало» (Осорина, 1999, 138).

См. также: *Вафли круглые для мороженого.*

МОРОЗ и солнце... – начальные строки заучивавшегося наизусть в школе стихотворения А.С. Пушкина «Зимнее утро».

О деревенских подростках 14–15 лет в 1960-е – 1970-е гг.: «“...Сколько раз говорил, что не любишь читать стихи”. “Ну да! Я вон Пушкина наизусть знаю: “Мороз и солнце! День чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный...” – скороговоркой выпалил Санька. “Конечно, – прерываю я его, – в школе из-под палки и читаешь и зубришь”. “Подумаешь!.. Всё равно Пушкин настоящий поэт...”» (Балакирева, [1983] 1988, 66).

МОРОЗ, Красный нос – поэма (1863–1864) Н.А. Некрасова; с 1950-х гг. изучается в школе (6-й класс).

См. также: «*Не ветер бушует над бором...*»

«МОРОЗКО» – художественный фильм (1964, режиссер А. Роу) по мотивам русской народной сказки.

О 1990-х гг.: «Любила телефильм – сказку “Морозко”. Нравился старый Мороз, его огромная волшебная сила, мудрость, может быть, даже превосходство над всеми, величие, могущество» (036).

О 1992 г.: «Сказку “Морозко” в первый раз я посмотрела, когда мне было 8 лет, её показали во время школьных новогодних каникул. Я и сейчас с большим удовольствием смотрю её. Особенно мне в ней нравится смотреть, когда Марфушечка ест орехи и леденцы и просит подарки у Деда Мороза» (104).

О девочке 6–7 лет в 1992–1993 гг.: «Мой любимый телефильм детства – “Морозко” (сказка-фильм). Я вообще люблю сказки. А эта сказка буквально приковывала меня к экрану телевизора. Мне было, наверное, лет 6–7, когда я впервые увидела его по телевизору, до этого я сказку читала только. Нравилась она мне тем, что я сравнивала поведение каждого героя с реальными людьми. Я всегда так переживала за Настеньку, главную героиню, когда мачеха над ней издевалась, когда она прикоснулась к посоху Морозки и замерзла, и вообще на протяжении всего телефильма. И так радостно становится, когда понимаешь, что все хорошо, что хорошо кончается» (200).

О девочке 9–10 лет в г. Завитинске Амурской обл. в 1994–1995 гг.: «Фильм “Морозко” очень понравился, хотелось походить на главную героиню – Настеньку, смеялась над мачехой и Марфушей» (107).

О с. Верх-Теча Китайского р-на в 1994–1997 гг.: «Фильм “Морозко” смотрела, когда мне было 10–13 лет. Эта сказка мне очень нравилась, особенно когда злая девочка приезжала домой с воронами в сундуке» (097).

О с. Глядянское в 1995 г.: «Сказку “Морозко” впервые я увидела на зимних каникулах по каналу РТР, когда я училась в классе четвертом, мне было примерно 11 лет. Я с самого детства слушала от бабушки или мамы различные сказки, а тут стали по телевизору показывать. Мне очень нравятся сказки. В этой сказке мне больше всех запомнился эпизод, когда Настенька коснулась посоха Морозки и заледенела, но благодаря человеческой любви, в данном случае любви Ивана, Настена пришла к себе от пощелуя. В итоге они стали счастливыми влюбленными. Еще один эпизод: когда в самом начале сказки кидались дубинками, они улетели далеко в небо, а когда их вновь показали, что они напали на Настену с Иваном, то эти же самые дубинки и упали на головы разбойников, вот смеху-то было. Так, что я и сейчас люблю смотреть сказки, потому что когда я их смотрю, то возвращаюсь в свое далекое детство» (106).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Мне нравился Иванушка из сказки “Морозко”. Мне нравился этот герой, я хотела, чтобы мой будущий муж был похож на него» (066).

О девочке 13 лет в с. Красная Нива Шадринского р-на в 1997 г.: «Я смотрела сказку “Морозко” в новогодние каникулы, в ней две противоположные личности – добрая и злая. Одна вернулась от Деда Мороза с дарами, а вторая – с воронами в сундучке. Очень нравилась добрая героиня, особенно эпизод, когда она замёрзла, а Деду Морозу отвечала, что ей тепло» (102).

«МОРСКОЙ бой» – графическая детская игра, известная, как минимум, с 1940-х гг. и пользующаяся популярностью до наших дней.

О 1941–1942 гг.: «Как-то зашла она к Ирме с Надей Кузнецовой, тихой, хорошей девочкой. И так было весело троём: они поиграли в шашки, потом в “морской бой”, потом просто стали дурачиться. А бабушке не понравилось. “Надя тебе не пара, – сказала она Ирме. – Надя из простой семьи: мать у нее уборщица”. Ну и что такого, что мать Нади уборщица в школе?» (Рождественская, 1960, 21).

О мужской школе в Москве в середине 1940-х гг.: «На уроке лит-ры Елизавета Александровна читает нам древний лит. памятник... В классе – тишина. Валя и Игорь Белоусов на задней парте сосредоточенно играют в морской бой» (Фридкин, 2003).

Описание игры из книги 1949 г.: «Морской бой. Играют двое. Каждый чертит на клетчатой бумаге два игровых поля. До начала игры каждый из её участников

располагает “флот” на своём первом игровом поле. Делается это секретно, чтобы “противник” не знал, как стоят корабли. Флот состоит из одного линкора, двух крейсеров и трёх миноносцев. Все суда имеют одинаковую ширину в одну клетку, а Юлина их разная: линкор – четыре клетки, крейсер – три, миноносец – две. Суда можно чертить где угодно на игровом поле, лишь бы они не соприкасались друг с другом ни по длине, ни по ширине. Каждый играющий по очереди ходит или, как говорят в этой игре, “стреляет” два раза подряд. Задача при этом – поразить один из кораблей “противника”. “Стреляя”, играющий называет одну из клеток игрового поля, обозначая её буквой и цифрой, например: “Д-4”, “А-5” и т. п. Другой играющий, если названная клетка у него свободна, говорит “вода”, – значит, “стрелявший” промахнулся; если же “стрелявший” назвал клетку, занятую одним из кораблей “противника”, то тот должен сказать, в какой корабль “попал снаряд”. Каждый играющий отмечает всякий свой “выстрел” на втором поле так: если он, назвав ту или иную клетку, промахнулся, то эта клетка сплошь зачерчивается; если же “снаряд попал в цель”, то в соответствующей клетке ставится первая буква названия поражённого корабля: “Л” – линкор, “К” – крейсер, “М” – миноносец. Выстрелы “противника” каждый играющий отмечает на своём поле, ставя точку в клетке, попавшей “под обстрел”. Задача каждого играющего – рядом “выстрелов” выяснить расположение всех кораблей “противника” и вычертить их у себя на втором поле. Кито раньше выполнит эту задачу, тот и выигрывает» (Чкаников, 1949, 279–280).

О семиклассниках в 1953–1954 гг.: «Эти два дружка всюду ходили вместе: и в магазин за продуктами, и в баню, и в кино; резались на парте в “морской бой»» (Дик, 1956, 6).

Фактически об игре в “морской бой” идёт речь в отрывке, посвященном ремесленному училищу в конце 1940-х – нач. 1950-х гг. (игра называется просто «в войну»): «У нас тут много хорошего, кормят, одевают, – сказал я и начал вспоминать, что же у нас ещё есть хорошего. Не рассказывать же новичку о линейках, об уроках, на которых часто чуть ли не половина группы дремала по утрам, или играла в войну, поражая “корабли” противника на листах бумаги из тетрадей по математике...» (Ельянов, 1973, 191).

Об учащихся школы-интерната в перв. пол. 1950-х гг.: «Были разносы, которые мы принимали как должное, помалкивая или играя в “морской бой»» (Пряхин, [1981] 1986, 39).

О середине 1950-х годов: «Гулять не пошли – погода плохая. Павел Федотович предложил Гале поиграть в “морской бой”. “Да у нас мальчишки в это играют! – сказала Галя. – Я не умею” “А мы что – хуже мальчишек? Живо тебя научу!” Играл в эту немудрёную игру Павел Федотович с необыкновенным увлечением, волновался, сердился, когда ему не удавалось найти Галину подлодку» (Котовщикова, 1960, 49).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «В соседнем ряду затеяли игру в “морской бой”. Девочки на первой парте вполголоса напевали...» (Зелеранский, 1961, 11).

О мальчиках 10–11 лет в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Ребята... играли в “морской бой”, отгородившись друг от друга книгами “Тициан” и “Советская опера”... “Е-4”, – Валерке недавно вырезали гланды, говорил он всё ещё тихо и изредка покашливал. “Мимо...” “... Бей”. Раздумывая, Юрка попытался искоса взглянуть на Валеркину таблицу, но «Советская опера» надёжно укрывала огневую позицию противника. “Тебе тоже Е-4”, – сказал он. “Мимо... Д-3”. “Ранил, ёлки!»» (Михасенко, [1959–1963] 1965, 200–201).

О конце 1950-х гг.: «Морской бой. [заголовок] Что за шум на задней парте? / Ничего нельзя понять! / Кто-то там шипит в азарте: / “Е-один!” / “А-шесть”. / “К-пять!” / Это снова Вова с Петей / Позабыли все на свете: / На уроках день-дёнсковой / Бой идет у них морской! / Бьются два военных флота / На листочках из блокнота. / Вова с Петей не пираты, / Не берут на абордаж, / А наводят на квадраты / Дальнобойный / Карандаш! / И противника

догонят / Залпы меткие везде! / ... Вот линейный крейсер тонет / В разлинованной воде, / Вот уже близка победа: / Миноносцы бьют в упор... / “Ну, еще одна торпеда – / И на дно пойдет линкор!”» (Заходер, 1962, 45–46).

Описание игры «Морской бой» (в которую «можно играть на привале, в лагере, на летней площадке») содержится в книге 1961 г. для пионеров: «Морской бой [заголовок]. Играют двое. Каждый из играющих чертит на своем листе бумаги по два квадрата, состоящих из 100 клеток (10 x 10) каждый, и нумерует ряды клеток цифрами и буквами, как показано на рисунке. На одном из квадратов размещаются суда: 1 броненосец (занимает 4 клетки), 2 крейсера (занимает по 3 клетки), 3 миноносца (по 2 клетки) и 4 подводные лодки (по 1 клетке). Суда располагаются в любом порядке по вертикальным и горизонтальным рядам, но они не должны между собой соприкасаться. Играющие не должны знать расположения судов “противника”. Второй квадрат служит контрольным полем, на котором играющие отмечают ход игры. Задача играющих – своими «выстрелами» вывести из строя суда “противника”. “Перестрелка” состоит в том, что играющие по очереди называют клетки (Е-один, Б-пять, Ж-восемь и т. п.). Если называется свободная клетка, это считается промахом. “Противник” говорит: “Мимо”, – и играющий отмечает на своем контрольном поле эту клетку точкой. Если же клетка занята судном, то “противник” говорит: “Попал”. Эта клетка на своем контрольном поле отмечается крестиком. Попадание дает право на повторный ход. Если судно целиком выходит из строя (“противник” говорит: “Потопил”), то соответствующие клетки на контрольном поле обводятся контуром. На своем поле, где размещены суда, отмечают только попадания “противника»» (БГКП, 1961, 441).

О вт. пол. 1960-х г.: «Ромка Петров с Тарасовым заготовили бумагу для “морского боя”... Петров... наносил сокрушительный удар по эсминцу Феди Тарасова, находящемуся в эту минуту в квадрате 2В» (Земская, 1971, 53).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Второй отряд сортировал на клубной веранде собранные накануне лекарств. травы. Занимались этим, в основном, девочки. Мальчишки заявили, что они не кролики и рыться в траве не будут. Одни играли в “морской бой”, другие катали бильярдные шары» (Принцев, [1972] 1975, 52).

О середине 1970-х гг.: «Мальчики шелестели газетами, играли в “морской бой”, девочки рукодельничали, листали стихи» (Исарова, 1977–2, 8).

О вт. пол. 1970-х гг.: «На первом уроке Гарик читал доклад о свойствах металлов. Васья играл с соседом в морской бой, а я гадал, удастся мне до конца четверти исправить двойку или нет» (Ампелов, 1980, 46).

О девочке 10–14 лет в Шадринске в 1990–1994 гг.: «Когда стали старше, стали играть на уроках в “крестики-нолики”, в “морской бой”, а иногда даже в карты» (583).

«**МОРСКОЙ ЖИТЕЛЬ**» – игрушка, продававшаяся в марте-апреле, перед Пасхой. Вероятно, то же, что «Американский житель».

О Вербном базаре в Москве в 1910 г.: «Мимо нас проходит бородатый разносчик... Бородатого перебивает резкий женский голос: “Морской житель, / Плавать любитель... / А вот кому / Морской житель...”» (Сац, 1978, 9).

О 1917 годе: «Привычные народные игрушки... актуализировались в духе текущего момента... “Чертик в пробирке” или “американский житель”, поднимающийся и опускающийся в трубке со спиртом, тоже приобрел политический смысл: “Морской житель, народа истребитель, из царских холопов – Господин Протопопов»» (Архипов, 2001).

О Петрограде-Ленинграде в 1920-е гг.: «Очень интересным... был для нас, ребят, “Вербный торг”, проводившийся на Вербной неделе перед Пасхой... Затем была масса ... ларьков с игрушками... И, конечно, бесчисленное количество торговцев с рук, выкрикивавших: ... “Американский житель спускается на дно морское, ищет счастье людское” – это для американского

жителя, смешного стеклянного человечка, который поднимался и опускался в баллоне с водой...» (Поздняков, 1994, 293).

Ср.: *Морской чёртик*.

«**МОРСКОЙ ЧЁРТИК**» – игрушка, продававшаяся в марте-апреле, перед Пасхой. Вероятно, то же, что «*Американский житель*».

О Москве в 1911 г.: «На улице было много народу, шли и на “вербу” и с “вербы”.... На каждом шагу встречались торговцы с маленькими лоточками, а на лоточках все так и пестрело от разных диковинных вещиц... “Морские чертики! Чертиков кому! – кричал один торговец. – Живые, сам ловил в море!” Соня смотрела во все глаза на чёртика. Да он и в самом деле был живой! Он прыгал в стеклянной трубочке то вверх, то вниз, маленький, черненький, с красным язычком...» (Воронкова, 1959–а, 202).

Ср.: *Морской житель*.

«**МОСКВА – Кассиопея**» – фантастический фильм 1973 г. (режиссер Р. Викторов). До Земли долетает сигнал с просьбой о помощи со звезды Альфа созвездия Кассиопеи. Формируется команда из подростков, которые должны добраться до цели уже взрослыми космонавтами. Корабль оказывается у конечной цели значительно раньше намеченного срока. Продолжение фильма – «*Отроки во Вселенной*».

«**МОСКВУ показывать**» – см.: «*Показывать Москву*».

«**МОСКОВСКИЕ прятки**» – игра, первая часть которой аналогична игре в «жучка» (см.: «*Жучок*»), а вторая – аналогична обычным пряткам (см.: *Прятки*).

О пос. Новоаганск Нижневартовского р-на Тюменской обл. в 1988–1989 гг.: «Где-то в 1988–1989 гг. нашей любимой игрой была игра “Московские прятки”. Собирались всем двором, человек по 15. Один человек отворачивается, все стоят сзади него, кто-нибудь до него дотрагивается. Например, отвернулся Вася. До Васи дотронулся Петя, Вася поворачивается и пытается отгадать, кто до него дотронулся. Если он не отгадывает, то спрашивает: “Докуда бежать?” Ему кричат: “Сбегай до соседского дома! Пока он бежит, все прячутся. Если же Вася отгадал, что до него дотронулся Петя, то бежит и затем всех ищет Петя» (503).

О Шадринске в 1992 г.: «“Собирайся, народ, кто в прятки идет” – эта фраза сигнализирует о начале так называемых “московских прятков”. Кто-то из ребят был начинающим, он и кричал эту фразу. При этом он выставлял кулак с поднятым вверх большим пальцем (знак “во!”). Следующий, кто первым подбежал к начинающему, ухватывается за этот оттопыренный палец, и делает аналогичный знак. Третий, четвертый, пятый... делают то же самое. Таким образом, из “кулачников” образовывалась своеобразная башня, которая удерживалась до тех пор, пока не прибежит последний желающий играть. Указанная выше фраза тоже произносилась до тех пор, пока не подбежит последний. Затем тот, чей кулак оказывался сверху, был ведущим. Он становился спиной к играющим (лицом к стене), в этот момент кто-то из игроков тыкал своим пальцем в спину ведущего. При этом пытались ткнуть как можно больнее. Ведущий поворачивался лицом к игрокам и пытался отгадать, кто ткнул. А игроки в это время, опять-таки сделав знак “во!”, говорили: “Я, я, я...” Если ведущий не отгадывал, то он был галющим, а если отгадывал, то галющим был тот, кто ткнул. В итоге галющий становился лицом к стене, закрывал глаза и начинал громко считать (как правило, до 100). Все остальные играющие разбегались и прятались. Когда галющий досчитывал до конца, он говорил: “Кто не спрятался – я не виноват”, и шёл искать. Тот, кого находили первым, был следующим галем, только после того, как найдёт всех остальных. Иногда в этой игре было принято застуживание, которое заключалось в следующем: когда галющий отходил от места, где он производил счет, спрятавшиеся могли незаметно выбежать из своего укрытия и постучать по этому месту 3 раза. Это означало, что он застуживался, то есть не будет галить в следующий раз. А если галющий замечал,

как кто-то выбегает из своего укромного местечка, то он также мог бежать к месту отсчета и застуживаться. И если он прибежал первым, то следующим галющим (после того, как найдены будут все участники) будет тот, кто не успел застуживаться. В эту игру я начала играть примерно в 7 лет. Эту игру рассказала мне старшая сестра» (103).

О детях в возрасте 8–12 лет в Шадринске в середине 1990-х гг.: «Игра “московские прятки”. Выбирается один ведущий. Он поворачивается спиной к играющим. Они должны хлопнуть или ударить его по спине. После этого ведущий поворачивается к играющим, а они вытягивают вперед руки (кисть сжата в кулак) с поднятыми большими пальцами и кричат: “Я! Я! Я! Покажи на меня!” Ведущий должен указать на человека, который, по его мнению, его задел. Если угадывает правильно, то этот игрок – водит. Пока он с закрытыми глазами считает до ста, остальные прячутся. Если он не угадывает – он “галит” (водит). Кого ведущий находит первым, тот и становится новым ведущим» (012).

О Казахстане в 1992–1996 гг.: «Игра “московские прятки” была популярна в период моей учебы в начальных классах. Выбирался один “галющий” становился спиной ко всем и закрывал глаза. Кто-то из толпы подходил и тыкал пальцем или хотел ладонью, кулаком его в спину, затем возвращался в толпу, и все начинали кричать “я – я – я!”, выставив большой палец вперед. Если “галющий” угадывал, то тот, кто его ткнул, должен был спросить куда бежать и до сколько считать. В то время как этот человек, считая вслух, бежит в указанном направлении, все прячутся. Затем он ищет их, как в обычных прятках. Если же “галющий” не угадывает, то “галит” до тех пор, пока не угадает» (019).

О 1995–1999 гг.: «В детстве, когда мне было 9–13 лет, во дворе мы (я и мои друзья: мальчики и девочки) играли в “Московские прятки”. Почему “московские”, мы тогда не очень-то задумывались, а выглядело это примерно так: один человек (водящий, галя) поворачивался лицом к стене, а сзади вставали все остальные (играли обычно 10–12 человек) и кто-то тыкал в спину водящего пальцем (допустим, мизинцем). Тогда водящий поворачивался и старался угадать, кто его задел, а остальные кричали в это время: “Это я, это я! Покажи-ка на меня!”. Если галя не угадывал, то тот человек, который его ткнул, предлагал ему угадать ещё и палец, которым он его задел: если водящий не угадывал с первого раза – считал до десяти, если со второго... И так, пока не угадает. Затем водящий снова отворачивался к стене и считал до столько, до сколько ему выпадало считать. Остальные участники тем временем прятались. Когда галя начинал искать спрятавшихся, главной задачей последних было вперед добежать до той стены, где стоял Галя, и “застужаться”, прокричав при этом: “Туки-туки!” Если все успевало застужаться, водящий “галит” до тех пор, пока кто-нибудь не успеет это сделать раньше него. К сожалению, сейчас я не наблюдаю такой игры у детей» (020).

«**МОСКОВСКИЙ зонтик**» – задиранье юбок, подолов платьев у девочек (активизирующее страх-стыд публичного обнажения перед мальчиками) в виде игры с «кодовым» восклицанием «Московский зонтик!» (варианты: «Дамский зонтик!», «Детский зонтик!» и др.). Кодовая фраза призвана придать запрещенному культурой («неприличному») жесту характер ритуально-игрового и потому разрешаемого действия. Период достоверного существования – 1980-е годы – перв. пол. 1990-х гг.

О школе в Шадринске в перв. пол. 1980-х гг.: «Бывало, подкладывали кнопки на стулья. Мальчишки задирали юбки девочкам, приговаривая: “Московский зонтик»» (608).

О 1986–1987 гг.: «В 1–2 классе девочки задирали друг другу юбки со словами: “Московский зонтик”. Но это было в форме шутки, игры, никто и никогда не обижался друг на друга. После этого уже мальчики стали задирали девочкам юбки и говорили или же те слова, что и девочки, или: “Как тебе не стыдно, трусики-то видно!..” Но ни о каком унижении, агрессии речи и не было, они также это делали в форме игры. Они не делали это

специально какой-то конкретной девочке, а всем, во время игр на перемене. Мальчики, конечно, не злораждествовали, но посмеивались. Девочкам это было неприятно и обидно, но я знала, что я не одна такая и недолго расстраивалась. После этого мы с девочками решили, что должны что-то сделать мальчикам, чтобы им тоже было неприятно. И мы на каждое задиране юбки пытались снять с них брюки. Но не желая обидеть или унижить кого-то. Потом это как-то само собой прошло» (609).

О 1980-х гг.: «В начальной школе было широко распространено задиране юбок, платьев у девочек. Эта игра называлась “Дамский зонтик” или “Московский зонтик”. Заключалась она в том, что мальчики или даже девочки подбегали к своим одноклассницам и загибали им подола, при этом крича: “Московский (дамский) зонтик!”; “...Мальчики быстро пробегают мимо стайки девочек, поднимают им юбки до головы и кричат: “Московский зонтик!” Что это означает, я не понимаю и сейчас”;. “Играли также и в “московский зонтик”, поднимали юбки не только девочки друг у дружки, но и парни тоже поднимали юбки, это было класса до 7-го”; “Лет в 14 очень была популярна игра “Московский зонтик”. Суть ее заключалась в том, чтобы поднять подол платья, юбки и сказать: “Московский зонтик”, и по школе мы ходили или в длинных узких юбках или постоянно держали подола»». (Борисов, 2002, 133–134).

О с. Понькино Шадринского р-на в 1980-е гг.: «Те девочки, которые играли в “Московский зонтик”, мне казалось, что они совсем какие-то чокнутые. Я так боялась, что они ко мне подойдут и задерут у меня подол юбки. Когда девочки весело начинали прыгать и играть в эту игру, я старалась незаметно выйти из класса. Я так до ужаса боялась, что у меня задерут подол. А однажды, когда мы убрали листья с территории школы, ко мне подбежали одноклассник и задрал мой подол сказав: “Московский зонтик”. А ещё потом так громко всем объявил, что у меня жёлтенькие плавочки. Мне было так стыдно и обидно, что я заплакала. Я вообще в школе была нычкой. Да наверное и сейчас тоже» (514).

О Тюменской обл. в 1982–1985 и 2000 гг.: «В 4–5 классе мальчишки подбегали в школьном коридоре и задирали девочкам подол формы с криком: “Московский зонтик”. Поэтому мы (девочки) на переменах вцеплялись мертвой хваткой в свои подола, держали их, прижимались к стенке, наматывали подол внизу на кулачки. Только бы мальчишки не опозорили меня. Иногда в классе 6–7 мы с своей компании девочек сами задирали друг другу подол, но без мальчишек, в их отсутствие, и говорили: “Московский зонтик”. Недавно я шла по улице, и передо мной бежали две первоклашки. Одна девочка задрала своей подружке подол и сказала: “Московский зонтик”. Девочка очень обиделась, закричала на неё и не захотела с ней идти дальше» (590).

О Шадринске в 1990 г.: «Это было модно в классе третьем. Мы постоянно на переменах бегали и задирали друг другу юбки и кричали: “Московский зонтик, московский зонтик”. Это казалось так интересно, особенно если это делали, когда видели мальчики. Особенно старались поднять юбки застенчивым, спокойным девочками. Они или плакали или обижались. Мне было их жалко, и я больше так не делала. Когда мальчики начали, глядя на нас, задирали нам юбки, мы их колотили. Это уже не очень-то нравилось» (504).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1993–1994 гг.: «Если девочка пришла в школу в юбке, то мальчишки всегда подбегали со спины, чтобы девочка не видела, задирали юбку со словами: “Московский зонтик”. И сразу бежали со всех ног. Это явление происходило во 2, 3 классах, т.е. в возрасте 7–8 лет (1993–1994 гг.)» (011).

О девочке 9 лет в сред. шк. с. Новоильинского Петуховского р-на в 1995–1997 гг.: «Эта забава, бывало, очень раздражала. Суть её в том, что сзади к тебе подбегала девочка или мальчик, пока ты отвлекалась на другие дела, поднимали юбку со словами: “Московский зонтик” и убегали со всех ног. Причём, в основном, это делали девочки при мальчиках. Поначалу это было

смешно, но потом было уже не до смеха. После обиженный делал какую-нибудь гадость другому» (143).

МОСКОВСКИЙ международный фестиваль фильмов для детей и юношества – проходит в Москве с 1983 года.

XXIII фестиваль проходил с 22 дек. 2006 г. по 8 янв. 2007 г., в его рамках было показано более 50 картин, которые посмотрели более 20 тысяч детей.

МОТОРОЛЛЕР детский с педалями.

О пятилетнем мальчике в Перми в 1960 г.: «Ручьи, солнце и ожидание сухого асфальта. У меня был деревянный мотороллер с педалями, копия “Тулы”, и мне не терпелось его оседлать» (Киришин, 2002).

МОТОЦИКЛ – средство передвижения с двумя колесами малого диаметра и двигателем, расположенным позади седока или под ним.

О вт. пол. 1970-х гг.: «Мое детство было “дворовым”, “подъездным”... В то время я была настоящей бродягой, лазила по деревьям, даже дралась. И очень любила ездить на мотоцикле. Мы его прятали за детским садиком, чтобы не видела моя мама. С утра я, как положено, надевала школьную форму, заворачивала за угол садика, а там был спрятан мешок с курткой и брюками. Только по запаху бензина мама понимала, что я возвращалась не из школы» (Овсиенко, 1997, 45).

МОЧЕИСПУСКАНИЕ – «Испускание мочи» (Ожегов, 1970, 354).

Мочейспускание для игры в песок.

О девочке (1946 г. р.) в перв. пол. 1950-х гг.: «Жили мы тогда в Комсомольске-на-Амуре. И решили у себя во дворе сделать куличики из песка. Песок у нас был, недавно завезли. А вот воды, чтобы сделать его мокрым, по близости не оказалось. И мы решили пописать на песок, чтобы он стал мокрым. Девочки, и я вместе с ними, присели на корточки. А мальчики, их было двое, чуть расставили босые ноги, приспустили трусики и уверенно пустили струйку прямо в приготовленные ямки» (Автобиографии, 1998, 111).

О 1970-х гг.: «...Сначала мы... начинали играть во что-нибудь, и вдруг Лилька вгрызалась мне в плечо... Ещё мы сами придумали себе игру “киси-меси”. Мы с Лилькой писали за баракком на клумбу, земля, и так черная, после нашего вмешательства делалась сочной, темной, и мы месили ее палками. “Киси-меси” – это был наш секрет» (Волченко, 2006).

Озорство с провоцированием мочеиспускания у спящего ребёнка.

О пионерлагере в 1989 г.: «В лагере традиционно мазали всех пастой зубной... Клади под простынь папоротник, соль, считая, что это влияет на “непроизвольное мочеиспускание”, или действовали проще, стояли над головой у спящего и переливали стакан с водой до тех пор, пока спящий не просыпался, и не нёсся в туалет» (600).

Уринальные игры у девочек. Соревновательные и развлекательные игровые практики с мочеиспусканием широко распространены в девичьей среде.

О селе в Ташкентской обл. в 1966–1967 гг.: «Мы жили в своем доме, ещё в детстве, когда мне было 3 или 4 года. Мы с моей подружкой играли в такую игру. Садись на крыльцо, и начинали писать, чей ручеек будет длиннее, тот и выигрывал» (485).

О 1970-х – 1990-х гг.: «Еще в детстве, когда придем с двоюродной сестрой к бабушке, то вытворили вот что: сядем на крыльцо, и начинаем писать, и соревнуемся, у кого дольше и кто дальше”...; “Когда я летом ездила гостить к своей бабушке, у меня там есть моя подруга... Вот мы с ней выходили на крыльцо... садились сбоку от ступенек и начинали писать, пуская ручейки... У кого был ручеек длиннее, та... больше радовалась”...; “Как-то мы с моей старшей сестрой сели пописать. Я как обычно. А она, как начала, говорит: “Смотри, как я далеко умею, ты так не можешь”. Я, конечно, тоже начала посылнее, но было уже поздно, не хватило. Следующий раз, когда вместе сели, я тоже с самого начала начала сильно, и она тоже. Она говорит: “Давай, кто до дорожки сможет”. Ну, мы с ней и старались. Вот так мы с ней и мочились, – то

она выигрывала, то я. Если кто-то выигрывал, был такой довольный, счастливый"...» (Борисов, 2002, 134–135).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Летом мы с папой поехали в деревню к бабушке (Кировская обл.). Моя сестра предложила залезть на лестницу, ведущую на чердак и писать кто дальше с последней, самой верней смтупеньки лестницы. В пионерском лагере смотрели, чей ручеек будет длиннее. Не знаю почему, но считалось, что если много пены, то ты болеешь» (582).

О г. Далматово во вт. пол. 1980-х гг.: «Так как в нашем дворе жило много детей и каждый из себя что-то представлял, то часто, все скооперировавшись, мы вымачивали такие вещи, о которых без смеха нельзя вспоминать. Особенно это происходило, когда собирались одни девочки. Один раз мы пошли с девчонками (8–9 лет) за яблоками на школьный двор, наелись этой зелени до боли в животе, и кто-то захотел в туалет – пописать. Я тоже захотела пописать и предложила (по-моему, Лене) пописать вместе – кто дальше. Остальные девочки дружно закричали, что тоже будут с нами. Тогда мы вышли на площадку перед школой, приспустили штанишки и изо всей силы стали тужиться. Не помню, у кого была дальше струя, но помню, как мы еще долго следили, у кого дальше добежит ручеек. Это действие происходило на открытом месте, почти напротив дороги и тротуара. Подобные же действия мы делали во дворе... С Элькой (возраст 7–9 лет, может быть, 10–11) мы писали с деревьев (неоднократно). Снимали плавки, вешали их на деревья и писали. Чем выше ты забрался, тем интереснее писать. Помню, что играли тогда в белочек и спирали все на них. Это как будто белочки захотели в туалет, а белочки живут же на деревьях, так вот, там они и писают» (1002).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Соревнование "кто дальше пустит струю" было до 4–5 класса. Соревновались с соседкой (она младше на 4 года), дальность достигала, по-моему, невероятных размеров – до 120 см. Еще соревновались, у кого дальше проплывет ручей. Недавно мы с этой соседкой вспоминали это и хотели "переплюнуть" нас тогдашних, но не получилось даже немного догнать» (476).

Уринальные игры у мальчиков.

О середине 1980-х гг.: «Когда я была в пионерском лагере, то была свидетелем уринальных игр мальчиков. Ночью они писали из окна, кто дальше, а мы с девочками подглядывали» (582).

См. также: *Энурез.*

«**МОЯ любимая книжка**» – радиопередача для детей 1960-х гг.

О 1960-х гг.: «Когда-то редакторы дет. вещания изобрели интересный тип передач – "Моя любимая книжка". Эта разновидность вещания живет в непрерывном общении со слушателями. Иначе и быть не может: ведь первоисточник этих передач опять-таки письма ребят. [Редакция, учитывая детские пожелания], направляет, выправляет [их], советует детям, способствует воспитанию их вкуса...» (Бегак, 1972, 130).

«**МОЯ Родина – СССР**» – всесоюзная туристская краеведческая экспедиция пионеров и школьников; организована в преддверии празднования 50-летия СССР в 1972 г.

О конце 1970-х гг.: «...Ребята из краеведческого отряда московской школы № 425... извлекли на берег странный "улов": банки, полиэтиленовые мешки, баллончики из-под противокмарных жидкостей... Так закончился этот... маршрут, проведённый по краеведческому заданию Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников "Моя Родина – СССР"... И пусть юные краеведы пошлют рапорт о своей работе в штаб Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников "Моя Родина – СССР" (Москва, редакция "Пионерской правды"). И пусть в рапорте будут не только факты нарушений, пусть там будет рассказано и о местах, где люди бережно относятся к щедрой и беззащитной природе» (Белинский, 1979, 85).

Из пособия 1983 года: «Сост. частями Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам рев., боевой и трудовой славы Комм. партии и советского народа 302

являются туристская экспедиция советской молодежи и Всесоюзная туристская краеведческая экспедиция пионеров и школьников "Моя Родина – СССР", которые являются постоянно действующими мероприятиями... Всесоюзная тур. краевед. экспедиция пионеров и школьников "Моя Родина – СССР" проводится с целью восп-ия учащихся на примере жизни и деят-сти В.И. Ленина и его соратников, на рев., боевых и трудовых традициях Комм. партии и советского народа, пропаганды среди школьников ист. свершений советского народа, развития массового шк. туризма как одного из средств комм. восп-ия, акт-ции работы по комплексному изучению родного края, охране окруж. среды, памятников ист. и культуры. Осн. содержанием экспедиции является изучение школьниками в походах, путешествиях и экскурсиях истории, экономики, природы и культуры родного края; выполнение заданий гос., науч. и обществ. орг-ций, гос., нар. и шк. музеев, штабов экспедиции. Краевед. материалы, собранные участниками экспедиции, передаются в орг-ции, давшие задания, предметные кабинеты и шк. музеи. В экспедиции участвуют школьники 4–10-х классов, объединенные в экспедиц. отряды, кот. создаются в школах и внешк. учреждениях. Экспедиц. отряды могут работать по след. направлениям: "Ленин и теперь живее всех живых" – направление предполагает изучение жизни и деят-сти В.И. Ленина и его соратников..., ист. рев. движения, рев. борьбы в родном крае...; "В буднях великих строек" – знакомство с трудовыми делами советских людей, составление летописи трудовых коллективов з-дов, ф-к, совхозов, колхозов...; "В боях отставай Отчизну свою" – изучение ист. становления Вооруж. Сил СССР, героических подвигов советского народа...; "Имя Ленина на знамени нашем" – изучение ист. Ленинского комсомола и Всесоюз. пионер. орг-ции им. В.И. Ленина, боевых и трудовых подвигов пионеров, комсомольцев и молодежи; создание летописи комсом. и пионер. орг-ций; "К тайнам природы" – шир. знакомство школьников с природой своего края..., растит. и животным миром, с ландшафтами..., изучение прир. ресурсов и полезных ископаемых, акт. участие в работе по охране окружающей среды...; "Искусство принадлежит народу" – знакомство с культурой, лит-рой и искусством, нар. творчеством своего края, акт. участие школьников в изучении и охране памятников ист. и культуры; "От ГТО к туристскому мастерству" – участники эксп-ции, изучая теорию, технику и тактику различных видов туризма, участвуя в походах, соревнованиях и экскурсиях, выполняют нормативы на значки, разряды, инструкторские и судейские звания, становятся организаторами туристской и краевед. работы в своем классе, пионер. отряде, школе, лагере, по месту жительства. В ходе эксп-ции проводятся масс. тур. мероприятия со школьниками: смотр работы шк. музеев, слёты юных геологов, тур. соревнования пионеров и школьников, заочные конкурсы на лучшее туристское путешествие и другие. Эксп-ция проводится поэтапно, каждый этап посвящается памятной дате в ист. нашего гос-ва, старт очередного этапа дается на Всесоюз. слете предст-лей лучш. экспедиц. отрядов. Рук-во проведением эксп-ции осуществляет Центр. штаб, созданный при Мин-ве просв. СССР... На местах создаются местные штабы эксп-ции» (Константинов, 1983).

«Мин-во просвещения СССР с февраля 1984 г. ввело в действие Положение о пятом этапе Всесоюзной туристско-краеведческой экспедиции пионеров и школьников "Моя Родина – СССР (1984–1986)"» (Воспитание школьников. 1984, № 3. – С. 39).

«**МУЖИК и медведь**» – самодельная деревянная игрушка.

О начале 1940-х гг.: «В бане горел фонарь "летучая мышь"... [Разведчики Биденко и Горбунов] кляли [12-летнего мальчика Ваню Солнцева] на скользкую лавку и шлёпали его в два венника, очень напоминая при этом кустарную деревянную игрушку "мужик и медведь", причём в особенности напоминал медведя голый Горбунов, весь как бы грубо сработанный долотом из липы» (Катаев, [1944] 1973, 153–154).

МУЖСКИЕ школы – школы, где обучались только мальчики; существовали с 1943 по 1954 г. См.: *Раздельное обучение*.

О 1944 г.: «В конце пустыря, перерытого осыпавшимися окопами, стоит четырёхэтажное здание. “На нижних этажах мужская школа, а на третьем и четвёртом девчонки” – объясняет Руслан... Мы входим в толпу ребят. Через просторный школьный двор идёт незримая граница. По одну сторону бегают и орут мальчишки, по другую – девчонки. Вдоль границы не спеша прогуливается преподавательница в пёстром платье. Лона следит за тем, чтобы ученики мужской школы не перебежали на мужскую половину и наоборот» (Демиденко, 1962, 39).

О 1944–1954 гг.: «Сегодня в этой школе и мальчики и девочки сидят за одной партой. Но было время – здание называлось “Мужская средняя школа” и девочки обходили его стороной: не ровен час, еще выскочит из дверей какой-нибудь сорванец, снежком залепит или за косу дернет» (Дик, 1956, 4).

«Теперь, задним числом думая о мужской школе, мне кажется, что одним из замыслов их возникновения – а ведь на мужские и женские школы поделили в начале войны – была мысль об ужесточении контроля за растущим поколением. Школы смешанные, где мальчики и девочки учатся вместе, уже в силу только этого обстоятельства делают поколение ну как бы дряблым, что ли. Мальчики заимствуют что-то от девочек, какие-то возникают... ненужные чувства, ...жалость, прощение... Пусть уж лучше девочки растут сами по себе со своими бантиками и слезами, в конце концов не они главные силы неповиновения и смуты, а будущая мужская часть общества, вот и надо, чтобы она росла именно в мужских школах, еще лучше при присмотре мужчин, без сантиментов, в духе строгого, а главное, раннего понимания мужской ответственности за общее будущее. В конце концов, в мужской школе легче завинтить болты, навести порядок и получить нужный, выполняющий поставленные требования продукт. Так примерно выглядела философия мужской школы, припудренная, конечно же, словесами о благих целях, о враждебном окружении, в котором живет страна, о повышенной ответственности учителей за воспитание учащихся и стр-во социализма» (Лиханов, 1995, 136).

МУЗЫКА – один из школьных предметов.

О третьеклассниках во второй половине 1970-х гг.: «Сегодня первым в расписании – урок музыки. Мы собрались у муз. кабинета. Вера Альбертовна ждала, когда мы выстроимся, чтобы ввести нас в класс. Наконец все расселись, приняли “позу слушателя” – так называла нашу музыкальную настроенность» (Ласкин, 1988, 121).

О вт. пол. 1970-х гг.: «В младших классах моим любимым был урок музыки. Он начинался с прослушивания грампластинок. Бывало, класс разучивал слова, мелодию – и новую песню исполняли под ее же аккомпанемент. Делать это было весело и легко»

«**МУЗЫКА и ты**» – альманах для школьников сред. и старшего возраста. Выпускался с нач. 1980-х гг.

Выпуск 5 вышел в 1986 г., вып. 6 – в 1987 г., вып. 8 – в 1989 г., вып. 9 – в 1990 г. Из содержания 6 вып.: рассказы о композиторах А. Хачатуряне, А. Островском, М. Балакиреве, об истории баяна, об ист. жанра муз. сонаты. (Музыка, 1987)

МУЗЫКАЛЬНАЯ школа – учебное заведение, осуществляющее общее музыкальное образование.

В муз. школе могут существовать отделения: фортепианное, струнное, народное, духовое, хоровое. В учебный план музыкальной школы входят следующие дисциплины: игра на муз. инструменте, сольфеджио, коллективное музицирование (хор, оркестр), муз. литература, предмет по выбору (другой музыкальный инструмент, ансамбль, импровизация, элементарная теория музыки). Срок обучения в муз. школе – 7–8 лет. (СВ, 1990, 143)

Первые частные муз. школы возникли в России в перв. пол. XIX в. в Москве и Петербурге.

О середине 1910-х гг.: «Я даже пела – так мне было хорошо. Микин папа спросил: – “Почему же вы, барышня, в музыкальную школу не идете? Голос у вас

хороший, надо развивать”. Я ответила: “Да так... не иду”. А на самом-то деле совсем не “так”. О музыкальной школе я мечтаю давно, но мама сказала, чтобы я выбросила это из головы. “Ты, говорит, подумала, где мы денег наберемся? За гимназию и то с грехом пополам платим, во всем себе отказывать приходится... И без музыки проживешь!”» (Филиппова, 1938, 94–95).

О конце 1950-х гг.: «Мария Тимофеевна сказала: “Поздравляю тебя, Галя. Ты хорошо работала – и здесь отличница, и в музыкальной школе» (Долинина, 1962, 69).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Детские музыкальные школы создаются в городах и сельской местности... В музыкальную школу принимают детей школьного возраста, начиная с 7 лет. Родители вносят небольшую плату. Поступающие в школу проходят проверочные испытания: дети должны обладать музыкальным слухом и иметь музыкальные способности. Срок обучения – от 4 до 8 лет, в зависимости от специализации. Занятия проходят, как правило, два-три раза в неделю, после уроков в средней общеобразовательной школе. Дети овладевают исполнительской техникой, изучают музыкальную литературу (в старших классах), ходят на сольфеджио и хор. В течение учебного года юные музыканты дают несколько концертов как в самой школе, так и в клубах, домах культуры и других местах. На такие концерты дети всегда приглашают своих родителей и друзей. Учебный год завершается сдачей экзаменов и традиционным концертом учащихся. Выпускники школы имеют право продолжить музыкальное образование в музыкальном училище» (Денисова, 1978, 144–145). В ряде городов создаются общеобразовательные музыкальные школы (см.: *Музыкальная школа общеобразовательная*).

О середине 1980-х гг.: «“Инструмент – не игрушка, – ответила мама. – Завтра пойдем записываться в музыкальную школу”. Папа мечтательно промурлыкал: “Научись играть, Людмила, будешь исполнять, что захочешь”. “Полонез Огинского”, – сказала мама. “Да. – Папа согласился без энтузиазма, а потом повеселел: – Или “Цыганочку” – ведь и “Цыганочке” научат в музыкальной школе?” “Научат”, – скучно ответила Люда» (Матвеева, 1987, 92–93).

МУЗЫКАЛЬНАЯ школа общеобразовательная – школа, в которой учащиеся получают наряду с музыкальным и общее среднее образование.

«Во многих городах при консерваториях и муз.-пед. ин-тах создаются общеобразоват. муз. школы для одаренных детей, где учащиеся получают и общее сред. образование. При таких школах обычно имеются интернаты. Обучение в общеобразоват. муз. школах бесплатное. Окончившие школу могут поступать в высшие муз. учеб. заведения» (Денисова, 1978, 144–145).

«“Если же говорить о детях, то феномен наших муз. школ-десятилеток давал и дает великолепные рез-ты. Такого системного многолетнего образования пока нет нигде. Запад только начинает перенимать у нас этот опыт...” “В чем же феномен десятилеток? Нужно ли будущему музыканту изучать столько общих предметов в муз. школе?” “Из ребенка пытаются сделать всесторонне образованного человека. Хотя человек, конечно, должен делать себя сам. Я еще застала время, когда муз. школа была местом, где царил особая атмосфера, в чем-то похожая на атмосферу старорусского лица: педагога переживали за своих учеников и за свою школу. За ее репутацию. Ученики знали, какую программу играет каждый... Чем хороша Ц[ентральная] М[узыкальная] Ш[кола]? Педагоги по литературе или языку присутствуют на отчетных концертах детей. И дети не чувствуют себя изгоями, как в обычной школе, где их игра на скрипке или на кларнете не приветствуется и вообще считается чем-то необязательным, что мешает учебе... Когда умники из Мин-ва культуры перевели ЦМШ на Хорошевское шоссе..., начались проблемы... ..Учителя советовали детям не ходить с инструментами по улице, а родители вынуждены были давать детям по трэшке, чтобы было

чем откупиться от хулиганов. Часто ребят избивали, ломали их муз. инструменты» (Гутман, 2007, 14).

«МУЗЫКАЛЬНАЯ шкатулка» – музыкальная радиопередача для детей. Выходила в эфир с 6 апреля 1948 года – по начало 1980-х гг.

О начале 1980-х гг.: «По вторникам... в эфире звучат волшебные колокольчики “Музыкальной шкатулки”. По просьбе школьников “Музыкальная шкатулка” рассказывает об известных композиторах, их творчестве, исполняет их произведения» (СПВ, 1981, 61).

МУЗЫКАЛЬНЫЙ кружок – см.: *Кружок*.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Мы занимаемся в школьном муз. кружке, и на вечере шестых классов я пою песенки своего сочинения, а Жорка аккомпанирует на баяне и очень волнуется» (Иванова, 1964, 48).

МУЛЬТФИЛЬМЫ – фильмы, которые создаются путём кадровой съёмки последовательных фаз движения рисованных, живописных (графич. мультипликация) или объёмно-кукольных (объёмная мультипликация) образов. Мультипликация позволяет «одушевить» героев лит. произв-ий, нар. сказок и оригинальных сценариев, сделать их понятными для детей.

Решающее значение для разв. отеч. мультипликации имела орг-ция студии «Союзмультфильм» (1936). Первые десятилетия студия осваивала технику пластического движения персонажей, разработанную американским режиссером Уолтом Диснеем. Во вт. пол. 1940-х – 1950-х гг. коллектив студии обратился к произв. дет. лит.-ры, русскому фольклору. Были сняты мультфильмы «Конёк-Горбунок», «Серая шейка», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Снежная королева». В 1950-х – 1960-х гг. мастерами мультипликации снимался ряд мультфильмов для самых маленьких – «Снеговик-почтовик», «Кто сказал мяу?», «Варежка», «Каникулы Бонифация», «Малыш и Карлсон» и др. В конце 1960-х гг. на экране появились герои, ставшие вскоре самыми популярными «звездами» мультипликации – Крокодил Гена и Чебурашка, Винни-Пух, Волк и Заяц. Новые тенденции в развитии жанра мультфильма-сказки возникают в творчестве режиссера и художника Норштейна, мультфильмы которого «Ёжик в тумане», «Сказка сказок» отмечены нетрадиционностью изобразительного и звукового решений, поэтическим и философским подтекстом.

В 1980-е гг. продолжились выпуски серийных мультфильмов: «Ну, погоди!» В.М. Котёночкина, «Трое из Простоквашино» В. Попова, «Котёнок по имени Гав» Атаманова, серии про Чебурашку и про Удава; вышли юмористические мультипликационные альбомы «Весёлая карусель», «Переменка», «На задней парте». Полнометражный мультфильм «Тайна третьей планеты» Качанова, «Приключения капитана Врунгеля» и «Айболит» Д. Черкасского.

Ист.: РПЭ, 1993–1, 606–608.

О перв. пол. 1960-х гг.: «...Ольга Владиславовна посмотрела на ручные часы... “А сейчас не хотите ли посмотреть мультфильм по телевизору? Как раз вот-вот начнется...” “Ой, давай посмотрим!...” – воскликнула [6-летняя] Надя» (Котовщикова, 1966, 32).

О 1987–1989 гг.: «Я очень любила смотреть мультики “Как львенок и черепаха пели песню” и мультфильм про обезьянку и маленьких обезьянок утром по первому каналу ТВ, перед тем как идти в садик, тогда мне было 3–5 лет» (104)

О 1989 г.: «“Домовенок Кузя” – его я запомнила почти все выпуски. Смотрела я его по ТВ в 5 лет. Мне очень нравился голос, который озвучивал Кузю» (104).

О 2000-х гг.: «Преподаватели хватаются за голову: нынешние школьники не знают, кто такие Емеля, Кошэй Бессмертный или что приключилось с ёжиком в тумане, зато без запинки могут перечислить всех друзей и врагов Человека-паука или поимённо назвать “покемонов”. В России выросло уже целое поколение детей, чьё сознание сформировалось целиком на западной анимационной продукции» (Шигарева, 2007, 8).

Мультфильмы создавать (о детях).

«...Совсем маленькие дети могут достаточно успешно делать взрослую работу: сочиняют сценарии,

придумывают героев, потом снимают и монтируют анимационные фильмы... Совр. аппаратура позволяет до предела упростить процесс изготовления анимафильма... В России сегодня есть десятки школ и студий, где дети и подростки рисуют и снимают мультики. Проводятся смотры, конкурсы... Но... мультклубов для детей крайне мало. Многие ребята вообще не знают об их существовании» (Григорьева, 1997, 22–23).

«МУМУ» – рассказ И.С. Тургенева; с 1950-х гг. изучается в школе (4–5 классы).

О нач. 1950-х гг.: «Школьникам V класса должно стать ясно, что в рассказе “Муму” Тургенев осудил крепостничество, а в Герасиме показал высокие качества крепощённого народа» (Бочаров, 1951, 35)

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «В школе мы тщательно разбирали эту книгу. Учительница спрашивает: “Почему, зачем Герасим надел всё самое нарядное, что у него было, когда пошел топить Муму?”. В классе была тишина. Я очень сопереживала Герасиму, его невозможности сказать “Нет” или сделать “Нет”. Меня возмущала эта наглость его барыни и его боль и покорность, его смиренное шествие на эту боль. Какое-то мгновение я напряженно сопереживала, потом, как в тумане, подняла руку, встала и говорю, а в голосе слёзы: “Попрошаться”. Меня очень потряс поступок Герасима, его послушание и готовность отказаться от любви, от заботы, от своей Муму. И эта боль разочарования, боль позднего понимания того, что можно было не топить Муму, а просто уйти с ней. И эта его боль, злость, досада, загнанный страх. Герасим был глыбой – большой, мощный – глыба. Я не знаю, то ли это страх мой – страх доверия к людям так бушевал, то ли боль за Герасима. Эта повесть поднимает дух протеста и борьбы. Можно было продолжать любить и жить в любви, если только сила нутра победит страх. Слишком дорого стоит страх» (1001).

МУНДИР гимназический – см.: *Форма гимназической мальчиков*.

«Гимназисты имели также выходную форму – мундир, темно-синий или темно-серый, однобортный, с обшитым серебряным галуном воротником того же цвета, что и мундир. Этот мундир носили и с ремнем и без ремня (вне школы). К мундиру надевали крахмальный воротничок» (Ривош, 1990, 189).

О гимназистах в нач. 1910-х гг.: «Кроме обыкновенной формы еще надевались так называемые мундиры. Синие, узкие, в девять пуговиц мундирчики, у которых был стоячий воротник с серебряными галунами. Мундиры были необязательны, их имели только более или менее богатые мальчики. У меня такого мундира не было» (Олеша, [1931] 1999, 63).

О 1910-х гг.: «За [гимназистками] прямо, не сгибаясь, шагали гимназисты. Они были в обычных сизых гимнастерках и мундирчиках. Шеи подпирали ослепительно-белые воротнички, из рукавов выставлялись крахмальные манжеты» (Филиппова, 1938, 56).

О гимназисте в середине 1910-х гг.: «...Светло-серый мундирчик с форменными пуговицами украшала металлическая бляха на лакированном поясе. Буквы “ОРГ” с римской единицей посередине (I) означали: “Первая Одесская Ришельевская гимназия» (Камир, 1998, 32).

МУРАВЕЙНИК – «Надземная часть жилища муравьёв в виде кучи из кусочков листьев, хвои, земли и т. п.; жилище муравьёв» (Словарь, 1957–6, 1368–1369).

Сжигать муравейники.

О перв. пол. 1940-х гг.: «Втроем, Доська, я и... Васька Агафонов... часто ходили в Рямбу, так называлось черничное сухое болото. ...Было [там] много больших конусообразных муравейников. Медведи периодически зорили муравьиное жильё, а мы жгли то, что оставалось» (Белов, 2002–2).

«МУРАВЕЙНИК» – журнал для детей, публикующий рассказы из жизни животных. Выходит с 1994 года.

«Приличный объём – 52 страницы и большой формат дают возможность “Муравейнику” ежемесячно вести несколько постоянных рубрик... Невозможно не заметить рубрику “Дядя Вася рассказывает...” Это знаменитый писатель и журналист Василий Песков...

ежемесячно рассказывает о самом интересном и захватывающем, чему был свидетелем за годы и десятилетия своего непрерывного общения-единения с природой, сопровождая свои рассказы чудесными фотографиями и слайдами... [Любимая рубрика] читателей – “Непридуманные рассказы”..... Есть и раздел для самых маленьких – “Муравейка” ...В рубриках “Зелёный шум”, “Кругосвет”, “Корни и трава”, “Целебные силы природы” немало научно-популярных материалов... Рубрика “Бурелом” – о всяких загадочных, странных, непонятных явлениях в природе, в том числе и природе самого человека, строго документальные свидетельства очевидцев» (Варламов, 1998; 28, 30).

МУРАВЬИ – жалиющие перепончатокрылые насекомые, живущие большими колониями.

См. также: *Муравьиный сок*.

МУРАВЬИНЫЙ СОК – см.: *Муравьи*.

О г. Новоогаганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. в 1985–1986 гг.: «Иногда компанией в несколько человек (минимум трое), лет в 6–7 убежали в соседний лес, засовывали в муравейник мокрые палочки, а потом их облизывали; собирали осуку на болоте» (503).

О девочке 9–12 лет в с. Межборном Притобольного р-на в 1993–1996 гг.: «Когда я ходила с друзьями в лес, то мы иногда, встречая по пути муравейник, останавливались около него и собирали муравьиный сок. Для этого мы брали тонкую берёзовую веточку (сухую, которая уже была на земле) без листьев и тщательно обмыв её собственными слюнями, проще говоря, “обсосав”, клали её на горку муравейника. Муравьи начинали бегать и по ней. Подождав какое-то время (5–7 минут), запомнив, где лежит полоска, брали её, стряхнув муравьёв и снова обсосывали. Палочка уже была кислой на вкус. Некоторые ловили муравьёв и лизали им жопки, они тоже были кислые, даже кислее, чем получалась палочка, но я на это не решалась» (099).

МУРЗИЛКА – персонаж детской культуры (точнее: культуры для детей), черты которого за время существования претерпевали неоднократные изменения.

Изначально – лесной человечек (мальчик) в чёрном фраке, с огромным белым цветком в петлице, в шёлковом цилиндре и модных штиблетах с длинными носами, с элегантной тростью и моноклем, герой целого ряда повествовательных текстов, публиковавшихся с 1887 по 1916 гг. Автором первых текстов была А.Б. Хвольсон. Тексты были написаны по мотивам рисунков-комиксов американского художника Пальмера Кокса об обитателях царства эльфов-невидимок. Имена персонажам, нарисованным Коксом, – Незнайка, Знайка, Мурзилка, Мазь-Перемазь – Хвольсон придумала сама.[...]

В 2004 году был снят полнометражный мультипликационный фильм «Незнайка и Баррабасс» по мотивам книги А. Хвольсон; одним из действующих лиц мультфильма является Мурзилка.

«**МУРЗИЛКА**» – ежемесячный журнал для детей младшего возраста (4 – 7 лет), издается в Москве с 1924 года по настоящее время.

«**Мурзилка**» в 1920-е годы.

«“Мурзилка” главным образом дает зарисовки о птицах и животных, рассказы, стихи, самоделки, “Мурзилкину почту”, много иллюстраций. Оформлен он несколько лучше “Искорки”, однако содержание, особенно до 1928 года, очень посредственное. Каждый год одно и то же: стихи о зиме, о лете, о весне, катание с гор, снежная баба, сбор ягод и цветов – вот и всё, на что способна фантазия редакции этих лет. Это вполне понятно, ибо журнал печатает преимущественно... в недалеком прошлом авторов “Путеводного огонька”, “Светлячка” и “Задуманного слова”. Отсюда налет слащавости, отсутствие выдумки, непонимание психологии совр. ребенка» (Жолесова, 1993, 79–80).

Об Украине в 1927 г.: «Читать я научился в четыре года, в основном благодаря “Мурзилке” – чудесному детскому журналу, богато иллюстрированному, со сказками, загадками, шарадами, ребусами, играми. С большим удовольствием перелистывал “Крокодил” и “Огонек» (Цидильковский, 1996, 129).

«**Мурзилка**» в 1990-е годы.

О 1991–1992 гг. в Шадринске: «Журнал “Мурзилка” мне выписывали в 6–7 лет. Помню его плохо. Единственное, что нравилось – это репродукции известных картин великих художников, которые были в журнале посередине и печатались на развороте. Я аккуратно вырывала их из журнала, складывала отдельно и иногда пересматривала. Некоторые из них у меня где-то до сих пор валяются» (111).

О 1992 годе: «Мой любимый журнал детства “Мурзилка”. Мама мне выписывала его где-то с 6 лет. Там опубликовывались ребусы, кроссворды, развивающие мышление, воображение; интересные сказки, познавательные игры. Каждый номер я ждала с большим нетерпением» (038).

О девочке 8–10 лет в Каргаполье в 1992–1993 гг.: «Когда я пошла в первый класс Каргапольской нач. школы и научилась читать, то мама стала выписывать мне журналы детские. Самым первым был журнал “Весёлые картинки”... Потом стали выписывать “Мурзилку”. Там печатались, как я помню, детские сказки, стишки, истории в картинках. Больше всего в памяти отпечатались обложка этого журнала. Рядом с названием располагалась фигурка так называемого Мурзилки – чем-то похожего на медвежонка, только жёлтого цвета с шарфом на шее и в цветном берете» (013).

О девочке 6–9 лет в г. Далматово в 1992–1995 гг.: «“Мурзилка” – любимый журнал. Мама часто приносила его мне. Мы вместе читали, разгадывали ребусы, загадки. В этом журнале были яркие для меня картинки, смешные человечки» (162).

О девочке 7–10 лет в с. Брылино Каргапольского р-на в 1993–1996 гг.: «Когда мне было 7 или 10 лет, мой самый любимый журнал был “Мурзилка”. В нём я больше любила читать комиксы» (133).

О девочке 8 лет в 1995 г.: «Мой любимый журнал – “Мурзилка” – был красочным, ярким. Там были различные ребусы и игры» (186).

О девочке 10–11 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1995–1996 гг.: «Когда я в первый раз пришла в деревенскую библиотеку за книгой, то обратила внимание на стол, который стоял у входа. Там лежали детские журналы. Их было много, но я хорошо запомнила “Мурзилку” и “Мишу» (137).

О девочке 9 лет в Шадринске в 1996 г.: «Мне мама выписывала журнал “Мурзилка”. Там было очень много интересных статей. Особенно мне нравился представитель журнала: жёлтенький человечек с красным шарфом и беретом» (167).

О вт. пол. 1990-х гг.: «В детстве мне нравилось... у бабушки в деревне... Бабушка выписывала детский журнал “Мурзилка”. Очень развлекательный журнал, много всего интересного и познавательного. Много ребусов, картинок и историй» (075).

Тираж в 1987 году – 5,5 млн. экз., в 1989 году – 5,4 млн. экз., в 1990 году – 5,2 млн. экз., в 2000 году – 115 тыс. экз.

«**Мурзилка**» в 2000-е годы.

Журнал выходит в увеличенном формате, на плотной глянцевой бумаге, на тридцати с лишним страницах. В нём содержатся игры, приключения Мурзилки, юморист. рассказы в картинках и т. п. Есть лит. произв.-я, познавательные и обучающие материалы, в журнале – кач. яркие иллюстрации в виде рисунков и фотографий. В середине каждого номера – гравюры полотен художников и адаптированный текст об авторе и его творениях. В журнале можно встретить комиксы, советы от «Мурзилки», головоломки, ребусы и загадки, конкурсы с призами, письма и рисунки самих читателей.

В номере 10 за 2007 год – русская народная сказка «Пастушок и козы», стихи, рассказы, комикс «Приключения Мурзилки», этимологические заметки «Как появилось слово», статья об экспедиции Скотта к южному полюсу, литературный «Кроссворд Мурзилки».

Тираж 2007 года – 75 тысяч экз.

«**МУРКА**» – песня, существующая с 1920-х гг. С давних пор (по крайней мере, с 1960-х гг.), является

частью песенного репертуара русских детей и подростков.

О конце 1970-х гг.: «Своей компанией забивались в тихую улочку, разжигали костер, чтобы не кусали комары, и пели песни. Очень модная тогда была песня “Мурка”: “[1.] Ехала машина, вдруг притормозила, / Из кабины выглянул шофер, / Ему Мурка в спинку заложила финку, / И угон машины совершён. [2.] Кто такая Мурка в кожаной тужурке? / Девушка сияла красотой. / Она была бандитка первого разряда / И вела всю банду за собой. [3.] День был очень жаркий, захотелось выпить, / И зашли мы в ближайший ресторан. / Там сидела Мурка в кожаной тужурке, / Из кармана виден был наган. [4.] Мы решили смыться, чтоб не осрамиться. / Мурку в переулке убить. / Мурку мы убили, все собаки выли, / Кошки отдавали рапорта”. Такие “посиделки” затягивались далеко за полночь. Когда начинал брезжить рассвет, мы расходились по домам. Нам никогда не было скучно, занятия были разнообразные: то мы лазили за яблоками, а потом дружно убежали от разозлившегося хозяина, то играли в волейбол, то играли в фанты, а иногда просто так болтали о жизни» (477).

Из девичьего альбома-песенника 1985–1986 гг. (цитируемые далее тексты двух вариантов песни «Мурка» следуют в альбоме-песеннике непосредственно за текстом песни «Женька»): «“Мурка”. 1. Прибыла в Одессу банда из Ростова, / Атаманом “Мурка” их была. / Раз пошли на дело, выпить захотелось, / Все зашли в роскошный ресторан. 2. Там сидела “Мурка” с фраером из Мура, / Из кармана виден был наган. / Чтобы не зашиться, все решили смыться / И решили Мурке отомстить. 3. Гришке-забияке, первому по драке, / Мы решили дело поручить. / В темном переулке Гришка встретил Мурку. / Здравствуй, наша Мурка, и прощай. 4. Ты зашухарила всю нашу малину / И теперь за это получай. / В темном переулке, в чёрном закоулке / Грянуло три выстрела подряд. / И упала Мурка в кожаной тужурке, / Обливая кровью свой наряд. 5. Мурку хоронили с чёрными цветами, / Сзади шли её все фраера, / А в подвале плакала шпана. / Вскоре шёл парнишка, звали его Гришка, / Тот, который Мурочку убил. “Мурка”. 1. Кто не знает банду, банду из Одессы, / Кто не знает банду главарей? / С ними была Шурка, по прозвищу Мурка, / Девушка блестела красотой. / С ними она пела, с ними танцевала / И вела всю банду за собой. 2. Как-то после дела выпить захотелось, / Мы зашли в роскошный ресторан, / Там сидела Мурка с капитаном Юркой, / Из кармана виден был наган. / Чтоб не провалиться, мы решили скрыться / И за это Мурке отомстить. / В темном закоулке, в страшном переулке / Мы решили Мурочку убить. 3. С первого удара Мурочка упала, / Со второго треснул черепок, / С третьего удара / Застрянул красный ручеек. / Мурку хоронили, все собаки выли, / Кошки отдавали рапорта, / И на гробе сером написали мелом: / Спи, Муренок, спи, котенок, / Крепко спи. 4. Банду ту поймали, сразу расстреляли, / Но один остался жив, / И на гробе сером написал он кровью: / Спи, Муренок, спи, котёнок, / Крепко спи» (597).

О девочке 14 лет в 1999 г.: «Пели песню “Мурка”: “Кто не знает Мурку, Мурку из Одессы, / Девочка сияла красотой, / Она была бандиткой первого разряда / И вела банду за собой. / Как-то на недельке выпить захотелось / И зашли в торговый ресторан, – / Там сидела Мурка в кожаной тужурке, / Из кармана виден балаган. / Парень к ней подходит, за руку отводит: / “Надо нам с тобой поговорить, – / Ты меня любила, а потом забыла, / Вот теперь и получай. / С первого удара вылетела “фара”, / Со второго – треснул черепок, / И полился алый ручеек. / Мурку хоронили, все собаки выли, / Кошки подыхали на ходу, / А на белой грудке написали кровью: / “Спи, котёнок, спи, мурёнок, спи, спи, спи”» (211).

МУФТА – зимняя одежда: тёплый, преимущественно меховой цилиндр (открытый с двух сторон мешок, в оба его конца вкладывают руки для предохранения от холода. Девочки носили муфты с XIX века до 1930-х–1940-х гг.

О начале XX века: «Зимой... девочки носили суконные или бархатные капоры, отделанные мехом, или

меховые и к ним отделанные мехом бархатные и суконные муфточки на ленточке или шнурке».

О десятилетней девочке в 1918 году: «Прижав к груди, к заколотившемуся сердцу, подвешенную на шнурке муфту, Ася повернула обратно к парадному крыльцу» (Лойко, 1964, 5). О 1910-х гг.: «Она, робко передвигая ножки в совсем еще детских ботинках на пуговицах, скользила... в своих новеньких “снегурочках”... Одной рукой она держалась за спинку стула-саней, а другой, спрятанной в муфточку, балансировала и, увидев меня, замахала этой маленькой меховой муфточкой. Мы поздоровались, и она, не без усилия оторвавшись от спасительного стула и найдя опору во мне, протянула мне свои руки. Мы схватились накрест. Одна моя рука влезла в теплое гнездышко ее муфты и осторожно пожала там ее слегка влажные теплые пальчики, вынутые из варежки... Мы сжимали в муфте влажные ладони друг друга, сплетали пальцы, и я нес на ремешке её коньки вместе со своими, и коньки наши звякали друг о друга... Ей было, кажется, не более пятнадцати. Может быть, даже четырнадцать» (Катаев, [1972] 1983, 33).

О 1920-х – начале 1930-х гг.: «Было дело зимой. Холодно. Сильный ветер. Стою это я на улице, жду трамвая. Мимо идёт школьница лет одиннадцати. Сумка с книгами у неё висит на локте, а руки спрятаны в муфточке... Вроде бы хочет поднять, да боится вынуть руки из муфты: железяка-то холодная» (Мавр, [1934], 1956, 86).

О второй половине 1930-х гг. (стихотворение «Карусель»): «Едут девочки в санях, / Руки в муфты прячут. / А мальчишки на конях / За санями скачут» (Маршак, [1945] 1968–1, 133).

О 1944 году: «В [школьной] раздевалке она долго искала поясик от пальто и попросила нянечку его найти. Нянечка шарилась по полу, перебирала калоши и заглядывала на подоконник, где всегда лежала грудка потерянных ребятами вещей: разрозненные рукавички, пояса, муфточки, носовые платки» (Карнаухова, 1953, 3).

МУХА – «Насекомое из отряда двукрылых» (Словарь 1957–6, 1393).

Ловить мух.

О деревенском мальчике в конце XIX века: «На улице галдели ребяташки. Стенку подмывало бежать туда, на солнышко, но он пока крепился и занялся ловлею мух, которых тут же и казнил, протыкая им животы соломинкой» (Касаткин, [до 1939] 1991, 19).

«МУШКА или ПУСТУШКА?» – игра.

В.Н. Иовлева (1935 г. р.) о 1940-х гг.: «Протягивают руку с зажатым кулаком и предлагают угадать: “Мушка или пустушка?”» (сообщение 2006 года).

«МЫ» – ежемесячный лит.-худ. журнал для подростков. Основан в 1990 г. Объём – 169 стр. Тираж 2001 г. – 11,5 тыс. экз., в 2003 г. – 8,3 тыс. экз. В числе рубрик: «Видеобзор», «Музыкальные страницы», «Мир твоих увлечений», «Говоря откровенно», «Встреча по вашей просьбе», «Проба пера».

О 1997–1999 гг.: «На бюро... писателей... обсуждался журнал для подростков “Кул”. Вот где диверсия!... Мне кажется, нам пора заводить полицию нравов, чтобы она занялась подобной периодикой. Вот журнал “Мы” для подростков – неплохой» (Токмакова, 1999, 40).

«МЫ верная смена твоя, комсомол!» – второй этап *Всесоюзного марша пионерских отрядов*.

О 1978 г.: «Марш проводится в неск. этапов... Второй этап [посвящается] 60-летию Всесоюз. Ленинского Коммунист. Союза Молодёжи (1978 г.). Девиз – “Мы верная смена твоя, комсомол!”» (Кунгурцев, 1977, 13–14).

«МЫ весёлые ребята...» – начальные строки октябрятской песни «Весёлые ребята» (слова О. Высотской, музыка М. Раухвергера). Песня активно разучивалась в школе и распевалась младшеклассниками-октябрятами с конца 1950-х гг. по конец 1980-х гг.

Текст: «[1] Мы весёлые ребята, / Мы ребята октябрята, / Так назвали нас не зря – / В часть победы Октября. / [2] Старых всех мы уважаем, / Слабых мы не обижаем, / Юных ленинцев отряд – / Октябрятам старший брат. / [3] Все привыкли мы к порядку, / Утром делаем зарядку / И

хотим отметку “пяť” / На уроках получать. / [4] Мы читаем и считаем, / На Луну слетать мечтаем. / Будем крепко мы дружить / И стране родной служить» (ПО, 1964, 12).

«**МЫ знаем, великий Ленин...**» – начальные строки разучивавшейся в младших классах школ в конце 1950-х – 1970-е гг. «Песни о Ленине» (слова Т. Спендиаровой, музыка З. Левиной).

Текст: «[1] Мы знаем, великий Ленин / Заботлив и ласков был. / Он взял бы нас на колени, / С улыбкой бы нас спросил: [2] “Ну, как вам живётся, дети?” – / И наш бы звенел ответ: / “Мы всех счастливей на свете, – / Так выполнен твой завет!” [3] Дарит нам страна подарки / От имени Октября: / Дворцы, весёлые парки, / Зелёные лагеря! [4] Ты отдал за счастье наше / И силы свои, и труд. / И вот нам живётся краше, / Чем в песне о том поют!» (СП, 1958, 34).

МЫЛЬНЫЕ пузыри – пузыри, образующиеся из растворённого в воде мыла.

Пускать мыльные пузыри – детское развлечение.

О начале XX века (из стихотворения М.А. Пожаровой «Мыльные пузыри»): «...Из мыльной пены мне нравятся / Пускать в саду пузыри. / Блестят – золотые, цветистые, / Один за другим скользит... / Из влажной зелёной хоромины / Дивится весёлый снегирь, / Увидев, что с легкой соломинки / Слетает мыльный пузырь. / Без крыльев ввысь поднимается, / Стремясь в неведомый край... / Но чуть взлетит – усмежается: / “Сейчас я лопну! Прощай!”» (РПД, [1914] 1989, 549).

О 1915–1917 гг.: гг.: «Это было то самое окошко, откуда Марийка мечтала пускать мыльные пузыри...» (Бродский, [1938] 1957, 194).

О середине 1940-х гг. (стихотворение С.Я. Маршак «Мыльные пузыри»): «Воды обыкновенной / В стаканчик набери – / Пускать из мыльной пены / Мы будем пузыри. / Соломинку простую / Сейчас возьму я в рот, / Воды в нее втяну я, / Потом слегка подую / В соломинку – и вот, / Сияя гладкой пленкой, / Растягиваясь вширь, / Выходит нежный, тонкий, / Раскрашенный пузырь... / Взлетает шар надутый, / Прозрачнее стекла. / Внутри его как будто / Сверкают зеркала... / Он, воздухом надутый, / По воздуху плывет, / Но и одной минуты / На свете не живет. / Нарядный, разноцветный, / Он лопнул навсегда, / Расплылся незаметно, / Растаял без следа... / В нем столько красок было, / Была такая спесь, / А он – воды и мыла / Раздувшаяся смесь...» (Маршак, [1947] 1968–1, 245–246).

О середине 1950-х гг.: «Нет житья от этого мальчишки! – кричала она. – Вчера он высадил окно мячиком!.. А позавчера, – кричала она, – его мыльный пузырь влетел в рот мужу, спавшему на диване!..» (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961, 11).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Самое праздничное воспоминание той поры – пускаем мыльные пузыри! Долго готовим исходный материал и инструментарий – разводим мыло (можно... “Хозяйственное”, а можно... “Земляничное”), размешиваем склизкую пену в воде, добываем толстую серую макаронину. Выходим на балкон. Дует в трубочку – шар ширится, переливается всеми красками спектра... Лопается – брызги во все стороны, – и сразу новый на смену. Красота!» (Бек, 2000)

МЫТЬ машины.

О девочке-подростке в Санкт-Петербурге в 1992–1994 гг.: «“Но из дома-то уехали...” “Убегала-то не для того, чтобы с кем-то жить и уехать в какое-то брачное путешествие. Помню, меня объявляли чуть ли не во всеобщий розыск, а я в это время мыла машины в компании мальчиков-сверстников» (Собчак, 2004, 16).

МЫТЬСЯ – очищать тело от грязи.

Мыться в бане – см.: *Баня*.

Мыться в печке – см.: *Печка*.

«**МЫШКА, МЫШКА, вылей воду...**» – фраза, проговариваемая в ситуациях, когда после купания вода попала в ухо. В этих случаях в детской среде считается правильным прыгать на одной ноге, в ритм прыжкам проговаривая определенную фразу.

О конце 1930-х гг.: «Кимка бултыхнулся вниз головой... и тотчас же вынырнул, и... заколотил руками

и ногами по... воде! Выскочив на плот, принялся плясать на одной ноге, приговаривая: “Мышка, мышка, вылей воду на поганую колоду!”» (Поливин, 1988, 210).

О конце 1950-х гг.: «Колька на ходу отстегнул лямки, снял штаны и, подскочив к берегу, пощупал ногой воду... Он отошёл назад, разбежался и шлёпнулся животом об воду. Вскочив на ноги, Колька задом наперёд вышел на берег, чтоб Тимка не видел его покрасневший живот; и, приложив к уху ладошку, застригал на одной ноге: “Мышка, мышка, вылей воду / На дубовую колоду!”» (Зобнин, 1963, 100).

О 1960-х – 1980-х гг.: «“Мышка, мышка, вылей воду под осиную колоду!” – так приговаривали мы, подпрыгивая на одной ноге, вставив палец в ухо – пытаясь вытрясти залившуюся во время купания влагу» (Семенова, 2008, 20).

«**МЫШКА, МЫШКА, на тебе старый зуб**» – см.: *Молочные зубы*.

МЯГКИЕ игрушки – см.: *Игрушки мягкие*.

МЯЧ, мячик – сплошной или полый внутри шар из какого-нибудь упругого материала, отскакивающий при ударе о твёрдую поверхность, употребляется для игры.

Дети играли в мячик еще в конце XVIII века. Об этом свидетельствует написанное в 1790-е гг. стихотворение Г.А. Хованского «Послание к детям Николушке и Грушеньке»: «Резвись, Николушка...! ... / С сестрицей маленькой катайте мячик свой!... / Я вижу, Грушенька от всей души хохочет, / Что братец мячиком катает невпопад; / Николушка в сердцах в нее мяч бросить хочет; / Попал... у беденькой полился слезный град...» (РПД, 1989, 96–97).

О месте, которые занимали мячи в жизни русских детей писал в конце XIX Е.А. Покровский: «Мячи, употребляемые детьми русского простонародья, чаще всего делаются из тряпок и тряпками же набиваются. Нередко, впрочем, мячи готовят теми же детьми и кожаные. В таком случае они делаются из мокрой кожи, из которой навязываются ластовицы, похожие на эллипсис, и из последних шьют мяч, который плотно набивается большею частью какой-нибудь шерстью, например, овечьей, лошадиной гривой, шерстяными нитками, а иногда и куделью. Когда кожа высохнет, мячик будет ею плотно обтянут. В северных губ. мячи иногда плетутся из лыка, т. е. небольших ремешков, выделываемых из коры лип, березы, ивы и других, им подобных деревьев. Внутри этого рода мячи или пустые, или набиваются песком... Резиновый мяч ... встречается в России, главным образом у детей городских жителей. С раннего возраста дети привязываются к игре в мяч. Почти у каждого ребенка с 5 лет можно уже отыскать в кармане так или иначе сделанный мяч, который он по целым часам бросает вверх и старается поймать его то одной, то другой, то обеими руками. Цель мяча во многих играх состоит в том, чтобы делать ими разные фигуры и потом ловить; в иных же играх бросают мячом в других игроков с целью пятнать, салить» (Покровский, [1895] 1994, 237–238).

О 1860-х – нач. 1870-х гг. «Под елкой лежат подарки... Тетеньки вышили нам передники... Бабушка сшила по мячику из тряпок...» (Лукашевич, [1918] 1994, 208).

О резиновом мяче в середине 1910-х гг.: «...Раздался звонок и пришли новые гости – шестилетний Серёжа Ветвицкий со своим отцом. Серёжа принёс Ванде большой резиновый мяч в красной шёлковой сетке с бисточкой. “Отдай Вандочке свой подарок”, – сказал Серёже отец. Но Серёже так нравился мяч, что он никак не мог с ним расстаться... Серёжа вскоре запросился домой и унёс мяч, положив его в свою шапку» (Бродская, [1938] 1957, 59).

О нач. 1930-х гг.: «С утра на лужайку / Бегу я с мячом, / Бегу, распеваю / Не знаю о чём... / А мячик, как солнце, / Горит надо мной, / Потом повернётся / Другой стороной / И станет зелёным, / Как травка весной» (Барто, [1933], 1969–1, 41).

О нач. 1930-х гг.: «Наша Тяня громко плачет, / Уронила в речку мячик...» (Барто, [1936] 1969–1, 18).

В нач. 1940-х гг. деревенские мальчики в Рязанской обл. играли в футбол мячом, сплетённым из лыка: «Я

оставался всё же мальчишкой, дрался и шалил, как мои сверстники, и азартно играл во все деревенские игры. Однажды я сплел из лыка мяч и принес его в школу. Забыв обо всем, мы с одноклассниками увлеклись “футболом”, и кто-то из нас разбил моим мячом окно» (Редичев, 2000, 42–44).

Мяч литой.

О первой половине 1940-х гг.: «В лапту, что ли, сыграть? – лениво предложил он. – Мячик, Тимка, с тобой?» “Со мной”, – ответил Тимка. Мальчишки разбили на две равные партии. ...Петька с таким... вывертом ударил лаптой по мячу, что тот... упал за изгородью. Мальчишки ошеломились. Больше всех расстроился Тимка. Упругий, литой мяч ему подарил брат, приехавший недавно с фронта на побывку, и он очень им дорожил» (Мусатов, [1948] 1971, 114).

Мяч на резинке.

О начале XX века: «На другой день звякнуло на парадной. Нянька выбежала, вернулась, засуетилась: “Пришла твоя учительница...” Учительница... протянула Кате руку... Осмотрела детскую и сказала няньке: “Вы – нянька? Так, пожалуйста, все эти игрушки заберите и вон, куда-нибудь подальше, чтоб ребенок их не видел... Катя, подойдите ко мне!” Она вынула из кармана мячик на резине и... стала вертеть мячик и припевать: прыг, скок, туда, сюда, сверху, снизу, сбоку, прямо. Повторяйте за мной: прыг, скок...” Катя молчала и жалко улыбалась, чтобы не заплакать... “Обратите внимание на поверхность этого мяча. Что вы видите? Вы видите, что она двуцветна. Одна сторона голубая, другая белая. Укажите мне голубую...”» (Тэффи, [1916] 1989, 63–64).

О 1922–1923 гг.: «...В канун ярмарки нам с братом выдавали по полтиннику. На этот-то полтинник мы и гуляли целую неделю. Карусель, балаган, игры, маковки, заливные орешки, рожки, китайские мячики на резинке, пишалки “уйди-уйди”». (Розов, 1987, 260).

О середине 1930-х гг.: «Мы не подошли... к игрушкам, которые всегда продавались на базаре, и возле которых мы с Матрёшенькой всегда проставали, свистульками, бумажными мячиками, которые прыгают на длинной резиночке, “уйди-уйди”...» (Александрова, 1992). «Он, конечно, растерялся при виде изобилия игрушек. Что же брать?... Ружьё!.. Мячи на резинке – резиновая петля наденется на палец...» (Коссаковская, 1967, 12).

О 1950-х гг.: «Начиная с 1952 года у нас была такая традиция: 1 мая и 7 ноября всей семьёй идти смотреть, как собираются на демонстрацию колонны на Зубовской площади... На Зубовской было весело... Мы купили детям воздушных шаров, мячиков на резинке, “китайских”... безделушек...» (Кротова, [1996]).

О предместье Москвы – Химках в середине 1950-х гг.: «Старьёвщик объявлялся раз в две-три недели, иногда чаще... Все мальчишки знали, что с собой у него есть восхитительная кожаная торба, полная самой драгоценной дряни: уди-уди [уйди-уйди], ватными, обёрнутыми цветной глянцево-бумагой, мячиками на резинке, леденцовыми петушками» (Климонтович, 2005, 3).

Возможно, речь идёт о предмете, тождественном или аналогичном «раскидайчику».

Мяч тряпичный.

О середине 1870-х гг.: «Разнообразие в нашу жизнь вносили... поездки мамы... в город... Иногда они... предпринимали поездку в Троице-Сергиевскую лавру – “к Троице”, как было принято говорить. Мама... спрашивала: “Что тебе привезти от Троицы?” – и я неизменно просила: “Трибочек и ваньку-встаньку”... Мама привозила также... тряпичные мячи с положенными внутрь сухими горошинами, расшитые по поверхности разноцветными тряпочками и блестящей канителью» (Харузина, [1919] 1999, 324–325).

О 1946–1948 гг.: «После урока гоняем футбол консервной банкой или тряпичным мячиком, девочек видим только издали. Раздельное обучение» (Амлинский, [1969] 1974, 12).

«НА АЛТАЙСКИХ ГОРАХ» – игра с хлопками в ладоши под речитатив. См.: *Игры, Игры с хлопками в ладоши под речитатив*.

Из письма 1987 г. Светланой Зиминной из г. Риги (Латвия): «Все девчонки (мальчишки этим не увлекались) берутся за руки в круг. В такт качают руками. А на “ох” – скрещивают руки на груди, кладя ладони на плечи, на “ах” кладут правую руку на правое бедро, левую – на левое. Потом все заново. А после “у меня живот болит” стараются пощекотать ближестоящего за живот, стремясь прикрыться. Глупая, конечно игра. Мы играли в неё перед столовой, когда нас не запускали, приходилось стоять и ждать. “На Алтайских горах-ох-ах. / Жило много черепах-ох-ах. / Среди этих черепах-ох-ах. / Был один святой монах-ох-ах. / 1 вар. И на этого монаха-оха-аха / Вдруг напала черепаха-оха-аха. / 2 вар. И вот этот вот монах-ох-ах / Любил кушать черепах-ох-ах. / Он схватил свои очки-чки-чки / Разорвал их на клочки-чки-чки, / А потом как закричит-чит-чит / У меня живот болит-лит-лит!”».

Значительно больше, чем сюжет с монахом, распространен вариант с падишахом.

О конце 1980-х гг.: «Игры с хлопками. “На алтайских горах (ох-ах-ох-ах) / Жил великий падишах (ох-ах-ох-ах) / Захотелось падишаху (оу-аху-оу-аху) / Съесть большую черепаху (оу-аху). / Съел он сразу 2 лягушки (ушки-ушки) / Отвалились его ушки. / На алтайских горах / Похоронен падишах“» (483).

В приложении к газете «Вятская речь» (вышло ориентировочно в 1994 г.) помещён записанный в 1991 году в Кирове: «На альпийских горах, ох, ах, / Жил великий падишах, ох, ах, / Захотелось падишаху, оу, аху, / Съесть большую черепаху, оу, аху. / Взял он новые очки, чки, чки, / Разорвал их на клочки, чки, чки. / Привезли его в больницу, ицу, ицу, / Стали резать поясницу, ицу, ицу. / Поясница не простая, тая, тая, / Поясница, золотая, тая, тая. / Привезли его домой, ой, ой, / Прямо в печку головой, ой, ой. / Падишаху двести лет, лет, лет, / Он давно уже скелет, лет, лет» (цит. по: Борисов, 2002, 49).

Записано от девочки 10 лет в г. Иркутске в 1999–2000 гг.: «На алтайских горах-ах-ах! / Жил великий падишах-ах-ах! / Захотелось падишаху-аху-аху! / Съесть большую черепаху-аху-аху! / Он одел свои очки-чки-чки! / Разорвал их на клочки-чки-чки! / А потом и говорит-ит-ит! / У меня живот болит-ит-ит! / Так и надо падишаху-аху-аху! / Чтоб не ел он черепаху-аху-аху!» (Назаркин, 2006, 90–91).

«НА БАЛКОНЕ номер восемь...» – текст, сопровождающий игру в ладоши. См.: *Игра, Игры с хлопками в ладоши под речитатив*.

«С этим видом речитативной игры с хлопками мы встречались в начале 1980-х годов в одном из пионерских лагерей Свердловской обл. Две девочки, встав напротив друг друга, хлопали в ладоши и произносили текст. В памяти остались следующие четыре куплета: “На балконе сорок восемь, ой-ой-ой / Мы сидели с братом Костей, тьфу ты, грех какой. / Весело было нам, там, пари-тури-рам, / Все делили пополам. Правда? Ага! / Мы с балкона улетели, ой-ой-ой, / Локтем барышню задела, фу-ты, грех какой. / Весело было нам, там, пари-тури-рам, / Все делили пополам. Правда? Ага! / ... / За столом сидит судья, ой-ой-ой, / Рожу корчит как свинья, тьфу ты, грех какой... / Весело было нам... и т.д. / Под столом сидит свинья, ой-ой-ой, / Рожу корчит как судья, фу-ты, грех какой... / Весело было нам... и т.д.” Смысл игры заключался в том, чтобы слаженно произносить текст и не запутаться в порядке “взаимных” хлопков, с последним словом игра заканчивалась без какого-либо “завершающего жеста”. В середине 1990-х гг. (ориентировочно в 1994 г.) в Кирове вышло... приложение к газете “Вятская речь”... [В нём, в рубрике “Хлопушки” был помещён] текст, записанный в 1991 году от 7-классницы...: “На балконе номер восемь, ой-ой-ой, / Мы сидели с братом Костей, фу ты грех какой! / Припев: Весело было нам, тумба, ля-ля, / Все делили пополам. Правда? Ага! / Мы с балкона полетели, / Попой барышню задела. / Припев. / Нас в больницу

положили, / Там пилюлями кормили. / Припев. / Из больницы мы сбежали / Сто подушек там украли. / Припев. / Мы в болоте ночевали, / Нас лягушки целовали. / Припев. / Нас милиция догнала, / Все подушки отобрала. / Припев. / За столом сидит судья, / Корчит рожи, как свинья. / Припев. / На столе стоит стакан, / А в стакане таракан. / Припев". Текст с аналогичным содержанием был также сообщен нам в 1999 г. девушкой из г. Далматово... Таким образом, по меньшей мере... с нач. 1980-х по конец 1990-х гг., в девичьей среде существовала игра с данным речитативом. Текст речитатива восходит, как мы полагаем, к песне, по меньшей мере, 1920-х годов... Первым подтверждением этой гипотезы является свидетельство основоположника отеч. этнографии детства Г.С. Виноградова. В работе "Детский тайный календарь" (1924) он пишет буквально следующее...: "В больших населенных пунктах... взрослые идут в "собрание"; мальчуганы пробираются туда же и от скуки хулиганят, а потом воспевают свои похождения в песенке, которую откуда-то "подхватили" на года: "Наш товарищ был Егорка, / Купил билет на галерку. / Весело было нам (2 раза; повторяется после каждых двух строчек). / Первым делом на галерке / Закурили мы махорки. / Мы с галерки полетели, / Лаптем барышню задели. / В каталашку нас погнали. / Только лапти засверкали... / В каталашку посадили, / Трое суток не кормили. / Трое суток не кормили / Да по двадцать пять вкатили. / Нам по двадцать пять вкатили / И в больницу положили. / Нас в больницу положили, / Калачами нас кормили, / Калачами нас кормили / И на волю отпустили"... [Приводим также] текст песни..., записанной в 1925 году в Челябинске уральским фольклористом и краеведом В.П. Бирюковым. Он был обнаружен нами в его личном фонде (Ф.75, ед. хр. 6), хранящемся в Отделе рукописей Росс. нац. библиотеки... (Санкт-Петербург): "Как на барже номер пятый / Я служил там с Ванькой-братом / Припев: Весело было нам (4 раза) / Нас лаптями наградили, / Вниз по матушке пустили / Припев. / Мы приехали в Уфу, / Закурили табаку. / Припев. / Я послушался Егорку, / Взял билет я на галерку. / Припев. / Нас с галерки увидели. / В шею палками прогнали. / Припев. / Мы с галерки полетели, / Локтем барыню задели. / Припев. / Что за шум? Что за вой? / Прибежал городской. / Припев. / Нас в полицию погнали, / Только пятаки засверкали. / Припев. / Мы в полиции сидели / Да в окошечко глядели. / Припев. / Мы в полиции сплутовали, / Все ворота изломали / Да и убежали. / Припев". Несмотря на то, что действие девичьей речитативной игры 1980-х – 1990-х годов происходит «на балконе», в больнице, милиции и в суде, а герои песни 1920-х годов служат на барже, падают с галерки, имеют дело с «городовым» и попадают в «каталашку», сходство сюжетов и ритмической структуры очевидно... Вероятно, песня имеет еще более раннее происхождение. Так, строки из варианта В.П. Бирюкова "Что за шум? Что за вой? Прибежал городской" почти полностью повторяют строки стихотворной сказки "Крокодил" К. Чуковского, написанной в 1917 г.: "Подбежал городской: Что за шум? Что за вой?". Логично предположить, что К.И. Чуковский воспроизвел в стихотворении хорошо известный его современникам фольклорный текст (как, например, начальные строки сказки "Крокодил, крокодил, он по улице ходил" явно перекликаются с популярной гор. песенкой "По улице ходила большая крокодила"). Таким образом, есть основания предполагать, что песня, варианты которой были зафиксированы фольклористами в середине 1920-х годов, восходит, по меньшей мере, к нач. XX в. От взрослой песни авантюрного содержания сначала "отпочковался" мальчишечий её вариант, а неск. десятилетий спустя, – возможно, на основе взрослого первоисточника, а, возможно, мальчишечьего варианта, – сложился речитатив для девичьей игры в ладоши. Иными словами, мы имеем дело с погружением в дет. среду утраченных популярности форм фольклора взрослых» (Борисов, 2002, 41–45).

Записано от девочки 9 лет в г. Иркутске в 1999–2000 гг.: «На балконе номер восемь, / О-ей-ей, / Мы сидели с братом Костей / (Тыфу ты, грех какой!). / Весело было нам, / Тумба-рирам, / Всё делили пополам. / "Правда?" / "Ага!" / Мы с балкона улетели, / О-ей-ей, / Бабку тапочком огрели / (Тыфу ты, грех какой!). / Весело было нам, / Тумба-рирам, / Всё делили пополам. / "Правда?" / "Ага!" / Нас в психушку засадили, / О-ей-ей, / Там пилюлями кормили / (Тыфу ты, грех какой!). / Весело было нам, / Тумба-рирам, / Всё делили пополам. / "Правда?" / "Ага!" / Мы с психушки убежали, / О-ей-ей, / Две подушки там украли / (Тыфу ты, грех какой!). / Весело было нам, / Тумба-рирам, / Всё делили пополам. / "Правда?" / "Ага!" / Нас милиция поймала, / О-ей-ей, / Две подушки отобрала / (Тыфу ты, грех какой!). / Весело было нам, / Тумба-рирам, / Всё делили пополам. / "Правда?" / "Ага!" / Мы с ментовки убежали, / О-ей-ей, / Две винтовки там украли / (Тыфу ты, грех какой!). / Весело было нам, / Тумба-рирам, / Всё делили пополам. / "Правда?" / "Ага!"» (Назаркин, 2006, 91–92).

«НА БОЛЬШОЙ» – «отлично», «великолепно», «замечательно»; высокая оценка чего-либо (вероятно, имеется в виду отставленный большой палец руки при зажатых в кулак остальных пальцах – традиционный знак восхищения, высокой оценки).

О вожатом и 10-летней девочке в 1931–1932 гг.: «Фатя... торопливо добавил: "Ну, ничего, Толстая, мы разберёмся, и всё будет на большой, да ещё с присыпкой! – и он оттопырил свой белый и действительно большой палец» (Либединская, 1966, 51).

Об оценке 10-летним мальчиком фильма «Тимур и его команда» в 1940 г.: «"Я спрашиваю: тебе понравилась картина?" "Ну! На большой!" – воскликнул я восторженно. "Ратмир, – покачала головой мама, – сколько раз я тебя буду просить не употреблять подобные словечки. Почему ты не можешь сказать по-русски: да, картина мне понравилась". Всё-таки даже она не всё могла понять. Разве достаточно про такую картину скучно сказать – понравилось!» (Сиснев, 1973, 76).

О мальчике-подростке 14 лет в перв. пол. 1940-х гг.: «...Волода добавил: "Между прочим, Зоя Васильевна хотела прийти. В общем, встреча Нового года получится "на большой"". Надежда Андреевна поморщилась: "Ох, уж эти твои жаргонные словечки! Когда ты от них избавишься?"» (Печерникова, 1971, 140–141).

Аналогичное выражение из речи взрослых (20-летних) в конце 1950-х гг.: «Сашка зачерпнул соли из тuesка, посолил Катин палец, возвещая, что Тосины щи – "на большой с присыпкой"» (Бедный, 1975, 28).

«НА ГОРШОК и в люльку» – иронически: «Ты еще маленький (ая), поэтому тебе пора спать!»

О с. Ушаковском Катайского р-на в 1991–1995 гг.: «Выражение "На горшок и в люльку" я слышала в своем недалеком детстве от своих родителей. Когда времени было уже много, данными словами они отправляли нас с сестрой спать» (139).

О девочке 7–10 лет в с. Ново-Ильинском Петуховского р-на в 1992–1995 гг.: «В детстве, лет до 10, я ложилась спать в 9.00 вечера. Перед сном папа всегда говорил: "На горшок и в люльку", как бы напоминая, что пора спать, завтра в школу. И впоследствии, когда уже не нужно было ложиться спать рано, он всегда подшучивал надо мной, по привычке» (143).

О девочке 8 лет в д. Бурматово Сафакулевского р-на в 1996 г.: «В первый раз эту фразу я услышала от своей сестры (двоюродной), когда мы гостили у бабушки. Сестре было 16 лет, и она собиралась на дискотеку, и чтобы я побыстрее легла спать, она произнесла эту фразу. Она (фраза) показалась мне смешной. До сих пор это выражение вызывает у меня улыбку» (141).

О девочке 12 лет в Шадринске в 1999 г.: «Выражение "На горшок и в люльку!" мы с друзьями говорили друг другу, когда хотели подразнить друг друга и показать, что каждый из нас умнее и взрослее. Со смыслом типа: "Сиди и молчи, тебе вообще пора на горшок и в люльку!". Или, например, когда гуляли на улице, во дворе, и мама звала из окна, крича домой кого-нибудь из

нашей компании, мы шутили: “Всё, пора на горшок и в люльку!”» (135).

«НА ДАЧЕ жили мишки...» – детская песенка фольклорного характера 1970-х–1980-х гг.

Эту песню автор словаря слышал в нач. 1970-х гг. По меньшей мере, один раз её инсценировали во дворе девочки (в те годы существовал «институт» детских дворовых концертов). Вот строки, которые автор запомнил с тех пор: «На даче жили мишки – / Два плюшевых братишки, / И плюшевая мама / Однажды говорит: / “Вам фрукты кушать можно, / Но только осторожно, – / От незрелых фруктов / Животики болят”. / Тут мишки подмигнули, / От мамы улизнули, / Забрался потихоньку / В большой фруктовый сад. / Едят там без разбору [лакуна – три строки] / У маленького мишки / Вдруг лопнули штанишки, / Кричит он громко: “Мама!” / И плачет под кустом. [лакуна] / А тот, кто маму слушал, / Поменьше фруктов кушал, / На праздники получит / Большое эскимо. Во! [На восклицание “Во!” показывался большой палец сжатого кулака как знак высоких вкусовых качеств].

В мае 2000 г. студентка 4 курса записала по просьбе автора словаря известный ей вариант песни под названием «Песенка про медвежат» (вероятно, она слышала эту песню в перв. пол. 1980-х гг.): «Собрав на дачу мишек, / Двух плюшевых братишек, / И плюшевая мама / Однажды говорит: / “Вам фрукты кушать можно, – / Но только осторожно, / От незрелых фруктов / Животики болят”. / А мишки подмигнули, / От мамы улизнули, / Залезли где-то сбоку / В большой фруктовый сад. / Едят там без разбору / Зелёных фруктов вволю / И, словно паровозики, / От жадности пыхтят (два вдоха). / У маленького мишки / Вдруг лопнули штанишки, / “Ой, мама, мама, мама”, – / Он плачет под кустом. / А мама с увлечением / Готовит им печенье / И варит им компотик / На детский аппетит. / Ну что ты, что ты, что ты, / Ведь им не до компоту, / У них же нестерпимо / Животики болят. Ой!». Как видно из записи, и в этом варианте песня также была рассчитана на «актерское» исполнение («два вдоха», «Ой!») (522)

Поскольку более нигде нам эта песня ни в живом бытовании, ни в печатных работах не встречалась, мы приняли решение поместить её в словаре, чтобы публикацией этих двух её вариантов-версий уберечь её от эвентуального исчезновения.

«НА ДНЕ» – пьеса (1902) *М. Горького*; с 1930-х гг. по 2000-е гг. входит в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (10 кл.).

О 1930-х гг.: «А Нина думала о Луке из пьесы “На дне”, про которого в школе говорили, что он жулик и вредный утешитель... Почему-то полагалось его презирать, а Нина не могла презирать, она видела его доброту, ведь он один пожалел умершую Анну, за это она любила его. И когда в школе писали сочинение, она выбрала Сатина хотя любимым персонажем её был Лука. Но она знала, что её не поймут – ни учительница, ни ребята, – а писать про него так, как полагалось, как было в учебнике, не могла и не хотела» (Глушко [1988] 1990, 80).

«НА ДРАКУ-СОБАКУ», «на собачку-драчку» – возглас, призывающий сверстников забирать себе брошенные в воздух лакомства (конфеты и др.). Ср.: «*На шара*».

Речь идёт об обычае, когда обладатель какого-либо ценного предмета (денег, конфет и др.) бросает его в «толпу» и кричит при этом: «На собачку-драчку!» Это означает, что тот, кто в противостоянии другим сумеет удержать под контролем брошенный предмет, тот и имеет право им распорядиться, как своим.

О середине 1960-х гг.: «[18-летний] Женька тоже курил самые дорогие папиросы, кидал мальчишкам по двадцать копеек “на драку-собаку” и покупал по шесть пломбиров сразу» (Кузьмин, 1966, 48).

Обычай этот, по свидетельству автора словаря, существовал и в 1970-е годы.

«НА ЖЕЛЕЗНОЙ дороге» – стихотворение Н.А. Некрасова; в 1970-е – 1980-е гг. изучалось в 10 классе школы.

«НА ЗЛАТОМ крыльце сидели...» – см.: «*На*

золотом крыльце сидели...»

«НА ЗОЛОТОМ крыльце сидели...», «На золотом крыльце сидели...» – популярная во второй половине XX века считалка.

О 1950–1952 гг.: «Игры начала пятидесятых... Для пряталок в ходу были колоритные считалки, отвечавшие духу времени, вроде: “Ехал Гитлер на машине, / Ему звездочка на нос, / Вся Германия узнала, / Что у Гитлера понос”. Или модернизация известной литературной считалки: “Вышел немец из тумана...” У каждого были свои любимые считалки. Мне больше везло (редко становился водящим), когда: “На золотом крыльце сидели / Царь, царевич, король, королевич, / Сапожник, портной – / Кто ты будешь такой? / Говори поскорей, / Не задерживай добрых людей”. И ни секунды на размышление: “царь” ли, “портной” – главное, назвать мгновенно, не забыв указать, с кого начать вести счет» (Гайт, 1987, 77–79).

О середине 1950-х гг.: «И Милка начала считаться: “На золотом крыльце сидели: / Царь, царевич, / Король, корольчик, / Сапожник, портной, / А ты кто такой?»» (Гернет, Ягдфельд, [1957] 1959, 63).

О 1970-х гг.: «“На золотом крыльце сидели / Царь, царевич, / Король, королевич, / Сапожник, портной. / Кто ты будешь такой?” – считала Иришка, а дети стояли кружком и ждали, кому выпадает водить. “Король”, – сказал Ваня. “На золотом крыльце сидели / Царь, царевич, / Король...” – досчитала Иришка, и все бросились враспыленную прятаться» (Сикорук, 1979, 50–51).

О девочке 10–15 лет в с. Ольховке Шадринского р-на в 1995–2000 гг.: «Проведение вечеров не обходилось и без игр, начинать которые нужно было, распределившись на водящего, галящего и пр. Распределялись при помощи считалок. Существовали следующие популярные среди нас считалки: “Вышел немец из тумана...” или: “Со второго этажа / Полетели три ножа: / Красный, синий, голубой, / Выбирай себе любой”. Участник, на котором остановился счёт, выбирает, например, “голубой”. Считалка рассказывается сначала, и на каком человеке остановилось слово “голубой”, тот и водит (выходит), а считалка снова рассчитывается. По тому же принципу: “На золотом крыльце сидели: / Царь-царевич, король-королевич, / Сапожник, портной, / Ну а ты кто будешь такой? / Выбирай поскорей, / Не задерживай добрых и честных людей...” (009).

«НА КОГО принц похож?» – игра.

О 1900-х гг.: «Сели играть в “на кого принц похож?” Спрашивать пришлось Лелю, а принцем быть реалисту. “На кого?” – шепотом спросила она, подставляя свое ушко Петрову. “На бесхвостого осла...” – не задумываясь, ответил Петров (он давно уже придумал для реалиста это обидное сравнение). Леля сконфузилась и покраснела: ей казалось совершенно невозможным сказать такое “название” вслух и притом распорядителю танцев... “Ну, смотрите! Я скажу, только...” “На бесхвостого осла!” – ещё раз и с ещё большей твердостью повторил Петров. Леля, пригибая к ладони пальчики, шепотом стала припоминать все названия, которые надавали реалисту, но названия Петрова не проговорила, а только произнесла “м-м” и прижала мизинчик. Потом она ещё раз обошла всех играющих и с каждым пошептала, только к Петрову не подошла, а прошла мимо: “На бесхвостого осла!” – тихо напомнил ей ещё раз Петров, подбежав сзади; Леля не обратила внимания. Реалист... сидел на стуле, под елкой... с низко опущенной головой... Подошла Леля и начала: “На розу... На... офицерика!.. На.. на.. рыцаря! На кого еще? Ах, да... На самовар! (это сказал Павлюк)... На кикимору! (реалист обидно ухмыльнулся)... На милого молодого человека!.. На...” Тут Леля замялась... “На осла!” – решительно проговорила она вдруг набравшись храбрости... “На рыцаря”, – выбрал реалист. “Это я сказала!” – радостно воскликнула Леля и прогнала прочь вспотевшего от волнения и обиды реалиста. “А я не играю...” – объявил неожиданно Петров. “Нельзя! Ты еще не был принцем...” – запротестовал Кукушкин» (Чириков, 1918, 37).

Ср.: «*Мнения*».

НА КУЛАЧКИ – кулачное сражение по условленным правилам.

О Самарской губ. в 1890-х гг.: «Наши детские игры начинались еще засветло... Мы удирали... к речке. Там уже катались на салазках и ледянках ребятишки... Кое-где попарно дрались на кулачки. На взгорки собирались взрослые парни и даже бородатые мужики. Обычно они подтрунивали над нами: вот, мол, ты... за мамкин сарафан держисься, а подраться с парнишкой храбрости нет, – какой же ты после этого парень? Мальчата ярились, бунтовали и хвастались, сжимая кулачки: “А ты видал, как я за подол держусь? ...Я спроть каждого выйду. Только давай”. “Эка, хвальбишка! А довелось на кулачки – лежачего не бьют! Трус!” Это было смертельным оскорблением для меня лично. Как! Я – трус? “Давай кого хошь. Сейчас же спроть пойду”. Я всегда храбро выступал против Кузяря и Наумки, но в душе чувствовал себя слабее их: они часто побивали меня в боях... Но бывало, что и я выходил победителем, хотя и не без урона» (Гладков, 1956, 106–107).

«НА НОВОМ месте приснится жених невесте» – словесная формула, произносимая на ночь девочками (девочками-подростками), для того чтобы им приснился суженый, жених.

О середине 1980-х гг.: «Вспомнила, как нас мама успокаивала, когда мы ложились спать. Чтобы мы не разговаривали, она придумывала вот что: “Вы хотите увидеть во сне своих женихов?”. Мы, естественно, отвечали: “Да!” Тогда мы говорили: “Я сплю на новом месте, приснись жених невесте”. При этом надо было молчать. Иначе жених не приснится. Таким образом, мы быстро засыпали. Я так думаю, что это была своего рода игра в молчанки» (537).

НА ПИОНЕРСКОМ расстоянии – «сохраняя дистанцию, не соприкасаясь»; ироническое выражение, используемое в подростковой среде с 1970-х по 2000-е гг.

В 1970-е гг. (по воспоминаниям автора словаря) выражение «на пионерском расстоянии» употреблялось по отношению к танцующим в паре мальчику и девочке, когда те были разделены 5–10 и более сантиметрами расстояния («танцуют на пионерском расстоянии»). Аналогичное выражение применялось по отношению к мальчику и девочке (подросткам), которые прогуливаясь, находились на дистанции друг от друга, не соприкасаясь телами («ходят на пионерском расстоянии»).

О с. Половинном Половинского р-на 1993–2002 гг.: «Выражение “пионерское расстояние” использовали, когда посещали школьные вечера, дискотеки или когда “заглядывались” на девчонок. Пример 1. Приглашаешь даму на танец, руки кладёшь ей на талию, а она – на плечи. Тела не соприкасаются. То есть руки в локтевом суставе практически не согнуты. Получается довольно-таки внушительное расстояние между партнёрами. “Наблюдатели” со стороны начинают смеяться над этой ситуацией, молодым человеком: “Слабак, танцует как маленький, на пионерском расстоянии. Хоть бы прижался поближе, трус”. Пример 2. Сидит девушка, молодой человек подсаживается к ней, сохраняя при этом дистанцию. Начинают общаться. Это происходит со знакомой, подругой, одноклассницей. Говорят, говорят, смеются и потом, кто-нибудь так невзначай говорит, типа: “Да не бойся, я не кусаюсь, садись ближе. А то – как маленькие, на пионерском расстоянии друг от друга...”» (016).

О девочке 13 лет в селе Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1998 г.: «У меня был первый парень, который провожал меня после школы, приглашал на медленные танцы на школьных дискотеках. Как раз на одном из таких танцев он меня и спросил, долго ли я буду стоять от него на пионерском расстоянии. Конечно, после такой фразы о развитии каких-либо отношений можно было забыть» (141).

О девочке 14 лет в с. Ново-Ильинском Петуховского р-на в 1999 г.: «В школе был выпускной вечер. На торжественной части я с одноклассником танцевала вальс. После наши одноклассники смеялись и подшучивали над нами, потому что, танцуя, мы смущались друг

друга и стояли на приличном расстоянии, выглядело это смешно. Они говорили, что мы стояли на пионерском расстоянии и сравнивали с пионерами» (143).

О девочке 13 лет в Шадринске в 2000 г.: «Впервые я услышала выражение “пионерское расстояние” в лагере “Салют”. Однажды на дискотеке я увидела свою подругу, танцующую с мальчиком на довольно большом расстоянии, почти на вытянутых руках. А девочка, которая со мной стояла, засмеялась и сказала: “Ну, Лена – просто на пионерском расстоянии”. Мне понравилось это выражение и я, запомнив его, до сих пор иногда употребляю» (132).

О девочке 15 лет в с. Ушаковском Катайского р-на в 2002 г.: «Когда мне было 15 лет, я впервые пошла на дискотеку, где и услышала это высказывание. Когда мальчик с девочкой танцевали медленный танец, при этом между нами было “приличное” расстояние, то есть они не прикасались друг к другу никакими частями тела, кроме рук, про них говорили: “Танцуют на пионерском расстоянии”» (139).

О 2002–2004 гг.: «Посещая сельские дискотеки в ДК и глядя как молодой человек с девушкой танцует медленный танец, мы с подругой могли произнести одну короткую фразу: “Пионерское расстояние”. Это могло означать, что парень с девушкой не соприкасаются телами во время танца, а между ними расстояние как минимум 20 см. Сама я не танцевала медленные танцы, потому что не понимала смысла кружения пары (или как тогда говорила: “тупого топтания на месте”) вокруг своей оси, прижавшись друг к другу» (138).

Реплика в диалоге 20-летнего участника реалити-шоу «Дом-2» (ТНТ) 23 октября 2007 года: «Ты чё!? Мы с ней на пионерском расстоянии были!»

«НА РАЗГРОМ!» – всесоюзная детская спортивная игра, проводившаяся в 1943 году.

«Большое распространение получили военно-тактические и оборонно-спортивные игры. Особым авторитетом у ребят пользовались Всесоюзные спортивные игры: “Рейд в тыл врага” (1942), “На разгром!” (1943), “На штурм!” (1944)» (Черник, 1975, 83).

«НА СОБАЧКУ-ДРАЧКУ» – см.: «На драку-собаку».

«НА ХОЛМАХ Грузии...» – стихотворение А.С. Пушкина; с 1970-х гг. изучается в школе (8 кл.).

«НА ШАРА!» – возглас, призывающий сверстников забирать себе брошенные в воздух лакомства (конфеты и др.). Ср.: «На драку-собаку».

О второй половине 1920-х – начале 1930-х гг.: «Бывало, выйдешь на улицу с конфетами, чтобы угостить ребят, и видишь, что на всех не хватит. Тогда соберёшь потихоньку в кармане конфеты в горсть, неожиданно кинешь их вверх и крикнешь: “На шара!” Кому досталось, кому нет – всем весело и никому не обидно» (Якуб, 1988, 55).

«НА ШТУРМ!» – всесоюзные детские спортивные игры, проводившиеся в 1941 и 1944 гг.

«В январе 1941 г. прошла Всесоюзная военная игра “На штурм»» (Очерки, 1980, 415–416).

«Большое распространение получили военно-тактические и оборонно-спортивные игры. Особым авторитетом у ребят пользовались Всесоюзные спортивные игры: “Рейд в тыл врага” (1942), “На разгром!” (1943), “На штурм!” (1944)» (Черник, 1975, 83).

См. также: *Военизированные пионерские игры*.

«НАШ край» – песня, написанная в 1955 году (автор музыки – Д. Кабалевский, автор слов – А. Пришелец). Текст: «То березка, то рябина, / Куст ракиты над рекой: / Край родной, навек любимый, / Где найдешь еще такой? / От морей до гор высоких, / Посреди родных широт, / Все бегут, бегут дороги, / И зовут они вперед. / Солнцем залиты долины, / И куда ни бросишь взгляд, / Край советский, край любимый, / Весь цветет, как вешний сад. / Детство наше золотое / Все светлее с каждым днем, / Под счастливою звездою / Мы живем в краю родном».

Из истории песни: «Д.Б. Кабалевский ... однажды летом приехал на подмосковную дачу... В тот же день композиторы нанесли визит обитатели соседнего пионерлагеря...: нужна песня! Нужна срочно! В лагере идет соревнование на лучшую отрядную песню. Все

хорошие песни расхватали... Ребятам повезло! Здесь, на даче, сохранилось отложенное когда-то стихотворение А. Пришельца... Песня была написана в ту же ночь... На-завтра со всех концов лагеря неслось: “Край родной, навек любимый, / Где найдешь еще такой, / Где найдешь еще такой?” “Наш край”... стал песней всех пионеров страны... Сменяются пионерские поколения, а песенка переходит от старших к младшим и остается пионерской ровесницей» (Гольденштейн, 1971, 82–83).

О первой половине 1960-х гг.: «... Любимые песни подростков – “Здравствуй, гостя зима” Глиэра (слова Никитина)..., “Наш край” – Кабалевского (слова А. Пришельца)...» (ПЭ, 1966–3, 378).

«НАША школьная страна» – песня на музыку Ю. Чичкова и слова К. Ибряева; в 1970–1980-е гг. регулярно передавалась по радио.

Текст: «[1] Не крутите пестрый глобус, / Не найдете вы на нём / Той страны, страны особой, / О которой мы поём. / Наша старая планета / Вся изучена давно, / А страна большая эта – / Вечно “белое пятно”. [Припев:] Пусть в эту страну / Не идут, не идут поезда, / Нас мамы впервые / Приводят за ручку сюда. / В стране этой звонкой, веселой / Встречают нас как новоселов, – / Страна эта в сердце всегда! [2] В новый класс, как в новый город, / Мы приходим каждый год, / Племя юных фантазёров, / Непоседливый народ. / Значит, вновь лететь и плыть нам / По бескрайней той стране / К неожиданным открытиям, / К выпускной своей весне. [Припев] [3] Здесь нам слышится порою / В тихом шелесте страниц / Гул далеких новостроек, / Голоса цветов и птиц. / Ветер странствий крутит глобус, / Машет нам своим крылом / В той стране, стране особой, / О которой мы поём. [Припев]» (ПДД, 1995, 98–99).

НАШИВКИ на рукаве – см.: *Знаки различия в пионерской организации*.

НВП – то же, что *Начальная военная подготовка*.

«**НЕ ветер бушует над бором...**» – начальные строки тридцатой главы поэмы *Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос»*.

Первые 16 строк главы: «Не ветер бушует над бором, / Не с гор побежали ручьи, / Мороз-воевода дозором / Обходит владения свои. / Глядит – хорошо ли метели / Лесные тропы занесли, / И нет ли где трещины, щели, / И нет ли где голой земли? / Пушисты ли сосен вершины, / Красив ли узор на дубах? / И крепко ли скованы льдины / В великих и малых водах? / Идет – по деревьям шагает, / Трещит по замерзлой воде, / И яркое солнце играет / В косматой его бороде...».

«...Тридцатая глава поэмы “Мороз, Красный нос”, где Мороз грозно им величественно шествует по лесу, почти сразу после опубликования стала хрестоматийным детским чтением» (Арзамасцева, 2007, 191).

«**НЕ давать проходу**» – вид психологического давления на ребенка.

О нач. 1950-х гг.: «Это называлось в те времена “не давать проходу”. В городе, во дворе были такие дети, которым не давали проходу, как бы имея на это право, все окрестные ребята. Им вечно загромождали путь, прищемляли, прижимали к стене на глазах у всех, преследовали по двое, по трое. При виде их смеялись и охотно бросались навстречу. У преследуемых был вид равнодушной, терпеливой, странно улыбающейся твари. Спасти их могли только взрослые, но где их взять на все время, на всех дорогах?» (Петрушевская, 1999, 14).

«**НЕ ДЛЯ СРЕДНИХ умов**» – выражение, имеющее в разных контекстах разное значение.

О с. Ожогоино Шатровского р-на в конце 1990-х гг.: «На перемене, дорешивая задачки по физике, химии и т. д., мы, ученики 8, 9 классов, трудясь над решением в поте лица, говорили: “Ну, это не для средних умов”. Или идя после школы домой всем классом, мы разговаривали об учёбе, о поступлении в вузы, техникумы, об очень умных знакомых и т. д. И в разговоре на данную тему можно было услышать нами сказанную фразу: “Ой, да это не для средних умов! В престижные вузы трудно поступить: либо нужны большие деньги, либо надо быть вундеркиндом...”» (154).

О девочке 10–12 лет в 1999–2001 гг.: «Выражение “Не для средних умов!” я узнала где-то в 10–12 лет. Когда сестра с подружками сидели в комнате и о чем-то болтали, мне было очень интересно, о чём они разговаривают. Она же меня выгоняла из комнаты со словами: “Не для средних умов! Иди, не слушай”. Когда я подросла, мы с подружками прикалывались над мальчишками. Когда с девочками в классе о чём-то разговаривали, выгоняли мальчишек из класса, говоря: “Не для средних умов! Вам не понять. Идите прогуливайтесь!”» (139).

О девятиклассниках в с. Крутихи Далматовского р-на в 2001 г.: «Мальчики в классе учились плохо. Когда они переспрашивали что-л. у девочек или просили повторить, то девочки произносили фразу: “Не для средних умов”. Она обозначала отказ от того, что просят или спрашивают» (211).

НЕ крутите пёстрый глобус... – Начальные слова песни «*Наша школьная страна*».

«**НЕ фа себе!**» – Ничего себе! (Вероятно, образовано от: «Ни фига себе!»).

О подростках 13–15 лет в селе Ожогоино Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «Услышала на перемене от одноклассников: “Димыч, вчера купили новый магнитофон! Ваше ништяк! Клёвая вещь!” “Не фа себе” – говорил Димыч в ответ своему однокласснику» (154).

О девочке-подростке 16–18 лет в г. Далматово в 2003–2005 гг.: «Я употребляла выражение “Не фа себе!” в старших классах и на первом курсе. Это выражение удивления. Однажды, когда я шла по улице г. Далматово с подружкой и увидела девушку в красивом платье, я сказала “Не фа себе платье!” “Не фа себе” – это сокращенное от “Ни фига себе!”» (136).

«**НЕБО в тучах**» – песня.

Текст песни 1970-х – 1980-х гг. в записи конца 1980-х – начала 1990-х гг.: «[1.] Небо в тучах, небо в тучах, / Тополя роняют цвет. / Мне так скучно, мне так грустно, / Потому что солнца нет. [2.] Дождь стучит, стучит по тротуарам / И не может перестать. / Он старается даром, даром / Солнце выглянет опять. [3] И не надо прятаться под крыши, / Пусть он поливает, пусть / Пусть он видит, пусть он слышит, / Что его я не боюсь. / [4.] Небо в тучах, небо в тучах / Тополя роняют цвет. / Мне так скучно, мне так грустно, / Потому что солнца нет» (596).

Автор словаря помнит эту песню с нач. 1970-х гг. Слова совпадают с приведёнными выше, кроме одной детали – во втором куплете пелось: «Дождь идёт, стучит по тротуарам».

Из беседы 2005 г. Михаила Дюкова с Татьяной Лебедянской: «“Татьяна, для начала, пожалуйста, расскажите немного о себе...” “Родилась я в Москве... В 13 лет я написала свою первую песню “Небо в тучах”... В 1978 году я эмигрировала и всё это время живу в Нью-Йорке...” “Первую свою песню “Небо в тучах” вы написали в Калининграде или это уже была Москва?” “Это уже была Москва, мне было 13 лет, был очень дождливый день...”» (vostokinform.ru)

Перделка песни 1988 года: «1988 г. Я была в лагере “Ракета” и выучила там несколько песен. Вот они... Небо в тучах. 1. Небо в тучах, / Тополя роняют свет, / Мне так грустно, мне так скучно, / Потому что, мамы нет. 2. Наш вожатый ходит по палатам / И не хочет он понять, / Что старается даром, даром. / Все равно не буду спать. 3. И не надо прятаться под простынь, / Пусть он видит, ну и пусть. / Пусть он видит, пусть он знает, / Что его я не боюсь. 1[-й] куплет повторяется» (597).

НЕВАЛЯШКА – детская игрушка, куколка с круглым или овальным туловищем (без ног), принимающая вертикальное положение, как бы её ни положили.

«**НЕВАЛЯШКИ**» – песня (слова З. Петровой, музыка З. Левиной). Разучивается в детских садах с 1960-х – 1970-х гг. Приводим текст по пособию для воспитателя и муз. руководителя детского сада начала 1970-х гг.

Текст: «[1] Дин, дон, дили-дон, / Что за странный перезвон, / Слышен он со всех сторон, / Дили, дили, дили-дон! [Припев:] Мы – милашки, / Куклы-неваляшки, / Куклы-неваляшки, / Яркие рубашки. [2] Не спим, не спим / И ложиться не хотим, / Днем и ночью мы стоим, / Очень весело звеним. [Припев] [3] Ох, раз, ещё раз, / Мы

наклонимся сейчас: / Начинаем перепляс, / Постараемся для вас. [Припев]» (Нам весело, 1973, 78–80).

В сборнике 1995 г. второй куплет выглядит следующим образом: «[2] Не спим, не сидим, / И ложиться не хотим, / Днём и ночью мы стоим, / Очень весело звеним» (ПДД, 1995, 16–17).

«НЕВИДИМКА» – ежемесячный литературный радиожурнал, адресованный школьникам среднего и старшего возраста. Выходил в эфир с октября 1946 года. Ответственным редактором журнала был Л. Кассиль, членами редколлегии – В. Инбер, С. Михалков, К. Паустовский и В. Каверин.

Передача знакомила слушателей с новинками отеч. и зарубеж. лит-ры, стремилась расширить и углубить знания, даваемые шк. программой. Радиожурнал включал критические статьи, обзоры, рецензии, очерки.

«НЕДЕЛЬКА» – 1. Набор из семи браслетов.

О с. Красная звезда Шадринского р-на в 1998 г.: «Неделька – это 7 тонких браслетов. Каждый день на руку одевалось по одному браслету, таким образом, в воскресенье их было на руке семь. С неделькой я столкнулась в классе седьмом, когда мне было 12 лет. Неделку себе купила одноклассница» (011).

«НЕДЕЛЬКА» – 2. Набор из семи узких тонких колечек.

Из написанной девочкой-подростком 14–15 лет во время урока записки (1987 г., г. Сухой Лог Свердловской обл.): «У него на левой руке моя неделька одета. Надо попросить у него кольца. Интересно, он даст? Света, ты возьми подойди к нему, что-нибудь скажи и посмотри на руки, а потом скажи: “О, кольцо! Дай поносить!” Даст или нет? Сделай так, я прошу, ладно?» (Из рукописного архива автора словаря)

О 1980-х – 2000-х гг.: «С 5 по 9 класс (1998–2001 гг.) я носила недельку, которая представляла собой семь тонких (примерно 1 мм в диаметре) серебряных колечек. Количество их на пальце зависело от дня недели: в понедельник надевалось одно колечко, во вторник – два, в среду – три и т.д. Неделка досталась мне от мамы. Во времена её молодости (1980-е годы) эти колечки тоже пользовались популярностью среди девушек. Но, надо сказать, недельки и сейчас (в XXI веке) можно увидеть на пальцах девушек. Так, например, моя подруга Юлия совсем недавно (2 года назад) приобрела в ювелирном магазине недельку, выполненную из золота, и носит её с удовольствием до сих пор» (020).

«НЕДЕЛЬКА» – 3. Набор, включающий семь девичьих трусиков.

О середине 1980-х гг.: «Ещё она постирала колготки и трусы... “Лучше надену мокрые, чем грязные”, – подумала она в своё оправдание. Тем более, трусики у неё классные, из набора “недельки”...» (Кузьменок, 1988, 54).

«Недельками девочки в классе (в школе) называли комплект трусиков. В специальной сумочке было семь женских трусиков. Этот комплект в 1996 году стоил примерно 200 рублей. У меня был такой комплект, трусики были разных цветов (белые, розовые, голубые, чёрные, салатные, телесного цвета – беж, красные). Все они были одного фасона – в виде шортиков-“боди”. Сейчас (2008 г.) такой комплект-“неделька” мне не нравится, трусики-стринги – они неудобные для ежедневной носки» (1000).

НЕДЕЛЯ детского кино – проходила с 1965 года по 1980-е годы.

«С 1965 года по всей стране с большим успехом проходит Неделя детского кино» (СВ, 1990).

НЕДЕЛЯ детской книги, «книжкина неделя» – праздник, целью которого является пропаганда книг среди школьников. Неделя детской книги впервые была проведена по инициативе Гос. изд-ва дет. лит-ры и Всесоюзного Центр. Совета профсоюзов в 1944 году в Москве и Ленинграде. С тех пор проводится ежегодно, начиная с 1949 года – проводится в дни весенних школьных каникул.

О дет. библиотеке в Шадринске в 1949 г.: «[Неделя] детской книги... всегда проводилась в весенние каникулы. В марте 1949 г. была организована лит. игра

для учащихся 4–7 классов... Участники должны были ответить на вопросы. Кто больше назовет произв-ий. одного и того же автора? По отрывку узнать автора и произв-ие. Продолжить стихотв-ие. По определенным словам составить рассказ. По портрету узнать автора и назвать его произведение. В игре участвовало 70 учеников школ города» (Плотникова, 1999, 118).

О 1960-х гг.: «Неделя детской книги проводится в школах и библиотеках, дворцах и домах пионеров и школьников, дворцах культуры, клубах, театрах, книжных магазинах... Неделя дет. книги начинается большим и ярким праздником. В Москве Неделя дет. книги открывается традиц. праздником в Колонном зале дома Союзов, который транслируется по радио и телевидению. Во время Недели дет. книги проходят встречи школьников с писателями, организуются лит. утренники и карнавалы, лит. игры и конкурсы, выставки дет. работ (иллюстраций к любимым книгам, рецензий, отзывов, творческих работ и др.), книжные выставки, в том числе выставки-продажи, книжные базары и т.п.; в кинотеатрах и дет. театрах показываются и обсуждаются кинофильмы и спектакли, созданные по сюжетам лучших произведений дет. лит. Радио и телевидение проводят цикл передач о творчестве дет. писателей, о лучших дет. книгах года и т. п.» (Фотева, 1966, 88–89).

О нач. 1960-х гг.: «“Анна Ивановна! – возвращая книгу библиотекарше, говорила Лена. – На шестнадцатой странице был надорван уголок. Видите: теперь он подклеен. А на тридцать второй странице кто-то помазочкал карандашом. Я взяла ластик и стёрла”. “Вот умница! Ты понимаешь, что книгу надо беречь”. Поэтому библиотекарша и дала Лене билет в Дом пионеров на праздник детской книги. Туда в большинстве ходили ребята постарше: пятый, шестой и даже седьмой классы. Библиотекарша предупредила, что на праздник все придут в костюмах литературных героев» (Надеждина, 1963, 39–40).

О 1970-х – начале 1980-х гг.: «В конце марта, в дни весенних каникул, все ребята нашей страны справляют именины... Книжкины именины справляет страна! Неделя напролёт длится этот праздник. В школах, библиотеках, в клубах, в Домах пионеров, в книжных магазинах и Дворцах культуры ежедневно происходят важные события. Там устраиваются книжные выставки и базары, читательские конференции и весёлые представления, герои которых – доктор Айболит и Робинзон Крузо, Тимур и Ваня Солнцев, Том Соьер и Буратино, дядя Стёпа и Незнайка, барон Мюнхгаузен и Васёк Трубачёв. Ребята участвуют в лит. викторинах, в конкурсах на лучший рассказ стихотворение и рисунок. Часто на книжкины именины приезжают в гости писатели... Писатели рассказывают юным читателям о своей работе, о том, что они собираются написать в будущем. Радио и телевизионные передачи, полосы газет и журналов, кино и концерты – всё посвящено в эти дни книжкиным именинам... [Книжкины именины с середины 1940-х гг.] стали устраивать во всех городах и деревнях Советского Союза. Во время одного такого праздника, на его открытии в Москве, перед ребятами выступил писатель Лев Кассиль. Начал он так: “Дорогие ребята, поздравляю вас с днём книжкиных именин”. С тех самых пор Неделю дет. книги и стали называть книжкиными именинами» (Юрмин, 1983, 35).

«НЕДЕЛЯ игры и игрушки»

Из Постановления Бюро ЦК ВЛКСМ и др. орг-ций от 14 сентября 1967 г.: «Заслуживает одобрения опыт проведения в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Челябинске “Недели игры и игрушки”, содействующей пропаганде и внедрению лучших игр в практику работы школ и внешкольных учреждений» (НО, 1974, 309).

НЕДОРОСЛЬ – «В 18 [еке] в России: молодой дворянин, не достигший совершеннолетия и не поступивший ещё на государственную службу» (ЛТРЯ, 1994, 298).

«НЕДОРОСЛЬ» – комедия Д.И. Фонвизина (1745–1792), в 1950-х – 2000-х гг. входила в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (8 класс).

НЕЗНАЙКА – незадачливый, но добрый коротышка, персонаж сказочной трилогии Николая Носова (1908–1976).

Повесть «Приключения Незнайки и его друзей» была опубликована в 1954 году, Незнайка в Солнечном городе» – в 1958, а «Незнайка на Луне» – в 1964 году.

«По юмористической чистоте носовская трилогия о Незнайке близка “Мальшу и Карлсону, который живёт на крыше”. Разве не напоминает Малыш Незнайку, а Карлсон Пончика? Однако в трилогии о Незнайке есть то, чего нет у Астрид Линдгрэн – ...мысль о важности умения жить в коллективе, пафос коллективизма» (Миримский, 1999, 12).

По сказочным повестям Носова было снято несколько мультфильмов. Незнайка в 1970-е – 1980-е годы был один из «весёлых человечков» (коротышка в большой широкополой шляпе) журнала «Веселые картинки».

О девочке в Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «Читала все книги о Незнайке – и “на Луне”, и “в Цветочном городе”. Там были непонятные слова, я переспрашивала их значение у мамы. Я не хотела быть похожей на Знайку; если хотела, – то только чуть-чуть. Мне нравилось, как меняется Незнайка, как он нашел соль на планете и стал её раздавать. Незнайка был как-то ближе, понятнее, чем Знайка, и когда Незнайка менялся в сторону благородства, это обязывало меня тоже меняться, расти за Незнайкой вслед» (1001).

О 1993–1995 гг.: «Незнайка – персонаж серии книг Н. Носова “Незнайка солнечного города”, “Незнайка на Луне” и т. д., которые были моими любимыми книгами детства. Тогда мне было 8–10 лет» (009).

«**НЕЗНАЙКА на Луне**» – третья часть (1964) трилогии Николая Носова (1908–1976) о Незнайке.

О 1970-х гг.: «“Мне нравится [книга Н. Носова “Незнайка на Луне”], потому что ее прочтешь один раз, и она запомнится на всю жизнь. И бывает, я не могу заснуть, а уже поздно, читать не разрешают, и можно вспоминать книжку, и как будто читаешь. И вот вспоминаешь и уже устаешь и потихоньку незаметно для себя засыпаешь. Или сидишь где-нибудь, скучно... и вспомнишь её и сидишь как в забытьи...” (М[альчик]. 3 кл. г. Москва)» (Малахова, 1982, 41–42).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Любимых книги две: “Незнайка на Луне” Носова и “Баранкин, будь человеком”. Первую книгу я читала в более раннем возрасте, перечитывала её неск. раз. Меня захватывали фантастич. приключения маленького Незнайки. Очень нравилось описание лунных городков, маленьких коротышек. А когда Незайка попадал в какие-то страшные и, казалось бы, безвыходные ситуации, страшно переживала за него» (039).

О девочке в Шадринске в 1997–1998 гг.: «Моя любимая книга в детстве – это “Незнайка на Луне”. Я все части прочтала, это было в возрасте 9–10 лет» (130).

НЕКРАСОВ – Николай Алексеевич Некрасов (1821–1878), русский писатель. Его произведения «Генерал Топтыгин»; «Железная дорога»; «Крестьянские дети»; «Мороз, Красный нос»; «Кому на Руси жить хорошо», «Размышления у парадного подъезда» входят в число подлежащих обязательному изучению в школе.

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге во вт. пол. 1900-х гг.: «Наша мать очень любила читать мне и брату и приучила нас к книге в ранние годы... После лыж или катка зимой или лодки летом (мы занимались всевозможным спортом с детских лет), ближе к вечеру мать обычно читала нам... Так и стали моими друзьями с тех лет Катя из “Коробейников” Некрасова, дядюшка Яков, “Дедушка Мазай” и крестьянские дети и особенно Саша из поэмы Некрасова “Саша” и другой Саша из “Дедушки”. Мама читала с большим чувством, иногда со слезами» (Автобиографии, 1998, 229–230).

О 1930-х – 1950-х гг.: «[Большинство произведений Некрасова, написанных для детей.] входит в учебные хрестоматии, и знакомство с ними происходит в первые школьные годы. Они перечитываются, заучиваются наизусть...» (Алексеева, 1960, 102).

О пер. пол. 1990-х гг.: «...В школьные годы я не понял Николая Алексеевича Некрасова. И, помню, мои одно-

классники и приятели не любили его. Глаз и слух резали все эти сюсюкающие нотки, плаксивые причитания, все эти длинноты известной поэмы, которые уже тогда... ощущались как лубочные. Даже “Мороз, Красный нос” читался как-то диковато. Ещё я не понимал грубую... некрасовскую гражданскую лирику... Социальная проблематика в том возрасте воспринималась отчужденно. Но главное не в этом... Жгучесть некрасовских сюжетов не для хрупкого ума пятиклассника» (Шаргунов, 2006, 1)

НЕМЕЦКИЙ язык – язык германской группы индоевропейской семьи языков.

Преподавание немецкого языка в школе.

Об Оренбурге (Чкалове) в 1941–1942 гг.: «В школе в те годы иностранный язык начинали изучать в пятом классе... В пятом классе немецкий язык вела девушка, только что окончившая ленинградский институт и, как мы, эвакуированная в Оренбург. Шла война. На стене класса висел плакат: “Убей немца!”» (Фридкин, 2004).

О 1960–1961 гг.: «В нашей школе с четвертого класса изучали немецкий язык (“дойч”) – честно сказать, вполне безрезультатно. На исходе второго года обучения пятиклассник-переросток Валера Кажаринов на вопрос Немки (кличка): “Was ist das?” – страшным голосом заорал: “Кислый квас!”, за что был изгнан из классной комнаты в коридор, а затем перешел в ремесленное училище и вовсе канул» (Бек, 2000).

О девятикласснице в Челябинске в середине 1990-х гг.: «Она могла на уроке пустить злую шуточку в мой адрес. Делала намёки, что в десятом-одиннадцатом классе мне делать нечего. Она всегда принижала мне оценки, вскоре я потеряла интерес к немецкому языку, я возненавидела его из-за моего нового учителя, я его прогудивала и этим самым усугубляла свое положение. Было даже такое, что, возвращаясь домой в слезах, я хотела наглотаться таблеток, но мне не хватило смелости. Я ужасно переживала, но я ничего не могла сделать» (526).

О конце 1990-х гг.: «Я очень не любила урок немецкого языка. Единственный предмет, который я зубрила, был иностр. язык. Учительница нам никогда не объясняла новую тему (мы должны были самостоятельно её учить), в это время она точила пилкой свои ногти или красила их. Меня это очень раздражало, но ничего нельзя было сделать, ведь она учитель и поступала так, как хочет. На дом она задавала перевод текста страницы на две. Если мы договаривались в классе и делили текст на части (каждый переводил свою), то она не спрашивала нас по желанию. Но самое трудное – это учить наизусть темы. Если с места рассказываешь, то можно заглянуть в тетрадь, она же вызывала ученика и садила его напротив себя, и в течение его рассказа в упор смотрела ему в глаза, стараясь сбить с мысли. Если ученик забывал хотя бы одно слово, она отправляла его учить снова. Я училась хорошо по немецкому, поэтому мне приходилось вольно или невольно участвовать в олимпиадах. Здесь нашего согласия даже не спрашивали. Заносили в список, и ты обязана была явиться в назначенный день» (557).

«**НЕМЦЫ падали с балкона...**» – см.: «Немцы прыгали с балкона».

«**НЕМЦЫ прыгали с балкона...**» – инвариантная часть речитатива, сопровождающего игру с хлопками в ладоши.

О Далматово во вт. пол. 1980-х гг.: «На немецком стадионе шла немецкая война. / Немцы прыгали с балкона со второго этажа. / Первый прыгнул неудачно, второй голову сломал. / Третий прыгнул на девчонку и её поцеловал (прикрываешь рот двумя руками) / А девчонка не стерпела, кочергой его огрела (голову закрывать) / Немец тоже не стерпел, догола ее раздел (на груди руки крест-накрест) / Через годик, через два родила ему сынка (как ребенка держишь)» (Борисов, 2002–1).

О Далматово во вт. пол. 1980-х гг.: «Зубы, зубы, зубы, зубы, зубы надо подлечить (3 хлопка). / “А я боюсь” / “А ты не бойся” / “А я умру” / “Не беспокойся”. / Это было прошлым летом, двадцать пятого числа, / Немцы прыгали с балкона со второго этажа. / Первый прыгнул неудачно, второй голову сломал, / Третий прыгнул на

девчонку и её поцеловал (*закрыв губы*), / А девчонка не стерпела, кочергой его огрела (*за голову*), / А парнишка не стерпел, догола её раздел (*за плечи*). / Через годик, через два родила она сына (*на живот*), / А малыш ей говорит: “Ты не мама, а бандит” (*друг на друга пальцем*)» (Борисов, 2002–1).

Записано от девочки 10 лет в г. Иркутске в 1999–2000 гг.: «Зубик, зубик, зубик, зубик, / Зубик надо полечить! / “А я боюсь!” / “А ты не бойся!” / “А я умру!” / “Не беспокойся!” / Это было в воскресенье, / Двадцать пятого числа, / Немцы прыгали с балкона, / Со второго этажа. / Первый прыгнул неудачно, / Второй голову сломал, / Третий прыгнул на девчонку / И её поцеловал. / А девчонка не стерпела – / Кочергой его огрела. / Он летел, летел, летел, / На помойку залетел. / На помойке жил Борис – / Председатель дохлых крыс. / У него была Лариса – / Председательница-крыса» (Назаркин, 2006, 91).

«Немцы падали с балкона...»

О перв. пол. 1980-х гг.: «Игра с хлопками. “Немцы падали с балкона, / Со второго этажа. / Первый прыгнул неудачно, / Второй голову сломал, / Третий прыгнул на девчонку / И её поцеловал. / А она то не стерпела, / Кочергой его огрела / И в помойку улетела. / А в помойке жил Борис, / Председатель дохлых крыс, / А жена его Лариса – / Замечательная крыса. / Он Ларису не любил, / Взял топор и зарубил. / А Лариса ожила, / Чемодан взяла, ушла. / Написала на двери: / “Без бутылки не ходи”» (499).

«**НЕОБЫКНОВЕННЫЕ приключения Карика и Вали**» – повесть Яна Леопольдовича Ларри (1900–1977), впервые опубликованная в журнале «Костер» в 1937 году. Пользовалась популярностью у детей на протяжении многих десятилетий.

«“Необыкновенные приключения Карика и Вали” Ян Леопольдович Ларри написал в 1937 году. Повесть, предложенная Детгиздату, сперва получила отпор в виде нескольких внутренних рецензий. Автору “шили” неверный классово-идеологич. подход: недопустимо принижать образ советского человека, изображать его микроскопич. существом, описывать его борьбу с мухами, водяными пауками и сверчками-медведками – это противоречит сталинскому плану преобразования природы и заветам великого Мичурина. Заказчик повести, Самуил Маршак, проявив чудеса изобретательности, добился её публикации в журнале “Костёр”. Пресса была замечательная, повесть читали взахлёб, за 40 последующих лет она переиздавалась раз двадцать, в 1987-м была даже экранизирована (увы, очень неудачно)» (Кротков, 2005, 5).

«Однажды к известному биологу Л.С. Бергу... обратился Самуил Яковлевич Маршак с предложением написать... занимательную книжку, из которой дети узнали бы много нового о мире насекомых. Л.С. Берг переадресовал просьбу своему молодому сотруднику. В короткое время Ян Ларри написал фантастич. повесть для детей “Необыкновенные приключения Карика и Вали”, в которой профессор-биолог Иван Гермогенович Енотов изобрёл снадобье, способное все предметы быстро и значительно уменьшать в размерах. Он, Карик и Валя тоже превратились в крошечных существ. Это позволило им путешествовать в необыкновенном мире непомерно разросшихся насекомых и растений. “Необыкновенные приключения Карика и Вали” увидели свет – сперва в журнале «Костер», затем в Детгиздате отдельной книжкой. И в течение ряда лет выдержали множество переизданий» (Прашкевич, 2007, 19).

«**НЕОБЫЧАЙНОЕ приключение**» – стихотворение В.В. Маяковского. С 1950-х изучается в школе (7 кл.).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 2002–2003 гг.: «Наизусть из Маяковского учили: “Если звезды зажигают...”, вступление из стихотв-ия “Товарищу Нетте – пароходу и человеку”, отрывок из поэмы “Во весь голос”..., отрывок из стихотв-ия “Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче”» (011).

«НЕОТВОЖА – красна рожа...» – дразнилка.

О 1930-х – 1950-х гг.: «Когда дети хотят доставить кому-нибудь неприятность, чаще всего они начинают

дразниться. Кто не помнит популярных дразнилок на воображалу (“воображала хвост поджала”), на “неотвожу” в игре (“неотвожа, красна рожа”), на обжору, на ябеду (“ябеда-карябеда”), на толстяка (“жирный, жирный, поезд пассажирный”) и т. п.? Все это детский фольклор, безымянное творчество. Всё это они сочинили для себя, значит, это им нужно» (Лейбсон, 1961, 122).

О 1930-х – 1950-х гг.: «Когда детские писатели не шли навстречу стремлению детей к перевёртышам, к дразнилкам, дети стали придумывать свои собственные считалки и дразнилки, подчас не служившие воспитанию хорошего вкуса и здорового чувства юмора. (Напомним в скобках известные всем с детства дразнилки: “Жирный, жирный – поезд пассажирный”. “Неотвожа – красна рожа...”, “Тили тили тесто – жених и невеста...” и т. п.)» (Лейбсон, 1964, 202).

НЕПОЛНАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА – см.: Школа.

О 1948–1949 гг.: «Но вот подошел к концу седьмой класс. Мы хорошо сдали экзамены и закончили неполную среднюю школу. На праздничном собрании всех выпускниц... нам вручали аттестаты...» (Шендерова, 2008).

НЕПРИЛИЧНЫЕ стихи, песни и пр.

О 1970-х гг.: «[Девочка] знала множество неприличных песен, стихов и прибауток» (Коршунова, 2004, 8).

НЕПРОЛИВАЙКА – «чернильница специального устройства, из которой при опрокидывании не проливаются чернила» (Словарь, 1958–7, 113–114).

О нач. 1960-х гг.: «[Володя] вспомнил, с каким трудом всегда наливаешь чернила в “непроливайку». Учитель как-то объяснил, что это происходит потому, что под воронкой остается воздух, он давит на чернила, мешает им наполнить собой чернильницу» (БГКП, 1961, 131).

См. также: *Чернильница-непроливайка*.

НЕПРОЛИВАШКА – то же, что непроливайка.

О Свердловске конца 1940-х – начала 1950-х гг.: «Школьная чернильница была фарфоровой и называлась непроливашкой. Если ее осторожно наклонить и даже перевернуть, чернила действительно не проливались. Но если хорошенько встряхнуть, из нее выскакивала россыпь крупных тяжелых капель. В этом он убедился сам, и следы открытия навсегда сохранились на зеленом сукне письменного стола» (Дробиз, 2004).

О 1950-х гг.: «Посередине страницы расплылось большое чернильное пятно... “Да я... я чернильницу нечаянно опрокинула, – захныкала Зойка. “Как это – опрокинула? Ведь это непроливашка. Видишь, не проливается”, – и Санька положил чернильницу набок. “Да-а, так не проливается. А если немножко потрясти?”» (Воскресенская, 1962, 24).

О г. Кемерово в начале 1960-х гг.: «...Я помню... отмененный урок в первом классе, когда мы, отзанимавшиеся три часа, сидели в пальтишках и шапках на четвертом уроке, да чернила замёрзли в непроливашках, а надо было писать» (Плющев, 2004, 5)

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ дети – правовой статус детей в возрасте от 14 до 18 лет. Ср.: *Малолетние дети*.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ – отсутствие справедливости.

Несправедливость устройства мира детства.

О повести 1988 г.: «Наибольшей удачей представляется мне образ пионервожатой Альфии. Эта милая девушка, не умеющая, да и не желающая по-настоящему заниматься с детьми, [отдаёт свой отряд] на растерзание трёхглавому Дракону – трём шестнадцатилетним балбесам, которых влиятельные родители, очевидно, по звонку устроили в пионерский лагерь. Казарменно-кулачным методом Дракон (так величали юношей) “помогал” Альфии обеспечивать минимум дисциплины в отряде, получая от неё взамен свободу и привилегии, вплоть до права унижать младших. Вообще автор убедительно показал, что справедливость в “счастливой стране детства” – дело счастливой случайности. Всего лишь!...» (Прониловер, 1989, 52).

НЕСЧЁТНОЕ количество, несчитанное количество – понятие, существовавшее в детской среде

в 1950-е – 1960-е годы и означавшее самое большое число.

О конце 1950-х гг.: «“Мама, тысяча – это правда, много? – шёпотом спросил Вовка. “Много”. “А миллион больше?” “Больше”... Немного погодя [Вовка] вызывающе громко объявил на весь автобус: “А я знаю, что больше миллиона”... “Несчитанное количество”» (Сахарнов, 1961, 19).

Во воспоминаниях автора словаря, в Шадринске в конце 1960-х гг. в детской среде существовало понятие «несчётное (или: бессчётное) количество».

«НЕТ на свете краше маленькой Наташи...» – начальные слова припева появившейся не ранее 1945 года и быстро фольклоризировавшейся песни.

Автор словаря слышал песню в начале 1970-х гг. в Шадринске. «[1] Спи, Наташа, ты не понимаешь, / Отчего в тебе такая власть. / Мы победу одержали в мае, / Ну а ты в июне родилась. [Припев:] Нет на свете краше / Маленькой Наташи, / С нею нам не страшен / Серый волк в степи. / Ты закрой ресницы, / Пусть тебе приснится / Золотая птица / Спи, Наташа, спи. [2] Над тобою пули не свистели / ... / Над твоею маленькой постелью / Медвежонок крепко-крепко спал [Припев]».

В следующий раз автор словаря услышал вариант этой песни – и даже располагал записанным вариантом – в первой половине 1980-х годов в Свердловской области. К сожалению, записанный вариант утрачен. В этом утраченном варианте присутствовал и «политический» куплет (кажется, четвёртый, последний по счёту), в котором наличествовали приметы «холодной войны» конца 1940-х – начала 1950-х гг. Ни одного слова из куплета автор словаря не запомнил.

В Интернете имеется незначительное (порядка пяти) количество публикаций, так или иначе связанных с данной песней. Публикации указывают на то, что песня продолжает своё существование или, во всяком случае, существовала еще в 1990-е годы. В то же время характер публикаций и уровень приводимого в них текста не позволяет опираться на них в реконструкции песни.

«НЕУД» – «Простореч. Сокращённое название отметки “неудовлетворительно” в школе» (Словарь, 1958–7, 1226).

О 1926 году: «[Иван Николаевич] берёт в руки журнал и против фамилии Ивицкая выводит жирное “неуд”. Инка не поднимает головы. Пусть “неуд”, ведь она заслужила его. ...Учитель ставит точно такую же отметку, “неуд” или “кол” по-современному, Соне, Липе...«Доказательства? А кто получил “неуд” по физике? И по черчению? И по математике? Однако Черепок нисколько не сконфужен. “...Подружка твоя, Инночка, тоже схватила “неуд” по математике и по физике» (Шкаровская, 1963; 27, 59).

О 1930 году: «Вот выдержка из письма из города Минусинска: “...Пионер нашей группы, получив отметку “неуд”, сговаривается с другими хулиганами, и они избивают получивших “уд”...”» (Разин, 1931, 17).

О второй половине 1934 года: «Лев Литвиненко, потупясь, смотрит на свои башмаки. Причина его смущения более чем ясна: русский язык – “неуд”, арифметика – “неуд”, история, география, немецкий язык – “неуд”, “неуд”, “неуд”...”» (Вигдорова, [1953] 1969, 200).

О лете 1936 года: «Но Адель Францевну это не интересовало. На каждом уроке она грозила “неудами” и перекзаменовками... Наконец она велела всем, кто получил “неуды”, остаться после занятий и удалась, держа указку как рапиру» (Крапивин, [1971], 2001; 22, 24).

Об ученике 5 класса в селе Шатрово в 1936 году: «Сначала мне не ставили в журнал оценок за неотчет. Но через несколько дней у меня появились первые “неуды”... Я не выдержал и, наконец, признался [маме]: “Два “неуда” получил”. Никак не могу настроиться на учёбу»» (Вологин, 2003, 77).

О 1930-х гг.: «Существовал кодовый школьный жаргон... “Отл”, “удик” (“удочка”), “неуд”» (Ваншенкин, 1996, 15).

«НЕУДОБНО...» – серия выражений, обретших статус фольклорных, произносимых в ответ на чью-либо фразу «Мне неудобно...»

О девочке в 1997 г.: «Высказывания “Неудобно спать на потолке, одеяло спадывает”, “Неудобно штаны через голову надевать”» услышала примерно в 10 лет. Эти высказывания мы говорили в том случае, когда нам говорили: “Неудобно”» (139).

О восьмиклассниках в Шадринске в 2008 г. (из наблюдений во время педпрактики): «Входят в класс Лера и Катя. Катя говорит: “Чёй-то мне неудобно”. Лера ей: “Неудобно штаны через голову надевать и спать на потолке”. Разговор подхватывает одноклассник Саша: “Ага, и когда дети на соседа подожи и балконы на голову падают, тоже неудобно”» (134).

«НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО» – официальное наименование шка. оценки с 1920-х гг. (соответствовала отменной оценке “2”) до 1935 г. (была заменена на «плохо»).

См. также «Оценки»; «Неуд»; «Пара»; «Плохо».

«НЕУЛОВИМЫЕ мстители» – снятый в 1966 году фильм (режиссер Эдмонд Кеосаян), «общее место» детского сознания конца 1960-х, 1970-х и 1980-х гг. Гражданская война. Четвёрка юных героев – Валерка, Данька, Ксанка и Яшка-цыган – вступает в неравную борьбу с бандой атамана Бурнаша. Юным партизанам дали прозвище «неуловимые». Друг Бурнаша, атаман Лютый убил отца Даньки и Ксанки прямо у них на глазах. Ребята считают своим долгом отомстить злодею. Под видом сына казака Кандыбы Данька внедряется в банду Бурнаша...

Фильм, снятый по мотивам написанной в 1921 году повести П. Бляхина «Красные дьяволы», фактически был первым отечественным «вестерном». В 1967 году киноленту посмотрело 54 миллиона зрителей, фильм стал лидером проката. Воодушевленный успехом, Э. Кеосаян снял фильмы «Новые приключения неуловимых» (1968) и «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» (1971).

О начале 1990-х гг.: «Может, энтузиазм подогрелась папой, но “Неуловимые мстители” был любимым фильмом пятилетней меня. Только когда Даньку бил плёткой жестокий белогвардеец, я запырала в ванной и закрывала глаза и уши» (006).

О 1996 году: «Мой любимый фильм – “Неуловимые мстители”. Я посмотрел его примерно в 8 лет. Главные герои были действительно неуловимыми. Я пытался подражать главному герою Яшке Цыганку. Мы с ребятами часто играли в войну. Я был очень отважным игроком. Мне понравился этот фильм потому, что мстители воевали за справедливость, они были очень веселыми и находчивыми. Я смотрел этот фильм по несколько раз в день. Я бы и сейчас с удовольствием его посмотрел» (126).

О мальчике в с. Неонилинском Курганской обл. во вт. пол. 1990-х гг.: «Особенно мне нравился фильм “Неуловимые мстители”, как они боролись с преступниками банды. Сюжет особенно понравился в трактире, когда они напоили всех вином и устроили засаду» (078).

«НИ ЧИК!» – выражение, имеющее следующее значение (группу значений): «Ничего! Нормально! Преодолимо! Подумаешь! Ничего сложного! Ничего особенного! Ничего удивительного! Ну и что?»

О 1945 году: «Генка тоже набрал полный рот слюны, которая текла у него, как у верблюда в холодный день, и, желая показать незнакомцу, что он тоже не лаптем щи хлебает..., сплюнул на сторону, но... попал себе же на рукав. Собеседник сказал снисходительно... и вежливо: “Это не все умеют! Ни чик! Научись!...” Генка вытаращил глаза. “Ни чик!” Это звучало великолепно. На своем дворе он ничего подобного не слышал. И понял, что сильно отстал в своем развитии... Ему не хотелось остаться в долгу, и он сказал небрежно: “А я у противотанковых был. На лафете сидел”. “Ни чик!” – ответил незнакомец и сплюнул на метр вправо. “А на Шеронова “кагуши” стоят! В натуре!” – сказал Генка. “Ни чик!” – сказал Сарептская Горчица и сплюнул влево

на три метра, показывая, что всё доселе известное Генке ни хрена не стоит. “Меня Генка зовут. А тебя?” – спросил уничтоженный Генка, пытаясь как-то спасти свою честь. “Ни чик!” – был ответ, отвергавший гнусные посягательства Генки на дружбу... “Теперь у меня анкета на всю жизнь испорчена! – говорит Сарептская Горчица тоном обреченного, отвечая своим привычным горьким размышлениям, и добавляет: – Ни чик!”... [Генка] говорит тем же небрежным тоном, какой так идет Сарептской Горчице: “А я девочку голую видел... девку... взрослую...” “Ну? – оживляется Сарептская Горчица. – Так? – он показывает рукой до бедер от пола. – Или так?” – он показывает от головы до пояса. “Всю!” – говорит Генка торжественно. “Ну и как?” “Ни чик!” – отвечает Генка. Но рассказывает, как его спасали, как растирали, как лежала рыженькая и как у нее всё... Сарептская Горчица тяжело дышит... Вихрова сказала: “...Мы с твоей мамой... все отделения милиции обзвонили. Как же ты не подумал о том, что мама... будет беспокоиться, будет переживать...” “Ни чик!” – сказал вдруг Генка непонятно... “Не тронь!” – сказал Мишка хмуро. “Ни чик!” – сплюнул Генка... ”А уж родного языка не знать, – добавляет Вихров, – это самое последнее дело. И собака по-собачьи лает, а не хрюкает. А иной человек, своего языка не зная, тоже вроде по-собачьи лает: “железно”, “килять”, “шмара”, “ни чик!”...» (Нагишкин, [1957–1961] 1965; 228, 314–315, 321, 324, 380).

НИЖНЯЯ рубашка

«...Одежда детей старше 1,5 лет состоит из нижней рубашки, лифчика для пристёгивания резинок, тёплого или легкого костюма..., чулок, ботинок... Перед сном на воздухе вся одежда... снимается. Ребёнок остается в нижней рубашке, поверх которой надевается спец. одежда для сна (фланелевая рубашка с длинными рукавами, халатик или пижама)...» (Смирнов, 1964; 152, 185).

НИЖНЯЯ рубашка у девочек.

О середине 1930-х гг.: «Я протягиваю руку с бритвой и провожу лезвием возле самой матроски... И вдруг матроска у меня под рукой распалась, стала видна тонкая Лузочкина шея и белая аккуратная нижняя рубашечка. Круглые проймы лежали на [ключицах]» (Александрова, 1992).

НИЖНЯЯ юбка – см.: *Юбка, Нижняя юбка у девочек.*

НИТКА – «Тонко скрученная пряжа» (Лопатин, 1997, 349).

Розыгрыш «ценная вещь на нитке».

О 1946–1947 гг.: «...Генка медленно размотал катушку ниток и теперь привязывал её к чёрному ремешку маленьких красивых часиков. “Зачем это?” – спросил [7-летний] Павлуша. “Дураков ловить”, – сказал Алик... Наконец они привязали нитку к ремешку, проверили, прочно ли, и Генка сказал: “Несись, Павлуша, на улицу, мы подадим часы, положишь их на тротуар, а нитку присыплешь песком. И сразу обратно, понял? Хототать будем” Павлуша помчался на улицу, сделал всё, что они сказали, и вернулся... Из-за угла появилась женщина... Женшина заметила часы. Нахмурилась. Быстро наклонилась и... Алик потянул ниточку, часы отъехали к забору. Женшина вздрогнула. Выпрямилась, подошла к забору и, увидев мальчишек, рассмеялась. “Шалопай! У меня чуть сердце не лопнуло от радости”, – сказала она и пошла дальше. Следующим был... мужчина... Подойдя к часам, мужчина остановился, посмотрел влево-вправо и быстро наклонился. Но часы уехали, и его пальцы глубоко царапнули землю... Он... снова наклонился и хотел схватить часы. Но и теперь ему это не удалось... Долго никого не было. Павлуша хотел уже бежать домой, но тут Алик сказал: “Смотри, дядька!...”... Когда дядька поравнялся с ними, он вдруг – она остановился на нитке, наклонился и поднял часы... Генка дёрнул ниточку лопнула... [Мужчина] положил часы в карман и пошёл...» (Сабилло, 1980, 153–155, 157).

См. также *«Кошелёк на ниточке»*

Натягивать нитку поперёк дороги – вид детского озорства.

О вт. пол. 1980-х гг.: «Ещё любили на улице через асфальт между деревьями натягивать нитки на расстоянии 30 см от земли. Прикольным было, когда прохожие, не видя нитки, запинались об них» (497).

Вырывать зуб ниткой, привязанной к двери – способ удаления шатающихся и больных зубов.

О мальчиках 7–8 лет в 1915–1916 гг.: «А тут у Киньки зашатался зуб, под ним прорезался новый. Надо бы вырвать, да страшно. Кинькина бабушка позвала меня, велела постоять за дверью. Она уговорила Киньку привязать за зуб ниточку и полечить у скобки. Когда я услышал слова: “Старый-матерый, дай местечко, а сам – за печку”, дернул дверь. Кинька не успел охнуть, стоял с раскрытым ртом, а на нитке болтался его зуб» (Титов, 1965, 47).

Гадание по нитке – вид гадания, распространённый также и в детско-подростковой среде.

О семиклассниках мужской школы, пришедших в женскую школу в 1953–1954 гг.: «Толя и Димка причесались в раздевалке перед зеркалом... Толя расправил получше пионерский галстук, рукавом курточки провел по носкам ботинок и снял с плеча белую ниточку. Однако эту ниточку он не выбросил, а сразу обкрутил ею указат. палец и посчитал число витков. Их было три. Следовательно, по примете, ему предстояло познакомиться с каким-то человеком, по имени на третью букву алфавита. Видно, с Верой... Димка усмехнулся, глядя на эту операцию! (Дик, 1956, 11).

О середине 1980-х гг.: «Если у кого-нибудь находили на одежде нитку, то считалось, что по ней можно определить, кто жених. Ниточку брали и наматывали на указат. палец и проговаривали алфавит. Один круг на пальце обозначал одну букву алфавита. Буквы “ё”, “й” пропускались, так как на них нет имен. Когда было выяснено, какая буква, надо ещё выяснить, что начинается с этой буквы имя или фамилия или отчество. И точно так же наматывали нитку – эту же – на палец. Один круг – имя, второй круг – фамилия, третий круг – отчество и далее. Например, если по алфавиту выпала буква “з”, а по ФИО – имя, то значит имя жениха начинается с буквы “з”. И затем уже фантазируешь, кто может быть твой жених – например, Захар. Ещё по цвету нитки определяли, какого цвета у жениха волосы: чёрная нитка – чёрные волосы, рыжая нитка – рыжие волосы и т. д.» (514).

О середине 1980-х гг.: «Когда какая-нибудь ниточка прилипла на одежду девочки, то эту ниточку наматывали на палец (указательный) и читали алфавит. На какой букве ниточка заканчивалась, то на эту букву начиналось имя мальчика, который тебя любит. И ещё ниточку наматывали на палец и на один круг вокруг пальца прочитывали: имя – фамилия, имя – фамилия. На каком слове заканчивалась ниточка, то и узнавали на какую заглавную букву начинается имя или фамилия мальчика» (534).

О второй половине 1980-х гг.: «Наматывали нитку, которую находили на своей одежде, на палец и считали на какую букву она заканчивается и на какое число. Если четное число, то это фамилия мальчика, если нечётное, – то это имя. Если нитка светлая – светлый мальчик, если тёмная – тёмный» (537).

О 1994–1997 гг. в Шадринске: «Гадание на ниточке. Если у кого-нибудь на одежде прилипла ниточка, то обычно говорили: “жених прилип” или “невеста прилипла”. Если ниточка была белая или любого светлого оттенка, то это был блондин (блондинка), если ниточка чёрная или тёмного оттенка, то – брюнет (брюнетка), если нитка красная или оранжевая (любого солнечного оттенка), то – рыжий. Затем ниточку наматывали на указательный палец (на первую фалангу пальца), но не просто наматывали, а каждым оборотом называли букву алфавита по порядку (А, Б, В...). На какой букве ниточка закончилась, на такую букву начинается имя предполагаемого жениха (невесты). Мне было лет 10–13. Но это “шуточное” гадание по сей день бытует среди людей. Я даже иногда ради шутки, ради смеха его применяю» (113).

О девочках, девочках-подростках и девушках 10–17 лет в 1995–2002 гг. в Шадринске: «Если к одежде прилипала нитка, то это означало, что к тебе “прилип” (то есть в тебя влюбился) какой-то парень. Нитку с одежды снимали и смотрели: а) на её цвет; если светлая, то в тебя влюбился блондин, если тёмная, то – брюнет (особенно смешно было, когда прилипала нитка голубого цвета, что означало нетрадиционную ориентацию у мужчины); б) на её длину; если длинная, то влюбился высокий, а короткая – низкий. После этого по этой нитке определяли имя: нитку наматывали на верхнюю часть указательного пальца и при этом произносили алфавит. На какой букве закончилась нитка, та и была начальной буквой имени поклонника. Иногда, даже сейчас, если видишь на ком-то нитку, то говоришь: “Ой, к тебе парень прилип!” А если на себе находишь, то автоматически начинаешь наматывать её на указательный палец» (103).

О селе Глядянском в 1999–2000 гг.: «Если на себе, на одежде находишь какую-либо ниточку, то по ней гадают, как будут звать твоего молодого человека. Суть гадания состоит в том, что нужно сделать обороты ниточкой вокруг указательного пальца. При каждом обороте называть определенную букву алфавита. На какой букве закончится оборот последний, на такую букву и будут звать молодого человека. Этим гаданием мы увлеклись где-то в 8–9 классах. Да и иногда, от нечего делать, делаю это и сейчас. Просто остаются старые привычки» (106).

Загадывание желания на разрыв нитки.

О с. Затеченском Далматовского р-на в 1990–1993 гг.: «...Своеобразная гадалка-игра была с ниточками. Девочки друг другу на руке завязывали ниточки, а на ниточках – узелки, на каждый узелок нужно было загадать желание, узелков обычно завязывали три-пять. Чтобы исполнились все желания, завязанные на узелках, нужно было завязать другим девочкам по ниточке. Если было три узелка, то и ниточки нужно было завязать трём девочкам, то есть количество девочек определялось количеством узелков. После того, как были завязаны все ниточки, ниточку на собственной руке должен был порвать любой мальчик... [снова о том же] Также ещё была одна как бы мода, но в то же время гадание. На руки завязывали ниточки, причём, только девочки, мальчики в это не включались. Загадывали желания и на ниточку завязывали узелки, на каждый узелок по желанию. Чтобы все эти желания исполнялись, нужно было завязать такие ниточки ещё трём девочкам и потом ниточку должен был порвать мальчик, если желание загадывалось на какого-нибудь мальчика, то этот мальчик и должен был порвать ниточку» (474).

О Шадринске в 1994–1997 гг.: «На запястье завязывается ниточка особым способом: оборачивается вокруг запястья три раза и завязывается тремя узелками. При этом загадывается самое заветное желание, через три месяца, эту ниточку-браслет должен сорвать блондин с голубыми глазами. Только в этом случае считалось, что желание непременно исполнится» (113).

О 1998 году в селе Глядянское: «В 14 лет летом я ездила в лагерь “Янтарный”. Там меня научили различным гаданиям. Но я хотела бы описать одно из них. Бралась обычная веревочка или ниточка, завязывалась на запястье левой руки, пока её завязывали, нужно было загадать желание. Затем после этого процесса в течение трех дней нужно, чтобы эту веревочку порвал молодой человек, обязательно с голубыми или зелеными глазами и мизинцем левой руки, только тогда желание сбудется» (106).

«НИТКА на плече» – вид подшучивания над девочкой, заключающийся в задирании подола её платья.

О 1970-х – 1980-х гг.: «...Мальчик может с помощью незаметно прикрепленной к подолу формы нитки поднять его... – молча или предварив вопросом... “Были в школе и такие розыгрыши, когда парни ходили с прищепками, к которым привязывали нитку. Прищепку прикрепляли к подолу формы и, потянув за нитку, поднимали его. Эта игра начиналась в то время, когда на улице становилось тепло, и мы оставались в капроновых колготках или вообще без них” “Мальчишки прищепляли

какой-нибудь девочке на юбку прищепку, а к прищепке привязывали веревочку, нитку и перекидывали эту нитку на плечо девчонки, а затем спрашивали: «Что это у тебя на плече?» и дергали в это время за веревку, и, естественно, юбка поднималась, кругом хохотали, а “жертва” старалась чем-нибудь запустить в обидчика, либо стукнуть побольнее”. Во-вторых, мальчик может обманым путем побудить ни о чем не подозревающую девочку к совершению действия, приводящему к буквальному её “саморазоблачению”. “У мальчишек излюбленное: прицепить прищепку к подолу юбки у девчонки, причем к прищепке привязана нитка. Затем незаметно для девчонки перекидывают эту нитку через ее плечо, а потом спрашивают, что это за нитка. Она, конечно, начинает ее тянуть. Стоит хохот”. “К 5 классу мальчики придумали новую забаву. На обычную прищепку привязывалась длинная нитка коричн. цвета. Незаметно для девочки прищепка прищеплялась за подол платья сзади, а нитка ложилась на плечо, а затем говорилось с невинным видом: «У тебя нитка на плече». Девочка тянула за нитку и показывала мальчишкам то, что они хотели увидеть... (3–5 классе)”. “Юбки задирали в школе мальчишки... Иногда задирали таким способом. Рыболовным крючком цепляли подол платья, а нитку, которая была привязана к крючку, перекидывали через плечо девочки. Через некоторое время говорили: “Что за ниточка у тебя на плече?” (Обычно использовали или белые нитки, или цветные, яркие). Девочка, желая убрать нитку, начинает её тянуть, при этом подол поднимается. И все мальчишки начинают хохотать”» (Борисов, 2002, 180).

«У нас была гораздо тоньше игра... Прищепка – всё-таки надо подойти и прицепить всё... Рыболовный крючок на чёрной нитке! Поскольку форма тоже была чёрная, то нитка совершенно сливал[ась], ну, то есть она была аутентичной. И крючок прищеплялся сзади незаметно. Крючок зацепляется моментально. Нитка перекидывалась через плечо, и потом кто-то из доброжелателей говорил: “А чё у тебя?” Девочка начинала тянуть и устраивала такой...» (Из беседы Александра Гордона с автором книги «Культурно-этнография детства» (2000) С.Б. Борисовым – телепередача «Хмурое утро», канал М–1 (Москва), 15 октября 2001 г.).

См. также: *Задирать (юбку, подол платья)*.

НИШТЯК – популярное мальчишеское слово 1930-х – 2000-х гг., означающее: «нормально», «отлично», «ничего страшного», «всё хорошо» и т. д.

О нач. 1930-х гг.: «“Ох, Санька, Санька! – ...повторил я бабушкины слова. – Не сносить тебе удалой головы!..” “Ништяк-аа! – ...отмахнулся Санька и вынул из пятки занозу» (Астафьев, 1989–1, 107).

О пятиклассниках мужской школы в 1948 г.: «Приближался день рождения Сталина, и наша Марианна-Мариванна велела провести слет, посвящённый годовщине. “Пусть ребята почитают стихи, споют песни, – наставляла она меня, – а ты... сделай доклад”. Я было пригорюнился, но Герка, добрая душа, меня надоумил: “Ништяк! – сказал он, было у нас такое оптимистическое словечко. – Ништяк! У тебя настенный календарь дома есть?” “Ну, есть”. “А ты возьми страничку за этот день и перепиши...”» (Лиханов, 1995, 46–47).

О конце 1940-х гг.: «Юрка слюнил листья подорожника и заклеивал ранки. Сразу стало легче. Жжение утихло... “Полежи – и ништяк”. Слово “ништяк” тогда означало что-то среднее между “ничего”, “порядок” и “отлично”. На косогор вскарабкался расстроянный Витька и сунул кошёлку в лопухи. “Ништяк?” – спросил Юрка» (Иванов, 1985, 35).

О 1950-х гг.: «Подвальщица [официантка в столовой пионер. лагеря] осторожно разжала его кулак, отняла пучок травы и осмотрела ладонь: “Ты порезался?” – “Ништяк!” – ответил он бодрым мальчишеским словечком, вскочил и ринулся обратно в игру» (Дробиз, 2004).

О 1950-х гг. в Москве: «В первые дни я бродил по двору ошарашенный... и всё вокруг представлялось мне неестественным: ...странные угрозы..., бессмысленные словечки (“смехотура”, “спокуха”, “ништяк”)... А ведь я приехал не с Камчатки, я москвич и родился в Москве... Одноклассники мои жили в других дворах, и туда, как

мне дали понять, лишний раз не следовало соваться. “Изметелят!” – пояснил мой сосед по парте Колька Дудырин... “Изметелят? За что?” – не понял я. “А за то! – радостно ответил Дудырин и замахал в воздухе кулаками. – ...У нас ребята – во! Ништяк ребята! А у тебя свой двор, туда и ходи!”» (Алексеев, 1987, 27–28).

О нач. 1980-х гг.: «[Музыка] [школьного ансамбля] заполнила весь зал. Она неслась отовсюду. Она оглушала, опустошала голову, вытесняя все мысли и чувства. Сережа сначала почти бессознательно стал прихлопывать в такт музыке ногой, потом похлопывать по коленкам ладонями и подпевать вполголоса. Рядом сидел Фонарев и тоже, глядя на сцену оцепенело, покачивал, покачивал головой, топал ногами, изредка бормотал восхищённо: “Ништяк! Уй, ништяк!”» (Якименко, 2002, 251).

О девочке 5 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1991 г.: «Когда мой брат только начал ходить в школу, мне было очень интересно, как прошёл его первый шк. день. Я подошла и начала его доставать, он мне ответил: “Всё прошло ништяк”. В то время я подумала: какое грубое слово, неужели все школьники так общаются. И после этого у меня на время поселился страх перед школой, но вскоре это прошло» (141).

О девочке 7–9 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1992–1994 гг.: «Как-то старший брат пришел с улицы домой (где играл с ребятами) и спросил меня: “Что есть покушать?” Я сказала что (не помню что, но что-то вкусное). “Ништяк!” – сказал брат. Так он выразил удовольствие от предстоящего приятного процесса» (137).

О девочке 6–8 лет в г. Когальме в 1994–1996 гг.: «Слово “ништяк” я часто слышала от своих старших сестер. Когда к ним приходили подружки, спрашивали: “Как дела?”, сестра отвечала: “Всё ништяк”. На вопрос тепло на улице или холодно, сестры тоже говорили, что ништяк» (134).

О с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «Выражение “ништяк”, в основном, говорили мальчишки. Впервые услышала на перемене от одноклассников. Напр.: “Димыч, вчера купили новый магнитофон! Ваше ништяк! Клевая вещь!”» (154).

О девочке-шестикласснице в г. Далматово в 1998 г. «Двоюродный брат звал меня играть на стройку с его друзьями, упрямывая: “Да ничего с тобой не случится, все будет ништяк!”» (211).

О с. Половинном Половинского р-на в 2002–2003 гг.: «Выражение “Ништяк” пошло из “блатного базара”. Очень распространено у людей, которые говорят на жаргоне. Обозначает: “Было бы хорошо”; “Было бы неплохо”. Зависит от контекста. Может обозначать: “Всё будет хорошо”; “Да не беспокойся”. Примеры из разговорной речи: “Да не парься ты, всё ништяк” (“Да не беспокойся ты, всё хорошо”). Я фразу употреблял редко: в конце 11 класса и иногда, наверно, на 1 курсе института» (016).

О девочке 15–17 лет в г. Далматово в 2002–2004 гг.: «В 9–11 классах, если нас отпускали с урока, некоторые одноклассницы, говорили: “Ништяк!”. Они употребляли это слово в положительном смысле» (136).

«Когда я училась в 10–11 классах в г. Кургане в школе № 5 в 2002–2004 гг., мальчишки – одноклассники и из параллельных классов – очень часто употребляли выражение “ништяк” в разных случаях. Летом 2007 г. я работала воспитателем в детском лагере “Звездный” в г. Тюмени. Я работала с 13-летними детьми. После планерки (обычно проходили в 22.00–23.00) я пришла в свой отряд и сообщила детям, что назавтра мы едем в боулинг, на что услышала от мальчиков возглас: “Ништяк!”» (138).

«**НОВАЯ азбука**» – учебная книга для начального обучения, составленная Л.Н. Толстым.

В 1872 г. Л.Н. Толстой издал «Азбуку» – пособие для первоначального обучения грамоте, состоящее из четырёх книг. В 1875 г. Л.Н. Толстой издал «Новую азбуку» (92 с.), включавшую басни, рассказы и др. лит. произв. «Новая азбука» выдержала порядка 30 изданий, по ней учились миллионы русских детей. (ПС, 1960–1, 26)

НЯНЯ, нянька – 1. «Женщина или девушка, занимающаяся уходом за детьми» (Словарь, 1958–7, 1468).

О начале 1860-х гг.: «Мне шесть лет... Сестре Лиде пять... Няня одела нам темные капотики и белые передники» (Лукашевич, [1918] 1994, 9–10).

О 1908 году: «Но детские комнаты всегда были переполнены няньками, боннами, прислугой и детьми... Вырвавшись из-под надзора няnek, мы убежали на задний двор» (Андреев, 1966, 42–43).

О 1900–1910-х гг.: «...Нянька схватила Катю со стула и потащила в детскую... Нянька... засуетилась: “Пришла твоя учительница...!” Учительница... осмотрела детскую и сказала няньке: “Вы – нянька? Так, пожалуйста, все эти игрушки заберите и вон, куда-нибудь подальше, чтоб ребенок их не видел...”» (Тэффи, [1916] 1989; 60, 61, 63).

О 8–9-летней девочке в Москве в нач. 1930-х гг.: «Вот я просыпаюсь поздно утром... Дома никого нет. Очередная нянька – Дуся или уже Фрося? – захватив с собой Лёлю и Алёшу, отправилась куда-то в очередь добывать по карточкам еду, “продукты”, как только что стали тогда говорить» (Старикова, 2003, 244).

О середине 1940-х гг.: «Когда Петя Васильев восьмилетним второклассником с мамой и няней Дарьей Ивановной, полной, решительной старухой, вернулся в родной город из эвакуации, его поразило множество автомобилей... Но тут кончилась война. Потом, из очень дальней экспедиции, откуда-то с Севера, приехал Петин отец, геолог, где он пробыл почти всю войну... Окончив пятый класс, Петя пожелал сделаться лётчиком-испытателем... Он, раскинув руки, стремительно кружился на месте, пока не сваливался на диван, где и получал обычно увесистый шлепок от нянюшки Дарьи Ивановны за то, что “Чуть Талочку не потоптал”. Двухлетняя Наталка... бесстрашно лезла к [Пете] во время самых сложных... упражнений... Петя разбил колено и разорвал штаны. На террасе Дарья Ивановна, охая, промывала Пете колено...» (Котовщикова, 1954, 4).

О предместье Москвы – Химках в середине 1950-х гг.: «Во время... бабушкиной... болезни мать, ездившая на службу в город, подыскала мне няньку. Это была замордованная тетка, жившая в рабочем бараке у станции. Вменялось ей со мной гулять... Гуляли мы с ней так: едва... мы оказывались во дворе, моя нянька быстрым шагом вела меня в свой барак у станции, сажала на лавку и затевала стирку» (Климонтович, 2005, 3).

См. также: «*В наёмках сидеть*».

НЯНЯ, нянечка – 2. «Разг. Женщина или девушка для ухода за больными в больницах, за детьми в детских садах или яслях» (Словарь, 1958–7, 1468)

О конце 1940-х гг.: «А когда [Света] проснулась, протёрла глаза, посмотрела по сторонам, видит – нет в комнате ребят. Одна няня Нина Марковна на стуле сидит, смотрит на неё» (Баруздин, [1951], 1960, 20).

Нянька в учебном заведении – женщина, выполняющая обязанности уборщицы, вахтёра, гардеробщицы, а также подающая звонки.

О частной гимназии в 1915 году: «В половине девятого нянечки переставали пускать учениц в раздевалку, а в пальто на урок не явиська. Я помню свой номер в раздевалке – 383. Мы сами вешали свои пальтишки на вешалку и сами брали их оттуда, когда кончались занятия» (Панова, 1980, 37).

О 1944 году: «В [школьной] раздевалке [Таня] долго искала пояс от пальто и попросила нянечку его найти. Нянька шарилась по полу, перебирала калоши и заглядывала на подоконник, где всегда лежала грудка потерянных ребятами вещей: разорванные рукавички, пояса, муфточки, носовые платки» (Карнаухова, 1953, 3).

О середине 1940-х гг. в мужской школе: «Известно, что в школьный туалет, утром прибранный нянечкой, в конце дня зайти невозможно. Ну разве что в охотничьих сапогах» (Фридкин, 2003).

О конце 1940-х гг. в мужской школе: «“Меня Анна Афанасьевна послала за мелом, а нянечки на нашем этаже нет...” – весело ответил Сева» (Котовщикова, 1954, 17).

О женской школе в 1953–1954 гг.: «“Эй, нянечка, открывайте! – раздавались крики. – Впустите хоть трех человек! Что вам, жалко, что ли?” “Ребята, давайте возьмем дверь на таран!” Мальчишки дружно напирали

на дверь, за которой стояла уборщица в синем халате и укоризненно качала головой» (Дик, 1956, 117).

О 1954 г.: «Женя уже совсем решил, что нянечка забыла позвонить или потеряла звонок, а может быть, остановились большие часы на стене в коридоре, и она не знает, который час. Но тогда пусть пойдёт в учительскую – там тоже есть часы. “Нянечка, что ж вы такая глупая, часы найти не можете, как вам не стыдно!” – мысленно бранил нянечку Женя, и тут, наконец-то, зазвенел звонок» (Котовщикова, 1956, 78–79).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Казалось, что школа совсем пустая... Но в школе была хозяйка – школьная нянечка. Сегодня она ревниво хранила блеск натёртых полов и поэтому держала шк. дверь на запоре. Дверь-то на запоре, а стрелки часов движутся по циферблату, и скрепя сердце школьная нянечка повернула ключ. Дверь школы распахнулась, на пороге стоял ученик. “Ты что это в такую рань?” – удивилась нянечка и замахала на него тряпкой. “Я новенький...”, – ответил ученик... Нянечка... разрешила войти ученику в школу..., поднялась с ним на второй этаж и показала ему пятый класс “А”, где он будет учиться... Когда они шли обратно, нянечка показала новому ученику шк. буфет. “Теперь иди погуляй”, – сказала нянечка» (Карпенко, 1962, 9–10).

О нач. 1960-х гг.: «...И вот... ступеньки школьного крыльца, широкие школьные двери, шк. раздевалка с рядами вешалок и сама тетя Маруся – шк. нянечка, главная в этой раздевалке» (Могилевская, [1963] 2004, 10).

О нач. 1970-х гг.: «Лишь только успела нянечка Надежда Степановна снять руку с кнопки школьного звонка, как с шумом стали раскрываться двери классов» (Иванова, 1973, 11).

О 1970-х гг.: «Однажды школьная нянечка обнаружила в кармане сына, третьеклассника Юры, двадцать рублей» (Пояркова, 1984, 3).

«**О СМЕЛЫХ и умелых**» – книга Николая Богданова (1950). Тираж 1950 г. – 45 тыс. экземпляров, 1951 г. – 400 тыс., 1953 – 100 тыс., 1954 г. – 300 тыс., 1955 г. – 35 тыс., 1956 г. – 100 тыс., 1958 г. – 100 тыс., 1964 г. – 150 тыс., 1968 г. – 100 тыс., 1982 – 100 тыс., 1987 г. – 100 тыс.

О 1950-х гг.: «Рассказы Н. Богданова “О смелых и умелых”. Детские библиотекари говорят, что эта книга всегда в ходу и на полках её не найдёшь... Это – рассказы о войне, и героями их являются воины Советской Армии... “Смелые и умелые”, они отважно сражались за Родину.

«**ОБ СТЕНКУ**», «**об стеночку**» – игра на деньги.

О городе на Западной Двине в конце 1930-х гг.: «...В кармане позвякивали деньги... Я пошел во двор. Там я увидел Вовку. Он слонялся от безделья – подбрасывал и ловил пятак и зевал... “Сыграем об стеночку, что ли?” – спросил Вовка. “Давай” Взрослые терпеть не могут, когда ребята играют в деньги – пусть эти деньги пятаки и копейки, – и, чтоб из окон не было видно, мы зашли за сарай. Вовка стукнул пятаком о стенку сарая. Отскочив, монета легла на песок. Я примерился и несильно послал монету в том же направлении. Послал неточно – она легла в полуметре от Вовкиной, а по условиям игры “об стеночку” выигрывал тот, чья монета ложилась возле монеты соперника – чтоб пальцами одной руки можно было дотянуться до них. Растянуть пальцы на полметра я не мог, и Вовка поднял свой пятак. Он прицелился и снова стукнул ребром монеты об стенку. Пятак лег неподалеку от моего, Вовка запросто натянул два пальца, и пятак скрылся в его кармане... Сверкая на солнце, моя монета отскочила от стенки и легла на землю. Он пустил свою. Она упала далековато от моей. “Теперь моя очередь”, – сказал я. “Не торопись, еще не все потеряно!” Вовка стал на колени, одним пальцем коснулся краешка своего пятака, другой палец вытянул к моему. Наверно, полсантиметра не хватало. Палец с черной каемкой под ногтем изо всех сил тянулся к пятаку. “Смотри, пальцы разорвешь”. “Мой!” – воскликнул Вовка, коснувшись монеты. “Бери”, – вздохнул я, и в горле стало сухо. ...Несколько раз выигрывал и я. Но разве шло это в какое-л. сравнение с его игрой! У Вовки была меткость, да и пальцы его оказались до странного длинными, а кисть – точно резиновая» (Мошковский, 1965, 81–82).

320

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «Много неписанных правил было в играх. Главное: никогда нельзя было выйти из игры по своему желанию. Это касалось... и лапты, и чехарды..., но прежде всего – игр на деньги: “об стенку” и “чики”...» (Дробиз, 2004).

ОБВОДИТЬ карандашом ладонь – распространённое детское развлечение. Ладонь (с растопыренными пальцами) кладется на лист бумаги; карандашом (ручкой) обводят вокруг ладони (по контуру), на бумаге остается «отпечаток» («копия») ладони.

О конце 1860-х гг.: «Помню из времён пребывания у нас няни, что раз пришла к нам её молоденькая племянница, и она занимала нас следующим образом. Мы сидели с ней, Коля и я..., и каждый из нас должен был по очереди прикладывать ладошку к листу бумаги, положенному ею на подоконник, а она обводила карандашом растопыренные пальчики. Нам это очень нравилось, и мы просили: “Ещё, ещё”. И потом сколько раз мы просили повторить это удовольствие, но никто больше не забавлял нас таким образом» (Харузина, [1910] 1999, 31).

ОБЕЗЬЯНКА меховая – игрушка.

О конце 1920-х гг.: «Нэп был уже на исходе... Сохранилось в памяти и пленительное дрыганье на пружинке меховой игрушечной обезьяны Фоки с детенышем: “Обезьяна Фока танцует без отдыха и срока, ходит на Кузнецкий погулять, учит свою дочку танцевать. Веселая забава для детей и молодых людей!” Веселая и, видимо, дорогая забава, потому что мама упорно не замечала умильных взглядов, которые я кидал на обезьяну Фоку, и молящих – на нее. Лишь раз я был близок к осуществлению своей мечты о неутомимой танцорке: на Фоку должны были пойти остатки... суммы в десять рублей, собранные мною... на приобретение пистолета “монтекристо” и выкраденной у меня из кармана... Никогда еще “город” не слышал такого истонного рева, каким я разразился, обнаружив пропажу. Благородное оружие... уже тяжелило мне правую руку, а в левой дергалась смешная меховая Фока, и я видел себя кумиром двора» (Нагибин, 1998).

О девочках в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Тогда Тамочка принесла из спальни нашу любимую игрушку – обезьянку, ростом с настоящую шимпанзе, сделанную из натурального обезьяньего меха, у неё были яркие оранжевые глаза с чёрными блестящими зрачками, длинные руки и хвост. Галочка очень любила её. Она увидела обезьянку, и вся засветилась от радости, протянула к обезьянке руки и пошла через всю комнату к ней. Так, с обезьянкой Галочка и пошла спать» (Кубаева, 1988).

ОБЁРТЫВАТЬ – «Завёртывать во что-либо, покрывать чем-либо со всех сторон» (Словарь, 1959–8, 90).

Обёртывать тетради и учебники.

О 10-летнем гимназисте в 1905 г.: «*Петя усердно обёртывал учебники и тетради специальной синей бумагой.* Катаев, Белеет парус...» (Словарь, 1959–8, 90).

О второклассниках в 1945–1946 гг.: «Алька Фалеева... всегда тихо и ненадоедливо заботилась о Севке. Оборачивала газетами его учебники и тетрадки, давала новые перышки для ручки, умело подсказывала...» (Крапивин, 1986, 27).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Лёля чинно уселась за парту, достала из портфеля, к которому был привязан маленький ключик, тетрадки, обёрнутые в блестящую оранжевую бумагу, гранёную стеклянную вставку...» (Антонов, 1955, 39–40).

О девочке 10 лет в с. Зеленоборское в 1960 г.: «По словам моей мамы, она обёртывала книги газетами, на которые приклеивала – на варёную картошку – вырезанные фигуры (овалы, квадраты, круги) из белой бумаги, на которых писала фамилию, имя, класс, название предмета» (134).

Об учебнике англ. языка 1970-х – 1980-х гг.: «Это из красного советского учебника “по английскому”. Все помнят. Все, кто в пятом классе сред. школы попадал не на немецкий, а на английский... Так вот, каждому второму... доставался такой потрепанный, красный, с макими махровыми углами учебник. Мама обтягивала его

полиэтиленом на гладильной доске, потому что отличницы не ходят в школу с необернутыми учебниками, и надо было держать этот полиэтилен и следить, чтоб не пристал к утюгу, и не запахло на весь дом горелым ариловым киселем» (Чернышева, 2007–3, 8).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Обложки для книг, когда я училась в нач. школе, ещё не появились, поэтому мама делала обложки из обратной стороны обоев, получались белые плотные обложки, на которых мама подписывала название предмета, чтоб не перепутать учебники. Когда учебники сдавали, обложки снимались. А в старших классах мы не обёртывали учебники» (012).

О девочке 10–13 лет в г. Когалыме в 1997–2000 гг.: «Учительница по русскому языку сама наклеивала на обложку тетрадей вырезанную из (цветной) красной бумаги “пятерку” ученикам, у которых в рабочей тетради были одни “пятерки”» (134).

ОБЖ – то же, что *Основы безопасности жизнедеятельности*.

«...В шк. программе был когда-то курс нач. военной (допризывной) подготовки – НВП. В 1991 году он был отменён, на смену ему пришёл новый курс – ОБЖ...» (Григорьева, 2000, 7).

О г. Лянторе во вт. пол. 1990-х гг.: «ОБЖ в школе называли «Охрана Беременных Женчин» (женщин)» (015).

О середине 2000-х гг.: «...Самые большие претензии у родителей учащихся к учебникам по ОБЖ. Так, в книге для 7-го класса рассказывается об эрогенных зонах человека. “Прикосновение к ним вызывает сексуальное возбуждение”, – серьезно объясняет автор школьного пособия. Какое отношение имеют эрогенные зоны к основам безопасности жизнедеят-сти, остаётся неясным. В другом пособии по ОБЖ учат защищаться с помощью стола. В случае опасности следует наносить противнику “тычковые удары ножками стола или махать им вправо и влево, расчищая путь к выходу”. Интересно, пробовали ли сами авторы столь ценных советов применить свои рекомендации на практике?» (Сергеев, 2006, 22).

О школе в г. Шадринске в 2008 г.: «Кабинет ОБЖ (основы безопасности жизнедеят-сти) тематически обустроен. В нём размещены различные плакаты: “Первая медицинская помощь при травмах, ушибах, переломах”, как нужно вести себя в таких ситуациях, как половодье, терроризм, висят плакаты с военными званиями и т. д.» (138).

«ОБЗЫВАЛКА» – устойчивый текст, используемый для того, чтобы *обзывать*.

О сер. 1980-х гг.: «Обзывалки: “Дурочка-снегурочка, твой папа – дед Мороз, а мамочка – фиалочка, и ты сопливый нос”; «Ленка-пенка-колбаса, жарена капуста, съела мышку без хвоста и сказала “вкусно”»; “Ленка – драное коленко”; “Это ты, а я кто?”; “Глиста в скафандре”; “Унитаз с рулем”; “Педальный унитаз”; “Лысяя башка, дай пирожка”; “Толстая бочка, родила сыночка, не хотела пятого, родила десятого”; “Беззубая кандала, кому зубы продадала?”» (495).

ОБЗЫВАТЬ – «Разг. Называть обидным именем, давать кому-, чему-либо бранное, оскорбительное название» (Словарь, 1959–8, 135).

О школьниках в середине 2000-х гг.: «Как обзывают девочек. Интеллект: лохушка, дура, дуся, маня, кондукторша... Внешность: мырма, крыса, клавишффер, таракан в лифчике, бритниспирс... Моральные качества: гримза, шлында, лямза, стукачка... Секс-комплексы: шалава, просигутка..., мочалка... Как обзывают мальчиков. Интеллект: баклан..., ботан, лох... Внешность: прыщавый, длинный... Моральные качества: зудень, злыдень...» (Куликова, 2005–7, 49).

См.: «*Обзывалка*».

«ОБЛАКА – белогривые лошадки...» – популярная песня на слова Сергея Козлова и музыку Владимира Шаинского из мультфильма «Трям! Здравствуйте!» (1980, режиссер Ю. Бутырин).

Текст: «[1.] Мимо белого яблока луны, / Мимо красного яблока заката / Облака из неведомой страны / К нам спешат и опять бегут куда-то. [Припев:] Облака – белогривые лошадки. / Облака, что вы мчитесь без оглядки? / Не смотрите вы, пожалуйста, свысока, / А по

небу прокатите нас, облака. [2.] Мы помчимся в зоблачную даль / Мимо гаснущих звёзд на небосклоне. / К нам неслышно опустится звезда / И ромашкой останется в ладони. [Припев:]»

«Когда мне было лет 14–15, это были 1998–1999 гг., я жила в р.п. Каргаполье, мне очень нравился мультфильм “Трям, здравствуйте!” Главными героями там были медведь и ёжик. Сюжет мультфильма я плохо помню. Но мне до сих пор нравится песенка, которая исполнялась в конце мультфильма. В конце мультфильма медведь и ёжик катаются на облаках и перебрасывают букет ромашек друг другу, исполняя эту песенку. Я и сейчас очень часто напеваю её, когда хорошее настроение. А слова такие: “Облака – белогривые лошадки! / Облака! Что вы мчитесь без оглядки? / Не смотрите вы, пожалуйста, свысока, / А по небу прокатите нас, облака!”» (013)

О Шадринске в 1989–1991 гг.: «Песню “Облака” я услышала примерно в 4–5 лет в мультипликационном фильме из серии про ёжика и медвежонка. В детском саду мы пели её хором на занятиях музыки» (012).

ОБЛАМЫВАТЬСЯ – (молодежно-подростковой лексике) глагол, звучащий обычно в прошедшем времени («обломался») и означающий констатацию того, что желаемое событие не осуществилось.

О девочке 14 лет в Шадринске в 2000 г.: «Слово “обламываться” я услышала в школе от своих мальчиков-одноклассников. Когда кто-то пытался что-то сделать, напр., открыть окно в классе, а в этот момент заходил учитель и говорил: “Не трогай окно, будет сквозняк, на следующей перемене проветрим!”, кто-то говорил: “Обломался!” или “Побрился!” и посмеивался. До сих пор иногда употребляю это слово относительно себя и друзей» (132).

О девочке 14 лет в Шадринске в 2001 г.: «Когда мне было 14 лет, я употребляла в своей речи глагол “обламываться”. Обламываться – это значит: например, если мы с друзьями собирались отметить день рождения у именинника дома без родителей, а родители вдруг внезапно меняли решение уходить из дома, то мы “обламывались” с вечеринкой. И мы говорили друг другу: “Ну всё, обламываемся с вечеринкой!” Обламываться – оставаться неудовлетворенным возникшей ситуацией» (135).

О педпрактике в 2008 г. «Во время проведения практикантами мероприятия в актовом зале, Лена А. (15 лет) отвечала всем, кто её просил уступить место для участия в конкурсе: “Обломайся!”» (135).

ОБЛОЖКА для тетрадей – см.: *Обёртывать тетради*.

ОБЛОМ – 1. (жарг.) Неудача. См.: *Обламываться*.

ОБЛОМ – 2. (жарг.) Избиение.

О выборах классного организатора у шестиклассников в присутствии классного руководителя в школе в нач. 1950-х гг.: «Но вдруг мы заметили суету на задних партах. Какая-то бумажка пошла гулять по классу, заставляя мрачнеть лица тех, кто в неё заглядывал. Я быстро перехватил её и вслух прочитал: “Кто не будет голосовать за Чернышёва, тому устроим облом”... “Когда ты, Недопекин, научишься частицу не с глаголом писать отдельно?” – обратился я к автору записки, которого сразу узнал по... почерку... Ребята весело засмеялись, а Владимир смутился и...опустил голову. “И как понять твою угрозу? – продолжал я. – Значит, ты будешь избивать всякого, кто станет голосовать не за твоего кандидата?... Наши школьники – не крепостные, а полноправные граждане самой свободной в мире страны. Поэтому не размахивай, Недопекин, кулаками. Со всеми тебе не справиться, и никого ты не запугаешь”» (Синяев, 1953, 24–25).

«ОБЛОМИСЬ» – подростковая игра с поцелуями.

О пос. Уренгой в середине 1990-х гг.: «Также мы любили на вечерах в школе или у кого-нибудь на дне рождения играть в игру “Обломись”. Садилась в два ряда, на одном – девушки, на втором – парни. Затем каждый ряд договаривается, кого выберет из соседнего ряда или жеребьевкой и после этого мальчик из соседнего ряда подходит к девушке, которая, как ему кажется, его выбрала, возле неё топает ногой. Если он не угадал, она говорит: “Обломись”. А если он угадал, он

целует её в щечку, и так все. Девушки при этом могут строить глазки выбранному молодому человеку, а могут, наоборот, оказывать свою непричастность» (550).

«ОБМАКИВАТЬСЯ» – то же, что *«макать»*

«ОБМАНУЛИ дурака на четыре кулака...» – дразнилка, активно циркулировавшая в детской среде в конце XIX и на протяжении всего XX века.

Текст, записанный в конце XIX в.: «Обманули дурака / На четыре кулака, / На пятое стуло, / Чтоб тебя раздуло! / На шестое – колесо, / Чтоб тебя разнесло!» (цит. по: РДФ, 1997, 316).

О мальчиках 9–11 лет в Одессе 1905 г.: «“Слышь, Петька... Ешь землю, что не скажешь!”... Петя зажмурился и начал старательно жевать землю... Петя вытер язык рукавом и сказал: “Ну?” “Чего?” “Ну, теперь скажи”. Гаврик вдруг злобно посмотрел на приятеля, с ожесточением согнул руку и сунул заплатанный локоть Пете под самый нос: “На! Пососи!”... “Я ж землю кушал!” – проговорил [Петя], чуть не плача. ...Гаврик, присев на корточки, завертелся юлой, крича оскорбительным голосом: “Обманули дурака на четыре кулака, на пятое стуло, чтоб тебя раздуло!” Петя понял, что попал впросак: никакой тайны у Гаврика, разумеется, не было, он только хотел над ним посмеяться – заставить есть землю!.. “Ничего, сволочь, попомнишь!” – с достоинством заметил Петя, и приятели продолжали путь как ни в чем не бывало. Только иногда Гаврик вдруг ни с того ни с сего начинал дробно стучать босыми пятками и петь: “Обманули дурака / На четыре кулака, / На пятое стуло, / Чтоб тебя раздуло!”» (Катаев, [1936] 1961).

О Москве в 1930-е гг.: «Процветали малые “поэтические” жанры... “Ероплан летит, мотор работает...” ...В эту же “поэтическую” антологию входили и “Обманули дурака на четыре кулака, а на пятый стула, чтоб тебя раздуло...”» (Топоров, 1997, 27).

О 1936 г.: «И у Искры было такое лицо, как тогда, когда мы ей пели: “Обманули дурака! На четыре кулака! А на пятый стуло...”» (Козырева, 1990, 88).

Текст 1940-х гг., зафиксированный в Заонежье (Карелия) и Мехонском районе Курганской области: «Обманули дурака / на четыре кулака! / Ещё бы кулак, / был бы полный дурак!» (ДПФ, 1997, 315).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Вечером брат хохотал и подпрыгивал на одной ноге, напевая дразнилку: “Обманули парняка / На четыре кулака. / Ещё бы кулак – / Был бы Тишка дурак”. Тишка не выдержал, схватил с земли палку и запустил в Славика... “Ещё бы кулак – / Был бы Тишка дурак”, – повторил Славик самые обидные строчки...» (Фролов, [1976] 1985, 40).

О нач. 1970-х гг.: «Они проходили мимо киоска с мороженым. Мальчик вдруг остановился... “Мороженого хочу”... Петр Матвейч... достал деньги, протянул их продавщице и получил взамен две твердые холодные пачки: “На...” Но мальчишка был уже далеко. Он прыгал от восторга, смеялся и показывал Петру Матвейчу всё тот же длинный красный язык: “Обманули дурака на четыре кулака!” Петр Матвейч выбросил мороженое в урну и, не оборачиваясь, пошёл по улице» (Курляндский, 1977, 111).

О середине 1980-х гг.: «Были и такие случаи, когда хитрили в игре, но, естественно, об этом говорили позже: “Обманули дурака / На четыре кулака. / Ещё бы пятак, / Был бы полный дурак» (537).

Записано в пос. Тикша Муезерского р-на от девочки 7 лет в 1998 г.: «Обманули дурака / На четыре кулака. / Всем по ириске, / А ему очистки» (Лойтер, 2005, 199).

ОБМЕН – см. *Меняться*.

ОБМЕН «втёмную» – *Меняться втёмную*.

ОБМОРОК – внезапная потеря сознания, вызываемая болезненным состоянием или сильным душевным потрясением.

О десятилетней девочке в частной гимназии в 1915 г.: «В половине девятого нянечки переставали пускать учениц в раздевалку... Во втором этаже был большой зал, и в нем большая, во всю стену, картина – Христос, благословляющий детей. Каждое утро ученицы выстраивались шеренгами перед этой картиной-образом и пели молитвы. Хор был довольно слаженный, и петь нам

нравилось. Однажды во время этого стояния и пения у меня закружилась голова, я ухватилась за девочку, стоявшую рядом, но не удержалась и упала. Очнувшись в кабинете начальницы, Софьи Яковлевны Любимовой. Оказалось, что у меня был обморок, и меня туда перенесли и уложили на диван. Девочки стояли кругом и серьезно смотрели на меня. Потом пришла сама Софья Яковлевна, спросила, в чем дело, и сказала, чтобы я больше не ходила на утреннюю молитву» (Панова, 1980, 37–38).

О 1910–1916 гг.: «В гимназии... мама проучилась недолго, после чего отец поместил её в Екатерининский институт благородных девиц... Институт мама ненавидела – решительно всё, начиная от формы, классных дам, муштры, казённой обстановки и многочасовых стояний в церкви, вызывало в ней протест. Эти длинные ежедневные службы девочки выдерживали с трудом и нередко падали в обморок» (Баранович-Поливанова, 1999).

О первоклассниках в 1954 г.: «...Не каменная, а деревянная половина города. И дети оттуда были... рванью. Форменной одежды... у них не было, и даже некоторые приходили просто в галошах на босу ногу. Лица у них были бледные и битые... И они писались на уроках, или у них шла носом кровь, и они вываливались, упавши в обморок, в проходы между рядами парт... И было их – подавляющее душу большинство...» (Юрьенен, [1983] 1992).

О середине 1950-х гг.: «Нас на уроки физкультуры водили... весной, в сад Прямыкова... Ну вот, мы приходим один раз, а там шестьдесят пятая, в волейбол играют, через сетку... И вот там я впервые его вижу... Он бегаёт, смеется, мяч подаёт, – чем-то выделяется, не такой, как все, лёгкий мальчишка, часы на руке, а часы тогда ещё в редкость, – ну, как в таком возрасте: часы, – и ты уже влюблена. Но тут не в часах было дело... Я будто окаменела. А он мне подмигнул: мол, смотри, я их сейчас сделаю. И правда, вильнул, обманул и помчался опять впереди всех по площадке. А со мной обморок, клянусь, удар, сроду такого не случалось. Лорка, моя подруга... поддержала, спасибо, а то я бы грохнулась: “Аля, ты что?” И ведь мы еще девчонки совсем, по четырнадцать лет» (Рошин, 2002, 77–78).

О 13-летней девочке в 1978 г.: «О менструации я узнала от соседок-девочек (старше меня на 2–3 года) с улицы, которые говорили о том, что бывает кровь. Для меня это было шоком, я страшно боялась, что “это” может со мной произойти. ...Когда в 13 лет у меня пришли первые месячные, я упала в обморок. Эти обморочные состояния продолжались каждый раз. Помню, что меня долго обследовали врачи, ставили разные диагнозы, беседуя со мной. Я же сейчас, анализируя ситуации, считаю, что психологически не была подготовлена» (581).

О конце 1970-х гг.: «...Пионерские линейки... В январе, когда умер Ленин, и уже в апреле, в день его рождения, все классы строились шеренгами в спорт. зале... Линейки пионерские начинались всегда рано утром, ещё до уроков. За окнами зала ещё бродили сумерки... С утра мало кто успевал поесть, и поэтому стояли мы в шеренгах натошак; помню это голодное ощущение, когда рот затекал безвкусной слюной... И начиналась линейка. Трубил горн... Воспаряла барабанная дробь... Бывало, на линейке кому-то делалось плохо, и падали в обморок прямо лицом об пол. Чаще всего случалось это с девочками. Но линейкой не останавливали – и этот миг был самый торжественный, жуткий: к упавшей или к упавшему подбегала учительница, помогала подняться, давала платочек утереть разбитый нос и, прячась за шеренгами учеников от недовольного цепкого взгляда Аллы Павловны, бесшумно уводила в медпункт» (Павлов, 2004, 3).

ОБОДОК – небольшой обруч для скрепления волос. См.: *Обруч (3)*.

ОБОЖАНИЕ – преувеличенно-восторженная сентиментальная влюбленность, сильное любовное преклонение. Обожание более старших воспитанниц и мужчин-преподавателей было распространено в институтах благородных девиц.

О 1880-х гг.: «...Каждого учителя у институток было принято “обожать”. Это обожание выражалось очень оригинально. Вензель “обожаемого” вырезывался на крышке попитра, или выцарапывался булавкой на руке, или писался на окнах, дверях, на ночных столиках. “Обожательница” покупала хорошенькую вставочку для его урока, делала собственноручно *essuie-plume* (вытиральный для перьев) с каким-н. цветком и обертывала мелок кусочком розового клякспапира, завязывая его бантом из широкой ленты. Когда в институте бывали лит.-муз. вечера, обожательница подносила обожаемому учителю программу вечера на изящном листе бумаги самых нежных цветов. В Светлую Христову заутреню ею же подавалась восковая свеча в изящной подставочке и также с неизменным бантом. Иногда неск. человек зараз обожали одного учителя. В таких случаях они разделялись по дням и каждая имела свой день в неделю, как бы дежурство: в этот день она должна была заботиться о своем кумире. Бывало и так, что никто не хотел обожать какого-нибудь уж слишком неинтересного или слишком злого учителя, – тогда его разыгрывали в лотерею и получившая билетик с злополучным именем должна была поневоле принять учителя на свое попечение и стать его ревностной поклонницей. Учителя знали, разумеется, об этой моде институток и от души смеялись над нею. Так, Вацель, получая неудовлетворительные ответы от обожавшей его одно время Бельской, говорил с печальным комизмом в голосе: “Эх вы, синьорина прекрасная! И когда только вы свои уши в руки возьмете да слушать меня на уроках будете, а еще обожаете! Хороша, нечего сказать!” “И вовсе я вас теперь больше не обожую, – “отрезывала” Бельская, – вы всё путаете, Григорий Григорьевич, сколько раз я вам говорила: не я... а Хованская... Я ей передала вас с тех пор, как вы мне нуль поставили”. “Ах, извините, пожалуйста! – комически раскланивался Вацель. – Так, значит, уж передала? Ловко же вы мною распорядитесь, девицы!”» (Чарская, [1904] 1993, 177–178).

О конце XIX века: «Ходили туда до “спуска газа” и парочки “коридорных союзов”, то есть старших воспитанниц вторых-первых классов с их “обожательницами” из средних отделений. Обожание всё ещё было в большом ходу в институтских стенах. Младшие бегали за старшими, кричали им вслед: “душка, ангел, прелесть, божественная” и по двадцати раз в день подбегали пожелать доброго утра. Средние же воспитанницы считали для себя позором “обожать” старших. Они “союзничали” с ними, то есть клялись им в вечной дружбе, писали им стихи в альбомы, выцарапывали булавкой вензеля старших, а старшие – средних на руке, повыше кисти, а главное, устраивали с ними свидания, несмотря на строгое запрещение начальства, и в коридорах, и на церковной паперти...» (Чарская, 1906, 266–267).

Об институте благородных девиц в Вильнюсе в 1890-х гг.: «“Послушай... – подходит ко мне Люда. – Ты – Шура, да?...” “У нас к тебе просьба! – перебивает ее Аня. – Понимаешь, мы пансионеры, мы живем здесь, в институте, всегда. И у нас очень мало окурков!” “Вот ты живешь дома – собирай для нас окурки, а?”... “Вы курите?” – спрашиваю... “Нет, мы с Людой не курим, – снисходительно улыбается Аня. – Мы для Антона окурки собираем”. “Потому что мы его обожаем! – торжественно заявляет Люда. – Он – дуся, дивный, правда?” Я молчу. Антон не кажется мне ни “дусей”, ни “дивным”. Просто... старик... “И еще мы хотели просить тебя... – вспоминает Аня. – Кто живет дома, у того всегда много цветных тесемок от конфетных коробок. А у нас здесь, в институте, откуда возьмешь тесемки? Мы сегодня перевязали окурки для Антона, – видела, какой красивенький пакетик получился? И, представь, последняя ленточка! Больше у нас ни одной нет”. “Приноси нам, Шура, окурки и конфетные тесемочки!” “И, смотри, никому ни слова! То есть девочкам – ничего, можно. А синявкам ни-ни!” Я не успеваю ответить, потому что в класс вливается большая группа девочек... ...Люда и Аня... говорят мне...: “Так мы будем ждаты. Да? Принесешь?” И убегают. “Это что же ты им принести должна?” – строго допытывается у меня Меля.

“Да так... Глупости...” – мямлю я. “Ох, знаю! – И Меля всплескивает руками. – Они ведь Антона, истопника, обожают! Наверно, пристали к тебе, чтобы ты из дома окурки носила?...” “А, кстати, – вдруг соображает Меля. – Надо и вам кого-нибудь обожать! Кого вы, пичюжки, обожать будете?” “Я – никого! – спокойно отзывается Люда. – Моя мама училась в Петербурге, в Смольном институте, она мне про это обожание рассказывала... Глупости все!”... В эту минуту в класс вбегает Оля Владимировна... Она вбежала в класс, поспешно выложила всё из сумки в ящик своей парты и почти бегом направляется обратно к двери в коридор. “Владимировна! – окликает её Меля. – Ты – обожать, да?” “Да!” – отвечает Оля, стоя уже в дверях класса. “А кого?” – продолжает допытываться Меля. “Хныкину, пятиклассницу. Ох, медапочки, какая она дуся!” – восторженно объясняет Оля. – Её Лялей звать – ну, и вправду такая лялечка, такая прелесть! А Катя Мышкина обожает её подружку, Талю Фрей, – мы с Мышкиной за ними ходим...” – И Оля убегает в коридор. “Пойдем, пичюжки!” – зовёт нас Меля. – Надо вам посмотреть, как это делается. Мы выходим в коридор, идем до того места, где он поворачивает направо – около директорского стола, – и Меля... показывает нам...: “[Вот они!]” Идут по коридору под руку две девочки... “Хныкина и Фрей!” – объясняет нам Меля... – А за ними – наши дурынды... В самом деле, за Хныкиной и Фрей идут, тоже под ручку, Оля Владимировна и Катя Мышкина. Они идут шаг в шаг, неотступно, за своими обожаемыми, не сводя восторженных глаз с их затылков. “Это они так каждый день ходят?” – удивляется Варя Забелина. “Каждый день и на всех переменах: на маленьких и на больших... Ничего не поделаешь, обожать!” И вы выбирайте себе каждая кого-нибудь из старшеклассниц – и обожайте!” ...Обожательницам не до еды; сразу, как прозвонят на перемену, они мчатся сломя голову к тем классам, где учатся их обожаемые. А потом ходят за ними. Ходить вовсе не так просто. Надо это делать внимательно: обожаемые остановились и обожательницы тоже останавливаются. Надо ходить скромно, не лезть на глаза, ничего не говорить, но смотреть зорко: если у обожаемой упала книга, или платочек, или еще что-нибудь, надо молниеносно поднять и, застенчиво потупив глаза, подать... “Шаг в шаг, шаг в шаг!” – объясняет Меля. – Зашли обожаемые зачем-нибудь в свой класс, – стойте под дверью их класса и ждите, когда они опять выйдут. Зашли они в уборную, – и вы в уборную!...” ... “А потом, – говорит Меля сурово, – надо ведь еще подарки делать! Цветочки, картинки, конфетки, – а ну их к богу!...” ...Вообще, в описании Мели, обожание – вещь не веселая, и нас это не прельщает. “Вот учителей обожать легче! – продолжает Меля. – Это все делается...” Ходить за учителем, который твой обожаемый, не надо. А если, например, сейчас будет урок твоего обожаемого учителя, – ты навязываешь ему ленточку на карандаш или на ручку, которые у него на столе лежат. И еще ты должна везде про него говорить: “Ах, ах, какой дивный дуся мой Федор Никитич Круглов!”» (Бруштейн, [1958], 1964, 299–302).

О Харьковском институте благородных девиц в 1916–1917 гг. и о советской школе: «Специфической особенностью институтского быта считается “обожание”. Е.Н. Водовозова изображает обожание как явление уродливое, нелепое, смешное, искусственное и вместе с тем широко распространенное в институтской среде. В мое время в нашем институте “обожание” было явлением совсем незаметным. Я бы даже сказала: “Его не было”. Но я “обожала”... [Мурочке Вольской] было 17 лет, мне 11. Мне она казалась существом высшим, отрешённым от всего пошлого, низменного и даже обыденного... Однажды она шла по классному коридору с подружкой, а я на некотором расстоянии шла с Женей Лубовой сзади. Я сделала шаг-два вперёд, взяла кончик Мурочкиной косы и поцеловала его... Я не помню, чтобы я думала о Мурочке, когда я её не видела. Но она жила в моей душе как нечто светлое, прекрасное, возвышенное, одухотворяющее и обогащающее моё существование. Внешне моё “обожание” выражалось в том, что в день своих именин я

ставила на стол её класса кусок торта с надписью “Мурочке Вольской от Тани Морозовой”, а в день её рождения или именин я просила маму купить торт или цветы и прямо через швейцара отправить Мурочке от моего имени... таковы были доступные мне, очень скромные и кажется, совершенно невинные проявления моего обожания... Я убеждена, что “обожание” имеет место в среде любого учеб. заведения. В институте оно усиливалось замкнутостью жизни и бедностью серьезных внешних впечатлений. По опыту собственной восьмилетней работы в средней школе знаю, что и советскую школу не миновала влюбленность юных в старших, трогающих молодое воображение, несущих в себе зерно прекрасного или кажущихся воплощением идеала» (Морозова, [1994] 2001, 452–253)

Об обожании ученицами учительниц: «В 1943–45 годах школы были с раздельным обучением. Это было очень скучно. Девочкам без мальчиков было очень скучно, и приходилось всячески изодраться, чтобы ломать эту скуку. Происходили и совсем нелепые вещи. На педсовете обсуждали поведение молодой учительницы Данилиной, которая позволила себя “обожать” ученицам. Одна из них... не только “обожала” Инну Дмитриевну Данилину, но и получила от неё на день рождения флакон духов с надписью: “Хочу, чтоб мой пушистый был душистый”. Все наши учителя возмущались “антипедагогич. деят-стью” Данилиной... И на педсовете решили, что Данилиной надо уйти из школы... И она ушла... Девчонки “обожали” учительниц. Мужчин-учителей почти не было... А мальчики были в другой школе. Конечно, и в них влюблялись, но это был уже криминал. У меня тоже были такие “обожательницы”. С одной из них мы и сейчас друзья... Когда она кончала 10 класс, я была ещё старшей пионервожатой, а она секретарь комитета комсомола. Разница в возрасте у нас была всего 6 лет» (Кротова, [1996]).

«ОБОЗНАТУШКИ» – вариант игры в прятки.

О Мосееве во вт. пол. 1920-х гг.: «Жмурки и прятки не требуют пояснений. Интересны были варианты прятков – “обознатушки”, когда прячущиеся менялись какой-либо частью одежды, дабы водящий назвал не то имя и продолжал водить, а также “двенадцать палочек”» (Федосюк, 2004, 16).

По воспоминаниям автора словаря, в Шадринске в начале 1970-х гг. при игре в прятки элементы маскировки под другого игрока использовались стихийно. Если водящий (галящий) поддавался на обман и называл имя не того, кто прятался, играющие кричали: «Обознатушки-перепрятушки», после чего водящий должен был водить заново.

ОБОРОНО-СПОРТИВНЫЙ лагерь – см.: *Военно-спортивный лагерь*.

ОБРАЗ – икона.

О школе 1860-х гг.: «Наш класс помещается в большой комнате... В одном углу комнаты висит образ, в другом – стоит круглая печка, в третьем – шкаф для учебных вещей, а в четвертом – классная доска» (Ушинский, [1864] 1949–6, 114).

«ОРЛЁНОК» – марка детского двухколёсного велосипеда, выпускавшегося в 1950-е – 1980-е годы.

О перв. пол. 1950-х гг.: «А недавно Занозин сказал при матери, что купит Антою велосипед “Орлёнок”. Иметь собственный велосипед было давней мечтой мальчика... Мальчик загрузил. Видимо, не суждено было осуществиться его мечте, не иметь ему стремительного “Орлёнка”» (Гамолка, 1956; 41, 42).

О 1958 году: «“Я бы велосипед “Орленок” купил. Ну и Васке пуд конфет – пусть ест их и не таскается за мной”» (Сластников, 1963).

О конце 1950-х гг.: «Вовё купили велосипед “Орлёнок”. Вскоре он увёз его на дачу. Так и не видели во дворе “Орлёнка”. Когда Вова вернулся с дачи, он сразу же потащил свой велосипед во двор. Вмиг Вову обступили ребята. “Вот это машина!” “Дай прокатиться!” ...Вова... мрачнее: велосипед ведь дорогой, портится от езды. И тут блестящая мысль осеняет Вовину голову: “Хочешь кататься – плати. Три копейки за круг!” Вот

уже выстроилась очередь, а в кармане предприимчивого владельца весело побрякивают монеты...» (Бурцева, 1961, 62).

О 1950-х – нач. 1960-х гг.: «На день рождения Андрейке подарили велосипед “Орлёнок”. Синий, с блестящими щитками на колёсах, со звонком и даже с запасной камерой. Ну точно такой, каким они с отцом накануне любовались в универмаге... И вот “Орлёнок” стоит перед своим повелителем. А когда Андрейка выкатил свой подарок во двор..., слетелись со всего двора ребяташки посмотреть на новый Андрейкин велосипед: деловито ощупывали покрышки, кожаное сиденье, вертели рулём... Наконец он неторопливо поднялся в седло, нажал на педаль и покатил кругами по двору. Тихо и плавно шуршали новые колёса, а руки сразу почувствовали приятное напряжение и лёгкое подрагивание» (Буцень, [1959–1966] 1977, 122).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «“...Разве... нельзя найти целый мешок с деньгами?” “Ого...! Жирно будет!” “И ничего не жирно! Как раз хорошо. И коньки купим, и велосипед “Орлёнок”» (Печерский, 1963, 476–477).

О первой половине 1960-х гг.: «Витяй сел у окна и задумался. Он стал раздумывать над тем, что бы ему лучше купить, когда накопит денег. Неплохо было бы, например, приобрести подростковый велосипед “Орлёнок” со свободным ходом, тормозом и динамкой на колесе, как у Валерки из седьмой квартиры. Такой продавали на Некрасовской в “Спорттоварах”. Или мотороллер...» (Минчковский, 1966, 83).

О первой половине 1960-х гг.: «В этом году мы с Валенкой перешли в четвёртый класс, и папа пообещал подарить нам подростковый велосипед. Мы, конечно, радовались, но, когда дело дошло до покупки, заспорили. Мне хотелось, чтобы купили “Ласточку”, а Валенка ни за что не соглашался и требовал “Орлёнка”. “Велосипед на двоих”, – говорю я. “А я на девчоночий и садиться не стану! – кричит в ответ Валенка. – Раз на двоих, – значит, пусть “Орлёнок”!” ... “Всё равно не сяду на “Ласточку”, – продолжал он. – Хоть зарежьте, не сяду!”... Нам купили “Орлёнка”. Он был такой красивый, весь красный и блестящий, а разные фонарики, звонки и сигналы так и сияли на раме. И я больше не жалела о “Ласточке”» (Минчковский, 1966, 122–123).

О перв. пол. 1960-х гг.: «А Пышта [второклассник Павел], не переводя дыхания, продолжал: “А из стали много всего понаделают! И у каждого человека будет велосипед “Орлёнок”!» (Цюрупа, 1966, 12).

О 1970-х – нач. 1980-х гг.: «Вадику купили велосипед. Двухколёсный... Мы увидели пыльные кружочки и чёрточки “Ясно, – сказал Бедж. – Судя по отпечаткам, машина марки “Орлёнок”. “Верно!” “Только у нас не машина, а велосипед”... “Велики относятся к классу машин...”» (Гиневский, 1985, 44).

«ОРЛЯНКА» – игра на деньги. Время достоверного бытования – 1880-е – 1950-е годы.

О 1880-х гг.: «Мальчишки играли в чижики, в чушки, ездили верхом друг на дружке... У другой стены стоит кружок, играют в орлянку, у каждого игрока в ладони столбиком слипшиеся семишники, трешники. Тот, кому очередь метать, бьёт пятаком об землю, подошвой притопнет в пятак, шаркнет его, поднимает и мечет высоко: орел или решка?...» (Толстой, [1919–1922] 1984, 77).

О 1890-х гг.: «Мальчишки с улицы поссорились между собой. Перебранки и даже браки возникли у них за игрой в орлянку, в карты или когда кто-нибудь переманивал у другого породистых голубей» (Маршак, [1962], 1987, 490).

О конце XIX – нач. XX вв.: «На Голоуховой улице... затеялась орлянка, катанье яиц, игра в бабки. Тут же, на солнышке, успокоился Оська Слон; расхлестнулся он прямо на дороге, лицом в землю, и переливисто всхрапывал. Рубаха с горошками задрана, спина и босые ноги в грязи. Чугунные плитки и калитки со свистом летают мимо. Орлянички вступили в драку, галдят – ничто Оське не мешает» (Касаткин, [до 1939] 1991, 37).

О 14–15-летних ребятах в июне 1941 г.: «Солнечным утром [во двор] пришел участковый милиционер

товарищ Васильев... Товарищ Васильев подошёл к ребятам, азартно играющим в орлянку за углом дома. Гошка Буянов, увидев его, на всякий случай спрятал кон в карман, но милиционер был настроен миролюбиво. Поэтому, после некоторого замешательства, игра возобновилась с ещё большим жаром. Гошка выигрывал, его знаменитая битка ложилась у самой черты, а два раза угодила в кон. Бил Гошка по монетам с каким-то особенным вывертом, и медяки послушно переворачивались орлом. Товарищ Васильев внимательно наблюдал за играющими. Когда Гошка ловко одну за другой переворачивал монеты, милиционер удовлетворенно кричал. Чувствовалось, что он понимает толк в этой игре...» (Козлов, 1977).

О шестиклассниках в середине 1950-х гг.: «Чеснык быстро взглянул на меня...: “Давай крутнем, что ли?...” ...Не играть с Чесныком в “орла” никто не клялся... Поэтому я... всё-таки пошёл к бывшему манежу. Тут, рядом со школой и всё-таки в стороне от неё, мы иногда играли в “орла” и в “ростовчика”... Первым крутнул Чеснык, на двадцать копеек. Он размахнулся и швырнул вверх бронзовый маленький пятак, который шариком взлетел выше манежа, потом звякнул на камнях и лёг “решкой” вверх. Чеснык молча отсчитал мне сорок копеек... Я крутнул... Выиграл. Сашка дал вторую ставку – сорок копеек... Тут же проиграл. Но потом мне повезло, и я выиграл четыре раза подряд... Чего теперь вспоминать... Вначале я проиграл свои сбереженные деньги, потом те, что были выданы матерью на завтрак, потом те, что я отложил на покупку семян для щегла. Потом... потом проиграл все деньги, что остались от базара... Я совершенно проигрался и остался должен Сашке сорок пять рублей» (Мелентьев, [1958] 1961, 20–22).

См. также: «*Орёл или решка*».

ОРУЖИЕ боевое и дети.

О 1945–1946 гг.: «Два последних года в школе были временем какого-то безудержного глотания книг – вперемежку со стрельбой из спрятанных подростками в лесах карабинов и автоматов, разряжением мин, фейерверками из всевозможных ракетниц и нелепой гибелью товарищей от неосторожного обращения с оружием и боеприпасами, которых было столько вокруг, что никакие “ястребки” и “разминеры” не были в состоянии вывезти...» (Смирнов, [1985] 1989, 89).

ОРУЖИЕ игрушечное – см.: *Пистолет с пистонами, Пистолет водяной, Пугач*.

ОРУЖИЕ самодельное мальчишеское – см.: *Пугач, «Пицаль», «Поджиг»*.

«ОСЕННИЙ бал» – школьный праздник.

О 1990-х гг.: «“Осенний бал” и “23 февраля” – праздники, которые в нашей Ожогинской школе Шатровского р-на проводились всегда, сколько училась (с 1990 г.). Но участниками “Осеннего бала” являлись школьники среднего и старшего звеньев. После праздника всегда была школьная дискотека. На “Осеннем бале” мы не всегда выбирали Королеву Осени, просто проводили игры, конкурсы, приятно проводили досуг» (154).

О с. Крутихи Далматовского р-на в 2000 г.: «“Осенний бал” обычно проходил осенью, после уборки урожая (конец октября). “Осенний бал” был связан со шк. мероприятиями, выставками и дискотеккой в вечернее время. Обычно он начинался в 7–8 часов вечера. На балу дети разных классов танцевали какой-н. танец под музыку, движения придумывали сами. Например, когда я училась в 8 классе в 2000 г., мы с одноклассниками исполняли танец песню “Чёрный ворон” под группу “Хай-фай”, движения к танцу придумывали мы сами. Выступление состояло из трёх человек, я стояла посередине в облике “чёрного ворона” (чёрная одежда, крылья, сделанные из черной хлопчатобумажной ткани), две другие были одеты в одежду белого цвета + белая накидка, они выступали в роли “ангелов” со слов звучащей песни: “Словно ангелы танцуют... Только ворон знает ответ...” Проводились выставки из собранного урожая, напр., из тыквы вырезались отверстия в виде рта, глаз, носа, а внутри помещали зажжённую свечу. Следующая поделка: внутри коробочки небольшой глубины раскладывался мох

(придавало вид травы); пластилин, который утыкали спичками (образ “ёжика”). Во время “осеннего бала” ведущий (кто-нибудь из учителей) загадывал загадки на тему овощей. За правильный ответ давали сладкий приз, например, чупа-чупс и др. после различных мероприятий организовывалась дискотека. “Осенний бал” проходил в спортзале школы. Зал предварительно украшался небольшими плакатами, перед началом выступления устанавливалась муз. аппаратура. На дискотеке включали совр. музыку, под кот. многие активно “тряслись”. Но не все, некоторые испытывали стеснение. Стеснение возникало и у меня, так как учителя-предметники нашей школы иногда заходили в зал во время дискотеки и что-то высматривали, наблюдали. Когда играл “медляк” (медленный танец), некоторые девочки приглашали потанцевать подружек в паре, а иногда мальчики приглашали девочек» (211).

ОСМОТР гигиенический в школе – см.: «Так, в 1931 году И. Мильман, анализируя ход санитарно-просветительской работы в школах Москвы, не без возмущения отмечал, что “три мальчика и семь девочек открыто категорически отказались от обследований и, в частности, от раздевания”. Это был типичный осмотр, направленный на публичную проверку чистоты и выработку необходимых навыков личной гигиены... “Осмотр начинался с опроса о социальном положении школьника, причем обследователь одновременно осматривал одежду и обувь и тут же вносил своё заключение в соответствующие пункты карты. Затем ученикам предлагалось раздеться до пояса, причем обследователь брал в руки бельё и наскоро осматривал его. Обнажённый по пояс школьник осматривался в отношении чистоты тела, шеи, волосистой части головы, ушей, зубов и, наконец, рук” (Мильман И. Санитарно-просветительская работа в школах Москвы // Санитарная культура. – М., 1931 – С. 71)... В 1923–1925 годах разрабатываются формуляры карт индивидуального обследования юного пионера и санитарных журналов пионера и школьника... Карты и журналы предлагают единую систему инвентаризации тела в ходе мед. и санитарно-гигиенич. осмотров...» (Орлова, 2007, 263).

ОСНОВЫ безопасности жизнедеятельности, ОБЖ – школьный предмет, введённый в начале 1990-х гг.

«...В шк. программе был когда-то курс начальной военной (допризывной) подготовки – НВП. В 1991 году он был отменён, на смену ему пришёл новый курс – ОБЖ, то есть “Основы безопасности жизнедеятельности”...» (Григорьева, 2000, 7).

О девочке-подростке в с. Мальцево Шадринского р-на в 1996–2003 гг.: «С 5 по 11 классы у нас был предмет ОБЖ (основы безопасности жизнедеят-сти). Там нас обучали тому, как вести себя в чрезвычайных ситуациях. Мне очень нравился этот предмет. У меня по нему всегда были пятерки. Я даже сдавала его экзаменом в 9 и 11 классах на пятерки» (019).

О девочке в с. Красная звезда Шадринского р-на в 1996–2003 гг.: «Предмет ОБЖ – основы безопасности жизни – изучали с 5 по 11 класс. Сначала его вела школьный медик, а затем – учитель» (011).

О 1996–2003 гг.: «Предмет ОБЖ – основы безопасности жизнедеятельности – мы изучали с 5 по 11 класс. Мы изучали правила дорожного движения, как оказывать первую медицинскую помощь, что делать, если начнутся стихийные бедствия и т. д.» (025).

О Шадринске в 1998–1999 гг.: «Предмет “ОБЖ” появился у нас в школе № 15 в 7 классе. На “основах безопасности жизнедеят-сти” нас учили эвакуироваться, надевать противогазы, защищаться от насильников, наводнений, пожаров и т. д. Учебники появились только к концу года, поэтому первое время мы занимались по лекциям учителя. В 8 классе “ОБЖ” не велось, а в 9 классе опять появилось в школьной программе» (012).

О Каргаполье в 2001–2002 гг.: «Когда я училась в 10–11 классах средней школы, у нас в расписании стоял предмет ОБЖ. Проходил он раз в неделю в классе ОБЖ. На стенах класса висели плакаты с инструкциями, например, как надевать противогаз, как вести себя во время землетрясения или захвата террористами.

Проводил эти уроки учитель физкультуры. Сначала мы изучали на уроках виды радиационных заражений, правила поведения при наводнениях, селях, землетрясениях и др. природных катаклизмах, виды ран, как останавливать кровотечение. После теории была практика. Например, на одном из уроков ОБЖ мы пробовали надевать противогазы за определённое количество времени. Не у всех получалось быстро надеть его. Потом мы должны были 20 минут сидеть в противогазе. Кто выдерживал, тому ставили 5. В другой раз мы учились накладывать правильно повязки на голову, руки, ноги, область груди. Обычно разбивались на пары и попеременно тренировались. Учитель потом оценивал наши старания. На этот урок мы ходили с удовольствием, нам было интересно это изучать» (013).

О Катайске в 2000–2002 гг.: «Школьный предмет ОБЖ расшифровывался как “Основы безопасности жизнедеятельности”. Велся он у нас (средняя школа № 2) в 9, 10, 11 классах один раз в неделю. Занимались без учебника. Материал диктовал учитель, которого мы звали “обжешник”. На одном уроке мы записывали под его диктовку лекцию, на следующем уроке отвечали по этой лекции. В 11 классе учитель предложил нам купить учебник по этому предмету за 60 рублей, но мы решительно отказались, считая ОБЖ второстепенным и не столь важным предметом. В рамках курса ОБЖ мальчики из нашего класса ездили на сборы, как и вся параллель. Ездили так каждый год с 9 по 11 класс. Сборы проходили в загородном пионерском лагере. Что там происходило, я точно уже не знаю» (018).

О Шадринске в 2002–2004 гг.: «Уроки ОБЖ были у нас в старших классах, и, может быть, в младших. В старших классах (2002–2004 год) у нас постоянно менялись учителя по ОБЖ, все они были пожилые мужчины со странностями. Иногда они приходили пьяными. Они ругали нас, толком не ставили оценки ни за что, потом надо было приходить в конце года и просить поставить оценку. Изредка давали под запись правила поведения в какой-нибудь экстренной ситуации, а чаще всего отвлекались и рассказывали о своей личной жизни» (1003).

«**ОСНОВЫ политических знаний**» – учебный курс в ремесленных училищах с 1958 года.

«В 1958 г. в ремесленных училищах вводится систематический курс “Основы политических знаний”» (Очерки, 1988, 122)

ОСНОВЫ православной культуры – в начале 2000-х годов предмет с таким названием был введен в качестве шк. предмета в ряде обл. России (в Белгородской, Калужской, Брянской и Смоленской – как обязательный; в Рязанской, Тверской, Московской, Курской, Самарской, Владимирской, Новгородской, Свердловской, Архангельской обл. – как факультативный). Это было сделано на основании Закона «Об образовании», согласно которому субъекты федерации имеют право вводить так называемый «региональный компонент» (Рябцев А. В школах вводят уроки православия. С 1 сентября такие занятия начались уже в 14 регионах России // КП. 2006, 1 сентября).

ОСНОВЫ советского государства и права – учебный предмет, введённый в 7-х классах школ СССР в 1975 году (Очерки, 1987, 181).

ОСОАВИАХИМ, сбор взносов – о старшеклассниках в конце 1920-х гг. в Ленинграде: «У всех нас были разные “нагрузки” – кто собирал копейки на “МОПР”, “Осоавиахим” и “Друг детей”, кто был старостой, кто еще чем-то... Весной среди школьников проводилась подписка на заем... Как-то тою же весной всем было дано еще одно общественное задание: провести сбор взносов, не то на “МОПР”, не то на “Осоавиахим”, по квартирам в нашем “микрорайоне” – то есть в тех квартирах, где дети из младших классов были прикреплены к нашей школе» (Дьяконов, 1995; 211, 212).

ОСПА – «Тяжёлая заразная болезнь, сопровождающаяся появлением гнойной сыпи, от которой на коже остаются ямки, рябины» (Словарь, 1959–8, 1154).

О нач. XX в. в сравнении с 1930-ми гг.: «Только вот на двенадцатом ли, тринадцатом годочке... Настенька

захворала оспой. По нынешним годам про оспу мало разговору. Научились ставить ребятишкам такие пятнышки, коих оспа боится. Не то что по городам да по заводам, а и по самым глухим деревнешкам оспенницы всех малолетков спозаранку пятают. Оспе, глядишь, и вовсе ходу не стало. А ведь прежде-то что было! Самая это злая хворость считалась. Сколько она народу уводила, а больше всего малолетков. Да еще как крушила-то! Половина, может, тех, кто захворал, с концом гибла, а из другой половины немалая часть слепым выходила. Счастье считалось, коли кто выкарабкается исковырянным вроде решета. Этакое-то счастье и выпало на Настенькину долю. Мать, конечно, старалась ухаживать ее во время болезни. В рукавичках держала, а на ночь и вовсе связывала, чтоб себя не повредила, как оспенки присыхать стали и зуд пошел. Только все-таки ухаживать не смогла. Как выхворалась, так прямо узнать нельзя девчужку. Такой изъян и парнишке не больно всласть, а девчонке да ещё подлетку и вовсе тошно» (Бажов, 1978, 141–142).

Прививка оспы.

О 7–8-летних мальчиках в заводском поселке в конце 1930-х – начале 1940-х гг.: «...Завтра сходим привьем оспу, а послезавтра я пойду в школу. Без справки об оспе не хотел ни о каком “завтра”... “Сегодня пойдем и привьем оспу!” – твердо сказал он... Нет. Сегодня мама не могла. “Как ты не понимаешь, – сказала она, начиная сердиться, – у меня есть дела...” Нет. Петя не мог ждать до завтра... “Тогда иди сам!” – сердито проговорила мама... И Петя ушел очень рассерженный. Собственно говоря, мама... не думала, что Петя пойдет без нее в поликлинику, да еще прививать оспу. А Петя уже шагал по главной улице заводского поселка, направляясь в ту сторону, где... стояло белое двухэтажное здание поликлиники... Вот и поликлиника!... Глубоко вздохнув, Петя поднялся по ступеням крыльца. Толкнул тяжелую входную дверь и вошел внутрь. Его сразу остановила санитарка в белом халате... “Где тут у вас справки на оспу? – вежливо спросил Петя. И, покраснев, добавил: – Мне завтра в школу поступать”... Сестра в белом халате спросила у Пети, как его зовут, как его фамилия и сколько ему лет. Петя тотчас ответил, что зовут его Петя, что фамилия его Николаев и что недавно ему исполнилось семь лет... И оба [Петя и Вова], рука об руку, они вошли в кабинет к врачу. “Ага, два дружка-приятеля! Вместе в школу поступать, вместе оспу прививать!” – весело встретил их старенький доктор... Из поликлиники шли они долго. Сначала остановились и сверили свои справки. Все в них оказалось совершенно одинаково. Все, вплоть до запятых. Конечно, кроме имен и фамилий. Потом они еще раз остановились, чтобы поглядеть на только что привитые оспины. И, хотя это были пустяковые, едва заметные царапины, каждый похвалился, как здорово он вытерпел “эту ужасную боль” и даже не пикнул» (Могилевская, [1941] 1958, 8–14).

ОСТАВЛЯТЬ без обеда – см. *Без обеда оставлять*.

«**ОСТРОВ сокровищ**» – роман (1883) английского писателя Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Петя и до школы умел читать. Он научился еще в прошлом году и даже читал толстые книги, вроде “Острова сокровищ”, где было очень много пиратов» (Могилевская, [1941] 1958, 34).

«**ОТ УЛЫБКИ...**» – начальные строки песни «Улыбка».

«**ОТВЕТЬ за галстук!**» – пионерский неофициальный акционально-вербальный обычай 1930-х – 1950-х гг.

О вт. пол. 1930-х гг.: «“Ответь за галстук!” “Не трожь рабоче-крестьянской крови, она и так пролита!” ...Я знал этот пароль с первого класса! Ответь за галстук – за частицу пролетарского знамени, за красный цвет революции. И ты отвечаешь. “Не трожь рабоче-крестьянской крови, она и так пролита...” “Что означает узел галл-стук?” “Союз рабочих и крестьян!”» (Тарас, 1982, 127).

О 1940 г.: «Потом все..., даже ябеда и подлизва Аська Лукина, будут приходить на уроки в красных галстуках с никелированными значками... Ребята из старших

классов будут останавливать Аську и требовать: “Ответь за галстук”. И ябеда им гордо ответит: “Руки прочь от рабочей крови!”» (Сиснев, 1973, 66).

О Шадринске в 1946–1947 гг.: «Откуда пошло, не знаю, но было принято, схватив любого пионера за галстук, сказать: “Ответь за галстук!” И он должен сказать: “Не тронь рабоче-крестьянскую кровь, она и так горяча: столько-то лет без Ильича!”» (Иовлева, 1993, 33).

Ср. о нач. 1920-х гг.: «А вот как еще встретят его дома с пионерским галстуком? Я решил пойти вместе с ним. “Может, – думаю, – при мне не так сильно будут его бить”. Только отворил Колька калитку, а дядя Никита – вот он! “Это что за тряпицу повесил?” – спросил насмешливо. Отец хотел дотронуться до галстука – Колька неожиданно резко ударил его по руке и прямо-таки с визгом закричал: “Не тронь рабоче-крестьянскую кровь!” Дядя Никита усмехнулся, двинул густыми бровями: “Ежели рабоче-крестьянская, стало быть, моя кровь тоже там есть”» (Шилов, 1971, 90)

Ср. также: «*Ответь за значок!*»

«ОТВЕТЬ ЗА ЗНАЧОК!» – пионерский неофициальный обычай 1940-х гг. (ср. «*Ответь за галстук!*»).

О 1946–1947 гг. в Шадринске: «Откуда пошло, не знаю, но было принято, схватив любого пионера за галстук, сказать: “Ответь за галстук!” И он должен сказать: “Не тронь рабоче-крестьянскую кровь, она и так горяча: столько-то лет без Ильича!” Или за значок: “Ответь за значок!” – “Пять поленьев, три костра, серп и молот и звезда!”» (Иовлева, 1993, 33).

ОТВЕЧАТЬ УРОК – «Рассказывать учителю заданный урок» (Словарь, 1959–8, 1275).

Отвечать урок у доски – «“...Завтра вот вызовусь к доске отвечать, будет тогда у меня знать”» (Цюрупа, 1964, 123).

ОТГОВОРКА – ответ на *дразнилку*; фольклорный жанр детской повседневной коммуникации.

Как утверждает М.В. Осорина, дразнилка выступает как способ испытания «социальной прочности» члена группы (особенно новичка), его умения постоять за себя. Это умение проявляется в том, как он отвечает на дразнилку. Самый правильный с точки зрения детей является словесный ответ на дразнилку – «отговорка». Дразнилке: «Воображуля – первый сорт, / Куда едешь? На курорт. / Шапочка с пумпончиком, / Едешь под вагончиком!» – соответствует отговорка: «А я еду закаляться, / А ты едешь задаваться!». Есть несколько «универсальных» способов отговорки, среди которых особо следует отметить магическую манипуляцию текстом: «Черная касса – ключ у меня, Кто обзывается – сам на себя». Старшие дети вместо стихотворных отговорок используют изречения-остроты. Острота «Все про себя да про себя, а про меня ни слова», например, основана на том же самом принципе, что и приведенная выше стихотворная отговорка (Осорина, 1985, 58–61).

Как отмечает А.Ф. Белоусов, в среде младших школьников словесное общение, начавшееся дразнилкой, часто не заканчивается отговоркой, но продолжается, перерастая в настоящую словесную перебранку: «“Дура!” – “А ты умная, как тряпка полоумная!” – “Тряпка полоумная всегда бывает умная!” – “А когда тряпку выжимают, ум весь и вылетает!”» (Белоусов, 1989, 19).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Когда девочку называли дурой, то она отвечала так: “Я дурочка – Снегурочка, / Мой папа Дед Мороз, / А ты сопливый нос” [или] “Дура, дура не фигура, а хороший человек»» (534).

О конце 1980-х гг.: «В детстве, если нас называли дурой, мы отвечали: “Приятно познакомиться” [или] “Дура – это дорогая, уважаемая, родная, обожаемая”» (539).

См.: «*Я дурочка - Снегурочка...*»

ОТЕЦ – «Мужчина по отношению к своим детям» (Словарь, 1959–8, 1364).

Отношения отца и сына.

О нач. 1960-х гг.: «Отец, отправляя сына в первый класс, советует: “Не жди, пока тебя мальчишки побьют – сам бей первый. Пусть тебя боятся, тогда не тронут”. И мальчик, действительно, дерется. Его никто не задевает, а других, бывает, побьет. Он ходит без царапин и

синяков. Но он растёт жестоким и злым, а это похуже, чем лишний синяк» (Матвеева, 1966, 59).

«ОТЗОВИТЕСЬ, ГОРНИСТЫ!» – телевизионная передача 1970-х – 1980-х гг. о жизни пионеров в Советском Союзе.

«Отзовитесь, горнисты!» – это рассказ и о кружке худ. самодеят-сти или станции юных техников, и об интересном пионер. отряде или правофланговой дружине. Зимой эта передача уделяет больше внимания зимним заботам ребят – учебе, занятиям во Дворцах и Домах пионеров, летом – жизни пионерских лагерей и лагерей труда и отдыха» (СПВ, 1981, 63).

ОТЛИЧНАЯ ОТМЕТКА – отметка «отлично», «пятерка».

О 1950-х гг.: «Нет, он её проучит: / Он в четверти получит / Назло своей соседке / Отличные отметки» (Барто, 1963а, 18).

ОТЛИЧНИК – «Учащийся, получивший отличные оценки по основным учебным предметам» (Словарь, 1959–8, 1453).

О 1935–1936 гг.: «...Ему ничего не стоило вчерашнему отличнику поставить “плохо”...» (Вигдорова, [1956] 1969, 336).

О середине 1940-х гг.: «На Красной площади... Проходят воинские части, / Оркестры сводные гремят.... / Сверкают тысячи знамен... / Вот со звездой, с портретом Ленина / Идут отличники вперед...» (Барто, [1947] 1969–1, 195).

О середине 1940-х гг.: «Ребята отшучиваются... “Отличник – плохой ученик, – с серьезным видом рассуждают они. – Выскачка! Четверочник... может учиться на пять, но ленится. А вот троечник... – самый что ни есть сознательный человек...» (Демиденко, 1962, 93).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Эрька Криушин учился отлично. Это была потрясающая разнovidность школьных отличников. Он вместе со всеми сбежал с уроков, бил стекла и изредка получал “колы”. Уж слишком честно он получал “колы”. Начинался урок, он вставал и докладывал: “Домашнее задание я не сделал”. Кто его за язык тянул? Неужели интересно быть наказанным, когда не поймался?» (Бодров, 1966, 23).

О середине 1950-х гг. в Ленинграде: «Двоечники и троечники злобно думают, что быть отличником крайне тяжело. Фактически нет ничего легче – надо только обозначиться, и потом твоя слава сама тебя понесет» (Попов, 2006).

О 1950-х гг.: «“Наш отличник – Зотов Мишка – / Настоящая маргышка”» (Серова, 1960, 31).

О середине 1970-х гг.: «В школе в конце учебного года отличники первых-девятых классов награждаются Похвальным листом. По окончании средней школы выпускникам-отличникам вручается золотая медаль. Учащиеся, окончившие с Похвальным листом неполную сред. (восьмилетнюю) школу, принимаются на первый курс сред. спец. учеб. заведений без вступит. экзаменов. Медалисты сред. школы и окончившие с отличием профтехучилища также без экзаменов принимаются на старшие курсы техникумов и училищ. При поступлении в вуз медалисты средней школы, а также выпускники техникумов, училищ и профтехучилищ, получившие диплом с отличием, сдают только один экзамен по усмотрению вуза. При получении отметки “пять” они освобождаются от дальнейших экзаменов и зачисляются в вуз; при получении отметки “четыре” или “три” они сдают экзамены по всем соответствующим дисциплинам. В профтехучилищах, сред. спец. учеб. заведениях... отличники учёбы получают повышенную стипендию» (Денисова, 1978, 153).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Всем, наверное, приходилось встречаться в школе с неуважительным отношением к отличникам учёбы... Глубоко укоренилось у многих ребят пренебрежительное отношение к отличнику. “Зубрила”, “робот” – такие клички слышишь в адрес отличника. Попытки педагогов своими похвалами поднять авторитет отличника... часто... возбуждают к ним ещё большее неуважение» (Ширвиндт, 1975, 41).

ОТЛИЧНИЦА – учащаяся, получившая отличные оценки по основным учебным предметам.

О начале 1950-х гг.: «Света пишет в стенгазету, / И отличница она» (Барто, [1952] 1969–1, 259).

О пятикласснице в середине 1970-х гг.: «Она шла не спеша, мы бы даже сказали, чинно. И этот мальчишка, конечно же, сразу понял, не мог не понять – ну, если, конечно, он не был совсем уж балдой, – что перед ним только что прошествовала самая что ни на есть настоящая отличница. Отличница из отличниц... “Да про что ж ты ей можешь рассказать, круглой-то отличнице? – сказала бабушка... – Ведь она небось столько книжек прочла!...”» (Пивоварова, 1977; 6, 18).

О 1970-х – 1980-х гг.: «А он взял и выставил в первой четверти пять двоек и тройку Татке, единственной нежно лелеемой отличнице. И его все стали проклинать: и лодыри, и “хорошисты”...» (Исарова, 1977, 60).

О 1970-х – 1980-х гг.: «Так вот, каждому второму... доставался такой потрепанный, красный, с мягкими махровыми углами учебник. Мама обтягивала его полиэтиленом на гладильной доске, потому что отличницы не ходят в школу с необернутыми учебниками, и надо было держать этот полиэтилен и следить, чтоб не пристал к уюту...» (Чернышёва, 2007–3, 8).

О Шадринске в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Я даже помню ситуацию, когда выставляли текущие в четверти оценки, наша классная подошла ко мне расписываться в дневнике и говорит: “Смотри, у тебя могут выйти все “5”, можешь стать отличницей в этой четверти”, и посмотрела мне в глаза. Единственный раз за все школьные годы в третьей четверти я была отличницей – в меня поверила учительница» (1001).

«ОТЛИЧНО» – школьная оценка, пришедшая в 1935 году на смену оценке «очень хорошо» и замененная с 1944 года оценкой «5».

О 1935–1936 гг.: «...Ему ничего не стоило... заведомому лентяю вывести “отлично”, если лентяй на сей раз это заслужил» (Вигдорова, [1956] 1969, 336).

О Москве в 1940–1941 гг.: «...Как только мы пошли в школу, ещё семь лет тому назад, нам всё время и в школе, и дома, и во дворе – все, кому не лень, твердят одно и то же: “Учитесь на “отлично””. Ну, просто надоело слушать... Дворничиха тётя Дуся двор подметёт, к нам подойдёт и начнёт: “Вот не хотите, как я, метлой махать – учитесь на “отлично”. Наш участковый дядя Карасёв идёт мимо по своим делам, обязательно остановится, спросит: “Как учёба, шалопаи? Давайте у меня чтоб на “отлично”. Вот так”. Дома мама вздыхает: “Ну, что тебе мешает учиться на “отлично”?... Пелагея Васильевна пошла, потом вернулась: “Да, совсем забыла. Проверила ваши сочинения... Накрутили кто во что горазд. Вот только один Миша написал на “отлично”» (Чачин, 1968; 72, 130).

Об ученике 8–9-го класса в 1940–1941 гг.: «29 декабря... 27-го числа историчка вызвала меня и спросила про Ютландский бой. Я знал, что она спросит меня, и поэтому малость подготовился. Слушали меня внимательно, и я лихо болтал. Возможно, по истории мне поставят в четверти “отлично”... 27 мая... Сдал благополучно физику, хотя ребята сдали на “отлично”, а я всегда чуть-чуть недотягиваю: получил “хор”. И то хлеб!» (Сагайдачный, 1963; 116, 193).

О 1942–1943 гг. на Урале: «Первый класс Юра кончил неплохо: только по чистописанию у него было “посредственно”, а по всем остальным – “отлично”» (Лихачевская, 1970, 14).

«ОТМЕРНОЙ» – игра с прыжками.

О конце 1940-х гг.: «Здесь, возле моста, обычно собиралось много пацанов. Свои, дворовые компании, раздельно полеживали на песочке, купались, играли в “отмерного”. Это была *та* игра! Что-то взявшая от чехарды, что-то от прыжков через “коня”. Проводится черта, и все, присев, прыгают разом с места, как лягушки. Кто окажется ближе всех, тот и “отмерной”. Он становится у черты, согнувшись и крепко уперев руки в колени. С гиком прыгают через него мальчишки, гулко отталкиваясь ладонями от спины, и отмеряют ему новое

расстояние по самому дальнему прыжку. Все дальше отходит он... А когда уже невозможно через него перемахнуть – слишком далеко стоит он от начальной черты! – разрешается делать двойной прыжок. Но это лишь в том случае, если “отмерной” согласится. Он имеет право попробовать свои силы и перескочить через кого-нибудь, кто временно займет его место, одним махом. Не вышло, опять становись – все теперь будут прыгать двойным на законном основании. Затем снова все останавливаются, совещаются и предлагают тройной прыжок. И так можно до бесконечности. Ну, конечно, если кому-то не повезет, не сумел перемахнуть, сам теперь становись “отмерным”. И игра вспыхнет вновь. Бывали случаи, когда подбирались такие лихие прыгуны, что как бы загоняли “отмерного” от самой первой черты далеко в степь... Вот Саньке пришлось быть “отмерным” часа два – чуть в обморок не упал. Спасало лишь то, что ему разрешили разок-другой окунуться в реке. А какие начинались свары, когда на одну игру сходились разные компании! Пацаны выгораживали своих, жилили...» (Иванов, 1985, 42).

«ОТМЕРЯЛЫ» – игра. Возможно, аналогичная игре в «отмерного» (см.: «Отмерной»).

О конце 1930-х – начале 1940-х гг.: «Когда я учился, у нас одно время хорошим тоном считалось уроки готовить кое-как, лишь бы не выгнали из школы. А потом появился в классе Валька Коровкин. Он был не такой, как все. Все старались прифрантиться, а Валька мог явиться в школу в расстёгнутой майке-футболке (школьной формы тогда ещё не было). Все на переменках собирались группками, в хорошую погоду бежали во двор играть в “отмерялы”, а Валька торчал где-нибудь в углу с книжкой, где на каждой странице – радиосхемы» (Соловейчик, 1965, 60).

ОТМЕТКИ – см.: *Оценки*.

ОТНИМАТЬ деньги, вещи, ценности и др. – один из видов агрессивного поведения. Ср.: *Бить мальчиков, Бить девочек. Вымогательство*.

О небольшом городке на Волге в 1941 гг.: «Гроза нашей улицы Кирюха, без зазрения совести отнимавший двугривенные у... малышей..., в голос рыдал, когда папа [10-летнего мальчика, от лица кот. ведётся повествование] потащил его за шиворот в милицию... К нам в класс, как назло, попал и... Мыра. Он сразу сколотил компанию из таких же хулиганов и начал верховодить над теми, кто был послабее и попугливей. Отнимал у них завтраки и вообще что нравилось. Жаловаться на него боялись, потому что его компания могла подстеречь после уроков и жестоко избить... Мыра и его компания были слишком увлечены, чтобы меня заметить. Алик стоял спиной к забору. Мыра обшаривал его карманы. “Есть!” сказал он и достал старый-престарый кошелёк, застёгнутый двумя шариками. Алик ухватился за него. “Отдайте, пожалуйста, это нельзя. Там хлебные талоны на три дня”. Мыра ударил его по руке. “Не лапай! Скажешь матери, будто потерял, понял? А продашь – мы тебя...”» (Сиснев, 1973; 120, 162, 172–173).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Один Толя учился в четвертом классе, а другой Толя – в пятом. И наверное, хорошо они знали арифметику. За первый класс. И потому, когда однажды встретили семилетнего мальчишку, то мигом смекнули, что вдвоём они с ним справятся. “Стой!” – грозно сказал один Толя. “Стой!” – подтвердил второй... Выбили у мальчишки из руки 50 копеек, ещё раз на него грозно посмотрели и убежали» (Кудерин, 1965, 61).

О середине 1980-х гг.: «“Молодцы..., – писательница загорелась, ей самой стало интересно с ними [учениками четвертого класса]... – Тогда я, своей авторской волей, создаю случай. Ну, напр., такой. Коля выходит из школы и видит, что здоровый семиклассник схватил маленького первоклассника и отбирает у него какие-то монеты. Бывают такие случаи в жизни?” “Бывают!” “Конечно!”» (Матвеева, 1987, 58).

О 2000 годе: «Я учился в школе, мой знакомый – в ПУ. Он рассказывал, что в день стипендии он говорил ребятам, получавшим стипендию, что, мол, ребята, сейчас вы отдаёте половину стипендии и живёте

нормально, если нет, то я и мои друзья изобьем вас так, что на лечение вы истратите гораздо больше. Обычно ему деньги отдавали. А у особо простых и слабых, лохов, он иной раз и полностью забирал все деньги» (115).

См. также: *Вьмогательство*.

«ОТПАД!» – (молодежно-подростковый лексикон) потрясающе, здорово, великолепно, замечательно.

О девочке 14 лет в Шадринске в 2001 г.: «Когда мне было 14 лет, я употребляла в своей речи выражение: “Отпад!” или “Это просто отпад!” Это слово и выражение употреблялось тогда, когда, например, моя подруга мне показывала свое новое платье, а я, оценив его как очень красиво, говорила про него: “Это просто отпад!” То есть отпад – это значит: красиво, здорово, замечательно» (135).

«ОТПЕТЫЕ мошеники» – популярная музыкальная Санкт-петербургская группа. Три участника – Вячеслав Зинуров (Том Хаос-младший), Сергей Суворенко (Задиристый Философ), Игорь Богомазов (Зануда). Группа образовалась в декабре 1996 года.

О 1997–2000 гг. в г. Шадринске: «Когда мне было 11–14 лет, мы с подружкой слушали песни группы “Отпетые мошеники”. Мы вместе копили деньги, которые сэкономили на школьных завтраках или карманных расходах, покупали кассеты и слушали по несколько раз в день. В конце концов, пленка рвалась, и подружка выбросила кассеты. Нам очень нравилась песня “Всяко-разно”, “Девушки бывают разные” и другие» (112).

ОТРЯД пионерский – структурный элемент *дружины пионерской*.

О конце 1930-х гг.: «Собрались на сбор отряда / Все! Отсутствующих нет! / Сбор серьезный: / Выбрать надо / Лучших девочек в совет. / Предлагают выбрать Свету: / Света пишет в стенгазету, / И отличница она... / В члены нового совета / Выбрать Свету решено» (Барто, [1940], 1962а, 114–115).

О 1945–1946 гг.: «Это было сразу после войны. Меня послали работать вожатым. В то время в отрядах были не председатели, а начальники штабов, и их не выбирали, а назначали. И вот передо мной отряд 6-го «Б», известный в школе как самый отчаянный. Даже, пожалуй, не совсем правильно употребить здесь слово “отряд”. В классе человек сорок мальчишек (школы в то время были отдельно мужские и отдельно женские), и ни на одном не видно пионерского галстука» (Соловейчик, 1965, 111).

О конце 1940-х гг.: «Пионеры одного класса или нескольких параллельных классов образуют пионерский отряд. В отряде должно быть не более 40 человек. Отряд – основная форма орг-ции пионеров. Работает он под руководством вожатого, члена ВЛКСМ. Отряд делится на звенья. Звено (10–12 человек) образуется на основе общих интересов, личных симпатий и дружбы» (НШ, 1950, 224).

В Положении о Всесоюзной пионерской орг-ции, утвержденном Бюро ЦК ВЛКСМ 17 марта 1967 года, в частности, говорилось: «Пионерские отряды создаются в дружине, насчитывающей не менее 20 пионеров. Отряд, как правило, объединяет пионеров, обучающихся в одном классе. По решению совета дружины пионерские отряды могут создаваться по месту жительства пионеров. Эти отряды входят в состав пионерской дружины школы, работают под рук-вом совета дружины. Высший орган отряда – пионерский сбор. На сборе пионеры коллективно решают дела отряда и звеньев, избирают совет отряда, принимают в пионеры, рекомендуют достойных в ряды ВЛКСМ. Совет отряда во главе с председателем избирается открытым голосованием на сборе отряда. Совет отряда... формирует пионерские звенья, планирует работу отряда, создает редколлегия отрядной газеты, дает и проверяет выполнение пионерских поручений» (НО, 1974, 307)..

О перв. пол. 1970-х гг.: «Пионерский отряд – коллектив пионеров одного класса. Отряд, как правило, носил имя пионера-героя или знаменитого революционера. Выбирался девиз, речёвка, отрядная песня. Пионерскими делами отряда управлял совет отряда, состоящий из 5–8 человек, главным среди них был председатель совета отряда. Это была почетная

должность, обычно на нее избирались хорошие ученики» (Томилова, 2006).

О середине 1970-х гг.: «Пионерский отряд создаётся в третьем классе и существует до восьмого класса, когда начинается индивидуальный приём в ряды [ВЛКСМ]. Пионерский отряд объединяет пионеров одного класса (отряд 3-го класса “А”, отряд 6-го класса “Б” и т. д.) и делится на пионерские звенья. Пионеры избирают совет отряда и председателя совета отряда, которые организуют пионерскую работу в отряде. Все отрядные дела решаются коллективно на пионерском сборе (сборе отряда). К каждому отряду прикреплен пионервожатый. Обязательные атрибуты пионерского отряда – отрядный флаг, горн и барабан... Ребята вместе ходят в театры, в кино, на экскурсии, участвуют в спорт. соревнованиях. Всем отрядом они собирают макулатуру и металлолом. Во многих отрядах есть группы тимуровцев. О самых интересных событиях пионерской жизни рассказывает отрядная стенгазета (стенная газета). Каждый пионерский отряд – коллективный вожатый октябрятской группы. Отряд назначает пионервожатыми октябрятских звездочек. Они готовят октябрат к вступлению в пионеры. Многие пионерские отряды носят имена прославленных героев, революционеров, космонавтов и писателей. Пионерские отряды создают также и в пионерском лагере» (Денисова, 1978, 171–172).

«ОТРЯД – спутник семилетки» – звание, присваиваемое пионерским отрядам; способ более активного вовлечения пионеров в общественно одобряемые формы деятельности; явление конца 1950-х – начала 1960-х гг.

«В декабре 1958 г. совет дружины школы № 12 г. Ростова-на-Дону обратился ко всем пионерским отрядам с призывом начать соревнование за право называться “Отряд – спутник семилетки”. Так завязалась дружба пионерских отрядов с бригадами коммунистического труда» (Очерки, 1988, 194).

Из истории возникновения движения: «Когда весь советский народ, готовясь к XXI съезду КПСС, обсуждал контрольные цифры семилетнего плана развития нар. хоз-ва нашей страны, когда все шире стало развлекаться соревнование за звание бригад коммунист. труда, пионеры не могли остаться и не остались в стороне от этих событий. В пионерских отрядах дружины школы № 12 г. Ростова-на-Дону в эти дни чувствовался особый подъем. Беседы вожатых и кл. рук-лей о семилетнем плане, о перв. бригадах коммунист. труда нередко переходили в горячие обсуждения конкр. дел, которые могли бы стать вкладом отряда в семилетку. Ребята говорили о том, как лучше организовать помощь в учебе нуждающимся в этом товарищам, чтобы всем отрядом перейти в след. класс. Уже привыкшие к трудовым делам, они советовались, чем помогут в работе своему цеху на заводе “Красный Аксай”. В эти дни и родилась в дружине идея начать соревнование за право называться “отряд – спутник семилетки”. Девизом этого соревнования стало: “Каждый отряд стремится внести свой вклад в семилетку!” Совет дружины обратился с письмом в “Пионерскую правду”. В нём ребята писали: “Сейчас повсюду в нашей стране люди только и говорят и думают о том, что необходимо сделать, чтобы успешно выполнить семилетний план, чтобы скорее прийти к коммунизму. Наши вожатые с завода рассказывают про бригады, которые борются за право называться бригадами коммунист. труда. Скоро и мы придем работать в эти бригады. Их тогда будет много. Как же нам готовиться к этому? Что делать сейчас, не дожидаясь пока вырастем? У комсомольцев бригад коммунист. труда есть заповеди. Мы тоже наметили себе обязательства. И сегодня хотим рассказать про них всем-всем ребятам. Наши обязательства такие: 1. Отряд готовится работать в бригаде коммунист. труда. Он делает свой вклад в семилетку: собирает металлический лом, помогает заводу “Красный Аксай” (каждый отряд сам намечает свои полезные дела). 2. Всем классом – в след. класс. Это значит – учиться так, чтобы никто не оставался на второй год, чтобы всем переходить из класса в класс. 3. Нам не нужны “няньки”.

Класс убираем сами. Парты и школу ремонтируем сами. 4. Каждый отвечает за товарища, как за самого себя. И если один попал в беду – на помощь ему придет весь отряд. Если один провинился – в ответе весь отряд. ...Когда отряд внесет свою долю труда в семилетку, выполнит все свои обязательства, совет дружины присвоит ему звание “отряд – “спутник семилетки””, вручит флажок с эмблемой спутника, а пионеры отряда получают право носить такие же значки или нашивки на рукаве. Если же отряд, получивший звание “спутник семилетки”, нарушит обещание или в чём-то провинится, совет дружины лишит его этого почетного звания. Письмо заканчивалось призывом ко всем пионерам страны: “Давайте соревноваться!” Вскоре в адрес пионерской дружины школы пришли сотни писем. Они поступали со всех концов Советского Союза – пионерия страны поддержала начин ростовчан... На торж. дружинной линейке, посвященной открытию XXI съезда КПСС, в ростовской школе № 12 были подведены первые итоги начатого соревнования. Победителем оказался отряд IV “в” класса: все его звенья выполнили установленные обязательства. Этот отряд первым “вышел на орбиту” – добился почетного звания “отряд – “спутник семилетки””. Тут же на линейке бригадир первой бригады коммунист. труда, завода “Красный Аксай” Владимир Червяков вручил пионерам IV “в” класса выпел “Отряд – “спутник семилетки””... Рождение в дружине школы № 12 г. Ростова-на-Дону перв. отрядов – “спутников семилетки” явилось выражением нового подъема в разв. обществ. самодеят-сти советских детей, выражением их горяч. стремления жить интересами советского народа и участвовать в его созидат. деят-сти. Новую силу этому движению придала пионер. двухлетка “Пионеры – Родине”. Все 18 отрядов дружины борются за то, чтобы получить почетное звание “отряд – “спутник семилетки”, восемь из них уже достигли этого» (Божик, 1962; 3–6, 42–43).

Соревнование (среди пионеров) за звание «Отряд – спутник семилетки» было объявлено в 1959 г. Пионер. отряды принимали обязательства вносить трудовой вклад в выполнение семилетки (семилетнего плана развития нар. хоз-ва).

О 1959–1960 гг.: «Одно из обязательств, которые приняли на себя “отряды – спутники семилетки”, касалось как раз самообслуживания: не быть белоручками, обходиться без нянек; самим убирать класс, самим ремонтировать школьное имущество, нести дежурства а раздевалке и т. п. А это значит, что школе, которая перешла на самообслуживание, уже не понадобится столько уборщиц, сколько требовалось раньше, да и рабочих для ремонта помещения и школьного имущества понадобится меньше» (БГКП, 1961, 91).

ОТСТАЮЩИЙ ученик – ученик, не усваивающий изучаемый в школе материал.

О нач. 1940-х гг.: «“Прикрепляли” меня к отстающим ученикам, но толку от этих занятий было, честно говоря, очень мало» (Санников, 2001). «Отвечает Лёшенька: / “Вы просите пуше – / Я не несознательный, / Я же отстающий!» (Барто, [1954], 1969–1, 356).

ОТСТОЙ – нечто низкосортное, непрестижное.

О конце 1990-х гг. в с. Ожогово Шатровского р-на: «Впервые услышала слово “отстой” в школе, когда мальчики, обсуждая, говорили: “Фу! Отстой!”, то есть какая-то вещь их абсолютно не привлекала. Антоним “отстою” – “зыкано”» (154).

О девочке 14–15 лет в Шадринске в 2001 г.: «Слово “отстой” говорили о неприятном, не понравившемся. “Да ну, он отстой!” – так могли сказать про мальчика, который не очень понравился, выглядел плохо и т. п. Или: “Эти туфли отстой!” – то есть туфли покупать не стоит, потому что они не очень красивые» (132).

О с. Крутихи Далматовского р-на в 2001–2002 гг.: «Слово “отстой” (с значением “плохой”) возникло в моем речевом обороте в 8–9 классах. Напр., одноклассница приходила в новой, недавно купленной, кофточке, а мы затем, возвращаясь с подружками домой, говорили: “Отстой у нее кофточка!”» (211).

ОТСТОЙНЫЙ – плохой, никуда не годный,

О конце 1990-х гг. в с. Ожогово Шатровского р-на: «Впервые услышала слово “отстой” в школе... “Отстой”, “отстойное” – то есть плохое, ужасное, беспонтовое» (154).

О девочке 12–14 лет в г. Коголыме в 2002 г.: «Стою с подружкой в школьном коридоре, мимо проходит девочка. Подружка говорит мне шепотом: “Смотри, какое у нее отстойное платье”» (134).

ОТЯГ – вид удара.

О 1941–1945 гг.: «Школьные наши шалости обычно – самые примитивные, мало отличающиеся, например, от тех, которые описывал в прошлом веке Помяловский в своих “Очерках бурсы”, а иногда совпадающие с ними, даже и по названию. Как и бурсаки середины XIX века, мы смачно делали друг другу оттяг (резкий, с оттяжкой, удар по заднице – по касательной, сверху вниз средними костяшками пальцев) или смазь» (Санников, 2001).

«**ОТЧЕГО и почему**» – 1. Детский журнал, выходит с 1999 года. Тираж 2006 года – 4 200 экз.

«**ОТЧЕГО и почему**» – 2. Детский телеканал.

О нач. 2000-х гг.: «Общаются и ведущие детского канала “Отчего и почему” – поэтому нам и их разговорчики интересны и хочется посмотреть их программы. Общается-шутит ведущий программы “Каля-маля”, и ответные шутки детей симпатичны благодаря их естественности» (Яковлев, 2002).

«**ОФИЦЕРЫ**» – художественный фильм.

О девочке в Шадринске в 1998 г.: «Фильм “Офицеры” я увидела впервые в возрасте 13 лет. Он произвел на меня неизгладимое впечатление. С тех пор я поняла, что лучшие фильмы – это отечественные фильмы о войне. Поэтому из всех “народных” праздников больше всех люблю 9 мая, когда по ТВ показывают только то, что действительно мне нравится» (109).

О девочке в Шадринске в 1999 г.: «Фильм “Офицеры” для меня являлся и является культовым фильмом. Его я посмотрела где-то в 15 лет. Тогда я восприняла его очень остро. Мне нравились его герои, я хотела быть на месте Любы Трофимовой, прожить ее нелёгкую судьбу, иметь такого же мужа. Спустя несколько лет этот фильм не перестал для меня быть любимым. Я не упускаю шанс посмотреть его и сейчас» (105).

ОХОТА – «Поиски, отслеживание диких зверей и птиц с целью их умерщвления» (Словарь, 1959–8, 1761).

О 10-летнем мальчике в 1930-е гг.: [действие происходит в 1956 г.]: «[Отец]... взглянул на меня [10-летнего мальчика]: “Прекрати, Алексей. Держи себя в руках. Когда я был твоих лет, отец брал меня на охоту вместо собаки. Он бил птицу влёт, а потом stalkивал меня в Енисей. А был октябрь месяц. И я ту утицу ему в зубах принесил. Понял? Я воспитаю из вас настоящих мужчин...”» (Юрьенен, 1993, 24).

«**ОХОТА на уток**», «**Duck Hunt**» – игра на «Денди».

См. «Утки».

«**ОХ, уж эта Настя!**» – фильм 1971 г.

В фильме прозвучала песня «Лесной олень», обретшая с тех лет популярность на долгие годы.

ОХРАННИК в школе.

В конце 1990-х – нач. 2000-х гг. во многих школах были введены должности охранников.

О Москве начала 2000-х гг.: «...Их долго не хотел пускать в чужую школу строгий и угрюмый охранник...» (Бочарова, 2003, 38).

ОЦЕНКА по поведению – До 1917 г. только отметка «5 (отлично)» по поведению в среднем учебном заведении давала возможность поступить в высшее учебное заведение.

О нач. 1900-х гг.: «Через два дня учитель, узнав, что у меня нету и этого дневника, заполнил новый. И, кроме единицы по русскому языку, он там вывел мне двойку по поведению. И сказал, чтоб мой отец непременно посмотрел мой дневник» (Зощенко, [1939] 1968–1, 226).

О вт. пол. 1900-х гг.: «Но пока все обходилось благополучно, если не считать четверки по поведению, которая была поставлена в Гришином дневнике, – и это в конце года! В аттестатах после четверки писалось в скобках буквами: “хорошо”. Но Гриша уже знал, что значит это “хорошо”, когда дело касалось поведения. С

четверкой по поведению в аттестате не принимали ни в одно высшее учебное заведение. Вот тебе и “хорошо”! Ну, до аттестата Шумову далеко, можно было об этом и не думать долго. Он и не думал. По всем предметам (кроме поведения, которое тоже почему-то считалось предметом) у него были теперь круглые пятёрки» (Кононов, 1958, 268–269).

10 янв. 1944 г. Совет нар. комиссаров РСФСР постановил: «1. Принять предложение Наркомпроса РСФСР о замене применяемой в школе словесной системы оценки успеваемости и поведения учащихся – отлично, хорошо, посредственно, плохо, очень плохо – цифровой пятибалльной системой: 5, 4, 3, 2, 1. 2. Ввести цифровую пятибалльную систему оценки успеваемости и поведения учащихся с 11 января 1944 г.» (НО, 1948, 97–98).

В Инструкции о применении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы, утверждённой нар. комиссаром просвещения РСФСР 29 февр. 1944 г. при оценке поведения учащихся предлагалось руководствоваться следующими указаниями:

«Балл “5” ставится за безупречное поведение учащегося в школе и вне ее. Балл “4” ставится за заметное нарушение поведения учащегося. Оценка поведения баллом “4” допускается только в одной четверти. В случае неисpravления ученика пед. совет рассматривает вопрос о дальнейшем снижении ему отметки за поведение. Балл “3” ставится за серьёзное нарушение поведения учащегося и служит ему предупреждением о возможном исключении из школы. В случае неисpravления ученика в установленный для него испытательный срок пед. совет обсуждает вопрос о возможности оставления его в школе. При решении вопроса об исключении учащегося его поведение оценивается баллом “2”, и ученик исключается из школы. Решение пед. совета об исключении учащегося из школы утверждается район. (гор.) отделом нар. образования... Выдача свидетельств и аттестатов допускается только при отличном поведении ученика (балл “5”) со следующей записью: “при отличном “5” поведении”. О каждом снижении отметки по поведению доводится до сведения родителей» (НО, 1948, 98–99).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Послевоенные годы – сороковые... Дисциплина в школах была мало сказать строгая – почти армейская... Четверка по поведению в четверти каралась вызовом родителей на педсовет и сообщением на службу, четверка годовая – исключением из школы, тройка – “волчьим билетом”, то есть запретом на поступление в другую школу» (Найман, 2001, 47).

О Ленинграде в 1946–1947 гг.: «После этого Анна Васильевна с полчаса “распекала” Жеку и Вальку, отведя их в учительскую. Обещала, что им поставит в четверти по тройке за поведение, их сейчас же надо бы отправить домой, но она не делает этого лишь потому, что не хочет портить праздничное настроение» (Васильев, 1985, 61).

Из доклада нар. комиссара просвещения 15 августа 1944 г.: «В инструкции от 28-го февраля 1944 г. “О применении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся” Нар. комиссариат [просвещения] установил, что выдача свидетельств и аттестатов допускается только при отличном поведении учащихся, оцениваемом баллом “5”. Для учащихся, особенно выпускных классов, это является серьёзным предупреждением и, вместе с тем, фактором воспитывающего и сдерживающего характера» (Потемкин, [1944] 1947, 194).

В приказе министра просвещения РСФСР от 12 дек. 1951 г. говорилось: «Учитывая, что в школах неудовлетворительно поставлен текущий учет поведения учащихся на уроках и во время перемен, ввести в семилетних и сред. школах в каждом классе, начиная с пятого, “Журнал поведения учащихся”, в который кл. рук. и учителя, ведущие занятия в данном классе, обязаны заносить записи, характеризующие как похвальное поведение учеников, так и нарушение ими “Правил для учащихся”... При оценке поведения учащихся руководствоваться следующим: а) балл “5” ставится за безупречное поведение учащегося в школе и вне ее; б) балл “4” ставится за заметное нарушение поведения

учащегося. Оценка поведения баллом “4” допускается только в одной четверти. В случае неисpravления ученика пед. совет рассматривает вопрос о дальнейшем снижении ему отметки за поведение; в) балл “3” ставится за серьёзное нарушение поведения учащегося и служит ему предупреждением о возможности исключения из шк. Оценка поведения баллом “3” допускается только в одной четверти; г) в случае неисpravления ученика в установленный для него испытательный срок пед. совет обсуждает вопрос о возможности оставления его в шк. При решении вопроса об исключении учащегося его поведение оценивается баллом “2”. Разъяснить учителям и принять к неуклонному исполнению, что: а) в случае нарушения школьником “Правил для учащихся” в “Журнал поведения учащихся” и в дневник ученика записывается лишь характер самого проступка (без оценки его каким-либо баллом); б) оценки по поведению ставятся учащимся только за четверть и за год...» (НО, 1974, 188–189).

В конце 1950-х гг. система оценок по поведению трактовалась следующим образом: «...Нормой поведения считается только поведение отличное (“5”). Учащиеся X класса, имеющие годовой балл за поведение ниже “5”, не допускаются к экзаменам на аттестат зрелости. Получающих за поведение балл “3” (в любом классе) предупреждают о возможности их исключения из школы. При снижении отметки за поведение до “2” учащиеся исключаются из школы» (ПС, 1960–1, 80).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Он быстро проглядел табель, потом... строго спросил: “Как же это так? По арифметике – пять, по русскому – пять, а по поведению – четыре?”...» (Баздырев, 1961, 32). О конце 1950-х гг.: «Домой Санька шел совсем грустным. Первый раз за всю школьную жизнь у него в дневнике появилась четвёрка по поведению» (Воскресенская, 1962, 5).

О 1950-х – 1960-х гг.: «[Директор школы] Федор Николаевич сказал: “... Но я объявляю вам всем устный выговор за нарушение правил поведения в закрытых помещениях зрелищных предприятий! Кроме того, у вас, вероятно, будут снижены отметки за поведение...”» (Драгунский, 1964, 50–51).

О нач. 1960-х гг.: «“Опоздали мы, – ответил Славик. – Теперь и в отряде обсуждать будут, и по двойке за поведение наверняка закатают”» (Балдин, 1963, 38).

О 1963–1964 гг.: «В школах обычно отметка по поведению теряет свой истинный, заложенный в ней самый смысл. Вдумайтесь хорошенько. Пять ставят подавляющему большинству. Четыре тем, кто провинился, совершил серьёзные грехи. Порой очень серьёзные. Как известно, с четверкой по дисциплине не выдают ни свидетельство, ни аттестат. Но четыре в школьных словариках расшифровывается словом “хорошо”. Зачем же отметкой “хорошо” оценивать плохое поведение. Зачем за неё наказывать? Не меньше непонятного и с тройкой. Тройкой предупреждают об исключении из школы. Она самый страшный криминал. Но три – значит “удовлетворительно”. Как это понимать? Уж не делают ли вид учителя, что их удовлетворяет плохое поведение ребятшек? Не собираются ли с ним мириться? Иначе, как истолковать смысл отметки?» (Волков, 1965, 89–90).

Текст «Инструкции о выставлении оценки поведения учащихся сред. общеобразоват. школы», утверждённой министром просвещения СССР 31 дек. 1970 г.: «Устав сред. общеобраз. шк. вместо пятибалльной системы вводит след. оценки поведения учащихся: “примерное”, “удовлетворительное” и “неудовлетворительное”. Поведение учащихся оценивается учителем I–III (IV) классов и кл. руководителем IV–X (XI) классов. Гл. критерием оценки поведения является выполнение учеником своих основных обязанностей, сформулированных в Правилах для учащихся. Устав сред. общеобразоват. школы предусмотренны две положит. оценки поведения учащихся: “удовлетворительное” и “примерное”. Оценка “удовлетворительное” выставляется учащимся, которые выполняют осн. требования школы, определённые Правилами для учащихся, принимают участие в обществ. жизни школы и обществ.

венно полезном труде. Эта оценка характеризует поведение значительной части школьников. Выставление её не должно рассматриваться как чрезвычайное происшествие. Оценка “примерное” выставляется учащимся, которые наиболее старательно учатся и особенно активно участвуют в общественной жизни класса и школы и общественно полезном труде, образцово ведут себя в школе, дома и на улице, неуклонно выполняют Правила для учащихся. Оценка “примерное” должна выставляться лишь той части учащихся, поведение которых может служить примером для др. школьников. Оценка “неудовлетворительное” выставляется ученикам, которые систематически не выполняют своих осн. обязанностей, предусмотренных Правилами для учащихся, не подчиняются требованиям школы, учителей, проявляют недисциплинированность в школе, дома, общественных местах. В отдельных случаях оценка “неудовлетворительное” может быть выставлена и за совершение учащимся единичных антиобществ. Поступков, имеющих хар-р правонарушений. Оценка поведения производится по итогам учеб. четвертей и учеб. года. Она выставляется в дневник ученика и доводится до сведения родителей. По итогам учеб. недели учитель (I–III классы) и кл. рук. (IV–X (XI) классы) по мере необходимости вносит в дневник ученика краткие записи о его поведении. Годовая неудовлетворит. оценка по поведению учащихся выставляется только после соответствующего решения пед. совета школы... Учащиеся выпускного (X или XI) класса, имеющие годовую неудовлетворит. оценку по поведению, согласно § 20 Устава не допускаются к экзаменам и получают справку о том, что ими прослушан курс сред. общеобразоват. школы... Учащиеся невыпускных классов, получившие годовую неудовлетворит. оценку по поведению, переводятся в след. класс условно. При повторном получении учеником неудовлетворит. оценки по поведению, в случае систематич. неподчинения учителям и руководителям школы и грубых нарушений дисциплины, пед. совет рассматривает вопрос об исключении его из шк. Учащиеся VIII класса, имеющие за поведение годовую оценку “неудовлетворительное”, получают свидетельство о восьмилетнем образовании с соответв. записью в строке об оценке поведения. Решение вопроса о зачислении таких учащихся в IX класс может быть принято только пед. советом школы» (Болдырев, 1978, 256–257).

О середине 1970-х гг.: «Поведение учащихся в школе оценивается как “примерное”, “удовлетворительное” и “неудовлетворительное»» (Денисова, 1978, 153–154).

О 1980-х гг. в Челябинске: «В конце каждого учеб. года нам выдавали вручную заполненные табели успеваемости... Среди прочих граф в табеле была строка “Поведение”. И мою открыточку, такую всю в пятерках-четверках, здорово портила эта строчка. Потому что выше оценки “удовлетворительно” там ничего не появлялось. Ну не могла я высидеть долгий урок за партой без того, чтобы не поболтать с соседом, не посмотреть в окошко... Из-за “повышенной” вертлявости мне постоянно делали замечания...» (Кумейко, 2006–7, 9).

О 1980-х гг.: «Выполнение учащимися правил и норм поведения оценивается категориями “примерное”, “хорошее”, “удовлетворительное”, “неудовлетворительное”... Гл. критерий оценки – “Правила для учащихся общеобразоват. школы”... Оценка “примерное” выставляется учащимся, сознательно относящимся к своим обязанностям, образцово выполняющим “Правила”... Оценка “хорошее” выставляется учащимся, которые в осн. выполняют “Правила”, обладают дисциплинированностью и культурой поведения. Оценка “удовлетворительное” получают учащиеся, кот. выполняют “Правила” лишь при пост. контроле со стороны шк. и семьи... Оценка “неудовлетворительное” выставляется учащимся, систематически не выполняющим нормы учеб., трудовой и обществ. дисциплины, не подчиняющимся требованиям педагогов и родителей, не считающимся с требованиями коллектива. В отд. случаях оценка “неудовлетворительное” выставляется учащимся за единичные аморальные и антиобществ. поступки, имеющие хар-р правонарушений. Оценка поведения

выставляется в классный журнал и дневник учащегося и доводится до сведения родителей... Годовые оценки выставляются в журнал на основании решения педсовета школы... Учащиеся выпускных классов, имеющие по поведению оценку “неудовлетворительно”, к экзаменам не допускаются» (СВ, 1990, 174–175).

ОЦЕНКА по прилежанию – «В разные периоды развития нар. образования в нашей стране прилежание школьников оценивалось по пятибалльной системе (или заменяющей эту систему словесной форме: “отлично”, “хорошо”, “посредственно”, “плохо”, “очень плохо”) с обязательным выставлением один раз в неделю этой оценки в дневник» (СВ, 1990, 207).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Послевоенные годы – сороковые... В табелях успеваемости была графа “прилежание”. Прилежание!» (Найман, 2001, 47).

ОЦЕНКА успеваемости – определение преподавателем степени усвоения знаний, умений и навыков в соответствии с требованиями, предъявляемыми учебными программами.

Оценки выставляются за устные ответы, письменные работы, выполнение практич. заданий. Каждая оценка за устный ответ, письменную работу, выставленная в классный журнал, проставляется в дневник учащегося. Оценки за четверть – форма учета знаний. Итоговые (годовые) оценки – основание для перевода учащегося в следующий класс. Оценка может выражаться в балльной системе (числах) или системе оценочных суждений. (ТВПО, 1968, 160–161; СВ, 1990, 175).

До 1918 г. в российских учеб. заведениях существовала числовая система оценок, наиболее распространённая – пятибалльная (5 – высшая, 4, 3, 2, 1 – низшая), встречались и иные системы (напр., 12-балльная).

О нач. XX в.: «Я учился очень давно. Тогда ещё были гимназии. И учителя тогда ставили в дневнике отметки за каждый спрошенный урок. Они ставили какой-нибудь балл – от пятёрки до единицы включительно» (Зоценко, [1939] 1968–1, 224).

Числовая система оценок была отменена в мае 1918 года постановлением нар. комиссара по просвещению: «1. Применение балльной системы для оценки познаний и поведения учащихся отменяется во всех без исключения случаях школьной практики. 2. Перевод из класса в класс и выдача свидетельств производится на основании успехов учащихся по отзывам пед. совета об исполнении учебной работы. Нар. комиссар по просвещению А.В. Луначарский» (НО, 1974, 133).

«Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) об улучшении постановки учета и оценки знаний учащихся Наркомпрос в 1933 г. вместо недифференцированной двухбалльной системы оценок [...]

Вспоминает К. Ваншенкин (поэт немного ошибается: цифровые оценки были введены не до войны, а в 1944 году): «До войны, в мои школьные времена, несколько раз менялось офиц. наименование применяемых отметок. Можно составить такую таблицу [дана таблица в три колонки]: «очень хорошо – отлично – 5», «хорошо – хорошо – 4», «посредственно – удовлетворительно – 3», «плохо – неудовлетворительно – 2», «очень плохо – ... – 1». Существовал кодовый шк. жаргон: “очхор”, “хор”, “посик”. “Плохо” в некоторых местностях называлось “плюха”. Вполне художественно. Далее: “отл”, “удик” (“удочка”), “неуд”. Странно выглядит сопоставление третьих пунктов. Это же совершенно разные понятия: “посредственно” – означает: заурядно, “удовлетворительно” – достаточно хорошо. А то и другое соответствует оценке “3”. Сама же эта переломная отметка привлекала наибольшее внимание: “Тройка, птица-тройка! Кто тебя выдумал?..” Ну и, конечно, двойка – это “пара”. Во втором столбце отсутствует последняя строка. Это логично: “очень плохо” (как и “единицу”) ставили крайне редко. “Кол” известен скорее из литературы о дореволюционной школе. Смена терминов вела к путанице, – родители привыкли к одним, дети к другим» (Ваншенкин, 1996, 15).

О 1980-х гг.: «В первом классе оценки учащимся на протяжении первого полугодия не выставляются, однако в практике отдельных учителей есть опыт выставления

малышам только хороших оценок – пятерок и четверок...» (СВ, 1990, 175).

См. также: «Банан»; «Лебедь»; «Очхор»; «Пара»; «Пёсик»; «Посик».

ОЧАГ – наименование воспитательного учреждения для детей дошкольного возраста в 1930-е – начале 1940-х гг. См.: *Детский очаг*.

О конце 1930-х гг. в Ленинграде: «Вспоминала ли, как... её водили в детский садик, как тогда говорили, “в очаг”, на Кировском проспекте. Бабушка или мама вела Юльку за руку, а она считала себя уже совсем большой...» (Денисова, 2006).

«ОЧЕНЬ хорошо» – школьная оценка в 1920-е – первой половине 1930-х годов. В 1935 году заменена на оценку «отлично», которая в свою очередь, в 1944 году была заменена оценкой «5». Сокращенно называлась «Очхор».

О 1926 году: «Черепок исподлобья посмотрел на Симу: “...Подумаешь, мне “очень хорошо” получить – раз плюнуть. Я способный...”» (Шкаровская, 1963, 59). О конце 1920-х гг.: «В первый же день в школе я заработал “очень хорошо”. С этой отметкой я бежал домой без ума» (Панькин, 1960, 194).

«ОЧЕНЬ плохо» – школьная оценка в 1930-е гг. (см. *Очки*).

О конце 1930-х гг.: В тетрадях у меня была неопишная грязь. Так и вижу одну такую тетрадку, в которой я протёрла ластиком дырку, – там написано “очень плохо”...» (Яхнина, 2004–1, 19).

См. стихотворение Маршака 1941 года: «Пришел из школы ученик / И запер в ящик свой дневник. / “Где твой дневник?” – спросила мать. / Пришлось дневник ей показать. / Не удержалась мать от вздоха, / Увидев надпись: “Очень плохо”./ Узнав, что сын такой лентяй, / Отец воскликнул: “Шалопай! / Чем заслужил ты единицу?”» (Маршак, [1941] 1968–1, 206).

ОЧЕРЕДЬ – «Группа людей, вставших один за другим для получения или совершения чего-либо» (Словарь, 1959–8, 1796–1797).

Дети в очереди – в условиях, когда одному покупателю разрешили приобрести ограниченное число (объем, массу) продовольственных товаров, взрослые брали в очередь детей, чтобы получить на семью большее количество требуемой продовольственной продукции.

О восьмилетней девочке в Москве в 1932 г.: «Запомнила же я эти “золотые” [монеты] потому, что сама стояла в очереди в торгсин, в теперешний Смоленский гастроном. Дело в том, что “в руки” давали только пять килограммов сахара – даже за золото, – а нам нужно было 20. Вот и стояли на улице, около Карманицкого переулка, все вместе: мама, папа, я и новая наша няня Фрося. Это была моя первая “очередь”. Сколько их будет! А запомнилась эта, первая. Всё-таки шадилы меня родители, доставалось от маминой резкости часто, а воспитывали “интеллигентно”: восемь лет, а стою в очереди в первый раз. И как же это тогда показалось мне весело! Майское яркое утро, множество народу, и мы все вместе» (Старикова, 2003, 97).

О 1946 году в Москве: «Иногда разносился слух, что дают муку! Из воздуха мгновенно материализовывалась огромная очередь с улицы во двор. Каждый старался привести как можно больше детей, мы переходили из рук в руки, наивная кассирша верила и всем давала талоны по количеству круглых стриженных голов, по счету предъявляемых в маленькое фанерное окошко. Другой еды мы еще не знали» (СВ, 2004, 6).

ОЧКАРИК – «(разг., шутил.). Человек в очках (обычно о мужчине или мальчике)» (Ожегов, Шведова, 1996, 478).

О девочке 7–9 лет в селе Ястребинка Пресновского района Северо-Казхастанской обл. в 1991–1993 гг.: «В детстве я и мои друзья дразнили очкарика (девочку) так: “У него 4 глаза, он похож на водолаза!”, “Очкарик – в попе шарик!”» (019).

«ОЧКО» – игра в карты.

О 1926 году: «Я остался в большом мрачном здании среди сотен малолетних уголовников... А так как

свободного времени достаточно, то ребята находили себе занятия по собственному усмотрению. Любимым времяпрепровождением была игра в очко. Картёжники располагались где попало: в коридорах, на чердаке, в уборных и, конечно, на лестнице. Игры нередко кончались спорами, драками, иногда в ход пускались палки, железные прутья» (Гунин, 1984, 114–117).

О школьниках в Ленинграде в конце 1920-х гг.: «...Сережа Лозинский, сын знаменитого поэта-переводчика... был блестящий математик, и вообще всё знал... Не хуже других, он играл с ребятами в “очко” и принимал участие в общем трепе... “Очко” было очень распространено в классе, и Сережа Лозинский был одним из сильных, отъявленных картёжников; как-то раз кто-то его встретил уже под утро на Каменноостровском – он шёл, и на лице его была написана твердая решимость. Оказалось, что он играл всю ночь у кого-то из товарищей, и только что дал зарок бросить карты» (Дьяконов, 1995, 207–208).

О 1930-х гг.: «Вспомнились и игры тех ребячьих лет, что были под стать двору с его тёмными углами и лазами в лабиринт подвалов... Расшибалочка, пристенок, очко – игры на деньги, и первая папироска, и первое бранное слово, – всё вынес Алексей из этих дворовых закутков...» (Карелин, 1954, 53–54).

«ОЧКОВАТЬ» – (жарг.) бояться, испытывать нерешительность, колебаться.

О восьмиклассниках в Шадринске в 2008 г. (наблюдения во время педпрактики): «Максим говорит соседу по парте: “Чё-то я очкую, Вован, иди на диктант”. Вова: “Да ты успокойся, Максимка, напишем!”» (134).

Приведенный обмен репликами, по-видимому, воспроизводит фольклоризованную «формулу» обмена репликами между персонажами популярной в 2007–2008 гг. еженедельной телевизионной комической программы «Наша Russia» (канал ТНТ). Один из персонажей-подростков в серии сюжетов предлагает товарищу очередное рискованное предприятие. Тот говорит: «Чё-то я очкую...» Первый с характерной интонацией произносит: «Да ты успокойся!»

«ОЧУМЕТЬ!» – восклицание, призванное выразить (продемонстрировать) сильное удивление.

Об учениках 8 класса в Шадринске в 2008 г.: «Девочки столпились около одной парты и внимательно слушали Свету, которая рассказывала увлекательную историю о мальчике из параллельного класса. Мальчишки, обделенные вниманием, время от времени подходили и встраивали в разговор со словом “очуметь”» (134).

«ОЧХОР» – разговорное название школьной оценки «очень хорошо», заменённой в 1935 году на оценку «отлично», которая в свою очередь, в 1944 году была заменена оценкой «5».

О начале 1930-х гг.: «У нас круглая ударница только Алёнка-тихоня. У неё по всем предметам “оч. хор.”» (Соболев, 1964, 6). К. Ваншенкин о 1930-х гг.: «Существовал кодовый школьный жаргон: “очхор”, “хор”, “посик”» (Ваншенкин, 1996, 15).

ПАВЛИК Морозов – погибший в 1932 году мальчик-подросток, важнейший символ (персонаж) полит. сознания 1930-х – 1980-х годов.

Сведения из Большой Советской Энциклопедии (3-е издание – М., 1974 – С. 580): «Морозов Павлик (Павел Трофимович) (14.11.1918, с. Герасимовка, ныне Тавдинского района Свердловской обл., – 3.9.1932, там же), пионер, участник борьбы с кулачеством в период коллективизации сел. х-ва в СССР. Родился в семье крестьянина-бедняка. Был организатором и председателем первого пионерского отряда в с. Герасимовка, пионеры которого помогали коммунистам в агитации за создание колхоза, разоблачали враждебные действия кулаков. Зверски убит кулаками. Имя Морозова присвоено герасимовскому и другим колхозам, школам, пионерским дружинам; первым занесено в Книгу почёта Всесоюзной пионерской орг-ции им. В.И. Ленина (3 ноября 1955). Морозову установлены памятники в Москве (1948), с. Герасимовка (1954), Свердловске (1957). *Лит.*: Соломеин П.Д. Павка-коммунист. –

Свердловск, 1968; Смирнов Е. Павлик Морозов // Дети-герои. Сборник. – М., 1961».

Из книги 1957 г.: «Павлик узнаёт, что его отец Трофим Морозов заодно с кулаками. И Павлик... помогает разоблачить подкулачника, пробравшегося на должность председателя сельского Совета... 3 сент. 1932 г. враги подстерегли Павлика Морозова в лесу и убили его вместе с младшим братишкой Фёдей» (Гусев, 1957, 57–59).

О 1930-х гг.: «Портрет худенького мальчугана в большой фуражке с красным галстуком на шее появился в пионер. клубах и школах. Юные поэты и поэты взрослые слагали о нем стихи...» (Гольденштейн, 1971, 69–70).

О 12-летней девочке в 1933 г.: «Про кулаков я уже слышана. Про кулаков пишут в газетах, я читала о них в своей “Пионерской правде”. В школе нам рассказывали про Павлика Морозова, которого кулаки убили, потому что он раскрыл их злодейский заговор. Пионервожатый сказал нам, что Павлик – герой, потому что “поставил интересы государства выше личных”. Я ещё подумала тогда, что мне никогда не суждено стать героем, потому что я скорее бы умерла, чем донесла на папу. Но Павлик-то, конечно, молодец, потому что кулаки – злые и вредные. И недавно они сожгли живьем тракториста Петра Дьякова (мы уже разучили песню о его гибели)» (Лупанова, 2007, 67).

О 1936 г.: «Наша вожатая Ирочка Марголина оказалась – Герой. Оказалось, что она помогла Органам разоблачить и выявить подлинное лицо своего отца, который оказался врагом народа, подкупленным иностранной разведкой!... Старшая пионервожатая Валерия... рассказывала нам про этот замечательный Ирин подвиг и про то, как теперь мы должны гордиться своей вожатой, которая повторила подвиг Павлика Морозова!» (Козырева, 1990, 89).

Из рекомендаций работникам пионер. лагерей 1952 г.: «Пионеры должны знать о Павлике Морозове, Саше Чекалине и других юных ленинцах, показавших пример бесстрашия, мужества и патриотизма» (ПЛ, 1952, 46).

О методе «проговаривания» темы «Павлик Морозов» в школьно-пионерской среде во вт. пол. 1950-х гг.: «Пионерская комната была битком набита ребятами. В центре комнаты Ванюша и старшеклассники... налаживали костер. Он был совсем как настоящий, только вместо огня над поленьями трепыхались алые флажки, раздуваемые вентилятором, да светили изнутри прикрытые кумачом электрические лампочки... потушили верхний свет, вспыхнули лампочки костра, загудел вентилятор, и ребята закричали: “Взвейтесь кострами...” Потом вентилятор выключили... и Ванюша сказал: “А теперь, ребята, поговорим о воспитании воли и характера...” ... Ванюша, улыбаясь, поднял руку, и шум улегся. “Значит, вот мы к чему пришли, – сказал он. – Герой не просто смелый человек. Герой – тот, кто совершает смелые поступки в борьбе за правду, за дело трудящихся. Героями становятся иногда не только взрослые, но и дети, такие, как вы. Все слышали, наверное, про Павлика Морозова?” “Слыхали!” – дружно отозвались ребята. “А знаете, какой он подвиг совершил?” Девочка с косичками ответила первой: “Его кулаки убили... А вот за что, не помню.” И тогда Ванюша начал рассказывать о Павлике Морозове. Она, оказываясь, был родом из того же села, что и Павлик... Я старался потише дышать, чтоб не упустить ни слова. Я видел, как наяву, густые, темные ели, двух мальчиков – одного побольше, другого поменьше, – которые, взявшись за руки, шли по узенькой тропке; увидел огромных, дикого вида людей, которые с топорами и ножами в руках преградили путь пионерам. И один из них был дед Павлика. “Я вас не боюсь!” – сказал Павлик, прижимая к себе маленького брата. – Не боюсь! Я пионер...” Может быть, он не так сказал перед смертью, но я услышал эти слова так, как будто их произнес над моим ухом тонкий ребячий голос... “Что с тобой? Бледный стал, как стенка”, – толкнул меня локтем Федя. “Ничего, – сказал я. – Это бывает со мной”. Теперь уже разговор шел сам собой. Ребята наперебой говорили о виденном, о слышанном, о героях революции и

гражданской войны, о людях, которые отдали жизни свои в борьбе против фашистов» (Греков, 1960, 63–67).

Еще один пример, свидетельствующий о «забалтывании» данной темы. О сборе отряда [класса] в деревенской школе в конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «[Председатель совета отряда Люда Парамонова] продолжала: “Затеяли драку, избив друг друга. И это наши пионеры, которые носят на груди красные галстуки... Наша пионерская организация не должна пройти мимо этого возмутительного факта. Помните, ребята, каким пионером был Павлик Морозов. Он не дрался...” “Откуда ты знаешь?” – спросил Щука. “Павлик был настоящим пионером. Он любил свою Родину и...” Эту Люду невозможно было слушать. Ну, причём тут Павлик Морозов! Она при каждом удобном случае приводила в пример Павлика Морозова. Все и так знают, что Павлик – герой, настоящий пионер. Ему памятник поставили... А тут совсем другое дело. Была драка. В классе... Кто виноват? Не Павлик же Морозов?... Олег... медленно поднялся из-за парты. “Чего это вы все накинудили на Куклина? – сказал Олег. – Я согласен, что он не Павлик Морозов и не Тимур. Но нельзя же так... не оставлять камня на камне!”» (Козлов, 1963; 91–92, 93).

В стихотворении «Там где Павлик проходил...» начала 1960-х гг. описывается поход пионеров к обелиску Павлику Морозову: «Умолкла песня. И отряд / Идёт притихший, строгий. / Что было много лет назад / Здесь, у лесной дороги? / Быть может, Павлик у костра / Весенними ночами / Вот здесь до самого утра / Любил мечтать с друзьями? / Быть может, близко проходил / Тропинкою росистой, / И рделся галстук на груди / У “Пашки-коммуниста”... / Всё дальше вглубь тропа ведёт / К подножью обелиска. / Да, он упал, убит врагом, / Обрызгав кровью травы... / Но вот, лучом озарено, / В лесу мелькает знамя... / Проходят ленинцы сейчас / Июльским днём погожим, / Открытым взглядом детских глаз / На Павлика похожи. / Ему несут они салют, / Цветы и клятвы слово: / “На подвиг и на славный труд, / Как он, всегда готовы!”» (Преображенская, 1963, 8–9).

В конце 1980-х гг. появились публикации, ставившие под сомнение нравственные аспекты поступка Павлика Морозова. Приводим в связи с этим материал «Правда о Павлике Морозове», опубликованный в газете «Советская Россия» в 1989 году:

«В ЦК ВЛКСМ, Центр. совет Всесоюзной пионер. организации имени В.И. Ленина стали поступать письма и телеграммы, – сообщает редакции секретарь ЦК ВЛКСМ, председатель ЦС ВПО И. Никитин, – авторы которых настоятельно просят дать разъяснения: “Правы ли те, кто ставит под сомнение нравственную состоятельность решения Бюро ЦС ВПО имени В.И. Ленина, занесшего имя Павлика Морозова в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина?”. Новое исследование обстоятельств дела, связанных с убийством Павла и Феди Морозовых, а также событий, им предшествовавших, проведённое с участием Прокуратуры СССР редакциями газеты “Пионерская правда” и журналов “Пионер”, “Человек и закон”, позволяет Бюро ЦС ВПО имени В.И. Ленина сделать следующие выводы. К началу 1930-х годов в селе Герасимовка Верх-Тавдинского района Уральской (ныне Свердловской) обл., несмотря на первые мероприятия Советской власти, фактическая власть по-прежнему принадлежала сельским богатым. Это сказывалось на положении бедняков, к числу которых принадлежала семья Павлика Морозова. После ухода отца из семьи, где кроме матери Татьяны Семёновны и самого подростка, было ещё трое малолетних сыновей, жить стало совсем плохо. Семья голодала, постоянно подвергалась угрозе пойти по миру из-за домогательств деда С.С. Морозова, пытавшегося вернуть себе добро, выделенное семье сына – Трофима, отца П. Морозова. Вести о переменах, происходящих тогда по всей стране, проникли и в глухую уральскую деревню. Например, с рассказами учителей (ежегодно менявшихся в Герасимовке) о Советской власти, о пионердвижении, к тому времени насчитывающем десять лет. Наиболее восприимчивыми к этим рассказам оказались дети-ученики. В числе их

был и Павлик, которого не случайно называли Пашкой-коммунистом. Павлик Морозов, как мог, практически пытался бороться за новую жизнь. При этом делал это открыто, за что подвергался угрозам и избиению. Есть основания утверждать, что созданный в литературе образ П. Морозова не полностью соответствует подлинной судьбе реального подростка. Ничем не подтверждается глубоко укоренившийся в общественном сознании факт сообщения Павлом уполномоченному по хлебозаготовкам о преступных поступках его отца, бывшего председателем сельсовета. Исследование показало, что и сам уполномоченный впервые появился не в Герасимовке и не в уголовных делах, а в книжках, вышедших после убийства П. Морозова и его брата Федя, причём под разными фамилиями, тогда как все до единого остальные участники трагедии названы своими именами. Установлено единственное выступление П. Морозова против своего отца – на самом суде над Т. Морозовым, где Павлик, допрошенный как свидетель, открыто заявил, что отец, сам бедняк, бедняков не поддерживал, а будучи председателем сельсовета, “стоял горой за кулака”. Но именно исходя из факта “доклада” “уполномоченному”, Павлика Морозова сначала превратили в сусального героя, воспевая его в повестях, поэмах и даже песнях, а теперь ниспровергают до уровня “пионера-доносчика”, “предателя” или простой жертвы злого умысла. Следовательно, нужна не дегероизация Павлика Морозова, не навешивание ярлыков на честного и бесстрашного мальчика, а правдивый рассказ, новая книга о крестьянском подростке, который искренне поверил в возможности новой, светлой жизни и в глухой таёжной деревне в меру своих сил и возможностей боролся за приближение этой жизни. В этой связи Бюро Центрального Совета ВПО имени В. И. Ленина приняло постановление, в котором подтверждает правильность своего решения от 1955 года о занесении в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина пионера Павлика Морозова» (ППМ, 1989).

Из статьи 1999 года: «...Мальчишку из Герасимовки занесли в Почётную книгу пионеров-героев только при Хрущёве, а не при Сталине, как все теперь читают... Павел никогда не носил галстука, не ходил под красным знаменем – их тоже не на что было купить. Но пионером он стал, хотя недруги утверждают, что никакой пионерской организации в Герасимовке не существовало. ...В лесу скрывались бандиты, которые часто приходили к родственникам в деревню помыться и запастись продуктами. Бандиты прятались в лесу еще с 1921 года, то есть со времен кулачко-эсеровского мятежа. Остатки банды ещё долго скрывались в лесу, к ним постоянно присоединялись уголовники, бежавшие из лагерей, которых вокруг Тавды было много. Зоя Александровна Кабина рассказывает, что, когда она приехала учительствовать в Герасимовку, ей первым делом выдали винтовку. Вот в такой обстановке Павлик вступил в пионеры и встал на защиту бедняков. В деле № 374 есть показания его матери: “Двоюродный брат Павлика Данила, который был старше сына на пять лет, грозил бить его до тех пор, пока не выпитется из пионеров. На что Павел ответил: “Убейте хоть сейчас, но из пионеров не выйду”... Однажды Данила ударил Павла оглоблей по руке, которая стала опухать. Татьяна Семеновна подбежала защитить сына, закричала: “За что бьёте?” Данила ответил: “Будем бить коммунистов, как в 21-м году, сдерём с них шкуру!” Он снова замахнулся на Павла, а когда его мама стала между ними, ударил Татьяну Семеновну по лицу, изо рта пошла кровь. Прибежала бабка Аксинья и крикнула Даниле: “Зарежь этого сопливого коммуниста!” Павел из пионеров не вышел» (Жононенко, 1999; 85, 87).

«...В 1995 году было опубликовано в Москве хорошо известное в Европе, впервые изданное в 1988 г. в Англии документальное расследование Ю. Дружникова “Вознесение Павлика Морозова, или Доносчик 001”, показывающее, как создавался и популяризировался идеологический миф, опираясь на который, 60 лет пытались воспитывать советских детей, нарушая

библейскую заповедь о почитании родителей» (Звонарева, 2002, 19).

См. также: «Павлик Морозов».

«ПАВЛИК Морозов» – книга Губарева о Павлике Морозове.

О 1949–1950 гг.: «Опрос проводился... в школах Москвы, Н. Тагила, Фурманова, Барнаула, откуда учащиеся прислали около 1 200 ответов. Опрос был проведен среди учащихся третьих и четвертых классов мужских и женских школ равномерно. Материал письменного опроса дополнялся устными беседами. Кроме того, по каждой проверяемой книге было привлечено более 1 000 детских писем, присланных учащимися в Детгиз из самых отдаленных уголков нашего Союза... Книгу Губарева “Павлик Морозов”, по силе её воздействия на детей, можно поставить в один ряд с книгами о героических поступках молодогвардейцев, Гули Королевой и других. Девочки и мальчики читают её с одинаковым интересом. Все отзывы о книге говорят о горячем волнении, с которым читают книгу. “Эта книга очень интересная. Я читала её и плакала, – говорит учащаяся IV класса. – Особенно я переживала, когда читала 10-ю главу”. Таков общий характер детских высказываний. Так же, как в Олеге, детей больше всего захватывает смелость и принципиальность Павлика. Он любит отца, но разоблачает его, как только встал вопрос о помощи колхозу. “Я долго думала об этой книге, – пишет учащаяся IV класса из Сормова, – в ней говорится о юном пионере-герое, которого ненавидели кулаки за то, что он их выдавал. Они убили юного героя”. “Особенно понравился мне случай с конфетами. Павлик не хочет есть конфет, потому что отец их взял, а денег не заплатил. Павлик отлично знает, что ему попадет, но все же решается сказать отцу правду в глаза” (учащийся IV класса). Комсомолка, ученица IX класса, из Запорожья, вспоминает, какое сильное впечатление произвела на нее книга Губарева, когда еще девочкой-пионеркой она читала ее: “Я помню хорошо свои пионерские годы. Когда читала о Павлике Морозове, появлялось такое вдохновение, такая любовь к нему за его честность и смелость! И такая ненависть рождалась в ту минуту, когда читала о злодействах, трусости и подлости кулаков”. С напряженным вниманием следят читатели за ходом разворачивающихся событий в книге. Наибольшего напряжения оно достигает в момент убийства Павлика. Детям жалко Павлика, но одновременно их охватывает ненависть к предателю, погубившему Павлика. Они хотят знать, отомстили ли злодеям» (Жаворонкова, 1951; 50, 54–55).

«ПАДАЮТ, падают листья...» – начальные строки песни «Осень» (слова М. Ивенсен, музыка М. Красева), разучивавшейся в младших классах школы в 1950-е гг.

Текст: «[1] Падают, падают листья – / В нашем саду листопад... / Жёлтые, красные листья / По ветру вьются, летят. [2] Птицы на юг улетаю – / Гуси, грачи, журавли. / Вот уж последняя стая / Крыльями машет вдали. [3] В руки возьмём по корзинке, / В лес за грибами пойдём, / Пахнут пеньки и тропинки / Вкусным осенним грибом. [4] Мы под дождём не заплачем, / Пусть моросит с высоты. / Мы через лужицы скачем / И раскрываем зонты» (СП, 1958, 8).

ПАДЕГРАС – «Парный бальный танец установленной композиции, со спокойными изящными движениями, созданный в России в конце XIX века на музыкальной основе гавота; для падеграса характерно чередование мягких шагов с приседаниями и фиксированных поз» (СИ, 1994, 434).

Во вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг. годы школьникам разрешалось танцевать главным образом *бальные танцы*, в том числе падеграс.

О шк. вечерах в период раздельного обучения (1946–1947 гг.): «Потом начиналось то, ради чего все и затевалось, – танцы. О, о, о, о! Ряды стульев сдвигаются к стенам, раздаются первые патефонные через усилитель звуки падеграса. Нравственность, вкус, галантный танец. Падеграс – грациозный, хотя и несколько абстрактный танец. Гнуснее его только падепатинер...» (Найман,

2001, 52).

О 1946–1948 гг.: «Лето 1948 года я провела в деревне близ города Кашина Калининской обл. Очень чинно танцевали танец кадрили, мне её раньше не приходилось видеть. Вокруг было очень весело и совсем не похоже на наши школьные вечера, где мы в последние годы пыжились, пытаясь создать обстановку дореволюц. балов. В неподходящей обуви и платьях мы торжественно выделяли фигуры мазурки, тарантеллы, падеграса и других “старорежимных” танцев» (Туманова, 1995).

О старшекласниках в 1950–1952 гг.: «Нам не разрешали танцевать фокстротов. Нас заставляли танцевать занудистые падеграсы и падепатинеры...» (Бодров, 1966, 29).

Из книги 1961 г. для пионеров: «Падеграс – один из распространенных танцев среди школьников. Он очень прост и в то же время грациозен своими позами, церемониален своим парадным танцевальным шагом и неторопливой торжественной музыкой. Падеграс строится на шагах, исполняемых с задержками, которым соответствуют красивые позы. Шаг падеграса делается мягко, ступая с выгнутого носка, который первым касается пола, и только затем нога опускается на всю ступню. Ступни обеих ног должны быть хорошо развернуты, а подъем выгнут» (БГКП, 1961, 477).

ПАДЕКАТР – «Русский парный бальный танец установленной композиции, состоящий из па вальса и скользящих шагов...» (СИ, 1994, 434).

Во вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг. годы школьникам разрешалось танцевать главным образом *бальные танцы*, в том числе падекатр.

О Ленинградском нахимовском военно-морском училище: «18 сентября 1944 года – первое зачисление в Ленинградское нахимовское училище... ..Занятия иностранными языками, живописью, музыкой, бальными танцами – вальс, падепатинер, падекатр (бальные танцы преподавали до 1959 года)...» (Зиновьева, 2003).

О детях 12–13 лет в зимнем санатории в начале 1950-х гг.: «[После концерта]... был ужин и, самое главное, танцы. Венгерка, падекатр, падеспань..., падепатинер... Объявили дамский танец. Я тронулась с места и пошла к нему. Это был падекатр, старинный менуэт с приседаниями. Я его не видела. Мы взяли за руки ледяными пальцами и деревянно прошли весь танец, приседали, он кружил меня за поднятую руку, слегка приподнявшись на цыпочки. Это было начало пятидесятых годов, детей учили чинным танцам Смольного института благородных девиц» (Петрушевская, 1999, 16–17).

О 1953–1954 гг.: «“А я так волновалась, что концерт сорвется... Ты танцуешь?” “Немножко...” “В кружке занимался?” “Меня ребята научили”. “Пойдешь па-де-катр?” – спросила Аня, когда раздался звук рояля. “Давай попробуем”, – согласился Толя... Они стали друг против друга и взяли за руки. Толя очень хорошо знал этот танец, но сейчас, как назло, перепутал все па. Надо было подтянуть правую ногу к левой, а он сделал наоборот. Потом вместо трех шагов вперед прошел четыре, а начал вальсировать – наступил Ане на ногу. Он казался себе некрасивым, неловким и совсем смугился. “Подожди, не торопись и слушайся меня”, – тихо сказала Аня. И по тому, как она крепко жала его руку, Толя почувствовал, что вести теперь уже будет она. Движения у него сразу стали размеренными и спокойными. Он моментально припомнил все детали в фигурах – плавность хода, легкие приседания, которые придают грациозность, – и уже свободно пошел по кругу» (Дик, 1956, 127–128).

ПА-ДЕ-КАТР – см.: *Падекатр*.

ПАДЕПАТИНЕР – «Русский парный бальный танец установленной композиции; лёгкие скользящие шаги и позы танца имитируют движения конькобежцев...; темп умеренно быстрый».

Во вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг. годы школьникам разрешалось танцевать главным образом *бальные танцы*, в том числе падепатинер.

О Ленинградском нахимовском военно-морском училище: «18 сентября 1944 года – первое зачисление в Ленинградское нахимовское училище... ..Занятия

иностранными языками, живописью, музыкой, бальными танцами – вальс, падепатинер, падекатр (бальные танцы преподавали до 1959 года)...» (Зиновьева, 2003).

О школьном вечере в период раздельного обучения (1946–1947 гг.): «Потом начиналось то, ради чего все и затевалось, – танцы. О, о, о, о! Ряды стульев сдвигаются к стенам, раздаются первые патефонные... звуки падеграса... Падеграс – грациозный, хотя и несколько абстрактный танец. Гнуснее его только падепатинер, имитация конькобежной – то есть ледяной – близости... В сравнении с ним падеспань казался... разнуданностью чувств...» (Найман, 2001, 52–53).

О старшекласниках в 1950–1952 гг.: «Нам не разрешали танцевать фокстротов. Нас заставляли танцевать занудистые падеграсы и падепатинеры...» (Бодров, 1966, 29).

О детях 12–13 лет в зимнем санатории в начале 1950-х гг.: «[После концерта]... был ужин и, самое главное, танцы. Венгерка, падекатр, падеспань..., падепатинер... Объявили дамский танец. Я тронулась с места и пошла к нему. Это был падекатр, старинный менуэт с приседаниями. Я его не видела. Мы взяли за руки ледяными пальцами и деревянно прошли весь танец, приседали, он кружил меня за поднятую руку, слегка приподнявшись на цыпочки. Это было начало пятидесятых годов, детей учили чинным танцам Смольного института благородных девиц» (Петрушевская, 1999, 16–17).

ПАДЕСПАНЬ – «Русский парный бальный танец установленной композиции, созданный в 1898 г. и состоящий из элементов характерно-сценического испанского танца...; темп умеренно быстрый» (СИ, 1994, 434).

Во вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг. школьникам разрешалось танцевать гл. образом *бальные танцы*, в том числе падеспань.

О 1943–1947 гг. в Шадринске: «Директором школы была Ольга Ивановна Антонова. Она и моя мама, Софья Николаевна, обучали учени старших классов бальным танцам (па-де-катр, падеспань, вальс, полька, чардаш, венгерка, русско-славянский и др.)» (Иовлева, 1995, 31).

О школьном вечере в период раздельного обучения (1946–1947 гг.): «Потом начиналось то, ради чего все и затевалось, – танцы... Ряды стульев сдвигаются к стенам, раздаются первые патефонные через усилитель звуки падеграса... Падеграс – грациозный, хотя и несколько абстрактный танец. Гнуснее его только падепатинер..., бездарная арифметика шажков. В сравнении с ним падеспань казался откровенной, на грани приличия, разнуданностью чувств особенно еще и потому, что за ним маячил мотивчик песенки, сопровождавший эти па на прежних, до-, а значит, контрреволюционных, танцульках – “Однажды мменя пригласили на бал, хороушенький ммальчик со мной танцывал”» (Найман, 2001, 52–53).

О детях 12–13 лет в зимнем санатории в начале 1950-х гг. «[После концерта]... был ужин и, самое главное, танцы. Венгерка, падекатр, падеспань (девочка Надя, чего тебе надо), падепатинер... Это было начало пятидесятых годов, детей учили чинным танцам Смольного института благородных девиц» (Петрушевская, 1999, 16–17).

«ПАДЛА БУДУ» – вид клятвы; встречался как во взрослой, так и в детской-подростковой среде. Ср.: «*Гадом буду*»

О первокласнике в 1943 г.: «“Врешь!” – снова крикнул мой друг, и я, чтобы урезонить его, чтобы он без всяких разговоров поверил мне, ответил ему самыми серьезными словами, какие слышал из уст паханов возле проходных дворов: “Падла буду!”» (Лиханов, 1986–1, 538).

ПАЖ – объяснение см. ниже.

Звание пажа в России появляется в 1711 году. До середины XVIII века большинство пажей состояло из детей придворных чинов и офицеров гвардии. Они подразделялись на пажей и более высоких по статусу камер-пажей. Как те, так и другие считались на действительной придворной службе, их обязанности заключались в исполнении разных поручений особ царствующего дома. Служба пажей обычно

продолжалась с 8 до 13–14 лет, камер-пажей – с 15 до 18 лет. По окончании службы пажи производились в офицеры или назначались камер-юнкерами. При Елизавете Петровне было 40 пажей и 9 камер-пажей. В 1759 году создается *пажеский корпус*, и с этого времени начинается обучение пажей нем., лат. и фр. языкам, физике, геометрии, фортификации, алгебре, истории, географии, геральдике. В 1786 году число пажей увеличивается до 60, а камер-пажей – до 18 человек. В 1802 году Александр I преобразует пажеский корпус в военно-учебное заведение. С преобразованием пажеского корпуса в военно-учебное заведение в середине 1860-х гг. пажами начинают называть как служащих при дворе детей и подростков, а воспитанников *пажеского корпуса*.

О 1880-х гг.: «...На нём коломановская рубашка с погонами, на которых стоят первоначальные буквы пажеского корпуса, и высокие, совсем мужские сапоги. Коля в своей скромной гимназической блузке совсем теряется возле великолепного пажика» (Чарская, 1910, 58).

ПАЖЕСКИЙ КОРПУС – привилегированное учебное заведение в Санкт-Петербурге для сыновей высшей дворянской знати. С 1759 года (год основания) до 1802 года пажеский корпус был учреждением для воспитания и обучения *пажей* (детей и подростков, служащих при особах царствующего дома). Их обучали немецкому, латинскому и фр. языкам, физике, геометрии, фортификации, алгебре, истории, географии, геральдике. В 1802 году пажеский корпус был преобразован в закрытое учебное заведение по типу кадетских корпусов, с той оговоркой, что принимались в него только пажи царского двора, каковыми могли стать исключительно сыновья и внуки лиц, состоящих или состоявших на службе в чинах первых трех классов. В 1860-е годы пажеский корпус становится 7-классным: 5 младших классов – по типу военных гимназий, 2 старших – по типу военных училищ. С 1885 года имеет 7 общих классов, где изучались предметы учебного плана кадетского корпуса, и 2 специальных – военные и юридические науки. Все воспитанники корпуса носят звание пажей. В общих классах изучались предметы учебного плана кадетского корпуса, в специальных – военные и юридические науки. Окончившие пажеский корпус пользовались преимущественным правом службы в офицерских чинах в гвардии и спец. войсках.

П.А. Кропоткин (1842–1921) о Пажеском корпусе в 1850-х гг.: «Директором [Пажеского] корпуса был превосходный старик генерал Желтухин, но он только номинально был главою корпуса. Действительным начальником училища был... полковник Жирардог... Внутренняя жизнь корпуса под управлением Жирардота была жалка... Под управлением Жирардота преследования [новичков] принимали более острый характер, и производились они не товарищами-однокурсниками, а воспитанниками старшего класса – камер-пажами, то есть унтер-офицерами...» (Цит. по: Автобиографии, 1998, 382). Подробнее см.: «Новички»

В воспоминаниях о начале 1900-х годов читаем: «Форма у них была оригинальная: черная двубортная шинель, белая португеза и каска германского образца с золоченым шашаком и орлом спереди. На белой португезе пажи носили либо гвардейский тесак, либо шашку, смотря по тому, в каком классе они были – в кавалерийском или пехотном. Кроме того, у пажей была особая придворная форма – мундир с поперечными галунами, белые брюки, шпага и на каске белый султан» (Засосов, Пызин, [1976] 2003, 238–239).

ПАЗЕФИР – танец; исполнялся в конце 1940-х гг.

О новогоднем празднике в Ленинграде в 1946–1947 гг.: «“А теперь танцует па-зе-фир! Станьте в пары, вот так. За лучшее исполнение танца будет вручен приз, – и женщина-затейник подняла руку с прозрачными целлофановыми пакетиками, в которых лежали пряники. В центре зала поставили стул, кто-то подвел к нему слепого аккордеониста в темных очках – таких музыкантов было много в послевоенном городе... Пары медленно двинулись по залу, Света подошла к незнакомой девочке и, взяв её за руку, почти насильно

втянула в круг. Девочка не умела танцевать “пазефир”, но, глядя на Свету и повторяя за ней несложные движения, она уже не сбивалась с ритма, и когда они, старательно оттягивая носочки, поравнялись с женщиной-затейником, та, заметив их пару, оставила участвовать во втором туре. В последнем, третьем, туре девочка вполне усвоила танец, держалась свободной, и они получили долгожданный приз» (Макарова, 1979, 62).

ПАЗЛ, пазлы – получившая распространение в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. игра-головоломка, заключающаяся в собирании рисунка из множества мелких элементов.

О начале 2000-х гг.: «[Наташа] снова вышла из комнаты. А когда вернулась, в руках у неё была большая красочная коробочка. Пазлы! “Это тебе, – протянула Наташа коробочку девочке. – Мне давно подарили, но заниматься этим совершенно некогда. Ты собирать их любишь?” “Да, очень”, – искренне призналась Лена. Она, правда, не собирала такие большие – на 1000 деталей. Это дорогое развлечение. Но небольшие, которые им в школе дарили на Новый год и окончание учебного года, складывала с удовольствием... Лена... перед сном еще раз посмотрела на свою коробочку с пазлом. Завтра надо будет подумать, где его можно складывать. Доску какую-нибудь найти, что ли? За один день его не соберешь, а письменный стол надолго занимать нельзя. Где тогда уроки делать?... Рисунок красивый. Можно будет начать с замка. Вернее, сначала рамку собрать, а потом замок» (Дзюба, 2003; 50–51, 68).

О детях 6–9 лет в летнем лагере (культурно-оздоровительном центре) в 2005–2007 гг.: «Мальчики не отличались большим разнообразием игрушек. Один из них привез с собой пазлы. Пазл – это мозаика, которая состоит из картонных деталей, количество и размер которых зависит от возраста ребенка. Пазл собирается в различные картинки (например, персонажи мультфильмов, животные, природа и т. д.). Обычно они собирали их вместе, т. е. по несколько человек. При этом они вели себя очень тихо и с интересом подбирали детали, но через пару дней им и это надоело» (136).

ПАЙНЬКА – «Разг. О послушном и благообразном ребёнке (ласково, поощрительно или иронически). Обычно в качестве сказуемого. – *Нонче мой Алёшечка уник, пайнька!*... Е. Марков, Черноземн. поля...» (Словарь, 1959–9, 34).

О 1950-х гг.: «Совсем Андрейку не узнать: / Стал пайнькой проказник» (Севостьянов, 1960, 3).

ПАЙ-МАЛЬЧИК – мальчик-пайнька.

О 1940-х гг.: «... Тётя Фиса ... подарила ему настоящий железный пистолет, который стреляет настоящими пистонами. Взведешь затвор, положишь на железку бумажный пистон, нажмешь на курок – и бах! Треск, дым, горький запах. На войне как на войне. Мать выпговаривала старшей сестре: зачем мальчику дарить такие подарки, воспитывать агрессивность, а отец спорил с мамой. Нечего, говорил он, из Ростислава делать пай-мальчика, тютю и тряпку» (Холопов, 1995, 102).

См. также: *Паинька*.

ПАЛИ, гоним! – (разг.) призыв: «Ну, помчались, поехали, пошли!»

О мальчишке 12 лет в с. Нижнеполевском Шадринского р-на в 1993 г.: «Собрались с друзьями в летний день поехать на велосипедах купаться. Сбор был у моей ограды. Когда все собрались, я сказал: “Ну, чё? Пали, гоним!” И мы поехали на озеро» (137).

Об учениках 8–9 классов в с. Карачельском Шумихинского р-на в 1999–2000 гг.: «Мы говорили: “Пали, гоним”, когда сбегали с уроков. Я говорю своей подруге: “Оль, пали, гоним?” Она отвечает: “Погнали!”» (142).

ПАЛКА калёная – «а) Детская игра в прятки, в которой водящий бежит за брошенной палкой. Волог., 1890. б) В приговоре детской игры в прятки. Когда ищут искать спрятавшихся, то говорят: “Палка калёная искать пошла!” Волог., 1890» (Словарь, 1990–25, 173).

ПАЛКА-СТУКАЛКА – «а) Детская игра в прятки. Йонав. Лит[овская] ССР. 1960. б) Палочка, используемая

в этой игре. *А где ж твоя палка-стукалка?* Йонав. Лит[овская] ССР 1960. (Словарь, 1990–25, 173)

ПАЛКА – «Отделенная от дерева и очищенная от побегов часть тонкого ствола или толстой ветки» (Словарь, 1959–9, 65).

Скакать на палочке – играть, представляя себя всадником, скачущим на лошади.

О г. Харькове в 1917 г.: «И тут же я вспомнила, как скакал мой брат верхом на палочке и цеплялся сзади на прудетки...» (Шмерлинг, 1965, 38).

«ПАЛОЧКА-ВОРОВОЧКА» – «а) Детская игра в прятки: пока один вытаскивает из земли глубоко вбитую палку, все играющие прячутся; выдернув палку, водящий ищет спрятавшихся. Водящим становится последний из спрятавшихся, если не успеет добежать до места нахождения палки первым. Холмог. Арх., 1907. б) В приговорке в игре в прятки. *Палочка-воровочка пришла, никого не нашла.* Новг., 1911» (Словарь, 1990–25, 175).

«ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА» – 1. Игра, одна из разновидностей игры в прятки. См.: *«Палочка-выручалочка»* (2). Ср.: *«Палочка-застукалочка»*. 2. При одной из разновидностей игры в прятки (*«Палочка-выручалочка»*(1)) – предмет (палочка, дощечка), при помощи которого следует фиксировать значимые для игры ситуации («застукиваться»).

Стихотворение Валерия Брюсова «Детская» о 1880-х гг.: «Палочка-выручалочка, / Вечерняя игра! / Небо тени свесило, / Расшумимся весело, / Бегать нам пора! / Раз, два, три, четыре, пять, / Бегом тени не догнать. / Слово скажешь, в траву ляжешь, / Черной цепи не развяжешь. / Снизу яма, сверху высь, / Между них вертись, вертись. / Что под нами, под цветами, / За железными столбами? / Кто на троне? кто в короне? / Ветер высью листья гонит... / И уронит с высоты... / Я ли первый или ты? / Палочка-выручалочка, / То-то ты хитра! / Небо тени свесило, / Постучи-ка весело / Посреди двора».

О конце XIX века: «Палочка-выручалочка. Игра производится где-нибудь на дворе или у забора, а где-нибудь у выхода или лазейки назначается место (дом или сало) для краденой палочки. Затем кто-нибудь из играющих по жребию обязывается водить. Потом кто-нибудь из играющих посылнее бросает палку через забор на улицу, как можно подальше, после чего все остальные прячутся где-нибудь в потаенных местах: хлевах, сеновалах, чердаках, за копнами, за бревнами, в кустах, грядках и т. д. В свою очередь вожак поспешно бежит за палочкой и по возвращении к условленному месту стучит ею, давая тем знать, что начинает искать, зорить, а при стуке громко кричать: “Палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, тот за краденой пойдет. После того, положивши палочку на место, ищет спрятавшихся, стараясь, однако, по возможности недалеко уходить от неё, чтобы в противном случае кто-нибудь из играющих не украл палочки. – отыскать, или просто заметив кого-нибудь, вожак тотчас же громко кричит: «вижу» такого-то, называя при этом его имя или фамилию, затем спешит к палочке, стучит ею и приговаривает: “Стук, стук, палочка на месте”. Так он отыскивает и прочих и если благополучно всех сыщет, то первый сысканный в следующей игре начинает водить, а остальные прячутся. Если... вожак и сысканный окажутся близко один от другого, то чтобы первому зачурать другого, а сысканному отчураться от жоака, они оба бегут к палочке и каждый старается прежде другого застучать ею. Если добежит первым вожак, то, стучая, он кричит: “Палочка не украдена!” или “Чур у палочки” и т. д. Если, наоборот, первым добежит найденный, то, постукивая, кричит: “Палочка украдена!” или “Чур у палочки!” Запоздавший к палочке обязывается водить, после чего овладевший ею снова забрасывает ее, а сам прячется и игра продолжается. Кроме того в этой игре на обязанности каждого из участвующих лежит забота выручать товарищей, т. е. отысканных и “застуканных” палочкой, а потому они стараются пользоваться оплошностью, или дальним нахождением ищущего, завладеть палочкой и простучать со словами “Палочка украдена”. Весть эта обыкновенно приятно поражает играющих, после того палочку снова

закидывают, отысканные снова прячутся, а вожак снова бежит за палочкой. Игра эта обыкновенно очень нравится детям в возрасте 6–10 лет. Движений, хохота, острот в ней без конца, вследствие чего дети обыкновенно играют в нее с большим увлечением подолгу» (Покровский, 1895, 114).

О Ленинграде в 1942 г.: «Однажды Кирюшка и Таня сидели вместе со своими друзьями на лавочке и думали, во что бы им поиграть. “Давайте в пряталки”, – предложил Серёжа. “Не в пряталки, а в прятки, – поправила его Таня. – А палочка-выручалочка у тебя есть?” Палочка у Серёжи нашлась. Все стали считать. “Колпачок, Колпачок, маленькие ножки, красные сапожки”, – приговаривала Таня и постукивала по каждому кулаку. Это была очень старинная считалка, но, пока не придумали новой, можно было отлично пользоваться ею. Водить выпало Гае. Она уселась на лавочку и крепко зажмурила глаза. Все разбежались. “Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, я иду искать совсем! А-у! Я иду!” – несколько раз громко повторила Галя. Никто не откликнулся – значит, все спрятались. Тогда Галя открыла глаза и встала. И сейчас же, ну прямо в ту же секунду, палочка-выручалочка громко заколотила по скамейке. Эта хитрость была тоже старая-престарая, и те, кто играл в прятки ещё при царе Петре Первом, наверное, её знали. Надо было очень осторожно притаиться за спиной у водящего и, как только он откроет глаза, сразу же застучаться. Серёжа тоже знал эту древнюю хитрость и застучался первым. И теперь он восседал на лавочке с видом победителя и наблюдал, как Галя, ступая на цыпочках и осторожно оглядываясь, ходит по двору. Но, несмотря на все Галины предосторожности, Таня успела выбежать и застучаться. А Вовка попался. Он зазевался в подъезде, в углу под лестницей, и Галя первая добежала до скамейки и схватила палочку... Галя подошла к лестнице и закинув голову, старалась разглядеть, что делается на чердаке. В этот миг за её спиной раздался быстрый и громкий топот. Кирюшка пролетела как вихрь и, подхватив на бегу выручалочку, заколотила ею по скамье... Обстрел кончился, и ребята вышли во двор. Игра в палочку-выручалочку продолжалась. Теперь водил Вовка» (Карасёва, 1960, 44–47).

О 1960-х гг.: «Играют двенадцатилетние мальчишки. Начинают со спора: “кому водить”. Обязательно припомнят, что Алёшка еще в прошлый раз не отводился, его позвали ужинать, и тут же все согласятся, что это уже не считается. И водить достается Андреюке. И все разлетаются прятаться по разным углам и закоулкам. И спрятавшись, так что мать родная не отыщет, каждый ликует от чувства невероятного везения, но и большой своей ловкостью тоже. А потом бегут выручаться, летят со всех ног, как будто от этого зависит невесть что. И Сережка восторженно кричит: “Палочка-выручалочка, выручи меня за всех и за себя!” “За всех и за себя” – это единство, это чувство солидарности в игре обязательно присутствует, когда играют ребята по-хорошему, когда ничто не мешает, никто в игру не вмешивается, не хитрит и не жульничает. Они щедро помогают друг другу, и обязательно кто-нибудь вспомнит, что Андрейка совсем уже замаялся, устал водить и его надо бы сменить. И всегда найдется доброволец, какой-нибудь великодушный Валерка, который скажет: “Ну давайте, так и быть, я повою” И, прислонившись лицом к дереву, начнет считать до пятнадцати, стараясь не торопиться, потом под конец скажет: “Домашку не варить, а по городу ходить”. И пойдет всех отыскивать с неизменной верой в удачу» (Матвеев, 1970, 28–29).

«ПАЛОЧКА-ЗАСТУКАЛОЧКА» – 1. Игра, одна из разновидностей игры в прятки. См.: *«Палочка-застукалочка»* (2). Ср.: *«Палочка-выручалочка»*. 2. При одной из разновидностей игры в прятки (*«Палочка-застукалочка»* (1)) – предмет (палочка, дощечка), при помощи которого следует фиксировать значимые для игры ситуации («застукиваться»).

О Томске 1920-х гг.: «Рассказывать о всех играх – письма не хватит, расскажу лишь о некоторых... Игра в палочку-застукалочку. В этой игре многое зависит, как исхитришься спрятаться, быстрее добежать и застучаться и кого-нибудь из играющих выручить. Тот, кто галит, становится лицом к забору или стене дома и, закрыв руками лицо, считает до сорока, а за это время все должны успеть спрятаться. Палочка-застукалочка (обычно палка) лежит на условленном месте. У нас во дворе она лежала на нашем крыльце, а когда играли в роше, что примыкала к нашему двору, палочка-застукалочка лежала на скамейке. Тот, кто галит, – бегаёт, ищет. Отойдет далеко от палочки-застукалочка, – кто-нибудь из ребят, кто спрятался неподалёку, со всех ног летит, хватая палочку-застукалочку и изо всех сил кричит: “Я стучу, я не гаю!”. Кто не успеет добежать, и его застучит, тот, кто галит, ну, значит, проиграл, – выходи из игры. Однажды, когда мы играли в роше..., моя младшая сестра спряталась в крапиве. Рассудив: кто же полезет в крапиву?.. И верно, никто не полез в крапиву. Сидела сестренка, сидела, почесываясь. Ноги и руки покрылись крапивными ожогами, сплошные волдыри. Больно, всё чешется. Что делать – не знает. Надо выбирать, а ей страшно ещё раз пролезть через заросли жгучей крапивы. Мы её потеряли, принялись искать. Всю рошу обложили. Нашли, когда плач услышали. Порубили палками крапиву, набросали веток, лопухов, травы. Еле-еле вытащили сестренку, всю в волдырях, зарванную... А один мальчишка умудрился спрятаться... на дереве. Залез на берёзу, да высоко. Никто не догадался вверх посмотреть. Я галила. А он, хитрец, дождался, когда я далеко ушла от палочки-застукалочка, быстренько слез и застучался. Пришлось мне ещё один кон галить» (Коронатова, 1994, 74–75).

ПАЛОЧКА-КАТАЛОЧКА – «палка, которой стучат в игре в прятки, напевая. Новг. Новг., 1911» (Словарь, 1990–25, 175).

ПАЛОЧКА-ПОСТУКАЛОЧКА – «а) Детская игра [в прятки?]. Липец. Ворон., Тростянский. б) Палка, употребляющаяся при игре в прятки. Мещов. Калуж., 1916» (Словарь, 1990–25, 175).

ПАЛОЧКА-РУЧАЛОЧКА – «Палочка, которая забрасывается возможно дальше во время детской игры в прятки; водящий бежит за ней, остальные в это время прячутся. *Палочка-ручалочка, выручи меня, найду всех.* Дубен. Тул., 1933–1960» (Словарь, 1990–25, 175).

ПАЛОЧКА-СТУКОТАЛОЧКА – «Палка, которой стучат в игре в прятки, напевая. Твер., 1911» (Словарь, 1990–25, 175).

О детях во вт. пол. 1930-х гг.: «За дверью раздался топот, кто-то вихрем пронёсся мимо, и уже издали послышался торжествующий вопль Марика: “Палочка-стукалочка, Гошка!...” Восторженный девчоночий визг пронёсся снаружи, потом долетело: «Палочка-стукалочка, сама за себя!..» (Рекемчук, 1974).

ПАЛЬТО – «Верхняя одежда длинного покроя, надеваемая поверх платья костюма и т. п.» (Словарь, 1959–9, 79).

ПАЛЬТО у девочек – см. *Пальто*.

О девочке из состоятельной семьи, живущей в Москве в нач. 1910-х гг.: «... Одежда для прогулки на сквер была дурацкая: шляпа величиной с решето, узкое неудобное короткое пальто, платье с крахмальными оборками. Ни повернуться, ни прыгнуть, ни поиграть с удовольствием в «классы» в этой кукольной одежде было нельзя» (Луговская, [1983] 1987, 47).

О девочке 5–6 лет в 1930–1931 гг.: «Зашли ещё в другой отдел сельпо, и мама купила мне пальто с байковым зелёным верхом. “Это на зиму...” Это ватное одеяльце в форме пальто мне хотелось как можно скорее скинуть» (Мордюкова, 1998, 12).

О девочке 5–8 лет в середине 1930-х гг.: «Светочка стоит спиной к нам... Ловим ее, хватаем за руки, за пальто. Она кажется немного чужой в новом красном пальто, в новой береточке...» (Александрова, 1992).

О 12–13-летней девочке во вт. пол. 1930-х гг.: «Я видел развешавшиеся полы её пальто, её быстрые ноги в черных туфельках...» (Мошковский, [1963] 1987–1, 374).

О 1941–1942 гг.: «...Подошла девочка в жёлтом, как подсолнух, пальто... У девочки всё было под стать: и жёлтый беретик, и пальто с прозрачными алыми пуговицами» (Рождественская, 1960, 19).

О Свердловске начала 1950-х гг.: «Рыжая [девочка лет 11–13] появилась, когда мальчик с приятелями играл у стены... Мальчик побежал догонять [мяч] и выловил возле самых ворот. Это было удачно. С расстояния в двадцать шагов он мог глядеть на нее – он и поглядел. На ней было новое пальто в черно-красную клетку, чуть более длинное, чем надо, но, наверное, оно ей очень нравилось; разговаривая, она несколько раз принималась кружиться, и пальто летало вокруг ее ног... [Он] увидел рыжую девочку, идущую ему навстречу. Она шла по залитому солнцем тротуару..., по пересыхающим лужицам, высоко неся голову, уткнув кулачки в карманы пальто и раскачивая его длинные полы при каждом шаге, как бы приплясывая... Рыжая..., смеясь, призналась, что и вправду учиться неважно, и – он угадал – особенно по русскому; что новые учителя ей не нравятся... Он перебил её... и предположил, что она, наверное, стала совсем неграмотной. “Совсем неграмотная!” – радостно согласилась она и крутанула вокруг ног своё черно-красное пальто» (Дробиз, 2004).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Это сказала маленькая девочка в широком, как колокол, пальто и в остроконечном капоре» (Ефетов, 1963, 82).

О конце 1950-х гг.: «Хорошенько намочив в ведре тряпку, Таня начала усердно возить ею по полу. Полы пальто и обшлага рукавов намочил. Таня сняла пальто и подоткнула юбку, как делала в таких случаях мама, но от этого легче не стало» (Тартаковский, 1963, 21).

О 6-летней девочке в перв. пол. 1960-х гг.: «С прогулки [Надя] пришла грязная-прегрязная... Ботинки поставили сушиться возле батареи парового отопления... Пальто тоже просушивали. Потом на лестничной площадке его повесили на перила, и Надя долго чистила своё пальто щеткой» (Котовщикова, 1966, 65).

ПАЛЬТО (у мальчиков) – см. *Пальто*.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «...Она повела меня к... скамейке, где сидел... худенький мальчик в пальто и матросской шапочке. Я присела рядом с ним. Он осторожно отодвинулся от меня и засунул худые ручки в карманы пальто» (Смирнова, 1963, 77).

О Москве во вт. пол. 1940-х гг.: «Другой случай связан с появлением у меня нового пальто – событием, по тем временам нечастым. Ради этого пальто Тюлечка отстояла очередь за получением ордера, затем была бегодня по магазинам, чтобы найти хотя бы примерно то, чего хотелось для любимого дитяти, и т. д. Наконец пальто появилось, и я преобразился... Разгорячившись в бегодне по парку, я снял новое пальто и повесил его на дерево. Игра закончилась, я подошел к дереву и – о, ужас! – не обнаружил на нём и следов моего нового красивого пальто. Я похолодел от ужаса, прекрасно понимая, каков по тем временам был масштаб этой потери. Мы с Олей медленно двинулись к дому, обсуждая, какой легендой лучше всего сопроводить эту, скажу, не преувеличивая, трагическую историю» (Сафонов, 2001).

О 1950–1951 гг.: «...[Обыкновенный мальчуган ходил] зимой в матерчатой шапке, лопухом завязанной тесёмками сзади, в мышинного колера пальтеце и валенках с калошами» (Гай, 1978, 78).

О 4-летних мальчиках в Перми в 1959 году: «Как мы, мальчишки, были одеты. Плюшевое пальто, байковые шаровары поверх валенок...» (Киршин, 2002).

ПАЛЬЦЫ веером... – в подростковой речевой практике: о человеке, ведущем себя высокомерно, пренебрежительно к окружающим.

Записи студенток Шадринского педин-та 1993 г. по теме «подростково-молодёжный жаргон»: «“Пальцы веером, сопли пузырями” – о самоуверенно ведущем себя человеке. Например: “А он сидит, пальцы веером, сопли пузырями”» (О. Кананерова, фак-т дошкольного воспитания); «“Пальцы веером, сопли пузырями, а на ногах фигушки” – очень крутой человек. Например: “А у него вообще пальцы веером, сопли пузырём, а на ногах

фигушки» (Н. Добрыдина, 4 курс фак-та общетехнич. дисциплин); «Пальцы веером» – блатной, деловой, прикинутый. Например: «Пальцы веером, зубы в рондолях, походка пилорамой» (Т. Глушенко, 5 курс фак-та рус. яз. и лит.).

О девочке 10–15 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1995–2000 гг. «Выражение “Пальцы веером, зубы шифером” я впервые услышала от мальчишки, который старше меня на 3 года. Так он однажды сказал в адрес мальчишки, который ему что-то не дал. Мне понравилась эта фраза, и я тут же стала использовать её. Так я говорила в адрес гордых, неприступных людей» (137).

О мальчиках-подростках в с. Половинном Половинского р-на во вт. пол. 1990-х гг.: «“Пальцы веером” – выражение применяется к пацанам, в редких случаях к девчонкам. Пример: идёт чувак, весь прямо не может – модный. Жуёт жвачку, в очках, нормально приодет, походка странная, смотрит на всех свысока – ну, в общем, выделяется, блатует. А ты его так провожаешь взглядом и говоришь другу: “Во, блин, ходит, выделяется, под модного косит”. А друг отвечает: “Ага, пальцы веером...”. Потом постоим, маленько посмеёмся, пообсуждаем да забываем. Вообще эта фраза или выражение имеет продолжение, но целиком выражение использовалось редко: “Пальцы веером, морда чайником, зубы шифером”. У нас это выражение было очень распространено. Поэтому чтобы вызвать смех или хихиканье хватало одной, первой фразы» (016).

О подростках 12–13 лет в 1998–1999 гг.: «Если кто-нибудь из друзей начинал хвастаться или задаваться перед другими, ему на это отвечали или про него говорили так: “Пальцы веером, губы бантиком»» (025).

О деревне Октябрь в конце 1990-х – начале 2000-х гг.: «“Пальцы веером” – мы так говорили (в д. Октябрь), когда человек зазнавался или хвастался. Помню, Диме сказали хором: “Ой, пальцы веером, зубы шифером, нога на ногу, а сопля на щеку. Ну куда деваться!” Это выражение сопровождает нас до сих пор, когда мы собираемся вместе с друзьями» (008).

О девочке 14 лет в селе Кундравы Чебаркульского района Челябинской обл. в 2000 г.: «К нам на лето приехала гостить из г. Кургана двоюродная сестра Юлия (16 лет). Она ровесница с моим братом. И у них часто возникали конфликты по разным причинам. В одном из таких конфликтов я и услышала от Юли фразу “Пальцы веером, сопля пузырь”. Юлия вообще по обзывалкам занимала первое место. Но эту фразу я вспоминала часто, и всегда смеялась, когда слышала её (но только не в свой адрес)» (141).

«ПАМЯТНЫЙ значок Ленинского зачёта» – значок, которым награждались наиболее активные участники «Ленинского зачёта».

ПЕДАЛЬНАЯ машина – игрушка для детей: снабженный педалями автомобиль.

О 1950-х гг.: «Дети ахнули... Грузовик был ... не настоящий, потому что он слишком мал. Но и не игрушечный, потому что за рулем сидел шофёр и правил машиной. Кто же этот шофёр? Женя Маслов! Сияющий Женя вёл машину и вертел руль – “баранку” по-шофёрски. Иногда он нажимал резиновый рожок – и тогда раздавались пронзительные звуки. Машина подъехала к калитке и повернула в сад. “Педальный грузовик!” – завизжал Андрей и кинулся навстречу Жене» (Гернет, 1960, 105).

О начале 1970-х гг.: «...До сих пор не забыто это удивительное чувство, когда впервые сел за руль авто. Мне – лет восемь от роду, а соседскому мальчишке родители купили машину – “Победу с педальным приводом”. Это была удивительная штука. Толкаешь педали – он едет. Но главное, сам рулишь! Хочешь – налево, хочешь направо... Удивительное чувство свободы. С тех пор прошло много лет. За баранкой какого только транспорта не сидел! Но, увы... Такого восторга и свободы, как за рулем детской “Победы”, я уже не испытал никогда. Сейчас педальные машины уже отходят как класс, потому главный вопрос остается: какой все же электромобиль выбрать?» (Бушев, 2007, 25).

О перв. пол. 1970-х г.: «В это время во дворе появился Пальто, тот самый мальчик в очках минус девять, который высмеял Веру, когда она предлагала прыгать с крыши сарая для укрепления воли. Пальто был на два класса младше Пети... Сейчас Пальто вывез во двор педальную машину, держа её за баранку» (Шатько, 1977, 134).

См. также: *Автомобиль, Автомобиль детский.*

ПЕДЕЛЬ – надзиратель в учебном заведении (гимназии, реальном училище), следивший за поведением учащихся.

О гимназии 1890-х гг.: «За нашим поведением следили еще “педеля” – сторожа-дядьки из бывших солдат. Они ходили в замасленных, потрепанных сюртуках и держали себя без важности. Трое из них особенно запомнились мне. Один... подвизался, в младших классах. За фискальство его терпеть не могли. Он только и делал, что “записывал”... Был вроде гимназического полицейского. Хуже, ядовитей был другой педель, в старших классах, – Сухорукий Касьян. Подобно Коновалу, он рыскал по городу, чтобы “ловить” гимназистов, но в то время как Коновал бродил по улицам, Сухорукий имел возможность в вечернее время забираться в более темные места – боковые аллеи скверов. В результате иногда “улов” оказывался серьезным, и тогда приходилось откупаться значительной суммой. Вообще же было благоумнее регулярно платить ему “рубль”, а иногда, когда утром он подходил, говоря: “А вчера я вас видел, господин Блонский, в парке”, – и набавлять. Словом, своим сыском он пользовался как средством наживы. Несколько в другом духе был Захар, сторож при раздевалке старших классов. Никаким сыском он не занимался, а “рубля” не чууждался. Но этот “рубль” был не откупом, а платой за курьезительство. Например, являться в гимназию без ранца запрещалось, а мы стремились ходить без него. Выход из положения был таков: ранец хранился у Захара и в случае проверки, значит, был налицо. Уходить из гимназии не вовремя запрещалось, и двери были на запоре, но мы все же удирали, так как Захар выпускал нас. Он же продавал тетради забывшим их дома. Словом, оказывал ряд мелких, но важных услуг, конечно, только тем, кто платил ему» (Блонский, [1941] 1971, 34).

О гимназии в нач. 1900-х гг.: «Мальчиши – пригитовишки и первоклассники... если и решались вылезти в сад, то держались в тех районах, где прогуливались, наблюдая за порядком, педеля, которых мы называли “дедушками”, ибо оба они были весьма преклонного возраста – оба начинали свою солдатскую службу еще при Николае I... Эта наша постоянная возня... замечена была Довжиком, “помощником классного наставника”, как называлась его должность, – что-то вроде воспитателя. Этот Довжик был прожорливой бестией и постоянно совал свой красный нос куда не спрашивают. Он оказался и на галёрке театра, на пьесе, которую нам не разрешалось смотреть, и на улице вечером, в тот час, когда уже не полагалось выходить из дому, и как раз на той самой, по которой возвращались с вечеринки загулявшие гимназисты. А то прокрадывался в ближайшее соседство с какой-нибудь группой гимназистов, считавшей себя в полной безопасности в своем убежище где-нибудь в глухом углу городского сада, и его настороженное ухо ловило совсем не предназначенные для оглашения разговоры. И хорошо еще, если на другой день собеседники приглашались для “внушения” только к директору, а не к жандармскому полковнику. Восьмиклассники пробовали его бить: задавали ему хорошую взбучку, накрыв шинелями. Но это ничуть не умеряло его рвения. Наконец нащупали его слабую струнку, нашли способ его обезвредить, способ, правда, не всегда доступный, ибо сопряженный с некоторыми тратами: его надо было подпоить. Тогда он становился кротким, мягким и забывчивым. Сколотилась даже пьянствующая компания из старших гимназистов с Довжиком во главе, созданная якобы только для его отвлечения от шпионства» (Конашевич, 1968, 138).

О реальном училище 1905–1906 гг.: «Открыли наконец и для мальчиков реальное училище, в которое поступил и я... Педеля таскались по квартирам инородных

учеников, живших “на хлебах”, рылись в сундучках, искали прокламации, которые в ту пору, размноженные на гектографе, появились во множестве» (Кузьмин, [1964] 1990, 81).

ПЕДОЛОГ – специалист по педологии.

О 1927–1928 гг.: «На последних уроках должна была быть химия. Но вместо учителя в класс вошли две незнакомые женщины. [...]

См. также: *Педология*.

ПЕДОЛОГИЯ – «совокупность психологических, биологических, социологических концепций развития ребёнка; возникла в конце 19 века в США и Западной Европе» (СИ, 1994, 452). [...]

ПЕДСОВЕТ – см.: *Педагогический совет*.

ПЕЛЕНАЛЬНИК – «Узкая полоса ткани, лента, которой обвивают младенца поверх пеленок, свивальник. Ильин. Перм., 1960. *Пеленальник, как тельник, тряпка широкая; свяжут руки-ноги – ребёнок как ёлтыш лежит*. Перм.. Мурман., Ср. Урал, Ср. и нижн. теч. р. Урал» (Словарь, 1990–25, 327).

ПЕЛЁНКА – простынка для завёртывания, пеленания грудных детей.

«В России долгое время сохранялся обычай туго пеленать новорожденных, при этом пеленками не пользовались. Ручки и ножки младенца неподвижно фиксировались широкими лентами с тесёмками для завязок [*свивальниками*], так же перевивалось всё тельце... Пелёнками, их еще называли “косынками” и “платками”, стали пользоваться лишь в начале XX века, и только в гор. семьях... Как отмечалось на промышл. выставке “Детский мир”, проходившей в Санкт-Петербурге в 1903–1904 гг.: “В витрине представлены 2 модели спеленутого ребенка. Одна из них представляет обыкновенное пеленание свивальником, а другая – более правильное, при помощи косынок”» (Серебрякова, 1995).

О Западной Сибири: в XIX – нач. XX в.: «В нач. период жизни в дет. одежде преобладала практическая функция. В Верхне-Каинской волости... новорожденных детей пеленали в пеленки, приготовленные из старой, поношенной одежды. Пеленали так, чтобы можно было систематически менять нижнюю пеленку, постеленную в колыбели, не перепеленывая всего ребенка. Для этого складывали пеленку в несколько слоев, покрывали плечи, спину до талии и далее, оставив открытыми ягодицы, перекрещивали ноги. Вереvoчкой – “пеленашником” обвивали и завязывали концы спереди. По сведениям священника Герасимова, у старообрядцев Бухтармы ребенка одевали в ситцевую рубашку, голову повязывали платочком. Пеленали пеленками – “свивальниками”, сшитыми из цветастых материй, иногда использовали для пеленания пояса» (Фурсова, 1990, 92).

О 1948 годе: «...Приходит мама и приносит Лёню. Начинается оживление: Лёня кричит, мама кормит его и сменяет ему пеленки, Лёню купают...» (Панова, [1955] 1956, 488).

О 1950-х гг.: «Рита смотрит, как Лёшина мама заворачивает Олечку, а потом помогает ей складывать пелёнки и рубашечки...» (Браиловская, 1962, 20).

О начале 1960-х гг.: «А в мае у Вовы появилась сестрёнка Наташа... Днём все спят, а ночью жгут свет, кормят Наташку, бегают на кухню за пелёнками. Бабушка – так та прямо запуталась в пелёнках и клеёнках» (Чеповецкий, 1962, 61).

Лит.: Холодная В. Пелёнки. // РД, 2006, 255–260.

ПЕНАЛ – небольшой деревянный, металлический или пластмассовый ящичек. Первоначально в пеналах хранились только перья (см. *Перо*), причем гусиные, а не стальные. Потом в них стали класть и другие предметы для письма и рисования – карандаш, ручку, ластик и т. п.

О Москве 1908–1910 гг.: «Скоро наступило и первое сентября. Соня с вечера приготовила свою школьную сумку. Только готовить-то особенно было нечего: положила в сумку новый желтенький пенал с карандашом, и все. Но зато пенал был красивый, с цветочками на крышке, а крышка выдвигалась и задвигалась» (Воронкова, 1959–а, 109).

О гимназистке-первокласснице середины 1910-х гг.: «...Лоре купили сумку для книг..., тетради и пенал.

Пенал был деревянный, с лакированной выдвигной крышкой, разрисованной бабочками и цветами. В пенале, между тоненькими перегородками, лежали карандаши, перья, резинка и ручка... Марийка посмотрела на блестящий лакированный пенал, из которого Лора вытаскивала резинку..., и, повернувшись на каблуках, выбежала из детской».

О середине 1910-х гг.: «В ранце... носил я учебники, тетради и пенал. Да, – пенал. Из далекого прошлого появляется слово: пенал. Это был продолговатый деревянный ящик, плоский – с выдвигной крышкой. Крышка пенала. Она имела углубление для нажима большим пальцем при выдвигании, и само это углубление блестело, как ноготь. Лакированную поверхность крышки украшали переводными картинками... Они были непрочны и вскоре исчезали, оставляя на деревяшке мерцающий след, похожий на крыло бабочки» (Олеша, [1931] 1999, 45).

О гимназистке старших классов в 1916 г.: «Она была счастлива шагать рядом со мной, бесшабашно размахивая клеенчатой книгоноской, за ремешки которой был заложен пенал с переводной картинкой на крышке» (Катаев, 1983, 7).

Об Украине в 1917 г.: «Котя... снял [ранец] со спины... Как игральные карты, он разложил ещё совсем чистые, без клякс, белоснежные хрустящие тетрадки... “Видал миндал?” – сказал Котя, ...вытаскивая из каждой тетрадки розовую промокашку... А новенький светлокремовый пенал с аккуратно переведённым на крышечку цветным слонем! Когда Котя выдвигал крышечку, она вкусно скрипела, открывая радуку цветных карандашей» (Ямпольский, 1964, 309).

О заводском поселке в конце 1930-х гг.: «Положив монеты в карман, он помчался в книжный киоск, который находился за углом. “Мне нужен пенал... только очень хороший! – сказал Петя, обращаясь к продавщице. – С сегодняшнего дня я уже первоклассник...” “Выбирай!” – проговорила продавщица и выложила на прилавке не меньше десятка пеналов. Никогда Петя не мог себе представить, какое это наслаждение выбирать пенал! Во-первых, необходимо было, чтобы хорошо открывалась крышка. Пожалуй, это и было самым главным. Затем стенки. Стенкам полагалось быть гладко отполированными, без малейшей шероховатости, и блестеть как стекло. Наконец, внутри требовалось четыре отделения. Именно четыре, не больше и не меньше: для карандаша, для ручки, для резинки и для перьев. Петя осматривал пенал за пеналом. Исследовал их с необычайной тщательностью. Выдвигал и задвигал у каждого крышку. Проводил пальцами и ладонью по их лакированным стенкам. Заглядывал внутрь. Нюхал. Щупал. И даже один лизнул: каков на вкус? Он перебрал те, что лежали на прилавке. И все же не мог решить, который из них самый лучший, достойный отправиться вместе с ним в школу... Продавщица... протянула Пете пенал, который на первый взгляд ничем особенным от остальных не отличался. Но когда Петя взял его в руки и хорошенько рассмотрел, пенал оказался выдающимся. Он был такой желтенький! Крышка у него выдвигалась как надо – не туго и не слишком легко. Внутри пахло смолой и лесом. А на стенке темнел коричневый отполированный сучок, вроде родимого пятнышка. Петя немедленно купил именно этот пенал. Затем карандаш, ручка, шершавая резинка для чернил и пяток перьев “Пионер” туго заполнили четыре отделения пенала» (Могилевская, [1941] 1958, 16–17).

О перв. пол. 1990-х гг.: «У меня пенал был с первого класса. Сначала это был прямоугольный пластмассовый футляр. Сверху была линейка с таблицей умножения до 10. Для удобства пользования таблицей умножения на пенал надевался специальный бегунок с окошечком для ответа. Сам пенал был зелёного цвета, а линейка – оранжеевая с белыми цифрами. Потом, помню, я с мамой из Шадринска ехала домой в Бровку, и бабушка дала мне 10 рублей. Когда мы ждали поезда в Москве на вокзале, я купила на эти деньги пенал. Он был в два раза больше прежнего. Пенал был из мягкой ткани, покрытой клеенкой. Весь он был розовый, посередине располага-

лась небольшое круглое зеркало, а по сторонам были нарисованы мальчик и девочка. Он отличался от прежнего тем, что был на магнитной застежке» (017).

ПЕНДЕЛЬ – детско-разговорное: удар ногой, пинок.

Сын в 1970-е годы спрашивает у отца о 1930-х гг.: «А... сколько тогда билеты в кино стоили?» «Полтинник. На детский сеанс. Но мы чаще на прорыв ходили». «Как это “на прорыв”?» «Столпимся человек двадцать возле контролёра и все сразу как рванём в зал!» «Денег не было?» «Деньги на мороженое берегли!» «А вас не ловили?» «Ловили...» «И тебя ловили?» «Было». «А если ловили, что было?» «Пенделя давали». «Как это?» «Нормально. Коленкой под одно место». «Те-ебе?!» «Думаешь, если я твой отец, так мне не давали?» (Давыдов, [1976] 1985, 98).

ПЕНИЕ – школьный предмет.

О подростке 14 лет в 1941 году: «Плохо обстояло у [Коли] дело лишь с пением и физкультурой. По этим предметам он с первого класса имел твердое “поср.”» (Козлов, 1977).

Об уроках в третьем классе в 1944–1945 гг.: «Анна Николаевна... не скрывала своего неравного отношения к предметам. Математику и русский она почитала и это почитание всячески внушала нам... И мы налегали на математику кто как мог... Ну а про рисование Анна Николаевна ничего не говорила. И про пение тоже. Нет, сказать плохое про эти предметы она себе не могла позволить... Но как бы мимоходом принизить их – это она могла. “Ах, – говорила рассеянно Анна Николаевна, – сейчас, кажется, опять пение. Ну что же, споем, на чем мы там остановились?” И мы пели песню под её неверный аккомпанемент на обшарпанном пианино, причем... учительница не поворачивалась к нам, когда кто-нибудь нарочно выдавал пискливую ноту, громко хрюкал или звонко хлопал ладонью по макушке соседа, сводя счеты, не разрешенные на перемене. Анна Николаевна налегала на слова, не особенно упирая на музыку и наше исполнение и отметки по пению тоже ставила за слова» (Лиханов, [1983] 1986–1, 287–288).

Об уроке в первом классе в 1954 году: «Начался урок пения. Учительница по пению, Фаина Михайловна, – ...очень строгая. Поёт она хорошо – ничего не скажешь. Когда она разучивает с ребятами песню и сначала сама её запекает, Жене очень приятно слушать её голос. И вообще Жена любит, когда ребята поют. “Достаньте нотные тетради, – сказала Фаина Михайловна. – Сейчас мы запишем одну маленькую мелодию”... “Теперь споём, – сказала Фаина Михайловна. – Повторим песни, которые мы уже знаем”. Звонкие голоса выводили так складно, плавно, задушевно, то тише, то громче, то выше, то ниже: “Лес дремучий / Снегами покрыт, / На посту / Пограничник стоит. / Ночь темна...”» (Котовщикова, 1956, 81–82).

О середине 1950-х гг.: «Вспоминаю уроки пения в начальной ещё школе. Мы не просто пели классом, мы играли песню. “На горе-то калина, / Под горою малина. / Ну что ж, кому дело, калина! / Ну кому какое дело, малина!”. Мы притопывали, прихлопывали, “калинушку ломали”, “во пучочки вязали” и “на дорожку бросали”» (Заволокин, 2000).

О конце 1950-х гг.: «[Таня] почти отличница, только по рисованию у неё тройка. Зато по пению пятёрка, учительница хвалит её...» (Дягилева, 1961, 36).

О конце 1950-х гг.: «Тыкалка – наша учительница пения. Это мы её так прозвали... Раньше, в первом классе... мы очень пение любили... Галя Беликова... теперь... пение не любит. И Мишка Кузнецов не любит. И весь класс» (Долинина, 1962, 9).

О 1959–1966 гг.: «Самыми несчастными учителями в школе... были учителя пения, которым из-за несерьезности предмета и его дионисийского характера никогда не удавалось поддерживать на своих уроках хотя бы видимость дисциплины. Никто и не собирался их слушаться, баян, скрипка или фортепьяно – нам было по барабану, мы горланили в полный голос, ржали, бегали по классу, стреляли из растянутой на пальцах рогатки бумажными скобками (проволочными стреляли по неживой цели и по надувным шарикам на праздничных

“демонстрациях трудящихся”) и вообще отыгрывались на учителях пения по полной программе за свое подчиненное и униженное положение на всех остальных уроках. Как нарочно, все эти учителя оказывались слабонервными и уже через пару-тройку лет такого преподавания начинали остро нуждаться в помощи психотерапевта или невропатолога» (Клех, 2003).

О начале 1960-х гг.: «У нас был урок пения. Сначала мы пели все хором “Во поле березонька стояла”» (Драгунский, 1964, 114).

ПЕНКА – «Плотная плёнка на поверхности остывающей или остывшей жидкости, например на молоке» (Словарь, 1959–9, 376).

Отвращение к пенке на молоке (тёплом, кипячёном), в молочном супе, какао испытывали многие поколения детей.

О 1950-х гг.: «Правда, ростом Таня и Наташа почти одинаковы, хотя Наташа уже в третий перешла, а Таня только нынче в школу пойдёт... А уж худенькая, словно тростинка... “Наша Натка оттого такая худая, – говорит Таня, – что за столом ничего не ест, всё капризничает: “Молоко с пенкой, не хочу... Суп с луком, не буду...” А я всё ем...”» (Черноголовина, 1962, 48–49).

О селе Ястребинка Пресновского района Северо-Казахстанской области в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: «Я в детском саду терпеть не могла какао вообще, а с пенкой тем более. Но всухомятку есть было нельзя и поэтому я делала 2–3 глотка какао. Мне было очень неприятно, когда вместе с какао тянулась эта противная пенка. А мой брат не ел молочный суп, все по той же причине» (019).

О детском саде в 1988–1991 гг. в селе Звериноголовском Курганской области: «Особенно мне не нравился какао. Сверху была противная на цвет и вкус пенка, сам какао чуть теплый – это вызывает тошноту, цвет (коричнево-фиолетовый) – отвращение. Однажды меня даже вырвало прямо за столом. После этого воспитатели не заставляли меня пить какао, подавали (для меня одной!) чай. Я этим так гордилась» (064).

«ПЕНКИ» – загустевший сок берёзы, добываемый из свежеспиленных поленьев.

О детях в возрасте 5–13 лет в 1989–1997 гг. в селе Межборное Притобольного района: «Пенки в начале лета ела почти вся деревня, но наша улица – точно. Пенками называли вещество, которое образовывалось после спилки березовых дров (обычно конец мая – начала июня) между корой и непосредственно древесиной. Когда кому-то из соседей привозили свежие березовые дрова, то все дети с улицы, в том числе и я, их “осаждали”. Обычно это было вечерами и проходило очень весело. Для того чтобы “добыть” пенку, нужно было сначала выбрать подходящее полено, оно должно было быть не очень большим и не очень тонким, радиусом примерно 10–15 см. Также было важно, чтобы на нём было как можно меньше сучков. Далее нужно ободрать бересту, под которой была коричневая кора шириной примерно 0,5–0,8 см. Затем наступал ответственный момент: нужно было аккуратно срезать кору полосками вдоль полена. Всё делалось небольшими ножичками, у каждого был свой. Для этого нож брался обеими руками, одной за ручку (правой), другой – за конец лезвия (лезвием, конечно вниз), лезвие ножа ставилось между корой и непосредственно древесиной полена, при этом полено стояло вертикально на земле и находилось между ног (а человек при этом сидел, обычно на другом полене), сильно нажимая на нож делали полоску коры, ведя нож сверху к низу полена, то есть к земле. Чем длиннее получится полоска, тем лучше, то есть было желательнее, чтобы полоска не сломалась, а получилась во всю длину полена. Таким образом, очищалась примерно треть полена, а полоски коры аккуратно складывались стопочкой рядом на другое полено коричневой (наружной) частью вверх. С очищенной части полена, а она оказывалась мокрой, острием ножа соскабливали пенки. Это было самое вкусное. Нож опять аналогично брали обеими руками и вели по древесине, но уже снизу вверх, тогда на лезвии ножа собиралось вещество прозрачно-белого цвета

мягкой консистенции с соком. Ели пенки прямо с ножа. На вкус они были сладкие. Хотя степень сладости зависела от дерева, которое ты очистил. Иногда, если пенка была невкусной, то полено, не дочистив, бросали и очищали новое. Это также наблюдалось и при сборе березового сока (“берёзовки”, как у нас называют), так как он мог также быть сладким или несладким, а пенки – это и есть последующее превращение березового сока, его “загустение”. После того как пенка с очищенной части полена “соскоблена”, мы начинали есть пенки с коры, которую “ободрали” до этого и сложили стопочкой. Эту кору, которую мы нарезали полосками, брали по одной в руки и перемывали следующим образом: правой рукой держались чуть выше середины полоски коры, сжимая её пальцами, обхватывая, а левой – обламывался верхний конец полоски. Обламывать нужно было не резко, а плавно, причем обязательно как бы внутрь коры, чтобы белая, внутренняя часть оказывались вместе, а коричневая, наружная сверху. Но переламывалась кора не до конца, то есть не сразу на две половины, а перелом доходил лишь до полоски пенки, переламывалась только непосредственно твёрдая кора, и получалось, что меньшая отломленная часть полоски держалась на пенке. Ломали на себя. Затем большую часть полоски брали в левую руку, а правой – за меньшую, верхнюю, и плавно вели за нее вниз по длинной части до тех пор, пока пенка не обрывалась. Оторванная меньшая часть с уже торчащей с одного края полоски прозрачной белой пленке пенки, которая была очень тонкой, далее бралась в рот (то есть пенка), зажималась зубами (держали уже обеими руками) и полоска поднималась вверх таким образом, что и с меньшей части полоски отходила пенка. Эта небольшая очищенная часть коры выбрасывалась в сторону на землю, а пенка сразу съедалась. Далее полоска ломалась таким же образом, пока не закончится. В среднем из одной полоски получались 4–6 сломанных кусочка коры. Когда все полоски будут “съедены”, очищалась от коры следующая часть полена. Сначала опять съедалась пенка непосредственно с полена вышеописанным образом, а затем “съедались” коринки. И так всё полено вокруг оказывалось очищенным. Пенка с полена была всегда вкуснее, чем с коры, так как она была более сочной. Когда я собиралась со своими друзьями и подругами есть пенки, то мы обычно соревновались когда больше очистит поленьев и длиннее отдерет пенку с коры. Заранее нельзя было заготовить кору или полено, чтобы потом очистить с них пенку, её нужно было есть сразу, так как она быстро темнела и засыхала. Хозяева дров обычно просили нас не разбрасывать оторванную с поленьев бересту, а складывать её в одно место, чтобы они потом могли ею воспользоваться при разжигании дров в печи зимой. Сидеть и есть пенки мы могли весь вечер, при этом о чем-нибудь рассказывать друг другу. Но никто никогда ими не объедался: ели в неограниченных количествах, и ни у кого не болели животы» (099).

«**ПЕППИ-ДЛИННЫЙ ЧУЛОК**» – повесть Астрид Линдгрэн.

О 1968 г.: «Когда писательница [А. Линдгрэн] приехала в Москву..., она воочию убедилась, как прочно вошли в жизнь советских детей её герои Карлсон и Пеппи: массовые тиражи книг, пластинки, игрушки; тысячи ребят носят значки с изображением Карлсона и Пеппи» (Брауде, 1987, 96).

О 1994 г.: «Впервые я прочитала книгу “Пеппи – длинный чулок” о “странной девочке” в возрасте 9 лет (1994 год). С тех пор много раз её перечитывала, так как очень понравилась неординарность Пеппи» (009).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Моей любимой книгой была “Пеппи длинный чулок”, – это книга про трёх друзей, которые попадают в различные приключения» (085).

«1994 год, я жила в селе Верх-Теча. Мне было 9 лет, я читала книгу “Пеппи-длинный чулок” и хотела походить на Пеппи, вести себя так же, как она, – она никого не боялась» (097).

О девочке 8–11 лет в 1995–1998 гг.: «Я прочитала эту книгу после того, когда мама назвала меня “Пеппи”

после какой-то шалости. Мне было интересно, а что означает это имя. Я прочитала книгу небольшого формата, на обложке которой была рыжая девочка в короткой юбочке и полосатых чулках. На фоне был дом и детские шалаши и сундук с золотом. Я помню, как долго рассматривала картинку, прежде чем начать читать книгу, которая казалась мне толстой. Книга была совсем новая, мама купила мне её, и она долго лежала у меня в тетрадах (так как у неё была тонкая обложка). Прочитав первые страницы, я не выпустила эту книгу, пока не дочитала до конца. Приключения героини были непредсказуемы. Для меня было удивительно, что человеческие фантазии могут так далеко зайти. Во время чтения я старалась подражать Пеппи: поднимать вещи из комнаты и сумки, которые раньше старалась не трогать, морщить нос и т. д. Когда закончила читать последнюю страницу, я начала читать заново. И вот так на протяжении трёх лет (до 5 класса). Я находилась в постоянном чтении моей самой любимой (как я тогда думала) книги. Экранизация произвела на меня меньшее впечатление. Актриса была милая девочка, чуточку презкая, а не такая взбалмошная, как та героиня, которую я себе представила в образе» (065).

О с. Красная Звезда в 1996–1997 гг.: «Моя любимая книга “Пеппи-длинный чулок”, я её прочитала в возрасте 8–9 лет, после этого просмотрела фильм, и ещё больше мне понравилась эта книга» (125).

ПЕПСИ-КОЛА – «Прохладительный тонизирующий напиток» (СИ, 1994, 455).

О середине 1970-х гг.: «...напившись из кружки, [девочка Катька] заметила, ... что здешняя вода почти такая же вкусная, как её любимый “Буратино”, и уж в тысячу раз вкуснее пепси-колы, которую она пила в Ялте» (Макаров, [1979], 1981, 206).

О конце 1970-х – нач. 1980-х гг.: «“...У меня вчера, понимаете, день рождения был, ну, вот мы и отметили. Мороженого грамм по триста срубали, пепси-колы из холодильничка. Пепси-колу, её обязательно охлаждённой пьют. Там даже не бутылке написано: пейте охлаждённой” “Короче, Ключиков”, – перебила врача. “Вот я и говорю, – продолжал Ключик нести околесицу, – выпили пепси, потом прогулка на свежем воздухе...”» (Фёдоров, 1983, 91).

«**ПЕРВАЯ библиотечка школьника**» – книжная серия.

«С 1937 года установлена специальная статья расходов на комплектование ученических школьных библиотек книгами и журналами... По постановлению СНК Союза ССР от 16 ноября 1936 г. для школьных библиотек издается специальная серия “Школьная библиотека”, а с 1947 г. начальные школы получают, кроме того, серию “Первая библиотечка школьника”» (НШ, 1950, 824).

«**ПЕРВАЯ КРОВЯНКА**» – См. Драка «до первой кровянки».

ПЕРВАЯ любовь.

О вт. пол. 1900-х гг.: «В этом тумане и пережитая первая любовь к мальчику, всегда сидевшему на заборе соседнего дома. Он никогда не принимал участия в играх детей во дворе, но, овладев высотой, надменно и победоносно дразнил оттуда девочку, запуская им в косы колочие шишки дедовника. Ляля не запомнила даже его лица» (Пришвина, 2003).

Из дневника 14-летней девочки в 1930 г.: «21 авг. 1930 г. ... Я не повторяю тех глупостей, которые полгода тому назад заполняли жизнь отчаянной, самонадеянной девочки. Помню бессонные ночи прошлой весны. Сколько против воли пролитых слез!.. И только одна бабушка смогла мое состояние определить одним словом – первая любовь. Первая, глупая, дикая, сильная и резкая, костровая моя любовь!» (Татьяничева, 2007)

«По свидетельству библиотечкарей и самих школьников, повесть “Люля” [опубликованная в журнале “Искорка”, 1957, № 9] охотно читается и вызывает споры, особенно среди семиклассников, о которых в ней идет речь. Это и понятно. Она посвящена теме, которую даже более опытные и умелые дет. писатели большею частью обходят. Пожалуй, со времени выхода “Повести о

первой любви” Р. Фраермана почти не появлялось произв-ий о той чистой и поэтической сердечной симпатии, которая, возникая где-то на переходе от отрочества к ранней юности, сама не знает, называться ей дружбой или любовью. А писать об этом необходимо, потому что эта тема волнует умы и сердца и всё равно обсуждается в доверительных разговорах между семиклассниками и особенно семиклассницами. Предоставленные собственному разумению, они в этих вопросах особенно легко поддаются влиянию обыденных мещанских представлений или же оценивают свои чувства и отношения не по их действительному содержанию, а по книгам и фильмам о любви взрослых людей... Книги о ранней любви-дружбе нужны ещё и для того, чтобы она перестала считаться чем-то запретным и недопустимым как в глазах школьников, так и в глазах их воспитателей. Тогда, быть может, станут невозможны случаи ханжеского и одновременно грубого вторжения педагогов, а подчас и шк. общественности, в души и чувства еще неокрепшие и неопределенные, а поэтому особенно чувствительные к сентенциям моралистов, чаще всего пошлым в своей определенности и категоричности. Именно такой случай завязывает сюжет в повести Бальдыша. Учительница Вероника Георгиевна случайно получила записку, в которой Люля Жаворонкова на письмо своего одноклассника Олега Нефедова отвечает согласием дружить. В порыве нравственного негодования классная руководительница не только зачитывает злополучную записку перед классом, не только с грубыми насмешками отчитывает “провинившихся”, но ещё вызывает их родителей для соответствующего предостережения и внушения. Она поднимает такой шум, что отношения Люли и Олега становятся предметом всеобщего внимания, любопытства и пересудов. Это надолго “пресекает” возможность естественного развития их дружбы, так как лишает её простоты и непосредственности, порождая натянутость и всякие недоразумения. Случай достаточно характерный, чтобы привлечь писательское внимание. Об этом свидетельствует хотя бы то, что уже после выхода № 9 “Искорки” с повестью «Люля» и, очевидно, независимо от нее вопрос о вреде ханжеского отношения к первой любви между школьниками со стороны некоторых педагогов был поднят и “Учительской газетой”. В. Турунин в спец. статье, приводя совершенно аналогичные факты, справедливо осуждает метод административного вмешательства в сердечные дела школьников» (Тамарченко, 1959, 138–139).

О девочке-подростке в Санкт-Петербурге в 1995 г.: «Первая юношеская светлая любовь пришла лет, наверное, в 14. Мне просто очень нравился мальчик из класса. Его звали Женя Иванов... Забияка, хулиган, из неблагополучной семьи, но при этом безусловный лидер во всём. Абсолютно все красавицы девчонки были в него влюблены. А я была жутко несимпатичной, даже страшненькой, и понимала, что, если покажу ему свои чувства, стану для него, как все остальные. Чтобы меня покорить, он запустил мне в лицо грязной тряпкой, после чего моё сердце было разбито окончательно. В тот момент это было такое проявление внимания ко мне – из той серии, когда мальчики дёргают мальчиков за косички. Короче, всё это и закончилось первым поцелуем...» (Собчак, 2004, 16).

«**ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ**» – поэма (1936–1941) Константина Симонова, впервые опубликована в книге «Стихотворения» (1942) в виде трех глав, выбранных автором из черновой редакции, оставшейся незаконченной.

Поэма пользовалась популярностью в подростково-юношеской среде во вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг.

«Галка-чернушка явилась утром на другой же день... “У меня всюду чисто, – строго сказал Андрей Гаврилович. – Я человек военный и беспорядка не люблю” “Шли бы лучше в сад, – ответила Галка ворчливо, поднимая с пола лоскутки и бумажки, – и не мешались под ногами”. К случаю она продекламировала стихи: “Мужские уютные углы, / Должно быть, все похожи друг на друга: / Неделю не метённые поля, / На письменном столе два черных круга / От чайника и от

сковороды, / Пучок цветов, засохших без воды, / Велосипед, висящий вверх ногами, / Две пары лыж, приставленных к окну, – / Весь этот мир, в длину и в ширину / Давно измеренный тремя шагами”». “Это что за стихотворение? – спросил Андрей Гаврилович, настораживаясь. – Ты написала?” “Нет, не я, ответила Галка, вздыхая. – Это стихи Константина Симонова из поэмы “Первая любовь”. “Что? – переспросил Андрей Гаврилович. – “Первая любовь”? Сколько тебе лет?” “Шестнадцать”, – ответила виновато Чернушка. Андрей Гаврилович внимательно оглядел её с ног до головы. Галка стояла перед ним с пыльной тряпкой в руках и не собиралась смущаться. “Читали бы лучше Пушкина! – буркнул Андрей Гаврилович. – Когда выросли, шут вас знает!...”» (Емельянов, [1954] 1961, 23).

О 14-летнем мальчике в Петропавловске (Казахская ССР) в нач. 1950-х гг.: «В 1952 г. в школу прибыли сразу неск. учителей – выпускников Казахского ун-та. Среди них преподаватель лит-ры Серафима Кузьминична... Она... ввела нас в мир Константина Симонова и др. неизвестных нам поэтов... Старшеклассники зачитывались поэмой Симонова “Первая любовь”» (Мироненко, 2004, 4).

Историк культуры Л.М. Баткин (р. 1932) пишет: «Я жадно и бесцельно перечитывал в юности – живя в провинции, на тогдашнем-то скудном поэтическом пайке – раннюю лирику Симонова. Очень любил поэмы “Первая любовь” (1936–1941), “Пять страниц” и неск. стихотв-ий, особенно 1941–1942 годов...» (Баткин, 1989).

ПЕРВАЯ ступень – см. *Школа первой ступени*.

«**ПЕРВАЯ ученица**» – ученица, имеющая только отличные отметки; ученица, являющаяся лучшей по успеваемости (и знаниям) в классе.

О вт. пол. 1870-х гг.: «В первой четверти я оказалась в числе так называемых “первых” учениц, то есть шедших на круглых пятерках и записываемых на ежегодно возобновляемую “золотую доску”, и уже не сходила с нее до окончания курса с золотой медалью. Это радовало меня; но, если бы пришлось на это употребить больше усилий, чем сколько я делала в ученье, я не стала бы домогаться этой чести... Нас было в классе три первых ученицы – я говорила, что у нас в гимназии первыми ученицами считались все, имевшие в четверть круглые пятерки, и тем самым уничтожалось соревнование, сплетаемое с некрасивыми чувствами зависти, недоброжелательства и пр. Первыми ученицами кроме меня шли до окончания курса Анюта Мартынова и Наня Коляновская. При моем поступлении первой ученицей была и Маня Шеина, ей не удалось удержаться на первом месте. Это было для нее большим горем. Помню, как нам “роздали таблички” в четверть, и она оказалась второй ученицей – как она плакала: весь стол перед ней оказался улитым слезами» (Харузина, [1919] 1999; 436, 446).

О середине 1910-х гг.: «Но остановить Мику было трудно. “Лидия Георгиевна! У Лотоцкой отметки такие же, как и у Буруновой, а у Маковкиной хуже. Значит, у нас две первых ученицы в классе?” Сова передернула плечами и сухо ответила: “Лотоцкая так недавно в классе, что говорить о ней как о первой ученице, преждевременно. Нет никакой заслуги в том, что она хорошо учится, это долг каждой из вас”. И вышла из класса. “А всё-таки Лотоцкая – первая ученица!” – громко сказала неугомонная Мика, когда за Совой закрылась дверь» (Филиппова, 1938, 41).

О 12-летней девочке в Москве в 1936 г.: «С переходом в новую школу я стала хорошо учиться и заняла в классе прочное и даже почетное положение одной из первых учениц» (Старикова, 2003, 330).

О нач. 1940-х гг. (из стихотворения Ярослава Смелякова, написанного в октябре 1941 г.): «Мы не однажды ночевали в школах... / И снилось нам, что в школах может сниться: / черёмуха, жужжанье майских пчёл, / глаза и косы первой ученицы, / мел и чернила, глобус и футбол» (Цит. по первой публикации в: Деметьев, 1967, 74–75).

О середине 1950-х гг.: «Мои дочери похаживали возле меня и, сгорая от нетерпения, выуживали сведения о

Надоше... “Так ты говоришь: отличница?” – спрашивала Ольга. “Первая ученица класса»” (Гроссман, 1971, 230).

См. также: «Первый ученик».

ПЕРВОЕ мая – в 1920-е – 1980-е гг.: государственный праздник, День Международной солидарности трудящихся; с 1990-х гг. – Праздник весны и труда.

Первомайская демонстрация.

О г. Мещовске Западной (ныне Калужской) области в 1934 году: «Папа повел меня на первомайскую демонстрацию. Вышло так, что я стоял совсем рядом с детсадовцами, когда они, лихо цокая, проскакали перед трибуной верхом на палочках, увенчанных конскими мордами, белыми и рыжими, с черными гривами и огромными прекрасными глазами. И захотелось в детский сад, чтоб седьмого ноября сесть на боевого коня, а с трибуны и мне помашет секретарь райкома товарищ Романовский... Тогда был обычай после демонстрации катать малышкой на грузовиках. В единственный мещовский грузовик с визгом набилась организованная детвора из детсада. Вернулись совершенно счастливые. И в грузовик полезли тихие девочки и мальчики из детского дома. Мы, домашние, завидовали им» (Берестов, 1998, 557).

ПЕРВОЕ сентября – дата начала учебного года.

О 1947 г.: «...Первое сентября близилось, в школе закончили ремонт, школьники уже ходили туда за тетрадками и учебниками, Лида хвалилась новым форменным платьем, вплотную подходил шк. год со всеми его неприятностями...» (Панова, [1955] 1956, 442–445).

О нач. 1950-х гг.: «Первое / Сентября! / Первое / Сентября! / Первое / Сентября – / Славный день / Календаря, – / Потому что в этот день / Все девчонки / И мальчишки / Городов / И деревень / Взяли сумки, / Взяли книжки, / Взяли завтраки / Подмышки / И помчались первый раз / В класс!» (Маршак, 1953, 215–216).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Учеб. год во всех учеб. заведениях страны начинается первого сентября... 1-е сентября по всей стране отмечается как праздник начала учёбы. Первый учеб. день в школах отмечается особо торжественно. Ученики приходят в школу в парадной шк. форме и приносят букеты цветов. До начала уроков все собираются перед школой, учащиеся строятся по классам. Директор школы произносит напутственное слово. Особо обращается он к первоклассникам, которые впервые пришли в школу, и к десятиклассникам, которые будут учиться в школе последний год. Выступают шефы школы, завучи, учителя. На торж. церемонии обязательно присутствуют родители первоклассников. Звонит первый звонок. Ученики выпускных десятых классов берут за руку первоклассников и ведут их в классы» (Денисова, 1978, 211–212).

См. также: *Первый звонок, День знаний.*

«ПЕРВОЕ слово...» – словесные формулы, начинающиеся с этих слов, применяются в детской среде с 1960-х по 1990-е годы.

О середине 1980-х гг.: «Девичьи дразнилки:... “Первое слово дорожке второго. Второе слово съела корова»» (534).

О нач. 1990-х гг.: «В детстве, в споре между 2–3 девочками, если не устраивала точка зрения одной, и нужно было заканчивать спор, одна девочка говорила: “Первое слово дорожке второго”; если эта точка зрения была не выгодной или не устраивала остальных, в ответ говорили: “Первое слово съела корова”. И первый вывод отклонялся» (008).

О мальчике в с. Половинном Половинского р-на в 1993–1996 гг.: «“Первое слово дорожке второго” – говорил, когда был в начальных классах. Употреблялось обычно в спорах или когда кто-то что-то кому-то доказывал. Например: “Я первый сказал”. “Нет, я первый сказал”. “Так нечестно, я был быстрее”. “Ну и что”. “А первое слово дорожке второго” “А первое слово съела корова, а второе оставила на обед, значит, я был быстрее”. Часто употреблялось в диалогах» (016).

О Шадринске в перв. пол. 1990-х гг.: «В случае если человек сказал что-то, то есть пообещал, а потом отказался, мы говорили: “Первое слово дорожке второго”. Если ему было выгодно, он говорил: “Первое слово съела

корова”. Чтобы не остаться в проигрыше, мы говорили, что корову хозяин на мясо зарезал» (026).

О 1995 году: «Мне было лет 10, а моей сестре Свете – 11. Она приехала ко мне в гости на летние каникулы. Когда я говорила ей: “Первое слово дорожке второго”, – она отвечала: “Второе слово съела корова, а корова дёрнет, и тебя накормит”» (068).

О девочках 9–13 лет в Шадринске в 1996–2000 гг.: «У нас во дворе, когда нужно было ответить на вопрос (например загадки) и если сразу ответ был правильный, а потом – нет, то говорили: “Первое слово дорожке второго”, а если наоборот, то: “Первое слово съела корова, второе слово взял человек”. Таким образом, применение того или иного выражения позволяло считать ответ правильным в любом случае» (012).

О девочке 10–11 лет в с. Погорелка Шадринского р-на в 1997–1998 гг.: «В школе мы обычно решали, чем будем заниматься после уроков. Если мы договаривались, что пойдём ко мне в гости, а Юлька в последний момент говорила, что она идет к Иринке, я, обиженная, говорила: “Первое слово дорожке второго”. А она мне отвечала: “Первое слово съела корова”. А я ей: “Второе словечко проглотила овечка”» (021).

«ПЕРВОКЛАССНИЦА» – 1. Книга Евгения Шварца. Впервые вышла в 1947 г. (Киносценарий. Для детей. 12 тыс. экз.). Переиздавалась в 1949 (50 тыс. экз.), 1950, 1952, 1954 (200 тыс. экз.), 1960 (100 тыс. экз.) гг.

См.: «Первоклассница» (2).

«ПЕРВОКЛАССНИЦА» – 2. Фильм 1948 года режиссера Ильи Фрезы по сценарию Евгения Шварца.

См.: «Первоклассница» (1).

«ПЕРВЫЕ – горелые...» – начальные слова формулы, произносимой бегущими наперегонки.

О девочке 7–10 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1994–1998 гг.: «Наперегонки с сестрой бежали домой и кричали: “Первые – горелые, вторые – золотые, третьи – умытые, золотом покрытые”. Когда она прибегала первой, то говорила: “Кто последний, тот лох” или “Кто последний, тот балда”» (134).

«ПЕРВЫЙ звонок» – школьный ритуал, проводимый 1 сентября: первоклассник (мальчик или девочка, часто усаженный на плечи ученика выпускного класса – 10-го или 11-го) размахивает колокольчиком, символически подавая сигнал к началу нов. учеб. года.

О перв. пол. 1950-х гг.: «Наиболее распространёнными традиц. днями в школах стали такие, как праздник “За честь школы”, “Первый и последний звонок” (для учащихся первых и десятых классов), выставки летних работ..., праздник урожая и цветов и т. д.» (КР, 1957, 75).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Начало учебного года – 1-е сентября – отмечается в школах очень торжественно. Учащиеся с букетами цветов собираются перед школой. Выступают директор, учителя, шефы школы. В этот день в школе по традиции звонит первый звонок, оповещающий о начале занятий. Учащиеся выпускных десятых классов ведут первоклассников в школу».

См. также: *День знаний, Первое сентября.*

«ПЕРВЫЙ класс купил колбас...» – стишок о школе.

«К традиционным стишкам о школе принадлежат и следующие: “Первый класс/ Купил колбас, / Второй резал, / Третий ел, / А четвёртый в рот глядел. / Пятый крошки собирал, / А шестой и вовсе спал”. Приведённый стишок, без сомнения, восходит к тексту нар. прибаутки. Аналогию можно найти в собрании сказок А.Н. Афанасьева (№ 537 и 538). Интересно отметить, что в шк. среде удержался пример жанра, прекратившего распространение в фольклоре взрослых» (Капица, 2002, 232).

О 1945 году: «“Что, Василий Якович, третий класс допек?” “Третий”. “Да охота вам душу-то выматывать! Сделайте поправку на возбужденное состояние ребят, которые ждут, победы не меньше нас с вами, а больше, и не тратьте силы попусту!” “Пытаюсь”. “Помните классическую скороговорку: “Первый класс купил колбас, второй резал, третий ел, четвёртый в щёлочку глядел!” Заметьте – третий ел! Это тот класс, который ест! Один из самых трудных в школе. С одной стороны пробуждается жажда знаний, открывается прелесть книги,

печатного слова. С другой – еще владеет сознанием игра – игра дома, игра на улице, игра в школе, игра в собственной парте. Третьеклассники, приходя из школы, с какой-то зверской жадностью набрасываются на свои игрушки, на которые уже не обращали внимания во втором. Это класс первого прощания с детством...» (Нагишкин, 1965, 254–255).

О конце 1950-х гг.: «Братцы, а кто-нибудь помнит вот эту эпическую поэму советской школы-семилетки: “Первый класс купил колбас, второй резал, третий ел, четвертый в щёлочку глядел, пятый на ниточке висел, шестой из форточки летел... А седьмой сел в поганный таз и уехал на Кавказ...”?» (Чуманов, 2002).

«**ПЕРВЫЙ УЧЕНИК**» – лучший, превосходящий всех остальных ученик класса. Понятие «первый ученик» использовалось с 1870-х по 1950-е гг.

О гимназии в нач. 1870-х гг.: «При появлении [инспектора Зверева] все шумно поднялись с мест... “Пересадка! Пересадка!” – пронеслось по классу гулким шепотом... “Вот, братцы, – заговорил Зверев..., развертывая таинственный свиток, который держал в руках. – Кто что заслужил, то и получи!... Первым учеником объявляется Вересов Алексей”. Это было так неожиданно..., что несколько секунд я сидел в каком-то оцепенении, не трогаясь с места... “Собирай книги и переходи на первое место, – подтвердил, обращаясь уже несомненно ко мне, грозный инспектор. – Молодчага!... И вперед угитай, брат, нос всему этому дубью...” В классе произошел затем полный кавардак: для того, чтобы перейти на новое место, всякий вызванный ученик должен был дожидаться, когда раньше занимавший это место узнает, куда он должен уйти. И все стояли с книгами в руках, беспомощно тыкаясь из угла в угол... Я, самый маленький, гордо восседал теперь на первом месте первой скамейки... Новой каплей, переполнившей чашу моего волнения, был раздавшийся в большую перемену по всем коридорам торжественный клич гимназического сторожа: “Господа первые и вторые ученики, пожалуйста вниз, на квартиру господина инспектора!” ...В столовой Ивана Павловича мы застали... кучку лучших учеников других классов. Длинный... стол весь уставлен был вазами с бисквитами и другими печеньями... Лакей... водрузил на стол огромную кастрюлю вкусу дымящегося шоколада... Такое пиршество Иван Павлович устраивал из года в год после каждой пересадки, и вероятно, искренно был огорчен, когда пересадки вскоре отменены были приказом свыше... Явившийся через два месяца объявлять новую пересадку Зверев неожиданно провозгласил: “Первый ученик Олесов!..Второй – Смирнов, третий – Кашин..., седьмой – Воронов, восьмой – Ружейников... Девятый – Вересов!” – провозгласил, наконец, Зверев...» (Якубович, 1989; 113–115, 117–118).

О середине 1900-х гг.: «Учитель ботаники... говорит: “А почему листья зеленые? Кто знает?” В классе молчание. “Я поставлю пятерку тому, кто знает”, – говорит учитель. Я знаю, почему листья зелёные, но молчу. Я не хочу быть выскочкой. Пусть отвечают первые ученики. Кроме того, я не нуждаюсь в пятерке. Что она одна будет торчать среди моих двоек и троек? Это комично. Учитель вызывает первого ученика. Но тот не знает. Тогда я небрежно поднимаю руку. “Ах, вот как, – говорит учитель, – вы знаете. Ну скажите”. “Листья зеленые, – говорю я, – оттого, что в них имеется красящее вещество хлорофилл”. Учитель говорит: “Прежде чем вам поставить пятерку, я должен узнать, почему вы не подняли руку сразу”. Я молчу. На это очень трудно ответить. “Может быть, вы не сразу вспомнили?” – спрашивает учитель. “Нет, я сразу вспомнил”. “Может быть, вы хотели быть выше первых учеников?” Я молчу. Укоризненно качая головой, учитель ставит пятерку”. (Зошенко, 1994–3, 550).

О вт. пол. 1900-х гг.: «“... Одно тебе спасенье – учиться отлично. Тогда и надзиратель ничего тебе не сделает... Стань первым учеником – и никто тебе тогда не страшен”. “Сам знаешь: первым будет Персиц” ... Но пока все обходилось благополучно, если не считать

четверки по поведению... “Вам потише.... Надо быть, мой милый! Думаете, вам всё сойдёт, как первому ученику? С плохим баллом по поведению ученики перестают быть первыми, запомните-ка это!”... По всем предметам (кроме поведения, которое тоже почему-то считалось предметом) у него были теперь круглые пятерки. К самому концу года выяснилось: первым учеником стал Персиц. Он и по поведению получил пятерку... Ученье Грише никогда больших хлопот не приносило: в его дневник опять посыпались пятерки с постоянством, угнетавшим Самуила Персица. В классе оказалось два соперника – кандидаты на звание первого ученика. Пока что до сих пор, с прошлого года, считался первым Самуил Персиц... И снова первым учеником в классе оказался Самуил Персиц» (Кононов, [1952] 1958; 189–190, 212, 268–269, 322, 353).

О нач. 1910-х гг.: «... Мне мучительно захотелось поступить в гимназию, сделаться образованным человеком... Немедленно я принялся за уроки. “Я должен кончить [городское училище] первым учеником. Тогда, может быть, я попаду в гимназию”, – твердил я себе» (Боронина, [1946] 1969, 42).

О 1914 году: «Вскоре Валерий стал первым учеником по арифметике. Охотно объяснял другим, когда к нему обращались за помощью. И сам иногда предлагал: “Давай объясню”. Но, если его объяснения долго не понимали, терпения не хватало и он сердился: “Никуда ты, голова, не годишься!”» (Водошнянов, 1959, 21).

О 1922–1924 гг. на Кубани: «Он никогда долго не сидит над учебниками, но в школе считается первым учеником... Он... отлично разбирается в геометрии, физике, химии» (Степанов, [1961] 1980, 17).

О подростке 14 лет в 1941 году: «Дело в том, что Коля БЭС, настоящая его фамилия Бессонов, знал решительно всё на свете. Поэтому его и прозвали БЭС, то есть: Большая Советская Энциклопедия... Все научные и технические журналы он прочитывал от корки до корки. По истории, литературе и географии был первым в школе. Плохо обстояло у него дело лишь с пением и физкультурой. По этим предметам он с первого класса имел твердое “поср.”. И хотя из-за этого он не был отличником, все знали, что Коля БЭС – первый ученик» (Козлов, 1977).

О конце 1940-х гг.: «И решил я твердо / С этого же дня, / Что одни пятёрки / будут у меня. / И хотя фамилия / У меня на “Ц” / И она в журнале / Ставится в конце, / Всё же каждый скажет, / Глядя в мой дневник: / “Цыганков Серёжа – / Первый ученик!”» (Саконская, [1950] 1961, 39).

О конце 1950-х гг.: «Тридцать учеников смотрят на свою учительницу... ..У Инны Андреевны сегодня очень хорошее настроение. Вместо того, чтобы сделать замечание Славке, она говорит: “О! Да ты, я вижу, отлично знаешь Пушкина. – И смеётся.– Давайте проверим нашего первого ученика, ребята. Пусть Вячеслав идет к доске”» (Офин, 1960, 54).

См. также: «Первая ученица».

ПЕРВЫШ – ученик первого класса.

О конце 1930-х гг.: «Наконец все сбегались и расселись по своим местам, как воробьи, третий и четвертый классы. Первыши и вторыши, как называли 1-й и 2-й классы, учились внизу под нашим полом... На следующий год мне суждено было стать “первышом”...» (Белов, 2002–2).

«**ПЕРЕБЕЖКИ**» – то же, что «ланта».

О Сургуте в нач. 1920-х гг.: «С дальнейшим наступлением весны, когда повсюду сходил снег и подсыхала земля, дети школьного возраста увлекались игрой в лапту, или перебежки. В нее включались, особенно в воскресенье и праздничные дни, и молодые мужчины. Почти на каждой улице собирались по 6–10 ребят, выбирали место, где на той и другой стороне стояли у ворот, наискосок друг от друга, деревянные лавочки, и делились на две группы. Затем двое, представляющие разные команды, становились посреди улицы на «матку»: один с мячом, второй с битой – круглой деревянной палкой метровой длины с утонченным одним концом, чтобы удобнее было

держат. Мячи того времени были у ребятшек помладше скатанные из овечьей шерсти, у старших – гуттаперчевые; резиновых не было. Одна команда выстраивалась вдоль улицы в 10–20 м друг от друга, вторая собиралась на лавочке против матки. На матке игрок подбрасывал мяч, а его противник бил по мячу лаптой (битой), стараясь, чтобы он летел как можно дальше и выше. И пока стоящие на карауле ловят мяч, тот, кто ударил удачно, и те, кто промазал, должны перебежать улицу до противоположной лавочки и вернуться. Тогда команда по-прежнему останется активно играющей стороной. Те, кто перебежать не успел, остаются на противоположной стороне и ждут удачного удара своего товарища. Если во время перебежки кто-нибудь из стоящих в карауле сумел поймать мячик, он старается попасть им в бегущего, и если это удалось, вся группа стоящих в карауле быстро бежит к матке, после чего команды меняются местами» (Кузнецов, 1996, 5–6).

В следующем отрывке «перебежки» упоминаются наряду с «лаптой»: «Все мы, взрослые, конечно, играли в детстве в лапту, “лунки”, “перебежки” и другие» (Коссаковская, 1967, 24).

ПЕРЕВОДКИ – (разг.) то же, что *переводные картинки*.

ПЕРЕВОДНЫЕ испытания – см.: *Испытания*.

О конце 1930-х гг.: «Во время переводных испытаний учитель физики сказал Серёже...» (Вигдорова, 1963, 59)

ПЕРЕВОДНЫЕ картинки – картинки (изображения), которые посредством особых операций переводятся с одного материала на другой (с одной бумаги на другую).

О середине 1890-х гг.: «Теперь у Маши и лены была тайна... Когда Луиза Антоновна приносила им переводные картинки, они мигали друг другу исподтишка...» (Шагинян, 1959, 58).

О середине 1910-х гг.: «Крышка пенала... Лакированную поверхность крышки украшали переводными картинками. Переводные картинки. Они были непрочны и вскоре исчезали, оставляя на деревяшке мерцающий след...» (Олеша, [1931] 1999, 45).

О середине 1910-х гг.: «В полутёмной лавочке пахнет селёдками, корицей и туалетным мылом... Перед прилавком толпятся дети из соседних домов: они покупают леденцы и переводные картинки. Лавочник – длинный тощий старик в жилетке и чёрной шёлковой шапочке... Он разрезает ножницами листы переводных картинок, раздаёт их детям и у каждого спрашивает, сколько ему лет». (Бродская, [1938] 1957, 25).

О 1916 году: «Она была счастлива шагать рядом со мной, бесшабашно размахивая клеенчатой книгоносной, за ремешки которой был заложен пенал с переводной картинкой на крышке» (Катаев, 1983, 7).

О 1930-х гг.: «Наступает, например, полоса собирания почтовых марок или так называемых переводных картинок» (Мавр, [1934] 1956, 106).

О подарках 10-летнему мальчику в 1940 году: «...Родня... понесла мне... подарки... Большой красносиний мяч, цветные карандаши, книжка “Три мушкетёра”, ...складной нож..., переводные картинки, шахматы... и многое другое» (Сиснев, 1973, 45).

О 1970-х – 1980-х гг.: «В памяти всплывают старые бумажные переводные картинки. Те, которые надо было размачивать в теплой воде, потом наклеивать на какую-нибудь поверхность и аккуратно либо стаскивать верхний слой полупрозрачной бумаги, либо вообще её сокрёбывать такими мелкими катышками. И вот из-под этой бумажки как из тумана, сначала в маленькую дырочку, потом всё расширяющуюся – о чудо! – проступает, сверкая всеми ослепительными красками, картинка» (Мельникова-Григорьева, 2007, 228).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Раньше продавались переводки яркие, красивые. Я помню, у меня были переводки украинки и украинца, как они вместе стоят; белоруса и белоруска в национальных костюмах. Когда появлялась переводка, это было радостью и думала, куда ее можно перевести. Для этого требовалось большое мастерство – размочить аккуратно в воде и когда, картинка начнет

отслаиваться от белого листа, взять из воды и приложить к нужной поверхности. Я переводила этих украинцев и белорусов на свою тумбочку, на ящики стола, придумывая сюжет к ним. Так вышло, что я испортила переводки украинца и белоруска, и перевела украинку и белоруса вместе. Вышло так, что она его провожает, махая платочком, а он уходит не собирается. Мне было так грустно, что вышли разнобойные картинки, но я утешала себя тем, что он вернётся. У бабушки умывальник был оклеен переводками – цветами. Моя сестра клеила лица женщин на стекло серванта. Переводки были драгоценностью, и важно было их аккуратно перевести» (1001).

См. также: *Переснимательные картинки, Сводные картинки, Декалькомания*.

ПЕРЕВОДНЫЕ экзамены – см.: *Экзамены*.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Школа еще хранила следы недавних переводных экзаменов: в открытые двери виднелись классные доски с рядами фермул, полустёртых тряпкой; на полу валялись скомканные бумажки, может быть записки со спасительными подсказками...» (Шаров, 1961, 29).

ПЕРЕДНИК у девочек – то же, что *фартук*.

О 1890-х гг.: «“Мне скучно будет”, – сказала Катя и занялась дыркой, которую нашла у себя на переднике. “Отчего же тебе скучно – ты будешь с девочками, – сказал я. – Что ты рвешь, вот крестная задаст тебе”. Катя оставила дырку и... устала в одну точку... Пухлая, румяная, с красной ленточкой сбоку в золотистых волосах, она была очень мила, в особенности когда на ней, как сейчас, был надет белый передничек; он немного жал ей под мышками, и она все поводила плечом...» (Романов, [1928] 1990, 163).

О середине 1940-х гг. в Москве: «Выпускной прощальный вечер в родной школе... Теперь уж нас не отошлют домой... сменить кокетливую кофточку на скромное коричневое платье и чёрный передник» (Тулоцкая, 1947, 14).

ПЕРЕМЕНА – перерыв между уроками.

О Москве 1908–1910 гг.: «Потом зазвенел звонок. Надо было выйти в коридор на перемену. Открылись двери всех классов, и в коридоре сразу стало тесно. Тогда Елена Петровна собрала свой первый класс, поставила девочек в круг и стала играть с ними в “кошки-мышки”. Девочки бегали, смеялись, визжали...» (с.113)

О женской гимназии на Урале в середине 1910-х гг.: «Раз одна девочка... дала ей две книжки Пинкертон. Ирина прочитала их запоем и с тех пор сама доставала эти книжки... Она читала дома..., читала в классе во время урока... Читала в перемены. Иногда пряталась в уборной, закрывалась на крючок и читала до следующей перемены – весь урок» (Филиппова, 1938, 99–100).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «В школе перемена... Только из второго класса никто еще не выходит – все ребята столпились у последней парты... Кончилась... перемена. А ребята всё ещё не расходятся по местам» (Будогская, [1936] 1988, 90–91).

О 1960-х гг.: «Принятая в советской школе продолжительность перемены между уроками – 10 минут. Продолжительность большой перемены (обычно после третьего урока) – 20–30 минут. Во время перемены ученики отдыхают, переходят из кабинета в кабинет. Проводятся дежурства, уборка и проветривание помещений, подготовка классов и кабинетов к очередным занятиям и пр. На больших переменах организуется питание, прогулки на воздухе» (ПЭ, 1966–3, 371).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Перемены в нач. классах соотносились с уроками примерно как вестерн с заседанием парткома. Свалка щенок в серых мятых штанах (коричневые платяца разгуливали парами в рекреации) начиналась прямо у двери класса. Эта куча тел обладала неборимым притяжением – она засасывала в себя, с уханьем и свистом, и ты закручивался в пыхтящее, сопливое месиво... В процессе возни и давки выяснялась иерархия одноклассников – не только по физ. силе, а и по сообразительности, адекватности и вовлеченности... Я довольно тяжело... воспринимал... необх-сть по несколько раз в день, по

звонку (на перемену) вбрасываться в клубок тел и вертеться там... до следующего звонка... Потом это мугировало в общие игры, тоже до упада. Футбол ластиком по паркету; снежки у входа в школу (включая куски льда и любые тяжелые предметы, попавшиеся под руку (а “бэшки” первые начали!); “конный бой” (правое плечо и бедро до сих пор, как это бывает с телесными навыками, помнят движение – “конем” – навстречу другому коню... загревок ломит от непоседливой острой задницы соратника-наездника....)» (Бараш, 2006).

ПЕРЕОДЕВАНИЕ на физкультуру – смена форменной (или иной) одежды на специальную форму для занятий на уроке *физкультуры*; неотъемлемый элемент русского детства XX века.

Переодевание в присутствии сверстников включало в себя элементы демонстрации обнаженной фигуры, нижнего белья, нередко вызывало у детей и особенно подростков, чувства стыда, неловкости.

О первоклассниках в середине 1960-х гг.: «Все дети сдали уже Елене Николаевне свои тетрадки и готовились к уроку физкультуры. И именно те ребята, которые чувствовали себя неуверенно на уроке арифметики, сейчас тоже были недостаточно самостоятельны. Таня несколько раз обращалась к соседям: “Расстегни мне лифчик, поддержи мой передедик, помоги вынуть тапочки из мешка”» (Низова, 1967, 94–95).

О 1970-х – 1980-х гг.: «Детство мое (хоть не вся жизнь, и то хорошо) прошло в Советском Союзе. Среди многих психологических травм, полученных вследствие этого обстоятельства, было удушеье стыда. Стыдились все мы понемногу, а то и помногу, собственного тела. Точнее, не столько тела, сколько белья. Регулярно разоблачаясь в раздевалках перед “физ-рой” или на приемах у врача, мы, дети, в сущности, малые, неловко демонстрируя уродливые изделия советской лёгкой прсти, осознавали убогость собств. вида и заливались краской. И все старались переодеться в тёмном закоулке этой самой раздевалки, скрючившись на низенькой скамейке, незаметно. Самые проворные умели ловко влезть в спортивки и только потом снять форменное платье, а уж совсем дальновидные еще дома умудрялись надеть поддевку – спорт. майку; помните, такие жуткие, со спортивным вымпелом или футбольным мячом. Правда, эта затея была наказуемой – приходилось носить мокрую майку под всегда тесноватой в подмышках шк. формой. Я же всегда была душой и забывала о грядущем уроке физкультуры, о необх-сти загодя надеть майку, о мучительной экзекуции, когда нужно предьявить ЭТО всей женской половине класса и успеть при этом, на случай войны компроматов, рассмотреть ЭТО чужое. Чтобы знать: все мы уравнены в своей обреченности. На ЭТО. На бельё» (Денисова, 2002).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Подглядывали только мальчишки за девочками, девчонки за мальчишками – нет. Подглядывали, когда девочки поднимались по лестнице, в раздевалке на физкультуру: перегородка между мужской и женской раздевалкой была фанерная и вся в дырках (некоторые даже приличных размеров). Мальчишки подглядывали и потом через стенку что-нибудь кричали, называя фамилию или имя девочки. Например: что-нибудь про нижнее бельё, фигуру. Потом мы стали переодеваться с девочками по очереди, закрывая друг друга одеждой» (552).

О с. Глядянское в 1997–1998 гг.: «Когда был урок физкультуры, то мы его не очень любили, так как неохота было бегать сдавать нормативы. Единственное нравилось – играть в волейбол, баскетбол. Перед уроком физкультуры нужно было обязательно переодеваться. У нас в школе было две раздевалки, они находились друг против друга. Ни та, ни другая почему-то не закрывались. В раздевалке мы обычно с девчонками обсуждали телепередачи, фильмы, дискотеку. Обычно один-два человека держали дверь, в то время пока остальные переодевались, потому что мальчишки в самый ненужный момент раскрывали дверь и прикалывались над нами. В отместку им мы тоже раскрывали их двери, они выбегали в трусах и носились за нами по рекреации, было очень смешно. Когда они нас догоняли, то затем

перекидывали на плечо и долго щекотали. Мы так заливались, я до сих пор помню это» (106).

О 1999–2003 гг.: «Классе в 5–6 переодеванию не уделялось особого значения. Но в 7 классе (1999 г.) всё изменилось. Мальчишки стали проявлять активный интерес к переодеванию девочек. Раздевалка стала всё чаще резко распахиваться от удара ноги, открывая всё пространство маленькой раздевалки. Боролись мы разными способами: 1. Девочка, которая проходила на занятия в спортивной форме, то есть ей не нужно было переодеваться, держала двери раздевалки изнутри или караулила снаружи. 2. Переодевались группами. То есть, например, двое переодеваются, а трое других становятся “стеной”, закрывая телами переодевающихся. Потом меняются. 3. Затем появились спорт. бриджи, шорты, топы и футболки, которые были незаметны под одеждой и удобны. Это сразу облегчило процесс переодевания, сделало его более быстрым и психологически-нейтральным. И мы уже сами не только не закрывали свои двери в раздевалки, а уже бегали открывать двери мужской раздевалки, чтобы посмотреть на мальчиков, когда они стоят полуголые. Мальчишки от нас закрывались и прятались. Но уже в 8 классе (2000 г.) придумывали мальчишки новую забаву – они заталкивали в раздевалку самую смелую девочку и “держали ее в заложниках”. В 9 классе, когда у мальчиков начали формироваться мужские фигуры, они специально до самого звонка разгуливали с голым торсом, демонстрируя всевозможные рельефы тела. Девочки, которые тоже уже “обзавелись” всеми формами, ходили в обтягивающих топах и шортах. Теперь переодевание обрело новый вид. Мальчишки бегали в женскую раздевалку, а самые смелые девчонки – ходили в мужскую раздевалку. Переодевание стало формой демонстрации развивающегося тела. Всю оставшуюся неделю обсуждалось увиденное и “попробованное”. У кого какая фигура, кто что разрешает делать с собой, кто как себя ведет. Уже в 10–11 классе демонстрация фигуры была направлена на практикантов и учителя физкультуры» (012).

«Тисканья», «зажимания» во время переодевания на физкультуру. См.: *Тисканья*.

О г. Каменске-Уральском в середине 1980-х гг. «В школе, когда мы очень быстро стали превращаться из девочек в девушек, у нас появились различные формы зажиманий. На физкультуре мы переодевались в подвале. Туда нужно было спускаться по лестнице, где был очень тусклый свет. Спускались в раздевалку мы спокойно, но мальчишки переодеваются быстрее девочек. И вот когда мы, наконец-то, одетые в форму, подходили к лестнице, тут нас уже поджидали. Некоторым удавалось благополучно миновать этот пост, а некоторых прижимали к стене и “прошупывали”. Девочки отбивались, некоторые обижались. Переодеться на физкультуру было для нас целым испытанием» (465).

ПЕРЕПИСКА – «...Обмен письмами...» (Словарь, 1959–9, 805).

Переписка со сверстниками.

О втор. пол. 1960-х гг.: «Среди детей распространена переписка со своими сверстниками в других городах и в зарубежных странах. Происходит дружеский обмен мыслями, впечатлениями. Дети пишут о жизни своей школы, о прочитанных книгах, посылают друг другу альбомы, фотографии, рисунки, почтовые марки, различные сувениры. Письма бывают коллективными (от пионерского звена, класса, школы) и индивидуальными» (СВ, 1967, 191).

Переписка, завязывающаяся при помощи журнала.

О девочках 12–16 лет в Шадринске в 1998–1999 гг. «В журналы (типа “Мы”) в 1990-е гг. подавались объявления о том, что хотят найти друга по переписке. Некоторые обязательно требовали фото, часто писали: “Пишите все, отвечу всем!”. На конвертах девочки (10–14 лет) часто писали что-то типа “Лети с приветом, вернись с ответом” или “Почтальон, шире шаг!”, рисовали сердечки, конвертики и голубки» (1003).

Обмен письмами между постоянно встречающимися девочками.

О девочке в с. Ичкино Курганской обл. в 1960-х гг.: «...У меня была небольшая переписка между мной и моей подружкой, живущей в соседнем подъезде. Писали о погоде, о произошедших событиях. Но мне это показалось не интересным, и мы ее прекратили» (578).

О девочках в г. Кургане во вт. пол. 1980-х гг.: «Письма мы писали с первого класса, подсовывали их незаметно в сумку к адресату, на конвертах (самодельных) писали вымышленные имена, а в самих письмах нереальные вещи о приключениях, путешествиях, богатствах и прочей ерунде» (582).

О 1988 г.: «В школе мы с подружкой писали друг другу письма, хотя учились в одном классе, просто было интересно: высылали друг другу подарочки-открытки, свои фотографии, даже денежки. Это всё, в общем-то, не имело смысла, просто свой такой секрет, и приятно получать письма» (579).

О Шадринске в 1989 г.: «Лет в 9 мы с подругой, решили переписываться, хотя жили в соседних домах. Письма мы относили друг другу сами, придумали себе новые имена и рассказывали в письмах всё, что с нами происходило (хотя и так это знали)» (481).

О Шадринске в перв. пол. 1990-х гг.: «...Мы договаривались с какой-нибудь девочкой, что будем переписываться. Мы писали небольшое письмецо и еще делали какой-нибудь подарок, состоящий из календариков, открыток, заколок и т. д. Все это заворачивалось в сверток и отдавалось той девочке, а она отдавала подобный сверток мне. Так мы переписывались до тех пор, пока было что дарить» (580).

О девочках 12–14 лет в Шадринске в 1999–2001 гг.: «Девочки, учащиеся в одном классе, писали друг другу письма, обращаясь друг к другу под вымышлен. именами, отчествами и фамилиями. Каждая из них придумывала себе имя, фамилию, отчество, придумывали профессию, мужа (и его работу), детей и т. п. В письмах друг к другу они описывали всё это, свою вымышленную жизнь. Начинались письма примерно так “Уважаемая Ираида Дмитриевна!” или “Дорогая Ольга Васильевна! Благодарю Вас за письмо и спешу Вам сообщить...” Сами клеили конверты из обычных листочков бумаги, оформляли их, заклеивали скотчем, разрисовывали картинками – цветочками, сердечками, домиками, солнышками. На конвертах писали, например: “Филиновой Ираиде Дмитриевне, строго в руки”. В группах других девочек, насколько я знаю, они писали про жизнь как в современности, а в нашей группе (5 человек), мы выдумали, будто это переписка происходит давно, и, помимо описания семьи, описывали нашу школьную жизнь с такими аналогиями: учителя – правительство; директор – царица; другие школы – губернии; другие города – страны ближнего зарубежья; карантин – приостановление выезда и въезда в государство; каникулы – пропаганда революции в чужой стране; класс – всенародный ун-т. Чтобы переписываться так, как мы, надо было вступить в наш клуб, и для этого писали специальное заявление и ставили печати (любые, кто какую мог найти дома или у родителей на работе)» (1003).

ПЕРЕСКАЗ содержания сдаваемой книги в библиотеке как условие выдачи новой книги.

О 1931 годе: «Любопытство...привело в хатку под камышовой крышей, на которой было выведено “Избачитальня”. Что же я вижу? Все в очереди стоят за книжками, а одна девочка сидит в центре хаты и тархтит содержание той книги, которую принесла для обмена. И если не расскажешь, другую не дадут» (Мордюкова, 1998, 15–16)

ПЕРЕСНИМАТЕЛЬНЫЕ картинки – то же, что *переводные картинки*.

О конце 1920-х – начале 1930-х гг.: «В школе перемена... Только из второго класса никто еще не выходит – все ребята столпились у последней парты. Там сидит девочка... Фамилия у девочки Былинка. Подошел к ней и Миронов. Между других голов сует и свою светлую голову. “Сейчас будет самый интересный рисунок!” – говорит Былинка. Наклонилась над раскрытой тетрадкой и трёт пальцем мокрую бумажку. “Какой?

Какой рисунок?” – спрашивает толстый Соколов. И грузно наваливается на плечи Миронову. “А вот увидишь”, – говорит Былинка. Верхний слой мокрой бумажки понемногу сходит. Будто кожица скатывается у Былинки под пальцем. “Зачем ты так? – кричат ребята. – Своди сразу!” “Так лучше”, – отвечает Былинка. И всё трёт”. Когда бумажка стала совсем тоненькой, Былинка наклонилась над ней и подула. А потом начала осторожно, потихоньку сдвигать ее пальцами. “Ой! – шепнул Соколов под самым ухом Миронова. – Гляди, уже мачта появляется!” Миронов еще не видит мачты. Миронов видит только, как сдвигают бумажку пальцы Былинки... Совсем сдвинула Былинка тонкую, мокрую бумажку. “Корабль!” – кричит Соколов. На страницу тетради переснялся желтый корабль с белыми парусами. Бока у корабля выгнутые и блестят, точно покрытые лаком. Плывет по синей-синей воде корабль. “А теперь пересними вот эту”, – просит Былинку Миронов. “Вот эту?” – спрашивает Былинка и начинает переснимать новый рисунок. Выходит птица – головка отликает разными цветами: малиновым, зеленым, синим... Кончилась... перемена. А ребята всё ещё не расходятся по местам. Былинка переснимает красные розы венком. Пятнадцать маленьких пышных роз появляются на белой странице тетради. И все они блестят, будто их только что попрыскали водой. “Подумайте! – говорит Былинка. – Какие хорошие попались переснимательные! Ни одна картинка не испортилась”. “Где покупала?” – дергает ее за рукав Соколов. “У Пилсудского”, – отвечает Былинка. “Петька, – говорит Соколов Миронову. – Пойдем сегодня прямо со школы к Пилсудскому – покупать переснимательные”. “А сколько у тебя мелочи?” – спрашивает Миронов. Соколов лезет в карман своих широких штанов. “Тридцать одна копейка. На два листа хватит”. “Когда будешь покупать переснимательные, нужно выбирать начальные номера серии, – говорит Киссель, – или смотреть насквозь”. Былинка мотает головой. “Нет. Хорошие переснимательные, когда на них много клею. Я, когда покупаю, всегда сначала потрогаю. Если липнут к пальцам, значит, хорошие. Вот как нужно выбирать переснимательные!”» (Будогоская, [1936] 1988, 90–91).

Из статьи 2006 г.: «“Серая Шейка” – она ведь как переснимательная картинка моего детства: слегка смочить и потереть пальцем, катышками сойдет пленка – и воссияет. Не знаю, есть ли сейчас такие» (Горелик, 2006).

ПЕРЕСОСОК – ребёнок, который дольше сверстников сосёт молоко из материнской груди.

О 1920-х – 1930-х гг.: «Генерал... продолжал: “...Бывали в деревне такие мальцы-“пересоски”. Здоровый хлопец, сам ходит, а требует: “Мамка, титьку!” А мамка будто выжатый лимон...”» (Шаров, [19 64] 1968, 161)

ПЕРЕХОДЯЩЕЕ Красное Знамя – О конце 1940-х гг. в Шадринске: «За хорошую постановку учебно-воспитательной работы школе № 6 было вручено переходящее Красное Знамя. Вручали его на пионерском слёте в городском саду. Пионерская дружина прошла строем от школы по улице Ленина до горсада. Все были в парадной пионерской форме и с эмблемой на груди – на красном ромбике цифра “6”» (Плотникова, 1995, 50).

См. также: *Знамя городской (районной) пионерской (комсомольской) организации*.

ПЕРЕЭКЗАМЕНОВКА – повторная сдача экзамена, назначаемая учащимся, не выдержавшим весной экзаменов по одному или двум предметам. Проводится обычно осенью, перед началом нового учебного года.

О гимназии в середине 1910-х гг.: «“Тебе обязательно надо подтянуться. Хоть на тройку проехать... Ну, пусть одна переэкзаменовка...!”» (Филиппова, 1938, 107).

О первокласснике в перв. пол. 1960-х гг.: «“Аня, а вдруг Вадик всё-таки не будет второклассником?” “Будет, будет, в крайнем случае переэкзаменовку на осень ему дадут”. Всё-то эта Аня знала. Наверное, оттого, что столько у неё братьев: два родных и штук пять двоюродных...”»

О перв. пол. 1960-х гг.: «В 7 класс одной из школ Челябинска поступил новый ученик. Ему предстояла

перезкзаменовка по литературе. Экзамен мальчик выдержал и был переведён в следующий класс» (Матушкин, 1965, 5).

О конце 1960-х гг.: «Под сосной сидел и читал толстую книжку Юра Трофименко... “Пойдем побросаем мячик”, – робко предложил я. “Мне нельзя”, – вздохнул Юрка. “Ты больной?” “Я не больной, – ответил Юрка, – у меня переэкзаменовка”... Схлопотал парень переэкзаменовку. “Ты знаешь, – Юрка мне доверительно улыбнулся, – я нарочно получил переэкзаменовку”. “Как это так?” – удивился я. “Очень просто, – ответил Юрка. – Моя бабушка сердилась, что я много читаю и порчу зрение... ..Отобрала у меня все книги и оставила одни учебники... И вот что я придумал. Вызывают меня на уроке по литературе, а я говорю, что в голову придёт... Учительница поставила мне в четверти двойку и дала работу на лето. Теперь могу все время читать»» (Машков, 1974).

ПЕРИЛА – см.: *Скатываться по перилам.*

ПЕРО, перья – орудие для письма чернилами, тушью – стальная вогнутая пластинка с заостренным и расщепленным кончиком. Школьники пользовались ими в школах с последней четверти XIX века до конца 1960-х годов.

О середине 1910-х гг.: «...Писчебумажный магазин под названием “Привет”... Нигде в мире никогда в жизни, ни тогда ни после, я не видела столько писчебумажных чудес... Краски в ящиках и врассыпную, золотые и серебряные перышки (тонкие и толстые), перья “рондо” и № 86... Пресс-папье, резинки и опять перья, перья, перья всех сортов и размеров» (Луговская, [1983] 1987, 76).

Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сент. 1935 г.: «Особенно неудовлетворительны по качеству... ручки и перья... Ручки в своей значительной части непригодны к употреблению, а ученические перья не держат чернила и при письме рвут бумагу» (НО, 1974, 519).

О середине 1930-х гг.: «...В первом и втором классах снова, как при “старом режиме”, введено чистописанье..., появились “прописи”..., проведенные в них жирные и волосяные линии стали предметом изучения и подражания. Обязательным орудием труда первоклассника стало перо № 86. Перо “лягушка” поощрялось меньше, а перо “солдатик” кое-где было запрещено вовсе за неспособность проводить волосяные линии». (Андреевский, 2003, 318).

О 1937–1939 гг.: «В тетради в косую линейку перышком – обязательно номер 86, было тогда такое перо специально для школьников, – я тщательно вывожу палочки и крючки. Перышко скользит вниз – нажим, поворот вверх – нет нажима: это правило. Но провести ровную палочку не так-то просто, а если палочка с крючком, и того сложнее» (Богданков, 1972, 20).

Из рассказа 1945 года: «Мама велела Коле делать уроки... Но Коля всё ворчал: “– Думаешь, это очень просто: сел и пиши. А вот нет! Надо сначала перо сменить. Царапает. У нас в классе один мальчик стал писать таким пером – насквозь тетрадку продрал”. Коля долго вытаскивал перышко из ручки. Сначала просто пальцами. Потом ножницами. Потом маминым вязальным крючком. Никак не мог вытащить. И вдруг нечаянно уронил ручку на пол, и перо само выскочило. Коля вставил новое перо... Он открыл тетрадку, обмакнул перо в чернила...» (Гернет, 1945).

О 1944–1948 гг.: «Ручки были деревянные с железным наконечником, где было приспособление для вставки пера. Перья были разного вида и разных названий; такие, например, как “лягушка” – это перо с широкими крылышками, “рондо” – это перо с шишечкой на кончике» (Русаква, 2007).

О Свердловске во вт. пол. 1940-х годов: «В школу ходили с ... портфелем... К каждому портфелю привязывали мешочек с чернильницей-непроливайкой, в кармашке находилась перочистка... Писать допускалось двумя-тремя видами перьев: “лягушкой” с загнутым кончиком, номер одиннадцать и номер тридцать шесть» (Факова, 2006). «Соринка, как нарочно, / Приклеилась к

перу. / Какая вышла буква – / Сама не разберу!» (Барто, [1945], 1969–1, 243).

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «Большим уважением школьников были окружены перья. Они различались по конфигурации, имели номера, названия и прозвища. Одни ценились за то, что пишут тонко и мягко, другие – за внешний вид, третьи – за то, что их трудно было достать. Самым привлекательным было перо номер 86. Перышки обменивали, в них играли, их коллекционировали» (Дробиз, 2004).

О конце 1950-х гг.: «Пришлось идти на хитрости... Вместо перышка номер одиннадцать писать тринадцатым. Людмила Александровна опять заметила... “Таврилов, ты каким пером пишешь?” “Обыкновенным”, – Васютка сделал вид, что ничего не понимает. “Какой это номер?” Васютка долго, пристально разглядывал перо, вертел его и так и этак. “Ну?... Это перо номер тринадцать. А я какими писать велела? Восемьдесят шестым или одиннадцатым. Неужели не ясно? Сейчас же смени перо”. Васютка полез в пенал за старым перышком. «...Пусть ругается, – подумал он. – Зато копейку сэкономил» (Дягилев, 1961, 54–55).

О 1953 г.: «Мой первый класс (это было в 1953 году), школа № 18. Этот год был последним в системе раздельного обучения мальчиков и девочек... Как сейчас помню стальные перышки, которыми мы тогда писали. У перьев был определенный размер, соответствовавший классу ученика – 1, 2, 3 и пр. Перышко для первого класса было украшено пятиконечной звездочкой, кончик был тоненьким и расщепленным спереди, чтобы легко давался нажим. Без нажима из-под руки ученика выходила недопустимая волнистая линия» (Овсянникова, 2006–2, 4).

О нач. 1960-х гг.: «У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макаю в чернила только самый кончик пера, а кляксы все равно соскакивают» (Драгунский, 1964, 114).

О Свердловске во вт. пол. 1960-х гг.: «На уроке чистописания мы пишем перьевыми ручками. Перо макается в чернильницу, а потом пишутся трудные буквы... А иногда от сильного нажима перо царапает бумагу, и она застревает между его половинками. Тогда я чищу перо о перочистку. Однажды я так сильно давила на перо, что оно сломалось. Хорошо, что у меня в пенале было запасное перышко» (Смирнова, 2005).

ПЕРОЧИННЫЙ НОЖИК – небольшой складной карманный нож.

На протяжении десятилетий перочинным ножиком желали обладать большинство мальчишек. Во всяком случае, эта тема являлась постоянной в творчестве отечественных писателей.

О конце 1880-х гг.: «Никита сидел и думал, что ни у кого из мальчишек нет такой чудесной скамейки. Он вынул перочинный ножик и стал вырезывать на верхней доске имя – “Вевит”» (Толстой, [1919–1922], 1984, 11).

О нач. XX в.: «На скамье... сидит реалист... Серая блуза перетянута ремнем с медной бляхой. Книги и фуражку положил на скамью, а сам перочинным ножиком строгаёт ветку, чтобы сделать хлыст» (Будогоская, [1929] 1988, 26).

О начале 1930-х гг.: «У него портфель / Из кожи, / Острый ножик / перочинный!» (Барто, [1935] 1969–2, 183).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Паня остолбенел, глядя на то, что Вадик назвал штучкой: чудеснейший перочинный нож, блестящий перламутром и никелем... “Смотри, смотри! – торжествовал он. – Это просто нож – самый главный, это тоненький, а вот совсем коротенький. Штопор, открывалка для консервов, отвертка, шило – делать дырки”» (Ликстанов, [1953] 1964, 378).

О конце 1940-х гг.: «И теперь в походе Гоша / Изнемог... / Так и кажется бедняге, / Что... довольно много тянет / Перочинный нож в кармане» (Сергеев, 1952, 14).

«О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Но особенную цену, конечно, имел твой перочинный нож с двумя лезвиями, большим и маленьким, да вдобавок еще шилом и штопором... Чтобы попользоваться им по очереди, тебя снисходительно принимали играть в тычки или ножички.

Попадешь удачно, и нарежай себе одну за другой доли владений внутри очерченного на земле неровного круга, стирай подошвой черту чужих, отмененных границ. Не так просто удавалось втыкать тот же нож в землю разными искусными способами; самый трудный из них...: нож раскачивался за кончик лезвия двумя пальцами так, чтобы потом воткнулся, перевернувшись. Самодельной заточкой, с рукояткой, обмотанной черной изолентой, это получалось почему-то гораздо лучше» (Харитонов, 1998).

О нач. 1950-х гг.: «Подарок именной – / Отличный / Перочинный / Стальной / Складной / Карманный нож. / Шестнадцать лезвий / В нем найдешь!.. / Давным-давно прошла пора, / Когда чинили перья. / И всё ж – / По правилам старинным – / Нож / Называют перочинным... / Все то, что нужно, – под рукой: / Набор ножей и пилок, / И штопор для бутылок. / Есть и сверло, и долото... / Опять начальные до блеска / Стальные ножнички, стамеска, / Опять сверкают, как стекло, / Отвертка, шило и сверло. / Блестит набор клинков и пилок / И цепкий штопор для бутылок». (Маршак, [1955] 1968–1, 240–244).

О 7-летнем мальчике в середине 1950-х гг.: «[Федя] представил себе перочинный ножик с двадцатью четырьмя предметами и от этой заманчивой мысли проглотил слюну» (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961, 23–24).

О подростке в Москве во вт. пол. 1950-х гг.: «...Я подобрал с земли подходящую дощечку, уселся на подоконник... и, насвистывая, принялся выстругивать перочинным ножом ятаган для Максимки. Ножик я, разумеется, всегда носил с собой: как это можно выйти на улицу без ножа?» (Алексеев, 1987, 24–25).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Мрачен Серёжка / Не без причины: / У Вовки соседского / Нож перочинный – / Подарок отца, / Замечательный ножик. / Мучится завистью / Бедный Серёжик...» (Бедарев, 1961, 22).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «И Шура поставила кляксу. “Ой!” – сказала она. “Вот тебе и ой”. Теперь только не три резинкой. Пусть просохнет, – посоветовал Володя. – Подсохнет, тогда подчистим ножиком”. Они вместе ждали, когда высохнет чернильное пятно, и Рогов великодушно соскребил его своим перочинным ножом. Это было очень великодушно, не каждый мальчишка на это способен» (Карпенко, 1962, 18).

Об учениках 4-го класса в деревенской школе в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «На уроке географии Грач попросил у меня перочинный ножик. На время, конечно, попросил, – нужно было ему что-то обстругать. А может быть, фамилию свою на парте вырезать. А я, как назло, вчера наточил ножик... Не дал я нож Грачу... Каждый человек должен иметь свой перочинный нож и не попрошайничать. Я почему-то ни у кого не клянчу ножики» (Козлов, 1963; 3–4, 99).

О 1959–1964 гг.: «До пятого класса, чтобы не испортить почерк, мы были обязаны писать стальным пером с расщепом, макая его в бело-голубую чернильницу-непроливайку и очищая от прицепившейся чернильной дряни... перочистой... Запрещались даже перья-“шкелетки”, не дающие утолщения на письме при нажиме. Не говоря об авторучках, а тем более о только появившихся шариковых ручках. Двенадцатидесятая шариковая ручка... потрясала воображение... Как мы только не кланчили, каких доводов не приводили, чтобы нам позволено было писать ученическими авторучками, какими пишут пятиклассники, – все впустую... Поэтому, не имея возможности писать, как все взрослые, авторучками – какая свобода от чернильницы, перочисток, деревянного пенала и прочей позорной дребедени! – и ненавидя собственные письменные приборы, ученики младших классов тратили весь пыл на изменение их назначения» (Клех, 2003).

ПЕРОЧИСТКА – приспособление для чистки пера.

О Свердловске во вт. пол. 1940-х гг.: «К каждому портфелю привязывали мешочек с чернильницей-непроливайкой, в кармашке находилась перочистка – сложенная во много рядов и скрепленная между собой мягкая ткань для очистки перьев» (Факова, 2006).

О 1946–1947 гг.: «“У нас есть подшефный детдом. Наша школа часто делает воспитывающимся в нем детям

подарки. Недавно ученицы шестых классов подарили им вышитые подушечки и перочистки»» (Володяева, 1960, 49).

О 1959–1964 гг.: «До пятого класса, чтобы не испортить почерк, мы были обязаны писать стальным пером... макая его в... чернильницу-непроливайку и очищая от прицепившейся чернильной дряни матерчатой перочистой из кругляшей ткани, сшитых ниткой в центре или скрепленных заклепкой» (Клех, 2003).

О девочке 7 лет в Новокузнецке в 1965 г.: «Я пошла в 1 класс... Всё было, как полагается... коричневое форменное платьице, ...новенький портфель. А в нём – вещи, которые незнакомы нынешним школярам, – чернильница-непроливайка, перочистка, деревянная ручка-вставочка. Впрочем, уже через год мы официально перешли на авторучки, а через два или три – на шариковые ручки». (Политова, 2006, 3).

О Свердловске во вт. пол. 1960-х гг.: «На уроке чистописания мы пишем перьевыми ручками. Перо макается в чернильницу, а потом пишется трудные буквы... А иногда от сильного нажима перо царапает бумагу, и она отрывается между его половинками. Тогда я чищу перо о перочистку» (Смирнова, 2005).

ПЕРРО – Шарль Перро (1628–1703), французский писатель.

«Французский поэт и критик Шарль Перро (1628–1703) снискал себе мировую славу сборником “Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времён с поучениями” (1697). В книгу были включены сказки, ныне известные детям всего мира: “Красная Шапочка”, “Золушка” и “Кот в сапогах”» (Зубарева, 1976, 38).

«Сказки Шарль Перро, конечно, выдумал не сам, одни он помнил с детства, другие узнал в течение жизни, ведь когда он сел за сказки, ему было уже 65 лет. Но он не просто записал их, но сам оказался отличным рассказчиком... Перро рассказывает увлекательно – от сказки, от любой, будь то “Золушка”, “Спящая красавица” или “Красная Шапочка”, невозможно оторваться, пока не дочитаешь или не дослушаешь до самого конца... В том, наверно, и заключается секрет удивительных сказок Перро. После того как они появились, стали выходить многочисленные подражания, их писали все, даже светские дамы, но ни одна из этих книг не дожила до наших дней. А “Сказки матушки Гусыни” живут, они переведены на все языки мира, знакомы в каждом уголке земли. На русском языке сказки Перро впервые вышли в Москве в 1768 году под названием “Сказки о волшебницах с нравоучениями”, причем озаглавлены они были вот так: “Сказка о девочке с красненькой шапочкой”, “Сказка о некотором человеке с синей бородой”, “Сказка о батюшке котике в шпорах и сапогах”, “Сказка о спящей в лесу красавице” и так далее. Потом появились новые переводы, выходили они в 1805 и 1825 годах. Скоро русские дети, так же как и их сверстники в других странах, узнали о приключениях Мальчика с пальчик, Золушки и Кота в сапогах. И сейчас нет в нашей стране человека, который не слышал бы о Красной Шапочке или о Спящей красавице» (Перехвальская, 1988).

«**ПЕРСИК**» – вид более жестокого наказания (удар оттянутым пальцем по затылку).

О 1970-х гг.: «Потом прицепился Снетков: “Вобла! Подмети за меня! Мне некогда”. “Что я – рыжий, за всех убирать?” – осторожно возразил Леша, оттолкнув от себя швабру. “До ужина не уберешь – двадцать “персиков””, – предупредил Женька. Лешка долго размышлял, как быть: убирать неохота, а подзатыльники получать – тем более. В конце концов порешил – ни нашим, ни вашим: у Женьки под носом со шваброй повертелся, и точка. Даже пыль вытирать не стал. После обхода в графике выросла жирная тройка. “Ты что, назло? – как коршун, налетел Женька. – Для Володьки, значит, на пятерочку убрал, а мне чуть двойку не влепили!” Он повалил Лешу на кровать и, оттягивая указательный палец, стал больно хлестать по затылку... “А тебе что? – отрезал Снетков. – Не твое дело – и не лезь”. “Нет, моё”. ““Персиков” захотел?” – удивился Женька. “Захотел”, – не отступал Сыроежкин» (Ампелонов, 1980, 7, 15–16).

ПЕРЧАТКИ – предмет одежды (из кожи, пряжи, ткани), закрывающий руку до запястья и выше и имеющий отделение для каждого пальца.

О конце 1920-х – начале 1930-х гг.: «Анночка у нас уже большая... У неё уже настоящие перчатки (не домодельные рукавички, как у Алёны) – с отдельными помещениями для всех пяти пальцев, и она ловко всовывает каждый палец на своё место, а это не так-то просто – пальцы так и лезут по двое куда не полагается» (Смирнова, 1963, 13–15).

О 1950-х гг.: «Ну, всё пропадает у девочки Вали!... Сегодня у Вали перчатки пропали» (Лифшиц, 1959, 26).

«ПЕРЫШКИ» – игра с перьями на выигрыш.

Игра в «перышки» в 1870-е – 1890-е гг.

О 1879 г.: «Семи лет меня решили отдать во 2-ю гор. трехклассную школу... В первом классе моим учителем был Дмитрий Герасимович Панов. Учился я очень хорошо, но у меня была страсть – играть в перышки, и во время уроков иногда нас учитель ловил» (Павлов, 1995, 33).

О нач. 1890-х гг.: «В сумерки пришел Виктор, прямо из гимназии, Виктор... выпросил у Никиты перочинный нож с двенадцатью лезвиями и ушел “к одному товарищу, – ты его не знаешь”, – играть в перышки» (Толстой, [1919–1922] 1984, 111).

Игра в «перышки» в 1900-е – 1910-е гг.

О нач. XX в.: «Оглянитесь назад, на детство: вы вспомните, что в каждом из училищ, в каждой гимназии была такая неожиданная вспыхивающая эпидемия: вдруг – игра в перья! И все мальчишки, все классы с головой уходят в дурацкую игру... Но однажды, во время разгара игры в перья, кто-то, разжевав резинку..., надул воздухом разжёванную массу и причудливо щёлкнул ею. И вдруг первая эпидемия (игра в перья) сразу, как по мановению волшебного жезла, прекратилась, перья потеряли всякий интерес, и крупные держатели этих, казалось бы, абсолютных ценностей сразу потерпели крах» (Аверченко, 1991, 99–100).

О нач. 1900-х гг.: «На втором уроке долговязый подсел ко мне и предложил сыграть в перышки. Через какие-нибудь две минуты все новые перышки, которые я принес в пенале, перешла к нему. Он продал мне четыре перышка за резинку и тут же выиграл их. (Четвериков, [1927] 1981–1, 43).

Игра в «перышки» в 1920-е гг.

О нач. 1920-х гг.: «“Я... в овраге ждаль буду, а ты Семушкина туда зазови. В перья сыграть или другое что...” Семушкин дружил с Яшкой и был страстным любителем игры в перья, самые обычные стальные перышки для ручек... Я побегал домой за перьями. Выйдя во двор, я... подошел к Семушкину: “Айда в перья играть”. “А у тебя есть?” “Гляди”. Я показал несколько совсем новых перьев» (Чаусов, 1963, 205).

О 1920-х гг.: «А игрой в перышки увлекли их беспризорники до того, что школьники играли, спрятавшись под партами. Пионеры решили объявить этим порокам беспощадную борьбу. “Знаешь, вожатый, мы что придумали, – заявил мне на совете отряда Франтих, – обыграть всех наших беспартийных ребят дочиста и все выигранные перышки продать соседней школе. Вот и деньги на барабан!” “Не годится» (Богданов, 1966, 15).

Игра в «перышки» в 1940-е гг.

О перв. пол. 1940-х гг.: «Доська выиграл у меня сначала десять, потом двадцать, после и сто с чем-то школьных перышков. Суть игры в перышки в том, что надо одним перышком перевернуть другое с “брюха” на “спинку”. Доська так наострил на этом деле, что я стал его вечный должник. Точь-в-точь как в повести Валентина Катаева “Белеет парус одинокий” (там герой проиграл множество “ушков”, металлических пуговиц). Я... пытался отыгаться, но “долг” все увеличивался. Доська был ко мне снисходителен, однако сам-то к себе снисходительным я отнюдь не был. Задолжал – отдай, кровь из носу. Бабки ли, спички ли, вяленица ли из пареной репы..., долг надо возместить!... ..Пришла ко мне беда через школьные перышки. До сих пор стоят в глазах эти перья под разными названиями: “союз”, “рондо”, “лягушка” и т. д. Пока не началась война, я

таскал Доське куски пирога, не в счет долга, а просто так. Но пришло время, и моя мать перестала давать пирога на моего приятеля... Я оказался в безвыходном положении вечного должника (по перышкам), но Доська был весьма великодушным. За то, что я научился играть на гармонии, он забыл все мои долги. Впрочем, тут я опять забегая несколько вперед, до гармонии еще было далеко... Однажды моя мать отдала Доське мои старые штаны с ляжками. Доська в восторге убежал с ними домой, чтобы сразу надеть. Мама, конечно же, не знала о моем “долге”, а Доська вскоре, жалея меня, даже перестал играть в перышки... Наша дружба несколько не пострадала от моего проигрыша...» (Белов, 2002–2).

О середине 1940-х гг.: «Я стал продавать каждый день... свою... горбушку и тратил хлебные деньги на покупку ученических перьев. Перышко стоило не меньше трех рублей. По нынешним временам это баснословная цена, тогда – привычная. За перо “пионер” без шишечки платили трешницу, с шишечкой – пятерку, за маленький “союз” (он всегда с шишечкой) – тоже пятерку, за большой – червонец, за перо для авторучки, не торгуясь, давали четвертную... Напоследок я решил прикупить крошечных чертежных перышек у запасливой Матрены Колдуновой, она пообещала взять с меня милостиво – по два рубля за перо... Накануне игры с Тимуром, как и в предыдущие вечера, я торчал до полуночи за... столом – тренировался. До поступления в ремесленное училище я был завзятым перышником. С кем бы я ни играл в перышки..., всегда выходил победителем. Но за время, что я занимаюсь в училище, Тимур Шумихин насобачился играть в перья, и я, чтобы осуществить задуманное, по несколько часов кряду, стоя коленями на табурете и наваялся грудью на столешницу, выбивал перья, возвращая движением пальцев прежнюю быстроту, точность, неутомимость, проверяя свои давние секреты, как какое перышко легче всего опрокидывать на спинку, затем переворачивать на брюхо. Моей излюбленной битой было “восемьдесят шестое”: его не нужно крепко зажимать меж указательным и средним пальцами, тогда они не устают, размашисто летают, не дрожат. В предвоскресный день я почувствовал себя таким же непобедимым перышником, каким был раньше. Я вышибал подряд все перья, которыми наполнилась расписанка жестянка... Я щёлкнул сквозь карман по жестянке. Он пощупал жестянку, взвесил ее на пальце, прикинул, сколько в ней может быть перьев... Мы приткнули табуретку к табуретке, встали перед ними на колени... У Тимура было больше перьев, чем у меня – целая бонбоньерка из-под лимонных долек... Вдруг да Тимур выбьет сразу все мои перышки? Запросто выбьет! Я, случалось, подряд по тысяче перьев выбивал. Ему по тысяче не приходилось, но по столыку, сколько у меня сейчас, он выигрывал за кон. Я поставил маленького “верблюда”. Кончиком “союза” – это была его излюбленная бита – он ширкнул по спинке перышка, и оно опрокинулось навзничь. Он чуть-чуть задел тонкую шейку “верблюда”, и тот мгновенно оказался в прежнем положении. Я поставил большого “верблюда”, его постигла участь маленького. Я знал: если противник принаровится выбивать перья одного типа, разнообразия их. Я обычно так и поступал, но сегодня одолело меня упрямство, и я кидал под биту Тимура “верблюда” за “верблюдом”, пока не проиграл весь “караван”. Я начал ставить “восемьдесят шестые”, перемежая их “пионерами” и “рондо”. Кисть Тимуровой руки действовала, как автомат: движение вправо, движение к груди – и перо, которое только что было моим, пришвартовывалось к борту его бонбоньерки... Скоро очередь дошла и до “союзов” – больших и маленьких, с шишечками и без шишечек. Я старался убедить себя в том, что крах еще далек и моя игровая мощь велика. Я называл маленькие “союзы” крейсерами, большие – линкорами; и вот с каменным видом я наблюдал, как мои “корабли” уплывали к Тимурову. Теперь я все злей верил в то, что остатки моих “эскадр” будут спасены “торпедными катерами” – крошечными чертёжными перьями. Слишком трудно выиграть эти перышки: они переворачиваются лишь тогда, когда прикасаешься к ним

кончиком биты, как волоском. Я пустил к руке Тимура звено “торпедных катеров”, а через мгновение торжествовал: он не смог поразить ни одного из них. Готовлюсь бить. Уголок пиджачной полы протираю “восемьдесят шестое”, потом тщательно осматриваю его: не осталось ли где ворсинки. Проклятые ворсинки, они лишают точности удар!.. Нет, явно на стороне Тимура какие-то магические силы: я не выиграл даже “рондо”, широкоспинное “рондо”, кривоносое “рондо”, то самое “рондо”, прорезь в котором походит на полумесяц и которое я всегда выбивал во время тренировок! Три чертежных пера тоже уплыли к Тимуру. Я собрался швырнуть ему жестянку с остатками перьев, решив, что и эти он выбьет запросто, как и те, что я ставил раньше, но четвертое чертежное только вздыбило носик от скользящего прикосновения Тимуровой биты. Он опять поставил “рондо”. Я выиграл и почувствовал в своих пальцах... прорывство и летучую точность. Тимур еле успевал подкатывать перья под мою биту.. Я выбивал и мерцающих белым никелем “верблюдов”, и “лягушек”, и “восемьдесят шестые”, покрытые бронзой, и перья от самописок и чертёжных лилипутов, и плакатных великанов. Он ставил, я выигрывал. Когда бонбоньерка заметно опустела, я потерял счет выбитым перьям... В конце концов у меня одеревенели пальцы от держания биты, и я не сумел перевернуть со спинки на салазки порыжелое от ржавчины “рондо”. Хотя от великих перьевых запасов Тимура осталось всего ничего, я обозлился на себя: второй раз сорвался на самом легком для выигрывания перышке. Но и Тимур даже не опрокинул большого «верблюда» с шишечкой – едва вскинувшись, этот «верблюд» щелкнулся на табуреточное сиденье, покрытое, алой масляной краской... Я ссыпал перья в свою форменную фуражку... Я выбил перья, оставшиеся в бонбоньерке. Тимур слезил под кровать, где были спрятаны деньги, купил у меня перьев на пятьсот рублей. Я продолжал бить и отыграл эти перья. И снова ему пришлось раскошелиться... Я... проверил деньги, потребовал у него тридцатку, на которую он хотел меня нагреть, и опять возвратил проданные перья. Он швырнул на пол оставшуюся у него стопку трёшниц, отсчитал положенное количество “рондо”, и я начал действовать битой... Когда его последнее перышко очутилось возле моей жестянки, я поднялся с полу и отряхнул брючные пузыри...» (Воронов, [1972] 1982; 230–231, 242–243, 244–248).

О 1940-х гг.: «“Мальчишки тоже мешают друг другу, – сказал отец. – Я в школе сидел с таким балбесом – то в перышки, то в фантики играет, заниматься не даёт...”» (Карпенко, 1962, 31).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...Коська... во время чтения занимался игрой в пёрышки и ничего не слышал» (Антонов, 1955, 50).

ПЕРЬЯ, играть в перья – см. «Перышки».

ПЕС – разговорное название оценки «посредственно» (с 1935 по 1943 гг.).

Из фильма «Брат героя» (1940, сценарий Л. Кассиля, по повести Л. Кассиля «Черемыш – брат героя»). Директор школы: «Доброго здоровья, ребятки, доброго здоровья! Носы целы? Не пообморазивали?» Школьники: «Не-ет». Рита: «Кирилл Степанович! У Плинтусова вся память примёрзла! Опять все уроки позабыл!». Директор школы [Кирилл Степанович] (обращая к Рите): «Ну, а как у тебя по-русскому?» Плинтусов: «Опять “пса” получила!» (школьники смеются). В повести все цитируемые реплики отсутствуют.

См. также: «Пёсик».

«ПЕСЕНКА Крокодила Гены» – песня (1971) на слова А. Тимофеевского и музыку В. Шаинского из мультфильма «Чебурашка».

В детской среде существуют переделки этой песни.

Переделки 1981 и 1989 гг. см.: Лурье, 1998–2, 475–478.

«ПЕСЕНКА мамонтенка» – пользующаяся популярностью в среде детей песня из мультфильма «Мама для мамонтенка». Автор слов – Д. Непомнящий, композитор – В. Шаинский. Текст: «По синему морю к зеленой земле / Плыву я на белом своем корабле... /

Меня не пугают ни волны, ни ветер, / Плыву я к единственной маме на свете, / Плыву я сквозь волны и ветер / К единственной маме на свете... / Скорей до земли я добраться хочу / “Я здесь, я приехал” – я ей закричу, / Я маме своей закричу... / Пусть мама услышит, пусть мама придёт, / Пусть мама меня непременно найдёт. / Ведь так не бывает на свете, / Чтоб были потеряны дети...».

О с. Шухтинском Катайского р-на 1989–1993 гг.: «Песня мамонтенка всегда вызывала во мне жалость, и в детстве в возрасте 5–9 лет я под неё всегда плакала» (073).

О Шадринске в 1993–1994 гг.: «Мультфильм про мамонтенка я запомнила песенкой, которую исполнял мамонтенок. Когда я слышала эту песню, я плакала... Мне было 8–9 лет» (103).

«ПЕСЕНКА о медведях» – см.: «Где-то на белом свете...»

«ПЕСЕНКА про чибиса» – песня на слова А. Пришельца и музыку М. Иорданского. Вошла в детский репертуар в середине 1950-х гг.

Текст: «1. У дороги чибис, у дороги чибис, / Он кричит, волнуется чудак: / “А скажите, чьи вы? А скажите, чьи вы? / И зачем, зачем идете вы сюда?” 2. “Не кричи, крылатый, не тревожься зря ты: / Не войдем мы в твой зеленый сад. / Видишь – мы юннаты, мы друзья пернатых, / Мы твоих, твоих не тронем чибисят”. 3. Небо голубое, луг шумит листвою – / Тут тропу любую выбирай! / Это нам с тобою всем нам дорогое – / Это наш родной, родной любимый край. 4. И когда цветёт он, и когда зовет он, / Мы уходим в дальние пути. / По степным широтам, через речки бродом / Всю страну, страну нам хочется пройти!» (СП, 1958, 84).

О вт. пол. 1950-х гг.: «И летом я [1947 г. р.] впервые поехал в пионерский лагерь... И мы строились на линейку, и пололи редиску на колхозном поле, и пели звонкие песни про чибиса и весёлое звено...» (Иртеньев, 2001)

«ПЕСЕННИК» – принятое в 1970-х – 1980-х гг. название девичьего альбома, важной составной частью которого являлись тексты песен; в более узком смысле песенник как вид (разновидность) девичьей тетрадной рукописности, можно противопоставить «анкете», дневнику личному, «пожеланнику».

О «песенниках» 1980-х гг.

О середине 1980-х гг.: «У каждой девчонки должен быть песенник свой. В нём писались песни, и дата, когда его начинали вести. Кроме песен там писались и секретки, а также отдельные страницы с пожеланиями хозяйке песенника» (534).

Из девичьего альбома-песенника 1985–1986 гг.: «“Клопик”. 1. В старом, большом чемодане, / Где клопы танцуют кадрили, / Маленький, серенький, толстенный клопик / Блоху на вальс пригласил. 2. “Любишь, не любишь, скажи мне, / Не мучай сердце клопа”. / “Нет, не люблю! Ты вонючий” – / Так отвечала блоха. 3. В старом большом чемодане, / Где клопы танцуют кадрили, / Маленький, серенький, толстенный клопик / В лоб себе пулю впустил. Конец сказал скворец и улетел на юг» (597).

О вт. пол. 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Песенники тоже заводили очень рано в классе 4, тогда в песенниках были только песни, частушки, рисунки. Песенники в более старшем возрасте (класс 6–8–9), содержали и стихи о любви, о девичьей чести, о первой любви, о лжи и обмане парней, об уходящем детстве. Были также советы, законы любви, в которые мы верили и относились очень серьезно. Советы также были направлены на то что девушка должна быть гордой, беречь свою девичью честь, что любовь – это очень важно, что ею нельзя шутить, её нужно ценить как мужчине, так и женщине. Девушка должна быть очень скромной, не “навязываться”, говорить о долге юноши, мужчины. В песенниках были написаны также различные “Чихалки” (в какой день и во сколько чихнула), “К чему чешутся глаза”, “Спотыкалка”, “Значения дней встреч”, значение угрин, значение поцелуя, к чему снятся парни, к чему горит лицо,

значение обращений, волос, глаз, губ, бровей, значение взгляда, значение дней знакомств, значение пожатия рук, значение ударов, значение иканий, даже значение ударов. Значение на каком месте написано письмо, значение имени и месяца рождения, значение подарков, значение вопросов. Также в песенниках содержались стихи для фотографий, различные поздравления (с Днем рождения, с каким-либо праздником). Были сонники краткие, значение к чему снятся парни в какие дни; были также адреса подруг и друзей, их дни рождения записаны. Также были рассказы о любви, всегда с печальным концом, когда девушка очень любит, а юноша нет, в которых девушка не сберегла девичью честь и как плохо это для нее закончилось; в которых девушка была не гордой, поверила парню, которые всегда обманывают. Эти рассказы воспринимались как правда. Прочитав их всегда думала, что я так поступать никогда не буду. Относились более критично к юношам» (552).

О «песенниках» 1990-х гг.

О с. Затеченском Далматовского р-на в 1990–1991 гг.: «Я составляла песенник, мне было лет 10–11, когда я завела первый свой песенник. Песни я переписывала из журналов, переписывали друг у друга; в основном песни записывала так: включала магнитофон, брала в руки тетрадь и ручку и на слух записывала песни. Песни в основном, конечно, были модные на тот период времени и, конечно, про любовь. Песенником была общая тетрадь в девяносто шесть листов, так как песен было очень много, название песни писала фломастером или ручкой другого цвета, название выделялось другим шрифтом, обводилось, подчеркивалось, также писала слова и музыку (авторов), затем писала непосредственно текст песни. Если текст песни входил на развернутом листе на одну страницу, на другой странице (если были) писала ноты. Перед тем, как записывать песни, я что-нибудь рисовала не очень темными фломастерами, чтобы было видно написанное, а потом уже записывала песни. Между песнями на некоторых листочках были просто рисунки или стихи про любовь; стихи я выписывала из книги, которая хранилась дома на полке, эту книгу подарили когда-то маме на день рождения. Например, было вот такое стихотворение Ф.И. Тютчева: "...Ты вдруг почувствуешь живей, / Что есть мир лучший, мир духовный". Это стихотворение конечно не совсем о любви, вернее не о той любви, о какой были все поповые, бессмысленные песенки в моем песеннике, но все же стихи красивые. Были также и другие стихотворения, например: "“Любовь!? А что это такое? / И интересно: с чем её едят?” – / Спросил девчонку парень на перроне, / Поглядывая косо на ребят. / “Так значит любишь? / Ну и на здоровье. / Люби, а я-то тут при чём?”. / И повернулся к девушке спиной / Он даже не подумал ни о чем. / С друзьями быстро зашагал он по перрону, / Но, только обернувшись, раз хотел / Для смеха помахать рукою, / Но вдруг увидел слезы на глазах, / Он подошел и взял её за руки, / Но тёплых слов он сразу не нашёл: / “Не плачь, возьми себя ты в руки, / Люби”, – И медленно пошел”. Это стихотворение все девчонки наизусть заучивали, потому что не у всех была ответная любовь. Да и вообще, все эти стихи, анкеты и многое другое существует лишь для успокоения девчонок, чтобы они могли чем-то заняться, переписывая все это по 100 раз, переводя кучу бумаги, ручек и затрачивая уйму своих сил» (474).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Песенники. Это была целая история. Песенник делался очень тщательно. Мы собирались с девочками у кого-нибудь дома, собирали самые лучшие фломастеры, искали самые любимые песни (я их брала в газете “Молодой ленинец”) и, очень стараясь, продумывая образец шрифта, писали эти песни (только самые любимые) в свой песенник. Обязательно лист, где была песня, украшали рисунком, или просто завитками, либо рисунком по теме песни. Текст песни писали очень тщательно. Было негласное стремление сделать свой песенник самым лучшим и, если у девочек была интересная идея по поводу оформления, то непременно каждая делала такую же идею у себя. Важной составляющей песенника был секретик. Их не

должно было быть много, после определенного числа песен – 5, 6. Складывали лист треугольником, писали там свой самый важный секрет.... Секрет никому не показывали, только самым близким подругам... Иногда секретники заклеивали клеем. О девочке судили по её песеннику, и если он был красивым, к ней проявляли больше готовности с ней дружить» (1001).

О песенниках 1991–1998 гг.: «“Песенники” девочки (в том числе, я и мои подруги) начинают писать в 12–13 лет и [охладевают] к этому занятию примерно в 15–16 лет. Как правило, “песенник” представляет собой тетрадь с текстами любимых песен, украшенную различными рисунками, открытками, наклейками. Кроме того, на страницах такой тетради можно встретить (помимо текстов песен), стихи, четверостишия, которые нравятся и дороги девочке. Сама я начала вести “песенник” в 12 лет (1994 г.), записывая тексты песен с магнитофона. Большинство текстов в моем “песеннике” составляли песни группы “Петлора”, и записывала я их с той целью, чтобы выучить и в дальнейшем петь под гитару, хотя сама на ней играть не умела, но в этом мне помогал брат. Как правило, записываемые мною песни – песни о любви, пусть несчастной, неразделенной, трагичной, но они мне безумно нравились и нравились многим, кто окружал меня. Свой “песенник” я никому не давала читать, считала, что это нечто личное, сокровенное, так как на некоторых страницах писала имя мальчика, который нравился. Часто в моём “песеннике” можно было встретить рисунки, иногда занимавшие целые страницы, например: скалы, море, закат и на этом фоне парусник и чайки. Эта иллюстрация навевала тоску и подталкивала к размышлениям и мечтам. Чаще рисунки были небольшие и окаймляли тексты песен: различные цветочки, красивые орнаменты, красочные шуточные человечки, которые располагались около названий веселых песен. Среди моих подруг было не принято давать друг другу свои “песенники”, то есть тексты невозможно было переписать. Если нравилась какая-то песня, то обменивались аудиокассетами с девочками. По словам моей знакомой (27 лет), она завела “песенник” в 13 лет (в 1991 г.) и два года не прекращала записывать тексты песен. За это время она заполнила песнями три тетради (96 листов). Основная цель “песенника”, по её словам, – возможность выучить текст любимой или модной песни в то время, причём, “эта тетрадь всегда под рукой”, если вдруг какие-то слова подзабыла. Эти песни она напевала себе “под нос”, либо для поднятия настроения, либо когда ей было грустно. Песни в её тетрадях встречались самые разные: из кинофильмов (из “Кавказской пленницы”), из мультфильмов, эстрадные песни. Она отметила, что у неё были записаны все песни Юрия Шагунова. “Песенник”, в отличие от моего случая, пополнялся за счет переписывания песен у подруг, знакомых, вплоть до того, что тексты пересылались по почте (от подруг, живущих в другой деревне). А объяснялось это тем, что у знакомой в то время не было магнитофона, так как, она говорит, что в магазинах г. Шадринска в нач. 1990-х гг. они просто не продавались. Тетради с песнями украшала рисунками (яркими цветочками, сердечками); открытками, из которых вырезались различные цветы; газетными, журнальными фотографиями эстрадных исполнительниц и др. Кроме того, последний её “песенник” плавно перешёл в своеобразный дневник, где записывала свои мысли, мечты, имена тех мальчиков, которые ей нравились. Поэтому третью тетрадь с песнями она уже не давала подругам и никто не имел к ней доступа, кроме хозяйки» (449).

О 1994–1995 гг.: «Примерно в 11–12 лет начала вести песенник. В него записывались песни, которые нравились мне. Неважно, месяц назад или десять лет назад прозвучала впервые эта песня. Я писала песни в тетради (их было 6 или 7), которые разрисовывала фломастерами. Мои песенники брали подруги: переписывали тексты, переводили картинки. Это было интереснее, чем влюбляться, обсуждать мальчиков. Я записывала те песни, слова которых мне нравились сами по себе. Часто встречались просто песни любимых исполнительниц. Была

одна песня о несчастной любви. Она мне очень нравилась. По сюжету напоминала «Ромео и Джульетту» Шекспира. Песня трогательная, грустная. Под неё хорошо засыпала моя сестренка. А вообще я записывала песни, чтобы их петь, ведь не всегда рядом магнитофон, а с песней как-то работа быстрее делается. Так что для меня песенник не был просто тетрадь для записей. Он имел большое практическое значение» (448).

О 1995 г.: «По собственному опыту я могу сказать, что большинство девочек 12–15 лет наряду с анкетами, любовными тетрадями и дневниками заводят ещё и песенники. У меня тоже был песенник объемом где-то в 48 страниц, который представлял собою тетрадь в клетку, которая обязательно должна [была] иметь «титальный лист». На этом титульном листе красивыми буквами, фломастером было написано слово «песенник» и небольшое четверостишие (я помню только последние строки: «...Руками грязными не брать / И листы не вырывать»). В песенниках я записывала песни, которые были популярны в середине 1990-х годов. Прежде всего понравившуюся мне песню я искала на магнитофонной кассете, прослушивала одну строчку, нажимала паузу, записывала на черновик, вновь прослушивала – пауза, записывала... и так всю песню. Затем я переписывала текст песни с черновика в песенник, причём большое место уделяла заголовку (красивыми, большими, цветными буквами) и обязательно к каждой песне я или рисовала рисунок, либо приклеивала его, вырезав из открыток, журналов или даже газет. Приведу ряд запомнившихся мне иллюстраций: сердечко; два бокала, губы, глаза девушки, лица девушки и юноши, роза или какой-то другой цветок, вырезанный из открытки. Песни, как мне сейчас припоминается, были самые различные: и детские («Пусть бегут неуклюже...»); из кинофильмов («Где-то на белом свете...»); современные, популярные («Два кусочка колбаски», «Старшая сестра», группа «Комбинация», «Городок» А. Варум); и особую группу песен составляли так называемые мною «старинные» песни, которые я не слышала, как они исполняются, кто исполняет, но которые мне нравились своим содержанием. Тексты таких песен я переписывала из песенника моей мамы 1953 г. р. Почему я записывала песни, то есть вела песенник? Возможно потому, что это было очень модно (где-то в 1995 г.), распространено (потому что не было печатных песенников, продаваемых в книжных магазинах, тексты песен не печатались в журналах и газетах, как сейчас, например, в «Комсомольской правде», поэтому все тексты песен приходилось добывать своими трудами). Я обменивалась текстами песен только с близкими подругами: «Ты мне дай ту песню, а я тебе дам переписать вот эту. Только ты никому больше не давай, поняла?!» И если выяснялось, что подруга дала переписать мою песню ещё кому-то, то тогда всё – ссора и слова: «Ты мне больше не подруга! Я же тебя просила никому не давать!» Я считаю, что подобная ссора возникала из-за того, что подруга с той девушкой, которой дала переписать мою песню, тоже обменивалась песнями, и теперь у неё больше песен чем у меня. Ведь чем больше у тебя песен в песеннике (который, кстати, на последней странице имел «содержание»), тем ты «круче», «солиднее», ты имеешь какую-то власть над остальными, которые просят у тебя текст какой-то песни. Следует отметить, что песни, записанные в песеннике, мы не пели с подругами, а только обменивались ими: «ты – мне, я – тебе». Я записывала эти песни, потому что они мне нравились, и я часто «бубнила» их себе под нос, когда пылесосила дома» (447).

О 1996–1999 гг.: «Песенник для меня был неким заменителем дневника, так как с 13 до 16 лет мне нужно было куда-то записывать интересные фразы (про любовь, естественно, про мальчиков), цитаты из песен, строки из стихотворений. Всё это красиво оформлялось, но, что интересно, не для себя любимой, а в большинстве случаев для подруг. Считалось, что если «песенник» очень оригинальный, яркий, творческий по своему содержанию, то это очень «круто». Авторитет девушки (девочки) повышался из-за этого «песенника». У меня

был «песенник», но если сравнивать его с другими «песенниками» моих подруг, то он был «скромным». Потому что мне было лень писать туда большие (длинные) тексты песен. Я ограничивалась только фразами, стихами и др. До сих пор помню «песенник» подруги моей сестры. В нем были записаны песни Олега Газманова. Но запоминающимся (ярким) элементом этих записей были вырезки из журналов к каждой песне. Напр., к песне О. Газманова «Мои мысли, мои скакуны...» была вырезка, [на] которой [были изображены] бегущие ноги. Про остальные песни я не помню. Тетрадь у неё была толстая, иногда встречались рисунки (что тоже всегда приветствовалось в девичьих «песенниках»). У меня «песенник» просуществовал недолго, я его не любила почему-то и в конце концов выбросила, даже не сожалела об этом. Еще один интересный факт: «песенники» давали смотреть только самым близким подругам. И когда моя сестра «застала» меня за чтением «песенника» её подруги, то она ругалась сильно и обиделась. Считалось, что «песенник» – это душа твоя, и если кто-то читает (посторонний), то он «заглядывает» в душу» (446).

«**ПЕСИК**» – разговорное название оценки «*посредственно*» (с 1935 по 1943 гг.).

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «...Петя ответил уклончиво: «Ещё не знаю... Клавдия Сергеевна никому не выставляла отметок...» «Но все-таки, – настаивала мама, – ты знал или нет?» И снова ответ прозвучал туманно и непонятно: «Не знаю... Может, Клавдия Сергеевна «плошку» поставит, может, «пёсика», а может, «хор»... Мама удивилась: «Погоди, что это за «пёсики»? Впервые слышу!» Петя снисходительно улыбнулся: какая мама смешная! Ну откуда же ей знать о таких вещах? Ведь она, должно быть, училась при царе! И, стараясь не показывать своего превосходства, Петя объяснил: «пёсики» – это «посредственно»..., а «хоры» – это «хорошо»... «А говорил, что будут «плошки», «пёсики», – разглядывая первые Петины отметки, сказала мама. – Где же?»» (Могилевская, [1941] 1958, 35).

См. также: «*Пёс*»; «*Пос*».

ПЕСНИ ДВОРОВЫЕ – песенный городской фольклор.

О вт. пол. 1920-х гг.: «А еще был репертуар дворовый. Его носителем и хранителем была Эльвира, старшая девочка из обрусевшей финской семьи. Когда я появилась в доме на Садовой, ей было лет четырнадцать. Иногда она собирала «женскую» половину дома и пела нам знаменитые «Кирпичики» и ещё про то, как «на кладбище Митрофаньевском отец дочку зарезал свою». Эта песня исполнялась на мотив тех же «Кирпичиков»... Ещё Эльвира пела про удалого Хаз-Булата, зарезавшего молодую жену. Кроме этих кровавых историй, большое впечатление на меня производили еще две песни. Одна начиналась так: «Я Сеньку встретила на клубной вечериночке. / Картину ставили тогда «Багдадский вор». / Оксфорд малиновый и жёлтые ботиночки / Зажгли в душе моей пылающий костер»... Вторая, не менее впечатляющая песня, певшаяся на тот же мотив, начиналась так: «Была весна, цвела сирень и пели пташечки. / Братишка с Балтики приехал погостить». Дальше рассказывалось о походе приезжего: «Ах, сколько жизни он вложил в свою походочку! / Уж сразу видно, что бывалый морячок. / Когда идёт, его качает, словно лодочку, / И этим самым он накидывал крючок». На этот крючок попала «красивая Наталочка». Дальше шли вещи малопонятные: «Кровать пружинная под тяжестью сгибается, / И тело женское до утра он терзал». Этих строк никто из нас не понимал. Ведь если «красивая Наталочка» понравилась «братишке», с какой стати он её «терзает»?.. Эльвира в ответ на наше недоумение только загадочно улыбалась. Спросить родителей было почему-то неловко: за странной сценой в кровати стояла непонятная, жгучая, какая-то стыдная тайна» (Лупанова, 2007, 33–34).

О Шадринске в 1997–1998 гг.: «Когда мне было 11–12 лет, я «пела», кричала эту песню во дворе с ребятами: «Двадцать второго июня / Ровно в четыре часа / Гитлер сварился в кастрюле / И началась война. / Я пошел в военкомат, / Дали ржавый автомат, / Две бутылки водки, / И пол-ящика селедки. / В первом бою я отрубился. / Во

втором я водки напился, / В третьем меня поймали / И на расстрел повели. / ... / ... / Он смеется и хохочет, / Он меня повесить хочет, / А я ему веревки не даю, / Ни фига себе, священная война!» (112).

ПЕСНИ-ПЕРЕДЕЛКИ – см.: *Песни-пародии*.

ПЕСНИ-ПАРОДИИ – песни с заново написанным или комически изменённым текстом; значимый элемент субкультуры детства.

«В разных регионах страны широко бытуют так называемые “песни-пародии”. Они популярны среди подростков от 6 до 12 лет. Эти пародии создаются на весьма известные и почитаемые в народе песни. Тематика их разнообразна: рев. песни, репертуар военных лет, совр. эстрадные песни... Детская пародийная песня не дискредитирует оригинал, а создаётся с целью рассмешить, позабавить слушателей. Сохраняя ритм, метрику, мелодию оригинала, исполнитель наполняет её совершенно новым содержанием, нелепым и намеренно неправдоподобным. Таким образом... детская песня-пародия перенимает лишь формальные признаки оригинальных текстов. Эффект комического в дет. пародии также создаётся сочетанием несочетаемого (оксюморон), причём часто это достигается нагромождением устрашающих нелепостей» (Левина, 1990, 87–88).

О 1942 г.: «Перед седьмым ноября – двадцатипятилетие ВОСРА [Великой Октябрьской социалистической революции] – наш класс стали готовить к вечеру. Так – между собой – мы пели одни переделки: “Мы мирные люди, / Сидим на верблюде...”, “По военной дороге / Шел калека безногий, / А в кармане бутылка вина...” (Сергеев, [1977], 1995–1, 29).

Автор словаря вспоминает песню-пародию конца 1960-х гг. (предмет пародирования – песня «По военной дороге / Шёл в борьбе и тревоге / Боевой восемнадцатый год»): «По военной дороге / Шёл петух мокроногий, / А за ним – восемнадцать цыплят. / Он зашёл в ресторанчик, / Выпил водки стаканчик. / А цыплята ему говорят: / “Вот настанет война, / Сделаем пушку... / ...пороха набьём, / Всех фашистов перебьём”».

«ПЕСНЬ о вешем Олеге» – стихотворение А.С. Пушкина.

Входит в число произведений, подлежащих изучению в школе и частичному заучиванию наизусть (5–6 кл.).

ПЕСНЯ Красной Шапочки – песня (слова Ю. Михайлова, музыка Ю. Рыбникова) из телефильма «Про Красную Шапочку» (1977). Песня пользовалась широкой популярностью в детской среде с конца 1970-х годов по начало 1990-х.

Текст: «[1] Если долго, долго, долго, / Если долго по дорожке, / Если долго по тропинке / Топать, ехать и бежать, / То, пожалуй, то, конечно, / То, наверно, верно, верно, / То, возможно, можно, можно, / Можно в Африку прийти. / А в Африке реки вот такой ширины, / А в Африке горы вот такой вышины, / Ах, крокодилы, бегемоты, / Ах, обезьяны, кашалоты, / Ах, и зеленый попугай! [2.] И как только, только, только, / И как только на тропинке, / И как только на дорожке / Встречу я кого-нибудь, / То тому, кого я встречу, – / Даже зверю, верю, верю, / Не забуду, буду, буду, / Буду “здрасьте” говорить. / Ах, здравствуйте реки вот такой ширины, / Ах, здравствуйте горы вот такой вышины, / Ах, крокодилы, бегемоты, / Ах, обезьяны, кашалоты, / Ах, и зеленый попугай! [3] Но, конечно, но, конечно, / Если ты такой ленивый, / Если ты такой пугливый, / Сиди дома, не гуляй. / Ни к чему тебе дороги, / Косогоры, горы, горы, / Буераки, реки, раки – / Руки-ноги береги! / Зачем тебе море вот такой ширины, / Зачем тебе небо вот такой вышины, / Ах, крокодилы, бегемоты, / Ах, обезьяны, кашалоты, / Ах, и зеленый попугай?!» (Цит. по: ПП, 1980, 108–111).

ПЕСНЯ мамонтенка – см. *Песенка мамонтенка*.

«ПЕСНЯ о Буревестнике» – стихотворение (1901) М. Горького; в 1940-е – 1980-е гг. входило в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (7 класс).

Лит: Грифонов Н.А. Изучение «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике» в школе. // Лит-ра в школе. 1949, № 4.

356

«ПЕСНЯ о весёлом ветре» – песня из кинофильма «Дети капитана Гранта». Автор слов – В.И. Лебедев-Кумач, композитор – И.О. Дунаевский.

Из текста: «А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер, весёлый ветер, весёлый ветер, / Моря и горы ты обшарил все на свете и все на свете песенки слышал. / Спой нам, ветер, про дикие горы, про глубокие тайны морей, / Про птичьи разговоры, про синие просторы, про смелых и больших людей. / Кто привик за победу бороться, с нами вместе пускай запоет, / Кто весел, тот смеётся, кто хочет, тот добьётся, кто ищет, тот всегда найдет».

О лете 1936 г.: “Зачем репродуктор? – сказала Валька. – ...Ты, Вовка, запел бы что-нибудь...” “А что! Я могу! – неожиданно сказал Вовка и крикнул: “А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер!””. Голос был в самом деле отчаянно громкий... “...Веселый ветер, / Веселый ветер! / Моря и горы ты обшарил все на свете...” Сейчас эта песня старая и привычная. А тогда была она совсем новой. Она прилетела к ребятам с экранов, из нового фильма, где их ровесник Роберт Грант неустрашимо рвался на помощь отцу-капитану. Были в песне синие ветры, зов морей и яростная уверенность, что “кто ищет, тот всегда найдет”. Не прерывая песни. Вовка вскочил и начал подниматься по лестнице. Так же, как поднимался по вантам к верхушке мачты Роберт Грант. И ребята... подхватили слова о веселом ветре, разнесли их с высоты на весь квартал...» (Крапивин, [1971], 2001, 65–66).

Перетекстовка из альбома ученицы 7 класса 1936 г.: «[1.] А ну-ка, миленький, пропой, кого ты любишь, / Кого ты любишь, кого ты любишь. / Меня навеки ты, наверно, позабудешь / И не вернешься больше никогда. / Припев: Спой мне, ветер, про алые губы, / Про её голубые глаза, / Про волосы золотые, про ленты голубые, / Про милые черты лица. / Кто привык с малолетства влюбляться, / С нами вместе пускай запоет – / Кто любит, тот ревнует: клянется и целует, / И часто говорит: “Люблю”. / [2.] А ну-ка, ветер, нам пропой, весёлый, ясный, / Весёлый, ясный, весёлый, ясный. / И нет на свете наших девушек прекрасней, / И нет на свете мальчиков милей. Припев» (750).

Перетекстовка (из девичьего альбома 1946 года): «Песня. А ну-ка, милая, скажи кого ты любишь, / Кого ты любишь, кого ты любишь? / Меня наверно ты навеки позабудешь / И уж больше не вспомнишь никогда. / Спой нам всё про алые губы, / Про её голубые глаза, / Про глазки голубые, про кудри золотые, / Про милые черты лица. / И нет на свете тех ребят, чтоб не влюблялись, / Чтоб не влюблялись, чтоб не влюблялись, / И нет на свете девчат, чтоб не смеялись, / Чтоб не смеялись никогда! / Они и лгут и, смеясь, изменяют, / Изменяют на каждом шагу, / А мальчики узнают, то очень их ругают, / А что я написала, то не вру!!!» (751).

«ПЕСНЯ О ЁЛКЕ» – стихотворение С.Я. Маршака. Написано до 1953 года. Публикуется в различных вариантах, с разным количеством строф (от 4 до 5). Начальные строфы: «Что растёт на ёлке? / Шишки да иголки. / Разноцветные шары / Не растут на ёлке. / Не растут на ёлке / Пряники и флаги, / Не растут орехи / В золотой бумаге...».

Стихотворение активно функционирует в детской среде в 1950-х – 1990-х гг.

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «...Зайчики-белочки из танцевального кружка при Доме офицеров поправляли друг у друга бумажные ушки. Все было хорошо, но что-то было ужасно, может быть, то, что моя дочь не могла запомнить ни одного стихотворения Пушкина, тогда как охотно, с какой-то недетской яростью и душевной приверженностью производимому тексту выкрикивала перед сном выученные хором детсадовские стихи: “Что растёт на ёлке? / Шишки да иголки. / Золочёные шары / Не растут на ёлке. / Не растут на ёлке / Пряники и флаги, / Не растут орехи / В золотой бумаге. / Эти флаги и шары / Выросли сегодня / Для советской детворы / В праздник новогодний”. Которую неделю сыпались на нас эти шишки да иголки: дети, уже полгода занимающиеся с репетитором английским языком, не могли запомнить двух-трех простейших фраз, зато эти стихи схватили на

лету с первой же репетиции утренника в дет. саду. Каждый вечер родители хриплыми, уставшими голосами читали им хорошие книги (одна моя соседка декламировала сыну Пастернака), но дети запомнили не Ершова, не Пушкина, не Агнию даже Барто, а эти флаги и шары. Эти стихи пристали к ним как тополиный пух, забили горло, вызывая у родителей аллергию, они проникли как инфекция, когда стоит одному ребенку чихнуть, чтобы заболела вся группа, как распыленные с воздуха ядохимикаты. Эта детсадовская классика играючи положила на лопатки поэзию, и моя воинствующая соседка, прививающая сыну любовь к Пастернаку, несмотря на все свои старания, получает от него в результате аккуратные брикеты новогодних строк, которые сначала вызывали умиление, а позже страх. Вскоре дети всего нашего двора кликушескими голосами стали выкрикивать, раскачивая качели: “Что растет на елке?”» (Полянская, 1992, 128).

«**ПЕСНЯ о Ленине**» – песня (слова Т. Спендиаровой, музыка Э. Левиной), разучивавшаяся с детьми в начальных классах школы в 1950-х – 1980-х гг.

Текст (цитируется по сборнику песен для начальной школы): «[1] Мы знаем, великий Ленин / Заботлив и ласков был. / Он взял бы нас на колени, / С улыбкой бы нас спросил: [2] “Ну, как вам живётся, дети?” / И наш бы звенел ответ: / “Мы всех счастливей на свете, – / Так выполнен твой завет! [3] Дарит нам страна подарки / От имени Октября: / Дворцы, весёлые парки, / Зелёные лагеря! [4] Ты отдал за счастье наше / И силы свои, и труд. / И вот нам живётся краше, / Чем в песнях о том поют!”» (СП, 1958, 34).

«**ПЕСНЯ о маленьком барабанщике**» – См. «*Маленький барабанщик*».

«**ПЕСНЯ о пограничнике**» – песня (1941) на слова О. Высотской и музыка Ан. Александрова, разучивавшаяся в детских садах и начальных классах в 1950-х – 1970-х гг.

Текст (цитируется по сборнику песен для начальной школы): «[1] Лес дремучий снегами покрыт. / На посту пограничник стоит. / Ночь темна, и кругом тишина... / Спит советская наша страна. [2] Возле самой границы враг. / Может, в чаще скрывается враг? / Но каких бы ни встретил врагов, – / Дать отпор пограничник готов! [3] Чтоб всегда был свободным народ, / Наша армия нас бережет, / Лес дремучий снегами покрыт, / На посту пограничник стоит...» (СП, 1958, 41).

Об уроке в первом классе в 1954 году: «Начался урок пения... “Достаньте нотные тетради, – сказала Фаина Михайловна. – Сейчас мы запишем одну маленькую мелодию”... “Теперь споём, – сказала Фаина Михайловна. – Повторим песни, которые мы уже знаем”. Звонкие голоса выводили так складно, плавно, задумчиво, то тише, то громче, то выше, то ниже: “Лес дремучий / Снегами покрыт, / На посту / Пограничник стоит. / Ночь темна...”» (Котовщикова, 1956, 81–82).

Переделки песни, записанные от детей 9–10 лет в конце 1980-х гг., см.: Лурье, 1998–2, 463.

«**ПЕСНЯ о Соколе**» – стихотворение (1895) М. Горького; в 1940-е – 1980-е гг. входило в число произведений, подлежащих обязат. изучению в школе (6–7 кл.).

Лит: Трифонов Н.А. Изучение «Песни о Соколе»... в школе. // Литература в школе. 1949, № 4.

«**ПЕСНЯ про купца Калашникова**» – стихотворение М.Ю. Лермонтова.

С 1940-х гг. изучается в школе (6 кл.).

«**ПЕСНЯ советских школьников**» – песня (написана не позже 1937 г.) на музыку Д. Салимана-Владимирова и слова В. Гусева, содержащие формулу «*За детство счастливое наше спасибо, родная страна*».

Текст: [1.] Сегодня мы с песней веселой / Под знаменем красным войдем / В просторную новую школу, / В наш светлый и радостный дом. / Мы дети заводов и пашен, / И наша дорога ясна. / За детство счастливое наше – / Спасибо, Родная Страна! [2.] У карт и у досок мы станем, / Вбежим мы в сверкающий зал. / Мы учимся так, чтобы Сталин / “Отлично, ребята!” сказал. / Мы дети заводов и пашен, / И наша дорога ясна. / За детство счастливое наше – / Спасибо, Родная Страна! [3.] Узнаем мы дальние страны, / Изучим строенье Земли, / И

вырастем мы – капитаны, / В моря поведем корабли. / И встретим мы бурю и скажем: / Ну что же! Дорога ясна. / За детство счастливое наше – / Спасибо, Родная Страна! [4.] Нам будут герои примером, / Отважными стать мы хотим, / Мы вырастем и в стратосферу / С улыбкой спокойной взлетим. / Взлетев, оглядимся и скажем: / Ну что же! Дорога ясна. / За детство счастливое наше / Спасибо, Родная Страна! [5.] Мы наше октябрьское знамя / Сорвать не позволим врагам, / Мы вырастем большевиками, / Готовыми к новым боям. / Мы выйдем в разведку и скажем: / Ну что же! Дорога ясна. / За детство счастливое наше / Спасибо, Родная Страна!»

ПЕСОЧНИКИ – фигурки из песка.

О 1900-х гг.: «Валерик, тот самый, что живет в угловом доме..., делает песочники. Песочники у него разваливаются, он грустно смотрит на них и потом терпеливо принимает снова набивать формочки песком и осторожно опрокидывать их на полу... “Подмешай глины, – советую я ему, – тогда не будут рассыпаться”. “Нельзя! – вздохнув, отвечает Валерик. – Ведь это песочники, и они должны быть из чистого песка» (Четвериков, [1927] 1981–1, 25–26).

ПЕСОЧНИЦА – заполненный песком низкий широкий ящик для детской игры.

О 1936–1937 гг. в Москве: «Двор нашего дома... был сплошь покрыт асфальтом... Во дворе стояла песочница для малышей, старшие играли в мяч...» (Воронцов, 1998, 132)..

Судя по статье Н. Носова, массовая установка песочниц во дворах происходила в 1950-е – 1960-е гг.: «... Когда мы предпринимаем стр-во нового дома, то не бросаем дело, доведя постройку до предусмотренного типовым проектом ... этажа, а ... устроим песочницу с ярко раскрашенной крышей в виде гигантского гриба-мухомора... В последние годы строительство ведется у нас чаще всего не отдельными зданиями, а целыми кварталами... И у каждого дома теперь обязательны ... и гриба-мухомор, и деревянная горка. Попробуйте заглянуть в какой-нибудь из этих очаровательных уголков через год-полтора... “Гриб” слинял и поник головой – бедняжка!.. В песочницах не песочек, а какая-то серая пыль пополам с бумажками и пожелтевшими окурками...» (Носов, 1982–4, 426–427).

О Свердловске в середине 1960-х гг.: «В песочницу около нашего барака привезли песок. Он мокрый и приятно холодит руки. В песочнице много детей. Мы с Нелькой... строим домик, а потом быстро копаем руками проход. Руки встречаются в глубине прохода, и мы весело смеемся» (Смирнова, 2005).

«Если есть захочется, / Угощаем даром. / Где у нас песочница, / Там у нас пекарня... / Эй, друзья, сюда скорей! / Мы играем в пекарей...» (Ховив, [1966], 1968, 19).

О 1970-х гг.: «Панама вошёл в свою подворотно. У них во дворе был маленький садик и песочница, в которой по утрам копошились малыши, а вечером собирались взрослые мальчишки, громыхали на гитаре, пока их дворничиха не прогоняла» (Алмазов, 1979, 45).

О Шадринске в нач. 1980-х гг.: «Первое, что я помню – это то, что когда мне было около трех лет, мы с девчонкой – соседкой, моей ровесницей, любили сидеть в песочнице. У нас была гора формочек, и мы с ней лепили всевозможные кирпичики, пирожки, тортики...» (542).

См. также: *Формочки*.

«**ПЕСОЧНЫЙ человечек**» – видеоигра на «Денди».

О 1992–1994 гг.: «В видеоигры “Песочный человечек”, “Марио”, “Танчики” я играла с братом в “Денди”. Моя любимая была “Песочный человечек”, в этой игре человечек бегаёт, собирает кучки золота, не попавшись плохим человечкам» (066).

ПЕСТУНЬЯ – «Распространенный в земледельческих обл. России возрастной термин социохозяйственного происхождения, определявший девочку 6–13 лет, обязанностью которых было нянчиться с малолетними братьями и сестрами. В отсутствие девочек, эти обязанности мог выполнять мальчик, старики или наемная нянька (чаще всего девочка от 6 до 9 лет). Нередко несколько матерей сообща нанимали одну пестунью на всех» (Холодная. 2006–1, 263).

О девочке в XIX в.: «...Непосредственной [обязанностью девочки] (с 8–10 и до 13 лет) была забота о младших членах семьи. Уже пяти-шести лет она перенимала от матери навыки ухода за младенцем, состоявшие гл. обр. из укачивания, пеленания, изготовления соски, своевременного кормления из рожка и развлечения ребенка песенками, пестушками и прибаутками... В малообеспеченных семьях девочки с этого возраста (а сиротки, дочери бобылок или бедняков-вдовцов – с 6–7 лет) становились наемными няньками. На первых порах их брали родственники или добрые соседи в помощь старухе или мальчику-“большаку”, оплаты им не полагалось, хозяйева должны были только кормить и поить. По этой причине в некоторых местах Поморья таких нянек называли “захлебеницы”. С 8 лет девочки начинали получать небольшую плату, благодаря которой могли уже прокормить себя» (Холодная, 2006–1, 263–264).

ПЕСТУШКИ – стихи, сопровождающие самые элементарные движения и физ. упражнения, необходимые для младенца (поглаживание по телу, разведение ручек, ритмические подбрасывания и т. д.). Пестушки исполняются в такт движениям.

Лит.: Мельников, 1987; 38–41, 174–176.

ПЕТАРДА – «в пиротехнике разновидность хлопушки – бумажный снаряд, дающий серию взрывов» (НСИС, 2005, 690).

О вт. пол. 1990-х гг.: «В детстве я обожала покупать... воздушные шарик и киндер-сюрпризы... Когда стала чуть постарше..., то набрасывалась на ручки, блокнотики..., маркеры... Вместе с петардами и ракетами – в те годы мы все с ума сходили от взрывов и фейерверков» (Иванова, 2003, 44).

ПЕТРОВ и Васечкин – персонажи отечественного кинематографа.

Впервые персонажи Петров и Васечкин появились на экране в 1979 г. в мультфильме «Переменка». Позже В. Алеников снимал сюжеты в «Ералаше». Постепенно среди прочих персонажей обозначились два школьника – Петров и Васечкин. С годами они приобрели конкретные черты: Петров – добродушный романтик, Васечкин – пронырливый шалопай. В 1983 г. В. Алеников снял на Одесской киностудии фильм «Приключения Петрова и Васечкина, обыкновенные и невероятные», гл. роли сыграли Егор Дружинин и Дмитрий Барков. В 1984 г. В. Алеников снимает фильм «Каникулы Петрова и Васечкина» (1984). В основу серий этого фильма – «Хулиган» и «Рыцарь» – были положены «Ревизор» Н.В. Гоголя и «Дон Кихот» Сервантеса. Картины вышли на телеэкраны в 1985 г.

«...Петров и Васечкин, впервые появившиеся на экране двадцать три года назад, мгновенно завоевали симпатии дет. аудитории. Похождения неунывающих четвероклассников вызвали интерес у неск. поколений юных телезрителей» (Романовская 2006а, 3).

О Шадринске в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Петров и Васечкин – одни из моих и наших любимых героев. Когда должен был начаться фильм, я бегала, смотрела время, потом несла себе несколько конфет, ложилась на пол, на подушку и с предвкушением радостного переживания начинала смотреть фильм. Мне нравился беспринципный Васечкин, немного правильный Петров, нравилось, что они влюблены в Машу. Хотелось быть похожей на Машу, хотя Маша мне иногда не нравилась» (1001).

ПЕТРУШКА-САМОХОД – игрушка.

О Петербурге в 1890 г.: «В вербное воскресенье Петербург веселится на гуляньях.... Толпа зевак чуть не валит набор палатку с игрушками, где скачет на резинке лягушонок, ватный заяц поводит ушами и Петрушка-самоход ходит сам по доске» (Прилежаева [род. 1903], 1968, 217).

«**ПЕТУШКИ**» – игра пестуний (см. *Пестунья*) с 2–3-летними малышами.

«...Для двух-трехлетних малышей пестуни не только организовывали игру, но и участвовали в ней, играя обычно гл. роли. Малыши же в основном наблюдали за действием своих воспитательниц, выполняя несложные

поручения... В ряде игр девочки заставляли своих подопечных совершать простейшие действия и движения, произносить незамысловатые фразы и звуки (например, подражающие животным). В игре “петушки” девочка ставила двух маленьких детей с поднятыми руками лицом друг к другу. Третий малыш должен был пройти между ними. По команде пестуни дети опускали руки, слегка прижимали пойманного игрока и не отпускали его до тех пор, пока тот не закукарекает как петух» (Зимица, 2006–3, 139–140).

ПЕТУШОК глиняный (свистулька) – см. *Свистульки глиняные*.

ПЕТУШОК леденцовый на палочке – леденец в виде фигурки петушка.

О середине 1930-х гг.: «Мы не подошли... к игрушкам, которые всегда продавались на базаре, и возле которых мы с Матрешенькой всегда простаивали, любуясь ярчайшими бумажными фонариками, цветами, веерами, петушками на палочках, восковыми уточками...» (Александрова, 1992).

О вт. пол. 1930-х гг. «Бабы разносят малиновых петушков на палочке – ужас мам: “Сплошная зараза”. В день демонстрации их много на Первой Мещанской» (Сергеев, 1995–1, 9).

О 1940 г.: «Лёшка просто не мог равнодушно пройти мимо квадратной тётки, торговавшей неподалёку от школы леденцовыми петухами на палочках. На этих петушков он тратил все деньги, полученные на завтрак в школьном буфете» (Сиснев, 1973, 16).

О Ленинграде в 1942 г.: «Таня ездила его навещать. Она сберегала деньги от завтраков и покупала [четырёхлетнему] Вальке леденцовых петушков на палочках и другие, любимые им гостинцы» (Карасёва, 1961, 20).

О 1954 г.: «А пока на нашем Васильевском шел 1954-й год... По выходным дням и праздникам на переулках появлялись цыганки с ярко-красными, желтыми, зелёными сладкими петушками на палочках» (Кочергин, 2004).

О предместье Москвы (Химках) в середине 1950-х гг.: «Старьевщик объявлялся раз в две-три недели, иногда чаще... Его лошадка шла очень медленно, а он, сидя на телеге на куче тряпья, вопил...: “Старье берем!” Все мальчишки знали, что с собой у него есть восхитительная кожаная торба, полная самой драгоценной дряни: уди, ...мячиками на резинке, леденцовыми петушками... Все эти призы получал тот, кто сдаст старое тряпье... Тариф был внятн каждому мальчишке. Понятно, что за старую половую тряпку больше леденца не получишь...» (Климентович, 2005, 3).

О вт. пол. 1950-х гг.: «К вечеру, когда закипит самовар, возвращается с работы отец, меньшей получает премию. Он вертит на палочке леденчатого петуха и гордо говорит: “Глянь!”» (Карпенко, 1962, 86).

О нач. 1960-х гг.: «Таиска стояла одна-одинёшенька в своей накрахмаленной юбочке и сосала красного леденцового петуха на палке» (Цюрупа, 1964; 195, 204).

О 1960-х в сравнении с 1940-ми – 1950-ми гг.: «Раскидайчик – ...продаётся на улицах во время демонстраций 1 Мая и 7 ноября цыганами.... Раньше репертуар подобных игрушек был значительно богаче: и “уйди-уйди”, ...и леденцовые петушки...» (Битов, 1989, 136).

О 1995–1996 гг.: «С подружками в классе 4–5 мы делали “сладкие петушки”. Растипалили сахар, добавляли уксус, гашёный содой, выливали в формочки, давали застыть, а затем ели. А с братом мы готовили петушки быстрее: в столовую ложку набирали сахара, в ней же его растопляли, а затем прямо с ложки ели. Так как ложки неохота было отмывать от копоты, мы выбрасывали их на крышу. И однажды утром мама обнаружила, что столовых ложек от прибора почти не осталось. Украдкой брат слезил на крышу, достал ложки, и мы отмывали их от копоты и грязи» (068).

ПЕЧЕНЬЕ – «кондитерское изделие из небольших кусочков теста» (Словарь, 1959–9, 1146).

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «“Да, – гордо сказал Петя. – [Я] уже первоклассник. Ловко?” “Ловко! – сказал папа. – Жаль, я не купил сладенького по такому случаю”.

“Всё есть!” – воскликнула мама. “Всё! – воскликнул и Петя. – Пастила, печенье и... угадай даже что? Ореховая халва. Ловко?”» (Могилевская, [1941] 1958, 18).

О нач. 1950-х гг.: «...Он вёл за руку девочку лет пяти... Дойдя до конца улицы, он... покупал ей всё, что продавалось на угловых лотках: маковки, тянучки, прочерстневшее на морозе печенье» (Георгиевская, 1954, 9).

ПЕЧКА – применительно к теме данного словаря речь идёт о русской печке. «Русская печь – большая, особого устройства печь с широким устьем для варки пищи и печения хлебов, пирогов» (Словарь, 1959–9, 1150).

Лизать печку – восполнять недостаток извести в организме.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Печка – наше волшебное царство, до последнего сантиметра обжитое, обнюханное, облизанное. Да, и облизанное. Если научно объяснить, дет. организму не хватало кальция. Потому-то и смотрел на любую побеленную стенку или боковину печки как на медом намазанную. А уж если свежeweбеленная!.. Тянул языком, мокрым от удовольствия, по пахучей стенке, известке, меду, оставляя уличающую, даже когда высохла, полосу. Поскольку грязный бордюрик темнел на уровне моего роста, внимательной хозяйке не трудно было вычислить мелового наркомана. Ну, мама, ладно, она сказала отцу, что надо мне аптечного мела, угла в порошок купить» (Адамович, 1993, 19).

Мыться в печке, парить в печке.

О мальчике 6–7 лет в 1915 гг.: «Наелся я светлых сосулек с крыш, – заболело горло, по телу пошел жар, дыхание тяжелое. Поят меня настоem камфары, попарить в бане собираются в субботу, а сегодня позвали Митревну, чтоб поглядела, да где-то замешкалась... “Попарьте непременно, – советует Митревна, – как схлынет жар. Сквозь хомут бы его...” Когда меня приотпустил жар, мать настлала в истопленную печь соломы, я лег на широкую столешницу, и меня голого завилили в печку. От мокрой соломы пошел пар, – и я разомлел. Голова, торчащая из печки, покрывалась обильным потом, ручейки потекли по щекам, солоно стало во рту. “Простуда прошла, – заключила бабушка, обтирая меня тряпкой. – Потекли твои сосульки, варнак!”» (Титов, 1965, 39).

О деревне в Челябинской обл. в 1920-е – 1930-е гг. со слов старших родственников: «Примерно до 1941–1942 гг. люди мылись в русских печках. Они были намного больше современных... Чтобы вымыться, печку сначала протапливали, разжигая внутри её дрова. На образовавшихся углях готовили еду, например, щи, суп с лапшой. Также в чугунах нагревали воду с золой (щёлок) для того, чтобы ею вымыться. После этого угли убирали и стлали на их место солому, чтобы на ней сидеть во время мытья. Постелив небольшой слой соломы, человек ставил внутрь печки жестяной тазик с перелитой из чугуна нагретой водой, а потом и сам залезал внутрь. Размеры печи позволяли человеку мыться сидя... Если в доме были маленькие дети, которые в силу своего возраста не могли мыться сами, то мать брала ребёнка мыться с собой. И мыла его точно так же, как и себя... Закончив мыться в печке, из неё вылезали и ополаскивались чистой тёплой водой, которую лили из ковшика сверху. При этом человек стоял в корыте, чтобы не замочить пол. Корыто стояло перед печкой... Закончив мыться, использованную воду выливали в помойное ведро... Следующий, кто хотел мыться, снова наливал для себя небольшое количество воды в таз и проделывал описанные процедуры. В печке мылись только зимой, а в тёплое время года мылись в имеющемся водоёме... С 1942 года на конце деревни стали сами строить небольшие бани...» (018).

О 1941–1942 гг.: «Мать устраивает необыкновенную баню. В субботу вечером, убрав скотину, мать вытащила из печки огромный чугунок с горячей водой и сказала: “Ребятишки, готовьтесь!” “Сейчас в печку полезем! – кричала Таиска. – Париться!.. Валентинка, в печку полезем!” Валентинка думала, что Таиска вышучивает её. Как это они вдруг полезут в печку? “Чудная эта Валентинка, – сказала Груша, – ничего не понимает. А ещё городская!” Тем временем мать вытащила из печки

все горшки и кринки, настелила всюду свежей соломы – и в самой печке, и на шестке, и на полу возле печки. Налила в таз горячей воды, сунула в него берёзовый веник и поставила в печку. “Баня готова, – сказала она. – Кто первый?” “Я! – кричала Таиска, живо сбрасывая платье. – Я готова!” “Ну уж нет, – возразила Груша, – ты успеешь. Тут и постарше тебя есть!” Но пока-то Груша говорила, пока-то развязывала пояс, Таиска уже залезла в печку. Мать прикрыла её заслонкой, а Таиска плескалась там и выкрикивала что-то от избытка веселья. “Лезь и ты, – сказала мать Валентинке. – Печка широкая, поместитесь”. “Я измажусь вся!” – прошептала Валентинка. “А ты осторожнее. Стенок не касайся”. Валентинка разделась, неловко полезла в печку и тут же задела плечом за устье, чёрное от сажи... “Лезь, лезь скорее! – кричала Таиска из печки. – Иди, я тебя веничком попарю!” Валентинка боялась лезть в печку. Но когда влезла, ей вдруг эта баня очень понравилась. Блаженное тепло охватило её. Крепко пахло веником и свежей соломой. Таиска окунула веник в мыльную воду и принялась легонько хлестать её по спине. Потом тёрли друг друга мыльной мочалкой. И всё это было очень приятно. В печке было темно, только щёлочка вокруг заслонки светилась, как золотая дужка. Эта жаркая пахучая тьма, эта шелковистая влажная солома под боком, этот веник, одевающий тёплым дождём, – всё размаривало, разнеживало, отнимало охоту двигаться. Даже Таиска угомонилась и прилегла на солому. Валентинка вспомнила сказку про Ивашечку. Вот он так же сидел в печке, прятался от бабы-яги... Но в печке долго не просидишь. Стало душно. Хотелось высунуться, глотнуть свежего воздуха. “Мне жарко...” – прошептала Валентинка. “Мне тоже, – сказала Таиска. И кричала: – Мамка, открывай!” “Ага, запарилась!” – сказала мать и открыла заслонку. Таиска выкатилась из печки как колобок. А Валентинка опять зацепилась и посадила на плечо чёрную отметину. Пришлось замывать. Мать посадила их в корыто, облила тёплой водой, дала холщовое полотенце. “Вытирайтесь, одевайтесь – и марш на лжанку сохнуть!”» (Воронкова, [1943] 1966, 355–356).

О псковской деревне в 1943–1944 гг.: «...За мной пришла мама и позвала в дом. Мне предстояла экзекуция – мытьё в печке. Эта длинная санитарно-гигиеническая процедура угнетает меня до сих пор. В юные лета я её люто ненавидел. На этот раз она была особенно неприятна. Меня запихали туда, куда Баба Яга безуспешно норовила затолкать на лопате известного героя русской сказки, – в самое чрево натопленной печки. Я сопротивлялся ничуть не меньше, чем он. А может, и больше. Правда, лопаты не было, как не было и горячих углей. Под тщательно подметен и устлан соломой. Огромный чугунок с горячей водой и ведро с холодной стояли на шестке. В печке был ещё кто-то взрослый, который энергично взялся за меня. Мылил, бил веником. В общем, издевался как хотел, несмотря на громкие протесты. Наконец извлекли, еле живого, и, поставив в жестяное корыто, ополаскивали. Потом в печь по очереди полезли мыться тетя Нина и мама. “На улицу Борю сядовня не выпускайте, – пошутила хозяйка, – а то яво, такого чистого, живо сороки вьнут!”» (Миронов, 1999, 103).

О 1942–1943 гг.: «Прихворнул Шурка малость... Натопила она печь, выгребла из неё жар, настелила на под соломы мокрой, и полез Шурка “на курорт”. Мать горшочек с холодной водой подала. “Понемножку голову охоложивай”. Выльет Шурка горстку воды на горячие волосы – и будто в яму провалится. Но ощущение сладостного полета продолжается недолго. Жарко в печи. Побрызгивает Шурка на голову водой, ахает, и беспричинной радостью наливается его душа. Солома, на которой лежит он, высохла и теперь сильно шуршит, когда он поворачивается с боку на бок. “Не запарился? – Мать загремела заслонкой. – Может, прикрой чело, чтоб почувствительней было?” “Задохнусь! – испугался Шурка. – Солома колется”. “А ты её водицей, водицей уливай. От пареной ржаной соломы здоровый дух исходит”... Шурке надоела калёная печная жара, но он

послушно прилег на хрусткую солому» (Акулинин, 1985, 77–78).

«ПЕЧЬ БЛИНЫ» – то же, что «*Блины печь*».

ПЕЩЕРА – «Находящееся под землёй или в горном массиве углубление, полное пространство с выходом наружу» (Ожегов, 1972, 473).

«Пещеры» в снегу.

О с. Лопатки Лебяжьевского р-на во вт. пол. 1980-х гг.: «Когда наступала зима, то мы... играли в снежки, строили пещеры, ходили на горку. Однажды, когда мы учились в классе шестом, я и Саша за огородами строили пещеру. Сначала мы выкопали лопатой яму, в человеческого рост (в наш), в ту зиму много было снега. А потом из этой ямы начали рыть каждый свою нору, свою комнату. Мы рыли и руками, и палками, и приносили из дома какие-н. острые предметы, чтобы было удобнее рыть. Если кому-нибудь из нас нужна была помощь, то мы помогали друг другу. Это занятие нас до того увлекло, что мы забыли про еду и даже не замерзали. В итоге мы соорудили три комнаты, в одной из комнат сделали печку и выложили трубу из маленьких прочных снежных квадратиков, проделали вход длиной метра 1,5–2. А сверху натаскали прутьев, аккуратно уложили их и засыпали снегом. Потом сходили домой, взяли газет, спичек, еды (когда, конечно же, родителей дома не было). Пришли в свой ледяной дом и затопили печку. Печниками мы оказались хорошими – печка удачно топилась и даже пускала из трубы дым. После этого мы сели около печки, разложили еду и очень вкусно покушали после трудовых дней. Сейчас я уже не помню, сколько точно дней мы её рыли. Но помню точно, что приходили сразу после ухода родителей и возвращались к их приходу. В планах было сделать стулья и стол, только не знаю, из чего мы их хотели сделать. Обидно было только, что нам не пришлось в пещере поиграть, потому что когда мы её строили, мы работали в каждом из нас была какая-то искорка, мы осуществляли свой план, нам было жарко, а когда все сделали, то больше работы не осталось, ещё рыть – не хотелось, устали, а просто так сидеть было очень холодно. Дня три-четыре мы ещё приходили в свою пещеру, даже приглашали гостей, но ненадолго, замерзали. А потом надоело, да и весна пришла, растаяла наша пещера» (455).

ПИАНИНО – «Музыкальный инструмент, имеющий форму высокого ящика с выступающей спереди клавиатурой и вертикально натянутыми струнами (разновидность фортепиано)» (Словарь, 1959–9, 1160).

Пианино детское.

В. Андреев пишет о 1908 г.: «Я учил Нину играть на маленьком детском пианино...» (Андреев, 1966, 29).

Пианино игрушечное.

О девочке в дет. саду г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «В группе... было уютно, много игрушек, по крайней мере их было столько, что конфликтов не возникало. ...Были... игрушки, которыми хотели играть все, – это игрушечное пианино..., заводные автомобильчики..., в них мы играли по очереди» (Мосалова, 2007, 7).

ПИВО – «Слабоалкогольный пенящийся напиток с характерным хмелевым запахом, изготавливаемый преимущественно на ячменного солода с добавлением хмеля» (Словарь, 1959–9, 1164).

О нач. 2000-х гг.: «...Кто пойдёт за пивом?... Подобного рода разговоры звучали возле моего дома чуть не до середины ночи во время празднования Дня молодёжи... И, конечно, за пивом посылают самого молодого. А возраст празднующей молодёжи простирался от четырнадцати до двадцати» (Букин, 2004, 7).

ПИЖАМА – «мужской и женский домашний костюм, состоящий из широких брюк и куртки (или блузы) свободного покроя» (Словарь, 1959–9, 1170).

О конце 1950-х гг.: «...От наших громких голосов... проснулась Наташка. Она выбежала к нам в пижаме, ещё заспанная, лохматая. “А где папа?” – спросила она» (Железников, [1962] 1974, 99).

ПИКА – колющее оружие в виде древка с острым металлическим наконечником.

Об Украине 1910-х гг.: «Мальчишки бегут из всех переулков, они выскакивают из всех калиток, с рогатками, самострелами и пиками» (Ямпольский, 1964, 292).

«ПИКНИК» – шоколадное лакомство с начинкой.

О Шадринске в 1995–1997 гг.: «Я любила шоколадку “Пикник”, когда мне было 10–12 лет. Её мне покупала мама, но нечасто, так как она стояла довольно дорого. Продавались шоколадки в магазинах и ларьках. “Пикник” – это вафли с карамелью, орехами и изюмом, покрытые молочным шоколадом. Её часто рекламировали по телевизору» (111).

ПИКОВАЯ ДАМА, вызывать пиковую даму – вид детской магически-игровой активности, распространённой в 1970-е – 1990-е годы.

О мальчике в нач. 1980-х гг.: «Вызывали “Пиковую даму”. Это было так. В небольшой комнате выключали свет, собиралось 2–3 человека, иногда больше. На пол ставили зеркало, перед ним – свеча и карта Пиковой дамы. Между гадающими и картой, свечой и зеркалом натягивалась тонкая нить: считалось, если она пойдёт к нам, то нить порвется, а “дама” исчезнет. Цель вызова “Пиковой дамы” – просто так».

О середине 1980-х гг.: «А пиковую даму пытались вызывать, но никогда не удавалось. Мы выключали свет. Зажигали свечу и ставили зеркала (два) друг против друга, создавая коридор в зеркалах. Говорили: пиковая дама, выходи! И ждали, но было так темно и страшно, что не выдерживали и опускали зеркала и с криками бежали включать свет» (534).

О середине 1980-х гг.: «Ещё вызывали пиковую даму. Для этого нужно было занавесить все окна, встать полностью обнаженной в один из углов и три раза произнести: “Пиковая дама, приди”. Но это было безрезультатно, хотя стоящий человек должен был увидеть пиковую даму» (497).

О Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «Однажды во дворе мне одна девочка сказала, что она знает, как вызвать пиковую даму, только это очень страшно. Потому, что если её вызывать неправильно, то она может убить того, кто её вызывает. Она сказала: чтобы вызвать пиковую даму, надо взять зеркало и сказать, глядя в него: “Пиковая дама, появись, пиковая дама, появись, пиковая дама, появись”. Делать это надо в полной темноте. Когда она появится, нельзя оглядываться назад. Чтобы она ушла, надо накрыть зеркало чем-нибудь, а потом включить свет. Она сказала, что одна девочка оглянулась назад, когда появилась пиковая дама и тем самым выпустила её из зеркала. За это пиковая дама задушила её, а у другой пиковая дама задушила брата. Когда она рассказала мне все это, я испугалась и не стала вызывать пиковую даму, хотя мне и очень хотелось её увидеть» (542).

О 1988–1989 гг.: «Я очень часто лежала в больнице, и так как в больнице много детей разного возраста и из разных мест, а ещё там нечем заняться, поэтому я много слышала страшных историй, которые случаются с теми, кто допустил оплошность при вызывании. Мы вызывали Пиковую даму, бабу-конфетницу, бабу-матершинницу, гнома. Первые, о ком я первый раз услышала, это были Пиковая дама и бабу матершинница. Мне было, наверное, лет 11–12... Про Пиковую даму, прежде чем её вызвать, рассказывали страшные истории типа того, что Пиковая дама может убить или утащить с собой вызывающих. Я не помню уже, что мы делали, чтобы её вызвать, помню только то, что она должна прийти через окно и летала она по небу» (515).

О 1989 г.: «Когда я была маленькой (9 лет), мы с сестрой были в пионерском лагере. И там мы вызывали всякую нечисть. Например, бабу-матершинницу... Ещё мы вызывали домового... Самое страшное было – вызывать пиковую даму. Чёрная нитка натягивалась во всю комнату, к ней привязывалась карта с пиковой дамой, и на стол ставилось зеркало. Выключался свет, и говорилось: “Ниточка, иголочка, красная звезда, пиковая дама выйди к нам сюда”. Потом должна была появляться пиковая дама и идти по ниточке от начала до конца, и когда она дойдет до конца, нужно было включить свет. Если она успевала спрыгнуть с ниточки – она могла кого-

нибудь задушить. Мы всегда включали свет до того, как эта дама вообще появится на ниточке, потому что всем начинало что-то мерещиться» (483).

О конце 1980-х гг.: «Мы вызывали “Пиковую даму”. Инициаторами были всегда мальчишки. Собиралось как можно больше людей. Зажигали свечу, свет гасили. По обе стороны от свечи ставили два зеркала и между двух зеркал натягивали нитку так, чтобы она отражалась в зеркалах. И говорили: “Пиковая дама, покажись”. Как только её увидишь в зеркале, она должна была выйти на ниточку, нужно было расстричь нитку и быстро убрать зеркала» (552).

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Мы, девчонки, очень верили в гадания по вечерам. Вызывали пиковую даму. Ставили на стол два зеркала, одно большое, другое поменьше. Они ставились друг против друга, и рядом ставили зажженную свечу, а свет выключали. Все хором говорили: “Пиковая дама, появись!” Сколько раз мы её вызывали, она так и не появилась. Тогда в детстве мы находили много причин: то потому, что мы смеялись, то коридор в зеркалах неправильно навели и т. д.» (538).

О с. Ольховка Шадринского р-на в 1994 г.: «Пиковую даму, как помнится, вызывали всего один раз. Мне было 8 лет, остальным участникам от 6 до 9 лет. Мы пошли в комнату, где у нас стоял шифоньер, выключили свет, так как был уже вечер, то было темно. Залезли в отдел шифоньера, где обычно висит на плечиках одежда. Нас было пятеро: двое мальчишек и трое девчонок. Мы взяли карту с пиковой дамой и стали произносить слова вроде: “Пиковая дама, появись” и др. Один из мальчишек стал её дразнить, показывать ей фигурки. И тут кто-то закричал. Все пулей вылетели из шифоньера, потом из комнаты и стали с шумом, наперебой рассказывать друг другу, кто что слышал, видел, почувствовал. Больше ни у кого желания вызывать её не было. Образ пиковой дамы ассоциировался с образом, нарисованным на карте» (009).

О с. Кирово Мишкинского р-на в перв. пол. 1990-х гг.: «Также, собираясь вместе с девчонками, мы вызывали “Пиковую даму”, “бабу-матершинницу”, “гномиков” и т. д. Для того, чтобы вызвать Пиковую даму, нужно было в 12 часов ночи в темной комнате сесть перед зеркалом и сказать: три раза: “Пиковая дама, покажись”. И нужно было смотреть в зеркало и не улыбаться. Вскоре должна показаться Пиковая дама. Увидев её отчетливо, нужно было сказать: “Чур меня”, иначе Пиковая дама может выскочить из зеркала и задушить» (517).

ПИКОР – аббревиатура 1920-х гг., означавшая «пионерский корреспондент». Существует два близких, но различающихся значения слова «пикор».

1. Пикор – пионер, сотрудничающий с печатным периодическим изданием (газетой, журналом).

«В 1924 г. в Ленинграде начала выходить газета “Ленинские искры”... А первые корреспонденты “Пионерской правды” назывались пикорами, то есть пионерскими корреспондентами» (Зебзеева, 1978, 28).

О журнале «*Барабан*» (1923–1926 гг.): «Журнал был тесно связан с читателями, в нем активно сотрудничало около 400 пикоров (пионерских корреспондентов)» (Колесова, 1993, 31).

О 1923–1925 гг.: «Половина журнала [“Барабан”] состояла из заметок пикоров (пионерских корреспондентов)... У газет теперь были свои постоянные корреспонденты – пикоры, школьники..., домкоры..., сельпикоры... Число добровольных информаторов росло – к маю 1925 г. в стране было 7 000 пикоров... респондент. Первым документом, указавшим на необходимость орг-ции движения детских корреспондентов... стала резолюция II Всесоюзного совещания пионерских работников “О детковском движении” (10 июля 1925 г.)... “Пионерских корреспондентов”... предлагалось теперь именовать единым для всех выступающим в печати ребят названием – детские корреспонденты, сокращённо деткоры» (Вишневецкая, 1972, 83, 84)

2. Пикор – пионер, ведущий работу в пионерском отряде по выпуску стенной газеты.

«“Пикор – это член редколлегии отрядной стенгазеты, а кружок пионерских корреспондентов состоит из председателей редколлегий отрядных газет” – Рабоче-крестьянский корреспондент, 1925, № 2 – С. 22» (Цит. по: Мокиенко, 1998, 436).

О Белоруссии в 1925 г.: «На... заседании [редколлегии отряда юных пионеров имени Н.К. Крупской в м. Самохваловичи от 4 марта 1925 года] было решено назвать стенную газету “Юный ленинец” и выпускать её один раз в месяц. Ответственным редактором был утвержден Сергей Борилович, постоянными пикорами (пионерскими корреспондентами) – А. Позняк..., И. Яцевич, С. Рубинштейн. На заседании редколлегии обсудили каждую заметку» (Рокош, 1984, 71).

«**ПИКУЛЬКИ**» из стручков акации.

О Свердловске в середине 1960-х гг.: «Из акации мастерим пикульки, поющие на все голоса» (Смирнов, 2005).

О девочке в Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «Из стручков зеленых акации делали часто и много пикульки. Вылущивали из стручка семени и пробовали дуть воздух, если не свистела, тогда обрывали пикульку пополам. Часто тогда она начинала свистеть. Было принято сделать себе пикульку и ходить по улице, издавая странные, громкие звуки, то очень низкие, то очень высокие» (1001).

О Шадринске в середине 1990-х: «Когда мне было 9 лет (1994 г.) старший брат научил меня делать из стручков акации пикульки. Он срывал несколько стручков в нашем дворе г. Шадринска, потрошил их (осторожно раскрывал и вынимал семечки-горошины), затем закрывал стручок и подкусывал один из его кончиков. Получалась пикулька, издававшая звук, похожий на крик утки и на свист одновременно. Потом пикульки научилась делать и я, а потом научила своих подруг. Мы замучили всех своим “пиканьем”. Мама выгребала из карманов целые кучи готовых пикулек – все они отправлялись в мусорное ведро, но уже на следующий день карман был снова забит зелеными стручками акации. Интерес к пикулькам был утрачен через два года, к 11-ти годам (1996 г.)» (012).

ПИЛОТКА – военный форменный головной убор; деталь парадной формы пионеров.

О девочке 11–14 лет в 1935–1938 гг.: «В середине лета 1935 года мы переехали в Никольск-Уссурийск и жили там до апреля 1938 года... Мы, школьники, очень любили Красную Армию. В школах головными уборами для пионеров и старших школьников были военные пилотки со звездочками из яркого сукна разных цветов (по роду войск). В нашей школе были голубые – цвет летчиков. Мы с гордостью носили эти пилотки. И даже потом, когда я вернулась в свой родной Воронеж, я продолжала носить свою пилотку» (Кубанева, 1988).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...“Да, правда! – расхохотался Вадик. – ...Теперь я в одной только пилотке и в тапочках, как на необитаемом острове...” ... “Пошёл вон!” – напустился Федя и швырнул вслед Вадиду его пилотку... “Теперь Федька нам враг на всю жизнь”, – напыщенно объявил Вадик, хлопая пилоткой о телеграфный столб, чтобы выбить из неё пыль...” (Ликстанов, [1953] 1964; 341, 423).

ПИЛЬЩИК – изготовленная из дерева игрушка для ребёнка.

Д.Н. Мамин-Сибиряк о конце 1850-х гг.: «Тут и дешёвенькая лошадка из папье-маше, и дрыгавший ногами раскрашенный паяц... – всё это вижу, как сейчас. Но лучшую игрушку составлял деревянный пильщик, которого время от времени устраивал наш кучер, хохол Яков. Пильщик вырезался довольно грубо из куска дерева, в руках он держал деревянную пилу и, поставленный на край большого стола в кухне, начинал мерно раскачиваться. Как живое существо, деревянный пильщик подвергался всем последствиям своего возраста, пока не кончал полным разрушением, то есть терял пилу, руки, ноги и голову. Хохол Яков был упрям и ленив, и заставить его сделать другого пильщика составляло не малый труд. “Яков, голубчик, миленький, устрой другого пильщика...” “А ну вас”, – равнодушно

отвечал Яков. Но дети в своих детских делах не менее настойчивы, чем большие, и через некоторое время, поломавшись над нами вдоволь, Яков уступал. Второй пильщик все-таки появлялся и оказывался ничем не хуже своего предшественника» (Цит. по: Автобиографии, 1999, 198).

«**ПИЛЯНСКИЙ**» язык – название одного из видов тайных языков у детей. См.: *Тайные языки у детей*.

О Шадринске в 1990–1991 гг.: «Ко всем нашим дворовым играм, мне хочется добавить, что разговаривали мы между собой на “особых языках”. Один из них мы называли “пилянским”. Суть его заключалась в следующем: перед каждым словом мы ставили слог “пи-”. Получалось примерно следующее: пипопимипидор – помидор. Еще один язык – “милянский”...» (542).

См. также: «*Милянский язык*».

ПИНГ-ПОНГ – спортивная игра, состоящая в перебрасывании маленького целлулоидного мяча ракеткой через сетку, натянутую поперёк большого прямоугольного стола; настольный теннис» (Словарь, 1959–9, 1197); «устарелое (и иногда в неофициальной речи) название настольного тенниса» (СИ, 1994, 462).

О начале 1920-х гг.: «В эту минуту [Валентина] больше интересовал Иван Коровин. “Мы с вами будем дружить, правда? Я люблю таких сильных мальчиков, как вы. Хотите, я научу вас играть в пинг-понг?” “Чего?” “Пинг-понг. Очень забавная игра. Шарик и ракетка. Шарик такой легкой”» (Чаусов, 1963, 45).

О 1920-х гг.: «[Дети] оставались детьми. Играли... в пинг-понг, шарики для которого покупали в магазинах, а ракетки делали сами. Выпиливали их из фанеры и обклеивали с обеих сторон наждачной бумагой» (Андреевский, 2003, 306).

О Москве в 1927 г.: «... Во дворе проводились физкультурные занятия и играли в волейбол, в то время наиболее распространенную спортивную игру. Футбол едва еще начинался... Ещё играли в пинг-понг...» (Некрич, 1991–1, 53).

О нач. 1930-х гг.: «Когда ленинградцы привезли нам в подарок пинг-понг, ребята отнеслись к новой игре недоверчиво: “Подумаешь, дело – шарик по столу гонять! Это для девочек хорошо...” Но чем лучше мы играли, тем интересней делалась игра. И вот началась пинг-понговая горячка – болезнь, в те годы очень распространенная. Микроб пинг-понга – маленький белый мячик – овладел нашим воображением. Пинг-понгом заболели все. Пинг-понгу посвящали каждую свободную минуту. Ухитрялись играть даже в классах во время перемены, и я, проходя по коридору, слышал сухое цоканье мяча о ракетку. [Учителя], приходя на урок, заставляли ребят такими красными и вспотевшими, что в пору было посылать их к умывальнику... Понемногу кое-кто охладел, кое-кому надоело. Осталось несколько одержимых... Однажды Лучинкин передал нам приглашение участвовать в школьных соревнованиях по пинг-понгу. Нам надо было выставить двоих для парной игры...» (Вигдорова, [1953] 1969, 172–174).

О 1961 годе: «Во дворе нашего дома стоит стол для пинг-понга. Дядя играет с мальчишками и девочками до темноты. Надо видеть, как он бросается с ракеткой на мяч» (Краковский, 1961, 172).

О середине 1960-х гг.: «Как-то все мальчишки нашего класса... записались в секцию фехтования спортивного общества “Авангард”... Затем точно так же все дружно перешли в открывшуюся при школе секцию пинг-понга..., а большинство наших девочек записалось на волейбол» (Клех, 2003).

О летнем лагере 1970-х гг.: «Потом она книги в спальню отнесет и к нему бежит. А он встанет с крыльечка, и они с Катей Айдиновой идут играть в пинг-понг. Катя лучше всех в лагере играла в пинг-понг. У нее реакция хорошая, наверное. А у меня очень медленная реакция. Я ни в какие быстрые игры играть не могу... Быстро прошел последний день последней смены. “Вадим! Пошли ракетки сдавать!” – позвала Катя Айдинова. Они отнесли ракетки и шарики от пинг-понга в клуб и отдали Валере» (Матвеева, 1977; 8, 26).

ПИНЕТКИ – лёгкие выворотные ботиночки и туфли

для грудных детей» (Словарь, 1959–9, 1197).

Из статьи о коллекции русского городского костюма Государственного Исторического музея: «.. Пара обуви светло-коричневой кожи... Открытые туфельки имеют узкий ремешок, идущий от пятки к переднему подъему, где он застегивается на пуговку. На поверхности кожаной подошвы оттиснута фамилия известного фр. мастера, владельца обувной фабрики в Париже – Пине. Известно, что дет. обувь с таким ремешком была изобретена и впервые введена в обиход именно этим мастером во 2-м пол. прошлого [XIX] столетия. Поэтому обувь с таким ремешком в России стали называть “пинетками”» (Алёшина, 1995, 23).

О 1928 годе в Москве: «Я давно заметила в магазине “Резинотрест” на Тверской, где почему-то продавались товары для новорожденных, коричневые кожаные пинетки, которые обычно покупают детям, когда они учатся ходить!.. Но пинетки стоили дорого – один рубль. А рубль – это были большие деньги. За рубль можно было приобрести два билета на единственный спектакль Детского театра – “Негритенок и обезьяна”, съезд в кондитерской два пирожных “наполеон”, купить у моссельпромщицы две конфеты “мишка косолапый” и десять “прозрачных”. Всё за рубль. Вот как дорого стоили пинетки! И все же бабушка сказала, что, как только она получит пенсию (двадцать рублей), она купит пинетки» (Либединская, 1966, 37–38).

«**ПИНКЕРТОН**», «Пинкертоны» – книги об американском сыщике Нате Пинкертоне, род массовой литературы начала XX века.

О начале 1910-х гг. в Петрограде: «Однако успехи Гришкины на первом же году кончились. Читать он научился, писать тоже. Он вдруг решил, что этого вполне довольно, и с яростью засел за “Пинкертонов”. Никакие наказания и внушения не помогали. Гришка в самозабвении, затаив дыхание, носился за прославленным американским сыщиком по следам неуловимых убийц, взломщиков и похитителей детей или с помощником гениального следопыта Бобом Руландом пускался на поиски самого Ната Пинкертона, попавшего в лапы кроважых преступников. Так два года путешествовал он по американским штатам...» (Белых, Пантелеев, 1973, 31). См. *Пинкертоновщина*.

«**ПИНКЕРТОНОВЩИНА**» – увлечение книжками о сыщике Нате Пинкертоне.

О нач. 1910-х гг.: «“Эх ты, дурак ты мой рыжий! – совершенно серьезно сказал он, выслушав мой сбивчивый рассказ. – Начитался чепухи, вот и мерещится неведомо что!”... Отец взял у меня из рук тоненькую книжку, с обложки которой человек в черной полумаске целился из пистолета прямо в читателя. “Опять Пинкертоны!” – И с какой-то веселой злостью разорвал книжку. Я не успел удержаться его, а книжка-то была чужая! Швырнув в сторону обрывки, отец неожиданно обнял меня» (Рутько, 1962, 17). О середине 1910-х гг.: «С раннего утра забравшись на пустырь, ребята читали выпуски Пинкертона, по очереди передавая прочитанные соседу» (Белых, [1930] 1965, 61). О женской гимназии середины 1910-х гг.: «Раз одна девочка из другого класса дала ей две книжки Пинкертона. Ирина прочитала их запоем и с тех пор сама доставала эти книжки у старика-газетчика, торговавшего газетами на углу, около кондитерской. Книжки можно было возвращать старику. Он брал по пятаку залога за каждую. Ирина стала отдавать старику все свои карманные деньги. Иногда он давал ей книжки в долг. Она читала дома, говоря, что готовит уроки, читала в классе во время урока, пряча книжку в учебник. Читала в перемены. Иногда пряталась в уборной, закрывалась на крючок и читала до следующей перемены – весь урок. Ей нравились необычайные приключения сыщика, их смелость и находчивость. Они казались какими-то совершенно необыкновенными людьми, не похожими на тех, кого она знала. Прочитав такую книжку, она подолгу сидела на одном месте и мечтала. Ирина воображала, что вместе с Пинкертоном она мчится с бешеной скоростью в автомобиле и спокойно кладет руку на плечо убийцы, уже занесшего долг над своей жертвой. Она видела себя

женой замечательного сыщика. Он рассказывает ей о страшном преступлении, она помогает распутывать его... Какая необыкновенная жизнь! Тут красавица с распущенными волосами в ужасе простирает обнаженные руки, моля о пощаде, а дуло револьвера безжалостно направлено на нее. Там связанный молодой человек... во фраке и лаковых ботинках томится в подземелье, связанный крепкими веревками, а большие крысы бегают по его лицу, по всему телу. И не одна только Ирина увлекалась этими книжками. Читали их многие. Во время уроков под партами шел обмен. В один конец класса посылались "Адская месть", оттуда, передавали "Украденное ожерелье"» (Филиппова, 1938, 99–100).

Ср.: «Библиотека военных приключений».

ПИОНЕР – член *Пионерской организации* (см.) – массовой организации детей и подростков в возрасте 9–14 лет. В середине 1960-х гг. в СССР было 23 млн. пионеров.

Слово «пионер» было образовано путём концентрации общего значения исходного выражения «юный пионер» на грамматически опорном существительном: существительное «пионер» образовалось из их выражения «юный пионер» подобно тому как существительное «столпотворение» образовалось из выражения «вавилонское столпотворение». В свою очередь, выражение «юный пионер» (в значении юный первооткрыватель, разведчик) пришло на смену выражению «юный разведчик», которое существовало ещё до революции и служило русским «переводом» заимствованного англ. «бойскаут» (boyscout). (Шанский, 1980, 35).

«**ПИОНЕР**» – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический детский журнал, выходит в Москве с марта 1924 г. по наст. время.

Это был самый массовый журнал, рассчитанный и на активистов, и на рядовых пионеров, и даже на тех, кто только мечтает вступить в отряд, тематика его была необычайно широка. Продолжая дело, начатое «Юными товарищами» и «Барабаном», «Пионер» постарался избежать их ошибок.

«**Пионер**» в 1920-е гг.

С первых же шагов заметно стремление сочетать художественность с публицистичностью и организаторской работой среди читателей. Авторский актив беллетристич. отдела: М. Светлов, В.В. Маяковский, Э. Багрицкий, С.Я. Маршак, С. Григорьев, Г. Бельх и Л. Пантелеев и многие другие. Здесь увидели свет такие значительные произведения, как «Конduit» Л.Кассиля, «Часы» Л. Пантелеева, «Партия свободных ребят» Н. Богданова и др. Интересной находкой, сразу же полюбившейся читателю, оказались обзоры взрослых газет «Путешествие по газетам» и «Очерки газетного путешественника», в которых изобретательность и юмор Л. Кассиля раскрылись с новой стороны. На страницах журнала часто выступали деятели партии и правительства, видные учёные, инженеры. В рубриках «Беседы у костра», «Наша переписка», «Среди пионеров» и т. п. ребята получали конкретные ответы на интересующие их вопросы. (Колесова, 1993, 88–90)

О Москве в конце 1920-х гг.: «Самым высоким домом Москвы 1920-х годов было здание между Калашным и Средним Кисловским переулком... Арендвал его Моссельпром – популярная и влиятельная в те времена торговая орг-ция... Прямоугольный дом с высокой башней... даже... именовался “московским небоскребом”. Мне выписывали журнал “Пионер”; приложением к одному из его номеров была картонная раскройка дома, которую я старательно вырезал и склеил там, где было указано. Так “московский небоскреб” в миниатюре утвердился и на моем подоконнике, месте моих домашних игр и занятий. ...Собственным письменным столом я обзавелся только... [в] 42 года» (Федосюк, 2004, 76).

О 1929 г.: «В первом номере журнала “Пионер” за 1929 год редакция сообщала, что в наступившем году “журнал поставит со всюю серьезностью обсуждение бытовых вопросов. Отношения между родителями и детьми, педагогами и учениками, вождями и пионерами, мальчиками и девочками, вопросы о том, что

делать после школы, как выбрать профессию”. В порядке реализации этого плана вниманию читателей предлагалась повесть А. Кожевникова “Демид Шапкин”» (Лупанова, 1969, 208–209).

«**Пионер**» в 1930-е гг.

«В начале 1930-х годов “Пионер” заметно ухудшается: преобладание посредственных произв-ий, обилие мудроскучных статей, пренебрежение спецификой детской психологии – вот далеко не полный перечень его недостатков» К середине 1930-х гг. в редакцию «Пионера» возвращается Б. Ивантер. Благодаря его деятельности вокруг журнала сплотились лучшие лит. силы: А. Гайдар, Л. Кассиль, К. Паустовский, Р. Фраерман, С. Маршак, С. Григорьев, М. Ильин, А. Введенский и др. «Пионер» вновь возвращает себе былой авторитет и популярность. «С января 1936 года “Пионер” становится “толстым”, его объем увеличился в пять раз. Это, по существу, первый толстый дет. журнал, который мог теперь в полной мере проявить свое непереносимое качество – энциклопедичность. Появляется много новых рубрик, увеличиваются отделы публицистики и беллетристики. “Пионер” становится многоплановым, многоотраслевым». Именно в «Пионере» в 1930-е годы опубликованы рассказ «Голубая чайка», повесть «Военная тайна», киносценарий «Тимур и его команда» А.П. Гайдара, «Великое противостояние» Л. Кассиля, «Старик Хоттабыч» Л. Лагина, «Приключения капитана Врунгеля» А. Некрасова. (Колесова, 1993, 90–91).

О 1934–1936 гг.: «В “Пионерской правде” и в журнале “Пионер” публиковались... конкурсы хитроумных головоломок и шахматных задач» (Цидильковский, 1996, 131).

О вт. пол. 1930-х гг.: «До войны “Пионер” считался журналом литературным» (Бобищанский, 2005, 5).

ПИОНЕРСКАЯ организация (Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина) – массовая самостоятельная коммунистическая организация, объединявшая детей и подростков в возрасте (в разные годы) от 9 до 14 или от 10 до 15 лет.

Пионерская организация в 1920-е гг.

«В 1921 г. по указанию Центрального Комитета партии было созвано специальное совещание по работе комсомола с детьми... Комиссия, созданная на совещании, разработала примерный устав детских групп “Юные пионеры имени Спартака”. Устав определял цель и структуру орг-ции и ее возрастные границы (от 11 до 14 лет). Были также сформулированы основные законы и обычаи юных пионеров» (Очерки, 1980, 196–197).

«Первые пионерские отряды были организованы в феврале-апреле 1922 в Москве при 16-й типографии на Красной Пресне, при ремонтных мастерских Октябрьской железной дороги, в Сокольниках и в Замоскворечье. 19 мая 1922 года II Всероссийская конференция комсомола приняла решение о повсеместном создании пионерских отрядов. Этот день отмечается советскими пионерами как день рождения пионерской орг-ции» (ПЭ, 1966–3, 393)

«Всероссийская конференция РКСМ (16–19 мая 1922 г.) приняла решение о создании под рук-вом комсомола коммунистич. дет. орг-ции юных пионеров» (Очерки, 1980, 196–197).

В окт. 1922 г. на V съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи (РКСМ) были впервые приняты Законы юных пионеров.

«В 1922 г. насчитывалось лишь 40 тыс. пионеров. В дальнейшем число их быстро растет: В 1923 г. – 75 000. В 1924 г. – 200 000. В 1925 г. – 1 557 515» (Медынский, 1955, 94).

«К окт. 1922 г. в России насчитывалось 4000 пионеров, к июню 1923 г. – 75 000, к ноябрю 1923 г. – 100 000, к апрелю 1924 г. – более 161 000 пионеров в составе 3241 отряда» (Балашов, 2003, 113).

«Пионерские отряды быстро росли в крупных пром. центрах РСФСР, значительно медленнее – в сельской местности... В декабре 1922 V съезд комсомола принял решение об объединении всех пионерских отрядов, организованных в Москве, Петрограде, Туле,

Белоруссии, на Урале и др., в единую коммунистическую организацию юных пионеров, утвердил Положение о ней. Уже к середине 1923 года в пионерской орг-ции насчитывалось до 75 тысяч пионеров. Первые пионерские отряды работали при комсомольских ячейках, на базе заводских клубов, предприятий, учреждений (по месту жительства пионеров). Им приходилось вести борьбу с остатками скаутских орг-ций, существовавших в царской России. В конце 1923 в школах стали создаваться форпосты – объединения всех пионеров данной школы независимо от того, в каком отряде по месту жительства они состоят. Для повседневного руководства форпостом пионеры, избирали президиум. Пионерские форпосты... помогали вовлекать в пионерскую орг-цию новых членов...» (ПЭ, 1966–3, 393). См.: *Форпост*.

О 1922–1926 гг.: «До 1926–1927 гг. пионерами были в большинстве городские школьники: в городе пионеры составляли 15% от всех детей пионерского возраста (10–16 лет), в деревне – только 3%. По обследованию, проведенному весной 1925 г., в сельских школах уездов Ленинградской губ., пионеры имелись в 32,4% школ, а количество пионеров относительно общего числа учащихся составляло 15,4%. Крестьяне обычно неохотно соглашались на вступление своих детей в пионеры, так как считали, что ребенок никакой пользы от этой орг-ции не получит, а лишь станет неверующим и дерзким. Усиленный рост количества пионеров в городах объясняется не только широкой пропагандистской кампанией, но и тем, что заимствованные из скаутизма военно-игровые формы и ритуалы, романтика военно-походной жизни очень привлекали детей этого возраста. Орг-ция носила военизированный хар-р с элементами самоуправления. Пионерский отряд состоял из 3–4 звеньев – каждое по 10–15 чел. Каждый отряд носил имя какого-либо революционера. Рук-ль отряда – вожатый – обычно комсомолец, получивший специальную подготовку. Через вожатого отряд получал задания из райкома комсомола, которые заключались в орг-ции рев. праздников, антирелигиозных кампаний, сборов в пользу МОПР или ОДВФ и т. п. Вступавший в орг-цию, после двухмесячной подготовки, приносил присягу – “торжественное обещание” перед знаменем отряда: “Честным словом обещаю, что буду верен рабочему классу, буду ежедневно помогать своим трудовым собратьям, знаю законы пионеров и буду им повиноваться”. Пионеры, подобно скаутам, носили спец. униформу, красный треугольный галстук и значок с изображением красного знамени, серпа и молота и костра из пяти поленьев, с надписью – “Всегда готов!”. Все массовые ритуальные действия в отрядах сопровождалось военным построением и маршем, барабанной дробью и звуками горна. Как и у скаутов, у пионеров важное значение имел большой ритуальный костер, разжигаемый обычно летом в период лагерной жизни, и основное отличие юных пионеров от скаутов заключалось в максимальной политизации их действий, детерминированных коммунист. взглядами. Символ веры пионеров был выражен в их приветствии, сопровождавшемся выбросом вверх согнутой в локте руки: “К борьбе за рабочее дело будь готов!” Ответ – “Всегда готов!”. У скаутов этот девиз носил общий этический характер и не был связан ни с какими полит. идеями... Пионерские отряды организовывались не при школах, а при разл. предприятиях, но в каждой школе все пионеры объединялись в так называемый “форпост”. Форпост мог объединять пионеров из полутора-двух десятков отрядов, а иногда и более. Деят-стью форпоста руководил выборный совет, во главе которого также стоял комсомолец... Огромная масса писем в редакции пионерских газет и журналов в середине 1920-х гг. свидетельствовала о полнейшем непонимании детьми норм поведения пионера и того, что же все-таки должно определять эти нормы. Пионеры ожидали решения вопросов “сверху”. Школьники спрашивали: можно ли пионеру торговать, играть в перышки, собирать почтовые марки, покупать сладости, ходить в кино, читать Жюль Верна, может ли девочка-пионерка носить

косу, играть в куклы и т. п. “Сотни писем и вопросов юных пионеров, – писал сотрудник редакции..., – показывают, что во многих их орг-циях такого идеала не создано, или он детям не ясен, и они, во всяком случае, не понимают связи правил своего поведения с этим идеалом... Эти правила установлены кем-то сверху... и они исполняются детьми без охоты, превращаясь в какую-то скучную повинность, дающую право носить пионерский галстук... Выросши и снявши красный галстук, юный пионер сбрасывает и правила с себя, как нечто тягостное. Этим и объясняется то, о чем в один голос кричат все вожатые, – что юный пионер, перейдя в комсомол, сейчас же начинает курить, ругаться и т. п., да еще при этом гордо заявляет: “Я ведь уже не пионер”... Вопросы полит. хар-ра в письмах пионеров занимали очень незначит. место и из года в год сокращались, несмотря на рост численности пионер. орг-ции. Наряду с этим, росло количество вопросов, связанных с внешними пионерскими атрибутами и символикой, как-то: можно ли до присяги носить пионерский галстук; можно ли носить значок и форму, отличающиеся от установленных; нужно ли носить значок только на левой стороне груди; обязательно ли каждое звено должно иметь барабан; как воздействовать на пионера, который не отдает салют и т. д. “Вместо широкого политич. идеала, внимание детей занято погрешками”, – сетовал тот же сотрудник редакции, призывая усилить “политизацию” пионеров. Эти сетования и призывы свидетельствовали о непонимании того, что детей привлекали в пионер. орг-ции именно обрядово-игровые формы» (Балашов, 2003, 113–115).

«Вначале пионер. орг-ция именовалась: “Юные пионеры имени Спартака”. 21 января 1924 г. решением ЦК комсомола пионер. орг-ции было присвоено имя В.И. Ленина... К середине 1926 года в пионер. орг-ции насчитывалось уже более 45 тысяч отрядов, объединяющих около 2 млн. пионеров. Пионеры вместе с комсомольцами боролись с беспризорностью, участвовали в коммунистич. субботниках, помогали крестьянам убирать урожай, устраивали агитпробеги по деревням и сёлам, собирали средства на постройку детдомов» (ПЭ, 1966–3, 393).

Один из идеологов скаутизма И.Н. Жуков стремился воплотить в пионерской орг-ции позитивные стороны скаутского движения. Именно он предложил назвать дет. орг-цию пионерской, ввести девиз «Будь готов!», развивать игровые формы восп. работы с детьми и пр. Пионер. орг-ция заимствовала из скаутизма орг-цию по отрядам, ин-т вожатых, сборы у костра, элементы символики (например, в пионерском значке три языка пламени костра заменили три лепестка скаутского значка, 3 конца галстука стали означать 3 поколения – пионеров, комсомольцев и коммунистов и пр.).

«...После революции комсомольцы решили создать свою детскую орг-цию. ...Скаутскую по форме, но коммунистическую по содержанию. Так и переключались из скаутизма в пионерию галстук (у скаутов он был оранжевый – под цвет огня), горн, барабан и всем известный лозунг, состоящий из клича “Будь готов!” и ответа “Всегда готов”. Пионеры быстро вытеснили скаутские отряды в подполье, а к 1924 году скауты в СССР и вовсе перевелись» (Лобанова, 2002).

О 1920-х гг.: «Пионерская орг-ция... родилась..., вытесняя русских скаутов-мастеров... Многие скаутские педагоги... выступили против того, чтобы дет. орг-ция подчинялась комсомольской, против излишней её политизации. Они считали, что у детей нельзя забирать детство, им нужен свой мир, игра, герои, вроде Робинзона Крузо... Никаких Робинзонов Крузо! – был суровый ответ. – Воображение ребенка должно быть максимально приближено к борьбе и интересам класса. Итак, со скаутизмом мы порвали. Но позаимствовали у него слово “пионер”, что обозначает одну из скаутских профессий. (Значок “топор и кирка”. Суть профессии – прокладывать дорогу отряду.) Много еще чего заимствовали... Из всех существующих в мире дет. орг-ций мы решили равняться на опыт германских коммунистических. А они, как сами признавались, заим-

ставали многое у “союза Бисмарка”, “Молодой Германии”. ...В Германии дети... устраивали митинги, конференции, где выступали против рутинных учителей, против телесного наказания. И добивались кое-чего. У нас же немедленно появились две формы деят-сти. Одна – как бы показательная – когда полуголодный детдом мог переслать свою трехдневную пайку детям германских рабочих. Другая – для себя. О ее плодах в 1926 году с тревогой заговорили врачи... ..Огромный процент детей страдает малокровием, признаками усталости и переутомления, туберкулезом и т. д. из-за непосильной обществ. деят-сти. У некоторых насчитывалось по 7 выборных должностей. Дети постоянно заседали, кого-то судили и выводили на чистую воду, кого-то из междунар. деятелей встречали и провожали, репетировали парады. Вместо 27 с половиной часов, которые по норме им полагалось тратить на шк. и пионерские дела, получалось 81,18 часа в неделю. Врачи категорически потребовали также прекратить различного вида тревоги, “которые иногда устраиваются отрядами для проверки бдительности пионеров”. Никто их не послушал. ...Никто не станет отрицать, что у пионеров было много живых, человеческих, конкретных дел. Особенно это стало видно во время войны – когда началось массовое движение тимуровцев, когда дети подвижнически помогали фронту... Но ставка на политизацию, идеологич. зашоренность привели к страшным вещам. Они выгрызали из детской души все лучшее: тягу к милосердию, искренности, честности, доброте...» (Северин, 1990, 54–55).

«В 1922 г. появились первые символы пионерской орг-ции: Красное знамя отряда, которое вручали коммунисты или комсомольцы – шефы отряда; красный галстук – частица Красного знамени. Пионеры отдавали салют, вступая в пионерский отряд, и отвечали “Всегда готов!” на призыв “Будь готов к борьбе за дело рабочего класса!”. К 1 мая 1923 г. был изготовлен первый пионерский значок» (Очерки, 1980, 196–197).

1926 года пионерская орг-ция стала именоваться Всесоюзная пионерская орг-ция им. В.И. Ленина.

О 1929 годе в Самаре: «...осенняя Самарская ярмарка... В центре парка высилась большая лотерея со стеллажами, заполненными самыми причудливыми и необх. товарами... Огромная очередь вела к вертящимся барабанам с заветными билетами. Крутили их чёрт знает кто, а вытаскивали билетики пионеры с красными галстуками, про которых уже распедали в городе: “Пионеры юные, / Головы чугунные, / Сами оловянные, / Черти окаянные!...”» (Вульфвич, 1999, 46–47).

О вт. пол. 1920-х – 1930-х гг.: «Во времена, когда пионеры считались элитой и вслед марширующим отрядам громыхали бочки с бесплатным квасом, решено было создать столицу детской империи. Выбор пал на “Артек”... В “Артек”... хлынули пионерские активисты. Костры, песни, речевки, нескончаемая политучеба... Железная дисциплина, ощущение своей избранности, постоянная бодрость духа, презрение к слабым, массовость во всем» (Северин, 1990, 55).

Пионерская организация в 1970-е гг.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Орг-ционной основой Всесоюзной пионер. орг-ции является пионерская дружина, которая объединяет всех пионеров школы и делится на отряды. Пионерский отряд создаётся в третьем классе и существует до восьмого класса, когда начинается индивидуальный приём в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунист. Союза Молодёжи (ВЛКСМ). Пионер. отряд объединяет всех пионеров одного класса и делится на пионер. звенья. Высший орган пионер. самоуправления – пионер. сбор, то есть собрание пионеров дружины или отряда. На сборе пионеры составляют планы, подводят итоги работы, обсуждают самые важные пионерские дела. Для повседневного рука работой дружины избирается... совет дружины во главе с председателем совета дружины. Отрядные текущие дела решает совет отряда во главе с председателем совета отряда. Работой звеньев руководят звеньевые. Члены совета дружины, члены всех советов отрядов, звеньевые и члены редколлегии стенгазеты

составляют пионер. актив... Приём в пионеры обычно проходит в торж. обстановке в Доме (Дворце) пионеров, в музее или в школе... Пионер. орг-ция помогает учителям в борьбе за хорошую успеваемость, воспитывает у пионеров добросовестное отношение к учению и труду... Пионер. отряды являются колл. вожатыми октябрят, готовят их к вступлению в пионеры. ...Во многих школах создаются клубы интернац. дружбы... Важное место в деят-сти пионер. орг-ции занимает спорт. К числу масс. спорт. мероприятий относятся соревнования юных хоккеистов и футболистов на призы дет. клубов “Золотая шайба” и “Кожаный мяч”, лыжные гонки на приз газеты “Пионерская правда”, легкоатлетич. четырёхборье “Дружба”. Большую популярность завоевала среди пионеров военно-спорт. игра “Зарница”... Вся эта работа проводится как в школах, так и в разл. внешк. учреждениях... Жизнь пионер. орг-ции связана с... пионер. символами и ритуалами. Красное знамя дружины – символ верности делу революции, Коммунист. партии, Советской Родине... Торжественно под звуки пионер. барабана и горна строятся пионеры на пионер. линейку, лучшим пионерам предоставляется право зажечь огонь пионер. костра. В знак принадлежности к Всесоюз. пионер. орг-ции пионеры носят красный пионер. галстук и пионер. значок. На сборы отряда или дружины пионеры приходят в пионер. форме. Важным пионер. ритуалом является пионер. салют... Всесоюз. пионер. орг-ция имеет свою пионер. печать: выходит газета “Пионерская правда”, журналы “Пионер”, “Костёр” и другие. Ежедневно звучит в эфире “Пионерская зорька”... Всесоюз. пионер. орг-ция имени В.И. Ленина объединяет в своих рядах более 25 млн школьников. Имена лучших из лучших пионеров страны занесены в Книгу почёта пионер. орг-ции...» (Денисова, 1978, 75–78).

Пионерская организация в 1980-е гг.

10 июня 1986 г. Бюро ЦК ВЛКСМ утвердило новый текст Положения о Всесоюзной пионер. орг-ции имени В.И. Ленина. Положение «чётко зафиксировало функции, кот. выполняет орг-ция пионеров...: включать советских детей и подростков в практику коммунист. стр-ва; готовить резерв ВЛКСМ; содействовать всестороннему развитию личности, формируя акт. гражданскую позицию... Изменились, согласно новому Положению, возрастные рамки пребывания в пионер. орг-ции: школьники могут быть приняты в пионеры с 9 лет, но только в последнем классе нач. школы, и состоять в пионер. орг-ции до 14 лет». Из Положения 1986 года: «Всесоюзная пионерская орг-ция имени Владимира Ильича Ленина – массовая самостоятельная коммунист. орг-ция детей и подростков Советского Союза... По поручению КПСС Всесоюзной пионер. орг-цией имени В.И. Ленина руководит Всесоюз. Ленинский Коммунист. Союз Молодежи... Цель пионерской орг-ции – воспитывать юных борцов за дело Коммунист. партии Советского Союза. Она выражена в девизе Всесоюз. пионер. орг-ции имени В.И. Ленина. На призыв: “Пионер, к борьбе за дело Коммунист. партии Советского Союза будь готов!” – следует ответ: “Всегда готов!” Пионер. орг-ция воспитывает юных ленинцев в духе коммунист. идейности и преданности Советской Родине... Порядок приема в пионер. орг-цию. В пионер. орг-цию принимаются школьники в возрасте от 9 до 14 лет. Прием осуществляется индивидуально, открытым голосованием на сборе пионер. отряда или дружины (если она не делится на отряды), действующих в общеобразоват. школе и школе-интернате. Вступивший в пионер. орг-цию на пионер. линейке дает Торже, обещание пионера Советского Союза. Коммунист. комсомолец или старший пионер вручает ему красный пионер. галстук и пионер. значок...» (Пирогов, 1987; 58, 61, 62, 155, 157).

В 1987 г. на XX съезде ВЛКСМ говорилось о необходимости «перестроить жизнь пионер. орг-ций на демокр. началах, развить подлинную самодет-сть, возратить в них игру, романтику, выдумку и фантазию» (Басов, 1987, 19–24).

О Челябинске в 1980-е гг.: «Дружина наша носила имя Ю.А. Гагарина. Каждый отряд тоже носил имя какого-нибудь пионера-героя или комсомольца. Наш отряд был

имени А.П. Гайдара. Но имя присваивалось отряду не сразу. Сначала отряд боролся за присвоение имени, принимая акт. участие в жизни школы, тимуровской работе и т.д. и только потом на торж. сборе пионер. дружины по решению всех пионеров отряда присваивалось имя. У каждого пионер. отряда был свой пионер. флажок, когда был пионер. сбор, этот флажок держал направляющий в отряде. Пионер. сбор начинался с вноса под горн и барабаны дружинного знамени. Знаменная группа состояла из трех человек: знаменосец и два ассистента. Они, как солдаты, маршировали в ногу. Сборы проводили председатели Совета дружины. Сборы у нас были всегда демократичны. В решении каких-либо вопросов участвовали все, любой мог высказать свою точку зрения, своё предложение. Когда организовали какие-н. интересные дела и выходили с этими вопросами на администрацию, а это был директор, последнее слово было за ним, то не всегда получали поддержку» (452)

В 1990 г. на X слете пионеров Всесоюзная пионер. орг-ция была преобразована в Союз пионерских орг-ций – Федерацию детских союзов.

Деят-сть пионер. орг-ции имела массовый централизованный хар-р, сопровождалась общесоюз. кампаниями, смотрами, военизированными играми «Зарница», «Орлёнок», «Марши пионерских отрядов» («Моя Родина – СССР»), в незначительной степени была пронизана формализмом и декларативностью. Вместе с тем в пионер. орг-ции был накоплен опыт внешк. работы с детьми (деят-сть дворцов и домов пионеров, пионер. лагерей).

О 1990-х гг.: «Попытки рыночных идеологов создать в России в противовес пионер. орг-ции движение скаутов по образцу Запада успехом не увенчались. Как идеология этого движения, так и его орг-ция и даже стиль и атрибуты оказались несовместимыми с культурными традициями (это – особая тема)» (Кара-Мурза, 2004).

См. также: *Пионерская дружина, Пионерский отряд, Пионерский галстук, Пионерский значок, Законы пионеров Советского Союза, Дворцы (дома) пионеров, «Пионерская правда», «Пионерская зорька», Торжественное обещание пионера.*

«ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА» – массовая газета для пионеров и школьников, основана в марте 1925 года, в то время её тираж составлял более 20 тысяч экземпляров. В работе «Пионерской правды» принимали активное участие К.Э. Циолковский, И.П. Павлов, М. Горький, В.В. Маяковский, С.Я. Маршак и другие.

«Пионерская правда в 1930-е гг.»

О 12-летней девочке в 1933 г.: «Про кулаков я уже слышала. Про кулаков пишут в газетах, я читала о них в своей “Пионерской правде”» (Лупанова, 2007, 67).

О 1934–1936 гг.: «Многие школьники... участвовали в интеллектуальных играх и конкурсах, которые в то время часто устраивала “Пионерская правда”. Руководил отделом игр в газете некто Самсон Глязер. Делал он это с большой выдумкой, очень искусно и увлекательно. Конкурсы проводились на разнообразнейшие темы: “Что вы знаете об этом путешественнике?”. “Великие люди” и т. п. Были серии по 8–10 вопросов о Миклухо-Маклае, Нансене, Беринге, Магеллане и ряде других путешественников. Были серии о великих естествоиспытателях – Ньюtone, Дарвине, Менделееве. Конкурсы эти и игры были захватывающими, мы ими жили и с нетерпением ожидали очередную серию. В “Пионерской правде” и в журнале “Пионер” публиковались также конкурсы хитроумных головоломок и шахматных задач» (Цидильковский, 1996, 131).

О 1937 году: «Наташа, вернувшись в Ростов, стала ходить в ближайшую школу. Она училась хорошо, много читала, в том числе газеты “Ленинские внучата” и “Пионерская правда”. “Пионерская правда” в то время обучала своих читателей играть в шахматы, для этого печатала цикл статей, очень толковых, Наташа их прочла, и ей загорелось играть в шахматы» (Панова, 1980, 126–127).

«Пионерская правда в 1950-е гг.»

Из Постановления ЦК ВЛКСМ от 30 мая 1955 года о работе газеты «Пионерская правда»: «ЦК ВЛКСМ

отмечает, что газета “Пионерская правда” пользуется большой популярностью среди пионеров и школьников страны. Многие выступления газеты об облике советского школьника, преодолении трудностей, воспитании воли и характера находят горячий отклик у юных читателей. В газете выступают академики, путешественники, известные педагоги, воины Советской Армии, специалисты пром-сти и с. х-ва... Вместе с тем в газете имеются серьёзные недостатки. “Пионерской правде” недостает боевитости, занимательности и задора... Редакция... не нашла ярких, доходчивых форм подачи материалов на учебные темы. Газета иногда сбивается на дублирование урока, пересказ учебника... Многие научно-популярные материалы не соответствуют возрасту и уровню знаний школьников... В газете мало... выступлений об отношении пионеров и школьников к учебным обязанностям, к учителю, шк. коллективу... Неувлекательно рассказывается о различных профессиях. Общественно полезная работа самих детей нередко замыкается стенами школы, пришкольным участком, слабо связывается с промышленным и колхозным произ-вом... Пионерские активисты мало находят в газете советов, рассказов о конкретном опыте пионерской работы, самодеят-сти и инициативе детей. Газета редко рассказывает о пионерских сборах, мало публикует хороших выступлений вожатых, пионерских активистов... На страницах газеты нет большого и серьёзного разговора о поведении пионера, не находят должного осуждения факты хулиганства, недостойного поведения отдельных учащихся на уроке, в обществ. местах, проявлений грубости к учителям, родителям, старшим. Вместе с тем газета мало рассказывает о лучших пионерах, чьим поступкам ребята могли бы подражать в жизни; эти выступления малоубедительны и схематичны... В выборе тем, в языке и стиле ряда статей и корреспонденции много шаблона, однообразия, в верстке и оформлении номеров газеты недостаточно выдумки. В газете мало фельетонов, басен, карикатур, затей» (Сборник, 1958, 108–110).

О начале 1950-х гг.: «Потом Петя разворошил тумбочку: здесь, перевязанная бечёвкой, хранилась собранная за несколько лет “Пионерская правда”, – Люся была вожатой в младших классах» (Селугин, 1953, 25).

О пятиклассниках в г. Курске в 1954–1955 гг.: «Пионеры приняли акт. участие в интересном разговоре о дружбе, кот. продолжался в течение всего года на страницах газеты “Пионерская правда”... Разобрав заметку в газете “Пионерская правда”, “О девочках, мальчиках и настоящей дружбе”, пионеры написали письмо о том, что помогает им крепить настоящую дружбу... В звеньях, например, были обсуждены по инициативе самих пионеров интересные статьи из газеты “Пионерская правда”: “Есть такой мальчик”, “Сын гвардейского полка”, фельетон “Раскусили”, “Цена минуты”, “Как готовиться к экзаменам”, “Витя потерял уверенность в своих силах”, “Это помогает учиться”... В газете “Пионерская правда” было опубликовано письмо пионеров, которое они писали в редакцию газеты после обсуждения статьи “О мальчиках, девочках и настоящей дружбе”» (Нечаева, 1958; 53, 56, 61, 67).

«17 янв. 1956 г. газета открыла “Клуб мотористов” – тысячи ребят получили из редакции удостоверение клуба, изучив автомобиль, трактор» (Холмов, 1982, 15).

О середине 1950-х гг.: «...В I–IV классах осн. формой политинформации является читка “Пионерской правды” или пересказ статей, опубликованных в этой газете...» (КР, 1957; 188, 191).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Таня... пошла посоветовать председателю совета отряда Симочке Левиной поменьше ругать Лёшку. Таня разыскала её в библиотеке – выбрал председатель из “Пионерской правды” всякие интересные рассказы, чтобы потом прочесть на сборе» (Кудряшова, 1961, 45).

«Пионерская правда в 1980-е гг.»

О нач. 1980-х гг.: «Выбрать тему [для политинформации] поможет “Пионерская правда”. Для того чтобы рассказать о событиях на планете, о жизни и борьбе

зарубежных ровесников, о сложных проблемах, кот. сегодня волнуют мир, нужно обратить внимание на материалы, кот. публикуются под рубриками: “Наш глобус”, “Твой зарубежный ровесник”, “Колокол”. Информацию о комсомольских стройках, о последних достижениях в нар. хоз-ве нашей страны нужно искать под рубриками: “Где сегодня комсомол”, “Новости пятилетки”, “Родина – детям»» (Ануфриев, 1985, 34).

На первый тур объявленного в 1985 г. на страницах «Пионерской правды» конкурса «Фантазия-85» от пионеров поступили сотни работ, отличающиеся «элементами изобретательства, решением интересных тех. задач»; в это же время газета проводила «Турнир смекалистых» под девизом «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» «Участвовать в нём непросто: ребята должны оперировать знаниями по истории, космонавтике, физике, орфографии, зоологии и т. д.» (Розенберг, 1986; 23, 51–52).

«В 1988 г. газета “Пионерская правда” стала регулярно публиковать полосу “Будьте... здоровы”, посвящённую различным аспектам охраны здоровья школьников... Однажды в редакцию пришло письмо из Арзамаса. Его авторы – школьницы Наташа и Ира – писали следующее: “Уважаемая редакция! Взрослые считают, что нам, подросткам, о многом не надо рассказывать. Бабушки объясняют внукам: “Тебя аист принёс”. Смешно слушать такое. Почему нам, тринадцатилетним, бояться сказать правду? Не читают лекций на эту тему? Или вы все думаете, что нам это не нужно?” Редакция решила опубликовать это письмо и предложила ребятам высказать своё мнение, надо ли начинать разговор на “запретную тему” раньше, и если да, то когда именно. В ответ пришёл целый шквал писем – писали пионеры и комсомольцы, мамы и бабушки, первоклашки и старшеклассники. “Мы ждали этого разговора” – такими словами начинался буквально каждый отклик» (Гадасина, 1991, 24–25).

О девочке в Шадринске в 1988–1990 гг.: «По “Пионерской правде” в школе нас обязывали готовить политинформацию – рассказывать по статьям в газете, что произошло или происходит в мире» (1001).

ПИОНЕРСКАЯ форма – одежда, ношение которой ожидается (ожидалось) от пионеров.

О конце 1950-х гг.: «А Света прибежала домой и стала рассказывать, что завтра её примут в пионеры на Красной площади. “Это хорошо, – сказала мама. – Знает, надо тебе подготовить пионерскую форму”... Ребята... стали в линейку возле Мавзолея. Мальчики – в белых рубашках и тёмных брюках. Девочки – в белых кофточках и тёмных юбках» (Баруздин, 1960, 38).

О начале 1960-х гг.: «“У меня есть старший брат... / В красном галстуке он ходит, / В пионерской форме”» (Барто, [1961–1963] 1969–1, 292).

О середине 1970-х гг.: «Пионеры Сов. Союза носят единую пионерскую форму. Парадная пионер. форма для девочек – белая блузка и синяя юбка, для мальчиков – белая рубашка и синие брюки (или шорты). Повседневная пионер. форма отличается голубым цветом блузки (рубашки). Пионеры повязывают красный пионер. галстук и прикалывают на левой стороне груди пионер. значок. На рукаве формы – нашивки с изображением пятиконечной звезды и знамени пионер. костра. Для пионер. актива добавляются знаки отличия: для звеньев и члена совета отряда – одна звёздочка, для председателя совета отряда и члена совета дружины – две звёздочки, для пред. совета дружины – три звёздочки. В пионер. форме пионеры приходят на пионер. сборы и торж. пионер. линейки, на пионерские слёты, праздники и утренники. В пионер. лагере чаще надевают голубые рубашки» (Денисова, 1978, 166).

ПИОНЕРСКАЯ цепочка – см.: «Цепочка».

ПИОНЕРСКИЕ атрибуты.

«Атрибуты юных пионеров – «предметы, являющиеся необх. принадлежностью пионер. дружин и отрядов: красное знамя дружины, флажки отрядов, вымпела, горн, барабан. Используются на пионер. церемониях, в походах, на демонстрациях» (ПС, 1960–1, 71).

ПИОНЕРСКИЕ ступени – см.: *Ступени пионерские.*

ПИОНЕРСКИЙ актив – наиболее деятельная часть пионеров.

«В состав пионерского актива входят звеньевые отрядных звеньев, председатели советов отрядов и председатель совета дружины, а также члены советов отрядов и совета дружины» (Цит. по: Мокиенко, 1998, 32).

ПИОНЕРСКИЙ ансамбль.

О 1946–1947 гг.: «Бом – хриплым басом приветствуют новый, 1947 год старинные часы. Их заглушает оркестр. Пионерский ансамбль исполняет Гимн Советского Союза» (Кузнецова, 1983–2; 314).

ПИОНЕРСКИЙ галстук – треугольная косынка красного цвета, часть пионерской формы; элемент пионерской символики; отличительный знак принадлежности к дет. коммунист. орг-ции. Пионерский галстук носится под воротником рубашки, блузки или куртки, повязывается спереди узлом.

Пионерский галстук в 1919–1920-х гг.

О 1919 г.: «Красный галстук появился раньше, чем первые пионерские отряды. В 1919 году на Первомайскую демонстрацию вместе со взрослыми вышли и ребята. В руках рабочих были красные флаги, а ребята повязали на грудь красные косынки, чтобы все видели: идут будущие строители нового мира!» (Забзеева, 1978, 21).

«Галстук пионерский. Сначала он был четырёхугольным, как косынка. Его складывали по диагонали и надевали как галстук. ...Однажды городские пионеры приехали в деревню помочь сельским ребятам создать свой пионерский отряд. Те и рады бы в пионеры, да галстуков нет. Как тут быть? Подумали горожане и решили: разрежем каждый галстук на две части. Одну дадим деревенским ребятам, другую оставим себе. Так вот и стал галстук треугольным» (Матвеев, 1965, 53).

Пионерский галстук в 1940-е гг.

О 1941–1945 гг.: «Война. Маленький городок на Урале. Тёмный школьный коридор – электричество тогда сэкономили. Мы стоим на... линейке. Говорим слова Торжественного обещания... Нам повязывают галстуки. Они такие и не совсем такие, как сейчас. Мой – даже не красный, а розовый. Теперь-то я понимаю – выцветший, линялый. Очень старенький. Мама сказала: “Довоенный!”... У других ребят галстуки не лучше. У кого самодельный: вырезанный из подходящей ткани. А у кого крашеный» (Зарахович, 1977, 20–21).

О 1947 г.: «...Я ... раза три перевязал пионерский галстук – как раз в это время были отменены зажимы, и галстук требовалось завязывать узлом... До войны, да и в войну тоже, очень многие галстуки не завязывали, а почти у каждого был такой металлический зажим... [Во время войны было решено] зажимы отменить, а галстук завязывать узлом. Галстуки эти тоже были разные: из простой красной материи – кумача или штапеля, я уж не знаю, – грубая такая ткань, и, конечно, шелковые. Шелковые, ясное дело, были не у всех, но к сорок седьмому году – два года после войны все же! – они стали появляться, и у меня такой галстук был. Но шелковый галстук надо завязывать на раз. Перевяжешь – он уже мягкий. Так что надо снова подглаживать. Я разок завязал – не получилось, погладил галстук утюгом, второй – еще погладил, с третьего раза вроде вышло. Оглядел себя в зеркало – белая рубашечка, красный галстук – все как положено» (Лиханов, 1995, 9–10).

Пионерский галстук в 1950-е гг.

О 12-летнем мальчике в Свердловске в нач. 1950-х гг.: «Как всегда, в парадной пионерской форме он чувствовал себя несколько стесненно, особенно в отглаженных... брюках... Ещё он отметил, что, кроме него, все имели шелковые галстуки, а его, сатиновый, хоть и был разглажен, уже свернулся в трубочку» (Дробиз, 2004).

О семиклассниках в 1955–1957 гг.: «Олег частенько забывал надевать пионерский галстук. Во всем классе в галстуках ходило лишь несколько человек – преимущественно девочки, из мальчиков – один Коля Раков. “Скоро в комсомол вступать, а ты все в галстуке ходишь”, – поддразнивал Колю Олег. “Мать ругается”, – признался Коля. Олег и сам выдержал дома неприятный

разговор с родителями, но упрямо настаивал на своем. «А у нас в классе никто галстуков не носит. Что я, дурак – один буду, как маленький? Мы теперь в комсомол готовимся...»» (Рязанова, 1958, 6).

О перв. пол. 1950-х гг.: «...Почему с такой радостью и гордостью, надевая в 3-м классе красный галстук, ребёнок до такой степени безразлично относится к этому галстуку в последующих классах, что нередко “забывает” его надеть, идя в школу. Видимо, вследствие этого в нек. школах существует плохой обычай докладывать на линейке во время рапорта: “Столько-то пионеров в галстуке, а столько-то без галстуков”» (Шварц, 1957, 253).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Пионерские галстуки в мое время были двух видов. Одни, дорогие и красивые, – из шёлка. Другие, дешёвые и невзрачные, – кажется, из бязи. Долгое время у меня не было ни того, ни другого» (Иртеньев, 2001).

Пионерский галстук в 1960-е гг.

Из издания 1961 г.: «Каждый юный пионер в знак принадлежности к пионер. орг-ции носит красный галстук и нагрудный пионерский значок “Всегда готов!”». Почему пионерский галстук, который ты носишь на своей груди, красный? Он красный потому, что является частицей Красного знамени, пропитанного кровью сотен и тысяч отважных борцов за дело коммунизма. Три конца пионерского галстука – это знак нерушимой дружбы трех поколений: коммунистов, комсомольцев, пионеров. Дорожи своим альм пионерским галстуком. Носи его каждый день и поступай всегда так, чтобы никто не мог тебя упрекнуть, что ты недостойн носить его» (Товарищ, 1961, 78–79).

О нач. 1960-х гг.: «У меня есть старший брат, / Очень умный парень! – / Уверяет всех ребят / Таня на бульваре. – / В красном галстуке он ходит, / В пионерской форме...» (Барто, [1961–1963] 1969–1, 292).

Пионерский галстук в 1970-е гг.

О перв. пол. 1970-х гг.: «... Выходя из школы, многие ребята тут же снимают галстуки. В дружине одной из московских школ мы провели такое наблюдение. Из 430 пионеров, которые были в школе в галстуках, после окончания занятий на улицу в галстуке вышло 308, да и то в основном пионеры младших классов. И это не единичное явление» (Ширвиндт, 1975, 83).

О середине 1970-х гг.: «Пионерский галстук – знак принадлежности к Всесоюзной пионер. орг-ции. Пионер. галстук имеет треугольную форму и делается обычно из алой шёлковой материи. Галстук завязывается особым узлом. Красный галстук – частица рев. Красного знамени. Три конца галстука символизируют единство и нерушимую связь трёх поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров. Пионер. галстук впервые повязывается на торж. пионер. линейке в день приёма в пионеры. Пионер. галстук и пионер. значок носят со шк. или пионер. формой» (Денисова, 1978, 167).

Пионерский галстук в 1980-е гг.

О Челябинске в 1980-е гг.: «...Галстук стал привычной деталью школьной формы. А иногда он просто раздражал! Постоянно мялся; при глажке, стоило завестись, на ткани появлялись отвратительные дырки. А обремкавшиеся нитки я состригала ножницами. Каждую четверть галстук из ацетатного шелка приходилось менять на новый. Но больше всего галстук досаждал в столовке. Концы лезли прямо в тарелку с супом или кашей. Бережливые девчонки прятали кончики под фартук школьной формы. У хулиганистых мальчишек же “частички знамени” были всегда заляпаны. Самыми последними в пионеры принимали двоечников, хулиганов, второгодников. Эти пацаны с “частичкой красного знамени” не церемонились. Шариковой ручкой рисовали на них какие-то закорючки, а то и вовсе переворачивали его длинными концами на спину. Старшеклассники скручивали галстуки в повязки дежурных...» (Кумейко, 2006–1, 3).

ПИОНЕРСКИЙ значок – знак члена *пионерской организации*.

О пионерских значках 1920-х – 1940-х гг.: «Маленький металлический флажок. В центре – пионер. костёр. Пять поленьев – символ единства горячих сердец

пионеров всех пяти частей света. Три языка пламени. Над пламенем – серп и молот, а по лезвию серпа – надпись: “Будь готов!” Таким был самый первый пионер. значок. 1 мая 1923 г. с этими значками на груди вышли на демонстрацию пионер. отряды Замосворецкого района столицы. После присвоения пионер. орг-ции имени Владимира Ильича Ленина, появился значок с изображением красного знамени, Мавзолея Ленина и салютующего пионера. Значком пионеров 1930-х гг. был значок с изображением трёхязычного костра – пионер. символа. Он был не только пионером, но еще и отличником, да к тому же и моим звеньевым» (Соколовский, 1981, 23).

О середине 1930-х гг.: «...[У мальчугана] на груди... сиял пионер. галстук, скреплённый серебристым значком с изображением трёхязычного костра – пионер. символа. Он был не только пионером, но еще и отличником, да к тому же и моим звеньевым» (Соколовский, 1981, 23).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...Юный пионер / Куда-то держит путь. / Блестит на курточке значок – Пылающий костер» (Барто, [1953] 1969–2, 239–240).

О нач. 1950-х гг.: «Мне очень хочется пионеркой стать. Красный галстук носить и пионерский значок. Ещё салют отдавать и говорить “Всегда готов!”» (Марченко, 1954, 18).

Описание значка 1958–1964 гг.: «Представляет собой красную пятиконечную звезду радиусом 1,5 сантиметра, сверху изображён серп и молот – эмблема СССР, под звездой поднимаются три языка пламени пионерского костра, которые являются символами связи трёх поколений: коммунистов, комсомольцев, пионеров. Два нижних конца звезды обвиты лентой с надписью “Всегда готов!” Пионерский значок помещается на левой стороне груди» (ПС, 1960–1, 405).

Из издания 1961 г.: «Каждый юный пионер в знак принадлежности к пионер. орг-ции носит красный галстук и нагрудный пионер. значок “Всегда готов!”... Пионер. значок представляет собой пятиконечную звезду с изображенным на ней серпом и молотом. Это эмблема нашей любимой Родины – Союза Советских Социалистических Республик. Над звездой поднимаются три языка пламени, напоминающие о связи трех поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров. В нижней части звезды лента с надписью: “Всегда готов!” Значок носится на левой стороне груди» (Товарищ, 1961, 78–79).

Описание значка, который носили с 1964 по конец 1970-х гг.: «Значок, какой носят пионеры сегодня, появился в 1964 году... Пятиконечная звезда... В центре звезды – силуэт Владимира Ильича Ленина... Над звездой – три языка пламени. Пионер всегда готов к борьбе за дело Коммунистической партии, и эти слова – “Всегда готов!” – написаны на значке». (Забзеева, 1978, 41–42).

О середине 1970-х гг.: «Пионерский значок представляет собой пятиконечную звезду. В звезде – портрет В.И. Ленина... Внизу слова из пионерского девиза: “Всегда готов!”» Над звездой – три языка пламени пионерского костра... Пионер. значок вручается пионерам вместе с красным пионерским галстуком на торж. пионер. линейке в день приёма в пионеры и прикалывается на левой стороне груди. Пионер. значок и красный галстук носят со шк. или пионер. формой» (Денисова, 1978, 168).

ПИОНЕРСКИЙ клуб.

Из дневника 13–14-летней ученицы в 1929 г.: «26 нояб. 1929. Сегодня вечером мы ходили собирать подписи за отнятие церкви под пионерский клуб. [Мы] отправились на глухую улицу Больноуховскую. Сегодня дело не клеилось, во всех домах мы встретили отказ, что, конечно, нас не радовало» (Татьяничева, 2007).

ПИОНЕРСКИЙ костёр – см. *Костёр пионерский*.

ПИОНЕРСКИЙ лагерь – воспитательно-оздоровительное учреждение для отдыха детей, действующее во время летних и зимних каникул. Пионерские лагеря существовали с 1920-х по конец 1980-х гг.

Пионерские лагеря финансировались предприятиями, отделами нар. образования, школами, профсоюзами и т.

д. Участие в расходах по содержанию лагеря принимали родители. Наиболее распространённым типом лагеря был загородный лагерь, размещавшийся, как правило, в спец. зданиях и располагавший спорт. сооружениями, игровыми комплексами и т. п.

«Система детских оздоровит. учреждений в СССР (для детей в возрасте 7–15 лет) была основана на сети т.н. “пионерских лагерей”. Её аналога в странах Запада не существует... В 1930-е гг. в целом сложился особый социальный ин-т – “пионерский лагерь”. Это – учреждение для отдыха детей во время каникул... На время отдыха с детьми выезжали врачи, и в лагерях проводились мед. обследования. Велась также интенсивная культурная работа, в лагерь выезжали педагоги и художники. В трудные годы, особенно после Великой Отечественной войны, гл. задачей лагерей была интенсивная оздоровит. работа, усиленное полноценное питание гор. детей (критерием успеха было увеличение веса детей – это называлось “поправиться”). Обычно лагерь работал летом в три смены: две по 24 дня и одна особая, “санаторная”, для ослабленных детей – 40 дней. Размеры нормальных лагерей – от 100 до 400 детей. Было открыто и несколько больших, «всесоюзных» лагерей. Большинство предпр-ий содержали свои лагеря. Имелись также “общие” лагеря у отраслевых профсоюзов. За орг-цию работы и распределение путевок отвечали профсоюзы, но предприятие выделяло мат. ресурсы и работников (вожатых, воспитателей, обслуж. персонал – часто из числа пенсионеров, бывших работников, кот. поддерживали связи с предпр-тием). В лагерях, особенно небольших, шел важный процесс социализации детей, их включения в орбиту предприятия, на котором работают родители, в отн-ия поколений этой “общины”. Обычно предпр-ие старалось в каждую смену пригласить в гости к детям какого-л. известного человека из мира науки, искусства, героя войны и т. п. Когда мест в своем лагере у предпр-ия не хватало, через профсоюз всегда находились места в пионерлагерях др. орг-ций и профсоюзов. Это давало детям новые контакты, вводило в круг др. профессий, дети работников провинц. предпр-ий вовлекались в универсальную культуру. Значение пионерлагерей в формировании советского человека и даже советского народа трудно переоценить... Почти с самого начала перестройки Горбачева пионерлагеря стали объектом сильной идеол. кампании как ин-т “тоталитарного общества”... После 1988 г. пионерлагеря стали свертывать. Самое большое сокращение их числа произошло в 1991–1992 гг., после чего спад замедлился, и в 1994–1997 гг. сохранялось 3,2–3,1 тысячи загородных лагерей (в 1990 г. их было 5,3 тыс.). В 1991 г. была распущена пионер. орг-ция, а с нею утрачен философский и орг-ционный стержень всей системы пионерлагерей. Затем отменили гос. дотации, рухнули профсоюзы, и путевки стали недоступны большинству родителей – при том, что как раз в это время (особенно с 1992 г.) потребность в оздоровит. лагерях стала как никогда острой. Основная масса детей начиная с 1991 г. просто остается без загородного отдыха и лишена даже одного-двух месяцев оздоровит. полноценного питания. ...Ввиду того, что сокращение этого вида социальных услуг оказало самое отрицат. и очевидное воздействие на здоровье и воспитание детей и обстановку в огромном количестве семей, идеол. кампания против пионер. лагерей в 1996 г. была прекращена...» (Кара-Мурза, 2004).

Пионерские лагеря в 1920-е гг.

О Минске в середине 1920-х гг.: «Для пионеров нашей базы был организован загородный лагерь в районе станции Жодино, в лесу. Большую помощь оказали нам шефы – военные.... Они выделили нашему лагерю палатки и походную кухню. Выезд в лагерь был для пионеров радостным событием. К нему готовились как к большому празднику, хотя ребятам пришлось немало потрудиться: они сами разбивали и оборудовали палаточный городок, расчищали территорию, заготавливали топливо. Кроме повара, не было никакого обслуживающего персонала. Жизнь в лагере проходила по строгому распорядку. В 7 часов – подъем, построение,

завтрак. До обеда – сбор ягод и лекарственных трав в лесу, по вечерам – беседы у костра, песни, игры. Но пожалуй, самым любимым и увлекательным мероприятием была военная игра. Для проведения ее по всем правилам военного искусства шефы присылали нам трех-четырех командиров. Они вносили в игру четкость, слаженность, армейскую дисциплину, и пионеры подчинялись им беспрекословно» (Жижель, 1984, 46–47).

О летнем загородном лагере в середине 1920-х гг. в Белоруссии: «В 5 часов утра пионеров разбудили звуки горна. Ребята вскочили с постелей, торопливо оделись и построились на линейку. И вдруг – сигнал тревоги. Оказывается, ночью “неизвестные” сняли флаг и похитили палатку, в которой размещалась читальня и ленинский уголок. Лагерь срочно был разбит на три группы, командование взяли на себя воины-шефы, и началась военная игра...» (Пикулик, 1984, 37).

О пионерском лагере 1929 года в Витебске: «Вспоминаю наш первый пионер. лагерь. В централизованном порядке средства на лагерь в те годы не отпускались. Нужно было искать др. источники. Когда в 1929 году мы решили организовать районный пионер. лагерь (я в это время работала в Витебском сельском райкоме комсомола председателем район. бюро пионеров), нам пришлось обращаться в различные орг-ции: райисполком, райком партии, профсоюзы, добровольные общества с просьбой выделить хоть немного денег на приобретение продуктов и оборудования. И все же лагерь был открыт! Жили ребята в шалашах, которые сами соорудили. Столовая представляла собой расчищенную площадку, на ней были расставлены самодельные столы и скамьи из досок. Над этой импровизированной столовой был устроен навес от дождя и солнца. И только кухня, где готовилась пища и хранились продукты, находилась в закрытом помещении. Все хоз. работы в лагере выполняли сами ребята: они доставляли дрова и пилили их, носили воду, подвозили продукты, чистили картошку, готовили пищу, мыли посуду, стирали кухонное белье. Было установлено почередное дежурство по кухне и лагерю. И надо сказать, дежурные добросовестно выполняли свои обязанности... Кроме оздоровит. мероприятий (физкультурные упражнения, прогулки в лес, на реку), пионеры собирались по звеньям для совместных трудовых дел, напр., для сбора ягод, лекарств, трав, гербария для школы. В звеньях также шла подготовка самодеят-сти. А затем юные артисты с концертами выступали перед жителями окрестных деревень. С местными пионерами проводили военные игры, походы, выпускали стенгазету. Но особенно охотно участвовали гор. школьники в с.-х. работах: помогали копнить и свозить сено, сносили снопы, собирали колосья, с деревенскими ребятами ездили в ночное» (Рацевич, 1984, 15–16).

О Москве в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Дети рабочих, выходцев из подмосковных деревень, многие на лето исчезали: “Я к бабушке в деревню поеду”. Многие оставались на всё лето в городе: пионер. лагеря в 1920-х – нач. 1930-х годов были редкостью» (Федосюк, 2004, 19).

Пионерские лагеря в 1940-е гг.

В 1944 году в первый раз в жизни мама отправила меня в пионерлагерь. Он назывался “Райеленовка”... Кормили здесь четыре раза в день! Но всё время хотелось есть. Сахар давали один раз – утром. Мы по своему усмотрению распределяли его на весь день. Сахар все носили с собой... никому и в голову не приходило, что его можно оставить на столе. До ужина сахар у меня не доживал никогда. Была в пионерлагере и музыка... Я выступала регулярно в концертах нашего лагеря и во всех соседних, лишь бы пригласили. Путевку на первую смену мама достала с трудом, зато путевку на вторую директор лагеря предложил мне сам, – за то, что я активно участвую в самодеят-сти и отстаиваю честь лагеря. В каждой смене жгли два пионерских костра – один в начале смены, другой на закрытие. Если в концерте на первом костре выступали кто с чем, то на закрытии был целый продуманный спектакль. (Гурченко, [1980] 1987, 116–118).

«Летом 1946 года в лагерях общего и санаторного типа только по РСФСР было 1 480 тысяч школьников» (Медынский, 1955, 96).

О мальчишке из Минска во вт. пол. 1940-х гг.: «С наступлением летних каникул я... огорчился из-за предстоящей поездки в пионер. лагерь. Я с большой неохотой соглашался ехать в лагерь... Не хотел папу огорчать, понимая, что желающих получить путёвку по линии профсоюза всегда много. Ещё бы – свежий воздух, вода, солнце, рыбная ловля, грибы... Увы, взрослые глубоко заблуждались, полагая, что всё это ждёт их детей в пионерлагере. В действительности же там была непрерывная муштра и сплошная показуха. Обычно офиц. открытие лагеря происходило через 1–2 недели после заезда. Все дни, предшествующие открытию, никто – ни начальник лагеря, ни пионервожатые, ни педагоги-воспитатели – не думал по-настоящему об отдыхе детей. Их волновало другое: написать транспаранты, выпустить стенгазету, подготовить самодеят-сть, всё вымыть, вычистить, покрасить, подрезать, подравнять – и, конечно, сделать это силами ребят. Вожатые нам постоянно внушали, что жизнь – это борьба. Недаром на ритуальный призыв: “Пионер, к борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!” – нужно было отвечать: “Всегда готов!” ...Для достойного, торжественного открытия лагеря [мы] прилагали максимум усилий. Лагерное руководство стремилось выслужиться перед вышестоящим начальством и произвести благоприятное впечатление на родителей – ведь и среди них тоже могли оказаться влиятельные люди... А затем начинались будни: строим шли в столовую, били в барабан и трубили в горн. Когда бьёт барабан, трелей соловья уже не слышно, а звуки горна отнюдь не призывают к спокойному созерцанию окружающей природы. Вокруг лагеря были изумительно красивые места: сосновый бор, большой луг с полевыми цветами и река. Несмотря на летний зной, нам за весь месяц разрешали искупаться в реке только два раза – так вожатым было спокойнее. Конечно, обидно, но с этим ещё можно было мириться. Омрачало другое: небольшая группа мальчишек, физически крепких, наглых, с явными блатными замашками, держала всех остальных в страхе и повиновении. И, как в таких случаях бывает, находились так называемые “шестёрки”, которые были у них в услужении и выполняли любые указания своих повелителей. Допустим, ты чем-то не угодил одному из “вожаков” – ночью тебе устраивали “тёмную”: на спящего набрасывали одеяло и начинали избивать, потом разбегались по своим койкам – кто бил, не узнаешь. Если пожалуешься вожатому, тебе несдобровать, поэтому терпели и молчали. Уже в пионерских лагерях зарождалась “дедовщина”, захлестнувшая всю армию. Но тогда, в пионерском лагере, я думал, конечно, не о будущих солдатах-новобранцах, а о том, что мне в любой момент могут устроить “тёмную”. Признаюсь, до слёз было себя жалко... Горнист трубит подъём. Начинается очередной лагерный день» (Лапидус, 2004).

Пионерские лагеря в 1960-е гг.

О жизни в пионерском лагере в начале 1960-х гг.: «Приучают нас к порядку: / Заиграл горнист с утра, / Это значит, на зарядку / Подниматься нам пора. / Вот проснулся тихий лагерь, / Заспешил и зашумел. / Барабан к подъёму флага / На линейке прогремел. / После завтрака уходим / На рыбалку или в лес. / И к походам, и к природе / Проявляем интерес. / В полдень жаркий на реку / Нас вожатый водит. / Мы послушно по свистку / Из воды выходим. / Всё стремимся мы пройти / Сразу непременно! / И в обед был аппетит – / Необыкновенный!.. / Тихий час прошёл уже. / Все мы развлекаемся. / Кормим пойманных ужей, / На “шагах” катаемся... / Нам узнать бы надо: как / Предсказать погоду, / Как укладывать в рюкзак / Вещи для похода. / Как искать пути в ночи, / Где наполнить флаги... / Ты всему нас научи, / Пионерский лагерь! / У весёлого костра / Время мчится быстро. / “Спать пора, пора, пора!..” – / Слышим зов горниста» (Ружанский, 1962, 36–37).

О чтении отправляемых домой из пионерлагеря писем в начале 1960-х гг.: «Таню К., девятиклассницу с модной стрижкой, мама отправила в пионерский лагерь. А куда летом девать?... Лагерей для старшекласников нет, вернее почти нет... И Таня написала из лагеря подруге откровенное письмо: “Здесь скучно. Мальчишки – одна мелкота. Танцевать никто не умеет...”. Начальник лагеря, педагог, женщина вполне интеллигентная, подозвала Таню и при всех спросила: “Скучно тебе? О танцульках думаешь? О мальчиках?” Таня вспыхнула. Сказала, что подумала: “Чужие письма читать подло!” Её из лагеря отчислили за то, что начальника оскорбила. А она была права. Действительно, читать было подло. А ведь читают. И не только в этом лагере, и даже не скрывают этого. “Читаем, чтобы знать настроение детей. И знать их жалобы”. Чуткость!» (Матвеева 1966, 9).

Пионерские лагеря в 1970-е гг.

О середине 1970-х гг.: «Пионерский лагерь... Воспитательное и оздоровительное учреждение для отдыха школьников 7–15 лет во время летних и зимних каникул. Многие крупные предприятия и учреждения нашей страны имеют свои пионерские лагеря. Путёвки в пионерские лагеря обычно распределяются по месту работы родителей. Большую часть стоимости путёвки оплачивает профсоюзная орг-ция. Летние пионерлагеря, как правило, работают в три смены, то есть состав детей меняется за лето три раза. Смена продолжается 24–26 дней. В зимнем лагере ребята находятся 12 дней. Пионер. лагеря строятся в живописной загородной местности (как правило, на берегу реки, моря или в лесу). В среднем по размеру лагере одновременно отдыхает около 500 детей... Выезд (и возвращение) детей в пионер. лагерь производится организованно, в назначенный день, на спец. автобусах или поездах. Работа в пионер. лагере строится с учётом возрастных особенностей и уровня знаний детей. Все пионеры лагеря составляют пионер. дружину, которая делится на пионер. отряды и звенья. В отряды подбираются ребята одного возраста: старшие школьники составляют первый отряд, школьники годом моложе – второй отряд и т. д... В лагере избираются органы пионер. самоуправления: совет дружины, советы отрядов во главе с председателями, звеньевые. К каждому отряду прикреплён пионервожатый и педагог-воспитатель. Пионерлагерем руководит начальник лагеря и его заместитель – старший пионервожатый. В лагере создаётся пед. совет, в который входят все пионервожатые, педагоги-воспитатели и врач. В начале смены устраивается праздник открытия лагеря, во время которого на торж. пионер. линейке в первый раз поднимается лагерный флаг. В конце смены отмечается закрытие лагеря, и флаг спускается. В эти дни ребята выступают с концертами худ. самодеят-сти. Распорядок лагерного дня примерно таков: в 8 утра – подъём, затем линейка, завтрак. На утренней линейке поднимается лагерный флаг, председатели советов отрядов сдают рапорт председателю совета дружины, и старший пионервожатый объявляет, какие мероприятия будут сегодня проведены в лагере. После завтрака дети купаются, загорают, гуляют в лесу. Кроме того, дети принимают участие в общественно полезном труде. После обеда ребята отдыхают (тихий час). В лагере работают различные кружки (авиамодельный, шахматный, музыкальный, изокружок и т. п.), часто устраиваются спорт. соревнования. Проводятся двухдневные или трёхдневные туристич. походы, военно-спорт. игра “Зарница”. После ужина на вечерней линейке спускается лагерный флаг. Отход ко сну (отбой) в 10 часов вечера. Особую атмосферу лагерной жизни создают традиц. пионер. костры. Костёр устраивается вечером на большой лесной поляне. У костра проходят встречи с участниками Великой Отечественной войны, писателями, космонавтами, передовиками пр-ва, ведутся беседы о рев. и боевых традициях советского народа, устраиваются импровизированные концерты, поются песни» (Денисова, 1978, 168–171).

О середине 1970-х гг.: «После первого класса меня сослали в пионерский лагерь... Вместе с панамкой и ситцевым сарафаном в мой чемоданчик положили белую

рубашку, синюю юбку и октябрятский значок... Огромная территория пионерлагеря "Алые паруса" была "прошита" кумачовыми лозунгами. Так я, восьмилетняя малявка, узнала о том, что "Мой труд вливается в труд моей республики", что "Трудом красив и славен человек" и пр. Но самый душераздирающий лозунг был растянут в столовой. На огромной красной ленте истерично вопили буквы: "Крошка хлеба на землю упала! Меньше хлеба на крошку стало!" Кошмар, да и только! Брать кусок хлеба в руки мне было страшно: вдруг по неловкости уроню?!» (Кумейко, 2007–2).

Пионерские лагеря в 1980-е гг.

О 1982–1984 гг.: «Наиболее яркие впечатления остались из пионерского лагеря. Весь учебный год только и думали, что летом – в лагерь. Я с весны начинала "собирать чемоданы", думала, что возьму с собой в лагерь. В лагере я была в возрасте 10–12 лет, а в этом возрасте уже начинаешь обращать внимание на противоположный пол. В лагере и происходили самые разнообразные приключения, в том числе и "любовные". Мы жили в домиках раздельных – мальчишки напротив нас. И вот каждый вечер от них приходил "посыльный" и забирал наши записки им, в свою очередь, мы получали – от них. В записках было всё: объяснения в любви, место встречи и время, предложения дружбы (в наше время это так называлось: "Хочешь ли ты со мной дружить?"). Я помню даже такой случай: пришёл мальчик и сказал мне, чтобы я шла на озеро и успокоила двух товарищей (произошла драка из-за меня), но я, естественно, не пошла; на следующий день – увидела одного из "героев" с синяком под глазом. Ещё был такой обычай у наших мальчишек: на груди выдавливать сердце, пробитое стрелой, или имя возлюбленной – этим они очень рисковали, так как этот след держался долго, и на утренней гимнастике их взрослые могли увидеть, и им за это очень попадало. Также на руках писали "татуировки" ручкой шариковой: КЛОТ – это означало "Клянусь любить одну тебя". А по вечерам в клубе были танцы, там-то и встречались все "влюбленные". Был такой обычай: если танцуют две девочки танго, – подходят два мальчика и говорят: "Можно вас разбить?" и выбирали каждый свою. А ночью было очень интересно. Собирались мазать пастой мы мальчишек, они – нас; заранее договаривались между собой, чтобы мальчишки не знали, когда мы нагрянем. Выбирали часового, чтобы тот вовремя всех разбудил, заранее готовили всё необходимое и шли мазать – было всё так таинственно, загадочно и в то же время интересно – мотивы были, как правило, игровые, и мазали тех, кто был "маменькиным сынком", своих же почти не трогали. Если кто-то просыпался – поднимался шум; мы обращались в бегство. Так же мазали и нас, а ещё пугали. Ночью наденут простыни, стучат к нам в окна и бегают под окнами. Затем в лагере была традиционная игра "Зарница" – участвовал почти весь лагерь, который делился на два отряда – "белые" и "синие". Была спец. подготовка, пришивались погоны на плечи. Правила были такие: противнику нужно было оторвать погоны, если один – то ранен, если оба – то убит. Суть игры: нужно было найти какой-то пакет. И весь день мы бегали по лесу, за пределами лагеря ища этот пакет, чей отряд нашел, тот победит. Ещё один интересный момент. Девочки заводили тетради-анкеты с такими вопросами: "С кем дружишь? Кого любишь? Какие фильмы любишь? Что такое счастье? Для чего ты живешь? Что такое любовь?" и т. д. Эти анкеты отдавались всем знакомым и друзьям для заполнения. Таким образом, многое узнавали друг про друга. Такие анкеты сохранились и у меня с пионерского лагеря. Ещё я запомнила, как мы вызывали духов – это было обычно вечером или ночью – окна завешивались, чтобы был полумрак, можно при свечке. Брли ленту, клали на середину ленты книгу таким образом, чтобы книга могла спокойно лежать на ней, ленту брали за концы. Все садились вокруг, заранее обговаривали, кого будем вызывать; соблюдалась тишина. Говорились такие слова: "Вызываем дух Пушкина. Вы слышите нас? Вы хотите с нами разговаривать?" (книга должна поворачиваться,

если в правую сторону, то – да, если в левую – нет). И задавались различные вопросы. А ещё наши мальчишки где-то находили цветную тонкую проволоку: красную, зелёную, синюю и плели из неё кольца, которые дарили своей избраннице – это тоже был своеобразный обычай. Под конец лагерной смены устраивался прощальный вечер, на котором писали адреса друг друга – для дальнейшей дружбы, писали письма друг другу. Вообще, это было самое интересное время в моей жизни. А потом... опять школа» (541).

Ср.: *Городской лагерь; Лагерь труда и отдыха.*

«**ПИОНЕРСКИЙ музыкальный клуб**» – серия книг издательства «Музыка». Первый выпуск вышел в 1959 году. В 1977 году вышел 15-й выпуск. Содержание: рассказы о песнях, композиторах; музыкальные задачи.

ПИОНЕРСКИЙ патруль.

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг. «...Галка Новожилова при всех изрекла: "...Сегодня после уроков к тебе направится пионер. патруль"... Я знал, что такое пионер. патруль. Это – приходят к тебе домой, расстраивают маму, спрашивают, как ты готовишь уроки, какой у тебя распорядок дня, – в общем, суют нос куда не надо. А после всего мама плачет: "И зачем ты мне на горе такой уродился?"... Я быстро спустился вниз. И как раз вовремя – по лестнице уже шлёпал галошами пионер. патруль..."» (Машков, 1974).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Потом я тоже задремал, проспал Ялту и проснулся, когда машина вдруг остановилась. А остановили её двое мальчишек и одна девочка. Она сказала, когда Василий Васильевич открыл дверцу: "Здравствуйте! Мы пионерский патруль. А вы приезжие?" "Да..." "Добро пожаловать в Крым! – сказал девочка. – Очень просим вас не жечь в лесу костры, не вырезать своих имён на стволах деревьев, не сорить в парках и на пляжах, любить и уважать домашних животных. Извините. Всего хорошего" Я подумал, что это интересное дело – останавливать машины, ловить поджигателей лесов... и попросил ребят: "Примите нас к себе в патруль..." ... Я... заметил, как мальчишки из пионер. патруля кидают в Кыша [собаку] камешки... "Кто вы, дети?"... "Мы пионерский патруль по охране и защите природы"» (Алешковский, 1975; 13, 46, 129).

См. также: «*Зелёный патруль*».

ПИОНЕРСКИЙ призыв – словесная формула, заканчивающаяся призывом «Будь готов». В ответ на пионерский призыв пионер должен ответить произнесением пионерского девиза «Всегда готов!» и отдать салют.

О перв. пол. 1960-х гг.: «Пионерский призыв – "К борьбе за дело Коммунистической партии – будь готов!" Все члены пионерской орг-ции отвечают на этот призыв девизом "Всегда готов!" и салютом» (Матвеев, 1965, 59).

О нач. 1970-х гг.: «Юный ленинец отдаёт салют, отвечая на пионерский призыв, приветствует красные знамена, при подъеме Государственного флага СССР...» (НО, 1974, 305–307).

О середине 1970-х гг.: «После этого старший пионервожатый обращается к юным пионерам с призывом: "Пионеры, к борьбе за дело Коммунистич. партии Советского Союза будьте готовы!" "Всегда готовы!" – отвечают пионеры и впервые отдают пионерский салют» (Денисова, 1978, 178).

ПИОНЕРСКИЙ рейд.

О вт. пол. 1960-х гг.: «23 февраля. В этот день третий класс решил провести пионерский рейд под девизом: "Никто не забыт". Пионерский отряд разбил на пары, чтоб на воротах каждого дома, где жили фронтовики, прикрепить самодельные звезды» (Багров, 1986, 93).

ПИОНЕРСКИЙ сад – сад, предназначенный для отдыха пионеров, оформленный в пионерской стилистике.

О 1943–1945 гг.: «Откидывая щеколду, она прерывисто зашептала: "Беги через пионерский сад в степь"... Надя очутилась на дороге, которая проходила рядом с пионерским садом... ..Надя уже скрылась за забором пионерского сада. Раздались выстрелы, пули циркнули по кустам, ударились о каменный столб изгороди. Надю осыпало щепнем. Девочка бросилась

бежать. Она выскочила на полянку, где лежали разбитые скульптуры горниста и барабанщика... В городском саду еще горели театр и пионерский клуб... Поняв, что драки не будет, Мишка сказал: "А у нас пионерский клуб спалили" "Мы знаем", – мрачно отозвался Пашка... Голубые глаза его стали злыми. "Бывали в вашем клубе до войны. Эх, и хорошо там было!" – воскликнул кто-то из угольчанских. "А наш не успели, – живо продолжал Пашка. – Подождли было, да шахтеры потушили". "У нас клуб каменный был, – пояснил кудрявый, – так фашисты с полициями его с чердака подпалили, а сами дёру дали. А шахтеры сразу давай тушить..." "Когда теперь наш отстроят..." – вздохнула Надя. "Отстро-оят", – уверенно сказал Пашка... Мишка, Володя и Сережа отобрали ребят половчее и начали вместе с ними строить беседки и читальню в пионерском саду. Пришел и комсомолец, который должен был помочь ребятам восстанавливать скульптуры. Это был наголо обритый, загорелый, подвижной парень. Работал он в майке и трусах и сам напоминал скульптуру из бронзы. Осторожно, точно тяжело раненного, подняли ребята горниста. Отломанную его руку с трубой уложили на дощатый настил и стали делать лубок. Так началась эта интересная работа. Когда горниста поставили на прежний постамент, Володя побелил его. Скоро был восстановлен и весь скульптурный кружок играющих пионеров. В центре его, немного выше других ростом, стояла девушка-пионервожатая, в галстук и с косами... Девочки уже расчистили аллею. В кустах голубели ажурные беседки – это юные плотники соорудили их и покрасили. Окончив работу, пионеры собрались у скульптурной группы, образовали вокруг неё свой живой кружок. Возле фигуры пионервожатой ещё ходил комсомолец с белой кистью, весь забрызганный мелом и гипсом. Он подмазывал и закрасивал выступившие кое-где темные пятна... Окончив работу, ребята строем вышли из сада» (Ноздрин, 1955; 5, 6, 27, 34, 151–152).

ПИОНЕРСКИЙ салют – жест приветствия у пионеров: Пять пальцев плотно прижаты друг к другу, ладонь поднимается над головой.

О начале 1930-х гг. в Шадринске: «Пионеры, встречаясь на улице с вожатым и друг с другом, всегда отдавали салют» (Такунцева, [1989] 2002, 41).

О 1922 году: «Директор сказал: "Товарищи! К нам в гости пришли пионеры слюдяной фабрики... Давайте же скажем им: "Добро пожаловать, дорогие гости!" Мы закричали, захлопали, а пионеры вскинули над головой руки, то есть отдали нам "салют"...» (Чаусов, 1963, 222).

В 1970-е гг.: салютом пионеры должны были приветствовать «вожатых, пионерский и воинский строй, Красное знамя, подъем Государственного флага СССР и флагов союзных республик, исполнение Государственного гимна СССР и гимнов союзных республик». Также пионеры должны были салютовать «у Мавзолея Владимира Ильича Ленина» и «у памятников борцам за свободу своей Родины» (Зебзеева, 1978, 90).

О середине 1970-х гг.: «Салют – пионерское приветствие. Отдавая салют, пионер поднимает над головой правую руку с плотно сжатыми пальцами. Пионеры салютуют, приветствуя Красное знамя, при подъёме Государственного флага СССР, флагов союзных республик, при исполнении "Интернационала", Гимна Советского Союза, гимнов союзных республик, у Мавзолея В.И. Ленина, у памятников павшим героям. Когда к пионером обращаются с призывом: "Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!", пионеры отвечают: "Всегда готовы!" и отдают салют» (Денисова, 1978, 172).

Ср.: *Салют у скаутов*.

ПИОНЕРСКИЙ сбор – собрание пионеров; высший орган пионерской дружины, пионерского отряда.

Пионерские сборы в 1940-е гг.

О тематике пионерских сборов в конце 1940-х гг.: «Значительное место в пионерской орг-ции занимают сборы. Приведём темы отрядных сборов, проведенных некоторыми школами: "Москва – сердце Родины", "Комсомол в борьбе за власть Советов", "Памяти В.И. Ленина", "Железный Феликс", "Наша Зоя", "Герои

Краснодона", "Миклуха-Маклай – великий русский путешественник", "Кем быть?" и др. В 1948/1949 учебном году повсеместно проходили пионерские сборы, посвященные гениальному русскому поэту А.С. Пушкину, преобразователю природы И.В. Мичурину, а также сборы, связанные с пропагандой государственного плана насаждения ползащитных полос ("Поможем родине победить засуху")... В целях воспитания в пионерах социалистического отношения к учению, пионерская орг-ция практикует сборы на такие, например, темы: "Хорошо учиться – дело чести пионера", "Книга – наш спутник и друг", "Бережь время – своё и чужое" В одной московской школе успешно прошли сборы III и IV классов, посвященные XI съезду комсомола на тему: "Работай, живи и учись для народа, Советской страны пионер!". В той же школе перед экзаменами проходили сборы IV классов на тему: "Отлично и хорошо сдадим экзамены!"» (НШ, 1950, 228–229).

Пионерские сборы в 1960-е гг.

О нач. 1960-х гг.: «В пятом классе "А" шёл пионерский сбор. Отряд принимал план по пионерской двухлетке... "Тише!" – кричала Нина Короткова, взобравшись на стол и размахивая двухлетним планом... Отряд стал обсуждать второй очень важный вопрос. Надо было выбрать нового председателя отряда... Вопрос был серьёзный, и очень хорошо, что, когда его начали обсуждать, пришла вожатая из восьмого класса, прикреплённая к отряду пятого класса "А". Она опоздала на сбор, потому что, наверное, по дороге ела мороженое, в руках у неё ещё была палочка от "эскимо". "Почему ты отказываешься быть председателем отряда?" – спросила вожатая Лапина и облизала сладкую палочку. "Я лучше буду выпускать стенгазету, а председателем у меня ничего не получается", – сказал Лапин... И опять все раскричались. Вожатая из восьмого класса предложила выбрать Нину Короткову... Нина стала отказываться... И ровно через минуту Володя стал председателем отряда» (Карпенко, 1962, 62–65).

О Шадринске во вт. пол. 1960-х гг.: «"Как проходила пионерская жизнь, что вы делали?" "У нас проходили пионерские сборы в школе. Когда сбор начинался, пионервожатая говорила: "При вносе знамени пионерской дружины встать смирно". Знамя вносили под барабанную дробь. Сначала шёл впереди один пионер, за ним ещё один, который нёс знамя, а сзади него двое пионеров" (553).

Пионерские сборы в 1980-е гг.

О нач. 1980-х гг.: «Пионер. сбор шёл полным ходом. Ребята произносили заученные слова, одни выступавшие сменяли других. А над всем этим плавала одуряющая сука. Было видно, что каждое слово на этом сборе давно известно всем ребятам и много раз отрепетировано, а потому не представляет для них никакого интереса, и что всё святое и высокое, о чем шла речь, не трогает души детей. Не трогает, потому что успело еще до сбора погнубнуть в этой многократной заученности, в громких словах заезженных лозунгов и накипи фальши. Однако пионервожатая была явно довольна тем, что все идёт "без сучка и задоринки" и никакие ребячьи выдумки и фантазии не могут нарушить это образцово-показательное мероприятие» (Артамонова, 1984, 18).

ПИОНЕРСКИЙ слёт – торжественный сбор лучших представителей пионер. орг-ций (р-на, города, области, страны), одна из форм работы с пионерским активом.

«I Всесоюзный слёт пионеров состоялся в авг. 1929 г. в Москве» (БГ, 1977, 20).

В 1929 г. во Всесоюзном слёте юных пионеров в Москве участвовало 6 738 делегатов от 2 млн пионеров СССР. «В течение 9 дней были проведены два массовых праздника на стадионе, 1-я Всесоюз. конференция юных пионеров в Большом Дворце Кремля, более 50 встреч делегатов слёта с руководителями различ. гос. и обществ. орг-ций, 1-я Всесоюз. спартакиада пионеров, Всесоюз. смотр худ. самодеят-сти, экскурсии на предпр-ия и к ист. памятникам Москвы и Подмосковья, а также 1-я Междунар. конф-ция пионеров и интернац. карнавал детей» (ПС, 1960–2, 354; ПС, 1960–1, 201).

«25 августа на стадионе “Динамо” заканчивался Первый Всесоюзный слет. В тот прощальный вечер не было деления на исполнителей и зрителей: все пятьдесят тысяч – участники массовой театрализованной игры “Будь на страже!”. В центре стадиона три тысячи пионеров возводят огромное сооружение. Словно в сказке, вырастают корпуса заводов и фабрик, школы и клубы, больницы и театры, сады и дет. площадки – большой солнечный город. Вдруг, будто зловещее привидение, откуда-то выползают десятиметровые чучела врагов – предателя китайского народа Чан Кай-ши, хищного атамана всех скаутов Баден-Поуэлла, кровавого полицей-президента Берлина Цергибеля. Но вокруг нового города несокрушимой стеной встают вооруженные красноармейцы. Вспыхивают ракеты, и в огне сгорают чучела. Громкоговорители начинают переключку-эхо. “Отстоим у буржуев страну труда?” “Да-а-а!” “Что получит в награду Цергибель?” “Ти-и-бе-ель!” Сотрясается стадион от плеска ста тысяч рук, а в небо взлетает стая голубей – крылатых связистов, выращенных юными москвичами для Красной Армии. И снова, как во время недавнего “штурма” Кремлевского Дворца, степенные делегаты превращаются просто в веселых ребят: засвистели, заулюлюкали, подбрасывая вверх фуражки, береты, каскетки, махая красными косынками...» (Биленко, 1975, 143).

«В 1944 г. состоялся слет пионеров и школьников в Химках в Доме культуры. Собралось нас человек двести со всего Химкинского р-на, в основном отличники и те, кто хорошо работал в колхозе. На этом слете я должен был выступать. Текст написала учительница, я выучил его наизусть. Мое выступление было коротким, минуты две-три. Приехал я почему-то босиком, видимо, нечего было надеть. В школе разрешали ходить босиком, исключая время экзаменов. Когда объявили, что следующим выступает Андреев из Горетовской неполной сред. школы, сосед снял свои ботинки, я их надел и пошел выступать на сцену. Говорил о наших успехах на фронте, о том, что наши войска должны добить гитлеровцев в их логове. Остались в памяти мероприятия, которые организовали руководители Дома культуры во время слета: мы пели песни, танцевали, смотрели кино» (Андреев, 2006).

О 1950-х гг.: «[Слёты] проводятся в целях обмена опытом и демонстрации достижений пионер. орг-ций. Бывают район., гор., обл., краевыми и респ. Происходят ежегодно или раз в два года. В слёте участвуют делегаты от дружин из числа лучших пионеров».

«В июле 1962 г. в “Артеке” прошёл II Всесоюз. слёт. Там же в авг. 1967 г. открылся III Всесоюз. слёт. IV Всесоюз. слёт проходил в Ленинграде...» (БГ, 1977, 20).

В 1970 г на IV Всесоюз. слёте пионеров в Ленинграде стартовал Марш отрядов стартовал *Всесоюзный марш пионерских отрядов «Всегда готов»* по семи маршрутам; на слёте впервые прозвучало слово *«правофланговый»*. (Зараховский, 1980, 6).

«V [Всесоюз. слёт проходил в “Артеке” [в 1972 г.]. Он был посвящён 50-летию пионер. орг-ции. На VI съезд делегаты... съехались в “Артек” летом 1974 г.» (БГ, 1977, 20).

В авг. 1976 г. прошел 7-й Всесоюзный слёт пионеров, в мае 1981 г. – прошел 8-й Всесоюзный слёт пионеров.

«[Всесоюзная пятилетка] трудовых пионерских дел... была объявлена на VIII Всесоюзном слете пионеров» (Гринберг, 1983, 36–37).

В 1989 г. прошёл 9-й Всесоюзный слёт пионеров, а в сентябре-октябре 1990 г. состоялся 10-й Всесоюз. слёт пионеров в Артеке, на кот. Всесоюзная пионер. орг-ция имени В.И. Ленина прекратила существование, и был образован Союз пионерских организаций (Федерация детских организаций).

ПИОНЕРСКИЙ час.

О нач. 1960-х гг.: «Но далеко не во всех школах у ребят интересная и деятельная пионерская жизнь. Есть еще дружины и отряды, в которых нудный морализующий “пионерский час” заменяет ребятам романтику горячих, наполненных азартом общих дел, где тихие и послушные девочки по прямому указанию учительницы только и знают, что призывают товарищей к повышению

успеваемости и дисциплины и скучно ругают двоечников. А мальчишки – это некая пассивная масса, которая с трудом поддается на всякое воздействие. Почему так происходит?» (Матвеев, 1965, 39).

ПИОНЕРСКОЕ звено – см.: *Звено пионерское.*

ПИОНЕРСКОЕ поручение – поручение, даваемое пионерским отрядом (его руководством) пионеру.

О конце 1950-х гг.: «Возле самого дома Игорю повстречалась Лера. “Ксения Ивановна сказала, что ты в цирке. Я уж хотела идти встречать тебя туда. Не подумай, пожалуйста... Я заходила как председатель отряда. Для тебя есть пионерское поручение”» (Офин, 1960, 26).

ПИОНЕРСКОЕ расстояние – см.: «*На пионерском расстоянии*».

«**ПИОНЕРЫ всей страны делу Ленина верны**» – третий этап *Всесоюзного марша пионерских отрядов.*

О 1979–1980 гг.: «Марш проводится в несколько этапов... Третий этап [посвящается] 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина (1979–1980 годы). Девиз – “Пионеры всей страны делу Ленина верны!”» (Кунгурцев, 1977, 13–14).

ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ – пионеры, совершившие героические поступки.

О 1962–1966 гг.: «...[Мы.] дети, продолжали читать Гайдара и всякие “Кортики”, “Бронзовые птицы”, “Старые крепости”, а в школе нам без конца ставили в пример пионеров-героев и рассказывали, какие пытки врага сумели они вынести и не выдать своих...» (Клех, 2002).

Об 11-летнем мальчике в Перми в 1966 г.: «Изучали жития пионеров-героев. До сих пор помню: Леня Голиков, Володя Дубинин, Марат Казей, Павлик Морозов, Зина Портнова, еще кто-то – каждый со своим подвигом. Сейчас-то я знаю, как сочинялись эти легенды, а тогда восхищение было искренним» (Киршин, 2002).

О конце 1970-х гг.: «Пионерский галстук обошел меня только по болезни... [Для вступления в пионеры] нужно было выучить клятву и сделать свой альбом об одном из пионеров-героев. Мы расселись за продолговатым столом..., и пионервожатая достала стопу уже готовых альбомов, изданных в виде книжек наподобие детских: больших, мягких, где главное всегда – это картинки, и обратилась вдруг с вопросом, а есть ли у кого-то из нас уже свой любимый герой и, может, кто-то сам ей скажет, о ком бы хотел делать альбом. В одном порыве... все начали выпрашивать Павлика Морозова. Вожатая растерялась, а когда прекратила шум, стала сама раздавать альбомы по очереди с таким видом, как если бы назначала судьбу... Мне достался Лёня Голиков. Я увидел его на картинке, и стало до слез обидно: ничего геройского, разве что автомат сжимает в руках, сам в тулупе деревенском и ушанке, какой же это герой! Леня Голиков, казалось, одиноко и просящее глядел на меня с парадного своего портрета... Этого мальчика даже не мучили, как других пионеров-героев, – и отсутствие мучений делало его подвиг в моем сознании каким-то ненастоящим. Я украшал свой альбом, будто могилку. Все шло в ход. И цветная бумага, и даже елочный “дождик”. На заседании совета дружины, где в полной тишине принимали наши знания, вожатая сделала мне выговор за пестроту, и о подвиге Лени Голикова рассказал я уже плача, так что ей пришлось меня утешать, чувствуя, наверное, свою вину» (Павлов, 2004, 3).

О девочке в селе Ново-Никольском Каргапольского р-на в 1983 г.: «В младшем шк. возрасте (8–9 лет) я очень любила читать книги о пионерах-героях. Моей любимой книгой была книга, которая называлась “Партизанка Лара”. У девочки погибли родители, и она ушла в лес к партизанам. Я была потрясена смелостью этой девочки, ставила себя на ее место. И очень долго под впечатлением от этой книги мне снилась война и я сама в роли этой девочки» (150).

ПИРАМИДА гимнастическая – суживающаяся сверху акробатическая фигура из людей, становящихся друг на друга в несколько этажей.

О перв. пол. 1930-х гг.: «А ещё я терпеть не могла наших физкультурных мероприятий, связанных с

появлением на сцене. На уроках физкультуры дела у меня шли просто отлично... Но когда нужно было демонстрировать свои физкультурные таланты на сцене, вместе с “дружным коллективом”, в присутствии публики – меня словно подменяли. Маршируя, я постоянно путала ногу, во время гимнастических упражнений умудрялась “выкинуть руки в стороны” в то время, как “вся рота” уже присела на корточки, и прочее в том же роде. Особенно вредоносно сказывалось мое присутствие при построении очень популярной в те времена “пирамиды”. В этом почти акробатическом номере участники становились на плечи друг другу, образуя ту самую “пирамиду”. Естественно, что немаловажную роль при этом играл объём и вес как тех, кто принимал на плечи тяжесть, так и тех, кто этой тяжестью являлся. Поскольку мои габариты и почти полная невесомость очень подходили для роли “наплечника”, то на первых порах эта роль и была мне предоставлена. Однако феноменальная способность “шагать не в ногу” сказалась и здесь. Вскочить на чужую спину мне было проще простого, но почему-то я постоянно запаздывала с этой акцией, нарушая общую гармонию. Какая уж тут пирамида!» (Лупанова, 2007, 51).

О 1933 году: «На сборе звена мы наметили сделать вылазку в деревню Баландино. Приготовили художественные номера, разучили танцы, пирамиды, движения... Утром к нам в школу... пришли ребята. Мы провели художественное обслуживание – пирамиды, танцы, стихи, песни» (ВГ, 1972, 45).

О 1945 году: «...Эшелон остановился на нашей станции. Перрон сразу заполнили красноармейцы... Для бойцов у нас заранее была подготовлена программа выступлений под руководством дяди Мити. ...Он уже выкрикивал команду: “Пирамиду строй!” По этой команде несколько мальчишек хлопались на четвереньки, на их спины вставляли другие и удерживали Лёшку, самого сильного моего друга. Я карабкался по этой живой пирамиде и на плечах Лёшки делал стойку. На аплодисменты бойцы не скупилась. “Пирамиду рушь!” Тут не всё проходило гладко. У нас не была отретпирована концовка. Пирамида подо мной неожиданно рассыпалась. Я попросту кувыркался вниз и приземлялся на что придётся... Красноармейцы тормозили нас, набивали карманы сахаром. Дядя Митя беспрерывно подавал команды: “Пирамиду строй!.. Пирамиду рушь!” Взбираясь по спинам дружок, я чувствовал, как мои ноги упираются в их выступающие острые лопатки, как пружинят рёбра...» (Детков, 1983, 34–35).

О вт. пол. 1940-х гг.: «“Начинаем наш концерт!” – прокричала Ирина... Сначала ребята делали гимнастич. пирамиды. Больше всего понравилось, когда мальчишки все стали на одно колено и стали вглядываться вдаль, а Федел, Серёга и Бойцов Коля взяли доньшко от бочки и подняли на нём Липу. На Липе была зелёная фуражка, сделанная из бумаги, и он тоже вглядывался вдаль, а потом читал оттуда сверху, что граница на замке. Эта пирамида называлась “Пограничники”» (Алмазов, 1979, 208).

Из рекомендаций работникам пионер. лагерей 1952 г.: «На физкультурном празднике, посвященном закрытию лагеря, в программу гимнастических выступлений желательно включить комплексы упражнений утренней гимнастики, завершив их пирамидами, которые строит каждый отряд отдельно» (ПЛ, 1952, 139).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Занимались в “студиях” преимущественно девочки... У всех студийцев – спортивная форма: короткие сатиновые шаровары, белые блузки. Репертуар приблизительно одинаковый. Обязательно готовили физические упражнения и пирамиду: Под тихую музыку баяна и команды руководительницы “Делай раз! Делай два!” происходили построения: кто-то садился, кто-то подставлял колено, а один взбирался на самый верх, вытягивался в красивой позе, а потом по команде “Пирамида, рушь!” сооружение рассыпалось, и все расходились под уже громко звучащий марш» (Казарма, 2000).

О конце 1950-х гг.: «И вот как-то раз предложила она на совете дружины устроить в школе большой концерт.

Пусть ребята из разных классов подготовят номера и выступят с ними на сцене в физкультурном зале... И вот во всех отрядах началась подготовка к концерту. Разучивали песни и танцы, стихи и физкультурные пирамиды» (Соколовский, 1960, 67).

О пионер. лагере середины 1970-х гг.: «Вечером вместе со всеми Антон сидел у костра и смотрел на раскаленные белые искры в черном небе. Баянист Жора играл вальс и притопывал ногой. Ребята из второго отряда показывали пирамиду: два больших мальчика стояли на земле, два поменьше – у них на плечах, а третий, самый маленький, Сережка, на плечах у тех. Сережка держал маленький бумажный флажок. Физкультурник Валерий с широкими плечами, в туго натянутой футболке, считал им тихо: “Раз. Два. Три. Четыре”. Все захлопали, а мальчики в пирамиде дружно крикнули: “Физкульт-привет!”» (Матвеева, 1977, 160).

«ПИРАМИДКА» – детская игрушка.

О 1942–1944 гг.: «Они пошли в смежную комнату, заваленную игрушками: конём-качалкой..., кубиками и разными пирамидками...» (Глушко, [1988] 1990, 69).

О середине 1950-х гг.: «Кто рисовал за низеньким столиком, кто сосредоточенно насаживал на стержень яркие кольца пластмассовой “пирамидки”...» (Котовщикова, 1960, 13).

О конце 1950-х гг.: «У игрушек, состоящих из неск. частей (пирамиды, наборы колец, шарики и др.), самые маленькие элементы должны быть не менее 30 мм в диаметре во избежание заглатывания и попадания в дыхательные пути ребёнка» (АС, 1960–1, 255).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «...Вера Ивановна принесла много-много игрушек и говорит ей: “Вот тебе кукла, вот юла, кубики, матрешки, пирамидка – играй!”» (Буцень, [1959–1966] 1977, 19).

О 1960-х гг.: «Нек. игрушки специально сделаны для того, чтобы приучить детей правильно распознавать цвет, величину и форму предметов. Таковы вкладные мисочки..., грибки, шарики, матрешки, пирамидки с нанизывающимися на стержень кольцами» (СВ, 1967, 99).

О втор. пол. 1980-х гг.: «Когда [братишке] было года 1,5–2, начались со мной постоянные несчастные случаи. Он кидал в меня почти всё без разбору, таскал за волосы, кусался и многое другое. Как-то раз сижу, играю с ним в пирамидку. Пирамидка большая, деревянная. Неожиданно он хватает её за стержень и этим мощным деревянным основанием залепляет мне в лоб. Большие такие капли крови падают на пол, где нет паласа, и я на них смотрю, сначала ничего не понимая. Ну, а потом, конечно, слезы и всё такое» (554).

ПИРКЕ – «Разг. Кожная прививка, устанавливающая наличие или отсутствие в организме туберкулёзной инфекции. *Сделать пирке*» (Словарь, 1959–9, 1209).

О г. Свердловске в нач. 1960-х гг.: «Мама несет меня в ватном одеяле в поликлинику... Поликлиника – деревянный дом с резными наличниками и голубыми ставнями. Внутри пахнет жидкостью: детям ставят реакцию Пирке» (Смирнова, 2005).

О 1960-х гг.: «[В дет. поликлинике] делали загадочное “пирке”, когда руку царапали каким-то железным пёрышком...» (Глушенко, 1997, 8).

ПИСАРЕВ – Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868), русский критик, публицист.

«Рано уйдя из жизни, Писарев продолжал жить своими работами: все “продвинутые” гимназисты в старших классах читали такие статьи, как “Реалисты”, “Школа и жизнь”, “Педагогические софизмы”, “Наши университеты” и другие. Автор их требовал поставить на первое место преподавание естественных наук, квалифицировав все остальные как не- и противоестественные» (Каграманов, 2007).

О нач. XX в.: «...В Каменец-Подольске года [190]9–[19]10 (V–VI класс для меня) в среде молодежи в какой-то мере ещё продолжались даже не позитивистские [18]80-е годы (молодость наших отцов), а наивно-материалистич. базаровщина [18]60-х. В том возрасте, когда подростки начинают читать “умные” книги, мы прежде всего хватались за Писарева (некоторые, я в том числе, прочли его от доски до доски, даже диссертацию

об Аполлонии Тианском) и надолго портили себе лит. вкус. Во власти философии нашими перв. учителями были переизданные после первой революции Молешотт и Бюхнер. “Сила и материя” казались многим из нас, 15–16-летним, едва ли не венцом человеческой мысли... Некоторые так и остались – похоже, что на всю жизнь – при Писареве, Молешотте и других столь же глубоких авторитетах. Большинство их все-таки переварило уже к концу сред. школы. Думаю, что в этом отношении очень помог нам Толстой» (Раевский, 1992, 52).

ПИСАТЬ на стенах – см.: *Граффити* (2).

ПИСТОЛЕТ игрушечный – игрушка в виде пистолета

О перв. пол. 1960-х гг.: «Трофим Иванович... протянул Наде свёрточек. Там оказался... игрушечный пистолет. “Хоть ты и девочка, а вот тебе оружие, – сказал старик”» (Котовщикова, 1966, 77).

Пистолет водяной, пистолет водный – игрушечный пистолет, «стреляющий» струей воды.

О конце 1950-х гг.: «... Серёжка стал в больницу собираться. Взял свой водяной пистолет, фонарь, карандаши и раскраски – мои вообще-то, но я уж ничего не сказала... “Да вот пришлось на них акт составить. Представьте: сидят в подвале, что выходит на улицу, и обливают прохожих из водяного пистолета”... “...Мы не обливали, а стреляли. И не во всех людей, а только в шпионов”... Нужна она кому – убивать её! А разочек из водяного пистолета – хорошо бы» (Долинина, 1962; 46, 61, 72).

О конце 1950-х гг.: «...Сегодня Володя, возвратившись из школы, получил неожиданно подарки: отец принёс ему замечательную книгу Марка Твена “Том Сойер” и водяной пистолет, а мать дала ему мешочек с шоколадными медалями. Никаких гостей не было, и Володька блаженствовал. Его послали мыться. Он лежал в ванне, ел шоколад, читал Марка Твена и пулял из водяного пистолета. Разве не жизнь?» (Карпенко, 1962, 31).

О нач. 1960-х гг.: «“...И все твои игрушки поломают. Пропал твой водяной пистолет”. “А ведь девчонки из пистолетов не стреляют...” “Так она ж маленькая. Она сломает и даже не будет знать, что это пистолет. Где он у тебя? Покажи”. Кирик облизнул пересохшие губы и медленно вынул из кармана пистолет, цвета гусиных лап. Великолепное оружие для стрельбы водой в кот. Миша проверил курок, подул в дуло и спрятал пистолет к себе в карман. “У меня будет целей...”, – сказал он опешившему Кирику...”» (Надеждина, 1963, 10).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Мама мне говорит: “Я вам подарки привезла. Тебе куклу – Иренку. Она из губчатой резины и как угодно стоять и сидеть может, а Валенке водяной пистолет”» (Минчиковский, 1966, 188).

О конце 1960-х гг.: «“Фу, наконец рёв прекратился, а то хоть беги! Ой, я с этим Алехой и пистолет забыл показать. Подожди”. [Третьеклассник] Витя сунул что-то в карман и побежал на кухню. Он скоро вернулся. “Во! – и стрельнул в Юру водяной струей. – Вот!” – и пустил вверх фонтанчик. Лёшка неуклюже подошел к ним. “У-у!” – и показал пальцем на пистолет. “Вот смотри”, – Витя брызнул братцу в лицо. Тот сразу заплакал» (Киселева, 1972, 156).

О нач. 2000-х гг.: «Глядя на меня, сын тут же вытащил из кармана шорт новенький водяной пистолет...» (Кабыш, 2002, 6).

О девочке-подростке 14–17 лет в 2002 году: «И про водяные пистолеты [мама] тоже не поймет. Когда увидела один у меня, так и взвилась: “Опять бессмысленные покупки!” А у нас всё училище просто свихнулось на этих пистолетиках: по коридорам гоняемся друг за другом, на занятиях брызжемся» (Иванова, 2003, 45).

О 2007 г.: «Водные пистолеты обычно продают в дет. магазинах» (Комсом. правда. Челябинск. Досуг. 2007, 23 августа. – С. 7)

Пистолет с пистонами – игрушечный пистолет, издающий с помощью пистонов звуки, напоминающие звуки выстрела.

О деревне в Самарской губ. в 1890-х гг.: «Саша... миролюбиво посоветовал Володе: “У тебя, Володька, в

шубе оловянный пистолетик с бумажными пистонами. Отдай его за нагайку”» (Гладков, 1956, 223).

Об Одессе в нач. 1910-х гг.: «В магазине Колпакчи на Екатерининской улице продавались детские игрушки... Мы покупали пистоны. Пистолеты у нас уже имелись. Они были куплены на именины – кому осенью, кому весной, кому летом. Это были черные, по всей вероятности, латунные, пахнущие горелым от частой стрельбы изделия, приятно и больно отяжелявшие детскую руку» (Олеша, [1931] 1999, 71).

О Петрограде-Ленинграде в 1920-е гг.: «“Вербу” надо описать особо. Во-первых, там была уйма народа, шум, гам, звуки разных свистулук..., свистков, пальба из пугачей и детских пистонных револьверов и пистолетов» (Поздняков, 1994, 293).

О 7-летнем мальчике в 1941 г.: «... Тётя Фиса ... подарила ему настоящий железный пистолет, который стреляет настоящими пистонами. Взведешь затвор, положишь на железку бумажный пистон, нажмешь на курок – и бах! Треск, дым, горький запах.... Но, может, это все-таки был сон?.. Ростик ... отбросил подушку. Нет, не сон!... Вот черный пистолет, жестяной, с рукояткой в рубчиках.... Вот коробка с пистонами. Ростик взвел затвор пистолета, положил пистон, нажал курок. Бах! Треск, дым, горький запах. Он ... успел спрятать... пистолет в карманы штанишек. Вот он, Ростислав Колчанов, семи лет от роду, стоит июньским воскресным днем 1941 г. на крыльце своего дома № 13 по улице Малой Октябрьской. Вооружен и очень опасен» (Холопов, 1995, 102).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами. “Зачем тебе такой пистолет? – говорила мама. – Это опасная игрушка”. “Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами. Из него все равно никого не убьешь”. “Мало ли что может случиться. Пистон отскочит и попадет тебе в глаз”. “Не попадет! Я буду закуриваться, когда буду стрелять”. “Нет, нет, от этих пистолетов бывают разные неприятные случаи. Еще выстрелишь да напугаешь кого-нибудь” – сказала мама. Так и не купила ему пистолета... Вот он и стал просить сестер: “Миленькие, купите мне пистолетик!..” На другой день сестры подарили ему пистолет и коробку с пистонами. Пистолет был новенький и блестящий, а пистонов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляя хоть весь день – не перестреляешь... Потом он нацарапал на ручке пистолета свое имя и начал стрелять. Сразу запахло пистонами, а через полчаса в комнате стало сине от дыма. “Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолетом”, – заявил Сашка...» (Носов, [1949] 1979–1, 149–150).

«У всех мальчишек 1-го класса “В” были пистолеты. Мы так сговорились, чтобы всегда ходить с оружием. И у каждого из нас в кармане всегда лежал хорошенький пистолетик и к нему запас пистонных лент... И мы стали палить изо всех пистолетов сразу... Я все время палил в одного толстого фашиста... я истратил на него, наверно, сто патронов...» (Драгунский, 1964, 13–14).

О 1970-х гг.: «А в другой раз [девочка] нашла на улице пять рублей. И купила себе в “Детском мире” чёрный блестящий пистолет и коробку пистонов. Тёплыми майскими вечерами она с двумя мальчишками из своего звена забиралась в палисадники, засовывала руку с пистолетом в форточку первого этажа и бабахала. А потом они убежали и считали это очень увлекательной игрой» (Коршунова, 2004, 9).

Пистолет, стреляющий кусочками проволоки – «Вася показал ему... Санькой вырезанный из доски и подаренный ему пистолет на резине, метко стреляющий кусочками алюминиевой проволоки, Санькой выжженный рисунок на фанерке...» (Мошковский, 1979, 140).

Ср.: *Наган деревянный*.

Пистолет, стреляющий пробками.

О Петербурге в 1890 г. (сама писательница родилась в 1903 году): «В вербное воскресенье Петербург веселится на гуляньях... Толпа зевач чуть не валит набок палатку с

игрушками... Палят пробками из пистолетов мальчишки» (Прилежаева, 1968, 217).

О конце 1950-х гг.: «...Запомнилась освещенная витрина “Детского мира” [в Москве]... Вечерело, и магазин вот-вот закрывался... Дело ограничилось тогда покупкой черного пружинного пистолета с вылетающей пробкой на нитке, бессильно повисающей на ней сразу после выстрела... Сразу по приезде в таежный поселок мальчик засунул его подалеже в угол... и при первой же его поломке с отвращением разбил камнем на две жестяные, занятно идентичные половинки, вскоре проржавевшие и выброшенные» (Клѣх, 2002).

Пистолет-Монтекристо.

О 1920-х гг.: «В детстве... я жил в поклонении многим богам... К ним принадлежали... наш сосед Данилыч – бог гражданской войны..., пистолет-монтекристо, красный цвет, городки и шестилетняя девочка Ляля, обманная шоколадом» (Нагибин, 1974, 47–48).

См. *Монтекристо*.

ПИСТОНЫ, пистонные ленты – бумажные кружочки, бумажные ленты с небольшим количеством пороха для игрушечных ружей и пистолетов.

Об Одессе в нач. 1910-х гг.: «В магазине Колпакчи на Екатерининской улице продавались детские игрушки... Мы покупали пистоны. Пистолеты у нас уже имелись... Пистоны продавались в крошечных кругленьких коробочках из желтого, как бы мокрого, во всяком случае, сморщенного картона. Они лежали в коробочке розовой горкой, требующей долгого кропотливого описания» (Олеша, [1931] 1999, 71).

О нач. 1910-х гг.: «...На десять копеек... можно купить пистолет и пять коробок пистонов, воздушные шары, серсо, волан, ослика или пароход...» (Бондарин, 1961, 298).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Я быстро приучила взрослых, что подарок – это, напр., деревянная сабля, или книга, или бумажные пистоны для пистолета, а не конфеты и пирожные...» (Прусакова, 2003).

О 1940-х гг.: «Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами. “Зачем тебе такой пистолет? – говорила мама. – Это опасная игрушка”. “Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами...” “...Пистон отскочит и попадет тебе в глаз”... На другой день сестры подарили ему пистолет и коробку с пистонами. ... Пистонов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляй хоть весь день – не перестреляешь...» (Носов, [1949] 1979–1, 149–150).

О нач. 1960-х гг.: «У всех мальчишек 1–го класса “В” были пистолеты... И у каждого из нас в кармане всегда лежал хорошенький пистолетик и к нему запас пистонных лент... Я все время палил в одного толстого фашиста... я истратил на него, наверно, сто патронов... Но мы продолжали палить вовсю... И у нас тоже почти кончились пистоны...» (Драгунский, 1964, 12–14).

О Свердловске в середине 1960-х гг.: «Старьевщик принимал старые пальто, тряпки, кости в обмен на резинки для трусов, воздушные шарики с пиккулькой, пистолетики и пистоны» (Смирнова, 2005).

«**ПИСЬМО**» – школьный предмет.

О селе Красная Звезда Шадринского р-на в 1992 г.: «“Письмо” – шк. предмет первого класса. За аккуратное письмо в тетрадь нам клеивали красные пятиконечные звезды, вырезанные из цветной бумаги, это означало оценка “5”. Оценку “4” обозначал оранжевый флажок» (011).

«**ПИСЬМО**» – игра.

О Шадринске в середине 1990-х гг.: «В игре “Письмо” может участвовать любое количество участников. В эту игру можно играть в любом месте, как дома, так и на улице. Эта игра является абсолютно безопасной для здоровья. Все участники игры встают в круг, и они обязательно должны взять друг друга за руки. По любой считалочке выбирается один ведущий, который должен встать в круг. Ведущий называет любого участника игры. И этот “названный” участник должен передать письмо любому адресату. Для выполнения этой задачи он сначала называет того, кому он хочет послать письмо. Письмо можно передать одним только единственным

способом – нажатием руки. Нажимать руку нужно легонько, чтобы ведущий не заметил этого. Письмо своему адресату можно передавать по разным сторонам круга, например, можно письмо передать по левую сторону, то есть нажимать левой рукой, также можно письмо передать по правому краю круга, то есть нажимать правую руку стоящего рядом соседа. После того как человек, который посылает письмо, нажал или пожал руку соседа, все остальные участники игры по цепочке друг другу начинают осторожно нажимать руки, пока письмо не дойдет до своего адресата. Адресат, получив письмо, должен громко крикнуть: “Я получил!” Если ведущий не заметил перемещения письма, в общем, если он не заметил, как его передали, игра начинается заново, правда, ведущий остаётся тот же, а своего адресата называет уже тот участник игры, который уже получил только что письмо. Если же вдруг ведущий увидел передачу письма, то есть увидел, как один участник нажимает руку другого участника, то он останавливает игру. Ведущий становится на место участников игры, где он заметил передачу письма. А новым ведущим становится тот, кто посылал письмо, и у которого письмо не дошло до своего адресата» (594).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Когда я училась в школе в 6-м классе города Катайска, часто на переменах мы с одноклассниками играли в “Письмо”. В неё могут играть от четырех человек и более, но чем больше участников, тем интереснее. Для этого мы вставали в круг и брались за руки. Ведущий вставал в центр круга и называл имя одного из участников. Этот человек должен в свою очередь передать письмо другому, выбранному им, игроку. Пример: Дима говорит: “Я передаю письмо Кате”. Выбранный ведущим человек слабым нажатием руки (левой или правой) должен передать по цепочке письмо тому участнику игры, которого он выбрал. При этом ведущий должен внимательно следить за передачей письма. Если же он заметит как какой-либо участник жмет руку другому, то кричит: “Видел”, а тот в свою очередь становится ведущим. Если же адресат получил письмо незаметно для ведущего, то он говорит: “Получил” и передает его другому. Так мы играли до конца перемены» (029).

ПИСЬМО-ШУТКА – жанр рукописной словесности.

О Шадринске в 2000 г.: «В возрасте 14 лет от старшей подруги я узнала одну из разновидностей эпистолярного балагурства, которая потом переписывалась в девчачьей среде и была довольно популярной шуткой. “Привет! Дорогой мой! С тех пор, как ты опустил перпендикуляр на плоскость моего сердца, я не могу найти радиус, чтобы описать мои чувства!!! Милый мой! Клянусь тебе последней доской старого забора не сгоревшего дома во время последнего нашествия татар, что по третьему закону Ньютона я тебя буду любить до тех пор, пока не перестанет биться сердце моей покойной прабабушки. Ты мне дороже семи собак. Любимый мой! Наклонись над углом 48 градусов, я поцелую тебя в одну лошадиную силу. Дорогой мой! (Наклонись ко мне). Целую тебя справа налево в последние 3 зуба, если они у тебя остались. Если хочешь написать мне ответ, то вот мой адрес: Дом новый, Забор зеленый, крашенный. Ходи да спрашивай. Пока!!! Целую в щечку, ставлю точку”» (012).

«**ПИСЬМО в будущее**» – письмо, которое пишут выпускники о своём предполагаемом будущем, чтобы прочитать его через определенное число лет.

О 1990 годе: «И вот одно из последних воспоминаний в школе. 25 мая – в последний звонок мы пришли в свой класс и написали письмо в будущее или о будущем. Запечатали их и через 5 лет на вечер встречи выпускников должны прочитать эти письма. И вот, встретившись через пять лет, в своем классе, мы распечатали эти письма и стали читать перед всем классом. Наши мальчишки почти все писали о том, как они будут служить в армии, будут защищать свою Родину, многие хотели бы попасть в Афганистан, и быть активными строителями коммунизма. Сейчас, конечно, мы это слушаем с улыбкой на лице, а тогда это было нормой, нашим смыслом жизни» (541).

ПИСЬМО Деду Морозу – написание под руководством взрослых (или самими взрослыми) со слов детей или самими детьми письма Деду Морозу с просьбой о подарках. Это используется взрослыми для того чтобы узнать, какой подарок дети мечтают получить на Новый Год.

О 1970-х гг.: «В нашей семье Новый год всегда был домашним праздником... Подготовка начиналась в начале декабря, когда я с детьми писала письмо Деду Морозу (таким образом открывалась детская мечта о подарках)» (Овсянникова, 2006–3, 6).

Письмо, найденное автором словаря в конце декабря 2006 года в Шадринске возле многоэтажного дома по улице Свердлова (на листке были сгибы, указывающие, что первоначально он был свёрнут в форме самолетика): «Дед Мороз! Если ты получил мою телеграмму с просьбой и собираешься ко мне, то я буду ждать тебя днем. А если ты сам не сможешь, то пошли ко мне своих друзей – зайца, лису или медведя с подарком. Вечером иду к Насте. Улица Свердлова, д. [...], кв. [...]. От Лены Б[...]ой, ул. Свердлова, д. [...], кв. [...].»

ПИСЬМА любви – письма, распространявшиеся преимущественно в девичьей среде в 1980-е–1990-е годы. Письма подбрасывались в портфель (сумку), в книги, в тетради, в парту, в карманы верхней одежды (в школьной раздевалке), в почтовый ящик. Характерной чертой «писем любви» является соединение игровой формы и содержания, заключающегося в побуждении (угрозы магической кары) к акт. магическим действиям («привораживанию»). На магический («привораживающий») хар-р писем прямо указывает следующее сообщение: «Хорошо помню, как у нас девчонки привораживали парней. Писали письма с различным содержанием. Приблизительно такое: «Если хочешь понравиться парню, и чтобы он с тобой дружил, перепиши это письмо 4 раза и разошли по разным адресам в течение трех дней. Перед тем как лечь спать, умойся, расчешись перед зеркалом, загадай имя мальчика, положи зеркальце круглое под подушку и ни в коем случае не разговаривай ни с кем. Ночью тебе этот парень приснится, и через 5 дней предложит тебе дружбу» (1970 г.р., текст 1993 года). С другой стороны, практически во всех в приводимых ниже текстах «письмах любви» присутствует слово «игра»:

«Игра “Мир и молодёжь”. Эта игра началась в 1949 году во Франции. Она должна обойти весь свет. Ни в коем случае нельзя оставлять это письмо у себя, будет несчастье (проверено). Перепиши это письмо 4 раза и отправь вместе с этим по адресам. Не жечь и не рвать! Когда отправишь письмо, перед сном произнеси имя мальчика, который тебе нравится. Через 5 дней он предложит тебе дружбу. Обрати внимание на первые 2 дня, что-то произойдет. Девушка, которая оставит письмо у себя, будет несчастна всю жизнь. Не думай, это не шутка (проверено). Будь счастлива!» (1987 г.);

«Игра “ВИА”. Ирина Вершина, взрослая девушка, придумала эту игру [в] 1910 году. С тех пор она ходит по свету. Об этом не должен знать ни один парень. С этим и четвертым передай. Перепишешь по адресам четырем девушкам. Кто у себя оставит эту игру, у того будет много неприятностей (проверено). В самом конце напиши имя мальчика и зачеркни (как у меня). Через 11 дней он предложит тебе дружбу или признается в любви. Обратите внимание: на 11 день что-то должно произойти. Текст не менять» (1987);

«Игра “Судьба”. Эта игра должна обойти весь свет. Этот лист отдай любой девчонке, которой желаешь счастья. Перепиши письмо 4 раза, с этим – 5. Письма можно пересылать по почте. Не думай, что это шутка. Несчастливой в жизни будет та, которая оставит письмо у себя или уничтожит его. Когда все будет готово, только тогда приступай к делу. Перед сном расчеши волосы, положи несколько волосинок под подушку, выпей 3 глотка воды и загадай имя парня. Через 5 или 10 дней он предложит тебе дружбу или признается в любви. Будь счастлива! Храни эту тайну, не выдавай мальчишкам! Это письмо нельзя послать тому, от кого получил его. Ирина Король» (1987);

«Игра “Чей” была опубликована в “Крестьянке”. Она предназначена для девочек 14 лет, об этой игре не должен знать ни один парень. Началась она во Франции и должна обойти вокруг света 20 раз. Перепиши это 3 раза, это четвертое. Оставь эти письма по адресам или отдай в руки подругам. Тот кто оставит его у себя, будет несчастен (проверено наукой). Внизу напиши имя мальчика и зачеркай как я. Через 11 дней он предложит тебе дружбу или напишет письмо, обрати внимание на 11-й день, что-то должно произойти» (1987);

«Олимпийская игра и судьба и эта игра должна обойти весь круг, отдай это письмо девочкам, которым желаешь счастья. Перепиши 4 раза (отдай 5 писем) можно переслать по почте, не думай это не шутка. Всё проверено. Несчастливая будет та, которая не отдаст или уничтожит его. Когда всё сделаешь, выпей 3 стакана воды, расчеши волосы и расчёску положи под подушку. Загадай имя мальчика и через 5 дней он предложит тебе дружбу и признаётся в любви. Не оставляй письмо у себя и не изменяй текста. Счастья тебе» (Передавшая письмо указала: «Я его получила в 1996 г.»).

О Шадринске в конце 1980-х гг. – нач. 1990-х гг.: «Письма любви. Это было что-то ужасное в моей жизни. Одно или два лета подряд я находила в почтовом ящике эти письма. Первый раз – ура, пришло письмо. Когда я его прочитала, я пожалела, что его прочитала, но отступать некуда. Меня напугал текст этого письма, эта игра называется “судьба” и была еще какая-то. У меня был панический ужас перед этими письмами, досада на тех, кто их придумал. Но чтобы избежать кары, я переписывала эти письма, совала в почтовые ящики к другим девочкам, сожалела о том, что подъезд один, и они опять мне их пришлют. Какой-то раз я загадывала имя мальчика, расчёсывая волосы, лишь бы сплавить от себя эти противные письма. Я помню тягостное чувство необх-сти их переписывания. Я помню чувство страха, когда я опять нашла в почтовом ящике это письмо. У меня до сих пор в душе протест к этим письмам» (1001).

О Шадринске в 1992–1993 гг.: «Дело было в третьем классе. Одна из моих одноклассниц подала мне конверт с письмом. Когда я открыла, там было что-то наподобие письма счастья. Точный текст я не помню, но в нем было примерно следующее: “Игра – русское сердце. Игра для девочек создана в 1743 году известным ученым. Он заметил, что все девочки хотят быть счастливыми и ты тоже можешь стать счастливой. Для этого в течение недели ты должна переписать это письмо 7 раз и распространить между семью девочками. В день, когда ты отдашь последнее письмо, в 12 часов дня ты должна загадать имя парня и выпить два стакана воды. Вскоре после этого он предложит дружбу. Если же ты не перепишешь письмо – то ты никогда не обретешь счастье в любви”. Если бы не последняя строчка, я бы, наверное, не стала переписывать это письмо, но, прочитав её, решила написать. Я сделала все, как было указано в письме, особо не надеясь на то, что мальчик, который мне нравился, обратил на меня внимание. Вскоре я забыла обо всем этом, но самое интересное заключается в том, что лет через пять уже в классе в девятом, мы стали-таки с ним дружить. И уже потом я с улыбкой вспоминала о том давнем письме» (542).

ПИЩАЛКИ – приспособления для извлечения резких высоких звуков.

О конце XIX века: «Простейший вид пищалки составляет листочек пырея, тимофеевки или другой какой-либо подобной травы. Берут такой листочек между ладонями рук, довольно близко поставленными одна к другой, крепко натягивают его между большими пальцами, близко соприкасающимися при этом, и дуют на него, отчего получается пронзительный пискливый звук, тем не менее нравящийся детям. Для этой же цели дети нередко употребляют ленточку, или кусочек тонкой бересты, которые натягивают также, как и листочек, между двумя параллельно поставленными деревянными пластинками с небольшим проходом для воздуха около ленточки или бересты. Эту пищалку берут между губами и дуют, ленточка и береста получают от этого более или

мене сильнее сотрясете, вследствие чего происходит звук пицания» (Покровский, 1895, 77).

См. также: *Свистульки из акации, гороха.*

«ПИЦАЛЬ» – самодельное устройство, действие которого по звуку напоминает выстрел; мальчишеская забава.

О середине 1960-х гг.: «Это мне рассказал отец, В.К. Низаветин, 1957 года рождения, живший в детстве в селе Дулино Целинного района Курганской области: “В лес, когда ходили, то там пицали делали. Брели велосипедную спицу и загибали ее образуя “Г”-образную форму. В головку спицы насыпали серу, стёртую со спичек, и затыкали ее дробинкой, затем головку спицы подносили к костру, после того как она нагревалась, держали спицу на вытянутой руке вперед и ждали когда прозвучит хлопок. Мы играли ими, когда ещё в начальных классах школы учились”» (Низаветин, 2006).

ПИЩИК – см.: *Свистульки из акации, гороха.*

О мальчике 5–6 лет во вт. пол. 1940-х гг.: «Можно убежать вперед и прибежать обратно к маме... Сорвать с куста зеленый стручок – пищик – и попицать. Поднять с земли золотую копейку, которую кто-то потерял» (Панова, [1955] 1956, 425).

ПЛАВКИ – «Мужские короткие прилегающие трусики, обычно для плавания» (Словарь, 1959–9, 1286); «Короткие мужские трусы для плавания» (Лопатин, 1997, 444); «Короткие трусики для купания, плавания» (Ожегов, Шведова, 1996, 511).

Плавки у девочек.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Появляется Жанка в узеньких красных плавках, в таком же лифчике, в руках – скомканное впопыхах платье и какая-то книжка... Жанка большая, полная, ей скоро шестнадцать, хоть она и учится в одном классе с Ленкой... Душно... Жанка... выдернула лифчик из-под себя – всё дышать легче. “Ты с ума сошла!...” – тарачит на неё глаза Ленка! – Ты ещё плавки снимй”. Ни слова не сказав, по-прежнему уткнувшись в книгу, Жанка снимает и плавки... Серёга... схватил Жанкино платье, разорвал его пополам, распинал, расшвырял ногами и всё остальное Жанкино: лифчик, плавки, книгу...» (Голубков, [1978] 1984; 69, 76, 82, 95).

Плавки у мальчиков.

О 1960-х гг.: «“Ну-ну, не обижайся. Вот твой шкафчик. Раздевайся. Плавки сам наденешь?...” – уже ласковее спросила тётя Саша» (Чайковский, 1970, 67).

О середине 1960-х гг.: «[Подросток по прозвищу] Катран вдруг скинул линялые шорты, сбросил рубашку, и оказалось, что он стройный, мускулистый... На нём были тугие синие плавки... Миша быстро полез вверх, распластался, как и Катран, по стене и – высокий, в маленьких красных плавках – плашмя стал быстро переставлять по скале ноги... А ему, Ильке, иногда хочется и покурить..., и хочется купить шерстяные немецкие плавки с карманчиком на “молнии” и белой рыбкой, которые он видел недавно у отдыхающего, снявшего у них комнату» (Мошковский, [1967] 1972, 89).

О 1970-х гг.: «Я сделал... слабую попытку остановить его: “Да не стоит, Генка. Ты ведь плавков с собой не взял” Но он меня даже не слышал... На заснеженной Неве в длинных до колен трусах и в войлочных ботинках стоял Генка» (Фёдоров, 1983, 33).

«ПЛАКАЛА девочка» – популярная в 1960-е – 1970-е гг. в детской среде песня, распространявшаяся фактически в фольклорном режиме, со множеством вариантов и «разночтений». Некоторые источники приписывают её авторство Александру Дольскому. Приводим условно-усреднённый вариант: [1] Плакала девочка, слезы не унять. / Кто же может горе девочке понять? / А из глаз прекрасных, нежно-голубых / Две слезинки ясных, лучик солнца в них. [Припев:] Кап-кап-кап со щек на платье. / Кап-кап-кап, ну, хватит плакать. / Разве бывает горе такое, / Из-за которого плакать стоит? [2] Рисовали вместе солнце на песке, / А потом исчез он неизвестно где, / И она не знает ничего о том, / Где он пропадает тёплым майским днем. [Припев.] [3] Целовал он нежно ленточку в косе, / Видно, позабыл он те цветы

в росе. / И она не знает и он сам не рад, / Что перевели его в новый детский сад. [Припев].»

Автор словаря слышал эту песню в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Шадринске.

ПЛАКСА – ребёнок, который плачет часто и по незначительному поводу.

О мальчике 5–6 лет во вт. пол. 1940-х гг.: «Сережа отстал. У него дрогнула губа, но он скрепился: подошла Лида, при ней плакать не стоит, а то задразнит: “Плакса! Плакса!”» (Панова, [1955] 1956, 417).

О 1950-х гг.: «Перед вашими глазами / Семь Букина тетрадь... / Что ни слово, то описка, / Что ни буква, то подчистка, / Что ни цифра – клякса! / А хозяин – плакса. / Плачет, плачет целый день: / Заниматься Семе лень... / Сема плачет, Сема хнычет, / В промокашку носом тычет...» (Высоковский, 1961, 25–26).

«ПЛАКСА-ВАКСА» – дразнилка детей, которые часто и по незначительному поводу плачут.

О нач. 1900-х гг.: «Мы поступили в приходское училище... Мы очутились среди двадцати наших сверстников... В первую же перемену нас, новичков, решили “обезжать”. Долговязый прыщавый мальчишка с флюсом вскочил на спину Глеба... “Плакса – солёна вакса!” – кричали Глебу, который попробовал хныкать» (Четвериков, [1927] 1981–1, 43).

О 1940-х – 1960-х гг.: «“Хм, – сказал папа. – И как же они дразнятся?” “Плакса-вакса, жадина-говядина... по всякому. Такие противные девчонки” “А ты не плакса-вакса?” – спросил папа. “Нет, – ответила Таня, – просто мне скучно”» (Аксёнова, 1966, 79). См.: *Дразнилки.*

О середине 1980-х гг.: «Девичьи дразнилки... “Плакса, вакса, гуталин, на носу горячий блин. Бабка увидела – тестом закидала (534).

О девочке 6–8 лет в г. Лянторе в 1992–1994 гг.: «Если кто-нибудь плакал из ребят, мы ему кричали: “Рёва-корова, дай молока, сколько стоит, два пятака” или “Плакса-вакса-гуталин, на носу горячий блин”» (015).

Есть указание на считалку с аналогичным текстом.

О конце 1920-х гг.: «Если начнут играть в прятки, то первым водить будет Сыроёжка. Потому что Максим, как наиболее грамотный, скажет считалку и обязательно выйдет, а Сыроёжка останется. Применяется считалка одна и та же: “Плакса, вакса, гуталин – на носу горячий блин» (Коршунов, 1985).

См. также: *Рёва-корова.*

ПЛАНЁР – «Безмоторный летательный аппарат, для парящего полёта которого используются восходящие воздушные потоки и сообщённая ему начальная скорость» (Словарь, 1959–9, 1307); «Безмоторный летательный аппарат тяжелее воздуха для планирующего или парящего полёта» (Ожегов, Шведова, 1996, 511).

См.: *Планёрный кружок.*

ПЛАНЁРНЫЙ КРУЖОК – см.: *Кружок; Планёр.*

О 1937–1941 гг.: «Тимка прислушался. “У нас в этой самой школе до войны был планёрный кружок, – говорил человек с орденами. – Да, да, не модельный – планёрный, старшие ребята построили планёр настоящий и летали на нём. А нас, пятиклассников, физик Иван Иванович Капусто и близко не подпускал. Мы и так и сяк – нет. Но я настырный был, напросился тянуть резину. Планёр, он как из рогатки в воздух вылетает, только эта рогатка огромная, резина толстая, тугая, очень трудно её тянуть. А я тянул несколько лет, потому что мечтал летать. Я рассудил своей головой так: увидит Иван Иванович Капусто, как я стараюсь, как я эту резину тяну, и поймет – вот кому надо доверить штурвал и небо...” Человек с орденами вздохнул: “Вот уже совсем добрался я до планёра. Перешёл в девятый класс. Физик Иван Иванович Капусто сказал: “Завтра полетишь”. Я всю ночь не спал, всё хотел, чтобы скорее пришло завтра. Мне было шестнадцать лет. А назавтра, в воскресенье, началась война”» (Матвеева, 1975, 13–14).

ПЛАНЫ самообразования.

О начале 1980-х гг.: «Из письма десятиклассницы. “Сама себе удивляюсь... Ну, были экскурсии в областной оперный театр, ну, отсмотрела, отслушала обязательный для всех оперных театров репертуар. Познакомилась. Точнее, ознакомилась. Поставила

галочки в своей тетрадке с планами самообразования. Успокоилась...» (Бескоровайная, 1985, 36).

ПЛАСТИКОВАЯ бутылка – бутылка, изготовленная из пластической массы.

О 1990-х г.: «На помойке вещи можно бросать, пинать, ломать, топтать. Мальчишки часто ходят туда бить об асфальт стеклянные бутылки. Или резко раздавливают ногой плотно закрытую пластиковую бутылку, которая лопается с громким звуком. Дети осознают свои агрессивные желания. Характерен записанный автором диалог, происходивший между двумя мальчишками лет двенадцати. Они исследовали кучи мусора около контейнера, распиная их ногами. И вот один из них откатил в сторону большую пластиковую бутылку и сосредоточенно ищет что-то еще. Приятель спрашивает его: “Что ты там ищешь?” Мальчик отвечает: “Хочу вот бутылку помучить, да пробку от нее никак не могу найти”» (Осорина, 1999, 95).

ПЛАСТИЛИН – «материал для лепки, изготавливаемый из глины, воска, животного сала и других веществ, препятствующих высыханию» (Словарь, 1959–9, 1321); «Незасыхающий пластичный материал для лепки» (Лопатин, 1997, 446).

Лепить из пластилина.

О 1947 году: «Из Сережиного пластилина Женька лепит человечков и зверей – ничего, похоже. Сережина мама увидела и купила ему тоже пластилин. Но тетка раскричалась, что не разрешит Женьке заниматься глупостями, и выбросила пластилин в уборную» (Панова, [1955] 1956, 440).

О начале 1950-х гг.: «Галин портфель / Не велик и не мал: / Лежат в нём задачник, / Букварь и пенал, / Две тонкие тетрадки / В линейку и клетку, / Азбука, тапочки, / Завтрак в салфетке, / Платок носовой, / Пластилин и альбом»...» (Баруздин, [1954], 1976, 128).

О середине 1950-х гг.: «К следующему уроку, дети, сделайте из пластилина огурец...» – сказала учительница...» (Менделсон, 1959, 60).

О конце 1950-х гг.: «... Вот и из пластилина ничего не выходит... Лёше очень хочется заплакать, но он только хмурится: “У меня вот из пластилина ничего не вылепывается, я же не реву...”» (Браиловская, 1962, 21).

О начале 1960-х гг.: «Мне купили в магазине / Разноцветный пластилин, / И волшебник я отныне, / Я отныне властелин! / Я создать могу свободно / Что душе моей угодно!» (Лифшиц, 1964–1, 8–9).

О перв. пол. 1960-х г.: «При мне пришел дедушка и подарил ребенку коробку с пластилином. Радости было! Чего только не лепили в тот вечер! Но когда дед ушел, а ребенок лег спать, просвещенные родители собрали весь пластилин и вместе с коробкой выбросили в мусоропровод. “Мы уже знаем, что это за штука! – ворчливо сказал муж. – Эта гадость так и липнет к паркету. Чуть не доглядел – пятно на полу”» (Носов, [1967] 1982–4, 420).

«ПЛАСТИЛИНОВАЯ ворона» – мультфильм.

О г. Завитинске Амурской обл. 1995 г.: «Очень запомнился мультфильм “Пластилиновая ворона” своей необычностью (выполнен из пластилина). Впервые я посмотрела его в 10 лет. С тех пор смотрела его каждый раз, когда его показывали, нравилось подпевать по ходу мультфильма песенки» (107).

ПЛАТНОСТЬ школьного обучения – платность школьного образования в СССР существовала с 1940 по 1956 год.

Из Постановления Совета нар. комиссаров СССР от 2 окт. 1940 г.: «Учитывая возросший уровень мат. благосостояния трудящихся и значит. расходы Советского гос-ва на стр-во, оборудование и содержание... сети... учеб. заведений, Совет нар. комиссаров СССР признает необходимым возложить часть расходов по обучению в сред. школах и высших учеб. заведениях СССР на самих трудящихся и в связи с этим постановляет: 1. Ввести с 1 сент. 1940 года в 8, 9 и 10 классах сред. школ... плату за обучение. 2. Установить для учащихся 8–10 классов сред. школ след. размеры платы за обучение: а) в школах Москвы и Ленинграда, а также столичных городов союзных республик – 200 рублей в год; б) во всех

остальных городах, а также селах – 150 рублей в год. Примечание. Указанную плату за обучение в 8–10 классах сред. школ распространить на учащихся техникумов, пед. училищ, с.-х. и др. спец. сред. заведений...» (НО, 1974, 176–177).

О 1940–1941 гг.: «... За обучение в восьмом, девятом и десятом классах надо было платить деньги, а на это была способна не каждая семья. Большинство учащихся, закончив седьмой класс, шли работать» (Андреевский, 2003, 338).

«С 1937 по 1941 г... в работе советской школы серьезных изменений не произошло, если не считать введения в 1940 г. платы за обучение в старших классах общеобразовательной школы и техникумах. В Москве, Ленинграде и столицах союзных республик она составляла 200 руб. в год, в остальных городах и сельской местности – 150 руб.» (ИПО, 2001, 465–466).

Из дневника девятиклассницы в Котласе в 1941 г.: «16 апреля. ...Все, и я, конечно, сама, решили, что мне надо поступать в институт. И вот осенью ударили по моим планам платой за обучение. Дома теперь совсем трудно... Ну, положим, я буду летом работать или вожакой в лагерь поеду. Получу я в лето 150–200 руб. Но разве это деньги? Хватит только, чтобы уплатить за 10-й класс» (Вещезерова, 1999, 15).

Совет Министров СССР 6 июня 1956 г. постановил: «...Отменить с 1 сент. 1956 г. плату за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных... учеб. заведениях СССР» (НО, 1974, 192).

ПЛАТОК, платочек – кусок ткани, обычно квадратный, используемый лицами женского пола в качестве головного убора.

О 1880-х гг.: «В гостиной раскрылись... двери, и... вошли деревенские мальчики и девочки. Все они были без валенок, в шерстяных чулках, в... рубашках, в желтых, алых, белых платочках» (Толстой, [1919–1922] 1984, 40).

ПЛАТФОРМА – в значении: обувь (туфли, сапоги) на платформе (толстой подошве).

О 1960-х – 1970-х гг.: «Впереди торжественно выступал Юрик. Рядом с ним осторожно переставляла свои платформы Наташка Калига. Остальные девчонки облепили Володю» (Ампелонов, 1980, 56).

ПЛАТЬЕ – «Цельная женская одежда, верхняя часть которой соответствует кофте, а нижняя – юбке» (Словарь, 1959–9, 1344); «Женская цельная одежда, соответствующая по своему назначению кофте (или блузке) и юбке» (Лопатин, 1997, 446).

Платье нижнее детское.

«...В XIX веке в гор. состоятельных семьях младенцев, начиная с 2–3-месячного возраста, не пеленали вовсе. Отказаться от свивальников позволили длинные крестильные платье. Их покррой оказался настолько удобным и практичным, что именно на его основе в XIX веке сложился традиционный фасон младенческого платья. Аналогичный покррой имело длинное нижнее платье – протенькое, с ляпочками вместо рукавов – поверх него надевалось нарядное платье с вышивкой, кружевом и ленточками» (Серебрякова, 1995).

Платье у девочек.

О девочке в конце 1830-х гг. «Я заметил, что многие девочки имеют привычку подергивать плечами, стараясь этим движением привести спустившееся платье с открытой шеей на настоящее место... Большая размотала платок, закрывавший всю голову маленькой, растегнула на ней салоп, и... из закутанной особы вышла чудесная двенадцатилетняя девочка в коротеньком открытом кисейном платье, белых панталончиках и крошечных черных башмачках...» (Толстой, [1852] 1966; 43, 82).

В нач. XX века «платья для девочек шили из модных тканей: ими были легкие хлопчатобумажные ситцы, сатины, маркизеты, батисты, пике, а также машинное кружево и шитье. Эти материи шли на летние платья, которые отделявали также лентами, кружевом, вышивкой, тесьмой и т. д.» (Алешина, 1995, 23).

О 1908–1910 гг. в Москве: «Соне дала коричневое платье и велела обуться. Платье было ниже колен, башмаки велики, так, что даже носок загибался кверху, но

зато все было новое: платье топорщилось, башмаки блестя... И они отправились в школу». (Воронкова, 1959–а, 106).

О 1910-х гг.: «Ну как же Таньке не форсить? Сапоги у неё новенькие со скрипом. Платье крахмальное топорщится. Нарядились дед с бабкой, а потом за меня принялись. Бабка надела на меня платье с тюником, чулки жёлтые в резинку...» (Васильева, 1971; 169, 224).

Об ученице гимназии середины 1910-х гг.: «Она сняла с себя форму, повесила на гвоздик и надела полинявшее бумазеевое платьишко» (Филиппова, 1938, 85). «Это Ганя-рёвушка / Плачет, / Заливается, / Платьем утирается... / “...Ой, надените платье!”... / Видят – девочка стоит, / ...Платье всё промокло» (Барто, [1929] 1969–1; 125).

О Москве в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Много в нашем подъезде было детей бедных, полуголодных. Ходили они по-нищенски одетые: мальчишки – в драных, полудлинных штанах, девочки – в вылинявших, застиранных ситцевых платьицах» (Федосюк, 2004, 19).

О школьнице в нач. 1930-х гг.: «А платье на ней ситцевое, розовое. Всегда на ней это платье. И всегда чистое. Точно она его стирает, сушит и гладит ночью, когда все спят» (Будогоская, [1936] 1988, 91).

«Мила спрыгнула / с кровати, / на ходу / надела платье...» (Барто, [1935] 1969–1, 137).

Внучки А.М. Горького о 1935 г.: «М[арфа] М[аксимовна]: “А в жизни он [Горький] не терпел излишеств. Случилось, нам подарили особенно красивые платья – заставил их снять и отправил в детский дом. [Шаргунов]: “Неужели?” Дарья Максимовна: Это был [19]35-й год. Ромен Роллан гостил у нас. Какая-то фабрика прислала два красивейших платья, шёлковые, белые, с синими птичками. Нас нарядили и привели в столовую, где сидел Роллан. Дедушка спрашивает: “Что такое? Откуда платья?” Отвечают: “Фабрика... Прислали...” Он: “Немедленно снимите!” Нас увели, мы, конечно, рыдали. И эти платья были отправлены в детский дом”» (Шаргунов, 2004).

О середине 1930-х гг.: «Шла весною Катя / По лесной тропинке / В новом красном платье, / В шёлковой косынке... / “Девочки, спасайте!...” / Не снимая платья, / Бросилась за Клавой / Маленькая Катя... / Вот за это Катя / К нам в Артек попала. / Только жалко – платье / В речке полиняло!» (Александрова, 1939, 10).

О середине 1930-х гг.: «...Мама девочку одела: / Платье красное в горошках, / Туфли новые на ножках...» (Благинина, [1939] 1968, 12).

О подростках 15–17 лет в Москве 1940–1941 гг.: «...Как-то с Женькой мы шли по Бородинскому мосту, а впереди нас одна девчонка. Её собака за поводок тянула, а девчонка упиралась, туфельками стучала, собаку сдерживала. И вдруг ветер снизу, с Москвы-реки подул. У девчонки платье колололом, а руки заняты и поправить нельзя» (Чачин, 1968, 93).

О десятиклассницах в 1941 г.: «Наверху, в классе, девчонки, сбившись на задних партах, ожесточённо листали грамматику. Рядом с рыжей Танкой сидела Леночка Никулина – в зелёном платье с белым воротничком и узенькими белыми манжетами» (Кузьмичев, 1967, 9).

О девочке в 1942–1944 гг.: «На Лидке сегодня новое сатиновое платье. Платье какое-то бурое, с тёмными размывистыми пятнами – красивое: юбка в сборку, а рукава фонариком на резинке. Мамка точно знает, что она что-то красила ночью в ведре. Похоже, что-то красное. И ещё одно платье пошла мамка. Это-то она знает – из холщового мешка. Мешок, что подарила ей тётка палаша, она долго отстирывала, отпаривала, потом тоже выкрасила. Это платье зелёное, жёсткое и прямое – рубахой. Теперь у Лидки три платья: одно старое и два новых. А майку и трусы мамка не даёт носить – хранит к школе» (Прокопьева, [1975] 1982, 225).

О платье девочек-старшеклассниц середины 1940-х гг.: «“Я люблю, когда юбка широкая”, – говорит Валя. Светлана тоже любит широкие юбки. Обе девочки быстро поворачиваются, и платья вздуваются парашютами... Повернувшись на одной ножке и опять раздув парашютом широкий подол, Светлана убеждает к мальчикам посмотреть, как они...» (Артюхова, [1955] 1961, 110–111).

380

О перв. пол. 1940-х гг.: «Платьица – на стуле, / Девочки заснули» (Барто, [1946] 1969–1; 61).

О г. Свердловске во вт. пол. 1940-х гг.: «Девчонки носили ситцевые платья на кокетке с рукавом “фонариком”. Редко у кого платья были из шелка, да и те переделывались из маминых платьев» (Факова, 2006).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Бадья... висит на цепи. Светлана сняла цепь с крюка... Ветер подхватил подол платья, забросил на голову. Хорошо, что окна выходят в другую сторону, никто не увидит» (Фролова, 1970, 55).

О середине 1950-х гг.: Тут из парадной вышла девочка Люся; у неё было белое нарядное платье и на голове, будто бабочка, капроновый бант». (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961, 7).

О конце 1950-х гг.: «Как у нашей Лялечки / Платьев чуть не дюжина. / – Не надену белое – / Плохо отутюжено!» (Барто, [1961] 1969–1, 141);

О 12-летней девочке в конце 1950-х гг.: «На тропинке перед ним появилась худенькая девочка в трусах и майке... Неподдалеку от тропинки возле пня лежала куча хвороста. Юлка [Юля] сдвинула её, достала сложенное платье. “Я всегда здесь оставляю, – натягивая платье через голову, сказала она. – В лесу оно зачем? А в селе нельзя. Тетки деревенские говорят, что я бесстыжая, и мама сердится”... ..Она однажды во дворе, зашпилив подол платья английской булавкой, прошла колесом перед ошеломленными ребятами...» (Дубов, 1963, (45, 53, 85).

О начале 1960-х гг.: «Фима юркнула в дом, умылась, подмигнула осколку зеркала у рукомойника, надела чистое платьице, сунула ноги в тапки... и... полетела к Дунайцу... На ней хорошо сидело короткое платьице – сама сшила – с пуговками на спине... Вода отражала ее быстрые ноги, и рвущееся на ветру платье..., и тучки в небе» (Мошковский, [1963] 1987–1, 187–188).

О начале 1960-х гг.: «...По улице мчалась толпа мальчишек и одна стриженная длинноногая девчонка в платье клеточками» (Цюрупа, 1964, 249).

О середине 1960-х гг.: И тут Аня горько пожалела, что на ней такое скучное бесцветное платье и слишком длинное – только на два вершка выше колена, что на ее ногах эти ужасные, ободранные босоножки...» (Мошковский, [1969] 1987–1, 161).

О г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «Нас с сестрой устроили [в детский сад]... Одеты мы были неплохо и очень чисто: летом – в светлые ситцевые платья, в основном сшитые мамой, на голове – ...панамы... или соломенная шляпка... ..У нас с сестрой были и матросские шерстяные костюмы с юбками в складку, и шерстяные нарядные платья...» (Мосалова, 2007, 7).

О 1970-х гг.: «Ленка... натягивает поперх трусишек и майки короткое... платьишко... Ленка выкрутила своё платье, бросила сушиться на куст черёмухи...» (Голубков, [1978] 1984; 68, 69, 76).

Платье домашнее у девочек.

О начале 1960-х гг.: «Шура сняла школьную форму, надела своё домашнее фланелевое платье» (Карпенко, 1962, 35).

Платье форменное, школьное у девочек – см.: *Школьная форма.*

О 1947–1948 гг.: «Маша – первоклассница. / Форменное платьице, / Накрахмален фартук – / Можно сесть за парту. / На фартуке – оборки, а на платье – складки!» (Барто, [1949], 1969–1, 37).

О перв. пол. 1950-х гг.: «...К ограде подошла школьница, высокая, стройная, в коричневом форменном платье с черным фартуком, оперлась грудью на ограду и позвала: “Коля!” У девочки было красивое, но несколько надменное лицо...» (Шаров, 1961, 8–9).

О 1950-х – 1960-х гг.: «Все давным-давно проснулись, / Только Галя крепко спит. / Два чулка висят на стуле, / Платье с фартуком висит» (Баруздин, [1954] 1976, 126).

«На площадке, окруженной березами, он задержался. Сюда сбегались девочки Железнодорожного поселка показать свои новенькие форменные платья... Женька Полукрюкова, в коричневом платьице с белым крахмаленным передничком, прыгала через веревку, прижав мяч к груди» (Ликстанов, [1953] 1964, 421–422).

О 1950-х гг.: «Командует Юля, вернувшись домой: / «Погладьте мне школьное платье!» / Отличнице некогда гладить самой, / Условия надо создать ей!» (Серова, 1960, 40).

О начале 1960-х гг.: «Она была в коричневом платье, и светлая её коса лежала на плече, поверх школьного фартука» (Цюрупа, 1964, 34).

О середине 1960-х гг.: «...Галка... принялась размышлять о том, женственная она или нет. Решить это оказалось не так просто. Галка вернулась в комнату и встала перед зеркалом. Там отразилась длинноногая девчонка в школьном коричневом платье. На ногах этой девчонки были чулки, и никаких царапин на коленках не было видно. «Кажется, женственная», – подумала Галка. Она раскинула руки в стороны и повернулась на одной ноге, словно балерина. Она улыбнулась своему отражению. И увидела синие от чернил зубы» (Томин, 1968, 150).

О пятикласснице в середине 1970-х гг. в Москве: «Аня повесила шубку на вешалку в стенном шкафу и направилась в комнату. Там, стоя перед зеркалом, она стянула через голову школьное платье и через минуту, уже в мамином халате, шла на кухню греть обед» (Пивоварова, 1977, 14).

О 1970-х гг.: «Кружится, кружится, кружится Катя. / Сегодня на Кате особое платье! / Катя смеётся, Катя довольна: / Платье особое, платьице школьное» (Мельникова, 1980).

О Москве в 1983 г.: «Она стремительно повернулась... для того, чтоб подол ее форменного, чуть расклевшенного платья мелькнул, словно лисий хвост» (Иванов, [1984] 1992, 280).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Когда Рита вернулась из школы, Настя незаметно, как было велено в сказках, воткнула ей в школьное платье большую булавку. Рита, однако, спокойно прошла в комнату, сняла с себя форму и повесила в гардероб...» (Вяземский, 1986).

О старшекласснице в перв. пол. 1980-х гг.: «...Венька, сидя на корточках в коридоре, поймал её за подол форменного платья» (Симонова, [1985] 2003, 201).

Платье у мальчиков.

О начале XX века: «Любопытной особенностью детского костюма тех лет было то, что мальчиков до трехлетнего возраста одевали, как девочек, в короткие яркие платьица с квадратным вырезом и боковой застежкой на левую сторону (как в женской одежде), часто украшенные тесьмой или вышивкой. Сходство с девочкой усугубляли длинные волосы, распущенные до плеч или подстриженные “в скобочку”. Иногда в волосах мальчика красовался даже бант. К этим платьицам часто надевали широкие пояса из цветной кожи или материала, кружевные воротнички и манжетки, что делало мальчиков еще более похожими на девочек. Парадным костюмчиком для мальчиков этого возраста было бархатное или белое суконное платьице с кружевными или вышитыми воротником и манжетками; иногда кружевной воротник и манжеты заменялись крахмальными и к костюму добавлялся шелковый бант – вместо галстука. Парадные платьица обычно делались плиссированные или в складку» (Ривош, 1990, 184).

О нач. 1900-х гг.: «...Какое воспоминание можно назвать первым? На мне еще платье девочки, и я ем арбуз... Вот первое воспоминание. Солнечный свет, красные куски арбуза... Да, и ещё то, что на мне именно платье, и я знаю, что это платье девочки, несвойственное мальчику, и что в том, что я в него одет, есть что-то, не совсем правильное» (Олеша, [1931] 1999, 47).

Из восп. князя Сергея Голицына (1909 г. р.): «Глубокой осенью 1912 года покинули мы любимые края. В Москве на Павелецком вокзале нас встречали – мой отец и лакей Антон... Сидеть в комнатах сестре Маше и мне было скучно..., мы все убежали и с криками носились туда и сюда... Няшенька хватала нас за юбочки, восклицала: «Несносные вы дети!» – и тащила в номер... Я не оговорился, упомянув, что Няшенька хватала меня за юбочку. Да, меня одевали, как девочку, в будние дни – в вышитое бучальскими крестьянками полотняное платьице, в праздники, или если в гости идти – в белую матроску с галстучком и в темную плиссированную

юбочку, под которой прятались белые кружевные панталончики.... До пяти лет меня так одевали... Наконец, мать решилась. Она... остригла меня..., на меня надели штанишки, но короткие» (Голицын, 1993, 24–25).

О мальчике 1909 г. р. в Москве в 1910-х гг.: «...Я вождедел к женским платьям. Это было тем более непонятно, что я сам ходил в юбочках и казалось не мог выделить платье как женский атрибут. При этом мне нравились мои собственные платья. И было одно с лиловенькими цветочками, которое меня особенно волновало. Я ждал с нетерпением того часа, когда, пройдя через известный цикл переодеваний, длящийся несколько дней, – я опять вернусь к нему, снова чистенькому и выглаженному. Я требовал, чтобы всегда на меня надевали “платьице с цветочками”, кажется даже плакал. Ждал я его специально для того, чтобы в нем поиграть с Ирочкой. И бегая по двору, и собирая мхи, я постоянно смотрел, как оно шевелится при моих движениях. Вождеделение к платьям... заменилось другим только в десять лет, когда я поступил в школу» (Жуковский, 1992, 32).

Об Украине в 1910-е гг.: «Здравствуй, пустырь! Пепелище сгоревшего дома..., где всегда миллион мальчиков... Самые маленькие, те, что и штанишек еще не имеют, а разгуливают в бумажных платьицах, играют в классы. А уважающий себя мальчик... никогда не станет играть в классы... “...Он говорит, нет Принцевых островов. Может, ты еще скажешь, что нет Маточкина Шара?” – кричал Котя, призывая в свидетели совсем маленьких, без штанишек, в цветастых платьицах мальчиков. Те посапывали носами и молчали... Пузатые мальчики в платьицах переводили глаза с одного собеседника на другого» (Ямпольский, 1964; 281–282, 324, 325).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «И ещё – детские горькие слезы, испуг и обида. На меня натянули розовое платье девочки, поставили на стул и безжалостно радуются (даже мама): какая девочка! А уж сколько торжества на физиономии брата – как тут не реветь! Мама потом объясняла это просто: в магазине ничего на мальчиков не было, купили девчоночье, чтобы перешить, переделать на рубашечку» (Адамович, 1993, 23).

О 5-летнем мальчике во вт. пол. 1940-х гг.: «Девочки ходят в платьях, а Сережа давным-давно не ходит в платьях...» (Панова, [1955] 1956, 411).

О мальчике 1–3 лет во вт. пол. 1940-х гг.: «Явилась Лида с Виктором на руках... Она усадила Виктора наземь, прислонив к яблоне, чтобы он не падал. Но он все равно сейчас же упал – на бок. “Ну, ты, сиди! – прикрикнула Лида, встряхнула его и усадила покрепче. – ...Другие уже сидят в этом возрасте...” Тут Виктор опять упал, на этот раз затылком... “Фу, дурак! – с досадой сказала Лида, подняла Виктора и стала считать с него муравьев, и от чистки его платье и голые ноги почернели» (Панова, [1955] 1956, 424–425).

О мальчике 1–1,5 лет в середине 1950-х гг.: «...Посреди пустого пространства стояла детская кроватка с сеткой. В кроватке подпрыгивал, держась руками за сетку, белоголовый малыш без штанов, в коротком платьице и в чулочках на резинках... “Фёдор, не запихайвай так глубоко, задохнёшься!” – [Люся] сердито вынула изо рта у малыша погремушку... Она... надела на Фёдора штаны с ляжками...» (Котовщикова, 1958, 91).

ПЛАЩ – верхняя широкая одежда без рукавов, надеваемая внакидку.

О середине 1940-х гг.: «“Марина, твой дождик идет”, – говорила тогда мама. И Марина надевала плащ и бежала в сад» (Эмден, 1952, 58).

О конце 1950-х гг.: «После того как Наташа промокла под дождем и простудилась, мама купила ей в магазине плащ. Девочке очень понравился он. Даже снимать не хотела после примерки» (Комар, 1961, 47).

О нач. 1960-х гг.: «Три девочки собрались во дворе. / Болтовнёю занялись во дворе. / “Мама мне купила боты / Замечательной работы!...” / “Это что, а мне купила / Мама плащ из хлор-ви-ни-ла! / Знаешь, ну, такая, Мая, / Ткань непромокаемая. / Слово тонкое стекло – / Дождик лил, а

всё стекло!..”/ “Это что, – сказала Мая, – / Плащ имею и сама я» (Лифшиц, 1964–1, 15–16).

ПЛЕВАЛКА – приспособление для «плевания» («стреляния») жёванной бумагой.

О конце 1990-х гг.: «Погорельская средняя школа. Мальчишки-одноклассники, 8–9 классы (1999–2000 гг.) делали плевалки из ручек: вытаскивали стержень, брали кусочки бумаги и сжевывали их, потом этим и плевались» (021).

ПЛЕВАТЕЛЬНИЦА – «Сосуд для сплёвывания слюны, мокроты» (Словарь, 1959–9, 1357).

О 9–11-летних детях в детдоме в 1948 г.: «Однажды вечером в спальне состоялось обсуждение последних новостей... Коля... встал, подошёл к плевательнице, плюнул в неё и сказал: “Чудаки вы все, вот что!...”» (Рысс, 1951, 53).

ПЛЕВАТЬ – «Извергать, выбрасывать изо рта слюну, мокроту» (Словарь, 1959–9, 1357); «Выглатывать, удалять изо рта слюну» (Лопатин, 1997, 446).

Плевать сквозь зубы.

О 1918–1920 гг.: «Везли нас в товарном вагоне. Уже по дороге я, тайком от теток, начал курить рассыпные папиросы и научился плевать сквозь зубы, как один мальчишка на станции» (Авдеев, 1960).

О мальчиках 10–11 лет в 1943–1944 гг. в районном центре Ташла Чкаловской (Оренбургской) обл.: «Впоследствии все мы... подружились. Борька Трунов стал вообще моим главным дружкой – у него я учился небрежно ругаться матом, элегантно плевать сквозь зубы и выливать сусликов» (Стругацкий, [1992] 2001, 529).

О 1954 году: «...рассудительность, чего не видел Женька у своих приятелей – городских мальчишек. Взять хоть Альку Грозных... Умел он далеко плевать сквозь зубы ...» (Никонов, [1958] 1962, 25).

О 1950-х гг.: “Стоит этот Лёва, прыщавый дылда, во рту окуроч “Беломора”... Он смеётся беззвучно... и плюёт сквозь зубы на тротуар. Тогда была такая, знаете ли, придурковатая мода – плевать сквозь зубы. Причём не только среди мальчишек, но даже и среди взрослых ребят»

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «В начале года мы избрали [Мишку Сперанского] комсоргом. Это окончательно испортило Мишку. Он с яростью принялся себя перевоспитывать. Прежде всего Мишка прекратил читать детективные романы, которые очень любил, и перестал плевать сквозь зубы (это умение считалось у нас очень ценным, а Мишка плевал дальше всех в классе)» (Зелеранский, 1961, 7).

ПЛЕВАТЬ через трубочку (горохом, косточками от ягод) – см.: *Стрелять из трубочки.*

ПЛЕЙЕР – «портативный стереомагнитофон или проигрыватель компакт-дисков для воспроизведения звукозаписи через наушники» (НСИС, 2005, 7906).

О восьмикласснике в середине 1980-х гг.: «Славку Сердюка Коля увидел в сквере перед домом и сразу узнал... Уши [Сердюка] закрывали изящные стереонаушники. От наушников к карману тянулся тонкий провод. В самом же кармане находился портативный кассетный магнитофон “Джи-ви-си”, в просторечии именуемый “плейером”. Магнитофон посылал в наушники звуки “тяжёлого” рока» (Фёдоров, 1986, 31).

О девочке 8–10 лет в с. Брылино Каргапольского р-на в 1994–1996 гг.: «Плейер я увидела на верхней полке у брата в комнате. Плейер был красного цвета, туда вставлялись четыре пальчиковые батарейки, четыре чёрные кнопочки (для перематывания “назад”, “вперед”, “стоп”, “включить”). Этот маленький магнитофон мне нравился, он привлекал меня размером и цветом» (133).

О мальчике 12 лет и девочке 10 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1996 г.: «Папа привёз плейер брату в подарок на его двенадцатилетие. Брат был очень рад, и недели две не выпускал его из рук. Потом плейер ему наскучил, и он стал разрешать мне его брать и слушать» (141).

О девочке 8–10 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1996–1998 гг.: «Родители подарили мне плейер на какой-то праздник. Я очень гордилась тем, что у меня первой во дворе появился плейер» (134).

О девочке 12 лет в Далматово в 1997 г.: «Плейер слушала у сестры, – пластмассовый, с наушниками, в него вставлялись и прослушивались аудиокассеты» (211).

См. также: *Аудиоплейер.*

ПЛЕСТИ венки, надевать венки – традиционное занятие девочек

О 1880-х гг. в Тульской губернии: «По дороге Соня собирала огромный букет, но домой цветы не доносила – раздавала деревенским девочкам, и те сплетали венки из ромашек и васильков» (Аренштейн, [1965], 1973, 6).

О конце 1880-х – нач. 1890-х гг.: «У Тани румяные губы, русые волосы, разноцветные бусы на груди, которая у неё как-то странно увеличилась к этой зиме.... А летом всегда сплетет себе венок из васильков и наденет его на свою русую головку» (Романов, [1928] 1990, 171).

О шестилетнем мальчишке в г. Мещовске Западной (ныне Калужской) обл. в 1934 г.: «С местными мальчишками решил не связываться... Зато девочек не боялся. Они тут все ходили в золотых венках и браслетах из одуванчиков и любили водить хороводы: “Как на Лидины именины испекли мы каравай”. Какие-то у них вечные именины! Одна большая девочка предложила вместе плести венки и делать цепи из одуванчиков. Цепи у меня выходили неплохо. Отламывал головку цветка и совал верхнюю, узкую часть стебля в нижнюю, более широкую, часто красноватую или лиловую. Плел звено за звеном. Девочка, сидя рядом в уже подросшей траве, превращалась в пленницу, опутанную цепями с головы до ног. Это не мешало ей плести венки и время от времени торжественно короновать меня. Водрузив золотую корону с цветами в несколько рядов на мою стриженую голову (всех детей стригли во избежание вшивости...), девочка отодвигалась, чтобы полюбоваться моей неожиданной красотой. Просила, как бабушки-портнихи встать, повернуться туда-сюда и бралась за новый венок... Плести венки [я] так и не научился. То левая рука не туда полезет, то правая беспомощно ткнется. Так и не постиг, каким чудом вороха цветов превращаются в плетёные обручи с тройным золотым гребнем поверху» (Берестов, 1998, 564–565).

О пяти-шестилетних детях в Новосибирске в 1930-е гг.: «В разгар дня мы, малыши, возимся на зеленой полянке... Девочки плели венки из одуванчиков и ромашек» (МН, 1999).

О деревенских детях в 1954 году: «Нютка сидела на телеге и плела венок из жёлтых капустанок. “Конечно, обождём”, – сказала она. “Ну, как же! Нютка ведь бригадир, начальство!” – Алёшка ... прошёлся..., изображая, каким должно быть начальство. “Товарищ бригадир, бросьте ваши цветочки-веночки, ребята едут”, – сказал Алёшка» (Никонов, [1958] 1962, 62).

О девочке 10 лет в с. Зеленоборское в 1960 г.: «По словам моей мамы, она с подружками ходила в тёплый день в лес за цветами (купавки, стародубки, одуванчики). Нарывали охапки цветов, плели себе и младшим сестрам венки, носили на головах, красовались перед мальчишками. Из лепестков ромашек (китайская роза) делали ногти, приклеивая на слюну» (134).

ПЛОТ – бревна, скрепленные вместе в один или несколько рядов для сплава или для переправы на них по воде.

Катание на плотах – популярная детская забава (развлечение).

О 1960-х гг.: «Вот помню, ещё Никита Сергеевич [Хрущёв] живой был... А дети тогда любили играть в разные игры, причем по преимуществу во дворе... ..В то... время дети... свободно гуляли во дворах и ничего не боялись... ..В моем детстве дети во дворах гуляли свободно, без всякого надзора, лет с четырех.Осенью и весной... дороги превращаются в огромные... лужи... Тут-то наступала пора самого лучшего развлечения года – плоты. Нынешние нас уже не поймут, но те, кто в... детстве плавал на плотах, никогда этого не забудут. Хороший плот получался из двери кулацкого погреба, но тут, однако, существовала опасность, что хозяин погреба будет активно возражать против использования оторванной двери по прямому назначению. Плот можно

было также скототить самому из валявшихся кругом деревянных предметов... На худой конец можно было использовать старую покрывку от колеса. В этом случае, однако, число путешественников было существенно ограничено. Плот приводился в движение упирившимся в дно шестом. И вот... человек десять самого разного размера садились на крохотный плот и отправлялись в Неведомое. Каждый, кто плавал на плотках, знает это чувство, когда ты отталкиваешься от берега лужи и вот уже “я Земля, я своих провожаю питомцев”, и караваны ракет мчат нас вперед от Звезды до Звезды... Путешествие было особенно захватывающим, поскольку таило в себе неизбежную опасность. Заканчивалось оно всегда стандартно – плот, не выдержав неграмотного руководства, переворачивался, и счастливые участники дружно падали в... холодную воду... После этого наступала менее веселая часть, а именно – возвращение домой с демонстрацией родителям состояния собственной одежды, что... не вызывало у последних никакого сочувствия. Однако даже самые строгие кары не могли удержать нас от новых поездок, и назавтра штурман снова уточнял в последний раз маршрут. Традиция эта, по-видимому, умерла совсем. Нынешние российские дети... одни гулять не ходят и традицию плавания на плотках по лужам преступно игнорируют» (Рамас, 2004, 5).

О середине 1990-х гг.: «Я жила в доме около озера. И мы с друзьями все время что-нибудь придумывали. Однажды, ходя по лесу, который тоже находится возле нашего дома, набрали на изломанный мост через озеро к острову. Мост обрывался примерно на полпути к острову. Нам было очень интересно, что же там, на острове, есть интересного? Недолго думая, мы начали строить плот. Мы собрали палки, затем начали обматывать их травой. Так, соединив палки, мы дошли до края моста и пустили плот. Едва мы немного отплыли от моста, плот сломался от тяжести (нас было четыре человека), и мы оказались в воде. Вода чистая, прозрачная, и мы решили доплыть до острова без помощи плота... Нам на острове очень понравилось. Так мы начали переправляться туда каждый день, только потом уже сделали прочный плот...» (017).

«**ПЛОХО**» – школьная оценка, соответствующая сегодняшней двойке. Применялась в школе с 1935 по 1943 год.

О 1935–1936 гг.: «...Ему ничего не стоило вчерашнему отличнику поставить “плохо” и, напротив, заведомому лентяю вывести “отлично”, если лентяй на сей раз это заслужил» (Вигдорова, [1956] 1969, 336).

О конце 1930-х гг.: «[Серёжа] получил “плохо”, такую же отметку учитель поставил и Толе, но Толя не печалился» (Вигдорова, 1963, 58). Разговорные названия – «*плошка*», «*плюха*».

«**ПЛОШКА**» – разговорное название оценки «плохо», введённой в 1935 году вместо оценки «неудовлетворительно» и заменённой в 1944 году на оценку «2».

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «...И снова ответ [первоклассника Пети] прозвучал туманно и непонятно: “Не знаю... Может, Клавдия Сергеевна “плошку” поставит, может, “пёсика”, а может, “хор”... Мама удивилась: “Погоди, что это за “пёсики”? Впервые слышу!” Петя снисходительно улыбнулся: какая мама смешная! Ну откуда же ей знать о таких вещах? Ведь она, должно быть, училась при царе! И, стараясь не показывать своего превосходства, Петя объяснил... “плошки” – это “плохо” – самые обыкновенные двойки... “А говорил, что будут “плошки”, “пёсики”, – разглядывающая первые Петины отметки, сказала мама. – Где же?”» (Могилевская, [1941] 1958, 35). Ср. также: «*Плюха*».

ПЛОЩАДКА детская – см. *Детская площадка*.

ПЛОЩАДКА для детей дошкольного возраста на селе.

О конце 1920-х гг.: «В то время на селе не было детских садов и яслей. На время летней страды создавались площадки для детей дошкольного возраста. Руководителями посылали студентов педагогических учебных заведений. В 1928 году и я (в то время сту-

дентка Витебского пед. техникума) была направлена на работу в село Чашники Витебской обл. Работать с группой, состоящей из 40 детей разных возрастов, было очень трудно. И тут на помощь пришел местный пионер. Отряд. Он взял шефство над площадкой. Звенья дежурили по очереди. Ребята помогали проводить игры, ходили с детьми на прогулку, читали им книги, разучивали песни и стихи» (Рацевич, 1984, 13).

«**ПЛЮНЬ три раза, не моя зараза...**» – формула, произносимая при встрече с телом дохлого животного.

О селе Понькино Шадринского района в 1980-х гг.: «Когда мы с девочками видели, кого-то мертвого (собаку, кошку, курицу), какую-то падину, то нужно было найти красный цвет, взяться за него и проговорить следующие слова: “Не моя зараза, не папина, не мамина, ни сестрёнки, не братишки, не друга, не подруги, а самого, самого плохого человека на свете”. После того как скажешь эти слова, нужно сплюнуть три раза через левое плечо» (514).

О Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «Если увидишь на улице какое-нибудь мертвое животное, надо было сказать: “Плюнь три раза, / Не моя зараза, / Не папина, не мамина, / А чужого барина”» (481).

О девочке 5 лет в с. Красная Нива Шадринского р-на в 1989 г.: «Когда увидят дохлое животное (крыса, кошка и т. д.), говорят: “Плюнь три раза, не моя зараза, не папина, не мамина, а чужого барина”. В конце стучат по дереву три раза» (102).

О г. Шадринске в 1991–1997 гг.: «Когда мне было примерно 6–12 лет, у нас (детей) была примета, что видеть мёртвых животных или птиц – к смерти. Чтобы этого избежать, когда увидишь какое-нибудь мёртвое существо (кошку, птицу и т. п.) достаточно было плюнуть три раза в разные стороны, через плечо, а потом сказать следующие слова: “Плюнь три раза, / Не моя зараза, / Не папина, не мамина, / Не брата, не сестры, / А чужого барина / И его жены”» (111).

О г. Завитинске Амурской обл. в 1994–1995 гг.: «Не помню, от кого в первый раз я услышала данные слова, но когда мне было 9–10 лет, если видели дохлую кошку, мышь, птицу или какое-либо другое животное, говорили: “Плюнь три раза, не моя зараза, / Ни мамина, ни папина, ни моих родных. / Тыфу, тыфу, тыфу”. Плевали сначала через левое плечо, затем через правое, затем снова через левое» (107).

О 9–11-летних детях в с. Погорелка Шадринского р-на в 1995–1998 гг.: «Когда мы видели дохлую собаку либо кошку, мы подходили к ней и говорили, глядя на нее: “Плюнь три раза, не моя зараза, не мамина, ни папина и ничья-ничья”. Три раза сплевывали на неё и уходили» (021).

О с. Глядянское в 1997 г.: «Когда видишь какую-либо дохлую (умершую) птицу, то нужно прыгнуть и сказать такие слова: “Плюнь три раза, / Не моя зараза, / Ни мамина, ни папина, / Ничья, ничья, ничья”. Эту кричалку я узнала от своей сродной сестры, когда мне было 13 лет. Мы с ней как-то пошли купаться на речку. Вдруг перед нами на дороге лежала дохлая кошка. Сестра так вдруг закричит, я даже напугалась. Я спрашивала: для чего она так поступила? Сестра просто ответила, что когда видишь умершее животное, то нужно подпрыгнуть, плевать через левое плечо и проговаривать эти слова, иначе кто-то умрет из твоих животных» (106).

«**ПЛЮХА**» – разговорное название оценки «плохо», введённой в 1935 г. вместо оценки «неудовлетворительно» и заменённой в 1944 г. на оценку «2».

Вспоминает К. Ваншенкин: «“Плохо” в некоторых местностях называлось “плюха”. Вполне художественно» (Ваншенкин, 1996, 15).

ПЛЮШ – «Ткань, лицевая сторона которой покрыта мягким ворсом, более длинным, чем у бархата» (Словарь, 1959–9, 1472).

ПЛЮШЕВЫЙ – «Сделанный из плюша» (Словарь, 1959–9, 1473).

Плюшевые игрушки.

О 1942–1944 гг.: «Они пошли в смежную комнату...; на полу на толстом ковре валялись... разные плюшевые зверушки» (Глушко, [1988] 1990, 69).

Плюшевый медведь, плюшевый мишка – плюшевая игрушка в виде медведя.

«...Во всём мире самой любимой детской игрушкой считается плюшевый мишка. Об этом говорили все педагоги, участвовавшие в конгрессе международной комиссии “Хорошая игрушка”, проходившем в городе Ульме в 1959 году. Действительно, игрушечный медвежонок пользуется гораздо большей любовью, чем такие же мягкие котята, щенята или лисята» (Коссаковская, 1967, 43).

О детях в конце 1880-х – нач. 1890-х гг.: «Мы захватили с собой игрушки: Катя – свою рыжую куклу, я – своего плюшевого медведя, проскочили через темную столовую и вошли в гостиную» (Романов, [1928] 1990, 171).

О перв. пол. 1930-х гг.: «В детстве у меня был чудесный плюшевый мишка, который замечательно рычал, когда я его укладывал спать. Им потом играли три поколения нашей семьи...» (Александрова, 2004).

О середине 1960-х гг.: «Через минуту двор знает, кто какой купил телевизор, у кого на носу свадьба, а у кого – развод, кто получил в подарок урчащего плюшевого мишку, а кто – отцовского ремня» (Мошковский, [1969] 1987–1, 73).

О г. Новоанганске Нижнеартовского р-на Тюменской обл. в 1982–1984 гг. в: «Первая моя любимая игрушка – это плюшевый голубой медведь, большой-пребольшой, в розовом комбинезоне. Мне его купили в три года. Я помню, как играла с ним в “дочки-матери”, катала его на санках, но потом его утащила какая-то собака» (503).

См. также: «Мишка».

ПЛЯСУН – детская кукла-игрушка.

О 1900–1910-х гг.: «“...Я все твои игрушки выброшу!” “И плясуна?” “Плясуна-то первого и выброшу”... Петя попробовал было... засмеяться, но мама, заметив это, опять злобно зашептала: “Всё выброшу, всё, всё! В первую голову плясуна”. Мама сама принесла Петю в детскую... Петя первым делом посмотрел, цел ли его плясун, но тот спокойно спал на окошке, рядом с коровой и трубой... Мальчик подумал и потом, нагнув мать к своему лицу, прошептал: “Мама, если тебе будет скучно, ты можешь играть с моим плясуном... Он... в красной рубашке и пищит, когда его тиснешь!”» (Кузмин, [до 1936] 1994, 31–33).

«**ПЛЯСУНЫ**» – самодельная крестьянская игрушка для детей.

«Самодельные игрушки... были наиболее распространенными в крестьянском быту. Их делали родители своим детям, старшие сестры и братья, сами дети для себя. Из любого материала могли смастерить хорошую игрушку... Ребенок не только играл ими, но и стремился повторить, сделать их самостоятельно... С пяти-шести лет дети создавали самодельные игрушки... Рано овладевали деревенские ребята инструментом (топором и ножом), быстро перенимали приемы работы с разными материалами... Плясуны (механическая, или самодельная игрушка). Из дерева вырезались два человечка, у которых руки и ноги слабо привязывались нитками. В шее человечка проходило отверстие, через него плясуны нанизывались на черный конский волос, который поддерживался в горизонтальном положении. Он то натягивался, то ослаблялся, отчего плясуны приходили в движение, то подпрыгивая, то подбрасывая руки и ноги» (Латышина, 1998, 136–137).

«**ПО ДОЛИНАМ и по взгорьям...**» – песня (на слова П. Парфёнова; характер настоящего издания не предполагает обсуждения дискуссионных моментов предьстории и истории данной песни).

Из текста: «По долинам и по взгорьям / Шла дивизия вперед, / Чтобы с боем взять Приморье – / Белой армии оплот. / Наливались знамена / Кумачом последних ран, / Шли лихие эскадроны / Приамурских партизан...»

Текст переделки перв. пол. 1980-х гг.: «[1.] По долинам и по взгорьям / Шла дивизия вперед, / Чтобы взять одну морковку / И засунуть её в рот. [2.] Бабка Дарья увидела, / Заявила в сельсовет / И за каждую морковку / Присудили 10 лет. [3.] 10 лет мы отсидели, / 10 лет нам ничоём, / Но зато потом огрели / Бабку

Дарью кирпичом. [4.] Бабка Дарья заболела, / Проболела 10 лет, / На одиннадцатый сдохла, / Вот и песенки конец» (610).

Текст переделки, записанный в 1990 г., см.: Топорков, 1998–2, 458.

«**ПО ЗАКОНУ АРХИМЕДА...**» – инвариантная часть шуточной фольклорной формулы.

О конце 1970-х гг.: «Самым моим любимым занятием в лагере было ходить в столовую, после обеда мы дружно падали на свои кровати и пели (даже можно сказать, орали) на всю комнату песню: “После вкусного обеда / По закону Архимеда / Полагается поспать. / Все тарелки опустели, / И мы дружно захрапели, / Снится нам обед опять. / Ложки, поварешки, вилочки, / Пирожки, котлетки, сливочки, / В банках молоко сгущенное / Любим мы”» (477).

О Каргаполье в 1994 году: «Когда мне было лет 10, мы с сестрой очень любили гостить у бабушки с дедушкой, которые жили в Каргаполье. Как-то днём мы вместе с дедушкой и бабушкой пообедали. Дедушка, выходя из-за стола, произнес с улыбкой такую фразу: “После сытного обеда / По закону Архимеда / Полагается поспать”. Нам эта фраза очень понравилась, хотя мы тогда и не знали, кто такой Архимед и какой он закон придумал. Мы просто с сестрой её заучили и после еды часто произносили, особенно когда мама нас просила помыть посуду после обеда» (013).

«**ПО КОЧКАМ, по кочкам...**» – игра взрослых с маленькими детьми.

О Шадринске в 1986–1988 гг.: «Так обычно со мной играла мама или бабушка, когда мне было 2–4 года. “По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам / В ямку бух – / Провалился петух”. При произнесении этих слов обычно совершались колебательные движения вверх-вниз. А я в это время, сидя у кого-либо на коленях, подпрыгивала. На конец фразы колени разводились в стороны, и я словно проваливалась в яму. Это у меня вызывало неописуемый восторг. Сейчас я сама люблю так играть со своей племянницей, которой 3,5 года» (113).

О Шадринске в 1986–1990 гг.: «Стишок “По кочкам...” мне рассказывала мама, когда мне было 1–4 года. Текст: “По кочкам, по кочкам, по маленьким дорожкам, в ямку бух, раздавили 40 мух”. Ребенок сидит на коленях, взрослый рассказывает стихотворение, качая ребенка, на словах “в ямку бух” ребенка “роняют” между колен» (111).

О 4-летней девочке в с. Красная Нива Шадринского р-на в 1988 г.: «“По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам, / В ямку бух! / Раздавили сто мух”. Садим малыша на колени, лицом к себе. Трясём, приговаривая слова прибаутки. В конце, на словах “В ямку бух!” раздвигаем колени и слегка роняем ребенка, придерживая его за руки» (102).

О 3–5-летней девочке в 1988–1992 гг. в с. Верх-Теча Катайского р-на: «На коленях [у взрослых] когда сидела, со мной играли так – подбрасывали как бы: “По кочкам, по кочкам, по ровненьким дорожкам, в ямку бух”» (097).

О с. Мыркайское в 1989 г.: «“По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам, / В ямку бух ... / Провалился мой петух”. Трясёшь, трясёшь ребёнка на коленях, а потом быстро раздвигаешь их и ребенок как бы действительно проваливается в яму, но при этом его поддерживают. Это мне делала мама или бабушка, когда мне было 5 лет. Сейчас я это делаю своим племянницам» (106).

О г. Шумихе в 1989–1990 гг.: «1. “По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам, / В ямку – бух. / Провалился петух”. 2. “По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам, / В ямку – бух. / Раздавили сорок мух”. 3. “По кочкам, по кочкам, / Ехала лесочком, / В ямку провалились / Бух”. Услышала впервые от родителей, когда мне было 5–6 лет. Так говорили взрослые, когда садили ребенка к себе на колени. Когда взрослые произносили слова: “По кочкам, по кочкам”, то они (в сидячем положении) несколько раз подряд быстро-быстро поднимали ноги на носки и опускали обратно на ступню. Когда говорили: “В ямку бух,

провалился петух” (и другие варианты: “раздавили 40 мух”, “в ямку провалились, бух”), то раздвигали в стороны ноги, и ребенок как бы проваливался (взрослые удерживали ребенка, чтобы он не упал на пол). Главная задача для взрослого – резко (неожиданно) “уронить” ребенка, чтобы он напугался» (100).

О девочке 7 лет в г. Катайске в 1991 г.: «[Первый вариант:] “По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам, / В ямку – бух, / Провалился мой петух”: [Вт. вар.] “По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам, / В ямку – бух, / Провалился Винни-Пух”; [Третий вар.] “По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам, / По ухабам, по ухабам, / В ямку – бух, / Провалился наш петух”» (116).

О Шадринске в 1993–1995 гг.: «Игра “По кочкам, по кочкам, / По маленьким дорожкам, / В ямку бух – провалился петух!” Ребенок сидит у человека на коленях, который читает этот стих, изображая кочки на дорогах (коленки попеременно вверх-вниз), а потом при слове “бух”, раздвинуть ноги, и ребенок падает. Со мной играла мама в эту игру, когда мне было 7–9 лет. Мне эта игра очень нравилась» (112).

«**ПО МАЛИНУ в сад пойдём**» – песня (слова Т. Волгиной, музыка А. Филиппенко), разучивавшаяся в детских садах в 1960-е – 1990-е годы.

Хоровод «По малину в сад пойдём» под названную песню опубликован в пособии для муз. рук-лей дет. садов 1963 г. в разделе «Муз. игры, пляски, хороводы для старшей группы».

Текст: «[1] По малину в сад пойдём, / В сад пойдём, в сад пойдём, / Плясовую заведем, / Заведём, заведем. [Припев:] Солнышко на дворе, / А в саду тропинка, / Сладкая ты моя, / Ягодка малинка! [2] Ты, малинка, не в роток, / Не в роток, не в роток, – / Насыпайся в кузовок, / В кузовок, в кузовок. [Припев] [3] Как малины наберем, / Наберем, наберем, / Пирогов мы напечем, / Напечем, напечем. [Припев] (МИ, 1963; 209–211, 230–232).

В других источниках фигурирует также четвертый куплет: «Пирогов мы напечём, / Напечём, напечём. / Всех соседей позовём, / Позовём, позовём!»

«**ПО ПЕТУХАМ**, «**по петушкам**» – ладонью о ладонь; о жесте – ударять ладонью о ладонь при заключении пари или в знак приветствия.

О нач. 1940-х гг.: «Они вообще с Гошей дружили. Гоша клеил и запускал Росту змеи-латухи, брал его с собой на речку. Вот брат Гоши, Колька, на Ростика не обращал никакого внимания, а то еще и подзатыльников подкидывал, но Гоша – никогда, Ростик с Гошей были “по петухам”, то есть в знак дружбы с налета ударяли ладонью о ладонь» (Холопов, 1995, 103–104).

О 1948 г.: «...В наше время мальчишки не здоровались за руку, не жали руку при знакомстве... и никто ни к кому не лез с протянутой рукой. Другое дело, ударяли по петушкам при споре каком-нибудь...» (Лиханов, 1995, 100).

«**ПО РОДНОЙ стране**» – географ. двухнедельный радиожурнал для детей ст. и сред. шк. возраста. Впервые вышел в эфир 3 мая 1947 г. Радиожурнал содержал познават. материал об экономике, почвенно-климатич. условиях, природ. богатствах нашей страны. Ответственный редактор – академик А.А. Григорьев.

ПОБРАТАТЬСЯ – см.: *Брататься*.

ПОБРАТИМСТВО – см.: *Брататься*.

О г. Сургуте в 1993 г.: «Мой знакомый рассказал мне, как происходило “побратимство” в их раннем и юношеском возрасте: “В классе седьмом я со своим другом сделали порезы ножом на указательных пальцах до появления из них небольшого количества капель крови, пальцы скрепили, и мы стали считать себя “кровными братьями””. Они до сих пор являются друзьями, хотя взаимоотношения стали не такими, как были раньше, может, это объясняется тем, что один из них имеет собственную семью» (211).

ПОВЕДЕНИЕ – см.: *Оценка по поведению*.

ПОВЕРЬЯ детские – ложные, вымышленные сведения, принимаемые на веру.

О 12-летнем мальчике из Ленинграда летом в 1927 г.: «Ребят в Горелове было много, и местных, и дачников. Я

сдружился с группой мальчишек и девчонок моего возраста... Пригородные билеты были тогда не бумажные, как теперь, а картонные... Среди гореловских дачных мальчишек существовало поверье, что если ты соберешь тысячу использованных билетов и сдашь в Питере в главную железнодорожную кассу, то тебе сразу выдадут бесплатный билет от Ленинграда до Ташкента и обратно, да еще сколько-то там денег дадут на питание в дороге. Ну, в эту творимую легенду я не слишком-то верил, пребывание в детских домах дало мне некоторый жизненный опыт, которого не было у здешних ребят. Но билеты я собирал наравне со всеми – из чувства соревнования» (Шефнер, 1999).

«**ПОВЕСТЬ о Зое и Шуре**» – книга Л. Космодемьянской о *Зое Космодемьянской*.

О нач. 1960-х гг.: «...Прошла конференция учащихся пятих классов школы с. Подосиновец Кировской области... Огромный интерес вызывают у школьников книги: “Солдатский подвиг” (сборник), “Батальон четверых” Л. Соболева, “Четвёртая высота” Е. Ильиной, “Повесть о Зое и Шуре” Л. Космодемьянской, “Партизан Лёня Голиков” Ю. Королькова и др.» (Колокольцев, 1963, 102).

О 1970-х гг.: «К уроку внекл. чтения желательно приготовить выставку книг о Великой Отечественной войне. Важно, чтобы на ней были представлены худ.-док. Произведения о героях-пионерах и комсомольцах – участниках Великой Отечественной войны, напр., “Улица младшего сына” (Л. Кассиль, М. Поляновский)..., а также “Повесть о Зое и Шуре” (Л. Космодемьянская), “Повесть о сыне” (Е. Кошечкина) и др.» (Збарский, 1980, 61–62).

«**ПОВЕСТЬ о настоящем человеке**» – произведение (1945) Бориса Полевого (настоящее имя – Борис Николаевич Кампов, 1908–1981). В 1970-е – 1980-е годы повесть изучалась в школе (5–6 кл.).

О 1970-х гг.: «“Я прочитал книгу “Повесть о настоящем человеке”. Это очень хорошая книга! – пишет десятилетний мальчик. – Вот был человек! Восемнадцать дней полз по лесу, не пикнул, когда отрезали ноги, сколько тренировался, как воевал! Я хочу стать похожим на него. Учусь хорошо, только поведение неважное, дерусь часто. Но дерусь только тогда, когда ко мне лезут. Впечатление книга произвела на меня огромное! Это человек огромной воли!!! И как он танцевал на протезах! Книгу прочитал три раза и только после этого понял, что советские люди могут сделать все, кроме некоторых”» (Малахова, 1982, 32).

О нач. 1980-х гг.: «Изучению “Повести о настоящем человеке” посвящаются четыре урока» (Зепалова, 1983, 210).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1998–1999 гг.: «“Повесть о настоящем человеке” Б. Полевого мы проходили в 7-8 классе» (011).

ПОВИДЛО – «сладкая густая масса из протёртых плодов или ягод, сваренных с сахаром или патокой» (Словарь, 1959–9, 103).

О девочке в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Ели пастилат, печенье “Соломка” – длинные-длинные палочки. Но больше всего запомнилось то, что когда родители работали в колхозе и им под зарплату выдавали продукты, папа обычно всегда брал трёхлитровые банки повидла, сгущёнки. Помню, открываешь холодильник, а там банка повидла или сгущенки. Пока родители не видят, бежишь за большой ложкой и улетаешь за обе щеки. Также ещё под запись брали щербет и халву, шоколадное масло. Куча было всего, даже и не вспомню все то, что ели в детстве» (106).

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЕ школы – «в России тип сельской земской школы для лиц, окончивших начальную школу и желающих расширить свои знания. Первые повторительные школы создавались с 1867 года... В 1870-х – 1880-х гг. получили распространение во многих губерниях. Занятия вели учителя земских школ в воскресные дни и в вечернее время. Кроме повторения программы нач. школы учащимся иногда сообщались и новые сведения по грамматике, арифметике, истории и другим предметам... В начале XX в.

насчитывалось около 445 повторительных школ» (ПЭС, 2003, 201).

«**ПОВТОРЮША**», «**Повторюша – дядя Хрюша...**», «**Повторюша – тётя Хрюша**» – дразнилка, высмеивающая тех, кто делает что-либо по примеру других (повторяет те же слова, действия).

О с. Понькино Шадринского р-на в нач. 1980-х гг.: «Дразнилка: “Повторюша – дядя Хрюша, из помойного ведра, тебя кошка целовала и сказала: “Ты свинья”»» (514).

О нач. 1980-х гг.: «Из детства еще я помню такие дразнилки:.. “Повторюша – дядя Хрюша / Из помойного ведра, / Всю помойку облизала / И “спасибо” не сказала”» (603).

О 1980-х гг.: «Повторюша – тётя Хрюша / Из помойного ведра. / Тебя кошка целовала / И сказала: “Ты свинья”» (522).

О 1989 г.: «“Повторюша – дядя Хрюша”, – говорили в детском саду тем, кто передразнивает другого, повторяя его слова» (110).

О г. Шумихе в 1990–1992 гг.: «Когда мне было примерно 6–8 лет, то часто использовала дразнилку (в тех случаях, когда кто-то за мной что-то повторял): “Повторюша, дядя Хрюша, / Из помойного ведра. / Тебя кошка целовала, / И собака родила» (100).

О 1991–1993 гг.: «Когда мы были маленькими 6–8 лет, то часто обижались с подружками друг на друга и дразнились: “Дядя Хрюша повторюша, / А по имени свинья. / Все помойки облизала / И спасибо не сказала”» (022).

О Шадринске в перв. пол. 1990-х гг.: «Если повторяли друг за другом, мы говорили: “Повторюша, дядя Хрюша, из помойного ведра, тебя кошка целовала и сказала: “Ты – свинья”»» (026).

О мальчике в с. Половинном Половинского р-на в 1992–1995 гг.: «“Повторюша...” – употреблял, когда был маленький. Это целое четверостишие. Говорил в основном брату младшему. Он меня в детстве всегда передразнивал: повторял слова, жесты, движения. Делал то же, что и я. Меня всегда это бесило, раздражало. Говорю: “Зачем за мной повторяешь?” А он мне в ответ: “Зачем за мной повторяешь?” и улыбается. Я ему: “Значит, ты повторюша”. Он: “Значит, ты повторюша”. Как я с ним боролся: говорю: “Ну, значит конфету съем один”. Он сразу: “Я тоже хочу”. А я ему: “Нет, хрюши конфет не едят”. Он: “Ну и что?” Я: “Ну, я и говорю: ты повторюша дядя хрюша, все помойки облизал и спасибо не сказал! Поэтому я тебе конфету не дам”. Он сразу бежал жаловаться маме, она меня ругала. Частенько так выражались, а потом как-то постепенно забыли, чуть-чуть подросли, наверно» (016).

О середине 1990-х годов: «Когда кто-нибудь делал что-то или покупал что-то одинаковое с другим, то ему говорили: “Повторюша, дядя Хрюша / Из помойного ведра, / Все помойки облизала / И спасибо не сказала”» (017).

О девочке 10 лет в с. Ново-Ильинском Петуховского р-на в 1996 г.: «“Повторюша”, – так мы дразнили человека, когда он повторял то, что когда-то кем-то было сказано или сделано (слово, действие, жесты), и присутствующие при этом люди припомнили произошедшее» (143).

См. также: «Хрюша-повторюша».

«**ПОГОНЯ**» – песня из кинофильма «Новые приключения неуловимых» (1968, режиссёр Э. Кеосаян) на музыку Я. Френкеля и слова Р. Рождественского.

Текст: «[1.] Усталость забыта, / Кошется чад, / И снова копыта, / Как сердце, стучат. [Припев:] И нет нам покоя, / Гори, но живи! / Погоня, погоня, погоня, погоня / В горячей крови. [2.] Есть пули в нагане, / И надо успеть / Сразиться с врагами / И песню допеть [Припев] [3.] В удачу поверьте – / И дело с концом. / Да здравствует ветер, / Который в лицо! [Припев]».

На мелодию песни «Погоня» исполняются переделки (перетекстовки).

О Мишкинском р-не в 1974–1977 гг.: «Как в любом [попунктском] лагере, в нашем лагере творились непонятные явления. Утром обнаруживали, что лица

измазаны зубной пастой, расписаны краской. Одежду приходилось искать в соседней комнате, а кеды иногда не могли развязать до самого обеда. Поэтому на зарядку бегали босиком. Были случаи, когда даже привязывали полотенцами к кровати. По этому поводу была переделана песня из кинофильма “Неуловимые мстители”: “Есть паста в кармане / И надо успеть / Намазать мальчишек / И скрыться за дверь. / Припев: И нет нам покоя / Ни ночью, ни днём: / По койкам, по койкам, по койкам, по койкам / Вожатый с ремнём”» (491).

О конце 1970-х гг.: «Ночью, когда лагерь засыпал, за работу принимались “разведчики” – это те, кто ходил ночью, тайно от вожатых, в другой корпус мазать ребят зубной пастой. Даже появилась такая песня: “И паста в кармане, / И надо успеть / Мальчишек (девчонок) измазать / И песню допеть. / И нет нам покоя / Ни ночью, ни днем. / По койкам, по койкам, по койкам / Вожатый с ремнём!!!”» (477).

О 1987 г.: «Погоня. [1.] Усталость забыта, / Настал тихий час, / И снова подушки / Как пули летят. / [Припев:] И нет нам покоя / Ни ночью, ни днём: / По койкам, по койкам, по койкам, по койкам / Вожатый с ремнём. [2.] Есть паста в кармане / И надо успеть / Намазать мальчишек / И смяться за дверь. [Припев] [3.] А после сончас / Настал адский час: / Мальчишки лягушек / Кидают на нас. / [Припев] [4.] На общей линейке / Поставили нас. / Девчонок – за пасту, / Парней – за лягушат. [Припев] [5.] В удачу поверьте / На тихом часу. / Идёт бой в палатах / На каждом шагу. [Припев]» (493).

Переделки 1989–1990 гг. см.: Лурье, 1998–2, 475–478.

О 1996–2004 гг. в Половинском р-не Курганской обл.: «Переделка “Погоня”. [1.] Усталость забыта, кошется час, / И снова мальчишки к нам в стены стучат. [Припев:] И нет нам покоя / Ни ночью, ни днем, / По койкам, по койкам, по койкам, по койкам, / Вожатый с ремнём. [2.] Есть паста в кармане и надо успеть / Мальчишек намазать и шваброй огреть. [Припев] [3.] Вожатый заходит, подушка летит, / Минута проходит, вожатый лежит. [Припев]”. Эта песня очень старая. Я её слышал, а впоследствии и сам пел, тогда, когда первый раз приехал отдыхать в лагерь. Это был июль 1996 г. Лагерь “Зеленый борок”, с. Половинное, Половинского р-на. В этом лагере я отдыхал каждое лето июль или август, то есть вторая или третья смена. Впоследствии я стал работать в этом лагере, вплоть до 2004 года. Эта песня в той или иной степени звучала. Как правило, её пели всегда дети на каких-л. вечерних мероприятиях. Я её пел, когда был там на отдыхе» (016).

О девочке 14 лет в с. Ушаковском Катайского р-на в 2001 г.: «Когда я училась в 8 классе, наша школа ходила на турслёт. Он проходил, как обычно, в лесу. На этом турслёте наша классная руководительница спела нам переложённую песню “Погоня”: “[1.] Кошется простынь, / Подушки летят. / И снова кровати, / Как кони стучат. / [Припев:] И нет нам покоя / Ни ночью, ни днем. / По койкам, по койкам, по койкам, по койкам, / Вожатый с ремнём. [2.] Есть паста в кармане / И надо успеть / Мальчишек измазать / И шваброй огреть. [Припев: тот же]”» (139).

ПОГРАНИЧНИКИ – игра детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста.

О нач. 1960-х гг.: «С этого дня Диме больше не было скучно на даче. И Вовка, и Маруся слушались его. Он хотел играть в казаки-разбойники, – играли в казаки-разбойники. Он хотел играть в пограничников, – играли в пограничников» (Верейская, 1966, 73).

ПОГРЕМУШКА – «детская игрушка, издающая лёгкий шум при встряхивании» (Лопатин, 1997, 454).

Из статьи о коллекции предметов XVIII – нач. XX вв.: «Среди детских игрушек привлекают внимание погремушки... Часть из них в виде круглых орешков, обтянутых шелковыми нитками, связанными вручную крючком, другая – гусиные горлышки в виде мелких колесиков, также обтянутых вязаными нитками шелка. Внутри них содержатся семена различных злаков, сухой горох, семечки мака, подсолнуха и т.д., которые издают звуки, напоминающие... приглушённый треск..., стрекотание кузнечиков...» (Алёшина, 1995, 23).

О конце XIX века: «Погремушки у нас в России, смотря по местности, делаются из различного материала и различной формы. Около Москвы они чаще всего делаются из дерева в виде небольшого точёного шарика, полового внутри, величиной с небольшое яблоко. Деревянные погремушки большею частью красят какой-либо краской. Погремушки эти обыкновенно укрепляют на деревянной ножке, длиной вершка в три, а внутрь их кладут горох, дробь, мелкие камешки, которые при сотрясении производят бряцание. Иногда для погремушки берется горлышко какой-либо убитой птицы, особенно гуся, утки. Для этого в сырое горлышко кладут камешек или горошину, свертывают горлышко кружком и просушивают» (Покровский, 1895, 75)

О 1948 г.: «...Лёня кричит, мама кормит его и сменяет ему пеленки, Лёню купают... Он может держать в кулаке погремушку, но больше с него пока нечего взять» (Панова, [1955] 1956, 488).

О нач. 1950-х гг.: «Как большой, сидит Андрюшка / На ковре перед крыльцом. / У него в руках игрушка – / Погремушка с бубенцом. / Мальчик смотрит: что за чудо? / Мальчик очень удивлён. / Не поймёт он: ну откуда / Раздаётся этот звон?» (Барто, [1953] 1969–1, 386).

О вт. пол. 1950-х гг.: «А за Лёшиной спиной на все лады гремят погремушки. Даже не оборачиваясь, Лёша знает, какие погремушки Мишука, а какие – Олечкины. Да это и нетрудно угадать: сестрёнка погребит-погребит и устанет. И долго молчат ее попугай и колечки. Зато Мишук колотит без передышки, громко угукает... А если уронит игрушку – кричит на всю комнату. Вот и сейчас его погремушка молчит, а сам Мишук лежит, сопит. Реветь, конечно, собирается... За Лёшиной спиной опять вовсю гремят Мишкины погремушки» (на рисунке изображены погремушки в виде попугая и колечка) (Брайловская, 1962).

О нач. 1960-х гг.: «Да и зачем Ире пистолет, если на одеяле лежала пластмассовая погремушка? Наверное, папа по дороге купил. “Почему она не играет погремушкой?” – на всякий случай решил проверить Кирик. “Не может взять в ручку, – ответила мама. – Ведь она еще маленькая...”» (Надеждина [1963] 1966, 94).

«Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел ... пластмассовую дудку, помятый волчок... и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля» (Драгунский, [1966], 1975, 38–39).

О конце 1950-х гг.: «Первый этаж [универмага] был отдан во власть детворы. Игрушки слева: от погремушки до заводной ракеты, которой не прочь поиграть и взрослый» (Сластников, 1961).

О нач. 1960-х гг.: «И ещё мы купили погремушки – такие красивые! Попугай на кольце и красный мишка» (Долинина, 1962, 66).

«ПОД мальчиком» – название причёски у девочек.

О восьмикласснице в конце 1950-х гг.: «Ира Грушева, долговязая девчонка, с причёской “под мальчика”, сидела на первой парте» (Зелеранский, 1961, 18).

ПОД «ноль» – стрижка наголо, то же, что «нулёвка».

О 1950–1952 гг.: «Я затряс остриженной под “ноль” головой. “Боишься отцовской остратки?” – опять сделал движение губой директор [школы]. “У меня нет отца”, – выжал я из себя» (Гай, 1987, 76).

«ПОД салютом всех вождей» – обещание пионеров, характерное для второй половины 1930-х гг.

О Москве в конце 1930-х гг.: «В школе, она была на Садовой... все мы были просто Вовы, Юры, Кирюши, носили красные галстуки и обещания давали “под салютом всех вождей”...» (Фридкин, 2004).

См. также: *Честное ленинское*.

«ПОДАРОК первокласснику» – помещенный в коробку набор школьных принадлежностей для ученика первого класса.

О Челябинске в 1979 г.: «...Я помню большую цветную коробку “Подарок первокласснику”. В ней лежали тетрадки и целлофановые обложки, деревянная линейка, точилка, кассы букв и слогов. Щитки для кассы, обтянутые дерматином, покупали отдельно» (Высочина, 2007).

ПОДВОРОТНИЧОК – «белый воротничок, прикрепляемый снизу под стоячий воротничок форменной одежды» (Словарь, 1960–10, 293).

О середине 1960-х гг.: «В прошлом году Витька часто опаздывал на уроки, ходил неряхой – с оторванными пуговицами и без подворотничка на школьной форме. Он не был пионером, и мы всем звеном решили повлиять на него. Начали с беседы. Убеждали все по очереди, а Витька только... посмеивался. Пользы от разговора не было... Тогда Наташа предложила: будем пришивать ему пуговички и подворотнички. Небось, стыдно станет. Витька отнесся к этому спокойно. Дал пришить одну пуговицу и сказал: “Эта тоже слабая, надо закрепить”. Через день пуговицы на его рубашке снова болтались. С подворотничком оказалось проще – его хватало почти на неделю. Так мы приучали Витьку к порядку больше месяца» (Дупленко, 1966, 38–39).

ПОДВОРОТНЯ – «проём в стене дома для проезда, прохода во двор» (Лопатин, 1997, 457); этим словом во вт. пол. XX в. традиционно обозначают скрытое от прямого обзора неофициальное место сбора и времяпровождения подростков.

О нач. 1960-х гг.: «Нехитрый в общем-то спектакль. Но вот смешно: мы, взрослые, умудренные, верим. Сразу верим, что этот вот мальчишка с ухмылочкой – наглец. Что группа подростков, захихикавших нам вслед в подворотне, – банда распущенных хулиганов. А они в большинстве-то никакие не хулиганы. Ухмылка – маска. И хамские словечки – защита. От нашей нечуткости они защищаются» (Матвеева, 1966, 12).

ПОДВЯЗКА – «Резинка, тесёмка для подвязывания на нозе чулка» (Словарь, 1960–10, 297).

«Подвязки – часть мужского и женского нижнего белья... XIX век ввёл подвязки с резиновыми прокладками и лентами. Только в XX в. круглые резинки были ликвидированы как несвоевременные. Подвязки стали прикреплять к корсету, а позднее к специальному поясу для чулок» (Терешкович, 1999, 266).

Подвязка у девочек.

О 1890-х гг.: «...Девочка лет двенадцати в голубом платье... дошла до старого завода, поднялась по шаткой лестнице на площадку без перил... Как она падала, я даже не заметил... Подбегаю – она лежит и молчит... Я зорал во все горло... Она вскочила, прижала обе ладони к моим губам и шепчет: “Молчи, дрянь, молчи, дрянь”. А у самой по щекам бегут слезы и губы в крови. Я замолчал. Она стерла кровь с губы и стала осматривать себя со всех сторон. Не себя осматривала, а одежду. На одной ноге у неё оборвалась подвязка, чулок спустился. На платье пояс разорвался. “Мальчик, – сказала она, – ты можешь иголку с белой ниткой достать?”... Я украдкой раздобыл дома иголку с белой ниткой и живо принес девочке. Она успела уже привести в порядок смятое платье и пригладить волосы. “Как вас зовут?” – спросил я её. “Шурой зовут, – сказала она, – а ты отвернись, пожалуйста”. Через несколько минут все было пришито» (Маршак, [1930] 1971–6, 540–541).

О катании гимназисток на *гигантских шагах* («гигантах») в начале XX века: «На скамье против гигантов сидит реалист... Ева... развеселилась. “Давай, Нина, побегаем на гигантах”. “Давай”... И побежали... Ева разбежится, с силой оттолкнется от земли, взрывая пыль, и взлетит высоко – выше берёзок... Мелькают ноги в чёрных чулках, развеваяются юбочки. И вдруг Нина камнем с высоты. Стала на ноги и бегом к столбу вместе с петлей... И вмиг Еву закрутило... Ноги высоко над землей: и до земли не достать и из петли не вырваться... Сейчас головой о столб – и вылетят мозги... Раз! Кто-то схватил Еву за ноги, рванул с собой и остановил... Потом стряхнул пыль со своей серой блузы и отошел... Ева обозлилась. “Ты что наделала, дура? Из-за тебя я чуть не треснула головой о столб”. “Прости, – испугалась Нина, – я не могла бежать. У меня лопнула подвязка, и чулок спал вместе с подвязкой. Не могла я при мальчике бежать. Стань поближе, я поправлюсь”» (Будогоская, [1929] 1988, 26–27).

Из издания 1966 г.: «Девочке вредно носить круглые подвязки, слишком стягивающие тело пояса,

бюстгальтеры, тугие трусы, поскольку это нарушает нормальное кровообращение» (Поллак, 1966, 30).

Ср.: *Резинка для чулок (стягивающая, «круглая»)*.

ПОДГЛЯДЫВАТЬ – см.: *Подсматривать*.

ПОДГЛЯДЫВАТЬ в женской бане (о мальчиках) – см.: *Подсматривать*.

ПОДГЛЯДЫВАТЬ в физкультурной раздевалке – см.: *Переодевание на физкультуру*.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ класс.

О середине 1970-х гг.: «Подготовительный класс... – группа дошкольников 6–7 лет, которых в школе готовят к поступлению в первый класс. В дет. садах воспитательницы в подгот. группах обучают детей элементарному счёту, рисованию, лепке и т. п. Если ребёнок не ходит в дет. сад, родители могут записать его в подгот. класс ближайшей от дома школы. Опытные учителя готовят дошкольников к школе» (Денисова, 1978, 175).

ПОДГУЗНИК – «кусочек ткани, подстилаемый грудному ребёнку под зад» (Ожегов, [1960] 1970, 524); «Разг. Небольшая пелёнка, которой обёртывают нижнюю часть туловища грудного ребёнка» (Словарь, 1960–10, 320).

О нач. XX в.: «Родишь – смотри, – не пеленай ребёнка, англичане давно это бросили, а уж я... второй месяц шью рубашечки и подгузнички» А.Н. Толст[ой]. Мишука Нальмов, 12» (Словарь, 1960–10, 320).

О нач. XXI в.: «Одноразовый подгузник сегодня стал неотъемлемым гигиен. средством в уходе за ребёнком... Одноразовый подгузник по форме напоминает многослойные трусики. Внутр. слой – тот, кот. Непосредственно контактирует с кожей ребёнка, способен мгновенно пропускать влагу в одном направлении. Второй слой – суперабсорбент, изменяющий физ. состояние жидкости и превращающий её в гель. Внешний полимерный слой защищает уже не ребёнка, а одежду, фиксирует сам подгузник и придаёт ему форму» (Будуар. Ежемесячное издание для женщин. 2007, № 5 – С. 20).

ПОДДЁВКА – забава детей в форме искусственного диалога (как правило, краткого), построенного таким образом, чтобы второй, вовлеченный в него, оказался пойманым на слове. «Скажи: чайник». «Чайник». «Твой отец начальник». «Скажи: печка». «Печка». «Твоя мать овечка». «Скажи: стол». «Стол». «У тебя в тетради кол!» (Лойтер, 1991, 105, 131). «Поддевки-шутки строятся или в форме вопросов и ответов, или в форме стишка с поддевкой в конце: “Ши ли каша?” “Каша”. “Пуговица наша!”» (Мельников, 1987, 90).

О Покровске в середине 1910-х гг.: «В это время к парте нашей подошел подвижной, лопухий и лохматый второгодник. Он внимательно разглядел меня. Сел на крышку парты и быстро спросил: “...Это чья пуговица?” – И он ухватил блестящую пуговицу на обшлаге моей гимнастерки. “Моя, а то чья же еще?” – ответил я. “А раз твоя, так держи её!” – И, вырвав пуговицу, он сунул мне её в руки. “А это чья?” – спросил он, берясь за следующую. Наученный горьким опытом прошлого ответа, я сказал, что не знаю. “Не знаешь? – закричал лопухий второгодник. – Значит, не твоя?” И, оторвав вторую пуговицу, он бросил её на пол. Класс захлопотал. Так я остался бы, вероятно, без единой пуговицы, если бы не пришел инспектор» (Кассиль, 1987–1, 79–80).

О Москве во вт. пол. 1920-х – нач. 1930-х гг.: «...Какой-нибудь балбес постарше подойдет к маленькому и с невинным видом попросит: “Скажи “стакан””. “Стакан”. “Твой отец таракан”. Очень обидно становится, но балбес не унимается: “Скажи “верёвка”. “Верёвка”. “Твоя мать воровка! Э-э, слышали? Его мать воровка! Он сам сказал”» (Федосюк, 2004, 15–16).

О нач. 1930-х гг.: «Перед Минькой вынырнул Кеца и, схватив за пуговицу на рубашке, спросил: “Чья пуговица?” “Моя”, – машинально ответил Минька. “Тогда, – на, возьми ее!” – И Кеца, оторвав пуговицу, сунул Миньке в руку. Минька едва не задохнулся от злости. Кинулся было на Кецу, но Кеца скрылся в толпе ребят. “Не обращай внимания, – спокойно сказала Аксюша, – он дурак. А пуговицу я тебе пришью”» (Корушнов, 1985).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Это ещё что! Основной детский фольклор тех лет был куда debilнее. Например: “Ты за луну или за солнце?” “За луну”. “За советскую страну”. “Я за солнце”. “За проклятого японца”. Полный бред. Но может быть (даже скорей всего), это была нар. сатира, пародия на офиц. идеологию “железного занавеса”, на всех этих мистеров Твистеров?» (Бек, 2000).

О середине 1970-х гг.: «Идеологические провокации – например такие: “Ты за луну или за солнце?” “За солнце”. “За пузатого японца! Я за луну! За советскую страну!”» (Жавелева, 2006).

О середине 1980-х гг.: «Ты за кого? За луну или за солнце? Если за луну – значит, за советскую страну. Если за солнце – за паршивого японца» (495).

О конце 1990-х гг.: «Когда я училась в школе и мне было 12 лет, я узнала этот розыгрыш. Он заключался в следующем: нужен был партнер, которому предлагалось повторять за мной, но прибавлять к сказанному мною слову – «яско». “Стол” – “Яскостол”, “Липа” – “Ясколипа”, “Тина” – “Яскотина [Я скотина]”. После этого мы долго смеялись над его признанием, которого он сам не ожидал» (019).

О Курганской обл. в конце 1990-х гг.: «“Ишак”. Подходишь к кому-либо из друзей и просишь сделать шаг. Затем повторяешь: “И шаг ещё, и шаг ещё...” Когда “жертва” делает данное количество шагов, ты спрашиваешь: “Ты, что, ишак?”» (030).

Особой разновидностью поддевок являются поддевки, включающие действия с предметами.

О XIX в.: «...Мальчик – ...в кумачовой рубашке и белом картузе – сказал: “...Дай-ка мне картуз. – И он, не дожидаясь, стащил с моей головы картуз и спросил: – Он слушаете тебя?” “Нет”, – сказал я, не понимая, к чему он это спрашивает. “Нет, так зачем же ты такой носишь? Дай-ка я его закину”. И он размахнулся, собираясь закинуть картуз. Я понял, что попал впросак, и захотел поправиться. “Слушается!...” – поспешил крикнуть я. “Коли слушается, то позови его; он к тебе сам придёт...” Мальчик далеко кинул мой картуз, я побежал за ним» (Семёнов, 1987, 140–141).

Ср.: *Розыгрыш*.

ПОДЖИГ – самодельное устройство, действие которого аналогично выстрелу; забава мальчиков-подростков.

О сибирской деревне в 1933–1934 гг.: «Ребята... занимались изготовлением ножей, поджигов-пистолетов... Кеша... изладил поджиг из ружейного патрона, принялся поворовывать у отца спички, порох, чтобы, обмирая от страха, пальнуть в заплот или в пташку. Но об этой забаве, от которой ребята оставались без пальцев либо без глаза, об опаленных бровях, ресницах и навечно запорошенных горельем порохом лицах мне рассказывать не хочется» (Астафьев, 1989–1, 230).

О 1941–1942 гг.: «...Шла война, и мы не могли оставаться от неё в стороне. Мы сражались на деревянных саблях, боролись, бывало, даже дрались, тут же мирились, мастерили поджиги и стреляли из них по мишеням, на которых углем рисовали фашистские рогатые каски» (Калинин, 1988, 41).

О второкласснике в 1946 г.: «Инна не догадывалась о Севкиной любви. Вряд ли она вообще замечала его среди стриженной одинаковой малышни... Да он и не рассчитывал на взаимность. Просто на переменах он смотрел на Кузнецову и придумывал сказку. Однажды он сделал из медных трубок двухствольный пистолет-поджиг (как у Гришуна) и поздно вечером выйдет на улицу. А Инна будет возвращаться домой после очень долгого пионерского сбора. И тут из лога, в котором журчит речка Тюменка, вылезут в масках бандиты... Вот тогда-то Севка спокойно поднимет пистолет и чиркнет по запалу спичечным коробком. Один раз – бах! Второй раз – бах! Два бандита – наповал, остальные – драпать» (Крапивин, 1988, 30–31).

О мальчике в Свердловске в нач. 1950-х гг.: «...Он открыл выделенный ему ящик стола, где... постепенно скапливались нужные вещицы, например, рогатка, самодельный деревянный пистолет, называемый “поджи-

гом”... , сыромятные ремешки для шнурования футбольных мячей, увеличительное стекло...» (Дробиз, 2004).

О в Краснодарском крае во вт. пол. 1950-х гг.: «Помню, как я [1949 г. р.], научившись читать, тайком бегал в библиотеку, прятал книжки под полу ватного своего пальтишки, боялся, чтобы сверстники не заметили. Эта тайная любовь и стыдоба – читать, вместо того чтобы набивать самодельный “поджиг” спичечными головками» (Ивеншев, 1999, 45).

О мальчишке 8–12 лет в посёлке Свердловской обл. во вт. пол. 1950-х гг.: «А ведь кроме... страсти коллекционера были и другие, мелкие, часто одноразовые страстишки. Весенняя добыча яиц из гнезд диких птиц... , пугачи да поджиги... Разумеется, памятные и самые опасные эпизоды. Так, однажды у меня в кармане взорвалась пачка дымного пороха, к счастью, не полная, отчего я сам лишь слегка обжегся, но у моего пальца вырвало напрочь карман, и вся лапа, считай, сгорела. Чуть позже этого случая произошло ещё два аналогичных – выстрелил из поджига в консервную банку и незамедлительно получил практическое доказательство истинности закона о “действии и противодействии” – заряд полетел в одну сторону, а ствол самодельного пистолета, видимо плохо закрепленный, – в противоположную. В грудь, по счастью, не воткнулся, но синяк вышел порядочный – в аккурат против сердца. Болело долго. Потом разорвало сигнальную ракету, и все содержимое попало в лицо одному моему корешу. Магний, к счастью, отскочил и сгорел на земле, но пыж в щеку воткнулся, и частички пороха усеяли лицо» (Чуманов, 2002).

О селе Курганской обл. во вт. пол. 1960-х гг.: «Это мне рассказал отец, В.К. Низаветин, 1957 года рождения, живший в детстве в селе Дулино Целинного р-на Курганской обл.: “Поджиг, формой напоминавший пистолет, делали ребята постарше, учившиеся в классе в шестом-восьмом. Поджиг состоял из медной трубки, соединенной при помощи проволоки или изоленты с деревянным прикладом. В трубке делали прорезь. Возле прорези к прикладу крепились спички, в трубку засыпали порох, затем бумагу, и бросали несколько дробинок. Коробком чиркали о спички, и происходил выстрел. Иногда поджиг разрывался, значит, был сделан из плохой трубки. Были случаи, когда даже пальцы отрывало”» (Низаветин, 2006).

Ср.: «Поджигное» ружьё; «Пугач»; Самопал.

ПОДЖИГАТЬ газеты в почтовых ящиках – вид детско-подросткового озорства, хулиганства.

В кинокомедии 1962 года «Семь нянек» (режиссёр Р. Быков) взятый на перевоспитание «трудный подросток» поджигает газеты в почтовом ящике на двери квартиры.

О 15-летнем подростке во вт. пол. 1960-х гг.: «Чирирай когда-то жил в нашем доме... [Он] отнимал у маленьких деньги, поджигал газеты в почтовых ящиках, бил из рогатки фонари и лампы в подъездах... Потом его отправили в воспитательно-трудовую колонию на два года...» (Рошин, [1971] 2002, 24–25).

«ПОДЖИГНОЕ» ружьё – см.: Самопал.

«ПОДКИДЫШ» – фильм 1939 года (сценарий Агнии Барто и Рины Зелёной, режиссёр – Татьяна Лукашевич).

Пятилетнюю Наташу мама препоручает заботам её старшего брата, но тот, занятый общением со сверстниками, не замечает, что девочка ушла из квартиры. Девочка знакомится с детсадовскими детьми, но, пока заведующая звонит в милицию, уходит гулять снова...

«ПОДКИНУТЬ пачек» – показательно побить.

О середине 1930-х гг.: «И вот я вышел в первый раз из дома на прогулку во двор. В белых носочках, сандаликах, береточке, матросочке. Настоящий маменькин сыночек из буржуазной семьи. Местные мальчишки тотчас решили, как тогда говорили, “подкинуть пачек” новосёлу из “гнилых интеллигентов”. Но вот тут-то они и наткнулись хоть и на опрятного, но закалённого спартанским военным воспитанием паренька. Я уже знал, что если к тебе подступают группой, – бей сразу главного, бей первым. Удалось сбить его с ног, другие затихли, зауважали барчука в матросочке» (Стриженов, 1999, 11–12).

ПОДКУЧКИ – детская игра.

О 1880-х гг.: «Мальчишки играли в чижики, в чушки, ездили верхом друг на дружке... Здесь же на землю, на прошлогоднюю траву... , сели девки, играют в подкучки: прячут в мякинные кучки по два яйца, половина кучек пустая, – угадывай. Никита подошел к подкучкам и вынул из кармана яйцо...» (Толстой, [1919–1922] 1984, 77).

ПОДЛЕТОК – «Простореч. Подросток. – Девуце ещё и шестнадцати лет не исполнилось, но развязность, но развязность, самоуверенность и прочее – просто удивительные. Вот мы и играли в любовь с этим подлетком. Купр[ин]. Одиночество. Васенка хоть высоконогая на ногах была, а ещё далеко до невесмы не дотянула. Подлеток ещё, годов может тринадцати, много четырнадцати. Бажов, Ключ земли» (Словарь, 1960–10, 432).

О нач. XX в.: «Только вот на двенадцатом ли, тринадцатом годочке... Настенька захворала оспой... Счастье считалось, коли кто выкарабкается изсковырянным вроде решета... Как выхворалась, так прямо узнать нельзя девчужку. Такой изьян и парнишке не больно всласть, а девчонке да ещё подлетку и вовсе тошно» (Бажов, 1978, 141–142).

ПОДЛЕТОЧЕК – «Простореч. Уменьш.-ласк. к подлеток. Елену она продолжала считать не замужем, а девичьей, “подлеточком”. Бобор[ыкин]. Перевал, II, 33» (Словарь, 1960–10, 432).

«ПОДЛЯНА» – мелкая каверза, пакость; тайно нанесённый кому-либо ущерб, незаметно устроенная кому-либо неприятность.

О 1980-х гг.: «У нас в классе был мальчик, как раньше мы его считали тихоней. Постоянно ему делали “подляны”. На уроке передавали его дипломат в другой конец класса и прятали, когда кончался урок, он постоянно искал его. На стул подкладывали кнопки, мелом рисовали на парте и на его столе. На спину весили различные записки, например: “Ищу работу”, “Ищу жену”, “Я дурак” и т. д.» (494).

О подростках 11–14 лет в Шадринске в 1996–2007 гг.: «Со словом “подляна” я столкнулась в 11 лет во дворе г. Шадринска. Первый раз я услышала его от соседа Димки, он разозлился на ребят с соседней улицы и решил “сделать подляну”, то есть как-нибудь навредить, например, сломать шалаш. Слово сразу вошло в словарный запас двора и сохраняется до сих пор. Например, моя 14-летняя сестра, придя из школы, сказала: “Это химичка всех бесит – мы хотим ей подляну сделать – изрисовать таблицу Менделеева”» (012).

«ПОДЛЯНКА» – то же что «Подляна».

«ПОДНАЧКА» – см.: «Выделять за подначку».

ПОДНОЖКА – постановка ноги под ногу бегущего с целью свалить с ног.

О вт. пол. 1930-х гг.: «У Людки был острый носик, косы и слегка распушенная на лбу челочка. Я терпеть ее не мог. Когда она проходила по коридору, тонконогая и худенькая, я всегда норовил поставить ей подножку. Но Людка держала ухо остро, перепрыгивала ногу или останавливалась как вкопанная и с укором смотрела на меня... Но всё-таки моя взяла: бежала она как-то с картой по коридору и наткнулась на незаметно выставленную ногу, споткнулась и... и распростерлась на полу. И заревела. Уж очень сильно ушибла колени. Я схватил ее за локти и приподнял: “У-у-у-у, дурочка, даже падать по-человечески не умеешь!” Она вытерла рукавом лицо, шмыгнула остреньким носиком и, прихрамывая, потащила карту дальше» (Мошковский, [1963] 1987–1, 295).

О конце 1960-х гг.: «“Ты просто сбежал, – сказал Венька – А Мишка со своим Савельевым вытворают что хотят... ..На физкультуре Мишка подставил ножку Подлепихиной, она упала”» (Драбкина, 1975, 103).

«ПОДНЯТАЯ целина» – роман М.А. Шолохова.

В 1960-е – 1980-е гг. изучался в школе.

«Был февраль, когда в X классе разбирали “Поднятую целину”» (ТИ, 1963, 63).

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ по делам несовершеннолетних органов внутренних дел – специальные отделы,

осуществляющие работу с безнадзорными и беспризорными детьми и подростками.

«Ведут историю с 1935 года, когда Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О ликвидации дет. беспризорности и безнадзорности” обязало... НКВД СССР усилить борьбу с уличным хулиганством детей и подростков. Дет. приёмники-распределители, принимавшие беспризорных и безнадзорных детей, были отнесены к ведению НКВД. В соответствии с инструкцией № 116 от 28 июля 1935 года... учреждались спец. комнаты для приёма детей... Подразделения по делам несовершеннолетних действовали во всех районных и гор. органах (управлениях) внутренних дел, подразделениях транспортной милиции... Осн. права и обязанности этих подразделений регламентированы Федеральным законом 1999 г. “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних”: осуществление профилактич. мер среди наиболее криминогенных категорий несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность несовершеннолетних; обвиняемых в совершении преступлений и не заключённых под стражу в период предварительного следствия; осуждённых к лишению свободы условно; освобождённых из воспит. колоний и др. По данным МВД, в 1995–1999 гг. в подразделениях по делам несовершеннолетних совершено правонарушений доставлено около 3,7 млн. подростков, сотрудниками подразделений раскрыто св. 160 тыс. преступлений, совершённых несовершеннолетними.» (ВЭС, 2003, 202).

ПОДРОСТКОВАЯ преступность – см.: *Преступность детско-подростковая.*

ПОДРОСТКОВЫЕ группировки.

«Иногда в подростковые группировки проникает, подчиняя их себе, организованная преступность. Например, в Казани преступные элементы разделили чуть не весь город на сферы влияния, насильственно подчиняя и жестоко карая тех подростков и юношей, которые отказывались им подчиняться» (Кон, 1989).

ПОДРОСТКОВЫЕ клубы – действующие под руководством взрослых объединения подростков.

О 1980-х гг.: «...Работа шк. комсомола оказалась в наибольшей степени обюрокраченной, формальной, подконтрольной старшим... В результате и престиж комсомола, и моральное значение членства в нем по сравнению с прежними десятилетиями резко упали... А если в школе скучно – появляются другие центры притяжения. Прежде всего это подростковые клубы или объединения по интересам. Они могут быть самыми разными: спортивными, научными (например, клуб “Планета” при Всесоюзном географ. об-ве), художественными (например, ТЮТ – Театр юношеского творчества Ленинградского Дворца пионеров) и прямо-таки всеобъемлющими, как знаменитая ленинградская Фрунзенская коммуна 1960-х годов. Хотя цели таких объединений различны, но лучшие из них захватывают ребят целиком, оттесняя и семью, и школу, и комсомол. В чем их преимущество? Во-первых, они добровольные, во-вторых – разновозрастные, в-третьих, во главе их, как правило, стоят интересные взрослые, энтузиасты (другим там делать нечего). Я видел несколько таких сообществ и вынес твердое убеждение, что какова бы ни была их офиц. цель, главное для ребят – общение друг с другом, личность руководителя и тёплая, человеческая атмосфера, которой им не хватает в школе. Но с этим же связаны и трудности их существования. Во-первых, к этим объединениям болезненно ревнуют оттесненные на второй план школьные учителя и родители. Во-вторых, представители “бездетной” педагогики, руководящие внешк. работой... понять не могут – что детей можно просто любить. Я не встречал ни одного руководителя юношеских объединений, которого периодически, а то и постоянно не подвергали бы травле и всевозможным подозрениям. Не все могут это выдержать. Кроме того, сказывается естественная усталость, меняется состав ребят, окостеневают некогда творческие формы работы. Короче, подростковые клубы смертны, как и все живое... Как бы они ни были автономны и разнообразны, 390

подростковые клубы все-таки относятся к категории пед. учреждений, и руководят ими взрослые» (Кон, 1989).

ПОДРОСТКОВЫЙ кабинет – медицинский кабинет, в котором принимают подростков.

О 1944 году в Ленинграде: «Мика присвистнул: “...А справка на что?” “Какая справка?” “Со штампом подросткового кабинета. Освобождение от занятий по гриппу...”» (Липилин, 1983, 99).

ПОДРОСТОК – «Мальчик или девочка в переходном от детства к юности возрасте (от 12 до 16–17 лет)» (Словарь, 1960–10, 567); «Мальчик или девочка в переходном возрасте от детства к юношеству (преимущ. от 12 до 15 лет)» (Лопатин, 1997, 464)

О 1990-х гг.: «Или идешь по улице, а навстречу тебе кодла подростков. Да не кодла же, зануда, а стайка. Веселая стайка подростков. Почувствуй разницу. Не жмись к стенке, не перевешивай сумку на другое плечо, а иди им навстречу, улыбаясь открыто и радостно... И смело можешь быть уверен, что в пяти случаях из десяти они обойдут тебя стороной, обдав ароматным облачком “джуси фрута”...» (Иргеньев, 2001)

«ПОДРУЖКА» – «книжка для маленьких детей» Александры Леонтьевны Толстой (урожденной Бостром) (1854–1906). Книга выходила в 1892, 1905, 1910, 1915, 1916 гг.

«Мать писателя [А.Н. Толстого], Александра Леонтьевна Бостром, была в своё время известной детской писательницей. Её книги “Подружка”, “Как Юра знакомился с жизнью животных” содержали большой познавательный материал и занимали почётное место в дореволюционной литературе для маленьких детей» (Привалова, 1955, 6).

ПОДСКАЗКА – действие по значению глагола *подсказывать*.

О начале 1950-х гг.: «Конечно, списать домашнее задание было легко, а вот когда вызовут в классе, то тут только одна надежда на подсказку... Только Глеб Скамейкин с тех пор, как сказал, что будет бороться с подсказкой, всё думал и думал и наконец придумал такую вещь: подговорил ребят, которые выпускали стенгазету, нарисовать на меня карикатуру... Первым выступил Глеб Скамейкин. Он сказал, что во всём виновата подсказка. Это у него вроде болезнь такая – “подсказка”. Он сказал, что если б никто не подсказывал, то и дисциплина была бы лучше и никто не надеялся бы на подсказку, а сам бы взялся за ум и учился бы лучше... “Правильно, – сказал Глеб. – Мы начнем кампанию в стенгазете против подсказки”» (Носов, [1951], 1979–1; 446, 453–454).

О конце 1950-х гг.: «Был уже поздний вечер, а заседание учкома всё шло и шло. К столу выходили ученики пятых, шестых классов и однообразно, еле слышно говорили о том, почему они за первую четверть получили двойки. Члены учкома, ученики старших классов, задавали им одни и те же вопросы, потом – выступали, то есть разносили за шпаргалки и подсказки... Борис Новиков, выбранный в учком от десятого класса, сидел на первой парте и хмуро сдвигал темные брови. Всё ему не нравилось... Разве не прибегают они, уважаемые старшеклассники, к этим средствам спасения, появившимся, как показывает худ. лит-ра, сотни лет назад, вместе с первой школой, и здравствующими и поныне?» (Махров, 1959, 146)

ПОДСКАЗЫВАТЬ – тихо, незаметно говорить кому-либо то, что тот должен сказать, произнести.

О нач. 1950-х гг.: «Глеб... сказал, что если б никто не подсказывал, то ... никто не надеялся бы на подсказку, а сам бы взялся за ум и учился бы лучше. “Теперь я нарочно буду подсказывать неправильно, чтоб никто не надеялся на подсказку”, – сказал Глеб Скамейкин... “...Надо выводить на чистую воду тех, кто подсказывает”» (Носов, [1951], 1979–1, 454).

ПОДСМАТРИВАТЬ, подглядывать – тайно созерцать скрываемые верхней одеждой эротически окрашенные части тела или нижнего белья объекта созерцания. В большинстве случаев подглядывание осуществляется за лицом противоположного пола...

О тайном наблюдении мальчика за купающейся девочкой (девушкой) в начале XX века говорится в стихотворениях Николая Гумилева «Шестое чувство» («...Мальчик, игры позабыв свои, / Следит порой за девичьим купаньем...») и Владимира Набокова «Лилит» («...Когда из-за ольхи прибрежной / Я близко-близко видеть мог, / Как дочка мельника меньшая / Шла из воды, вся золотая, / С бородкой мокрой между ног») (Набоков, 1990, 68).

О мальчиках 11–14 лет в 1952–1953 гг.: «Как-то я, Боцман и Жердяй впервые повели [17–19-летнего] Михаила в баню, захватив из дома шайки, – в моечном отделении их вечно не хватало. Кирпичная одноэтажная баня располагалась у рынка рядом с фабричными корпусами. Мылся в ней весь город. Прежде чем попасть внутрь, приходилось отстоять очередь. Окна женского отделения бани снаружи были замазаны краской. Пацаны соскабливали краску, поглядывали, их гоняли, они все равно приклеивались к окнам, как мухи к липкой бумаге. Томление плоти властно тянуло к окнам и нас, и, не будь Михаила, мы бы не замедлили оказаться там, но он цыкнул на нас и запретил уподобляться скотам. Так и сказал: уподобляться скотам. Мы тогда ничего не поняли, но послушались» (Гай, 1987, 95–96).

В посл. трети XX века наиболее распространенным локусом детско-подросткового подглядывания является туалет. Подглядывание в туалетах начинается с детского сада. «В подготовительной группе девочки вместе с мальчиками уже стеснялись ходить в туалет, ходили по очереди (туалет был общим, только низкие перегородки между унитазами). А если воспитателя нет в группе, мальчики обязательно бегали подсматривать (окно и двери были стеклянными и наполювину закрашенными). Они поднимали друг друга или вставали на носочки...»; «Помнится, в садике мы подсматривали за мальчишками в туалете. Туалет у нас был общим, было разделение ширмой, доской, в которой была дырка, и мы в неё подглядывали... Традиция подглядываний переходит из дошкольных учреждений в школы...: “И парни, и девчонки подглядывали в уличный школьный туалет, если там были щели”; “Когда пошли в школу, туалет там был на улице, причем дыра была в стене между мужским и женским отделением. Подсматривание было в основном со стороны мальчиков, а мы визжали, старались туда же заглянуть...” Другое излюбленное место подглядываний – шк. физкультурные раздевалки...: “В шк. годы у нас сильно было распространено подглядывание. Это происходило в спорт. раздевалках, когда все переодевались на урок физкультуры. Обычно мальчики подглядывали за девочками, те в ответ очень сильно визжали, а потом подсматривали за ними. Подглядывание проходило по очереди: посмотрел сам – дай посмотреть и другому. Со стороны девочек подглядывание заключалось в том, чтобы посмотреть, какие трусы и плавки у мальчиков. Со стороны мальчиков было то же самое...”, “Мы с девочками любили подглядывать за мальчишками, когда они переодевались в раздевалке. Нам нравился сам процесс подглядывания”» (Цит. по: Борисов, 2002, 175–179).

О старшеклассниках в нач. 1980-х гг.: «...Наверно, хитрый и, наверно, должен буду подсмотреть, как она переодевается. “Признайся, хочешь обернуться?” Я пожал плечами. Дескать, ещё чего. “Ну тогда обернись, раз хочешь. Только по команде. Раз. Два” При счёте “три” я... совершенно неожиданно для себя взял и обернулся. Ты успела натянуть на себя выжтый сарафан и теперь прыгала на одной ножке, вытряхивая воду из ушей и заливаясь глупым смехом: “Ты, наверно, и купаться со мной пошёл, чтобы подсматривать?”» (Кривомазов, 1985, 89).

«**ПОДСНЕЖНИК**» – ежемесячный журнал для детей и юношества. Выходил в Петербурге с 1858 по 1862 год под редакцией сотрудника «Современника» критика В. Майкова.

«В течение всех 1860-х гг... из... журналов, появившихся в 1850-х гг., особенной популярностью пользовались “Подснежник” и “Рассвет”» (Чехов Н., 1909, 69).

В журнале печатались произв-ия Григоровича, В. Скотта, Ч. Диккенса, Г. Бичер-Стоу, Г.-Х. Андерсена и др. Гончаров переделал для журнала свою книгу «Фрегат Паллада». В кач. приложения к журналу выпускались сборники избранных мест из произв-ий совр. русских писателей (напр., из «Записок охотника» И.С. Тургенева). (ПЭ, 1966–3, 428).

ПОДУШКА – «Мешок, набитый пухом, перьями, волосом и т. п., используемый в качестве мягкой, пружинистой подкладки (под голову, для сидения, для других целей)» (Словарь, 1960–10, 671).

Подушками кидаться, сражаться – традиционное детское времяпрепровождение во время сончасы (тихого часа) или после отбоя (отхода ко сну).

О нач. 1950-х гг.: «Тихий час – не для нас!... Алевтина Дмитриевна отобрала мяч и велела два часа спать. Мы нехотя разделись, легли... “Я Наполеон!” – сказал Федул... Он поднялся на кровати, а подушку углом на голову надел. “Батарея! – кричал Серёга. – Огонь!” Штук пять подушек полетело в Федула. Он так и сел. Как начали мы подушками кидаться!... Пух летит... Мне Федул как закатал подушкой по голове» (Алмазов, 1979, 162).

О Шадринске в 1987–1991 гг.: «...В садике каждый день воспитатели устраивали нам сончас, и мы всегда его не любили. Мы были маленькие, в нас было столько энергии, хотелось бегать, играть, рисовать и многое другое, но спать никогда не хотелось. Воспитательницы же говорили типа: “Спите, пока маленькие, у взрослых времени послать нет”. Ещё они очень сердились, когда мы не хотели спать. Сидеть весь сончас воспитательницам с нами не хотелось, это было скучным занятием, а стоило только оставить нас одних, у нас тут же начиналась веселуха: кидание подушек, перепрыгивание с одной постели на другую, разговоры, хохот. Правда потом вновь заходили воспитатели и нам попадало, а самых бойких, бывало, ставили в угол» (442).

ПОДУШЕЧКА – жёсткая конфета, приготовляемая из сахарного и паточного сиропа и по форме напоминающая подушку.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «В детстве нашем не хватало конфет (были одни леденцы и подушечки)...» (Гречина, 1994, 209).

О 1929–1932 гг.: «Времена, когда по праздникам мне дарили коробки шоколадных конфет, давно прошли. Теперь конфеты и всё остальное выдают по карточкам. Да и какие там конфеты – только “подушечки”, на которых даже фантиков нет» (Лупанова, 2007, 63).

О мальчике 3-х лет в Москве 1934 г.: «...В самой глубокой луже сидел мой ровесник... В окне второго этажа стояла его мать, тшечно к нему взывавшая: “Олега! Оле-ег! Иди домой, я тебе подушечку дам!” Я ещё не знал тогда, что “подушечка” – главное лакомство этого ареала: конфетка с повидлом внутри. Около лужи стояла старушка. Она говорила: “Олег, что ж ты мамку не слушаешь? Она вон тебе подушечку обещает”. Олег, не переставая устраивать шторм в луже, кратко, но уверенно отвечал: “Врет!.. Заманивает...”» (Ряшенцев, 2007).

О 1941–1945 гг.: «“Ай гостю не рады?” – Глянул на ребят, они даже растерялись как-то... [Дед Матвей] развязал мешок и запустил в него руку по самое плечо... Сам ... поглядывает на ёлку – ай да славная вышла!... Наконец разгибает спину, протягивает конфеты-подушечки, белые вперемешку с розовыми, в сахаре обкатанные. До войны такие в магазине были, самые дешёвые. Теперь им цены нет. Обошёл всех по очереди, оделил подушечками...» (Шаповалов, 1986, 112–113).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «На улицах валилось в те годы много мелких денег, или просто глаза были расположены ближе к тротуару. Уже на десять копеек можно было купить сто грамм “подушечек” – пузатых карамелек, присыпанных сахаром, с яблочным повидлом внутри. Но чаще попадались медяки, и тогда на три копейки покупались те же сто грамм соленой тюльки в бумажном фунтике» (Клех, 2002).

ПОДШЕФНЫЙ – тот, над кем осуществляется *шефство*. См. также: *Подшефная школа; Подшефный детский сад*.

ПОДШЕФНАЯ школа – школа, над которой осуществляется *шефство*.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Она учила девочек петь революционные песни, которые пели пионеры в отряде, рассказывала, как пионеры ходят по домам собирать книжки для подшефной деревенской школы» (Смирнов, 1963, 105).

О 1961 г.: «Я уверен: никто во всем мире не встречал Новый год так, как я. Чтоб был только один парень – я! – и одиннадцать девчонок... Я праздновал с ученицами десятого класса нашей подшефной школы. Сейчас на заводе много школьников... Учебный зал подшефной школы расположен в нашем цехе... Я с ребятами из учебного зала знаком с первого дня... И вот перед Новым годом они предложили: “Хочешь встречать с нами?” Праздновали на квартире одной девчонки... Принесли, всё разложили, ждём-ждём – мальчишек нет... Так они и не пришли!» (Краковский, 1971, 44).

ПОДШЕФНЫЙ детский сад – детский сад, состоящий, находящийся под *шефством* октябрят.

О начале 1950-х гг.: «Все сказали: “Молодчага! / Ты, Андрюша, активист! / Раз ты выступил в печати, / Ты и шефом будешь кстати. В наш подшефный детский сад / Пусть тебя и пригласят”» (Барто, [1954] 1969–1, 354–355).

О 1980-х гг.: «Нам нужно было выступить в подшефном детском саду. Мы долго составляли программу концерта. Песни выучили, три танца, стихотворения. А ещё нам хотелось сочинить и показать малышам спектакль какой-нибудь» (Баскин, 1989, 7).

ПОДШТАННИКИ – мужские нижние панталоны (штаны); то же, что *кальсоны*.

О 1942–1943 гг.: «А на самом дне – Федька был готов сквозь землю провалиться – лежали новые трусики. Ни разу не одёванные, диковинные: цветастые. Их в прошлом году прислала дальняя родственница из города... Федька не мог глаза от земли поднять, не знал, что с исподними делать... “А-а-а, – встрепенулась Лизутка. – Трусики ваша мать прислала, говорит, будто вы собираетесь сегодня после пахоты на пруд купаться; так вот, она наказала, чтоб сразу в сухое переоделись”... В такой-то обновке по Калиновке пройтись не зазорно. У кого еще подобные найдутся? У Женьки Брюзлого, что ль? Да он бы давно всем расхвастался, а то в подштанниках купается, с тесемочками... Завертывая в тряпицу пустую бутылку, положил туда же и трусы. “Отнеси назад, – сказал Лизутке. – Сегодня не до купания, пахоты много”» (Акулинин, 1985, 125–126).

О мальчике-подростке в 1945 г.: «Обоих пострадавших [девушку и мальчика-подростка, попавших зимой в воду] раздели догола. Генка с молчаливым озлоблением боролся с раздевавшими его девчатами, держась за свои подштанники, как за якорь спасения, боясь обнажить свой стыд, – ведь он был единственный мужчина среди этого стада девчонок... ..Ему пришлось надеть чью-то женскую рубашку. Комендантша подоткнула одеяло со всех сторон, чтобы ниоткуда не дуло, а напоследок, чтобы не срамить Генку, но чувствуя необх-сть как-то напугать его, сказала: “Подштанники, кавалер, надо чаще менять...”» (Нагишкин, [1957–1961] 1965, 199).

О деревне в 1946–1947 гг.: «Сняв рубаху и штаны, [Васька] остался в белых кальсонах, развязал тесемки, закатал подштанники повыше и удивленно взглянул на меня: “Колька! Дак ты чо?”... В закатанных кальсонах Васька и правда был не больно-то привлекателен. Тем более что подштанники были ему велики и сползали» (Лиханов, [1971] 1986–1; 220, 222).

ПОДШУЧИВАНИЕ над учителями.

О детях 12–15 лет в с. Межборном Притобольного р-на в 1996–1999 гг.: «У нас в школе в некоторых классах первые парты стояли довольно близко к доске (1–1,5 м), поэтому можно было свободно достать рукой до учителя, если он что-то писал на доске. В это время учитель не мог видеть класс, и можно было что угодно приклеить ему на спину, но этого обычно не делали, боялись. Однажды моя одноклассница, сидевшая на первой парте, сделала из обычного тетрадного листка в клетку полоску шириной 3–4 см, а длиной около 15, свернула несколько

раз и написала вдоль крупными буквами “Хвост”. Эту полоску надписью вверх подтолкнула под кофту преподавательницы одним краем так, что она держалась. Весь класс умирал от хохота, а учительница ничего не понимала. Потом одноклассница убрала полоску и учительница ничего не узнала... У нас в школе была учительница черчения, которая всегда одевалась только в чёрное. Всегда. Мы её не любили и решили над ней пошутить. Зная, что она опять придет в чёрном, одна из учениц моего класса насыпала ей на стул мела с губки, которой стирали с доски. Конечно же, она пришла в чёрном и первым делом села на стул, чтобы отметить отсутствующих. Когда она встала и повернулась к нам спиной, чтобы что-то начертить на доске, все увидели, что её юбка в меле, и довольно сильно, и стали смеяться. Учительница растерялась, повернулась к нам с недоумевающим лицом и спросила: “Что, я замаралась?” После чего немного отряхнула юбку от мела» (099).

ПОДЪЕЗД – в современном словоупотреблении: пространство, начинающееся внутри жилого здания сразу за входной дверью за пределами квартир (совокупность лестничных клеток и лестничных пролетов).

О вт. пол. 1970-х гг.: «Мое детство было “дворовым”, “подъездным”. Ночами мы стояли в подъезде и ловили радиопередачи, которые вел Сева Новгородцев. Его тогда, само собой, слушать запрещали, поэтому мы и боялись, и гордились, чувствовали себя такими героями. Подъезд был моим вторым домом: там всегда ждали друзья. Правда, мы были довольно послушными детьми: не хулиганили, на стенах плохих слов не писали. Одна сигаретка на круг (в первый раз, интересно) это был самый большой криминал. Однако сама я не курила и не выпивала» (Овсиенко, 1997, 45).

ПОДЪЕМНЫЙ кран игрушечный – игрушка, характерная для второй половины 1940-х – 1950-х гг.

«...Здесь [на выставке “В поисках утраченного детства” из коллекции реставратора Сергея Романова, развернутой в Музее декоративного искусства] представлены предметы дет. окружения с 1870-го по 1980 год... Игрушка – важная реалия времени, и интересно проследить, как она менялась в зависимости от ист. эпохи... [19]40 – [19]50-е годы – эпоха бурного послевоенного стр-ва, и как следствие – акт. произво-во дет. подъемных кранов. Многие помнят и кукол тех лет, получивших имена уже при “рождении” – Зина, Тося, Гая и др.» (Богомолова, 2006, 4).

ПОЕЗД, играть в поезд – игра, в которой дети выполняют роли машиниста, кочегара, пассажира и т. д.

О Ленинграде в середине 1940-х гг.: «Прибежит Валерик к Боре – и начинается возня. Все стулья с места сдвинут, все подушки с диванов стащат, раскидают игрушки по всем комнатам. То в кубики играют, то в поезд, то в гости друг к другу ездят... И вдруг пришла беда: мальчиков разлучили... Боря остался один. Он очень скучал без Валерика: не с кем было сражаться в снежки, не с кем было съезжать наперегонки с ледяной горы во дворе, и дома ему совсем неинтересно было одному играть даже в самую любимую игру – в поезд. Пришлось в этот день Боре быть сразу и машинистом, и кочегаром, и пассажиром, и даже паровозным гудком» (Гринберг, 1949, 4–5).

«**ПОЖАР**» – стихотворение С.Я. Маршак. Первая редакция стихотворения опубликована в 1923 году, вторая редакция – в 1952 году.

О середине 1960-х гг.: «“Приоткрыла дверцу Лена – / Соскочил огонь с полена, / Перед печкой выжег пол, / Влез по скатерти на стол, / Побежал по стульям с треском, / Верх пополз по занавескам, / Стены дымом заволок, / Лижет пол и потолок”. Это из поэмы “Пожар”, любимой книжки четырехлетних и пятилетних малышей» (Сарнов, 1968, 121).

«**ПОЖАР**», в «пожара» – мальчишеская игра на деньги.

О нач. 1960-х гг. «...медали “За освобождение...” с отпиленными ушками для игры в “пожара”, то есть – стопка монет устанавливается на расстоянии нескольких шагов, все по очереди бросают свою медаль (или

металлический рубль) к куче, первым бьет по стопке тот, чья "бляя" легла ближе. Если разбил стопку – ясно, что первый. Цель – с помощью ударов "бляей" перевернуть монеты и забрать, естественно, себе. Играют и дети, и взрослые. Взрослые с детьми играют редко. Не те ставки. У детей уговор – играть "до косточки", а то мама посылает в магазин, и пацан, демонстрируя деньги, после проигрыша десяти копеек "сваливает"... Привозимые из других городов правила "у нас не канают" – в каждом городе есть свои представления, как играть в эту игру, и даже названия разные» (Михайлов, 2004, 5).

О 1960-х гг.: «Петька окликнул: "Постой-ка! Давай играть!" "Во что?" – спросил Веня... "В пожара"... В этой странной игре, которую Петька подцепил где-то в отпуске. Вене неизменно не везло. К тому же игра велась на деньги, а это было небезопасно: засекут взрослые, и особенно родители, – греха не оберешься... Веня смотался в чулан, где в чемодане... в дырявом сапоге хранилась жестяная коробочка из-под леденцов. В жестянке – медяки и серебро. Петька... тоже притащил деньги. Они зашли за сарай, в узкий... простенок. На каменной плите столбиком сложили мелочь – внизу две двушки, сверху две копейки – и стали издали кидать свои пятаки – биты. Кто ближе угодит к кону, тот и разбивает. Разбивал, конечно, Петька. Он облизал масляные губы, примерился и, хекнув, ударил ребром биты по кону, мелочь разлетелась. Ребята быстро наклонились, сблизив головы: монеты, перевернувшиеся гербом вверх, сделали Петькиной добычей. Сколько их? Двушка и копейка. Потом он ударил по другой двушке, она не перевернулась. Ударил Веня – перевернулась. Ещё он бил, потом Петька. Разыграв кон, снова поставили деньги столбиком, снова бросали к нему пятаки – биты. Если бита попадала в кон и разбивала его, деньги без боя доставались счастливцу. Это и был пожар. Отсюда – играть в пожара. "Мой кон!" – прошептал Петька... Затаив дыхание, [Веня] бросал биты, с жадностью и наслаждением следил, куда она упадет, пальцами отмеривал расстояние от бит до кона, перед тем как ударить по кону, в мыслях упрасивал неведомо кого: "Сделай, чтоб всё перевернулось гербом, сделай, я прошу!" У него тоже дрожали руки, пересыхало в горле, он потел и ощущал, как в нем растёт липкое, темное, постыдное. Эх, не связываться бы с этим пожаром!» (Смирнов, 1972, 141–142).

См. также: «*Пожарчик*».

ПОЖАРНАЯ лестница – лестница, идущая отвесно параллельно стене дома (от земли до крыши).

О середине 1960-х гг.: «...Мы видеть уже не могли свой футбольный мяч, девчоночки "классики"... нам с Сергеем Крючковым надоело на спор лазать – кто выше – по пожарной лестнице и подтягиваться кто больше – на нижней ее перекладине, в четверг во двор понаехало много грузовых машин» (Туинов, 1985, 8).

ПОЖАРНАЯ машина – машина (обычно красного цвета), предназначенная для тушения пожаров.

Пожарная машина игрушечная.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Появились в продаже игрушки... В магазинах покупали машинки, в том числе и заводные, с ключиком. Помню красную пожарную машинку, у которой выдвигалась лестница. Надо было для этого прокрутить маленькое колесико» (Андреевский, 2003, 382).

«**ПОЖАРЧИК**» – азартная мальчишеская игра. Вероятно, то же, что «*пожар*».

О 1946–1947 гг. в Севастополе: «...Я вышел на угол, где ребята играли в "пожарчика". Здесь были и Вовка Жереб, и Котька Грек, и Цубан, и даже горбатый Вася... "Будешь ставить?" – спросил Жереб. Я порхнул в кармане и нащупал десять копеек. Биты у всегда носил с собой – медный царский пятак. Отличная у меня была бита. Я кидал биты последним. Она легла у самого круга, в котором лежали деньги, но попался какой-то дурацкий камень, она звякнула об этот камень и укатилась метра на два от кона... "Я бью!" – крикнул Вася и плюхнулся на колени. Я увидел, как над горбом поднялась рука с битой и услышал, как зазвенели деньги. "Две есть", – сказал Вася и ударил третью. Монета взлетела и снова

упала "решкой". "У, черт!" "Спокойнее", – сказал Жереб и тоже смазал. "Моя будет", – сказал Котька и ударил по самому краю монеты. Монетка перевернулась и легла на "орла". Котька взял две. Последнюю забрал Шурка Цубан» (Черкашин, 1973, 11).

О шестиклассниках в середине 1950-х гг.: «Тут, рядом со школой и все-таки в стороне от нее, мы иногда играли в "орла" и в "ростовчика". Пока мы шли, я шарил по карманам, но моего счастливого медного пятака уже не было. Большой, толстый, он был незаменимой битой в игре в "раскидыша" и "пожарчика"» (Мелентьев, [1958] 1961, 20–21).

«**ПОЖЕЛАННИКИ**» – тетрадки для сбора письменных пожеланий.

О селе в Ташкентской обл. в 1976–1977 гг.: «Новогодние "пожеланники". Заводили отдельную тетрадь. Каждая хозяйка своей тетради, сворачивали листочки тетради треугольником, на листочек писали имена и фамилии, кто должен был написать хозяйке пожелания. В этих пожеланиях обычно писали стихи-четверостишия, рисовали рисунки, кто мог рисовать, ставили губы помадой, в знак того, что хозяйку целуют. Писали обычно пожелания в какой-нибудь смешной форме. Листочек с пожеланиями заклеивали и писали число, время, когда это поздравление можно открыть. Например: "Соколовой Наталии. Открыть в 8.30 вечера – 31 декабря". Все с нетерпением ждали этого момента, часто смотрели на часы, чтобы не пропустить» (485).

О середине 1980-х гг.: «У каждой девчонки должен быть песенник свой... Кроме песен там писались и секретки, а также отдельные странички с пожеланиями хозяйке песенника. Также заводили отдельную тетрадь, она вся сворачивалась треугольником, каждая страничка. Её давали каждой девочке, в нём она писала пожелания хозяйке. И вскрывать эту тетрадь можно было только в Новый год, а весь год она заполнялась пожеланиями. Тогда все эти пожелания исполнятся» (534).

О конце 1980-х гг.: «Новогодние пожелания. Где-то за месяц до Нового года делали такую тетрадь. Брели тетрадь (12–18 листов), и каждый лист складывали треугольником. И в течение месяца надо было её заполнить. Подружки должны были сверху на треугольнике написать число и время, когда и где я должна была прочесть их пожелания. А внутри треугольника писалось само пожелание. Числа были 30–31 декабря, время ставили любое, как ранее (утром), так и очень поздно. Места, где нужно было прочитать пожелания, также были разнообразны (под кроватью, на заборе, за воротами (если в частном доме), в туалете и т. д.)» (552).

См. также: *Уголки*.

«**ПОЗВОНИТЕ Кузе**» – телепередача второй половины 1990-х гг.

О Шадринске в 1996–1998 гг.: «Так называемая интерактивная игра "Позвоните Кузе" шла по РТР, когда мне было 11–13 лет. Мультяшный персонаж Кузя (похожий на чертика из "Сказки за сказкой") просил позвонить ему, переведя телефон в режим тонового набора, начать игру с ним. Он что-то очень хотел достать, для этого должен был пройти ряд испытаний. В общем, обычная компьютерная игра, только вместо джойстика – телефон, режим игры соответствует времени выхода передачи, и за тем, как ты играешь, наблюдает половина детей всей страны. Дозвониться до Кузи было практически нереально, но моя подруга Марина из Москвы однажды сумела. За телефонный счет, который пришёл позже, [она] была очень жестко наказана родителями. Я попыток дозвониться не предпринимала, так как понимала, что мне попадет не меньше. Да и без личного участия за этой игрушкой было забавно наблюдать. Фразы из неё становились чем-то вроде крылатых выражений (бессмысленных и коротких, но смешных почему-то). Например, "Кузьма, я за тобой наблюдаю", "Смех-смехом, а по мне бульжник проехал"» (109).

О середине 1990-х гг.: «Видеоигра "Позвоните Кузе" шла по каналу "Россия" и очень нравилась. Мы всегда её смотрели вместе с братом. Необходимо было позвонить

для участия, а играть легко: джойстик заменяла трубка телефона. Игра идёт по телевизору, а управляешь дома» (082).

«**ПОЙМАННАЯ ПТИЧКА**» – стихотворение (1859) А.А. Пчельниковой (наст. имя Августа Андреевна Цейдлер, 1830–1891).

Из текста: «Дети: “А, попалась, птичка, стой! / Не уйдёшь из сети; / Не расстанемся с тобой / Ни за что на свете!”. Птичка: “Ах, зачем, зачем я вам, / Маленькие дети! / Отпустите полетать, / Развяжите сети!” Дети: “Нет, не пустим, птичка, нет! / Оставайся с нами: / Мы дадим тебе конфет, / Чаю с сухарями...”»

Изначально «Пойманная птичка» представляла собой игру. «Птичка» должна была находиться в кругу детей, а те стояли, взявшись за руки, и не выпускали её из круга. Участники поочередно озвучивали текст диалога.

В 1864 г. К.Д. Ушинский опубликовал «текст игры» в виде стихотворения в книге «*Родное слово*».

Стихотворение «прибрело у детей огромную популярность» (Путилова, 1989–2, 23).

«**ПОЙМИ МЕНЯ**» – телевизионная развлекательная игровая программа.

О 1993–1994 г. в г. Снежинске Челябинской области: «Когда мне было 9–10 лет, шла передача “Пойми меня”, где участвовали две команды. Им необходимо было разгадывать слова с помощью жестов. У них на ушах были наушники. Мы во дворе тоже играли в эту игру» (117).

О 1996 году в Шадринске: «Мне было примерно 10 лет. По НТВ шла передача “Пойми меня”. Там надо было без слов, жестами угадать заданное слово. Играли во дворе с ребятами в такую игру» (114).

«**ПОКА ВСЕ ДОМА**» – еженедельная телепередача.

О Шадринске в 1995–1996 гг.: «Телепередача “Пока все дома” в 11–12 лет меня интересовала из-за рубрики “Оч. умелые ручки”. Меня забавляло, что можно сделать из ненужных вещей ещё кучу ненужных вещей. В настоящее время эта передача больше не занимает меня» (113).

ПОКАЗЫВАТЬ ДЛИННЫЙ НОС – традиционный детский жест (две растопыренных соприкасающихся пальцами ладони, одна из которых, помимо того, большим пальцем прижимается к носу), демонстрирующий превосходство, стремление передразнить, унижить и т. п.

О 1930-х гг.: «В средней школе многие теоремы Зоя доказывала “собственным способом”... ..Когда учитель вызывал её к доске, [она] быстро писала созревшее в уме решение и, возвращаясь на своё место, презрительно показывала мальчишками “длинный нос» (Печерникова, 1961, 55).

О нач. 1960-х гг.: «Дима собрался с духом и громко сказал: “Ну, давайте в казаки-разбойники”. Маруся подняла обе руки, показала Диме длинный нос и, не сводя с него глаз, крикнула: “Вовка! ...Я принесу Дуньку, давай в папу-маму!” “В папу-маму!” – обрадовался Вовка» (Верейская, 1966, 81).

«**ПОКАЗЫВАТЬ МОСКВУ**» – поднимать ребёнка за уши или стискивая ему голову. Действие является частью розыгрыша. Ребёнку предлагают посмотреть Москву, тот соглашается, после чего его тянут вверх за уши.

О 1921 году: «На следующий день, увидев Яшку, Петька сказал: “Иди к нам, мы тебе Москву – золотые маковки покажем”. Яшка обрадовался приглашению и пошёл вместе с Еленкой на суслонский двор посмотреть на золотые маковки. “Ну что, золотые маковки пришёл смотреть? – встретил их Петька и подмигнул Яшке. – Становись спиной. Яшка стал спиной к Петьке, а тот взял его за уши и потянул вверх. “Видишь?” Но Яшка отёрнул голову и, захватив руками горевшие уши, сквозь слёзы пропичал: “Рыжик... Мухоморный рыжик...”» (Филев, 1962, 8–9).

О 1920-х гг.: «“Хочешь, курноса, Москву поглазеть?” – стукнул его Федька по лбу. “Хочу-у-у!” – заплакавил Лавря. Федька взял Лаврушку за уши, дёрнул было вверх, но Лавря так заорал, что Федька разом оторвал руки – будто обжёгся» (Валов, [1934] 1986, 74).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Взрослые “показывали Москву” детям. Стискивали им голову руками и поднимали. Процедура была довольно неприятная» (Андреевский, 2003, 381).

О с. Глядянском в 1988 г.: «“Москву показать”. Так обычно мне делал папа. Он брал обеими руками меня за уши и поднимал высоко, высоко, чтобы я увидела то, что мне не видно. Впервые мне это показал папа, когда мне было годика четыре» (106).

О девочке 5–10 лет в Шадринске в 1989–1994 гг.: «Когда мне было лет 5–6, мы с папой очень часто играли вместе. Однажды он спросил: “Хочешь, Москву покажу?” Я, конечно, обрадовалась и согласилась. Тогда папа подвёл меня к окну на кухне, а сам встал позади меня и сказал: “Я тебя подниму, а ты смотри вперед и увидишь Москву!” Он обхватил мою голову руками и приподнял меня на 40–50 см от пола. Мне стало немного больно, и я инстинктивно схватилась своими руками за папины. Тогда он опустил меня и сказал: “Ну, что, видела Москву?” “Нет”, – ответила я. “Ещё хочешь?” “Не-ет!!!” Потом папа ещё раз или два “показывал мне Москву”. Но лет в 10 в школе мне рассказали случай, когда мальчику дядя “показал Москву”, а у мальчика не выдержали шейные позвонки, и он скончался. С тех пор мы больше не играли в такую опасную игру» (020).

О Шадринске в 1990 г.: «Когда мне было 5 лет, папа сказал мне: “Хочешь я тебе Москву покажу?”. Я, конечно же, согласилась. Папа взял обеими руками мою голову и стал поднимать меня вверх. При этом он говорил: “Ну, что? Как там Кремль?”. Я, конечно же, ничего не увидев, спросила: “А куда смотреть?” При этом все взрослые почему-то смеялись, а я не понимала в чем дело» (103).

О с. Красная Нива Шадринского р-на в 1990 г.: «Когда мне было 6 лет, мне “показывал Москву” дядя. Спрашивают: “Хочешь, Москву покажу?” Отвечают: “Хочу”. Берут двумя руками за уши и тянут вверх (в пределах разумного). Когда человек начинает издавать крики, что ему больно, – прекратить» (102).

О девочке 5–6 лет в с. Межборное Притобольного р-на в 1990 г.: «Когда я была маленькой, старшая сестра мне говорила: “Хочешь, Москву покажу?” Я отвечала: “Хочу”. Тогда она брала меня обеими руками за голову, сжимая её ладонями в области висков, и за счет этого, словно я в тисках, поднимала меня, немного подняв от пола (5–10 см), при этом говорила: “Видишь Москву”. Я, конечно же, отвечала: “Нет, не вижу?” Она повторяла вопрос, я снова отвечала: “Нет”. Мне становилось очень больно, а она меня не отпускала до тех пор, пока я не скажу: “Да, вижу”. Подобное я делаю и сейчас, в 2007 г., со своими племянниками (детьми сестры)» (099).

О г. Шумихе в 1990–1993 гг.: «Мне “Москву показывали” брат и папа. Обычно “Москву показывали” старшие ребята (и даже взрослые) младшим детям. Первоначально ребенок, которому предлагали показать Москву, действительно верил, что её увидит. И лишь потом, когда его поднимали над землей (полом), зажимая при этом его голову (в области ушей) между ладонями, и спрашивали: “Ну что, видишь Москву?”, он понимал, что это шутка (розыгрыш) и говорил: “Виджу”, чтобы его отпустили (так как ему было больно). Держать в подвешенном положении будет до тех пор, пока не скажешь, что видишь Москву» (100).

О девочке 9–11 лет в с. Ястребинка Пресновского р-на С.-Казахстанской обл. в 1993–1995 гг.: «В детстве в нашей компании была распространена игра, в которой можно было, взяв более младшего ребенка ладошками в области ушей за голову, поднять его немного и спросить: “Ну как? Видишь Москву?” Иногда человека можно было спросить: “Хочешь Москву увидеть?” Если он скажет: “Да”, то поднять его» (019).

О Катайске в 1993–1996 гг.: «Когда мне было лет 7–10, мой старший брат “показывал мне Москву”. Он говорил: “Хочешь Москву увидеть?”. Отвечив согласием, я подходила к окну, а брат подходил сзади, ладонями рук сжимал мне голову и поднимал кверху. При этом говорил: “Смотри! Сейчас Москву увидишь”. Игра мне сразу не понравилась: было больно голове. Поэтому, когда брат в след. раз спросил, хочу ли я увидеть

Москву, я решительно отказалась. Иногда он тайком подкрадывался сзади и сжимал мне голову, чтобы приподнять, но я вырывалась и не хотела играть в эту игру» (018).

О девочке 13 лет в с. Ново-Ильинском Петуховского р-на в 1999 г.: «Однажды я сидела дома, делала уроки после школы, и ко мне подошел папа (я подумала, сейчас снова покажет мне прикол, так как он любил придумывать всяческие глупости) и спросил: “Ты Москву хоть раз видела?”, я ответила: “Нет”. Тогда я подумала, может быть, он хочет свозить меня в Москву, уже обрадовалась. Тогда он сказал: “Хочешь, Москву покажу?”, я говорю: “Конечно”. Он сказал: “Встань ко мне спиной”. Я встала, и он поднял меня, приложив свои ладони к моим вискам, и сказал: “Видишь?” Естественно, никакой Москвы я не увидела, но больше не поддавалась на его уловки. А потом оказалось, что многие в селе знают этот прикол» (143).

ПОКАЗЫВАТЬ язык – традиционный детский «мимический жест», демонстрирующий превосходство, независимость, стремление передразнить, унижить и т. п.

О конце 1880-х – нач. 1890-х гг.: «Обыкновенно в баню нас вместе с Катей брали сестры. И я, не подозревая для себя никакой неприятности, пошел в комнату девочек распыгать, скоро ли мы пойдём. Когда я вошел туда, Катя была уже там... Остальные на меня сначала не обратили внимания. Но тут Соня стала переодеваться в баню и, оглянувшись на меня, сказала: “Ты что торчишь? Иди отсюда, ты уже не маленький. Стыдно смотреть, когда сестры переодеваются”. Меня выставили. Сначала я обиделся, хотел им показать язык» (Романов, [1928] 1990, 181).

О нач. 1910-х гг.: «Дверь мне открыла курносенькая белобрысенькая девочка в белом передничке. ...Она спросила: “Ты зачем?” Я сказал, что принёс Надежде Александровне ложку. Девчонка фыркнула, прикрыла рот концом фартука, а потом показала мне язык и захлопнула дверь. Я простоял минут пять и опять постучал... Через секунду-другую звякнул крючок, и дверь распахнулась. Девчонка сердито кивнула: “Заходи уж...” Теперь я показал её язык. Она залилась... смехом. “Ольга! – послышался голос из глубины дома. – Опять ты деревянную железку нашла?” Оля перестала смеяться, встряхнула фартуком и серьёзно сказала: “Мальчишкам нельзя язык высовывать. Серьёзно» (Петров, 1962, 264).

О 1929 г.: «Девчонка... часто оглядывалась на нашу парту и неизменно показывала нам с Нинкой длинный розовый язык. Мы отвечали тем же и, кроме того, обещали её поколотить... После уроков она бесследно исчезла... На третий [день] мы всё-таки её выследили и долго гнали... А потом перед самым нашим носом нырнула в какую-то калитку... Через несколько минут... она вдруг возникла верхом на заборе, и теперь показывала нам не только язык, но и длинный “нос”... Показав нам на прощанье язык, девчонка исчезла...» (Лупанова, 2007, 41).

О середине 1950-х гг.: «“Задавит” “Кто? Ваш Серко?” – Настька тут же смело подошла к лошади и небрежно погладила её по шее. “Я вот сейчас сам тебе сейчас надаю”, – завозился в ходке до предела возмущённый Карыш. Настька серьёзно и длинно показала язык, а потом пошла к матери» (Сукачев, 1984, 16).

О конце 1950-х гг.: «Жена за ним идёт, а девчонка сзади. Я, конечно, ей язык показала. И она мне тоже. Так что и она не особенно прекрасно воспитанная... Но Толька не стал с ним драться. Ушёл за свой забор и язык показывает» (Долинина, 1962; 97, 103).

О нач. 1960-х гг.: «Марине тринадцать лет... В классе б “Б”, где её избрали старостой, она воспитывает всех так усиленно, что мальчишки уже стали показывать ей язык и обещали окунуть косу в чернильницу...» (Цюрупа, 1964, 17–18).

О середине 1960-х гг.: «Саша и Алёша надевали новую школьную форму, смотрели в зеркало, а на них из зеркала смотрели совсем другие мальчики. У них был такой важный и строгий вид, что показывать, как раньше, язык им просто было невозможно. Ведь мальчики в зеркале начнут делать то же самое, а это будет совсем

плохо, потому что к новой школьной форме никак не подходит высунутый язык» (Раскатов, 1967, 2).

О нач. 1970-х гг.: «Но мальчишка был уже далеко. Он прыгал от восторга, смеялся и показывал Петру Матвейчу всё тот же длинный красный язык: “Обманули дурака на четыре кулака!”...» (Курляндский, 1977, 111).

О девочке 3–5 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1990–1992 гг.: «Язык показывали друг другу, когда ругались, дразнились в садике. При этом иногда руками растопыривали уши» (134).

О девочке 5–7 лет, в с. Целинного р-на в 1990–1992 гг.: «Я показывала язык старшим мальчишкам, когда хотела, чтобы они побегали за мной, поиграли в догонялки. Просто они играть не хотели, поэтому нужно было сначала их рассердить, показывая язык» (137).

О перв. пол. 1990-х гг.: «Недавно меня пригласили в гости... Тут ко мне подошла дочка хозяев, девочка лет пяти... “Как тебя зовут?” “Катя”. “Какое красивое у тебя платье!” “Да! А у тебя такого нет. И никогда не будет... У меня есть, а у тебя нет. Вот так! Э-э-э! (высунула язык)”. Я опешила. Пытаюсь поговорить с ней на равных. “Ты знаешь, вообще-то у меня в детстве были красивые платья, помню, голубое шелковое... Может, все же не такое красивое”. “Не такое! Э-э-э! (язык)”... “А давай мы с тобой порисуем... У тебя есть тетрадка?” “Рисовать не умею... А тетрадь есть, а у тебя нет – вот так! Э-э-э! (язык)”. “Да что же ты всё язык показываешь, лучше бы улыбнулась хоть разок”. (Она смотрит мрачно и подозрительно). Потом вдруг говорит: “У меня есть пластилин, давай лепить цветок!” Слава богу! Она лепит... “Вот слепила, ты так не умеешь. Э-э-э!” “Катенька, скажи... Разве тебе бы понравилось, если бы тебе всё время показывали язык? Кто тебя научил?” “Мама научила!”... В это время малышка полезла на спинку кресла. “Я умею лазать на деревья, а ты нет!” Я хотела закричать: не надо язык! Но не успела. “Вот так! Э-э-э!”» (Иванова, 1995, 14–15).

О девочке 10 лет в Шадринске в 1996–1997 гг.: «Впервые я увидела, что кто-то показывает язык, либо в каком-то фильме, либо в “Ералаше”. Это была девочка в школьной форме да ещё вроде бы с пионерским галстуком на шее, я была очень удивлена, почему-то этот фрагмент врезался в память. Затем во дворе, когда мы играли с мальчишками в “казаки-разбойники” (вроде бы) и догоняли их, они нам всегда показывали языки, а мы с девочками, не задумываясь, им тоже. Иногда к “языку” мы добавляли “нос”, и дразнились так» (132).

Ср.: *Фига, Показывать фигу*.

ПОКЕМОН – (от англ. pocket monster – карманный монстр) персонаж компьютерной игры, а затем и мультфильма (аниме), созданного в 1996 г. и транслировавшегося в конце 1990-х гг. по российскому телевидению. См.: «*Покемоны*».

«В 1997 году, когда мне было 11 лет, я увидела по телевизору забавных человечков, но они были все разные и совсем не похожи на человека, а скорее на животных. Это шел мультик, который назывался “Покемон”. Помню, мама тогда еще сказала: “Разве не могут показывать детям наши отечественные мультики?” Я подумала, что эти мультики вроде ничего и начала их смотреть. Там был один челобумик, которого и звали “Покемон”. Он был жёлтый с маленькими глазками, похож на ребенка около года возраста примерно. Мне очень нравился этот Покемон, потом я стала смотреть этот мультик ради него. А однажды мы с мамой пошли в магазин, и на витрине, где игрушки, я увидела моего любимого покемона. Он был с ладошкой размером и резиновый. Я утнула маму от продуктов к игрушкам и попросила купить мне эту игрушку. Продавщица тут же подговорила и сказала, что он даже растёт. Его нужно опускать в воду, и он будет расти. Мама купила мне его, я пришла домой и опустила его в воду, через несколько часов он и правда “вырос”, тогда я ещё не знала, что он сделан из такого материала, который разбухает в воде. Через некоторое время я его выгатила из воды, и он снова стал маленький. Потом он мне надоел, и я его отдала младшей сестре, и совсем уже забыла про этот мультик» (028).

О г. Далматово в 1999–2000 гг.: «Мне очень нравился мультфильм “Покемоны”... Покемоны – это существа, похожие на животных, но наделенные определенными качествами. Например: Пикачу умел издавать электрический разряд. Каждый покемон проходит стадии эволюции» (136).

О Шадринске в 2001 г.: «Я смотрела мультфильм “Покемоны”, когда училась в 10 классе, мне было 15 лет. Мне нравились эти странные существа и человечки с огромными глазами» (111).

О нач. 2000-х гг.: «У нас в школе мы смотреть по утрам Телепузиков презираем. Это так, для малышни. Телепузики – это фу, отстой. Это только в детском саду такое смотреть. Ни тебе мертвецов, ни разрушений никаких. Покемоны – дело другое. Они – крутые. Клёвые, даже кого на карточках нету, Чикарита, например» (Богатова, 2002, 49).

«ПОКЕМОНЫ» – мультфильм. См.: *Покемон*.

О с. Половинном в 1999–2000 гг.: «“Покемоны”. Очень красочный мультфильм. Его показывали, когда я учился в 7–8 классе. Начался во второй половине дня. Как сейчас помню, шёл с 15.30 по 15.00. Я не пропускал ни одной серии. Суть в том, что у детей вместо кошек и собак были новые питомцы – покемоны. Они всегда находились со своим хозяином. Жили в маленьких красных шарах, которые хозяин носил с собой. Главный герой – мальчик, мечтающий попасть в престижную лигу покемонов, то есть участвовать в соревнованиях высокого уровня и стать победителем. Для этого он отправляется в путешествие и отстаивает своё право на участие с такими же мальчишками и девочками. Также, чтобы стать лучшим, ему необходимо собрать определённое количество значков. Значок получает только тогда, когда выигрывает состязание (покемоны хозяев дерутся между собой один на один). Люди выступают в роли наблюдателей и не вмешиваются в разборку своих подопечных. Проигравший уходит, а победитель получает значок. В итоге главный герой стал лучшим. Помню имена некоторых покемонов: Райчу, Пикачу, Чермандер. Многих не помню, поскольку их было больше сотни» (016).

О г. Снежинске Челябинской обл. в 1999 г.: «Когда мне было 15 лет, мой младший брат любил смотреть мультфильм “Покемоны”, и я вместе с ним тоже иногда смотрела. Позднее я даже записывала на видеокассету несколько серий. Интересно была музыка в начале и в конце каждой серии. У брата до сих пор есть брелок для ключей с одним из покемонов» (117).

О г. Далматово в 1999–2000 гг.: «Мне очень нравился мультфильм “Покемоны”. Это японский мультфильм о приключениях мальчика и его питомца Пикачу... Этот мультфильм смотрел и мой старший брат. Многие серии я записывала на видео и пересматривала повторно» (136).

О 2002–2003 гг.: «Недавно я разбирал в ящике письменного стола вещи и нашел октябрьский значок. Почти шестилетняя дочка крутилась неподалеку, и я решил ей значок подарить. Она долго крутила его в руках, рассматривала. Особенно тщательно она вглядывалась в портрет маленького Володи Ульянова, расположенный в центре звёздочки. А потом подняла на меня глаза и спросила: “Папа, а это что за покемон такой?”» (Это что за покемон? [в рубрике «Говорят дети»] // Детский сад со всех сторон. 2003, март, № 11 (143) – 7 с.).

«ПОЛЕ ЧУДЕС» – телевизионная передача («шоу») с возможностью для её участников стать обладателем крупного выигрыша (деньги, телевизор, автомобиль).

О г. Снежинске в 1993 г.: «Примерно с 9 лет я смотрела “Поле чудес” каждую неделю. Мне нравился барабан и игра со зрителями, также подарки. Я хотела, чтобы меня показали по телевизору и подарили большую куклу. Дедушка сделал барабан, чёрный ящик, две шкатулки, табло, буквы. И мы дома, когда к нам приходили гости, играли сами в “Поле чудес”. Эти все вещи до сих пор целы и лежат в кладовке, но мы уже в нее не играем» (117).

О середине 1990-х гг.: «Помимо этих игр нам очень нравились и так называемые “интеллектуальные” игры.

Как правило, это были развлекательные передачи, показываемые по телевидению. Например, мы играли в “Поле чудес”. В качестве барабана был дуршлаг, задания в основном составлялись по сказкам. Утешительным призом была жевательная резинка» (559).

О г. Далматово в 1999 г.: «Когда мне было 12 лет, мы с подружкой любили проводить “вечера отдыха”. Мы собирали всех соседских детей, которые хотели участвовать в игре, и проводили викторину, какие-нибудь конкурсы, игру типа “Поле чудес”, “Звездный час” или “Зов джунглей”. Все это проходило летом на улице. Всё проходило очень интересно, собралось много народу, в том числе и родители» (059).

ПОЛЕТУШКИ – детская игра XIX века.

Записано В.И. Далем: «Все садятся вокруг стола и кладут по пальцу на стол. Вожак начинает игру, называет какую-нибудь птицу либо летучее насекомое, а назвав его, поднимает палец вверх и быстро опускает его на стол. Все должны делать то же. Если же кто прозевает “лететь”, то есть поднять или опустить палец, или полетит тогда, когда вожак обманывает, называя нелетучую тварь или вещь, то даёт залог. Залоги после разыгрываются. Вот пример. Вожак, подымая палец, говорит: “Сова летит, летит!” Все поднимают и опускают пальцы. “Петушок летит, кочеток летит!” Пальцы поднимаются и опускаются. “Козелок летит!” – говорит вожак, подымая и опуская палец. Кто из детей полетел с козелком, тот даёт залог».

ПОЛЗУНКИ – «Одежда для детей, начинающих ползать, в виде штанишек с кокеткой и бретельками, переходящих в чулки» (Словарь, 1960–10, 983).

О конце 1950-х гг.: «“...Игрушки выберите сами, только помните, что ребёнку восемь дней, а не восемь лет” А из вещей велела купить ползунки. Это такие штаны с чулками вместе. Ещё они почему-то называются черепашками. Вот мы сразу после школы и пошли в “Детский мир”. За этими ползунками, конечно, очередь» (Долнина, 1962, 64).

ПОЛЗУНОК – ребенок в том возрасте, когда он ещё не научился ходить, а лишь ползает.

О 1960-х гг.: «Две девочки / С кошёлками / Там ползали / Под ёлками, / Как в яслях / Ползунки» (Барто [1969] 1969–1, 285).

ПОЛИВАЛКА – то же, что *брызгалка*.

«ПОЛИТБОЙ» – соревнование между командами (отрядами) на знание политических вопросов.

О пионерах Белоруссии в 1928–1930 гг.: «Большой популярностью пользовались так называемые “политбой”, которые представляли собой соревнование между отрядами на лучшее знание вопросов междунар. жизни. Арбитрами выступали старшие товарищи, коммунисты и комсомольцы» (Васькович, 1984, 59).

«Посостязаться? Да, может быть и такая форма полит. работы. Она, кстати говоря, в [19]20–[19]30-е годы пользовались у пионеров и комсомольцев большим успехом. Назывались эти состязания “политбой”. Собирается отряд или два отряда параллельных классов. Разделившись на две команды, ребята задают друг другу вопросы на самые актуальные полит. темы. Вопросы, конечно, подготовлены ребятами вместе с вожатым заранее. И каждая команда готова к тому, чтобы ответить на свои собств. вопросы, если этого не смогут сделать соперники!.. Арбитром политбоя непременно должен быть либо вожатый, либо кто-то из старших друзей отряда, человек, который может вмешаться, если ребята запутаются, а в конце подвести итог “боя”» (КВ, 1965).

Из Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апр. 1934 г.: «Среди детей распространяются схоластические “вопросники”, организуются “политбой”, “политлотереи” и прочие надуманные, вредные приемы...» (НО, 1974, 165).

О 1930-х гг.: «...Широкое распространение получили схоластические вопросники, натаскивание ребят по отвлеченным, непонятым для них политическим вопросам. Использовались такие надуманные формы работы, как “политбой”, “политоблава”, “политудочка”, “политлотерея”, “политэстафета”» (Очерки, 1980, 327).

О мальчишке 10–12 лет в начале 1930-х гг. в Москве: «В начале [19]30-х годов были в моде “политбой” и

“политвикторины”, победители награждались книгами или значками. Для того чтобы участвовать в политбое, нужно было кое-что знать, напр., имена великих революционеров прошлого и настоящего или, например, кому принадлежал лозунг “ни мир, ни война”, кто такой Чемберлен и т. д. Я тоже принимал участие в этих “развлечениях” в издательстве “Известия” и даже однажды получил в виде премии книгу» (Некрич, 1991–1, 65).

О девочке в 1932–1934 гг. в Петрозаводске: «...До восьмого класса я активно не любила школу..., и на каком месте в классе я числилась, мне было... безразлично. Честолюбие выносило меня на гребень лишь в исключит. случаях, например во время “политбоев”. “Политбой” требовал от участников умения “выступать” и хорошей памяти, позволяющей удерживать полит. информацию. И то и другое у меня имелось, я разливалась соловьем, поражала сверстников...» (Лупанова, 2007, 49).

ПОЛИТИНФОРМАТОР – подросток, которому поручают проводить политинформацию.

О вт. пол. 1970-х гг.: «А жизнь... состояла из... купания и невыученных уроков, дежурств девятого класса “Б” по школе, комсом. собраний, классных часов, контр. работ, нравочений вальжной директрисы..., которая однажды пригласила Колюню в кабинет и стала отчитывать за то, что он недостаточно активный общественник..., и она не понимает, что случилось и почему председатель совета пионерского отряда (так всегда она говорила: “туные пионэры”), политинформатор, кидовец и артековец вдруг превратился в пассивного, угрюмого эгоиста и дружит с такими же ёрничающими, наглыми подростками» (Варламов, 2000).

ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ – «[Чрезвычайно важная и ответственная форма] полит. воспитания учащихся... Систематическое ознакомление учащихся с важнейшими текущими полит. событиями нашей родины и за рубежом» (КР, 1957, 188). Политинформации проводились в 1930-е – 1980-е гг.

Об ученике 8 класса в 1940 г.: «10 марта... Сегодня я делал политинформацию и лишней раз убедился, что я просто туп, малодушен и убог» (Сагайдачный, 1963, 40).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Тамара вышла из-за парты... “Девочки, – начала она, тряхнув головой. – Есть предложение на каникулах прослушать лекцию о междунар. положении... Политинформации у нас больше с внутренним уклоном, а междунар. положение...”» (Матвеев, [1947–1954] 1956, 290).

О перв. пол. 1950-х гг.: «В V классах дети активнее участвуют в подготовке политинформаций, привлекаются к сообщениям по отд. вопросам, освещаемым в газетах» (ВВВР, 1955, 77).

О середине 1950-х гг.: «Чрезвычайно важной и ответственной формой полит. воспитания учащихся является политическая информация. Под полит. информацией обычно понимается систематическое ознакомление учащихся с важнейшими текущими полит. событиями нашей родины и за рубежом. Знакомясь с важными полит. событиями в нашей стране, учащиеся воспитываются в духе коммунизма, в духе советской политики... Если в I–IV классах осн. формой политинформации является читка “Пионерской правды” или пересказ статей, опубликованных в этой газете, то в V–X классах на перв. план выдвигается рассказ. Читка отдельных газет. статей для учащихся должна проводиться с необх. комментариями» (КР, 1957; 188, 191).

О конце 1950-х гг.: «В перемену Эльвира... сказала: “Литинская, я говорила с ребятами. Мы решили поручить тебе проводить в классе политинформации...” ... “Девочки, я не могу... “Нет, ты будешь проводить политинформации!” – требовала Эльвира. “Хитришь ты, – глядя на неё, думал Дмитрий Боровой. – Ни в одном классе политинформации не проходят хорошо, скучища страшная. Вот ты и ищешь дурачка, чтобы потом было кого обвинять...”» (Махров, 1959, 158).

О Шадринске в перв. пол. 1970-х гг.: «Проходили политинформация по вторникам в 7. 45 утра, за 15 минут до урока. Для этого каждый должен был приготовить какую-либо информацию о спорте, политике, вырезки из газет» (553).

О 1970-х гг.: «На следующий день я опоздал в школу на пять минут. По пятницам у нас вместо нулевого урока – политинформация, начинается она ровно в восемь» (Ампелонов, 1980, 83).

О девочке в Шадринске в 1988–1990 гг.: «По “Пионерской правде” в школе нас обязывали готовить политинформацию – рассказывать по статьям в газете, что произошло или происходит в мире» (1001).

«ПОЛИТЛОТЕРЕЯ» – вид идеолого-политического просвещения школьников в начале 1930-х гг.

Из Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1934 г.: «Детей 8–12 лет в школе и пионерор-гии заставляют отвечать на вопросы, совершенно недоступные их пониманию, крайне отвлеченные и отбивающие у них всякий интерес даже к доступным для понимания детей явлениям обществ. жизни.... Среди детей распространяются схоластические “вопросники”, организуются “политбои”, “политлотереи” и прочие надуманные, вредные приемы...» (НО, 1974, 165).

ПОЛОВЫЕ ИГРЫ – «побуждаемое любопытством и стремлением к приятным ощущениям изучение детьми половых органов друг друга во время игр. Обычно половые игры происходят при физических контактах во время игр, имитирующих семейную жизнь, медицинскую помощь и т.п., при совместном купании, во время занятий, связанных с уединением, скрытностью (например, когда дети прячутся в шалаше, на чердаке). Дети таким образом удовлетворяют своё любопытство и стремление к физическим контактам друг с другом, которые они находят очень возбуждающими и интересными...» (ПЭС, 2003,

ПОЛОТЕНЦЕ – «Продолговатый кусок ткани, предназначенный для вытирания чего-либо» (Словарь, 1960–10, 1068).

Полотенце общего пользования – полотенце большого размера, вывешиваемое в закрытых или загородных воспитательных учреждениях для пользования всеми детьми.

Об ин-те благородных девиц в Харькове в 1915–1916 гг.: «Перед обедом и ужином нас подводили всем классом к туалетной комнате (“малютке”) – мыть руки... Туалетная комната... состояла из двух довольно просторных частей. В задней были установлены унитазы..., в передней же был ряд раковин для умывания и высоко под потолком на специальной перекладине висело, спускаясь почти до пола, длинное полотенце. Мы передвигали его, когда нижний конец его становился влажным или грязным» (Морозова, [1994] 2001; 400, 410–411).

О летнем пионерском лагере в конце 1950-х гг.: «“А вот мы и посмотрим!!” – сказала мама и отправила Любашу с октябрятами в пионерский лагерь. Заиграл утром в лагере горн: “Тру-ту-ту, тру-ту-ту!” Повскакали октябрята, быстро надели на босу ногу сандалии – и на зарядку. Только одной Любаше нет. Пока собиралась, пока шла – опоздала... Придёт Любаша перед обедом мыть руки, а на гвозде полотенце мокрое: тридцать октябрят руки вытерли, для Любаше ни одного уголка сухого не осталось... “А ты вот что сделай, – посоветовала вожатая, – приди завтра пораньше...” Так на другой день Любаша и сделала: первой прибежала к умывальнику, первой вымыла руки, первой подошла вытирать. Смотрит, а полотенце и в самом деле сухое» (Бурцева, 1961, 35–36).

ПОЛУБОКС – «Мужская стрижка, при которой волосы по бокам головы и сзади подстригаются машинкой» (Словарь, 1960–10, 1082)..

О 1950-х гг.: «В парикмахерской мастер спросил Байкова, как постричь мальчика: под полечку или под полубокс. “Под полубокс!” – решительно отрубил Байков. У Саши хорошо захолодило затылок, и он стал немного похож на Байкова, тоже стриженного под полубокс» (Нагибин, 1960, 38).

О 1964 г.: «Младших мальчишек стригли под “полубокс”, старших – под “канадку”» (Киршин, 2002).

ПОЛУБОТИНКИ – «Закрытые туфли на шнурках или пуговицах» (Словарь, 1960–10, 1083); «Мужские закрытые туфли» (Лопатин, 1997, 478).

О конце 1950-х гг. в совхозе под Ленинградом: «...Витя не спеша приблизился к скамейке, на которой сидели Глаша и девочки. Походка у него солидная, руки засунуты в карманы брюк... На ногах – полуботинки с носками, голые пятки не сверкают, как у Саши и Сени» (Котовщикова, 1962, 14).

ПОЛУКЕДЫ – кеды с укороченным голенищем.

О 1980-х гг.: «“Ладно, – сдался Витёк. – У меня в сумке есть полукеды, я в полукедах пробегу”. Игорь... явился к месту старта. Вслед за ним пришёл и Башилов – в серо-голубых растоптанных полукедах» (Сабило, 1990, 22).

ПОЛУСАПОЖКИ – «Женские сапоги с укороченным голенищем... *Устар.* Ботинки» (Словарь, 1960–10, 1110).

О середине 1870-х гг.: «Их было трое: два мальчика, одетые в синие суконные курточки и в полусапожки на пуговицах, и высокая, стройная женщина в трауре» (Свирский, [1901] 1975, 47).

ПОМАДА – «Косметическое средство для смягчения и крашения губ» (Лопатин, 1997, 479).

О девочке-подростке в Санкт-Петербурге в середине 1990-х гг.: «Когда мои родители куда-то уезжали и мне, естественно, ужасно хотелось пойти на дискотеку или погулять с друзьями, я спускалась вниз в халатике и тапочках, охраннику говорила: мол, к Сереже пойду – на компьютере поиграю. Там я переодевалась, маминой помадой красила губы и выпрыгивала в окно – благо первый этаж. А часа через три продельвала то же самое, только в обратном порядке...» (Собчак, 2004, 16).

ПОМОЙКА – «Место для выбрасывания мусора, для выливания помоев» (Ожегов, 1988, 454).

«В бытовом городском языке место, куда люди выбрасывают из своих квартир все ненужное, называется “помойкой”. Но то, каким оно предстает для ребенка – сваленными вместе обломками, отходами, ошметками, тряпьем и т. п., – точнее передает слово “свалка”. Большинство детей младшего школьного возраста, да и те, что постарше, тоже, воспринимают свалку как место во многих отношениях притягательное... На помойке вещи можно бросать, пинать, ломать, топтать. Мальчишки часто ходят туда бить об асфальт стеклянные бутылки. Или резко раздавливают ногой плотно закрытую пластиковую бутылку, которая лопается с громким звуком... Помню, как в детстве мы с девочками прыгали через скакалку у помойки, а трое мальчишек лет шести-семи занимались исследованием содержимого мусорного бака, из которого извлекли коробку от печенья, туго перетянутую резинками. Открыв ее, они замерли: внутри лежали моток галуна, несколько офицерских погон и золотые звездочки от них, отдельно завернутые в бумажку. Восторгу не было предела. Сокровища были распределены между тремя счастливицами, и на следующий день они уже шеголяли в модных тогда матросских бушлатиках с нашитыми погонями и звездочками. Если мы поищем в детском быту аналоги помойки как места, связанного с изнанкой жизни, её отбросами, её потаенной стороной, её превращениями, то сразу наткнемся на тему уборной, о которой шла речь в предыдущей главе» (Осорина, 1999; 93, 95, 98–99).

ПОМОЧИ – «То же, что подтяжки» (Словарь, 1960–10, 1204).

О школьниках во вт. пол. 1930-х гг.: «Никакого ремня у нас не было. Школяры в ту пору еще не носили форменной одежды с ремнем и бляхой, мы тогда ходили в чем попало. Штаны мои держались на помочах» (Рекемчук, 1974).

ПОМПОН – «Украшение в виде шарика из каких-л. ниток на шапках, туфлях и т. п.» (Словарь, 1960–10, 1209); «Шерстяной, меховой и т. п. шарик для украшения на головном уборе, обуви» (Лопатин, 1997, 481).

О 1950-х гг.: «А сейчас у Оли шапочка красная, с клубком-помпоном на макушке. Оля ботишком гонит ледышку, размахивая рукой, болтает в воздухе портфелем... Лёшка потихоньку смотрит на Олю. Сбоку ему видно половину Олиной шапочки с половиной помпона» (Лихоталь, 1964, 6).

«**ПОНАТЯЖКЕ** бить – род школьного озорства.

О школе в нач. 1960-х гг.: «Пережимали друг другу сонную артерию, падали на спину, широко разведя руки, на подставленные руки товарища – самая расхожая тренировка самообладания и проверка на верность, – на переменах в проходах между рядами парт валялись, как сноп, то один, то другой. Остальные заняты шелбанами, репанами по бритой башке, битьем “понатяжке” по чьему-то подвернувшемуся отставленному задку: “Понатяжке бить не грех, полагается для всех!” – сказал так, – и сам неуязвим: нечего задницу подставлять!» (Клех, 2003).

ПОНЕВА – составная часть женской одежды, полотнище ткани, заменяющее юбку.

См.: «*Вскакивание*» в поневу.

ПОНИ – «Лошадь низкорослой породы» (Лопатин, 1997, 481).

Катание на повозке, запряженной пони, – детское развлечение.

О 1930-х гг.: «Мы прошлись / По зоопарку... / Покатался я / На пони, – / Это маленькие / Кони. / Ездил прямо / И кругом, / В таратайке / И верхом» (Маршак, [1940] 1968–1, 130, 131).

Из статьи 1967 года: «Вот, например, картиночка в зоопарке. На площадке, где катают детишек на пони, все пассажиры с радостным оживлением усаживаются в тележки» (Носов, [1967] 1982–4, 423).

ПОНТОВАТЬСЯ – хвастаться.

О девочке 8–12 лет в г. Когалыме в 1995–1999 гг.: «Одноклассница Света говорит: “А мне Ирина Федоровна “5” поставила за контрольную работу!”. Катя ей ответила: “Ой, не понтуйся!”» (134)

ПОощРЕНИЕ – побуждение к чему-либо наградой, одобрением, поддержкой, содействием развитию чего-н.; «положительное воздействие какого-либо авторитетного лица, общественного органа на человека с целью закрепления достигнутых им результатов» (ПЭС, 2003, 207).

Меры поощрения учащихся в школе

Приказом министра просвещения РСФСР 12 дек. 1951 г. устанавливались след. меры поощрения: «похвала учителя, кл. руководителя, заведующего учеб. частью, директора (заведующего) школы; письменная благодарность директора (заведующего) школы с объявлением перед классом или общим собранием учащихся; награда книгой, подарком и т. п.; награда похвальной грамотой; награда серебряной и золотой медалью за отличные и выдающиеся успехи в учении и примерное поведение с занесением на Доску почета...» (НО, 1974, 188–189).

О середине 1950-х гг.: «В практике школ применяются следующие меры поощрения: 1. Похвала учителя, кл. руководителя, заведующего учеб. частью, директора школы. Это наиболее распространенная мера поощрения словом, являющимся, как известно, сильным средством воздействия на поведение детей. Чтобы похвала во всех случаях сохраняла свое восп. значение, кл. руководителю следует заботиться о том, чтобы она вызывалась достаточными основаниями, применялась не слишком часто по отношению к одному и тому же ученику или группе учеников. 2. Письменная благодарность директора школы. Кл. рук-ль представляет в дирекцию обоснованные предложения о вынесении письменной благодарности тому или другому ученику или группе учащихся. Надо приветствовать практику многих школ, которые, подводя итоги своей работы за четверть, полугодие или год, посылают письма родителям с выражением благодарности за хорошее воспитание своих детей, отличающихся примерным поведением и успехами в учебе. В развитии этой хорошей традиции немалую роль призваны сыграть кл. воспитатели. 3. Награда ценным в восп. отн-ии подарком – книгой и т. д. 4. Награда похвальной грамотой при переходе из одного класса в другой. 5. Награда серебряной и золотой медалью с занесением на “Доску почета”» (КР, 1957, 132).

«**ПОП-ГОНЯЛЯ**» – детская игра, вероятно, то же, что «*поп-загоняля*».

«...Он вспоминал, что где-то рядом проходит дорога, по которой они в былые времена ребятишками играли в “поп-гонялю»» (Алексеев, [1983–1988] 1988, 118).

«**ПОПА-ГОНЯЛОВО**» – детская игра вероятно, то же, что «*поп-загоняла*».

О 1930-х гг.: «Пожилые люди любят вспоминать и особенно о детских играх (в Муромском р-не особенно популярны были подвижные игры “Лапта”, “Козны”, “Чижик”..., “Чехарда”, “Попа-гоняло”, в них играли мальчики и девочки вместе)» (Райкова, 2006, 80).

«**ПОП-ЗАГОНЯЛА**» – детская игра, вероятно, то же, что «*поп-гоняла*».

О 12-летнем мальчике из Ленинграда в 1927 г.: «Хоть жили мы бедновато, но всё же почти каждое лето мать вывозила сестру мою Галю и меня куда-нибудь на дачу... Лучше всего запомнилось мне лето 1927 года, проведенное нами в Горелове... Ребят в Горелове было много, и местных, и дачников. Я сдружился с группой мальчишек и девчонок моего возраста. Мы играли в лапту, в рюхи, в попа-загонялу...» (Шефнер, 1999).

О вт. пол. 1940-х гг.: «“Выходи скорее”, – сказал Костя. “В попа-загонялу ударим”, – предложил Мирон. “Лучше в лапту”, – возразил Антошка... На удивление, Мирон не возразил ему... А Гриша подошёл к Феде и сказал тихо: “Не обращай... внимания... Пойдём в попа-загонялу”... Вечерами [ребята] собирались на школьной площадке... Загевали “попа загонялу”, или футбол, или просто “куча мала”» (Грязнов, 1955; 74, 137).

ПОПЕЧИТЕЛЬ – «В дорев. России – должностное лицо, руководившее некоторыми учреждениями, учебными заведениями и т. п.» (Словарь, 1960–10, 1283).

Попечитель училища.

О середине 1900-х гг.: «Вскоре я принес из училища... подарок – первые в моей жизни валенки. Это был подарок попечителя училища купца Плешкова, который имел обычай каждый год кого-нибудь из бедных учеников одаривать отрезком коленкора на пальто или сарпинки на рубаху, кожей на сапоги, валенками, шапкой или рукавицами. Немного в училище было счастливых, удостоившихся попечительского подарка» (Абрамов, 1959, 54–55).

ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО – «Выпрашивание милостыни» (Словарь, 1960–10, 1327).

Попрошайничество беспризорников.

О вт. пол. 1920-х гг. в Москве: «В пассажирских поездах беспризорные ходили попрошайничать. Чаще всего – в товарно-пассажирских... В классные вагоны беспризорных не пускали проводники, в “максимах” таковых, кажется, вовсе и не было. Для попрошайничества использовались особые сценарии и репертуар, придуманные явно не самими попрошайками, а их взрослыми патронами. Вот дверь вагона открывается, и на пороге появляется маленький оборванец со страдальческим выражением на лице. Чётко и звонко он заученно провозглашает на весь вагон: “Граждане-товарищи! Вы видите перед собой круглую сироту, обездоленную жизнью. Батяка погиб в немецкую войну, мамка померла с голоду в гражданскую. Приютила меня с сестрёнкой бабушка Анистья. Сестрёнка померла от тифу, бабушка, царство ей небесное, скончалась от старости, и вот остался я круглой сиротой-горемыкой. Нету у меня никого на целом свете, и живу я подаванием добрых людей. Граждане-товарищи, не оставьте несчастную сироту, помогите кто чем может”. Далее следовала заунывная, сердцепитательная песня – любимый шлягер беспризорного мира: “Ах, умру я, умру я, / Похоронят меня, / И никто не узнает, / Где могила моя. / И никто на могилку / На мою не придет, / Только раннею весною / Соловей запоет”. После монолога и песни пассажирки начинают сопеть носами и утирать уголками косынок слезы. Расстёгиваются кошельки и развязываются узелки. В ладонь сироты сыплются медные монеты, в котомку – куски хлеба» (Федосюк, 2004, 40–41).

См. также: *Беспризорники*.

Попрошайничество детей.

О 1995–1996 гг. в Шадринске: «В последнее время в Шадринске... кроме “официальных” нищих (в магазинах, на рынке и т.д.) появились дети, которые просят у прохожих деньги. Судя по виду, они не входят в разряд нищих» (Шадринск, 1997).

Использование детей в попрошайничестве.

О Москве в перв. пол. 2000-х гг.: «Та же подруга чудовищно поссорилась со мной когда я дала в метро пятёрку нищей с младенцем на руках. “У тебя совсем нет ответственности! – кричала она. – У тебя совсем нет мозгов! Ты дала ей денег, значит... ты поддерживаешь такой бизнес, где детей используют для попрошайничества! Как приманку! Завтра где-то украдут ребёнка – ты будешь виновата!”... Я, стиснув зубы, прохожу мимо нищих с детьми и только музыкантам в переходах даю деньги» (Метелица, 2004–3, 8).

«**ПОПЫ-ГОНЯЛЫ**» – игра; вероятно, то же, что «*поп-гоняла*».

О 1950-х гг.: «Наряду с такими играми, развивающими ловкость и быстроту реакции, как казаки-разбойники, попы-гонялы, двенадцать палочек, догонялки, кидушки, устраивались и другие» (Казарма, 2000).

«**ПОРΟΣЯТ продавать**» – забава, имевшая место во второй половине XIX и до 1920-х гг.

О европейском Севере России: «Можно предположить, что эта шутка связана с полузабытым к этому времени обычаем забывания к Рождеству или к Новому году “кесарейского” или “кесарецкого” поросенка (свиньи)... В большинстве случаев мотив кесарийского поросёнка воплощался в виде шуточной сценки его демонстрации и продажи... Вокруг “поросёнка” разворачивался оживлённый торг: обсуждались детали его внешности, одежды и прочие достоинства... Чаще всего “поросятами” были маленькие (от 3 до 6 лет) дети... Обычно детей (в д[еревнях] Борково, Гридинская – трёх девочек) раздевали догола, навелили им сажей пятна на боках и на спине и, привезя в избу, вываливали на пол и “продавали” присутствующим... “Продажа поросят” некогда, видимо, заканчивалась обливанием их водой или обсыпанием снегом, однако уже в [19]20-е гг. это практиковалось очень редко. “В пестере ребят нагих приносили – “поросят”. На них негеера бахнут, они и побегут”(д. Хмелевица)» (Морозов, Слепцова, 2004, 616–617). См. также: «*Рыбу продавать*», «*Рыбу солить*».

ПОРОТЬ детей – сечь, бить розгами, ремнём и т. п.

О конце 1890-х гг.: «Откусив от всех ягод по кусочку, я спускаюсь со стула и хожу вокруг стола. Приходят отец и мать. “Я не ел винные ягоды, – говорю я им тотчас. – Я только откусил по кусочку”. Взглянув на тарелку, мать всплескивает руками. Отец смеется. Но он хмурится, когда я гляжу на него. “Пойдем, я тебя немножко попорю, – говорит мать, – чтоб ты лучше помнил о том, что не следует делать. Она тащит меня к кровати. И берет тонкий пояс. Плача и рыдая, я кричу: “Я больше не буду”» (Зошенко, 1994–3, 523).

О нач. 1900-х гг.: «Мама воскликнула: “Что я слышу! Их надо наказать”... Бабушка, сорвав ветку, сказала: “Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпороть мама. А Лелю я беру на себя”. Папа сказал: “Порка – это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети небось и без порки поняли, какую глупость они совершили”» (Зошенко, [1939] 1968–1, 239).

О 1902 году: «Мать вызвали в школу. Скоро она должна вернуться. В ожидании порки я смиренно сижу у окна и посматриваю на улицу... Мать входит в каморку урюмая, чужая. Она не спеша стаскивает с головы шаль и сбрасывает на кровать жакетку. Потом сняв со стены ремень, подходит ко мне. Зная характер матери, я даже не пробую защищаться. Мое молчание раздражает её ещё больше. Хотя мне и больно, но я не кричу. Мне жаль мать. “Да ты что, каменная, что ли?” – наконец, плача, говорит она и бессильно опускает руку... Вечером меня будит отец. Он присаживается на край постели и виновато спрашивает: “Болит?” “Не очень”, – отвечаю я, боясь его огорчить» (Молчанова, 1958, 38).

О середине 1910-х гг.: «Маня Мудрецова отличалась от всех ребят нашего двора: её никогда не пороли, ни разу за все четырнадцать лет жизни» (Васильева, [1932] 1971, 18).

О 1941 году: «Когда Коршун проснулся, ... то увидел мать. Она держала в руках ремень, на котором тятка правил бритву... “Пороть будешь?” – спросил Стёпка и

прочувствовал, как на затылке зашевелились волосы... “Ладно уж, пори”, – Стёпка вздохнул, перевернулся на живот, уткнулся носом в подушку и вытянулся. Ремень свистнул, и Стёпка двинул ногами. После второго удара ему показалось, что его ошпарили кипятком. “За что?” – кричал Стёпка. “За старое, за новое и за два года вперёд”, – сказала мать и так стегнула, что у Стёпки покатались из глаз жёлтые кольца. “Хоть до смерти запри, не пикну, – заявил Стёпка и вцепился зубами в подушку. Но мать бросила ремень и сказала: “Вставай завтракать, поросёнок!» (Курочкин, 1967, 93–94)

О перв. пол. 1940-х гг.: «Да, расплата за загул ожидалась порядочная! Тогда дружки взяли да и доели хлеб, предназначавшийся домашним очагам. Все равно ведь эти взрослые наказание придумают – в углу там стоять или гулять два дня не ходить (пороть обоих матери никогда не пороли, хоть Аполлинария Ивановна и порывалась к порке), так тут и хлебом не откупишься» (Холопов, 1995, 115–116).

О 1947 годе: «Потом взрослые обоих домов передрались. Да и начали пороть своих сыновей. Почти из-за каждой двери рев неся, дом зычно вопил ста глотками, шлепанье ремней сливалось в какой-то барабанный гул – люди на улице останавливались. Саньку тогда пороть не стали, но бабушка сказала: “Ты тоже ори, от соседней неудобно...”» (Иванов, 1985, 5).

О мальчишке 3–4-х лет в дер. Тюменской обл. в нач. 1950-х гг.: «Уже через мгновение я был до нитки раздет, вытасен на улицу и публично порот самым безжалостным образом... В общем, так выходило, что пороли меня довольно часто. В среднем, еженедельно. И почти всегда это делала мама. А бабушка, то есть ее мама, пыталась, хотя в основном и безрезультатно, заступаться за меня, непутевого, причем в непутевые меня зачислили лет, наверное, с трех...» (Чуманов, 2002).

О середине 1950-х гг. в пригороде Москвы – Химках: «Витька был семилетним крепышом, сыном столяра, служившего в молодости моряком, а потому всегда ходившего в тельняшке. Своими огромными ручищами с синими якорями отец Витьки..., выпивши, порол сына флотским ремнем с тяжелой золотой пряжкой» (Климонтович, 2005, 3).

О конце 1950-х гг.: «“Я вот тебе покажу “не буду”! – прикрикнул папа. – Ему покупают, а он ещё ломается...”. Юрка замолчал, потому что знал...: когда папа сердится, – он и выпороть может. Собираясь на улицу, он попробовал было надеть старое пальтишко. Орловский приказал: “Надевай новое, – слышишь? Смотри, выпорю”. “И выпори, – подумал Юрка. – А носить всё равно не буду”. Выйдя во двор, он нарочно полез с ребятами на забор, на крышу, чтобы поскорее завозить свою обновку. Поляз “в разведку”, Юрка зацепился правым карманом за гвоздь и вырвал большой клочок “с мясом”. В первую секунду он напугался, а потом вскочил и сказал ребятам, подчёркнуто храбро: “Пошли к нам! Отец меня пороть будет”. Однако порка не состоялась. Орловский велел Юрке снять пальто и надеть старое» (Дягилев, 1961, 74–75).

О перв. пол. 1960-х гг.: «“А потом получилось как-то раз, что я не успел выгучить правило и еще отрывок наизусть. Учительница мне пару и кол сразу поставила. Отец, как увидел это, выпорол меня ремнем до бесчувствия и все приговаривал: “Запомни с первого раза урок на всю жизнь. Мы с матерью на тебя работаем, а ты эдакий-перезадакий позорить нашу трудовую честь вздумал! Не расти лентяем, а расти трудягой”. Больно было очень, но я стерпел”» (Низова, 1967, 141).

О середине 1960-х гг.: «“Молодые люди, – вдруг странным, погрустневшим голосом обратился к нам отец Феликса, – вас родители пороли когда-нибудь ремнем?” Шведов, все еще сидя на корточках, сказал, что его не пороли. Я признался, что мне иногда доставалось от отца с матерью. “Я Феликса никогда не бил... У нас в семье не принято так... Понимаете? В воспитательных целях не принято...” “Да, да... – рассеянно согласился Шведов...” “Мои родители тоже говорят, что в восп. целях...” “Заберите свои деньги! – выкрикнул вдруг отец Феликса.

А своего сына я впервые выпорю! Ремнем! Слышите? Ремнем!...”» (Туинов, 1985, 24).

О 13-летней девочке в Каргаполье в 1998 г.: «В 6 классе [мы] вместе с подружкой неделю в школу не ходили... Мы ходили по магазинам, покупали, что хотели, были обе довольны... После родительского собрания мама пришла вся заплаканная... Она молча зашла в комнату, взяла ремень и выпорол меня. Я знала, за что, и просила прощения: “Не бей меня, я больше не буду”...» (Шахматова, 2003).

См. также: *Наказание детей взрослыми; Физические наказания детей в семье.*

ПОРТКИ – штаны.

О 1945 г.: «Но сейчас, на... поляне за скотными дворами, куда я завернул, возвращаясь из школы, игра в шарик у нас не задалась. Ослабленные голодной зимой, мы все были вялы и медлительны... Какие уж из нас игроки, когда холстяные портки на задках не держались...» (Дедов, 1991, 142).

ПОРТРЕТ В.И. Ульянова-Ленина в школьных помещениях.

О вт. пол. 1950-х гг.: «Над доской висел портрет Ленина, а ниже, на красной материи, – его слова об учении. В простенках – плакат с тремя улыбающимися спутниками и Пушкин» (Михасенко, [1959–1963] 1965, 30–31).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «В каждом классе между окнами висит портрет Владимира Ильича. В Санькином классе, 5-м “А” – портрет девятилетнего Володи Ульянова. Володя сидит на стуле, скрестив ноги, в таком же кителе с белым воротничком, какой на Саньке и его товарищах... А вот 10-й класс. Когда Санька подрастет и придёт учиться в этот класс, его встретит Володя Ульянов, повзрослевший и возмужавший...» (Воскресенская, 1962, 46).

См. также: *Ленин В.И.; «Портрет Ильича».*

«ПОРТРЕТ ИЛЬИЧА» – песня (слова М. Ивенсен, музыка Л. Шульгина), разучивавшаяся в начальных классах школы в 1950-х – 1970-х гг.

Текст (цитируется по сборнику песен для начальной школы): «[1] Утром в наше окно / Входит солнечный свет, / Жарко льются лучи / На знакомый портрет. [2] Я проснусь, а портрет / Предо мной на стене, / И Владимир Ильич / Улыбается мне» (СП, 1958, 3).

Ср.: *Портрет В.И. Ульянова-Ленина в школьных помещениях.*

«ПОРТРЕТЫ» – зимняя детская забава.

О г. Шумихе во вт. пол. 1980-х гг.: «Ещё была у нас игра в “портеты”. Находишь сугроб побольше и падаешь в него в выбранной позе, тихонечко встаешь и смотришь, что получилось и у кого лучше» (554).

См. также: *«Ангелы» на снегу.*

ПОРТФЕЛЬ – сумка с застёжкой для ношения книг, тетрадей.

Портфель у девочек.

О девочке 8–9 лет в деревне в 1932–1933 гг.: «С приездом мамы в Волково я вынуждена вспомнить, что я школьница, что осенью пойду уже не в нулевой, а в первый класс. Мама не поленилась привезти с собой в деревню новенький клеенчатый портфель для меня – это и подарок, и напоминание» (Старикова, 2003, 134).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Алка да еще две девочки задержались в классе, укладывая портфели... Она уже застегивала туго набитый портфель, положив его на сиденье и наступив коленом. Алкин портфель никак не закрывался. Я видел, как покраснело от напряжения ее лицо, как она, закусив от усердия кончик языка, старается блестящей скобочкой дотянуться до замка и как это ей не удается. Вдруг портфель шелкнул. “Пока...” – бросает Алка и мгновенно скрывается из класса» (Мошковский, [1963] 1987–1, 372–373).

О 1941–1942 гг.: «До половины второго [Галя] учила уроки, потом, наскоро перевязав шнурком туго набитый, незакрывающийся портфель, мчалась в школу» (Рождественская, 1960, 7).

О 1946 годе: «Осенью Машка должна была идти в школу, в первый класс. Мы волновались, и радовались за нее, и огорчались, что нельзя будет прожить на даче

сентябрь. В шкафу появилось коричневое форменное платье и черный передник, а бабушка привезла из города коричневый портфель с сияющей застежкой...» (Либединская, 1966, 275).

О женской школе в 1947 г.: «...Они побежали в чистый, светлый класс, на дверях которого теперь сияла надпись: “9 класс “Б””. Стася... бросила свой портфель на вторую парту и, стуча по крышке кулачками, закричала: “Девочки, кто со мной?” Через голову на парту упал новый красный портфель, и рядом с ней уселась раскрасневшаяся, веселая Вера. “Я с тобой!” Затем девятиклассницы... побежали осматривать школу» (Кузнецова, 1983–2, 420).

О Свердловске в 1947 г.: «1947 год. Настала пора идти в школу. Девочки пошли в школу № 38... В школу ходили с туго набитым портфелем, в котором было множество кармашков. В один из них укладывали завтрак. К каждому портфелю привязывали мешочек с чернильницей-непроливашкой, в кармашке находилась перочистка...» (Факова, 2006).

О нач. 1950-х гг.: «Лёля чинно уселась за парту, достала из портфеля, к которому был привязан маленький ключик, тетрадки..., гранёную стеклянную вставочку..., блокнот и коробочку из-под духов, наполненную... пёрышками, цветными карандашами, резинками и какими-то записочками» (Антонов, 1955, 39–40).

О нач. 1950-х гг.: «Галин портфель / Не велик и не мал: / Лежат в нём задачник, / Букварь и пенал...» (Баруздин, [1954], 1976, 128).

О конце 1950-х гг.: «Всю свою ношу – газеты журналы и письма – девушка носила в ученическом клеенчатом портфеле. Наверное, она с этим портфелем ещё зимой бегала в школу» (Банькин, [1961] 1969, 147).

Об ученице 4-го класса в деревенской школе в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «[Нина стояла у калитки, закрыв колени портфелем... Замок на портфеле сиял... Нина улыбнулась, поддала коленки портфель и повернулась ко мне спиной... [Нина] прижалась спиной к изгороди и выставила вперед свой школьный портфель» (Козлов, 1963; 95, 109).

О нач. 1960-х гг.: «Оля ботиком гонит ледышку, размахивая рукой, болтает в воздухе портфелем, и кажется, что портфель у неё лёгкий-лёгкий» (Лихоталь, 1964, 6).

О вт. пол. 1960-х гг.: «В комнате на стуле – коричневое платье, белый фартук и белые ленты. Около стула стоит зеленый портфель с замочком посередине. От него такой запах – запах клея, дерматина, новой жизни и чего-то еще. Мама сказала, что завтра 1 сентября и я пойду в школу» (Смирнова, 2005).

Портфель у мальчиков.

О петербургской гимназии в 1890-х – 1910-х гг.: «К девяти начинали сходиться учащиеся – младшеклассники с ранцами за спиной, гимназисты постарше носили ранцы под мышкой... В старших классах ходили и с портфелями...» (Пызин, Засосов, [1976] 2005, 194).

О перв. пол. 1930-х гг.: «У него портфель / Из кожи, / Острый ножик / Перочинный!» (Барто, [1935] 1969–2, 183).

О 1937–1938 гг.: «Ах, какие запахи источал мой первый новенький портфель, блестящий и чёрный, со сверкающим замком!» (Богданков, 1972, 18).

О 1940-х гг.: «Я убрал в портфель тетради...» (Барто, [1947] 1969–1, 180).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «В какую тебе, вспомни, смену, первую или вторую? Когда-то у вас была даже третья, классов на всех не хватало... Где твой всегдашний портфель с оборванной ручкой (она была приделана проволокой и сверху обмотана изолентой, пачкавшей руку), где ещё более давняя отцовская полевая сумка с тремя отделениями, особыми узкими вставочками для карандашей и ручки, плексигласовым прозрачным окошком?» (Харитонов, 1998).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «В собственность Пани перешел портфель из жёлтой кожи со звонкими замочками, пенал из прозрачной пластмассы и тетради. “...Даже голова закружилась”, – сказал Григорий Васильевич, когда замочки портфеля шелкнули в последний раз...» (Лжкстанов, [1953] 1964, 408).

О нач. 1950-х гг.: «Зажав между коленями потрёпанный портфель, Петя обшарил все карманы и наконец нашёл ключ» (Седугин, 1953, 25).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Мама купила мне школьную форму, портфель кожаный и будильник. Чтобы будильник меня будил в школу» (Голявкин, 1960, 38).

О первокласснике в перв. пол. 1960-х гг.: «Наверное, [Валик] шёл из школы: в руке у него болтался толстый портфель. Сам Валик казался особенно тоненьким возле своего портфеля...» (Котовщикова, 1966, 44).

О середине 1960-х гг.: «Страстная мальчишечья мечта – папка с “молнией” вместо дерматинового портфеля...» (Киршин, 2002).

Бить портфелем.

О конце 1930-х гг.: «...Как-то в начале зимы Костя Никитин и его приятель Лёня Корнев на улице пристали к двум девочкам-третьеклассницам из соседней школы, сорвали у них с кос ленты и одну девочку ударили портфелем» (Суворина, 1959, 17).

О 1970-х гг.: «Потом [девочка] подросла и перестала колотить портфелем по голове своих товарищей по пионер. орг-ции» (Коршунова, 2004, 9).

Выбивать портфель из рук – традиционный тип озорства школьников.

О Новосибирске в 1941–1942 гг.: «В середине декабря меня определили в 7-й класс... Учитель ко мне относился с особым вниманием..., проводили доп. занятия... Это ос. внимание ко мне вызвало ревность нек. девочек. Особенно агрессивна была Аня. Она сразу дала мне прозвище: “Москвичка...”. А когда я шла домой, постоянно выбивала портфель из рук. Её боялись...» (МН, 1999).

О мальчике 12 лет в мужской школе в 1947 г.: «Едва я переступил порог коридора, как портфель вылетел из моих рук, больно ободрав ладонь... Потом я и сам в совершенстве овладею мастерством выбивания портфеля – подходишь тихонечко сзади, задираешь аккуратно ногу, и – р-раз! – изо всех сил бьешь ногой вниз, стараясь в удар этот ещё и вес свой вложить. Не столько больно, сколько досадно – ведь из-за спины! – и обидно. Никакой силач такого удара не выдержит. Никакой» (Лиханов, 1995, 13–14).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Чинные девочки в белых фартуках и горластые мальчишки, затянутые блестящими поясами с бляхами. Девочки шли медленно и достойно, мальчишки же гонялись друг за другом, стараясь или закинуть на балкон чужую форменную фуражку или выбить из рук приятеля портфель» (Кончаловский, 1963, 171).

Автор словаря считает уместным засвидетельствовать, что выбивание из рук портфелей (другим портфелем или ногой) было обычной практикой у учащихся младших классов в начале 1970-х гг. в Шадринске.

Прятать портфель – традиционный тип озорства школьников.

О середине 1980-х гг.: «Постоянно друг у друга мы прятали портфели. Но никто не обижался на эти шутки, т.к. любой мог отомстить точно так же» (494).

Носить портфель. О мальчике: носить принадлежащий девочке портфель – вид ухаживания, выражающийся в демонстрации готовности более сильного («мужественного») мальчика взять на себя перемещение тяжёлого предмета, освободив от этого более слабую физически («женственную») девочку.

О конце 1950-х гг.: «Катя и Эдик ходят домой по одной улице. Эдику – дальше, Кате – ближе. Так Эдик всегда портфель у Кати отберёт и несёт всю дорогу, в одной руке свой, а в другой Катин. Катя сначала не хотела отдавать свой портфель: “Что я, сама не донесу?” Но Эдик очень строго сказал: “Мальчики должны всегда помогать девочкам, так мама сказала. А ты просто глупая и ничего не понимаешь”» (Черноголовина, 1962, 39).

О девочке 8–9 лет в с. Зеленоборское в 1959 – 1960 гг.: «По словам мамы, выходя из школы, махались портфелями, задевая друг друга. Невзначай портфели падали, мальчики (одноклассники) поднимали их, несколько метров проносили, а если мальчик не нравился, портфель девочка отбирала» (134).

О девочке и мальчике, учениках 1–3 классов в нач. 1970-х гг.: «Он [Вася] часто приходил к нам, мы делали вместе уроки, приходила мама с работы и кормила нас ужином, он очень любил пельмени, котлеты. Он вплоть до третьего класса носил мой портфель в школу и обратно, он часто у него волочился по полу, так как он был меньше меня ростом» (480).

О девочке 12–13 лет в середине 1970-х гг.: «Лидя...не разрешала другим мальчишкам ни провожать себя после школы (появилась такая мода после нескольких фильмов – носить за девчонками портфели!), ни приглашать в кино» (Иванов 1979, 70).

О 1980-х гг. (шутливое стихотворение): «От Наташи до Лариски – / Всем шести пишу записки... / ...Вот из школы выхожу / И по сторонам гляжу: / Нынче очередь Наташи. / Вдруг девчонки с визгом страшным / Окружили, налетели / И велят: “Неси портфели!”» (Телевицкая, 1987, 49).

О 1997 г.: «Когда я училась в 5 классе, за мной ухаживал мой одноклассник. Одним из видов его ухаживаний было провожание до дома, и он всегда носил мой портфель. Он был из соседней деревни (от нас 2–3 км), в школу он ходил пешком. А зимой, в 30-градусный мороз, он тоже меня провожал домой и помогал донести портфель. Мне было жутко его жалко, но он был упрямый и никогда не уходил домой, не проводив меня» (138).

ПОРТЫ – одежда мальчиков.

«В возрасте от 2 до 5–6 лет одежда мальчиков состояла, как правило, из длинной рубашки... В нек. местностях в конце XIX в., в частности в Вологодской губ., детям до восьмилетнего возраста по большей части вовсе не делали одежды, они ходили в одних рубашках, часто сшитых не по возрасту... Вместе с тем в других местностях, в том числе и в Вологодской губ., детей начинали одевать с учетом половых особенностей уже с трёхлетнего возраста, иногда и ранее. Будничный костюм мальчика в 3 года мог состоять из рубахи, пояса и портов, называемых “подштаниками”. Порты шили из крашеного холста синего цвета. Особенность детских портов заключалась в том, что спереди у них была прореха; вставной клин пришивался к штанинам только с задней стороны, в отличие от портов старших мальчиков и взрослых мужчин. Иногда они вовсе не имели соединения между ног и представляли собой две отдельные штанины, которые пришивались к пояску, застегивающемуся на пуговицу, или нанизывались на веревочку, завязывающуюся на талии. С 7–8 лет мальчики начинали постоянно носить порты, условно обозначаемые мужской одеждой. В нек. местах недавнее приобретение портов приобретало форму торжественного обряда: мальчика, наряженного в новый, “взрослый” костюм, отец сажал на коня. С этого момента ребенка уже не считали малышом» (Мадлевская, 2006–1, 237–238).

«**ПОС**» – разговорное название оценки «*посредственно*», существовавшей с 1935 по 1943 год.

О 1930-х гг.: «Федька... не ударник. У него сплошь “посы” в табеле... У меня тоже “посов” хватает» (Соболев, 1964, 6).

О вт. пол. 1930-х гг.: «“Прикрепи-ила! Не мог хоть на “посик” вытянуть!”» (Корытковская, 1965, 36).

К. Ваншенкин о 1930-х гг.: «Существовал кодовый школьный жаргон: “очхор”, “хор”, “посик”» (Ваншенкин, 1996, 15).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Пять дней я ничего не читал, не ходил в кино, не бегал на лыжах и получил два “поса” – посредственно» (Мошковский, [1963] 1987–1, 294).

О 1936–1937 гг.: «Лучше подналечь на школьные предметы, по которым у меня “посы” – “посредственно”». (Гончаров, 1991, 55).

О 1939 году: «Но вот он снова в строю и уже успел заработать три “отлично”. Кимка... по тем же предметам отхватил три “поса” – посредственно – и был этим весьма доволен» (Поливин, [1976] 1988, 121).

Об ученике 8–9 классов в 1940–1941 гг.: «20 мая... Самый тяжелый и ненавистный камень – физика – под действием всепобеждающего “поса” безвозвратно свалился с плеча... 2 августа... Я не теряю надежды и надеюсь попасть в спецшколу, ибо я окончил восьмь

классов и меня должны взять охотнее. А как окончил? Все серо. “Посы” и “посы”... 6 августа ... Мои круглые “посы” связывают мне руки. Слышу, как одному парню не дают анкеты только потому, что у него один “пос”. Собираюсь с силами и требую анкету. На вопрос об отметках сбавляю число “посов” до четырех... 28 ноября... Мое больное место – школа. “Баранки” сменяют “посы”... 29 мая... Утром получил “серенького” и должен был бы сидеть теперь за географией, но почему-то сижу за “Войной и миром”. Это значит, что послезавтра снова у меня будет “пос”. » (Сагайдачный, 1963; 56, 71, 73, 104, 193).

См. также: «*Посик*»; «*Пёс*»; «*Пёсик*»; «*Серые отметки*».

ПОСАЖЕНИЕ на коня – ритуальные действия над ребёнком в Древней Руси.

«В княжеской среде 2–3-летний возраст отмечался обычаем пострига... Иногда обряд пострига мог совпадать с другим, не менее важным обрядом – посадением на коня: “Быша постригы оу великаго князя Всеволода, сына Георгиева, внука Володимеря Мономаха, сыну его Георгеви в граде Суждали; того ж дни и на конь его всади, и бысь радость велика в граде Суждали” (1192 г.)... Можно предположить, что обычай сажания на коня мог быть распространен не только в роду Юриковичей, но и во всей военно-дружинной среде, поскольку тесная связь, существовавшая между вождем-князем и его боевыми товарищами, скорее всего, распространялась и на бытовой уклад, включавший в себя обычный набор ритуалов взросления будущего воина. Сугубая важность символики восседания на коне юного князя видна из летописного рассказа о походе княгини Ольги с сыном на древлян в 946 г. Битва начинается с того, что сидящий на коне маленький Святослав “суну” в направлении вражеского войска копьём. Копье, брошенное слабой детской рукой, летит недалеко – пролетев между ушей коня, оно падает к его ногам. Но даже этот не слишком удачный бросок был истолкован воеводами, которые, очевидно, и являлись истинными руководителями битвы, как добрый знак и сигнал к началу сражения: “Князь оуже почаль, потягнемь, дружино, по князе!”...» (Долгов, 2006, 75–76).

ПОСЕСТРИМСТВО – «Известный у некоторых славянских народов древний обычай возведения дружбы между женщинами до степени родства, сопровождающийся определёнными обрядами» (Словарь, 1960–10, 1468).

Обряды посестримства.

О Шадринске в 1990 г.: «Когда мне было 10 лет, моя лучшая подруга Наташа предложила мне посестриться. Она переезжала в Курган вместе с родителями. А в Шадринске у неё оставалась бабушка. Она сказала мне: “Я уезжаю, и буду редко приезжать, и я должна быть уверена, что ты меня не забудешь и будешь писать мне письма”. Она предложила мне “посестриться” таким образом. Принесла лист бумаги и написала: “Ты – моя сестра”. Я сделала то же самое. Она взяла лезвие и порезала себе безымянный палец, поставила печать напротив своих слов. Я должна была сделать то же самое. Но я очень боялась это сделать. Она сказала: “Разве ты не хочешь быть моей сестрой?” Я очень хотела ей быть. Я отвернулась и порезала себе палец, сделала печать напротив своей надписи. Затем этот листок свернули в виде конвертика, положили туда то самое лезвие. И зарыли его около дуба. Этот дуб был очень старый. И она мне еще сказала: “Вот этот дуб такой старый, и мы будем до старости сёстрами, пока не умрем. И мы до сих пор вспоминаем это и смеёмся. Мы на самом деле остались сёстрами. Хотя она и приезжает редко, так как живёт в Кургане. Мы ещё когда посестрились, договаривались, что выйдем замуж за двух братьев, и когда родим, если у неё будет мальчик, а у меня девочка – то мы их поженим. И что будем друг у друга кумами. Год назад она родила мальчика и говорит мне: “Давай, мы ведь обещали друг другу, с тебя девочка”. Я крестная её сына. Хотя замуж за братьев мы не вышли. Вот так!» (504).

См. также: *Дружба, ритуальное закрепление дружбы у девочек; «Сестры по крови».*

ПОСЕЩЕНИЕ богослужений в учебных заведениях (обязательное).

О перв. пол. 1910-х гг.: «Многие из нас не были атеистами, но индифферентно относились к религии почти все... Раз потеряв (обыкновенно не позже, чем в 3–4 классе) детскую веру, потом этим уже больше не интересовались. Не было уроков скучнее Закона Божьего. К тому же Кассо вновь завел “обязательное посещение богослужений”. В Каменец-Подольске в коридоре у входа в домовую церковь стоял надзиратель в форменном сюртуке и отмечал “посетивших богослужение” крестиком. Кто пропустил, должен был представить записку от родителей или опекунов, иначе грозило 4 по поведению. Кончив гимназию, почти никто уже не шёл в церковь» (Раевский, 1992; 59, 60).

ПОСИДЕЛКИ – «Собрания девочек младшего и подросткового возраста для выполнения рукодельных работ и общения» (РД, 2006, 284).

О XIX – нач. XX в.: «Посиделки являлись традиц. формой совместного проведения времени в осенне-зимний период в закрытом помещении... [На посиделках] девочки прежде всего старались приобрести трудовые навыки и лишь по возможности изготавливали что-либо. В Вологодской губ. семи-восьмилетние девочки, только что научившиеся прясть, устраивали на посиделки хоровод вокруг ступы для толчения зерна и приговаривали: “Ступа да пест, научи меня прести!” Считалось, что такой ритуал поможет в овладении этой работой... В южно-русских губерниях девочки-подростки не только пряли, но и чесали шерсть. Во многих местах с десяти лет девочки начинали ткать пояса... Девочкам младшего и подросткового возраста не позволялось засиживаться на посиделках так долго, как их старшим сестрам. Кроме того, самые маленькие пряхи (лет семи-девяти) собирались, как правило, по несколько девочек в доме одной из них, где присутствовали ее родители. “Средние” посиделки – для детей 10–12 лет – иногда устраивались в сенях избы, где собирались взрослые девушки. Но и старшие сестры, и матери подростков строго следили за тем, чтобы они вовремя расходились по домам...» (РД, 2006, 284–285).

Лит: РД, 2006, 284–286.

«ПОСИК» – разговорное название оценки «*посредственно*», существовавшей с 1935 по 1943 год.

Об ученике 9 класса в 1940 г.: «12 сентября... Несмотря на то что я получил сегодня “посик” по немецкому, все же победил на “Огни большого города”» (Сагайдачный, 1963, 85).

О 1941–1942 гг. в Сибири: «Юра попросил у меня табель и долго рассматривал его. “Какая-то чепуха у тебя с математикой, – с досадой сказал он наконец. – Ну, куда это годится – посредственно? Разве так уж трудно?” “Не знаю, – сказала я, – только теперь мне все равно. Математичка сама говорит: каждая ваша отличная оценка – удар по фашистам. А я знаешь, как работу выполняла? Ни одной ошибки, чисто... А она мне – посик. Я говорю: почему “посик”? А она: ты всё равно больше, чем на посредственно не знаешь. Ты думаешь, мне охота за посредственно голову ломать?”» (Корытковская, 1965, 23).

См. также: «*Пёс*»; «*Пёсик*»; «*Пос*».

ПОСКРЁБЫШ – «хлебец или лепёшка из остатков теста, выскребенных из квашни. Шут[о]ч[но:] последнее дитя» (Даль, 1994–3, 869).

О нач. 1970-х гг.: «На выпускном вечере ко мне пошла немолодая... женщина, в старомодном платье с оборками, и стала благодарить, что я “приохотила её поскрёбыша к чтению”. Увидев моё недоумение, она пояснила, что Маруся Комова – её дочь. “А почему поскрёбыш?” “Так ведь она у меня одиннадцатая, самая маленькая”... Она гордо смотрела на своего “поскрёбыша”, самую нарядную на вечере» (Исарова, 1977, 171).

«ПОСЛЕ бала» – рассказ (1903) *Л.Н. Толстого*; в 1960-е – 1990-е гг. входил в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе.

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 2001 г.: «“После бала” Л. Толстого изучали в 10 классе» (011).

ПОСЛЕ сытного обеда... – см.: «*По закону Архимеда*»

«ПОСЛЕДНИЙ звонок» – проводимое в мае школьное мероприятие, посвященное окончанию уроков у учеников выпускных классов. Данное мероприятие предшествует выпускным экзаменам.

О перв. пол. 1950-х гг.: «Наиболее распространенными традиционными днями в школах стали такие, как праздник “За честь школы”, “Первый и последний звонок” (для учащихся первых и десятых классов)..., встреча с выпускниками... и т. д.» (КР, 1957, 75).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Казалось, только вчера была торж. церемония последнего звонка, только вчера плачущие девочки брали из рук первоклассников яркие букеты весенних цветов, только вчера растроганные мамы щелкали замками сумочек, вынимали носовые платки... А сегодня уже выпускной вечер...» (Долинина, 1963, 70).

О нач. 1960-х гг.: «...Самая почетная и, пожалуй, центр. роль выпадает на [долю первоклассников] в грустный и торжеств. праздник – праздник последнего звонка. В огромном актовом зале они стоят шеренгой напротив тех, кто завтра навсегда оставит школу. Желают им счастья. Обещают хорошо учиться. Выраста строителями и космонавтами, инженерами и пилотами. Подбегают гурьбой с букетами цветов и прощальными письмами, которыми напутствует школа своих питомцев... Стоят и в простоте чувств своих не понимают, почему плачут девочки из одиннадцатого, смахивают непрошенные слёзы родители и дрожит и срывается голос у незнакомой учительницы» (Волков, 1965, 67–68).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Занятия в школе продолжаются до конца мая... В последний день учебных занятий для выпускников восьмых и десятых классов звенит последний звонок» (Денисова, 1978, 212).

О середине 1970-х гг.: «В конце учебного года, в последний день занятий, для выпускников школы звучит последний звонок. Юноши и девушки, в парадной форме, собираются в актовом зале. Директор и учителя школы желают им успешной сдачи выпускных экзаменов. Поздравить выпускников с окончанием занятий приходят и первоклассники. Они преподносят своим старшим товарищам цветы. Выпускники, в свою очередь, дарят им сувениры и значки» (Денисова, 1978, 117).

О 1970-х гг.: «Праздник последнего школьного звонка давно уже стал в нашей стране доброй традицией. Он проводится во всех школах. Приходится этот день на конец мая» (ПЗ, 1979, 3).

О 1990 г.: «25 мая – в последний звонок мы пришли в свой класс и написали письмо в будущее или о будущем...» (541).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 2002 г.: «В краснозвездинской средней школе принято на последнем звонке в благодарность за труд учителям, воспитателям, родителям, поварам исполнять песни, танцы, показывать сценки. Каждому учителю посвящена отдельная песня (учителю русского языка и литературы, физики, истории, физкультуры и т.д.)» (011).

О 2004 г.: «Последний звонок в нашей школе проходит 25 мая. В этот день я проснулась рано. В 8.00 начнутся занятия у всех, а 11-й класс сегодня придет к 9 часам. Последние несколько уроков по 20–30 минут, и всё. Беру приготовленную вечером форму (грустно до слез, ведь в такой же я пошла в 1-й класс), надеваю её, коротенькая. Весело смотрится. Обязательно белые гольфики (только не носочки). Мы с девчонками ещё с начала учебного года обсудили наряды: короткое форменное платьице, белый фартук, гольфики и банты, а ещё босоножки, словно сандалики в первом классе. Так что наряд будет почти одинаковый у всех девчонок – такие вот первоклашки в последний раз. Теперь иду к маме. Нужно завязать банты, белые банты. Решили, что их нам будут завязывать мамы, даже если это банты – резинки. Банты готовы. Теперь фартук, минимум помады и теней для век. Ну, теперь совсем как “в первый раз, в первый класс”. Побежала на уроки. С собой только

тетрадка, ручка, косметика и слова для выступления. Подхожу к школе... Ещё вчера вечером украсили актовый зал. Почти всё готово. Мальчишки привозят цветы, букеты в вёдрах. Всё это ставится в отдельно отведённый класс... Ну вот, все собрались в классе на последние уроки. С каждым преподавателем (учителем) вспомнили все 11 лет занятий. Приготовили аппаратуру, доставили ещё стульев, проверили цветы, повторили слова, стихи, песни, поправили свой внешний вид. Мальчишки сегодня в наглаженных брюках, белоснежных рубашках. Но на них нет пиджаков и галстуков. Программа выступления следующая: выходит ведущий, объявляет начало, представляет 11-классников. Мы выходим, садимся на приготовленные стулья сбоку от сцены. Несколько слов от директора. А теперь наша очередь. Мы поздравляем учителей, родителей, говорим им спасибо, дарим цветы, символич. подарки, ведь главные и серьезные будут на выпускном вечере. Учителя и родители тоже готовят своим деткам сюрприз. Обычно это слова, наставления, шуточные стихи, песни, сценки и маленькие подарки. Нам родители подарили фотоальбомы – память о классе, родителей, учителей, школе и о нас “маленьких”. Младшие ученики тоже делают подарки: поют песни, читают стихи. А когда одна из девочек младших классов поёт вальс, мы начинаем танцевать. Приглашаем учителей. В конце десятой класс дарит одиннадцатому торт, который вечером они испекли сами, а одиннадцатый вручает десятиклассникам символические “ключи от школы”, ведь теперь они в ней старше. Самый симпатичный старшеклассник берёт на плечо крохотную первоклашку и... звучит последний звонок. Слезы у всех: у нас, у родителей, у учителей. Теперь мы идем в столовую, пьем традиционный чай с подаренным тортом, а с нами мамы, папы и учителя, которых мы вскоре оставляем, а сами едем в лес на традиц. “последний шк. пикник” до вечера. К мини-походу готово всё заранее: шашлык, вино и много всего вкусного. Обязательно фотоаппарат, а фото будут в подаренных альбомах. Вечером одиннадцатиклассники гуляют по деревне. Последний (за исключением выпускного бала) свободный, беззаботный вечер у “детей”» (555).

О 25 мая 2004 г.: «Все классы с первого по десятый построились в линейку. Мы, взявшись за руки, под песню “Учат в школе” вышли на линейку. Девочки были в белых фартуках, в чёрных туфлях, мальчики – в пиджаках с галстуками. Выступили сначала важные гости. Потом нас поздравляла директор школы и читала приказ о нашем выпуске. Теперь слово предоставили нам. Своё выступление мы начали песней, не помню уже какой. Каждый из нас поочередно рассказывал по маленькому стихотворению. Заканчивали песней “Кораблик детства” под гитару. После этого мы подарили по воздушному шару первоклассникам. Затем наши мальчики рассказали по стишку, подарили нам по гвоздике, наш самый сильный выпускник посадил на плечо маленькую первоклассницу, ей вручили колокольчик, и они прошли по всему залу, звеня этим колокольчиком. Потом наш мальчик вернул девочку на место. Потом стали поздравлять представители классов, со 2-го по 10-й. Один рассказал стихотворение, другие пели песни и т. д. Затем кто-то из родителей сквозь слёзы пожелал нам удачи, и наш главный организатор Людмила Сергеевна пригласила всех гостей и родителей в актовый зал. В столовой было накрыто два стола: один – для нас, другой – для родителей и для учителей. Насытившись, мы побрели в актовый зал. И вот тогда все и началось. Это был концерт, устроенный нами для всех. Начали мы свое выступление со сценки “Как мы готовились к последнему звонку”. После этого мы стали поздравлять учителей-предметников. Учительнице рус. языка и литературы мы спели песенку “Вологда”. Мальчик пел: “Где же моя синеглазая, где?”, а мы подхватывали, указывая на неё: “Вот она, вот она, вот она где”. Этой же учительнице одна девочка рассказала переделанное “письмо Татьяны к Онегину”. Учителю иностранного языка – песня “Скованные одной цепью”. Учительнице изобразительного искусства – “Я рисую на асфальте...”. Библиотекарше – сценка из “Ералаша”.

404

Учителю трудов мальчишки спели какую-то военную песню. После каждого исполнения мы дарили цветы. Классному руководителю и директору школы – по пять красных роз, всем другим учителям – по три розы. Техперсоналу и поварам – по розе (они были очень довольны). И последнее, чего мы добились, – заставили всех пустить слезу. Это случилось тогда, когда мы спели родителям: “Давно ли песню ты мне пела, над колыбелью наклоняясь?”. Да мы и сами прослезились. Родителям подарили по гвоздике. После выступления все пошли фотографироваться. Вечером мы пошли к нашему любимому месту, к трём старым тополям. Мальчишки сделали там столик и лавочки. Вечер провели замечательно» (133).

ПОСОХ – атрибут бойскаутов 1910-х – начала 1920-х гг. и пионеров первой половины 1920-х гг.

О 1921–1922 гг.: «По Петергофскому проспекту – от Обводного канала к Фонтанке – не очень четким строевым шагом двигались под барабанную дробь человек тридцать мальчиков и девочек, в белых рубашках, в синих коротких штанах и юбках и с красными галстуками на шее. Под мышками они держали (как держат охотники ружья – дулом вниз) “посохи” – длинные круглые палки, с какими еще недавно по петроградским улицам разгуливали бойскауты...» (Пантелеев, [1962] 1970, 454).

О нач. 1920-х гг.: «Неужели я стану скаутом, надену их замечательную форму, буду носить посох, отдавать салют и каждый день совершать добрые дела? Теперь я к этому привыкла» (Остапенко, 1969, 5–6).

О Дальнем Востоке в 1922 г.: «...Бойскауты..., угрожающе поднимая над головой посохи-палки, продолжали сближаться...» (Чаусов, 1963, 86).

«В это время [1923–1924 гг.] в Челябинске начали вводить пионерскую форму... Управляющий трестом распорядился... сделать для пионеров посохи. В те годы они являлись непременным пионерским атрибутом. Посохи использовались при постановке палаток, в физкультурных пирамидах, вместо носилок в военных играх» (Никитин, 1972, 43).

ПОСРЕДСТВЕННО – школьная оценка, введенная в 1935 году вместо оценки «удовлетворительно» и замененная в 1944 году на оценку «3». См.: *Оценка успеваемости*.

О вт. пол. 1930-х гг.: «...Наша преподавательница в Шелепихе, Софья Петровна, постоянно завывала мне оценки. Там, где полагалось ставить “плохо”, или, понынешнему, двойку, она выставляла “посредственно” (тройку). Вместо посредственной оценки я получал, даже сам не ведая, почему, – “хорошо” (четвёрку). А когда я, довольно прилично подготовившись, отвечал действительно хорошо, Софья Петровна не задумываясь вывалила мне отличную отметку – пятерку» (Соколовский, 1981, 46–47).

О вт. пол. 1930-х гг.: «В классе он получил уже три “посредственно” и два “плохо”» (Кассиль, 1987–1, 27).

О подростке 14 лет в 1941 году: «...Коля... по истории, лит-ре и географии был первым в школе. Плохо обстояло у него дело лишь с пением и физкультурой. По этим предметам он с первого класса имел твердое “поср.”. И хотя из-за этого он не был отличником, все знали, что Коля... – первый ученик» (Козлов, 1977).

О 1942–1943 гг. на Урале: «Первый класс Юра кончил неплохо: только по чистописанию у него было “посредственно”, а по всем остальным – “отлично”» (Лихачевская, 1970, 14).

ПОСТРИГ – ритуальные действия над ребёнком в Древней Руси.

«В княжеской среде 2–3-летний возраст отмечался обычаем пострига. О княжеских постригах неоднократно упоминается в летописи. Сообщением об этом обряде открывается, например, летописная статья 1194 г.: “Быша постригы оу благоверного и х[ри]ст[о]любивого князя Всеволода, сына Георгиева, сыну его Ярославу месяца априля въ 27 день, на память святого Семеона сродника Господня, при блаженном епископе Иоанне, и бысть радость велика в граде Володимери...” Важность проводимого мероприятия подчеркивает стереотипная

фраза о “радости” в городе, где проходит постриг. По мнению Д.К. Зеленина, обычай пострига бытовал не только у князей, но и во всех социальных слоях: об этом косвенно свидетельствует существование его в XIX в. у орловских крестьян, кот. через год после рождения мальчика совершали так называемые застрижки... Иногда обряд пострига мог совпадать с другим, не менее важным обрядом – посадением на коня...» (Долгов, 2006, 75).

ПОСУДА игрушечная.

«Среди археологических материалов часты находки детских деревянных мечей... Для девочек, будущих хозяек, изготавливалась игрушечная посуда – это разных типов глиняные горшочки, кувшинчики, сковородочки, копирующие формы столовой и кухонной керамики того времени» (Долгов, 2006, 79).

О середине 1940-х гг.: «Гвардейцы стали шефами детдома. Они привезли нам целую машину с куклами и кухонной игрушечной посудой» (Шмерлинг, 1959, 173).

ПОТЕШКИ – стихи и песенки, которыми взрослые забавляют детей примерно двухлетнего возраста.

«Потешками принято называть особые забавы взрослых с малыми детьми, в которых используются различные части тела ребёнка и взрослого. Потешками называются и песенки-приговорки, организующие эти забавы» (Мельников, 1987, 41).

«Потешки представляют собой постепенно разворачивающийся рассказ, в ходе которого происходит вовлечение ребёнка в игру» (Капица, 2002, 58–67).

«В потешках – первых играх взрослых с маленькими детьми – поэтические произведения соединяются с драматическим сюжетом, в котором персонажами становятся пальчики, ручки, ножки младенца, руки того, кто его забавляет (“Ладушки”, “Коза рогатая”... и т.д.)» (ПЭС, 2003, 308).

Лит.: Мадлевская Е. Потешки. // РД, 2006, 289–292.

ПОТЕШНЫЕ книги – в XVII–XVIII вв.: книги с яркими картинками для детей.

«Название “потешные” пришло к этим листам от “потешных книг”. Так в старину назывались книги с яркими картинками для детей. Эти книги были своего рода живописными энциклопедиями. Из них дети узнавали о людях и животных заморских стран – о слоне, льве, единороге. Тут же были сказочные птицы сирины и павы, “араплин в чалме” (т. е. арап), фантастический морской человек и девы с рыбьими хвостами. Попадали в “потешные книги” и сказки. Так, для царевича Алексея Петровича придворным художникам было велено писать “потешную книгу” о Петре Златые Ключи. В хоромах у четырёхлетнего царевича Алексея Михайловича была “потешная книга” о Бове-королевиче. “Потешные книги” стоили очень дорого – они переплетались в бархат и атлас, раскрашивались золотом и серебром. Конечно, поэтому они и становились достоянием царских да боярских хором» (Латышина, 1998, 126).

ПОХВАЛЬНАЯ грамота (в школе) – почетная награда, средство поощрения учащихся за отличные успехи в учебе и примерное поведение.

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 сент. 1935 г. похвальной грамотой награждались учащиеся, наиболее успешно сдавшие выпускные и переводные экзамены. (ПЭ, 1966–3, 469).

О середине 1930-х гг.: «Меж тем 4-й “В” завершил учеб. год без моего участия. Но по совокупности успехов меня наградили похвальной грамотой, которую вручили матери на родительском собрании» (Нагибин, 1974, 61).

Об учащемся четвертого класса в 1941 г. в Ленинграде: «В мае 1941 г. я окончил четыре класса нач. школы, что находилась на углу набережной Фонтанки и улицы Пестеля в Ленинграде, с похвальной грамотой» (Щетинин, 2002).

О 1950 г.: «Наташа вернулась из школы после экзаменов. Она была очень счастлива: все пятерки... “Вот, мама смотри!” – она подала мне похвальную грамоту» (Володяева, 1960, 76).

О нач. 1950-х гг.: «“Похвальная грамота. Выдана ученику пятого класса Рябинину Ивану. За отличные успехи и примерное поведение. 25 мая”. В центре герб. Внизу нарисованы раскрытые книги, за ними стоит

глобус, под ними две ветки. Слева, в овале, портрет В.И. Ленина, справа – И.В. Сталина. Подписи учителей, заведующего школой и большая круглая печать... Ваня учился отлично с первого дня поступления в школу, привык к пятёркам, но похвальной грамоты до краёв наполнила сердце радостью» (Матвеев, 1954, 182–183).

В 1960-е гг. похвальной грамотой награждались также отдельные учащиеся, а также коллективы учащихся за успехи в общественной работе, конкурсах и олимпиадах, спортивных соревнованиях и др. (ПЭ, 1966–3, 469).

О 1960-х гг.: «Обычно похвальную грамоту вручают на торжественном акте, посвященном окончанию школьных занятий, в присутствии учителей, родителей, представителей шефствующего предприятия. Похвальными грамотами награждают также отдельные группы, учащихся или всю школу за активное участие в общественной и физкультурной работе» (СВ, 1967, 203).

О 1960–1968 гг.: «Похвальная грамота – письменное свидетельство, которым награждаются выпускники сред. общеобразоват. школы, достигшие особых успехов в изучении отдельных учеб. предметов. Похвальной грамотой “За особые успехи в изучении отдельных предметов” награждаются учащиеся, которые имели по этим предметам годовые отметки “5” за время обучения в девятом и десятом классе и сдали выпускные экзамены по ним тоже на “5”. При награждении ученика Похвальной грамотой учитывается его участие в олимпиадах, акт. работа в предметных кружках и успешное изучение им факультативных предметов. Окончившие школу с Похвальной грамотой пользуются преимуществами при зачислении в сред. спец. и высшие учеб. заведения. До 1968 г. Похвальной грамотой называлось свидетельство, которым награждались отличники первых – девятых классов. Теперь это свидетельство носит наименование “Похвальный лист”» (Денисова, 1978, 176).

По Положению от декабря 1999 года похвальной грамотой “За особые успехи в изучении отдельных предметов” награждаются выпускники IX и XI (XII) классов общеобразовательных учреждений, достигшие особых успехов в изучении одного или нескольких предметов, имеющие по ним четвертные (полугодовые, триместровые), годовые и итоговые отметки «5» за время обучения в классах соответствующей ступени общего образования и получившие по ним на государственной (итоговой) аттестации отметку «5», при положительных отметках по остальным предметам. Решение о награждении выпускников общеобразовательных учреждений похвальной грамотой принимается педагогическим советом общеобразовательного учреждения.

ПОХВАЛЬНЫЙ лист – награда, которая до 1917 года вручалась учащимся за отличные успехи в учении и отличное поведение при переходе из одного класса в другой, а также при окончании школы.

О вт. пол. 1900-х гг.: «Третье, последнее, отделение младшего класса я окончил с похвальным листом. Дома все по очереди долго разглядывали этот лист, на котором было написано о моих успехах в ученье большими золотыми буквами, а потом я громко прочитал его... Отец повесил мой похвальный лист в красном углу, под образами, и все заходившие к нам в избу разглядывали его, общипывали буквы, а потом говорили: “Ай да Вася! Видать, силён в грамоте, коли про него золотыми буквами пишут» (Абрамов, 1959, 74–75).

О 1914 г.: «“Пед. совет жен. полновправной гимназии Лидии Фёдоровны Самгиной, в Москве, на осн. § 12 правил об испытаниях учениц женских гимназий и прогимназий Мин-ва нар. просвещения постановил дать в награду похв. лист и сию книгу ученице пятого класса Евгении Михайловой за отличное поведение, прилежание и отличные успехи, оказанные ею в 1913–1914 учеб. году. Москва, 4 сент. 1914 г. № 338”» (Сергеев, 1995–2, 47).

О 1968–1976 гг.: «Похвальный лист – письменное свидетельство, которым награждаются учащиеся первых–девятых классов за отличные успехи и примерное поведение. Похв. листом “За отличные успехи и примерное поведение” награждаются те учащиеся, кот. имеют по всем предметам годовые отметки “5” и

принимают акт. участие в обществ. жизни школы. Выпускники восьмилетней школы, награждённые Похв. листом, принимаются в сред. спец. учеб. заведения без экзаменов. До 1968 г. свидетельство, кот. награждались отличники первых-девятого классов, имело наименование «Похвальная грамота»» (Денисова, 1978, 177).

По Положению от дек. 1999 г. обучающиеся переводных классов общеобразоват. учреждений, имеющие по всем предметам, изучавшимся в соответствующем классе четвертные (триместровые) и годовые отметки «5», награждаются похвальным листом «За отличные успехи в учении». Решение о награждении обучающихся переводных классов похвальным листом принимается пед. советом общеобразоват. учреждения. Похвальный лист вручается награжденным обучающимся по окончании учебного года.

ПОХОД – передвижение, переход организованной группы детей, часто во главе с вожатым, учителем и т. п.

О вт. пол. 1930-х гг.: «Мы отправимся в поход, / В лесу назначен сбор... / Когда человеку / Двенадцатый год, / Пора ему знать, / Что такое поход» (Барто, [1941], 1969–2, 256).

О нач. 1950-х гг.: «Рано утром горн поёт: / Отправляемся в поход...» (Сергеев, 1952, 13).

О 1950-х гг.: «Нам не везло в походе – / Проспали мы зарю!... / Проспали с непривычки, / И потеряли спички, / И уронили в речку / Походную аптечку» (Барто, [1962] 1969–2, 105).

О нач. 1960-х гг.: «После завтрака уходим / На рыбалку или в лес. / И к походам, и к природе / Проявляем интерес... / Нам узнать бы надо: как / Предсказать погоду, / Как укладывать в рюкзак / Вещи для похода. / Как искать пути в ночи, / Где наполнить фляги... / Ты всему нас научи, / Пионерский лагерь!» (Ружанский, 1962, 37).

О пионер. лагере в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Вера! А военная игра у нас будет?» – спросила маленькая Лида. «Будет...» – сказала Вера... «А в поход мы пойдем? – спросил парень с розовыми ушами. – В том году ходили». «И в этом пойдем, – сказала Вера. – Это будет очень хороший далекий и трудный поход»» (Матвеева, 1975, 39–40).

О начале 1980-х гг.: «А Тимка сидел... на... скамеечке и думал. Хорошо бы пойти в поход. После окончания учёбы вся школа, все классы, начиная с четвёртого, идут в поход с ночевкой. Ребята ставят палатки, сами готовят обед на костре, а потом встречаются на большой поляне, где проходят спортивные соревнования. Наконец наступил день похода» (Тараскин, 1982, [2]).

О середине 1980-х гг.: «...В походы с учителями и родителями ходили часто, особенно в младших классах – до 9. Обычно уходили на сутки и достаточно далеко километров за 25. В походах мы жгли костры, пекли картошку, варили уху, всю ночь не спали, а под гитару пели у костра. В походы ходили и зимой, и летом. Нам очень нравились походы, они сближали весь класс» (498).

О пионерском лагере в 1980-е гг.: «В детстве я часто ездила в лагерь. Я любила лагерь, так как там всегда было интересно. Особенно запомнилась смена, в конце которой мы ходили в поход. Отряд был дружным, пока шли до места назначения, мальчишки помогали нести рюкзаки. Шли долго. И вот, наконец, пришли. Немного отдохнули. Девчонки пошли собирать ветки сухие для костра, а мальчишки с вожатыми и физруком стали ставить палатки. Потом разожгли костер, приготовили еду, поели. Вечером сидели у костра, рассказывали смешные и страшные истории, пели песни. Ночью ходили мазать пастой спящих, а утром – встречали рассвет» (493).

О г. Новогаганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. в 1990 г.: «В 8 лет мне подарили коньки, с тех пор они стали моим самым любимым занятием на долгие годы. Еще мы с подругами иногда уходили в лес на лыжах в походы, брали с собой сосиски и жарили их на костре» (503).

О девочках в Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Мы с девочками неск. раз за лето неск. лет подряд ходили в поход на речку. Это было далеко от дома и считалось

серьёзным мероприятием. Подготовка шла заранее и была серьёзной. Кто что берёт: одеяло, ножи, посуду, какую еду, книги. Если бабушка не отпускала, мы всей толпой шли и отпрашивали меня или другую девочку. Обычно бабушки такого напора не выдерживали и сдавались. Очень хотели, чтобы день был солнечный. На др. утро, все с пожитками, сумками отправлялись в поход. Это было за дамбой, на полянке (там раньше купались). Приходили, располагались. Я даже не помню, что мы там делали, но счастье было полным: ели, читали книги, загорали и разморенные, наотдыхавшие шли вечером домой или после трех часов уже были дома» (1001).

См. также: *Походы по местам боевой славы.*

ПОХОДЫ по местам боевой славы.

О 1938–1941 гг.: «Одним из видов внешк. работы по воен.-патриот. восп. учащихся являлась орг-ция походов по местам боевой славы, связанным с ист. гражданской войны. Готовясь к походу, школьники читали лит-ру о героях гражд. войны, сдавали нормы на оборонные значки. Во время похода они встречались с участниками боев, собирали интересные материалы. В походах и путешествиях по местам боевой славы Первой конной армии, Чапаевской, Щорсовской дивизий, по местам боев с Юденичем участвовало 24 000 школьников» (Очерки, 1980, 415–416).

«**ПОХОРОНЫ кукушки**» – обряд с участием девочек-подростков.

«В общих чертах обряд заключается в следующем: в определенный день собираются молодые девушки, делают куклу, обычно называемую *кукушкой*, и с песнями несут её через деревню на поле, в лес или к реке. Там её кидают, закапывают или топят. Там же участницы обряда кумяются, совершая при этом определённые обрядовые действия... Что касается обряда, что в большинстве случаев ими были девочки и молодые девушки приблизительно от десяти до шестнадцати лет» (Журавлева, 1994, 32).

Лит.: Бернштам, 1981; Журавлева, 1994; Соснина Н. Похороны кукушки. // РД, 2006, 292–295.

ПОХОРОНЫ птиц и животных.

Захоронение умерших (погибших) птиц и животных осуществлялось детьми на протяжении всего XX века.

О нач. XX века: «Подумаешь, носятся с этими именными... – говорила Марийка Машке. – И пусть себе! Они пойдут на именины свои крендели трескать, а мы устроим воробыные похороны. Верно, Машка?» «Верно», – отвечала Машка вздыхая. Ей больше хотелось попробовать именного кренделя, чем хоронить дохлого воробья» (Бродская, [1938] 1957, 43).

О детях во вт. пол. 1920-х гг. – нач. 1930-х гг.: «Беседка была... любимым местом наших игр... По обеим сторонам беседки росли два огромных куста жасмина... Под кустами у нас было кладбище. Там хоронили мы птенцов, выпавших из гнезда, и других умерших птичек. Иногда ж находили живых галчат. Эти крупные птенцы... привязывались к нам и брали корм из рук. Помню одного галчонка, который долго жил у нас, но всё-таки выходить его мы так и не сумели. Мы с большими почестями похоронили галчонка под кустом жасмина, сделав похоронную процессию и совершив все положенные обряды. Это не было забавой для нас, потому что мы действительно, жалели животных, а похороны мы видели издали и подражали им» (Кубанева, 1988).

О Евпатории в 1946–1947 гг.: «Девочки нашли мёртвого воронёнка. Выкопав могилку, обернув его красивым лоскутом, уронив положенные слёзы, они предали его земле. На холмик водрузили связанный из палочек крест с надписью «Спи спокойно, дорогой птенчик». Землю вокруг полили и утыкали бархотками. Вечером с размягченными содеянным добром сердцами они пришли на могилку. Всё осквернено. Цветы вырваны. На месте холмика стоит виселица, а в петле болтается воронёнку с прикрепленной бумажкой: «Смерть фашистским оккупантам». Процедура захоронения и осквернения продолжалась дня три, пока трупик явно не пах тлением и стал равно противным и девочкам, и мальчикам» (Самойлова, 2006, 27).

О 1947 г.: «Одного мертвого воробья Сережа потрогал. Воробей... был холодный как льдинка, бедный воробей, лежавший ножками вверх под кустом сирени... Неподвижность и холод – это, очевидно, и называется смерть. Лида сказала про воробья: “Давай его хоронить!” Она принесла коробочку, выстлала ее внутри лоскутком материи, из другого лоскутка сложила подушечку и убрала кружевом: многое умела Лида, надо ей отдать справедливость. Сереже она велела выкопать ямку. Они отнесли коробочку с воробьем к ямке, закрыли крышкой и засыпали землей. Лида руками выровняла маленький холмик и воткнула веточку. “Вот как мы его похоронили! – похвалилась она. – Он и не мечтал!” Васька и Женька отказались участвовать в этой игре, сидели поодаль и, покуривая, наблюдали хмуро; но не насмехались» (Панова, [1955] 1956, 447).

О Шадринске в 1987–1993 гг.: «А сейчас поговорим о захоронении насекомых. Этот ритуал был у меня всегда, с дет. сада. Тогда мы сами убивали всяких жучков-червячков, выкапывали ямки, клали туда труп, закапывали и ставили крестик из палочек на надгробье. И всё. Мы могли в тот же день забыть про могилку, пройти по ней. Позже, когда я уже училась в школе (в начальных классах), мы с подругами искали мертвых насекомых, хоронили их и иногда навещали их могилки. Хотя чаще всего мы забывали, где они находятся, а если вспоминали, то приносили на могилку цветочки. Все это было вполне серьезно. Потом мы хоронили погибших насекомых в гробах: в спичечных коробках. Мы издавали звуки, смутно напоминающие похоронный марш, закапывали коробок-гроб и даже как будто ревели. Каждый день мы приходили к могилке, меняли цветы, поправляли крестик...» (536).

О девочке 5–8 лет в с. Ольховке в 1990–1993 гг.: «Будучи маленькой девочкой 5–8 лет, я часто хоронила маленьких цыплят, гусят, щенков, котят, которые умирали (взрослых собак мы хоронили с папой). Устраивались целые церемонии. Как только умирал цыпленок, гусенок и др., я звала подругу или младшего брата, брала лопату, и мы шли за огород. В определенном месте, где часто хоронили, копали необходимую по длине и ширине ямку, клали умершего и закладывали землей. Сверху клали отличительный знак – палочку, втыкали, чтобы потом было видно, где похоронен, и можно было навесить его. При закапывании кидали три раза горсть земли, как это делается, когда хоронят людей, со словами: “Пусть земля тебе будет пухом”. Плакали, потом, посидев немного, возвращались домой. Конечно, плакала только я, редко когда моя подруга, и уж тем более брат. На следующий день ходили навесить его. Считали дни после похорон, ходили на 5, 9 дни, потом через месяц. После – в любой день» (009).

О с. Ушаковском Катайского р-на в 1994–1995 гг.: «Когда мне было 7–8 лет, мама купила попугайчика. Мы с сестрой ухаживали за ним: кормили, поили. Он у нас долго жил, а потом или заболел, или уже от старости умер. Мы с сестрой решили его похоронить. Выкопали в саду ямку, положили в нее птичку и закопали. Сверху поставили палочку, чтобы не забыть, где закопали. Мы очень долго с ней плакали и переживали. Но вскоре мама купила нам нового попугая, а мы забыли про нашего первого, похороненного, попугайчика» (139).

О девочке 6–8 лет в 1994–1996 гг. в г. Когалыме Тюменской обл. и с. Зеленоборском Шадринского р-на: «Однажды летом на улице я нашла мертвого воробья. Мне стало жаль маленькую птичку, и я решила её захоронить. Выкопала ямку, положила в неё тело погибшего, сделала крестик, скрепив его ниточкой. Могилку обложила цветами и веночками. Каждый день я приходила к месту погребения и порой редела горячими слезами. А когда приезжали к бабушке в гости (село Зеленоборское), родители собирали на картофельном поле колорадских жуков и складывали их в бутылку с керосином, а я доставала их и хоронила на том же картофельном поле. Жуков ждал тот же самый обряд, что и воробья. Так у меня образовалось небольшое кладбище. Через некоторое время я раскапывала могилки ранее погребенных и, бывало, что не обнаруживала насекомых. Очень радова-

лась, надеясь, что они ожили и убежали к своим родителям, домой» (134).

О девочке 10 лет в 1997 г.: «Когда моя семья и я переехали из Казахстана в Курганскую обл., примерно полгода в новом доме у нас не могли прижиться кошки. Первый котенка, через несколько дней после того как его принесли, зашибли дверью случайно. Второй котенок прожил примерно 1,5 месяца, а потом на него наступила корова. Этих котят я хоронила. За задним двором около забора выкапывала ямку, закутывала в темную тряпочку котенка, ложила в ямку, закапывала и ставила подобие креста, сделанного из веток, потом, посидев у могилки одну-две минуты, вставала, уходила и больше не возвращалась и не вспоминала об этой могилке. Один раз хоронила таким же образом цыпленка, за единственным исключением, в тряпочку я его не заворачивала, а просто положила в ямку» (138).

«**ПОХОРОНЫ шпака**» – неофициальный обряд, существовавший в военных училищах.

О нач. 1910-х гг.: «Приближалась Великая Война. По старой памяти в военных, особенно в гвардейских кругах, на студентов смотрели как на “врагов внутренних”, готовых поднять в любую минуту красные флаги. В Владимирском военном училище, накануне присяги, по старому обычаю справили “похороны шпака”. С утра соорудили чучело, одетое в студенческую форму, и водрузили его в курилке, рядом с ватерклозетом. По традиции в классах преподаватели не замечали отсутствия юнкеров, несших почётный караул у “гроба шпака”. Вечером, после переключки, чучело перенесли в зал, отпели по специальному шуточному чину, а затем была поднята команда “в штыки”. “Шпак” кончил своё существование на штыхах “прикомандированных к училищу”, которые на следующий день, принеся присягу, стали юнкерами. Шуточный обряд знаменовал прекращение статского состояния, но всё же юнкера, идущие в штыки на чучело студента, символизировали такой строй мысли, который уже совершенно не соответствовал действительности...» (Раевский, 1992, 55).

ПОХУДАНИЕ, похудение у девочек – «состояние по значению глагола похудеть. Похудеть – стать худым, худее, сделаться менее полным» (Словарь, 1960–10, 1698).

О конце 1970-х гг.: «В этом году девочку увлеклись похуданием, соревновались, кто меньше весит, перестали есть на переменах и ссорились с родителями, когда те заставляли их плотно обедать» (Воскобойников, 1981, 71).

О вт. пол. 1990-х гг.: «У меня есть одна подружка, помешанная на собственном весе. Катя сидела на диетах всегда, сколько я ее помню. То она вообще ничего не ест, то ест только рис, то носится со схемой раздельного питания. Похудение стало ее главной целью. Катя вовсе не толстая, она нормальная девчонка, просто не годится в манекенщицы. Я и не могла ей сказать, что дружить с ней нелегко, ведь не каждому захочется, откусывая кусок торта, выслушивать лекцию о том, сколько в нем калорий и где именно этот кусок потом “отложится”. Мы обе закончили девятый класс и как-то потеряли друг друга из виду, потому что после девятого класса она поступила в техникум, а я училась до одиннадцатого класса» (015).

ПОЦЕЛУЙ – «прикосновение губами к кому-, чему-либо в знак любви, дружбы» (Словарь, 1960–10, 1701).

О 10-летних детях, начала 1890-х гг.: «В прихожей Лиля... остановилась, переводя дыхание и глядя на Никиту смеющимися глазами. Они стояли около вешалки с шубами. Лиля спросила: “Ты чего смеешься?” “Это ты смеешься”, – ответил Никита. “А ты чего на меня смотришь?” Никита покраснел, но подвинулся ближе и, сам не понимая, как это вышло, нагнулся к Лиле и поцеловал её. Она сейчас же ответила скороговоркой: “Ты хороший мальчик, я тебе этого не говорила, чтобы никто не узнал, но это секрет”. – Повернулась и убежала в столовую» (Толстой, [1919–1922] 1984, 41).

О 1917 г.: «“Мальчишки будут за косы дергать, – сказала басом толстая гимназистка, – или целоваться начнут”. Наша депутация изобразила бурное возмущение...

Степка даже плюнул и сказал: “Тыфу! Целоваться... Лучше уж жабу в рот.”» (Кассиль, 1935, 159).

О нач. 1920-х гг.: «За калиткой Илюша принял независимый вид. Девочки, увлеченные игрой, не замечали его. Потом Варька озорно крикнула: “Эй, иди, похристуемся!” Видя, что мальчик не достаивает ее ответом, Варька стала шептаться с девочками. Скоро они подошли сами. “Садись, – ласково предложила Варька, – посиди с нами на бревнышке”. Илюша стеснялся девочек, но Варька притащила его за руку. Они усадили Илюшу на бревно и сами сели по бокам тесно-тесно. Илюша не догадывался, что ему готовят подвох. Между тем Варька лисой увивалась вокруг него... Варька подала сигнал девочкам, и они повалили Илюшу на спину. Двое крепко держали его за распятые руки, а Варька наклонилась и поцеловала его раз и другой. После чего девочки подхватились и, хохоча, убежали. Варька дразнила Илюшу издалека: “Христос воскрес! Ну как? Хорошо целоваться?” С красными от стыда щеками Илюша поднялся и ушел домой. Теперь его засмеют...”» (Жариков, 1971, 91–92).

О девушке 18–19 лет в начале 1943 года: «В сентябре 1942 года я пошла учиться в... железнодорожную школу... Девочки-школьницы были нарядно одеты (тогда ещё не было единой школьной формы)... 25 января 1943 года Воронеж был освобожден... Мы ехали дорогой, проходящей через дубовый лес... Аркаша лихо крутил баранку, смешил меня своими рассказами. Вдруг... он снял с баранки одну руку... обнял меня и хотел поцеловать. Я резко отстранилась и сказала, что, если он будет так вести, то я вылезу из машины и пойду пешком. Аркаша был удивлен. “Что ж тут такого? Ну, поцеловались бы”. “Не хочу я целоваться” – строго сказала я. А перед глазами я вдруг увидела нашу учительницу Серафиму Ивановну, уже немолодую женщину, которая, читая нам роман Чернышевского “Что делать?”, рассказывая о Вере Павловне Розельской, повторяла её слова: “Никогда не давай поцелуя без любви!” Может быть, современному молодому поколению это кажется смешным, но мы тогда верили в настоящую любовь и ждали её. Может быть не все были такие, но были» (Кубанева, 1988).

О конце 1950-х гг. – начале 1960-х гг.: «“А ведь ты, Анька, хотела тогда меня поцеловать”, – ...сказал Никита... “Вот выдумал”, – неуверенно сказала Анька. “А разве нет?” “Конечно, нет! Разве можно говорить об этом?”... “Ты не должен на меня сердиться, – сказала Анька. – Мама говорила, что целоваться прилично с семнадцати лет. А тебе, Никита, нет еще семнадцати...”» (Длуголенский, 1972, 64–65).

О 1980-х гг.: «Я столкнулась с первым поцелуем в 14 лет. Мы гуляли с мальчиком вечером, разговаривали, но я никогда не думала, что обязательно нужно целоваться. И когда он попросил меня об этом я спросила: «Зачем?», то он не знал что ответить (ему было 16 лет). Но, когда он меня попросил об этом второй раз, я согласилась, но в последний момент, когда он приближался своими губами к моим, я убрала голову и сказала, что мне смешно. Так мы больше никогда не встречались. Момент приближения мужских губ к моим (в первый раз, конечно) я вспоминаю: земля уходила из-под ног, кружилась голова, не понимаешь происходящую реальность, как в полете. Сумасшедшие ощущение! Жаль, что не испытываешь его при последующих поцелуях. А мне было стыдно признаться, что не целованная, когда я и мои подружки гадали на картах. Нужно было посидеть на них, если не целованная. Подруги уже все целовались, а я нет. Спрашивали: “Ты нецелованная?” Мне было стыдно признаться, что нет, и я отвечала, что да» (611).

О 1990-х гг.: «Первый раз я поцеловалась в 12 лет. Мальчику из класса я нравилась, так как он постоянно забирал ручку, брал за руку. Ребята из класса смеялись: “Ну, Алёша, поцелуй её, поцелуй”. В воскресный день он пригласил меня в кино, народу было немного. Он сел на последний ряд, было темно. Наклонился и поцеловал меня в губы. А я просто не ожидала и не думала, и сидела не шелохнувшись. Потом, когда мы вышли из

клуба, мне было очень стыдно. А его друг, который шёл рядом, смеялся и говорил: “Ну что, нацеловались?” Я помню, когда мы делали генеральную уборку в классе, мне и одноклассникам было по 13 лет, одна рассказывала, как надо правильно целоваться. Говорила, что девочка должна делать губы трубочкой, а мальчик захватывать её губы и втягивать в себя, на пальцах показывала. У меня в классе была девочка, она считала себя красавицей и что все мальчики нашего класса все её целовали, заигрывали. И такая, говорит: “Девочки, я вся перецелованная, – то есть её много-много раз целовали, – а ты нецелованная, потому что ты некрасивая и тебя никто не целовал”» (551).

Обучение поцелую у девочек.

О 1970-х – 1980-х гг.: «Если девочке очень хочется не ударить в грязь лицом при поцелуе, то... она старается пройти стадию непосредственно-практического обучения. Изучение материалов позволило выделить к настоящему времени четыре разновидности “поцелуйной тренировки”: Первая. Более старшие и опытные девочки показывают, как надо целоваться, менее старшим и менее опытным: “Мне показало, как надо целоваться, две девочки, которые были старше меня на два года”... Вторая. Не имеющие опыта девочки сами тренируются друг на друге. “О поцелуях ... мы вели разговоры среди девочек. Учились целоваться. Одна девочка вычитала, как надо правильно целоваться, и мы тренировались, учились целоваться”; “Я впервые услышала о них от старшей сестры, она даже тренировалась на мне. После этих тренировок у меня очень болели губы, мне это не нравилось”. Третья. По рекомендации “специалиста” девочка обучается на каком-либо “неодушевленном” объекте... “Старшие девочки показывали нам на своей руке, как надо правильно целоваться “взросл”. Затем мы на своей руке повторяли это...” “...Учились целоваться... И для этого использовали свою руку. Поднесём ее к губам и целуем, представляя, что с мальчиком целуемся”; “... Я сама решилась взяться за технику поцелуя: тренировалась на собственной руке, внутренней стороне предплечья. Я засасывала в рот немного кожи, водила по ней языком и представляла, что я целуюсь с мальчиком”. Чаще всего в качестве “тренажера” рекомендуется помидор..., реже – яблоко: “В школе девочки рассказывали, что научиться поцелуем можно с помощью помидора. Высасывая сок из целого, спелого помидора, получается похоже на поцелуй”; “О поцелуе начали разговаривать в классе восьмом. Девочки говорили, что надо учиться на помидорке или яблоке, тоже где-то услышали”. Четвертая. Девочки обучаются поцелую на различных предметах. Этим предметом может быть зеркало, игрушки (в том числе куклы), подушка: “В 14 лет ... дома я училась целоваться на зеркальце”, “Я стала учиться целоваться на игрушках, куклах, на подушках”; “...Я не знала, как это делается и... решила потренироваться. У меня есть большая мягкая игрушка – жираф. Так вот с помощью этой игрушки и я училась целоваться...”» (Борисов, 2002, 147–150).

Поцелуй как воображаемая причина беременности.

Популярная писательница начала XX века А.Вербицкая в автобиографии «Моему читателю» поведала о том, как лично на нее повлияла версия о появлении ребенка от беременности, высказанная инт-ской классной дамой:

«“Берегитесь, душечки! – зловеще говорила она классу. – Не подходите близко к мужчинам! Они вас поцелуют. А если поцелуют, сейчас же будет ребенок... И вы погибнете...” И были дуры, которые верили на слово... И таких было много... Когда я была в IV-м классе, меня на балу отличил своим вниманием кадет лет 15-ти. Это был противный мальчишка, курносый, белобрысый, с наглыми голубыми глазами... Упоённая его вниманием, я строила ему глазки, позволяла жать мою руку и талию во время вальса... В самый разгар польки, танцуя со мной, он чмокнул меня прямо в губы. От стыда и перепуга я грохнулась на паркет почти замертво... С бала меня отправили в лазарет... В лазарете со мной сделалась истерика, окончившаяся

настоящим нервным припадком. ...Я провалилась неделю. Плохо спала, горько плакала по ночам и упорно хранила про себя тайну моего позора. Я ждала... Вот-вот родится ребенок... Все узнают... Я погибла... Мое здоровье надолго расстроилось. Понадобилось месяца два, чтоб вернуть равновесие нервной системе. Ничего не изменилось, ребенка не было. Только пропала наивная вера в опасность поцелуев» (Вербицкая, 1911, 182–183).

О 1970-х – 1990-х гг.: «Версия о появлении ребёнка от поцелуя [является одной] из наиболее популярных. Её придерживаются не только девочки дошкольного и младшего школьного возраста, но подчас даже девочки-подростки 11–14 лет:

«В детсады девочки говорили, что дети появляются от поцелуя. И когда-то в один день – не знаю, что нашло на мальчиков нашей группы. Они брали девочку за руку и вели в раздевалку. Там доставали из шкафчика свое пальто, потом на него толкали девочку и ложились рядом и целовали. В тот день у меня вечером была истерика, потому что я не знала, сколько у меня будет детей, т.к. с первым мальчиком я пошла ради интереса, а другие меня туда тащили силой. Но мама вечером сказала мне, что я еще маленькая, и у меня пока не может быть детей»;

«Очень интересно было слушать рассказы “просвещенных” друзей и подружек о том, откуда и как появляются дети... Сейчас странно это вспоминать, но нам тогда казалось, что дети могут появиться и от поцелуя»;

«Вообще все мои сексуальные познания сводились к тому, что если поцелуешься, то сразу будет ребенок. Это я узнала от девочек...» (о возрасте 8–10 лет);

«До [13–14 лет] мне казалось, что дети рождаются за счет поцелуя. И я считала, что целоваться могут только молодые, но я не понимала, почему у не молодых людей есть маленькие дети. А фильмы, в которых целовались, я всегда смотрела со страхом, думая, что вот они поцеловались – теперь у них будут дети»;

«Одна девочка у нас всегда говорила, что дети получают от поцелуя. Это она знала по фильмам о любви, где целовались, а потом вдруг оказывалось, что девушка беременна. В это она верила вплоть до 8–9 класса»;

«Тему поцелуев мы обсуждали часто, так как казалось это чем-то страшным и неприятным. Старшие девочки нас переубеждали, но мы только хихикали и краснели. О последствиях поцелуев ходили слухи, например, от поцелуя можно забеременеть»;

«Сначала в раннем подростковом возрасте были мифы о поцелуе. Говорили между собой, что если тебя, не дай Бог, поцелует без твоего желания мальчик, то ты забеременеешь. Все этого очень боялись и избегали этого»;

«Когда меня в первый раз поцеловал мальчик-сосед в 12 лет, проводив до дома, я заплакала, думая: а вдруг у меня сейчас где-то внутри будет ребенок»;

«Первый раз я поцеловалась еще в классе первом. Но тогда я боялась целоваться, так как думала, что если поцелуюсь с черноволосым мальчишкой, то обязательно забеременею, и мне будут разрезать живот, чтобы вытащить ребенка».

Версия “беременности от поцелуя” наряду с чисто “поцелуйной” версией является одной из самых распространенных:

«Говоря о сексе, детях, мальчиках, мы с серьезностью вели разговор о поцелуе. Размышляли потом, как появляются дети, не имея никакого представления об этом. Затем, узнав только принцип, без деталей, верили в то, что можно забеременеть, если будешь целоваться. Когда слюна попадет изо рта в рот, и будут дети. Долго спорили, рассуждали и в конце концов остановились на этом мнении»;

«Роль поцелуя для беременности видела в том, что слюна мужчины попадает в рот женщины, и поэтому она беременеет, и от этого рождаются дети. И если поцелует мужчина женщину в живот, а не в руку, ногу и т. д., то тоже женщина беременеет, так как все дети рождаются из живота, то целовать нужно обязательно в живот»;

“...Был такой миф, что в слюне находятся невидимые деточки, когда целуешься, то эти деточки попадают в живот и растут. Так появляется младенец (12–13 лет)”» (Борисов, 2000, 12–13).

Поцелуй как ритуализованное приветствие у девочек.

О женской гимназии в середине 1910-х гг.: «После каникул... Девочки входили одна за другой, шумно здоровались, разговаривали. Слышались поцелуи и смех» (Филиппова, 1938, 97).

О девочках 11–15 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1998–2003 гг.: «В нашей компании был такой обычай – при встрече целовать друг друга три раза в щёки. Если отношения были натянутые, неискренние, то девочки только обнимались. Даже если подружки уже виделись в этот день утром, а вечером снова встречались, нужно было всё равно целоваться. При этом корпуса целующихся наклонялись вперед, руки лежали на верхней части спины или девочки просто держались за руки. Мы считали, что такое действие обособляет нас от других компаний. Другие при встрече ударялись ладонями, потом кулаками, затем следовало рукопожатие, обнимались и целовались. Помню, как ловко у них получалось. Одна девочка мне рассказала, что они долго придумывали череду действий и тренировались дома, прежде чем приветствовать друг друга прилюдно» (134).

О девочках-подростках в г. Лянторе в 1999–2000 гг.: «В классе 8–9 с подружками целовались при встрече в щёку» (015).

О девочках 14 лет в Шадринске в 2001 году: «Когда я училась в школе, в 8 и 9 классах (между девочками) было очень модно при встрече целовать друг друга в щёку. Чаше всего даже не касаясь губами щёки подруги. Утром или днем приходила на смену, вместо стандартного “Привет” необходимо было подойти, приобнять одной рукой или обнять двумя руками и прикоснуться щекой (чаще всего не губами) к одной, затем – другой щеке. Обнимаясь и целуясь, мы показывали своё “положительное” отношение друг к другу. Позже, в 10–11 классах, у нас утратилась привычка поцелуя (объятий) при встрече, но мы наблюдали, как восьмиклассницы и девятиклассницы осваивают её» (132).

О девочках-старшеклассницах в 2002–2004 гг. в г. Кургане: «Когда я училась в 10–11 классах школы № 5 г. Кургана, девочки из 9, 10, 11 классов при встрече целовали друг друга в губы: просто соприкасались губами. Но в губы целовались не со всеми подряд, а только с лучшими подружками; с хорошими подружками – ограничивались объятиями и поцелуем в щёчку» (138).

«Нецелованность» и «целованность» в гаданиях на картах (см.: *Карты, Гадать на картах*).

О вт. пол. 1970-х гг.: «Я поцеловалась в первый раз в двенадцать с половиной лет и всячески старалась скрывать это. Я уже считалась целованной, это лишало возможности “сидеть на картах”. Что это значит: когда мы с подружками собирались и гадали на картах, [то] прежде чем гадать, надо было посидеть на картах, чтобы они “говорили” правду. Мы в это верили, что если посидит целованный, то правды не жди, и вот таким образом мы догадывались: кто не садится – значит, целованный. К годам 15 девчонки, которые до сих пор не получили поцелуя, старались уже, наоборот, скрывать этот факт, то есть говорили, что они целованные, так как это уже считалось смешно, может, даже стыдно» (479).

Игры с поцелуями – см.: «*Арам-шим-шим*»; «*Кис-брысь-мяу*»; «*Мех, пух, перо*»; «*Поцелуйчики*»; «*Шире круг*»; «*Пух, мех, домино*»; «*Пух, перо, медные трубы*».

«ПОЦЕЛУЙЧИКИ» – игра, аналогичная игре «*Кис-брысь-мяу*».

О Курганской области во вт. пол. 1990-х гг.: «В детстве на летних каникулах каждое лето я проводила в дет. оздоровительном лагере, обычно в “Чайке” (посёлок Искра, санаторий «Сосновая Роща» Звериноголовского района). Девчонки и мальчишки собирались в круг и проводили массовые игры. Особенно нам понравилась игра “Кис, брысь, мяу” (мы называли эту игру “Поцелуйчики”). Правила игры: ведущий просит Галышного закрыть глаза, показывает пальцем на остальных

игроков, говоря: «Кис». Галящий с закрытыми глазами говорит: «Брысь» («Нет»), а когда надоест или определится, то говорит: «Мяу» («Да»). Тогда ведущий уже указывает места – части лица: «Куда? Сюда? Сюда?» (нос, губы, уши, лоб и т.п.). Галящий останавливает, говоря: «Мяу». Затем ведущий спрашивает: «Сколько? Столько? Столько?» (на пальцах показывая 5, 2, 0, 1 и т.п.). Галящий останавливает, ведущий говорит ему, что нужно поцеловать, например, Машу в лоб 2 раза. Затем галящий становится ведущим, а, например, Маша – уже галит, закрывая глаза» (064)

«ПОЧЕМУ медведь зимой спит» – песня на музыку Л. Книппера и слова А. Коваленкова. Разучивалась в детских садах и начальных классах школ и пользовалась популярностью в детской среде с конца 1950-х гг.

Текст: «[1] Раз морозною зимой / Вдоль опушки лесной / Шёл медведь к себе домой / В тёплой шубе меховой. / Шёл он, шёл к своей берлоге / По просёлочной дороге / И, шагая через мост, / Наступил лисе на хвост. [2] Подняла лисица крик – / Зашумел тёмный лес. / И медведь с испугу вмиг / На сосну большую влез. / На сосне весёлый дятел / Белке домик конопатил / И промолвил: “Ты, медведь, / Должен под ноги смотреть!” [3] С той поры медведь решил, / Что зимой надо спать, / По тропинкам не гулять, / На хвосты не наступать. / Он в берлоге безмятежно / Спит зимой под крышей снежной, / И доволен неспроста, / Что родился без хвоста» (СП, 1958, 47–48).

О детском саде в начале 1960-х гг.: «А есть и такие [дети], которые... из правильного слова сделают неправильное. Например, при разучивании песни: “Вдоль опушки лесной / Шёл медведь к себе домой...” воспитатель заметил, что один ребёнок произносит “по просёлочной дороге”...» (Ахтамзян, 1964, 206).

ПОЧЁТНАЯ вахта – см.: *Почётный караул*.

ПОЧЁТНЫЙ караул – символическое несение караула возле сакральных мест.

О конце 1970-х гг.: «Несколько лет назад в Волгограде мне довелось наблюдать волнующее зрелище. Стояло раннее утро воскресного дня. Город еще спал. А у Вечного огня, что на площади Павших борцов, застыли в неподвижном молчании юные часовые. Шёл густой мокрый снег. Он падал на непокрытые... головы мальчишек, подтаявшими струйками стекал по лицам, забирался за воротник. Но они, не шевелясь, в полном молчании несли свою почётную вахту... На ветру развеивались яркие галстуки, неслышно трепетало пламя Вечного огня... Каждые десять минут почётный караул сменялся. Но разве измерить тот эмоциональный заряд, который получает за эти короткие мгновения юный человек! Мне рассказали, что около пятидесяти тысяч волгоградских школьников уже несли почётную вахту у Вечного огня – только лучшие из лучших, самые примерные удостоиваются этой чести. Почётный караул детей длится с утра до вечера, в любую погоду, во все времена года. Это ли не великолепная школа патриотизма! Теперь в почётных вахтах памяти у монументов павшим героям стоят тысячи и тысячи пионеров во многих городах и селах нашей страны» (Матвеева, 1981, 79).

«ПОЧТА» – коммуникативная игра подростков на школьных вечерах.

О shk. вечере в 1944 г.: «Радиола источала сладкие мотивы, но никто долго не решался первым выйти на середину. Наконец две пары закружились – девочки с девочками. Тогда и ребята решились отделиться от стен. И вскоре весь спортзал заполнился вальсирующими... Нескольким ребят с приколотой на груди бумажкой “Почтальон” разнесли по залу записочки. Я тоже получил от кого-то: “Чайльд Гарольд, почему вы не танцуете?” Польщенный неожиданным вниманием, я сделал многозначительно-равнодушный вид, но тут же мне сунули в руку вторую: “Вы невоспитанная Фекла”. Почему “Фекла”? – удивился я про себя...» (Сиснев, 1970, 86).

О праздничном вечере старшеклассников в женской школе в 1944–1945 гг.: «По коридору ходили гости – мальчики из мужской соседней школы... [Анка]

удивилась смущению Гали и подбежала к ней. “Что же вы оба без номеров? – сказала она. – Мы уже начали играть в почту, а у вас ещё ничего нет”. И она булавкой приколотла к груди Вани белую бумажку с номером, а Гале приколотла другую... И Анка со смехом побежала дальше, размахивая своей почтовой сумочкой, сделанной из картона... Анка оглядывается вокруг и видит Ваню и Галю. Они входят в зал и начинают танцевать. И белые билетки с номерами, пристёгнутыми к их груди, кажутся сейчас Анке двумя маленькими тайнами которые надо ещё разгадать» (Фраерман, [1946] 1967; 294, 296–297).

О праздничном вечере в женской школе в конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Около лестницы из парт был устроен киоск с тремя окошечками под общим названием “Почтовое отделение”. Над окошечками надписи: “Отдел справки”, “Отдел отправки”, “Отдел доставки”. Почта уже работала, и около первого окна толпились гости за номерами. У костюмированных номерки были уже приколоты...» (Матвеев, [1947–1953] 1956, 306–397).

О бале в суворовском училище в 1950 г.: «Вскоре музыка замолкает. “Летучая почта! Кто хочет играть в почту? Берите номера!” Игорю дают номер “семьдесят три”... Неудобно, когда играешь в почту и ни от кого не получаешь писем. “Номер семьдесят три!” – кричит “почтальон”. Игорь берёт записку и, волнуясь, развёртывает её. “Что вы едите за завтраком? У вас лицо красное, как спелый помидор”... “Номер семьдесят три” – снова раздаётся возглас. Игорь берёт записку, не проявляя ни малейшей радости. “Вами интересуются одна девочка”... “Номер семьдесят три!” Игорь едва разбирает маленькую записочку: “Я жду, что вы пригласите меня на вальс. Маня”. Щеки Игоря пылают. Он ищет девочку взглядом и не видит, как хохочет... Саня Мороз» (Багмут, 1961, 117–118).

О новогоднем вечере в дек. 1946 г.: «Бом – хриплым басом приветствуют новый, 1947 год старинные часы... В это время с шумом открылась дверь, и в кабинет влетел запыхавшийся Боря Чернилин, по прозвищу Непроливашка... По виду ему было лет четырнадцать, тогда как в действительности шел семнадцатый год. “Номер 10? Номер 46?” – выкрикнул Боря. “У меня!” – в волнении воскликнула Стася, вскакивая и пытаясь выхватить из рук Чернилина записку. “Подожди! – ответил он со смехом, поднимаясь на носки и вскидывая высоко над головой руку с бумажкой, потому что Стася была выше его и могла выхватить записку. – Подожди, – продолжал он, рассматривая картонный номерок, приколотый булавкой на груди Стаси, серыми, всегда как будто сонными глазами. – Ну, теперь возьми”. – Он отдал письмо. Стася схватила его и сжала в кулаке. “Читай вслух, – сказал Непроливашка, – и цени, что я в полумраке безлюдной лестницы не установил цензуру”. “Ишь ты, хитрый какой!” – недоверчиво усмехнулась Стася, комкая письмо... Вслед за ней в кабинет шумно влетел Чернилин. “№ 10 раз, № 10 два, три, четыре, пять, шесть...” – Он подал ворох писем Стасе... Стася спустилась вниз и передавала Непроливашке шесть писем с ответами. Она соглашалась идти вместе домой и с номером четвертым, и с двадцать девятым, и с тридцать восьмым, и сорок первым, и с номером седьмым... Мальчики, игравшие в почту под номерами 4, 29, 38, 41 и 7, сопровождали Стасю» (Кузнецова, 1983–2; 317–318, 320).

О 1940-х – 1950-х гг.: «[Учителю] вспомнилось, как он, лопухий, маленький мальчик, катался по этим самым перилам. А потом на выпускном вечере он стоял вот здесь же с одноклассницей Симочкой. На её черных... волосах повисла завитушка серпантина. А на груди скромного белого платьица была приколотла бумажка с номером “13”. Шла игра в почту. И так просто было Николаю написать ей тогда... Но он не осмелился тогда написать...» (Кузнецова, [1976] 1985, 107).

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «...Зимой, в особенно морозные вечера, дети собирались в общей кухне..., играли в карты, в фанты, а в эту зиму вошла в моду неизвестно кем принесенная игра в почту. Все вооружались бумагой, карандашами, рассаживались по разным углам. Кто-нибудь выбирался почтальоном.

Именно в эти вечера мальчик с удивлением отметил, что не он один охмурен “чувствами”, что между всеми почти мальчишками и девочками возникли сложные отношения приязни и неприязни, “любви” и почти все – без взаимности. Почта была удачной находкой. На бумаге оказывалось возможным написать то, что вслух не выговаривалось. Игру, возможно, ...принесла рыжая [приезжая девочка]. Вообще, видно было, что у неё уже есть опыт, что-то от старших девочек сквозило в ее лукавых взглядах и гримасках, когда она предлагала всем дать торжественное обещание не перехватывать и не читать чужих писем. Записка складывалась в тугий квадратик, сверху надписывалось имя адресата. Интересно было писать, ещё интереснее – получать письма. В тот вечер он получил письмо от Л. – так было подписано, и он знал, кто это. В письме содержались глупости, почерпнутые из альбомов... Он с удовольствием ответил ей в той же манере незыблемых альбомных образов. Нечто про цветок, который мнил себя розой, а оказался репейником. Здесь был намек на вздорность Л. и на колочность ее характера. Между тем сам он... решил написать рыжей девочке и признаться в... Ф-фу. Даже про себя было тягостно произносить это сладкое взрослое слово. Множество вариантов привело наконец любовное письмо к довольно любопытному виду. От всего первоначального вихря ошеломляющих по смелости признаний... осталась надутая от важности и по сути весьма трусливая фраза: “Хочу задать тебе серьезный вопрос, ответишь ли на него откровенно?” Он, разумеется, не подписался, в этом было все дело. Если она и сама не догадается, кто жаждет задать ей серьезный вопрос, тогда и говорить не о чем. Правда, когда он уже передал туго сложенный квадратик в руки почтальона, он подумал, что, возможно, тут есть конкуренты и она станет сомневаться, кто из них написал. Но она не сомневалась. Он следил, как ей вручают письмо, как она разворачивает бумажку, прочитывает. Прочитала, исподлобья сверкнула зелёными глазами: кто писал? На нем её взгляд задержался. Она рассмеялась, достала чистый листок и начала составлять ответ. Она вся ушла в это занятие, что-то обдумывала... Она писала так много. Очень много! Она останавливалась, грызла карандаш, застывала с невидящим взором и, спохватившись, что-то там перечеркивала, что-то надписывала. Наконец сложила “секретку” и подозвала почтальона... Но рыжая вдруг рассмеялась и, раздумав отдавать письмо почтальону, разорвала его, обрывки смяла в кулачке, прошла через кухню и бросила их за припертый к стене ларь. Вслед за тем она громко объявила, что требует от всех участников почты, чтобы они подписывались, ибо она не шпион, чтобы угадывать почерки. “Я получила три письма, и все неподписанные! – Она потрясла в воздухе смятыми бумажками. – Даже не знаю, от девочек или от мальчиков!” Девочки смотрели на нее с нескрываемой завистью; вероятно, у них не было подобных волнующих анонимок, а они очень хотели бы их иметь» (Дробиз, 2004).

О середине 1950-х гг.: «...Девочке боязно идти на вечер, потому что опять “почта” принесёт два десятка издевательских записок» (Жуховицкий, 1963, 6).

О шк. вечере в середине 1950-х гг.: «Подошел, прихрамывая, улыбающийся Левушка, на пиджаке белел бумажный ромбик с цифрой для игры в почту» (Рощин, 2002, 83).

См. также: «Почта амура».

«ПОЧТА АМУРА» – то же, что «Почта».

О середине 1900-х гг.: «У Лихаревых на встрече Нового года из молодежи были еще две Олечкины подруги по гимназии... да студенты... Было очень весело. Сперва ставили глупенький, но смешной водевильчик... Потом играли в веревочку, в жмурки, в фанты, в “свои соседи”, в “почту амура»» (Кузьмин, [1964] 1990, 122–123).

О гимназическом бале в середине 1910-х гг.: «По залу пробежала девочка в шапочке с надписью: “почта амура”. Через плечо девочки висела сумка на голубой ленте. “Почта! Почта!” Почтальон раздавал номера. В руках замелькали розовые, голубые, сиреневые, зеленые

секретки, карандаши. Девочка с сумкой бегала по залу, по коридору, по гостиным и громко выкрикивала номера адресатов. Ирина получила несколько секреток и читала их вместе с Димой. Он в свою очередь показывал ей свои. Было очень весело. ...Диме принесли большую ярко-желтую секретку. На ней было написано сверху: “читать только одному номеру 256”. Не желая мешать, Ирина отвернулась и, пока он читал письмо, раскладывала свои секретки по цветам» (Филиппова, 1938, 63).

«ПОЧТОВЫЙ дилижанс» – радиопередача. См.: «Клуб знаменитых капитанов».

ПОЧТОВЫЙ ящик – «Ящик для опускания писем, отправляемых или доставляемых почтой» (Словарь, 1960–10, 1738).

См.: *Поджигать газеты в почтовых ящиках.*

«ПОЮЩИЕ в терновнике» – произведение Колин Маккалоу.

О Тюмени в 2003 г.: «В 15 лет я прочитала “Поющие в терновнике”. Переживала вместе с главной героиней Мэгги, некоторые её жизненные ситуации. Фантазировала. Представляла себя на её месте. Несколько раз даже прослезилась. На втором курсе перечитывала этот роман, ревела. Куклу жалко было, вернее, Мэгги. Это была её первая, единственная игрушка. Поняла, что взрослою. Детство позади!» (134)

ПОЯВЛЕНИЕ детей – см.: *Представления о появлении детей.*

ПОЯС – 1. Ремень для завязывания, застёгивания на талии.

Пояс гимназический.

О 1910 годе: «Когда я начал учиться в гимназии, мне было лет одиннадцать. ...Я был в форменной фуражке, в тужурке, в кожаном поясе с металлической бляхой посередине живота» (Олеша, [1931] 1999, 61).

ПОЯС – 2. Женское нижнее бельё, располагающееся на талии или бедрах и служащее для удержания чулок при помощи резинок (прорезиненных тесёмок).

Рекомендации девушкам из издания 1970 г.: «Одежда девушки должна быть удобной, красивой и гигиеничной... Чулки надо поддерживать с помощью пояса, круглые резинки ухаживают кровообращение и могут стать причиной расширения вен... Не следует увлекаться корсетами, тугими поясами...» (Хрипкина, 1970, 22).

ПОЯС – 3. Конструкция из тканей (и иных пластичных материалов), закрепляемая на талии.

Пояс гигиенический – см.: *Гигиенический пояс.*

«ПРАВДА или выкуп» – подростковая игра.

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Ещё мне сейчас вспомнилась игра, в которую мы играли сидя у костра. Называется “Правда или выкуп”. Кто-нибудь первый начинает, спрашивая у соседа: ““Правда” или “выкуп”?” Сосед по игре должен выбрать одно из этих слов. Если он выбирает слово “правда”, то первый участник может задать второму любой вопрос, второй же участник обязан ответить только правду. Ну, например, спрашивали: “С кем ты хочешь дружить?”, “Кто тебе нравится?”, “Ты кого-нибудь любишь?” Если же второй участник говорит слово “выкуп”, то первый приказывает что-нибудь делать, а второй обязан выполнить. Например: “Поцелуй меня”, “Присядь 10 раз”. Затем тот, кто отвечал или выполнял какое-то действие, задаёт третьему участнику вопрос: ““Правда” или “выкуп”?” и т. д. Обычно садятся: мальчик – девочка – мальчик» (514).

О подростках 13–16 лет в Шадринске в 1998–2001 гг.: «“Правда или выкуп” – игра в возрасте 13–16 лет, участвуют мальчики и девочки. По кругу сидят: мальчик, девочка и задают друг другу вопрос, а отвечающий выбирает: сказать правду или откупиться. Если он заранее говорит: “выкуп”, то после вопроса должен исполнить желание (например, поцеловать, спеть, изобразить что-то), а если выбрал “правда”, то должен был ответить правду, как бы ни был каверзный вопрос (иногда пошлый)» (132).

«ПРАВИЛА для учащихся» – документ, определяющий основные обязанности и нормы поведения учащихся в школе, семье, на улице, в общественных местах.

«Правила для учащихся гимназий и прогимназий» были утверждены Мин-вом нар. просвещения в 1874 г. Ими руководствовались и другие учеб. заведения. Осн. внимание в них «обращалось на воспитание в духе религиозной морали и преданности самодержавию» (ПЭ, 1966–3, 472–473).

После 1917 г. правила для учащихся перестали действовать.

После долгого перерыва «Правила для учащихся», разработанные Нар. Комиссариатом Просвещения РСФСР, были утверждены постановлением Совнаркома РСФСР от 2 августа 1943 г. Приводим полностью текст этого документа:

«Правила для учащихся. Каждый учащийся обязан:

1. Упорно и настойчиво овладевать знаниями для того, чтобы стать образованным и культурным гражданином и принести как можно больше пользы советской Родине.
2. Прилежно учиться, аккуратно посещать уроки, не опаздывать к началу занятий в школе.
3. Беспрекословно подчиняться распоряжениям директора школы и учителей.
4. Приходить в школу со всеми необх. учебниками и письменными принадлежностями. До прихода учителя приготовить все необходимое для урока.
5. Являться в школу чистым, причесанным и опрятно одетым.
6. Содержать в чистоте и порядке свое место в классе.
7. Немедленно после звонка входить в класс и занимать свое место. Входить в класс и выходить из класса во время урока только с разрешения учителя.
8. Во время урока сидеть прямо, не облокачиваясь и не разваливаясь, внимательно слушать объяснения учителя и ответы учащихся, не разговаривать и не заниматься посторонними делами.
9. При входе в класс учителя, директора школы и при выходе их из класса приветствовать их, вставая с места.
10. При ответе учителю вставать, держаться прямо, садиться на место только с разрешения учителя. При желании ответить или задать учителю вопрос поднимать руку.
11. Точно записывать в дневник или особую тетрадь то, что задано учителем к следующему уроку, и показывать эту запись родителям. Все домашние уроки выполнять самому.
12. Быть почтительным с директором школы и учителями. При встрече на улице с учителями и директором школы приветствовать их вежливым поклоном, при этом мальчикам снимать головные уборы.
13. Быть вежливым со старшими, вести себя скромно и прилично в школе, на улице и в обществ. местах.
14. Не употреблять бранных и грубых выражений, не курить. Не играть в игры на деньги и вещи.
15. Беречь шк. имущество. Бережно относиться к своим вещам и к вещам товарищей.
16. Быть внимательным и предупредительным к старикам, маленьким детям, слабым, больным, уступать им дорогу, место, оказывать всяческую помощь.
17. Слушаться родителей, помогать им, заботиться о маленьких братьях и сестрах.
18. Поддерживать чистоту в комнатах, в порядке содержать свою одежду, обувь, постель.
19. Иметь при себе ученический билет, бережно его хранить, не передавать другим и предъявлять по требованию директора и учителей школы.
20. Дорожить честью своей школы и своего класса, как своей собственной.

За нарушение правил учащийся подлежит наказанию, вплоть до исключения из школы» (НО, 1948, 133).

Многие школы детализировали «Правила для учащихся» в более подробных «Единых требованиях к учащимся». Например, правило «Беречь шк. имущество» конкретизировалось в требованиях: «Держи парту в полном порядке. Перед уходом из класса проверь состояние парты. Все учебники оберни чистой бумагой. Не делай в книгах никаких пометок». Считалось, что такая детализация была особенно необходима для младших школьников. (ПС, 1960–2, 161).

О «Правилах для учащихся», принятых в 1943 г.: «Учителя вдальблвали “Правила” ученикам, заставляли повторять их, а некоторые учителя русского языка диктовали “Правила” на своих уроках» (Андреевский, 2003, 363).

Из доклада нар. комиссара просвещения 15 авг. 1944 г.: «...Целям [установления в школе порядка и дисциплины] служат “Правила для учащихся” и введение

ученического билета... Нельзя думать, что “Правила для учащихся” и ученический билет обладают сами по себе какой-то магической силой. Нельзя считать, что стоит только объявить учащимся эти “Правила”, вывесить их на стене, вышить на оконных занавесках в классе (одна из школ г. Молотова), сделать их предметом классного диктанта, посвятить им спец. уроки за счёт других предметов..., и “Правила” начнут действовать сами собой, и школьники немедленно преобразятся, и в школах воцарится требуемая дисциплина. Нет... нужно... бороться за претворение в жизнь “Правил для учащихся” и укрепление дисциплины среди нашей молодёжи» (Потемкин, [1944] 1947, 193).

О Шадринске в 1943–1947 гг.: «В эти годы в школах были введены “Правила поведения”. Одно из правил: увидишь учителя, остановись за два шага, сними головной убор и поздоровайся... О правилах поведения говорили на линейках, которые проводила в небольшом вестибюле Е.С. Крылова» (Плотникова, 1995, 50).

В 1961 г. были введены новые Правила для учащихся. Они, в отличие от правил 1943 г., были составлены с учетом возрастных особенностей – отдельно для учащихся нач. классов, сред. классов и ст. классов. (ПЭ, 1966–3, 473).

Приводим текст Правил для учащихся 1–4 и 5–8 классов из «Записной книжки пионера на 1961–1962 учеб. год»:

«Правила для учащихся I–IV классов. 1. Прилежно учись. Внимательно слушай объяснения учителя, старательно и самостоятельно выполняй все его задания, веди себя хорошо на уроках. 2. Аккуратно посещай школу и не опаздывай на уроки. 3. Участвуй в труде и общественно полезных делах своего класса, помогай товарищам лучше учиться и трудиться. 4. Бережно относись к школьному и другому общественному имуществу, к своим вещам и вещам товарищей. 5. Ежедневно делай утреннюю гимнастику. В установленное время готовь уроки, трудись, отдыхай и ложись спать. 6. Всегда будь чистым и опрятным. Умывайся, чисти зубы, причесявайся, следи за чистотой одежды и обуви. 7. Выполняй требования учителей, других работников школы, дежурных учащихся. 8. Слушайся родителей и старших членов семьи, помогай им в домашних делах. 9. Веди себя хорошо в общественных местах. Будь аккуратно одетым, соблюдай установленный порядок. Соблюдай правила уличного движения. 10. Здоровайся с учителями, другими работниками школы, знакомыми и товарищами при встрече с ними. 11. Уступай дорогу и место старшим, оказывай посильную помощь больным и инвалидам. 12. Не допускай дурных поступков и удерживай от них товарищей. 13. Будь честным и правдивым.

[Правила для учащихся] V–VIII классов. Каждый учащийся обязан: 1. Настойчиво овладевать знаниями, прилежно учиться и работать, старательно выполнять все учебные и трудовые задания, хорошо вести себя на уроках. 2. Активно участвовать в самообслуживании и общественно полезных делах, в работе пионер. орг-ции и общественной работе школы. Готовить себя к труду на благо Родины. 3. Аккуратно посещать школу, не опаздывать на уроки и др. занятия. 4. Соблюдать установленный режим дня и правила личной гигиены, поддерживать чистоту в школе, дома, на улице и в общественных местах. 5. Быть правдивым, честным и дисциплинированным. Выполнять распоряжения директора, учителей и других работников школы. Уважать мнение коллектива, дорожить его доверием, выполнять поручения пионер. орг-ции, требования дежурных учащихся. 6. Не допускать поступков, недостойных советского школьника, и удерживать от них товарищей. 7. В школе, дома и в общественных местах быть скромным, вежливым, предупредительным, аккуратно одетым, соблюдать установленный порядок. Строго соблюдать правила уличного движения. 8. При встрече с директором школы, учителями, другими работниками школы, знакомыми и товарищами приветствовать их. 9. Быть внимательным и предупредительным к старшим. Оказывать посильную помощь маленьким детям, слабым, больным, инвалидам

и старым людям. 10. Бережь школьное и другое общественное имущество. Бережно относиться к своим вещам и вещам товарищей. 11. Слушаться родителей и старших членов семьи, помогать им в домашних делах, заботиться о них и о младших братьях и сестрах» (Товарищ, 1961, 17–19).

Приводим текст «Типовых правил для учащихся», утверждённых министром просвещения СССР 9 февр. 1972 г.:

«Правила для учащихся I–III классов. 1. Прилежно учись. Внимательно слушай объяснения учителя, старательно и самостоятельно выполняй все его задания, веди себя хорошо на уроке. Не опаздывай на занятия. 2. Участвуй в труде, в делах своего класса, помогай товарищам лучше учиться и трудиться. 3. Бережно относись к школьному и другому общественному имуществу, к своим вещам и вещам товарищей. Оберегай растения и животных. 4. Ежедневно делай утреннюю гимнастику. Всегда будь чистым и опрятным. 5. Больше читай, занимайся в кружке. 6. Соблюдай режим дня. С пользой проводи свободное время. 7. Примерно веди себя в школе, дома, на улице. Здоровайся с учителями, другими работниками школы, знакомыми и товарищами при встрече с ними. Уступай дорогу и место старшим. Соблюдай правила уличного движения. 8. Слушайся родителей и старших членов семьи, помогай им в домашних делах. Дружи с товарищами и заботься о малышах. 9. Выполняй требования учителей и дежурных учащихся.

Правила для учащихся IV–VIII классов. 1. Настойчиво овладевай знаниями, старательно учись и работай, будь внимательным и активным на уроках. 2. Трудись на общую пользу в школе и дома. При выполнении трудовых заданий и практических работ строго соблюдай правила техники безопасности. 3. Принимай активное участие в общественной работе класса и школы. 4. Береги народное добро, аккуратно обращайся с вещами, охраняй природу, соблюдай чистоту. 5. Занимайся физкультурой и спортом, соблюдай правила личной гигиены. 6. В свободное время занимайся полезными делами: чтением, тех. и худ. творчеством, разумными играми. 7. Цени свое и чужое время, будь точным, соблюдай установленный режим дня. 8. Примерно веди себя. Будь скромным, вежливым, предупредительным, аккуратно одетым. Строго соблюдай правила уличного движения. 9. Уважай родителей, помогай им в домашних делах. 10. Добросовестно выполняй все распоряжения учителей и других работников школы, а также решения органов ученического самоуправления.

Правила для учащихся IX–X (XI) классов. 1. Упорно и настойчиво овладевай основами наук и навыками самообразования. 2. Принимай акт. участие в общественно полезном труде, готовь себя к сознательному выбору профессии. При выполнении трудовых заданий строго соблюдай правила техники безопасности. 3. Активно участвуй в общественной и культурной жизни школы, города, села, в деяти-сти ученического самоуправления. 4. Заботься о сохранении и умножении нар. достояния, богатств родной природы. 5. Систематически занимайся физкультурой и спортом, закаляйся, готовь себя к защите Советской Родины. 6. Овладевай совр. культурой и техникой, развивай свои способности в разнообразных видах творчества. 7. Разумно планируй и используй время, будь точным, учись правильно организовывать свой труд. 8. Выполняй нормы социалистич. общезнания. Показывай достойный пример культуры поведения младшим товарищам. Будь нетерпимым к аморальным и антиобщественным поступкам. 9. Заботься о сплочении шк. коллектива, береги и развивай его полезные традиции. Будь принципиальным и честным товарищем. 10. Уважай родителей, проявляй постоянную заботу о всех членах семьи, помогай в домашнем труде. 11. С уважением относись к труду учителей. Выполняй и активно поддерживай требования педагогов, решения органов ученич. самоуправления» (Болдырев, 1978, 255–256).

ПРАВИЛА октябрат – нормы поведения, которыми следовало руководствоваться октябратам.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Правила октябрат написаны в доступной для детей форме и призваны развивать у младших школьников те нравственные качества, которые необходимы для будущих пионеров: “Октябрата – будущие пионеры. Октябрата – прилежные ребята, любят школу, уважают старших. Только тех, кто любит труд, октябратами зовут. Октябрата – правдивые и смелые, ловкие и умелые. Октябрата – дружные ребята, читают и рисуют, играют и поют, весело живут»

Из Положения о Всесоюзной пионерской орг-ции им. В.И. Ленина, утверждённого Бюро ЦК ВЛКСМ 10 июня 1986 г.: «Пионеры и октябрата. Решением совета пионерской дружины при отрядах создаются и действуют октябрятские группы. Группы делятся на звездочки, которые объединяют, как правило, по 5 октябрат. Октябрата готовятся стать пионерами, выполняют Правила октябрат. Правила октябрат: “Мы активные ребята, / Потому что октябрата. / Октябренок, не забудь – / В пионеры держишь путь! / Мы отважные ребята, / Потому что октябрата. / Как страны родной герои, / Жизнь свою хотим построить. / Мы прилежные ребята, / Потому что октябрата. / Только тех, кто любит труд, / Октябратами зовут. / Мы правдивые ребята, / Потому что октябрата. / Никогда, нигде, ни в чём / Мы друзей не подведём, / Мы веселые ребята, / Потому что октябрата. / Наши песни, танцы, смех / Делим поровну на всех» (Цит. по: Пирогов, 1987, 160).

ПРАВИЛА уличного боя – неписанные правила, по которым в мальчишеской среде ведётся бой (драка) на кулаках.

О 1915 г.: «..Во дворе шёл бой по всем правилам кулачного единоборства. Никто из ребят не вмешивался... Глядели серьёзно и даже угрюмо» (Григорьева, 1975, 24).

«**ПРАВИЛА поведения**» – документ с правилами поведения, который всегда обязан был носить с собой учащийся гимназии.

О жен. гимназии середины 1910-х гг.: «Гимназические правила не допускали посещения кино и театров без особого разрешения. Девочки бегали тайком, переодетые, забирались высоко на галерку, целые часы простаивали на ногах – ...тряслись от страха: классные дамы не ленились взбираться по высоким грязным лестницам. Пойманных в середине действия торжественно выводили, отправляли домой, а на др. день вызывались родители, снижались отметки за поведение... ..Сова с выражением крайней брезгливости просунула два пальца за нагрудник Ирины, вытащила оттуда... маленькую чёрную книжечку “правил поведения ученицы N-ской гимназии”» (Филиппова, 1938, 153–154).

«**ПРАВИЛА товарищества**» – См. о гимназии 1890-х гг.: «В первых классах я ходил в гимназию нерегулярно, а с третьего... начал ходить уже вполне исправно. Значит, стало с этого времени повседневно сказываться влияние коллектива гимназических товарищей. Первое, в чем оно проявилось, – в привитии “правил товарищества”. “Ябеда, доносчик, собачий извозчик” – была, пожалуй, первая песенка, выученная мной в гимназии. Не только “выдавать”, но даже жаловаться на обидчика считалось позорным: справляйся сам» (Блонский, [1941] 1971, 45–46).

ПРАВИЛЬНЫЙ – в жаргоне 1940-х гг.: заслуживающий внимания, достойный высокой оценки.

О Ленинграде в 1944 г.: «“Сгоняем в “Молоток” – там “Знак Зорро” – киношка правильная... – предложил тогда Мика. – Слушай, Андрэ, а ты читал “Джек Восьмёркин – американец?” “Нет”. “Правильная книга...”» (Липилин, 1983, 98).

ПРАВОСЛАВИЕ – «Христианское вероучение, сложившееся в Византии как восточнохристианская церковь, в отличие от возникшего на Западе католицизма» (Ожегов, 1972, 530).

О девочке в 1900–1910-х гг.: «...С малых лет нам внушалась и вся православная традиция и обиход: мы ходили каждое воскресенье и все праздники к обедне, с девяти лет говели и понемногу постились – всё это было частью обычной нашей детской жизни. Нас учили не быть гордыми, ко всем относиться ровно и по-человечески..., учили и честности, и взаимопомощи –

словом, тогда социальные добродетели как бы вполне совпадали с тем, чему нас учил на уроках богословия наш батюшка, отец Виктор» (Кривошеина, [1977] 1999).

ПРАВОФЛАНГОВЫЙ пионерский отряд – звание, присваиваемое с 1970 года лучшему отряду пионерской дружины.

«[Гордого звания правофланговых] удостоены сегодня тысячи пионер. отрядов. ...У каждого правофлангового свой почерк, свой характер, своя летопись... В разные годы пионерская орг-ция отмечала лучшие отряды почетными званиями. [Пионеры 1957–1964 гг.] боролись за присвоение званий: победитель двухлетки “Пионеры – Родине”, “Отряд – спутник семилетки”. В 1970 году, когда на IV Всесоюзном слете пионеров в Ленинграде стартовал Марш отрядов, впервые прозвучало боевое, призывное, бодрое слово “правофланговый”. Какие же условия должен выполнить отряд, чтобы добиться такого звания? Об этом было сказано в специальном документе Центрального Совета Всесоюзной пионерской орг-ции – “Положении о Всесоюзном Марше пионерских отрядов”: “Отряд, который активно участвует в Марше, где все пионеры успевают, горячо откликаются на общественно-политические события в стране и за рубежом, трудолюбивы и дисциплинированны, дружны и требовательны друг к другу, по итогам года получает звание “Правофланговый”. К флагу такого отряда прикрепляется памятная лента Центрального Совета Всесоюзной пионерской орг-ции имени В.И. Ленина”. Куда бы ни направлялся правофланговый отряд: к мемориалу солдатской славы или в поход, на встречу с ветеранами революции или на трудовой десант, полонится на ветру отрядный флаг, взлетает над ним полоска алого шелка, золотятся на ней буквы и цифры: “правофланговый-70”, “правофланговый-75”, “правофланговый-80”. У совета дружины немало возможностей знать отрядную жизнь во всех подробностях. А значит, и в момент присуждения звания правофлангового быть абсолютно честным и объективным. И вот наступают долгожданные дни: сначала итоговый совет дружины, затем сбор, праздник или линейка, где оглашается решение о присуждении звания правофланговых и к отрядным флагам прикрепляются золотистые наградные ленты. Если в течение целого этапа Марша движение за звание правофлангового было организовано правильно, если постоянно царил здоровый дух соревнования, взаимовыручки, товарищества, если совет дружины помогал отрядам брать намеченные рубежи, то и заключительный период будет праздничным, радостным. По школьному радио и на информац. стендах, в “молниях”, в дружинной стенгазете – повсюду рассказывается об отрядах – кандидатах в правофланговые. На самом видном месте большое броское объявление “Кому быть правофланговым? Приглашаем всех желающих на совет дружины”. Обычно такой совет дружины проходит в одном из самых просторных помещений школы. [Не следует] делать из этого заседания великую тайну, как это... ещё встречается в некоторых дружинах. Чем более широкая, представительная, заинтересованная аудитория соберется, тем больше проку на будущее. В такие моменты ребята тоже учатся, обмениваются опытом, проникаются уважением к совету дружины, если он справедлив, и, наоборот, призадумываются, тот ли он, такой ли, каким хотелось его видеть. Словом, здесь польза для всех. Как правило, обществ. мнение... к этому моменту создано, созрело. Совету дружины остается только поставить точку над “и”, решить: принимаются или не принимаются все те предложения о присуждении звания правофланговых, которые поступили в совет дружины или родились у самих членов совета. Ну а если случится так, что в зале останутся обиженные, недовольные, что кто-то встанет и выскажет своё несогласие решением совета дружины, как быть тогда?... Совет дружины должен набраться терпения и спокойно, убедительно, аргументированно объяснить, почему принято то, а не иное решение» (Зараховский, 1980: 3–4, 6–7, 69–71).

См.: *Правофланговое звено, отряд, дружина.*

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ звено, отряд, дружина – «На отчетно-выборном сборе отряда подводятся итоги проверки в звеньях и здесь же присваивается звание “Правофланговое звено”.... Этого звания может быть удостоен дружный коллектив ребят, который выполняет все поручения, проявляет инициативу, заботится о каждом своем пионере. “Правофланговый отряд”. Это звание присваивается тому отряду, где все пионеры успешно достигли намеченной высоты, учатся на совесть, большинство звеньев заслужили звания правофланговых... К флагу такого отряда прикрепляется переходящая Почетная лента Ц[ентр.] С[овета] В[сесоюзной] П[ионер.] О[рг-ции] имени В.И. Ленина. О присвоении звания “правофланговый отряд” совет дружины сообщает всем ребятам на отчетно-выборном сборе дружины. “Правофланговая дружина”. Это звание присваивает гор. (районный) совет пионер. орг-ции дружине, в которой большинство отрядов – правофланговые и она известна в городе (районе) своими интересными начинаниями, делами и добрыми традициями. К знамени такой дружины прикрепляется переходящая Почетная лента ЦК ВЛКСМ и ЦС ВПО имени В.И. Ленина» (СПВ, 1983, 133).

См.: *Правофланговый отряд.*

ПРАЗДНИК букваря – вероятно, то же, что *Проводы букваря, Прощание с букварем.*

О нач. 1960-х гг.: «Праздник букваря. В светлом зале нашей школы. / В середине января / Нам устроили весёлый / Этот праздник букваря. / Мы играем и поём, / Распростились с букварём: / “Будем мы тебя, дружище, / Вспоминать одним добром! / Мы читать уже умеем. / Книгу новую имеем, / Вот она – “Родная речь”. / Будем мы её беречь!” / Всем старательным в подарок / Здесь немало книг стихов: / И Чуковский, и Родари / И Барто, и Михалков... / Книжки разные в руках. / Это к чтенью первый шаг. / Здравствуй, дедушка Чуковский! / Здравствуй, дедушка Маршак! / “Детки в клетке” мы читали, / “Мойдодыр” представляли, / А потом пустились в пляс. / Песни пел наш первый класс. / Не забудем мы, как в школе / В середине января / Нам устроили весёлый / Этот праздник букваря!» (Ружанский, 1962, 53–54)

ПРАЗДНИК всесоюзной пионерской организации – см.: *День пионерии.*

ПРАЗДНИК детской книги – см.: «*Книжкин праздник.*»

ПРАЗДНИК «Красной звёздочки» – ритуал приёма младших школьников в октябрята.

О нач. 1960-х гг.: «3 ноября в канун Октябрьской годовщины первоклассников принимают в октябрята. У них свой праздник. Первый... Праздник “Красной звёздочки”» (Волков, 1965, 49).

ПРАЗДНИК пионерии – см.: *День Пионерии.*

«**ПРАЗДНИК урожая**» – школьное мероприятие.

О перв. пол. 1950-х гг.: «Наиболее распространёнными традиционными днями в школах стали такие, как праздник “За честь школы”, “Первый и последний звонок”...., праздник урожая и цветов и т. д.» (КР, 1957, 75).

О с. Затеченском Далматовского р-на в 1988–1996 гг.: «До девятого класса нас всей школой “гоняли” на сельскохозяйственные работы. Мы на колхозных полях убирали кормовую свеклу, копали картошку, убирали морковь и свеклу... Каждую осень, после уборки урожая, в школе проводились “Праздники урожая”. На этот праздник каждый класс готовил выставку урожая. Каждый из дома приносил какой-н. интересный овощ, допустим, картошку необычн. формы или очень больших размеров. Так же и другие овощи, принесли тыквы и кабачки огромных размеров. Но все эти выставочные экспонаты мы не просто раскладывали на столе, а придумывали и составляли из них различные комбинации. Тыквы и кабачки разрывали, рисовали им глазки, ротик, щечки, надевали им платочки, шарфики. Также на этот праздник мы приносили различные сладости, которые пекли дома, а на празднике мы продавали все сладости, а деньги шли на нужды

класса. Начиная с первого класса, все дети участвовали в таких праздниках» (474).

ПРАЗДНИЧНЫЕ дни в 1920-е годы.

«До 1929 года в офиц. советском календаре значилось два вида праздников: православные и революционные. По-прежнему нерабочими днями оставались Пасха, Рождество, Троица, Успение, Благовещение и другие. Разумеется, в связи с реформой все они отодвинулись на 13 суток назад. Революционными нерабочими днями были: 22 января – День памяти Ленина и “Кровавое воскресенье” 9 января 1905 года; 12 марта – Свержение самодержавия (годовщина Февральской революции 1917 года); 18 марта – День Парижской коммуны, он же был Днём МОПРа – Междунар. орг-ции помощи революционера (имелись в виду зарубежные борцы за революцию, томящиеся в тюрьмах); 1 мая – День Интернационала; 7–8 ноября – День Пролетарской революции (социалистической Октябрьскую революцию стали называть только с середины 1930-х годов...)» (Федосюк, 2004, 197–198).

О 1922–1927 гг.: «Осенью 1922 года я пошел учиться в А-б (грамотный) класс 37 советской единой трудовой школы... Каникулы у нас в школе были на Рождество и Пасху, эти дни были тогда в стране праздничными. Праздновалась также Троица и Духов день, но Троица (как известно) приходится на воскресенье. Кроме этих явно церковных праздников, был также Новый год и революционные праздники: 22 января, “Кровавое воскресенье” (то есть 9 января 1905 года), причем непонятно, почему его надо было праздновать, 12 Марта – “Низвержение самодержавия” (непонятно, зачем его позднее отменили), 18 Марта – день Парижской Коммуны и существующие сейчас 1 и 2 Мая и 7 и 8 Ноября» (Поздняков, 1994, 293).

ПРАЩ, ПРАЩА – ручное приспособление для метания камней.

О 1923 г.: «Федька плутовато мигнул своим, приподнял рубаху и показал Тимке рогульку и пращ, засунутые за пояс штанов. “Видал? Без промаха бьют”... Павлушка встал, выхватил из-за пояса верёвочную пращу, крутанул ею над головой и... устремился к каменным корпусам... Выстроенные в одну шеренгу мальчишки закладывали в пращи и рогульки камни и по команде Павлушки метали их в стёкла, стараясь попасть в окна самых верхних этажей [фабрики]... Схватив с земли камень, [Павка] заложил его в пращ и, крутанув над головой, запустил в окно. [Тимка] выхватил у Павки пращ, и снова началась потасовка» (Соловьев, 1967, 7–10).

О пятилетнем мальчике в 1930-е гг. в Новосибирске: «В разгар дня мы, малыши, возимся на зелёной полянке... Пацаны, вооружась прутьями, бегали за бабочками, стрекозами, да и жуков не пропускали. К сожалению, в ходу были и пращи. “Стреляли” по воробьям, ладно что метких стрелков почти не было...» (МН, 1999).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ дружины – вероятно, то же, что *Председатель совета дружины*.

О нач. 1960-х гг.: «“Мне нужно на рукав две красные нашивки”, – сказал своей маме Володя, когда вернулся из школы домой... Володина мама быстро нашла красную ленту, из которой вышли две отличные нашивки на левый рукав школьной куртки. Нашивка на рукаве не только у председателя отряда, у звеньевых тоже нашивки – одна полоска. Вот у председателя дружины, у того три». (Карпенко, 1962, 62–66).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ отряда – см.: *Председатель совета отряда*.

О конце 1950-х гг.: «Возле самого дома Игорю повстречалась Лера. “Ксения Ивановна сказала, что ты в цирке. Я уж хотела идти встречать тебя туда. Не подумай, пожалуйста... Я заходила как председатель отряда. Для тебя есть пионерское поручение”. У Леры были красные туфельки на немножко высоком каблукке и красная сумочка в руках» (Офин, 1960, 26).

О начале 1960-х гг.: «В третьем классе выбирали впервые председателя отряда. “Мишку Названова! Лиду Рублеву! Сашу Лепикова!” – выкрикивали ребята имена кандидатов. “Нет, – сказала Анна Петровна. – Я

предлагаю выбрать Люду Викову. Она лучше учится и безукоризненно ведет себя”. Люда Викова стала председателем. В четвёртом классе уже повзрослевшие ребята снова пытались было выбрать Мишку Названова, но Анна Петровна вновь настояла на избрании Люды Виковой. А в шестом классе кандидатура Люды прошла уже без голосования. Учительница принимает ребят в пионеры, назначает и смещает председателей, объявляет о сборе, который заранее расписан ею до мельчайших подробностей, выделяет дежурных по пионерской комнате. По существу, это ведь учительница – председатель совета отряда, а заодно и весь отрядный совет! Понятно, что тихая, послушная отличница Люда Викова в роли председателя больше всего устраивает такую учительницу. Учитель собирает ребят на сбор и тянет их на экскурсию, делает десятки других дел, помимо, а иной раз и вопреки воли ребят» (Матвеев, 1965, 39–40).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ пионерского отряда – вероятно, то же, что *Председатель совета отряда*.

О конце 1950-х гг.: «Срочно выбрать было надо / Председателя отряда... / Все сгрудились у стола / Так, что тесно стало. / Валя руку подняла, / Встала и сказала: / “Я, ребята, предлагаю: / Изберём Петрову Раю. / Знаю я её давно, / Мы встречались с ней в кино”. / Глеб сказал: “И я – за Раю. / Правда, я её не знаю, / Но её солидный вид / В пользу Раи говорит”. / Тут, зевнув, заметил Витя, / Рот ладошкой заслоня: / “Выбирать? Кого хотите... / Лишь бы только не меня!” Все за Раю голос дали, / Председателем избрали...» (Садовый, 1961, 23).

О начале 1960-х гг.: «В пятом классе “А” шёл пионерский сбор... Отряд стал обсуждать... очень важный вопрос. Надо было выбрать нового председателя отряда. “Я отказываюсь, – сказал Серёжа Лапин. – Пусть выберут другого. У меня ничего не получится, я никогда раньше не был председателем”. Вопрос был серьёзный, и очень хорошо, что, когда его начали обсуждать, пришла вожатая из восьмого класса, прикреплённая к отряду пятого класса “А”. Она опоздала на сбор, потому что, наверное, по дороге ела мороженое, в руках у неё ещё была палочка от “эскимо”. “Почему ты отказываешься быть председателем отряда?” – спросила вожатая Лапина и обликала сладкую палочку. “Я лучше буду выпускать стенгазету, а председателем у меня ничего не получается”, – сказал Лапин. “Можно, я скажу?” – Наташа Левашко подошла к председателскому столу, за которым сидела Нина Короткова. И вот она сказала: “В прошлом году мы всё время вовлекали Лапина в пионерскую работу. Помните? Теперь я предлагаю выбрать председателем Рогова. Хотя он и новенький, но он активный и его не надо будет вовлекать, как Лапина”. “Правильно! – закричал Лапин. – Пусть его вовлекают, а меня не надо!” И опять все раскричались. Вожатая из восьмого класса предложила выбрать Нину Короткову. “Она вас всех знает, и вы её знаете. А Рогов ещё совсем новенький”. Нина стала отказываться. Ей, наверное, не хотелось отказываться, но она отказывалась, потому что всегда, когда кого-нибудь выбирают, отказываются. Но Володя не отказывался... И ровно через минуту Володя Рогов стал председателем отряда... “Мне нужно на рукав две красные нашивки”, – сказал своей маме Володя, когда вернулся из школы домой... Володина мама быстро нашла красную ленту, из которой вышли две отличные нашивки на левый рукав школьной куртки. Нашивка на рукаве не только у председателя отряда, у звеньевых тоже нашивки – одна полоска...» (Карпенко, 1962, 62–66).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ совета дружины – см.: *Дружина*. «Послышались крики: “Экскурсия идет!...” Председатель совета пионерской дружины Ростик Крылов вынес из школы знамя дружины, а ребята построились на ступеньках крыльца вокруг директора и затихли» (Ликстанов, [1953] 1964, 328). См. также: *Председатель дружины*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ совета отряда – см.: *Отряд*. О лете 1936 года: «“Потому что самые лодыри”, – тут же влезла в разговор Эмма Каранкевич, председательница совета отряда. Она сидела впереди

Митьки. “Насчет лодырей на перемене поговорим”, – пообещал Вершинин. “Очень испугалась!”» (Крапивин, [1971], 2001, 24).

О 5–6-классниках мужской школы в 1948 г.: «Прошу, – сказал я, потупив очи, – освободить меня от председателя совета отряда. – И добавил услышанное где-то: – По собственному желанию”. “По собственному? – возмутилась Зоя Петровна. – Да ты просто достоин!” Но, увы! Птичка вылетела. И первой вылетела моя. Так что и тут я, вроде, выиграл, удалился от пионерских дел без всякого напряжения, вышел из разряда руководителей, избираемых ради хохмы для исполнения занудных обязанностей...» (Лиханов, 1995, 81).

О пионерском лагере конца 1940-х гг.: «Коля оказался неплохим председателем совета отряда. Бывали у него, конечно, срывы – мальчику с такими глазами нельзя не озорничать» (Артюхова, [1955] 1961, 207).

О нач. 1950-х гг.: «Председатель совета пионерского отряда шестого класса “Б” Егор Краснов был сыном начальника станции и младшим братом известного геолога» (Ликстанов, [1953] 1964, 324).

О пятиклассниках в г. Курске в 1954–1955 гг.: «Мальчики не хотели подчиняться девочкам, поэтому и не выполняли требований председателя совета отряда и старосты класса» (Нечаева, 1958, 48).

О семиклассниках в 1955–1957 гг.: «“Вы хотите отвечать?” – спросила Катю учительница. “Нет, я хотела объяснить... – Катя встала. – ... Я хочу сказать, что вы не знали, а у него такая привычка смотреть в потолок... Но за привычки ведь отметок не ставят? Вы извините меня, Анна Михайловна, но я как председатель совета отряда...” “Вы как пред. совета отряда, – перебила Катю учительница, – должны больше интересоваться успеваемостью ваших пионеров, а не привычками отдельных молодых людей”» (Рязанова, 1958, 9).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Выходит, если он председатель совета отряда, так теперь и драться нельзя? Выходит, кто хочет, может в любое время его по морде стукнуть, а он молчи?... “Бабушка, – ... похвастался он [Валерка] – а меня сегодня председателем совета отряда выбрали. Единогласно!” После обеда бабушка пришла на рукав Валеркиной курточке две красные полоски» (Козлов, 1960, 26).

О середине 1950-х гг.: «С председателем совета отряда шестому “а” не повезло. В конце сентября, на первом сборе, пионеры выбрали председателем совета отряда Ганю Денисова. Классная руководительница... Зоя Петровна всегда присутствовала на сборах, а в этот день ее совсем не было в школе и сбор прошел без неё. Узнав, кто стал председателем, Зоя Петровна пришла в ужас: “Такой озорник и лентяй!...” И она сказала ребятам, что очень недовольна их выбором. Подумав, она посоветовала пионерам выбрать, а по правде сказать, просто назначила председателем Мишу Гутина. Миша Гутин был самым тихим учеником в классе» (Котовщикова, 1958, 76).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Таня... пошла посоветовать председателю совета отряда Симочке Левиной поменьше ругать Лешку. Таня разыскала её в библиотеке – выбирал председатель из “Пионерской правды” всякие интересные рассказы, чтобы потом прочесть на сборе» (Кудряшова, 1961, 45).

О нач. 1960-х гг.: «“Тебя не трогают? – сказал Лёха, мой бывший друг. – Ну и хромой отсюда”... “Товарищ председатель совета отряда, – спросил Щука Люду Парамонову, – можно я пионеру Ганьке Куклину фотокарточку испорчу?” “Нельзя”, – ответила эта дура Людка» (Козлов, 1963, 84).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Галка была председателем совета отряда в нашем классе, а я был лучшим двоечником и разгильдяем. И поэтому мы не давали друг другу ни минуты покоя. Она меня прорабатывала, а я выводил ее из терпения. А когда Галка добилась своего, то есть меня вытурили из 6 “А” и перевели в 6 “Б”, я решил ей отомстить. Взял и написал Галке письмо, в котором... я написал ей, что мне хорошо, когда она в школе, и мне нехорошо, когда она не в школе. После этого... Галка преобразилась. Она стала

нормальным человеком, и мы даже подружились». (Машков, 1974).

О середине 1970-х гг.: «В класс вошла Ира Сыркина.... На левом рукаве горели две красные нашивки председателя совета отряда... В классе у окна кучкой стояли несколько человек. В середине Спичкин с перевязанным глазом махал рукой и что-то доказывал Ире Сыркиной. “Называется председатель совета отряда! – горячился он. – Да таких председателей, как ты, гнать надо! Не можешь на Агафонову повлиять! Вот, полюбитесь, он мне вчера чуть глаз не выбил!...” “Я делаю, что могу, – оправдывалась Ира. – Но я одна с ним не в силах справиться! Вот вы все храбрые за спиной говорить. Вы бы ему в глаза сказали!” “Если бы я был председателем совета отряда, я бы ему ещё и не то сказал!” – закричал Алик» (Пивоварова, 1977; 21, 72).

О 1983 году в Москве: «Раньше считалось, симпатичные девчонки ни на что больше не годятся, как только на писание дурацких записочек, на хождение по свиданьям и тому подобное. Теперь всё по-другому. Часто красота нужна девчонкам для дела – старостой вот, например, стать. Или председателем совета отряда. А посудите сами: идет сдача рапортов на дружинной линейке, и от шестого “А” выходит красивая председательница, от шестого “Б” красивая, а от шестого “В”, например, какая-нибудь страшенькая... Тут и объяснять ничего не надо!» (Иванов, [1984] 1992, 333).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ о появлении детей.

О девочке 3–6 лет в с. Ожогово Шатровского р-на 1986–1989 гг. «Когда я была маленькая, я всегда интересовалась, как появляются дети. Я думала, наверное, мужчина и женщина лягут вместе, поцелуются, пообнимаются и очень захотят ребенка! Именно после всей этой процедуры женщина начинает беременеть, а потом рождает через живот. Когда мне было 5 лет, моя мама вынашивала мою младшую сестру. Я все время у неё спрашивала: “Мама, а где там у тебя ребеночек живёт?” Она отвечала: “В домике”. “А как она туда попала?” – не унималась я. “В одно ушко влетела, а в другое вылетит”, – улыбаясь, говорила мама. “Как в сказке “Хаврошечка” вылетали через ушко коровы разные ткани, вещи – отвечала мама, – Как в “Хаврошечке”. Но я и т. д.?” – спрашивала я. “Да, никогда в это не верила! Я думала, что живот разрезают и берут оттуда маленькую лялечку. И ещё! До того, как моя мама забеременела, я всегда говорила: “Мама, папа, ну купите мне сестру или брата! Купите!” Когда папа уезжал на Украину или в Курган, я всегда ждала его возвращения. Приехав, папа мне говорил: “Захотел я, Оля, в магазин, но всех ребятшек уже раскупили! В следующий раз я снова зайду и обязательно куплю!” Я вздыхала и ждала. Ну а самое первое, что мне сказали годика в 3–4, что женщина съедает семечко, оно растёт в животе, а потом женщина рождает ребенка. Данную информацию я услышала от тети. В общем, в 5 лет я погружалась в раздумья и говорила маме: “Вот тётя Нина мне сказала, что ребенок получается из семечка! Вы мне говорили, что он в одно ушко женщины влетит – в другое вылетит! Я думала, что мужчина и женщина лежат вместе, целуются, захотят очень-очень сильно – и получается ребенок! Да ещё про магазин говорили! Что-то тут не так! Наверно, вы меня обманываете!” Мама смеялась и говорила: “И так, и так можно! И из семечка ребенок тоже может получиться...” И вот свершилось! В 6 лет мне рассказала подружка (на год старше меня), как получают дети! “Ах, вот оно что?! – думала я. Но я не верила, что мои мама и папа способны на такое дело! Думала, что я появилась всё-таки по-другому! Так как мои родители хорошие, а не такие... Для меня это был шок. Что касается самих родов, то я узнала лет в 10, что женщину не разрезают, она рождает сама... Я в это не совсем верила: “Ну, как это так? Такой большой ребенок – и он может выйти из женщины без всякого ножа? Я больше склонялась к родам через живот”. Лишь потом (не помню, через какое время), я поняла, что естественные роды – это правда. О многих (практически обо всех главных интимных сексуальных вещах) я узнала от “просвещенных” подруг. Как-то, лет в 8, моясь в бане,

я сказала маме: “Да я больше тебя знаю!” Мамуля опять поулыбалась и примерно лет в 13–14 подала мне специальные статьи о половом воспитании детей из газеты “Семья”. Я сказала: “Мама, я уже давно все знаю! С шести лет! И просветила своих одноклассниц в первом классе!” Но я почитала эту рубрику газеты, посмотрела рисунки, схемы» (154).

См. также: *Беременность; Роды.*

«**ПРЕЗИДЕНТ Каменного острова**» – повесть Вильяма Козлова (р. 1929), впервые опубликованная 14-миллионным тиражом в начале 1960-х гг. на страницах газеты «Пионерская правда». Повесть издавалась в 1964, 1967, 1971, 1973, 1977, 1979, 1989, 1990 гг.

«Вильяму Фёдоровичу Козлову одобрение высказали прежде всего его читатели. После выхода в свет его книг “Валерка-председатель”, “На старой мельнице”, “Юрка-гусь”, “Копейка”, “Президент Каменного острова”, “Президент не уходит в отставку”, “Идол из старого сундука”, “Витька Грохотов и его компания” и многих других на издательство обрушивалась лавина писем. Не раз В. Козлов был абсолютным чемпионом по числу читательских откликов. Письма шли (и сегодня идут) заинтересованные, благодарные, добрые... [В.Козлову] всегда удаётся заинтриговать читателя. Так, необыкновенно увлекательная его повесть “Президент Каменного острова”, которую перечло уже не одно поколение подростков. Но увлекательность её не авантюрная, в ней отсутствует какая-то нарочитость, искусственность, “литературщина”. А для персонажей характерна узнаваемость, они оказываются близки и понятны» (Благов, 1989, 98–100).

«...“Пионерская правда” ... предоставила свои страницы для публикации “Президента Каменного острова” – и не ошиблась: десятки тысяч читательских писем посыпались в адрес редакции отовсюду, так полюбилась книга ребятам. Повесть переиздается, и на каждое издание идут тысячи писем. Она включена в избранные повести и рассказы “Библиотеки пионера”. Её тираж равен семистам тысячам экземпляров. Книга уже выдержала пять изданий, включена в серию “Юному ленинцу” и вскоре выйдет новым большим тиражом» (Воронин, 1976, 75).

О середине 1970-х гг.: «...Колоня... необыкновенно много в ту пору читал, сочинял римейк под названием “Остров дружбы” – имея в виду на сей раз лихую повесть детского писателя Вильяма Козлова “Президент каменного острова” и перенеся действие на скалистый оток в Белом море, где поселил свое пионерское звено» (Варламов, 2000).

«**ПРЕКРАСНОЕ далёко**» – песня (1984) на музыку Е. Крылатова и слова Ю. Энтина из кинофильма «Гостья из будущего».

Песня обрела долговременную популярность. Появились и переделки (см.: Лурье, 1998–2, 487–488).

«**ПРЕСТУПЛЕНИЕ и наказание**» – роман (1866) Ф.М. Достоевского; с 1969 года входит в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (9 класс).

«Я кончал школу в 1968 г., а моя жена – в 1969-м, и разница в шк. образовании между нами была принципиальна: у неё в обязат. списке было “Преступление и наказание”, а у меня не было. Вряд ли стоит говорить, что появление Достоевского среди образцовых писателей было важнейшим событием, повлекшим за собой самые разнообразные последствия...» (Богомолов, 2006).

О старшекласснице в Шадринске в середине 1990-х гг.: «“Преступление и наказание” – это была моя самая любимая повесть в старших классах. Я просто очень понимала Раскольникова, его мятущуюся душу и нисколько его не обвиняла... Я перечитывала роман несколько раз, особенно диалоги Раскольникова с Соней и просто отступления автора. Я читала это с карандашом в руках, настолько точно, как мне казалось, передал Достоевский все стенания, и мучения, и искания Родиона. Я читала, сидя у батареи, переводя дух после каждой строчки, я вся сминалась в комок от глубины понимания и проникновения в текст, в чувства героев. Мне казалось, что это повесть про меня, что я читаю,

словно всё зная и понимая. Я сейчас не помню точно, какие слова, фразы, я помню чувство моего горения, сожжения, проникновения в чувства Раскольникова, Сони. Соня – это отдельный разговор – воплощение смирения и любви. Мне хотелось быть похожей на неё. Даже где-то внутри я понимала, что это моя планка женщины – понимать, терпеть, любить, прощать, или не моя планка, но так должно быть. Это воплощенная женственность, и мне ей нужно учиться» (1001).

ПРЕСТУПНОСТЬ детско-подростковая.

О 1990-х – 2000-х гг.: «В Ульяновске... действуют, по разным данным, от 9 до 15 молодежных группировок, контролируемых взрослой организованной преступностью. В каждую входит от 100 до 200 человек в возрасте от 13 до 18 лет. Подростки контролируют все нелегальные гор. автостоянки. А чтобы владельцы транспорта пользовались их услугами, а не парковали машины во дворах, подростки регулярно проводят “рейды”. Машины, стоящие в “неположенных” местах, разбирают и поджигают... С наступлением вечера вдоль тротуаров, на пустырях, на спорт. площадках выстраиваются ряды машин, владельцы которых платят деньги подросткам, охраняющим территорию. Цена одной ночи – 20 рублей. В среднем каждая такая стоянка за сутки приносит не меньше десяти тысяч. Впрочем, автостоянки – не единственная сфера применения детских банд. Они активно используются в Ульяновске во всех криминальных войнах. Если взрослые бандиты что-то не поделили, смотрящему стоит только позвонить по телефону, и через полчаса на “стрелку” придут десятки подростков, вооруженных арматурой, битами, ножами... География организованной дет. преступности в России сегодня не ограничивается Ульяновском. Аналогичные банды действуют в Иркутске, Челябинске, Омске, Самаре, Кузбассе... В подмосковном Егорьевске задержана банда, самому младшему участнику которой было 12 лет! Юные головорезы грабили на улицах детей и взрослых, вымогали деньги у продавцов на рынке и в коммерческих палатках. Даже поджигали палатки – в случае отказа платить. Задержать и посадить за решетку преступников удалось только после того, как они зверски убили своего [13-летнего] товарища... Тот ушел из банды и стал сотрудничать со следствием. Мальчику перерезали горло и оставили умирать в лесу. В городе Качанар Свердловской обл. зарегистрирован случай, когда в качестве киллеров были задействованы два подростка. Им “заказали” убийство 55-летнего бизнесмена... Предпринимателя убили, разозвив черепной от табурета... Российские психологи и спец-сты в обл. проблем детства считают: причины небывалого подъема дет. организ. преступности нужно искать в 1990-х годах. Именно тогда родились сегодняшние “бригады” дет. банд, уличные грабители и убийцы. Их родители... всё своё время они тратили на то, чтобы... прокормить семьи. А лишённые внимания, заботы и нежности дети воспитывались на примерах фильмов типа “Бригады”. Теперь они создают свои “бригады” – чтобы добиться “успеха” в жизни» (Иваненко, 2008, 15).

«**ПРИВЕТ от старых штиблет**» – шутка, розыгрыш 1930-х – 1980-х гг.

О 1930-х – 1980-х гг.: «“Держи карман шире!” – так... отвечали во времена моего детства тому, кто любит всё выпрашивать у других... Существовал у нас такой немудрёный розыгрыш. К тебе подходили и говорили: “Тебе привет?”. Ты, понятное дело, интересовался: “От кого?” Тебе отвечали: “От старых штиблет”. Жив этот розыгрыш и поныне» (Семёнов; 1985; 91, 99).

ПРИВИВКА – введение путём укола в чей-либо организм какого-либо препарата для предупреждения заболевания какой-либо заразной болезнью.

О 1970-х – 1980-х гг.: «В нашей стране все дети, кроме имеющих отвод по мед. показаниям, проходят прививки против туберкулеза, натуральной оспы, дифтерии, коклюша, кори, столбняка и полиомиелита» (СВ, 1990, 20).

О пос. Каргаполье в 1986–1989 гг.: «В детский садик я не особо любил ходить... К тому же мне очень не нравились прививки. В первый раз это было так: в нашу группу вошла мед. сестра. Она зачитала список тех,

которым надо было идти на прививку, и в этом списке был я. Нас повели по длинному коридору, мы дошли до мед. пункта и нам сказали заходить по двое. Остальные сидели и ждали на лавочках. Вокруг только и слышались разговоры о том, как это больно или нет. Одни считали, что это совсем не больно, у них это не в первый раз, по их словам: поставят прививку, а ты не почувствуешь. Другие же, которых было большинство, имели другую точку зрения: это мучительно больно. Мне хоть прививку никогда раньше не ставили, но я больше почему-то верил тем, кто её боялся. А разговоры всё больше усиливали мой страх. Но я ничего не мог поделать! Сказали: “Надо” – значит, надо! И вдруг у меня появилась идея убежать от этого ужаса подальше, и я так и сделал. Я снова побежал по этому длинному коридору в сторону раздевалки. Открыв дверцу шкафчика, я стал надевать тёплые вещи, чтобы убежать домой и рассказать всё матери. Сказать ей о том, что я не хочу ставить эту проклятую прививку. Но уйти я не успел: в раздевалку вошла вторая воспитательница, которая, по-видимому, уже все знала, возле неё крутились несколько моих ровесников. Воспитательница стала меня уговаривать и в то же время тянуть за руку на прививку, тем самым не предоставляя мне право выбора. Это меня напугало вдвойне. Из моих глаз потекли слезы. Я понял, что я бессилен против них, мне не поможет даже мама. Когда меня завели в кабинет, я понял, что сопротивляться сейчас бесполезно. Поэтому особо не отталкивался. Лишь из моих глаз по-прежнему, не умолкая, текли слезы» (443).

Об учениках 3-го класса в 1994 г.: «Помню, в школе у нас была Вероника. Она очень боялась прививок. Поэтому нашему классу никогда не говорили заранее о прививках. Мне этот случай запомнился. Нашему классу 3 “б” сказали идти в столовую, а так как столовая находится напротив медпункта, нас завели сначала в медпункт для прививки. Вероника не знала, зачем мы встали около столовой, и не заходим. Когда она увидела, что из нашего класса заходят в кабинет, она собиралась бежать, но мы с Ольгой стояли рядом с ней и взяли её за руки. Она начала вырываться. Когда у неё ничего не получилось, она заплакала. Мы стали успокаивать её и отпустили, а она побежала. Мы за ней. Учительница крикнула нам, что не надо её догонять, и мы не стали. Вот как люди бояться прививок!» (017).

См. также: *Осна, Манту, Пирке.*

ПРИВЯЗЫВАТЬ косы (к спинке парты, скамейке стулу) – вид школьного озорства. См.: *Косы.*

ПРИГОВОРКИ – обращения детей к животным, фольклорный жанр.

«К детскому магическому фольклору мы относим все жанры, которые подразумевают обязательность действия после их произнесения. Прежде всего, это заклички и приговорки. Приговорки – обращения детей к животным. Для них характерно звукоподражание пению птицы или голосу животного посредством повторов устойчивого предложения... В ряде случаев это игровой обман субъекта обращения (“Склизень-близень, / Вусуни рога, / Дам пирога”), в других – детская угроза, в третьих – звуковая дразнилка» (Белосусов, 2005).

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЕ классы – специальные классы для подготовки детей к поступлению в первый класс средних образовательных учебных заведений.

В России открывались с 1840-х гг. при некоторых гимназиях и уездных училищах. «Устав 1871 г. предусматривал обязательное создание подготовит. классов при всех гимназиях и прогимназиях, а Устав 1888 года – и при реальных училищах. В подготовит. классы принимались дети 8–10 лет, умеющие читать и считать. В подготовит. классах преподавались русский язык с церковнославянским, математика и чистописание, Закон Божий. Продолжительность курса обучения определялась в зависимости от возраста и успешной учеб. деят-сти учащихся» (ПЭС, 2003, 215).

«Уставом 1888 подготовительные классы были учреждены и при реальных училищах. В нач. 20 в. (до 1917) подготовит. классы имелись почти при всех мужских и женских сред. учеб. заведениях... В 1900 г.

для учащихся подготовит. классов при поступлении в 1-й класс были установлены экзамены наравне с поступающими извне. Подготовит. классы иногда выделялись в особые школы» (ПЭ, 1966–3, 500).

О начале XX века: «А я был очень маленький, когда поступил в гимназию, в подготовительный класс. Мне было всего семь лет» (Зощенко, [1939] 1968–1, 224).

О 1914–1915 гг.: «Её просили подготовить меня в гимназию. Была выбрана гимназия Любимовой, слышавшая очень хорошей. В этой гимназии было три подготовительных класса: младший, средний и старший, и мы с Евгенией Станиславовной прошли программу всех трёх». (Панова, 1980, 35).

Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) 15 мая 1934 г. постановили: «Существующую в ряде школ для детей 7-летнего возраста так называемую нулевую группу переименовать в подготовительный класс» (НО, 1974, 167).

Об авг. 1941 г.: «Когда настала пора отдавать меня в школу, вышло решение: принимать детей не в первый класс, а в подготовительный. Тех, кто учился в таких классах, называли подготовишками. Какой-то деклассированный элемент, ни то ни се, ни рыба ни мясо, не детсадовцы, не школьники. В подготовит. классах больше болтались, чем учились, – по крайней мере, так высказывались мама и бабушка... “И где учителей наберут для этих классов? – размышляла мама. – Настоящий педагог туда не пойдет, значит, наберут всяких недоучек”. “Хулиганствовать токо будут, – кивала согласно бабушка. И всплескивала руками: – Надо же! Чтобы в первый класс попасть, еще целый год учиться!” Я заволновался: все-таки уже читал довольно много, да и считал до полусотни – это в детском-то саду, – и вдруг тебя не пускают даже в самый первый класс! Обсуждение, как быть со мной, затянулось надолго... “Подготовительный класс не обязателен, – говорила мама, – но если он не справится с программой первого класса, могут посадить назад, в подготовительный. Тут уж в детский сад не вернешься”... Я родился в сентябре, и у бабушки с мамой была бюрократическая зацепка за этот факт: они могли отдать меня в школу без полумесяца семилетним или почти восьмилетним. “А зато школу как кончит, сразу в армию”, – печалилась мама. “Эк куда хватили!” – махала ладошкой бабушка. ...Так далеко загадывать тогда никому не хотелось: война только началась, и отец совсем недавно ушел на фронт» (Лиханов, [1983] 1986–1, 275–276).

См. также: *Приготовишка.*

ПРИГОТОВИШКА – учащийся или учащаяся *подготовительного класса* (гимназии, ин-та благородных девиц, школы).

«Кроме индивидуальных существовали и дразнилки, направленные против определенной группы ребят, например, учеников подготовит. класса: “Приготовишки – мокрые штанишки”...» (Капица, 2902, 193).

Об ин-те благородных девиц в Вильносе 1890-х гг.: «Мы... учимся с Ритой в разных классах (она подготовишка), а с Зоей в разных отделениях I класса...» (Бруштейн, [1958]).

О конце 1890-х.: «Почувствовал и я себя сейчас, вспомнив гимназию, подготовишкой – маленьким, беспомощным, отданным на милость учителей и старших гимназистов... Вот я ясно слышу запах мокрого сукна: во дворе дождь, а зонтик не принято с собой брать – мы не бабы! Пальто тоже еще рано надевать: задрознать, если станешь кутаться раньше времени. Вот и сидишь все первые уроки, просушивая на себе куртку! От всех валит пар, весь воздух в классе пропитан запахом распаренного, мокрого сукна. Этот “дух” приводит меня в раздевалку, где мы... прячемся на переменах среди мокрых шинелей» (Конашевич, 1968, 144).

О нач. 1910-х гг.: «“Молчи, Шелестова! Приготовишка – мокрая штанишка”, – прошипела баронесса. “...Я просто первоклассница, а ты баронесса фон второгодница!”...» (Шереметьева, [1946], 1982, 72).

Об авг. 1941 г.: «Когда настала пора отдавать меня в школу, вышло решение: принимать детей не в первый класс, а в подготовительный. Тех, кто учился в таких

классах, называли пригостишками... Бабушка и мама решили меня все-таки в пригостишки не отдавать, пусть я покормлюсь перед школой в детском садике и уж лучше без полумесяца в восемь лет пойду сразу в первый класс. А чтобы не ссадили оттуда к пригостишкам – что просто унижительно в восемь-то без полумесяца, – надо мне учиться» (Лиханов, [1983] 1986–1, 275–276).

ПРИЁМ в пионеры – приём в члены *пионерской организации*.

Приём в пионеры в 1930-е гг.

О 1931–1932 гг.: «Меня не приняли в пионеры. Меня и еще двух ребят – Ирку Малееву и Вовку Яковлева. Не помню, за что не приняли их, а меня не приняли за происхождение. На сборе выступил Джон Курытов и сказал, что его мать знает нашу семью еще по Баку. “К ним ходил буржуазный поэт Хлебников. Толстую (это меня!) крестил эмигрант Вячеслав Иванов. Бабушка у нее по-французски разговаривает”. “Толстая, это правда?” – растерянно спросил наш вожатый Фатя Гурарий, смуглый и курчавый...» (Либединская, 1966, 49).

О 10-летней девочке в 1934 году в Москве: «... Ничто не помешало мне вступить в 1934 году в пионеры – как все. Приём в пионеры уже превратился в знак одобрения хорошего поведения и прилежания. И всё-таки, и всё-таки... Заученная в десять лет клятва хранится в памяти: “Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду честно и неуклонно служить делу Ленина-Сталина и социалистич. революции...”. Я произносила эти слова вместе с одноклассниками... И в момент хоровой декламации полупонятных слов на полутёмной сцене Малого зала школы № 7 и меня охватывала дрожь энтузиазма и восторг причастности к некой избранности, которые захлестывали тогда страну. Быть “как все”. Это было недостижимым идеалом. Всегда что-то мешало его достижению. Но не все хотели подражать такому идеалу. Алеша Стеклов, один из класса, не вступил тогда и никогда не вступит в пионеры. Мы чувствовали, что он был особенный мальчик. Никогда никому не подражал, никогда не был “как все” и не хотел быть. И самое удивительное, при своей отдельности и избранности (прекрасно учился, пел, играл на рояле, занимался гимнастикой) был уважаем классом. Никто никогда его не дразнил, понимая, что насмешки его не заденут. Он каким-то образом окажется выше их. Отвержение Алешей заманчивого своей торжественностью обряда приема в пионеры оставалось для меня загадкой» (Старикова, 2003, 283–284).

Приём в пионеры в 1940-е гг.

О 1944–1945 гг.: «Ребята рассказывали, что когда принимают в пионеры в мужских школах, мальчик, стоящий в шеренге первым, преклонив колено, целует красное знамя дружины. А другие ребята целуют свои красные галстуки» (Артюхова, [1955] 1961, 69).

О начальной школе в конце 1940-х гг.: «От вступающего в пионеры требуется, чтобы он прилежно учился, был дисциплинированным, служил примером для своих сверстников. Приём в пионеры происходит на отрядном сборе после обсуждения, путем голосования, поднятия рук. Принятого новичка включают в одно из звеньев отряда. Школьники III класса, если там еще нет своего отряда, можно принимать на сборе отряда любого последующего класса. Прием в пионеры завершается принятием торжественного обещания на сборе дружины или на отрядном сборе... Церемония приема должна быть торжественной и строгой. В назначенный день и час дружина (или отряд) выстраиваются в празднично убранном зале; туда пионерским строем входят новички и становятся отдельной шеренгой перед строем пионеров. Они тоже парадно одеты, но на их белых блузках и рубашках нет ещё красного галстука и пионерского значка. Торжественно вносят пионер. знамя. Перед развернутым пионерским знаменем вступающие в пионеры громко повторяют за старшим вожатым (или представителем партийной или комсомольской орг-ции) слова торж. обещания: “Я, юный пионер Союза Советских Социалистич. Республик, перед лицом своих товарищей обещаю, что буду твердо стоять за дело

Ленина-Сталина, за победу коммунизма. Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистич. Родины”. Затем каждый подписывает текст обещания, заранее им переписанный и красиво оформленный, и передает его старшему вожатому. Хранение этих текстов становится традицией лучших орг-ций. В практике воспитания пионеров эти тексты могут быть положительно использованы, но делать это надо вдумчиво и с достаточным пед. тактом. За принятием торж. обещания следует вручение красного пионер. галстука и пионер. значка, после чего представитель партийной или комсом. орг-ции, или старший вожатый обращается к вступающим со словами пионерского девиза: “К борьбе за дело Ленина – Сталина будьте готовы!” Впервые отдавая пионерский салют, дети отвечают: “Всегда готовы!” Затем, по команде старшего вожатого, принятые в пионеры присоединяются к общему строю, перед которым и происходила вся церемония приема. С этого момента для пионера его красный галстук и нагрудный пионер. значок, пионер. салют и установленный ответ на пионер. девиз символизируют приобщение к пионер. орг-ции Советского Союза. Большое восп. значение, как указывалось выше, имеет обстановка, в кот. проводится прием в пионер. орг-цию. Пионерские сборы нек. московских школ, на кот. принимались новички в пионер. орг-цию, проводились в траурном зале музея В.И. Ленина. Величественная обстановка траурного зала, слова торж. обещания пионеров, дававших клятву служить делу Ленина – Сталина, оставляли особенно глубокий след в сердцах пионеров» (НШ, 1950, 223–224).

Приём в пионеры в 1950-е гг.

О середине 1950-х гг.: «Этот день Юрка не забудет никогда: его принимали в пионеры. На большой перемене в коридоре раздались звуки горна и барабана. Пятиклассники в красных галстуках выстроились на линейку. Пришёл сам директор и, когда все притихли, сказал: “Ребята, сегодня вы принимаете в свои ряды самых маленьких”. Он взял у старшей пионервожатой галстук и направился, поскрипывая протезом, к Юрке. Юрку держала за плечи Мария Власовна, будто он дурак и ударить собирается... “Ну, браток, – сказал директор, подходя к нему, – носи гордо, будь примером”. Он надел на Юрку галстук и поцеловал его, как большого, крепко, в губы. И все зааплодировали, и в барабан забили, и горн заиграл...» (Дягилев, 1961, 95).

В Постановлении VIII пленума ЦК ВЛКСМ 29 ноября 1957 г. отмечалось: «Сборы по приему в пионеры следует проводить в торжественной и праздничной обстановке не только в школах, но и у памятников В. И. Ленину, участникам революции, героям гражданской и Великой Отечественной войн, в рабочих клубах, в музеях и т. п.» (НО, 1974, 295).

О 1958 годе: «В пионеры меня приняли самым последним, чуть ли не в пятом классе. Остальные уже по три галстука сносили, а я все оставался за бортом Всесоюзной пионер. орг-ции имени В.И. Ленина. То есть, иными словами, не был готов к борьбе за дело Коммунистич. партии. Хотя внутренне эту готовность ощущал всем сердцем. Можете представить, как это травмировало мою детскую психику. Я тоже хотел быть, как Володя Дубинин, как Валя Котик, как на худой конец Гуля Королева, а мне говорили: “Нет, погоди, ты еще недостойн. Вот прекратишь вертеться и выкрикивать на уроках, тогда посмотрим. А пока рано”... И вот наконец меня приняли» (Иртенев, 2001).

Приём в пионеры в 1970-е гг.

О 1970-х гг.: «Приём в пионеры – торжественный акт вступления во Всесоюзную пионерскую орг-цию. В члены пионерской орг-ции принимаются школьники в возрасте 10 лет. Пионерские отряды – коллективные вожатые октябрят – готовят младших школьников к вступлению в пионеры. Приём в пионеры проходит в праздничной обстановке в школе, в музее, во Дворце или Доме пионеров. На торжественной пионерской линейке школьники, которых принимают в пионеры, дают Торжественное обещание пионера Советского Союза перед Красным знаменем пионерской дружины. Затем

старшие пионеры или комсомольцы повязывают им красные пионерские галстуки и прикалывают пионерские значки. После этого старший пионервожатый обращается к юным пионерам с призывом: “Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!” “Всегда готовы!” – отвечают пионеры и впервые отдают пионерский салют» (Денисова, 1978, 178).

Приём в пионеры в 1980-е гг.

О Шадринске в 1988 г.: «Дом пионеров и школьников. Прохладное ощущение при вспоминании этого учреждения. Меня принимали там в пионеры. Это была какая-то особая честь – быть принятым в пионеры не в своей школе, а в доме пионеров. Я помню жуткое волнение, лишь бы не заикнуться и сказать свою фразу четко и правильно. Там нас было целая шеренга людей, и каждый говорил свою фразу из присяги. Мы стояли на сцене и говорили, потом на нас повязали галстук, подарили блокнотик в кожаном белом обложке и ручку. Я думала, это как начало новой жизни. А потом я получила три по русскому языку. Я настолько напугалась, что меня исключат из пионеров, что стёрла эту тройку ластиком. Дело дошло до мамы. Меня постидили, в пионерх оставили» (1001).

ПРИЁМНИК-РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬ – закрытое воспитательное учреждение «для временного (на срок до 1 месяца) содержания безнадзорных детей и подростков до 17-летнего возраста (включительно), нуждающихся в гос. или обществ. попечении и в создании для них надлежащих условий жизни и воспитания» (ПЭ, 1966–3, 501).

О 1950-х – 1960-х гг.: «В детские приёмники-распределители принимаются дети и подростки, утратившие связь с семьёй, самовольно ушедшие из школ-интернатов, детских домов, спец. школ и спец. училищ, а также дети и подростки, направляемые в эти школы и училища по решению комиссий по делам несовершеннолетних или суда... При нарушениях правил поведения... и других проступках к воспитанникам, достигшим 11-летнего возраста, применяются меры взыскания – предупреждение, выговор, внеочередное назначение на работу по самообслуживанию, разовое запрещение просмотра кинофильма или телепередачи. Крайней мерой является помещение в дисциплинарную комнату не более чем на 2 суток (в зависимости от возраста). Применение телесных наказаний и иных унижающих достоинство воспитанников мер взыскания запрещено... Приёмники-распределители осуществляют доставку подростков... в спец. школы и спец. училища. В отношении всех остальных воспитанников приёмники-распределители устанавливают, имеются ли у них родители, опекуны или попечители, сообщают им о местонахождении воспитанников и выясняют причины безнадзорности. В зависимости от обстоятельств приёмник-распределитель или возвращает того или иного ребёнка (подростка) в семью, в дет. учреждение, или направляет его в школу-интернат, дет. дом, в проф.-тех. училище, на работу на предприятие и т. д. (ПЭ, 1966-3, 501–502).

ПРИЗЫВ пионерский – см.: *Пионерский призыв*.

ПРИКАЛЫВАТЬСЯ – (подростково-молодёжный лексикон) подшучивать, посмеиваться над кем-нибудь.

О с. Крутиха Далматовского р-на в 1997 г.: «В нач. школе одноклассницы дергали за косы. Когда я оборачивалась, они говорили: “Мы ведь прикалываемся, не обижайся!”» (211).

О 1998–2006 гг.: «Когда мне было 13–20 лет, в нашей среде часто употреблялись слова “прикол”, “прикольн...” Слово “прикалываться” пришло в наш лексикон в то же самое время, так говорили, когда один или несколько людей начинали шутить над кем-то. Шутки могли быть жестокими или наоборот. Слово “шутить” заменялось на “прикалываться” и означало оно то же самое. Человек, над которым “прикалываются” сам нередко смеется над собой и, когда терпение кончается, заявляет: “Хорош [то есть: хватит] прикалываться!”» (009).

О мальчишке-подростке, юноше в с. Половинном Половинского р-на во вт. пол. 1990-х гг. – нач. 2000-х гг.:

«“Давай приколемся над кем-либо” – “Давай пошутим, посмеёмся над кем-либо”» (016).

О Катайске в 2004 г.: «Выражение “прикалываться”, то есть придуриваться, шутить и т. п. услышала впервые примерно в 2004 г. в Катайском педучилище: “Солонин! Хорош прикалываться!” – говорили мои одноклассницы нашему однокласснику, когда он на перемене нёс всякую чушь и смешил всех» (154).

О девочке-подростке 16–17 лет в г. Шарыпово Красноярского края в 2004–2005 гг.: «Как-то родителей не было дома, и мы были с подружкой вдвоём. Я предложила подружке: “Давай поприкалываемся. Позвоним наугад. Может, познакомимся с кем”. Но подружка почему-то отказалась. “Поприкалываться” (прикалываться) означало сделать что-то смешное, посмеяться» (сообщение сестры респондента 137).

См. также: *Прикол; Прикольн; Прикольный*.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ Буратино» – художественный фильм.

О д. Павелево в 1993 г.: «Фильм “Приключения Буратино” я смотрела, когда училась в 3 классе. Я с интересом всматривалась в каждого персонажа. Конечно же, мне понравилась Мальвина, её костюм, Пьеро мне было жалко как персонажа. Вызвала удивление длинная борода Карабаса-Барабаса, и [возникло] неприятное психол. состояние, когда он бил своих кукол. Это было неприятно. Особенно было неожиданным и интересным увидеть тех детей без костюмов, которые сыграли эти роли. Они были все такие интересные и симпатичные, улыбались, особенно Буратино» (110).

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ “Голубой стрелы”» – сказочная повесть Джанни Родари.

О Екатеринбурге 1989–1991 гг.: «Самая яркая книга в моей жизни – это “Приключение “Голубой стрелы””, которую я слёзно выпрашивала у своей мамы в одном из больших книжных магазинов. Первоначально мне понравилась её красочная обложка. Купив эту книгу, мама не пожалела. Сперва я разглядывала красочные картинки, потом, когда мне её прочитали, мне хотелось быстрее научиться читать, чтобы самой её прочитать. И после этого я в дет. сад идти не хотела, а просилась в школу» (056).

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ жёлтого чемоданчика» – фильм 1970 года режиссера Ильи Фрэза (авторы сценария – Софья Прокофьева, Илья Фрез).

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ капитана Врунгеля» – повесть Андрея Сергеевича Некрасова (1907–1987). 1-е изд. вышло в 1939 г. (25 тыс. экз.), «2-е переработанное издание» – в 1958 г. (100 тыс. экз.). Книга переиздавалась в 1959 (125 тыс. – в двух изд-вах), 1961 (200 тыс.), 1965 (300 тыс.), 1968 (100 тыс.), 1972 (200 тыс.), 1976 (100 тыс.), 1979 (300 тыс.), 1980 (200 тыс.), 1982 (50 тыс.), 1983 (175 тыс. – в двух изд-вах), 1985 (120 тыс.), 1988 (550 тыс. – в 3-х изд-вах), 1989 (100 тыс.), 1990 (100 тыс.), 1991 (250 тыс.), 1992 (1150 тыс. – в 7 изд-вах), 1993 (515 тыс. – в 7 изд-вах), 1994 – 50 тыс. экз.; в 1996–1999 гг. выходит тиражами от 5 до 25 тыс. экз.

Из восп. автора повести: «К середине 1936 года повесть сложилась настолько, что я смог обратиться к Б.А. Ивантеру – редактору журнала “Пионер” с предложением включить её в план будущего года. Ивантер принял решение печатать “Врунгеля” в двенадцати номерах журнала по шесть иллюстрированных эпизодов в каждом номере... В весной 1939 года 25 тысяч экземпляров “Приключений капитана Врунгеля” попали в руки читателей... Пережив невзгоды, предсказанные и непредсказанные, “Врунгель” после издания 1958 года зажил новой жизнью. Тираж книги на русском языке [к середине 1960-х гг.] перевалил за миллион» (Некрасов, [1968] 1978, 243–247).

«Прозрачные политические аллюзии... Капитан Христофор Бонифатьевич Врунгель сначала кажется каким-то несветским. По имени вроде как из священнослужителей. Фамилия напоминает фамилию белого генерала. Команда у него тоже собралась подозрительная: вольнонаёмный сухопутный Фукс – жулик и картёжник, “революционный братишка” матрос Лом – редкий болван, славный толк послушностью и

физической силой (“против лома нет приема”). В атмосфере непрерывных триумфов победившего социализма шхуна Врунгеля называется “Беда”. Вообще-то “Победа”, да только две первые буквы случайно (?) отвалились...”» (Кротков, 2005, 5).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Образцом проникнутой эксцентрикой книжки для подростков может служить повесть Андрея Некрасова “Приключения капитана Врунгеля”. Это произведение выдержало проверку временем. После длительного перерыва книгу снова стали широко издавать. Теперь, как и раньше, она пользуется успехом» (Лейбсон, 1964, 190–191).

В 1976–1979 гг. по мотивам повести был снят 13-серийный мультипликационный фильм «Приключения капитана Врунгеля» (режиссер Д. Черкасский).

«**ПРИКЛЮЧЕНИЯ Карандаша и Самоделкина**» – повесть (1964) Ю.М. Дружкова (наст. фамилия – Постников, 1927–1983). Переиздавалась в 1970, 1985, 1989, 1992, 1993, 1996, 1997 гг. В 1984 году вышло продолжение повести – «Волшебная школа» (1984).

О нач. 2000-х гг.: «Я прочитал всего лишь одну книгу (насколько я помню) – это “Приключения Карандаша и Самоделкина”. Мне было примерно 10–11 лет. Мне она очень понравилась, и я хотел так же путешествовать, как герои данной книги. Очень хотелось приключений, и я думаю, с тех пор мне нравится ходить в походы, попадать в экстремальные ситуации и выходить из них. На природе использовать подручные средства для, так сказать, выживания» (173).

«**ПРИКЛЮЧЕНИЯ Незнайки и его друзей**» – повесть Николая Носова, первая часть трилогии о *Незнайке*.

«Существует немало детских книг, которые дети с большим интересом читают, но, прочитав, больше к ним не возвращаются. Книг же, которые перечитываются детьми по два, три раза подряд с неослабевающим интересом, – таких дет. книг у нас ещё мало. Вот к ним-то и можно отнести сказку Н. Носова “Приключения Незнайки и его друзей”» (Старосельцева, 1960, 65).

О конце 1950-х гг.: «Как-то в детской библиотеке я увидела следующее. Один мальчик сказал ожидавшим его ребятам: “Вот книжечку-то получил!” По лицу его и по тому, как он прижал книжку к себе, было видно, что он очень доволен. Ребята окружили мальчика, и тут же, в передней библиотеки, они уселись на диванчик и начали рассматривать книгу. “Книжечкой” оказалась сказка Н. Носова “Приключения Незнайки и его друзей”. Она была истрепана и зачитана до того, что на обложке и названии-то не видно было» (Старосельцева, 1960, 69–70).

О с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1994–1995 гг.: «Когда я училась в третьем классе и мне было 9 лет, мне подарили на день рождения книгу “Незнайка”. Впоследствии я перечитала её много раз. Было очень интересно наблюдать за приключениями коротышек и сопереживать им» (137).

О с. Верх-Теча Катайского р-на в 1995 г.: «Когда мне было 10 лет, я читала книгу “Незнайка”, она нравилась тем, что там описывалась жизнь коротышек, их приключения и т. д.» (097).

О 1998 г.: «“Незнайка” – интересная книжка про маленьких человечков, которые жили в маленьком городке. Этим книжка мне очень нравилась» (176).

О мальчике 12–13 лет в с. Половинном в 1998 г.: «“Приключения Незнайки”. Тогда мне было лет 12–13. Помню, шрифт был очень крупный, и книга имела очень много картинок. Прочитал один раз, очень сильно понравилась. В дальнейшем книгу открывал только тогда, когда было плохо, то есть не было настроения или “кошки на душе скреблись”, либо когда ругался с мамой. Тогда уходил в дальнюю комнату, закрывался и читал книгу. Временами хотелось оказаться в мире этих маленьких человечков или, проще говоря – детей, которые управляют своей жизнью как хотят. Иногда я им завидовал. Во время эта книга была моим близким другом, и когда я погружался в чтение, я отключался от окружающего мира» (016).

«**ПРИКЛЮЧЕНИЯ Тома Сойера**» – произведение американского писателя Марка Твена (С.Л. Клеменса,

1835–1910). Написано в 1876 году, русский перевод вышел в 1886 году.

О России нач. XX века: «...Целые полки школьных повестей... И... всемирные чемпионы детской школьной повести, отважные Том Сойер и Гек Финн – единственные литературные герои-дети, которым поставлен памятник» (Маршак, 1971–7, 284–285).

О девочке 8–9 лет в 1929–1930 гг.: «...Во время моей болезни я здорово подначиталась. Прочла и “Тома Сойера”, и “Айвенго”, и “Сердца трёх”, и “Следопыта”, и много чего ещё» (Лупанова, 2007, 43).

О перв. пол. 1930-х гг.: «Наше поколение в самом раннем возрасте воспитывалось в основном на русских сказках... И вообще преобладала русская литература. Но были и иностранные книжки. Помню, распространены были “Сказки дядюшки Римуса”... Потом, конечно, Том Сойер и т. д.» (Александрова, 2004).

О дет. библиотеке в Шадринске в 1946 году: «Большим спросом пользовались книги В. Кожевникова “Иван Никулин – русский матрос”, Бирюкова “Чайка”, М. Твена “Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна”, Е. Рысс “Девочка ищет отца”, сказки “Волшебный колодезь” и др.» (Плотникова, 1999, 115)

Запись К.И. Чуковского 14 сентября 1956 года: «...В общем “Том Сойер” – очень наглая книга. Твен даже не знает возраста Тома. Судя по рисунку мальчишки (который он сделал для Бекки) – ему самое большее 4 года, судя по его отношению с тёткой – 7 лет, а похищает он золото у Индейца Джо как 18-летний малый. Поэтому художники никогда не могут нарисовать Тома, всегда выходит брехня. Всю худ. правду Твен истратил на бытовые подробности, на изображение детской психики – здесь он гениален... – а все adventures [приключения] заведомая чушь...» (Чуковский, 1992, 145).

О г. Семипалатинске в 1969–1970 гг.: «Книгу “Приключения Тома Сойера” Марка Твена мне подарил на день рождения дедушка, когда мне было лет 13–14 (я училась примерно в седьмом классе). Мне эта книга очень понравилась, так как в ней было много смешного, были и страшные моменты. Словом, она была захватывающей и интересной. Нравилось, что она приключенческая» (118).

О Шадринске в 1992–1993 гг.: «Я очень любила читать в детстве приключенческие рассказы, и книга “Приключения Тома Сойера” была одной из моих любимых, когда я училась в 3–5 классах» (098).

О 1987 г.: «Соседские дети были все на 2–3 года старше меня. В их компании было 3 мальчика и 4 девочки. Обычно вечерами во дворе они играли в “Тома Сойера и Гека Финна”. Я не знала правил игры и, когда они меня звали с собой, я отказывалась, уходила раньше всех домой и садилась за книгу, которая, я думала, опишет мне правила их игры. Книгу я читала не один месяц. Это был большой роман про Г. Финна. В конце концов, герои мне настолько понравились, что я нарисовала бумажных кукол и стала играть ими. Ребята, узнав о моей игре, стали приходить ко мне в гости (или я выносила кукол во двор) чтобы реализовать необычные приключения с помощью кукол. Я так и не поняла в 10-летнем возрасте правил игры в “Тома Сойера”, но зато вдоволь наигралась бумажными куклами. Когда началась трансляция мультфильма “Том Сойер”, я прекращала делать уроки и неотрывно сидела у телевизора – мне нравилось смотреть за тем, что там происходило. Мультфильм был переведен с другого языка. Русская версия мне понравилась меньше» (065).

«**ПРИКЛЮЧЕНИЯ Электроника**» – трилогия Евгения Велтистова (1934–1989) о мальчике-роботе – «Электроник – мальчик из чемодана» (1964), «Рэсси – неуловимый друг» (1971), «Победитель невозможного» (1975). В первой повести трилогии созданный профессором мальчик-робот Электроник до такой степени похож на семиклассника Сергея Сыроежкина, что их путают и родители, и учителя, и товарищи.

«Классический сюжет “Принца и нищего”, когда абсолютное сходство позволяет героям меняться местами... увлекает юных читателей непредсказуемостью ситуаций... Дружба детей и

Электроника – главная тема повести... Писатель показывает, как много даёт [дружба] и детям, и роботу, который с каждой страницей... всё больше делается похожим на человека, обретая чувства, которые трудно предположить в машине...» (Шестипалова, 1997, 94)

В мае 1980 г. на телеэкранах впервые был показан трёхсерийный фильм «Приключения Электроника», снятый по мотивам первых двух повестей трилогии (автор сценария – Е. Велтистов). Фильм имел большой успех. Долговременную популярность обрела прозвучавшая в фильме песня «Крылатые качели» (музыка Евгения Крылатова, слова Юрия Энтина).

О 1987–1989 гг.: «Мой любимый телефильм детства – «Приключения Электроника». Смотрела часто. Любимый герой – Ури, потому что всегда получал, и это выглядело очень смешно. Смотрела в лет 10–12 Сейчас тоже люблю посмотреть, когда его показывают по телевизору» (040).

Об ученице 6–7 кл. в Шадринске в 1990–1991 гг.: «Фильм “Приключения Электроника”. Из этого фильма (его [показывали] каждое лето, и [я] смотрела [его] с упоением) я взяла чувство полета. Там есть кадр – на мотоцикле, дорога, мчится, песня. Возникает ассоциация полета. Очень нравилась песня. Потом взяла в библиотеке песенник и учила из него песню “В юном месяце апреле” (“Крылатые качели”). Всегда радовала и удивляла перемена с мальчиком: из разгильдяя – в хорошего человека, и я понимала, что тоже могу измениться, стать лучше» (1001).

О середине 1990-х гг. «Когда я впервые посмотрела “Приключения Электроника”, то этот фильм остался в моей душе навсегда. Мы смотрели его с мамой по телевизору, когда мне было 8 лет... На протяжении всей серии сюжет очень захватывающий и поэтому с нетерпением ждала каждую серию. В этом фильме моим любимым героем был Электроник, потому что это мальчик, который всегда приходил на помощь своим друзьям, добрый, никогда не отказывающий в просьбе. Ещё мне очень понравилась собака, которая была, так же как и он, роботом... Даже сейчас, когда этот фильм снова показывают, я стараюсь не пропустить ни одной серии» (037).

О середине 1990-х г.: «А самый-самый фильм, который связан с моим детством, называется “Приключения Электроника»» (005).

О девочке 8–10 лет в 1996–1998 гг.: «Мне очень нравилось смотреть фильм “Приключения Электроника”. Этот фильм был снят о двух мальчиках-близнецах, то есть было интересно наблюдать, как живут и учатся близнецы, и всегда хотелось, чтобы у тебя был тоже близнец. Ещё также это был фильм о моих сверстниках, то есть смотря на них, на их поведение в школе, просто смотришь, как будто на себя, то есть для меня это было очень близкое кино» (179).

О 1998 г.: «В 9–10 лет я посмотрела фильм “Приключения Электроника”. Этот фильм раз и навсегда сформировал мой жизненный принцип: обманывать нехорошо, и каждый человек в жизни должен всего добиваться сам...» (003).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Мне очень нравился фильм “Приключения Электроника”, наверно, потому что в этом фильме снимаются очень забавные близнецы. И там есть какие-то фрагменты сказки, волшебства. Понравился, потому что там участвуют герои тогда моего возраста» (180).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Фильм “Приключения Электроника” посмотрела раз пять, не меньше. Посмотрела бы ещё. Фильм очень музыкальный, у меня была пластинка с песнями из этого фильма. Интересный сюжет и красивые актеры» (033).

О конце 1990-х гг.: «Из кинофильмов я помню “Приключения Электроника”. Мне очень нравился этот фильм, так как там показывали детей такого же возраста, как и я» (172).

О 1999 г.: «В фильме “Приключения Электроника” снимались два близнеца, это я видел впервые по телевизору, и было очень интересно. Фильм был про школьников, поэтому смотреть его было вдвойне интереснее» (176).

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ игра (компьютерная) – компьютерная игра, предлагающая игроку действовать в соответствии с определенным сюжетом, обычно – популярных литературных произведений, мультфильмов, видеофильмов в стиле фэнтези и т. п. (ТСРК, 1998; 259, 336). То же, что *Квест*.

О 1998–2006 гг.: «Когда мне было 13–20 лет, в нашей среде часто употреблялись слова “прикол”, “прикольно” для характеристики каких-либо предметов или явлений. Слова были очень популярны, я бы даже сказала, модными в употреблении. Они могли быть употреблены при оценке одежды, например: “прикольная кофточка”, “прикольный шарфик” и т. д.; применительно к человеку – “прикольный пацан” в значении: общительный, с юмором, современный; к фильму, к погоде и т. д. Слово “прикол” часто употребляемо было для объяснения случая из жизни, какого-то поступка, очевидцем которого становился рассказчик. Например: “Я вам сейчас прикол расскажу один...”, – далее следует повествование самого случая с интересной, смешной или нелепой концовкой, что заставило рассказывающего посмеяться, улыбнуться, задуматься и т.д. “Прикол” – значит некое событие с интересным сюжетом, что-то вроде жизненного анекдота» (009).

ПРИКОЛ – (подростково-молодёжный лексикон) нечто забавное, вызывающее интерес.

О с. Крутиха Далматовского р-на в 1997 г.: «В нач. школе, 5 классе клали на стул учительский канцелярские кнопки. Когда в класс заходили одноклассники на перемене и спрашивали: “Что вы делаете?” – мы отвечали: “Тише! Да это прикол такой”» (211).

О десятилетних детях в г. Кургане в 1998 г.: «Мы с мальчишками, моими друзьями, шли по улице, гуляли и увидели автомобильную аварию. Один из мальчиков сказал: “О, прикол”. Он имел в виду то, что это интересно – увидеть аварию машин» (сообщение сестры респондента 137).

О 1998–2006 гг.: «Когда мне было 13–20 лет, в нашей среде часто употреблялись слова “прикол”, “прикольно” для характеристики каких-либо предметов или явлений. Слова были очень популярны, я бы даже сказала, модными в употреблении. Они могли быть употреблены при оценке одежды, например: “прикольная кофточка”, “прикольный шарфик” и т. д.; применительно к человеку – “прикольный пацан” в значении: общительный, с юмором, современный; к фильму, к погоде и т. д. Слово “прикол” часто употребляемо было для объяснения случая из жизни, какого-то поступка, очевидцем которого становился рассказчик. Например: “Я вам сейчас прикол расскажу один...”, – далее следует повествование самого случая с интересной, смешной или нелепой концовкой, что заставило рассказывающего посмеяться, улыбнуться, задуматься и т.д. “Прикол” – значит некое событие с интересным сюжетом, что-то вроде жизненного анекдота» (009).

О мальчишке-подростке, юноше в с. Половинном Половинского р-на во вт. пол. 1990-х гг. – нач. 2000-х гг.: «Неожиданная ситуация, [неожиданные] последствия. Вы что-то не знали, о чём-то не догадывались, не могли предположить. Обычно говорят: “Ну ни фиги себе” или “Да ты чё?!” А ещё можно сказать: “Во прикол”. Это происходит только тогда, когда тебе кто-то о чём-то сообщает» (016).

О г. Катайске в 2002–2003 гг. и о Шадринске в 2006 г.: «Слово “прикол” я услышала впервые в общешитии Катайского педучилища от студентов старше по курсу. Одна, смеясь, говорила: “Тут такой прикол был! Обхохочешься!” В 2006 г. услышала в аудитории института от своей одноклассницы на перемене: “Тут недавно такая приколюха была!” (приколюха = прикол)» (154).

О девочке-подростке 16–17 лет в г. Шарыпово Красноярского края в 2004–2005 гг.: «Как-то после уроков мы с подружкой шли домой и она сказала: “Хочешь прикол на сотовый покажу?”. И показала мне какой-то смешной клип» (сообщение сестры респ. 137).

См. также: *Прикалываться; Прикольно; Прикольный. ПРИКОЛЬНО* – (подростково-молодёжный лексикон) хорошо, забавно, интересно.

О мальчишке-подростке, юноше в с. Половинном Половинского р-на во вт. пол. 1990-х гг. – нач. 2000-х гг.: «“Прикольно” – это хорошо, красиво, смешно, мне нравится, интересно. Определение или понятие того или иного слова также зависит от контекста. Мне это слово нравится, я его до сих пор употребляю. Например: “Вы прикольно сыграли на гитаре”. (“Вы здорово, хорошо сыграли на гитаре; мне понравилось, как вы сыграли на гитаре”» (016).

См. также: *Прикляпываться; Прикол; Прикольный.*

ПРИКОЛЬНЫЙ – (подростково-молодёжный лексикон) интересный, забавный, модный, классный.

О мальчишке-подростке в с. Половинном Половинского р-на во вт. пол. 1990-х гг. – нач. 2000-х гг.: «“Прикольный фильм, человек, дом, велосипед и т. д.” – то есть хороший, интересный, модный, классный и т. д.”» (016).

О 2004 г.: «“Прикольный” – напр.: “Ой, какое прикольное платье! Отпад! – то есть красивый, необычный. “Прикольно сидит на тебе!” – то есть идёт к лицу. Прилагательное «прикольное» я услышала позже, чем существительное «прикол», а именно – в 2004 году, когда к нам в комнату общежития пришли показаться девочки в новых нарядах. Моя соседка по комнате сказала оценивающе: “Да, Наташка! Прикольная юбка с кофточкой! Ваше идет!” и т. п.» (154).

О девочке-подростке 16–17 лет в г. Шарыпово Красноярского края в 2004–2005 гг.: «В школе на переменах мы с подружками иногда разглядывали журналы “Cosmopolitan” и “Cool Girl”. И когда я видела красивую одежду, причёску или макияж у девочек на страницах этих журналов, то говорила: “Смотрите, какая прикольная”. Подружки говорили так же» (сообщение сестры корреспондента 137).

См. также: *Прикляпываться; Прикол; Прикольно.*

ПРИКРЕПЛЯТЬ, прикрепление, прикреплённый – школьная практика, заключающаяся в том, что более успешно усваивающего предмет ученика обязывали помогать готовить уроки ученику, усваивающему данный предмет менее успешно или вообще не усваивающего.

О середине 1920-х гг.: «Пионеры заботились об организации взаимопомощи в учебе. В школах по их инициативе организовывались бригады по борьбе с второгодничеством, группы более сильных по успеваемости ребят прикреплялись к слабым» (Очерки, 1980, 201).

О нач. 1940-х гг.: «Но за моей спиной раздался Оськин голос: “Ну, вот я и пришёл!” – он положил на стол тетради и учебник по русскому языку... Оська... насунился, дёрнул плечом, сказал: “Будто мне надо! Русачка меня к Юльке прикрепил”. “Прикрепи-ила! Не мог хоть на “посик” вытянуть?”» (Корытковская, 1965, 36).

О нач. 1940-х гг.: «“Прикрепляли” меня к отстающим ученикам, но толку от этих занятий было, честно говоря, очень мало» (Санников, 2001).

О третьеклассниках в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «...Знаешь, ничего есть не хочется, кроме апельсинов и зефира в шоколаде. Даже уроки делать не хочется. Я вчерашнее домашнее задание так и не сделала, представляешь?” “Представляю, – сказал Коля. – Это очень плохо. Запустишь всё. Ты и так последнее время на одних троечках ползёшь”. “Ну и что? – сказала я. – Хочу и ползу! Это, между прочим, не твоё дело!” “А чьё же? Кто, интересно, у нас звеньевой? Кстати, мы сегодня проводили сбор звена и решили ко всем отстающим прикреплять шефов. Коростылёва будет с Ивановым заниматься, Мухина с Длиннохвостовой, а к тебе прикрепил Косицыну, чтобы она тебя подтягивала. Ясно?” ... Я не выдержала. Я почувствовала, что тоже хлюпаю носом. “Люська, ну не пла-а-чь!...” “...Мне бабушку жа-а-алко...” “Ну не плачь! Прошу тебя, не плачь! Слушай, ты же подтягивать меня пришла? Что же ты плачешь? Тебя прикрепил ко мне или не прикрепил? А ну, отвечай: прикрепил или нет?” “Прикре... прикрепил”, – вскрикнула Люська. “Так что же ты сидишь? Подтягивай меня скорее! Слышишь? Съешь яблоко и начинай меня подтягивать, ладно? Люсь, ну ладно? Ладно? Только не плачь, пожалуйста, очень тебя прошу-у-у!”» (Пивоварова, 1979; 75, 79).

О начале 1970-х гг.: «А спросите в любой школе, у любого пионерского отряда: “Как ваш отряд помогает ребятам лучше учиться?” – большинство вам без запинки сначала ответит: “Мы прикрепляем сильных к слабым, организуем скорую помощь”. К сожалению, эти формы работы пионеров в борьбе за знания стали почти “классическими”... Весна. В классе душно. Скорее на солнышко, ноги – в кеды да поразмяться футболом. А на втором этаже, в 5 “Б”, не до футбола. Идут, не торопясь, три пионера, а за ними, ссутулившись, низко опустив руки со школьными сумками, словно там кирпичи, а не книги, тянутся, как обречённые, несколько мальчишек. “За что это вас?” – спрашивает знакомый парень из 5 класса. “Да мы – прикреплённые. Вот правила по русскому ведут учить”. Как-то неудобно стало за этих пятиклассников, за роковое для них слово “прикреплённые”. В нём и унижение, и человеческое безволие» (Иванова, 1973, 12).

О 1970-х гг.: «“Все её знали как хорошую, скромную девочку, ставили в пример другим. И вот к нейкрепили отстающего ученика Виктора Обломского, который не хотел учиться, а больше всего увлекался спортом и курением... На протяжении четырех лет Виктор ходил в наш дом заниматься. Лариса добросовестно помогала ему в учебе... Вместо благодарности Виктор обесчестил Ларису, и она родила ребёнка»» (Санюкевич, 1979, 86).

О нач. 1980-х гг.: «Тут раздался звонок... В прихожей зазвенел мальчишеский голос: “Я к Шуре математикой заниматься. Меня прикрепил”. “Заходи, раз прикрепил”, – разрешила бабушка» (Усова, 1985, 51).

ПРИЛЕЖАНИЕ – см.: *Оценка по прилежанию.*

«**ПРИНЦ и НИЩИЙ**» – игра (правила неизвестны).

Об Украине 1910-х гг.: «А уважающий себя мальчик... никогда не станет играть в классы, а играет в “расшибаловку” или в орехи... А у кого нет ни орехов, ни монет, тот играет в “принца и нищего”... А Микитка, получив несколько мокрых монет, снимал свои чеботы, кожаный передник и кожаный картуз и снова становился босоногим, свистящим мальчишкой, гонящим голубей, играющим в “чет-нечет”, и “принц и нищий”, и даже в прятки» (Ямпольский, 1964; 281–282, 326).

«**ПРИНЦЕССА**» – импровизационно-драматическая детская игра.

О детях 6–10 лет в конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Игра “принцесса” проходила на поляне. Выбирали “принцессу”, плели ей венок из цветов, а мальчики должны были состязаться между собой. Они стреляли из лука – чья стрела улетит дальше; из рогатки стреляли по шишкам – кто больше попадет; и бегали наперегонки. И самый лучший потом должен был догнать “принцессу”: она убегала от мальчика, он догонял её и целовал в щёку. Самое интересное в этой игре было не пощелуй, а то, что можно было убежать и чувствовать преимущество, что мальчик не может долго тебя догнать» (544).

О Шадринске в 1985 г.: «Когда мне было 6 лет, зимой мы с подругой в детском саду придумали игру в принцесс. У нас были одинаковые куклы-невесты в красивых белых платьях. Мы приносили их в детский сад и, когда все отправлялись на прогулку, или играть в корабль. Мы представляли, что плывём на корабле, наших кукол-принцесс спасали принцы, и затем мы все искали сокровища. Сокровища мы искали в сугробах (перерыли почти все на территории детского сада). Дома мы часто играли в принцесс. Наряжались в мамины платья, или надевали свои новогодние костюмы, или сооружали наряды из подручных средств (одеял, простынь и т. д.). Доставали украшения, мамину фату» (481).

О девочке 6–8 лет в г. Кировграде Свердловской обл. в 1986–1988 гг.: «Что происходило в детском саду, я забыла. Но я запомнила, когда мы во вдоре с девчонками играли в принцессу. В основном, выбирали меня принцессой, одевали в разные наряды, все старались мне услужить. Мне нравилось играть в эту игру: приказывать всем. Любила, чтобы мне подчинялись» (573).

О 1987–1988 гг. «Младшей сестре было 4 года, средней – 6 лет, а мне 10 лет. На наших концертах присутствовали родители, в основном мама, так как папа

постоянно был на работе. Одевались соответственно ролям, рисовали усы. Взлохмачивали себе волосы... Часто, когда уходила мама по делам, мы оставались дома одни. Тогда любимой игрой была игра "в принцессы". Обязательным атрибутом этой игры была постройка кареты. Карету строили из кресел: брали подушки с дивана, строили стенки и крышу кареты, брали накидки с кресел, и получалась дверь. Построив карету, мы садились в неё. Естественно, я ехала одна, а сёстры вдвоём. Иногда выходили, говорили о чем-нибудь. Это у нас была остановка, прогулка. Говорили о том, что наши мужья в командировках, поэтому мы вынуждены кататься одни. Вспоминаю, во что мы были одеты. Брали свои подушки, привязывали их бантиками сзади, затем все это покрывалось одеялом, тоже подвязывалось бантиками. Боже мой, сколько бантов мы испортили. На голову надевали короны, которые делали из бумаги, на них одевали марлю или мамин платок. Играли в такую игру с утра до вечера. Придумывали разные сюжеты, ездили друг к другу в гости, угощали чаем с печеньем... Нашей любимой игрой были игры в принцесс. Мы навязывали себе две подушки, одну – впереди, другую – сзади, подвязывали нашими бантиками, а сверху накрывали всё тканью. Правда, к счастью, мы ничего не резали. Затем мы приступали к дальнейшему нашему одеванию. Доставали мамини бусы, надевали их на шею, на руки – в качестве браслета и т. д. Но, как правило, наша игра этим не заканчивалась. Я так полагаю, что сутью этой игры было "превращение в принцесс", то есть, проще говоря, "показ мод"» (537).

«Принцесса и служанка».

О с. Ожогово Шатровского р-на в перв. пол. 1990-х гг.: «Мы с подружками играли в принцессу и служанку. Одна из нас была принцессой или королевой, отдавала приказы, махала веером, а другие служивали ей, приносили еду, напитки и т.д. затем можно поменяться ролями» (154).

ПРИРОДОВЕДЕНИЕ – «наука о природе, естествознание» (Лопатин, 1997, 519); введённый в конце 1950-х гг. школьный предмет.

«Природоведение, учебный предмет. Изучается на начальной и средней (5-й класс) ступенях общеобразовательной школы в Российской Федерации. Представляет собой интегрированный курс, включающий начальные сведения по биологии, географии, геологии, экологии, астрономии и отчасти физике и химии. В курсе П. учащиеся получают знания о живой и неживой природе и взаимосвязях между ними, о природе родного края, страны и мира в целом, взаимоотношениях человека и окружающей его среды, а также о строении и функциях организма человека, охране здоровья» (ПЭС, 2003, 218).

О 1959–1988 гг.: «С 1959 г. в IV классе был введен новый предмет – природоведение. В нём объединялись сведения из ранее самостоят. учеб. предметов естествознания и географии, заметно расширился краеведческий материал... Следует отметить, что этот синтезирующий предмет сохраняется в учеб. плане школы до наст. времени» (Очерки, 1988, 143).

О Шадринске в 1984–1986 гг.: «С первого по третий класс у нас было природоведение. Я помню шевеление мозгов на этом предмете. Я помню, как у нас самый первый параграф в учебнике был про термометры, про измерение температуры. Параграф был сложный, потому что был ни о чём. Я помню, как его учила у бабушки, помню ощущение работы мыслей, поиск связей, примеров. И меня спросили. Я назвала градусник вместо медицинского "врачический". Помню потом, как запомнила параграф про пустыню, как мне нравилось понимать то, что там пишут. Был по природоведению дневник наблюдения за погодой. Это была самая отвратительная вещь на всем природоведении» (1001).

О Катайске в 1992–1994 гг.: «Природоведение велось с 1 по 3 класс. Вела наша учительница нач. классов. У меня до сих пор сохранился учебник природоведения, откуда я выстригала картинки животных и природы для рефератов и сообщений, которые задавали в последующих классах» (018).

О г. Миассе Челябинской обл. в 1992–1994 гг.: «Осенью на уроке природоведения мы отправились в лес изучать местную флору. Мы собирали листики, шишки, веточки, мох, травку, цветы... Потом из этого мы делали поделки...» (501).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1992–1995 гг.: «Природоведение – школьный предмет, изучавшийся в начальных классах, то есть с 1 по 4 классы» (011).

См. также: *Дневник наблюдения за погодой.*

«**ПРИСТЕНКА**» – игра на деньги, то же, что «*Пристенок*».

О 1950–1952 гг.: «Игры начала пятидесятых... Никогда не изгладится во мне восторг тех незатейливых, незамысловатых игр, даривших настоящее вольготное-безмятежное детство... К моему участию в перечисленных играх мать относилась спокойно, понимающе, во всяком случае, не помню ни одного её запрета. Терпела она даже "ножички". Ругала она за иные увлечения: жостку, пристенку... Учителя гоняли нас, устраивали обыски, нещадно уничтожали обнаруженные в портфелях и карманах жостки, агитировали родителей объявить войну идиотскому увлечению... Пристенка каралась строже. Тут могло пахнуть и исключением из школы – квалифицировалась она как азартная игра. Выигранные деньги я тратил на рынке, покупая жареные семечки, круглое, обложенное вафлями мороженое, которое не елось, а лизалось, вращаемое на языке, как колесико, и варенец – топленое молоко с аппетитной розовой корочкой, продаваемый стаканами» (Гай, 1978, 77–78, 83–84).

«**ПРИСТЕНОК**», «*пристеночка*» – азартная игра (на деньги).

О нач. 1920-х гг.: «[Солнце]... изредка вползало во двор... Мальчики играли царскими медяками в пристеночек. Генка изо всех сил расставлял пальцы, чтобы дотянуться от своей монеты до Мишиной: "Нет, не достанешь, – говорил Миша, – не достанешь... Бей, Жила, твоя очередь". "Мы вдарим, – бормотал Борька, прицеливаясь на Славину монету. – Есть! – Его широкий сплюснутый пятак покрыл Славин. – Гони копейку, буржуй!" Слава покраснел: "Я уже всё проиграл. За мной будет". "Что же ты в игру лезешь? – закричал Борька. – Здесь в долг не играют. Давай деньги!" "Я ведь сказал тебе – нету. Отыграю и отдам". "Ах так?! – Борька схватил Славин пятак. – Отдашь долг – тогда получишь обратно". "Какое ты имеешь право?..." – Славин голос дрожал от волнения... "Значит, имею, – бормотал Борька, пряча пятак в карман. – Будешь знать в другой раз". Миша протянул Борьке копейку: "На, отдай ему биту. А ты, Славка, не имеешь денег – не играй". "Не возьму, – мотнул головой Борька, – чужие не возьму. Пусть сам отдаёт". "Зажилить хочешь?" "Может, хочу". "Отдай Славке биту!" "А тебе что? – ощерился Борька. – Ты здесь что за хозяин?" "Не отдашь?" – Миша вплотную придвинулся к Борьке... Борька отступил на шаг, отвел глаза. "На, пусть подавится. – Брошенный им пятак зашел в на камнях. – Подумаешь, заступник нашелся". Он отошел в сторону, кидая на Мишу злобные взгляды. Игра расстроилась. Мальчики уселись возле стены на теплом асфальте и грелись на солнце» (Рыбаков, [1948] 1981–1, 71).

О 1930-х гг.: «Вспомнились и игры тех ребячьих лет, что были под стать двору с его тёмными углами и лазами в лабиринт подвалов... Расшибалочка, пристенок, очко – игры на деньги, и первая папироска, и первое бранное слово, – всё вынес Алексей из этих дворовых закутков...» (Карелин, 1954, 53–54).

О 1940-х гг.: «Отец сгинул в первые же месяцы войны... Филимонов остался с матерью..., и, надо думать, счастье ему выпало, что матери с большим трудом удалось устроить его в ремесленное училище... Ребята... с утра до вечера роились на задних дворах, за сараями... Целыми днями, до отупения, играли они в "пристенок". Играли, в зависимости от капиталов, по гривеннику, по полтиннику и выше. Для тех, кто не знает, что такое "пристенок", можно пояснить. Сперва твой противник шмякает пятаком об стенку, пятак летит на землю. Тебе надо метнуть об стенку же свой пятак

таким образом, чтобы он упал на расстояние растопыренных пальцев – большого и мизинца – от чужого пятака. Дотянулся пальцами – твой верх, не достал – снова мечет другой, если и он не достал – опять ты, и так далее, пока в карманах позвякивает. А уж ежели твой пятак накроет чужой – тогда “чхе”. Таинственное это слово означает, что проигравшему надо гнать монету в пятикратном размере. У Сергея Филимонова полтинников не водилось, да и пятаки бывали редко, он предпочитал в основном смотреть, как сражаются другие, но это ничуть не мешало ему переживать все перипетии игры не меньше самих игроков... Тут были свои герои. О легендарной личности по прозвищу Круглый говорили шепотом, со сладким ужасом. Серега Филимонов был свидетелем той самой знаменитой игры, которая положила основу великой славы Круглого и, обрастая самыми невероятными подробностями, жила долгие годы, и даже вышла за пределы их района. В тот день Круглый был при деньгах. И он начал свою великую игру. Противник его – длинный тощий парень с тупым лошадиным лицом – выигрывал. Шёпотом говорили, что он сидел в тюрьме, где и приобрел свою непостижимо высокую квалификацию. Когда он бил, отвислая мокрая губа его отвисала ещё больше..., и здоровенной лапой с грязными обгрызенными ногтями он раз за разом накрывал игровой пятак Круглого. Фуражка, где лежал банк – смятые пятерки, десятки, даже две красные тридцатки, – была полна. Круглый нервничал. Маленький, плотный, очень сильный и подвижный, как ртуть, он отчаянно шмякал пятаком об стену, но всякий раз чуть-чуть не дотягивался своими короткими, в ссадинах и шрамах пальцами до монеты парня... В отличие от своего противника Круглый не был вором. Деньги его были заработаны честно, тяжким трудом. Полмесяца он гнул горб над слесарными тисками и теперь вот просаживал всё, не донеся до дому, который был рядом – вот он, рукой подать. Филимонов знал, что Круглый живет с матерью и маленькой сестренкой, ему было жаль этого дурака... А они всё играли и играли. По крупной. Всерьез. Но вот деньги у Круглого кончились. Очевидно, это произошло неожиданно для него, потому что Круглый вдруг судорожно зашарил по карманам, вывернул их... Денег не было ни копейки. Круглый побелел и прислонился к стене. Во дворе было тихо-тихо... Долговязый вразлочку подошел к фуражке, неторопливо принялся разглаживать на колене выигранные деньги... Круглый стоял в стороне... Потом резко и безнадежно махнул рукой, вытащил откуда-то из недр своей замасленной стеганки круглые серебряные часы-луковицу на длинной толстой цепочке. “Давай на все”, – прохрипел он. Парень... чуть заметно усмехнулся... Часы были великолепы – старинные, со звоном-музыкой, на циферблате красовалась надпись “Павель Буре”. “Крышка золотая”, – сказал Круглый... “На все”, – сказал он. “...Ты, фраер, на меня не дави, я законы знаю, сам в законе хожу”. “Я плевал на твои законы. На все”, – тихо, но так яростно сказал Круглый, что парень чуть отступил назад и огляделся. Он увидел хмурые, враждебные лица плотно окруживших их ребят и понял, что надо соглашаться... Они разыграли, кому первому бить. Выпало пари... Это было невыгодно, но все-таки он решительно подошел к стене. Пятак со звоном отлетел в пыль. Длинный ударил особым, мастерским ударом – с потягом, и пятак улетел далеко, далеко... Выиграть Круглому было почти невозможно... Он прицеливался невыносимо долго. Отходил, набирал в грудь побольше воздуха, снова подходил к стенке. Наконец ударил. Все дружно ахнули, – пятак Круглого лег очень точно. Издали казалось – они лежат совсем рядом. Но вот Круглый подошел к монетам, и стало ясно – ему не дотянуться... Он присел над пятаками и растопырил ладонь, как только мог. Круглый тянулся, тянулся изо всех сил, так что пальцы затрещали и побелели, и... не доставал. Какой-то пустяк, какой-то жалкий сантиметр, но не доставал. Пальцы его тряслись от напряжения, на лбу выступил пот. Парень... протянул руку за своим пятаком. “Стой! Убери лапу”, – прохрипел Круглый. Парень равнодушно вскинул на него глаза и вдруг

остолбенел. И все вокруг тоже остолбенели. На глазах почтеннейшей публики Круглый выхватил самодельный, остро отточенный нож и полоснул себя по руке между большим и указательным пальцами. Раздался хруст, большой палец неестественно вывернулся, удлинился и накрыл пятак парня... Серега Филимонов очнулся первый и заорал. И все, все заорали в полные глотки... Кто-то оторвал подол исподней рубахи Круглого, перевязал ему окровавленную руку, а он, счастливый, гордый, не чувствуящий боли, с размаху надел на голову фуражку вместе с деньгами и часами-луковицей... Так окончилась эта знаменитая игра» (Дворкин, 1970, 60–65).

О вт. пол. 1940-х гг.: «И вообще, самая интересная жизнь школьников начиналась за окнами школ и квартир, там, на улице, во дворе, где дети были предоставлены сами себе... Металлические деньги и биты использовались мальчишками при игре в “расшибец” или “пристенок”. Монета, ребром которой ударяли о стену, должна была отлететь и упасть рядом с другой монетой, лежащей на земле. Если от своей монеты до чужой дотянулся пальцами – чужая монета твоя» (Андреевский, 2003, 380).

О конце 1950-х гг.: «Пришёл я в наш двор... ребята под аркой в пристенок играют... А Слава Самсонов, мой друг, под аркой, с пятаком между пальцев... А я стою, смотрю, как Славин пятак летит со звоном» (Попов, 1970, 85–86).

О 1960-х гг.: «[Мы Хазова]... после уроков на заброшенную стройку позвали в пристенок играть... Он, оказалось, и в пристенок-то сроду не играл... Гильдя... показывал ему, как бить надо, как пальцы тянуть, правила игры объяснял. В общем, всё бы хорошо у нас с ним было, не явись на стройку Кытя. Кытя был грозой школы, его боялись... “Потренировались и будя, – сказал Кытя с порога. – Я могу и так ваши карманы обчистить, но это скучно. Сбачаем!” И достал свою битку... Биткой у Кыти была медаль “За отвагу”... “По сколько играем?” – спросил [Кытя]... “По пятаку”, – предложил Гильдя... “Только пачкаться, – отмахнулся Кытя. – По гривеннику! Пока это я ваши медяки по пятаку отыграю...” “Ещё поглядим, кто у кого”, – неуверенно сказал Гильдя... “Цыц! – сказал [Кытя] грозно. – ...По гривеннику. Поехали...” И как даст медалью о стенку. Она зазвенела..., упала на грязный цементный пол и подкатилась к ногам Хазова... “Бей ты, умник”, – ткнул Кытя кулаком Гильде в плечо. Гильдя вынул свою битку – круглую стальную шайбу, – ударил, нарочно, наверное, чтобы от медали подальше. “Ты, длинный!” – велел Кытя Маматюку. Мамочкина бита – ржавый круглый нож от мясорубки, – ...тоже легла и затихла далеко от медали. “Ты!” – крикнул мне Кытя. И я полез, полез потной рукой в карман штанов, нащупал свою шайбу, точно такую же, как у Гильди... Я знал, что с Кытей лучше не шутить, не медлить, не мямлится. Ему ничего не стоило человека по лицу ударить. И я бы достал... битку, и вступил бы в игру, и играл бы по пятаку, по гривеннику, по сколько угодно бы было этому Кыте, играл бы, пока не просадил все свои деньги, скопленные на школьных завтраках. Я испугался» (Туинов, 1985, 53–54).

О 1966 году: «Во дворе шпана играла на деньги – в “чичку”, “трясучку”, “пристенок”...» (Киршин, 2002).

См. также: «*Пристеночка*»

«**ПРИСТЕНОЧКА**» – вероятно то же, что «*Пристенок*».

О середине 1930-х гг.: «Затем возникли форпосты, объединявшие пионеров по месту жительства в течение всего года. Первый в Москве пионерский форпост был создан в 1933 году... Пионеры решили отвлечь ребят от “вышибалочки” и “пристеночки” и для этого разучили новые интересные игры...» (Гордин, 1962, 119–120).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Здесь, во дворе, про эту игру “землемер” и не слыхивали, играли в “пристеночку”, в экзотический “штандр”...» (Алексеев, 1987, 27).

ПРИХОДСКАЯ школа – см.: *Приходское училище*.

ПРИХОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ, приходская школа – учебное заведение для первоначального обучения, существовавшее при церковных приходах.

«В России школы при церквях стали открываться с XI в. Стоглавый собор 1551 г... обязал священников открыть при приходских церквях школы, в которые бы “все православные хрестьяне” могли отдавать “своих детей на учение грамоте”, а также письму и церковному пению. Это постановление не было выполнено, и школы при церквях вплоть до XIX века были очень редким явлением. По Уставу 1804 г. были созданы приходские училища с одногодичным сроком обучения; они могли открываться в городах и в селениях на средства прихожан, находились в непосредственном ведении приходских священников и помещиков, подчинялись смотрителям уездных училищ. Принимались в них дети “всякого состояния”, “без разбору пола и лет”. Приходские училища имели целью “приуготовить юношество для уездных училищ”... В программу приходского училища входило: чтение, письмо, четыре первых действия арифметики, “главные начала закона божия и нравочения” и чтение с объяснением книги “Краткое наставление о сельском домоводстве, произведении природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья”. По Уставу 1828 г. единств. целью приходских училищ стало “распространение первоначальных, более или менее всякому нужных сведений”. С этого времени они предназначались для детей “самых нижних состояний”. В них обучали: закону божьему по краткому катехизису и священной истории, чтению по книгам церковной и гражданской печати и чтению рукописей, чистописанию, первым четырьмя действиям арифметики. Устав 1828 г. разрешил “в посадах и селениях, где много ремесленников или иного рода промышленников”, открывать в приходских училищах 2-й класс “для преподавания некоторых предметов, назначаемых для нижнего класса училищ уездных”. В таком виде приходские училища существовали до 1864 г. По Положению 1864 г. приходские училища стали одним из типов начальных народных училищ. Приходские училища, находящиеся в ведении Синода, с этого времени официально стали именоваться церковноприходскими. Приходские училища существовали до 1917 года» (ПЭ, 1966–3, 509).

ПРИЧЁСКА у девочек в учебном заведении.

Как в дореволюционных гимназиях, так и в советских школах на причёски девочек накладывались ограничения.

О середине 1940-х гг. в Москве: «Выпускной прощальный вечер в родной школе. В большом зале торжественно и уютно, как может быть уютно только в школе девочек. Мы – в любимых платьях. Причёски... гм! Мы лукаво посматриваем на наших классных руководителей и на директора Нину Фёдоровну. Теперь уж нас не отошлют домой под кран “разминировать” причёску, сменить кокетливую кофточку на скромное коричневое платье и чёрный передник» (Тулоцкая, 1947, 14).

ПРИЧЁСКА у мальчиков в учебном заведении.

О 1970-х гг.: «Маргарита Ивановна быстро поднялась со стула и подошла поближе к нам. “Леня! – ахнула она, взяв меня за мою “гриву”. – Ты же обещал мне подстричься!” Я понял, что на этот раз парикмахерской уже не избежать. “Ну объясните, зачем вам длинные волосы?” – всплеснула руками классная. “Для красоты”, – сообщил Игорек. “Красота – прежде всего аккуратность! – строго заметила директриса. – Согласно школьному уставу волосы не должны доставать до воротника”. “Даю вам два дня на парикмахерскую!” – сказала Маргарита Ивановна» (Ампелонов, 1980, 163).

ПРИЮТ детский – «в дореволюционной России благотворительное учреждение для призрения сирот, покинутых и беспризорных детей (от 3 до 14 лет)» (ПЭ, 1966–3, 510).

«[Детские приюты] возникли в XVIII в. при монастырях. Первый немонастырский [детский приют] был открыт в 1837 году... В 1839 году... было разработано “Положение о детских приютах”... По Положению 1839 г. представлялось право учреждать...

попечительства для беспризорных детей на средства частной благотворительности... В 1846 году в приютах детских был допущен ночлег, а позже и постоянное проживание детей (“сиротские отделения”). В 1889 году... из 127 приютов только 31 предназначался для приходящих детей, остальные были смешанными – для постоянно живущих и приходящих. Большинство приютов детских входило в Ведомство учреждений императрицы Марии; к началу XX в. насчитывалось 148 приютов детских... [Детские приюты], находившиеся в ведении разных благотворительных обществ, частных лиц и ведомств (духовного, военного, Мин-ва внутренних дел)... как правило, были устроены по типу детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии. В 1891 был издан новый устав [детских приютов] Ведомства императрицы Марии, обязательный лишь для приютов этого ведомства и узаконивший призрение сирот. В соответствии с этим уставом была введена элементарная программа обучения, установленная для одноклассных сельских школ. Срок пребывания детей, находящихся на полном содержании, зависел от местных условий. При [детских приютах] могли учреждаться ремесленные классы или училища. Однако фактически большинство детей, выводившихся из приютов, не кончали курс обучения и не имели никаких ремесленных навыков. В отчёте Петербургского совета детских приютов за 1896 указано, что из 1313 “уволненных” лишь 309 получили свидетельство об окончании курса обучения. Положение 1891 года ввело учреждение приютов для младенцев. С этого времени стали создаваться также и сельские дет. приюты с целью подготовки “хозяйственных крестьян”. Организованные по принципу самокупаемости и самообеспечения, сельские [детские приюты] находились в ещё худших условиях, чем городские. Существовавшие преимущественно на благотворительные средства (государственная казна, городские и земские учреждения отпускали незначительное пособие), детские приюты... владели жалкое существование, эксплуатировали дет. труд... К 1917 году на территории в границах нынешней РСФСР было 583 детских приюта с 29 650 детьми. [После революции 1917 г. детские приюты] были закрыты, а содержащиеся в них дети размещены в детских домах и других воспитательных учреждениях» (ПЭ, 1966–3, 510–511).

О начале XX века: «До революции здесь был приют. В мхуром здании с грязными окнами жили сироты. То ли из-за одинаковой одежды, то ли из-за полумрака в комнатах они казались удивительно похожими. Уныло протекали сиротские дни. Девочки с утра до вечера вышивали подушки для начальницы и опекуниши, мальчики выполняли на кухне всякую черную работу. Впрочем, изредка бывали и праздники. На рождество и пасху сироты получали на третье блюдо по кусочку сладкого пудинга» (Шкаровская, 1963, 76).

О начале XX века: «...Андрей... говорит совсем о другом: “Слушай внимательно. Я завтра же вышло тебе письмо за подписью военного комиссара. Ты с этим письмом пойдешь... Я укажу, куда надо идти, кажется, в Комиссариат призрения. Может, и не сразу устроишь ее, но устроишь. Говорят, в детские дома очереди. Много сирот”. “В приют хлопотать? В сиротский?!” “Приют – прежнее слово. Асю им не пугай. Помни: детский дом”. “Все одно приют!” Варьку с малолетства страшило это слово. Она едва избежала участи попасть в одно из прославленных учреждений ведомства императрицы Марии, в эти казармы для детей низших сословий. Варя шепчет: “Аська – приютская!”» (Лойко, 1964, 49).

Понятие «приют», «приютские [дети]» существовало и после 1917 года.

О нач. 1920-х гг.: «Когда мы вернулись домой, Андрюшка всё ещё спал. Пришлось мне будить его. Одеваясь, он громко сопел со сна, потом спокойно сказал: “Сейчас меня вздуют”. “Кто?” “Сельские ребяташки. Они не любят нас. Как увидят, кричат: “Бей приютских!” – и давай бока мять. Сюда шёл – на меня полёнок со своей оравой набросились. Ладно, дяденька один заступился. Тогда они вдвоём мне начали горланить: “Эй, приютник гололобый, не ходи нашей

дорогой! Ходи барской да татарской!” Хоть мы теперь и не живем в барской усадьбе, и бритые головы у нас давно уж обросли, а они все одно: “гололобий”, “барской”... Ежели никто не заступится, то теперь они меня, как пить дать, отбуздывают”. Отец пошел провожать его. Больше Андришка к нам не приходил... Когда шёл через чьё-то гумно, на меня из риги налетел пухлощекий попёнок с двумя дружками. “Бей приютских!” – истошно завопил он» (Шилов, 1971; 39–41, 43).

«**ПРО ГОШУ Долгие Руки**» – книга с цветными иллюстрациями объемом 25 страниц. Автор – Раёшник (псевдоним). 3-е издание книги вышло в 1900 году (издательство товарищества М.О. Вольфа), 5-е издание – в 1913 году. Судя по нижеприведённой цитате, книга пользовалась успехом у детей.

«Вот изданная Вольфом (автор предпочел остаться неизвестным!) стихотворная повесть “Про Гошу Долгие Руки”: “Обварил Гоша ноги кипятком, / Поднял Гоша страшный содом, / И пришлось Гоше в постели / Пролежать две недели / (Так доктора велели). / Братец лежит да плачет, / А сестрица через веревочку скачет. / Кричит Гоша от боли благим матом, / А сестрица смеется над братом”. Бесчеловечность сестрицы не заботила автора. Заботила мораль: “Хоть в сказке и мало склада, / А собак за хвост теревить не надо”» (Бегак, 1971, 23).

О начале 1910-х гг.: «Читать я научился в четыре года... Книга, которую я читал сознательно и без конца перечитывал, называлась “Про Гошу Долгие Руки”. Это очень старая книга. Недавно я узнал, что А.А. Блок тоже читал в детстве эту нравоучительную историю непослушного мальчика, которого за его непослушание все время наказывала судьба, и наказывала самым ужасным образом. Например, Гоша ковырял в носу. Ему говорили – не надо, а он продолжал заниматься этим постыдным делом. И вот кончилось тем, что нос у него стал расти и вырос такой огромный, что Гоше пришлось возить его перед собой на тачке. Как сейчас вижу картинку, на которой несчастный мальчик везет в угольной тачке гигантскую картофелину – собственный нос» (Пантелеев, [1978] 1984–3).

«...Литературовед Мирон Левин заметил, что сюжет “Сказки о Пете...” [В. Маяковского] связан и со старинным раёшником “Про Гошу – долгие руки”. Герой старинника – обжора, который раздувается в шар и взлетает в воздух (“Детская литература”, 1939, № 4)» (Ивич, 1967, 36).

«**ПРО Красную Шапку. Продолжение старой сказки**» – двухсерийный музыкальный телефильм 1977 года, режиссёр Леонид Нечаев. В этом телефильме прозвучала ставшая популярной *Песня Красной Шапочки*.

«**ПРОБКИ**», игра(ть) в пробки – игра на выигрыш пробок.

О начале 1980-х гг.: «В младшем школьном возрасте очень популярна была игра в пробки. Пробки были разного достоинства (дама, король, ферзь, солдат). Нужно было пинать эти пробки ногой (только по одному разу) так, чтобы она задела другую пробку соперника, после чего попавший в пробку забирает ее» (519).

О мальчике 7–8 лет в начале 1980-х гг. в Шадринске: «Примерно с середины учебного года началась мода на пробки; это такая игра, от которой все были без ума. Пробки приходилось собирать везде: на улице, даже на помойках и на свалках, дома тоже не было ни одной пробки, и на этом фоне дома были скандалы. Каждое утро в школе начиналось с хвастанья перед друзьями о новых найденных и выигранных пробках. За каждую пробку, мне тогда казалось, я бы мог любому глотку перегрызть, и неоднократно на этой почве происходили драки. Названия этих пробок были следующие, начиная с меньшей по значению: солдатик, майонезка, слоник МА-лый, слоник большой, фестивалёк малая, [фестивалёк] большая, дамка, король, и миллионка. Пробок этих у меня было, точно не помню, примерно 500 штук, со временем классу к третьему эта страсть прошла. И примерно с 4 класса началась новая. Это были уголки,

они делались из бумаги и раскрашивались. Но она быстро прошла» (558).

О Кургане во вт. пол. 1980-х гг.: «Игра “Пробочки” была преимущественно для мальчиков, но так как я имела много друзей среди них, то я играла в неё тоже. Для игры необходимо было иметь пробочки от духов, одеколонов или лосьонов. Они должны были быть маленькими, а внутри обязательно залепленных пластилином (для веса). Смысл игры заключался в том, что нужно было сбить пробку соперника. Пробочка зажималась между носками ног и при прыжке выкидывалась в нужную сторону. Если твоя пробка задела пробку соперника, ты забирала её себе. А пробки для нас тогда были большой дефицит» (582).

Об учащихся начальных классов в Шадринске в 1986–1989 гг.: «...Модно было играть в пробки от одеколонов, духов. Каждая [пробка] имела свое название: “слоник”, “фестивалёк”, “пустышки”. Одна была ценная, другая – менее. Пробками менялись, копили, сравнивали, у кого больше. Играли: пинали ногами, и в зависимости от того, как пробка встала, в какое положение, столько ходов и разрешалось. Суть: сбить пробку соперника, если пробку сбивали, её забирал тот, кто сбил. Некоторые накапливали сто и более пробок. Также ценился цвет пробки: менее распространенные цвета были дороже, например, чем белые. Я тоже играла и копила пробки. Ещё я копила пачки (пустые) от сигарет, они висели на стене, вся стена была в пачках, и многие копили такие пачки, ещё копили баночки из под пива» (583).

О девочке в Шадринске в конце 1980-х гг.: «В школе мы играли в пробки. Собирали из-под одеколона пробки. И сбивали ногой пробки других. Как бильярд или шашки, только ногами по-особому пинали пробки. У пробок были названия: “дамка”, “простая пробка”. У меня бабушка делала людям массаж, и они приносили ей протирать себя после массажа бутылку одеколона. Поэтому пробок у меня было куча, и мальчишки меня за это уважали, и ещё я хорошо играла в эту игру» (1001).

О конце 1980-х гг. – нач. 1990-х гг.: «“Классики” и “резинки” считались девичьими играми, а мальчишки предпочитали “пробки” и “ножички”. Для них пробки были величайшей ценностью, и они ползали по помойкам и свалкам, искали пустые бутылочки из-под одеколона и откручивали пробки. Они были разных цветов: красного, белого, бежевого, голубого» (607).

О 1990 г.: «Когда мне было 9 лет, мы играли в игру “пробки”. В неё, в основном, играли мальчишки. Игра заключалась в следующем. Играют два человека пробками (от разных бутылочек, духов и т. д.). Разыгрывают по жребию, кто начнёт игру первым, то есть кидают пробки на асфальт и один из игроков должен, пиная по своей пробке, вышибить пробку своего соперника (пинают поочередно). Победитель забирает пробку проигравшего и уже играет с другим человеком. Смысл заключался в том, чтобы больше накопить пробок – у одного был мешок, у другого – всего пара штук. Пробки различались по красоте, по размеру, по цвету. И нужно было играть равноценными» (512).

О Шадринске в 1992–1993 гг.: «В этой игре существовало неск. видов (“рангов”) пробок: самый низший, “тракторы” – пробки от одеколонов с характерным “тракторным” покрытием; “коронки” (более высокий) – пробки от женских духов (либо пластмассовые кремового цвета, похожие на ноготь большого пальца руки, либо от дорогих духов полуовальной формы); “столбики” (самый высокий) – пробки от мужских духов или туалетных вод в виде столбика (высотой примерно 3 сантиметра). Когда я был во 2–3 классе, мы играли в пробки. Суть игры заключалась в том, что 2–3 человека располагают пробки. Площадкой для игры могли быть коридор школы либо асфальт. По считалке выбирали, кто первый ходит. Ходил игрок примерно так: пробка зажималась между боковых сторон обуви (примерно, где находился большой палец) и прыгал, и в воздухе отпускал пробки по направлению пробок соперников, если игрок попадал в пробку соперника, то игрок забирал себе, если нет, ход переходил другому. Чтобы сбить “столбик” “трактором”, нужно было попасть 6 раз,

«коронку» [“трактором”] – 12 раз, “столбиком” “коронку” – 2 раза» (023).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1992–1993 гг.: «В пробки мы играли, когда мне было 6 или 7 лет. Собирали дома пробки (в основном, от одеколона), иногда брали от йода или зелёнки (когда не было никаких уже). Причём, пробки из мягкой пластмассы не подходили, нужны были твёрдые костяные пробки. Такие можно встретить сейчас на бутылочках “Жидкость для снятия лака”. Мы с братом всегда скручивали их со всего, что было в доме, конечно, без разрешения. У каждого был свой личный целлофановый мешок для пробок, чтобы не потерять. Ход игры: по считалке определялся первый. Он ставил пробку на асфальт на расстоянии 5–10 шагов. Мелом проводилась черта, с которой мы выбивали центральную пробку своими пробками, и место, где должна находиться центральная пробка. Затем, в порядке очереди, каждый должен был выбить пробку в центре. Если твоя пробка выбивала или задевала центр. пробку, то ты забираешь обе пробки. Чем больше у тебя пробок, тем ты круче считался... Младшее поколение в пробки не играет» (011).

ПРОВАЛИТЬСЯ – не выдержать экзамена (испытания).

На картине «Опять провалился!» (1891) художника А.М. Корина (1865–1923) изображен юноша в форменной ученической одежде, стоящий в смущении перед матерью: очевидно, он не сумел выдержать экзамена. Картина хранится в Калужском областном художественном музее.

«ПРОВОДЫ букваря» – праздник для первоклассников.

О конце 1950-х гг.: «Октябрятские группы и звёздочки принимают активное участие в празднике “Проводы букваря”» (Панова, 1960, 59).

См. также *«Процание с букварем», Праздник Букваря. ПРОВОЖАТЬ домой* (девочку) после школы (о мальчике).

О середине 1950-х гг.: «...Девятиклассница Сима... была... прямая, как стрелочка... и очень строгая. Ни одному девятикласснику и даже десятикласснику она не позволяла провожать себя до дому, хотя многие набивались. Только за это пренебрежение к чужим большим мальчишкам Слава и уважал сестру» (Котовщикова, 1958, 66).

ПРОГИМНАЗИЯ – «В дореволюционной России – неполное среднее общеобразовательное учебное заведение для мальчиков или девочек» (Словарь, 1961–11, 991); неполная гимназия.

«В России прогимназии (мужские) возникли в 1864 году и большей частью имели 4 класса (реже 6) при 8-классном курсе гимназии. При поступлении в 1-й класс прогимназии требовалось знать Ветхий и Новый завет, бегло читать, уметь считать, производить сложение и вычитание. Это, а также плата за обучение, затрудняло доступ в прогимназии детей трудящихся. В курс прогимназии входили Закон Божий, русский язык, краткие сведения по истории, географии, природоведению, рисование, чистописание и фр. или нем. языки. Кроме того, в женских прогимназиях преподавалось рукоделие, а в мужских – латинский язык и до 1901 – греч. язык. Окончившие прогимназию принимались в след. класс гимназий без экзаменов. Мужские прогимназии имели право производить экзамены на звание приходского учителя и на первый классный чин. Прогимназии были ликвидированы в 1918 году» (ПЭ, 1966–3, 514).

ПРОГУЛКА – «хождение на открытом воздухе... для отдыха, развлечения» (Словарь, 1961–11, 1018); вывод детей дошкольного возраста за пределы территории детского сада.

О детском саде в конце 1940-х гг.: «...На прогулку / Дружным шагом сад идет / Вдоль по переулку./ Да, да, да, шагает сад! / Перешел дорожку, / И запел он песню в лад, / Выступая в ногу... Если сад гулял с утра, – / Саду отдых нужен...» (Маршак, [1951] 1968–1; 150, 151)

«ПРОДАННЫЙ смех» – см. *«Тим Талер, или Проданный смех»*.

ПРОДЛЁНКА – группа продленного дня в школе.

О Свердловске во вт. пол. 1960-х гг.: «Мама работает уборщицей в школе, где я учусь. Но я почти не вижу ее. После уроков я остаюсь на продленку. Там всех зовут по фамилиям, а это так грустно...» (Смирнова, 2005).

О г. Миассе Челябинской обл. в конце 1980-х гг.: «В начальных классах у нас была продлёнка. Кто хотел, тот мог оставаться после уроков в школе. После занятий мы шли в столовую кушать. Потом мы немного играли, а затем выполняли домашнюю работу, которую нам задавали. Потом мы опять играли» (201).

ПРОДЛЁННЫЙ день – форма внеклассной работы со школьниками (в школе) по завершении учебных занятий. См.: *Школа с продлённым днём*.

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «В нашей стране создан и получил народное одобрение новый тип учебных заведений – школы и группы с продленным днём» (Из Материалов XXII съезда КПСС 1961 года; цит. по: Мокиенко, 1998, 154).

«ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ» – стихотворение В.В. Маяковского; с 1960-х гг. изучалось в школе.

ПРОЗВИЩЕ – «название, данное человеку помимо его имени, обычно указывающее на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности» (Словарь, 1961–11, 1087).

Прозвища, даваемые детям.

О 1950-х гг.: «В детской среде распространено увлечение прозвищами, которые даются совершенно независимо от смысла, просто по созвучию с именем (Вовка-морковка, Зинка-корзинка, а то и вовсе бессмысленно – Федя-бредя)» (Лейбсон, 1961, 142–143).

О нач. 1960-х гг.: «Ребята любят давать друг другу прозвища. Эти прозвища бывают иногда здорово меткими, а иногда просто смешными или глупыми. Ну, взять хотя бы Симку Воронова: его прозвали “шестикрылым” только потому, что полное имя Симки – Серафим, а у Пушкина есть стихотворенье: “...И шестикрылый Серафим / На перепутье мне явился”... Или вот Нинка Логинова. Она круглолицая и румяная, на щеках у неё ямочки. Её прозвали “толстухой”. А разве это прозвище подходит ей? Оно глупое, выдуманно наскорю... А вот зато «профессор» – прозвище, которым наградили первого ученика Славку Оболина, попадает в самую точку» (Оффин, 1964, 12).

О детях 11–13 лет в 1960-е гг.: «Я уже говорил, что прозвища стали у нас в школе “повальным бедствием”: почти никого не называли по имени. Я до того привык к этому, что, знакомясь с каким-нибудь человеком, сразу же мысленно давал ему прозвище... Мы часто дávalи прозвища как бы в насмешку. Низкорослому кричали: “Эй, Паганель!”, а длинному: “Пригнись, Лилипутик!”» (Алексин, [1969], 1974, 42).

О 1970-х гг.: «В школе у нас у всех были прозвища, с самого первого класса. В основном по фамилии: Метелица – Метла, Долголетова – Дылда (мелкая Долголетова обижалась ужасно, да и я не радовалась). Людей с совсем уж нейтральными фамилиями называли Смирнушами и Ивашами... В детстве я... страстно завидовала девочке по имени Таня Новикова – ей единственной не смогли придумать никакого прозвища» (Метелица, 2004, 8).

О 1980-х гг.: «В нашем дворе у всех ребят есть прозвища. Обычно их дают по фамилии. Например, Маримухина Вовку зовут Муха, а Карасёва Женьку – Карасик. Но если фамилия неинтересная и из неё не придумаешь прозвища, то дают кличку по виду или по какому-нибудь таланту. Так, толстого Сашку зовут Толстяк, длинноносого Филиппа – Дятел, а вруна Юрку – Враль. Я самый счастливый – у меня больше всех кличек и прозвищ» (Сергеев, 1990, 5).

О 2000-х гг.: «А вот у моего сына в школе... Если прозвище – значит сам себе его придумал. Типа nick. И даже так: если человек представляется как Сергей, его не называют Сережей... И моего сына Митяя никому не приходит в голову называть Димой – только некоторым учителям. Они говорят: “Митя – это ведь Дмитрий? Значит Дима”. Нет, не значит...» (Метелица, 2004, 8).

См. также: *Кличка*; «*Парнишница*»; «*Профессор*»; «*Профессор кислых щей*»; *Очкарик*; «*Синяя говядина*»; «*Яичница с луком*».

Прозвища, даваемые учителям.

О девочке 8–15 лет в 1932–1939 гг.: «...В школе мы почти всем учителям, как и ученикам, давали прозвища. Эта “традиция”, к сожалению, жива и до сей поры. И только редкий педагог с высоким авторитетом, пользующийся любовью учеников, избегает этой участи» (Кубанева, 1988).

См. также: «*Синявка*».

«ПРОЗРАЧНЫЕ» – конфеты.

О Москве в 1928–1932 гг.: «А рубль – это были большие деньги. За рубль можно было приобрести два билета на единственный спектакль Детского театра – “Негритенок и обезьяна”, съесть в кондитерской два пирожных “наполеон”, купить у моссельпромщицы две конфеты “мишка косолапый” и десять “прозрачных”. Все за рубль... Мы нашли три копейки, чёрную пуговицу от мужских брюк и конфету “прозрачную”. Все это Нурахмет забрал себе. Я утверждала, что конфету надо сосать по очереди, но он сказал, что лучше найти еще одну» (Либединская, 1966; 37–38, 55).

О конце 1930-х гг.: «Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик... Пошла она на улицу, идет и думает: “Чего бы мне ещё все-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило “мишек”. Нет, лучше два кило “прозрачных”. Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило “мишек”, полкило “прозрачных”, сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё... одну розовую баранку для Павлика» (Катаев, «*Цветик-семицветик*», [1940]).

«ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ» книга для детей.

«Сама по себе “производственная” детская книга не была открытием 1920-х годов. Начиная с “Городка в табакерке” Одоевского русская дет. литература постоянно обращалась к произв. теме. В предрев. эта последняя прочно обосновалась в спец. дет. журнале “Труд и забава”. И многие советские “произв.” книги мало чем отличались по существу от дореволюционных. По страницам “произв.” прозы бродили безликие “Васикожевники” и “Степаны-химики”, которых автор приводил на соответствующее предприятие с единств. целью – подучить кое-чему маленького читателя. В поисках радикальных приемов более интересной подачи познават. материала авторы прибегали иногда к приключенческой фабуле, иногда пытались вклинивать этот материал в рамки бытовой повести. Некоторые из таких книжек (например, “Приключения Травки” С. Розанова и “Клуб исследователей” А. Чумаченко) приобрели заслуженную популярность среди ребят, но не из-за “познават. нагрузки”, а из-за живых дет. образов и занятных происшествий» (Лупанова, 1969, 111–112).

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ практика учащихся.

Из дневника 15-летней школьницы в 1930 г.: «12 сентября. ...С 15 числа начинается практика. Мы, 7 гр[уппа], в течение целого месяца будем работать на Ленинской текстильной фабрике. Я довольна – до сих пор я не имела никакого представления о пр-ве. 20 сентября. Сегодня первый день произв. практики. Я работаю в ткацком цехе. Сначала чувствовала себя неловко и неприятно. Еще бы! Как-никак, а в подобной обстановке мне приходится быть впервые. Фабрика мне нравится, только уж очень шумно и пыльно. При разговоре приходится до крика повышать голос, при этом сильно напрягая голосовые связки. Когда я вошла в цех, гудение машин меня ошеломило... Работала на одном станке с опытной, квалифицированной работницей. Вначале только всматривалась и вникала в суть работы, но постепенно стала исполнять некоторые из работ ткачих. Первое, за что взялась, – это заправка челнока. Со стороны кажется, заправить челнок – это шутки пустяки, на самом деле это не так-то просто. Главное, приходится до боли напрягать суставы пальцев, чтобы нажать пружинку челнока. Не менее неприятным в работе являются порванные нитки. Время прошло быстро. Я почти не устала, только чувствовала во всех суставах какая-то тяжесть. Сегодня я, пожалуй, в первый раз в жизни почувствовала прилив радости от

проделанной мной работы.... Сейчас я в превосходном настроении. Немного болит спина, ломит пальцы, но... весело. Хочется петь машинную ритмичную песню... 21 сентября... С утра чувствовала себя превосходно. На фабрику шла охотно, с приливом энергии и бодрости. Неугомонный шум по-прежнему ошеломил. Работать взялась горячо. Два часа проработала с увлечением и еле заметной радостью. Постепенно устала спина и все суставы заполнились уже знакомой, странной тяжестью. Мысли жутко путались. Нитки, как назло, то и дело рвались... Сегодня я окончательно освоилась с работой ткачихи. Работа, в сущности, не тяжелая, но страшно утомительная... 23 сент. День прошел незаметно. Часы, проведенные на фабрике, не отложили неприятного впечатления. Я довольна положительно всем. Работа кажется привлекательной, порванные нитки не злят и не раздражают. Сегодня работала более или менее самостоятельно. Работница часто позволяла мне самостоятельно орудовать машиной. Но ответственность за качество, поломки меня, пожалуй, немного тяготит... 5 окт. Практика жутко надоела. Устала страшно. Сейчас работаю на сухих вольерах с другой бригадой... 27 окт. Много прошло времени с тех пор, когда я в последний раз записала в свой дневник... Главное – кончилась произв. практика. Кроме большой и искренней радости, ничего не испытываю. Кончились заключит. конференции и всякие подобные вещи...» (Татьяничева, 2007).

О Ленинграде в нач. 1930-х гг.: «В порядке политехнизации школы ученики проходили произв. практику. Девятые классы разбили на две группы – первую послали в один из недавно образованных колхозов под Ленинградом, вторую отправили работать на завод “Электроприбор” близости от нашей школы. Я попал во вторую группу. Меня поставили работать сразу на конвейер, где из деталей собирали электросчетчики. Вся моя функция заключалась в том, чтобы взять от соседа слева деталь, бегущую по ленте конвейера, вставить в неё маленький винтик, повернуть его отверточкой и затем передать деталь дальше так, чтобы не задерживать мою соседку справа. Как эта деятельность должна была влиять на развитие во мне тех навыков или рабочей идеологии – я не знаю. Вся эта практика продолжалась около недели. За это время я сделал огромное кол-во брака, так как, боясь задержать соседку, которая сердилась и не скрывала этого, я торопился со своим винтиком и в двух из трех случаев обламывал ему головку. Так как мы были в нижнем конце конвейера перед самой окончат. сборкой счетчика, то это означало, что целый счетчик будет забракован и пойдет на разборку. Единственную пользу, которую ребята извлекли из этой практики, заключалась в том, что они наворовали магнитов. Другая группа, как сказано, поехала в колхоз. Части ребят предложили жить в бане, части в холодильнике – по крайней мере, ребята нашли, что этот сарай предназначен служить холодильником, – и поручили сеять не то морковь, не то редиску, и “вносить костные удобрения на грядки”. Засыпав в землю семена, ребята потребовали ещё, – но оказалось, что они посеяли уже всё, что предназначалось для целого огорода. В порядке “костного удобрения” они, по вполне искреннему неведению, забросали грядки костями, и едва ли ещё и не тряпками и битым стеклом» (Дьяконов, 1995, 214).

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ в средней школе – «практическое и теоретическое обучение, проводившееся в 9–11-х классах общеобразовательной средней школы СССР (1958–1966 гг.) с целью дать выпускникам проф. подготовку для работы в одной из отраслей нар. хозяйства или культуры» (ПЭ, 1966-3, 540).

«Учебно-материальной базой произв. обучения служили учеб. и произв. цехи предприятий, учебно-опытные хоз-ва колхозов и совхозов, школьные... учебно-произв. мастерские..., мед., торговые и др. учреждения. В качестве орг. форм использовались групповое произв. обучение, бригадное произв. обучение и индивидуально-бригадное обучение, в частности ученические производ. бригады... Проф. подготовка в сред. школе проводилась более чем по 400 профессиям и спец-

стям. На произв. обучение в 9–11-х классах отводилось 2 дня в неделю по 6 ч., в среднем около 1200 ч. за 3 года, в том числе на теорию – 220 ч. и на практику – 980 часов. ...Обучение собственно трудовым процессам... проводилось... инструкторами, квалифицир. рабочими, мастерами, техниками. Общее рук. произв. обучением было возложено на заведующего учеб. частью шк. по произв. обучению... Произв. обучение, как правило, проводилось в 2 этапа. На 1-м изучались осн. трудовые приёмы и операции, составляющие самую общую основу содержания труда по профессии. На 2-м этапе... учащиеся овладевали спец. знаниями и основными практ. умениями и навыками по спец-сти. По большинству спец-стей 1-й этап продолжался до середины 10-го класса. В конце 1-го этапа учащимся присваивался, как правило, первоначальный разряд. По окончании произв. обучения (в 11 классе) учащиеся подвергались квалификац. экзаменам по профессиям, в результате которых им присваивались тарифные разряды (или звания) и выдавались квалификац. удостоверения. В августе 1964 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о переводе сред. общеобразоват. школы с произв. обучением на 10-летний срок обучения» (ПЭ, 1966–3, 540–541).

ПРОКАЛЫВАНИЕ ушей – см.: *Уши, Прокалывание ушей.*

ПРОКЛАДКИ гигиенические – см.: *Гигиена.*

О 1970-х гг.: «Следует подсказать девочке, что использованные прокладки или тщательно стираются и проглаживаются утюгом, или, если выбрасываются, то обязательно заворачиваются в бумагу» (Санюкевич, 1979, 33).

О 1993–2000 гг.: «О существовании прокладок я узнала примерно лет в 7–9 из рекламных роликов по телевизору. Помню, как в рекламе девушка брала прокладку, выливая из стеклянной колбочки какую-то синюю жидкость на её середину, затем расстригала прокладку ножницами в том месте, куда выливалась жидкость. А после показывала прокладку боком, расстриженным местом в экран и говорила, что эта прокладка – лучшая защита, не пропускает влагу. Но я не понимала прямого назначения прокладки. Какая жидкость?! Какая защита?! Да ещё специально для женщин. А что, мальчикам прокладки не нужны? Сначала я думала, что прокладки нужны, чтобы пот с тела вытирать, вместо платка. Тогда почему в рекламе говорят, что прокладка создана специально для девушек и женщин?! Когда спрашивала у мамы, для какой цели нужны прокладки, она отвечала, что они необходимы старшим девушкам, а когда я подрасту, годам к 13–14, она мне всё подробно расскажет. Примерно так оно и вышло. За пару месяцев до начала месячных у меня сильно заболел живот. И мама решила, что пора поведать мне о грядущих переменах, связанных с половым созреванием и переходным возрастом. Поэтому она “отправила” меня к моей старшей сестре. Сестра особо ничего не объясняла, а дала прочитать большую статью в газете “СПИД-инфо”. Статья рассказывала о сексе, менструации, беременности, аборте. Ирина дала мне прокладку. Из статьи я уже знала, что прокладку нужно использовать во время месячных – четырёх дней в месяц, когда из половых органов выделяются кровяные выделения. Для их впитывания нужна прокладка. Прокладку, которую мне дала сестра, я изучила визуально, на запах. Расстригнув её, я увидела несколько ватных тонких (примерно 3–5 мм) слоёв. Сама же прокладка была примерно 13 см в длину и 7 см в ширину, белого цвета; сверху был сетчатый слой, а снизу клейкий слой, которым прокладка прикреплялась к трусам. По бокам прокладки были крылышки. Теоретически к приходу месячных я была готова. Но “пришли” они только через 2 месяца, в июне. 14 июня 2000 года – день, когда я перешла из статуса девочки в статус девушки. День, когда у меня начались месячные. День, когда я впервые воспользовалась прокладкой. В то время у меня были летние каникулы, поэтому я была дома, одна (родители были на работе). Помню, пошла в туалет, обнаружила кровяные пятна на трусах. Поняла, 430

что “пришли” месячные. Сразу позвонила маме на работу и сказала ей об этом. Она сказала, чтобы я взяла из её тумбочки в спальне прикладку, прилепила её липкой стороной к внутренней стороне трусов. Я, положив трубку, тут же всё это сделала. Было очень не комфортно: прокладка так мешала, казалось толстой, как памперс. Прилепив прокладку, я села на диван и заплакала. От дискомфорта, от произошедших перемен. Представила, что каждый месяц 3–4 дня придётся ходить с прокладкой, как лялька в памперсе. Подумала: как хорошо мальчикам – ни месячных, ни прокладок... Проплакав примерно минут 15–20, я успокоилась. Через несколько часов после моего звонка маме она вернулась с работы и принесла мне мою первую упаковку прокладок. Я даже название их помню – “Натали”. Я спросила у мамы, почему их не рекламируют. Она ответила, что они дешёвые. А мне-то хотелось тех прокладок, из телевизора. Ведь в рекламе говорили, что рекламируемые “Always” – суперкомфортные, не ощущаемые. Но когда мама рассказала, чем пользовалась она в 14 лет, я поняла, что с “Натали” мне ещё повезло. По маминим словам, когда у неё начались в 14 лет месячные (1965 год), никаких прокладок вообще не было. Да и слова-то такого – прокладка – не было. Альтернативой служил гигиенический пояс... В 1970-е годы начали во время месячных использовать различные тряпочки, платочки, во внутрь которых вкладывалась вата. По мере промокания их выбрасывали и делали новые. Мама пользовалась ватином: делала из него своеобразную прокладку, сворачивая его в 3–4 раза. Куски для такой прокладки она отрезала от рулона ватина, который был куплен в магазине. Остатки этого рулона до сих пор лежат на веранде у нас дома. Мама говорила, что некоторые из её подруг стирали уже использованную такую прокладку, сушили и использовали её снова. Видимо, это объяснялось дефицитом материала и средств, которые могли бы использоваться в качестве защиты. Такой “вагинной” прокладкой пользовалась и моя старшая сестра (примерно в 1988 г.). Такие прокладки быстро промокали, поэтому их нужно было менять через каждый час. Сейчас я даже не представляю, как бы я пользовалась такими средствами гигиены. Думаю, с такими прокладками гигиену трудно соблюдать, не говоря уже о чистоте нижнего белья... Современные прокладки появились в нач. 1990-х годов, хоть как-то облегчив женскую участь. На сегодняшний день их уже большое количество видов и форм: классические, ночные, ежедневные. Отличаются они друг от друга толщиной, длиной, сетчатым слоем, боковыми креплениями (в виде крылышек) и, конечно, ценой. Каждая прокладка находится в индивидуальной упаковке, что даёт возможность удобно хранить её в сумке на случай внезапного “прихода гостей”... Вообще месячные для меня самые ужасные дни месяца. Кроме того, что чувствуешь дискомфорт от прокладки, постоянно думаешь, не появились ли на джинсах сзади тёмные пятна крови...» (1011).

О 1990-х гг.: «В нач. школе юбки задирали мальчики, но нечасто. Где-то в классе 7-м, кроме игры в “московские зонтики”, в среде девочек это делалось, чтобы про-верить, пользуются ли гигиенич. прокладками» (606).

О с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «Прокладки видела с самого детства, но никогда не проводила никаких опытов, хотя было интересно полить синенькую водичку, как в рекламе...Рекламы о прокладках стали широко распространены с середины 1990-х гг. Мне всегда было стыдно их смотреть, если рядом сидел кто-то из мужского пола. Многие девочки говорили: “Нас всегда позорят по журналам, телевизору. А про парней никогда ничего не скажут и не покажут плохого...” Одна из первых реклам такого характера была реклама “Always”. Мы – девочки – думали, что [они], наверное, самые лучшие и хотели купить именно “Always”» (154).

ПРОМОКАШКА, промокательная бумага – «рыхлая бумага, впитывающая влагу...» (Словарь, 1961–11, 1214).

О частной гимназии в 1915 году: «Но потом оказалось, что кроме гимназических правил существуют еще гимназические традиции. А на них-то у мамы не было денег. Оказалось..., что розовая промокашка, вложенная в тетради, считается признаком безвкусицы и почти что нищеты, а надо покупать клякспапир других цветов и прикреплять его к тетрадам лентами с пышными бантами, и вот всей этой дребедени у меня не было, и я видела, что девочки с обидным сочувствием косятся на мои розовые промокашки без бантов..., и горечью наполняло меня их сочувствие... ..Дурацкие промокашки с бантами отравляли жизнь, подумать только!..» (Панова, 1980, 39–40).

О начале 1917 года на Украине: «Как игральные карты, он разложил ещё совсем чистые, без клякс, белоснежные хрустящие тетрадки в линейку, и в арифметическую клетку... “Видал миндал?” – сказал Котя, как факир двумя пальцами вытаскивая из каждой тетрадки розовую промокашку. Он прикладывал промокашку к губам и играл на ней, как на губной гармонике» (Ямпольский, 1964, 309).

О конце 1930-х – начале 1940-х гг.: «...Каждому первокласснику полагалось пять тетрадок... Затем. При каждой тетради полагалась своя собственная промокашка. Розовая, или бежевая, или обыкновенная серенькая. Причем эта промокашка не просто лежала между листами тетради – она держалась на какой-нибудь цветной ленточке. Уже через несколько дней после начала занятий Вова Чернопятко и Петя Николаев получили в классе общественную нагрузку. Они должны были вырезать из разноцветной бумаги кружки величиной с двухкопеечную монету. Этими кружками все ученики первого класса “А” приклеивали ленточки к промокашкам. Теперь, если Петя находил где-нибудь дома ленточку от конфетной коробки, он брал ее себе. Хорошенько слонявил, разглаживал на карандаше из их класса. В первом классе “А” Валя считалась ответственной по ленточкам. И если кому-нибудь из учеников первого класса “А” нужно было приклеить к новой промокашке новую ленточку, следовало обращаться именно к Вале Никодимовой, и ни к кому другому. А за кружком для этой ленточки – к Вове Чернопятко или к Пете Николаеву, и тоже ни к кому другому» (Могилевская, [1941] 1958, 33).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Пока девочки едят, [Иван Иванович] ходит между партами и успевает проверить несколько домашних работ. “Мушка, дай промокашку!” – шепчет Муха Белая своей подруге. Иван Иванович говорит сурово: “Не жужжать! – И добавляет..., растягивая одни слова и скороговоркой произнося другие: – Промокашки, зубные щетки, носовые платки и гребешки должны быть у каждого индивидуальны!”» (Артюхова, 1961, 42).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Вдруг Симочке бросились в глаза две ошибки. Быстро взяв промокашку, она написала на ней два слова: “камыш” и “рассказывать”. Промокашка тихо легла на парту около Фединой руки. Он сначала не обратил на это никакого внимания. Но Симочка осторожно толкнула его локтем и глазами указала на промокашку» (Кудряшова, 1961, 39).

О нач. 1960-х гг.: «Шура незаметно положила на его тетрадь промокашку. Тогда Володя нарисовал на промокашке смешную рожу и написал печатными буквами: “Дура”... Шура... сделала вид, будто не заметила промокашки, на которой расплылись четыре чернильные буквы...» (Карпенко, 1962; 15, 17).

О нач. 1960-х гг.: «Марине тринадцать лет... Марина гордится своей кожей и чистыми... тетрадами. Она гордится даже своими промокашками и каждое утро разглаживает их угогом...» (Цюрупа, 1964, 17–18).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Люда вынула из тетради по русскому аккуратную беленькую промокашку. Неясно было, зачем вообще делают эти промокашки. Теперь почти что все пишут “шариками”. Люда тоже, естественно, писала “шариком”, но промокашку все-таки хранила – просто так» (Иванов, 1978, 104).

О 1970-х гг.: «Почует Ира кошку: / “Не выглядывай в окошко, / Промокашкой не шурши, / А пиши “Мы” и “ши”»» (Мельникова, 1980, 16).

ПРОПИСИ, пропись – «Пособие для обучения письму с образцами правильного каллиграфического письма; текст этих образцов» (Словарь, 1961–11, 1274); учебное пособие для обучающихся письму; включает образцы принятого написания букв, буквосочетаний, слов, предложений.

О середине 1930-х гг.: «...В первом и втором классах снова, как при “старом режиме”, введено чистописание (бывшая каллиграфия), появились “прописи” – тетради, в которых типографским способом были запечатлены идеально написанные значки и буквы, а проведенные в них жирные и волосяные линии стали предметом изучения и подражания» (Андреевский, 2003, 318).

«**ПРОПИСКА**» – ритуал «посвящения» новичка в общность, сопровождающийся испытаниями, причинением физической боли.

О нач. 1930-х гг.: «В одной деткоммуне новичку, говорившему на хорошем русском языке, ребята устроили “прописку”. Когда он вечером вышел из спальни, ребята сложили его постель на соседнюю, а железную кровать засунули под койки. Лампочку вывернули. Новичок вернулся в темную спальню и привычно бросился на знакомую постель, но вместо этого грохнулся на пол. И тут сквозь слезы и руготню обиженного торжествующая спальня услышала первое „блатное” слово: “Погодите, я на вас стукну!” (донесу)» (Кальманок, 1931, 17).

О 1940-х – начале 1950-х гг.: «Мои дедушка и бабушка были лёгчиками, поэтому батьке довелось учиться в двадцати восьми разных школах! В каждой школе была своя жизнь, входить в которую приходилось по негласным законам “прописки” – драками один на один и один против нескольких, где, бывало, применялись ножи и кастеты» (Кадочников, 2006, 3).

См. также: «Дедовщина» в школах, *Новенький*. «**ПРОРОК**» – стихотворение (1826) А.С. Пушкина, с 1970-х гг. изучается в 8 классе средней школы.

ПРОСТИТУЦИЯ детская – «сексуальные отношения, в которые несовершеннолетние... вступают с целью получения материального вознаграждения» (ПЭС, 2003, 222).

О 1920-х гг.: «Катализаторами эскалации проституции послужили также неурожай и голод в 1920–1922 годах. Угроза смерти от истощения вынуждала сотни девушек и девочек торговать своим телом. Один из исследователей проблемы проституции в голодном Приуралье наблюдал, как “девушка-полуробенок со слезами и мольбой предлагает себя буквально за кусок хлеба”. [Цит. по: Голосенко И.А. Социология проституции в советской России 20-х – нач. 30-х годов // Социология и социальная антропология. – СПб., Алетейя, 1997. – С. 223]... А вот что творилось... в Симбирске: “...Они повсюду: на улице, на бульваре, на базаре в толпе, на станции, вечером – в садах “Завьяловский”, “Колочий”, “Владимирский”, на Венце... Темным вечером возле “Баварии” даже на лестнице, ведущей в кабак, девушки 15–16 лет предлагают своё тело...” [Цит. по: Кочepasова Т.Ю. Экон. поведение советской женщины в период нэпа // Рыночная психология в контексте русской ментальности. – Ульяновск, 2000. – С. 147.] (Панин, 2005; 81, 83–84, 105, 106).

О нач. 1990-х гг.: «А вот несколько примеров из отечественной практики. Во время ликвидации одного наркопритона сотрудники МУРа [Московского уголовного розыска] встретили восьмилетнюю девочку-наркоманку. Девочка уже привыкла к тому, что её используют в определённых целях. Она подошла к оперативникам и, задрав платье, затравленно спросила: “Вы как – так будете или мне лечь?” Недавно сотрудники уголовного розыска в одной из квартир Москворечья наткнулись на “фабрику секса”, в которой трудились малолетние проститутки. Основателем и держателем-распорядителем фабрики был 15-летний Сергей Смирнов. Делец... раз в неделю ездил в глубинку России, сколачивал бригаду из 14–15-летних девочек и поставлял их вьетнамцам (он обслуживал только эту

категорию эмигрантов). Работа была поставлена строго по графику... За каждое нарушение девочки наказывались жёстким штрафом. Через месяц Смирнов менял свою бригаду на новую, состоящую из таких же доверчивых и жадущих приключений девчушек» (Журнал «Мы». 1996, № 12. – С. 175; материал размещён под заголовком «От редакции»)

«**ПРОСТО Мария**» – телесериал первой половины 1990-х гг.

О нач. 1990-х гг.: «Играли в “Просто Марию”. Выбирали Просто Марию, у неё был муж Виктор, сын у них был» (489).

О 1993–1994 гг. в г. Шадринске «Когда мне было примерно 7–8 лет, я смотрела сериал “Просто Мария” по утрам. Это была какая-то любовная история с хорошими и плохими героями. Я иногда плакала, когда там что-то грустное происходило. Но все заканчивалось, вроде бы, хорошо. Мне нравилось, что это иностранный фильм, много красивой одежды. Я мечтала, что я тоже буду сначала бедной, потом влюбится в меня “принц” богатый. Мы будем любить друг друга» (112).

«**ПРОСТО хлопок**», «**Просто, хлопок...**» «**Просто – хлопок**» – девичья игра с подбрасыванием мяча на координацию движений и ловкость.

О г. Кургане во вт. пол. 1980-х гг.: «“Просто – хлопок”. В эту игру играли только девочки. Для игры нужен был мяч. Количество играющих не ограничивалось, но обычно, играли 3–4 человека. Суть игры заключалась в том, что мяч подкидывали вверх, говорили слова, делали определенное движение и ловили его. Если мяч не был пойман или не было сделано определенное движение, в игру вступал следующий по очереди. А тот, кто ошибся и ошамбал, запоминал, на каком движении он ошибся и ждал своей очереди. Когда мяч подкидывали вверх, говорили слова: “Просто” (мяч подкидывали вверх и ловили); “Хлопок” (мяч подкинуть вверх, хлопнуть в ладоши, поймать мяч); “Накрест” (мяч подкинуть вверх, руки сложить на груди крест накрест, поймать мяч); “На бок” (мяч подкинуть вверх, руки положить на пояс, поймать мяч); “Спереди – сзади” (мяч подкинуть вверх, хлопнуть в ладоши перед собой и за спиной, поймать мяч); “Сзади – спереди” (мяч подкинуть вверх, хлопнуть в ладоши за спиной и перед собой, поймать мяч); “Две свечи” (мяч подкинуть вверх, руки сжать в кулаки, подняв большой палец, поймать мяч); “Кирпичи” (мяч подкинуть вверх, руки согнуть в локтях, положить друг на друга на уровне груди, поймать мяч); “Мальчики” (подкинуть мяч вверх, кивнуть головой, поймать мяч); “Девочки” (подкинуть мяч вверх, слегка присесть, держась за подол платья, поймать мяч). Когда все это было сделано без ошибок, то девочки могли давать друг другу задания. Например, задание “Хлопок”. Нужно было сделать все движения, добавив к каждому хлопок. Или задание “мальчики”, нужно было сделать все движения, добавив к каждому кивок головой. Задания выбирались из: “Просто”, “Хлопок”, “Накрест”, “На бок”, “Спереди-сзади”, “Сзади-спереди”, “Две свечи”, “Кирпичи”, “Мальчики”, “Девочки”. Выигрывал тот, кто хорошо ловил мяч, справлялся с заданиями, делал меньше ошибок» (535).

О Шадринске в конце 1980-х гг.: «Стоит особо остановиться на играх с мячом, которых у нас было очень много. Но если говорить о специфически девчоночьих, то нельзя не сказать о таких играх, как “Козёл”, “Король”, “Просто – хлопок”. Особенно мы любили игру “Просто – хлопок”. В ней на каждое подбрасывание мяча идут определенные слова, сопровождающиеся соответствующими движениями рук. Мы произносили такие слова: “Просто, хлопок, накрест, набор, спереди-сзади, сзади-спереди, две свечи, кирпичи, палочки, галочки, девочки, мальчики”» (542).

О конце 1980-х гг.: «Распространенной игрой была следующая игра: “Просто, хлопок, накрест, на бок, спереди-сзади, сзади-спереди, палочки, галочки, две свечи, кирпичи, девочки, мальчики – что прикажете”. Игра эта с мячиком» (489).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «“Просто – хлопок”. В игру “Просто – хлопок” может играть любое количество

людей. Главное – нужно обязательно распределить поочередность играющих. В этой игре используется мяч, говорится стихотворение и выполняются следующие движения. “Просто” (просто подкидывается мяч вверх). “Хлопок” (подкидывается мяч, хлопается в ладоши). “Накрест” (подкидывается мяч, руки складываются накрест). “На бок” (подкидывается мяч, руки ставятся на талию). “Спереди-сзади” (подкидывается мяч, в это время участник должен успеть хлопнуть в ладоши спереди и сзади). “Сзади-спереди” (то же самое, только хлопок сначала производится сзади, а потом спереди). “Палочки” (подкидывается мяч, руки ложатся друг на друга перед грудью). “Галочки” (подкидывается мяч вверх, руки должны приобрести следующее положение – ладошки должны быть вместе, а пальцы разведены в стороны, то есть тем самым изображать галочку). “Две свечи” (мяч подкидывается вверх, руки должны быть зажаты в кулаки, но два больших пальца должны быть подняты вверх). “Кирпичи” (мяч подкидывается вверх, в это время участник игры должен стукнуть себе по коленям). Игра усложняется следующими заданиями. После выполнения заданий в стихотворной форме участнику игры задаётся более сложное задание, например: “Помидор” – в рот набирается как можно больше воздуха, надуваются щеки и выполняются эти же задания, только уже молча; “Огурец” – здесь уже наоборот, щеки втягиваются внутрь как можно больше и выполняются те же упражнения и также молча. “Три негритянки” – выполняются упражнения в стихотворной форме, но уже все действия выполняются по три раза. Тот, кто выполняет эти задания – выигрывает» (594).

О перв. пол. 1990-х гг.: «Подвижные игры немислимы в большинстве случаев без мячика. Таких игр мы знали множество: “В козла”, “Съедобное – несъедобное”, “Горячая картошка”, “Вышибалы”, “Я знаю пять имен...”. Особенно нам нравилось играть в “Просто хлопок...” Каждый участник игры брал по очереди мяч, говорил слова, при этом подбрасывал мячик в воздух и делал все то, что произносил: “Просто хлопок, / Накрест, о бок, / Палки, галки, / Кирпичи, / Спереди, сзади, / Мальчики, девочки, / Двойная королева”. Главное было – не сбиться и не уронить мяч» (559).

О с. Межборное Притобольного р-на в 1992–1997 гг.: «В игру “Просто хлопок” играли летом, на улице, когда мне было 7–13 лет. Движения с мячом делает 1 человек. “Просто” – мяч обеими руками подбрасывается и ловится. “Хлопок” – мяч подбрасывается вверх и нужно успеть в это время сделать хлопок руками спереди и поймать мяч. “Накрест” – мяч подбрасывается вверх, а руки скрещиваются на груди ладонями вниз; правая ладонь на левое плечо, а левая ладонь на правое плечо. Нужно быстро воспроизвести это и поймать мяч руками. “На бок” – мяч подбрасывается вверх, в это время необходимо успеть сделать движение “руки по бокам”, правая рука на правый бок, левая – на левый, после этого поймать мяч. “Палочки” – мяч бросают вверх, руки стгибают в локтях и делаются параллельно друг другу перед грудью; затем ловится мяч. “Галочки” – мяч бросают вверх, руки сжимаются в кулаки, при этом большой палец рук не сжимается в кулак, изображая “свечи”. Руки находятся на уровне груди, большими пальцами вверх. “Спереди-сзади” – мяч бросают вверх; при этом делают хлопок руками сначала спереди, а затем сзади, за спиной; очень быстро; ловят мяч. “Сзади-спереди” – аналогично, только сначала хлопок сзади, а затем – спереди. “Мальчики” – мяч подбрасывается вверх и ловится на одной ноге (любой). “Девочки” – аналогично, но на другой ноге. Смысл игры в том, чтобы не уронить мяч, успеть поймать его. Один делал всё вышеперечисленное, а остальные следили за правильностью выполнения» (099).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1993–1997 гг.: «В эту игру я играла, когда мне было лет 7–8. Играли в неё до 11–12 лет. 1. “Просто” (мяч бросаю вверх и ловлю). 2. “Хлопок” (мяч бросаю вверх; пока он сверху, нужно хлопнуть в ладоши). 3. “Накрест” (мяч бросаю вверх; пока он сверху, скрещиваю руки на груди). 4. “На бок” (мяч бросаю вверх; пока он сверху, руки ставлю на

бок). 5. “Спереди – сзади” (мяч бросаю вверх; пока он сверху, сначала хлопок спереди, потом сзади). 6. “Сзади – спереди” (мяч бросаю вверх; пока он сверху, сначала хлопок сзади, потом спереди). 7. “Две свечи”. 8. “Кирпичи” (бросаю вверх; пока он сверху, складываю руки, как за партой). 9. “Палочки” (бросаю вверх; пока он сверху, вертикально руки, согнутые в локтях). 10. “Галочки” (мяч бросаю вверх; пока он сверху, локти рук соединяются, а ладони расходятся). 11. “Девочки” (бросаю вверх, пока он сверху, девочка делает реверанс). 12. “Мальчики” (мяч бросаю вверх; пока он сверху, поклон головы). 13. “Мальчики” (мяч бросаю вверх; пока он сверху, поклон головы). 14. “Девочки” (бросаю вверх, пока он сверху, девочка делает реверанс). Затем добавлялись упражнения по желанию. Например, “Цыганочка” (необходимо было рукой ударить по ноге, по пятке), “Двойная цыганочка” (необходимо ударить сначала по одной пятке рукой, затем – по другой)» (011).

О с. Глядянское в 1994–1995 гг.: «“Просто” – кидаешь мячик вверх; “хлопок” – кидаешь мячик и одновременно хлопаешь; “накрест” – делаешь на груди крест, то есть скрещиваешь руки; “на бок” – кладешь руки на бок; “спереди, сзади” – сначала нужно хлопнуть спереди, затем сзади; “сзади, спереди” – потом наоборот, сначала хлопаешь сзади, потом спереди; “палочки” – кладёшь кисти рук друг на друга; “галочки” – прижимать друг друга запястьями внутренней стороной, так, чтобы получилась чаша; “две свечи” – делаешь кулачки, но так, чтобы большие пальцы смотрели вверх; “кирпичи” – опускаешь руки по швам; “мальчики, девочки” – делаешь наклон, приседаешь так, чтобы казалось, что девочка руками оттягивает кончики юбки. Всё это время нужно кидать мячик вверх. Если выполнишь, то дают задание какое-либо. Например: выполни “слепого”. Нужно с закрытыми глазами выполнить все элементы игры. Если уронил мячик, то игру начинает другой человек. А если выполнил, то получаешь другое задание: выполни “ласточку” (наклоняясь вперед, стоя на одной ноге); “робота”, “цыганочку”, “тройное”, “двойное” и т.д. В “просто хлопок...” я научилась играть в 10–11 лет. Не помню, откуда появилась эта игра, но после школы мы старались выучить быстрее уроки и идти играть на улицу. Нас обычно играло 3–4 человека. В этой игре мне больше всего нравилось выполнять задания, особенно “слепой”. С закрытыми глазами нужно выполнить все элементы этой игры. А также “робот”: здесь нужно на прямых руках и с прямыми ногами выполнить элементы так, чтобы ни руки, ни ноги не сгибались. Также нельзя было смеяться. Было очень забавно и весело» (106).

О г. Катайске в 1995–1997 гг.: «В игру с мячом “Просто, хлопок” играли, когда мне было 11–13. Игра заключается в том, что нужно подкидывать мячик вверх, при этом произносить слова и выполнять определенные действия: «“Просто (просто подкидываем мяч вверх и ловим), хлопок (подкидываем мяч вверх, делаем хлопок ладошками и ловим мяч), накрест (подкидываем мяч, складываем руки на груди крестом и ловим мяч), на бок (подкидываем мяч, ставим руки на бока и ловим), спереди, сзади (подкидываем мяч, успеваем сделать хлопок впереди себя и сзади, ловим мяч), сзади, спереди (то же самое, только сначала хлопок позади себя, затем спереди, ловим мяч), две свечи (подкидываем мяч, обе руки протягиваем вперед с кулачками, большой палец поднят вверх, ловим мяч), кирпичи (подкидываем мяч, складываем руки: одну на другую, перед собой, ловим мяч), палочки (подкидываем мяч, руками ударяем по коленкам, ловим мяч), галочки (подкидываем мяч, руки сгибаем в локтях (ладошки смотрят друг на друга) и разводим в стороны кисти рук, ловим мяч), девочки (подкидываем мяч, заводили ногу за ногу и приседаем (жест девочек), ловим мяч), мальчики (подкидываем мяч, киваем головой (жест мальчиков), ловим мяч), приказ, приказ (ударяем три раза мяч о землю и произносим слова: приказ, приказ, приказ)”. Если на одном из этих этапов не успеваешь поймать мяч и он падает на землю, то игру начинает следующий участник. Если проходишь все этапы (без ошибок) до конца, то выполняешь приказ, который задает любой из

участников игры, например: “Помидор”, – начинаешь выполнять снова все этапы по порядку, надув щеки (изображая помидор). Проходишь – выполняешь следующий приказ. Если окараешься, то игру продолжает другой игрок, а ты затем выполняешь [начиная] с того приказа, на котором окаралась и т. д.» (116).

ПРОСТОКВАШИНО – деревня, место действия серии мультфильмов про мальчика дядю Фёдора, кота Матроскина и пса Шарика; обобщенное название этой серии мультфильмов – «Трое из Простоквашино», «Каникулы в Простоквашино», «Зима в Простоквашино».

О г. Нягани в 1990–1991 гг.: «Серии про Простоквашино начала смотреть по телевизору лет с 6–7. Пыталась передразнивать кота Матроскина» (072).

О девочке 6 лет в 1992 г.: «В детстве мне нравился мультфильм “Простоквашино”. Было мне около 6 лет. Смотрели мы все вместе – три сестры, старшая не пропустила ни одного сеанса, смотрели так часто, как его показывали по телевизору. Такие персонажи все хорошие – дядя Федор, Шарик, кот Матроскин, почтальон Печкин, родители мальчика. Дядя Федор нравился мне тем, что он был самостоятельным, конечно плохо, что он ушел от родителей, но все же. Мне нравится особенно тот момент, когда семья мальчика и его друзья: кот Матроскин, Шарик и Почтальон Печкин – встречаются вместе в деревенском домике, чтобы справить самый веселый праздник детства, всей семьи – Новый год» (200).

О с. Петухово в 1993 г.: «Мне было 9 лет, я посмотрела мультфильм “Простоквашино” по телевидению, особенно мне понравился кот Матроскин. Я запоминала его слова» (070).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1993–1994 гг.: «Мультфильм “Простоквашино” можно назвать семейным, потому что мы всей семьей смотрим “Простоквашино” – самый любимый мультфильм нашей семьи. Мы цитируем этот мультфильм, а многие реплики из него – просто крылатые выражения. Мультфильм смотрела лет с 7–8, и сейчас, когда его показывают по телевизору – бросаю все дела и смотрю» (011).

О мальчике 9 лет в Шадринске в 1994 г.: «Когда мне было 9 лет, у меня была любимая игра прятки. А вечером после игры я шёл домой смотреть любимый мультфильм “Простоквашино”. Кот Матроскин учил жизни» (168).

О 1994 г.: «Мой любимый мультфильм детства – “Простоквашино”. Мне было, наверное лет 7, когда я его увидела и [он] очень понравился. Я его смотрела тогда, когда его показывали, и никогда не пропускала, старалась всегда посмотреть. Особенно нравились новогодние серии, когда я была на зимних каникулах. И сейчас мне этот мультик каждый раз напоминает тёплые зимние вечера, проведенные дома у новогодней елки. Самый любимым героем в этом мультике у меня был пес Шарик, наверное, потому что он был каким-то смешным, забавным, добрым, всегда старался всем угодить» (198).

«ПРОСТО – ХЛОПОК» – то же, что *«Просто хлопок»*.

«ПРОСТЫЕ истины» – телевизионный сериал о школе.

О с. Петухово в 1998 г.: «“Когда мне было 14 лет и я училась в 9 классе, я каждый день смотрела сериал “Простые истины”. В нём показывали жизнь таких же, как я, подростков» (070).

ПРОТИВОВАЗНАЯ сумка – сумка для противогаса; в годы войны 1941–1945 гг. школьники нередко носили учебные принадлежности в противогазной сумке.

О 1943 г.: «Другой рукой этот мальчишка крутил противогазную сумку с учебниками и повторял: “Кэ-эк дам! Кэ-эк дам! – Но битый Вовку не решался, а спрашивал: – Будешь еще? Будешь?”... Не доходя шагов пяти, чтобы меня не достала противогазная сумка, я сказал большому парню: “Эй, оставь!...”» (Лиханов, 1986–1, 500).

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ школа – тип профессионально-технических учебных заведений в 1918–1920 гг.

«В 1918–1920 гг. наиболее распространенными проф.-тех. учеб. заведениями были проф.-тех. школы и учебно-

показательные мастерские. В проф.-тех. школах, созданных на базе дорев. низших тех. и ремесленных училищ, был 4-летний срок обучения; поступавшие должны были иметь образование в объеме школы 1-й ступени. Проф.-тех. школы выпускали квалифицир. рабочих, кот. после определенного производств. стажа могли стать мастерами» (ТВПО, 1968, 279).

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ образование – система подготовки квалифицированных рабочих и служащих в профессионально-технических учебных заведениях; совокупность знаний, умений и навыков, полученных в результате такой подготовки.

«В 1920-е годы были открыты школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Школы ФЗУ и созданные позднее училища трудовых резервов (ремесленные, железнодорожные и др.) выпускали квалифицированных рабочих для различных отраслей нар. хоз-ва. В 1958–1959 гг. все типы проф.-тех. учеб. заведений были преобразованы в проф.-тех. училища – ПТУ), кот. специализированы по отраслям производства. Обучение бесплатное... В наст. время многие гор. и сел. сред. ПТУ дают учащимся наряду с рабочей профессией и общее сред. образование. Проф.-тех. образование дают также и тех. училища... Общее рук. проф.-тех. образование осуществляет Гос. Комитет Совета Министров СССР по проф.-тех. образованию» (Денисова, 1978, 180–181).

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ училище (профтехучилище, ПТУ) – учебное заведение, готовящее квалифцир. рабочих и служащих; дающее проф.-тех. образование после окончания 8-летней или сред. общеобразовательной школы.

Проф.-тех. училища были созданы на основании закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958). В соотв. с этим законом в ПТУ были преобразованы ремесленные, ж.-д., строит., горнопромышл. училища и школы, школы ФЗО, училища механизации сел. х-ва и другие учеб. заведения системы трудовых резервов, школы ФЗУ и профтехшколы совнархозов и ведомств. Срок обучения в городских ПТУ – от 1 года до 3 лет, в сельских – от 1 года до 2 лет. Перечень профессий, по которым готовили ПТУ, в 1965 г. включал более 2000 профессий и спец-стей. Учеб. планы ПТУ включали теор. и произв. (практическое) обучение.

«В 1958–1959 гг. был принят Закон “Об укреплении связи школы с жизнью...”. В соотв. с этим Законом... был учрежден новый тип учеб. заведений – проф.-тех. училища (ПТУ)... Гл. отличием ПТУ стало то, что параллельно с проф. обучением здесь давалась и общеобразоват. подготовка, сходная по содержанию со школьной, но значительно ниже по уровню» (ИПО, 2001, 497–498)

О вт. пол. 1960-х.: «Начальный период производств. обучения обычно проходит в учеб. мастерских училищ. Сельские ПТУ, кроме того, располагают учеб. хоз-вами, где учащиеся проходят первонач. практику по агрономии и животноводству, обучаются работе на с.-х. машинах. В дальнейшем учащиеся совершенствуются по своей специальности на базовом предприятии, в совхозе, колхозе... Теор. обучение осуществляется в кабинетах-лабораториях в основном по классно-урочной системе... В ПТУ широко развита внекл. работа: тех. творчество, занятия в разл. предметных кружках, худ. самодеят-сть, физкультурно-спорт. работа... Учеб. работу в ПТУ ведут мастера произв. обучения, а по предметам теор. обучения – инженерно-пед. работники. Учащиеся дневных ПТУ получают бесплатно питание и обмундирование или стипендию. Кроме того, им выплачивается в установленном порядке зар. плата за работы, выполненные в процессе произв. обучения» (ТВПО, 1968, 160–161).

О середине 1970-х гг.: «Общее рук-во проф.-тех. училищами осуществляет Гос. Комитет Совета Министров СССР по проф.-тех. образованию. В проф.-тех. училища принимаются без экзаменов юноши и девушки с неполным сред. (восьмилетним) образованием. Окончившие сред. школу поступают в тех. училища... или спец. группы ПТУ (срок обучения – 1–1,5 года). Большинство средних ПТУ (городских и сельских) дают учащимся (воспитанникам) наряду с рабочей

профессией и общее сред. образование. Большая часть училищ проводит занятия по дневной системе обучения, с отрывом от пр-ва, но есть и вечерние (сменные) ПТУ для работающей молодежи. Обучение во всех ПТУ бесплатное. Срок обучения в сред. проф.-тех. училище – 3–4 года в зависимости от специализации. Учеб. планы предусматривают как теор. подготовку, так и произв. обучение учащихся. Теор. подготовка, т.е. изучение спец. и общеобразоват. учеб. предметов проводится в тесной связи с произв. обучением. На произв. обучение и изучение спец. предметов отводится около 60% учеб. времени. Учеб. год делится на два полугодия и завершается переводными экзаменами. Два раза в год учащиеся отдыхают на каникулах. Осн. форма учебных занятий – урок. Расписание занятий составляется отдельно для каждой учебной группы. Теор. занятия проходят в классах, кабинетах и лабораториях. Изучение общеобразоват. учеб. предметов ведётся в полном объеме дневной сред. школы. Сокращено только кол-во учеб. часов на изучение географии и биологии. Ин. язык изучается факультативно, то есть по желанию учащихся. Произв. обучение проходит сначала в произв. мастерских училища, затем – на базовых предпр-ях ПТУ. Во время произв. практики базовое предпр-ие прикрепляет к учащимся ПТУ наставников из числа передовиков произв.-ва. В конце курса обучения учащиеся сдают выпускные экзамены по общеобразоват. и спец. предметам, а также квалификац. экзамены на получение разряда по профессии. Выпускникам училища выдается диплом о присвоении разряда по профессии и получении общего сред. образования. Распределение (направление на работу) они получают, как правило, но за базовое предприятие, на котором они проходили произв. практику. Выпускники дневных ПТУ обязаны проработать по распределению не менее трёх лет. Диплом с отличием даёт право поступления на дневные отделения сред. спец. и высших учеб. заведений непосредственно после окончания училища... Теор. и практ. занятия в профтехучилище ведут учителя и мастера произв. обучения. В ряде вузов и техникумов созданы инженерно-пед. факультеты, которые готовят преподавательские кадры специально для ПТУ... Учащиеся обеспечиваются бесплатным питанием и одеждой или получают стипендию. Кроме того, им выплачивается треть денег, заработанных за время произв. обучения. Остальная часть суммы поступает в фонд училища и расходуется на оборудование помещений, культурные мероприятия и т. п... Приезжим предоставляется общежитие» (Денисова, 1978, 180–183).

О 1980-х гг.: «[В проф.-тех. училищах] молодые люди могут получить как традиц. профессии (продавец, швея, повар и т. д.), так и самые современные, появление которых вызвано требованиями научно-тех. прогресса (рабочий по наладке, ремонту и монтажу автоматических линий с программным управлением..., оператор ЭВМ и т. д.). ...Непосредственное участие в производительном труде дает возможность ощутить себя взрослыми, распорядиться заработанными деньгами, что так заманчиво для 15–17-летних юношей и девушек. В ПТУ принимают выпускников сред. общеобразоват. школы. Сроки их обучения в училище составляют, как правило, до одного года. В ПТУ также принимают молодых людей, окончивших неполную сред. школу. В этом случае сроки обучения устанавливаются до 2 (без получения сред. образования) или 3 лет (с получением сред. образования). Нормы мат. обеспечения учащихся ПТУ утверждаются Советом Министров СССР. Кроме того, учащимся выплачивают денежное вознаграждение за работы, выполненные во время производств. обучения и производств. практики... Обучают профессии в ПТУ преподаватели общетех. и спец. предметов, мастера производств. обучения с участием наставников – рабочих базовых предприятий. Время обучения в училище засчитывается в трудовой стаж. После окончания ПТУ и сдачи квалификац. экзаменов учащимся присваивается рабочий разряд. В соответствии с ним они обеспечиваются работой по спец-сти. Выпускникам ПТУ предоставляется право поступления в высшие и сред. спец.

учеб. заведения непосредственно после окончания училища. Все выпускники ПТУ, за исключением поступивших в дневные высшие и сред. учеб. заведения, обязаны отработать не менее 2 лет на предприятии, куда они направлены после окончания училища» (СВ, 1990, 211–212).

«**ПРОФЕССОР**» – кличка (прозвище) традиционно, по меньшей мере, с 1920-х годов, дававшаяся детьми сверстникам, выделяющимся вежливостью, начитанностью, высокой успеваемостью, носящим очки.

О детях 8–10 лет в 1920-е гг.: «Я живу в детской колонии. Здесь школа первой ступени... У нас в колонии жил единственный “очкарик” – Семушкин. Сначала над ним все потешались, так как он почти ничего не видел. Но вот Евсеич свозил его в глазную больницу, там ему надели очки, и Семушка сразу из робкого... медвежонка превратился в расторопного, смекалистого мальчишку... Семушку избрали звеньевым, а прозвище дали “Профессор”. Он много читал и всё изобретал что-то. Очень полюбил химию. Когда у нас еще не было галстук, он придумал сделать их из простынь. “А чем окрасим?” – спросили Профессора. “Составим краску...”» (Петренко, 1977, 77).

О середине 1930-х гг.: «Впереди нас, всегда в одной позе – растопырив локти и нагнув голову, сидел наш “профессор” – Володя Болотин. Он как бы и не слушал урока, сосредоточенно глядя в книгу. Но когда на какой-нибудь вопрос учителя никто не мог ответить, учитель торжественно провозгласил: “Никто не знает? Ну тогда ответит Болотин”. Володя поднимался, обстоятельно освещал вопрос и садился в ту же позу, вызвав восхищенный шепот класса: “Ну, профессор!”. Спустя много лет... мне в руки попала газета... Я прочитала лаконичную подпись под фотографией: “Молодой ученый, доктор физико-математических наук, профессор В. Болотин в своем кабинете”. Сбылось наше детское предвидение!» (Кубанева, 1988).

О Свердловске во вт. пол. 1940-х гг.: «Соседей по подъезду врач-хирург с мировым именем – А. Лидский... Его сын М. Лидский – первая скрипка в симф. оркестре оперного театра. Члены семьи отличались особой интеллигентностью. Проходя по двору мимо сидящих людей, снимали шляпу и низко кланялись. Всю культуру общения, прекрасное воспитание они вложили в единственного внука, худенького рыженького мальчика в очках, вежливо раскланивавшегося со своими сверстниками. Он много читал и по-взрослому рассуждал. В детской среде его прозвали “Профессор”. Окружение не блистало познаниями, и он не прижился среди сверстников» (Факова, 2006).

О середине 1950-х гг.: «У вас есть товарищ, который носит очки. “Профессор” – в шутку называете вы его. И кличка, которой вы шутя наделили своего друга, остаётся за ним. Вашего товарища это очень огорчает. Он перестаёт носить очки, портит своё зрение» (Хотилова, 1959, 57).

О нач. 1960-х гг.: «Ребята любят давать друг другу прозвища. Эти прозвища бывают иногда здорово меткими, а иногда просто смешными или глупыми. Ну, взять хотя бы Симку Воронова: его прозвали “шестикрылым” только потому, что полное имя Симки – Серафим, а у Пушкина есть стихотворенье: “...И шестикрылый Серафим / На перепутье мне явился”... А вот зато «профессор» – прозвище, которым наградили первого ученика Славку Оболина, попадает в самую точку. Правда, очков он не носит и бороды у него, ясно, нет, но Славка – тощий, длинные ноги циркулем, да еще у него привычка в ответственные минуты жизни задумчиво грызть ноготь большого пальца. В общем, он сильно смахивает на рассеянного жюльерного профессора Паганеля. И голова у него – самая настоящая профессорская. Сверхтрудные задачи по математике он решает в какие-то несколько минут, а любые деления и умножения трехзначных чисел производит прямо в уме. Он знает наизусть все немецкие глаголы сильного и неправильного спряжения, включая даже проклятую форму причастия прошедшего времени, которая не дается половине класса. Он помнит наизусть схемы

генераторов, трансформаторов и аккумуляторов, и Инна Андреевна частенько говорит, что у нее в жизни не было лучшего ученика по физике. На уроках литературы Славка тоже отвечает с блеском, особенно если на него в это время смотрит Лера Дружинина; стоит ей коситься на него свои чуть прищуренные насмешливые глаза, ну, тут Славку будто кто кнутом огреет. Он начинает прямо-таки скакать галопом по цитатам и датам, сыплет именами авторов и названиями книг: что в каком году написано и в каких исторических условиях – тут и библиография, и география, и фольклор, – словом, лезет вон из кожи, хотя пятерка ему и так давно обеспечена» (Офин, 1964, 12–13).

О 1980-х гг.: «В четвертом классе многие изменились... Были и клички. Кличку “профессор” получил мальчик, у которого стало падать зрение и которому пришлось носить очки. Он как-то на это не обижался, а даже немного сердился, ведь он знал, что профессор – это умный человек» (493).

См. также: *Прозвища; Кличка.*

«**ПРОФЕССОР кислых щей**» – прозвище умных детей.

О Санкт-Петербурге во вт. пол. 1900-х гг.: «В детстве жил я на дачке на Чёрной речке. Там было множество детей... Главным заводилой у нас был мальчик Апаша. Он был старше нас. Он всё знал и всё умел. Его мы называли “профессор кислых щей и баварского кваса”» (Тихонов, 1977, 12–13).

ПРОФТЕХУЧИЛИЩЕ – см.: *Профессионально-техническое училище.*

«**ПРОЩАЛЬНЫЙ вальс**» – песня (музыка А. Флярковского, слова А. Дидурова) из кинофильма «Розыгрыш» (1976).

Текст: «[1.] Когда уйдем со школьного двора / Под звуки нестарящего вальса, / Учитель нас проводит до угла, / И вновь опять и вновь ему с утра: / Встречай, учи и снова расставайся, / Когда уйдем со школьного двора. [2.] Дня нас всегда открыта в школе дверь, / Прощаться с ней не надо торопиться, / Но как забыть звончей звонка капель / И девочку, которой нес портфель. / Пускай потом ничто не повторится, – / Для нас всегда открыта в школе дверь. [3.] Пройдись по тихим школьным этажам. / Здесь прожито и пройдено немало, / Был голос робок, мел в руке дрожал, / Но ты домой с победою бежал. / И если вдруг удача запропала, / Пройдись по тихим школьным этажам. [4.] Спасибо, что конца урокам нет, / Хотя с надеждой ждешь ты перемены, / Но жизнь – она особенный предмет: / Задаст вопросы новые в ответ. / Но ты найди решенье непременно, / Спасибо, что конца урокам нет»

«С творчеством Алексея Дидурова знаком каждый, ведь автор “Школьного вальса”, бесценно исполняемого на “последних звонках” и вечерах встреч выпускников, именно он» (Герасимов, 2008, 3).

ПРОЩАНИЕ с букварем – праздник первоклассников.

О первоклассниках в Ленинграде в 1958 г.: «К 28 января мы закончили работу с букварём. Дети научились читать... Это событие было превращено в праздник учебного труда – “Прощание с букварём”. К нему мы готовились по-новому. Одна пятёрка готовила инсценировку, другая – стихи, третья – песни, четвёртая – танцы, пятая – подбирала загадки и пословицы, шестая – физкультурные упражнения, и т. д. Руководили всей подготовкой пионеры шефствующего класса. В день праздника шефы подарили малышам 70 книг для классной библиотечки и красивые закладки» (Степанова, 1961, 19).

О нач. 1960-х гг.: «...Мама... объяснила, что, верно, хоть воскресенье, а ребята пошли в школу, потому что нынче у них в школе праздник, они будут прощаться с букварем... На четвертом этаже они сразу отыскали зал, где должен был начаться праздник... Над сценой, во всю её ширину, висело красное полотнище. На нём большими белыми буквами было написано: “Поздравляем дорогих первоклассников с праздником “Прощание с букварем””. Но вот заиграла музыка. Весёлая, громкая и очень праздничная. Под её звуки распахнулась боковая

дверь возле сцены, и в зал чинно, парами, стали входить ученики первых классов... Их было очень много. Все первые классы школы сейчас торжественно входили в зал... Мальчики были в белых рубашках. Девочки – в белых передниках, с пышными белыми бантами в волосах. У всех, и у мальчиков и у девочек, слева на груди была приколата алая звездочка. Октябрьская звездочка... А на shk. сцене между тем праздник шёл своим ходом. Там стояла девочка с огромным букварём в руках. Ростом этот букварь был чуть ли не с неё самой. Она держала его бережно и крепко. А ещё одна девочка... звонко читала стихи, обращаясь к букварю: “Букварь, тебя прочли мы, / Перелистали все листочки, / Не просто так, а наизусть, / От точки и до точки”. А дальше, подхватив это стихотворение, говорил стоявший сбоку мальчик: “И долго будем помнить мы, / Как буквы выводили, / Как рано утром по снежку / Мы в первый класс ходили”. Потом на сцене оказались мальчики и девочки, наряженные буквами, – все тридцать две буквы алфавита. И каждая буква сама про себя сказала небольшое стихотворение... Шурик (а может, Юрик) сказал из-за большой буквы “Д”: “Дом с трубой на красной крыше; / Дом хороший очень вышел. / Но одно нам всем обидно: / Кто живет там, нам не видно”. А Юрик (а может, Шурик) сказал, держа перед собой картонное “Ю”: “Юла юлит, поёт юла / На самом кончике стола. / Так быстро вертится она, / Что даже ручка не видна”. А когда тридцать две буквы ушли со сцены, там оказались другие буквы, тоже нарисованные на картонках, и уж эти-то буквы не только умели говорить стихи: переходя с места на место, они могли складываться в разные слова... Сперва встали рядышком пять букв. Тогда все в зале... громко прочли: “Родина”. За ним – ещё одно слово... “Мир”. А последнее слово, которое прочли все сидевшие в зале, было словом: “Дружба”... “Красиво у них получилось!” – воскликнул Ашот, когда праздник окончился и под парадные звуки марша первоклассники парами стали уходить из зала» (Могилевская, [1963] 2004; 178, 180–181, 183–185).

О нач. 1970-х гг.: «О прощании с букварем... Первый “А” сегодня прощается с букварем. Праздник этот традиционный, его во всех дружинах проводят октябрята, говорить о нем особо мы не будем» (Матвеев, 1975, 41).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Популярен во многих школах праздник первоклассников “Прощание с букварём”» (Денисова, 1978, 68–70).

О середине 1990-х гг. [отрывок из письма родителей в управление образования]: «Благодаря инициативе педагога и помощи родителей дети активно участвовали в проведении “Дня урожая”, “Прощания с Букварём”, во встрече Нового года (всем классом)» (Семья и школа. 1999, № 5–6 – С. 11).

См. также: *Проводы букваря, Праздник букваря.*

ПРОЩАНИЕ с галстуком – «Название традиционного последнего пионерского сбора перед приёмом в комсомол» (Мокиенко, 1998, 111)

ПРЫГАЛКА, прыгалки – шнур, веревочка, через который (которую) прыгают.

О конце 1930-х гг.: «Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит – у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед...» (В.П. Катаев, «Цветик-семицветик», 1940).

О конце 1930-х гг.: «Весна, весна на улице... / Тут проходим не пройти: / Тут верёвка на пути. / Хором девочки считают / Десять раз по десяти. / Это с нашего двора / Чемпионы, мастера / Носят прыгалки в кармане. / Скачут с самого утра. / Во дворе и на бульваре, / В переулке и в саду, / И на каждом тротуаре / У прохожих на виду, / И с разбега, / И на месте, / И двумя ногами / Вместе. / Вышла Лидочка вперёд, / Лида прыгалку берёт. / Скачут девочки вокруг / Весело и ловко. / А у Лидочки из рук / Вырвалась верёвка. / “Лида, Лида, ты мала! / Зря ты прыгалку взяла!” – / Лида прыгать не умеет, / Не доскачет до угла!.. / Встала бабушка с кровати – / Всё равно вставать пора! / Это Лида в коридоре / Прыгать учится с утра... / Лида просит бабушку: / “Немножко

поверти! / Я уже допрыгала / Почти до десяти...” / Вышла Лидочка вперёд, / Лида прыгалку берёт. / “Лида, Лида! Вот так Лида! – / Раздаются голоса. – / Посмотрите, эта Лида / Скачет целых полчаса!” / “Я и прямо, / Я и боком, / С поворотом, / И с прискоком, / И с разбега, / И на месте, / И двумя ногами / Вместе...” / Доскакала до угла. / “Я б не так ещё могла!..” / Полны веселья шумного / Бульвары и сады. / И сколько хочешь радуясь, / Скачи на все лады!» (Барто, [1940] 1969–1, 52–55).

О Москве в середине 1940-х гг.: «Гвоздь досуга у девочек, простейшие “прыгалки” – кусок веревки, который крутили, взяв за его концы, две водившие, остальные исполняли сложные прыжковые фигуры над вращающейся веревкой» (Сафонов, 2001).

О перв. пол. 1960-х годов: «И прежде всего зашли в двухэтажный магазин... “А давайте купим для Анюты прыгалку!” – сказал [второклассник] Пышта. И они купили прыгалку. Пышта сунул её себе в карман» (Цюрупа, 1966, 119).

О девочке в детском саду в перв. пол. 1960-х гг.: «У меня болела нога, а все ребята в детском саду прыгали через веревочку. Я просила прыгалку у Розы – она не дала. И все другие ребята тоже не давали. Тогда я хотела отнять прыгалку, мы подрались, и я решила уйти из сада и пошла за ворота. Тогда все меня ругали и я много плакала”. “А почему ты так любишь прыгалку?” “А разве вы не любите? И потом я буду балериной, мне надо прыгать очень красиво”» (Низова, 1967, 119).

О середине 1970-х гг. в летнем лагере: «Рядом с беседкой Лариса Фуфаева прыгает через прыгалки... Она прыгает долго-долго, прыгалки весело шлёпают по дорожке, выложенной каменными плитами» (Матвеева, 1977, 156).

ПРЫГАЛЬЩИЦА – девочка, которая хорошо умеет прыгать через скакалку (прыгалку, верёвочку).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Сюда сбежались девочки Железнодорожного поселка... В ходу было не меньше десяти веревок, и вокруг одной из них стояла целая толпа. Все смотрели, как прыгает Женя Полукрюкова... Женька Полукрюкова... прыгала через веревку, прижав мяч к груди. У нее был такой вид, словно она рассматривает что-то далекое, ну и в то же время прыгает, но даже не замечает того, что прыгает. Две девочки вертят веревку то медленно, то быстро, чтобы сбить Женю, а она все равно прыгает медленно или быстро – и имеет право прыгать еще и еще, потому что правильно меняет стиль: то прыгает сразу обеими ногами, то перебирает ими, будто бежит и бежит, оставаясь на месте, то запрыгала вдруг на одной ноге. Все это было бы не удивительно: мало ли на Горе Железной хорошие прыгальщиц!.. Уже несколько раз сменились девочки, вертевшие веревку, а Женя все бежала, бежала над землей, и глаза ее счастливо блестели... “Она никогда не собьется, она чемпионка!” – заговорили все девочки. Женя рассмеялась. “Гоп! – крикнула она, стала обеими ногами на землю и великодушно сказала: – Пожалуйста, я тоже покучу веревку, потому что мне даже надоело прыгать”. Лишь теперь Пяня упрекнул себя в том, что потерял много времени, глазами на чемпионку игры в скакалки-прыгалки... Пробившись через толпу прыгальщиц, Пяня увидел картину...» (Ликстанов, [1953] 1964, 421–422).

ПРЫГАТЬ в снег / сугроб с крыши, забора – распространённая детская забава.

О 1904–1905 гг.: «Совсем недавно у сараев лежали сугробы снега и мальчишки прыгали – с крыш, перевертывались на лету и ловко садились в снег» (Емельянов, 1955, 20).

О 1905 году в сельской прионежской школе: «Хорошо зимой, когда есть сапоги и теплая кафтанушка – на большой перемене и в самый лютый мороз не страшно выбежать на двор поиграть. Ребята накалывают снежные шары, один больше другого. Снегу до окон навалило. В него можно нырнуть, как в Онегу, – надо только забраться на крышу. Эта счастливая мысль приходит мне в голову первому. Страшновато прыгать с двухэтажного дома, но я уже стою на крыше, и ребята, бросив катать

снежные шары, смотрят на меня ожидающе. Зажмурив глаза, я прыгаю, проваливаясь в снег по плечи и торжественно оглядываюсь: ну что, думали – побоюсь? Но на меня уже никто не смотрит: один за другим, отпихивая друг друга от лестницы, ребята лезут на крышу. И я тороплюсь выбраться из глубокого снега, чтобы успеть еще раз прыгнуть. Сторож уже звонит, кричит, зовёт в класс. Напрасны его зовы: одни взбираются по лестнице, другие топчутся на крыше, набираясь духа. “Ну чего? Струсили!” – кричу я, снова влезая на крышу. И вдруг раздаётся угрожающий голос учителя: “Вот я вас сейчас!” Некоторые прыгают, а некоторые от испуга просто валятся с крыши. Ничего – снег пухлый, как перина. Скорей бы только выбраться из него и прошмыгнуть в дверь. В дверях стоит учитель. Попробуй-ка пробежать мимо него без подзатыльника! Как ни пригибайся, но учительский кулак все равно настигнет тебя» (Абрамов, 1959, 45–46).

О Новосибирске в 1930-х гг.: «Зимой у нас свое веселье: строим снежные крепости, лепим баб, катаемся с горки, прыгаем в сугробы с высокого забора. Снег чистый, ярко-белый, мы в нём тонем, как в пуховой постели. Ах, какое это удовольствие, вволю набарахтавшись, броситься спиной в высокий сугроб, широко раскинув руки, и глядеть в высокое небо!» (МН, 1999).

О 1961 годе: «“Большие стога..., и... прям прыгали среди стогов... Вот к чему так прыгали? Не знаю... И в снегу: “Летит Гагарин, летит Титов, летит Терешкова”. [Соб.: В снег прыгали?] Все прыгали в снег, вот такая игра. Не знаю, кто нас научил. Во втором классе была, 1961 год...» (зап. в 2005 г. О.В. Жуковой и СВ. Просиной от Татьяны Николаевны Кузнецовой, 1953 г.р., с. Булатникова)» (Райкова, 2006, 81).

О Свердловске во вт. пол. 1960-х гг.: «Новая зима. Мне около семи лет. Сарай занесены сугробами. Мы с ребятами бегаем по крышам и прыгаем в сугробы. Весик показал нам сальто-мортале. Это когда прыгаешь головой вниз, переворачиваешься в воздухе и приземляешься снова на ноги. А еще он умеет прыгать вперед спиной. Сугробы внизу мягкие, и мы с удовольствием повторяем за Весиком разные прыжки. Я хоть и боюсь, но не подаю вида и пересиливаю свой страх. Попробуй-ка показать, что ты трусишь, ни в одну игру больше не примут. Дух захватывает от страха, когда летишь, а когда приземлишься, то становится легко и радостно. Но иногда мальчишки обманывают, что сугроб мягкий. Ты доверчиво прыгаешь и отбиваешь ноги» (Смирнова, 2005).

ПРЫГАТЬ на доске – см.: Доска.

ПРЫГАТЬ в стоге.

О начале 1960-х гг.: «“...Мы... собирали... колосья... Большие стога соломы, ржи, пшеницы, и... прям прыгали среди стогов, я всегда так делала. И меня родители ругали, они придут, вымоют меня, но я была с головы до ног, вся в пыли. Вот к чему так прыгали? Не знаю...” (зап. в 2005 г. О.В. Жуковой и СВ. Просиной от Татьяны Николаевны Кузнецовой, 1953 г.р., с. Булатникова)» (Райкова, 2006, 81).

ПРЫГАТЬ с качелей – развлечение детей.

О селе Красная Звезда Шадринского р-на в 1996 г.: «А ещё у нас была достаточно рискованная игра, в которую играли не все. Мы с мальчишками прыгали с качелей, кто дальше. Чертили границу, которую обязательно нужно было перепрыгнуть. Отбивали себе ноги: было до слез больно, но слава, которая тебя потом сопровождала, была важнее. Но играли мы в неё одно лето 1996 года (когда мне было 10 лет), потому что брат после одного из прыжков сломал руку... Младшее поколение не прыгает с качелей» (011).

ПРЫЩ – «небольшой воспалённый бугорок на коже» (Словарь, 1961–11, 1587).

О середине 1960-х гг.: «У некоторых девочек в период полового созревания и во время менструаций могут появляться на лице прыщи» (Поллак, 1966, 30).

О подростке в Москве в середине 1970-х гг.: «На днях я впал в еще более острую депрессию, чем обычно: обнаружил, что прыщи на лбу видны даже в стекле

приотворенной половинки окна в одном из классов» (Бараш, 2006).

ПРЯСТЬ – «Скручивая (волокна льна, шерсти и т. д.), делать нити» (Словарь, 1961–11, 1607).

О Западной Сибири: в XIX – нач. XX в.: «Девочки повсеместно пряли пряжу – “с семи лет уже заботу знали”» (Фурсова, 1990, 93). А чтобы лён хороший, длинный уродился, перед посевом волосы себе расчесывали. Интересен тот факт, что в Никоновской волости младшим мальчикам приходилось самим прясть себе пряжу на штаны. Постарался, напрял – мать соткала, сшила штаны, а нет – бегай в рубашке, пока ребята не засмеют. С 12-13 лет девочки-подростки уже ткали» (Фурсова, 1990, 92).

ПРЯТАЛКИ – то же, что *прятки*.

О Москве в 1908–1910 гг.: «Соня послонялась по двору. Было скучно, неизвестно, чем заняться. Стеклашки надоели. В салочки или в пряталки поиграть не с кем...» (Воронкова, 1959–а, 62).

О Москве в середине 1930-х гг.: «И в пряталки без неё играть стало тоже не так интересно. Светка так смешно пугалась, когда не успевала вырваться и ее находили» (Александрова, 1992).

О Москве 1940–1941 гг.: «“Мы с малышами в пряталки играли, я залез за сарай...”» (Чачин, 1968, 57).

О детях 8–10 лет в 1946 г.: «Потом стали играть в “собачку”... Играли, пока мячик не брякнулся о раму. Хорошо, что не в стекло. Тогда пошли в коридор и устроили игру в пряталки» (Крапивин, 1986, 96).

О Московской обл. в конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Рассказ Лиды Рябинкиной, вожатой звена пионерского лагеря на станции Новый Иерусалим Московской обл. “Наш лагерь был расположен у самого леса. В лесу мы выбрали местечко для сборов нашего звена и часто там проводили время. Однажды мы играли в пряталки, и меня долго не могли найти...”» (Великанов, 1951, 134).

О 1950–1952 гг.: «Игры начала пятидесятых... Никогда не изгладится во мне восторг тех незатейливых, незамысловатых игр, даривших настоящее вольготное безмятежное детство. В конце апреля, едва подсыхала трава и с огородов потягивало сладкой прелью сжигаемых листьев, начинался штандр... Штандр перемежался с лаптой, прятками и “чижигом”... Для пряталок в ходу были колоритные считалки, отвечавшие духу времени, вроде: “Ехал Гитлер на машине, / Ему звездочка на нос, / Вся Германия узнала, / Что у Гитлера понос”. Или...: “Вышел немец из тумана, / Вынул ножик из кармана, / Буду резать, буду бить, / Все равно тебе водить”. У каждого были свои любимые считалки. Мне больше везло (редко становился водящим), когда: “На златом крыльце сидели...” И ни секунды на размышление: “царь” ли, “портной” – главное, назвать мгновенно, не забыв указать, с кого начать вести счет» (Гай, 1987, 77–79).

О 1960-х гг.: «...Мальчик говорит: “Я теперь у вас во дворе буду жить...”. Подумаешь, пускай живёт, нам не жалко! “Будешь в пряталки играть?” – спрашиваю у него. “Буду”. “А кто водить будет? Чур, не я!” И Люська сразу: “Чур, не я!” И мы ему сразу: “Тебе водить”. “Вот и хорошо. Я люблю водить”. И уже глаза руками закрывает. Я кричу: “Нет, так неинтересно! Чего это вдруг ты водить будешь? Водить каждый дурак любит! Давай лучше считаться”. И мы стали считаться: “Шла кукушка мимо сети, / А за нею малы дети, / Все кричали: “Куку-мак, / Выбирай, какой кулак!”” И опять ему выпало водить. Он говорит: “Вот видите, всё равно мне водить”» (Пивоварова, 1979, 13–14).

ПРЯТАНКИ – то же, что *прятки*.

О Воткинске во вт. пол. 1930-х гг.: «Ну а летом обычные игры во дворе – прыжки через веревочку, ляпанки (салочки) или прятанки (прятки). Водящему было нелегко: прятаться можно было по всему двору, и в стайках, и в сарае. Помню, ждешь, пока тебя найдут, и уснешь...» (Санников, 2001).

ПРЯТКИ – «Детская игра, состоящая в том, что один (водящий) ищет остальных спрятавшихся участников игры или какую-либо спрятанную вещь» (Словарь, 1961–11, 1611).

Прятки в 1890-е – 1910-е гг.

О Саратове 1890-х гг.: «Летом на площади мы пускали змея, играли в лапту, в чушки и даже в прятки, так как в восточной стороне площади, ближе к амбарам, росла высокая конопля, в которой можно было прятаться с головой» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

О 1900-х гг.: «Вбегает Кланька: “Пошли, Ленка!... Там ребята в прятки играют...”. Возле деревянных длинных вешал, на которых развешено белье, – шум, споры, смех. Встав в круг, я забываю обо всем. Кланька начинает считать. Она тычет по очереди в каждого пальцем и приговаривает тоненьким голоском: “Раз, два – кружева. / Три, четыре – нос в черниле. / Пять, шесть – кашу есть. / Семь, восемь – сено косим”. Присказка кончается, Кланькин палец упирается Петьке в грудь. Ему досталось водить. “Чур, в лес не прятаться, в каморки тоже”, – предупреждает Петька. Ребята разбегаются. Мы с Кланькой сворачиваем в сторону затона. “Спрячемся у нас в гусятнике, – шепчет Кланька. – Век не найдет!” Но Петька разыскивает нас быстро» (Молчанова, 1958, 22).

О г. Харькове в 1917 гг.: «Играли мы в прятки, я и залезла в сарай на верхнюю балку. Потолка в сарае не было. Лежу животом вниз. Балка широкая. Удобно. Весь двор в открытую дверь виден. Всех застукали, а я лежу» (Шмерлинг, 1965, 42).

Прятки в 1940-е гг.

О детстве в 1941 г.: «На крыльце играли... в настольные игры, “застукивались”, играя в прятки, да для чего только не годилось это крыльцо...» (Холопов, 1995, 102).

О Москве в 1945–1947 гг.: «...Жители любили разбивать под окнами небольшие цветнички, устраивать клумбы, а само расположение этих строений было как будто нарочно придумано для массовых игр в прятки, салочки, казаки-разбойники... Наш первый класс – это сорок шестой год» (Мальшева, 1981, 3).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Играли также в прятки, салочки, колдунчики... При игре в прятки тот, кто водил, вставал лицом к стене, закрывал его по бокам ладонями и громко произносил: “Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать. Тот, кто за мной стоит, тому три кона водить”, или просто: “Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать”» (Андреевский, 2003, 380).

О конце 1940-х гг.: «В этом дворе было всегда много ребят... Много шумели, кричали и... куда-то исчезали. Вечером появлялись снова и дотемна играли в волейбол или в прятки между дровяниками и какими-то клегушками, сколоченными из старья» (Акулов, 1962, 36).

О конце 1940-х гг.: «А самая лучшая игра, когда темно, – в прятки. В тот вечер они играли в прятки во дворе казармы. Собралось человек десять, и даже Рыба-лоцман пожаловал... Посчитались, водить выпало Рыбе. “Давайте пересчитаемся, – сразу заныл он. – Вы нарочно на меня посчитали!”... Но Коршун мрачно сказал: “А ну води! Как дам по шее!” Рыба поспешно завилал: “А я что? Я ничего, я вожу, прячьтесь-прячьтесь”... “Раз-два-три-четыре-пять...” – забубнил Рыба, уткнувшись в стену дома и обхватив руками голову. Быстрый топот ног – пацаны разбегаются кто куда по двору. И только самые отчаянные остаются прямо за спиной водящего. “...Я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват!” – выкрикивает он. “Палочки-выручалочки!” – вопят отчаюги, тут же из-за его спины шлепая ладонями по стене. “В другой раз не выйдет! Застукаю!” – возмущается Рыба, разобиденный тем, что его так ловко провели... “Дома кашу не варить, а по городу ходить! – кричит кто-то. Это означает, что Рыба не ищет, а слоняется у стены дома, как пес на привязи... За хлебом – топот ног, крики: “Палочки! Палочки! Палочки!” “Я вперед, я тебя застукал!” – вопит Рыба. “Не жиль! Иди-иди, трое остались!” – отвечают ему... Опять мимо сарая проносятся шаги. “Нету их! Нету! Смылись!” – беснуется Рыба. “А ты нюхай, нюхай!” – хохочут во дворе довольные пацаны. Они-то, ясно, считают, что неразлучная тройца надежно схоронилась где-то поблизости и нарочно не бежит к “выручалочке”, чтобы как следует его помучить. “Я домой пойду, – жалобно говорит Рыба. – Я Пожарину все расскажу!” “Иди говори, – отвечает ему. – Но только больше никогда к нам играть не лезь, не примем”. Это

подействовало. “Ладно уж, – тянет Рыба и орет на весь двор: – Эй вы! Витька! Юрка! Санька! Через десять минут домой ухожу, так и знайте!” Трап-тап-тап-тап!.. – простучали мимо подметки Рыбы. Трап-тап-тап-тап!.. – промчался он назад, опасаясь далеко отходить от “выручалочки”... “Вот вы где!” – воскликнул над ними незаметно появившийся Рыба. И умчался. Вылетели из воронки. Догнать, догнать, догнать... Собственные ноги, казалось, отстав, бегут где-то позади тебя. Летишь без ног. В ушах – ветер: обогнать, обогнать!.. Обогнали, чуть не сбив Рыбу с ног. Он так набегался по двору за все время – неудивительно, что отстал. “Палочки-выручалочки!” – успели все разом. Припелся Рыба, хватаясь рукой за грудь, и сел у стены. “Води по-новой, – ликовали пацаны. – Чего расселся! Становись!” “У меня сердце”, – заявил Рыба. Но тут в доме стали открываться окна и властно, равнодушно или просительна понеслось: “Колька!.. Саня!.. Дима!.. Леня, домой!” “Ещё чуть!.. Ну, немножко!.. Минутку!” – умоляют ребята. “Мне домой. Зовут”, – Рыба мгновенно вскочил и, сразу забыв про сердце, вихрем исчез в подъезде...» (Иванов, 1985; 61–62, 64–66).

Прятки в 1950-е гг.

О нач. 1950-х гг.: «Витя и Шурик – соседи... Вот раз Витя пришёл к Шурику. Шурик ему говорит: “Давай играть в прятки”. “Чур, я первый буду прятаться!” – говорит Витя. “Ну, ладно. А я буду водить”, – сказал Шурик и пошёл в коридор. Витя побежал в комнату, залез под кровать и кричит: “Готово!” Шурик пришёл, заглянул под кровать и сразу нашёл его”» (Носов, 1953, 12).

О детстве 1950-х гг.: «Настало время наших прятков. “Чур, считаю!” – крикнул я, и тотчас образовался круг. Считаю я ловко, водящего выбирал заранее и почти, никогда не ошибался. “Ули-дули-доф, / Кинди-лада-коф, / Кофе-лада, / Кинди-лада, / Ули-дули-доф”, – быстро отмотолит я несколько раз, и Генка, не успев сообразить, что к чему, отправился к сарайчику водить. Кинулись кто куда. Я – на улицу. У ворот оглянулся – Томка бежала следом. Бегала она плохо, как-то боком и тяжело... Я схватил ее за руку, и мы свернули в палисадник, где было уже совсем сумрачно. Проскочили один палисадник и в конце второго спрятались под акацией...» (Михасенко, [1964] 1972, 44).

Прятки в 1960-е гг.

О нач. 1960-х гг.: «Вчера, когда играли в прятки, Мишка заметил Кольку и застукал его... Но Валя, девчонка с их двора, закричала: “Обознатушки! Перепрятушки!” – и стала доказывать, что Мишка перепутал их, так как они с Колькой нарочно поменялись шапками» (Лихоталь, 1964, 50).

О нач. 1960-х гг.: «...Наш Кирилл / Сестрёнке мячик / Подарил!... / Играл с ней в прятки / За кустом, / Кричал ей: / “Раз! Два! Три!”...» (Барто, [1965] 1969–2, 359).

О нач. 1960-х гг. «Вряд ли можно отыскать ребёнка, который никогда не играл бы в “пятки” или “догонялки”...» (Коссаковская, 1967, 8).

О нач. 1960-х гг.: «Ребята играли во дворе в прятки» (Котовщикова, 1966, 3).

Прятки в 1970-е гг.

О конце 1970-х гг.: «Прятки. Один галит, другие прячутся, правила оговариваются (например: за спиной не стоять, в подъезды и подвалы не залазить, прятаться только во дворе). Галящего выбирали по считалке, редко по желанию. Он считает до 50 и начинает искать. Те, которых он нашел, обычно подсказывали тем, которых не успел найти, например: “Топор, топор, сиди, как вор, и не выглядывай во двор», или “Пила, пила, лети, как стрела”. Спрятавшийся выбегает и со всех ног бежит к месту, где он затукивается. Если он затукался, то в следующий кон он точно не галит, а все другие считаются и один из них галит» (519).

Прятки в 1980-е гг.

О нач. 1980-х гг.: «При игре в прятки использовали формулу: “Я считаю до пяти, / Не могу до десяти, / Раз, два, три, четыре, пять, / Я иду искать. / Кто не спрятался, / Я не виновата”» (546).

О нач. 1980-х гг.: «Под окнами играла мелюзга. Играли в прятки. Папан в колготках верховодил, устанавливал правила в кругу свой ровни: “Я буду спрашивать, а вы все отвечайте. Отвечайте: “Квас!” Ну, начали! Что ты пьешь?” “Ква-ас”, – нескладно дребезжала мелюзга. “Лови мышей, а не нас!” – рифмовал командир, и все начали громко прятаться... Один присел под дерево, другой за конурой...» (Кривомазов, 1985, 28).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Мы играли в прятки, / Я забрался в шкаф, / У меня над ухом / Был пустой рукав... / А меня искали, / Не могли найти, / Бегали, кричали: / “Хватит, выходи!”» (Кушнер, 1988, 34).

О г. Новоаганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. в середине 1980-х гг.: «Играли в “прятки” на болоте. В тех местах, где оно высохло, протаптывали тропинки, трава была очень высокая, скрывала нас с головой и мы прятались друг от друга» (503).

Прятки в 1990-е гг.

О г. Катайске в перв. пол. 1990-х гг.: «В детстве мы с моими друзьями играли в разные игры: ляпы, вышибалы, машинки, но моя любимая игра была прятки. Потому что поиграть в неё собирались почти все дети нашего двора, и тем самым создавалась особая атмосфера всеобщей радости и веселья» (063).

О девочке 7–10 лет в с. Садовом Кетовского р-на в 1993–1996 гг.: «Для меня любимой игрой были “Прятки”. Собирались всем двором, возраст был разным. Тот, кто галит, должен был зайти в подъезд и считать до ста. В это время мы разбегались и прятались кто куда. Я очень любила прятаться под балконами ближе всех к галящему, так как я могла быстрее всех подбежать к подъезду и “забашиться”. Игра очень веселая. Только родители не разрешили играть допоздна, а вечером играть намного интереснее. В сумерках прятаться проще – не так заметно» (159).

О перв. пол. 1990-х гг.: «Иногда играли в прятки. Выбирали водящего, он закрывал глаза и считал до 50. Другие в это время прятались. Когда водящий закончил считать, он идёт искать остальных. Кого найдёт, то должен вернуться на место и заметить его, а другой бежит быстрее, чтобы успеть лучше всех» (170).

О Шадринске в середине 1990-х гг.: «Помню, в детстве, наша улица зачастую собиралась по вечерам... Становилось темно, и все начинали играть в прятки. Так было гораздо интереснее, было тяжелее искать. Потому что рядом с нашими домами было много деревьев, высокой травы и гаражей. То есть было где спрятаться. А порой даже вставали рядом с тем, кто должен был искать, и тот не замечая, уходил на поиски ребят. Ведь на улице уже было темно» (152).

ПСИХОЛОГИЯ – наука о психике; школьный предмет в 1947–1958 гг.

Из речи нар. комиссара просвещения 7 февр. 1943 г.: «В пересмотренных учеб. планах найдут своё место такие новые дисциплины, как логика и психология. Мы придаём им самое серьёзное образовательное значение» (Потёмкин, [1943] 1947, 166).

«Учительская газета» 4 декабря 1946 г. сообщила: «ЦК ВКП(б) обсудил вопрос о преподавании логики и психологии в сред. школе и принял постановление по этому вопросу. ЦК ВКП(б) признал совершенно ненормальным, что в сред. школах не преподаются логика и психология. ЦК ВКП(б) признал необходимым ввести в течение четырех лет, начиная с 1947–1948 учеб. года, преподавание психологии и логики в выпускных классах сред. школы. Логика и психология должны преподаваться квалифицир. педагогами, получившими спец. подготовку в обл. психологии и логики. Мин-ву просвещения РСФСР предложено ввести в 1947–1948 учеб. году преподавание логики и психологии в 200 сред. школах городов: Москвы, Ленинграда, Горького, Саратова, Свердловска, Куйбышева, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Воронежа, Казани, Молотова, Томска» (НО, 1974, 184).

«...На основе постановления ЦК ВКП(б) 4 дек. 1946 г. “О преподавании логики и психологии в сред. школе” в 1947–1951 гг. в ст. классах сред. школы (сначала в крупных городах, а затем повсеместно) преподавались

логика... и психология (в X классе – 2 часа в неделю). Время на это выделялось за счет увеличения общей недельной нагрузки учащихся этих классов. Опыт показал, однако, во-первых, невозможность обеспечения этих курсов высококвалиф. преподавателями, во-вторых, перегрузку учащихся ст. классов. В 1955 г. было отменено преподавание курса логики, а в 1958 г. – психологии... Курс психологии в новом учеб. плане [на 1955–1956 учеб. год] был перенесен из IX в X класс. Теперь он изучался с опорой на знания учащихся, полученные на уроках анатомии и физиологии (VIII класс) и основ дарвинизма (IX класс). Курс логики был исключен из учеб. плана. С осн. понятиями логики учащиеся знакомились в курсе психологии» (Очерки, 1988; 133, 139).

ПТИЦЫ – покрытые перьями и пухом позвоночные животные с крыльями, двумя конечностями и клювом.

Птицы как приметы – судя по имеющимся сообщениям, в 1990-е годы пролетающие птицы могли интерпретироваться детьми как предвестник плохих или хороших отметок или как предвестник войны.

О перв. пол. 1990-х гг.: «Когда над тобой пролетала стая ворон, нужно было сесть на корточки и сказать: “Не мои двойки”. В примету верили, когда мне было лет 7, то есть в 1993 году в деревне Октябрь Шадринского района» (011).

О 1992–1996 гг.: «В начальных классах и в 5–6 классах среди моих друзей была распространена такая своего рода примета – когда летит стая ворон или грачей (обычно вечером) нужно было кричать – “Мои пятёрки!” до тех пор, пока они не пролетят над тобой. А стаи эти были обычно огромными, так как мы жили возле леса. Считалось, что у тебя станет больше пятёрок» (019).

«С 1994 по 1997 гг., когда мне было 9–11 лет, в нашем дворе в г. Шадринске у нас существовал обряд, который, как мы думали, мог уберечь от плохой оценки. Все – и мальчики, и мы, девочки, свято верили, что если над твоей головой пролетит птица, а ты не успеешь присесть, то обязательно схлопочешь “2”. Поэтому, завидев даже вдалеке хотя бы одну птицу, мы предусмотрительно приседали заранее. “Пик” суеверия начинался осенью, когда птицы собирались стаями улетать на юг. Мы могли присесть даже на дороге (проезжей части), несмотря на опасность попасть под машину. Миф развеялся, когда Димка в 1997 году прошел спокойно под целой стаей ворон. Мы смотрели на него как на проклятого, и все ждали со смесью злорадства и сочувствием, когда же “посыпятся” двойки. Но к всеобщему разочарованию, Димка не получил за две недели ни одной “пары”. Мы были огорчены и вскоре перестали обращать на данное суеверие внимание» (012).

О с. Погорелка Шадринского р-на в 1994–1996 гг.: «Мне было 8–10 лет. Когда над нами пролетали птицы, мы садились на корточки, чтобы не было войны» (021).

См. также: *Ловить птиц*.

«**ПТИЧКА**» – стихотворение (1851) Элизы Эльзен.

Из текста: «Птичка над моим окошком / Гнёздышко для деток вьёт, – / То соломку ташит в ножках, / То пушок в носку несет. / Птичка домик сделать хочет: / Солнышко взойдет, зайдет, – / Целый день она хлопочет, / Но и целый день поет».

Стихотв-ие было опубликовано в журнале «Звёздочка» в № 1 за 1851 г. за подписью «Э.», а в 1864 г. напечатано в книге К.Д. Ушинского «Родное слово».

«В знаменитой книге К.Д. Ушинского “Родное слово” (1864), среди других произведений было напечатано стихотворение “Птичка”. Оно приобрело необычайную популярность в детской аудитории: редкая хрестоматия или книга для детского чтения обходилась без него» (Путилова, 1989–2, 22).

Стихотворение более ста лет публиковалось без указания автора. Авторство Э. Эльзен было установлено Е. Путиловой (см.: Путилова, 1989–2, 22) спустя более ста тридцати лет после первой публикации стихотворения.

По воспоминаниям автора словаря, в нач. 1970-х гг., он встречал песню на слова «Птички» в учебном пособии для учащихся начальных классов музыкальной школы.

О XX в.: «На сегодня мы точно знаем, когда и кем было создано стихотворение, с детства и навсегда близкое, музыку к которому написал И. Корнилов» (Путилова, 1989–2, 23).

«ПТИЧНИЦА АГАФЬЯ» – книга Клавдии Лукашевич (1859–1931) для детей, изданная в 1893 году и переиздававшаяся в 1905, 1912 и 1915 гг.

О 1899–1902 гг.: «Первая дет. книжка, прочитанная Володей Маяковским, называлась “Птичница Агафья”. Птичница служила у неимоверно доброй и ласковой графини, а у графини была добренькая и чувствительная внучка по имени Фофочка. Внучка восхищалась красотой курочек и цыпляток, а старая птичница умилялась высокими качествами прелестной Фофочки» (Бегак, 1983, 48).

О перв. пол. 1910-х гг. в С.-Петербурге: «Взрослых книг мне читать не полагалось, папа запер на ключи шкаф на ключ, а три-четыре детские книжки – “Стёпку-растрёпку”, “Птичницу Агафью” и сказку о Василисе Прекрасной – я знала наизусть» (Александрова, [1975] 1978, 7).

ПТУ [пэ-тэ-у] – профессионально-техническое училище.

О перв. пол. 1960-х гг.: «За плохие отметки, появившиеся позже, [отец] обычно грозил отдать меня в ПТУ, чтоб я его не позорил...» (Клех, 2003).

ПТУшник – «Разг. Учащийся ПТУ – профессионально-технического училища» (Мокиенко, 1986, 495).

ПУГАЧ – 1. Детская игрушка – пистолет, стреляющий пробкой; действие по звуковому эффекту напоминало настоящий выстрел. Пугачи продавались на базарах, в магазинах или давались на обмен старьевщиками.

О Петрограде-Ленинграде в 1920-е гг.: «“Вербу” надо описать особо... Там была уйма народа, шум, гам, звуки разных свистулек..., свистков, пальба из пугачей и детских пистонных револьверов и пистолетов. (Поздняков, 1994, 293).

О мальчиках в уральской станице в конце 1920-х гг.: «Купили мы [пугач] на мясском базаре. Шестнадцать вёрст туда, да столько же обратно... Всё воскресенье проходили да и все деньги, скопленные за зиму, истратили. Пока обратно шли, восемь раз пальнули. А пробок всего десять штук... На другой день утром была Петькина очередь стрелять. На первой перемене он и бабахнул при всём честном народе. Завидовали ребята. Это тебе, брат, не ключик ржавый с гвоздём и спичками. Пугач он и есть пугач. Жажнет, так жажнет! Выстрелил Петька, а тут звонок. П справедливости передал он пугач мне. “Не заряжай, – посоветовал. – Ребята всё равно в класс уйдут. Пробка-то последняя...” А я заупрямился. “Моя, – говорю – пробка. Что хочу, то и делаю. Заряжу. Зато после урока хлопот меньше. Прямо с крыльца как ахну!”... ..[Петька сидит и] тычет меня под бок... Я в это время пугач из кармана в парту перекаладывал. Одним словом, подтолкнул он меня, а я нажал нечаянно, вот и трахнуло. Дым, конечно, поднялся. Селитрой запахло. Девчонки дружно заверещали, а ребята повскакали с мест...» (Водозовов, 1977, 7–8).

О Ленинграде в 1930-е гг.: «Самым роскошным подарком моего детства был пугач. Теперь таких попугайных револьверов не видно. Из серебристого какого-то оловянного сплава, рукоятка красная, зеленый барабан, заряжался он пробками и стрелял оглушительно, с дымом, огнем. Дыма было много, никакого сравнения с пистонами. Это потрясало. Пугачи стоили дорого, и владелец пугача ходил гордый, он имел реальную власть: он давал “стрельнуть”» (Гранин, 1990–5, 477).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Однажды мы..., разжившись деньгами, купили себе по пугачу. Это были отличные пугачи – от них получался потрясающий грохот, много дыма и, надо признаться, нестерпимой вони. И, оружившись этими пугачами, мы... затеяли ожесточенную перестрелку на лестнице: прячась за перилами – он на своем этаже, а я на своем, – мы, не жалеючи, изводили гремучие пробки, и, будь это настоящие револьверы, уже вся лестница, надо полагать, была бы завалена нашими трупами. На шум выскочила [мама] и страшно заругалась на нас обоих. Она кричала, что мы устраиваем

сумасшедший дом, что у соседей, наверное, полопались барабанные перепонки, что от этого дыма может получиться пожар, – словом, то, что обычно кричат матери в подобных нередких случаях. Ещё она заявила, что незачем баловаться такими идиотскими игрушками, убивать друг друга, а лучше бы мы что-нибудь смастерили из детского “Конструктора”, который мне недавно подарен» (Рекемчук, 1974).

О мальчишке 6–8 лет в Москве в 1940–1941 гг.: «Славик... намекает Лидочке, что неплохо бы из денег... сделать вычитание. Например, для покупки пугача системы “Маузер”» (Чачин, 1968, 134).

О 10-летнем мальчишке в 1948 г.: «...В детском доме жил он совсем неплохо... С друзьями Серёжа делился сладким..., купил на паях пугач и бредень...» (Рысс, 1951, 51).

О середине 1950-х гг. в предместье Москвы – Химках: «Старьевщик объявлялся раз в две-три недели... Все мальчишки знали, что с собой у него есть восхитительная кожаная торба, полная самой драгоценной дряни: уди-уди [yйди-yйди], ...мячиками на резинке, леденцовыми петушками. Там же таился и главный приз – серебристого цвета пистолет-пугач, издававший звук заправдавшего выстрела, когда тугой боек ударял по серенькой пробочке заряда... Но страшно было даже подумывать, сколько нужно добыть и нанести старья, чтобы заполучить вожаделенный пугач. И вот однажды, когда... стал слышен скрип телеги, мы с Витькой стояли у нашего подъезда... откуда-то взялся перед нами Санек... Санек был взрослым, хитрым и мог сильно сподличать. “А пугач иметь запахло?.. – спросил Санек. – ...Старое пальто материно есть?” “Есть, – сказал Витька. – Пороть будет”. “Будут, – согласился совратитель. – Зато пугач”. Я представил себе, как буду держать в руках пугач. Я прицелился в Саньку, нажму на курок, раздастся выстрел, и тот рухнет. Или напугается... Телега тем временем стала перед сараями... “Уйдет пугач, – сказал Санек и вздохнул. – Не достанется”. И я – решился. Я знал, где висит материнское пальто на ватине... Я стащил его [пальто] по ступенькам вниз, мои приятели ждали меня. “Хорошее, – сказал Санек... – На пугач тянет. И, может, еще по леденцу”. Старьевщик крикнул, когда Санек выложил пальто моей матери на телегу... И полез в свою торбу. Это был честный человек, и через минуту Санек держал в руке серебристый пугач. Старьевщик же достал отдельную коробочку и отсыпал с десяток зарядов. “Тронули”, – сказал он своей лошади... Бабушка прибежала, как раз когда Санек дал мне стрельнуть – пугач он, естественно, присвоил. Она... отвесила подзатыльник Саньку..., выдернула пугач у меня из рук: “Выброси эту гадость!” – зашвырнула эту последнюю драгоценность в кусты и поволокла меня к дому...» (Климонтович, 2005, 3).

О середине 1950-х гг.: «Митя нашел Володю в большом сарае. Он накачивал шину велосипеда. На стенах висели лук со стрелами, запасное колесо и пугач» (Гернет, Ягдфельд, [1957] 1959, 56).

О 1960-х гг.: «Купила бабушка пугач, / Не отдала Серёже в руки... / “...Ты слишком дерзок и горяч, / Вот я и спрятала пугач...” Серёжа взрослый: восемь лет, / И даже восемь с половиной». (Барто, 1969–1, 116).

О нач. 1960-х гг.: «И все ребята из “А” и “Б” достали пугачи с пробками и давай бахать так, что потолки затряслись и запахло дымом, порохом и серой» (Драгуновский, 1964, 15).

О середине 1970-х гг.: «“...Этот парень подложил в каталки, на детской площадке парка, пистоны, малышей хотел напугать”... “Я думал, малыши обрадуются, развеселятся. Они же сами всегда с пугачами бегают... – начал оправдываться Женька...”» (Ермолаев, 1977, 131).

ПУГАЧ – 2. Самодельное устройство, действие которого по звуковому эффекту напоминает выстрел; мальчишеская забава. Изготовление пугачей имело место, по крайней мере, в 1960-е – 1990-е годы.

«Это мне рассказал отец, В.К. Низаветин, 1957 года рождения, живший в детстве в селе Дулино Целинного района: “У нас были пугачи, ну, хлопущие такие. Класа до шестого с ними бегали. Делали их из медной трубки,

приматывали её проволокой к деревяшке, за которую держались и на которой размещался спусковой механизм, состоящий из резинки и гвоздя. В трубку набивали серы и размельчали её там гвоздем, затем нажимали спусковой механизм, и гвоздь при резком попадании в трубку производил удар, а нам весело – громко же, интересно»» (Низаветин, 2006).

О 1982–1985 гг.: «В школе... в...возрасте 10–13 лет... Мальчишки делали пугачи – железные трубочки, в которые клали спичечные головки – они стреляли очень громко, даже оглушали – тем самым нас пугали» (541).

О 1991–1992 гг.: «Хочу описать одну забаву, которая была у меня в детстве (мне было 10–11 лет). Мы делали “пугачи”. Пугач имел следующее устройство. Металлическая трубка загибалась буквой “Г”, загнутый конец сплющивался, а в свободный конец насыпалась сера от 1–2 спичек и вставлялся гвоздь, наружный конец которого тоже был загнут буквой “Г” в ту же сторону. На загнутые концы – трубки и гвоздя – натягивалась резинка. Оттягиванием гвоздя наискосок устройство приводилось в боевую готовность. При кидании “пугача” на асфальт происходил сильнейший грохот. Пугач предназначался для пугания девочек или ребят» (512).

Для сравнения о мальчиках в начале 1940-х гг.: «Мы сыпаем в ключ серу от спичек, затыкаем гвоздем и на привязи жахаем о бревно» (Сергеев, [1977] 1995–1, 21).

ПУГОВИЦА-ВЕРТУШКА – см.: *Вертушка*.

ПУГОВИЦА – «застёжка, обычно в виде кружка с отверстием или ушком...» (Словарь, 1961–11, 1654).

В 1950-е – нач. 1960-х гг. на шк. форме мальчиков были металлические пуговицы. Для блеска их начищали.

О конце 1950-х гг.: «Звёздочки собрались после уроков в коридоре. Каждая со своим вожатым. Санька позвал своих октябрят к последнему окну. Пуговицы у него были начищены, брюки хорошо отутюжены» (Воскресенская, 1962, 18).

«**ПУГОВИЦЫ**», игра(ть) в пуговицы – игра на выигрыш (азартная игра), в качестве «орудия» игры использовались *пуговицы*, они же были и объектом выигрыша.

О начале XX века: «...Сашка недоумевает, каким образом могли догадаться, что история с пуговицами – дело рук его, Сашки, а не кого-нибудь другого? История заключалась в том, что Сашка, со свойственным ему азартом, увлекся игрой в пуговицы... Проигравшись дотла, он оборвал с себя всё, что было можно: штанишки его держались только потому, что он все время надувал живот и ходил, странно выпячиваясь. Но когда фортуна решительно повернулась к нему спиной, Сашка задумал одним грандиозным взмахом обогатить себя: встал ночью с кровати, обошел, неслышно скользя, все квартирантские комнаты и, вооружившись ножницами, вырезал все до одной пуговицы, бывшие в их квартире. На другой день квартиранты не пошли на службу...» (Аверченко, 1989, 60). Об Украине 1910-х гг.: «Здесь его помнили совсем маленьким мальчиком – Филькой в картузе без козырька. Живя в одной комнате с приказчиками, он вставал ночью и отрезал им все пуговицы, и поэтому утром лавка долго не открывалась, а он в это время играл с мальчишками в пуговицы и продавал их grosсами» (Ямпольский, 1964, 369–370).

Для сравнения приводим материал об играх польских мальчиков в Австро-Венгрии в нач. 1900-х гг. (автор воспоминаний родился в 1891 г.): «Игрывали мы и в пуговицы. Это была страшно азартная игра, потому что она обычно завершалась поркой дома. Дело в том, что, когда не хватало пуговиц в мешочке, отрывали их от курток и даже от штанов. И игра продолжалась. Играл мы и в пёршыки. И в “кобли”, но это была девчонья игра. Для этого имелось пять белых камешков, их нужно было подбрасывать вверх и ловить – сначала один, потом – два, а под конец – все пять. При этом ещё нужно было хлопнуть в ладоши. Играл мы также и “пьяную бабу”... Одному из нашей шайки платком завязывали глаза, и он должен был нас ловить. Иногда мы играли и в карты, в так наз. “быка” или “двадцать одно”, но тогда уже нас разгоняли наши отцы и пороли ремнём. А потом мы ещё стреляли из ключей... В дырочку в ключе набивали

побольше серы со спичечных головок, втыкали уда обрезанный гвоздь и... ..Когда такой ключ стрелял, то всем казалось, что это дырявая пушка выстрелила» (Морцинек, 1967, 217–218).

О середине 1930-х гг.: «Карты исчезли из нашего обихода, но страсть к азартной игре не исчезла. И ребята стали играть в пуговицы. Игра была глупая, не требующая ни ума, ни большой ловкости – что-то вроде “кремушков”, которые так любят девочки. Но пуговица она требовала не пять, не десять, а неисчислимое количество. То один, то другой обнаруживал, что на его одежде не хватает пуговиц. Начинались лихорадочные поиски..., однако пуговицы исчезали. Было создано общее собрание. Я произнес горячую речь. Все согласилось со мной, что игру эту надо немедленно изгнать из нашего дома. Сергей Стеклов предложил все имеющиеся запасы пуговиц тут же, не сходя с места, сыпать в одну кучу. После некоторой заминки со вздохом высыпал на стол горсть разнокалиберных пуговиц Петя Кизимов. Чуть погодя его примеру последовал Вася Лобов, потом Коршунов... Почти все пострадавшие истошно считали в куче свои пуговицы и тотчас стали пришивать их к штанам и рубашкам. И все-таки игра продолжалась – в этом не было никакого сомнения, – но теперь уже втихую, тайно» (Вигдорова, [1954] 1969, 47).

О 1940-х гг.: «Во время войны было мало игрушек. Дети играли в пуговицы, вырезали бумажных человечков, баюкали самодельных кукол, во дворах раздавались истошные считалки: “Вышел немец из тумана...”» (Наровчатова, 1986, 101).

О Свердловске середины 1960-х гг.: «Как только солнце... теплом обнажает... землю, на особенно гладких ее участках мы аккуратно выкапываем небольшие лунки и открываем сезон игры в пуговицы. В один прекрасный вечер я пристаю к бабушке... – и в конце концов она нехотя сдается. ...Я... открываю... крышку... шкатулки и начинаю выбирать пуговицы. Отсюда они переключиваются в карманы моего... пальто. И особенно ценные экземпляры я помню до сих пор. Были среди них просто красавицы, которые ни на что не годились в качестве бит и никогда не служили средством оплаты проигрыша (на это тратились маленькие кальсонные и сорочечные, в первую очередь белые и бесцветные). Больше всего я любил пуговицу с потемневшей от времени металлической окантовкой и смещенным от центра перламутровым глазком. Хороша была и из черного полупрозрачного стекла с радужными переливами, разделенная надвое прямой: одна половина – ровная и блестящая, другая покрыта пирамидальным рельефом. Лучшими битами были громадные пуговицы для пальто, вышедшие из моды еще в начале шестидесятых годов – совершенно круглые, из гладкой одноцветной стойкой пластмассы, напоминающей кость, с маленькой цилиндрической петелькой по центру сзади. У меня было три таких пуговицы – черная, белая и голубая. Указательный палец болел под ногтем от шелчков по тяжелой бите, ловкость и глазомер достигали великолепного совершенства...» (Застырец, 2006).

ПУГОВИЦЫ пересчитывать, гадать на пуговицах – детская игра, заключающаяся в «пересчитывании» пуговиц на одежде под особым рода считалку.

См.: «*Куколка, балетница, выбражуся, сплетница...*»; «*Девка, парень...*».

«**ПУГОВИЧНЫЙ футбол**» – игра второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг.

О 1946 году: «2 апреля. До чего ж у нас ребята увлекаются футболом! Теперь, если знакомы два мальчика, они первым делом спрашивают: “Тебя как звать?” “Митя. А тебя?” “Толя. Ты за кого болеешь?” Конечно, многие болеют за московский “Спартак” и за тбилиское “Динамо”, но большинство осталось верным команде ЦДКА и московскому “Динамо”. И у каждого есть теперь свои команды, свои Хомичи и Бобровы, Семичасные и Пайчадзе. Только, конечно, не настоящие, а пуговичные. Дело в том, что вся школа теперь играет в пуговичный футбол. Делается это так. На столе рисуется мелом футбольное поле с воротами. Каждый выставляет

свою команду из одиннадцати пуговиц. Судья бросает на поле мяч из серебряной бумажки или из хлебного мякиша, свистит – и матч начинается. Это такая игра, что прямо все, вся школа увлекается. Все теперь собирают и выпрашивают дома и у знакомых пуговицы для своих футболов. Самые лучшие пуговицы – это вратари и нападение. Вообще пуговицы у нас теперь – самая главная драгоценность. Если хочешь сделать кому-нибудь из ребят огромный подарок, то лучше всего подарить хорошую костяную или роговую пуговицу. На переменах мы теперь играем в этот футбол, и, конечно, самый знаменитый игрок у нас Тоська Алейников. У него столько команд, что он их носит не в кармане, как все, а в отдельной большой коробке. Наверно, у него две сотни пуговиц! У него есть команда “синих” и команда “красных”, команда “Испания” и команда “Арсенал” и еще разные другие команды. И в каждой – одиннадцать “игроков”, одиннадцать пуговиц! Мне Паша Воронов рассказывал: зашел он недавно к Тоське домой, а у них огромный скандал: Тоськина бабушка хотела лечь на подушку и вдруг видит – с наволочки все пуговицы срезаны. Она как закричит: “Безобразие! Это все футбол! Сейчас же верни мне пуговицы с наволочки!” А Тоська хладнокровно отвечает: “Что вы, бабушка, это моя полузащита... Они у меня в команде “Испания” лучшие игроки...” Они стали спорить, сердиться друг на друга... На уроках Тоська теперь почти не слушает, что объясняет учитель, а смотрит, какие у кого пуговицы, и соображает, где они могут играть. Третьего дня пришел к нам новый учитель физики... Тоська вдруг громко, на весь класс, шепчет: “Ой, ребята, какие у него на пиджаке мировые форварды!”... Вчера случилось вот что. Тоська объявил, что у него в команде “красных” – новый замечательный вратарь, и показал нам серую блестящую, совсем новую пуговицу. “Это у меня будет сам Хомич”, – сказал Тоська с гордостью. “Где взял вратаря?” – спросил Сенька Громов. “У второклашки Сизова на марки сменял, – сказал Тоська. – Чуть не все фр. колонии за него отдал...” Конечно, в большую перемену все отправились смотреть, как Тоська будет играть матч новым вратарем. Вызвал он на состязание Игоря Зимелева. У Игоря, конечно, команда особенная: все пуговицы клетчатые – черные с белым, – и команду свою он назвал “Шотландские горцы”. Только начался первый тайм “красных” с “горцами”, как уже Тоськино нападение забило “горцам” гол. Ох, и обрадовались же все ребята!.. Игорь ужасно надулся, стал говорить, что Тоська играет грубо, что футбольное поле недостаточно хорошо начерчено, – словом, хотел на понятный. Но мы ему не дали. “Играй, играй! – закричали ребята. – Нечего уваливать!” Тогда Игорь начал рвать игру, с угла атаковал Тоськины ворота, но Хомич, то есть новая пуговица, подпрыгнул очень легко, как акробат, и отбил мяч... В этот момент большая рука легла на футбольное поле и... забрала от Тоськиных ворот Хомича... Николай Митрофанович... опустил пуговицу в карман. “...Это... пуговица от моего нового пальто...” – сказал он... И... ушел, забрав Хомича...” (Кальма, 1948, 70–74).

О Москве 1945–1948 гг.: «...Елена Васильевна нашла некоторый заработок, взявшись за изготовление детской игры под названием “Моя Родина”... Игра состояла из большущей карты СССР и набора картинок с изображением добычи разных полезных ископаемых или какого-либо... труда... Мальчики и девочки должны были отыскать на карте места, которые соответствовали выпавшим им по жребию картинкам... Вряд ли дети и родители кинулись за этой игрой по магазинам учебных пособий; думаю, что пуговичный футбол вместе с классиками сохранил позиции и остался неколебимым лидером среди развлечений на просторах родины чудесной» (Сафонов, 2001).

О начале 1950-х гг.: «...Симпатии ребят в [книге Н. Кальма “тетрадь Андрея Сазонова”] привлекает не главный герой Андрей, а другие персонажи, или даже совершенно незначимые детали повести. Так, отдельных читателей заинтересовал, например, только пуговичный футбол, в который играли школьники. Мальчик из Уфы пишет: “Книга очень и очень нравится, я хочу попросить

вас описать игру в футбол из пуговок, как отбивает мяч вратарь и как водят пуговицы по полю” О том же пишут мальчики из Свердловска» (Дубровина, 1952, 51).

О Латвии в перв. пол. 1950-х гг.: «“Я предлагаю собирать пуговицы, тогда мы наладим игру в пуговичный футбол”, – предлагает Янка» (Цирулис, 1955, 17).

«**ПУГОВКИ**» – игра.

О г. Кургане во вт. пол. 1980-х гг.: «“Пуговицы”. Как правило, в эту игру играли мальчики. Для игры нужны пуговицы от верхней одежды. Перед игрой выкапывалась ямка, шириной 5 сантиметров, глубиной – 5 сантиметров. С расстояния 2–3 метров участники игры бросали пуговицы в эту ямку. Первым игроком, который ударом пальца забивал пуговицу в ямку, ход игрок, чья пуговица была как можно ближе или тот, у кого пуговка попала в ямку. Остальные участники, в зависимости нахождения пуговицы от ямки, имели свою очередность в игре. Если же бьющий не попадал в ямку, ход переходил к другому. И так каждый участник имел возможность играть. Победителем оказывался тот, кому удавалось последнему забить пуговицу в ямку, и все пуговицы становились его выигрышем. Была разновидность игры в пуговицы, когда участники делились на две команды. Но командный вариант игры был распространен гораздо реже» (535).

ПУПС, пупсик – кукла в виде голого малыша.

См.: *Кукла, Куклы-пупсы.*

ПУСТЫШКА – «Резиновая соска для грудного ребёнка» (Словарь, 1961–11, 1733).

О женщине с грудным ребёнком в эвакуации в 1942–1943 гг.: «Нина посмотрела на Витюшку, он мусолил пустышку, держа её в кулаке... Опять проснулся сын, зашёлся в крике, он уже не брал пустую соску, заплакал, кричал и сучил ножками, наверно, от голода у него болело в желудке. Нина обманывала его, совала пустую грудь, он зажимал сосок дёснами, крутил головой и снова начинал кричать... Она с трудом подняла сына – он даже не проснулся, и пустышка подрагивала в его губах...» (Глушко, 1988; 53, 61).

«**ПУСТЬ бегут неуклюже...**» – см.: *«Песенка крокодила Гены».*

«**ПУСТЬ всегда будет солнце**» – песня (1962) на слова Льва Ошанина и музыку А. Островского.

«“Пусть всегда будет солнце!” – с 1962 года, года рождения песни – поют на многих языках люди всей нашей планеты» (Лагина, 1987, 43).

Текст: «[1.] Солнечный круг, небо вокруг – / Это рисунок мальчишки. / Нарисовал он на листке / И подпisał в уголке: [Припев:] “Пусть всегда будет солнце, / Пусть всегда будет небо, / Пусть всегда будет мама, / Пусть всегда буду я”. [2.] Милый мой друг, добрый мой друг, / Людям так хочется мира. / И в тридцать пять сердце опять / Не устаёт повторять: [Припев] [3.] Тише, солдат, слышишь, солдат, – / Люди пугаются взрывов. / Тысячи глаз в небо глядят, / Губы упрямо твердят: [Припев] [4.] Против беды, против войны / Встанем за наших мальчишек. / Солнце – навек! Счастье – навек! – / Так повелел человек. [Припев]».

Под лозунгом «Пусть всегда будет солнце» проходил фестиваль «Артековский праздник весны» 1963 года, на котором композитор был награжден медалью и дипломом «за прекрасную песню, написанную для пионеров».

Из истории песни: «В известной книге “От двух до пяти” К. Чуковский рассказал такой эпизод: маленький мальчик спросил у матери, что значит слово “всегда”. Мама объяснила. Малыш понял. Он запрыгал по садовой дорожке, весело твердя только что придуманную им песенку: “Пусть всегда будет солнце! / Пусть всегда будет небо! / Пусть всегда будет мама! / Пусть всегда буду я!” Это произошло давно – ещё в 1928 году. Через много лет художник Н. Чарухин прочел об этом в книге Чуковского. Он нарисовал плакат – призыв к борьбе за мир, ставший широко известным: изобразил детский рисунок и надписью к нему сделал четверостишие малыша. Композитору Островскому и его постоянному соавтору поэту Ошанину пришла мысль сочинить на эту тему песню. Ошанин написал стихи, а припевом к каж-

дому куплету оставил детское стихотворение. Оба автора сочиняли песню для взрослых. Недаром запев её серьезен и несколько мрачен. Но припев, в котором должны прозвучать наивные слова малыша, будто озарился солнцем... Артистка Тамара Миансарова исполнила песню в мальчишеской манере, подчеркивая этим обращение детей к людям мира. На международном песенном конкурсе в Сопоте песня прошла с триумфом... Авторы изумились, когда поняли, что задуманная ими "взрослая" песня безошибочно признана пионерской» (Гольденштейн, 1971, 85).

О начале 1960-х гг.: «Все они... стучали в барабаны, били в медные тарелки, надували трубы..., дудели в неизвестные мне нар. инструменты... Ребята... заняли на обл. смотре шк. самодеят-сти второе место. Они гремели на все лады: "Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама..."» (Амлинский, [1963] 1974, 148).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Пышта [второклассник Павел] любит, когда поют песни. У Фёдора голос густой, бас. А у Майки – нежный, с колокольчиками. А когда поют "Пусть всегда будет солнце", последние слова отдают Пыште. Он поёт: "Пусть всегда буду я!"» (Цюрупа, 1966, 31).

Из статьи вт. пол. 1980-х гг.: «Думаю, что не ошибусь, если скажу, что ["Спят усталые игрушки"] это самая популярная из всех детских песен. Не только тех, что созданы Аркадием Островским, но вообще. Не согласны? А, понятно, вы говорите, что ещё более популярная "Пусть всегда будет солнце". Не спорю. Но она не только детская...» (Лагина, 1987, 42).

О с. Ястребинка Пресновского р-на Сев.-Казахстанской обл. 1990–1991 гг. в: «Песню "Солнечный круг" мы пели в детском саду в возрасте 6–7 лет. Мы исполняли ее каждый раз на 23 февраля для наших пап» (019).

По меньшей мере, с начала 1970-х гг. существовала «перетекстовка» песни (воспоминания автора словаря), сохраняющаяся в главных чертах до 1990-х гг.

О середине 1980-х гг.: «Переделанные песни... "Солнечный круг". "Пусть всегда будет водка, / Колбаса и селедка, / Огурцы, помидоры, / Вот такие мы обжоры"» (499).

О сер. 1980-х гг.: «Пусть всегда будет водка, / Колбаса и селедка, / Пусть всегда буду я / И подруга моя» (495).

Переделки, записанные в 1990 и 1994 гг., см.: Лурье, 1998–2, 468.

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1996 г.: «Когда мне было десять лет, я пела переделку песни "Пусть всегда будет солнце". Переделку песни мне сообщил старший брат (ему было 12 лет), вот её текст: "Солнечный круг, немцы вокруг, / Гитлер пошёл на разведку. / В ямку упал, ножку сломал / И напоследок сказал: "Пусть всегда будет водка, / Колбаса и селедка, / Сигареты "Памир", / Вот тогда будет мир"» (011).

О Шадринске в 1996–1998 гг.: «"Солнечный круг, немцы вокруг, / Гитлер пошел на разведку. / Вдруг он упал, ножку сломал. / И на прощанье сказал: / "Пусть всегда будет водка, / Колбаса и селедка, / Огурцы, помидоры – / Вот какие мы обжоры"». Эту песню (на мотив настоящей песни) я вместе с другими детьми кричала (пела) во дворе, когда мне было примерно 10–12 лет. Это меня очень забавляло» (112).

О девочке 14 лет в Шадринске в 2001 г.: «В лагере "Салют" каждое утро на линейке включали "Солнечный круг", и на всей территории лагеря звучала эта песня» (135).

«ПУТАНИЦА» – детская игра, аналогичная играм «Бабушка, распутай нас» и «Бабушкин клубок».

О Шадринске 1988–1989 гг.: «В игру "Путаница" я играла с 8–9 лет. Ведущий выходил из комнаты. Все остальные брались за руки и не должны были их отпускать. Нужно было держаться крепко. Можно было перекидывать ноги за руки, поворачиваться, присесть, но нельзя разжимать руки. После этого нужно прокричать: "Путаница, путаница, распутай нас!"» (504).

О 1989–1990 гг.: «Ещё играли в "путаницу". Чем больше народа, тем интереснее. Ведущий отворачивается. Все остальные берутся за руки, становятся в круг и начинают запутываться, вплоть до того, что перелезают

друг через друга, главное, не отпускать рук. Затем зовут ведущего, чтобы он их распутал. В эту игру мы в основном играли в детских лагерях» (503).

«ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЁК» – художественно-литературный и научный журнал для детей среднего возраста, выходил два раза в месяц под редакцией А.А. Федорова-Давыдова в Москве с 1904 по 1918 г.

«Начало 1900-х годов ознаменовалось новым оживлением в детской литературе, вызвавшим к жизни ряд новых журналов. Отметим между ними журналы Фёдорова-Давыдова: "Светлячок", "Путеводный огонек" и "Дело и потеха". Этот плодовитый детский писатель почти один заполнял все эти три журнала своими произв-ми самого разнообразного характера – в прозе и стихах» (Чехов Н., 1909, 75).

«Главная задача журнала – занять ребенка, развлечь его... На протяжении всего издания заметно стремление оградить ребенка от тяжелых картин социальной действительности. Отделы: 1. Беллетристика. 2. Из былого (нар. верования, обычаи и предания; различные праздники у русских, грузин в Зап. Европе). 3. Мелочи (как самому сделать искусств. ландыш, чернильницу и т. д.). 4. Потешный уголок (шутки, загадки и т. д.). 5. "Между прочим". 6. Наша переписка. 7. Памяти великих людей. В 1905 г. вводится – "Что было за эти дни. Наша текущая жизнь". С 1906 г. – "Этнографич. мелочи", "Ист. мелочи". В 1907 г. – "За рубежом". Затем – "Библиография"... Более всего тут печатался сам редактор – А.А. Федоров-Давыдов, заполняя... страницы сентимент. рассказами, переделанными на свой лад сказками, развлекал. стихами. Детей его веселые вирши и приключенч. сказки иногда привлекали, но современная журналу критика оценивала всё творчество Федорова-Давыдова очень сурово... Журнал Федорова-Давыдова просуществовал долго, на него охотно подписывались родители, читали дети. И всё это можно объяснить близостью к интересам определенного круга детей, умением редакции дать разнообразный материал, весёлые... стишки, хорошо поставленной саморекламе в отделе "Наша переписка". Играло определенную роль для подписчиков и то, что редакция не скупилась на разные приложения, давая их за год до 24-х штук, куда входили не только книги для чтения, часто отрывки и переделки из книг известных авторов (в 1904 г. – рассказы Р. Киплинга, в 1908 г. – рассказы Ч. Диккенса, в 1909 г. – рассказы и сказки Жорж Санд), но и игры, занятия. Как приложение к журналу "Путеводный огонек" издавалось: "Дело и потеха. Листок занятий, работ, поделок, советов и шуток". (М., 1916–1917). В 1909–1911 гг. в качестве бесплатного приложения давалась газета "Наша переписка" (в 1908 г. – "Наш дневник", с 1911 г. по 1917 г. – "Юная жизнь") главным образом заполняемая письмами детей в редакцию "Путеводного огонька"» (РЖДД, 1982; 43, 44)

В журнале печатаются рассказы А.А. Федорова-Давыдова о несчастных нищих и о добрых, сострадательных людях, помогающих им. Гл. место в журнале занимает беллетристика, преимущественно переводная. Очерки о животных немногочисленны. Из номера в номер идут рубрики «Открытия и изобретения», «Естественно-историч. мелочи», «Потешный уголок».

«В журнале помещались лит. произв-я, естественноист. и этнографич. очерки, лит. памятники и биографии выдающихся людей ("Из прошлого" и "По чужим краям"). Ценным в познават. отношении является систематически публиковавшийся в журнале природоведческий материал. В журнале принимали участие Д.Н. Мамин-Сибиряк, Вас.И. Немирович-Данченко, К.М. Станюкович, А.П. Чехов...» (ПЭ, 1966–3, 600).

О 1916 годе: «Для детей родителей обеспеченных в предрев. дет. лит-ре имеется вариант № 2. Вот он в исполнении журнала "Путеводный огонек". Болезненный мальчик Сережа везет на поправку к дяде – помещику, владельцу села Отрадное. У дяди "трудова" система воспитания сыновей: ребята встают на заре, помогают садовнику, работают на покосе и проч. Сережа быстро поправляется. Итак, хочешь быть физически

крепким – не мешает иной раз и поразмяться в собственном саду или поле» (Лупанова, 1969, 111).

В 1918 г. печатается повесть Л. Чарской «Приют мадонны» (Колесова, 1993, 97). Журнал выходил по декабрь 1918 г. (закрыт в связи с отсутствием бумаги).

«ПУТЕШЕСТВИЕ в страну литературных героев» – познавательная радиопрограмма о литературе для детей.

В апр. 1970 г. впервые вышла в эфир радиопрограмма, которая давала детям знания о лит-ре в игровой, постановочной форме и называлась «В стране Литературии», позднее программа получила название «Путешествие в страну литературных героев».

Вероятно, то же, что «В стране литературных героев».

«ПУТЕШЕСТВИЕ из Петербурга в Москву» – произведение А.Н. Радищева (1749–1802), в 1950-е – 2000-е гг. входящее в число подлежащих обязательному изучению в школе (8 класс).

«ПУТЕШЕСТВИЕ по любимой Родине» – передача Всесоюзного радио для детей – соревнование школьников на лучшее знание географии СССР. Впервые вышла в эфир в апреле 1958 г. Выходила до 1980-х гг.

«Устойчивыми оказались и передачи игрового характера. До сих пор процветают в эфире такие драматизированные игры, созданные в [19]50-е годы, как “Экипаж разноцветных стрел”..., или “Путешествие по любимой Родине” – игра-соревнование, с основным постоянным персонажем Захаром Загадкиным» (Бегак, 1982, 97).

«ПУТЕШЕСТВИЯ Гулливера», – роман (1726) Джонатана Свифта (1667–1745).

«На русском языке роман Свифта систематически издаётся для юных читателей с сороковых годов XIX века. До 1917 г. библиографы насчитывают около сорока изданий “Путешествий Гулливера” для детей в обработке русских переводчиков и педагогов. С 1931 года десятый раз издавался... пересказ первых двух частей романа, сделанный для детей младшего возраста Т. Габбе и З. Задунайской... наряду с этим имеются и многочисленные комментированные издания сокращённого перевода всех четырёх частей романа для детей среднего и старшего возраста...» (Брандис, 1965, 45–46).

О нач. XX в.: «Посмотрим же, были ли в самом деле так богаты старые книжные полки. Да, конечно, их нельзя назвать бедными, если... на них стояли в голубом и красном коленкоре “Робинзон Крузо”, “Гулливер”, “Русские народные сказки”...» (Маршак, 1971–7, 284).

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге во вт. пол. 1900-х – нач. 1910-х гг.: «Эти первые детские увлекательные книги приключений – “Робинзон”, “Гулливер” и особенно “Дети капитана Гранта” – мой излюбленные друзья в красочных иллюстрациях были неразлучны долгие годы с нами, и, хотя на смену им приходили новые, они сохраняли свое прочное место в нашем детском сердце» (Автобиографии, 1998, 229).

ПУХ – «Тонкие, нежные волоски, находящиеся в семенных коробочках» (Словарь, 1961–11, 1763).

Поджигать пух от деревьев – распространённая детско-подростковая забава.

О 1970-х гг.: «Улица как улица... Деревья вдоль тротуаров. Правда, когда летом пух летит, здорово. Как снежная метель, вьётся пух по асфальту. Чиркнешь спичкой – пух с треском вспыхивает и кружится, крутится струйкой вместе с огнем. Многие ребята занимают этим, а я раз попробовал – не повезло. Шофер самосвала остановил, вылез из кабины: “Что, пацан, лучше занятия не нашёл? Ты б еще мне под бензобак фитиль сунул!” Так пух перестал меня интересовать – и деревья вместе с пухом» (Баруздин, 1982).

«ПУХ, мех, домино» – игра с поцелуями, аналогичная играм «Пух, перо, медные трубы»; «Пух, мех, перо».

О 1970-х гг.: «В более позднем периоде детства мы начали играть в “Пух, мех, домино”. Делились на две группы – одна группа мальчиков, вторая группа – девочек. Решали вместе, какая группа будет ловить, а какая – убежать. Затем разбежались, и выбранная группа,

например, мальчиков, ловила группу девочек. Но каждый мальчик ловил именно ту девочку, которая ему больше всех нравилась. Когда девочка поймана, к мальчику присоединяются другие мальчики и спрашивают: “Пух, мех, домино?” Она выбирает одно слово. “Пух” – “целует двух”, “мех” – “целует всех”, “домино” – “целует одного”. Затем группы меняются ролями, и девочки начинают ловить мальчиков. Иногда может догнать не один человек, а несколько, взявшихся за руки. Но эта игра продолжалась недолго, так как в один прекрасный день родители увидели нашу игру и запретили нам» (Борисов, 2002, 199).

«ПУХ, мех, перо» – игра с поцелуями, аналогичная играм «Пух, перо, медные трубы»; «Пух, мех, домино».

О 2007 году в г. Тюмени: «В июне-июле 2007 года я работала воспитателем в лагере “Звёздный”. Мы с детьми играли в игры с поцелуями “Арам, шим, шим”, “Пух, мех, перо”, “Кис, брысь, мяу”... “Пух, мех, перо”: я, взявшись за руки с одной девочкой из отряда и заранее объяснив что нужно делать, ловила подряд детей. Поймав ребёнка (независимо, девочка это или мальчик), мы говорили: “Пух, мех, перо!” На что ребёнок должен был выбрать один из предложенных вариантов. Если он выбирал “Пух”, ему отвечали: “Целуй двух”; “Мех” – “Целуй всех”, “Перо” – “Целуй одного”. Он выполняет, и затем мы уже троём ловили четвёртого и так далее. Играть можно очень долго. Но у нас за пять минут образовывался настолько огромный круг, что когда ловили с одной стороны, то с другой этого не видели и тоже ловили детей. В нашем трёхэтажном корпусе располагалось пять отрядов, это около 150 человек, почти половина детей, включая вожатых, играли. Эта игра не утихла в течение нескольких дней. О ней забыли, узнав следующую игру. “Кис, брысь, мяу”...» (138).

«ПУХ, перо, медные трубы» – игра с поцелуями, аналогичная играм «Пух, мех, перо»; «Пух, мех, домино».

О 2000 году: «Ещё я хотела бы рассказать об играх с поцелуями, в которые играют дети сейчас. Этим летом я работала вожатой в лагере. И оказалось, что дети там очень любят целоваться. Вечером, во время дискотеки, у них были любимые игры “Пух, перо, медные трубы” и “Тип-топ”. Игра “Пух, перо, медные трубы” заключается в следующем: несколько мальчишек окружают девочку или наоборот и требуют выбрать “Пух, перо, медные трубы”. В зависимости от того, что она выбрала, следует задание: “Пух” – целуй сразу двух. “Перо” – целуй одного. “Медные трубы” – целуй в губы. Затем появились новые задания. “Мех” – целуй всех. “Ваза” – целуй всех по 3 раза. “Адиас” – целуй всех по 10 раз. В “Пух, перо, медные трубы” и “Тип-топ” играли дети в летнем лагере на базе санатория “Автомобилист”, расположенного в селе Введенское Титовского района Курганской области. В игру “Пух-перо-медные трубы” дети играют уже на протяжении трех лет – с 1997 по 2000 годы на каждой из четырех смен, по словам зам. директора санатория. Причем играют в неё с удовольствием дети всех возрастов – от 7 до 16 лет, как мальчики, так и девочки» (542).

Ср.: «Пух, мех, домино».

ПУШКА – «...вообще – артиллерийское орудие» (Словарь, 1961–11, 1775).

Пушка игрушечная.

См. стихотворение А.А. Блока «Рождество»: «И пойдешь ты дальше с мамой / Покупать игрушки... / Сёстры кукам будут рады, / Братья просят пушек...» (РПД, [1906] 1989, 519–520).

О середине 1950-х гг.: «Не прошло и пяти минут, как комнату было не узнать. На столе, стульях, диване, на полу лежали пушки, стреляющие горохом..., оловянные солдатики тридцати шести армий мира...» (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961, 29).

О вт. пол. 1950-х гг.: «С верхней полки в Лиллю выпалили из пушки горохом. Лиля закрыла глаза и жалобно сказала “ма-ма»» (Виткович, Ягдфельд, 1961, 169).

ПУШКИН – Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) – русский писатель. Произведения А.С. Пушкина (прежде всего сказки) устойчиво входят в круг детского (домашнего) чтения и изучаются в школе. См.: «Анчар»;

«Дубровский»; «Зимнее утро»; «К Чаадаеву»; «На холмах Грузии...»; «Няне»; «Песнь о вещем Олеге»; «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»; «Сказка о рыбе и золотой рыбке»; «Евгений Онегин»; «Я вас любил...»; «Я помню чудное мгновенье».

О нач. 1930-х гг.: «Сказки “О царе Салтане”, “Золотой рыбке”, “О попе и его работнике Балде” я знал уже наизусть, но мог слушать их сколько угодно, хоть по сто раз кряду» (Соколовский, 1981, 6).

О 1994 г.: «Когда мне было 7 лет, я очень любила мультики... Моей любимой книгой были сказки А.С. Пушкина. Только сама я их не любила читала и просила маму. А потом постепенно начала сама читать. Даже на десятый раз они мне не казались скучными. И сейчас я бы не отказалась их снова прочитать» (076).

О 1990-х гг.: «Мне в детстве нравилось смотреть мультики. У нас дома была целая видеокассета по сказкам А.С.Пушкина. Там были: “Сказка о мертвой царевне и семи богатырях”, “Сказка о царе Салтане”, “Золотой петушок”, “Сказка о золотой рыбке”. Эти сказки учат добру, справедливости, мужеству. В них всегда добро побеждает зло» (077).

Изучение произведений А.С. Пушкина в школе.

О 1936–1937 гг.: «Приблизился 1937 год. Пушкинский год. 10 февраля исполнилось сто лет со дня трагической гибели поэта, и в ознаменование этой даты в школах на уроках литературы весь год изучали только Пушкина. Пушкин, Пушкин, Пушкин! Веселое имя Пушкин звенело по всей стране – со страниц газет, с экранов кинотеатров, с театральных подмостков. Мы, школьники, ходили как пьяные от пушкинских стихов» (Либединская, 1966, 69–70).

О тематике пионер. сборов в 1948–1949 гг.: «В 1948/1949 учеб. году повсеместно проходили пионерские сборы, посвященные гениальному русскому поэту А.С. Пушкину, преобразователю природы И.В. Мичурину, а также сборы, связанные с пропагандой... насаждения полезащитных полос...» (НШ, 1950, 228–229).

О 1960-х гг.: «А творчество Пушкина в VIII классе изучают на двадцати четырёх уроках!» (Никольский, 1971, 140).

Вызывание духа Пушкина.

О 1982–1984 гг.: «Наиболее яркие впечатления остались из пионерского лагеря... В лагере я была в возрасте 10–12 лет... Анкеты сохранились и у меня в пионерского лагеря. Ещё я запомнила, как мы вызывали духов – это было обычно вечером или ночью – окна завешивались, чтобы был полумрак, можно при свечке. Брали ленту, клали на середину ленты книгу таким образом, чтобы книга могла спокойно лежать на ней, ленту брали за концы. Все садились вокруг, заранее обговаривали, кого будем вызывать; соблюдалась тишина. Говорились такие слова: “Вызываем дух Пушкина. Вы слышите нас? Вы хотите с нами разговаривать?” (книга должна поворачиваться, если в правую сторону, то – да, если в левую – нет). И задавались различные вопросы... Вообще, это было самое интересное время в моей жизни. А потом... опять школа» (541).

«ПУШКИНСКИЙ ЧАС» – цикл радиопередач.

«С 1930-х годов до сего дня дети слышали и слышат по радио превосходных мастеров слова – Яхонтова, Журавлева, Ильинского, Качалова... Эти передачи подготовили почву и для таких современных радиоспектаклей “особого назначения”, как цикл “Пушкинский час”, отдельные передачи которого носят красноречивые названия: “Воспоминания на площади Пушкина”, “Руслан ищет меч”, “Ужели слово найдено?”... Спектакли, в которых органически сочетаются в одно волнующее целое речи о Пушкине, размышления о нем, его стихи в исполнении мастеров...» (Бегак, 1982, 96).

«ПЧЁЛКА МАЙЯ» – мультипликационный сериал.

О Шадринске 1991–1993 гг.: «Когда я была маленькая (3–5 лет), я очень любила мультсериал “Пчёлка Майя”. Его главной героиней была пчёлка по имени Майя, и у неё был друг кузнечик. Когда заканчивалась очередная серия этого великолепного мультсериала, я всегда плакала “горькими слезами”, потому что песенка в конце

была грустная. Я, конечно, этого не помню, но, по крайней мере, мне так рассказывает моя мама. Сейчас я хочу посмотреть этот мультфильм, но к сожалению я не могу его найти в нашем городе, ни в прокате, ни в магазине дисков» (052).

«ПЫЖ» – мальчишеская игра.

И.П. Сахаров в начале 1840-х гг. описывает эту игру следующим образом: «Пыж – игра опасная, служит летним увеселением для мальчиков. Выходя на луг или пустошь, мальчики вооружаются палками, длиною в 12 вершков, довольно толстыми. Для кона очерчивается четверугольное место, в середине которого становится *Пыж*, палочка отрубленная, в 3 вершка длиною. В этой игре участвуют *игроки* и *вожатый*... Игроки становятся на одну сторону – *на черту*, условленную от кона. Вожатый отходит в сторону. Игрок бросает палку в пыж, а вожатый бежит за пыжем, чтобы не допустить игрока взять палку и скорее воротиться к кону. В этой игре соблюдаются свои условия. Игрок должен так сбивать пыж, чтобы он, не оставаясь в четверугольнике, летел в сторону. Нарушитель сего условия – делается вожатым. Сбивши пыж, игрок должен бежать за своею палкою, чтобы поднять ее и возвратиться к кону до прихода вожатого; если он не надеется сделать этого, то должен отбрасывать палку на дальнейе расстояние и выжидать счастья. Вожатый не должен допускать к кону игрока с палкою; он должен скорее бросить на кон пыж. Вожатый должен замечать: кто из игроков, после пробития, возвращается на черту от кона, не обмочивши палку в четверугольнике? Выжидающий счастья игрок не должен брать палку прежде пробития другого, а иначе он делается вожатым. Если все игроки не успеют сбить с кона пыж, тогда вожатый берет его из четверугольника, отмеряет шаги по условию и бросает его в палки. На чью палку упадет пыж, тот делается вожатым. Если бы кто из игроков задумал спорить, то из него *выжимают масло*. Это делается так: один из игроков прижимает спорщика к себе, а другой к себе – палками. Спорщик сквозь слезы соглашается продолжать игру...» (Сахаров, [1841] 1997, 163–164).

«[Пыж –] *Обл.* Деревянный столбик для игры в городки; сама игра в городки» (Словарь, 1961–11, 1786).

«ПЫЖИКИ» – короткие шаровары для девочек.

О середине 1960-х гг.: «На физкультуру полагались черные сатиновые шаровары, девочкам – “пыжники”, ультракороткие шаровары. Маленькие женщины тайком подворачивали лишнюю материю под резинки – вовсе не затем, чтобы кого-то там соблазнить, им и в голову это не приходило! Просто для таких маленьких “пыжиков” материи было многовато...» (Киршин, 2002).

ПЫТКА – «физическое насилие, истязание при допросе обвиняемого с целью вынудить у него показание» (Словарь, 1961–11, 1799).

Пытки в детской игре.

Многие детские игры с разным формальным содержанием своим «пунтом» содержат возможность проведения легализованных правилами пыток («пыток»).

О г. Шумихе во вт. пол. 1980-х гг.: «Ещё у нас была такая игра, которая называется “Индейцы”. В лесу было такое болотистое место, там росли кустарники, почти что непроходимые, в болоте постоянно проваливаешься, если не знаешь определённых тропинок. И в этом месте развивалась игра. У мальчиков отдельный зашифрованный штаб и у девочек. Все разукрашены, и в различных набедренных повязках, лохмотьях, бегали и ловили друг друга, по этим кустам и болоту. Игра длилась до тех пор, пока не обнаружен штаб. Его старались как могли лучше спрятать, уводили пленных в определенное место, пытали их различными червячками, лягушками или словами, что оставляли здесь привязанных на всю ночь. Но все у нас держались стойко. Ни разу никто никого “не предал”» (554).

О Курганской обл. в конце 1990-х гг.: «Когда мне было 12–14 лет, мы с друзьями любили играть во дворе в “Пароль”. Делились на две команды. Участники одной загадывали слово, а задача другой команды поймать кого-либо из соперников и добиться, чтобы слово было сказано им. Если кто-либо из другой команды не

выдержит пыток (шипание, щекотка и т.д.) и выдаст пароль, то команды меняются ролями» (030).

«ПЬЯНИЦА», «пьяницы» – простейшая карточная игра. Дети играют в «пьяницу» с середины XIX по начало XXI века.

О девочках в 1860-е гг.: «Бывало, тетя Манюша сидит на крыльце, а мы тут же прыгаем по ступенькам или играем в мяч... Иногда сражаемся с ней в дурачки или в пьяницы или же в нашу любимую игру “ручные хлопущки”, которую мы сами придумали» (Лукашевич, [1918] 1994, 71).

О 1905–1907 гг.: «Рассказать, как в комнате... собралась Митя, Дуняша, Катюшка, как мы ели яблоки и играли в старые, растрепанные карты с бабушкой в “пьяницы” и в “носы”, весело смеясь над проигравшим, – значит, заглянуть в безмятежный и добрый час детства» (Емельянова, 1955, 172–173).

О середине 1910-х гг.: «Стали играть в карты. Особенно разошлись, когда в пьяницы сыграли. Весело. Карта на карту находит. Откроет Роман девятку, а у Васки тоже девятка, у бабушки тоже. “Спор!” – кричит Роман, заливается смехом. “И верно, спор, – смеется бабушка. – Вы, верно, жулите. Ну, кладите ещё по карте”. “Десятка,” – говорит Васька. Бабушка смотрит свою и торжествует. “Врешь, теперь моя взяла. Дама!” А у Романа – туз. “Ага, – хохочет Роман. – Чья теперь взяла?” Смешно Роману, а Васька злится, и бабушка чаще в нос табак пихает, по-настоящему сердится» (Белых, [1930] 1965, 25–26).

О с. Архангельском бывшей Уфимской губ. в 1942–1944 гг.: «Тетя Дуня родом была с Украины... И пятеро ребят было с ней – Николай, да Васька с Ванькой, да Райка с Маруськой... От печки до горницы полати перекинуты, там на всякое рухляди в душном сумраке коротали мы дни зимние, дулись замусоленной пухлой колодой в “акулину” и “пьяницу” с Райкой да Линкой соседской...» (Сотникова-Ратнер, 2007).

О г. Новоанганске Нижнеартовского р-на Тюменской обл. в 1986–1988 гг.: «В семь лет я научилась играть в “пьяницу” (в карты), и когда в 1988 г. мы ездили в Сочи, то часто с соседскими мальчиками играли в эту игру. Смысл игры в “пьяницу” заключается в том, что колода делится на две части, карты кладутся “рубашками” вверх. Играющие (их тоже двое, хотя может быть и больше) выкладывают по одной карте, большая карта “съедает” меньшую, шестёрка “съедает” туза. Игра может длиться несколько дней» (503).

ПЯТАК, пятачок – пятикопеечная монета.

Пятак под пятаку – примета: чтобы получить хорошую отметку на экзамене («пятерку»), следует положить под пятаку пятикопеечную монету («пятак»).

«Экзаменовались альтисты и виолончелисты и почему-то Люся вместе с ними... Она положила себе в туфель старый пятак. На счастье. А он ей так натёр ногу, что больно было стоять, и она сбилась. Вот так помогло!...» (Эмден, 1952, 204).

Играть в пятачок.

Д.С. Лихачев о вт. пол. 1910-х и 1940-х гг.: «Дольше всех держались семейные игры. Восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый – это очень страшные годы, годы объявленного красного террора. А дома всё-таки можно было как-то отдохнуть, поиграть... Ходили друг к другу в гости, играли. В пятачок, например. Надо было угадать, у кого под столом в руке находится пятачок. Я со своими детьми играл в пятачок и во время войны, в блокаду. Это вносило, знаете, элемент веселья и уступчивости – надо было уметь уступать друг другу» (НЛ, 2006, 43–44).

ПЯТАЧОК – 1. То же, что пятак. См.: *Пятак*.

ПЯТАЧОК – 2. Поросенок, персонаж книг А.А. Милна (см.: «*Винни-Пух*») и отечеств. мультфильмов.

О Шадринске в 1993 г.: «Когда мне было 7 лет, мне нравились диснеевские мультфильмы... Из русских мультфильмов мне нравился “Винни-Пух”. Мне там нравился Пятачок, потому что он был маленький и симпатичный» (091).

О мальчике 10 лет в с. Крутая горка Шумихинского р-на в 1994 г.: «Когда заканчивали играть в прятки, я шёл

домой и смотрел любимый мультфильм – приключения Пятачка и Винни-Пуха. Именно в этом мультфильме нравилось то, как Винни-Пух залезил на дерево, а Пятачок бежал и кричал, что, кажется, дождь собирается» (096).

ПЯТЁРКА, пять – самая высокая оценка успеваемости, применялась до 1918 года, была восстановлена в 1944 году и существует до настоящего времени. То же, что *пять*. См.: *Оценка успеваемости*.

О середине 1950-х гг.: «Прочитал про ёлку / Я по букварю. / Первую пятёрку / Маме подарю» (Татьяничева, 1959, 5).

О середине 1950-х гг.: «“А чтобы дома не очень ругались, скажу, что по истории получил пятёрку. В журнал. А то ещё дневник, потребуют...”» (Мелентьев, [1958] 1961, 16).

О конце 1950-х гг.: «Смотрите, вот почти готов / Андришин ящик для цветов. / Сделано со вкусом – / На пятёрку с плюсом!» (Барто, 1962, 15).

ПЯТЁРОЧНИЦА – то же, что отличница.

О конце 1940-х гг.: «Кузнецов... продолжал: “Вот вы столкнули пятёрнич с двоечниками... Это правильно!... Пускай друг на друга поближе посмотрят, познакомятся» (Матвеев, [1947–1954] 1958, 405).

ПЯТИДНЕВКА – длящийся пять дней (суток) период, на который ребёнок оставляют в яслях или детском саду.

О 1960-х гг.: «Павлику исполнилось два с половиной года, и к зиме мы отдали его в ясли, вначале на пятидневку, и тут же стали расплачиваться за столь неосмотрительный шаг – он начал болеть» (Гай, 1987, 153).

«ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ капитан» – роман *Жюль Верна*.

О Москве в конце 1930-х гг.: «...Сей титул должен был ассоциироваться с популярной среди нас, подростков, книгой Жюль Верна “Пятнадцатилетний капитан”» (Федосюк, 2004, 224).

ПЯТНАТЬ – «Играя в пятнашки, попадать в кого-либо мячом или дотрагиваться до кого-либо рукой» (Словарь, 1961–11, 1835).

ПЯТНАШКИ – «Детская игра, по правилам которой нужно попадать мячом в бегущего партнера или, догнав, коснуться его рукой» (Словарь, 1961–11, 1835); то же, что *салки* или *ляпки*.

О 1890-х гг.: «Был Петров день. Деревня праздновала... Мальчуганы-подростки были заняты рюхами и городками. Малолетки бегали “в пятнашки” и “хоронушки”» (Ловецкая, 1901, 90).

О нач. 1920-х гг.: «“...Пошли гонять дрогача!” Это означало, что, зазавнув после купания, нужно прогнать дрожь игрой в пятнашки. Я с удовольствием занялся игрой. Вначале казалось, что деревенские слишком больно пятаются, а потом попривык» (Богданов, 1961, 83).

О 1920-х гг.: «В разных городах или местностях эта игра называется по-разному. Например, приезжавшие на лето ребята называли ее салочки”. Называют её также “салки”, “ловишки”, “догонялки” и даже “ляпка”. Но ленинградские мальчишки и девочки всегда называли её “Пятнашки”, так я и буду ее именовать как привык с детства» (Якуб, 1988, 29).

О Москве во вт. пол. 1920-х гг.: «На первом месте стояли уцелевшие до наших дней салки – в Ленинграде они назывались пятнашками. Дотронуться до другого означало осалить его, в Ленинграде – запятнать» (Федосюк, 2004, 16).

О начале 1930-х гг.: Из стихотворения Зинаиды Александровой «Ветер на речке» (1932): «Возле речки – детский сад, / На лугу – ромашки... / Сорок маленьких ребят / Бегают в пятнашки».

О конце 1930-х гг.: «...Впечатления той поры, когда я был ещё ребенком, впервые взял сумку и отправился в здание, носящее... название: “Школа”. Беготня в коридорах, визг, гам..., игра в пятнашки...» (Бакинский, [1955] 1956, 239).

О девочках в конце 1930-х гг.: «Вот вышли они в сад и стали у самой калитки. Стоят и изо всех сил воздухом дышат. А тут в это время подходит к ним соседская девочка Валя. Она им говорит: “Девочки, идемте в

пятнашки играть». Белочка и Тamarочка говорят: «Нет, нам не хочется!» (Пантелеев, 1983–1).

О 1944–1945 гг.: «В скверике мальчик лет восьми, ... взяв за руку малыша в ватном пальтишке, говорил ему: “Ну давай тогда в пятнашки поиграем...”» (Бакинский, [1955] 1956, 143–144).

О первоклассниках в женской школе в конце 1940-х гг.: «Большая перемена... Маруся летит по коридору. Незнакомая учительница заграживает ей дорогу: “Стой, стой, девочка! Нельзя бегать так без оглядки. И сама ушибешься и других с ног собьешь”. “Пустите меня! – кричит Маруся. – Мы в пятнашки играем!”» (Шварц, [1949] 1960, 33).

О 1958 г.: «Гешка покраснел и вдруг сказал: “Давайте сыграем в пятнашки”. Она кивнула и первая, дотронувшись до Гешкиного плеча, бросилась бежать: “Баш не отдашь – не вырастешь!” Гешка кинулся за ней, но догнать её было невозможно... Вместо того чтобы поставить на место эту несносную Нюру, Гешка носится с ней по пабереге... Нет, Юлькино достоинство не позволяет ему играть в пятнашки с девчонкой» (Сластников, 1963).

О нач. 1970-х гг.: «В это время затеяли ребята игру в пятнашки» (Туричин, 1976, 7).

«ПЯТНАШКИ» – журнал для младшего и среднего школьного возраста», приложение к журналу «Крестьянка». Тираж 2007 года – 14 тысяч экземпляров.

«ПЯТЫЙ УГОЛ» – вид расправы.

О 1950-х гг. в Москве: «В первые дни я бродил по двору ошарашенный..., и всё вокруг представлялось мне неестественным: ... странные угрозы..., диковинные методы расправы вроде “пятого угла” в подворотне... А ведь я... москвич и родился в Москве» (Алексеев, 1987, 27–28).

ПЯТЬ – то же, что *пятёрка*, самая высокая оценка успеваемости. Применялась до 1918 года, была восстановлена в 1944 году и существует до настоящего времени. См.: *Оценка успеваемости*.

О начале 1940-х гг.: «Я Володины отметки / Узнаю без дневника. / Если брат приходит с тройкой – / Раздается три звонка. / Если вдруг у нас в квартире / Начинается трезвон – / Значит, пять или четыре / Получил сегодня он» (Барто, [1944] 1969–1, 247).

О конце 1940-х гг.: «... Я теперь по всем предметам / Получаю только пять» (Сергеев, 1952, 18).

О 1950-х гг.: «Все привыкли мы к порядку, / Утром делаем зарядку / И хотим отметку “Пять” / На уроках подучать» (Высотская, 1961, 60).

«ПЯТЬ КАМУШКОВ» – детская игра.

О 1941–1945 гг.: «Пять камушков. Мое дошкольное детство прошло в эвакуации, под Саратовом, на берегу Волги: жара, песок, свекла на обед и на ужин. А на завтрак – хлеб с “чаем”. Масло не всем доставалось: старшие у маленьких отбирали. Но то, что жизнь голодная была, как-то смутно вспоминается. А вот как играли, веселье наше хорошо помню. Мы тогда много времени проводили на пляже. Самой любимой игрой была игра в камушки. Игра так и называлась – “Пять камушков”. Раскладывали перед собой пять небольших гладких камушков. Шестой камушек брали в руку. Этот камушек подбрасывался вверх. Пока камушек в воздухе, нужно было ухватить с земли еще один, а затем этой же рукой поймать подброшенный. Теперь в руке было два камушка. После этого один камушек снова подбрасывался, а с земли подбирался третий камушек. И так – пока все камушки не оказывались в кулаке. Потом нужно было подбросить все их разом и поймать на тыльную сторону кисти. Сколько поймал – столько очков набрал. Затем все эти действия повторял другой игрок. Если во время своего хода кто-то не успевал поймать камушек или ронял захваченные, право хода тут же передавалось следующему играющему» (Австрияник, 2007–1, 2).

Ср.: *Камешки, камушки*.

«ПЯТЬ ПАРНЕЙ О ЛЮБИ ПОЮТ...» – песня.

Песня «Пять парней» (муз. Владислава Благонадежина, слова Г. Карпова) появилась в конце 1950-х годов. Первые публикации появились много позже, поэтому трудно сейчас определить, что из

первоначального замысла песни сохранилось, а что было дописано» и «подправлено» при публикациях. Вот примерный вариант исходной («канонической») песни: «[1] Дым костра создает уют, / Искры тлеют и гаснут сами... / Пять ребят о любви поют / Чуть охрипшими голосами. / [2] Если б слышали те, о ком / Эта песня сейчас звучала / Прибежали б сюда пешком, / Чтоб услышать её сначала. / [3] Чтоб почувствовать до конца / В этом дальнем таёжном стане, / Как умеют любить сердца, / Огрубевшие от скитаний. / [4] Пять сердец бьются, как одно, / Вспоминая подруг далёких, / Тех, что ждут их давным-давно, / Самых нежных и яснооких».

Исходный официальный мужественно-романтический вариант не получил распространения. Значительно большую популярность в подростково-юношеской среде обрела перетекстовка, превратившая песню из лирико-романтической в сюжетно-эротическую:

Вариант 1 (наиболее распространённый): «[1] Дым костра создаёт уют, / Искры гаснут в полете сами. / Пять парней о любви поют / Чуть охрипшими голосами. / [2] Вот и кончился школьный бал... / Ты посмотрела маниям взглядом. / И я покидаю нарядный зал, / И вот мы шагаем по проспекту рядом. / [3] В квартире твоей родителей нет, / Они отдыхают у тёти Веры. / И вот погас в твоей комнате свет, / И вот захлопнулись входные двери. / [4] Ты расстелила свою кровать, / Ко мне подошла, чтобы пасть в объятия, / И мне пришлось поневоле снять / Твоё коротенькое школьное платье... / [5] Ну что мне делать с тобой такой? / На этот стол и на эти книжки... [6] Вот уже утро, пора нам вставать, / Но я не хочу, чтобы ты проснулась, / Мне так приятно с тобой лежать, / Хоть бы эта ночь к нам опять вернулась. / [7] Ты ещё спишь, ты так хороша, / Не хочу нарушить твой сон прекрасней, / Переступаю я чуть дыша, / Привожу в порядок твоё школьное платье. [8] И, отогнув, одеяла край, / Нежно целую твои колени... А ну-ка, лентяйка, давай вставай, / Посмотри, какие на сливках пенки» (вариант, записан для автора 20-летним юношей в первой половине 1980-х гг. в Екатеринбурге).

Вариант 2 (возможно, не вариант, а конгломерат разных куплетов): «[1] Дым костра создаёт уют, / Искры тлеют и гаснут сами. / Пять парней о любви поют / Чуть охрипшими голосами. / [2] Если б ты услышала вдруг, / Как эта песня сейчас звучала, / Ты б прибежала сюда тайком, / Чтобы послушать её сначала. [3] Вот этот пушкинский бронзовый бюст, / Он украшает твои подтяжки, / А мне всё кажется, с поэта уст вот-вот сорвутся любовь и ласки. [4] Отбросив одеяла край, / Я целую твои голые колени... / Лентяйка, милая, вставай, / Смотри, какие на сливках пенки... [5] Ну что же мне, что же поделаться с тобой, / На этот стол и на эти книжки... [6] Ты с похода вернулась домой, / Но была уже не девчонка, / Не побежишь ты с мальчишками гурьбой / И не встряхнешь ты по-девичьи чёлкой. / “Мама, милая, прости, / Я вовсе этого не хотела. / Так получилось, сама пойми”, – / Молила девчонка, стоя на коленях...”» (записано для автора словаря 17-летней лаборанткой кафедры Шадринского педин-та в октябре 1987 года).

«ПЯТЬ УГЛОВ» – петербургская газета для детей и подростков, основана в 1924 году, называлась «Ленинские искры», в 1990-е годы была переименована в «Пять углов». В 2004 году отметила 80-летие.

РАБОТА над ошибками – вид учебной деятельности на уроках литературы и русского языка: ученик переписывает без ошибок те слова и предложения, в которых во время написания диктанта, сочинения или изложения допустил ошибку.

Об учениках 5 класса женской школы в 1948 г.: «Виктор Николаевич быстро успокоил нас, сказав, что эти оценки в журнал не поставит. Все должны дома сделать под диктантом работу над ошибками: три раза правильно написать слово, в котором была ошибка, безударную гласную проверить ударной в однокоренном слове, нечеткие согласные проверить четкими, в каждом слове выделить приставку, корень, суффикс, окончание» (Шендерова, 2008).

О Шадринске во вт. пол. 1980-х гг. – нач. 1990-х гг.: «...Когда получаешь тетрадь с проверенным диктантом, немного медлишь, замираешь... Когда видишь “4”, редко “3”, опускаются руки..., потому что по-другому не умеешь. И уже совсем равнодушно, только как работу для “галочки”, воспринимаешь работу над ошибками. Муторнее занятия я не знаю. Не помню ни разу, чтобы эта работа над ошибками пошла мне на пользу» (1001).

РАБОТАТЬ, зарабатывать – трудиться ради денег, заработка.

О подростке в Екатеринбурге в начале 1970-х гг.: «Мне тогда захотелось новый магнитофон, а отец сказал: всегда живи по средствам, сколько денег у тебя есть – на столько и живи, не будь никому должен, не завись ни от кого. А на магнитофон заработай. Сам он тогда работал дворником и меня пристроил по утрам убирать площадку возле сада недалеко от Уральского политех. университета. И вот через нек. время я первый в классе купил кассетный магнитофон, кажется, он назывался “Весна”, а потом настоящие джинсы “Ливайс” за 90 рублей. На них я тоже сам заработал.

«**РАБЫНЯ Изаура**» – бразильский сериал 1976 года; его сокращенный вариант был показан в СССР по Центральному телевидению в конце 1988 г.

О девочке-подростке в Шадринске в конце 1980-х гг.: «Сериал “Рабья Изаура”. Сразу вспоминаю простор, жару, соломенные дома, богатые, красивые платья. Вечером (8 класс) бежишь домой, темно, осень, кушаешь, набираешь с собой кучу шоколадных батончиков, сочишь их зубами и смотришь чудесную сказку о любви, о несправедливости, о красоте, о победе любви. Я даже после сериала нашла в чемодане старые мамины платья, мне они были длинные, мерила их, представляла, что я буду их надевать, гулять в лесу с магнитофоном в руках (в кино же была музыка), как Изаура, и встречу любимого. Хотела быть похожей на Изауру своей красотой, умом, кротостью. У бабушки на конце улицы был небольшой пруд, рядом насыпь, по которой шла железная дорога. Я уходила туда (это было рискованно, страшно, далеко) и прогуливалась там в жару, как это делала рабыня Изаура. Я представляла, что у меня зонтик и я прогуливаюсь. Я даже сердилась, когда Таня подошла ко мне и спросила: “Что ты делаешь?”» (1001).

«**РАДИЙ**» – конфеты.

О девочке 1946 г. р. во вт. пол. 1950-х гг.: «Отправляясь на рождение к подруге, я неуклюже заворачиваю коробку в виде лукошка, внутри которой в фантиках, изображающих клубнику, изумительные конфеты с жутковатым на теперешний вкус названием “Радий»» (Малиновская, 2000).

О мальчиках 10–11 лет в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Невидимые следы привели Юрку в “келью” Аркадия. И он стал шарить на полках с книгами. “Кажется, отсюда несет... О! Что-то есть... Кулёк! Валерка, смотри – “Радий”. Законно! Стой-ка, две конфеты вниз провалились» (Михасенко, [1959–1963] 1965, 201).

См. также: *Конфета*. Ср.: «*Барбарис*»; *Карамель*; *Леденцы*, *Тянучка*.

РАДИО – «Разг. Репродуктор трансляционной сети или радиоприёмник» (Словарь, 1961–12, 63).

См.: *Радиовещание*.

РАДИОВЕЩАНИЕ – «система распространения социально-культурной информации в звуковой форме с помощью электромагнитного излучения; электронное средство массовой коммуникации. Техническая основа радиовещания – радиосвязь (передача и приём радиоволн)» (ПЭС, 2003, 232).

Радиовещание для детей и подростков.

«В СССР... с 1925 в эфир выходили рубрики “Радиооктябрёнок” и “Радиопионер”... Широкое распространение получили радиоверсии дет. газет и журналов: “Мурзилка”, “Ёж”, “Пионерская правда” и т. п. В 1932 году ... объём дет. вещания составлял 13 часов в неделю, появилась первая регулярная рубрика для дошкольников – “Малыш” с гл. действующим персонажем Петрушкой... Основной дет. радиопередачей была

“Пионерская зорька” (ежедневная утренняя радиогазета, 1934–1991 гг.). С 1944 года выходила в эфир “Угадайка”. К началу 1960-х гг. большинство школ располагало радиоуздами... В 1960-х – 1970-х гг. расширился диапазон передач для различных возрастных групп (“Сказка за сказкой”, “КОАПП”, “Радионяня”, “Клуб знаменитых капитанов”, “Ровесники”). В 1990-е гг. в радиовещании проявилась ярко выраженная тенденция – деполитизация радиовещания. (например, “Пионерская зорька” преобразована в “Пингвин”, а с 1994 – в “Непоседы”); появились религиозные передачи и др. В то же время сократилось число программ для дошк. возраста, уменьшился объём трансляции нар. и классич. музыки» (ПЭС, 2003, 232).

О середине 1930-х гг.: «А в каком году у нас дома появилось радио? Не в том же ли 1934? Проведение в квартиры радиотрансляции, водружение на стену нашей комнаты черной тарелки репродуктора стало поистине еще одной революцией в нашем ежедневном существовании. Радио теперь было включено почти постоянно. Мы собирались в школу или в детский сад под звуки “Пионерской зорьки”, а засыпала я под бой курантов со Спасской башни... Большую радость нам доставляли дет. радиоспектакли. После жестокой пугающей политграммы начала 1930-х годов вдруг нам стали не только рассказывать, но и изображать (да и делали это самые хорошие актеры) занимательные истории самого разного рода – тут и любимый нами особенно “Робин Гуд”, тут и замечательный “Китайский секрет” (история изобретения фарфора в беллетризованной форме), тут и “Музыкальная табакерка” и многое, многое другое. И всё это в сопровождении милой музыки, веселых песенок, бесконечно нами распеваемых. Радио отгоняло от нас до поры до времени и страхи, и чувство одиночества! Во время самых увлекательных и любимых передач мы обычно садились все вместе прямо на стол, чтобы оказаться поближе к висевшей волшебной тарелке и обмениваться тут же впечатлениями» (Старикова, 2003, 296–297).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Как-то утром, когда мы только начали играть..., девочки вдруг всё побросали и с криками: “Ой, сейчас начнется!” – побежали к шаповаловскому дому. Я побежала за всеми. Но мы оказались не у Веры с Тamarой, а в квартире напротив, где жила семья летчика. У них в комнате был приёмник – высокий коричневый ящик с маленьким окошком внизу, в нём горел зеленый огонек. Замерев, мы слушали “Приключения доисторического мальчика”, детскую радиопередачу с продолжением» (Кравченко, 2007).

О 1936–1938 гг.: «А у Бреневых был даже радиоприёмник! Дядя Федя недавно приехал с Колымы, куда ездил, чтобы подзаработать для своей большой семьи. Денег хватило даже и на приёмник. Солидный ящик стоял на комод. Верхняя часть передней стенки затянута материей, а пониже, в центре, – окошечко, словно леток в улье. Это был приёмник “Си-235”; его начали выпускать в 1935 году. Помню, Москва передавала для детей по частям сказку “Аладдин и волшебная лампа”, и мы с братом приходили слушать её. Младшие дети и мы усаживались перед радиоприёмником, как теперь усаживаются перед телевизором. Щёлкал включатель, и в окошечке освещалась шкала настройки. Лампы в радиоприёмнике накалялись долго, и он оживал не сразу. Радиоприёмник нам представлялся волшебным ящиком. И сказка, которую мы слушали, казалась особенно захватывающей» (Богданков, 1972, 33).

См. также: «*В стране литературных героев*»; «*Весёлое путешествие от А до Я*»; «*Вести из леса*»; «*Внимание, на старт*»; «*Клуб знаменитых капитанов*»; «*КОАПП*»; «*Колобок и два жирафа*»; «*Малыш*»; «*Октябрёнок*»; «*Пионерская зорька*»; «*Путешествие в страну литературных героев*»; «*Путешествие по любимой Родине*»; «*Пушкинский час*»; «*Радио – для урока*»; «*Радиоклуб юных географов*»; «*Радионяня*»; «*Радиопионер*»; «*Радиочитальня для ребят*»; «*Раннее солнце*»; «*Ровесники*»; «*Светлый дом*»; «*Сибирячок*»; «*Сказка за сказкой*»; «*Угадайка*»; «*Улица Сезам*»; «*Школа юннатов*»; «*Экстаж разноцветных стрел*».

«РАДИО – для урока» – серия радиопередач.

«...В серию, названную “Радио – для урока”, неизменно входят исполняемые выдающимися чтецами лучшие произв-ия искусства слова: русские сказки, собранные Афанасьевым, сказочные новеллы Андерсена, сказки Пушкина, поэмы Некрасова, комедии Фонвизина и Грибоедова и многие другие из сокровищ, хранящихся в фонотеке» (Бегак, 1982, 96).

«РАДИОКЛУБ юных географов» – передача Всесоюзного радио для детей. Впервые в эфир вышла в дек. 1947 г.

Учёные – географы, геологи, зоологи и ботаники – рассказывали о пионерских экспедициях, о своих научных работах и открытиях, отвечали на вопросы и давали полезные советы.

РАДИОЛИНЕЙКА – «Всесоюзный старт новым пионерским делам, который объявляется по “Пионерской зорьке” 2 октября каждого года» (БГ, 1977, 45).

Сообщение о начале *пионерской двухлетки* было сделано 2 окт. 1960 г. на Всесоюз. радиолинейке.

РАДИОЛЮБИТЕЛЬСТВО – вид непрофессионального занятия по конструированию, изготовлению и использованию радиоэлектронной аппаратуры. В 1950-е – 1970-е годы многие ребята увлекались радиолюбительством.

О 1960-х гг.: «Нач. ступенью радиолюбительства являлся сборка простейших радиоприемников (детекторных, ламповых, транзисторных). След. ступень – сборка более сложных приемников, измерит. приборов, ультракоротковолновых (УКВ) и коротковолновых (КВ) радиостанций... На высшей ступени радиолуб-тва любители сами конструируют радиоаппаратуру и разл. приборы. В нашей стране многие школьники проявляют интерес к радиолубит-ву. Наиболее успешно занимаются радиолубит-вом можно коллективно, в кружках школ и внешк. учреждений. Это... не исключает выполнения и в дом. обстановке нек. радиомонтажных работ, сборки радиоаппаратуры из готовых деталей. Члены кружков радиолуб-ва радиофицируют свои школы, изготавливают учебно-наглядные пособия по радиоэлектронике, участвуют в местных и всесоюз. выставках творчества радиолубителей, соревнованиях по связи на УКВ и КВ. Самост. разновидностью радиолубит-ва являются опыты по радиосвязи на УКВ и КВ. Для них используются любит. радиостанции... К работе на любит. коллект. УКВ станциях допускаются школьники, достигшие 12 лет, а на КВ станциях – с 14 лет... Работой этих станций руководит ДОСААФ» (ТВПО, 1968, 299).

«РАДИОНЯНЯ» – юмористическая развлекательно-обучающая радиопередача. Выходила в эфир в 1970-е – 1980-е гг. (с 1970, по др. источникам – с 1973 г.). В числе её постоянных ведущих были Александр Левенбук, Александр Лифшиц и Николай Литвинов. Передача начиналась песней: «“Радионяня”, “Радионяня” – / Есть такая передача. / “Радионяня”, “Радионяня” – / У нее одна задача: / Чтоб все девчонки / И все мальчишки / Подружились с ней, / Чтоб всем ребятам, / Всем трулялятам / Было веселей». В числе рубрик – «Веселый арбитраж». В гл. рубрике – «Веселый урок» – исполнялись весёлые «учебные» песни «для запоминания» с содержанием на грани абсурда: «Минус поставим сначала, / Рядом с ним “пэ” пополам, / Плюс-минус знак радикала, / С детства знакомого нам. / Ну, а под корнем, приятель, / Сводится все к пустяку: / “Пэ” пополам и в квадрате / Минус несчастное “ку”». В «Радионяне» прозвучала песня «Аппетит» – о том, как одного мальчика заставляли есть по часам: «Это потому, что бабушка считает, / Что важнее самых главных дел, / Чтобы мальчик, как проснется, / Так бы ел, и ел, и ел!».

«Радионяня» обучала нас грамматике и правописанию, математич. правилам и хорошему тону, попутно развлекая песнями. Композиторы большинства этих песен – Борис Савельев и Владимир Шаинский, в числе авторов текстов – Даниил Хармс и Овсей (Шике) Дриз. “Радионяня” была отличной командой, неповторимый стиль которой парадоксально соединял в себе театральный капустник, детский утренник и музыкально-поэтическое кабаре. В передачах “Радионяни” какая-то

не то изюминка, не то “безуминка” всегда сочетались с эстетич. трезвостью, строгим вкусом, целомудрием и гуманизмом: “Чтоб все девчонки и все мальчишки подружились с ней, чтоб всем ребятам, всем трулялятам было веселей!”» (Короленко, 2005, 62).

О 1969 (ошибка?) годе: «“Мы рады вас приветствовать, товарищи ребята!” – запевали два взрослых лоботряса Лившиц и Левенгук. “Конечно, если дома вы, а не ушли куда-то”, – резонерствовал дедушка Николай Литвинов. И все неволью припадали ухом, забросив все дела: “Радионяня” в гости к нам пришла! Грешная тройца валяла дурака с каким-то невероятным преждевременным антисоветским блеском» (Киришин, 2002).

О нач. 1980-х гг.: «А вот подошло и воскресенье. Раз в месяц в 10 часов 30 минут появляется в эфире “Радионяня”. Делать весёлые передачи – очень серьезное и трудное дело. Но, судя по письмам, которые получает редакция, “Радионяня” старается не напрасно. Ребята любят и забавные проказы ее ведущих, и шуточные песенки, и рассказы гостей “Радионяни”, и её веселые уроки. А учителя прямо говорят: после уроков “Радионяни” ребята гораздо лучше запоминают самые трудные правила грамматики и законы математики» (СПВ, 1983, 66).

«РАДИООКТЯБРЁНОК» – радиопередача 1920-х гг. «С апреля 1925 г. в эфире регулярно звучат “Радиопионер” и “Радиооктябрьёнок”» (Вишневская, 1972, 79).

«РАДИОПИОНЕР» – радиопередача 1920-х гг. «С апреля 1925 г. в эфире регулярно звучат “Радиопионер” и “Радиооктябрьёнок”» (Вишневская, 1972, 79).

О конце 1920-х гг.: «Как-то отец принес маленький деревянный настольный ящик... Хитрый прибор назывался детектором. Усилителя на приемнике не было, звук еле слышался через наушники. Иногда волна пропадала, и мучительные поиски её начинались снова. Потели ушные раковины... Тем не менее и взрослые и дети жадно вырывали друг у друга наушники... Я любил слушать передачу “Радиопионер”, а также почему-то “Рабочий полдень”» (Федосюк, 2004, 68–70).

РАДИОУЗЕЛ школьный – радиостанция со спец. приёмно-усилительной аппаратурой для трансляции учащимся и работникам школы радиовещательных программ и передачи сообщений местного значения по радиотрансляционной сети.

О 1950 г.: «Говорит школьный радиоузел, – раздалось из репродуктора, – у микрофона Дед Мороз... Потом вдруг из репродуктора послышался спор: “Пусти, я тоже хочу сказать!” – звенел чей-то весёлый голос» (Туренская, 1956, 505).

См. также: *Радиолюбительство*.

«РАДИОЧИТАЛЬНЯ для ребят» – радиопередача для детей.

«Уже в первые годы расцвета дет. худ. вещания в нем зачастую счастливо сочетались худ. и педагогическое начала... В организованной редактором И.А. Желобовским и режиссером О.Н. Абдуловым “Радио-читальне для ребят” дети знакомились с мастерски прочитанными произв-ми классиков; слушали они и советских писателей, особенно детских, часто в исполнении самих авторов» (Бегак, 1982, 95).

«РАДУГА» – род пружинных игрушек.

О 1994–1995 гг.: «Когда я училась в начальной школе (2–3 кл.), в моду вошла “Радуга” – пружиннообразная пластмассовая ярко окрашенная игрушка, которую можно было “перекачивать” в ладонях, “протаскивать через себя” (то есть один конец “Радуги”) свободно можно было протянуть через всю “Радугу”), и спускать по лесенкам. Последнее было всеобщей забавой. На каждой перемене мы выбегали к лесенкам и сравнивали, у кого “Радуга” красивее, у кого ниже спустилась с лесенок. Сначала игрушки были все одинаковые, круглые – отличались лишь размерами. Затем стали появляться “Радуги-звёздочки” (в форме звёзд), “Радуги-колокольчики” (в форме колокольчика), “Радуги-звоночки” (в форме звонка-колокольчика), “Радуги-листики” (в форме листа), “Радуги-крестики” (в форме

карточной масти “треф”). Особой же популярностью пользовались “Радуги-сердечки” (в форме сердца). Такой вид радуги считался самым престижным, поэтому “Радуги-сердечки” раскупались в магазинах моментально. Интерес к данным игрушкам пропал так же внезапно, как и появился. Уже в 5 классе (1996 г.) все школьники перешли на новую форму игры – “Электронику»» (012).

О селе Ольховка в 1995 году: «“Радуга” – своеобразная разноцветная (по всем цветам радуги) пружина, разной окружности и формы: круглая в виде сердечка, звездочки. Мы играли в нее в возрасте 10 лет (в 1995 году). “Радугу” можно было перекидывать с руки на руку, на пол, другой твердый предмет. Как пружинка, она имеет пластичность собираться» (009).

О 1995 г. «В 1995 году появилась игрушка “Радуга” – разноцветная, красивая. Я просила родителей, чтобы они купили мне её, так как я даже не соглашалась идти в школу (мне было 11 лет, я училась в 5 классе). Когда мне её купили, то я была так рада. Эту игрушку я брала с собой в школу, когда появлялась свободная минутка, то я в неё играла. Больше всего мне нравилось спускать её по лестнице, было так прикольно, когда она прыгала по ступенькам. Мы также с друзьями, одноклассниками играли наперегонки, спускали свою радугу, кто быстрее, тот и выигрывал. Было очень весело и интересно» (106).

О пос. Каргаполье в 1997 г.: «Мне было лет 13, когда мне мама купила “радугу”. Почти у каждого ребенка была такая игрушка. Её увлекались тогда и первоклассники, и ученики старших классов. Игрушка выглядела так: это была спиралевидная пружинка, изготовленная из какого-то вида пластмассы (я не знаю точного названия материала, из которого ее изготавливали). Она была разноцветной. Как радуга, цвета пружинки переходили плавно один в другой: желтый – в оранжевый, оранжевый – в красный, красный – в зеленый, зеленый – в голубой-синий, а тот – в сиреневый. Играли в неё следующим образом. Один конец спирали был в левой руке, другой в правой. Поднимаешь левую руку чуть выше правой – кольца спирали перекатываются на правую ладонь, поднимаешь правую – спираль перекатывается на левую. Мне нравилось смотреть, как меняются постепенно цвета. У меня была “радуга” круглая, а у некоторых детей были “радуги” в форме сердца, бабочки. Играли “радугой” как девочки, так и мальчики» (013).

«РАЗ морозною зимой...» – начальные слова популярной в течение нескольких десятилетий у детей песни «Почему медведь зимой спит».

«РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, вышел зайчик погулять...» – стихотворение, написанное в 1851 году и уже более 150 лет пользующееся популярностью у детей. Его автор – Федор Богданович Миллер (1818–1881), печатавшийся в журнале для детей «Подснежник». Вот оригинальный текст стихотворения: «Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять, / Вдруг охотник прибегаёт, / Из ружья в него стреляет... / Пиф-паф! Ой-ой-ой! / Умирает зайчик мой!». Стихотворение фольклоризировалось и обросло многочисленными «дописками» и переделками.

О середине 1920-х гг.: «Несомненно есть считалки и книжного происхождения, к ним принадлежит очень популярная среди детей города и деревни: “Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять. / Вот охотник выбегает – / Прямо в зайчика стреляет: Пиф, паф! Ой ой ой! / Умирает зайчик мой» (Капица, 1928, 128).

«...В играх в Ульяновской обл. примерно в 1980–1986 гг. при играх использовали считалки, чтобы выбрать ведущего. Вот некоторые из них:... “Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять, / Вдруг охотник выбегает, / Прямо в зайчика стреляет. / Пиф, паф, ой-ой-ой, / Умирает зайчик мой, / Привезли его в больницу, / Он украл там рукавицу, / Привезли его в буфет, / Он украл кило конфет, / Привезли его домой, / Оказался он живой!!!» (600).

О девочке в с. Ожогово Шатровского р-на в 1983 г.: «Когда мне было года 3–4, я увидела у бабушки железный стакан, на нём был нарисован охотник, бегущий за

бедным зайчиком с ружьем. Нарисовано это было на белом фоне синей краской. Я сказала бабушке: “Какая интересная картинка!”, и бабушка объяснила мне, что охотник догоняет зайчика, чтобы убить его, и прочитала наизусть: “Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет. Пиф-паф! Ой, ой, ой! Умирает зайчик мой”» (154).

О девочке 4–7 лет в г. Когалыме в 1991–1994 гг.: «Маша предложила: “А давайте в ляпы!”. Марина: “Кто придумал, тот и “галя”. Маша: “А-а, хитренькая. Давайте посчитаемся”. Мы встали в круг и Маша начала говорить слова считалочки: “Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять, / Вдруг охотник выбегает, / Прямо в зайчика стреляет. / Пиф-паф, ой-ой-ой, / Умирает зайчик мой. / Привезли его в больницу – / Он украл там рукавицу, / Привезли его домой – / Оказался он живым”. На каждое слово считалочки она показывала пальцем на меня, Светку, Марину и себя. Слова считалочки закончились на Свете. Маша сказала: “Света, ты вышла”. Это означало, что Света уже не будет нас ловить. Ей повезло. Мы очень не любили роль “галящего”. Куда интереснее убежать или прятаться. Маша продолжила считалку между нами тремя. Вышла я... вышла Маша. Марина осталась. Девочка с возмущением начала бегать за нами. Заигрались, забыла об обиде» (134).

О детях 7–9 лет в 1993–1995 гг.: «“Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет. Пиф-паф, ой-ей-ей, умирает зайчик мой, привезли его домой – прямо в печку головой, а из печки – на мороз, получился Дед Мороз” – использовали как считалку перед началом игры в прятки» (138).

«РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, я иду искать!» – традиционная формула, произносимая водящим (галящим) в прятках.

О Ленинграде в 1942 г.: «“Давайте в пряталки”, – предложил Серёжа. “Не в пряталки, а в прятки...”, – поправила его Таня... Водить выпало Гале. Она уселась на лавочку и крепко зажмурила глаза. Все разбежались. “Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, я иду искать совсем! А-у! Я иду!” – несколько раз громко повторила Галя. Никто не откликнулся – значит, все спрятались. Тогда Галя открыла глаза и встала... “Давай спрячемся хоть за угол дома, а то слышишь, Вовка уже считает. И, забрав за дом, они прижались к стене. А из их двора слышался громкий Вовкин голос: “Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, я иду искать совсем! А-у! Я иду!”» (Карасёва, 1960, 44–47).

О 1980-х гг.: «Они начали гоняться друг за другом вокруг ёлки, потом прибежали ещё две девочки из их класса, и они решили сыграть в прятки. Наде выпало водить. Она закрыла глаза ладонями, через минуту крикнула: “Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался – я не виноват”» (Евгеньева, 1990, 200).

РАЗБИВАТЬ окна мячом.

О середине 1950-х гг.: «“Нет житья от этого мальчишки! – кричала она. – Вчера он высадил окно мячиком! А позавчера его химический карандаш упал в кастрюлю с окрошкой!...” ...Это была добрая бабушка... Когда Мишка нечаянно разбил мячиком её окно, бабушка Лида даже не пожаловалась управдому» (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961; 11, 34).

«РАЗБОЙНИКИ» – детская игра.

О мальчиках из дворянских семей 10–13 лет в конце 1830-х гг.: «В палисаднике было очень весело. Игра в разбойники шла как нельзя лучше... Сереза был разбойник: погнавшись за проезжающими, он споткнулся и на всем бегу ударился коленом о дерево... Несмотря на то, что я был жандарм и моя обязанность состояла в том, чтобы ловить его, я подошел и с участием стал спрашивать, больно ли ему. Сереза рассердился на меня: скаж кулаки, топнул ногой и... закричал мне: “Ну, что это? после этого игры никакой нет! Ну, что ж ты меня не ловишь? что ж ты меня не ловишь?” – повторял он несколько раз, искося поглядывая на Володю и старшего Ивина, которые, представляя проезжающих, припрыгивая, бежали по дорожке, и вдруг взвизгнул и с громким

смехом бросился ловить их... Когда игра в разбойники прекратилась, мы пошли наверх...» (Толстой, [1852] 1966; 78, 79).

О девочке в конце 1900-х гг.: «Нет, конечно, все было в детстве... Были шумные игры, с криком до хрипоты, с прятаньем по чердакам, рассаживанием в кровь коленок, а вечером – отмачиванием присохшего от крови чулка... Упоительно играть в разбойники или даже в простые лошадки... Правда, редко игры эти кончаются без слёз и обид...» (Пришвина, 2003)

РАЗВЕДКА – сбор войсковой группой сведений о противнике и о занимаемой им местности.

Играть в разведку.

О перв. пол. 1940-х гг.: «Из сарайчика с дровами пахло сухой березой. Как хорошо было прятаться в закоулках между поленищами, когда он с мальчишками играл в разведку или в соловья-разбойника!...» (Мусатов, [1948] 1971, 68–69).

См. также: *Разведчик, Играть в разведчиков.*

РАЗВЕДЧИК – человек, занимающийся сбором сведений о противнике (в военное время), об экономическом и экономическом положении другого государства (в мирное время).

Играть в разведчиков.

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Остались только фундаменты домов, сложенные из камня-дикаря; в рамках из рослого бурьяна чернели ямы подполов да кое-где сохранились покривившиеся ворота и заборы. Горняцкие ребята облюбовали это место для игры в разведчиков и для всяких военных предприятий. Множество подвигов совершали они здесь, ведя уличные бои... А детвора Горы Железной доигрывала лето, провозжала каникулы... Пыль висела облаком над волейбольными площадками... Даже на старых огородах стало шумно, потому что здесь одновременно показывали чудеса храбрости и находчивости десятки “разведчиков”» (Ликстанов, [1953] 1964; 337, 424).

О вт. пол. 1960-х гг.: «Маленькие читатели с увлечением играют в путешественников, разведчиков, космонавтов, мушкетеров, альпинистов, “красных дьяволят”, находясь под впечатлением от прочитанной книги, просмотренного фильма или спектакля» (Никольский, 1971, 62).

См. также: *Разведка, Играть в разведку.*

«РАЗВИВАЮЩИЕ ИГРЫ».

О 1950 г.: «Меня наказали. Не взяли к шефам за подарками к первому сентября. Ожидались новые пионерские галстуки, тетрадки и в клеточку, и в линейку, девочкам – ленты, мальчикам – носки. Всем – развивающие игры. “Квартет композиторов”, “Из пушки на Луну”, “Не промахнись”. И сласти, и чаепитие. Не жизнь, а сливочная тянучка» (Ибрагимова, 1993, 26).

«РАЗВОД и девичья фамилия» – шутливая фраза, выражающая обиду.

О детях 7–13 лет в Шадринске в 1994–2000 гг.: «Первый раз я услышала эту фразу во дворе, когда поссорились две девочки. Димка сказал: “Ну всё – развод и девичья фамилия”. В более позднем возрасте фразой стали обозначать ссору или разрыв с другом; а мальчишки, при ссорах про подруг говорили: “Прошла любовь, завяли помидоры» (012)

О девочке 10–15 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1995–2000 гг.: «Когда кто-то из нашей компании с кем-то ссорился, то заключительной фразой ссоры была: “Развод, девичья фамилия и все дети в форточку”» (137).

О вт. пол. 1990-х гг.: «“Развод и девичья фамилия” – выражение при ссорах. Например, поссорились две девочки или мальчик с девочкой, а им говорят: “Ну вот, опять развод и девичья фамилия”» (154).

О девочке 15 лет в Шадринске в 2000 г.: «Мы использовали выражение “Развод... и девичья фамилия!” в шуточной форме, чтобы показать, что нам что-то не нравится и когда мы начинаем обижаться. Например: “Мы договорились втроём ехать ко мне на дачу, загорать поедешь?” “Ах, так, меня не зовете? Ну и всё! Развод... и девичья фамилия!”» (132).

О девятикласснице в 2001 г.: «Фразой “Всё, развод, девичья фамилия и тумбочки между кроватями” часто

произносила моя подруга, когда разговаривала или ссорилась со своим молодым человеком» (211).

О девочках-подростках 16 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 2003 г.: «В 16 лет у нас с подружками сложилась прочная компания. И когда кто-нибудь в шутку обижался, то говорил: “Ну, всё, развод и девичья фамилия”. А всерьёз эту фразу никто не воспринимал» (141).

«РАЗВОД, девичья фамилия...» – см.: «Развод и девичья фамилия...»

«РАЗГОВОР с фининспектором о поэзии» – стихотворение В.В. Маяковского; с 1960-х гг. изучалось в школе.

«РАЗГРОМ» – роман А. Фадеева.

В 1940-е – 1980-е гг. рассказ «Метелица» («Разведка Метелицы») из романа «Разгром» изучался в школе.

РАЗДЕВАЛКА школьная – помещение в школе для хранения верхней одежды; гардероб.

О заводском поселке в конце 1930-х гг.: «Шк. двери были открыты... И зеркало в раздевалке. И ряды вешалок за выс. деревянным барьером... Кирилка... подошел к вешалке и зацепил пальтишко за свой постоянный крючок» (Могилевская, [1941] 1958, 134).

О 1970-х гг.: «В шк. раздевалке тесно, прямо столпотворение. Такое уж это место – шк. раздевалка: то никого нет, а то набьётся сразу целый класс, а то и два, а то и три. Кто-то пальто надевает, стучаясь обо всех локтями. Кто-то в одном сапоге прыгает и другой сапог ищет. Кто-то без всякого дела, просто для полного веселья у всех под ногами вертится» (Матвеева, [1982] 1986, 85).

О школе в середине 1980-х гг.: «В раздевалке творился всегда кавардак, перевешивали специально одежду с одного места на другое, чтоб трудно было найти, подсовывали что-нибудь в карманы, обрезали пуговицы ребята девочкам, которые не обращали внимания на них, или сшивали нитками рукава. Прятали обувь, был такой случай, что мне кто-то на сменной обуви внутри туфля написал большими буквами “Уралобувь” шариковой ручкой» (497).

РАЗДЕВАНИЕ, играть в карты на раздевание – см. *Карты, играть в карты на раздевание.*

РАЗДЕЛЬНОЕ обучение – обучение детей в учебно-воспитательных учреждениях (школах, пансионах, гимназиях, училищах и др.), одни из которых предназначены для мальчиков, другие – для девочек.

«В дорев. России обучение было раздельным во всех сред. учеб. заведениях, кроме коммерческих училищ и некоторых частных заведений, где осуществлялось совместное обучение. В советской школе с первых дней её существования было введено совместно обучение. В 1943 году, в условиях войны, в 7-летних и сред. школах столиц союзных республик и в школах обл. и краевых городов, крупных пром. центров было введено раздельное обучение. В дальнейшем, учитывая пожелания родителей, учащихся, пед. общественности, Совет Министров СССР постановлением от 1 июля 1954 г. установил совместное обучение во всех школах страны» (ПЭ, 1966–3, 628).

«Значит, большинство юношей, окончивших сред. школу [в 1941–1944 гг.], призывалось в действующую армию, поэтому возникла необходимость не только их более серьезной физ. подготовки, но и обучения элементам военного дела. В середине 1942–1943 учеб. года в учеб. планы школ был введен предмет “Военное дело”... Введение военного дела стало одним из аргументов при орг-ции раздельного обучения мальчиков и девочек согласно постановлению Совнаркома от 16 июля 1943 г. и существовало до 1954 г.» (ИПО, 2001, 483).

«...Совнарком СССР 29 января 1943 г. (постановление № 110) разрешил Московскому совету [в виде опыта] ввести в г. Москве [с февраля 1943 года] раздельное обучение мальчиков и девочек неполных средних и средних школ, начиная с V класса, а 23 июля [1943] года Совнарком РСФСР (постановление № 671), по представлению Наркомпроса РСФСР, дал указания о введении раздельного обучения в семилетних и средних школах 72 городов...» (Константинов, 1948; 353, 406).

Из речи Нар. комиссара просвещения РСФСР 7 февр. 1943 г.: «...Принцип [раздельного обучения] мальчиков и девочек... имеет весьма важное положит. значение. В Москве он распространён на все предметы шк. обучения. Однако, по моему мнению, Московский отдел нар. образования остановился пока на полдороге. Мальчики и девочки оставлены пока в одном здании. Я оцениваю это, как полумеру... С осени необходимо провести вполне последовательное раздельное обучение, разместить мальчиков и девочек по особым зданиям. На этот счёт имеется и соответствующее указание правительства. Я очень удовлетворён вашим сочувствием этому мероприятию. Мы намерены не ограничиваться Москвою при осуществлении раздельного шк. обучения молодёжи. Мы имеем в виду предложить правительству провести раздельное обучение на всём пространстве республики в больших городах; за большими городами перейти к средним городам и рабочим посёлкам; затем постепенно распространить раздельное обучение и на сельскую школу, где это окажется технически осуществимым. Таковы наши перспективы в этом важнейшем вопросе обучения и воспитания. Само собою разумеется, что намеченную нами реформу нельзя проводить механически. ...Придётся продумать при раздельном обучении – не следует ли ввести в учебный план и в программы женских учеб. заведений некоторые специф. элементы; по-видимому, придётся коснуться в этом направлении таких предметов, как анатомия, физиология, гигиена; не исключено, что в старших классах женских школ предложено будет ввести педагогику со спец. отделом – об уходе за ребёнком; думаю, совсем не лишним явится дать девочкам знакомство с элементами домоводства. А почему бы не сделать... и совсем, как будто, ретроградного признания? Мне кажется, что совсем неплохо было бы нашим девочкам поучиться в школе и рукоделию. Ведь не к лицу нам воспитывать барышень, которые не умеют держать иглу в руках и которым матери-труженицы должны чинить бельё, штопать чулки или шить немудрёную юбку или кофточку» (Потёмкин, [1943] 1947, 163–164).

Вот как звучали первые два пункта Постановление Совета Нар. комиссаров СССР от 16 июля 1943 г.: «Учитывая, что совместное обучение мальчиков и девочек в сред. школе создает некоторые затруднения в учебно-восп. работе с учащимися, что при совместном обучении не могут быть должным образом приняты во внимание особенности физ. развития мальчиков и девочек, подготовки тех и других к труду, практической деятельности, военному делу и не обеспечивается требуемая дисциплина учащихся, Совет Нар. Комиссаров Союза ССР постановляет: 1. Ввести с 1 сентября 1943 г. раздельное обучение мальчиков и девочек в I–X классах всех неполных средних и средних школ областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных пром. городов, для чего организовать в этих городах отдельные мужские и женские школы (список городов, в которых вводится раздельное обучение мальчиков и девочек, прилагается... 2. Учебную работу в мужских и женских школах в 1943–1944 учебном году вести по существующим учебным планам и программам неполных средних и средних школ...» (НО, 1948, 52–53).

Во исполнение постановления Совета Нар. Комиссаров Союза ССР от 16 июля 1943 г. своё постановление – 23 июля 1943 г. – принял Совет Нар. Комиссаров РСФСР. В Постановлении говорилось:

«1. Обязать облисполкомы... до 5 авг. 1943 г. на основании учета контингента мальчиков и девочек утвердить сеть мужских и женских школ, количество классов в них и план распределения учеб. помещений, не допуская размещения в одном здании мужских и женских школ. 2. Обязать Наркомпрос РСФСР... а) утвердить и разослать на места до 25 июля 1943 г. инструкцию о введении раздельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах; б) закончить до 10 авг. 1943 г. распределение учащихся и педагогов по мужским и женским школам...» (НО, 1974, 177–178).

1 сент. 1943 г. в неполных средних и средних школах 72-х городов Российской Федерации началось раздельное обучение мальчиков и девочек.

Из доклада народного комиссара просвещения 15 августа 1944 г.: «Начну с раздельного обучения. Мы имеем пока предварительный итог этого мероприятия. На первых порах, при всей осторожности в его проведении и несмотря на ограниченный его масштаб, приходилось считать за некоторые орг. и пед. затруднениями. Возникали они при выделении потребных помещений, подборе соответствующих кадров для мужских и женских школ, слияния контингентов учащихся из различных школ и классов, поручении этих смешанных контингентов новым педагогам. Всё это не могло не сказаться как на учебной, так и на воспитательной работе раздельных школ. Особенно чувствовались эти затруднения в школах мальчиков, где далеко не сразу удавалось водворить должную дисциплину. К концу учебного года положение в общем более или менее выровнялось. Во всяком случае, оно уже не внушает особого беспокойства. Устранены и некоторые недоразумения принципиального порядка, имевшие место кое-где при введении раздельного обучения. Ведь находились же на первых порах такие чудачки, кот. решались всерьёз доказывать, что способности у мальчиков и девочек неравны, что мальчики более склонны к точным наукам, что девочки менее интересуются вопросами обществ. жизни и даже – представьте себе – менее правдивы. Ведь выступали же в Дагестане и Удмуртии с предложениями издавать особые учебники и программы для мальчиков и девочек. Ведь раздавались же на гор. учительской конференции в Ижевске такие речи, что в мужской школе из произв-ий Тургенева надо читать “Отцы и дети”, а с девочками изучать тургеневские женские образы, что из “Войны и мира” для девочек надо читать страницы о мире, а с мальчиками – о войне. Ведь пробовали же новоявленные мешане развивать такую мысль, что раздельное обучение должно готовить женщину к созданию жизненного комфорта и домашнего уюта. Всё это встретило со стороны пед. общественности заслуженный отпор и уже относится к прошлому. В итоге годичного опыта раздельного обучения мы уверенно устанавливаем следующее: повысилась деловитость в учебной работе учащихся этих школ; проще и серьёзнее держится в раздельных школах наша молодёжь; изживается грубость, наблюдающаяся порою в смешанных школах во взаимоотношениях между мальчиками и девочками. Восп. работа облегчается тем, что в лице педагогов соответствующего пола девочки и мальчики находят старших руководителей, которые могут ближе подойти к ним, лучше других понять и удовлетворить их умственные, нравственные, а порою и жизненные запросы и нужды. Всё это даёт основание расширять и углублять систему раздельного обучения. В предстоящем учеб. году по представлению мест. органов, поддержанному Нар. комиссариатом просвещения, Совнарком республики разрешил распространить раздельное обучение ещё на 28 городов РСФСР» (Потёмкин, [1943] 1947, 190–192).

О 1943–1954 гг.: «...Круто изменило шк. жизнь... введение с первого сентября 1943 года раздельного обучения. Это нововведение вместе с цифровыми баллами закончило реставрацию в СССР старорежимной школы... Теперь снова, как и до революции, ученики были разделены пополам... Противники совместного обучения указывали на то, что мальчики и девочки развиваются не одновременно. Сначала девочки обгоняют в развитии мальчиков, потом мальчики девочек. В создании мужских школ деятели шк. реформы видели широкие возможности военного воспитания. Кроме того, настаивая на разд. обучении, они ссылались на большую склонность мальчиков к точным наукам, технике, на создание в условиях однополости обстановки большей дружбы, товарищеской поддержки и взаимопонимания... Жизнь показала, что вместо гимназисток и кадетов, какими представляли себе будущих школьников некоторые реформаторы, в наших школах возникло

нечто иное. В условиях разд. обучения... мальчишки просто одичали. Их дисциплина ухудшилась, снизилась успеваемость. Девочки для мальчишек перестали быть простыми и близкими, а стали чужими и непонятными... Мальчишки разучились даже разговаривать с девочками, а могли при них только драться, возиться да задирали их... Для того чтобы как-то упорядочить поведение учеников мужских школ, некоторые директора стали, в виде поощрения, устраивать вечера с танцами, на которые приглашали девочек из соседней школы» (Андреевский, 2003, 364–366).

О перв. пол. 1940-х гг.: «А в след. году ввели раздельное обучение, и мы стали учиться в разных школах, но уже так подружились с Идой, что товарищеские отношения у нас не прервались...» (Петров, 1978, 156).

О середине 1940-х гг.: «По-моему, это из нашей школы. Нестеров, что ли, его фамилия. Мы четыре года вместе учились, а потом, когда разделили школы, он ушёл в мужскую. Боевой! – сказала Катя нараспев... С тех пор, как разделили школы, [Николай] совершенно отвык от простой и ясной дружбы с девочками. При случае дёргал их за косы, выбивал из рук аккуратные портфельчики, подставлял ножку. И ни разу он не подумал: почему же раньше этого не было? Почему он не замечал, с девочкой или мальчиком сидит за партой, уходит из школы, делится яблоком?... Девочки давно стали для него и его товарищей по мужской школе “девчонками” и существовали едва ли не только для того, чтобы было куда направлять стрелы мальчишеских сарказмов. Да и они-то теперь совсем другие: кривляются, хихикают, как увидят мальчишек, шушукуются о чем-то, фыркают, как кошки...» (Бахтин, 1956; 4, 18).

О середине 1940-х гг.: «И к новой школе Маша привыкала с трудом. Собственно, школа была прежняя, но теперь девочки учились отдельно от мальчиков. Это не сблизило девочек, но высказывать своё огорчение они стеснялись... [Шарикову] также была не по душе реформа. Он преподавал ещё в дореволюционной гимназии и не любил ничего напоминающего те времена» (Оржеховская, 1967, 114).

О 1945 году: «Мы с мальчишками вот уже два года учимся в разных школах. Школы разделили на мужские и женские, когда мы учились в шестом. Старшая сестра – она кончила десять классов перед войной – дразнилась: “Мы-то учились вместе, а ваши школы разделили. Как туалеты. Учитесь теперь врозь”. Отношения у нас с мальчишками самые примитивные – этакое взаимное презрение, что ли. Мы их презираем, они – нас» (Александрова, 1992).

О Ленинграде 1945–1946 гг.: «Дело в том, что во время войны в городах мальчики и девочки учились в раздельных школах. С какой целью это было сделано, никто из них не знал. Но получилось так, что девочки и мальчишки стали совершенно чужими, избегающими друг друга. Дома разрешалось разговаривать с сестренкой или соседкой по квартире, но, как только оказывался на улице, ты должен был ее не замечать. Она для тебя больше не существовала. Так же, впрочем, как и ты для нее. Таков был неписанный уличный закон, и он выполнялся беспрекословно. Можно было только поглаживать девчонок. Но даже и при этом они вели себя по отношению к мальчишкам независимо-надменно. Иногда, возвращаясь после занятий из своего девичьего “монастыря”, они проходили мимо мальчишеской “бурсы”, в садике возле которой мальчишки играли в футбол. Издали увидев их, кто-нибудь из мальчишек показывал: “Э-э, пацаны!..” И все тотчас прекращали играть, стояли молча, засунув руки в карманы брюк, с ухмылочкой смотрели на девчонок, ждали. А те, словно вовсе их не замечая, шли группой человек в пять, взявшись под руки, чинно шагали, заняв весь тротуар. И тогда кто-нибудь из мальчишек перекрывал им путь: “Что заняли всю панель, пройти нельзя!” Они, даже не удостоив взглядом, обходили его, словно неодушевленный предмет. Не вытерпев, мальчишка ударял какую-нибудь из них портфелем. И тотчас, как по команде, они все бросались на обидчика, сцепившись в него, начинали трясти так, что, казалось, у бедняги

сейчас отлетит голова, и шли дальше. Только каблучки по асфальту – цок, цок!» (Васильев, 1985, 52).

«...Странный смысл разделения детей в мужские и женские школы... в том и был, чтобы дети как можно меньше знали про азы взаимоотношн-ий мужчин и женщин, чтобы все эти подробности были полностью вынесены за пределы школы – а уж выйдут из неё, это их дело, у кого, как и что получится» (Лиханов, 1995, 144).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Ещё не изжиты были последствия раздельного обучения, когда девочки учились в своих особых школах и были для нас все равно что существа из другой галактики; мы, пацаны, еще вспоминали добрые старые времена, когда в нашей школе не было ни одной писклявки...» (Алексеев, 1987, 24).

«В 1954 г. вышел указ о совместном обучении детей в школах. Во время войны наши школы были разделены на мужские и женские, чтобы лучше поставить военную подготовку мальчиков. Но это привело и к большим недостаткам в работе школ...» (Гольденштейн, 1971, 83). Лит.: Пыжиков, 2004, 78–84.

О 1990-х гг.: «Что лучше для ребёнка: смешанные классы, где девочки учатся вместе с мальчиками, или же раздельное обучение? С начала 1990-х гг. впервые в нашей стране возникла возможность выбора... В 343-й московской школе... в 1992 г. по решению пед. совета было частично введено раздельное обучение: в каждой параллели один “смешанный” класс и два “девичьих”... Главный принцип разделения по классам – свободное желание и самого ребёнка, и его родителей. Оказывается, многие девочки, особенно в младших классах, тяготеют на уроках обществом мальчишек... некоторые старшеклассницы тоже выражают желание учиться отдельно от мальчиков. Хотя бы для того, чтобы те не были свидетелями их слабых ответов на уроках... 343-я – далеко не единственная школа, где есть возможность раздельного обучения» (Григорьева, 1998–1, 26).

О перв. пол. 2000-х гг.: «Абсолютно несвоевременная вроде бы вещь – раздельное обучение мальчиков и девочек – становится практикой: кол-во религиозных школ и кадетских корпусов растет в России с каждым годом. А в... Америке за последние неск. лет в десятки раз выросло кол-во общеобразоват. школ с раздельными классами. ...С тех пор как после революции в России ввели совместное обучение, а потом на десять лет, с 1943 по 1953 год, при Сталине, снова разделили мальчиков и девочек по разным школам, эта тема периодически обсуждается учеными и педагогами. В Америке три года назад президент под нажимом женщин-сенаторов призвал школы расширять возможности разд. обучения, до того жестко лимитированные антидискриминац. законами. В России разд. обучение поддерживают, наоборот, скорее мужчины: военные и особенно казаки (больше всего школ с раздельными классами в Ставропольском крае)... На сегодняшний день таких школ, как московская 760-я, где мальчики и девочки пересекаются только вне класса, в России около 30 (не считая кадетских корпусов и частных учеб. заведений – мужских лицеев и женских гимназий, а также религиозных школ)...» (Рудницкая, 2006)

О перв. пол. 2000-х гг.: «География раздельного обучения. Москва – 3 школы..., Ставропольский край – 2 школы... А также: Красноярский край – г. Железнодорожск, лицей № 103 “Гармония”, Тула – сред. школа № 3, Набережные Челны – гимназия № 76, Оренбургская обл. – г. Кувандык, лицей № 2, Пермская обл. – г. Нытва, сред. школа № 2, Московская обл. – г. Балашиха, “Земская гимназия”, Удмуртия – г. Глазов, сред. школа № 2, Рязань – школа № 51» (Огонек, 2006 № 16)

«РАЗМЫШЛЕНИЯ у парадного подъезда» – стихотворение Н.А. Некрасова. В 1950-е – 1980-е годы изучалось в школе.

РАЗНОСЧИК газет – ребёнок (как правило, мальчик), торгующий газетами вразнос.

О Ленинграде в середине 1920-х гг.: «... На углах мальчишки-газетчики распевали истошными голосами: “Из-вес-тия, Правда, Ви-чер-ня Красссная газета!” А если были сенсации, то мальчишки носились, размахивая пачкой газет, из улицы в улицу, выкрикивая: “Наш ответ

Чемберлену!» «Каш-марное преступление в Чубаровском переулке!», или ещё что-нибудь в таком роде» (Дьяконов, 1995, 86–87).

РАЗРЕЗНАЯ азбука.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Работа с разрезной азбукой проводится систематически на каждом уроке. Для удобства пользования разрезной азбукой применяются два приспособления: буквенная касса и наборное полотно» (НШ, 1950, 263).

См. также: *Касса букв и слогов.*

«**РАЗРЫВНЫЕ цепи**» – то же, что «*Кондалы*».

О девочке восьми лет в 1932 году: «На переменах мы выходили из школы и играли... в разные игры. Тогда в школах ребята водили хороводы и играли в старинные игры с песнями, которые достались нам, наверное, от наших дедов и прадедов. В этих играх все играющие делились на две партии и, взявшись за руки, с песнями шли навстречу друг другу, то одна сторона, то другая пели, например: одна сторона, идя навстречу... А мы просо сеяли, сеяли"... Таких старинных игр-хороводов было много, все перемены дети играли в них, причём, часто сразу несколько групп, по классам, одновременно играли в разные игры. Играли также в "Разрывные цепи". Дети, взявшись крепко за руки, составляли две "цепи", стоящие друг против друга. Одна цепь начинала: "Кбндалы!" Вторая отвечала: "Закованы!" "Раскуй!" "Кого?" "Колю!" Коля выбегал из цепи, стараясь на бегу разорвать цепь противника. Если это ему удавалось, он уводил в свою цепь чужого игрока, а не осилив – оставался в ней» (Кубанева, 1988).

РАНЕЦ – школьная сумка с двумя ремнями, которую носят, надев на плечи.

Ранец у девочек.

О 1967 году: «На уроках девчонка продолжала вести себя примерно. В перемены доставала из ранца книжку и погружалась в чтение, словно ничего на свете не существовало...» (Глушенко, 1976, 24).

О вт. пол. 1960-х гг.: «Люба... свернула с мостков, повесила ранец на доску забора и услышала скрип отворяемой двери... Люба повесила ранец на скобу в воротах и побрела напрямую по снегу» (Багров, 1986; 38, 55).

«В конце 1960-х с ранцами ходили только мальчики. Я была первая в школе из девочек. За несколько лет до этого мой отец ездил в ГДР и увидел там, что немецкие школьники – ни мальчики, ни девочки – не носят портфели в руках. Он тогда решил, что его дочь будет ходить в школу только с ранцем. Первое время меня за это дразнили, потом привыкли. Считается, что хождение с портфелем, когда носишь его в одной руке, способствует искривлению позвоночника, зато с ранцем осанка остается безупречной» (Томилова, 2006).

О Челябинске в 1979 г.: «Помню свой первый ранец: тускло-коричневого цвета с одним замком-зашелкой. На морозе он застывал намертво. Потому из дома в школу я выходила заранее: пока доплетусь, пока замок у ранца отогрею...» (Высочина, 2007, 10)

О перв. пол. 1980-х гг.: «"А дальше куда?" – спросила девочка в красной шапочке подружку. Та сняла с плеч ранец, отстегнула крышку, достала тетрадный листок... и снова надела ранец» (Александрович, 1986, 4).

О 1980-х гг.: «Купили мне, конечно, и портфель. Точнее, ранец. Коричневого цвета, с тремя ромбиками – белым, зеленым и красным. Я помню, как мы с мамой купили его в магазине "Спорттовары"» (Малева, 2006, 3).

О 1980-х гг.: «В пятом классе я села в лифт с тем, кого сейчас назвали бы сексуальным маньяком... Он сказал, что у него нож, и заточил меня на площадку над последним этажом. Но пока стягивал красный ранец, плотно пристроенный поверх шубы-цигейки, так запыхалась, что я успела вспомнить два главных совета на такой случай: "Громче кричи и быстрее беги". Заверещала и действительно сбежала, спаслась» (Метелица, 2002, 8).

Ранец у мальчиков.

О десятилетнем мальчишке в конце 1880-х гг.: «Через неделю Павлик отправился в училище... За спиной его болтался новенький, совсем гимназический ранец... Собрав в ранец книжки, Павлик вышел из школы

одновременно с Катей и Леной...» (Крашенинников, [1925] 1991; 103, 120).

О середине 1890-х гг.: «Итак, я гимназист. С вечера, перед сном, книги и тетради упаковываются в ранец. Ах, этот ранец, сколько переживаний связано с ним! Он был обязателен. Но вот я, полубольной пригостишка, иду с ранцем на спине в гимназию и задыхаюсь от непрерывного кашля. Дело дошло до того, что меня стала провожать сестра, которая несла мой ранец в руках, а не доходя до гимназии, я надевал его, шел и опять задыхался от кашля... В старших классах считалось шиком ходить без ранца, и это было лишним шансом привлечь благосклонность гимназисток. Но как билось сердце, когда подходили к воротам гимназии: не заметили бы! И сколько ухищрений и подкупов сторожей было, чтобы это нарушение формы сошло с рук!» (Блонский, [1941] 1971, 34–35).

О гимназии в Петербурге 1890-х-1910-х гг.: «К девяти начинали сходить учащиеся – младшеклассники с ранцами за спиной, гимназисты постарше носили ранцы под мышкой, так как ремни были уже оборваны, а ранец истрепан. Обычно он служил не только для ношения книг, но и для катания на нем по паркету, на нем съезжали в шинельную по крутым ступенькам. В старших классах ходили и с портфелями...» (Пызин, Засосов, [1976] 2005, 194).

О конце XIX – начале XX века: «Постоянным атрибутом гимназистов был ранец. Он был из черной кожи, крышка обшита тюленьим мехом серо-зеленого цвета» (Ривош, 1990, 189–190).

О нач. XX века: «После уроков моя сестрёнка Леля зашла за мной... По дороге я достал из ранца дневник, развернул его на той странице, где была поставлена единица, и сказал...» (Зошенко, [1939], 1968–1, 225).

О реалисте в 1900-е годы: «Никаноркин собрал свои книги, небрежно сунул их в обшитый телячьей кожей ранец» (Кононов, 1958, 128).

О середине 1910-х гг.: «Валерий бережно взял букварь, грифельную доску, грифель и сложил их в купленный вчера ранец» (Водопоьянов, 1959, 18).

О 1914 году: «Через час мать пришла и принесла огромный кожаный ранец... "Вот-то счастье... – рассказывала она. – Старший-то барчук... гимназию кончил. Васса Алексеевна для меня расстаралась, выпросила у господ ранец". Ранец был шикарный – с отделениями для книг, для тетрадей и для пенала. Целый вечер, как солдат перед боем, чистил Роман ранец, стирал резинкой чернильные пятна, буквы, рожицы, нарисованные на крышке. Потом долго укладывал две тетрадки и книгу» (Белых, [1930] 1965, 84). О середине 1910-х гг.: «Здесь был у меня ранец. В ранце, за спиной, носил я учебники, тетради и пенал» (Олеша, [1931] 1999, 45).

О начале 1917 года на Украине: «Тяжёлый, словно камнями набитый, ранец! Котя, пугаясь в ремнях, снял его со спины, шелкнул никелированным замком и бережно выложил на скамейку новенькие... тоненькие книжки...» (Ямпольский, 1964, 309).

О начале 1930-х гг.: «Собирались лодыри / На урок... / Толстый ранец с книжками / на спине... Отвечают лодыри: / "...Нам пойдёт двенадцатый / Скоро год..."» (Маршак, [1933] 1968–1, 203).

Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1935 года: «Наркомпрос РСФСР, а равно и наркомпросы других союзных республик не позаботились до сих пор о производстве в массовых размерах и высокого качества сумок, ранцев, ремней, клеёнок для ношений книг... и прочих предметов, необходимых для школьников» (НО, 1974, 519).

О 1940-х гг.: «Лежат тетрадки в толстых ранцах, / Спокойно спят ученики...» (Барто, [1947] 1969–1, 196).

О 1950-х гг.: «В магазин привезли тетради и учебники, у староузких ребят всё уже куплено, сложено в новые ранцы и портфели» (Цюрупа, 1964, 270). «Оля ботиком гонит ледышку..., и кажется, что портфель у неё лёгкий-лёгкий. А вот у Лёшки ранец почему-то тяжёлый. Подбрасывая плечами сползающий ранец, Лёшка потихоньку смотрит на Олю» (Лихоталь, 1964, 6).

О 1960-х гг.: «Мальчишки хохотали, швырялись грязными снежками..., садились на свои ранцы и съезжали на них с сугробов, как на санках» (Котовщикова, 1972, 37).

«РАННЕЕ солнце» – радиопередача о детском литературном и музыкальном творчестве.

О 1960-х гг.: «Кстати, о стихах..., написанных самими детьми. Сначала в эфире звучали скромные выступления под общим названием “Твои стихи”. А потом та же тема получила более увлекательное воплощение в передачах “Раннее солнце”. Тем, кто видел книгу под таким заглавием, понятно, что это за передачи: они – о творчестве самих детей. Их ведет энтузиаст и исследователь дет. творчества, рук-тель лит. кружка при Детской библиотеке имени Ломоносова Владимир Глоцер. Радиорассказы о “раннем солнце” (послушать их приглашаются и дети, и взрослые) представляют нам не только юных поэтов, но и ребят-композиторов. Впервые мы услышали по радио и стихи детей, написанные на музыку их сверстников, и созданную на такие стихи музыку» (Бегак, 1972, 133).

РАПОРТ пионерский – краткое устное сообщение звеньев (вожатого звена), председателя совета отряда или председателя совета дружины о числе пионеров, присутствующих на пионерской линейке, о проделанной работе или о каких-либо событиях в жизни звена, отряда, дружины. (ПС, 1960–2, 251).

О 1970-х гг.: «Во время торжественных сборов и слётов председатели отрядов сдавали рапорт председателю совета дружины. Они командовали: “Отряд, равняйся! Смирно!” – и строевым шагом шел по строгой линии, не срезая углов, к месту, где стоял председатель дружины. “Товарищ председатель совета дружины! Отряд [такой-то] на линейку построен. Наш девиз [отряд хором произносил девиз]. Рапорт сдал председатель совета отряда [такой-то]”. Председатель совета дружины отвечал: “Рапорт принял!” Председатель отряда возвращался на место: “Отряд, вольно!”. Такая же процедура сдачи рапортов была принята на утренних линейках в пионерлагерях» (Томилова, 2006).

РАСКИДАЙ, раскидайчик – одно из названий «самодельной» игрушки в виде шарика на резинке.

О 1912–1915 гг.: «Ещё воспоминания детства – праздники... Вербные базары, воздушные шары, длинноносые китайцы, продающие цветные... веера и мячики-раскидайчики на длинных резинках» (Александрова, 1978, 9)» (Александрова, 1978, 9).

О праздничных днях 1 мая и 7 ноября в 1937–1939 гг.: «На улице появляются торговцы цветами и раскидаями. Цветы яркие: красные, синие, розовые. Они сделаны из тонкой древесной стружки. Раскидаи – набитые опилками цветастые бумажные шарики, к которым привязана тонкая резинка. Запустишь раскидаем в приятеля, шарик пролетит метра два, а резинка снова возвратит его в твои руки» (Богданков, 1972, 26–27).

О вт. пол. 1930-х гг. (рассказ А.И. Пантелеева «Раскидай», написан в 1939 году): «Жил-был раскидай Куда-хочешь-туда-кидай: хочешь – направо, хочешь – налево, хочешь – вниз, хочешь – вверх, а хочешь – так куда хочешь. На столик его положишь – он на столе будет лежать... А если на пол бросишь – он и на полу устроится... Одно только не любил раскидай – не любил, когда его в воду кидали. Он воды боялся... Девочку звали Мила. Она с мамой гулять ходила. А в это время продавал продавец раскидай. “А вот, – говорит, – кому? Продаётся раскидай Куда-хочешь-туда-кидай... Вот девочка попросила, мама ей раскидайчика и купила. Девочка его домой принесла, пошла во двор играть. Бросит направо – раскидай прыгнет направо, бросит налево – раскидай прыгнет налево, кинет вниз – он вниз летит, а сверху подкинет – так он чуть не до самого синего неба скачет. Вот он какой раскидай – летчик-молочник. Девочка бегала-бегала, играла-играла, – ей наконец раскидай надоел, она взяла его, глупая, да и бросила. Раскидай покотился и прямо в грязную лужу свалился. А девочка и не видит. Она домой пошла. Вечером прибегает: “Ай, ай, где же раскидайчик Куда-хочешь-туда-кидайчик?” Видит – нет раскидайчика

Куда-хочешь-туда-кидайчика. Плавают в луже бумажки цветные, да веревочки завитые, да мокрые опилки, которыми раскидаево брюхо было набито. Вот и все, что от раскидая осталось. Заплакала девочка и говорит: “...Что я наделала?! Прыгал ты у меня и направо, и налево, и вверх, и вниз... А теперь – куда тебя кинешь такого? В помойку только...”».

О вт. пол. 1930-х гг.: «Заманчивее всего – потому что запретно – самодельные игрушки разносчиков. Бумажный мячик с опилками на резиночке – хлопнуть по лбу соседа» (Сергеев, 1995–1, 9).

О школьниках в Ленинграде в перв. пол. 1940-х гг.: «И тонкие шейки поющих вытягивались, как резиночки на раскидаях...» (Васильев, 1981, 11).

О Саратове 1950-х гг.: «...Во времена моего раннего детства в начале пятидесятых китайцы жили на левом берегу напротив Саратова у лужи, которая сейчас называется Гребное озеро, и торговали на Верхнем базаре необыкновенно нарядными бумажными игрушками: шариками на тонкой резинке, которые скакали от ладошки, и раздвигающимися, словно веер, нежно дрожащими цветной папиросной бумагой кружками на двух деревянных палочках» (Боровиков, 1995, 172).

О 1954 г.: «А пока на нашем Васильевском шел 1954-й год... По выходным дням и праздникам на переулках появлялись цыганки с ярко-красными, желтыми, зелеными сладкими петушками на палочках. Рукастые тетки продавали раскидай – цветные бумажные мячики на резинках» (Кочергин, 2004).

О 1950-х гг.: «Раскидайчик – дешёвая базарная игрушка, продается на улицах во время демонстраций 1 Мая и 7 ноября цыганами. Представляет собой мячик из бумаги, набитый опилками, стянутый меридианами ниток, на длинной тонкой резинке; брошенный, он возвращается назад к владельцу. Раньше репертуар подобных игрушек был значительно богаче: и “уйди-уйди”, и “американский житель”, и леденцовые петушки, и много других соблазнительных штук. Теперь ассортимент сведён к красным флажкам и воздушным шарам (нелетающим); еще встречается раскидайчик, но с каждым годом всё реже» (Битов, 1989, 136).

Из цикла «Позабитые игрушки» М. Бородинской (1954 г. р.): «Раскидай, / Раскидай / Сделан по старинке: / Раз – кидай, / Два – кидай / Мячик на резинке. / Он тяжеленький, тугой, / Нитками обмотан, / А под розовой фольгой, / Под бумажкой – / Что там? / Раскидай, / Раскидай / Пляшет по бульварам: / Раз – кидай, / Два – кидай, / И почти задаром! / Это мне! / Это мой! / Я не потеряю: / Принесу его домой – / И расковыряю» (Бородинская, 1999, 79).

Имеются сведения, что аналогичная игрушка в начале 2000-х гг. называлась «попрыгунчик».

РАСКИДАЙЧИК – то же, что *Раскидай*.

РАСКИДЫШ – азартная мальчишеская игра.

О шестиклассниках в середине 1950-х гг.: «Тут, рядом со школой и все-таки в стороне от нее, мы иногда играли в “орла” и в “ростовчика”. Пока мы шли, я шарил по карманам, но моего счастливого медного пятака уже не было. Большой, толстый, он был незаменимой битой в игре в “раскидыша” и “пожарчика»» (Мелентьев, [1958] 1961, 20–21).

РАСКОЛБАС – (молодежно-подростковый лексикон) раскрепощённое поведение.

О девочке 12–14 лет в г. Когалыме в 1999–2001 гг.: «Приходим на школьную дискотеку. Подружка обвела всех танцующих взглядом и произнесла: “Вот это расколбас!” Она имела в виду, что народу собралось много, и все активно двигаются, принимают участие в конкурсах, весело проводят время. Второй вариант [выражения того же смысла]: “Вот это движуха!”» (134).

Ср.: *Колбаситься*.

РАСКРАШКА – детская книжка с картинками для раскрашивания.

О конце 1950-х гг.: «... Серёжка стал в больницу собираться. Взял свой водяной пистолет, фонарь, карандаши и раскраски – мои вообще-то, но я уж ничего

не сказала» (Долинина, 1962, 46). Вероятно, то же, что *Книжка-раскраска*.

РАСПАШОНКА – короткая рубашка для младенца (грудного ребёнка) с разрезом от ворота до подола и без застёжки.

О гимназистках середины 1910-х гг.: «Мика не умела ни шить, ни вышивать. Ещё совсем недавно на уроке рукоделия учительница долго разглядывала детскую распашонку, сшитую Микой, качала головой: “Несчастный тот ребенок, которому придется носить вашу распашонку...” Это из-за того, что на тонком батисте Мика умудрилась сделать швы толщиной в полпальца» (Филиппова, 1938, 130–131).

О 1946 году в Хабаровске: «Уже была голубая Наташина комната... Была Наташина коляска... Были Наташины пеленки, распашонки, платица, собственноручно сшитые мамой из парашютного шелка...» (Малиновская, 2000).

О конце 1950-х гг.: «А я маме распашонки подарю, – говорит Лёша. – Я уже знаю: белые и голубые – это Мишука, а в цветочках и розовые – Олечкины» (Браиловская, 1962, 6).

См. также: *Ползунки*.

РАССКАЗ о Кузнецкстрое и о людях кузнецка – стихотворение (1929) В.В. Маяковского; в 1940-е – 1980-е гг. изучалось в школе (7 кл.).

РАССКАЗ о неизвестном герое – стихотворение С.Я. Маршака.

О 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Целые поколения дошкольников воспитывались, воспитываются и будут воспитываться на таких книжках, как “Рассказ о неизвестном герое” С. Маршака, “Доктор Айболит” К. Чуковского, на многих и многих книжках, которые рассказывают пяти-шестилетним о дружбе, о стойкости, о скромности» (Рубашкина, 1964, 139).

О нач. 1960-х гг.: «Поэма “Сын артиллериста” изучается в V классе в конце учебного года и входит в пятый раздел программы – “Советские писатели о социалистической родине”... После поэмы “Сын артиллериста” идёт стихотворение Маршака “Рассказ о неизвестном герое”...» (Колокольцев, 1963, 91).

РАССКАЗ рукописный – жанр девичьей рукописной культуры. См.: *Рукописный девичий рассказ*.

РАССКАЗЫ о Володе Ульянове – книга Лидии Феликсовны Кон. Издавался в 1960-е – 1980-е гг.

Тираж 1966 г. – 300 тыс. экз.; 1969 – 450 тыс.; 1971 – 200 тыс.; 1983 – 300 тыс.; 1985 – 200 тыс.; 1987 – 100 тыс.; 1988 – 300 тыс. экз.

Из книги: «Когда вызвали Володю, он хорошо прочёл большое стихотворение Николая Алексеевича Некрасова “Мужичок с ноготок” и правильно ответил на все вопросы по грамматике. Володя отлично сдал все экзамены, и его приняли в первый класс гимназии. Весёлый и радостный, пошёл Володя с мамой покупать форменную гимназическую фуражку и ремень» (Кон, 1966, 17).

РАССКАЗЫ о Чапаеве – книга (1939) А. Кононова.

О 1940-х – 1950-х гг.: «А. Кононов “Рассказы о Чапаеве”. Эту книжку дети очень любят. Кто из них не читал её? Таких детей, пожалуй, не найдётся. Эти рассказы хорошо читаются и мальчиками, и девочками, их читают и второклассники, и третьеклассники, и учащиеся четвёртых классов. Изданная впервые в 1939 г., эта книга выдержала немало изданий, войдя в историю советской дет. лит-ры. В тоненькой книжке восемь маленьких рассказов» (Старосельцева, 1960, 36).

РАСТ – диалектное название какого-то лесного растения, лукавицы которого могут употребляться в пищу.

О детях в Саратовской губ. в конце 1910-х – перв. пол. в 1920-е гг.: «Как только сойдет полая вода, Санька и Ленька со своими товарищами бегут в лес..., где возле... озера... взойдёт раст, лукавицы которого... сладки и сочны. ...По своим листьям, растение это похоже на лесной пырей, но цветы у него ярко-жёлтые, тюльпановидные. Важно... прийти раньше, чем раст зацветёт, когда лукавица ещё жестка, плотна и сахариста. Для этого ребятам приходится брести по колено в грязи,

а то и прямо по пояс в воде... Раст! Вслушайтесь-ка в это слово..., и вам почудится сочный хруст, ослепительная белизна сахара и даже холодная сладость во рту: раст! В пору ранней весны... в лесу то там, то тут раздаются звонкие клики: “Раст! Раст! Раст!” Извлекать его из земли не так-то уж просто. Хорошо, коли земля еще сырая и рыхлая – тогда тяни за листья, и лукавица легко вынырнет на поверхность. А ежели грунт подвысох, почва залубенела, покрылась сверху жесткой корочкой, – что и бывает вскорости после половодья, – стебель уже не выдержит, оборвётся, и сладкий пупырышек, одетый в жёлтую распашонку, останется глубоко в земле. Ребята знают это и потому приходят в лес, вооружившись палками, заточенными с одного конца под лопаточку. Опершись грудью или животом на другой, тупой конец палки, кряхтя, они долго подпрыгивают, пока палка не погрузится на достаточную глубину и когда можно будет вывернуть пласт с тысячами травяных корней и обнаружить в них искомое – ту самую лукавицу. Растовая страда... требует от ребят полной отдачи сил. Они подымаются с рассветом и, полусонные, бегут в лес, где и копошатся до позднего вечера. И нельзя сказать, что добыча их была очень уж богатой – один, от силы два кармана в день» (Алексеев, 1973; 22, 24).

Ср.: *Борцовка*; «*Слёзки*»; «*Косматики*».

РАСТАМАН – приверженец растафарианства.

О перв. пол. 2000-х гг.: «Ваш ребенок заплетает волосы в косички, которые потом долго не расплетает, одевается во всё хламидообразное и светофорное, слушает рэггей, и, боже упаси, ещё и траву курит. Поздравляем, у вас ребенок – растаман. Как возникло растаманство, оно же растафарианство? 400 лет назад белые колонизаторы начали усиленно вывозить жителей Африки на Карибы, в частности, на остров Ямайка. Рабов заставляли не только работать на плантациях, но и изучать Библию. Рабы, прочитав об избранном народе, поправшем в рабство к вавилонянам, парадоксальным образом узнали в нем себя. Белые стали отождествляться с вавилонянами, а “мама-Африка” – с Землей обетованной. Когда рабство было отменено, а черных на плантациях потеснили индийцы и китайцы, мечта вернуться на родину стала особенно острой... Многие верили пророчествам о великом возвращении народа на Черный континент. Чёрным пророком был признан эфиопский борец против рабства Рас Тафари, ставший в 1930-м царем Хайле Силассие. Возвращения не произошло, зато в 1960-х годах музыкант Боб Марли сделал любимым “черными братьями” стиль рэггей всемирно популярным. Слав мечты об Африке, травы, культы Раса Тафари и рэггей превратились в растафарианство... [Обычный] родитель вряд ли с ходу отличит растамана от обычного “модно прикинутого” школьника. Львиная грива мелкокудрявых волос, иногда старательно выкрашенная в тёмные тона, здоровущие ботинки, противосолнечные очки с блюдечко величиной, шапочка расцветки красный-жёлтый-зелёный – кого нынче этим удивить, так же как и рэггей, и вуду, и афрокосичками... Многих привлекает лишь внешнее убранство растаманской религии, а травка, так же как и проблемы рабства и борьбы с “Новым Вавилоном”, то есть белой техногенной цивилизацией, остается за кадром... Головная (и вообще телесная) боль всех растаманов – скины. Последние убеждены, что растаманы “загрязняют нашу культуру”. И могут... при случае покалечить ваше надрённое чадо, если оно в таком виде где попало шляется без компании... Юные российские растаманы – вполне миролюбивые ребята. Ходят, раскачиваясь, в наушниках, любят слушать музыку и улыбаться. Склонные к легкой эпатажности, они и мухи не обидят. А их обижают многие – скины стремятся наказать за “подражание черным”, милиционеры ищут в карманах травку. А они знай себе улыбаются» (Куликова, 2005–1, 46–47).

Ср.: *Готы*; *Эмо*.

РАСТЕРЯХИ – игра, то же, что «*Змейка*».

РАСХОДКА – игра подростков.

О д. Шумилиха Муромского р-на Владимирской обл. в перв. пол. 1950-х гг.: «В рассказах о совместных играх

подросших ребят и девочек подчеркивается психол. подоплека, то, ради чего они и устраивались: “В “Расходку” ещё играли, это постарше. Это когда парами ходили. Становимся все молодежь парами, за руки беремся, как ручеек, знаете? Выбирает кто-то, и пошли по улице. Ну, можно куда-то в проулок идти. Хотелось, чтобы выбрал тебя парень, который нравится, прошел по тропиночке...”» (Райкова, 2006, 83).

РАСЧЁСКА – гребень для расчёсывания волос.

«Голя всегда следил за собой. Вовремя чистил ботинки, вовремя стригся. Он носил в кармане расчёску и, нужно это было или не нужно, часто причёсывался» (Дик, 1956, 8).

РАСЧЕСЫВАТЬ волосы утром у девочек – разбирать волосы на пряди, проводя гребнем по всей дине волос.

О 1960-х гг.: «Галя за ночь подросла... / Спать дошкольницей легла, / А встала ученицей! / Убрала свою кровать / И даже косы расчесать / Сама не поленилась» (Баруздин, [1976], 1976, 127).

РАСШИБАЛКА, расшибалочка – 1. Азартная игра на деньги.

О 1926–1927 гг.: «Лишь в раз в жизни, в дошкольные времена, играл я в расшибалку, быстро продул семь копеек наличными и ещё рубль в долг. Поверив чистосердечному раскаянию, дед помог мне вернуть долг чести, на том и кончилось моё знакомство с азартными играми» (Нагибин, 1971, 153).

О Москве в нач. 1930-х гг.: «...Улица властно ворвалась в общем спокойную атмосферу нашего переулка. Появились новые игры: “расшибалка” (или как ее еще называли “расшиша”) – денежная игра. Для нее нужны были реальные деньги, а не какие-нибудь там фантазии. Во дворе у подростков возникли собственные “товарно-денежные отношения”. Я также оказался втянутым в них. Как-то случилось мне занять для игры восемь копеек у другого мальчика. Я надеялся расплатиться с ним через несколько дней, когда получу деньги на шоколадку или мороженое. Но наступил день платежа, и мне ничего не оставалось, как попросить эти деньги у отца...» (Некрич, 1991–1, 52).

О мальчиках 7–11 лет в 1941 г.: «У... тёплой стены ... дома, где быстрее всего стает снег, как чуть просохнет, так сразу начинается игра в “рэшэшэ”, то есть в расшибалку. Конают тяжелую монету-разбивалку к кону, к черте, на которой кучкой стоят мелкие монеты – когда медные, а когда и серебро. Иным разбивалкой служит екатерининский пятак, а некоторым – советский серебряный полтинник с изображённым на нем рабочим, который лупит молотом по наковальне. Как ни странно, эти нэповские полтинники в войну были не редкостью и особо не ценились – из оборота их уже изъяли. Если при конании кричат “До!”, значит, не долетела расшибалка до кона, и бросок не считается. А если перелетела – порядок! У кого ближе всех расшибалка легла к кону, бьёт первым. Расшибает монеты, колупает по краешку, чтобы денежки переворачивались с “решки” на “орла”. Перевернул – твоя денга, промазал – уступи место следующему. Удачливый игрок, оказавшийся первым, может сразу все деньги с кона забрать. Таким удачливым мастером расшибалки ... был Федька Соколов, старше Жеки и Роста года на четыре. Он однажды сорвал большой куш в “рэшэшэ” и отметил свой выигрыш, выжгя на стене лупой слово “Червонец!”» (Холопов, 1995, 115).

О середине 1940-х гг. в Москве: «Но королевой послевоенных дворов была всё-таки “расшибалка”. Андрей окунался в игру с головой, был охвачен азартом до невменяемости. В “расшибалочке” он достиг совершенства. Красный, взъерошенный, он приходил домой, как триумфатор, с полными карманами выигранных медяков и, пока мамы не было дома, выиграл их и отдавал бабушке. А бабушка быстренько шла в магазин за хлебом» (Тарковская, 1992, 134).

О 1968–1969 гг.: «Чикиряй отнимал у маленьких деньги, поджигал газеты в почтовых ящиках... Потом его отправили в воспитательно-трудоуводящую колонию на два года... В один прекрасный день... Чикиряй появился

вновь. “Исправленный” Чикиряй уже не хулиганил... Он честно играл с нами в расшибалочку, носил расклеванные брюки с блестящими цепочками внизу... Чикиряю было лет семнадцать... В углу двора зазвенели биты: Чикиряй организовал игру в расшибалочку. “А-а, – сказал Чикиряй, – верхолаз. Ставь на кон. По пятачку играем”... Игра была в разгаре. Ребята столпились возле горки монет, позабыв обо всем на свете... Чикиряй, наверное, выигрывал, потому что при каждом ударе биты слышались его восклицания: “Во даёт!”, “Во колет!”, “Ну разбойник!”. Когда же Чикиряй бил сам, то лишь покрикивал. Я равнодушно смотрел, как под ударами бит переворачивались монетки. Чикиряй вдруг притих. Все реже он бил, всё больше в азарт входили другие. А Чикиряй стал мазать: ударит и выходит из кона до следующего раза. А возле монеток теснее и теснее сжимался круг ребят» (Тихомиров, [1971] 2002, 24–25, 31).

«РАСШИБАЛКА» – 2. Детская игра наподобие городков.

«РАСШИБАЛКА» – 3. То же, что «Жостка» (см.).

О школе 1950-х гг.: «На перемене все бегали во дворе. Мальчишки прыгали, как одноногие инвалиды, отрабатывая технику “расшибалки”, с невероятной быстротой подкидывая тяжёлую “мохнушку” то правой, то левой ногой. Внутри этого кляпа была вшита свинчатка, снаружи обшитая мохнатой ветошью. Они играли и считали, успевая зыркать по сторонам, следя за конкурентами» (Плавинская, 2006).

«РАСШИБАЛОВКА» – вероятно, то же, что «расшибалка» (1).

Об Украине 1910-х гг.: «Здравствуй, пустырь! Пепелище сгоревшего дома..., где всегда миллион мальчиков. Здесь их царство, здесь никто их не тронет... Самые маленькие... играют в классы. А уважающий себя мальчик, с глубоко надвинутым на самые глаза картузом, никогда не станет играть в классы, а играет в “расшибаловку” или в орехи, сидя на корточках у вырытой в земле ямки... Зимой, когда у мальчиков не в чем было выйти на мороз, коридор дома был скорее похож на улицу... Туда и сюда разъезжали трехколесные велосипеды... На метлахских плитках шла “расшибаловка”, а кое-где плитки были вынуты, вырыты ямки, и мальчики играли в орехи» (Ямпольский, 1964; 281–282, 341).

«РАСШИБАЛОЧКА» – то же, что «Расшибалка» (1).

О Москве в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Заходили в наш двор... юнцы лет 16–18, целыми группами по 8–10 человек. Нас, мелюзгу, они не трогали, о чём-то тайно беседовали, играли на деньги в ножички и расшибалочку или орлянку, а то и в карты. (Федосюк, 2004, 44).

О 1930-х гг.: «Вспомнились и игры тех ребячьих лет, что были под стать двору с его тёмными углами и лазами в лабиринт подвалов, с его неписаными законами и понятиями мальчишеской удали. Расшибалочка, пристенок, очко – игры на деньги, и первая папироска, и первое бранное слово, – всё вынес Алексей из этих дворовых закутков...» (Карелин, 1954, 53–54).

О Москве в середине 1940-х гг.: «Но королевой послевоенных дворов была всё-таки “расшибалка”. Андрей окунался в игру с головой, был охвачен азартом до невменяемости. В “расшибалочке” он достиг совершенства. Красный, взъерошенный, он приходил домой, как триумфатор, с полными карманами выигранных медяков...» (Тарковская, 1992, 134).

О 1943–1945 гг.: «Сенька и втянул его в злосчастную игру – в расшибалочку... Играя с ним, Борис всегда оказывался в проигрыше и, чтобы рассчитаться с Сенькой, вынужден был однажды стащить у матери десять рублей» (Медынский, [1954] 1963, 67).

О середине 1960-х гг.: «Не так давно еще можно было заставить ребят во дворе за игрой в так называемую “расшибалочку”; стопка монет разбивалась ударом пятак и каждая перевёрнутая монета считалась выигранной бросившим пятак. Иногда и дети шестилетнего возраста участвовали в такой игре. Случалось, что дети, проиграв деньги, оказывались “должниками” старших ребят, потихоньку брали деньги у родителей.

Кое-где и сейчас ещё тайком от взрослых дети пытаются играть в такие игры с денежным выигрышем...» (Коссаковская, 1967, 94–95).

«РАСШИБЕЦ» – вероятно, то же, что «расшибалка» (1).

О конце 1920-х гг. – нач. 1930-х гг.: «Хорошим, добрым учителем в первых классах был Алексей Юрьевич, по прозвищу Козел. ...Седой, в очках..., он умело обучал нас письму и чтению. Ненавидел он только игру в расшибец, в орлянку, которой мы весной и осенью отдавали все большие и малые перемены, прячась в углу шк. сада, за каменной стеной которого размещалось турецкое посольство. Когда мы самозабвенно били дореволюц. пятаком по стопочке мелких монет, сэкономленных от горячего завтрака, Алексей Юрьевич... выбежал из-за угла. С криком “Козёл!” мы разбегались. А он, поймав кого-н., давал шлепка, деньги же забирал. Ходил слух, что на эти деньги он живёт... Зимой в перемены толклись в коридорах... А летом выходили во двор перед домом или в сад за домом, где играли в чехарду (три шага) или в расшибалку» (Самойлов, 1993; 222–223, 224).

«РАСШИША» – азартная игра на деньги, то же, что расшибалка (1).

РАХИТ – болезнь костной ткани у детей до 3 лет, вызываемая недостатком витамина D.

РЕАЛИСТ – «В дореволюционной России – ученик реального училища» (Словарь, 1961–12, 1059).

О конце XIX – нач. XX в.: «Форма реалистов, в общем, была тождественна по фасону и типам костюмов с гимназической; разница была только в цветах. Так, фуражки реалистов были черные, с желто-оранжевым кантом. Эмблема была позолоченная и вместо буквы “Г” на ней значились “РУ” (реальное училище). Шинель реалиста – черная, с позолоченными пуговицами, а петлицы черные, с желто-оранжевым кантом. Черными же были и куртки и гимнастерки. Летом гимнастерки были коломаньковые, как у гимназистов. Мундиры у реалистов были черные, с золотым галуном на воротнике; пояс был черный, с позолоченной пряжкой и инициалами “РУ”» (Ривош, 1990, 194).

О начале XX века: «Вдруг на главную дорожку выходят двое – два мальчика. На них чёрные шинели с оранжевыми кантами. Это – реалисты... Воротники подняты, форменные фуражки надвинуты на нос, на груди в два ряда медные пуговицы... На скамье... сидит реалист... Серая блуза перетянута ремнем с медной бляхой. Книги и фуражку положил на скамью, а сам перочинным ножиком строгаёт ветку, чтобы сделать хлыст... Реалисты и гимназистки чинно гуляют по коридорам в ожидании танцев. Реалисты – в серых блузах, ремни туго затянуты» (Будогоская, [1929] 1988; 12, 26, 32).

О 1918 году: «В давние времена, когда Андрей еще носил черную куртку реалиста...» (Лойко, 1964, 45).

РЕАЛЬНАЯ гимназия – среднее общеобразовательное учебное заведение, в учебном плане которого ведущее место было отведено предметам естественно-математического цикла и вместо классических (греческий и латынь) изучались живые иностранные языки. Как тип сред. учеб. заведения сложилась в середине XIX в. 7-классная реальная гимназия учреждена Уставом 1864 г. наряду с классич. гимназией. Выпускники реальных гимназий допускались к конкурсным экзаменам в высшие технические учебные заведения, но в университет не принимались. В 1872 году вместо реальных гимназий созданы реальные училища.

РЕАЛЬНОЕ училище – неполное среднее или среднее учебное заведение, в учебном плане которого основное место отведено предметам естественно-математического цикла. В России реальные училища с 6–7-летним сроком обучения созданы в 1872 вместо реальных гимназий. В старших классах реальных училищ преподавались прикладные предметы (механико-химико-технологические, коммерческие). Выпускники реальных училищ поступали в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения, но в университет не принимались. В 1888 реальные

училища были преобразованы в общеобразовательные учебные заведения, которые давали право поступать в университет на физико-математический и медицинский факультеты. В 1913 году в России было 276 реальных училищ (около 17 тысяч учащихся, $\frac{1}{3}$ всех учащихся мужских средних учебных заведений). После победы Октябрьской революции 1917 реальные училища как тип учебного заведения ликвидированы. «К средним учебным заведениям относились гимназии (где преподавали древние языки, то есть латинский и греческий, и выпускники которых могли по окончании поступить в университеты), реальные училища (где древних языков не преподавали, но более подробно проходились физико-математические дисциплины и выпускники которых шли в технические высшие учебные заведения)...» (Ривош, 1990, 189).

О 1905–1906 гг.: «Открыли наконец и для мальчиков реальное училище, в которое поступил и я. Учителя реального училища ходили все в форменных мундирах, были приличные и скучные чиновники. По воскресеньям нас, реалистов, парами стали гонять к обедне. Педеля таскались по квартирам иногородних учеников, живших “на хлебах”, рылись в сундучках, искали прокламации, которые в ту пору, размноженные на гектографе, появились во множестве» (Кузьмин, [1964] 1990, 81).

РЕБУС – «Загадка, в которой нужно отгадать слово или фразу, изображённые комбинацией рисунков, букв, знаков» (Словарь, 1961–12, 1069).

«Ребусы различной степени сложности печатались в 1970-е годы во всех детских журналах» (Томилова, 2006).

РЕБЯ – то же что «ребята» в значении: «парни, мальчики, пацаны».

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «Мальчишки таковы-ми себя не называли, а только: пацаны. Или от “ребята” сокращенное: ребя» (Дробиз, 2004).

РЕБЯТА – «Разг. 1. Маленькие дети... 2. Мальчики, мальчишки. Ребятишки и девочки бегали кругом балкона и с визгом кидались наземь каждый раз, как барин или барыня бросали в них пригоршню жемков и орехов. Григор[ович], Деревня...» (Словарь, 1961–12, 1070)» (Словарь, 1961–12, 1070).

РЕБЯТНЯ – «собр. Простореч. Ребята, маленькие дети» (Словарь, 1961–12, 1071).

«РЕБЯТАМ о зверятах» – телевизионная передача для детей, выходила с конца 1960-х гг. по 1980-е гг. Ведущие – А. Онегов и Е. Павлова.

О девочке в Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «Помню программу “Ребятам о зверятах”. Я помню очень добрые, по-домашнему красивые лица ведущих – мужчины и женщины, я помню то детское умиление, восхищение, с которым они рассказывали о животных» (1001).

РЕВА-КОРОВА – тот, кто много плачет, плакса.

«Рёва-корова. [О 1880-х гг.]: «Как он ни старался удержаться, слёзы всё-таки же покатались из его глаз, и он, закрыв лицо руками, прижался к печке. “Эх ты, рёва-корова!” – произнёс Грузов презрительно. Купр[ин]. На переломе...» (Словарь, 1961–12, 1076).

«Рёва-корова, дай молока!..» – существующая с 1960-х гг. дразнилка плачущих детей.

О девочке 7–10 лет в 1959–1962 гг. в Шадринске: «По словам моей мамы, когда ей было лет 7–10, они обзывались на плачущих детей так: “Рёва-корова, дай молока, / Сколько стоит? / Два пятака, / А еще бы пятак, / Вовсе был бы дурак!”» (134).

О Свердловске в перв. пол. 1960-х гг.: «Девочки... принимают меня утешать, сперва поддразнивая: “Рёва-корова, дай молока! Сколько стоит? Три пятака!”, а потом и лаская, глядя по голове и беря за руки» (Застырец, 2006).

О середине 1980-х гг.: «Девичьи дразнилки:... “Рёва-корова, дай молока, сколько стоит – три пятака”» (534).

О девочке 3–5 лет в г. Когалыме в 1990–1992 гг.: «“Рёва-корова, дай молока, сколько стоит? Три пятака. Ещё бы пятак, вовсе был бы дурак”, – дразнилка. Когда мне было 3–5 лет, если я начинала реветь, то сестры меня так дразнили. Я начинала реветь от обиды» (134).

О девочке 6–8 лет в г. Лянторе в 1992–1994 гг.: «Если кто-нибудь плакал из ребят, мы ему кричали: “Рёва-корова, дай молока, сколько стоит, два пятака”...» (015).

О девочке 8–10 лет в с.Карачельском Шумихинского р-на в конце 1990-х гг.: «Когда племянники 4–6 лет начинали капризничать и кукукаться, я говорила им: “Рёва-корова, дай молока. Сколько стоит? Два пятака!”» (142).

См. также: «Плакса-вакса».

РЕВЕРАНС – «Почтительный поклон с приседанием, принятый в буржуазно-дворянском быту как знак приветствия, благодарности и т. п.» (Словарь, 1961–12, 1078); «старинная форма глубокого женского поклона с приседанием» (СИ, 1994, 514).

О 1909 г.: «Мне четыре года, у меня круглое лицо, курносый нос, две тугие русые косички свешиваются из-за ушей. На мне шерстяное платье с серыми и коричневыми квадратами и передник из холста покроя, изобретенного бабушкой Надеждой Николаевной, к переднику сзади прикреплен на пуговках круглый воротник Бабушка... меня обшивает, она же учит, как делать реверанс, как держать при ходьбе руки (сложенные у талии коробочкой, ни в коем случае не размахивать ими, как поступают невоспитанные люди), как здороваться, даже как писать адрес на конверте...» (Панова, 1980, 5)

О нач. 1910-х гг.: «Мы с сестрой только что вошли в переднюю после гимназии, а тут сразу позвонили, лакей открыл и вошли Корсак и Прокофьев. Я была страшно смущена – на полу валялась школьная сумка, я была еще в коричневом гимназич. платье и чёрном переднике, да и на ладони левой руки синело громадное чернильное пятно. Корсак мне сказал что-то вроде “ну вот, познакомьтесь, это наш Сережа”, и я молча сделала реверанс Прокофьеву и подала ему руку, старательно пытаюсь скрыть левую» (Кривошеина, [1977] 1999).

О гимназистке притоговительного класса частной гимназии в 1915–1916 гг.: «Сова [классная дама старших классов] и быстро залопотала что-то по-французски, но я сумела разобрать, что она жалуется и требует наказания для меня. Тогда я решила перешибить Сову и, вместо того чтобы стоять столбом, взялась двумя руками за форменный фартук и сделала глубокий реверанс... Начальница посмотрела на меня в лорнетку, и я поняла, что произвожу на нее хорошее впечатление. Не лишнее было бы отвесить такой же реверанс седому господину, смекнула я. Пожалуйста: я присела и седому господину. Он закивал мне и заулыбался. Сова оставалась в явных дураках» (Луговская, [1983] 1987, 73).

«**РЕВИЗОР**» – комедия Н.В. Гоголя (1809–1852), с 1940-х по 2000-е гг. является предметом обязательного изучения в 7–8 классах средней школы.

РЕВМАТИЗМ – «Общее заболевание организма, проявляющееся в болезнях суставов и мышц и сопровождающееся острыми болями и ломотой» (Словарь, 1961–12, 1986); «общее инфекционно-аллергическое заболевание, характеризующееся воспалительным поражением системы соединительной ткани, преимущественно сердечно-сосудистой и нервной системы, суставов и других органов; течение заболевания обычно хроническое, с обострениями» (СИ, 1994, 515).

О девочке 8–9 лет в 1929–1930 гг.: «С одним из моих дворовых приятелей я “открывала Северный полюс” (вроде бы уже не маленькая!), набрала полные валенки снега, зачленела как пучик, а в итоге – получила острый суставной ревматизм. Ноги распухли, стали дико болеть, я потеряла способность не только ходить, но даже переворачиваться в постели с боку на бок... А когда вечерами отец приходил ставить мне очередной компресс, я уже заранее орала, предчувствуя сумасшедшую боль. Все это продолжалось почти полгода. Когда в конце четвертого месяца я вдруг сумела пошевелить пальцами на ноге, родители чуть не плакали от радости. К счастью, ревматизм пощадил мои руки. Они хоть и болели, но были способны держать книгу. Так что во время моей болезни я здорово подначиталась. Прочла и «Тома Сойера», и «Айвенго», и «Сердца трех», и «Следопыта», и много чего еще» (Лупанова, 2007, 43).

О 10-летнем мальчишке в сибирской деревне в 1933–1934 гг.: «...Мы... поразбивали о камня головки санок, колени поносили, вывалились, начерпали полные катанки снегу... Ночью наступила расплата за отчаянный разгул – у меня заболели ноги. Они всегда ныли от “ревматизма”, как называла бабушка болезнь, якобы доставшуюся мне по наследству от покойной мамы. Но стоило мне застудить ноги, начерпать в катанки снегу – тотчас нудь в ногах переходила в невыносимую боль. Я долго терпел, чтобы не завывать, очень долго. Раскидал одежку, прижал ноги, ровно бы вывернутые в суставах, к горячим кирпичам русской печи, потом растирал ладонями сухо, как лучина, хрустящие суставы, засовывал ноги в теплый рукав полушубка – ничего не помогало. И я завыл. Сначала тихонько, по-щенячьи, затем и в полный голос. “Так я и знала! Так я и знала! – проснулась и заворчала бабушка. – Я ли тебе... не студишься...” – повысила она голос. – Так он ведь умнее всех!.. Загибат теперь! Загибат, куда немочь!...” “Где ты тутюка?” “Зде-е-е-ся...” “Зде-е-е-ся!” – передразнила бабушка и, нашарив меня в темноте, перво-наперво дала затрецину. Потом долго натирала мои ноги нашатырным спиртом. Спирт она втирала основательно, досуха, и все шумела: “Я ли тебе не говорила? Я ли тебя не упреждала? – И одной рукой натирала, а другой мне поддавала да поддавала: – Эх его умучило! Эх его крючком скрючило?...”... Выдохлась, умолкла докторша, заткнула граненый длинный флакон, прислонила его к печной трубе, укутала мои ноги старой пуховой шалью... да ещё сверху полушубок накинула и вытерла слезы с моего лица шипучей от спирта ладонью... Не уснул я в ту ночь. Ни молитва бабушкина, ни нашатырный спирт, ни привычная шаль, особенно ласковая и целебная оттого, что мамина, не принесли облегчения. Я бился и кричал на весь дом... Утром бабушка унесла меня в баню – сам я идти уже не мог. Долго растирала бабушка мои ноги запаренным березовым веником, грела их над паром от каленых камней, парила сквозь тряпку всего меня, макая веник в хлебный квас, и в заключение опять же натерла нашатырным спиртом. Дома мне дали ложку противной водки, настоянной на борще, чтоб внутренность прогреть, и мочёной брусники. После всего этого напоили молоком, кипяченным с маковыми головками. ...Меня сшибло с ног, и я проспал до полудня» (Астафьев, 1989–1, 148–150).

Об учениках 5–6 класса в конце 1940-х гг.: «Нет, не всё [время болит]. То пройдёт, пройдёт, а потом как заболит, заболит!” “У нас в квартире у одного мальчишка тоже вот так всё болело. У него ревматизм был, – сказал Вася Ерохин. – Может быть, у тебя ревматизм?”» (Носов, [1952] 1965, 126).

РЕДКОЛЛЕГИЯ стеной газеты.

О нач. 1960-х гг.: «После уроков в пятом классе “А” выбирали редколлегия, старосту...» (Карпенко, 1962, 16).

См.: *Стенная газета*.

«**РЕДЬКА**» – игра крестьянских детей.

«Многие дет. игры были небольшими театральными представлениями. Например, игра “Редька”. К “матке” на колени садится другая девочка, к этой – третья и так далее. Водящая подходит и говорит: “Стук, стук у ворот!” – “Кого чёрт приволок?” – “Барин с печи упал, восьмерых котят задавил, речечки захотел”. – “Дергай, дергай, да не из корню!” Водящая старается оттащить с места сидящую девочку и, поставив ее на ноги, уводит и сажает на определенное место, а сама идет снова к играющим. “Стук, стук у ворот”, – снова начинает стучаться. “Кого черт приволок?” – “Барыня угорела, много сахара поела, брюхо заболело, речечки захотела...” – “Дергай, дергай, да не из корню”, – отвечают сидящие. Снова дергает, и когда остается один корень, то есть одна матка, то все играющие принимают участие в игре. Прежде всего матку таскивают с места, потом усаживают на длинную палку, которую все игроки несут с громким смехом и восклицаниями: “Корень выдернули, матку несем!” Протанцевав несколько сажен, опускают ее на землю. Игра заканчивается» (Латышина, 1998, 144).

«РЕЖУ, режу, нос отрежу!» – см. *Гуси*.

РЕЗИНКА – см. *Стрелять из резинки*.

РЕЗИНКА для стирания написанного – то же что ластики.

О 1820-х гг.: «Даже Егорка мне так не услуживал, как этот Костя: он чинил мне карандаши, поднимал резинку, когда я роняла ее» (Полонский, [1886] 1986–2, 173).

О середине 1910-х гг.: «...Писчебумажный магазин под названием “Привет”... Нигде в мире никогда в жизни, ни тогда ни после, я не видела столько писчебумажных чудес... Пресс-папье, резинки и... перья... всех сортов и размеров» (Луговская, [1983] 1987, 76).

О 1938–1941 гг.: «Не тяжела была ребячья кладь, / Она легко несла её под мышкой: / Резинка, ручка рядом с тонкой книжкой, / Чернильница и синяя тетрадь...» (Тараховская, [1942] 1963, 77).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Лёля чинно уселась за парту, достала из портфеля... тетрадки..., ...вставочку... и коробочку из-под духов, наполненную... пёрышками, цветными карандашами, резинками и какими-то записочками» (Антонов, 1955, 39–40).

О 1954 году: «Попроси у [Васи] резинку, карандаш, вставочку, – сразу достанет из пенала и протянет: “Бери”» (Котовщикова, 1956, 52).

О 1950-х гг.: «Однажды на перемене Вера искала резинку. Она перерыла весь портфель. Можно было подумать, что резинка усакала вместе с нарисованным на ней зайчиком» (Яковлев, 1964, 74).

О начале 1960-х гг.: «И Шура поставила кляксу. “Ой!” – сказала она. “Вот тебе и “ой”. Теперь только не три резинкой. Пусть просохнет, – посоветовал Володя. – Подсохнет, тогда подчистим ножиком”» (Карпенко, 1962, 18).

О начале 1960-х гг.: «В школе чисто: ни рваных бумажек, ни ломаных карандашей и перьев, ни обкусанных резинок, ни щепочек, ни тряпочек, ни чернильных пятен» (Бочарников, 1963, 13).

РЕЗИНКА для волос – цветная тесьма для удерживания волос в пучке (косе).

О 1997–2002 гг. в Шадринске: «В старших классах мальчики дёргали за волосы, чтобы снять резинку с головы. Если это им удавалось, они забирали резинку, а девочки всячески пытались её вернуть, выхватить из рук. Резинку в конечном итоге возвращали (правда, иногда только на следующий день» (111).

О 1999 году в деревне Павелево: «Капроновые ленты нам влетали мамы, чёрные, цветные – повседневно, белые – на 1 сентября. Я сама их носила с детского сада (1989–1990 гг.), когда были длинные волосы и до 9 класса (1999 г.) С 1999 года стала носить цветные резинки для волос, которые сейчас в большом ассортименте» (110).

РЕЗИНКА для чулок – данный термин может означать два разных предмета для поддержания чулок – резинка для чулок (*пристегивающаяся*) и резинка для чулок (*стягивающая*, «круглая»).

Резинка для чулок (пристегивающаяся) – тесьмки на резиновой основе, одним концом пристегивающиеся на пуговицу к *лифчику детскому* и зажимами на другом конце удерживающие чулки. Были частью повседневной одежды девочек и мальчиков 3–10 лет с 1930-х гг. по 1960-е гг.

О 1930-х гг.: «Мама песенку тянула, / Обувала дочку / По резинке пристегнула / К каждому чулочку. / Светлые чулочки / На ногах у дочки» (Благинина, [1939] 1968, 11).

О воспитательнице дет. сада в Ленинграде в 1942–1943 гг.: «...Во время первой же моей прогулки с детьми ... у ребят предательски поползли вниз чулки... У него [Виталика З.] не оказалось ни одной резинки, чулки держались, как и у других ребят, на слабой поддержке резинку от штанин трико. Когда я впервые вывела во двор свою группу, я ещё не знала всех “тайн” детского туалета и сама была потрясена всеобщим сползанием чулок... Я чувствовала... свою... вину в том, что дети выглядят так ужасно: то у одного, то у другого обнажаются замёрзшие синие колени, ... ребята идут скосо-

бочившись, стараясь удержать рукой спадающий чулок. Лишь у нескольких девочек все обстояло благополучно. Я ... вечером пришла в бельевую к Марии Николаевне, нашей старательной ... бельевщице... Оказалось, что... нет не только резинок, но и белья едва набирается на одну смену. Родители ко многим не являлись уже по несколько месяцев, да и неизвестно вообще, уцелели ли они в напряженное лето – осень 1942 года... Главным дефицитом были чулки и резинки... Нужно было изготовить не менее 15–20 пар резинок. Но из чего? Резинок не было ни в детском саду, ни в магазинах. Я пообрезала лямки и кушаки от рваных штанов и платьев детдомовцев, раздобыла у себя дома разных пуговиц... и взялась за дело. Две ночи я шила резинки до двух-трех часов...» (Гречина, 1994, 207–208).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Все ребята раздевались, готовились отдохнуть после обеда. ...Люба сняла платье... А потом Люба сама отстегнула чулки от резинок. Уж это она всегда сама делала. Сначала надо слегка приподнять кончик чулка, а потом два зажимчика сами отпустят чулок, а и резинка прыгнет вверх. Люба высоко подняла чулки: “Сама сняла!”» (Концевая, 1961, 12–13).

О девочке 2,5–3 лет в 1957 г.: «Уселась на стул. Развязала и расшнуровала ботинки... Кряхтя, стащила носочки... Подошла ко мне: “Мамуля, пожалуйста, расстегни резинки и платье”. Сняла штанишки, чулки, платье. Все положила на место...» (Низова, 1961, 166).

О начале 1960-х гг.: «Персонал должен... проверять, у кого из детей... отсутствуют пуговицы, резинки для чулок и устранять все эти мелкие недостатки... Одежда детей старше 1,5 лет состоит из нижней рубашки, лифчика для пристёгивания резинок, ...чулок...» (Смирнова, 1964, 151).

Резинка для чулок (стягивающая, «круглая») – резинки, охватывающие (стягивающие) ногу выше колен и тем самым удерживающие чулки.

О середине 1930-х гг.: «Вдруг... вылетела из-за сиреневого куста девочка. Не заметив меня, она быстро наклонилась, поправляя резинку высокого чулка... Это была Нина Половцева» (Гайдар, 1980–2, 240).

О школьнице в конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «... Из комнаты... в ночной рубашке и ночных расшитых туфельках появилась Тамара... Сначала куда-то девались резинки. Тамара перерыла и разобрала свою постель – резинки не было. Пролезла под кровать, заглянула под кресло. И наконец нашла их на своем письменном столе... “Я? Нет!” – ответила Тамара, поспешно натягивая чулки...» (Воронкова, 1958, 21–22).

О 1958–1961 гг.: «Вредно носить круглые резинки на чулках: сдавливая ногу, они препятствуют нормальному кровообращению» (Заликин, 1962, 45).

РЕЗИНОВЫЕ игрушки – игрушки, изготовленные из резины.

О конце 1950-х гг.: «В кроватке подпрыгивал, держась руками за сетку, белоголовый малыш... “Фёдор, не запихайвай так глубоко, задохнёшься!” – [Люся] сердито вынула изо рта у малыша погремушку... Рассуждая вслух, она ещё раз вытащила изо рта у Фёдора – на этот раз резинового зайца...» (Котовщикова, 1958, 91).

РЕЗИНОВЫЙ крокодил – см.: *Крокодил резиновый*.

РЕЗИНОВЫЙ чёртик – разновидность *резиновых игрушек*.

О 1942–1944 гг.: «...У нас главным образом преподают женщины, я мечтала, чтоб прислали мужчину. Вы – моя надежда”. Едва “надежда” Татьяны Ивановны вошла в класс и открыла рот, точно по команде началось перебрасывание записочками, гомон, скрип парт; кто-то надул резинового чертика, и по комнате звучно понеслось: “у-тю-тю-тю-тю...”» (Бакинский, [1955] 1956, 92)

«**РЕЗИНОЧКА**» – игра девочек, заключающаяся в разнообразных прыжках через натянутую резинку («бельевую резинку», резиновую тесьму).

«Очевидно, игра пришла в Эстонию в 1970-х годах от северных соседей, которые прыгали в эту игру уже в 1960-х годах. В то же время она стала популярной и у других народов, например, у чехов. По данным М. Заплетала, “резиночка” “завоевала пражские улицы в

1960-х годах и быстро распространилась по всей Чехии» (Виссел, 1996, 158).

О девочке 1963 г. р. в Ташкентской обл. в нач. 1970-х гг.: «В игру “Резиночка” играли очень недолго, эта игра была не очень популярна. Двое стояли, натянув на ноги резинку, третий прыгает, делает разнообразные движения: “мячик”, “утюг” или простые прыжки, резинку приподнимают по высоте. Правила игры: нужно прыгать, не задевая резину ногами. Потом, кто ошибается, выходит из игры и дальше ждет своей игры» (485).

О конце 1970-х гг.: «В самом конце 1970-х моя семья получила новую квартиру на новой улице Братьев Кашириных. Дворы неуютные, грязные.. Ни качелей, ни песочницы... Развлекали себя игрой в “резиночку”. Обыкновенная бельевая резинка сшивается в круг, и двое игроков натягивают ее ногами. Третий прыгает в середину. Фигуры – одна мудреней другой, резинка поднимается от щиколоток к коленям. Большие помощники – лёгкий вес игрока и удобная обувь... “Расхлопала” за три летних месяца я три пары сандалий. Влетело мне от мамы по первое число! Но это было победой. Главный элемент любимой игры – банальная бельевая резинка – был тоже страшным дефицитом. Но нельзя же остаться без любимой забавы. И я пошла на преступление. Моя запасливая бабушка постоянно подкупала детские колготки “на вырост”. Я вооружилась английской булавкой и выпотрошила “поддерживающий элемент” из всех колготок!.. Мне влетело... Но ругали не сильно: страсть к “резиночке” запомнилась всей моей семье» (Дергалева, 2006, 2).

О 1984 г.: «Не вредна ли распространенная среди девочек шк. возраста игра “в резиночки” (прыжки через натянутую резинку на высоте от 10 см до 1 метра от пола)? Семья Останиных, Одесса”. Наоборот, прыжки через резинку на двух ногах на разную высоту, с различными поворотами корпуса укрепляют мышцы ног, улучшают координацию движений, тренируют сердечно-сосудистую систему. Но прыгать в туфлях на каблучках нельзя, лучше в спорт. обуви» (журнал «Здоровье», 1984, № 6 – С. 5).

О середине 1980-х гг.: «Они сидят рядышком на скамейке в углу двора, кругом носятся ребята. И Денис катается верхом на Серёже, и Майя... бежит с горы, а Люда... прыгает через резиночку вместе с Ниной..., к ним подошла Кира... Интересно, примут её? Приняли... Катя... махнула рукой и побежала к девчонкам прыгать через резинку» (Матвеева, 1987; 48, 50).

О вт. пол. 1980-х гг.: «В резиночку играли, когда минимум было 3 девочки (две держат, одна прыгает). Можно было играть и вдвоем, если можно было заменить одну девочку, например, резинку можно было натянуть через забор из штакетника, металлических прутьев и т. д., через дерево, столб, стул (со спинкой желательнее). Игра начиналась так: резинка натягивалась низко на уровне щиколоток (пропрыгав, резиночку поднимали выше), на голени, на уровне коленок, бедер, ягодиц, на поясе, иногда поднимали высоко, так, чтобы резиночка была где-то на рёбрах. Чем ниже была резиночка, тем сложнее были с ней манипуляции (прыгать так чтобы наступить на неё; зацепив ногами, прыгнуть, чтобы получился перекрест и т. д.) и сложными были движения). Чем резиночка выше, тем движения упрощаются и основная задача перепрыгнуть резиночку (или сначала одной ногой, а потом другой, или двумя ногами одновременно, или сначала в середину между натянутыми резинками, а потом за её пределы, или сразу за её пределы перепрыгнуть)» (552).

О 10–12-летней девочке в 1987–1989 гг.: «Следующей нашей игрой была игра в резиночку. С этой игрой мы у мамы брали бельевую резинку, связывали её. Затем прыгали, как угорелые. Я прекрасно помню, как входила в азарт. И при этом было такое чувство: вот он, последний кон, а затем пойду домой. Так без труда доходила до уровня пояса, если учитывать, что резинка была на первом коне на уровне щиколоток. И так раз за разом поднимала её. Сейчас вспоминаю, надо же: прыгала на уровне пояса... С удовольствием прыгала вплоть до тринадцатилетнего возраста. А что было, если

подруги могли прыгнуть больше, чем ты! Нет, не было злости и обиды (естественно, это я смогу сказать только в отношении себя). Я приходила домой, ставила один стул с одной стороны, другой стул с другой и натягивала резинку. Дома был такой погром, точнее говоря, грохот. Называется, “я прыгала” – училась, чтобы не ударить в грязь лицом. Когда уровень высоты стула меня не устраивал, то протягивала резинку за батареей и начинала опять прыгать. Зато потом было много радости, когда я так лихо прыгала. Но так как я в семье была не единственным ребёнком, то за мной повторяли мои младшие сестры. Мама, чтобы отвязаться от нас, каждому выдала по резинке, чтобы мы не дрались... Игра в резиночку. В ней существует несколько конов, которые надо преодолеть. Скакали все подряд и везде. На улице, во дворе, в школе на переменах, дома. Я прыгала до 13 лет. Казалось бы, такая коровушка, а прыгала» (537).

О конце 1980-х гг.: «Ещё мы прыгали в резиночку. У меня было их две: одна плотная (тугая), другая послабее. Их я выпросила у мамы. Обычно играли три девочки (две стояли, одна прыгала), но могло быть большее количество игроков. Игра делилась на четыре кона, которые располагались снизу вверх. Первый кон был самый низкий, его легко было пройти. Резинка натягивалась между двумя парами ног, а третий игрок прыгал. Первые движения самые легкие, было движение, которое называлось “вишенки” (где прыгать надо было параллельно резинке), “тяп-ляп” (прыгали перпендикулярно резинке, наступая на неё одновременно двумя ногами два раза). Самое сложное упражнение было в конце: нужно было закрутить резинку такое количество раз, сколько тебе было лет на данный момент, затем встать сбоку, прижав одну половину резинки к земле и прыгнуть, попав в середину раскрутившихся резинок. После удачного прыжка переходишь на второй кон, и прыгаешь те же комбинации, пока не окараешься (то есть не заденешь резинку, не приступишь её без необх-сти). Первый кон располагался на уровне щиколоток; второй – посередине ноги, между щиколоткой и коленом; третий кон – резинка находится на уровне колена; четвёртый кон – резинка находится на середине бедра. Четвёртый кон всегда был самым трудным, нужно было приложить много усилий, чтобы пройти его. Иногда мне это удавалось. Когда играющих было только двое, мы привлекали мальчишек, чтобы они постояли, либо натягивали резинку на что-то подходящее; например, у нас во дворе был вкопан столб (для чего, до сих пор не знаю), он частенько выручал нас. Плохо было, когда хочется попрыгать, а постоять некому» (607).

О перв. пол. 1990-х: «“Резиночки” – это по-настоящему примета нашего детства. Я помню, в 1990-е годы этим “болели” все, начиная с первоклашек и заканчивая уже взрослыми восьмиклассниками. При этом у каждой группы девочек, всегда прыгавших вместе, были свои условия игры, например: “узкие”, “широкие”, “лягушка»» (559).

Лит: Виссел, 1996, 158–165; Смирнова, 2002, 24–28.

«РЕЙД в тыл врага» – всесоюзная детская спортивная игра, проводившаяся в 1942 году.

«Большое распространение получили военно-тактические и оборонно-спортивные игры. Особым авторитетом у ребят пользовались Всесоюзные спортивные игры: “Рейд в тыл врага” (1942), “На разгром!” (1943), “На штурм!” (1944)» (Черник, 1975, 83).

РЕЙТУЗЫ – «длинные вязаные панталоны» (СИС, 1954, 598); «длинные женские или детские узкие трикотажные штаны. *Шерстяные рейтузы*» (Ожегов, [1960] 1970, 667; Ожегов, 1972, 623; Ожегов, 1988, 551; Ожегов, Шведова, 1996, 664); «шерстяные трикотажные штаны, которые одновременно с юбкой носят в холодную погоду женщины и дети» (Орлова, 1988, 168).

Рейтузы у детей.

О детях из детского сада зимой в 1950-е гг.: «На каждом шубка с поднятым воротником, а воротник ещё повязан шерстяным шарфом, тёплая шапка, рейтузы и валенки» (Нагибин, 1960, 108).

О мальчике во вт. пол. 1950-х гг.: «...Мать полюбит играть с ним в переодевания. И ему понравится лежать в

своей детской кровати в девчоночьих позорных салатных рейтузах на резинках, сладко млея, откликаться на придуманные девчоночьи имена и ласковые слова...» (Клех, 2002).

О начале 1960-х гг.: «При температуре воздуха от + 5 до + 10 ребёнка дошкольного возраста можно одеть на прогулку следующим образом: нижнее белье, домашний костюм, шерстяная фуфайка и рейтузы. На ноги – чулки и ботинки» (Смирнова, 1964, 181).

См. также: *Брюки; Шаровары; Штаны.*

Рейтузы у девочек.

О 10-летней девочке в 1934 году в Москве: «Я произносила эти слова вместе с одноклассниками с той самой сцены, где скакала крыловская мартышка с хвостом из моих рейтуз...» (Старикова, 2003, 284).

О 1941–1945 гг.: «Такой хохот грянул в ответ, что Тася от конфуза нырнула в толпу. Прячась за спины подружек, она торопливо засовывала в валенки длинные трикотажные рейтузы, свисавшие из-под платья до пят. Угораздило Тасю натянуть эти проклятые рейтузы, словно снарядилась на Северный полюс!.. Тася справилась наконец со своими рейтузами, выпустила на ухо кокетливую прядку волос и, приятно улыбаясь, сказала Феде Русанову...» (Прилежаева, 1982, 142).

О девочке 7–8 лет в начале 1960-х гг.: «...Маринка... кидается в прихожую и начинает одеваться. Рейтузы. Калоши. Шапку. Пальто. Ну и всё остальное, конечно» (Могилевская, [1963] 2004, 6).

О нач. 1970-х гг.: «...Колготки были так называемые эластичные и так называемые простые. Эластичные... не сползали. Простые (хлопковые) – сползали... Зато я достигла артистизма в снимании рейтуз. Их заставляли надевать в морозы, запугивая будущими женскими болезнями. По пути с седьмого этажа на первый я успевала расстегнуть оба сапога, снять рейтузы, вновь надеть сапоги и спокойно выходила из лифта. Иногда даже успевала захихнуть рейтузы в ранах. В болезни от холода я не верила, поскольку видела, что здоровые с виду женщины в мороз надевали тонкий капрон и никаких рейтуз. (Метелица, 2005, 104–105).

О 1970-х–1980-х гг.: «Летом ещё можно было перекаптоваться в трусах... А вот с наступлением осенних сквозняков из комода угрожающе высовывались шерстяные панталоны двух подвидов – укороченные шорты и длинные, настоящие “понтюхи”. Длинные... носили на трусы, ...они зачастую были шерстяными, с начесом. А на всю эту красоту сверху... надевались колготы – с крупной вермишелевой вязкой..., а на них – рейтузы с отвисшими коленями и вечно сползающие. До сих пор с содроганием вспоминаю эту экипировку» (Денисова, 2002).

О начале 1980-х гг.: «Детсадовская Маша в студию ходит второй год. Девочка... в вязаных рейтузах и в комбинезоне – весной и осенью... Девочка в чёрном рабочем халатике, в рыжих, как её голова, рейтузах, соборенных на коленях, молча кусает губы...» (Макарова, 1985, 57).

О 1980-х гг.: «Цигейковая шубка... считалась очень хорошей детской одеждой... Ещё – кофта. Её заставляли надеть под шубу... Что ещё? Рейтузы, шлем. И вечно замерзающие ноги, потому что вся обувь была на тонкой подметке...» (Метелица, 2002, 8).

Рейтузы у мальчиков.

О середине 1910-х гг.: «...Только толстый Мара выходил иногда во двор... Поверх заячьей шапки у него был надет башлык..., на ногах – шерстяные рейтузы и резиновые ботики с застёжками...» (Бродская, [1938] 1957, 119).

О мальчике 4 лет в середине 1930-х гг.: «У самого входа в зал он чуть не сбил с ног мальчика лет четырёх, в вязаных рейтузах, в полосатом свитере...» (Розанов, [1937] 1975, 34).

О мальчиках 4–6 лет в Ленинграде в перв. пол. 1940-х гг.: «И я с тобой пойду, да, мама? – спросил Боря. – Я сейчас, сейчас...» Боря быстро достал из шкафа рейтузы... Боря на минутку даже забыл про Валерика и перестал хмуриться: Серёжа ему очень понравился. Он даже засмеялся и вдруг тоже запрыгал на одной ноге. А с

другой ноги мама как раз снимала рейтузы. И Боря чуть не упал» (Гринберг, 1949; 7, 25).

О 1960-х гг.: «...Вспоминается... детский сад. Он... сидит в пустой раздевалке и натягивает на ноги рейтузы. ...За всеми детьми уже пришли, всех увели домой. А он сидит на низеньком стульчике с вишнями, нарисованными на спинке. Он уже надел свитер, рейтузы, застегнул на “молнии” войлочные красные ботинки, мама называет их “прощай молодость”» (Матвеева, 1975, 21).

О мальчике 3–7 лет в середине 1970-х гг.: «“Иду!” – бодро кричу я, снимая на ходу рейтузы из стопроцентной шерсти, но путаюсь в них и падаю... Я пытаюсь встать, но рейтузы цепляются за что-то, и я падаю вновь» (Санаев, 1996, 54).

РЕКРЕАЦИЯ – в учебном заведении время между занятиями (уроками), предназначенное для отдыха; разговорное название *рекреационного зала*.

О с. Глядянском в 1992–1994 гг.: «В начальных классах на переменах, мне было тогда 7–10 лет, мы играли либо на улице, если было тепло, либо в рекреациях. В основном, это были такие игры: на улице – “классики”, в помещении – “догоны”... Также еще играли в “ручеек”...» (106).

О девочке 6–10 лет в с. Кундравы Челябинской обл. в 1992–1996 гг.: «В начальных классах я училась на первом этаже, а на втором была рекреация, куда мы на переменах бегали играть. Это была огромная комната посередине длинного коридора» (141).

О девочке 15 лет в Челябинске в 2000 г.: «Когда я поступила в пед. колледж г. Челябинска, то впервые там услышала слово “рекреация”. Сначала даже не поняла, где это, когда нам объявили: “Завуч собирает всех студентов первого курса инъяза в рекреации третьего этажа”. Спросить было неудобно, и я просто пошла вместе со всеми. Потом я поняла, что это коридор, только больше обычного (как зал), и там есть места для отдыха – диваны» (137).

РЕКРЕАЦИОННЫЙ зал – зал в учебном заведении, в котором ученики проводят время между уроками.

О начале 1930-х гг. в Москве: «Зимой в перемены толклись в коридорах и маленьком верхнем рекреационном зале, где в углах с азартом “жали масло”» (Самойлов, 1993, 224).

О Ленинграде во вт. пол. 1940-х гг.: «Послевоенные годы – сороковые... Дисциплина в школах была мало сказать строгой – почти армейской... Хождение по кругу в рекреационном зале под наблюдением дежурного педагога [уживалось] с колонией, куда забирали прямо с уроков... Так было уже в 47 году» (Найман, 2001; 46, 48).

«**РЕКРУТЫ**» – детская домашняя игра начала XX в.

О начале XX века: «Когда играли в “рекруты”, Петров шел прямо к Леле и всегда угадывал свою избирательницу...» (Чириков, 1918, 35–36).

РЕЛИГИЯ – «...взгляды и представления, основанные на убеждении в существовании божественных сил, управляющих миром» (Словарь, 1961–12, 1199).

Религия и дети.

О нач. XX в.: «В период отрочества мальчики и девочки усваивали православные традиции, с которыми их начинали знакомить обычно в семь-восемь лет. Прежде всего детей обучали молитвам и следили за тем, чтобы дети не забывали их произносить утром и вечером. Первая молитва, которую усваивал ребенок, носила импровизационный характер: “Пресвятая Богородица, спаси нас; помилуй нас, Господи; батюшка, милостивый Микола, сохрани нас, поддай здоровьица тятке, мамке, братцам, сестрицам, пошли нам хлеба, молочка” (Чарушин А.А. Воспитание детей у народа: Отрочество и юность // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 5. – С. 206). Затем дети учили наизусть “Отче наш” и “Богородица, дево, радуйся”, которые, по мнению русских, быстрее, чем другие молитвы, доходили до Бога и хорошо помогали в сложных жизненных обстоятельствах. В возрасте семи лет детей полагалось вести к исповеди и первому причастию. Это событие рассматривалось как очень важный этап в жизни маленького человека. Родители и крестные старались раскрыть ребенку смысл таинства. Первое причащение

оказывало очень сильное духовное воздействие на ребёнка и, как правило, оставляло след на всю жизнь. Дальнейшее приобщение детей к православию происходило благодаря посещению церкви и пению в церковном хоре, чтению Псалтыри, молитвенников, житийной литературы» (Шангина, 2003, 211–212).

О нач. 1960-х гг.: «И вдруг... появляется священник; пыля сандалиями, он спешит куда-то, подобрав полы подрясника, так что видны голубоватые “стильные” брюки... “А смешно: спутники, ракеты – и поп! Почему он до сих пор не убедился, что бога нет? – спрашивает Зина и отвечает сама себе: – Ему же деньги платят за бога”. Нюрка поднимает голову от тарелки: “А вот бабушке Тарасовне никто не платит, а она почему-то верит”... Зина обдумывает ответ, но снова вмешивается мама; она спрашивает...: “Быть может, она и тебя в церковь водит, это твоя бабушка?” Нюрка громко: “Да, я была в церкви!” И тише, мечтательно: “Поют там до чего же хорошо!..” У мамы пошел пятнами лоб: “Ты же пионерка, бессовестная, что ты говоришь? Ну даже если ты заглянула просто из любопытства – это же опасно! Первый раз пойдешь послушать, как поют, а второй – молиться!” “Значит, вы всю жизнь в школе учите, а поп с одного разу вас перешибет? Поп-то, выходит, сильнее?” “Аня! Я тебя серьезно предупреждаю... В моем доме...” “А вдруг я и сама в бога верю?” – спрашивает Нюрка» (Бейлина, 1966, 5–6).

См. также: *Бог; Религиозные праздники; Борьба с религией; Исповедь; Молебен; Молитва.*

РЕЛИГИОЗНЫЕ праздники – см.: *Пасха; Рождество.*

РЕЛЬС – «Стальной узкий брус, укрепляемый на шпалах железнодорожного полотна (в два ряда) для движения колёс вагонов, тепловозов и т. п.» (Словарь, 1961–12, 1202).

Класть монеты на рельсы.

О середине 1930-х гг.: «Пашка... водил по улицам старенький бельгийской фирмы трамвай... Мальчишки подкладывали под колеса медные пятаки, чтобы их расплющило для игры в “битку”. Он всегда видел эти пятаки на рельсах... и стоявших поодаль нетерпеливых мальчишек. Пятаки он мальчишкам плющил, потому что сам только вышел из мальчишек» (Коршунов, 1985).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Эта жизнь начиналась там, где росла на улицах дикая вишня..., где строили на деревьях шалаши..., клали пятикопеечные монеты под паровоз, играли в ножички, “двенадцать палочек”, штандер, “американку”, просто футбол и настольный теннис и от души дуллились в “картошку”, вечерами жгли костры и пекли в золе картошку настоящую, сыпали в костер марганцовку и соль, разводили огонь до небес, а потом уходили спать...» (Варламов, 2000).

«РЕЛЬСЫ, рельсы, шпалы, шпалы...» – вербально оформленный игровой массаж спины, явление детской культуры 1980-х-2000-х гг. Массаж делают дети детям или взрослые детям.

О г. Катайске в 1990–1991 гг.: «Массаж делали в 6–7 лет, сопровождая действия словами: “Рельсы, рельсы (двумя пальцами правой руки сверху вниз водить вдоль спины), шпалы, шпалы (двумя пальцами правой руки слева направо водить поперек спины). Ехал поезд запоздалый (двумя пальцами правой руки плавными движениями сверху вниз вести вдоль спины). Из последнего вагона сыпалось зерно (указательным пальцем правой руки тыкать по всей спине). Куры клевали, клевали, петухам не давали, не давали (щипать пальчиками по всей спине). Пришёл дворник, всё смел (погладить спину руками), поставил стол, поставил стул (стукнуть два раза кулаком по спине) и написал письмо (указательным пальцем правой руки как будто писать письмо)» (116).

О 1991–1993 гг.: «Девочки-первоклассницы толпились у моего стола... Потом на меня навалились девочки постарше: “А вот это знаете? “Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы...”” ...Шустрая девочка начинает диктовать, показывает, что при этом надо делать. По ходу расспрашивают: “Как это называется?” Не знают, никак не называют. “А щипаться надо по-настоящему, чтобы

больно было? Или можно понарошку?” Оказывается, щиплются, тычут пальцем, бьют кулаком по-настоящему, даже синяки бывают... И обижаться не положено. Приходится самой определять, что это за приговорки такие, под которые девочки и мальчики производят форменный массаж спины... пусть будут щипалки. Подумав, девочки соглашаются. ...Щипалки... обладают всеми признаками фольклорного произведения. Они функциональны. Передаются устно. При наличии канонического остова существует масса вариантов... “Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы, / Едет поезд запоздалый. / Из последнего окошка / вдруг просыпались горошки. / Пришли куры – поклевали. / Пришли гуси – пощипали. / Пришёл слон – потоптал. / Пришёл директор магазина, / принёс сто, стул и пишущую машинку и стал печатать. / Я – директор магазина. Вжик-вжик! / Я купил себе машину. Вжик-вжик! / Я купил жене и дочке / разноцветные чулочки. Вжик-вжик! / Одну пару я порвал, / а другую потерял. Написал он письмо, заклеил и поставил печать. Какую тебе печать? Русскую, английскую или французскую? (Русскую – сильный удар ниже спины, английскую – удар слабее, французскую – поглаживание). Письмо шло, шло и перешло (удар по подколенке). Потом шло, шло и не дошло (удар по спине). Потом шло, шло и дошло (удар ниже спины)» (Алина Федорова, 7 лет, детский сад № 142)» (Николаева, 1994, 53–54).

О Шадринске в 1993–1997 гг.: «Когда мне было 8–12 лет, и я летом часто ездила отдыхать в лагери или санатории, мы с другими ребятами часто делали друг другу массаж. Его делали на спине, произнося слова и выполняя определенные действия. “Рельсы, рельсы... (ребром ладони несколько раз проводили вертикально по спине); шпалы, шпалы... (ребром ладони горизонтально по спине); ехал поезд запоздалый (двумя руками проводили по спине вертикально вверх от поясницы до шеи); из последнего вагона вдруг посыпался горох (подушечками пальцев обеих рук стучат по спине несколько раз); прибежали куры, поклевали (соединяли большой и указательный пальцы на руках и тыкали ими в спину); прибежали утки, пощипали (щипали пальцами за спину); прибежали слоны, потоптались (ударяли кулаками по спине); пришел дворник, все подмел (легонько поводить ладонью по спине, поглаживающее движение); поставил стул (слегка стукнуть кулаком по спине); поставил стол (стукнуть еще раз посильнее) и начал писать: “Дорогая дочка, я купил тебе новые носочки” (выводить пальцем по спине буквы). Точка (удар кулаком). “Дорогая дочка, я купил тебе новые чулочки. Точка” (те же действия)...” Чем всё заканчивалось, я не помню. Часто мы придумывали разные продолжения сами» (111).

О с. Красная Нива Шадринского р-на 1996 г.: «Массаж делают на спине, сопровождая движения стихом. Мне было 12 лет. “Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, / Ехал поезд запоздалый, / Из последнего вагона / Вдруг просыпалось зерно. / Пришли куры, поклевали-поклевали, / Пришли гуси, пощипали-пощипали. / Пришёл слон, пришла слониха, / Пришёл слонёнок. / Пришёл дворник, всё подмел, / Поставил стул, стол. / Я пришлю жене и дочке заграничные чулочки / Точки-точки, точки-точки. / А чулочки не простые, / Всё застежки золотые”» (112).

О 2006 г.: «[О Юлечке Батуевой в возрасте 2,5 года рассказывает мама] Просит сделать массаж “рельсы-рельсы, шпалы-шпалы”. Я делаю. Массаж, рассказываю про рассыпанный горошек и заканчиваю: “Пришла лисичка, хвостиком помела, и от нашего горошка ничего не осталось”. Юля, подумав: “Они, зверюшки, что ли ели как свиношшки? А лисичка за ними подметала?” Ещё подумав: “Лисичке пылесос нужен”» (Комсомольская правда. Челябинск. 14–21 декабря 2006 г. – С. 12).

РЕМЕНЬ – «Длинная полоса выделанной кожи» (Словарь, 1961–12, 1207).

Ремень с пряжкой форменный.

В 1930-е – 1950-е годы ремень с пряжкой был частью школьной формы мальчиков.

О первоклассниках в конце 1930-х гг.: «А может, он успел забыть, какие им купили роскошные фуражки?.. А

пряжки на ремнях? Неужели Вовка не натёр их зубных порошком, чтобы они стали как серебро? И, наконец, сама форма чего стоит! Длинные брюки, длинная, чуть не до колен, гимнастёрка!» (Могилевская, [1941] 1958; 22, 185–186).

О 1950-х гг.: «А белобрысы Гриша... разглядывал пряжку на своём ремне...» (Воронкова, 1961, 17).

Ремень как орудие драки (у мальчиков).

О мальчиках 10-11 лет в 1937–1938 гг.: «Я ударил по этой морде – наотмашь, звонко, не раздумывая, ненавидя... Славка даже не пошатнулся. Он лишь отступил на шаг. Бросил наземь желтокожую полевую сумку... и медленно, ощупью... начал расстегивать пряжку ремня. Я успел подумать, что зря некоторые отцы делают такие опрометчивые подарки своим сыновьям. Ведь если бы, скажем, телицынский отец мог хотя бы предположить, для каких таких целей станет использовать этот щедрый подарок его кровный сын, то он, безусловно, погодил бы с этим подарком. Ведь не стал бы он сам вот так – медленно, сузив зрачки, зная, что собирается делать, – расстегивать комсоставский ремень со звездой. А сын его Славка между тем сложил этот ремень вдвое и, набычась, шагнул ко мне... Латунная пряжка взвилась в воздух... Голова моя и лицо были иссечены досиной, так, что не осталось живого места, левая бровь вздулась, губа лопнула, на голой шее, на ключицах теснились ссадины и царапины. Все это было синее. Красное-то я уж все отмыл, а синее осталось. На мне. А вот на моей одежде – на рубашке, на майке, на всем прочем, что висело сейчас на борту ванны, – там этого красного было предостаточно, всё замарано, забрызгано красными соплями, все запятналось, покуда я плелся домой» (Рекемчук, 1974).

О 1946–1947 гг.: «А через неделю выясняется, что они уже позвали 7-б из 203-й [школы]. А? Но 203-ю, тварей позорных, мы теперь, где ни встретим, ремень на руку бляхой вверх – и до кровянки! Ремней ни у кого нет, так, ремешки, но – до кровянки, отныне и навеки!» (Найман, 2001; 54).

Наказывать ремнём.

О 1890-х гг.: «...Запомнилась семья Живульт, двое мальчиков которой были товарищами моих игр. Они смертельно боялись своего отца... Он был польским повстанцем, отбывшим многолетнюю каторгу и поселение в Сибири... Старик Живульт мало интересовался воспитанием своих младших сыновей, но, когда он узнавал о их проступках, безжалостно бил своих сыновей ремнем. Петя на ремень отвечал гордой ненавистью, Павлик же – мольбами и плачем. Ремень был главным орудием воспитания. В результате у Павлика выработалась какая-то рабская угодливость» (Блонский, [1941] 1971, 19–20). См.: *Телесные наказания.*

Ремень для ношения книг – см.: Ремешок для книг.

РЕМЕСЛЕННИК – воспитанник *ремесленного училища.*

О 1940–1941 гг.: «Побаивалось местное население и “ремесленников” – учеников ремесленных училищ, сменивших в сороковом году существовавшие до этого школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В ремесленные училища (“ремеслухи”, как их еще называли) шли после седьмого класса обычно не очень прилежные ученики, а также те, кого не могли содержать родители. Ремесленники носили черную форму и ремень с пряжкой, на которой были выбиты буквы “РУ”» (Андреевский, 2003, 325).

О 1941–1942 гг.: «Шла война. Ежедневно она напоминала Петьке о себе стуком о тротуар деревянных подошв (то шагали ремесленники), выкриками раненых, продающих спичечными коробочками табак...» (Воронов, 1956, 36).

О середине 1940-х гг.: «“Ребята! Вы понимаете, что стране нужно восстанавливать хоз-во, разрушенное войной, нужны квалифици рабочие. Двое из вашего класса направляются в ремесленное училище...” ...Мы... замерли: ремесленное училище пользовалось в Воткинске дурной славой, “ремесленники” – шумный, драчливый, вороватый народ, в основном беспризорники» (Санников, 2001).

О вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг.: «У [ремесленника Славки Губаревского] всегда топорщилась гимнастёрка из-под кожаного ремня. Она топорщилась и в первые дни учёбы, и теперь, через три года. “Опять яблоки воровал”, – подшучивал над ним мастер и одёргивал Славкину гимнастёрку, собирал складки за спиной, как полагалось по форме. Славка краснел..., обещал что так и будет теперь всегда, но уже через несколько минут гимнастёрка снова пузырилась на нём...» (Ельянов, 1973, 11–12).

О начале 1950-х гг.: «Вскоре из морозного тумана показался трамвай. Из последнего его вагона рвалась наружу песня. Петя нырнул в этот вагон. Здесь ехали ученики ремесленного училища. Одетые в форменные шинели, они заполнили весь вагон. Некоторые сидели друг а друга на коленях. Задорно звучала песня: “Вот эти руки, руки молодые, / Руками золотыми назовёт...”... Почему-то пришли на память слова той песни, которую пели ремесленники в трамвае: “Вот эти руки, руки молодые...”» (Седугин, 1953, 26).

РЕМЕСЛЕННИЦА – воспитанница *ремесленного училища.*

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «В наше мужское [ремесленное] училище приезжали девочки, тоже ремесленницы, но мы не знали, как себя вести, как приглашать их на танец, прятались друг за друга, парни приглашали парней, и лишь немногие, самые смелые и красивые ребята, выводили на середину зала раскрасневшихся ремесленниц, неуклюже дёргались в быстром фокстроте или медленно, скованно вышагивали в плавном танго. Вальс не получался ни у кого» (Ельянов, 1973, 8).

РЕМЕСЛЕННЫЕ училища – профессиональные учебные заведения, существовавшие в 1888–1917 и в 1940–1958 гг.

В 1888 г. были изданы имевшие силу закона «Осн. положения о промышл. училищах». Они устанавливали 3 типа проф.-тех. учеб. заведений: средние тех. училища, низшие тех. училища (см. *Технические училища*) и ремесленные училища. Ремесленные училища предназначались для подготовки квалифицир. рабочих и ремесленников. Во многих училищах не преподавались теор. спец. предметы; в некоторых не было общеобразоват. дисциплин. В последующие годы были созданы упрощенные типы ремесленных учеб. заведений. В 1893 г. вышло «Положение о школах ремесленных учеников». За 3 года обучения эти школы должны были давать знания и умения, необходимые для успешного освоения по выходе из школы какого-нибудь ремесла. В 1895 г. появились низшие ремесленные школы, которые имели целью подготовку для с. хоз-ва, как говорилось в офиц. документе, «преимущественно путем практич. обучения, сведущих и умелых исполнителей по определенным профессиям и специальностям. В 1903–1907 гг. возникли сельские ремесленные учеб. мастерские, готовившие рабочих по ремонту с.-х. инвентаря и ремесленников по нек. видам кустарной пром.-сти.

В 1860-х гг. работниками Московского высш. тех. училища была разработана оригинальная система производств. обучения, получившая в России название «операционной», за рубежом – «русской». В конце XIX – нач. XX в. практич. обучение в большинстве ремесл. училищ осуществлялось по операционно-предметной системе.

О 13-летнем мальчике-подростке в 1917 году: «...Валерий окончил василёвскую школу. “Пошлём Вольку в Череповецкое ремесленное училище”, – решил Павел Григорьевич... Череповецкое ремесленное училище готовило хорошо знающих свое дело техников. Поступить в него было нелегко. Желаящие учиться съезжались со всех концов. На конкурсных экзаменах Валерий занял третье место. Учиться в ремесленном училище было интереснее, чем в школе. Но учиться пришлось недолго...: разруха, голод. Занятия то и дело прерывались. Не было дров, чтобы отапливать помещенье, не хватало преподавателей, разбегались ученики. В конце концов училище временно закрылось. Тринадцатилетний Валерий... самостоятельно добрался до Василёва» (Водополян, 1959, 25–26).

Ремесленные училища были закрыты в 1917–1918 гг.

Вновь рем. училища появились (вместо ФЗУ) на осн. указа Президиума Верх. Совета СССР от 2 окт. 1940 г. «О гос. трудовых резервах» как двухгодичные учеб. заведения системы гос. трудовых резервов (проф.-тех. образования), призванные осуществлять подготовку квалифицир. рабочих – металлостроителей, металлургов, химиков, горняков, нефтяников, рабочих для морского и речного транспорта, предприятий связи и др.

О 1940 г.: «В седьмом классе к нам влилась часть учеников из паралл. класса, так как многие ребята ушли в ремесленные училища, только что образованные и очень популярные в то время. Часто на улицах мы видели, как “ремесленники” шли строем, блестя светлыми пуговицами на чёрных шинелях и эмблемами на фуражках. Они бойко пели песни и чётко шли в ногу, как солдаты. Мы с завистью смотрели на “золотые руки” рабочего класса» (Кубанева, 1988).

Срок обучения в рем. училище был 2–3 года в зависимости от сложности изучаемой профессии. Принимались в них юноши 14–17 лет и девушки 15–17 лет, имеющие образование, как правило, не ниже 7 классов школы. Обучение в рем. училищах было бесплатным. Учащиеся находились на гос. обеспечении: получали питание, обмундирование, общежитие. Кроме того, им выплачивалась зар. плата за работы, выполненные в процессе производств. обучения. По оконч. обучения учащиеся сдавали выпускной экзамен, получали аттестат об окончании училища с указанием профессии и квалификации и направлялись на работу на соответствующие предприятия.

О вт. пол. 1941 г. в Москве: «Как только началась война, ...из пионерского лагеря нас, детей рабочих авиационного завода..., вывели в поезде... до наших заводских домов... К проходным завода примыкало ремесленное училище, как детей заводчан, нас приписали к нему и стали кормить на фабрике-кухне. Ребят старше одиннадцати лет ставили осваивать токарные станки, роста им не хватало, и появились знаменитые деревянные ящики, обошедшие все кинохроники дня. Младшие учились слесарным премудростям: овладевали работой с напильниками, сверлильными и строгальными станками, снимали заусеницы с заготовок снарядов, сбивали зубилами окалину с литья, нарубали от бухт по меркам электрические провода для монтажа их на самолётах... Работать в ремесл. училище мы начинали с восьми утра, в десять нас вели на завтрак: это был бублик с маком, два куска сахара и стакан чая... После школы, а мы учились во вторую смену, я бежал... до булочной, чтобы успеть отовариться хлебом» (Супонев, 2000, 16).

О 1942–1943 гг.: «Сурик снял куртку с петлицами, на которых поблескивали жестяные буквы «РУ», ушанку со скрещенными молоточками и сел к столу. Сурику пришлось пойти в ремесл. училище после седьмого класса. Его мать сказала, что ей одной трудно с ним. Поэтому... чувствовал я себя перед ним неловко: он работает на заводе, сам себе хлеб добывает, я по-прежнему школьник, за спиной у папы с мамой» (Сиснев, 1970, 16).

В 1943 г. были созданы спец. рем. училища с 4-летним сроком обучения, где дети, оставшиеся без родителей, получали производ. квалификацию и общее образование.

О 1942–1944 гг.: «Леночка повзрослела, выросла... Одета была Леночка в форму ремесленного училища» (Бакинский, [1955] 1956, 81).

О 1947 г.: «...Первое сентября близилось..., вплотную подходил шк. год со всеми его неприятностями, и Женя принял решение. Если не в ремесленное, то в фе-зе-о, может быть, возьмут, сказал он. В общем, он решил уезжать... Тетка... всем сообщила, что Женю, слава богу, приняли в ремесленное. Живет в общежитии. Выдали ему казенное обмундирование. “Пристроила-таки его, – говорила тетка, – в люди выйдет, а через когю, через меня”» (Панова, [1955] 1956, 442–445).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Вспомнилась шутка послевоенных лет. Её привезли в село молодые ребята, которые после сельской семилетки поучились годик в городах..., в школах ФЗО или ремесл. училищах горняцкого профиля, а летом приехали в чёрной форменной одежде, в

чёрных же фуражках с кокардой (по-моему, перекрещенные молоток и разводной ключ), с начищенной бляхой с далеко видными буквами “РУ”...» (Киреев, 2004, 175).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Послевоенные годы – сороковые... Дисциплина в школах была мало сказать строгая – почти армейская. Второгодники считались отпетыми мужиками, считалось, что их путь – через ремесленное училище в колонию для малолетних» (Найман, 2001, 47).

О вт. пол. 1940-х гг.: «В тот послевоенный день, когда я дежурил в общежитии ремесленного училища, у ребят была первая получка. Сколько она принесла бы радости в родительский дом! Не было бы конца прикидкам, какую обновку купить сыну, чем его порадовать. Но у этих подростков нет ни отцов, ни матерей. Первыми трудовыми деньгами они распоряжаются сами. С утра стайкой побежали на толкучий рынок. Пошел и я с ними. Вижу, накупили сахарных петушков на палочках, набили карманы семечками. Только двое дружков всё ходят по рядам, где продавали книги и плакаты. Вчера они спрашивали, где можно купить нужный портрет и рамку к нему. Но магазины, где можно приобрести такие вещи, еще даже не открылись в разрушенном городе. Который уже раз медленно проходят мальчишки по базарному ряду, где лежат книги, картины. Худенький старичок с пачкой книг обратился к ним: “Что угодно, молодые люди?...” “Мы Ленина портрет ищем, и чтобы с рамкой был. В свою комнату повесим. Мы в комсомол вступили...” На другой день портрет уже висел в комнате, где жили первые наши комсомольцы. И была та комната образцовой в общежитии» (Бурлаков, 1978, 9).

В 1949 году рем. училища, подготавливавшие рабочих для угольной пром-сти, были преобразованы в *горнопромышленные училища и школы*.

В соотв. с законом 1958 г. «Об укреплении связи шк. с жизнью...» рем. училища наряду с др. учеб. заведениями системы трудовых резервов были преобразованы в *гор. профессионально-технические училища*.

Ист.: ТВПО, 1968, 278–281; ПЗ, 1966–3, 663.

См. также: *Ремесленник, ремесленница, «ремеслуха»*.

«**РЕМЕСЛУХА**» – 1. То же, что *ремесленное училище*. «В ремесленные училища (“ремеслухи”, как их еще называли) шли после седьмого класса обычно не очень прилежные ученики, а также те, кого не могли содержать родители...» (Андреевский, 2003, 325). 2. То же, что *ремесленники*. О середине 1940-х гг.: «Тут, на воле, мало что... отличало их [школьников] от низкорослых злых, с землистыми лицами человечков в чёрных мятых гимнастерках и штанах – фээушников и ремеслухи» (Найман, 2001, 50).

РЕМЕШОК для книг, ремень для книг.

О гимназистке в нач. ХХ в.: «Ева идет по самой главной дорожке в своем синем кафтанчике с серым белым воротником, в серой белческой шапочке набекрень. В руках книжки, стянутые ремешком» (Будогоская, [1929] 1988, 12).

О мальчике 11 лет в Омске в перв. пол. 1900-х гг.: «...Всё пошло своим чередом – я почитал и попросил записать за мною эти книги. “Смотри, только не запачкай. Когда понесешь домой, перетяни ремешком покрепче”, – сказала библиотечарша» (Мартынов, 1977, 31).

О гимназистке в уральском городе в середине 1910-х гг.: «Ирина стала собирать книги. Кое-как стянула ремни. Вышла из-за парты, медленно пошла к дверям. Из слабо стянутых ремней выпала ручка, со стуком упала. Ирина не подняла её» (Филиппова, 1938, 167).

Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сент. 1935 г.: «Наркомпрос РСФСР, а равно и наркомпросы других союзных республик не позаботились до сих пор о производ-ве в массовых размерах и высокого качества сумок, ранцев, ремней, клеёнок для ношений книг, пеналов... и прочих предметов, необходимых для школьников» (НО, 1974, 519).

РЕПЕЙ – «Колочая головка, соцветие репейника» (Словарь, 1961–12, 1225). См.: *Репейник*.

Делать фигурки из репея (репейника).

О девочке в Шадринске в 1942 г.: «Летом 1942 года я недолго ходила в детсад № 6 наискосок от Собора. Там нас... учили лепить разные штучки из репейника:

корзиночки маленькие, собачек, а уже мячик сделать было вовсе нетрудно» (Иовлева, [1998] 2006, 163).

О 9-летней девочке, эвакуированной в Шадринск, в 1943 г.: «Остаток лета 1943 года я провела в городском пионерском лагере... В Шадринске я впервые узнала, как можно сделать мячик самой... Оказалось, очень просто: налеплять колючки репейника друг на друга – вот тебе и мячик. Можно слепить любой величины. Это я узнала в городском лагере от девочек» (Соколова, 1998, 74–75).

О дет. саде в г. Свердловск-45 (ныне г. Лесной) в 1950-х гг.: «А ещё мы часто ходили в лес на экскурсии, там мы играли на полянке, слушали пение птиц и собирали репейник. У нас на участке стоял большой ящик с репейником. Мы делали из него разные поделки. Помню огромного медведя и зайца с морковкой» (Абдулкеримова, 2008, 19).

Кидать репей в волосы – детское развлечение.

О вт. пол. 1900-х гг.: «В этом тумане и пережитая первая любовь к мальчику, всегда сидевшему на заборе соседнего дома. Он никогда не принимал участия в играх детей во дворе, но, овладев высотой, надменно и победоносно дразнил оттуда девчонок, запуская им в косы колючие шишки дедовника. Ляля не запомнила даже его лица». (Пришвина, 2003)

О с. Ястребинка Пресновского р-на С.-Казахстанской обл. в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Когда я ходила в детский сад, в возрасте 5–6 лет летом по вечерам мы играли в “войнушку”. Мы собирали колючки от репейника (боеприпасы), на свою одежду, чтобы каждый раз не искать репейник с колючками, а сразу срывать с себя и бросать ими во врага. Очень смешно было, когда они попадали в волосы девочкам. Нашей задачей было – быстрее попасть во врага колючкой, чтобы это не успел сделать он. Всю безрассудность наших действий мы понимали, когда придя домой, перед сном мы видели свое красное в царапинах тело из-за заготовленных на одежду боеприпасов» (019).

О с. Звериноголовском в перв. пол. 1990-х гг.: «Когда мне было лет 9–11, мы с братом играли в странную и даже жестокую “войну”. Оружием были колючки репейника. Мы запасались “боеприпасами” (лепили на одежду как можно больше колючек, в ходе войны отлепливали их от себя и бросали в противника). Брат обычно кидал свои “гранаты” мне в волосы, крича: “Падай! Я же тебе голову пробил!” После такой игры я обычно плакала, так как мама и брат очищали мне голову от колючек, волосы комками (ключьями) вырывали с головы, избавляя мою голову от “гранат”. При этом мама меня еще и ругала, говорила, что это не девичьи игры» (064).

О 1996–1997 гг.: «Когда мне было 10–12 лет, в нашем дворе было очень распространено кидаться колючими шишечками репья. Особенно страшно, когда этот репей попадал в волосы: репей невозможно было вытащить – он плотно вцеплялся в волосы и спутывал их так, что приходилось выстригать волосы вместе с репейником. Особую прелесть находили в том, чтобы скатать несколько “шишечек” вместе, чтобы получился огромный ком – и вот его-то и бросить в волосы. А вечером, мама спасала остатки волос, выпутывая из них репей. Многих девчонок после этого родители подстригли под “карэ”, но мои длинные волосы героически спасла мама. А уже в школе в волосы стала попадать жвачка...» (012).

РЕПЕЙНИК – «[1. Сорное растение с колючими соцветиями или плодами, лопух] 2. Колючая цепкая головка, соцветие этого растения» (Словарь, 1961–12, 1226).

См.: *Репей*.

РЕПЕТИТОР – лицо, помогающее ученику усвоить материал школьной программы и выдержать экзамены (переводные, государственные, вступительные).

О Москве в 1943 г.: «Мы приехали в Москву из эвакуации уже в [19]43-м году. Я пошла в девятый класс. В эвакуации у нас... не было физики, ну а в девятом, естественно, это обернулось катастрофой. В первый и единственный раз в жизни мне пришлось брать репетитора, который, правда, сбежал после первых же

пяти уроков – я было слишком понятливой ученицей, слишком быстро всё усваивала» (Яхнина, 2004–2, 12).

О девочке 13–14 лет в 1949–1950 гг.: «Кстати, моя “ведомая” Люся Г. диктанты из роно теперь регулярно писала на тройку, а раза два получила четверку. Была у меня и еще подопечная – Вера Ф. С ней я занималась у неё дома после уроков в течение одной четверти в шестом классе. Однажды я, как обычно, пришла к Вере, отзанималась положенное время и собралась домой. В этот момент в комнату вошла ее мать, поблагодарила меня и сказала, что больше уроков не нужно: у Веры появилась “твердая тройка”. Подала мне бумажку – двадцать пять рублей, мой первый в жизни заработок! На эти деньги вся наша семья могла прожить целый день. Домой я не шла, а летела. Мама и бабушка не поспешили на похвалы, но все-таки то, что я взяла эти деньги, как-то меня смущало, и я поделилась своими сомнениями с учителем. Он успокоил: зарабатывать уроками – давняя гимназическая практика, а родители Веры как раз просили найти для нее хорошего репетитора» (Шендерова, 2008).

О Минске в нач. 1950-х гг.: «После окончания 7-го класса я решил – с одобрения родителей – подготовиться за лето по программе 8-го класса и сдать все экзамены, чтобы 1 сентября пойти в 9-й... Завуч предупредила, что аттестовать меня будут... по всем предметам 8-го класса – 12 экзаменов... Заниматься приходилось по 14–16 часов в сутки. Родители взяли мне репетитора по математике, остальные предметы я изучал самостоятельно...» (Липидус, 2004).

«РЕПКА» – русская сказка.

О с. Ястребинка Пресновского р-на Северо-Казахстанской обл. в 1988 г.: «Впервые со сказкой “Курочка Ряба” я познакомилась в возрасте 4-х лет. Мне её рассказывала бабушка... Все остальные сказки я узнала в детском саду. Например, “Колобок”... Сказку “Репка” я тоже услышала в детском саду. Позднее, уже в школе мы с ребятами услышали укороченный вариант этой сказки: “По де ре, вы ре бо” (“Посадил дед репку, выросла репка большая...”)). Мы соревновались, кто быстрее расскажет эту сказку» (019).

РЕСНИЦЫ – совокупность волосков, окаймляющих края век.

См.: *Ресницы красить; Загадывание желаний на выпавшую ресницу*.

РЕСНИЦЫ красить (о девочках) – покрывать краской (тушью) ресницы для придания выразительности глазам.

Запрет ученицам пользоваться косметикой долгие годы являлся предметом конфликтов между школьной администрацией, учителями – с одной стороны, и школьницами – с другой.

О конце 1970-х гг.: «И начиналась линейка... Голоногая пионервожатая маршировала к директору, звонко докладывая о сборе дружины... Алла Павловна следила за каждым. Если ей что-то не нравилось, то молча подходила к тому, кого приметила, и одергивала, стискивая по-женски губы от злости. Или если замечала, что у какой-нибудь девочки... подкрашены ресницы, то рывкала на весь зал: ...“Румянцева! Шагом марш в туалет смыть мазню!”» (Павлов, 2004, 3).

«РЕСПУБЛИКА ШКИД» – повесть (1927) Г. Белых (Белых Григорий Георгиевич, 1906–1938) и Л. Пантелеева (псевдоним, настоящее имя – Еремеев Алексей Иванович, 1908–1987) о петроградской Школе социально-индивидуального воспитания имени Ф.М. Достоевского начала 1920-х гг.

О 1927 г.: «На опубликование “Республики ШКИД”... Н.К. Крупская откликнулась гневной статьей в издаваемом ею журнале... Вопреки этому мнению, книга сразу же стала очень популярной среди подростков» (Балашов, 2003, 39).

С 1927 по 1934 год повесть выдержала восемь изданий. В 1936 году Г. Белых был арестован, книга вновь стала издаваться в 1960-е гг., после реабилитации Г. Белых.

В 1967 году режиссер Г. Полока снял по повести одноимённый фильм.

«[Книгу “Республика Шкид” написали] ещё юноши, только что сами вышедшие из школы, где воспитываются беспризорные... “Республика Шкид” – одна из первых книг о перевоспитании человека в нашей стране. Не экзотический быт беспризорных, не “блатная музыка” – главное содержание повести... История её героев начинается на... питерских улицах, на барахолках, у вокзалов... А кончается... вступлением в жизнь ребят, воспитанных новой школой...» (Маршак, 1971–6).

«То, что авторами книги были люди, на себе испытавшие все прелести беспризорного существования, то, что авторы были действующими лицами книги, то, что в ней рассказывалось виденное и пережитое, само по себе было чрезвычайно привлекательно для юного читателя и, естественно, должно было способствовать успеху повести. Однако поистине сенсационный успех “Республики Шкид” не может быть объяснен лишь названными обстоятельствами. Ведь и до и после книги Белых и Пантелеева выходило немало произведений, представлявших собою мемуары бывших беспризорных. Ни одна из них не застряла в памяти. Больше того. Через три года после «Республики Шкид» появилась повесть “Последняя гимназия”, посвященная той же самой школе имени Достоевского и написанная тоже её бывшими воспитанниками П. Ольховским и К. Евстафьевым... И хотя книга должна была привлечь внимание уже тем, что была как бы продолжением “Республики Шкид” – а ведь ребята так любят продолжения полюбившихся книжек, – она не вызвала интереса и очень быстро перекочевала в архив» (Лупанова, 1969, 74).

Один из авторов, Л. Пантелеев (А.И. Пантелеев) пишет в 1967 году: «...Книга “Республика Шкид” за сорок лет её жизни была напечатана общим тиражом немногим больше миллиона экземпляров. А фильм того же названия, судя по сообщениям газет, за один месяц посмотрело 17 миллионов зрителей!.. Вероятно, трогательное и человечное в картине есть, иначе ее не ходили бы смотреть по 5–10 раз, в чем признаются многие мои читатели пионерского и комсомольского возраста... И всё-таки я должен сказать, что, на мой взгляд, фильм не доносит до зрителя... всей многогранности быта нашей вольнолюбивой мальчишеской республики. Тот, кто читал повесть “Республика Шкид”, знает, что Шкида не была институтом благородных девиц. Нет, это было заведение совсем другого рода. Сюда приводили со всех концов Петрограда самых отъявленных бузвиков и головорезов. Процветали в нашей школе и воровство, и картёжные игры, и ростовщичество. Были жестокие драки... Но было и другое. Было то, что позволило С.Я.Маршаку в докладе на Первом съезде советских писателей сравнить нашу школу Достоевского с Царскосельским пушкинским лицеем. Мы учились – и учились охотно, без принуждения – по десять часов в день. Мы много и с увлечением читали. Изучали иностранные языки. Писали стихи. Было время, когда в нашей крохотной республике на шестьдесят человек “населения” выходило около шестидесяти газет и журналов... Был музей. Был театр... Ничего этого (или почти ничего) в фильме нет... Жизнь Шкиды на экране выглядит беднее и грубее, чем она была на самом деле» (Пантелеев, [1967] 1984–3).

РЕЧЁВКА – текст, громко произносимый (выкрикиваемый) идущим строем ребятами; как правило, текст построен в виде своеобразного диалога: часть текста произносится одним из марширующих (командиром отряда, вожатым и др.), часть – остальными марширующими; «ритмические стихи на пионерские темы, которые произносятся в строю ведущим и пионерами в такт на четыре счёта» (БГ, 1977, 44).

О Мишкинском р-не в середине 1970-х гг.: «В летние каникулы вся школа посменно отдыхала в пионерском лагере... Речевка сопровождала отряд всюду. “Раз, два, три, четыре, / Три, четыре, раз, два, / Кто шагает дружно в ряд? / Пионерский наш отряд”. “Нас много, много нас. / Кто с нами, / Тот смелей шагай за нами”» (491).

О конце 1970-х гг.: «Но идиотское, что было в лагере, когда мы ходили строем под речёвку: “Раз, два, три, четыре, / Три, четыре, раз, два, / Кто шагает дружно в

ряд? / Это дружный наш отряд. / Кто шагает правой, / Левой, левой”» (477).

О вт. пол. 1970-х – перв. пол. 1980-х гг.: «Два года подряд, в 4 и 5 классе я ездила в пионерский лагерь “Лесная сказка”. И ездила вожатой... Тексты речёвок. [Речёвка] при ходьбе в столовую: “Раз, два, / Три, четыре, / Кто идет? / Мы идем! / Кто поет? / Мы поем! / Дружные, веселые, всегда мы тут как тут. / Пионеры-ленинцы в столовую идут”. [Речёвка] в столовой: “Всем, всем, доброе утро (вечер, день). / Всем, всем, приятного аппетита. / Спасибо нашим поварам / За то, что вкусно варят нам. / Открывайте шире двери, / Мы голодные, как звери, / Ещё пять минут сидим, / Потом повара съедим, / Поварятами закусим, / Полстоловой разнесём, / А дежурного по кухне – / На шашлык и унесём”» (479).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Сегодня Сережа принес ребятам письмо от СДО (совета друзей октябрят): “Дорогие ребята! Скоро праздник Красной звездочки. На празднике будет много гостей. Вы уже подготовили выступление, выставку? Научились петь октябрятский марш и шагать под речёвку? Мы будем у вас на празднике и посмотрим, чья пятёрка окажется самой дружной и находчивой”. Малышам очень захотелось хорошо подготовиться к празднику. Сережа научил их быстро строиться, шагать под марш и речёвку: “Раз – два! / Три – четыре! / Три – четыре! / Раз – два! / Кто шагает дружно в ряд? / Октябрятский наш отряд! / Раз, в ногу! / В ногу раз! / Нас много. / Много нас. / Рей, знамя! / Знамя, рей! / Жить дружно / Веселей. / Смелые, умелые, / Мы очень любим труд. / Октябрят смелые / Весело идут!”... Одному октябрёнку поручается сделать эмблемы для всех ребят. Затем ребята разучивают речёвку и учатся ходить под неё строем. На сборе группы пионеры будут определять, какая звёздочка делает это лучше всех. Конечно, никому не хочется подводить свою звёздочку. Поэтому все с энтузиазмом скандируют: “Это чьи идут ребята? / Октябрят, октябрят! / Раз – два! / Вейся, флаг! / Три – четыре! / Шире шаг! / Бодрые, умелые, / Сильные и смелые! / Звезды алые горят. / Нет дружнее октябрят!”» (Бесова, 1988, 54).

О 1980-х гг.: «Речёвки в лагере. [Вожатый, ведущий, далее – В.]: “Шила-брыла-брыла-пша”. [Отряд, далее – О.] “Опша”. В.: “Опша-ша”. О.: “Опша”. В.: “Каса лари лари ла”. О.: “Оха, оха, ха”. В.: “А ля мя” О.: “А”. В.: “А ме ме”. О.: “А” В.: “Гип, гип”. О.: “Ура! Ура! Ура!” В.: “Бала, бала, ми”. О.: “Хей”. В.: “Чика чика чик”. О.: “Хей”. В.: “Чик”. О.: “Хей”. В.: “Чик” О.: “Хей”. В.: “Чик чирик чик” О.: “Хей хей”. В.: “О олес” О.: “О олес”. В.: “О олес бам балас” О.: “О олес бам балас”. В.: “О чекирис бамба”. О.: “О чекирис бамба”. В.: “Оса ласа мимба”. О.: “Оса ласа мимба”. В.: “О я бананы ем”. О.: “О я бананы ем”. В.: “О апельсины ем”. О.: “О апельсины ем”. В.: “Верю верю ем”. О.: “Верю верю ем”. В.: “Шесть раз мокин”. О.: “Мокин, мокин, мокин, мокин, мокин, мокин, би-би”. В.: “Настроенье каково?” О.: “Во”. В.: “И нет другого мнения?” О.: “И нет у нас сомнения”. [При движении в столовую] В.: “Кто идёт?” О.: “Мы идём В.: “Куда идём?” О.: “В столовую”. В.: “Зачем идём в столовую?” “Кашу есть перловую. Открывайте шире двери, – мы голодные как звери, если повар не накормит, мы и повара съедим”. И концовка в двух вариантах: 1. “А дежурным в зуб дадим”. 2. “А дежурными закусим”. [При движении на речку] В.: “Кто идёт? О.: Мы идём”. В.: “Куда идём?” О.: “На речку”. В.: “Зачем идём на речку?” О.: “Плывать, бегать, загорать и с ребятами играть”» (569).

О 1987 г.: «Речёвки. [1.] “Раз, два, / Мы не ели. / Три, четыре, / Есть хотим. / Открывайте шире двери, / А то повара съедим. / Поварятами закусим, / Пол в столовой разнесём, / А дежурного по кухне / На шашлык мы унесём, / А директора в компот, / Чтобы не было хлопот”... [2.] “Это чьи идут ребята? / Октябрят, октябрят. / Раз, два, / Крепче шаг. / Три, четыре, / Вейся флаг. / Бодрые, умелые, / Сильные и смелые, / Звёзды алые горят, / Нет дружнее октябрят”. [3.] “Раз, два, / Три, четыре, / Три, четыре, / Раз, два, / Кто идёт? / Мы идём. / Кто поёт? / Мы поём. / Дружные, веселые, / Всегда мы тут как тут. / Пионеры-ленинцы, / Ленинцы идут”» (493).

О с. Глядянское в 1994–1997 гг.: «Когда мне было 10–13 лет, я отдыхала в лагере “Чайка”. Эту речевку мы произносили, когда шли в столовую. «“Раз, два” – “Мы не ели!” – / “Три, четыре” – “Есть хотим!” / Открывайте шире двери, / А то повара съедим, / Поварятами закусим, / Полстоловой разнесём, / А дежурного по кухне / На кусочки (осколки) разорвем”. Нас этому учили вожатые» (106).

«РЕШЕБНИК» – книжное издание, содержащее готовые решения задач, помещенных в школьном учебнике (задачнике). В продаже решебники появились в конце 1990-х годов.

«Это мы, взрослые, “подсадили” наших детей на всевозможные “решебники”, на “все произведения школьной программы в одном флаконе”, на готовые сочинения и прочие интеллектуальные эрзацы» (Штильман, 2002, 5).

РИД – Томас Майн Рид (1818–1883), английский писатель, в 1850-е годы вышли в свет его наиболее популярные романы «Охотники за скальпами», «Квартеронка», «Оцеола, вождь семинолов».

Ю. Олеша о 1908 г.: «В бытность мою в гимназии, когда мне было около девяти лет, я впервые узнал о Шекспире. В нашем пансионе существовала библиотека... Заведовал этой библиотекой инспектор... Воспитанникам первого и второго классов выдавались Жюль Верн, Майн-Рид, Купер и подобные авторы...» (Цит. по: Автобиографии, 1998, 223–224).

О 1910-х гг.: «...В детстве перечитал я всего Жюль Верна, Томаса Майн Рида, Жаколио, Буссенара, Александра Дюма...» (Гунин, 1984, 60).

О девочке 8–13 лет в 1915–1920 гг.: «Детство я провела... в Алексине, Тульской области... Я имела свободный доступ... [к великолепной библиотеке у начальника станции]... На краю оврага... было прочитано столько книг, пролито столько слёз над судьбами любимых героев; Пушкин и Станюкович, Майн Рид, Жюль Верн, Бичер Стоу, Войнич и Джованьоли... Всё это, несмотря на голодные зимы и весны... делало детство счастливым» (Воскресенская, 1978, 90).

О 9–10-летних мальчиках в конце 1920-х гг. в Москве: «На книжных полках его господствовали Жюль Верн и Майн Рид, Фенимор Купер и Луи Буссенар... – Володя охотно давал мне на дом свой богатства» (Федосюк, 2004, 219).

О нач. 1930-х гг.: «Оказывается, бывают такие случаи. Ребята собирают деньги, ходят по букинистам и подбирают себе коллекции любимых “приключений”. За это удовольствие они платят очень дорого... В эту пёструю коллекцию иногда по недоразумению попадает и добропорядочный, переходящий от поколения к поколению Майн Рид...» (Маршак, 1971–7, 334–335).

О 1950-х – 1970-х гг.: «В 10–11 лет становятся любимым чтением приключенческие романы Ж. Верна, А. Дюма, Ф. Купера, Майн Рида, современных авторов» (Мотышов, 1983, 27).

Об опросе 265 детей 12–15 лет в Ярославле в 1997 году: «Любимыми авторами книг по данным опроса оказались: В. Каверин..., Ж. Верн..., А. Конан Дойль, М. Рид... Большинство из этих книг традиционно любимы детской аудиторией...» (Олейников, 1998, 56).

«**РИСКНИ здоровьем!**» – выражение из речевой практики подростков, призванное предостеречь собеседника от совершения поступка, который он собирается совершить.

О с. Ожогово Шатровского р-на во вт. пол. 1990-х гг.: «Когда человек хотел совершить какое-то непростое дело, сказать напрямую кому-то что-то далеко не простое, то другой говорил: “Ну, попробуй, рискни здоровьем!”, что значит: отважься!» (154).

О с. Половинном Половинского р-на во вт. пол. 1990-х гг.: «Фраза “Рискни здоровьем” применима в двух случаях и к двум типам людей. [1.] Игровая форма. Играешь с другом в игру или соревнуешься. Он тебе говорит: “Да я тебя выиграю, тебе ничё не светит...” и тому подобные вещи. А ты отвечаешь: “Ну давай, рискни здоровьем, ещё посмотрим, кто выиграет”. [2.] Неигровая форма. Когда споришь, ругаешься, что-то доказываешь.

Человек теряет над собой контроль, переходит на личности, оскорбляет, ещё маленько – и будет драка. Говорит: “Да ты такой..., сякой; да я тебя...; да ты мне; да ты знаешь кто я такой...; да я знаешь чё с тобой сделаю...?” А ты ему так спокойно смотришь в глаза и говоришь: “Ну, давай, рискни здоровьем”. Человек после этого может даже слегка растеряться. Эта фраза может трансформироваться и звучать по-разному, но смысл будет один и тот же. Некоторые варианты: “Рискни здоровьем”; “Чё, здоровья много?»; “Чё, здоровья вагон что ли?»; “А у тебя здоровья-то хватит?” и т. д.» (016).

О 1997–2001 гг.: «“Рискни здоровьем” – обычно мне так говорил старший брат, когда мы ссорились и я начинала ему угрожать тем, что возьму что-нибудь типа палки и ударю его. Говорил он так, имея ввиду, что я потом сама получу во много раз больше» (138).

О девочке 15 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 2002 г.: «“Рискни здоровьем”, – обычно мы так говорили, когда слышали какие-то угрозы в свой адрес (“Щас получишь” и т. п.) или когда кто-то собирался сделать что-н., что нам казалось запретным. И эта фраза означала, что лучше попробовать не надо» (141).

Автор словаря в 1970-е годы слышал выражение: «**РИСКНИ здоровьем, кинься на больного ребёнка!**»

РИСОВАНИЕ – 1. Действие от глагола «рисовать», одно из любимых занятий детей дошкольного, младшего и среднего школьного возраста. См.: *Рисовать*.

РИСОВАНИЕ – 2. Занятие в детском саду.

О девочке в дет. саду г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «Хорошо помню запах гуаши, приготовленной воспитателем перед занятием по рисованию, и то, как замирало сердце перед чистым листом бумаги, красками и кистью. Наверное, мы рисовали на разные темы, но мне запомнилось рисование по сказке “Пряничный домик”, потому что не раз ещё я вечерами рисовала именно по этой же сказке – два берега реки, по реке плывет уточка к стоящему на берегу пряничному домику необыкновенной красоты» (Мосалова, 2007, 7).

РИСОВАНИЕ – 3. Учебный предмет, существующий (под таким названием) в образовательных учреждениях с конца XIX века.

О гимназии в середине 1890-х гг.: «Воспитывали вас учителя... Но... среди них также были “пустые места”. Таковы были, в первую очередь, преподаватели пения, чистописания, рисования и гимнастики. При одном часе в неделю и плохой программе никакой иной роли они и не могли играть. Более добродушен был учитель чистописания и рисования. На его уроках кто умел рисовать – рисовал, кто не умел – так неумолимо и оставался... Этот учитель... отметок... нам не портил, и я с... совершенным неумением рисовать получал не менее четверки, так как у меня были хорошие отметки по другим предметам» (Блонский, [1941] 1971, 38).

Об Одессе 1910-х гг.: «Пусть это будет рассказ об уроке рисования в гимназии, когда мы, сидя в актовом зале, рисуем с натуры чучело ястреба. Учитель рисования, Иван Архипович Архипов, пшеничный блондин в почти голубом мундире, который рвезается на нем, ходит среди нас и говорит каждому слова одобрения» (Олеша, [1954] 1999, 272).

О 1944–1945 гг.: «Анна Николаевна... не скрывала своего неравного отношения к предметам. Математику и русский она почитала и это почитание всячески внушала нам... Ну а про рисование Анна Николаевна ничего не говорила. И про пение тоже. Нет, сказать плохое про эти предметы она себе не могла позволить... Но как бы мимоходом принизить их – это она могла. “Ах, – говорила рассеянно Анна Николаевна, – сейчас, кажется, опять пение. Ну что же, споем, на чем мы там остановились?” Когда наступал урок рисования, Анна Николаевна была еще неаккуратнее, даже иногда проговаривалась. “Может, вместо рисования напишем диктант? – наивно спрашивала она, конечно же, не нас, а сама себя. И как бы утверждала эту мысль весомым аргументом: – Репиных из вас все равно не выйдет!” И нередко мы действительно вместо рисования писали диктант или решали задачи... Урок шел к концу, Анна Николаевна принялась ставить отметки за рисунки, возле

нее собрался такой барьерчик из народа...» (Лиханов, [1983] 1986–1, 287–288).

О конце 1950-х гг.: «А у Тани никогда не бывает двоек. Она почти отличница, только по рисованию у неё тройка» (Дягилев, 1961, 36).

О девочке 7 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1992 г.: «На первый урок рисования я шла полностью подготовленная: у меня были куплены все принадлежности, и я ждала этот урок с нетерпением. Ведь до этого мы рисовали только дома, и наши “произведения” оценивали только родители. Теперь я выросла, и на мои “художества” посмотрит весь класс и моя первая учительница» (141).

О г. Когальме Тюменской обл. в 1994–2000 гг.: «В начальной школе у нас был урок рисования, на котором мы мастерили из пластилина, цветной бумаги, делали маски из папье-маше. С 5-го класса (1998 г.) урок переименовали в “Изо” (изобразительное искусство), а в 7 классе (2000 г.) отменили» (134).

РИСОВАННЫЕ загадки – загадки, в которых значительная часть информации скрыта в изображении (рисунке).

О девочке 11 лет в Белоруссии в 1996 г.: «Я очень хорошо помню то время, когда весь наш двор увлекался загадыванием рисованных загадок. Это было в возрасте 11 лет, когда я жила в Белоруссии. Моя семья жила в новостройках. Повсюду был ровный и гладкий асфальт. Был период, когда все увлекались загадками. Не успеешь выйти на улицу, к тебе подходят и загадывают загадки. Обычно рисовал один человек, а вокруг него собирались отгадывающие. Иногда мы устраивали поединки: кто больше сможет загадать загадок. Мы по очереди их рисовали, когда кто-то не мог вспомнить загадку, он исключался из игры и становился просто зрителем. Иногда состязания длились несколько дней, и было очень интересно. Приведу примеры таких загадок: при загадывании ты одновременно говоришь текст и изображаешь его содержание на асфальте. 1. В первом и в третьем домах живут бабка и дедка, во втором доме – принц и принцесса. Случился пожар. В первом и в третьем доме сгорел пол, а во втором – крыша. Кто поджог дома? (Поп). 2. В первом доме живёт баба, во втором – дед. Между домами большое озеро, с одной стороны которого сидят три льва, а с другой – крокодилы. Как бабке перебраться к дедке? (Она спокойно может пройти мимо львов, они ей ничего не сделают, так как это Л.Н. Толстой, Л. Троцкий и Л. Успенский)» (017).

РИСОВАТЬ – «Изображать, воспроизводить предметы, живые существа, природу и т. п. от руки с помощью графических средств (штрихов, пятен, контурных линий)» (Словарь, 1961–12).

О детях 7–12 лет в библиотеке в 1942–1943 гг.: «Мы – это группы детей разного возраста от 7 до 12 лет, которые в прямом смысле слова росли в библиотеке... Шура привила нам вкус к рисованию. Под её рук-вом мы занимались им часто и с большой охотой. Цветные карандаши и бумага, которые оставались в библиотеке и у нас дома с довоенных времен, вскоре кончились. Тогда Зоя обрезала поля газет, хранившихся в библиотеке за много лет, и наши занятия не прерывались. На узких полях мальчишки умудрялись разместить целые бои: пушки, сбивавшие фашистские самолеты, и танки, шедшие в атаку. А девочки чаще всего, вспоминая мирную жизнь, рисовали любимых кукол и мишек, цветы, прогудки с родителями под мирным солнышком» (Куштанина, 2004, 63).

Рисовать на асфальте – забава городских детей.

«Девочка рисует на асфальте – / Пляшут разноцветные мелки. / За своей привычною работой / Позабыла обо всем она. / И не замечает пешеходов, / Так она сейчас увлечена... / Всё мелок послушный нацарапал – / Вдруг не так что, взрослые, поймём: / Это солнце. / Это мама с папой. / Это я с подружкой вдвоём...» (Антошкин, 1986, 131)

Рисовать на земле – традиционная забава (временпрепровождение) детей.

О Москве 1908–1910 гг.: «Девочки поклонялись по двору... Прыгать в классы – грязно. Бегать в салочки –

тоже грязно... Зато рисовать на земле очень хорошо. И опять Соня рисовала, а подружки смотрели. Только она уже не тянула своих барынь через весь двор. Она рисовала девочку в шляпе с лентами и с широким кушаком и рядом другую, повыше ростом... Потом вдруг стерла их, затоптала калошами и нарисовала девочку в платке, повязанном крест-накрест, и дала ей в руки большую куклу и коробку. “А в коробке разные игрушки”, – пояснила она» (Воронкова, 1959-а, 240).

Рисовать на стенах – традиционная забава (временпрепровождение) детей.

О Москве в 1908–1910 гг.: «Соня поклонялась по двору. Было скучно, неизвестно, чем заняться. Стеклашки надоели. В салочки или в пряталки поиграть не с кем... Неожиданно около мусорного ящика Соня увидела кучку мягких угольков. Видно, кто-то вытрясал здесь самовар. Соня выбрала несколько угольков и принялась рисовать на заборе; всяких барынь. Особенно старалась она рисовать им туфли на высоких каблуках – уж очень интересно на таких каблуках ходить!» (Воронкова, 1959-а, 62–63).

Ср.: *Граффити*.

РИТМИКА – «Двигательные упражнения под музыку, имеющие целью развить чувство ритма; ритмическая гимнастика» (Словарь, 1961–12, 1335); «система физических упражнений под музыку для развития чувства ритма» (СИ, 1994, 533).

Ритмика – учебный предмет в школе, введённый в 1990-е годы.

О г. Шадринске середины 1990-х гг. «Во 2-м классе (1994 год) у нас в школе г. Шадринска появился новый предмет – “ритмика”. Это были занятия танцами, которые проходили в подвале, оборудованном под зал. Предмет был обязательным, но нам, девчонкам, он не нравился, потому что нужно было танцевать с мальчишками. Хотя музыка, которую нам включал учитель ритмики, нам очень нравилась. На этот урок нужно было, как на физкультуру, принести особую обувь – чешки. Данный предмет преподавался отдельно от физкультуры, выступая как самостоятельное занятие» (012).

«“Ритмика” – школьный предмет, помимо физической культуры. На ритмике нас учили танцевать вальс, танго и другие танцы. Предмет проходил в отдельном кабинете, под музыку, которая лилась из магнитофона. Предмет был в шк. программе с класса 5 по 7, 8, то есть с 1996 по 1998–1999 гг. Оценка по ритмике шла в аттестат» (011).

«РИЧ и Рач» – вероятно то же, что «Рич-Рач», «рич-рачи».

О Минске 1922 г.: «Весной 1922 года в ж.-д. школе № 25... организовали отряд юных Спартаков. ...Мы участвовали в субботниках и воскресниках..., а вырученные деньги шли на покупку книг и брошюр, плакатов, красок, настольных игр для сельских пионеров. В те годы особенно популярными были игры “Старайся вверх”, “Рич и Рач”, шашки и др. Многие игры мы изготавливали сами...» (Патент, 1984, 20–22).

«“РИЧИ-РАЧЕ» – вероятно, то же что «Рич и рач».

О вт. пол. 1920-х гг.: «В тот далёкий год моего детства отец работал прорабом... [Сын квартирных хозяев] хранил [коллекцию бабочек] в плоских картонных коробках из-под детской игры с загадочным названием “Ричи-Раче”» (Нагибин, 1960, 143).

«РИЧ-РАЧ», «рич-рачи» – игра (вероятно, напоминающая «гусёк»).

О десятилетней девочке в 1918 г.: «Из кухни несёт погребом. Из детской – мышами. Асе странно, что почти всё осталось на своих местах. Игра “Рич-Рач”, большой красно-синий мяч и маленький мячик, серый» (Лойко, 1964, 34).

О девочке 7–9 лет в нач. 1930-х гг.: «Иногда нас приглашали обедать... Андрей Иванович в своей коляске тоже садился с нами за стол... После обеда Андрей Иванович иногда оставался с нами за столом поиграть в игры. Было у них всего две игры, но очень интересные. Одна называлась “Вверх и вниз”. Это был цирк, и фигурки, клоуны, которыми надо было ходить, были сделаны из олова... Вторая игра – “Ричи-рачи”. Эта игра тоже дошла до наших дней, она представляла собой поле,

на котором были цветные дорожки, по ним, у каждого из четырех игравших, двигались по 4 разного цвета, фишки» (Кубанева, 1988).

О девочке 13 лет в 1937 году: «В квартире вместе с нами жила Вера Сергеевна... Скоро к ней стал приходить молодой человек... Он... быстро познакомился со всей нашей семьей и скоро стал нашим другом... Иногда мы с ним играли в шашки, шахматы, “рич-рач” и даже в костяные игрушки» (Кубанева, 1988).

О середине 1960-х гг.: «Настольно-печатные игры могут быть разделены на следующие виды: 1. Парные картинки... 6. “Гусек”... 8.... Помимо обычных шашек... существует ряд детских игр, основанных на этих игровых принципах, например, “Уголки”, “Волки и овцы”, “Рич-рачи” и др.» (Григорьева, 1966, 85–86).

Ср.: «Похожее чувство... появляется у меня иногда при игре в рич-рач, если она длится более трех-четырех часов; я ничего не слышу, кроме стука костей, тихого шелеста передвигаемых фигурок и легкого звона, когда фигурку сбивают. Даже Марии, которая больше любит играть в шахматы, я привил страсть к рич-рачу. Для нас это было как наркотик. Иногда мы играли по пять-шесть часов подряд... Мария придумала очень сложную систему записи по очкам, очки насчитывались в зависимости от того, где сбивалась фигурка, твоя или партнера получалась любопытная таблица, и я купил Марии четырехцветный карандаш, чтобы ей легче было обозначать, как она выражалась, наши “активы и пассивы”. Иногда мы играли в рич-рач во время долгих поездок по железной дороге, вызывая удивление всех серьезных пассажиров...» (Белль, 1965).

«**РОБИНЗОН Крузо**» – роман (1719) английского писателя Даниэля Дефо (1660–1731).

«Роман Даниэля Дефо “Жизнь и необычайные поразительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого погиб весь экипаж, исключая его одного, с изложением его неожиданного освобождения пиратами” был первым романом приключений вошедшим в занимательное чтение детей всех стран земли... Увлечаться Робинзоном ребята начинали с очень раннего возраста... Приходится пожалеть, что юному русскому читателю долгие годы приходилось знакомиться, вместо самого романа Дефо, с его распространенной скучно-назидательной переделкой, принадлежавшей перу немецкого педагога Иоахима Кампе. Переделкой, осмеянной Белинским. А немного спустя уже не один, а два немецких педагога, Л. Гюнтер и В. Лаукарт, привели роман Дефо, увы, в соответствие с современными им требованиями педагогики!.. В конце XIX века на необитаемый остров взамен сурового моряка по милости авторов детских книг попала девочка. Книга Э. Гранстрем называлась “Елена-Робинзон”. Переделкой этой девчоночьей робинзонады являлась выпущенная М.О. Вольфом в Петербурге повесть “Девочка-Робинзон, или Леля (в другом варианте – Наденька) на необитаемом острове”. В этом повествовании, по определению издательской аннотации, “много милой нежности” и наряду с ней “рассыпано множество весьма основательных сведений по части физики, ботаники, зоологии, метеорологии и пр.”» (Бегак, 1985; 67–68, 72).

«В 1873 г. появилась, а затем выдержала десятки изданий переработки “Робинзона”, сделанная детской писательницей А.Н. Анненской...» (Алексеева, 1960, 367)

О нач. XX в.: «Посмотрим же, были ли в самом деле так богаты старые книжные полки. Да, конечно, их нельзя назвать бедными, если... на них стояли в голубом и красном коленкоре “Робинзон Крузо”, “Гулливер”, “Русские народные сказки”... Но разве можно назвать эти старые книжные полки богатыми... если Робинзона переводили то с французского, то с немецкого, сокращая, обрабатывая, иллюстрируя его так, чтобы он как можно меньше походил на героя философской повести XVIII века, а был причесан по “вольфо-девриеновской” моде» (Маршак, 1971–7, 284–285).

О мальчиках 10–11 лет в середине 1870-х гг.: «Паньчи переглянулись. “Ты знаешь, Сережа, как мы его назовем? – обратился к брату Володя. – Робинзоном Крузо. Идет?” “Идет... Вот отлично ты придумал! – обрадовался Сережа. – Рыжик, слушай: ты знаешь, как мы тебя назовем? Робинзоном Крузо... Робинзон Крузо – хорошее имя: он герой... Он на необитаемом острове жил один-одинешенький и с дикарями воевал... Так ты хочешь быть Робинзоном?” “Я кушать хочу”, – раздался голос Саньки... “Он прав, что есть хочет, – тихо проговорил Володя, обращаясь к брату, – и Робинзон тоже есть хотел. Вот мы сейчас отправимся домой, раздобудем провизии и спустим ее нашему Робинзону в яму”. “Вот отлично! – по обыкновению восторженно подхватил Сережа и, ещё раз нагнувшись над ямой, прокричал, войдя совершенно в роль. – Робинзон, ты слышишь? Мы сейчас спустим тебе провизию...”» (Свирицкий, [1901] 1975, 82–83).

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге во вт. пол. 1900-х – нач. 1910-х гг.: «Наша мать очень любила читать мне и брату и причула нас к книге в ранние годы. У моего маленького брата были излюбленные друзья – книги, герои книг и даже отдельные отрывки. Так он говорил обычно упрашивая маму вновь и вновь почитать “Робинзона Крузо”: “За вторую главу – отдам полжизни!” Эти первые детские увлекательные книги приключений – “Робинзон”, “Гулливер” и особенно “Дети капитана Гранта” – мои излюбленные друзья в красочных иллюстрациях были неразлучны долгие годы с нами, и, хотя на смену им приходили новые, они сохраняли свое прочное место в нашем детском сердце» (Автобиографии, 1998, 229).

О 1915 г.: «“...Той зимой мне исполнилось шесть лет, – вспоминает о своем детстве сотрудник Ленинградского дома детской книги Ольга Хузе. – И с того времени книга о Робинзоне стала моим другом на всю жизнь. Длинные зимние вечера просиживала я за общим столом, склоняясь над книгой, с неостывающим вниманием рассматривала рисунки к ней и каждый раз находила в них что-нибудь раньше не замеченное. Невидимкой ходила за Робинзоном по острову, знала все тропинки, все кусты и деревья на его пути, тревожилась и пугалась вместе с ним... Я стала играть в жизнь Робинзона на острове. Кукольный дом стоял на ящике, а ящик стал хижинкой Робинзона!.. И вся комната виделась мне необитаемым островом... Пусть навсегда в моей памяти, – говорит автор воспоминаний, – останется тот Робинзон, с которым я познакомилась в шесть лет и которого до сих пор люблю, как хорошо знакомого человека...”» (Цит. по: Бегак, 1985, 68).

О 1930-х – 1950-х гг.: «В наше время “Робинзон Крузо” остается любимой детской книгой» (Алексеева, 1960, 366).

О Шадринске в 1995 г.: «Когда мне было 7 лет, я пошла в школу, там у меня возникла любовь к книгам. Моя первая книга, прочитанная мною, была “Робинзон Крузо” Даниэля Дефо. Единственная книга, которую я читала с охотой, с чувством узнать что-то новое для себя» (048).

РОБИНЗОН (кукла) – кукла, изображающая героя романа «Робинзон Крузо».

«В детстве я не любила фарфоровых кукол... Исключение составляла только одна фарфоровая небольшая куколка под названием “Робинзон”. Куклу эту нельзя было раздеть, так как она вся была обклеена серой кроличьей шкуркой, ноги ее были обуты в байковые черные сапожки. Этого Робинзона я нежно любила, пеленала в простынку поверх шкуры, возила по полу, уча его ходить, и довозила до такого состояния, что он стал похож на грязного бездомного котенка. Просто весь облепился грязью, а ведь его не вымоешь: он меховой» (Луговская, [1983] 1987, 62).

«**РОБОКОП**», «Robosop» – видеоигра.

О середине 1990-х гг.: «Robosop – стрелка, где можно убивать большое количество врагов и спасти родной г. Детройт от злых бандитов и роботов. Играл на приставке “Денди” в 1995 г.» (083).

РОБОТ – «Термин, которым обозначают машины (устройства) с так называемым антропоморфным (человекоподобным) действием...» (СИ, 1994, 534).

Робот-игрушка.

О перв. пол. 1990-х гг.: «Нов. роботы в основном на батарейках и изготавливаются из пластмассы. Игрушки из лужёной стали, основанные на моделях из Японии и Европы [19]60-х и [19]70-х гг., всё ещё изготавливаются в наст. время в Китае и России (Хилари, [1995] 2003, 37).

«**РОВЕСНИК**» – журнал, издаётся с июля 1962 года.

Офици. наименование журнала в 1960-е – 1980-е гг.: «Общественно-полит. илл. ежемесячник ЦК ВЛКСМ и комитета молодежных орг-ций СССР». В конце 1980-х тираж «Ровесника» превышает три миллиона экз.

О конце 1980-х гг.: «Яркая деталь моего отрочества – ежемесячный журнал “Ровесник”. Это был настоящий поток свободы в те времена! Глянцевая бумага, роскошная полиграфия, информация о вышедших на Западе фильмах, пластинках. Умница “Ровесник” опубликовал роман рокера Ди Снайдера “Курс выживания для подростков”! Точно в тему! Главки мемуаров патлатого музыканта я аккуратно вырезала, подшивала, давала читать подружкам. Кто-то как-то зачитал, подшивочка ушла навсегда. Тираж “Ровесника” тогда превышал миллион экз. – фантастическая цифра даже для огромного государства» (Кумейко, 2007–5, 6).

О подростке 13–16 лет в 1998–2000 гг.: «“Ровесник” – журнал для подростков и молодежи. В нём пишутся интересные статьи о молодежной культуре, музыке, различные тексты, истории. Этот журнал я брал в библиотеке» (171).

О девочке-подростке 16–17 лет в г. Снежинске Челябинской обл. в 2000–2001 гг.: «Я в библиотеке брала журнал “Ровесник”, в нём было много разных статей про музыкантов и известных людей, но особенно мне нравилось смотреть постеры и рубрику “Знакомство”. Особенностью этой рубрики было то, что адресов не давали, а писать нужно было на адрес редакции, а на конверте указывать номер того человека, которому ты написала. Интерес был в том, что не знаешь, откуда данный человек. Моя подружка таким образом познакомилась с мальчиком из нашего города. И мне хотелось так же» (117).

«**РОВЕСНИКИ**» – радиопередача 1970-х – 1980-х гг. для старшеклассников.

О конце 1970-х гг.: «Однажды я писала о популярной среди старшеклассников радиопередаче “Ровесники” и читала письма молодежи, адресованные в редакцию» (Преловская, 1981, 87).

РОГАТКА – «Деревянная развилка с привязанной к её концам резинкой для метания» (Словарь, 1961–12, 1363).

Рогатки в 1900-е гг.

О нач. 1900-х гг.: «Из рогатки я стреляю в птичку. Птичка улетает и садится на дерево... Я даже нацеливаюсь из рогатки и пускаю камешек в уходящих коров...» (Зошенко, 1993–4, 527).

О середине 1900-х гг.: «Он по-прежнему... смеялся. Шутил с товарищами. И даже стал ухаживать за одной курсисткой Симочкой. И мы, мальчишки, были раздосадованы его поведением. Мы ненавидели от всей души этого студента со стеклом. Когда однажды он сидел на пристани, мы с берега стали стрелять в него из рогаток. Он ужасно рассердился на нас. Закричал. Погнался за нами. Но когда он гнался за одним, другие в него стреляли. Мы стреляли в него так, что он, наконец, побежал домой, закрыв голову руками. Три дня мы обстреливали его дачу. Мы стреляли в каждого, кто выходил из его дома. Даже стреляли в его мамашу. И в кухарку. И в гостей. И в собаку. И даже в кошку, которая выходила погреться на солнышке. Мы выбили несколько стекол на веранде. И довели его до того, что он вскоре уехал. Он уехал с распухшим носом. Это кто-то из нас выстрелил в него из рогатки, когда он с вещами шел на пристань» (Зошенко, 1994–3, 555–556).

Рогатки в 1910-е гг.

Из стихотворения М.Л. Моравской начала 1910-х гг.: «В блаженном июне, окончив труды... / Поедем в

деревню – я, Шурка и Коля, – / И будет веселье и вольная воля... / И будем купаться, и будем грести, / И сможем рогатки себе завести» (РПД, [1912], 1989, 586).

О 1915–1916 гг.: «Володька посмотрел на рогатку и не торопясь спрятал её в карман. Вскоре оказалось, что рогатка пригодна не только для игры. Он убедился в этом на деле, кончался второй год тяжелой войны с Германией. Продукты дорожали, их становилось всё меньше, во всем была нужда. Голод сделал из Володьки отличного стрелка, и он часто приносил домой убитого метким выстрелом голубя или другую птицу и гордился, что хоть чем-нибудь помогает матери» (Бондаренко, 1959, 55).

Об Украине 1910-х гг.: «Мальчишки бегут из всех переулков, они выскакивают из всех калиток, с рогатками, самострелами и пиками» (Ямпольский, 1964, 292).

Рогатки в 1920-е гг.

О школьниках в конце 1920-х гг.: «“Жар-жакет” прозвали его пальтишко ребята, потому что оно у него всегда... распахнуто... А вот уж когда Миронов выдернет свою рогатку из кармана жар-жакета, все останавливаются и смотрят. Миронов ловко натягивает резинку. Камень летит у него, как пуля. Без промаха бьёт. В провод ударит – на всю улицу гудит гул. В собаку пальнёт – с визгом шарахнется в подворотню собака... Случалось Миронову с стекла в домах выбивать... И вдруг маленький Киссель нацелился и пальнул в фонарь из рогатки» (Будогоская, [1929] 1988, 87–89).

Рогатки в 1930-е гг.

О начале 1930-х гг.: «Долго мы лежим на увале и говорим о всяких мальчишеских делах. Например, о том, где достать резины на рогатки. Желательно бы красной» (Соболев, 1964, 38).

Рогатки в 1940-е гг.

Об 11-летней девочке в Ленинграде 1940–1941 гг.: «Шёл ей двенадцатый год, и звали её Кирой... Никто никогда не видел Кирюшку с куклой в руках. Но зато она отлично играла в футбол в в городки и ловко мастерила рогатки» (Карасёва, 1960, 11).

О 1941–1942 гг.: «“ Ну что, предатель?” – спрашивает Витька, доставая рогатку. Пулю от патрона он вкладывает в козеток медленно, чтобы Валерка видел, чем заряжена рогатка... Все три рогатки заряжены пулями. Резинки натягиваются. “Как только пикнешь, так глаза выбьем”, – предупреждает Лягва и ругается, – а без глаз ты уж не укажешь на нас”. Валерке страшно. У него подгибаются ноги, губы дрожат. “Я не предатель, – шепчет он. Лягва скалит зубы и сильней натягивает резинку... Можно и отсюда его убить. Пулей из рогатки попасть в висок – и он свалится. Пусть сделает шаг, только один шаг. Из рогатки даже лучше. Главное – не промахнуться. На таком расстоянии не промахнусь. Для верности заложу в козеток маленькую пулю от пистолета. Рука вытаскивает рогатку» (Ляленков, [1962] 1981; 112, 116).

О 1942–1944 гг.: «...Мы с Грачевым начали свой учебный год в шестом [классе]. Новые знакомцы на первом же уроке вlepили нам из рогаток горохом по затылку. В течение недели обстрел длился непрерывно... “Вот что придумали, рогатки!...” – кривя губы, говорил Грачев... И в самом деле, мы и наши приятели на Канатной улице увлекались рогатками, когда нам было по десять-одиннадцать лет. А тут – спохватились! И мы вырвали у двух-трех рогатки из рук, поломали их на куски, отобрали резинки. Мы ответили в сторону нескольких наиболее неутомонных: “Бросьте, ребята. Если на то пошло, мы можем сделать рогатки посильнее”... Васильков обзавелся новой рогаткой, и неск. твёрдых горошин, пушенных им, пролетели над головой учителя, стукнулись о классную доску. На следующий день молодой учитель не появился...» (Бакинский, [1955] 1956; 88, 92–93).

О 1943 г.: «...Сразу же из задних рядов выстрелили из рогатки. Железная пулька из толстой проволоки метко попала ей в шею под ухо. Девочка громко ойкнула, схватилась рукой за шею, а в разных концах класса послышалось весёлое фырканье... Ребята сумели сильно отравить новенькой жизнь: не пропустили случая подставить ей ножку, стрельнуть из рогатки в спину или

плюнуть из трубочки жеваной бумагой... теперь железные пульки с задних рядов летели не только в спину Иды, но и мою...» (Петров, 1978; 149, 153).

О 1947 годе: «Мальчик вернулся к письменному столу и запихнул тетрадь в самый низ ящика... Рука при этом наткнулась на какой-то предмет, таившийся в углу. Это оказалась рогатка. Растопырка из обрубка веток, с тщательно примотанной проволоками тугой резиной. Оружие для стрельбы камешками образца приблизительно сорок седьмого года... Мальчик вертел в руках рогатку, натягивал и отпускал с легким шелчком резиновую тетиву...» (Дробиз, 2004)

О 5-летнем мальчике во вт. пол. 1940-х гг.: «Выдумали, будто он на девочку похож. Это прямо смешно... У девочек, что ли, бывают рогатки? А у Сережи есть рогатка, из нее можно стрелять камнями. Рогатку ему сделал Шурик... “И возьмешь, никуда не денется лопата. Мама встанет, и возьмешь, – сказала тетя Паша. – Смотри-ка, а вот рогатка твоя. Вот ты пока рогаткой позанимаешься...” ...[Серёжа] взял рогатку и вышел на улицу. Напротив на заборе сидел воробей. Сережа, не целясь, стрельнул в него из рогатки камушком и, конечно же, промахнулся. Он нарочно не целился, потому что сколько бы он ни целился, он бы все равно не попал, кто его знает – почему; но тогда Лида дразнилась бы, а теперь она не имеет права дразниться: ведь видно было, что человек не целился, просто захотелось ему стрельнуть, он и стрельнул не глядя, как попало» (Панова, [1955] 1956; 411, 420–421).

Рогатки в 1950-е гг.

О 1950-х гг.: «Он... выторговал рогатку. Знатное было оружие. Сделал я её из красной резины, которую укладкой отрезал от материнных литых галош» (Акулинин, 1985, 153).

О конце 1950-х гг.: «Ариша... собрала в кружок всю свою звёздочку. “Ну, октябрята, дружные ребята, теперь со всякими ссорами и драками у нас покончено. И Гриша Чайников теперь драться не будет. И рогатку свою закинет. Правда, Гриша, ведь закинешь?” “Закину”, – пробурчал Гриша» (Воронкова, 1961, 18).

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «Жена вспомнил, как вчера он хотел подстрелить из этой рогатки воробья, а попал в окно второго этажа, где жил старик Семилетов. Стекло разлетелось на мелкие осколки. Ребята разбежались... Женина ладонь, сжимавшая в кармане злополучную рогатку, стала горячей и влажной. “Я сейчас”, – сказал он маме и свернул в переулок. Там он быстро вытащил из кармана рогатку с отполированной от частого употребления ручкой, разорвал красную, звонко хлопнувшую резину и все это без сожаления бросил в урну» (Туричин, 1962, 19–20).

Рогатки в 1960-е гг.

Обличению мальчиков, стреляющих из рогаток, посвящена пьеса для кукольного театра «Слон и Зоя»: «Т е т я П а ш а: Петька Стоеросов из квартиры номер пять всё безобразничает... Завёл себе рогатку и сперва по стёклам пулял, а теперь другую забаву надумал: собак и кошек калечить. Как завидит собаку или кошку, делает зверскую рожу, прицелится из рогатки – бац! – и подобьёт безвинное животное. Это не мальчик, это фашист какой-то! И матери жаловалась, и рогатки отнимала... – ну ничего не помогает... [Слон] Т о м. А что это такое – рогатка? В о р о н а. Такая штука с резинкой. Он туда камешек кладёт, резинку натягивает, говорит: бац! – и камень летит вам в ногу, или в крыло, или в хвост, а то и в голову. Ф а т м а. Но ведь это же, наверно, больно? В о р о н а. Ещё как! К а к а д у. Зачем же он это делает? В о р о н а. Получает от этого удовольствие» (Лифшиц, 1962, 64–65, 86–67).

О начале 1960-х гг.: «Витька после уроков подстрелил из рогатки возле школы дикого голубя, а Борька возмутился и в присутствии всех толкнул его в плечо и обозвал живодёром» (Балдин, 1963, 17).

О начале 1960-х гг.: «За столом сидел... наш директор. Он... сказал: “Сдавай оружие!” И мы все по очереди... сдавали оружие. На столе, кроме пистолетов, оказались две рогатки и трубка для стрельбы горохом» (Драгунский, 1964, 16).

О Свердловске в перв. пол. 1960-х гг.: «Сява Дубасов... владел огромной заводской катушкой “авиационки”. ...Никогда не забуду, с каким замиранием сердца глядел, как Сява отматывает ее для меня. Ровно такой длины, какая потребна на изготовление совершенной, четырехрядной рогатки с оптическим прицелом (то есть круглой, как рамочка для зеркала). Ни разу не стрелял из неё по птицам, людям или кошкам. Хотя мне из чужих рогаток не однажды перепало по мягкому месту. Я целил только в небо. Даже во время дождя. Задирали лицо навстречу мокрому пунктирам, прищуривал левый глаз, растягивал резину до бедра и – отпускал. И алюминиевая пулька летела выше пятиэтажного дома... Летела и возвращалась... Иной [выстрел] срывался, и пулька всей мощью энергии... ударяла по пальцу...» (Застырец, 2006).

О 1960-х гг.: «Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его... Товарищей он бил. В девчок из рогатки стрелял» (Пермяк, 1967, 8).

О конце 1960-х гг.: «...Серёжка, растянув рогатку книзу, медленно подошёл к девчонкам. Они несмело расступились. В неровном квадрате... лежала зелёная стекляшка... “Мак?” – спросил Серёжка, ещё выше оттягивая над стекляшкой кожаный язычок с круглым камешком. Он отпустил язык, и под ноги девчонкам брызнули зелёные осколки. Там, где была стекляшка, на сером асфальте лежала только голубоватая пыль. “Дурак! Дурак, а не мак!” – закричали девчонки, но Серёга уже был далеко от дома, деловито сматывая на ходу рогатку» (Немченко, 1972, 17).

РОГУЛЬКА – возможно, то же, что *рогатка*.

О 1923 годе: «Федька плутовато мигнул своим, приподнял рубаху и показал Тимке рогульку и праш, засунутые за пояс штанов. “Видал? Без промаха бьют”... Выстроены в одну шеренгу мальчишки закладывали в пращи и рогульки камни и по команде Павлушки метали их в стёкла, стараясь попасть в окна самых верхних этажей [фабрики]...» (Соловьев, 1967, 7–10).

РОДАРИ – см. *Джанни Родари*.

РОДИМЧИК – «Разг. Болезненный припадок у маленьких детей..., сопровождающийся судорогами и потерей сознания» (Словарь, 1961–12, 1376).

Из восп. К.А. Агранович-Шульман (1895 г.р.) о нач. XX в.: «...Однажды, рано проснувшись, я в ночной рубашке выбежала в сад. Как раз поспела малина, и мне захотелось попробовать вкусных ягод, умыться хрустальной росой. С меня еще не сошла дрёма, и мне вдруг почудилось, что в левой части сада, у самого забора, чудовищно огромная уродливая роза, с выпученными глазами, с большими клыками во рту. Я дико испугалась и стала кричать. Бабушка в тот час как раз доила в хлеву корову и, услышав мой крик... выбежала из сарая и позвала меня: “Кларочка, что случилось? Иди, моя радость, ко мне!” Я же не могла сдвинуться с места, словно кто-то приковал меня. И не переставала плакать. ...Бабушка поспешила ко мне, обняла, но какая-то сила крепко пригвоздила меня к земле, и бабушка с трудом смогла сдвинуть меня с места. Но я по-прежнему билась в истерике. Со мной, оказывается, случился “родимчик”, как это называют в народе, детский нервный шок, когда центральная нервная система не успевает выставить защиту против неожиданной психической атаки. На второй или на третий день после испуга бабушка, потеряв надежду, что “это само пройдет”, – я всё время всхлипывала и безотчетно всего пугалась – решила прибегнуть к помощи исцелительницы. Так вот, на второй или на третий день рано поутру меня вывели в сад и поставили лицом к стене нашего дома. Сзади ко мне подошла знахарка, бабка Ента, очень старая женщина. Баба Ента прикрыла мне голову платком и стала что-то нарस्पев, негромко, но часто шептать – она надо мной ворожила. Кончив свои заклинания, она повернула меня – теперь уже лицом к большому медному тазу, до края наполненному горячей водой (бабушка обычно варила в нем варенье). И ворожея, наша нежинская Баба-Яга, приказала мне: “Клара, посмотри в этот таз!” Я посмотрела на парную воду и увидела (да-да именно увидела!) в том круглом тазу, словно в чистом зеркале,

то самое чудовищное лицо, мерзкую рожу с теми же выпученными глазами, которая и причудилась мне раньше, в углу сада, у забора. Но на сей раз видение продлилось недолго, и как в тумане начало медленно таять и наконец совершенно исчезло, словно растворилось в воде. И тут же в душе наступило успокоение и страх исчез. Куда девались мои слезы!» (Цит. по: Автобиографии, 1999, 155-156).

«РОДИМЧИК» – ребенок, выпрашивающий милостыню по заданию взрослых.

О середине 1870-х гг.: «Родимчиками промысловые нищие называли детей, которых они заставляли выпрашивать милостыню. Такие нищие попадали к нищим различным путём: их воровали, сманивали или же брали у бедных родителей напрокат» (Свирский, [1901] 1975, 137).

Ср.: «С ручкой» (ходить).

РОДИТЕЛЕЙ вызывать в школу – см.: *Вызывать родителей в школу.*

РОДИТЕЛЬСКИЙ день – день посещения родителями детей в загородном летнем (пионерском) лагере.

По-видимому, именно родительский день в летнем лагере описывается в стихотворении Агнии Барто «Всё на всех», написанном в 1933 году: «Приехали! Приехали! / Родители приехали! / С конфетами, с орехами. / Родители приехали. / Девочки и мальчики / Прыгают от радости: / В каждом чемоданчике / Яблоки и сладости. / Вот для дочки / Танечки / В узелочке / Прянички. / А вот это пироги, / Для себя их береги. / Вот для сына / Петеньки / Леденцы / В пакетике. / Это Пете моему, / Это больше никому! / И с пакетами в руках / Уплетают в уголках / Друг от друга / По секрету / Кто пироги, / А кто конфету...» (Барто, [1933] 1969–1, 339–340).

О пионерском лагере под Ленинградом в 1941 году: «В воскресенье, как обычно – родительский день. 22 июня 1941 года мы ждали родителей из Ленинграда. Дети прибрали свои комнаты, подмели территорию лагеря, набрали букеты полевых цветов. Искупались в реке, причесались, оделись в парадную форму. Не успели пообедать, как горнисты протрубили большой сбор. На пионерской линейке нам объявили, что началась война с фашистами и лагерь переходит на военное положение» (Щетинин, 2002).

О середине 1950-х гг.: «У ворот лагеря дежурили две девочки... “Я хочу повидать моего сына”, – обратился полковник к девочке. “Извините..., родительский день будет только в следующее воскресенье... – Таня из кожи вон лезла, стараясь напустить на себя солидность. – А в другие дни родителям приезжать воспрещается» (Амусина, 1960, 36).

О середине 1950-х гг.: «Началось всё с того, что Вера Васильчикова попала в комиссию, которой поручили составить программу концерта к родительскому дню... На концерте в родительский день Вовке уступали самые хорошие места...» (Железников, 1960, 64).

О конце 1950-х гг.: «“А я и не знала, сколько у нас талантов! Вот теперь мне ясно, кто из вас на родительский день в самодеятельности участвовать будет!”» (Вереяская, 1961, 35).

О 1960-х гг.: «Есть... “традиция” родительского дня в лагере. С первых же дней лагерь готовится к встрече родителей, как будто самому главному дню в смене. Готовятся спец. концерт, подарки и сувениры, “показательный” обед. Родители бродят толпами по территориям, проникают в палаты, столовую, переселяют своих детей, забывают тумбочки продуктами. Лагерь вроде бы отчитывается перед родителями, как он живёт. Но уж больно этот отчет смахивает на показуху...» (Шмаков, 1970а, 31).

О пионерском лагере в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «“Вера! А военная игра у нас будет?” – спросила маленькая Лида. “Будет...” – сказала Вера... “А родительский день у нас будет? – решил спросить Женя. – Родительский день будет?” “Будет, – улыбнулась Вера и потрепала Женю по макушке... – Будет самый замечательный родительский день! Как раз тогда, когда вы успеете соскучиться...”» (Матвеева, 1975, 39–40).

О 1970-х гг.: «Родительский день в пионерском лагере: кустики, скатерки на траве, бутылки с квасом, разрезанные вдоль и натертые солью огурчики (что же мы столько соли-то ели?), нарядные редиски, крутые яйца, газетка с воблой. Лето, голубое небо, тебя любят» (Метелица, 2005, 8).

О середине 1970-х гг.: «“Вы приезжайте сюда в родительский день, – неожиданно поддержал её старший вожатый. – Пятнадцатилетние девочки несут мамам грязные носочки, чтобы те постирали...”» (Зюзюкин, 1977, 166).

О летнем лагере в начале 1980-х гг. «Воскресная “обжираловка” в родительский день. Приезд мамы – это воскресный пир. Абрикосики, домашнее печенье, сок, конфеты – всего этого в лагере не давали! Маме можно пожаловаться, похвастаться! Плюс, на весь день уйти из лагеря. Записка от нее на имя воспитательницы – и ты нежишься на пляже во время сончаса, купаешься до посинения, а не по часам под присмотром врача. И только после ужина, проводив мамочку на последний автобус, возвращаешься в отряд с кульком гостинцев. И потом несколько дней то и дело ныряешь в тумбочку за конфетками» (Кумейко, 2006–2, 7).

О середине 1990-х гг.: «Я с ужасом жду родительского дня. Мало нам местных, так придут ещё бациллоносители из города» (Российское телевидение, 1 сентября 1996 года; цит. по: Мокиенко, 1998, 156).

РОДИТЕЛЬСКИЙ комитет класса, школы – орган родительской общественности, помогающий классу или школе в учебно-воспитательной и хоз. деят-сти.

В 1960-е годы в положении о восьмилетней шк. и в положении о сред. шк. Российской Федерации роль и задачи родит. комитета школы определялись следующим образом: «В целях обесп. пост. и тесной связи с родителями учащихся в школе создается родит. комитет, избираемый на общем собрании родителей... Родит. комитет привлекает родителей к акт. участию в жизни шк., оказывает помощь в уч.-восп. работе, в осуществлении всеобщего обязат. обучения детей, в орг-ции самообслуживания учащихся, их общественно полезного труда и внекл. работы..., в осуществлении мероприятий по укреплению хоз. и учеб.-мат. базы школы».

О перв. пол. 1960-х гг.: «Родительский комитет избирается на общем родит. собрании (в больших школах – на конференции) сроком на 1 год из числа кандидатов, рекомендованных классными родит. собраниями. Он состоит обычно из председателя, 1 или 2 его заместителей, секретаря, 3–5 членов. Председатель родит. комитета является членом пед. совета, он приглашается также и на другие пед. совещания. Для руководства отд. участками работы из актива родителей создаются как постоянные, так и временные комиссии. Родит. комитет в своей работе опирается на классные родит. комитеты, избираемые в начале учеб. года на классных родит. собраниях» (ПЭ, 1966–3, 701–702).

В издании 1967 года отмечалось: «[Родительский комитет] помогает школе в ремонте оборудования, в создании пришкольного участка и уголка живой природы. Члены родит. комитета приходят в семьи школьников, изучают условия жизни детей. Они организуют материальную помощь детям из средств родительского комитета и школы» (СВ, 1967, 228–229).

О 1970-х гг.: «Родительский комитет – выборные представители родителей школьников, кот. помогают учителям школы в уч.-восп. работе. Родит. комитет класса избирается в начале учеб. года на родит. собрании. На том же собрании выбирают представителя в родит. комитет школы. Председатель родит. комитета шк. входит в состав пед. совета. Члены родит. комитета... помогают в орг-ции внекл. и внешк. работы с детьми, поддерживают пост. контакт с шефами школы, вносят предложения по улучшению учеб.-восп. работы на рассмотрение педсовета. При содействии родит. комитета для родителей в школе устраиваются лекции, доклады, беседы врача, консультации педагогов, психологов, юристов» (Денисова, 1978, 186).

О 1970-х гг.: «В состав родит. комитета входили наиболее акт. родители класса. Они организовывали

классные мероприятия, поездки, помогали с обустройством класса. На родит. комитет для бесед вызывались неуспевающие ученики или хулиганы» (Томилова, 2006).

РОДИТЕЛЬСКОЕ собрание – встреча *классного руководителя* с родителями учащихся класса. Этой встрече может предшествовать общешкольное родительское собрание.

О 1960-х гг.: «В практике... школы определились два основных вида родительских собраний – общешкольные и классные... Общешкольные родит. собрания готовятся администрацией школы совместно со школьным родительским комитетом..., классные – классным руководителем и активом родителей учащихся данного класса. На родительском собрании родители... получают информацию о состоянии успеваемости и дисциплины школьников, обсуждают... вопросы помощи школе в осуществлении всеобщего, в орг-ции досуга детей... На общешкольных родит. собраниях заслушиваются... сообщения учителей, старшего пионервожатого... В повестку дня родит. собрания включаются выступления педагогов, работников внешкольных учреждений, юристов, врачей... На классные родит. собрания приглашаются для беседы с родителями учителя, работающие в данном классе, а в необходимых случаях директор или завуч» (ПЭ, 1966–3, 701–702).

О конце 1950-х гг.: «Папа спрашивает: "... Зачем ты столько снеди готовишь?" Мы с Серёжкой засмеялись, а мама рассердилась: "Сколько раз я тебе объясняла, что на родительском собрании всем велели приходить с завтраком и с молоком"» (Долинина, 1962, 7).

О перв. пол. 1960-х гг.: «У нас было родительское собрание. Мама вернулась с него очень мной довольная: Елизавета Карловна хвалила меня, говорила, что у меня будто бы большие педагогические способности, что во мне произошел какой-то перелом, что я стала значительно серьезнее, чем была прежде, и очень хорошо сумела помочь Коле...» (Киселев, [1966] 1969; 108).

О 1970-х гг.: «Родит. собрания... всегда проходят вечером или в субботу днём... На общешк. родительских собраниях директор школы рассказывает о работе шк. коллектива и о планах учеб.-восп. работы; перед родителями выступают дет. врачи, психологи, юристы. На классных родит. собраниях кл. рук. рассказывает об успеваемости и поведении учащихся, о внекл. и внешк. работе (то есть о проведении кл. собраний, пионерских сборов, экскурсий, о работе кружков и т. д.). Выступают учителя, которые ведут в классе преподавание учебных предметов. Родители задают педагогам вопросы, делятся мыслями и предложениями по обучению и воспитанию своих детей. На родительских собраниях в начале учебного года избирается родительский комитет класса и школы» (Денисова, 1978, 186–187).

О пятиклассниках в 1970-е гг.: «Пойдут родители с собрания. Кого-то поругают, кому-то всыпят... И кто вообще придумал эти родительские собрания? Сережа их всегда ненавидел. Когда дети жалуются друг на друга, это называется ябедничать. А когда взрослые жалуются на детей, это называется родительским собранием» (Матвеева, [1982] 1985, 149).

О Шадринске во вт. пол. 1990-х гг. – нач. 2000-х гг.: «Родительское собрание обычно проводилось в школе в начале первой четверти (говорили о денежных взносах в фонд школы, класса, на обеды и охрану), в конце второй четверти – перед Новым годом (собирали на подарки к Новому году), в конце третьей четверти и в конце четвертой четверти (собирали на выпускные или на ремонт школы и класса). На родительское собрание школьники не допускались. Собрание велось классным руководителем в кабинете, закрепленном за классом. Иногда проводилось общешкольное собрание, на которое ходил лишь "актив" родителей. На собраниях, помимо учебных вопросов, поднимали вопросы социальные: о наркомании, алкоголизме, курении» (012).

«РОДНАЯ РЕЧЬ» – название ряда учебных изданий для чтения в начальных классах. В 1940-е – 1980-е гг. издавались «книги для чтения» (1), в 1990-е – 2000-е гг. – «учебники», «пособия» и «задачники» (2).

1. Книги для чтения для учащихся начальных классов под названием «Родная речь» выпускались с 1944 по 1984 год. Ниже мы представляем краткую характеристику книг для чтения «Родная речь» от 1-го по 4-й классы.

1.1. Книга для чтения в 1-м классе. Исторически существовало две неоднократно переиздававшихся книги для чтения в первом классе под названием «Родная речь». 1.1.1. «Родная речь. Книга для чтения в 1-м классе начальной школы». Авторы – Е.Е. Соловьева, Л.А. Карпинская, Н.Н. Щепетова, Объем 176 с. Первое издание вышло в 1944 г., 25-е – в 1968 году. 1.1.2. «Родная речь. Книга для чтения в первом классе» (М.: Просвещение, 208 с.) Составители – М.С. Васильева, Л.А. Горбушина, Е.И. Никитина, М.И. Оморокова. Первое издание вышло в 1972 году, 10-е – в 1981 г.

1.2. Книга для чтения во 2-м классе. Исторически существовало две неоднократно переиздававшихся книги для чтения во втором классе под названием «Родная речь». 1.2.1. «Родная речь. Книга для чтения в II классе начальной школы». Авторы – Е.Е. Соловьева, Н.Н. Щепетова, Л.А. Карпинская, А.А. Канарская. Объем 208 с. Первое изд. вышло в 1944 г., 26-е (последнее) – в 1969 г. 1.2.2. «Книга для чтения во втором кл. нач. школы». Составители – М.С. Васильева, Л.А. Горбушина, Е.И. Никитина, М.И. Оморокова. Объем – 271 с. Первое изд. вышло в 1973 г., в 1982 г. вышло 10-е издание книги.

1.3. Книга для чтения в 3-м классе. Исторически существовало две многократно переиздававшихся книги для чтения в третьем классе с таким названием. 1.3.1. «Родная речь. Книга для чтения в III классе нач. школы». Авторы – Е.Е. Соловьева, Н.Н. Щепетова, Л.А. Карпинская, В.И. Вольнская, А.А. Канарская. Объем 384 стр. Первое издание вышло в 1945 г. В 1970 г. вышло 26-е (последнее) издание книги. 1.3.2. «Родная речь. Книга для чтения в третьем классе». Сост. – М.С. Васильева, Л.А. Горбушина, Е.И. Никитина, М.И. Оморокова. Объем – 384 с. Первое издание вышло в 1974 г., в 1983 г. вышло 10-е издание книги.

1.4. Книга для чтения в 4-м классе. «Родная речь. Книга для чтения в 4-м классе начальной школы». Авторы – Е.Е. Соловьева, Н.Н. Щепетова, Л.А. Карпинская, В.И. Вольнская, А.А. Канарская. Объем 384 стр. Первое издание вышло в 1945 году. В 1969 году вышло 26-е (последнее) издание книги.

О Челябинске в 1945 году: «В 1945 году я пошла в первый класс... И так, последние дни августа. Мама что-то продала и купила мне на базаре подержанную "Родную речь" за 300 рублей и новые туфли» (Белая, 2001). О начале 1950-х гг.: «Петя взял "Родную речь", / На диван решил прилечь... Сунул в шкаф "Родную речь", / И гора свалилась с плеч» (Барто, [1954], 1969–1, 363).

О конце 1940-х гг.: «Володя тоже садится за стол. Ему хочется, чтобы я училась с ним в третьем классе. "Что же ты, мама, такая большая, а учишься в первом классе? Тебе уже пора в третий переходить!" Мне не хочется обижать Володю. Сажусь с ним за стол, и мы начинаем читать "Родную речь" для третьего класса» (Володяева, 1960, 78).

О 1958 году: «...Учиться мне в маленькой школке досталось только две первые четверти, и ничем мне она не запомнилась, разве только тем, что была там одна такая противная девка, которая сидела в классе позади меня и то и дело, прямо среди урока, лупила меня по башке толстой "Родной речью", потому что я, видите ли, очень вертелась и мешал ей упорно овладевать знаниями, а учительница эту тварь молчаливо или даже вслух поощряла...» (Чуманов, 2002).

2. Учебные издания (составитель М.В. Голованова) под названием «Родная речь» выпускались с 1991 года.

2.1. «Родная речь. Учебник для учащихся начальной школы». Издается с 1991 года.

2.2. «Родная речь. Семейное чтение. Пособие для учащихся 1–2 классов общеобраз. школы». Издается с 1997 г.

2.3. «Родная речь. Семейное чтение. Литер. задачник для учащихся 2–3 класса общеобраз. школы». Составитель М.В. Голованова и др. Издается с 1999 года.

«**РОДНИК**» – ежемесячный иллюстрированный художественный и научно-популярный журнал для детей школьного возраста. С 1866 по 1877 г. выходил под названием «Детский сад», с 1878 по 1881 г. – «Воспитание и обучение», под названием «Родник» – с 1882 по 1917 г.

«Каждая книжка “Родника” составлена приблизительно по такому плану: в начале – снимок с картины известного художника..., затем – отдел беллетристики: повести, рассказы, сказки, стихи, далее идет отдел научный – статьи по истории, естествознанию, географии, истории лит-ры. В последние годы издания “Родник” ввёл новые отделы – “По белу свету”, “Дома и за границей”, “Наука и жизнь”, “Обо всем понемногу”, в которых сообщались последние новости научного и общественного характера, например, о достижениях в авиации, о полярных экспедициях, о деят-сти дет. клубов за границей. В 1910 г. в журнале вводится отдел “Клуб “Родника””, посвящённый переписке с детьми о чтении книг, об авиамоделизме и др. Здесь же редакция руководила юными шахматистами, что было ново для детского журнала. Впоследствии был введён особый отдел “Шахматы”, иногда он назывался “Шахматы. Шашки”... Редакции удалось привлечь к сотрудничеству многих популярных писателей реалистич. направления... Тот же принцип отбора реалистич. худ. произв-ий проводился редакцией и по отношению к ин. лит-ре. “Родник” знакомил читателей с творчеством А. Додэ, Марка Твена, Жюль Верна и других художников слова. Гл. заслуга редакции состояла в умении последовательно проводить принцип высокой требовательности к худ. лит-ре. Сентиментальные, назидательные повести и рассказы, как правило, браковались. “Родник” прививал читателю любовь и уважение к труду, и в этом была восп. сила журнала. Правда, на его страницах никогда не появлялся образ передового рабочего... И, тем не менее, носителями нравственного идеала во многих произведениях являлась люди труда. Фольклору в “Роднике” уделялось немного места, [за 1880-е – 1890-е гг.] русских сказок помещено менее десяти, того меньше – сказок народов России и разных стран. Чаше печатались лит. сказки, с которыми выступали Кот-Мурлыка (Н.П. Вагнер), В.М. Гаршин, Д.Н. Мамин-Сибиряк, К.С. Баранцевич, В.П. Авенариус. Широко раздвигая круг школьных знаний, журнал много внимания уделял пропаганде науки... Много места уделялось биографич. статьям, где изображались люди сильной воли, большого мужества, беззаветного служения Родине. Очерки об И. Гончарове, А. Островском, Ч. Диккенсе и др. пробуждали интерес к творчеству писателя, знакомили с особенностями его мастерства. Журнал “Родник” отличался высокой полиграф. культурой. В каждом номере помещались хорошо выполненные репродукции известных художников – Серова, Нестерова, Верещагина и других. Заботливо разработана была система заставок, виньеток, концовок. Были привлечены к оформлению журнала хорошие силы современных художников и фотографов. В качестве приложений “Родник” давал пьесы для домашних и школьных спектаклей и руководства к их постановке» (РЖДД, 1982, 32–35).

О начале 1880-х – конце 1900-х гг.: «С 1882 г. начал выходить журнал “Родник” под редакцией известной детской писательницы Сысоевой. Журнал этот скоро завоевал всеобщие симпатии и стал одним из лучших детских журналов. До самого последнего времени, как при первом редакторе Сысоевой, так и при её преемнике А. Альмедингене, он сохранял и свой характер, и своё определенное положение в дет. лит-ре. В нём участвовали лучшие дет. писатели и популяризаторы, он всегда давал ценный и разнообразный материал для чтения. Только в самые последние годы, когда требования, предъявляемые к детскому журналу и детской книге, значительно повысились, журнал этот как бы отошел на второй план и потерял часть своей популярности. Он не стал хуже, но перестал удовлетворять в той же мере, как прежде, повысившиеся требования читателей» (Чехов Н., 1909, 72–73).

«**РОДНОЕ слово**» – учебник К.Д. Ушинского.

Учебник К.Д. Ушинского «Родное слово», состоящий из трех книг, впервые был издан в 1864 году. «Родное слово» пользовалось такой популярностью, что вплоть до самой революции издавалось каждый год по несколько раз. «“Родное слово”, как учебная книга, предназначено для первоначального обучения в городских школах, а также в семье и адресуется, как говорил сам автор, детям “мещанства, чиновничества и мелкого дворянства”... Первая часть “Родного слова” читалась детьми в школе и дома после “Азбуки”. Она делится на 36 тематич. уроков. Гл. место в них занимают худ. тексты... Это произв-ия разнообразных жанров: рассказы, народные песни, басни, стихи русских поэтов, сказки, загадки, скороговорки, пословицы, поговорки и т. п. Четвёртую часть составляют произведения самого Ушинского, остальное – стихотворения и отрывки из произведений русских поэтов. Каждый урок содержит 2–3 пословицы, 1–2 загадки, скороговорки, веселые прибаутки. Но самое большое место отводится сказкам, которые хотя и переработаны составителем, но сохраняют свойственный им народный дух. Большинство из них до сих пор помещаются в книгах для детей в том виде, в каком их впервые обработал и поместил в своих книгах К.Д. Ушинский. Наряду со сказками в каждом уроке есть рассказы... Большинство рассказов, очень маленьких по объему, состоит буквально из нескольких строк. Одни из них – краткие нар. анекдоты, побасенки, притчи, доведенные до максимальной краткости, другие, по заявлению автора, являются подделками под произв-ия нар. творчества... В первое время преобладало положительное, даже восторженное отношение к книге. Но с 1867 года стали появляться ноты недовольства, в результате чего в 1885 году книга была запрещена в школах. ...Книга имела беспрецедентный успех, ежегодно расходилась по России сотнями тысяч экз., проникая в самые отдаленные углы. Имя Ушинского стало пользоваться всенародной известностью. Ученый комитет был вынужден считаться с популярностью “Родного слова”, а также мнением передовых педагогов и в 1902 году вновь допустил книгу в библиотеки казенных учебных заведений... По кол-ву изданий с “Родным словом” не может соперничать никакая другая дет. книга. В 1914 году “Родное слово. Год первый” вышло 146-м изданием, “Год второй” в 1916 году – 130-м изданием, “Год третий” в 1908 году – 23-м изданием. Книга для учителей в 1908 году вышла 23-м изданием. Эти данные являются ярким подтверждением огромного успеха книги. “Родное слово» как учебная книга для советских школ не издавалось”» (Сетин, 1972, 196–202).

О середине 1890-х гг.: «Один из [учителей], И.А. Шостак, вёл приготовительный класс. Он преподавал по “Родному слову” и “Детскому миру” К.Д. Ушинского и по задачку Гольденберга, лучшему в то время» (Блонский, [1941] 1971, 43).

О 1899 году: «Ясным сентябрьским днем 1899 года папа за руку повел меня в городское училище... Мы прошли в учительскую, где инспектор... проэкзаменовал меня. Стоя с опущенной головой у большого стола, покрытого зеленым сукном..., я бойко читал страницу из “Родного слова” Ушинского» (Волков, [1975] 1978, 67)

О конце 1890-х гг.: «Ушинского уже не было в живых, но по его книге “Родное слово” учились во всех школах... Училась по ней и я» (Инбер, [1953] 1958, 258–259).

О начале XX века: «...“большая перемена» в саду под акациями, змеившими золотисто-зеленые пятна по растрепанной книжке “Родное слово” Ушинского... И такая жалость... по книжке “Родное слово” Ушинского, по “большой перемене” в саду под акациями» (Аверченко, 1989, 102–103).

РОДЫ – «Физиологический процесс появления на свет ребёнка» (Словарь, 1961–12, 1398).

Представления о родах у детей.

О девочке в Шадринске в 1998 г.: «Когда мне было 10 лет, я услышала от старшей сестры, что у меня скоро будет племянник. Я очень обрадовалась и задумалась: что же такое роды? Я думала, что ребенок рождается из

живота, что на животе делается надрез и ребенок, выползая, оказывается снаружи. А мои подружки спорили со мной и утверждали, что ребенка родители находят в капусте. Я спрашивала у родителей, как проходят роды на самом деле, но они мне отвечали: “Когда вырастешь – узнаешь!”, и я больше потом и не пыталась узнать что-нибудь про роды, думала, что, действительно, когда вырасту – узнаю» (135).

См. также: *Представления о появлении детей.*

Игра в роды – компонент девичьих ролевых игр.

О девочках 10 лет в Кокчетавской обл. в 1973 г.: «Мы с подружкой играли в дочки-матери. Сначала “рожала” я, затем – она. “Роды” считались состоявшимися путем вытаскивания подушки из-под платья» (591).

О середине 1980-х гг.: «Я забыла рассказать игры в младшем возрасте... Игра в больницу. Выбирали по желанию врача, другие – больные. Больные приходят к врачу на прием. Врач слушал каждого, затем ставил укол... Иногда врач делал операцию (разрезал живот, смотрел там что-то, лечил, затем зашивал). Были и роды. Приходила беременная женщина, чтобы родить ребенка (к животу под платье привязывали маленькую подушечку). Врач принимал у ней роды. “Женщина” сильно кричала, затем подушку убирали и подносили ей куклу» (538).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Когда нам было лет 5, мы играли в семью, в больницу. В больницу приходили больные на прием к врачу... Приходила беременная на прием. Врач принимал у неё роды. Беременная сильно кричала при родах. Девочке привязывали подушку на живот. А когда рождался ребенок (подушку убирали), ей подносили куклу. И уже с куклой девочка уходила домой» (540).

О нач. 2000-х гг.: «Наблюдала за ребятами в дет. саду. Девочки играли в роддом. Брала кукол, заворачивали в простынку и укладывали под платья (казалось, что они беременные, подойдёт время и они будут рожать). После чего девочки приезжали в больницу, врач разрезала живот (если были кофточки на пуговичках, то девочки-“врачи” расстегивали и вытаскивали куклу, а если были футболки или кофты без пуговиц, просто поднимали их вверх, проводили прямую линию палочкой или карандашом вдоль туловища) и доставала ребёнка (куклу). Когда девочки как бы рожали (когда “врачи” “разрезала живот”), они кричали как бы от боли. И говорили: “Ой, как я устала”. Мама (девочка) брала куклу на руки, подносила к груди (на место, где находится грудь, подставляли перевёрнутую кружку) и как бы кормила» (551).

См. также: *Беременность, Игра в беременность.*

РОЖДЕНИЕ детей – см.: *Представления о появлении детей; Роды.*

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ёлка – см.: *Ёлка рождественская для учащихся; Ёлка рождественская домашняя.*

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ каникулы – перерыв в учебных занятиях на время рождественских праздников. См.: *Рождество.*

О 1880-х гг.: «“Рождественские каникулы!” – Он совсем забыл, что с сегодняшнего дня начинаются счастливые и долгие две недели» (Толстой, [1919–1922] 1984, 15).

О Саратове в конце 1880-х – нач. 1890-х гг.: «Другим местом, где мог я слышать хорошее пение в дошкольные годы, были ёлки, устраиваемые городом для школьников Саратова в гор. театре в рождественские каникулы... На рождественских каникулах 1890–[18]91 года мои сестры вместе со своими подружками затеяли сыграть пьеску “Босножка”. Вечер прошел шумно и весело: артистам хлопали за хорошее выступление, пели много дет. песен, танцевали массовый танец – кадрили, очень распространенный в то время» (Золотарев, [до 1975] 1995; 53, 57).

О 1911 г.: «Ей было двенадцать лет, когда на детском вечере во время рождественских каникул её пригласил на вальс молодой студент» (Пришвина, 2003).

О гимназии середины 1910-х гг.: «Перед рождественскими каникулами выдали табеля... Отметки были хуже, чем в первой четверти» (Филиппова, 1938; 40, 84).

О Петрограде-Ленинграде в 1922–1927 гг.: «Осенью 1922 года я пошел учиться в А-6 (грамотный) класс 37 советской единой трудовой школы... Каникулы у нас в школе были на Рождество и Пасху, эти дни были тогда в стране праздничными» (Поздняков, 1994, 293).

РОЖДЕСТВО – «Церковный христианский праздник рождения Христа, отмечаемый у православных 25 декабря (по старому стилю)» (Словарь, 1961–12, 1407).

О 1925–1929 гг. в Москве: «До 1929 года в официальном советском календаре значилось два вида праздников: православные и революционные. По-прежнему нерабочими днями оставались Пасха, Рождество, Троица, Успение, Благовещение и другие... На Рождество устраивалась ёлка...» (Федосюк, 2004; 197, 199).

См.: *Ёлка рождественская для учащихся; Ёлка рождественская домашняя.*

РОЖОК – «Бутылочка, на которую надевается соска для кормления младенца» (Словарь, 1961–12, 1410).

«Исторический музей... знакомит... с множеством... мелочей младенческого быта XVIII – начала XX в.: погремушки..., рожки для кормления новорожденных. Рожками пользовались до изобретения в конце XIX века резиновых сосок, надеваемых на бутылочки. “Днем девка эта сидела с матушкой в карете, держа меня на коленях, кормила из рожка коровьим молоком и пеленала...”, – читаем в воспоминаниях Н.А. Дуровой. Свое название рожок получил из-за использования при его изготовлении натурального коровьего рога. Рог очищался изнутри, а с наружной стороны обклеивался тканью с нарядной вышивкой» (Серебрякова, 1995).

О матери с грудным ребёнком в эвакуации в 1942–1943 гг.: «Поднялаясь вялая, разбитая, поменяла пелёнку, нагрела молоко, сунула ему рожок и легла рядом... (60) ...Она... увидела Ипполитовну, та... вошла в дом, распахнула свою шубейку, вытащила рожок с молоком. “Христом богом у мамку кормящей выпросила, ещё тёплый...” Нина кинулась корить ребёнка...»

«**РОЗА, береза...**» – девичья игра со скакалкой.

О с. Понькино Шадринского р-на в 1980-х гг.: «“Роза, береза...” В эту игру играли, когда было не меньше трех детишек. Каждая девочка нарекалась каким-то особым званием “Роза”, “Береза”, “Мак”, “Василек”, “Кашка”, “Ромашка”, “Аленький цветок”. Если народу было немного, то давалась по два имени каждому. Двое крутили скакалку, а третий участник прыгал, все хором приговаривали: “Роза, береза, мак, василек, кашка, ромашка, аленький цветок”. На каком имени прыгавший игрок окарается, тот и будет следующий прыгать» (514).

Ср.: *«Роза, мимоза...»*

«**РОЗА, мимоза...**» – девичья игра со скакалкой.

О с. Затеченском Далматовского р-на в конце 1980-х гг.: «Прыгали на скакалке, двое держали скакалку и крутили её, остальные по очереди прыгали, те, кто крутил скакалку, произносили слова: “Роза, мимоза, мак, василек, кашка, ромашка, алый цветок”. Кто спотыкался на каком-нибудь слове, того так и называли, пока играли в эту игру» (474).

О нач. 1990-х гг.: «Другой способ игры со скакалкой заключался в следующем: ведущий складывал скакалку вдвое, присаживался на корточки, при этом двигая скакалку в разные стороны; другой участник игры должен, стараясь не задеть скакалку, перепрыгнуть через нее в такт со словами, произносимыми ведущим: “Куколка, балетница...”. При этом цель игры была в том, чтобы подловить участника на ошибке, и слово, на котором он запнулся, становилось буквально на минут пять его неким прозвищем. Ещё один вид этой игры: двое крутят скакалку, а третий участник должен перепрыгивать через нее, при этом приговариваются следующие слова: “Роза, мимоза, / Мак, василек, / Белая ромашка, / Аленький цветок”» (559).

Ср.: *«Роза, берёза...»*

РОЗГИ – удары тонкой свежесрезанной веткой, прутом (собственно розгой) по оголенному телу для наказания. Такое наказание применялось в некоторых учебных заведениях до 1917 года.

О Саратове в 1890 г.: «Заведующим школой и учителем класса был Леонид Михайлович Устинов... Учени-

ков он не бил, как это было принято в то время во многих школах. Напротив, в церковноприходской школе при церкви Красного креста ребят секли розгами и ставили коленами на горох» (Золотарев, [до 1975] 1995, 54).

Из рассказа, написанного в 1916 г.: «На ёлке весело было. Наехало много гостей и больших, и маленьких. Был даже один мальчик, про которого нянька шепнула Кате, что его сегодня высекли. Это было так интересно, что Катя почти весь вечер не отходила от него; всё ждала, что он что-нибудь особенное скажет, и смотрела на него с уважением и страхом. Но высеченный мальчик вёл себя как самый обыкновенный, выпрашивал пряники, трубил в трубу и хлопал хлопучками, так что Кате, как ни горько, пришлось разочароваться и отойти от него» (Тэффи, [1916] 1989, 59).

См. также *Телесные наказания*.

«РОЗОВАЯ библиотека», «Библиотека роз» – книжная серия для детей и юношества, выпускавшаяся в последней четверти XIX – начале XX века.

О девочке в конце 1880-х гг.: «Первое мое знакомство с несправедливостью, наказаниями и обидой состоялось по книжкам Madame de Segur, Bibliotheque Rose. (Сегюр С.Ф. (1799–1874) – французская писательница, дочь графа Ф.В. Ростопчина. Речь идет о романе “Несчастия Софии”, опубликованном в “Библиотеке роз” – специальной серии для детей и юношества)» (Герцык, 1991, 50–51).

О середине 1900-х гг.: «Когда мы начали подрастать и начали (обе очень рано) читать, сразу появились красные с золотом книжки “Bibliotheque Rose” с повестями графини де Сегюр, дочери Ростопчина... Про этот жанр дет. литературы не мало уж говорено; это были рассказы, написанные – почти все – в царствование Наполеона III, когда фр. буржуазия наслаждалась своим благополучием в тени Тюильрийского дворца. В этих книгах все благородные дети добры и отзывчивы, все “нувориши” вульгарны и злы; но были и несчастные, бедные рабочие или крестьяне, и им надо было носить лекарства и бульон из курочки... Всё это мы слушали по вечерам в чтении М-ше Емма, и нам казалось, что мы тоже живем где-то во Франции, среди этих девочек в кринолинах и их добродетельных мамаш» (Кривошеина, [1977] 1999).

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге во вт. пол. 1900-х – нач. 1910-х гг.: «Наша мать очень любила читать мне и брату и приучила нас к книге в ранние годы... Эти первые дет. увлекательные книги приключений – “Робинзон”, “Гулливер” и особенно “Дети капитана Гранта” – мои излюбленные друзья... Позднее к ним присоединились друзья из так называемой “Розовой библиотеки” – милый Том, которого обижал злой Легги – его изображения я ужасно боялась и всегда с ужасом переворачивала эту страницу» (Автобиографии, 1998, 229).

Ю. Олеша о 1908 г.: «В бытность мою в гимназии, когда мне было около девяти лет, я впервые узнал о Шекспире. В нашем пансионе существовала библиотека, помещавшаяся в небольшой комнатке... Заведовал этой библиотекой инспектор... Воспитанникам первого и второго классов выдавались Жюль Верн, Майн-Рид, Купер и подобные авторы. Третьему классу иногда давали Гоголя, Пушкина, и то не все, а с ограничениями. Но вот однажды среди целой кипы нами замызганных книг были замечены совсем новенькие, очень изящные книжки в розовых картонных переплетах, небольшого формата. Мы наперебой стали кланяться их у добродушного инспектора. Сначала он не внимал нашей просьбе, отделялся всякими остротами на наш счет, выставлял нас как неисправных замарашек, но в конце концов, выбрав некоторых из нас, в том числе и меня, отвечавших, по его мнению, нужным требованиям, распределил между нами эти новенькие экземпляры, еще не бывшие в употреблении. Эти книжечки оказались отдельными выпусками под названием “Розовая библиотека”. Вот эта “Розовая библиотека” и познакомила меня с Шекспиром, который с тех пор стал моей путеводной звездой на всем протяжении моей жизни» (Цит. по: Автобиографии, 1998, 223–224).

Ср.: «Золотая библиотека».

РОЗЫГРЫШ – проделываемый ради веселья, забавы, шутки игровой обман; игровое одурачивание; действие, ставящее человека в глупое положение.

О XIX – нач. XX в.: «Испытания на физическую боль были свойственны для розыгрышей и поддевок, кроме того, в них проявлялись столь характерное для мальчиков желание превзойти товарища в сообразительности, хитрости и быстроте реакции. Как правило, разыгрывали сверстников и более младших ребят. В Ярославской губернии были записаны такие шутки. Мальчик, стараясь придать лицу невинное выражение, подходил к своему товарищу и спрашивал: “Аз гульбы, нажимаю кулаки, на чьи (боки)?” И тут же сам отвечал: “на Ванюшкины”, называя имя стоящего рядом мальчика. После этого весельчак неожиданно бил его в бок и сразу же убежал. В другом случае вопрошающий ждал от собеседника ответа, который представлял собой своеобразное разрешение на дальнейшие действия шутника. Например: “Показать тебе, как гвозди вколачивают?” – спрашивал один. “Покажи”, – соглашался другой. После такого ответа первый участник розыгрыша захватывал в кулак вихор собеседника, а другим кулаком сверху наносил удар по первому. От такого удара второй участник испытывал сильную головную боль» (Зимина, 2006–3, 147).

О г. Харькове в 1917 г.: «Девчачьи игры без затей, то в лавку, то в лоскутки; у мальчишек же – всё с фокусами. Как-то днем одна, без девчонок, слонялась я из угла в угол по двору... Снег падал большими хлопьями. Ногам было холодно. Я уже собралась уйти в дом, как на дворе появились мальчишки и невозмутимый, медлительный Митька Рогачев, размазывал снег по щекам, как бы невзначай спросил меня: “Хочешь на доске полетать?” “Хочу!” “Только с завязанными глазами”. “Ладно”. Положили мальчишки на землю широкую доску. Стала я на неё. Мне завязали глаза и говорят: “Как услышишь команду: “Прыгай!” – сразу прыгай, а раньше нельзя, разобьешься. Полёт начался. Вначале так плавно меня покачивало, потом всё быстрее. Будто действительно лечу. А тут ещё слышала разные одобрительные голоса: “Летишь над Тоськиным домом, над трубой! Чуешь дым?” Дом Тоськи на пригорке. “Как высоко!” – думаю. Дух захватывает, и действительно дым чую, как бы ногами за трубу не задеть, а глаза так завязывали, что и не подглядеть. “Опустите на землю, хватить!” – кричу. Митька Рогачев все поясняет: “Скоро дом твой. У самого забора летишь. Прыгай!” Я чуть поджала колени. Мама родная! И прыгнула одним махом. Думала, прыгаю с высоты, а оказалось, что под смех мальчишек сразу растянулась на мокрой земле. Самой смешно стало. От страха да от смеха разогрелась. Мальчишки визжали довольные, что фокус-покус удался. “Прыгнула Галка через балку!” – кричат. Доску-то раскачивали они, чуть-чуть приподняв над землей. Дым почувала – это у моего носа мальчишки пучок соломы подожгли. Такой полёт можно было совершить только раз. С меня взяла слово хранить секрет – от других охотниц. Вместе с мальчишками я покатывалась со смеху, когда Тоську так же раскачивали на доске. По команде “прыгай” она прытко сиганула и растянулась так же, как и я» (Шмерлинг, 1965, 39–40).

О с. Межборном Притобольного р-на в 1993–1994 гг.: «Розыгрыш. Мне было тогда 9–10 лет. Вопрос: “Ты дура?” Ответ (конечно же): “Нет!” “А залезь под стол”. Розыгрываемый человек залезает под стол. Розыгрывающий говорит: “Умной была бы, под стол бы не полезла!» (099).

О Шадринске в 1995 г.: «Со мной проводили такой розыгрыш, а потом и я проводила его примерно, когда мне было лет 10. Суть его заключается в следующем. Розыгрываемому сообщалось, что он становится участником гадания очень правдивого и сложного, по которому можно всё о человеке узнать, узнать судьбу. Игра проводилась дома. В “гадании” участвовали человека четыре. Один человек – “гадалка”, один – “жертва”, остальные – зрители. Смеяться запрещалось. С абсолютно серьезным видом “гадалка” сообщала жертве задание. Нужно было молча зажать между растопыренными

пальцами рук спички. Это делалось на обеих руках. Затем разыгрываемого просили открыть рот и вставляли ему между челюстями спичку вертикально (серную головку отламывали). После совершения этого ритуала (жертва сидела с растопыренными пальцами, стараясь из всех сил удержать спички, с раскрытым ртом) “гадалка” просила жертву розыгрыша произнести, не вынимая спичку изо рта магические слова: “Ну, как?” Жертва спрашивала весьма нечленораздельно: “Ну, как?”. Ей отвечали: “Как дурак”. После этого можно было смеяться» (111).

См. также: *Игры-розыгрыши; Поддевка; Телефонные розыгрыши; «Шёл учитель по ступенькам...»*

РОЛЕВАЯ игра компьютерная – компьютерная игра, сочетающая в себе элементы приключенческой игры и аркадной игры и предоставляющая игроку возможность выбора характеристик главного героя (ТСРК, 1998, 259).

РОЛИКИ – то же, что *роликовые коньки*.

О середине 1910-х гг.: «Шестой корпус заселялся состоятельными семьями. Нарядные дети играли во дворе... Мимо нас могла проехать на роликах стройная девочка, казавшаяся несколько выше, чем была на самом деле. (Катаев, 1983, 5).

О девочке 15 лет в Шадринске в 2002 г.: «Когда мне было 15 лет, я научилась кататься на роликах (роликовых коньках). Моей подруге Юле родители подарили на день рождения ролики. Она меня научила кататься. Я научилась за один день, потому что я умела кататься на коньках, а, следовательно, держать равновесие, и поэтому катание на роликах для меня не представило для меня никакого труда. Мы с подругой старались найти ровный асфальт, хорошую дорогу, чтобы колёсики у роликов ровно скользили и был минимальный риск упасть. Обязательным было одевать подлокотники и наколенники, также и шлем, – это в целях безопасности. Но шлем не носил никто, а все остальное с радостью надевали» (135).

РОЛИКОВЫЕ коньки – коньки, снабжённые роликами.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Тот, у кого детство пришлось на трудную послевоенную пору, должен помнить, как сам он или сверстники мастерили из подшипников и дощечки коньки-ролики и, зацепившись крючком из проволоки за кузов грузовика, мчались на самокатах по разбитому шоссе. Таким был наш послевоенный вариант нынешних роликовых коньков. Изобрели же их ещё в 1736 году в Бельгии. Сначала ролики были деревянными, потом в Англии их стали делать из металла» (Иванов, 1997, 132).

О 1990-х гг.: «Сегодня стремительно несущихся на роликовых коньках молодых людей то и дело видишь на наших улицах... Бег на роликах стал массовым видом юношеского спорта, частью молодежной культуры наряду с современной музыкой и танцами» (Иванов, 1997, 132).

См. также: *Ролики*.

РОЛЛЕР – то же, что *самокат*.

О Москве в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Продолжу о дворе... Велосипеды были наперечёт, только у некоторых юношей из зажиточных семей. Ни у меня, ни у сестры велосипеда, даже трехколесного, никогда не было. Обещали купить, да так и не купили. Дети, приезжавшие с родителями из-за границы, катались на привезенных “самокатах”, иначе роллерах. Роллеры сверкали хромом и восхищали тщательностью отделки. Их владельцы одолевали просьбами: “Дай прокатиться, хоть немножечко”. Но счастливые обладатели великолепных машин были скупы и осмотрительны: одолженный роллер мог уехать далеко и не возвратиться вовсе. Появились самодельные, грубо сколоченные самокаты; именно самокаты, изычное слово “роллер” к ним никак не подходило» (Федосюк, 2004, 21).

РОМАН – применительно к подросткам: отношения взаимной влюбленности.

О 1919 г.: «Мне четырнадцать лет. Это, стало быть, 1919 год. Я вытянулась и поздоровела..., у меня выросли порядочные косички, на конце каждой – длинный,

трубочкой, локон, и я переживаю свой первый роман. Это несомненно (для меня) настоящий роман, так как он, этот Коля Ф., не только качает меня на качелях и катает на своем велосипеде, усадив на велосипедную раму перед собой, и не только пишет мне записочки симпатическими чернилами (вероятно, попросту молоком), которые (записочки) надо подержать над лампой, и тогда проступают слова, – помимо всего этого Коля Ф. еще сделал себе на руке татуировку: большая репа, проткнута стрелой, а под репой мои инициалы, и сестры дразнят его мною. Старшая его сестра замужем за папиным сослуживцем... А Коля Ф. приехал к ним погостить, и мы подружился на базе качелей, “гигантских шагов”, крокета и байдарок... Не было в этом романе ничего, чего можно бы устыдиться, была река, и небо, и некоторое красование друг перед дружкой, кто лучше гребет, кто одним ударом молотка проведет крокетный шар через две первые дужки и через “мышеловку”» (Панова, 1980, 61).

РОМАШКА – «Травянистое растение семейства сложноцветных с одиночными цветками, белыми по краям и желтыми в середине» (Словарь, 1961–12, 1453).

Гадание с помощью ромашки.

О 1998–1999 гг.: «Когда мне было лет 15–16, я частенько гадала на ромашке. Рвала ромашку, загадывала молодого человека и отрывала по одному лепесточку, приговаривая: “Любит, не любит, плонет, поцелует, к сердцу прижмёт, к чёрту пошлет, своей назовёт”. Так до тех пор, пока не останется последний лепесточек. На каком выражении остановится, то к тебе и испытывает тот или иной молодой человек, на которого гадаешь» (105).

О 2000-х гг.: «Гадание на ромашке очень распространено среди девочек 10–18 лет в городе Шадринске. Срывается цветок ромашки, и, по мере обрывания лепестков, говорится: “Любит, не любит, плонет, поцелует, к сердцу прижмёт, к чёрту пошлёт”. Один лепесток – одно слово. На каком из слов лепестки закончились, так и относится к тебе человек, на которого гадаешь. Потом процесс был немного упрощен, стали говорить только “Любит – не любит”. Игра сохраняется и в настоящее время» (012).

«РОМАШКА» – 1. Домашняя игра.

О 1980-х – нач. 1990-х гг.: «“Широко распространена была игра на вечеринках по поводу дней рождения – “ромашка”. Суть ее такова – заранее писались на бумажных лепестках задания. Срывавший лепесток должен был их исполнить. Задания типа: объяснение в любви; поцелуй того-то и того-то; исполни песню о любви; прочитай стихотворение о любви”; ““Ромашка”. Нужно было заранее приготовить ромашку из бумаги, на лепестках которой было написано то, что нужно сделать. В эту игру играли на днях рождения, так как готовиться надо заранее. Когда известно, кто будет присутствовать на вечере и сколько будет человек, готовится ромашка (лепестков столько, сколько человек). На лепестках написано: “Поцеловаться”, “Обниматься в течение нескольких минут”, “Танцевать весь вечер только с ней (с ним)”, “Поцеловать в щеку, в лоб, в шею и т. д.”, иногда шуточно. В начале игры все лепестки обрывались и у кого оказывались одинаковые задания, та пара его выполняла»» (Борисов, 2002, 167).

О 1990–1991 гг.: «В 10–11 лет были игры типа “Ромашка”. В эту игру играли на днях рождения, где были и девочки, и мальчики. Нужно было вытягивать лепесток, где написано задание, и выполнить его. Задания были самые разные: выпить стакан воды, сесть под стол и лаять, прокукарекать, накормить соседа салатом или поцеловать соседа (соседку)» (609).

В одном из описаний игра в «ромашку» подана как разновидность игры в «бутылочку»: «“Ещё вариант игры в бутылочку – “Ромашка”. Выбирается ведущий, он крутит бутылочку. В руках у него разрезанная бумажная ромашка с рисунками (играли на днях рождения, праздниках). На кого указывает горлышко бутылки, вытягивает один лепесток с заданием: [две стрелки] – «Вам достались эти стрелочки, расцелуй давай всех девочек»; [ладонь с растопыренными пальцами] – «А тебе

достались пальчики, поцелуй любимых мальчиков»; [две точки] – «Ну, а вам достались точки, расцелуй соседа в щёчки»; [две заячьих головы] – «Вам достались эти зайчики, расцелуйте ее, мальчики»; [блоха] – «Раз досталась вам блоха, знать, удача неплоха. Не подняли чтоб на смех, расцелуй, подруга, всех» (Борисов, 2002–1).

«РОМАШКА» – 2. Подростковое развлечение сексуального характера.

О 1986–1987 гг.: «В женскую консультацию на приём к врачу пришла 14-летняя девочка. Она попросила дать ей направление на аборт. Когда врач спросил девочку, от кого она забеременела, то услышала такой ответ: “Не знаю, мы играли в ромашку”. “Мы” – это как выяснилось, группа старшеклассников, девочек и мальчиков. Тем, кто не слышал о такой с позволения сказать, игре, поясню: это не что иное, как групповой секс – участники которого свершают половой акт, меняясь партнёрами... Любительницы играть в “ромашку” обычно... не хотят донашивать возникшую беременность» (Пшеничникова, 1987, 10–11).

О 1985–1987 гг.: «“Ромашка” в Курганской области очень распространена в средних специальных учебных заведениях – педагогических и медицинских училищах. Девочки раздеваются, мальчик переходит от одной к другой...» (Записано автором словаря 5 октября 1987 года со слов NN – указано только два одинаковых инициала, данных об информанте не имеется).

РОСТ – «Длина тела человека» (Словарь, 1961–12, 1476–1477).

Отмечать рост на косяке.

О 1941–1945 гг.: «Несмотря на войну, мы, ребята, всё же торопились расти. Многие из моих сверстников хлебным (вернее, бесхлебным) ножом делали зарубки на дверных косяках. Потом то и дело бегали глядеть-проверять, на сколько миллиметров подросли за неделю, за месяц, за лето или зиму...» (Белов, 2005–1).

«РОСТОВЧИК» – азартная мальчишеская игра.

О шестиклассниках в середине 1950-х гг.: «Тут, рядом со школой и все-таки в стороне от нее, мы иногда играли в “орла” и в “ростовчика» (Мелентьев, [1958] 1961, 20–21).

«РОТ Фронт» – «Rot Front!» (в переводе с немецкого – «Красный (в значении: революционный) фронт (в значении: объединение общих сил)»; приветствие немецких коммунистов, появилось во второй половине XIX века и употреблялось вплоть до 1933 года; немецкая массовая полувоенная орг-ция рабочих-антифашистов 1920-х – 1930-х гг.; девиз этой орг-ции; жест, выражающий приветствие-девиз «Рот Фронт» – согнутая в локте правая рука со сжатым кулаком как знак единения всех рабочих в один трудовой фронт.

О мальчиках 9–10 лет в 1936 г.: «Мальчишка в кожаных штанах разглядывал меня довольно нахально. Как будто пытался определить на глаз, кто я, и что я, и сколько таких пойдет на фунт. Потом он вдруг вскинул сжатый кулак на уровень виска – молниеносно, движением привычным и уверенным – и, насулив брови, заявил: “Рот фронт!” Я на секунду опешил. Не потому, конечно, что не знал этих слов: слова «Рот фронт» – «Красный фронт», это боевое приветствие революционеров, знал в ту пору любой и каждый, но лично ко мне еще никто и никогда не обращался с таким приветствием, и я на секунду опешил. Но тотчас очнулся от растерянности. И тоже взметнул сжатый кулак. И тоже сказал: “Рот фронт!” Мальчишка удовлетворенно кивнул. Насуленные брови его подобрели» (Рекемчук, 1974).

О 1940 – перв. пол. 1941 гг.: «Завтра нас принимают в комсомол... [Наташа] засуетилась, всем воротнички поправила, а Мишку поцеловала: “Сейчас вас принимать будут, – рукой “рот фронт” делает, – ну, мальчишки?” Мы тоже делаем “рот фронт”. Она за дверью скрылась» (Чачин, 1968, 127–128).

РОЯЛЬ игрушечный – музыкальная игрушка с клавишами, имеющая вид рояля небольшого размера.

О перв. пол. 1960-х гг.: «Рояль. Он совсем, как настоящий, – / Лакированный, блестящий. / Крышка чёрная блестящая, / А под ней – двенадцать клавиш. / Пальцем клавишу надавишь – / Сразу нота зазвучит....

/Аня давит, Аня бьёт – / Всея родне концерт даёт» (Ховив, [1966] 1968, 21).

«РУБАНИ!» – См.: «Сорок!»

РУБАХА – см.: *Рубашка, рубашонка, рубаха.*

РУБАШКА, рубашонка, рубаха – «Одежда из лёгкой ткани для верхней части тела, употребляемая как принадлежность белья и как верхняя одежда» (Словарь, 1961–12, 1499).

Рубашка, рубашонка у девочек.

О девочке 9 лет в 1847 г.: «Тогда девчонки комнатные носили не платья а длинные рубашонки, подпоясанные поясом. Глупая я была. Остановилась около беседки, подняла рубашонку на голову и давай показывать рубцы на спине, как меня отпорол... Ну коли я подняла, и все за мной давай поднимать рубашонки на голову да друг другу показывать, кому больше досталось» (Фарафонтова, [1928] 1958; 14, 16).

О XIX – нач. XX вв.: «Девочки от 2 до 5–6 лет носили длинную рубашку и пояс. Обычно рубаху перешивали из родительской одежды или из ткани, уже бывшей в употреблении... Покрой рубах для мальчиков и девочек был одинаков: прямой разрез на груди, невысокий ворот. В северно-русских губерниях отличие иногда состояло в том, что рукава для рубахи девочки изготавливали из ткани другого цвета, чем на стане – нижней части рубашки... В западно- и южнорусских губерниях ещё в 1920-е гг. девочки-подростки зачастую носили лишь рубаху с поясом... вплоть до совершеннолетия и даже свадьбы... Праздничная одежда девочек отличалась в основном материалом и цветом: обычно детали рубашки и платок были из ситца ярких цветов. Рубаха могла быть вышитой согласно местной традиции, но вышивка всегда была более скромной, чем на одежде взрослых девушек. Иногда праздничную рубаху девочке кроили соответственно моде: так, в конце XIX – начале XX в. в некоторых местах были популярны “залокотницы” – рубашки, скроенные на кокетке, с короткими пышными рукавами, присборенными у плеча и на узкой обшивке... Рубахи подростков, по-прежнему из поношенной ткани, по покрою не отличались от взрослых: они были без швов на плечах, а под ними делали подоплеку – подкладку, чаще всего из того же материала, с поликами и ластовицами» (Мадлевская, 2006–1, 237–238).

О деревенских девочках в конце XIX в.: «“Ольгушка, купаться!” – пригласили Ольгу сошедшие к ней девочки. И все большим хором отправились с песнями к реке. Барахтаясь, визжа и болтая ногами, девочки не заметили, как... стало погромыхивать. Не успели девочки одеться, как пошёл дождь и измочил их до нитки. В прилипших к телу рубашонках девчонки прибежали домой. Когда они пообедали, рубашонки уже высохли» (Толстой Л., «За годами»).

О девочке 8–10 лет в Москве в 1908–1910 гг.: «Соня вскочила с постели, на цыпочках выбежала в кухню. Нет, опять не она! Соня вернулась в комнату и тут же подумала: что же это она так выскакивает? Сейчас ей принесут куклу – как же одна будет с чужой тётенькой разговаривать в одной рубашонке? Соня поспешно стала надевать платье» (Воронкова, 1959-а, 271).

О перв. пол. 1920-х гг.: «В смешных рубашках из холстины, / На вырост сшитых нам до пят, / Лепили мы из жёлтой глины / Забавных маленьких куклят» (Татьяничева, 1960, 12).

О вожатом и воспитанницах в 1925 году: «Вечером повторилась та же картина, что и накануне. Я громко стукнул в дверь. В ответ на обычное: “Можно! Нельзя!” – я решительно распахнул дверь, вошёл и не поверил глазам. Все девочки, кроме Лиды, которая лежала в кровати, в одних рубашках, сверкая пятками, азартно играли в чехарду. Не замечая меня, они продолжали прыгать и озорно кричали: “Можно! Нельзя!”... Но вот девчонки заметили меня и с визгом бросились враспынную – кто юркнул под кровать, а кто под одеяло. Наступило тягостное молчание. Затем голос из-под кровати: “Мы же кричали, что нельзя! Уходи!”... Я отвернулся к двери. Девочки нырнули в кровати и закутались с головой. Молча погасив лампу, я вышел в коридор» (Гунин, 1984, 61).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Просыпаюсь, смотрю: девочки в одних рубашках, босые, стоят около моей постели...» (Смирнова, 1963, 12).

О середине 1940-х гг.: «Я вошёл в спальню. Оля в рубашонке стояла на койке. Она увидела меня и захлопала в ладоши» (Шмерлинг, 1959, 167).

О середине 1940-х гг.: «Таня спала под светлым ситцевым пологом. Утром... петух... как запоёт! Таня и проснулась. Она подняла полог, посмотрела в оконце... Таня слезла с постели и в одной рубашонке вышла во двор» (Воронкова, [1948] 1959; 3, 5).

О 1950-х гг.: «... Ната быстро перелезла через сетку, приделанную к кровати, чтоб девочки ночью не попадали, и, босая, в одной рубашонке, побежала к ёлке» (Бабанский, 1960, 44).

О нач. 1950-х гг.: «После обеда дети [в детском саду] стали ложиться спать. Марина Львовна спросила Саню, не надо ли помочь ей раздеться, но Саня гордо ответила: “Сама умею! – стала довольно быстро снимать с себя вещь за вещь. Она разделась до рубашки и закричала Марине Львовне: “Смотрите, я уже!”» (Гернет, [1953] 1960, 51).

О вт. пол. 1950-х гг.: «У [девочки] Таты отчаянно заколотилось сердце. Сама не зная зачем, она прыгнула с кровати и в одной рубашке прокралась к двери» (Виткович, Ягдфельд, 1961, 161).

О конце 1950-х гг. в совхозе под Ленинградом: «Люба выскакивает из тёплой постели, в одной рубашке кидается к рукомойнику, плещет холодную воду на руки, на лицо, на шею, стремительно одеваться, кое-как причёсывается» (Котовщикова, 1962, 51).

О 1960-х гг.: «Кубарем скатывается Катька с кровати и как есть, в помятой ситцевой рубашке, бежит в соседнюю комнату... Внезапно решившись, Катька, как есть, в ночной рубашке, выходит во двор» (Дубровина, Янишевская, 1970; 27, 57).

Рубашка, рубаха у мальчиков.

«В возрасте от 2 до 5–6 лет одежда мальчиков состояла, как правило, из длинной рубашки, перешитой обычно из одежды родителей, старших братьев или сестер, а также из старой ситцевой или холщовой ткани, уже бывшей в употреблении. Рубашка подпоясывалась простеньким узким поясом. Покрой рубашки не отличался от рубах для девочек: она имела низкий ворот и прямой разрез пазухи. В некоторых местностях в конце XIX в., в частности в Вологодской губернии, детям до восьмилетнего возраста по большей части вовсе не делали одежды, они ходили в одних рубашках, часто считых не по возрасту» (Мадлевская, 2006–1, 237).

О середине 1930-х гг.: «Выбегали они из ванной стайками. Чистые, в синих трусах, в серых рубахах с резинкой, и, еще не успев подвязать красные галстуки...» (Гайдар, [1934–1935], 1980–2, 19).

О деревенских мальчиках 10–12 лет в 1936–1937 гг.: «[Мои друзья, сироты-оборванцы]... говорили: “Сёма, мы в школу больше не пойдём, и ты тоже не ходи”... Я неспроста назвал своих друзей сиротами-оборванцами. Все они, и я в том числе, были одеты в старые родительские телогрейки, а наши рубахи были до того изношены, что в школу в них ходить было неудобно» (Лукиных, 2007, 25).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...Вадик крикнул: “Хватай, лови!” На Паню упало что-то мягкое и теплое. Это была рубашка Вадика» (Ликстанов, [1953] 1964, 341).

О 1970-х гг.: «...Вася... увидел Саньку в мокрых джинсах, рубахе и кедах. (Мошковский, 1979, 157).

Рубашка ночная – см. *Ночная рубашка*.

РУБАШОНКА – см.: *Рубашка, рубашонка, рубаха*.

РУГАТЬСЯ – «Произносить бранные слова, браниться» (Словарь, 1961–12, 1518).

О середине 1910-х гг.: «В провинциальных средних школах уже в младших классах мальчики научились изощренной, грубейшей ругани. На переменах иногда всерьёз, а больше в шутку, из молодечества, ругались не хуже мужиков-великороссов (малороссы много вежливей). Став старше, особенно в университете, делались сдержаннее, но все-таки порой без матерного словца де-
480

ло не обходилось. Кадеты, в особенности из провинциальных великорусских корпусов, тоже были мастера ругаться» (Раевский, 1992, 64).

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «Голос у [15-летнего Петьки] был грубый, слова звучали резко, отрывисто, с особым напором, вызовом; некоторые слова он не договаривал, так что казалось, что фраза закончится ругательством, да часто она так и заканчивалась. Эта манера не была собственно Петькиной, так принято было у всех пацанов. Кто не умел так разговаривать, не мог считаться своим. Позже мальчик во всех тонкостях овладел этой манерой, но у него не всегда хватало духу пользоваться ею, потому что ее подспудным смыслом было намерение немедленно, с первой фразы обозначить себя выше собеседника, или, точнее, – поставить его ниже себя» (Дробиз, 2004).

О школе в г. Шадринске в 2008 г. (из наблюдений во время педпрактики): «Что касается разговоров, то их лучше бы не слышать. Я думаю, что это возраст такой, как-никак – шестой класс. Мальчишки с девчонками постоянно дерутся, бегают друг за другом, ругаются ненезурной бранью» (138).

См. также: *Сквернословие*.

РУЖЬЁ – «Огнестрельное ручное оружие с длинным ненарезным (в отличие от винтовки) стволом» (Словарь, 1961–12, 1525).

Ружьё игрушечное, самодельное.

О г. Харькове в 1915–1916 гг.: «Мальчишки мастерили из палок ружья. К концу палки привязывали “ремни” из бечевки. Вместо приклада – деревяшка, а курок – из гвоздя. Иной вскинет руку на плечо – и шагает, как на параде!» (Шмерлинг, 1965, 12–13).

Ружьё детское, стреляющее пробками.

О 1914–1915 гг.: «На нижней ступеньке... крыльца своей квартиры сидел Валька Гунтер. В матроске, в коротеньких штанишках и жёлтых сандалиях, он, сопя и пыхтя, ковирял игрушечной саблей землю. Мы теперь часто играли в войну с немцами, и у всех у нас завелись деревянные сабли и ружья, только у Вальки, возбуждая всеобщую зависть, была совсем как настоящая, в сверкающих ножнах и с портупеей, жестяная сабля и ружье, из которого он стрелял пробками по голубям. Правда, к великой нашей радости, он никогда в них не попадал... “Поддай голубя!” “А зачем? – спросил я, охваченный неясным и недобрим предчувствием. – У тебя же есть...” “Я его стрелял моим ружьем! – гордо сказал Валька и показал нам маленькое, изящное, блестящее никелированными частями ружьёцо. – Пробками... стрелял...”» (Рутько, 1962; 30, 39)

Стрелять из охотничьего ружья.

О мальчике 8–9 лет в 1910–1911 гг.: «В зиму 1910–1911 года я получил первое ружье, это была берданка 28-го калибра, стрелявшая дробинкой. И я стал убивать воробьев, кот. нахохлившись сидели на голых ветвях зимнего акатника нашей мотовской усадьбы. Прицелившись, с замиранием сердца и страстью, я стрелял в эту... пичугу, и она сваливалась в снег. Бессмысленное, дикое это занятие стало началом моей охотничьей страсти...» (Шаховской, 1990, 31–32).

РУКАВИЦЫ, рукавички – «Род перчаток с одним пальцем (для большого пальца руки)» (Лопатин, 1997, 601).

О 1900-х гг.: «Нас одевают гулять. Теплые чулки, и на теплые чулки валенки... Рукавички, лопаты в руки – и мы готовы» (Четвериков, [1927] 1981–1, 30).

«РУКИ ВВЕРХ» – музыкальная группа середины 1990-х гг., пользовалась популярностью у подростков.

О девочке 11–12 лет в г. Шумихе в 1995–1996 гг.: «Когда мне было 11–12 лет, мне очень нравилась группа “Руки вверх”. Мне нравилось, что в их песнях есть смысл, а не просто набор слов» (100).

О вт. пол. 1990-х гг.: «Впервые о существовании группы “Руки вверх” я услышала в 1995 г. и их песню “Ну, где же вы, девчонки”... Эта группа стала вмиг пользоваться популярностью, на дискотеках мы слушали в основном эту группу» (027).

О девочке 11–13 лет в 1996–1998 гг.: «“Руки вверх”, “Стрелки”, Алсу и т. д. – слушала моя старшая сестра,

когда мне было 11–13 лет. Она часто плакала под эти песни, и я, чтобы почувствовать себя взрослой и влюбленной, слушала эти песни, фантазировала и иногда тоже плакала» (065).

О дер. Просвет в 1997 г.: «Когда была в гостях у своей сестры в деревне Просвет, была очень модная группа “Руки вверх”. Мы устраивали танцы под окнами, громко пели их песни. Под одну из песен этой группы я танцевала медленный танец с мальчиком, который мне очень нравился» (105).

О девочке 13 лет в г. Снежинске в 1997 г.: «Когда мне было 13 лет, появилась группа “Руки вверх”. Двое мальчиков пели про любовь, про девушек. У них были очень мелодичные песни, которые хорошо запоминались. У меня было три кассеты с их песнями. Даже сейчас, если где-то услышу песню “Руки вверх”, то запросто буду подпевать, так как до сих пор помню почти все песни» (117).

О Катайске в 1997 г.: «В 7 классе (примерно 12–13 лет) в восторге была от музыкальной группы “Руки вверх”, особенно от первых песен – “Студент”, “Здравствуй, это я”. Эти песни знала наизусть. Но вообще никогда не считала себя фанатом какой-либо группы. Слезы не лила, в артистов не влюблялась» (082).

О 1997–1999 гг.: «Когда мне было 13–15 лет, я любила слушать группу “Руки вверх”. Хотя мне сейчас и стыдно в этом признаться» (074).

О 1997–1999 гг.: «Впервые об этой группе я услышала на первой смене лагеря “Салют” (июнь 1997 года), когда на каждой дискотеке неизменно стали “крутить” две песни: “Атаман”, которого пел весь лагерь (“Двое верных друзей, / Ла-ла-ла-ла-ла, / Два ножа, два нагана, / Двое смелых парней, / Ла-ла-ла-ла-ла, / Только нет атамана...”), и не менее трагичную “Чужие губы” (“Чужие губы тебя ласкают, / Чужие губы шепчут тебе, / Что ты одна, ты одна такая, / Чужая стала самой себе...”). На следующее лето (1998 г.) песни группы “Руки вверх” уже слышались из всех приёмников, особенно “Ай-яй-яй, девчонка” (“Ай-яй-яй, девчонка, / Где взяла такие ножки, / Ай-яй-яй, девчонка, / Топай, топай по дорожке...”) и, конечно, легендарная “Алешка” (“...Любишь ты Алешку больше, чем меня, / О Алешке ты вздыхаешь зря, / О Алешке все твои мечты, / Только о Серёге позабыла ты...”). После выхода первого сборника, на следующий год (1999) группа выпускает очередной альбом, в который входит и лирическая песня “Сереза” (“Пишу тебе письмо, и как всегда сжигаю, / В нём строчки из стиха: лишь о тебе мечтаю, / Мне для тебя писать стихи совсем не сложно, / Ну, все, целую. Подпись – “Твой Сереза...””) и знаменитая “Восемнадцать мне уже” (“Забирай меня скорей, / Увози за сто морей, / И целуй меня везде, / Восемнадцать мне уже...”). В комнате подростков заперстры плакаты с изображением кумиров: Сергея Жукова и Алексея Потехина, скупались календарики, закладки и наклейки, на которых была изображена группа “Руки вверх”. Альбомы продолжали выходить ежегодно. На середину 2007 года данная группа существует и выпускает новые песни. Например: “На десять лет назад»» (012).

О Шадринске в 1997–2002 гг.: «Когда мне было 11–16 лет, мне очень нравилось слушать песни группы “Руки вверх”. Они легко запоминались, и иногда с подружками во дворе мы пели песни этой группы. Мне очень нравился пухленький певец. Сейчас я не помню его имени. У меня в комнате висел плакат этой группы» (112).

О с. Петухово в 1998 г.: «Мне было 14 лет, и я любила слушать песни группы “Руки вверх”. Самой любимой была песня “Крошка моя»» (070).

О Далматово в 1998 г.: «Я слушала песни группы “Руки вверх” в 14 лет (я ходила в седьмой класс). Я и девочки записывали их песни в тетрадку, собирали фотографии, плакаты» (066).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1998–2000 гг.: «Когда мне было лет 12–14, очень популярной была группа. “Руки вверх”. Слушали её все: от школьников до студентов и старше. У меня было несколько альбомов этой группы, а у моей подруги – почти все. Песни знали наизусть, например: “Крошка моя”, “Студент”, “Атаман”

и т. д. Например, припев из “Крошка моя”: “Крошка моя, я по тебе скучаю. / Я от тебя письма не получаю. / Ты далеко и даже не скучаешь, / Но я вернусь, вернусь и ты узнаешь, / Что я далеко от тебя»» (011).

РУКОДЕЛИЕ – «Шитьё, вязанье, вышивки и другие подобные виды ручного труда» (Словарь, 1961–12, 1552); предмет, некоторое время преподававшийся девочкам в учебных заведениях.

О женской гимназии начала XX века: «Шёл урок рукоделия. Гимназистки старательно вязали чулки. Катю и Липу учительница заставила переделывать пятку. Ох, и надоела же им эта проклятая пятка! Едва раздался звонок, они вылетели из класса» (Матюшина, 1975, 66).

О женской гимназии середины 1910-х гг.: «По расписанию – на третьем уроке должно было быть рукоделие... Ещё совсем недавно на уроке рукоделия учительница долго разглядывала детскую распашонку, сшитую Микой, качала головой: “Несчастный тот ребенок, которому придется носить вашу распашонку...”» (Филиппова, 1938; 71, 130–131).

Из доклада народного комиссара просвещения 2 августа 1943 г.: «В женских же школах следовало бы отвести часы для обучения девочек рукоделию и домоводству...» (Потёмкин, [1943] 1947, 178).

«В новом учебном 1945 году в московских женских школах был введен новый предмет – “рукоделие»» (Андреевский, 2003, 367).

РУКОПИСНЫЙ девичий рассказ – жанр рукописной девичьей культуры. Подробнее см.: ТРДР, 1992; РДД, 2002; РДД, 2004.

О середине 1980-х гг.: «Писали, читали рассказы о любви “Любовь Тани и Эдика”, “Два лебедя” и др. Этими рассказами лет в 13–14 я очень увлекалась, да и не только я, но и мои сверстницы. Мы их переписывали, собрались вместе, читали, плакали... Мы всегда верили, что было в рассказах о любви, в то время я думала, что это описана чья-то жизнь, всегда переживали за этих героев... Даже сочиняли сами и, как нам тогда казалось, неплохо... Рассказы сохранились и даже сейчас, прибирая, перебирая свои бумажки, дойдя до этих рассказов, перечитываю их, и это интересно мне даже сейчас, хотя всё это описано нелепо, но всё равно» (479).

О конце 1980-х гг.: «Девичий рукописный рассказ-роман о любви впервые прочитали из тетрадки сестры. Одну скромную девочку любил хороший парень, который всем нравился. А его любила ещё и “разболтанная” девчонка. Она убила скромную девочку. А парень убил её. Роман начинается с суда, и про это он [парень] рассказывает. На суде в конце ему становится плохо, так как он принял яд. Он прощается с мамой, просит прощения у мамы и говорит: “Любимая, я иду к тебе”. Когда я прочитала этот роман, я очень долго ревели. Мне было жаль героя, скромную девочку и маму героя» (488).

О вт. пол. 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Песенники в более старшем возрасте (класс 6–8–9), содержали и стихи о любви, о девичьей чести, о первой любви, о лжи и обмане парней, об уходящем детстве. Были также советы, законы любви... Были сонники краткие, значение – к чему снятся парни в какие дни; были также адреса подруг и друзей, их дни рождения записаны. Также были рассказы о любви, всегда с печальным концом, когда девушка очень любит, а юноша нет, в которых девушка не сберегла девичью честь и как плохо это для нее закончилось; в которых девушка была не гордой, поверила парню, которые всегда обманывают. Эти рассказы воспринимались как правда. Прочитав их всегда думала, что я так поступать никогда не буду. Относились более критично к юношам» (552).

РУКОПОЖАТИЕ – «Взаимное пожатие рук в знак приветствия, благодарности» (Словарь, 1961–12, 1557); «Пожатие друг другу правой руки в знак приветствия, благодарности и т. п.» (Словарь, 1997, 602).

О 1922 г.: «“Здорово, ребята! – бодро сказал я. – Будем знакомы. Вася Гладышев!” “Здорово, коль не врешь! – протянул мне рыжий грязную пятерню... – Меня зовут Гришкой...” “Салют, Гриша!” – поднял я ладонь над головой. “...А ты почему за руку здороваться брез-

гуешь?» – глаза его зло сверкнули. “У пионеров рукопожатия отменены, у нас салют, вот так”. Деревенские ребята повторили жест моей руки» (Богданов, 1961, 6).

О 1948 г.: «“Изя Гузиновский”, – сказал он вдруг, совсем по-взрослому, всерьез, протягивая руку. Я неуверенно протянул свою и назвал. Так совершилось моё первое рукопожатие, осенью..., накануне шестого класса, и пусть никого не удивит такое признание – в наше время мальчишки не здоровались за руку, не жали руку при знакомстве, со взрослыми тоже здоровались на расстоянии и никто ни к кому не лез с протянутой рукой. Другое дело, ударяли по петушкам при споре каком-нибудь, но чтобы вот так, при знакомстве, протянуть вперед руку и вполне серьезно пожать – такой манеры не было, по крайней мере, в нашем тихом городе и в моем окружении» (Лиханов, 1995, 100).

РУСАЛОЧКА – героиня сказки «Русалочка», персонаж девичьих «вызываний».

О вт. пол. 1980-х гг.: «Как-то однажды вызывали мы Золушку, для того чтобы она исполнила твоё заветное желание... Потом мы как-то вызывали русалочку. Также со словами: “Русалочка, приходи”. Надо было для этого закрыться в ванне, набрать полную ванну воды, поставить зажжённые свечи на тумбу. Когда придет русалочка, надо было загасить свечи и выбежать из ванны. Если не успеем сделать, то русалка нас утопит. Вызывали так всего один раз, так как очень боялись. Честно говоря, не видела русалочку» (537).

«РУСАЛОЧКА» – 1. Прочно вошедшая в русское культурное сознание с этим переводом названия сказка датского писателя Ханса-Христиана Андерсена. «Одна великая... неточность [переводчицы сказок Андерсена на русский язык Анны Ганзен] ... прочно вошла в обиход... Речь идёт о сказке “Русалочка”, героиня которой на самом деле “Маленькая морская дева” (живут такие существа в скандинавских сказках). Русалки же являются персонажами славянского фольклора; обитают хоть и возле водоемов, но отнюдь не в морях... И всё же обаяние сказки Андерсена в переводе Ганзен имеет нечеловеческую силу...» (Порядина, 2006–1, 8).

«РУСАЛОЧКА» – 2. Мультипликационный фильм по сказке «Русалочка» (1).

О Шадринске в 1993 г.: «Когда мне было 7 лет, мне нравились диснеевские мультфильмы, потому что они были яркими и красиво нарисованными. Моим любимым мультфильмом была “Русалочка”. Она мне тогда казалась очень красивой, и я хотела красные волосы, как у нее» (091).

О г. Завитинске Амурской обл. в 1995–1997 гг.: «Мультфильмы “Русалочка” показывали по центр. телевидению по выходным. Мы с сестрой (10–12 лет) специально просыпались пораньше, чтобы посмотреть очередную серию» (107).

«РУСАЛОЧКА» – 3. Разновидность журнала для наклеек, сделанный по «Русалочке» (2).

О Шадринске в 1996–1997 гг.: «Лет в 11–12 в школе на день именинника... мне подарили журнал “Русалочка”. Это красочный журнал по мультфильму Уолта Диснея. Нужно было покупать наклейки и клеивать в этот журнал. На каждой странице были специальные квадратики с цифрами, на наклейках тоже были цифры. Наклейки продавались, в основном, в киосках Союзпечати, в конвертике было 5 или 10 наклеек. Часто наклейки повторялись, и нам приходилось обмениваться друг с другом» (026).

РУСАЧКА – (шк. жарг.) учительница русского языка в школе.

О нач. 1940-х гг.: «Но за моей спиной раздался Оськин голос: “Ну, вот я и пришёл!” – он положил на стол тетради и учебник по русскому языку... Оська... насутился, дёрнул плечом, сказал: “Будто мне надо! Русачка меня к Юльке прикрепила”» (Корытковская, 1965, 36).

«РУССКИЕ народные сказки»

О начале XX века: «...Были ли... так богаты старые книжные полки. Да, конечно, их нельзя назвать бедными, если... на них стояли в голубом и красном коленище “Робинзон Крузо”, “Гулливер”, “Русские народные сказки”...» (Маршак, 1971–7, 284–285).

«РУССКИЙ букварь для обучения письму и чтению» – букварь, составленный русским педагогом В.П. Вахтеровым (1853–1924).

Опубликованный в Москве в 1898 г., букварь выдержал свыше 120 изданий. С 1 по 118 издание (по 1917 год) выходил под названием «Русский букварь для обучения письму и чтению, русскому и церковнославянскому»; с 119 по 125–128 издания (1918–1922 гг.) выходил под названием «Русский букварь для обучения письму и чтению по новой орфографии». (РПЭ, 1993–1, 129)

РУССКИЙ язык – учебный предмет в школе. Преподаётся с первого класса.

«РУЧЕЁК» – подвижная детско-подростковая игра.

Из дневника девятиклассницы в Котласе в 1941 г.: «1941 г. 2 января. ...Школьный вечер... Танцевали... А потом пошли в класс для выступлений... Потом опять к ёлке. Так набегались в “ручеек”, что и сейчас ноги чувствуют!» (Вешезерова, 1999, 15).

Из воспоминаний о школе 1950-х гг.: «Девочки играли в “салочки”, водили хороводы и “ручейки”, менялись тряпочками, фантиками и цветными стёклышками» (Плавинская, 2006).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «В “ручейке” дети парами становятся в затылок друг другу, сцепляют руки и поднимают их, получается арка. Слегка пригибаясь, под ней проходит один человек и выбирает кого-нибудь из стоящих себе в пару, беря его за поднятую руку. Они доходят до конца “ручейка” и становятся сзади. Тот, кто остался без пары, идёт в начало ручейка и сам уже выбирает себе кого-нибудь в пару. В младших классах играли на переменах, чтобы меньше было беготни» (Томилова, 2006).

О деревне в 1960-е – 1970-е гг.: «На... берегу Ветлянки до самого темна резались в ножичек друзья-приятели... Темнело быстрее, чем наступал угомон. Тогда звали девчонок или сами бежали к ним и затевали игру в ручеек. А так эти случайные рукопожатия, выбор пары, когда так хочется схватить за руку ту, которую только что увели от тебя...» (Пшеничников, 1988, 48).

О 1970-х гг.: «Вдобавок в самом конце “Огонька”, когда весь класс играл в “ручеек”, Игорёк умудрился уронить на пол микрофон» (Ампелонов, 1980, 161).

О середине 1970-х гг.: «“Ручеек” – по сути, игра-признание в симпатии. Особенно остро было играть с мальчиками...» (Жавелева, 2006).

Об учениках 3 класса в г. Мариуполе в 1991 г.: «В школе на перемене играли в игру “Ручеек”, подключая и мальчишек. Все вставали парами, а один был лишним. Лишний проходил через коридор и выбирал себе пару. Все мальчики в классе были “поделены” между нами, и если мальчик выбирал “нужную” девчонку, то их пару уже не разрушали, давая возможность побыть им вместе» (574).

О с. Глядянском в 1992–1994 гг.: «В начальных классах на переменах, мне было тогда 7–10 лет, мы играли либо на улице, если было тепло, либо в рекреациях. В основном, это были такие игры: на улице – “классики”, в помещении – “догоны”... Также ещё играли в “ручеек” – становились по парам, в основном, мальчик – девочка, один человек оставался без пары. Он должен был пройти между пар, которые держали руки вверху, выбрать себе пару и встать в конец колонны, а тот, кто остаётся без пары, идёт в начало, и всё начинается заново» (106).

О девочке 9–11 лет в с. Ольховке Шадринского р-на в середине 1990-х гг.: «Ещё одна игра – “Ручеек”, где участники становятся парами, держась за руки и поднимая их вверх, образуя коридор. Идущий по нему выбирает себе одного из пары и с ним уходит в конец. Оставшийся без пары проходит сначала и также выбирает себе пару. Тем ребятам, которым нравились определенные девочки – выбирали всегда только их, бывало так, что одни никому не нравились и стояли подолгу» (009).

О середине 1990-х гг.: «В эту игру мы играли в классе 3 на перемене в школе в 1996 году с учителем. В эту игру играл весь класс. Играющие разбиваются на пары мальчик с девочкой. Один человек был без пары. Те, которые разбились на пары, должны встать вереницей.

Пары должны соединить свои руки вверх. Тот человек, который остался один, проходит между парами, а они стоят друг за другом с поднятыми соединенными руками, и выбирает себе пару противоположного пола, и они встают последними. Тот, у которого забрали пару, также выбирают себе пару, проходя между парами, и встают последними и так далее» (015).

О Каргаполье в 1997 г.: «Когда я училась в 7 классе Каргапольской средней школы № 4, на переменах мы часто играли в игру, которая называлась “Ручеек”. Нам её как-то предложила наша классная учительница, а потом мы играли в неё самостоятельно. Игра очень проста. Сначала все играющие разбивались на пары. Затем становились в две колонны друг за другом. Бралась за руки, поднимали их вверх, чтобы получился живой коридор. По этому коридору проходил водящий, тот, кому не досталось пары. Он выбирал себе пару, брал за руку и уводил в конец коридора. А человек, который остался без пары, становился водящим и шел в начало коридора. Он проходил по коридору, выбирал себе пару. Следует сказать, что обычно выбирали себе в пару того, кто был тебе более симпатичен. Интереснее было играть в эту игру под музыку, когда можно потанцевать и попеть» (013).

РУЧКА – «Письменная принадлежность в виде палочки, стержня, в который вставляется перо... Автоматическая, самопишущая ручка. Ручка для письма, в которой чернила автоматически подаются к перу» (Словарь, 1961–12, 1596–1597); «Письменная принадлежность – держатель для пера в виде палочки, стерженька. *Автоматическая ручка* (ручка с резервуаром для чернил, автоматически подающихся к перу)» (Ожегов, [1960] 1970, 681; Ожегов, 1972, 634; Ожегов, 1988, 562); «Письменная принадлежность – удлиненный держатель для пера, стержня. *Автоматическая ручка* (ручка с резервуаром для чернил, автоматически подающихся к перу)» (Ожегов, Шведова, 1996, 678).

Ручка-вставочка – ручка, состоящая из палочки и вставленного в неё стального пера для писания.

О второй половине 1930-х гг.: «Из одного кармана [А.П. Гайдар] вытащил небольшую ручку-вставочку, металлическую, с одной стороны – перо, с другой – карандаш. Мы в те годы не писали, как теперь, автоматическими перьями. У каждого в парте была беленькая фарфоровая чернильница-неразливайка, вставленная в специально проделанное отверстие. Мы макали в чернильницу деревянные ручки с обыкновенными перьями и выводили у себя в тетрадках буквы и цифры. В нашем классе у многих ребят были точно такие же ручки, как та, которую вытащил из кармана Гайдар» (Соколовский, 1981, 51).

О 1965 году: «Я пошла в 1 класс в 1965 году в Новокузнецке... Все было, как полагается: ...форменное платьице, ...новенький портфель. А в нём – вещи, которые незнакомы нынешним школярам, – чернильница-непроливайка, перочистка, деревянная ручка-вставочка» (Политова, 2006, 3).

См. также: *Вставочка*.

Ручка перьевая.

О второй половине 1940-х гг.: «Ручки были деревянные с железным наконечником, где было приспособление для вставки пера» (Русакова, 2007).

О школьном базаре в конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Особенно волновались малыши, пришедшие сюда со своими родителями, чтобы стать обладателями таких привлекательных предметов, как... голубая ручка с пером “86” и чернильница-непроливайка, кого хочешь замарай-ка» (Ликстанов, [1953] 1964, 408).

Ручка шариковая – См. *Шариковая ручка*.

«РУЧНОЙ труд» – название учебного предмета в середине 1950-х гг.

О первоклассниках в 1954 году: «А на последнем уроке, на “ручном труде”, [Лида] показала подбродком на крышку парты и язвительно расхохоталась: “Ха-ха-ха! Это что за уродики?” Им было задано сделать из бумаги домик и коробочку. Женя и сам видел, что его изделия не очень красивы. Не то, что у Васи Грачёва, например. У того из весело раскрашенного дома с дверью и окнами

даже вился клубами серый дым. Женин дом был просто белый и притом кособокий, а на коробочку точно кто-то немножко наступил ногой... Но разве так уж плохо? Уже не обращая внимания на Женю, Лида с торжеством извлекла из коробки от маминих туфель, которую она всегда приносила с собой на уроки ручного труда, блестящую коробочку из голубой бумаги, сплошь усыпанную серебряными звёздочками. Коробочка была великолепна, и рядом с ней Женина придавленная коробочка выглядела такой неуклюжей и жалкой, что Женя растерянно заморгал. Потом рывком, двумя руками схватил свои творения, над которыми вчера просидел не меньше сорока минут, и скомкал их. Елена Сергеевна обходила парты, рассматривая домики и коробочки, и многих ребят хвалила. “А где твоя работа, Сомов?” Красный и надутый..., Женя молча показал кивком головы на два белых комка на крышке парты. “Ах так? – сказала Елена Сергеевна. – Ставлю тебе единицу!” “Кол! Кол!” – зашептали ребята. На лице у Лиды появилась довольная улыбка... На уроке ручного труда ребята клеили из бумаги всякую мебель. Лиде очень хотелось посмотреть, как у Жени получился диван. Кроме того, Лида боялась, что Женя перемажется в клею. Домашнее задание по ручному труду они делали вместе. Женя совсем не умел держать кисточку и ровным слоем намазывать клей. Лида его научила» (Котовщикова, 1956; 42–43, 65).

«РЫБАК» – детская игра с перепрыгиванием через скакалку; то же, что «*Рыбак и рыбка*».

О пос. Лебяжье в конце 1980-х гг.: «Ещё мы играли в змейку. Ещё одна игра – это “рыбак”. Так же мы играли в нее летом. Вставали в круг, а рыбак вставал в центр круга и начинал водить по земле скакалкой, участники должны подпрыгивать, чтобы их не задела. Если кто-то не успевал подпрыгивать, и рыбак ловил его в свои сети, то этот человек выбывал из игры. Побеждает тот, кто остается не пойманным, и игра начинается заново» (458).

«РЫБАК и рыбка» – детская игра с перепрыгиванием через скакалку.

О середине 1980-х гг.: «Ещё в детском саду и в начальной школе мы играли в игру со скакалкой “Рыбак и рыбка”. Мы выбирали рыбака, давали в руки ему скакалку, рыбак вставал в середину круга. А все остальные дети были рыбки и вставили по кругу. Рыбак брал один конец скакалки, а другой конец скакалки должен находиться возле рыбок. Рыбак начинал крутить скакалку, а рыбки должны перепрыгнуть через скакалку. Пойманным считался тот, кого заденет скакалкой. Рыбная ловля продолжалась три-пять минут. Затем рыбаком становится кто-нибудь другой из детей» (531).

О г. Петухово во вт. пол. 1980-х гг.: «“Рыбак и рыбка”. Вставали все в круг, а ведущий брал в руки скакалку и крутил ею по земле стараясь задеть по ногам и кого он задевал, тот считался пойманным и выходил из круга и так до тех пор, пока рыбак не поймает всех рыбок» (510).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Несколько человек могли тоже играть с помощью скакалки. Выбирается один человек ведущий – “рыбак”, остальные – “рыбки” – встают вокруг него. Ведущий берёт скакалку в руки и начинает водить ею вокруг себя, под ногами других игроков. Остальные должны подпрыгивать, чтобы не попасться на удочку. Кого ведущий задевает скакалкой, тот считается пойманным и выбывает из игры. Игра длится до тех пор, пока не останется один участник. Оставшийся заменяет ведущего, и игру можно начать сначала» (607).

О Шадринске в 1994–1997 гг.: «Когда мне было примерно 8–11 лет, во дворе, в школе на площадке мы с друзьями и одноклассниками играли в “Рыбака и рыбку”. Эта игра выглядела следующим образом: по считалочке выбирался один человек (“рыбак”, водящий), который со скакалкой (“удочкой”) в руках вставал в центр круга, образованного другими участниками (“рыбками”). Чем больше человек принимало участие, тем интереснее. Со словами: “Ловись, рыбка большая и маленькая!” “рыбак” начинал раскручиваться со скакалкой, стараясь при этом задеть (“поймать”) рыбок, которые, в свою очередь, подпрыгивали на месте, чтобы “удочка” протетела у них под ногами. Кого же все-таки “рыбак” задевал, то

выбывал из игры. Но с каждым выбывшим участником водящий повышал уровень, на котором кружил скакалку. Выигрывал последний участник, оставшийся “не пойманным”. Это веселая, увлекательная, к тому же подвижная игра. Я знаю, что дети до сих пор любят её, в чём убедилась во время прохождения летней пед. практики в оздоровительном лагере» (020).

«РЫБАКИ и рыбки» – подростковая игра.

О г. Воткинске в 1991 году: «В 13 лет да и раньше мы с девочками ждали последнего дня смены. Зажигали большой костёр и вокруг него играли всем лагерем в игры. “Рыбаки и рыбки”. По кругу стоят тройками девочки с парнями лицом друг к другу. За их спиной ходят парами. Двоим надо найти третьего, кого-то “поймать”. Из троих двое выбирают одного, ловят его, а из тройки оставшиеся двое опять выбирают третьего. Выбирали тех, кто нравится больше. Или, зная, что один мальчик хочет дружить с девочкой, делали всё, чтобы они оставались вдвоём. Всё время оборачивались на “двойки”, строили глазки, чтобы нашу тройку разбили» (572).

РЫБАЛКА, рыбная ловля – добыча рыбы посредством особых приспособлений.

Картина В.Е. Маковского (1846–1920) «Дети на реке» (1884) указывает на то, что крестьянские дети в 1880-е занимались рыбной ловлей (ловили удочками рыбу).

О перв. пол. 1940-х гг.: «Вспоминается, наконец, самое мною любимое – купание в пруду и особенно рыбная ловля. Меня пристрастил к ней Колька Нельзин, и с тех пор она на всю жизнь стала для меня самым лучшим отдыхом» (Санников, 2001). «Пришлось Сереже день-деньской, забыв о рыбах и крючках... / Сидеть с учебником в руках» (Сергеев, 1952, 12).

О 1980-х гг.: «На окраине, где мы жили, была речка. Как-то мы с Вовкой собрались на рыбалку. С вечера, как всегда, накопили червей, положили в садок хлеб, помидоры, соль. Решили переночевать у Вовки и с рассветом отправиться на речку. Только приготовили снасть, как выяснилось, что назавтра Вовке наказано сидеть дома с младшим братом. Взял я удочки, пошёл, расстроенный, домой. Бреду по улице и думаю: “Идти на рыбалку одному или нет?” Вроде бы идти надо – целую банку свежих червяков накопили. В то же время одному идти скучно. Иду так, рассуждаю, вдруг навстречу Женька. “Ого! – говорит и плят глаза на удочки: – На рыбалку собрался?”» (Сергеев, 1990, 24–25).

О мальчике в Шадринске в середине 1990-х гг.: «Ещё мы с друзьями очень часто ходили на рыбалку. Это было одно из моих любимых занятий» (055).

РЫБИЙ ЖИР – жидкий жир из печени тресковых рыб. Назначается при туберкулезных заболеваниях легких, костей или желез, при рахите, при анемии, при истощении после тяжелых заболеваний, против куриной слепоты. Детям обычно после приема рыбьего жира дают съесть корочку черного хлеба.

Рыбий жир в 1900-е гг.

Об Одессе в середине 1900-х гг.: «“А вы, эфиопы, уже пили рыбий жир?” – зловеще спросил он. Я и Саша похолодели, так как надеялись, что в общей масленичной суете рыбий жир, который мы ненавидели до рвоты, как-нибудь пронесет мимо. Что касается Женьки, то он, как это ни странно, очень любил рыбий жир и пил его с удовольствием, после чего даже облизывался. “Ну нет, мои молодые пациенты, вы у меня не отвертетесь от рыбьего жира. Этот номер не пройдет!” Мы покорно уселись рядом на стулья, понимая, что отвертеться от рыбьего жира не удастся. Вася принес из кухни бутылку с тошнотворно-желтой жидкостью, достал из буфета серебряную столовую ложку, один лишь блеск которой вызывал отвращение не менее сильное, чем вид самого рыбьего жира, вынул пробку, обернутую промасленной бумагой, налил прозрачно-тяжелую омерзительную жидкость в ложку, заблестевшую в его опытных руках еще более тошнотворно, подошел ко мне, стиснул меня коленями, чтобы я не улзнул, велел открыть рот и заставил выпить полную ложку рыбьего жира; то же самое с грубым проворством военного хирурга он проделал с Сашей, у которого даже уши побелели от омерзения, а

Женька с явным удовольствием выпил рыбий жир и облизнулся. И лишь после этого Вася, дав нам на закуску по кусочку черного солдатского хлеба с селедкой, уселся за пианино» (Катаев, [1972] 1983, 413–414).

Рыбий жир в 1910-е гг.

См. отрывок о жизни первоклассниц городского училища в Москве в 1911 г. «Однажды Елена Петровна вызвала Сою к доске. И, пока Соня писала мелом буквы, учительница задумчиво глядела на нее. “Какая же ты худенькая, бледненькая... – сказала она и, взяв Сою за плечи, выпрямила их. – ...Рыбьим жиром надо вас, таких вот, поить”... Елена Петровна внесла в класс бутылочку с рыбьим жиром и тарелку с ломтиками черного хлеба, густо посыпанного солью. “С нынешнего дня будете пить рыбий жир” – сказала она... Соня робко вместе с другими девочками подошла к столу учительницы. Елена Петровна налила в столовую ложку нестерпимо желтого и густого рыбьего жира. “Бери хлеба”. Соня взяла посоленный кусочек. “Выпей и сразу заешь хлебом”. Соня не знала, как ей проглотить эту ложку жира, как справиться со своим отвращением. Ее внутренности вопили в ней: не хочу! Не могу! Но Соня не смела возразить Елене Петровне. Если Елена Петровна говорит “выпей”, значит, надо выпить. И Соня проглотила рыбий жир и тут же заела хлебом. Так же покорно глотали жир и другие девочки – все самые худенькие, самые бледные, которых Елена Петровна отобрала из своего класса. Морщились, ежились, но ни одна не протестовала. Раз велит их учительница Елена Петровна, значит, надо. И так это и осталось: звонок на большую перемену – значит, подходи к столу и глотай рыбий жир!» (Воронкова, 1959-а, 119–120).

Рыбий жир в 1920-е гг.

О Москве конца 1920-х гг.: «...Я лучше всех умею пить рыбий жир! Уж не знаю, почему так... А Гизи он не нравится. А ей-то как раз очень надо его пить. Ей просто нельзя без рыбьего жира, потому что у неё чахотка... Для того она и приехала в СССР, чтобы вылечиться. Гизи должна не только к врачам ходить, она должна ... есть масло и разные жиры и особенно пить рыбий жир – это главное!... Мы с мамой даже разработали план – как я научу Гизи пить рыбий жир... Мы пригласили Гизи в гости. Она сразу подошла к моим игрушкам, и мы стали играть... Мама кивнула головой. И тогда я встал и сказал громко: “Эх, охота мне что-то выпить рыбий жир!... Просто не могу...” Гизи посмотрела на меня с удивлением и сказала: “Я его не люблю! Отойди-ка с дороги...” “... У нас русский рыбий жир!.. У нас с солью! И с чёрным хлебом!.. Мама, дай мне скорей, я просто больше не могу”. Мама встала и взяла из шкафа бутылочку с рыбьим жиром. И большую ложку! Столовую!.. Мама налила мне полную ложку. Гизи перестала играть и смотрела на меня... Я с аппетитом закусывал чёрным хлебом с солью. “Я думаю, хватит, – сказала мама. – Может, Гизи попробует?”... И тут произошло удивительное: Гизи робко кивнула головой!.. А я её ещё подзадорил, я сказал: “Не давай ей! Зачем девочкам рыбий жир!” “Ну, ладно, – сказала мама. – Не жадничай, – и налила пол-ложки для Гизи”. А я приготовил кусок хлеба с солью и, когда Гизи, зажмурившись, выпила, тут же подал ей хлеб... “Ну, как? Вкусно?” – спросила мама. И Гизи кивнула, улыбнувшись! Она жевала и улыбалась... Так она начала пить рыбий жир» (Коринец, 1972, 61–64).

Рыбий жир в 1930-е гг.

О 8–9-летней девочке в Москве в нач. 1930-х гг.: «Мы пили рыбий, тресковый, жир, привезенный в полуголодную Москву в больших жбанах теми исследователями, кому повезло вернуться с севера. Они по-братски делились добычей с остальными сотрудниками ГОИНа [Гос. океанографич. института], и мама... вносила в нашу комнату бидончик... Свежий тресковый жир не был похож на отвратительное вонючее содержимое аптекарских бутылочек, считавшихся нашим спасением от малокровия. То были кошмар нашего детства. А этот рыбий жир мы выпивали с благоговением, остро чувствуя себя приближенными к героизму арктических открытий» (Старикова, 2003, 251).

О 6–7-летнем мальчике в г. Мещовске Западной (ныне Калужской) обл. в 1934–1935 гг.: «В детстве я про кофе только читал. Мама наливала почти такого же цвета овсяное толокно. И говорила, что оно очень полезно. Еще более полезным, но почему-то лишь для детей (хитрые взрослые его не пили) считался рыбий жир. Чуть зазевался за игрушками или за книгой, и тебе в рот уже вливают пахучее, противное зелье. Нынешние малыши не знают этого мученья. Я даже боялся слова “полезно”. Значит, будет что-то ужасное, в лучшем случае – невкусное...» (Берестов, 1998, 569).

О середине 1930-х гг.: «Одного мальчика спросили: “Слушай, Вова, как ты можешь принимать рыбий жир? Это же так невкусно”. “А мне мама каждый раз, как я выпью ложечку рыбьего жира, даёт гривенник”, – сказал Вова. “Что же ты делаешь с этим гривенником?” – спросили Вову. “А я кладу его в копилку”, – сказал Вова. “Ну, а потом что же?” – спросили Вову. “А потом, когда у меня в копилке накапливается два рубля, – сказал Вова, – то мама вынимает их из копилки и покупает мне опять бутылку рыбьего жира» [Хармс]

О вт. пол. 1930-х гг.: «Вечером мы играли в салочки..., и среди нас сидел Ледик. Домой он ушел первым, сказав, что ему уже пора спать: врач велел. К тому же ему надо было пить рыбий жир. Скажу по секрету, меня тоже заставляли пить его. Но никто во дворе не знал этого. Мне было нестерпимо стыдно и противно глотать эту масляную гадость, а Ледик открыто объявил об этом и еще улыбнулся. Как будто этим гордятся» (Мошковский, [1963] 1987–1, 337).

Рыбий жир в 1940-е гг.

О второй половине 1940-х гг.: «...Димка с мальчишками за Толю справлялся нещадно... В детсаду заставляли пить рыбий жир. Ребята должны были выпивать его по три ложки в день. Толя каким-то образом проглатывал его, зажав нос, а вот Димку при одном только виде бутылочки с жёлтой жидкостью уже тошнило. Он Толе как-то сказал: “Я за тебя заступаюсь, а ты за меня пей этот жир”. Толя согласился, но тетя Нина – воспитательница – не позволила. “Кто пьёт рыбий жир, тот становится сильным”, – сказала она. “Враки! – заявил Димка. – От рыбьего жира ничего не бывает. Надо человеческий пить”. Впоследствии к рыбьему жиру Димка всё же привык... Он макал в ложку хлеб, посыпал солью и таким образом опорожнял её всю... ..Его лицо сияло от удовольствия. “С хлебом и солью всё пройдет, – говорил он Толе, – можно даже рыбы кости есть. И не подавиться”» (Дик, 1956, 39–40).

Рыбий жир в 1950-е гг.

О дет. саде в конце 1950-х гг.: «“Ну-ка, подставляйте ложки, – сказала перед обедом Татьяна Сергеевна. Она взяла в руки большую тёмно-зелёную бутылку. – Буду вас рыбьим жиром угощать!” Все ребята подставляли ложки, а Люба спрятала свою ложку под стол. “Рыбий жир противный, жёлтый, я его дома пила”, – пробормотала она...» (Концевая, 1961, 12).

О вт. пол. 1950-х гг.: «[Мама] потащила за руку упирающуюся дочку домой. Какая-то женщина на улице, показав на Тату, сказала своей худенькой девочке: “Видишь, что бывает, когда по утрам отказываются от рыбьего жира!” (Виткович, Ягдфельд, 1961, 172–173).

О дет. саде в г. Свердловск–45 (Лесной) в 1950-е гг.: «На муз. занятии ...мы заводили патефон при помощи ручку и слушали пластинки... На обед нам давали зелёный зелёный горшок в розеточках, а ещё капали на кусочек хлеба рыбий жир. Того, кто рыбий жир не любил, уговаривали съесть хлеб и рассказывали, какой он полезный. А на ужин нам давали манный пудинг с киселем» (Абдулкеримова, 2008, 19).

Рыбий жир в 1960-е гг.

Из учебника для первого класса 1961 г.: «Ребёнок пил рыбий жир» (Костин, 1961, 65).

О девочке в детском саду города Великий Устюг в 1960-е гг.: «Ещё одна форма укрепления здоровья просто сводила меня с ума, но бороться с этим было бесполезно. Это был ежедневный приём рыбьего жира. Процедура проходила следующим образом: медсестра, очень полная и добрая, садилась на детский стульчик посередине

участка. В одной руке у неё была большая, просто огромная, как нам казалось, коричневая бутылка с этой мерзкой жидкостью, а в другой – столовая ложка. Мы обреченно вставали в очередь. Я часто переходила со своего места в конец, но большая ложка, налитая до краев, настигала и меня. Зажмурившись, я проглатывала маслянистую, плохо пахнущую жидкость и с облегчением вздыхала. Давали рыбий жир не всегда, а какими-то периодами, и мы, не найдя на обычном месте своей “мучительницы”, были очень рады» (Мосалова, 2007, 7).

«**РЫБОЛОВ**» – игра (домашняя, настольная).

В воспоминаниях художника Д. Надеждина о предвоенной (до 1941 года) Москве читаем: «Помню, как в старом двухэтажном доме на одной из московских улиц ... стоял... комод... В центре этого комода пьедестала почетное место занимал СВД-9 – один из довоенных отечественных радиоприёмников... Слева от приемника лежало несколько альбомов с патефонными пластинками и коробки с играми “Рыболов” и “Летающие колпачки”, а в 1940 году там проявился “Детский календарь...”» (Надеждин, 1995, 43).

«**РЫБУ продавать**» – святочная забава на Европейском Севере России в конце XIX века.

«Сценка подобного рода разыгрывалась... в Устьянских волостях в конце XIX в. “Любимое занятие на святках это изображать торговца рыбой. Запряжёт мужик сани, наложит в них снег, насадит в снег голых ребятишек и ездит по деревне. Мальчишки и девочки от холоду прыгают в снег. “Таково весело, – говорит мужичок-торговец, – словно рыбки плещутся”. Вот находится покупатель и за бутылку водки приобретает живой товар. Ребятишки валят в избу, а торговец палит из ружья в потолок холостым зарядом, с потолка чёрной избы сыплется сажа, а мокрые ребятишки, облепясь грязью, пляшут по избе, а взрослые хохочут. Трудно поверить, а правда”» (Морозов, Слепцова, 2004, 617–618).

См. также: «*Поросят продавать*», «*Рыбу солить*».

«**РЫБУ солить**» – святочная забава на Европейском Севере России в конце XIX века.

«“Рёв и ругань ребятишек навлекли на них новую невзгоду: стали “солить снятки” и роль “снятков” должны были представить ребятишки. В избе явился кузов – огромная корзина, сплетенная из сосновых дранц. В эту корзину посажали всех ребятишек, одного на другого, пока они ещё не успели одеться, потом на них высыпали такую же корзину снега. Это означало, что их “посолили”. В заключение, “для рассола”, на них вылили ушат холодной воды. С визгом и неимоверной быстротой выпрыгнули ребятишки из кузова и ударились на печку и на полати одеваться и отогреться. Там между ними поднялась возня и драка, потому что рубашки перемешались...”» (Морозов, Слепцова, 2004, 618).

См. также: «*Поросят продавать*», «*Рыбу продавать*».

РЫЖИЙ – «Красно-жёлтый или жёлто-красный. О цвете волос, шерсти» (Словарь, 1961–12, 1619).

«**Я что, рыжий?**» – риторическая конструкция, выражающая недовольство: почему мне не досталось чего-то нужного? почему это (сложное, трудоёмкое, неприятное) задание (требование, просьбу) должен выполнять именно я?

Из дневника подростка 16 лет в 1941 году: «[25 июня 1941 г.] Десятиклассники идут добровольцами на фронт, девчата идут учиться на медсестер, а я что – рыжий что ли?» (Сагайдачный, 1963, 207).

О 1970-х гг.: «Потом прицепился Снетков: “Вобла! Подмети за меня! Мне некогда”. “Что я – рыжий, за всех убирать?” – осторожно возразил Леша, оттолкнув от себя швабру» (Ампелонов, 1980, 7)

«**РЫЖИЙ, конопатый...**» – дразнилка, обращенная к мальчикам с рыжим цветом волос. «А Костика всё чаще стали звать “рыжий”, и если кто-нибудь с ним ссорился – начинали кричать: “Рыжий Костик, конопатый, / Убил дедушку лопатой...”» (Голодный, 1963, 29).

«**РЫЖИК**» – изданная в 1904 году повесть А.И. Свицкого (1865–1942) о скитаниях маленького

беспризорника. В 1960 году режиссер снял фильм «Рыжик» по повести А.И. Свирского.

«Популярность этого произведения А.И. Свирского огромна – оно было издано несколько раз в дореволюционной России и издавалось много раз советскими издательствами (1922, 1925, 1927, 1930, 1934, 1936, 1940, 1948, 1952, 1956 (как центральными, так и периферийными, являясь в течение более пятидесяти лет одной из любимейших детских книг» (ВДЛ, 1957, 319).

О 1900-х – 1960-х гг.: «У юных читателей нашей страны неизменным успехом пользуется повесть “Рыжик”. Написанная в начале XX века, она выдержала десятки изданий и разошлась тиражом в несколько миллионов экземпляров. Почти невозможно встретить библиотеку, где бы не было этой повести, трудно найти взрослого, который бы еще в детстве не читал её и с замиранием сердца не следил бы за удивительными приключениями рыжего курносого мальчика» (РДЛ, 1972, 322)

РЭП – «[англ. rap. Резко говорить, выкрикивать] 1) жанр поп-музыки, в котором слова произносятся под музыку ритмично и скороговоркой; возник в среде афроамериканцев; 2) танец под музыку в таком стиле» (НСИС, 205, 795).

О перв. пол. 2000-х гг.: «Широкие штаны держатся на честном слове, из наушников раздается бодрый речитатив – перед вами рэпер, явление, узнаваемое во всех городах России. Рэп теперь – самая популярная музыка среди подростков. Как утверждают сами поклонники этой культуры, рэп слушает примерно половина населения нашей страны в возрасте 10–15 лет. Настоящий рэпер отличается от просто любителя послушать музыку в этом стиле... характерным прикидом. Он состоит из бейсболки, балахона с капюшоном..., широких штанов и кедров Converse. В Москве они собираются на Манежной площади, гуляют по улицам родного района, просяживают дни и ночи на форуме hip-hop.ru или в чате rhhz.ru, разрисовывают стены краской из баллончиков и “выламывают брейк”, то есть танцуют в компаниях... Но главное в рэперской культуре – песни... Круг тем современного русского рэпа разнообразен как жизнь... Объединяет всё это разнообразие философия, суть которой – каждый должен быть настоящим... Брейк, граффити, рэп – части одного целого... За одеждой [рэперы] ездят к метро “Водный стадион”. Там масса специальных магазинов. Не вылезают из истрепанных штанов (труб), разукрашенных всевозможными заплатками и цветными нашивками а-ля граффити. Периодически заглядывают в E-life за ботинками (балахонами). Ботинки и рюкзаки покупают в “Камелоте”... Немосквичи заказывают все необходимое через Интернет» (Хохломской, 2005, 46–47).

РЮКЗАК – «Запленный вещевой мешок» (Словарь, 1961–12, 1649); «Мешок для вещей, носимый за плечами» (Лопатин, 1997, 604).

Рюкзак школьный.

О 6-летней девочке в с. Кундравы Челябинской обл. в 1992 г.: «Я пошла в школу, и родители купили мне рюкзак. Он был из кожзаменителя, красный с белым» (141).

О Шадринске в 1996–2000 гг.: «Примерно в 11–15 лет: подходили сзади и незаметно расстегивали замки на рюкзаке. А иногда доставали то, что лежало в карманах рюкзака» (103).

О Шадринске в 1998–1999 гг.: «Прятание рюкзака или сумки – эта шалость была распространена примерно в 7–8 классах. Когда сидели на уроке, то незаметно у какого-то впереди сидящего человека со спинки стула снимали сумку (рюкзак) и передавали её тому, кто имел вероятность незаметно спрятать. Прятали либо в батарее, либо в шкафы, либо за шкафы» (103).

О начале 2000-х гг.: «...хрупкий ребенок тащит в рюкзаке 5–6 таких кирпичей [учебников]... Не слишком ли тяжело ему достается школьная свобода?» (Глибина, 2002, 5).

РЮКЗАК-КЕНГУРУ – приспособление для перемещения ребёнка с матерью, выглядящий как своего рода жилет с большим карманом на груди, куда и помещается ребёнок.

«Рюкзак-кенгуру [...]... это мобильное комфортное средство для передвижения [матери] вместе с [маленьким] ребёнком... Качественный и безопасный рюкзак[-кенгуру] должен обязательно: иметь твёрдую спинку с поддержкой и подголовник, даже если вы планируете использовать рюкзак для ребёнка старше 6 месяцев; быть с широкими лямками и поясом для взрослого...; иметь систему регулировки, позволяющую при помощи ремней и других элементов учитывать изменения веса и роста ребёнка; иметь мягкие манжеты на отверстиях для рук и ног малыша» (Будуар. 2007, № 5. – С. 21).

РЮМОЧКА – «Небольшой сосуд для вина, обычно стеклянный, на ножке» (Словарь, 1961–12, 1549).

«Затянуть (перетянуть, стянуть) в рюмочку. Одеть так, чтоб талия была тонкой, узкой» (Словарь, 1961–12, 1650).

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: ««На другое утро, в воскресенье, девочки встали несколько позже, все были в корсетах и перетянуты в “рюмочку”. Надевая уже передник, девочка обыкновенно обращалась к двум-трём другим: «Mesdames, перетяните меня», и те, завязав ленты первым узлом, тянули их, сколько могли, затем, смочив посередине, чтобы затяжка не разошлась, быстро завязывали бантом» (Лухманова, [1903] 1997, 359).

РЮХИ – см. *Городки*.

О конце XIX века: «Был Петров день. Деревня праздновала... Мальчуганы-подростки были заняты рюхами и городками. Малолетки бегали “в пятнашки” и “хоронушки» (Ловецкая, 1901, 90).

О 1920-х гг.: «Мы резались в рюхи с ребятами, / Когда в багровеющий сад / Зашёл вдруг в шинели залатанной, / В буденовском шлеме солдат» (Некрасов, 1975, 9).

О второй половине 1930-х гг.: «Для нас же, детей, все эти дворовые пространства, казалось, просто были самой естественной и органичной... средой обитания... Тут же прыгали через скакалку, а старшие иногда играли в “рюхи” (в городки)» (Кравенко, 2007).

О 1941–1945 гг. в городе Всеволожске: «Играли мы в рюхи, или городки, в фанты и в дочки-матери, в игру “серсо»» (Бутина, 2001).

«**РЯБЕЦ**» – то же, что *Рябчик*.

«**РЯБЧИК**» – новичок, учащийся первого года Петербургского Главного военного училища в первой половине XIX века. От: «рябчик» – прозвище штатских в глазах военных.

О 14–15-летних учащихся-новичках Петербургского Главного инженерного училища во второй половине 1830-х гг.: «Представить трудно, чтобы в казенном, и притом военно-учебном, заведении могли укорениться и существовать обычаи, возможные разве в самом диком обществе. Начальство не могло этого не знать; надо полагать, оно считало зло неизбежным и смотрело на него сквозь пальцы... С первого дня поступления новички получали прозвище рябцов – слово, производимое, вероятно, от рябчика, которых тогда военные называли штатских. Смотреть на рябцов, как на парий, было в обычае. Считалось особенною доблестью подвергать их всевозможным испытаниям и унижениям. Новичок стоит где-нибудь, не смея шевельнуться; к нему подходит старший и говорит задирающим голосом: “Вы, рябец, такой-сякой, начинаете, кажется, кутить?” – “Помилуйте... я ничего...” – “То-то, ничего... Смотрите вы у меня!” – и – затем щелчок в нос, или повернут за плечи и ни за что ни про что угостят пинком. Или: “Эй вы, рябец, как вас?.. Ступайте в третью камеру; подле моей койки лежит моя тетрадь,несите сюда, да, смотрите, живо, не то расправя!” Крайне забавным считалось налить воды в постель новичка, влить ему за воротник ковш холодной воды, налить на бумагу чернил и заставить его слизать, заставить говорить непристойные слова, когда замечали, что он конфузлив и маменькин сынок. В классах, во время приготовления уроков, как только дежурный офицер удалялся, поперек двери из одного класса в другой ставился стол; новички должны были на четвереньках проходить под ним, между тем как с другой стороны их встречали кручеными

жгутами и хлестали куда ни попало. И Боже упаси было заплакать или отбиваться от такого возмутительного насилия. [N.] начал было отмахиваться кулаками; вокруг него собралась ватага, и так исколотили, что его пришлось снести в лазарет... И все это происходило в казенном заведении, где за... расстегнутый воротник или пуговицу – отправляли в карцер или ставили у дверей на часы с ранцем на спине и не позволяли опускать ружье на пол... Коснувшись дикого обычая истязать рябцов, не могу пропустить случая, до сих пор живо оставшегося в моей памяти. Один из кондукторов старших двух классов вступился неожиданно за избитого, бросился на обидчика и отбросил его с такою силой, что тот покатила на паркет. На заступника наскочило несколько человек, но он объявил, что первый, кто к нему подойдет, поплатится ребрами. Угроза могла быть действительна, так как он владел замечательной физической силой. Собралась толпа. Он объявил, что с этой минуты никто больше не тронет новичка, что он считает подлым, низким обычай нападать на беззащитного, что тот, кому придет такая охота, будет с ним иметь дело. Немало нужно было для этого храбрости. Храбрец этот был... тот самый Федор Федорович Радецкий, который впоследствии был героем Шипки» (Григоровича Д.В. Литературные воспоминания, 1890-е гг.)

Ср.: *Дук.*

«**С НАСТУПАЮЩИМ!**» – шутка, обыгрывающая два значения глагола «наступить» – совершаться, приходиться (во временном отношении) и давить своей ногой на что-то. С 1960-х – 1970-х гг. существует устойчивое разговорное выражение «С наступающим!», заменяющее развернутое «С наступающим Новым годом!». Суть шутки заключается в том, что один ребенок (школьник) подходит к другому, говорит: «С наступающим!» и одновременно наступает (этому другому ребенку) на ногу, актуализируя тем самым второе значение слова «наступить». Шутка существовала в 1970-е гг. в г. Шадринске.

«**С МОЕГО места, как с солёного теста!**» – словесная формула, призванная побудить сверстника, занимающего какое-либо место, освободить его.

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «Сергея подошел к своей парте и сказал Борису: “Ну-ка, Кобра! С моего места, как с соленого теста!”» (Зелеранский, 1961, 125).

«**С ПОЛА в рот получается микроб**» – см.: «*Из рта в рот получается микроб*».

«**С РОТА в рот – получается микроб**» – см.: «*Из рта в рот получается микроб*».

«**С РУЧКОЙ**» (ходить) – просить милостыню.

О 1876 г.: «Перед ёлкой и в самую ёлку перед рождеством я всё встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти по-летнему, но шея у него была обвязана каким-то старьем, – значит его всё же кто-то снаряжал, посылая. Он ходил “с ручкой”; это технический термин, значит – просить милостыню. Термин выдумали сами эти мальчишки. Таких, как он, множество, они вертятся на вашей дороге и завывают что-то заученное; но этот не завывал и говорил как-то невинно и непривычно и доверчиво смотрел мне в глаза, – стало быть, лишь начинал профессию... Я узнал потом, что этих мальчишек тьма-тьмушая: их высылают “с ручкой” хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то наверно их ждут побои. Набрал копеек, мальчик возвращается... в какой-нибудь подвал, где пьянствует какая-нибудь шайка халатников... Там, в подвалах, пьянствуют с ними их голодные и битые жены... С набранными копейками мальчишку тотчас же посылают в кабак, и он приносит ещё вина. В забаву и ему иногда нальют в рот косушку...» (Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Январь. Глава вторая. Мальчик с ручкой).

САБЛЯ – «Рубящее и колющее холодное оружие с длинным изогнутым стальным клинком и острием на конце» (Словарь, 1962–13, 28).

Сабля деревянная.

О 1914–1915 гг.: «Мы теперь часто играли в войну с немцами, и у всех у нас завелись деревянные сабли и ружья...» (Рутько, 1962, 30).

О 1941–1942 гг.: «...Шла война, и мы не могли оставаться от неё в стороне. Мы сражались на деревянных саблях, боролись, бывало, даже дрались, тут же мирились, мастерили поджиги и стреляли из них по мишеням, на которых углем рисовали фашистские рогастые каски» (Калинин, 1988, 41).

О 6-летнем мальчике в 1944 году: «В маленьком деревянном городке Гоша прожил почти три года... ..Ему... на ёлке для детей фронтовиков подарили кулёк с конфетами и роскошную деревянную саблю...» (Ленч, 1954, 25).

Сабля жестяная.

О 1914–1915 гг.: «Мы теперь часто играли в войну с немцами, и у всех у нас завелись деревянные сабли и ружья, только у Вальки... была совсем как настоящая, в сверкающих ножнах и с португеей, жестяная сабля...» (Рутько, 1962, 30).

«**САД**» – игра.

О 1988–1989 гг.: «Игра “Сад”. В школе в старших классах – 9, 10, это 1988–1989 гг., мы играли в игру “Сад” на уроках. Я обычно была руководителем этой игры. Составляется список всего класса и напротив каждой фамилии пишется название фруктового дерева, кустарника, ягоды и т. д. Например: Иванова – слива, Сычев – груша, Матвеев – земляника, Афанасьев – малина. Этот список находился у садовника. В любой момент урока садовник называет любого из списка, тот должен встать и сесть. Престижнее считалось играть на уроках у строгих учителей, которых все боялись. Когда кого-либо называли, старались обязательно придумать повод для того, чтобы встать: посмотреть в окно, поднять ручку, что-то рассмотреть, поправить юбку и т. д. Когда кого-то называли и он боялся встать, весь класс был во внимании. Учителя долго не могли понять, кто творится в 10 “б” – потом поняли, что мы играем в какую-то игру. Весь пик игры пришёл на один из уроков физики, который вела женщина пенсионерка, которую всегда любили доводить, писали на нее приказы на доску объявлений, у нее была кличка “Корзина”. Она поняла, что я сижу на последней парте и от меня исходит всё безобразие. Кстати, на физике вставали в 10–15 раз чаще, чем на других уроках, один за другим. Учительница приходила в бешенство, хватала за руку того, кто, встал последним, задавала массу вопросов: “Зачем ты встал?”; “Что за безобразие!”; “Что за детство!”; “Ну, вообще обхохочешься!” – любимое слово учительницы. В это время все хохотали и вставал следующий. Корзина вызвала меня к доске решать задачу, чтобы поймать меня с полчищем, что прекратятся все вставания, и можно будет на меня свалить всё! Я вышла к доске, но парни, которые сидели на задних партах, взяли этот листок и стали продолжать игру, но вставали редко и тихо. Корзина следила за всем, что происходит, с особой бдительностью. Вдруг встал весь класс, как один, даже я от неожиданности повернулась. Корзина же подумала, что вошёл учитель, так как все встали, но было не видно дверь за шкафом. Она из любопытства пошла к двери, все стояли. Это время показалось очень долгим. Затем все вместе сели. Оказалось, что мой сосед по парте без всякого списка закричал “Сад!” – все встали! Корзина начала кричать, все упали на парты, она убежала в учительскую, мы немного задумались, что нам за это будет. Продолжали играть все равно!» (545).

САД городской для детей – отведённая в пределах города площадка для детских игр и развлечений.

О второй половине 1930-х гг. в Ленинграде: «В [построенном в 1920 году для детей Нарвской заставы] саду [имени Девятого января] был летний театр, игротка, площадка подвижных игр. Здесь можно было быстро бегать по вращающемуся барабану, оставаясь при этом на месте. Или принять участие в рыцарском турнире на конях. Кони, правда, деревянные и не могут скакать, но, насаженные животами на оси, они, если их толкнуть, поворачиваются. Вы с приятелем разворачиваете коней мордами друг к другу,

вооружаетесь шестами и вскакиваете в седла. Теперь надо победить соперника: развернуть шестом его коня так, чтобы всадник повернулся спиной. Кто оказывался в таком положении, тот побежденный. В пятнашки мы любили играть в лабиринте, где убегающих подстерегали западни тупиков» (Богданков, 1972, 16).

САДИК – разговорное название детского сада – учебно-воспитательного учреждения для детей дошкольного возраста.

О 1950-х гг.: «Опять в соседнем садике / С утра идёт игра...» (Барто, [1959], 1969–2, 391).

«САДИСТСКИЕ стишки» – жанр современного детского фольклора, распространенный в 1970-е – 1990-е гг., наиболее разработанная область отечественного «чёрного юмора».

Из обзорной статьи «Детский фольклор: итоги и перспективы изучения» (2005): [...] (Белоусов, 2005, 227–229).

О 12-летней девочке в 1999 году в Шадринске: «Садистские стишки. Я учила такие стишки, чтобы потом посмеяться с друзьями. Например: “Люблю грозу в начале мая: / Как шибанет – и нет сарая. / Мозги висят на проводах, / И трупы плавают в прудах”; “Маленький мальчик нашел пулемет, / Больше в квартире никто не живет, / Только соседская кошечка Нона, / Лишь на неё не хватило патрона”» (135).

О девочке 13 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 2000 г.: «Садистские стишки я услышала от своего брата, который старше меня на два года. Когда он мне их рассказал, я была удивлена, так как считала, что эти стишки могут рассказывать только взрослые и невоспитанные люди. А спустя некоторое время мальчишки из нашего класса начали читать их тоже» (141).

Лит.: Белоусов, 1998, 545–577.

«САДОВНИК», игра(ть) в садовника – игра, позволяющая детям и подросткам демонстрировать свои симпатии к присутствующим.

Описание игры в садовника содержится в следующем отрывке из повести, описывающей, по всей видимости, период конца 1940-х – нач. 1950-х гг.: «К вечерним играм мы обычно сходились на крыльце Куликовых, в среднем из пяти домов. Когда мы со Славкой явились, все уже были в сборе... “Вам до Генки ого-го!.. Ладно. Давай, Нин!” Нинка, ... сразу повеселев, объявила, что она садовник. Это означало, что все прочие – цветы, которым нужно срочно попридумывать названия. Выбрать цветок – штука серьезная, и все притихли. Первым вступенулся Генка... Он торопливо ... выпалил: “Колокольчик!.. Я колокольчик!” “Правильно, – поддержал его Борька. – Ты у нас, Генк, человек хороший, и цветок у тебя хороший, любить будут – заойкаешься, а я лопух”, – представился он – попробуйте, мол, влюбиться. “Лопух не цветок”, – заметила Нинка. “В саду всё растет”, – отпарировал Борька, и Нинка только презрительно дернула губами, дескать, как хочешь, но уж любви моей не жди. “Астра, – выдохнула Люська, всё ещё глядя в небо. Прикинув так и сяк, я пророкотал: “Рододендрон!” На меня глянули почтительно-удивленно. Томка даже перестала плести и склонила голову к плечу. Знай наших – и завлеку, и озадачу. Славка... брякнул: “Флокс”... Мирка ... крикнула: “Настурция!”... А я гадал, кем же будет Томка: мальвой, бегонией, орхидеей или каким-то неведомым цветком, и не знал еще, влюбляться мне в нее при всех или нет. Игра игрой, да мы-то не игрушечные. Влюбляться, – значит, опять выказывать себя, а не влюбляться – ну как это не влюбляться, когда само влюбляется... Томка медлила, всё плетя и плетя Люськину косу, пока, наконец, садовничиха не подхлестнула: “Том, а ты кто?” “Никто пока. Доплету вот...” “Господи, потом доплетёшь!..” “Все равно не хочу” – упрямо сказала Томка и надулась. “Вечно она с фокусами! – фыркнула Нинка и начала со злым подвывом: – Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме... Колокольчика”. Генка ойкнул – и пошло... Сперва влюблялись робко и с раздумьями, потом поднаторели, и 488

любовь всюю закружилась, зазвенела на крыльце. Больше всех доставалось Лопуху, только Нинка так и не признала его. А Флокс неожиданно как зарядил – Настурция да Настурция, так и жал – я, видно, чересчур повлият на него. Меня особо не баловали, да мне и не игралось без Томки, хоть я и хорохорился. Нет, Томка, не ушла, она так же сидела... и часто переглядывалась со мной, но все мы были цветами, все мы были в том далеком, сказочном саду, а она была тут, вот на этом занозистом крыльце... А я хотел быть с ней в одном мире, и, когда Настурция в очередной раз призналась, что влюблена в зануду-Рододендрона, я завопил: “Никого не люблю!.. Где солнце?” Все шумно схлынули с крыльца...» (Михасенко, [1965] 1972, 42–44).

О Москве в 1943–1944 гг.: «Детям хватало места для... игр в “на золотом крыльце сидели...” или “я садовником родился...”» (Сафонов, 2001).

О вт. пол. 1950-х гг.: «В голове у меня вертелась нелепая приговорка, придуманная, уж конечно, девчонками: “Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме...”» (Алексеев, 1987, 26).

О начале 1970-х гг.: «Играли в игру “Садовник”. Играющих человек 5–6. Садовник сидит и говорит: “Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме одной”, например, розы. “Роза” идет и целует кого-либо, по желанию ведущего» (587).

О детях 14–15 лет в г. Кургане в 1977–1978 гг.: «Игра “Садовник”. Я садовником родился, / Не на шутку рассердился. / Все цветы мне надоели, / Кроме...» Участников от 5 до 15. Они назывались какими-нибудь цветами. Названный цветок выполнял желание ведущего – поцеловать какой-нибудь “цветок”» (591).

Запись начала 1980-х гг.: «Садовник. Водящий: Я садовником родился, не на шутку рассердился. Все цветы мне надоели, кроме розы (каждый из играющих выбирает себе какой-нибудь цветок). Роза: “Ой!” Садовник: “Что с тобой?” Роза: “Влюблена”. Садовник: “В кого?” Роза: “В мак”. Мак: “Ой!” и т. д. Если играющий не успел назвать цветок, то садовник говорит: “Раз, два, три, вешичку гони”. Когда от кого-нибудь из участвующих садовник получит три предмета (это могут быть палочки, игрушка, цветок), тот становится садовником» (Лойтер, 1991, 231–232).

О д. Портягино Шатровского р-на во вт. пол. 1980-х гг.: «“Садовник”. По считалке выбирали садовника, остальные дети садились, придумывали и называли себе имена цветов. Садовник говорил слова: “Я садовником родился, не на шутку рассердился. Все цветы мне надоели, кроме астры”. Астра должна сказать: “Ай”. Садовник: “Что с тобой?” Астра: “Влюблена”. Садовник: “В кого?” Астра: “В тюльпан”. Далее строится такой же диалог. Если кто-то не успеет сказать: “Ай”, то отдает какой-либо предмет и выходит из игры. Затем проигравшие поют песни, читают стихи, инсценируют небольшие сценки» (530).

«САЕЧКА», «саечка» за испуг – см.: «Сайка», «саечка» за испуг.

САЖАТЬ деревья – под руководством и по инициативе взрослых дети (пионеры, школьники) сажали деревья.

О г. Куйбышеве (Самаре) в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «День безоблачен и ясен, / Хоть осенняя пора. / Мы сажаем клён и ясень / Возле нашего двора. /... Чтоб под окнами шумела, / С ветром спорила листва; / Чтоб цвели сады и парки; / Чтоб от берега Самарки / Вдоль дорог, как на парад, / Поднялись деревья в ряд; / Чтобы наш любимый город / Превратился в город-сад» (Кошечкин, 1962, 24).

«САЙКА», «саечка» за испуг – силовое воздействие на лицо (варианты: удар запястьем по лбу; резкое подбрасывание пальцами вверх подбородка) человека (ребенка, подростка), проявившего признаки испуга, как правило, после ложного замаха; вид подросткового озорства (игры-обычая).

О 1942–1944 гг.: «“Эй, тебе что надо? – поднимается один из них и направляется ко мне... – А ну беги отсюда! Мотай, пока трамвай ходят! Ну!” “Кизил, дай ему

саечку!» – предлагает кто-то с причала. Кизил приставляет к моему лбу ладонь козырьком и резко – трах! – по переносице. «Ещё дать?» Не успеваю я что-нибудь сообразить, он бьет еще раз» (Васильев, 1989, 22).

О Ленинграде в 1944 г.: «Вовка Бройдо и подскокил в то... утро к Андрею. Скорее всего, Вовка перепутал и принял Андрея за своего..., но, наскочив по инерции, остановиться уже не мог – его кулак чуть-чуть не вошёл в соприкосновение с Андреевым носом. Понятно, что Андрей отшатнулся. Но не испугался – ещё чего! – просто от неожиданности отшатнулся... Подумаешь! – кулак рядом с носом сквозанул. “А! – восторженно закричал Вовка Бройдо. – Что, сдрейфил?.. Сайка!” И молниеносно сделал перед лбом Андрея из своей ладони, переломив ее надвое, букву “Г”, так что пальцы прикоснулись ко лбу Андрея, а подушка кисти увесисто шлепнула его по переносице. Мгновение – и дело было завершено. Это с точки зрения Вовки, но не Андрея. Его кулак несколько запоздал, но попал куда нужно. Шмякнувшись пятой точкой об пол, Вовка заскулил: “Ты чего, ты чего? Сайка же!” – Будто “сайка” – индугенция на битье по лбу... “...Давай-ка я тебе... растолкую. Вот ты приходишь в класс и что делаешь?” “Это когда как: бывает мне, а то и я кому-нибудь по лбу звездану”. “Это за что же?” “А “сайка”... “Сайка?” “Сайка”, это игру такую ревакуированные привезли. Глупая, конечно, игра, а всё равно – войдешь в класс, а кто-нибудь – раз из-за двери портфелем перед носом, ты моргнешь, вот и “сайка” ладошкой по лбу. Если с оттяжкой, то после подумаешь, моргать или нет» (Липилин, 1983; 80–81, 89).

О девочке 8–10 лет в Шадринске в 1960–1961 гг.: «Человека пугали сади, ударяли по подбородку и говорили: “Саечка за испуг”» (134).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «В классе симпатии проявлялись разными путями, чаще всего это было в виде заигрываний мальчика с девочкой. Существовало, помимо дёрганья за косички, битья по голове учебниками, такое понятие, как “саечка”, что выражало какие-то определенные симпатии. “Саечка” – это когда, допустим, мальчик дотрагивается до подбородка девочки и слегка приподнимает его вверх, причем это делается очень быстро, так что девочка в первые секунды даже не успевает сообразить, в чем дело. “Поставил саечку, значит, любит!” – вот какой вывод делался из этого» (482).

О с. Межборном Притобольного р-на в 1992–1994 гг.: «Выражение “Саечка за испуг” впервые услышала в начальной школе от своих одноклассников. Никогда не понимала, что означает это выражение, хотя его употребляли многие и довольно часто. Один слегка бил другого по подбородку рукой: движение снизу вверх пальцами руки (внутренней стороной), словно прикрывая ему рот. Делалось это обычно неожиданно для другого, он удивленно смотрел в первый момент, а бьющий ему говорил: “Саечка за испуг”. Если это производили со мной, то меня это всегда очень раздражало, просто бесило, так как какое-то время это было как бы модно и практически на каждой перемене ты получал эту “саечку за испуг”. Сама же я старалась не пытаться этим других, так как видела, что и их это раздражает, в частности, мою подружку» (099).

О конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Саечка за испуг – это удар по подбородку ладонью, так делали обычно, когда человек задумался» (142).

Из наблюдений во время педпрактики за десятиклассниками в Шадринске в 2007 г.: «Вадим время от времени делает “саечку” девочкам: напр., покажет куда-нибудь в сторону и говорит при этом: “Смотри, смотри, чё там такое?!”; а когда девочка посмотрит в сторону, он быстрым движением правой руки проводит под её подбородком со словами: “Саечка за испуг!”» (020).

САЛАЗКИ – маленькие ручные санки.

О начале XX века: «...Только толстый Мара выходил иногда во двор с деревянной лопаткой и салазками. Поверх заячьей шапки у него был надет башлык, туго перетягивающий его толстые румяные щёки, на ногах – шерстяные рейтузы и резиновые ботинки с застёжками, на

руках – варежки с тесёмками, продетыми в рукава. Ему было трудно двигаться в тяжёлой, длинной шубе. Стукнет он несколько раз лопаткой по снегу, постоит с минуту у крыльца, вздохнёт, оглядит заснеженный двор, полный галок, и пойдёт обратно в дом, волоча за собой по каменным ступенькам новенькие салазки» (Бродская, [1938] 1957, 119).

О вт. пол. 1900-х гг.: «Нет, конечно, всё было в детстве: и катанье на салазках с гор около дома по чистому снегу... Были шумные игры, с криком до хрипоты...» (Пришвина, 2003).

О Москве в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Катка во дворе не было, зато короткое время была земляная гора со ступеньками, сохранившаяся с дореволюционных времен, – специально для катания зимой на салазках. Гора памятна мне тем, что в пятилетнем возрасте, катаясь с нее, я свалился с салазок, ударился головой об острый угол полозьев и долго ходил с пластырем на темени» (Федосюк, 2004, 19).

САЛАЗКИ загибать, загнуть – «Простореч. Пригибать лежащему на спине человеку ноги к голове. [Тавлят] загибал своим товарищам салазки, то есть положит ученика на сиденье парты лицом вверх, поднимет его ноги и гнёт их к лицу. Помял[овский] Оч[ерки] бурсь...» (Словарь, 1962–13, 62).

Об учащихся приходского училища в конце 1880-х гг.: «В перемену Васин начал наседать на Кривошею. “Ты что...? Салазок захотел?”... Кривошей встал спиной к стене и принял позу к защите... Васин остановился в раздумье. Потом плюнул сквозь стиснутые зубы в лицо противника. “Ладно, – сказал он, – салазки всё равно сделают, вошь поганая...”» (Петров-Водкин, 1991, 161).

О гимназистах младших классов в 1900-х – 1910-х гг.: «“А, он ещё щипаться!” “Дай ему в молду! Мелзавец! Он делётся!” “Загни ему салазки! Петька, заходи сбоку!.. Помогай!” Председатель [заседания] вздохнул, слез со стула и пошёл на подмогу» (Тэффи, 1989, 27).

О нач. 1920-х гг.: «А когда один из пацанов не захотел прокатить на себе Яшку Стрижа, Коровин загнул ему “салазки”...» (Чаусов, 1963, 148).

О 1942–1944 гг.: «“Ты чего обижаете его? – вмешался Лупало. – Я вот тебе покажу, как обижать маленьких...” Лупало повалил Чеснокова на койку и загнул ему такие крутые салазки что у того спина чуть не сломалась. “Но, Жорка! – кричал Лупало, усаживаясь на загнутые Жорины ноги. – Но! Не хотел пойти за дровами, поезжай на собственных санках! Поехали!...”» (Вишнев, 1966, 54).

О 1949–1950 гг.: «Пришлось нам чапать к Женоре, вызывать его на улицу... Он... выхлял перед нами..., а потом сказал независимым тоном: “А я тому шекастому председателю салазки все-таки загнул!”» (Лиханов, 1995, 174).

О перв. пол. 1960-х гг.: «“А я уже сказала вам спасибо”, – ответила Оля. “А я не слышал! – с хохотом крикнул Илья. – Говори, чтобы все услышали, ну?” Оля чуть надулась. “Говори, а то салазки загну!”» (Мошковский, [1967] 1972, 43).

САЛИТЬ – в играх в салки и в лапту: ударять рукой или мячом убегающего участника игры, то же, что *пятьлять*.

САЛКА – участник игры в «салки», который должен догнать кого-нибудь из участвующих и «осалить» его, после чего тот сам становится «салкой». Пример из словаря под редакцией Ушакова 1935 года: «“Кто у нас салка?” “Салка, салка, дай колбаски!” (выкрикивают играющие, бега мимо салки)».

САЛКИ, салочки – игра, в которой один участник должен догнать одного из участников игры и «осалить» (символически запятнать, залаптать – отсюда и другие названия этой игры – *ляпки*, *пятнашки*) его, тем самым передавая ему роль догоняющего.

О Москве в 1908–1910 гг.: «“В салочки!” – крикнула Оля... “В салочки, чур, не я!” – подхватила Лизка. “Ладно! Я вожу!” – сказал Сенька-Хромой. Сенька и в самом деле был хромой, одна нога у него почему-то согнулась в колене и не разгибалась. Несмотря на хромоту, Сенька бежал очень быстро... “Я вожу!” – ещё раз крикнул Сенька и сразу бросился ловить ребят. Все с

визгом и криком разбежались по луговине. Соня очень любила играть в салочки, только почему-то страшно боялась, что ее поймают. Она визжала и убегала изо всех сил, сердце у нее билось, дух захватывало... А Сенька бросился за одним, бросился за другим, да вдруг и припустился за Соней. Соня бежала, не помня себя, перелетала через кочки, через канавки... И вдруг увидела прямо перед собой высокие густые заросли лопухов. Она вскрикнула и, уже забыв, что Сенька ее осалит, бросилась прочь от этого страшного места... Соня послонялась по двору. Было скучно, неизвестно, чем заняться. Стеклашки надоели. В салочки или в пряталки поиграть не с кем... "Ребята, в салочки! – крикнул Лук-Зеленый. – Я вожу!" Ребятишки все повскакали со своих мест и разбежались по двору. Лук гонялся за ними, ребята бегали, кричали, хохотали, увертывались от Лука». (Воронкова, 1959-а, 31–32, 62, 65).

О 1918 году в Москве: «Валя и Марина вылетали из класса, брались за руки и начинали, кружась, носиться по коридору. Если к ним присоединялись другие подружки, начиналась общая игра в "салочки". Со звонком игра прекращалась» (Малинина, [1951] 1954, 20).

О второй половине 1920-х гг. в Москве: «На первом месте стояли уцелевшие до наших дней салки – в Ленинграде они назывались пятнашками. Дотронуться до другого означало осалить его, в Ленинграде – запятнать» (Федосюк, 2004, 16).

О второй половине 1930-х гг.: «Вечером мы играли в салочки, кошачьими голосами орали на бревнах посреди двора...» (Мошковский, [1963] 1987–1, 337).

Из сказки В.П. Катаева «Цветик-семицветик» 1940 года: «И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась».

О 1945–1947 гг. в Москве: «...Жители любили разбивать под окнами небольшие цветнички, устраивать клумбы, а само расположение этих строений было как будто нарочно придумано для массовых игр в прятки, салочки, казаки-разбойники... Наш первый класс – это сорок шестой год» (Малышева, 1981, 3).

Воспоминания о школе 1950-х гг.: «Девочки играли в "салочки", водили хороводы...» (Плавинская, 2006). Об учениках 4–5 класса в конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «На перемене все играли в салочки... [Второгодник] Кабанков стукнул [Петьку Данилова по прозвищу Плюшкин] по плечу и закричал: "Плюшкин, сало!"... [Кабанков] плясал вокруг Петьки и кричал: "Почему не водишь, Плюшкин?"» (Голодный, 1963, 10–11).

«САЛКИ-ЦЕПИ» – детская игра.

О середине 1990-х гг.: «"Салки-цепи". Ведущий считает до 10. Затем начинает салить (догонять). Игрок, которого он осалил, берётся с ним за руку, и они вместе начинают салить следующего. Так образуется цепь. Игра оканчивается, когда будут осалены все игроки. Играла в 1995 году в 10-летнем возрасте» (017).

«САЛО» – командная игра с мячом.

О г. Далматово в 1991–1996 гг.: «Все игры, которые приведены здесь, являлись неотъемлемой частью моего детства, в период с 11 до 15 лет... Сало. Две команды поочередно сторожат ворота, в то время как противник пытается забить гол. В воротах стоит вся команда, а противники (каждый из них) пробивают по три удара с 9 или 11 метров. Если первый удар пройдет мимо створа ворот, игрок не может бить дальше. Второй удар также должен попасть в створ, при отскоке игра продолжается до тех пор пока не будет гола, или любой из игроков в воротах должен в зоне ворот забрать мяч в руки. Третий удар может идти в створ, мимо ворот, или же его можно просто распасовать с партнером. Очень редко удается игроку забить мяч во всех трех попытках, тогда дается четвёртая. Она непременно должна попасть в створ. (Игра ведется обычно до 11 голов). После того, как удары выполнили все игроки, команды меняются местами. Проигравшая команда выполняет одно из заданий...: а) залезть на ворота и кукарекать, б) кенгуру – необходимо пропрыгать с мячом определенное количество шагов, в) провезти участников на себе определенное количество шагов, г) встать лицом к сетке

внутри ворот и, нагнувшись, принимать удары мяча, д) выгащить зубами спичку, которая находится в земле по головку» (547).

САЛЮТ – ритуальный жест верности принципам, принадлежности к общности, приветствия и т. д.

Салют пионерский – см.: *Пионерский салют*.

Салют у скаутов.

О нач. 1920-х гг.: «"Скажи, что означает салют и как его надо отдавать?" – спросил Гога... Уверенно подняв правую руку на уровень плеча, Степа выпрямил три пальца вверх, мизинец и большой соединил в кольцо и быстро проговорил: "Салют означает: почитаю бога, помогаю ближним, повинуюсь законам"» (Жариков, 1971, 253).

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – см.: *Художественная самодеятельность*, *Смотр художественной самодеятельности*.

О 1939–1940 гг. на Украине: «А в 9–10-х классах...меня избрали редактором... стенгазеты... Я принимал активное участие в самодеятельности в школе» (Цидильковский, 1996, 132).

САМАНТА Смит – Саманта Рид Смит (Samantha Reed Smith; 1972–1985), американская школьница, ставшая всемирно известной благодаря письму, которое она написала генеральному секретарю ЦК КПСС Ю.В. Андропову: «Меня зовут Саманта Смит. Мне десять лет... Я очень беспокоюсь, не начнется ли ядерная война между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Вы за войну или нет?...» Ю.В. Андропов ответил: «...Я приглашаю тебя, если твои родители разрешат, приехать в нашу страну... Ты познакомишься с нашей страной, встретишься со своими сверстниками... И увидишь сама: в Советском Союзе – все за мир...». За две недели (июль 1983 года) Саманта посетила Москву, Ленинград и лагерь «Артек». Саманта Смит погибла в авиакатастрофе 25 августа 1985 года. Американская орг-ция «Дети как творцы мира» учредила премию мира имени Саманты Смит специально для советского ребенка не старше одиннадцати лет.

См. также: *Катя Лычева*.

САМБО – «Вид спортивной борьбы, допускающий применение болевых приемов – самозащита без оружия» (Словарь, 1962–13, 78).

О середине 1950-х гг.: «Степа всегда старался избегать драк, хотя и умел за себя постоять. Но сейчас он решил проучить Федьку. Уж он-то знал, как это сделать. Ему известны такие приемы "самбо" и бокса, такие захваты и броски, от которых Федька будет ползать и визжать поросенком. У себя в заводском поселке он и не с такими справлялся. Недаром он слыл самым заядлым борцом и боксером среди юных спортсменов заводского клуба... Ребята шумной толпой окружили Степу и Пашку... "Здорово ты себя показал, – одобритительно сказал Пашка Степе. – Как ты его! Р-раз подножку, а он шлёп на песок; ты его р-раз через плечо – он бряк наземь. Ловко у тебя вышло. "Это что, просто так или приемы такие?" – поинтересовался Санька. "Это приемы "самбо", – пояснил Степа, польщенный похвалой Пашки. "А кто этот самбо?" "Не кто, а что. "Самбо" – это сокращенное название: самозащита без оружия. Есть такая система борьбы". "А если кто с ножом или со штыком нападет? Отбиться можно?" – спросил Пашка. "Конечно, можно. – Степа поднял с земли рейку... – На! Коли вот так", – он сделал выпад, нанося удар воображаемому противнику. "Так он же тебя насквозь проткнет", – закричали ребята. "Коли, не бойся. Целься вот сюда", – Степа указал на грудь. Пашка нацелился, выбросил правую ногу вперед и колнул, но Степа, сделав шаг в сторону, уклонился и рукой отбил воображаемый штык. Пашка ещё не успел оттянуть "винтовку" назад, как Степа уперся ладонью ему в лицо и, подставив ножку, бросил его на траву. Раздался дружный хохот и свист. "Стоящее дело, – заметил Пашка, отряхивая штаны. – Ты меня обязательно научи"» (Азбукин, [1956] 1960; 38, 149–150).

О перв. пол. 1960-х гг.: «... Саша... предложил мальчишкам заниматься самбо... Собирались после уроков у Саши дома, потом отвоевали место в спортзале. С этого дня они официально стали именоваться общешкольной

секцией... А в классе тем временем назревал тайный мальчишеский бунт. Обвиняли самбистов во всех грехах: “нос задрали”, “много о себе думают”, “создали тайную группу”. В общем, пришли к выводу – надо их отлупить. Но пока собирались, засучивали рукава, самбисты выбрали свой план действий: драться будем не где-то на задворках, а на ринге, по всем правилам. И они дрались... На следующий день на занятия по самбо пришли и другие мальчишки» (ТПГ, 1965, 73–75).

О 12-летних девочках в 1970 году: «“Нам тогда было по двенадцать лет. Мы валялись в траве перед вашим домом и разучивали приемы самбо. Вы вышли и спросили, в чем причина такого дикого визга. Надя ответила, что мы учим приемы самбо, чтоб при случае можно было дать отпор бандиту. А вы засмеялись и посоветовали бросить это занятие. “Никакого отпора вы не дадите, – сказали вы. – Разве что трусики придется менять”» (3-на, [1977], 1994).

САМОДЕЛКИН – персонаж повести «Приключения Карандаша и Самоделкина», впоследствии – постоянный персонаж журнала «Весёлые картинки».

О 1991 году в селе Верх-Теча Катайского района: «Мне было лет 6–7, “Весёлые картинки” мне выписывали родители. Журнал мне нравился тем, что был красочный, там был Самоделкин-робот, были игры и т.д.» (097).

О девочке 7–8 лет в 1992–1993 гг. в г. Завитинске Амурской области: «...Мне нравились человечки из этого журнала: Незнайка, Самоделкин – железный человечек... каждый вёл определенную рубрику. Точно помню, что Самоделкин вёл рубрику, где рассказывалось о том, как и что можно сделать собственными руками, в том числе и вырезать что-то из самого журнала» (107).

САМОКАТ – простейший механизм в виде деревянной планки на двух колёсиках-роликах с приделанной к ней ручкой наподобие велосипедного руля; с помощью этого механизма можно, отталкиваясь ногой, катиться по ровной поверхности. Катание на самокате – распространённое детское развлечение конца 1930-х – начала 1970-х гг.

Самокаты в 1930-е гг.

О середине 1930-х гг. в Москве: «А я с любопытством наблюдал жизнь моих сверстников на бульваре... Ребята чуть поменьше или постарше меня мчались по асфальтовым дорожкам на самодельных самокатах. У некоторых были покупные трехколесные велосипеды. Эти невероятно важничали и взирали на самокатчиков свысока. Хотя по всему было видно – завидовали им. Я уже знал, как делаются самокаты. Бралась обычн. струганая доска. К ней на обычном оконном шпингалете приделывался руль – еще одна доска, к которой прибывалась поперечная планка. А внизу, под доскою, ставились два шариковых подшипника. На этом немудреном грохочущем приспособлении мальчишки умудрялись мчаться с такой быстротой, что у тех, кто смотрел на них, дух захватывало» (Соколовский, 1981, 9).

О Ленинграде в 1930-е гг.: «В седьмом классе велосипед имелся у трёх человек. Велосипед называли *машиной*. “У него есть машина!” Зато многие обладали самокатом. Для колёс добывали обрешиненные ролики из шихт лифтов, поскольку лифты тогда бездействовали» (Гранин, 1990–5, 479).

О Москве в 1937 г.: «Мы переселились из коммунальной квартиры... в новенькую отдельную квартиру в только что отстроенном доме на Малой Никитской... Мне было шесть лет... Это был 1937 год... ..Отцу посчастливилось попасть в члены строительного кооператива “Кремлевский работник”... Мы оказались среди избранных и воспринимали это как должное... Дети в нашем доме, как и сам дом, были необыкновенные! У моей подружки и соседки по подъезду все было заграничное: и шикарный велосипед, и замысловатый самокат – предмет моей зависти. Мне тоже купили самокат, но у Люки был лучше, с тормозом и низким седлом» (Туманова, 1995).

О Москве в 1938 г.: «Двор был большой, асфальтированный... И, громко вереща на весь двор

роликами, мальчишки мчались по асфальту на самокатах» (Кассиль, [1939–1940] 1965, 103).

О мальчишке 4–6 лет в Москве в 1938–1940 гг.: «Постепенно я стал отдаляться от мальчишеской жизни двора. А она шла своим чередом. Если взять два колеса на шарикоподшипниках, две доски, палку для руля, то с помощью старших можно за час смастерить самокат. Катание на такой самоделке по асфальтовому двору или спуск со страшным шумом по Мархлевской к Сретенскому бульвару – такой же характерный элемент предвоенной мальчишеской жизни, как игра в классики для девочек» (Воронцов, 1998, 138).

О 15-летних подростках в 1939 г.: «Но и детство ещё не совсем закончилось. Помню себя длинноногой худенькой девочкой, с короткими кудрявыми волосами, гонящей по тротуару на самокате, сделанном Борей. У нас не было велосипедов, и мы по очереди носились, отталкиваясь одной ногой, скрипя на всю улицу колесиками подшипников» (Кубанева, 1988).

Самокаты в 1940-е гг.

О 1940-е гг.: «Мальчишек и девчонок вокруг – целая школа. Кто на самокате с колёсами из подшипников катается, кто играет за столиком во что-то...» (Сиснев, 1973, 109).

О Москве 1944–1945 гг.: «Позже появились самокаты из двух досок на подшипниках – на этих уродцах мы самозабвенно носились по асфальту под ненапряжную ругань прохожих» (Сафонов, 2001).

О 1944–1945 гг.: «Но тут Алеша, младший брат, / Сломал Сережин самокат. / Пришлось чинить два колеса / На этом самокате. / Он с ним возился полчаса / И покатался кстате» (Барто, [1946] 1969–1, 258).

О мальчишке 5–6 лет в Ленинграде в середине 1940-х гг.: «Сначала Боря просто ходил из комнаты в комнату. Потом достал самокат, который мама на зиму спрятала за шкаф, и попробовал покатаваться на нём по коридору. Только коридор был узкий и короткий. Боря не успел встать на самокат, как сразу стукнулся о стену и чуть не сломал переднее колесо. Тогда он бросил самокат, взобрался на подоконник в столовой и стал смотреть в окно» (Гринберг, 1949, 8).

Самокаты в 1950-е гг.

О 1950-х гг.: «Самокат сломался мой, / Я принёс его домой. Жалко расставаться – / Не на чем кататься. / Дома папу стал просить / Самокат мой починить. / Папа занят очень, / Починить не хочет. / И тогда решил я сам / Сделать ось для колеса. / Гвозди взял и ножик. / Кто захочет – сможет! / А теперь мой самокат / Лучше, чем у всех ребят. / Вот он! Посмотрите! Ну-ка, догоните!» (Ладонщиков, 1959, 10–11).

О нач. 1950-х гг.: «...С оравой... ребят, наяривающих по двору на самокате, смастерённом из двух подшипников и двух досок? ...Самокаты... подвергались гонению и запрету, надо думать, по причине ужасающего скрежета и жужжания, производимого при езде» (Макаров, [1978] 1981, 32–33).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Алёшка любил столярничать... Сделал себе самокат. Хороший самокат получился... Алёшка – во двор, к ребятам: “Смотрите, какой я самокат сделал!” “Ничего самокат! – сказали ребята. – Катайся!” Алёшка катался-катался на своём самокате – никто на него не смотрит. Надоело ему. Бросил он самокат» (Барзудин, [1959] 1976, 152).

О 1950-х гг.: «В домашних условиях дети часто пользуются самокатами сделанными родителями. Это небольшие узкие деревянные платформочки на двух-трёх роликах (один впереди и один или два сзади)» (Кожевникова, 1961, 45).

О конце 1950-х гг.: «Во дворе мальчишки катались на самокатах. Эх! Вовка бы на своём прокатился так прокатился! Через весь бы двор! Или ещё лучше – на ту сторону улицы! Проехать и ещё разок посмотреть в новом магазине покупные самокаты! Только через улицу Вовке не разрешают: машин много. Маленький, говорят, – всего только шесть лет. А Вовка всё равно сегодня сбежал туда и посмотрел самокат.... Вовка отошёл от окна и задвинул самокат под кровать. Когда же всё-таки самокат будет готов?.. Вернулся Вовка

сердитый, но сразу повеселел: папа приделывал к самокату руль. Сегодня самокат Вовке обязательно надо доделать! Завтра мальчишки стоворились устроить перегонки, и Вовке без самоката никак нельзя. Но не успел папа приделать руль, взял и спросил Люську: “Ну-ка, покажи, как ты сделала уроки?” “А она не сделала, – сказал Вовка. – В магазин бегала, матрёшек смотрела!”... “А ты как туда попал?” – сердито сказал папа и, бросив недоделанный самокат, сел с Люськой учить уроки» (Зобнин, [1962] 1963, 114–116).

Самокаты в 1960-е гг.

О начале 1960-х гг.: «...А что там ещё у тебя есть?» “Шашки... Она их тоже поломаёт? И самокат?” “Тащи сюда шашки. За самокат, я думаю, она не сразу возьмётся. Но вообще всё спрячь. (Надеждина, 1963, 10–11).

О 1961 годе: «Парни мастерили деревянные самокаты на подшипниках и с грохотом гоняли вокруг дома» (Киршин, 2002).

О начале 1960-х гг.: «...Для меня она... останется... девочкой на самокате. И всё. Вот она едет по солнечному тротуару на самокате. Правая нога на планке, худые голые руки от непривычки напряженно вцепились в деревянный руль.левой ногой, длинной, как у кузнечика, девочка отталкивается и едет. Едет всего одну короткую секунду и снова работает ногой, но улыбка цветёт и не сходит с ее остренького веснушчатого лица, глаза посверкивают удивленно. Девочка знает, что сейчас её очередь блаженствовать, и она будет блаженствовать, пока не уступит руль кому-то другому – вон из тех трёх пацанов, дожидających её... ...Счастливая пора, когда весь смысл жизни заключается в том, чтобы носком башмака толкнуть камешек в нужную клетку или оторвать на вторую ногу от земли и ехать – ехать на подшипниковых колесах самодельного самоката» (Бочарников, 1963, 13).

О перв. пол. 1960-х гг.: «...У... ребят [самокаты]... были в чести. Две неструганые доски, скреплённые крючком, ручка, два подшипника. Отталкивайся посильнее ногой да кати себе по тротуару, но поглядывая в оба: нарвёшься на милиционера – считай, самоката нет. Стражи порядка грохали с размаху детской игрушкой об асфальт, и она разлеталась на кусочки. Зачем это делалось, кому мешали эти наши невинные забавы?» (Казарма, 2000).

О Свердловске второй половины 1960-х гг.: «...Танюшкина семья живёт даже хуже нашей. ...Кроме кровати и стола, ничего больше нет. Игрушки все сделаны Валентином Ивановичем. У Таньки есть самодельная кукла, а у парней – самокаты на подшипниках. Самокаты эти сделаны из ящиков и страшно гремят подшипниками по асфальту, но мальчишки, да и Танька тоже, с удовольствием катаются на них» (Смирнова, 2005).

О конце 1960-х гг.: «...Катание на самокате принадлежит к числу менее полезных игр. Дело в том, что отталкивается ребёнок обычно всегда одной ногой – только правой или только левой. Основная нагрузка падает на эту ногу: ездят на самокате согнувшись. Напряжение мышц получается одностороннее» (Вавилова, 1968, 25).

Самокаты в 1970-е гг.

О нач. 1970-х гг.: «Я обернулась. Из подъезда выплывал во двор огромный красный самокат. Он сиял на солнце. Он горел как огонь. Смотреть на него было больно. Его блестящий звонок так сверкал на солнце, что резало глаза. У него были чистые белые резиновые шины. Самокат выплыл из подъезда и медленно направился к песочнице. Он был гордый и рогатый, как олень. Рядом с ним шёл Павлик Иванов. Возле песочницы самокат остановился. Павлик сел на край песочницы и стал дуть на руль. Мы нерешительно подошли к Павлику. “Павлик, дай прокатиться”, – почему-то шёпотом попросила я. Павлик дунул на блестящий звонок и стал тереть его рукавом. Потом он зазвонил. На нас он даже не посмотрел. “Разойдись!” – сказал Павлик, закинул ногу на самокат и поехал. Мы стояли и смотрели, как он едет. Сначала он ездил вокруг

нашего дома. Потом вокруг лужи. Потом прямо по луже. Потом стал гоняться на самокате за кошками. А потом Павлик гонялся за нами и кричал: “Задавлю!” И мы как дуры от него бегали. А потом он дал нам прокатиться. Всего по одному разу. И тогда я поняла, что больше всего на свете люблю кататься на самокате» (Пивоварова, 1979, 105–106).

«САМОЛЁТ-ВЕРТОЛЁТ» – считалка, аналог считалки «Самолёт, самолёт...».

О Шадринске в конце 1970-х – нач. 1980-х гг.: «Играли мы на поляне, которая находилась недалеко за домами. Поляна была окружена кустарниками и деревьями... Иногда, уставшие от игр и беготни, сидели кучей на поляне и рассказывали страшные истории или смешные. Если в это время пролетал самолет, то задирали голову и изо всех сил кричали: “Самолёт-вертолёт, посади меня в полет, / А в полете – пусто, выросла капуста, / Я капусту не хочу, лучше деньги заплачу!”» (608).

«САМОЛЁТ, самолёт...» – детский речитатив 1980-х – 1990-х гг., выкрикивался при виде самолета.

О нач. 1980-х гг.: «Самолёт, самолёт, посади меня в полёт. / А в полете пусто, выросла капуста. / Я капусту не хочу, много денег получу» (600).

О середине 1980-х гг.: «Самолёт, самолёт, / Прокати меня в полёт, / А в полете пусто – / Выросла капуста. / Я капусту не хочу, / Много денег заплачу» (496).

О детях 4–5 лет в 1989–1990 гг.: «Когда над детсадом пролетал вертолёт, мы все (дети) устремлялись залезть на забор, лестницу, наблюдать за вертолётom или самолётom и кричать хором стихотворение: “Самолет, самолет, / Ты возьми меня в полёт, / А в самолёте пусто, / Выросла капуста”. Я при виде самолёта, вертолёта всегда мечтала, что когда-нибудь этот вид транспорта приземлится, и я улечу на нём. Ещё это вызывало страх, чувство тревоги, не знаю почему» (211).

О конце 1980-х – нач. 1990-х годов: «Когда мы видели в небе самолеты, говорили: “Самолёт, самолёт, ты возьми меня в полёт! А в полёте пусто, выросла капуста!”» (154).

О детях 6–10 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1994–1998 гг.: «Мы жили недалеко от аэропорта. Когда пролетал самолет над игровой площадкой, мы, прыгая, кричали хором: “Самолёт, самолёт, / Посади меня в полёт, / В самолёте пусто, / Выросла капуста. / Я капусту не хочу, / Только пряники люблю»» (134).

Ср.: «Аэроплан, аэроплан...»; «Самолёт-вертолёт».

САМОЛЁТ бумажный, самолёттик – самодельная игрушка.

О конце 1930-х гг.: «Досаждали бабке забавы внука. То летали по комнате белые, как голуби, вырезанные из бумаги, самолеты. Описав по потоком круг, они застревали в масленке, падали на бабкину голову» (Осева, 1946, 56).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Севкина парта стояла в самой середине класса... В воздухе, как обычно, реяли два или три бумажных самолётика, по ним стреляли шариками из жеваной промокашки... Шум поулеся, самолётики сели на парты. Все встали. Это вошла Елена Дмитриевна» (Крапивин, 1986, 23).

О с. Ольховка Шадринского р-на в 1995–2000 гг.: «В возрасте 10–15 лет я и мои братья часто играли дома в бумажные самолётики. У листа бумаги правый и левый верхние углы загибались по максимуму до вертик. Линии, делящей лист вертикально пополам, таким образом создавался “нос” самолёта (на этой стадии верхняя часть лист напоминает крышу дома). “Крышу” по линии основания мы перегибали пополам. И снова верхние правые и левые углы (назову их вторичными) складывали как и вначале... Затем самолёт сгибали пополам по горизонтали, проглаживали линию сгиба хорошо... Иногда мы раскрашивали самолёты либо рисовали на них красную звезду; либо бывший немецкий знак. Самолётик брался за выпуклую нижнюю часть между большим и указат. пальцами, и продольным движением руки ему придавалось изначальная скорость» (014).

САМОЛЁТИК – см.: Самолет бумажный.

САМОПАЛ – самодельное устройство, издающее звук выстрела.

О вт. пол. 1930-х гг.: «Игру в индейцев придумал лучший Кимкин друг Санька Подзоров... Недавние чапаевцы стали величать себя благородными краснокожими. На вооружение были взяты луки и стрелы. А на ложах деревянных ружей появились металл. стволы – заклепанные с одного конца медные трубки, вывернутые ребятей из старых пароходных машин. Самопалы Кимка и его друзья окрестили по-своему – поджигными. Заряжается это оружие серой от спички. Можно было бы и порохом, только где его взять?.. Вынув из тайника два деревянных меча и “поджигное” ружье, краснокожие храбро двинулись на... незнакомца... Пристроив рюкзак и “поджигные” ружья и луки за плечами поудобнее, [мальчишки] двинулись в глубь степи, прямо на запад» (Поливин, 1988; 9, 19, 128).

О нач. 1940-х гг.: «“...Ябеда?! Да?! А когда... самопал у вас разорвало, и чуть глаз Саньке не выбило... Кому я сказала?”» (Мусатов, [1948] 1971, 75).

О мальчиках 4–5 класса в перв. пол. 1960-х гг.: «А так как друзья были сытыми, то захотелось им поразвлечься... Взяли самопал и под окнами у... старушки... выстрелили» (Кудерин, 1965, 61).

О шестиклассниках в 1960-е гг.: «... В пути с Юркой можно говорить о чем угодно. Например, кем лучше быть: моряком или летчиком, как сделать самопал из медной трубки, почему внутри у трактора загорается солярка» (Титов, [1983] 1988, 197).

Ср.: «Поджиг».

САМОПИСКА, ручка-самописка – то же, что *авторучка, самопишущая ручка*.

О женской школе в Петрозаводске во вт. пол. 1940-х гг.: «Нинка... писала самопиской. Вдруг она пробормотала: “Чернила кончились...”» (Латьева, 1969, 47).

Об ученике седьмого класса в 1953–1954 гг.: «Толя всегда следил за собой... Он носил в кармане расческу и... часто причёсывался. Писал он в классе малахитовой самопиской, и руки его никогда не знали фиолетовых пятен» (Дик, 1956, 8–9).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Эта... [школьная] форма... предусматривала ношение кителя... Китель... был без наружных карманов..., и чтобы достать самописку из внутреннего кармана, приходилось расстегивать пуговицы на груди и лезть буквально за пазуху» (Алексеев, [1984] 1987, 36).

О 1950-х гг.: «“Чего ты, мальчик, тут сидишь?” – спросила бабушка... “Да это я того... ручку-самописку потерял, – соврал Грицько» (Комар, 1961, 45).

САМОПИШУЩАЯ ручка – ручка для письма, в которой чернила автоматически подаются к перу.

Внутри корпуса самопишущей ручки имеется «внутренняя чернильница» – пространство, куда можно набрать чернила из банки с чернилами посредством принципа всасывания (у ручки внутри имеется устройство типа пипетки).

«...“Вечная ручка”. Иногда её зовут самопишущей ручкой, а то и попросту – самопиской... Её перо не надо всё время макать в чернила. Один раз набрал из бутылочки порцию чернил – на неделю хватит...» (Юрмин, 1983, 13).

О конце 1950-х гг.: «По лестнице спускался взрослый мальчик с коньками в руках. Он глянул на записку. “Грамматика не знает, а записки пишет”, – вынул из кармана самопишущую ручку и исправил ошибки... “Пять ошибок, – сказал мальчик”» (Воскресенская, 1962, 40–41).

САМОСТРЕЛ – самодельное устройство для метания стрел.

О 1900-х гг.: «Видал ты, какие я два самострела сделал летом? Один из них тебе дарю! А ты говоришь: ничего не умею” “А когда вырастешь, тоже самострелы станешь делать?”» (Кононов, 1958, 325).

Об Украине 1910-х гг.: «Мальчишки бегут из всех перулков, они выскакивают из всех калиток, с рогатками, самострелами и пиками» (Ямпольский, 1964, 292).

О 1950-х гг.: «А вчера себе под бок / Положил он молоток, / Доску, / Обруч, / Самострел... Утром Петя заболел» (Татьяничева, 1959, 17).

Из интервью с внуком писателя Н. Носова (1908–1976) Игорем Носовым: «“Похоже, дед вас здорово баловал”. – “...Он разрешал мне играть в любые игры. Помню, мы с ребятами сделали самострелы, которые стреляли самодельными пулями из алюминиевой и медной проволоки. Однажды в момент погони я высунулся из кустов и почувствовал, как в нескольких сантиметрах от моего лица просвистела металлическая пуля. Я понял, что вполне мог остаться без глаза, и закинул самострел на антресоли...”» (Самоделова, 2003).

О 1950-х гг.: «Летом деревенские ребята обзавелись самострелами. Оружие мастерили сами. Стреляли в желтые подсолнухи на огородах... Стрела с острым гвоздём лежала на самостреле... Самострел зацепился за куст и выпал. Осталась в сжатом кулаке стрела...» (Митяев, 1981, 3–4).

О пионерском лагере в середине 1960-х гг.: «Стрелы... впились в стенку сарая... Стрелков было двенадцать, а самострел один. На стене сарая висела мишень – тетрадный листок с нарисованной рожей... Раньше [вожатая Лена] никогда не стреляла из таких штук. Из луков стреляла, когда была ростом не больше Саньки. Из “шпоночников” стреляла – это такое ружьецо, бьет проволочными скобами. А Леркин самострел был каким-то гибридом “шпоночника” и лука. Лена... щурила левый глаз, а правым смотрела на блестящий наконечник стрелы. Он плясал и никак не хотел задержаться на белом квадратике мишени. “Вот, зануда”, – шёпотом сказала Лена и с досады трянула непонятное оружие. Стрела со звонким щелчком сорвалась и словно растаяла» (Крапивин, [1968] 1981, 309–311).

САМОУБИЙСТВО, суицид – «Намеренное лишение себя жизни» (Словарь, 1962–13, 140).

«Суицид (англ. suicide – самоубийство), акт самоубийства, совершаемого человеком в состоянии сильного душевного расстройства либо под влиянием психического заболевания, а также осознанный акт устрания из жизни под воздействием стрессов, острых психотравмирующих ситуаций, когда собственная жизнь утрачивает для человека смысл... Суицид наиболее часто встречается в подростковом возрасте» (ПЭС, 2003, 281)

О 1906–1910 гг.: «С осени 1906 г. в сред. школе начал отмечаться рост случаев самоубийств уч-ся. Иногда они становились массовыми. Так, из-за самоубийств среди учеников ст. классов 1-й мужской гимназии Саратова были временно прекращены занятия. В последующие годы волна самоубийств приняла эпидемич. хар-р. К 1910 г. среднегодовое число самоубийств школьников увеличилось почти в четыре раза по сравнению с 1904 г. Особенно заметно возросла доля юношей в возрасте до 20 лет относительно общего числа самоубийств в Петербурге и Москве» (Балашов, 2003, 46).

О 1930-е гг.: «Вот выдержка из письма из города Минусинска: “В пионеротряде работы не ведется, пионеров сажают в милицию, они курят, воруют и т. д. В 3-й школе ребята носят при себе револьверы. Недавно застрелился один парень...” Это наиболее яркий случай. Тут быт вышел из берегов и затопил отряд и школу. Чем вызвано самоубийство пионера? Оторванность от массы, несплоченность коллектива, пустая жизнь привели к упадочным настроениям, от которых недалеко и до самоубийств» (Разин, 1931, 17).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Витька... всегда выставляет себя напоказ. Был с ним такой анекдотический случай (это ребята рассказывали): в пятом классе он разослал им всем каллиграфически выписанное уведомление, что после уроков, ровно в три, он повесится в физическом кабинете. Девочки, конечно, донесли. Кл. рук-ца прибежала ни жива ни мертва и видит картину: Витька карабкается на стол с веревкой в руках, потом взбирается на стул, поставленный сверху. Ребята толпятся вокруг, подбадривают, дают советы, как укрепить веревку, девчата визжат; Витька упивается общим вниманием и... медлит. Учительница стащила его со стула, и все разбежались. А жаль: следовало остаться, посмотреть,

как он выпутается. Нечто подобное было и с Колей, только он был маленький, во втором классе. Он никому из ребят ничего не сказал, а приготовил записку: “Прошу в моей смерти никого не винить, кроме учительницы арифметики”... Он показал записку отцу... Тот спросил: “А мама видела? Покажи ей”. Но Коля не мог это сделать. Тогда отец сказал: “Значит, затея никуда не годится – то, что нельзя открыть матери, плохо”. И Коля поверил» (Оржеховская, 1967, 38).

САМОУПРАВЛЕНИЕ школьное.

О Новосибирске в 1941–1945 гг.: «Нашей 55-й средней школе... повезло. Ею руководил в годы войны удивительный человек – Петр Дмитриевич Толмачев... Жизнь в школе кипела, несмотря на войну, голод и голод. Работали кружки, ставились театрализованные постановки, развивалось самоуправление, при котором каждый школьник был не просто учеником, но личностью, обладавшей правом на свою точку зрения, на свой голос, на право быть услышанным» (ИН, 1999).

САНАТОРИИ детские – стационарные лечебно-профилактические учреждения, в которые направляются дети, выздоравливающие после перенесенных заболеваний и операций, ослабленные, физически слаборазвитые, а также дети с начальными, недалеко зашедшими формами хронических заболеваний.

О 1980-х гг.: «В нашей стране имеются туберкулезные, психоневрол., общетерапевт. санатории детские, а также специализир. санатории детские для детей с последствиями ревматизма, полиомиелита, с заболеванием органов пищеварения, опорно-двигат. аппарата и др. В санаториях детских для лечения больных применяются преимущественно природные лечебные средства (климат, минеральные воды, лечебная грязь) в сочетании с диетотерапией, лечебной физкультурой и физиотерапией... Санатории детские создаются для детей раннего, дошк. и шк. возраста... В каждой группе детей дошк. и шк. возраста проводятся учеб. занятия по программе массовой школы, по спец. учеб. плану, несколько видоизмененному для ослабленных детей...» (СВ, 1990, 235).

САНАТОРНО-ЛЕСНАЯ ШКОЛА – специальное лечебно-воспитательное учреждение для детей школьного возраста, перенесших тяжелые заболевания и нуждающихся в длительном лечении. Она открывалась для детей, больных сердечно-сосудистыми, психоневрологическими, хроническими неспецифическими заболеваниями органов дыхания, заболеваниями органов пищеварения, начальными, малыми и затихающими формами туберкулеза, и имеет целью дать учащимся общеобразовательную подготовку и обеспечить их лечение. Санаторно-лесная школа создаются на 100–200 учащихся в возрасте от 7 до 14 лет в загородной местности, недалеко от леса или непосредственно в лесу. Их комплектование производится 2 раза в год: на учебный год и летний оздоровительный период. Срок пребывания детей в санаторно-лесной школе в учебное время – 9 месяцев, в летний период – 2 месяца. Учебно-воспитательная работа строится на основе учебного плана и программ общеобразовательной школы, однако имеет известную специфику, учитывающую особенности развития больных детей. Учебные занятия проводятся в одну смену. (СВ, 1990, 235–236).

О 1950-х – 1960-х гг.: «Санаторно-лесные школы располагаются за городом, в зеленой зоне, как правило, в сосновом бору или вблизи леса, в малоэтажных зданиях, где имеются светлые веранды, террасы и открытые павильоны на воздухе, просторные классы, спальни и другие помещения для труда и отдыха детей. Учредив эти школы уже в первые годы Советской власти, Советское правительство предоставило для них лучшие загородные дачи, конфискованные у богатей. На чистом воздухе дети играют, учатся и спят (летом – в тени деревьев, зимой – на специальных верандах в спальнях мешках). Питание – санаторное... Укрепив здоровье, ребенок возвращается в свою школу и продолжает в ней учение» (СВ, 1967, 233–234).

САНАТОРНЫЙ детский сад – в 1960-е годы: дошк. восп. и оздоровит. учреждение для ослабленных детей.

«Располагается оно обычно за городом, в зеленой зоне. Свежий воздух и спец. система закаливания (сон на воздухе, водные процедуры), а также правильный режим дня и полноценное, разнообразное питание оказывают благотворное влияние на здоровье ребенка. Во всем остальном жизнь ребят и воспитательная работа в санаторных детских садах строится по обычной программе детского сада. Принимаются дети в возрасте от 3 до 7 лет. Они находятся в саду 3 месяца. Некоторые сады (расположенные в городе) имеют постоянный контингент воспитанников и по субботним дням, а иногда и ежедневно отпускают детей домой, в семью» (СВ, 1967, 234).

САНДАЛЕТЫ – «Род сандалий – лёгкие летние туфли» (Словарь, 1962–13, 159); лёгкая летняя обувь, состоящая из подошвы, передка и задника, и застегиваемая ремешком или ремешками.

О нач. 1960-х гг.: «“Мальчишки!” – нагнала их Таня Волчкова. В одной руке у неё портфель, из которого смотрят носки сандалет, в другой жёлтый букетик цветов» (Балдин, 1963, 32).

САНДАЛИИ детские – лёгкая летняя обувь, состоящая из подошвы (кожаной, резиновой), передка и задника, и застегиваемая ремешком или ремешками.

О начале XX века: «Летом дети носили коричневые или белые сандали с дырочками на носке и с застёжкой на одну пряжку» (Ривош, 1990, 184).

Сандалии у девочек.

Об 11-летней девочке в Одессе конца 1900-х гг.: «Но я успел увернуться и пустился наутек вокруг полянки, слыша за собой Надькино дыхание и топот её длинных голенастых ног в мальчишеских сандалиях» (Катаев, [1972] 1983, 171).

О девочке 11 лет, живущей в деревне в конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «К прилавку подошла Нина Шарова. Она была в розовом сарафане и в сандалиях на босу ногу» (Козлов, 1963, 123).

О совхозе под Ленинградом в конце 1950-х гг.: «...Девочка лет одиннадцати... смотрела на деревенскую улицу... На дорожке... показалась другая девочка. Загорелая, в красном сарафанчике, в сандалиях на босу ногу... она быстро шла...» (Котовщикова, 1962, 5).

О 1950-х гг.: «Мама надела на неё сарафанчик, сандалики, взяли они ведёрчко сопочек и пошли к речке» (Буцень, [1959–1966], 1977, 35).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Внизу его приняли руки других мальчишек, и он, обессилевший, поплёлся к берегу, где Оля уже надевала сандали» (Мошковский, [1967] 1972, 42).

О г. Великий Устюг в 1960-е гг.: «В те годы в детский сад ходили очень немногие. Нас с сестрой устроили потому, что мама и папа работали, а бабушка жила в другом конце города... Одеты мы были неплохо и очень чисто: летом – в... платье..., на голове – ...панамы... или соломенная шляпка... на ногах обязательно носки, ну и, конечно, традиционные сандали» (Мосалова, 2007, 7).

О 1970-х гг.: «...В нише неясно желтеет деревянная скамейка, а на ней... спит девочка в... платьице... “А кто тебя научил спать в сандаликах?” – спокойно спросил я...» (Рутковский, 1977, 88).

О конце 1970-х гг.: «В самом конце 70-х моя семья получила новую квартиру... Но где было взять лёгкие туфельки в расцвет махрового советского дефицита? Кургузые босоножки или сандали запасливые родители купили на два-три размера больше! В расчёте на несколько сезонов. Но дети – народ непрактичный. Какие тут сандали, когда на кону твоя спортивная дворовая честь?! “Расхлопала” за три летних месяца я три пары сандалий» (Дергалева, 2006, 2).

Сандалии у мальчиков.

Об Украине 1910-х гг.: «Овечка... в новой соломенной каскетке с голубым ободком и в новых жёлтеньких сандалиях, стоит, смотрит... “Давай полезем на дерево”, – предложил я. “Нельзя”, – ответил Овечка, смахивая пух одуванчика с новых, ослепительно жёлтых сандалий. Он боялся запачкаться...» (Ямпольский, 1964, 257).

О мальчике 3-5 лет в г. Мешовске Западной (ныне Калужской) обл. в 1931–1933 гг.: «Белые носочки с

сандаликами надевались редко, так же как и нарядная матроска с бескозыркой и золотыми буквами по ленточке – ГЕРОЙ. Когда я впервые появился в том геройском наряде на улице, мальчишки с презрением посмотрели на новоявленного барчука и процедили сквозь зубы: “Матрос, в портки натрёс!” Оскорбление сразило меня наповал, а мама ласково одобрила желание скорей переодеться... Я ходил к ним [семье доктора] нарядный – в белой матроске с синим воротом, в начищенных зубным порошком сандаликах, в белых носочках с синей каймой» (Берестов, 1998, 541–542, 544).

О 16-летних школьников в 1937 г.: «А через несколько дней, придя в школу, я столкнулась в вестибюле со странным мальчиком, которого раньше не видела. Меня поразила его одежда: сандалии поверх теплых носков, брюки гольф и темно-зеленый свитер толстой вязки, с широкой белой полосой у шеи» (Либединская, 1966, 74).

О 10-летнем мальчике в 1947 г.: «Натянул я штаны и синюю рубашку, подхватил за ремешки новые скрипучие сандалии и на цыпочках выбрался на крыльцо...» (Крапивин, 1982).

О вт. пол. 1940-х гг.: «“Несмотря на послевоенную разруху, построили вам этот замечат. пионер. лагерь...” Я стою перед строем. Ирка стихи читает про счастливое детство. По моей сандалиии муравей бежит». (Алмазов, 1979, 153–154).

О середине 1950-х гг.: «Странный характер / У школьника Вовки... / Он отказался / От новых сандалий. / “Я не надену их! – / Вовка скандалил» (Барто, [1958] 1969–1, 207).

О вт. пол. 1950-х гг.: «“Предатели!! – закричал Алеша с горечью, отжимая матроску и штаны... Не так уж приятно чувствуешь себя в мокрой одежде: штаны липнут к ногам..., в сандалиях чавкает вода... Алеша медленно поднимался по лестнице, оставляя на ступеньках мокрые следы сандалий» (Мошковский, 1959, 75).

О нач. 1960-х гг.: «“Ага... Счастливо”, – ответил Кашка шёпотом и стал смотреть на свои сандалии» (Крапивин, [1965] 1980, 137).

САНИТАР – у учащихся младших классов, октябрат: поручение, предполагающее проверку у учеников чистоты рук, ушей, подворотничков и т. п., оказание элементарных медицинских услуг.

О конце 1920-х гг.: «Большинством голосов я был выбран санитаром. В мои обязанности входило носить нарукавный красный крест и осматривать перед уроками руки и шеи учеников, отмечая грязнужь крестиками в тетрадке. Получивший три крестика должен был или вымыться, или привести в школу родителей» (Нагибин, 1971, 152).

О начале 1930-х гг.: «Целый день трезвонит Таня: / Мы заведем бинтами, / Мы с Тamarой ходим парой, / Санитары мы с Тamarой... / Санитарам не везёт: / Есть и марля, есть и йод, / Не хватает пустяков – / Нет ни ран, ни синяков...» (Барто, [1934] 1960, 166–167).

О 1936 году: «[Санитары] были в каждом классе и носили на рукаве белую повязку с красным крестом» (Андреевский, 2003, 328).

О 1944–1945 гг.: «Я опросила пожилую женщину 1936 г. р.: “С первого класса была октябренком, была санитаркой, ходила с белой сумочкой, а на ней был красный крест, проверяла чистоту детей в своем классе, следила за чистотой воротничков, белых манжетов, которые пришивали. Сильные ученики помогали отстающим...” (211).

О первоклассниках в женской школе в конце 1940-х гг.: «У двери в класс стоит Вера. На рукаве у неё повязка с красным крестом. Девочки выстроились в очередь. Вера проверяет, умылись ли девочки на совесть, причесались ли, так ли аккуратно они одеты, как подокает настоящим первоклассницам. “Что это? – ужасается Вера, разглядывая руки Оли Поляковой. – Ты не умывалась?” “Я дома три раза умывалась!...” – оправдывается Оля... “Сейчас же иди и умойся!” – приказывает санитарка. – А то к занятиям не допущу!” И Оля послушно бежит умываться...» (Шварц, [1949] 1960, 36–37).

О перв. пол. 1950-х гг.: «У каждого ученика есть свои общественные обязанности. Санитарами дети работают охотно: обязанность почётная и видная. Приходя домой,

с торжеством объявляют: “Мама! Меня назначили санитаром!” Через некоторое время санитаром выбирается другой ученик. В классе в каждом ряду обычно два санитары, каждый из них должен иметь при себе санитарную сумочку и на рукаве повязку с красным крестом. Хорошо, если ученик сам делает и то и другое. Каждому рано или поздно придётся побывать санитаром» (Жилкина 1956, 107).

О 1957–1959 гг. в Шадринске: «[Рассказывает] Завьялова Л.Е., 1949 г. р.: “Ребята-санитары утром по понедельникам при входе в класс проверяли чистоту рук и воротничков с манжетами”...» (Завьялова, 2005, 8–9).

О нач. 1960-х гг.: «Обычно перед уроком Вера Ивановна проверяет “личную гигиену”. Осматривает маленькие ладошки, шеи, уши, воротнички и носовые платки... “Правильно, – резюмировала Вера Ивановна. – Но теперь проверять всё это у вас буду не я. Пусть проверяет самая аккуратная девочка Мила. Она станет нашим санитаром”... Ей тут же вручили атрибуты санитарной власти – нарукавную повязочку с красным крестом и маленькую сумочку. Милиному восторгу не было предела. Ребята ей откровенно завидовали. Теперь перед началом урока Вера Ивановна могла спокойно заниматься своим делом – обычно сидела, проверяла тетради, а Мила и ещё два выделенных по рядам санитары осматривали ребят. “У меня все чистые”, – докладывала склонная к компромиссам Лена. “У Коли грязные ногти. А Сережа Крюков не вымыл шею, он меня не слушался”, – жаловалась Мила. К своим обязанностям санитары относились исключительно серьезно. Их уважали и немножко завидовали» (Волков, 1965, 45–46).

О Перми в 1964 г.: «Обязательны белые подворотнички, их чистоту в классе проверяли “санитары”» (Киршин, 2002).

Об учениках третьего класса в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Я в тот день была дежурной санитаркой по классу. Подошла к Селиверстову и говорю: “Селиверстов, у тебя уши грязные! Ставлю тебе двойку за чистоту”. Ну что я такого сказала?! Так вы бы на него посмотрели! Он весь побелел от злости. Кулаки сжал, зубами заскрипел... И нарочно, изо всей силы, как наступит мне на ногу! У меня нога два дня болела. Я даже хромала. С Селиверстовым и до этого никто не дружил, а уж после этого случая с ним вообще весь класс перестал разговаривать» (Пивоварова, 1979, 25).

О Москве в 1983 г.: «...Нет такой должности в классе, которая попала бы случайному человеку. И санитаркой станвится (где ещё остались санитарки) самая чистюля, а цветы поливает обязательно самая добрая девочка» (Иванов, [1984] 1992, 332–333).

Об октябратях 1980-х гг.: «[Серёжа усадил ребят и сказал: “Сегодня у нас важный разговор о том, какие поручения вы будете выполнять в звёздочке и группе... Вот мне поручили быть вашим вожатым... Кроме командира, в звездочке должен быть санитар, который проверяет, у всех ли вымыты руки, подстрижены ногти и волосы, есть ли чистые носовые платки. Кого вы предлагаете выбрать санитаром? “Наташу”. “Наташа, попроси маму сшить санитарную сумку. В ней ты будешь носить бинт, вату, маленькие ножницы”» (Бесова, 1988, 19).

САНКОМИССИЯ – санитарная комиссия; группа учеников, выполняющие обязанности, сходные или тождественные обязанностям *санитара*.

О 1929–1930 гг.: «Ещё одна школьная мука – общественная работа. В первом классе я угодила в “санкомиссию”, её членам вменялось в обязанность проверять по утрам чистоту ребячьих рук, ушей и волос. Некоторые мои “коллеги” производили эти операции с явным удовольствием, порой даже упиваясь дарованной свыше властью. Мне же обязанность копать в чужих ушах и волосах претила до тошноты» (Лупанова, 2007, 49).

Об учениках 4 класса в конце 1940-х гг.: «“...Мы и на какую-нибудь другую работу согласны, – говорит Костя. – Если хотите, пусть нас выберут в санкомиссию. Я уже был в санкомиссии, когда учился во втором классе. Мне очень нравилось ходить и всем приказывать, чтобы мыли руки и у чтоб у всех были чистые уши”. “Санкомиссия у нас уже выбрана...”» (Носов, 1965).

САНКОМИССИЯ – см.: *Санитарная комиссия.*

САНКИ – небольшая зимняя повозка на двух полозьях.

Катание на санках – одно из любимых зимних детских развлечений. Сидящих на санках детей катают родители или сверстники; на санках дети скатываются со снежных горок.

Уже в 1840-е годы катание с горы на санках являлось любимым зимним развлечением деревенских мальчишек.

Из стихотворения И.З. Сурикова (р. 1841): «Вот моя деревня, / Вот мой дом родной, / Вот качусь я в санках / По горе крутой. / Вот свернулись санки, / И я на бок – хлоп! / Кубарем качуся / Под гору, в сугроб. И друзья-мальчишки, / Стоя надо мной, / Весело хохочут / Над моей бедой» (ТК, 1976, 111).

О Москве в нач. 1910-х гг.: «Сегодня нам разрешили взять Нинины шведские санки, а не мои на высоких полозьях с ватным красным сиденьем, обшитым помпончиками. Уж как они мне надоели, эти дурацкие санки с помпончиками! И неужели никто не понимает, что с них можно упасть даже на ровном месте, а уж с ледяной-то горы совсем нельзя на них кататься! А на Нининых шведских мы садились вдвоем с Аделиной: я спереди, а она сзади. Мои ноги на передке санок, её – на полозьях. Верёвка в её руках. Толчок – рраз, только полезные искры летят, и мы уже внизу, на раскате. Мы много раз лазили вверх по сахарным ступеням на гору, и много раз скатывались вниз, и совсем не падали» (Луговская, [1983] 1987, 45).

О г. Харькове в 1916 г.: «Мы, детвора, как положено в декабрьские дни, носились на санках-сорокоходах с накатанного спуска – прямо на лед Лопани. Санки мастерили сами. На них надо было ложиться животом. Спереди на палке два конька, а сзади – один – “снегурочка”. Лежишь на животе и передними коньками управляешь. Ногами притормаживаешь. Руками руль сжимаешь, как бы не выпустить. Полный ход! Со страшной быстротой, как вихрь, неслись мы в Лопань, вздымая снежную пыль» (Шмерлинг, 1965, 24).

О нач. 1940-х гг.: «Во дворе я – как все, хочу быть как все... Катаюсь на санках, стоя скатиться с горы – слабо» (Сергеев, [1977] 1995–1, 9).

О Свердловске в конце 1940-х гг.: «И зимой, и летом всегда во дворе полно детворы. Самое большое удовольствие зимой доставляло катание с угольной горы. Во дворе домов на Ленина, 52 располагалась котельная, а рядом с ней – огромная угольная гора. Когда она покрывалась снегом, мы все шли туда с санками...» (Факова, 2006).

О нач. 1970-х гг.: «Купила мама Анночке новенькие саночки, / Синие, зелёные, оранжевые планочки / И дугою спинка, / Не саночки – картинка!» (Борченко, 1974, [2]).

Об Арзамасе в янв. 2007 г.: «Тихая улица кончается выходом на самую шумную и большую Соборную площадь, с которой в разные концы города отходят допотопные автобусы. На возвышении белеет гигантский Воскресенский собор... Перед собором в “Ленинском садике” между елей красуется гипсовый Ленин... За собором вниз с горки на самодельных санках катаются местные мальчишки» (Лошманова, 2007, 9).

САНОБРАБОТКА – дезинфекция.

О Челябинске во второй половине 1940-х гг.: «Перед поездкой в пионер. лагерь требовалось пройти обязательную санобработку. Она включала в себя помывку в бане и прожарку одежды. Только тогда выдавали нужную справку. На санобработку я отправилась днем с группой девочек. Мы зашли в общую, взяли по цинковому тазу, и девочки потащили меня вглубь к самой стенке, к самой парной. Я, как делала мама, налила в тазик кипятку и окатила лавку. Мылись мы с удовольствием, терли друг друга мочалками, обливали из тазика... Не знаю, как случилось, но очнулась я на полу... Кое-как я спустилась в подвал, где нам выдали одежду после прожарки. Горячую и очищенную от вшей и гнид. Так боролись с послевоенной поголовной завшивленностью» (Белая, 2001).

См. также: *Санпропускник.*

САНПРОПУСКНИК – помещение для дезинфекции.

О 1943–1945 гг. в Шадринске: «Время было военное... Нас всех регулярно водили в санэпидстанцию – в душ и на прожарку одежды. Всё совмещалось: санпропускник и балльные танцы» (Иовлева, 1995, 32).

О 1946–1947 гг.: «В школе санпропускники проверяли на наличие вшей. Если у тебя находили, то весь класс загоняли в баню, одежду всю при высокой температуре “прожаривали”, а детей парили в бане... [Вася] вспоминает, как в третьем классе на уроке, с середины сидящего мальчика упала на него вошь, тогда весь класс водили в баню, “прожаривали” одежду» (Русакова, 2007).

См. также: *Санобработка.*

«**САНТА-БАРБАРА**» – телевизионный сериал о жизни богатой семьи из города Санта-Барбара; снимался в США с 1984 по 1993 г. В России сериал демонстрировался с 1992 по 2002 г.

О с. Межборном Притобольного р-на в 1992–1994 гг.: «Когда мне было 6–9 лет, мне очень нравился сериал “Санта-Барбара”, я старалась его не пропускать. До сих пор помню имена любимых героев: Мейсон, Джина, Келли. Особенно запомнился отец семейства Сиси, который несколько лет лежал в коме» (099).

О девочке 10 лет в 1993 г.: «Когда мне было 10 лет, с наших уст не сходили разговоры о знаменитом сериале “Санта-Барбара”, который смотрели все, начиная с малого до великого. И как ни странно, мои одноклассницы тоже смотрели этот сериал, затем все вместе мы обсуждали каждую серию. И можно сказать, что мы влюбились в этот сериал. Мы с девочками подражали героям этого сериала, старались во всём быть похожими на них. Однажды с подружкой Любой, с которой училась в одном классе, сидели у неё дома и смотрели этот сериал. Когда он закончился, я ей говорю: “Синьорита, пойдёмте попьём чаю”. А она мне ответила: “Сейчас, синьора, подождите минуточку”. Мы переигрывали эту серию с начала и до конца. Мы представляли, что мы две героини сериала и что мы очень богаты, у нас красивые преуспевающие мужья, мы разговаривали с ней на языке интеллигентных дам. И так после каждой серии мы снова и снова играли, подражали и пересказывая слова этих героинь. Однажды в голову пришла замечательная идея пригласить наших одноклассниц, которые живут неподалёку, в гости, чтобы они посмотрели наш фильм. Девчонки, конечно же, согласились прийти в гости, но они ещё не знали, зачем мы их пригласили. Мы учились со второй смены – с 13.00, а девчонки пришли к моей подруге в гости к 10.00. Мы сказали им, чтобы они сели на табуретки, которые стоят возле окна. Как сейчас помню, к нам пришли 3 девчонки. Они уселись поудобнее, и мы с подружкой сказали, что мы сейчас [им] покажем такую-то серию Санта-Барбары. Девчонки странно между собой переговаривались, а потом засмеялись. И мы начали показывать эту серию. Моя подружка взяла у мамы парочку ненужных вещей, старую помаду и туфли на очень высоких каблуках (или для нас они тогда казались очень высокими). И мы начали свой сериал. Девчонки внимательно смотрели, смеялись, если мы весело шутили, и делали грустные глаза, если у нас было горе. Когда мы заканчивали показывать наш сериал, мы дружно отправлялись в школу. Тот сериал, который мы показывали с подружкой, состоял только из двух героинь, остальные герои были только по телефону или где-то далеко. Девчонки стали приходить к нам каждый день. И самое интересное, что когда девчонки пришли во второй раз, они принесли нам деньги за просмотр фильма. Конечно, это были небольшие деньги, но помню, что мы с подружкой купили на них шоколадку одну на двоих. И мы были так довольны, что мы получили деньги за нашу работу-игру. Не знаю, сколько, но эта игра продолжалась достаточно долго, и она нам нравилась. Я до сих пор помню о ней, как будто это было вчера» (028).

САПОГИ, сапожки – высокая обувь, охватывающая голень.

Сапоги, сапожки у девочек.

Из автобиографической повести о 1910-х гг.: «Ну как же Таньке не форсить? Сапоги у неё новенькие со

скрипом... Нарядились дед с бабкой, а потом за меня принялись. Бабка надела на меня платье с тюником, чулки жёлтые в резинку, сапоги новые на пуговках» (Васильева, 1971; 169, 224).

См. стихотворение Г. Галиной (Г.А. Эйнерлинг) 1910-х гг. «С добрым утром»: «С добрым утром! – Я встаю... / Надо платье надевать, / Очень скучно это!.. Для чего же мне чулки, / Платье и сапожки?!» (РПД, 1989, 434).

О Шадринске в конце 1950-х гг.: «[Вспоминает Завьялова Л.Е. 1949 г. р.:] “Весной и осенью я носила валенки с калошами... Многие мои подруги носили резиновые сапоги. Отец мне не позволял их носить. Он считал их вредными для здоровья. Когда я стала постарше, мне купили кожаные сапожки. Они были коричневого цвета. Я их очень любила и ухаживала за ними”» (Завьялова, 2005).

О Москве в середине 1970-х гг.: «Вчера мама подарила ей новые сапожки на меху, и теперь Аня шла, украдкой поглядывала на свои сапожки и слушала, как приятно хрустит под ними снег: хруп-хруп-хруп... [Аня натягивала] шубку из сусличьих шкур... и новые чёрные сапожки с блестящей пряжкой, недавно подаренные ей мамой ко дню рождения...» (Пивоварова, 1977; 5, 53).

О 11–13 летней девочке в Москве в 1983 г.: «Она стремительно повернулась... ..для того, чтоб подол ее форменного, чуть расклепленного платья мелькнул, словно лисий хвост. Это был мастерский трюк! В кратчайшее мгновение перед Сережей блеснули коричневые сапожки и светло-серые колготы» (Иванов, [1984] 1992, 280).

Сапоги, сапожки у мальчиков.

О десятилетнем мальчике из дворянской семьи в конце 1830-х гг.: «...Я, приподнявшись на постели, стал натягивать чулки на свои маленькие ноги... Вошел дядька Николай... Он нёс наши платья и обувь: Володе сапоги, а мне покуда ещё несносные башмаки с бантиками» (Толстой, [1852] 1966, 17).

О 1890-х гг.: «Я живо надел сапоги... “Что за противные, ну что это!.. – закричала [Катя], жестом отчаяния показав на свои ноги с незастёгнутыми башмаками. Как я счастлива, что... отделился наконец от этих проклятых башмаков с пуговицами... И натянул за уши сапоги, которые мне недавно купили вместо несносных башмаков. Я был постоянно озабочен тем, чтобы голенища не спускались вниз и не делали складок» (Романов, [1928] 1990, 163).

О нач. XX в.: «Были призваны дети. Три благонравных мальчика в матросских курточках и желтых сапожках» (Аверченко, 1989, 129).

О Перми в 1969 г.: «Подростковая мода во все времена была “хулиганской”. Весной 69-го парни носили пальто с устрашающе поднятым воротником и резиновые сапоги с вывернутыми голенищами» (Киршин, 2002).

САПОЖКИ – см.: *Сапоги, сапожки*.

САРАФАН, сарафанчик (у девочек) – длинная одежда с пояском, с застёжкой спереди, без рукавов (или со швытыми рукавами из бельевой ткани) и с наплечьями; лёгкое летнее платье такого покроя.

О девочке 4 лет в 1928 г.: «Когда мне было четыре года, мы ездили всей семьёй отдыхать в Судак... Мама, собираясь на юг, сшила нам с Тамочкой по два новых сарафанчика, один синий с мелкими красными цветочками, другой – нежно-зелёный, салатový» (Кубанева, 1988).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «...Анке... купили в магазине матросский синий костюм. Иришке и Алёнке я сама сшила сарафанчики, а кофточки шить не успела...» (Смирнов, 1963, 91–92).

Из дневника 14-летней девочки в 1930 г.: «29 июля 1930 г. ...По приходе домой взглянула в зеркало и от изумления выронила его на пол. Представьте – румяные щеки..., цветной платок сбился набок..., плечики сарафана сползли черт знает куда – в общем, настоящая матрешка...» (Татьяничева, 2007)

О 12-летней девочке в пионерском лагере в 1939–1940 гг.: «Утром Антошка проснулась от холода... ..Опасаясь разбудить пионервожатую, [она] поспешно натянула

сарафан, сверху накинула, как плащ, одеяло и выскользнула из палатки» (Воскресенская, [1969] 1984, 8).

О 13-летней девочке в 1939–1940 гг.: «А прохожие с улицы удивленно поглядывали на босоногую девчонку в красном сарафане, которая, стоя на подоконнике третьего этажа, смело протирала стекла распахнутых окон» (Гайдар, [1940] 1980–2, 340).

О девочках 3–6 и 6–9 лет в 1941–1944 гг. в Шадринске: «Однажды маме на работе дали премию – отрез ситца. Она сшила из него нам летние сарафанчики. Старшая, Валя хотела испытать на прочность этот сарафан, положила в подольчик кирпич, а после второго кирпича подол сарафана лопнул» (Медведева, 2003).

О 1942–1944 гг.: «Маргаритка была ростом с Юрку. Ситцевый сарафан едва доставал её до круглых коленок. Золотистый загар тронул плечи. Там, где лямка сарафана съехала на сторону, кожа была белая... ..Рита... присела. И сарафан, словно парашют, опустился в пыль, закрыв ноги» (Козлов, 1980, 218).

О пионерлагере во вт. пол. 1950-х гг.: «...Капли дождя... забарабанили по пересохшему брезенту палаток... Из палаток высыпали босоногие мальчишки в одних трусах... ..Девчата, высоко подобрав короткие сарафанчики, забредали в лужи поглубже...» (Рязанова, 1964, 50).

Об 11-летней девочке, живущей в деревне в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «К прилавку подошла Нина Шарова. Она была в розовом сарафане и в сандалиях на босу ногу» (Козлов, 1963, 123).

О совхозе под Ленинградом в конце 1950-х гг.: «В огороде у плетня стояла худенькая девочка лет одиннадцати и смотрела на деревенскую улицу... На дорожке, тянувшейся вдоль изб, показалась другая девочка. Загорелая, в красном сарафанчике, в сандалиях на босу ногу, с льяными косичками, двумя полукружьями болтавшимися на затылке, она быстро шла, то и дело оглядываясь» (Котовщикова, 1962, 5).

О нач. 1960-х гг.: «С бревна смотрела на него в открытом сарафанчике Алка...» (Мошковский, [1963] 1987–1, 189).

О нач. 1960-х гг.: «Прямо на Алёшу бежала по берегу девчонка. Голубой сарафан цеплялся за кусты... Не замечая Алёши, она быстрыми движениями загорелых рук сбросила сарафан и взялась за трусики... Юлька быстрым движением сдёрнула с себя сарафан и прыгнула в воду... “Ну, ладно...”, – ...сказал он и потянул Юльку за подол сарафана... “А вот и нет...” – упрямо сказал Юлька и села, аккуратно натянув на голые колени сарафан» (Браун, 1967; 42, 69, 81).

О середине 1960-х гг.: «Через двор шла Аня... В золоченых босоножках и в коротком голубеньком в синих цветах сарафане, который великолепно сидел на ней. Её почти надвое разрезал узкий поясок... Аня шла не торопясь..., и тонкие загорелые руки её были в карманчиках сарафана» (Мошковский, [1969] 1987–1, 110).

О конце 1960-х гг.: «Лариса вырядилась в летний цветной сарафанчик, а Катя решила надеть ситцевое полосатое платье...» (Дубровина, Янишевская, 1970, 125).

О нач. 1970-х гг.: «На высоком крыльце... дома... появилась девчонка, большенькая уж, в коротком застиранном сарафанчике, мало чем отличная от мальчишек. “Людка, вставай в ворота!”... Девчонка, немного поколебавшись, спустилась с крыльца..., встала в ворота. Сарафанчик она заправила под трусы, сжала упрямо рот, приняла боевую готовность» (Голубков, [1976] 1984, 49).

О 15-летней девочке в летнем лагере в середине 1970-х гг.: «К вечеру [9-летний] Антон увидел, что его ковбойка и носки сушились на верёвке рядом с Наташиним сарафаном» (Матвеева, 1977, 156).

О конце 1970-х гг.: «Вот вышла во двор Света в голубом сарафане, потому что сегодня стало совсем тепло. Лена подбежала сразу и стала разглядывать сарафан. Света охотно дает себя рассмотреть в новом сарафане – поворачивается то спиной, то боком» (Матвеева, [1982] 1986, 12).

О девочке-старшекласснице в деревне в нач. 1980-х гг.: «Ты снова крутанулась вокруг себя, колокольчиками вздымая сарафан... “Ну тогда обернись, раз хочешь. Только по команде. Раз. Два”. При счёте “три” я...

обернулся. Ты успела натянуть на себя выжатым сарафан и теперь прыгала на одной ножке, вытряхивая воду из ушей и заливаясь глупым смехом... Она одёрнула знакомый сарафан и протянула растопыренную пятерню» (Кривомазов, 1985; 39, 41, 43).

САЧОК – сетчатый мешок на обруче с длинной рукояткой, служащий для ловли рыб, летающих насекомых и т. п.

О детях представителей творч. интеллигенции в середине 1930-х гг.: «Молодые писатели Илья Ильф, Евгений Петров, Борис Левин и художник Константин Ротов в 1931 г. приобрели дачу на ст[анции] Клязьма... На даче жили дети Петька (Петров), Ирка (Ротова) и я (Елка Левина). Все мы родились друг за другом: я и Ирка осенью 1928 г., а Петька в январе 1929 г. Позднее, уже в 1935 г., появилась на свет Сашенька Ильф... Из игрушек у нас были лопатки, папиросные коробки, куклы. Но больше всего мы любили драться и смотреть, как играют в волейбол, сами тоже играли в мячик, бегали с сачками за бабочками, шлепали по лужам во время дождя» (Левина, 2004, 3).

О 1940-х – 1950-х гг.: «Девочка ловила бабочку сачком. Она порвала сачок о сучок. Чини, девочка, сачок!» (Воскресенская, 1949, 55; Воскресенская, 1961, 55).

О 1950-х гг.: «Женька... выгарашил глаза, согнулся... и сделал первый шаг... Ещё шаг... Ещё... Хлоп! Женька повалился в крапиву, обжёг руки, но не выпустил сачка. “Поймал!” – завопил он в диком восторге. Наверное, целых полчаса провозились с сачком, пока со всеми предосторожностями махаон не был извлечён и пересажен в отдельную коробку» (Никонов, [1958] 1962, 29).

О нач. 1960-х гг.: «Там у Олешки хранились ценные вещи: лапта – летом мяч забивать, и сачок – мальков ловить, и всякие полезные железки...» (Цюрупа, 1964, 108).

СБЕГАТЬ (убегать, удирать) с уроков – отказываться от посещения школьных занятий.

О мальчишке 10–11 лет в 1940 – перв. пол. 1941 гг.: «Однажды до войны я сбежал с уроков и пошёл смотреть “Александра Невского” в кинотеатр “Победа”. Очень удобные были сеансы в детском кинотеатре. Посмотришь за рубль, который дали тебе на завтрак, два сеанса и возвращаешься вместе со всеми “из школы”» (Демиденко, 1962, 20).

О середине 1950-х гг.: «Взять хоть Альку Грозных... Умел он далеко плавать сквозь зубы, хватал перочинным ножиком с двенадцатью предметами, а весной частенько удирал с уроков, “казачил” по кино» (Никонов, [1958] 1962, 25–26).

О середине 1960-х гг.: «“Расскажи мне, что у вас в классе делается? Дружат между собой ребята?” “...В прежней школе, где я училась, у нас был очень дружный класс. Мы там, знаете, захотим урок сорвать – и сорвем, убежим все с английского или с черчения. И нам за это – ничего, потому что дружно действуем, не подводим друг друга...”» (Котовщикова, 1969, 89).

СБОР ВЕШЕЙ в школе для детей других стран.

О нач. 1970-х гг.: «Через год я поступила в другую школу – французскую... Когда я уже училась в классе втором, бабушка увидела, что я собираю в пакет множество чистых тетрадей. “Зачем тебе столько? – подозрительно спросила она. – Для макулатуры?” “Нет, это не макулатура, – ответила я, чувствуя, как краска заливает мое лицо. – Мы должны принести что-то для детей Лаоса, Камбоджи и Вьетнама”. На следующий день мы рассматривали, кто что принёс. Одна девочка демонстративно положила на стол учительнице роскошную куклу и игрушечный телевизор. “Такой телевизорчик отдают”, – с завистью прошептала другая. Начинались семидесятые годы» (Глушенко, 1997, 8).

СБОР МЕТАЛЛОЛОМА, железного лома.

Сбор металлического (железного) лома многие десятилетия был одним из осн. видов деятельности пионеров.

Сбор металлолома в 1920-е гг.

О 1920-х гг.: «И пионерские звенья в двадцатые годы боролись с безграмотностью, с беспризорностью, собирали металлический лом на афиетки “Пионер” и “Пионерская правда”» (Бромлей, 1977, 4).

Сбор металлолома в 1930-е гг.

О конце 1930-х гг. – нач. 1940-х гг.: «У нас на Якиманке / Вхожу я в каждый дом / И у ворот на санки / Кладу железный лом. / Старик на пятом этаже / Мне дал свои коньки: / Они ему малы уже, / А внуку велики. / Лежит железная кровать / В сарае, под столом, / Её немножко доломать, / И был бы чудный лом! / Нашла я прутья от зонта / В чулане, за стеной... / Я ведра собираю, / Тупые топоры. / И сняты мне сараи, / Чуланы и дворы. / Большой поднос из жести / И ржавую пилу – / Я всё сложила вместе / В передней на полу. / Пришла я с Якиманки, / А где железный лом? / Здесь только две жестянки / Остались под столом! / Где же сломанная клетка? / Где железная пила? / Оказалось, что соседка / Всё Андрюшке отдала. / Взял он мой железный лом, / Положил на санки, – / Он из школы за углом, / Тоже с Якиманки. / Соседке это всё равно, / Я спорить с ней не стала, – / Ведь ей неважно, чьё звено / Проводит сбор металла. / Но что же мне теперь сдавать – / Только две жестянки? / И сегодня я опять / Хожу по Якиманке» (Барто, [1944], 1969–1, 81–82).

Сбор металлолома в 1940-е гг.

О женской школе конца 1940-х годов в Свердловске: «Регулярно проводились пионерские сборы и собрания. Обязательным для всех мероприятием считался сбор макулатуры и металлолома. После таких мероприятий весь двор заваливали железом» (Факова, 2006)

Сбор металлолома в 1950-е гг.

О нач. 1950-х гг.: «“Вот не знают пионеры, где железный лом есть. Надо бы им сказать”. “А зачем пионерам лом?” – спросила Ниночка. “Ну, они ведь всегда бегают по дворам, собирают железный лом и сдают гос-ву”. “А зачем государству?” “А гос-во пошлет на завод. На заводе железо расплавят и сделают из него новые вещи”. “А кто заставляет пионеров собирать лом?” – спросила Ниночка. “Никто не заставляет. Они сами. Дети ведь тоже должны помогать взрослым”» (Носов, [1952] 1979–1, 208).

Из Постановления ЦК ВЛКСМ от 27 янв. 1956 г.: «Придавая важное значение сбору и сдаче макулатуры – важного источника увеличения производства бумаги, считать необходимым обратиться совместно с Мин-вом легкой пром-сти СССР с письмом к комсом. орг-циям учреждений, учеб. заведений, школ, райкомам, горкомам, обкомам... Из Приложения к постановлению ЦК ВЛКСМ от 27 января 1956 года: «Большими тиражами издаются у нас газеты, журналы, книги, учебники, тетради... Предусмотрено... расширение книгоиздательского дела... Во многих учреждениях, школах, техникумах, высших учеб. заведениях, в общежитиях, квартирах и других местах накапливается большое количество макулатуры в виде исписанных и ненужных тетрадей, потерявших ценность книг, старых журналов, газет и т. п. Это незаменимый материал для создания новой бумаги... Придавая важное народнохоз. значение увеличению сбора и заготовки макулатуры, Центр. Комитет ВЛКСМ и Минлеглапром обращаются к комсом. орг-циям школ, учреждений, учеб. заведений, к пионерам и школьникам с предложением – взяться за массовый сбор бумажной макулатуры. Всю собранную макулатуру следует сдавать заготовительным орг-циям Минлеглапром, а там, где нет таких орг-ций, – потребкооперации. За сданную тонну макулатуры заготовительные орг-ции будут оплачивать 200 рублей. Деньги, выплачиваемые за сданную макулатуру, собранную пионерами и школьниками, будут перечисляться непосредственно школам... Пионеров и школьников, активно участвующих в сборе макулатуры, рекомендуется поощрять подарками в виде книг, учебных принадлежностей, спортивного инвентаря и т. п.» (Сборник, 1958, 120–123).

Сбор металлолома в 1960-е гг.

О нач. 1960-х гг.: «... пионерская двухлетка “Пионеры – родине”, проводившаяся в период с окт. 1960 по май 1962 г. За это время пионерами страны было собрано более миллиона тонн металлолома для строительства нефтепровода “Дружба” (Волга – Центральная Европа)... В апр. 1965 г. был проведен Всесоюзный месячник по сбору металлолома, в котором акт. участие приняли

пионеры. Средства, полученные от сбора металлолома, были переданы в фонд IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов» (Монахов, 1966, 12).

См. песню «Пионерские хорошие дела»: «...Пионеры для народного хозяйства / Собирают по стране железный лом!» (Лифшиц, 1962, 3).

«Дружно мы вскопаем грядки, / В книжки сделаем закладки, / Соберем металлолом, / Клён посадим под окном» (Дьячкова, 1966, 20).

Бывали случаи, когда дети, соревнуясь, уносили друг у друга металлолом, чтобы занять более высокое место. О 1960-х гг.: «Санька стоял в школе у весов, а Рая дежурила у сарая. Зачем ей нужно было дежурить у сарая, спросите вы? Нужно было. Есть еще такие ловкачи в школе. Принесут, скажем, старый самовар с главного хода и несут его через чёрный ход, будто в сарай, а сами несут тот же самовар через главный ход на сдачу. И весь этот обман для того, чтоб их класс первое место занял» (Воскресенская, 1962, 36).

В нач. 1960-х годов отмечалось: «...Сбор металлолома в некоторых дружинах – одно из самых скучнейших дел» (Таборко, Орлова, 1963, 68); «Сбор металлического лома становился подчас обыденным и довольно скучным занятием в отрядах. “Опять собирать”, – говорили некоторые ребята, услыша очередной призыв...» (Ханчин, 1962, 29).

Сбор металлолома в 1970-е гг.

О нач. 1970-х гг.: «В то... день наша школа с самого утра собирала металлолом. Мы с Люськой явились на шк. двор раньше всех.. Люська, конечно, опоздала бы, если бы я за ней не зашла. Она, кажется, вообще хотела прикинуться больной и никуда не идти. Но я стала ей рассказывать, как это интересно – собирать металлолом, и как мы с ней соберём больше всех металлолома, и как нас сфотографируют для шк. стенгазеты и даже потом пошлют наши фотографии в “Пионерскую правду”... Люська... нехотя стала надевать ботинки... Через десять минут мы уже стояли в шк. дворе..., а через пятнадцать – ходили по подъездам, стучались во все квартиры подряд и спрашивали: “Скажите, пожалуйста, у вас есть металлолом?” Но ни у кого... не было никакого металлолома. Только одна бабушка дала нам облезлую зелёную кружку. Так мы и ходили с одной этой кружкой, а др. ребята на наших глазах тащили железные кровати, кастрюли и вёдра. И вот, когда мы с Люськой уже совсем отчаялись найти что-нибудь подходящее, мы вдруг наткнулись возле какого-то дома на обломок старой, ржавой трубы. Это было как раз то, что нужно. Мы схватили эту трубу и понесли. Но она оказалась ужасно тяжёлая! Через три минуты мы были совершенно мокрые и пыхтели как паровозы... Мы решили прокатить трубу по земле метров пять, а потом выйти с трубой в Горбатый переулок и пустить её вниз по переулку. Так мы и сделали. Наша труба... тут же покатила» (Пивоварова, 1979, 117–118)

О 1970-х гг.: «Одно звено найдёт металлолом – другое тайком перетасит старые железки в свою кучу» (Бромлей, 1977, 8).

Сбор металлолома в 1980-е гг.

О Шадринске во вт. пол. 1980-х гг. «Я помогала собирать девочке постарше металлолом. Однажды осенью, утром, часов в 10, мы пошли по улицам искать железо, которое валяется. Заходили к старушкам, спрашивали, нет ли у них старых железных вещей. Я нашла в луже какой-то железный лист и притащила его» (1001).

См. также: *Лом металлический*.

СБОР пионерский – см.: *Пионерский сбор*.

«СВАДЬБА» – детско-подростковая импровизационно-ролевая игра.

О XIX веке: «В детском и подростковом возрасте “в свадьбу” могли играть девочки отдельно, разыгрывая все роли (и женские и мужские) сами или с помощью кукол, а также вместе с мальчиками и подростками, что бывало реже. Детские игры “в свадьбу”... довольно точно воспроизводили этапы и действия реального свадебного обряда... Наиболее часто разыгрывались такие фрагменты свадебного обряда, как “свадебный пир”, “застолье”, “сватовство”, “венчание”, “первая брачная

ночь”... В некоторых местностях была также распространена игра “в молодых”, в которую играли девочки с мальчиками: “молодых” укладывали на соломе где-нибудь под сараем..., в саду под яблоней. Игра могла растягиваться на несколько дней; при этом она не завершалась так называемой брачной ночью, а могла продолжаться имитированием беременности с помощью наматывания тряпок на живот, родов, семейной жизни... Для девочек от 7 до 14 лет характерным развлечением были также сюжетные игры с куклами. ...Девочки с большой точностью воспроизводили обрядовые, праздничные и бытовые сцены, которые наблюдали в реальной жизни взрослых. Самой излюбленной была игра “в свадьбу”, в которой разыгрывались отдельные эпизоды свадебного обряда: “сватовство”, “богомолье”, “баня”, “девишник”, “венчание”, “свадебный пир” и др. При этом исполнялись настоящие свадебные приговоры, диалоги, песни и даже причитания в голос. Девочки сами изготавливали кукол из лоскутков или получали их в наследство от старших сестёр. Во время игры они наделяли кукол именами, отчествами и фамилиями знакомых односельчан или своими собственными» (Зимица, 2006–2, 134–135).

О 1900-х – 1940-х гг.: «У казачества вплоть до [19]40-х годов сохранялись и подростковые игры “в свадьбу”. Их роль, очевидно, несколько иная, чем в детской игре: при помощи “венчания” и “свадьбы” происходило своеобразное посвящение новичков в круг подростков, допущенных на гулянья и вечеринки, и они, по сути, отмечали этап полового созревания. Конечно, к [19]20-м года нашего века эти смыслы во многом были сглажены и забыты» (Морозов, 1996, 144)

О детях 8–10 лет в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «В игру “свадьба” мы играли очень-очень интересно. Доставали мамино платье, фату, туфли, надевали платье, подвязывали его. Красили губы, надевали клипсы, бусы в большом количестве. Невесту прятали, жених должен был её найти. Когда он её находил, должен был её поцеловать, подарить цветы. Целовали в щёку, нам, девочкам, это нравилось» (544).

О 1970-х гг.: «В дошкольном возрасте у детей наблюдаются игры с сексуальным содержанием. Дети играют, например, в “дочки-матери”, “папы и мамы”, “свадьбу”, “дóктора”...» (Санюкевич, 1979, 14).

О Краснодарском крае в 1977–1979 гг.: «В возрасте 6–8 лет любимая игра у нас с двоюродными сестрами была “свадьба”. Одна из нас была женихом, другая – невестой. Невеста наряжалась в фату – тюль, жених надевал шерстяные брюки и кепку. Оставшиеся девочки были либо мамой, либо сёстрами. Играли мы в такие игры либо на чердаке, либо в маленьком домике – бывшем курятнике. Приносили туда все возможные атрибуты: ненужную посуду, торшеры, покрывала. Жених с невестой праздновали свадьбу. Гости кричали: “Горько”. Жених с невестой целовались. Потом уходили спать. Спали вместе, просто лежали рядом на кровати. Потом говорили, что невеста беременная. Засовывали куклу под платье и ходили беременными. Одновременно беременной могла быть ещё и сестра, и мама, то есть несколько девочек. Потом, когда надоело ходить беременной, вытаскивали кукол из-под платья и сообщали, кто кого родил и как назвал. Дальше начиналась игра “дочки-матери”. Надо отметить, что во все эти игры мы играли, как правило, подальше от взрослых глаз и ушей» (590).

О г. Макушино во вт. пол. 1970-х гг.: «Мы... играли в... свадьбы, девочка надевала фату (платок), другая девочка была женихом, потом мы ехали в ресторан праздновать свадьбу, было застолье, кричали: “Горько”, молодые целовались. Потом жениха и невесту укладывали вместе спать, но ничего между ними не было (не трогали половые органы, не целовались), просто обнялись и спали. Дальше появляется “лялька” и играли в семью» (459).

О середине 1990-х гг.: «Была у нас и такая игра, в которой мы имитировали свадьбу. Были и молодожены и гости. Невесту изображала Лена, так как я, и ещё некоторые девчонки, не хотели ею быть, а жениха она

выбирала сама из мальчиков. Мы же составляли пары, кому не хватало, был один. В эту игру мы играли только тогда, когда приходили к кому-нибудь в дом или же в заброшенном доме. Мы делали из чего-нибудь столы и стулья. Так как о свадьбе мы знали не очень много, то начиналась она сразу же с того времени, когда все садились за столы. Мы говорили тосты, желали молодым всего хорошего и даже кричали “горько”. Вот только брачной ночи у них не было. После свадьбы дня два они ходили как муж с женой, но потом всё вставало на свои места. И мы ждали новой свадьбы» (560).

О подростках 14–16 лет в с. Рассвет Мокроусовского района в 1997–1998 гг.: «Иногда мы играли в свадьбы. Если в нашей компании были мальчики, то мы их женили. Всё должно было происходить по-настоящему. “Невесте” одевали фату, которая была сделана из тюля, кольца делали из травы или проволоки. Затем им нужно было поцеловаться, якобы утвердить свой брак. Потом мы им делали дом, где у них должна быть первая брачная ночь. Мы могли быть их детьми, ходить с ними в магазин» (521).

СВАЙКА – «Русская народная игра, состоящая в метании большого толстого гвоздя в лежащее на земле кольцо» (Словарь, 1962–13, 256); название игры, состоящей в том, что толстый гвоздь с большой шляпкой нужно броском вонзить в землю, попав в середину лежащего на земле кольца («Играть в свайку»); гвоздь для такой игры («Попасть свайкой в кольцо»).

О конце XIX века: «Свайка. Для этой игры в России употребляется особого рода большой, толстый железный гвоздь..., с большою круглою или гранёною головкою. Вместе с этим употребляется толстое железное кольцо с отверстием в середине около вершка в поперечнике. Кольцо кладется плашмя... Играющие поочередно бросают свайкой в кольцо, стараясь, чтобы она острым концом своим воткнулась внутри его» (Покровский, [1895] 1994, 226–227).

О конце XIX века: «Заноза... Термин игры в свайку: случай, когда свайка воткнётся в землю очень наклонно. Нижегород. (Лаврск.)» (Словарь, 1901, 1586).

О 1958 г.: «Встав утром, позавтракав, бесцельно побродив по широкому двору, Юлька почувствовал нудное беспокойство: у него было такое чувство, как будто он что-то потерял, чего-то не хватало ему. Попробовал он с Васькой поиграть в свайку – быстро надоело» (Сластников, 1963).

СВБ – см.: *Союз воинствующих безбожников*.

«СВЕРЧОК» – юмористический детский журнал, издавался в Москве в 1937 году.

В журнале печатались произведения С. Маршака, Д. Хармса, А. Введенского, Б. Житкова и др. Редактировал журнал Н.М. Олейников, в прошлом редактор “Ежа”. Адресованный самым маленьким читателям, «Сверчок» старался не просто развлекать их, но и заставить думать (например, многие картинки сопровождаются вопросом, на который ребенок должен ответить). «Приключения маленьких человечков» – рассказы в картинках с короткими подписями – динамичны, оптимистичны, сказочны. Критика отнеслась к журналу несправедливо, предвзято, обвинив его в «клевете» и «вредительстве», и после пятого номера «Сверчок» был закрыт. Дело, которое начал «Сверчок», имевший подзаголовок «Весёлые картинки для маленьких ребят», продолжил созданный в 1956 году журнал «Весёлые картинки». (Колесова, 1993, 97–98).

«СВЕТЛАНА» – баллада Василия Андреевича Жуковского (1783–1852), впервые опубликованная в 1813 году в журнале «Вестник Европы».

О 1810-х – 1930-х гг.: «...Круг поклонников “Светланы” расширяется. Дети, барышни... заучивают балладу наизусть; её, по обычаю того времени, декламируют на вечерах и раутах... В июне 1815 года Жуковский в одном из писем... сообщает о визите, нанесенном им графине Е.И. Кутузовой... Графиня подвела к поэту своего маленького внука Опочинина. “Его заставляют, – пишет Жуковский, – читать мне Светлану, он сперва упирался, потом зачитал и наконец уж и унять его было нельзя”. Ребенок, судя по беглости

чтения, знает балладу наизуток. Со временем знаменитая баллада, будучи включенной в учеб. программы и в многочисл. хрестоматии для гимназий и других сред. учеб. заведений, становится хрестомат. произведением... Но даже на фоне других общеизвестных произведений, которые также регулярно включались в учебные программы по русской словесности, “Светлана” занимает особое место. Уже в конце 1820-х годов знание этой баллады наизусть превращается в одну из характерных и, одновременно с этим, самых банальных черт образования и умений провинц. “культурной” барышни, о чём свидетельствует хотя бы характеристика героини в поэме В.Л. Пушкина “Капитан Храбров”, написанной в 1828 и опубликованной в 1830 году: «Натasha многое уж знала: / Умела колпаки вязать, / На гусях песенки бречать / И полотенца вышивала / ... / “Светлану” наизусть читала...» (Душечкина, 1995, 88–89).

«СВЕТЛЫЙ ДОМ» – радиопередача о детях.

О 1960-х гг.: «Очень обогатились за последнее время документ. передачи из жизни самих детей. “Светлый дом” – так названы композиции из жизни детских садов, городских и сельских. Здесь дети рассказывают о своей жизни, поют, читают стихи» (Бегак, 1972, 133).

«СВЕТЛЯЧОК» – 1. Журнал для детей. Выходил с 1902 по 1918 (по другим сведениям – 1920) год Москве под редакцией А.А. Фёдорова-Давыдова.

«Начало 1900-х гг. ознаменовалось нов. оживлением в дет. литературе, вызвавшим к жизни ряд новых журналов. Отметим между ними журналы Фёдорова-Давыдова: “Светлячок”, “Путеводный огонек” и “Дело и потеха”. Этот плодовитый дет. писатель почти один заполнял все эти три журнала своими произв-ми самого разнообразного хар-ра – в прозе и стихах» (Чехов Н., 1909, 75).

«В журнале можно выделить три раздела – 1) беллетристика; 2) познават. рассказы; 3) игры, занятия, развлечения. Критика отмечала “балагурски-забавный” тон всех материалов “Светлячка”, их “убийственное” однообразие, выпирающую мораль, крайнюю бедность образов, отсутствие реальных сведений в произведениях о животных, о природе... Журнал наполнялся сказками, рассказами, стихами самого редактора – А.А. Фёдорова-Давыдова и ему подобных авторов... Неизменным успехом у читателей пользовались многочисл. (до 30) приложения (“премии”) к “Светлячку”, состоящие, главным образом, из игр, игрушек и работ для вырезания, склеивания и других занятий для детей. Эта часть издания и определяла, наверно, сравнительно большое число подписчиков, обеспечившее долговечность журнала» (РЖДД, 1982, 42).

«СВЕТЛЯЧОК» – 2. «Журнал для детей младшего и среднего возраста». Выходил в середине 1990-х гг. Тираж 1996 года – 50 тысяч экземпляров.

О 1996–1997 гг.: «...Сейчас печатается так много интересных познавательных изданий, например, “Муравейник”, “Светлячок”, “Игрушечка” и др. О них иногда не знают даже сами библиотекари [г. Ижевска], не говоря уж о читателях...» (Соловьева, 1997, 56).

«СВЕТОФОР» – детская дворовая игра, аналогичная игре в «цвета».

О начале 1980-х гг.: «Игра “Светофор”. Правила игры. Выбирался человек, который был светофором, он стоял по одну сторону черты, а все остальные дети – по другую. Светофор отворачивался и называл любой цвет, затем поворачивался, и у кого из детей был такой цвет в одежде, те проходили через черту на сторону светофора, держась за этот цвет, а у кого не было такого цвета, тот должен был бежать через черту, чтобы его светофор не смог заляпать. Если светофор кого-нибудь заляпал, тот тот человек становился светофором» (546).

О Шадринске в 1996 г.: «...Мне было 6–7 лет... Иногда целый день пропадал во дворе. Мы играли во все дворовые игры: прятки, ляпы, светофор» (049).

СВИВАЛЬНИК – «Матерчатый пояс, которым обвивают младенца поверх пелёнок» (Словарь, 1962–13, 358); длинная узкая полоса ткани, которою обвивают младенца, чтобы лишить его свободы движений конечностями. В прошлом свивальники составляли одну из главных частей детского приданого.

«В России долгое время сохранялся обычай туго пеленать новорожденных, при этом пеленками не пользовались. Ручки и ножки младенца неподвижно фиксировались широкими лентами с тесемками для завязок, так же перевивалось всё тельце. В крестьянских семьях свивальник сохранял древнюю, языческую роль оберега, защищающего ребенка от злых сил, как пояса во взрослой одежде – символ того, что человек находится внутри оберегающего круга. Поэтому в простонародной среде отделке свивальника придавали очень большое значение. И это был самый нарядный предмет детского приданого. Пеленками, их еще называли “косынками” и “платками”, стали пользоваться лишь в начале XX века, и только в городских семьях» (Серебрякова, 1995).

О Западной Сибири в XIX – нач. XX в.: «По сведениям священника Герасимова, у старообрядцев Бухтармы ребенка одевали в ситцевую рубашку, голову повязывали платочком. Пеленали пеленками – “свивальниками”, сшитыми из цветастых материй, иногда использовали для пеленания пояса» (Фурсова, 1990, 92).

СВИДЕТЕЛЬСТВО об окончании школы.

До 1917 года окончившим среднее учебное заведение выдавались аттестаты зрелости. С 1918 по 1935 г. учащимся, окончившим сред. общеобразоват. школу, выдавалось свидетельство установленного образца. В 1935 г. взамен свидетельства ввели *аттестат о среднем образовании*.

О зауральском селе в 1940 году: «Весну сорокового года я почувствовал по-настоящему только тогда, когда сдал экзамены. По всем предметам в свидетельстве об окончании семилетней школы были отличные отметки. В школе для выпускников устроили угощение» (Вологин, 2003, 137).

СВИНКА – «Детское инфекционное заболевание, – воспаление околоушной железы» (Словарь, 1962–13, 368).

О конце 1890-х гг.: «...Когда я был маленький... я почему-то очень часто хворал. Главным образом свинкой или ангиной» (Зоценко, [1939] 1968–1, 228).

О конце 1940-х гг.: «...Я...зачерпнула ладонью этого пушистого рассыпчатого снега, смяла его и съела. Хорошо! на второй день за завтраком я пожаловалась: “Трудно глотать”. Мамочка подошла: “Открой рот”. Она заглянула в рот, потрогала мою шею, щёки, приложила ладонь ко лбу: “Свинка”» (Латёва, 1969, 228–229).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Да нет, дяденька. Вы мне не поможете, – ответила девочка сквозь слёзы. – Я всю зиму болела, болела... И свинка у меня была, и ангина...» (Макарова, 1965, 42).

СВИНЬЯ-КОПИЛКА – см. *Копилка*.

«**СВИРЕЛЬ**» – детский ежемесячный научно-попул. журнал о природе для детей в возрасте от 7 до 12 лет; дет. эколог. журнал для чтения в кругу семьи и в школе. Издаётся с 1994 года. Тираж 2006 года – 7 700 экз.

«**СВИРЕЛЬКА**» – ежемесячный журнал о природе для детей в возрасте от 3 до 8 лет. Выходит на 32 страницах большого формата. Кроме содержательных рассказиков, историй, стихов о живой природе, в «Свирельке» есть странички-раскраски, книжечка-вкладка (вынуть несколько листов из журнала, сложить пополам и сшить). Весёлые ребусы, загадки, самоделки. Выходит с 1990-х гг.

СВИСТЕТЬ – издавать резкий, высокого тона звук посредством выдыхания воздуха через сжатые губы. Умение свистеть – качество, традиционно ценимое в мальчишеской среде.

О 1950-х гг.: «Юрка свистнул на уроке арифметики. Он совсем не хотел свистеть, да Ванька Обухов подбил – дескать, не умеешь, дескать, пальцы откусить боишься. Это он-то боится! Да Юрка хоть в два, хоть в четыре, хоть “колечком” свистеть умеет. Он всё прошлое лето на даче свистел – с соседским Димкой голубей гонял... Ну, и свистнул. Ну, и что хорошего получилось? ...Мария Власовна выставила из класса, вот и всё... Юрку к директору таскали. А директор совсем и не ругал, только взял слово, что больше этого не повторится. Юрка с охотой дал честное, будущее пионерское, потому что

свистеть ему больше незачем – весь коллектив уже знает, что он свистеть умеет» (Джиглев, 1961, 84–85).

СВИСТОК – устройство, позволяющее посредством выдыхания через него воздуха издавать резкий, высокого тона звук.

О 1960-х гг.: «Как-то раз к нам во двор зашел человек с большим мешком. Неожиданно он остановился, подозвал детей, раскрыл мешок и стал вытаскивать оттуда разные игрушки: бумажные шарики на резинках, свистки, веера, мячики, не помню, что еще. Мы стояли, раскрыв рты. Он подарил каждому по мячику, свернул мешок и так же молча ушел» (Глушенко, 1997, 8).

Свисток самодельный.

О мальчиках 9 и 15 лет в 1946 г.: «...[Гришун] побрел куда-то. Севка догнал его: “Гришун... А помнишь, ты говорил, что, когда весна будет, свисток мне сделаешь из тополя”. “Не. Не помню... Да ладно, сделаю. Там работы – раз чихнуть. Только ветку добудь свежую”. “Я добуду”... Во дворе Севка виделся только с Гришуном. Гришун сам нашел нужную ветку и сделал Севке громкий тополиный свисток... Свистеть [Севка] научился по-всякому: протяжно и с перерывами, ровно и переливчато. А потом Севка сделал открытие: когда мелко дрожит кончик языка (будто говоришь букву “Р”), получается миллисекундная трель» (Крапивин, 1986; 141, 142, 144).

СВИСТУЛЬКА – игрушечный свисток.

О середине 1930-х гг.: «Мы не подошли... к игрушкам, которые всегда продавались на базаре, и возле которых мы с Матрешенькой всегда простаивали, любясь ярчайшими бумажными фонариками..., восковыми уточками, свистульками..., “уйди-уйди”, жужжалками...» (Александрова, 1992).

О 1950-х гг.: «А Митя уже вбежал в вертящиеся двери универмага. Магазин сверкал и гремел. На прилавке стояла ёлка, на ней висели цветные фонарики... Со всех сторон неслись звуки патефонных пластинок, кричали “уйди-уйди”, звенели бубенчики, верещали свистульки... Вокруг вопили свистульки “уйди-уйди”, звенели бубенчики» (Виткович, Ягдфельд, [1959] 1961; 133, 145).

Свистульки глиняные – детские игрушки в виде лошадки, птицы и т.п. из глины с отверстиями для свиста.

О конце XIX века: «Свистульки... в России делаются большей частью из глины или какого-л. металла. Из глины они делаются в сев. губерниях, большей частью, наподобие маленьких птичек, величиной с воробья, изображающих собой уток, чаек, петухов и т. п.; в южных губерниях... делают глиняные свистульки, большей частью в виде каких-либо животных, – баранов, лошадей, кошек, собак; иногда в виде солдатиков и т. д. Простейший род свистулек такого рода есть подобие птицы без ног, полый внутри... В хвосте этой птицы делаются два отверстия, из коих одно, шелевидное, находится в самой середине хвоста, а другое недалеко от него, снизу. Для извлечения звука из этой свистульки хвост её берут в рот и дуют. Но получаемый таким образом звук всегда был бы одинаков, однообразен, а, следовательно, и скучен. Чтобы иметь возможность разнообразить его, продельваются ещё два отверстия в спинке игрушки. Эти отверстия могут быть закрываемы и открываемы указательными пальцами и таким образом значительно изменяют основной тон, вследствие чего получается большое разнообразие, и неприхотливые дети подолгу наслаждаются ею. Свистулька иногда является единств. игрушкой нашего крестьянского ребенка, но зато она является и чуть ли не обязательною для каждого из них» (Покровский, 1895, 75).

О Саратове в конце 1880-х гг.: «Моя бабушка ... объявила мне, что сейчас мы поедем на Никольскую ярмарку. Спустившись к Волге, мы подошли к трём биржам, на которых размещалась вся ярмарка. Сначала по мосткам взойшли на одну из баржей с щепным товаром... На другой барже были гончарные изделия, и здесь бабушка купила мне глиняного петушка-свистульку. Обрато мы пошли пешком и долго шли до Верхнего базара; я рассматривал большие дома и всё время свистел в своего петушка» (Золотарев, 1995, 52).

О Ленинграде 1930-х гг.: «На праздничных базарах и ярмарках имелось на выбор множество забавных игрушек: глиняные свистульки, надувной пищущий чертик “уйди-уйди”, “тёщин язык”...» (Гранин, 1990–5, 473).

Свистульки из акации, гороха – свистки, изготовленные из стручков акации, гороха.

О Белоруссии в 1920-х гг.: «Со временем, однако, начал появляться у местечковой детворы и действительно игрушки... Девчонкам мамы шили из домашнего хлама всяких кулёчков, медвежат, зайчиков. А мальчишки сами себе что-нибудь придумывали и мастерили... А к концу лета, когда в огородах созрел горох, двory и улицы оглашались звуками пищалок, сделанных из зелёных стручков. Бывало, зажмешь такую свистульку в зубах, начнешь дуть, и непременно кто-нибудь из взрослых тебя обругает: дескать, уши вянут от такой музыки. Но это уже относится к извечному конфликту поколений» (Гинден, 2006, 29).

О нач. 1950-х гг.: «Меня рвало, я ничего не ел, исхудал, мать решила – отравился стручками акации... из которых делали свистульки» (Гай, 1987, 92–94).

О 1960-х гг.: «...Мне вдруг показалось... что это Саня Круглов, мальчишка, с которым мы вместе учились в Сибири, он ещё показал мне, как делать классные свистульки из акации» (Вольф, 1971, 69).

О селе Трусилово Шумихинского р-на в перв. пол. 1990-х гг.: «В детстве из стручков акации мы делали “свистульки”. Убирали из них горошины, слагивали две половинки стручка обратно, отрывали (откусывали) одну сторону, т.е. укорачивали стручок. Зажимая между губ, дули в получившееся отверстие, раздавался очень звонкий свист» (024).

См. также: *Уйди-уйди*.

СВИТЕР – «тёплая вязаная фуфайка без застёжек с высоким загнутым воротником, надеваемая через голову» (СИС, 1954, 624); «вязаная фуфайка без застёжек с высоким воротом, плотно обтягивающим торс и шею» (Словарь, 1962–13, 390); «тёплая фуфайка без застёжек с высоким воротом» (Ожегов, [1960] 1970, 695; Ожегов, 1972, 648); «трикотажная фуфайка, без застёжки, с высоким воротником, закрывающим шею» (Орлова, 1988, 171); «тёплая вязаная фуфайка без застёжек с высоким воротом, надеваемая через голову» (СИ, 1994, 545).

Свитер у девочек.

О 1920-х гг.: «“Миллионная” кофта когда-то принадлежала мне. Этот маленький красный нитяной свитер купили в 1922 году в Баку и действительно заплатили за него миллион. Свитер хранился как реликвия» (Либединская, 1966, 42–43).

О 1946 г.: «[Инна Кузнецова из четвертого “Б”] была красивая... И одетая всегда в черное... Инна носила хлопчатобумажный свитер с воротником до подбородка, вельветовую юбочку, всегда новенькие чулки в резинку» (Крапивин, 1986, 30).

О середине 1950-х гг.: «Серёжа смотрит, смотрит на Настьку и видит, что перед ним стоит худенькая девчонка в красной вязаной шапочке и зелёном свитере со штопками коричневыми нитками на локтях. Видит её узкие плечи, длинные ноги в лыжных брюках и серые самокатные валенки, наискось перепопсаные лыжными креплениями» (Сукачев, 1984, 186).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Игорек начал одевать сестрёнку, но Оля капризничает. Он ей сказал: “Не хочешь одеваться – не пойдешь гулять”. Она немного подумала и попросила помочь ей. Когда Игорек стал одевать ей свитер, опять попытался капризничать. Тогда он накинул свитер ей на голову и сказал: “А где у Оли головка?...”» (Низова, 1961, 63).

О середине 1960-х гг.: «С невольной улыбкой Тина смотрит на шестилетнюю девочку в синих брючках и красном свитере» (Котовщикова, 1969, 179).

О десятилетней девочке во вт. пол. 1960-х гг.: «Мороз сегодня умеренный, даже не шиплет. Однако Люба одета так, будто её ожидает ночёвка среди сугробов. Мама велела надеть толстый вязаный свитер, на который еле налезла фуфайка, и полушалок с кистями. Оттого она и похожа на колобок» (Багров, 1986, 40).

О девочке 12 лет во вт. пол. 1970-х гг.: «Отец... увидел, что [дочь] не в домашнем платье, а в брюках и свитере... Лида... прямо на ходу стала снимать через голову свитер. Теперь она осталась в ярко-зелёной почти мальчишеской рубашке... Лида слегка замёрзла. Ей надо было бы поддеть свитер, да он был старый, сто раз стираный, с чинёными локтями... Был у неё в своё время и новый свитерок. Но Лида продала его. Одной... девиче из восьмого класса. В каждой школе такие есть – “комиссионные кадры”. Лида рассталась со своим свитерочком за сумму совершенно несуразную – пятнадцать рублей. Зато Леночка (так звали ту девицу) сразу же отдала деньги» (Иванов, 1979; 6, 198).

О 1970-х – 1980-х гг.: «В чём проявлялась подростковая фронда в недавние времена, когда старшеклассники обязаны были ходить в школьной форме, не носить колец и серег, не краситься, не курить? – Девочки надевали в школу юбку и свитер, а мальчики курили на заднем дворе или в туалете и чувствовали себя героями...» (Медведева, 1995, 3).

Свитер у мальчиков.

О подростках 16 лет в 1937 году: «А через несколько дней, придя в школу, я столкнулась в вестибюле со странным мальчиком, которого раньше не видела. Меня поразила его одежда: сандалии поверх теплых носков, брюки гольф и тёмно-зелёный свитер толстой вязки, с широкой белой полосой у шеи» (Либединская, 1966, 74).

О мальчике 8 лет в 1946 году: «Севка... расстегнул пальто – чтобы видно было, что под ним свитер и штаны, а не платице – и двинулся вдоль забора...» (Крапивин, 1986, 20–21).

О начале 1970-х гг.: «...Тимка... натягивал белый свитер, который связала бабушка. Свитер мягкий и тёплый, но сегодня Тимка лучше бы не надевал этого нарядного свитера» (Матвеева, 1975, 9).

СВОДНЫЕ картинки – то же, что *переводные картинки*.

О 1910-х гг.: «...Писчебумажный магазин под названием “Привет”. Мама покупала тетрадки для меня (в три линейки по косой), а я замирала перед стеклянной витриной. Нигде в мире никогда в жизни, ни тогда ни после, я не видела столько писчебумажных чудес... А эти мутные, молочные, полные тайны и неизвестности сводные картинки! Ведь не знаешь, что из них проявится, когда окунаешь их в воду и дрожащей от нетерпения рукой начинаешь переводить на бумагу» (Луговская, [1983] 1987, 76).

«СВОИ соседи» – домашняя игра детей и подростков начала XX века, средство проявления симпатий.

О начале XX века: «Реалист подпустил скептицизму: “Глупая игра, – сказал он [об игре в фанты]. – Уж лучше в “свои соседи!”” Леля обернулась к обществу и неожиданно объявила: “Эта игра надоела! Глупая! Давайте, господа, в свои соседи!” Общество поддержало. Гости расселись по стульям. Петров, все время увивавшийся около Лели, конечно, поспешил воспользоваться моментом и сел рядом с Лелей... После того, как Леля заявила, что она недовольна своим соседом Петровым, и тому пришлось убраться на другой стул к несимпатичной совсем даме, – Петров сделался вдруг злым... Петров заметил, что когда на его место, по требованию Лели, сел реалист, она стала говорить: “Довольна! Очень!...” а реалист, перебивая её, восклицал: “И я – тоже!” Петров два раза пытался развести их: он сердито кричал: “Всеми недоволен!” Но толку не выходило никакого. Когда крики и визги стихали, а общий переполох и сумятица прекращались, Петров видел, что реалист только поменялся с Лелей стульями» (Чириков, 1918, 34–35).

О середине 1900-х гг.: «У Лихаревых на встрече Нового года из молодежи были еще две Олечкины подруги по гимназии... да студенты... Я был приглашен на вечер как Олечкин наставник: второй год я тяну ее по математике. Было очень весело. Сперва ставили глупенький, но смешной водевильчик... Потом играли в веревочку, в жмурки, в фанты, в “свои соседи”, в “почту амура”» (Кузьмин, [1964] 1990, 122–123).

СГУЩЁНКА – «Разг. Сгущенное консервированное молоко» (Словарь, 1962–13, 511); «Сгущённое молоко (получаемое пастеризацией и выпариванием части воды)» (Ожегов, Шведова, 1996, 696).

О девочке в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: «...Когда родители работали в колхозе и им под зарплату выдавали продукты, папа обычно всегда брал трёхлитровые банки повидла, сгущёнки. Помню, открываешь холодильник, а там банка повидла или сгущенки. Пока родители не видят, бежишь за большой ложкой и уплетаешь за обе щеки...» (106).

СДЁРГИВАНИЕ трусов (во время купания) – вид эротически окрашенного озорства

О 1960-х гг.: «А мы... боялись ходить с мальчишками в ночные купания, пугались ласковых объятий ночного озера, а Нинка не боялась – наравне с пацанами подныривала под них и сдёргивала в воде трусы, так же, как они нам» (Цветкова, 1992, 119).

Ср.: *Без трусов заставляешь стоять.*

«СЕВЕРНОЕ сияние» – первый советский журнал для детей, издавался Комиссариатами по нар. просвещению и социальному обеспечению в 1919–1920 гг. в Петрограде. В 1919 г. вышло шесть выпусков по два номера в каждом, в 1920 г. – два выпуска по шесть номеров.

«Журнал имел три осн. отдела: беллетристич., науч.-поп. и “Клуб любителей наук”, где печатались “небольшие очерки заметки из обл. естествознания, техники и прикладного искусства, хроника-обзор важнейших событий, открытый и изобретений”». Беллетристика “Северного сияния” коренным образом отличалась от аналогичных отделов дореф. журналов: главным героем рассказов и сказок стал человек из народа. Важное место в журнале занимал науч.-поп. отдел. Журнал заложил основы дет. лит-ры и журналистики, обращенной к массовому читателю. «И в этом отношении он справедливо считается родоначальником советских дет. журналов» (Колесова, 1993, 98–101).

«СЕВЕРНЫЙ полюс» – зимняя игра.

О вт. пол. 1980-х гг. в г. Шумихе: «У нас была еще игра в “Северный полюс”. Надеваешь валенки, сверху штаны, чтобы снег не попадал, закутываешься как можно теплее и удобнее, выходишь в поле и начинаешь прокладывать дорогу. Когда снега было много, а он ещё и рыхлый, тогда вообще было весело. Идти было практически невозможно. Провалившись по самое не хочу, ползи, кувыркались, старались пройти как можно больше. Затем оставляли метку, куда добрались и в следующий раз старались перейти...» (554).

СЕВЕРЯНИН – Игорь Северянин (псевдоним; наст. имя и фамилия Игорь Васильевич Лотарев) (1887–1941), русский поэт. Популярность пришла к И. Северянину после выхода в 1913 г. сб. «Громокипящий кубок». Для творчества И. Северянина характерна эстетизация салонно-городских мотивов. Пик популярности Игоря Северянина приходится на 1913–1917 гг.

О 1910-х гг.: «Миллионы – без преувеличения... – старшекласники и старшекласников любого возраста составляли в нач. XX в. фан-клуб Северянина, популярность его достигала блоковской славы и превосходила любую другую» (Вайль, 2006, 19).

«СЕГА» – игровая приставка к телевизору.

О селе Костыгин Лог Целинного р-на в 1996 г.: «Когда мне было 11 лет, из армии вернулся мой старший брат и привез приставку “Sega”, которая была очень популярна. Мой восторг был неописуем» (137).

Ср.: «Денди».

«СЕГОДНЯ воскресенье, девочкам – печенье...» – стишок, существующий с разными вариантами концовки, по меньшей мере, с конца 1960-х гг.

О конце 1970-х гг.: «Дразнилки: “Тили-тили-тесто, жених и невеста”, “Кто обзывается, тот сам так и называется”, “Сегодня воскресенье – девочкам печенье, а мальчишкам дуракам – кошку в спину и наган”» (541)

О 1981–1982 гг.: «Это стихотворение я слышала в первом или втором классе. Дразнилка. “Сегодня воскресенье, / Мальчишкам – печенье, / Девочкам – лепешки / Из облезлой кошки”. Ответ: “Сегодня

воскресенье, / Девочкам печенье, / А мальчишкам-дуракам / Толстой палкой по бокам”» (499).

О с. Верх-Теча Катайского р-на в 1991–1993 гг.: «Бабушка мне говорила такое стихотворение (мне было 5–7 лет): “Сегодня воскресенье, девочкам – печенье, / А мальчишкам-дуракам – толстой палкой по бокам”» (097).

О селе Погорельском в 1991–1998 гг.: «В детстве (5–12 лет) по выходным я гостила у бабушки с дедушкой в селе Погорельском, что находится в пригороде Шадринска. Часто бывало, что как только я проснусь и войду в кухню, дед восклицал: “Сегодня воскресенье, девочкам – печенье, а мальчишкам-дуракам – толстой палкой по бокам!” и приглашал меня к столу. Помню, всегда в такие моменты думала: “Как хорошо, что я – девочка”» (020).

СЕГЮР, графиня Сегюр – титульный автор ряда книг для русских детей, написанных по-французски и издававшихся в первой половине XIX века.

«Наш очерк истории русской дет. лит-ры перв. пол. XIX столетия был бы не полон, если бы мы не упомянули о том, что в эту эпоху были русские писатели и писательницы, которые писали для русских детей по-французски. Это было вполне понятным явлением в той среде, в которой дети начинали говорить по-французски раньше, чем на своем родном языке, в среде, где русским языком пользовались только при разговорах с прислугой. Мы уже говорили, что в институтах преподавание многих предметов велось на фр. языке. В нач. XIX столетия был напечатан в России ряд книг по-французски, составленных русскими и предназначенных для чтения институткам и светским молодым людям, получавшим такое же, как институтки, фр. образование. Нет ничего удивительного, что одна из таких русских по происхождению графиня Раstopчина, заняла почетное место среди фр. дет. писателей, под фамилией графини Сегюр. Вообще, в жизни детей высших классов русского общества в перв. пол. XIX столетия фр. лит-ра и фр. дет. книги играли гораздо большую роль, чем русские» (Чехов Н., 1909, 45).

О девочке в конце 1880-х гг.: «Первое мое знакомство с несправедливостью, наказаниями и обидой состоялось по книжкам Madame de Segur, Bibliotheque Rose. (Сегюр С.Ф. (1799–1874) – французская писательница, дочь графа Ф.В. Раstopчина. Речь идет о романе “Несчастья Софии”, опубликованном в “Библиотеке роз” – специальной серии для детей и юношества). Зло, борьба и страдания всегда привлекали меня как яркие незнакомые явления, требующие отпора и усложняющие жизнь; но в сказках, которые я знала, зло было слишком сказочно и недоступно... Здесь же оно явилось в обыденной, досягаемой форме. Действующими лицами были такие же маленькие обыкновенные дети, как я, и обстановка и условия были похожи. Злая мачеха, бьющая бедную Sophie, жестокий мальчик, издавающийся над всеми, гордые нарядные дети в Tuilleries – всё это было ново и обаятельно, и я до сих пор испытываю некоторое волнение, когда мне попадают в руки эти истрепанные красные книжки. Всё в них пленяло меня, – я завидовала этим придуманным детям, их красивым фр. именам, всей их богатой приключениями жизни, протекающей в форме нескончаемого веселого диалога. У меня являлось желание сделать свою жизнь похожей на них. Мне хотелось, по примеру Sophie, потихоньку сорвать и съесть все фрукты dans le verger и быть за это наказанной. Но у меня не хватало решимости и изобретательности на это; у нас не было фруктового сада, а придумать новое зло, свое собственное, я не умела. Без сомнения, и мне случалось вызывать неудовольствие взрослых своим непослушанием и шалостями, но это не было похоже на Malheurs de Sophie, не влекло за собой того раскаянья, страдания, борьбы, которые я так заманчиво и реально ощущала в этих книжках. Я делала попытки сама назначить себе наказания, играя, что оно исходит от злой мачехи, пробовала морить себя голодом, но... когда я сурово и сосредоточенно отказывалась от еды за обедом, меня тревожно спрашивали, не больна ли я?» (Герцык, 1991, 50–51).

О середине 1900-х гг.: «Когда мы начали подрастать и начали (обе очень рано) читать, сразу появились красные с золотом книжки “Bibliothèque Rose” с повестями графини де Сегюр, дочки Ростопчина... Про этот жанр детской литературы не мало уж говорено; это были рассказы, написанные – почти все – в царствование Наполеона III, когда фр. буржуазия наслаждалась своим благополучием в тени Тюильрийского дворца. В этих книгах все благородные дети добры и отзывчивы, все “нувориши” вульгарны и злы; но были и несчастные, бедные рабочие или крестьяне, и им надо было носить лекарства и бульон из курочки... Всё это мы слушали по вечерам в чтении М-Ше Emma, и нам казалось, что мы тоже живем где-то во Франции, среди этих девочек в кринолинах и их добродетельных мамаш. У нас тогда появилась такого же слащавого и лживого рода литература – например, Чарская, которой мы в возрасте 9–12 лет зачитывались. Но мы и пели, и танцевали в нашей детской, и всё это были фр. песенки, хороводы, фр. считалки, поговорки...; да оно и понятно – в первый раз я попала на целое лето во Францию... в возрасте шести лет. Там... мы знакомились с детьми “нашего круга”, и там, естественно, продолжались те же игры, те же хороводы, что и дома в Сормове... А к осени мы возвращались в Сормово и все шло заведенным порядком» (Кривошеина, [1977] 1999).

«СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО» – телеигра.

О д. Павелево в 1998 г.: «Передачу “Седьмое чувство” мы начали смотреть с мамой. Нам нравились задания и то, как их выполнит тот или иной игрок (напр., когда девушки должны были приготовить ориг. блюдо для любимого человека, стараясь так, чтобы он выбрал именно её или когда парни наоборот должны приготовить коктейль для любимой девушки и дать ему своё придуманное название). Иногда не нравилось, как ведёт себя девушка или парень, его манеры, внешний вид» (110).

«СЕЙЛОР МУН» – японский мультсериал второй половины 1990-х гг.

«Сэйлор Мун» – японский мультсериал, популярный с середины 1990-х до начала 2000-х среди детей от 5 лет и до девушек 14–15 лет. Выпускались даже карты с изображением героев мультсериала. Главная героиня сериала – девочка, которой придаёт силы Луна, и она (девочка) борется с мировым злом. У неё есть друзья, такие же девочки, каждой из которых даёт силы одна из планет. Осн. действующими лицами были Меркурий, Венера, Сэйлор Мун и Марс. Иногда Юпитер. В крайне трудных ситуациях борются со злом к ним на помощь приходили Уран, Нептун и Плутон. Все девочки являлись с одной стороны обычными школьницами, а с другой – обладательницами сверхъестественных сил» (1003).

О г. Снежинске Челябинской обл. в 1996–1997 гг.: «Когда мне было 12–13 лет, нам в городе провели новый канал “2 x 2” (сейчас ТНТ), где стали показывать интересный японский мультфильм-сериал “Сэйлор Мун” – про девочек, которые сражались со злом. Каждой девочке соответствовала планета Солнечной системы (Луна, Марс, Венера, Меркурий и др.), а ещё у них был мальчик в маске, его звали Такседо Маск, и он после себя оставлял розы. Сериал мне очень понравился. Мама купила мне журнал, где рассказывалось о главных героях и куда нужно было вклеивать наклейки. Наклейки продавались в конвертике, где было по 7 штук картинок. Вначале было интересно, а потом этих конвертиков стали продавать меньше, и не в каждом ларьке они были. Я смотрела сериал месяца 2–3, а потом канал перестал показывать, на этом и окончился интерес» (117).

«СЕКРЕТ» – 1. См.: «Секретик», «секрет».

«СЕКРЕТ» – 2. Элемент тетради-песенника (альбома девчьего).

О конце 1980-х – начале 1990-х гг.: «Среди девчонок можно сказать обязательным считалось ведение дневника, песенника, анкет и секретов. Дневник я не вела. Песенник, в него записывали песни, всевозможные стихи, гадания. Загибая уголки песенника, мастерили

секретки. Открываешь этот уголок, а там: “Ага, открыла! Пиши кого любила?”» (538).

О начале 1990-х гг. в Шадринске: «Важной составляющей песенника был секретик. Их не должно было быть много, после определенного числа песен – 5, 6. Складывали лист треугольником, писали там свой самый важный секрет – кого любит девочка, кто из мальчиков ей нравится. Секрет никому не показывали, только самым близким подругам... Текст в секретиках писался очень необычным почерком – большим, маленьким, узорчатым. Иногда секретки заклеивали клеем» (1001).

«СЕКРЕТИК», «секрет» – спрятанный детьми в ямку и прикрытый стеклышком «красивый» предмет или композиция.

Петербургский исследователь детства М.В. Осорина пишет: «“Секрет” (или “секретик”) девочки – это небольшая ямка глубиной в несколько сантиметров, специально выкопанная в земле. Её дно тщательно выкладывается чем-нибудь красивым. Обычно сначала делается фон: например, листья с дерева, на которые сверху кладутся интересные “штучки”, головки цветов, веточка с желудями и т.п. содержимое “секретика” далеко не всегда растительного происхождения. В классических “секретиках” опытных девочек семьюсьми лет больше всего ценится фон из цветной фольги. Фольгу готовят загодя. Она может быть найдена на улице, а может быть принесена из дома. Поверх фольги делается сложная аранжировка из осколков цветных стеклышек, бутылочных крышек, бусин, пуговиц, картинок, фигурок, слепленных из пластилина. Вообще содержимым “секрета” может стать все что угодно. Главное – чтобы все это было интересно и красиво скомпоновано. Сверху композиция покрывается куском прозрачного стекла... Затем стекло засыпают тонким слоем земли, так что если смотреть снаружи, то ничего не заметно. Поэтому части девочки стараются как-то отметить для себя расположение “секрета”, чтобы потом его можно было найти. Обычно у девочки бывает по несколько таких “секретиков” (в среднем 3–5, иногда больше), и она их периодически посещает. Тогда земля над “секретом” расчищается так, чтобы под покровным стеклом была видна “красота”, спрятанная в глубине. Ею любуются, подправляют, если что-то попортилось, и закапывают снова. Срок жизни такого “секрета” – от нескольких часов до пары недель. Чаще всего он гибнет от разрушительных действий недругов... ..Как сама идея, так и формы её воплощения и даже название “секрет” передаются от старших детей к младшим в виде культурного наследия. Каждое следующее поколение маленьких девочек воспроизводит то, что делало предыдущее поколение, и так продолжается, пока традиция не угаснет... Мне посчастливилось записать рассказы Натальи Георгиевны Горбатовой о дет. быте начала 1900-х гг. Её детство прошло в пригороде Петербурга. Вот отрывок из её рассказа...: “Делали и “секреты”. У нашего домовладельца был огород ближе к улице. Там была грядка. Мы с сестрой Полей ходили туда: “Сделаем секрет?!” Втиснешь коробочку в грядку так, чтоб влезла туда по стекло покрывающее, – и сверху вместе землей и травой. Прямо в ямку цветные стеклышки мы не клали: боялись, что запачкаются или не найдешь. “Секреты” никому не показывали, сами проверяли. Не помню, таскали ли их у нас, может быть, только мальчишки. Такие случаи были”... Мой информант – сорокалетний швед. Интересно, что в субкультуре шведских детей присутствуют многие формы взаимодействия с ландшафтом, описанные в этой книге. Как и русские дети, они делают “секреты” и “тайники”, точно так же мальчишки охотятся за “секретами” девочек. (Что по сведениям шестидесятилетнего американца характерно и для сельских детей Канады)» (Осорина, 1999; 140–141, 241).

Исследователями и авторами воспоминаний нередко отмечается исключительно девичий характер игры в секретки. Напр., о нач. 1960-х гг.: «“Секретки” – фантик под стеклом, закопанный в укромном месте, – девочки прятали, мальчишки их разоряли» (Киршин,

2002); «Мы уже неоднократно подчеркивали, что “секреты” – дело женское, девчоночье. Мальчишки делают “тайники”...» (Осорина, 1999, 143).

Однако в качестве конструктора можно привести отрывок о начале 1960-х, в котором рассказывается о «секретике», который делает мальчик: «Можно было грузить [песок] в кузов машинки, “выпекать” формочками пирожные..., можно было прокладывать в нем ходы и рыть гроты... Ещё одним по преимуществу песочным искусством, приведшим меня в особенный трепет, было сооружение “секретиков”. Сперва нужно было приготовить осколок стекла, конфетный фантик, золотинку или все, что угодно, – рябиновый листок тоже мог сгодиться. Затем тайком выкопать в песке как можно более глубокую ямку, уложить в нее “начинку секретика”, придавить стеклышком, зарыть и приметить место. После этого надо было ходить и, как бы ни к кому не обращаясь, а в то же время обращаясь ко всем и к кому-нибудь в особенности, громко выкрикивать: “Кам-кому секретик покажу? Кам-кому секретик покажу?” Всегда находился желающий. А тебе уж и самому охота было поглядеть, а не меньше чем заванному зрителю. На помеченном месте начинались раскопки. Докопавшись до “секретика”, оставалось аккуратно расчистить пальцем стеклышко – и пожалуйста, смотри. Только вдвоем, соприкасаясь головами над тесным песчаным колодезцем, куда свет проникал лишь под особым углом и таинственно мерцал на поверхности стеклышка в глубине. Только вдвоем, украдкой, не показывая больше никому, сталкиваясь лбами, сливаясь в дыхании... Нередко после такого показывания “секретик” навсегда хоронился, чтобы остаться узелком, связавшим двоих, просто, целомудренно и вовсе не накрепко...» (Застырец, 2003).

«Секретики» в 1940-е гг.

О Свердловске второй половины 1940-х гг.: «Девчонки больше занимались рукоделием. Или изготавливали “секреты”: выкапывалась небольшая ямка, туда закладывалось цветное стеклышко, все это перекрывалось прозрачным стеклом и засыпалось землей. Высшим счастьем считалось найти чужой “секрет”. За цветными стеклышками мы ходили на свалку... Вот туда и свозили весь городской бытовой мусор. Там мы обнаруживали невиданной красоты остатки чайной посуды, которые тут же подбирали для будущих “секретов”» (Факова, 2006).

«Секретики» в 1950-е гг.

О 1950-х гг.: «Нехитрые тайны детства – игра “секретики”. Найдешь осколок чашки “побогаче”, обточивши камешком острые и неровные края – и в землю его. Годились и бумажные картинки – их мы зарывали под цветным стеклышком. И хвастались друг перед другом» (Чайкова, 2006, 2).

В следующем стихотворении, судя по упоминанию арифметики, речь идет о периоде до 1960-х гг. (когда предмет стал называться математикой): «Волно – до грамматики, всласть – до арифметики / собирайте фантики, делайте секретики! / Тишина, тишина для секретиков нужна – / тайна делается втайне – если важная она. / Стелем в ямку серебро, прячем редкое добро – / фанты, банты, бриллианты, петушиное перо. / И листок, и цветок, и цветастый лоскуток, / а поверх всего – стеклышка, как над лужицей ледок. / Буду около ходить, тайну страшную таить... Мне не спится, мне тревожно – цел секретик или нет. / Доктора, повара, мастера, директора / тоже делали секретики, была у них пора. / И однажды случай был – маршал сухопутных сил / признавался генералам, что секретики любил. / А буржуйский генерал – этот в детстве не играл, / сказки мамы не слушал и секретики ломал...» (Завражин, 1980, 18–20).

«Секретики» в 1960-е гг.

О 1960-х гг.: «Запах таяния, свежие почки на кустах..., жуки в спичечной коробке и “секреты”, закрытые стеклышкой клады с красивыми фантиками, – это весна» (Ермакова, 2005, 24).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Вы умеете делать “секретики”? Если не умеете, я вас научу. Возьмите

чистое стеклышко и выройте в земле ямку. Положите в ямку фантик, а на фантик – всё, что у вас есть красивого. Можно класть камень, осколок тарелки, бусину, птичье пёрышко, шарик (можно стеклянный, можно металлический). Можно жёлудь или шапочку от жёлудя. Можно разноцветный лоскуток. Можно цветок, листик, а можно даже просто траву. Можно настоящую конфету. Можно бусину, сухого жука. Можно даже листик, если он красивый. Да, можно ещё пуговицу, если она блестящая. Ну вот. Положили? А теперь прикройте всё это стеклышком и засыпьте землёй. А потом потихоньку пальцем расчищайте от земли и смотрите в дырочку... Знаете, как красиво будет! Я сделала “секретик”, запомнила место и ушла. Назавтра моего “секретика” не стало. Кто-то его вырыл. Какой-то хулиган. Я сделала “секретик” в другом месте. И опять его вырыли! Тогда я решила выследить, кто этим делом занимается... И конечно же этим человеком оказался Павлик Иванов, кто же ещё?! Тогда я снова сделала “секретик” и положила в него записку: «Павлик Иванов, ты дурак и хулиган». Через час записки не стало. Павлик не смотрел мне в глаза. “Ну как, прочёл?” – спросила я у Павлика. “Ничего я не читал, – сказал Павлик. – Сама ты дура!» (Пивоварова, 1979, 7–8).

«Секретики» в 1980-е гг.

О начале 1980-х гг.: «В детстве почти все девочки закапывают “секреты”, или “секретики”. Умение создавать эти мини-инсталляции шлифуется годами и корректируется общественным мнением. Главные и необходимые элементы «секрета» – яркий, желательно блестящий фантик для фона и бутылочное стекло (лучше всего – прозрачное, но зеленое тоже сойдет, так будет даже таинственнее). На фантик надо положить самое лучшее и самое красивое из того, что найдется во дворе: цветок, бусинку, пуговицу, прикрыть стеклом, прикопать немного землей, потом расковырять пальчиком небольшой иллюминатор, любоваться самой и показывать проверенным подругам. Мальчишки в создании “секретов” участия не принимают, их задача – находить и разорять незатейливые девчоночьи инсталляции, или – как они их называют – “клады» (Лука, 2006).

СЕКРЕТКА – заклеивающаяся по кайме и посылаемая без конверта почтовая бумага с линией отрыва, простроенной по краям для вскрытия.

О 1907–1908 гг.: «Обычно для любовной переписки употреблялись так называемые “секретки”, весьма распространённые на всяческих балах и танцевальных вечерах при игре в “летучую почту”. Эти маленькие, разноцветные, сложенные пополам листки почтовой бумаги были в то же время и конвертиками, так как они с трёх сторон заклеивались, а потом обрывались по краям полоской, как купоны. Они были сродни митральзам, конфетти, серпантину, узеньким атласным полумаскам и прочему бальному вздору. На них полагалось писать любовные послания» (Катаев, 1961, 503).

О перв. пол. 1910-х гг.: «...Калерия вынула из-за нагрудника фартука и протянула мне ...розовую секретку в клеточку» (Катаев, 1983; 7, 212–213).

См. также: «Почта», «Почта амура».

СЕКС – «половые отношения, совокупность психических реакций, переживаний, установок и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения» (Словарь, 1962–13, 547).

Сексуальная жизнь, половая жизнь.

О 1920–1921 гг.: «Отмечен чудовищный рост детской проституции, венерических заболеваний. Воспитанники двух детских колоний в Царском Селе оказались сплошь зараженными гонореей. Из числа девочек, прошедших через распределительный центр в Петрограде, откуда они направлялись в детские дома и колонии, 86,7 процента шестнадцатилетних оказались уже пожившими половой жизнью. Эти... цифры привёл... Питирим Сорокин, высланный в 1922 году из Советской России» (Стрелкова, 2004).

См. также: *Сексуальность; Проституция.*

СЕКСУАЛЬНОСТЬ – «Половая чувственность» (Словарь, 1962–13, 586).

О перв. пол. 1930-х гг. в Петрозаводске: «Всё наше школьное воспитание тех далеких лет было призвано способствовать тому, чтобы мальчики и девочки росли исключительно “товарищами”, без различия пола. Даже чисто дружеские отношения между мальчиком и девочкой находились под подозрением. Что касается каких-то более “интимных” (разумеется, абсолютно невинных), то они подлежали всеобщему осуждению... Воспитание “в товариществе” имело, наверное, и положительную сторону. Сексуальные проблемы нас в школьные годы если и тревожили, то не слишком. Правда, девочки перешептывались порой по поводу каких-то “случаев”, мальчишки позволяли себе рассказать в “женском” присутствии непристойный анекдот, а в библиотеке стояла колоссальная очередь за повестью “Стружки”, в которой речь шла о жизни беспризорников и, в частности, о половых связях между действующими лицами. Но этот вполне закономерный интерес к сексу в общем-то не приводил к каким-то реальным, нежелательным для школы результатам. За всю школьную жизнь помню лишь один случай беременности, правда, довольно ранней, – в седьмом классе» (Лупанова, 2007, 48).

См. также: «Ромашка» (2); Проституция.

Восприятие сексуальности девочками-подростками.

Реакция на знакомство с сексуальной моделью репродуктивного поведения может рассматриваться как «культурный шок», как определенного рода семантическая революция в девичьем сознании.

О 1970-х – 1980-х гг.: «...Вообще я думала, что занимаются любовью только молодые или только плохие родители. Секс – это грязно. Потом я поняла, что и мои родители занимаются этим, но я думала, что они занимались сексом давно и только для того, чтобы появились дети. И помню: долго, очень долго высказывала мысль, что хочу, чтобы у нас в спальне стояла большая-большая кровать, и мы все на ней спали. А мама почему-то очень возмущалась. Меня очень удивило ее возмущение, хотя я знала все про отношения мужчины и женщины, но я почему-то не относилась это к своим родителям. Я думала, что они не занимаются любовью. Когда же я наконец это поняла, а поняла я очень поздно, около 15 лет. У меня был настоящий шок. У меня к родителям возникло отвращение. Я старалась преодолеть в себе эти чувства. Говорила сама себе, что все нормальные люди занимаются этим, но тем не менее мне было так пакостно на душе»; «Однажды, лет в 14 мы с подружками нашли у родителей книжку с подробным описанием техники секса, беременности и родов... Она произвела впечатление. Я долго не могла смириться с такой техникой, представляла, что так могут заниматься родители или знакомые и ужасалась этому. Меня пугал даже сам процесс полового акта. После этой книжки я вынесла одно твердое убеждение: я замуж не выйду, потому что не буду жить с мужчиной» (Борисов, 2000, 19).

«СЕЛА баба на чело...» – ответ на вопрос: «Чего?»

О середине 1910-х гг.: «...Выяснилось, что во двор к Рае Камориной... ходит пятиклассник Бугров... Решено было его немедленно отвадить. В тот же вечер Тошка подстерег Бугрова на углу... “Ты чего это на нашу улицу ходишь?” – спросил его Тошка. “А твое какое дело? – отвечал рослый Бугров, упиравшись плечом в плечо Тошки. – Твоя улица?” “Узнаешь, чья, когда получишь”. “Чего?” “Чего, чего!” Села баба на чело да поехала в село и говорит: чаво» (Кассиль, 1987–1, 353).

СЕЛЬПИКОР – сельский пионерский корреспондент.

О 1924–1925 гг.: «У газет теперь были свои постоянные корреспонденты – пикоры, школьники..., домкоры..., сельпикоры (сельские пионерские корреспонденты...)» (Вишневецкая, 1972, 83).

СЕЛЬХОЗРАБОТЫ учащихся – см.: Сельскохозяйственные работы учащихся.

СЕКЦИЯ спортивная – подразделение спортивной школы ил дворца (дома) пионеров.

О 1932–1939 гг.: «...Я опять начал интенсивно заниматься спортом, в частности, упражняться на турнике... В конце третьего класса я был принят в гимнастическую

секцию дворца пионеров города. В этой секции я регулярно занимался до десятого класса и в 1939-м году получил второй разряд по гимнастике... Я регулярно посещал гимнастическую секцию. Благодаря систематическим занятиям гимнастикой, плаванием, греблей, бегом я к 14–15 годам стал крепышом. Физическая сила, выносливость и ловкость неоднократно выручали меня во время Отечественной войны» (Цидильковский, 1996, 130–131).

О 1950–1951 гг.: «...Мы с Кимкой уселись рядком, и он растолковал мне, что это Детско-юношеская спортивная школа, – сокращенно ДЮСШ – записывают всех, есть разные секции, он вот долго выбирал, но хоккей с мячом ему не нравился, в фигурное катание как-то не тянет, простые коньки ему не по нраву. “Так что я выбрал лыжную секцию, – сказал он серьезно, – и тебе советую”... Уроки физкультуры у нас всегда были какие-то дурацкие, и особенно я стал их презирать с тех пор, как записался в секцию... Пацаны наши... потихоньку-потемненьку записались в разные секции, Щепкин и Кутузов, к примеру, стали играть в русский хоккей, Дудников стал боксером...» (Лиханов, 1995; 111, 138–139, 142).

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ труд учащихся – см.: Сельскохозяйственные работы учащихся.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ работы учащихся – организуемые школой (фактически принудительные) работы учащихся в сельском хозяйстве, обычно проводившиеся в сентябре-октябре.

О Московской обл. в 1941 г.: «В 1941 году мне было десять лет. В сентябре я пошел в третий класс в Горетовскую школу, которая находилась в двух километрах от нашей деревни. Сразу после занятий все школьники, включая младшие классы, шли на поле помогать колхозникам собирать картошку и капусту» (Андреев, 2006).

Из речи нар комиссара просвещения 7 февраля 1943 года: «Близится весна. В этом году мы обязаны организованно подготовить учащихся к с.-х. работам. Учителю надлежит возможно шире использовать те программы по сельскому хоз-ву, которые изданы Нар. комиссариатом просвещения. Они получили одобрение и в отделе школ ЦК партии, и в ЦК комсомола, и в [Народном комиссариате земледелия]. Для кружковых занятий с учащимися эти программы дают хороший, вполне доступный и систематически изложенный материал. Во всяком случае в этом году мы должны двинуть на поля трудовую армию наших учащихся, подготовленную ещё лучше, нежели в прошлом году. В особенности важно избежать ошибок прошлого года, когда учительство и школьная адм-ция допустили кое-где передачу учащихся отделам мобилизации, земельным органам, колхозам и совхозам, не обеспечив отрядам школьников своего постоянного рук-ва и не подготовив для них необходимых условий – размещения, питания, оплаты труда» (Потёмкин, [1943] 1947, 165–166).

Из доклада нар. комиссара просвещения 2 августа 1943 г.: «Нельзя обойти молчанием другое важное мероприятие – организованное участие школьников в с.-х. труде. Второе лето на полях колхозов и совхозов работают под руководством своих учителей до 4 млн. школьников» (Потемкин, [1943] 1947; 171, 172).

О 1941–1945 гг.: «За четыре года войны по стране в целом в с.-х. работах (по неполным данным) приняло участие свыше 14,5 млн. учащихся и более 500 тыс. учителей. Ими было выработано в колхозах около 500 млн. трудодней и заработано в совхозах свыше 75 млн. рублей... Эти цифры... свидетельствуют о том, что с.-х. труд школьников в годы войны получился шир. размах и имел огр. эк. и полит. значение» (Черник, 1975, 103–104).

О шестиклассниках в конце 1970-х гг.: «...[Нюсе] было обидно за ребят, которых куда-то отправили, как будто с удовольствием от них отвязались. Её место там, где они. Они, оказалось, отправлены в район области на уборку картофеля и овощей. “Я найду, где они работают, и поработаю с ними...” Доехать туда оказалось нетрудно. Дома снабдили деньгами и пропитанием. Села она на рейсовый автобус, потом на местный, потом попутная

машина подкинула до самого дома с наличниками. Шестиклассники квартировали в двух деревенских домах: в одном – девочки, в другом – мальчики. Они могли пробыть здесь всего неделю, потому что несовершеннолетние. За деревней – красивое озеро. И лес стоял золотой. Но ветром, дождем и снегом секло, и было холодно. Ребята, привыкшие дома к теплой воде, отказывались умываться холодной водой с ледышками, ходили чумазые. Спали на подстилке из свежего сена. У Нюсиной соседки Люси была взята из дома мягкая белая подушечка. Вечером Люся хваталась за свою подушку, как утопающий за соломинку, обнимая ее, нежно мяла в руках и горько плакала, тосковала по дому: “Я больше не могу!” – И мочила подушку слезами. Нюся смотрела на нее с удивлением. Она считала, стыдно плакать из-за трудностей. Их надо преодолевать, тогда плакать будет попросту некогда. Когда та заплакала в очередной раз, Нюся нарочно спела ей песню: “Умрешь – похоронят тебя, и родные не узнают, где могила твоя”. Люся рассердилась на Нюсю: “Если ты считаешь такие условия нормальными, то ты сумасшедшая”. – Соседка навсегда отвернулась от Нюси, но зато больше не плакала, не хотела показать больше слабость характера... Ребятам с самого утра не хотелось работать. Они ходили по полю спустя рукава. На поле картошка не казалась съедобной. В такую погоду она была как проклятие. За ребят и за себя Нюся стыдилась. На поле старалась больше всех. Ползала на корточках, выбирала до единой картофелины, и от этого больше всех пачкалась. Хотела как следует отмываться у озера, невзирая на холод, но к вечеру падала с ног от усталости. Неделя прошла кое-как. Их погрузили в машины с брезентовым верхом и повезли домой. Картошка осталась до конца не выкопанной... У Нюси за картошку сердце болело. И было стыдно, что от их работы не очень-то много проку. Привезли бы их лучше пораньше, когда еще солнце светило и снега с дождем еще не было. Но говорят, картошка в то время ещё не поспела. Только теперь она от дождей налилась, покрупнела, выросла. Она [Нюся] сидела в кузове потная, грязная, в старом отцовском ватнике, который вдли от дома ее согрел, в рейтузах, резиновых сапогах до колен, еле от глины очищенных, и смотрела в маленькое окошечко брезентового фургона на улицы города. Она видела спокойно идущих людей и недоумевала. Как они могут спокойно ходить, когда в совхозе картофель не выкопан» (Голявкин, 1984, 93–95).

О с. Затеченском Далматовского р-на в 1990–1996 гг.: «До девятого класса нас всей школой “гоняли” на сельскохозяйственные работы. Мы на колхозных полях убирали кормовую свеклу, копали картошку, убирали морковь и свеклу. На поле раньше ходили как-то с удовольствием. Все учащиеся собирались утром возле школы, потом садились в автобусы и до поля мы ехали. Каждому классу отводился определенный участок, который нужно было обработать. Работали мы весело, смеялись, рассказывали анекдоты, смешные истории, многое нам рассказывала классный руководитель, многое она рассказывала о тех временах, когда она сама училась, как они ездили на уборку урожая. Каждую осень, после уборки урожая, в школе проводились “Праздники урожая”...» (474).

См. также: «Картошка», Колхоз; «Праздник урожая».

СЕМЕЙНОЕ обучение – обучение, осуществляющееся родителями или нанятыми ими преподавателями дома; осуществляется по заявлению родителей, на основе заключенного ими договора со школой.

О 2000-х гг.: «Но есть родители, которых школа вообще не устраивает – ни программа, ни учителя, ни отношения детей в классе. И они готовы взяться сами за обучение своего ребенка. Оказывается, и это разрешено и называется семейным обучением. Родители учат ребенка сами, или нанимают для него педагогов, или отдают на курсы. И даже получают от гос-ва компенсацию за обучение... Хорошо ли “домашнее” обучение? Ответ зависит от готовности или желания ребенка учиться в школе. Марина Богданова не работает: ее забота – обучение семилетнего сына Миши. “Я сама видела, что в

семь лет ребенок не готов к школе: неусидчив, невнимателен, не может сосредоточиться, – рассказывает Марина. – Я готова была отдать его в коррекционный класс, но их в окрестных школах не оказалось. Справку для домашнего обучения получить не удалось, и в ближайшей к дому школе нам предложили вариант семейного обучения – там уже есть дети, которые так учатся. Мы заключили договор, по которому Миша сдает шк. предметы по триместрам. Через семейный клуб мы нашли учителя, она занимается с ним и еще двумя мальчиками два раза в неделю. Мне остается только делать с ним домашнее задание. А такие предметы, как ОБЖ и окружающий мир, он с удовольствием читает сам. Сейчас он окончил первый класс, второй тоже точно будет учиться дома. А потом, возможно, перейдет в ту же школу» (Лукьянова, 2007, 64).

Ср.: *Домашнее обучение.*

СЕМЕЙНЫЕ трупы – см.: *Трупы семейные у мальчиков.*

СЕМЕЙНЫЙ детский дом – учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

О 1980-х гг.: «Семейный детский дом – учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, создаваемое наряду с детскими домами обычного типа и школами-интернатами. Условия пребывания детей и отношения между детьми и воспитателями здесь максимально приближены к семейным. Это позволяет, насколько возможно, сохранять и поддерживать у детей эмоциональные ощущения и связи, существующие между членами обычной семьи, способствует воссозданию индивидуально-личностного общения между детьми и взрослыми. Гос-во финансирует эти учреждения, гарантирует полное материальное обеспечение детей, их социальное будущее. Возраст детей, принимаемых на воспитание в семейных детских домах, – от 3 до 18 лет. Выпускники – воспитанники семейного детского дома пользуются всеми льготами, преимуществами и правами, установленными для воспитанников детских домов обычного типа. Семейные детские дома могут быть нескольких видов. Первый вид – городок, который может включать 8–10–12 специально построенных жилых домов, каждый на 1–2 семьи. В одной семье – несколько опекаемых детей и родные дети воспитателей. В городке размещается адм. центр, спортивный, культурный, мед., хозяйственный и другие центры. Каждая семья имеет земельный участок. В городке создается школа и детский сад, которые обслуживают не только воспитанников семейного дет. дома, но и всех детей, живущих поблизости. Второй вид – семейный дет. дом, который является частью городка. Размещаются семьи в специально построенном четырехквартирном доме или автономном блоке жилой постройки. К дет. домам семейного типа относится и семья, принявшая на воспитание не менее 6 детей. Ей предоставляется отдельная квартира в жилом микрорайоне с соответствующим набором помещений. Направление детей в семейный дет. дом осуществляется нар. образования» (СВ, 1990, 238).

СЕМИЛЕТКА – то же, что *семилетняя школа*.

О 1945 году: «Подступили экзамены за семилетку. Они длились до конца июня» (Бакинский, 1956, 158).

О конце 1940-х гг.: «Школа выросла на улице Горняков за один год. Семилетка, в которой учились Паня и Вадик, должна была перебраться в это новое красивое здание и с первого сентября стать десятилеткой» (Ликстанов, [1953] 1964, 326).

О 1969 г.: «А в седьмом-то классе моя деревенская бабушка, Дуня Купренина, мне говорила: “Ты, Люда, уже взрослая... Семилетку закончила... Должна пример подавать”» (Воронова, 2003, 45).

СЕМИЛЕТНЯЯ школа – неполная средняя общеобразовательная школа с семилетним сроком обучения. Возникла в 1921 году. В 1958 году в соответствии с Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем разв. системы нар. образования в СССР», когда было введено всеобщее обязательное 8-летнее образование, семилетняя школа была преобразована в *восемилетнюю школу*. (ПЭ, 1966–3, 829)

СЕМИНАР вожатых – занятия, на которых вожатых учат тому, как следует организовывать досуг детей в летнем лагере.

О конце 1940-х гг.: «“Соколова Светлана Александровна едет отрядной вожатой в пионерский лагерь”. “Наш семинар посещаете?” “Да”. ...В районный Дом пионеров сегодня пионеров не пускают: “Ребята..., всю эту неделю с шести часов семинар вожатых”... Еще середина мая... А здесь, в Доме пионеров, уже наступило лето. Вожатые (не выходя из четырех стен!) отправляются в дальние и ближние походы, разбирают палатки, разжигают костры. Песни, которые ребята будут петь в лагере, разучиваются здесь. Чтобы танцевать с ребятами в лагере, вожатые сами должны научиться танцевать» (Артюхова, [1955] 1961, 197–198)

СЕМИНАРИЯ – 1. Духовная семинария.

С 1737 года по 1750-е гг. *архиерейские школы* с восьмилетним сроком обучения стали называться духовными семинариями. В 1740 году в России было 17 семинарий, к началу XIX века – 37 семинарий, в 1913 году – 57 духовных семинарий (22 тыс. учащихся).

СЕМИНАРИЯ – 2. Учительская семинария. См.: *Учительские семинарии*.

СЕМИНАРИСТ – ученик, воспитанник *семинарии* (1).

О нач. 1913-1914 гг.: «...Мальчишки лет четырнадцати... Чёрная форма, голубые кантики – семинарист Володя» (Васнецов, 1990, 80).

Лит.: Белоусов, 2000; Поздеев, 2001.

«СЕМЬЯ» – распространённая детская импровизационно-драматическая игра, в которой участники выполняют роли членов семьи.

О селе в Ташкентской обл. в нач. 1970-х гг.: «Играя в “семью” или в “дочки-матери”, мы часто имитировали беременность. Иногда под платье клали куклу и ходили какой-то промежуток времени, как появлялся сам ребенок, наверно, просто вытаскивали. Иногда подкладывали подушку, представляли себя беременной. Мне эта роль как-то не нравилась, я всегда старалась уйти от нее или заставить быть кого-нибудь другого. Игра в семью обычно проходила очень активно. Играли только девочки, выбирали папу, маму, детей, то есть братьев, сестер. Папа днем уходил на работу, дети играли, ходили в гости, а мама убиралась, готовила ужин, стирала. Вечером все дети и взрослые ложились спать, ждали, когда дети уснут, спрашивали: “Вы спите? Вы спите?”. Если не отвечали, папа с мамой начинали любить друг друга. Утром вставали, шли на работу, занимались своими делами. Эти игры были непродолжительными» (485).

О г. Катайске в перв. пол. 1980-х гг.: «Насколько я помню своё детство, мы с подружками всегда играли в куклы. Например, в “Семью”. Я мама, а куклы – дети. Мы их укладывали спать, кормили, водили в садик, ходили друг к другу в гости. Играли всегда одни девочки» (588).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Мы играли в семью, у нас был дом. Я была жена, а подруга – “муж”. Мои действия заключались в том, что я готовила обед, подбирала дома, а муж ходил на работу и приносил деньги. Когда “он” приходил домой, мы с ним обедали, ложились спать и целовались. Потом я беременела: чтобы было видно живот, мы подкладывали подушку или куклу. Походив так немного, я начинала кричать, хваталась за живот, а “муж” вытаскивал ребенка. Иногда мы менялись ролями и продолжали игру» (515).

О девочке в середине 1980-х гг.: «Играли в игру “Семья”. С нами вместе часто играли мальчики. Они играли или роль отца или ребенка, девочки играли в роль матери или также ребенка, иногда роль соседки, бабушки. “Папа” обычно приходил с работы усталый, просил поесть, смотрел телевизор; “мама” готовила еду, убирала дом, воспитывала детей, иногда ходила гулять с подружкой, иногда вместе с ребенком; ребенок появлялся в “семье” сразу же, или после того как “мама” с “папой” должны были вместе поспать ночью вместе (просто вместе лежали). Имитировали беременность при помощи подушки. Мама иногда “делала” себе грудь при помощи клубочков ниток, мячиков, шариков. Часто

надевали мамы платья, туфли на каблучках, иногда красились» (552).

О девочке в середине 1980-х гг.: «Игра в семью. Папой, конечно же, был мальчик (если он был). Другие действующие лица назначались по желанию (мама, дочка). Папа приходил с работы и сразу же ложился на диван, а мама готовила ужин, затем ужинали и ложились спать. На другой день папа приходил пьяный, они ругались с мамой и ложились спать. Так происходила игра (день за днем)» (534).

О девочке в середине 1980-х гг.: «Я забыла рассказать игры в младшем возрасте, это игры в семью, в больницу. Игра в семью. В эту игру играли девочки, но иногда с нами играл один мальчик. Мальчик, естественно, был папой. По желанию выбирались мама, дети, иногда и бабушка. Помню, что в эту игру мы играли под столом. Дети играли, а мама готовила обед, ужин. Затем приходил с работы папа, и все садились за стол кушать, потом смотрели телевизор. Ложились спать мама с папой, дети отдельно. Затем говорили, что наступил другой день. Папа пришел пьяный. Мама ругалась на него, и все ложились спать» (538).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Когда нам было лет 5 мы играли в семью, в больницу... Игра в семью. Из участвующих в игре девочек выбирали папу, маму, дочку, сына. Папа днем был на работе, дети играли, а мама готовила ужин. Когда папа приходил с работы, все ужинали, а потом ложились спать. Когда дети засыпали, мама с папой делали другого ребенка. Они ложились друг на друга, полежав, засыпали» (540).

«СЕНЬКА Попов», игра(ть) в «Сеньку Попова» – игра, то же, что *«Краски»*.

О детях состоятельных родителей в нач. 1910-х гг. в Москве: «Игра на сквере возникала как-то чинно... Самая главная, самая настоящая девочка-кукла, пошептавшая со своей бонной, вставала и подходила к той девочке, которая ей больше всего приглянулась. Книксен. Девочка, вы будете играть в “гуси-лебеди”, или в “ходи в петлю, ходи в рай”, или в “Сеньку Попова”? Приглашенная девочка вставала, делала ответный книксен, и ходить с приглашением начинали уже двое, трое, четверо, и наконец возникал большой кукольный хвост, который одновременно делал книксен перед очередной девочкой... Для игры в “Сеньку Попова” мальчик был просто необходим. Его завлекали в игру предложением: “Мальчик, вы хотите с нами играть? Вы будете Сенькой Поповым!” ... Больше всех игр мне нравилась игра в “Сеньку Попова” (она имела и другое название – “Краски”). Быстрее других разбирались краски золотые, серебряные, голубые и розовые. Гадким голосом я желала быть чёрной или серой краской (очень хотелось быть заметной, хоть в чёрном цвете). И если Сенька Попов был мальчик с головой, он таки и выбирал чёрную краску назло всем золотым и серебряным куклам. Но это бывало очень редко. Чаще всего по усыпанной лепестками отцветающих яблонь аллее бежали хорошенькие ножки в белых башмачках, обладательницей которых была серебряная или золотая краска. А рядом с ней, заложив одну руку за спину, словно в мазурке, словно на балу, гарцевал Сенька Попов, увлекая ее в другой конец сквера...» (Луговская, [1983] 1987, 48–49).

«СЕНО возить» – развлечение девочек подросткового возраста, существовавшее на Европейском Севере России в первой трети XX века.

«“Сено возили” девочки 13–16 лет на средней вечерке, пока не было парней. Одна участница забавы становилась на четвереньки, вторая садилась ей на шею (лицом в противоположную сторону), а затем ложилась ничком на её спину, обхватив руками бёдра подружки, которая в свою очередь обхватывала ноги “всадницы” и начинала выпрямляться, слегка приподнимая её вверх. Затем резко нагибалась, и “всадница”, став ногами на пол, по инерции приподнимала её ноги. Так продолжалось, пока кто-нибудь не падал» (Морозов, Слепцова, 2004, 788).

См. также *«Караван катать»*.

СЕРА лиственничная.

О мальчиках 6–9 лет в Сибири в нач. 1930-х гг.: «У притолки стоял Санька, на пол слюной циркал в дырку меж зубов. Он жевал серу, и слюны накопилось у него много. “Откусить серы?” “Откуси”. Санька откусил шматок листовничной серы. Я тоже принялся жевать её с пришёлком. “Листовницу со сплава к берегу прибило, и я наколупал. – Санька циркнул слюной от печки и аж до окна... К весне тетрадки, выменянные на утильсырьё, исписались..., карандаши истрогались, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья... Как он много знал! И что кольца у дерева – это годы его жизни, и что сера сосновая идет на канифоль... Но... мы... знали то, чего учитель не знал... Мы научили его... жевать листовничную серу...» (Астафьев, 1989–1; 106–107, 164).

«СЕРАЯ» отметка, «серый», «серенькая» – вероятно, оценка *«посредственно»*.

Об ученике 8–9 классов в 1940–1941 гг.: «5 июня... Сегодня я стал учеником девятого класса. И всё же я собой не доволен. Правда, я не получил ни одного “плохо” и не буду иметь ни одной переэкзаменовки, но те отметки, которые я имею, беспросветно серы... 2 августа... Я не теряю надежды и надеюсь попасть в спецшколу, ибо я окончил восемь классов и меня должны взять охотнее. А как окончил? Все серо. “Посы” и “посы”... 20 сентября... Школа преобразилась, это факт. Много внешних изменений, но главное, что изменилось – так это общий взгляд на учение. У меня пока еще дело идет не очень гладко, два “серых” по немецкому языку портят картину, которая, впрочем, состоит всего из двух “хоров”... 27 сентября... В школе пока все так же, если не считать “серенькую”... 28 декабря... В общем я сдал, но как?! Васька и Летун сдали на отлично, а я даже здесь не мог расстаться со своими “серенькими” отметками... 29 декабря... Думаю, что надо заставить себя забыть про “серого” и радоваться тому, что вообще сдал... 29 мая... Утром получил “серенького” и должен был бы сидеть теперь за географией, но почему-то сижу за “Войной и миром”. Это значит, что послезавтра снова у меня будет “пос”» (Сагайдачный, 1963; 59, 71, 86, 87, 115, 193).

«СЕРАЯ Шейка» – рассказ Д.Н. Мамина-Сибиряка; мультфильм, снятый по этому рассказу.

О девочке 7 лет в селе Садовом Кетовского района в 1993 году: «Когда мне было 7 лет, моим любимым мультфильмом был “Серая Шейка”. Моим любимым героем стала утка, которую все не любили. Мне было очень её жалко, особенно в тот момент, когда озеро застывало, и лиса пыталась поймать беззащитную птичку. Я бегала вокруг телевизора, кричала, отгоняла лису, мне казалось, что благодаря мне утка осталась жива» (159).

Из статьи 2006 года: «Я спрашивал разных людей разных поколений про “Серую Шейку”. И среди прочих получил удивительные (для меня) ответы. Детям (то есть этим моим собеседникам, когда они были детьми) нравилась лиса, а Серая Шейка вовсе не нравилась. Потому что терпеть не могли сюсюкающей взрослой сентиментальности; потому что Серая Шейка слишком положительная, а это раздражало» (Горелик, 2006).

СЕРГЕЙ Есенин – см.: Есенин.

СЕРЕБРЯНАЯ медаль – выдаваемый в награду знак в виде круглой металлической пластинки обычно с рельефным изображением и надписью.

Совнарком СССР 21 июня 1944 г. постановил: «Установить... для учащихся, оканчивающих среднюю школу, сдачу экзаменов на аттестат зрелости. Сдачу выпускных экзаменов и экзамены на аттестат зрелости вводить с 1944–1945 учебного года. Для награждения учащихся средней школы, показавших при сдаче экзаменов на аттестат зрелости выдающиеся успехи и имеющих отличное поведение, установить золотую и серебряную медали... Серебряной медалью награждать лиц, имеющих отличное поведение, оценку “5” по всем предметам, отнесенным к экзаменам на аттестат зрелости, и оценку “4” не более чем по трем из остальных предметов» (НО, 1974, 1982).

В Постановлении Совнаркома СССР 30 мая 1945 г. указывалось: «Серебряной медалью “За отличные успехи и примерное поведение” награждаются лица, показавшие при сдаче экзаменов на аттестат зрелости выдающиеся успехи и имеющие отличное поведение и оценку “5” по всем предметам, отнесенным к экзаменам на аттестат зрелости, и оценку “4” не более чем по трем из остальных основных предметов учебного плана средней школы... Медали вместе с аттестатами зрелости особого образца вручаются награжденным директором школы на торжественном акте по окончании выпускных экзаменов. Награжденные золотыми и серебряными медалями “За отличные успехи и примерное поведение” имеют право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных экзаменов, при этом в первую очередь принимаются награжденные золотой медалью, а затем – награжденные серебряной медалью» (НО, 1974, 182).

Совнарком СССР 30 мая 1945 г. постановил: «...[Серебряная медаль] “За отличные успехи и примерное поведение” [имеет] вид правильного круга. ...Диаметром 40 мм, толщиной 2 мм. На лицевой стороне медали на фоне расходящихся лучей изображена раскрытая книга, окаймленная снизу и справа лавровой ветвью. В верхней части медали, в центре расходящихся лучей, выпуклая пятиконечная звезда. По окружности медали надпись: “За отличные успехи и примерное поведение”, – ободок из точек и бортик. На оборотной стороне медали изображение герба [РСФСР] диаметром... 21 мм – и под ним сокращенная надпись [–РСФСР]... Изображение и надписи выпуклые. Серебряная медаль изготавливается из серебра 925 [пробы]...» (НО, 1948, 127; НО, 1974, 183–184).

«О Москве 1944 года: «Мы были первыми, кто сдал экзамен на аттестат зрелости – их ввели именно в этот год. Учителя... переживали, что получила не золотую медаль, а серебряную. Но и она давала мне право поступать в институт без экзаменов» (Яхнина, 2004–2, 13).

По постановлению Совета Министров от 27 авг. 1959 г., серебряная медаль «За отличные успехи в учении, труде и за примерное поведение» присуждалась выпускникам средней общеобразовательной школы, имевшим годовые отметки за выпускной класс “5” по всем предметам, кроме двух, оценка по которым должна была быть не меньше “4” с годовыми, отличившихся примерным поведением и активным участием в общественной работе. Если при поступлении в высшее учебное заведение награжденный серебряной медалью сдавал экзамен по одной из профилирующих дисциплин на “5”, он участвовал в конкурсе наравне с тем, кто сдал все экзамены на “5”; в случае же получения ими оценки “3” или “4” он должен был экзаменоваться по всем дисциплинам на равных основаниях с остальными поступающими. (ПЭ, 1966–3, 838).

О нач. 1950-х гг.: «Мария Петровна заглянула в “ребячью” комнату... и увидела, что [Паня] ... прикрепляет к стене красочный плакат. Это был режим ученического дня в картинках... “Ишь как занятно! – сказала Мария Петровна. – Где ты такое раздобыл?” “Роман подарил. Он по этой таблице школу с серебряной медалью кончил... Я по ней теперь буду учиться...”» (Ликстанов, [1953] 1964, 419–420).

С 1969 г., в соответствии с «Положением», утвержденным Советом Министров СССР 18 дек. 1968 г., серебряные медали выпускникам не вручались.

С 1985 по 1991 г. выпускники средних школ могли получить серебряную медаль «За успехи в учении, труде и за примерное поведение». Условием было наличие в аттестате о среднем образовании большинства оценок «5» и оценки «4» не более чем по двум предметам, а также годовые и экзаменационные оценки «4» и «5» за время обучения в 10-м, 11-м (12-м) классах при примерном поведении...

С 1992 г. в Российской Федерации медали стали называться «За особые успехи в учёбе». Серебряная медаль вручается имеющим по предметам большинство отметок «5» и отметки «4» не более чем по двум

предметам, сдавшим выпускные экзамены на «5» и не более чем по одному предмету на «4».

Позже серебряная медаль вручалась согласно Положению о золотой и серебряной медалях от 1995 и 1999 гг.

По Положению от 1999 года серебряной медалью «За особые успехи в учении» награждались выпускники XI (XII) классов общеобразоват. учреждений, имевшие по предметам: в X классе по итогам первого полугодия (триместра) отметки «5» и «4»; по итогам второго полугодия (второго и третьего триместров) отметки «5» и не более двух отметок «4»; годовые и итоговые отметки «5» и не более двух отметок «4»; в XI и XII классах по итогам каждого полугодия (триместра) и годовые отметки «5» и не более двух отметок «4»; на гос. (итоговой) аттестации и в аттестате о среднем (полном) общем образовании итоговые отметки «5» и не более двух отметок «4». Выпускнику, награжденному серебряной медалью, выдавался документ о соответствующем уровне образования на бланке с серебряным тиснением.

См.: *Медали школьные*. Ср.: *Золотая медаль*.

Ист.: ПЭ, 1965–2, 120–121; Денисова, 1978, 118–119; РПЭ, 1993–1, 555.

«СЕРЕБРЯНОЕ копытце» – сказ П.П. Бажова (1879–1950).

«Вот абсолютно “детский” текст – недаром его и в школьную программу включали: “Серебряное копытце”. Всё там по-людски: и дед – “мастер сказки сказывать”, и бедная сиротка, типичная сказочная героиня, умница да рукодельница, и сказочный козлик, награждающий девочку как бы “за веру в чудо”...» (Порядина, 2003, 63).

«СЕРЕБРЯНЫЕ коньки» – («Hans Brinker, or the Silver Skater») повесть (1865) американской писательницы Мери Мейб Додж (Mary Elizabeth Mapes Dodge; 1838–1905) о жизни голландских школьников в середине XIX века. Сюжет повести разворачивается на фоне географического и бытового описания Голландии.

На русском языке впервые издана в 1876 году, переиздавалась в 1891, 1896, 1902, 1906, 1908, 1911, 1912, 1915, 1922, 1927, 1941, 1956, 1959, 1960, 1966, 1969, 1975, 1981, 1989, 1992, 1993, 1994, 1995 гг.

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге во вт. пол. 1900-х – нач. 1910-х гг.: «Эти первые дет. увлекательные книги приключений – “Робинзон”, “Гулливер” и особенно “Дети капитана Гранта” – мои излюбленные друзья... Позднее к ним присоединились друзья из так называемой “Розовой библиотеки” – милый Том, которого обижал злой Легги... Герои рассказов д’Амичиса, “Серебряные коньки»» (Автобиографии, 1998, 229).

«В конце 1930-х годов [К. Клементьева] оформляла “Серебряные коньки” М.-П. Додж – любимейшую книгу детей того времени...» (Банк, 1990, 67).

«СЕРЕНЬКАЯ» – см.: *Серые отметки*.

СЕРЕНЬКИЙ волчок – см.: *Волчок серенький*.

СЕРСО – «Деревянный обруч, служащий для игры, в которой его перекидывают друг другу при посредстве палочек» (Словарь, 1894, 791); игра в обруч, который особой палочкой подкидывается в воздух и затем ловится на ту же палочку (или другим играющим – на свою палочку); принадлежность для этой игры – обручи и палочки.

О девочке из состоятельной семьи, живущей в Москве в нач. 1910-х гг.: «Игрушки для дома и для улицы были разные. Уличными игрушками были безликие, скучные и глупые: обручи с палочкой-погонялкой, серсо, волан или большой мяч...» (Луговская, [1983] 1987, 47).

О нач. 1910-х гг.: «...На десять копеек... можно купить пистолет и пять коробок пистонов, возд. шары, серсо, волан, ослика или пароход...» (Бондарин, 1961, 298).

О середине 1910-х гг.: «Шестой корпус заселялся состоятельными семьями. Нарядные дети играли во дворе в мяч и ловили ясеневыми рапирами легкие кружки серсо» (Катаев, 1983, 5).

О Москве в 1930-е гг.: «Мальчики и девочки, чистые, ухоженные, легко, открыто и нарядно одетые (“из благородных”, – говорилось тогда ещё серьёзно и в положительном смысле), играют в сложную игру,

бросают кольцо, ловят его на особой формы палку с поперечиной. Сбоку стоят два маленьких мальчика (хотя они, возможно, сверстники играющих), грязноватые, тощие, какие-то серые, в брюках, которые, кажется, унаследованы ими от рождения (в этом возрасте принято было у мальчиков ходить в коротких штанах, позже в более длинных “бриджах”): “Ваня, это они в серцо играют”». (Топоров, 1997, 26–27).

О Харькове в 1943 г.: «Напротив нашего дома, на дворе, увидела просто сказочную картинку. Девочка моего возраста держала в руке красивую деревянную стрелочку с изогнутой рукояткой и бросала мальчику деревянные кружочки-кольца. Он их ловил на такую же стрелочку и опять бросал кольца девочке. Двигались они уверенно, и видно было, что эта игра (“серсо”) для них привычна» (Гурченко, [1980] 1987, 83).

О г. Всеволожске в перв. пол. 1940-х гг.: «Играли мы в рюхи, или городки, в фанты и в дочки-матери, в игру “серсо”: становились друг против друга, брали палочки и кидали обручи, небольшие, как пальцы. Это была какая-то старая аристократическая игра – английская или французская. До войны её привезли ленинградские девочки-дочницы, и мы научились от них» (Бутина, 2001).

О детях в детских садах в 1970-е гг.: «Полезны и любимые игры детей – серсо (длина палки 60 см, диаметр колец 10–18 см.), городки..., кольцебросы разные, бильбоке, кегли...» (Островская, 1982, 115).

«СЕРЫЙ» – см.: *Серые отметки*.

«СЕРЫЙ волк» – детская игра.

И.П. Сахаров в книге начала 1840-х гг. описывает эту игру следующим образом: «В игре “Серый волк” участвуют только дети. Кто-нибудь из них, по жеребью, играет волка, а все прочие *деток*. Волк, поджав руками лицо, сидит сгорбившись на бугорке и молчит. Детки шиплют перед ним траву, и все вместе, скороговоркою причитывают: “Щипу, щипу по ягодку, / По черную смородинку; / Батюшке в ставчик, / Матушке в рукавичк, / Серому волку / Травки на лопату. / Дай Бог умыться, / Дай Бог убраться, / Дай Бог бежать!” С последним словом детки встают, бросают в волка траву и бегут. Волк, обиженный долею, бросается за детками. Детки разными *увертками* обманывают волка, а он своею хитростью ловит их. Пойманный играет серого волка» (Сахаров, [1841] 1997, 152–153).

СЕРЬГА, серёжка – украшение, носимое посредством продевания его элемента в мочку уха.

Серёжки у девочек.

«В западно- и южнорусских губерниях еще в 1920-е гг. девочки-подростки зачастую носили рубашку с поясом (без поясной одежды) вплоть до совершеннолетия и даже свадьбы... Зато одним из маркеров принадлежности к женскому полу здесь непременно были серёжки: в 6–7 лет девочке протыкали уши и надевали “пушки” – круглые шарики из гусяного пуха. Такие “пушки” впоследствии – во время девичества, а затем и в первые годы замужества – являлись деталью головного убора, их закрепляли на висках или под ушами» (Мадлевская, 2006–1, 236).

О девочке 9–11 лет в 1905 году в Одессе: «Мотя... задрала вверх лицо... Её глаза были полны слёз, и в ушах дрожали крошечные бирюзовые серёжки. Петя заметил, что такие серёжки чаще всего бывают у молочниц... Что же касается Моти, то это совсем другое дело. ...Она была девочкой, ...у неё в ушах качались голубенькие серёжки... Ах, какой это был счастливый, замечательный, неповторимый день! Никогда в жизни Петя не забудет его. Петя заинтересовался, каким образом на ушах держатся серёжки, и девочка показала ему проколотые совсем недавно дырочки. Петя даже решился потрогать мочку Мотиного уха, нежную и еще припухшую... Что-то общее с Ближними Мельницами было в этом простонародном гулянье, где у многих мужчин оказывались тоненькие железные тросточки, как у Терентия, и у множества девочек – бирюзовые серёжки, как у Моти» (Катаев, 1961; 131, 133, 135, 241).

О 1910-х гг.: «Устюшка сидела прямо, вытянув перед собой босые, худенькие... ноги. Она сняла с головы белый головной платок... Без платка она выглядела по-

новому: были видны ее косички, тонкая шея, в ушах блестели медные серёжки» (Игумнова, 1957, 12).

Запрет ученицам носить украшения, в том числе, серёжки, долгие годы являлся причиной конфликтов между школьницами с одной стороны, и администрацией школы и учителями – с другой.

О пятикласснице в 1970-е гг.: «В ушах у [Оксаны] голубые серёжки. В моё время [1940-е – 1950е гг.] одиннадцатилетние девочки не носили серёжек... Теперь многие девочки носят серьги» (Матвеева, [1982] 1986, 61).

О конце 1970-х гг.: «И начиналась линейка... Голоногая пионервожатая маршировала к директору, звонко докладывая о сборе дружины... Алла Павловна следила за каждым. Если ей что-то не нравилось, то молча подходила к тому, кого заметила, и одергивала, стискивая по-женски губы от злости. Или если замечала, что у какой-нибудь девочки в ушах серёжки..., то рывкала на весь зал: “Беляева, ко мне! Вынимай из ушей побрякушки!”...» (Павлов, 2004, 3).

О г. Копейске Челябинской обл. в 1970-е – 1980-е гг.: «Первые серьги мне прислали по почте. Я училась в 7-м классе, была вице-президентом Клуба интернац. дружбы и переписывалась с мальчиком из Венгрии. После нескольких писем от него пришла бандеролька с их пионерской газетой, коробкой венгерских конфет и сверточком, на котором было написано “Залата серга”. Долгие годы я хранила их как воспоминание о шк. жизни. Но украсит ими себя я решила только на первом курсе мединститута» (Борисова, 2007).

О 1970-х–1980-х гг.: «В чём проявлялась подростковая фронда в недавние времена, когда старшеклассники обязаны были ходить в школьной форме, не носить колец и серег, не краситься, не курить?» (Медведева, 1995, 3).

См. также: *Загадывание желаний на серёжке.*

Серьга у мальчика.

О мальчике 8–9 лет в 1998 году в Москве: «Помню, в начальной школе Георгий захотел проколоть ухо. Понятно, что я была от этого не в восторге, но он настойчиво меня об этом просил. Тогда я сказала: “Если ты действительно так сильно этого хочешь, прокалывай! Но помни, это твоё решение и только ты несёшь за него ответственность”. Сколько я выслушала из-за того, что сын с серьгой ходит во второй класс! И когда в школе его стали дразнить девчонкой, я сказала: “Имей мужество отвечать за свои решения. Вот если ты сейчас снимешь серьгу, значит они правы, ты действительно девчонка. Ты можешь её снять, но только когда сам этого захочешь, а не потому, что Валерка тебе что-то там сказал! А потом добавила: по секрету они все хотят такую серьгу, просто им родители не разрешают. Не снял. Я была рада» (Гузеева, 2007, 27).

«**СЁСТРЫ по крови**» – девочки, осуществившие обряд «*посестринства*».

О Кургане в конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «Каждое лето я ездила в пионерский лагерь “Звонкие горны”. Там были следующие ритуалы: кровное братство – делался надрез или укалывался сильно палец, чтобы пошла кровь. Ранки прикладывались друг к другу, и с этого момента считалось, что теперь девочки стали сестрами по крови» (582).

О девочке 12 лет в Шадринске в 1998 г.: «“Сёстры по крови!” Мы с моей подружкой очень много времени проводили вместе и считали себя не просто подругами, а сёстрами. И вот однажды, чтоб закрепить нашу дружбу, Лена (моя подружка) предложила порезать пальцы, чтоб стать сёстрами по крови. Мы сидели у неё дома, на кухне, как вдруг быстро решили, что это необходимо сделать прямо сейчас. Пошли в её комнату, она достала коробку с иглами, нитками. Достала большую иглу и начала протыкать себе большой палец, чтоб появилось немного крови, затем дала её мне, и я тоже так сделала. Затем мы приложили пальцы друг к другу, потеряли ими друг о друга (чтоб кровь смешалась) и, довольные, обнялись. Хотя мне и было о-очень больно, но я терпела, ведь это нужно было для нашей дружбы! Затем я считала, что между нами есть что-то магическое, что мы никогда не рассоримся, не расстанемся. Но... в итоге мы сейчас с ней не видимся и совершенно не общаемся, хотя

до сих пор я считаю, что есть между нами что-то магическое, неземное...ведь мы сёстры по крови!» (132).

СЕТКА у кровати – см.: *Кровать с сеткой.*

СЕЧЬ – см.: *Розги.*

«**СИБИРСКИЙ детский журнал**» – см. «*Товарищ*».

«**СИБИРЯЧОК**» – «детский литературно-художественный журнал», выпускался в Иркутске в середине 1990-х гг., выходил один раз в два месяца. Тираж 1995 года – 10 тысяч экземпляров.

«**СИГНАЛ**» – игра на наблюдательность.

О конце 1970-х гг.: «Играли в “глухой телефон”... Ещё играли в “сигнал”. Вставали в круг и брались дружно за руки, кто-то один оставался в центре круга. Тот с кого начинали передавать сигнал, говорил, например “поехали” или “начали”, и с этим словом сигнал пошел в виде легкого нажима на ладошку соседа, при этом нужно осторожно следить за центровым. Только сигнал дошёл до последнего, говорят “всё” или “получено”. Ход сигнала можно тормозить, главное, чтобы тот, кто стоит и наблюдает за ходом сигнала, не смог его заметить. Тоже бывало очень весело, когда сигнал уже получен, а центровой ещё где-то в самом начале за руками следит» (490).

«**СИДЕЛИ два матроса...**» – детский фольклорный стишок, выполняющий, в частности, функции считалки.

О перв. пол. 1990-х гг.: «Мне пришлось наблюдать блистательное исполнение считалки в [неигровой] ситуации... Девочка лет пяти в белом платье, в белых колготках, с огромным бантом на голове вышла из подъезда пятиэтажного дома. По-видимому, вместе с родителями она должна была пойти в гости. Родители замешкались и выпустили дочку на улицу чуть раньше. Оглядевшись, она не увидела своих сверстников, но скучать не стала. Отойдя на несколько шагов от тротуара, девочка начала подпрыгивать, громко выкрикивая слова считалки, которую мы часто записываем от детей школьного возраста: “Сидели два матроса, / Курили папиросы, / Один не докурил, / Собаке подарил”. Произнося последние слова считалки: “Начальник удивился / И в яму провалился”, – девочка с удовольствием садилась со всего маху на утоптанную землю. В дверном проеме показалась мама счастливого прыгуны, а через секунду веселый речитатив считалки сменился громогласным ревом. Праздник бытия прервался также мгновенно, как начался» (Чередникова, 2002, 35).

«**СИДИ, сиди, Яша...**» – игра.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Игр с пением было немного, одна из них начиналась с того, что кто-нибудь (водящий, определенный по “считалке”) садился на корточки в центре круга из участников игры, которые пели: “Сиди, сиди, Яша, / Под ореховым кустом, / Грызи, грызи, Яша, / Орехи калёные, / Мёдом начиненные...” Дальнейшие слова, да и самый смысл игры я забыл: кажется, водящий Яша должен был выбирать себе невесту из круга или ловить кого-то» (Федосюк, 2004, 17–18).

СИМВОЛИКА пионерская – символы *Пионерской организации*.

О перв. пол. 1960-х гг.: «Каждый из принятых в пионерской орг-ции символов – красное знамя дружины, пионерский галстук, отрядный флажок, значок и др. – несёт опред. смысловую нагрузку, способствует воспитанию пионеров в духе рев. традиций советского народа, вносит элементы романтики в деять-сть пионерской орг-ции.

Красное пионерское знамя – символ чести и сплочённости пионеров, их беззаветной преданности Родине, делу Коммунист. партии. Знамя вручается дружине школы..., пионер. лагеря, дет. дома в торж. обстановке на пионер. сборе представителем районного (городского) совета пионер. орг-ции, райкома или горкома комсомола. Размер знамени 60 см x 80 см, на лицевой стороне, в центре, изображён пионер. значок и призыв пионеров. На обратной стороне указывается наименование дружины, например: “Пионерская дружина школы № 345 Первомайского района г. Москвы”.

Каждый пионер. отряд имеет свой отрядный красный флажок. Форма флажка – прямоугольный треугольник с основанием 30 см, высотой 60 см. На флажке

надписывается или вышивается имя (номер) отряда. Знамя и отрядные флажки выносятся на сборы дружины, пионер. слёты, парады; с ними пионеры выходят на демонстрации, на субботники и др. Знамя дружины и, как правило, отрядные флажки хранятся в пионер. комнате.

Красный пионерский галстук – частица рев. знамени. Три конца галстука символизируют нерушимую связь трёх поколений – коммунистов, комсомольцев, пионеров. Он повязывается вступившему в члены пионер. орг-ции на торж. сборе дружины. Вместе с галстуком пионеру вручается нагрудный пионер. значок, представляющий собой красную пятиконечную звезду (радиусом 1,5 см), верху которой изображены серп и молот; над звездой поднимаются три языка пламени. Два нижних конца звезды обвивает белая лента с надписью: “Всегда готов!” – пионерским ответом на девиз: “Юные пионеры! К борьбе за дело Коммунист. партии, будьте готовы!”

Пионерский салют (поднятая над головой правая рука с прямыми плотно сжатыми пальцами) – выражение готовности пионера выполнить Торжественное обещание. Пионеры отдают салют, приветствуя друг друга или вожака, при исполнении Гос. гимна СССР...

Наряду с символикой в жизни пионерских дружин и отрядов широко используются атрибуты: горн, барабан, пионерская форма, эмблемы различных пионерских клубов и др.

Особое место занимают знаки различия пионеров (красные полоски на рукаве: две – у председателя совета отряда и членов совета дружины, одна – у вожатых звеньев и членов совета отряда), которые являются символами доверия пионерского коллектива избираемым ими вожакам. На парады, пионерские сборы, слёты пионеры надевают парадную форму: белую рубашку (блузку), тёмные брюки (юбку), пионерский галстук и пионерский значок. С пионерской символикой и атрибутами пионерской орг-ции школьники-октябрята знакомятся, готовясь вступить в ряды юных пионеров» (ПЭ, 1966–3, 843–844).

СИМОНОВ – Константин Михайлович Симонов (1915–1979), русский писатель.

Его поэтик. произв-ия, в частности, поэма «Первая любовь», пользовались известной популярностью в подростково-юношеской среде в 1940-е–1950-е гг. Стихотворение «Сын артиллериста» входило в школьную программу в 1960-е–1980-е гг. (4 класс).

О девушке 16–18 лет в середине 1950-х гг.: «Что касается стихов, я их просто никогда не знала. Ну, Пушкин, конечно, Лермонтов. Когда же читала Маяковского, то совершенно ничего не понимала, и из-за этого терпеть его не могла. Я любила Симонова и еще Надсона, которого всегда читала бабка» (Рощин, 2002, 89).

СИМУЛИРОВАТЬ болезнь – создавать ложное впечатление о болезни.

О 1970-х гг.: «Еще [девочка] была опытным симулянтом. Природа наградила её скверными, рыхлыми глазами. Их всегда можно было предьявить любому врачу или школьной медсестре в качестве пропуска на свободу. Дома, где в глазах никто ничего не понимал, можно было сунуть термометр в стакан с чаем, а потом осторожно сбить ртуть до приемлемых цифр» (Коршунова, 2004, 9).

«СИНЯВКА» – прозвище классных дам в гимназиях, институтах благородных девиц.

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «В перерывах, отделявших класс от класса, стояли “синявки” и дежурные “мыши”, то есть классные дамы, носившие всегда синие платья, и пепиньки в форменных серых платьях. Сдержанный гул голосов наполнил высокую комнату. “Тс! Тс! Тс!” — шипели “синявки”» (Лухманова, [1903] 1997, 375).

О 1890-х гг. в институте благородных девиц в Вильносе: «...В нашем институте... синявки, классные дамы, шныряют между ученицами, подсматривают, подслушивают, лезут в ящики, читают письма и записки, вынюхивают – ну совершенно как полицейские собаки!...» (Бруштейн, [1958])

О середине 1910-х гг.: «...Она вернулась в Петербург, жила очень скромно, но во всем своем поведении, мыслях, убеждениях была человеком европейским; была не глупа, приятна, работала воспитательницей, проще сказать классной дамой – “синявкой” – в Екатерининском ин-те для благородных девиц. У меня с ней были хорошие отношения...» (Кривошенина, [1977] 1999).

О гимназии в губернском уральском городе в середине 1910-х гг.: «Классные дамы, “синявки”, как их звали в гимназии, требовали, чтобы пели все девочки» (Филиппова, 1938, 26).

«СИНЯЯ блуза» – жанр агитационного эстрадно-драматического представления в советском театре 1920-х гг., исполнялся и в 1970-е – 1980-е годы. Своё название получил от одежды – синей блузы, в которой выступали участники этих представлений. (Мокиенко, 1998, 57). Ср.: *Живая газета*.

О перв. пол. 1920-х гг.: «Что же касается Лельки, то она, живя у нас, сперва очень огорчила моих родителей, поступив в труппу “Синяя блуза”, которой руководил наш сосед, запяньцовский поэт Борис Жезлов. Правда, вскоре Лелька одумалась и обрадовалась моего отца, пойдя учиться в техникум» (Мартынов, 1977, 49).

«СИНЯЯ говядина» – прозвище *гимназистов*. «...Гимназистов называли “Гимназисты скандалисты” или: “Синяя говядина по грошу за пуд, / Которую собаки не жрут”» (Капица, 2002, 103)

О 1900-х гг.: «“Яичница с луком!...” Гриша оглянулся... Гимназистов звали хуже – “синей говядиной”» (Кононов, 1958, 144).

Ср.: «*Кадет – на палочку надет*», «*Яичница с луком*».. **СИРЕНЬ** – см.: *Загадывание желаний на сирени*; «*Счастливый*» *цветок сирени*; «*Счастье*».

СИРОТСКИЕ дома – учебные заведения, учрежденные в XVIII веке.

«При Екатерине II возникает сеть воспитательных домов для детей-сирот и незаконнорожденных (“зорных”) младенцев... Первый такой восп. дом... был открыт в 1764 году в Москве как гос. учреждение.... Появились в екатерининскую эпоху и так наз. сиротские дома, то есть учеб. заведения для детей неимущих родителей – кушцов, чиновников, канцелярских служащих, мещан и цеховых, – которые “по бедности своей не имели средств устроить детей в какие-либо училища”. В сиротские дома принимали мальчиков и девочек в возрасте от 7 до 11 лет. По окончании училища детей распределяли на службу в гос. учреждения, на фабрики, заводы или к разного рода предпринимателям для обучения ремеслам, торговле и прочим полезным занятиям» (Годунский, 2006, 35–36).

«СИ-СИ-СИ, ехало такси...» – игра с хлопками в ладоши под речитатив. См.: *Игры, Игры с хлопками в ладоши под речитатив*.

О селе в Курганской обл. во вт. пол. 1970-х гг.: «Играют в ладоши: хлопок у груди и хлопок о правые руки, хлопок у груди и хлопок о левые руки. В конце надо было одному игроку (это оговоривалось в начале игры) закрывать уши, а другой должен был его дернуть (хлопнуть) по ушам. “Си-си-си, ехало такси. / Двери открываются, учитель появляется. / На высоких каблуках, с математикой в руках. / Вызывает ученику: “Расскажи-ка мне таблицу, / Сколько будет дважды два? Вы не знаете пока. / Сколь будет пятью пять? Вы не знаете опять./ Вот такие ученицы получают единицы”. На собрание говорили, чтобы парни не курили, / А мальчишки за углом подавились табаком. / Мама била, била, била, и все папе доложила / Папа бил, бил, бил и все деду доложил. / Деда бил, бил, бил и всё бабе доложил. / Баба била, била, била и в кашушке утопила, / А в подушке две лягушки, / Ну-ка, хватя тебя за ушки!” (хватаетшь)» (570).

В вышеприведённом речитативе легко обнаружить лексические осколки самых разных текстов. Начало «Си-си-си, ехало такси» переключается с детским стишком «До-ре-ми-фа-оль-ля-си, села кошка на такси». Пассаж «Дед бил, бил, бил... Баба била, била, била» заставляет вспомнить сказку про Курочку Рябу: «Дед бил-бил, не разбил, баба била-била, не разбила». Отрывок «...в

кадушке утопила, а в кадushке две лягушки оторвали ему ушки» похож на вариант речитатива про падишаха: «А жена его любила-ила-ила и в кадushку посадила-ила-ила, а в кадushке две лягушки-ушки-ушки оторвали ему ушки-ушки-ушки». А концовка «Хвать тебя за ушки!» напоминает строку из дорев. песни про «большую крокодилу» – «Увидели француза – и хвать его за пузо». Кроме того, обращает на себя внимание насыщенность стихотворного речитатива школьной тематикой.

Записано от девочки 9 лет в Иркутске в 1999–2000 гг.: «Си-си-си, / Ехало такси. / Дверка открывается, / Учитель заявляется – / На высоких каблучках, / С арифметикой в руках. / Вызывает ученицу: / “Расскажите всю таблицу! / Сколько будет пятью пять? / Вы не знаете опять! / Сколько будет семью семь! / Вы не знаете совсем. / Сколько будет сто на сто? / Вы не знаете зато” / На уроке говорили, / Чтоб мальчишки не курили, / А девочки под окном / Задыхались табаком!» (Закрывают нос ладонью, кто быстрее.)» (Назаркин, 2006).

Основы речитатива 1970-х – 1990-х гг. «Си-си-си, ехало такси...», как нам представляется, уходят по меньшей мере в 1950-е годы.

О г. Алдане Якутской АССР в середине 1950-х гг.: «Детские голоса хором скандировали: “Лом-лом-лом! / Сидит учитель за столом, / Курит трубку с табаком. / Вызывает ученицу: / “Расскажите мне таблицу”. Преподаватель литературы 3-й школы г. Алдана замер. “Что за стихи?...” – заинтересовался он» (Толстов, 1958, 32).

«СИСТИРОВАТЬ» – О помощниках классного надзирателя (педелях): вылавливать гимназистов в не разрешённых для гуляния местах.

Подробнее см.: *Педель*.

СИТРО – фруктовый безалкогольный напиток.

В 1920-е – 1970-е годы был популярен у детей.

О Новочеркасске в 1920 г.: «“Мам, дай денег на ситро”, – попросил у неё Володька. “Тебе все мороженое да ситро, – усмехнулась Сосновская... – А сперва ответь, как учишься? Меня сегодня встретила мадам Петрова, так я чуть со стыда не сгорела. Оказывается, ты хулиганишь на уроках французского...”» (Авдеев, 1960).

О вт. пол. 1930-х гг.: «За оградой зоопарка / Отсыпали мы киоск. / Из серебряного крана / С шумом / Брызнула ситро, / Мне досталось / Полстакана, / А хотелось бы – ведро!» (Маршак, [1940] 1968–1, 131).

О Москве 1940–1941 гг.: «“Неплохо бы сейчас ситро или орехов в сахаре”, – куда-то в небо смотрит Славик...» (Чачин, 1968, 134).

О нач. 1960-х гг.: «И тут Мишка появляется. Я говорю: “Где это ваша милость пропадает?” Мишка говорит: “Ситро пил”. Я говорю: “Хорош, нечего сказать. Я тут стараюсь, “Мурзилку” выигрываю, а он ситро пьёт...” Мишка... говорит: “Эх, зря я ситро пил...” Я говорю: “А при чём здесь ситро?” А Мишка: “Я целую бутылку выпил! Понимаешь?”... Я говорю: “...Пришло мое время ситро пить...” Я взял бутылку, сел за столик и начал пить» (Драгунский, 1964, 36–37).

«СИТЦЕВЫЙ БАЛ» – вид школьного вечера.

О нач. 1960-х гг.: «Ежегодно проводятся в школах: выпускные вечера..., новогодние балы..., весенние “ситцевые балы” и т. п. К “ситцевому балу” девочки старших классов шьют нарядные ситцевые платья, а мальчики готовят им маленькие сувениры. В конце вечера жюри из учителей, родителей и учащихся присуждает премии за лучшее ситцевое платье. Это весёлый, полный радости, юности и смеха весенний школьный вечер» (ПЭ, 1964–1, 325–326).

«СИФА» – преимущественно школьная игра с киданием тряпки.

О г. Миассе Челябинской обл. в 1989–1999 гг.: «На переменах между уроками ...мальчишки любили играть в “сифу”. Они брали тряпку, которой вытирали доску, и кидали её в кого-нибудь. В кого она попадала, тот становился “сифой”. В эту игру они играли вплоть до 11 класса» (501).

О девочке 9 лет в с. Ольховка Шадринского р-на в 1994 г.: «Одной из самых популярных и часто играемых на движение была “Сифа”. “Сифа” делалась из любого мнущегося материала: бумаги, тряпки, губки, мог

использоваться мяч. Водящий – “сифа” – бежит с “сифой” и пытается догнать участников, попасть в него и отгальиться. У наших ворот стояла телега тракторная. Поскольку мой папа часто ездил на тракторе, то он ставил телегу, прицепы, трактор возле нашей ограды. Нам, детям, было увлекательно ползать по ним. Когда играли в “сифу”, убегающие от него залазили на телегу, прятались от него. Эта игра, как, впрочем, и другие по своей сути сопровождалась разного рода дразнилками, смешками, обзывалками: “Эй, сифа, не догонишь”, “Что, Ксюха, ноги короткие, догнать не можешь?” В ответ: “А у тебя – страусиные, поэтому бежишь быстро”. Не обходилось и без смеха, приколов: кто-нибудь падёт, соскользнёт либо выбежит навстречу галящему – сразу взрыв хохота» (009).

О с. Половинном Половинского р-на в конце 1990-х гг.: «Это чисто школьная игра, я в нее играл с 5 по 9 класс, т.е. с 1997 по 2001 г. Довольно интересная игра, но глупая. Играет обычно много народа, человек 10–15. Кричали общий сбор начала игры. Например: “Собирайся народ, кто в “сифу” играть идет”. Кто прибежал последний в общее место сбора, тот был галящим. Бралась обычная тряпка, желательно грязная, либо которой вытирают доску, либо половая. Специально маралась мелом и начиналась игра. Галящий считал до 10, а в это время народ разбегался по школе. Суть в том, чтобы, кинув тряпкой, попасть ею в игрока. Если попадал, то тот, в которого попали становился галящим, то есть “сифой”. Игра проводилась на переменах в течение всего учебного дня. При попадании тряпки, она оставляла грязный след на одежде, руках, лице, смотря куда попадешь. Обязательное условие – нельзя чистить одежду, до подведения итогов, кроме лица и рук. В конце учебны все участники собирались вместе и тот, кто был грязнее всех получал гордое название “сифа”. Проигравшему хором все кричали “Сифа! Сифа!” и хлопали в ладони» (016).

Ср.: «Сифак»; «Чуханка»; «Догони меня, киртич».

«СИФАК» – то же, что «Сифа».

О 1985–1987 гг.: «Игра “Сифак”. Мы играли часто на переменах, во дворе и даже на уроках. В классах на переменах бралась мельная тряпка, которой стирают с доски, и бросалась; в кого попадёт тряпка – тот “Сифак”. Его так обзывали с пренебрежением, пока он не запягнет кого-нибудь другого» (589).

«СИЯ КНИГА принадлежит, никуда не убежит» – одна из традиционных в дореволюционных учебных заведениях надпись на книге. Ср.: «Кто возьмёт без спросу...»

О 1880-х гг.: «...[Дядька нёс] на плечах большую корзину с книгами, тетрадями, перьями, карандашами, резинками и линейками. Книги уже были давно знакомы Буланину: задачник Евтушевского, французский учебник Марго, хрестоматия Поливанова и священная история Смирнова. Все эти источники премудрости оказались сильно истрепанными руками предшествующих поколений... На многих книгах красовались бессмертные изречения вроде: “Читаю книгу, а вижу фигу”, или: “Сия книга принадлежит, / Никуда не убежит, / Кто возьмет ее без спросу, / Тот останется без носу”...» (Куприн А.И., На переломе (Кадеты)).

О 1899 г.: «...Инспектор... проэкзаменовал меня. Стоя с опущенной головой у большого стола..., я бойко читал страницу из “Родного Слова” Ушинского. “Отлично, превосходно!” – восклицал добрейший Александр Иванович. “А я и по письменному могу! – ободренный успехом, похвалился я. ...Я откинул корочку книжки и стал читать неровные строчки, написанные корявым детским почерком: “Сия книга принадлежит, никуда не убежит. Кто возьмет её без спросу, тот останется без носу. Кто возьмет её без нас, тот останется без глаз...”» (Волков, [1975] 1978, 67–68).

«СИЯТЕ, Ленинские звёзды» – девиз, под которым в 1964–1967 гг. проходил Всесоюзный смотр пионерских дружин. Итоги его были подведены на 2-м Всесоюзном слете в Артеке.

СКАЗКА – см.: *Сказки*.

«СКАЗКА за сказкой» – радиопередача для детей.

Вероятно, о передаче «Сказка за сказкой» в 1960-е гг.: «Когда Сказочник, он же Волшебник, Николай Литвинов произносит таинственные, придуманные замечательным драматургом Евгением Шварцем, андерсеновские по духу слова “Крибле, крабле, бумс!” и поднимается музыкальный вихрь, означающий стремительный полет к новому месту действия, нарастает внимание маленьких слушателей. И, естественно, авторы, режиссеры и исполнители изобретают для детей много удивительных способов передвижения, способов попасть в страну сказок. Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Это Сивка-Бурка, вещая Каурка мчится по русским сказкам. Сказочник верхом на Сивке-Бурке успевает за короткое время побывать и в семье трех медведей, и у Крошечки-Хаврошечки, и в избушке Бабы-Яги, и у Аленушки с братцем Иванушкой, и у Емели с его дивной Щукой. Дверь в каждую сказку Сказочник открывает отдельным ключом... Такова форма сказочной композиции, вызывающая пылкий интерес детей. Вот Сказочник зовет Конька-горбунка. Или волшебную лошадку: “Эге-гей! Лошадка волшебная, с гривой лохматой, с уздечкой золотой, появиись!” Вот и она. Ишь как ржёт! Садись, дружок, на лошадку, устраивайся поудобнее... А вот Снегурочка приехала за нами на златорогом олененке. Скорей, олень, скорей, верный друг!.. Снегурочка тихо гладит оленёнка по голове и шепчет ему что-то ласковое. Бывает и иначе. Сверкает новогодняя ёлка, и Сказочник слышит голос игрушечного Лыжника, висящего на елочной ветке. Сказочник понимает язык игрушек. Что говорит Лыжник? Он предлагает вместе с ним проехать на лыжах в страну сказок. Оказывается, стоит только выйти с игрушечным Лыжником на улицу, как его лыжи увеличатся, станут настоящими. Станет настоящим, конечно, и сам Лыжник. Мы мчимся по лыжне, проложенной на краю леса. Лыжник показывает нам дорогу. Можно и по-другому. Красивый воздушный шар нарисовали две девочки-радиослушательницы. Девочки пишут: “Мы хотим лететь в страну сказок на этом воздушном шаре”. Сказочник прикасается волшебной палочкой к рисунку Лиды и Оли. Воздушный шар тотчас же отрывается от листа бумаги и начинает увеличиваться. Вот он вылетает за окно и становится большим, как дерево. Давай, мой маленький друг, усядемся в корзине воздушного шара. Держись крепче. Ух, как высоко мы летим, дружок! С нами разговаривают облака. Они принимают голубой шар за облако и радуются. Такими разнообразными путями попадают маленькие слушатели в страну сказок. В страну, где оживают и встречают ребят нарисованные ими самими сказочные герои... Здесь, на сказочной пристани, мы оставим воздушный шар, или лыжи, или волшебную лошадку и отправимся по новым таинственным улицам и домам, которые появились благодаря письмам маленьких слушателей. Здесь дети встретят знакомых. На красной скамейке сидят графиня Вишня с Красной Шапочкой, на желтой – принц Лимон, на зеленой – мальчик-луковка Чиполлино, на голубой – Мальвина, девочка с голубыми волосами. Недалеко от разноцветных скамеек старик ловит неводом золотую рыбку. Все это нарисовали дети: их письма-рисунки – те чудесные дрожжи, на которых поднимаются новые сказочные передачи. Такую же сюжетную роль выполняют письма-приглашения, адресованные непосредственно сказочным героям. Вот тут живет Буратино. Сказочник принес ему приглашение на елку от ребят. Недалеко от него домок озорного щенка Пифа. Здесь, в стране сказок, и Мальчик-колокольчик из города Динь-Динь, и веселый Матти, что играет на кантеле и поет» (Бегак, 1972; 126–128).

«**СКАЗКА за сказкой**» – передача для детей, выходившая на пятом (петербургском) канале во вт. пол. 1980-х – перв. пол. 1990-х гг.

О Шадринске в 1988–1991 гг.: «Передача “Сказка за сказкой” шла по 5-му каналу. Мне было около 3–6 лет, когда я любила смотреть эту передачу. Очень нравился её ведущий Чёртик – артист 40–45 лет из Петербурга. Сначала он что-то говорил, а потом открывал волшебную шкатулку (сундучок), из которой “выскакивала” сказка.

Сказки, которые я помню, кажется, повторялись друг за другом из передачи в передачу: “Каша из топора”, “Огниво”, сказка о Злюке-Клюке шестнадцатой. Актёров тоже было немного: тот, который играл чёртика, и тот, который играл Солдата, и ещё один-два, лиц, которых сейчас не помню» (109).

О Шадринске в 1991–1992 гг.: «Когда мне было... лет 7–8, по пятому каналу транслировалась телепередача “Сказка за сказкой”. Ведущим был чёртик, который после небольшой истории открывал ларец (шкатулку) со сказками. Но складывалось мнение, что в ларце всего 3 сказки: “Огниво”, “Каша из топора”, “Злюка-клюка шестнадцатая»» (113).

«**СКАЗКА о глупом мышонке**» – многократно переиздававшаяся стихотворная сказка С.Я. Маршака. Впервые опубликована в 1923 году.

Текст сказки включает в себя 24 четверостишия. Приводим первые пять и последние четыре: «Пела ночью мышка в норке: / “Спи, мышонок, замолчи! / Дам тебе я хлебной корки / И огарочек свечи”. Отвечает ей мышонок: “Голосок твой слишком тонок. / Лучше, мама, не пиши, / Ты мне няньку поищи!” Побежала мышка-мать, / Стала утку в няньки звать: / “Приходи к нам, тетя утка, / Нашу детку покачать”. Стала петь мышонку утка: / “Та-га-га, усни, малютка! / После дождика в саду / Червяка тебе найду. / Глупый маленький мышонок / Отвечает ей спросонок: “Нет, твой голос нехорош. / Слишком громко ты поёшь!”... Побежала мышка-мать, / Стала кошку в няньки звать: / “Приходи к нам, тетя кошка, / Нашу детку покачать”. / Стала петь мышонку кошка: / “Мяу-мяу, спи, мой крошка! / Мяу-мяу, ляжем спать, / Мяу-мяу, на кровать”. / Глупый маленький мышонок / Отвечает ей спросонок: / “Голосок твой так хорош. / Очень сладко ты поёшь!” / Прибежала мышка-мать, / Поглядела на кровать, / Ищет глупого мышонка, / А мышонка не видать...»

«Я очень хорошо помню, как в детстве мне читали “Сказку о глупом Мышонке” Маршака. Мне читали её не в первый раз, я уже знал заранее о предстоящем печальном конце. Но всякий раз, когда доходило до того, как Мышка-мать приглашала в няньки к мышонку кошку, снова и снова к горлу моему подкатывали слезы. А когда звучали последние строки: “Прибежала мышка-мать, / Поглядела на кровать, / Ищет глупого мышонка, / А мышонка не видать...” – я ревел, безудержно, громко, размазывая слезы по лицу, как реву только в четыре года. Сейчас, перечитывая эту старую сказку Маршака, я не реву в голос и не плачу втихомолку. Но я не стыжусь своих детских слез, они не кажутся мне глупыми и наивными. По правде сказать, мне и сейчас жаль глупого маленького мышонка, отвергнувшего добрую тетю Лошадь и доверившегося лицемерной Кошке. Мне жаль его, и всякий раз, когда я дохожу до последних строк, меня начинает тревожить тоскливое чувство, очень похожее на то, которое в детстве вызывало у меня слезы... Конечно, “Сказка о глупом мышонке” – это всего лишь простенькая, наивная и трогательная детская сказочка. Но в то же время это и лирическое выражение извечного столкновения доверчивости и лицемерия, трагического несоответствия сущности вещей и их внешней оболочки» (Сарнов, 1968; 69–70, 78).

«**СКАЗКА о мёртвой царевне и семи богатырях**» – сказка А.С. Пушкина; в 1960-е – 1980-е гг. входила в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (4 класс).

«В IV классе дети изучали “Сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях»» (Зепалова, 1983, 81).

«**СКАЗКА о потерянном времени**» – пьеса для кукольного театра (поставлена в 1940 г., издана в 1948 г.) Евгения Львовича Шварца (1896–1958); в 1964 году по мотивам сказки снят фильм (режиссер А. Птушко).

О восьмилетней девочке в Шадринске в 1993 г.: «Когда я впервые увидела фильм “Сказка о потерянном времени”, мне примерно было 8 лет, то ужасно испугалась, что я тоже постарею и что кто-то украдет мою молодость. Брат мне объяснил, что это неправда, и всё это сделано, чтобы пугать лентяев. Но всё равно, после

сказки остался неприятный осадок, и я её больше никогда не смотрела» (012).

«СКАЗКА о рыбаке и рыбке» – сказка А.С. Пушкина; в 1960-е – 1980-е гг. входила в число произв-й, подлежащих обязат. изучению в нач. классах школы.

О мальчике 10 лет в с. Крутая горка Шумихинского р-она в 1994 г.: «Когда заканчивали играть в прятки, я шёл домой и смотрел любимый мультфильм... После мультика смотрел кино о приключениях Шурика... После смотрел передачу “Спокойной ночи, малыши”... После чего мама мне читала “Сказку о рыбаке и рыбке”» (096).

СКАЗКА про белого бычка – одна из наиболее распространённых *документальных сказок*.

О перв. пол. 1980-х гг.: «Была такая сказка [у] моей бабушки – сказка про белого бычка. Я не помню весь текст, примерно так: “Хочешь, расскажу сказку про белого бычка”. У меня всегда был бешеный протест против этой сказки. Бабушка улыбалась, а я сердилась. Я понимала, что мне так отказывают в общении» (1001).

СКАЗКИ – фольклорные или литературные повествование о вымышленных событиях. Слушателями и читателями сказок могут быть как дети, так и взрослые. В данной статье речь идёт о сказках, которые слушают или читают дети.

Сказки в 1840-е – 1850-е гг.

О 1840-х гг.: «Избу освещает / Огонёк светца; / Зимний вечер длится, / Длится без конца... / И начну у бабки / сказки я просить; / И начнёт мне бабка / Сказку говорить: / Как Иван-царевич / Птицу-жар поймал; Как ему невесту / Серый волк достал. / Слушаю я сказку, – / Сердце так и мрёт...» (И. Суриков, Детство).

О пятилетней девочке из дворянской семьи в середине 1850-х гг.: «...Я садилась рядом с няней на диване, прижималась к ней совсем близко, и она начинала рассказывать мне сказки. Какой глубокий след эти сказки оставили в моем воображении, я сужу по тому, что хотя теперь, наяву, я и помню из них только отрывки, но во сне мне и до сих пор, нет-нет, да вдруг и приснится то “чёрная смерть”, то “волк-оборотень”, то 12-головый змей, и сон этот всегда вызовет во мне такой же безотчетный, дух захватывающий ужас, какой я испытывала в пять лет, внимая няниным сказкам» (Ковалевская, [1890], 1986, 37).

Сказки в 1890-е – 1910-е гг.

О конце 1890-х гг. – нач. 1900-х гг.: «В комнате темно. Только горит лампадка. У наших кроватей сидит нянька и рассказывает сказку. Покачиваясь на стуле, нянька монотонно говорит: “Сунула руку добрая фея под подушку, а там змея. Сунула руку под перинку, а там две змеи и гадюка. Заглянула фея под кровать, а там четыре змеи, три гадюки и один уж. Ничего на это добрая фея не сказала, только сунула свои ножки в туфельки, а в каждой туфельке по две жабы сидят. Сорвала фея с гвоздика своё пальто, чтоб одеться и уйти из этих мест. Глядит, а в каждом рукаве её пальто по шесть гадюк и по четыре жабы. Собрала фея всю эту нечисть вместе и говорит: “Вот чего. Ничего худого я вам не желаю, но и вы не прелятствуйте мне уйти из этих мест”. И тогда вся эта нечисть сказала и так ответила доброй фее: “Ничего дурного и от нас вам не будет, госпожа добрая фея. Спасибо, что вы за это нас не убили”. Но тут раздался гром. Из-под земли выкинуло огонь. И перед доброй феей предстала злая фея. “Это, – говорит, – я нарочно выпустила на тебя всю нечисть, но ты, – говорит, – подружилась с ними, чем удивила меня. Благодаря этому я заколдую тебя в обыкновенную корову”. Тут снова раздался гром. Глядим, а вместо доброй феи пасется обыкновенная корова...” Нянька молчит. Мы трясемся от страха. Сестра Юлия говорит: “А вся другая нечисть что?” Нянька говорит: “Про это я не знаю. Наверно, при виде злой феи они попрыгали по своим местам”. “То есть под перину и под подушку?” – спрашиваю я, отодвигаясь от подушки. Нянька встает со стула и, уходя, говорит: “Ну, хватит разговору. Спите теперь”. Мы лежим в постелях, боясь пошевелиться. Нарочно страшным

голосом Леся хрипит: “Хо-о”. Мы с Юлей вскрикиваем от страха. Умоляем Лёлю не пугать нас. Но она уже спит. Я долго сижу на кровати, не рискуя лечь на подушку. Утром я не пью молоко, оттого что оно от заколдованной феи» (Зошенко, 1994–3, 529–530).

Об издании сказок в России до 1917 года: «...Предреволюционные издания сказок в цветных глянцевитых обложках или в тисненых золотом переплетках... Перед революцией – в последние дни старой России... сказок печаталось много. Сказка и детская книжка были почти равнозначными понятиями. В святочных номерах даже взрослых газет и еженедельных журналов очень часто печатались сказки. Но что это были за сказки? Из всего сказочного богатства в них уцелел только прокатный ассортимент ангелов, фей, русалок, эльфов, гномов, троллей, леших, принцесс и говорящих лягушек... Они мало чем отличались друг от друга в нашей предреволюционной сказке. У эльфов, ангелов, русалок были одинаковые золотые волосы и бирюзовые глаза. У леших, гномов и троллей – одинаковые ватные бороды. А ведь в старой народной сказке у каждого гнома, кобольда и эльфа была своя родина, свой характер и даже своя профессия... Но в предреволюционной детской сказке от всей характеристики гнома и кобольда только и уцелела острая шапочка. Сказочные существа сделались безработными, безродными, бездушными и безличными, превратились в блестящие и дешёвые вороха елочных украшений. В их пеструю и беспринципную компанию попали заодно и ангелы, которых лавочки и лавочкицы наделяли своими чертами – самодовольством и румянцем. От близкого соседства все персонажи сказок перепутались. Хитрые и злые русалки стали похожи на крохотных ангелов, у ангелов выросли стрекозиные крылья, как у эльфов, тролли и гномы начали разносить по домам подарки для добрых детей, как это обычно делал рождественский дед. Теряя подлинность, сказка вместе с тем теряла и свои бытовые черты, свой ритм и фабулу. В самом приступе к сказке, в первых ее строках не чувствовалось уже того юмора и вкуса, с которыми приступал когда-то к своему повествованию Ганс Христиан Андерсен (“В Китае, как известно, все жители китайцы и сам император китаец”). Исчезла великолепная слаженность эпизодов... Да и действие стало маловато. Я не говорю уже о доморощенных дамских изделиях вроде “Сказок голубой феи” Лидии Чарской. Такие безличные и бесцветные – несмотря на всю пестроту заемных декораций – сказки не проникали глубоко в память и сердце маленького читателя и только портили его вкус. Хорошо ещё, если в противовес им на детской книжной полке оказывались сказки Пушкина, “Ашик-Кериб” Лермонтова, “Конек-Горбунок” Ершова, “Аленький цветочек” Аксакова, сказки Льва Толстого, В.М. Гаршина, М. Горького, “Корейские сказки” Н.Г. Гарина-Михайловского, “Аленушкины сказки” Д.Н. Мамина-Сибиряка. Эти сказки – вместе с “Тысячей и одной ночью”, Андерсеном, Гауфом, Перро, братьями Гримм – обогащали воображение ребенка, открывали ему сказочный мир, в основе которого лежит мир живой и реальный с подлинными и разнообразными характеристиками героев» (Маршак, 1971–6)

О Москве середины 1910-х гг.: «Я играл один, забавлялся до изнеможения всем, что попадало мне в руки: кубиками, оловянными солдатиками, плюшевыми мишками, лентами, косточками для игр, деревянными чурками. Но больше всего я любил свернувшись в клубочек у ног матери, перебирать мотки разноцветной шерсти и слушать, как она рассказывает сказки. Это были всегда одни и те же старинные русские народные сказки: о Коньке-Горбунке, о золотой рыбке, о колдунье Бабе-Яге и ее избушке на курьих ножках. Я знал наизусть все перипетии этих историй, но дрожал от страха всякий раз, когда мать рассказывала их, понизив голос» (Труайя, 1993, 17).

О 1911–1917 гг.: «Я в детстве страстно любила сказки. Помню ощущение глубокого счастья, когда шла из школы или из библиотеки, а в сумке у меня лежала очередная книга сказок. Идешь – и предвкушаешь: вот

сейчас пообедая, сделаю уроки – и сяду за сказки. Сколько неожиданных чудес, волшебства, сколько необычайных приключений вдруг входило в будничные и малорадостный мир моего детства! Никогда не забыть – да и не забыла вот! – как впервые попала в мои руки книга “Сказки тысячи и одной ночи”. Я и книгу эту помню – красный обрез и яркая картинка на лакированном переплете. Сказки эти были пересказаны для детей и, по-моему, очень хорошо пересказаны, без сюсюканья, всерьез, именно так, как и надо разговаривать с детьми. Три дня с утра до вечера – в школу я тогда еще не ходила – я читала эту книгу. Она лежала на табуретке, а я стояла на коленях перед табуреткой и читала, читала, – ничего не видя, ничего не слыша. И на всю жизнь запомнила эти сказки. Лучшего издания я потом не нашла. И даже книги той не смогла найти – не знаю ни автора, пересказавшего сказки, ни издания. Такое же огромное впечатление произвела на меня в детстве “Алиса в Стране Чудес”» (Воронкова, 1978, 85).

О детях 13–15 лет в 1917 году в деревне: «Я очень любил Надю, каждый день ходил к ним, и мы играли с нею в чёрную палочку и рассказывали друг другу сказки» (Коновалов, 1974, 54).

Сказки в 1920-е гг.

О начале 1920-х гг.: «Часто, собравшись в кружок на полянке перед домом, девочки-няньки и их подружки рассказывают сказки. Кроме тех сказок, которые они знают от старших, они сами создают сказочные образы и целые сказки» (Виноградов, [1924] 1999, 21).

О середине 1920-х гг.: «Ездил в ночное по большей части малолетняя ребятня... Но, случалось, ездили с нами и взрослые, и среди них – дед Максим. И то-то было нам радости, когда у нашего неяркого мальчишечьего костра появлялся седобородый сказочник Максим! С его приходом, после самых же первых слов “В некотором царстве, в некотором государстве жил царь, а у него был сын Иван...” всё кругом словно бы преображалось... Мы словно бы переставали жить своей вседневной жизнью, переносясь в далёкий волшебный мир сказки с его захватывающими дух чудесами, в которые хотелось верить и легко верилось... Некоторые сказки дед Максим рассказывал по несколько ночей подряд, одну – целую неделю. Целыми ночами – целую неделю! Легко сказать, легко написать такое. А если вдуматься – это же какую неиссякаемую фантазию надо иметь, каким “запасом” слов располагать, чтобы итогу и другого хватило на такое, употребляя нынешнюю терминологию, многосерийное повествование! А если, бывало, по прошествии какого-то времени мы просили повторить особенно полюбившуюся сказку, Максим рассказывал её уже по-новому. То есть сказка была та же, и события в ней происходили в общем-то те же самые, но у нас не оставалось ощущения простого повторения – знакомая сказка слушалась как новая» (Шуртаков, 1977, 4–5).

В 1922–1929 гг. «педологи и вульгарные социологи отрицали сказку как жанр литературы для детей. По их требованию все народные, литературные сказки удалялись из библиотек. Подвергались запрету и сказки К. Чуковского» (Чернявская, 1971, 119).

О 1920-х – перв. пол. 1930-х гг.: «...“Педагогическая критика” [развернула шумную антисказочную кампанию]. Сказка как жанр дет. лит-ры этой критикой безусловно отрицалась. На педологич. конференциях ораторы заканчивали свои выступления призывом “развернуть широкую антисказочную кампанию”. “Сказка отжила своё”, “Кто за сказку – тот против соврем. педагогики” и, совсем коротко и просто, “Долой всякую сказку” – таковы были лозунги педологов. При активном участии руководителей “Харьковской педагогической школы” вышел “основополагающий” сборник статей “Мы против сказки”. Вульгаризаторские антисказочные идеи подвигли Э. Яновскую на создание развернутых трактатов: “Сказка как фактор классового воспитания” и “Нужна ли сказка пролетарскому ребёнку”. Доказать, что сказка является сугубо отрицательным “фактором классового воспитания” и

потому вредна “пролетарскому ребёнку”, – другой цели у этих трактатов не было. Автор книжки “О вреде сказок”, вышедшей в Оренбурге, снабдил свое сочинение подзаголовком: “Настольная книга для работников просвещения трудовой школы”... Вместе с книжками, в подзаголовке которых стояло опасное слово “сказка”, из шк. и дет. библиотек удалялись книги, где элемент вымысла превышал некую установленную педагогами норму, – “Путешествие Гулливера”, “Робинзон Крузо” и в особенности – “Приключения Мюнхгаузена”... [В Постановлении] ЦК ВКП (б) от 9 сентября 1933 года... сказка была причислена к жанрам, необходимым советской литературе для детей... Критик А. Александров [в 1936 году] писал: «Сейчас этот период [гонений на сказку] уже канул в прошлое. Репутация сказки реабилитирована. Детиздат понемногу включает лучшие образцы сказочной лит-ры в свои планы. Создаются и новые сказки» (Петровский, 1986, 170–171).

Сказки в 1930-е гг.

Из «рабочей книги для учащихся педтехникумов и учителей» 1930 года: «Основные требования к детской книге, выработанные комиссией по дет. книге при Научно-педагогич. секции ГУС-а и утверждённые в заседании коллегии Наркомпроса 23. XII. 1926... 3. Волшебные сказки мы считаем вредными. Они мешают ребёнку разбираться в окружающем, развивают суеверия, действуют на его нервы, вызывая чувство страха, питая нездоровую фантастику, притупляя чувство реальности» (Бархин, 1930, 85).

О перв. пол. 1930-х гг.: «Наше поколение в самом раннем возрасте воспитывалось в основном на русских сказках, где героем был зайчик. И вообще преобладала русская литература...» (Александрова, 2004).

О середине 1930-х гг.: «Навсегда запечатлено в памяти и то, как Михайло Григорьевич лежал со мной на печи и говорил сказку про тетерева. Мне было тогда около трех лет. Конечно, я не смогу дословно повторить слова прадеда (для меня он всегда был “дедушкой”)... Осталось лишь ощущение старческой доброты, ласки, печного и душевного тепла. Вот я гляжу в щелястые подолочины, гляжу и слушаю примерно такие слова дедушки: “Уселся тетерев на березе на самом верху, глядит вниз. А там лиса прибежала и говорит: “Тетерев, тетерев, я в городе была”... И только вздумал тетерев по городскому указу слететь с березы и погулять по травке, лиса вдруг молвила: “Погляди-ко, тетерев, не видно ли сверху кого?”... “Лошадь бежит”. – “А на лошади-то сидит ли кто?” – “...Бу-бу-бу, на лошади человек, а на спине у него длинная палка”. – “А погляди-ко, тетерев, не бежит ли кто рядом с лошадью?” – “Как не бежит, жеребенок рядом попрыгивает”. – “А какой у жеребеночка хвост?” – лиса спрашивает. – “Бу-бу-бу, хвост у него крючком!” – “Ну, прощай, тетерев, мне дома недосуг”. И побежала лиса, да так быстро, что тетерев не успел и слова сказать”» (Белов, 2002–2).

Сказки в 1980-е – 1990-е гг.

О Шадринске в перв. пол. 1980-х гг.: «Очень часто по многу раз в день, на ночь, по моей просьбе бабушка рассказывала мне такие сказки; “Сказка-басёнка посередине мышонка, в каде-ладе мышка в огороде капусту секёт, волк на болоте рубахи колотит, лед проломился, волк провалился”; “Баушка-городаушка где была? – Жеребят пасла. Где жеребят? – Никитка увёл. Где Никитка – В церкву ушёл. Где церква – Огнём сгорела. Где огонь – Девки залили. Где девки? – По замужьям ушли. Где замужья? – У попа в мешке да на горлышке”» (1001).

О Кургане в 1992–1997 гг.: «С самого раннего детства я очень любила сказки... Русские народные сказки меня всегда приводили в восторг. Я, можно сказать, взалёб их смотрела и читала. Особенно я любила сказку про Елену Прекрасную...» (051).

Лит.: РД, 2006, 316–319.

См. также: «Двенадцать месяцев»; «Золотой ключик, или Приключения Буратино»; «Колобок»; «Репка»; «Русалочка»; Сказки братьев Гримм; «Сказки дядюшки Римуса»; Сказки Пушкина; «Цветик-семицветик»»

Сказки как источник мечтаний, фантазий.

О начале 1990-х гг.: «В детстве я всегда представляла себя героем какой-нибудь сказки. Я была Золушкой, которая ждет своего принца. Я видела себя на балу в сиреновом наряде, где танцевала до полуночи и где встречала принца. Если меня кто-то обижал, то я воображала себя каким-нибудь непобедимым рыцарем, которого все боялись, но знали, что в случае какой-либо беды, только он поможет. Я представляла, как совершаю различные подвиги, спасаю людей от смерти, от различных злодеев. Часто я воображала себя маленькой букашкой и путешествовала где-нибудь в траве. А трава эта казалась мне неизведанными джунглями, в которых легко заблудиться. Вообще, все герои мультфильмов и сказок были в моих фантазиях» (566).

СКАЗКИ братьев Гримм – см.: *Гримм; Братья Гримм*.

Первый том сказок братьев Гримм, Якоба (1785–1863) и Вильгельма (1786–1859), появился в 1812 году, второй – в 1815 и третий – в 1822 году... Первые переводы немецких сказок получили известность в России ещё в XIX веке. И ныне сказки братьев Гримм издаются большими тиражами в нашей стране» (Зубарева, 1976, 41).

О девочке 5–8 лет в г. Далматово в 1991–1994 гг.: «Когда мне было 5 лет, то моя любимая книга была сказки братьев Гримм. Это была уже не новая, достаточно толстая книга, мне часто читали разные сказки из этой книги. Я очень стремилась научиться читать, чтобы прочесть все сказки самой. Я читала её несколько раз. Потом читала выборочно полюбившиеся мне сказки» (162).

О Шадринске в 1992 г.: «Лет в 7–8 я нашла книгу “Сказки” братьев Гримм. Она уже была старая, сказки мне очень нравились, я сама начала её читать» (069).

«СКАЗКИ дядюшки Римуса» – сказки о животных с человеческими повадками, собранные и переработанные Джоэлем Чендлером Харрисом (1848–1908), фольклористом и журналистом. Наиболее выразительные персонажи – Братец Кролик и Братец Лис.

О перв. пол. 1930-х гг.: «Наше поколение в самом раннем возрасте воспитывалось в основном на русских сказках... И вообще преобладала русская лит-ра. Но были и иностр. книжки. Помню, распространены были “Сказки дядюшки Римуса”...» (Александрова, 2004).

О 1991 г.: «Мне было 6 лет (это был 1991 год, я жила в селе Верх-Теча), мама мне читала книгу “Сказки дядюшки Римуса”, когда у нее было свободное время. Не помню, кто был её автор. Нравилась книга тем, что были красочные картинки и забавные истории. Мне нравился Кролик тем, что он был забавный, попадал в различные смешные ситуации» (097).

СКАЗКИ Пушкина – сказки, написанные А.С. Пушкиным. К началу XX века вошли в круг детского чтения.

О нач. XX в.: «...Были ли в самом деле так богаты старые книжные полки. Да, конечно, их нельзя назвать бедными, если... на них стояли в голубом и красном колленоре “Робинзон Крузо”, “Гулливер”, “Русские народные сказки”, басни Крылова, сказки Пушкина, братьев Гримм...» (Маршак, 1971–7, 284).

О мальчике в Москве в середине 1910-х гг.: «Я жил так, как жило большинство детей в тогдашних интеллигентных семьях... Я любил сказки Пушкина, Андерсена, “Приключения Мурзилка”...» (Жуковский, 1992, 24).

О 1967 г. в г. Семипалатинске: «Впервые я прочитала сказки А.С. Пушкина, наверное, в четвёртом классе и перечитывала их по многу раз. Такая книга была у нас дома. Нравилось, что эти сказки легко читаются и запоминаются, увлекал интересный сюжет» (118).

СКАКАЛКА – детская игрушка – веревочка с ручками на концах, через которую прыгают, вертя её и перекидывая через голову; то же, что *прыгалка*.

О середине 1910-х гг.: «...Рая считалась на всей улице непобедимой по части скакалки. Она могла прыгнуть сто раз без передышки и ни разу не запутаться... Но Женя и Тоша четырнадцать раз прошли мимо скамеечки, где сидела Рая. Знаменитая скакалка лежала свернутой рядом... Наконец... Женя, ужасно покраснев, обратился к девочке: “Вы не дадите, пожалуйста, нам на минутку

вашу скакалочку?”... Рая дала им свою скакалку – толстый белый шнур с лакированными деревянными ручками на концах. ...Мальчики стали изображать, будто они первый раз в жизни прыгают через скакалку. Они топтались на месте, путались в веревке, нарочно падали. Вскоре Рая... засмеялась и сказала: “Не так совсем. Дайте я вам покажу, как надо”. Женя и Тошка как можно быстрее раскрутили скакалочку, так что её почти не видно стало. Веревка, выгнувшись и мерца в воздухе, описывала большой прозрачный шар, а Рая, легко вбежав в него, ловко заскакала, ни разу не зацепившись, как белка в колесе. Она прыгала вперед и назад, и обеими ногами сразу, на одной ножке и боком. Свистящая веревка подсекала ее у земли и тотчас пронеслась над головой, а она всё прыгала, прыгала, прыгала» (Кассиль, 1987–1, 352–353).

О Ленинграде 1930-х гг.: «...Девочки прыгали через скакалку, играли в “классы”, расчерченные на тротуаре...» (Гранин, 1990–5, 476).

О Свердловске вт. пол. 1940-х гг.: «С наступлением теплых дней армия детворы высыпала во двор. Девочки собирались своей стайкой, мальчишки – своей. Девочки больше играли в мяч, в классики, прыгали через скакалку. Какие это были мудреные прыжки – и по одному, и вдвоем, и с переворотом, и руки крестом! Во двор выносились длинная толстая веревка, которую раскручивали вдвоем. Требовалось огромное умение, сноровка, чтобы запрыгнуть в разворот веревки и, в такт с раскручиванием, выделывать прыжки!» (Факова, 2006).

О вт. пол. 1940-х гг.: «...Лидя взяла скакалку, которую была подпоясана вместо пояса, и принялась скакать перед террасой, громко считая: “Раз, два, три...”» (Панова, [1955] 1956, 424).

О нач. 1960-х гг.: «А потом взяли скакалку и пошли во двор. Там девчонок много – стали скакать. Я скачу, а сама всё прислушиваюсь...» (Долинина, 1962, 58).

О нач. 1960-х гг.: «Ребята играли на поляне возле школы... Любаша уже успела присоединиться к первоклассницам, скакавшим через веревочку. Две маленькие девчушки старательно, изо всех сил крутили скакалку, а Любаша прыгала, высоко выбрасывая худые ноги, то и дело встряхивая головой, чтобы откинуть рыжеватую челку, падавшую на глаза» (Черногловина, 1962, 82).

СКАКАТЬ через прыгалку (скакалку, веревку) – см.: *Скакалка, Прыгалка, Веревочка*.

«СКАМЕЕЧКА» – молодежно-подростковая игра.

См. стихотворение 1971 г. «Старая игра» (вероятно, о 1950-х гг.); по стихотворению возраст участников установить не удалось; возможно, игра не подростковая, а юношеская. «В снегу шубёнки наши, / И все валенки в снегу... / Играем по-вчерашнему / “В скамеечку” опять: / Садится на скамеечку / Один из пареньков, / И, посмеиваясь, / Один из номерков – / Седьмой, восьмой, десятый ли – / Покличет наугад, / И дрогнет обязательно / Девичий строгий ряд. / То весело, то сдержанно – / Смотря к кому и кто, – / Два валенка заснеженных / К скамеечке – топ-топ! / Уселась – к пяткам пятками... / Звучит привычный счёт, / Она – к нему оглянется, / А он – наоборот, / Совсем в другую сторону / Под хохот: “Разошлись!” – / И “жениху” свободному / Кричит “невеста”: “Брысь!” / ...Усядемся, усядемся! Под “раз-два-три!” друг / И мы с тобой оглянемся... / Оглянемся, да вдруг, / Да оба – в одну сторону, / И оба – чуть не “ах”! / И у обоих поровну / Смущения в глазах... / ... До новой парочки / Под звёздами стоять... / Другие со скамеечки / На смену нам идут. / Другая звонко выключит / Заветный номерок...» (Фокина, 1985, 259–260).

СКАМЕЙКА – устройство для скатывания со снежной (ледяной) горки.

О 1870-х гг.: «Миша просил отца сделать ему скамейку, чтоб ездить с горы. Отцу не было времени. А мать дала Мише шайку. Он полил её водой, сел в неё и скатился» (Толстой, [1875] 1987, 233).

О 1880-х гг.: «Вчера к вечеру Пахом, кривой и рябой мужик, смастерил Никите, по особенной его просьбе, скамейку. Делалась она так... Пахом выстрогал две доски и четыре ножки; нижняя доска с переднего края – с носа – срезанная, чтобы не заедалась в снег; ножки

точёные; в верхней доске сделаны два выреза для ног, чтобы ловчее сидеть. Нижняя доска обмазывалась коровьим навозом и три раза поливалась водой на морозе, – после этого она делалась как зеркало, к верхней доске привязывалась веревочка – возить скамейку и когда едешь с горы, то править... Внизу стояла новенькая сосновая скамейка с мочальной витой веревкой. Никита ... попробовал – скользит хорошо, взвалил скамейку на плечо... и побежал по дороге вдоль сада к плотине... Никита... опустил скамейку на снег, сел на нее верхом, крепко взялся за веревку, оттолкнулся ногами раза два, и скамейка сама пошла с горы. Ветер засвистал в ушах, поднялась с двух сторон снежная пыль... И вдруг, там, где снег обрывался над кручей, скамейка пронеслась по воздуху и скользнула на лед. Пошла тише, тише и стала. Никита засмеялся, слез со скамейки и потащил ее в гору... Никита... бросился на скамейку, слетел вниз и побежал по льду...» (Толстой, [1919–1922] 1984; 6, 10–11).

Из пособия для ручного труда середины 1950-х гг.: «Некоторые родители считают ледянку некультурным средством развлечения (пальто мнётся и пачкается). В этом случае можно сделать скамейку. На неё садятся верхом, как на коня. Скамейка может быть или одно-местная, или на несколько человек – до десяти. Здесь тоже основная часть сооружения – доска..., связующие устои – две палочки для переднего станова и две палочки покороче – для заднего..., верхняя доска... значительно меньше нижней; нижняя толще и длиннее верхней и пошире, чтобы удобнее было ставить ноги во время скатывания с горы. Соединение всех этих частей производится таким порядком: четыре ножки прибиваются к верхней доске с одной стороны, затем они вставляются в подготовленные отверстия нижней доски и прибиваются встык встречными гвоздями...» (Жилкина 1956, 176–177).

СКАРЛАТИНА – болезнь, протекающая либо умеренно, с небольшой температурой и умеренной сыпью, либо тяжело, с высокой температурой, обильной сыпью, рвотой. Скарлатиной чаще болеют младшие школьники. Продолжительность болезни – две недели.

О женской гимназии в нач. XX века: «Р а я. Слышали новость? З и н а. У Наврозовой скарлатина! М а р у с я. Счастливая! Это одной болезни четыре недели да две недели карантин!... Я ведь с Наврозовой на одной парте сижу!... З и н а. Ну так что? М а р у с я. А у неё скарлатина!... А я, может, от неё заразилась!... Побегу сейчас в лазарет!...» (Бруштейн, 1956, 174).

О 1910-х гг.: «...Он к четырнадцати годам так вырос, что когда мы все трое заболели скарлатиной и нас отправили в детскую клинику..., то там, в клинике, не нашлось кровати по Володиному росту» (Луговская, [1983] 1987, 37).

О Москве в середине 1930-х гг.: «Зимой схватила меня скарлатина. Я лежал в огне, с расширяющейся опухолью за ухом и слышал сквозь дрему и полузабытьё, как мать читала мне “Воину и мир”» (Золотусский, 1991, 69).

О 1950-х гг.: «“А у меня горло болит, – сказала Таня, сильнее закутываясь в мамину шаль”. “Болезнь – ужас как неприятно, – тотчас откликнулась Таня Ракова. – Я в детстве скарлатиной болела, и ещё у меня лёгкие слабые...”» (Дягилев, 1961, 39).

СКАТЫВАТЬСЯ по перилам – распространённое детское развлечение.

О 1900-х гг.: «“Видал, как я на большой перемене съехал по перилам в самую раздевалку? Эх, и ловко получилось! Видал? Ну, вот и Стрелецкий видал. И только пальцем погрозил...”» (Кононов, 1958, 154).

О 1902 году в школе: «“А вот Ленка сейчас катится с перил. Правда ведь, Ленка? А то вон Нюрка боится”. На лестничных перилах нам строго-настрога запрещают кататься... Сима ложится животом на перила и моментально скатывается. Следом качусь я, за мной – Нюрка... Я поворачиваю голову и в ужасе замираю: у перил – [заведующая]» (Молчанова, 1958, 37).

О 1940-х гг.: «Остановившись у лестницы, Таня вспомнила, как она, по примеру мальчишек, когда-то

верхом скатилась вниз по перилам и попала прямо в объятия Варвары Тимофеевны. Тогда она страшно перепугалась...» (Матвеев, [1947–1954], 1956, 443).

О 1950-х гг.: «...Мимо пронеслись по перилам двое мальчиков... “Стой!” Это крикнул Мишка, соскакивая с перил на четвёртом этаже». (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961, 30).

О середине 1950-х гг.: «Как Тата сбегала по лестнице, рассказывать не будем: вы и сами знаете, что удобнее всего катиться по перилам» (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961, 167).

СКАУТ – член детской (или юношеской) орг-ции, основанной на принципах *скаутизма*.

СКАУТИЗМ (от англ. scout – разведчик), система воспитания подростков и юношества, основанная на принципах методики скаутинга. Основные идеи разработаны англ. полковником Р. Баден-Поуэллом (1857–1914). [...]

«Мне нравится ходить с посохом... Нравится, когда скауты идут строем. Вид у них тогда решительный... Попробуй-ка тронь таких!..»

В 1922 году большая часть скаутов присоединилась к построению комсомольских и пионерских орг-ций, некоторые из скаутов пытались сохранить прежние традиции скаутизма, несколько скаутских орг-ций предпочли вести нелегальную работу.

К 1923 году, когда скаутизм в России был запрещен, в стране насчитывалось 8 тысяч скаутов.

С начала 1990-х гг. в России были созданы новые скаутские орг-ции: Московское братство православных скаутов (1990), Орг-ция российских юных разведчиков (1990); Федерация скаутов России (1991); Русский союз скаутов (1993), Федерация православных следопытов (1994) и др.

О 1990-х гг.: «Попытки рыночных идеологов создать в России в противовес пионерской орг-ции движение скаутов по образцу Запада успехом не увенчались. Как идеология этого движения, так и его орг-ция и даже стиль и атрибуты оказались несовместимыми с культурными традициями (это – особая тема)» (Карамурза, 2004).

См. также: *Бойскаут, Скауты*.

СКАУТИНГ – то же, что *скаутизм*.

СКАУТСКИЙ лагерь – см.: *Скаутизм*.

В начале 1910-х гг. под руководством В.Г. Янчевецкого был организован первый скаутский лагерь близ Лахти (Финляндия).

О 2005 г.: «Преимущество скаутского лагеря в том, что дети там живут прямо на природе... Настоящих скаутских лагерей и настоящих скаутов в России не слишком много. В начале июля, например, мы нашли только один действующий лагерь в Московской обл. – “Феникс-2005” в Истринском районе. “Наш русский чум, мы в нем живём”, – гордо говорит скаут Саша, подводя меня к высокому брезентовому шалашу... Пол застелен сначала аккуратными досками, потом туристскими ковриками. Вечером на коврики положат спальные мешки. В этот заезд в лагере живут девять мальчиков и две девочки. Возраст – от 7 до 11. Дети самостоятельные до неприличия. Сами моют руки перед едой, ходят в душ. Сами спать укладываются. Сами за собой убирают. “Мы из племени винибаго”, – говорит Олеся. Она лучше всех умеет стрелять из лука. И самая старшая. У них тут еще есть племя арапах и племя понка. Как они различаются, понять не удалось... “Мальчики у нас называются “волчата”, а девочки – “белочки”...”, – рассказывает одна из взрослых руководителей, Оля... Время от времени какой-нибудь волчонок или белочка жметя к Оле, что-то шепчет. Ведь она... вожак стаи. Учит их из лука стрелять, следить за порядком, петь песни. Утешает, если что. Перед едой – короткая молитва... “Этот лагерь – плод совместных усилий Общества российских юных разведчиков и родителей... – говорит Вячеслав Черных, один из самых известных скаутов России. – Городские дети – они же в большинстве своем безрукие. А у нас проживут 10 дней, смотришь – и с топором умеют обращаться, и готовить, и стирать, и первую помощь оказывают...” Волчата и

белочки – а принимают в скауты с шести лет – умеют: пройти по ночному лесу более километра в одиночку, использовать компас, играть в чехарду, пробежать без затруднения километр, чистить зубы, провести сутки не говоря ни слова, завязывать узлы, знают, почему необходимо дышать через нос» (Куликова, 2005–5).

СКАУТЫ – члены детской (или юношеской) орг-ции, основанной на принципах *скаутинга*.

СКВЕРНОСЛОВИЕ (у детей) – наполнение речи неприличными выражениями, ругательствами, непристойными бранными словами.

О Ленинграде начала 1930-х гг.: «Я не понимал, как ребята так легко матерятся – а матерились они хуже извозчиков. Был у нас такой Гольм, – я как-то шел с ним от угла Большого и Каменноостровского до Введенской, он говорил без умолку, и я подсчитывал, скажет ли он хоть одну фразу без матюга – не сказал. Правда, Гольм принадлежал к презираемым ребятам, и развлечения его были самые низкие: плевать окурками, прилепляя их к потолку в уборной, или разбивать унитаз, а потом спускать воду. Но матерились все» (Дьяконов, 1995, 213).

О мальчиках 10–11 лет в 1943–1944 гг. в районном центре Ташла Чкаловской (Оренбургской) области: «Впоследствии все мы... подружились. Борька Трунов стал вообще моим главным другом – у него я учился небрежно ругаться матом, элегантно плевать сквозь зубы и выливать сусликов» (Стругацкий, [1992] 2001, 529). О летнем лагере конца 1940-х гг.: «“Чем этот мальчуган провинился, которому ты голову намыливала?” – спросил Костя. “Костя, он ругается. И не так, как другие ребята иногда: дураком или еще как-нибудь... Он нехорошими словами!... Я сделала ужасную бестактность. Я спросила его: “Ведь ты никогда не слышал, чтобы люди, которых ты уважаешь, говорили такие слова? Разве твой папа так говорит?” А он мне ответил: “Папа говорит”. Костя, значит не всегда можно мальчику поставить отца в пример“» (Артюхова, [1955] 1961, 227).

О шестикласснике мужской школы в 1948 году: «В шестом классе, насильственно преодолевая свою внутреннюю несвободу, я виртуозно овладел нецензурщиной – естественно, на уровне нашего тогдашнего развития» (Лиханов, 1995, 80).

О Свердловске конца 1940-х – начала 1950-х гг.: «Вечером он стоял в коридоре у распахнутого во двор окна, а внизу стоял его приятель, которого он окликнул от нечего делать, и вот они беседовали. Вокруг не было никого из взрослых, и они с удовольствием обменивались крепкими выражениями, без которых, начиная с определенного и довольно раннего возраста, не мыслилось общение у пацанов их двора. В семье мальчика не произносили ничего крепче “черта” и о его владении нецензурщиной, он полагал, не знали, и он боялся даже представить, чтобы когда-нибудь узнали. Так они стояли и беседовали, и вскоре после того, как он без всякой причины и без всякой злости произнес по адресу приятеля одно из самых звучных выражений, у него за спиной раздался мамин голос, звавший ужинать... Играли сообща, мальчики и девочки, во все игры, вплоть до футбола. Девчонки дрались и матерились не менее умело, чем мальчишки» (Дробиз, 2004).

О 1954 году: «...Именно такие, на первый взгляд ничем не примечательные люди совершают подвиги куда чаще, чем те, что на ходу прыгают в трамвай, с малых лет приучаются курить и ругаться скверными словами» (Никонов, [1958] 1962, 132–133).

СКВОРЕЧНИК – «Помещение для скворцов в виде ящика с отверстием, укрепленного на высоком шесте или на дереве» (Словарь, 1962–13, 923).

С 1930-х гг. неотъемлемой частью детской жизни стали призывы взрослых (учителей) сколачивать скворечники и развешивать их.

О начале 1930-х гг. в Шадринске (слово «скворечник» не используется): «Весной, перед прилетом птиц, пионеры и школьники делали домики для птиц. Любовь к природе нам прививали наши учителя» (Такунцева, [1989] 2002, 41).

О псковской деревне в 1942–1943 гг.: «Снова наступила весна... Толя как всегда серьезен, весь в хлопотах: он мастерит скворечники, а потом прибывает их к деревьям» (Миронов, 1999, 87)

Из пособия для ручного труда в школе середины 1950-х гг.: «Скворечники надо готовить к наступлению весны. Следует заранее облюбовать дерево, куда будет повешен скворечник, заранее припасти все необходимые материалы. Ведь зимой трудно достать всё, что требуется, а скворцы прилетают ещё “по снегу”... Правая и левая стенки... одинаковы: 30 см высотой, 15 см шириной. Дно... должно охватывать все стороны, с учётом расстояния между стенками плюс толщины досок. Скат крыши лучше сделать неодинаковыми по длине, потому что один должен перекрывать другой в вершине конька (е и ж). Сбить все эти детали уже не представит большого труда. Лучше всего начинать так: поставить обе боковые стенки, а на них положить дно и прибить гвоздями в четырёх углах; затем наколачивать на них переднюю и заднюю стенки, далее – левый и правый скат крыши. Наконец, надо вернуть в заднюю стенку под конёк крыши кольцо. Кольцом скворечник обычно вешается на сучок дерева или на гвоздь, вбитый в столб, или на верёвочную петлю, приспособленную к углу сарая. А для того чтобы скворечник не раскачивался от ветра, за ручку привязываем его при помощи верёвки... или прибаваем гвоздём» (Жилкина 1956, 170–172).

См. текст песни «Птичий дом» (слова О. Высотской, музыка Д. Кабалевского): «Чуть распотит солнце вешнее / На дворе у нас снежок, / Птички домики-скворечники / Мы сколотим из досок. / Тук-тук молотком, / Строим, строим птичий дом! / На дворе тепло и весело, / Лёд ломается в реке, / Птичий домик мы повесим / На берёзовом сучке. / Ждём, ждём, птички, ждём, / Прилетайте в новый дом!» (цит. по: Солоникова, 1962, 107).

«СКВОРУШКА ПРОЩАЕТСЯ» – песня (музыка Т. Попатенко, слова М. Ивенсен), несколько десятилетий (с 1950-х гг.) разучивавшаяся с детьми в дошкольных учреждениях и младших классах школы.

Текст: «[1] Осень-непогодушка, / Тополь пожелтел, / Вдруг на ветке скворушка / Песенку запел. [Припев:] Ветка чуть качается, / Дождик не кончается. / С нами старый скворушка / До весны прощается. [2] В путь-дорогу дальнюю / Скворушке лететь. / Песенку прощальную / Как ему не спеть! [Припев] [3] Где ты, солнце вешнее, / Ясный небосвод?... / Над пустой скворешнею / Скворушка поет. [Припев:] Ветка чуть качается, / Песенка кончается, – / С нами старый скворушка / До весны прощается» (СП, 1958, 9; ПО, 1964, 66–67).

О мальчике в детском саду в Свердловске начала 1960-х гг.: «А во мне и без того чувствительности хватало – только тронь. На музыкальном занятии, когда под аккомпанемент светловолосой крашеной энтузиастки мы хором тягивали “С нами старый скворушка до весны прощается”, я плакал горячими слезами» (Застырец, 2003).

СКЕЙТ – то же, что *скейтборд* в обоих значениях.

СКЕЙТБОРД – 1. Вид спорта, заключающийся в катании стоя на специальной доске на роликах.

СКЕЙТБОРД – 2. Короткая доска на роликах для катания стоя.

СКЕЙТБОРДИСТ – тот, кто катается на *скейтборде*(2)..

СКЕЙТИНГ-РИНГ – специальная площадка для катания стоя на короткой доске на роликах.

О Петербурге начала XX века: «Самые первые роллеры появились в Петербурге ещё в начале [XX] века. Английская забава – езда по фанерным полам на четырёхколёсных тележках, привязанных к ногам – сразу же пришлась по вкусу петербургской аристократии. Асфальт в Питере в те времена было – кот наплакал. Дороги мостились булыжником или деревянными шашаками, которые всплывали во время каждого наводнения. Поэтому первые роллеры катались на специальных площадках – скейтинг-рингах. В самый большой и известный скейтинг-ринг на Марсовом поле после уроков в гимназии приводили маленького

Набокова (петербургская газета «Пять углов», 1997, 17 октября; цит. по: ТСРК, 1998, 591).

СКЕЙТИСТ – то же, что *скейтбордист*.

СКИНХЕДЫ – представители контркультурного политизированного молодежного движения.

О вт. пол. 1990-х гг.: «...Ещё недавно ультраправые скинхеды не считали малочисленных тогда антифашистов серьезными соперниками. Любимым их развлечением была “охота” за антифа, которых вылавливали на улицах, приглашали на липовые встречи через интернет, вычисляли в ночных клубах. Но били, скорее, так – для острастки. В 1999-м группа наци заявила в Москве на концерт ска-группы Spitfire, участники которой публично говорили о неприязни фашизма, и устроила там дебош. В потасовке был зарезан один из нападавших скинхедов. За этим событием последовало несколько лет жесточайшего террора против антифа. Весной 2000 года только усиленные отряды ОМОНа смогли разогнать около 400 ультраправых, буквально осадивших ДК “Крылья Советов”, где должен был состояться антифашистский фестиваль. Осенью того же года очень серьезно пострадали несколько скинов-коммунистов, попавших в засаду на Ленинском проспекте. Окружив жертв, нацисты методично избивали их стальными прутьями» (Богомолов, 2006–1).

О конце 1990-х гг. – нач. 2000-х гг.: «...Автор пишет о том, что хотя по сравнению с бритоголовыми Запада российские скинхеды более политизированы, они пока представляют собой расистские группировки, стилистическое направление, банды хулиганствующих подростков, а не серьезную политическую силу» (Сверюгин, 2002, 4).

Ср.: *Антифа*.

СКИНЫ – то же, что *Скинхеды*.

СКЛАДЕШОК – нож со складывающимися лезвиями.

О начале 1930-х гг.: «Накануне они поспорили на Стёпкине складешок... Теперь Стёпке придётся распрощаться со складешком» (Соболев, 1964, 7–8).

СКОРОГОВОРКИ – фразы, требующие умения быстро и ясно выговаривать труднопроизносимые сочетания звуков. Благодаря заложенной в них игровой сущности скороговорки полностью перешли в игровой фольклор (Лойтер, 1991; 214).

«Скороговорки – трудно произносимые фразы с их тавтологическими повторами, внутренними рифмами, аллитерациями и ассонансами, требующие четкой дикции, умения быстро и ясно выговаривать сложные сочетания гласных и согласных звуков стали своеобразной словесной забавой, развлечением, игрой» (Лойтер, 2005, 58).

См.: *Жили-были три японца...*

Лит.: РД, 2006, 342–344.

СКОТТ – Вальтер Скотт (1771–1832), английский писатель.

О девочке 7–9 лет в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «...Настоящая жизнь начиналась для меня за школьными стенами. В этой внешкольной жизни была масса увлечений. Прежде всего – книги. Родители очень заботились о моей личной библиотеке – на подаренной мне этажерке красовались томики Ф. Купера, М. Рида, Ж. Верна, В. Скотта..., шедевры мировой детской классики – «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий» М. Твена, «Маленький оборвыш» Гринвуда, «Без семьи» Г. Мало и многое-многое другое. Большинство этих “своих” книжек было читано-перечитано до школы» (Лупанова, 2007, 52–53).

СКУТЕР – двухколесная машина с двигателем объемом 50 куб. см, по виду напоминающая мотороллер.

О середине 2000-х гг.: «У подростков появилась новая опасная игрушка. Это – скутер, или “табуретка”. Гибрид мопеда, мотороллера и велосипеда с моторчиком, для управления которым не требуется водительских прав... Скутер – двухколесная машина с двигателем объемом 50 куб. см. Внешне похож на мотороллер, однако напрочь лишен педалей – одна лишь “газующая ручка”. ...Газ и

тормоз – вот и все органы управления. Задача ребенка – только вращать рукоятку и держать равновесие при езде. Даже масло в горючей смеси смешивается автоматически... По сведениям продавцов, в Москве уже от 1500 до 3000 владельцев скутеров... Родители покупают скутер на день рождения любимого дитяти, поддавшись на уговоры: “Ну он же не опасней велосипеда, всего 40 км/ч!” или: “Должен же я сначала научиться водить или ты, пап, будешь рад, если я сначала твою машину побью?” ...Многие автовладельцы... ненавидят подростков на скутерах... за... полное пренебрежение правилами движения, нагло соединяемое с абсолютным презрением к окружающим. Некоторые злые водители даже специально пытаются прижать детей на “табуретках” к бордюру, вытеснить с дороги. Инспекторы постоянно придираются, вылавливают “табуреточников” и обвиняют во всех грехах. И деньги, конечно, трясут... Портрет типичного скутериста: это юноша от 14 до 18, в солнцезащитных очках, кожаной куртке, в кепке или бандане. Известны случаи, когда за руль скутера сядились дети девяти лет. Самые сознательные надевают перчатки и наколенники... ...Самое лучшее, что вы можете сделать для ребенка-скутериста, – подарить ему шлем и наколенники» (Куликова, 2005–6, 46–47).

«**СЛАБО!**» – «безл. сказ. Простореч. Не под силу, невмочь... Употребляется при выражении сомнения в чем-либо, недоверия к чему-либо с подстреканием доказать (обычно вопросительно или с восклицанием)» (Словарь, 1962–13, 1111).

О подростках 12–13 лет в Новочеркасске в 1921 г.: «...Ты теперь... должен мне целый год рассказывать бесплатно. Схочу, и заставлю. Скажешь, слабо?» “Слабо!” Баба... выставил плечо и торопливо стал подтягивать рукава... Я тоже выставил плечо, сжал кулаки и старался, чтобы незаметно было, как дрожат у меня колени. Баба был чуть постарше меня и притом считал себя обиженным: я готовился только защищаться. “Так слабо?” – весь полдень, пропустил сквозь зубы Баба. Я с трудом собрал все силы, чтобы ещё раз пробормотать “слабо”... “Жалко об твою поганую харю кулаки марать...”, – сказал он, отводя жёлтые глазки...» (Авдеев, 1960)

О середине 1920-х гг.: «Когда же спустились к Москве-реке и Васька... брякнул: “Слабо кому-нибудь искупаться?” – она, ни слова не говоря, помчалась по широким ступеням к воде... Алёшка в два прыжка нагнал Дину, схватил за руку. “Тоже думаешь, мне слабо?” – с визовом крикнула она» (Перфильева, 1961, 145).

О 1932 г.: «Уроки летели невообразимо быстро, на немецком был тоже опрос. Левка сидел то сзади, то сбоку, я невольно и как-то боязливо, как будто делала подлость, взглядывала на него. Поймав мой взгляд, он спросил: “Затушить огонь?” “Слабо!” “Что?” “Слабо”. Он молча отвернулся, вероятно, не разобрав, но все же потушил свет. Некоторое время мы сидели в приятном полумраке, лицо учительницы, сидящей спиной к свету, было темным пятном...» (Луговская, [1932–1937] 2004).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Ленька заявил, что за марку Абиссинии... после уроков берется искупаться в Двине... И я, совершенно не понимая, что делаю, вдруг взял и сказал: “Подумаешь, я и без марки искупаюсь”. “Попробуй! – кричал Ленька. – Знаешь, какая вода? Это на воздухе тепло, а вода еще не успела согреться”. “Слабо!!!” – кричали и другие мальчишки и девчонки» (Мошковский, [1963] 1987–1, 297).

О 1938 году: «[13-летний] Кимка вжимается в матчу и закрывает глаза. “Чего встал? Лезь выше!...” “Слабо, да!” – подзадоривают спорщики» (Поливин, [1976] 1988, 6).

О 1940–1941 гг.: «Месяц назад я шёл по... [школьному] коридору с папиросой в зубах – шёл на пари, “на слабо”, и наткнулся прямо на нее, на старшую пионервожатую нашей школы» (Тарас, 1982, 127).

О 1960-х гг.: «...Однажды мы лежали... на досточках и загорали, и Костик вдруг сказал ни с того ни с сего: “Дениска! А ты мог бы прыгнуть с самой верхней вышки в воду?” А я посмотрел на вышку и увидел, что она не слишком-то уж высокая... Поэтому я сейчас же ответил

Костику: “Конечно, смог бы! Ерунда какая”. Мишка тотчас же сказал: “А вот слабо!” Я сказал: «Дурачок ты, Мишка, вот ты кто!»... “Слабо!” – отрезал Костик. И Мишка, конечно, его поддержал: “Слабо, факт, слабо! – И добавил: – Слабо-би-бо!!!” Я сказал: “Дурачки вы оба! Вот вы кто!” ... Я встал, растопырил ребра... и пошёл к вышке... Сзади Костик крикнул: “Сла-би-бу-бе-бо!”» (Драгунский [1970] 1975, 128–129).

О середине 1960-х гг.: «“Всего-то делов! Тебе только на атасе постоять и баночки от меня принять”. Я полез. Там у них окошко у самой земли... А ты рядом погуляешь как бы. Свистнешь, если что...” Очевидно, лицо мое не выражало немедленного моего желания помочь Сереге в его деле, потому что он тут же спросил: “Слабо?!” И я ещё какое-то время... помнил, что предложенный Серегой план – самое настоящее воровство... Но во мне отчаянно звенела уже тугая холодная струна, которая заглушала этот голос разума. “Слабо-о-о-о!!! Слабо-о-о-о!!!” – пела эта струна истошно и пронзительно. Серега затронул самое слабое мое место – мое самолюбие. И уже выходило, что можно и украсть, что это даже хорошо и что я должен пойти с Серегой, иначе окажусь трусом и слабаком. И мы пошли» (Туинов, 1985, 19).

О 1970-х гг.: «С Васькой давно уже никто не рисковал вступать в спор, потому что он мог сделать любую глупость. Ну а если кто-нибудь во время спора говорил ему: “Слабо!”, тут уж Васька мог разбиться в лепёшку, чтобы доказать обратное. Из-за этого глупого словечка “слабо” он в четвёртом классе пришёл зимой в школу в маминых тапочках а в шестом залез в багажник чьей-то “Волги” и доехал так до райцентра. После этого ребята остерегались спорить с ним» (Власов, 1982, 42).

О Москве в 1983 г.: «“Ну и чего ты улыбаешься? – спросил Лёня у Стелы. – Слабо рассказать, про что сейчас думала?” “Не слабо, а просто ты не поймешь!”» (Иванов, [1984] 1992, 124).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Впервые я услышала слово “Слабо” в 7 лет, в 1991 году, от сродного брата. Он мне сказал: “Слабо залезть на гараж?” И потом, через некоторое время, во дворе только и было слышно: “Чё, слабо?...”, “А слабо...?” Такой тип поведения стал называться “Брат на слабо”» (012).

СЛАВИЛЬЩИКИ – дети, которые славят (см.: *славить*). См. также: *христославы*.

О Шадринске в 1900-х – перв. пол. 1910-х гг.: «И вот, наконец, 25 декабря... Просыпалась детвора, все бежали на кухню и залезали на полати, ждали прихода первых “славильщиков”... Эти ребяташки приносили с собой “вертеп” (макет пещеры, где родился младенец Христос) – такой фонарь со свечой, на палке, и начинали “славить”, петь кондак “Рождество Твое, Христе Боже наш...” Их угощали плюшками и прочей стряпнёй, давали денег... Потом дедушка выстраивал “славить” своих детей (кроме 17-летней Ольги), нарядных, в обновках, по росту. Таня двенадцати лет уже стеснялась петь, но надо было – ради малышей. Дедушка им подтягивал басом, маленькая Соня (моя мама) тоже тянула “То-о, то-о” (Рождество!). И тоже получали деньги: Таня – рубль, на него можно было купить много разных сладостей, Шура и Миша поменьше. И Соня давали копеечку. И новая блестящая копейка им была дороже серебра!» (Иовлева, 1995, 43).

О мальчиках 6–7 лет в 1915 гг.: «Мои хозяйственные мысли прерывает бабушка: “[С]тупай завтра к Микитке. Спеться пора: до рождества совсем ничего осталось”... В воскресенье бегу спеваться... Договариваемся не есть снег, чтоб горло не запало, а то другие славильщики общелкают наш край. Накануне рождества у меня всё готово. Есть мешок под муку, мать приладила карман для денег, дала чистую тряпочку под пироги, а бабки буду класть за пазуху. На ночь пришел Микитка, чтоб завтра выйти затемно... Бабушка стучит по бруску полатей, спрашивает: “Славильщики, лбы-то на ночь крестили ли?” Мы и забыли помолиться. Торопливо крестимся в передний угол, а там на божнице новое полотенце, и горит тоненькая свечка... Просьпеемся рано. Не ложится на полатах. Терпения больше нет! Обуваемся в горячие

онучи, выбегаем на крыльцо... Пора отправляться. Для распева поем дома» (Титов, 1965, 25–27).

СЛАВИТЬ – ходить по домам с пением церковных песен во время праздника Рождества.

Из романа И. Шмелева «Лето Господне» (1931) о 1880-х гг.: «И в доме – Рождество... Топотом шумят в передней. Мальчишки, славить... Все мои друзья: сапожниковы, скорнячата. Впереди Зола..., сапожник... Всегда он водит “славить”. Мишка Драп несет Звезду на палке – картонный домик: светятся окошки из бумажек, пунцовые и золотые, – свечка там. Мальчишки шмыгают носами, пахнут снегом... [Зола] взмахивает... пальцем и начинают хором: “Рождество Твое. Христе Бо-же наш...” Со всем не похоже на Звезду, но все равно. Мишка Драп машет домиком, показывает, как Звезда кланяется Солнцу Правды. Васька, мой друг, сапожник, несет огромную розу из бумаги и всё на неё смотрит. Мальчишка портного Плешкин в золотой короне, с картонным мечом серебряным... Им дают жёлтый бумажный рублик и по пирогу с ливером, а Золе подносят и зеленый стаканчик водки».

О мальчиках 6–7 лет в 1915 гг.: «Мои хозяйственные мысли прерывает бабушка: “[С]тупай завтра к Микитке. Спеться пора: до рождества совсем ничего осталось”... С Микиткой – одногодком и родней – мы уже по два года славим по деревне в рождество. Бабушка сказывала, как Михею Астафьевичу сильно понравилось, когда мы в прошлом году у него славили. Он сыпнул нам пличку гороху и тройник дал. В воскресенье бегу спеваться...» (Титов, 1965, 25–27).

О Сургуте 1920-х гг.: «Перед Рождеством, соблюдая пост, сургутяне одновременно готовились к встрече великого праздника. Привозили из лесу ёлки. Дети учили слова рождественского гимна, чтобы ночью навестить родных и знакомых и прославить Христа. Проходило это так. При входе в дом, у самого порога, поздоровавшись, спрашивали: “Можно Христа прославить?”. Получив разрешение, проходили в комнату, где перед образами теплилась лампадка. Став перед образами и перекрестившись, пели рождественский гимн, потом поздравляли хозяев; а те, в свою очередь, награждали кто чем мог: деньгами, праздничной сдобой, конфетами. Поблагодарив, дети шли в следующий дом. Маленьких, двух-четырёхлетних детишек родители учили петь: “Маленький вьюнчик скок на стульчик, в дудочку играет, Христа прославляет”. Исполнителя на самом деле ставили на стул и после пения угощали» (Кузнецов, 1996, 11–12).

См. также: *Славильщики*.

СЛАДКАЯ вата – личное лакомство.

О начале 1990-х гг. в Шадринске: «Когда мне было лет 5–6, папа купил мне сладкую вату – большой розовый хрустящий шар на палочке. Мне очень понравилась вата, потому что нам покупали её, когда мы шли в горсад. Поэтому сладкая вата стала ассоциироваться с праздником и с летом. Сейчас я не вижу больше продавцов со сладкой ватой» (012).

О 2006 годе: «[Сын Фёдор] мне сказал: “Я просто умираю как хочу сладкой ваты. Она нужна мне! Мне очень нужно поесть сладкой ваты, потому что в цирке я её мало попробовал. Мне показалось, что она во рту колочая, но теперь мне кажется, что она самая вкусная! Мне страшно надо...” ...Сахарная вата вся сводится к невкусным ощущениям. Она неприятно царапает рот, но прикольнотает. Прежде чем превратится в сладкие слюны, она, в общем, как-то тебя развлекает. А главное – ты идёшь, а в руке у тебя сахарная вата, и ты её ешь. Это мне объяснил мой Фёдор... Я уверена: если бы я принялась забрасывать моего Фёдора сахарной ватой (ну, хотя бы покупать её так же часто, как чупа-чупсы и шоколадные яйца), он бы её возненавидел» (Метелица, 2006–7, 12).

СЛАДОСТИ домашние – изготовленные в домашних условиях сладости: сладкие кушанья, лакомства.

О конце 1980-х гг.: «Когда я была маленькой, нам папа постоянно готовил сладости. Он брал сахар в ложку, наливал туда чуть-чуть воды, а потом нагревал до какой-то степени, после этого опускал в воду. В итоге получались леденцы, которые мы очень любили есть.

Потом папа стал делать леденцы в разл. формочках, нам было так интересно, мы очень радовались, так как если даже были проблемы с деньгами в семье, то родители делали из подручных средств нам разл. сладости. Также папа готовил нам ириски, точно не помню, что входило в состав, но вроде бы гущенка, молоко (вода), какао. В рез. консистенция застывала, и получался большой пласт, который папуля разрезал на маленькие кусочки. Мы их ели, угощали своих друзей. В основном все домашние сладости нам готовил папа, т.к. очень любил этим заниматься» (106).

«СЛЕДИЛЫ» – детская игра.

О девочке 6–11 лет в 1992–1997 гг. в Шадринске: «Родилась я в Казахстане... там жила до 5 лет, потом переехали сюда... Когда переехали в Шадринск, у меня... появилась новая компания и новые игры. Чаще всего мы играли в “Следилы”. Мы с дворовой ребятнёй делились на две команды, одни убегали и прятались, другие выжидали определенное время и бежали на поиски. Территория игры оговаривалась заранее. Жили мы в районе вокзала, поэтому территория была обширной. Были случаи, когда прятающиеся зарывались в осеннюю листву, а следопыты просто наступали на них и шли дальше, не заметив. Зимой зарывались в снег. Летом лазили по гаражам и деревьям. Адреналин “бьёт” в кровь, когда сидишь, затаившись, и мимо проходит следопыт, а ты у него за спиной умудряешься перебежать в другое место. Игра кончалась, следопыты находили и ловили всех спрятавшихся» (140).

СЛЕДОПЫТЫ – вероятно, то же, что «Красные следопыты».

О середине 1960-х гг.: «Горе-следопыты [название]. Прямо в школу следопыты / Ветерана привезли... / Разыскали ветерана / Следопыты-пареньки» (Барто, 1968, 54).

«СЛЁЗКИ» – лесное растение.

О детях в конце 1910-х – перв. пол. 1920-х гг. в Саратовской губернии: «Как только сойдет полая вода, Саныка и Ленка со своими товарищами бегут в лес... где возле... озера... взойёл раст, луковицы которого... сладки и сочны... Растовая страда длится недолго... Вслед за растом тут же пойдут слёзки. Доводилось ли вам видеть луга либо поляну, еще затопленные водой, но уже сплошь покрытые темно-бордовыми тюльпанами?.. Но это не тюльпаны – это именно слезки. Почему названы они так? Потому ли, что светятся на солнце, как слеза, потому ли, что промышлявшим тут детям не раз приходится ронять слезу: сунет торопливо в рот цветок, а в цветке-то пчела, раньше ребят проснувшаяся в то утро и отправившаяся за сладкой добычей, – пострадавший скорёхонько выплунет красную жвачку, но уже поздно: пчела сделала свое дело. Вот они и слёзки... Слёзки, как и раст, сладки и сочны. Разница только в том, что у раста съедобные корешки, а у слёзок – верхки... И ещё есть разница: если в набеге за растом верховодят мальчишки, то слёзки – это в основном девчачье дело. В самом их названии уже звучит нечто сентиментально-лирическое, чуждое мужской грубоватой гордости ребят, хотя это обстоятельство нисколько не мешает им поедать слёзок ну прямо-таки целыми вязанками. В такое время в каждой избе – на столе, на лавках, на кровати, на полу – везде слёзки, слёзки, слёзки... И всюду слышится сочный хруст, и отовсюду светятся... довольные рожичи ребятшек, а в воздухе густо стоит дивный аромат...» (Алексеев, 1973; 22, 24–25).

Ср.: Борцова; «Косматки»; Раст.

«СЛЁЗКИ на колёсках» – ирон.: о человеке, собирающемся плакать (особенно по малозначительному поводу).

О девочке 5–6 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1990–1991 гг.: «Как-то я, моя мама и тетя (мамина сестра) убирали мусор в палисаднике. Я укололась веткой. Было больно. На глазах появились слёзы. Тетя, увидев мои слезы, сказала: “Ну, вот, слёзки на колёсках”» (137).

О девочке 3–5 лет в г. Когалыме Тюменской области в 1990–1992 гг. «Когда я ревела, меня дразнила сестра: “У-у-у, опять слёзки на колёсках”» (134).

О с. Крутиха Далматовского р-на в 1991 г.: «В старшей группе Крутихинского дет. сада “Сказка”

мальчик 6-7 лет не мог завязать шнурки и плакал. Воспитательница в ответ: “Не плачь, слёзки на колёсках!”» (211).

О с. Ожогово Шатровского р-на в нач. 1990-х гг.: «“Когда кто-то из ровесников начинал обижаться, переживать, бояться и т. п., другие говорили: “Ой, у неё (у него) уже слёзки на колёсках. Чуть не ревет!”» (154).

О девочке 7 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1993 г.: «Когда я была маленькой, мне хватало любого слова, чтобы довести меня до слёз. И когда мне в чём-то отказывали, я с силой выдавливала из себя слёзы. В этом случае мне мама всегда говорила: “Опять у нас слёзки на колёсках”. Но все это говорилось не с упреком, а с нежностью и лаской. Но после этих слов я уже считала своим долгом зареветь, чтобы меня обязательно пожалели» (141).

О девочке 7–10 лет в г. Далматово в 1994–1997 гг.: «Когда кто-нибудь из моих знакомых обижался на меня, то я, чтобы перестали дуться, говорила им, как бы в укор (с упреком): “Ну, опять слёзки на колёсках!” Подружки в свою очередь применяли это выражение и ко мне» (136).

О девочке 14 лет в с. Красная Звезда Шадринского р-на в 2000 г. «Выражение “слёзки на колёсках” я впервые услышала от своей подруги, когда от обидных слов готова была расплакаться. Но после её слов [мне] плакать сразу же расхотелось. Теперь я говорю эти слова себе и другим, чтобы не плакать: “Ну, вот и слёзки на колёсках”» (011).

О девочке 14 лет в с. М. Белое Юргамышского р-на в 2000 г.: «У мамы был стеклянный заварочный чайник, кот. очень сильно мне нравился. Однажды старший брат, наливая чай, случайно отколол носик у чайника. Когда я увидела, что заварник разбит, я очень сильно расстроилась, и мама мне сказала: “Ну, вот, слёзки на колёсках, ты давай ещё заплачь”» (138).

СЛЁТ ПИОНЕРОВ – см.: Пионерский слёт.

СЛИЗЫВАТЬ – то же, что списывать.

О 1970-х гг.: «Да и что она может сказать путного, если учится на одни тройки-двойки, если на второй год в любом классе готова остаться, если задачки самые простенькие всё время слизать просит» (Голубков, [1978] 1984, 79).

«СЛОВА», игра(ть) в «слова» – игра, состоящая, вероятно, в том, что из букв выбранного слова участники стремятся составить как максимальное количество слов возможно большей длины.

Д.С. Лихачев о дачной местности под Петербургом в 1910-е гг.: «“А что делали вечером?” “Сумерничали. Особый час – сумерки. Играли в слова, пели – это и называлось “сумерничать”. Сидели без огня: сэкономили керосин”» (НЛ, 2006, 43).

О старшеклассниках в конце 1930-х гг.: «Танцы не состоялись. Кто-то предложил играть в “мнения”. “...В это еще моя бабушка с юнкерами играла...” “Ну тогда в “слова””. Ин-тел-лек-туаль-но! – иронически подчеркнул Виктор. В этой игре отличился Коля Вознесенский. Из маленького слова “проблема” он удивительно быстро извлек почти тридцать производных, и даже такие, как плomba и пробел. Так как за Колей никто не мог угнаться, то и эту игру оставили и занялись другой...» (Оржиховская, 1967, 27)

«СЛОВАРИК школяров» – альбомный жанр; то же, что «Школьные сравнения»; «Школьный словарь».

О второй половине 1990-х гг.: «Со временем помимо четверостиший о любви в моём альбоме появился “словарик школяров”. Дело в том, что в то время он стал очень популярен среди школьников. Я помню, что мы переписывали у друг друга эти выражения, которые нам так безумно нравились. Словарик постоянно пополнялся всё новыми словами. Например, в нём были такие слова: “Родительское собрание – вечный суд”; “Взбучка дома – родные напевы”; “Учитель вошёл в класс – неожиданный гости”; “Остался на второй год – тише едешь – дальше будешь”; “Учитель смотрит в журнал – гроза над городом”; “Учитель – укротитель тигров”; “Лодырь – герой нашего времени”; “Воскресенье – луч света в темном царстве”; “Последняя парта – остров сокровищ”;

“Экзамен – разгром”; “До урока – большие надежды; После урока – разбитые сердца”» (559).

«**СЛОВО о полку Игоре**» – произведение древнерусской литературы; с 1950-х гг. изучается в школе.

О девочке 10–13 лет в г. Когалыме в 1997–2000 гг.: «В 5–7 классах примерно изучали “Слово о полку Игоре” на уроках литературы. Учительница показывала нам картину В. Васнецова “После побоища Игоря Святославича с половцами”» (134).

О с. Мальцево Шадринского р-на в 2000 г.: «Когда я училась в 9 классе, мне было 16 лет, в самом начале учебного года мы изучали “Слово о полку Игоре”. Учительница дала нам учить наизусть “Плач Ярославны”. Мне не очень понравился этот отрывок, так как был очень трудным для восприятия» (019).

СЛОН – «Крупное травоядное млекопитающее в длинным хоботом и двумя бивнями» (Словарь, 1962–13, 1264).

Слон-игрушка.

О начале 1950-х гг.: «А вот игрушечный магазин. На витрине столько игрушек! И кукол, и зайчиков, и всего! А посередине стоит большущий слон. Он всё время головой качает, как будто говорит: “Здравствуйте, ребята, здравствуйте!” Очень интересный слон. У него в голове, должно быть, пружина ключиком заводится» (Марченко, 1954, 5).

Думается, качающий головой слон на витрине – аналог слона из стихотворения *А. Барто* вт. пол. 1930-х гг.: «Сонный мишка лёг в кровать, / Только слон не хочет спать. / Головой качает слон, / Он слонихе шлёт поклон» (1938). Качающего головой игрушечного слона (у постели девочки) можно увидеть в фильме «Слон и веревочка» (1945), снятого по сценарию *А. Барто*.

О начале 1960-х гг.: «В магазине мальчик Вова / Увидел слона большого. / У слона бока туги. / По бокам два уха. / С двух сторон по две ноги / Подпирают брюхо. / Будто шланг от пылесоса, / Длинный хобот / Вместо носа, / И с витрины на ребят / Глазки хитрые глядят. / “А! Хочу слона такого”, – / Закричал тотчас же Вова» (Левбедева, 1963, 12–13).

«**СЛОН**» – ученическая мальчишеская подвижная забава.

О гимназии конца 1890-х – нач. 1900-х гг.: «А изредка, когда поблизости не было надзирателей, чуть ли не вся гимназия строила на перемене “слона”. Делалось это таким образом. На плечи к самым рослым парням усаживались ребята поменьше, к ним на плечи взбирались те, кто был ещё меньше, и, наконец, на самый верх влезали малыши-приготовишки, почти упирающиеся головами в потолок. Нужно было ухитриться выйти целым и невредимым из такой игры, когда все это огромное живое сооружение внезапно рассыпалось при появлении начальства или по прихоти верзил-старшеклассников, составлявших его основу. Иногда устраивали поединок между двумя “слонами”. Это была опасная забава. В лучшем случае кое-кто из участников набивал себе шишку на лбу, в худшем – дело кончалось вывихом, а то и переломом ноги или руки» (Маршак, [1962], 1987, 547–548).

О школе конца 1950-х – нач. 1960-х гг.: «...[Пожаров] говорит нам: “Хорошо бы в слона сыграть”... Вышли мы во двор. Пожаров согнулся и к стенке встал. Сзади его Лубенец обнял и голову на него положил. А за Лубенцом – братья Соминичи. Вот и получился слон. Наша команда разбегается и на слона – р-р-аз! И пошёл слон. Кричит на разные голоса, качается. И вдруг спотыкается – и об землю. Пыль поднялась! Красота!» (Попов, 1970, 28).

О 1969 годе: «Мне неприятны авторские отступления, вроде: “...в ту минуту, когда я пишу эти строки...” и т. д. и т. п. Но действительно, в ту минуту, когда я пишу эти строки, в моём обычном дворе человек восемь мальчишек играют в игру, которая частично похожа на чехарду, а ещё, кажется, называется “слон”. Выглядит это так: пять человек, нагнувшись и схватившись друг за друга, образуют длинную сплошную цепочку спин. Шестой разбегается и прыгает. Насколько я понимаю, его задача – сесть верхом как можно дальше. Не на первую, а,

например, на третью спину. Если “слон” выдерживает, разбегается следующий и шлёпается сзади на спину номер 2 или на чью-то голову. И так до тех пор, пока всё это вопящее и орущее сооружение не валится на землю, яростно размахивая перепутанными руками и ногами» (Линкова, 1970, 65).

«**СЛОН и веревочка**» – фильм 1945 года.

Девочки днями напролёт прыгают через веревочку. Только маленькая Лидочка никак не может научиться прыгать. Во сне слон дает ей совет: чтобы научиться прыгать, надо вначале сделать доброе дело. Девочка следует совету слона и добивается успеха.

СМАЗЬ – в среде мальчиков-подростков: оскорбительное прикосновение рукой к лицу другого человека. Достоверное время бытования термина – с середины XIX века по середину XX века. См. также: *Вселенская смазь, Всеобщая смазь*.

Из «Очерков бурсы» Помяловского о 1850-х гг.: «“И всеобщая смазь!” – торжественно воскрикнул Шестиухая Чабря. После этого он забрал лицо Омеги в пясть, так что оно между пальцами проступило жирными и лоснящимися складками, и тряс его за упитанные мордасы и кверху и книзу...».

О 1941–1945 гг.: «Школьные наши шалости обычно – самые примитивные, мало отличающиеся, например, от тех, которые описывал в прошлом веке Помяловский в своих “Очерках бурсы”, а иногда совпадающие с ними, даже и по названию. Как и бурсаки середины XIX века, мы смачно делали друг другу отяг (резкий, с отяжкой, удар по заднице – по касательной, сверху вниз средними костяшками пальцев) или смазь. Ну, смазь – дело тонкое, она разных видов бывает: бывает обычная, когда забирается в горсть рот и нижняя челюсть товарища и сжимается, пока он не зорет, бывает вселенская (...бурсаки называли её всеобщей), когда забирается в горсть и сжимается все лицо объекта товарищеской шутки. И все-таки жестокости на уровне садизма у нас не было. Смягчились ли за сто лет нравы, или Помяловский, описывая нравы бурсы, несколько сгущал краски? Думаю, и то, и другое» (Санников, 2001).

О второй половине 1940-х гг.: «Сашок медленно поднял правую руку, поднёс её почти к самым моим глазам. Резко вздрогнули его пальцы, взлетела кисть руки. Я моргнул, откачнулся. “Ути-ути, – сказал Сашок. – Не бойся, я сам боюсь”. В детдоме это называлось “смазь”. Только там не помахивали пальцами, а сразу всей пятернёй проезжали по лицу, когда хотели оскорбить, унижить. На заводе про смазь вряд ли кто-нибудь знал» (Ельянов, 1973, 86).

СМАТЫВАТЬСЯ – (школьный лексикон) убежать с уроков.

О девочке 10–14 лет в г. Когалыме в 2000–2004 гг.: «Прозвонел звонок. Урок математики. 10 минут от урока прошло, а учительница ещё не пришла. Одноклассница Машка предложила: “Давайте смотаемся, пока она не пришла”. Все поддержали и ушли, одна девочка осталась. На нас написали докладную» (134).

«**СМЕНА**» – спортивное общество, созданное в 1943 году.

«В целях расширения и углубления знаний и навыков, получаемых учащимися на уроках военной и физ. подготовки, содействия школе в воспитании крепких, выносливых, дисциплинированных юношей и девушек Наркомпросом РСФСР в 1943 г. было создано спорт. общество “Смена”. Только по Росс. Федерации к марту 1944 г. общество насчитывало 15 тыс. коллегтивов, кот. объединяли более миллиона школьников» (Черник, 1975, 82).

СМЕННАЯ обувь, сменка – обувь для переобувания в школе.

См. о конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «В грязное время года, осенью и весной, в школу не пускали без сменной обуви. Сменку носили в тряпичных мешках, при входе в школу или в раздевалке переобувались» (Томилова, 2006).

См. также: *Вторая обувь*.

СМЕРТЬ – «Прекращение жизнедеятельности организма, его гибель» (Словарь, 1962–13, 1355).

Осознание неизбежности смерти каждого живого существа.

О девочке в Шадринске в 1993–1994 гг.: «В младшем школьном возрасте (8–9 лет) я узнала, что все люди и животные когда-нибудь умирают. Несколько дней я думала только о том, что зачем жить, если всё равно умрешь. Я представляла, как ужасно будет, когда умрёт мама, любимая кошка, друзья. В голове неожиданно встали возникать философские вопросы (“Зачем дальше жить?”, “Для чего учиться, если умрешь всё равно?”), на которые я не могла найти ответы. Примерно неделю я пребывала в состоянии шока от неожиданной негативной информации и её осознания, а затем просто вернулась ко всем радостям детской жизни и больше никогда не задумывалась о смерти» (012).

«СМЕРТЬ пионерки» – вторая часть стихотворной трилогии Эдуарда Багрицкого «Человек из предместья» (1932).

Текст (с сокращениями): «Валя, Валентина, / Что с тобой теперь? / Белая палата, / Крашенная дверь. / Тоньше паутины / Из-под кожи щек / Глеет scarлатины / Смертный огонек... / Над тобой склоняется / Плачущая мать: / “...Не противься ж, Валенька, / Он тебя не съест, / Золоченый, маленький, / Твой крестильный крест”... / Над больничным садом, / Над водой озер, / Двигаются отряды / На вечерний сбор. / Заслоняют свет они / (Даль черным-черна), / Пионеры Кунцева, / Пионеры Сетуни, / Пионеры фабрики Ногина. / А внизу склоненная / Изнывает мать... / “Не противься ж, Валенька! / Он тебя не съест, / Золоченый, маленький, / Твой крестильный крест”. Пусть звучат постылые, / Скучные слова – / Не погибла молодость, / Молодость жива! / Нас водила молодость / В сабельный поход, / Нас бросала молодость / На кронштадтский лед. / Боевые лошади / Уносили нас, / На широкой площади / Убивали нас. / Но в крови горячечной / Подымались мы, / Но глаза незрячие / Открывали мы. / Возникней содружество / Ворона с бойцом – / Укрепляйся, мужество, / Сталью и свинцом. / Чтоб земля суровая / Кровью истекла, / Чтобы юность новая / Из костей взшла. / Чтобы в этом крохотном / Теле – навсегда / Пела наша молодость, / Как весной вода... / Красное полотнище / Вьется над бугром. / “Валя, будь готова!” – / Восклицает гром. / В прозелень лужайки / Капли как польют! / Валя в синей майке / Отдает салют... / “Я всегда готова!” – / Слышится окрест. / На плетёный коврик / Упадает крест. / И потом бессильная / Валится рука / В пухлые подушки, / В мякоть тюфяка... / Возникает песня / В болтовне ребят. / Поднимает песню / На голос отряд. / И выходит песня / С топотом шагов / В мир, открытый настезь / Бешенству ветров».

О 1950-х гг.: «...Мы отглаживали белые кофточки и потуже заплетали косу, чтобы на отрядном сборе, вытянувшись в струнку, прочитать “Комсомольскую песню” Иосифа Уткина или “Смерть пионерки” Эдуарда Багрицкого» (Линкова, 1975, 30).

«СМЕРТЬ поэта» – стихотворение (1837) М.Ю. Лермонтова (1814–1841). С 1940-х гг. входит в число произведений, изучаемых в школе (8 кл.).

О нач. 1950-х гг.: «Мы приходим к учащимся с волнующим рассказом о гибели Пушкина, а затем выразительно читаем стихотв-ие Лермонтова “Смерть поэта”... Мы ведём школьников по тексту стихотв-ия... Разве не осуществляем мы при таком разборе произв-ия... идейное и нравств. восп. советского человека?» (Бочаров, 1951, 36).

«Стихотворение “Смерть поэта хорошо известно учащимся из курса VII класса; обычно все учащиеся знают его наизусть» (Корст, 1954, 231).

«СМЕРТЬ чиновника» – рассказ (1883) А.П. Чехова; с 1960-х гг. входит в число произведений, подлежащих изучению в школе (6-й класс).

СМЕХ – «Выражение полноты удовольствия, радости, веселья или иных чувств отрывистыми характерными звуками, сопровождающимися короткими и сильными выдыхательными движениями» (Ожегов, 1970, 725); «Короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и др. чувства» (Ожегов, Шведова, 1996, 724).

Предмет смеха у детей.

О деревенских детях в перв. пол. 1940-х гг.: «...Смеялись мы над тем же, над чем смеялись наши матери и бабушки. Иногда хохотали над физ. недостатками: то над хромыми, то над зайками, даже над недостатками лошадей, овец и коров. Хохот стоял по любому поводу. К примеру, искушали голодную девку тараканы, голодные бабы смеются и над голодной девкой, и над голодными тараканами. Особенно смешно, когда эти быстрые тараканы... бегут через улицу по снегу, спасаясь от мороза и птичек... Перепутает кто-нибудь одно слово – бабы и девки в хохот, и мы, ребятишки, в хохот. Не хочется от баб отставать...» (Белов, 2005–1).

«СМЕШНОЙ ТЕЛЕФОН» – 1. Игра на передачу услышанного слова; то же, что «Испорченный телефон».

О нач. 1990-х гг.: «“Смешной телефон”. Игра очень увлекательная тем, что неизвестно, каким будет конечное слово. Количество участников неограниченно. Ведущий выбирает любое слово, например, “стол”, “стул” и т. п., причём, очень тихо, шёпотом называет его первому человеку, затем это передается по цепочке, последний называет то слово, которое ему передали и которое он услышал. Причём, конечное слово часто не совпадает с первоначальным, так как не каждый может понять, что ему передали и сообщить то, что он понял. Потому часто так не совпадает, но в этом и заключается смысл, изюминка этой игры. При этом, чем больше шипящих в слове, тем больше вероятность, что его не поймут, не услышат или не расслышат. Если же конечное слово совпадает с первоначальным, то ведущий становится крайним в цепочке...» (451).

«СМЕШНОЙ ТЕЛЕФОН» – 2. Игра на произнесение задуманного слова.

О нач. 1980-х гг. в г. Тавде Свердловской обл.: «“Смешной телефон”. Все участники садятся на лавочку. Выбирается ведущий и встает перед ними. Каждый из участников загадывает мысленно слово и запоминает его. Ведущий каждому по очереди задает вопрос. Например, “Что ты ел на обед?” Участник говорит то слово, которое мысленно загадал. Ответ получается не попад. Все смеются» (523).

Ср.: «Бабкины панталоны».

СМОЛЬНЫЙ институт – первое в России женское среднее учебное заведение закрытого типа. Создано по инициативе И.И. Бецкого в 1764 году в Петербурге при Воскресенском-Смольном Новодевичьем монастыре под названием «Воспитательное общество благородных девиц».

«В Смольном институте учились (200 чел.) дочери дворян в возрасте с 6 до 18 лет. Ученицы делились (по возрасту) на 4 класса. В младшем классе (от 6 до 9 лет) они обучались двум ин. языкам, русскому языку, арифметике, а также рисованию, танцам, музыке и рукоделию. Во 2-м классе (от 9 до 12 лет) к этим предметам добавлялись география и история. В 3-м классе (от 12 до 15 лет) вводилось обучение “словесным наукам” (чтение исторических и нравоучительных книг), а также элементы архитектуры и геральдики. В 4-м классе (15–18 лет) Уставом предусматривалось: “1) знание совершенного закона, 2) все правила доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости, 3) повторение всего пройденного” (“Устав воспитания двухсот благородных девиц... – СПб, 1774...). Важнейшее место занимало религиозное восп. В первые годы существования Смольного ин-та его рук-ли под влиянием просветительных идей фр. энциклопедистов ставили задачу дать воспитанницам общечеловеческое воспитание, способствовать их всесторон. развитию. Однако Смольный институт был типичным сословным учеб. заведением, готовящим учениц к жизни в высшем обществе. В 1765 при Смольном институте было создано училище для девиц др. сословий – “училище для мещанских девиц”, где образование ограничивалось изучением русского языка, одного ин. языка и арифметики, а также танцев и музыки; большое внимание уделялось домашним работам и рукоделию (изделия учениц продавались). Цели образования в

Смоляном институте были изменены после обследования его “Комиссией для заведения в России народных училищ” в 1783 году, которая установила плохое знание воспитанниками русского языка и предписала увеличить число часов на его изучение и вести преподавание всех предметов на русском языке. В то же время Комиссия заменила общечеловеческие цели воспитания в Смоляном институте чисто женскими. С переходом Смоляного института в Ведомство учреждений императрицы Марии сословный характер его усилился: с 1796 года и на “мещанскую половину” стали приниматься только дочери дворян (менее знатных), усилились также религ. и монархич. элементы в воспитании. С начала 19 века Смоляный институт становится ещё более замкнутым, привилегированным учеб. заведением, где вновь усиливается влияние иноязычия и чужой культуры, культивируется преклонение перед царской фамилией, процветают светское лицемерие, ханжество и сентиментальность. В 1848 г. “мещанская половина” Смоляного института была преобразована в Александровское училище и в этом же году здесь открылся пед. класс... Назначенный в Смоляный институт в 1859 году инспектором классов К.Д. Ушинский... ввёл новый учебный план, организовал предметные уроки, опыты по физике, создал систему одногодичных классов и т. д. ...В 1862 [Ушинский] вынужден был оставить Смоляный институт, проведённые им преобразования были ликвидированы. Во второй половине 19 века по объёму и характеру даваемого в нём образования Смоляный институт отставал от женских гимназий, и лишь в 1905–1907 гг. его программы были приравнены к программам Мариинских женских гимназий. В 1917 году Смоляный институт был закрыт» (ПЭ, 1966–3, 878–879).

О 1930-х гг.: «Она окончила Смоляный институт, и в её альбомах с фотокарточками был портрет юной красавицы в институтской форме – строгом темном платье с белой пелериной и длинными белыми рукавичками – рукавичками, как она их звала по институтской привычке. Смоляный институт в её юности был учреждением для воспитания так называемых благородных девиц» (Панова, 1980, 135).

СМОРКАТЬСЯ – «Резкими выдохами очищать свой нос от слизи» (Словарь, 196213, 1412).

Сморкаться при помощи пальцев. Многие мальчики по незнанию, за неимением или принципиально не пользовавшись носовыми платками.

О мальчиках в Свердловске во вт. пол. 1940-х гг.: «Многое “приличное” было позорным. Ни в коем случае нельзя было кутать горло шарфом, даже в морозы; пацана заметно принижало ношение галош, не поощрялось опускание ушей у зимней шапки и завязывание тесемок. Вообще ходить полагалось нараспашку. Наиболее последовательных приверженцев распаханного образа жизни аккуратная или новая вещь приводила в ярость. Среди них нельзя было появиться в чистой и отглаженной одежде, или в начищенной обуви, или с новеньким портфелем – всё это обязательно подвергалось ухудшению, приближению к общему тону. Абсолютное большинство мальчиков не имело представления о носовых платках, следовало обходиться посредством пальцев» (Дробиз, 2004).

СМОТАТЬСЯ – см.: *Сматывать*.

СМОТР песни и строя – проверка умения детей (учащихся, отдыхающих в пионерлагере и т. п.) ходить строем и хором исполнять песню.

В 1960-х – перв. пол. 1980-х гг. в школах и пионер. лагерях проводились смотры песни и строя, во время которых отряды пионеров и школьников демонстрировали свое умение подчиняться строевым командам командира («Налево!», «Кругом!»), перестраиваться в колонну по два, по четыре, маршировать в ногу и петь строевые песни. Смотрам предшествовали тренировки.

СМОТР сочинений – См.: *Всесоюзный смотр сочинений*.

СМОТР художественной самодеятельности – мероприятие, подводящее итоги деятельности коллективов художественной самодеятельности.

О конце 1950-х гг.: «... Однажды перед смотром худ. самодеят-сти к директору Безенчукской сред. школы № 1 пришли школьные артисты” “Нужны костюмы, а шить не из чего. Как нам быть? – спрашивали они”» (Киришина, 1959, 10).

СНАЙПЕРСКИЙ кружок – школьный кружок, дававший снайперскую подготовку.

Ср.: *Стрелковый кружок*.

О 1943–1944 гг. в Москве: «Мы приехали в Москву из эвакуации уже в [19]43 году... В это время мы учились в женской школе, отдельно от мальчишек. ...У нас было... военное дело... [Майка Слуцкая] первым делом записалась в снайперский кружок...» (Яхнина, 2004–2, 12).

СНЕГОВИК – вылепленная из снега антропоморфная фигура.

Лепить из снега человекоподобную фигуру – «снеговика» – традиционное развлечение русской детворы.

О 1960-х гг.: «Старик Снеговик / Головою поник <...> / Тут приехал грузовик / И заплакал Снеговик: / – Вы меня не отдавайте! / Я, ребята, к Вам привык!» (Ю. Кушак, «Снеговик», 1970).

О 1970-х гг.: «Казалось мне, что на века / слепили мы снеговика, – / ведь он окаменел. / А в марте начал таять снег – / заплакал снежный человек, / размяк и потемнел» (Беднов, 1976, 4).

О девочке 10 лет в г. Шадринске в 1996 г.: «Зимой, когда выпадало много снега и вдоль дороги мимо дома образовывались сугробы, мы с мальчиками и девочками, жившими со мной в одном дворе, любили лепить снеговика. Снеговик – это человек из снега, имеющий определенные внешние особенности. Его туловище состоит из нескольких снежных шаров, например, трёх. Нижний шар – самый большой из всех, символизирует ноги; следующий шар – поменьше размером, ставится на нижний, он символизирует туловище; и третий шар, самый маленький, – голова. На голову нужно надеть ведро, которое выполняет роль шапки, сделать глазки из пуговиц, а вместо носа – морковка. На шею можно повязать шарф, а на туловище вылепить из снега небольшие пуговицы; руки – вставляются веточки, и даётся метла в “руки”. Впервые, я лепила снеговика вместе с папой, когда была совсем-совсем маленькой, мне было лет пять. Папа слепил шарик из снега размером с апельсин (“снежок”) и сказал: “Сейчас мы с тобой будем лепить снеговика! Хочешь, снежного человека папа вылепит?” И начал потихоньку катить шарик-снежок по снегу, как мячик, поворачивая по кругу, таким образом, что шар становился всё больше и больше. Когда одна сторона становилась очень большой, он поворачивал шар на ту сторону, что меньше, и начинал “накатывать” её, чтобы шар получился ровным. Мне очень понравилось, как он быстро увеличивается в размерах, и я тоже начала с ним его “катать”. Шар получился очень большой. Тогда папа взял ещё один маленький снежок, и начал его снова “катать”, второй шар получился у нас поменьше, чем первый. Затем ещё один, третий, совсем небольшой – голову. Поставил один шар на другой, от большего к меньшему, и у нас получилась гора из снега округлых форм. “Но это не всё”, – сказал папа, достал из кармана морковку и вставил её в “голову” вместо носа, затем – пуговички вместо глаз, палочки вместо рук. Мы с ним сходили домой за ведром. У нас и правда получился человек из снега. Я в изумлении смотрела на него, и мне не верилось, что снеговик из мультика про Новый год, стоит у меня во дворе. Затем ещё долгое время я наблюдала за нашим снеговиком из окна кухни. Мне он очень нравился, и каждый день, когда я шла гулять, всегда подбегала к Снеговик, здоровалась с ним и старалась играть поближе к нему. Так и в будущем каждую зиму мы лепили снеговика с ребятами, которые живут в моем дворе. У нас чаще всего не было метлы, а ведро всегда приносил мой сосед со второго этажа, и кто-нибудь из девочек приносил морковку. Наши снеговики стояли долго, иногда даже начинали таять только с таянием снега, то есть ближе к весне, но чаще всего их разрушали мальчишки из соседних дворов. До сих пор гуляя по

улицам города зимой и встречая где-то во дворе снеговика, я вспоминаю, как весело и дружно мы лепили своих снеговиков» (132).

«СНЕГОВИК-ПОЧТОВИК» – отечественный мультфильм (1955, режиссёр Леонид Амальрик), новогодняя сказка о Снеговике, который помог лесным зверям победить Волка и организовать в лесу новогодний праздник.

О девочке 7–8 лет в 1993–1994 гг.: «Мультфильмы я очень любила смотреть. Самый любимый – это мультфильм на новогоднюю тему, не помню точно название, в нем шло повествование о чудо-снеговике-почтovice. Каждый новый год главный герой развозил поздравительные открытки всем лесным жителям. В мультфильме показано, сколько счастья и радости приносил в “домики” снеговик и как дружно все зверята праздновали Новый год. Конечно, не обошлось и без злого волка, который всячески пытался помешать почтальону. Но всё заканчивается хорошо. Этот мультфильм я смотрела в преддверии каждого Нового года примерно в 7–8 лет (1993–1994 гг.). Этот мультфильм ассоциировался с праздником, пушистой елкой, Дедом Морозом и сладкими подарками» (039).

СНЕГОХОД – устройство для катания со снежных гор.

О 1970-х гг.: «От остановки мы пошли к оврагу. Во все стороны сбегали пологие раскатанные склоны. Вокруг было множество ребят. Они скользили под гору на санях, лыжах, на новеньких красных снегоходах “Чук и Гек”, крутили слалом на горных лыжах, прыгали с трамплина и просто так глазели по сторонам» (Ампелонов, 1980, 79).

СНЕГУР – вылепленная из снега антропоморфная фигура.

В стихотворении 1908 года Г. Галиной (Г.А. Эйнерлинг) «Снегур. (Зимняя сказка)» читаем: «Стояла зимняя пора... / Слепили дети Снегура / У самого окошка: / На голове одет горшок, / Глаза, как льдинки, зубы, / И серебром блестел снежок, / Как мех роскошной шубы... / А утром новую игру / Придумали мальчишки: / Прodelи палку Снегуру / Они, смеясь, под мышки / И потащили в гости в дом. / И вот Снегур у печки!.. / Горит лицо его огнем, / Блестят глаза, как свечки!.. / И на колени он упал... / И быстро, быстро таять стал... / Кричали дети: “Ай-ай-ай! / Снегур наш таит, тает! / Снегура, бедненький, прощай! / Снегура умирает!..” / Осталась лужа на полу – / Снегура уж не стало...» (РПД, 1989, 430–431).

В стихотворении К.М. Фофанова (не позже 1911 г.) читаем: «На дворе играя, дети / снегура слепили раз; / вместо рта кирпич воткнули, / черепицы – вместо глаз. / И прямее чтоб держался / белый дядька на снегу, / в остов дядьки положили / из-под печки кочергу. / И при громких криках / “браво!” школяров и шулунов / встал снегур в блестящей ризе / меж сугробов и снегов. / И вокруг него резвился / и смеялась детвора, / но погас закат румяный – / все забыли снегура... / Вышло солнце... каплет с крыши... / Кочерга в нём зашаталась... / И расплакался, и тает... / и упала кочерга» (РПД, 1989, 390–391).

«СНЕГУРКИ», «снегурочки» – «Коньки с сильно загнутой передней частью и широким полозом» (Словарь, 1962–13, 1475).

О 1903 году в Москве: «У входа на каток всегда толпились пресненские ребята. Они с завистью смотрели на разумынившихся от мороза барышень в меховых шапочках. Барышни держали подмышкой коньки “снегурка” и пересмеивались с гимназистами» (Бродская, Голубева, 1938; 17).

О середине 1900-х гг.: «У Гриши забилось сердце. “Если б накопить рубля три, я б присмотрел коньки “Снегурочка”...” “А зачем копить? Я тебе сразу отдам за три месяца. Иди и покупай свою “Снегурочку”...”» (Кононов, 1958, 337).

О 1913–1914 гг.: «... Гимназисты в серых шинелях с блестящими пуговицами, предпочитавшие марку “Снегурочка”... В то время, когда я сменил “Снегурочку” на “Нурмис”...» (Андреев, 1966, 87).

О подростках в Москве в нач. 1920-х гг.: «Они приходили на каток вечером... Все ребята ездили на “снегурочках”, “нурмисе” и только один Юра на “норвежках”... Генка катался на коньках очень хорошо, лучше всех в школе, но разве мог он на “снегурочках” угнаться за “норвежками”! Он позорно отстал от Юры на целых полкруга. После этого случая все стали дразнить Генку. Ездили за ним и кричали: “Эй, валенки, даешь рекорд!” Генка с досады перестал ходить на каток...» (Рыбаков, [1948] 1981–1, 180–181).

О Петрограде-Ленинграде в 1920-х гг.: «В большом ходу у мальчишек, так называемых “уличных”, зимой было катание на коньках “Снегурочки” или “Нурмис”, прикрученных веревками к валенкам...» (Поздняков, 1994, 291)

О 1920-х гг.: «Наконец наступило утро его рождения. Только-только открыв глаза и очухавшись, Гринька запустил руку под подушку и сразу же нащупал там твердый и тяжелый сверток. Он поскорее вытащил его наружу, распутал шпагат и содрал газету. Перед ним засияли зеркальным блеском, слезя глаза, новенькие снегурочки! Не какие-нибудь деревянные чурки с проволочным полозом, не проржавевшие “англичанки” с двумя зубцами на носу, отслужившие уже свой век на чьих-нибудь ногах, а совсем нетронутые, магазинные конёчки. Мама стояла рядом и, улыбаясь, смотрела на порозовевшее лицо сына» (Гроссман, 1971, 254).

О конце 1930-х гг.: «Тм... А какие у тебя коньки? “Динамы”, – гордо ответил Петя. – Прямо к ботинкам приклепаны...”. “Эх! Разве на таких катаются! – с презрением проговорил Лева. – Вели матери “гагены” купить... До десятого класса будешь на своих “снегурочках” гонять”. “У меня “динамы”, – обиделся Петя. – Это разница”. “А по-моему, никакой...” – отрезал Лева... “Вот ещё! – тоже сердито проговорил Петя. – Как ты не понимаешь? У Лёвы “гагены”, у меня “динамы”, а у Вовы какие-то “снегурочки”...” Вообще Лева зря хвалился своими “гагенами”... В два счета Вовка перегнал бы Леву на своих “снегурочках”» (Могилевская, [1941] 1958; 92–93, 95, 97).

О середине 1940-х гг.: «Из уральской деревеньки, где мы были в эвакуации, я привёз пару крохотных лыж, коньки-снегурки, которые прикручивались к валенкам верёвками, книжку “Сказки дядюшки Римуса” и шахматы. Всё это мне досталось в наследство от выросшей за время войны девочки, тоже эвакуированной» (Яхнин, 2002, 98).

О Свердловске во вт. пол. 1940-х гг.: «Почти у всех детей были коньки-снегурки, которые привязывались веревками к валенкам и укреплялись на них палочками!» (Факова, 2006).

О Челябинске в 1960-е гг.: «Зимой душу отводили на катке. Скольжению учились во дворе, когда к валенкам привязывали “снегурки”. Был в квартале улиц Горького – Грибоедова – Савина – Ловина замечательный каток» (Овчинникова, 2006, 2).

«Мне “снегурки”-коньки подарили, / Я от радости громко запел...» (Осеева, [до 1969], 1985–2, 548).

О конце 1960-х гг.: «[Третьеклассник] Сеня вызвал [дошкольницу] Маринку в переднюю. “Во, гляди”, – он показал ей новые коньки с ботинками. “Ой, какие! Это не “снегурки”, да?” “Снегурки”! На таких чемпионы катаются, поняла?” Маринка поняла. Тогда Сеня позвал ее на каток» (Киселева, 1972, 61).

См. также: *Коньки*.

СНЕГУРОЧКА – «Героиня русской народной сказки, девушка, вылепленная из снега и ожившая; дочка деда-мороза» (Словарь, 1962–13, 1475).

Снегурочка как персонаж детского новогоднего праздника.

О Ленинграде в 1943 г.: «Год работала у нас артистка эстрады, очаровательная рыжая Тамара Коваленко. В новый 1943 год она выступала перед ребятами в роли Снегурочки и жонглировала снежками из ваты» (Гречина, 1994, 221).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Школа у нас была мужская. А на Новый год срочно требовалась Снегурочка. И так как я был самым маленьким по росту

да ещё и с огромными ресницами, назначили Снегурочкой именно меня. Накрасили, надели парик с белыми косичками, юбку, чулочки беленькие, сапожки. И, когда началась ёлка, все мамы говорили: “Откуда взяла такую хорошую девочку?”» (Никоненко, 2006, 33).

О перв. пол. 1950-х гг.: «В школе готовятся / К праздничной ёлке... / В классах идут / Разговоры и толки: / “Кто же Снегурочкой / Будет на ёлке?”» (Барто, [1956], 1967, 44).

О девочке 2,5 лет в 1957 г.: «20 января [1957 г.]. Проснулась веселая... Умывалась. Потом отец сказал, что если она будет капризничать, то к ней Дед Мороз и Снегурочка не придут. Тогда она открыла рот, и я ей почистила зубы» (Низова, 1961, 113).

О перв. пол. 1980-х гг.: «В классе стояла небольшая ёлка. Дед Мороз... произнесил поздравления, и все были рады Деду Морозу, хотя... узнавали в нём завхоза Ивана Филипповича... А старшая вожатая Валерия Валентиновна была Снегурочкой. Все каникулы она пела с ребятами в школьном зале, раздавала подарки, танцевала вокруг ёлки, откидывала назад свои шёлковые белые Снегурочкины косы... Но время от времени на её нежное лицо набегала забота. Снегурочка укоризненно качала головой, как будто говорила: “Если я провалю завтра зачёт по дидактике, вы все будете в этом виноваты. Так и знайте”. А потом кричала оживлённо: “Новый год! Становитесь в хоровод! Дедушка Мороз! Подарки всем принёс? – И ещё она кричала: – Ёлочка, ёлочка! Зелёная иголочка! – А потом, без всякого перехода, своим обычным голосом: – Сессия на носу! Я просто сойду с ума”. Всё перепуталось в эти новогодние дни. Такие они особенные. Голубая шубка нежной Снегурочки, опушённая белым мехом. Сессия в педагогическом институте, перед которой полагалось сдавать зачёты... И маленькая ёлка в кабинете математики, где хозяин – четвёртый “А”. Новогодняя карусель» (Хмелик, 1988, 127–128).

Фигура Снегурочки – объёмное изображение персонажа новогодней мифологии, внучки *Деда Мороза*.

О мальчике в Свердловске в перв. пол. 1960-х гг.: «Из ваты были Дед Мороз и Снегурочка под новогодней ёлкой, очень пожилые и без всяких излишеств, но все равно необыкновенно красивые, желанные, волшебные в своих шубах, украшенных чем-то вроде посаженного на клей битого стекла. Я даже украдкой целовал их румяные добрые лица» (Застырец, 2006).

«СНЕГУРОЧКИ» – вид коньков. См.: «Снегурки», «снегурочки».

«СНЕЖИНКА» – фигурка из бумаги и др., напоминающая по форме снежинку.

О Ленинграде 1946–1947 гг.: «Мальчишки, Валькины одноклассники, украшали зал, натянули разноцветные бумажные ленты, развесили на ниточках вырезанные из белой бумаги снежинки. Все старались, как могли, – ведь действительно не хотелось опозориться перед девочками» (Васильев, 1985, 59).

О Шадринске в 1993 г.: «В 1993 г., когда мне было 6 лет, я очень любила вырезать из золотинок и фантиков от конфет снежинки. Я могла провести за этим занятием часа 3–4, не отрываясь. Этому меня научила мама. Я постоянно собирала фантики, и целыми вечерами с подружкой вырезали разные снежинки» (057).

«СНЕЖИНКИ» – коллективный, как правило, персонаж новогоднего праздника – обычно на новогоднем празднике имел место «танец снежинок».

О вт. пол. 1930-х гг.: «...Что может быть прекраснее школьных каникул... Бесспорно, самым чудесным был шк. праздник... В школе, на новогоднем празднике, мальчики стояли возле высокой темной ели и... говорили хором стихотворение, которое с ними выучила Клавдия Сергеевна: “Не ветер бушует над бором...” А вокруг в пышных марлевых юбочках, обшитых ватными помпонами, кружились девочки-снежинки. И когда они в такт музыке взмахивали руками, помпоны, привязанные на длинных лентах к кистям их рук, взлетали вверх, и казалось, будто и впрямь начался снегопад...» (Могилевская, [1941] 1958, 61–62).

Об учащихся нач. классов в Шадринске в 1943–1947 гг.: «Больше всего нам нравились новогодние елки. Мы были кто снежинками – летали, то опуская руки, то поднимая, в пышных белых платьях; кто бусинками – на голове корона с разноцветными бусами, бусы на шее, на платье; кто зайчиками в шапочке с длинными ушами; кто клоуном в пестром костюме и колпаке» (Плотникова, 1995, 50).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...Почему-то в памяти [Олега] возникали только праздничные концерты, деды-морозы, снежинки в белых марлевых платьицах и коллективные декламации...» (Рязанова, 1964, 16–17).

О нач. 1950-х гг.: «На Новый год обязательно исполняли коллективный танец “Снежинки”, припевая: «Мы белые снежиночки, / Собрались сюда, / Летим мы как пушиночки, / Холодные всегда, / Вот эта тучка белая, / Она была наш дом. / С нее мы опустились, / И здесь мы отдохнем”» (Казарма, 2000).

О нач. 1960-х гг.: «И ещё было очень много белых “снежинок”. Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка» (Драгунский, 1964, 88).

О 1960-х гг.: «Новогодние праздники были единственными по-настоящему искренними. Тщательно и долго мы готовились к этим торжествам. Когда учились в школе, шили костюмы. В [19]60-е годы все девочки в марлевых повязках были снежинками» (Ефимова, 2006–2, 6).

СНЕЖКИ – слепленные комья снега; игра, заключающаяся в том, что дети кидают друг в друга снежками – слепленными комьями снега.

О гимназистах конца 1860-х – нач. 1870-х гг.: «Живо помню, как наш второй класс в союзе с первым играл в большую перемену в снежки с третьим классом и как третьеклассники при этом почти всегда колотили нас и с позором загоняли со двора в коридор» (Якубович, 1989 с. 124).

О школьниках перв. пол. 1950-х гг.: «Зимой разбивали носы крепкими снежками. Нашим мальчишкам была свойственна сумасбродная отвага, они дрались, как ястребы, до “кровянки”. Мы были дети войны» (Плавинская, 2006).

О нач. 1950-х гг.: «Он в декабре швырял снежки, / Чертил коньками синий лёд, / А в пятом “Б” ученики / По всем предметам шли вперед» (Сергеев, 1952, 11).

О вт. пол. 1950-х гг.: «В феврале в саду бело, / Груды снега намело. / Ну, а мы в снежки играем...» (Зарубин, 1959, 2).

О конце 1950-х гг.: «В большую перемену Ариша Родионова выбежала вместе со своими ребятами-октябрятами на улицу поиграть в снежки. Кинула дватри снежка, сразу раскраснелась... Снежки летели в Аришу со всех сторон, но она будто не замечала» (Воронкова, 1961, 46).

О нач. 1960-х гг.: «Ура, сегодня хороша / Погодка для снежков! / И Вовка – добрая душа / Зовёт своих дружков./ Летят снежки, летят снежки, / Вопяг приятели-дружки. / Один в снегу, другой в снегу, / Никто не хочет быть в долгу. / Так разогреются зимой, / Как будто месяц май./ А паренёк придёт домой – / Его хоть выжимай! / У Вовки меткая рука, / У Вовки верный глаз./ Метнул снежок издалека / И по макушке – раз!» (Барто [1961–1963] 1969–1, 311–312).

О нач. 1960-х гг.: «“...Не буду больше дразнить толстым пузовом и снежками в нос кидать не буду, понятно”» (Цюрупа, 1964, 122).

О Шадринске в 1999 г.: «Когда мне было 12 лет, моя подружка Юлия предложила мне сыграть “в снежки”. Сначала мы играли вдвоем, а потом и коллектив собрался. И стали играть всем двором. Я очень любила играть в снежки. Играли в снежки и девочки, и мальчики. Мы все были ровесники, только одному мальчику было 14 лет, и мы считали его взрослым. Он был очень метким, и все девочки хотели, чтобы он был в их команде. Сначала все ребята делились на две команды и строили стену-ограждение из снега высотой примерно полметра, а шириной около полутора метров. Стена служила укрытием от снежков противника. Расстояние

между снежными ограждениями было примерно метров пять. Мы старались как можно больше благоустроить наше укрытие и для этого делали ямку в снегу, в которую складывали слепленные снежки-запасы. Один человек лепил, а остальные кидались! Двор у нас был очень широким, и места для этой игры нам было достаточно. Запас существовал для того, чтобы кто-нибудь, кто не успевал лепить самостоятельно снежки, мог брать из общего запаса. Суть игры: нужно просто метко кидать снежки в противоположную команду. Нельзя было подходить слишком близко к укрытию противника. Все говорили, что только слабые и неметкие кидают с ближнего расстояния. Мне очень нравилось, когда я попадала в мальчиков, я сразу чувствовала себя сильнее. Победителем игры считалась та команда, которая попадала в противника большее количество раз. А подсчитывали мы результаты, выкрикивая каждый раз количество попаданий при каждом выполненном броске. И все попадания в конце игры суммировались. Нам было очень весело, и мы играли в эту игру с полудня и до вечера, пока не стемнеет. Мы так громко кричали, смеялись, особенно кричали, когда снег попадал в лицо, – очень щипало кожу, и снежки были очень холодными, даже обжигали немного кожу. Когда уже было время ужина, мама кричала мне с балкона: “Лена, домой!” А я просила: “Мам, ну можно ещё чуть-чуть?” Как правило, домой я приходила в мокрых перчатках, за что, помню, меня очень ругала мама. Говорила, что я могу заболеть. И мама ещё говорила, что мы очень громко кричали и смеялись. Я помню, один раз даже заплакала, когда несколько раз подряд мне прилетел в лицо снежок. Даже не играла два дня с ребятами, но потом снова увлекла меня эта игра» (135).

СНЕЖНАЯ баба – «Человеческая фигура, слепленная из снега» (Словарь, 1962–13, 1478).

Лепить «снежную бабу» – традиционное развлечение русской детворы.

О нач. 1960-х гг.: «В это утро Олешек ... мимо снежной бабы прошёл, ничего к ней не приладив. А ведь он каждый день прилеплял к ней что-нибудь для красоты: или на лоб конфетную бумажку, или усы из можжевельника» (Цюрупа, 1964, 106).

О нач. 1960-х гг.: «Мы не ели, мы не пили, / Бабу снежную лепили. / Снег февральский, слабый-слабый, / Мяся под рукой, / Но как раз для снежной бабы / Нужен нам такой... / Улыбаясь, как живая, / В парке, в тишине, / Встала баба снеговая / В белом зипуне... / Вдруг нахмурилась Наталка, / Ей всего лет пять, / Говорит: “Мне бабу жалко, / Что ж ей тут стоять? – / Скоро стихнет звон трамвая / И взойдёт луна, / Будет баба снеговая / Под луной одна?” / Мы столпились возле бабы, / Думали – как быть? / Нам подружку ей хотя бы / Нужно раздобыть. / Мы не ели, мы не пили, / Бабу новую слепили. / Скоро стихнет звон трамвая / И взойдёт луна, / Наша баба снеговая / Будет не одна» (Барто, [1964] 1969–1, 41).

О сер. 1960-х гг.: Из стихотворения Ю. Кушак «Снежная баба»: «Мы снежную бабу слепили вчера, / И шляпа у бабы была из ведра, / А нос – из морковки, а руки – из палки, / Метла – из метлы, а коса – из мочалки» (Козлов, Кушак, 1970, 4).

СНЕЖНАЯ горка – см. *Горка*.

«СНЕЖНАЯ королева» – сказка датского писателя Г.-Х. Андерсена. На русский язык переведена в 1894–1895 гг. Анной Ганзен.

Об особенностях публикации текстов Андерсена в книгах 1930-х – 1980-х гг.: «В сборниках советского времени... сказки [Андерсена] печатались в сокращении... Все религиозно-христианские мотивы были... из текста вычищены. Из “Снежной королевы” был убран даже псалом о цветущих розах и Христе-младенце. И... “чистка” вовсе не вредила сказке, скорее напротив – уточняла её высокий смысл. В советском варианте Герда одолевала Снежную королеву любовью и стойкостью, упорством и добросердечием – лучшими человеческими качествами, составляющими душевную силу. А потом, когда... мы познакомились с полным переводом сказки, вдруг выяснилось, что победу

Герде обеспечивает благочестие – чтение молитв, исполнение псалма. Знаете что? С помощью ангелов-то всякий победит любую снежную армию. А вот без ангелов, с одной только любовью и девчачьим упорством!...» (Порядина, 2006, 8).

О 1970-х гг.: «На уроках литературы в IV классе изучается сказка Г.Х. Андерсена “Снежная королева”» (Збарский, 1980, 41).

О 1991 г.: «Моим любимым фильмом была сказка “Снежная королева”. Первый раз увидела в 5 лет. Мне нравились в этой сказке приключения Герды и Кая, но больше всего восхищал олень: когда смотрела на их прощание с Гердой, всегда плакала. Наверное, он мне нравился за свой ум и доброту – готовность всегда прийти на помощь. Его мудрый образ служит для меня примером [для] подражания и по сей день» (193).

О Шадринске в 1993 г.: «Когда мне было 6 лет, я очень сильно любила сказку “Снежная королева”, но больше всего мне нравилась Снежная королева. Я находила её очень красивой и мечтала быть на неё похожей» (094).

О Шадринске в 1993–1994 гг.: «Когда я была маленькая, моими любимыми мультфильмами были “Приключения мамонтенка” и “Снежная королева”... В “Снежной королеве” мне нравились красивые наряды героев, какие-то сказочные персонажи (говорящие животные, птицы). Было очень интересно, как в очередной раз добро побеждает зло, как девочка смело пошла спасти своего брата Кая» (122).

О девочке 9–11 лет в 1995 г.: «Мой любимый мультфильм детства – “Снежная королева”. Я очень любила смотреть этот мультфильм, как только появлялся момент и возможность его посмотреть. Нравился потому, что там был очень интересный и захватывающий сюжет, он никогда не надоел. Конечно, любимый герой и даже героиня – это девочка Герда, которая спасала своего друга Кая. Она была доброй, смелой, отважной, не боялась никаких трудностей» (195).

О девочке 8–10 лет в середине 1990-х гг.: «Я читала книжку “Снежная королева” и смотрела фильм и мультфильм. Мне очень понравилась та маленькая парочка (Кай и Герда). Герда очень любила и дорожила своим братом. Мне так понравилось произв-ие, наверно, потому что у меня тоже есть любимый брат моего возраста. И, может быть, я тоже могла пойти и в “снег и дождь” за ним» (180).

О середине 1990-х гг.: «Моя любимая книга детства – “Снежная королева” и “Басни Крылова”. В “Снежной королеве” мне очень нравилась Герда, которая смогла мужественно и стойко вынести все испытания, чтобы спасти своего брата от бессердечности» (187).

О девочке 10–12 лет в 1996–1998 гг.: «Любимый телефильм – это “Снежная королева” по одноименной сказке Г.Х. Андерсена. Этот телефильм, насколько помню, я смотрела раз десять, а может и больше. Когда я была совсем маленькой, мама подарила мне огромную книгу с красочными иллюстрациями. Прочитав её раз, я влюбилась в историю Кая и Герды, поэтому фильм “Снежная Королева” я смотрела с двойным удовольствием. Поражала настойчивость маленькой девочки, которая ради брата шла на все. Запоминающийся и величественный образ Королевы выюг, снегов и холодов» (039).

СНЕЖНАЯ крепость – крепость, построенная из снега.

О школьниках пионерского возраста в конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Наконец, сбор кончился, и ребята с радостью выбежали на школьный двор. Падал мягкий пушистый снег. В забор шлёпнулся чей-то снежок и, весело лопнув, оставил на досках белую метку. “В снежки, в снежки! – закричали все наперебой, и мигом в противоположных конца двора стали расти снежные крепости» (Великанов, 1951, 75).

Об учениках 4 класса во вт. пол. 1950-х гг.: «А ещё можно снежную бабу вылепить, ещё лучше – крепость построить. Но это долго, это после уроков» (Дягилев, 1961, 69–70).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Ещё мы строили большие снежные крепости. Мальчишки приносили

ледяные глыбы, подстывший снег, а мы складывали из них стены. Если ещё кто-нибудь строил крепость, то мы потом “обстреливали” крепость противника снежками» (516).

СНЕЖНЫЙ городок – участок городской территории, на котором в зимнее время делаются сооружения из снега.

О 1970-х – 1980-х гг.: «Новогодняя ёлка в уральских городах – это ещё и зимний снежный городок. На площади устанавливали несколько ёлок, строили ледяные горки, делали скульптуры из снега и льда. Окрестная детвора проводила в этих городках всё свободное время, в основном катались с ледянок, кто на фанерках, кто на ногах. Зимой, помимо катка, это было основным местом, где знакомились и начинали дружить мальчик и девочка» (Томилова, 2006).

О 1984–1986 гг. в г. Новогаганске Нижневартовского района Тюменской области: «Помню, пока ходила в детский сад (в старшую группу и подготовительную), любимыми играми были “магазин” и “больница”... Зимой нам в садике делали снежный городок, и мне очень нравилось кататься с горы, играть в снежки, лезть по разным снежным зверям» (503).

О 1986–1989 гг.: «Каждую зиму в возрасте 7–10 лет я с младшим братом и с друзьями строили “снежные городки”. К концу декабря, когда около нашего дома накапливалась большая куча снега, мы начинали рыть в ней ходы совками для выгребания золы. По строению они напоминали норы крота. Всё это строительство продолжалось несколько дней, а потом мы ползали по ним, играли там в догонялки. Так мы проводили все зимние каникулы» (505).

«СНИКЕРС» – шоколад с карамелью и орехами.

О 1991–1992 гг. в г. Катайске: «Мне было 7–8 лет. “Сникерс” – шоколадка с карамелью и орехами, а “Марс” – просто с карамелью. Помню как родители давали деньги (мелочь) на карманные расходы, и, накопив определенную сумму денег, после школы я заходила в магазин и покупала шоколадку, больше всего мне нравился “Сникерс”» (116).

«СО ВТОРОГО этажа...» – считалка.

О девочке 10–15 лет в с Ольховке Шадринского р-на в 1995–2000 гг.: «Проведение вечеров не обходилось и без игр, начинать которые нужно было, распределившись на водящего, галящего и пр. Распределялись при помощи считалок. Существовали следующие популярные среди нас считалки: “Вышел немец из тумана, / Вынул ножик из кармана, / Буду резать, буду бить. / Всё равно тебе галить” или: “Со второго этажа / Полетели три ножа: / Красный, синий, голубой, / Выбери себе любой”. Участник, на котором остановился счёт, выбирает, например, “голубой”. Считалка рассказывается сначала, и на каком человеке остановилось слово “голубой”, тот и водит (выходит), а считалка снова рассчитывается» (009).

СОБАКА – «Домашнее хищное млекопитающее семейства, к которому относятся также волк, лисица и др.» (Лопатин, 1997, 647).

Ездить на собаках – зимняя мальчишеская забава: дети запрягают собаку (собак) и таким образом едут на санях.

О конце XIX века: «У Сережи были три собаки, он запрёг их в телегу тройкой и погнал. Собаки ушли с тележкой, и Серёжа их не поймал» (Голстой, 1987).

О 1900-х – начале 1910-х гг. в Шадринске: «В Новый год, первого января... ребяташки... днём катались на санках с горы, на коньках – прикручивали их ремешками к валенкам, катались на собаках. Кроме всякой другой живности на дворе бывала целая свора собак! Запрягали собаку в сани, садили Соню и, гикнув “Прё!” – отпускали. Соня мчалась по всей Екатеринбургской улице до леса... и обратно...» (Иовлева, 1995, 44).

О конце 1950-х гг.: «...Перед детским садом стоял роскошный выезд. Бобик был запряжён кожаными ремнями в синие санки со спинкой. От нетерпения он рыл снег лапой, как норовистый взнузданный конь... Целый час овчарка катала Тату Замошкину по Марсову полю... Бобик мчал санки во всю прыть... За санками и навстречу санкам толпой бежали ребята... Через час

Бобик благополучно подкатил Тату Замошкину к школе» (Аленник, 1960; 69, 71).

«СОБАЧКА» – игра с мячом.

О детях 8–10 лет в 1946 г.: «Потом стали играть в “собачку”: перекидывали друг другу мячик, а кто-то один ловил. Играли, пока мячик не брякнулся о раму. Хорошо, что не в стекло. Тогда пошли в коридор и устроили игру в пряталки» (Крапивин, 1986, 96).

О с. Шатрово в 1987–1990 гг.: «Я участвовала и в игре “Горячая картошка”... “Выросшая картошка” (игрок) старалась поймать мяч у тех игроков, которые ещё не ошибались, а, поймав, вставал на место игрока, который упустил этот мяч. Вариантом этой игры является “Собачка”. Двое игроков перекидывают мяч, а третий – “собачка” – старался поймать его» (529).

«СОБАЧКА-ДРАЧКА» – см.: «Драка-собака».

«СОБИРАЙСЯ, НАРОД...» – первые слова рифмованного призыва к сверстникам проявить намерение (готовность, решимость, согласие) принять участие в какой-либо игре. Полный текст «зазывалки» звучит так: «Собирайся, народ, кто в [название игры] идёт».

О перв. пол. 1980-х гг.: «Зазывалка играть в игру. “Собирайся, народ, кто в (любая игра) играть идет. Кто со мной, тот герой, / Кто без меня, тот поганая свинья”» (499).

О Шадринске в 1989 г.: «В нашем дворе бытовала следующая зазывалка: “Собирайся, народ, кто в прятки (или любая другая игра) идет”. У начинающего зазывалку рука была сжата в кулак, а большой палец оттопырен вверх, остальные делали так: его большой палец ладонью обхватывал тот, кто хотел играть в игру, потом они уже вдвоём кричали и передвигались по местности. Таким образом, собиралась цепочка. Потом все кричали хором: “Бомба взорвалась – игра началась”» (105).

О г. Катайске в перв. пол. 1990-х гг.: «“Собирайся, народ, кто в прятки (или в ляпы) идет”. Такие слова говорили, когда собирали друзей на какую-либо игру, при этом говорящий держал кулак с поднятым вверх большим пальцем; а затем, когда все собрались (прицепившись таким же образом к большому пальцу первого и т. д.), ведущий начинал считать с себя и далее вверх, кто галит, кто не галит. Как только назван тот, кто будет галить, все разбегаются и начинается игра.» (116).

О Шадринске в 1992 г.: «“Собирайся, народ, кто в прятки идет” – эта фраза сигнализирует о начале так называемых “московских прятков”. Кто-то из ребят был начинающим, он и кричал эту фразу. При этом он выставлял кулак с поднятым вверх большим пальцем (знак “во!”). Следующий, кто первым подбежал к начинающему, ухватывается за этот оттопыренный палец, и делает аналогичный знак. Третий, четвертый, пятый... делают тоже самое. Таким образом, из “кулачников” образовывалась своеобразная башня, которая удерживалась до тех пор, пока не прибежит последний желающий играть. Указанная выше фраза тоже произносилась до тех пор, пока не подбежит последний. Затем тот, чей кулак оказывался сверху, был ведущим...» (103).

О г. Завитинске Амурской обл. в 1992–1995 гг.: «В возрасте 7–10 лет я играла с друзьями в разные игры. Перед тем как начать игру, мы проводили некий ритуал: “Собирайся, народ”. Когда дети собираются играть в какую-либо игру, один из них предлагает: “Собирайся, народ, / Кто в вышибалы играть идет”. При этом говорящий сжимает руку в кулак, а большой палец выставляет вверх. На него надевается другой кулак с пальцем вверх, то есть четыре пальца, кроме большого, сжимают большой палец предложившего игру. Затем палец второго также сжимают и т. д. Когда все собрались, первый считает кулаки, приговаривая: “Галя, не галя, галя, не галя, галя.” либо: “Вадя, не вадя, вадя, не вадя, Вадя”. Галит (водит) тот, на кого последнего скажут: “Галя” (“Вадя”), либо кто последний (то есть верхний) возьмётся за большой палец нижнего соседа. Одновременно другой может предложить другую игру и, если она больше понравится, если этого человека больше

любят, уважают, чем первого, то все пойдут играть с ним» (107).

О 1993–1995 гг.: «“Собирайся, народ, кто в прятки (варианты: в догонялки, в вышибалы и в любую другую игру) идет”, – так я говорила примерно в 9–11 лет. Когда дети собрались играть в какую-либо игру, то часто кричали эту фразу. При этом один из ребят сжимал руку в кулак, кроме большого пальца. Большой палец был поднят вверх. Все желающие поиграть в данную игру ребята сбегались к этому человеку и хватались поочередно за верхний (свободный) большой палец. Таким образом, получалась своеобразная цепочка (вверх) из кулачков с вытянутым большим пальцем последнего игрока. Часто эту кричалку применяли, когда не могли решить, в какую игру сыграть, то есть происходило своеобразное голосование. Например, один человек кричит: “Собирайся, народ, кто в прятки идет”, и к нему подбегает три человека, а другой кричит: “Собирайся, народ, кто в догонялки идет”, и к нему подбегает пять человек. Следовательно, сначала играют в догонялки, а потом могут поиграть и в прятки» (100).

О детях 9–10 лет в с. Погорелка (пригород Шадринска) в 1995–1996 гг.: «“Собирайся народ, кто в прятки (ляпки) идет...” Когда мне было 9–10 лет, мы использовали эту фразу, когда кто-нибудь собирал “народ” для игры (либо прятки, либо ляпки). При этом инициатор выставлял большой палец вверх. Кто был согласен играть, хватался за палец, выставляя при этом свой большой палец, за который брался следующий, и т. д. Когда из рук выстраивалась цепь, на счет: “Раз, два, три” мы отпускали руки, покачивая их» (021).

О 1995–1998 гг. в Шадринске: «“Собирайся народ, кто в прятки (вышибалы, краски и др.) идет! Кто со мной – тот герой! Кто без меня – тот ужасная свинья!” Эту кричалку я говорила, когда мне было 9–12 лет, собирая друзей на какую-то игру. При этих словах все пальцы правой руки сжимались в кулак, но большой выставлялся вертикально, а рука вытягивалась на всю длину. Другой человек одну свою руку тоже вытягивает к моей, захватывая мой большой палец, своими пальцами, а большой палец снова – вверх. Таким образом, получалась цепочка. Так присоединялись ещё несколько человек, и мы шли играть. “Подсоединялись” те, кто хотел играть в ту игру, которая называлась в начале кричалки» (112).

О 1995–2000 гг. в с. Глядянское: «“Собирайся народ, кто в прятки (например) идет” – зов на какую-либо игру. Один человек начинает кричать. При этом обычно на левой руке загибает все пальцы, кроме большого. Остальные, кто хочет играть в эту игру, должны подбежать к кричащему и схватиться за его палец рукой так, чтобы другой человек взялся за палец, тем самым образуется вышка. Суть в том, кто последним возьмется за палец, тот и галит. Эту кричалку мы всегда кричали, когда собирались играть в какую-либо игру. Нам было примерно лет 11–16 лет. Впервые я её услышала в 1995 году от старшей сестры, когда они играли в игры» (106).

СОБИРАТЕЛЬСТВО *детское* – см.: *Коллекционирование у детей; Собирать открытки; «Сокровищницы» у детей; Спичечные этикетки. Почтовые марки. Фантики.*

СОБИРАТЬ макулатуру – см.: *Макулатура.*

СОБИРАТЬ почтовые марки – см. *Почтовые марки.*

СОБИРАТЬ спичечные этикетки – см. *Спичечные этикетки.*

СОБИРАТЬ открытки.

О 1960-х гг.: «Во втором “Б” все ребята стали что-нибудь собирать. Такая у них мода пошла. Вова Бузанов стал этикетки от спичечных коробок собирать, Костик – всякие значки, Таня – открытки с картинками, а Алик – почтовые марки» (Ермолаев, 1969, 74).

СОБИРАТЬ фантики – см. *Фантики.*

СОБИРАТЬ металлолом – см.: *Сбор металлолома, железного лома.*

«СОВА» – игра.

О девочке в с. Крутиха в нач. 1990-х гг. «“Сова”. Кол-во участников не ограничено. Среди игроков выбирается “сова”. Сова садится на стул или прислоняется к стене.

Пока идёт день, сова спит, а остальные участники, изображая птиц, бабочек, кружат, бегают, но как только наступает ночь, все замирают, а сова идет искать свою жертву. Если кто-то пошевелится и сова это увидит, то он становится совой, а сова становится просто игроком» (451).

Ср.: «У медведя на бору...»

СОВЕТ дружины – орган руководства пионерской дружиной (см.: *Дружина пионерская*).

В Положении о Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина, утверждённом Бюро ЦК ВЛКСМ 17 марта 1967 года, говорилось: «Совет дружины руководит работой пионерских отрядов, октябрятских групп, постоянных и временных объединений пионеров, пионерских постов по месту жительства, секций и клубов; организует жизнь в зонах пионерского действия; проводит выборы и учебу пионерского актива; дает рекомендации пионерам для вступления в члены ВЛКСМ; готовит и проводит смотры и соревнования, общие сборы и линейки, конкурсы и рейды, слеты и праздники, митинги, воскресники, походы и экскурсии» (НО, 1974, 306–307).

О загородном пионер. лагере в 1950-х гг.: «Совет дружины заседал в пионерской комнате. За длинным, накрытым красной скатертью столом, сидели пионеры – члены совета. На председателем месте – председатель совета дружины. Справа от него – старшая пионервожатая. Слева – воспитательница отряда девочек...» (Мостовский, 1958, 108).

О нач. 1960-х гг.: «Однажды я был на заседании совета дружины, где ругали паренька-семиклассника за то, что он не выполнил поручения. Не помню, что он там такое натворил. Кажется, не нарисовал заголовков для стенгазеты. И вот один из членов совета дружины вкрадчиво спросил паренька: “Ты зачем вступал в пионеры?” Провинившийся молчал. “Нет, ты ответь, зачем вступал? Ты помнишь про торжественное обещание?” “Мне кажется, – поднялся второй, у него просто совести нет... Сегодня он обманул товарищей, а завтра предателем станет...” Художнику было стыдно, больно. Но именно это и доставляло удовольствие пионерам-прокурорам. А мне, честно говоря, казалось, что “обсуждать” надо не столько художника, сколько того паренька, который произносил речь о “предательстве”, и его друзей. Плохо, конечно, что художник не нарисовал заголовков. Но еще хуже, что ребята такие недобрые. Что им доставляет удовольствие чувствовать свою власть, унижать человека» (Соловейчик, 1965, 40).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Вожатый... обратился ко мне: “Пошли, Валера. Тебя на совет дружины вызывают”. Я изобразил на лице крайнее недоумение и – нечего делать, надо идти – побрел за вожатым. Я шёл и раздумывал, за какие грехи меня вызывают на совет дружины. К таким вызовам мне, конечно, не привыкать. Я был частым гостем многих советов дружины в родной школе. Можно прямо сказать: то заседание, на котором меня не было, проходило серо и скучно. Зато при моём участии совет дружины шел бодро и весело, как хороший концерт. Но так было в моей родной школе. Там находили причины, чтобы лишний раз полюбоваться на мою физиономию. А в лагере? Всего два дня я здесь. Пока не совершил ничего такого, что прославило бы меня на весь лагерь... Я так и эдак прикидывал и приходил к одному выводу: рано мне оказывают такую честь, как вызов на совет дружины» (Машков, 1974).

О нач. 1970-х гг.: «“Ну уж! – вскинулся... Валерка Садовский. – Из-за какой-то фотографии – сразу из пионеров!”... “Когда из пионеров исключают, должен совет дружины утверждать”, – напомнила Ольга. “Не утвердит совет”, – капризно сказал... Павлик Локтев... Вовка Голосов... объяснил: “В этом совете честными пионерскими как фантиками играют. С каждого двоечника требуют: дай честное пионерское, что будешь хорошо учиться. Ну он и дает, чтоб поскорей отпустили. А через неделю опять “гусей” нахватает, а ему опять: дай слово... Вон, спросите у Валерки Садовского. Его Мария Яковлевна весной два раза на совет вытаскивала”» (Крапивин, 1981, 288–289).

СОВМЕСТНОЕ обучение – обучение детей обоего пола в общих школах и других учебных заведениях.

До 1918 года совместное обучение допускалось «в начальных школах и отдельных высших начальных училищах, коммерческих училищах, некоторых ремесленных учебных заведениях и в отдельных частных школах» (ПЭ, 1968–4, 14). В целом же в России до 1918 года преобладало *раздельное обучение*.

В 1918 году Постановлением Народного Комиссариата просвещения РСФСР от 31 мая 1918 года совместное обучение было введено во всех учебных заведениях: О введении обязательного совместного обучения... §1. Во всех учебных заведениях вводится совместное обучение учащихся обоего пола. Примечание. В наименовании всех учебных заведений всех ступеней и типов, включая высшую школу, опускаются слова *мужской* и *женский*... Подписал: Народный комиссар просвещения А. Луначарский» (НО, 1974, 132–133).

В 1943 году в Москве, областных и краевых городах и некоторых крупных промышленных центрах было введено *раздельное обучение* в семилетних и средних школах (общее число школ, в которых было введено раздельное обучение, составляло 2% от общего количества школ РСФСР).

Совет Министров СССР 1 июля 1954 года постановил: «Учитывая пожелания родителей учащихся и мнение учителей школ, ввести в школах Москвы, Ленинграда и других городов с 1954–1955 учебного года совместное обучение мальчиков и девочек...» (НО, 1974, 192). Таким образом, с 1 сентября 1954 года было восстановлено совместное обучение во всех типах школ в стране, кроме *суворовских училищ* и *нахимовских училищ* (в которых могли обучаться только мальчики).

О середине 1950-х гг.: «А давно ли она плакала роковым утром первого сентября, когда ввели совместное обучение и надо было – о, ужас! – впервые садиться с мальчишками за парту» (Баженов, 1959, 10). О середине 1950-х гг.: «Во время войны наши школы были разделены на мужские и женские, чтобы лучше поставить военную подготовку мальчиков. Но это привело и к большим недостаткам в работе школ. Новый указ был встречен всеми с одобрением. Тут-то и появилась песенка А. Островского “Мальчишки и девочки” на стихи И. Дика в радиопередаче “Ровесники, ровесницы”... “Да здравствует дружба! Ура!” – обрадованно гремело по всем школам» (Гольденштейн, 1971, 83–84).

В 1990-е годы в ряде школ произошло принятие принципов раздельного обучения.

Ср.: *Раздельное обучение*.

СОКОЛКА-БЕЗРУКАВКА – майка, надеваемая под гимнастёрку.

О середине 1950-х гг.: «В подъезде самой близкой к школе Женькиной квартиры мы сняли свои форменные гимнастёрки, отдали Женьке портфель, и он отнес их домой... Мы со спокойной совестью, в соколках-безрукавках и длинных форменных брюках, двинулись к трамвайной остановке... Тело покрылось пупырышками... Чтобы поскорее согреться, мы прежде всего достали майки и вытерлись ими» (Мелентьев, [1958] 1961; 4, 12).

СОКОЛЬСКАЯ гимнастика, соколиная гимнастика.

Возникла в середине XIX в. в Чехии; важную роль в её разработке которой сыграл профессор эстетики Пражского университета М. Тырш. Для сокольской гимнастики характерна статичность, прямолинейность, резкость движений, условность поз и положений. Благодаря сокольской гимнастике впервые возникли массовые соревнования – «всесокольские слеты». Сокольская гимнастика была популярной в начале XX века и вновь возродилась в 1930-х гг. и просуществовала в качестве ведущей системы до середины 1980-х годов, представляя форму утренней, гигиенической, производственной и школьной гимнастики.

«Сокольская система гимнастики – ...славянская система физического воспитания, получившая название “Сокол”... В Чехии во главе этой орг-ции встали...:

основатель М. Тырш... и... И. Фигнер, пожертвовавший все свое состояние на создание материальной базы “Сокола”... В своей книге “Основы физической подготовки” [М. Тырш] изложил оригинальную систему упражнений, основу которой составила немецкая гимнастика, усовершенствованная в 50-е и 60-е гг. XIX в. Шписсом. Эту систему М. Тырш дополнил элементами, заимствованными из разных видов европейской гимнастики... Все упражнения подразделялись на четыре основные группы. Первая группа – упражнения без снарядов: ходьба, бег, вольные упражнения, строевые упражнения, хороводы, танцы. Вторая группа – снарядовые упражнения: прыжки простые в длину, прыжки “атакой” в высоту, прыжки с шестом в глубину, упражнения на козле, столе в длину, коне в длину и ширину с ручками и без ручек, перекладине, брусках, ходулях, лестнице, шведской стенке, канатах, шестах..., бревне, коньках, велосипеде. Упражнения со снарядами: упражнения с различными отягощениями (палками, гантелями, тяжестями и т.д.); упражнения в метаниях (копья, диска, молота, куба, ядра, мяча); упражнения с предметами (флажками, флагами, булавами, скакалками). Третья группа – групповые упражнения: пирамиды, массовые гимнастические выступления, подвижные игры. Четвертая группа – боевые упражнения: фехтование, борьба, бокс, упражнения с сопротивлением. ...В сокольской гимнастике обращалось внимание не на количество повторений, как это было в немецкой и шведской гимнастике, а на красоту их выполнения... Все движения, которые выглядели некрасиво, соколы исключали... Гимнастич. упражнения стали соединяться в комбинации, было введено муз. сопровождение, красивые костюмы и специальная гимнастич. обувь... ..Сокольское движение получило широкое распространение во многих странах мира. Мир обязан сокольному введению гимнастической терминологии, созданию правил судейства соревнований, широким использованием гимнастических снарядов и высоким гимнастическим мастерством» (Качулина, 1997, 15–18).

О середине 1910-х гг.: «В старших классах отец полюбил шахматы, состоял в Сокольском спортивном обществе и играл в новый тогда футбол» (Ожегов, 1999, 208).

Об Одессе 1910-х годов: «...Мы делали соколиную гимнастику... Приходилось... проделывать довольно головоломные штуки на виду у царя! Не забудьте, что мы были ещё относительно маленькими. Я, например, был в третьем классе, мальчик, – а движения довольно сложные, почти балетные... Я вместе с, по крайней мере, тремястами мальчиков, занявших после маневрирования шахматное расположение, проделывал так называемую соколиную гимнастику. Я до сих пор помню... мелодию, под которую исполнялась гимнастика. Сейчас она выпевалась духовыми инструментами целой группы оркестров. Главное было не сбиться, не спутать последовательности движений, не наврать в отношении их формы» (Олеша, [1954] 1999; 260, 262).

«**СОКРОВИЩНИЦА** у детей – «это, в буквальном и в переносном смысле слова, вместилище личных ценностей ребенка. В материальном плане, это особая закрытая емкость, недоступная другим людям, где хранятся мелкие предметы, найденные или полученные подарок ребенком, т. е. принадлежащие лично ему и воспринимаемые им как ценности» (Осорина, 1999, 133–134); термин введён петербургским исследователем детства, психологом М.В. Осориной.

Из книги М.В. Осориной: «Приблизительно после пяти лет (сроки условны) детское собирательство приобретает новые черты. У ребенка появляется собственная “сокровищница” (это не мой термин, а детское название). Обычно она хранится дома. У девочек это коробочка, шкатулка или мешочек, где находятся личные “сокровища”. Мальчики любят все свое носить с собой, и у них роль “сокровищницы” часто выполняет собственный карман. Основную часть “сокровищ” составляют мелкие предметы, найденные ребенком на улице: бусины, значки, сломанные брошки, красивые пуговицы, редкие монеты и предметы совсем

непонятного происхождения и назначения, привлекающие внимание именно своей странностью. В “сокровищнице” могут находиться также вещицы даренные, перешедшие по наследству от старших или выменянные у других детей. Важно отметить, что туда не кладут предметы, купленные в магазине. Дети пяти-семи лет относятся к своей “сокровищнице” с трепетом: это действительно нечто очень лично значимое и связанное с потаенными душевными переживаниями – сокровенное. Этим не хвастаются перед другими, как бывает с коллекциями более старших детей. Показ “сокровищ” даже самым близким людям – родителям – своего рода таинство. Но обычно ребенок предпочитает общаться со своими “сокровищами” наедине, чтобы никто не мешал: рассматривает их, любит, фантазирует. Практически во всех девчоночьих “сокровищницах” есть объект, напоминающий магический кристалл. По рассказам моих пожилых информантов, у русских девочек среднего класса в конце XIX – начале XX века это были, например, маленькие гранёные ячки из цветного стекла. У советских девочек [19]50-х годов, к поколению которых принадлежу и я, ту же роль исполняли осколки цветных стёкол или флакончиков из-под духов. В те времена было модно делать цветные вставки в сложный переплет окон веранд на даче, и все дети летом охотились за обрезками и осколками вишнёвых, жёлтых и тёмно-синих стекол, сквозь которые потом смотрели на белый свет, и хранили их, увозя самые мелкие в город для “сокровищниц”... Детская “сокровищница” существует в течение нескольких лет, а потом незаметно исчезает... После шести-семи лет появляется новый тип детского собирательства – коллекционирование» (Осорина, 1999, 131–134).

Ср.: *Коллекционирование.*

СОКС – игра детей в перекидывание по кругу ногой набитого горохом самодельного тряпичного мячика.

О перв. пол. 2000-х гг.: «Подростки во дворе... собрались в кружок и играют в маленький странный мячик. Они, кажется, готовы часами перекидывать его друг другу ногами... Казалось бы, все, что можно, ему купили. Компьютер, игры, ролики, электронную записную книжку. Кое-что по мелочи он купил себе сам – плеер, набор теннисных мячиков, баллончик с краской. Всё есть. Однако неожиданно пропал один из пары цветастых носков (70% хлопка, 30% полиэстера), в которых он пришел ещё вчера, а назавтра вы обнаружили, что он не совсем пропал, а был набит горохом, зашит, вывернут наизнанку и еще раз зашит – получился сокс. ...На перемене или после уроков они с товарищами встанут в кружок во дворе и начнут пинать этот сокс от одного к другому. Простая до примитивности задача: передавать набитый горохом носок по кругу, не роняя его на землю и не берясь за него руками... В соксе все начинают с того, что стараются не уронить мячик, просто передать по кругу... Дети постоянной вивей... добиваются невиданных успехов: например, могут отбивать сокс наружной стороной подошвы, удерживать на ноге, перекидывать пяткой через голову и ловить носком... В круте категорически запрещено плеваться, потому что противно, когда сокс попадает в плевок. Во многих группах соксеров запрещено материться. ...Каждая более-менее развитая община соксеров вырабатывает свои правила... Девушек, как правило, игроки не отторгают, однако серьезных соксеров немного... Если ваше чадо катается на роликах и скейте, если увлекается граффити и хип-хопом, почти наверняка вы найдете у него в кармане и эту набитую горохом вещь. “В спортмагазине тебе предлагают уже готовое, – говорит 13-летний соксер Вова. – Там и соксы теперь продаются, только плохие. То цвет не тот, то слишком мягкий или твердый. Вообще, если сокс сделали на фабрике, смысл теряться. Тут я делаю себе снаряж сам. Как мне нравится”. Вполне взрослая индустрия детских развлечений сегодня узурпировала всё... Мячик, собственноручно изготовленный из носка, – практически единственное, что ему есть смысл делать своими руками. Школьные учителя позитивное влияние

сокса часто не понимают и отбирают маленькие мячи у школьников. “Учительница назвала меня бездельником и отобрала сокс, – жалуется 14-летний Максим. – Мы попали в стекло, оно треснуло совсем чуть-чуть. А сок хороший был, жалко. Сейчас, слава богу, тепло – на улице можно играть”» (Куликова, 2005–2, 46–47).

Ср.: «*Жоска*».

СОЛДАТИКИ, играть в солдатики – О дворянских детях в начале 1870-х гг.: «Кажется, единственная игрушка, которая продержалась у нас долго, это были солдатики, турецкие и русские, которых Дьяковы подарили мне и Серёже и которыми мы играли целую зиму. Мы выстраивали их полками по противоположным концам нашей большой залы и сами, лежа на полу на животах, катили картечины во вражеские армии и истребляли их» (Толстой, 1969, 69).

Об Одессе начала 1910-х гг.: «В магазине Колпакчи на Екатерининской улице продавались детские игрушки... Я выпью маленькую рюмочку вина в честь тех металлических солдатиков, которые я покупал в магазине Колпакчи. Я не ошибся, сказав, что солдаты металлические. Могут подумать, что нужно было сказать – оловянные. Нет, они именно были металлические. Вероятно, металлом этим была жель. Да, да, безусловно, жель – уж очень такой солдатик был легок! Уж очень хорошо ложилась на его тело краска! Солдатик слезался из двух, если можно так выразиться, продольных – профильных, что ли, – половин» (Олеша, [1931] 1999, 71–72). О 1914 году: «Мы хотели участвовать в жизни наравне со взрослыми. Нам предлагали играть в солдатики» (Кассиль, 1935, 15). О Москве второй половины 1930-х гг.: «...На Первой Мещанской в маленьком игрушечном магазине мне покупают коробку – как спичечная, но большая – десять солдатиков и командир, раскрашенные, переложены ватой. Солдатики прибавляются по одному, по два... Показываю дедушке: “Пехотинец, конник, знаменосец, трубач, пулеметчик”. Дед на бегущего в противогазе в атаку: “Аташник”. ...Пока мама готовит на кухне, я играю в солдатики на дубовом паркетном полу... Второе воспоминание – третье июня тридцать девятого года. Я играю в солдатики на полу на террасе. Мне исполнилось шесть лет» (Сергеев, 1995–1; 9, 16).

О 1970-х гг.: «Крылышкин играл на полу терраски в серебристых металлических солдатиков – их у него было несметное количество, штук сто! В боевых рядах навтыжку, на одном колене наготове стояли... русские воины в чешуйчатых кольчугах и шлемах, с мечами, топорами и щитами в руках, а на щитах гибкие гербовые леопарды, могучие медведи, всевозможные узоры; всадники с пиками наперевес мчались навстречу... тевтонским рыцарям с рожками на широких шлемах, и лошадиные металлические гривы грозно развевались на ветру...» (Мошковский, 1979, 108–109).

СОЛНЕЧНЫЙ зайчик – см. *Зайчик солнечный*.

«**СОЛНЕЧНЫЙ круг**...» – начальные слова песни «*Пусть всегда будет солнце*».

«**СОЛНЦЕ**», «**солнышко**» – гимнастическая фигура на турнике – непрерывное вращение на вытянутых руках на перекладине.

О подростках 15–16 лет в Люберецком ремесленном училище: «Если рост прибавить было затруднительно, то вот подтянуть мускулы [Юрий] Гагарин решил твердо. Повлиял чужой пример, когда в училище пришел Витя Лычков, поразивший воображение не только Юры, но и других товарищей умением мастерски крутить “солнышко” на турнике и прочими спорт. достижениями. Гагарин принялся во всем подражать Лычкову – начал бегать, встал на лыжи, а значки за спортивные разряды стали непременным украшением одежды, тогда это было модно» (Гизатуллин, 2008, 33).

«**СОЛНЦЕ, воздух и вода – наши лучшие друзья**» – лозунг, с 1950-х по 1970-е гг. пропагандировавшийся в школьно-пионерской среде.

О пятиклассниках в г. Курске в 1954–1955 гг.: «Мы сочли необходимым опереться сначала на имеющиеся у детей интересы – опыт спорт. деят-сти, поэтому наш

первый сбор был посвящен теме: «Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья» (Нечаева, 1958, 48).

«СОЛНЦЕ жгло» – игра на скорость реакции с хлопками по ладоням.

О 1997–1999 гг. в с. Красная Звезда Шадринского р-на: «В эту игру я играла лет в 11–13. Играют в неё два человека. Один ладонями гладит другого по ладоням и при этом говорит: “Солнце жгло, жгло...” (“жгло, жгло, жгло...” можно говорить хоть сколько). В какой-то момент тот, кто гладит, стремится быстрым движением с возгласом: “Обожгло!” ударить по ладоням другого. Если тот не успевает убрать ладони, то его руки “обжигает” ударом» (011).

«СОЛНЫШКО» – «журнал для начальных школ и младшего возраста», выходил ежемесячно в Санкт-Петербурге с 1905 по 1917 год; «дешевый журнал в помощь народной школе».

«В журнале печатались небольшие рассказы, сказки, стихотворения, научно-популярные статьи, написанные просто, доступно, хотя и не всегда ярко. Из известных детских писателей, сотрудничавших в “Солнышке”, можно назвать очень немного..., чаще тут выступали учителя, знающие интересы ученика сельской школы... В разных отделах и в приложениях к журналу давалась и классическая литература – сказки братьев Grimm, сказки Андерсена, стихотворение Некрасова о деде Мазае. Научно-популярные очерки журнала, разнообразные по содержанию – естествознание, история, этнография – написанные ясно и живо, расширяли круг понятий деревенского ребенка. Так, в 1913 г... напечатан очерк “Астраханские калмыки”, в 1912 г. печатались рассказы из времен Отечественной войны, русской истории посвящена статья “Что было триста лет назад” (1913...), дающая представление о фактической стороне “смутного времени”. В каждом году в журнале помещались статьи о домашних и диких животных. Были очерки о писателях, например, в 1913 г... дети получили содержательную статью Риненского “Детство великого сказочника” – об Андерсене. Редакция пыталась... показать процессы работы при создании нужной вещи, например, в статье “История спички” (1913...) рассказано, какой труд вложил человек, прежде чем получил маленькую удобную спичку. В конце каждого номера “Солнышка” помещался довольно разнообразный отдел развлечений, в который входила коротенькие сказки и рассказы, пословицы, поговорки, загадки. Иногда тут же давались ноты для хорового пения. В 1912 г, появился новый отдел – “Маленькие художники”, задачей которого было наладить связь с юными читателями, разбудить их активность. Для этого в отделе печатался маленький рассказик, и подписчикам предлагалось нарисовать к нему картинку, кот. потом печатались на страницах “Солнышка” в уменьш. размере. В виде приложения к журналу давались небольшие книжечки со сказками, стихами, играми, песнями, объединенными общим названием “Звёздочка”. А также к каждому номеру прилагались картинки на отдельных листах, пригодные для бесед и самост. объяснения детьми, на близкие ребенку темы – дети, жизнь животных и т. п. Все эти материалы были важны, интересны для учащихся народных школ, бедных лит-рой. Современники считали “Солнышко” одним из наиболее подходящих для чтения учеников начальных школ... Редакция создала дешёвый (подписная цена на год – 1 рубль)... журнал, доступный для широких масс населения» (РЖДД, 1982, 44–46).

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК – игра неизвестного содержания.

О нач. 1940-х гг.: «Из сарайчика с дровами пахнуло сухой березой. Как хорошо было прятаться в закоулках между поленищами, когда он с мальчишками играл в разведку или в соловья-разбойника!..» (Мусатов, [1948] 1971, 68–69).

«СОЛОВЕЙ» – звуковая игрушка для детей.

О конце XIX века: «Соловей – это глиняный горшочек величиной в небольшое яблоко с очень маленькими отверстиями наверху. С одной стороны у него, как у чайника, делается рыльце, заканчивающееся несколькими отверстиями в форме щелей, производящими

особого рода свист при вдувании в них воздуха. Кроме того, горшочек этот до $\frac{3}{4}$ наливается водою. Когда затем, взявши рыльце между губами, дуют в горшочек, то образующиеся при этом звуки, смешиваемые с бульбульканиями в воде, образуемыми в свою очередь от пузырьков воздуха, производят особого рода мелодию, весьма занимающую маленьких детей. В городах из этих первобытных соловьев наделаны уже особого рода металлические игрушки под названием “канарейки”, издающие более приятные и разнообразные звуки» (Покровский, 1895, 76)

О Москве начала 1910-х гг.: «Мне кажется, я и сейчас вижу вербный базар далёкого детства... Столько продавцов разноцветных воздушных шаров... Но вот совсем около нас – разносчик, весь обвешанный музыкальными игрушками. “Соловей лесной, / Соловей мой / Свищет летом и зимой”, – выкрикивает белоглазый разносчик, и вслед за этим слышатся соловьиными переливами, булькает вода в жестяной игрушке, и кажется, что снова лето...» (Сац, 1973; 36, 37).

См. о вт. пол. 1930-х гг.: «Заманчивее всего – потому что запретно – самодельные игрушки разносчиков... Соловей – ярко-красная деревянная втулочка со свинцовым сердечком. Нажимая, вращая – изводит скрипучими трелями» (Сергеев, 1995–1, 9).

«СОЛОМКА», «СОЛОМКА К ЧАЮ» – О 1992 году в Шадринске: вид печенья. «Печенье “Соломка” я впервые попробовала лет в 7 и люблю до сих пор. Мама покупала их в магазине. Это печенье представляет собой длинные и тонкие, как карандаши, палочки. Они могли быть сладкими, солеными или с маком. Они были упакованы в длинные белые пакетики, на которых было написано “Соломка к чаю” и нарисован самовар. Еще их можно было “курить”: палочку держали, как сигарету, и, поднося ко рту, понемногу от нее откусывали» (111).

«СОНЯ, засоня...» – текст, произносимый детьми «пересчитывают» пуговицы на одежде. См.: «Куколка, балетница, выражая, сплетница».

СОРВАТЬ урок – см.: *Срывать урок*.

СОРЕВНОВАНИЕ за лучшую успеваемость – один из способов соединения целей школы и целей пионерской орг-ции в 1950-е годы.

«В 1950-е годы были предприняты попытки утвердить в пионер. работе соревнования отрядов и звеньев за лучшую успеваемость. Они оказались нежизненными, педагогически неоправданными. Иначе быть не могло. Ведь результаты учения определяются многими факторами и далеко не всегда зависят от личных усилий ребенка. А для соревнования необходимы примерно одинаковые условия соревнующихся» (Розенберг, 1986, 13).

Ср.: *Социалистическое соревнование в школе*.

«СОРОК!» – во вт. пол. 1940-х гг. в Ленинграде – возглас, означавший: «Угости!», «Поделись!»

О второй половине 1940-х гг.: «Послевоенные годы – сороковые... Все эти “сорок” и “рубани” на переменах, то есть дай долю от принесенного из дому завтрака, и на этой основе завязывание и распад дружб и вражд» (Найман, 2001; 46, 47).

«СОРОК один – ем один» – «ритуальная фраза», призванная обеспечить вышедшему во двор ребёнку право съесть вынесенную еду (лакомство) одному, не делясь с другими. Фразу следует рассматривать в комплексе с фразой «Сорок восемь – половину просим».

О 1960-х гг.: «Это были шестидесятые годы... Мы выбегали во двор, торопясь, доедая пирожок, булку с маслом, а иногда и просто кусок хлеба. В то время не считалось зазорным попросить у обладателя пирожка: дай маленько! Обладатель же пирожка, если он, конечно, не жмот, а жмотов мы не уважали, – вынужден был делиться... Но интересно, как происходил процесс попрошайничества. Использовались почему-то числительные. “Сорок восемь – половину просим!” Хочешь, не хочешь, а половину куска должен отдать. Но против попрошайничества существовал свой прием. Надо было, прежде чем кто-либо покусится на твой пирожок, сказать: “Сорок один, ем один”. И тогда у тебя никто ничего не попросит, пусть даже все вокруг помрут с голоду. Кстати, в современных дворах таких правил нет.

Я это знаю, поскольку у меня полно знакомых детей... Моя память отчетливо сохранила процесс выхода во двор моего дружка Борьки Штемлера. Сначала в дверях появлялась пронырливая мальчишеская голова, затем следовал все утверждающий вопль – сорок один – ем один! – и тут же на арену событий выбежал Борька с кремовым пирожным в руке» (Юзеев, 2003).

О девочке 5–8 лет в Шадринске в 1991–1994 гг.: «С раннего детства я помню выражение “Сорок один – ем один, сорок восемь – половинку просим” и всегда думала, что его знаем только мы (я и мой старший брат) с папой. Когда мама приходила с работы, папа первый подбегал к ней и брал у неё из рук пакет с продуктами. А когда доставал оттуда что-нибудь вкусное (например: пирожное или конфеты), то обязательно громко, чтобы мы слышали, говорил: “О-о!! Сорок один – ем один”. Через мгновение в кухню прибежала я и кричала: “Сорок восемь – половинку просим”, на что брат отвечал спокойным тоном, последним входя в кухню: “Сорок пять – дайте откусить!” Этим выражением нас научил папа. Помню, в первый раз он так сказал (мне было лет пять), а я не знала как реагировать (стояла и улыбалась). Тогда он пояснил: “А ты должна ответить: “Сорок восемь – половинку просим””. Брат, насколько я знаю, придумал свою реплику сам (или у кого-то тоже научился, во всяком случае, не у папы). Мама никогда с нами так не говорила. Мне всегда очень нравилась такая словесная игра. Это было (до сих пор есть) что-то наше, семейное, чего я нигде больше не слышала, что сблизало нас с отцом» (020).

В 1993–2002 гг. в селе Половинном Половинского района: «Когда бегает много на улице, во дворе с друзьями, то совсем забываешь про дом. За мной обычно приходила мама: пора кушать, надо помочь по дому или переодеться. Обычно после этого я возвращался во двор. Убегая из дома, всегда брал с собой что-нибудь из еды: конфету, яблоко, хлеб с маслом и многое другое. Мне казалось, что кушать на улице – прикольно, весело. Обязательно кто-то подбежит, скажет: “Дай попробовать” или “Дай откусить”. Обычно “чаек” много слеталось. Иногда я говорил фразу: “Сорок один – ем один”. Часть потенциальных едоков отсеивалась. А кто был хитрее, придумывали продолжение фразы: “Сорок восемь – половинку просим”. Если человек не мог сказать рифму, то тогда он просто говорил, например: “12 – дайте укушать”. Тогда все смеялись, приходилось делиться» (016).

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 2002 году: «В классе десятом кто-то из одноклассников рассказал анекдот. Лиса, медведь, волк, заяц, черепаха оказались в ловушке. День сидят, два сидят голодом. На третий день лиса достаёт из сумочки еду: “Сорок один – ем один”. Волк говорит: “Сорок восемь – половинку просим”. Лиса поделилась. Второй день – всё то же самое. На третий день лиса и волк повторили свои слова, и черепаха говорит: “Двенадцать с половиной – дайте откусить”. Мы использовали фразы из анекдота, когда кто-нибудь ел хоть что-нибудь» (011).

«СОРОК ВОСЕМЬ – ПОЛОВИНКУ ПРОСИМ» – «ритуальная фраза», призванная побудить обладателя еды (лакомства) поделиться ею (ним) с другими членами коммуникативно-игрового сообщества. Фразу следует рассматривать в комплексе с фразой «Сорок один – ем один».

«СОРОКА», «СОРОКА-ВОРОНА», «СОРОКА-БЕЛОБОКА», «СОРОКА-ВОРОНА» – игра-прибаутка для маленьких детей.

О начале 1840-х гг.: «Сорока, как игра детская, увеселяет только детей и матерей... Эта игра вводится тогда, когда колыбельные песни сменяются играми. Мать или няня берет руку дитяти, водит своим указательным пальцем по его ладони. Нетерпеливое дитя, приученное к этой игре, стоит в радостном томлении, а нежная мать говорит: “Сорока, сорока / Кашу варила, / На порог посканивала, / Гостей посматривала: / Не едут ли гости? / Не везут ли гостинцы? / Приехали гости, / Привезли гостинцы”. После того действие игры переносится с ладони на пальцы. Указывая на каждый из них, мать говорит: “Этому кашки, / Этому бражки, / Этому пивца, / Этому винца, / А этому не достало. / Поди, там / Есть

колодец, / Напейся водицы”. Потом, указывая на ладонь, говорит: “Тут пень”, показывая на место кисти: “Тут колода”, подвигаясь к локотному сгибу: “Тут мох”, приближаясь к подмышке: “Тут болото”, щекоча под мышкою: “Тут студеная водица”. Смех дитяти, ласковые поцелуи нянюшки, нежность маменьки оканчивают игру» (Сахаров, [1841] 1997, 150–151).

Описание конца XIX века: «“Сорока-сорока / Кашу варила, / Гостей созывала, / На порог скакала. / Гости на двор, / Она кашу на стол, / Этому дала, / Этому дала, / Этому дала, / Этому дала, / А этому не дала. / Ты маленький, / Коротенький, / Сходи за водичей / Да истопи баньку, / Да вымой, выпари меня, / Тогда дам кашки / На красной ложке, – / Шиш на головку! / А этому не дала. / Ты маленький, / Коротенький, / Сходи за водичей / Да истопи баньку, / Да вымой, выпари меня, / Тогда дам кашки”. При этой прибаутке мать берет одну левую руку ребенка и плочёт на неё, затем она берёт указательный палец правой руки ребёнка и начинает им кружить по ладонке, разводя слюну, чем предстает, как сорока варила кашу. При четверократном говорении слов “этому дала” мать указывает дитяти на его большой, указательный, средний и безымянный пальцы, а при выражении “а этому не дала” мать указывает на мизинец и грозит ему. В заключение прибаутки мать поднимает ручонку ребенка на его голову» (Покровский, 1895, 96).

О перв. четверти XX в.: «Не менее, если не более, [чем “Ладушки”] популярна потешка “Сорока”, в нашем собрании имеется 50 вариантов, записанных почти во всех губерниях СССР, среди них и украинские, и белорусские. Это уже настоящая игра со всеми элементами драматич. произв-ия. “Сорока” разбивается на след. моменты. Изображается варка каши, взрослый, помуслив палец, вертит им на ладони ребенка, изображая помешивание каши; каша сварена, следует раздача детям, которых изображают пальчики ребенка. Касаясь каждого пальца, взрослый говорит: “Этому дала”, а в некоторых вариантах называется посуда, в которой дается каша: “Этому на ложке, этому в чашке, этому в поварёшке” и т. д. Все детки-пальцы получают кашку, исключая меньшого – мизинчика; в одних вариантах следует нравоучение...: “за водичей не ходил, дров не рубил, каши не варил”. Следующий акт игры – обделённый мизинчик идёт искать работу, действие переходит на всю руку, он “толчёт, мелет, по воду ходит” и т. д., рука как бы изображает дорогу, по которой идет мизинчик, щекочут на сгибе кисти, локоть и под мышкой, говорится, что мизинчик находит здесь “пень, колоду, криницу и теплую водицу”. Кончается игра щекотанием ребенка под мышкой, вызывающим смех. Приводим один из наиболее типичных вариантов: “Сорока-ворона / Кашку варила, / На порог скакала, / Гостей созывала. / Гости не бывали, / Кашки не едали. / Все своим деткам / Отдала. / Этому дала (перебираются все пальцы), / Этому не дала (трогают мизинец). / Зачем дров не пилил, / Воду не носил. / Пошел сам искать, / Здесь водица холодненькая, / Здесь тепленькая, / Здесь горяченькая, / Здесь кипяток, кипяток» (Капица, 1928, 59–60).

О 1956–1957 гг.: «Первые детские игры, знакомые каждой матери, – “Ладушки-ладушки”, “Сорока”... – всё это многому учит ребенка» (Низова, 1961, 176).

О Шадринске в 1986–1990 гг.: «Когда мне было 1-4 года, мама мне рассказывала стишок: “Сорока-белобочка кашу варила, деток кормила. Этому дала, этому дала ..., а этому не дала. Он кашу не варил, дрова не рубил, воду не носил”. Во время этих слов взрослый сначала водит по кругу указат. пальцем по ладони ребенка. На словах “этому дала...” поочередно берется каждый пальчик, на словах “этому не дала” берется мизинчик» (111).

О с. Мыржайском в 1988 г.: «“Сорока-ворона кашу варила, / Гостей приглашала. / Этому дала, этому дала, / Этому дала, а этому – нет. Холодок, холодок, / Кипяток, кипятком, / А здесь щекоток, щекоток”. По ладошке водить круговыми движениями; затем – кашу давала – загибать пальчики; после этого обычно на левой руке поднималась до подмышки, а потом нужно защекотить. “Сороку-ворону” мне впервые сделала бабушка, мне тогда было годика четыре. Не знаю для чего, но мне она

очень нравилась. Мы постоянно прибежали со старшей сестрой и сродной [сестрой] и упрасивали бабушку, чтобы она нам сделала “сороку”. Она долго не делала, но мы были настырными и всё-таки добивались того, чего хотели. Больше всего мне нравилось, когда бабушка делала “щекоток, щекоток”. Я сильно зажималась и долго-долго хохотала» (106).

О с. Верх-Теча Катайского р-на в 1988–1989 гг.: «Сорока-белобока кашу варила, деток кормила. Этому дала, этому дала, этому дала, этому дала, а этому не дала. Он дров не носил, печку не топил”. В эту игру со мной играли мама, папа, бабушка, когда мне было 3–4 года. А бабушка перед тем, как начать игру, делала вид, как будто плюет в ладошку, а затем только начинает игру» (097).

О девочке 3–5 лет в г. Когалыме в 1990–1992 гг.: «Мама играла со мной. Она говорила: “Сорока, ворона, кашу варила, деток кормила (при этом она водила своим указательным пальцем по кругу по тыльной части ладони моей руки), этому дала, этому дала... (по очередности загибая мои пальцы), а этому ничего не дала (один палец не сгибалась), холодная вода (проводила рукой по моему запястью), горячая вода (повыше проводила рукой), кипятик, щекоток-щекоток (начинала щекотать). Я каждый раз с вниманием, замирая, слушала её. Второй вариант игры: “Сорока-ворона кашу варила, гостей замывала. Не приедут ли гости, не съедят ли кашку? Приехали гости (три раза сымитировать плевков в ладошку и указ. пальцем водить по кругу). Этому чашка (один палец загнуть), этому ложка (второй палец загнуть), этому поварёшка (третий), этот воду носит (четвёртый), этот баню топит (пятый). (Дальше рукой провести по запястью) Пень, (повыше), колода, (ещё выше к плечу) холодная вода, (выше) горячая вода, (выше) кипятик, щекоток-щекоток (начинать щекотать)» (134).

СОРОЧКА (у девочек) – нижняя рубашка.

О 6-летней девочке в нач. XX в.: «“Нехороший человек этот Филипп Филиппыч, – вздыхает Соня, – Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... И мне стало так неприлично!”» (Чехов, 1977, 7).

О девочке-подростке во вт. пол. 1920-х гг.: «Алёшка прыгнул ласточкой с разбегу, Дина, коренастая, в штанах и короткой рубашке, за ними. “Ленка, а ты что?” Лена поправила батистовую сорочку, брызгаясь как можно сильнее, поплыла – ей стыдно стало вдруг своих голых плеч, уже большой груди... (в детдоме мальчишки и девочки мало стеснялись друг друга)» (Перфильева, 1961, 160–161).

О девочке 3–5 лет в 1930-е гг.: «Мама песню напевала, / Одевала дочку. / Одевала – надевала / Белую сорочку. / Белая сорочка – / Тоненькая строчка... / Мама песенку допела, / Мама девочку одела: / Платье красное в горошках...» (Благинина, [1939] 1968, 11–12).

О восьмикласснице во вт. пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.: «...[Ксана] начала медленно стаскивать через голову свитер... В одной белой сорочке, без свитера она выглядела намного беспомощнее и слабей...» (Титаренко, 1982, 179).

СОРТИР – «то же, что уборная» (Ожегов, Шведова, 1996, 739).

Подростковые проказы, связанные с сортиром.

О мальчике 1942 г. р. в Алма-Ате в 1950-е гг. (интервью с профессором Н.Р. Скалоном): «“А дольше всего мы прожили в Алма-Ате...” “А набеги на чужие огороды?” “Огороды – скучно. Вот бросать дрожжи в чужой сортир – самое то (смётся). И это – учитывай азиатскую жару... Весёлые мы были ребята”» (Гецевич, 2008, 4).

«СОСЕДИ» – игра; возможно, то же самое, что «*Свои соседи*».

О бале в суворовском училище в 1950 г.: «Обрадованные девочки наконец танцуют с суворовцами. После танцев они играют в “Море волнуется”, в “Соседей”, снова танцуют» (Багмут, 1951, 122).

СОСКА – [О XIX – перв. четверти XX в.]: «Разжёванная пицца, завернутая в редкую тряпочку маленьким узелком; деревянная палочка с привязанным к ней соском коровьего вымени; в качестве соски использовался также коровий сосок или резиновая пустышка» (Холодная В. Соска // РД, 2006, 349); [О XX

веке:] «1. Полый резиновый наконечник, через который ребёнок сосёт из бутылки. 2. Укреплённый на круглой пластинке резиновый колпачок без отверстия, который дают сосать ребёнку, чтобы он успокоился» (Лопатин, 1997, 658).

О начале 1870-х гг.: «Я же, повторяю, с ранних лет чувствовал себя чужим, ненужным в магазине и умел продавать только лишь соски для младенцев да фольгу для икон» (Нестеров, 1997, 36).

СОСУЛЬКА – «Обледеневшая при стоке жидкость в виде заострённой книзу палочки» (Лопатин, 1997, 659).

О мальчике 6–7 лет в 1915 гг.: «Наелся я светлых сосулек с крыш, – заболело горло, по телу пошел жар, дыхание тяжелое. ...Позвали Митревну... “Испростыль весь, – объясняет бабушка. – Все сосульки с крыш пособирал”. “Эка ты, что такое! То-то я хватилась, а у крыльца нет сосульки. Не ты взял?” Шутит Митревна. У нас своих вон сколько осталось» (Титов, 1965, 38).

О 1939–1940 гг.: «В марте праздничной мишурой засверкали на солнце сосульки. Мы обламывали их с крыш сараев и лизали, как мороженое» (Кравченко, 2007).

О 1960-х гг.: «...Федька Толкачев... ещё во втором классе поймал её в её же собственном дворе и сунул за воротник сосульку, а потом излупил просто так, ни за что ни про что. Сколько ночей проплакала тогда маленькая Юлька...» (Ширяева, 1982).

О 2006 г.: «...Я никогда уже, наверное, не смогу сорвать с карниза сосульку и с чистым, незамутненным удовольствием её сгрызть» (Метелица, 2006–7, 12).

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ соревнование в школе.

25 янв. 1944 г. был издан Приказ нар. комиссара просвещения РСФСР, в кот. говорилось: «Социалист. соревнование, механически перенесённое из обл. произва в учеб. работу школы, вредно отражается на качестве обучения и дисциплине в школе. Заключение договоров между учителями, учащимися и школами с обязательством давать стопроцентную успеваемость и определенное число отличных и хороших отметок приводит к искусственному завышению оценок успеваемости, ослабляет требовательность учителей к учащимся, снижает роль учителя в учебно-восп. работе школы. Учитель перестаёт объективно подходить к оценке знаний учащихся, так как органы нар. образования оценивают качество его работы в зависимости от процента успеваемости учащихся данного класса. Нек. учащиеся используют самообязательства учителей о стопроцентной успеваемости для прикрытия своей нерадивости и лени. Приказываю: ...заведующим обл. (краевыми), гор., район. отделами нар. образования, директорам (заведующим) школ: ... прекратить практику социалист. соревнования в школе среди учащихся и учителей по вопросам учеб. работы» (НО, 1974, 179).

Ср.: *Соревнование за лучшую успеваемость*.

СОЮЗ воинствующих безбожников, СВБ – «массовая добровольная орг-ция трудящихся СССР в 1925–1947 гг. Вёл научно-атеистическую пропаганду» (СЭС, 1985, 1245).

О 1920-х гг.: «И хотя мы все члены “Общества безбожников”, в такие дни нам просто невозможно сидеть на уроках» (Соколовская, 1979, 9).

О 1933 г.: «В 7-ом классе я была членом СВБ (Союз Воинствующих Безбожников). Мы с цифрами в руках доказывали, что Ноев ковчег – это чепуха. Евангелия, конечно, не читали и не видели, а когда на пасху бабы несли в белых узелках куличи и пасхи (святить в церковь), бежали за ними и кричали: “Святого духа несут!”» (Кротова, [1996]).

«СОЮЗМУЛЬТФИЛЬМ» – крупнейшая в России студия мультипликационных фильмов. Основана в Москве в 1936 году.

СОЧИНЕНИЕ – вид школьного задания.

О 1947 г.: «К столу, как и всегда первой подошла Вера Сверчкова и уверенно положила розовую тетрадь. Трудно было поверить, что в этой опрятной тетради написано уже три классных сочинения. Она казалась совсем новенькой... Вера будто невзначай оглядела класс. Десять девушек видели, что она первая положила сочинение» (Кузнецова, 1983–2, 331).

О 1950-х гг.: «Сочиненье, сочиненье... / В третьем классе треволенье, / Потому что в первый раз / Сочиненье пишет класс» (Татьяничева, 1959, 10).

О 1980-х гг.: «И [учительница] стала говорить нам про наши сочинения. И зачитывать по порядку. И всех хвалить... “Вова Богданов. Сочинение интересное. Вы только послушайте...”» (Гиневский, 1985, 94).

О середине 1980-х гг.: «Восьмые классы, совсем взрослые, и то вон сколько ошибок насажали. И диктант всего лишь, диктант в сто раз легче писать, чем сочинение. А тут надо же – сочинение. Не умеет Жанна сочинять» (Матвеева, 1987, 198).

Сочинение по картине.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Сочинения по картине заняли по праву большое место в учебно-восп. работе учителя-словесника советской школы» (Юркевич, 1951, 68).

О 4–7 классах в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Сочинения по картине бывают... и описательными, и повествовательными, и рассуждениями. Поясим это примерами сочинений по картине К.Е. Маковского “Дети, бегущие от грозы”» (Никольский, 1971, 173).

«СПАРТАКИ» – см. *Юные Спартаки*.

СПАРТАКИАДА – «традиционные комплексные массовые спортивные соревнования, названные в честь Спартака. Первые спартакиады проведены в начале 20-х гг. XX в. рабочими организациями в СССР, Германии Чехословакии. В 1928 году состоялась всесоюзная спартакиада в Москве» (СЭС, 1985, 1250).

Спартакиады школьные всесоюзные – спортивные соревнования учащихся, проводимые по нескольким видам спорта. По времени проведения различают зимние и летние спартакиады.

Спартакиады начинались с внутришк. соревнований; в финалах участвовали сборные команды министерств просвещения (нар. образования) союзных республик, Московского и Ленинградского отделов нар. образования. В составе команд были, как правило, школьники 8–10-х классов.

Спартакиады школьников проводились с 1954 года. (до 1961 ежегодно, затем – раз в 2 года).

Первая всесоюзная спартакиада школьников состоялась в Ленинграде в 1954 году, в ней участвовало 7 миллионов ребят.

Десятая спартакиада школьников состоялась в 1967 г. в Ленинграде как часть 4-й юбилейной спартакиады народов СССР.

13-я всесоюз. спартакиада состоялась в 1974 г. (в массовых соревнованиях приняло участие около 20 млн учащихся, в финале – около 4 тыс., в том числе около 1 тыс. мастеров спорта и кандидатов в мастера).

В 1978 году в пятнадцатой Всесоюзной спартакиаде школьников приняло участие 37 миллионов ребят. Она проходила под девизом «Олимпийцы – среди нас».

Шестнадцатая Всесоюзная спартакиада школьников прошла в июле 1981 г. Число участников финала – 6,5 тыс.ч.

Ист.: ПЭ, 1968–4, 84–84; Кулешов, 1983; 12, 15, 16; БСЭ-3, 1976, 24–1, 287.

СПЕКТАКЛЬ домашний – см.: *Домашний спектакль*.

СПЕКТАКЛЬ гимназический.

О 1910-х гг.: «“Вы пробовали когда-нибудь играть?” – спросила Верочка серьезно... Я рассказала, что несколько раз играла в гимназических спектаклях» (Игумнова, 1957, 125).

СПЕКТАКЛЬ школьный.

О Петрограде в начале 1920-х гг.: «Довольно много времени уделялось самодеятельности. В школе существовал духовой оркестр и хор. Ставилось много спектаклей, причем учителя старались, чтобы эти спектакли были увязаны со школьной программой и как бы иллюстрировали то, что мы проходили в классах» (Штерн, 2000).

СПЕЦИАЛЬНЫЕ профессионально-технические училища – закрытые учебно-воспитательные учреждения для содержания и исправления несовершеннолетних старшего возраста (14–18 лет), злобно и систематически нарушающих правила

общественного поведения или совершивших общественно опасные деяния (преступления), однако освобожденных от уголовной ответственности. Были созданы (раздельно для юношей и девушек) одновременно со *специальными школами* в 1964 году взамен воспитательных колоний. Специальные профтехучилища находятся в ведении органов профтехобразования и по своему хар-ру являются учреждениями промежуточного типа между обычными профтехучилищами и исправительно-трудовыми учреждениями для несовершеннолетних преступников (см. *Трудовые колонии*). (ПЭ, 1968–4, 96–97).

СПЕЦИАЛЬНЫЕ школы – 1. Общеобразовательные школы для детей с дефектами умственного или физического развития.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Спец. школы открываются для детей с физ. или психическими недостатками (для слепых, слабовидящих, слабослышащих, умственно отсталых, с недостатками речи и т. п.). Эти школы входят в общую систему нар. образования и находятся в ведении министерств просвещения. Спецшколы работают по следам учеб. планам и программам, имеют свои учебники. Обучение в них ведут учителя со спец. дефектологич. образованием. Помимо общеобразоват. подготовки (объем которой зависит от возможностей той или другой категории учащихся), спецшколы дают и проф. трудовую подготовку. Как и во всех школах страны, обучение в спецшколах бесплатное. Осн. задача спецшкол – коррекция и компенсация психич. или физ. недостатков. Больш-во спецшкол представляют собой школы-интернаты, в которых дети находятся на гос. обеспечении» (Денисова, 1978, 188).

СПЕЦИАЛЬНЫЕ школы – 2. Общеобразовательные школы с углубленным изучением отдельных предметов.

О середине 1960-х гг.: «Как только расширилась сеть спецшкол (языковых, математических), так многие родители увидели в этом “дух времени” или “крик моды” и стали любой ценой пробивать путь своему ребёнку к заветной цели. И хотя в эти школы принимаются дети из микрорайона (исключение составляют дети с ослабл. здоровьем, так как программа здесь намного сложнее), родители готовы ежедневно возить малыша из конца в конец большого города. Они обивают пороги директоров школ, заведующих роно и гороно, жалуются в мин-во, запасаются рекомендательными письмами, используют знакомства, – словом, не брезгают никакими средствами. Но самое страшное во всем этом, что очень многие родители, “проталкивая вопрос о спецшколе”, водят за собой по всем инстанциям своего ребенка и с пеной у рта доказывают: “Мой Вовунчик уже в три года поражал всех своими огромными способностями. Неужели вы не учтёте, что это талантливый ребенок? Зачем ему прозябать в какой-то серенькой школе? Он украсит вашу спецшколу. Ведь мы его и музыке и фигурному катанию учим... Да! Он уже меня в шахматы обыгрывает”» (Низова, 1967, 58–59).

О 1967 г.: «Раскрыв классный журнал, [учительница нем. языка] надела очки в тёмной оправе и спросила, какой иностранный язык изучала новенькая... Узнав, что девочка училась в спец. школе, Савицкая встрепенулась и произнесла что-то по-немецки... Галя ответила на том же... языке. Стёкла очков пожилой учительницы заблестели восторженно. Она вновь спросила о чём-то... Худенькая... девчонка поднялась и стала легко и свободно читать наизусть стихи по-немецки» (Глуценко, 1976, 23).

О 1960-х – 1970-х гг.: «[Лёня Толкалин] смотрел, как поднимается на первое место пьедестала тот самый Миша из соседнего двора, как на второе место встаёт счастливый гусь, а на третье место – кто-то из “французской” спецшколы» (Медведев, 1982, 246).

СПЕЦИАЛЬНЫЕ школы – 3. Закрытые учебно-восп. учреждения для содержания и исправления несовершеннолетних в возрасте от 11 до 14 лет включительно, совершивших правонарушения или общественно опасные деяния и проступки, освобождённых в установленном порядке от уголовной ответственности.

Спец. школы созданы раздельно для мальчиков и

девочек одновременно со *специальными профессионально-техническими училищами* в 1964 г. взамен дет. восп. колоний министерств охраны общественного порядка. Спец. школы в 1960-е гг. находились в ведении министерств просвещения (нар. образования) союзных республик. По своему характеру спец. школы являлись учреждениями промежуточного типа между обычными школами интернатного типа и исправительно-трудовыми учреждениями для несовершеннолетних преступников (см. *Трудовые колонии*). (ПЭ, 1968–4, 97–98).

О 1980-х гг.: «Спец. общеобразовательные школы – учеб.-восп. учреждения для несовершеннолетних в возрасте от 11 до 14 лет (в отдельных или исключит. случаях – до достижения 15 или 16 лет), совершивших правонарушения или общественно опасные проступки, освобожденных в установленном порядке от уголовной ответственности, но нуждающихся в особ. условиях воспитания и строгом пед. режиме. Находясь в ведении органов нар. образования, имеют своей целью продолжение общеобразоват. и политех. подготовки нарушивших закон несовершеннолетних, их перевоспитание и исправление... Направление в спец. общеобразоват. школы – наиболее серьезная из принудит. мер восп. хар-ра, применяемых в отн. несовершеннолетних, и осуществляется только по решению комиссий по делам несовершеннолетних или по определению суда... Выпуск учащихся из спец. общеобразоват. школ и их направление к родителям... осуществляются по мере их исправления. Они продолжают обучение в обычных учеб. заведениях. Учащиеся, достигшие 15 лет, но не исправившие своего поведения, по постановлению комиссии по делам несовершеннолетних могут быть направлены в спец. проф.-тех. училища» (СВ, 1990, 248–249).

СПЕЦШКОЛА, спецшколы – см.: *Специальные школы* (1, 2).

«СПИД-ИНФО» – газета.

Об итогах опроса 500 детей в г. Ижевске в 1996 году: «Но не рановато ли нашим детям иметь в списке “любимых” журналов “Космополитен”, “Андрей”, “Плейбой”? А тот факт, что самой популярной газетой у подростков (да и у многих школьников среднего возраста) является “Спид-инфо”, не только удивляет, но и пугает. Почему сейчас “Спид-инфо” читает 12 процентов всех опрошенных детей и почти все участвовавшие в опросе подростки?» (Соловьева, 1997, 55).

СПИРТНЫЕ НАПИТКИ – см.: *Алкоголь*.

О г. Шумихе в 1995 г.: «В 9-м классе я начала дружить с мальчиком Димой. Познакомились мы на Новом году у подружки. Народу было человек тридцать, откуда все взялись – непонятно. Это был мой первый Новый год, который я встречала не с родителями. В этот же первый Новый год я перепробовала все спиртные напитки, которые там были» (554).

СПИСЫВАНИЕ – действие по глаголу *списывать*.

О женской гимназии в середине 1910-х гг.: «У кого изволили задачку списать, госпожа Лотоцкая, а? Не великолепно-с делаете! Да! Это не допускается, госпожа Логоцкая!» Сова [классная дама] настороженно вытянула шею. “Я ни у кого не списывала, Иван Павлович, – встала Ирина. – Я сама решила!» (Филиппова, 1938, 83).

О середине 1960-х гг.: «Пионеры VI А класса красноярской школы № 86... рассказывают: “Была у нас раньше такая “тетрадка для круга”. Поймают двоечники до уроков первого пришедшего отличника: “– Дай списать!” Тут же усаживались в кружок и “хором” все “сдирали”... И мы дали бой. “Ты тоже виновата!” – накинулись мы на Анну Окладникову. Она у нас отличница и всегда давала свою тетрадь: списывайте на здоровье! ... Мы наложили “вето” на списывание... Отличникам наказали строго-настроено – списывать не давать...” – “Пионерская правда” от 16 марта 1965 года (“6-й “А” открывает свои “секреты”»)» (Монахов, 1966, 64).

См.: *Списывать*.

СПИСЫВАТЬ – копировать (переписывать) выполненное другим учебное задание (домашнее задание, контрольную, сочинение и др.).

О конце 1940-х гг.: «... Я совсем перестал дома делать задачи и всё норовил списывать их у ребят... Мне всегда удавалось списать задачу у кого-нибудь из ребят, но наш председатель совета отряда, Толя Дёжкин, упрекал меня. “Ты ведь никогда не научишься делать задачи, если всё время будешь списывать у других!” – говорил он... Конечно, списать домашнее задание было легко, а вот когда вызовут в классе, то тут только одна надежда на подсказку» (Носов, [1951] 1979–1, 446).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Учащиеся первых двух классов обычно... редко приходят в школу с невыполненным домашним заданием... Но в третьем и четвертом классах, когда (особенно у мальчишек) начинаются увлечения какими-то своими делами (коллекционированием, моделированием или хоккеем), им просто не хватает времени на уроки, они запускают материал и не могут справиться с задачами. Вот тут-то и зарождается система списывания и подсказок, утонченная система лжи, которая незаметно разлагает детский коллектив. “Мы соревнуемся с другой звездочкой. Если не дать Васе списать, чем пропадут все наши старания”. И дают списывать» (Низова, 1967, 42).

О 1960-х – 1970-х гг.: «“Ты мне не скажешь, что всё это значит?” – спросил я у подошедшей учительницы, Веры Николаевны. Мы с ней когда-то занимались в одном классе. Помню, я ещё в неё стрелял из резинки. За то, что не давала задачи списывать...”» (Рутковский, 1977, 96).

СПИЧЕЧНЫЕ ЭТИКЕТКИ СОБИРАТЬ, КОЛЛЕКЦИОНИРОВАТЬ – вид коллекционирования, имевший известное распространение в детско-подростковой в 1930-е – 1970-е годы.

О 10-летних детях в 1932 году «В приемной Глазной больницы мы вытащили из урны пустую спичечную коробку с яркой этикеткой. Такой этикетки в моей коллекции не было, а у Нурахмета была, и он отдал мне эту коробку» (Либединская, 1966, 55).

О мальчике 9–10 лет в пос. Свердловской обл. в конце 1950-х гг.: «Недешево мне обошлось голубеводство, а уж коллекционирование спичечных этикеток и подавно, потому что на территории нашего поселка можно было найти лишь две-три разновидности предметов коллекционирования, но если подходить к делу всерьез, то обойтись без поездок в кольцовский аэропорт абсолютно невозможно. А увлечение филуменией у нас в школе было чем-то вроде эпидемической вспышки. Одни переболели быстро, другие сделали хрониками. В меремы, невзирая ни на какие административные меры, во всех школьных закоулках шумело настоящее торжище. Разумеется, не обходилось без жульничества и банальных экспроприаций... В Кольцово мы гоняли на великах, но, бывало, хаживали и пешком. И там пропадали по целому дню, встречая самолеты... Да, каждый из нас имел собственную формулировку, но я, как мне кажется, обращался к перспективному человеку наиболее вежливо, вразумительно, грамотно и достойно: “Дяденька, покажите спичечный коробок!” Разумеется, “волшебное слово” мне было уже известно. А всё равно, некоторая излишняя робость не позволяла мне выйти в лидеры школьной филумении... Впрочем, однажды небывалая удача случилась всё же. Это когда в аэропорту один дядя... вдруг пристал ко мне со всякими вопросами. Нынешний тинэйджер, вне всякого сомнения, послал бы дядю по известному адресу, и вся недолга... Но я, советский пионер, пусть и не самый образцовый, к хамству способности не имел... И я всё про себя... выложил в обмен на обещание прислать мне по почте страшную уйму прекрасных, чистых и совершенно не надорванных этикеток... И чудо произошло, когда я уже перестал ждать. На мой адрес пришел объемистый пакет, на котором так буквально и написано было: “Товарищу отличнику учебы Чуманову Александру Николаевичу”. А в пакете находилось несметное количество вождельных картинок, враз удваивающее мое кровью и потом нажитое собрание. Тогда я ещё не знал, что спичечные этикетки, а также и почтовые марки запросто продаются целыми пачками в спец. свердловском

магазине. Честно сказать, когда узнал, явно огорчился. Хотя и не надолго. И отнюдь не прекратил рискованные вояжи в аэропорт. Конечно, бандероль от чужого хорошего человека произвела впечатление даже на маму. Пожалуй, она даже слегка смягчилась. А потом маме снова надоело целыми днями за меня переживать. И она в очередной раз наложила свое суровое “вето” на сомнительные велопробеги. Однако – “охота пуше неволи”. И я продолжал гонять в Кольцово. ...А кроме того, мама не раз грозилась уничтожить коллекцию, что повергало меня в ужас, как смертный приговор. Однако до его исполнения дело каким-то чудом так и не дошло. А ведь кроме не признающей никаких преград страсти коллекционера были и другие, мелкие, часто одноразовые страстишки. Весенняя добыча яиц из гнезд диких птиц...» (Чуманов, 2002).

О нач. 1960-х гг.: «А Кирик, сидя напротив отца, прилежно наклеивал в чистенькую тетрадку спичечные этикетки. “Папа! Посмотри: правда, красивая?” “Очень”. “Папа! Это не та красивая! Ты не на ту смотришь!” “Неважно. И эта недурна, хотя грязновата. Слушай, ты где её раздобыл?” “В урне, на станции...” Кирик запнулся и покраснел. Что он наделал! Сам себя выдал! Сейчас начнутся вопросы: зачем рылся в грязной урне? Зачем ходил на станцию, куда детям ходить запрещено?...» (Надеждина, [1963] 1968, 86).

О 1960-х гг.: «Во втором “Б” все ребята стали что-нибудь собирать. Такая у них мода пошла. Вова Бузанов стал этикетки от спичечных коробок собирать, Костик – всякие значки, Таня – открытки с картинками, а Алик – почтовые марки» (Ермолаев, 1969, 74).

О нач. 1980-х гг.: «Теперь [Саша] уже не боялся смотреть на [Олю] и говорил не переставая: рассказывал про свою коллекцию спичечных этикеток и про то, как станет поэтом, когда вырастет...» (Шорин, 1985, 32).

«СПИЧКА» – подростковая игра поцелуйного характера.

О селе Глядянском в 1997–1998 гг.: «В 13–14 лет после школы обычно с друзьями мы собирались в подвалах, там были у нас сарайки. Там обычно мы играли в различные игры, о которых не знали наши родители. Это “Спичка”, “Бутылочка”, “Карта”. “Спичка”: все садились по кругу: мальчик, девочка. В зубы бралась целая спичка. Её нужно было передавать по кругу зубами. Когда круг заканчивался, то спичка ломалась на определенный кусочек, затем её снова передавали по кругу, так до конца, пока не оставалось маленькой. Кто не смог передать, того целуют в губы. Изюминка этой игры была в том, что мальчишки ломали её больше обычного, чем надо было. Всего в этой игре нужно было пройти пять кругов. А ещё мальчишки либо не выпускали спичку из зубов, либо, когда надо было передавать другому игроку, засасывали её, и получалось, что приходилось целоваться. В этой игре нельзя использовать руки, только зубы или губы» (106).

СПИЧКИ на потолке, пускание горящих спичек-самолетиков в потолок – мальчишеская забава 1960-х–2000-х гг.

О начале 1960-х гг.: «Вера Константиновна... разогревает Мишке обед. Подкладывает ему в тарелку, а сама: “Вот иду я вчера с полуклиники, а ребята в парадной сгрудились и спичками в потолок стреляют. Это как? Ведь его недавно белили, потолок”. У них в парадном и вправду от гари черно, будто в пещере, хотя совсем недавно работали маляры – весь дом выкрасили и снаружи и в лестничных пролетах. Это мальчишки самолётики пускают из горящих спичек» (Лихоталь, 1964, 53).

О 1970-х и начале 2000-х гг.: «...Нек. вещи остаются неизменными на протяжении многих поколений. Мы входим в подъезд и видим свежие чёрные пятна на побелке потолка. С некоторых червяками свисают обгорелые спички. Зрелище ужасное. Муж вне себя. Застань он сейчас на месте преступления тех, кто это сделал, – им бы несдобровать... Меня точно так же огорчают и возмущают чёрные пятна на потолке. Я бы тоже этих поганцев, если бы поймала... Что бы я с ними сделала? Какую меру пресечения применила? Не знаю.

538

Всё дело в том, что это...подъезд..., в котором я росла. Грелась зимой у батарей, пускала летом из окон мыльные пузыри и бумажных голубей. Жгла первые в жизни спички. И, между прочим, прижигала их к побелке потолка – это было очень увлекательно. Мне тогда так не казалось, что это так уж портит вид подъезда. У детей совсем другие эстетич. критерии» (Коршунова, 2004, 9).

СПЛЕТНИЧАТЬ – «Заниматься сплетнями» (Ожегов, 1970, 746).

О пятиклассниках в 1970-е гг.: «Сплетни. Кто за кем бегаёт. У кого какие глаза. Разве может быть это интересно умному человеку? А вот интересно. И очень важно. И до смерти хочется, чтобы девочки приняли и ее поболтать, пообсуждать вот такие дела, может, и пустяковые, но такие заманчивые. Конечно, сплетничать – глупое занятие. Но, наверное, и глупые занятия нужны каждому человеку. Девочки не позовут Таню. Они ее даже не замечают, как будто там, у окна, не стоит девочка Таня со своими мыслями, переживаниями, мечтами. А как будто бы там пустое место. “А на самом деле сказать, кто за Максимом бегаёт?” Оксана наклоняется к самому Олиному лицу и говорит громким шёпотом: “Людка! Вот кто”... “Ну, Людка, ну, настырная. Слушай, а может, ты врешь?” “Она ему вчера варежки под краном стирала, он в какую-то известку влез. А сегодня ластик ему отдала. Насовсем. Польский. “Возьми, у меня ластиков много”. Теперь понятно?”» (Матвеева, [1982] 1986; 91).

СПЛЕТНЯ – «Слух о ком-нибудь, чём-нибудь, основанный на неточных, заведомо неверных или нарочито измышленных данных» (Ожегов, 1970, 746).

См.: *Сплетничать*.

«**СПОКОЙНОЙ ночи, малыши!**» – вечерняя телепередача для дошкольников и младших школьников. Возникла в сентябре 1964 года. Изначально в ней не было ни мультфильмов, ни кукол. На экране показывали рисунки известных мультипликаторов, а диктор читал текст за кадром. Потом в передаче появились кукольные спектакли-миниатюры с участием различных персонажей: зайца Тёпы, Шустрика и Мямлика (все куклы изготовлялись в театре Сергея Образцова). Помимо кукол, в передаче принимали участие дети 4–6 лет, в гости к которым приходили известные театральные актёры: давали советы, рассказывали сказки.

Отрывок из статьи Н. Носова 1967 года позволяет получить представление о том, какие аспекты передачи могли вызывать возражение: «...Кто это придумал устроить для детей телевизионную передачу “Спокойной ночи, малыши”?.. Какая уж там спокойная ночь, если на сон грядущий телевизор смотреть! Один мой знакомый малыш приходит в страшное возбуждение, как только услышит уже ставшую привычной музыку, предвещающую эту передачу. “Детская передача! – вопит он не своим голосом. – Папа, мама, детская передача! Бабушка, детская передача!...” Если кто-нибудь медлит и не бросается со всех ног к телевизору, он хватается за руку и тащит. Когда же начинается передача, он сидит, широко раскрыв глаза и... стараясь не пропустить ни одного словечка, ни одного движения. Когда же заветная передача кончается, он, не обращая внимания на дикторшу, на её пожелание зрителям спокойной ночи, на её совет ложиться в постельку, затевает игру, в которой старается повторить все виденное на экране... А какой уж тут сон, когда перед глазами так и маячат поразившие его воображение картины. Я не хочу сказать ничего плохого о содержании этих телепередач. Они вполне безобидны на первый взгляд, да ведь смотрят их пятилетние дети, и даже четырехлетние, и трехлетние, даже двухлетние... Нет, никаким ребятишкам я бы не советовал на ночь эти передачи смотреть... Есть предложение. Ничего не меняя в этих передачах, называть их не “Спокойной ночи, малыши”, а “Добрый вечер, малыши” и показывать их хотя бы часа за два, за три до того, как ребятишкам идти в постель» (Носов, [1967] 1982–4, 424–425).

В конце 1960-х гг. в передаче стали появляться куклы: Филя (1967), Степашка (1970), Хрюша (1971) и Каркуша (1982). Иногда принимал участие в программе кот Цап-

Царапыч. Озвучивали кукол актеры московских театров. Помогать куклам вести передачу помогали ведущие-дикторы: тетя Валя (Валентина Леонтьева), дядя Володя (Владимир Ухтин), две тети Тани (Татьяна Судец и Татьяна Веденеева), тетя Лина (Ангелина Вовк). После небольшой интермедии с участием кукол и ведущих программы следовала демонстрация мультфильма. Завершались «Спокойной ночи, малыши!» заставкой с пластилиновыми героями и колыбельной «Спят усталые игрушки» (музыка Аркадия Островского, слова Зои Петровой) в исполнении О. Анофриева и В. Толкуновой.

В конце 1980-х заставку меняли. Телевизор с сидящими вокруг игрушками сменили на рисованный сад, птиц и даму в огромной шляпе. В новой заставке звучала и другая колыбельная – «Спи, моя радость, усни...» (музыка Моцарта и Б. Флиса, русский текст С. Свириденко) в исполнении Елены Камбуровой. Новая колыбельная не прижилась, и сейчас вновь звучит песня «Спят усталые игрушки».

О вт. пол. 1980-хх гг.: «Всё мое детство для меня не было важнее и любимей передачи “Спокойной ночи, малыши”. У меня был своеобразный режим: после того как посмотрела эту передачу, нужно идти ложиться спать. У мамы не было проблемы, как уложить меня: я сама, посмотрев “Спокойной ночи”, шла умываться и ложилась в кровать» (074).

О конце 1980-х – перв. пол. 1990-х гг.: «С самого раннего возраста моей любимой передачей для детей были “Спокойной ночи, малыши”. Очень любила ведущих: Каркушу, Филю, Степашку, а особенно Хрюшу. Мне не нравилось, когда к ним присоединялись другие плохо знакомые персонажи и ведущие (какой-то лесовичок, похожий на гриб) или менялись голоса, внешний облик. Невольно приходилось задумываться, что ведущие игрушечные, а их голоса вовсе не их голоса, а голоса актёров. Всегда было обидно, когда на самом интересном месте прерывался мультфильм, ради которого я и ждала передачу. Из ведущих-людей мне больше всего нравился “дяденька” со смешным голосом и удлинёнными лохматыми волосами, который играл бабу-ягу в каком-то детском фильме. Не помню его имени. А ещё в более позднее время (1990–1995 гг., 5–10 лет) появился молодой ведущий Дима – то ли Хананов, то ли Хавтанов. Мне он тоже нравился, так как всегда показывал разные интересные способы изготовления поделок своими руками. Остальные ведущие занимались нравуочит. беседами, смысл которых мне был очевиден, поэтому не интересен» (109).

О 1989–1993 гг. в Шадринске: «Когда мне было 4–8 лет, я очень любила смотреть передачу “Спокойной ночи, малыши”. Её показывали в 20.45, и длилась она всего лишь 15 минут. И мне всегда хотелось, чтобы она была длиннее. Мне нравились её героини-куклы в виде животных. Больше всего я любила Хрюшу, хотя он был среди героев самым “неправильным”: его всегда приходилось учить. Но он был забавным и озорным. В конце передачи всегда показывали разные мультфильмы. А еще мне очень нравилась песенка – заставка к передаче, в ней были такие слова: “Рыбки уснули в пруду, птички уснули в саду”, но затем ее заменили на другую: “В сказке можно покататься на луне...”. Вскоре я привыкла и к ней» (111).

О девочке 6–7 лет в 1992–1993 гг.: «Любимой телепередачей была “Спокойной ночи, малыши”. В ней мне нравились забавные её героини-куклы. Особенно Хрюша и Степашка. Хрюша нравился, потому что он был таким глупеньким и упрямым, какими являются многие дети, но в то же время имел много положительного. А Степашка – потому что был противоположностью Хрюши. В этой передаче мне нравился ее поучительный, всегда открывающий что-то новое и неизвестное характер и мультяш, который показывали после неё» (197).

О перв. пол. 1990-х гг.: «Любимая телепередача – “Спокойной ночи, малыши!” Старая, добрая передача. Для меня всегда было загадкой, как это так они заставляли кукол говорить. Степашка нравился как более разумно мыслящий, а Каркуша – как модница» (036).

О перв. полов. 1990-х гг.: «...В детстве я любила передачу “Спокойной ночи малыши”. В ней все герои очень симпатичные, милые, они всегда рассказывали смешные истории, а в конце передачи показывали интересный мультфильм. Одним из моих любимых героев был Степашка... В детстве мне всегда было интересно, как эти милые зверьки могли двигаться, разговаривать с ведущей, но только через несколько лет я поняла, что это всего лишь куклы... Мне то время было всего лишь 5 лет» (037).

О д. Погадайское Шадринского р-на в 1994–1995 гг.: «Моей любимой телепередачей в 6–7 лет была “Спокойной ночи, малыши”. Эта программа шла с понедельника по пятницу, начиналась в 8.45–9.00 [вечера]. Поэтому я с нетерпением ждала каждый вечер эту программу. Эта программа... помогала развивать интуицию, учила добру» (043).

О Шадринске в перв. пол. 1990-х гг.: «Когда я была маленькая – до 1996 года, пока не пошла в школу, – я очень любила смотреть телепередачу “Спокойной ночи, малыши”. Она шла каждый день, и я не могла лечь спать, не посмотрев её... И когда были выходные, я хотела, чтобы они побыстрее прошли, так как в эти дни не показывали эту передачу, для меня это была трагедия» (050).

О 1991–1996 гг. в с. Глядянское: «Когда мне было 7–13 лет, я любила смотреть программу “Спокойной ночи, малыши”. Без неё не хотела ложиться спать. Это программа – как сигнал ко сну. Но больше всего мне нравилось то, что в конце программы показывали мультфильмы, а ещё каждый раз “Спокойной ночи, малыши” заканчивались песней, которую мне мама пела всегда перед сном. Я и сейчас помню некоторые строчки из нее: “Спят усталые подушки, ждут ребят...”» (106).

О девочке 9 лет в 1996 г.: «Передачу “Спокойной ночи, малыши” я смотрела каждый вечер, и после этого у меня сразу поднималось настроение, так как в конце каждой передачи показывают мультфильм. Мои любимые персонажи – Каркуша, Степашка, Филя. Персонажи всегда загадочны и создают вокруг себя таинственную атмосферу» (190).

О Шадринске 1990-х гг.: «Любимая телепередача – “Спокойной ночи, малыши”. Её гл. действующие лица: Хрюша, Степашка, Каркуша, Филя и ведущий. В ней учили детей хорошему поведению, математике и рус. языку. А ещё показывали интересные мультики» (041).

О Шадринске 1990-х гг.: «Каждый раз перед тем, как я ложилась спать, я смотрела “Спокойной ночи, малыши”. Чтобы уснуть спокойно, она мне была необходима, как воздух» (076).

О с. Песчано-Коледино Далматовского р-на в 1990-е гг.: «...Самой любимой передачей была “Спокойной ночи”. Очень интересные участники этой передачи, а особенно ждали мы новые мультфильмы» (089).

«Наташа Державина, бессменный редактор передачи “Спокойной ночи, малыши!” рассказывала, что однажды Хрюши неделю не было на экране, ну совершенно случайно так вышло, по недосмотру. Море звонков! Тысячи писем! Неужели Хрюша заболел? Сообщите нам о его здоровье!» (Яковлев 2002).

В выпусках передачи 2000-х гг. ведущих-дикторов сменили актриса Анна Михалкова и бывшая «Мисс Вселенная» Оксана Федорова. См. также: *Степашка*.

«СПОРТИВКИ» – штаны для занятия *физкультурой*.

О 1970-х – 1980-х гг.: «Регулярно разоблачалась в раздевалках перед “физ-рой”..., мы... осознавали убогость собственного вида... И... старались переодеться в тёмном закулке... раздевалки... Самые проворные умели ловко влезть в спортивки и только потом снять форменное платье...» (Денисова, 2002).

СПОРТИВНАЯ школа – см. *Детско-юношеская спортивная школа*.

СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ лагерь – см. *Спортивный лагерь*.

СПОРТИВНЫЙ городок – участок земли со спортивными снарядами.

О начале 1960-х гг.: «Школьный двор ограничен с трех сторон домами, с четвертой – глухой кирпичной

стеной... Вдоль глухой стены разместился спортивный городок – название немножко громкое. Ведь в городке только площадка для игры в “городки”, качели для младшеклассников и пионер. линейка» (Офин, 1964, 40).

СПОРТИВНЫЙ лагерь, спортлагерь, спортивно-оздоровительный лагерь, – учреждение спортивного типа для отдыха учащихся во время летних и зимних каникул.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Осн. задача лагеря – орг-ция акт. отдыха учащихся, повышение их общей физ. подготовки, совершенствование спорт. мастерства. Спорт. лагеря для школьников создаются орг-циями, в ведении которых находятся детско-юношеские спорт. школы (ДЮСШ). Работой спорт. лагеря руководит начальник лагеря, обычно директор ДЮСШ, или его заместители. Спорт. лагеря, как правило, организуются за городом при туристич. базах, иногда в черте города при Домах (Дворцах) пионеров и спорт. учреждениях. Работа в спорт. лагере ведётся по программе дет. спорт. школы. Проводятся лично-командные соревнования по различным видам спорта, спорт. праздники с показат. выступлениями и Спартакиады. Руководят занятиями опытные педагоги-тренеры, мастера спорта» (Денисова, 1978, 189–190).

СПОРТЛАГЕРЬ – см. *Спортивный лагерь*.

СПОРТРОЛЛЕР – «самокат усовершенствованной конструкции» (Кожевникова, 1961, 46).

О 1950-х гг.: «Приобретали мы [спортроллеры] в магазинах культорга. Катаются на нём, стоя на двух ногах. Расположение и укрепление колёс сходно с двухколёсным велосипедом, но колёса спортроллера меньшего размера. Руль, соединённый с передним колесом, даёт возможность менять направление движения. Между колёсами расположена металлическая платформа. На ней укреплен тормоз, приводимый в действие стоящей на платформе ногой (левой). С правой стороны платформы находится педаль, соединённая подвижно с задним колесом. Путём попеременного нажима на педаль правой ноги приводится в движение заднее колесо. Благодаря такому устройству на спортроллере можно ехать довольно длительное расстояние без остановки. Дети средней и старшей групп быстро овладевают спортроллером...» (Кожевникова, 1961, 46).

«СПОРТСМЕНКИ» – лёгкая спортивная обувь 1930-х – 1940-х гг.: тапочки со шнуровкой.

О девочках 11–14 лет в середине 1930-х гг.: «...Однажды, выходя из школы, мы увидели перед собой громадные лужи: только что прошел дождь. На наших ногах были “спортсменки” – обычная обувь тех лет, нечто вроде нынешних тапочек, только со шнуровкой. Было ясно, что они моментально промокнули, а я ведь только что выкарабкалась из ревматизма! Ни минуты не задумываясь, Нинка сказала: “Садись на меня верхом, я донесу”. ...Я... согласилась: вскарабкалась на Нинкину спину, она сделала несколько шагов, и мы грохнулись в первую же лужу... В эти годы мы не только голодны. Мы ещё и очень плохо одеты... На ногах у нас зимой валенки... Осенью и весной мы носили “баретки”... поздней весной и летом – “спортсменки”, что это за штука, я уже говорила. Последние в моей жизни спортсменки я доносила до дыр уже в десятом классе» (Лупанова, 2007; 60, 66).

О вт. пол. 1930-х гг.: «...Мы играли во дворе в волейбол. Носила [девятиклассница] Аленка прорезиненные спортсменки на шнурках и голубую майку с белым воротничком. Когда она высоко подпрыгивала..., юбка ее взлетала вверх, и она обеими руками укрощала ее» (Мошковский, [1963] 1987–1, 325–326).

О 1944 году: «Было мне, наверно, уже лет тринадцать. Я неудачно прыгнул откуда-то сверху на доску со здоровенным, торчащим кверху гвоздем. Был не босиком – в “спортсменках” (легкие тапочки), но гвоздь пропорол подошву спортсменка, насквозь проткнул мою стопу возле пальцев и вышел поверх спортсменка: я был буквально пригвожден к этой чертовой доске. Я не стал говорить маме (огорчится, обругает!), дома залил рану йодом с обеих сторон – сверху и снизу. И, как на собаке, все зажило очень быстро» (Санников, 2001).

Ср : *Бутсы; Кеды; Кроссовки*.

«СПУТНИК» – марка велосипеда.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Мальчики уже привинтили колесо, когда во двор на новом голубом велосипеде “Спутник” вкатился Олег. Он сделал несколько кругов по двору, подъехал к двери сарая, прыгнул и предложил: “Кто хочет прокатиться?”» (Шатько, 1977, 132).

«СПУТНИК» – отрывной календарь для школьника, выпускался в 1959–1961 гг. (М., Госполитиздат – 55 листов) (Старцев, 1961, 447)

«СПУТНИК семилетки» – Семилетний план развития СССР («семилетка») был принят в 1959 году, на XXI съезде КПСС.

О 1959 году: «Маленький красный флажок, на нём цифра “7”, пересечённая стремительной космической ракетой... Впервые эта эмблема появилась на страницах “Пионерской правды” в те дни, когда готовилось открытие внеочередного XXI съезда КПСС. А теперь её можно увидеть в каждой школе – горит-разгорается среди пионерских отрядов соревнование за право называться отрядом – спутником пятилетки» (Киришина, 1959, 5).

Из резолюции XIV съезда ВЛКСМ 19 апр. 1962 г.: «В пионер. отрядах и дружинах стало больше романтики, интересных дел. Развивается соревнование за право называться отрядом, дружиной – “спутником семилетки”» (НО, 1974, 297).

«СПЯТ усталые игрушки» – песня на музыку А. Островского.

«А “Спят усталые игрушки”? Наверное, нет ни одного человека в нашей стране, который не знал бы наизусть эту чудесную песенку, звучащую по телевизору ежедневно после вечерней сказки для малышей. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что это самая популярная из всех детских песен. Не только тех, что созданы Аркадием Островским, но вообще. Не согласны? А, понятно, вы говорите, что еще более популярная “Пусть всегда будет солнце”. Не спорю. Но она не только детская...» (Лагина, 1987, 42).

СРЕДНЕЕ специальное учебное заведение – учебное заведение, готовящее специалистов средней квалификации.

О середине 1970-х гг.: «Средние специальные учебные заведения делятся на две основные группы – техникумы ... и училища (педагогические, медицинские, музыкальные, художественные, театральные и др.). Некоторые сред. спец. учеб. заведения по традиции называются школами (напр., культурно-просветительные школы, школы тренеров и др.). Наиболее распространённый тип сред. спец. учеб. заведения – техникум, поэтому в обиходной речи слово “техникум” часто выступает синонимом словосочетания “сред. спец. учеб. заведение”. Сред. спец. учеб. заведения находятся в ведении отраслевых министерств и ведомств. Общее руководство ими осуществляет Мин-во высшего и сред. спец. образования СССР. Обучение во всех техникумах и училищах проводится бесплатно. Во главе сред. спец. учеб. заведения стоит директор. У него есть заместители по учеб. и производств. работе. Техникумы и училища состоят из отделений, которые возглавляют заведующие... В сред. спец. учеб. заведении можно поступить после окончания восьмилетней или сред. школы (в том числе и сред. проф.-тех. училища). Зачисление проводится по рез-там вступит. экзаменов. Прошедшие по конкурсу зачисляются либо на первый курс (после восьмилетней школы), либо на старшие курсы (после средней школы и ПТУ). Окончившие с отличием школу или проф.-тех. училище принимаются без экзаменов. Всем учащимся техникумов и училищ выдаётся билет учащегося и книжка успеваемости. Срок обучения – до 4 лет в зависимости от профиля техникума или училища. Учеб. план предусматривает изучение спец. дисциплин и общеобразоват. учеб. предметов (сред. спец. учеб. заведения дают учащимся, кроме среднего спец. образования, ещё и общее среднее образование). Окончившие среднюю школу проходят лишь спец. подготовку, поэтому срок обучения для них сокращён

(они учатся до 2,5 лет)... В сред. спец. учеб. заведениях принята курсовая система (курс соответствует году обучения). Учебный год делится на два семестра. Семестр завершается экзаменационной сессией... После каждой сессии начинаются каникулы. Осн. типы учеб. занятий – урок, лекция, лабораторные и практич. занятия. Занятия обычно проводятся по группам (в учебной группе бывает до 25 человек). За время обучения учащиеся проходят производственную (педагогическую) практику и получают квалификац. разряд по одной-двум рабочим специальностям. Завершает учёбу защита дипломного проекта (дипломной работы) или сдача гос. экзаменов. Выпускники получают диплом единого образца об окончании сред. спец. учеб. заведения и присвоении соответствующей квалификации. Диплом даёт право на поступление в вуз. Молодые специалисты (выпускники дневных отделений) получают распределение на работу по спец. сти... Учащиеся дневных отделений получают стипендию. Приезжим предоставляется общежитие» (Денисова, 1978, 191–193).

См. также: *Профессионально-техническое училище; Техникум.*

СРЕДНЕЕ учебное заведение (с последней четверти XIX века до 1917 года) – «К средним учебным заведениям относились гимназии (где преподавали древние языки, то есть латинский и греческий, и выпускники которых могли по окончании поступить в университеты), реальные училища (где древних языков не преподавали, но более подробно проходились физико-математич. дисциплины и выпускники которых шли в тех. высшие учебные заведения), а также коммерч. училища, в которых преподавали счетоводство, бухгалтерию и другие предметы, дающие возможность выпускникам сразу же идти на работу в торговлю и пром-сть или поступать в высшие коммерч. институты» (Ривош, 1990, 189).

«Нужно знать, какой расцвет культуры был в XIX веке. Пора перестать клеветать на русскую культуру прошлого. Если положить ценности XIX и XX века рядом, – допустим, школы, гимназии, реальные училища XIX века и школы XX, – совершенно ясно, что тут впереди XIX век. То же самое и высшие учебные заведения, и библиотеки, и нравственные ценности – честность и т. д.» (Лихачев, 1998).

СРЫВАТЬ урок – делать невозможным проведение урока, препятствовать его проведению.

О середине 1960-х гг.: «...В прежней школе, где я училась, у нас был очень дружный класс. Мы там, знаете, захотим урок сорвать – и сорвем, убежим все с английского или с черчения. И нам за это – ничего, потому что дружно действуем, не подводим друг друга...» (Котовщикова, 1969, 89).

О десятиклассниках в с. Глядянском Притобольного р-на в 2001 г.: «Физику у нас вел молодой учитель, работавший первый год в школе. Уроки он вел плохо и неинтересно, а спрашивал строго. Однажды мы не были готовы к уроку и решили его сорвать. Когда учитель зашел в класс, мы ему сразу заявили, что до нас дошло, что он что-то плохое сказал о нашем классе, и мы все расскажем директору. Все сделали очень оскорбленный и обиженный вид. Он очень испугался и весь урок допытывался до нас, что мы знаем. Урок был сорван, никого не спросили» (099).

СТАВИТЬ в угол ребёнка – вид наказания детей, распространенный с конца XIX века.

О конце 1890-х гг.: «Мама говорит: “Лёлю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик...”» (Зошенко, [1939] 1968–1, 216).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Мать вообще была строга, сама крайне дисциплинирована, любила порядок. У неё всегда было все на своем месте, и я должна вечером была убирать все свои игрушки, все книжки, только тогда можно было лечь спать. Каждый день я отбывала наказание в углу. За что? Нельзя было громко разговаривать в троллейбусе, обращая на себя внимание, нельзя встречать, если взрослые разговаривают, нужно было здороваться со знакомыми, говорить спасибо, приходить вовремя с прогулки и т. д.; искоренялись

всяческие капризы. Если я плохо вела себя или плохо занималась музыкой, а она заставляла по 20 раз играть гаммы и упражнения..., все развлечения на завтра отменяли или я попадала в угол. Отец, бывало, скажет: “Опять ты в углу, доченька! Да прости ты её” (это матери). Он был мягкий человек, очень терпеливый... “Нет, – отвечает мать, – пусть стоит. Она должна научиться работать, знать порядок, все делать хорошо, тогда будет и праздник!”» (Иванова, 1995, 16).

О 1941 годе: «Когда вернулись к Жеке домой, его соседка сказала, что их обыскали и уже прибежала бабушка Качана... Да, расплата за загул ожидалась порядочная! Тогда дружки взяли да и доели хлеб, предназначавшийся домашним очагам. Все равно ведь эти взрослые наказание придумают – в углу там стоять или гулять два дня не ходить..., так тут и хлебом не откупишься» (Холопов, 1995, 115–116).

О мальчишке 6–7 лет в 1946–1948 гг.: «...Мама... сказала: “Пойди и встань в угол. На колени... До утра будешь стоять, пока не скажешь, что пойдёшь [в детский сад]...” Павлуша пошёл в угол и стал на колени к стенке лицом» (Сабилло, 1980, 162).

О конце 1940-х гг.: «...У Нади [сестры] характер был. Не то что у меня. Даже когда её, случалось всё-таки, в угол ставили, то она, казалось, могла бы там до смерти простоять. И выходила из угла непокоренной, с гордо поднятой головой. Я, поставленный в угол, а стало быть, избежавший на сей раз традиционной порки, лишь ради проформы выдерживал минут пять и принимался канючить, выклянчивать свободу. И для этого мамой была разработана специальная текстовка. “Я больше не буду-у...” “Ты с кем разговариваешь? Со стенкой разговариваешь? Отойди от стенки и не ковырай...” “Мама, я больше не буду-у-у...” “Чего не будешь?” “Так дела-а-ть...” “Как? Как ты не будешь делать?... И не колупай, сказала, стенку, а то шас излуплю всего!” (А порой я, ей-богу, не мог никак сформулировать, что и как обязуюсь впредь не делать. Ну, не хватало мне пока еще гуманитарного образования...) “Не знаю-ю-ю...” “Тогда еще постой, подумай, может, думать научишься прежде, чем в угол залетишь на другой раз...”» (Чуманов, 2002).

О 1950-х гг.: «“Я не...” – начал было Дмитрик. “Ничего, ничего, – перебила его мама, – верю, что ты больше не будешь бить горшки, но в углу всё же тебе придётся постоять. Иди стань там и жди, пока не позову!” Понял Дмитрик, что теперь ему ни за что попадёт, и горько заплакал. Тогда мама... засмеялась. Олесь с Петриком тоже хохотали, хотя и не до смеху им было. Они знали, что от мамы всё равно им попадёт за то, что нашкодили. Если не в угол поставит, то ещё как-нибудь иначе она их накажет» (Комар, 1959, 59).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Обидно, когда человека незаслуженно наказывают. Оса первая кусается, уж пугает бабушку, а Лора должна стоять в углу. Ну разве это справедливо?» (Зобнин, [1962] 1963, 34).

О свечке Ане в начале 1960-х гг.: «Кашу манную не ела, / Била ложкой по столу, / И хоть очень не хотела, / А пришлось стоять в углу» (Ховив, [1966] 1968, 14).

О дет. саде в г. Полесске в начале 1970-х гг.: «Кто-то придумал во время тихого часа перепрыгнуть с раскладушки на раскладушку, и это всем очень понравилось. Раскладушки жалобно скрипели под прыгунами... И вот в самый разгар веселья... в групповую комнату вошла рассерженная [воспитательница]... Она быстро подошла к Пете... и, схватив мальчика за руку, потащила его в угол. “Будешь стоять здесь до подъема” – сердито сказала воспитательница. Петя недоумевал. “Почему меня одного?” “Потому что! Нет больше свободных углов! Понятно?”» (Анатольева, 1974, 102).

СТАВИТЬ к стенке – вид неофициального школьного наказания.

О первокласснике в 1954 г.: «“Это что такое? Опять тетрадь не принёс? Все будут работать, а ты мешать другим от безделья? Становись к стенке!”... Пальцем не шевельнул, и вот – пожалуйста! Фаина Михайловна и наказывает как-то не так. Уж поставила бы Женю в угол,

а то просто к стенке, недалеко от двери» (Котовщикова, 1956, 26).

СТАВИТЬ на горох – заставлять наказанного стоять коленями на сухом горохе. Такое наказание применялось в некоторых учебных заведениях до 1917 года.

О Саратове в 1890 г.: «...Учеников [заведующий школой] не бил, как это было принято в то время во многих школах. Напротив, в церковноприходской школе при церкви Красного креста ребят секли розгами и ставили коленями на горох» (Золотарев, [до 1975] 1995, 54).

СТАВИТЬ на колени – вид наказания в некоторых школах до революции.

Из воспоминаний: «Родился я 17 марта ... 1872 года... Семи лет меня решили отдать во 2-ю городскую трехклассную школу... В первом классе моим учителем был Дмитрий Герасимович Панов... У меня была страсть – играть в перышки, и во время уроков иногда нас учитель ловил. Первым наказанием его за этот проступок было – давать щелчок в лоб... Когда же и щелчки не помогали, он вызывал провинившегося к своему столу и ставил на колени» (Павлов, 1995, 33).

СТАЛИН – Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия Джугашвили) (1879–1953), политический деятель, один из лидеров Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), фактический глава Советского гос-ва (СССР) с середины 1930-х гг. по 1953 год.

Пропаганда образа Сталина в детской среде; отождествление детей к Сталину.

О перв. пол. 1930-х гг.: «Нина любила Сталина и слышать о нём плохое не могла. В доме у них всегда висели два портрета – Ленина и Сталина, – она с детства привыкла к его лицу, к знакомому прищурю глаз, к утопавшей в усах полуулыбке, и когда шли в Москве на демонстрацию, узнавала на трибуне Мавзолея, сердце с ликованием рвалось к нему, она завидовала пионерам, которые несли ему на трибуну цветы и потом стояли рядом с ним... Выходит, люди тогда жили по-разному, как бы в двух слоях, и слои эти лишь соприкасались, но не смешивались... Она-то обитала в верхнем слое, там было светло и празднично, там приживались готовые формулы: “Жить стало лучше, жить стало веселее!”, и дети на праздниках непременно кричали: “Спасибо любимому Сталину за наше счастливое детство!” – и никогда ей не приходило в голову задуматься о том, всем ли стало жить “лучше и веселее” и у всех ли детей было “счастливое детство”» (Глушко, [р. 1922] [1988] 1990; 48, 67).

О Москве в 1936 г.: «В 1936 году Чистопрудный бульвар назвали детским парком. Построили эстраду для представлений, над которой висел популярный лозунг: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!” Рядом установили портрет вождя, державшего на руках девочку-узбечку Мамлакат Нахангову, отличившуюся на сборе хлопка» (Федосюк, 2004, 130).

О 1942–1944 гг.: «Вере Игнатъевне показалось, что ребята... приветливо и радостно поднялись ей навстречу... “Сегодня мы будем писать диктант, дети. Он будет труден для вас, но не волнуйтесь. Знаки я буду вам говорить, трудные слова напишу на доске. Слушайте внимательно”. Не торопясь и, как всегда, выразительно, Вера Игнатъевна начала читать: “История его жизни – это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Лучшее в нашей судьбе находится в руках человека, с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата”. Она читала и думала, что диктант очень труден для четвертого класса... “Не было такого года, начиная с 1917 года, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это железный человек. Фамилия дает нам его образ”. Она перевела дух. Оглядела класс..., увидела взволнованные взгляды, они рвались ей навстречу. Любовно посмотрела на сына. “Русанов Игорь!” Игорь вскочил. “Как думаешь ты, о ком идет речь в прочитанном мною отрывке?” “О Сталине”, – совсем тихо ответил мальчик, но в классе было еще тише, и ответ услышали все. “Верно, о Сталине, – наклонила Русакова голову, – садись. Читаю

дальше: “Сталин – сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его отличают умение ждать, рассчитывать во времени, хранить грозное терпение... быстрота, твердость и сила решений. Ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин – это Ленин сегодня...”. Теперь будем писать”... ...Сегодня тетрадки раскрылись бесшумно, ребяташки, не сводили с Веры Игнатъевны взволнованных, растерянных и радостных глаз. Вера Игнатъевна снова обрела счастливую учительскую уверенность... ...Взяла в руки листок, чтобы диктовать, но вдруг подняла голову. “Мы пишем сегодня диктант о Сталине. Сегодня день его рождения. О нём думает вся страна, жалеет ему сил и здоровья. Наше счастье, дети, что он живет сейчас, руководит борьбой с фашизмом. Он создал мощные фабрики и заводы, создал колхозы, создал счастье народу. Он нанёс врагу удар под Москвой, город его имени стал восточной твердыней. Под его водительством победит народ. – И, словно, не было сказано этих горячих слов, обычным тоном она продолжала: – Диктую, дети”... Собрали листики после диктанта. Лена, дежурный по классу, встал перед Верой Игнатъевной, умоляюще попросил: “Споете, Вера Игнатъевна”... Где-то в глубине сердца прозвонело болью и угрозой: “Вы нас песен хотели лишить, наших прекрасных песен!” Вслух сказала: “Хорошо, Лена, запевай!” “А что?” “Как ты думаешь сам, что лучше всего спеть сегодня?” ““На просторах! Да?” – радостно откликнулся Лена. ““На просторах!” – угадалось в лёгком движении, которое прошло по классу. “Да”, – ответила Вера Игнатъевна и обратилась к классу: “Встаньте!” Чистый Ленин альт выводил: “На просторах Родины чудесной, / Закаляясь в битвах и труде, / Мы сложили радостную песню / О великом друге и вожде”. Ребята пели, и голос Веры Игнатъевны – негромкий, но глубокий – влетался в звонкие их голоса, и не было ничего, кроме песни... Чистый Ленин голос вился и радовал сердце... “Сталин – наша слава боевая, / Сталин – нашей юности полет, / С песнею борясь и побеждая, / Наш народ за Сталиным идет”... Пришла Пелагея Марковна: “С первым днем занятий. С новым учебным годом!” “Спасибо, – обрадовалась ее приходу Елена, – приходите поглядеть, как начинаем”. В длинном коридоре учителя устанавливали учеников в три шеренги... “Вам слово, Елена Михайловна”, – тихо сказал Мельников. Елена шагнула вперед и навстречу ей, ожидая, блеснули сотни глаз, взволнованно, доверчиво, ласково. “Ребята! Советские школьники! С егодня вы начинаете новый день, – говорила Елена. – Наша армия вернула вам детство, школу, Родину. За советский строй, за то, чтобы вы были счастливы и свободны, умирают люди. Вы должны жить и расти, чтобы Родина цвела. Учительница Кленова Мария Ивановна, павшая от руки врага, завещала нам любить Родину, партию, Сталина. Так начнем этот школьный день песней о Сталине – творце всех наших побед”. Торжественно и широко полилась песня: “Нам даны сверкающие крылья, / Смелость нам велика дана...”» (Туренская, 1951; 294–295 296–297, 325).

О второкласснике в 1945 г.: «Севка знал, что Сталин – это вождь. Самый добрый и самый мудрый. Про него на уроках пения разучивали песни, а на утренниках рассказывали стихи. А [учительница] недавно поведала об удивительном случае: в одном глухом городке заболел мальчик и врачи ничего не могли сделать, тогда мама этого мальчика послала товарищу Сталину телеграмму. Сталин велел прислать самое лучшее лекарство, и мальчик выздоровел. Севке очень понравился рассказ. У него даже в горле защебетало, когда он услышал про счастливый конец» (Крапивин, 1986, 95).

О дет. саде в Ленинграде в середине 1940-х гг.: «Ребята спели песню про синичку: “Ты, синичка, где была? / Где ты гнёздышко вила?” А потом спели ещё песню про то, как ребята катались на санках, и ещё другие песни. Но вот Елена Григорьевна на минутку перестала играть и сказала: “А теперь мы с вами споём самую нашу любимую песню – песню про родного Сталина!” И все ребята встали. Нина показала Боре на большой портрет товарища Сталина, который висел на стене между окнами. Товарищ Сталин держал на руках

маленькую девочку с большим букетом цветов и так ласково улыбался, что Боре тоже захотелось улыбаться. И пока ребята пели хором песню о любимом Сталине, Боря всё время смотрел на портрет, и ему казалось, что Сталин улыбается именно ему, Боре, а вовсе не той девочке, которую он держит на руках. А потом Елена Григорьевна опустила крышку рояля на клавиши и сказала: “Ну, бегите к себе! На сегодня хватит – вы хорошо позанимались!”» (Гринберг, 1949, 132–133).

О 1945–1947 гг.: «Был я, конечно, пионер... В бывшей моей начальной [школе] пионерство было красивым, почётным, желанным – нашивки на рукаве, барабанный бой, печатный шаг, громкие голоса: “Рапорт сдал!” – “Рапорт принял!”. Следует, кроме того, заметить, что в пионеры нас принимали, когда шла война или же сразу после нее, и наше детское осознание войны, страданий, победы все действующие в стране системы накрепко привязывали к имени Сталина, к партии, комсомолу и пионерам. Думать как-нибудь по-другому не то чтобы возбранялось, а было совершенно невозможно. Портреты, бюсты и статуи Сталина провозжали нас с детства на каждом шагу, и мы так к ним привыкли, что совершенно, ну никак их не замечали, как не замечает человек мебели в своем доме – так она привычна... Уроки кончились..., ...в зале раздаётся бодрая песня: это наш класс под жестоким надзором классной и под управлением [учителя пения] репетирует праздничную песню: “О Сталине мудром, / Родном и любимом / Мы светлую песню поем!”... Сбор наш длился ровно сорок пять минут, один урок, [я произнёс] ...свой доклад... Далее Сашка Кутузов прочитал стих Симонова, все вместе... спели задравную песню: “О Сталине мудром, родном и любимом...”, Герка пересказал главу про смерть сапожника, отца вождя, и трудное детство будущего революционера. Зоя Петровна устроила викторину с вопросами для первоклашек: когда и где он родился, роль вождя в подготовке революции... Сам Иосиф Виссарионович взирал на нас из золотой рамы – в форме Генералиссимуса – довольно добродушно, привыкший, видать, к тому, что все пионерские классы по очереди на своих сборах клялись ему в верности и пересказывали его биографию, написанную неживыми, чужими, взрослыми словами. Никого, впрочем, это не волновало, потому что все – и классная, и вожатая..., и мы... были совершенно убеждены в необходимости именно таких слов и именно этих песен, потому как их пело и без конца произносило радио и печатали газеты» (Лиханов, 1995: 41, 48, 50–52).

О праздновании 70-летия со дня рождения И.В. Сталина в музыкальной общеобразовательной школе в 1949 году: «[Глава] 50. Зима... Марина... садится за стол. Она должна еще раз обдумать Оксанино поручение, собраться, подготовиться. Ведь она пойдет сегодня к своим первоклассникам беседовать о товарище Сталине. Товарищу Сталину в декабре исполнится семьдесят лет. Ребята решили подарить ему что-то. Они шепчутся на переменах, что-то говорят. Марина узнает, что они готовят, может быть поможет им немного. Как хорошо, что ребята готовят Сталину подарки! Ведь ему, наверное, приятно будет получить то, что сделали для него дети... [Глава] 51. Самое дорогое. Такого сбора еще не было в школе. Это будет сбор всей школьной дружины – самый лучший, самый торжественный и интересный! Потому что он будет посвящен товарищу Сталину. Этот сбор будет рапортом товарищу Сталину. Все пионеры, все школьники покажут, чему они научились, чего достигли. Будет большой концерт, с выступлением объединенного школьного хора и оркестра. Будет самодеятельность: пляски, песни, стихи, игры. К этому дню многие ребята готовят подарки товарищу Сталину. Да разве только ребята? Миллионам людей во всем мире хочется выразить свою любовь и благодарность товарищу Сталину, миллионам людей шлют ему от всего сердца то, что кажется им самым дорогим – так много радости и любви они вложили в этот свой труд. И московские школьники, как и школьники всего Советского Союза, шлют свои скромные подарки: стихи, рисунки, вышивки, модели. Беседуя с Мариной, Оксана сказала ей: “Твои

малыши тоже готовят подарки товарищу Сталину. Секретничают, радуются! Пойди, поговори с ними, может быть им нужно немножко помочь?” И вот Марина – в классе у малышек... Двадцать любопытных детских лиц повернулись к Марине. Марина многих из них видела и раньше... Но сейчас она не различала лиц – она волновалась. “Ребята! – сказала она, и собственный голос показался ей чужим. – Вы знаете, что скоро будет день рождения товарища Сталина. Товарищу Сталину исполнится семьдесят лет. Товарищ Сталин сделал нашу страну сильной и свободной, а наш народ – счастливым”... “Ой, а понятно я говорю?” – подумала Марина. “Сталин фашистов прогнал”, – неожиданно сказал мальчуган, сидящий на последней парте. “Он велит всем хорошо учиться”, – сказала маленькая девочка в первом ряду. “Правильно! – сказала Марина. – Чтобы умными стать, чтобы стать сильными, чтобы поблагодарить нашу Родину за все, что она для нас делает”. “А я подарок сделал...” – тихо сказал мальчик, сидящий на второй парте... “Что же ты сделал, Сашенька?” – спросила она. Саша весь залился краской и протянул Марине тетрадь. В тетради на первой странице был наклеен портрет товарища Сталина, вырезанный из газеты, а под портретом были стихи. “Это ты сам сочинил?” – спросила Марина. “Сам”. “Ну так прочитай вслух всем ребятам”. Саша... сейчас же начал читать свое стихотворение. ...Он читал довольно громко и решительно: “Товарищу Сталину семьдесят лет, / Шлю я ему, дорогому, привет! / Буду отлично учиться и жить, / Родине честно я буду служить./ Сталин – наш мудрый учитель и вождь!” “Молодец, Сашенька! – сказала Марина. – Правда молодец, ребята? А вы что готовите товарищу Сталину?” “Я нарисовал, как товарищ Сталин фашистов прогнал”, – сказал тот же мальчуган с последней парты. “А товарищу Сталину понравится, если я ему свою скрипку нарисую?” – спросила Оля. “А ты любишь свою скрипку?” “Люблю! Она хорошая”. “Тогда нарисуй. Мы все посылаем товарищу Сталину самое любимое”... [Глава] 55. Гори. В начале декабря Оксана проводила сбор. Перед тем как провести его, она снова прочитала биографию товарища Сталина. Большая, прекрасная жизнь проходила перед ней, и девочка думала: “Нужно рассказать ребятам о товарище Сталине так же просто, так же строго и ясно. Сумею ли я?”... Оксана знала, что к сбору дружины, посвященному дню рождения товарища Сталина, её пионеры тоже готовят подарки. И когда сбор начался..., кто-то спросил: “А что товарищ Сталин любил в детстве? Чем увлекался?” И Оксана начала рассказывать. Она и рассказывала, и сама спрашивала у ребят, что они знают, что читали о товарище Сталине. И ребята рассказывали тоже. Оксана раскрыла книгу, в которой была репродукция с картины “Юность И. В. Сталина”, и все столпились вокруг. На минуту стало совсем тихо – они смотрели на лицо юного Сталина, на его друзей. И тогда Оксана стала читать им книгу о Сталине. Вместе с ней пионеры её маленького отряда побывали в этот день в Гори. Они стояли у дверей старого домика. Они видели смуглого мальчишку, выходящего из него. Он глядел на горы. Его друзья бежали к нему, они все куда-то собирались. В горы, в дальний путь... Затаив дыхание, пионеры смотрели тоже на прекрасное небо над городом, на горы, на солнце... Оксана читала о жизни, о борьбе товарища Сталина. Вот товарищ Сталин встретился с Лениным. Вместе с Лениным он борется за счастье рабочих всего мира, за высокие идеи коммунизма. Великая дружба Ленина – Сталина проходила перед ребятами... В этот вечер Оксана написала в своем дневнике: “Мы на самом деле никуда не ездили – на поезде или на пароходе. Но мы побывали в городе Гори”... [Глава] 56. Из дневника Марины... [Старший вожатый Костя] похвалил некоторых пионеров за участие в общественной жизни школы... “А впереди еще столько нужных и интересных дел! – сказал он. – А впереди комсомол, ребята! К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!” И мы ответили: “Всегда готовы!” [Глава] 57. На сборе дружины. Над большим портретом товарища Сталина, во всю длину школьной эстрады, – алое полотнище. На нём ясная

белая надпись: “Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство”. А по всей празднично убранной школе перекачивается веселый гул голосов. Сегодня – сбор дружины. В шесть часов начнётся торжественная пионерская линейка и концерт-рапорт... Марина идет в другой конец коридора. Как хорошо все украшено, сколько разноцветных лампочек, похожих на кисти винограда, на букеты невиданных цветов! А вон там сколько толпится народу – и детей и взрослых! Там выставка подарков товарищу Сталину. Ведь все ребята, педагоги и родители хотят посмотреть то, что посылает их школа в подарок товарищу Сталину. Марина пристраивается сбоку: всё видно. Вот и подарки ее малышей. Вот Сашенькины стихи, вот Олина скрипка. Вот Кремль с большими красными звездами на башнях, а вот и подарки старших. Кто-то вышел несколько строчек из гимна – несколько строчек нот и слова над ними: “Нас вырастил Сталин – на верность народу, / На труд и на подвиги нас вдохновил”. Как хорошо придумал тот, кто это сделал!.. [Глава] 58. Гости из Березовой... Как далеко эстрада! Над нею – длинное красное полотнище: “Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство”... А на эстраду выходит Оксана. Ее смуглое лицо размягчилось, глаза блестят. “Начинаем наш торжественный концерт-рапорт в честь семидесятилетия товарища Сталина! – говорит Оксана своим звонким голосом. – Песню “Спасибо Сталину” исполнит объединенный хор учащихся. И сразу же на эстраду начинают выходить ребята... Все в парадной пионерской форме, с красными галстуками. А когда большие уже вышли и построились, появляются малыши. Они проходят вперед, на авансцену, – все в белом, с красными звездочками на груди... Дирижер хора взмахнул рукой. Как торжественно и стройно запел хор!.. “Спасибо, спасибо великому Сталину / За наши счастливые дни!” – поёт хор. И вдруг зал начинает подпевать. Никогда этого раньше не бывало на концертах. Вот встали первые ряды – там и ребята из Березовой; поднимаются те, кто сидит дальше; встает и их ряд. Поёт весь зал, и Марина – вместе со всеми... Песня спета, и зал гремит аплодисментами. Под гул аплодисментов хор уходит с эстрады... И концерт продолжается... И вот снова появляется в глубине сцены хор. ““Песня о Сталине”! – объявляет Оксана. – Исполнит объединенный хор и оркестр”. Дирижер взмахнул палочкой – и словно волна пробежала по залу, так сильно и торжественно зазвучали голоса детей. Им вторят голоса скрипок, голоса виолончелей... Хор и оркестр на самом широком и сильном звуке исполняют “Песню о Сталине”: “На просторах Родины чудесной, / Закаляясь в битвах и труде, / Мы сложили радостную песню / О великом друге и вожде. / Сталин – наша слава боевая, / Сталин – нашей юности полет. / С песнями борясь и побеждая, / Наш народ за Сталиным идет”. Полной грудью поёт хор... Весь зал встаёт. Хлопает хор. Хлопает оркестр» (Эмден, 1952; 25–127, 135–138, 141–143, 146–147).

О женской школе в 1949–1950 гг.: «Шли последние годы жизни корифея, “великого кормчего”. В shk. программе было стихотворение Исаковского со знаменитыми строчками: “Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе”» (Шендерова, 2008).

Об общеобразоват. школе в Москве 1949 г.: «Десятый класс... Более скучного года за все десять лет школьной жизни у меня не было... На этом фоне разворачивалась подготовка к всенародному ликование – празднованию семидесятилетнего юбилея Сталина... А грандиозные залы, полные подарков Сталину: какие чудеса искусства дарили люди, выражая этим свою любовь и благодарность. Мы всем классом ходили на экскурсию в Музей Революции и разглядывали под лупами рисунки, на которых виртуозы писали письма, полные преданности своему вождю и учителю. Люди всех стран мира посылали подарки Сталину. Мне запомнился подарок французской женщины: она прислала детскую вязаную шапочку – единственную вещь, оставшуюся у нее после гибели дочери во время фашистской оккупации. Об этой матери я написала в своем сочинении на аттестат

зрелости. Я выбрала свободную тему: “Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет!”... Двадцатого декабря 1949 года вся страна праздновала день рождения Сталина... За несколько дней до юбилея в нашей школе началась подготовка к празднику. Историчка готовилась... истерически. На уроках репетировались лозунги, которые будут выкрикиваться на торж. вечере в школе. Как на грех, у меня был громкий голос и хорошая дикция... На доске Сара Зиновьевна написала несколько лозунгов, а я громко, с пафосом повторяла их перед всем классом. “Твой голос должен быть полным радости, в нём должна звучать любовь к нашему вождю”, – убеждала меня учительница, заставляя ещё и ещё раз повторять здравицы. Мне было стыдно, неприятно, но отказаться я не решалась. Наконец наступил торжественный день. После занятий вся школа собралась в актовом зале. Стоя, мы слушали трансляцию по радио торж. заседания из Колонного зала Дома союзов. Сталина встретили нескончаемые овации, зал долго не утихал. Мы тоже по знаку руководившей всем исторички аплодировали невидимому вождю. Потом начались приветственные речи. Не помню, кто выступал и о чем говорили, – это был сплошной поток слов, полных обожания и восхваления. После каждой здравицы в честь Сталина зал взрывался громовыми аплодисментами, прерываемыми новыми лозунгами: “Да здравствует наш вождь и учитель великий Сталин!”, “Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед к победе коммунизма во всем мире!”. Всё это выкрикивалось резкими, надрывными голосами, в них слышалась не радость, а истерика. И снова шквал оваций. На этом фоне “морского прибоя” по знаку Сары Зиновьевны мы, подготовленные крикуны, орали изо всех сил заученные слова: “Пусть вечно живет родной Сталин! Сталин – наше знамя, Сталин – наша гордость!” и т. д. Странный это был спектакль... Казалось мне, что и в далеком нарядном зале такая же маленькая круглая учительница указательным пальцем и взмахом руки дирижирует всем, что там происходит. Помнится, что не мне одной было не по себе на этом вечере – девочки застенчиво улыбались, переглядывались. Хотелось, чтобы все поскорее кончилось... Я думала, что какие-то глупцы и подхалимы вроде нашей учительницы истории не в меру стараются, что Сталину это должно быть неприятно, но он не в силах притушить их пыл» (Туманова, 1995).

Из пособия для учителей нач. школы конца 1940-х гг.: «Во всех этих беседах о борьбе советского народа важно показать организующую роль большевистской партии, руководящую роль великих вождей Советского Союза В.И. Ленина и И.В. Сталина. Заключительной работой над этим разделом должна явиться работа над стихотворением “Вождь”. Исключительное восп. значение имеет ознакомление учащихся с биографией товарища Сталина. Всестороннее раскрытие детям его замечательного образа, рассказы об основных этапах его жизненного пути разовьют у учащихся чувство любви и преданности делу Ленина – Сталина, будут воспитывать у детей лучшие гражданские чувства и качества, необходимые для строителей новой жизни. В книге “Родная речь” отображён ряд моментов из жизни и деятельности В.И. Ленина и И.В. Сталина. К концу учеб. года важно повторить и обобщить изученное. В этом направлении и следует построить работу над биографиями Ленина и Сталина. Дети вспоминают ранее прочитанные в другой связи статьи и стихотворения о вождях советского народа» (НШ, 1949, 95).

Из рекомендаций работникам пионерских лагерей 1952 года: «Жизнь и деятельность величайших гениев человечества В.И. Ленина и И.В. Сталина является ярким примером для каждого советского человека. Воспитание пионеров и школьников на примерах замечат. жизни и деятельности Ленина и Сталина является важнейшей задачей пионерского вожакого и учителя. Методы ознакомления пионеров с жизнью и деятельностью Ленина и Сталина могут быть самые различные: беседы, сборы, пионерские костры, чтение книг, проведение экскурсий и походов по местам, связанным с деятельностью

великих вождей, оформление альбомов, выставок, посвященных Ленину и Сталину... Наиболее распространенными формами ознакомления пионеров в лагере с жизнью и деятельностью Ленина и Сталина являются беседы, экскурсии и походы по местам, связанным с жизнью и деятельностью вождей. Беседы по тематике могут быть очень разнообразными. Для пионеров и школьников 3–4-х классов, исходя из опыта работы многих пионерских лагерей, рекомендуется проводить беседы на следующие темы: ...“Детские и юношеские годы И.В. Сталина”..., “Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!” Готовясь к беседе, вожатый должен поставить перед собой определенную воспитательную задачу – на примерах жизни и деятельности великих вождей показать пионерам, какие необходимые качества они должны воспитывать в себе, чтобы достойно носить имя юных ленинцев... Для пионеров старших классов можно рекомендовать беседы на такие темы: “Жизнь В.И. Ленина и И.В. Сталина – пример беззаветного служения народу”, “Товарищ Сталин – организатор борьбы за мир во всем мире”, “Великая Сталинская Конституция”. При подготовке бесед и сборов на эти темы вожатый и педагог-воспитатель могут использовать Краткую биографию товарища Сталина, Краткий курс истории ВКП (б), журнальные и газетные статьи. Беседы с ребятами должны проводить не только вожатые и педагоги. Желательно, чтобы с беседами о Ленине и Сталине перед ребятами выступали партийные, советские и комсом. работники, люди, лично встречавшиеся с великими вождями коммунизма. Но важно, чтобы вожатый предварительно рассказал проводящему беседу об уровне подготовки ребят, их запросах и интересах. В лагерной библиотеке обязательно должны быть книги, которые необходимы вожатому, педагогу и пионерам для подготовки сбора, посвященного великим вождям» (ПЛ, 1952, 42–44).

О вт. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг.: «На опред. этапе развития пионер. движения, особенно в послевоенные годы, пагубное влияние на деятельность пионерской организации оказали культ личности Сталина и те существенные недостатки в идеол. жизни, которые были порождены культом... Именно в это время маховыми цветами расцвели догматизм и формализм, распространились предметные сборы – своеобразные доп. уроки... Повседневная, разнообразная деятельность пионерских коллективов подменялась славословием, парадными пустыми сборами с искусственными костюмами, “путешествиями” по карте. Большинство сборов так и называлось: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство”, “Сталин – наша слава боевая” и т. д.» (Балясная, 1965, 15).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг. вспоминает С. Никоненко 1941 г.р.: «Мы росли с верой в Сталина. И если бы тогда меня спросили: “Отдал бы ты жизнь за Сталина?”, я бы ответил: “Да!” Когда Сталин умер, мы рыдали. Тогда все ребята с нашего двора пошли на похороны, и я не мог себе позволить остаться дома» (Никоненко, 2006, 33).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Во многих школах и домах пионеров успешно используются во внеклассной работе для бесед, вечеров и пионерских сборов следующие темы в III классах: “Великая дружба Ленина и Сталина”... В IV классах: “В.И. Ленин и И.В. Сталин – вожди Великой Октябрьской социалист. революции”, “В.И. Ленин и И.В. Сталин – великие полководцы советского народа”, “Сталин – продолжатель дела Ленина”... В V классах... обобщающими представлениями детей темами для внеклассных бесед, читок и сборов являются следующие: “Образ В.И. Ленина и И.В. Сталина в поэзии советского народа”» (ВВВР, 1955, 77).

См. также: «Счастливое детство».

«СТАНДЕР-СТОП» – игра с мячом; то же, что «Штандер-стоп».

О пос. Лебяжье в нач. 1990-х гг.: «Я очень в детстве любила играть со своими подругами в “домик”... Ещё одна игра, в которую мы играли летом, это – “Стандер стоп”. Это игра с мячиком. Один человек подбрасывает мячик и выкрикивает имя, и тот человек, чьё имя он

выкрикнул, должен был бежать и ловить мячик, а остальные в это время разбежались в разные стороны, и как только мячик был пойман, человек, который его поймал, кричал: “Стандер стоп!”, и все останавливались. Он выбирал себе человека, до которого он должен был дойти, но доходить нужно было специальными шагами: их было несколько: “лилипуги” – маленькие шаги, “великаны” – большие шаги, “лягушки”, то есть прыжки. И этот человек говорил, например: “Я иду до Оли”, и называл шаги (допустим: “Две лягушки, два великана”), и шагал. Потом он должен бросить в этого человека мячом и попасть. Если попадает, тот этот человек становится галющим, если нет, то галит опять он» (458).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Стандер-стоп. Ведущий бросает мяч за круг и называет любое имя участника игры. В это время все остальные участники и бывший ведущий разбегаются враспынную. “Названный” участник, автоматически беря на себя роль ведущего, бежит за мячом. Добегая до него, он берет его в руки и кричит: “Стандер-стоп!” Услышав это, все играющие замирают, то есть больше не двигаются. Ведущий должен сказать: “Я иду до ближнего”, и его основная задача состоит в том, чтобы как можно лучше определить расстояние до рядом стоящего человека. Это расстояние измеряется след. образом, например, плевками, прыжками, лилипутскими шагами, взрослыми шагами, утинными или гусиными шагами, “крокодилом”, оленьими скачками, “жабами” и так далее. После [этого] ведущий говорит, какие именно действия он воспроизведёт, и сколько раз он должен будет всё это выполнить. Если он ошибся и не смог дойти до участника, не смог достать и заляпать его мячом, он просто должен как можно точнее кинуть мяч в этого участника игры. Если и в этом случае он не попадает, все начинают стремительно убежать от него, а он бежит за мячом, поднимает его, бежит за участниками и попадает в любого из них. Тот в кого попали, становится ведущим. И игра начинается заново» (594).

СТАНИНА, станинка – холщовая рубашка без рукавов.

О Западной Сибири: в XIX – нач. XX в.: «В чалдонских семьях Барабы маленькие, до 5 лет, мальчики и девочки одевались одинаково: бегали в холщовых “станинах” – рубашках простого, прямого покроя ниже колен, без рукавов. Примерно с пятилетнего возраста... девочкам шили холщовые платья с рукавами и оборками по краю подола... “Станинка” становилась натальной рубашкой, её надевали под платье» (Фурсова, 1990, 93).

СТАНЦИЯ юных натуралистов – учреждение доп. образования (внешкольное учреждение), призванное дать учащимся общеобразовательных школ доп. знания в области биологии.

Первое внешкольное учреждение для юных любителей природы – Детская биологическая станция – было открыто 15 июня 1918 года в Москве. Через неск. лет станции юных натуралистов начали работу в Ивановской, Ленинградской, Омской и других областях.

С 1924 г. Дет. биол. станция выпускала бюллетень «Листки биостанции юных натуралистов им. К.А. Тимирязева», позднее он был переименован в журнал «За массовое опытничество». В 1934 г. Дет. биол. станция была реорганизована в Центр. станцию юных натуралистов (ЦСЮН), журнал «За массовое опытничество» слился с журналом «Юный натуралист».

Центр. станция юных натуралистов имела отделы полеводства и овощеводства, зоологии и животноводства, механизации с. хоз-ва. На станции работали методкабинет, библиотека, теплицы и парники, кабинеты и лаборатории, опытные участки. ЦСЮН руководила работой мест. станций юных натуралистов, организовывала лагерь юных натуралистов, походы и экспедиции по изучению природных богатств страны, по сбору дикорастущих хозяйственно ценных растений для постановки опытов, выставки работ юных натуралистов и т. п.

Станции юных натуралистов направляют исследовательскую работу юных мичуринцев, проводят консультации, семинары, методич. конференции с работниками школ и внешк. учреждений, разрабатывают программно-

методич. материалы и пособия. На самих станциях школьники работают в кружках, проводя опытно-исследовательскую работу по акклиматизации и выведению новых сортов с.-х. и декорат. растений, изучению животных, выращиванию и внедрению в массовую практику сортовых семян, саженцев и семян полевых, огородных, плодово-ягодных и декорат. растений.

Ист.: ТВПО, 1968, 338.

В середине 1970-х годов в СССР действовало более 300 станций юных натуралистов. См. также: *Юннаты, юннатское движение*.

О пятиклассниках в 1970-е гг.: «Максим пришел на станцию юных натуралистов. Он любил сюда ходить... А станция юннатов – веселое место. Небольшой дом посреди парка. По деревьям прыгают белки, на ветках щелкают синицы. Максиму нравятся синицы – непоседливые, настороженные птицы с синими спинками и желтыми щечками» (Матвеева, [1982] 1986; 93).

О Шадринске в 1996–1997 гг.: «В 11–12 лет я ходила на станцию юных натуралистов. Мы делали из листьев, перьев и других материалов природы картины» (067).

СТАНЦИЯ юных техников – учреждение дополнительного образования (внешк. учреждение), в котором учащиеся общеобразовательных школ получают доп. знания в области техники. При станции юных техников могут организовываться кружки: кружок юных авиамоделлистов, юных судомоделлистов, электротех. кружок, кружок «Умелые руки», радиотех. кружок, кружок юных химиков, автомобилистов, трактористов, чертежников, архитекторов и др. Важную роль в деять-сти обл., гор. и районных станций юных техников в 1930-х – 1980-х гг. играла основанная в 1926 году Центр. станция юных техников (в 1950-е – 1980-е гг. действовала при Мин-ве просвещения РСФСР).

О 1960-х гг.: «ЦСЮТ имеет: отделы методич. и массовой работы; кабинеты и лаборатории (энергетики, хим. технологии, машиностроения и др.); столовую и слесарную мастерские; библиотеку; постоянно действующую выставку тех. творчества школьников. ЦСЮТ направляет работу обл., гор. и район. станций юных техников, а также ведет кружковые занятия с учащимися на самой станции и в школах, организует массовые мероприятия – слёты, конкурсы, олимпиады, заочные клубы, выставки работ юных техников..., разрабатывает и издаёт программно-методич. материалы...» (ТВПО, 1968, 338–339).

В середине 1970-х годов в СССР действовало более 600 станций юных техников.

«СТАРАЯ крепость» – повесть (1936) Владимира Павловича Беляева (1909–1990).

«...Нестареющая трилогия “Старая крепость”. Она по праву заняла на библиотечных полках почётное место среди таких популярнейших у юношества книг, как “Школа” Аркадия Гайдара, “Белеет парус одинокий” Валентина Караева, “Повесть о настоящем человеке” Бориса Полевого»... “Старая крепость” живет, не ведая старости. Её читают новые поколения детей (Разумневич, 1990, 22).

СТАРИК – «Дружеское обращение к приятелю (разг.)» (Ожегов, Шведова, 1996, 752).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Мы с ним жили в одном доме, вместе росли... Он вылетал из школы, ветер широко раздувал полы его плаща. “Ты куда?” – попался я ему навстречу. “Старик, – сказал он, едва задержавшись (в то время модно было говорить друг другу “старик”, – ничего не могу учить. Никогда ничего не учил и впредь не собираюсь этого делать...” Оказывается, в тот момент он навсегда уходил из школы. Он бросил школу без сожаления» (Голявкин, 1999).

«СТАРИК Хоттабыч» – повесть-сказка Лазаря Иосифовича Лагина (1903–1979), впервые опубликованная в 1938 г. (журнал «Пионер», 1938, № 7–12; газета «Пионерская правда»), в 1940 г. вышла отдельным изданием. Пионер Волька находит старинную лампу, из неё появляется джинн Гассан Абдурахман ибн Хоттаб – Хоттабыч. Он признает спасителя Вольку своим хозяином. Выдергивая волосы из бороды и

произнося заклинания, старик Хоттабыч выполняет любые пожелания юного хозяина.

В. Березин: «Буратино у нас несравненно популярнее, чем Пиноккио. Точно так же старик Хоттабыч... давно затмил для советского, а потом и российского читателя Ф. Энсти, то есть Томаса Энсти Катри (1856–1934). Этот англичанин давным-давно написал свой “Медный кувшин со стариком, вылезающим из этого самого кувшина» (Березин, 2003, 7).

«“Старик Хоттабыч” Лагина, опирающийся на мотив известной арабской сказки об освобождении заключенного в сосуд джинна, воспроизводит сюжетную ситуацию вдохновленного этой сказкой романа англичанина Энстея “Медный кувшин”... Чрезвычайно любопытно переосмыслен сказочный сюжет в повести Лагина. В романе Энстея джинна освобождал из неволи респектабельный молодой англичанин, архитектор Хорс Вентимор. Всё дальнейшее повествование представляло собой цепь забавных эпизодов, рассказывавших о неудачных попытках джинна отблагодарить своего спасителя. Неудачными эти попытки выглядели потому, что, несмотря на объективную ценность даров Факреш-аль Амаша, самая форма их преподнесения своей старомодностью, несоответствием современным нормам поведения в обществе каждый раз ставила героя в затрунительное положение. Конечно, дорогие подарки, прибывшие на верблюдах, пригодились бы (еще как!)... но верблюды! Но падающие на колени погонщики! Но самый характер “даров”, наверняка долженствующий вызвать подозрения! В книге Лагина тоже есть забавные страницы с изображением неудачных попыток Гассана Абдурахмана ибн Хоттаба облагодетельствовать своего освободителя, пионера Вольку Костылькова. Есть, в частности, и караван верблюдов. Однако Вольку презентованные джинном богатства не привлекают по причинам принципиально иным, нежели Хорса Вентимора. Просто Волька живет в мире, где с таким богатством совершенно нечего делать, где деньги не могут помочь в приобретении тех благ, о которых говорит Хоттабыч. Вся сказочная повесть Лагина построена на конфликте мировосприятия доброго сердца, но... воспитанного обычаями социально чуждого советскому человеку мира старика Хоттабыча и его советских друзей» (Лупанова, 1969, 278, 280–281).

Автор неоднократно переделывал текст повести. В 1958 году повесть была экранизирована.

С момента издания книга пользовалась у детей огромной популярностью.

О конце 1960-х гг.: «...Пятиклассники отправили в посёлок Комсомольский свои любимые книги: “Четвертая высота”, “Сын полка”, “Старик Хоттабыч” и др.» (Лекманова, 1970).

В 1979 году всеюзнающая студия грамзаписи «Мелодия» выпустила пластинку с опереттой (мюзиклом) «Хоттабыч» (музыка Г. Гладкова, слова Ю. Энтина; исполнители: М. Боярский, Л. Гурченко). Песня из этой оперетты в 1980-е гг. нередко звучала по радио: «Хо-хо-хо-Хоттабыч, Хоттабыч, веселый джинн, / Хо-хо-хо-Хоттабыч, Хоттабыч, давай дружить! / Хо-хо-хо-Хоттабыч, Хоттабыч, куда исчез? / Нам не хватает твоих чудес!»

О девочке 9–10 лет в 1995 г.: «Любимая книга – это “Старик Хоттабыч”. Перечитывала около четырёх раз. Конечно же, любимый персонаж – это старик Хоттабыч. Безумно нравилось, как он выдергивал волосы из бороды и творил чудеса» (201).

О с. Верх-Теча Катайского р-на в 1995–1996 гг.: «Мне было 11–12 лет. Я сперва читала книгу “Старик Хоттабыч”, а потом смотрела фильм. Мне очень нравился старик, его волшебная борода. Я хотела, чтобы эта борода была и у меня...» (097).

О 1996 г.: «Моя любимая книга в детстве – это “Старик Хоттабыч”. Впервые я её прочитала примерно в 1996 г. В детстве я любила читать приключенческие книги, а это и есть приключенческая книга, так как старик Хоттабыч с мальчиком всё время попадали в разные и забавные истории и пытались выйти из этих ситуаций. В детстве мне больше нравились как бы нереальные ситуации, и меня это завлекало» (209).

О 12-летней девочке в с. Красная Нива Шадринского р-на в 1996 г.: «“Старик Хоттабыч” – очень интересный фильм. Особенно интересен старик, который выдергивал из бороды волосок и исполнял желания, а его “хозяином”, по-моему, был мальчик Вова» (102).

О 1999 г.: «Ещё хочу рассказать о книге, которую прочитала в 5 классе. Автора не помню, а название вроде бы “Джинн шестиклассника”. Это история о мальчике, который нашел лампу с джинном; учился он в то время в 5 классе. Джин выполнял все его прихоти и желания. Но в конце концов мальчик понимает, что лучше всего в жизни добиваться самому» (140).

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ школы – конфессиональные учебные заведения.

«После раскола Русской православной церкви и начала правительственных преследований старообрядцев со 2-й половины 17 в. староверы не могли больше получать образование в гос. школах, так как оно сопровождалось принудительным присоединением детей к новообрядной церкви. В районах проживания староверов обучение ориентировалось на практику монастырских и приходских школ. Формирование учеб. заведений в старообрядческой среде происходило стихийно, характер и объём преподавания зависели от местных условий. Перед старообрядческими школами стояли задачи дать нач. и религ. образование, а также готовить церковных служителей, певчих, иконописцев. Обучение сосредоточилось в крупных центрах староверия... Начало систематич. образованию детей в старообрядческих школах было положено основателем Преображенского старообрядческого монастыря в Москве И.А. Ковылиным (1731–1809). В начале 19 в. при монастыре была открыта духовная школа для мальчиков-сирот. Воспитание было подчинено задаче подготовки старообрядческих наставников и уставщиков. Особое внимание уделялось отличиям староверческой церкви от новообрядцев. По образцу московской Преображенской школы в 1-й четверти 19 в. велось обучение в старообрядческих школах других губерний. Во 2-й четверти 19 в. с началом царствования Николая I в старообрядческие школы были запрещены. До 60-х гг. 19 в. дети староверов обучались в секретных, подпольных школах. Официально старообрядческие школы были восстановлены в 60–70-х гг. 19 в. После выхода в 1905 Манифеста о свободе вероисповедания сеть старообрядческих школ расширилась. Были созданы казённо-приходские училища в основном того же типа, что и церковно-приходские школы офиц. церкви... После 1917 г. в РСФСР старообрядческие школы были закрыты» (ПЭС, 2003, 279).

СТАРОСТА класса – учащийся, который избран классом или учеб. группой для текущей орг. работы. Должность старосты класса существует с 1930-х гг. по настоящее время.

О 1920-х – перв. пол. 1930-х гг.: «Сколько... слов знала... школа: группорг, учком... Группоргов – организаторов групп (классов) потом стали называть старостами...» (Андреевский, 2003, 312–313).

О середине 1930-х гг.: «Я теперь до старосты / в нашем классе староста...» (Барто, 1937, 47).

О 1942–1944 гг.: «...Староста класса... говорил вяло, нескладно, и его не слушали» (Бакинский, 1956, 106).

О начале 1950-х гг.: «Сегодня в первом классе / Общее собрание. / Сегодня в первом классе / Идёт голосование. / Выбирает старосту / Сегодня первый класс» (Баруздин, [1954] 1976, 138).

Об учениках 4 класса мужской школы в конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Мы записали расписание уроков. Потом Ольга Николаевна сказала, что надо выбрать старосту класса и его помощника. “Глеба Скамейкина старостой! Глеба Скамейкина!” – закричали ребята. “Тише! Шуму-то сколько! Разве вы не знаете, как выбирать? Кто хочет сказать, должен поднять руку” Мы стали выбирать организованно и выбрали старостой Глеба Скамейкина, а помощником – Шуру Маликова» (Носов, [1952] 1965, 11).

О пятиклассниках в г. Курске в 1954–1955 гг.: «Мальчики не хотели подчиняться девочкам, поэтому и

не выполняли требований председателя совета отряда и старосты класса» (Нечаева, 1958, 48).

О середине 1950-х гг.: «[У кл. руководительницы] было спокойнее на душе оттого, что в её классе староста Галя Вербина – отличница, очень хорошая девочка, и председателем отряда будет тоже хороший ученик, который мог бы стать отличником, если бы не его застенчивость, и тоже очень хороший мальчик» (Котенщикова, 1958, 77).

О нач. 1960-х гг.: «После уроков в пятом классе “А” выбирали редколлегию, старосту и записывались в разные кружки» (Карпенко, 1962, 16).

О нач. 1960-х гг.: «Марине тринадцать лет... В классе 6 “Б”, где её избрали старостой, она воспитывает всех так усиленно, что мальчишки уже стали показывать ей язык и обещали окунуть косу в чернильницу...» (Цюрупа, 1964, 17–18).

Описание выборов старосты в начальном классе в 1960-х гг.: «“Вот что, дети, – сказала учительница, – пора нам старосту выбирать. Кто за класс отвечает? Староста отвечает. Староста класса – это почётная должность. Выдвигайте кандидатуры – кто кого хочет. Костя, я вижу, руку поднял. Ты, Костя, кого хочешь?” “Меня!” – сказал Костя. “Очень жаль, – сказала учительница, – но себя нельзя называть. Так не полагается. Миша пусть скажет, кого выберем”. “Я Костю хочу!” – сказал Миша... “Объясни нам, Миша, чтоб мы знали, почему Костю”. “Костю, – сказал опять Миша. – Костя, он фокусы знает”. “Знает, знает! – закричали все. – Он показывал! Он ещё на голове стоял!” “Так, – сказала учительница. – А девочку на перемене Костя не бил?” “Бил...” – сказала одна девочка и всхлинула. “Бил...” – сказала другая девочка и тоже всхлинула. “И руки у него в чернилах, – сказала учительница, – и ухо у него в чернилах, и нос у него подозрительный, и тетрадка у него грязная...” “Погодите выбирать! – крикнул Костя. – Вы погодите выбирать! Я тетрадку перепишу!” “И нос отмоешь?” – спросила учительница. “И нос!” “Ну, если нос... А драться?” “И драться!” – сказал Костя и посмотрел на тех девочек. А те девочки посмотрели на Костю. И они улынулись» (Мошкова, 1968, 24–25).

О середине 1970-х гг.: «Староста класса в школе – основной помощник учителя в первых-третьих классах и классного руководителя в пятых-десятых классах. Он следит за порядком и чистотой в классе, за работой дежурных, помогает учителю во всех орг. меропр-ях. Староста входит в актив класса. Староста учеб. группы в проф.-тех. училище и в сред. спец. учеб. завед. обычно назначается зав. учеб. частью...» (Денисова, 1978, 23).

О середине 1970-х гг.: «“Да нет, мама, что ты! – испугалась Аня. – Я... сама виновата. Мне давно надо было с этой новенькой поговорить. Она и сама не слушает, и мне не даёт”. “Так как же ты терпишь? Поставь о ней вопрос на классном собрании. Ведь ты же староста!” “Ну зачем, мама! При чём тут классное собрание?”... На лестнице [Тосю] нагнал Спичкин. “Брось! – сказал Спичкин. – Не обращай ты на [Аню] внимания! Мы её всё равно переизберём. Тоже мне староста! Не может поход в театр организовать!”» (Пивоварова, 1977; 20, 24).

О 13-летних школьниках в 1983 году в Москве: «Это, между прочим, нам только кажется, что мы выбираем старосты кого попало – лишь бы скорей проголосовать да по домам... На самом же деле ничего подобного! Почему-то старостами и председателями оказываются именно те люди, которые выделяются, которых мы выбрали бы, если б сидели долго и вдумчиво, а потом бы еще затеяли тайное голосование» (Иванов, [1984] 1992, 332–333).

СТАРУШКА-МАТЕРШИННИЦА – персонаж детской мифологии 1980-х – 1990-х гг.

Об 11-летней девочке в 1990 году в детском лагере города Новооганска Нижневартовского района Тюменской области: «Ещё вызывали старушку-матершинницу. Натягивали нитку над блюдом, в блюдце сыпали сахар и тихо сидели и ждали, пока появится та самая старушка. Она должна была пойти по этой нитке и материться, при этом важно не засмеяться,

иначе она исчезнет. Но она у нас так никогда и не появилась» (503).

СТАРШАЯ ПИОНЕРВОЖАТАЯ – см.: *Старшая пионерская вожатая*.

СТАРШАЯ ПИОНЕРСКАЯ ВОЖАТАЯ – лицо женского пола, выполняющее обязанности *Старшего пионерского вожатого*.

О 16–17-летних юношах и девушках в Шадринске в 1935 г.: «В янв. 1935 г. я была переведена работать в свою родную школу ФЗД старшей пионервожатой. Задачи... – помогать дирекции школы, учителям мобилизовать учащихся на хорошую успеваемость, сознать дисциплину, на участие в обществ. работе, привитие трудовых навыков...» (Такунцева, [1989] 2002, 46).

О 1947 г.: «В восемь часов я прискакал в школьный двор. Там уже были несколько мальчишек и Елена Ивановна – очень красивая, в белой кофточке с пионерским галстуком и командирской пилотке со звёздочкой. Елена Ивановна была учительницей в нашем третьем классе и в то же время старшей пионервожатой» (Крапивин, 1982).

О середине 1950-х гг.: «[Отрядная вожатая] Рита была не одна. Следом за ней в класс вошла старшая пионерская вожатая Галина Ивановна» (Котовщикова, 1958, 78).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Олимпиада Васильевна была старшей пионервожатой в нашей школе. Она очень любила читать нравоучения. Поймает тебя на перемене, схватит за плечо и давай доказывать, что ты плохой, никуда не годный мальчик. Тут перемена проходит, побегать охота, а она всё говорит, говорит... Этим Олимпиада Васильевна на всех нагоняла скуку... Беда тому, кого она поймает за руку и начнёт нудно отчитывать...» (Греков, 1960, 29).

О Москве в 1983 г.: «“Заходи, Крамской... Ты ко мне?” Ясно, к ней – к кому же ещё. Но Лида это специально сказала. Так говорила старшая пионервожатая Светлана. К ней войдешь в пионерскую, она сидит одна. А всё равно спросит: “Ты ко мне?” Получалось сразу более значительно: она вожатая, а ты просто пионерка» (Иванов, [1984] 1992, 334).

СТАРШИЙ ПИОНЕРВОЖАТЫЙ – то же, что *Старший пионерский вожатый*.

СТАРШИЙ пионерский вожатый – воспитатель и организатор пионерской дружины.

О конце 1940-х гг.: «“Экзкурсия школьного краеведческого кружка из Малой Мурзинки прибыла. Никаких происшествий не было, больных и отставших нет”, – отпартовал директору старший пионервожатый Роман» (Ликстанов, [1953] 1964, 329).

О 1942–1944 гг.: «Моя схватка с Писаревым обсуждалась на собрании класса... Собрание проводил старший пионервожатый; возле него поместилась... новая учительница истории – молодая и бойкая... Едва старший пионервожатый успел объявить о цели собрания, учительница истории... произнесла короткую речь...» (Бакинский, 1956, 106).

Из Приложения к Постановлению ЦК ВЛКСМ от 13 дек. 1957 г.: «Старший пионерский вожатый является воспитателем и организатором юных пионеров, представителем комсомола в пионерской дружине. Старший пионерский вожатый работает под руководством районного, гор. совета пионер. орг-ции имени В.И. Ленина... На работу старшим пионерским вожатым дружины направляются комсомольцы и коммунисты в возрасте не моложе 18 лет, имеющие необходимое образование и призвание к работе с детьми, соответствующие организаторские навыки, полит. и культурный уровень. Подбор, утверждение и освобождение старших пионерских вожатых осуществляет районный, гор. совет пионер. орг-ции по согласованию с райкомом, горкомом комсомола и районным (городским) отделом нар. образования» (Сборник, 1958, 62).

О вт. пол. 1950-х гг.: «В пьесе [А. Хмелика “Мой друг Колька”, поставленной в 1960 г.] чувствуется, что автор... волнуют все “антигайдаровские черты”, возникшие в жизни пионерской орг-ции и до сих пор не изжитые. И то, что... тимуровское движение зачастую превращается в показное “мероприятие”..., и то, что деятельность

пионервожатых в школе превратилась в обыкновенную службу, в чиновничье бездушное выполнение инструкций и требований начальства из одной лишь боязни “потерять место”. В пьесе... убедительно показано, что именно от этого возникает “скука зеленая” на пионерских сборах, где всякая ребячья самодетельность убивается в зародыше сухой регламентацией, мелочным, придирчивым диктатом взрослого, совершенно равнодушного к делу и к детям человека. Образ Лидии Михайловны Ивановой – старшей пионервожатой – один из самых удачных в дет. драматургии последних лет. В нём наиболее ярко отражена совр. рутинная пионерского и шк. дела. По меткости наблюдений и разоблачит. силе, по точности и даже тонкости психолог. и речевой характеристики, по “узнаваемости” каждого её поступка, жеста или слова это настоящий, хорошего худ. масштаба, лит. тип плохого пионервожатого, способного развивать в детях, которым такой вожатый симпатизирует, лишь подражательные черты юных бюрократов, будущих чиновников и формалистов. Таким уже становится не без влияния Ивановой Валерий Новиков – председатель совета дружины» (Тамарченко, 1961, 83).

О середине 1970-х гг.: «Работой пионерской дружины руководит старший пионервожатый. Старший пионервожатый – должностное лицо в школе. Он является членом пед. совета и работает в тесном контакте с учителями. Старшим пионервожатым может быть комсомолец или коммунист не моложе 18 лет, имеющий общее среднее, сред. спец. или высшее образование и спец. подготовку по пионерской работе. Эту подготовку вожатые получают на спец. отделениях пед. училищ и пед. институтов. Старший пионервожатый отвечает за работу пионерской дружины, руководит работой отрядных вожатых, совместно с комитетом комсомола школы готовит пионеров к вступлению в ряды ВЛКСМ» (Денисова, 1978, 159).

СТЕК – «тонкая палочка с ремешком петлей на конце, применяемая как хлыст при верховой езде» (СИ, 1994, 578).

«Нет, не было денег у Гриши. И изобретенная третьеклассниками игра мало его интересовала. Дома (если можно было сказать “дома” про квартиру Белковой) ... он часто оставался один: франтоватый Лехович уходил куда-то, захватив с собой стек – короткую палочку с кожаной петлей на конце – и надев чуть набор особого фасона “кавалерийскую” фуражку» (Кононов, 1958, 150).

СТЕКЛЯННЫЕ ШАРИКИ – см.: *Шарики стеклянные*.

СТЕКЛЯННЫЙ шар «со снегом» – см.: *Шар «со снегом»*.

«СТЕНА, ПРОСТЕНОК...» – начало текста, сопровождающего шутивно-игровое действие. Ср.: «Стенка, стенка, потолок...».

О 1992 году в с. Глядянское: «Розыгрыши: “Стена, простенок, / Дверь, порог, / А тут звонок: / “Дзень, дзень””. Сначала задеваешь пальчиками правую щеку, потом левую, подбородок, лоб и, наконец, нос, а потом по нему два раза задеть. Наподобие: “Шина, машина, кузов, кабина: “Пи-биб”». Эти розыгрыши мне показала бабушка (мне тогда было 8 лет, я закончила 1-й класс) я как-то летом приехала к ней на каникулы, езжу до сих пор начиная с первого класса. Мы с ней сидели на лавочке, она мне просто так сделала, то есть разыграла меня. Мне это так понравилось, что я просила её делать каждый раз перед сном, либо наоборот, когда просыпалась» (106)

СТЕНГАЗЕТА школьная – вывешенная на стене рукописная или машинописная газета.

О 1920-х – 1970-х гг.: «Стенгазеты появились в первые послереволюционные годы как одно из проявлений общественной активности народа, вместе с массовым движением рабочих и сельских корреспондентов... Вначале, в 1920-е гг. стенгазета называлась и своим полным именем – “стенная газета” (см. постановление Оргбюро ЦК РКП(б) 1924 г. “О стенных газетах”), и так, как сейчас, и сложносокращённым словом слогового типа “стенгаз”. С течением времени существительное “стенгазета”

отодвинула на периферию остальные названия. Сейчас ни выражение “стенная газета”, ни слово “стенгаз” мы уже практически не употребляем» (Шанский, 1980, 40–41).

В 1930-е – 1980-е годы выпуск стенных газет был обычным и даже обязательным делом для класса (классного коллектива) или пионерского отряда; выпускались также общешкольные стенгазеты.

О конце 1934 года в г. Петрозаводске: «...Я щедро снабжала барабанными виршами праздничные номера стенной газеты, откликаясь на все важные события времени. “Злодейское убийство товарища Кирова” я отметила не только слезами, но и очередными стихами (помню из них лишь несколько строк: “Тяжко завывли гудки Ленинграда, / Бьется, рыдая, Нева о гранит, / Киров, наш славный товарищ Киров – убит!”» (Лупанова, 2007, 69).

О 1939–1940 гг. на Украине: «А в 9–10-х классах... меня избрали редактором сатирико-юмористической стенгазеты “Еж”» (Цидильковский, 1996, 132).

О 1941–1945 гг.: «Особое внимание в школах военного времени уделялось восп. работе... В те годы получили распространение такие формы идеол. воздействия на школьников, как кружки комсомольской политсети, митинги школьников по поводу различных полит. событий, устные газеты, агитбригады, лекторские группы и ученич. лектории, подготовка витрин и стендов, выпуск стенных газет и боевых листков, встречи с участниками войны и т.п.» (ИПО, 2001, 484).

О конце 1940-х гг.: «...Глеб Скамейкин... наконец придумал такую вещь: подговорил ребят, которые выпускали стенгазету, нарисовать на меня карикатуру... “...Но нельзя же каждый раз портить стенную газету. Ведь все газеты у нас сохраняются. По ним потом можно будет узнать, как работал класс, как учились ученики. Может быть, потом кто-нибудь из учеников, когда вырастет, станет известным мастером, знаменитым художником, лётчиком или учёным. Можно будет посмотреть стенгазеты и узнать, как он учился”... Карикатура наша провисела в газете целую неделю, и только за день до общего собрания вышла новая стенгазета, в которой уже карикатуры не было и появились обе наши заметки: моя и шишкинская. Были там, конечно, и другие заметки... “Надо про них в стенгазету писать”. “Правильно, – сказал Глеб. – Мы начнем кампанию в стенгазете против подкаски”» (Носов, [1951], 1979–1; 446, 452–454).

О пятиклассниках в женской школе в конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Собрались на сбор отряда / Все! Отсутствующих нет! / Сбор серьезный: / Выбрать надо / Лучших девочек в совет. / Предлагают выбрать Свету: / Света пишет в стенгазету...» (Барто, [1952], 1960, 274).

О женской школе в 1953–1954 гг.: «На третьем этаже вдоль стены тянулся длинный ряд стенных газет: одни – с кричащими, яркими заголовками, другие – поскромнее. На многих красовались искусно нарисованные картинки и карикатуры... А одна газета была на английском языке. Называлась она “The school news”, что по-русски означает: “Школьные новости”» (Дик, 1956, 12).

О середине 1950-х гг.: «Классная стенная газета является коллективным пропагандистом, агитатором и организатором ученич. коллектива класса, она служит хорошим средством развития критики и самокритики в ученич. среде... Обычно в V–VII классах стенные газеты являются органами пионерского отряда и класса. В VIII–X классах стенные газеты являются органами комсом. орг-ций. Редколлегия – выборный и, следовательно, подотчетный орган; это повышает чувство ответственности редколлегии за качество выпуска стенных газет» (КР, 1957, 210–211).

О конце 1950-х гг.: «Вчера отказалась она наотрез / Оформить стенную газету./ Для класса стараться? Какой интерес – / Отметок не ставят за это!» (Серова, 1960, 39).

Описание «нормативной» стенгазеты 1950-х гг.: «[Стенгазета] бывает общешкольной или классной, выпускаемой периодически в установленные сроки и эпизодически – в связи с теми или иными событиями в жизни класса, школы, пионер. или комсом. орг-ции.

Разновидностью стенной газеты являются “Бюллетень”, “Боевой листок”, “Молния”, сатирический “Еж” и т. д. В школьной стенгазете помещаются статьи заметки и корреспонденции о жизни школы, учении, труде и отдыхе учащихся, о деят-сти обществ. шк. орг-ций. Проводится обсуждения книг, спектаклей, кинофильмов, дискуссии, конкурсы, смотры лит. работ школьников. Помещение в газете стихов, басен, фельетонов, иллюстрирование фотографиями, карикатурами, рисунками делает её интересной, привлекает к ней юных читателей. [Стенгазета] уделяет должное внимание критике недостатков в поведении и труде школьников, называет имена критикуемых... Газета показывает лучших учащихся в их повседневных делах в классе, на предприятии, при выполнении общественно полезной работы, на экскурсии, в походе и т. д. В связи с этим во многих шк. стенгазетах имеется раздел “Так поступают пионеры”. Сатирич. сообщения о разл. случаях из жизни класса, школы многие газеты дают в разделе “Последняя почта”. Интересным бывает раздел “рекомендует прочесть”, где школьники рассказывают о прочитанных ими книгах. Для “уголка смекалки” учащиеся сами составляют шарады, ребусы, загадки» (ПС, 1960–2, 440).

О начале 1960-х гг.: «Деятельность пионерских отрядов V–VI классов, как правило, включает выпуск стенных газет...» (Монахов, 1966, 47).

О 1960-х гг.: «Хазов редактировал классную стенгазету... Как подходил какой праздник, Хазов приносил в класс уже готовую газету, с наклеенными листочками статей и заметок, с разделами “Спорт”, “Юмор” и “Разное”, с фотокарточками и коллажами. Он совал газету мне, ...объяснял, как написать заголовки, где виньетку пустить и что нарисовать еще, в соответствии с духом и значением приближающегося праздника. Я в нашей стенгазете числился художником. Статьи и заметки Хазов писал сам, сам вел разделы “Спорт”, “Юмор” и “Разное” и сам фотографировал, так что Зойке Забаре совсем не осталось дел возле него. Раньше-то ее в редакторах за красивый почерк держали, за усидчивость и прилежность, а Хазову и почерк ее был без надобности: он где-то сам на пишущей машинке все перепечатывал. Писал он хорошо, а главное – всегда был в курсе всех дел класса, все слышал и подмечал...» (Туинов, 1985, 59).

О начале 1970-х гг.: «Главный редактор был озабочен выпуском особо ответственной стенной газеты ко Дню Советской Конституции и важно ответил: “...Ты бы лучше заметку написала о дружбе между мальчиками и девочками”» (Романовский, 1976, 118).

О Шадринске в 1999–2002 гг.: «Стенгазеты заставляли рисовать, начиная с 7 класса. Для этого собрали редколлегию, состоящую из тех, кто умел рисовать и писать стихи. Стенгазета выпускалась к праздникам (23 февраля, 8 марта и т. д.) или к другим событиям (день математики, борьба с курением, “Берегите природу”). На линейке объявляли, чья стенгазета лучше и выдавали грамоты классам (чья стенгазета были хорошие) “За активное участие в жизни школы”. Особенно хорошие стенгазеты отправлялись на городскую выставку и соревновались со стенгазетами других школ (“Берегите природу”, “Берегите здоровье”, “Соблюдайте правила дорожного движения”» (012).

СТЕНКА-СТУКАЛКА – игра в мяч.

О второкласснике в 1946 г.: «...Гарик... принёс для Севки чёрный резиновый мячик. У Севки был свой мячик, но большой, красно-синий. А этим можно играть летом... в стенку-стукалку» (Крапивин, 1986, 96).

СТЕНКОР – вероятно, корреспондент *стенной газеты школьной*.

О начале 1960-х гг.: «Однажды на перемене подошла ко мне наша вожатая Валя и сказала: “У тебя, Вова, уже целый месяц никаких поручений нет! Что ты себе думаешь?! Ну, стал бы стенкором, или ответственным за кроликов, или хотя бы шефство над каким-нибудь малышом взял...” “Хорошо, подумаю”, – ответил я. Пошёл в класс, сел за парту и начал думать: “Стенкором я уже был, с кроликами возни много, лучше уж с человеком дело иметь”» (Чеповецкий 1962, 6).

СТЕННАЯ газета школьная – см.: *Стенгазета школьная*.

СТЕННОВКА – то же, что *Стенгазета школьная*.

О 1918–1922 гг.: «В школьной стенной газете, в сатирическом отделе её “Кому что снится”, я помещал сокрушительные фельетоны, подписывая их “Б. Овод”. Но разве школьная стенновка могла удовлетворить человека, принявшего столь романтический псевдоним?» (Полевой, 1978, 297)

О середине 1960-х гг.: «В тишине раздался насмешливый голос Саши Мятликова: “Не волнуйся, Виталия, о тебе подумали. В следующем номере стенновки увидишь карикатуру. Троечки за тобой так и ползут”. Петров покраснел. Глаза его яростно округлились. “Это месть с твоей стороны! За мою критику. Учти! А... в какой стенновке? В нашей или?...” – спросил он с тревогой. Все снова расхохотались» (Котовщикова, 1969, 5).

«**СТЕНКА**» – азартная игра.

О 1941–1945 гг.: «“Эй ты, хмырь!” – окликнул меня мальчишеский голос. Из пролома в заборе торчала ушастая голова на длинной шее... “От хмыря слышу!” “Хе... – задумалась голова. – В стенку сбациаем? – Парень ловко подковырнул ногтем медяк, поймал его на лету. – По пятаку?” Я ответил, что играть мне не на что. Парень поскуцнел: “Ладно, тогда на шалабаны...”» (Леонов, 1983, 62).

«**СТЕНКА, стенка, потолок...**» – начало текста, сопровождающего шутивно-игровое действие. Ср.: «*Стена, простенок*».

О 1995–1998 гг. в Шадринске: «Я в эту игру играла в 9–12 лет: “Стенка, стенка, потолок, / Электрический звонок, / Два пожарника бежали / И на кнопку нажали – / Би-и-ип!” В эту игру играют два человека. Один поет песню и указательным пальцем делает действия. “Стенка” – указательным пальцем ткнуть в одну щеку; “стенка” – в другую щеку; “потолок” – в лоб; “электрический звонок” – в нос; “два пожарника бежали” – средним и указательным пальцами (как ножки человека) [“пробежать”] по губам от подбородка к носу (как по лесенкам); “Би-и-ип!” – нажать на нос (как при звонке в дверной звонок)» (112).

«**СТЕНКИ**» – то же, что «*стеночки*», род игры в *салки*.

О начале 1990-х гг. в г. Далматово: «В школе на переменах любили играть в “наступалы”... Так же [играли] в “стенки”. Ляпа бегаёт и ляпает тех, кто не успел встать к стенке, и тот становится ляпой. Нужно было перебежать от стенки к стенке. Если один человек стоит долго у одной стенки, ты подходил ему и говорил: “Кто на месте кашу варит, тот четыре раза галит!” И ляпал [его]» (508).

«**СТЕНОЧКИ**», игра(ть) в *стеночки* – род игры в *салки*.

О 1984–1987 гг. в поселке Новоанганск Нижневартовского района Тюменской области: «Ещё была игра “Стеночки”. Один человек ведущий, бегаёт за всеми. Кого он задел, тот становится ведущим. Но если ты стоишь и держишься за стену, ведущий до тебя не дотрагивается» (503).

О середине 1990-х гг.: «Когда мне было 12 лет, мы играли в “стеночки” (в школе). Все участники вставали к *стеночкам*, один человек стоял посередине коридора. От одной *стеночки* должны были пробежать к другой стене. А тот, кто в середине должен был поймать кого-нибудь. Если поймал, этот человек вставал за него, и игра продолжалась дальше» (025).

СТЕПАШКА – популярный персонаж телепередачи «*Спокойной ночи, малыши*».

О начале 1990-х гг.: «...В детстве я любила передачу “Спокойной ночи, малыши”... Одним из моих любимых героев был Степашка, он казался мне самым интересным, красивым. У него очень красивые, выразительные глаза, на которые нельзя было обратить внимание. Я даже просила у мамы, чтобы она мне купила игрушку в виде Степашки» (037).

О 1992–1997 гг. в г. Шадринске: «Когда мне было 6–11 лет, я смотрела передачу “Спокойной ночи, малыши!”

каждый вечер в 20.45. Особенно мне нравился Степашка. Мне казалось, что он очень пушистый» (112).

О середине 1990-х гг.: «Моя любимая телепередача – “Спокойной ночи, малыши”. Нравилась, потому что всегда показывали разные мультфильмы. Любимый герой – Степашка. Нравился, потому что он всегда был правдив, интересен. И ушки у него были смешные» (186).

«**СТЕПКА-РАСТРЕПКА**» – популярная книга рассказов для детей в стихах. Многократно издавалась во вт. пол. XIX – перв. четверти XX вв. – в 1849, 1857, 1867, 1893, 1896, 1901, 1909–1912, 1915–1918, 1923 гг. и др. издания. [...]

О перв. пол. 1910-х гг. в Петербурге: «Взрослых книг мне читать не полагалось, папа запирает книжный шкаф на ключ, а три-четыре детские книжки – “Стёпку-растрёпку”, “Птичницу Агафью” и сказку о Василисе Прекрасной – я знала наизусть» (Александрова, [1975] 1978, 7).

О мальчишке в Москве в середине 1910-х гг.: «Я жил так, как жило больш-во детей в тогдашних интеллигентных семьях... Я любил сказки Пушкина, Андерсена, “Приключения Мурзилки”; я боялся синего портного, которым иллюстрировался старый “Степка-растрепка”...» (Жуковский, 1992, 24).

СТИЛЯГА – «(разг.). Молодой человек, слепо подражающий всякой крикливой моде и обычно лишённый всяких идейных, общественных интересов» (Ожегов, 1970, 757).

О Москве в 1946–1958 гг. (из справки КГБ 1958 г.) «...В послевоенные годы в поведении отдельной части московской молодежи стали проявляться определенные черты и наклонности... Эти черты в основном определяются пренебрежительным отношением к труду, стремлением к праздной “красивой” жизни, пошлостью, аморальностью, беспринципностью, уклонением от участия в общественной жизни, аполитичностью, переоценкой своей личности, желанием чем-либо (одеждой, поведением, жаргоном, образом мыслей) выделиться из окружающей, “серой”, по их выражению, массы... Обычно между собой и даже среди незнакомых разговоров “стиляг” ведётся на особом жаргоне. Однако в последнее время этот жаргон вышел далеко за пределы круга “стиляг” и его знают многие из молодежи и подавляющая часть студентов гуманитарных институтов. Глядя на этих “стиляг”, им начинало подражать ученики школ... – вначале в шутку, а со временем некоторые из них, тоже заражаясь желанием танцевать вульгарные танцы, вливаются в эти “капеллы” и разъезжают с ними по вечерам. Если среди таких новичков попадает молоденькая, внешне интересная девушка, её быстро затягивают в эту жизнь, возят по ресторанам, спаивают и развращают на попойках, организуемых у кого-нибудь из “стиляг” дома. Особым подвигом для себя эти “стиляги” считают растление невинных девушек. После этого многие девушки начинают вести легкий образ жизни. Если раньше “стиляги” отличались тем, что ярко, пестро одевались, то уже теперь, когда такая одежда привлекает внимание не только общественности, но и комсомольских патрулей и милиции, “стиляги” стали одеваться менее крикливо, не утрируя моды, но только в заграничное платье. Настоящих “стиляг” теперь трудно на улице отличить от иностранцев. Особо следует сказать о примыкающей к “стилягам” молодежи, в основном это ребята 16–17 лет, подражающие “стилягам”. Среди них есть рабочие, учащиеся и другая молодежь. Они попадают под влияние опытных “стиляг”, одеваются пестро, в погоне за “рекламой”, и служат для более опытных “стиляг” ширмой. В то время как комсомольские патрули забирают пестро одетых и внимание милиции привлекают эти крикливые и шумные ребята, настоящие “стиляги”, одетые по последней европейской моде, обделывают свои тёмные дела. Кроме указанных фактов, свидетельствующих об аморальном поведении “стиляг”, устраиваемых ими пьяных оргиях, сопровождающихся развратом, имеются данные о вредном разлагающем их влиянии на школьников старших классов. Так, ученик 10-го класса Химкинской школы В. заявляет, что молодежь должна стремиться

сделать только свою жизнь хорошей, а идеи коммунизма ей не нужны, так как жизнь требует то, что хочет человек, а не то, что нам обещают. Под влиянием извне В. механически выбыл из комсомола. Ученица этой же школы Р. (её брат разрабатывается по связям с иностранцами) на комсомольском собрании в школе заявила, что «до революции большевиков не признавали, а они победили. “Стиляг” сейчас не признают, а придёт время, и они возьмут верх, и будет время “стиляг”» (Маринин, 1992, 62–64).

СТИРАЛЬНАЯ машина – машина (агрегат, домашняя техника) для стирки изделий из ткани.

Стиральная машинка игрушечная.

О девочке 5–7 лет в с. Лопатки Лебяжьевского р-на в перв. пол. 1980-х гг.: «Была посудка пластмассовая белая с красными цветочками. В ней готовили еду. Варили и суп, и кашу, смешивая песок и воду, нарезали траву вместо специй и зелени. Также любила я стирать. У меня была настоящая кукольная стиральная машинка на батарейках» (455).

СТИРАЛЬНАЯ резинка – то же, что *ластик*.

О нач. 1930-х гг.: «...Модель эсминца в крупном масштабе... была сделана из полена и стиральных резинок (ластиков, говоря по-московски)» (Дьяконов, 1995, 228).

О шестикласснице в нач. 1950-х гг.: «Лида сидела на полу и выкидывала из ящика носовые платки..., альбомы с фотографиями и стиральные резинки» (Георгиевская, 1954, 241).

О вт. пол. 1960-х гг.: «Я хотел дать [маленькой рыбки] хлеба, но в кармане крошек не оказалось, и я кинул ей стиральную резинку...» (Вольф, 1971, 42).

См. также: *Резинка; Ластик*.

СТЫД – «Чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка» (Ожегов, 1972, 714).

Стыд публичного обнажения.

Об институте благородных девиц в конце 1850-х гг.: «На другое утро... девочки встали несколько позже, все были в корсетах... [Классная дама] вошла в дортуар, все были готовы, кроме Пышки, тянувшей ещё свой корсет. “М-Не Королёва, не стойте ли вам стоять раздетой при мужчине!” Девочка взвизгнула и присела в промежутке между кроватями. “Где мужчина? Какой мужчина?” – кричали другие, осматриваясь кругом. “Да разве вы не видите, что топят печи!” – “Так ведь это солдат, m-lle”, – отвечала Пышка, вылезая и спокойно продолжая шнуровать. Солдата, прислуживавшего в коридоре и при печках, ни одна девочка не признавала за мужчину и никогда его не стеснялась» (Лухманова, [1903] 1997, 359).

О нач. 1960-х гг.: «Последний раз [Нюрка] плакала шесть лет назад, когда мать поймала ее на совхозной морковке и при всех, задрав ей юбочонку, отстегала протом. Нюрка громко редела тогда не оттого, что больно (бывает и больней), не оттого, что бьют (других детей тоже бьют), но оттого, что бьют ее при народе, а она без штанов, а ей уже целых восемь лет! Она укусила мать за руку, забралась в чашу первой целинной пшеницы и плакала» (Бейлина, 1966, 6).

См. также: *Труссы, Без трусов заставляют находиться; «Московский зонтик»*.

«СТО К ОДНОМУ» – развлекательная телепередача.

О 2001 г. в Шадринске: «Когда мне было 14 лет, я очень любила смотреть телепередачу “Сто к одному”. Мне нравилось выбирать одну команду их двух участвующих и болеть за неё. Лёгкая и хорошая передача, в которой очень много весёлых моментов. Мне нравилось наблюдать то, как на один и тот же вопрос, касающийся нашей жизни, отвечают разные люди, и ещё в этой передаче нужно отгадать самый популярный ответ. То есть опрашивались люди на улицах, и считался процент их ответов. И причём иногда ответы очень смешные и нелепые, очень весело это наблюдать! Эта передача идет и сейчас; я её смотрю с таким же интересом, как и раньше» (135).

«СТОЙКИЙ оловянный солдатик» – сказка Г.-Х. Андерсена.

О 1991 году в Шадринске: «Когда мне было лет 6, я очень любила сказку “Стойкий оловянный солдатик”. Её

мне читала мама из тонкой красненькой книжки в мягкой обложке. Мне эта книжка очень нравилась, мне в ней нравились иллюстрации и сюжет сказки» (111).

«СТОЙ, кто идёт?» – песня (слова С. Погореловского, музыка В. Соловьёва-Седого), разучивавшаяся в детских садах и начальных классах школы.

Текст (цит. по сб. песен для нач. классов): «[1.] Кусты – это роща, канава – граница. / А мы – пограничники – смелый народ!.. / Как враг ни таится, как враг ни ловчится, / А к нам не проскочит, а к нам не пройдёт. [Припев:] Стой, кто идёт? / Стой, кто идёт? / Никто не проскочит, / Никто не пройдёт! [2.] Вот кто-то крадётся в кустах у колодца, / Ползёт осторожно в траве у ворот... / Он ловко крадётся, да в плен попадётся. / А к нам не проскочит, а к нам не пройдёт! [Припев] [3.] Вот кончатся игры, и детство промчится, / Дела настоящим настанет черёд. / Мы станем на страже советской границы, / И враг не проскочит, шпион не пройдёт. [Припев]» (СП, 1958, 79–80)

«СТОЛ, клеёнка, угол, плёнка» – детское развлечение.

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1993–1994 гг.: «“Стол” (левая рука разворачивается ладонью вверх), “клеенка” (ладонью правой руки проводим по ладони левой руки), “угол” (указат. и средний палец правой руки ставим на ладонь левой), “плёнка” (продолжая упираться пальцами в ладонь, большим пальцем правой руки делаем фигу). Играли в эту игру лет в 7–8 (1993–1994 гг.). Например, подходит к тебе кто-нибудь из детей и говорит: “Сфотографируй меня”. Тогда делается всё вышеперечисленное. Или сам подходишь к однокласснику и спрашиваешь: “Хочешь, сфотографирую?”» (011).

«СТОП, ягодка» – игра.

О середине 1990-х гг.: «Мы в эту игру играли у себя в д. Павелево Далматовского р-на, когда мне было 8–12 лет. Число играющих может быть каким угодно. Возле дома мы оставили скамейку, выбрали ведущего, а остальные садились на скамейку. Ведущий загадывал любое слово и при помощи наводящих вопросов, которые учащиеся задавали ведущему (например: Это предмет? Он есть у каждого дома?), они пытались его отгадать. Если кто-то называл это слово вслух, то ведущий должен сразу же бежать в любую сторону, а участник должен сказать ему “Стоп, ягодка”. А участник должен сказать, сколько до ведущего “зонтиков”, “лягушек”, шагов (больших и маленьких), плевков и таким образом до него добраться, в результате задев его рукой. Потом ведущий и участник меняются местами» (027).

Ср.: *«Бабка, бабка, сколько время?»*

СТОЯТЬ в углу – см. *Ставить в угол ребёнка*.

СТРАНА, вымышленная страна, выдуманная страна, страна-мечта – см.: *Вымышленная страна*.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ игра компьютерная – компьютерная игра, основанная на моделировании того или иного процесса, например, роста города или развития цивилизации. В стратегических играх необходимо, как правило, вести военные действия и наращивать мощь (своего гос-ва, армии, компании). (ТСРК, 1998, 259).

СТРАТИТЬ – ошибиться в игре (вероятно, областное). Ср.: *Окартаться*.

О середине 1910-х гг.: «...Марийка и Лора играли в “классы”. Лора прыгала на одной ноге по криво нарисованным квадратам, а Марийка сидела рядом на корточках и, раскачиваясь, приговаривала: “Колдуй, баба, колдуй, дед, / Заколдованный билет... / Чух-чух, не хоч, / Я ошибку закачу...” Это нужно было для того, чтобы Лора “стратила”, то есть сделала ошибку. Лора и в самом деле скоро “стратила”: бросила своё стекло прямо в “пекло”...» (Бродская, [1938] 1957, 27–28).

СТРАХ – «очень сильный испуг, сильная боязнь» (Ожегов, [1960] 1970, 762; Ожегов, 1988, 630).

Лит.: Захаров, 1986.

Детская практика посещения страшных мест.

«Другой тип детских “мест” – это “страшные места”. Они относятся к разряду опасных, запретных, чуждых ребенку пространственных зон, но составляют среди них особую категорию. Обычно дети считают “страшными

местами” не обитаемые людьми замкнутые пространства: подвал, чердак, старый погреб или колодец, заброшенный дом и т. п. Входы в эти места становятся для детей точками соприкосновения обыденного мира ребенка с миром иным – таинственно-мрачным, населенным непонятными враждебными силами, живущими по нечеловеческим законам. От них веет могилкой, и они вызывают у ребенка экзистенциальный ужас. Но, как известно, “всё, что нам гибелью грозит, Для сердца смертного таит Незыблемы наслажденья». Поэтому посещение “страшных мест” – это особая традиция детской групповой жизни...» (Осорина, 1999, 73).

Страхи у детей, вызванные фильмами.

О Шадринске в 1993–1997 гг.: «В возрасте пяти лет, после просмотра фильма, в котором на свалке сожгли девушку, натянув ей на лицо бежевые безразмерные колготки, я стала бояться свалки, находящейся возле барахолки. Как только мы [появлялись с папой] на территории [барахолки], я, увидев за сетчатым забором свалку, начинала реветь. После того как папа пару раз отлутил меня, приняв мою истерику за капризы, я стала [при появлении на территории барахолки] закрывать глаза и не открывала их до того момента, пока мы не [покидали зону] видимости свалки... В младшем школьном возрасте (8–9 лет)..., после просмотра фильма ужасов, в котором из унитаза вылезало чудовище и съело человека, я стала бояться ходить в туалет. Обязательными действиями стали: предварительный слив воды, который, по моему мнению, должен был смыть чудовище из унитаза в канализацию, затем я медленно открывала крышку и смотрела, нет ли там чудовища, и только потом садилась на унитаз» (1012).

Страх перед учителем.

О 1980-х гг.: «Здесь уже говорилось о случаях унижения, оскорбления, издевательства учителей над детьми, о побоях в школах, и особенно в интернатах... Когда современный учитель входит в класс, ребёнок часто, кроме страха, ничего не испытывает. О каком усвоении знаний тут может идти речь?» (Детство, 1989, 21)

Страх избиения, физического насилия; страх как результат запугивания – важнейший аспект существования ребёнка в детском сообществе.

О 1941–1943 гг.: «В те времена переростки были обычным явлением в классах. Васька был третьегонником. Я не помню безжалостней и хладнокровней мальчишки, чем этот Васька. Кулачищи у него были огромные и тяжёлые, как утюги. Он держал весь класс в постоянном страхе. Над слабыми издевался. Тех, кто пытался оказать ему сопротивление, он подлавливал после уроков и избивал. Уроков он не делал никогда. Его родители были уже предупреждены, что сына исключат из школы. Но ему и это было ничем. Он сидел на своей “камчатке” один и, развалясь, коврыял от скуки в носу пальцем» (Калинин, 1988, 61–62).

Об учениках четвёртого класса в нач. 1960-х гг.: «...На “Камчатке” в углу класса законное место Витьки-Чуба. Бывает, оно неделями пустует, а потом в углу вновь появляется скуластое Витькино лицо с блуждающей на нём странноватой улыбкой. Чуб на уроках тих, незаметен, трудно поверить, что он держит в своих руках весь класс... Никто не смеет его слушаться, никто не решится ему перечить. Чуб курит, а было два раза – от него пахивало и вином. У него дружки в техническом училище. Ему на всё наплевать... Он такой, этот Чуб. Кое-кто пытается подладиться под него. Кто-то паясничает перед ним, кто-то старается задобрить... И никто в четвёртом классе не отваживается выступить против темного давящего гнета Чуба. И никто из взрослых – учителей и родителей – не догадывается о нем. А может быть, догадываются? Дома у Андрея давно заметили, что он часто уносит в школу то компас, то офицерскую линейку, то дорожную авторучку, и все это потом исчезает без следа. На все расспросы Андрей отвечал скупой и неопределенно... Получалось, что вещи сами собой пропадали в классе. И лишь однажды после исчезновения из дома совсем новенького театрального бинокля удалось выяснить, что и бинокль, и всё

остальное было передано Витьке-Чубу... Потребовать их обратно Андрей наотрез отказался и, рыдая, проговорился, что “за это его будут бить”. Идти в школу объясняться с учительницей мама, уступив мольбам сына, не решилась... Но оберегать своего сына или дочь от пагубного влияния Витьки – дело нелепое и бесполезное. Это значит окружить их кольцом всеобщего презрения и насмешек, что ранит еще больше. Ребята понимают это лучше мам и пап. Они готовы лучше умереть, чем допустить, чтобы мама отправилась в школу защищать своего ребенка. Ещё и поэтому они тщательно скрывают от нас свои обиды, синяки и шишки. Иногда родители пробуют другой, более радикальный путь. Они ставят вопрос об изъятии из класса этого отпетого, этого ужасного Витьки... Тогда в классе всё будет в порядке. Изгнание Витьки не совершит чуда. Если убрать одного Витьку, появится другой – Сережка, и все опять пойдет по-прежнему. Дело тут не в Витьке или Сережке. Дело в том, что в классном сообществе сложился уже круг таких отношений, в который нет доступа ни папам, ни мамам, ни учителям» (Матвеев, 1965, 16–17).

О нач. 1980-х гг.: «И припомнилось, как в прошлом году одного мальчишку хотели отправить в колонию. За то, что он магнитофоны в школе украл. А это и не он совсем украл. Это Чапа украл. Но Чапа того мальчишку всё время бил и запугал до того, что мальчишка пошёл и сказал на себя. Все ребята во дворе это знали, но молчали: кому охота с Чапой связываться, он большой, страшный...» (Соломко, [1985] 1986, 31–32).

Страх смерти – см.: *Смерть*.

«СТРАШИЛКИ» – см.: «*Страшные истории*».

«СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ», «страшилки» – 1. Жанр русской фольклорной прозы детей.

«В 1981 г. О.Н. Гречина и М.В. Осорина впервые описали жанр детских страшных историй и опубликовали восемь текстов... Бытующие в среде детей 7–12 лет “страшилки”, в которых демонические персонажи (“красное пятно”, “чёрные занавески”, “зелёные глаза”, “гроб на колесиках”) несут смерть героям историй, привлекли пристальное внимание специалистов-гуманитариев... В вопросе о психол. основах жанра страшилки большинство исследователей принимают точку зрения М.В. Осориной, в соответствии с которой эти рассказы предназначены, чтобы “вызвать переживание страха, которое в заведомо защищенной и безопасной ситуации доставляет своеобразное наслаждение, приводит к эмоц. катарсису”... Общепринятой жанровой классификации детских страшилок не существует» (Белоусов, 2005).

«Детские страшные истории – один из жанров эпической традиции детей, мифологические рассказы о страшном и ужасном, которое происходит по воле существ, предметов и явлений, наделённых... сверхъестественными свойствами и возведёнными в ранг демонологических сил; они (рассказы) обладают устойчивой “дидактической” структурой и имеют своей целью вызвать переживание страха, необходимое для самоутверждения личности ребёнка» (Лойтер, 1995, 10).

«“Страшные истории”, – отмечает Ф.С. Капица, – можно считать жанром именно детского фольклора, поскольку влияние взрослых на его формирование и организацию минимально» (Капица, 2002, 195).

Исполнителями страшилок чаще всего бывают девочки 8–12 лет, в тех случаях, когда у них достаточно возможностей для неформального общения (Лойтер, 1991, 238).

Лит.: Борисов, 2007, 71–73; Капица, 2002, 191–203; Карасев, [1980] 2007, 32–34; Гречина, 1981, 96–106; Лойтер, 1996–1; Лойтер, 1998–2; Лойтер, 1998–1, 56–134; Чередникова, 2002, 77–210.

Страшные истории в 1940-е гг.

О перв. пол. 1940-х гг.: «Даже любимые нами “страшилки” стали в военные годы другими, привязанными к войне. Помню одну, рассказанную двоюродной сестрой Нюркой. Мама тогда куда-то ушла, и Нюрка пришла к нам “спать” – чтобы мы не боялись. Видимо, ради этой благой цели она рассказала такую историю. “В Ленинграде было дело. Идёт одна девочка. А зима,

холод, метель метет, и она, голодная, уж и идти не может. Хорошо, дяденька какой-то мимо шел. Подобрал он её, к себе домой привел. “Грейся, – говорит, – девочка. Есть-то нечего, а чайку сейчас принесу”. Поклонило её в сон, стала засыпать, а потом слышит: кап-кап, кап-кап... Вроде вода в шифоньере каплет. Открыла она дверцу – да так и обмерла: там вместо одежды – туша человеческая висит, и кровь в таз каплет: кап-кап... кап-кап... Ну, она, метель не метель – бежать отсюда”. Это кап-кап... кап-кап... делает историю особенно правдоподобной, и мы, дрожа, прижимаемся к Нюрке» (Санников, 2001).

Об учащихся начальных классов в 1943–1947 гг. в Шадринске: «Январским холодным утром прибежали мы в школу задолго до уроков, когда ни учителей, ни других учеников еще не было. Сторож всегда пропускал нас. Мы забирались в свой класс, свет не включали, садились у огромной выпуклой печки и рассказывали страшные истории типа “Синяя борода”, “Чёрная, чёрная рука”. Мы ждали учительницу и, когда она приходила, бросались помогать ей» (Плотникова, 1995, 50).

О 1946–1948 гг.: «Время послевоенное... Мы, дети, любили забраться в чей-нибудь сарай и в полутьме рассказывать страшные истории...» (Яхнин, 2002, 97).

О дет. доме в Башкирии в 1947 г. и пионер. лагере под Москвой в 1948 г.: «Моя репутация [в лагере] держалась за счёт одного: на ночь, когда уже гасили свет, я рассказывала в спальне страшные случаи! Я помню, как в том своём любимом детском доме в девять лет дорассказывалась до того, что все уже спали, а я не могла заснуть и вдруг впала в страшную панику, в первый раз в жизни поняла, что когда-нибудь умру, и начала кататься по кровати и орать благим матом: “Я не хочу умирать, я не хочу умирать!” Все проснулись, включили свет, сбежались взрослые, держали меня за руки, я рвалась куда-то и кричала страшно» (Петрушевская, 2006–2, 21).

Страшные истории в 1950-е гг.

О Свердловске в начале 1950-х гг.: «...Зимой, в особенно морозные вечера, дети собирались в общей кухне, болтали, пересказывали фильмы и книжки, рассказывали страшные истории – про “Черную кошку” и “Желтую руку”, играли в карты, в фанты...» (Дробиз, 2004).

Страшные истории в 1980-е гг.

О начале 1980-х гг.: «Ночная жизнь пионерского лагеря – отдельная тема. Здесь – и мазанье мальчиков (девочек) зубной пастой. И рассказы всякие страшные: про гроб на колесиках, про синюю руку и красные пальцы. Рассказывали их задушенным полужеланием, как и байки про украденных из этого самого пионерского лагеря детей: “Мне одна девочка рассказывала, она в этот лагерь каждый год ездит. Как-то прискакали на конях деревенские и утащили подружку. Больше ее никто не видел!”» (Кумейко, 2006–2, 7).

О вт. пол. 1980-х гг.: «Страшные истории рассказывали обычно вечером, когда стемнеет. Собирались с друзьями во дворе дома, рассказывали обычно парни.

“Однажды девочка пошла на рынок, ей надо было что-то купить, и она никак не могла найти. Тут ей один продавец сказал, что у него есть, что ей нужно и дал ей адрес, куда она должна была прийти. Девочка пришла туда, к ней вышла женщина и предложила зайти домой. Когда они зашли домой, девочка наступила на ковёр, который под ней провалился, и она упала в мясорубку, которая сразу включилась, и девочку начало рубить ножами, и она умерла. Мама потеряла дочку, начала искать, у всех спрашивала про неё, но никто ничего не знал. Она очень устала и проголодалась. Купила себе на рынке пирожок. И когда она начала есть, то ей попал в пирожке ноготь, по которому она узнала о своей дочке. Это был ноготь ее дочери”.

“Жили в одном городе молодая женщина и её муж, которые когда встретят мальчика или девочку, которые долго гуляют на улице одни, и начинают с ними разговаривать, они очень ласково с ними разговаривают, угощают чем-нибудь, и ждут, когда наступит вечер и начнёт темнеть. Потом они дают ему снотворную конфету. Когда мальчик или девочка начинают засыпать,

они сажают его в мешок и уносят домой. Когда мальчик просыпается, он не узнает, где находится, а потом они его убивают и кормят им свиней. Однажды одному мальчику удалось убежать, и он рассказал об этом маме. Когда мама позвонила в милицию поехала туда, но мужчины и женщины уже и след простыл”.

“Однажды один молодой мужчина встретил в ресторане молодую красивую женщину. У этого мужчины недавно умерла молодая и красивая жена, и это женщина была сильно на нее похожа. И он решил с ней познакомиться. Он подошел к ней, пригласил ее танцевать. Они поговорили, весь вечер просидели вместе, проговорили. Чем больше мужчина разговаривал с этой женщиной, тем больше она ему нравилась. Потом женщина встала и ушла, сказав что ей пора и провожать ее не надо. И ушла. Мужчина хотел назначить ей встречу, но она отказалась. Через некоторое время мужчина опять встретил эту женщину в ресторане. Она была в том же красивом белом платье, что и прошлый раз. Они опять провели вечер вместе, и она так же ушла. Так продолжалось долгое время. Женщина всегда приходила в одном и том же белом платье. И всегда уходила одна. Однажды мужчина решил узнать, где она живет, и после того как женщина вышла, он пошёл за ней. Она села в такси, мужчина сел в соседнее такси и сказал таксисту, чтобы тот ехал следом. Так они ехали и ехали и приехали на кладбище. Женщина вышла и пошла на кладбище, а мужчина за ней. Шёл, шёл, и вдруг женщина исчезла. На следующий вечер они опять встретились в ресторане. Опять просидели весь вечер, и когда женщина собралась уходить, мужчина нечаянно разлил на её белое платье красное вино. Женщина очень разозлилась и выбежала из ресторана и опять села в такси. Мужчина опять поехал за ней следом. На кладбище женщина опять исчезла на том же месте, и тогда мужчина прочёл табличку над могилой, над которой исчезла женщина. Здесь была похоронена его жена. Когда на следующий день люди разрыли могилу, то обнаружили там эту женщину в белом платье, на котором было красное пятно от вина» (552).

О 1988–1990 гг.: «Страшные истории... “Жила-была одна семья. Мать и три дочери. Она работала на заводе. Однажды она пришла с работы без одной руки, на следующий день она пришла без двух рук, на третий день – без одной ноги, на четвёртый день пришла голова и туловище, на пятый день пришла голова”. Это мы рассказывали в 1988 году, мне было 12 лет – это было всё ночью в гостях, рассказывали старшие сродные сестры, им было по 14 лет. В лагере подружка напугала и с тех пор не люблю чёрные банты, это было в 1990 году. Она рассказала историю про чёрные бантики: “Жила-была семья, мать и дочка. Она всё время покупала ей банты. А ей продавщица говорит: “Купи чёрные бантики”. Она всё не покупала, говорила: “Не надо”. Однажды купила и заплела их дочке. А когда спать легли, бантики развязались и задушили девочку. А бантики-то оказались – сама продавщица оборачивалась ими”» (496).

О пионерлагере в 1989 г.: «Веселые розыгрыши, рисовали на простыне золой глаза и рот, и носились в темноте и пугали всякого встречного. А когда наступал сончас, или ещё хуже ночь, мы рассказывали друг другу страшилки... “Семья переехала в новую квартиру, а там стояло новое зелёное пианино. Родители уходили на работу, а дети оставались дома. Мама с папой строго-настрого запретили открывать крышку. Но старшая девочка не выдержала и открыла. А братик был в садике. Вечером все приходят, а её нет. Поплакали, поплакали, делать нечего, на след. день ушли на работу, а мальчика оставили дома. Он тоже не выдержал и открыл. Вечером приходят с работы, а сына нет. Поплакали, поплакали, а на след. день отец остался дома. Сидел он, сидел, не выдержал и открыл. Оттуда вылезла жёлтая рука. Отец был очень смелым, взял топор и зарубил пианино. Пришла мама, увидела, что папа жив, обрадовалась, а тут из другой комнаты выбегают дети живые и здоровые. Они обрадовались и стали жить долго и счастливо. А о зелёном пианино больше никогда не вспоминали» (600).

Страшные истории в 1990-е гг.

О девочке 10–11 лет в Кировграде Свердловской обл. в 1990–1991 гг.: «В 10–11 лет увлекались рассказами о страшных историях. Рассказывали о чёрных и красных простынях. О гробе на колёсиках, который хотел задушить девочку: “Гроб на колёсиках ищет твой город, он уже нашёл твой город. Ищет твою улицу. Он уже нашёл твою улицу. Ищет твой дом... квартиру... прыгай скорей с балкона”. Рассказывали с целью поугагать младших сестёр» (573).

О девочке 8–10 лет в с. Брылино Каргапольского р-на в 1994–1995 гг.: «Самую страшную историю я услышала в первый раз, когда мне было 8–10 лет. Я хорошо помню, что мне рассказала двоюродная сестра, она старше меня на два-три года. У неё не было родителей дома, и мама меня отправила ночевать к ней. Ночью мы зажгли две свечи (потому что больше не было), и она мне стала рассказывать страшилку, после которой я долго не могла уснуть. Сюжет этого рассказа помню до сих пор: “Жила-была одна девочка, у которой было три старших сестры, и третья сестра её недолюбливала. Однажды у младшей сестры в школе шёл урок, после урока дети все выбежали на перемену из класса, и одна девочка осталась (искала карандаш под партой). Тем временем учительница поменяла свой облик. Она стала страшная, волосы как змеи шевелятся, чёрные, и сама она чёрная. Эта ведьма заметила девочку. Она ей сказала: “Если хочешь, чтобы я тебя оставила в живых, приходи ночью на кладбище, а если не придешь или кому-нибудь расскажешь, то я тебя убью. Младшая сестрёнка пришла домой напуганная, но всё-таки она рассказала эту ситуацию своим старшим сёстрам. Первая сестра посоветовала ей одеться во все зелёное и залезть на дерево. Вот пришла девочка в 12 часов на кладбище, залезла на дерево и стала ждать. Вдруг видит ведьму, которая страшным голосом говорит: “Встаньте, черти, встаньте, мертвецы, найдите мне негодную девчонку, приведите ее сюда!” Они искали, не нашли. На второй день другая сестра посоветовала одеться во все чёрное и лечь на землю. Случилось то же самое. Девочку не нашли. (Это ситуация рассказывалась). На третий день третья сестра, которая не любила младшую сестру, посоветовала ей спрятаться в гробу. Послушалась девочка. И когда стали её искать, увидели, что один гроб не открыт, открыли его, увидели её и убили» (133).

О 10-летней девочке в дет. оздоровительном лагере «Янтарный» Кетовского р-на в 1998 г.: «Вечером обычно после отбоя часов до двенадцати собирались с вожатыми на веранде и рассказывали страшные истории и многое другое» (518).

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ, страшилки – 2. Жанр русской фольклорной прозы взрослых. Слушателями рассказов могут быть как взрослые, так и дети.

Страшные истории, рассказываемые взрослыми детям.

О середине 1960-х гг.: «Когда у меня появилась младшая сестра, через наше семейство прошло множество нянек – и домработниц, по совместительству. Сельские девки подыскивали работу в городе, и место няньки было... спокойным и сытным местом... Из десятков... лиц мне запомнились от силы три. ...Первое из них... принадлежало унылой девице неопределенного возраста. Я и запомнил его только потому, что эта девица, чтоб я не путался под ногами и не досаждал, отключала меня от реального мира своими жуткими историями, выдаваемыми ею за были – о разбойниках-опрышках, котлах, отрубленных руках и самую ужасную – о змее, забравшейся в рот спящему и поселившейся в его утробе, о чем бедняга даже не подозревал, только все худел – пища-то вся гадине доставалась, и она только по ночам выползала проветриться да размять члены, а днем спала, свернувшись клубком у него в желудке, да ополовинивала его обеды. “Так-то!..” – со значительным видом заканчивала она очередную историю и, удовлетворенная достигнутым эффектом, уходила в другую комнату заниматься без помех своими делами. Мне показалось вскоре, что я тоже худею. Я с подозрением прислушивался к бурчанию в своем животе, а по ночам долго лежал без сна и засыпал, только

окончательно убедившись, что рот мой плотно закрыт. Не знаю, чем бы это закончилось, задержись у нас эта нянька со своими страшилками подольше» (Клех, 2003).

«**СТРЕКОЗА и Муравей**» – басня И.А. Крылова; в 1930-е – 2000-е гг. изучалась в нач. классах школы.

О 1960-х гг.: «Вот в одном из начальных классов читается басня Крылова “Стрекоза и Муравей”. Учительница спрашивает малышей, кто им понравился в этой басне, а кого не жалко. И те хором отвечают, что понравилась Стрекоза, а Муравей злой: не помог ей, и она замёрзнет!» (Никольский, 1971, 139).

О 1970-х гг. – нач. 1980-х гг.: «...Басни, знакомые пятиклассникам по начальной школе (“Стрекоза и Муравей”, “Слон и Моська”, “Волк и Журавль”, “Мартышка и Очки”, “Зеркало и Обезьяна” и т. д.» (Зепалова, 1983, 77).

СТРЕЛА бумажная – самоделка.

О нач. 1950-х гг.: «И в то же время кто-то в кого-то запустил бумажную стрелу, кто-то в разгар урока заиграл натянутой струной...» (Жестев, [1955] 1961, 105).

«**СТРЕЛКИ**» – 1. Вокально-инструментальная (женская) группа конца 1990-х гг.

О девочке 12–14 лет в д. Октябрь Шадринского р-на в конце 1990-х гг.: «Песни этой группы были популярны в 1998–2000 гг. Например, “На вечеринке”, “Ты бросил меня”, “Шерочка с Машерочкой”... Слова из песни “На вечеринке”: “На вечеринке лучших друзей / Ты танцевал с подружкой моей, / Ты обнимал ее, целовал, / Ты обо мне и не вспоминал. / Как ты могла, подруга моя, / Ближе тебя ведь нет у меня – / Так поступить с любовью моей / На вечеринке лучших друзей» (011).

О девочке 7–11 лет в с. Ястребинка Пресновского р-на Сев.-Казхстанской обл. в 1991–1995 гг.: «Песни М. Журавлевой, Булановой, группы “Нэнси” и “Ласкового мая” я услышала в возрасте 7 лет, когда приехала моя тетья, и она слушала эти песни. Когда я подросток, я тоже слушала эти песни. Также мне нравились песни “Иванушек Int” – “Кукла”. У группы “Отпетые мошенники” мне нравилась песня “Весна”, а у группы “Стрелки” – “На вечеринке лучших друзей» (019).

«**СТРЕЛКИ**» – игра; возможно, то же, что «стрелки-белки».

О нач. 1980-х гг.: «...Игра “Стрелки”. Правила игры. Несколько человек прятались, убегая, и рисовали мелом свой путь стрелками, то есть стрелки показывали направление, а другие несколько человек по этим стрелкам их искали» (546).

«**СТРЕЛКИ-БЕЛКИ**» – игра; вероятно, то же, что «казаки-разбойники».

О девочке в г. Шадринске в 1997–2001 гг.: «Когда мне было 10–14 лет, мы с друзьями играли в “стрелки-белки” или “казаки-разбойники”. В это время мы узнали весь свой район, облазили все крыши, кусты, знали каждый закуток. В этой игре мы делились на две команды. Одна – разбойники, которая убегали, и оставляла за собой следы, то есть стрелки. А вторая – казаки, которая искала разбойников» (160).

См. также: «Стрелки»; «Белки-стрелки».

СТРЕЛКОВЫЙ кружок – кружок (во внешкольном учреждении, например, во Дворце пионеров), в котором обучают меткой стрельбе из стрелкового оружия.

О Дворце пионеров в Куйбышеве в 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Перед нами – дом чудесный, / Двухэтажный светлый дом... / ...Детям партия родная / Подарила этот дом. / Васе, Лиде, Косте, Вере / Не топтаться у крыльца – / Им всегда открыты двери / Пионерского дворца... / Ибрагим – стрелок толковый, / Он спешит в кружок стрелковый» (Кошечкин, 1962, 18–20).

СТРЕЛЯЛКА – аркадная игра (компьютерная), ставящая перед игроком задачу убить как можно больше противников; шутер. (ТССР, 2001, 759). Ср.: *ходилка*.

О середине 1990-х гг.: «Robosor – стрелялка, где можно убивать большое количество врагов и спасти родной г. Детройт от злых бандитов и роботов. Играл на приставке “Денди” в 1995 г.» (083).

О девочке 11–12 лет в Шадринске в 1996–1997 гг.: «Я вместе с моими подружками ходила в гости к девочке, у которой дома была приставка “Денди”. Мы по очереди

играли в “Марио” и игры-“стрелялки”. Если у неё дома не было родителей, мы могли проиграть весь день. Спорили, кто больше прошёл или убил» (132).

«СТРЕЛЯТЬ» за кем-то – выражение 1960-х-1970-х гг., означающее: быть влюблённым в кого-то, проявлять знаки внимания к кому-то.

О 1960-х – перв. пол. 1970-х гг.: «Впрочем, в классе всем уже было известно, что Зойка Кириллова “стреляет” за десятиклассником Денисом Шмыгой, новеньким, приехавшим недавно из Киева» (Кузнецова, [1976] 1985, 154).

СТРЕЛЯТЬ горохом – см.: *Стрелять из трубочки.*

СТРЕЛЯТЬ жёванной бумагой – см. *Стрелять из резинки, стрелять из трубочки.*

СТРЕЛЯТЬ иголками – см.: *Стрелять из трубочки.*

СТРЕЛЯТЬ из лука – см.: *Лук самодельный, Лук и стрелы игрушечные.*

СТРЕЛЯТЬ из трубочки (о мальчиках) – вид озорства: стрелять из трубочки (металлической; сделанной из ручки, из растения) жёванной бумагой, горохом, картофелем, косточками от ягод и т. п.

О Новочеркаске в 1919–1920 гг.: «На задней парте собралась компания лоботрясов. Во время уроков мы осторожно играли в “перышки” под щелчки, стреляли из камышовых трубок горохом, жёванной бумагой, переговаривались пальцами на азбуке глухонемых; я, кроме того, еще рисовал» (Авдеев, 1960).

О Шадринске в 1998–1999 гг.: «...Я училась в школе (школа-лицей № 1, классе в 8–9)... Наши отпетые мошенники-пакостники выдумали новую забаву. Из ручки с прозрачным длинным футляром удаляется стержень и снимается маленький синий колпачок. Затем отрывается кусочек бумаги и сжёвывается до состояния маленького шарика, диаметром чуть меньше, чем диаметр полости ручки. Поле изготолвенный шарик помещается внутрь ручки. Дальше – проще. Остается только набрать в легкие побольше воздуха и дунуть в трубочку что есть мочи так, чтобы изготолвенный шарик достиг своей цели. Таким образом хулиганы нашего класса, сидевшие на последних партах, “доставали” “зубрилок”, а также это было своеобразным способом насмешки над учеником, которого недолюбливали в классе» (113).

О девочках-подростках в г. Лянторе в 1999–2000 гг.: «В классе 8–10 мальчики на переменах делали трубочку из ручки, вынимая стержень и плевались друг в друга жеваной бумагой» (015).

О 2001 г.: «Летом я приехала в д. Демьяна Бедного Шадринского р-на к родственникам. Помимо бабушки и дедушки, здесь живут 2 тети, 3 брата и сестренка. 2 брата почти одного возраста, тогда им было 10–11 лет. Они плевались (причем это было так больно) косточками черемухи через трубочки, сделанные из растения» (021).

СТРЕЛЯТЬ из резинки – вид школьного озорства.

О 5–7-классниках мужской школы в 1947–1949 гг.: «...Кроме шелбанов было в нашу пору ещё одно средство подавления и морального уничтожения – резинки. Из трусов или им подобных нательных предметов вынималась резинка, которая расщеплялась на тонкие нити, по краям которых выделялись петли для пальцев. А пули “отливались” из обыкновенной бумаги. Скатывается кусок, точно тесто, для прочности надо слюной смочить, прокатить несколько раз по парте, вдвое согнуть – и готово! Так вот, в пятом, шестом и даже седьмом классе – в восьмом только, кажется, избавились мы от этой затажной кори – народ ходил вооруженным резинками и пулями, и дело доходило до полного безумства. Ладно, в перемену, но и прямо на уроке жители Камчатки, обитатели задних парт, выцеливали впереди сидящих и лупили по затылкам. Да как больно! Ну а передние – ведь на шее глаз нет – осатанев от боли, разворачивались и пуляли назад – на сей раз норовя попасть в лоб, в щёку, в подбородок, а то и в глаз. Сложная и жестокая... велась перестрелка. Сидевшие впереди объединялись в пары или даже тройки, а то и вообще в целые отряды, потому что уцелеть в этой войне поодиночке было совершенно немисливо. А так кто-то один караулит, косит одним

глазом назад, обнаруживает стрелка, даёт знак, и передние лупят по врагу залпом. У такой стрельбы свои правила, чаще всего они совершенно не совпадают со школьными, потому что, стрельнув, задний боец легко может укрыться от ответа, прикрыв голову книгой, портфелем, а то и вообще нырнув под парту. Поэтому передние должны среагировать быстро, изменить позицию, выбравшись в проход или даже вскочив на сиденье. Но это хорошо, когда учитель спиной к классу, а если лицом? Если учитель даже лицом стоит, а выстрел оказался точным и тяжелым, народ, бывало, сходил с ума и, не страшась двоек, записей в дневнике, учительского крика, устраивал минутное побоище по всем правилам психической атаки, с громкими криками, вроде: “Ах ты, падла!” ...Немного времени потребовалось и мне, чтобы... вначале вооружиться, сделать дома запасы бумажных пуль – аж полные карманы, – а потом и отточить снайперское мастерство. Но сначала и тут я был неумехой..., так что я опять оказался жертвой. Затылок мой был изжален вражескими пулями, когда учителя отворачивались, я делал себе искусственный выростик из распахнутого, корочками наружу, учебника, отчего хлопки были смачные и громкие, при этом иногда попадало по пальцам, и я не всегда мог удержаться от отдалённых междометий и даже целых реплик, которые помню моей воли становились все менее цензурными... На дополнительном уроке... [я] был сильно обстрелян врагами, а за минуту до пионерского сбора рыжий тиран прямо в упор вызал влажноватую пулю по моему затылку. Боль была адская, я не выдержал, и слезы рванулись из меня; обхватив голову, я упал на парту» (Лиханов, 1995, 42–43).

О шестиклассниках в школе в нач. 1950-х гг.: «Кто-то, прячась за печку, стрелял из резинки, и туго скрученные бумажки ложились около учительского стола... “Не надо пререкаться...” – мягко возразил я мальчику... Затем я... спросил: “Кто это стреляет из-за печки?”... Рослый Каверин, черноглазый Лебедев... сами были не прочь... исподтишка пустить голубя, стрельнуть из резинки... “Да из их же компании, – ...ответил Пиллис. – ...Ведёт себя, как дурачок: все уроки хохочет да сигарками в потолок из резинки стреляет» (Синяев, 1953; 7–8, 13, 22).

О мальчиках 4-го класса в деревенской школе в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «В его колючую голову так и хотелось выпалить из резинки... Перед самым звонком Грач залепил из резинки в лоб. Я достал свою резинку, скатал полоску бумаги, потолще, прицелился и выпалил в Грача. Но... промазал и угодил в шею Мише Комову. Миша подпрыгнул и крикнул: “Ой!” ...Сразу две туго скатанные бумажки ударились в мою голову. Щука и Грач стали залпами стрелять. Следующий залп пришёлся в Бамбулу. Я видел, как мокрые бумажки смачно щёлкнули его по круглой стриженной голове. Олег повернулся к стрелкам и показал свой увесистый кулак. Стрельба на время прекратилась. Укрывшись за широкой спиной Бамбулы, я стал методически обстреливать своих врагов. Как они завертелись! Мои “пули” разили без промаха. Я бы загнал их обоих под парту, если бы не звонок... “А за что мне Ганька залепил?” – Миша потрогала шею. – Пощупайте, желвак вскочил... Из резинку больше в меня не стреляли, но я знал, что мои враги не успокоились» (Козлов, 1963; 30, 56–57).

О 1960-х гг.: «“Ты мне не скажешь, что всё это значит?” – спросил я у подошедшей учительницы, Веры Николаевны. Мы с ней когда-то занимались в одном классе. Помню, я ещё в неё стрелял из резинки. За то, что не давала задачи списывать...» (Рутковский, 1977, 96).

О середине 1980-х гг.: «В перемену и на уроках летали самолёты, сделанные из бумаги. На уроках пацаны устраивали стрельбу. Брели резиновый жгут, делали из бумаги пульки. В правую и левую руку брали жгут, пульку захватывали жгут, которая находилась во рту, и начинали стрелять. В этом принимали участие и девчонки» (494).

СТРЕЛЯТЬ проволокой – род мальчишеского времяпрепровождения.

О Шадринске в 1998 г.: «Увлечение стрелять бумагой у мальчишек появилось, когда мне было 13 лет. Они

брали маленькие кусочки бумаги, жевали их, а затем кидали... Эта забава происходила в школе, а во дворе мальчики избирали более жесткую форму стрелялок – стрелялки проволокой или иголкой. Достаточно жесткая проволока, вернее небольшой кусочек, загибалась дугой, концы заострялись и этим, или обыкновенной иголкой, мальчики кидали как дротики в попы девочек. И, конечно же, это было очень больно» (103).

СТРЕЛЯТЬ с помощью линейки – род мальчишеского времяпрепровождения.

О Шадринске в 1998 г.: «Увлечение стрелять бумагой у мальчиков появилось, когда мне было 13 лет. Они брали маленькие кусочки бумаги, жевали их, а затем кидали... с помощью линейки, которую они либо вставляли в щель парты, либо держали в руках...» (103).

СТРЕЛЯЮЩИЕ шарики – данное нами условное название не очень понятной по механизму действия игрушки 1920-х годов.

«Очень интересным, красочным и шумным был для нас, ребят, “Вербный торг”, проводившийся на Вербной неделе перед Пасхой... “Вербу” надо описать особо. Впервые, там была уйма народа..., звуки разных свистуллек..., пальба из пугачей и детских пистонных револьверов и пистолетов. Затем была масса... ларьков с игрушками... И, конечно, бесчисленное количество торговцев с рук... Были еще стреляющие от удара друг о друга шарики – диаметром три-четыре сантиметра, продавец которых солидным голосом говорил: “А вот кому, чудо XX века, изобретение одного человека: шар, падая на шар, дает выстрел”. И так далее» (Поздняков, 1994, 293).

«СТРИГУНОК» – приложение к журналу «Сельская новь» для детей младшего и среднего школьного возраста. Тираж выпуска второго (1993 год) – 80 000 экземпляров.

«СТРОИТЕЛЬ» – игра.

О 1950-х гг.: «...[Шефы] помогали материально, выделяя деньги на покупку детских книг и игр в красный уголок (“Аквариум”, “Строитель”, “Конструктор”, “Мозаика”, детский бильярд)...» (Казарма, 2000).

СТРОИТЕЛЬНЫЕ школы – гос. проф.-тех. учеб. заведения, с 1955 по 1957 гг. готовившие кадры рабочих строительных профессий. Срок обучения составлял 10 месяцев. В 1957 году преобразованы в *строительные училища*. (ПЭ, 1968–4, 168)

СТРОИТЕЛЬНЫЕ училища – гос. проф.-тех. учеб. заведения, созданные в 1957 году на базе *строительных школ* и готовившие кадры рабочих строительных профессий. Срок обучения – 2 года. В 1961–1963 гг. строительные училища были преобразованы в гор. проф.-тех. училища. (ПЭ, 1968–4, 168)

СТУКАЛОЧКА – род азартной игры.

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Из шестого подъезда выскочил... белобрысый мальчишка и направился к нам. Подошёл... и... говорит: “Здравствуйте”. Мы, конечно, удивились. Подумаешь, вежливый нашёлся!.. “Ходят тут всякие, – сказал Павлик. – Пошли, Петь, в стукалочку сыграем”. И они ушли» (Пивоварова, 1979, 13–15).

«СТУКАНЫ» – детская игра в пуговицы.

См. о школе начала 1930-х гг.: «Ребята опять вытащили из сумок книжки и разошлись по своим местам. Но прошла минута, другая – целых пять минут, а в коридоре все еще не слышно шагов. Соколов опять вскочил с места, а за ним и другие ребята. “Давайте пока в “стуканы” играть!” – закричал Соколов. Он провел на полу длинную черту мелом и бросил на нее тяжелую медную пуговицу. Мальчики стали играть в “стуканы”. Только один Миронов не играл». (Будогоская, [1936] 1988, 99).

«СТУКАТЬСЯ» – то же, что *стыкаться*.

О 1919–1920 гг. в Новочеркасске: «Тут ко мне подошел Володька Сосна, веселый, с полной пригоршней выигранных айданов. Он решительно взял меня за руку, растолкал толпу пятиклассников, среди которых стоял Логинов, упитанный белобрысый гимназист, кривляющийся передо мной в классе. “Вот он, – указал на него Володька. – Стукайтесь. А ну, пацаны, раздай круг! Не

дрефь, Витька, волохай его, а если на тебя кто налетит сада, я заступлюсь. С тобой мы против всего класса выстоим”. Я уже видел, как Володька один выстоял против класса; насчет же себя сильно сомневался. ...Я был маловат ростом и ещё не совсем оправился от болезни. Поэтому в стычках – а их не мог избежать ни один воспитанник, как бы смирен ни был, – чаще попадало мне, отчего я и не любил драться. Логинов был выше меня на целую голову, толще, но ничего другого делать не оставалось, иначе прослышь трусом, а тогда всякий безнаказанно станет давать зуботычины. “Хоть бы не очень морду набил”, – без всякой надежды подумал я, вышел в круг и неуверенно подсучил рукава. Надо было как-то заводить ссору: месяц, проведенный в интернате, обогатил мой жизненный опыт. “Задаешься? – сказал я, стараясь, однако, держаться подальше от своего противника. – Сильный?” Я сплонул на землю и, показав пальцем на мокрое место, повторил: “Сильный? А ну, подыми”. За этим “разгоном” должна была последовать схватка. Однако Логинов, увидев такие приготовления, сразу потерял свой румянец, снял передо мной форменный картуз без герба, торопливо заговорил: “Извините, товарищ Авдеев, если я вас оскорбил. Конечно, вы можете меня ударить... но я, честное слово, больше не позволю себе...” Голос его дрожал. Я сразу выпятил грудь и важно отставил ногу. “Сдрефил, Ложка?!” – закричал Володька. – Увиливаешь? Нет, расплачивайся своей мордой”. Я испугался, что Логинов передумает, и поспешно сказал: “Ладно, Володя. Я его прощаю. Пусть только в другой раз не нарывается”. Сторож дал звонок, ребята побежали в классы» (Авдеев, 1960).

СТУКАЧ – ребенок, который тайно от сверстников сообщает об их неблагоприятных поступках старшим (учителю, милиционеру и т. д.).

О 1950-х – 1960-х гг. «...Учителя не прочь были в доверительном разговоре обнять ученика за плечи. Этот приём особенно рекомендуется... при шепотке с малолетними стукачами, готовыми за теплоту учительского доверия предать всех товарищей, выдать все тайны» (Нагибин, 1974, 49).

О девочке 10–15 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1995–2000 гг.: «“Стукачи долго не живут и своей смертью не умирают”, – так мы говорили, если человек хотел “настучать” на нас или вообще рассказать что-то тайное непосвященным людям» (137).

Ср.: «Дятлы долго не живут».

«СТУКОЛКА» – мальчишеская игра на деньги.

О вт. пол. 1920-х гг.: «Вслед за ж.-д. полотном освобождалась от снега земля, плотную примыкавшая к казарме. На оттаявшей и высохшей земле азартные играли в “стуколку”. На кон ставили столбиком монеты, издали от проведенной черты бросали битую – тяжёлый медный пятак. Кто метал ближе к кону, первым разбивал столбик монет, собирая себе те, которые повернулись “орлом”. Азартная игра!» (Казарма, 2000).

СТУЛ – «Предмет мебели со спинкой для сидения одного человека» (Лопатин, 1997, 684).

Выдергивать стул из-под временно поднявшегося человека – вид озорства.

О середине 1980-х гг.: «В перемену и на уроках летали самолеты, сделанные из бумаги... Подкладывали кнопки на стулья. Иногда кто-н. вставал отвечать, а когда садился, стула не оказывалось на месте, и он падал» (494).

СТУПЕНИ пионерские – введенная в 1958 году совокупность умений и навыков, установленных для определенных возрастных групп пионеров.

Из истории появления «Пионерских ступеней»: «Решение поставленных задач требовало перестройки форм работы с пионерами, учета их возрастных особенностей, интересов и запросов.. Первый опыт работы по-новому родился в Ивановской гор. комсом. орг-ции (возглавил опытную работу Г.С. Гаспаров). В 1957–1958 учеб. году пионер. дружины области стали работать по специально подготовленной возрастной программе. VIII пленум ЦК ВЛКСМ (1957 г.) поддержал инициативу ивановцев. Совместно с Акад. пед. наук РСФСР были разработаны “Ступени юных пионеров” и

организована их проверка в пионер. дружинах г. Иванова, Харькова, Ленинграда, Ярославля, Всесоюзного пионер. лагеря "Артек". В 1958 г. утвержден и повсеместно введён в практику "Примерный перечень умений и навыков для пионеров (ступени юного пионера)". Все ступени юного пионера (первая – для пионеров III-IV, вторая – V-VI, третья – VII-VIII классов) предусматривали овладение пионерами практич. умениями и навыками в общественно полезном труде, технике, спорте, туризме, юннатской работе, а также... знакомство с рев. и трудовыми традициями народа, историей пионер. орг-ции, культурной жизнью страны» (Очерки, 1988, 195). [...]

СТЫКАТЬСЯ – драться по взаимному согласию и условным правилам.

О втор. пол. 1930-х гг.: «Санька, отправляясь в парк один, рисковал оказаться "утопленником". Так победители дразнят испуганных побежденных. Но это его не остановило. Мальчишеские стычки и соперничество казались ему сейчас пустяками, не заслуживающими серьезного внимания... Возле входных ворот стояли караульные поселковых, мальчишек. Узрев Меткую Руку, они ехидно заулыбались. "Быть потасовке, как не вовремя!" – как о чем-то постороннем подумал Санька. "Будем стыкаться? – подойди к противникам, деловито спросил он. – Только давайте побыстрее, а то мне некогда". "Торопишься выкупаться?" "Ага", – согласился беззлобно Санька, готовый добровольно выполнить позорную процедуру, лишь бы поскорее обрести свободу» (Поливин, 1988, 77–78). [...]

О конце 1950-х гг.. О мальчиках-подростках 12–13 лет: «"Стой, стой, Юрка, стой, говорю!" – "Ну, чё те надо?" – "Может, пойдём стыкнёмся?" – "Ну, идём" – "Ну, куда?"» (из фильма 1961 года «Без страха и упрёка»; сценарий Семёна Лунгина, Ильи Нусинова; постановка Александра Митты).

См. также: *Стукаться; Стычка.*

СТЫЧКА – рукопашный поединок по взаимному согласию и условным правилам.

О 1960-х гг.: «"Я хотел изви..." – начал я. "Сегодня будем стыкаться", – сказал он. "Стыкаться? – сказал я. – Я не хочу... Зачем?" "Мало ли что не хочешь!" "Я хотел извиниться", – сказал я. "Мало ли что извиниться!" Я догадался, уж не знаю как, что если бы я ему сказал: "Да-да, стыкнёмся, обязательно!" – он бы мне сказал: "И стыкнёмся!", а я бы ему сказал: "Только стычка", – и он бы мне сказал: "Само собой!" – вот тогда бы, может, ничего и не было, может, было бы, а может, и нет. Но теперь я знал точно, что стычка будет. Мне ужасно не хотелось драться, мне надо было только сказать: "Ну что ж, стыкнёмся" – и, может быть, тогда ничего бы и не было, но я стоял и повторял как осёл: "Неохота мне стыкаться, ты пойми. Я подошёл к тебе, чтобы извиниться и... ты пойми... а не стыкаться" "Такие вещи не забывают, – сказал Бочкин и высоко поднял голову. – Запомни это!" Зазвенел звонок, а кругом кричали: "Стычка! Стычка!"» (Вольф, 1971, 49–50).

СУББОТНИК – «Добровольная коллективная бесплатная работа для выполнения какого-нибудь общественно полезного трудового задания [по субботам]» (Ожегов, 1988, 634).

О перв. пол. 1930-х гг.: «В выходные дни нас часто собирали на субботники. Мы убирали мусор, собирали металлолом и сажали тонкоствольные деревца, которые на следующий день обдирали городские козы (впрочем, одна из этих посадок оказалась удачной: парк, красующийся нынче в ямке возле тракторного завода, был посажен в основном руками школьников, в том числе моими и моих одноклассников» (Лупанова, 2007, 50–51).

О пос. Белоярский Свердловской обл. в нач. 1990-х гг.: «Особенно в детстве мне нравились субботники. Я с сестрой бегала всё время около костров. Нам всегда хотелось, чтобы костер был большой. Я всё время таскала какие-то ветки, которые росли у нас за домом. Мы с сестрой соревновались, кто больше принесёт. Однажды я подошла слишком близко к костру, и у меня загорелись шнуры на кроссовках. Я испугалась, стала

топать ногами и вскоре потушила, не получив никаких ожогов» (088).

См. также: *Воскресник.*

СУВОРОВЕЦ – воспитанник *суворовского училища*.

О воспитанниках Калининского Суворовского военного училища в 1945 году: «Много внимания мы уделяли своему внешнему виду. Наша строгая чёрная – гимнастёрка с алыми погонами и лампасами на брюках, – чистилась и гладилась по старинному способу: ложаюсь спать, слегка намоченные брюки клали под простынь, и до подъёма на них появлялись стрелки, о которые можно было, как говорилось, "обрезаться". Пуговицы на погонах и гимнастёрке доводились до солнечного блеска, а в пряжку поясного ремня хотелось смотреться как в зеркало. Перед самым отъездом нам выдали парадную форму. Чёрный мундир с красным стоячим воротником, украшенным золотыми "катушками", алые погоны с белым кантом и большие пуговицы со звездой. Жители смотрели на нас с прищуром, но поощрительно. Помнится, наш строй встретился с двумя... старушками, и одна из них, смешно всплеснув руками, воскликнула: "Батюшки, опять кадеты идут!..."» (Панкин, 1986, 16).

О середине 1940-х гг.: «Мне нынче вспомнился барчук, / Хорошенький кадетик, / Когда суворовец – мой внук – / Прислал мне свой портретик... / Вот он, суворовец – мой внук, – / С товарищем на снимке!» (Маршак, [1947] 1968–1, 409).

О 1946–1947 гг.: «Суворовцы разного возраста, от десятилетних детей до юношей, наполнили огромные коридоры училища. ...В хорошо пригнанных чёрных костюмах с красными погонами на плечах, они проходили лёгкой походкой спортсменов, стараясь во всё копировать своих руководителей-офицеров... "А помните, какими они были в сорок третьем году, когда впервые прибыли в училище?" – сказал Николай Леонидович» (Багмут, 1951, 20).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Вот в дверях [женской школы] появился и предъявил билет [на бал] суворовец... Суворовец уже сидел на скамейке, окруженный плотным кольцом девушек...» (Матвеев, [1947–1954] 1956, 307–308).

О нач. 1950-х гг.: «Команды двух военных школ / Играть приехали в футбол. / Идем смотреть на этот матч. / Суворовцы с налета, / Открыв игру, забили мяч / Нахимовцам в ворота... / Игра горячая футбол! / Для уравниенья счета / Нахимовцы забили гол / Суворовцам в ворота...» (Маршак, [1952] 1968–1, 327–328).

О конце 1950-х гг.: «Исполненный достоинства, / Как представитель воинства, / Медлительной походкою / Суворовец идёт. / Походкою медлительной / Идёт он с увольнительной, / А чуть поодаль девочки / Почтительной толпой... / С него не сводят глаз они, / Пленённые лампасами, / Погонами, фуражкой / Со звездой» (Лифшиц, 1962, 36–37).

СУВОРОВСКОЕ училище – закрытое мужское военно-учебное заведение, дающее наряду с общим средним образованием военные и военно-технические знания, необходимые для успешного обучения в военных вузах. Суворовские училища были организованы по постановлению ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР, опубликованному 22 августа 1943, для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны 1941–1945 гг., а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших в борьбе с фашистскими оккупантами. Суворовскими училищами были названы в честь полководца А.В. Суворова. В 1943 году открылось 11 суворовских училищ, в 1944 – 6, в 1953–1955 гг. – 2. Срок обучения с 1943 по 1964 год составлял 7 лет, в училища принимались мальчики 10-летнего возраста.

О втор. пол. 1940-х гг.: «Давайте вспомним опыт первых послевоенных лет, когда в массовом порядке создавались суворовские училища, принявшие в своих стенах и давние путевку в жизнь огромному числу беспризорников» (Нургалиев, 2006, 6).

О втор. пол. 1940-х гг.: «"Нет, – вздохнул Игорь. – Я стрелял только из малокалиберной винтовки.

Суворовское училище – это средняя школа. В нём только дисциплина военная да много физкультуры. А учат всё то, что вы в школе...» (Багмут, 1951, 135).

О 1950-х гг.: «Принимаются мальчики, окончившие начальную школу. Общеобразоват. предметы в Суворовских военных училищах изучаются в объеме программ средней школы, на иностр. язык отводится 2000 часов. Большое внимание уделяется физич. подготовке. Летом суворовцы проходят обязательный лагерный сбор. Они носят установленную военную форму и находятся на полном содержании государства» (ПС, 1960–2, 447).

В 1960-е гг. часть суворовских училищ была расформирована, изменен принцип комплектования.

О 1963–1975 гг.: «С 1963 г. в суворовское училище может поступить любой юноша 15–16 лет после окончания восьмилетней школы. Поступающие в училище проходят отборочную мед. комиссию и сдают вступит. экзамены. В училище три класса – девятый, десятый и одиннадцатый, то есть срок обучения – 3 года. Обучение воспитанников училища (суворовцев) проводится в условиях закрытого учебного заведения. Они занимаются по учебному плану средней общеобразоват. школы, а также изучают некоторые воен. дисциплины. В большем объеме, чем в школе, изучается математика, физика и иностранный язык. Воспитанники училища изучают автомобиль и средства радиосвязи. Обучение бесплатное. Суворовцы носят военную форму. Выпускники училища получают аттестат о среднем образовании и пользуются преимуществами при поступлении в высшие и средние общеобразовательные учебные заведения. Воспитанники Московского суворовского училища по традиции участвуют 7 ноября в военном параде на Красной площади в Москве...» (Денисова, 1978, 197–198).

В 1975–1980 гг. в СССР действовало 8 суворовских училищ.

О середине 2000-х гг.: «Сейчас единственное суворовское училище Министерства внутренних дел существует в Новочеркасске, где наряду с детьми сотрудников органов внутренних дел обучаются и дети-сироты» (Нурғалиев, 2006, 6).

Ср.: *Нахимовские училища*.

СУГРОБЫ, прыгать в сугробы – распространённое детское занятие, развлечение.

О нач. XX в.: «Совсем недавно у сараев лежали сугробы снега и мальчишки прыгали с крыши, перевертывались на лету и ловко садились в снег» (Емельянова, 1955, 20).

О Новосибирске в 1930-е гг.: «Зимой... катаемся с горки, прыгаем в сугробы с высокого забора...» (МН, 1999).

О с. Рассвет Мокроусовского р-на 1994–1995 гг.: «Когда мне было примерно 12–13 лет..., мы придумывали ритуал нашей дружбы... Зимой мы должны были прыгать в сугроб с крыши сарая в знак нашей дружбы. Кто не мог этого делать – был трус» (521).

О перв. пол. 1990-х гг.: «Популярнейшее занятие зимнего периода игр в нашем дворе – прыгать в сугробы. Прыгали, в основном, с гаражей – уже лет в 8–9. Это считалось проявлением смелости. Особо храбрые прыгали с опоры высоковольтного столба – там и высота была больше, и сугробы глубже. С гаражей прыгали с разбега или с карниза – кто дальше прыгнет, а потом измеряли, на сколько часов кто дальше прыгнул, и считали, кто сколько раз прыгнул. Эта игра была актуальна 3–4 года...» (012).

«СЧАСТЛИВЫЙ» цветок сирени.

О с. Затеченском Далматовского р-на в 1989–1992 гг.: «Когда мы ездили на автобусах, то каждый билет проверяла по номеру – счастливый этот билет или нет... Счастливые билеты некоторые съедали, а их никогда не ела, считала, что это глупость. Также мы искали счастливые цветочки сирени. Счастливым цветочком считался тот, в котором лепестков было больше четырех. Цветочек счастливый, конечно, съедался, но сначала нужно было загадать желание. Один раз я нашла цветочек с пятнадцатью лепестками, была очень рада. Обычный цветок сирени с четырьмя лепестками и поэтому любое большее кол-во считалось необычным и счастливым» (474).

См. также: *Сирень*, «Счастье».

«СЧАСТЬЕ» – цветок сирени с пятью лепестками.

О Саратове в середине 1900-х гг.: «Сестра... шла со мною тихо и в пышном соцветии сирени отыскивала пятилепестковые цветки и, называя их “счастьем”, заставляла меня проглатывать эти горькие, холодные звёздочки. И я жевал их, и вот только теперь понимаю, что это и правда было счастье» (Федин, 1959–1, 240).

См. также: *Сирень*.

СЧИТАЛКА – ритмически организованный текст, используемый детьми «с целью установления роли участников игры или очереди для начинания игры» (Г.С. Виноградов). Считалка определяет законы игры, распределение игровых функций.

«Считалка – наиболее исследованный жанр детского игрового фольклора. Первый текст считалки опубликован И.П. Сахаровым в 1837 году. Само название жанра “считалка” приписывают П.К. Симони. Бытования считалки, её поэтика и генезис текстов скрупулезно изучены в XX веке. Наиболее основательная работа принадлежит Г.С. Виноградову. Следует отметить и работы В.Э. Орла, В.В. Мерлина, М.П. Чередуковой, А.Л. Топоркова, Е.А. Костюхина» (Белоусов, 2005).

Лит.: Капица, 2002, 78–98; Мельников, 1987, 126–145; РД, 2006, 258–361; Топорков, 1998–2, 578–604; Чередукова, 2002, 33–64.

Считалки в 1900-е гг.

О 1900-х гг.: «Вбегает Кланька: “Пошли, Ленка!... Там ребята в прятки играют...”. Встав в круг, я забываю обо всем. Кланька начинает считать. Она тычет по очереди в каждого пальцем и приговаривает тоненьким голоском: “Раз, два – кружева. / Три, четыре – нос в черниле. / Пять, шесть – кашу есть. / Семь, восемь – сено косим”. Присказка кончается, Кланькин палец упирается Петьке в грудь. Ему досталось водить» (Молчанова, 1958, 22).

О Москве в 1908–1910 гг. «“Давайте играть! – сказала Настя Семенова. – В салочки!” “Давайте! – закричала Оля. – Пойдемте к тетенькам!...” ...“Фу! К прачкам! – сказала Тая и сморщила нос. – Зачем? Мы будем здесь играть. Под клёном. Становитесь – я считаю!” Все встали в круг, и Тая стала считать: “Оне-бронь-рез, / Интер-минтер-жес, / Оне-бронь-раба, / Интер-минтер-жаба...”» (Воронкова, 1959-а, 279).

Считалки в 1910-е гг.

О перв. пол. 1910-х гг.: «“Давай считаться, – предложит она. – Кому выйдет последнее слово, тому первому до камня бежать”... “Шатор, батор, губернатор шапка писаная”» (Павлова, 1980; 43, 44).

О середине 1910-х гг.: «В тёплый, летний вечер подальные ребята собрались на заднем дворе... Решили играть в жмурки. “Чур-чур, я пересчитываю!” – крикнула Марийка. Все стали в кружок, и она начала считать: “Ана-вана, тата-ния, / Сия-вия, компания, / Сильва, лека, тика-та, / Ана-вана, бан...”» (Бродская, [1938] 1957, 194).

Считалки в 1930-е гг.

О Москве в 1930-е гг.: «Я ещё хорошо помню заумные считалки типа “енике-бенике”, или “еськи-тоськи, волга-молга, симер-гутер-гутер-га, поезд”, слышал считалки на французском и немецком, застал уже выходявшие из употребления “Ехал мужик по дороге”. Из старых была еще популярной “Заяц белый, куда бегал”, но с воюй и модной концовкой “Фоня-вошь, кого берешь”. Но криком моды стала другая считалка – “В этой маленькой компании кто-то крепко на...ял, раз-два-три, это верно ты ...” и т.д. Пользовалась успехом “Тили-тили-тесто, жених и невеста. Тесто засохло, невеста подохла...”» (Топоров, 1997–1, 27–28). [...]

Считалки в 1950-е гг.

О 1953–1954 гг.: «Толя взял карандаш в кулак и нарисовал на листке забор. “О, великолепный почерк! – обрадовался вдруг Ипполит Веньяминович и, надев на нос очки, прочитал: “Эне бене раба, кунтер сунтер жаба! Правильно?” “Правильно!” – ответил Толя и страшно удивился тому, что простой забор – это, оказывается, не забор, а детская считалочка» (Дик, 1956, 25–26).

О 1954 г.: «Играть уговорились в лунки... Начали считаться. Нютка первая протараторила смешную считалку и, прыгая на одной ноге, закричала: “Я вышла,

я вышла!» Считались быстро. Через три минуты от кружка ребят остались двое – Федя и Женька. «Он маленький, ему не обсчитать», – подумал Женька. «Шли по дологе / Кулиные ноги, – заторопился, закартавил рыжик. – Кулиные ноги / Хотели свалить, / Кто плюзевает, / Будет галить, – вывернулся малыш, и Женька остался последним» (Никонов, [1958] 1962, 31–33).

Считалки в 1960-е – 1980-е гг..

О перв. пол. 1960-х гг.: «Сейчас радио играло... твист, похожий на детскую считалочку, и с такими же непонятными словами, вроде “эне, бене, раба – винтер, квинтер, жаба”» (Киселев, [1966] 1969, 216–217).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Очень популярны были: “Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить – все равно тебе водить”. А вот эту, тоже памятную с детства мне, принесла из садика уже моя младшая дочь в 2004 году: «Ехала машина темным лесом / За каким-то интересом / Инте, инте, интерес, / Выходи на букву “С”» (Жавелева, 2006).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «...Мальчик говорит: “Я теперь у вас во дворе буду жить...”... “Будешь в пряталки играть?” – спрашивая у него. “Буду”. “А кто водить будет? Чур, не я!” И Люська сразу: “Чур, не я!” И мы ему сразу: “Тебе водить”. “Вот и хорошо. Я люблю водить”. И уже глаза руками закрывает. Я кричу: “Нет, так неинтересно!.. Давай лучше считаться”. И мы стали считаться: “Шла кукушка мимо сети...” И опять ему выпало водить. Он говорит: “Вот видите, всё равно мне водить”» (Пивоварова, 1979, 13–15).

О с. Лопатки Лебяжьевского р-на во вт. пол. 1980-х гг.: «В “жмурки” играли в доме, в одной комнате. Сначала мы выбрали галящего. Для этого мы использовали считалочку. Например: “Баба жила, / Ворожила, / И велела это взять, / А потом приехал зять / И велел перегадать”» (455).

Считалки в 1990-е гг.

О девочке 8–9 лет в г. Катайске в 1992–1993 гг.: «Считалки: “Два пожарника бежали / И на кнопочку нажали”; “Шишли, мышли, / Сопли вышли”» (116).

О 1991–1994 гг.: «Когда мне было примерно 7–10 лет, мы употребляли следующие считалки: “Аты-баты шли солдаты, / Аты-баты на базар, / Аты-баты, что купили? / Аты-баты – самовар”; “Вышел немец из тумана, / Вынул ножик из кармана, / Буду резать, буду бить, / Все равно тебе галить”» (100).

О девочке 8–10 лет в с. Карачельском Шумихинского р-на в конце 1990-х гг.: «Часто, когда играли в догонялки, в баши, в “выше ноги от земли”, в прятки, – в качестве считалки использовали следующие слова: “Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять. Пиф-паф, ой-ё-ёй, умирает зайчик мой”. Также пользовались другими считалками: “Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виноват”; “Сидел козел на лавочке, считал свои козьячки, раз, два, три, а галить-то будешь ты!» (142).

См. также: «Аты-баты...»; «Вышел месяц из тумана», «Вышел немец из тумана»; «Ехала машина тёмным лесом...»; «Катилась апельсина...»; «На золотом крыльце сидели...»; «Сидели два матроса...»; «Со второго этажа...»; «Чирики-почирики»; «Шла кукушка мимо сети...»; «Эне-бене-рес...»; «Эники-бэники».

СЧИТАТЬСЯ – для определения человека в игровой функции водящего произносить рифмованный и (или) ритмизированный текст, указывая поочередно на участников. См.: *Считалка*.

СШИВАТЬ элементы школьной формы – род школьного озорства.

О 1960-х гг.: «На географии [Гриша] достал из портфеля иголку с ниткой. Он специально принес в школу иголку с ниткой. Потому что впереди сидят две девочки – Зина и Тамара. А Зинка противная, она всегда поднимает руку, когда её не просят. Всегда больше всех знает. И вообще – до пятого класса доучилась, а не понимает, что ябедничать стыдно. Достал Гришка потихоньку иголку и стал незаметно сшивать крылья пердников. Зинкино крыло пришивал к Тамариному...» (Матвеева, 1975, 76).

«СЪЕДОБНОЕ-НЕСЪЕДОБНОЕ» – игра с мячом.

О пос. Новоаганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. в 1985–1987 гг.: «В 6–8 лет часто играли в “Съедобное-несъедобное”. Ведущий по своему выбору бросает кому-нибудь мяч и говорит название предмета. Если предмет съедобный, – его нужно поймать, если нет – мяч не ловишь. Ошибаешься – выходишь из игры» (503).

О г. Петухово во вт. пол. 1980-х гг.: «“Съедобное – несъедобное”. По считалке или по желанию выбирали ведущего, он брал в руки мяч, остальные садились на лавочку. Ведущий кидал мяч, говоря, например, что-то съедобное, если игрок откидывал мячик, то есть “не съедал”, то он становился ведущим, [то же происходило] и в том случае, если [игрок] съедал что-нибудь несъедобное, а ещё игра по такому же принципу называлась “Жизнь”...» (510).

О с. Лопатки Лебяжьевского р-на во вт. пол. 1980-х гг.: «Иногда играли в “Догонялки”... Когда мы уставали, то выбирали более спокойные игры. “Съедобное-несъедобное”. Для этой игры нужен мяч. Часто мяч приносили Света и Таня, так как у них был мяч средней величины и больше подходил для этой игры. Поэтому одна из них и начинала галить. Остальные выстраивались в шеренгу. Света кидала первому стоящему мяч и произносила слово, например, “мороженое”, и Таня должна поймать мяч, так как слово – “съедобное”. И так со всеми. Кто ошибается, тот выбывает. Выигрывает тот, кто ни разу не ошибётся. Чаще всего выигрывала Таня, так как Света ей подыгрывала» (455).

О пос. Лебяжье в конце 1980-х гг.: «Я очень в детстве любила играть со своими подругами в “домик”... Ещё одна игра, в какую мы играли летом, это – “Стандер стоп”... Следующая игра, в которую мы играли – это “съедобное – несъедобное”. Опять с помощью считалки мы выбирали галящего, а остальные участники садились в ряд на лавочку. Галящий по очереди кидал мячик участникам игры, при этом называл съедобные или несъедобные предметы. Если он называл съедобный предмет, то участник должен был его поймать, а если несъедобный, то отбить. Если участник ловил несъедобный предмет, то он выходил из игры» (458).

О Шадринске в 1991 г.: «“Съедобное – несъедобное”. Кидается мяч, задаётся вопрос “Что ты съел?” или “Что хочешь съесть?”, “Что ты любишь есть?” и варианты ответов. Вариантом ответов может быть всё, что угодно: и съедобное и несъедобное. Конечно, интереснее, когда игрок ловил мяч при несъедобном варианте. Самая съедаемая всеми – это кашкаша. Она всегда присутствовала в любом блюде, например, “пюре из кашкиши” и др. в том же духе» (131).

См. также: «Джаз», «Жизнь», «Да-нетки».

«СЫН артиллериста» – поэма К.М. Симонова. (доп.)

Начало поэмы: «Был у майора Деева / Товарищ – майор Петров, / Дружили еще с гражданской, / Ещё с двадцатых годов».

В 1950-е – 1960-е годы изучалась в 5 классе, в 1970-е – 1980-е годы – в 4 классе средней школы.

О шестиклассниках в нач. 1950-х гг.: «Перешли к остальным активистам. “ХвENCHУКА давайте нам, – заявил Ковров и для обоснования своей просьбы процитировал стихотворение К. Симонова: “Дружили еще с гражданской”» (Синяев, 1953, 29).

О нач. 1960-х гг.: «Поэма “Сын артиллериста” изучается в V классе в конце учеб. года и входит в пятый раздел программы – “Советские писатели о социалистич. родине”. Изучению поэмы предшествует чтение и разбор стихотв-ия С. Михалкова “В Музее В.И. Ленина”... и рассказа А.Фадеева “Метелица”... После поэмы “Сын артиллериста” идёт стихотв-ие Маршак “Рассказ о неизвестном герое”...» (Колокольцев, 1963, 91).

СЫН полка – ребенок, оставшийся без родителей и взятый в воинскую часть на довольствие.

О войне 1941–1945 гг.: «Многие дети, оставшиеся без родителей, становились сыновьями полков, дивизионов, эскадрилий, юнгами военных кораблей. Воспитываясь в воинских частях, они нередко участвовали в боях, порою проявляли чудеса храбрости» (Черник, 1975, 14).

«СЫН полка» – опубликованная в 1945 году повесть Валентина Петровича Катаева (1897–1986). В 1960–е–1980-е годы изучение повести входило в программу средней школы (4 класс). В 1947 году повесть была экранизирована (Чирковская, 1978, 5).

Главный герой – мальчик *Ваня Солнцев*, действие повести происходит в 1944 году.

О дет. библиотеке в Шадринске в 1946 г.: «...Много интересных мероприятий для школьников организовывалось в каникулы. Так, к примеру... 5 января состоялась читательская конференция по книге В. Катаева “Сын полка”» (Плотникова, 1999, 116).

О конце 1940-х гг.: «Расскажу несколько подробнее об опыте внекл. чтения в IV классе... С большим волнением и интересом слушали девочки чтение книги Катаева “Сын полка”. Сколько волнующих вопросов было задано в процессе чтения, сколько было пролито хороших, чистых слез!.. Читали эту книгу по очереди вслух во время уроков рукоделия, оставались иногда и на шестой урок. После чтения посмотрели кинокартину и только тогда назначили обсуждение этой книги. Простой чудесный образ Вани Солнцева останется в памяти девочек на всю жизнь... В процессе обсуждения книги девочки с горечью сказали: “А мы вот, наверно, не сумели бы быть такими, как Ваня Солнцев, если бы попали в такое же положение, мы – девочки...”» (НШ, 1949, 458–459).

О 1949–1950 гг.: «Опрос проводился... в школах Москвы, Н. Тагила, Фурманова, Барнаула, откуда учащиеся прислали около 1 200 ответов. Опрос был проведен среди учащихся третьих и четвертых классов мужских и женских школ равномерно. Материал письменного опроса дополнялся уст. беседами. Кроме того, по каждой проверяемой книге было привлечено более 1 000 детских писем, присланных учащимися в Детгиз из самых отдаленных уголков нашего Союза... Из книг о Великой Отечественной войне, написанных для данного возраста, общее признание имеет книга Катаева “Сын полка”. По читаемости она стоит на первом месте как у мальчиков, так и у девочек. Читатели неизменно дают восторженные отзывы об этой книге. “Книга эта – просто золото”, – пишет мальчик III класса из поселка Сталино. “Мы перечитывали её несколько раз, – сообщают девочки из Орла, – и всем хотелось её читать. Мы оставались после уроков в школе только для того, чтобы поскорее её прочитать, чтобы узнать о судьбе трех разведчиков”. Ваня Солнцев – любимый герой. В нём находят дети все те черты, которыми они наделяют героя: смелость, храбрость, стойкость, любовь к Родине, верность Советской Армии: “Ваня Солнцев просто очаровал меня. Я сам желал бы быть таким сметливым, ловким и выносливым, как он” (мальчик со ст. Тулино, Воронежской обл.). “Очень понравился Ваня Солнцев. Он ничего не сказал, когда его били, у него характер твердый” (учащийся IV класса, Москва). “Нравится Ваня. Он подвиг сделал – схему рисовал” (учащаяся IV класса, Москва). “Ваня не хотел выдавать Красную Армию. Его били немцы, а он выносил всё” (учащийся IV класса, Москва). В Ване проявляется и детская хитрость, и сметливость, и это делает его еще ближе, еще привлекательнее для ребят. Эпизоды, где Ваня перехитрил Биденко и убежал из машины, вызывают у детей неизменные улыбки. Когда дети читают, как Ваня привязывает веревку к ноге хирурга, они весело хохочут. Юные читатели особенно ценят юмор, который пронизывает книгу Катаева. Им досадно, когда в книге нет веселых мест. Учащийся III класса пишет: “Очень жаль, когда в книге мало смешных мест”. Это сочетание веселого и серьезного, героического и простого, так удачно найденное Катаевым в “Сыне полка”, делает эту книгу любимой дет. книгой. Ваня Солнцев остался жив, он вышел невредим из всех тяжелых испытаний войны, и это особенно радует читателей. Дети этого возраста часто убеждены в том, что лит. герой действительно существует, они без конца спрашивают, как живет теперь Ваня Солнцев, где он учится и можно ли с ним переписываться» (Жаворонкова, 1951, 50–52).

«“Сын полка” на многие годы становится одной из самых популярных и любимых детских книг о войне. На 560

основе повести Катаев создал одноименную пьесу; кроме того, повесть была экранизирована в 1946 году. Писатель рассказывает [1972 г.]: “Дети любят эту вещь, и до сих пор я получаю письма, в которых спрашивают, где сейчас Ваня Солнцев...”» (СДЛ, 1978, 354).

О 1965 г. в г. Семипалатинске: «Мне и брату дедушка читал книгу “Сын полка” В. Катаева, которую взял в библиотеке, когда я училась в классе втором-третьем. Мне было около 9 лет. Книга нам очень понравилась. Запомнилось, что в ней был какой-то очень смешной момент, над которым мы с дедушкой долго хохотали. А вообще она была серьезная, про войну и про мальчика. Как грустная она мне не запомнилась» (118).

О конце 1960-х гг.: «...Пятиклассники отправили в посёлок Комсомольский свои любимые книги: “Четвертая высота”, “Сын полка”, “Старик Хоттабыч” и др.» (Лекманова, 1970).

«СЫЩИКИ» – детская игра начала XX века.

О г. Санкт-Петербурге во вт. пол. 1900-х гг.: «В детстве жил я на дачке на Чёрной речке. Там было множество детей, и мы играли в самые разные игры: в войну, в индейцев, в сыщиков, в цыган» (Тихонов, 1977, 12).

«СЫЩИКИ-РАЗБОЙНИКИ», «сыщики и разбойники» – детская игра.

Из восп. о школе в Шадринске в 1920-е гг.: «После уроков Ольга Николаевна всегда нам читала какую-нибудь книгу... К праздникам всегда готовили концерт, пели, танцевали... Очень увлекались игрой “Сыщики и разбойники”. В школе были горячие завтраки... Класс наш был очень дружный» (Плотникова, 2003, 24).

О г. Свердловске в конце 1940-х гг.: «Играли в лапту, в чижика. Но больше всего мы любили играть в “сыщики-разбойники”. В эту игру вовлекался весь двор, чему способствовала система подвальных ходов, проложенных из корпуса в корпус. Уж там-то нас никто не мог отыскать! По начерченным мелом стрелкам шел поиск, часто стрелка упиралась в подъезд, и с какой стороны дома мы можем появиться, уже никто не знал. Не обходилось и без происшествий. Кто-нибудь застревал, пролезая между труб, и уж тут-то требовалась помощь взрослых. Пострадавшего вытаскивали, наказывали, но на следующий день все повторялось вновь» (Факова, 2006).

«СЭЙЛОР Мун» – см. «Сейлор Мун».

«СЮБОР» – игровая приставка к телевизору.

О девочке 10 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1998 г.: «Родители подарили “Сюбор” (приставка с клавиатурой и джойстиком). Всей семьёй играли первое время. Было очень интересно даже взрослым. Игры: гонки, “Марио”, танки, “Том и Джерри”, караоке. Помню, был специальный джойстик по обучению печатанию на клавиатуре» (134).

ТАБЕЛЬ – «Листок успеваемости учащихся» (Словарь, 1963–15, 11); «Листок учёта успеваемости в средних учебных заведениях с отметками по четвертям, экзаменационными и годовыми» (СИ, 1994, 591); «Листок успеваемости школьников первого класса с оценками по четвертям учебного года» (Лопатин, 1997, 694).

О женской гимназии в середине 1910-х гг.: «Кончилась первая четверть. В большую перемену [классная дама] Сова... уселась за учительский стол и положила перед собой белую стопку табелей. Девочки сидели тихо, не сводя глаз с пальцев Совы. Вот она взяла первый табель. “Natalie, – глаза Совы засветились нежностью, – нет никаких сомнений, что вы и в этом году служите украшением класса”. Бурунова пошла за табелем, бросив победоносный взгляд на Ирину. “Оля Маковкина, – благосклонно продолжала Сова, – вы рядом со своей подружкой, за вами второе место”. Остальные табели Сова раздала молча... Перед рождественскими каникулами выдали табеля. Точная наука поставил Ирине в четверти двойку. По остальным предметам отметки были хуже, чем в первой четверти» (Филиппова, 1938; 40, 84).

О 1942–1943 гг.: «...Первый экзамен Галя сдала на “отлично”... Наконец, табель в руках, и вот перед ней желанная строчка: “Переводится в пятый класс. Ударница”. Слышишь, папа, я ударница!» (Рождественская, 1960, 61).

Об июне 1944 г.: «У [десятилетней] Тани кончился учебный год. Она дала на подпись Леночке табель с круглыми пятёрками, снесла в школу ставшие ненужными ей учебники и оказалась свободной» (Карнаухова, 1953, 9).

О 1944 г.: «Экзамены прошли легко, и в табели у меня было написано: “Переведен в 7-й класс»» (Бакинский, [1955] 1956; 81, 121).

О конце 1940-х гг.: «Когда через несколько дней нам выдали за первую четверть табели, я увидел, что у меня там стоит двойка по арифметике... Я решил... показать табель потом, когда праздники кончатся. Ведь бывают же такие случаи, когда табели ученикам выдают после праздника. Ничего тут такого нету» (Носов, [1951] 1979–1, 471–472).

О 1950-х гг.: «Охает вожатая: / “Единица в табеле! / Значит, мы внимания / К мальчику ослабили»» (Барто, [1954] 1969–1, 356).

О конце 1950-х гг.: «А правда, ведь жалко, что в табеле нет / Такого предмета, как дружба?... / Прекрасный ведь был бы у табеля вид, / Хотя и не очень привычный: / За верную дружбу – “пятерка” стоит, / За доброе сердце – отлично!...» (Серова, 1960, 42).

О середине 1950-х гг.: «Дневник ученика является документом, в котором отражена как его учебная деятельность, так и поведение... В некоторых школах вместо дневников введены табели. Нам кажется, что дневник, отражающий всю учебную деятельность ученика и его поведение, является более совершенным документом, чем табель» (КР, 1957, 271).

О конце 1950-х гг.: «Мы перешли в третий класс. Пришли домой и принесли табели» (Долинина, 1962, 69).

О Челябинске в 1980-е гг.: «В конце каждого учебного года нам выдавали вручную заполненные табели успеваемости. Обыкновенная открытка-“раскладушка” с профилем Ленина на обложке и лозунгом типа: “Учиться, учиться и еще раз учиться!” Среди прочих граф в табеле была строка “Поведение”. И мою открыточку, такую всю в пятерках-четверках, здорово портила эта строчка. Потому что выше оценки “удовлетворительно” там ничего не появлялось» (Кумейко, 2006–7, 9).

ТАБЛЕТКА – «Лепёшечка прессованного лекарственного порошка» (Словарь, 1963–15, 13); «Твёрдая дозированная лекарственная форма в виде лепёшечки или короткого цилиндрика, получаемая прессованием медикаментов» (СИ, 1994, 591).

Поглощение детьми таблеток в игре.

О сент. 1985 г.: «Как-то, мне было 4 года, я отдыхала в деревне у бабушки. Ко мне пришла подруга Ира и позвала меня гулять. Я отпросилась у бабушки, и мы пошли за огороды, там был у нас сделан домик, было нас трое: я, подруга и ее двоюродный брат. Они с братом нашли таблетки, мы решили, что будут нашей едой, съели по две штуки, как выяснилось, потом они были снотворные. Потом как до дома дошли не знаю. Папа рассказывал, что еле-еле меня поймал, я от него убежала. Сидящие на лавочке бабульки удивлялись, как это дети могут претворяться так правдоподобно пьяными. Иру забрали домой, брат сам ушел, он жил напротив меня, и он был постарше и просто проспался. А мы вот нет. Меня папа пытался завести домой. Я помню, что такая маленькая и не могла зайти в двери, они мне казались узкими. Было такое странное чувство свободы, столько энергии. Зашла я домой, а родные не могут понять, что со мной творится, не послушная, возбужденная. Бабушка взяла меня на руки и спросила, что со мной. Я ей ответила: “Бабушка, мы таблетки ели”. Папа бегом к тете Гале, это мама Иры, она по профессии фельдшер. Нам пытались промыть желудок. Вызвали машину, и нас повезли в район. больницу. Помню, была такая сильная гроза, темно, ночь, а я хочу спать, а мне не дают... В больнице нам оказали помощь... Благо, что всё закончилось очень хорошо, и я быстро поправилась» (149).

«ТАБЛЕТОК наглотаться» – выражение, означающее типичный для конца XX века способ самоубийства девочек-подростков.

О девятикласснице в Челябинске в середине 1990-х

гг.: «Она могла на уроке пустить злую шуточку в мой адрес. Делала намёки, что в десятом-одиннадцатом классе мне делать нечего. Она всегда принижала мне оценки..., я возненавидела [предмет] из-за моего нового учителя, я его прогуливала... Было даже такое, что, возвращаясь домой в слезах, я хотела наглотаться таблеток, но мне не хватило смелости» (526).

О с. Ожогово Шатровского р-на с конца 1990-х по нач. 2000-х гг., о Катайске в нач. 2000-х гг., о Шадринске в 2004–2008 гг.: «“Таблеток наглоталась!” – данное выражение использовалось при рассказе о какой-нибудь девушке, которая хотела покончить жизнь самоубийством (в основном, из-за любви). Гораздо реже данное выражение можно было услышать о мужском поле (они, в основном, вешаются). Я лично слышала рассказы о девушках, которые глотали таблетки и (слышу эти истории с конца 1990-х по 2008 г.)» (154).

ТАБЛИЦА умножения – последовательность пар натуральных чисел от одного до десяти с указанием произведения от каждой пары.

О конце 1950-х гг.: «Чего только не делала девочка, чтобы избавиться от злополучной тройки: таблицу умножения каждый день повторяла, задачи и утром и вечером решала. И добилась, чего хотела» (Бурцева, 1961, 17).

О начале 1980-х гг.: «“Неужели двойку принёс?” “Единицу, – грустно проговорил Серёжа. – И всё из-за таблицы умножения. Она ужас какая трудная и непонятная. Но её выучу, вот увидишь, бабушка, выучу...”» (Гриева, 1983).

«ТАБЛИЦА умножения» – фольклорный стишок, форма запугивания оппонента.

Об окраине Иркутска в 1922 г.: «“Атаман? Ого! Ты знаешь он какой? У-у!...” “Какой?” “Сильный! Попробуй не подчинись ему, он тебе враз таблицу прочешет...” “Какую таблицу?” “Умножения. Не знаешь? А вот: “Я те рожу растворю, / Щеку на щеку помножу, / Нос с затылком сокращу, / Зубы в дробь превращу...” “Понял?”» (Чусов, 1963, 8).

См. также: «Я те рожу растворю...»

ТАЙНИК – помещение с потайным в него доступом, служащее местом скрытого хранения.

Петербургский исследователь детства М.В. Осорина пишет: «Мы уже неоднократно подчеркивали, что “секреты” – дело женское, девчоночье. Мальчишки делают “тайники”... Мальчишечьи “тайники” редко бывают в земле – только если больше нигде их устроить. А вообще они чаще располагаются во всевозможных нишах, щелях, укрытиях, где можно сделать незаметное для постороннего глаза вместилище, куда закладываются разнообразные предметы. Иногда мальчишки прячут в “тайник” то, что потом будет необходимо для уличной игры, чтобы не надо было ходить за этим домой или чтобы из дома это не выкинули, приняв за мусор. Но гораздо чаще в “тайнике” находятся личностно-значимые, ценные для мальчишки предметы, похожие на те, что хранятся в “сокровищницах”. Некоторые из них были им найдены или добыты. Что-то – подарено значимыми людьми (обычно старшими мужчинами: отцом, дядей, старшим братом или товарищем). В особых случаях, например, в пионерском лагере, в “тайниках”, расположенных вне обжитого пространства, в лесу – под деревьями или на них, в норах и откосах канав и т. п., – прячутся предметы, которые могут быть отобраны начальством или более сильным сверстником (еда, носильные вещи, предметы, имеющие высокую потребительскую ценность, а также – краденое). Интересно, что в “тайниках” мальчиков отсутствует эстетический аспект, столь важный для “секретов” девочек. Очень часто акцент сдвинут на другое: не столь важно – что лежит в тайнике (иногда мальчишки страдают оттого, что “тайник” сделан, а положить туда нечего), сколь важно – как он выстроен (неожиданность выбора места, выдумка и тех. совершенство орг-ции самого вместилища). Мальчишеский “тайник” в гораздо меньшей степени, чем “секреты” девочек является средством общения. Мальчишки иногда тоже показывают его ближайшим друзьям, но после этого он теряет свою

защищенность, а потому и привлекательность для хозяина, который рушит его или переносит в другое место. Девочки за мальчишечьими “тайниками” не охотятся, а вот свои же, мальчишки – да. Если мальчик набредёт или случайно обнаружит “тайник” сверстника, как сообщали мои информанты, обычно он его обязательно демонстративно разрушит, оставляя развороченным. Спрятанные там вещи редко представляют ценность для кого-либо, кроме хозяина. Разрушитель их вынимает и бросает неподалеку. Все это напоминает символический поединок с хозяином “тайника”: если он обнаружен и безжалостно разоблачён, то должен принять смерть. Интересно, что мальчишки часто делают “тайники” прямо в собственном доме. В квартире излюбленным местом для них становятся щели под подоконником, задвинутые чем-нибудь выемки в стене, пространство под вынимающейся половицей, плинтусом и т. п.» (Осорина, 1999, 143–145).

О Москве в середине 1940-х гг.: «После боев в Подмоскovie осталось много боеприпасов, разбросанных по лесам и оврагам. Мы обращались с ними довольно бесцеремонно: бросали в костёр, ожидая в кустах, когда бабахнет, прятали в тайниках. Порой арсенал неожиданно взрывался, унося жизни, калеча и на всю жизнь помечая юных следопытов шрамами. Многие ребята из нашего дома носили на себе несмываемые отметины» (Лучков, 2006, 86).

«ТАЙНОЧКИ» – то же, что *секретники*.

О Свердловске в 1960-е гг.: «Тайночки мы делаем так. В земле выкапывается небольшая ямка, в нее укладывается мятая фольга, сверху простое или цветное стеклышко. Все это засыпается землей, а потом осторожно делается небольшое отверстие, из которого вдруг тебе навстречу начинает светиться звездочка» (Смирнова, 2005).

ТАЙНЫЕ общества у детей – объединения детей, создаваемые втайне от взрослых.

О Перми в нач. 1960-х гг.: «Подростки любят сбиваться в стаи, такие первобытные образования. Они создают тайные общества на каждом шагу (отголоски архаики: не бывает первобытности без тайных мужских союзов). В начале [19]60-х [годов] эти секретные общества назывались “Кровавая шпaga” или “Друзья Тарзана”...» (Горланова, Букур, 2006, 14). [...]

О 1960-х гг.: «Психологами замечено: мальчишки десяти-двенадцати лет испытывают неодолимую тягу к устройству штабов, придумыванию паролей, сочинению глубочайших тайн и важнейших секретов. [...]

ТАЙНЫЕ языки у детей.

Лит.: Виноградов Г.С. Детские тайные языки [1926] // Виноградов, 1999, 105–130; Мадлевская Е. Тайные языки // РД, 2006, 364–366.

О Шадринске в 1941–1945 гг.: «Рассказывали страшные сказки и побывальщинки, а также любили разговаривать на “тарабарском”, непонятном языке. [...]

О 1980-х гг.: «Я и моя лучшая подруга из класса сочиняли различные тайные языки для того, чтобы никто не понимал, особенно мальчишки. [...]

«ТАК ТЕБЕ И НАДО, курица-помада!» – словесная формула, выражающая злорадство.

О нач. 1980-х гг.: «Из детства еще я помню такие дразнилки:.. “Так тебе и надо, / Курица-помада” (Хотя смысл этого высказывания мне до сих пор не ясен)» (603).

О девочке 4–5 лет в с. Крутихи Далматовского р-на в 1989–1990 гг.: «Выражение “Так тебе и надо, курица-помада” знакомо с детского возраста. Употребляли, когда мальчишки проваливались в сугроб на детских участках» (211).

О девочке 5–6 лет в г. Далматово в 1991 г.: «“Так тебе и надо, курица-помада!” – эти слова я узнала в детском саду. Мы так говорили, когда кто-нибудь получал наказание, причём заслуженное» (136).

О девочке 6 лет в Шадринске в 1992 г.: «Я не помню точно, когда я впервые услышала выражение “Так тебе и надо, курица-помада”, но у меня оно ассоциируется со всем младшим детством. Помню, что мы употребляли его часто, играя в куклы, в дочки-матери или в “козла”,

но выражение было коронным, использовалось оно и как дразнилка, и как просто высказывание» (132).

О девочке 5–8 лет в г. Когалыме в 1992–1995 гг.: «Одна моя одноклассница в школе на перемене упала, другая засмеялась и сказала ей: “Так тебе и надо, курица-помада!”, на что первая ответила: “Тебе смешно, а мне обидно, тебе..., а мне – повидло”» (134).

О девочке 7–8 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на в 1993–1994 гг.: «Когда кому-то давали оплеуху во дворе или мама ругала брата, я с ехидством в голосе говорила: “Так тебе и надо, курица-помада!” Но было очень обидно, когда это выражение говорили мне. Тогда я уходила домой и целый день не выходила играть, так как думала, что надо мной будет смеяться весь двор» (141).

«ТАКТИЧЕСКАЯ игра» – настольная «военная» игра.

О 10-летнем мальчишке в 1940 г.: «...Родня... понесла мне всяческие подарки... Большой... мяч..., книжка “Три мушкетёра”..., заводной танк... и многое другое... Прибыл Лёшка, и мы, разложив на столе подаренную мне кем-то “тактическую игру”, открыли военные действия, то и дело обвиняя друг друга в жульничестве... Слушать этот спор нам с Лёшкой было неинтересно, и мы ушли в мою комнату продолжать “тактическую игру”» (Сиснев, 1973; 45, 50, 61).

ТАМАГОЧИ – электронная игрушка, миниатюрный специализированный компьютер в виде брелока с дисплеем, на котором при соответствующих действиях пользователя происходит развитие и существование какого-либо существа (цыпленка, щенка, инопланетянина, динозавра, дракона. (ТССР, 2001, 769). При неправильном или несвоевременном «уходе» существо «погибает». Игрушка была создана в Японии в 1994 г., в России тамагочи появились в 1997 г. и немедленно обрели огромную популярность в дет. среде. [...]

О 1998 г.: «Когда я была в 7-м классе, стали популярными электронные игрушки “тамагочи”. Они считались безумно модными, и “таскались” с электронными питомцами даже мальчишки. Когда мы заходили в класс, разговоров только и было, что Настя завела цыпленка, у Влада сдох пингвин, а у Марины лягушка живет уже 15 дней. Потом стало безумно модно меняться тамагочи. Самыми “стильными” тамагочи были те, в которых было 20–21 существо. Игрушки данного типа были по виду самые разнообразные: в виде яйца, круглые, треугольные, прямоугольные, в форме Микки-Мауса. Самыми лучшими считались “открывающиеся”, похожие на часы. Тамагочи были популярны до 11-го класса, затем они перешли к младшему поколению» (012).

ТАНК игрушечный – игрушка в виде танка.

О подарках 10-летнему мальчишке в 1940 г.: «...Родня дружно понесла мне всяческие подарки... Большой красно-синий мяч..., переводные картинки, шахматы, заводной танк, альбом для рисования...» (Сиснев, 1973, 45).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Её манили яркие раскрашенные игрушки в руках у малышек – красные автобусы, зелёные танки, синие катера» (Новиков, 1975, 49).

«ТАНКИ» – видеоигра («Battle tank»), в которую можно было играть при помощи игровой приставки «Денди». Была особенно популярной у детей в 1990-е гг.

О 1994–1997 гг. в г. Шумихе: «В “Танчики” мы с братом играли, когда мне было 10–13 лет. Мы часто путали с братом, где его, а где мой танчик. Больше всего нам нравилось неожиданно (внезапно) убивать [танчики] друг друга» (100).

О 1995 годе: «Видеоигра Battle Tank: танк Т-34 уничтожает немецкие танки. Цель – защитить свой штаб, изображающийся в виде орла. Было мне 10 лет» (083).

О Шадринске в 1995 г.: «Когда мне было 9 лет, у меня была игровая приставка Dendy... Самой популярной игрой у нас была игра Battle tank, а также Mario brothers. Первая игра – о танковых батальонах, где команда из двух или одного человека должна была защитить свой штаб, от нападения танков соперников...» (087).

О 1995–1996 гг.: «Игру “Танки” любила даже мама, у неё она лучше получалась. Мне нравилось её задание – ты на танке должен оборонять штаб от противников,

нужно стараться, чтобы тебя не убили. Поэтому был азарт проходить в другие уровни» (110).

См.: «Танчики».

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ кружок – см.: *Кружок*.

О Петрозаводске в 1935–1937 гг.: «В школе вдруг появились танцевальные кружки. Причем изучались не только “балльные танцы” (вальс, падэспань и пр.), доступ которым в сферу взрослой жизни был уже широко открыт, но и современные зарубежные. Правда, до фокстрота и танго дело пока не доходило, но вальс-бостон и румба имели место быть. Поначалу я тоже поддалась стадному инстинкту и записалась в кружок. Однако скоро выяснилось, что... к танцам я решительно не способна...» (Лупанова, 2007, 72).

ТАНЦЕВАТЬ – 1. Выступать с танцем на концерте, исполнять танец перед зрителями.

О перв. пол. 1940-х гг.: «Девочки на празднике / Соберутся в круг. / Как танцует Любочка – / Лучше всех подруг! / Кружится и юбочка / И ленточка в косе, / Все глядят на Любочку, / Радуются все» (Барто, [1945] 1969–1, 132).

О пионерском лагере середины 1970-х гг.: «Вечером вместе со всеми Антон сидел у костра... Баянист Жора играл вальс... Ребята из второго отряда показывали пирамиду... Все захопало, а мальчики в пирамиде дружно крикнули: “Физкульт-привет!” Потом маленькая Лида плясала танец “Татарочка”, Лида расплела свои косы и заплела много маленьких тонких косичек. Она кружилась вокруг костра, садилась по-турецки на траву и снова поднималась, делала плавные движения руками. Огонь освещал ее лицо то с одного бока, то с другого» (Матвеева, 1977, 160).

ТАНЦЕВАТЬ – 2. Во время танцев (см.: *Танцы*) совершать в паре (мальчик-подросток с девочкой-подростком, юноша с девушкой), пластические ритмичные движения определенного темпа и формы в такт определенной музыке.

О 1990-х гг.: «Первый танец с мальчиком я танцевала в пятом классе, в 11–12 лет. Первый раз как-то стеснялась, да и у мальчиков мотив в танце другой – что “я уже танцую, я уже стал взрослый; как будто я её обнимаю, положив руки на её плечи, а она взяла за талию” (услышала из разговоров мальчишек, между собой делились мнениями). В более старшем возрасте, в 8–11 классах, у юношей другая потребность в танце – блуждание его руки по телу девушки, придать посылнее, чтобы чувствовать все части её тела» (551).

ТАНЦЫ – специально организованное досуговое времяпрепровождение, элементом которого является совершение пластических ритмичных движений определенного темпа и формы в такт определенной музыке.

О 1950 г.: «...Дворец [пионеров] был как Дворец – с кружками и секциями, которые работали днем, а вечерами – один или два раза в неделю, в фойе, возле зрительного зала устраивались танцы под названием вечер встреч. Видать, испытывая недостаточность раздельного обучения, пед. власти решили все же приотворить шлюзы, чтобы хоть раз в неделю мальчики привыкали к обществу девочек и наоборот. Что делать на таких вечерах, кроме танцев, никто не знал, да и стоило ли чего-то там мудрить и изобретать, ежели мальчик танцует с девочкой? Что может быть свободнее с одной стороны и законнее – с другой, нежели танцы? И близко, и далеко. Билеты на эти вечера давались мелкими порциями по мужским и женским школам, так что, говоря нынешним языком, они были явным дефицитом, за который шла заметная борьба. Распределял их чаще всего комитет комсомола, но порой приносила наша классная и раздавала... Мы не умели танцевать. Никто в мужских школах не заботился об этом, ни из эстетических, ни из педагогических соображений – не знаю, как там в женских. И мы учились сами... (Лиханов, 1995; 198, 199).

О 1960-х – 1970-х гг.: «Потом до самого отбоя танцы. Юрик надел расклешенные штаны и выделял такое... Казалось, еще немного – и он развалится на части. Девочки умирали от восторга. Тут вожатый поручил нам с Костей закрыть окна в палате: поднялся ветер, и

рамы оглушительно хлопали. Когда мы вернулись, Максим сообщил: “А Блинова вальс танцевала!” Я лично Максиму не поверил: Ленка всегда сидела на танцах зрителем. “Кроме шуток! С Петровым”. Но тут объявили дамское танго, и Ленка пригласила Володю. Заиграла музыка. Это была какая-то восточная мелодия. Ленка танцевала легко, как балерина» (Ампелонов, 1980, 56).

О пионерском лагере в середине 1970-х гг.: «В лагере Антону понравилось... Младший отряд укладывается спать раньше на целый час. А у старших бывают диспуты и танцы» (Матвеева, 1977, 146).

О 1976 г. (телеведущий А. Лысенков): «Когда я был школьником, дискотеки называли танцами и проходили они в актовом зале при включенном свете под песни Пугачёвой и Тухманова. Было мне лет 11, когда я впервые пригласил девочку на медленный танец. Я был безумно влюблён, и любовь эта, конечно, не была взаимной. Я ужасно нервничал, руки у меня постоянно потели, и я, боясь, что девушка почувствует через одежду мои мокрые ладони, держал руки чуть-чуть на расстоянии от её талии. А ещё постоянно менял то одну, то другую руку, подсушивая их» (Супер, 2007, 24).

ТАНЦЫ, урок танцев (в учебных заведениях).

О Харьковском институте благородных девиц в 1915–1917 гг.: «У нас, разумеется, были уроки гимнастики и танцев... На уроках танцев мы снимали пелеринки и разучивали разные па и позиции. Из танцев мы выучили полонез. Остальные танцы – вальс, польку, мазурку, падэспань, падекатр и другие – мы выучили как-то стихийно. Танцевать я очень любила...» (Морозова, [1994] 2001, 411).

О суворовском училище 1950 года: «В большом физкультурном зале, где проходят уроки танцев, в углу стояли рапиры и лежали... маски для фехтования» (Багмут, 1951, 106).

«ТАНЧИКИ» – 1. Детская графическая игра 1970-х – 1980-х гг.

На каждой из половинок двойного тетрадного листа игроки рисуют одинаковое количество танков («танчиков»). Один из игроков на своей стороне поля рисует жирную точку (пятнышко), затем лист складывается вдвое, на просвет игрок определяет, где находится нарисованная им точка и закрашивает это место с обратной стороны. В результате появляется отпечаток точки на другой стороне листа, на «территории» противника. Если отпечаток попадает на изображение танка противника, танк считается уничтоженным. Побеждает тот, кто раньше уничтожил все танки противника.

«ТАНЧИКИ» – 2. Разговорное название игры «Battle tank» на «Денди».

«В 1992 году мы купили... “Денди”... Самая распространенная игра “Денди” – “Танчики”. Играло два человека, которые охраняли штаб от вражеских танков. Игра длится до последнего убитого танка, либо до уничтожения штаба» (136).

О Шадринске в 1992 г.: «Мне было 6 лет. Папа купил мне “Денди” и кассеты к нему. Я любила играть в “танчики” с папой. Я охраняла “базу”, а папа сражался с врагами (ха-ха)» (114).

О девочке 8–9 лет в с. Карачельском Шумихинского р-на в 1994–1995 гг.: «У моего родственника, мальчика лет 9–10, было “денди”, я к нему ходила играть в “Танчики” и “Марио”» (142).

См. также: «Танки».

ТАПКИ, тапочки – лёгкие туфли без каблуков.

О конце 1940-х гг.: «[Детский сад] быстро сбросил у реки / Тапочки и майки...» (Маршак, [1951] 1968–1, 150).

Тапки, тапочки у девочек.

О 13-летней девочке в 1934 г.: «Утром [бабушка] придирчиво осмотрела мой туалет: белую блузку и синюю сатиновую юбку, красный галстук и белые, с голубыми каёмками резиновые тапочки...» (Либединская, 1966, 67–68).

О 13-летней девочке в 1940 г.: «Затевалась игра в волейбол, и Женя должна была сменить туфли на тапки. Она завязывала шнурок, когда в комнату вошла женщина...» (Гайдар, [1940] 1980–2, 391).

О 17-летних юноше и девушке в Москве в 1940–1941 гг.: «Вот и [Лидя]. Мы идём рядом... Она рассматривает свои белые тапочки... Мы гуляем по нашему Арбату... Так и дошли до её парадного. Она заторопилась, подала мне руку и убежала по лестнице, мелькая белыми тапочками» (Чачин, 1968, 148).

О девочке 12–13 лет в перв. пол. 1940-х гг.: «Утром я села в кровати... В кухне не было никого. На столе стоял завтрак... “Неплохо”, – сказала я, прыгая на одной ноге, одевая на другую тапочку... Я... обшарила соседние улицы, сбегала на берег» (Корытковская, 1963; 131, 132).

О конце 1940-х гг.: «Марина проснулась потому, что по стеклу постукивали дождевые капли. Она сунула ноги в тапочки и подбежала к окну» (Эмден, 1952, 58).

О нач. 1950-х гг.: «Хорошо поспать сейчас, / Да не тут-то было! / Открыла Галя левый глаз, / Правый глаз открыла... / В тапочки нырнула... Галин портфель / Не велик и не мал: / Лежат в нём задачник, ... / Азбука, тапочки,... / Пластилин и альбом»...» (Баруздин, [1954], 1976, 127–128).

О 13–15-летней девочке в 1952–1954 гг.: «Кюфточка с дражными локтями, синие, чуть ниже колен, шаровары, брезентовые тапочки, которые в дни уроков физкультуры Ольга чистила зубным порошком...» (Цикин, 2003, 16).

О 1950-х гг.: «[Наташа] вчера обыграла Кольку во все игры – и в классы, и в чижика, и в городки, и в прятки... Наташа прыгнула с кровати и сразу попала ногами в разношенные спортивные тапочки» (Нагибин, 1960, 50).

О нач. 1960-х гг.: «Фима... надела чистое платье, сунула ноги в тапки... и... полетела к Дунайцу... Фима на ходу стала стаскивать через голову платье и, когда добежала до ребят, была в одном тёмно-синем купальнике. Стряхнула тапки, подпрыгнула, изогнулась и... Аверя вынырнул и увидел в воздухе изогнутую фигурку в купальнике» (Мощковский, [1963] 1987–1, 187–188).

О Москве в нач. 2000-х гг.: «Выбрав очень симпатичные тапки, голубенькие, с синей тесемочкой, девочка примерила их. Довольная, она оплатила покупку...» (Бочарова, 2003, 9).

Тапки, тапочки у мальчиков.

О Москве в 1925 г.: «Встретил нас... паренёк наших лет... На ногах у него были... новые тупоносые ботинки... То и дело нас обгоняли... ребята... Правда, не у всех были... хорошие ботинки. Многие были в тапочках на босу ногу» (Шманкевич, 1962, 27).

О 7–8-летнем мальчишке в конце 1930-х гг.: «“Я здесь, – отвечает Петя и вместе с тапочками пятится назад”. “Что с тобой? Почему ты не спишь? Зачем тебе тапочки?” Он стоит перед мамой, босиком, в длинной ночной сорочке, в каждой руке у него по тапочке. “Что с тобой, Петя?” “Сам не знаю”, – жалобно отвечает Петя и кладет тапочки на пол. В самом деле, что с ним? Зачем ему вдруг понадобились тапочки?» (Могилевская, [1941] 1958, 107–108).

О 1939 г.: «На Саньке оказались... неизменные вельветовые брюки, ситцевая рубашка и знаменитые тапочки на рубчатой подошве» (Поливин, [1976] 1988, 125).

О подростке 15–16 лет в 1940–1941 гг. в Москве: «[Старшая сестра] Нонка тяжело вздыхает: “У Алёшки скоро экзамены. Ботинки бы ему новые” “Я тапочки присмотрела, – говорит мама. – на резине, но аккуратные, синенькие”» (Чачин, 1968, 133).

О детях в середине 1940-х гг.: «Пока мы спали, сталинградки электрическими утюгами гладили наши костюмы, платье девочек, пионерские галстуки... Каждому из нас под кровать были поставлены новенькие тапочки» (Шмерлинг, 1959, 217).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...Вадик крикнул: “Хватай, лови!” На Паню упало что-то мягкое и теплое. Это была рубашка Вадика... “Получай! – крикнул он. – Это мои трусы, Пань!” “Ну и безголовый! – рассердился Паня. – А теперь как ты пойдешь... через поселок, если ты голый?” “Да, правда! – расхохотался Вадик. – ...Теперь я в одной только пилютке и в тапочках, как на необитаемом острове”» (Ликстанов, [1953] 1964, 341).

О нач. 1950-х гг.: «[Витасик] принёс им защипки для белья. Но как принёс! По дороге он все защипки нацепил

на себя: на трусы, на панамку, на тапочки...!» (Гернет, [1953] 1960, 102).

О нач. 1950-х гг.: «Федя перепрыгнул через [вратаря] и ударил по воротам. ...Вместе с мячом в сетку ворот полетела Федина тапочка... Федя пошел через поле с тапочкой в руке» (Жемайтис, 1954, 64).

О перв. пол. 1960-х гг.: «[Аня] взяла у [первоклассника] Вадика портфель. “Тяжёлый какой!” “Т-там ещё та-апочки и кни-ига из библио-отеки класс-ной...” – с трудом пробормотал Вадик» (Котовщикова, 1966, 45). О 1960-х гг.: «Пришёл октябрёнок Витя Панков домой из школы, а у него в портфеле лежат чужие спортивные тапочки. И одноклассник Вити, Толя Чубыкин, в своём портфеле чужие тапочки обнаружил» (Ермолаев, 1969, 18).

ТАПОЧКИ – см.: Тапки.

ТАРАКАН – прямокрылое насекомое чёрной или бурой окраски с длинными усиками, отдельные виды которого обитают в жилище человека.

Игры детей с тараканами.

О мальчишке 6 лет в 1915 г.: «Ой, как много нынче тараканов! Днем они прячутся по щелям да углам, а ночью выползают несчетными стадами, кружат по потолку, тучами опускаются по стенам, набиваются в шкаф, снуют по пустым чугунам, лезут в треног с водой и ручкой. Утром бабушка топит печь, не зажигая огня. Обваривает кипятком крылатую орду на стенах, за печкой. Убавится их на какую неделю-две, а после опять наплодятся они под полками, на полатях. Никакого припасу в избе не держи. Нам с братом с тараканами было не так уж плохо. Когда на дворе были бураны или морозы, мы устраивали на печке сражения. Тонкой лучинкой выгоняли “ерманцев” из щелей, сбивали щелчками и выбрасывали в продушину на улицу. Отыскивали силачей, привязывали их на ниточку с разных концов, наблюдали, какой возьмет» (Титов, 1965, 22).

О псковской деревне в 1942 г.: «...В атмосфере такой задумчивости мы, ребятишки, сидим на печке... и посматриваем, как баба Дуня... “доит” кудель, тетя Катя вяжет. Все поют, кто-то непременно подпрыгивает на гитаре. Мы развлекаемся тем, что ловим тараканов, безмолвных и шустрых, и запикиваем их в спичечные коробки, которых на печке полно, – из них, как из вагончиков, сотворены длинные, в несколько коробков, “составы”. Тараканы внутри “шкварятся”, коробка потрескивает, когда прижмешь ее к уху. “До чего интересно!”» (Миронов, 1999, 84).

«ТАРАС БУЛЬБА» – повесть Н.В. Гоголя.

В 1910-е гг. изучалась в гимназиях, с 1940-х гг. изучается в школе в 5–6 классах.

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «В книге “Родная литература” для VI класса из повести “Тарас Бульба” исключено большинство эпизодов, связанных с любовной линией произведения» (Корст, 1961, 39).

О нач. 1960-х гг.: «“Тарас Бульба” – одно из любимых произведений шестиклассников. Детей восхищает мужество героев Гоголя... С большим удовольствием они работают над сочинениями и не испытывают затруднений в ответе на вопрос: “Чем дорог нам Тарас Бульба?”» (Снежинская, 1963, 104).

ТАРАХТУШКА – название самодельной погремушки для крестьянского ребёнка.

«Самодельные игрушки... были наиболее распространёнными в крестьянском быту... Вот некоторые самодельные игрушки. Погремушки, побрякушки и тарыхтушки. Обычай давать грудным детям эти игрушки существовал с давних пор. В России они делались из разного материала и были разнообразными по форме. В окрестностях Москвы их мастерами из дерева в виде небольшого точеного шарика,полого внутри, величиной с небольшое яблоко (а иногда в форме бубенчика или восьмиугольника). Их укрепляли на деревянной ножке, а внутри клали горох или мелкие камешки. Эти игрушки успокаивали ребенка при плаче, служили забавой для совсем маленьких детей» (Латышина, 1998, 136).

ТАРЗАН – герой серии фильмов производства США об одичавшем человеке («Тарзан. Человек-обезьяна», 1932; «Тарзан и его подруга», 1934; «Побег Тарзана»,

1936; «Тарзан находит сына», 1939; «Тайное сокровище Тарзана», 1941; «Тарзан в Нью-Йорке», 1942).

В 1940-е – 1960-е гг. годы дети стремились повторить (воспроизвести) «фирменный» крик главного героя.

О 1950–1952 гг.: «...А мы на “Смелые люди” по семь часов стояли, в мороз. А на “Тарзана” и того больше...» (Курляндский, 1977, 111).

О 1952–1953 гг.: «Телевизор выглядел приманкой, на которую мы все ловились каждый вечер, и все же фильмы про революцию и про войну предпочитали смотреть на обычном экране. Разнесся слух, что привезли пять серий сногшибательной американской ленты о похождениях Тарзана – оставшегося в живых после катастрофы самолета младенца, выросшего в джунглях и освоившего многие повадки зверей. Народ валом повалил в единственный кинотеатр. Ни до, ни после я не видел такого массового сумасшествия. Кинотеатр осаждался с раннего утра. Очередь в кассу вытягивалась на километр. Не доставшие билетов, а таковых оказывалось большинство, устраивали прорывы: десять – пятнадцать ребят по команде вожака вдруг с места в карьер бросались, как стадо слонов, в вождьенно открытую дверь кинозала, сметая билетеров, милиционеров и зазевавшихся зрителей. В образовавшуюся брешь устремлялись остальные безбилетники, и так продолжалось до того момента, пока стражи порядка не приходили в себя и не ставили заградительный кордон. Немудрено, что в зале были забиты все проходы, люди стояли, сидели, лежали, на грозные оклики убрать головы, снять шапку и тому подобное никто не реагировал, и в довершение ко всему стояла страшная духота. Но фильм искупал все страшные мучения на пути к проникновению в кинотеатр. Сейчас бы он не собрал и ста зрителей, избалованных, закормленных зрелищами, а тогда... Тогда все ребята от мала до велика подражали Тарзану... Наиболее ловких и смелых именовали Тарзанами к их великой гордости. Девочки сплошь стали Читанами – по имени другой героини ленты, обезьяны» (Гай, 1987, 94–95).

О нач. 1950-х гг.: «...В нек. школах прокатилась волна увлечения детей игрой “в Тарзана”. А многие ли внешкольные работники провели в связи с этим разъяснительную работу по содержанию этого фильма и противопоставили ему интересные, увлекательные и полезные развлечения?» (ВВР, 1955, 73).

Крик Тарзана.

О Свердловске во вт. пол. 1940-х гг.: «В “литерном” корпусе занимала квартиру солистка оперного театра, заслуженная артистка Н. Кисилевская... Её сын Толя был намного старше нас, но отличался какой-то расхлябанностью, дурачеством. Когда по киноэкранам прошел американский фильм “Тарзан”, всем зрителям запомнился пронзительный гортанный голос главного героя. И вот однажды, когда Кисилевской не было дома, Толя вышел на балкон и в точности голосом Тарзана стал кричать на весь двор. Получалось у него настолько натурально, что из открытых окон стали высовываться люди. Это еще больше подбодрило “артиста”, и он заорал уже во всю мощь своих легких...» (Факова, 2006).

О 1952–1953 гг.: «Тогда все ребята от мала до велика подражали Тарзану, оглашая город дикими, леденящими кровь воплями, лазая по деревьям, наклидывая веревочные петли на кроны» (Гай, 1987, 94–95).

О нач. 1960-х гг.: «А раз случилось вот что. Люсик играл с нами и хотел залезть на дерево, где сидел и кричал Тарзаном Нолька. Но сук не выдержал и сломался» (Минчковский, 1966, 131).

«**ТАРЗАНКА**» – устройство для прыжков или быстрого скольжения с высоты.

О г. Далматово в нач. 1990-х гг.: «Делали “тарзанку”. К одному дереву привязывали железный канат и продегивали железную трубку, другой конец привязывали к другому дереву, которое стояло вниз горы, и катались в своё удовольствие» (508). «Примерно в 1994–1996 годы ближе к осени на ветках одного из растущих в школьном саду (деревня Октябрь, начальная школа) клёнов мальчишки сделали тарзанку. К ветке на высоте примерно 3 метра привязали (так как рядом –

машинно-тракторные мастерские) резиновый, тяжёлый, средней толщины (5 сантиметров примерно), марающий руки шнур – ремень от комбайна. На другом конце этого шнура в виде перевёрнутой буквы Т прикреплялась прочная палка длиной примерно 50 сантиметров. Этот край не доставал до земли 1–1,5 метра и закреплялся выше на дереве. Нужно было залезть на дерево сесть на тарзанку и, собрав всё своё мужество, с криком прыгнуть слегка вперёд. Так как у нас был резиновый ремень, то эффект был как у резинки-пружинки. Но те ощущения, которые испытываешь, когда боишься высоты, но тем не менее прыгаешь вниз, откуда тебе кричат: “Давай! Прыгай! Давай быстрее, не одна ведь!” – точно непередаваемые, незабываемые, и сравнить их ни с чем я пока не могу» (008).

О середине 1990-х гг.: «Как только приходит весна и становится тепло, количество несчастных случаев с детьми резко увеличивается. В больницы и травматологические пункты поступают ребята, не управившиеся с велосипедами, сорвавшиеся с “тарзанок”, упавшие с качелей. Теперь ещё – ролики» (Григорьева, 1998–2, 24).

«**ТАРХУН**» – натуральный безалкогольный сильногазированный напиток, основной компонент – настой эстрагона; одна из немногочисленных разновидностей «газировки», существовавших в 1980-е годы.

ТАТУ – то же, что *татуировка*.

О середине 2000-х гг.: «Сегодня же стало нормой, когда 15-летние девочки, не стесняясь, курят, демонстрируя симпатичное тату в самых неожиданных местах» (Москальчук, 2006, 9). См.: *Татуировка*.

ТАТУИРОВКА – рисунки, узоры на теле, делаемые посредством натираания несмываемой краской наколов на коже.

О 1919 г.: «Мне четырнадцать лет. Это... 1919 год. Я вытянулась и поздоровела..., у меня выросли порядочные косички..., и я переживаю свой первый роман. Это несомненно (для меня) настоящий роман, так как он, этот Коля Ф., не только... катает [меня] на своем велосипеде..., и не только пишет мне записочки..., – помимо всего этого Коля Ф. ещё сделал себе на руке татуировку: большая репа, проткнута стрелой, а под репой мои инициалы, и сестры дразнят его мною» (Панова, 1980, 61).

О 1947–1948 гг.: «...Ребята улицы Калинина собирались делать себе татуировку. [...]

«Температура не поднялась, и утром я снял марлевую повязку. Между кистью и локтем красовалось наколотое в две строчки: “Не забуду мать родную”. Я показал надпись матери, и та остолбенела [...].

См. также: *Тату*.

«**ТАТЬЯНКА**» (у девочки) – платье с облегающим грудью лифом и соборенной широкой юбкой.

О девочке 10–12 лет в середине 1910-х гг.: «[Марийка] начала наряжаться. Она надела накрахмаленное ситцевое платье-татьянку, чистые белые носки и ярко начищенные ботинки» (Бродская, [1938] 1957; 43, 53).

О девочке 15 лет в 1910-х гг.: «Отправившись к себе в комнату, я стала решать, какое платье мне следует надеть по случаю приезда гостя: розовое ли батистовое с чёрной бархаткой или только что сшитую “татьянку” в жёлтых цветочках» (Игумнова, 1957, 45).

О девочке 11 лет в мае 1941 года: «Наступило утро. Танюша в новой розовой “татьянке” побежала, чтобы обнять свою маму» (Малина, [1950] 1954, 166).

«**ТАЧАНКА**» – приспособление для катания с горки из гнутого прута.

О 1945 году: «Ребята любили эту горку, отрезок улицы Победы... потому, что катались здесь на лыжах, а чаще на особых каталках, согнутых из толстого стального прута, именовавшихся “тачанками”. Концы прута образовывали полозья, завернутая сверху дугообразная середина – высокий облучок. Таких “тачанок” давно не видно, а во времена колчановского детства ни один малец себя без “тачанки” не мыслил. Наверху горы вставай на полозья, держись за облучок – и сигай вниз. А хочешь – зацепляйся железным крюком за трамвай, мотающийся по Большой Октябрьской от центра до станции Всполье, и скачи на “тачанке-ростовчанке” по обледенелым бульжникам трамвайного полотна.

Ростислав Колчанов с приятелем Жекой-Пилотом февральским утром сорок пятого года, прихватив “тачанки”, отправились на Никитскую гору. Учились они, третьеклассники, во вторую смену и час-другой перед школой могли урвать... Такое катанье – ничего себе тренировка: раз пять съедешь, да столько же раз в гору взберешься – задышаться станешь» (Холопов, 1995, 112).

«**ТАШКЕНТ – город хлебный**» – повесть Александра Сергеевича Неверова (псевдоним Скобелева, 1886–1923). Повесть (в переработке для детей – «Мишка Додонов», 1925) была «одним из самых популярных произведений детской литературы 1920-х годов» (Скороспелова, 1971–6).

О середине 1920-х гг.: «На общем фоне массовой лит-ры подобного рода появлялись иногда подлинно художественные произв.-я, кот. пользовались успехом как у детей, так и у взрослых читателей, например, “Правонарушители” Л. Сейфуллиной, “Ташкент – город хлебный” (“Мишка Додонов”) А. Неверова, “С мешком за смертью” С. Григорьева и др. (Балашов, 2003, 39).

С.Я. Маршак в начале 1930-х гг. писал: «...Первые советские повести для детей... были по большей части собранием случайных фактов и эпизодов, хроникой событий, а иногда наивным лубком. Как-то странно перечитывать теперь даже такую талантливую и связанную с реальностью книгу, как “Ташкент – город хлебный” Неверова. Сколько в ней народнического “горя горького”, сколько ругани, кряхтения, “чвоканья”! А какое изобилие натуралистических подробностей! Тут и засаленные лохмотья, и вши, и гниды, и дерьмо. На протяжении всей повести тащится из Бузулука в Ташкент облепленный умирающими мужиками поезд. Где-то на станциях мелькают комиссары и чекисты... Но вся их роль заключается в том, чтобы снять Мишку Додонова с поезда или посадить его на поезд, а больше нечего им делать в этой повести, написанной, в сущности, в запоздалых традициях народнической литературы. Только теплушечный поезд в ней новость» (Маршак, 1971–6).

О начале 1930-х гг.: «У Анатолия Лире оказалась занятая биография. Впервые он попал в детский дом на восьмом году жизни и с тех пор – за четыре года – побывал в десяти домах: в Архангельске, Красноярске, Минске, Пскове, Тюмени, еще где-то... “Что это тебя так носило по свету?” – спросил я. И тут я услышал поучительную историю о влиянии лит-ры на дет. умы. Когда Анатолию было восемь лет, воспитательница Тюменского детдома (“Елена Андреевна, хорошая была”, – мечтательно произнес Лира) прочтала ребятам повесть Неверова “Ташкент – город хлебный”. Книга так понравилась Лире, что он убежал в Ташкент. Его поймали на полпути и отправили в Тамбов. Он снова удрал, снова был пойман и направлен в детский дом, на этот раз в Красноярск. Но в хилом теле Лире жил неукротимый дух. Однажды решил во что бы то ни стало попасть в Ташкент, он убежал снова и снова. Его всякий раз ловили и, как назло, определяли в детский дом, который находился еще дальше от Ташкента, чем предыдущий» (Вигдорова, [1953] 1969, 175–176).

О 1960-х – 1970-х гг.: «Популярных героев-детей в дет. литературе больше, чем популярных героев-взрослых. Это герои сказочные – от Мальчишка с пальчик до Мальчиша-Кибальчиша. И герои вполне реальные, вроде Тома Сойера или Мишки Додонова из повести А. Неверова “Ташкент – город хлебный”» (Мотяшов, 1983, 89).

«**ТАЩИТЬСЯ**» – (подростково-молодёжный лексикон) испытывать сильное удовольствие. (доп.)

О мальчишке-подростке, юноше в с. Половинном Половинского р-на во вт. пол. 1990-х гг. – начале 2000-х гг.: «“Я тащусь” – сам я это выражение не употреблял. Мне оно не нравится. У меня оно вызывает отвращение. Пацаны, девчонки из круга моего общения употребляли и употребляют эту фразу. Пример: “Ты видел вчера этот фильм? Там такой красавчик в главной роли снимался. Я просто тащусь”. Или пацан пацану: “Смотри, какая “кобыла” идёт, я просто тащусь от неё”. Мне нравится

другое выражение: “Я балдею”. Оно соответствует понятию “Я тащусь”. Пример: “Да я просто тащусь”, “Да я просто балдею”» (016).

О девочке 13 лет в Шадринске в 2000 г.: «Однажды мама (1958 г. р.) меня передразнивала и сказала: “Я тащусь, как удав по пачке дуста!”, мы с ней посмеялись, и это выражение как-то забылось. Через некоторое время я услышала, что ребята 12–15 лет во дворе говорят: “Тащусь, так клёво” или “Я тащусь от этой музыки”. Я сразу вспомнила мамино выражение. Долго я и мои друзья говорили: “Тащусь”, и это означало, что нам нравится очень то, что мы видим, слышим или делаем» (132).

О Шадринске в 2001 г.: «Когда мне было 14 лет, я и моя подруга Юлия говорили слово “тащиться”, когда нам что-то очень нравилось. Например, вкусно пахли духи. Я говорила: “Мне они так нравятся, я просто тащусь”. Или, например, Юлия говорила: “Какие у этой девочки красивые волосы, я тащусь”. Сережа (мы с ним вместе учились) говорил, когда видел девочек в коротких юбках: “Я просто тащусь!” Мы все над ним смеялись. А учителя всегда про него говорили, когда он опаздывал на урок: “Опять, Сережа, наверно, за короткими юбками бежал, что звонка не слышал!”» (135).

ТЕАТР для детей – «постоянно действующий профессиональный театр, репертуар и творч. деят-сть которого направлены на обслуживание детей и юношества» (ГЭ, 1967, 11).

Об истории театров для детей во вт. пол. 1910-х – перв. пол. 1960-х гг.: «Театры для детей в Советском Союзе появились после Октябрьской революции. Попытки их создания в дорев. России кончались неудачей, главным образом в силу убыточности таких театров... В день 1-й годовщины Октября в Москве открылся 1-й стационарный детский театр Моссовета (организатор и заведующая театром Н.И. Сац)..., который первоначально показал лишь кукольные и балетные представления. В 1920 году был организован Первый гос. театр для детей... С 1925 года театр стал называться 1-м Государственным педагогическим. С 1931 он был переименован в Гос. центр. театр юного зрителя... 13 июля 1921 г.... открылся Московский театр для детей, который возглавляла Н.И. Сац. Деятельность театра характеризовалась стремлением к созданию синтетич. спектакля, насыщенного музыкой. В 1936 г. Московский театр для детей был преобразован в Центр. дет. театр... В первый период своей деят-сти театры для детей ставили главным образом инсценировки сказок и произв-ий, входящих в традиц. круг дет. чтения. В дальнейшем авторы театра для детей обращаются к романтич. сюжетам, воссоздающим целеустремленность борьбы, сильные характеры (“Гайавата – вождь ирокезов” Огнёва по Лонгфелло, “Гаврош” Бруштейн по Гюго, “Среди вечных льдов” Болотова по мотивам Дж. Лондона). Появляются первые оригинальные пьесы, рисующие образы сверстников и современников юных зрителей: “Будь готов” Розанова, “Колька Ступин” Ауслендера и Солодовникова (1924), “Пионерия” Заяцкого (1927), “Фриц Бауэр” Селихиной и Сац (1928), “Алтайские робинзоны” Шестакова (1928) и др... В 1930-е гг. расширяется тематика драматургии для детей. Появляются пьесы “Бузонада”, “Мы” Бочина – о пионер. орг-ции, “Лягавый” Вепричкой – из жизни беспризорников; о старой и новой школе рассказывали пьесы “Гимназисты” Тренева, “Бунтари” Макарьева, “Сережа Стрельцов” Любимовой. Большое значение для развития театра для детей имели пьесы одной из зачинательниц и основных драматургов дет. театра А.Я. Бруштейн – “Продолжение следует” (1933), “Голубое и розовое” (1936), позднее – “Единая боевая” (1940) и др. На сценах театра для детей ставятся произв-ия В.П. Катаева (“Белеет парус одинокий” и др.), С.Я. Маршака (“Сказки” и др.), Л. Кассиля (“Кондуит”, “Швабрация”), С.В. Михалкова, А.Л. Барто и других дет. писателей... В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) театры для детей поставили ряд патриотич. спектаклей: “Далекий край” Шварца, “Сказка о правде” Алигер, “Сын полка” Катаева, “Девочка ищет отца” Рысса. Современная и историко-патриотич. тематика определяет

репертуар ТЮЗов в 1940-е гг.: “Молодая гвардия” по Фадееву, “Два капитана” по Каверину, “Аттестат зрелости” Гераскиной и др... В конце 1950-х – нач. 1960-х гг. значит. место в репертуаре театра для детей заняли пьесы молодых драматургов (“Друг мой, Колька!” Хмелика, “Чудеса в полдень” Мамлина, “Один страшный день” Сотника и др.)» (ТЭ, 1967, 111–113).

Стихотворение 1947 г. «В театре для детей»: «Народу-то! Народу! / Куда ни кинешь взгляд, – / По каждому проходу / Идет волна ребят. / Сажают их на стулья / И просят не шуметь, / Но шум стоит, как в улье, / Куда залез медведь... / Но вдруг погасли лампы, / Настала тишина, / И впереди за рампой / Раздвинулась стена. / И увидели дети / Над морем облака, / Растянутые сети, / Избушку рыбака... / Все эту сказку знали – / О рыбке золотой, – / Но тихо было в зале, / Как будто он пустой. / Очнулся он, захлопал, / Когда зажгли огонь. / Стучат ногами об пол, / Ладонью о ладонь. / И занавес трепещет, / И лампочки дрожат – / Так звонко рукоплещет / Полтысячи ребят. / Ладоней им не жалко...» (Маршак, [1947] 1968–1, 134–135).

ТЕАТР кукол домашний (взрослые для детей).

В дореволюционном домашнем театре кукол можно выделить детский кукольный спектакль, сделанный почти без участия взрослых, и кукольный спектакль для детей, устраиваемый взрослыми. В данном случае речь идёт о втором типе. К середине XIX века «роль взрослых становится более активной. Инициатива переходит в их руки. Домашняя кукольная сцена используется в целях воспитания и образования; спектакль получает педагогическую направленность. ... Дети все чаще становятся зрителями, взрослые – исполнителями и авторами пьес. Отношение взрослых становится более активным. Они сочиняют пьесы, берут в руки кукол, идут за ширму. Из спектаклей этого рода уходит детская импровизация. Ее заменяет продуманный репертуар. Кукол пробуют использовать как учебное пособие. В мемуарной литературе сохранились воспоминания о том, как в московской семье Постниковых для подрастающего сына, изучавшего древнюю историю, родители устраивали представления “Гибель Трои”, “Персей и Андромеда”, а воспитанница Мариинского балетного училища с помощью кукольного театра объясняли танцевальные движения. Домашний спектакль служит для воспитания чувств, он становится нравственным уроком. К такому методу воздействия на своих малышей прибегала, например, Софья Андреевна Толстая. Через домашний кукольный спектакль родители общаются с детьми в литературе, музыке, театру, развивают у них художественный вкус, образное мышление. Известная балерина Тамара Карсавина вспоминает, как отец устраивал кукольное представление “Руслана и Людмила”, а племянница основателей Московского музыкального института Гнесиных, Евгения Гнесина, – как для нее в домашнем кукольном театре ставили оперу “Бал игрушек”... К концу XIX в., когда в среде интеллигенции возникает интерес к народному театру кукол, русский “Петрушка” попадает в круг внимания родителей. Народного кукольника начинают приглашать на детские праздники: на елки, балы, именины. Уличные актеры, выступая перед “благовоспитанными” детьми, всячески смягчают и приглаживают текст комедии. Кукольный театр прочно входит в средства домашнего воспитания...» (Соломоник, 1993, 138–139).

ТЕАТР КУКОЛ домашний детский.

В дореволюционном домашнем театре кукол можно выделить детский кукольный спектакль, сделанный почти без участия взрослых, и кукольный спектакль для детей, устраиваемый взрослыми. В данном случае речь идёт о первом типе. Такой тип домашних кукольных спектаклей появляется на рубеже XVIII–XIX вв. Основная роль взрослых – роль зрителей. Это спектакль-игра, спектакль, в котором ребенку предоставляется полная свобода. «В 20-х годах XIX в. “занятие театром марионеток” среди детей было “уже весьма распространенным”, писал биограф М.Ю. Лермонтова П. Висковатый. Эти занятия проходили почти без вмешательства взрослых, которые относятся к ним как к

детской игре, но игре полезной, и всячески их поощряют: тетушка Миши Лермонтова посылает ему “воски” для кукол; Саше Бестужеву (будущему декабристу и писателю Бестужеву-Марлинскому) позволяют брать с фабрики нужные инструменты и материалы; отец Шуренки Бенау (впоследствии известного художника и историка искусств) заказывает для сына миниатюрный “настоящий” театрик; Лев Николаевич Толстой вырезает из бумаги фигурку для кукольных представлений своих детей, нарекает ее “Адольфиком”, и этот персонаж становится любимым героем их детских спектаклей. Репертуар этих представлений составляется из сочиненных самими детьми пьес. В них фигурируют любимые литературные герои, воспроизводится увиденное и более всего поразившее в театре живых актеров. На этом этапе преобладает самодеятельность, не стесненная волей взрослых. Детское творчество проявляется в самых разнообразных видах: в сочинении пьес, придумывании постановочных эффектов, в лицедействе, в лепке кукол, шитье костюмов, в столярных работах, рисовании декораций... [К концу XIX века] российские фабриканты налаживают производство отечественных кукол для домашнего театрального обихода, настольных картонных театров с комплектами фигур и декораций к разным пьесам. (Об этих настольных театрках с большой нежностью вспоминают на склоне лет Александр Бенау и Валентин Катаев)». Меликов М.Е. “Заметки и воспоминания художника-живописца”: “...Мне минуло восемь лет... Помню, когда впервые встретился я с Мишей Лермонтовым, его занимала лепка из красного воска... Кроме того, маленький Лермонтов составил театр из марионеток, в котором принимал участие и я... Пьесы для этих представлений сочинял сам Лермонтов”... Александр Бенау, “Мои воспоминания”: “...Альберт Иванович [двоюродный дядя А.Н. Бенау] уже тогда (т. е. в раннем моем детстве, приблизительно до семилетнего возраста), видимо, задавался целью направить своего крестника на театральное поприще, так как большинство его даров заключалось в картонных коробках, в которых лежали декорации, кулисы и фигурки действующих лиц... При помощи их я устраивал спектакли на потеху моим маленьким друзьям и еще более на потеху самому себе. В каждой такой коробке лежала и брошюрка с текстом данной пьесы, по которой надлежало читать роли выступавших (висевших на проволоках и подпираемых деревяшками) персонажей, но я предпочитал этими либретто не пользоваться, а экспромтом сочинять свой собственный текст, испещренный патетическими междометиями... Родственники, зная мою страстишку, один за другим приносили все новые и новые коробки, в которых были уложены и портал, и занавески, и целые постановки, и труппа вырезанных из бумаги актеров... Эпоха, о которой я сейчас рассказываю, переживала настоящий расцвет детских театрков, и в любом магазине игрушек можно было найти их сколько угодно самого разнообразного характера. Персонажи были то снабжены небольшими приклеенными к их ногам брусочками, придававшими нужную устойчивость (но и неподвижность), то они болтались на проволоках, посредством которых можно было их водить по сцене. В коробке с пьесой «Конек-Горбунок» к таким летучим действующим лицам принадлежали сказочная кобылица и её конёк, тот же конек с сидящим на нем Иваном-дурачком, Чудо-Юдо – рыба-кит, ёрш и другие морские жители. Были и такие театрики, которые надлежало изготовлять самому. Покупались все нужные элементы от занавеса до последнего статиста, напечатанные на листах бумаги и раскрашенные; их наклеивали на картон и аккуратно вырезали... Кроме плоских бумажных куколок, у меня были и марионетки (тоже на проволоках), которые мне привозила бабушка Кавос из Венеции. Это были “совсем как настоящие” человеки-кавалеры в фетровых шляпах и в кафтане с золотой мишурой, жандарм в треуголке с саблей в руке, Арлекин со своей batte [дубинкой], Полишинель с крошечным фонариком, Коломбаина с веером. И все они имели маленькие деревянные или оловянные ладошки и сапожки, которые легко болтались при всяком движении...” И.Л.

Толстой, “Мои воспоминания”: “... Другая интересная игра, которую выдумала Таня [восьмилетняя дочь Л.Н. Толстого], была “Ульверстон”. Это было, когда Таня прочла какой-то... английский роман и решила этот роман разыграть “в театре” бумажными куколками”... Тамара Карсавина, “Театральная улица”: “...Мой брат Лева... однажды попросил отца устроить нам кукольный театр. Отец очень ловко сделал кукольную сцену из перевернутой картонной коробки... Занавеса в нашем театре не было. Наши самодельных актеров мы вводили на сцену через прорези в ее потолке. Это были маленькие раскрашенные фигурки, наклеенные на картон и подвешенные на проволочках. Первая пьеса, которую мы поставили, была “Руслан и Людмила”... Мы опускали через щели наших актеров и по очереди читали поэму...”» (Соломоник, 1993; 137–139, 144–145, 147).

О конце 1900-х – нач. 1910-х гг.: «Был период увлечения театром, но не настоящим, а игрушечным, раскладным, который мне дарили на елку или в день рождения в красивой коробке, украшенной цветными картинками, – сценами спектакля, заключенного в этой коробке: ...картонная сцена с красивым занавесом, кулисами, декорациями и фигурками действующих лиц, которые можно было расставлять и передвигать, как шахматы. Это была преимущественно опера или какое-нибудь историко-патриотическое представление вроде обороны Севастополя или волнующих эпизодов из жизни великого русского полководца Суворова... А вокруг стояли декорации, изображавшие колонны дворца, полосатую будку часового и кулисы в виде выглядывающих одна из-за другой картонных полос с яркими изображениями царскосельских деревьев, а в глубине сцены – неподвижная картина царскосельских прудов с белоснежными лебедями. Расставив все это по плану, приложенному к театру, и поставив за кулисами зажженные елочные свечи, я поднимал картонный занавес, искусно разрисованный парчовыми складками, и любовался зрелищем театра, причем особенно волновала меня маленькая раковина суфлерской будки. В сущности это была всего лишь некая неподвижная картина, лишенная человеческих голосов, движения и музыки, но даже ее неподвижность и тишина и косое, теплое освещение придавали ему характер волнующего зрелища, как бы уходящего в перспективу кулис и верхних софитов. Любовавшись сценой, надо было опустить нарядный занавес с парчовыми складками, кистями и желтой лирой посередине и начать устанавливать следующие сцены, из которых самая красивая и волнующая была переход Суворова с его чудо-богатырями через Чертов мост: снежные вершины Альп, пропасть с дымящимся на дне синим туманом, падающая со скалы вниз медная пушка и маленький старичок – Суворов, с серым хохлом над узким косявым лбом, на лошади, с обнаженной шпагой в руке, кричащий: “Вперед, мои чудо-богатыри!” – что было также напечатано в объяснении к этой сцене. Сперва в театре меня увлекала только техника зрелища, устройство сцены, механизм подъема занавеса, расстановка декораций и фигурок действующих лиц, вырезанных из картона, искусственное боковое освещение, суживающаяся перспектива кулис... Меня до слез волновал снег, опускающийся густой сетью на мужественного старика – Ивана Сусанина, сидящего на пне, в то время как польские сивоусые гусары стояли вокруг него с поднятыми кривыми саблями. В восторг приводила меня громадная голова из “Руслана и Людмилы”, её раздутые ноздри, откуда вылетали тучи сов, и – конечно! – летящий по воздуху карлик Черномор с развевающейся длиннейшей бородой, держа в объятиях несказанно прекрасную Людмилу в русском сарафане и кокошнике... (Катаев, [1972] 1983, 47–49).

О 1960-х гг.: «... Дети играют в настольный театр, где актеры – выпилленные раскрашенные фигурки – герои общеизвестных народных сказок “Курочка Ряба”, “Теремок”, “Колобок”, “Репка”. Дети трёх-четырёх лет рассказывают сказку, передвигая эти фигурки. Сам набор фигурок помогает восстановить текст» (Коссаковская, 1967, 71).

568

ТЕАТР теней – то же, что теневой театр.

«Теневой театр. Вид театра в котором действующими лицами являются плоские куклы, проектируемые при помощи света на экран из промасленной бумаги» (Словарь, 1963–15, 273).

О нач. XX века: «...В игровых комнатах наследников престола мы могли найти театр теней и картонный набор для кукольной постановки оперы “Жизнь за царя”» (Комаров, 2001, 9).

О девочке 7–8 лет и её отце в конце 1920-х гг.: «Ещё я очень люблю наш “театр теней”. Что только не возникает на экране, которым служит старая наволочка! Особенно хороши плывущий по нему лебедь» (Лупанова, 2007, 25).

ТЕАТРАЛЬНЫЙ кружок – см. *Кружок*.

О девочке в 1940-е гг.: «Я играла в театральном кружке в школе, я создавала театральные кружки, где только могла, всегда рассказывая людям, что самые умные люди играли в домашних и школьных театрах: и Толстой, и Гоголь!» (Иванова, 1995, 18).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Работа театр. кружков является едва ли не самой любимой школьниками формой худ. самодеят-сти» (ВВВР, 1955, 41).

О 1996–1998 гг.: «Когда мне было 9 лет, я записалась в театральный кружок. “Муха-цокотуха” – первая сказка, в которой я играла пчелу, 1996 год. “Золушка” – эту сказку мы ставили на новогодние выступления перед детским садом. Я играла фею. Мне было 10 лет, 1997 год. “Волшебная лесная история” – эту сказку мы ставили на летних каникулах. Я играла лису Алису. Мне было 11 лет, 1997 год. “Сон Васи Петрова” – эту сказку мы ставили на новогодние выступления. Мне было 12 лет, 1998 год. Сначала я играла наложницу, затем телохранилицу султана» (094).

ТЕЛЕВИДЕНИЕ – «область науки, техники и культуры, связанная с передачей на расстояние изображений объектов и звукового сопровождения при помощи радиосигналов. Чаще всего под названием “телевидение” понимается формирование и трансляция телепрограмм (собственно – телевизионное вещание) – одно из средств массовой коммуникации» (ПЭС, 2003, 287).

Телевидение для детей и подростков.

«Отечественные телепередачи для детей появились в 1930-е гг. В конце 1940-х гг. создана детская редакция при Московском телецентре. В 1960-е гг. популярностью пользовались интерактивные формы взаимодействия с юным зрителем: передачи “Умелые руки”..., “Выставка Буратино”, “Спокойной ночи, малыши!” и другие, в адрес которых приходили сотни писем от детей. В 1970-е гг. адресная структура передач включала 5 возрастных групп: для дошкольников предназначались кукольные спектакли, мультфильмы, для младших школьников – передачи, связанные с игровой и учебной деятельностью (“АБВГДейка” и др.), для подростков – познавательные программы, олимпиады, конкурсы и пр., для старших подростков – передачи, посвящённые вопросам межличностных интересов, для юношей и девушек – по проблеме самоопределения» (ПЭС, 2003, 287).

«В 1990-е гг. расширилась тематика передач, на экране появилось много зарубежных художественных и мультипликационных фильмов. Однако наряду с мировой классикой детского кино демонстрируется и низкопробная кинопродукция, пропагандирующая насилие, порнографию и т. п. Негативным явлением стало сокращение на отечественном телевидении спец. детских передач. В 2000 году даже воспитавшая не одно поколение юных зрителей передача “Спокойной ночи, малыши!” по финансовым соображениям была вынуждена перейти с ОРТ на канал “Культура”, который вещает на меньшую зрительскую аудиторию. Наиболее популярные совр. передачи: “...До 16 и старше” (ОРТ), “Отчего, почему” (ТВЦ), игра “Полундра” (НТВ) и другие, а также зарубежные проекты “Телепузики” (РТР – ВГТРК), “Улица Сезам” (НТВ) и др.» (ПЭС, 2003, 288).

«В России регулярные программы учеб. телевидения начались в 1959 г. и в 1960-е гг. получили широкое развитие... Осн. формы учеб. телефильмы, лекции, телестановки, телеэкскурсии, диспуты, беседы и пр... Интерес к учеб. телевидению снизился с появлением

видеотехники и компьютеров, с введением Интернета... Учеб. телевидение утратило самостоят. значение и практически слилось с просветительным направлением» (ПЭС, 2003, 288).

О 1970-х – 1980-х гг.: «Советское телевидение принято ругать – и скучное оно было, и тоталитарное. Может быть. Только не надо забывать, что там показывали и “Будильник”, и “АБВГДейку”, и “В гостях у сказки”, и “Весёлые нотки”. Существовал даже целый образовательный канал. Эти программы не только развлекали, они ещё и общались с нами, маленькими зрителями, – мы посылали туда рисунки, письма с ответами на загадки, свои сказки и истории. Это было то самое интерактивное телевидение, о котором так модно говорить сейчас» (Шигарева, 2007, 8).

См. также: «АБВГДейка»; «Будильник»; «В каждом рисунке – солнце»; «Весёлые старты»; «В гостях у сказки»; «Встречи юнкоров телестудии “Орленок”»; «Выставка Буратино»; «Делай с нами, делай как мы, делай лучше нас»; «Зов джунглей»; «Звёздный час»; «Ребятам о зверятах»; «Спокойной ночи, малыши»; «Умелые руки»; «Умники и умницы»; «Устами младенца»; «Утренняя звезда»; «Царь горы».

ТЕЛЕВИЗОР – аппарат для приема телевизионных передач (изображений движущихся объектов, сопровождающихся звуком). С 1960-х гг. просмотр телепередач начинает занимать всё более значительный удельный вес в жизни детей и подростков.

О мальчиках-подростках 11–13 лет в 1952–1953 гг.: «Михаил пригласил меня смотреть телевизор. Нюся второй на улице купила телевизор “КВН”... Экран телевизора казался огромным – его увеличивала стоящая перед ним на подставке выпуклая прямоугольная линза с налитой внутри дистиллированной водой. Телевизор выглядел приманкой, на которую мы все ловились каждый вечер, и всё же фильмы про революцию и про войну предпочитали смотреть на обычном экране» (Гай, 1987, 94–95).

О середине 1960-х гг.: «Многое из того, что показывается на голубом экране, зачастую не предназначено для детей. Но некоторые из них, как ни странно, проводят у телевизора все свободное время, смотрят всё подряд» (Матушкин, 1965, 9).

О пятикласснице в середине 1970-х гг.: «Да про что ж ты ей можешь рассказать, круглой-то отличнице? – сказала бабушка, роясь в шкафу... – Ведь она небось столько книжек прочла!... А тебя попробуй за книжку усади! Только и знаешь, что телевизор глядеть целыми днями!» (Пивоварова, 1977; 6, 18).

«**ТЕЛЕВИЗОР**», играть «в телевизор» – ролевая (импровизационно-драматическая) игра детей.

О середине 1990-х гг.: «Для данной игры требовалась коробка с удалённым дном. Это и был “телевизор”. Его брал один из играющих и держал на уровне лица. Остальные садились напротив, и “невидимым” пультом переключали программы (каналы). А человек в “телевизоре” должен был быстро “перепрыгивать с канала на канал”, то есть изображать то старого диктора, читающего новости, то Хрюшу из передачи “Спокойной ночи, малыши!”, то футбольного арбитра, то героев мультфильма, то актеров сериала, то героя боевика. Фразы от быстрого переключения каналов сливались, придавая игре юмористический характер. Игра была популярна в нашем дворе в 1995–1996 годах» (012).

ТЕЛЕВИЗОР игрушечный – игрушка в виде телевизора.

О нач. 1970-х гг.: «Мы должны принести что-то для детей Лаоса, Камбоджи и Вьетнама”. На следующий день мы рассматривали, кто что принёс. Одна девочка демонстративно положила на стол учительнице роскошную куклу и игрушечный телевизор. “Такой телевизорчик отдают”, – с завистью прошептала другая. Начинались семидесятые годы» (Глушенко, 1997, 8).

«**ТЕЛЕНЯНЯ**» – телевизионный канал для детей, возник в 2007 г.

О 2000-х гг.: «Сегодня вообще передачи для детей и о детях на российском ТВ – редкость. И два новых детских канала – “Теленяня” и “Бибигон” – пока не могут

изменить ситуацию к лучшему» (Аргументы и факты. 2008, № 3).

ТЕЛЕПУЗИКИ – персонажи передачи для детей.

«Наиболее популярные современные передачи: “...До 16 и старше” (ОРТ)... и другие, а также зарубежные проекты “Телепузики” (РТР–ВГТРК), “Улица Сезам” (НТВ) и др.» (ПЭС, 2003, 288).

О девочке 13 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 2000 г.: «Телепузики – Пинки-Винки, Дипси, Ляля, По. Забавные существа, похожие на инопланетян. Любили блины и кататься на самокате. Показывали их по РТР. Примерно в 8–9 часов утра. Позже стали выпускать кассеты на видик. На Новый год в школе у меня был красивый костюм телепузика. На животе – телевизор, на голове – антеннка» (134).

О 2000–2001 гг.: «Когда мне было 15 лет, то, собираясь в школу, я каждое утро смотрела эту передачу о жизни четырёх телепузиков – Тинки, Винки, Ляля, По» (094).

О начале 2000-х гг.: «А на экранном тряпичном лугу Дипси уже перебрался через стеклянную, что ли, лужу... Дипси кричит: “Ляля, привет!” Я заметил, если уж они там у себя падают, телепузики, у них до земли ничего не достаёт – ни лоб, ни коленки, ни ключицы. Они просто на животе вращаются. Они толстые. Вон и Тинки-Винки появились: “По, привет!” “Привет, Тинки-Винки!”... Я плюхаюсь за стол. “О, о! Пузиблинчики! – радуется Ляля. – Пузиблинчики! – не отстает По. – Пузиблинчики!” – Тинки Винки смотрит, как блин, больше похожий на огромную крепкую пуговицу, чудом попадает в тарелку... Я тащусь в ванную. “Пузиблинчики...” – разочарованно тянет Дипси. Потому что к тому времени, как он притопал к пузавтомату, пузипылесос – по имени Назойливый Ну-Ну – засосал всехние четыре блина и теперь опасно вращал глазами, похожими на варёные яйца... “Пузиблинчики!...” – воют голодные обиженные телепузики на четыре голоса. У них ещё там кролики неповоротливые ушами поводят. Кролики откуда-то настоящие. На тряпичной траве. У какого-то инопланетного входа. Восемь десять, и мама отпирает входную дверь. У нас в школе мы смотреть по утрам Телепузиков презираем. Это так, для малышни. Телепузики – это фу, отстой. Это только в детском саду такое смотреть. Ни тебе мертвецов, ни разрушений никаких. Покемоны – дело другое. Они – крутые. Клёвые, даже кого на карточках нету, Чикарита, например. Мы с другом идём в школу вместе... Он ловко поддает носком ботинка ледышку и кричит: “Пузиблинчик!”... “Илюха, привет! Ванёк, привет!” – кричат нам. Их школьные рюкзаки, привязанные спереди вместо толстых животов, та-ак что-то напоминают! “Выходи на пузобой!” – кричат нам. И мы с Ваньком принимаем вызов» (Богатова, 2002, 48–49).

ТЕЛЕСНЫЕ наказания детей, юридически зафиксированные.

В XVII веке наказание розгами не упоминалось в законах, так как воспринималось как «детское наказание», мера, применяемая в быту взрослыми по отн. к детям. С начала XVIII в. вводится наказание розгами по судебным приговорам. Наказание розгами назначалось за преступления несовершеннолетних и рассматривалось как крупное смягчение наказания. Наказание розгами было подтверждено и законом о малолетних 1742–1744 гг. Наказание розгами составляло обычное пед. ср-во воздействия на воспитанников сред. учеб. заведений. Законы 1760-х – 1792 гг. времен Екатерины II запрещали телесные наказания в школах. Телесные наказания вводятся в нач. XIX столетия. В уставе гимназий Дерптского университета (1820) прямо говорилось: “позволяется отныне в гимназиях телесно наказывать”. Особенно процветали розги в семинариях, где существовало до 8 способов сечения. Изменение взглядов на телесные наказания происходит в 1860-е годы. В проекте устава гимназий 1862 года розги признаются самым дурным средством воспитания, а затем и вообще исчезают из уставов учеб. заведений. К нач. XX в. законодательство предусматривало лишь наказание розгами лишь малолетних ремесленников (5–10 ударов). См. также: *Розги*.

ТЕЛЕСНЫЕ наказания детей в семье – см.: *Физические наказания детей в семье*.

ТЕЛЕФОН – аппарат для переговоров на расстоянии посредством передачи звучащей речи по проводам с помощью электрических сигналов.

Телефон мобильный, «сотовый», «мобильник» – переносной («карманный»), телефон. Стал устойчивой частью детско-подросткового мира стал в 2004–2006 гг.

«У подростков... сотовый – показатель значимости, «крутизна». Как в советское время жвачка или джинсы. И чем навороченнее модель, тем выше самооценка», – считает [практический психолог] Анна Карташова» (Смирнова, 2006, 28).

О 2005–2007 гг.: «[Валим Ицков:] «...Подойдите к любой школе в момент окончания занятий и вы увидите мобильники даже у малышни 1–2-х классов. Для родителей сотовый телефон в кармане ребенка сегодня – то же самое, что в прежние времена две копейки для автомата, а на шею – веревочка с ключом от квартиры. Это обеспечивает некое спокойствие. А для детей сотовый телефон – прежде всего элемент престижа, им важны определенные модели»» (Сухая, 2007, 25).

О восьмиклассниках в Шадринске в 2008 г. (из наблюдений во время педпрактики): «Из двадцати четырех человек в классе у двадцати есть сотовые (мобильные) телефоны. Учащиеся отключают их перед началом урока. Ни разу я не слышала, чтобы у кого-то зазвонил телефон во время урока. На переменках слушают музыку, перекачивают мелодии с телефона на телефон, меняются новинками. Марина танцует под музыку на сотовом телефоне, просит подружку: «Ритка, накати бубнило! Это мой любимый клубняк!» (девочка имела в виду, чтобы подружка включила погромче. Это любимая музыка Леры, которую ди-джеи крутят в клубах на дискотеках). Рита прибавила звук» (134).

О шестиклассниках в г. Шадринске в 2008 г. (из наблюдений во время педпрактики): «Телефоны есть у каждого школьника, но во время урока их не видно, не слышно. Учащиеся выключают звук и держат их постоянно в портфеле или кармане, на парту они их не достают. На перемене же они не выпускают из рук телефоны, слушают музыку, скачивают друг у друга мелодии, картинки и т. д.» (138).

О Шадринске в 2008 гг. (из наблюдений во время педпрактики): «Мобильные телефоны сейчас очень распространены среди учеников 7–11 классов. И чем ученик старше, тем он свободнее использует телефон во время урока. Мало того, что дети включают музыку (или на полную громкость или наушники одевают и вместо того, чтобы слушать учителя, слушают музыку), они ещё могут и начать отвечать на звонки во время урока. Все без учителя негативно реагируют на телефоны» (135).

Телефон (игрушка).

О 1940-х гг.: «Один раз мы с Мишкой были в игрушечном магазине и увидели замечательную игрушку – телефон. В большой деревянной коробке лежали два телефонных аппарата, две трубки, в которые говорить и слушать, и целая катушка проволоки. Продавщица объяснила нам, что если один телефон поставить в одной квартире, а другой – у соседей и соединить оба аппарата проволокой, то можно переговариваться... Мы с Мишкой решили собирать деньги, чтобы купить телефон. Две недели подряд мы не ели мороженого, не ходили в кино – всё деньги копили. Наконец насобирали сколько было нужно и купили телефон. Примчались из магазина домой с коробкой. Один телефон у меня поставили, другой – у Мишки, и от моего телефона протянули проволоку через форточку вниз, прямо к Мишкиному телефону» (Носов, [1946] 1979–1, 36–37).

«**ТЕЛЕФОН**» – словесная игра. См.: «*Испорченный телефон*».

ТЕЛЕФОННЫЕ розыгрыши – вид детско-подросткового времяпрепровождения.

М.В. Осорина в 1985 г. впервые описала это явление детской культуры. Она рассматривала подобные развлечения как попытку ребёнка исследовать границы дозволенного во взрослом мире, научиться разрешать трудные ситуации, оценить свои возм-сти. (Осорина, 1985, 137).

Телефонные розыгрыши как жанр детского фольклора рассматривает М.Д. Алексеевский. Он указывает, что по его данным телефонными розыгрышами занимаются «дети в возрасте от 11 до 15 лет, преимущественно мальчишки» и приводит следующие примеры: «“Это квартира Зайцевых?” “Нет”. “А почему уши из трубки торчат?”»; «“Алло, это из ЖЭКа, сейчас воду отключат, ванну набирайте... Алло, набрали? А теперь кораблики пускайте”»; «“Это мясная фабрика?” “Нет”. “А чё фарш из трубки лезет?”» (Алексеевский, 2006; 136, 138, 140).

О 1996–1998 гг.: «В 1996–1997 гг., когда мне было 11–12 лет, мы очень любили баловаться по телефону. Специально ждали, когда никого не будет дома и, набрав любой номер, говорили разные глупости. Например: “Алё, это морг? А позовите Васю с третьей полочки”. Иногда нам попадались юмористы, которые отвечали, что он покурить вышел, но большинство разыгрываемых ругались и обещали оборвать нам уши. Ещё был один телефонный розыгрыш: “Здравствуй, это квартира Зайцевых?” И, дождавшись от собеседника удивленного “Нет”, добавляли: “А почему уши из трубки торчат?” Затем, примерно через год (1998 г.) у нас появился новый телефонный розыгрыш. Нужно было звонить или ночью, или ранним утром (5–6 утра). Мы набирали случайный номер и, услышав заспанное: “Але...”, бойко спрашивали: “Это баня?” Услышав недоуменное “нет”, продолжали: “А почему вы голый возле телефона?” После этой фразы обычно следовало нецензурная брань. Или часа в 2–3 ночи мы звонили по случайному номеру и бодрым голосом говорили: “Что, вам тоже не спится?” или “Что, у вас тоже бессонница?” или “А почему вы не спите?” После этой фразы следовала нецензурная брань. А потом, через год-полтора (1999 г.) появились автоответчики и определители номера, поэтому разыгрывать по телефону стало чревато последствиями, поэтому мы прекратили эту забаву» (542).

ТЕЛОГРЕЙКА – «Стёганая ватная куртка; ватник» (Словарь, 1963–15, 228).

О нач. 1960-х гг.: «Ветер на терраске, / Холодно в коляске! / На Андрейке – телогрейки, / Кофты, рукавицы, / Полосатый шарф Андрейке / Принесли сестрицы. / Он сидит, едва дыша, / В телогрейке пёстрой. / Как на полосу, малыша / Снарядили сёстры» (Барто, [1964], 1970, 34).

«**ТЁМНАЯ**» – избивание, при котором жертве накидывают на голову кусок ткани (мешок, халат, одеяло), чтобы избиваемый не видел, кто его бьёт.

О Санкт-Петербурге в конце XIX – нач. XX вв.: «Были среди гимназистов и подхалимы, и фискалы, и вруны. Но вся масса учащихся в нашем, например, классе относилась к таким типам нетерпимо. Это выражалось нередко и в определенных реакциях. Особенно активно боролись с фискальством. Так, если ученик фискалил, выдавал товарища, ему устраивали “темную”. Такие меры применялись в младших и средних классах, в старших выдерживался бойкот в отношении таких типов...» (Пызин, Засосов, [1976] 2003, 204).

О нач. XX в. в Москве: «Вдруг дирекция нашей гимназии забегала и засуетилась. Министр едет в Москву и посетит нашу гимназию... Началась муштровка по всем линиям – от литературы до уроков фехтования... Фехтовала младшая, более слабая пара. Им даны были точные указания: когда, кому и каким выпадом быстро нанести поражение, чтобы не утомлять министра и дать возможность блеснуть парой фехтовальщиков из старших. Но малыши увлеклись и, позабыв все инструкции, яростно нападали друг на друга, пока министр не сделал знака пальцем, прекратившего показ фехтования. В тот же день обним “дуэлянтам” была устроена “под сводами” тяжёлая “тёмная” [...]»

«**ТЁМНОЙ ночью комарики...**» – см.: «*Комарики кусаются*».

«**ТЁМНОЙ ночью комарики...**» – см.: «*Комарики кусаются*».

«**ТЕМНОТА – друг молодежи**» – фраза, популярная в подростковой среде с 1970-х по начало 2000-х гг. Автор словаря свидетельствует, что неоднократно слышал эту фразу в середине 1970-х гг.

О 1970-х гг.: «Постепенно заскукавшие одноклассники перебирались в Кузину комнату, где яростно вертелась на полу бутылка, соединяя довольных девятиклассников в целующиеся, по условиям игры, пары. “Темнота – друг молодежи”, – торжественно провозглашал Макаркин, шёлкнув выключателем и поставив горящую свечку» (Маркова, [1979] 1984, 31–32).

В с. Половинном Половинского р-на в 1993–2002 гг.: «Фразой “Темнота – друг молодежи” обычно пользовались тогда, когда компания была разнополая, то есть мальчики и девочки. Сидишь, например, летом на лавочке, уже сумерки, темно. Стараешься укрыться от света, фонарей. Во-первых, так человека сложнее узнать, а во-вторых, мы чувствовали себя так более комфортно. Не будешь ведь к каждой компании подходить в темноте и проверять, кто там сидит. Подходит знакомый и говорит: “Чё вы тут сидите, еле вас нашёл, пойдёмте ближе к свету”. А ему кто-нибудь отвечает: “Не бойся, нам и тут хорошо. Темнота – друг молодежи”. Или отдых в лагере, какой-то праздник, гости. Забегаешь в комнату и выключаешь свет. Начнут возмущаться: “Зачем выключили, ничего не видно...”. Следует ответ: “Темнота – друг молодежи”. И если на пути встретился пацан, то его, например, бьёшь подушкой. А если девочка, то дёргаешь за волосы, лезешь под кофту, то есть начинаешь приставать. Обобщённо можно сказать, что фраза “Темнота – друг молодежи” у нас использовалась в качестве сигнала для побуждения или проведения какого-либо действия, мероприятия, поступка, который в итоге должен был вызвать смех» (016).

О девочке 11–15 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1996–2000 гг.: «Когда мы с друзьями сидели в тёмном помещении и кто-то хотел включить свет или перейти в светлое помещение, то говорили: “Темнота – друг молодежи...”, а на эту фразу кто-то отвечал: “В темноте не видно рожи”» (137).

О девочке 10 лет в с. Ушаковское Катайского р-на в 1997 г.: «На школьных вечерах мальчишки нас постоянно пугали, выключая свет. При этом они говорили: “Темнота – друг молодежи”. Они начинали бегать за нами, пугать нас, дергать за косички и т. д.» (139).

О г. Лянтор в 1997–1999 гг.: «Мне было 12–14 лет. Когда мы с друзьями заходили в подъезд вечером, и если там было темно, кто-нибудь всегда говорил такую фразу: “Темнота – друг молодежи”; бывало, что говорили: “Темнота друг молодежи, в темноте не видно рожи”» (015).

О 1998 году: «Когда мне было 12 лет, я ездила на летние каникулы в деревню Д. Бедного (к бабушке). Вечерами мы с подружками шли гулять (в деревне это называлось ходить гулять “после коров”, то есть после того, как пригонят коров: “Вы идете после коров гулять?”). Гуляли по улицам, разговаривали. В деревне стоит клуб, но электричества в нём нет. Вся молодежь собиралась в клубе, в одной из комнат. Было так темно, что вновь приходящие светили зажигалкой у лица и спрашивали: “Кто это?” А на вопрос: “Вы чё тут в темноте сидите?” кто-то из мальчиков отвечал: “Темнота – друг молодежи”, а другой, смеясь, продолжал: “В темноте не видно рожи”. Все начинали смеяться» (021).

О девочке 12 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1998 г.: «У моего старшего брата Жени (14 лет) был день рождения, и к нам в квартиру пришли гости – Женины друзья. Все сидели за праздничным столом, и в этот момент выключили свет. Один из друзей Жени и произнес: “Темнота – друг молодежи”. Вначале я её не поняла, а потом набралась смелости и спросила у сестры (двоюродной, 18 лет). Она мне ничего не объяснила, а добавила лишь: “В темноте не видно рожи”» (141).

О деревне Октябрь в 1998–1999 гг.: «Когда мне было лет 12–13, иногда вечерами отключали свет во всей деревне, и все выходили гулять. И встречаясь небольшими группами, обменивались такими словами: “Темнота – друг молодежи”, а мы им: “В темноте не видно рожи”. И до сих пор это выражение встречается. Так говорили когда входили в помещение, где темно» (008).

О девочке 13 лет в Шадринске в 2000 г.: «“Темнота – друг молодежи”, – так говорили все мои ровесники в пионер. лагере, когда на дискотеке выключали общий свет и оставляли приглушенную цветомузыку. А ещё у этой фразы именно тогда было такое продолжение: “Темнота – друг молодежи, в темноте не видно рожи!”» (135).

Об учениках 8–9 класса в 2000–2001 гг.: «В школе на вечере (День Святого Валентина или другом) обычно многие ребята просили выключить свет, когда шла дискотека. На вопрос учителей: “Зачем?” они отвечали: “Темнота – друг молодежи”. А кто-нибудь добавлял: “В темноте не видно рожи!”» (025).

О с. Крутихи Далматовского р-на в нач. 2000-х гг.: «Если девушка гуляла с несимпатичным, по мнению других, молодым человеком, когда наступит вечер и лица не видно, то “темнота друг молодежи, в темноте не видно рожи” означает, что в сумрачное время и немилый юноша может стать красавцем» (211).

О 2002–2003 гг. «Выражение “Темнота – друг молодежи. В темноте не видно рожи!” я услышала в школе г. Далматово. Так говорили, когда где-то было темно или разговор шёл о темноте. Иногда эту фразу говорили, чтобы снять страх, боязнь темноты» (136).

ТЕННИС настольный – «То же, что пинг-понг» (Словарь, 1963–15, 277).

О селе Альменево Курганской области в 1958–1966 гг.: «В повседневные дни на переменах, а иногда и после уроков играли в теннис. Теннисный стол стоял в коридоре перед спортивным залом. Чтобы поиграть, занимали очередь» (018, опрос женщины 1951 г.р.).

О 1960-х гг.: «Телевизоров в нашем детстве было мало. Все свободное время мы проводили у теннисного стола во дворе. Играли запоем как одержимые – и вдвоем, и вчетвером, и вокруг стола бегали, чтобы верткий мячик самому поймать!» (Овсянникова, 2006, 2).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Посередине двора мамыши катали коляски..., девочки играли в настольный теннис, десяток мужчин...обступили стол, где “заколачивали козла”» (Мусатов, [1975], 1981, 57).

ТЕННИСКА – «спортивная рубашка с короткими рукавами, обычно трикотажная» (Словарь, 1963–15, 278); «хлопчатобумажная мужская рубашка с коротким рукавом, маленьким воротником и застёжкой “поло” на две-три пуговицы» (Терешкович, 1999, 337).

О 16-летнем мальчике-подростке: «Одевался всегда скромно: зимой – коричневый костюм, зеленый свитер грубой вязки, летом – светлые брюки и желтые нитяные тенниски» (Либединская, 1966, 95).

О 1944 году: «Стоя в одной майке перед зеркалом в прихожей, я изо всех сил напряжинивал то одну, то другую руку – проверял рез-ты своих упражнений с гантелями. Результаты были пустяковые. Хотя мои мышцы перестали напоминать... холодец, но до твердых, шарообразных бицепсов оставалось далеко. А как здорово было бы появиться в классе в тенниске, сквозь которую выпирала бы железная мускулатура!... Да, до тенниски мне еще очень и очень далеко» (Сиснев, 1970, 139).

О 1950–1951 гг.: «...[Обыкновенный мальчуган ходил] летом в подаренной кем-то пилотке со звездой, тенниске на молнии и в черных сатиновых шароварах на резинках» (Гай, 1978, 78).

О девочке 10 лет в Шадринске в 1996 г.: «Однажды папа приехал из Ленинграда и привез новую футболку-рубашку. Он называл её “тенниска”. В Шадринске я не встречала до этого ни на ком такой рубашки... В 2007 г. я слышала от подруги название такой рубашки-футболки – “поло”...» (132).

ТЕПЛИЦА школьная – остеклённое, обогреваемое помещение для выращивания овощных, декоративных и плодово-ягодных растений, в котором проводятся уроки и занятия кружков юных натуралистов. (ПС, 1960–2, 467)

ТЕРЕМОК – русская народная сказка.

О нач. 1870-х гг.: «Помню, как [няня] садилась у окна нашей детской, и мы – вокруг неё, и она рассказывала нам сказку. Так хорошо помню впечатление от сказки “Теремок”. Мы любили её слушать – наверное, потому, что страшный конец её: “Пришёл Мишка и всех задавил” – был известен и доставлял приятное возбуждение от

ожидания чего-то жуткого и неминуемого» (Харузина, [1910], 1999, 31).

О Новосибирске в нач. 1920-х гг.: «Где-то во втором классе я уже участвовала в работе драмкружка и играла в спектакле “Терем-теремок”... Я, конечно же, играла Мышку...» (НМ, 1999).

О с. Верх-Теча Катайского р-на в 1990 г.: «Когда мне было 5 лет, мама мне читала книгу “Теремок” перед сном. Я не ложилась спать, пока мне её не прочитают» (097).

«**ТЕРЕМОК**» – «журнал-раскраска», издаётся в г. Кемерово. Из содержания: стихи, кроссворд в картинках, раскраски. «Автор текстов, стихов, иллюстраций – Журавлёва И.И.». Выходит с 2001 г. Тираж 2006 г. – 16 тысяч экз.

«**ТЕРМИНАТОР**» – фильм (США, 1984) режиссёра Дж. Кэмерона с А. Шварценеггером в главной роли.

В центре сюжета – противостояние солдата и киборга (кибернетического организма), прибывших из будущего. «Терминатор 2: Судный день» (США, 1991) – фантаст. худ. фильм – продолжение.

О мальчике в г. Далматово в 1993 г.: «Лет в 6 я посмотрел фильмы “Терминатор” и “Терминатор-2”. Мне не нравилось, что главный герой в первом фильме был плохим, но зато во втором фильме он стал хорошим» (212).

О девочке в с. Шатрово в середине 1990-х гг.: «Насколько я себя помню в детстве, я всегда любила смотреть мультфильмы Уолта Диснея... Чуть позже, когда я уже стала немного взрослее, на экраны вышел фильм “Терминатор”. Этот фильм произвел на меня настолько сильное впечатление, что я много раз пересматривала его. Вскоре Арнольд Шварценеггер стал моим любимым киногероем» (213).

ТЕРРОР школьный, уличный – совокупность действий, имеющих целью вызвать у жертв состояние запуганности, страха, ужаса, униженности, подавленности у учеников школы. См. также: *Дедовщина, вымогательство*.

О Москве во вт. пол. 1920-х гг.: «Немало было шпаны – подростков, живущих с родителями или с матерью – многодетной, полунимфой вдовой. Над такими семьями теряла всякую власть. Изрядное количество шпаны жило и в нашем дворе. Эти хулиганы подстерегали нас, благовоспитанных мальчиков, около подворотни, когда мы шли в магазин покупать хлеб или молоко (кошелка и бидон выдавали наличие денег). Требовали денег, в лучшем случае на обратном пути – сдачу. Террор был настолько силен, что хождение в магазины становилось пыткой. Обычно ссылались: денег нет – в ответ слышалось: а ну, разожми кулак, покажи карманы. Подчас в руке вымогателя сверкало “перо” – ножик. В ход он не пускался, но угрозу представлял реальную. Мне везло, денег у меня никогда не отбирали: завидя издали шпану, я старался прошмыгнуть через соседний двор или переждать. Но многие мои ровесники вынуждены были отдавать мелочь или получать тумачи. Тощий Изя Гольдберг из девятого подъезда (его изводили: “Жид, жид, на веревочке висит”) пытался откупиться от поборов и побоев мелкими подачками – самое гиблое дело, ибо величина требуемого откупа каждый раз росла. Я просил родных не посылать меня в магазин, но мольбы мои почему-то сочувствия не вызывали. Отец говорил, что надо уметь постоять за себя и давать достойный отпор. Где уж там! Был во дворе один особенно мерзкий и опасный подросток по кличке Иодина. Лет ему было 13–14, семья от него отступилась, ни дворники, ни другие взрослые ничего не могли с ним поделать. Казалось, главной целью своей жизни он поставил вредить всем, без разбора. Разбивал камнями окна, бил и всячески обижал маленьких. Никакой уголовщины он не совершал, но был отпетым негодяем, не знавшим ни страха, ни совести. Слушая брань и угрозы взрослых, Иодина нагло и насмешливо смотрел из в глаза, явно наслаждаясь их бессильной злобой. В школу он не ходил и целый день шатался по двору, одним своим видом вызывая ужас детворы, которая тут же забирала свои игрушки и убегала подальше. А это ему было приятно» (Федосюк, 2004, 42–43).

О 1930-х гг. в Москве: «Едва я оказывался на бульваре один (мама... меня... оставляла одного на то время, пока бегала по магазинам...), как появлялся Колька-крыса... на голову ниже меня и вдвое тоньше, и, приступив ко мне, требовал: “Дай копейку!” Зная изо дня в день повторяющееся продолжение и понимая, что я сильнее его, я мог бы сразу же без труда положить конец неприятной ситуации. Но передо мной стоял *другой*, я знал, что он бедный и голодный, что отец его пьяница и бьет детей и жену, и не мог ударить этого другого, особенно такого. Поэтому я смиренно отвечал, что у меня нет копейки (деньги мне, действительно, не давались...). Колька-крыса: “Побожись!” (на это “побожись!” надо было ответить: “Б...ь буду” или – на худой конец: “Лягавый буду!”), но и этого я не мог сказать). На моё “Я тебе правду говорю”, автоматически следовало: “А если обьшу?”, и неудачный обыск завершался по выбору оплеухой, плевок, матерной тирадой или всем вместе... С разными вариациями подобное продолжалось и позже...: отнимали хоккейную клюшку, футбольный мяч..., шапку, ещё раньше – лопатку, игрушки, варежки и т. п.; били кулаками, палками, камнями, гирьками, “пыряли” ножами, кусками железа и стекла... Хуже было, когда тебя... собирались бить развлеченья ради и за то, что ты – другой. Помню чувство затравленности, ужаса и какой-то фантазмагоричности оттого, что все это происходило на людях, мирно проходивших по бульвару и могших без труда предотвратить несправедливость. Года до [19]36-го, правда, ещё нередко встречались рыцари, которые вставали на защиту, разнимали насильника и жертву, объясняя первому, что так вести себя нельзя, а второго успокаивая, а иногда и благородно провожая до дома. Позже таких бескорыстных миротворцев не стало, как будто и их сковал какой-то невидимый страх или запрет. Теперь, преследуемый насильником, я (так делали и другие дети моего круга) подбегал к первому прохожему “поприличнее” и просил: “Дяденька (или тетенька; этих слов мне категорически не позволяли употреблять родители, но в этой ситуации их наказания теряли силу), он меня бьет, защитите (или спасите) меня!” Но вопль о защите чаще всего оказывался безотзывным» (Топоров, 1997–1).

О г. Арамиле Свердловской обл. в 1960 г.: «А было мне уже лет десять, Лёхе, вероятно, одиннадцать-двенадцать. И он, я ничуть не преувеличиваю, держал в страхе весь наш захудалый рабочий поселок, вскоре... переименованный в город. И я не помню, чтобы моего друга хотя раз кто-нибудь крепко побил. А между тем ростом он был мелок – чуть выше меня, правда, имел развитые мускулы и крепкие жилы. К тому же... Лёха не ведал страха. И добавьте еще сюда абсолютные наглость, коварство, вероломство... Так что старшеклассники предпочитали с ним не связываться, опасаясь его взрослых дружков, хотя никаких таких дружков, я точно знаю, в помине не было, да Леха и сам этим не хвастал, правда, слухи тоже не опровергал, что легко объяснимо. Но наоборот, люди мыслили логически: не может быть, чтобы за таким чудовищем не стоял кто-нибудь еще более значительный. А среднеклассники и младшеклассники безропотно терпели ничем не сбалансированный террор... ...А девочку-отличницу, красавицу Лорку, которая сперва ради воспитательных целей отважилась ходить с хулиганом..., но вскоре влюбилась в него по уши, а Леха её унизил, морально уничтожил самым беспардонным образом – повалил на парту, задрал подол школьного платья и, стащив панталоны до колен, приглашал всех желающих ущипнуть или погладить девчачью попку за двадцать копеек. Правда, желающих это сделать не нашлось, как не нашлось и способных заступиться... Господи, стыдно-то как!...» (Чуманов, 2002).

«**ТЕСНАЯ БАБА**» – мальчишеская игра, состоящая в том, что на скамью усаживается как можно больше ребят и с двух концов тискают весь ряд, бьтаясь его столкнуть.

О гимназии конца 1890-х – начала 1900-х гг. вспоминает С.Я. Маршак: «В классах по-прежнему играли в “тесную бабу” или “жали масло”, то есть усаживались по пять, по шесть человек на одну скамью и

так сильно тискали сидящих посередине, что у них перехватывало дух» (Маршак, [1962], 1987, 547).

ТЕСТИРОВАНИЕ, психологическое обследование – метод исследования школьника, активно применявшийся в конце 1920-х – перв. пол. 1930-х гг. См. *Педология*.

Из дневника 14-летней девочки в 1929 году: «23 декабря 1929. Наконец-то мне 14 лет. Как радостно и в то же время больно чувствовать себя не 13-летней девочкой, а уже 14-летней... Было психическое обследование. Из нашей группы исследовали 9 человек умственно отсталых, в числе которых была и я. Вот еще новость! Я себя психопаткой никогда не считала, да и не собираюсь считать. Но, как-никак, это меня озадачило и привело к раздумью. Да еще слова авторитетной для меня Лельки совершенно меня убили. Она заявила, что я иногда похожа на психичку. Но в конце концов А.С. выяснила и рассеяла всякие ужасные мысли, сказав, что на обследовании посылались умственно недоразвитые и умственно переразвитые. Думаю, что я буду в числе последних» (Татьяничева, 2007).

О 1929 году: «Испытав меня однажды специальным педологическим тестом (педология тогда была ещё в моде) для семи-восьмилетних детей, родители решили в шесть лет отдать меня в первый класс. Но оказалось, что высидеть 3–4 часа подряд мне тогда было не под силу, и я стал убежать с уроков. Родители с этим легко смирились, и я еще целый год гулял на свободе. Поступил я в первый класс в 1930-м году, семи лет» (Цидильковский, 1996, 129).

ТЕТРАДЬ – см.: *Тетрадь ученическая фабричная*.

ТЕТРАДЬ для бумажных кукол – см. *Тетрадь-дом для бумажных кукол*.

ТЕТРАДЬ для гаданья, «гадалка» – заполненная от руки тетрадь, предназначенная для гадания.

О гимназистке середины 1910-х гг.: «У неё имелась даже специальная тетрадка для гаданья. “Назови номер!” – приставала Зойка к какой-нибудь девочке. Та называла. Зойка открывала номер. Под ним было написано: “любит страстно” или очень интересуется, видит во сне”. Таких предсказаний в тетрадке было много» (Филиппова, 1938, 36).

ТЕТРАДЬ для записи прочитанных книг – см.: *Читательский дневник*.

ТЕТРАДЬ по внеклассному чтению – см.: *Читательский дневник*.

ТЕТРАДЬ с планами самообразования – см.: *План самообразования*.

ТЕТРАДЬ с пожеланиями – см.: «*Пожеланники*».

ТЕТРАДЬ с рецептами – элемент девичьей (девичье-подростковой) культуры.

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «Была тетрадка (я не знаю, как она называется), куда мы записывали рецепты. Было признаком взрослости иметь такую тетрадку с рецептами. Туда вписывали все рецепты, которые находили в старых журналах (“Крестьянка”, “Работница”). Я помню, как мне было не совсем охота писать эти рецепты, но я заставляла себя – надо» (1001).

ТЕТРАДЬ с цитатами.

О 1953–1954 гг.: «...Толя, усевшись за маленький письменный стол, рассматривал альбом для марок, которые Аня собирала в 5-м классе, акварельные рисунки и коллекцию разноцветных бабочек, привезенных из “Артека”, Аня показала и тетрадку с интересными цитатами. Толя читал: “Людские языки ужасно ядовиты, и против этого нет никакой защиты”. Мольер. “Всё, что не горит – коптит. Это закон, это пламя жизни”. “Кто не принадлежит Отечеству, тот не принадлежит человечеству”. Белинский. “Какое, например, прекрасное создание человек! Как высок его разум!...” Шекспир, “Гамлет»» (Дик, 1956, 81).

ТЕТРАДЬ самодельная – тетрадь для выполнения классных работ и домашних заданий, изготовленная вручную.

О сентябре 1942 г.: «Уже... ребята стали поговаривать о школе, о том первом дне, когда пойдут учиться. Стали показывать друг другу карандаши, пеналы, тетради-самоделки – всё это важное и нужное школьное имущество, кот. так трудно было достать в военную осень со-

рок второго года» (Могилевская, [1949] 1966, 128–129).

О 1942–1944 гг.: «В тот день и в тот час я как раз переписывал в новую тетрадь примеры по арифметике. Тетрадку эту накануне сшила из газет мать. В войну у нас у всех были тетради из газет. Настоящие линованные тетради выдавались лишь для контрольных работ» (Калинин, 1988, 105).

О 1942–1944 гг.: «Чего-то не особенно жалел Ленька, что распростился со школой. До того эти науки надоели, а еще больше самодельные газетные тетрадки и зануда эта, Анастасия Павловна» (Чумичев, 1987, 16).

О 1942–1944 гг.: «Я...вспоминал всякие школьные дела, какие в войну были:... про то, как уроки в войну начинались при свечах и копилках, а писали мы на тетрадках, сшитых из газет, прямо по печатным буквам, и это выходило довольно удобно: как пишется некоторые слова, можно было вычитать в газете...» (Лиханов, 1983, 1986–1; 323).

О 1943–1945 гг.: «...Мы уже обосновались в Сибири. Жили в двухэтажном бревенчатом доме на краю заводского поселка... Мы вернулись домой, расположились печку и сели за уроки (мы сели решать задачи по алгебре, а решали мы их в самодельных тетрадках, сшитых из старых газет, писали чернилами прямо по напечатанному, а напечатанное лезло в глаза и отвлекало, не давало сосредоточиться...» (Рекемчук, 1974).

О 1944 году: «...У меня... когда-то был полный ранец с учебниками, пеналом, дневником и чернильницей-непроливашкой. Теперь за поясом одна книжка, в ней сшитая из обрезков обёрточной бумаги тетрадка» (Демиденко, 1962, 37).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Писали в самодельных тетрадках. Плотную вошеную бумагу желтого цвета покупали у работников секретного военного завода... На заводе в нее заворачивали то ли динамит, то ли снаряды. Бумагу резали по формату школьных тетрадей, сшивали, разлиновывали карандашом в косую линейку или в клетку. Вместо чернил – раствор угольного порошка...» (Мироненко, 2004, 4).

О деревенских мальчиках 1949–1951 гг.: «Тяжко оно, послевоенное лихолетье. Это понимали даже мы, мальчишки, выводящие первые буквы и цифры в самодельных тетрадках, прошитых суровой ниткой. Эх, если бы знал, как сейчас будем жить, сохранил бы эти тетради! Показал бы нынешним ребятам серую коробленую бумагу, которую прокатывали наши матери скалками, гладили утюгом, а потом сшивали...» (Морозов, 1986; 21).

См. также о Красноярске в 1942–1945 гг.: «Матери искали для нас в домашних библиотечках книги и журналы с крупным бледным шрифтом. Они заменяли нам тетради, но мешали писать диктанты, потому что мы принимались читать, что там написано» (Корытковская, 1963, 9).

ТЕТРАДЬ ученическая фабричная – тетрадь для выполнения классных работ и домашних заданий, изготовленная промышленным способом.

Об Украине в нач. 1917 г.: «Тяжёлый... ранец! Котя, путаясь в ремнях, снял его со спины, щёлкнул никелированным замком и бережно выложил на скамейку новенькие, туго завернутые в белую глянцевою бумагу, пахнущие краской тоненькие книжки. Как игральные карты, он разложил ещё совсем чистые, без клякс, белоснежные хрустящие тетрадки в линейку, и в арифметическую клетку, и в ту большую косую клетку, что предназначена для круглых, осторожных и вежливых букв чистописания. “Видал миндал?” – сказал Котя, как факир двумя пальцами вытаскивая из каждой тетрадки розовую промокашку» (Ямпольский, 1964, 309).

Из постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сент. 1935 г.: «Особенно неудовлетворительны по качеству ученические тетради... Тетради производятся из бумаги низкого качества и, как правило, имеют плохую обложку» (НО, 1974, 519).

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «...Каждому первокласснику полагалось пять тетрадок. Не больше и не меньше, а именно пять. На каждой должно быть написано имя ученика, фамилия ученика, в каком он

классе учится и даже в какой школе. Одним словом, полная биография. Затем. При каждой тетради полагалась своя собственная промокашка... Причем эта промокашка не просто лежала между листами тетради – она держалась на какой-нибудь цветной ленточке» (Могилевская, [1941] 1958, 33).

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «Я любил писать в тетрадках, где вощёная бумага... Учительница у нас была строгая, но тем, кто особенно старался, выдавала из каких-то своих личных фондов тетрадку с этой замечательной бумагой. По листку перо скользило легко, чернила не расплывались, а почерк выглядел таким красивым, что отличная оценка была обеспечена. Узнав об этом, и отец купил мне про запас пачку таких тетрадей. Он положил их на верхнюю полку шкафа и выдавал время от времени» (Матвеева, 1981, 59).

О 1945–1948 гг.: «...В те, послевоенные годы... простые ученические тетради были огромным дефицитом, а учебники... распределялись школой...» (Лapidус, 2004).

О середине 1960-х гг. в Челябинске: «Я пошла в школу в середине 1960-х годов. Дефицита в учебных принадлежностях не было. Тетради в клетку и линейку были двух видов: лощеные и нелощеные. Лощеные было приятно брать в руки: бумага белоснежная, гладкая. Нелощеные – сероватые, шершавые. Отличались по цене: 3 копейки и 2 копейки за штуку. На задней обложке была обязательная таблица умножения, метрическая система мер или Гимн Советского Союза. А как интересно было заглянуть в новую тетрадку в первый раз: какого цвета тебе досталась промокашная бумага? Желтая? Голубая? Розовая?» (Мымыкина, 2007, 10).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Ученические тетради сброшюрованы по 12 листов каждая, поэтому в обиходной речи их часто называют тонкими тетрадями. Тетради бывают в клетку и в линейку. На первой странице обложки ученик записывает, для чего тетрадь заведена (например, для контрольных работ по математике), свою фамилию, имя, класс, номер школы, в которой он учится, и район её расположения. На последней странице обложки тетрадей в линейку напечатаны “Законы пионеров Советского Союза”, а на тетрадках в клетку – метрическая система мер и таблица умножения. Обычно заводятся отдельные тетради для домашних заданий и для классных работ по какому-либо учебному предмету, для контрольных работ и для лабораторных работ. Учитель проверяет тетради и отмечает на полях красным карандашом ошибки, допущенные учеником (в диктante, изложении и сочинении вертикальная черта означает орфографич. ошибку, галочка – пунктуационную). Отметки за домашнюю работу ставятся не всегда, иногда учитель ограничивается подписью: См. (смотрел). Отметки за контрольные работы ставятся в тетрадь, а также в дневник и классный журнал. Старшеклассники пользуются также и толстыми тетрадями в 24 и 48 листов (обычно для конспектов)» (Денисова, 1978, 215–217).

Вставлять в тетрадь листы взамен заполненных ошибочно.

О середине 1960-х гг. (из стихотворения М. Бородинской): «Двенадцатистовая тетрадь / Ещё лишь начата, и всё возможно: / Случится ли страничку измарать – / Ты скрепы отгибашь осторожно, / И грязь – долой. Затем листок двойной / Вставляешь из тетрадки запасной / И пишешь вновь. Учитель не заметит. / Ай, молодец! Тебе пятерка светит. / И так – до середины. А уж там – / Всё набело, и строгий счёт листам» (цит. по: Молдавская, 2007–3, 21).

См. также: *Обёртывать тетради*. Ср.: *Тетрадь самодельная*.

ТЕТРАДЬ-ДОМ для бумажных кукол – сделанная девочкой из тетради игрушка – модель дома (квартиры) для куклы.

О Шадринске во вт. пол. 1980-х гг.: «Ещё мы рисовали домики для наших бумажных кукол. Брели блокнот или чистую тетрадь, фломастеры, карандаши. И начиналось. Первое – входная дверь, коврик, замок, узор на двери. Рисовали всё с усердием и старанием. Затем – прихожая. Полочка для обуви, вешалка для одежды, одежда,

зеркало, тумбочка с расческой, помадой, заколками. Затем туалет и ванная, чтобы кукла могла принимать ванну. Затем – новый лист (каждая комната, прихожая – новый лист) кухня: плита, стол, стулья, полотенце, коврик на полу, затем – новый лист – гостиная, затем – спальня, затем – детская комната. Это было настолько увлекательно – рисовать, собравшись вместе с девочками, обсуждать, какая будет гостиная, какая кухня, что можно расположить в прихожей. Каждая девочка рисовала своей кукле свой домик. Потом наши куклы бумажные ходили друг к другу в гости, кушали, купались в бассейне (у меня даже бассейн был). Таких домиков рисовалось много, один разонравится – рисуешь другой. Это была чудесная жизнь. У нас в наших нарисованных домиках открывались шкафчики, холодильник, и можно было посмотреть, что там лежит. Для этого мы или бритвочкой, или ножницами расстригали дверцы и на другом листе рисовали содержимое шкафов, холодильника. При приходе в дом гостей все шкафчики открывались и содержимое рассматривалось» (1001).

О девочке во вт. пол. 1980-х гг.: «Когда у меня пропал интерес к куклам настоящим, я завела себе бумажную. Я выстригла её из детского журнала “Музилка” вместе с небольшим количеством одежды. Из тетради в линейку я решила изобрести кукле домик. На первой странице был изображен дом полностью: со всеми окнами, дверями, с садом вокруг дома, крыльцом. Следующая страница представляла собой гостиную комнату; в ней я нарисовала диван, два кресла, стол, посреди комнаты был нарисован ковер с узорами, а сверху был нарисован шкаф, у которого дверки открывались, и там можно было увидеть посуду: чашки, чайник и тарелки. Третья страница – спальная комната, где стоял шифоньер для одежды, он тоже открывался, один стул, стол и кровать, куда куклу можно было уложить, засунув её в прорезанную щель. Следующая комната была ванная и туалет. Я раскрасила её в чёрно-белых тонах. Пол был нарисован в клетку, была ванная и унитаз. Затем я нарисовала автомобиль марки “Мерседес” и раскрасила его розовым фломастером, тоже прорезала лезвием щель, так можно было усадить куклу в машину. В ней она выезжала в город за покупками, в гости к подружкам, иногда на работу. (я решила, что она будет работать на телевидении ведущей). Дом у меня получился ярким, красочным (я рисовала новыми фломастерами, они назывались “Радуга”). Его видела моя мама, она похвалила меня и сказала, что я молодец, интересную картинку придумала. Но этим я играла не долго, вскоре мне стало неинтересно, и [я] подарила куклу вместе с домом и одеждой своей младшей сестре Марине. Она была очень рада такому подарку» (607).

О г. Новоанганске Нижневартовского р-на Тюменской обл. в 1989–1990 гг.: «Лет в 10–11 мы с моей подругой Наташей очень увлекались бумажными куклами. До этого, лет в 9–10 такие куклы часто печатались в детских журналах, но они были не очень красивые, мы пытались рисовать своих. А вот в 11 лет стали продаваться спец. книжки с такими куклами (с очень красивыми куклами) и с такими же нарядами. У нас с Наташей были специальные тетради-домики для этих кукол. В этих тетрадях все листы были склеены по два. И, переворачивая страницу, ты оказываешься в другой комнате. Там были: прихожая, зал, гостиная, спальня, ванна, кухня, сад. В каждой комнате была нарисована соответствующая мебель, за стол можно было сесть, на кровати можно было укрываться одеялом, шкафы и тумбочки открывались, в шкафах лежала одежда и т. п.» (503).

О начале 1990-х гг.: в Шадринске: «Разновидностью игры стала игра в “бумажные куклы”. Мы рисовали их сами, вырезали, рисовали им одежду. У меня их было около двадцати. Чтобы они дольше сохранялись, я наклеивала их на картон. Сначала рисовала только принцесс и принцев, затем уже обыкновенных юношей и девушек. Затем делали им дом. Дом был сделан из толстого ватмана, либо из альбомных листов. Они склеивались между собой. Вырезались окна, дверь. Мы с Наташей укладывали кукол туда спать. Помимо этого

дома, мы рисовали в тетради домик. Это были тетради листов 48. Начала я играть и рисовать такие домики, когда мне было 10 лет. Я много раз их перерисовывала. В этом домике были нарисованы прихожая, на другом листочке – спальня, спальни для гостей, кухня, столовая, зал. Далее рисовала сад, двор, бассейн, бильярдную, ванную, спортзал. Где надо, прорезала дырочки, чтобы можно было вставить куклу. Я долго была довольна, когда додумалась, как сделать двуспальный диванчик для папы и мамы. На заднюю сторону листа наклеила листок и как получилось, что в другой комнате не было видно кукол и стало намного аккуратнее. Таким образом же делала гараж для машины. Склеивала по краям 2 листа, вовнутрь задвигалась машина. Даже в машине были вырезы, чтобы посадить семью. Жаль, что в настоящее время этих домиков не осталось» (504).

О с. Кирово Мишкинского р-на в перв. пол. 1990-х гг.: «Помню своих последних бумажных кукол. Это были куклы, вырезанные из вкладышей жвачки “Love is...” Эти куклы были очень маленькими – максимум достигали 1 см. У них был дом – вернее, домик (сделанная тетрадка, примерно 5 см на 3 см). Я вырезала этих кукол и клеивала их в этот домик, в разные его комнаты. Например, мальчик-сын был вклеен в гостиную, в своей спальне, на кухне, а также в ванной комнате, и так была вклеена вся семья. То есть эти куклы не могли путешествовать по дому, так как уже были в каждой его комнате. Так как у меня было очень много этих вкладышей, у меня не было нехватки экземпляров каждого члена семьи. Их дом представлял собой как бы альбом, листая который можно было наблюдать за жизнью этой семьи» (517).

«**ТЕТРИС**» – игра на «Денди»; электронная игрушка.

«Tetris. Знаменитая головоломка. Российского... происхождения. ...Задача – так разворачивать падающие блоки, чтобы они без промежутков заполняли пространство» (Денди, 2000, 161).

О с. Ольховка Шадринского р-на в середине 1990-х гг.: «С игрой “Тетрис” я столкнулась в 1994–1995 гг. Она представляла собой электронную игрушку, в которой можно было выбрать игры: “строительство”, “змейка”, “гонки” и др. Один “тетрис” мог отличаться от другого по количеству игр и их специфике, например, гонки. Были “тетрисы” только с гонками: на экране высвечивался гоночный объект, состоящий из квадратов. Такая модель могла двигаться по запрограммированной трассе с разной скоростью, обходя препятствия либо другие едущие объекты. Выигрывали, когда проходили все этапы, набрав максимальное количество очков. Проигрывали при врезании. У игрока было четыре попытки. “Строительство”: на экране сверху по одной поочередно спускались вниз разные фигуры, состоящие из соединенных кубиков. Такие фигуры можно было вертеть определенной кнопкой, строя из них одну сплошную линию без пробелов, тогда эта заполненная линия исчезала, и тебе за нее начислялись очки. “Змейка” в тетрисе игралась так: экран служил полем продвижения растущей змейки, ограничениями служили стенки экрана, при столкновении змейки с которыми заканчивалась одна жизнь. Таких жизней как попыток могло быть до 4-х. “Змейка” движется по экрану, управляемая вверх, вниз, влево, вправо кнопками, чтобы поймать мигающий квадратик – как только змейка его достигла, она тут же становится длиннее на один квадратик, и сразу появляется новый, который нужно снова достичь и т. д., пока длинная “змейка” не “врезается” в себя и не сгорит ещё одна попытка, или ты переходишь на новый уровень, в котором увеличивалась скорость. “Тетрисы” есть и по сей день» (009).

О 1996–1999 гг.: «В игру “Тетрис” я играла с 11 до 14 лет (г. Шадринск, а иногда и г. Курган, когда я приезжала в гости к брату). Составление фигур в одну композицию меня очень увлекло. А еще я стремилась обогнать по очкам своего брата» (103).

«**ТЁТЯ ВАЛЯ**» – так называли дети Валентину Михайловну Леонтьеву (1923–2007), популярную ведущую детских передач «Умелые руки», «В гостях у

сказки», «Спокойной ночи, малыши!», «Будильник» в 1970-е – первой половине 1980-х гг.

«**ТЕХАСЫ**», «техас» – название джинсов.

О середине 1960-х гг.: «Около школы стояли лысые мальчики. Их было много. Совершенно лысые, выскобленные бритвой. Начисто. Их головы сверкали. И ещё они были в брюках “техас” и с широкими поясами с клёпками и заклёпками. “Техас” – это очередное название джинсов. Ребята подражали герою фильма из жизни ковбоев прошлого века. Смотрели фильм по нескольку раз и ещё сегодня будут смотреть. (Коршунов, [1968] 1980, 218).

О Перми в 1967 г.: «Джинсоподобные штаны у нас назывались – “техасы”: желтая строчка по синей ткани, много карманов, заклепки. Никакого ажиотажа, уличные штаны» (Киршин, 2002).

Об одежде героев фильма, в котором показываются 1978–1979 гг.: «“Почему Громыны одеты в дефицитные джинсы?” “Это не джинсы, а популярные в то время штаны – техасы, – отвечает художник по костюмам Ольга Погодина. – Они шились из дешёвой ткани серовато-синего цвета и были по карману Громыным» (Трухан, 2008, 21).

ТЕХНИК – (разг.) ученик *технического училища* (Крутиков, 1959, 148).

О нач. 1910-х гг.: «На масленице устроили в Народном доме вечер для всех учащихся города... В углу стояли плотной кучкой двое товарищей по училищу, несколько техников [здесь: ученик технического училища], гимназистов и гимназисток... Красивый техник в блестящей форме смерил [Васю] пренебрежительным взглядом... Пошли в комнату для игр. Там “кошка” ловила “мышку”... Великовозрастные техники забавлялись вместе с маленькими гимназистками и подростками из училища, гонялись за девицами, готовыми... выйти замуж... Группа техников забрела в угол к дивану. Начались весёлые разговоры... Зал был полон танцующими... [Вася] увидел Надю. Её рука лежала на плече стройного румяного техника, наклонившегося к ней и с улыбкой что-то шептавшего в самое ухо» (Крутиков, 1959, 148–149).

«**ТЕХНИКА смене**» – детский научно-технический журнал, орган Уралобкома (позднее Свердловского обкома) ВЛКСМ, выходил в Свердловске в 1931–1941 годах. Журнал стал продолжением журнала «Делай все сам» (ДВС) с сохранением в 1931 году его нумерации и подзаголовка «ДВС», но выходил не один, а два раза в месяц. «...“Техника смене” стала больше похожа на взрослый тех. журнал, чем на детский: сухой, невыразительный язык, избыток цифр, процентов, полное отсутствие учета возрастных особенностей читателя приводит к тому, что он теряет подписчиков... Успех пришёл во вт. пол. 1930-х годов и был связан с краеведч. аспектом “Техники смене” – с одной стороны, с изучением читат. спроса – с другой. Журнал нач[ал] печатать материалы о минеральных богатствах Урала..., о людях, добывающих их. Появ[ились] очерки об истории открытий, изобретений, об устройстве привычных вещей (игра “Кто больше знает?”), оригинальная рубрика “И они были маленькими” – воспоминания о детстве великих ученых. К.Э. Циолковский прислал “Технике смене” автобиографию, которая печаталась в неск. номерах... Журнал [был] тесно связан с дет. тех. станциями, юными техниками. Лучшим свидетельством возросшей популярности яв[ились] многочисл. письма ребят, ставших, как сообщает редакция, летчиками, инженерами. Резко возрос и тираж» (Кононова, 1993, 102–104). Журнал был закрыт с началом войны в 1941 году.

ТЕХНИКУМ – учебное заведение, готовящее кадры со средним спец. образованием для различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, связи, медицины, культуры и просвещения. В техникумах наряду с профессионал. подготовкой обеспечивается и общее среднее образование молодежи.

Учебные заведения с названием «техникум» существовали с 1920-х по начало 1990-х гг. В 1990-е годы многие техникумы стали именоваться колледжами.

Существовали техникумы индустриальные, экономические, связи, транспорта и др., а также приравненные к ним... – мед. школы, пед., муз., худ. и другие училища. Учащиеся техникума получали подготовку, дававшую возможность сразу же по окончании учебы приступить к самостоят. работе по специальности.

В техникум принимались молодые люди, закончившие 8-летнюю (4–5 лет обуч. в техникуме) или среднюю школу (2–3 года обуч. в техникуме). Соответственно, учеб. план и программы техникума опирались на опред. общеобразоват. подготовку. В техникуме учащиеся получали общетех. подготовку; на базе общеобразоват. и общетех. знаний осуществлялась спец. подготовка.

См. также: *Среднее специальное учебное заведение; Профессионально-техническое училище.*

В СССР в 1975 году функционировало более 4200 средних спец. учеб. заведений, в том числе более 2700 техникумов: пром-сти – более 1200, с. х-ва – около 700, экономических – более 300, стр-ва – более 200, транспорта – более 200, связи – более 30.

О вт. пол. 1990-х – нач. 2000-х гг.: «В колледжи и техникумы зачастую поступают ребята, не слишком отличившиеся в школе, “слабачки”. Туда идут и те, кому совсем не хочется учиться, а надо» (Ушкова, 2002, 19).

ТЕХНИЧЕСКИЕ училища – профессиональные учебные заведения, существовавшие с 1888 по 1917, с 1954 по 1958 и с 1966 до конца 1970-х гг. [...]

ТЕХНИЧЕСКИЙ кружок – См.: *Кружок.*

О конце 1940-х гг.: «Каждое занятие кружка должно включать: а) практич. работы, наблюдения, опыты, изготовление детьми интересных моделей-игрушек и б) беседы о технич. использовании человеком сил природы, о замечательных новаторах техники, выдающихся учёных и изобретателях, составивших славу и гордость нашего города... Два-три раза в течение года кружок показывает на технич. вечерах или утренниках результаты своей работы. Под общим руководством учителя – руководителя кружка – дети показывают в действии изготовленные ими модели. Некоторые из членов кружка выступают с небольшими сообщениями о том, как они работали, что построили, что узнали. Большой интерес вызывает на вечере демонстрация опытов, полетов авиамоделей, работа сделанных детьми приборов. Показ детьми своих самоделок составляет главное содержание технич. вечера. (НШ, 1950, 783–784).

«**ТЕХНОЛОГИЯ**» – школьный предмет, пришедший в некоторых школах на смену предмету «Труд».

О Шадринске во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.: «Официально предмет “труды” назывался “технология” и велся с 5 по 11 класс. “Технология” делилась каждый год на две части: первое полугодие преподавали “кулинарию”, а второе – шили разные вещи. Чем старше класс, тем сложнее задания, например, в 5 классе мы учились делать бутерброды и шили фартук, а в 11 классе шили уже детскую одежду и готовили торты. Мне всегда не нравился этот предмет, потому что родители меня растили “вольным стилем”, а в школе я, как Золушка, должна готовить и шить. Я считаю этот предмет пережитком СССР и хочу, чтобы его убрали из школ» (012).

«**ТЁЩИН язык**» – игрушка, представляющая собой свернутую в спираль бумажную трубку, которая при надувании разворачивается в длинную узкую полосу бумаги, по форме похожую на язык.

О Вербной неделе в Санкт-Петербурге в конце XIX века: «... Шла торговля детскими игрушками и особыми “вербными” чудесами: пищалками, “чертями”. Предлагались “тещины языки”, “иерихонские трубы”, “американские жители”, надувные свиньи, павлиньи перья. На этих базарах ... допускались некоторые вольности... Можно раздуть в лицо незнакомцу “тёщин язык”, свернутую в спираль бумажную трубку, которая при надувании разлеталась в длинный мешок с перьями на конце. Этот “язык” трепетал, пищал, его совали прямо в лицо. Общий хохот, никто не обижался» (Засосов, [1976] 2003, 181).

О Вербной неделе в Москве в 1910 г.: «Мимо нас проходит бородастый разносчик, в его губах то

закручивается, то, как огромный пёстрый язык, с треском разворачивается бумажная игрушка. “Покупайте “Тёщин язык” / Вот велик так велик! / Покупайте игрушку “Тёщин язык”!» (Сац, 1978, 9).

О Петрограде-Ленинграде 1920-х гг.: «“Вербу” надо описать особо. Во-первых, там была уйма народа, шум, гам, звуки разных свистулек (“уйди-уйди”, “тещиных языков”), свистков... Были и карусели. И, конечно, бесчисленное количество торговцев с рук, выкрикивавших: “Теща околела – языки продавать велела”...» (Поздняков, 1994, 293).

О Ленинграде 1930-х гг.: «На праздничных базарах и ярмарках имелось на выбор множество забавных игрушек: глиняные свистульки, надувной пищущий чертик “уйди-уйди”, “тёщин язык”, китайские фонарики, трещотки» (Гранин, 1990–5, 473).

Из цикла «Позабывшие игрушки» М. Бородинской (1954 г. р.): «“Тёщин язык” [заголовок]. Он продается за пятак, / Бумажный пестренький язык. / Подуешь – вытянется: квак! / Отпустишь – вновь свернется: пшик!..» (Бородинская, 1999, 79).

«**ТИЛИ-ТИЛИ-ТЕСТО, жених и невеста**» – традиционная дразнилка, обращенная в адрес приятельски общающихся мальчика и девочки.

О середине 1920-х гг.: «Проворный мальчишка-газетчик... пронёсся мимо, крича: “А вот кому “Вечёрочка”! Последние новости, рабочий Берлин на демонстрации!.. – И вдруг, обернувшись, скорчив рожу, завопил: – Тили-тили-теста, жених и невеста!..» – показывая пальцем на Дину с Алёшкой, шедших впереди» [...]

ТИМУРОВСКОЕ движение – см.: *Тимуровцы.*

О 1940–1941 гг.: «Перед войной у нас появилось тимуровское движение – оно не было пионерским, хотя строилось на базе пионерской орг-ции. В Абрамцеве, где мы снимали дачу, был колодец глубиной метров сорок – мы, мальчишки, таскали оттуда воду для старушек. Защищали девчонок, если кто-то их обижал... Провинившегося мальчишку приглашали на расследование – куда-нибудь в кусты на окраине деревни. Выносили ему приговор, а потом снимали с него штаны, мочили в воде и завязывали их узлом у него на шее – и он вынужден был сидеть в кустах до вечера, потому что не мог ни выйти, ни развязать узел, пока не высохнет. Такова была наша рыцарская, благородная деятельность» (Александрова, 2004).

О 1941–1945 гг.: «Только в грозную годину войны, когда бились на многочисленных фронтах советские воины; когда уходили на войну отцы и старшие братья мальчишек и девчонок – моих сверстников, начали появляться в сотнях городов, в тысячах деревень и рабочих поселков ватаги быстроногих, горластых ребят в алых пионерских галстуках – “Тимуровские команды”, так верно угаданные Гайдаром. Что же делали они в то тревожное военное время? Во многих школах, где ранее занимались ребята, стали открываться первые госпитали. Туда начали привозить раненых бойцов. Ребята-тимуровцы были тут как тут. Для них повсюду находилось дело. Сразу же ставшее крылатым слово “тимуровец” открывало им, точно волшебный “сезам”, все двери. Ребята и пол могли помыть, заменив уборщиц, ушедших на фабрики и заводы, чтобы шить шинели для бойцов или выпускать патроны, мины и снаряды. Они могли и в палатах прибрать, принести необходимое лекарство, написать на родину близким бойца заветное письмецо о том, что, мол, жив и здоров, за меня не тревожьтесь. Только непременно приписать в конце письма, что пишет вам за такого-то или такого-то пионер-тимуровец, имярек, потому что иран солдат в правую руку и сам писать не может. Но пусть родные бойца не огорчаются: врачи поставят красноармейца на ноги, и он опять станет в строй, чтобы бить ненавистных нам всем фашистов... Они устраивали для бойцов концерты самодеятельности, и лихо выплясывали под гармошку или пели солдатские песни. Ведь бойцам так нужны бывают и острое словцо, и задушевная мелодия. Тимуровцы помогали семьям бойцов: сходить в магазин,

посидеть с детьми, принести воду, наколоть дров – мало ли дел в семье, где остались лишь старые да малые!» [...]

ТИМУРОВЦЫ – участники возникшего в СССР в период Великой Отечественной войны детского тимуровского движения по оказанию помощи семьям воинов, инвалидам, старикам (по имени героя повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда»).

О конце 1930-х гг.: «Володя был ярким тимуровцем ещё до появления гайдаровского Тимура. Ему верно служила команда, собранная со всех ближайших дворов... Не было ни одного известного ему школьника, которому Володя не поручал бы какого-нибудь дела.... Разумеется, Володя и сам работал не хуже других... Правда, в одном Володя невыгодно отличался от Тимура Гараева. Его деятельность была менее поэтичной: он не окружал её дымкой романтической тайны, что составляло главную прелесть тимуровских придумок» (Оржиховская, 1967, 21).

О 1940–1942 гг.: «Когда повесть [А.П. Гайдара «Тимур и его команда»] печаталась в «Пионерской правде», мальчишки каждый день осаждали редакцию газеты, чтобы узнать, что будет дальше. В Москве, во многих городах и селах они создавали команды и отряды тимуровцев. Возникло тимуровское движение. Широкое распространение получило оно в годы Великой Отечественной войны. Тимуровцы помогали старшим в их борьбе с врагом: работали на колхозных полях и огородах, собирали металлолом и другие материалы, ухаживали за ранеными, находящимися в госпиталях, шефствовали над семьями фронтовиков. В районах, оккупированных немцами, тимуровские команды помогали Красной Армии своей разведкой» (СВ, 1967, 267). Тимуровцы также собирали лекарственные травы, средства на танковые колонны, авиаэскадрильи. [...]

О 1946–1948 гг. в Шадринске: «Школа № 6 – зачинатель тимуровского движения в городе, которое продолжалось и после войны. Капитаном команды был Толя Солодухин, а потом Артур Лапидо (эвакуированный). Ребята помогали семьям погибших и инвалидов войны: пилили дрова, носили воду, вскапывали огороды, играли с малышами» [...]

ТИР – сооружение (помещение) для стрельбы по мишеням из ручного огнестрельного и пневматического нарезного оружия на учебно-тренировочных занятиях и соревнованиях.

О девочках в нач. 1960-х гг.: «...Мы с подругой заглядывали под лоток, где... были хорошо видны кругляши монет, выбирали их оттуда... Деньги трагично всегда сразу: на конфеты..., иногда на стрельбу в тире – выстрел стоил две копейки...» (Осорина, 1999, 138).

О начале 1960-х гг.: «Однажды, проходя по бульвару, Колька завернул в тир. Вошёл под прохладные своды. Народу было совсем мало. Какой-то мальчишка в матросской рубашке, сопя, прижимал дрожащими руками ружьё, а бабушка, стоя возле него, хлопала: “Да ты не тот глаз закрыл, Андрюшенька, ты не тот. Другой закрыл, дедка”. Андрюша закрывал оба глаза и дёргал спусковой крючок. Эх, Кольке бы, а не этому толстому увальню ружьё и блестящие, пахнущие порохом и металлом патроны! Взять в руки прохладный приклад, прижать ружьё крепче к плечу, почувствовать, как ... тонкие иголки тревоги и ожидания расплзаются по телу. Выбрать цель, не утку и не зайца, а вражеского солдата или даже самолёт, взять его на мушку, прицелиться, стиснув зубы, – и щёлк... “Ах, Андрюшенька, да чего же ты не слушаешься!... – тархтела бабушка. – Ну, ещё хочешь? Молодой человек, дайте ему, пожалуйста, ещё десяточек”. Выстрел – две копейки. Можно сразу на двадцать, на сорок копеек» (Лихоталь, 1964, 87–88).

ТИСКАНИЯ – прикосновения представителей мужского пола к эротически маркированным частям тела сверстниц (эти действия обозначаются глаголами «щупать», «зажимать», «мацать», «лапать»).

О Ленинграде во вт. пол. 1920-х гг.: «...В школе уже “имелись случаи нетоварищеского отношения мальчиков к девочкам”..., и один такой случай произошел через день после того, как я вляпался в беду со своей поэмой.

Винновником нового происшествия был мой одноклассник по прозвищу Стригун; одна преподавательница застала его в раздевалке в тот момент, когда он тискал девочку. Все это стало известно dame-педологу из РОНО. По ее настоянию в школе состоялось собрание “только для пед. состава и мальчиков”. На собрание то должны были явиться все ребята из нашего и параллельного класса. И в первую очередь – те, из-за которых сыр-бор загорелся. Первым рассматривалось “дело” Стригуна. Он смиренно оправдывался, но мы, его одноклассники, не очень-то верили в это смирение... По-видимому, некоторые педагоги ждали от Стригуна более искреннего покаяния, и вот преподавательница пеняя громко, сердито обратилась к нему: “Скажи, наконец, нам: что ты делал за пазухой у Рыбаковой!?” “Я... Я искал калоши”. Ребята захихикали. А педагоги сочли этот ответ издевательским и усилили свои нападки на Стригуна. Тогда он стал объяснять им, что после окончания учебного дня в раздевалку устремляется много учеников, и начинается толкотня и неразбериха, и с калошами происходит путаница, – не сразу каждый свой находит. И вот, пока он искал свои калоши, его в этой сумятице, совсем не по его вине, притиснули к Рыбаковой... Дело кончилось тем, что Стригуну дали строгий выговор, а его фразочка “Я искал калоши” прочно вошла в школьный лексикон» (Шефнер, 1999).

О 1940–1941 гг.: «Искра... вбежала в тёмный ... подъезд, когда её вдруг схватили, стиснули и поволокли под лестницу и швырнули на ... пол. ... Её почему-то не били, а мяли, тискали... Нет,... её намеревались просто ощупать, обмять, обтискать: “полапать”, как это называется у мальчишек...» (Васильев, 1988, 224).

О 15-летней деревенской девочке, её 14-летнем брате и приехавшими на лето из города сыне и отце в 1960-е – 1970-е гг.: «...Мы сидим на сеновале на лоскутном одеяле... Боря оказывается хорошим рассказчиком... Страшные истории проходят с большим успехом... Мы не замечаем, что на пороге сарая стоит Борин отец. “А ну живо слезайте! – приказывает он. – Чем это вы там занимаетесь?...” Он... бьёт сына по лицу. “Может, ты с ними и вино тайком пьёшь и ещё кое-чем занимаешься?” – продолжал он допрашивать Бориса. Тот упорно молчит, опустив голову, а отец начинает подозрительно отглядывать меня, и под его взглядом я неловко одёргиваю помятое платье и стряхиваю приставшие сенички. “Ну и распушенность! – качая головой, говорит он. – С таких лет шляться с парнями по сеновалам! Эти деревенские девчонки с детства привыкают, что их тискают по углам”. От стыда и негодования я не могу вымолвить ни слова...» (Балакирева, [1983] 1988, 65).

О Карелии [в 1970-е – 1980-е гг.]: «В школах, где учатся обычные дети из обычных семей, проявления полового интереса двенадцатилетних подростков тоже имеют место.... Мальчики начинают, кто украдкой, кто в открытую, “щупать” девочек за груди. Иногда бывает, что в школе вечером гаснет свет, тогда может начаться настоящая свалка.... Однако находят девочки, которые жалуются своим родителям, те – учителям, а значит, проводится работа по устыжению наглецов. Работы эта всегда приводит к одному и тому же результату – коллективные “щупания” прекращаются сразу, индивидуальные же имеют место только в качестве редкого рецидива» (Логинов, 1999, 183).

О середине 1980-х гг.: «4–8 класс – возраст трудный, начинается взросление. Отсюда – тяга мальчиков к своим одноклассникам. Но все это проявляется в грубых, агрессивных формах. Мальчишкам хочется узнать, что скрывает у девчонок под платьями. Свои знания они пополняли различными способами. Двое-трое парней заглянули в угол одну девочку, убегающую от них, как длинноногая антилопа от хищника, но которой не удалось скрыться в чучке своих одноклассниц. Становились кружком возле нее и давали волю своим рукам, желая нащупать неразвившуюся грудь жертвы. Она, бедная, не успевала отбиваться от трех пар рук, шаривших в поисках “добычи” по её телу. Удовлетворив свои малые потребности, они отпускали жертву и ловили следующую, дабы испытать новый восторг от “охоты” и

прикосновений.... Те, кто побойчее, подбегали к девчонке, ударяли или старались ущипнуть за грудь, а потом скорее уносили ноги. В таких случаях некоторые девчонки догоняли своих обидчиков и мстили им своими маленькими кулачками под смех “зрителей”» (464).

О перв. пол. 1990-х гг.: «После уроков мы вместе с соседом по парте должны мыть класс. Но с нами остаются несколько мальчиков и девочек. Мы играем. Мы убегаем от мальчиков, а они нас догоняют. И если кого-то поймут, то затаскивают в класс. А потом снова догоняют нас. Уже почти всех переловили, когда наступила моя очередь. До этого я ловко от них уворачивалась, но тут они меня поймали в ловушку, и я оказалась в классе. Я бегала от них и даже по партам, не хотела быть пойманной. Но их было много, а я одна. Если меня кто-то ловил, то хватали за что попало, мне было противно, хотелось вырваться и убежать из класса, но у меня ничего не получалось. Это была такая дикость, такое унижение. Я ненавидела их всех вместе взятых. Но вдруг девочки ворвались в класс и помогли мне вырваться оттуда. После этого я сразу же ушла домой и даже не стала мыть пол» (463).

Тисканья можно подразделить на «добровольные», совершаемые по невяному согласию тискаемых, и насильственные, совершаемые вопреки явно выраженному несогласию «тискаемых».

О шк. жизни 1923–1924 гг.: «У нас есть одна девчонка..., – пишет в дневнике герой книги. – Она очень толстая, и ее всегда все жмают. Зажмают её в угол, а она... пищит...». В ответ на упреки учителя герой возражает: «“Её всегда все жмают, и никогда никаких инцидентов не было”». Учитель вынужден констатировать, что сама девочка «не противится этому тисканию» (Огнев, 1989, 210–212).

В качестве объектов «зажимания» избираются девочки чем-то выделяющиеся – склонные к полноте, ранее других вступившие в период полового созревания или отличающиеся «странным» поведением:

«В классе была девочка Лена И., симпатичная, веселая хохотушка, настроение у которой менялось от смеха до плача. Мы ее звали Ваня-встаня. Тисканья в классе все были направлены на нее. Ее прижимали, обнимали, поднимали на руки. Видимо, ее смена реакции на все только подогревала интерес ребят» (473).

«Чаще, зажимали девочку, склонных к полноте, хорошо развитых физически, да и тех, которые, казалось, самим своим видом вызывают парней на это. Если девочка не оказывала должного сопротивления, часто к ней интерес пропадал, и тогда уже он перебрасывался на скромных и застенчивых. Здесь какой-то парадокс: казалось, если девочки не сопротивляются, т.е. испытывают даже удовольствие от подобных контактов, то к ней даже «тянутся» ее сверстники, но все выходило наоборот. Как известно, «запретный плод – он сладок». Чаще всего, помню, у нас зажимали девочку, которая вроде бы ничем не выделялась среди других, но раз мальчишки тянулись к ней, значит, исходило от нее что-то влекущее на подобные контакты. Она себе ни одну пару очков изломала на этом ремесле. Потом, правда, догадалась, – стала их снимать» (472).

О Свердловске в 1979–1981 гг.: «Те девочки, которые раньше созрели, чем остальные, красились и целовались, подвергались еще одному испытанию: идя домой, на них налетали мальчишки и устраивали им “темную” – зажимали и тискали. Стоял жутикий визг, писк, крик. В школе тоже, при каждом удобном случае, их тискали». (478).

О нач. 1990-х гг.: «У нас в школе было неск. таких девочек, которые в физ. развитии опережали нас и ходили с гордо поднятой головой при этом. По-видимому, им это тисканье доставляло удовольствие – так же, как и мальчишкам. Про это у нас в школе мало кто знал из учителей, в основном уборщица. Она всячески старалась предотвратить эти действия, но они заканчивались в одном месте и начинались в другом. Это было и в парке и на спортивной площадке» (487)

Тисканья «по невяному согласию» могут обретать и своего рода игровую форму.

О 1990-х гг.: «Во дворе мальчишки бегали за девочками, не давали прохода, но “играли” только когда мальчишек и девочек набиралась определенная команда. По одиночке мальчишки не зажимали девочек. Девочки при этом отбивались и дрались. Это была как бы какая-то игра: девочкам не очень хотелось попадать в руки мальчишек, любой ценой [девочки] старались убежать и спрятаться. Мальчишки же наоборот: [стремились] любой ценой догнать или найти девочек. Условно “игра” называлась “маньяки”. Играли лет с 13 до 15. Если не тискали, то юбку задирали» (592).

Совместное обучение представляет мальчикам возможность осуществлять «тискание» по отношению не только к девочкам, согласным принять подобный вид проявления внимания, но и к тем, кто категорически отвергает подобный вид общения. Наиболее частое место подобных тисканий (1970-е – 1990-е гг.) – школьные раздевалки и коридоры:

О селе Ключи Далматовского р-на в перв. пол. 1980-х гг.: «В раздевалке... парень толкал девочку как-то случайно на пальто, она обычно падала, он падал сверху, девочка отбивалась, кто-нибудь падал еще сверху (кто был по близости – девочка или мальчик) и получалась куча мала» (470).

О середине 1980-х гг.: «По окончании уроков старше парни забегали в раздевалку, прятались за пальто, а когда девчонки заходили туда и не находили своих пальто на том месте, где они его повесили, то уже не искали, а выскакивали из раздевалки. Тех, кто не успевал, парни затаскивали в угол и тискали» (471)

О г. Каменске-Уральском в середине 1980-х гг. «В школе, когда мы очень быстро стали превращаться из девочек в девушек, у нас появились различные формы зажиманий. На физкультуре мы переодевались в подвале... Спускались в раздевалку мы спокойно, но мальчишки переодеваются быстрее девочек. И вот когда мы, наконец-то, одетые в форму, подошли к лестнице, тут нас уже поджидали... Некоторых прижимали к стене и “прошупывали”. Девочки отбивались, некоторые обижались» (465).

В след. сообщении с немалой выразительностью изображены чувства девочки, сознающей свою беспомощность перед унижающими ее девичье достоинство домогательствами:

О Шадринске в 1991 гг.: «Помню, что в параллельном классе учились такие лица, которых боялись все девочки в школе. Нам было лет по 14, когда они по вечерам заходили, точнее, вламывались в темные кабинеты, в которых мы дежурили. Они искали нас под партами, за шкафами, везде... Зажигали фонарики и старались обнять, да еще с такими криками! Тогда мне хотелось так закричать, чтобы стены школы рухнули и погребли под собой этих подлецов. И я так кричала! Сердце было готово выскочить из груди, я отчаянно махала венником, кидала в них тряпку и с криком выбегала в коридор... Я с ужасом ждала очередных визитов этих непрошенных гостей. Я чувствовала себя такой беззащитной, помощи просить было не у кого» (462).

Встречаются девочки, готовые дать отпор «посытателям», любой ценой отстоять свое достоинство.

О 1988–1992 гг.: «В школе лет с 10 был просто кошмар... Девочки, а точнее фигуры девочек, обретали более женский характер, черты тела становились более округлыми, но все же выглядело это неукложе, смешно. А у мальчишек проснулся какой-то звериный инстинкт. Они бегали за нами, хватали нас, лапали своими руками. Сначала я воспринимала все это как игру и относилась к этому нейтрально, но потом мне это все надоело, мне становилось ужасно стыдно, я не хотела видеть лица этих грязных, пошлых, мерзких мужских особей. Во мне просыпалась дикая агрессия, я защищалась, отбивалась, дралась, билась, но не давала себя им в руки. Возможно, здесь сыграла роль моя гордость, себялюбие, достаточно высокое мнение о себе. Я не хотела смешивать себя с грязью, я не хотела даже думать, что мне может доставить хотя бы малую каплю удовольствия то, что ко мне будут прикасаться эти лапы одичавших зверей. Я видела,

как мальчишки лапали девочек, и те даже не сопротивлялись, а наоборот, меня это приводило в ужас» (461).

Если же девочкам с развитым чувством собственного достоинства не удастся отбиться от нападающих, они переживают случившееся как «падение», осквернение:

«Зимой мы ходили кататься вечером ко Дворцу Культуры на горку. Моя дорога шла через лес. Задержавшись как-то один раз, я попала «в пробку» (так называлось у нас скопище парней, которые подкарауливали девочек и шупали, тискали их). На меня навалилось человек 10-12. За 1-2 минуты я почувствовала чужие ищущие и шарящие по моему телу руки. Они проникали даже под одежду, во все «тайные места». Мне было и стыдно, и обидно, и неприятно. Я отбивалась, как могла. Вырвавшись, я бежала по лесу, на ходу застегивая пальто. Когда пришла домой, у меня стучала в голове мысль: «Ну, всё, теперь я шупанная». Я сразу же залезла в ванну смывать с себя эти назойливые руки как будто грязь. Мне было нехорошо, текли слезы. Я была потрясена. Мне было 12 лет. Мне казалось, что и мама, и отец видят на мне эти руки, которые обшарили все мое тело. До сих пор помню это, как будто было это только вчера» (467).

Можно предположить, что в большом числе случаев насильственные «тисканья» девочек-сверстниц напрямую вызывается потребностью мальчиков в эротических ощущениях. Однако подчас девочки сталкиваются с целенаправленно-садистическим, ориентированным на моральное унижение, поведением. На первый план здесь выходит ощущение всеислия, чувство безнаказанности.

О вт. пол. 1970-х гг.: «Валера... закрыл дверь в класс..., засмеялся... зло, вызывающе... Он... с силой..., схватил ее за грудь и сжал... Алена заплакала... Валера её опоганил...» (Пашнев, [1982] 1990, 331).

О 1980-х гг.: «Самый наглый парень вставал в школе в двери раздевалки... Если говорит: ... «Поставь печать», – значит «Поцелуй!». Если девочки не выполняли, он сам вешался на них и тискал» (Борисов, 2002).

Подробнее материал на эту тему см.: Борисов, 2002, 186–194.

«**ТИТАНИК**» – фильм, обретший большую популярность в среде девочек-подростков.

О Притобольном районе Курганской обл. во вт. пол. 1990-х гг.: «[Топики] носили девочки лет 12–16. После появления фильма «Титаник» с Леонардо ди Каприо очень популярным были топики с изображением главных героев этого фильма» [...]

О 2001 г.: «Вот, например, моя подруга посмотрела фильм «Титаник», после чего стала просто его фанаткой. Мало того, что она влюбилась в главного героя, она ещё и стала походить на главную героиню, Розу: полностью сменила гардероб, сделала такую же причёску, подбрала макияж, и теперь издалека её на самом деле можно не узнать» (107).

ТИФ – «Название ряда острых инфекционных заболеваний, сопровождающихся лихорадкой и расстройствами сознания (тиф сыпной, возвратный, брюшной, паратифы)» (СИ, 1994, 609).

О 1920 г.: «...В Новочеркасске я... заразился сыпным тифом, затем тут же брюшным и, наконец, возвратным. Из больницы я выбрался месяца четыре спустя еле живой... Тетки... отдали моих сестер в приют..., а меня... – в интернат...» (Авдеев, 1960).

«**ТИХИЙ ЧАС**» – название времени для дневного сна (в детских садах, лагерях летнего отдыха для детей и т. п.). То же, что «*мёртвый час*».

О нач. 1930-х гг.: «Тихий час... Сто ребят / И сто девчат / Все лежат / И все молчат... / Я осу во сне ловлю... / Засыпаю... / Сплю...» (Барто, [1933] 1969–1, 324).

О конце 1940-х гг.: «После обеда в детском саду наступает тишина. Тихо в комнатах, тихо в коридорах, тихо на лестнице... Это значит, что в детском саду наступил тихий час. Спать пора! Все ребята спят...» (Баруздин, [1951] 1960, 19).

О пионерлагере в нач. 1960-х гг.: «Тихий час прошёл уже. / Все мы развлекаемся. / Кормим пойманных ужей, / На «шагах» катаемся...» (Ружанский, 1962, 37).

О летнем лагере под Свердловском в середине 1960-х гг.: «Однажды мы проснулись после тихого часа и пошли, как всегда, на полдник. Но в столовой нам сказали, что полдник наш похитили разбойники...» (Смирнова, 2005).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Лагерь спал... Этот послеобеденный час когда-то назывался «мертвым», потом, борясь с мистикой, переименовали в «тихий», теперь опытные пионервожатые кричали в палатах: «Мертвая тишина!» – и старое прекрасно уживалось с новым» (Принцев, [1972] 1975, 3).

О пионерлагере в середине 1970-х гг.: «Наташа потрепала ему волосы. «Антон, у тебя ковбойка надета наизнанку». «Я знаю, это специально. Чтобы рубашка не пачкалась...». Наташа почему-то рассмеялась: «Выдумщик ты великий. После тихого часа отдашь мне рубашку, а сам в другой походишь»» (Матвеева, 1977, 156).

О конце 1980-х – нач. 1990-х гг.: «После обеда – «тихий» час. Ребята должны спать, но им не хочется. Делая вид, что спят, они будут под одеялом нанизывать свои грибы на ниточки и развешивать по всей палате для сушки» (Сотникова, 1992, 35).

«**ТИШЕ ЕДЕШЬ – ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ**» – детская игра второй половины XX века.

««Тише едешь – дальше будешь» – в этой игре тот, кто водит, говорит: «Тише едешь – дальше будешь, раз, два, три – замри!» Все остальные играющие застывают в самых забавных позах. Кого водящему удастся рассмешить (не дотрагиваясь) так, что тот пошевелится или рассмеётся, тот и водит» (Семёнов, 1985, 55).

«**ТО БЕРЕЗКА, ТО РЯБИНА...**» – см. «*Наши края*».

ТОВАРИЩ (по классу, школе), правила товарищества.

О 1928 году: «Году в 28-м меня отдали в школу. Школа была далеко от дома – на Самотеке, переулочек Большой Каретный... Рядом со мной в первый день занятий сидел ученик Царьков, маленький хлипкий мальчик... Учительницы не было в классе. И Царьков заорал. Он просто орал от чувства необычности того, что с ним происходит. Учительница Александра Николаевна, которую я возненавидел на всю жизнь, вдруг вошла в класс. «Кто кричал?» – спросила она. «Кто кричал?» – спросила она меня. И я ответил: Царьков. И учительница Александра Николаевна, вопреки всем понятиям, внушительным мне дома – вере в то, что учителю надо говорить правду – вдруг с яростью, вероятно, непедagogичной, схватила меня за плечи и стала трясти, говоря: «Как ты смел предать товарища!» Я понял только после этого урока» (Самойлов, 1993, 222).

«**ТОВАРИЩ**» – ежемесячный общ.-полит., лит., науч.-попул. и краеведческий журнал для детей 9–14 лет, издававшийся в Новосибирске в 1928–1931 гг. Первые 6 номеров вышли под назв. «Сибирский детский журнал». Журнал освещал различные аспекты жизни страны (коллективизация, индустриализация, пятилетка, ист. партии, полит. события и т. п.), участие детей в социалист. преобразовании Сибири. Редакция журнала отвечала на письма детей, часть из них печатала, публиковала рассказы и стихи в отделе «Детское творчество» и т. д. Интерес ребят вызывали конкурсы на лучший рассказ, статью, стихи, проводимые «Товарищем». Журнал не стал массовым, его самый выс. тираж пришелся на перв. год издания – 8 тыс. экз. В последующие годы он резко падает. С конца 1929 г. и особенно в 1930–1931 гг. в журнале резко уменьшается кол-во беллетрист. и краевед. материала из-за больших полит. статей. Из журнала уходят занимательность и романтика. В ноябре 1931 года журнал «Товарищ» закрылся. (Колесова, 1993, 104–106).

«**ТОВАРИЩ**» – издание для пионеров.

«Товарищ. Записная книжка пионера на 1958/59 учебный год». Составитель В.С. Ханчин. – М.: Молодая гвардия, 1958 – 319 с. (300 000 экз.). То же – на 1959/60 (335 с., 300 000 экз.) и 1960/61 (319 с., 415 000 экз.) учебные годы.

«**ТОВАРИЩУ Нетте, пароходу и человеку**» – стихотворение В.В. Маяковского; с 1960-х гг. изучалось в школе.

ТОКСИКОМАН – ребёнок (подросток), прибегающий к приёму веществ, вызывающих эйфорию (см.: *Токсикомания*).

О вт. пол. 1980-х гг.: [С.П. Минина, нач. отдела по делам несовершеннолетних прокуратуры г. Ленинграда:] «...“Телекурьер” рассказал о ребятах-токсикоманах таким легкомысленным, игривым тоном, что после этой передачи у нас в шесть раз возросли случаи помещения ребят в службу “Скорой помощи”» (Детство, 1989, 20).

О с. Ожогово Шатровского р-на в 1997–1998 гг.: «Мальчики-одноклассники говорили: “Ты чё, токсикоман?” – в ситуации, когда кто-то из них или из нас, девочек, что-нибудь нюхал: ручку с запахом, бутылочку из-под духов и т. д. А еще на переменах рассказывали о том, как кто-то из их знакомых или из знакомых знакомых нюхал бензин, клей “Момент” и ходил “обкумаренный”, то есть как пьяный, как обкуренный» (154).

ТОКСИКОМАНИЯ – «общее название болезней, характеризующихся влечением к постоянному приёму различных веществ, вызывающих опьянение, кратковременную эйфорию; проявляется психическими и соматическими расстройствами» (СИ, 1994, 610).

О Шадринске в 1996–2001 гг.: «В нашем дворе (1996 г.) жили два парня лет 16. Они были наркоманы. Об этом знал весь двор. К ним каждый вечер приходили друзья, подруги. Они сидели в палисаднике между двумя домами либо в подвале, когда случайно не закрывали окошки. К ним часто приходили парни (2–5) из соседнего двора (там стояли бараки, жили алкаши с детьми), которые были токсикоманами, они не кололись, а нюхали. Знакомый юноша 26 лет рассказал мне, что в 16-летнем возрасте (1998 г.) он наблюдал, как токсикоманы нюхали: “В заброшенных гаражах или в подвале жилого дома парни собирались своим кругом, брали целлофановые пакеты, брали токсические (быстроиспаряющиеся) горючие вещества, напр., клей “Момент”, бензин, растворитель, краска. Заливали вещества в пакеты, которые подносили к органам дыхания и глубоко вдыхали пары этих веществ. В пакет наливалось только одно вещество, нельзя было смешивать. [Когда они] вдыха[ли] какое-то время, [у них] наступало состояние эйфории (кайф), что приводило к возникновению галлюцинаций. Во время галлюцинаторных видений токсикоман переставал вдыхать, а затем снова вдыхал в ожидании нового кайфа. Так могло продолжаться весь день”. Возле палисадника в моем дворе (между двумя домами) после токсикоманов оставалось много целлофановых пакетов. При виде компании парней возле палисадника или подвала, бабушки или взрослые говорили: “О, токсикоманы опять пошли!”, часто вызывали милицию, но всё равно на протяжении почти всего моего сознательного детства наркоманы обитали в нашем палисаднике. А вот токсикоманы после примерно 2001 г. исчезли, и я их больше не видела, ни их, ни пакетов» (132).

О г. Челябинске в нач. 2000-х гг.: «Ситуация типичная и оттого ещё более страшная. Лет 7 назад (сестрёнка не было ещё и десяти) дворовые друзья позвали на квартиру посмотреть “улётные мультики”. Вместо телевизора под нос девочкам сунули грязную тряпку с клеем, и понеслось... С тех пор “меню” дополнилось морилкой и ампулами, любители “мультиков” подросли и поменяли интересы на алкоголь и наркотики...» (Лившиц, 2007, 6).

«Вот несколько выдержек из газеты “Хамовники”, № 7, апрель 2002 года: ...“Если в начале 90-х годов наркотики потребляли подростки не моложе 12 лет, то теперь многие уже в 8 лет пробуют свою первую порцию “дури”. В этом возрасте дети занимаются, в основном, токсикоманией – нюхают различные клеи, растворители, бензин – это очень дешево и общедоступно. Некоторые могут попробовать и героин...» (Шавкута, 2003).

ТОЛКАТЬ в снег (сугроб) – игровые действия детей, нередко под видом агрессии выражающие дружеские чувства, симпатию.

О Свердловске в конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Он устроил возле горки “ледовое побоище”..., свернувшееся в “кучу малу”. Давно он не сражался с таким упоением и до того расшались, что в иные минуты забывал об

особом пространстве вокруг рыжей девочки, о наложенном на себя запрете и толкал её в сугроб так же, как любую другую девочку. Правда, он заметил, что многие пацаны уделяют ей повышенное внимание, а так как их внимание выражалось в одних лишь нарочных столкновениях, толчках и подножках, то рыжую девочку обильно вываливали в снег; это ничуть не огорчало ее, она и сама ловко подставляла ножку и опрокидывала пацанов» (Дробиз, 2004).

«**ТОЛСТАЯ бочка родила сыночка...**» – *дразнилка*.

«В 1983–1985 гг. в г. Мурманске мы часто обзывались на толстую девочку из соседнего подъезда. Обзывалка: “Толстая бочка, родила сыночка, а сыночек говорит: “Ты не мама, а бандит. Не успела пятого, родила десятого!”» (600).

О г. Шумихе в 1991–1992 гг.: «“Толстая бочка, / Родила сыночка, / А сыночек говорит: / “Ты не мама, а бандит.”». Это было что-то вроде дразнилки полных (но не всегда) детей. Употребляла её примерно в 7–8 лет» (100).

Ср.: «*Толстый, жирный, поезд пассажирный!*»

ТОЛСТОВКА – 1. О перв. пол. XX в.: «Широкая и длинная мужская блуза в складках, с поясом... По имени Л.Н. Толстого, носившего такую блузу» (Словарь, 1963–15, 567).

О 1919 г.: «Вечером они пошли на шк. спектакль. Перед спектаклем было собрание. Валька сидел рядом с Павликом и все время смущенно прятал от него лиловый бант на своей толстовке» (Горбатов, 1968, 237).

ТОЛСТОВКА – 2. О 1990-х – 2000-х гг.: вид тёплой одежды, носится в свободном стиле с капюшоном, часто на груди или спине имеются надписи либо рисунки (группы и т.д.). Зачастую используется как спортивная одежда.

О 1990-х гг.: «Толстовка – тёплая кофта, спереди воротничок расстегивался, некоторые полностью расстегивались. Низ был на резинке, то есть мог регулироваться уже-шире. Рукава внизу также регулировались. У меня была толстовка тёмно-зелёного цвета. Толстовки были разных цветов. Очень много их носили в школе, как мальчики, так и девочки» (069).

«“Толстовка” – вид тёплой кофты. Я такую носил в 2001–2002 гг. в г. Далматово, 14–16 лет. Но ещё раньше то есть в 1998–2000 гг. такие кофты носили мои друзья. Толстовка могла быть с капюшоном, с карманами, светлых или темных тонов, но не ярких. Мог быть замок-“молния” на горловине спереди – 10–25 см. полуспортивного или спортивного стиля. “Толстовки” были весьма популярны в мальчишеском кругу» (202).

ТОЛСТОЙ Лев – Лев Николаевич Толстой (1828–1910), русский писатель. Произведения Л.Н. Толстого «*Три медведя*», «*Кавказский пленник*», «*После бала*», «*Война и мир*» в 1950-е – 2000-е гг. входили в число подлежащих обязательному изучению в школе.

«В нашу повседневную жизнь Толстой... заходит без стука... Всё начинается с заочного запугивания масштабами дарования. Ещё в восьмом классе учительница, завывая: “Пушкина не можешь прочесть, а что ж будет в десятом, когда по программе “Война и мир”!!!” Обморок. Так формируется миф. Предчувствие Толстого как необъятного по размерам писателя, которого, однако, неизбежно надо “пройти”, встречи с которым не избежать никому... Толстой – это синоним не просто чего-то большого. Толстой – это больше, чем много. “Ты что так долго копаешься? “Войну и мир” пишешь?” – подгоняют медлительного ученика» (Архангельский, 2006, 5).

О 1941 г.: «...Когда [Нина] услышала о том, что разграблена Ясная Поляна, она сразу вспомнила детство и как они в тридцать седьмом всем классом вместе с учительницей ездили в зимние каникулы поклониться могиле Толстого...» (Глушко, [1988] 1990, 48).

«**ТОЛСТЫЙ, жирный, поезд пассажирный!**» – *дразнилка*. Вариант: «Жирный, жирный, поезд пассажирный».

О 1940-х – 1950-х гг.: «Когда дети хотят доставить кому-нибудь неприятность, чаще всего они начинают дразниться. Кто не помнит популярных дразнилок... на

толстяка (“жирный, жирный, поезд пассажирный”) и т. п.? Все это детский фольклор, безмянное творчество. Всё это они сочинили для себя, значит, это им нужно» (Лейбсон, 1961, 122).

О нач. 1950-х гг.: «Маленький Толя был толстый, неповоротливый, и ребята его дразнили: “Толстый, жирный, поезд пассажирный!”» (Дик, 1956, 39).

О нач. 1980-х гг.: «А зато Верб всё равно исподтишка плевался и всегда убегал. “Ты докажи, – говорит, – что я плевался!”... Ещё и дразнился: “Толстый, жирный, поезд пассажирный!” Я же толстый в первом классе был. Назло ему целую неделю ничего не ел» (Галахова, 1983, 23).

О девочке 6–8 лет в г. Лянторе в 1992–1994 гг.: «У нас во дворе жил полненый мальчик, и ему говорили: “Толстый, жирный, поезд пассажирный!”» (015).

Ср.: «Толстая бочка родила сыночка».

«ТОЛСТЫЙ и тонкий» – рассказ А.П. Чехова.

В 1950-е – 1980-е гг. изучался в школе (6–7 кл.).

«ТОЛЬКО шнурки поглажу» – см.: «Шнурки поглажу».

«ТОЛЬКО валенки зашнурую» – (подростково-молодежный лексикон) ирон.: о нежелании выполнять просьбу. Ср.: «Улыбаться по ночам не будешь?»; «Шнурки поглажу».

О девочке-подростке в с. Мальцево Шадринского р-на в 1996–2000 гг.: «В юности, когда мне было 12–16 лет, часто на какую-нибудь нелепую или унижающую просьбу я отвечала своим товарищам: “Сейчас [шас], только валенки зашнурую” или “только шнурки поглажу”» (019).

«ТОМ и Джерри» – серия мультфильмов. Главные персонажи – противостоящие друг другу кот Том и мышонок Джерри. Авторы – Уильям Ханна и Джозеф Барбера. Первая серия снята в 1940 г. За последующие 50 лет про Тома и Джерри было снято 250 мультфильмов.

Мультфильмы про Тома и Джерри неоднократно подвергались критике за присутствующую в сюжетах жестокость. Отечественному зрителю американские мультфильмы про Тома и Джерри стали доступны лишь в конце 1980-х гг.

О г. Завитинске Амурской обл. в 1991–1992 гг.: «Впервые я посмотрела мультфильм “Том и Джерри” по местному 4-му каналу в 6–7 лет, а затем его показывали по телевизору, родители брали видеокассеты с мультфильмом, ходила в гости к подругам и смотрела вместе с ними. Некот. серии пересматривала неск. раз» (107).

О девочке в г. Далматово в 1992 г.: «Любимыми мультфильмами были “Том и Джерри” и “Ну, погоди”. Эти мультфильмы вызывали у меня только положительное чувство. Мне нравились смешные ситуации, в которые кот пытался поставить мышонок, а волк – зайца, и с каким достоинством мышонок и заяц выходил из этих ситуаций. Было очень весело, когда коту и волку доставалось от их же ловушек. Мне всегда казалось, что волк и заяц так же, как и Том и Джерри в конце всех их приключений, помиряются и будут лучшими друзьями. Но почему-то все эти мультфильмы то заканчивались, то снова начинались, бесконечно. Любимыми сериями из “Тома и Джерри” были те, в которых показывали собаку, тогда Том и Джерри объединялись и направляли все свои силы против собаки, но, к сожалению когда они решали все проблемы с собакой, то снова начинали гоняться друг за другом. Мультфильмы помогли мне поучиться смеяться над мелкими неприятностями» (563).

О Шадринске в 1991–1993 гг.: «Когда мне было 7–9 лет, “Том и Джерри” был одним из моих любимых мультфильмов» (098).

О Шадринске в 1993–1997 гг.: «Мой любимым мультфильм, ког. я смотрела в детстве, – “Том и Джерри”. Я часто смотрела его в возрасте примерно 5–9 лет. Я очень любила этот мультфильм и смотрела его почти каждый день. Мне нравился в нём мышонок» (123).

О г. Шумихе в 1995–1997 гг.: «Мультфильмы “Том и Джерри” мы смотрели вместе с братом по видеку, когда мне было 11–13 лет. Мне нравились те части, в которых фигурировала женщина, так как было интересно, кто же это такая? Почему-то никогда не показывали её лицо, только тело, руки и ноги» (100).

О с. Ушаковском Катайского р-на в 1995–1998 гг.: «Когда мне было 8 лет, я училась во втором классе, с превеликим удовольствием я с сестрой смотрела мультфильм “Том и Джерри”. Нам было очень интересно смотреть, как кот гоняется за мышкой, а та в своё время устраивает всякие пакости. Я бы и сейчас с большим удовольствием окунулась бы в детство, посмотрев этот мультфильм» (139).

О г. Когалыме Тюменской обл. в 1996–1998 гг.: «Мама купила клавиатуру с джойстиком и неск. Картриджей, в том числе и игру “Том и Джерри” – мою любимую. Коллекционировала комиксы, наклейки, видеокассеты с этими героями. Мама покупала мне костюмы и футболки с изображениями Тома и Джерри» (134).

О Шадринске в 1996–2002 гг.: «Когда мне было 10–16 лет, я любила смотреть короткие красочные мультфильмы “Том и Джерри”. Я даже рисовала их в альбом. Я даже пыталась рисовать комиксы, но быстро забрасывала их» (112).

ТОМ СОЙЕР – герой повести Марка Твена «Приключения Тома Сойера».

«...Ребёнку нужен герой-сверстник, который вошел бы в его жизнь так, как в жизнь школьников вошли Том Сойер и Гек Финн, Тимур и Володя Дубинин. Сила воздействия такого героя огромна» (Лифшиц, 1964–2, 125).

ТОП – «блuzка на бретельках, как бы верхняя часть комбинации» (Орлова, 1988, 174).

О середине 1980-х гг.: «Топ появился в копилке моды несколько лет назад и по сей день чрезвычайно популярен» (Орлова, 1988, 174).

Ср.: *Топик*.

ТОПИК – обтягивающая тело короткая женская майка, короткая футболка. Ср.: *Топ*.

Этот тип одежды появился в нач. 1990-х гг. В конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. топики стали массовой одеждой девочек-подростков.

«Помню, я увидела в магазине маечку на бретельках. Я спросила у продавца, что это за маечка, и мне сказали, что это топик – короткая майка, и что сейчас топы очень модны. Я попросила родителей мне купить такой топик. Помню, что у меня их было очень много. Я их любила потому, что они были удобны» (070).

О Притобольном р-не Курганской обл. во вт. пол. 1990-х гг.: «Топик – мы так называли короткие маечки, не закрывающие пупок. Появились они, кажется, в 1996–1997 гг. (точно не помню). Их носили девочки дет 12–16. После появления фильма “Титаник” с Леонардо ди Каприо очень популярным были топики с изображением главных героев этого фильма. Топики – летняя одежда, либо в ней ходили на физкультуру» (072).

О конце 1990-х гг.: «Топик – короткая маечка на бретельках или футболочка; облегающий материал. Цвет и ткани были различны. На груди часто были надписи или картинки (“Love”, фотография из фильма “Титаник” или что-нибудь другое). Носить топики начали где-то с 1997 года, но и сейчас [в 2007 году] ещё встречаются» (073).

О конце 1990-х гг.: «Линия “Фенди Джинс” – изящные топики, платья, брючки для молодых и неисправимо роскошных барышень» (издание «На Невском», 1998, № 4; цит. по: ТССР, 2001, 785).

О девочке 14 лет в Шадринске в 2001 г.: «Я первый раз надела топик в 14 лет. Мне это название сказала мама. Это укороченная майка или кофточка (летний вариант)» (135).

ТОРБА, торбочка – «Простореч. Мешок, сума» (Словарь, 1963–15, 655).

О 1942–1944 гг.: «Так дядя Андрюша подкармливал нас всё лето и почти всю осень. С Тольки и с меня потихоньку спала стекловидная припухлость. И первого сентября брат первый раз пошёл в школу с выстиранной торбочкой, которая уже не пахла лебедой, в ней были две тетрадки, букварь, пенал и даже цветные карандаши!» (Шульженко, 1990, 44).

ТОРЖЕСТВЕННОЕ обещание пионера – обещание, которое произносит ребёнок, вступающий в пионеры. До конца 1940-х гг. пионер также писал текст торжественного обещания.

На V съезде РКСМ 17 окт. 1922 г. был принят следующий текст «Торжественного обещания юных пионеров»: «Честным словом обещаю, что буду верен рабочему классу, буду ежедневно помогать своим трудовым собратьям, знаю законы пионеров и буду им повиноваться» (НО, 1974, 260).

О 10-летней девочке в Москве в 1934 г.: «Однако... ничто не помешало мне вступить в 1934 году в пионеры – как все... Заученная в десять лет клятва хранится в памяти: “Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду честно и неуклонно служить делу Ленина – Сталина и социалистической революции...”. Я произносила эти слова вместе с одноклассниками...» (Старикова, 2003, 283–284).

О 1941–1945 гг.: «Война. Маленький городок на Урале. Тёмный школьный коридор – электричество тогда экономили. Мы стоим на своей первой в жизни линейке. Говорим слова Торжественного обещания. Они были другие, не такие, как сейчас, потому что было другое время: “...Я буду неустанно готовиться к защите Родины. Клянусь в этом именем борцов, отдавших жизнь за наше счастье. Буду вечно помнить, что их кровь горит на моём пионерском галстуке и на нашем Красном знамени...” Нам повязывают галстуки» [...]

В Положении о Всесоюзной пионерской орг-ции им. В.И. Ленина, принятом 10 июня 1986 г. Бюро ЦК ВЛКСМ, текст Торж. обещания пионера Совет. Союза обрёл следующий вид: «Я, (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской орг-ции имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить и беречь свою Родину, жить, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, как требуют Законы пионеров Советского Союза» (Цит. по: Пирогов, 1987, 157).

См. также: *Законы пионеров Советского Союза*.

ТОРМОЗ – «Устройство для снижения скорости движения или для полной остановки транспорта» (Словарь, 1963–15, 681); (жарг.) медленно реагирующий, туго соображающий человек.

«**Я (ты) не тормоз, а медленный газ**» – выражение, обыгрывающее основное (не жаргонное) значение слова «тормоз».

О девочке 9–11 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1994–1996 гг.: «Если кто-то долго думал или чего-то не понимал, его спрашивали: “Ты чё, тормоз?”, а он отвечал: “Я не тормоз, я медленный газ” (137).

«“Ты не тормоз, ты медленный газ”. Где-то с 2000 года, и по сей день, периодически слышу эту фразу. Ее обычно говорят, если при разговоре один человек не может понять другого» (139).

ТОЧИЛКА, машинка для точки карандашей – инструмент для очинки карандашей.

О 1900-х гг.: «“У тебя все школьные принадлежности имеются?” “Имеются”. “А вот это?” Надзиратель [в реальном училище] вынул из конторки маленький блестящий предмет, похожий на кончик стрелы, вставил в него неочиненный карандаш и сделал несколько быстрых движений; из-под его пальцев посыпалась на пол тончайшая стружка. “Машинка для точки карандашей”, – объяснил он Грише. “Не надобно: у меня ножик есть”» (Кононов, 1958, 129–130).

О детском саде в Ленинграде в середине 1940-х гг.: «...Юрик подал [воспитательнице] Татьяна Николаевна маленький розовый колпачок... Татьяна Николаевна надела этот колпачок на сломанный конец карандаша и стала осторожно его поворачивать. Боря... одним глазом... поглядывал на розовый колпачок. Он ещё никогда не видел такой точилки. Потом Татьяна Николаевна сняла колпачок, и Боря увидел, что кончик у карандаша опять жёлтый и очень острый. Татьяна Николаевна бросила в корзинку кудрявые стружки и... пошла к другому столу, к другим ребятам. А Боря быстро схватил розовый колпачок... Ему очень хотелось самому поточить карандаш розовой точилкой. “А покажи”, – Юрик хотел взять у Бори жёлтый карандаш, но Боря быстро стукнул карандашом о столик – и кончик снова отлетел. “Вот, – сказал Боря, – совсем сломался.

582

Надо поточить...” “Ладно уж, бери, – ответил Юрик. – Не жалко”. Боря взял колпачок-точилку, надел её на обломанный кончик карандаша и стал вертеть. Он вертел точилку быстро и не очень-то осторожно – кончик всё ломался и ломался... Боря уже половину карандаша обломал, а всё никак не мог его оточить» (Гринберг, 1949, 66–67).

О середине 1960-х гг.: «“Скажи, Ириша, когда тебе бывает обидно?” “Обидно, когда люди врут... Я потеряла точилку, а [Таня] нашла и отдаёт её Наде. Надя не сказала, что это не её. Я им и говорю: “Девочки, это моя точилка”, а они посмеялись и не отдали... Обидно”, – голос дрожит при этих воспоминаниях» (Низова, 1967, 118).

О 1970-х – нач. 1980-х гг.: «А в школе... Слава... хвалится новой точилкой. Подумаешь, точилка. Ну и что, что с корабликом?... Валька... объявил: “Я знаю, где продаются точилки с корабликом. Они недорого стоят, а очень красивые» (Хмелик, 1985; 48, 50).

ТОЧИЛЬЩИК – «Рабочий, занимающийся точкой режущих инструментов» (Словарь, 1963–15)

О г. Ленинграде в конце 1930-х гг.: «Иногда в наших дворах появлялись захожие, но это были интересные и ценные люди. Например, старьевщик. Наши бабушки выносили тогда из дома всю старую ветхую одежду, и когда-то любимые наши вещи навсегда уезжали в его большой тележке. Старшие говорили, что из ветоши делают хорошую бумагу. Бывало, появлялся даже шарманщик. Ближе к осени раздавались призывы стекольщика. Но чаще других являлся самый воделенный для нас, ребят, – точильщик. Его зычные, нараспев выкрики “То-о-чить ножи-ножницы!” оглашали всю округу и предвещали его зримое возникновение. Вот он торжественно входил в наш двор со своим тяжёлым станком на плече, разворачивался и устанавливал его на лужайке перед сараями. Мы – вся сбегавшаяся детвора – становились полукругом в ожидании захватывающего зрелища, которое состояло из вращения и мелькания каменного колеса, мерного покачивания педали, протягивания лезвия по ободу набравшего скорость точила, из наката возникавшего при этом скрежущуще-мелодичного звука и фейерверка возносящихся и разлетающихся искр» (Словарь, 1963–15, 730).

«**ТОЧКА**» – разновидность *кубаря*.

О конце XIX в.: «В Астраханской губ. большим вниманием пользуется особого рода кубарь, известный под именем “точки”. Точка представляет собою цилиндр от 1 до 1,5 вершка высоты и 1 вершок в диаметре, переходящий при одном из своих оснований в конус, на вершине которого точка вертится. Предпочитаются точки из дуба, тяжёлые. Для игры в точку необходим кнутик. Игра состоит в том, что точка, при посредстве кнутика, приводится во вращательное движение, и чем продолжительнее и быстрее её движения, тем искуснее считается игрок. Чтобы привести точку во вращательное движение, обертывают средину её веревкою от кнутика слева направо, для чего на точке есть нарезки, – левой рукой держат точку, а правой натягивают веревку, держа за кнотовище, потом быстро, размахнувшись кнутом, выпускают точку. Точка приводится в движение еще и так: обернув её веревкою от кнутика, ставят её на землю острым концом и слегка наступают каблуком, затем сильно дергают кнотовище в сторону и отнимают ногу. Искусные игроки могут гонять две и три точки одновременно» (Покровский, 1895, 80).

О Саратове в конце 1880-х – нач. 1890-х гг.: «Против нашего дома жил один старик – польский ссыльный... Он был мастер на все руки и любил детей; он клеил нам змеи, вытачивал “точки” и юлы... На том же дворе жил токарь по дереву, он делал нам “точки” разной величины, которые мы вращали особыми кнутиками, этот спорт в то время очень был развит среди ребят, делал нам волчки (юлы) с дыркой...» (Золотарев, [до 1975] 1995; 51, 59).

«**ТОЧКА, запятая**» – детская игра.

О середине 1970-х гг.: «В младшем возрасте мы играли в игру “Три-пятнадцать”... А в старших классах стали играть в игру... “Вонючка”... И ещё одна игра: “Точка, запятая”. Цель: если тебе скажут: “Точка”, то ты

должен замереть, не важно где, хотя ты и у доски отвечаешь. “Запятая” – отмена команды. “Затяг” – повторять те действия непрерывно, которые ты выполнял при команде. Случались различные смешные случаи, например, когда задали решать сам пример, мне подруга сказала: “Точка”, и я просидела всё время, отведенное на решение примера, и получила строгое замечание от учителя» (479).

Ср.: «Замри – отомри».

«**ТОЧКА, точка, запятая...**» – распространённая детская вербально-графическая забава. «Вот известная забава школьников с приговором: “Точка, точка запятая, / Минус – рожица кривая, / палка, палка, огуречик / Вот и вышел человечек”. Одновременно на бумаге рисуются две точки – глаза, запятая – нос, рот – минус, рожица кривая – круг, в который закладывается всё нарисованное, несколько палочек – руки и ноги» (Капица, 2002, 233).

Судя по повести Б. Ямпольского, слегка отличающаяся от современной словесная формула существовала уже в 1917 г. Из повести можно сделать вывод, что данный текст сопровождал забаву хороводного типа: «Классная дама была вся розовая, в розовой шляпе, в розовой кофточке и розовых чулках... “Ну, хорошо, дети, беритесь все за руки, – и она хлопнула в ладошки. – Точка, точка, запятая, вышла рожица святая...” Мальчики напустились. “Ну, что же вы стоите? Будем играть в кошки-мышки. Кто будет кошка?...”» (Ямпольский, 1964; 304, 307).

О Харькове в нач. 1920-х гг.: «Лена... достала бумагу, чёрный и красно-синий карандаш, ножницы и начала мастерить. Я следила за ней. Несколькоми движениями, приговаривая: “Точка, точка, запятая, минус – рожица кривая”, вывела не “рожицы”, а хорошенькие “личики”... Я заснула, а сестра всю ночь мастерила кукол» (Шмерлинг, 1965, 151).

О перв. пол. 1940-х гг. «Чтобы Оля не плакала, я стал рисовать ей маленьких человечков. Оля фыркала, когда я, рисуя, приговаривал: “Точка, точка, запятая, минус, рожица кривая”» (Шмерлинг, 1959, 10).

В мультфильме 1948 года «Федя Зайцев» (сценарий Н. Эрдмана и М. Вольпина) мальчик на стене класса в мужской школе рисует фигурку человека, приговаривая: «Точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек»

В 1972 г. А. Митта снял фильм «Точка, точка запятая...» о дружбе подростка-восьмиклассника со сверстницей.

О с. Красная Звезда Шадринского р-на в 1996–1997 гг.: «На уроках, в классе 6–7, когда заняться было нечем, мы с соседкой по парте рисовали человечка. “Точка, точка (ставили 2 точки на одном уровне), запятая (рисовали между точками и чуть ниже запятую), минус (рисовали под запятой), рожица кривая (обводим точки, запятую и минус в круг), ручки (рисую под рожицей 2 палочки), ножки (чуть ниже рисуем еще 2 палочки), огуречик (рисую овал между ручками и ножками) – получился человечек”» (011).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Валенка опять вздыхает и... отворачивается к стене. Но он не спит, а чертит пальцем по стене “точку, точку, запятую...” и человечка» (Минчиковский, 1966, 133).

«**ТОЧКА, трубы, пылесос**» – подростковая игра с поцелуями.

О 1997–1998 гг.: «Когда я училась в классе 6–7, чаще всего мы играли в игры “на ощупывание”: например, игра в “Водяного”... Или игры с поцелуями: например, “Точка, трубы, пылесос”. Как правило, эту игру проводили на школьных вечерах, когда начиналась дискотека. Любый мальчик мог подойти к девочке и спросить её: “Точка, трубы, пылесос” (точка – поцелуй в щёчку, трубы – поцелуй в губы, пылесос – поцелуй в нос). Предполагалось, что каждая девочка знала условия этой игры и поэтому отвечала осознанно. Непременным условием игры было то, что девочка, к которой подошли, должна при любых обстоятельствах сказать одно из трёх слов, даже если подошедший к ней мальчик был ужасно противен ей» (559).

«**ТОЧКИ**», игра(ть) в точки – графическая игра.

«Село Погорелка, 1998–1999 гг. Когда я училась в 8 классе, я сидела за партой с моей лучшей подругой Юлей. И если урок был неинтересный мы играли в точки. На листе бумаги я ставила точки, каждая нумеровалась от 1 до 30. Поочередно мы проводили линии от предыдущей, т.е. от точки 1 к точке 2, от 2 к 3. Проводили так, чтобы не пересекать другие линии. Проигрывала та, которой не удалось не пересекать линии» (021).

«**ТОШКА и компания**» – «весёлый журнал о животных» для детей. Выходит с конца 1990-х гг. В журнале рассказывается о породах собак, кошек и лошадей, о том, как заботиться о животных. В журнале много иллюстраций, фотографий, загадок, логических заданий, ребусов. Есть постер с фотографией животного. Публикуются рисунки, присылаемые читателями.

О 2003 г.: «Вот, например, журнал о животных “Тошка и компания” (средний школьный возраст). Там авторы не стесняются ставить подписи. Да и авторы вполне достойные – Николай Дроздов, Андрей Усачев. Совсем другой журнал. Но есть и совсем др. журнал всё для того же среднего возраста – “Автобус», петербургский дет. ист. журнал... И так – два журнала, рассчитанные на детей одной возрастной группы. Но читатели одного журнала поражают своей инфантильностью. Для общения же с читателями “Автобуса” требуется хорошая интеллектуальная подготовка. Лично мне второй вариант более симпатичен» (Мальчуженко, 2003–1, 26).

Тираж 2006 года – 70 тыс. экз.

«**ТРАМВАЙ**» – ежемесячный детский журнал, издавался в 1990–1995 гг. Тираж в 1990 году – более 2 миллионов экземпляров. «Трамвай» наполнял детские юмористические рассказы и стихи, познавательные очерки. В журнале печатали игры, любопытные рецепты, истории о прошлом, произведения писателей начала XX века. Журнал отличался оригинальной подачей материала (включая нестандартную верстку) и веселыми иллюстрациями.

О 1997–1998 гг. в г. Шадринске: «Журнал “Трамвай” читала примерно в 12–13 лет. Тетя привезла этот журнал из Кургана, так как она его выписывала. Этот журнал мне запомнился яркими рисунками, которые мы потом срисовывали, интересными заданиями, над которыми нужно было посидеть, подумать» (103).

О девочке 13–14 лет в 1998–1999 гг. в г. Шумихе: «Мама купила в книжном магазине несколько номеров журнала “Трамвай”. Очень нравилось и интриговало оформление журнала (думаю, что применялась компьютерная техника). Это журнал для подростков, в нём были кроссворды, рассказы, конкурсы, загадки, печатались письма читателей с фотографиями. Запомнилось стихотворение про Ученого kota из Лукоморья, главный герой которого был переосмыслен и представлен разбойником, гуляющим по ночам по крышам» (107).

ТРАНЗИСТОР – «распространённое название портативных радиоприёмников на полупроводниковых приборах» (СИ, 1994, 615).

О 1960-х гг.: «...На скучных предметах всегда весело, потому что всем не до учителя... Можно сесть рядом с Юркой Шкериным и послушать транзистор, можно с Колькой Калашниковым... поиграть в перышки...» (Ионин, [1983] 1988, 104).

О девочке 12–13 лет в перв. пол. 1970-х гг.: «Она взяла в руки транзистор, но не для того, чтоб включить. Если отщёлкнуть кнопки кожаного чехла, там будет надпись аккуратным чертёжным почерком: “Лидочке в день её первой круглой даты от мамы и папы”» (Иванов, 1979, 140–141).

«**ТРЕТИЙ лишний**» – детская игра.

О старшеклассниках в конце 1930-х гг.: «Танцы не состоялась. Кто-то предложил играть в “мнения”. “...В это еще моя бабушка с юнкерами играла...” “Ну тогда в “слова””. Ин-тел-лек-туаль-но! – иронически подчеркнул Виктор. В этой игре отличился Коля Вознесенский... Так как за Колей никто не мог угнаться, то и эту игру оставили и занялись другой, которая называлась “Третий

– лишний”. Она была тоже старая, как мир, но понравилась. Девочки сидят полукругом, мальчики стоят сзади, одно место пустое. Девочка, которой мигнул стоящий, устремляется на освободившееся место. Кто ни разу не удержал даму, платит фант. Володе не понравилось название игры, но он охотно в ней участвовал, энергично мигая девочкам, а потом удерживал их. Напротив Маши сидела Нина, а за стулом Нины стоял Андрей... И ни разу он не отпустил её. Только она вскочит, а ее уже держат сильные руки. “Так”, – думала Маша. Позднее, уже у раздевалки, очутившись рядом с Андреем, она сказала, посмотрев ему в лицо: “Какое противное старье эти игры! Даже душно...” (Оржеховская, 1967, 27).

О 1941–1942 гг.: «Мы играли в чирика, в лапту..., в городки, в прятки, в догонялки, в третьего лишнего. Но то были игры мирные. А шла война...» (Калинин, 1988, 41).

О 1970-х гг.: «“Третий лишний” – род догонялок. Дети парами (один смотрит в затылок другому) становятся по кругу, двое вне круга – один убегают, другой его догоняет. Убегающий может встать впереди какой-нибудь пары, тогда роль убегающего передается тому, кто стоял сзади» (Томилова, 2006). О дне рождения, проводимом взрослыми с детьми в конце 1960-х гг.: «И опять начались игры в “испорченный телефон” и “заколдованный мячик”, в “два корабля” и “третий лишний”, в “волшебную букву” и в “фанты»» (Шмаков, 1970б, 345).

Из стихотворения 1979 года «Третий – лишний»: «На полянке – детвора: / Не раскышни! / Начинается игра / В “третий – лишний”. / Пары, пары на кругу, / А за кругом / “Волк” и “зайка” бегут / Друг за другом... / Но и “заяц” – не протак: / Не сдётся! / В центре круга, как в кустах, / Он спасётся. / Шмыг – и выстал впереди / Чьей-то пары! / Задний – лишний, уходи, / Ты – в опале! / Твоей черёд теперь бежать, / Что есть мочи, / Если сам “волчищем” стать / Ты не хочешь... / Не до шуток детвора: / Стонет! Воет! / ...Подключается к игре / Всё живое» (Фокина, 1985, 414).

О г. Ленинграде в 1986 г.: «Игра “третий лишний”. Играющих должно быть обязательно нечётное количество. Дети становились парами в круг, и один стоит за другим (за спиной). “Третий лишний” бегает по кругу мимо этих пар и вдруг неожиданно встает перед любой парой. Таким образом, появляется третий лишний, который бегает за кругом и выбирает себе пару» (600).

ТРЕХКОЛЁСНЫЙ велосипед – см. *Велосипед, Велосипед трёхколёсный*.

О г. Харькове в 1915–1916 гг.: «Больше всего у нас любили играть в цурки... С тряпичным мячом гонялись в лапту. Мальчишки мастерили из палок ружья... На всю нашу улицу был единственный трёхколёсный велосипед. Им обладал Мишка, сын лавочника. Бывало, просят его ребята: “Дай покататься!” А он за это две копейки требует. У него, как и у извозчиков, была своя такса. За две копейки можно было прокатиться от бакалейной лавки до круглой афишной тумбы на углу и обратно. Хочешь взгромоздиться на велосипед – припасай монету! Кто из копилки доставал, кто на конке экономил. Некоторые сядут и начинают что есть силы крутить ногами, да так, чтобы поднять за велосипедом облако пыли. Я каталась медленно, еле нажимая на педали» (Шмерлинг, 1965, 12–13).

ТРЕЩОТКА – игрушка, издающая треск.

О Ленинграде 1930-х гг.: «На праздничных базарах и ярмарках имелось на выбор множество забавных игрушек: глиняные свистульки, надувной пищущий чертик “уйди-уйди”, “тёщин язык”, китайские фонарики, трещотки» (Графин, 1990–5, 473).

ТРЕЩОТКА на велосипеде – самодельное приспособление к колесу велосипеда, с помощью которого при езде производится треск, дробный стук, шум.

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Чья-то молодая охотничья собака с дурачным лаем бросилась за велосипедистами. Вадик тотчас же включил трещотку, пристроенную к переднему колесу. Раздался

оглушительный треск, испуганная собака с визгом налетела на дерево, а Вадик так расхотелся, что чуть не скатился с подушечки... “Огонь!” – командует Паня. “Даю!” – отвечает Вадик. Трещотка на такой скорости не уступает настоящему пулемету. Пёс удирает в хлеба» (Ликстанов, [1953] 1964, 361–362).

«**ТРИ медведя**» – сказка Льва Николаевича Толстого из «Новой азбуки» (1875). Входит в число произв-ий, подлежащих обязат. прочтению в школе (1-й класс).

Текст (с сокращениями): «Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась... Пришла в лесу к домику... В домике этом жили три медведя... Медведей не было дома... Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки... Девочка... полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нём было неловко; потом села на маленький стульчик... Стульчик проломился... Она... пошла в другую горницу. Там стояли три кровати... Девочка легла в большую – ей было слишком просторно; легла в среднюю – было слишком высоко; легла в маленькую – кровать пришлась ей как раз впору, и она заснула. А медведи пришли домой... Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом: “Кто хлебал в моей чашке?” Настасья Петровна... зарычала не так громко: “Кто хлебал в моей чашке?” А Мишутка... запищал тонким голосом: “Кто хлебал в моей чашке и всё выхлебал?” Михайло Иванович взглянул на свой стул и зарычал...: “Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?” Настасья Петровна... зарычала...: “Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?” Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал: “Кто сидел на моем стуле и сломал его?” Медведи пришли в другую горницу. “Кто ложился в мою постель и смаял её?” – заревел Михайло Иванович... “Кто ложился в мою постель и смаял её?” – зарычала Настасья Петровна... А Мишенька... полез в свою кровать и запищал тонким голосом: “Кто ложился в мою постель?” И вдруг он увидал девочку и завизжал...: “Вот она! держи, держи!...” Девочка... высочила в окно и убежала. И медведи не догнали её».

«**ТРИ мушкетёра**» – роман (1844) А. Дюма.

О подарках 10-летнему мальчику в 1940 году: «...Родня дружно понесла мне всяческие подарки... Большой красно-синий мяч..., книжка “Три мушкетёра”..., альбом для рисования и многое другое» (Сиснев, 1973, 45).

О 1947 г.: «А “Трёх мушкетёров” дал им почитать на одни сутки четырнадцатилетний “кровопивец” Колька Пожарин, тоже с первого этажа казармы. Дал на сутки за три рубля. Деньги Юрка, Санька и Витька собрали вместе и дочитали по очереди. Весь день. Санька и Витька не дочитали до конца, а Юрка успел: ему книга ещё и на ночь по жребью вышла. У Санькиной мамы в библиотеке были сотни книг, но этой... Там вообще одни скучные взрослые книги. А уж Александр Дюма и не считал. Редкость!» (Иванов, 1985, 7).

О г. Свердловске в середине 1960-х гг.: «Под таким одеялом я во время очередной ангины в возрасте пяти лет легко научился читать... Под таким одеялом я при свете фонарика прочитал “Собаку Баскервилей” и “Трёх мушкетёров”. И трясло меня, уж конечно, не от холода, а оттого, что было до дрожи интересно...» (Застырец, 2006).

О 1950-х – середине 1970-х гг.: «Все мы – мальчишки, юноши, мужчины и старцы, чьим одним из самых любимых героев стал д’Артаньян Александра Дюма, сами остаёмся всю жизнь хоть немного, но д’Артаньянами. Мы возвращаемся к “Трёх мушкетёрам” и их продолжению много раз и не забываем этих книг никогда, потому что д’Артаньян – это символ нашего детства» (Квитко, 1976, 7).

О конце 1970-х гг.: «А письма 10–12-летних, присылаемые в Дом дет. книги, помогают проникнуть непосредственно в сферу читательских переживаний. Особенно откровенны письма девочек... Хорошая приключенч. книга для младш. подростка – это целый

нравственный мир, принимаемый им... страстно и горячо! Чтобы почувствовать это, прочитаем письмо одиннадцатилетней читательницы Оли из г. Томска о «Трёх мушкетерах» А. Дюма, в котором хорошо видно внутреннее состояние девочки: «Книга мне очень понравилась. Очень. Очень. Я не знаю, какими словами высказать свое восхищение. Я прочитала её 8 раз. И каждый раз, когда читала, находила всё что-то новое и новое. Мне даже ночью снилось... Я знаю многие отрывки прямо наизусть. Особенно тот отрывок, где Атос пришел в харчевню «Красная голубятня» к миледи после того, как у неё был кардинал де Ришелье, и она узнала в Атосе, лучшим другом д'Артаньяна, своего мужа графа де Ла Фер. Я преклоняюсь перед Атосом. Завтра нужно отдать книжку: я не хочу расставаться с ней... Знаете, я пишу и плачу. Очень сильно полюбила я эту книгу... Не относитесь к моей просьбе так себе. Вышлите, пожалуйста, книжку «Три мушкетера»!.. Я пишу, а книжка лежит передо мной на столе. Когда закончу письмо (сейчас у нас вечер, 19 ч.), я снова буду читать любимые отрывки, а завтра придется расстаться. Но я хочу читать еще и еще!» (Сандалова, 1982, 7–8).

В 1978 году на телеэкраны вышел музыкальный фильм «Д'Артаньян и три мушкетера».

О перв. пол. 1990-х гг.: «Моя любимая книга была «Три мушкетера». Мне нравилось, как рыцари сражались, защищая честь и достоинство. Я в первый раз прочитал книгу до конца. Она была очень интересной. В ней было много приключений» (170).

«ТРИ поросят» – сказка.

О перв. пол. 1980-х гг. [из студенческого соч. 1997 г.]: «Моё сильное впечатление раннего детства связано со сказкой «Три поросят»... Но как ни странно, мне очень нравились красивые домики поросят из соломы и прутиков. А «умный» поросенок мне совсем не нравился, хоть его дом был очень прочный, и меня огорчало, что именно он остался целым. И никакого страха у меня не вызывал волк. Наоборот, он вызывал мою симпатию, несмотря на то, что был глупый...» (Тихомирова, 1998, 43).

О девочке в с. Ожогово Шатровского р-на в 1990 г.: «Три поросят» я прочитала лет в 7. У бабушки на тумбочке зеркала лежала книга «Три поросят». Помоему, я сама её принесла, а потом забыла! Но через некоторое время вновь наткнулась на эту книгу, прогуливаясь по комнате дома бабушки. «Три поросят» я прочитала в один заход – было очень интересно. А ещё мне было их жалко, точнее, я боялась, что волк их съест. Точно так же я боялась волка и в сказке «Семеро козлят» и еще ненавидела сказку «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Всегда думала: «Ну не пей ты из копытца воду, не пей!»» (154).

О с. Верх-Теча Катайского р-на в 1991–1993 гг.: «Мне было 6–8 лет. Хотя мне читали сказку «Три поросят» дома и в садике, мне больше нравилось смотреть по телевизору, там были смешные поросята» (097).

«ТРИ пупсика гуляли...» – см.: «Два пупсика гуляли...»

«ТРИ-ПЯТНАДЦАТЬ...» – начальные слова названия игры с прыжками.

О нач. 1970-х гг.: «В младшем возрасте мы играли в игру «Три-пятнадцать». Встаем в круг, одну ногу выставляем вперед, чтобы они касались у всех ребят. Ведущий говорит: «Три-пятнадцать!». Мы хором: «Десять-двадцать», и отпрыгиваем. И задача ребят одним прыжком настигнуть играющего и наступить ему на ногу» (479).

О 1988–1992 гг.: «Игры, в которые мы играли в пионерских лагерях. «Три-пятнадцать, девять-двадцать». Играют от 3 до 8 человек. Все встают в круг. Каждый выставляет одну ногу в центр. Со словами: «Три-пятнадцать, девять-двадцать» все отпрыгивают назад как можно дальше, и галдящий начинает прыгать на рядом стоящего, чтобы наступить друг другу на ноги. Кому наступили, тот выходит из игры. И так по кругу» (593).

«ТРИ сыщика» – серия книг о юных сыщиках.

О Шадринске в 1997 г.: «Когда я училась в 3–5 классах, я прочитала несколько детективов из серии «Три сыщика». Серия с небольшими детективными историями.

Главные герои – 3 мальчика – юных сыщика, которые расследуют смешные, страшные, интересные дела» (132).

«ТРИ толстяка» – повесть-сказка (1929) Юрия Карловича Олеси (1899–1960).

«Действие сказки происходит в какой-то условной стране... Увлечательность, драматичность сюжета, чёткость образов – всё это определило большую жизнь произведения. «Три толстяка» стали одной из любимых книг советских ребят» (ЛД, 1958, 294).

О Далматово в 1987–1988 гг.: «Книгу «Три толстяка» мне читала мама, когда мне было 3–4 года. Эту книгу мне читали перед сном» (066).

«ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ПОПУГАЕВ» – правильно: «38 попугаев», рассказ Г. Остера про слоненка, мартышку, удава и попугая. По рассказу снят одноимённый мультфильм.

Г. Остер о 1970-х гг.: «В мои времена рекламными акциями становились мультфильмы. ...Мои «38 попугаев»... все знали, а Юрий Коваль, лучший дет. писатель моего времени, был не очень известен. Любой ребенок на улице знал моих персонажей, а его замечательного «Недopesка» или «Васю Куролесова» никто особенно не знал... ...У меня такая история произошла с текстами про слоненка, мартышку, удава и попугая. Издатели получили у «Союзмультфильма» права на звуковые дорожки, скопировали из них текст, да ещё плохо, и издали. И хотя я... запретил им это делать, пластинка с рынка не уходит. Пойди теперь найди этих пиратов. Она везде продается, а там и «38 попугаев», и «Котенок Гав»...» (Остер, 2006; 268, 269).

О девочке в г. Шумихе в 1997 г.: «Когда мне было 12 лет, мама купила книгу Г. Остера. Мне нравилось читать сказки («38 попугаев», «Петька-микроб», «Котенок по имени Гав», «Обезьянки младшего возраста») и вспоминать мультфильмы. К тому же иллюстрации были выполнены в виде эпизодов из мультиков» (107).

ТРИКО – 1. Одежда из трикотажа, плотно облегающая тело, используемая как спортивный костюм, для занятий физкультурой в школе.

О Шадринске в нач. 1960-х гг.: «На уроки физкультуры в начальных классах я ходила в шароварах... Они шились из сатина черного цвета. Все девочки в нашем классе ходили в таких брюках-шароварах... Когда я пошла учиться в пятый класс, мне купили брики-трико. Они появились в продаже в магазинах. Они были трикотажные чёрного цвета. В брюках-трико было удобней заниматься физкультурой» (Завьялова, 2005, 10).

О 1980-х гг.: «Постоянно срывали уроки по физкультуре, т. к. от нас требовали ходить на неё в спортивных трусах. Девочкам было стыдно появляться в таком виде, и мы приходили в трико. Нас выгоняли с урока и отводили на разговор с директором. Но мы всё-таки своего добились и стали ходить в трико» (494).

ТРИКО – 2. У девочек: нижнее бельё из трикотажа, плотно облегающее тело; девичьи трусы-пantalоны из машинной вязаной ткани.

О 1943–1946 гг.: «Светлана перевернула записку... Взрослые женщины прячут такие важные документы у себя на груди. Но куда может спрятать девочка? Светлана свернула записку трубочкой, как шаргалку, и под прикрытием столика незаметно засунула её туда, куда перед каждым трудным экзаменом пристраивала шаргалки Нюра Попова: за резинку трико, у колена» (Артюхова, 1961, 127–128).

О старшекласснице в 1960-е годы: «С неё бесцеремонно содрали бельё и занесли в разграфлённую бумажку: «комбин[ация] нейл[оновая.] трико шелк[овое]» выставили напоказ с бесстыдством, пригодным разве что для мёртвых» (Демкина, 1972, 87).

ТРОЕЧНИК – «Разг. Учащийся, постоянно получающий тройки по успеваемости» (Словарь, 1963–15, 991); ученик, у которого среди четвертных или годовых оценок имеется хотя бы одна «тройка».

О середине 1940-х гг.: «Ребята отшучиваются. Для них самая лучшая отметка – тройка. «Отличник – плохой ученик, – с серьёзным видом рассуждают они. – Высокочка! Четвёрочник тоже не вполне морально чист: может учиться на пять, но ленится. А вот троечник... Троечник

– самый что ни есть сознательный человек! Он может получить двойку, но он тянется. И, чтоб не подводить класс, получает тройку» (Демиденко, 1962, 93).

О конце 1940-х гг.: «На другой день у нас было общее собрание класса. Ольга Николаевна сделала сообщение об успеваемости... Тут не только двоечникам досталось, но даже и троечникам, потому что тот, кто учится на тройку, легко может скатиться к двойке» (Носов, [1951], 1979–1, 453).

О вт. пол. 1960-х гг.: «“Он хуже всех в классе танцует, – сказала она. – А учится хуже всех. Круглый троечник, и двойки бывают. Ты смотри, осторожно с ним!”» (Вольф, 1971, 31).

ТРОЙКА – «Отметка об успеваемости учащегося в пятибалльной системе, означающая удовлетворительно» (Словарь, 1963–15, 994).

О 1941–1943 гг.: «Я Володиной отметки / Узнаю без дневника. Если брат приходит с тройкой – / Раздается три звонка» (Барто, [1944] 1969–1, 247).

О конце 1940-х гг. – начале 1950-х гг.: «Что делать с Алексеем?... Уроки учит редко / И говорит, что тройка – / Прекрасная отметка» (Барто, [1955] 1969–1, 248).

О нач. 1960-х гг.: «А Зоя кто? Красавица!... / Пускай в тетрадке / Троечки, / Зато глаза / У Зюльки!...» (Барто, [1964], 1969–2, 362).

«**ТРОПИНКА**» – иллюстрированный журнал для детей среднего возраста, выходил с 1906 года (конца 1905 года) по 1913 год в Санкт-Петербурге два раза в месяц.

О вт. пол. 1900-х гг.: «С 1906 г. начал выходить журн. “Тропинка”, под редакцией П.С. Соловьевой (Allegro) и Н. Манассеиной; он является представителем нов. эстетически-худ. напр. в дет. лит-ре, непосредств. отзвуком такого же течения в общей лит-ре и в искусстве. В журнале выступал целый ряд нов. талантливых писателей и писательниц; он иллюстрируется оригинальными худ. рисунками... Преобладают переводы из Р. Киплинга и Сетона-Томпсона. Журнал “Тропинка” имеет, по видимому, большой успех...» (Чехов Н., 1909, 75–76).

«Больше всего [в “Тропинке”] отводится места рассказам, сказкам, стихам. Из немногочисл. образоват. материалов печатались искусно написанные ист. очерки..., статьи о животных, о воздухоплавании... Отдел “Вести отовсюду” заполнялся статейками, почерпнутыми из русской и иностранной периодики. “Почта “Тропинки”» организует переписку подписчиков. В конце каждого номера – ребусы, загадки... Авторы журнала широко обращались к фольклору, по-своему обрабатывая сказки, легенды, выдвигая на первый план древние верования, мистически окрашивая героев, их приключения. А в сказках С. Кондурушкина, А. Ремизова фантастика переплетается с элементами жестокости, мистики... Худ. оформление журнала было на большой высоте, здесь помещались рисунки И. Билибина, М. Нестерова...» (РЖДД, 1982, 46–47).

В “Тропинке” печатали произведения Александр Блок, Фёдор Сологуб, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Корней Чуковский, Саша Черный, А. Ремизов, Зинаида Гиппиус и др.

«Вообще поэтический отдел “Тропинки” отличался довольно высокой стихотворной культурой... Но в общем... журнал характеризовала почти полная отчуждённость от реальной жизни. Это был всё тот же интимно-замкнутый мирок искусственно согретой детской комнаты... Келейное направление журнала делало его безжизненным, анемичным» (Галанов, 1965, 57).

«Поэтизация религиозного чувства, воспитание “возвышенного” строя души, отгороженного от “грубой” жизни высокой стеной, создание специфического детского мира, уход в прошлое, внедрение в детское сознание деформированного, подсакхаренного фольклора – таково было идейное содержание “Тропинки”» (Привалова, 1955, 9)

«Мир детских представлений ограничивался природой, сказочной фантастикой, забавами и развлечениями ребёнка из обеспеченной дворянско-буржуазной семьи... В “Тропинке” систематически печатались обработки древних заговоров, средневековых духовных стихов и

христианских легенд о святых, о чудесах и т. д.» (РДЛ, 1972, 293).

«В 1909 году Толстой напечатал несколько своих маленьких рассказов и сказок в журнале для детей “Тропинка”. В этом же самом журнале на протяжении почти всего года (начиная со второго номера и кончая двадцатым) печаталась “Алиса” Л. Кэрролла в переводе Allegro (П. Соловьевой...). В № 15 “Тропинки” на соседних страницах напечатаны сказка Толстого “Сорока” и глава “Пляски омаров” из “Алисы”, а в № 9 рассказ Толстого “Полкан” соседствует с тем эпизодом из сказки Льюиса Кэрролла, где Алиса беседует с Чеширским котом. Журнал сопровождает англ. сказку иллюстрациями Дж. Тенниела... В дет. журналистике 1900-х годов “Тропинка” была едва ли не единственным изданием, где могла появиться столь эксцентричная и “неприкладная” вещь, как “Алиса”...» (Петровский, 1986, 195).

Журнал «Тропинка» прекратил свое существование в 1913 году из-за финансовых трудностей.

ТРУБКА для стрельбы горохом или жёванной бумагой – длинный пустотелый предмет круглого сечения. См.: *Стрелять из трубки*.

«**ТРУД**» – школьный предмет. Существовал с 1927 по 1937 гг. и с 1955 года по 1990-е гг. В 1990-е – 2000-е гг. в некоторых школах стал называться «Технология».

Труд был введен в школу как особый предмет обучения в 1927 году. «Учащиеся знакомились с осн. пр-вами, с разл. материалами и инструментами. Ставилась задача выработать у них умения и навыки, общие для разл. труд. процессов. В школе I ступени детей обучали первонач. умениям работать с деревом, бумагой, картоном, тканью, металлом, глиной, для этого должны были создаваться специально оборудованные рабочие комнаты. Учащиеся старших групп школ-семилеток (V–VII) работали в шк. мастерских, обучаясь уже более сложным приемам обработки дерева и металла, изготавливая из них простейшие предметы... В начале 1930-х гг. наметилась тенденция к пересмотру роли труд. и политех. обучения в системе общего образования. Труд все больше стал играть иллюстративную роль, и в 1937 г. он был как учебный предмет отменен» (ИПО, 2001, 464–465).

В 1955–1956 учеб. г. в учеб. план школ был включен труд как самост. предмет. «Потребовались доп. помещения под мастерские и оборудование для них. В целях создания мат.-тех. базы труд. обучения и восп. мин-вам и ведомствам было разрешено безвозмездно передавать школам не используемое в пр-ве, но годное для обучения станочное оборудование. Определены были также гос. планы пром. изготовления оборудования для шк. мастерских» (Очерки, 1988, 74). [...]

ТРУДОВАЯ коммуна детская – см. *Детская трудовая коммуна*.

ТРУДОВОЙ десант – выполнение ударной работы, сложного задания отрядом (группой) детей 10–14 лет. Явление 1960-х – 1980-х гг.

О детях четвертого-шестого классов в середине 1960-х гг.: «Разные бывают десанты: парашютные, танковые, морские. Это в армии. А у пионеров Петрозаводска свои. Форма тоже своя – матроска, а на рукаве эмблема нашита и две буквы: “Т” и “Д”. Трудовой десант, значит. Как настоящий. Высаживается на берег с лодок и “овладевает рубежами”. Только рубежи и оружие десантников совсем не военные. Лопатами, граблями, топорами да пилами помогают ребята колхозникам и детским домам по хозяйству... Сегодня десантники высадились в поселке Деревянное у детского дома. Туда привезли несколько машин дров. Их надо распилить и уложить в штабеля...» (Остапенко, 1966, 164).

Об учениках четвертого класса в 1980-е годы: «В большом голубом конверте лежал листок, на котором было написано крупными буквами: “Трудовой десант “Голубой лёд”! Сбор у школы в три. Кто не успеет сделать уроки – не приходите! Кто не успеет пообедать – не приходите! Кто не любит работать – не приходите!” И подпись: “Вожатая Лена”. Пришли, конечно, все... Они послушались её, перестали шуметь: хотелось услышать, что ещё она скажет. “Начинается трудовой десант. Быстро разбирайте лопаты и метлы. Задача – расчистить

от снега вот эту площадку. Здесь будет каток. Времени у нас всего шестьдесят минут – один час”. “Мало!” – попробовал дурачиться Сокол, он так привык. Но никто не засмеялся. Кинулись к лопатам. Интересно расчищать площадки от снега или нет? Хочется им работать или не хочется? Они не успели об этом подумать. На то и десант – внезапность, быстрота, не до болтовни. Лена стала быстро кидать снег, и все взялись за работу... Какой замечательный у них сегодня трудовой десант “Голубой лёд”! Правда, лёд под снегом не голубой, а тёмно-серый. Ну да не всё ли равно?» (Хмелик, 1988, 33–37).

О середине 1980-х гг.: Пройдут трудовые десанты [пионеров], после которых заработанные средства перечисляются в Фонд мира (Семья и школа. 1986, № 6 – С. 4; цит. по: Мокиенко, 1998, 160).

О конце 1980-х гг. («вожатские мемуары»): «Трудовой десант. Это одно из многочисл. обязат. мероприятий в лагере. Отряд выходит за пределы лагеря с целью сделать какое-нибудь доброе дело для людей. Недолго думая, я решила пойти с ребятами в близлежащую деревню и помочь в огороде или по дому одиноким старичкам и старушкам. Объявив об этом на утренней отрядной линейке, вижу, что лица стали “кислыми”» (Сотникова, 1992, 33).

О 1980-хх гг.: «В пионерском лагере дети... участвуют в “трудовых десантах” на территориях близлежащих колхозов и совхозов» (СВ, 1990, 182–183).

ТРУДОВОЙ дом – см. *Трудовые колонии*.

ТРУДОВЫЕ колонии – учреждение для несовершеннолетних.

О 1920–1921 гг.: «По предложению Ф.Э. Дзержинского деткомиссия приняла решение об увеличении количества дет. труд. колоний для беспризорников и расширении производств. мастерских и с.-х. предприятий при детских учреждениях» (Очерки, 1980, 51).

«Трудовые колонии – исправит.-трудовые учреждения, предназначенные... для содержания, исправления и перевоспитания несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, осужденных судом за совершённые преступления к лишению свободы... Созданы в 1935 году на основании постановления ЦИК и СНК СССР... взамен ранее существовавших трудовых домов и школ ФЗУ особого типа, раздельно для юношей и девушек» (ПЭ, 1968–4, 319).

«**ТРУДЫ**» – разговорное название школьных предметов «Труд» и «Технология».

ТРУСИКИ – см.: *Трусы, трусики*.

ТРУСЫ, трусики – «короткие (купальные, спортивные или носимые как бельё штаны» (Ожегов, 1988, 664)

Трусы уличные, спортивные у детей.

В стихотворении З. Александровой «Ветер на речке» (1932) читаем: «Возле речки – детский сад... / Мы купаться побежим, / Гольшами ляжем, / Ветер, ты посторожи / Трусики на пляже! / Ветер дунул, обманул – и летят, как чайки / Голубые трусики, беленькие майки». «Мальши играют на припёке, / целый день проводят на реке; / ветер малышам щекочет щёки / и шумит в зелёном тростнике. / Поснимали трусики и платья, / через реку, брызгаясь, бегут... / В нашей речке хорошо купаться, / забывки рвать не берегу» (Забела, 1970, 10–11).

О летнем школьном лагере конца 1940-х годов: «Костя увидел Светлану и мальчиков на платформе. Ребята все казались длинноногими, потому что были в коротких трусиках» (Артюхова, [1955] 1961, 237).

О конце 1950-х гг.: «Мы в семь в панамках и трусах / Выходим на зарядку» (Тараховская, 1963, 102).

О 1970-х гг.: «Панамка потерял спортивные трусы. Ну как теперь на физкультуру пойдёшь?..» (Алмазов, 1979, 13).

Трусы (трусики) спортивные (уличные) у девочек.

О девочке тринадцати лет в 1939–1940 гг.: «Уже поднималось солнце... Тимур заглянул в распахнутое, выходящее в сад окно. У стола возле кровати в трусах и майке сидела Женя и... что-то писала. Увидав Тимура, она не испугалась... сунула недоконченное письмо в ящик и на цыпочках вышла из комнаты» (Гайдар, [1940] 1980–2, 363).

О 1950-х гг.: «А Настя не боится / Ни града, ни росы, / И на весёлой Насте / Лишь майка да трусы, / Да голубая лента / Связала две косы, / Отчасти для удобства, / Отчасти для красоты! / Мы с Настенькой не тужим – / Нам нравятся тайком / Под дождеком / По лужам / Пошлёпать босиком!» (Лифшиц, 1960, 10).

О конце 1950-х гг.: «На шум прибежала девочка с очень серьёзным лицом, в трусиках, майке и в новой шикарной шляпе с бантами» (Аленник, 1960, 39).

О 12-летней девочке в конце 1950-х гг.: «На тропинке перед ним появилась худенькая девочка в трусах и майке. Если бы не две косицы, ее можно было принять за мальчишку. Зацепив пальцами тесёмки белых теннисных тапочек, она вертела ими в воздухе... Из карманчика на трусах Юкка достала носовой платок... Они... по узкой тропинке взобрались на вершину гранитного массива. “Подожди минутку”, – сказала Юкка. Неподалеку от тропинки возле пня лежала куча хвороста. Юкка сдвинула её, достала сложенное платье. “Я всегда здесь оставляю, – натягивая платье через голову, сказала она. – В лесу оно зачем? А в селе нельзя. Тетки деревенские воруют, что я бесстыжая, и мама сердится”» (Дубов, 1963; 45, 53).

О 1980-х гг.: «Постоянно срывали уроки по физкультуре, т.к. от нас требовали ходить на неё в спортивных трусах. Девочкам было стыдно появляться в таком виде, и мы приходили в трико. Нас выгоняли с урока и отводили на разговор с директором» (494).

Трусы (трусики) спортивные (уличные) у мальчиков.

О середине 1930-х гг.: «[Толстая тётка] взмахнула ведром и окатила Серёжу холодной водой. На спине и на трусиках осела картофельная шелуха. Мальчики... выскочили за ворота. Серёжа стиснул зубы... Лёвка молча выжимал на нём трусики, отряхивая с них приставшую шелуху... На рынке беспорядочно толкался народ. Серёжа и Лёвка, поддегивая трусики, озабоченно заглядывали под каждый платок» (Осеева, [1969] 1984–2; 354, 365).

О второй половине 1930-х гг.: «Витёк вышел из дому в трусах, майке, в расшитой золотыми нитками тубетейке...» (Мошковский, [1963] 1987–1, 363).

О первокласснике (пришедшем в больницу ставить прививку и ожидающем приема) в конце 1930-х гг.: «Петя посмотрел на свои колени. М-да... Мама покраснела бы и за его рубашку, и за его трусики. Но за колени – больше всего...» (Могилевская, [1941] 1958, 12).

О начале 1950-х гг.: «[Витасик] принёс им защипки для белья. Но как принёс! По дороге он все защипки нацепил на себя: на трусы, на панамку, на тапочки, даже на пальцы и на волосы!» (Гернет, [1953] 1960, 102).

Трусы как элемент пионерской формы у мальчиков.

О 1922 году на Дальнем Востоке: «Они шли мимо нас четкими широкими рядами, все, как один, в красных галстуках, в сиреневых безрукавках и черных трусах... Алое шелковое знамя с золотыми кистями и пятиконечной звездой на древке развевалось над головой колонны. Справа и слева от знамени – по пионеру, а впереди – два барабанщика... В красных галстуках, сиреневых блузках и черных юбках шли за колонной мальчиков пионерки. Короткая команда – и песня оборвалась, ряды перестроились в треугольники и квадраты. Пионеры остановились и стали делать разные гимнастические упражнения... И лишь тогда [я] надел новенькие, ещё пахнущие утюгом, сиреневую безрукавку и черные сатиновые трусы. Не было только галстука. В школу мы отправились, как на большой праздник: я в безрукавке и трусах, а Саша и Волик в своих обычных штанах и рубашках. Им должны были выдать форму бесплатно» (Чаусов, 1963; 221, 228).

О Москве в 1925 г.: «Встретил нас шустрый паренёк наших лет. Он был в синих трусах и в белой рубашке. На ногах у него были коричневые чулки в резинку до колен и новые тупоносые ботинки. На шее пионерский галстук» (Шманкевич, 1962, 27).

О летнем загородном лагере в перв. пол. 1930-х гг.: «Девчата уже вымылись и разбежались по палатам, а

мальчики... нетерпеливо толпились у дверей ванной комнаты... И новенькие ребята... выскакивали из воды и, кое-как вытершись, натягивали трусы. Выбегали они из ванной стайками. Чистые, в синих трусах, в серых рубашках с резинкой, и еще не успев подвязать красные галстуки... Возле кровати стояла белая табуретка. На ней лежали: синие трусики, голубая безрукавка... После ужина ребята получили новые трусы, безрукавки и галстуки... "...Это оттого, что у меня шнурок оборвался и штаны вниз сползли", – обидчиво возразил Карасиков... Наступил вечер праздника... "...Как у тебя шнурок, Карасиков? Опять трусы сползть будут?"» (Гайдар, [1934–1935], 1980–2, 18–19, 33, 66).

Трусы для занятия физкультурой в школе.

О середине 1950-х гг.: «...В седьмом, точно, в седьмом классе началось... Нас на уроки физкультуры везли... в сад Прямыкова... Мы приходим один раз, а там шестьдесят пятая [школа], в волейбол играют, через сетку. Все уже в майках, в трусах... Мы ещё девчонки совсем, по четырнадцать лет... Физкультурник Дима в свисток свистит, надо выходить, – мы тоже в майках, ноги голые, бледные после зимы, тощие, а трусов спортивных тогда не было, и мы мужские трусы колбасками подвергивали, шароварчиками такими» (Рошин, 2002, 77–78).

О 1960-х гг.: «Физкультура и спорт. Таня делает упражнение на бревне. Расскажите, чем занимаются ребята. Какая у них одежда? Майка. Трусы. Кеды... Чем вы занимаетесь на уроках физкультуры?» (Баранников, 1965, 121).

В 1960-х – 1970-х гг. в некот. школах трусы «объявлялись» обязательной формой для занятий физкультурой.

О нач. 1970-х гг.: «"Ну нету, нигде нету... – прорыдал в дверях красный Толстик, пятиклассник. Я была когда-то у них вожатой... Круглый и розовый, он напоминал огромного пупса, и его все щипали и тормошили, как игрушку. "Что стряслось?" – спросила я на правах бывшей вожатой. "Трусы-ы..." – ревел он на одной ноте, как шмель. "Я поставила ему двойку, и ничего другого он не получит, пока не явится на занятия в новых трусах, – удовлетворила мое любопытство Майя Матвеевна. – Из старых его окорока выпирают, как тесто, просто неприлично..." Толстик всхлипывал: "Мама две недели ищет по магазину..." [...]

Трусы (трусики) как предмет нижнего белья.

Из статьи «Нижнее бельё в советской культуре...»: «...Неверно будет сказать, что повседневные разговоры о белье исчезают совсем... Тема белья как предмета гигиены никогда не уходит из разговоров между... мамой и дочкой или теткой и племянницей. В детстве речь идёт о том, что нужно "менять трусики" или "не показывать их мальчикам / девочкам"» (Гурова, 2004, 109).

См. также: *Без трусов заставлять находится.*

Трусы (трусики) у девочек как предмет нижнего белья.

О вт. пол. 1920-х гг.: «Мария Васильевна знала Асю ещё с тех времен, когда та бегала по двору в трусиках и привязывала к пяткам чвячек ниточные катушки, изображая соседку – модную даму на сверхвысоких каблуках» (Шошмин, 1961, 9).

О девочках 4–7 лет в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «"А мне пора вставать, – сказала я и спустила ноги с постели. – Ну-ка, кто скорей оденется?" Ах, какая это трудная задача – одеваться! Легко надеть трусики. Даже платье, если голову просунуть в воротник и руки вставить в рукава, надевается довольно быстро. Но вот – застёжки! Каждая пуговица должна влезть в свою петельку; перепугаешь – просто смех что получается... Утром девочки, босиком, в одних трусах, целый час делают гимнастику с Алексеем в большой комнате, возятся, пытаят на всю квартиру, прыгают и хохочут» (Смирнова, 1963; 13, 109).

О конце 1930-х гг.: «А пока [девочки]... купались, пришёл вор и украл всю их одежду. И платьица украл, и штанишки украл... Вот девочки выскочили из воды и бегут одеваться. Прибегают и видят – ничего нет: ни платьиц, ни штанишек... У них даже трусов не осталось... Милицонер говорит: "...Получайте... ваши

вещи. Я вора поймал". Развязал милиционер узелок, а там... все их вещи:... и сандалики, и чулочки, и трусики» (Пантелеев, [1940] 1970, 477–483).

О старшекласснице в 1939–1941 гг.: «[Зина]... стала срывать с себя одежду...: халатик, рубашку, лифчик, трусики... Она лишь взялась за них, оттянула резинку и тут же отпустила – резинка туго шелкнула по смуглому животу, и Зиночка опомнилась...» (Васильев, [1984]).

О 1940–1941 гг.: «У закрытой двери во вторую комнату стояла Катя – босая, в одних трусах и майке, с большой мокрой тряпкой в одной руке и ведром воды в другой» (Верейская, 1958, 49).

О 1942–1944 гг.: «"Ну, купайся, что же ты?" – сказала Рита. "...Тут мелко..." "Отвернись", – попросила Рита... Маргаритка... доплыла до другого берега и, обхватив себя руками за плечи, шлёпнулась в тёплый песок. Её мокрая коса блестела на солнце. Длинноногая, стройная, в коротеньких чёрных трусах, лежала на Маргаритка на песке и смеялась...» (Козлов, 1980, 215).

О 1943–1944 гг.: «Теперь у Лидки три платья: одно старое и два новых. А майку и трусы мамка не даёт носить, – хранит к школе... "Ну вот, – вздохнула Лидка, – скоро можно будет подкапывать картошку – вот заживём! Ты уж, Фиша, потерпи немного, ладно?" "Ладно, – кивнула Фишка, – подожду... Уж постараюсь не помереть". Опьянев от ды, молча вытянулись на траве. Лидка легла голая, головой на платье, Фишка тоже сняла платье и осталась в трусиках. Вовка как разведчик, в штанах с дырками на зад, вдруг какая тревога. Разведчику не положено раздеваться» (Прокопьева, [1975] 1982; 225, 230–231).

О начале 1950-х гг.: «Мама... вдруг увидела на стуле Санينو платье, беленькую панамку и сандалии на полу. Мама ахнула. Значит, девочка ушла из дому голодная, босая, в одних трусиках, с непокрытой головой в самый солнцепёк!» (Гернет, [1953] 1960, 66).

О двух мальчишках и девочке 12–13 лет в 1950-х гг.: «[Володя] не пролезал... в эту проклятую форточку... И тогда Женька похлопала Володю по спине. Он вылез из форточки... и... отступил от окна. Теперь завинчиваться стала Женька... Она туда влезла, как бы проскользнула... На мгновение мелькнула трусиками, чулками... Незнакомое волнение охватило Булку, он густо покраснел. Он прямо чувствовал, что именно густо!» (Иванов, 1979, 151–152).

О деревне в конце 1950-х гг.: «"Ну правда же! – засмеялась Феня. – Такой дождиче польёт – до нитки промокнешь... раздевайся скорее!" – и сама быстро скинула платье. Разделся и Миша. А Серёжа остался в чём был... А Феня с Мишей прыгали в трусиках под холодными струями, фыркали, визжали» (Мусатов, 1960, 20).

О девочке 3,5–4 лет в 1959 г.: «Охотно стирает мелкие вещи – трусики, носовые платочки, купальник, майку-безрукавку. Получается довольно чисто, но отжимать все еще не умеет» (Низова, 1961, 172).

О начале 1960-х гг.: «А мама крахмалила Таискину юбочку. Утром эта юбочка, распушив все свои оборки, стояла на табуретке и ожидала Таиску. А Таиска бегала по дому в трусиках, грела уют, разглаживала свои самые красивые капроновые ленты» (Цюрупа, 1964, 195).

О начале 1960-х гг.: «Прямо на Алёшу бежала по берегу девчонка. Голубой сарафан цеплялся за кусты. Рыжие косички расплелись, и красные ленты вились по ветру за её спиной... Девчонка добежала до валуна... Не замечая Алёши, она быстрыми движениями загорелых рук сбросила сарафан и взялась за трусики... Юлька быстрым движением сдёрнула с себя сарафан и прыгнула в воду. "Куда ты?! – сердито крикнул Ким. – Сарафан возьми. Что же ты, так и пойдешь в разведку в одних трусах?"» (Браун, 1967, 42).

О середине 1960-х гг.: «Мама с отцом крепко спали, [7-летняя] Оля беспокойно шевелилась. Еще мгновение – и Одик вскрикнул: огромное стекло их комнаты с оглушительным звоном рассыпалось... Мама с отцом вскочили с тахты. Оля спросонья заревела... Отец торопливо застегивал пижаму, мама накинула легкий халат, а Оля, как спала, в трусиках, стояла в кровати на коленях, сон-

ная, заплаканная, и смотрела на Одика» (Мошковский, [1967] 1972, 98).

О середине 1960-х гг.: «Сегодня у тебя день большой стирки. Тебе придётся выстирать: носовые платочки...; трусики и комбинацию из шёлкового трикотажа... Шёлковый трикотаж никогда не кипятят. Если же твои трусики и комбинация очень грязные, положи их на один-два часа в тепловатую воду... Свою шелковую трикотажную комбинацию и трусики... надо гладить с изнанки и тёплым, а не горячим утюгом» (Могилевская, [1967] 1974; 229, 231, 238).

О 1960-х гг.: «Лариса вымокла вся, ватник сбросила, в одних трусиках и маечке кружится, и роза у неё в косичке прыгает» (Дубровина, Янишевская, 1970, 108).

О девочке 8–10 лет в середине 1960-х гг.: «Ладно, – сказал я. – Дуй отсюда. Сама зарядку не делаешь и мне мешаешь». Трусики у неё были все в ярких цветах. Умора» (Вольф, 1971, 45).

О деревенской девочке в нач. 1970-х гг.: «...Людка!» На высоком крыльце... появилась девчонка, большенькая уж, в коротком застиранном сарафанчике, мало чем отличная от мальчишек. «Людка, вставай в ворота [играть в футбол]!»... Девчонка... спустилась с крыльца... встала в ворота. Сарафанчик она заправила под трусы, сжала упрямо рот, приняла боевую готовность» (Голубков, [1976] 1984, 49).

О 14-летней девочке в перв. пол. 1970-х гг.: «Ленка возвращается в чулан, натягивает поверх трусишек и майку короткое, выгоревшее до белизны платишко» (Голубков, [1978] 1984, 68).

О 1970-х – 1980-х гг.: «Летом ещё можно было перекантоваться в трусах – язык не поворачивается назвать трусиками эту конструкцию с оставяющимися палаческий след на ногах и животе резинками, стирающуюся выше пупка и ниже линии бедра, с крупной ластовицей и мощными проступающими сквозь любой плотности юбку швами, похожими на шрам» (Денисова, 2002).

О 1980-х гг.: «Юлька задирает лихо подол нарядного садикового платья, надувает живот, водит по нему пальцем и, не удержавшись от позыва озорства, попутно оттягивает и щёлкает по пузене резинкой трусов...» (Володин, 1991, 73).

О пятикласснице в 1980-е годы: «...Таня Смелая быстро ступила на лестницу... Витя тоже кинулся на лестницу... “Она вас двоих не выдержит! – закричала Рыжикова. – Видишь, как дрожит!”... Витя спрыгнул на землю. Лестница... действительно дрожала. “Немедленно вниз! – он закричал. – Я тебе приказываю!” Таня его почти не слышала. Ей надо было свой страх заглушить да ещё не смотреть вниз, как все советуют. И она, может быть, и на счастье своё, представила... подумала... вспомнила, что лазить по лестницам в коротких платьях девочкам совсем не рекомендуется и что сейчас трусы её в разноцветную чебурашку сверкают, как воздушный шар! И Тане до того стыдно делалось...» (Иванов, 1990, 164–165).

О 1990-х гг.: «Задирание подола у девочек началось в школе, сначала в игровой форме “Московский зонтик”, без насилия и мальчиков. Когда задирали юбки мальчишки, они даже не смотрели, каким цветом были трусики – может, это было заигрывание, так как после этого девочки обязательно бегали за мальчиками. Это было чаще в начальных классах. Всем девочки старались остерегаться этого – зажимая подол между коленками. А вот став постарше, мальчишки называли уже цвет трусиков со словами: “А у Юльки сегодня белые трусы! Ха-ха!” “Ну и что, – говорила Юлька, – не ворованные ведь”. Со временем эта игра стала неинтересной, потому как девочки реагировали на мальчиков как на дураков, не обращали особого внимания» (592).

Трусы (трусики) у мальчиков как предмет нижнего белья.

О Москве 1939–1940 гг.: «Саша вывез из Латвии много особенного: полосатые трусики с костяной пряжкой для Ленки, яркие платья и кофточки для своей Души..., точилку для карандашей в виде хорошенького автомобильчика...» (Сергеев, 1995–1, 13).

О 1940-х гг.: «...Ходили купаться. ... Я еле держался на воде. Пузырь воздуха в больших мокрых черных сатиновых трусах поддерживает» (Сергеев, 1995–1; 26).

В начале 1940-х годов деревенские мальчишки еще не носили трусов.

О 1941 году: «Лилька закричала: “Эй, куда?” Стёпка остановился. “Купаться”. “И я с вами!” “Только тебя не хватало”. “А тебе что, жалко?” “Не жалко. У нас трусов нет”. “Мы будем нагишом”, – пояснил Лапоть. “Эх вы, шантрапа несчастная”, – язвительно сказала Лилька и помчалась назад в деревню, только пятки засверкали» (Курочкин, 1967, 164).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «...Вадик крикнул: “Хватай, лови!” На Паню упало что-то мягкое и теплое. Это была рубашка Вадика... “Получай! – крикнул он. – Это мои трусы, Пань!” “Ну и безголовый! – рассердился Паня. – А теперь как ты пойдешь к Самохиным через поселок, если ты голый?” “Да, правда! – расхохотался Вадик. – Так я же не подумал... Ничего, Пань, я спущу веревку, привяжи к ней трусы, а рубашку оставь себе”» (Ликстанов, [1953] 1964, 341).

О мальчиках начала 1950-х гг., отдохавших в пионерском лагере: «После одного из таких купаний мальчишки сидели на завалинке по-прежнему в одних трусах и обсыхали. Трусы у всех были одинаковые – из черного сатина, широкие и почти до колен». [...]

О нач. 1980-х гг.: «Я сделал последнюю слабую попытку остановить его: “Да не стоит, Генка. Ты ведь плавок с собой не взял”. Но он меня даже не слышал... На заснеженной Неве в длинных до колен трусах и в войлочных ботинках стоял Генка... Тут уж я и вправду стал тонуть... Но в последний момент Генка успел схватить меня за трусы, которые как трофей и остались у него в руках. “Ну, нет! – сказал я, отплывываясь. – ... Во-первых, отдай трусы...”» (Фёдоров, 1983; 33, 42).

Трусы семейные у мальчиков – длинные трусы как предмет нижнего белья у мальчиков.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Дня через два на физкультуре, когда они выстроились по линии баскетбольной площадки и все сверкали шортиками или красивыми трусиками, Стаин один оказался в длинных сатиновых трусах, которые обычно называют “семейными”. На ногах его красовались чёрные полуботинки на микропоре, в которых он обычно ходил. А в семейные трусы была вправлена та самая ковбойка. Физкультурник Степан Семёнович осмотрел строй. Подчёркнуто остановил взгляд на Стаине: “Вот ты, шаг вперёд”. “Извиняюсь, – сказал Стаин, – позабыл, шо у вас сегодня физра”. “Стань в строй, физра! – сухо бросил Степан Семёнович. – В таком виде допускаю тебя до своего предмета в последний раз!”» (Иванов, 1978, 17).

Без трусов заставлять находиться – распространённый вид неофициального наказания детей в воспитательных учреждениях (детский сад, летний лагерь) в 1960-х – 2000-х гг.

О середине 1950-х гг.: «Наш признанный комик... до школы ходил в детсад, где то ли нянечки, то ли воспитательницы силой стаскивали с детей трусики в качестве наказания и выставляли затем в раздетом виде на всеобщее обозрение – например, под новогоднюю елку» (Клех, 2003).

О детском саде в г. Свердловске нач. 1960-х гг.: «Иногда, воспользовавшись тихим часом, воспитательница куда-то уходила по своим делам и оставляла присматривать за нами кошмарное, сказочно злобное существо – воняющую хлоркой, костлявую и рукастую техничку. Больше всего на свете любой из нас боялся наказания, которым эта фурия грозила провинившимся: быть выставленным на подоконник без трусов! А окна-то выходили на улицу. Это было очень серьезно. Это было страшно без дураков. До полного онемения. Это было воспитание чувств» (Застырец, 2006).

О Тюменской обл. в 1974–1977 гг.: «Когда я была воспитанницей детского сада, то у нас была няня. Она во время сончасы, когда кто-то не спал и мешал другим, снимала с ребенка трусики, ставила на кровать, и ребенок так и стоял. Я помню, что чаще всего это были мальчишки. Было это в возрасте 4-5 лет» (590).

О дет. саде в Башкирии в середине 2000-х гг.: «Воспитательница детского сада в городе Белорецке (Башкирия)... заставляла непослушных стоять босиком на холодном кафеле, водила их в трусиках или вообще голышом на осмеяние детям из других групп...» (Гунтик, 2006, 35).

ТРЯПКА для стирания с доски надписей, сделанных мелом.

С конца XIX века в учебных заведениях пишут мелом на деревянной доске, выкрашенной черной или коричневой краской. С тех пор написанное на доске обычно стирают тряпкой, реже – губкой. На переменах ученики часто кидают друг в друга тряпкой. «Вчера во время “большой перемены”, в первом основном классе поднялась страшная возня около классной доски... Кто-то закричал... “куча мала!”... Кто-то, воодушевившись, закричал во все горло “ура”, другие поддержали... А Соколов вошел в такой экстаз, что не вытерпел и пустил в окно мокрой тряпкой, которой стирается с доски мел» (Чириков, [1903] 1918, 102).

«ТРЯСУЧКА» – игра на деньги.

О 1966 годе: «Во дворе шпана играла на деньги – в “чикку”, “трясучку”, “пристенку”...» (Киршин, 2002).

О мальчиках 11–13 лет в Москве в 1970–1971 гг.: «Бывает, что целую неделю повсюду все режутся в фантики безмозглые... Старшие иногда “в трясучку” играют, на деньги. Можно, кстати, много выиграть. Если, конечно, учителя не засекут, а то ещё запросто из школы вытурят... Но такой ажиотаж обычно длится дней пять, не больше. Ну, от силы – неделю» (Чилап, 2001).

О мальчишке 11–12 лет в Москве в нач. 1980-х гг.: «...Обуреваемый то ли жадностью скопить денег, то ли азартом, пристал я к ребятам темнить на переменах в “трясучку”. Натрасти за день этой нудной, будто старательской, то ли работы, то ли игры, когда везло, можно было не больше рубля, если только не вспыхивала вдруг игра по-крупному: железными рублевыми монетами. Но “трясучка” разочаровала» (Павлов, 1999).

О с. Кундравы Челябинской обл. в 1997–1998 гг.: «Когда я училась в 6–7 классах, в нашей школе появилась новая игра – “трясучка”. В неё играли только мальчишки, и правила этой игры для девочек были недоступны. Но мне повезло больше, так как у меня есть старший брат, и дома он мне объяснил правила “трясучки”, но только для того, чтобы я с ним играла дома. Собираются монеты разного достоинства, один из игроков берет все монеты обеими руками, начинает трясти их, а затем бросает на твердую горизонтальную поверхность (будь то стул, стол, парта, пол, подоконник). Те монеты, которые перевернулись решкой вверх, кидающий забирает себе, потом этот же человек берет монету и боковой стороной кидает об другую монету, для того, чтобы она перевернулась и он (игрок), мог забрать её себе. И так он выбивает до тех пор, пока монетка переворачивается, затем ход передается другим игрокам» (141).

ТУАЛЕТ – «уборная (обычно в общественных местах)» (Словарь, 1963–15, 1089; Ожегов, 1988, 665).

Туалет школьный.

О 1906–1909 гг.: «...В первое время после революции стало резкое падение дисциплины в школах. Началось психологическое терроризирование учителей. Некоторые из них были готовы ставить всем ученикам пятерки, лишь бы избежать конфликта со своими подопечными. Школьные туалеты превратились в игорные дома, где шли азартные сражения на деньги в “банчок”, “шмен-деф” и даже в рулетку» (Балашов, 2003, 47).

О конце 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Рассказывает завуц по восп. работе Чебоксарского политехнического Валерий Цыганов. “...Самая гл. наша боль – проблема наркомании... После проведенной работы... в туалетах перестали появляться использованные шприцы» (Ушкова, 2002, 19).

О середине 2000-х гг.: «Можно на бюджетные деньги покрасить в зелёный цвет стены грязного школьного туалета, а можно сделать чистый туалетный санузел, который ребёнок будет посещать без чувства

брезгливости» (Лившиц Ю. Деньги – в школу // Аргументы и факты. Челябинск. 2007, № 38 – С. 4).

Туалет школьный для девочек по помещению.

О Шадринске в середине 1980-х гг.: «В школе нас парни очень обижали. Помню, как прозвонит только звонок с урока, мы все девчонки, все как одна, бежим в туалет. Как это ни выглядит смешным, это было наше единственное убежище в школе. Нам не было от них никакого покоя. Они использовали различные способы, чтобы как-то нас обидеть, сделать больно. 1. Стрелялись иголками: дули из какой-то трубки и оттуда летели иголки. 2. Стрелялись горохом. 3. Постоянно дергали нас за косички и обзывались. 4. Была у них привычка задирать нам формы и обсмеивать... 5. Потом у них пошла мания на масленки. Набирали в них воду и обрызгивали нас с ног до головы. Причем страдали все девчонки. Не могу сказать, что обиженными были единицы, это были массовые облавы» (460).

О девочке 10–14 лет в г. Когалыме в 1997–2001 гг.: «На стенах школьного женского туалета были написаны признания в любви (“Люблю Сашку К. из 9 Б”), нарисованы различные узоры, рожицы, цветочки, пронзенные стрелой сердечки, обзывалки. Стены в школьном туалете были белые. Писали на них ручками, простым карандашом, редко – маркером, фломастером. Тексты надписей: “Бог увидел Юлькины ноги и создал колесо”, “(номер телефона) – звоните в любое время дня и ночи”, “Света + Миша = LOVE”, “Посмотри на потолок” – написано на стене, “Посмотри на пол” – написано на потолке, “Ты сюда пришла по сторонам смотреть или как?” – написано на одной из стен. Когда были школьные дискотеки или классное чаепитие, некоторые девчонки звали с собой мальчишек и шли в женский туалет курить. Одноклассница Катя рассказывала, что она целовалась с одним мальчиком в туалете. Когда я училась в классе 7–8, девочки из старших классов дрались в школьном туалете. Некоторые красились в туалете (помадой, тенями)» (134).

Туалет школьный вне помещения.

О девочке 7–11 лет в с. Карачалском Шумихинского р-на в середине 1990-х гг.: «Туалет в школе был на улице. Когда я была маленькая (1–4 класс), нас старшие девчонки в туалет не пускали, так как они там курили или просто разговаривали, а мы стояли и ждали, когда они выйдут. Когда мы стали старшеклассниками, мы выгоняли курящих в туалете девиц, пропускали малявок. Туалет был большой, деревянный, в стенах были щели, мальчишки иногда подглядывали за девочками или кидали камнями (снежками) в туалет» (142).

Заталкивать мальчиков в туалет для девочек – вид школьного озорства.

О вт. пол. 1960-х гг.: «А Мишке и вдвоём с Савельевым хорошо. У Савельева не голова, а прямо-таки клуб весёлых и находчивых. Это Савельев придумал на большой перемене, когда дежурный учитель обедал, схватить парочку первоклассников и затолкнуть их в туалет к девочкам. Малыши орали, а Мишка с Савельевым держали дверь. Очень это было весело, просто на удивление весело. И чего Васька подошёл с такой постной физиономией? Ему, наверное, было завидно, что не он придумал развлечение» (Драбкина, 1975, 108).

Туалет в учебном заведении для мальчиков – то же, что *уборная в учебном заведении для мальчиков*.

О 1970-х гг.: «...Наши школьные годы. Теряются в дымке конфликты с учителями..., курение в туалете в пику завучу...» (Климонтович, 2004, 8).

О 1970-х гг.: «...Костя... втайне часто завидовал своему другу Мишке. Тот тоже никогда первым не бил. Только если уж его трогали, он становился красным..., страшным голосом кричал что-то непонятное и чесал кулаками направо и налево, без разбора. Костя сам видел, как Мишка подрался с одним десятиклассником в школьном туалете. Даже учитель физкультуры Юрий Львович с трудом остановил и утихомирил его, а десятиклассника отвели в медпункт» (Туинов, 1985, 111).

О 1970-х–1980-х гг.: «В чём проявлялась подростковая фронда в недавние времена...? – Девочки надевали в

школу юбку и свитер, а мальчики курили на заднем дворе или в туалете и чувствовали себя героями...» (Медведева, 1995, 3).

О начале 2000-х гг.: «Зайдите в рядовую российскую школу, особенно в глубинке... Вот оно, казенное заведение с сохранившимися в неприкосновенности с советских времен... заповедными уголками (вроде туалетов с дырками в полу)» (Глибина, 2002, 5).

Туалет школьный для мальчиков.

О шестиклассниках в 1960-е гг.: «...В пути с Юркой можно говорить о чем угодно... Вчера, по дороге в школу, Юрка рассуждал о том, где лучше курить – в школьном туалете или дома, в сарае. В туалете курить, понятно, интереснее, потому что кругом ребята, некоторые даже просят затянуться. Но там может застучать учитель рисования Иван Михайлович и вместе с папиросами доставить в учительскую для объяснения...» (Титов, [1983] 1988, 197).

ТУАЛЕТНАЯ комната в закрытых учебных заведениях для девочек – то же, что *туалет*.

О Харьковском институте благородных девиц в 1915–1916 гг.: «Перед обедом и ужином нас подвели всем классом к туалетной комнате (“малютке”) – мыть руки... Туалетная комната (мы называли ее “маленькой комнаткой”, “*petite chambre*” – по-французски, а чаще просто “малюткой”) состояла из двух довольно просторных частей. В задней были установлены унитазы, отделенные друг от друга перегородками, в передней же был ряд раковин для умывания и высоко под потолком на специальной перекладине висело, спускаясь почти до пола, длинное полотенце. Мы передвигали его, когда нижний конец его становился влажным или грязным» (Морозова, [1994] 2001; 400, 410–411).

ТУЖУРКА – домашняя или форменная куртка (обычно двубортная) для повседневного использования.

О 1900-х гг.: «Я ходил по базару, одетый на городской манер. Меня, как и других мальчиков, поступивших в магазин раньше, приодели в тужурку и брюки из серого толстого сукна, потому что в деревенской одежке неприлично было вертеться на глазах у важных покупателей» (Алферов, [1957] 1965, 151–152).

«ТУМАННЫЕ картины» – изображения на светлом экране при помощи проекционного фонаря («*волшебного фонаря*»).

О вт. пол. 1860-х гг.: «Но лучше всего дедушка устраивал туманные картины. При помощи нашего отца он сам сделал великолепный волшебный фонарь, сам нарисовал на стеклах массу картин: это были вертящиеся звездочки, прыгающие друг через друга чертенята, вырастающий у старика нос необыкновенных размеров... При этом все показываемые картины старик пересыпал рассказами и прибаутками, шутками; показывая на экране какую-то тошенькую девицу, он говорил: “Вот вам девица Софья, три года на печи сохла, встала, поклонилась, да и переломилась. Хотел ее спаять, не будет стоять; хотел сколотить – не будет ходить... Я взял её иголкой сшил и легонько пустил”. Все, конечно, покатывались от смеха, особенно мальчики. После представления шло веселье вокруг зажжённой елки» (Лукашевич, [1918] 1994, 211).

ТУПИТЬ – (молодежно-подростковый лексикон) медленно соображать, не понимать.

О 2001 г.: «“Ты чё тупишь?” – можно было услышать среди сверстников, когда кто-то не понимал объяснения или складывающейся ситуации. “Ну и тупит! Как до утки, на седьмые сутки!” – говорил один одноклассник другому, мол, не доходит до мозгов, то есть не въезжает» (154).

ТУРИСТИЧЕСКИЙ кружок – см.: *Кружок*.

О Челябинске середины 1960-х гг.: «1966 год. Я окончила шестой класс, но в лагерь путевок не досталось! И что же делать, чем заняться? И вдруг двор облетела весть: при домоуправлении открылся туристический кружок! Так что к вечеру все мои одноклассники оказались туристами. Получили продуктовый паек и палатки. А после обеда уже мчались в электричке. Где-то в лесу под Миассом ударно разбили лагерь. За три недели облазили все горы в округе,

научились и костер разводить, и обед в котелке готовить. Снабдили нас очень дефицитной тушёнкой, сгущённой и гречкой, да ещё в таком количестве, что мы несъеденное домой привезли! А единственным “отчетом”, который с нас потребовали, была стенгазета. Ребята брали с собой фотоаппараты, так что листок вышел на славу! Глядя из сегодняшнего “коммерческого” времени, только удивляешься: неужто нами занимались совершенно бесплатно?! И родители не побоялись отпустить нас в какой-то дремучий лес! Вот такое это было время!» (Ефимова, 2006).

ТУРИСТИЧЕСКИЙ поход – см.: *Поход*.

Об учениках четвёртого класса во вт. пол. 1940-х гг.: «Пошли мы в первый туристич. поход с ночёвкой. Долго готовились мои четвероклассники к этому событию. Время было трудное, послевоенное, продукты выдавались еще по карточкам, да и с одеждой было нелегко. Однако нам удалось все же собрать нужные вещи... На ночлег расположились в лесу, недалеко от ручейка разожгли костер... Далеко за полночь, оставив часовых и костровых на посту, мы уснули. На рассвете проснулись продрогшие, зуб на зуб не попадает. Не сразу поняли, в чём дело. Оказалось, что Рита замерзла и, не задумываясь, стащила с крепко спящих товарищей одеяла, укрыла ими, да еще подстелила себе часть из них на хвойную лапчатку, из которой для всех были приготовлены постели» (Низова, 1967, 40).

ТУРИСТСКИЙ лагерь – форма туризма и летнего отдыха.

О конце 1950-х гг.: «Лагеря туристские – форма школьного туризма и орг-ции летнего отдыха учащихся VII–XI классов, когда лагерный быт (жизнь в палатках и др.) сочетается с экскурсиями и походами, занятиями спортом, ...трудом в колхозах. Лагеря туристские оборудуются на началах самообслуживания и самодеят-сти учащихся, организуются школами, дет. домами, внешк. учреждениями в составе 30–100 школьников (по 15 человек в группе) с пребыванием в лагере до 30 дней. Во главе лагеря стоит начальник, для каждой группы выделяется педагог. Органом самоуправления является совет лагеря. Средства на содержание лагеря составляются из ассигнований по гос. бюджету, взносов родителей и шефствующих орг-ций, а также заработка самих учащихся (выработанные трудовни)» (ПС, 1960–1, 596–597).

ТУРНИК – гимнастический снаряд, состоящий из круглого металлического стержня, укрепленного в горизонтальном положении на двух стойках» (Словарь, 1963–15, 1156–1157; СИ, 1994, 628).

О середине 1930-х гг.: «На уроках физкультуры дела у меня шли просто отлично: я... без страховки ходила по буму, дольше всех девчонок подтягивалась на турнике...» (Лупанова, 2007, 51).

О 1932–1933 гг.: «После выздоровления... я опять начал интенсивно заниматься спортом, в частности, упражняться на турнике, который стоял во дворе школы» (Цидильковский, 1996, 130).

О вт. пол. 1930-х гг.: «На больших переменках мы обычно высыпали во двор и приступом брали турник, срывая с него малышей, подтягивались, делали “лягушку”, крутили “солнышко”, хохотали и дурачились» (Мошковский, [1963] 1987–1, 371).

О конце 1940-х гг.: «Петруха сидел на кладу нового кирпича под деревянным балконом дома и глядел, как ребята, сбившись у турника, коротают вечер. Они подтягиваются на железной перекладине, раскачиваются и затем прыгают – кто дальше. Вдруг из подъезда своего дома выскочил Володя Молотилев – и на турник. Он долго и красиво крутился, перекинув через перекладину одну, а потом другую ногу. На мокрые опилки прыгнул сияющий, гордый. Многие ребята с завистью глядели на него, а на балконе, над головой Петрухи, чей-то женский голос с тихим восторгом вздохнул: “Вот будет мужчина!” Ему отозвался другой, тоже женский: “Не зря моя Томка влюблена в него”. С этой поры Петька не мог спокойно глядеть на турник» (Акулов, 1962, 37).

ТУСА – (подростково-молодёжный лексикон) группа знакомых между собой людей, находящихся в процессе общения.

О шестикласснице в с. Крутиха Далматовского р-на в 1998–1999 гг.: «Когда мимо нас проходила группа парней, мы говорили: “Смотри, туса идет!”» (211).

О девушке 18 лет в Шадринске в 2004 г.: «Слово “тусовка” вошло в мою речь, как-то незаметно. Я помню, что резко это слово стало очень модное и его употребляла буквально вся молодежь: ...“Пошли к комплексу там такая туса...”» (132).

ТУСОВАТЬСЯ – (подростково-молодёжный лексикон) общаться в кругу знакомых без ясно выраженной цели.

О девушке 18 лет в Шадринске в 2004 г.: «Слово “тусовка” вошло в мою речь, как-то незаметно... Я помню, что резко это слово стало очень модное и его употребляла буквально вся молодежь: “Пошли к Лизе, там у неё тусят все”, то есть сидят, общаются, возможно выпивают...”; “Пошли сегодня в “Колизей” тусанемся”... Тусоваться – то есть ничего не делать, бессмысленно стоять, наблюдать, перекидываться фразами или активно отдыхать» (132).

См.: *Тусовка*.

ТУСОВКА – (подростково-молодёжный лексикон) группа знакомых между собой людей, находящихся в процессе общения; досуговое общение без ясно выраженной цели.

О с. Ожогоино Шатровского р-на во вт. пол. 1990-х гг.: «Слышала среди ровесников 12–16 лет: “Где вы вчера тусовались?” (то есть находились, собирались). “Наша тусовка вчера была возле клуба! Вся молодежь там собиралась”, – отвечает второй» (154).

О девочке 12–14 лет в г. Когалыме в 1999–2001 гг.: «Тусовка – сборище молодежи на улице, в кафе или дома, сопровождающееся рассказами анекдотов, пережитых событий, обсуждением интересных историй, танцами, иногда распитием алкогольных напитков. Одноклассница Таня сказала: “В субботу вечером у меня будет тусовка. Приходи”» (134).

О девушке 18 лет в Шадринске в 2004 г.: «Слово “тусовка” вошло в мою речь, как-то незаметно. Я помню, что резко это слово стало очень модное и его употребляла буквально вся молодежь... То есть если человек хочет пообщаться, посмеяться, расслабиться в обществе, потанцевать (дискотека), он идет на тусовку (это может быть и вечеринка в клубе или дома и просто встреча группы людей на улице)... В общем, тусовка – отдых, разговоры, танцы» (132).

ТУФЛИ – обувь, закрывающая ногу не выше щиколотки; «разновидность обуви, состоящая из невысокого шитого верха и подошвы» (Терешкович, 1999, 362).

Туфли домашние, ночные, мягкие у девочек.

О 1910-х гг.: «Октябрьское утро. [Пятилетняя] Марина только что проснулась. Надела мягкие войлочные туфли и побежала бесшумно смотреть, как няня готовит завтрак» (Малинина, [1951] 1954, 14).

О 1950-х гг.: «[Девочка] Тата свесилась и заглянула под кровать, чуть не свалившись. Её косичка коснулась пола. Под кроватью валялся мячик и стояли ночные туфли» (Виткович, Ягдфельд, 1961, 160).

Туфли (туфельки) у девочек для передвижения вне дома.

О нач. XX в.: «...Девочка двенадцати лет... сидела, затушеванная полутьмой, вытянув скрещенные ножки в лакированных туфельках...» (Аверченко, 1989, 99).

О девочке в конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Я бранила Алёнку и сердилась, но она только смеялась и была очень довольна. Она с удовольствием рассказывала, как остановилась посреди улицы, потому что у неё расстегнулась пуговка на туфле» (Смирнова, 1963, 140).

О 1937 г.: «На выпускной бал мне сшили платье из белого льна с вышивкой, очень красивое... Туфли к этому платью у меня были такие, какие носили все мои ровесницы – белые парусиновые, на синей резиновой подошве, с синим кантиком. Чистили их, намазывая зубным порошком, разведенном в молоке. К ним полагались белые носочки» (Кротова, [1996]).

О 12–14-летней девочке во вт. пол. 1930-х гг.: «Я видел разевавшие полы её пальто, ее быстрые ноги в черных туфельках. Эти туфельки на ходу прыгали через

лужи, скакали по клеткам нарисованных классов, по-мальчишески откидывали в сторону спичечные коробки...» (Мошковский, [1963] 1987–1, 374).

О вт. пол. 1930-х гг.: «...Я увидел, что это никакая не женщина, а девчонка лет семнадцати. Она была в льняном платьице, коротко подстриженная – так простенько, “по-пролетарски” любили стричься перед войной. Она была в парусиновых туфлях и без сумочки: в те годы девушки редко носили сумочки с зеркальцем и помадой» (Мошковский, [1963] 1987–1, 375).

О девочке 3–6 лет во вт. пол. 1930-х гг.: «Мама девочку одела: / Платье красное в горошках, / Туфли новые на ножках» (Благинина, [1939] 1968, 11–12).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Но они все же после каждого прыжка касаются ногами земли, а Женя... бежит по воздуху, и носки туфелек не успевают задеть землю» (Ликстанов, [1953] 1964, 421–422).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Оленька одевалась к концерту. Дрожащими руками примеряла новое платье, заплетала косу, застёгивала новенькие туфли... Школа светила огнями» (Жестев, [1955] 1961, 145).

О семикласснице женской школы в 1953–1954 гг.: «[Зина] была в зелёной кофточке... и в туфлях на каучуковой подошве» (Дик, 1956, 14).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Сколько разговоров до этого было о вечере, как они готовились! Недавно отец купил ей новые туфельки, непременно захочет похвастаться перед подружками» (Комар, 1961, 44).

О вт. пол. 1950-х гг.: «[Девочка] Шура берёт свои туфли, идёт в чулках в переднюю и там обувается» (Карпенко, 1962, 6).

О конце 1950-х гг.: «Возле самого дома Игорю повстречалась Лера. “...Я заходила как председатель отряда. Для тебя есть пионерское поручение”. У Леры были красные туфельки на немножко высоком каблучке и красная сумочка в руках» (Офин, 1960, 26).

О девочке-подростке 14 лет в начале 1960-х гг.: «Она ехала на велосипеде, деловито склонившись над рулем, в светлой спортивной курточке, в тесных плисовых брючках чуть ниже колен и белых мягких туфлях...» (Мошковский, [1963] 1987–1; 52).

О нач. 1960-х гг.: «А когда несколько восьмиклассниц пришли на торжественное собрание за табелями в новых туфлях на высоком каблучке, гардеробщица тетя Нюся и уборщица тетя Катя тут же в раздевалке заметили это, ахнули в один голос и сказали: “Смотри, пожалуйста! Вчера были девчонками, а сегодня уже невесты!”» (Офин, 1964, 55).

О нач. 1960-х гг.: «У щита с объявлением, что в Доме культуры открыта школа бальных танцев, а также липси и других, топталась Алка с белыми капроновыми бантиками в волосах и в белоснежных туфельках» (Мошковский, [1963] 1987–1, 202).

Туфли у мальчиков.

О 1941–1942 гг.: «Сын с матерью свободно ходит по Ленинской улице. Ходит в коротеньких штанишках на ремешке, длинных носках до колен и в ботинках... Гляжу на причёсанные влажные волосы, на длинные чулки. В коричневых новых туфлях красные шнурки» (Ляленков, [1962] 1981, 112).

Туфли спортивные.

О девочке 16–18 лет в 1910-х гг.: «...Мама предложила нам с Верочкой пройтись по саду... Всё мне нравилось в Верочке: и светло-каштановые кудрявые волосы..., и тёмно-синий англ. костюм, – сняв жакет, она оказалась в белоснежной батистовой матроске..., – и белые спортивные туфли без каблуков» (Игумнова, 1957, 125).

ТЫКВА – овощное растение, имеющее стелющийся стебель и крупные плоды круглой или овальной формы.

Пугать тыквой – форма мальчишеского озорства, вид мести.

О с. Борисово Муромского р-на Владимирской обл. во вт. пол. 1930-х гг.: «Расспрашивая пожилых мужчин, записываем редкие свидетельства о забавах мальчишеских подростков... “Змея мы пускали, привязывали тыкву пустую, и там свечка. В ночь. Она летает и сверкает. Сами делали змея и запускали. Катуху брали черной нитки..., и вот привязывать и запускаешь. [Соб.: Это

тоже на Старый Новый год?] Это когда хошь, но больше осенью делали. [Соб.: И люди пугались этого?] Да нет, это забава» (Райкова, 2006, 83).

О 1942–1944 гг.: «Шурка взял у меня складень и начал потрошить тыкву, вырезав у нее четвертушку, чтоб просовывать внутрь руку... Тыква принимала мрачный пугающий облик – решетчатый оскал зубов, тонкий длинный нос, огромные провалы глазниц. Шурка то и дело отводил эту скелетную образину в сторону, прищурив глаз, пристально рассматривал её, неудовлетворённо двигал губами и опять брался за нож, терпеливо, чёточку за чёточкой, добавляя ужас в тыквенный череп. Мы, окружив Шурку, дивились и радовались... Мы действовали быстро. Тыкву насадили на острую палку, засунули внутрь через глаз паклю, пропитанную керосином. Колька держал наготове спички, ожидая моего сигнала. Важно было не просто сунуть тыкву в окно, а увидеть, что случится там, в избе. Я схватился за оконное оперение, подтянулся. Петька головой подпер меня в зад. Утвердившись таким образом, я медленно ввел голову в полосу света, падавшего из окна. Лампа горела ярко, и внутренность кухни сперва представилась мне наполненной сплошным огнём. Проморгавшись, я увидел двух теток, сидевших за столом: одну – лицом ко мне, другую – спиной. Одна поднялась и пошла к печке. Это была Граммофониха... Витька зажгёт спичку и через нос бросил её в череп. Маска, бесформенная в темноте, выявилась вдруг во всей своей жути. Глаза, круглые и большие, острый филиный нос горели резко, вырисовывая на бревенчатой стене избы дрожащие золотые пятки. Особенно страшными были зубные прорезы. Пакля начала чадить, и через глазницы повалила копоть. Шурка подвёл горящую тыкву к окну. Я следил. Граммофониха, поддев ухватом чугунок, семенила от печи к столу. Я осторожно, как птичка клювом, постучал ногтем по стеклу. Граммофониха оглянулась и вдруг, резко выпустив ухват, вскинула руки и стиснула ими голову. И тут же раздался пронзительный визг. Я только видел, как упал чугунок, что-то выплеснув на пол, и как вскочила вторая тетка. Больше я не видел ничего. Петька выдернулся из-под меня, и я шлёпнулся на землю. Ребята ударили вдоль плетней. Я подхватил оставленную ими палку и пустился следом. Шурка бежал последним, таща горящую тыкву. На ветру пламя разгорелось и, наверное, жгло ему руки, потому что он болтал пальцами, а потом бросил тыкву в крапиву. Ударившись о землю, она сочно хрястнула и метнула пламя, как голова сказочного Змея-Горыныча. На бегу я оглянулся. Огонь уже не было видно, пакля, должно быть, утасла, окропившись росой. Мы промчались по улице до Шуркиного двора, влетели в калитку, шмыгнули в огород и спустились к огуречным грядкам. “Вроде получилось”, – сказал Колька, переводя дух» (Михасенко, [1955–1958] 1959; 99–100, 102–103).

ТЮБЕТЕЙКА – «круглая или островерхая шапочка с вышитыми или ткаными узорами; национальный головной убор многих восточных народов» (Словарь, 1963–15, 1211).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Витёк вышел из дому в трусах, майке, в расшитой золотыми нитками тубетейке, с большим полотенцем через плечо» (Мошковский, [1963] 1987–1, 363).

Об ученике 9 класса в 1940 г.: «Встаю по возможности рано, но все равно раньше девяти встаю редко. Бегу в ванную и стараюсь максимально освежить голову холодной водой. После этого, причесавшись, надеваю тубетейку, чтобы волосы имели приличный вид» (Сагайдачный, 1963, 60).

О мальчике 4-х лет в 1941 г.: «Углич начала войны: в памяти с трудом набирается два-три вида домиков летне-дачного типа – здесь разместили наш детдом. Какие-то аварийные события... мою драгоценную тубетейку забросили на дерево и, сбивая ее оттуда камнями, попали мне же по физиономии и т.д. Не скажу, чтобы я был переполнен восторгом» (Сафонов, 2001).

О 1948–1950 гг.: «Зина... разгребала стерню. [10-летний] Сергей стал делать то же самое... Тубетейка не спасала от солнца...» (Павленко, 1952, 32–34).

О перв. пол. 1950-х гг.: «”Дуются”, – пояснил Масленкину расторопный мальчуган в малиновой тубетейке...» (Горбунов, 1956, 86).

О перв. пол. 1950-х гг.: «”...Последние два года проработал в Туркмении”. “Ну, а теперь куда направляетесь?” “Теперь в Заполярье...” ...Доктор раскрыл чемодан и вывалил на стол груды соблазнительных вещей: сладкую сушёную дыню, сахаристую курагу... Ну, а главное – доктор выложил стопку тубетеек. Хватило всем: и Пашке, и Вите, и маме, и папе. Пашка выбрал себе остроконечную, ковровую, с кисточкой. Витя – из чёрного бархата, четырёхугольную, с серебряными полумесяцами. Он сложил свою тубетейку – она оказалась у него складной – и убрал в карман. Пашка тубетейку тотчас надел и выпросился пойти в гости к приятелю Жене, который жил в соседней квартире

О ребенке в 1950-е гг.: «”Ух ты, – громко сказал какой-то малыш, – Володька родного папу в лагерь не пускает!” “Молчи, умник!...” – оборвал его стоявший рядом паренёк и надрывнул малышу тубетейку на самый нос...”» (Амусина, 1960, 42).

О шестикласснике в 1958 г.: «Через минуту на нём были уже брюки, рубашка, на голове тубетейка, а карман торчал от куска хлеба с ломтем сала... Чтобы не выдать своих слез, Юлька поднял тубетейку и бросился бежать по тропинке...» (Сластников, 1961).

О конце 1950-х гг.: «Лёня, которому досталось больше всех, размазал слёзы, надел на макушку тубетейку и побежал показывать газету...» (Аленник, 1960, 41).

ТЮЗ – театр юного зрителя. См.: *Театр для детей*.

О новосибирском ТЮЗе в 1930-х гг.: «Посещение театра в те годы становилось настоящим событием. Ведь телевидения тогда ещё не было, и дети переживали то, что происходит на сцене, гораздо острее, чем теперь. Они воспринимали театральное действие как настоящую жизнь... Если я играла голодного ребенка, то нередко подбегала девочка и клала на сцену пряник или печенье, чтобы я не умерла с голоду! Это трогало до слез. Как-то одна мама привела за кулисы заплаканную девчужку. Бедняжка разрыдалась в предчувствии того, что злодей-волк должен в следующем действии съест Красную Шапочку. Она уговаривала свою маму уйти домой, чтобы не видеть этого ужаса. А маме не хотелось этого делать, и она привела девчужку ко мне, чтобы я её успокоила. Я ей и говорю: “Ну ты же знаешь, что волк съест девочку, а потом прибежит милиционер, разрежет живот волку и Красная Шапочка выйдет живая и здоровая?” “Да, но сначала он ее все равно съест!” “Ну возьми да отвернись на минутку, и тебе не будет страшно!” Кстати, мы детей шадили. Выключали в этот момент на сцене свет и никто не видел, как страшный волк глотал бабушку и внучку. Потом делалась такая подсветка, и все видели, как мы лежим с бабушкой и корзинкой в животе у волка, и я говорю: “Бабушка, а я тебе пирожки принесла!” Ребятишки тогда были непосредственнее и чутче: сидели, затаив дыхание, очень тихо на всех спектаклях, выражая свое отношение только в наиболее напряженных моментах. А сейчас во время спектакля в зале стоит шум и гам. Я уж не говорю об антрактах. Раньше дети так не носились по фойе. Всё было организованно и настроено на особое отношение к происходящему. Ведь театр – это театр! У нас даже был спец. пед. штаб, в котором занимались с детьми, следили за ними, проводили беседы. Были и дежурные-дети, которые тоже следили, чтобы был порядок. Очень часто нас приглашали в школы поговорить о спектакле» (НМ, 1999).

О Свердловске середины 1960-х гг.: «Нас везут на специально заказанном автобусе в ТЮЗ – в театр юного зрителя. До этого я никогда не была в театре. На мне новое байковое платье... ТЮЗ находится в центре города, на углу улиц Карла Либкнехта и Первомайской. Это старое здание с высокими потолками, высокими окнами и светлым некрашеным полом, на котором можно рассмотреть все узоры. Кресла в театре мягкие, обитые бордовым бархатом, как мне показалось, широкие. Занавес на сцене тоже был из бордового бархата. Заиграла громкая музыка, в неё вплетались

глухие удары барабана и звон медных тарелок. Занавес раздвинулся, и начался спектакль “Кот в сапогах”». (Смирнова, 2005).

О 1970-х гг.: «“Марьяна. – В перемену Маша подходит к учительнице. – Я не смогу пойти в ТЮЗ”. “Да что ты, Машенька, такой спектакль замечательный... Ведь билетов всего пять на класс”. “Я не смогу”, – говорит Маша» (Алмазов, 1979, 32).

ТЯНУЧКА – «мягкая тягучая конфета, изготавливаемая на молоке» (Словарь, 1963–15, 1281). Тянульки изготавливались в 1910-е – 1950-е годы.

Об Украине 1910-х гг.: «Его звали Жорж Удар, он ходил в фуражке-капитанке с лакированным козырьком и вечно что-то жевал. Вот и сейчас он с азартом жевал тянульку... Он сразу же подошел к Яше Кошечкину и, глубоко засунув руки в карманы длинных брюк, резиново жуя тянульку, сказал: “Мы из маленьких, да? Мы из чистеньких, да? Мы из цирлих-манирлих, да?”» (Ямпольский, 1964, 282).

О 1920-х гг.: «“Дайте нам, пожалуйста, четыре тянульки”, – обращается к продавцу Соня... Покупатели смотрят на девочку... А Липа и Соня выходят на улицу. Рты у них набиты сладкими тянулками» [...]

См.: *Конфета*. Ср.: «*Барбарис*»; *Карамель*; *Леденцы*.

«У ДОРОГИ ЧИБИС...» – см.: «*Песенка про чибиса*».

«У КОШКИ БОЛИ...» – начало одного из вариантов традиционного текста, произносимого, когда ребёнок ударится или иным способом причинит себе боль. Ср.: «*У сороки боли*».

О перв. четв. XX в.: «Когда ребенок ушибется, поглаживая его по больному месту, говорят: “У кошки боли, / У собаки боли, / У лошадки боли, / А у Ванюши не боли”» (Капица, 1928, 176).

О трёхлетней девочке в с. Кундравы Челябинской обл. в 1989 г.: «“У кошки болит, у собачки болит, у Наташеньки все зажило”, – мама говорила мне эту фразу, когда я или поранюсь, или стукнусь. Мама произносила это выражение, и становилось как-то легче» (141).

О девочке 3–5 лет в г. Когалыме в 1990–1992 гг.: «Когда я обо что-то ударялась, падала или болела, мама меня жалела, приговаривая: “У кошки болит, у собачки болит, а у Жени ничего не болит”» (134).

«У ЛУКОМОРЬЯ...» – начальные слова вступления к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Из методического пособия 1970-х гг.: «Дома ученики прочитают по хрестоматии рассказ о Пушкине, выучат наизусть “У лукоморья дуб зеленый...”» (Мещерякова, 1975, 139).

С 1930-х гг. по настоящее время вступление к поэме является предметом пародийных переделок.

О середине 1930-х гг.: «А у нас только временные трудности, впереди – сияющее и сверкающее коммунист. будущее. Только надо не терять *бдительность*! Вместе со всем классом я иду (и нахожу!) в рисунке на наших школьных тетрадях (там изображен “вещий Олег”) потайные “фашистские” знаки; вместе с др. ребятами выбрасываю защёлку для пионерского галстука: как же, на ней, под серпом и молотом, изображён костер! Он же поджигает неприкосновенный символ! Вместе со всеми недоумеваю, почему в Ленинграде не переименовуют универмаг ДЛТ: ведь это же, если прочесть наоборот, – Троцкий Лев Давыдович! Я очень ругаю и даже презираю себя, что не доношу пионервожатому на Юрку Михеева, который поет частушку: “Кто сказал, что Ленин умер, – я вчера его видал, / Без порток, в одной рубахе пятилетку догонял!” И еще: “У лукоморья дуб срубили, / Златую цепь в торгсин снесли, / Кота ученого сварили, / Русалку паспорта лишили, / А лешего сослали в Соловки”. Видимо, в моем классовом сознании есть какие-то изъяны» (Лупанова, 2007, 67–68).

Из статьи петербургского фольклориста В.С. Бахтина (1923–2001): «У Лукоморья дуб срубили... Маленькая школьная Пушкиниана»: «Каждое новое поколение учит наизусть бессмертные пушкинские строки: “У Лукоморья дуб зелёный...” Наверное, поэтому так прижилась в школе пародия на них. Первоначальный взрослый вариант, кот. дал толчок всему последующему шк. творчеству, – острейшая полит. сатира: “У

Лукоморья дуб спилили, / Златую цепь в Торгсин снесли, / Русалку паспорта лишили, / А лешего сослали в Соловки. И вот теперь то место пусто, / Звезда там красная горит, / И про вторую пятилетку / Сам Сталин сказки говорит”. Отлично помню, как мы декламировали на переменках эти стихи...

1950-е годы (вспомнил музыковед Михаил Лобанов, 1943 г. р.): “У Лукоморья дуб срубили, / Златую цепь в утиль снесли, / Кота на мясо изрубили / И нам на кухню принесли”. Уже забыты реалии 1920-х – 1930-х годов: страшные Соловки, лишение паспорта, за которым обычно следовала высылка, Торгсин (Торговля с иностранцами – а попросту магазин, где за золотые и серебряные вещи можно было прикупить продукты в добавок к тем, что давали по карточкам). Но голодные мечтания и остроты – те же. И всё больше детского во взгляде на окружающее.

Из записей 1990 года:... “У Лукоморья дуб спилили, / Кота на мясо зарубили, / Русалку в бочку посадили / И тут же посолили. / Там на неведомых дорожках / Скелеты ходят в босоножках. / Там тридцать три богатыря / В помойке ищут три рубля, / А ихний дядька Черномор / Давно их спёр на “Беломор”... Там царь Кошей над водкой чахнет. / Не подходи – бутылкой трахнет!”... Осенью 1991 года я беседовал с ребятами в одной из библиотек. За несколько минут они записали десять вариантов “Лукоморья”!...

...Каждая строчка, каждый образ постоянно переделываются, переосмысливаются, заменяются новым. Но чудо коллективного творчества, фольклора, в том, что и старое, первоначальное где-то живёт, где-то помнится – и вдруг, десятилетия спустя, снова выходит на свет божий... Разворачиваю бумажку: “Катя Черевкова, 8 класс 387 школы. 15 октября 1991 года” и читаю: “У Лукоморья дуб срубили, / Златую цепь в трактир снесли, / Кота на мясо зарубили, А лешего в Сибирь свезли. / И вот теперь в том месте пусто, / И красная звезда горит, / А леший, с ссылки возвратившись, / Народу сказки говорит”. Почти всё так же, как и шестьдесят лет назад... Искусство, говорят, зеркало жизни. Искусство это или не искусство – то, что мы прочитали сейчас, что живёт в сознании детей наших, – но и в этом осколочке зеркала желающий да увидит и поймёт многое» (Бахтин, 1993, 275–277).

См. также: Лурье, 1998–2, 443–445.

«У МЕДВЕДЯ ВО БОРУ...» – см.: «У медведя на бору...»

«У МЕДВЕДЯ НА БОРУ...», «У медведя во бору...» – игра детей 4–6 лет, существующая с конца XIX века по настоящее время.

О конце XIX века: «У медведя на бору. Один изображает медведя, а другие идут к нему в бор за грибами и ягодами и припевают. “У медведя на бору / Грибы, ягоды беру! / Медведь постыл / На печи застыл!” При этих словах медведь, до сих пор как будто дремавший, тихо ворочается, потягивается и как будто не охотно идет на детей, которые между тем быстро бросаются от него в стороны. Затем медведь, все более и более раздражаемый песнью детей, бежит за ними и кого-нибудь ловить. Словенный делается медведем. Если же медведю долго не удается никого словить, то он идет опять на свое прежнее место; игра начинается таким же порядком снова» (Покровский, 1895, 173).

Во вт. пол. XX века игра протекает следующим образом: игрок-медведь «спит», в это время остальные игроки бродят вокруг, произносят слова: «У медведя во бору / Грибы-ягоды беру, / А медведь не спит / И на нас глядит». После этих слов медведь «просыпается» и стремится догнать кого-то из игроков. Пойманный становится «медведем».

Ср.: «*Сова*».

«У ПОПА БЫЛА СОБАКА» – докучная (бесконечная) сказка для маленьких детей.

О 1992 году в с. Верх-Теча Катайского района: «Папа мне всегда рассказывал такую сказку: “У попа была собака, он её любил. Она съела кусок мяса, он её убил и под камень схоронил. А на камне написал: “У попа была собака, он её любил” и т. д.». Мне было 6–12 лет» (097).

«У СОРОКИ боли...» – текст, произнесением которого взрослые стремятся снять остроту боли (как правило, при ушибе) у маленьких детей. Существует также вариант: Ср.: «У кошки боли».

О 4–7-летней девочке в с. Верх-Теча Катайского р-на в 1989–1992 гг.: «Когда падала и приходила жаловаться к бабушке, то она всегда говорила: “У сороки боли, у вороны боли, а у (имя) всё зажило” и плевала три раза на большое место. И я верила, что исцелилась» (097).

О девочке 5 лет в г. Лянторе в 1991 г.: «Когда я ударялась и мне было больно, мама всегда говорила: “У сороки боли, у вороны боли, у галки боли, у воробышка боли, а у нашей Лены зажило”» (015).

О девочке 3–5 лет в г. Когальме в 1990–1992 гг.: «Когда я обо что-то ударялась, падала или болела, мама меня жалела, приговаривая: “У кошки болит, у собачки болит, а у Жени ничего не болит”. Второй вариант: “У сороки боли, у вороны боли, у Жени все зажило”» (134).

УБЕГАТЬ из дома.

О вт. пол. 1930-х гг.: «До тринадцати лет [Серёжка] жил в Днепропетровске, около вокзала... По ночам в тишине кричали паровозные гудки. И случилось, он начинал понимать их язык лучше, чем то, что говорили люди днем. И тогда убежал из дому. Поводы для этого были разные, их подказывали междунар. политика и кино. В Испанию. В цыганский табор. На Халхин-Гол. На остров Святой Елены, посмотреть могилу Наполеона... Ловили его всегда где-нибудь в Синельникове или в Сухачевке и чумазого, оборванного, с милиционером доставляли домой! Мать плакала, ей помогали три младшие сестренки, а отец – он был военным, лейтенантом, – только морщился и тут же уходил по делам. Ему было некогда заниматься детьми... Последний, самый удачный побег Сережа совершил летом сорок первого года: именно тогда ему захотелось увидеть Волгу и проверить, так ли в ней хорошо плавается, как в Днепре. О войне он услышал в Саратове и впервые вернулся домой сам, без милиции» (Бейлина, 1966, 45).

УБЕГАТЬ на фронт – см. *Фронт*.

УБЕГАТЬ с уроков – см. *Сбежать с уроков*.

УБОРКА урожая – см.: *Урожай*.

УБОРНАЯ – «Место, помещение для отправления естественных надобностей человека» (Словарь, 1964–16, 75). См. также: *Туалет*.

Уборные школьные.

Из речи Нар. комиссара просвещения РСФСР 7 февр. 1943 г.: «Мы должны научить шк. адм-цию, педагогов и детей соблюдать чистоту и в шк. уборных. Для этого нужно очень немного, – необходима прежде всего, элементарная брезгливость всего шк. коллектива, вместе с чистой водой и ведром опилок» (Потёмкин, [1943] 1947, 165).

Уборная мужская в школе с совместным обучением

О девочке в Москве в 1931 г.: «Пугали меня и запутанные тёмные коридоры подвального этажа школы, где омерзительно резко пахло прокуреными мужскими уборными» (Старикова, 2003, 239).

О 1960-х гг.: «“Покурим”, – сказал [девятиклассник] Виктор и свернул в уборную. Уборную в школе именовали “Курильскими островами”, или попросту “Курилами”. Здесь было холодно, потому что форточка не закрывалась. С потолка сосульками свисали разносортные окурки. Считалось особым шиком, докурив папиросу, подбросить её так, чтобы она прилипла к высокому потолку. Пахло табачным дымом. Возле раковины отфыркивался какой-то мальчишка» (Туричин, 1969, 15–16).

О 1960-х гг.: «Во время большой перемены [Гринька] толокся в уборной, где в зимнее время собиралось всё избранное общество курильщиков. Теснота там была – не пролезть, дымище – хоть ножом режь» (Рыжаков, 1971, 7).

О 1980-х гг.: «Однажды Алёшку на уроке послали губку помочить, которой стирают с доски. И в уборной он увидел троих мальчишек-старшеклассников, которые... коротали время за кубик-рубиком» (Иванов, 1990, 47).

Уборная женская в школе с совместным обучением.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Она не ходила на переменах в обнимку с подругами в уборную секретничать, не сплетничала – она училась» (Нагибин, 1974, 55).

Уборная в учебном заведении для девочек – помещение в учебном заведении, оборудованное для отправления девочками естественных надобностей. Традиционное место обсуждения девочками секретной информации.

Об институте благородных девиц в Вильнюсе в 1890-х гг.: «Мы хотя учимся с Ритой в разных классах..., а с Зоей в разных отделениях I класса, но я их вижу постоянно. И я видела, как та и другая выливали молоко из бутылки в раковину уборной. Не пьют они его, не хотят! А я не могу лить молоко в уборную!... Это надо обсудить где-нибудь подробно, толково, а главное – без помехи, без опаски, без оглядки на подслушивающую [классную даму]. Она ведь вездесущая! Куда от неё спрячешься? Где его найдешь, такое место, у нас в институте? Есть оно, это райское место! Есть он, этот остров свободы! Это – извините за прозу: ватерклозет. Даже удивительно, как подумаешь: в нашем институте, где все время синявки, классные дамы, шныряют между ученицами, подсматривают, подслушивают, лезут в ящики, читают письма и записки, вынюхивают – ...ватерклозет устроен, как непреступная крепость, окруженная рвом! В самом конце большого коридора есть маленькая дверь, сливающаяся по цвету со стеной. Откроешь эту дверь, войдешь, – и сразу прохладно, полутемно, и, что совсем удивительно, страшно тихо: как во всех старинных зданиях, стены здесь массивные, такие толстые, что они непроницаемы для звуков. Жужжание, шум, крик, громкий разговор в коридоре во время большой перемены – ведь нас в институте пятьсот человек! – сразу словно ножом отрезало за тяжелой дверью. Там начинается полутёмный внутренний коридор, ведущий к уборным. Он очень длинный. Постепенно он светлеет, в нем появляются окна, замазанные белой краской, и наконец коридор вливается в большую комнату с несколькими окнами: как бывает предбанник, так это – предуборник. Здесь девочки сидят на глубоких подоконниках, болтают, даже поют, даже завтракают. Отсюда уже две двери ведут в самые уборные. Вот предуборная комната – это единственное место во всем институте, где можно чувствовать себя совершенно свободно: делать что хочешь, говорить что вздумается, петь, кричать, хоть кувыркаться!» (Бруштейн, [1958]).

О женской гимназии середины 1910-х гг. на Урале: «Раз одна девочка... дала ей две книжки Пинкертон. Ирина прочитала их запоем и с тех пор сама доставала эти книжки... Она читала дома..., читала в классе во время урока... Читала в перемены. Иногда пряталась в уборной, закрывалась на крючок и читала до следующей перемены – весь урок» (Филиппова, 1938, 99–100).

Уборная в учебном заведении для мальчиков – помещение в школе, оборудованное для отправления мальчиками естественных надобностей. Одно из традиционных мест курения мальчиков и силового выяснения отношений между ними (драк, избиений).

О 1943 году: «И вот однажды на большой перемене я прошел в конец длинного коридора и присел на подоконнике так, чтобы мне хорошо был виден вход в уборную. [...]

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «...Кто-то из ребят смеясь предложил: “Вы стукнитесь”... Едва прозвучал звонок на большую перемену, мы выскочили из класса, чтобы первыми занять уборную. [...]

УВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ стекло, лупа – двояковыпуклое стекло, традиционная лупа или предмет гордости многих мальчишек 1940-х – 1950-х гг.

О нач. 1940-х гг.: «Дорога же повела приятелей... в магазин наглядных учеб. пособий... В витрине того магазина лежал предмет их давних мечтаний – лупа трехкратного увеличения в костяной оправе и с ручкой. Денег хватало на две лупы, да еще сколько и оставалось! Назначение лупы было очень даже многоцелевым: хочешь – марки рассматривай или там жучков, но главное – весной, когда пригреет солнце, на хорошо освеща-

емой торцевой стене ... обшито тесом, зеленого дома при помощи лупы можно будет выжечь свои инициалы – “Р.К.” и “Е.Н.” На каменном... доме этого сделать никак нельзя, там буквы только царапай или углем черти, а тут сфокусируешь на доске ярко-желтенькое пятнышко и под ним закурится тонюсенький дымок, почернеет дерево, веди пятнышко вниз, вверх, вбок, оставляй свои письмена или рисунки. На века. Великая вещь – лупа!.. Удачливым мастером расшибалки... был Федька Соколов, старше Жеки и Роста года на четыре. Он однажды сорвал большой куш... и отметил свой выигрыш, выжгя на стене лупой слово “Червонец!” А его младший брат Симка... увековечил рядом с “Червонцем” свои инициалы: “С.С.С.”... Но у Федьки-то лупа была, он и брату, иногда и другим, разрешал ею пользоваться под доглядом – за пятак или за то, скажем, что моркови там давали Федьке куснуть или репы, а у Жеки и Качана луп не было. Раньше. Но теперь-то... они заимели свои стёкла и, значит, в пацаньей иерархии поднимались на ступень выше. После покупки увеличительных стекол друзья отправились в кинотеатр “Луч” (Холопов, 1995, 115).

О мальчике в конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Выпускай из-под кепки чуб, носи пальто нараспашку (если не видит мама), демонстрируй уменье свистеть сквозь зубы – ценить тебя будут больше за содержимое твоих карманов. При тебе ли еще зажигательное стекло? – скорей зажигательное, чем увеличительное. Даже в нежаркий солнечный день оно собирало бледное, поначалу расплывчатое пятно в яркую жгучую точку; мельчайшие заусеницы и посторонние пылинки высвечивались в этой точке на поверхности обструганной деревяшки, сияющая дымная струйка поднималась из нее, и вот она становилась черной» (Харитонов, 1998).

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «...Он открыл выделенный ему ящик стола, где... постепенно скапливались нужные вещицы, напр., рогатка..., битки для игры в чикю..., увеличительное стекло...» (Дробиз, 2004).

О сбывшихся желаниях мальчишек середины 1950-х гг.: «Не прошло и пяти минут, как комнату было не узнать. На столе, стульях, диване, на полу лежали пушки, стреляющие горохом, лупа величиной с тарелку, мячи для всех игр, какие только есть на свете...» (Виткович, Ягдфельд, [1957] 1961, 29).

О середине 1950-х гг.: «Лева вывернул карманы и высypал свои сокровища прямо на землю. Они присели на корточки и стали рыться. Лева показывал Милке то одно, то другое и бессовестно расхваливал каждую вещь: “О! Увеличительное стекло. Лупа называется. Что захочешь – можно поджечь... Хочешь, твоё платье прожгу?”» (Гернет, Ягдфельд, 1959, 46).

«О г. Далматово в 1990 г.: «У моего брата было увеличительное стекло, он выменял его у мальчика» (066).

«УГАДАЙ МЕЛОДИЮ» – развлекательная музыкальная телепередача.

О второй половине 1990-х гг.: «Игра “Счастливый случай”, одно время очень популярная на канале РТР, также проводилась и в нашей компании... Но самой любимой нами игрой была “Угадай мелодию”. А так как музыкального сопровождения у нас не было, то все мелодии мы напевали сами, при этом, не произнеся слово» (559).

О 1999–2001 гг. в селе Верх-Теча Катайского района: «Передачу “Угадай мелодию” смотрела в 14–16 лет. Я сама представляла себя участником этой программы и старалась быстрее участника угадать» (097).

О 1999–2001 гг. в селе Ушаковское Катайского района: «Когда мне было 12 лет и я училась в 6 классе, я начала смотреть передачу “Угадай мелодию” регулярно. Мне она очень нравилась, так как я люблю слушать музыку. Мне нравилось вместе с участниками отгадывать мелодии с первых трёх нот. Потом передачу стали показывать в другое время, и я не успевала посмотреть её, так как была в школе» (139).

«УГАДАЙКА» – радиопередача (игра-загадка) для детей. Впервые вышла в эфир в апреле 1944 года.

О Шадринске в 1948 г.: «...Мы переехали в новый деревянный дом...: маме... дали комнату на общей кухне, 11 квадратных метров, и мы там жили вчетвером, 596

а потом и впятером... И впервые с довоенного времени у нас появилось здесь радио... – большой... ящик, который орал на полную мощность... ..Слушали всё подряд: футбольные репортажи, “Угадайку”, новые песни...» (Иовлева, 1996, 6).[...]

О г. Далматово в 1995 г.: «Передачу “Угадай-ка” я слушала по радио, когда приходила в гости к бабушке» (066).

См. также: «*Волшебное такси*».

УГОЛ, ставить в угол, стоять в углу – см. *Ставить в угол ребёнка*.

«УГОЛЁК», «уголёк памяти» – обычай, существовавший в ряде пионерских лагерей, прежде всего, в «Артеке». В конце пионерской смены ребята берут на память угольки от прощального костра.

Об «Артеке» 1930-х гг.: «Остановимся на стихотв-ии “Уголёк” [З. Александровой]... Много лет назад отдыхал в “Артеке” пионер. А когда настала пора уезжать, он взял на память об Артеке уголёк из лагерного костра. Прошли годы, наступила война. Фашисты захватили Артек. К тому времени паренёк стал воином. Но он никогда не расставался с заветным угольком» (Яковлев, 1958, 174).

О пионерском лагере 1960-х гг.: «Догорает костёр, придёт день, когда мальчишки и девчонки возьмут в руки ещё не успевшие почернеть угольки. Они увезут их с собой как дорогие талисманы» (Шмаков, 1970а, 68).

О 1930 годе: «Вот выдержка из письма из города Минусинска: “...Пионер нашей группы, получив отметку “неуд”, сговаривается с другими хулиганами, и они избивают получивших “уд”»» (Разин, 1931, 17).

См. также: *Оценка успеваемости; «Удочка*».

УДАРНИК – ученик, занимающийся без троек (оенок «посредственно») и двоек («плохо»).

О начале 1930-х гг.: «Надежда Фёдоровна говорит: “Сегодня лучшие ученики-ударники вступают в пионеры...” Федька... не ударник. У него сплошь “посы” в табеле. Он уже два раза толкнул меня в бок и тоскливо шептал: “Передумают, не примут”. А я и сам чувствую неуверенно. У меня тоже “посов” хватает. А ну и вправду передумают? У нас круглая ударница только Алёнка-тихоня. У неё по всем предметам “оч. хор.” “Пусть не все ещё ребята ударники, – говорит Надежда Фёдоровна, – но и их тоже примем в пионеры, потому что верим, что и они станут ударниками в учебе и примерными пионерами» (Соболев, 1964, 6).

УДАРНИЦА – ученица, занимающаяся без троек (оенок «посредственно») и двоек («плохо»).

О 1942–1943 гг.: «Наконец, табель в руках, и вот перед ней желанная строчка: “Переводится в пятый класс. Ударница”. Слышишь, папа, я ударница!» (Рождественская, 1960, 61).

УДАРЯТЬ книгой (учебником) по голове – действие, распространённое в учебных заведениях.

О нач. XX в.: «...Мальчики, которые сидели позади, то шлёпали меня книгой по затылку, то мазали мне ухо чернилами, то дёргали меня за волосы... И по этой причине я сидел в классе перепуганный и даже обалдевший...» (Зошенко, [1939] 1968–1, 224).

О пятиклассниках в 1970-х гг.: «А Максим сидит за своей первой партией... и переписывает упражнение из её, Таниной, тетради. А не из чей-н. ещё... А перед самым звонком Максим возвращает Тане тетрадь и крепко стучает её учебником по затылку. Её! А не кого-н. другого. Хотя вон он, полный класс разных затылков. Вот так неожиданно к Тане пришло счастье... Произошло потрясающее событие, великое и небывалое. Мальчик, кот. ходил мимо неё и не замечал её, вдруг подошёл к ней и попросил тетрадку. Разве этого мало? А это еще не всё. Он переписал упражнение из её тетради, а потом стукнул её по затылку» (Матвеева, [1982] 1985, 93, 101–102).

УДАРЯТЬ ложкой по лбу – распространённый вид домашнего наказания, применяемый взрослыми по отношению к детям, как правило, за столом (во время еды).

О 1938 г.: «...Я, помню, жила в доме бабушки, было мне лет пять. Я закапризничала за столом, не хотела есть суп или просила определенной кусочек мяса. Дед был крутого нрава, он молча хлопнул мне ложкой по лбу. Я очень правильно оценила обстановку, не зарыдала, не

выскочила из-за стола, а молча, глотая слезы, стала есть! Бабушка, мягкая и страстно любящая меня, промолчала (тоже, по моему теперешнему понятию, очень верно сделала)» (Иванова, 1995, 15).

«УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО» – «Отметка, обозначающая низшую положительную оценку (знаний, поведения и т. п.)».

С нач. 1920-х по 1933 г. существовало две осн. оценки – «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».

О системе оценок в школе в начале 1920-х гг.: «Учителя не цеплялись за старину-матушку.... Вводится новая система оценок? Ну что ж. В конце концов, не все ли равно: “5” или “в. у.” (весьма удовлетворительно), “4” или “уд”» (удовлетворительно; на тогдашнем школярском жаргоне – «удочка»), “3” или “е. у.” (едва удовлетворительно), “двойка” или “неуд”? Вот только совещания, на которых учителя проставляли четвертные или годовые отметки, со стороны можно было принять за хоровую декламацию Хлебникова: “Еу, вэу”, – выпевали учителя» (Любимов, 1992, 106).

С 1933 по 1935 год существовала система из четырех оценок: «неудовлетворительно», «удовлетворительно», «хорошо» и «очень хорошо». В 1935 году оценка «удовлетворительно» была заменена на оценку «посредственно». См.: *Оценка успеваемости*.

«УДОЧКА» – 1. Игра, то же, что «Рыбак».

О с. Крутиха в середине 1990-х гг.: «“Удочка” – одна из моих любимых игр. Бечёвка длиной в 3 метра, к концу которой привязан мешочек с опилками и песком, также можно использовать и скакалку. В центр круга входит входящий. Он раскручивает бечёвку или скакалку сначала внутри круга, а затем по мере ускорения вращения удлиняет бечёвку так, чтобы стоящие по кругу участники игры подпрыгнули. Кто зазевается, того мешочек заденет за ноги, и он становится водящим» (451).

«УДОЧКА» – 2. Разговорное название оценки «удовлетворительно», существовавшей с 1920-х гг. по 1935 год.

О нач. 1920-х гг.: «Даже кряжистые дубы начинали у нее с грехом пополам изъясняться по-французски и по-немецки и получали заслуженную “удочку” – так она с ними возилась... Другой закоренелый двоешник Витя Дешин изо всех сил старался получить “удочку” по-немецки, но всё, бедняга, путал “в” с “фау”». (Любимов, 1992, 122).

«Существовал кодовый школьный жаргон: “очхор”, “хор”, “посик”... Далее: “отл”, “удик” (“удочка”), “неуд”...» (Ваншенкин, 1996, 15).

О Москве в 1932–1933 гг.: «Но когда в конце первого класса нам вдруг стали ставить отметки и обнаружилось, что я не понимаю их смысла, мама заволновалась. Отметки были понятные и непонятные. Понятны были слова “отлично” и “хорошо”. Непонятны – “удовлетворительно” и “неудовлетворительно”. Я чаще всего получала “уды”, “удочки”, как мы говорили. И была вполне довольна этим. Мне казался ценным сам факт получения отметки. Одни получают “отлы” и “хоры”, другие – “уды” и “неуды”. Я не понимала, почему мама сердится» (Старикова, 2003, 243).

Вероятно, «удочка» преодолела 1935 год и осталась в обиходе и в последующие годы.

О 1938–1939 гг.: «Все были довольны: роздали табели, и даже у Петрова было только две “удочки”» (Волк, 1956, 98).

См. также: *Оценка успеваемости*; «Уд».

«УДОЧНИК» – тот, кто учится главным образом на оценку «удовлетворительно».

О 1918–1920 гг.: «Из школы бежал в редакцию. Мне уже поручалось делать зарисовки. Говорить о том, что пишу в газету, я почему-то в школе стеснялся. Б. Полевой жил отдельно от Б. Кампова – школьника, а потом студента промышленного техникума. И если первый порой имел некоторые успехи на газетных страницах, второй в течение всего учебного года оставался устойчивым “удочником”, что соответствует теперешнему троечнику, но в последние недели перед зачетом набирал темп и довольно лихо перескакивал из класса в класс, а потом с курса на курс» (Полевой, 1978, 299).

УЕЗДНОЕ училище – повышенная начальная школа, вторая (после приходского училища) ступень образования в России XIX века. Согласно Уставу 1804 года, уездные училища открывались в губернских и уездных городах для подготовки учеников “всякого звания” к поступлению в гимназии. В двухлетний курс уездных училищ входили: Закон Божий, священная история, русская грамматика, чистописание, правописание, география, всеобщая история, российская история, арифметика, начальные правила геометрии, физики и естественной истории, рисование. (ПЖЭ, 1968–4, 345)

«После принятия Устава 1828 года преемственность между уездным училищем и гимназией была нарушена. Уездные училища, ставшие 3-классными, в основном предназначались для детей купцов, мещан и т. п. Из программ уездных училищ были устранены естественная история и некоторые другие предметы. С разрешения Министерства Народного Просвещения при уездных училищах могли открываться “особые дополнительные курсы”, которые давали начальное профессиональное образование. Всего в России было около 500 уездных училищ. С 1872 г. уездные училища преобразовывались в городские училища, однако в 1899 году оставалось ещё 111 уездных училищ» (ПЭС, 2003, 295).

«УЗЕЛКИ» – детская игра.

О девочке 8–12 лет в Шадринске в середине 1990-х гг.: «Игра “Узелки”. Из группы играющих выбирается ведущий, который сразу же удаляется. Остальные же участники сначала встают в круг и берутся за руки, а затем, не разжимая рук, “запутываются”: перешагивают через сомкнутые руки, ноги друг друга, подлезают под них. Когда уже все перепутались, зовут ведущего словами: “Бабушка, распутай нас!” Появляется ведущий и пыгается вернуть игроков в исходное положение, заставляя их совершать те движения (перешагивать, подлезать под руки, выворачиваться), которые считает ведущими к цели. Если ему удаётся вернуть игроков в начальное положение – он выиграл и присоединяется к “узелкам”, если нет – остается “бабушкой”, пока не распутает узелки» (012).

«УЙДИ-УЙДИ» – игрушка-«свистулька» («гуделка»).

О Москве в нач. 1910-х гг.: «Мне кажется, я и сейчас вижу вербный базар далёкого детства... Громче всех кричит наша любимая “уйди-уйди”. Это игрушку надо надуть, потом вынуть изо рта, и она сама будет кричать “уйди-уйди-уйди”, пока весь воздух из неё не выйдет» (Сац, 1973; 36, 37).

О 1914 г.: «Ещё воспоминания детства – праздники... Масленица... Вербные базары, воздушные шары, длинноносые китайцы, продающие цветные, раскладывающиеся бумажные веера и мячики-раскидайчики на длинных резинках. Помню пишалок-чертиков “уйди-уйди” и ванильный запах теплых вафель...» (Александрова, 1978, 9).

О 1922–1923 гг.: «...В канун ярмарки нам с братом выдавали по полтиннику. На этот-то полтинник мы и гуляли целую неделю. Карусель, балаган, игры, маковки, заливные орешки, рожки, китайские мячики на резинке, пишалки “уйди-уйди”» (Розов, 1987, 260).

О Петрограде-Ленинграде в 1920-х гг.: «“Вербу” надо описать особо... Там была уйма народа, шум, гам, звуки разных свистулков (“уйди-уйди”, “тёщиных языков”), свистков...» (Поздняков, 1994, 293).

О середине 1930-х гг.: «Мы не подошли... к игрушкам, которые всегда продавались на базаре, и возле которых мы с Матрешенькой всегда простаивали, любясь... свистульками..., «уйди-уйди», жужжалками...» (Александрова, 1992).

О Ленинграде 1930-х гг.: «На праздничных базарах и ярмарках имелось на выбор множество забавных игрушек: глиняные свистульки, надувной пищащий чертик “уйди-уйди”, “тёщин язык”, китайские фонарики, трешотки» (Гранин, 1990–5, 473).

О Москве во вт. пол. 1930-х гг.: «В день демонстрации... Заманчивее всего – ...самодельные игрушки разносчиков... Уйди-уйди – напальчник на трубочке с перемычкой. Надуешь – воет, еще один ужас мам: “Изо рта в рот, опять сплошная зараза”» (Сергеев, 1995–1, 9).

О жизни в середине 1950-х гг. в предместье Москвы – Химках: «Старьёвщик объявлялся раз в две-три недели, иногда чаще... Все мальчишки знали, что с собой у него есть восхитительная кожаная торба, полная самой драгоценной дряни: уди-уди [уйди-уйди], ватными, обернутыми цветной глянцево-бумагой, мячиками на резинке, леденцовыми петушками... Торговаться было бессмысленно, да и тариф был внятн каждому мальчишке. Понятно, что за старую половую тряпку больше леденца не получишь, а вот мешок из рогажи мог потянуть и на уди-уди» (Климонтович, 2005, 3).

О вт. пол. 1950-х гг.: «А Митя уже вбежал в вертящиеся двери универмага. Магазин сверкал и гремел. На прилавке стояла ёлка, на ней висели цветные фонарики, балерины, грибы, стрекозы, почтовые ящички, золотые бумажные рыбы, куколки и жуки, хлопушки и звёзды, флажки всех стран и флотов мира. Со всех сторон неслись звуки патефонных пластинок, кричали “уйди-уйди”, звенели бубенчики, верещали свистульки... Митю опять оглушили звуки патефонов, вокруг вопили свистульки “уйди-уйди”, звенели бубенчики» (Виткович, Ягдфельд, [1959] 1961; 133, 145).

Из цикла «Позабитые игрушки» М. Бородинской (1954 г. р.): «“Уйди-уйди!” – твердит пищалка. / И правда, уходит пора, / Да с праздником расстаться жалко: / Так нынче улица пестра! / Из окон тянет сладким духом, / С бульвара – утренним дождём... / “Уйди-уйди!” – пищит над ухом. / Уйдем, уйдем. Сейчас уйдем» (Бородинская, 1999, 79).

УКЛОН производственный (в школе).

О г. Петрограде в нач. 1920-х гг.: «В те годы школам были приданы так называемые “уклоны”. Наша школа получила с.-х. уклон. В саду “Жуковской дачи” был разбит огород, была приобретена корова, и появились новые виды дежурств: “по огороду”, “по корове”(!). На лето школа не прекращала своей работы, и хотя посещение летней школы не было обязательным, многие из нас продолжали туда ходить, тем более что кроме огородных работ в летние месяцы предпринимались всякие походы и экскурсии» (Штерн, 2000).

О вт. пол. 1920-х гг.: «В течение послед. неск. лет шла её политехнизация; школа, наряду с общим образованием, должна была теперь готовить и к производств. труду. Поскольку же число общеобразоват. предметов сравнительно ограничено, а произв.-во почти бесконечно разнообразно, постольку каждая шк. получила свой особый производств. “уклон”. Были школы со слесарным, с токарным, с портняжным уклоном. Одна из соседних школ на Петроградской стороне была даже с пекарским уклоном» (Дьяконов, 1995, 202).

«1928 год... Была очередная школьная реформа... Школа стала, в основном, семилеткой. Но при некоторых школах были восьмые классы “с уклоном”, например, бухгалтерским, педагогическим, торговым. Принимали в 8-й класс сообразно с социальным положением. Детей “лишенцев” не принимали» (Аксельрод-Рубина, 1996).

«УЛИЦА младшего сына» – повесть (1949) Л. Кассиля и М. Полянского о *Володе Дубинине*.

О вт. пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.: «В советской литературе для детей пользуются популярностью док. повести (“Четвёртая высота” Е. Ильиной, “Улица младшего сына” Л. Кассиля и М. Полянского...)» (ПЭ, 1965–2, 644).

О 1970-х гг.: «К уроку внелк. чтения желательно приготовить выставку книг о Великой Отечественной войне. Важно, чтобы на ней были представлены худ.-док. произв.-ия о героях-пионерах и комсомольцах – участниках Великой Отечественной войны, например: “Улица младшего сына” (Л. Кассиль, М. Полянский), “Партизан Лёня Голиков” (В. Корольков), “Александр Матросов” (А. Журба)...» (Збарский, 1980, 61–62).

О 1970-х гг.: Повесть Л. Кассиля и М. Полянского “Улица младшего сына” пользуется большой популярностью у юных читателей» (Збарский, 1980, 73).

«УЛИЦА Сезам» – телепередача для детей.

О с. Брылино Каргапольского р-на в 1995–1997 гг.: «Когда мне было 9 или 11 лет, началась такая передача “Улица Сезам”. Там были смешные герои-куклы. Одного

из них я даже запомнила, его имя Зелибоба. Он был самый большой, зелёный, неуклюжий и ничего не знал. В этой передаче показывали игры с буквами, цифрами и др.» (133).

«В 1997 году по первому каналу шла детская передача “Улица Сезам”. Я её смотрела очень редко, но всё-таки смотрела с удовольствием. Насколько я помню, в этой передаче изучали английский алфавит и ещё правила дорожного движения» (022).

О конце 1990-х – начале 2000-х гг.: «Несколько лет назад, когда всепланетно раскрученная... “Улица Сезам” вращалась в русскую почву, рейтинги у неё были огромные... Любая попытка отечественных детских писателей проявить индивидуальность пресекалась. Сценарии проходили столько кордонов, что превращались в студень... Так или иначе, вы и сейчас можете наслаждаться этой хлорированно-дистиллированной продукцией, посмотрев очередные повторы бесконечной “улицы”. В которых наши дети похожи – нет, даже не на американцев – на учеников вспомогательной школы, которых одели в разноцветные маечки и заставили... заучить примитивные гримасы – хлопанье глазами, пожимание плечами и улыbanie губами... ...“Улица Сезам”, если вдуматься, и есть карикатура на норму. А зрители-дети принимают её и подобные ей за чистую монету. У них в отличие от взрослых отсутствует тот культурный и социальный контекст, который помогает защититься от агрессии усреднения» (Яковлев, 2002).

УЛИЧНЫЕ артисты – артисты, выступающие не в помещении (например, цирка), а под открытым небом (во дворах, на улицах и т. п.).

Девочка-гимнастка.

О конце 1920-х гг.: «На зеленой поляне между нашей и тридцатой казармами давали представления бродячие цирковые артисты. Начинилось оно пением городских романсов вроде “Маруся отравилась” под гитару. Пока звучала гитара и лилась песня, собирались зрители. Многие покупали листы с напечатанными на машинке словами исполняемых песен. Когда народу собиралось много, начиналось представление. Циркачи выступали в кругу, образованном зрителями. Ломалась, то есть, исполняла акробатические упражнения, худенькая и стройная девочка в выцветшем трико, силач “играл” двухпудовыми гирями... Раздавались аплодисменты, артист раскланивался, а девочка-гимнастка с кепкой обходила почтеннейшую публику, собирая актерский гонорар...» (Казарма, 2000).

УЛИЧНЫЕ мальчишеские компании – объединения мальчиков-подростков, занимающихся, как правило, противоправной деятельностью (хулиганством, воровством, вымогательством, грабежами).

О 1943 году: «...Отчаянная болязнь, что я могу попасть в дурную компанию, шляться по городу с утра до вечера, курить в подворотнях, а то, не дай бог, и воровать по наущению старших предводителей. Ради справедливости надо заметить, что бабушкины опасения не были лишены оснований. Город в годы войны невидимо для глаза делился на участки, которые как бы принадлежали мальчишеским компаниям. Во двор или даже квартал, где была, к примеру, многочисленная и дружная шайка или сильный пахан, заходить было просто опасно и не только малолетним, но даже и не очень внушительным взрослым. К такому взрослому подбегали и начинали кланчить папироску, а когда взрослый цыкал на них, возмущаясь, изо всех щелей выбирались пацаны постарше и совсем большие, замыкали противника в круг и принимались его “оттягивать”. Ну чо, мол, дядя, маленьких обижаешь? Папироски жалко? Дак они ведь не для себя! У них старенькие дедушки без курева дома маются. Взрослый вытаскивал пачку папирос, принаравливался выдать папироску-другую, но специально тренированные малыши подлетали к нему, выхватывали всё, и самое лучшее, что мог придумать взрослый, так это молча уйти, а то ведь, как известно, куча муравьев может победить большого жука. Во всяком случае, я такое ограбление видел однажды собственными глазами, и было это среди бела дня, и пожилой дядька с посережшим лицом прошагал мимо

меня... ..Вообще дядька не походил на трусливого слабака, но все-таки предпочел не связываться с хулиганской оравой. А уж про детей и говорить нечего! Впрочем, малый народ быстрее взрослых определял границы между кварталами и дворами, между владениями и царствами, безошибочно отыскивая безопасные пути вдоль границ. Самая главная истина этих правил заключалась в следующем: не сокращать пути, не заходить в проходные дворы, в глубь кварталов» (Лиханов, 1986–1, 529–530).

УЛИЧНЫЙ кодекс чести.

О 1910-х гг.: «...По мальчишеским законам купленные родителями вещи считались неприкосновенными. Наставить синяков друг другу, заманить и угнать голубку, забрать все “козны”, перехватить чужой змей – всё это было можно, всё это разрешалось. Но разбить очки у близорукого сынишки соседнего портного, изорвать рубаху противнику, украсть шапку... словом, вовлечь в расходы и навлечь родительский гнев – это считалось недопустимой подлостью. Женя не раз использовал это правило. У него были часы-браслет, и в драке он всегда держал левую руку у самого большого места – “под ложечкой”. Ударить по часам никто не решался» (Кассиль, 1987–1, 335).

О вт. пол. 1930-х гг.: «У меня было как бы два воспитания – благородное домашнее, главная роль в котором принадлежала маме, и уличная босяцкая жизнь со своим кодексом чести» (Стриженов, 1999, 28).

О 1950–1952 гг.: «Игры начала пятидесятых... Никогда не изгладится во мне восторг тех незатейливых, незамысловатых игр, даривших настоящее вольготное-безмятежное детство... [При игре в городки] Ботману как-то разбили коленку, а в другой раз пацан с соседней улицы, полчаса безуспешно пытавшийся распечатать “письмо”, записывал и погнался за якобы обидевшим его. Расстояние между ними метров двадцать, не меньше. Догонявший на бегу метнул биту и попал точно в затылок убежавшему. Кончилось крупной потасовкой, после чего мы приняли твердое решение: не водиться с совершившим такой поступок. Уличный кодекс чести выполнялся свято» (Гай, 1987, 77–80).

См. также: *Честь мальчишеская; Кодекс мальчишеской чести.*

«**УЛИЧНЫЙ** мальчишка – мальчик (мальчик-подросток), руководствующийся не официальными нормами поведения (принятыми в домашнем кругу, в семье; к соблюдению которых призывают в школе), а нормами поведения «улицы» (см.: *Уличный кодекс чести; Уличные мальчишеские компании*).

Об ученике 3–4 класса в 1940–1941 гг.: «Вовка был пай-мальчик, ходил в чистеньком матросском костюмчике. Мать провожала и встречала его с занятий, боясь, чтоб он не набрался дурных манер от нас, “уличных” мальчишек» (Демиденко, 1962, 25).

УЛИЧНЫЙ театр – см.: *Детский уличный театр.*

«**УЛЫБАТЬСЯ по ночам не будешь?**» – шуточный отказ в просьбе.

Об учащихся 8–10 класса в селе Ушаковском Катайского района в 2000–2002 гг.: «Это выражение мы обычно говорили при таких обстоятельствах, например: одноклассник попросил сделать за него “домашку” по алгебре, а мы с девочками ему в ответ: “Улыбаться по ночам не будешь?”» (139).

О г. Далматово в 2002–2003 гг.: «Выражение “Улыбаться по ночам не будешь?” я услышала от одноклассницы. Мне тогда было 15 лет. Этой шуточной фразой отвечают на какую-либо просьбу, которую выполнить невозможно, либо нет желания её делать» (136).

Ср.: «*Только валенки зашиную;*» / *Шнурки поглажу.*»

«**УЛЫБКА**» – песня (1974) на слова М. Плячковского и музыку В. Шаинского из мультфильма «Крошка Енот».

Текст: «[1.] От улыбки хмурый день светлей, / От улыбки в небе радуга проснется... / Поделись улыбкой своей, / И она к тебе не раз еще вернется. [Припев:] И тогда наверняка / Вдруг запляшут облака / И кузнечик запиликает на скрипке... / С голубого ручейка / Начинается река, / Ну, а дружба начинается с улыбки. / [2.] От улыбки солнечной одной / Перестанет плакать

самый грустный дождик, / Сонный лес простится с тишиной / И хлопает в зеленые ладоши. [Припев] [3.] От улыбки станет всем теплей – / И слону, и даже маленькой улитке... / Так пускай повсюду на земле, / Будто лампочки, включаются улыбки!»

Песня мгновенно завоевала огромную популярность и сохраняла её в 1980-е годы. Песня остается популярной и в 1990-е – 2000-е годы.

О девочке 4–5 лет в с. Брылино Каргапольского р-на в 1990–1991 гг.: «Песню “От улыбки...” я услышала в детском саду весной, ближе к лету. Мы в детском саду её учили и пели. Сначала нам на магнитофоне воспитатели включили. Мы прослушали и стали учить по куплетам. Потом нам показали мультфильм “Крошка-енот” с этой песней» (133).

Популярностью в детской среде пользуются и переделки (перетекстовки) этой песни.

О середине 1980-х гг.: «Переделанные песни. “От улыбки”: “...бегемот, / Обезьяна подавилась бананом, / Дикари срубили темный лес, / И улитку придавали чехоманом. Припев: И тогда наверняка / Мы напьемся коньяка, / И кузнечик побежит сдавать бутылки, / Он запнется об пенек, / Все бутылки разобьет, / И получит по зеленому затылку”» (499).

О 1989–1990 гг. в Шадринске: «Песня “От улыбки” мне стала известна из мультфильма. В возрасте 4–5 лет мы пели её хором в детском саду. Позднее данное произведение переделывалось под юмористическое и распевалось во дворе» (012).

Переделки, записанные в 1989–1990 гг. см.: Лурье, 1998–2; 484–485, 514.

О девочке 7–9 лет в перв. пол. 1990-х гг.: «Ещё одну переделанную песню я знала до 1995 года: «И тогда наверняка / Мы напьемся коньяка / И кузнечик побежит сдавать бутылки, / Он запнется, упадет, / И бутылки разобьет, / И получит по зелёному затылку» (на песню “От улыбки”)» (010).

О девочке 7–9 лет г. Когалыме Тюменской обл. в 1994–1996 гг.: «Учили песню “Улыбка” в нач. классах на уроке музыки. Переделка: “От улыбки лопнет бегемот, / А кузнечик побежит сдавать бутылки, / Пьяный лес накурится травой / И хлопает в зелёные ладоши”» (134).

«**УМЕЛЫЕ руки**» – телепередача для детей. Выходила в эфир в 1970-е гг. Ведущая – Валентина Леонтьева.

«**УМЕЛЫЕ руки**» – кружок.

О перв. пол. 1950-х гг.: «Например, при подготовке елки... под руководством кружка “Умелые руки” организуется конкурс на лучшую елочную игрушку...» (ВВВР, 1955, 44).

О середине 1950-х гг.: «Заботу о маленьких ребятах проявляют и пионеры, занимающиеся в кружках “Умелые руки”. Пионеры Магадана... пополняют дет. сады самодельными игрушками... Вот что рассказывает... руководитель кружка В.Я. Кузьмин: “Однажды в кружке “Умелые руки” нашего Дома пионеров возникло желание сделать для подшефного дет. сада игрушки. За короткий срок было изготовлено 5 моделей парашютов, 3 автомашины, 4 тачки, 2 тележки для кукол, 15 лопаточек, 15 совочков для песка, много ведёрок и других игрушек» (Гусев, 1957, 102).

О 1960-х гг.: «Неделю спустя Мишук сообщил матери новость: четверо ребят из их класса записались в кружок “Умелые руки”, где будут учить худ. выпиливанию... “Умелые руки” занимались на первом этаже в большой светлой комнате» (Надеждина, 1968; 75, 76).

УМКА – белый медвежонок, персонаж мультфильмов «Умка» (1969) и «Умка ищет друга» (1970). Автор сценария – писатель Юрий Яковлев. Мультфильмы получили большую популярность благодаря удачно придуманному и нарисованному образу белого медвежонка.

«**УМКА**» – занимательно-игровой журнал для игр и занятий с маленькими детьми, выходил в 1995–1998 гг.

Рубрики: «Домашние фокусы», «Готовимся к школе», «Сказка перед сном», «Школа маленьких художников», «Выучим наизусть»).

УМНАЯ Маша – персонаж ленинградского журнала «Чиж», придуманный в 1934 году художником Б.Б. Малаховским (1902–1937). Приключения Умной Маши, помимо прочих авторов, сочинял и Даниил Хармс. Умная Маша знала всё на свете и всегда находила простой выход в самых затруднительных ситуациях. О Ленинграде 1936–1937 гг.: «Смирнов у нас самый большой в классе... [Он] никогда ни с кем не дерётся, даже меня за косы не дёргает, хотя у меня такие косы – толстые, короткие, в разные стороны, как у Умной Маши в журнале “Чиж”» (Козырева, 1990, 57).

О начале 1940-х гг.: «Лина и вправду была хороша – тонкая девочка с яркими синими глазами, сторонница полной определенности во всем и потому несколько жёсткая. (Позже, войдя в книжный возраст, я находил сходство с ней во многих лит. образах, начиная с умной Маши из журналов “Чиж” и “Ёж” и кончая Катей из каверинских “Двух капитанов”» (Сафонов, 2001).

Для детей дошкольного возраста в Ленинграде в 1965 и 1969 году общим тиражом 500 000 экз. была выпущена 17-страничная книжка Нины Гернет «Умная Маша».

«**УМНИКИ и умницы**» – телеконкурс для выпускников школы.

Передача выходит в эфир с 1992 года. Учащиеся выпускного (одинадцатого) класса отвечают на задаваемые ведущим вопросы по истории. Победители без экзаменов становятся студентами престижного Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел. Автор и ведущий – писатель Юрий Вяземский. «“Десять лет назад я её задумывал как элитарную программу для талантливых детей, которые могли через телевидение поступать без экзаменов в вуз. Мне казалось, что на телевидении такая элитарная программа... долго просто не просуществует. Я думал, что эта программа на год-два, максимум на три. А потом программа стала раскручиваться» (Вяземский, 2002, 15).

О Катайске в 1995–1996 гг.: «Телепередача “Умники и умницы” – очень интересная игра на интеллектуальность, эрудицию. Одно время (я училась тогда в 5–6 классе) очень хотелось попасть и поучаствовать в этой программе» (082).

О девочке 12–14 лет в 1997–1999 гг.: «Я не пропускала передачи “Умники и умницы”, мне всегда казалось, что в ней обсуждаются умные вещи. После её просмотра я могла удивлять своими рассказами одноклассников и своего учителя истории. За это время у меня появился интерес к истории и цель знать ответы на вопросы передачи» (065).

О селе Верх-Теча Катайского р-на в 1997–1999 гг.: «[Передача] “Умники и умники” нравилась [мне] тем, что [я] считала детей, кто попадал на эту программу, гениальными» (097).

О д. Подгорка Курганской обл. в 1999 г.: «Смотрю передачу “Умники и умницы” лет с 15 лет до сих пор (когда получается). Поражаюсь уму участников» (072).

О 15-летней девочке в 1999–2000 гг. в селе Красная Нива Шадринского района: «В передаче “Умники и умницы” юноши и девушки из разных городов и деревень получали возможность поступить в МГИМО, отвечая на вопросы ведущего. Три дорожки – зелёная, красная, жёлтая. Самая короткая – красная – на ней нельзя ошибаться. Обычно выбирали зелёную, так как на ней можно было два раза ошибиться. Очень нравилось отвечать на вопросы вместе с участниками, хотя это было слишком сложно» (102).

«**УМНЫЙ – по горшкам дежурный**» – из лексикона детей 1960-х гг.

По воспоминаниям автора словаря (о детях 5–7 лет в Шадринске во второй половине 1960-х гг.): на бранное «Дурак!» можно было ответить: «А ты умный – по горшкам дежурный».

О середине 1980-х гг.: «Умный – по горшкам дежурный» (496).

«**УНЕСЁННЫЕ ветром**» – роман М. Митчелл; фильм, снятый по роману М. Митчелл.

О 1992–1993 гг.: «Когда мне было 5–6 лет, мы с мамой в шадринском кинотеатре посмотрели фильм

“Унесенные ветром”. Несмотря на свой детский возраст, я весь фильм просмотрела, загнав дыхание. После этого фильма я считала Вивьен Ли – главную героиню – идеалом женской красоты» (094).

О деревне Подгорка Курганской обл. в 1998–1999 гг.: «“Унесенные ветром” М. Митчелл читала в 14–15 лет. Книга была у нас дома, начала читать по совету мамы. Читала запоем, несколько раз перечитывала» (072).

О 2000 г.: «Когда я училась в 9 классе, мама меня, можно сказать, заставила посмотреть этот фильм (по телевизору), так как он ей очень нравился. С тех пор “Унесенные ветром” – один из моих любимых фильмов. Каждый раз, когда его повторяют по телевидению, я его смотрю. Сразу после первого просмотра данного фильма, я начала читать книгу “Унесенные ветром”, которую мне и раньше советовала прочитать мама, но старая обложка меня не впечатляла. Примерно через 6 месяцев я купила видеокассету “Унесенные ветром”» (100).

О 2003 г.: «А уже в возрасте 14 лет, я прочитала книгу “Унесенные ветром”. Мне она очень понравилась. А главная героиня Скарлетт для меня предстала как настоящая леди. Я даже в какой-то степени хотела быть похожей на неё. А когда вышел в свет фильм “Унесенные ветром”, я просто была в бешеном восторге от него. Я именно такой и представляла главную героиню, какой она была представлена в фильме. И сейчас я бы с удовольствием посмотрела этот фильм ещё раз!» (046).

УПК – учебно-производственный комбинат.

«**УРАЛЬСКАЯ детская библиотека**» – книжная серия.

О 1960-х гг.: «В “Уральской детской библиотеке” вышли книги: И. Ликстанов. Малышок; В. Крапивин. Валькины друзья и паруса; А. Гайдар. Школа; О. Коряков. Формула счастья; Ю. Хазанович. Свое имя; В. Гравишкис. Под уральскими звездами. Готовится к печати: Л. Давыдычев. Повести» (информация напечатана в конце книги: Гроссман, 1971).

«**УРАЛЬСКИЕ огоньки**» – альманах для детей, выпускавшийся в Челябинске с 1948 года. В 1950-е годы стал именоваться сборником.

Сборник «Уральские огоньки. № 3» (Челяб. обл. гос. изд-во, 1950 – 119 с.) вышел тиражом 15 000 экз. Из стихотворения С. Маршака «Пионерский привет»: «Лучезарно / Детство наше. / С каждым годом, / С каждым днём / Всё счастливее и краше / Наш родной Советский дом» (УО, 1950, 3). Из стихотворения Л. Татьяничевой «Сын большевика»: «Для чего вам, птицы, улетать / за Днепр, за голубой Дунай. / Всё равно нигде не повстречать / вам привольней, чем уральский, край» (УО, 1950, 53). Из стихотв. подборки Б. Раевского «За мир, за демократию»: «В Америке готовят / План будущей войны, / На карте алой кровью / Фронты нанесены...» («Две карты»); «Первым делом в газете / Не стихи, не рассказ – / Ищет мальчик советский / Информацию ТАСС... В это время в Эпире / Бой затих до утра, / Грек-мальчишка газету / Развернул у костра. / Он читает, что снова / Трумен бредит войной, / Что он бомбу заносит / Над Советской страной» («Друзья»); «Дети рано узнали / Свист английских плетей... / Даже детство украло / У индусских детей!» («Дети Индии»); «По берегам / Янцзы-реки, / Врагов с пути сметая, / Идут полки, / Идут полки / Идут сыны Китая» («Да здравствует Китай свободный!») (УО, 1950, 4–7).

«Уральские огоньки. Лит.-худож. сборник № 7» (Челябинск, 1953, 111 с.), тираж 30 000 экз., для детей мл. шк. возр.. Из содержания: В. Кузнецов «Счастливое детство»; А. Дементьев «Настоящий друг»; Л. Преображенская «Всегда готов».

«Уральские огоньки. Лит.-худ. сборник № 8» (Челябинск, 1954, 188 с.), тираж 30 000 экз., для детей мл. шк. возр. Из содерж.: Л. Куликов «Павлик и Ляля»; В. Малахов «Отцовская профессия»; Т. Вдовин «Моя мама». (Старцев, 1958, 234–235).

«Уральские огоньки. (Лит.-худож. сб.). № 10» (Челябинск, 1958 – 191 с.), тираж 30 тысяч экземпляров. Из содержания: «В родной школе», «Страница юнната»,

«Славная революционерка Соня Кривая», «Подружки-болтушки», «Алёшины калоши», «Вышивает Таня».

«Уральские огоньки. (Лит.-худож. сб.). № 1 (11)» (Челябинск, 1959 – 64 с.), тираж 15 000 экземпляров. Из содержания: «Сказка про неряху Петю», «Для тех, кто учится рисовать».

УРОЖАЙ – «Количество уродившихся злаков, плодов, трав, грибов и т. п.» (Словарь, 1964–16, 834).

Охрана урожая.

О начале 1930-х гг. в Шадринске: «В 1930-е гг. создавались дозорные посты. Пионеры нашей школы помогали комсомольцам дежурить на сторожевых вышках. Одна сторожевая вышка стояла недалеко от деревни Хлызовой, и мы дежурили на ней, охраняя хлебные посеы от воров. После уборки хлебов собирали колосья. Помню песню, которая была посвящена охране урожая. Вот ее текст: “[1] Поднимался рассвет из тумана, / Урожай поднимала земля. / На колхозном коне – на буланом – / Объезжал Гордиенко поля. [2] Тёплый ветер тянул от пшеницы, / Чуть подёргивал конь головой. / Наливал хлеба за станицей / Сторожил пионер-часовой. [3] Ехал Митя, и ласковый ветер / Красный галстук на шею трепал. / Вдруг дозорный в пшенице заметил / Воровскую хватку серпа. [4] Кто скрывается там у канавы, / Сытый колос в мешке хороня? / Повернул Гордиенко направо / Своего молодого коня. [5] И конем на воров наезжая, / Вспомнил Митя решение звена: / Пусть расправой враги угрожают, / Сбережём урожай до зерна. [6] Наливались колосья в тревоге, / Волновалась хлебами земля. / А вдали по широкой дороге / Пионеры спешили в поля”. Летом 1930 года группа пионеров города Шадринска ездила на 1-й обл. слет “Дозорных урожая” в г. Челябинске. Мне посчастливилось быть в этой группе. Нас очень хорошо приняли. На слёте выступали с рапортом пионеры. После... выступали представители обкома партии и комсомола. Они призвали пионеров быть бдительными, охранять урожай, хорошо учиться. На слете нам вручили подарки» (Такунцева, [1989] 2002, 42–43).

Уборка урожая.

О Катайске в 1998–2003 гг.: «Когда я училась в Катайской средней школе № 2, каждый год с 6 по 11 класс один месяц мы ездили на отработку – уборку урожая (обычно это была картошка, морковь, свекла). Весь сентябрь мы из школы на автобусах уезжали в 8 утра на поля, принадлежащие фермерскому хозяйству. На отработку ездили все учащиеся с 6 по 11 классы; отменяли отработку, если только шёл дождь, тогда все шли в школу на занятия. Одевались на уборку по-рабочему: джинсы, свитер, куртка, шапка или кепка, резиновые сапоги, перчатки. Каждый должен обязательно иметь свое ведро. На поле урожай был посажен рядами, поэтому каждому классу давался свой ряд. Работой руководил, наблюдая за дисциплиной, да и помогал классу его классный руководитель. Между рядами рядом с нами ехали 3–4 грузовые машины, в кузовах машин принимали ведра и высыпали их содержимое мальчишки-старшеклассники, которые сменялись другими ребятами на протяжении всего времени работы. Обычно работали мы с 9 до 12 часов дня. В 12 часов за нами снова приезжали неск. автобусов и везли нас обратно в школу, откуда мы расходились по домам. Через месяц после окончания всей уборки, [фермерское хозяйство] выплачивало школе деньги, на которые адм-ция школы покупала мебель в учительскую и директорскую комнаты. К сожалению, нам, школьникам, пользы от этих денег не было никакой. В 11 классе наши родители очень возмущались, что нам, выпускникам, нужно учиться, готовиться к экзаменам, а мы ездим “на картошку”» (018).

См. также: *Сельскохозяйственные работы.*

УРОК – «Учебное занятие; определенный промежуток времени, установленный для проведения занятия» (Словарь, 1964–16, 837); одновременное обучение одним учителем большого количества учащихся (10–40 человек), форма орг-ции учеб. процесса в учеб. заведениях при классно-урочной системе

обучения. Урок проводится с постоянным составом учащихся (классом) в течение определённого промежутка времени (30–35–40–45 минут). Сложилось неск. типов урока. Наиболее частым является так называемый комбинир. урок, состоящий из орг. части (1–2 мин), проверки домашнего задания (10–12 мин), изучения нового материала (15–20 мин), его закрепления и выполнения практ. заданий (10–15 мин), подведения итогов (5 мин), домашнего задания (2–3 мин).

В советской школе только в 1932 году урок был признан основной и по сути единственной формой обучения. В постановлении ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г. было указано «на наличие ещё имеющих извращений в методике шк. работы (“лабораторно-бригадный метод”» и признано, что «основной формой орг-ции учеб. работы в нач. и сред. школе должен явиться урок с данной группой учащихся со строго определенным расписанием занятий и твёрдым составом учащихся» (Константинов, 1948, 199).

О 1970-х гг.: «Урок – учебное занятие в школе, проф.-тех. училище и сред. спец. учеб. заведении. Продолжительность урока – 45 минут. О начале и конце урока оповещает звонок. После каждого урока бывает перемена. Звонит звонок на урок. Ученики занимают места за партами (столами), входит учитель. Учащиеся встают в знак приветствия. Дежурный называет фамилии отсутствующих, учитель отмечает их в классном журнале. Урок обычно состоит из опроса и объяснения нового материала. В конце урока учитель даёт задание на дом (домашнее задание). Школьники записывают его в дневник. На уроке учитель обращается к ученикам по фамилии (или по имени и фамилии), школьники называют учителя только по имени и отчеству. Для того, чтобы обратиться к учителю или ответить на поставленный перед классом вопрос, ученик должен поднять руку. При опросе он обычно выходит к доске или, стоя за партой, отвечает с места. У школьников младших классов, как правило, бывает четыре урока в день, у старшеклассников – пять или шесть уроков. Расписание уроков составляется на каждую четверть. Уроки проходят в классах (в них обычно занимаются младшие школьники) и в учеб. кабинетах (уроки химии – в химич. кабинете, уроки физики – в физич. кабинете и т. д.). Уроки трудового обучения проводятся в учеб. мастерских, уроки физкультуры – в спорт. зале или на спортивной площадке. Иногда в классе проводится открытый или показательный урок. Открытые уроки дают лучшие учителя школы. На их присутствие инструктор отдела нар. образ., педагоги, которые ведут преподавание данного учеб. предмета в других классах, учителя из других школ. Открытые уроки даются с целью обмена опытом и ознакомления с новыми методами преподавания. Открытые уроки обязательно проводят также учащиеся пед. училищ, пед. институтов и университетов во время пед. практики. Проверить, как студент ведёт урок, приходят учителя, руководитель пед. практики, однокурсники будущего педагога. В проф.-тех. училище и в сред. спец. учеб. заведении уроки проходят примерно так же, как в школе» (Денисова, 1978, 106–107).

«**УРОК мира**» – воспитательное мероприятие, проводившееся в школах 1 сентября.

О Шадринске в 1985 году: «Первым и единственным уроком первого сентября был урок мира» (571).

«**УРОК мужества**» – школьное воспитательное мероприятие.

О Шадринске во вт. пол. 1960-х гг.: «1 сентября у нас был всегда урок мужества. Приглашали участников Великой Отечественной войны, они рассказывали, как они воевали. У каждого класса было название, например, у нас класс назывался “класс имени Володи Крылова” – он учился в этой школе, воевал на войне, но погиб. Помню, пригласили его маму – Ефросинью Крылову, которая рассказывала о своем сыне, как он воевал, какие писал письма. Ефросинья Крылова была заслуженным учителем. А наша школа носила название – “школа имени Николая Архангельского”» (553).

О 1980-х гг.: «Во вторник у нас должен был быть “Урок мужества”. Обычно на этот урок приходили солдаты из воинской части... Мы им всегда задавали интересные вопросы об оружии и международном положении и ещё о боевом каратэ и машинах. На этот раз к нам должен был прийти ветеран... Но вот... наступил пятый урок... Шёл урок мужества. Иван Иванович рассказывал о своей солдатской жизни, о том, за что ему дали орден Красного Знамени: он подорвал фашистский танк гранатой, а потом ещё долго стрелял из пулемёта по фашистам, пока не кончились патроны» (Минаев, 1990; 140, 141, 144).

О 2008 г.: «...В нынешней школе... мы сталкиваемся с... переносом учебных форм и учебного содержания... и на общественную среду школы, и на внешкольное пространство. Процветает “заурочивание воспитания” (термин Владимира Караковского): “урок мужества”, “урок заботы”, “урок этики” и т. д. вместо создания среды для мужественных, заботливых, этических поступков» (Григорьев, 2008, 23).

«**УРОК природы**» – занятия за пределами школьного здания по знакомству с растительным и животным миром.

О первоклассницах в конце 1940-х гг.: «Девочки одеваются, торопятся – сегодня у них в первый раз урок не в классе, а в парке. Это называется “урок природы”. Вот идут они толпой по парку, окружают Анну Ивановну. “Вот лист клена, – говорит Анна Ивановна. – А ну-ка, кто найдет первый дерево с такими же листьями?» (Шварц, [1949] 1960, 32).

«**УРОК хлеба**» – воспитательное мероприятие.

О 1985 годе: «В Кудиновской школе Калужской области шел необычный урок – Урок Хлеба. Впрочем, шёл он не только в этой школе и не только в этой области. Правление Роспотребсоюза объявило 21 декабря Всероссийским Днем Хлеба. В кинотеатрах, домах культуры, школах, детских садах... проходили конкурсы профессиональных пекарей и умелых хозяек... А праздник удался! ...С каким вниманием слушали школьники славу хлебному колосу из уст людей, которые его делают. Но вот ребятам задана простая задача: “За один день в школе попадает в отходы полтора килограмма хлеба. Посчитайте, сколько будет за учебный год?” Заметим, что полтора килограмма взято не “с потолка”. Накануне закончилась в школе операция “Берегите хлеб”, и было похоже, что ребята сочили эти потери незначительными. Задача заставила задуматься... А угощение пеклось, варилось и жарилось поварами кафе “Весна” из чёрствого хлеба. И вот дегустация! Оживление, шум, толкотня у столов: дети угощались оладьями, кексами, гренками, пирогами и запеканками и так рассматривали блюда, как будто видели такое впервые. А чтобы не забыть, как всё это делается, разбирали на память отпечатанные на машинке рецепты. Эти листочки бумаги пользовались не меньшим успехом, чем сами угощения» (Басовская, 1986, 24).

УРОКИ – в выражении «делать уроки». То же, что *домашнее задание*.

«**УСЕРДНЫЕ**» – монахини, проявлявшие «особую нежность» к послушницам 14–16 лет.

О начале ХХ века: «Зина... вспомнила, что надо поблагодарить казначею и, тяжело вздохнув, пошла к ней. Не любила она ходить к казначее, а та часто зазывала её к себе и была с ней очень ласкова, но именно излишняя-то ласковость казначеи и была неприятна Зине. Казначейка не была исключением, – многие монахини питали особую нежность к молоденьким послушницам, в монастыре их звали “усердными”. “Усердные” дарили своим симпатиям тонкие батистовые рубашки, отделанные кружевами и прошивками, носовые платки с замысловатой строчкой, расшитые полотенца, четки и т. д., кормили их сладостями, поили чаем с вареньем. Многие послушницы охотно шли навстречу ласкам “усердных”, но именно таких меньше всего любили те. Зина избегала “усердных”, заманить её в келью было трудно, и потому к ней больше всех приставали. Некоторые проявляли изумительное постоянство своих симпатий к ней, но большинство после первых же неудач возненавидело

недотрогу. В числе последних была и старшая живописной, сестра Нимфодора, женщина рослая, грубая, с мужскими манерами... Вечером Зина пошла к казначее... “А теперь перестань плакать-то, кофейку сейчас поьем. Горюша ты моя, исхудала-то как...” Казначейка обняла Зину, плотно прижалась к ней всем своим пышным телом и жарко дышала в лицо. У Зины закружилась голова, и сердце заняло, как давеча, перед припадком... Первое время в монастыре было весело... Зимой определили Зину в живописный корпус ученицей. Здесь тоже было весело. ...С четырнадцати лет к Зине стали приставать “усердные”. Сначала ей нравилось это, так как усердные дарили различные вещи, кормили сладостями, но потом она стала тяготиться их ласками, особенно после того как увидела [послушника] Михаила – кудрявого красивого юношу]» (Мартковский, 1915; 79, 81, 85).

«**УСТАМИ младенца**» – развлекательная телепередача первой половины 1990-х гг., выходила в течение восьми лет. Ведущий – Александр Гуревич. В передаче маленькие дети объясняли значения предлагаемых им слов. А игроки – семейные пары – по даваемым детьми объяснениям должны были угадать заданное слово.

О г. Снежинске Челябинской обл. в 1992 г.: «Когда мне было примерно 8 лет, по второму каналу шла передача “Устами младенца”, где участвовали две команды. Загадывалось слово, которое объясняли дети лет 5–6. Было очень интересно слушать объяснения. Детишки были такие смешные, я хотела тоже объяснить слова, но по возрасту я не подходила» (117).

О г. Шадринске в 1992–1994 гг.: «Мне было 7–9 лет, когда по РТР показывали программу “Устами младенца”. Декорации к передаче представляли собой некие ярыеобразные формы. Участники игры должны были угадать, какое слово, понятие пытаются объяснить детишки 4–6 лет. Мне очень нравились забавные ситуации, фразы, которые воспроизводили дети. Очень жаль, что эта передача прекратила существование» (109).

УСТНАЯ газета – форма воспитательной работы.

О 1941–1945 гг.: «Особое внимание в школах военного времени уделялось восп. работе... В те годы получили распространение... кружки комсомольской поллитсети, митинги школьников по поводу разл. полит. событий, устные газеты, агитбригады... и т.п.» (ИПО, 2001 484).

УСТНЫЙ журнал – форма организованной взрослыми активности ребят в 1940-е – 1980-е гг.

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Сегодня у Феде должны б собраться ребята из первого звена, задумавшие выпускать устный журнал “Пионерская дружба”. Мысль о выпуске такого журнала подал Федя, а Пяня её бурно поддержал и поэтому очень спешил, чтобы не опоздать на заседание редколлегии» (Ликстанов, [1953] 1964, 505).

О 1950-х гг.: «Устный журнал, интересная форма пропаганды книги, приобретает всё большую популярность среди работников, руководящих внеклассным чтением школьников. В условиях летней работы в лагере устный журнал открывает особенно широкий простор дет. самодеятельности. В орг-ции, подготовке и проведении устного журнала принимают акт. участие сами ребята. Юные художники, поэты, очеркисты, рассказчики, фотолюбители, певцы, танцоры найдут широкое применение своим творческим силам... Устный журнал может быть посвящен целиком творчеству одного из писателей... Устный журнал может быть также и тематическим – например, о дружбе, о школе, о товариществе и т. д. Целесообразно выпустить номер, посвященный одной какой-нибудь отрасли знания: астрономии, минералогии, физике. В загородных лагерях удастся выпустить не больше трех номеров в течение летнего сезона – один в каждую смену. В городских лагерях, где ребята проводят все лето, журнал “Говорящие страницы” может выходить систематически – один раз в неделю или раз в месяц. В загородных лагерях полезно приурочить выпуск номера и ко дню закрытия лагеря. Чтение каждого вновь выпускаемого номера журнала происходит в назначенный для этого час, о котором объявляется заранее. На особой, отведенной

для этого площадке или, если возможно, на полянке, среди деревьев или кустарников, устанавливается большая, выше роста школьников среднего возраста, обложка книги, сделанная из толстого картона или из фанеры. Внутри нее вставлены 1–2 листа-разворота, которые можно передвигать, как бы перелистывая книгу. На обложке крупными буквами написано: “Говорящие страницы. Устный журнал № 2”. Кроме надписи, на обложке должна быть дана картинка, соответствующая содержанию номера и привлекающая внимание читателей или, вернее, “слушателей” журнала: портрет писателя, которому посвящена лит. страничка или весь номер; иллюстрации из книг, которые рекомендуются в разделе “Книжная полка”; картинки к разделам “Новости дня” и “Страничка науки и техники” и т. д. Внизу на обложке более мелкими буквами указано место издания: лагерь такой-то, фамилии членов редколлегии и главного редактора или номер отряда, выпустившего журнал, год издания. При выпуске журнала читающие “выходят” из “книжки” (из-за обложки, за которой прятались, невидимые для зрителей). Ведущий по мере надобности передвигает страничку “книжки” так, что за ними открывается нечто вроде сцены. Пока открывают одну обложку и читают первую статью, за второй “страницей” уже готовят следующую сцену и т. д. Вот один из номеров устного журнала, выпущенного в одном пионерском лагере. Этот номер имел следующие разделы: 1. Новости дня. 2. Страничка науки и техники. 3. Книжная полка. 4. Лит. страничка. 5. Хроника лагерной жизни. 6. Веселый час. В “Новостях дня” была дана статья “Приезд индийского гостя”, рассказавшая пионерам о посещении Советской страны премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру» (Гусева, 1956, 131–133).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Сбор не может быть единственной формой орг-ции коллективной деятельности пионеров. Наряду со сборами проводятся... смотры, костры, устные журналы, вечера вопросов и ответов...» (Ханчин, 1962, 43).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Большую познават. активность пионеров развивает также выпуск устных журналов “Хочу всё знать” (интересные сообщения пионеров, чередующиеся с демонстрацией опытов, картин, таблиц, кинолент, с использованием тех. средств, чтением стихов и т. д.)...» (Розенберг, 1986, 58–59).

УСТУПАТЬ место в транспорте взрослым (пожилым).

О Москве (р-н Пресни) в конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Мир постоянно вмешивался в нашу жизнь. В трамвае любой мог тебе сказать: “Мальчик, ну-ка быстро встал, уступил место старушке!” Любой мог сделать тебе довольно резкое замечание, ощущая себе не трамвайным хамом, а высококравственным человеком, представителем государства» (Минаев, 2006, 2).

УСЫ – «Волосной покров над верхней губой (у мужчин), обычно разделяющийся на две части» (Словарь, 1964–16, 1008).

О подростке в Москве в середине 1970-х гг.: «Скамейка в полусквере-полудворе какого-то “сталинского” дома... В зубах, точнее в губах, – сигарета... Первые усики (борода ещё не растёт)... Усы неизбежны: утверждение мужественности – жест социальной адаптации» (Бараш, 2006).

УСЫНОВЛЕНИЕ – приём в семью на воспитание ребёнка с установлением при этом между лицом, усыновившим ребёнка (усыновителем) и ребёнком (усыновлённым) таких же правовых отношений, которые существуют между родителями и детьми. (ПЭ, 1968–4, 406).

«**УСЫПЛЯТЬ**» – см.: «*Душить*»

«**УТКИ**», «*Утинная охота*», «**Duck Hunt**» – игра на «Денди».

«...Задача – сбить вспуганных собакой уток, взлетающих из зарослей кустов» (Денди, 2000, 56).

О Шадринске в 1993–1994 гг.: «Примерно лет в 8–9 лет у меня появилась видеопроставка. Моей любимой игрой были “Утки”. На экране появлялись утки, в которых надо было стрелять из пластмассового

пистолета. Я целилась в экран и стреляла, увлекал сам процесс. А ещё по экрану бегала какая-то смешная собака» (111).

О 1990-х гг.: «Игра “Утки”. Необходимо было взять в руки джойстик-пистолет и стрелять по уткам, которые вылетают из кустов. Чем больше убьешь, тем больше очков» (082).

О 1995 г.: «В игру “Охота на уток” я играла лет в 10 у своих соседок. Вместе с сестрой мы пришли поиграть в “Денди” к моим подружкам-соседкам. Игру им привез брат из Кургана. Нас было 5–6 человек, и всем нам было охота пострелять из пистолета, поэтому мы и выбрали эту игру. Я помню, как я от восторга соскакивала со стула и с восторгом кричала, а меня успокаивали, просили вести себя спокойно. Но я все-таки дошла до конца этой игры. Мой рекорд никто из них не мог побить» (068).

«**УТКИ, утки, я на три минутки!**» – формула, произнесение которой предоставляло возможность участнику на время выйти из подвижной игры.

О девочке 7–11 лет в селе Ястребинка Пресновского района Сев.-Казахстанской обл. в 1991–1995 гг.: «У меня с друзьями было такое правило, при котором можно было выйти из игры по нужде на время (прятки, жмурки, “чай-чай, вырчай” и др.) Для этого нужно было только крикнуть громко: “Утки, утки, я на три минутки!”» (019).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «При дворовых играх, когда нужно было отдохнуть от игры, или, например, завязать шнурки, чтоб не отвлекаться от игры, мы говорили: “Утки, утки, я на 3 минутки”. После этой фразы “водящий” игры не имел права заляпать игрока. Иногда мы пользовались этой фразой, если водящий уже готов был “заляпать”. Почти при использовании всех игр употреблялось это выражение» (012).

О г. Далматово в 1993–1995 гг.: «Фразу “Утки, утки, я на три минутки” я знаю примерно с 1993 года от девочек-соседок. Мы так говорили во время подвижных игр (например, догонялки, вышибалы и т. д.), когда нам надо было отлучиться, если уставали бегать» (136).

О с. Крутихи Далматовского р-на в середине 1990-х гг.: «“Камаз-камаз, я на целый час”, “Утки-утки, я на 3 минутки”, – произносили эти фразы, когда напр., при игре в “ляпки”, одному из нас нужно было передохнуть или тогда, когда развязывался шнурок у ботинка. Использовали во всех подвижных играх» (211).

УТРЕННИК – «Утреннее представление, утренний спектакль (обычно для детей)» (Словарь, 1964–16, 1079); праздничное утреннее собрание дошкольников и младших школьников; одна из форм массовой восп. работы; организуются в дошкольных, внешкольных и школьных учреждениях.

О нач. 1890-х гг.: «Мне было лет пять-шесть, когда я впервые участвовал в детском утреннике. На маленькой сцене, специально построенной по этому случаю в саду у наших знакомых, старшие ребята представляли какую-то пьеску, а мы, младшие, выступали в дивертисменте – пели, читали стихи или плясали русскою в красных рубашках, подпоясанных шнурками. Публика разместилась на стульях, расставленных перед сценой» (Маршак, [1962] 1987, 531).

О нач. XX в.: «Детские утренники, организуемые в театрах для взрослых, большей частью не имели худ. ценности. Исключение представляли лишь отдельные спектакли (например, “Синяя птица” Метерлинка в МХТ, 1908, пост. К.С. Станиславского)...» (ТЭ, 1967, 111).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Школьников гораздо больше, чем таких малышей, как наши, – кажется, что сюда пришли целые школы. Наверное, это так и есть – ведь сегодня в театре “Детский утренник”. Так написано на большой афише, которая висит на двери» (Смирнов, 1963, 120).

О 5–6-летнем мальчике во вт. пол. 1940-х гг.: «Мамина школа тоже в совхозе. По праздникам Сережа бывает с мамой на шк. утренниках» (Панова, [1955] 1956, 411).

О нач. школе в конце 1940-х гг.: «В орг-ции утренника или вечера большое место должно быть отведено дет. самодейст-сти... [..]

О вт. пол. 1950-х гг.: «Таня никогда не думала, что так трудно составить план работы для отряда. Все, что ни предлагала она, уже много раз делали: ходили в театр, устраивали утренники в школе, собирали железный лом» (Кудряшова, 1961, 47).

О 1960-х гг.: «Как правило, утренники посвящаются революционным событиям, юбилейным датам, важным событиям в жизни страны, проводятся также тематические утренники: “Пионеры-герои”, “Наш колхоз”, “Пришла весна” и т. д. Обычно программу утренника составляют литературно-музыкальные монтажи, концерты художественной самодеятельности, игры, танцы; программа рассчитывается не более чем на 1 – 1,5 часа» (ПЭ, 1968–4, 409).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Утренники, как правило, посвящаются историко.-рев. и знаменат. датам (годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, празднику 1 Мая, Дню 8 марта и др.). Они проводятся с учётом возрастных особенностей детей. Один из самых любимых утренников детей – праздник новогодней ёлки. На утреннике в детском саду дети выступают с концертом: поют песни, читают стихи, танцуют. На свой праздник они обязательно приглашают родителей. Подготовку к утреннику ведут воспитательница и муз. руководитель на занятиях в группе. В школах утренники октябрат похожи на утренники в детских садах, но тематика их более разнообразна. Так, для первоклассников во многих школах устраивается традиц. детский праздник “Прощание с букварём”. Пионерские утренники обычно состоят из двух частей: торжественной части и концерта самодеят.-сти. Торже. часть включает в себя сообщения в связи со знаменат. датой, кот. делают сами пионеры, выступления шефов школы и почетных гостей – участников Великой Октябрьской социалист. революции, Великой Отечественной войны, старых коммунистов, передовиков производства. Нередко на утренниках проводится торж. пионерская линейка» (Денисова, 1978, 207).

См. также: «Утро».

«УТРЕННЯЯ звезда» – воскресная муз. телевизионная передача вт. пол. 1990-х гг., в кот. показывались песенные и танцевальные выступления детей.

О Шадринске в 1990–1993 гг.: «Мне было 5–8 лет. Передачу-концерт “Утренняя звезда” я любила за то, что в ней детям-подросткам предоставлялась возм-сть показать свои таланты. Они пели и, кажется, танцевали. Очень нравилась ведущая девочка Маша, но не могла воспринимать ведущего Юрия Николаева. Мне в нём не нравилось буквально всё: голос, причёска, улыбка и т. д.» (109).

О 1992–1993 гг. в Шадринске: «Мне было 7 лет или 6. Я смотрела передачу “Утренняя звезда”. Она шла по ОРТ, в 10–11 часов. Мне нравились очень танцы. Я тоже хотела туда попасть и станцевать» (114).

О девочке 8 лет в 1994 г.: «Я любила по утрам в выходные дни смотреть передачу “Утренняя звезда”. Мне нравилось оценивать, просматривать выступления моих сверстников, а также др. детей. Были даже те, кого я предпочитала слушать, за кого болела, переживала. Нравились ведущие – Ю.Николаев и Ю. Малиновская. Эта передача давала возм-сть реализоваться, раскрыть свои творч. способности. Жаль, что её теперь нет» (200).

О девочке 8–12 лет в 1992–1996 гг. в с. Межборном Притобольного р-на: «Передача “Утренняя звезда” шла по субботам, утром. В ней участвовали дети примерно с 5 до 17 лет, они пели песни, а жюри выставляли оценки. Ведущим был Юрий Николаев. Обычно я за кого-то болела и хотела, чтобы он выиграл» (099).

О 1996 г.: «Кода мне было 10 лет, я смотрела передачу “Утренняя звезда”. Эта передача шла несколько лет. Ведущим этой передачи был Юрий Николаев. В этой передаче дети от 5–6 до 17 лет пели песни и танцевали. Я с великим удовольствием смотрела эту передачу и мечтала о том, что я может быть когда-нибудь тоже выйду на сцену» (022).

О 1996 г.: «Моя любимая телепередача – это “Утренняя звезда”, там было много выступлений детей, и мне всегда очень хотелось выступать на сцене. Наверное,

поэтому я стала заниматься в муз. школе, ходить на танцевальный. Жаль, что такие передачи для детей перестали показывать» (187).

О девочке 12 лет в 1997 г.: «“Утренняя звезда” – муз. передача, кот. выходила в воскресенье. Я любила её смотреть, поскольку там выступали молодые ребята. Особенно мне нравились ведущие – Юрий Николаев и Маша. Мне было 12 лет» (009).

«УТРО» – то же, что *утренник*.

Об учащихся нач. классов в конце 1940-х гг.: «В [лит.] кружок входят гл. обр. дети III и IV классов (15–20 чел.)... Кружок должен... быть организатором так наз. лит. утренников. “Утро” может быть посвящено творчеству одного писателя или какой-н. теме, или просто самостоят. творчеству детей» (НШ, 1950, 739–740).

«УТРО школьное, здравствуй!» – песня на музыку Ю. Чичкова и слова К. Ибряева. В 1970-е – 1980-е годы часто исполнялась по радио.

Текст: «[1] Опять, опять привычные заботы / Нас по утрам приводят в шумный класс. / А кто-то где-то строит звездолеты, / И чертит карты звездные для нас. [Припев:] Утро школьное, здравствуй! / Утро школьное, здравствуй! / Неоглядные дали / Открываешь для нас ты! [2] Над школой тают белые туманы, / Горит заря на кончике пера. / А где-то в море ждут нас капитаны, / А где-то в цехе ждут нас мастера. [Припев] [3] Поют звонки, сменяются уроки, / И значит, время движется вперед. / Но все равно, мы вновь его торопим – / Нас, молодых, земля родная ждет [Припев]».

УХАЖИВАТЬ – «Оказывать внимание женщине, проявляя к ней особый интерес, добиваясь её расположения» (Словарь, 1964–16, 1099).

О 1910-х гг. в Петербурге: «Все наши “кавалеры” (употребляю это уж, собственно, вышедшее из употребления слово, но тогда, в те годы, которые можно назвать последними годами “ancien regime”, это было еще совсем обычное и привычное слово – у каждой девочки-подростка были такие “вздыхатели”, которые “ухаживали”, которые были “неравнодушны”, ну, а девочки делали равнодушное лицо, и все это было абсолютно чинно и скромно) – все они были в мундирах – либо Правоведения, либо Пажеского Корпуса, либо Морского...» (Кривошеина, [1977] 1999).

О 1930-е гг.: «Пышно и ярко, гераневым цветом цветет кое-где мешанство. Собираясь друг у друга, ребята играют “во флирт”. Читаются стихи Надсона или при лампе слышны вполголоса читаемые стихи Есенина... Это читает здоровый парень с красным галстуком на шее. Девчата заводят альбомы. В альбомы подруга и друзья пишут стихи... Устраиваются вечера с вином... Простым товарищеским отношениям между мальчиками и девочками противопоставляется “рыцарство”, ухаживание. В одной из московских баз ребята не пришли на базовый сбор, так как устроили “свой вечер”» (Пионер. Орган ЦБ детской коммунистической орг-ции им. В.И. Ленина при ЦК ВЛКСМ. 1931, № 1 – С. 17).

О начале 1930-х гг. в Петрозаводске: «Во втором классе меня постигла беда: за мной начал “ухаживать” мальчик из параллельного “Б”. Я употребляю сейчас слово “беда” совсем не в шутку. Всё наше школьное воспитание тех далёких лет было призвано способствовать тому, чтобы мальчики и девочки росли исключительно “товарищами”, без различия пола. Даже чисто дружеские отношения между мальчиком и девочкой находились под подозрением. Что касается каких-то более “интимных” (разумеется, абсолютно невинных), то они подлежали всеобщему осуждению. Такое воспитание приносило соответствующие плоды: не было ничего более позорного для девочки, если выяснялось, что за ней кто-то “ухаживает” (почему-то виновной стороной всегда считалась женская часть нашего “общества”). Мальчишки, если отдавали предпочтение кому-то из одноклассниц, старались скрывать его под притворной грубостью: дергали избранных за косички, поколачивали за углом школы и пр. На меня это мужское внимание до сих пор не распространялось... И вот вдруг – “ухажер”! Боря

Борков. Самое ужасное, что вопреки установившейся традиции он нисколько не скрывает своей симпатии и проявляет её в нормах решительно неприемлемых в стенах советской школы. На переменах он неизменно торчит возле нашего класса, пяля на меня глаза; когда кончаются уроки, вихрем летит в гардеробную, чтоб успеть раньше меня схватить моё пальтишко и (кошмар!) подать его мне, как взрослой даме. А потом – вот где самый ужас – идёт следом и, когда я расстанусь с девочками, догоняет и “провожает”. Когда-то в моем дошкольном детстве подобная внимательность со стороны Игоря... доставляла мне удовольствие. Но сейчас! Никакие мои уговоры и увещевания на Борьку не действуют. И скоро у нас первая ступень знает об этой “любви”. Стоит мне появиться на каком-нибудь мероприятии (а их у нас не перечесть), как уже доносится ехидный шепоток: «Ира, а где Боря?» На школьных стенах красуются надписи: “Ира + Боря”. Такие же формулы украшают чуть ли не каждый забор по пути моего следования в школу. А заборов тогда в Петрозаводске хватало! Наверно, Борьку тоже дразнили, но ему это было – как с гуся вода. Я же переживала происходящее в полном отчаянии. Хуже всего было то, что я не могла поделиться горем с родителями – было стыдно. Поделилась я только с дворовым другом Оськой. Он отреагировал с привычной решимостью: “Скажи своему Борьке, будет еще лезть – отколотим”. Я сказала. Ничего не изменилось. Он был тоже не из трусливых. Только провожатый стал по другой стороне улицы. Я была просто затравлена... Казалось, что весь город следит за каждым моим шагом и наслаждается моим позором. От природы я жизнерадостна и жизнелюбива. А сейчас мне хотелось умереть. Вот так – уснуть и больше не проснуться. Это бедствие длилось года полтора. К моему счастью, где-то в середине третьего класса Борька исчез с моего горизонта, – кажется, его отца перевели в другой город. Но в школе эту “любовь” помнили ещё долго. И нет-нет, да и раздавался над ухом противный шепоток: “Ира, а где Боря?”... Забегая вперед, скажу, что эта история оставила такой глубокий след в моей душе, что все последующие годы я как черт от ладана бежала от любых знаков мужского внимания. Когда где-то в седьмом классе появился новичок, решивший начать карьеру Дон-Жуана именно с меня, я просто рыдала от ужаса, получив его “любовное послание”, так страшно было представить себе повторение пройденного. К счастью, новый поклонник оказался не столь “коленипреклоненным”, как Борька. Потерпев неудачу, он бодренько написал любовные записочки ещё пятерым девочкам. Так что, если не считать проработку, которую мы получили в пионерской комнате, всё закончилось малой кровью. И в старших классах..., когда дружеские связи мальчиков и девочек уже не вызывали особо негативных реакций в наших воспитателях, я прожила без единого “школьного романа»» (Лупанова, 2007, 45–48).

УХОРОНКИ с палочкой – детская игра, род игры в прятки.

«Палочка... [значение] 11. В названиях детских игр. В ухоронки с палочкой (играть). “Играют в ухоронки с палочкой, где мало найти, но надо добежать до палки и постучать ею” Олон., Куликовский, 1885–1898» (Словарь, 1990–25, 175).

«**УЧАТ в школе, учат в школе...**» – наиболее часто повторяющиеся (и известные) слова из песни «*Чему учат в школе*».

УЧЕБНИК (гимназический, школьный) – книга, в которой систематически излагаются основы научных знаний по определённому изучаемому в школе предмету в соответствии с целями обучения, установленной программой и требованиями дидактики.

О гимназии в Саратове в середине 1890-х гг.: «16 августа (по старому стилю) был объявлен молебн... На следующий день начались занятия; каждый преподаватель сказал, какой учебник необходимо приобрести по его предмету» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

О 1945–1948 гг.: «...В те, послевоенные годы... учебники – один на несколько человек – распределялись

школой. Приходилось тратить много времени на ходьбу друг к другу за учебником. Иногда мы собирались у кого-н. дома и вместе делали уроки...» (Лапидус, 2004).

О Шадринске в 1958 г.: «Ученикам в школах Шадринска выдают талоны на покупку учебников в магазине “Книготорга” и его отделениях. Чтобы приобрести учебник, дети протягивают продавцу деньги и талон. Кроме этого, школы приобретают подержанные учебники». (Началась продажа школьных учебников // Шадринский рабочий. 1958, 6 июня).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Учебники создаются для каждого типа учебных заведений в соответствии с учеб. программами по разным учебным предметам (дисциплинам). Единые учеб. планы, учеб. программы и выпускаемые на их основе учебники обеспечивают преемственность всех типов учебных заведений и дают учащимся равные возможности для получения среднего и высшего образования. Для школ выпускаются единые стабильные шк. учебники. Мин-во просвещения и Академия пед. наук СССР разрабатывают научно обоснованные требования к содержанию и объёму учебников и организуют подготовку рукописей. Как правило, шк. учебники создаются для каждого класса (года обучения). Некоторые учебники рассчитаны на двухгодичный курс обучения, например, учебник зоологии для 6-х и 7-х классов. Кроме того, издаются хрестоматии по лит-ре, истории, сборники задач и упражнений и другие учебные пособия. Учебники и учебные пособия для школ массовыми тиражами выпускают издательство “Просвещение»» (Денисова, 1978, 208–209).

«В ноябре 1977 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О переходе на бесплатное пользование учебниками учащимися общеобразоват. школ”...» (НО, 1985, 32).

О 1970-х гг.: «Учебники для следующего класса выдавали в конце учебного года. Причем было такое правило: хорошим ученикам выдавали новые, только что купленные учебники, а троечникам – уже подержанные, по которым кто-то учился» (Томилова, 2006).

Об учебнике английского языка 1970-х – 1980-х гг.: «Это из красного советского учебника “по-английски”. Все помнят. Все, кто в пятом классе средней школы попадал не на немецкий, а на английский... Так вот, каждому второму... доставался такой потрепанный, красный, с мягкими махровыми углами учебник... В учебнике главным героем была некая Лена Стогова. Стерильная. Полированная в своей правильности. Мама-папа-друзья-школа-хобби. И не было в её биографии и судьбе никаких изломов, перегибов» (Чернышева, 2007–3, 8).

О 2000-х гг.: «“Почему в одних школах учебники даются бесплатно, а в других их приходится покупать родителям? О. Суркова, Омск”. “Выдадут детям учебники или придётся их покупать – зависит от финансового благополучия вашего региона, – рассказал... 1-й зам. председателя Комитета Госдумы по образованию и науке Олег Смолин. – Согласно закону обеспечение школ учебными материалами находится в ведении субъектов РФ...”» (Аргументы и факты. 2007, № 39. – С. 26).

Обёртывать учебники – см.: *Обёртывать*.

Уничтожение изображений политических деятелей в учебниках.

О вт. пол. 1940-х гг. в Петропавловске (Казахская ССР): «Учебники довоенного издания. В некоторых заклеены портреты. Это “враги народа”. Пытались оторвать бумагу и посмотреть на лица “предателей”, но клей был надёжным, а наказание неотвратимым...» (Мироненко, 2004, 4).

О Ленинграде в 1956 г.: «“В школах сейчас принято из всех учебников вырывать портреты т. Сталина, их уничтожают вернее, сжигают. Это явление не единичное, а массовое (по Ленинграду)...”» (ПР, 2006, 4).

См. также: *Враг народа*.

УЧЕБНО-ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ мастерская – тип профессионально-технических учебных заведений в 1918–1920 гг.

«В 1918–1920 гг. наиболее распространенными проф.-тех. учеб. заведениями были проф.-тех. школы и учебно-

показательные мастерские... Учебно-показательные мастерские были созданы на базе дорев. учеб. мастерских. За 3 года они готовили мастеров по ремонту с.-х. орудий и рабочих для мелкой и кустарной промышленности» (ТВПО, 1968, 279).

УЧЕБНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ комбинат, УПК – межшкольное производственное объединение, которое осуществляет трудовое обучение старшеклассников; один из видов трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся старших классов в 1960-х-1980-х гг.

Первый учебно-производственный комбинат был открыт в январе 1963 г. в Кировском районе Москвы. В оборудовании его приняли участие 52 предприятия и учреждения района. В нём было создано 9 цехов, 6 учебных кабинетов и 3 лаборатории. В дальнейшем УПК были созданы в ряде других городов страны. В них имелось обычно неск. цехов и участков, учеб. кабинеты и лаборатории, а также вспомогат. службы – инструментальная, кладовая, санузел, комната преподавателей и инструкторов и др. Стр-тво и оснащение УПК осуществляли преимущественно промышленные предприятия, которые выделяли штат работников УПК – начальника, заместителя начальника по учебно-производств. работе, преподавателей, мастеров, инструкторов и др., обеспечивали заказами и материалами. Обучение в УПК проводилось на основе участия школьников в производительном труде. Во второй половине 1960-х гг. на обучение в УПК отводилось, как правило, не менее 2 часов в неделю. (ТВПО, 1968, 421–422)

23 августа 1974 года вышло Постановление Совета Министров СССР «Об орг-ции межшкольных учебно-производственных комбинатов трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся». (Очерки, 1987, 205–206). В 1980 году в стране действовало 2000 УПК, в которых обучалась одна треть от общего числа всех учащихся старших классов.

О перв. пол. 1970-х гг.: «В конце учеб. года межшкольн. учебный комбинат проводит День открытых дверей для восьмиклассников. Школьники знакомятся с работой мастерских и всего комбината в целом, учителя трудового обучения рассказывают ребятам о своих профессиях. Будущие девятиклассники решают, в какой мастерской они хотели бы работать в следующем учебном году. Девятиклассники приходят на учебно-производственный комбинат один раз в неделю... Обучение ведут опытные педагоги и производственники. Они дают учащимся первоначальные навыки труда по различным профессиям (токаря, фрезеровщика, стенографистки, швеи и др.). В конце работы школьникам ставят отметки по трудовому обучению. Некоторые школьники получают квалификационный разряд по профессии... На учебном комбинате девятиклассники проходят летнюю производственную практику» (Денисова, 1978, 211).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Что такое УПК?... Это самое обыкновенное промышленное предприятие, на котором производятся вполне обычная плановая продукция... Все работающие на УПК получают за свой труд зароб. плату, определяемую кол-вом и кач-вом выработанной продукции... По всем признакам предприятие как предприятие. Но всё-таки, согласитесь, на обычном предприятии работают взрослые люди. На УПК – школьники. И работают они, конечно, не ежедневно... У каждого школьника, начиная с определенного возраста..., в недельном расписании занятий есть день производит. труда. Этот день всецело принадлежит УПК, остальные – обычным шк. урокам. Выходит, что УПК – не совсем обыч. предприятие. С другой стороны, УПК – это учеб. заведение. Ведь прежде чем работать, надо научиться работать. А всем понятно, что из семиклассников, впервые пришедших на УПК, мало кто уже умеет работать токарем, или радиомонтажником, или швей-мотористкой, или продавцом, или медсестрой, или секретарем-машинисткой, или телеграфистом. Всему этому их обучают здесь, на УПК» (Лукич, 1986, 35–36).

УЧЕБНЫЙ год – период занятий в учебном заведении с осени до летних каникул.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Учебный год во всех учебных заведениях страны начинается первого сентября... Учебный год в школе делится на четыре учебных четверти... Между четвертями бывают каникулы. Занятия в школе продолжаются до конца мая... В июне ученики шестых, седьмых и девятых классов проходят производственную практику, а восьмиклассники и десятиклассники сдают выпускные экзамены...» (Денисова, 1978, 211–212).

УЧЕНИК – «Учащийся начального или среднего учебного заведения» (Словарь, 1964–16, 1146).

УЧЕНИЧЕСКАЯ бригада – группа учеников сельской школы, которая во время каникул принимает участие в сельскохозяйственных работах.

См.: *Ученические производственные бригады.*

УЧЕНИЧЕСКАЯ печать.

О начале 1950-х гг.: «К ученической печати относятся общешкольные, классные к пионерские стенные газеты. В некоторых школах практикуется ещё выпуск различного рода бюллетеней, связанных с эпизодич. явлениями и событиями. Гораздо реже выпускаются детские журналы и совсем редко – сборники, альманахи, где собраны творч. работы учащихся» (Новиков, 1952, 70).

См.: *Стенгазета школьная.*

УЧЕНИЧЕСКИЕ библиотеки – см.: *Школьные библиотеки.*

УЧЕНИЧЕСКИЕ журналы – журналы, выпускающиеся учащимися.

Е.Э. Мандельштам (младший брат поэта О.Э Мандельштама) вспоминает о 1907–1916 гг.: «Несмотря на высокую плату за обучение, мать остановила свой выбор на Тенишевском училище... Я стал тенишевцем в 1907 году и закончил школу в 1916-м... В училище всячески поддерживался интерес к гуманитарным знаниям... Поощрялся выпуск журналов, как классных, так и общешкольного... Наш класс в течение нескольких лет издавал литографированный журнал – “Юная мысль”. Я был его редактором, автором рассказов и часто выступал в качестве театрального рецензента» (Мандельштам, [до 1979], 1995, 130).

УЧЕНИЧЕСКИЕ производственные бригады – форма организации трудового воспитания, трудового (производств.) обучения и производит. труда учащихся старших классов сельских школ во вт. пол. 1950-х – 1970-х гг.

Первая ученич. производств. бригада была создана в колхозе «Россия» Ставропольского края из учащихся Григорополисской средней школы в 1955 году. Затем они появились в других средних школах Ставрополья. Входили в эти ученич. производств. бригады, как правило, только старшеклассники, иногда в бригаду включали пионеров. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. ученич. производств. бригады стали создаваться и при восьмилетних сельских школах.

В 1960-е гг. за ученич. производств. бригадами закреплялись земельные участки, сады, животноводческие и птицеводческие фермы колхозов и совхозов. Школьники, работавшие в этих бригадах, выращивали бобовые культуры, сахарную свеклу, кукурузу, а также сельскохозяйств. животных и птиц. Производств. жизнь бригады приближалась по своему характеру к жизни производств. бригады колхозников. Работой бригады руководил совет бригады. В совет бригады входили бригадир, его заместитель, звеньевые, представитель комитета комсомола (или совета пионерской дружины), спец-ст колхоза (совхоза), директор (или завуч) школы, учителя, прикрепленные для работы в бригаде.

Труд бригады оплачивался за фактически выполненную работу в соответствии с нормами оплаты труда взрослых.

В дни весенних каникул 1963 года в Москве прошёл Всесоюзный слёт ученических производств. бригад. Делегаты слёта слушали выступления представителей пионерских бригад. Выяснилось, что одни бригады специализируются на семеноводстве, есть бригады полеводческие, бригады огородников, садоводов, бригады, работающие на молочных и животноводческих фермах.

В 1968 г. ученич. производств. бригады объединяли больше половины старшеклассников сельских школ. Большой опыт орг-ции деятисти ученич. производств. бригад был накоплен в Ставропольском и Краснодарском краях, в Оренбургской, Омской, Куйбышевской и Курганской областях.

Ист.: Таборко, Орлова, 1963, 25; СВ, 1967, 287–288; ТВПО, 1968, 424; ПЭ, 1968–4, 431–434.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Вступить в ученич. производств. бригаду может любой ученик, начиная с пятого класса. На общем собрании члены бригады избирают совет бригады. Бригада работает на основе самоуправления под рук-вом директора школы или учителя биологии. Бригады делятся на звенья, которым поручается определённый участок работы. Ученич. производств. бригады, как правило, бывают комплексными, то есть в них есть звенья полеводо-вод, овощеводов, механизаторов, животноводов и др. Школьникам в производств. работе помогают взрослые – мастера с. хоз-ва колхоза или совхоза. Между звеньями обязательно проводится соревнование.

Колхозы и совхозы выделяют для бригады участки земли, закрепляют за ней тракторы, сельскохоз-вств. инвентарь, дают семена, оплачивают труд учащихся. Школьники работают на бригаде, как правило, в утренние часы, остальное время отдыхают, занимаются спортом» (Денисова, 1978, 214–215).

УЧЕНИЧЕСКИЙ билет – документ, удостоверяющий принадлежность ребёнка к числу учащихся.

Об Одессе в нач. XX в.: «Велосипед был самой заветной мечтой наших юных дней... Покататься было можно, взяв велосипед напрокат – существовали такие предприятия. Час катания стоил пятнадцать копеек. В залог нужно было оставлять ученический билет...» (Утесов, 1976).

Об Одессе в нач. 1910-х гг.: «...Я спрятал картинки во внутренний карман своей гимназической куртки, где хранился ученический билет и популярная записная книжка “Товарищ”» (Катаев, [1972] 1983, 187).

УЧЕНИЧЕСКИЙ билет с правилами для учащихся.

«В целях укрепления дисциплины учащихся Совнарком РСФСР 2 августа 1943 г. утвердил представленный Наркомпросом ученич. билет с правилами для учащихся и обязал ввести его в 1943/44 учебном году во всех городских неполных средних и средних школах, начиная с V класса. Ученич. билет был отпечатан и разослан по школам, как и настенные “Правила для учащихся”... Наркомпрос... дал указания отделам народ. образования обеспечить контроль на местах за правильностью оформления и выдачи ученич. билетов» (Константинов, 1948, 406).

Из приказа народного комиссара просвещения РСФСР от 5 августа 1943 года о введении ученического билета: «В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 2 августа 1943 г. № 692 приказываю: 1. Ввести с начала учебного 1943–1944 г. для учащихся, начиная с V класса неполной средней и средней школы, ученический билет установленного образца, согласно приложению. 2. Обязать Детгиз отпечатать в типографии “Детская книга” тиражом 2,5 млн. ученический билет» (НО, 1974, 178).

Из доклада народного комиссара просвещения 15 августа 1944 г.: «...Целям [установления в школе порядка и дисциплины] служат “Правила для учащихся” и введение ученического билета. Нет нужды распространяться о том, с каким сочувствием были встречены эти мероприятия работниками народного образования, учительством и всей нашей общественностью. Но... ещё... год назад... мы сочли нужным предупредить..., что действенная сила обоих мероприятий зависит прежде всего от педагога. Нельзя думать, что “Правила для учащихся” и ученич. билет обладают сами по себе какой-то магической силой. Нельзя считать, что стоит только объявить учащимся эти “Правила”..., раздать учащимся ученич. билеты, хотя бы без школьной печати и подписи директора, – как это имело место в

некоторых школах г. Москвы, – ...и школьники немедленно преобразятся, и в школах воцарится требуемая дисциплина. Нет... нужно... бороться за... укрепление дисциплины среди нашей молодёжи» (Потемкин, [1944] 1947, 193).

О 1950-х гг.: «Школьникам выданы ученические билеты с “Правилами для учащихся”, где, между прочим, ясно и строго сказано: “Не курить”. Дети гордятся своим билетом. Однако встречаются и “трудновоспитуемые”, не выполняющие “Правил” и, в частности, тайком курящие» (Толстов, 1958, 32).

УЧЕНИЧЕСКИЙ клуб – см.: *Школьный клуб*.
УЧЕНИЧЕСКИЙ комитет, учком – исполнительный орган ученической общешкольной общественности (общешкольного коллектива).

О 1920-х–1930-х гг.: «Сколько незнакомых нам слов знала довоенная школа: группорг, учком... Группоргов – организаторов групп (классов) потом стали называть старостами, совет группоргов образовывал учком» (Андреевский, 2003, 312–313).

О 1927–1928 гг.: «В школе были ученические орг-ции – учком школы, членами которого были старосты классов. Таким образом я была членом учкома. В моей работе в классе мне очень помогала Ляля... Был такой порядок: за каждый предмет отвечал какой-либо ученик. Следил, чтобы не было отстающих и ставил оценки за ответы. Не учителя ставили оценки, а ученики, которые отвечали за предмет. Я была старостой и отвечала за историю... Учитель истории в 6-м классе был молодой... [Мы] о чем-то с ним поспорили, что-то нашли неправильное в его действиях (может, оценки) и сказали, что передадим это в учком. “Что мне ваш учком? – показал открытую ладонь, дунул. – Тыфу, и нет его!” Как мы были возмущены!... Члены учкома имели право присутствовать на всех педсоветах, и нам внушалось, что мы должны следить, чтобы права учеников не нарушались, особенно учеников из бедных, рабочих семей, чтобы никого не исключали» (Аксельрод-Рубина).

О Москве в нач. 1930-х гг.: «Постоянными властями в школе были пед. совет и учком, часто заседавшие совместно. Председателем учкома два года состоял Шепелев, бессменными членами Острецов, Зигель и я. Я два года выпускал изредка стенгазету, которую писал сам от строчки до строчки» (Самойлов, 1993, 224).

В 1950-е гг. работа учкома, его состав и функции были регламентированы «Положением об ученическом комитете в школе» (1950).

О начале 1950-х гг.: «Ученический комитет (учком) – руководящая ученич. орг-ция, которая направляет работу классных организаторов (старост) и классных комитетов и организует учащихся в помощь директору и учителям на борьбу за полную успеваемость и сознательную дисциплину, а также помогает организовать разумный отдых учащихся. В отношении обязанностей младших и старших учащихся необходимо делать различие в зависимости от их общего развития и навыков коллект. труда. ...Наиболее приемлемой является следующая структура ученич. орг-ций: в V–X классах – постоянные классные организаторы (старосты) и члены классного комитета (класскомы), избираемые на общих собраниях класса в присутствии кл. руководителя; в I–IV классах – классные дежурные (в порядке очереди)... Работу классных организаторов возглавляет ученич. комитет... Комитет оказывает большую помощь учителям и директору школы в орг-ции всей учеб.-восп. работы и особенно внекл. занятий, вовлекает учащихся в обществ. жизнь, мобилизует их на проведение обществ.-полит. кампаний, например, на проверку осуществления всеобщего обучения, на оформление добровольных обществ. на участие в политико-просветительной работе с населением. Заботится об улучшении внутреннего распорядка в школе, иногда привлекает к выполнению того или иного задания целый класс» (Новиков, 1952, 92–93).

О 1951 г.: «Я опросила пожилую женщину 1936 г. р.: “В 7 классе была членом учкома. Мне закрепили 5 класс, дети из этого класса учились в другом здании, бегала туда и проверяла их домашние задания, если были какие-то замечания, то докладывала завучу школы» (211).

Во вт. пол. 1960-х гг. учком избирался общим собранием учащихся (старостат) в составе представителей от всех 5–10 классов (обычно – старост). «Во многих школах ученич. комитеты заменены другими общешкольными органами – старостатами, советами актива, советами командиров и т. п., которые также работают под руководством комсом. и пионерской орг-ций школы и являются существенной частью системы ученич. самоуправления» (ПЭ, 1968–4, 434).

О второй половине 1950-х гг.: «Был уже поздний вечер, а заседание учкома всё шло и шло. К столу выходили ученики пятых, sixth классов и однообразно, еле слышно говорили о том, почему они за первую четверть получили двойки. Члены учкома, ученики старших классов, задавали им одни и те же вопросы, потом – выступали, то есть разносили за шпаргалки и подсказки. Борис Новиков, выбранный в учком от десятого класса, сидел на первой парте...» (Махров, 1959, 146).

О вт. пол. 1970-х – перв. пол. 1980-х гг.: «Важная сфера приложения сил комсомольских орг-ций – дежурство по школе. Оно организуется совместно с учком. Дежурные старшеклассники, выполняя свои обязанности, должны хорошо понимать, что от них... зависит успешное проведение учеб. занятий: своевременное начало уроков, порядок во время перемен в коридорах, столовой, на школьном дворе, чистота в классах, их проветривание, наличие мела и т. д. Учком систематически инструктирует дежурных, требует от них добросовестного выполнения обязанностей» (Розенберг, 1986, 124).

УЧИЛКА – распространённое жаргонное название учителя, учительницы.

О нач. 1970-х гг.: «Усаживаясь за стол, Лёшка пробубнил: “Да у нас и отметок сейчас почти не выставляют. Потому что Галина Ивановна больная, а эта новая училка отметками как-то не увлекается”... Но отец нахмурился: “Это ещё что за “училка”? Говори о преподавателях подобающе!”» (Котовщикова, 1974, 26).

УЧИЛИЩА механизации сельского хозяйства – профессиональные учеб. заведения, существовавшие в 1953–1958 гг. Училища механизации сельского хозяйства были организованы в 1953 г., они должны были в сроки от 6 месяцев до 2 лет готовить квалифиц. кадры сельских механизаторов. Учащиеся обеспечивались учебниками и учеб. пособиями, получали бесплатное питание и обмундирование или стипендию. В соответствии с Законом о школе (1958) в стране создан единый тип учеб. заведения – *профессионально-технические училища*. (ТВПО, 1968, 280–281).

УЧИТЕЛЬ – «Лицо, преподающее какой-либо учебный предмет в школе, профессионально обучающее кого-либо» (Словарь, 1964–16, 1157).

УЧИТЕЛЬ в гимназии – лицо, занимающееся преподаванием какого-нибудь предмета в школе.

О конце 1900-х – первой половине 1910-х гг.: «...Учителя у нас в гимназии носили форму: длинные синие сюртуки с золочеными пуговицами министерства народного просвещения, в синих бархатных петлицах белели серебряные звездочки, обозначающие чин. Преподаватели были чиновники... Один или два учителя позволяли себе являться в гимназию в пиджаках, с маленькими щегольскими ромбовидными университетскими значками на груди. Впрочем, их пиджаки были тоже с золочеными пуговицами и звездочками на бархатных петличках, так что это, собственно, были не пиджаки, а скорее форменные тужурки. Обычно эти вольнодумцы в форменных тужурках были молодые люди, недавно окончившие университет... Их скоро приводили в христианский вид, и они через короткое время уже появлялись в длинных синих форменных сюртуках с синими жилетами, из-под которых выпячивалась треугольником белоснежная скорлупа крахмальных манишек. Учительский синий цвет был темно-синий, с некоторыми незначит. отклонениями: у одних сукно было более синее, у других менее синее» (Катаев, [1972] 1983, 271)

УЧИТЕЛЬ в школе – лицо, занимающееся преподаванием какого-нибудь предмета в школе.

О пер. пол. 1970-х гг.: «Школьный учитель выполняет почётную и ответственную задачу обучения и коммунистич. воспитания молодого поколения. Преподавание ведётся по единому учебному плану и единым учебным программам, что обеспечивает единство учебного процесса во всех школах страны... Помимо уроков учителя ведут доп. занятия с отстающими (т. е. неуспевающими) учениками, работают в них группах продлённого дня. Учителя-предметники становятся классными руководителями и... ведут воспитательную работу в классе. Учителя проводят большую внеклассную работу со школьниками: руководят кружками, устраивают экскурсии, вечера отдыха и т. п. Все учителя входят в педагогический совет школы» (Денисова, 1978, 220).

О середине 1980-х гг.: «...Тех учителей, которых мы любили, мы относились к ним хорошо, а тех, которых не любили, всегда пытались что-то подстроить. Например, учительнице математики перед уроком мы намазали доску воском. Затем на уроке вызвав одного из учеников к доске, но не пишется, тогда она говорит, что не будет у нас вести урок и выбегает из класса. Этой же учительнице мы часто подкладывали кнопки на стул, на который она садилась» (546).

УЧИТЕЛЬНИЦА – лицо женского пола, занимающееся преподаванием какого-нибудь предмета в школе.

О 1950-х гг.: «“А что вы делаете в школе?” “Детей учу” “Вы учительница?” – сразу оробела Наташа. “Да, учительница”. Наташе впервые пришлось вот так, близко, увидеть учительницу и разговаривать с ней. Девочка думала, что все учителя всегда такие серьёзные, строгие. А эта учительница улыбается, даже шутиливо взъерошила Наташе волосы. “А чему вы учите детей? – смелее спросила она. – Читать и писать?” “Верно. Но не только читать и писать”... “Я пойду к вам в школу! А как вырасту, сама буду учить детей, буду учительницей”» (Бабанский, 1961; 13, 15).

О конце 1950-х гг.: «Тридцать учеников смотрят на свою учительницу... Ага, у неё сегодня туфли на высоких каблуках. А вместо вечного коричневого платья на ней светло-серая юбка и белая блузка, тонкая и шелковистая... Учительница, чувствуя на себе любопытные взгляды, торопливо, поспешнее, чем всегда, раскрывает классный журнал и листает его быстрыми пальцами с коротко остриженными ноготками» (Офин, 1960, 53).

Влюблённость в учительницу.

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «[Маме я] мог говорить всё. И я сообщал маме, что по уши влюбился в свою учительницу по лит-ре Марью Ивановну и, видно, потом женись на ней. Даже выдавал маме величайшую военную тайну: мы собираемся драться улица на улицу, и я, как самый маленький, начну драку» (Гроссман, 1966, 27).

См.: *Влюблённость, Влюблённость школьников в учителей.*

УЧИТЕЛЬСКИЕ семинарии – трехгодичные или и четырехгодичные средние педагогич. учеб. заведения для подготовки учителей начальных школ. В России получили распространение с 1860-х гг., в 1916 году их насчитывалось более 170. После 1917 году учительские семинарии были преобразованы в трёхгодичные педагогич. курсы, а затем в педтехникумы.

О середине 1910-х гг.: «Первое учебное заведение, в котором я стал преподавать, была женская учительская семинария. Это было частное учебное заведение... Учителя там не считались государственными служащими... Ученицы же по окончании становились учительницами начальных школ... Семинария официально считалась чуть ли не низшим учебным заведением, хотя по программе она давала знаний не меньше, чем восьмиклассная женская гимназия, а может быть, даже и больше... Подавляющее большинство учениц были стипендиатками московского земства. Кажется, оно вербовало их из лучших учениц сельских школ. Состав был очень демократический и очень прилежный. Они были пансионерками. Это накладывало

известную печать: кругозор их был ограничен, общее развитие небольшое. Процветала зубрежка, бороться с которой было трудно. Читали очень мало. Но было немало таких, в ком чувствовался ум положительный, трезвый. Обилие уроков, зубрежка, плохой воздух в переполненных классах, от которого разбалчивалась голова даже у учителей, подозреваю, недостаточное питание – в результате всего этого ученицы были бледными и даже с зеленоватым цветом лица. Зеленый цвет платья еще больше подчеркивал эту бледность и серость лиц. Режим закрытого учебного заведения калечил психику; процветала влюбленность в учителей, чем некоторые учителя пользовались, иногда развивалась истерия. Обмороки и рыдания на уроках во время ответа были нередким явлением» (Блонский, [1941] 1971; 92, 94).

УЧКОМ – см.: *Ученический комитет*.

УШИ – наружная часть органа слуха у человека в форме раковин.

Прокалывание ушей – процедура, дающая возможность носить сережки.

О 1905 году в Москве: «Днем мы играли во дворе с моей новой подружкой, Лизунькой... Лизунька была быстрая, весёлая девочка с прямыми стриженными волосами и замечательная тем, что её мать при нас “пронимала” ей уши иглой и Лизунька даже не охнула. Потом в маленькие её ушки ей вдели тоненькие серебряные сережки, и она долгое время спрашивала нас, хорошо ли ей с сережками. Мне тоже захотелось надеть сережки, но мама сказала, что это “глупости”» (Емельянова, 1955, 119–120). [...]

Ушами шевелить.

О 1929–1930 гг.: «В классе был уже мальчик, умевший шевелить ушами, а вот чтоб шелкать пальцами – такого еще не было» (Лупанова, 2007, 43). [...]

Уши драть – вид наказания, применяемый взрослыми по отношению к детям.

О начале 1900-х гг.: «Однажды мы с Лёлей взяли коробку от конфет и положили туда лягушку и паука. Потом мы завернули эту коробку в чистую бумагу, перевязали её... ленточкой и положили этот пакет на панель против нашего сада... Положив этот пакет возле тумбы, мы с Лёлей спрятались в кустах нашего сада... И вот идёт прохожий. Увидев наш пакет, он... радуется... Ещё бы: он нашёл коробку конфет... Прохожий нагнулся, взял пакет, быстро развязал его... И вот крышка открыта. И наша лягушка... выскакивает из коробки... Тут мы с Лёлей стали... смеяться... Прохожий..., увидев нас за забором, тотчас всё понял... Он ринулся к забору, одним махом перепрыгнул его... Мы с визгом бросились через сад к дому. Но я запнулся о грядку и растянулся на траве. И тут прохожий довольно сильно отодрал меня за ухо. Я громко закричал... Держась за покрасневшее ухо и всхлипывая, я подошёл к родителям и пожаловался им на то, что было» (Зощенко, [1939] 1968–1, 231).

Уши тереть (трепать) на день рождения – обычай, сложившийся не позже 1950-х гг. и существующий по настоящее время. «Прихожу я как-то в класс и вижу: у доски столпилась группа ребят и творит какое-то странное действо над Колей А. За криками и озорным хохотом трудно было разобраться, что там делается... [Коля] стоит весь взъерошенный, на глазах слёзы, уши пылают огнём... И виновато улыбается. Узнаю, в чём дело: оказывается, сегодня у Коли А. день рождения, и ребята решили “отметить” это событие: каждый счел своим долгом двенадцать раз потрепать Колю за уши!» (Чудотворцева, 1960, 99).

«ФАЗАНА» – перешедшее, по-видимому, от созвучного «ФЗУ» [фэззу] название профтехучилищ и профучилищ. [...]

О девочках-подростках в Шадринске в 2000 г.: «В день открытия новогодней ёлки у Д[ворца] К[ультуры] Ш[адринского] А[вто]А[втомобильного] З[авода] я встретила свою одноклассницу Лизу с подружкой Оксаной. С ними был парень Иван, молодой человек Оксаны. Он был старше нас, и я спросила, где он учится, он ответил: “В фазане”. Я не поняла и переспросила: “Где?”, а он засмеялся, и Оксана пояснила, что [он учится] в ПУ-15. С

тех пор я ещё много раз слышала слово “фазана”, когда имелось в виду училище» (132). [...]

ФАКЕЛЬНЫЕ шествия – коллективные шествия с факелами.

О Белоруссии в 1924 г.: «Пионеры, даже незнакомые между собой, отдавали друг другу салют. Пионеры активно участвовали во всех праздничных демонстрациях и особо важных полит. событиях, в факельных шествиях» (Патент, 1984, 25).

О 1950-х гг.: «Младшей школьницей... [я] была свидетельницей сентябрьских шествий молодежи по случаю МЮДа, междунар. юношеского дня. Колонны из двух школ – 1-й и 14-й – проходили мимо наших окон. В темноте вечера высоко над головами горели факелы. А потом этот праздник отменили в связи с изменениями в международной обстановке» (Казарма, 2000).

ФАКУЛЬТАТИВ – см.: *Факультативные занятия*.

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ занятия, факультативы – необязательные занятия, организуемые для углубления и расширения знаний по отдельным курсам, темам или вопросам; занятие в школе, посещаемое по выбору учащегося (в отличие от занятий, которые являются обязательными для посещения).

Факультативы были введены в школах в 1959 г. для углубления знаний по физико-математич., естественным и гуманитарным наукам. С 1959 по 1965 г. факультативные занятия могли проводиться только в старших (9–11) классах, с 1966 г. факультативы могли проводиться с учащимися 7–10 классов. В 1969 г. Министрство просвещения утверждает в качестве типовых 70 программ факультативов. (Очерки, 1987, 178).

«В общеобразоват. школе Российской Федерации [факультативные занятия] введены в 1966 г. с целью углубления знаний, развития интересов, способностей и склонностей учащихся, их проф. самоопределения. На факультативных занятиях в учеб. плане общеобразоват. школы выделяются спец. часы в классах средней и старшей ступеней школы. Программы факультативных курсов носят ориентировочный хар-р; учителя могут составлять оригинальные, авторские программы, которые утверждают пед. советом школы. Учащиеся зачисляются в группы для изучения факультативных курсов по желанию» (ПЭС, 2003, 305).

О перв. пол. 1970-х гг.: «В учеб. заведениях одного типа преподавание ведётся по единому учеб. плану. Изучение учеб. предметов и дисциплин этого плана является обязательным для всех учащихся. По желанию и выбору учащиеся и студенты посещают лишь факультативные занятия. Школьные факультативы организуются прежде всего по предметам учебного плана. Кроме того, они могут проводиться по темам, которые будут изучаться в техникумах или вузах. Эти занятия проводятся для углубления знаний учащихся по физ.-мат., естеств. и гуманитарным наукам, а также для развития индивид. интересов и способностей школьников. Так, школьники, имеющие склонность к точным наукам, проходят курсы “Вычислительная математика”, “Программирование” и др. В сельских школах на факультативных занятиях ребята изучают автодело, трактор и с.-х. машины. Обязательно проводятся факультативы по эстет. восп. учащихся. Факультативы в средней школе ведутся 2 часа в неделю в седьмом классе, 4 часа – в восьмом, 6 часов – в девятом и десятом классах» (Денисова, 1978, 222–223).

О начале 2000-х гг.: «После 7–8, а то и 9 уроков следуют добровольно-принудительные факультативы. Учителю, замученному почасовой оплатой, приходится брать много часов. А что делать-то?» (Глибина, 2002, 4).

ФАН – то же, что *фанат*.

ФАНАТ – страстный, неистовый поклонник кого-либо (артиста), чего-либо (музыкальной группы, спортивной команды и т. п.). (ТСРК, 1998, 648; ТССР, 2001, 807).

О старшеклассниках в середине 1980-х гг.: «Появившись в классе, Надежда Прохоровна обнаружила, что... большинство учеников сидит на уроке в красно-белых шарфах... Учитель успел уже рассказать ей, что, обматывая шею красно-белыми шарфами, ребята-“фана-

ты” выражают так свою приверженность “Спартаку”, поскольку красный и белый – цвета этой команды» (Симонова, [1985] 2003, 6).

ФАНАТЕТЬ – быть фанатом чего-либо, кого-либо.

ФАНАТКА – неистовая поклонница кого-либо (артиста), чего-либо (музыкальной группы, спортивной команды и т. п.).

О 1993 г.: «Но не думайте, что поклонницы “На-Ны” – это иступленные фанатки, боготворящие своих кумиров» (петербургская газета «Пять углов», 1993; цит. по: ТСРК, 1998, 648).

О 12-летней девочке в с. Кундравы Челябинской обл. в 1998 г.: «У нас были соревнования по баскетболу, к нам в школу приехали соседние школы района. Наша команда познакомилась с девочками из др. школы, у одной из девочек была надета футболка с изображением Бритни Спирс. Она (эта девочка) увидела, что мы оста-навливаем взгляд на её футболке, сразу же пояснила, что она является фанаткой Бритни» (141).

О девочке 7–8 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1999–2000 гг.: «В подростковом возрасте мне нравилась музыкальная группа “Руки вверх”. Я собирала плакаты, фото, календари, вырезки из газет и журналов с изображением этой группы. Как-то ко мне приехала сестра из г. Челябинска и увидев, как у меня много всего с изображением этой группы, сказала: “Ты что, фанатка?” Помню, я обиделась на это слово, мне казалось, что это оскорбление» (137).

ФАН-КЛУБ – объединение, клуб *фанатов*.

ФАНТ – предмет, отдаваемый игроком ведущему при игре в *фанты*. для последующей жеребьёвки; задание, назначаемое участнику этой игры в ходе жеребьёвки.

О секретаре городского комитета комсомола на школьном вечере отдыха, организованном старшеклассниками во второй половине 1950-х гг.: «Ну, а потом были танцы и игры. И даже – только ш-ш-ш... об этом никому, – даже сама секретарь горкома играла, а когда её фанту досталось сплестись, она лихо исполнила “Барыню”» (Никитин, 1959, 120).

«ФАНТА» – тонизирующий газированный напиток с фруктовым (апельсиновым) вкусом.

О вт. пол. 1980-х гг.: «Как хорошо, что Мария Юрьевна привела их сюда... Армен очень любит зоо-парк, лет с пяти... Раньше он ходил сюда с мамой, мама покупала мороженое без отката, газировку – сколько хочешь и “фанту” тоже. “Фанта” – волшебный напиток, похожий сразу и на апельсиновый сок, и на газировку. “Фанта” пенилась и пузырилась в бумажном стаканчике, колола язык иголочками. В детстве Армен называл “фанту” колючей водичкой...» (Матвеева, 1987, 63).

О девочке 7–10 лет в г. Когалыме в 1994–1997 гг. любимыми газировками стали “Фанта”, “Спрайт” и “Кока-кола”» (134).

ФАНТАСТИКА – «Литературные произведения, описывающие вымышленные, часто сверхъестественные события» (Лопатин, 1997, 757).

«В советские времена фантастика... была преимущественно лит-рой для подростков и молодежи... Загоняя [в 2000-е гг.] фантастику в жёсткие рамки развлекательно-серийного подхода, наша лит-ра делает серьёзную ошибку. Да, потребители фантастики – в основном молодые люди, те же подростки. Но это значит, что фантастика – инструмент влияния на подрастающее поколение. Станут ли они читать корифеев “большой лит-ры”, если выйдут на клонированных магах с мечами и бластерами? Ответ однозначен – нет, не станут. Скорее, они вообще ничего не будут читать» (Туманов, 2006, 7).

См. также: *Сказки; Чтение, Чтение детьми литературно-художественных произведений как увлечение, любимое занятие; Шпион, Шпионские повести, книжки; книги про шпионов.*

ФАНТИК – у детей: конфетная обёртка как предмет игры или коллекционирования.

О 1900 г.: «Мы играли под окнами барака, и Петёк показалось, что я хочу присвоить себе фантик... “...Ты, Петёк, не играй с ней, а то все остальные выманит...” ... Петёк не послушался, отдал мне фантик... Играть я всё

же не стала. Выбросив из подола платья обёртки из-под конфет, выигранные мною, я с рёвом убежала домой» (Молчанова, 1958, 3). [...]

О Ленинграде 1930-х гг.: «Ещё была игра младших в фантики. Обёртки от конфет складывали, как складывают бумажки для порошков, это были фантики, ими играли. Ценились фантики красивые, от дорогих шоколадных конфет. Некоторые богачи обладали коллекциями в сотни фантиков» (Гранин, 1990–5, 475). [...]

О мальчиках 11–12 лет в Москве в 1970–1971 гг.: «Бывает, что целую неделю повсюду все режутся в фантики безмозглые. Или между собой, или даже “класс на класс”... Но такой ажиотаж обычно длится дней пять, не больше. Ну, от силы – неделю...» (Чилап, 2001).

О Шадринске в 1998 г.: «Впервые игру в фантики я увидела в школе [...]» (103).

См.: также: *Альбом для фантиков.*

ФАНТОМАС – герой (персонаж) романов 1910-х гг. Пьера Сувестра и Марселя Алена и снятых в 1960-х гг. фильмов режиссёра А. Юнебеля.

Из обзора книги А. Шарога «Знак F: Фантомас в книгах и на экране» (2007): «Начинает... Шарый от... первого знакомства двух молодых парижских литераторов Сувестра и Аллена в 1907 году. Выпустив в начале 1911-го первый роман цикла, они затем с завидной скорострельностью, точно стахановцы от беллетристики, настроили к осени 1913 года уже 32 романа о Фантомасе, разошедшиеся общим тиражом 5 млн. экземпляров. За книжным успехом моментально последовал и кинотриумф: пять фильмов Фейяда собрали рекордную кассу. После окончания Первой мировой Аллен писал уже в одиночку (его соавтор умер в 1914-м), а за воплощение парижского злодея на экране взялись американцы. Фантомас-индустрия набирала ход, эволюционировала и процветала. В СССР... буржуазный “нуар” и близко не подпускали к экрану...» (Мирошкин, 2007–2, 27).

«Ранний, аутентичный Фантомас был воплощением иррационального, беспредельного зла... Но того, первого Фантомаса знали в России лишь немногие читатели и зрители 1910-х годов да горстка киноведев. После революции имя и образ зловещего убийцы надолго исчезали с отечественных экранов. Возвращение состоялось лишь в 1960-е, когда Андре Юнебель снял пародийно-фарсовую трилогию с Жаном Марэ и Луи де Фюнесом в главных ролях. Фантомас здесь лишился былого демонического флера, попал под влияние левых политических идей и вообще оказался в тени комиссара Жюва. “Советских детей Фантомас сразил наповал”, стал “ключевым персонажем подросткового фольклора”, размышляет Андрей Шарый. Фильмы эти посмотрели в СССР 50 миллионов зрителей...» (Мирошкин, 2007, 27).

В СССР в начале 1970-х гг. демонстрировались фильмы: «Фантомас», «Фантомас разбушевался» и «Фантомас против Скотланд-Ярда» (в роли Фантомаса – Жан Марэ, в роли комиссара Жюва – Луи де Фюнес). Свидетельством превращения образа Фантомаса в элемент мальчишеско-подростковой субкультуры 1970-х гг. стал фильм «Анискин и Фантомас» (1974 г., сценарий В. Липатова, постановка М. Жарова и В. Рапопорта), в котором показано, как дети играют в Фантомаса.

После начала 1970-х гг. фильмы о Фантомасе не демонстрировались в стране более 15 лет. Вновь фильмы появились на экранах страны – уже и телевизионных – в 1990-е годы.

О г. Шадринске в 1995 году: «На меня большое впечатление произвёл фильм “Фантомас”, я его посмотрел во втором классе. Он мне почему-то очень понравился, больше [других] главный герой фильма. Я его рисовал, подражал [ему]».

О девочке 12–14 лет в с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «О Фантомасе я слышала различные страшные истории, видела фрагменты зарубежного фильма. Одноклассники иногда в шутку пытались испугать нас, одноклассниц, страшными рожами, говоря: “Я Фантомас!” Но я лично не боялась этого персонажа и не верила в него. А ещё видела (не полностью) фильм

“Анискин и Фантомас”, мне тоже было не страшно от такого названия кино» (154).

ФАНТЫ, игра(ть) в фанты – 1. Игра, в которой играющие исполняют то или иное, преимущественно шуточное, задание, назначаемое по жребию владельцу фанты. Ведущий (водящий) обращается к одному из участников игры и произносит фразу с перечислением запрещенных действий («не смеяться», «Букву “р” не выговаривать», «“да” и “нет” не говорить, “чёрное” и “белое” не называть»). Затем ведущий побуждает игрока нарушить запрет (задает вопросы, стремится рассмешить). В случае нарушения игрок отдает ведущему фант (предмет, принадлежащий игроку). Затем аналогичные действия ведущий предпринимает по отношению к другому участнику игры. Когда у всех (большинства) участников собраны фанты, один из игроков поочередно берет в руки отдельные фанты, а другой (например, ведущий) игрок, отвернувшись или закрыв глаза, назначает шуточное задание обладателю этого фанты.

Об игре в фанты в конце 1880-х гг.: «Павлика переделали, ... потом стали варить какао, и затем все, даже дядя-капельмейстер, играли в фанты... Играть в фанты с детьми ему было не зазорно...» (Крашенинников, [1925], 1991, 115).

Об игре в фанты на рождественской ёлке начала 1890-х гг.: «После чая Аркадий Иванович устроил игру в фанты, но дети устали, наелись и плохо соображали, что нужно делать» (Толстой, [1919–1922] 1984, 41).

О 1900-х гг.: «Играли в “почту”, в “гуси-лебеди домой”...; потом стали играть в “фанты”. ...Раскрасневшаяся Леля подошла к серьезно и молчаливо сидевшему в углу реалисту и скороговоркой произнесла: “Барыня прислала сто рублей, / Что хотите, то купите, / Черное с белым не берите, / Что желаете купить?”» (Чириков, 1918, 34).

О середине 1900-х гг.: «У Лихаревых на встрече Нового года из молодежи были еще Олечкины подружки по гимназии... да студенты... Было очень весело. Сперва ставили... водевильчик... Потом играли в верёвочку, в жмурки, в фанты, в “свои соседи”, в “почту амура”» (Кузьмин, [1964] 1990, 122–123).

Об игре на детских именинах середины 1910-х гг.: «Начались игры... “Не хочу больше играть в каравай! – вдруг закричала Ляля, выходя из круга. – ...Давайте лучше играть в фанты!” Гости расселись на стульях, и Ванда начала обходить их по очереди. Прежде всего она подошла к Гоге. “Барыня прислала сто рублей. Чёрного и белого не покупайте, о жёлтом даже не вспоминайте, “да” и “нет” не говорите, что хотите покупайте, голову не мотайте, смеяться тоже нельзя”, – выпалила Ванда скороговоркой. Гога запыхтел от удовольствия, что его спрашивают самым первым... Ванда внимательно осмотрела Гогу с ног до головы и спросила: “Какого цвета у вас носки?” “Зелёные” “Не врете, они у вас белые”. “Ванделька, что за выражение!” – воскликнула дама с розой. “Гы-гы...” – засмеялся Гога. “Штраф, с тебя фант!” – закричала Ванда. Гога вытащил из кармана перочинный ножик. Марийка сидела посередине длинной шеренги гостей и с нетерпением ждала, когда дойдёт до неё очередь. Уж она-то не сдастся так скоро! Наконец Ванда подошла к ней: “Какого цвета у вас носки?” “Сиреневые”, – ответила Марийка. “Вот и не сиреневые, а белые! А какого цвета у вас лицо?” “Синее”. “Ха-ха-ха!.. Синее! Вы что, разве утопленница?” Ванда никак не могла заставить её отдать фант. Она злилась и задавала глупые вопросы: “Какой у вас нос?” “С двумя дырочками” “Нет, а какого он цвета?” “Телесного”. Ванда так разозлилась, что даже ногой топнула. Марийке стало неловко – ведь всё-таки Ванда была именинница. Она решила на первый же вопрос ответить “нет” и отдала обрадованной Ванде фант – багистовый носовой платочек, который ей дала мать. Ванда сложила все фанты в вазу... Ванда вынимала из вазы то ножик, то гребёнку, то бант и спрашивала: что делать этому фанту? Дама с розой в причёске завязала себе глаза шарфиком, уселась в кресло и стала назначать, какому фанту что делать: “Этому фанту три раза проскакать на одной ноге вокруг рояля”. “Этому фанту пропеть что-нибудь хоро-

шенькое”. “Этому фанту протанцевать с именинницей польку”. Наконец Ванда вытащила из вазы маленький носовой платочек. “Владелец этого фанты должен подойти к господину Шамборскому, – медленно проговорила дама, – и сказать ему приветствие на французском языке”... Ляля засмеялась и захолопала в ладоши. “Не отдавайте вещи, пока каждый не исполнит, что ему назначили”, – сказала она... Поднялся ужасный шум. Лора кричала, что она не хочет петь, девочка в кружевном воротнике плакала и требовала обратно свою брошку, потому что воротник висел у неё на плече, и ей было очень неудобно. Только Гога весело скакал на одной ноге вокруг рояля...» (Бродская, [1938] 1957, 59–62).

О 1932 г.: «Но вот мы... подошли к дому Наташи, где должна быть вечеринка... Мы сели, не зная, что делать и о чем говорить... Потом мы играли в... фанты, и мне досталось быть оракулом. Пришлось подчиниться, и когда ко мне подводили ребят с вопросом: “Что этому?” – то я старалась ответить с юмором, например: “Отрежет ноги трамвай”. Все смеялись. Сначала я отвечала ничего, потом пошло все хуже и хуже, я уже не знала, что придумать и что отвечать, чувствуя, что невыносимо краснею под шалью... Ксюше досталось подойти к кому-либо и поцеловать, а она выбрала меня. Поставили ряд стульев друг против друга, посадили ребят и завязали Ксюше глаза. “Луга, давай поменяемся”, – предложил мне Алька. “Давай”. Я посадила его на свое место, накрыла его шалью, а сама села на его место. Вот подошла Ксюша, обняла его сильно и искренне, намереваясь поцеловать. Я с силой потянула ее назад, оттащила его и быстро села на свое место, но она Альку заметила» (Луговская, 2004).

О 1941–1945 гг. в городе Всеволожске: «Играли мы... в фанты и в дочка-матери...» (Бутина, 2001).

О шестиклассниках во вт. пол. 1950-х гг.: «Витя: ... Мы стали играть в фанты. Ирина: На уроке! Витя: А что? Мы потихоньку играли. И всё бы ничего, если бы не она. (Показывает на Олю) Тася выпал фант дёрнуть её за косу. Тася дёрнула, а эта плакса как закричит, как будто её лошадь лягнула... Оля: Да, тебя бы так дёрнули. Витя: Тася ей объясняет, что она не виновата, потому что фант, а Оля ничего слушать не хочет. Как... дёрнет Тасю за косу. Оля: А она меня ка-ак толкнёт! Витя: Вот за это и выпгнали. Тасю, Олю и меня» (Гераскина, 1962, 93).

О 1970-х гг.: «После игры в фанты все уселись в кресла и Кузина мама поставила “Болеро” Равеля» (Маркова, [1979] 1984, 31).

О Шадринске в 1987 г.: «Когда мне было 7 лет, я и мои подружки собирались во дворе и играли в “фанты”. Приносили каждый свои бумажки от конфет, жвачек. Каждый знал свои. Ведущий смешивал их в непрозрачном пакетике и вытаскивал одну. Тот, чья эта бумажка, должен был выполнить задание, которое обговаривалось заранее. Например, прокричать на весь двор как петух, или завывать, как собака» (504).

ФАНТЫ – 2. По-видимому, специально искаженное название игры в «Почту» («Почту амура»).

О новогоднем празднике в мужской школе Ленинграда в 1946–1947 гг.: «Когда... они вернулись в зал, там начались танцы. Играл патефон. Танцевали лишь одни девочки, “шерочка с машерочкой”, мальчишки жались по углам, “подпирали стены”, так как никто из них не умел танцевать. Это поняла и... Анна Васильевна. Поэтому она объявила: “Фанты! Будем играть в фанты. Каждый прикалывает на грудь вот такой номерок (они у нее уже были заготовлены) так, чтобы их было видно издали. Девочки пишут записки мальчикам, мальчишки – девочкам. Обозначают номером, кому записка предназначена. Указывают свой номер, чтобы можно было послать ответ. И так – фанты! Разбирайте номерки! Быстро, быстро!” Сперва игра не ладилась. Мальчишки и девчонки стеснялись друг друга. Смущенно переминались, не зная, что можно написать. Но все постепенно наладилось. И все благодаря Жеке. Пристроившись у подоконника, он строчил записки одну за другой. И каждую – в стихах! Столпившись вокруг, заглядывая ему через плечо, мальчишки только поражались его вдруг открывшейся неожиданной

способности. “Как вас зовут, душа моя? / Скажите, правды не тая”. Кто-нибудь из мальчишек относил записку по указанному номеру. Получившая её, не скрывая своего изумления, читала. Её подруги, сгорая от любопытства, сбившись в табунок, тоже читали записку и осматривали зал, отыскивая, кто же это мог послать. А у Жеки уже было готово послание другому адресату: “Скажите, милое создание, / Где мне назначите свидание? / Мой идеал, у ваших ног / Я трепещу, как мотылек”. Случалось, что “идеал” отвечал коротко и однозначно: “Дурак!” Но это нисколько не смущало Жеку. Он тут же слал ответ: “За что, скажите, милый друг, / Так сильно вы меня лягнули / Своей божественной ходулей?” В конце концов получилось так, что в фанты играл один Жека со всеми девчонками разом. Записок ему приносили по несколько штук. Он успевал отвечать на все. Поэтому Валька очень удивился, когда перед ним остановилась девчонка и протянула записку. “Это вам”. “Мне?”» (Васильев, 1985, 61–62).

ФАРТУК – передник.

Фартук форменный, школьный – часть *школьной формы* девочек. Белый фартук – признак парадной формы:

О середине 1940-х гг.: «Маша – первоклассница. / Форменное платье, / Накрахмален фартук... / На фартуке – оборки...!» (Барто, [1949], 1969–1, 37).

О начале 1950-х гг.: «Лена в день Восьмого марта / Говорила мамам речь. / Всех растрогал белый фартук, / Банты, локоны до плеч» (Барто, [1954] 1969–2, 98).

О начале 1950-х гг.: «Все давным-давно проснулись, / Только Галя крепко спит. / Два чулка висят на стуле, / Платье с фартуком висит» (Баруздин, [1954] 1976, 126).

О второй половине 1950-х гг.: «Таня пришла в школу нарядная... Мать надела ей новый белый фартук, в косички впледала белые ленты (Воронкова, 1961, 8).

ФАРФОРОВЫЕ куклы, игрушки – см.: *Игрушки фарфоровые, Куклы фарфоровые*.

«**ФЕДЯ-БРЕДЯ съел медведя...**» – дразнилка.

О 1930-х – 1940-х гг.: «”Друг друга дразним, – усмехаясь, проговорил Кирилка, – у нас на много имён есть такие дразнилки сложенные... “Федя-бредя съел медведя”, и другие есть”» (Колпакова, 1948, 167).

О Шадринске в 2000–2001 гг.: «У нас в классе был мальчик, его звали Фёдор. Мы его дразнили “Федя съел медведя”» (067).

ФЕЗЕУХА – (разг. пренебр.) то же, что *ФЗУ*.

ФЕЗЕУШНИК – (разг.) учащийся *ФЗУ*.

ФЕЙЕРВЕРК – изделия из горючих составов, дающие декоративные цветные огневые эффекты; увеселительное зрелище, на котором зажигаются эти изделия.

О детских праздниках в Петрограде середины 1910-х гг.: «Отец играл на рояле, мама руководила, а меня ставили в первую пару, чтобы остальные ребята видели, что надо делать. Не помню уже, как проходили эти игры, и боюсь, что не они, а угощенье, стоящее на столах, интересовало всю ребятню... Запомнились мне и ёлки. Очевидно, украшения для них собирались по всему острову... Кончался праздник фейерверком. В те годы в игрушечных магазинах продавали “домашний фейерверк”. Это были прыгающие и извергающие огонь “лягушки”, разноцветный “бенгальский огонь”, “шутихи”, “мельницы”. Все это вертелось, сверкало и ... ужасно дымило, и издавало зловоние. Почему в результате этих фейерверков не возникло пожара, я не знаю, ведь никаких противопожарных мероприятий не существовало...» (Штерн, 2000).

ФЕНЕЧКА, фенька – браслет, ожерелье или другое украшение из *бисера*.

Хотя плетёные или бисерные браслеты были и у индейцев, и у африканцев, и у народов Востока, – нынешней популярности фенечек мир обязан хиппи, любителям оригинальных и пёстрых самодельных украшений. Слово «фенька» восходит к английскому слову thing, означающему «вещь», «вещичка» (ТССР, 2001; Скобелева, 2005).

О 1993–1995 гг.: «Распространенным явлением среди девочек было плетение из бисера различных браслетов, или фенечек, как мы их называли. Это были узенькие или

широкие браслетики из разноцветного бисера со всевозможными узорами, которые были предназначены для ношения на запястье. Наверное, в 1994 году был настоящий ажиотаж среди подобных украшений у моих сверстниц. Фенечки могли носить на правой, левой руке или на двух одновременно. Иногда их количество доходило до 10–15 штук. У меня было 5 фенечек, одну из которых подарила подруга, а остальные я плела сама. Часто в классе между девочками происходило обсуждение: новой комбинации плетения, рисунка, сочетаемости цвета бисера на фенечке, толщины лески (необходимая составляющая такого браслета, так как бисер нанизывался именно на леску). Практически каждый день кто-нибудь из одноклассниц хватался своим новым изделием из бисера. Бисера в магазинах было достаточно, поэтому предела девичьей фантазии не было границ. Такое явление, как обмен фенечками, встречалось, но редко, так как никто не хотел расставаться со своей любимой вещицей. Если всё же обменивались, то это происходило следующим образом: девочка показывала руку, на которой размещалась коллекция фенечек, а другая девочка (как правило, близкая подруга, так как обмен происходил только между самыми близкими подругами) выбирала наиболее понравившуюся “ниточку с бисером”. Здесь же происходило перевязывание фенечки с руки дарящего [на руку того человека], который ее выбрал. Считаю, что фенечка, на которую потрачено мною времени, сил и энергии, несёт в себе частичку тепла души того человека, который её имел. Именно поэтому такими украшениями, как фенечки, могли обмениваться самые лучшие подруги, чтобы частичка каждой из них находилась у близкого человека. Такое мнение господствовало среди всех моих одноклассниц» (449).

О с. Ильино Шатровского р-на в середине 1990-х: «Большинство девочек обменивались фенечками – браслетами, сплетенными из бисера, – ...на неделю или две (“по договоренности”), по истечении которых вновь проходил обмен и фенечки возвращались своим “хозяйкам”. Я никогда не принимала участие в этих обменах не потому, что у меня не было фенечек, наоборот, у меня их было очень много и плела их я сама по книге, которой еще ни у кого не было (эту книгу мне купила старшая сестра в г. Тюмени). Поэтому я носила фенечки, которых еще ни у кого не было, и я не хотела, чтобы у кого-то была одинаковая со мной фенечка. Открытого состязания по количеству фенечек у нас не было. Но считалось, что очень круто, если ты носишь 10 (а то и более) фенечек на руке, а если у тебя ещё надет фенечка и на ноге, тогда всё – ты просто супер, высший класс» (502).

О 1994–1996 гг.: В детстве (в возрасте 11–13 лет) я увлеклась плетением фенечек. Это браслетики и кулончики из бисера. Я плела только браслеты. Они были разные: в полоску, однотонные, с рисунком. Выплетала на фенечках сердечки, цветы, ромбики, имена. Обмениваться браслетами у нас не было принято. Просто дарили. Я чертила схемы плетения, отдавала их девочкам. Вообще, фенечки мы плели потому, что считали, будто это красиво» (448).

О 1997–1999 гг. «Плелись фенечки самые различные – мне тогда было лет 14–15. Когда фенечку сплетёшь, то её завязываешь либо на руке, либо на ноге. Когда повязываешь, нужно обязательно загадать желание. Оно сбудется, если только фенечка сама каким-нибудь образом порвётся. А если её порвали специально, то это не считалось и желание не сбывалось» (105).

О д. Павелево в 1997–1998 и 2002 гг.: «Фенечки – это украшения на запястье. Девочки (7–8 классы) делали их сами из бисера (некоторые делали для красоты себе, некоторые – просто глядя на других). Позднее моя младшая сестра училась в 8 классе, у них тоже многие девочки их плели и носили, и она в том числе, не знаю, что в них интересного, но мне не нравилось» (110).

ФЕНЬКА – см.: *Фенечка*.

ФЕХТОВАНИЕ – «Искусство владения холодным оружием (шпагой, рапирой, эспадроном и т. п.)...» (Словарь, 1964–16, 1330).

О Москве в нач. XX в.: «Вдруг дирекция нашей гимназии забегала и засуетилась. Министр едет в Москву и посетит нашу гимназию... Началась муштровка по всем линиям – от лит-ры до уроков фехтования и внешнего вида гимназистов. Проводились пробные уроки, натаскивались юные декламаторы, в актовом зале бились на рапирах в проволочных скафандрах две пары лучших фехтовальщиков... Нас ввели в зал вслед за министром... Фехтовала младшая, более слабая пара. Им даны были точные указания: когда, кому и каким выпадом быстро нанести поражение, чтобы не утомлять министра и дать возможность блеснуть парой фехтовальщиков из старших. Но малыши увлеклись и, позабыв все инструкции, яростно нападали друг на друга, пока министр не сделал знака пальцем, прекратившего показ фехтования. В тот же день обоим “дуэлянтам” была устроена “под сводами” тяжёлая “тёмная» (Шнейдер, 1970; 15, 16).

О середине 1960-х гг.: «Как-то все мальчишки нашего класса (кроме меня и отличника Мини Горского) записались в секцию фехтования спортивного общества “Авангард”, расположенного по соседству со школой. И целый год фехтовали, со шпагами и без шпаг, на переменах в шк. дворе, становясь в позицию и демонстрируя выпады; кого-то уже брали на соревнования. Затем точно так же все дружно перешли в открывшуюся при школе секцию пинг-понга..., а большинство наших девчонок записалось на волейбол» (Клех, 2003).

ФЕЯ – «в сказках – волшебница» (СИС, 1954, 730).

О вт. пол. 1990-х гг.: «...Моей любимой книжкой являлась “Золушка”. Я всегда мечтала и думала, что такое волшебство может случиться со мной. Я очень надеялась, что фея существует, и я её увидеть хотела очень сильно» (172).

Фея как персонаж «вызываний».

О девочках 9 лет в г. Мариуполе в 1990 году: «Чтобы исполнились желания наши, вызывали Фею. Брали апельсин, обматывали его нитками. Записывали желания на бумажках и свёртывали их. Эти листки засовывали между ниток на апельсин и подвешивали его за окно, чтобы он оказался на улице. Утром смотрели: если чьего-нибудь листка нет, то желание исполнится» (574).

ФЗО – см.: *Школы фабрично-заводского обучения.*

О 1943–1945 гг.: «“Хорошо в школе, ребята, – сказал Мишка, – только я думаю, лучше нам пойти в ФЗО”. “Рабочих Ртутному надо много”, – заметила Надя. “Да и велики мы для школы, – добавил Сережка. – В пятнадцать лет не охота сидеть в пятом классе...” “Ясно, переросли, – поддержал Володя. – А мне шестнадцать скоро”. Только одна Тося прослезилась. Моргая влажными глазами, она печально сказала: “Как будет в ФЗО – не знаю, а в школе было хорошо. Только я все равно от вас не отстану: куда вы, туда и я”. “Значит, решено: в ФЗО”, – объявил Мишка. К ним подошли ещё несколько мальчиков и девочек. Веснушчатый паренек весело крикнул: “Мишка, айда в ФЗО! Пусть в школе малыши занимаются, а мы в рабочий класс пойдем!” “Вот и ладно! – воскликнул Мишка. – Там и Петр Андреич когда-то учился, и мы выучимся» (Ноздрин, 1955, 105–106).

ФЗОШНИК – (разг.) учащийся ФЗО.

О 1946–1949 гг.: «Вспомнилась шутка послевоенных лет. Её привезли в село молодые ребята, которые после сельской семилетки поучились годик в городах..., в школах ФЗО или ремесленных училищах горячацкого профиля, а летом приехали в чёрной форменной одежде... Наручных часов, даже так называемой “штамповки”, и то не было. Даже у взрослых, подавно – у мальчишек, в том числе и у ФЗОшников. Бывало, встретят ФЗОшника местные парни и спросят: “Сколько время, парень?” А он картинно закатит до локтя рукав форменной робы, покажет пустое запястье и ответит: “Пять минут, как свистнули”. Или (с огорчением): “Ой, опять на рояле забыл» (Киреев, 2004, 175)..

ФЗС – то же, что *фабрично-заводская семилетка.*

О 1929 годе: «Школа, которой надлежало на долгие десять лет заключить меня в свои стены, была та самая, в которой когда-то работали родители. Только называлась

она теперь не железнодорожной, а “Пятой ФЗС” (фабрично-заводская семилетка). Перед школой уже стояла толпа мальчишек и девчонок за руку с мамами, папами, бабушками и прочими родственниками» (Лупанова, 2007, 40).

ФЗУ – см. *Школы фабрично-заводского ученичества.*

ФИГА – то же, что кукиш; сложенная в кулак рука с большим пальцем, просунутым между указательным и средним.

Показывать фигу – 1. Демонстрировать отказ, насмешку, презрение и т. п.

О 1944–1945 гг.: «Игорь родился на второй год войны, когда все жизненные радости уже были нормированы... “А мне дай!” – шепчет Игорь. Генка недоуменно смотрит на Игоря: “Чего тебе?” “Пирожного! – говорит Игорь и складывает большой и указательный пальцы вместе. – Попробовать. Вот столечко!” По странной ассоциации Генка вдруг ощущает злость на Игоря: тоже ходит тут, просит! Ишь чего захотел, пирожного! Словно Игорь виноват в том, что Генке хочется есть так же, как хочется есть Игорю, и в том, что никогда нельзя наесться досыта. Он складывает пальцы в кукиш и с каким-то наслаждением говорит Игорю: “А фигу не хочешь?” С тем же наслаждением он следит за тем, как меняется выражение лица Игоря, как с него исчезает радостное возбуждение и напряженное ожидание чего-то необычного, что вызвал в Игоре Генка своей выдумкой, и сменяется, сначала недоумением, а затем обидой. Генка к одной фиге добавляет вторую, хитро сложенную из мизинца и безымянного пальцев. Торопливо он строит, с помощью правой руки, такую же комбинацию на левой и выставляет Игорю уже четыре фиги: “А ещё не хочешь?” Чувство незаслуженной обиды заслоняет все прочие ощущения Игоря. Глаза его наполняются слезами. Но он немного странный мальчик, и вместо того, чтобы разразиться ревом, чего Генка опасается, он плачет молча, растирая по щекам обильные соленые слезы. Из осторожности спускается с лестницы, но не разжимая своих пальцев, упрямо делающих фиги, Генка делает несколько шагов вниз и, уже шепотом, спрашивает: “Не хочешь? Не хочешь?”» (Нагишкин, 1965, 86–87).

О школьниках на уроке в 1960-е гг.: «И Зинка показала Грише фигу. А Тамара отвернулась и не стала на него смотреть» (Матвеева, 1975, 76).

О девочке 3–5 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1990–1992 гг.: «Фигу показывали, когда что-н. кто-то просил в садике, во дворе, на улице, а давать не хотелось. При этом еще говорили: “Фиг тебе с маслом» (134).

О девочке 5–10 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1990–1995 гг.: «Когда кто-то из ребят (примерно того же возраста) просил меня что-нибудь дать ему, а давать не хотелось, я показывала фигу. Бывало и мне показывали её, если не хотели давать что-то, что я просила» (137).

О девочке 10 лет в Шадринске в 1996–1997 гг.: «Когда меня о чём-то просили, а я не хотела или просто не могла сделать, например, я могла выйти во двор с яблоком в руке, и меня просили: “Дай яблочко!”, а я отвечала: “Это для Вики”. “А ты дай мне!” “Фигу тебе!” – говорила я и показывала фигу» (132).

Показывать фигу – защищаться от сглаза.

О девочке 10 лет в Шадринске в 1996–1997 гг.: «...Бабушка всегда говорила мне, что надо показывать фигушки, когда меня хвалят, чтоб не сглазили. И говорить про себя: “Фигушки вам, фигушки» (132).

Ср.: *Показывать язык.*

ФИГУРНЫЙ шоколад – см. *Шоколад.*

ФИЗИКА – один из основных естественнонаучных учебных предметов общеобразовательной средней школы. Изучается в средних и старших классах.

Учебник физики К. Краевича.

О 1921 г.: «Как мы мечтали о “Физике” Краевича! Этот учебник мало у кого был. Он очень дорого стоил. Несколько раз Сергей ходил в город, в частный книжный магазин. Спрашивал “Физику” Краевича. Продавец протягивал учебник, и Сергей жадно начинал перелистывать книгу, ловя каждое мгновение, чтобы запомнить то, что ему было нужно. Продавец его уже приметил: “Одну и ту же книгу спрашивает, а не

покупает” – и стал отвечать: “Краевича нет!”... Брат раскрыл сверток... Так растерялся, не знал, что и сказать. Крикнул радостно: “Великая, славная наука Физика! Ай да мамах!” И я прочитала на новенькой, чистой обложке толстой книги: «К.Краевич. ФИЗИКА». Сергей схватил книгу и начал кружиться с нею по комнате. “Это новое издание. Издана не где-нибудь, а у нас в Харькове, – к удивлению мамы, произнес Сергей. – Издана Военно-редакционным Советом Украинского военного округа. Я такую еще не видел”. Сергей листал учебник. И мы с мамой, рядышком облокотившись на стол, разглядывали рисунки... Брат снова бережно завернул “Краевича” в бумагу и положил на комод, на самое видное место» (Шмерлинг, 1965; 249–250, 251).

Учебник физики Пёрышкина, учебник физики Кикоина.

О нач. 1980-х гг.: «Особенно я ненавижу физику. “Это вам не Пёрышкин, Метелица, это Кикоин!” – потрясает передо мной учебником нервная и неопрятная физичка. Намекает на то, что класса до седьмого (или восьмого?) я ещё как-то понимала её предмет, и даже считалась способной, а затем впала в ступор. “...Недостаточно просто решить задачу. Надо понимать ее физический смысл!”...» (Метелица, 2005, 69).

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ школа при Новосибирском гос. университете. Существует с 1962 г. по наст. время.

Из статьи 2002 г.: «[Основатель] Сибирского отд. Российской Акад. наук Михаил Лаврентьев создал стройную систему подготовки науч. кадров... Замысел был прост: искать будущих светил сибирской и мировой науки непосредственно в Сибири. Необычность заключалась в подходе: отцы-основатели Сибирского отд. создали Олимпиадный комитет, отобрали среди школьников Сибири, Дальнего Востока и Казахстана победителей олимпиад по физике, математике, химии и пригласили их в Новосибирский Академгородок на летнюю школу. Так 40 лет назад началась история физ.-мат. школы при Новосибирском гос. университете... Ребята... два года учились и жили в академгородке, многие из них поступали в НГУ и впоследствии шли работать в институты Сибирского отделения... В обычной шк., как известно, отличников недолюбливают. В ФМШ [физ.-мат. шк.] с первых дней было принято хорошо учиться. Ребята учились днём и ночью – с фонариками под одеялом... Мальчик из алтайского села... в тщательно начищенных хромовых сапогах... очень удивлялся сомнениям Академгородковского преподавателя по поводу его будущего приезда в физматшколу. Василий считал, что он одет самым достойным образом... Девочки в физматшколе всегда были на особом счету – ввиду малочисленности... Внимания дам добивались девяти- и десятиклассники, наперебой приглашая их на “подпольные” ночные танцы, которые принято было проводить в укромных уголках общежития. [И в 2000-е гг.] суть физматшколы остаётся прежней. Из 237 преподавателей 200 – сотрудники институтов Сибирского отд. Рос. Акад. наук... В 1988 г. Новосибирская сред. специализир. школа-интернат физ.-мат. и химико-биологич. профиля имени М.А. Лаврентьева (ФМШ) при Новосибирском госуниверситете постановлением пр-ва была преобразована в специализированный учебно-науч. центр физико-мат. и химико-биол. профиля НГУ» (Колесова, 2002, 12–13).

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ школы.

«...В России такими олимпийскими достижениями, как у 31-го [физ.-мат.] лицея [г. Челябинска], могут похвастаться лишь две физ.-мат. школы – московская № 57 и петербургская № 239. Только они пользуются потрясающим интеллектуальным фоном ведущих ун-тов страны, кот. нет в Челябинске, а также совершенной тех. базой» (Гордеева, 2006, 10).

См. также: *Физико-математическая школа при Новосибирском государственном университете.*

ФИЗИЧЕСКАЯ культура в школе – см.: *Физкультура.*

ФИЗИЧЕСКИЕ наказания детей в семье – физическое воздействие на ребенка, совершившего проступок.

О мальчике 1948 г. р. в Москве в 1950-е гг.: «После войны нравы были суровыми. Отец закалил меня бельевой верёвкой. Брючный ремень всякий раз снимать было не с руки, а веревка – она всегда рядом... Бил за воровство колхозных яблок, за разбитые у соседней стёкла во время футбола с соседскими пацанами. За двойки руку прикладывал. Доставалось мне и за грубость по отношению к старшим» (Жарков, 2004, 24).

О мальчике 3 лет и девочке 14 лет в Ленинграде в 1951 г.: «Августа сняла свой сатиновый пионерский галстук..., сняла черный фартук, стащила через голову темно-коричневое форменное платье; и Александр увидел, что розовые её трусы, только недавно заштопанные мамой на шляпке деревянного грибка, опять просвечивают попой и к тому же в рыжих пятнах мастики. Августа ходит в среднюю школу девочек – напротив Театра Ленинского Комсомола. На переменах там шайка девочек сбивает Августу на пол и, схватив за ноги, возит из конца в конец по скользкому коридору. Сколько раз ей говорили: защищайся, не давай себя в обиду. А она опять дала. “Это что у тебя с трусами?” Августа захопнула ладонями свои дырки и повернулась к нему, бледная. “Только маме не говори!” Александр, однако, накопил зла... Мама стирала в ванной... “А Августа трусы порвала!” – осведомил Александр... Страшной ведьмой – волосы во все стороны – мама влетела в комнату. В правом углу была печь... В угол между боком этой печи и стеной и забила Августа... “Врёт он всё”. “Ах, врёт?” – Рывком мама вытащила Августу из-за печи, рывком задрала ей подол и своими глазами увидела, что Александр сказал правду... Мама присела на корточки и, царапаясь, как кошка, спустила с Августы трусы... Мама... растянула под глазами дыры на трусах Августы. Крикнула: “Ну, погоди у меня, дрянь!” И хлопнула дверь, оставив их наедине. Августа только и спросила, не обернувшись: “Рад, да? Стукач малолетний!”... Чтобы избить Августу, маме приходится дожидаться ночи, когда с кухни все разойдётся и запрутся у себя в комнатах. Тогда мама приоткрывает дверь: “А ну пошли!” Августа... выходит. Она закрывает за собой дверь комнаты, а мама закрывает дверь из кухни в коридор. Но удары – мотком бельевых веревок – всё равно просачиваются. ...Сор из избы выносить нельзя, поэтому сначала они обе – мама и Августа – молчат, но удары всё сильнее слышны, и Августа начинает взвизгивать... “Ой, мамочка! – доносится с кухни. – Ой, миленькая! Ой, больше в обиду не дамся! Это же все они, девчонки!” “Не оправдывайся, дрянь! Будешь оправдываться, насмерть запорю! Вот тебе за трусы! Вот тебе – что ноги изгрызла! Вот тебе за “уд” твой по родной литературе...” Так кричит мама...» (Юрьенен, [1983] 1992).

О 1958 г.: «Но вот отец вошел в дом... “А ну слышь!” – приказал отец. Юлий поспешно слез... “Спалили со своим дружкой курятник у Мартемьяниках?” Юлька молча пожал плечами: что же поделаешь, спалили... И как-то очень быстро в руках отца оказался старый солдатский ремень с порезами – на нём он всегда правил бритву – и звучно зашлёпал по спине, ниже спины... Юлька не заорал, как обычно, во всё горло, даже не вскрикнул ни разу. С мрачным лицом..., с глазами, сухими и полными боли, залез он после наказания на полати...» (Сластников, 1963).

О 1980-х гг.: «При анонимном анкетировании детей разного возраста из 15 городов страны выяснилось, что 60 процентов родителей используют физ. наказания; среди них 85 процентов – порка, 9 процентов – стояние в углу (иногда на коленях на горохе, соли или кирпичках), 5 процентов – удары по голове и лицу и т. д.» (Кон, 1989, 119).

ФИЗКУЛЬТМИНУТКА – кратковременное занятие гимнастикой под руководством учителя во время урока.

О конце 1950-х гг.: «В школах гигиеническая гимнастика проводится в виде физзарядке до уроков и физкультминуток во время уроков» (ПС, 1960–1, 263).

ФИЗКУЛЬТУРА, физическая культура – учебный предмет, призванный способствовать всестороннему физическому развитию учащихся, укреплению их здоровья.

Из дневника 13–14-летней девочки в 1929 году: «После большой перемены пошла на физкультуру... На физкультуре была рассеянной, да и вообще недолголюбиваю этот урок, быть может потому, что на нем о себе чувствую свою неловкость...» (Татьяничева, 2007).

О конце 1930-х гг.: «Рафаил Яковлевич был нашим учителем физкультуры. Я не любила уроков физкультуры – у меня не получалась “лягушка” на кольцах. Ребята смеялись, когда я неловко перекувыркивалась через голову... Смех казался мне таким оскорбительным, что я перестала ходить на уроки физкультуры. Я уходила перед уроком на школьный двор и там разгуливала среди сугробов. А Рафаил сердился и записывал в мой дневник: “Ваша дочь прогуляла урок физкультуры”. Слово “прогуляла” он подчеркивал злой жирной чертой. Чтобы и я, и родители знали, как его, учителя, возмущают мои прогулы, как это стыдно и некрасиво – прогуливать урок физкультуры» (Матвеева, 1977, 204).

О мужской школе в 1948–1949 гг.: «Уроки физкультуры у нас всегда были какие-то дурацкие, и особенно я стал их презирать с тех пор, как записался в секцию. Толкались мы в спортзале, корячились на шведской стенке, лазали по канату к потолку, прыгали через козла – противное занятие. Тем более что через козла я никак перескочить не мог. Даже тут у нас были учительницы, а не учителя, и все молоденькие, да бестолковые. “Да-а, – усердно укоряла меня одна, – какой же ты защитник Родины, солдат, если через козла перепрыгнуть не можешь! Ну-ка, обеими ногами, раз!” Я после такой моральной укоризны садился на лавочку, чертыхался, настроение никуда...» (Лиханов, 1995, 138–139).

О середине 1950-х гг.: «Преподаватели физкультуры не могут не видеть, с каким нежеланием учащиеся старших классов приходят на единственный в неделю урок физкультуры» (Никитин, 1957, 27).

О середине 1950-х гг.: «...В седьмом, точно, в седьмом классе началось... Нас на уроки физкультуры водили, когда уже потеплеет, весной, в сад Прямыкова, – такой есть маленький парк на Таганке, – ну вот, мы приходим один раз, а там шестьдесят пятая, в волейбол играют, через сетку. Все уже в майках, в трусах, хотя еще прохладно было, начало мая... Мы ещё девочки совсем, по четырнадцать лет. Ну вот, наша очередь играть выходить, физкультурник Дима в свисток свистит, надо выходить, – мы тоже в майках, ноги голые, бледные после зимы, тощие, а трусов спортивных тогда не было, и мы мужские трусы колбасками подвертывали, шароварчиками такими» (Рошин, 2002, 77–78).

О вт. пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.: «На уроках физкультуры удушливо пахло резиной (маты и козлы) и потом. Когда нас, девочек, по пять-шесть заставляли виснуть на брусках, – то Физра (кличка учительницы) непременно про нас говорила, обращаясь к ждущим своей очереди мальчикам, одну и ту же фразу: “Ну, повисли как сосиски!”. Сравнение было точное. А шаровары у всех – вне зависимости от пола – были сагиновые, тускло-лиловые, тоскливые» (Бек, 2000).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «Шёл урок физкультуры. Мы прыгали через “козла”. Сначала мальчишки – от “А” до “Я”, потом девочки. Моя фамилия начинается на “В” – Везин. Но среди мальчиков меня обычно ставили последним. Это потому, что мне ещё ни разу не удавалось перепрыгнуть. Для девочек и для меня “козла” всегда опускали. Очередь подвигалась быстро. “Иванов”, – сказала учительница физкультуры и заранее поставила пятерку. Серега отделился от очереди. Потом я увидел взлетевший над “козлом” рыжий затылок и растопыренные ноги подшопами назад. Те ребята, которые уже получили отметки, раскачивались на перекладине или карабкались по шведской стенке, похожей на большие счеты без костяшек» (Зелеранский, 1961, 5).

О начале 1960-х гг.: «Когда прозвенел звонок, в класс... пришла учительница физкультуры... “Павел

Афанасьевич заболел, – сказала она. – У вас будет урок физкультуры. Стройтесь, пойдём в спортзал!”» (Чеповецкий, 1962, 34).

О 1980-х – первой половине 2000-х гг.: «Школьные уроки физкультуры всегда занимали первые места в хит-параде прогуливания. Полкласса обеспечено справками от всевозможных врачей – по статистике, только 25% первоклашек здоровы, а среди старшеклассников этот процент вдвое меньше. Остальные с тоскливыми лицами пытаются перепрыгнуть через “козла” или с грехом пополам вскарабкаться по канату. Физ-ра непопулярна. И это при том, что сегодня люди готовы тратить сотни долларов на абонемент в фитнес-клуб. Выходит, если к занятиям физкультурой подойти более современно и профессионально, у нас будет шанс вырастить здоровое поколение?» (Семёнова, 2006, 35).

О конце 1990-х гг.: «...Учитель физкультуры... был мужчиной лет 40–45, властный. Он всегда заставлял нас играть в волейбол, но мы очень не любили эту игру, поэтому или отказывались играть или не ходили на урок. Ещё я очень не любила кататься на лыжах. Во-первых, холодно, а во-вторых, не умеем кататься на пластиковых, а только на деревянных. Меня или заставляли, пугая двойкой, или давали особое поручение – расставить лыжи, ботинки по парам. Ещё учитель физкультуры шантажировал нас в свою пользу. В школе я хорошо прыгала в длину. Следовательно, должна была ехать на районные соревнования. Никакие отговорки он просто не принимал, говоря: “Поставлю 5, если поедешь на соревнования, а если не поедешь – поставлю 3”. А кому же хочется иметь за год 3 по физкультуре? Никому. Поэтому мне приходилось ехать на соревнования. Не меньшее влияние он оказывал на нас в период, когда в школе проводились эстафеты (передача палочки участнику своей команды). Если из сильных учеников кто-либо отказывался бежать, то [учитель физкультуры] последние занятия в четверти издевался над ним, заставляя заново сдавать все нормативы» (557).

О 2000-х гг.: «...Лучше бы [мальчишкам и девочкам] обойтись... [без уроков физкультуры], вредных и здоровью, и самооценке ребят. Ненавижу физру – так говорили в детстве мы, и столь же часто эту фразу можно услышать от сегодняшних детей... Взять прыжки в длину. Проводятся они чаще всего на твердой поверхности, школьники же обуты в легкие тапочки или кеды, что совершенно недопустимо... Резкий удар пяток летит по позвоночнику прямо в детский мозг, что... не прибавляет ни ума, ни здоровья. Или упражнения на брусьях – пол-урока весь класс стоит и наблюдает, как кто-то пытается сдать несчастный норматив. Кто-то прекрасно может прыгать в высоту, зато перед канатом чувствует себя дурно и вынужден перед всем классом униженно выслушивать соображения физрука по этому поводу. И это называется уроками физ. культуры в третьем тысячелетии... Беда российской школьной физкультуры в том, что своими корнями она до сих пор уходит в рожденную революцией поголовную систему ГТО» (Куликова, 2005–4).

См. также: *Переодевание на физкультуру.*

«**ФИЗО**» – разговорное название школьного предмета «физкультура».

О середине 1950-х гг.: «“Сейчас приду домой, – мечтательно протянул Рудик, – и скажу, что штаны на физю помял! На турнике...”» (Мелентьев, [1958] 1961, 16).

См.: *Физкультура. Ср.: «Физра», «физ-ра».*

«**ФИЗРА**», «**физ-ра**» – разговорное название школьного предмета «физическая культура», «физкультура».

О первой половине 1970-х гг.: «Дня через два на физкультуре, когда... все сверкали шортиками или красивыми трусиками, Стаин один оказался в длинных саатиновых трусах, которые обычно называют “семейными”... Физкультурник Степан Семёнович осмотрел строй. Подчёркнуто остановил взгляд на Стаине: “Вот ты, шаг вперед”. “Извиняюсь, – сказал Стаин, – позабыл, шо у вас сегодня физра”. “Стань в строй, физра! – сухо бросил Степан Семёнович. – В

таком виде допускаю тебя до своего предмета в последний раз!»» Иванов, 1978, 17).

О начале 2000-х гг.: «Физ-ра непопулярна. И это при том, что сегодня люди готовы тратить сотни долларов на абонемент в фитнес-клуб» (Семёнова, 2006, 35). См.: *Физкультура*.

ФИЛАТЕЛИЯ – См.: *Почтовые марки*.

«ФИЛИПОК» – рассказ Льва Николаевича Толстого из «Новой азбуки» (1875). С давних пор входит в круг чтения младших школьников.

Из текста (с сокращениями): «Был мальчик, звали его Филипп... Пошли раз все ребята в школу... Стало Филиппу скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашел, взял старую, отцовскую и пошел в школу... Прибежал он к школе... В сенцах снял шапку и отворил дверь... Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине. “Ты что?” – закричал он на Филиппа. Филиппок... посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик. “Это Филиппок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришел в школу”. “Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу”. Учитель стал показывать Филиппу буквы, а Филиппок их уж знал и немножко читать умел... “Молодец, – сказал учитель. – Кто же тебя учил читать?” Филиппок осмелился и сказал: “Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!”... С тех пор Филиппок стал ходить с ребятами в школу».

ФИЛУМЕНИЯ – См.: *Стичечные этикетки*.

ФИЛЬМОСКОП – аппарат для показа диафильмов и диапозитивов.

О детской библиотеке в г. Шадринске в 1946 году: «Особенно много интересных мероприятий для школьников организовывалось в каникулы. Так, к примеру, 1 января 1946 г. в читальном зале состоялся просмотр картин через фильмоскоп “Как кот летал на самолете”, “О попе и работника его Балде”. 2, 3, 4 января смотрели другие фильмы – “Девочка и медведь”, “Сказка о рыбаке и рыбке”» (Плотникова, 1999, 116).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Аркадий... вышел в сени и тотчас вернулся со свертком. “А это – приложение к моим мыслям, – сказал он, сдвигая бумагу и сдергивая с коробки крышку”. Фильмоскоп! Юрка выскочил из-за стола и взял его в руки. О, чудо! У Юрки даже не было мыслей о фильмоскопе. А если и были, то случайные и робкие, ещё далекие от мечты. И вот... аппарат явился перед мальчишкой во всем своем черном матовом величии, с выпуклым глазом объектива, в глубине которого светился фиолетовый зайчик, с кассетой для диафильмов, с ламповым отсеком и с трансформаторной “будкой”. Юрка не знал, что делать: плясать ли, смеяться ли, быть ли серьезным, спрятать ли аппарат, или же немедленно заняться им. Валерка не усидел – тоже вышел. И мальчишки принялись было изучать устройство фильмоскопа... Юрка погладил, как кошку, фильмоскоп, стоявший на подоконнике, и заметил: “Были бы ленты – сейчас бы кино показали...” “Ух, братцы! – воскликнул вдруг Аркадий. – Забыл!” Он вскочил, сбегал в свою комнату и принес пригоршню серебристых баночек с диафильмами... “Принимайте!” – И Аркадий по одной стал выставлять баночки на стол, оглашая: “Как братец Кролик победил Тигра”, “Метелица”, “Илья Ефимович Репин”, “Три поросенка”, “Франсуа Рабле” и “Гёте”. Всё...”. Ребята уединились в комнате Аркадия, установили фильмоскоп, заправили диафильм и “дали свет”. На стене, выше ковра, отпечаталась рамка. Юрка навел резкость и двинул ленту. “Три поросенка!” – ликующе прочитал Валерка... Юрка принялся деловито возиться с фильмоскопом: открывал ламповое отделение, протирал линзы, что-то вставлял и вынимал... Ребята, заполнив полкухни, невольно окружили стул с табуреткой, где был установлен аппарат, и, очарованные, наблюдали за уверенными Юркиными манипуляциями. “Аркаша, у нас двести двадцать?” – спросил сердито Юрка. “Двести двадцать”. “Придется переставить напряжение в

трансформаторе. У меня установлено на сто двадцать семь”. И Юрка вскрыл и трансформатор, хотя там было все в порядке» (Михасенко, [1959–1963] 1965, 163, 164, 165, 176).

О первой половине 1960-х гг.: «Девочка устала, ей всё надоело, и она сказала: “Вон фильмоскоп, ровно восемь рублей. Давай его возьмем, что ли?..”» (Коссаковская, 1967, 12).

О с. Верх-Теча Катайского р-на в 1992–1993 гг.: «Мне было 7–8 лет, каждый вечер перед сном я смотрела фильмоскоп, у меня были все выпуски “Ну, погоди”. Если я сама не хотела читать, то заставляла родителей» (097).

О Челябинске в 1992–1993 гг.: «У нас дома был фильмоскоп, на нём я с братьями смотрела сказки. Родители озвучивали их» (067).

О с. Шутихинском Катайского р-на в 1999–2002 гг.: «Учительница физики часто использовала фильмоскоп для показа учебных диафильмов по физике и астрономии»

«ФИЛЯ» – ежемесячный журнал о природе для детей 3–7 лет. Много крупных иллюстраций, загадки, ребусы и короткие тексты.

ФИНКА, финский нож – нож с толстым коротким лезвием.

О конце 1920-х гг. в Ленинграде: «Во-первых, я купил себе финский нож. Как ни странно, это хулиганское оружие продавалось тогда вполне открыто. Я приобрел свою “финку” в хозяйственном магазине на Малом проспекте; там же продавались ножи хозяйственные, примусы, кухонная посуда и керосин. Финка моя покоилась в ножнах, украшенных на конце свинцовым шариком. Носил я её на брючном ремне, под курточкой. В школу, разумеется, ходил без оружия. Но по вечерам, когда мы втроем – Борька, Гошка и я – шли шлифовать асфальт на бульвар Большого проспекта (который тогда именовался проспектом Пролетарской Победы), каждый из нас был при ноже. Вряд ли мы, даже если бы и в драку вязались, пустили бы в ход это оружие. Однако – носили. Такая уж тогда была тайная молодежная мода – походить на хулиганов...» (Шефнер, 1999).

ФИСКАЛ, фискалка – тот, кто *фискалит*, доносит на товарища.

О конце XIX – нач. XX вв.: «Были среди гимназистов и подхалимы, и фискалы, и вруны. Но вся масса учащихся в нашем, например, классе относилась к таким типам нетерпимо...» (Пызин, Засосов, [1976] 2003, 204).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «“Знаешь, Везин, – строго начала Аня. – У меня вчера была Ира и всё рассказала”. Я вспыхнул и встал. Аня, подняв голову, приказала: “Иди к директору и пожалуйся. Что, в самом деле, творится в этом классе! Суд Линча какой-то!” “Не буду жаловаться!” – сердито ответил я, отвернувшись. “Почему?”... “Никогда не буду фискалом, – угрюмо сказал я, по-прежнему глядя в сторону. – Захочу, сам им отомщу”» (Зелеранский, 1961, 39–40).

ФИСКАЛКА – см.: *Фискал*.

О девятиклассниках во вт. пол. 1950-х гг.: «Зина:... Это письмо надо обсудить. Широко обсудить. Ксана (*робко*): Может быть, показать директору? Сергей: Девчонки – прирождённые фискалки. Это у них в крови. Женья: Какое же это фискальство? Ведь дело-то действительно скандальное» (Гераскина, 1962, 127).

ФИСКАЛИТЬ – выдавать, ябедничать, доносить.

О конце XIX – нач. XX вв. в Санкт-Петербурге: «Были среди гимназистов и подхалимы, и фискалы, и вруны. Но вся масса учащихся в нашем, например, классе относилась к таким типам нетерпимо. Это выражалось нередко и в определенных реакциях. Особенно активно боролись с фискальством. Так, если ученик фискалил, выдавал товарища, ему устраивали “темную”. Такие меры применялись в младших и средних классах, в старших выдерживался бойкот в отношении таких типов...» (Пызин, Засосов, [1976] 2003, 204).

О 1910-х гг.: «...Набравшись свежих сил, я взвыла: “Ма-ма, меня обидели! Вовка щипался за щеку и сказал, что на трете будет рыбий жир. Правда ведь, он всё врёт?” Мама... поднимает голову, и солнце сползает с ее лица... И голос... жёсткий и высокомерный: “Таня,

запомни раз и навсегда, Володя никогда не врёт, он выдумывает... А если ты не отучишься фискалить, то действительно получишь вместо киселя рыбий жир..." ... "Может быть, хочешь пофискалить, заяц Таня?" – любезно предложил мне Володя. Фискалить я не хотела» (Луговская, [1983] 1987; 45, 71).

ФИСКАЛЬСТВО – поведение *фискала*, наущничество, ябедничество.

Об уральском городе в 1937 г.: «"Кто это сделал?" – спросила [учительница]. И хотя фискальство в шестом "Б" считалось позорным, никто не осудил Кольку, ответившего: "Это Мачнев безобразничает, Ольга Михайловна"» (Фрадкин, 1958, 17).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «Ни слова не говоря, он подошел к ребятам вплотную, схватил за шиворот сначала Серегу, потом Мишку и вытащил их из-за парты... На перемене мы долго обсуждали эту историю. Сначала хотели пожаловаться директору (наш классный руководитель дней пять назад перешел в другую школу). Мишка сказал, что это будет фискальство» (Зелеранский, 1961, 12).

ФИШКА – «круглая плотная картонка, на одной стороне которой – картинка, а на другой – надпись» (136).

«ФИШКИ» – игра на выигрыш с фишками (см.: *Фишка*).

О г. Далматово во вт. пол. 1990-х гг.: «Фишки накладывались друг на друга, а сверху разбивались другой. Те фишки, которые падали картинкой кверху забирались развивающим» (136).

О девочке 10 лет в Шадринске в 1998 г.: «Мы постоянно собирались в моём подъезде. Каждый день играли в какую-н. новую игру. В то время были актуальны "фишки". Каждый день после школы мы садились на подоконник или на крыльцо и играли в фишки. Я постоянно проигрывала, и мне приходилось их покупать» (165).

О девочке 14 лет в Шадринске в 1999 г.: «Позже... игра [в фантики] заменилась игрой в фишки (это небольшие круги из толстого картона). Фишки устанавливались в стопку рисунком вниз. Их также нужно было перевернуть. Для этого по стопке с фишками ударяли специальной пластмассовой фишкой-битой» (103).

О Шадринске в 1999 г.: «Я хотел бы описать игры, характерные для нас с класса восьмого. У нас было распространено играть в школе на кэпсы – фишки, изготовленные из плотного картона, продаваемые вместе с жевательными резинками. У нас в классе распространено было играть во время перемен в коридорах на подоконниках. Игра заключалась в следующем: играло сколько угодно человек, лишь бы было больше одного. Каждый играющий ставил по фишке в одну стопку, затем проводился жребий, кто вступит первым в игру... После того как была выяснена очередность вступления участников, наступал сам процесс игры. Игра выглядела следующим образом: лежит стопа фишек, все они повернуты изображением в низ, первый игрок берет один из кэпсов и, размахнувшись, кидает в стопку. После этого все фишки, которые будут перевернуты, он забирает себе как выигрыш, за ним, если что-то осталось, бьёт следующий участник. Весь процесс [длится] до того момента, как выбьют последнюю фишку. Что касается результатов, то бывали случаи, когда кэпсы заиграны были настолько, что уже не были плотными, и их как тряпку можно было сложить пополам. Особо удачливые игроки при крупном выигрыше их просто разрывали» (444).

«ФЛАГ В РУКИ!» – в речи подростков: «Делай, если тебе хочется! Вперёд! Действуй!»

О конце 1990-х гг.: «Выражение "Флаг в руки" услышала в конце 1990-х гг. Оно обозначает как бы [ответ] на реплики хвастовства или просьбу. Например: "Я купил такой клёвый плейер – закачаешься!" "Ну и флаг тебе в руки!" – говорит другой. Или: "Сходи-ка в магазин за продуктами!" – просит один. "Флаг в руки!" – говорит другой» (154).

О девочке 15 лет в с. Ушаковское Катайского р-на в 2002 г.: «Выражение "Флаг в руки" я слышала, когда мне было примерно 15 лет. Его обычно говорили в такой, например, ситуации: группе людей сказали что-либо

сделать, но никто делать не хочет, и лишь один из всей группы, собираясь выделиться, идёт делать, что было сказано. Все оставшиеся члены группы говорили ему: "Флаг в руки!", то есть "Вперед!". Я думаю, это выражение получило такое название из исторических событий. Обычно на всех демонстрациях человек, который нёс флаг, плакаты и т.д., шел впереди, а за ним шествовали все остальные» (139).

О девочке 14 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 2001 г.: «Когда кто-то во дворе начинал хвастаться своими "подвигами", то другим ребятам было как-то обидно, но чтобы показать, что этот человек не сделал ничего выдающегося и нам безразличен его поступок, мы с "кислым" выражением лица говорили ему: "Флаг тебе в руки". И уже позже, года через три, стали добавлять: "...и барабан на шею"» (141).

«Флаг в руки и барабан на шею!»

О девочке 10–15 лет в с. Костыгин Лог Целинного р-на в 1995–2000 гг.: «Когда кто-то из нашей компании или вообще кто-то хотел сделать что-то, а остальные были против этого, то ему говорили: "Флаг тебе в руки и барабан на шею". А ещё эта фраза могла использоваться, если кто-то хвастался» (137).

О девочке 14 лет в 2000 году в Шадринске: «Я каждое лето отдыхала в лагере "Салют"... Однажды мы придумали мероприятие для нашей вожатой, а когда рассказали о задумке, она ответила: "Ну, всё, флаг вам в руки!". "И барабан на шею, – дополнила вторая. – Идите готовьте, хорошая задумка". Затем это выражение я услышала у себя во дворе. Все так говорили, когда хотели подчеркнуть сарказм или безразличие к высказанному. Например: "Я иду в кино с Игорем". – "Ну и флаг тебе в руки...! И барабан на шею..."» (132).

О девочке 15 лет в 2002 году в г. Далматово: «"Флаг в руки и барабан на шею!" Не помню, от кого услышала, но употреблять в речи начала примерно с 15 лет. Так говорят, когда человек собирается совершить абсурдный, глупый и ненужный поступок. Это выражение схоже с фразой "Скатертью дорожка!"» (136).

ФЛАЖОК (красный) – маленький флаг.

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Алёнка вскочила, протёрла глаза и закричала на всю квартиру: "Ура! Первое мая начинается!" На стуле у каждой кровати лежали красный флажок и красная шапочка. Мы сами сделали их накануне, готовясь к Первомайскому празднику. Девочки живо нацепили красные шапочки, взяли в руки флажки и в ночных рубашках, босиком зашагали в столовую» (Смирнова, 1963, 135–136).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Солнце глядит по щеке... / Нынче праздник Мая! / У меня флажок в руке, / Я теперь большая! / Мой флажок, как огонёк, / Светится, играя. / Здравствуй, праздничный денёк! / Здравствуйте, праздник Мая!» (Благинина, 1960, 16).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Посмотрите, посмотрите! / Вот какой флажок у Мити! / Кто флажок подарил? / Митя сам смастерил! / Засияло солнце слова, / Месяц май пришёл опять. / А у Мити всё готово – / Он с флажком идет гулять» (Высотская, 1968, 104).

О 1960-х гг.: «Красный бантик у неё в косичке, а сама, как солнышко, ясна. Праздник, праздник!... Травка-невеличка!.. Первомай!... Весёлая весна!... Над толпой шумят знамёна Мая, все выходят с песней на парад. Яся тоже песне подпевает, и флажок в руке у ней зажат» (Забила, 1970, 8–9).

Из книги 1975 г.: «Мы возьмём флажки из бумаги / И с флажками гулять пойдём. / Перед Маем большие флаги / Держит весело каждый дом» (Александрова, 1975, 15).

Флажок как средство поощрения младших школьников.

О 1986–1988 гг.: «Помню первое сентября, как я пошла в первый класс (6 лет). Как нас принимали в октябрята, в пионеры. Как я шла в школу в галстучке, мне было очень приятно, я испытывала гордость (9 лет). В начальной школе, когда неделя заканчивалась с положительными оценками, нам давали флажки. Было очень приятно идти домой с этим флажком» (148).

«ФЛАЖОК» – название учебных изданий для чтения для учеников второго класса в 1965–1971 гг. В 1965 и

1968 г. в издательстве «Просвещение» выходил «Флажок. Тексты для чтения во втором классе» (объем 350–370 с.). В 1969, 1970 и 1971 г. в свет тем же издательством выпускался «Флажок. Книга для чтения во втором классе» (объем 288 с.).

«ФЛИРТ», «флирт цветов» – подростково-молодёжная домашняя игра.

Игра «флирт цветов» получила распространение у молодежи из состоятельных и образованных кругов русского общества в конце XIX в. Была распространена в 1900–1910-е годы, меньшую популярность она имела в 1920-е – 1960-е годы. В 1970-е – 2000-е годы встречается лишь спорадически. Комплект игры во флирт цветов представлял собой совокупность нескольких десятков карточек. Обратная сторона карточек была аналогична «рубашке» игральных карт. Лицевая сторона напоминала лицевую сторону карточек лото. Пространство каждой карточки было разделено на прямоугольники. В каждом прямоугольнике было написано название цветка (иногда – драгоценного камня) и рядом – какая-либо фраза. Это могла быть строка из стихотворения, это могла быть строка из романа, а могла быть и многозначительная «амурная» фраза. Названий цветов было в несколько раз меньше общего числа «прямоугольников» на карточках. Поэтому название одного и того же цветка повторялось на нескольких карточках. Фразы же под названиями цветков не повторялись. Карточки раздавались всем участникам игры. Участники сидели за столом и передавали друг другу карточки (оборотной стороной – «рубашкой» – вверх, чтобы не видно было остальным). Участник, передающий карточку участнику противоположного пола, произносил вслух название цветка. Поскольку название цветка встречалось неоднократно и всякий раз под ним значилась другая фраза, никто из остальных участников не мог знать, какую фразу адресовал один участник другому. Таким образом, внешне всё выглядело как перебарывание карточек и произнесение нейтральных названий цветов, в действительности же происходил обмен любовной информацией между участниками.

О девочке-подростке 14–15 лет в 1922 году: «Я иду на вечеринку! На настоящую вечеринку, как взрослая! Пригласила меня Лялька Мандельштам... Из младших никого, кроме меня, не будет... Впрочем, какая же я младшая? Мне пятнадцать через месяц!... “Сыграем во “флирт цветов”, господа?” – предлагает Лялька, кокетливо взглянув на Сережу, и раздает всем карточки. Сейчас же чья-то рука протягивает мне карту. Я поднимаю глаза. Рука принадлежит одному из юношей... “Гелиотроп!” – произносит он значительно и смотрит на меня... Ищу на карточке “гелиотроп” и читаю: “Вы мне нравитесь”. Ну, вот ещё глупости! Я чувствую, что краснею, и беспомощно ёрзаю на диване. “Пошли ему вот это: “сирень””, – сквозь зубы говорит Серёжа и подсовывает мне свою карточку. Где это “сирень”? Ах, вот: “А вы мне совсем не нравитесь”. Ну и правильно!» (Остапенко, 1969, 70, 73).

О 1930 г.: «Пышно и ярко, гераневым цветом цветет кое-где мещанство. Собираясь друг у друга, ребята играют “во флирт”. Читаются стихи Надсона или при лампе слышны вполголоса читаемые стихи Есенина... Это читает здоровый парень с красным галстуком на шее» (Пионер. Орган ЦБ дет. коммунист. орг-ции им. В.И. Ленина при ЦК ВЛКСМ. Отв. редактор И. Разин. 1931, № 1 – С. 17).

О середине 1950-х гг.: «Потом – вечеринка... Играли в детские игры – “садовника”, “кольцо-кольцо, ко мне!”. На столике лежал допотопный “флирт” – розовые карточки, полные мещанского яда. Роза оначала “Я вас люблю”, астра – “Я вас обожаю”, орхидея – “Я от вас без ума”. Девочка играла в “садовника”, улыбалась – Витьке не больше, чем всем. Он не выдержал, спросил её с помощью розового листика: “Как вы ко мне относитесь?” Она ответила тем же путём: “Вы хитрый» (Жуховицкий, 1963, 7).

ФЛОМАСТЕРЫ – устройство для письма и рисования, в котором пишущим узлом является пористый стержень, пропитанный специальным красителем.

В 1970-е гг. фломастеры были предметом дефицита. В приводимом далее обширном отрывке само слово «фломастер» на протяжении всего текста пишется как «фламастер» (не так, как это указывается в современных словарях). Приводим отрывок большого объема, так как в из него можно получить вполне полное представление о том, как воспринимался фломастер школьниками в середине 1970-х гг.

Об учениках 5 класса в середине 1970-х гг.: «Тося... вспомнила про фламастеры. Про те самые фламастеры, которые дядя Коля привёз ей из Японии. Они были очень красивые. Они лежали в лакированной красной коробочке. По бокам у них вились золотые иероглифы. Они были так хороши, что Тосе даже жалко было ими рисовать... А что, если показать фламастеры Ане? Вдруг они ей понравятся? О, если они ей понравятся..., пусть рисует тогда сколько хочет! Пусть возьмёт их с собой, пусть держит дома. Пусть даже совсем заберёт их! Пусть! Тосе ничуть не жалко! Нет, жалко, конечно, чуточку... Но ей так хочется подружиться с Аней! Так хочется!.. Утром Тося положила фламастеры в портфель и отправилась в школу. Всю дорогу она думала об Ане и о новых фламастерах. Она представляла, как покажет Ане японские фламастеры и как скажет при этом: “Если тебе нравятся, возьми себе!” И как обрадуется Аня, и как скажет: “Да нет, что ты, не надо!” И как она, Тося, скажет: “Возьми, возьми! Мне не жалко!” И как Аня с сияющей улыбкой положит фламастеры в портфель и скажет: “Спасибо тебе, Тося. Ты такая добрая!” И как они вместе пойдут домой из школы и всю дорогу будут смеяться и дружить... “Что у меня есть!” – кричала Одуванчикова, подсакивала и размахивала в воздухе рукой... “Ну покажи, покажи! – кричали Гвоздева с Собакиной. – Покажи, что у тебя...” А Тося смотрела на Аню и, приплясывая, направлялась к ней. Подойдя к Ане, Тося опустила руку, разжала ладонь... и все, кто был в классе, устремились к Тосе. “Видали? – говорила Тося, показывая коробочку всем, но обращаясь только к Ане. – Видали, что мне из Японии привезли? Ну как, а?..” “Во даёт! – зачарованно произнёс Фёдоров. – А открыть можно?” “Открывай!” – милостиво разрешила Тося. И тут все ахнули. Толстые фламастеры блеснули в коробочке. Золотые японские иероглифы вились по их зелёным, красным, синим, жёлтым и фиолетовым спицам. “Вот это да-а! – сказал Фёдоров. – Красотища-а!” “Это мне дядя Коля привёз!” – торжествовала Тося. “Потрясающие карандашники!” – сказала Пантелеева. “Да какие же это карандашники! Это фламастеры. Это мне дядя Коля из Японии привёз!.. Ань, посмотри, какие красивые!” Волей-неволей Аня взглянула на фламастеры. Они действительно были прекрасны... “Они керосином пахнут, – сказала Аня. – Убери их, пожалуйста...”. Ира Сыркина с удивлением взглянула на Аню Залетаеву. “Ну и что же, что керосином пахнут?” – сказала Ира Сыркина. “И очень даже хорошо, что пахнут!” – сказала Пантелеева. “Да замечательно они пахнут! – воскликнула в один голос Гвоздева с Собакиной. – Не слушай её, Тоська! Она думает, если она староста...” “У нас в школе нельзя фламастерами рисовать, – упрямо сказала Аня. – Убери их”. Из глаз смертельно обиженной Тоси уже готовы были брызнуть слёзы. “Ну и пусть нельзя! – закричала она. – А я всё равно буду!”... [Аня] даже встала. “У нас никто фламастерами не рисует, – сказала она. – И ты не будешь. Я знаю, для чего ты их принесла. Для того чтобы похвастаться!.. И если ты так будешь вести себя дальше, то я, как староста, поставлю о тебе вопрос на классном собрании!”» (Пивоварова, 1977; 18–19, 22–23).

О 10-летней девочке Рите и её сестре-дошкольнице в начале 1980-х гг.: «“Между прочим, мне вовсе не жалко фломастеров, – вдруг виновато объяснила Рита, опустив глаза. – Только колпачками закрывай. Сохнут ведь”» (Вяземский, 1986).

ФОКСТРОТ – «Современный парный танец двудольного движения... Музыкальное строение фокстрота тесно связано с джазовой с музыкой» (СИС, 1954, 742); «Бытовой парный танец свободной композиции, возникший в США в конце первого

десятилетия XX в., основанный на скользящих шагах, выполняемых в паре (в положении друг против друга)...» (СИ, 1994, 655).

О старшеклассниках в 1950–1952 гг.: «А радиола вновь ожила. Закрутилась пластинка с легендарным для нас фокстротом “Родриго”. У этого фокстрота дерзкая история. Нам не разрешали танцевать фокстротов. Нас заставляли танцевать занудистые падеграсы и падепати-неры, нам разрешали вырыкивать мазурки. Единственным утешением были краковяк и вальс. На каждом вечере неизвестно откуда появлялся фокстрот “Родриго”. И как только он вырывался из... глотки динамика, наш директор бежал в комнату радиоузла и хладнокровно переламывал надвое фокстрот “Родриго”. В следующую субботу пластинка снова появлялась в радиоузле склеенной или вовсе новой, и каждый вечер её ждала такая же горькая участь. Но сейчас [на выпускном вечере] фокстрот танцевал сам директор» (Бодров, 1966, 29).

ФОНАРЬ, фонарик – осветительный прибор.

О конце 1950-х гг.: «...Серёжка стал в больницу собираться. Взял свой водяной пистолет, фонарь, карандаши и раскраски... “Здравствуй, сын!... Достал для твоего китайского фонаря батарейки. Пусть полежат, весной понадобятся”» (Долинина, 1962; 46, 49)

О конце 1950-х гг.: «И чего [в Серёжином рюкзаке] только не было: книжки с картинками, жёлтый футбольный мяч, батарейки для электрического фонарика..., “Юный конструктор”...» (Мусатов, 1960, 3).

О нач. 1960-х гг.: «Всё-таки он везучий! Так удачно выменял у Костика фонарик! Ну и дурак же этот Костик! Всё хвастал: “Смотри, Жень, смотри!” Тонкий лучик был при дневном свете слаб и бледен. Он зябко дрожал в холодном прозрачном воздухе. Только золотистая коронка вокруг лампочки сияла ярко и празднично. “Жми, – командовал Женька, – жми давай!” И Костик гонял лучик по двору, заставлял его взбираться на стены, заглядывать в окна. Он так старался, глупый Костик. Конечно, фонарик сгорел. Костик растерянно держал в руках серебристую трубочку, изо всех сил нажимал на кнопку, но фонарик был мёртв. Лучик исчез... Женька и начал: “Лом! Кому нужен такой фонарик?” Конечно, Костик согласился поменять фонарик на педаль велосипеда, которую Женька вчера нашёл на помойке. А фонарик-то очень даже хороший, надо только заменить лампочку. Женька и ушёл со двора поскорей, чтобы Костик не спохватился и не потребовал свой фонарик назад» (Лихоталь, 1964, 23).

Читает с фонариком под одеялом.

О физико-математической школе при Новосибирском гос. университете в 1960-е гг.: «В обычной школе, как известно, отличников недолюбливают. В ФМШ [физ.-мат. шк.] с первых дней было принято хорошо учиться. Ребята учились днём и ночью – с фонариками под одеялом...» (Колесова, 2002, 12–13).

О г. Свердловске в середине 1960-х гг.: «Под... одеялом я... в возрасте пяти лет... научился читать... Под... одеялом я при свете фонарика прочитал “Собаку Баскервилей” и “Трёх мушкетеров”. И трясло меня... оттого, что было до дрожи интересно...» (Застырец, 2006).

О девочке в Москве во вт. пол. 1980-х гг.: «Постепенно давая подборку журнала “Наука и жизнь”, складированную в диване, родители приобрели Александра Дюма: “Королева Марго”, “Двадцать лет спустя”, “Графиня де Монсоро”, книги Мориса Дрюона и многое другое. Эти книги Дюма, а особенно – “Графиню де Монсоро” с моим любимым героем – умным и благородным шугом Шико, я читала с фонариком под одеялом» (Семенова, 2008–2, 20).

ФОНТАНЧИК с питьевой водой – устройство для выбрасывания под давлением воды из узкой трубочки.

Устанавливались в школах, летних загородных (пионерских) лагерях. Возле фонтанчиков дети нередко устраивали шалости с водой.

О конце 1970-х гг.: «“А я увидел, что мальчишки у фонтанчика с питьевой водой балуются – открутят сильно, пальцем струю нажмут и всех обливают...”» (Немежанская, 1981, 29).

О Шадринске в середине 1990-х гг. в: «В младших классах на каждом этаже стояло по фонтанчику, но воду из него нужно было высасывать, потому что напора не было» (067).

ФОРМА гимназическая девочек – см. *Форменная одежда*.

О Москве 1915–1916 гг.: Я поступила в младший подготовительный класс (что-то вроде детского сада) гимназии Констан. Мне сшили форму...: коричневое платье с белым воротничком и черный фартучек. Я очень гордилась этим костюмом» (Луговская, [1983] 1987, 72).

О женской гимназии середины 1910-х годов в губернском городе на Урале: «И Бурунова, и Маковкина выделялись в классе. На них были одинаковые тёмно-коричневые формы, шелковые передники... Ирина часа два потратила на то, чтобы привести форму и передник в приличный вид. Пришла свежие белые манжеты и воротничок, начистила до блеска туфли и надела самые лучшие свои чулки. Но старая форма осталась все-таки старой... На [Зойке] была праздничная форма, праздничный передник в мелкую складочку с очень узенькими бретельками, кружевные воротничок и рукавички... Бурунова в новой светло-шоколадной форме, в тончайшем плиссированном переднике... стояла рядом с... дамой... Гимназистки в своих коричневых форменных платьях с чёрными передниками, с белыми воротничками и рукавичками выглядели празднично... Она сняла с себя форму, повесила на гвоздик и надела полинявшее бумазеевое платьишко» (Филиппова, 1938; 28, 54–56, 85).

ФОРМА гимназическая мальчиков – см. *Форменная одежда*.

О середине 1870-х гг.: «С гордостью и радостным волнением Коля надел гимназический “мундир” – обтянутый по талии сюртучок из темно-синего сукна с плоскими круглыми под серебро пуговицами, с стоячим воротником, обшитым узким серебряным галуном (серые курточки были введены лишь в середине [18]80-х годов), длинные серые брюки, серое пальто форменного покроя и темно-синее кепи» (Харузина, [1919] 1999, 226).

О конце XIX – начале XX вв. «Форма гимназистов состояла из светло-синей фуражки с тремя белыми кантами и с черным козырьком (особым шиком считалась фуражка мятая, с поломанным козырьком). Эмблема прикреплялась к околышу и представляла собой две серебряные пальмовые ветви, между которыми размещались инициалы города, номер гимназии и буква “Г”. Например, 3-я Петербургская гимназия имела следующую монограмму: “СПБ. 3.Г.”. 5-я Московская гимназия соответствовало: “М5.Г.”. Номер гимназии всегда находился в центре монограммы, выделялся по высоте и ширине от букв, указывающих город и гимназию. Фуражки гимназисты носили зимой и летом. Зимних шапок гимназисты и учащиеся других учеб. заведений не имели. Летом на тулю надевался чехол из коломянки. Зимой, в холода, надевали наушники из черного фетра на коричневой байке внутри. Наушники надевались прямо на ухо, как чехол, по низу были соединены черной резинкой. Кроме того, в морозы надевали башлык цвета натуральной верблюжьей шерсти, отделанный серой тесьмой. Каждодневная форма гимназистов состояла из суконной гимнастерки синего цвета (темнее, чем на фуражке) с серебряными выпуклыми пуговицами, подпоясанной черным лакированным ремнем с серебряной пряжкой, на которой были выгравированы те же буквы и цифры, что и на эмблеме (но без пальмовых ветвей). Гравированные буква и цифры были закрашены черной краской. Брюки у гимназистов были черные, без канта, ботинки черные, на шнуровке. Летом гимназисты носили коломянковые гимнастерки с серебряными пуговицами. Пуговицы были не пришиты, а приклеплены к гимнастерке спец. медными колечками, чтобы можно было легко их снять при стирке. Старшеклассники обычно ходили не в гимнастерках, а в куртках со стоячим воротником, как у морского кителя. Под куртку надевали крахмальный воротничок. Застежка была боковая, скрытая, на крючках. Поверх куртки надевался пояс. В некоторых гимназиях гимнастерки и куртки приняты были не синие, а серые, брюки же всегда были

черного цвета. Гимназисты имели также выходную форму – мундир, темно-синий или темно-серый, однобортный, с обшитым серебряным галуном воротником того же цвета, что и мундир. Этот мундир носили и с ремнем и без ремня (вне школы). К мундиру надевали крахмальный воротничок. Шинель была типа офицерской, светло-серая, двубортная, с серебряными пуговицами, петлицы синие, в цвет фуражки, с белым кантом и с пуговицей. Гимназические шинели были холодные и на вате, со стеганой серой подкладкой из шерстяной саржи. Вместо кашне носили черный суконный нагрудник, как у матросов. Ученикам младших классов разрешался зимой черный каракулевый воротник. Постоянным атрибутом гимназистов был ранец. Он был из черной кожи, крышка обшита тюленьим мехом серо-зеленого цвета» (Ривош, 1990, 189–190).

О Саратове в середине 1890-х гг.: «Как только я был принят в гимназию, отец отправился со мной в магазин готового платья и купил мне форму – темно-серого сукна куртку и брюки, кожаный пояс с металлической белой пряжкой, шинель и синюю фуражку с серебряным гербом и белым кантом. Сколько было гордости и самолюбования, когда я облёкся в гимназическую форму и показался своим товарищам на улице» (Золотарев, [до 1975] 1995, 60).

О 1890-х гг.: «Я уже гимназист. На голове синяя гимназическая фуражка с двумя белыми кантами и гербом посередине: два перекрещивающихся лавровых листа, а посередине инициалы гимназии; “К2Г”. Я с гордостью надеваю ее. Но не пройдет и двух лет, как я узнаю, что весьма благоразумно выламывать эти инициалы, чтобы, если попадешься на улице в какой-нибудь шалости, нельзя было узнать, из какой гимназии. Узнаю я также и то, что верх франтовства – носить фуражку не с положенными полями, а, наоборот, с самыми маленькими, “по-польски”. На мне серая суконная блуза с маленькими посеребренными пуговицами и такие же серые брюки; подпоясан я кожаным ремнем с медной посеребренной бляхой, на которой те же инициалы. Через несколько месяцев я научусь драться этим ремнем и перевертывать бляху так, чтобы не видно было “К2Г”. А пройдет ещё немного времени, и я с завистью буду смотреть на тех франтов, которые носят не серую, а чёрную форму. На это отступление от формы гимназич. начальство смотрело сквозь пальцы, лишь бы таких было немного, но быть немногим и привлекало нас. Запрещалась смешанная форма, например серая блуза и чёрные брюки, но именно так и франтили мы дома. Пальто было также серым, с такими же, только большими пуговицами офицерского образца, почему в темноте иногда солдаты отдавали честь взрослым гимназистам, принимая их за офицеров. Это пальто всегда должно было быть застегнутым на все пуговицы, а поэтому франтовством считалось носить его расстегнутым, а особенно – на это решались только ученики старших классов – внакидку, не в рукава» (Блонский, [1941] 1971, 34).

О 1905 годе: «Наступила осень. Петя уже ходил в гимназию. Из большого загорелого мальчика с длинными ногами в фильдекосовых чулках он, надев форму, превратился в маленького, выстриженного под ноль, лопухого приготишкуну... Длинные суконные брюки и форменная курточка, купленные за тридцать шесть рублей в конфекционе готового платья Ландесмана, сидели мешковато, очень неудобно. Грубый воротник натурал нежную шею, привыкшую к свободному вырезу матроски. Даже пояс, настоящий гимназический пояс с мельхиоровой бляхой, о котором больше всего после фуражки мечтал Петя, не оправдал ожиданий. Он всё время лез под мышки, бляха съезжала набор, языком висел свободный конец ремня. Не придавая фигуре ничего мужественного – на что сильно рассчитывал мальчик, – пояс оказался лишь постыдным источником унижительных хлопот, вызывавших неуместные насмешки взрослых» (Катаев, 1961, 166–167).

ФОРМА пионерская – отличительная одежда членов пионеров.

О 1961 годе: «Форма пионера состоит из белой рубашки или блузки и тёмных брюк или юбки. На белую блузку под воротничок прямым узлом повязывается красный галстук, с левой стороны блузки прикрепляется пионерский значок «Всегда готов!», а под этим значком и все другие пионерские значки. В форме пионер является на пионерские сборы, парады, демонстрации, торжеств. вечера и утренники» (Товарищ, 1961, 80–81).

ФОРМА ученическая в России – см.: *Форменная одежда*.

ФОРМА школьная – см. *Форма ученическая, Форма гимназическая, Школьная форма девочек, Школьная форма мальчиков*.

ФОРМА школьная девочек – см.: *Школьная форма девочек*.

ФОРМА школьная мальчиков – см.: *Школьная форма мальчиков*.

ФОРМЕНКА – то же, что школьная форма. «Школьные форменки у них новые, а уже как и не новые: у Гоши коленки торчат грязными пузырями, а у Овсея на том месте, где внутренний карман, проступило чернильное пятно...» (Арро, [1976] 1982, 120).

ФОРМЕННАЯ одежда – одежда единого образца, устанавливаемая для учащихся того или иного типа учебных заведений.

«В дореv. России форму носили учащиеся гимназий, реальных училищ, кадетских корпусов, духовных семинарий, лицеев и институтов. После Октябрьской рев. ношение старой формы было отменено. Новую форму ввели сначала ремесленные и ж.-д. училища, спец. артиллерийские и военно-воздушные школы, затем – суворовские и нахимовские училища и, наконец, все сред. школы» (СВ, 1967, 295).

В 1834 году принят закон, утвердивший общую систему всех гражданских мундиров в империи. В эту систему вошёл и гимназич. мундир. В 1855 и 1868 гг. вводятся новые фасоны гимназич. формы для мальчиков. В 1896 году вводится новый фасон гимназич. формы для мальчиков. В 1896 году впервые утверждён фасон гимназич. формы для девочек. В 1913 году вводится новый фасон гимназической формы для мальчиков.

1918 год. Декретом "О единой школе" отменена школьная форма – "пережиток царского режима". [...]

1992 год. Отмена школьной формы в школах Российской Федерации.

1999–2005 годы. Отдельные субъекты РФ принимают местные нормативные акты о введении обязательной школьной формы.

ФУФАЙКА – слово, означающее два весьма различающихся типа одежды – рубашку и ватник. В ряде случаев даже по контексту трудно наверняка определить, какое из двух значений имел в виду автор.

О 1941–1942 гг.: «В классе холодно. Ребята... дышат на руки. Чего-чего не надето и на девчонках, и на мальчишках. Фуфайки, в которых они чуть ли не в детский сад ходили, бабушкины телогрейки...» (Александрова, 1992).

О второй половине 1950-х гг.: «На краю сугроба... стоял широкоплечий мальчишка в зелёной фуфайке, подпоясанной матросским ремнём с якорем» (Баздырев, 1961, 25).

Фуфайка – 1. «Тёплая вязаная, шерстяная или байковая рубашка, безрукавка» (Словарь, 1964–16, 1605).

О Москве в нач. 1930-х гг.: «Ощущение холода... сопоставляло нашей зимней жизни... У нас не было никаких шерстяных вещей, воспоминания о вязаных кофточках и фуфайках остались в нэпе» (Старикова, 2003, 243).

О конце 1930-х гг.: «Бабка... утром вставала раньше всех... Подходила к Борьке: “Вставай, батюшка мой, в школу пора!”... натягивала на Борьку чулки, фуфайку» (Осеева, 1946, 51).

О детском саде в середине 1950-х гг.: «...Мама сняла с девочки пальто, потом платок, потом фуфайку. И тут дети увидели, что это совсем не девочка, а мальчик, да ещё и в длинных брюках» (Ильина, 1959, 52).

О нач. 1960-х гг.: «При температуре воздуха от + 5 до + 10 ребёнок дошк. возраста можно одеть на прогулку

следующим образом: нижнее бельё, домашний костюм, шерстяная фуфайка и рейтузы. На ноги – чулки и ботинки. Детям, которые подвержены простуде, надевают ещё тёплые носки и куртку или легкое пальто на подкладке» (Смирнова, 1964, 181).

Фуфайка – 2. «Стёганая куртка» (Словарь, 1964–16, 1605); «То же, что ватник» (Ожегов, 1972, 789; Ожегов, 1988, 702; Ожегов, Шведова, 1996, 847).

О десятилетней девочке во второй половине 1960-х гг.: «Мороз сегодня умеренный, даже не щиплет. Однако Люба одета так, будто её ожидает ночёвка среди сугробов. Мама велела надеть толстый вязаный свитер, на который еле налезла фуфайка, и полушалок с кистями. Оттого она и похожа на колобок» (Багров, 1986; 40).

ФЭЗЭУХА – (разг., пренеб.) ФЗУ.

ФЭЗЭУШНИК – (разг.) учащийся ФЗУ.

О середине 1940-х гг.: «Тут, на воле, мало что – отсутствие униформы да тень физиономической индивидуальности – отличало их [школьников] от низкорослых злых, с землистыми лицами человечков в чёрных мятых гимнастерках и штанах – фэзэушников и ремеслухи. Эти, в свою очередь, сливались, особенно на ненамётанный взгляд, со шпаной, быстрыми, беззвучными малолетками...» (Найман, 2001, 50).

ХАЛАТИК – 2. Форменная одежда для детского сада или младших классов школы, застегивающаяся снизу доверху.

О начале 1930-х гг. в Москве: «Младшие классы были одеты в синие халатики, старшие – в партикулярное платье, довольно нероскошное у большинства из нас» (Самойлов, 1993, 224).

О мальчике 5–6 лет в середине 1940-х гг. в Ленинграде: «“Рубашка, наверно”, – сказал Боря. Он вертел ручку машины и совсем даже не смотрел на мамино шитьё. Вот и не отгадал, – засмеялась мама. – Все не рубашка, а тебе – голубой халатик. В твоём детском саду все ребята ходят в таких халатиках”. “А зачем? – удивился Боря. – Мама, я хочу в матроске... И Валерик тоже в матроске...” “Хорошо, – сказала мама. – Наденешь матроску, а сверху – этот голубой халатик. Так все ребята в детском саду делают. И Валерику мама тоже, наверно, сшила красивый халатик”... Против Бори снимала пальто девочка в пуховом платке, Лиза. Она аккуратно сложила одежду в свой шкафчик с картинкой: красная морковка с зелёным хвостом. А потом сама застегнула на все пуговицы свой голубой халатик... Боря так загляделся на девочку с ямочками на щеках, что даже не заметил, как мама надела на него голубой халатик. Теперь Боря стал такой же, как и все ребята в раздевальной. Только халатик у Бори был самый новый, самый чистый, и всем сразу было видно, что Боря – новенький... Мальчик и девочка с повязками на руках халатиков побежали в раздевальную. Этот были дежурные – Костя и Маруся. Они обошли все шкафчики и посмотрели, кого из ребят ещё нет. Четыре шкафчика были открыты, в них висели голубые халатики – это означало, что их хозяйка ещё не пришли» (Гринберг, 1949; 13, 24, 27, 29).

О начале 1950-х гг.: «Саню приняли в детский сад... Вот Саня в первый раз вошла в калитку детского сада... Дети в синих халатиках бегали по дорожкам... Скоро Саня в таком же халатике, как остальные, бегала по цветнику» (Гернет, [1953] 1960, 49).

ХАЛВА – сладкое кушанье в виде твёрдой массы из растёртых орехов, семян.

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «“Да, – гордо сказал Петя. – [Я] уже первоклассник. Ловко?” “Ловко! – сказал папа. – Жаль, я не купил сладенького по такому случаю”. “Всё есть!” – воскликнула мама. “Всё! – воскликнул и Петя. – Пастила, печенье и... угадай даже что? Ореховая халва. Ловко?”» (Могилевская, [1941] 1958, 18).

«ХАЛЕ-ХАЛЕ, стоп» – игра, аналогичная игре «Хали-хали стоп, точка».

О девочке 10 лет в с. Шатрово в 1997 г.: «Когда мне было 10 лет, мы играли в игру “Хале-хале стоп”. Мы с друзьями выходили на улицу, вставали в круг. Называли имя того, кто будет ловить мяч, а сами убегали в разные стороны. Когда я ловила мяч, то выбирала, до кого буду

идти (плевками, прыжками, шагами), а когда доходила, кидала мяч в подругу и убегала в круг» (163).

ХОДУЛИ, передвижение на ходулях – развлечение мальчиков с конца XIX века по 1970-е гг.

О конце XIX века: «Крестьянские дети в России устраивают себе ходули таким образом: вырубает в лесу два кола, длиной в сажень; около нижнего конца каждого из них, в расстоянии от земли четверти на три, оставляют по одному крепкому суку и на эти сучья становятся ногами, держась руками за верхние длинные концы. Большею частью однако ходули делают уже из обделанных, ровных и сухих кольев, близ нижних концов которых, на расстоянии трех четвертей, приделываются крючки или планочки для стояния на них ногами. При ходьбе поднимают по очереди то ту, то другую ходулю и таким образом ходят по улице» (Покровский, 1895, 145).

О вт. пол. 1930-х гг.: «На следующий день он опять стоял у подъезда и смотрел, как мы ходим на ходулях – в те годы это было повальное увлечение. Ходули мы делали сами: к высоким палкам набивали по бруску и, опираясь на бруски ногами, держа палки под мышками, как длинноногие аисты, раскачивали по двору. Мальчик не отрываясь смотрел па нас. Прислонившись спиной к сараю, я взобрался на ходули, оттолкнулся от стоны и, делая огромные шаги, пошел к подъезду, где стоял мальчик. Он как-то весь съежился, вжался в стенку и смотрел на меня большущими глазами. Видя его испуг, я стал еще громче стучать деревянными ногами. Рискую упасть и сильно разбиться, я взошел на высокий тротуар, подошел к нему, оперся рукой об стену и сказал: “Привет, оголец!”... Утром следующего дня я за сараем учил Ледика ходить на ходулях. Долго у него ничего не получалось. Он боялся оторваться от стенки, плохо соблюдал равновесие и очень переживал свои неудачи. “Смелей, – кричал я, – оторвись и шагай: левой, правой, левой, правой!.. Ну, смотри”. Наконец он набрался смелости, широко шагнул, запутался в палках, полетел на землю, и я не успел его поймать. Он ударился правой коленкой о камень, содрал кожу и, увидев кровь, заревел» (Мошковский, [1963] 1987–1; 335, 337).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «А детвора Горы Железной доигрывала лето, провожала каникулы. Улицы и переулки звенели смехом и криками... Досталось работы мячам и мячикам, скалкам, ходулям и велосипедным покрышкам». (Ликстанов, [1953] 1964, 424).

О 1950–1952 гг.: «Игры начала пятидесятых... Никогда не изгладится во мне восторг тех... незамысловатых игр, даривших настоящее вольготное безмятежное детство... Пришла мода на ходули, и мы словно ополумели. Из сараев ежедневно расхищались первосортный строительный материал, от заборов отрывались штакетины. Доски пилились, строгались, прибивались, делались приступки для ног. Мы часами вышагивали, пугая окрестных собак, и даже устраивали сражения на верхних этажах. Ходули оказались незаменимыми при ловле майских жуков» (Гай, 1987, 77–80).

«Ходули. Две берёзовых жердины / Миша гладко оскоблил. / К ним, почти на середине, / По ступеньке прикрепил. / А потом пилу, топор он / Снова в ящик свой убрал / И с высокого забора / На ходули твёрдо встал. / Сразу вырос выше крыши / И по улице пошёл. / Дядя Стёпа / Рядом с Мишей / Был бы просто малышом» (Ладонщиков, 1959, 20).

О 1978 г.: «Рассказ Аркаши Егорычева. “Но я первый раз в жизни взобрался на ходули. Вот я шагаю на высоких деревянных ходулях, и сверху мне всё видно: как мой дедушка достаёт из колодца воду и поливает кабачки, как моя мама несёт из магазина молоко и хлеб, как моя бабушка колет дрова и варит мне кашу... Я хожу на высоких деревянных ногах и думаю: “Вот как высоко я вырос! Выше всех!”» (Неделя. 1978, № 35. – С. 20).

ХОДУНКИ – приспособление для самостоятельного передвижения ребёнка 6–7 месяцев.

О конце 1960-х гг.: «Нужны ли ребёнку “ходунки”? – спрашивает читательница В.С. Ковалёва (г. Энгельс Саратовской области). ...Отвечает старший научный сотрудник отдела физиологии Института педиатрии и детской хирургии Министерства здравоохранения

РСФСР З.С. Уварова: «Наблюдения врачей показали, что дети, начавшие ходить с помощью этого несложного устройства, в дальнейшем долго не могут отвыкнуть от него, боясь двигаться самостоятельно, да и ходят нередко плохо... Происходит это потому, что передвижение с помощью “ходунков” требует менее активного участия мышц спины и ног, чем при обычном развитии этого навыка. Кроме того, “ходунки” не создают необходимых условий для тренировки мышечного чувства, равновесия и координации движений... Таким образом, гораздо полезнее учить ребёнка ходить, не пользуясь “ходунками”...» (Здоровье. 1968, № 10. – С. 15).

О нач. 2000-х гг.: «Ходунки – приспособление, благодаря которому мама может немного отдохнуть или сделать что-либо по хозяйству. Они представляют собой сиденье на колёсиках со столиком, охватывающим стульчик со всех сторон и выполняющим защитную функцию. Малыш может свободно передвигаться без посторонней помощи, при этом ни углы, ни острые предметы ему будут не страшны... В них можно сажать малыша, только когда он начинает достаточно хорошо держать спинку (в 6–7 месяцев)» (Будуар. Ежемесячное издание для женщин. 2007. № 5 – С. 21).

ХОККЕЙ – спортивная командная игра на льду, цель – забить клюшками шайбу в ворота соперника.

О Ленинграде конца 1920-х – 1930-х гг.: «Мое довоенное детство прошло в Ленинграде, где я окончил 7 классов, а уже перед самой войной – школу ФЗУ при заводе “Электросила”... Вам сейчас это трудно представить, но в моё время хоккея вообще не было, а в футбол мы играли редко...» (Якуб, 1988, 6).

О перв. пол. 1940-х гг.: «...Мы [снег] сгребали в стороны, к стенам... Всё, хоккейное поле готово, можно играть. (Клюшки – обычные, чуть загнутые внизу палки, а с ролью шайбы отлично справлялись мерзлые конские катыши.) Как-то зимой мы играли во дворе в хоккей, и я палкой (которые заменяли нам клюшки) ударил Геру в бровь...» (Санников, 2001).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Он в декабре швырял снежки, / Чертил коньками синий лёд, / А в пятом “Б” ученики / По всем предметам шли вперед. / Но книги забывал Сергей, / Играя на катке в хоккей» (Сергеев, 1952, 11).

О 1952 году: «В ту зиму пятьдесят второго мы залили каток на пустыре. Очистили площадку, утрамбовали покрытие, сделали ограждение из снега. Воду таскали ведрами из расположенной рядом колонки. Сметливый Боцман припер из дома сани с железными полозьями, бельевой бак, и заливка катка убыстрилась. Гоняли мы плетёный мяч, свистнутый на стадионе, где в русский хоккей играли фабричные команды. Клюшек ни у кого не было – толстой проволоки гнули крюки. Они годились и для другого. После игры мы шли на станцию, пересекали полотно, за пакгаузом ловили проходящие на изрядной скорости грузовые машины и, зацепившись клюшками за задние борта, лихо катили по городу на прикрученных веревками к валенкам гагах и снегурках. Народ ахал, редкие тогда милиционеры провожали нас бесполезными окриками и посулами поймать и отвести к родителям и в школу. Самое сложное в таких забавах – отцепить крюк на полном ходу автомобиля и не упасть. Разбитые носы и синяки не могли однако умерить наш пыл. В один из хоккейных поединков на снежном бруствере появился незнакомый мальчик» (Гай, 1952, 88).

О конце 1950-х гг.: «В хоккей играл я во дворе, / Столкнулся со старушкой. / Ну что ж, случается в игре, – / Её задела клюшкой» (Барто, [1962] 1969–2, 257).

О начале 1960-х гг.: «Стоило нам показаться с клюшками на залитой перед домом площадке, как кто-нибудь из взрослых заводил неприятный разговор: “А уроки сделали? А...” “Так разве нас ругают из-за хоккея?” – сказал Женька» (Куликов, 1963, 41).

О 1960-х гг.: «... Прибежали они к клубу, а там, на спортивной площадке, – хоккей. Вихри снежные из-под коньков, клюшки мелькают и под ногами и над головами, шайба с... треском врывается в деревянные бортики... Мишка с Саней прилипли к бортику, изумлённо глядя,

как школьники, выпущенные на каникулы, сломя голову носятся с клюшками в руках по льду... “Саня, – таинственно и восторженно, как клятву, произнёс Мишка. – Только я поступлю в школу, так запишусь в хоккейную команду... И буду гонять шайбу... И у меня будут настоящие коньки и самая настоящая клюшка”» (Зубавин, 1970, 36–37).

О середине 1980-х гг.: «За окном кричат мальчишки – они играют в хоккей, хотя лёд уже тает» (Матвеева, 1987, 208).

«ХОККЕЙКИ» – коньки.

О перв. пол. 1940-х гг.: «Выкатились мы с Витькой на лёд на коньках. У меня “снегурки” к валенкам прикручены, у него – “хоккейки”» (Детков, 1983, 23).

О семикласснике в 1955–1956 гг.: «Олег скользит по льду легко и свободно. Совсем другое дело – беговые длинные ножи. Кажется, пожелаю только, и оторвешься от гладкой поверхности и полетишь прямо по воздуху! А сколько было разговоров с отцом, пока он согласился купить их Олегу вместо надоевших “хоккеек”» (Рязанова, 1958, 30).

ХОР – певческий коллектив.

О начале 1960-х гг.: «Много ребят участвует в хоре. Они выступают на вечерах» (Баранников, 1965, 15).

Хор школьный – см. *Школьный хор*.

Хор гимназический – см.: *Гимназический хор*.

См. также: *Большой детский хор*.

«ХОР» – разговорное название оценки «хорошо», соответствующей современной школьной оценке «четыре».

О конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «[Первоклассник] Петя снисходительно улыбнулся: какая мама смешная! Ну откуда же ей знать о таких вещах? Ведь она, должно быть, училась при царе! И, стараясь не показывать своего превосходства, Петя объяснил: “пёсики” – это “посредственно” или тройки, а “хоры” – это “хорошо” или четверки...» (Могилевская, [1941] 1958, 35).

Об ученике 8-го класса в 1940 г.: «20 сентября. Школа преобразилась, это факт. Много внешних изменений, но главное, что изменилось – так это общий взгляд на учёные. У меня пока еще дело идет не очень гладко, два “серых” по нем. языку портят картину, которая, впрочем, состоит всего из двух “хоров”» (Сагайдачный, 1963, 86).

ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЙ кружок – кружок, в котором обучают танцам.

О вечере выпускников в нач. 1970-х гг.: «Потом шёл концерт. Десятиклассники играли на своих электрогитарах. И девочки из хореографического кружка танцевали танец маленьких лебедей. Было очень красиво, хотя платья у балерин были из марли» (Матвеева, 1975, 18).

ХОРКРУЖОК – см.: *Хоровой кружок, хоркружок*.

ХОРОВОД – детская игра с пением и хождением по кругу.

О Москве в 1908–1910 гг.: «А когда очень устали [после игры в салки], то начали водить хоровод. Пели хором страшную песню про атамана, и из всего хора выделялся звонкий и чистый Сонин голосок: “Что тучки приваисли, / Что в поле за туман? / О чем ты призадумался, / Наш грозный атаман?” Атаманом был Сенька. Он ходил в середине круга, хмурил свои светлые, почти незаметные брови над выпуклыми лягушачьими глазами и старался казаться грозным. “Здесь место незнакомо, / Известный есаул...” – запел Сенька в ответ, и в круг вошел “известный есаул” Ваня Лук-Зеленый. Продолжалась песня, и тут же шла игра. Атаман требовал “ворона коня”, скакал к “красавице своей”. А красавицей на этот раз была маленькая Тонька, потому что хныкала и просила, чтобы ей быть красавицей. И дело это кончилось, как всегда, плохо – атаман выхватил “остру саблю” и отрубил красавице голову. Сенька размахнулся и легонько ударил Тоньку по шее. Тонька должна была упасть и умереть. Но она закричала: “Чего дерешься? Вот не буду играть!” И пошла из круга. Но игра и без того кончилась – красавицы не стало, и атаман ускакал. “Давайте в краски!” – закричал Сенька. Он уже был не атаман, а простой парнишка, портновский сын... “Нет-нет! – закричала в ответ Соня. – Давайте лучше “За речкой, за быстрой”! Давайте

“За речкой, за быстрой”!..” Соня любила эту игру, потому что тут можно было много петь. И ребята снова встали в круг и запели песню о том, как “За речкой, за быстрой жил царь молодой, и у него были две дочери, красавицы собой”. На этот раз по кругу ходила Соня; она была младшей дочерью царя – Коськи. Старшей же никто не хотел быть. Наконец вызвалась Оля. И снова пошла песня-игра. И снова дело кончилось плохо. Оля бойко ходила по кругу и старалась как можно сердитее глядеть на Соню. А когда запели: “Старшая младшую столкнула с бережка: “Плыви, плыви, сестрица, плыви, мой верный друг”...”, – то Оля так толкнула Соню, что та и правда упала. Но что ж делать – младшая сестрица утонула в реке. И потом “Ловили рыболовы в ту темную ночь, / Поймали рыболовы и царскую дочь... / Тут-то и узнали, что её утопила сестра”. А Лизка-Хрипатая не могла петь никаких песен. Поэтому она, как только рыбаки вытащили царевну, сразу закричала: “В “Золотые воротца” давайте!”» (Воронкова, 1959–а, 65–67).

Хоровод в школе на перемене.

О начальной школе в 1946 г.: «...В полутёмном вестибюле под жёлтыми лампочками водили хороводы. Девчонки... брались за руки, вставали в круг и с песней шагали в затылок друг другу. Иногда шагали резво, потому что песни были бодрые: “Эх, хорошо в стране советской жить”..., “Клен кудрявый”. Иногда шагали помедленнее: ...“В далекий край товарищ улетает”, “С берёз неслышен, невесом спадает желтый лист”. Порой шаг делался ещё тише: “Жил в Ростове Витя Черевичкин”, “Там вдаль за рекой”, “Таня, Таня”... Случалось, что мальчишки лихой атакой (если не видела дежурная учительница) разрубали девичий круг и внутри его устраивали свой хоровод, поменьше. Он двигался в другую сторону, но пели вместе с девочками. И очень слаженно... Среди песен были очень боевые: “Мы не дрогнем в бою за столицу свою”, “Артиллеристы, Сталин дал приказ”, “Кони сытые бьют копытами”... Песен знали множество и пели каждый день на каждой перемене. Все, кто хотел... Сетка тоже часто пел в мальчишечьем хороводе» (Крапивин, 1986, 31–32).

Хоровод вокруг ёлки.

О рождественской ёлке в деревне начала 1890-х гг.: «Аркадий Иванович подбежал к толпе мальчиков и девочек, схватил за руки и галопом помчался с ними вокруг ёлки. Полы его сюртука развевались. Бегаю, он прихватил еще двоих, потом Никиту, Лилу, Виктора, и наконец все дети закружились хороводом вокруг ёлки. “Уж я золото хороню, хороню, Уж я серебро хороню, хороню...” – запели деревенские... Матушка опять заиграла на рояле, вокруг ёлки пошёл хоровод с песнями...» (Толстой, [1919–1922] 1984, 40–41).

О 1927 г. в Ленинграде (о Рождестве): «...Мы обрывали с [ёлочных] ветвей... хлопущки... Хлопушка раскрывается с громом, а из неё вытаскиваются... бумажные колпаки и шапки, которые мы напяливаем на себя..., на гостей. А потом – хоровод вокруг ёлки...» (Дьяконов, 1995, 131).

О shk. ёлке конца 1950-х гг.: «Когда они прибежали в школу, играла такая весёлая музыка, что нельзя было устоять на месте. Взявшись за руки, школьники мчались вокруг ёлки. Митя и Лёля вошли в хоровод, и всё стало кружиться: и голова, и ёлка, и стеклянные шкафы...» (Виткович, Ягдфельд, [1959] 1961, 148).

ХОРОВОЙ кружок, хоркружок – см.: Кружок.

О Новосибирске в нач. 1920-х гг.: «Где-то во втором классе я уже участвовала в работе драмкружка и играла в спектакле “Терем-теремок”... Я сделала всё, что положено, но сказала себе, что больше в драмкружок не пойду! Зато я стала посещать хоровой кружок, занятия в котором вела очень способная женщина. У меня развился слух и очень точный голосок. Эти занятия мне очень потом пригодились в моей проф. деят-сти на сцене» (НМ, 1999).

О середине 1930-х гг.: «А болтать-то мне когда? / Мне болтать-то некогда! / Драмкружок, кружок по фото, / хоркружок, мне петь охота» (Барто, 1937, 46).

О девочке-подростке в конце 1970-х гг.: «В тот же день [Нюся] вступила в школьный гимнастический

кружок. Говорят, у нее есть способности к гимнастике... Во время занятий гимнастикой Нюся слышит из соседнего зала, словно из дали небесной, хоровое пение. Оно кажется ей замечательным. Говорят, у неё есть слух и голос приятный. Скоро она переходит в хоровой кружок. Ведёт его Нора Петровна, известный ей педагог. Нюся приходит домой из кружка и нажимает кнопку магнитофона. И сразу чувствует: пение их школьного хора никакого сравнения не выдерживает с кассетной музыкой. Школьный хор примитивен...» (Голявкин, 1984, 108).

«**ХОРОНУШКИ**» – вероятно, то же, что *пратки*.

О конце XIX века: «Был Петров день... Мальчуганы-подростки были заняты рюхами и городками. Малолетки бежали “в пятнашки” и “хоронушки”» (Ловецкая, 1901, 90).

«**ХОРОНЯЧКИ**» – вероятно, то же, что *хоронушки*.

О нач. XX в.: «... Тогда поиграют. Между поленицами побегает: и в хоронячки, и в догонячки – по-всякому» (Павлова, 1980, 175).

ХОРОШИСТ – отсутствующее в литературном языке слово, означющее ученика, который имеет в четверти и за год только «четвёрки» («хорошо») и пятёрки («отлично»).

О нач. 1960-х гг. «...Учительнице класса “Б” достались... преимущественно дети производственников и рядовых служащих, рабочих, уборщиц, матерей-одиночек – от силы полдюжины “хорошистов”, учившихся без двоек и с редкими тройками. Естественно, все второгодники, двоечники и прирожденные хулиганы стали достоянием класса “Б”» (Клех, 2003).

О середине 1960-х гг.: «Ученик говорит: “У нас в классе шесть отличников и десять хорошистов”... “А ты как учишься?” “Я хорошист”, – не без гордости заявляет он. “Видать, ребята сами изобрели это слово, – думаю я. – Если пятёрочники – это отличники, то четверочники – хорошисты. Не называть же их хорошиниками! Ещё нелепее будет”. Попадаю на подсуету. Там учительница с вполне благообразной педагогической внешностью так и сыплет: “В таком-то классе столько-то хорошистов, в таком-то классе столько-то...” и т. д. “Ну, – думаю, – у ребят подхватила... а может быть, учителя сам придумывают такие словечки для внутришкольного, так сказать, употребления?” Как видно, у педагогов свой жаргон. ... В этом учительском жаргоне попадают такие слова, как “хорошисты”... Слова эти попросту некрасивые, образованные в несоответствии с законами, с эстетикой языка» (Носов, [1969] 1982–1, 402).

О конце 1960-х гг.: «А он взял и выставил в первой четверти пять двоек и тройку Татке, единственной нежно лелеяемой отличнице. И его все стали проклинать: и лодыри, и “хорошисты”...» (Исарова, 1977, 60).

«**ХОРОШО!**» – поэма (1927) В.В. Маяковского.

В 1940-е – 1980-е гг. изучалась в 10 классе школы.

ХОТТАБЫЧ – популярный персонаж детского сознания, старик-волшебник (джинн), действующее лицо повести-сказки Л. Лагина «Старик Хоттабыч».

ХОХА – кукла, весёлое существо с кедом вместо головы, говорящее хриплым голосом, один из трех ведущих детской телепрограммы «Большой фестиваль» (1989–2001).

ХОХОТ – громкий смех.

Хохот (демонстративный) подростков во время спектакля, фильма, на выставках.

О конце 1950-х г – начале 1960-х гг.: «Слышится иногда смех во время исполнения “Оптимистической трагедии”, когда Алексей предлагает комиссару: “Давай безумствуем”. Опять-таки юнцы не могли удержаться, чтобы цинично не дать понять: всё, мол, ясно... Да только ли в театре? Сколько раз слышал я резвый хохот школьников на художественных выставках возле картин, где изображена обнажённая натура: “Ха, голая!” И это всё, что было уловлено в произведении искусства» (Лейбсон, 1964, 201).

«**ХОЧУ всё знать**» – научно-художественный альманах (сборник) для детей. Выпускался в 1960-е –

1980-е гг. в Ленинграде в издательстве «Детская литература»

Выпуски 1964, 1965 гг. (альманах) – по 320 страниц, тираж 50 000 экз.. Выпуск 1966. (альманах) – 319 с., 40 000 экз. Рубрики: «Вне Земли», «Земля», «В лабораториях учёных», «В мире прекрасного», «Про всякое разное». Выпуск 1982 года (сборник) – 288 с.

«**ХОЧУ всё знать**» – детский киножурнал, демонстрировавшийся в кинотеатрах перед началом фильма. Один из основателей киножурнала – режиссер, сценарист Б.Г. Долин (1903–1976). С 1959 года он руководил выпуском дет. киножурнала «Хочу всё знать». Киножурнал имел анимационную заставку. Человек прилетал, высаживался из аппарата и говорил: «Орешек знанья твёрд, но всё же / Мы не привыкли отступать. / Нам расколоть его поможет / Киножурнал “Хочу всё знать”». Произносятся последние три слова, он наносил удары молотком по ореху, от чего от ореха «отлетали» называемые слова. От четвертого удара орех раскалывался, и из него «вылетал» номер выпуска.

О 1970-х – 1980-х гг.: «Киножурналы для детей и подростков – “Хочу все знать”, “Ералаш”... пользуются неизменной популярностью у многих поколений советских детей» (СВ, 1990, 101).

«**ХРИСТОСЛАВЫ**» – то же, что *славильщики*.

См. о 1860-х – нач. 1870-х гг.: «“Вставляйте, барышни-сударышни. Сейчас “христославы” придут...” В то... время был обычай “христославам” ходить по квартирам “со звездой” и петь рождественские песни. Обычно в каждом доме собиралась местная беднота: мальчишки-подростки выучивали рождественские песни, делали звезду и шли по квартирам славить Христа. Не успеешь одеться, умыться, как, бывало, няня скажет: “Пришли со звездой”. Слышим топот детских ног и партия человек 6–10 войдёт в комнату. Мальчики встанут перед образами и запоют “Рождество Твое” и “Дева днесь”... Затем громко поздравят с праздником. Иногда это пение выходило очень стройно и красиво. Было что-то трогательное и праздничное в появлении “христославов”. Мы с сестрой очень это любили, радовались и с нетерпением ожидали их прихода... “Христославы” приходили в первый день несколько раз. У нас никому не отказывали: всех оделяли копейками и пряниками... Ребята ...входят в комнату, а впереди них движется ...золотая звезда... Она на высоком древке, кругом золотое сияние... А в середине – изображение Рождества Христова» (Лукашевич, [1918] 1994, 205–206).

ХРЮША – кукла-поросёнок, персонаж телепередачи «Спокойной ночи, малыши!».

О Кургане в 1993–1998 гг. «...Я очень любила смотреть телепередачу “Спокойной ночи, малыши”. Её показывали каждый день, и я ждала её с нетерпением. Мне очень нравился Хрюша» (051).

О мальчике 10 лет в с. Крутая горка Шумихинского р-на в 1994 г.: «Когда заканчивали играть в прятки, я шёл домой и смотрел любимый мультфильм... После мультика смотрел кино о приключениях Шурика... После смотрел передачу “Спокойной ночи, малыши”. Особенно мне нравился Хрюша – смешной поросёнок, Степашка и Филя» (096).

«**ХРЮША-ПОВТОРЮША**» – формула-дразнилка, высмеивающая тех, кто делает что-либо по примеру других.

О девочке 3-6 лет. в г. Далматово в 1991–1994 гг.: «“Хрюша-повторюша”, – так мы говорили в детском саду, когда ребенок повторял что-нибудь за кем-то другим. Эта фраза носит обзывательный характер, и чаще всего на неё очень обижались» (136).

Ср.: «Повторюша – дядя Хрюша».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ самодеятельность детей – внеклассные и внешкольные занятия различными видами искусства с целью формирования и удовлетворения художественно-творческих потребностей и интересов детей, развития их способностей, эстетического воспитания. Художественная самодеятельность детей осуществляется в кружках и студиях.

См. также: *Смотр художественной самодеятельности*.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ школа детская – образовательное учреждение дополнительного образования детей, реализующее дополнительные образовательные программы в сфере изобразительного искусства, дизайна, архитектуры, декоративно-прикладного искусства и дающее учащимся начальное художественное образование. (ПЭС, 2003, 315).

«Первая дет. худ. школа основана в 1933 году при Всероссийской Академии художеств. К концу 1990-х гг. в Российской Федерации насчитывалось свыше 100 дет. худ. школ, в которых обучалось свыше 13 тысяч учащихся... В худ. школы принимаются дети после окончания нач. классов общеобразоват. школы (в подготовит. группу с 6 лет), прошедшие конкурсный отбор по рисунку, живописи (скульптуре) и композиции. В процессе обучения учащиеся овладевают знаниями основ изобразит. иск-ва, приобретают навыки рисования, овладевают художественно-тех. навыками: умением пользоваться основными материалами – бумагой, карандашом, акварельными и масляными красками, углем, гипсом, глиной и т. д. Учащиеся обучаются главным принципам работы с натуры: умению расположить изображаемое на листе, холсте (у скульпторов – в пространстве), установить размеры – пропорциональность частей и пр. Для особо одарённых детей создаются сред. спец. худ. школы, дающие общее сред. образование одновременно с художественным» (ПЭС, 2003, 315).

ЦЕЛОВАТЬСЯ – «Целовать друг друга» (Словарь, 1965–17, 601).

О 1914 г.: «Среди барышень нашего дома имелась одна очень хорошенькая блондиночка... Она была... большая любительница целоваться с мальчишками, о чем знали все окрестные гимназисты, реалисты и кадеты. Когда кому-н. из них приходила охота целоваться, они свистом вызывали с третьего этажа Зойку, и они бежали к морю, залезали на прибрежную скалу... и там целовались. Она действительно очень хорошо целовалась, но без всякого любовного чувства, скорее с чувством юмора. Я тоже не захотел отстать от товарищей и, замирая от страха, так как ещё никогда в жизни не целовался, повистел Зойке. Она проворно сбегала по лестнице со своего третьего этажа... и, не выразив никакого удивления, что повистел я, мало знакомый ей мальчик, взяла меня за руку, и мы... побегали к морю, вскарабкались на скользкую скалу... и, не теряя времени, начали целоваться, причём я был страшно смущён своим неумением целоваться, даже покраснел от стыда, но она не обратила на это внимания, и затем, не сказавши друг другу ни слова, мы... возвратились домой, а по дороге встретили... гимназиста Колю..., который подмигнул мне и деловито спросил: “Целовались?”» (Катаев, 1983, 55–56).

См.: *Поцелуй*.

ЦЕННО – в детско-подростковой среде конца 1950-х – начала 1960-х гг. – то же что «отлично», «великолепно», «здорово», заслуживает высокой оценки.

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «Не употребляй жаргонных словечек (“нормально”, “ценно”, “запросто” и т. д.) – они покажут окружающим не твою оригинальность, а твою низкую культуру» (Товарищ, 1961, 154).

См. также: *Ценный, ценныйкий*.

«**ЦЕПОЧКА**» – способ передачи информации для быстрого сбора: участники договариваются, кто кого оповещает о необходимости сбора на условленном месте.

Вначале такой способ применялся, по-видимому, у скаутов, впоследствии был заимствован пионерами и получил название «пионерская цепочка».

«Освобождение прежнего вожатого базы [в 1925 году] ребята и вжатые отрядов восприняли болезненно... Собирать сейчас вновь всех ребят не имело смысла. Да и при всем желании я не мог бы этого сделать. Уволенный вожатый не оставил мне ни “схемы цепочки”, ни её “ключа”. В скаутской организации был способ экстренного вызова на сбор патруля, отряда и дружины через «цепочку». Получив команду, патрульный или скаут-мастер обязан был немедленно сообщить близко живущему скауту о дне, часе и месте сбора. Принявший эстафету тотчас передавал ее дальше. Для сбора всей

дружины у “цепочки” было несколько направлений, обычно по странам света – на север, юг, восток и запад. Если соседнего адресата не оказывалось на месте, то “цепочка” не прерывалась, так как гонец с эстафетой обязан был знать последующие три адреса, а в патрульной “цепочке” – все адреса скаутов патруля. Первое время “цепочку” применяли и в пионерской организации» (Гунин, 1984, 83, 85–86).

О Белоруссии в 1924 г.: «Жили мы в разных районах города, но на сбор приходили все до одного. Тогда практиковались сборы отряда “по цепочке”. Каждый пионер заранее знал, кого он должен предупредить, и через два часа весь отряд был в условленном месте» (Васькович, 1984, 56).

О конце 1920-х гг.: «В 1928 году... я... была направлена на работу в село Чашники Витебской обл.... Все свои дела пионеры обсуждали на сборах отряда, которые проводились по утвержденному советом отряда плану один раз в две недели. Но бывали и внеочередные сборы, вызванные необходимостью: райком комсомола вдруг присылал указание организовать сбор золы, макулатуры или подготовиться к Междунар. дет. неделе. В таком случае ребят собирали “по цепочке” (других средств связи не было): вожатый поручал пионеру, живущему рядом с ним, оповестить ближайшего соседа, тот передавал следующему и т. д. Явка, как правило, была стопроцентной!» (Рацевич, 1984, 13–14).

О нач. 1960-х гг.: «Звеньевая цепочка... Понадобится собрать [пионерское] звено в срочном порядке, звеньевой не станет ломать голову над вопросом, как ему побыстрее известить всех своих ребят. Он пустит в ход звеньевую цепочку. Что это такое – звеньевая цепочка? А вот она на схематическом рисунке. Пионеры здесь изображены черными кружочками, а чтобы их отличать друг от друга, каждый кружочек помечен порядковым номером. № 1 – это звеньевой. Предполагается, что все пионеры звена живут в разных домах и на разных улицах, прилегающих к школе. Так ведь обычно и бывает. Да и местом срочного сбора, сбора по тревоге, чаще всего бывает школа, как это и показано в схеме. Итак, поставим на место кружочков живых ребят и посмотрим, как будет выполнено срочное задание, полученное звеньевым от вожатого отряда: “Немедленно собрать звено на школьном дворе”. Каждый пионер знает, с кем он держит связь по сигналу тревоги – срочного сбора. Звеньевой № 1 бежит к своему ближайшему соседу – пионеру № 2 и передает ему извещение. Теперь они могут уже вдвоем налаживать связь, и цепочка разветвляется: № 1 направляется к № 3, а № 2 – к № 4. Вся четвёрка может теперь включиться в связь: четыре пионера расходятся по четырем направлениям. И вот уже восемь человек извещены. Шестеро из них выполнили свои обязанности по цепочке, они сразу убегают в школу. № 6 и № 7 должны забежать еще за двумя последними пионерами – № 9 и № 10. Прошло каких-нибудь десять-пятнадцать минут – и всё звено в сборе! Вот как это удобно!... Может случиться, что не окажется дома пионера, с которым ты поддерживаешь связь по цепочке. Оставь ему записку. А чтобы цепочка не прервалась, замени товарища, которого не застал дома, – оповести и того, к кому он должен был зайти» (БГКП, 1961, 104–105).

О нач. 1960-х гг.: «Каждое [пионерское] звено имеет свой флажок... с которым они выстраиваются на торж. сборах звена и отряда... Для быстрого сбора звена в нём образуется пионерская “цепочка” (ребята уславливаются, кто кого извещает о явке для выполнения поручения вожатого звена, совета отряда)» (ПЭ, 1965–2, 105).

«**ЦЕПОЧКИ**» – см.: «Цепи».

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКИЕ школы – учебные заведения Святейшего Синода.

Церковноприходские шк. были одноклассными и двухклассными. В одноклассных курс обучения составлял 3 г., в двухклассных – 4 г. Право открытия церковноприходских школ имели приходские священники с разрешения епархиального архиерея. В церковноприходских школах преподавались: Закон Божий (изучение молитв, священной истории,

объяснение богослужения, краткий катехизис), церковное пение, чтение книг церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. Сууществовали до 1918 г. (Латышина, 1998, 316).

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКОЕ училище.

О Пензе середины 1910-х гг.: «Володя учился в четырёхклассном церковноприходском училище. Учили там и письмо, и арифметике, но главным образом закону божьему» (Анненков, 1962, 8–9).

ЦЕРКОВЬ – «Здание, в котором происходит христианское богослужение» (Словарь, 1965–17, 672).

Посещение церкви.

О середине 1920-х гг. в Новосибирске: «Во втором классе нас принимали в пионеры. Господи, какая я гордая была! Красный галстук так торжественно надевали. Но я, конечно же, не все понимала. Нам, например, говорили: пионерам нельзя в церковь ходить. И я задумывалась: как же я в церковь ходить не буду? Мама разрешила мои сомнения: “Ты там говори, что требуют, а в церковь-то будешь ходить!” Так что обстоятельства учили врать» (НМ, 1999).

Церковь в учебном заведении.

О конце 1900-х – начале 1910-х гг.: «В императорском Новороссийском университете была собственная церковь, в семинарии, в кадетском корпусе – то же самое... После того как собственная церковь с освященным алтарем открылась в нашей гимназии, мы тоже как бы поднялись на высшую ступень общественной лестницы...» (Катаев, [1972] 1983, 152–153).

См. также: *Гимназическая церковь.*

Церковь и школьный комсомол.

О 1929 г.: «Весной 29-го года мои одноклассники и приятели Иван Миронов и Леонид Линьков отказались выполнить поручение Бюро городской комсомольской ячейки: ходить в пасхальную ночь, по церквям и выслеживать учителей. Это были не шкурники, не приспособленцы, не карьеристы, а убежденные комсомольцы. Идти на разрыв с комсомолом им было нелегко, потому что они верили в благодетельную неизбежность коммунизма, а коли так, рассуждали они, то их место в первых рядах борцов за коммунизм, то есть – в комсомоле. И все же они заявили, что, мол, “извините – подвиньтесь”: шпионами они не были и никогда не будут и уж во всяком случае наотрез отказываются следить за учителями, которые ничего, кроме хорошего, им не сделали. Оба положили комсомольские билеты на стол. Выход из комсомола помешал им поступить в высшее учебное заведение» (Любимов, 1992, 109).

ЦИРК – «Помещение с амфитеатром для зрителей и ареной, где происходят представления акробатов, жонглёров, дрессировщиков и т. п.; учреждение, устраивающее такие представления» (Словарь, 1965–17, 697); «Зрелищное предприятие для устройства представлений с участием акробатов, гимнастов, клоунов, дрессированных животных» (Ожегов, 1970, 861).

Традиционно считается, что к цирку интерес проявляют преимущественно дети, что посещение цирка – желанный детьми способ времяпрепровождения.

«Цирк искони являлся любимым зрелищем детей, символом детской радости, детского счастья (сейчас его заменил телевизор, но символом детского счастья – увы! – не стал) и одновременно ненадежности призрачности, хрупкости этого счастья» (Зиман, 1998, 78).

Посещение цирка детьми.

О 10-летнем мальчике в детдоме в 1948 году: «Удовольствий было довольно много: футбол, кино, мороженое. Прошлую зиму два раза ходили в цирк. Потом играли в акробатов, и Серёжа научился стоять на руках, упираясь ногами в стену» (Рыс, 1951, 52).

Об учениках 4 класса в конце 1940-х гг.: «Мы давно уже собирались пойти всем классом в цирк. Володя сказал, что купит на всех билеты, и мы с нетерпением ждали этого дня... Некоторые ребята говорили, что всех не возьмут в цирк, потому что Володя не сможет достать на всех билеты, а возьмут только круглых отличников... Третьи говорили, что совсем никого не возьмут, потому что билеты, наверно, давно уже проданы» (Носов, [1952] 1965, 129).

О конце 1950-х гг.: «Возле самого дома Игорю повстречалась Лера. «Ксения Ивановна сказала, что ты в цирке. Я уж хотела идти встречать тебя туда... Я заходила как председатель отряда. Для тебя есть пионерское поручение»» (Офин, 1960, 26).

«ЦИРК» – настольная игра, разновидность игры в *гусёк*.

О детях 6–7 лет в конце 1950-х гг.: «После чая Леночкина бабушка достала из чемодана игру “Цирк”. Играть приглашены были все. “И вы, мальчик, – сказала девочка, не глядя на Вовку. Вовка пожал плечами. Взрослые скоро занялись разговором, и у доски остались одни дети. Девочка оказалась страшно хитрой. Она всё время бросала кубик так, что выпадали только пятёрки и шестёрки. Вовкина голубая фишка быстро отстала, и когда зелёная девочка кончала игру, голубая ещё болталась где-то в начале между барабаном и дрессированным зайцем в кепке» (Сахарнов, 1961, 67).

ЦИРКУЛЬ – «Инструмент, состоящий из двух ножек, соединённых шарниром; применяется для вычерчивания окружностей и для фиксации длины отрезка с целью измерить или отложить её в другом месте» (Словарь, 1965–17, 700).

«В портфеле у каждого школьника вместе с карандашом, ластиком, учебниками и ручкой для письма лежит ... предмет из серебристого металла... Словом, в портфеле у каждого ученика вместе с другими школьными предметами лежит циркуль» (Юрмин 1983, 54).

ЦИФИРНЫЕ ШКОЛЫ – начальные государственные школы, созданные указом Петра I 1714 года во многих губерниях для обучения детей дворян, гос. служащих, зажиточных мещан и др. в возрасте от 10 до 15 лет. В цифирных школах обучали чтению письму, арифметике и началам геометрии. В 1722 году насчитывалось 42 цифирные школы. В 1744 году цифирные школы были преобразованы в гарнизонные школы.

ЦОЙ – Виктор Робертович Цой (1962–1990), рок-исполнитель 1980-х, лидер группы «Кино».

О 1989–1990 гг.: «Лет в тринадцать Маша начала увлекаться. Во дворе появилась компания длинноволосых старших мальчишек в варёнках и грязных майках. Они курили, ели чёрный хлеб с консервами и распевали под окнами Цоя, Гребенщикова, Башлачева, Янку Дягилеву, а также песни собственного сочинения, очень похожие на Цоя, Янку и остальных» (Данилова, 2006).

«ЦУК» – особый вид поведения старших юнкеров по отношению к младшим. См.: «Цуканье. Действие по знач. глагола цукать... Цукать. 2. *Перех. Простореч.* Резко одёргивать, выговаривать... *Балагурили насчёт Свинчугова, как он остановил и цукал однажды на Нахимовском [проспекте] восьмилетнего кадетика, не отдавшего ему честь.* Малышк[ин]. Севастополь...» (Словарь, 1965–17, 722).

О начале 1910-х гг.: «В Николаевском училище, куда в стародавние времена любил наезжать строгий государь Николай I, юнкера подразделялись на эскадрон и сотню. Из эскадрона выходили офицерами в регулярную кавалерию. Из сотни – в казачью конницу... Самый свирепый “цук” царил именно в эскадроне, где юнкера старшего курса обязаны были в силу традиции цукать юнкеров младшего курса. Каждый юнкер старшего курса имел своего, так называемого “зверя”, то есть юнкера-первокурсника, над которым он куражился и измывался, как хотел. [...]

О 1915 году: «...В Николаевском кавалерийском [училище] ... испокон века процветал знаменитый “цук”. [...] “Господин корнет, ваша бабушка знаменита тем, что паровоз шенкелями останавливала”. “Верно, сугубый, подойдите ко мне два корнетских шага”. [...] Иного молодых людей, из которых могли бы выработаться хорошие кавалеристы, не шли в кавалерийские училища именно из-за “цука»» (Раевский, 1992, 63–64).

Ср.: «Дедовщина» в учебных заведениях; «Рябчик».

ЦУКАТЬ – см.: Цук.

ЦУРКА, цурки-палки – детская игра.

О 1910-х гг. на Украине: «Овечка... важно надувает щеки. “Овечка едет в Америку, он будет миллионером, а ты чем будешь? А?” – так закончила тетка и... ушла в

дом... “А где Америка?” – спросил я. “Там”, – неопределенно махнул рукой Овечка. “Давай полезем на дерево”, – предложил я. “Нельзя”, – ответил Овечка... Он боялся запачкаться... “А в цурку можно?” “В цурку можно”, – согласился Овечка и палочкой начертил на земле круг. “Овечка!” – окликнули из окна. – Ты забыл, что ты едешь в Америку?” “Ой, бабушка..., я в последний раз”, – умоляюще сказал Овечка и палочкой ударил в цурку. Цурка подпрыгнула, а он поддел её в воздухе и, размахнувшись, послал прямо в окно» (Ямпольский, 1964, 257).[...]

«ЦЫПЛЁНОК жареный...» – фольклорная песня, имеющая множество сюжетных вариантов. Известна с 1917–1918 гг. Время достоверного её бытования в детской среде – 1940-е – 1990-е годы.

С.Ю. Неклюдов, анализируя варианты текстов данной песни, указывает: «В основе зачина песенки лежит бином жареный-пареный... В русском языке он встречается в составе словосочетаний, связанных с обозначением домашнего приготовления пищи. Таково, например, употребляемое в этом смысле устойчивое выражение жарить-варить-парить... Вероятно, генезис данного текста вообще имеет “проблемный характер”. Песенка могла вырасти из некоторых пословиц или пословичных речений, их образов и условных конструкций, связанных с “ситуациями потенциальными”...» (Неклюдов, 2005). [...]

О Шадринске в 1993 г.: «Песню “Цыплёнок жареный...” мы пели в детском саду украдкой, прячась за кровать, за стулья, шёпотом, чтобы нас не услышала воспитательница. Нам было по 6 лет» (094). [...]

«ЧАЙ, кофе, молоко» – игра с одуванчиком.

О Шадринске в 1992–1999 гг.: «“Чай, кофе, молоко” – распространённая игра с нераспустившимся одуванчиком, в которую играли и мальчики, и девочки 7–14 лет. Играют, как минимум, двое. Ведущий срывает головку одуванчика и спрашивает у игрока: “Чай, кофе, молоко?” Тот отвечает, например: “Чай”. Тогда ведущий разламывает цветок напополам и смотрит на цвет семечек: если они коричневые – это “чай”; если почти чёрные – “кофе”, а если зелёные – “молоко”. В зависимости от угадывания игрок считается выигравшим или проигравшим» (012).

«ЧАЙ-ЧАЙ-ВЫРУЧАЙ» – см.: «Чай, чай, выручай».

«ЧАЙ, ЧАЙ, выручай» – род *салок*, аналог игры в «колдунчики».

О Тюменской обл. в 1985–1986 гг.: «В 7–8 классе играли в “Чай-чай-выручай”, но расколдовать заляпанного можно было только поцелуем в щёку. Причём, девочка выручала мальчика, а мальчик – девочку» (590).

О г. Петухово во вт. пол. 1980-х гг.: «В игру “Чай-чай, выручай” играют чем больше человек, тем интереснее. Посчитались, выбирается ведущий, задача которого задеть как можно больше человек, причём, тот, кого он задевает, должен кричать: “Чай-чай, выручай”, стоя на одном месте, пока его товарищи его не заденут. Если его задевают, он снова сможет убежать от ведущего. Игра считается законченной тогда, когда все останутся заколдованными на местах» (510).

О нач. 1990-х гг.: «Если мы собирались все вместе, то играли и в “Чай-чай, выручай”. Один галит, а остальные убегают и кого поймают, тот остается в таком положении и кричит: “Чай-чай, выручай”. И стоит до тех пор, пока кто-нибудь его не заденет, если задел, то тот бежит дальше» (560).

О Белоруссии в 1994 г.: «“Чай, чай, выручай”. Место проведения – посёлок Боровка Лепельского района Витебской области, республика Беларусь. Мне было 9 лет. Чтобы выбрать ведущего, все становились в круг и кто-то один считал, например: “На златом крыльце сидели...” Так продолжалось, пока не оставалось одного или двух человек (число ведущих зависело от того, сколько человек играло). Ведущий считал до 10, другие тем временем разбежались. Кого ведущий осаливал, тот замирал на месте и кричал: “Чай, чай, выручай”. Другие же игроки должны были задеть его, чтобы “расколдовать”. Игра продолжалась до тех пор, пока все игроки не были осалены» (017).

«**ЧАП, чап, чап...**» – начальные слова припева популярной фольклорной песни о пионерском лагере (или вообще: летнем лагере отдыха).

О вт. пол. 1970-х – перв. пол. 1980-х гг.: «Два года подряд, в 4 и 5 классе я ездила в пионерский лагерь “Лесная сказка”. [...]»

О 1987 г.: «[...] 4. Если б знали наши папы, мамы, / Как мы засыпали вечерами. / Мы немножко поорём, попоём и поревём. / Чап, чап, чап, чап, чали» (493).

ЧАПАЕВ – Василий Иванович Чапаев (1887–1919), во время гражданской войны – командир Красной армии.

«Образ народного героя В.И. Чапаева становится близок детям и юношеству по провисту Д. Фурманова “Чапаев”. Написанная для взрослых, эта повесть быстро и прочно входит в детское и юношеское чтение... О Чапаеве читали в школе, в Чапаева играли дома, Чапаевым жили советские подростки..., гордясь им, как одним из замечательных героев советского народа» (Гречишников, 1953, 88).

Образ В.И. Чапаева обрёл огромную популярность в общественном сознании после выхода на экраны в 1934 году фильма «*Чапаев*».

См.: «*Гибель Чапаева*»

Играть «в Чапаева», в «чапаевцев».

О 1935 годе: «Тридцатые годы. Точнее – 1935 год... Дачный поселок Клязьма под Москвой... Слева – пионерский лагерь... В пионерском лагере ребята играют в Чапаева...» (Александрова, [1975] 1978, 15–16).

О 12-летней девочке в середине 1930-х годов: «[Люба] с раннего возраста недолюбливала общество девочек...», ей «нравилось бегать с мальчишками, перелезать через заборы, играть в лапту, в “чижика”, в “красные-синие”, “в Чапаева”» (Фрадкий, 1958, 135).

О 1938 г.: «Мальчишки на Заячьем острове, как и всякие порядочные мальчишки, любят играть в войну, в Чапаева и Щорса, причём все хотят ходить в красных. Беляков изображают те, кто послабее, чаще всего – малыши. [13-летний] Кимка – признанный командир чапаевцев – заводских сорванцов...» (Поливин, [1976] 1988, 8).

О мальчишках в 1938–1941 гг. в Ленинграде: «Но самыми азартными играми были “в Чапаева”, “в белых и красных”, “в войну”. Сражались на палках, бросались вруккопашную...» (Щетинин, 2002).

О вт. пол. 1930-х гг.: «С каким удовольствием дети часами и днями играли в “чапаевцев”, “челюскинцев”! Как увлекают детей игры в “поезд”, в “зоопарк”, в “амбулаторию”, в “почту” или в “колхоз» (НШ, 1949, 367).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Люди старшего поколения помнят..., как после игры в “Чапаева” рисовали тачанки с пулеметами. Другие интересы владеют помыслами наших детей. О Чапаеве они узнают только, когда становятся школьниками, о белых тоже ничего не знают. Для них всякий враг – бывший и будущий – фашист» (Боярская, 1964, 120).

О середине 1960-х гг. (из Постановления Бюро ЦК ВЛКСМ... от 14 сентября 1967 г.): «С большим увлечением пионеры и школьники играют в “чапаевцев”, “челюскинцев”, “буденовцев”...» (НО, 1974, 309).

См. также: «*Рассказы о Чапаеве*».

«**ЧАПАЕВ**» – фильм 1934 года (режиссёры – Сергей Васильев и Георгий Васильев, выступавшие под творческим псевдонимом – братья Васильевы). В роли Чапаева снялся Борис Бабочкин. Фильм пользовался огромной популярностью.

О 1935 годе: «Тридцатые годы. Точнее – 1935 год... Дачный поселок Клязьма под Москвой... Слева – пионерский лагерь... В пионерском лагере ребята играют в Чапаева, а по всей стране и больше и маленькие заворожённо смотрят кинофильм “Чапаев” с Борисом Бабочкиным в главной роли. Мальчишки ходят на картину по несколько раз с затаённой мечтой о чуде: “А вдурок выплывет...” Попав в город, забежала в кино на Сретенке на дневной сеанс. В кино одни мальчишки. В который раз, как и они, смотрю “Чапаева” и вновь выхожу с мокрым от слез лицом...» (Александрова, [1975] 1978, 15–16).

О 1941–1945 гг.: «Мы лежим в жарминском клубе на полу перед первым рядом скамеек и смотрим “Чапаева”... Не помню точно, сколько раз смотрел я этот фильм в войну. Твердо уверен в одном: ровно столько раз, сколько привозили его в клуб, не меньше. Ребячья стайка обычно собиралась к сеансу заранее. Едва гас свет и на экране возникали титры, мы как тараканы сползались отовсюду поближе к экрану и устраивались на полу, сбиваясь поближе друг к другу. Лежим тихо, забывая обо всем. Сердце замирает от тревоги за пулеметчицу Анку, за лихого ординарца Петьку, за любимого их командира... “Чапаева” я смотрел, повторяю, столько раз, сколько он шёл на экране нашего клуба, но досмотрел до конца только один раз. Первый. Потом после чапаевской атаки всегда потихоньку уходил. Гибель любимого героя я видеть не хотел. И постепенно перестал верить в неё. Хранил в душе только победную часть картины» (Калинин, 1988; 66, 68).

ЧАРСКАЯ Лидия – псевдоним, под которым печаталась Л.А. Чурилова (1875–1937), бывшая актриса Александринского театра. Её наиболее известные книги были посвящены жизни воспитанниц закрытых учебных заведений. Книги Лидии Чарской пользовались большой популярностью у девочек-подростков как до революции, так и долгое время после неё.

Приводим фрагменты статьи Е. Путиловой, исследовательницы жизни и творчества Лидии Чарской:

«С начала XX века, на протяжении лет пятнадцати, Л. Чарская – безраздельный кумир девочек. Она пользовалась небывалой, неслыханной популярностью. Детские библиотеки требовали Чарскую в десятки раз больше, чем Тургенева и Толстого. Судя по опросам юных читателей, Чарская стояла на первом месте, а если на втором, то обычно так: “Пушкин и Чарская”, “Гоголь и Чарская”, “Лермонтов и Чарская”. Сотни писем от детей и родителей шли к Лидии Алексеевне, десятки восторженных отзывов – в печать... После Октябрьской революции книги Чарской были изъяты из библиотек, но долгое время ходили по рукам... Детство Лидии Алексеевны Чуриловой, урожденной Вороновой (1875 – 18.3.1937...) прошло в состоятельной семье. Мать её умерла рано... Отец приводит в дом мамеху... Лида бежит из дома... Девочку вернули назад, отвезли в Петербург и поместили в Павловский институт... Почти сразу после окончания института она вышла замуж за... офицера Бориса Чурилова... Мужу приходится отправиться на службу далеко от Петербурга... Она... поступает на театральные-драматические курсы в Петербурге... По окончании театральных курсов её принимают на единственную женскую вакансию в Императорский театр (бывший Александринский). Под псевдонимом Л. Чарская она работает в этом знаменитом театре с 1898 по 1924 годы... В пору ещё театральных курсов... она... почувствовала неодолимую тягу к сочинительству... Начиная с 1901 года журнал “Задуманное слово” печатал из номера в номер её повести, рассказы, стихи; они выходили и отдельными изданиями: за пятнадцать, примерно, лет работы, она опубликовала чуть ли не восемьдесят книг прозы и стихов. Тираж “Задуманного слова” неслыханно вырос... О жизни Чарской после революции известно очень мало... Лит. де-я-сть оборвалась. Если обратиться к сюжетам Чарской, то наиболее излюбленными были у нее как бы два. В основе одного лежал мотив странствий, скитаний героя... Второй, напротив, изображал жизнь..., замкнутую в одних стенах – закрытого женского учеб. заведения... В институтских повестях Чарской (“Записки институтки”, “Княжна Джаваха”, “Люда Влассовская”, “За что?”, “Белье пелеринки”, “Большой Джон”) девушки падают в обморок, их объятия и поцелуи носят экзальтированный характер... Книги дают глубокое представление о том, как ограничен, как скуден был круг впечатлений девушек. Более чем скромная еда, а подчас и полуголодное существование, грубая одежда, сорок девочек в одном дортуаре... Можно почувствовать, почему с такой отчаянной жадной одна душа здесь стремилась прилепиться к другой, найти себе опору, друга; понять,

почему любая мелочь, нарушавшая монотонное течение времени, перерастала в событие и вызывала неадекватные реакции... Для книг Чарской характерен... конфликт одного ученика с целым классом... Чарская сумела сказать... о том, чем оборачивается противостояние одной – всем... Она обрисовала всю жестокость класса, всю изощренность и изобретательность его в травле девочки, которая не захотела отступить от своих убеждений. Но вместе с этим она показала и способность того же класса истово просить прощения, горячо признать свою вину. В повестях Чарской почти всегда счастливый конец. Однако ее герои приходят к нему не просто: счастливому концу всегда предшествует путь испытаний... В ее книгах взрослые и дети не только горячо любят друг друга, но и говорят об этом пылкими словами, выражают это импульсивно, безоглядно. Они дают друг другу нежные имена, не скупятся на ласковые слова, на поцелуи и объятия. В повестях Чарской плачут и рыдают, бросаются на шею, покрывают руки поцелуями, проливают слезы счастья... В ее книгах можно увидеть следы жуткой торопливости, бесконечные повторы, одни и те же схемы, бессмысленные погрешности в языке... И вместе с тем возникают вопросы: что же такое заключалось в этих сочинениях... если ответом на них были горячие огромные письма-исповеди... если родители благодарили Чарскую... за добрые примеры отношений между детьми и родителями, за то, что в каждом герое, и плохом и хорошем, с одинаковой любовью она отыскивала человеческое? Не голод ли на произведение, которые заставляют плакать и вызывают душевное волнение, вынуждают девочек, учениц современных столичных школ, украдкой переписывать “пожелтевшие, приторные до сентиментальности страницы повести Чарской?” (Путилова, 1989, 31–35).

Из статьи 1912 года: «... Маленькая девочка Лёля... заявила в печати: “Из великих русских писателей я считаю своей любимой писательницей Л.А. Чарскую”. А девочка Ляля подхватила: “У меня два любимых писателя: Пушкин и Чарская”. “Своими любимыми писателями я считаю: Лермонтова, Гоголя и Чарскую”. Эти отзывы я прочитал в детском журнале “Задушевное слово”, где издавна принято печатать переписку детей... Вся молодая Россия поголовно преклоняется перед нею... “Желаю иметь её портрет, – тоскует где-то под Минском девочка Лола Андросюк. “Я выписала себе её карточку и повесила в рамке над моим письменным столом”, – блаженствует в каких-то Гвоздках девочка Вера Малинина. И нельзя без волнения читать, как в городе Вознесенске шестеро таких девочек, все третьеклассницы, копят, собирают копейки и гривенники, отказывают себе во всем, чтобы сообща купить новую книгу обожаемой Лидии Алексеевны... Детским кумиром доньше считался у нас Жюль Верн. Но куда же Жюлю Верну до Чарской! По отчёту одной библиотеки дети требовали в минувшем году сочинения: Чарской – 790 раз, Жюль Верна – 232 раза... Сейчас передо мною триста сорок шесть детских писем о различных прочитанных книгах, из них двести восемьдесят два письма (то есть больше восьмидесяти процентов) посвящено восхвалению Чарской (Чуковский, [1912], 1969–6, 150–152).

Из статьи 1912 г.: «Чарская является воспитательницей душ и сердец совр. поколения девочек всех возрастов... Под влиянием Чарской у огр. больш-ва девочек складываются девические мечты, сладкие грёзы о том неизвестном, жутком и манящем будущем, которое их ожидает в самостоятельной жизни... В восьми женских гимназиях, в I, II, III и IV классах, воспитанницы в сочинении, заданном на тему “Любимая книга”, почти единогласно указали на произведения Чарской... Такой же рез. дал опрос девочек в большинстве учеб. заведений, где только дана возможность девочкам знакомиться с произв-ми этой писательницы... По свидетельству многих воспитательниц, дети, раньше равнодушно относившиеся к книгам, неохотно читавшие, с появлением книг Чарской резко изменили своё отношение к книгам, стали зачитываться сначала её повестями, перенося затем свою любовь к чтению и на произв-ия

других авторов, более серьёзных, на классиков: Чарская научила их читать... Книги Чарской перечитываются по нескольку раз... Огромное кол-во [родителей] считает... произв-ия [Чарской] высокополезными, желательными в дет. библиотека. ... Речь идёт не о какой-нибудь случайной группе детей, а о детях самых разл. слоев об-ва, в разных концах России, и притом, детях уже неск. поколений...» (Фриденберг, 1913, 4, 8–9, 11, 13, 18).

Из учебного пособия по детской литературе 1953 года: «Большим злом в русской дет. лит-ре кануна Великой Октябрьской социалист. революции были реакционные произв-я Л. Чарской. Увлекающие миром тайн образы княжны Джавахи, Лесовички, Люды Власовской шли к рядцу детского читателя широким потоком. “Т-во М.О. Вольф”, издававшее книги Л. Чарской, требовало, чтобы в каждой детской книге был изображён царь или высокий по тому времени сановник. “Сестра Марина”, “Желанный царь”, “Светлый воин”, “Люда Власовская” – вот повести Л. Чарской, отвечающие этим требованиям» (Гречишников, 1953, 82).

«На рубеже XIX–XX вв. в России большой популярностью у юных читателей (и особенно у читательниц) пользовались книги Л. Чарской, К. Лукашевич и др. Жалостливо-сентиментальные, они... спекулировали на гуманных чувствах читателей» (ПЭ, 1965–2, 642).

«Детскую литературу делали в то время не Антон Чехов, не Короленко, не Куприн, не Мамин-Сибиряк, а Чарская, Клавдия Лукашевич и множество безымянных ремесленников» (Маршак, [1933] 1971–7).

О нач. 1910-х гг.: «В первом же году класс разделился на группы... Группа “великовозрастных”... они уже интересовались гимназистами-кавалерами, запоем читали Чарскую, считали, что лучше этих романов нет не свете... Третья группа... её в большинстве составляли купеческие дочери. Они тоже читали Чарскую, но кавалерами интересовались мало...» (Шереметьева, [1946], 1982, 84–85).

О гимназии в губернском уральском городе в середине 1910-х гг.: «На парту к Ирине упала туго сложенная бумажка. Ирина развернула записку. “Новенькая! У тебя есть Чарская? Принеси почитать. Отвечай. Люба Насонова”... “Я не могла оторваться от книг, и Мика предложила мне брать у нее читать... У неё вся Чарская. Это интересные книжки, но только все про богатых девочек, про институток, а как живут другие, вот такие, как я? Почему о них не пишут?”» (Филиппова, 1938; 26, 94).

О повести «Дикарь» Л. Чарской, опубликованной в 1916 году в журнале «Задушевное слово»: «[Ребята] ...вывозят из занятого немцами города русское семейство. ...[Боевые члены] “Зоркой дружины”... работают под нем. офицеров. А ещё страницей позже, опять-таки в костюмах нем. военных, выпытывают у простодушных собеседников... секретные военные сведения и “дрожат от охватившего их внутреннего смеха”. А юные читатели “Задушевного слова”, где печатается очередная “военная” повесть Лидии Чарской, дрожат от возбуждения. И в самом деле, что-то, а это она умеет – заставить глотать страницы, ежеминутно окунаясь с головой в водоворот увлекательнейших приключений. И нагнать страху тоже умеет: вот Дима Стоградский, опознанный немцем, уже поставлен к стенке, сейчас выстрел – и герой погибнет... Но... [Чарская] никогда не обойдется со своими героями так безжалостно. В самом деле: в последний момент какие-то взъерошенные ребята с истошным криком: “Казаки!” – бросаются к немцам, и те сломя голову бегут, позабыв о казни. Друзья и на этот раз не подкачали!... В повести “Дикарь”... герои Чарской не просто бесстрашные смельчаки – они... верные подданные русского престола, всеми помыслами которых движет желание послужить “царю и отечеству”...» (Лупанова, 1969, 42–43).

Писатель Л. Пантелеев о 1910-х и послереволюционных годах: «Среди многих умолчаний, которые лежат на моей совести, должен назвать Лидию Чарскую, моё горячее детское увлечение этой писательницей. В повести Лёнька читает Диккенса, Твена... Всех этих авторов читал в этом возрасте и я. Но

несколько раньше познакомился я с Андерсеном... А год-два спустя [в середине 1910-х гг.] ворвалась в мою жизнь Чарская. Сладкое упоение, с каким я читал и перечитывал ее книги, отголосок этого упоения до сих пор живет во мне – где-то там, где таятся у нас самые сокровенные воспоминания детства, самые дурманящие запахи, самые жуткие шорохи, самые счастливые сны. Прошло не так уж много лет, меньше десяти, пожалуй, и вдруг я узнаю, что Чарская – это очень плохо, что это нечто непристойное, эталон пошлости, безвкусицы, дурного тона. Поверить всему этому было нелегко, но вокруг так настойчиво и беспощадно бранили автора “Княжны Джавахи”, так часто слышались грозные слова о борьбе с традициями Чарской – и произносил эти слова не кто-нибудь, а мои уважаемые учителя и наставники Маршак и Чуковский, что в один несчастный день я... раздобыл через знакомых школьниц какой-то роман Л.Чарской и сел его перечитывать... Я просто не узнал Чарскую... – так разительно несхоже было то, что я теперь читал, с теми шорохами и сладкими снами, которые сохранила моя память, с тем особым миром, который называется Чарская, который и сегодня еще трепетно живет во мне. Это не просто громкие слова, это истинная правда... И вот я читаю эти ужасные, неуклюжие и тяжёлые слова, эти оскорбительно не порусски сколоченные фразы и недоумеваю: неужели таким же языком написаны и “Княжна Джаваха”, и “Мой первый товарищ”, и “Газават”, и “Щелчок”, и “Вторая Нина”?.. Убеждаться в этом я не захотел, перечитывать другие романы Л.Чарской не стал. Так и живут со мной и во мне две Чарские: одна та, которую я читал и любил до 1917 года, и другая – о которую вдруг так неприятно споткнулся где-то в начале тридцатых... Лет шесть-семь назад... разговорился я с одной известной... московской писательницей. Человек... большого вкуса... Давняя почитательница Ахматовой и Пастернака, сама большой мастер, превосходный стилист. И вот эта женщина призналась мне, что с детских лет любит Чарскую, до сих пор наизусть помнит целые страницы из “Второй Нины”...» (Пантелеев, [1979] 1984–3).

О девочке 8–13 лет в 1915–1920 гг.: «Детство я провела... в Алексинской Тульской области... Я имела свободный доступ... [к великолепной библиотеке у начальника станции]... На краю оврага... было прочитано столько книг, пролито столько слёз над судьбами любимых героев; Пушкин и Станюкович, Майн Рид, Жюль Верн, Бичер Стоу, Войнич и Джованьоли, Гоголь и Лесков и, конечно, Чарская – кто из девочек нашего поколения не увлекался ею. Все это, несмотря на голодные зимы и весны... делало детство счастливым» (Воскресенская, 1978, 90).

О 1910-х – 1930-х гг.: «...Многие “детские литераторы” начала XX века довольно хорошо умели потрафлять специфически возрастным требованиям ребенка. Не случайно такую невероятную славу приобрела на попроще детской литературы безвестная актриса Александринского театра Лидия Чурилова, принявшая звучный псевдоним Чарской... Прав... В. Шкловский...: “Чарская была женщина талантливая: без таланта нельзя овладеть интересами целых поколений”. Талант Чарской, думается мне, был талантом отличного психолога, великолепно уяснившего себе, чего хочет ребенок от книги. Понимание тяги детства ко всему необыкновенному, непостижимому, таинственному – будь это событие, явление или душа человеческая; умение создавать пусть искусственные, надуманные (ребенку ли в этом разобраться!), но безусловно остро драматические коллизии, доводя до предела накал страстей; совершенное владение техникой головокружительного приключенчества, – всё это не могло не найти отклика в неискнутом сердце юного читателя. Кто знает: не попадись в свое время полунищая актриса в хищные лапы такого “идейного руководителя”, как “Товарищество Вольф”, может, стало бы в молодой советской детской литературе на одного способного автора больше. Но что есть, то есть. Чарская не смогла стать в ряды советских детских писателей, но зато сделалась их опасной конкуренткой. Ведь не секрет, что

еще в 1930-х годах ходили по рукам школьников затрепаннные “Люды Власовские” и “Княжны Джавахи”, уводя читателей в мир вымышленных приключений и призрачных фантомов, мелодраматических злодеев и благородных аристократов, истерических “обожании” и любовных томлений... Чарская, конечно, случай особый. Ни Лукашевич, ни Шведер, ни Кордо-Сысоевой и т. п. советские дети (за редким исключением) уже не читали» (Лупанова, 1969, 30–32).

О начале 1930-х гг.: «...“Убить” Чарскую, несмотря на её мнимую хрупкость и воздушность, было не так-то легко. Ведь она и до сих пор продолжает, как это показала в своей статье [“О читателях Чарской”] писательница Е. Я. Данько [Журнал “Звезда”, 1934, № 3], жить в детской среде, хотя и на подпольном положении» (Маршак, 1971–6; 198, 627).

О начале 1930-х гг.: «...Бывают такие случаи. Ребята собирают деньги, ходят по букинистам и подбирают себе коллекции любимых “приключений”. За это удовольствие они платят очень дорого... В эту пёструю коллекцию иногда по недоразумению попадает... Майн Рид, но зато здесь же пристраивается и Лидия Чарская, которая до сих пор еще вызывает в нашей школе ожесточенные дискуссии, разделяя надвое целый класс: 9 – за Чарскую, 13 – против. “Мне нравятся книги писателя Чарской, потому что она описывает грустно и всегда про детей...” Так пишет Горькому какая-то меланхолическая читательница, не пожелавшая открыть свое имя. Письмо это отличается от других писем и грустным тоном, и редким однолюбием. Только один автор владеет сердцем этой читательницы – Лидия Чарская... Другие ребята не столь исключительны в своих симпатиях. Они тоже упоминают иногда Чарскую, но любят ее, так сказать, “по совместительству”, рядом с Буссенаром и Бляхиным. И любят не за грусть, а наоборот – за удаль, за горцев, за сверкающие шашки и вороных коней! Эти читатели верны Чарской только до тех пор, пока им не повеселилось набрести на другого удалого писателя, который выдумает героя... похрабрее княжны Джавахи. Таким героем оказался остроумовский “Макар-Следопыт”...» (Маршак, 1971–7, 334–335).

О Ленинграде 1930-х гг.: «...Ходили по рукам старые, затрепаннные романы Лидии Чарской вроде трогательных “За что?” или “Княжна Джаваха”. Не представляю, можно ли их ныне читать, но тогда добро и благородное начало, заложенное в них, казалось написанным вполне художественно. По крайней мере, по нашим ребячьим понятиям. Книги ведь тоже выходят из моды, как вещи, и некоторые книги стареют вместе с вещами быстро и необратимо» (Гранин, 1990–5, 476).

Из статьи 1934 г.: «Надо, чтобы была создана критич. лит-ра для ребенка, написанная самым простым языком, понятным для ребят. Тогда, если ребенок увидит, что не учитель ему говорит: “Не смей читать Чарскую”, а сам прочитает об этом и поймет, что Чарская плоха, она потеряет для него интерес. Мы Чарскую слишком рекламируем тем, что запрещаем её. Держать в библиотеке ни к чему, конечно, но надо, чтобы у ребят у самих выработалось презрительное отношение к Чарской» (Крупская, 1954, 68–69).

О нач. 1950-х гг.: «Любимые в прошлом книги – Чарской, Олькот, Бернет и другие – уже не вспоминаются нашими юными читателями» (Дубровина, 1952, 46). Лит: Белоусов, 2007.

ЧАСТНЫЕ женские гимназии придерживались правил и программ, установленных министерством нар. просвещения, и подчинялись местному учеб. округу. В 1870-х гг. были открыты 23 такие гимназии, в том числе 7 в Петербурге, 5 в Харькове и 4 в Москве. В связи с высокой платой за обучение учиться в них могли только дочери состоятельных родителей. В лучших частных женских гимназиях курс обучения соответствовал курсу мужских гимназий (например, жен. гимназия Стоюниной в Царском Селе, классич. гимназия С.Н. Фишер в Москве). Нек. частные женские частные носили сословный хар-р, напр., жен. гимназия аристократич. типа княжны Оболенской в Петербурге. В 1880-х гг. нек. частные женские гимназии были преобразованы в министерские.

ЧАСТНЫЕ школы – «создаваемые частными организациями и частными лицами негосударственные образовательные учреждения» (ПЭС, 2003, 317).

Частные школы «финансируются за счёт привлечения средств различных негосударственных организаций, фондов, благотворительных пожертвований частных лиц и пр. Деятельность частных школ... регулируется Законом РФ об образовании (1992). Частные школы должны обеспечивать учащимся получение полноценного образования, а также режим образоват. учреждения, эквивалентный режиму гос. школ» (ПЭС, 2003, 317)

ЧАСТУШКА в детской среде.

«Частушки постепенно переходят в детский фольклор. Детская частушка усиливает свое сатирическое и уменьшает лирич. наполнение, хотя любовная тематика остается ведущей (обычно с осмеянием возлюбленного): “Я сидела на скамейке, / Целовала кошку. / Кошка мне напояла / Моего Сережку”. “У подружки платье в складку, / У меня с карманами./ Не бывать, мальчишки, вам / Над нами атаманами!” Столь же актуальна для ребенка и проблема взаимоотношений с родителями: “Меня мама ложкой: / Не гуляй с Антошкой! / А я маму чайником: / Не гуляй с начальником!” В дет. репертуаре присутствуют и плясовые частушки, а также тексты на мотив “Яблочка”, уже утраченные взрослыми. Отличит. особенностью дет. частушки – большее, на наш взгляд, кол-во произв-ий с героями-животными. Особую группу среди записанных текстов составляют так называемые школьные и детсадовские частушки, сочиненные взрослыми с восп. целями» (Трыкова, 1999, 22).

ЧАСЫ – прибор, показывающий время.

Применительно к детям речь идёт об обладании наручными часами

Об ученицах женской гимназии в губернском уральском городе в середине 1910-х гг.: «И Бурунова, и Маковкина выделялись в классе. На них были одинаковые темно-коричневые формы, шелковые переноски, у обеих на руках были браслеты с часами» (Филиппова, 1938, 28).

О середине 1950-х гг.: «...В седьмом, точно, в седьмом классе началось... Нас на уроки физкультуры водили... в сад Прямыкова, – такой есть маленький парк на Таганке, – ну вот, мы приходим один раз, а там шестьдесят пятая [школа], в волейбол играют... И вот там я впервые его вижу... Он бегаёт, смеется, мяч подаёт, – чем-то выделяется, не такой, как все, лёгкий мальчишка, часы на руке, а часы тогда ещё в редкость, – ну, как в таком возрасте: часы, – и ты уже влюблена. Но тут не в часы было дело...» (Рошин, 2002, 77–78).

Об ученице четвёртого класса деревенской школы в конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Нина Шарова приехала в Крутой Овраг прошлой осенью. К нам из города направили на работу её отца – агронома... Мать преподавала в старших классах. На руке у Нины были маленькие круглые часики. Отец подарил на день рождения» (Козлов, 1963, 33).

О середине 1960-х гг.: «“Сколько времени?” – спросил я у Наташи Турлай. Часы в седьмом классе носить не позволяли, поэтому ей пришлось чуть ли не до локтя задрать рукав пальто, расстегнуть кнопки на манжете платья и лишь тогда взглянуть на спрятанные высоко на руке часы. “Пятнадцать минут осталось...”» (Туинов, 1985, 30).

«ЧАШКИ, ложки, поварёшки – окунулись матрешки!» – детская игра в водоеме.

О конце 1980 – нач. 1990 гг.: «При купании, нырянии в воду, мы с подружками вставали в круг и, подпрыгивая, говорили: “Чашки, ложки, поварёшки – окунулись матрешки!” или: “...захлебнулись матрешки!”. Уходили с головой под воду, старались подольше там держаться. Кто последний вынырнет – тот и выиграл» (154).

О девочке 8 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1995 г.: «В нашем селе – огромное озеро. И когда мы с подружками собирались купаться, мы все осторожно заходили в воду по пояс, становились в круг, брались за руки и хором говорили: “Чашки, ложки, поварёшки, окунулись матрешки”. На последнем

слове мы все должны были, не отпуская руки, окунуться в воду с головой» (141).

О девочке 8 лет в Далматово в 1995 г.: «Фразу: “Чашки, ложки, поварёшки – окунулись матрешки!” я начала говорить, когда мне было 8 лет. Так говорят, когда купаются. Берутся за руки и прыгают в воде, повторяют эти слова. С последним словом ныряют под воду» (136).

ЧЁТКИЙ – (из подросткового лексикона) замечательный, отличный, качественный.

О с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «Одноклассники бурно обсуждали что-то, и один из них говорил примерно так: “Ваше чёткая тачка! Крутая...” Чёткая = хорошая, замечательная, суперская, классная, крутая, клевая» (154).

ЧЁТКО – (из подросткового лексикона) замечательно, отлично, мастерски.

О с. Ожогово Шатровского р-на в середине 1990-х гг.: «“Чётко!” = круто, хорошо, замечательно, прекрасно, зыканско, клево, круто, классно! Эти синонимы также употреблялись нашими мальчиками-одноклассниками» (154)

ЧЕТЫРЕ – «Отметка в пятибалльной системе оценки знаний; четвёрка» (Словарь, 1965–17, 1008–1009).

«Я Володины отметки / Узнаю без дневника. Если брат приходит с тройкой – / Раздается три звонка. / Если вдруг у нас в квартире / Начинается трезвон – / Значит, пять или четыре / Получил сегодня он» (Барто, [1944] 1969–1, 247).

ЧЕХАРДА – «Игра, в которой играющие поочередно прыгают через своих партнеров, стоящих в согнутом положении или на четвереньках» (Словарь, 1965–17, 1017).

Лит.: Зимина Т. Чехарда. // РД, 2006, 383–385.

О вожатом и воспитанниках в 1925 г.: «Я громко стукнул в дверь. В ответ на обычное: “Можно! Нельзя!” – я решительно распахнул дверь, вошёл и не поверил глазам. Все девочки... в одних рубашках, сверкая пятками, азартно играли в чехарду...» (Гунин, 1984, 61).

О начале 1930-х гг.: «Зимой в перемены толклись в коридорах... А летом выходили во двор перед домом или в сад за домом, где играли в чехарду (три шага) или в расшибалку» (Самойлов, 1993, 224).

О Шадринске в 1996–1997 гг.: «Я играла в эту игру со своими одноклассниками в шестом-седьмом классах. На каждой перемене мы выбегали из класса, разбивались на команды и играли. Всегда желающих поучаствовать было более 12 человек, причём большинство мальчишек. Те девочки, которые были одеты в платья, не участвовали, хотя играть хотелось. Мы вставали цепочкой к стене, держась друг за друга, наклонялись. Другая команда прыгала на нас, на спины. Когда все прыгнут, команда везёт их на себе до заданной линии. Нужно, чтобы никто из сидящих на спине не упал, и нельзя расплетать руки, а то будешь снова тащить, а не прыгать. Меня мальчишки всегда ставили первой, так как я была самой худой, и они меня жалели наверное. А когда стоишь первой, легко, так как вся нагрузка ложится на остальных. Когда играет много человек, как правило, до первого не могут допрыгнуть. Мы с девочками перестали играть в эту игру классе в седьмом, наверное. Как-то стало стыдно и неудобно из-за того, что мы прыгаем на мальчиков. А они на нас» (504).

«Чехарда-езда».

О вт. пол. 1970-х гг.: «Вне школы мы обычно играли, когда стали постарше, в “Бутылочку”, “Кис-брысь-мяу”, “Чехарду-езду”. Играющие делились на две команды, одна команда становилась к забору, наклонившись, взявшись за талию друг друга крепко-крепко, а другая команда с разбегу должна по порядку усесться на них. Если падали стоящие, то они снова становились на своё место, если падали прыгавшие, то они менялись местами. Если все усядутся без падений, то стоящие должны провети определенное расстояние вторую команду» (479).

ЧЕХОВ – Антон Павлович Чехов (1860–1904), русский писатель; в 1960-е – 2000-е гг. его произведения «*Капитанка*», «*Белолобый*», «*Ванька Жуков*», «*Хамелеон*», «*Смерть чиновника*», «*Вишневым сад*» изучаются в школе.

«ЧЕШКИ» – название лёгкой кожаной обуви для занятия физкультурой и танцами (ритмикой) в 1960-х – 1990-х гг.

О г. Перми в середине 1960-х гг.: «На физкультуру... на ноги надевали чешки, если в зале. На стадион – кеды» (Киршин, 2002).

О 1989–1991 гг.: «Чешки я носила в детском саду с 5 до 7 лет. Это мягкая обувь из материала под мягкую кожу. Мне они очень нравились, я их очень любила носить, в них было красиво, удобно, мягко ходить; мне даже было жалко, когда я из них выросла» (110).

О г. Далматово в 1992 г.: «В 1992 году, когда мне было 7 лет я начала ходить в танцевальный кружок в Далматово. В качестве второй обуви должны быть чешки, так как они очень легкие и удобные. Они были сделаны из тонкой кожи, подошва тоже была очень тоненькой, и казалось, что как будто ты босиком. Чтобы было удобно одевать, во взёме было 2 резинки» (022).

О Шадринске в 1994 г.: «Во втором классе у нас в школе появился новый предмет – “Ритмика”. Это были занятия танцами, которые проходили в подвале, оборудованном под зал... На этот урок нужно было, как на физкультуру, приносить особую обувь – чешки» (012).

«ЧИЖ» – ежемесячный журнал для детей младшего возраста, издававшийся в Ленинграде в 1930–1941 гг. «Чрезвычайно Интересный Журнал» – так (шутливо) раскрывалось в качестве аббревиатуры название приложения к журналу «*Ёж*», впоследствии приобретшего статус самостоятельного издания.

В истории отечественной дет. лит-ры и журналистики «Чиж» и «*Ёж*» стоят рядом и сегодня зачастую воспринимаются как близнецы, из которых первый адресован октябряткам, второй – пионерам. В самом деле, в «Чиж», как и в «*Ёже*», сотрудничали С. Маршак, Н. Заболоцкий, А. Введенский, Д. Хармс и другие. В редколлегии «Чиж», как и «*Ёжа*», входили С. Маршак, Н. Олейников, Е. Шварц и другие. Журналы «Чиж» и «*Ёж*» роднит единство идейных, эстетич. и пед. устремлений.

В воспитании детей «Чиж» первостепенное место отводил литературе. Обращаясь к малышам, журнал стремился выбрать из литературной сокровищницы мира самое ценное. Отсюда интерес к сказочникам: к братьям Гримм, Андерсену, Перро, Гауфу; к народным сказкам, собранным отечественными фольклористами. Редакция публикует «Дон Кихот» Сервантеса, «Гулливер» Свифта, сказку из «Тысячи и одной ночи» «Али-баба и сорок разбойников», произведения Л. Толстого для детей и т. д. Весь познавательный и публицистический материал редакция «Чиж» преподносила в виде игр, загадок, приключений, в рассказах-картинках. Каждый из вымышленных персонажей – *Умная Маша*, профессор Трубочкин, Ваня Мохов, Карл Иванович Шустерлинг – имел свой характер: они вели переписку с читателями, им звонили по телефону (была даже такая рубрика «Телефон “Чиж”»). «Чиж» не печатал статей и очерков о природе, науке, путешествиях, зато в изобилии давал детям рассказы Б. Житкова, В. Бианки, Е. Чарушина и др. Немало жизнерадостного озорства и выдумки дарил читателям «Чиж» журнал в журнале «Красная Шапочка», куда отдавали свои произведения Д. Хармс, А. Введенский, Е. Шварц, Н. Олейников, Н. Гернет. О серьезном «Чиж» умел рассказывать забавно, весело, за что не раз ему доставалось от критиков. В поэтическом отделе «Чиж» печатались С. Маршак, К. Чуковский, Д. Хармс, Л. Квитко, О. Берггольц и др.

«Чиж» почти на шесть лет пережил своего собрата «*Ёжа*». И в эти годы многое в нем изменилось. Обновился авторский актив, появились новые имена: М. Зоценко, Е. Верейская, Е. Благинина и др. К концу существования веселая, радостная атмосфера игры, выдумки исчезла, журнал стал чрезмерно серьезным и скучным. «Чиж» внёс огромный вклад в развитие детской литературы и журналистики, адресованной малышам, и его опыт может многое дать сегодняшним детским журналам. (Колесова, 1993, 111–115).

«ЧИЖ», «чижик» – детская игра.

«Игра в чижика очень старинная – мне попало упоминание, что в XVI веке на Руси уже играли в чижика» (Якуб, 1988, 82).

И.П. Сахаров в книге нач. 1840-х гг. пишет: «Чижик – игра детская... Старший из детей очерчивает на полу мелком четверугольник – клетку, в с[е]редину кладет камень, на который по отвесу полагается палочка – *чижик* длиной в одну четверть. Кто-н. из детей подходит с другою длинною палочкою к клетке, бьет по чижика, который от удара летит вверх. Тогда др. дети стараются бить чижика на лету, и тот остается в стороне, кто успеет загнать его в клетку» (Сахаров, [1841] 1997, 158–159).

См. о 1880-х гг.: «Мальчишки играли в чижика, в чужки, ездили верхом друг на дружке» (Толстой, [1919–1922] 1984, 77).

Игру в «чижа» описывает в конце XIX века Е.А. Покровский: «Сначала делают ровную, гладкую палочку, толщиной в небольшой палец руки, длиной 4–5 вершков. Концы этой палочки заостряют... Эта палочка называется чижом... Затем делают другую палочку, несколько потолще чижа и... в 3–4 раза длиннее его... Эта палочка назначается для битья по чижу... После того на ровном, открытом месте обводят чертой круг... Этому месту дают название “город”, “кон”... Иногда же... просто вырывают только небольшую ямку (лунку)... Затем назначается поле, то есть такое место, куда и в каком направлении следует бить по чижу из города, или ямки, палкой... Игра ведется или между двумя лицами или между двумя партиями... Далее игроки уговариваются: сколько удачных ударов ... следует сделать по чижу, чтобы считать игру законченною... Затем бьющий берёт чижа, кладёт его посредине круга..., притом иногда так, чтобы один конец его был приподнят... После того игрок слегка ударяет по переднему концу чижа... От этого удара чиж подскакивает вверх, повёртывается неск. раз вокруг себя, а бьющий в это время старается, если можно, ещё раз или два ударить по нему... Бьющий старается..., чтобы чиж как можно далее отлетел от города в поле... После удара по чижу водящий в поле прежде... старается поймать летящего чижа руками, и если это ему удастся, то он ... идёт к городу и начинает сам бить по чижу, между тем как бывший прежде идёт ловить чижа... Но если после удара по чижу водящему не удалось словить его руками, тогда он подымает его с земли и с того места, где он упал, уже старается бросать его прямо в город... В некоторых местностях есть еще такой обычай, что при бросании водильщиком чижа в город бьющий имеет право отшибать его прочь... Если, наоборот, стоящему у города удастся палкой отшибить чижа прочь, тогда он обыкновенно начинает измерять палкой... то пространство, на которое чиж отлетел от города, и если при этом окажется, что чиж сразу отлетел на условное количество палок, тогда игра считается сразу поконченную. Но если чиж не улетел на такое большое расстояние, то количество измеренных палок только присоединяется к счёту бьющего, и затем он снова продолжает бить по чижу до промаха, до двух, до трёх промахов, смотря по условию, или же до такого неудачного удара, после которого чиж не вышел даже из города... Игра продолжается до тех пор, пока один или оба игрока не сделают условного количества очков». (Покровский, [1895] 1994, 297–302).

О 1918–1920 гг.: «Мы с Васькой играли во дворе в чижика. Только я приготовился подкинуть чижика, как Васька крикнул: “Офицеры!”» (Мирошниченко, [1936] 1966, 42).

О 1923–1924 гг.: «Дворовые игры тех лет, в которые мы играли, сейчас почти выветрились: лапта, городки, в конфетные картинки, “чижика”. “Чижик” – это заостренный, заточенный с двух сторон, как карандаш, деревянный кругляшок толщиной немногим больше большого пальца и длиной в два-три вершка. “Чижик” клати на землю, игрок должен был с размаху палкой ударить по острому кончику “чижика” и, когда тот взлетал в воздух, уже в воздухе еще раз ударить по нему своей палкой, с тем чтобы “чижик” улетел как можно дальше. Били по очереди. От чьего удара “чижик” улетал дальше, тот и

считался победителем. Бывали случаи, когда “чижик” попадал кому-нибудь в лоб. Тут уж и смех, и переполох, и игрок имел право перебить» (Розов, 1987, 268). [...]

О Шадринске в 1992 году: «В 1992 г., когда мне было 5 лет, летом я играл в разные игры: прятки, вышибалы, чижика – это когда палочку ставишь в ямку и битой её вышибаешь» (058).

Лит.: Зимица Т. Чиж. // РД, 2006, 385–388.

«**ЧИЖ и ЁЖ**», «**ЧЁ**» – детский журнал, издаётся в Санкт-Петербурге с конца 1990-х гг.. Тираж 2002 г. – 5 тыс. экз.

«“Чиж и Ёж”... Это действительно замечательный журнал... Один из разворотов “ЧЁ” посвящен сборнику дет. англ. стихов “Матушка Гусыня”... Это лучший из всех попавших в мои руки журналов. Настоящий дет. журнал... В сегодняшнем “ЧЁ” печатаются стихи и рассказы, сказки (переводные и российского произв-ва) и “серьезные” задания на лит. сообразительность. В какой-то мере здесь есть даже комиксы, но в окультуренном варианте: сначала напечатан полнометражный членораздельный рассказ, а уже потом – стройные ряды картинок “а ля комикс”... В Доме книги на скромной вертушке толпятся почти все “Автобусы” за последние два года и большая часть “Чижей и Ежей”. На вопрос: “Покупает ли кто-нибудь эти журналы?” – мне ответили: “Да, очень хорошо покупают. Лицей, гимназии...” Но оценка спроса слегка преувеличена. Это понятно любому» (Мальчуженко, 2003–2, 25–26).

О нач. 2000-х гг.: «Недавно начал выходить журнал “ЧЁ” – (Чиж и Ёж), его учредитель – Гос. изд-во дет. и юношеской лит-ры “Лицей”. В журнал даже вернулись Умная Маша и Глухой Витя (персонажи тех журналов)» (Назарова, 2003, 28).

«**ЧИЖИК**» – то же, что «*Чиж*».

О 1950–1952 гг.: «Игры начала пятидесятых... Никогда не изгладится во мне восторг тех незатейливых, незамысловатых игр, даривших настоящее вольготное-безмятежное детство. В конце апреля, едва подсохла трава и с огородов потягивало сладкой прелью сжигаемых листьев, начинался штандр... Штандр перемежался с лаптой, прятками и “чижиком”... “Чижик” представлял собой небольшой кусочек дерева, заточенный по концам, как карандаш. Начиная игру клал его на землю, умело ударял по острому носу широкой битой, “чижик” подпрыгивал, и в это мгновение гибким замахом биты следовало попасть по нему и отправить как можно дальше. Водящий в ответ должен был поднять “чижика” и постараться по возможности ближе кинуть к заранее обозначенной черте, откуда он только что вылетел. Снова в ход шла бита, “чижик” подпрыгивал и улетал после ловкого удара на десяток с лишним метров. И так до самого вечера, покада острое тельце “чижика” различимо глазом» (Гай, 1987, 77–79).

«**ЧИЖИК-ПЫЖИК**» – короткая шуточная песня.

О с. Ястребинка Пресновского р-на Сев.-Казахстанской обл. в 1993 г.: «Песню “Чижик-пыжик” я узнала от одноклассницы, когда училась во втором классе, и потом мы пели её каждый раз во дворе или дразнили ею кого-нибудь» (019).

«**ЧИКА**» – мальчишеская игра на деньги.

О сибирской деревне в 1933–1934 гг.: «Рядом с бабочниками у того же платоновского заплота завязывался другой кон – в чику, и скоро чика нас увела от бабок, и остались они забавой безденежной... братве, еще не достигшей спортивного возраста и неспособной зашибать копейку» (Астафьев, 1989–1, 230).

О мае 1945 г.: «От речки прибежал Вовка Остроумов: “Витька Сурок и Аркашка Меченый в чику всех наказывают. Мне мамка на подстричься пятерку дала, а я проиграл”. ... Меченый был “шестеркой” у Сурка. До нынешней весны он верховодил всей нахаловской мелкотней... Лёнька подошел к ребятам. “Сыграем, Лось?” – крикнул-спросил Сурок. “Можно, Сурок”, – ответил Лёнька. Чика! Проводится главная черта, на неё ставятся деньги – кон. Биту кидают метров с десяти. Если не добросил до главной черты – “бык”, “слепой”, “сгорел”, “сира”. Если далеко закинул – “Москва – Воронеж – фиг догонишь”. Надо, чтоб биток сразу за

чертой упал, как можно ближе к кону, – тогда первый. Первый бить по кону будешь: перевернулась монета с решки на орла – твоя. А самый шик – сразу в кон угодить – чика! Все деньги в карман. Были ваши – стали наши. Лёнька поднаторел в чике. Он всегда с битком ходил. Даже в школу. Заметит впереди камушек – шлёп по нему битком – чика! Блеснет впереди стекляшка – снова к ней биток летит. Вот и сейчас Лёнька выигрывал. Левый карман отяжелел от денег. А на кону целая гора монет, и Лёньке снова предстояло бить первым. Вторым был Витька Сурок. Вторым и последним – остальные ребята уже проигрались. Да и Витька выдохся – он “наваривал”, добавлял в кон деньги и снова “метался”, чтобы быть первым, но его биток никак не хотел ложиться ближе, чем у Лёньки, – он то летел в “Москву – Воронеж”, то “горел”. А кон всё рос и рос. Лёнька с подчеркнуто равнодушным видом стоял в сторонке. Он-то знал, что только чика может спасти Сурка, но чику Витьке не сделать: и не умеет, и руки дрожат, и, самое главное, деньги для “наvara” явно кончились. И когда в очередной раз Сурок подошел к коряге, от которой они метались, Лёнька загородил кон: “Плати, Сурок. Ты забыл наварить”. “Я платил”. “Он платил”, – нахально зорали нахаловские... Лёнька оглянулся – среди ребят не было своих... “Значит, я не заметил, метайся. Последний раз метайся”, – выговорил Лёнька. К Сурку подбежал Меченый, что-то жарко зашептал тому в ухо... Наконец Сурок бросил биток, он упал явно дальше Лёнькиной отметины, но вдруг биток схватил Вовка Субботин и черкнул отметину у самой чики – вышло, что Сурку бить первым. А Лёнька молчал. Выжидающе смотрел на подошедшего Сурка. А рядом уже заходился Меченый: “Че орешь! Че хлыздишь!” Лёнька молчал. Смотрел на Сурка. А тот уже склонился над коном, уже бить приготовился. Бормотал: “Ваши не пляшут”. Лёнька бросил на землю “навар”, отошел к коряге. “Чика! Только чика! – думал он. – Я им покажу, как мальцов надувать. Фиг тебе, Сурок, а не деньги...” Он метнул. Биток упал перед коном, скользнул вперед и сдвинул монеты, они накренились, нехотя скособочились и вдруг длинным змеем вытянулись вдоль главной черты – чика! Хоть и пела душа у Лёньки, а к кону он подошел не спеша, вразалочку, не глядя на оцепеневших ребят. Спокойненько сгрузил монеты в карман. Подозвал Вовку Остроумова. Дал ему денег. “Эй, мальшина, кого еще мамка за проигрыш ругать будет? Подходи!” И вдруг зорал Аркашка Меченый: “Не было чики!” Вовка Субботин заверещал: “Не было, не было!” Подсочил к Лёньке: “Хлызда-блызда!” “Отдавай деньги, Лось!” – криво ухмыльнулся Сурок. Нахаловские стеной перли на Лёньку. Он пылся к речке... Лёнька не любил, когда его били, он успел смазать по трем-четырем носам, но силы были явно не равны... “Отдам!” Замерли кулаки и кулачишки. “Сейчас я вам всё отдам”, – Лёнька смахнул с губы кровь, подобрал с земли кепку. Высыпал в неё мелочь. Не торопясь, широко он отвел руку и, не выпуская кепку, махнул ею. Желто-белый веер сверкнул над рекой и, взбулькнув, исчез в воде. Онемело стояли ошарашенные пацаны. А Лёнька разбежался и бултыхнулся в воду вслед за деньгами. ...Саженками поплыл к тому берегу» (Чумичев, 1987, 23–27).

О мальчиках 9–16 лет в 1946 г.: «У кирпичной стены пекарни на сухой и уграмбованной полоске земли играли в чику Гришун, Петька Дрын из соседнего двора и незнакомый мальчишка. Севка подошел и стал смотреть. “Чё зыришь? – неласково сказал... Петька Дрын. – Хошь играть – играй... Или мотай отсюда”. “Денег нет”, – вздохнул Севка. “Ну и...” – начал Петька, но Гришун сказал: “Пускай глядит... – Потом спросил у Севки: – Хочешь пятак в долг?” Севка помотал головой: “Не... Я всё равно проиграю...” ...[Дрын] по два года сидел в каждом классе и к тринадцати годам еле дотянул до четвёртого. Третий мальчишка – верткий, чернявый, с длинными грязными пальцами, – не говоря ни слова, метал биток и аккуратно обыгрывал и Дрына, и Гришуна. Когда у тех кончились пятаки, он молча сыпал мелочь в карман длинноногого пиджака и, не оглядываясь, пошел со двора» (Крапивин, 1986, 141).

О Свердловске в конце 1940-х гг.: «С наступлением теплых дней армия детворы высыпала во двор. Девочки собирались своей стайкой, мальчишки – своей... У мальчишек – свои игры. Гоняли мяч под окнами... Очень любили ребята гонять “жестку”... Частенько играли и на деньги в “чичу”. Каждый из пяти-шести игроков выкладывал на кон монету решкой вверх. Металлической битой ударяли по кассе, стараясь перевернуть монеты на орла. Счастливчик монеты забирал. Еще ударяли ребром биты о стенку дома и от упавшей биты пальцами измеряли расстояние до монеты – у кого ближе, тот и побеждал. Взрослые не поощряли игру на деньги, постоянно разгоняли игроков, и те вместе с болельщиками прятались где-нибудь в укромном уголке, где игра возобновлялась» (Факова, 2006).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...Петька каждое утро... играл в чичу на затонском базаре. Там он проиграл... вначале чулки и брючный ремень, а потом и сандалеты с медными застежками» (Акулов, 1962, 37–38).

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «Вечером этого дня за дровяниками отыскали просохшее местечко и устроили первую в сезоне чичу, играли до темноты и в темноте. Кто-то принес фонарик, в середине освещенного круга мерцал столбик монет высотой с палец. Мальчик играл исключительно удачно, был ловок и завершил игру прямым попаданием – биток врезался в подножие столбика, и монеты веером брызнули по земле. “Чика без крика!” Так следовало успеть выкрикнуть, иначе, по заведенной традиции, монеты становились всеобщей добычей... Тут была еще одна тонкость: после крупного выигрыша сразу из игры выходить не полагалось. Однако он почувствовал, что никто не собирается возражать против его ухода, все видели, что сегодня ему везет, и, пожалуй, даже рады были избавиться от столь удачливого соперника...» (Дробиз, 2004).

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «Много неписанных правил было в играх. Главное: никогда нельзя было выйти из игры по своему желанию. Это касалось... прежде всего – игр на деньги: “об стенку” и “чичи”... Он открыл выделенный ему ящик стола, где... постепенно скапливались нужные вещицы, например, рогатка..., битки для игры в чичу..., увеличительное стекло...» (Дробиз, 2004).

О 1958 г.: «Четвёрку по поведению схлопотал потому, что в виду школы нагло играл в “чичу”. Мало того, что продулся вчистую, так еще и попался завучу...» (Чуманов, 2002).

О 1966 г.: «Во дворе шпана играла на деньги – в “чичу”, “трясучку”, “пристенку”...» (Киршин, 2002).

О 1970-х гг.: «Братья с утра ждут снег... Поглощённые общей целью, они сегодня ни разу не поссорились и так тосковали по снегу, что не пошли играть в “чичу”» (Петров, 1989, 215).

«**ЧИКИ-СТОП**» – игра, сходная с игрой «Штандр».

О начале 1990-х гг.: «В свой день рождения в мае, когда мне исполнилось 11 лет, я и все мои гости решили пойти поиграть на улицу. Мы выбрали игру “чичи-стоп”. Ведущей была я. Мне нужно было подбросить мяч вверх и выкрикнуть имя одного из участников. Тот должен поймать мяч и крикнуть – “чичи-стоп”. Пока всё это происходит, все вместе с ведущим бегут в сторону от того, чьё имя назвали. “Чичи-стоп” означает, что все должны остановиться, прекратить бег. Новый ведущий стоит задом к остальным игрокам, он не должен видеть их. Затем он выбирает одного из игроков, называет его имя и говорит, что тому надо сделать, чтобы подойти к ведущему. Например: “лилипуть” – это шаги длиной со ступню; гигантские – шаги настолько большие, какие только сможешь сделать; плевки – это расстояние, на которое ты можешь плюнуть; “лягушка” – это движение, когда принимаешь позу лягушки и прыгаешь вперед и т. п. ...И вот новый ведущий выбрал меня, он сказал сделать десять “лилипуть”, четыре гигантских, восемь плевков и одну “лягушку”, чтобы добраться до него. Я всё это выполнила, до ведущего осталось метра три. Теперь ведущий должен был кинуть в меня мяч и попасть. Если он попадет, то я выбываю из игры. И вот ведущий Олег кидает мяч, и мяч с приличной силой

попадает прямо мне в лицо. Конечно, он этого не хотел, но произошла неприятная ситуация. Мне было больно, но скорее больше обидно: “Как так? Ведь я именинница, а мне попало в лицо мячом”» (607).

Ср.: «*Чики-чичи-стоп*».

«**ЧИКИ-ЧИКИ-СТОП**» – то же, что «Штандр».

«“Штандер” – очень увлекательная игра, которая имела ещё одно название – “Чики-чичи-стоп”. Чертился круг большой, внутри него чертился еще один, внутренний круг, меньшего диаметра. За внешним кругом становились участники, кол-во игроков не ограничено, чем больше участников, тем большего диаметра чертили внешний круг. Во внутр. круг становился ведущий, кидает мяч вверх. Остальные участники разбегаются в разные стороны, причём задача – убежать как можно дальше. Когда ведущий поймает мяч он кричит: “Чики-чичи-стоп”, при этом все останавливаются. Затем ведущий выбирает игрока и говорит, сколько ему надо сделать шагов, чтобы дойти до него и при этом кинуть мяч. Напр.: “До такого-то участника пять прыжков и т. д. Но для того чтобы остальные участники не забежали в круг, пока ведущий идёт до игрока, он говорит: “Круг заколдован”, и все участники остаются на своих местах. Тем временем ведущий идёт до игрока – до такого расстояния, с которого он может кинуть мяч и при этом попасть. Если ведущий попадает в игрока, то он бежит в круг, и все остальные участники бегут в круг, при этом игрок, в которого попали, должен попасть мячом в др. участника игры. Если он не попадет, то становится на место ведущего. Если же ведущий не попадает в игрока, которого он выбрал, то он должен попасть в другого игрока, иначе он снова остается в роли ведущего» (451).

Ср.: «*Чичу-стоп*».

ЧИНИЛКА для карандашей – приспособление для затачивания карандашей.

О середине 1910-х гг.: «...Писчебумажный магазин под названием “Привет”... Нигде в мире никогда в жизни, ни тогда ни после, я не видела столько писчебумажных чудес... Краски в ящиках и рассыпанную... Чинилки для карандашей и праматуровые перочинные ножички... Всего не перечислишь... Столько интереса, открытий, занятий, проникновения в новый мир ожидало нас, детей, в этом магазине» (Луговская, [1983] 1987; 76, 77).

См. также: *Точилки*.

«**ЧИП И ДЕЙЛ спешат на помощь**» – мультфильм.

О с. Крутиха в 1994–1999 гг.: «Когда мне было примерно 10–15 лет, я любила диснеевский мультфильм “Чип и Дейл спешат на помощь”» (074).

«**ЧИП И ДЕЙЛ**» – видеоигра на приставке «Денди».

Об игре: «Интересная и красочная бродилка по мотивам известного мультсериала. Этапов десять, но допускается разветвление пути... Подбирая разбросанные по уровням ящики, ты можешь кидать их в противника. Оглушённого врага также можно схватить и кинуть в друга – при этом пострадают оба...» (Денди, 2000, 42).

О Шадринске в 1995–1996 гг.: «В видеоигру на приставке “Чип и Дейл спешат на помощь” я играла с сестрой, когда мне было 11–12 лет. Главные герои – два бурундучка, которые спешат на помощь, пробираясь через разные препятствия, заборы, реки, лесенки, овраги. Им мешают отрицательные герои. Эта игра, скорее, рассчитана на быстроту реакции и развитость моторики пальцев» (113).

ЧИПОЛЛИНО – персонаж сказочной повести «*Чиполлино*», человек-луковица. Изображение Чиполлино постоянно присутствовало в оформлении журнала «*Весёлые картинки*» в 1960-е – 1980-е гг.

О вт. пол. 1960-х гг.: «Шести- и семилетним детям хорошо покупать... игрушки, изображающие героев знаковых сказок (например, Айболит, Крокодил, Буратино, Чиполлино)» (СВ, 1967, 99).

О девочке 8 лет в 1994 г.: «Мой любимый мультфильм детства – это “Чиполлино”. Я полюбила его после первого просмотра, примерно в 8 лет. Смотрела я его всегда, когда его показывали по телевизору. Любимым

героем для меня до сих пор остается сам Чипполино, но еще в детстве я любила сеньора Помидора, за то, что он казался мне очень смешным» (194).

«ЧИПОЛЛИНО» – сказочная повесть Джанни Родари.

О девочке 8 лет в 1992 году в селе Красная Нива Шадринского района. «Книгу “Чиполлино” купила мама. Мне очень нравилось то, что персонажи в виде овощей (сеньор Помидор)» (102).

О девочке 10 лет в 1996–1997 гг. в г. Шадринске: «Книга, которая на меня произвела впечатление, была “Чиполлино”. Её я прочитала примерно в 1996 или 1997 году. В этой книге мне понравилось, что маленький мальчик, то есть Чипполино, противостоял злым людям (хоть в этой книге герои – овощи, фрукты, но под ними подразумеваются люди)» (031).

Об опросе 265 детей 12–15 лет в Ярославле в 1997 г.: «Любимыми авторами книг по данному опросу оказались: В. Каверин (“Два капитана”)... Ж. Верн (“Таинственный остров”), В. Крапивин..., А. Конан Дойль... В этом же популярном ряду сказки “Красная шапочка” Ш. Перро, “Чиполлино” Д. Родари, “Волшебник страны Оз” Л. Баума. Большинство из этих книг традиционно любимы детской аудиторией...» (Олейников, 1998, 56).

ЧИПСЫ – поджаренные пластинки картофеля. В продаже появились в 1990-е годы.

О 2006–2007 гг.: «...Меньше всего на свете я хотела бы... узнать... биохимич. состав чипсов, которые так любят мои дети, и их любимой жвачки... Пожалуй, мне было бы легче ощутить гармонию с миром, если бы я так и не узнала, что дешевые чипсы, жвачку и прочий отстой мой старш. сын постоянно покупал не где-нибудь, а в шк. библиотеке вместо завтраков» (Метелица, 2007–2, 12).

«ЧИРИКИ, ПОЧИРИКИ...» – считалка.

О с. Понькино Шадринского р-на в 1980-е гг.: «Хочу описать нашу любимую считалочку. Может быть у других она тоже была, но у нас в деревне все девочки ее просто обожали. Все участники, кто собирается во что-то играть, становились кругом и выставляли кулачки. Кто-нибудь один считал, задевая кулачки: «Чирики, почирики, бухты, барахты, чара, фира, два халтры, солнце, бронце, луковка». На ком останавливалось слово “луковка”, убирал один кулак и т. д. Кто последний останется, тот и галя» (514).

ЧИСТОПИСАНИЕ – «Учебный предмет в начальной школе, имеющий целью выработать у учащихся чёткий, красивый почерк» (Словарь, 1965–17, 1063).

О реальном училище в Уфе в перв. пол. 1870-х гг.: «Я учился неважно, и всё это арифметика! Однако, кроме Закона Божия, рисования и чистописания, из которых я имел пятёрки (а из чистописания почему-то мне ставил тогда знаменитый на всю Москву каллиграф Михайлов 5 с двумя крестами и восклицательный знак!), были предметы, которыми я охотно занимался, – рус. язык, география, история, в них я преуспевал» (Нестеров, 1997, 38).

О гимназии в середине 1890-х гг.: «Воспитывали вас учителя... Но... среди них также были “пустые места”. Таковы были, в первую очередь, преподаватели пения, чистописания, рисования и гимнастики. При одном часе в неделю и плохой программе никакой иной роли они и не могли играть. Более добродушен был учитель чистописания и рисования. ...Какой у кого [почерк] был, такой и оставался. Этот учитель ни к чему и не стремился, отметок он нам не портил, и я с невероятно плохим почерком... получал не менее четверки, так как у меня были хорошие отметки по другим предметам» (Блонский, [1941] 1971, 38).

О вт. пол. 1900-х гг.: «Одна наука не давалась нам с Потаповым – чистописание. Мой приятель не мог писать медленно – одну сторону буквы с нажимом, другую без нажима, – он все писал с нажимом и так, что чернила из-под его пера брызгали на мою тетрадку. Я писал не столь быстро, как он, но тоже намазал излишне старательно, и чернила у меня тоже размазывались и по тетради и по рукам» (Абрамов, 1959, 82).

О девочках, учившихся в 4-классном гор. училище в Москве в нач. XX в. (до 1917 г.): «Ксенька нетерпеливо топталась у дверей. “А чистописание взяла? Арифметику

не забудь, сегодня третий урок, задачки решать будем”» (Бродская, 1938, 4–5).

Об Украине в нач. 1917 г.: «Котя... снял [ранец] со спины... Как игральные карты, он разложил ещё совсем чистые, без клякс, белоснежные хрустящие тетрадки в линейку, и в арифметическую клетку, и в ту большую косую клетку, что предназначена для круглых, осторожных и вежливых букв чистописания» (Ямпольский, 1964, 309).

О середине 1930-х гг.: «...В первом и втором классах снова, как при “старом режиме”, введено чистописание (бывшая каллиграфия), появились “прописи”...» (Андреевский, 2003, 318).

Об Урале в 1942–1943 гг.: «Первый класс Юра кончил неплохо: только по чистописанию у него было “посредственно”, а по всем остальным – “отлично”» (Лихачевская, 1970, 14).

О вт. пол. 1940-х гг.: «Послевоенные годы... Уроки чистописания продолжались до четвёртого класса» (Найман, 2001, 47).

О вт. пол. 1940-х гг.: «В начальных классах был такой урок – “чистописание”, на котором учили правильно и красиво писать. Все буквы писали с нажимом, нажим делался в определенном месте, когда ручку ведешь сверху вниз, а во всех остальных местах другие элементы букв должны быть тоненькими. Надо сказать, много пота проливали ученики... на этом уроке» (Русакова, 2007)..

О нач. 1950-х гг.: «Мой первый класс (это было в 1953 году), школа № 18. Этот год был последним в системе раздельного обучения мальчиков и девочек... Вместо русского языка первые полгода было чистописание – мы учились писать карандашом элементы букв и цифр... Чистописание – трудная наука! Чтобы раз и навсегда “угнездить” в памяти принципы начертания букв, их прорисовывали в прописях. Кроме того, подле классной доски всегда висел плакатик с правилами написания буквочек. Каждая тщательно выписанная считалась произв. искусства! Но шк. программа того времени никуда не торопилась: принципами аккуратного письма овладевал каждый из нас» (Овсянникова, 2006–2, 4).

О нач. 1960-х гг.: «Зойка проснулась очень рано... Открыла оба глаза и вспомнила... Опять двойка по чистописанию!... Мама грустно перелистывала грязные страницы тетради по чистописанию» (Воскресенская, 1963, 33–35).

О Свердловске во вт. пол. 1960-х гг.: «На уроке чистописания мы пишем перьевыми ручками. Перо макается в чернильницу, а потом пишется трудные буквы. Иногда у меня бывает клякса. А иногда от сильного нажима перо царапает бумагу, и она застревает между его половинками. Тогда я чищу перо о перочистку. Однажды я так сильно давила на перо, что оно сломалось. Хорошо, что у меня в пенале было запасное перышко. Пальцы у меня в чернилах, особенно средний и указательный» (Смирнова, 2005);

О нач. 1960-х гг.: «У меня в табеле одни пятёрки. Только по чистописанию четверка. Из-за клякс» (Драгунский, 1964, 114).

О 1960-х гг.: «На уроке чистописания на танину парту упал скомканный комочек бумажки» (Ермолаев, 1969, 57).

О конце 1960-х гг.: «“...Я сегодня пятёрку по математике получил. Пятёрку”... “Ой ты... – тихо сказала Лёлька... – А я тройку по чистописанию...”» (Прокофьева, 1974, 16).

О девочке 7 лет в с. Ястребинка Пресновского р-на Сев.-Казахстанской обл. в 1991 году: «В первом классе у нас был такой предмет – чистописание. Этот урок обычно был у нас каждый четверг; на нём мы учились прописывать буквы в тетрадях в косую линейку. За это нам ставили оценки» (019).

ЧИТАЛЬНЯ – «Специальное помещение при библиотеке, клубе и т. п., где посетители читают» (Словарь, 1965–17, 1085).

О 1940-х – 1950-х гг.: «Наша читальня. У нас в школе есть читальня. Мы любим ходить туда. В читальне читают сказки, показывают картины. Мы там рисуем. А сегодня была игра в загадки. Нюша и Луша пошли в

читально. Они отгадали все загадки» (Воскресенская, 1949, 66; Воскресенская, 1961, 66).

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ дневник – тетрадь для записи впечатлений о прочитанных книгах.

О конце 1940-х гг.: «Расскажу несколько подробнее об опыте внеклассного чтения в IV классе... Для учёта прочитанных книг мы завели особые тетради, куда дети заносили сначала только рисунки, отображающие самое интересное, а затем стали записывать фамилию автора и название книги... Я периодически проверяла записи, какие делали дети в их библиотечных тетрадях. На основании изучения материалов тетрадью, на основании живых наблюдений и бесед с девочками я делала сообщения на собрании учащихся в конце каждой четверти и на родит. собраниях» (НШ, 1949; 492, 504).

Из «настойной книги» учителя нач. школы в конце 1940-х гг.: «...Учитель проводит с детьми беседы о прочитанных книгах и руководит ведением читательских дневников. В I классе эти дневники ведутся следующим образом: ученик берет обыкновенную тетрадь для письма, подписывает её. На каждой странице тетради, после выдачи книг, он пишет порядковый номер книги, фамилию автора, название книги. Когда же книга прочитана, ученик на остальном пространстве страницы делает рисунки к прочитанному. Так же, в основном, ведутся дневники в остальных классах. Различие будет только в том, что, начиная со II класса, дети не только помещают в дневниках рисунки, но и кратко записывают, о ком или о чем они прочитали. В IV классе дети пишут в дневниках, что им понравилось в книге и почему» (НШ, 1950, 737).

О Шадринске в 1947–1951 гг.: «До сих пор храню интересную тетрадь, которую нам рекомендовала вести наша учительница литературы в семилетней женской школе № 4 Мария Семеновна Брагина. Она называется “Запись прочитанных книг”, начата в 1947, окончена в 1951 году. Самая первая книга, записанная в тетради за 5 класс, – “Почти три года” Веры Инбер, за 6 класс – Г. Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома”, за 8 класс – С. Розенфельд “Доктор Сергеев”. Нам очень нравилось заполнять эту тетрадь» (Плотникова, 1999, 115).

О нач. 1950-х гг.: «Интересный факт... из опыта классной руководительницы VI класса семилетней школы № 11 г. Тулы А. В. Шариковой. “...И вот в VI Б появился альбом – с цветными глянцевыми страницами. Лучшие художники отряда написали на обложке: “Дневник внеклассного чтения”. Дневник стал ходить из рук в руки. Страница за страницей стали рассказывать, что класс читал и что особенно полюбил. Были тут русские классики и советские писатели. О мешанских альбомах со стихами “на память” и речи не стало” [Яковлева К. Содружество // Комсомольская правда. 1951, 9 октября]» (КР, 1957, 152).

О пятиклассниках г. Курска в 1954–1955 гг.: «Наглядно убедившись на сборе в своем незнании лит-ры, учащиеся после сбора сразу же завели дневники, куда записывали свои впечатления о прочитанной книге, усиленно готовились к очередной лит. викторине. Первым оформил дневник Изя М.; прочитав книгу “Васёк Трубочёв и его товарищи”, Изя записал в своем дневнике: “В книге описан отряд пионеров...”» (Нечаева, 1958, 53).

О середине 1950-х гг.: «Многие учащиеся V–X классов ведут тетради по внеклассному чтению. Характер записей в них различен и зависит от возраста учащихся. Учащиеся V–VII классов заносят в тетради только краткое содержание прочитанной книги, дают зарисовку портрета любимых героев, делают несложные выписки. Учащиеся же VIII–X классов чаще всего выписывают из книг крылатые выражения героев, дают анализ поступков героев произв-ия, выписывают цитаты и т. д. В V–VII классах иногда практикуется “круговая тетрадь”, которая поочередно попадает учащимся, и они записывают в нее свои впечатления о прочитанных книгах» (КР, 1957, 75).

О конце 1950-х гг.: «Очень важно приучить детей записывать прочитанное... Наиболее распространенной формой записи является читательский дневник.

Проследить за тем, как ведётся читательский дневник, – дело родителей» (Пушкарева, 1958, 133).

О нач. 1960-х гг.: «Одной из удобных форм руководства внеклассным чтением является работа над читательскими дневниками. Читательские дневники могут вести не только учащиеся любого класса средней школы от V до XI, но даже и учащиеся нач. школы... Конечно, в зависимости от возраста учащихся меняется и хар-р самого читательского дневника. Вначале это в основном перечень прочитанных книг с самыми односложными приписками оценочного хар-ра: понравилась ли книга, было ли интересно или скучно читать... Постепенно надо научить учащихся эти краткие записи довести до развернутого отзыва» (Гердзей-Капица, 1961, 17–18).

Об учениках 6-8 классов в Шадринске в 1997–2000-х гг.: «Учительница лит-ры заставляла вести дневники, в которые надо было записывать все книги, которые мы читаем помимо шк. программы. Мы должны быть готовы в любой момент предъявить эти дневники» (1001).

«**ЧИХАЛКА**» – текст, предназначенный для «расшифровки» (разгадывания) значения чихания в определенный момент времени.

О девочке во вт. пол. 1980-х гг.: «В тетради у меня была записана чихалка на каждый день. Если чихнёшь, допустим, в понедельник в 12 часов, то смотришь в тетрадь, где написано: чихнул в 12 часов – увидишь любимого, если в 14 часов – к неожиданности и т.д. Ещё чихалка была, где можно было посмотреть значение, зная день недели и число, например, если чихнул 23 числа, тебя ожидает какая-то встреча; 18 числа – тебя ожидает сюрприз и т. д.» (607)

ЧКАЛОВ – Валерий Павлович Чкалов (1904–1938), лётчик, испытал свыше 70 типов самолётов, разработал и внедрил новые фигуры высшего пилотажа: восходящий штопор и замедленную «бочку». В 1936 г. с Г.Ф. Байдуковым и А.В. Беляковым совершил беспосадочный перелёт из Москвы в Петропавловск-на-Камчатке. Герой Советского Союза (1936). В 1937 г. совершил перелёт из Москвы до Ванкувера (США) через Северный полюс. Погиб при испытании нового истребителя. Кумир мальчишек в 1930-е годы.

О 1938 г.: «[13-летний] Кимка достал из бездонных карманов галифе газету с портретом Чкалова. Эту реликвию Соколинский Глаз выменял у соседского мальчишки на самопал и берёт теперь особенно свято. Разгладив портрет ладошкой, полюбился им» (Поливин, [1976] 1988, 40).

«**ЧОК, чок, чок, зубы на крючок...**» – словесная формула для игры в молчанку.

О перв. пол. 1970-х гг. в Шадринске «Чок, чок, чок, / Зубы на крючок, / Кто слово скажет – / Тому шелчок» (по воспоминаниям автора словаря).

Записано в 2002 году в г. Кондопоге от девочки 9 лет: «Чок-чок-чок, / Зубы на крючок. / Кто заговорит, / Тому шелчок»; «Чок-чок-чок, / Зубы на крючок. / А язык на палочку – / И молчок» (Лойтер, 2005, 205).

«**ЧОКО-ПАЙ**» – род пирожного.

О г. Завитинске Амурской обл. в 1993–1994 гг.: «Когда мы жили на Дальнем Востоке (мне было 8–9 лет), стали продавать пирожные “Чоко-пай” в индивидуальной упаковке. Пирожное “Чоко-пай” – это: между двумя слоями нежного бисквита, примерно в сантиметр (0,5 см) толщиной – сладкая белая начинка. Круглое пирожное диаметром примерно 8 см было облито шоколадной глазурью. Стоило оно недорого и продавалось в магазинах поштучно, поэтому мы с сестрой часто просили у мамы денег на него или покупали на сдачу. Переехав в Курганскую обл., мы заметили, что это лакомство продается здесь только в коробке» (107).

ЧТЕНИЕ – 2. «Умение читать, навыки в чтении (как предмет обучения). *Литературное чтение* (форма преподавания литературы в 5–7 классах средней школы)» (Словарь, 1965–17, 1114–1112).

О начальной школе во вт. пол. 1940-х гг.: «...Елена Дмитриевна сказала: “Тихо, тихо, ребятки. Садитесь”. И начался урок чтения. Чтение – это в общем-то и не урок. По крайней мере, для Севки. Не надо ни писать, ни

решать примеры, а читает Севка так, что его почти никогда и не вызывают: ставят пятерку за четверть, вот и всё» (Крапивин, 1986, 23–24).

О начале 1950-х гг.: «Гали плачет горько, / У Гали огорчение: / Ей в журнале двойку / Поставили за чтение» (Баруздин, [1954] 1976, 136).

Об ученике 3 класса: «Да, милый, – сказал Орловский... – С такими отметками толку из тебя не выйдет. Ну, почему ты по чтению тройку получил. Ты что, читать не умеешь?» “Умею”, – тихо ответил Юрка. “А ну-ка, читай, я послушаю”. Орловский сел к столу, а Юрка делал вид, что ищет учебник» (Дягилев, 1961, 75).

«**ЧТО ДЕЛАТЬ?**» – роман Н.Г. Чернышевского; в 1950-е – 1980-е гг. входил в число произведений, подлежащих обязательному изучению в школе (9 класс)

«**ЧТО НЕ ТАК на картинке?**» – род изобразительного развлечения для детей.

О 1950-х – 1970-х гг.: «Многие, наверное, помнят детскую игру под названием “Что не так на картинке?”. Детям предлагалось найти несоответствия между изображением на картинке и реальностью. И внимательный глаз обнаруживал, что, оказывается, у часов нет стрелок. Что тень от сахарницы на столе падает не в ту сторону...» (Костиков, 2007, 7).

«**ЧТО РАСТЁТ на ёлке? Шишки да иголки**» – см. «Песня о ёлке»

«**ЧТО ТАКОЕ хорошо и что такое плохо?**» – стихотворение В.В. Маяковского (1893–1930). Написано в 1925 году. Многократно издавалось как отдельной книжкой, так и в составе хрестоматий и учебников.

О второй половине 1920-х – 1960-х гг.: «Для дошкольников написано и, пожалуй, самое знаменитое детское стихотворение Маяковского “Что такое хорошо и что такое плохо?”. Вот уже четвертое десятилетие дети, ещё не знающие грамоты, слушают его и повторяют наизусть» (Ивич, 1967, 45).

О начале 1960-х гг.: «Книжка “Что такое хорошо и что такое плохо”... одна из любимых книг наших ребят» (Державина, 1964, 25).

О Шадринске в 1987–1988 гг.: «Где обедал воробей» (С. Маршак) и “Что такое хорошо и что такое плохо?” (В. Маяковский) – книжки-малышки (имеют карманный формат). Когда мне было 3–4 года, я эти книжки очень любила и знала наизусть» (113).

«**ЧТО такое? Кто такой?**» – издание энциклопедического характера для младших школьников.

«Широко известен солидный энциклопедический словарь для младших школьников “Что такое? Кто такой?” (1968 г. – 2 тома, 1975–1978 гг. – 3 тома)» (Дубровский, 1990, 12).

«В 1968 г. впервые вышла энциклопедия “Что такое? Кто такой?” в 2 тт.» (ПЭС, 2003, 326).

«**ЧТО этому тапочку сделать?**» – разновидность игры в фанты.

О перв. пол. 1990-х гг.: «Вечерами мы особенно любили играть в “фанты”, а точнее в игру, которая у нас называлась “Что этому тапочку сделать?” (при этом нас, конечно же, абсолютно не смущала неправильная форма употребления слова “тапка” (в мужском, а не в женском роде). Все участники игры сбрасывали тапочки в кучу, а затем по одной брали, спрашивая у ведущего, стоящего спиной к участникам и не видящего чья эта обувь: “Что этому тапку сделать?” Он придумывал задание, которое при любых обстоятельствах должен был сделать участник. Например, прыгнуть 10 раз на одной ноге, или поцеловать стоящего справа и т. д.» (559).

«**ЧТО я видел**» – книга Бориса Степановича Житкова (1882–1938). Опубликовано в 1939 году.

«Такой книги не создавал никто – ни до, ни после Житкова. Это энциклопедия для детей четырёх-пяти лет, книга ответов на их бесчисленные “почему?”...» (Сивоконь, 1990, 76).

«Умелым употреблением слов разговорной речи создал Б.С. Житков своего Алешу-“почемучку” таким близким детям. Вот отчего эта книга, большая по объёму и по познавательному материалу, так понятна детям, так любима ими» (Рубашкина, 1964, 134).

О 1939 г.: «К предвоенному времени я стал довольно много читать. Первой самостоятельно прочитанной в возрасте четырех лет книгой стала энциклопедия для маленьких детей Бориса Житкова “Что я видел”. Для многих моих сверстников она была открытием мира» (Воронцов, 1998, 144).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Меня водили гулять в Таврический сад, где самое интересное – библиотека-читальня, но там мне немедленно предложили только что вышедшую “Что я видел” Бориса Житкова, а я читала, не пропуская, все номера “Костра” подряд, с “Тилем Уленшигелем” и “Двумя капитанами”, к Житкову у меня тут же возникло стойкое отвращение, и библиотекаря качала головой, укоризненно глядя на упрямую дикарку» (Прусакова, 2003).

О первокласснике в 1943 г., взявшем книгу в библиотеке: «Книга “Что я видел” была сразу – большой и толстой. Выпущенная перед войной, к третьей военной осени, она вспухла от прикосновения многих рук, жёлтая картонная обложка обтерлась и потрескалась..., а внутри на некоторых страницах встречались следы стаканов неаккуратных читателей и даже чернильные кляксы. Но тем милей казалась эта книга! Едва выучив уроки, я уселся за свой “десерт”, за это лакомое блюдо. Герой книги плыл по Волге на пароходе, и вместе с ним плыл я, но ведь всё дело в том, что там, на Волге, еще зимой шла война... А в книжке, которая мне досталась, никакой войны нет, по Волге плывет пароход, похожий на льдину, такой он белый и чистый, и на нем плывет мальчик, который видит много всяких интересных вещей. Первый раз в моей жизни прошлое не походило на настоящее и оттого было еще прекраснее. Я читал книгу, наслаждался ею, точно глотал вкусное мороженое... Может, я потому так долго и читал книгу о довоенной жизни, что это было воспоминание о постоянстве? Может, я хотел подольше задержаться там, на мирной и тихой Волге, представляя героя книжки, моего сверстника, самим собою? Может, эта книжка была маленьким островком мира в море войны? Не помню. Помню, что я был бесконечно счастлив, усаживаясь с книгой в руках поближе к печи и натянув – для уюта – старый и уже дырявый от старости бабушкин шерстяной платок на плечи. Счастлив и просветлен. Книга делала со мной чудо: она говорила со мной разными голосами детей и взрослых, я чувствовал, как под мной покачивается палуба белоснежного парохода, видел всплески огромных рыб в тяжелых струях реки, слышал металлический грохот якорной цепи и команды капитана, хоть и не морского, речного, а все-таки с трубкой в зубах. Я ощущал прикосновения человеческих ладоней, чувствовал запахи дыма рыбацкого костра, который доносился с берега, слышал мерное чмокание волны о дебаркадер и наслаждался сахаристым вкусом астраханского арбуза. Будто волшебная власть уносила меня в другое пространство и время, раскрывая безмерные дали и вознося в облачные небеса» (Лиханов, 1986-1; 495–496, 512–513).

Из доклада 1952 года: «Как долго живёт в детском чтении, переходя уже из поколения в поколение, книга Б. Житкова “Что я видел”...» (Дубровина, 1952, 35).

«Дети 1930-х, 1940-х, 1950-х годов с неослабным интересом часами рассматривали книгу “Что я видел”. Так же относятся к ней дети и сегодня. Стоит этой книге появиться в группе, как ребята окружают её тесным кольцом. Сколько восторга, разговоров вызывает она!.. Огромная любовь, которой пользуется книга Б. Житкова у детей, сила её пед. воздействия свидетельствует о том, что это подлинное худ. произв-ие, которое не разрушает время. Ею будет зачитываться и на ней будет воспитываться ещё не одно поколение детей и у нас, и за рубежом. Она навсегда полюбилась детям и прочно вошла в золотой фонд дет. чтения» (Краснопевцева, 1964; 63, 65, 66).

«**ЧТО? Где? Когда?**» – телеигра, выходит в эфир с 1970-х гг. по настоящее время.

О девочке-подростке в Шадринске в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: «Очень любила программу “Что? Где? Когда?”. Всегда ждала с нетерпением. Очень нравились

игроки, мечтала за них выйти замуж (за Максима Поташова). Нравилось думать ответы, нравилось смотреть, как идёт поиск ответов, нравилось понимать, как робеют перед ведущим игроки, как они смущаются и волнуются. Несколько раз сама отправляла письма с вопросами на игру» (1001).

О с. Шутихинском Катайского р-на в 1992–2001 гг.: «Смотрела передачу “Что, где, когда” вместе с родителями. Всегда болела за “телезрителей”. Смотрю её лет с 8 и с некоторыми перерывами до сих пор» (073).

О г. Далматово в 1999–2003 гг.: «Я начала смотреть передачу “Что? Где? Когда?” класса с седьмого, когда ещё в этой передаче можно было заработать деньги своим собственным умом. Изначально мне был интересен лишь сам процесс игры: ответят правильно или нет, сколько денег заработают, кто будет играть и т. д. Сейчас я не пропускаю ни одной передачи... и мечтаю когда-нибудь отправить свой вопрос на эту передачу» (136).

ЧУБАРИКИ – деревянные бруски, прикреплявшиеся весной деревенскими мальчиками к валенкам, чтобы уберечь их от промокания.

О 1949–1951 гг.: «Для нас, деревенских мальчишек, приближение весны – настоящий праздник. Когда... засинеет на белом снегу первая лужица, наполненная чистой водой..., время делать чубарики... Я... пришел... [в сарай] за делом... Сухие березовые плахи никто не трогал – знали, что весной стану делать из них чубарики. Мне... нравилось мастерить их... Выструганный брусок выносил я на солнечный свет..., чернильным карандашом ставил метку посередке, брал ножовку и делал первый робкий надрез, а потом еще и еще... На каждом располовиненном бруске делал я еще два доп. надреза, неглубоких, толщиной в два спичечных коробка. Меж этих двух надрезов долотом продавливался неглубокий поперечный паз. Оставалось последнее: осколком стекла снять всю шероховатость с чубариков... Обработанные рубанком, зачищенные стеклышками, чубарики делались белыми и гладкими... Оставалось только продернуть в паз льняные веревочки, приколотить их снизу гвоздочками и можно смело привязывать чубарики к валенкам в дни весноводья: ходить и в школу, и на деревенские игры... В чубариках и ходили, галош даже у старших не было. Тяжко оно, послевоенное лихолетье... Вот и опять видится мне, как продергиваю веревочки в пазы чубариков и привязываю их к подшитым валенкам, делаю аккуратную тугую петлю: даже если увязну в снегу, чубарик не потеряется... ..Стал снег сырым и ноздреватым. И чубарики ой как нужны! Ни одного шага не сделаешь без них. А сделаешь – набухнут вешней водой подшитые валенки. Все как один подвязывали чубарики, а это – самое трудное и очень нудное дело. У кого из ребят веревочки сухие и плотно свитые, необмахренные, у тех и петли получались плотные, тугие. У нерадивого мальчишки все перепутывалось. Он сопел и потел... но всё равно терпеливо распутывал размочаленные веревочки – иди-то надо! А ходили тихо, в чубариках не очень-то разбежишься. Ноги вязнут, глубоко вдавливаются в снег, и если оглянуться, то увидишь неглубокую лунку – отпечаток чубарика. В нее быстро набегают снеговая вода. Но если не соскочил с валенка чубарик и веревка на нём не лопнула, ты счастливчик! Домой придешь с сухими валенками и выпросишься у взрослых на улицу. А там, в низовьях оврагов у жердочного мостка, синеют ямы-бочаги с талой водой, и в них можно пускать парусные лодочки, выструганные из пористой сосновой коры... И мы, мальчишки, будем каждый день прибегать на реку, а деревянные чубарики позволят нам подойти к самому урезу воды, чтобы вослед настоящему речному пароходу пустили мы в плавание свои...парусные кораблики» (Морозов, 1986; 18, 19, 20–23).

ЧУБЧИК, чуб – «Прядь волос, спадающая на лоб или торчащая над лбом (обычно у мужчины)» (Словарь, 1965–17, 1141).

О мальчишке 6–7 лет в конце 1950-х гг.: «“Как стричь? – спросила [парикмахерша], двигая ручками машинки. “С одеколоном!” – выпалил Вовка. Женщина рассмеялась. “Я не про то. Чубчик оставить?”

“Оставить...” Парикмахерша прошуршала машинкой по затылку, поскрипела ножницами за ушами и ловко – чик! чик! – подрезала чёлку» (Сахарнов, 1961, 33–34).

Об ученике шестого класса в конце 1950-х гг.: «Но, оказывается, не только мои сапоги не понравились нашему директору. “А что у тебя за прическа, голубчик?” Директор обращался не ко мне, а к моему отражению в зеркале. “Это чубчик”, – сказал я упавшим голосом. “Ах, чубчик? Прекрасно...”... “То-то, дружок... – сказал директор и отвел меня от зеркала. – С твоим чубчиком надо сегодня же пойти в парикмахерскую, ясно?..”» (Рязанова, 1962, 90–91).

«**ЧУДЕСА и тайны планеты Земля** – журнал для детей старшего шк. возраста. Рубрики: «Мифологическая галерея», «Исторические курьёзы», «Галерея злоумышленников», «Гости из Зазеркалья», «Человек: загадки тела и сознания», «Приметы, поверья», «Школа дирижеров» (фокусы). Тираж 2006 года – 22 тыс. экз.

«**ЧУК И ГЕК**» – повесть (1939) А.П. Гайдара.

«В начале 1939 года повесть [“Чук и Гек”] была напечатана в “Пионерской правде” и в журнале “Красная новь” (под названием “Телеграмма”), а затем вышла в “Детиздате”... Повесть “Чук и Гек” выдержала много изданий, постоянно входила в шк. программу – до тех пор, пока... некоторая часть “просвещённой интеллигенции” не хотела “заасфальтировать Гайдара”... Заасфальтировать не удалось. Дети по-прежнему читают “Чука и Гека”, “Голубую чашку”, “Школу” и другие замечательные книги Гайдара, только в старых изданиях. И обязательно будут новые. Первая ласточка – “Чук и Гек” в издании журнала “Пионер”...» (Корф, 1999, 57).

О мальчишке 9 лет в с. Тагильском Каргапольского р-на в 1996 г.: «Научившись читать, я прочитал книгу “Чук и Гек”, она так меня увлекла, что я перечитывал её ещё два раза. Было очень интересно наблюдать за тем, что вытворяют эти мальчишки, за их бесконечными приключениями. Затем я увидел, что по телевизору идёт фильм по этой книге, и он сразу же стал моим любимым» (081).

ЧУКОВСКИЙ – Корней Иванович Чуковский (1882–1969), поэт, переводчик, литературовед. Автор сказок для детей – «Крокодил» (1916), «Мойдодыр» (1923), «Тараканше» (1923), «Муха-Цокотуха» (1924), «Бармалей» (1925), «Телефон» (1926), «Федорино горе» (1926), «Путаница» (1926), «Лимпопо» (1927), «Краденое солнце» (1927), «Айболит» (1935), «Бибигон» (1945).

Многие сказки создавались К. Чуковским «в годы, когда педологи и вульгарные социологи отрицали сказку как жанр литературы для детей... Подвергались запрету и сказки К. Чуковского» (Чернявская, 1971, 119).

К началу 1970-х гг. общий тираж книг сказок Чуковского «перевалил... за тридцать миллионов [экземпляров]» (Чернявская, 1971, 127).

О 1930-х – 2000-х гг.: «...Все нынешние взрослые, примерно от тридцати до восьмидесяти лет выросли на одном поколении детских поэтов советского времени. Это круг Маршака, Чуковского, Михалкова, Барто. Благодаря многомиллионным тиражам их книги доходили до каждой библиотеки, каждой парты, каждого дома» (Яснов, 2006, 29).

О середине 1930-х гг. и 1962 г.: «Кинохроника. Пионеры в панамках, с барабаном маршируют к Парку культуры и отдыха. Над ними на двух палках лозунг по кумачу – МЫ ИДЕМ СЛУШАТЬ ЧУКОВСКОГО! А в Дневнике [Чуковского] – опасения: вдруг откуда-то “спустились” указание срочно полубить Чуковского. Но этого добились мы, дети тридцатых годов. Никаких перегоронок! Дети рабочих и директоров, арестантов и чекистов, профессоров и домработниц. Мы все полюбили его. Дети и внуки вождей – не исключение. А мальша двух-трех лет не объявишь английским или японским шпионом, двурушником или троцкистом. Не то, что взрослого! В 1962 году Чуковский вернулся из Кремля, ему вручили Ленинскую премию. Хрущев подошел к нему со словами: “Вот кого я ненавижу! Придешь домой, а внуки с вашими книжками: “Дед, читай!”” Корней Иванович сначала опешил. Он помнил, как когда-то все члены советского правительства написали статьи против его сказок. О единственном исключении упомянул тогда

Маршак: «И только хранит молчанье / Почтенный наркомпочтель». То есть народный комиссар почт и телеграфа» (Берестов, 1998, 556).

Исследователь из Самары И. Пудиков «сообщил любопытные факты. Общий тираж сказок Корнея Ивановича [Чуковского] – около 380 миллионов – “абсолютный рекорд всех времён и народов”, а по кол-ву прочтений они превосходили Библию и Коран вместе взятые...» (Рычкова, 2007, 3).

О мальчике в г. Далматово в нач. 1990-х гг.: «Любимыми книгами были “Телефон”, “Краденое солнце” и “Тараканище”, их уже в 3 года я знал наизусть» (212)

ЧУЛКИ – «Вязаное изделие, надеваемое на ноги под обувь, покрывающее ноги во всю длину» (Словарь, 1965–17, 1195); принадлежность белья – тканая или вязаная одежда на ногу.

О конце 1880-х гг.: «В гостиной раскрылись... двери, и... вошли деревенские мальчики и девочки. Все они были без валенок, в шерстяных чулках, в... рубашках, в... платочках» (Толстой, [1919–1922] 1984, 40).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «...Эти дети, эти несчастные малыши, и раздеваться-то ещё как следует не умеют. То они запутывались в собственных платьях, то, снимая чулки, грохались на пол» (Железников, [1962] 1974, 47–48).

Чулки в резинку.

«Резинка... 3. Особый вид растягивающейся вязки. Чулки в резинку» (Ожегов, 1972, 621).

О 1910-х гг.: «Нарядились дед с бабкой, а потом за меня принялись. Бабка надела на меня платье с тюником, чулки жёлтые в резинку, сапоги новые на пуговках» (Васильева, 1971, 224).

О Москве в 1925 г.: «Встретил нас... паренёк наших лет. Он был в синих трусах и в белой рубашке. На ногах у него были коричневые чулки в резинку до колен и новые... ботинки. На шее пионер. галстук... То и дело нас обгоняли или бежали навстречу ребята в красных галстуках, одетые вроде нашего Гришука. Правда, не у всех были чулки в резинку и хорошие ботинки. Многие были в тапочках на босу ногу» (Шманкевич, 1962, 27).

О Москве в нач. 1930-х гг.: «Ощущение холода постоянно сопровождало нашей зимней жизни... Старенькая... сатиновая рубашка... холодила спину, чулки в резинку, заштопаные не только на пятках, но и на коленях, не защищали от мороза, ...башмаки на шнурках постоянно жали..., а прохудившиеся калоши создавали ощущение сырости... Я и сейчас вижу, как в комнату входит мой маленький брат в коротких штанишках, обе его руки патетически вздыты, а на них распят заштопанный коричневый чулок в резиночку» (Старикова, 2003, 243).

О середине 1930-х гг.: «Чулки были только чёрные, в резиночку» (Кротова, [1996]).

О девочке в 1946 г.: «[Инна Кузнецова из четвертого “Б”] носила... вельветовую юбочку, всегда новенькие чулки в резинку» (Крапивин, 1986, 30).

О г. Ленинграде в 1946–1947 гг.: «Свежий ветер свободно гулял под коротким пальто, сшитым два года назад из солдатской шинели..., сыпал белую сухую крупу на открытые не по сезону туфли и темные чулки в резиночку» (Макарова, 1979, 63).

Чулки с подвязками.

О мальчике 5 лет в 1914 г.: «У порога, под полатями, стоит рослый бородатый старик... В его руке моя радость: новые бутки с кошмовыми чулками и подвязками, свитыми из конопля. Я пристыл к полу... Зачарованный бутками, я готов их схватить... Вот долгожданные, с чулками и подвязками! (Титов, 1965, 13–14).

Чулки у девочек.

О середине 1850-х гг.: «“Барышня, вставать пора! – раздается над самым моим ухом, и Дуняша безжалостной рукой стягивает с меня одеяло. На дворе только что начинается светать. Есть ли что-нибудь неприятнее на свете, как вставать при свечах! Я сажусь в постели на корточках и медленно, машинально начинаю одеваться, но глаза мои невольно опять слипаются и приподнятая с чулок рука так и застывает в этом положении» (Ковалевская, [1890], 1986, 56).

О конце 1880-х гг.: «...Кухина Лина взвизгивает... и лежит перепуганная насмерть... Павлик смотрит, какие смешные у неё штанишки, все в кружевах, и розовое тело блестит меж кружевом и чулком... Заметив, что взгляд Павла упал на её чулки, она степенно оправляет на себе платье и поджимает ножки» (Крашенинников, [1925] 1991; 55, 56).

О 1890-х гг.: «Пухлая, румяная..., она [Катя] была очень мила, в особенности когда на ней, как сейчас, был надет белый передничек; он немного жал ей под мышками, и она всё поводила плечом. А чулки с резинками натянулись и открыли пухлую голую коленку» (Романов, [1928] 1990, 163).

О детях дошко. возраста в нач. XX в.: «Как мальчики, так и девочки носили однотонные носочки... и белые или коричневые чулочки» (Ривош, 1990, 184).

О вт. пол. 1900-х гг.: «Нет, конечно, всё было в детстве... Были шумные игры, с криком до хрипоты, с прятаньем по чердакам, рассаживанием в кровь коленок, а вечером – отмачиванием присохшего от крови чулка» (Пришвина, 2003).

О середине 1910-х гг.: «Ноги Ирины ступали в лужицы, вода разбрызгивалась, холодные капли попадали на чулки» (Филиппова, 1938, 167).

О конце 1920-х – нач. 1930-х гг.: «Девочки раздевались молча. Я им помогала. “Если ты уйдёшь, – сказала Иришка, снимая чулки, – если ты уйдёшь, я стану голыми ногами на пол и буду стоять, пока ты не придёшь...”» (Смирнова, 1963, 43).

О нач. 1950-х гг.: «...Врезались в память, казалось бы, малозначашие, случайно увиденные на улице сценки: девушка в дождь босиком шлёпает по лужам, чтобы не испортить с таким трудом добытые туфли-лодочки, а школьница-подросток, в кровь разбив ногу, плачет не от боли, а из-за порванных чулок» (Лапидус, 2004).

О нач. 1950-х гг.: «...Галя крепко спит. / Два чулка висят на стуле, / Платье с фартуком висит» (Баруздин, [1954] 1976, 126).

О семикласснице женской школы в 1953–1954 гг.: «Аня повесила пальто, натянула чуть спустившийся чулок и вдруг оглянулась» (Дик, 1956, 59).

О середине 1950-х гг.: «“Маня, нельзя такой неряхой ходить! Иди сюда сейчас же!” Этот строгий приказ относился к девочке лет пяти, в спустившихся чулках... Люся схватила Маню в охапку, посадила её на диван и стала ей подтягивать и пристёгивать к подвязкам чулки» (Котовщикова, 1958, 91).

О девушке 17–19 лет во вт. пол. 1950-х гг.: «Нелли: ...Ах!... Чулок поехал. Костя: Куда же он поехал? Нелли: Глупо. Мне нужна иголка»

О конце 1950-х гг.: «...Бабушка вернулась в комнату..., девочка запрыгала в кровати... “Вставай, Зоя...” Зоя стала быстро натягивать чулки, прислушиваясь к доносившейся из ванной песенке» (Сталинская, 1960, 10).

О конце 1950-х гг.: «И [девочка] прежде всего аккуратно оделась, умылась и причесалась. И сразу в комнате стало меньше беспорядка, потому что башмаки, и чулки, и платье – всё было надето, а не валялось как попало» (Гурьян, 1960; 77).

О конце 1950-х гг.: «Как у нашей Ирки / На чулках по дырке, / Почему, / Почему / На чулках по дырке? / Потому что неохота / Штопать нашей Ирке» (Благинина, 1961, 12).

О конце 1950-х гг.: «Этого [девочка] Тата не выдержала и начала лихорадочно одеваться... Не слушая..., Тата натягивала чулки» (Виткович, Ягдфельд, 1961, 166).

О конце 1950-х гг.: «Совсем другое дело Олечка. “Ну-ка, дай одну ножку, – говорит Лёша, – чулочки наденем!” И сестрёнка послушно протягивает ногу...» (Браиловская, 1962, 41).

О конце 1950-х гг.: «На улице так тепло – скоро Первое мая. И мне разрешили в носках. А Гале – нет, не позволяю... Но мы не очень-то огорчаемся: Галя как выйдет из дому, сразу закатает свои чулки – и пожалуйста!» (Долинина, 1962, 64).

О конце 1950-х гг.: «[Девочка] Шура берёт свои туфли, идёт в чулках в переднюю и там обувается» (Карпенко, 1962, 6).

О шестилетней девочке в перв. пол. 1960-х гг.: «С прогулки [Надя] пришла грязная-прегрязная... Берет, побывавший в луже, пришлось стирать, ботинки поставили сушиться... Про чулки и говорить нечего – мама велела Наде немедленно их снять и дала ей чистые...» (Котовщикова, 1966, 65).

О пятикласснице в середине 1970-х гг. в Москве: «И она снова остановилась и стала растерянно поправлять чулок» (Пивоварова, 1977, 79).

Во вт. пол. 1960-х – перв. пол. 1970-х гг. на смену массовому ношению чулок у девочек приходит массовое ношение *колготок*.

Чулки у мальчиков.

О десятилетнем мальчике из дворянской семьи в конце 1830-х гг.: «Я, приподнявшись на постели, стал натягивать чулки на свои маленькие ноги...» (Толстой, [1852] 1966, 17).

О нач. 1890-х гг.: «Пока мать кончит молиться, можно было успеть раздеться и в одних сорочках посидеть на лежанке. Я наскоро снял сапоги, обшитые сверху полоской лаковой кожи, панталоны, чулки. Катя – тоже» (Романов, [1928] 1990, 179).

О детях дошк. возраста в нач. XX в.: «Как мальчики, так и девочки носили однотонные носочки... и белые или коричневые чулочки» (Ривош, 1990, 184).

О 1900-х гг.: «Нас одевают гулять. Теплые чулки, и на теплые чулки валенки» (Четвериков, [1927] 1981–1, 20).

О нач. XX в.: «Даже сейчас, натягивая на худые ножки чулки, Сашка недоумевает, каким образом могли догадаться, что история с пуговицами – дело рук его, Сашки, а не кого-нибудь другого?» (Аверченко, 1989, 60).

О 1909–1910 гг.: «Мне тогда было лет десять, я ещё не гимназист. Я еще просто мальчик в синих коротких штанах и черных длинных чулках» (Олеша, [1931] 1999, 444).

О первокласснике в конце 1930-х гг.: «[Мама] берет Петин чулок. Дыра такая, будто кто-то нарочно выгрыз всю пятку. Как только Петя ухитрится так рвать чулки?... Мама кладет чулок на колени...» (Могилевская, [1941] 1958, 109).

О мальчике 8 лет в 1946 г.: «Твёрдый носок нового... ботинка зацепился за камень. И Севка... распластался на бульжниках и замёрзшей грязи... Чулок был порван. Дырка оказалась небольшая, но Севка знал, что скоро она поползёт и к вечеру будет величиной с картошку, тут уж ничего не поделаешь... Края у дырки на чулке уже промокли от крови. Если так и оставить, они присохнут к коже и потом будет больно отдирать... Морщась, он спустил чулок, отыскал в сумке самую свежую промокашку, свернул её в четыре слоя, наложил на разбитую коленку. Снова натянул чулок. Промокашка сперва ярко заголубела среди коричневой рубчатой ткани, но почти сразу потемнела от крови. Стала почти незаметной... [Соседка по парте] Алька... спросила...: “Чулок-то где порвал?” “Запнулся”, – недовольным шепотом отозвался Севка... “И дыра такая... Попадет дыра?” “Пфы”, – опять сказал Севка сердито. И вздохнул... Но Алька Фалеева... беспокоилась за Севку. И жалела его. Она сказала: “Давай зашью”. “Как? Прямо на ноге?” “Ага. Я умею. Только нитки чёрные...” “Да это ладно. А не воткнешь?” “Я остороженько”... Алька из-под воротника своей бумажной курточки достала иголку с намотанной ниткой. Севка придвинул колено. Сначала он опасливо ждал, что иголка возьмет да и воткнется в кожу. Но она только чиркала по твердой от высохшей крови промокашке. Алька штопала умело... Алька наконец оторвала нитку и независимо сложила на парте руки... ...Севка иногда поглядывал из-за книжки на коленку. Зашито было прекрасно... Только длинный обрывок нитки говорил о недавней торопливости...» (Крапивин, 1986; 21–22, 27–29).

О воспитанниках ремесленного училища в 1946–1947 гг.: «Всё было, как всегда: вахтер отстучал по рельсу отбой, в комнате № 7 ребята сложили брюки и гимнастерки на тумбочки и укрылись байковыми одеялами, Степа Хмара пробежал в чулках к двери и выключил свет...» (Василенко, [1948] 1949, 3).

О середине 1950-х гг.: «...Посреди пустого пространства стояла детская кровать с сеткой. В кровати подпрыгивал, держась руками за сетку, белоголовый малыш без штанов, в коротком платице и в чулочках на резинках...» (Котовщикова, 1958, 91).

О середине 1950-х гг.: «...Ребята знали во всех мелочах его домашнюю жизнь. Даже такие досадные подробности, как то, что бабушка заставляет его носить от простуды длинные девчоночьи чулки в резинку... В этот час этого же утра Саша с большим неудовольствием, но безропотно натягивал свои длинные чулки в резинку» (Раковская, 1956, 103).

О 1950-х гг.: «...Мишка швырнул пальто..., вслед за ним... снял ботинки. Мокрые ноги застыли... “Настя, где мои чулки?” – спросил он, заглянув под кровать. “А я знаю?” Мишка сидел на полу, вспоминая, где он вчера разулся и куда девал чулки. При этом он ругал себя за рассеянность... То чулки потеряет, то шапку... “Так ты не видела чулки?”... Настя растопила плиту и... заглянула в духовку, нет ли там чего такого, что может сгореть. На крышке духовки висели Мишкины чулки. Она сняла их и положила тут же на пол. “Возьми свои чулки”, – сказала она небрежно... Из-под коротких обтрепанных штанов выглядывали голые, без чулок, покрасневшие от холода ноги...» (Колосов, 1960; 20, 22–23).

О конце 1950-х гг.: «“Ты бы ему чулок заштопала. А то, гляди, дырка раздерётся во всё колено”. “Бабушка придёт и заштопает...”» (Котовщикова, 1960, 30).

О конце 1950-х гг.: «Направилась / Почта / В квартиру направо, / Где только проснулся / Голубчиков / Слава. / Сестрёнка ему / надевала / чулок, / А Слава скучал / И глядел / В потолок. / Сказал почтальон: / “...Не здесь ли живёт / Гражданин / Неумейка?” / Но Слава, / Услышав / Обидное слово, / Чулок натянул / И воскликнул: / “Да что вы! / Я сам одеваю, / Когда захочу, / А это – / Ну... просто / Сестрёнку учу!”» (Аким, 1961, 50–51).

О 1960-х гг.: «“...Ну, Миша, давай-ка поскорее одеваться – машина ждёт...” – ...говорит она, пока мама натягивает на Мишука чулки, костюм и валенки» (Браилевская, 1962, 44).

О нач. 1960-х гг.: «Кашка стоял почти в конце шеренги. Был он сейчас совсем маленький. В мятой вельветовой кепчонке, в серой курточке, в сморщенных на коленках чулках... Левый чулок сполз, и Кашка то и дело поддегивал его» (Крапивин, [1965] 1980, 136).

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. чулки исчезают из гардероба мальчиков.

Чулки с резинками на детском лифчике.

В 1930-е – 1960-е гг. чулки, которые носили девочки и мальчики, удерживались резинками.

О Ленинграде 1942–1943 гг.: «...Во время первой же моей прогулки с детьми... у ребят предательски поползли вниз чулки... У него [Виталика З.] не оказалось ни одной резинки... Главным дефицитом были чулки и резинки...» (Гречина, 1994, 207–208).

О детском саде конца 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Все ребята раздевались, готовились отдыхать после обеда. И Люба начала раздеваться. ... Люба сняла платье... А потом Люба сама отстегнула чулки от резинок. Уж это она всегда сама делала. Сначала надо слегка приподнять кончик чулка, а потом два зажимчика сами отпустят чулок, и резинка прыгнет вверх. Люба высоко подняла чулки: “Сама сняла!”» (Концевая, 1961, 12–13).

О нач. 1960-х гг.: «Персонал должен постоянно проверять, у кого из детей... отсутствуют... резинки для чулок и устранять все эти мелкие недостатки... Одежда детей старше 1,5 лет состоит из... лифчика для пристёгивания резинок, ... чулок...» (Смирнова, 1964, 151).

О середине 1960-х гг.: «Все дети в садике... носят чулки, которые пристегиваются спереди и сзади резинками к лифчику. Лифчик – это такая кофточка без рукавов и с пуговицами впереди» (Смирнова, 2005)

Чулки с резинками на детском лифчике у девочек.

О конце 1930-х гг.: «Мама песенку тянула, / Обувала дочку / По резинке пристегнула / К каждому чулочку. / Светлые чулочки / На ногах у дочки» (Благинина, [1939] 1968, 11).

О детском саде конца 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Все ребята раздевались, готовились отдыхать после обеда. И Люба начала раздеваться. ... Люба сняла платье... А потом Люба сама отстегнула чулки от резинок. Уж это она всегда сама делала. Сначала надо слегка приподнять кончик чулка, а потом два зажимчика сами отпустят чулок, и резинка прыгнет вверх. Люба высоко подняла чулки: “Сама сняла!”» (Концевая, 1961, 12–13).

О девочке в 1961 г.: «“Сегодня, двенадцатого апреля, тысяча девятьсот шестьдесят первого года...” Я слезаю с кровати и нехотя надеваю малышовой лифчик, пристёгиваю к нему нитяные чулочки...» (Палей, 1991, 117–118).

О конце 1950-х – перв. пол. 1960-х гг.: «Вы думаете, если вас одевают, это хорошо? Совсем нет. И даже неинтересно. Сидишь в кровати, а мама натягивает на тебя лифчик, чулочки, платье, ботинки... Интереснее самой одеваться! Правда, всё надеть на себя очень трудно, например, лифчик. А чулки – нет. Людочка надевает их сама» (Бупень, [1959–1966] 1977, 18).

Чулки на поясе у девочек-подростков и девушек.

Рекомендации девушкам из издания 1970 г.: «Одежда девушки должна быть удобной, красивой и гигиеничной... Чулки надо поддерживать с помощью пояса, круглые резинки ухудшают кровообращение и могут стать причиной расширения вен... Недопустимое легкомыслие носить в холодную погоду короткие шелковые трусики и тонкие чулки» (Хрипкова, 1970, 22).

Чулки с резинками на лифчике у мальчиков.

О г. Ленинграде 1942–1943 гг.: «... Во время первой же моей прогулки с детьми... у ребят предательски поползли вниз чулки... У него [Виталика 3.] не оказалось ни одной резинки...» (Гречина, 1994, 207–208).

О мальчике 5 лет в 1953 г.: «...[Александр] остался теперь в одних хлопчатобумажных чулках, там, под шубой, под шароварами, пристегнутыми к лифу» (Юрьенен, [1983] 1992).

О середине 1960-х гг.: «Все дети в садике, даже мальчики, носят чулки, которые пристёгиваются спереди и сзади резинками к лифчику. Лифчик – это такая кофточка без рукавов и с пуговицами впереди» (Смирнова, 2005).

Штопать чулки.

Штопанье чулок было важной составляющей жизни людей 1930-х–1960-х гг. Предполагалось, что девочки должны были уметь штопать чулки.

О 1950-х гг.: «Лелька сидит на крыльце и штопает чулок. Она поленилась разыскать грибок и штопает прямо на коленке. Осторожно, чтобы не уколоться, она то опускает, то поднимает блестящее острие иглы. Розовая коленка постепенно скрывается под штопкой, похожей на листок тетради в клеточку... Коленка почти упирается в подбородок. Иголочка тянет за собой рыжую нитку... “Здрате”, – отзывается Лелька и встаёт со ступеньки. Она не выпускает из рук иглу, и короткая нитка не даёт ей выпрямиться. Одна нога в чулке, а другая безо всего, голая... А военный молчит. Стоит за Фёдором Фёдоровичем и из-за плеча смотрит на Лельку. Девочке кажется, что он разглядывает её заштопанную коленку. Ей хочется прикрыть коленку, но сарафан короткий... Когда неожиданные гости ушли, Лелька первым делом облегчённо вздохнула и опустила ногу на ступеньку, согретую солнцем. Первым делом она пожалала ноги и прикрыла подолом сарафана заштопанную коленку... Лелька покосилась на чужие вещи и быстро стянула с ноги заштопанный чулок... Лелька увидела [военного] из окна. Она ждала его возвращения и, хотя во дворе стояла жара, надела новое платье с длинными рукавами и целые чулки. Пусть он знает, что у неё есть чулки без заштопанных коленок!... Лельке очень хочется, чтобы лейтенант обратил внимание на её новое платье, а главное – на целые чулки» (Яковлев, 1989, 110–113).

См. также: *Лифчик детский; Резинки.*

«**ЧУПА-ЧУПС**» – род конфет, карамельный шарик на палочке.

О 1993–1997 гг. в Шадринске: «Когда мне было 8–12 лет, мне нравилось есть конфеты “чупа-чупс” Они продавались во всех ларьках, мне их покупала мама.

“Чупа-чупс” представляет собой карамель (со вкусом клубники, апельсина, яблока или др.) круглой формы, небольшого размера на палочке» (111).

О 1993–1999 гг. в г. Завитинске Амурской области и г. Шумихе Курганской области. «В период с 8 до 14 лет я покупала (или мама) чупа-чупс. Это леденец на пластмассовой белой палочке. Леденец в виде шарика диаметром примерно 3 см, был обёрнут в целлофановую обёртку. Чупа-чупсы были разного вкуса: клубники, лимона, апельсина, арбузный, смородиновый, ананасовый, в общем, различных фруктов. Затем стали продаваться чупа-чупсы с молочным вкусом, они вытесняли прежние по своим вкусовым качествам. Насколько я помню, чупа-чупс сначала стоил где-то 1,5–2 рубля» (017).

«**ЧУР!**» – восклицание, принятое в детской среде и призванное утвердить право говорящего на владение чем-то («Чур, мой!»; «Чур, на одного!») или право не делать что-то («Чур, не я!»).

«Чур, мой!», «Чур, моё!»

Об Украине 1917 г.: «Мы вышли на тенистую каштановую аллею. Из травы прямо в глаза сверкнул золотисто-агатовый каштан. “Чур, мой!” – первый крикнул Котя и брюхом кинулся на землю, прикрывая каштан. “Чур, мой! Чур, мой!” – закричали со всех сторон мальчики, ползая по земле. А потом уже и кричать перестали и жадно, молча набивали каштанами свои карманы... А за липовой аллеей была дубовая... “Чур, мой!” – опять завопил Котя и поднял с земли бронзовый, с зеленой шляпкой желудь. “Чур, мой! Чур, мой!” – закричали мальчики и постепенно стали выкидывать каштаны и вместо них набивать карманы, а потом и картузы тяжёлыми, как патроны, желудями» (Ямпольский, 1964, 363).

О середине 1960-х гг.: «Серёга Крючков с Феликсом Наминым сновали по пустым комнатам санэпидстанции. Они уже нашли старый чёрный телефон..., охапку рентгеновских снимков..., белые куски сухого спирта, ржавые ножницы, пинцеты, коробку скрепок и много другой ценной мелочи. Все это богатство они складывали каждый в свою кучку и снова продолжали бегать и рыться в оставленном хламе. При нашем появлении Серёга Крючков подскочил к своей куче и крикнул: “Чур, моё! Не трогать!”» (Туинов, 1985, 9).

«**Чур, счастье моё на дележка!**» – то же, что «Чур на одного».

О 1944–1945 гг.: «Генка ясно видел, как бумажка, крутясь, полетела вниз и приютилась между двумя ступеньками... Бумажка, оброненная Вихровым, так и легла в глаза. Генка поднял её и по плотности и по форме сразу понял – деньги! Он стал её разглядывать в наступившей темноте, увидел, что это тридцатирублевка. “Чур, счастье моё не дележка!” – механически сказал он себе, как бы закрепляя за собой право на эту находку, сразу признав найденное своей собственностью. Потом он, правда нехотя подумал, что деньги надо бы вернуть Вихрову» (Нагишкин, 1965, 106).

«**Чур, на одного!**», «**Чур, на двоих**» – ритуальные фразы, долженствующие узаконить единоличное или совместное владение найденной вещью.

О шестиклассниках во вт. пол. 1950-х гг.: «Эльвира: ...Давай поиграем во что-нибудь? Я люблю надевать мамины платья и воображать, что я знаменитая актриса или певица, что я выступаю, играю на сцене... Давай поиграем? Тая (загораясь): Давай. (*Раскрывает шифонер.*) Чур на одного. Я надену это длинное платье» (Гераскина, 1962).

О начале 1960-х гг.: «“А что я нашёл, смотри!” – Колька показал Тимке ракушку. “Чур, на двоих!” – крикнул Тимка и забрал у Кольки ракушку» (Зобнин, 1963, 102).

«Чур, не я!»

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «...Мальчик говорит: “Я теперь у вас во дворе буду жить...” Подумаешь, пускай живёт, нам не жалко! “Будешь в прятки играть?” – спрашиваю у него. “Буду”. “А кто водить будет? Чур, не я!” И Люська сразу: “Чур, не я!” И мы ему сразу: “Тебе водить”...» (Пивоварова, 1979, 13–15).

О девочке 8 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1994 г.: «Когда собиралось больше одного человека и кто-н. просил что-то сделать (сходить в магазин, помыть посуду), то кто первый скажет фразу “Чур, не я”, то это означало, что он этого делать не будет» (141).

«ЧУХАНКА» – школьная игра.

О перв. пол. 1980-х гг.: «Когда мы стали чуть старше, то у нас появилась новая игра – “чуханка”. Чуханкой служила связанная узлом тряпка, которой обычно вытирают доску в школе. Чуханку бросали друг в друга на определенной площадке (класс, спортзал, мастерская, стадион). Тот, в кого попадали чуханкой, должен был её быстро брать и, делая максимум пять шагов, бросать в другого игрока. Это несерьезная игра, поэтому правила часто нарушались. Когда мы стали старше, то частенько играли в чуханку за спиной у учителя (когда тот пишет на доске). Тому, кто долго не мог зачуханить другого, выражалось всеобщее презрение. Девчонки в эту игру обычно не играли, за исключением особо бойких экземпляров. Иногда вместо чуханки использовался более тяжёлый предмет, например, молоток, швабра, ведро и др., но игра принимала осторожный характер и была не очень интересна» (519).

О середине 1980-х гг.: «На переменах пацаны играли в “чуханку”, используя различные предметы, которые попадались им под руку. Девчонки в этих играх не участвовали» (494).

Ср.: «Сифа», «Догони меня, кирпич».

«ЧУЧЕЛО» – фильм о школьниках, снятый в 1983 году Роланом Быковым по одноименной повести Владимира Железникова в 1983 году. Фильм с триумфом прошел по отечественным кинотеатрам.

«Первый вариант его был не повестью, а сценарием, и назывался он “Бойкот”. Не приняли его к постановке, требовали доработать... Всего, по подсчётам автора, было, наверно, восемь вариантов её с разными названиями: “Бойкот”, “Всего-то несколько дней...” и наконец, “Чучело”... “Всего-то несколько дней...” – так... был назван вариант повести, печатавшийся в журнале “Пионер” в 1981 г. Сюжетно конфликт “Чучела” основан на том, что шестиклассники сбежали с урока, один из них проговорился об этом учительнице – и класс был наказан: лишён каникулярной поездки в Москву. Вздуроданные ребята устроили бойкот “предателя”, благо он сам сознался. Ленка, или Чучело, как её прозвали, на самом деле не предатель, она взяла на себя вину Димки Сомова, в которого влюблена» (Зубарева, 1986, 113).

ЧУШКИ – «Обл. То же, что городки».

О 1880-х гг.: «Мальчишки играли в чирика, в чушки, ездили верхом друг на дружке... Никита пошел к мальчишкам, игравшим в чушки... (Толстой, [1919–1922] 1984, 77).

О Саратове в нач. 1890-х гг.: «Среди жителей “ограды” процветала игра в козаны (бабки), в чушки (городки) как среди ребят, так и взрослых... Рядом с двором... находился громадный пустырь – там ребята и взрослые играли в плиты-козаны, в чушки (городки), пускали змей» (Золотарев, [до 1975], 1995, 58–59).

ШАГИ – вероятно, то же, что *Гигантские шаги*.

О пионерлагере в нач. 1960-х гг.: «Тихий час прошёл уже. / Все мы развлекаемся. / Кормим пойманных ужей, / На “шагах” катаемся...» (Ружанский, 1962, 37).

«ШАДЕР-СТОП» – игра с мячом, аналогичная игре *«Штандер-стоп»*.

О с. Затеченском Далматовского р-на в 1988–1991 гг.: «“Шадер-стоп” – игра, в которую играли и девочки, и мальчики. Это игра с мячом. На земле чертился круг, каждый из играющих выбирал себе какой-н. город. Ведущий берёт мяч и становится в центр круга, остальные выбегают из круга и разбегаются в разные стороны, ведущий должен стоять к ним спиной. Затем ведущий кричит: “Стоп” и все должны остановиться. Ведущий называет любой город и, не глядя, должен определить расстояние до человека, который выбрал этот город, расстояние измерялось в шагах обычных, лилипутиках, гигантских шагах, плевками, прыжками.

(говорилось, например: “Мурманск – 10 лилипутиков, 2 плевка, 3 обычных шага”). Ведущий должен пройти столько, сколько говорил, а сколько не доставал, должен был кинуть мячик и достать мячиком того человека, к которому он продвигался. Если доставал, то тот человек становился ведущим. Как только ведущий доставал “город” рукой или мячом, все остальные должны бежать в круг... Играли мы каждый вечер во все эти игры в шк. дворе, там было много места, где можно было прятаться, и поле для игры в футбол, “вышибало”, “шадер-стоп” и т. д.» (474).

ШАЛАБАН – удар оттянутым пальцем, род щелчка.

О 1941–1945 гг.: «“Эй ты, хмырь!” – окликнул меня мальчишеский голос. “...В стенку сбасаем?... По пятаку?” Я ответил, что играть мне не на что. Парень пошучил: “Ладно, тогда на шалабаны” “Неохота”. ...Парень признался: “А жаль. Я б тебе такого горячего вьндил!” – Для наглядности он согнул в три погребели мосластый палец и с маху щелкнул им себя по лбу. Убедительно получилось, он даже поморщился» (Леонов, 1983, 62).

О конце 1970-х гг.: «Я иду по школьному коридору и вижу, как Андрюша Колесников, зажав между колен пятикляшку, отпускает ему шалабаны... [Андрюша] любит играть мускулами и отпускать шалабаны: “Пойду пошалабаню”... Чтобы Генка не лягался, Андрюша зажал его ноги своими, чтоб не мог вырваться, обхватил его одной рукой и – шёлк да шёлк, отпускает шалабаны» (Левинзон, 1980; 85–86, 91)

ШАЛАШ – «Временная небольшая постройка для жилья из жердей, кольев, покрытых ветками, соломой и т. п.» (Словарь, 1965–17, 1243).

О Петрограде в нач. 1920-х гг.: «Для [меня и моих товарищей] главным было то, что большой парк... перестал быть запретным местом, и... стал любимым местом летних игр и занятий. Здесь мы играли в “казаков и разбойников”, строили шалаши-вигвамы, а на заросшей травой крокетной площадке играли в футбол» (Штерн, 2000).

О конце 1930-х гг.: «Они еще мальчишками / Сдружились в Шарташе, / Купались вместе в озере / И спали в шалаше» (Барто, [1943], 1969–2, 292).

О мальчиках 7–8 лет в заводском поселке в конце 1930-х – нач. 1940-х гг.: «У Петинной калитки они остановились. “Давай сегодня шалаш строить!” – предложил Вовка. “Ладно, – согласился Петя. – Только лучше у нас в саду...” “Только поближе к нашему забору”, – сказал Вовка» (Могилевская, [1941] 1958, 14).

О середине 1980-х гг.: «Когда мне было лет 7–8, я помню, что мы очень часто устраивали во дворе концерты для жителей... Потом как-то эти концерты отошли на второй план, и весь наш двор, а он включает пять домов, двор проходной, захватила идея стр-ва шалашей. Мы их сооружали в палисадниках, в кустах, отовсюду стаскивали в этот шалаш ветки, то есть делали полностью закрытым с отдельным входом, то есть это был “дом”. Там мы играли в основном в дочки-матери» (453).

О перв. пол. 1990-х гг. в г. Катайске: «Ещё в детстве мы с друзьями любили строить шалаши. Строили обычно каркас из разных палок, а сверху закладывали лопухами, травой, ветками» (063).

Шалаш на дереве.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Эта жизнь начиналась там..., где строили на деревьях шалаши..., кляли пятикопеечные монеты под паровоз, играли в ножички...» (Варламов, 2000).

О Шадринске в нач. 1990-х гг.: «В то время за нашими домами был лес и мы сооружали там шалаш. Ребята делали его где-нибудь на дереве, так, что мы с трудом туда забирались. Один раз они построили еще и второй этаж, нам казалось, что это очень высоко. Таня как-то чуть оттуда не упала и с того случая на “второй этаж” больше никто не забирался. Мальчишки тогда уже начали курить и делали это в шалаше, ведь никто из взрослых не видит. Помню, что им уж очень нравилась гитара, и все они мечтали научиться играть на ней. В шалаш мы приносили еду, делали салаты, устраивали

своеобразные пикники. Часто родители теряли нас, но, по-моему, ни разу не находили наше укрытие» (516).

«ШАНС» – игра с мячом, аналог игры «Джас».

О д. Портнягино Шатровского р-на во вт. пол. 1980-х гг.: «Игра “Шанс”. В эту игру у нас играло два человека. Один сидел на лавочке, а другой брал в руки мяч. Тот, у кого в руках мяч, кидал мяч сидящему, при этом он должен сказать: “Твое имя... Твоего друга зовут... Твой любимый цветок... Твоя подруга... Во сколько лет ты выйдешь замуж. В каком городе будешь жить. Кем будешь работать. Твой любимый напиток. Твой любимый певец и т. д.” Тот, кто кидает мяч, называет: “Тебя зовут...” и перечисляет имена. Сидящий ловит мяч в том случае, если имя понравилось, а если не понравилось, то откидывает мяч. Если никакое имя не понравилось, то водящий кричит слово “шанс”, это значит, что сидящий называет своё имя. Так происходит со всеми предложениями. Затем игроки меняются, и игра продолжается» (530).

ШАПКА – «Головной убор без полей, обычно мягкий, тёплый» (Словарь, 1965–17, 1266).

Шапка у девочек.

О пятикласснице в середине 1970-х гг. в Москве: «...[Аня натягивала] шубку из сусличьих шкур, синюю вязаную шапку и новые чёрные сапожки... Синяя шапка сползла Ане на затылок. Волосы выбились из-под шапки и лезли на глаза...» (Пивоварова, 1977; 53, 78).

Шапка у мальчиков.

О четырехлетних мальчиках в 1959 году: «Как мы, мальчишки, были одеты. ...Байковые шаровары..., шапка с дерматиновым (обязательно – такая мода!) верхом» (Киршин, 2002).

«ШАПКА-БАБКА», играть в шапку-бабку – О Сургуте начала 1920-х гг.: «Для игры в шапку-бабку собиралось от 2–3 до 5–6 человек. Они усаживались в кружок на крыльце или дома на полу, складывали в шапку бабки, каждый по одной. Затем один из них, на которого выпал жребий, брал шапку, вставлял в неё бабки и переворачивал на пол. Подняв шапку, все смотрели, каков выигрыш. Та бабка, которая легла на брюшко, считалась выигрышной. Если все бабки оказались на боку, шапка переходила к следующему по кругу игроку. Самым интересным в игре бывал момент, когда весь выигрыш доставался одному. Это случалось, если одна из бабок вставала “на попа”, то есть вертикально. Тогда начинался следующий кон. В шапку-бабку играли осенью и зимой» (Кузнецов, 1996, 5).

ШАПОЧКА – маленькая шапка, головной убор (девочек).

О гимназистке начала XX века: «Ева идет по самой главной дорожке в своем синем кафтанчике с серым белчиным воротником, в серой белчиной шапочке набекрень. В руках книжки, стянутые ремешком» (Будогоская, [1929] 1988, 12). «Она часто рассказывает, как там у них было, в том городе, где она жила раньше. “Юбочки из марли – вот такие. А на голове беленькие шапочки”. А сейчас у Оли шапочка красная, с клубком-помпоном на макушке... Лёшка потихоньку смотрит на Олю. Сбоку ему видно половину Олиной шапочки с половиной помпона» (Лихоталь, 1964, 6). «Влюблённый, удивлённый, / Хожу я за Алёной, / За шапочкой зелёной» (Барто, 1968, 38). «Девочки – одна в красной, другая в белой шапочке, – ... двинулись дальше» (Александрович, 1986, 3).

ШАР со «снегом» – игрушка.

О середине 2000-х гг. [разговор матери с сыном]: «...Он говорил: ...Мы можем зайти в детский парк... Но больше всего я мечтаю о шаре со снегом... Я купила ему шар со снегом... Они бывают разные: стеклянные или из прозрачной пластмассы, с домиком, с рождественскими гномами, с Эйфелевой башней или чем-то в этом роде. Наш проходил по категории морских сувениров: основание из крашеного гипса – нечто, отдаленно напоминающее подводный риф, облепленный гипсовыми ракушками, а внутри две оранжевые черепашки. Потрясёшь – со дна взбаламучиваются маленькие блёстки, вот вам и снег. Я спросила: А откуда ты вообще знал, что бывают шары со снегом? Видел в

одном мультфильме. И сразу о таком замечтал!.. Шар со снегом – чудо культуры и прогресса, человеческой мысли и мастерства. Как туда внутрь попадают эти блёстки? Вот как, а?» (Метелица, 2005–4, 8).

«ШАРАГА» – соединённые сверху два опорных столба для линии электропередач (в виде перевёрнутой буквы V). По меньшей мере, с начала 1970-х гг. (по воспоминаниям автора словаря) проход между столбами «шараги» был (по крайней мере, в детской среде) сопряжён с выполнением разного рода защитных магических действий.

О девочке 7 лет в середине 1980-х гг.: «...Я и все мои подруги верили в то, что “шараги” приносят несчастье, если пройти под ней. “Шарагой” мы называли железобетонные и деревянные столбы электропередач, поставленных углом сверху и расширенные к низу. Чтобы безопасно пройти под “шарагой”, нужно было закрыть левый глаз, прикусить язык и пропрыгать на правой ноге, либо обойти вокруг» (577).

ШАРАДА – игра-загадка, загаданное слово состоит из нескольких составных частей, каждая из которых представляет собою отдельное слово; участники игры-загадки представляют (разыгрывают в живых сценах) эти отдельные слова.

О нач. 1910-х гг.: «Лишь только он появлялся, начиналась игра в шарады... Под сцену отводили часть гостиной, примыкавшую к коридору... Понемногу все няни, горничные, лакеи выстраивались в дверях гостиной и увлечённо смотрели искрящийся водевиль, созданный на слово “чу-жест-ранец”, трагикомедию “тот-али-затор”, в которой в главной роли выступал сам Владимир Юльевич, и массу других шарад... Время было довольно позднее, и Елизавета Павловна предложила спокойную игру, чтобы не отпускать своих юных гостей разгорячёнными» (Шереметьева, [1946] 1982; 88, 89).

О 1917–1918 гг.: «Итак, выхожу на сцену..., здороваюсь с ребятами... Объясню, как играют в шарады. Некоторые ребята и сами это знали. Помню, как в клубе Казанской железной дороги какой-то паренек из зала весело сообщил: “Мы представляли в школе слово “картуз”. Прежде разыграли басню Крылова “Ворона и Лисица”, как ворона “каркнула во все воронье горло”, потом показали “туз” из карточной колоды, а все вместе представляли, как мальчик просил, чтобы ему купили новый картуз» (Сац, 1961, 63).

О старшекласниках в 1939–1940 гг.: «Все хохотали долго и весело, как можно хохотать только в детстве. И Зиночка хохотала громче всех... А когда отсмеялись, разговор изменился. Жорка Ландыс начал рассказывать про письмо в Лигу Наций... А потом Искра, пошептавшись с Леной Боковой, предложила играть в шарады, и они долго играли в шарады, и это тоже было весело» (Васильев, 1992).

О нач. школе в конце 1940-х гг.: «На праздниках, в программах концерта, у ёлки, у пионер. костра, наконец, просто в часы досуга с большим успехом могут быть разыграны театрализованные шарады. Поставить шараду несложно. Задуманное слово разбивается на части, и каждая часть разыгрывается как маленькая сценка (картина). Затем, как бы подводя итог показанному, разыгрывается целое слово. Особенно интересны шарады, построенные на одном сюжете. Каждая часть такой шарады является картинкой в маленькой пьесе. Остроумно разыгранные шарады могут занять заметное место в программе шк. утренника. Построенные в основном на импровизации и выдумке исполнителей, они не требуют длительной подготовки и оформления... В одном шк. концерте хорошо была разыграна шарада “Хоровод”: первая часть – хор (выступление хора), вторая часть – овод (сценка: девочки ловили бабочку – поймали овода), общая часть – игра в хоровод. Все части шарады показывались с музыкальным сопровождением. Исполнители были одеты в русские костюмы» (НШ, 1950, 746–747).

О 14-летней Зине, десятиклассницах и их 18-летних гостях в конце 1950-х гг.: «Но Тамара остановила их. “...А пока давайте играть”. “В шарады, – сказал Андрей, – я уже придумал”. “Отлично! Отлично! – радостно

поддержал Ян. – Мы с Андреем начинаем. Кто с нами? Фатъма, хотите?» Фатъма... вскочила: «Да!» «Я тоже! – немедленно заявила Тамара – начинаем!»... Шарады, шарады! Живо была устроена сцена – отодвинули стол и стулья. Из шкафа полетели всякие шарфы, кофты, простыни... Из отцова кабинета явился старый портфель. Ян играл, дирижировал, сочинял песенки. Публика хохотала, и сами актёры хохотали, убегая за кулисы. И даже Сима, правда, то и дело цапаясь с Яном, увлеклась игрой. Только Зина и Олечка не участвовали в шарадах. Олечка со скучающим видом сидела на диване, изредка улыбаясь. Она боялась выйти из роли, а вдруг да разыграется, рассмеётся, начнёт скакать и бегать, как все эти... В столовую пришли смеющиеся, разгорячённые, со следами грима на раскрасневшихся лицах» (Воронкова, 1963, 231–232).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «А через несколько дней у Тамары Лельчук был день рождения. Из класса пришло человек двенадцать, да ещё собрались девочки, с которыми Тамара училась раньше... За ужином было шумно.... Потом ставили шарады и перевернули весь дом в поисках старых шалей и соломенных шляп для костюмов» (Долинина, 1963, 50).

По-видимому, театрализованная игра в шарады была заимствована жителями России из-за рубежа. Описание игры в шарады содержится в романе Шарлоты Бронте «Джен Эйр» (1847).

О 1830-х гг. в Англии: «...Все заговорили об игре в шарады, а я, по своему невежеству, не понимала, что это значит... Были осмотрены гардеробы на третьем этаже, и горничные притащили вниз груды парчовых платьев, атласных камзолов, чёрных шелковых плащей и кружевных жабо... Тем временем мистер Рочестер... отбирал некоторых из [дам] в свою группу... Мой хозяин и его группа скрылись за драпировкой. Остальное общество... расселось на стульях, расставленных полукругом... Занавес поднялся. В глубине высилась крупная фигура..., закутанная в белую простыню. Перед ним на столе лежала большая раскрытая книга. Рядом стояла Эми Эштон... и также держала в руках книгу... Адель... выбежала вперед и разбросала на полу цветы... Но вот появилась величественная мисс Ингрэм, во всем белом, с длинной вуалью на голове и в венке из роз. Рядом с ней выступал мистер Рочестер; они вдвоём приблизились к столу и опустились на колени; миссис Дэнт и Луиза Эштон, также одетые в белое, стали позади. Последовала церемония в виде пантомимы, в которой нетрудно было узнать церемонию брачного обряда. Когда он был окончен, полковник Дэнт и его группа повсещались шепотом, и затем полковник возгласил: “Брайд!” [Невеста (англ.)] Мистер Рочестер поклонился, и занавес был опущен. Наступил... перерыв, затем занавес снова поднялся. Перед зрителями открылась более тщательно подготовленная сцена.Мы увидели большой мраморный бассейн... Очевидно, доставить сюда это громоздкое сооружение стоило немалых трудов. На полу возле бассейна сидел мистер Рочестер, в одежде из восточных тканей и с тюрбаном на голове... Он выглядел настоящим восточным эмиром... Затем появилась мисс Ингрэм. На ней было также восточное одеяние..., одной рукой она грациозно поддерживала на голове кувшин. Её фигура, черты лица, весь её облик наводили на мысль об иудейской принцессе патриархальных времен... Она приблизилась к бассейну и склонилась над ним, словно желая наполнить кувшин, затем снова поставила его на голову. Но вот сидевший возле бассейна обратился к ней с просьбой. Она... дала ему напиток. Тогда он вынул из-за пазухи шкатулку, открыл её и извлек оттуда драгоценные браслеты и серьги. Женщина изобразила удивление и восторг. Преклонив колена, он сложил сокровища к её ногам. Она взглядом и жестах выразила недоверие и радость. Незнакомец надел браслеты на её руки и вдвёл серьги ей в уши. Это были Елеазар и Ревека... И снова группа отгадывающих склонилась друг к другу головами. Очевидно, они не могли решить, какое слово или слог изображены в этой сцене. Тогда полковник Дэнт попросил представить целое. Занавес снова опустился.

Когда он поднялся в третий раз, открылась только часть гостиной, остальное пространство было скрыто ширмой, задрапированной какой-то грубой темной материей. Мраморный бассейн исчез. На его месте стоял деревянный стол и кухонная табуретка. Все это освещалось тусклым светом фонаря, так как свечи были погашены. На этом мрачном фоне выделялась фигура человека; он сидел, стиснув руки на коленях и опустив глаза... Когда он сделал движение, звякнула цепь: на его руках были кандалы. “Брайдуэлл!” [Брайд – невеста; уэлл – колодец (англ.)]. Всё вместе – тюрьма в Англии] – воскликнул полковник Дэнт, и шарада была разгадана. Через некоторое время, понадобившееся исполнителям, чтобы переодеться в обычную одежду, они возвратились в столовую» (Бронте, 1988).

ШАРИК, играть в шарик – командная игра деревянными палками («шаровками») и деревянным шариком.

О 1939–1941 и 1945 гг.: «Заметив меня, пацаны забазлали: ...“Давай раздевайся! Собрались играть в шарик, а пары не хватает”. “Ребя, давайте в шарик играть! – ...галдел... парнишка по прозвищу Бабай. – Если примете меня, дам шарик. Вот-ка!” – он вытащил из кармана не шибко-то круглый, наспех обструганный, зато новенький, еще не запачканный деревянный шарик. Я взял его, высоко подкинул, а когда поймал, то осушил ладони. Э-эх, разве это шарик? Разве такие делал нам, ребятишкам, шарики мой дедушка Семен, когда был еще здоровым? Бывало, возьмёт березовый корень..., выстругает ножом до совершенной округлости, потом на точиле обточит, стекляшкой оскоблит, наждачной бумагой отшлифует, а уж после всего суконкой лоск наведет, так что шарик засияет, как яичко. Им играть одно удовольствие: он так и вливается в ладони, так и ластится к рукам... Кто-то сбежал домой за шаровками, и игра началась. Выбрали маток, разделились на две партии. Но сначала я должен пояснить, что такое игра в шарик. Игру я знал только в детстве, и больше нигде и никогда встречаться мне с ней не приходилось. Начисто позабылась? Но ведь до сих пор помнят и кое-где играют в бабки, в чижик, в лапту. А между тем игра в шарик удивительно интересная, захватывающая, а главное – мужественная и беспощадно суровая. Я вот думаю: может, только в нашем селе и была такая игра? Тогда тем более я должен о ней рассказать. Итак, традиционно выбираются две матки – самые сильные, ловкие и сообразительные игроки. Потом все остальные делятся на равносильные пары, и простым угадыванием одной из маток (в какой руке, например, стекляшка, в правой или в левой?), таким вот манером все играющие разбиваются на две равные противоборствующие группы. Игроков в группе может быть и до десятка человек... Ну, вот, образовались две группы, одна – “забивает шарик”, другая – “голит в поле”, то есть ловит этот шарик. Те, кому по жребию выпало счастье забивать, вооружаются шаровками – длиною, примерно, около метра и толщиной в руку гладко оструганными палками (хорошие игроки имели свои любимые «везучие» шаровки, приносили их из дому). И теперь начинается игра! Очерчивается круг, называемый “коном” – центр всей игры. В кругу роют маленькую ямку – “лунку”, в двух метрах от неё проводят жирную черту на земле. Это “рабочие места” обеих маток: матка, у которой подопечные “голят в поле”, дежурит у лунки, а у которой “забивают шарик”, – страждет у черты. И вот “голящая группа”, за исключением своей матки, уходит подальше от “кона” и рассеивается по всей поляне, а “забивающие шарик” со своими шаровками в руках выстраиваются в очередь около матки “голящих”. Теперь и вступает в действие деревянный шарик. “Голящая” матка подкидывает его перед собою вверх, а “забивающий” игрок должен бросить в него с удобного расстояния свою шаровку и попасть ею в этот маленький, величиной со среднее яблоко, деревянный шарик. Чтобы попасть, – надо иметь большую сноровку, точный глазомер. Попадает не каждый. С силой брошенная шаровка улетает далеко от “кона”, неудачник отходит в сторонку и ждет, когда выручит его кто-нибудь из товарищей. Но вот по шаруку бьет второй, третий, четвертый... и все мимо,

мимо, шаровки летят в поле, но забрать их назад нельзя, пока кто-нибудь из “забывающих” не попадает в шарик. И вот какой-то ловкач – попал! Шарик улетает далеко в поле, и чем дальше, тем лучше. Все бросаются из круга за своими шаровками, скорей-скорей, надо успеть принести её с поляны и “посолить” лунку, то есть успеть ткнуть концом шаровки в ямку-лунку, над которой раскрыталась матка “голящих”. Успел принести шаровку и “посолить” лунку – снова имеешь право “забывать шарик” – по второму кругу. Но можешь и не успеть, потому что “голящие в поле” тоже не дремлют, они стараются прямо на лету поймать летящий от меткого удара шарик и кинуть своей матке, которая дежурит у лунки. Конечно, вторая матка, стоящая у черты, пытается отбить шаровкой этот кинутый к лунке шарик, но если это ей не удаётся, если она промажет, тогда матке “голящих” надо поймать его любым способом и положить в лунку. И тогда занятую лунку “солить” нельзя, игрок, не успевший это сделать, выбывает из игры... А те, кто успел, снова кидают свои шаровки в подобранный шарик, снова стараются попасть в него, но это ох, как трудно, и игроков, имеющих шаровки, становится все меньше, а когда мажут последние, и даже многоопытная матка “забывающих шарик” не сможет вырвать своих игроков, тогда группы меняются местами, и игра продолжается, идет по новому кругу... Я не знаю другой детской игры, более подвижной и азартной, к тому же требующей ловкости, смекалки, физической подготовки. Игры в чижик, в бабки и городки, даже в лапту – кажутся до наивности примитивными против игры в шарик... Эта беспощадная игра будто специально была ниспослана нам свыше, чтобы закалить нас на пороге трудной жизни... Меня выбрали маткой, и моей группе выпало по жребию “забывать шарик”. Команда у меня подобралась толковая: соседский Ванька Гайдабура, его брат Василек, ещё трое парнишек, среди которых знаменитый биток Мишка Павкин... Ростиком Мишка не вышел, зато был гибкий и ловкий, как ящерка. И меткий был... Вот его-то я и оставил бить в последнюю очередь, и когда вся моя команда пробросала свои шаровки вхолостую, то есть мимо шарика, тогда и наступил для Мишки Павкина торжественный миг... Он... вышел к исходному рубежу, ...помахивая своей... шаровкой – небольшой, тщательно оструганной березовой палкою, залосненной до костяного блеска. Вся наша команда замерла, насторожилась: если Мишка не промахнется, надо рвать со всех ног за своими шаровками, от меткости удара зависит сейчас исход всей игры. Мишка поплевал на ладонь, отступил от подающей матки, далеко за спину занес шаровку, скомандовал: “Давай, только повыше!” Матка противной команды..., зная Мишкино мастерство, начал мухлявать: подкинул шарик и громко при этом гикнул. Мишка не шелохнулся. “Чего базлаешь под руку?” – сделал я замечание сопернику. Тогда он подкинул шарик “кручёным” – это когда тот крутится вокруг своей оси, и потому подлетает как-то неровно. Мишка опять не двинулся. Следующую подачу матка-хитрован и вовсе “скосил” – подбросил шарик вбок от себя. “Не надоело? – спокойно спросил Мишка. – Тогда давай. Повыше!” Наконец, шарик высоко и ровно подлетел в синее небо. И там, в вышине, настигла его Мишкина шаровка. Удар пришелся, как по заказу, толстым тяжелым концом палки и шарик взвился ввысь, улетел аж за спины “голящих в поле”. Моя команда... бросилась за своими шаровками: надо успеть их вынести, пока соперники завладеют шариком и перекинут его своей матке, Фельке Овчинникову! Шустрый парнишка Ванька Гайдабура уже достиг, было, цели: вот она, лунка, которую нужно “посолить”, ткнув в неё концом шаровки, ещё один рывок... но что-то случилось с ним, он споткнулся, перевернулся через голову, да так и остался лежать неподвижно на боку, свернувшись калачиком... А как играли в шарик прежде, до войны!... Бывало, на игрище собиралась чуть не вся деревня. А начинали, как правило, мы, ребяташки. Ближе к вечеру, перед тем, как взрослым с работы прийти (а играли обычно ранней весной...)..., мы, пацанье, собирались на обширный

подсохшей поляне за скотными дворами и начинали игру... Крику и визгу было на всю деревню. У нас редко обходилось без драки: такая уж это азартная игра – пожалуй, похлеще, чем нынешний хоккей, где и у взрослых дядей редко обходится без мордобоя, а то и костоломства...» (Дедов, 1991; 140–144, 150).

ШАРИК воздушный – см.: *Воздушный шар*.

«ШАРИК» – то же, что *Шариковая ручка*.

О перв. пол. 1970-х гг.: «Люда вынула из тетради по русскому аккуратную беленькую промокашку. Неясно было, зачем вообще делают эти промокашки. Теперь почти что все пишут “шариками”. Люда тоже, естественно, писала “шариком”, но промокашку все-таки хранила – просто так» (Иванов, 1978, 104).

«ШАРИК в лунку» – игра на координацию движений.

О начале 1950-х гг.: «Широко известна игра-аттракцион “Шарик в лунку”. Устройство её таково: на дне застеклённой коробки находится гладкое игровое поле; на нём несколько неглубоких лунок и соответствующее им количество шариков. Требуется уложить шарик в лунку, наклоня коробочку в разные стороны» (Студенецкий, 1951, 13).

ШАРИКИ стеклянные.

О мальчиках 11–12 лет в Москве в 1970–1971 гг.: «Школьная раздевалка напоминала развороченный муравейник – всюду процветала бойкая торговля... В ход шли авторучки..., засохшие булочки с маком..., фотографии спортсменов..., стеклянные шарик, жеваная жвачка и даже пуговицы...» (Чилап, 2001).

О нач. 1970-х гг.: «[Саша] поколебался немного, потом вытащил из коробки, где раньше кубики лежали, прозрачный стеклянный шарик, весь испещренный снаружи тонкими разноцветными полосками – синими, желтыми, красными, фиолетовыми... Если этот шарик держать у самого глаза и чуть покрутить, то во всем видимом мире начинали плясать огненные вихри, вспыхивали и тут же гасли радужные молнии, и им не было конца. “Во, хрустальный”, – Саша протянул шарик Лариске... Лариска держала шарик в вытянутой руке и жмурилась. “Да не так ты! Вот смотри как надо”. Саша взял Ларискины пальцы с шариком в свою ладонь и передвинул их ближе к ее носу, так что она сначала даже чуть отшатнулась в испуге. А потом присмотрелась и сказала: “Ой, как здорово! Спасибо тебе, Саш...”» (Новиков, 1975, 43).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Серёжа на прощание вдруг подарил писательнице стеклянный шарик. Подошёл и положил её в руку гладенький шарик, тяжёлый. “Берите, я себе ещё достану”. Потом она ехала в автобусе и думала о них. Сегодня она не знала, например, почему у Жени Соловьёвой грустные глаза... И много разных трудных вопросов, на которые надо будет со временем найти ответы. И ещё один вопрос: откуда берутся стеклянные шарики? Пустяк? Ну а всё-таки – откуда? В магазинах их не продают. А у мальчишек в карманах они почему-то есть. Не заводятся же шарики в карманах мальчишек просто так, сами, от мусора. Автобус ехал через центр, мутно светились в сыром воздухе вывески магазинов. Рядом сидел мальчик, смотрел в окно, жевал не то жвачку, не то ириску. Писательница достала из сумки стеклянный шарик. “Скажи, пожалуйста, откуда берут мальчишки стеклянные шарики?” Он внимательно посмотрел на шарик, в котором отражались светлые точки лампочек. Потом так же внимательно поглядел на неё из-под своей вязаной шапки. Потом достал из кармана такой же шарик, только немного меньше. “У меня тоже есть. Ну и что?” “Вот я хочу знать – откуда их берут?” Автобус подъезжал к станции метро, ей пора было выходить. А мальчик всё вертел в руке свой стеклянный шарик, не мог понять, чего от него хочет эта незнакомая тётенька. “Мне один мальчишка подарил два шарика. А я потом одному мальчишке, другому совсем, подарил один. А этот у меня остался, другой шарик”. “Поняла. А тот, кто подарил, откуда взял? Понимаешь, какое дело – в магазинах они не продаются, ни в каких, никогда”. “Ясное дело, не продаются. Шарики никогда в магазинах не продаются. Их никто и не покупает,

шарики». Она уже пробиравалась к выходу, обернулась и спросила без всякой надежды, просто так: «Где же их берут всё-таки? Не знаешь и ты?» «Почему? Знаю. Их находят. Стекланные шариком находят, вот и всё»... Никогда нельзя думать, что знаешь все ответы на все вопросы... Вот и стекланные шариком – их находят. Находят, и всё» (Матвеева, 1987; 60, 62).

ШАРИКОВАЯ ручка – ручка (инструмент для письма), содержащая стерженёк (стержень), наполненный пастой.

«... В тупой кончик ручки вставлен очень твёрдый металлический шарик. Он всё время как бы обмакивает в пасту то один свой бочок, то другой и пишет, пишет, пишет» (Юрмин, 1983, 13).

Шариковые ручки пришли на смену самопискам (самопишущим ручкам), которые на недолгое время (5–10 лет) сменили полувековой период господства перьевых ручек.

О 1965–1968 гг.: «Я пошла в 1 класс в 1965 году в Новокузнецке... Все было, как полагается: ...коричневое форменное платьице, ...новенький портфель. А в нем – вещи, которые незнакомы нынешним школярам, – чернильница-непроливайка, перочистка, деревянная ручка-вставочка. Впрочем, уже через год мы официально перешли на авторучки, а через два или три – на шариковые ручки». (Политова, 2006, 3).

О мальчике 10–11 лет в перв. пол. 1970-х гг.: «Я достал из своего чемоданчика тетрадку в косую линейку и шариковую ручку с разноцветными стерженьками... Я писал долго..., но письмо оставалось коротким, хотя было красивым» (Алешковский, 1975, 32).

См. также: «Шарик».

ШАРКАТЬ ножкой – делать жест почтительного приветствия.

Об учащемся реального училища в 1900-е гг.: «Тот не знал, что делать. Надзиратель ему помог: “Поклонись теперь. Вот так!” Гриша шаркнул ногой – неуклюже, с угрюмым видом. “Ничего, дружок, мы тебя отшлифуем!.. – ободрил его надзиратель... Ну, можешь идти. До свиданья, дружок! Нет, не так – поклонись сперва”. Гриша опять шаркнул ногой и... вышел в коридор» (Кононов, 1958, 130).

О детях состоятельных родителей в начале 1910-х гг. в Москве: «Игра на сквере возникла как-то чинно... Самая главная, самая настоящая девочка-кукла... вставала и подходила к той девочке, которая ей больше всего приглянулась. Книксен. Девочка, вы будете играть в “гуси-лебеди”, или в “ходи в петлю, ходи в рай”, или в “Сеньку Попова”? Приглашенная девочка вставала, делала ответный книксен, и ходить с приглашением начинали уже двое, трое, четверо, и наконец возникал большой кукольный хвост, который одновременно делал книксен перед очередной девочкой... Попадались и мальчики. Они шаркали ножкой. Для игры в “Сеньку Попова” мальчик был просто необходим. Его завлекли в игру предложением: “Мальчик, вы хотите с нами играть? Вы будете Сеньку Поповым!” Книксен, шарканье ножкой...» (Луговская, [1983] 1987, 48–49).

Об учащемся народного училища в начале 1910-х гг.: «Луков, видно, привык к женскому обществу. Он и говорил бойко, и кланялся легко, и ножками шаркал ловко» (Крутиков, 1959, 149).

ШАРОВАРЫ – «Широкие штаны особого покроя, обычно заправляемые в голенища... Широкие спортивные штаны (длинные или короткие)» (Словарь, 1965–17, 1287).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «На уроках физкультуры... шаровары у всех – вне зависимости от пола – были сатиновые, тускло-лиловые, тоскливые» (Бек, 2000).

Шаровары у девочек.

О 1927–1928 гг.: «Позади шли еще двадцать человек... и несли огромный земной шар из дерева. Наверху стояла Юлька в шароварах и в полосатой майке, с красной пятиконечной звездой в руке» (Шкаровская, 1963, 134).

О девушке-пионервожатой в середине 1930-х гг.: «В синих шароварах и майке, с полотенцем в руках, извилистыми тропками спускалась Натка Шегалова к

пляжу» (Гайдар, [1934–1935] 1980–2, 15).

О девочке 8 лет в 1943 г. в Харькове: «Мое единственное платье с бантиками мама носить каждый день не разрешала... Платье “на выход”, шаровары “на вырост”. Вот я и ходила в жару всё в тех же шароварах и курточке с “молнией”... Да ещё шаровары на веревке... Резинки уже давно кончились. Нужно было уметь виртуозно завязывать узел на шароварах, а то в экстренный момент его могло так “заесть”, что о последствиях лучше и не думать. Тут же сразу перекошенное лицо мамы: “Какой позор! Все дети как дети, а ты...” А что у меня всё на веревках, а у других детей, как у Лары, все на резиночках, да еще с кружавчиками, – попробуй ей скажи. “Дети как дети...” Пусть Лара попробует так завязать узел!» (Гурченко, [1980] 1987, 85).

О 13–15-летней девочке в 1952–1954 гг.: «Кофточка с драными локтями, синие, чуть ниже колен, шаровары, брезентовые тапочки, которые в дни уроков физкультуры Ольга чистила зубным порошком, – какая она вся знакомая эта Ольга» (Цикин, 2003, 16).

О девочке 10–12 лет в 1950-е–1960-е гг.: «...Сегодня мы идем в дол за черёмухой. ...В потёмках... натягиваю шаровары, платьишко, шерстяные носки, как выяснилось, резиновые сапоги мне велики, а с носком плотнее прилегают к ноге. Пиджак с материнского плеча и платок я стребаю и выскакиваю на улицу... Шаровары и ситцевые платья мокры, колени преют под их сыростью и начинают почесываться» (Цветкова, 1992, 126–127).

О девочке-подростке во вт. пол. 1950-х гг.: «Тоня, помогая матери, долбила возле нашего подъезда лёд, в сером ватнике, в толстом сером платке, в красных вязаных варежках, в шароварах, выпущенных на валенки...» (Алексеев, [1984] 1987, 17).

«О конце 1950-х гг.: [Вспоминает] Л.Е. Завьялова, 1949 г. р. (пошла в школу в 1957 году в г. Шадринске): «“На уроки физкультуры в начальных классах я ходила в шароварах. Это были такие брюки. Они шились из сатина черного цвета. Все девочки в нашем классе ходили в таких брюках-шароварах... Когда я пошла учиться в пятый класс, мне купили брюки-трико”». (Завьялова, 2005, 10).

О середине 1960-х гг.: «Ваня выдернул из...рук [Лиды] мешок, приторочил к своему рюкзаку и полез вверх... а Лидка, толстая и несуразная, в чёрных сатиновых шароварах, полезла за ним» (Мошковский, [1969] 1987–1, 93).

О вт. пол. 1960-х гг.: «“А кто такая Сонька? Это которая ходит в шароварах и свистит”. “Да”. “Пальто еще у нее вечно драное?” “Да”» (Драбкина, 1975, 105).

О десятилетней девочке во второй половине 1960-х гг.: «Люба выбралась на крыльцо. Мороз действительно так и кусает. Но Люба одета в стёганый ватник и шаровары» (Багров, 1986, 106)

Шаровары у мальчиков.

О шестилетнем мальчике в перв. пол. 1870-х гг.: «Санька-Рыжик... бегаёт по городу босиком. Одет он в серую рубашку и в такие же широкие шаровары» (Свирский, [1901] 1975, 21).

О конце XIX в.: «...Матушка велела идти одеваться. Никита нашёл у себя на постели синюю шелковую рубашку..., витой поясок с кистями и бархатные шаровары. Никита оделся и побежал к матушке» (Толстой, [1919–1922] 1984, 38).

О выравшемся из проруби 10-летнем мальчике в 1940 году: «Промокшие шаровары от мороза стали жесткими, как картон» (Сиснев, 1973, 44).

О 2–3-летних детях в Ленинграде 1942–1943 гг.: «Посреди комнаты на коврике возились с игрушками два малыша в одинаковых бумазейных шароварчиках» (Карасёва, 1960, 58).

О третьекласснике в 1944–1945 гг.: «Я... ходил в ботинках с галошами..., в серых широких шароварах, отчего низ у меня делался как бы тяжелее – в увес тонким рукам и впалой груди, прикрытым тонкой вязаной кофтой...» (Лиханов, 1983, 1986–1, 305).

Об 11–12-летнем мальчике в 1946–1947 гг.: «После уроков я выскочил первый из класса, прибежал домой,

схватил что-то на ходу, сбросил форму и надел свои сатиновые шаровары...» (Максименко, 1978, 101).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...На том ушастом мальчишке в серой курточке с синей кокеткой и в сатиновых шароварах, столь же обязательных тогда повсеместно, как ныне джинсы» (Макаров, [1978] 1981, 34).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...Юноши носили летом сатиновые шаровары, застёгивающиеся на пуговицы у шиколоток...» (Мудрик, 1981, 54).

О 1954 году: «Витка неторопливо натянул шаровары, рубашку, сунул ноги в тапочки... и, наконец, подошёл ко мне» (Цикин, 2003, 30).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Башлык – / Штыком, / Два платка / Под башлыком. / Шерстяные шаровары / Да чулок четыре пары... / Наворочено одёж, / А ребенка не найдёшь!» (Маршак, [1960] 1968–1, 294).

О 1959 г.: «Как мы, мальчишки, были одеты. Плюшевое пальто, байковые шаровары поверх валенок...» (Киришин, 2002).

О нач. 1960-х гг.: «Неподадёку, у борта, с узелком в руке, стоял мальчик. Ему, как и Вале, было, наверно, лет одиннадцать. Одежда его состояла из голубой выцветшей майки, заправленной в сатиновые шаровары, первоначальный цвет которых было трудно установить: то ли они всю жизнь серые, то ли когда-то им довелось быть и чёрными» (Черноголовина, 1962, 9).

О 9–10-летних мальчиках в середине 1960-х гг. в Перми: «На физкультуру полагались черные сатиновые шаровары...» (Киришин, 2002).

ШАРОВКИ – название игр разного характера.

1. Аналог игры в *городки*.

О деревне Чапаево Каргапольского р-на Курганской обл. в 1972 году: «В шарошки или шаровки играли примерно в 12 лет. Устанавливались колбышки (небольшие толстые палки) на земле, от них отмерялось определенное расстояние. Играющие становились у границы и по очереди кидали длинную палку в эти колбышки. Сбил – значит выиграл» (103, записано со слов женщины 1960 г. р.).

2. Аналог игры в «*Штандр*».

О с. Сухнино в перв. пол. 1940-х гг.: «“Шаровки”. Рисуется круг, а в нём ещё серединка рисуется. “Гаяля” становится в середину, остальные в кругу стоят. “Гаяля” кидает мяч вверх, кричит чье-нибудь имя; все разбегаются, а чье имя крикнули, тот ловит мяч (кричит “стоп”). После того как он поймает мяч, он выбирает любого человека, делает до него определенное число шагов, кидает в него мячик, а остальные все должны успеть добежать в круг» (532).

3. Аналог игры в *лапту*.

О мальчишке 8–10 лет во вт. пол. 1930-х гг.: «...На высоком берегу была большая ровная поляна, на которой снег стайвал раньше всех. Как только солнышко начинало пригревать, я начинал готовить для игры шаровки. Брал березовую палку 70 см длины, обтесывал топором немного на конце, острагивал, с одной стороны делал ее плоской. Таких шаровок я делал штук 15–20. Хранились они под моим крыльцом. Осенью я вырубал корень березы, из которого выстрагивал ножиком круглый шарик. Когда он высохал, то от удара по нему шаровкой, шарик не раскалывался. Перед началом игры в шаровки, ребята приходили ко мне, разбирали шаровки, и мы шли тропинкой, протоптанной по снегу огородом, через речку льдом, поднимались на поляну. Начинали делиться на команды. Из лучших игроков выбирали две матки, то есть капитанов каждой команды. Два игрока равных по игре отходили в сторону, один называл себя шаровкой, другой – шариком, подходили к маткам и говорили: “Матки-матки, шарик или шаровка”. Одна матка говорила: “Шарик”, и игрок шел в ту команду, а другой – в шаровки. Когда все игроки разделятся, мы начинали игру. Один из маток делал длинную и короткую палочку, а другой тянул. Если матка вытянет короткую, то его команда идет в поле галить, другая команда начинает своими шаровками бить по шариком, а шарик подкидывали в воздух. Если игрок бросил свою шаровку и не попал по шариком, его шаровка лежит в поле, пока хозяин не вытащит ее из поля; для этого

нужно, чтобы кто-то из игроков хорошо ударил по шариком, а он далеко летел в поле. Бывало, шарик улетит в снег, а игрок босиком бежит по снегу за шариком. Мы играли в шаровки с 10 часов утра, без обеда и дотемна. И никто никогда не болел. Играли до тех пор, пока на реке не растает лед» (Лукиных, 2007, 23–24)

ШАРФ – «Предмет одежды в виде матерчатой или вязаной полосы, которым покрывают, кутают шею, голову или плечи» (Словарь, 1965–17, 1291).

О четырехлетних мальчиках в 1959 году: «Как мы, мальчишки, были одеты. Плюшевое пальто..., шапка..., шарф завязан почему-то на спине» (Киришин, 2002).

О десятилетней девочке во вт. пол. 1960-х гг.: «Поёжилась Люба – сильный ветер набежал откуда-то с поля, схватил её шарф и начал разматывать с шеи» (Багров, 1986; 55).

«**ШАР**» – игра с ударами палкой по деревянному шару.

О начале 1900-х гг. в прионежской деревне: «Я был самым младшим, поэтому сапоги доставались мне редко: когда старшие заспят или зазеваются. Обуешься украдкой и бежишь на улицу поиграть с ребятами в шар. Вывелась нынче в деревнях эта игра, а тогда у нас на Онеге играли в нее и маленькие ребята, и взрослые мужики. Подавальщик подбрасывал деревянный шар, и надо было на лету попасть в него палкой. Но только дождешься своей очереди бить шар, как брат Ваня кричит из избы: “Васька, черт, беги домой, давай бахилы!”... Я стоял посреди улицы осиротевший, в чужой, далекой от дома деревне. На улице ребята играли в шары. Один из них вдруг подскочил ко мне... “Чего ж ты стоишь? Давай вместе играть”, – предложил мне подкочивший паренек» (Абрамов, 1959; 13–14, 56, 57).

ШАРЛЬ ПЕРРО – см.: *Перро*.

«**ШАРЫ**» – игра, заключающаяся в том, что игрок ногой толкает свой шар с целью попасть в шар другого игрока.

О середине 1950-х гг.: «Или любят у нас в поселке играть “в шары”. Соберется человек двадцать – и у каждого свой шар: красный, голубой, оранжевый, черный – кому какой цвет нравится, тот в такой и красит. Игра простая, но не так-то легко выиграть. Надо так толкнуть ногой свой шар, чтобы он попал в чужой. Опытные игроки попадают в чужие шары “навесом”. У них шар не катится по земле, а летит по воздуху и точно шлепается в чужой. Это высший класс игры. До чего же это захватывающая игра! Придешь из школы, кое-как поешь – и “в шары”! Так заиграешься, что опомнишься, только когда стемнеет. Понятно, сразу за уроки. А в книге буквы кажутся разноцветными шарами. Утром просыпаешься – простынка и одеяло на полу. Значит, и во сне продолжал играть» (Московкин, 1961, 33)

ШАТУНОВ – Юрий Шатунов, участник группы «*Ласковый май*».

О 1996 году в селе Красная Нива Шадринского района: «В 12 лет мне нравились все песни “Ласкового мая”. Особенно “Белые розы” и исполнитель Юра Шатунов» (102).

О 1997 году: «Когда мне было 13 лет в 1997 году и я жила в г. Шумихе, я стала слушать Ю. Шатунова. Я начала скупать все его старые альбомы, когда он еще пел в группе “Ласковый май”. Про популярность этой группы в прошлом я многое узнала от мамы. Я покупала тетради, на обложках которых был изображен Ю. Шатунов, смотрела передачи про него и с ним. Сейчас у меня есть все альбомы группы “Ласковый май” и Ю. Шатунова. Я завела специальную толстую тетрадь, в которой записаны песни Ю. Шатунова и группы “Ласковый май”. Мне нравятся и песни данного исполнителя и он сам (его внешность)» (100).

«Я слушала песни Юры Шатунова в 1999 году, когда мне было 15 лет» (066).

ШАХМАТЫ – игра на доске в 64 клетки между 16 белыми и 16 черными фигурами, имеющая целью объявить (поставить) мат королю противника; набор фигур для такой игры.

О середине 1910-х гг.: «В старших классах отец полюбил шахматы... и играл в новый тогда футбол» (Ожегов, 1999, 208).

Об Украине в 1935–1937 гг.: «Пионерская улица, на которой я рос, сыграла в моем развитии положит. роль. Отличит. особенностью ребят этой улицы была всесторонность: интересовались новостями науки и политики..., увлекались спортом, играли в шахматы. У нас было несколько футбольных и волейбольных команд, большое число шахматистов» (Цидильковский, 1996, 131).

О мальчиках 11–13 лет в Москве в 1970–1971 гг.: «Бывает, что целую неделю повсюду все режутся в фантики... Старшие иногда “в трясулку” играют, на деньги... А то вдруг с понедельника все как один в шахматы начинают сражаться – на переменах или под партой на уроках. И тогда все разговоры исключительно о Капабланке и его ладейном эндшпиле... Но такой ажиотаж обычно длится дней пять, не больше. Ну, от силы – неделю» (Чилап, 2001).

О Шадринске в середине 1990-х гг.: «В 6 лет папа начал меня учить играть в шахматы. Мне было интересно и довольно сложно. Помню, я делал сначала много бессмысленных ходов, но с каждым разом их становилось все меньше и меньше. И, наконец, я уже мог составить папе конкуренцию. Потом даже занял третье место в шк. турнире по шахматам. И начал ходить в шахматный клуб, но увлечение легкой атлетикой отнимало время, и я перестал заниматься этой прекрасной игрой» (152).

«ШАХМАТЫ» – компьютерная игра.

О 1998–1999 гг. в Шадринске: «“Шахматы” – это компьютерная игра, которой я увлекалась в возрасте 14–15 лет. Мне очень нравилась эта игра, я пробовала свои силы в партиях с компьютером, порой мне удавалось поставить шах и мат» (113).

ШАШКИ – игра между двумя противниками, состоящая в передвижении черных и белых фигурок (точёных цилиндриков) по доске, разделенной на 64 светлых и темных квадрата. Цель игры – лишить противника всех его фигур. Правила игры в шашки в 1950-е–1970-е годы знало большинство детей.

О конце 1950-х гг.: «Таиска ... пыталась командовать Алёшей, когда он и Валя стали играть в шашки, но тут уже ничего не получилось: Алёша не слушался Таиску и делал ходы самостоятельно. “Вот потому и проиграл, что меня не слушался!” – торжественно Таиска, когда Валя закрыла ход последней Алёшиной пешке. – Теперь давай я с тобой сыграю. Увы, Таискины шашки Алёша пощёлкал, как семечки. Таиска надулась, собрала шашки и отнесла их проводнице [на пароходе]» (Черноголовина, 1962, 14–15).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Миша учился в четвёртом классе... “У меня будет целей, – сказал [Миша]... Кирику. – А что там ещё у тебя есть?” “Шашки... Она их тоже ломает?...” “Тащи сюда шашки...”» (Надеждина, 1963, 10).

О 1960-х гг. (разговор первоклассника и пятиклассника): «“А я в шашки умею!” – сказал Морковкин. Шукин не ответил и не остановился... “Я в футбол умею”, – буркнул Шукин. “В шашки – это легко. Я научу тебя, хочешь? Я знаешь как быстро учу!” – сказал Морковкин. Шукин молчал...» (Мошковская, 1968, 29).

«ШВАЙ» – игра, аналог игры в «ножички».

О Челябинске 1960-х гг.: «Ещё мы играли в “швай”. Почему так называли? Непонятно. Раздобудешь трехгранный напильник, острый с одной стороны (это и есть швай), очертишь круг побольше, нарезав его на сектора... И мечи напильничек. Считалкой определялся первый, он со своей “земли” старался бросить напильник так, чтобы он воткнулся в землю. Дальше – захват чужой территории: резали, сколько рука дотянется. Если же швай в землю не воткнулся или от жадности сам равновесие потерял – свалился, то играет другой. Побеждает тот, кто захватит всю чужую землю» (Овчинникова, 2006, 2).

Ср.: *Ножички, Свайка.*

«ШВАЙКА» – вероятно, то же что «швай».

О начале XX века: «...Уличные мальчишки... игравшие возле стены одного из домов в швайку, не перестали играть...» (Катаев, [1979] 1983–1, 110).

ШВЕДСКАЯ стенка – «Гимнастический снаряд в виде перекладки, укрепленной вплотную к стене на стойках» (Ожегов, 1996, 881).

Об апреле 1945 г.: «В этом зале обычно занимались физподготовкой. Он был просторен, высок, окна в правой стене, окна в левой стене – двусветный зал, как это называлось в старину. А третья стена была сплошь, от пола до потолка, заштрихована деревянными рейками – “шведская стенка”. Еще в этом зале возвышались турники, свисали кольца, стояли враскорячку “козлы”, тянулись брусья – то есть было тут все, что обычно бывает в спортивных залах» (Рекемчук, 1974).

О мужской школе в 1948–1949 гг.: «Уроки физкультуры у нас всегда были какие-то дурацкие... Толкались мы в спортзале, корячились на шведской стенке, лазали по канату к потолку...» (Лиханов, 1995, 138–139).

О нач. 1960-х гг.: «Павел Афанасьевич заболел, – сказала она. – У вас будет урок физкультуры. Стройтесь, пойдём в спортзал!»... Когда пришли в спортзал, Ольга Васильевна сказала: “Будем заниматься на шведской стенке. Первое упражнение – преднос”, – и показала, как надо делать. Все страшно обрадовались и по очереди стали делать упражнения. Становились спиной к шведской стенке, брались руками за перекладину и поднимали ноги под прямым углом» (Чеповецкий, 1962, 34).

О конце 1970-х гг.: «“У меня задача вырастить не двух рекордсменов, а несколько десятков здоровых людей”, – приговаривает [учитель физкультуры Соколик], загоняя толстую Нинку Беспалову на шведскую стенку. И в его присутствии никто не подумает посмеяться над такими, как Нинка, – Соколик этого никогда не простит» (Вигорова, [1983] 1989, 117).

ШВЕЙНАЯ машинка детская – механизм для шитья одежды.

О середине 1910-х гг.: «А Лора без Марийки не умела играть и даже не знала, как заправлять игрушечную швейную машинку; шёлковые лоскутики, которые ей давала Елена Матвеевна, без Марийки, валялись зря» (Бродская, [1938] 1956, 8).

«Дет. швейная машинка была у меня в конце 1960-х – нач. 1970-х гг. Внешне она представляла уменьшенную копию взрослой, производства Подольского завода, на которой шила мама. Той же формы черный чугунный корпус с “приталенной” горизонтальной частью, очень похожая желто-оранжевая эмблема на боку. Но если взрослая швейная машина относилась к типу с челночным стежком и делала строчку посредством двух ниток – одна поступает с верхней катушки, другая из челнока, детская машинка являла собой тип с цепным стежком и действовала для шва только одну нитку. Шов состоял из зацепленных одна за другую петель – в ручном шитье такой называется тамбурным. Я не использовала свою машинку для стачивания деталей, а только для вышивания. Серьезным её недостатком было отсутствие тяжелой станины. При быстром вращении ручки машинка ерзала по столу, чем изрядно меня раздражала» (Томилова, 2007).

«ШЕВЕЛИ...!» – призыв идти быстрее.

О девочке 6 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1992 г.: «В 6 лет я пошла в первый класс. В школу я ходила со своим братом и всегда отставала от него. Тогда в эти моменты он говорил мне, чтобы я “шевелила колготками”» (141).

О 2000 году: «Когда я в педучилище поднималась по лестнице, сзади меня одна одноклассница сказала: “Давай быстрее! Шевели гамашами!”» (154).

О подростках 13–15 лет в с. Ушаковском Катайского р-на в 2000–2002 гг.: «Когда мы шли куда-нибудь компанией или группой, а кто-то от нас отставал, мы ему говорили: “Шевели батонами!”» (139).

О десятиклассниках в 2002 г.: «Опаздывая в школу, один из идущих с нами употреблял фразу “Шевели колготками” (то есть: иди быстрее) для ускорения шага» (211).

Об восьмиклассниках в Шадринске в 2008 г.: «Ученицы поднимаются по лестнице. Лера говорит впереди идущей Кате: “Булками шевели!” Катя отвечает: “Сама чудная!”» (134).

«ШЁЛ козёл...» – совершаемые с развлекательной целью прыжки, сопровождаемые хорovým проговариванием текста.

О Шадринске в 1943–1946 гг.: «Как бурно и весело мы проводили перемены! Сначала это были “дикие” игры: насидимся на уроке в классе, – на перемене хочется бегать и прыгать! – “Шёл козел дороною, дороною, дороною, нашёл козу безрогую, безрогую, безрогую. Давай коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем, ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем!” – “Дрыгался” весь зал...» (Иовлева, 1995, 32)

Запись 1980-х гг.: «Девочки становятся в круг, который движется в одну сторону, а стоящая в середине девочка идет в другую сторону и говорит: “Шел козел по лесу, по лесу, по лесу, / Нашел себе принцессу, принцессу, принцессу.” Эта девочка выбирает себе другую из круга, они берутся за руки и делают движения, соответствующие словам: “Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем / И ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем, / И ручками похлопаем, похлопаем, похлопаем, / И ножками потопаем, потопаем, потопаем”. Затем в кругу остается выбранная девочка, и все начинается снова» (Лойтер, 1991, 234).

Ср. игру: «Шёл старик дороною».

«Детская забава с прыжками под речитатив восходит к популярной гор. “песенке” нач. XX века: “Пошел козел дороною, дороною, дороною, / Нашел козу безрогую, безрогую, да-да! / Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем, / Печаль-тоску размыкаем, размыкаем, да-да! / Тут поезд шёл транзитный, транзитный, транзитный, / На нём свисток пронзительный, пронзительный, да-да!...” (Мелодия песни звучит в фильме “Сапоги” 1944 г.; текст песни сообщен С.Ю. Неклюдовым).

Текст, вероятно, восходит к дореволюционной песне.

См. о 1900-х гг.: «Спели про козу рогатую и про козла лохматого. Глеб особенно любил эту незамысловатую песенку и со счастливым лицом выговаривал громче всех: “Давай, коза, попрыгаем, / Попрыгаем, попрыгаем, / Тоску печаль размыкаем, / Размыкаем, размыкаем...”» (Четвериков, [1927] 1981–1, 20).

См. также: «Шёл старик...».

«ШЁЛ крокодил...» – см.: «Крокодил» (игра со скакалкой).

«ШЁЛ по городу волшебник» – повесть Юрия Геннадьевича Томина (1929–1997). Издана в 1963 году. Переиздавалась в 1965, 1970, 1989 (в «Избранном»), 1992, 1993, 1999 гг.

«Повесть об Атлантиде“ “Борька, я и Невидимка”, “Шёл по городу волшебник”, “Нынче всё наоборот”, “Карусели над городом”... Эти и другие книги Юрия Томина хорошо известны уже не одному поколению наших юных читателей... Книги Юрия Томина прочно вошли в круг дет. чтения» (Аршинников, 1989; 170, 172).

«ШЁЛ старик...» – совершаемые с развлекательной целью прыжки, сопровождаемые хорovým проговариванием текста.

Трудно сказать, когда текст отделился от некогда широко известной песенки и соединился с детским развлечением, но, по уверению фольклориста М.Н. Мельникова, “в [19]50–[19]60-х годах были популярны в школах прыжки с носка на носок под ритмически организованные приговоры типа: “Шёл старик дороною, дороною, дороною, / Нашёл козу безрогую, безрогую, безрогую / Давай, коза, попрыгаем, попрыгаем, попрыгаем / Да ножками подрыгаем, подрыгаем, подрыгаем, / А коза будается, будается, будается, / А старик ругается, ругается, ругается” (Мельников, 1987, 118)» (Борисов, 2002–1).

См. также: «Шёл козёл...».

«ШЁЛ учитель по ступенькам...» – игра-розыгрыш с болевым воздействием на пальцы.

О с. Понькино Шадринского р-на в 1990-е гг.: «Подходишь к кому-нибудь, просишь скрестить пальцы

рук и, своими двумя пальцами имитируя, что кто-то идёт, приговариваешь: “Шёл учитель по ступенькам и зашёл в десятый...”, – затем берешь двумя руками сжимаешь руки другого и тот невольно произносит: “А-а-а!”. Получается, что учитель зашёл в 10-й “А”. Затем продолжаешь: “Встаньте, дети!”, другой участник поднимает пальцы. “Сядьте, дети”, – пальцы снова ложатся. “Встаньте, дети и скажите букву...” Когда пальцы подняты, их сдавливают. Боль ещё большей, и другой участник всё равно что-нибудь скажет» (514).

См.: *Розыгрыш*.

«ШЕН шинуаз» – игра неизвестного содержания перв. трети XX века.

О Москве в 1930-е гг.: «...Старое, отживая, еще существовало вопреки всему... Вообще разрыв в пространстве культуры между детьми был очень велик. На одном полюсе – серсо, шен шинуаз, игры в путешествия... На другом полюсе всё было иным и сам жанр... “игры” отсутствовал» (Топоров, 1997–1, 27).

ШЕРОЧКА с машерочкой – (фр. ma chere – моя дорогая) – о двух девочках-подростках или девушках, танцующих вместе в одной паре за неимением кавалеров. Выражение произошло от обычного обращения *институток* друг к другу «Ma chere».

О конце XIX – нач. XX века: «Те, кому не было возможности ехать, радовались предстоящим развлечениям, которыми начальство баловало девочек, оставшихся на святки в институте. Им делалась ёлка, устраивался бал, где институтки танцевали не “шерочка с машерочкой”, как это было принято обыкновенно, а с настоящими кавалерами, присылаемыми на такие балы по наряду из корпусов и училищ, а иногда и с пригласёнными самими воспитанницами братьями, кузенами и просто знакомыми» (Чарская, 1904).

О середине 1940-х гг.: «Танюши по вечерам не бывало дома: она уходила на танцы и возвращалась поздно. Что могло привлекать её на танцах? Большинство девушек кружились друг с другом. Леша называл их “шерочки с машерочками” (тоже, оказывается, старорежимное выражение!). Одни насильно улыбались, делали вид, что им весело. А другие, не желавшие быть “шерочками”, стояли вдоль стены и ждали. И смотрели умоляющими глазами на Лешу и его немногочисленных приятелей. А те медленно проходили мимо и нарочно долго выбирали» (Оржеховская, 1967, 180).

О Ленинграде 1946–1947 гг.: «После этого Анна Васильевна с полчаса «распекала» Жеку и Вальку, отведя их в учительскую... Когда наконец она Вальку с Жекой отпустила и они вернулись в зал, там начались танцы. Играл патефон. Танцевали лишь один девочки, “шерочка с машерочкой”, мальчишки жались по углам, “подпирали стены”, так как никто из них не умел танцевать» (Васильев, 1985, 61).

ШЕФ, шефы – тот, кто осуществляет *шефство*.

О нач. 1950-х гг.: «Все сказали: “Молодчага! / Ты, Андрюша, активист! / Раз ты выступил в печати, / Ты и шефом будешь кстати. / В наш подшефный детский сад / Пусть тебя и пригласят”» (Барто, [1954], 1969–1, 354–355).

О 1960-х гг.: «В первый день ученья к первоклассникам пришли пятиклассники. Шефы. Шефы, чтобы уроки проверять. Смотреть, чтобы чистый был. Воротничок там поправить. На переменке гулять вместе. Шефы, в общем. Когда первоклассников разбирали, Щукин из пятого “А” болел. Он сегодня только пришёл, и ему надо было в переменку в первый “А” бежать: может, кто остался. Остался Морковкин. Морковкин не понравился Щукину. “У него уши красные”, – подумал он. “Уроки сделал?” – спросил Щукин. “Нам не задают!” – грустно сказал Морковкин» (Мошковская, 1968, 28–29). [...]

ШЕФСТВО – оказание какой-нибудь организацией систематической помощи кому-либо в хозяйственно-экономическом, культурном, политическом отношении (например, шефство промышленного предприятия над образовательным учреждением, шефство пионеров над октябрятами, шефство школьников над детским садом и т. д.). Отсюда выражение: принимать (брать, взять)

шефство над кем-нибудь. Тот, над кем осуществляется шефство, называется подшефным.

«Если “шефствовать” – советизм “с головы до пят”, то его производящее слово “шефство” существовало и ранее. Однако до революции ему было свойственно совсем иное значение – “покровительство”... такое исходное значение слова “шефство” обусловлено тем, что первоначально существительное “шеф”, заимствованное нами из фр. языка, обозначало полкового командира, а затем – почётного патрона полка. Слово “шефство” в советскую эпоху освободилось от значения начальнически-сниходятельной покровительственности к стоящим на более низкой ступеньке социальной лестницы и наполнилось новым содержанием дружеской помощи, когда и помогающий, и подшефный полностью равноправны и находятся между собой в самых товарищеских отношениях. Слово “шефство” в советском значении в начале 1920-х гг. отмечается уже довольно широко...» (Шанский, 1980, 33–34).

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1966 г. шефам (пром. предприятиям, учреждениям, колхозам, совхозам и т. д.) «разрешено безвозмездно передавать школам и другим дет. учреждениям средства и материалы на стр-во, ремонт и оборудование за счёт сверхплановых накоплений. Шефы организуют для детей и подростков летние и зимние пионерские, оздоровительные и спорт.-труд. лагеря, группы продлённого дня, различные кружки и секции, туристские походы, экскурсии, коллективные посещения кино и театров; помогают оборудовать дет. парки, городки, площадки, дет. клубы и комнаты школьника при клубных учреждениях, ЖЭКах и сельсоветах» (ПЭ, 1968–4, 696–697). [...]

ШИПОВКИ – «... (разг.) Спортивная обувь с шипами на подошвах» (Ожегов, 1988, 731).

О 1980-х гг.: «... Явился как-то Зимогоров на соревнования без шиповок. Забыл их дома... Подошёл к... Вите Башилову, хлопнул по спине: “Ты сегодня, Витёк, не побежишь, ладно? Я свои шиповки забыл, а мы с тобой в одном забеге...” Игорь надел шиповки друга и явился к месту старта... Тренер был неумолим. Шиповки пришлось вернуть» (Сабילו, 1990, 22).

ШИТЬ одежду для кукол – одно из распространённых занятий девочек.

О 1950-х гг.: «Что касается Веры, то... хотя она не первый год училась в школе, ее по-прежнему тянуло к куклам. Улучив свободную минутку, Вера вооружилась иглой, нитками и начинала обшивать свою любимицу. Платьев у кукол было побольше, чем у самой Веры. Конечно, свою любовь к куклам девочка всячески скрывала от школьных товарищей!» (Яковлев, 1964, 73–74). [...]

ШИФР – «Знак отличия в виде вензеля императрицы, выдававшийся в дореволюционной России отличному окончившим курс институткам, а также фрейлинам» (Словарь, 1965–17, 1429).

ШИШАБАРКИ – вероятно, то же, что *peney*.

О д. Октябрь Шадринского р-на в 1995–1996 гг.: «Шишбарки или липучки – растение высотой около одного метра. Лет в 9–10 мы с девочками бросали их в мальчишек. Брели несколько отдельных шишбарок, соединяли их между собой и бросали. Но получившийся комок прицеплялся очень плохо, поэтому кидали по одной шишбарке. Если шишбарка попадала в волосы, то распутать их было почти невозможно, поэтому часто приходилось выстригать этот комок» (011).

ШИШКИ, жёлуди, орехи – детская игра.

О Шадринске в 1994–1996 гг.: «В “Шишки, желуди, орехи” мы обычно играли своей дворовой компанией (мы были все практически ровесники, нам было по 10–12 лет). Игроки делятся на тройки, берутся за руки. Один в каждой тройке – “шишка”, второй – “жёлудь”, третий – “орех”. Выбирают водящего. Тот ходит между тройками, негромким голосом повторяя: “Шишки, жёлуди, орехи”. Потом командует: “Орехи!” “Орехи” должны быстро перебежать из одной тройки в другую, а водящий старается занять чьё-нибудь место. Если ему это удалось, то “бездомный” “орех” становится водящим» (113).

ШКАФЧИК с картинкой – шкафчик для хранения одежды, головных уборов и обуви в детском саду; на дверцу наклеивалась картинка, по которой ребёнок, ещё не умеющий читать, мог отличить свой шкафчик от чужого.

О мальчике 5–6 лет в Ленинграде в середине 1940-х гг.: «Против Бори снимала пальто девочка в пуховом платке, Лиза. Она аккуратно сложила одежду в свой шкафчик с картинкой: красная морковка с зелёным хвостом... И вот Серёжа забрался в чужой шкафчик. На Серёжином шкафчике картинка: белка грызёт орех, а он сунул пальто, лыжные штаны и шапку в шкафчик с картинкой» (Гринберг, 194; 24, 25).

О 1960-х гг.: «Макаркин был другом ее детства, с ним пошла она в младшую группу детского сада, где их горшки стояли всегда рядом и шкафчики с одеждой, на которых красовались ее клубничка и его груша, тоже были по соседству» (Маркова, [1979] 1984, 15–16).

ШКВАРЬ – игра.

Об учащихся 4–5 класса в Шадринске в середине 1980-х гг.: «Временами были затишья насчет клочек и безобразного шума на перемене. Это сопровождалось играми, такие, как конный бой, или в шкваря. Игра в шкваря заключалась в том, что бралась грязная тряпка, часто это была меловая тряпка. И кидалась в кого-нибудь, и тот, у кого в руках находилась эта тряпка, был шкварем. Эта игра даже иногда продолжалась и на уроках, это зависело от учителя. Если учитель был лох» (558).

ШКМ – *школа крестьянской молодежи* или школа колхозной молодежи.

О 1930–1931 гг.: «Направили меня в ШКМ, школу колхозной молодежи. Мне “как молодежи” было тогда неполных шесть лет. Это не ошибка: школа была одна на всю станицу, и нас, маленьких, – тоже туда» (Мордюкова, 1998, 13).

ШКОЛА – социальный институт (учебное заведение), который осуществляет общее образование и воспитание молодого поколения.

На Руси школы появились в конце X века. Они создавались при монастырях. Шк. система в России постоянно видоизменялась.

«Для шк. системы дорев. России характерно было многообразие преемственно не связанных между собой типов школ. Нач. школы были одноклассные и двухклассные, министерские и земские, церковноприходские и городские, инородческие и миссионерские. Повышенные школы имели также несколько типов – высшие нач. училища, мужские и женские прогимназии, духовные училища и семинарии. Различными по своему характеру были сред. школы – мужские и женские гимназии, реальные и коммерч. училища, кадетские корпуса и духовные семинарии. В начале XX в. в России сохранялась ещё сословная школа. Для детей дворянства создавались училища правоведения и лицея, пажеские и кадетские корпуса, институты благородных девиц. Дети духовенства учились, как правило, в духовных и епархиальных училищах и духовных семинариях... Не было в стране и единой системы управления делом нар. образования. Одни школы были в ведении Мин-ва нар. просвещения, другие – святейшего синода, третьи – ведомства императрицы Марии. Многие нач. школы и проф. училища состояли в ведении земств, различных обществ и органов гор. самоуправления. Немало было частных школ – низших, средних и высших, общеобразоват. и профессиональных...»

12 сентября 1918 г. Гос. комиссия по просвещению, утвердив “Положение о единой трудовой школе РСФСР” и “Основные принципы единой труд. школы” (“Декларация”), передала эти док-ты на рассмотрение Всероссийского центр. исполнит. комитета. 30 сентября 1918 г. “Положение” было утверждено ВЦИКом и 16 октября 1918 г. опубликовано одновременно с “Осн. принципами единой трудовой школы” (“Декларацией”). Эти док-ты определили принципы и перспективы развития социалист. системы нар. образования. Вместо многочисл. типов и видов школы – начальных, повышенных и средних, обслуживающих детей различ. сословий и классов, учреждалась единая трудовая школа

с разделением на две ступени: I – для детей от 8 до 13 лет (пятилетний курс) и II – от 13 до 17 лет (четырёхлетний курс)» (Очерки, 1980; 32–33, 46–47).

В основу деят-сти отеч. школы с 1918 г. были положены принципы обязательности и бесплатности обучения, равенства всех учащихся, отделения школы от церкви.

В мае 1918 г. числовая система оценок была отменена: «1. Применение балльной системы для оценки познаний и поведения учащихся отменяется...» (НО, 1974, 133).

Школа в 1920-е гг.

«Большевики пришли к власти, не имея сколько-нибудь ясных представлений о том, какой должна быть образовательная система... И отправным пунктом их образовательной политики стало разрушение школы – изнутри самой школы...» (Каграманов, 2007).

О Харькове в нач. 1920-х гг.: «Зимой я стала пропускать школу...: классы не отапливались – занятия отменялись. Как-то нам объявили, что в школу будут пускать только тех, кто принесет с собой хоть одно полено. Бывало, идешь в школу, в одной руке сумка, а другой прижимаешь какую-нибудь дощечку... В школе не раздевались. Посредине класса стояла круглая железная печь “буржуйка”, но обогревала она только тех, кто сидел поближе. Бывало, и чернила замерзали. Сидим и на руки дуем. Когда же вдруг задыхается “буржуйка”, воздух в классе становится сизым и все учебники и тетради пахли дымом. Один раз мы с Тосей пришли в класс раньше всех. Школьная нянечка пекла на накалившихся трубах “буржуйки” пресные лепешки. Она и нас угостила – одну лепешку на двоих» (Шмерлинг, 1965, 153).

Школа в 1930-е гг.

«[В 1930-е гг. в школе] была восстановлена сетка традиц. предметов, разделение их на основные и второстепенные; восстановлена была и даже усилена, сравнительно с дорев. временем, дисциплина. Было возобновлено преподавание истории... В середине 30-х годов резко поменялась атмосфера в школе. Материализм был оставлен лишь в обл. философии, и его преподавание (в рамках нек. шк. дисциплин) становилось... формальностью... Реально учащиеся воспитывались в духе героич. идеализма, очень условно связанного с рев. традицией и завербованного на гос. службу. Другой его стороной была сентиментальность...» (Каграманов, 2007).

«[В августе 1932 года] советская школа вернулась к традиционным для русской системы образования учеб. программам, университетской разносторонности, фундаментальности и гуманитарности. С 1932 года основной формой занятий в школе вновь стал урок. Вернулись история и русская литература. Математика стала не прикладным, а общеобразоват. предметом – сегодня русское шк. математ. образование считается бесспорным мировым лидером. Программы по физике, химии, биологии были составлены в 30-х годах на основе современных достижений науки. С тестами распрощались – хотя что-то можно было оставить. Через 15 лет после революции появились настоящие учебники, отдельные по каждому предмету. И тогда же, [в 1932 году], полное среднее образование стало 10-летним. Нет необходимости рисовать в радужном свете школу 30-х годов. Еще существовали ШКМ (школы крестьянской молодежи) и рабфаки. Дети занимались не только в две смены, но и в три. Жили бедно (карточки отменили в 1934 году). Введенных стабильных учебников на всех не хватало. В лучшем случае – один на пятерых. И нередко – один на всю школу, в руках учителя. Однако при этом в средней школе содержание образования было приближено к уровню дорев. гимназий и реальных училищ. И мальчишка в латаных штанах, родители которого не пошли дальше ЦПШ (церковно-приходской школы), справлялся с тригонометрией» (Стрелкова, 2002).

В 1933 г. вместо двухбалльной системы оценок (удовлетворительно, неудовлетворительно) были установлены четыре степени оценки: неудовлетворительно, удовлетворительно, хорошо и очень хорошо. (Очерки, 1980, 275).

15 мая 1934 г. были установлены «общие для всего СССР типы общеобразоват. школы: начальная школа,

неполная средняя школа и средняя школа». В начальной школе было 4 класса (с 1 по 4-й), в неполной средней – 7 классов (с 1 по 7-й), в средней – 10 классов (с 1 по 10. (НО, 1974, 167)

В сент. 1935 г. в школах были установлены пять степеней оценки успеваемости учащихся: очень плохо, плохо, посредственно, хорошо и отлично (Постановления, 1935, 40).

О Сибири в нач. 1930-х гг.: «А в какой школе начали работу наши учителя! В деревенском доме с угарными печами. Парт не было, скамеек не было, учебников, тетрадей, карандашей тоже не было. Один букварь на весь первый класс и один красный карандаш. Принесли ребята из дома табуретки, скамейки, сидели кружком, слушали учителя, затем он давал нам аккуратно заточенный красный карандаш, и мы, пристроившись на подоконнике, поочередно писали палочки. Счету учились на спичках и палочках, собственноручно выструганных из лучины... Учитель как-то уехал в город и вернулся с тремя подводами. На одной из них были весы, на двух других ящики со всевозможным добром. На школьном дворе из плах соорудили временный ларек “Утильсырьё”. Вверх дном перевернули школьники деревню. Чердаки, сараи, амбары очистили от... старых самоваров, плугов, костей, тряпья. В школе появились карандаши, тетради, краски вроде пуговici, приклеенные к картонкам, переводные картинки... Учитель ещё и ещё ездил в город на сельсоветской кляче, выхлопотал и привёз учебники, один учебник на пятерых. Потом ещё полегчине было – один учебник на двоих. Деревенские семьи большие, стало быть, в каждом доме появился учебник. Столы и скамейки сделали деревенские мужики и плату за них не взяли, обошлись магарычом, который... выставил им учитель на свою зарплату» (Астафьев, 1989–1; 157, 162–163).

О вт. пол. 1930-х гг.: «... Не похожа она была на обычную советскую школу. Ведь как строили у нас средние школы? Пятиэтажки с коридорами от туалета до туалета. Вместо двух туалетов – учительская и кабинет директора. На подоконниках – горшки с цветами, между окнами – руководящие портреты. А на фронтоне, над входом в школу, – четыре высочайше утвержденных барельефа: Пушкин, Толстой, Горький и Маяковский. И только они» (Фридкин, 2003).

Школа в 2000-е гг.

О середине 2000-х гг.: «Школьной гигиеной у нас ведают лютые люди, доложу я вам. Не собственно гигиеной, конечно..., а правилами и установлениями. Приказали убрать с подоконников горшки с фуксиями и столетниками – загораживают детям свет. Запретили вешать в классах портреты писателей, географические карты и так далее – картинки отвлекают внимание детей. Стены предписано красить масляной краской, в светлосалатовый цвет. А внизу, на метр от пола – в густо-коричневый. Под потолок – побелочку... Сколько еще продержится эта военно-коммунистическая масляно-салатно-коричневая установка?» (Метелица, 2006–5).

О 2000-х гг.: «... Наша школа не учитывает ни детской физиологии, ни детской психологии: перемены слишком коротки, уроки слишком длинны, контроль жёсток, а ингода и жесток. Объем знаний, которые школа стремится впихнуть в детскую голову, не сообразуется с реальной необходимостью. Домашних заданий наши дети делают больше всех в мире – и это самые большие в мире домашние задания» (Лукиянова, 2007, 63).

В 2000-х гг. в России действовало более 60 тысяч школ, в которых училось около 2 млн. детей.

См. также: *Общеобразовательная школа; Школа первой и второй ступени; Школа с продлённым днём; Школа-интернат.*

Играть в школу.

О 1980-х гг.: «... Эта игра была тайной для всех. Я играла с куклами, пластмассовыми и мягкими игрушками в школу. Как только игрушки усаживались мною попарно на кровати, они все превращались в учеников со своими способностями и проблемами. У меня не было неуспевающих, хотя были ученики, получающие двойки. Они сидели по одному и в конце

класса. Я переживала, всерьез думала над тем, как бы мне учить все так, чтобы было минимум неудач. Я была строга и требовательна к отличникам, верила в ленивых, но способных. Каждая игрушка – это личность. Были и тетрадки, и журнал со списком и оценками. Уроки велись мною по схеме – объяснение-ответ. Я играла периодически, но как только слышала звук открываемой двери, то немедленно прятала игрушки под кровать. Я не хотела допускать и мысль о том, что о моей игре узнают родители или брат. Я перестала играть в школу тогда, когда мама мне сказала, что правильно писать Оксана, а не “Аксана”. Я сразу же поняла, что мама обнаружила мой журнал. Стало почему-то стыдно за игру, а главное, обидно, что тайное открылось» (ЗИ, 2003, 7)

О с. Лопатки Лебяжьевского р-на в середине 1980-х гг.: «Вечерами, а чаще всего зимними, когда все друзья были дома, я часто играла в школу. Папа сделал мне доску, которую обтянул линолеумом, прибил пелёчки, и я могла её вешать на дверь, мама покупала мне цветные мелки. Я рассаживала все свои игрушки на диван, раздавала им тетради. На доске писала число, тему, классную работу; писала различные примеры, слова, выполняла сама упражнения и номера из учебников. В этой игре я подражала своей первой учительнице Фанне Семеновне. Потом собирала тетради по русскому языку и математике. Сама за своих “учеников” писала слова, решала примеры, делала ошибки. Потом брала красную ручку и исправляла ошибки, ставила оценки и выставляла их в журнал. Проводила и урок чтения. Читала за своих кукол и мягких игрушек и тоже ставила оценки в журнал. Самым любимым в этом занятии была проверка тетрадей и выставление оценок» (455).

О девочках 10 лет в Шадринске в 1988 г.: «В третьем классе мы с девочкой из класса играли в школу – она у себя дома, я – у себя дома. Я садилась в ряд, за стол куклы, мягкие игрушки, брала в руки указку и что-то им объясняла. Эта девочка, её звали Таня, придумала делать школьные тетради самим с ошибками, а потом проверять их, словно это тетради наших учеников и ставить им оценки. Ставить оценки – был самый увлекательный момент. В школу я играла довольно долго» (1001).

О девочке 8–9 лет в с. Ольховке в 1993–1994 гг.: «За нашим... деревянным палисадником, в тени черёмухи я устраивала школу. Я воображала себя учительницей. И вот со своей подружкой, притащив из школы мед, повесив на забор лист железа, что служило нам доской (железо мы брали здесь же), притащив два полена и доску деревянную, мы сооружали лавку, а столик у нас был (брала дома детский). Готовила дома тетрадки – делали их из листов тетради, свернутых в четверть, прошитых иголкой с ниткой посередине. Тетради были по математике, русскому, рисованию. Цветные карандаши старые распиливались ножом посередине, и получались маленькие, которые подчас подтачивались. Учениками были наши младшие братья. Поскольку они были младшие и ещё только-только пошли в школу, нам, как старшим и уже что-то знавшим, не терпелось научить и их. Но яркого желания учиться да ещё летом у них не возникало, так [что] “учились” у нас плохо, усвояемость была низкая и посещаемость тоже. За все время – 2–3 раза. Учить кого-нибудь хочется, тогда мы с подружкой учили одна другую. Сначала я даю ей уроки, потом – она. Проверяли тетради, выставляли оценки, заводили даже дневники тем же способом и журнал» (009).

«ШКОЛА» – повесть (1930) А.П. Гайдара.

О г. Кемерово в нач. 1960-х гг.: «...Некоторые книги буквально на глазах становились учебниками жизни. Таким учебным пособием для нас с Вовкой стала “Школа” Гайдара. Томик в красном переплете в серии “Школьная библиотека”, который я, наверное, перечитал раз десять, никак не меньше! Восхитительный рассказ, мальчишеская романтика, испытания жизнью – всё это буквально завораживало. В shk. библиотеке был только один экземпляр “Школы”, а читался он всеми “влёт”. Выстраивалась длинная очередь из жаждущих. Сдавая книгу после чтения, тут же становился в строй ожидающих. И каждый из очередников следил, когда дойдет время до счастливого предшественника, а затем

нельзя было упустить его, направляющегося сдавать прочитанное: бежать на перемене в библиотеку надо было только вместе. После чего, получив в руки заветную книжку, испытывал счастливое блаженство» (Плющев, 2004, 5).

ШКОЛА вспомогательная – специализированная общеобразовательная школа для детей с четко выраженной умственной отсталостью. (Мокиенко, 1998, 667).

ШКОЛА первой и второй ступени – см.: Школа.

«...Осенью 1918 года... была предпринята попытка реализации концепции Единой трудовой школы, делившейся на две ступени: I ступень для детей от 8 до 13 лет (пятилетний срок обучения) и II ступень для подростков и юношей 14–17 лет (четырёхлетний курс обучения)... Однако уже в 1919 г. Наркомпрос пришел к выводу о необходимости восстановления низшего и сред. проф. образования на базе I ступени Единой труд. школы. В сентябре 1919 г. Наркомпросом была утверждена след. система школ: Единая трудовая школа I ступени с пятилетним сроком обучения, которая являлась базой как для общеобразоват. школы II ступени с четырехлетним сроком обучения, так и для проф. школ также с четырехлетним сроком обучения. После окончания школы II ступени предполагалось обучение в течение 4–5 лет в институтах, а после окончания проф. школы – трехгодичное обучение в техникумах.... В 1922 г. Наркомпрос опубликовал новое постановление, согласно которому основным типом общеобразоват. школы снова становилась девятилетняя школа, состоявшая из двух ступеней: школа I ступени с пятилетним сроком обучения и школа II ступени с четырехлетним сроком обучения. Школы II ступени могли быть связаны организационно со школами I ступени или существовать отдельно. Начиная с 1927 г. для школ II ступени были приняты обязат. учеб. планы и программы. В учеб. плане выделялось два цикла: обществ. и естественнонауч. дисциплины... Особое внимание в shk. II ступени уделялось так наз. политех. обучению и трудовому воспитанию. Помощь им должны были оказывать школы ФЗУ, профшколы, техникумы, вузы, опытные с.-х. станции, заводы, фабрики, колхозы, помогая оборудовать shk. мастерские, предоставляя выпускникам рабочие места, посылая своих спец-стов для обучения школьников трудовым профессиям. В 1926–1934 гг. существовало как бы раздельно два типа школ I ступени: в городах и рабочих поселках фабрично-заводские семилетки (ФЗС) и в сельской местности школы крестьянской (с 1939 г. – колхозной) молодежи (ШКМ). Окончившие эти школы могли поступать в восьмой класс, то есть в школу II ступени, или в сред. проф. уч. заведения. В ФЗС учащимся давались нек. навыки промышл. труда, а в ШКМ – с.-хозяйственного... 15 мая 1934 г. было издано постановление Совета Нар. Комиссаров и ЦК ВКП(б) «О структуре нач. и сред. школы в СССР», согласно кот. на всей терр. СССР были установлены единые типы общеобразоват. школ: начальная с четырехлетним сроком обучения, неполная средняя (семилетняя, включавшая и начальную) и средняя с общим сроком обучения десять лет. ФЗС и ШКМ были преобразованы в неполные сред. школы» (ИПО, 2001, 456–459).

С 1922 по 1927 год «в школах учеба происходила: в обязательной для всех I ступени, включавшей классы А, Б, В, Г, Д, и II ступени – для желающих учиться дальше, имевшей классы с I по 4. Очень характерно, что если в I ступени у нас было предостаточно разных балбесов, то во II ступени народ был серьезный. Балбесы отсеивались, пройдя обязательный пятилетний курс обучения» (Поздняков, 1994, 293).

ШКОЛА второй ступени – см.: Школа первой и второй ступени.

ШКОЛА колхозной молодежи, ШКМ – общеобразовательные неполные средние школы, созданные в сельской местности в 1923–1924 учебном году на базе школ первой ступени, имели трёхлетний срок обучения. До 1930 года назывались *Школа крестьянской молодежи*. В ШКМ принимались дети и подростки в возрасте от 12 до 18 лет. В 1934 году ШКМ были

преобразованы в неполные средние школы (семилетки) подростки. (ПЭ, 1968–4, 712–713)

ШКОЛА крестьянской молодёжи – см. *Школа колхозной молодёжи*.

«Оставила Зоя Яковлевна свое родное село пятнадцатилетней девочкой... Зоя хорошо закончила школу крестьянской молодежи и по совету учителей уехала учиться в Карагай. Не по годам рослую и не по росту худую девушку встретили в городской школе насмешками. За то, что была она нескладна и угловата, за то, что не умела говорить “по-городски”, ее прозвали “деревней”» (Акулов, 1962, 28).

ШКОЛА на колесах – см. *Школа-вагон*.

ШКОЛА мяча, **школа мячиков** – игра, заключающаяся в последовательном выполнении различных упражнений (приемов) с мячиком.

О 1940–1944 гг.: «Ещё в наше время была игра “Школа мяча”. Как мы ее любили! Мы играли во дворе, у стенки без окон. Было десять положений рук, из которых отбивался мяч: верхние ладошки, нижние ладошки, корзиночка, кулачки, лодочка, пальчики, обратная лодочка, блинчики (правый и левый). А завершился цикл двумя коронными ударами: сначала – головой, потом – коленкой. Обычно договаривались играть до какого-нибудь счета. Например, до счета “десять”. Бросался жребий. Кто-то начинал – бросал мяч в стенку, чтобы тот отскочил, и начинал отбивать. Сначала отбивали мяч по одному разу из каждого положения: отскок от стенки – ладошки, отскок – корзиночка, отскок – кулачки. Отбивать нужно было без всяких пауз, без промежуточной ловли мяча. Закончился цикл переходили к счету “два”: два удара по мячу из положения “верхние ладошки”, два удара из положения “нижние ладошки” и т. д. В завершение – удар коленкой и головкой. Эти удары не множилось. И так далее – до счета “десять”. Если во время цикла мяч упал, право отбивать передавали след. игроку. Когда мяч к тебе возвращался, ты начинал цикл с того счета, на котором потерпел неудачу: например, со счета “три” или “пять”. А побеждал тот, кто первым сумел отбить мяч по десять раз из каждого положения. Играли мы часами. Это было настоящее искусство! Ведь были ещё степени усложнения игры – “с хлопучками”, с “поворотом”, “одной рукой”. Кидаешь мяч об стенку и, прежде чем его отбить, хлопашь в ладоши. Или, пока мяч летит, нужно вокруг себя повернуться и только после этого стукнуть по мячу. Среди нас были такие, кто, перед тем как отбить мяч, мог и хлопнуть, и повернуться. Вот такие виртуозы! Конечно, для моих детей из детского сада [в 1960-е гг.] эти вершины были недостижимыми. Во-первых, они были маловаты – ещё не достигли того возраста, в котором мы блистали в “Школе мяча”. Но главное – во дворах в эту игру в их время уже не играли... Рассказала Маргарита Австриянка (год рождения 1933-й)» (Австриянка, 2007–1, 3).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Дети IV–V классов. Большой интерес проявляют дети этого возраста к играм на соревнование в ловкости, в силе. Так, напр., популярны игры “Скакалка”, “Школа мяча”, требующие точности движений, ловкости, меткости» (ВВВР, 1955, 224).

О середине 1950-х гг.: «Катя Пастушкова шла по бульвару. Почти не глядя, она хлопала по мячу. Мячик прыгал между Катиной рукой и землей, будто на невидимой резинке. Но главное – мяч каждый раз падал только на солнечные пятна и ни разу на тень. А это было очень трудно, потому что ветер шевелил листья и пятна на дорожке двигались. Это считалось высоким классом “школы мячиков”. “Триста пять, триста шесть, триста семь...” – шептала Катя при каждом ударе. И по этому можно было судить, как много она прошла, как хорошо умела считать и как прекрасно играла в “школу мячиков”. Никто из девочек не мог победить Катю – ни во дворе, ни на их улице. И, победив всех, Катя вышла на другую улицу, где её еще не знали. У дерева Катя остановилась. “Через спинку!” – строго сказала она себе, но так, чтобы слышали няньки на скамейках. И семь раз поймала мяч через спинку от дерева, и не просто так, а с поворотами. Конечно, на нее с восхищением смотрели

все: и дворник, который поливал дорожки, и старушка на скамейке, и дети, которые возились в песке. Она пошла дальше, отбивая мяч то правой, то левой рукой» (Гернет, Ягдфельд, [1957] 1959, 5–6).

О середине 1960-х гг.: «Старшие дети создали своеобразную “школу мяча”: бросить мяч вверх или на землю, ударить о стену и поймать, сделав предварительно хлопок перед собой, за спиной, по коленям, под поднятой ногой; отбивать мяч о стену или о землю, не роняя его как можно дальше» (Вавилова, 1968, 25).

О 1990-х гг.: Из книги М.В. Осориной «Секретный мир детства»: «Моя ученица психолог Н.Г. Путятова занималась картографированием мест игр и развлечений детей одного из кварталов в центре Петербурга. Оказалось, что когда дети младшего шк. возраста выходят гулять, то они склонны группироваться в однополюсные компании, которые располагаются неподалеку друг от друга, но отдельно, и играют там в свои игры, например девочки – в “школу мячиков”, а мальчики – в “ножички”... Кроме того, у детей существуют излюбленные места для определенных игр: у глухой стены удобно играть в “школу мячиков”...» (Осориная, 1999, 73).

ШКОЛА первой ступени – см. *Школа первой и второй ступени*.

ШКОЛА полного дня – то же, что *Школа с продлённым днём*.

ШКОЛА с продлённым днём – общеобразовательная школа (как правило, в составе 1–8 классов), в которой с учениками проводится внеклассная работа по завершении учебных занятий, иными словами, школа, в которой учащиеся находятся под наблюдением педагогов в течение всего дня.

Школы такого рода стали возникать в СССР в середине 1940-х гг. [...]

С сент. 1960 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР школы с продлённым днём [...]

О 1981 г.: «XXVI съезд КПСС поставил задачу: довести в 1985 г. число учащихся в школах (группах) с продлённым днём до 13,5–14 млн.» (Болдырев, 1984, 15).

ШКОЛА юнг.

О 1942 году в Ленинграде: «...Я нашел на аэродроме близ Волховстроя дядю Мишу. Он был командиром эскадрильи. Дядя Миша направил меня в школу юнг речного пароходства... Там были и голод, и драки. Анархия... Я... сбежал...» (Шетинин, 2002)

О 1943–1944 гг.: «...В школу юнгов хочешь?» “А что это такое?” “Юнги? Это будущие моряки. Они тоже, как ремесленники, сначала учатся в школе – морской специальностью овладевают, а потом идут служить в Военно-Морском Флоте. Моряками, значит”... Николай сказал серьёзно: “Верно. Про юнгов я читал. Но юнги давно, ещё до революции, были. Тогда, по-моему, юнгов ни в каких школах не учили. Просто на корабль брали мальчика и называли его юнгой...” Другое дело – выходная форма: черные суконные брюки, синяя шерстяная форменка с воротничком...» (Вишневу, 1966; 12, 18, 43).

См. также: *Юнга*.

ШКОЛА юннатов – радиопередача для юных фенологов и любителей природы, впервые вышла в эфир в 1971 году.

ШКОЛА-ВАГОН – вагон в поезде, устроенный специально для школьных занятий детей железнодорожных рабочих. Такие вагоны существовали в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Стихотворение С.Я. Маршака «Школа на колесах» (Новый мир, 1950, № 4) имеет посвящение: «...Вагону-школе путевой машинной станции № 61. В этой школе учатся дети ж.-д. рабочих, ремонтирующих пути. Школа ездит вместе с ребятами». Текст этого стихотворения: «За перегонем – перегон, / Леса, озера, села. / Бежит по рельсам наш вагон – / Кочующая школа. / Здесь нет на полках багажа, / А вместо лавок – парты. / И шелестят, слегка дрожа, / Развешанные карты. / Стоит или мчит паровоз, – / У нас идет учеба. / И славно вторит гром колес / Нам на уроках пеня. / Отцы и матери у нас – / Ремонтная бригада. / И в тех местах стоит наш класс, / Где им работать надо. / То мы в сибирскую тайгу / С

крутых ступенек сходим, / То на кавказском берегу / Костер в пути разводим».

Более подробно описан быт школы-вагона конца 1940-х – нач. 1950-х гг. в книге Е. Мара, первые два издания которой вышли в 1951 и 1954 гг.: «...Недавно стали работать... “школы на колёсах” – для детей рабочих машинно-путевых станций. Эти люди всегда в дороге. Они продвигаются со своим поездом вперёд по пути, который сами прокладывают или ремонтируют. Живут рабочие и их семьи в вагонах, оборудованных под жильё. А их дети учатся в школе-вагоне, прицепленном к поезду. Внутри вагона-школы установлены парты. Есть в нём и столик для учителя и школьная доска. Здесь же висит большая карта. Ребята сами отмечают на ней места, которые проходит школа на колёсах. Её ученики обычно кончают учебный год далеко-далеко от того пункта, где начали учиться. Время от времени к поезду прицепляют вагон-клуб. Школьники бывают очень рады этому. Они смотрят в зале своего клуба кинокартины или спектакли передвижного кукольного театра и сами выступают на маленькой сцене – поют песни, читают стихи. В библиотеке вагона-клуба они получают новые книги для своей школьной библиотеки-передвижки» (Мар, [1951, 1954] 1961, 66).

ШКОЛА-ЗАВОД, школа-фабрика – разновидность ФЗУ, в кот. учеб. заведение было объединено с производственным предприятием в одно учреждение. Организационное оформление школы-заводы получили в 1925 году с утверждением Советом нар. комиссаров РСФСР «Положения о школах рабочих подростков». Школы-заводы содержались на средства предприятий, охватывали подростков 14–18 лет. Курс обучения – 3–4 года. «Учащиеся вооружались проф. умениями и навыками, получали спец. и общее образование, а также общ.-полит. восп. Общеобразоват. и спец. подготовка учащихся сочетались с пост. работой на пр-ве (4-часовой рабочий день для 1-го и 2-го годов обучения, 6-часовой – для 3-го и 4-го годов обучения). Установливалась зарплата по нормам, предусмотренным Нар. комиссариатом труда. Предприятия выдвигали кандидатов на должность рук. школы-завода и выделяли инструкторов производств. обучения. Значительного распространения школы-заводы не получили» (ТВПО, 1968, 451).

ШКОЛА-ИНТЕРНАТ – общеобразовательная школа с общежитием для учащихся.

В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС тогдашний первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев «выдвинул идею создания школ-интернатов – учеб.-восп. учреждений нового типа». 15 сент. 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об орг-ции школ-интернатов. 13 апр. 1957 г. Совет Министров РСФСР утвердил «Положение о школах-интернатах».

«В 1956–1957 гг. в РСФСР было открыто 183 школы с числом воспитанников свыше 35 тысяч... В следующем году число воспитанников возросло до 105 тысяч» (ПС, 1960–2; 630, 700).

«В течение 1957–1958 учеб. года в стране было открыто 1990 школ-интернатов. В них воспитывалось 500 тыс. детей. В последующие 3 года кол-во этих школ увеличилось в 4 раза, а число воспитанников – в 5 раз» (Очерки, 1988, 75).

О вт. пол. 1950-х гг.: «[В пьесе Е. Рысса] “Случай в интернате” (1959)... намечен конфликт, связанный со специфич. условиями жизни школ-интернатов и, несомненно, заслуживающий обществ. внимания. Среди нормальных, здоровых детей, по тем или иным обстоятельствам живущих не в семье, а в школе-интернате, действительно нередко встречаются юнцы, запущенные до такой степени одичания и жестокости, что их пребывание в ребячьем коллективе становится мучительным и даже опасным для остальных воспитанников. Как быть в таких случаях? Выгнать из интерната – значит предоставить такому подростку еще большую свободу действий, заранее зная, что из него получится бандит: “Воровать он через полгода будет, а грабить начнет через год”. Оставить в интернате – значит ставить под угрозу нормальную жизнь и развитие

остальных детей. Евгений Рысс изображает именно такой случай. Его Стригунов... – это пятнадцатилетний изувер, который с явным наслаждением запугивает и мучает младших товарищей. Дома он избивал братишек и сестренек, в интернате – изошренно, с тонким психолог. расчетом, издевается над новичками, подчиняет своему влиянию малышей, портит и ломает вещи, крадет, вымогает и чувствует себя совершенно безнаказанным. Он знает, что его обязаны воспитывать по нормам советской педагогики, и нагло на этом спекулирует, да еще и ханжит и лицемерит, если это ему выгодно» (Тамарченко, 1961 80–81).

До 1964 г. цель существование школ-интернатов трактовались следующим образом: «Создание школ-интернатов отвечает важной задаче периода развёрнутого стр-ва коммунист. об-ва: повышению роли гос-ва в воспитании детей» (ПС, 1960–2, 700).

С 1964 г. акцент смещается на особые индивидуальные и социальные качества воспитанников школ-интернатов. Из издания 1967 г.: «Как правило, школы-интернаты создаются по типу восьмилетних школ... Учащиеся выполняют работы по самообслуживанию: убирают учебные и жилые помещения, помогают на кухне и в столовой, ремонтируют свою одежду и обувь... Зачисление детей в школы-интернаты производится исключительно по желанию родителей или лиц их заменяющих. В перв. очередь принимаются дети одиноких матерей, инвалидов войны и труда, сироты, а также дети, для восп. кот. нет необх. условий в семье. Таким образом, советские школы-инт. не имеют ничего общего с закрыт. привилегированными учеб. заведениями дорев. России и бурж. стран» (СВ, 1967, 316–317).

О середине 1970-х гг.: «Школа-интернат – общеобразоват. школа, в которой дети учатся и живут. Школы-интернаты организуются для сирот, детей инвалидов войны и труда и для тех детей, родители которых не могут уделять им достаточно времени для воспитания в семье. Дети с отклонениями в физическом и умственном развитии учатся в спец. школах-интернатах (спецшколах)... В зависимости от местных условий они бывают либо восьмилетними, либо десятилетними. Учеб. процесс организован так же, как в обычной школе, но занятия проводятся только в одну смену, и в каждом классе бывает не больше тридцати человек. Так как после уроков школьники не расходятся по домам, они могут уделять больше внимания факультативным занятиям, участию в кружках, спортивных секциях. Обучение в школах-интернатах, как и во всех других школах страны, бесплатное. Работу с детьми проводят квалифиц. учителя и воспитатели (педагоги, которым поручена забота о школьниках после уроков). Как и в обычной школе, создаётся пед. совет. Большое внимание уделяется труд. восп. детей: работе в учеб. мастерских, на пришкольном учебно-опытном участке, самообслуживанию учащихся. С родителей воспитанников школы-интерната взимается небольшая плата. Однако дети-сироты и дети из многодетных семей, а также учащиеся с отклонениями в развитии находятся на полном гос. обеспечении. Существуют также школы-интернаты для одарённых детей. Так, при Новосибирском университете работает физ.-мат. школа-интернат, в которой учатся и живут школьники из разл. населённых пунктов Новосибирской обл.» (Денисова, 1978, 230).

По материалам 1970-х – начала 1990-х гг.: «Школы-интернаты создаются (с 1956 года) для детей различных категорий: сирот, из малообесп. семей, с недостатками умств. и физ. развития, а также в условиях, где затруднён регулярный подвоз учащихся в школу, например, в условиях Крайнего Севера» (Мокиенко, 1998, 670).

ШКОЛА-КОММУНА – общеобразовательное и воспитательное дет. учреждение с общежитием для учащихся. Этот тип опытно-показательных пед. учреждений, существовал с 1918–1919 по 1937 гг.

О 1920-х гг.: «В школе-коммуне, где я учился, преподавательница математики... учила нас самостоятельно “открывать” геометр. и алгебр. формулы. Я и сейчас по-прежнему острое счастье, испытанное, когда мне, не блещущему матем. дарованиями, удалось вывести формулу

усечённой пирамиды... Я не забуду, как... на летней базе школы-коммуны ...преподаватель биолог. Дисциплин... вёл нас в лес и учил различать голоса птиц... На уроках истории Алексей Иванович Стражев учил нас по стилю, своеобразию словаря различать письма Курбского и др. памятники эпохи Ивана Грозного от лит. памятников петровских времён» (Шаров, [1964] 1968, 226–227).

Подробнее см.: [Королев Ф.Ф. Школы-коммуны. Основные типы школ-коммун и их уч.-восп. деят-сть // Королев, 1958, 372–378.

ШКОЛА-ФАБРИКА – см. *Школа-завод*.

ШКОЛА-ЭКСТЕРНАТ – О нач. 2000-х гг.: «Школы-экстернаты предполагают разные формы подготовки: три года учебы за два, два – за один. Можно учиться самостоятельно, а в школе только экзамены сдавать – это бесплатно. Можно за доп. плату заниматься индивидуально или в группе интенсивной подготовки» (Лукиянова, 2007, 64).

ШКОЛКОР – школьный корреспондент.

О 1924–1925 гг.: «У газет теперь были свои постоянные корреспонденты – пикоры, школкоры (школьные корреспонденты), домкоры..., сельпикоры...» (Вишневская, 1972, 83).

«ШКОЛЫ-ГОСПИТАЛИ» – неофициальное название строившихся во вт. пол. 1930-х гг. зданий, инфраструктура которых была рассчитана на то, чтобы в мирное время они служили нуждам образования, а в военное время – нуждам армии (восстановлению здоровья раненых).

О Новосибирске в 1937–1938 гг.: «В 1937–1938 годах в городе было построено целых десять новых школ, в которых могли быть мгновенно развернуты госпитали. Об этом, конечно, учащиеся этих школ не знали, но терялись в догадках: для чего возле каждого туалета имеется ванная комната, всегда запечатая на замок? Для чего в очень светлой пионерской комнате стоят раковины с подведенной водой, но с отвернутыми кранами? Для чего подвалные помещения выложены с полу до потолка белым кафелем? Когда мне потом довелось лежать с ранением в одной из этих школ-госпиталей, все загадки разрешили сами собой: пионерская комната – операционная, подвал – морг» (МН, 1999).

ШКОЛЫ грамоты – наиболее распространённый на селе вид учебных заведений до 1861 года. Срок обучения в школах грамоты длился 1–2 года. Их создавали крестьяне на свои средства. Учительствовали в школах грамоты грамотные дьячки местной церкви, отставные солдаты или бывшие дворовые. Для школ грамоты не выпускалось учебников и пособий; если имелось помещение, то отсутствовала спец. шк. мебель, часто для школ грамоты не было и спец. помещения, а учителя жили и занимались по очереди в избах у родителей учеников. Школы грамоты оказались живучими, в некоторых местах их можно было встретить еще и в начале XX века (Латышина, 1998, 313).

ШКОЛЫ для малограмотных – общеобразоват. школы в СССР для подростков и взрослых, овладевших грамотой, но не имеющих нач. образования, существовали с 1920 г. до повсеместного введения всеобщего нач. обучения. (Мокиенко, 1998, 667)

ШКОЛЫ фабрично-заводского обучения, ФЗО – низшие профессиональные учебные заведения, созданные в 1940 году (вместо ФЗУ) в системе Гос. трудовых резервов для подготовки рабочих массовых профессий для угольной, горнорудной, металлургич., нефтяной, лесной, строительной и других отраслей промышленности, со сроком обучения 6 месяцев. [...]

«...Хочу в фезеуху поступить...» «...Тебе нужно заниматься. А то – фезеуха! Что это за фезеуха такая?» «Школа фабрично-заводского обучения, – ответил Гришка. – ФЗО...» (Амлинский, [1958] 1974, 61)

ШКОЛЫ фабрично-заводского ученичества, школы фабзавуча, ФЗУ – низшие профессиональные учебные заведения, созданные в 1920 г. в составе отдельных предприятий для подготовки квалицир. рабочих из молодежи. В 1921 г. началось стр-во таких школ при крупнейших предприятиях. XIII Всероссийский съезд Советов принял решение об охвате школами ФЗУ всех занятых в пром-сти подростков. Широкое развитие

получили ФЗУ в первой и второй пятилетках, они стали основным источником пополнения быстро растущей пром-сти квалицир. рабочими. Вначале в ФЗУ был 3-летний и 4-летний срок обучения, учащимся давалась общеобразоват., политех. и проф. подготовка. В 1930–1939 гг., когда гл. контингентом учащихся стали выпускники 7-летних школ, продолж-сть обучения уменьшилась до 1, 1,5 и 2 лет. Будучи составной частью отд. предприятий, ФЗУ могли готовить рабочих по очень небольшому кругу массовых профессий. [...]

В 1940 г. большая часть ФЗУ была преобразована в *ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО)*. ФЗО сохранились лишь в легкой, пищевой и местной промышленности. (ТВПО, 1968, 432)

О 1947 году: «Послевоенные годы – сороковые... Уроки чистописания продолжались до четвертого класса... Чистописание естественно и свободно сочеталось с ремесленными училищами и школами ФЗУ, фабрично-заводского ученичества, такими диккенсовскими работными домами, куда центрифуга пролетарской диктатуры отшвыривала сомнительное юное сырье. [...]

ШКОЛЫ юных моделей – Для работы в *модельном агентстве* (см.) ребёнку необходимы навыки. «Найти школу юных моделей особого труда не составляет – специальные курсы есть при многих модельных агентствах... Большинство агентств набирают в свои школы юных моделей от 4 лет... В агентствах, которые работают с детьми всерьёз, занятия идут два-три академических часа два-три раза в неделю. Детям преподают хореографию, дефиле (движение на подиуме), а также навыки позирования перед камерой, постановку лица, гимнастику, сценическое мастерство, речь» (Татарченко, 2000, 19).

ШКОЛЬНАЯ ёлка – см.: *Ёлка школьная*.

ШКОЛЬНАЯ библиотека – библиотека при школе.

О начале 1950-х гг.: «В школах существуют школьные библиотеки. Кроме выдачи книг для внекл. чтения, библиотеки проводят разнообр. работу: детей приучают пользоваться каталогами; проводятся чит. конференции, на кот. заслушиваются отзывы детей о наиболее интересных книгах; устраиваются лит. вечера; даются рекомендации. списки нов. книг и т. п.» (Медынский, 1955, 104).

Школьные библиотеки создаются в целях обеспечения учебного процесса в школе. Учителя и библиотечарь рекомендуют книги, беседуют с читателями о прочитанных книгах школьные библиотеки выдают учителям и учащимся литературу, принимают участие в подготовке и проведении массовых мероприятий, посвящённых книгам: читательских конференций, литературных вечеров, диспутов и пр. (ПС, 1969–1, 105) До 1917 года библиотеки имелись в 78 % учебных заведений для детей (гимназий, училищ, школ).

«Планомерная работа по созданию школьных библиотек началась с момента принятия Советом Нар. Комиссаров Союза ССР постановления «О развертывании сети шк. библиотек и издании лит-ры для них» (от 16 ноября 1936 г.). Согласно этому постановлению, в каждой школе должна быть организована библиотека для внекл. чтения» (НШ, 1950, 824).

Из Постановления Совнаркома СССР от 16 нояб. 1936 года: «...Наркомпросы союзных республик проявили полнейшее невнимание к делу развертывания шк. библиотек. Вследствие этого учащиеся многих нач. и сред. школ лишены возможности получать книги для внекл. чтения. Совнарком Союза ССР постановляет: Обязать наркомпросы союзных республик обеспечить, начиная с 1937 г., доукомплектование уже существующих при школах ученич. библиотек и начать создание ученических библиотек во всех начальных, неполных средних и средних школах, в которых ученических библиотек не имеется» (НО, 1974, 174–175).

«С 1937 года установлена спец. статья расходов на комплектование ученич. шк. библиотек книгами и журналами... По постановлению СНК Союза ССР от 16 ноября 1936 г. для шк. библиотек издается спец. серия “Школьная библиотека”, а с 1947 г. нач. школы

получают, кроме того, серию “Первая библиотечка школьника»» (НШ, 1950, 824).

О Челябинске в 1958 г.: «1958 год... Моя первая учительница – Екатерина Анатольевна Лушникова... Читать я научилась еще до школы, и сестренка, что училась тремя годами старше, предупредила об этом Екатерину Анатольевну. “Дети, кто умеет читать?” – спросила она малышей. Я от робости смолчала, руки не подняла. Но Екатерина Анатольевна ласково попросила меня встать: “Людочка, ты же умеешь, хочешь ходить в школьную библиотеку?” И на перемене за руку отвела меня в книжную сокровищницу» (Степашкина, 2006, 4).

О девочке в начале 1960-х гг.: «...Можно забраться к маме на колени, рассказать, какую книжку взяла в школьной библиотеке и как библиотекарша похвалила: “Много читаешь. Молодец. Ты читаешь больше всех из вашего третьего “В” класса. И книги бережешь”» (Матвеева, 1966, 14).

Об учениках нач. школы в г. Кемерово в нач. 1960-х гг.: «И вот в такой-то [морозный] день мы с... другом той ранней школьной поры, умным мальчишкой-книгоцелем – багой без пальто, только в шапках, на большой перемене в библиотеку: метров 80 от шк. двухэтажного деревянного здания. Что было мочи неслись в низкорослое строение с покосившимися оконцами и низкой дверью, обитой для тепла в продранное тряпье. Вот там и ютилась библиотека средней школы. Она, конечно, была нищей по нынешним меркам..., но тогда, казалось, что в этом месте сосредоточены несметные богатства и сокровища. А как мы завидовали однокласснице, которая приходилась племянницей библиотекарше!» (Плюшев, 2004, 5)

ШКОЛЬНЫЕ приметы.

О начале 1950-х гг.: «“Я сейчас кое-кого спрошу...” – Глаза Ирины Николаевны заскользили по ребячьим лицам. Парамонов бесстрашно взглянул ей в глаза, незаметно наложив палец на палец и эту комбинацию сунул себе под левую коленку – авось не спросит. Такая была примета. “Бестужев, прочтите, пожалуйста, отрывок из “Мертвых душ”»» (Дик, 1956, 50).

«**ШКОЛЬНЫЕ сравнения**» – жанр школьного фольклора. То же, что «*Школьный словарь*»; «*Словарик школяров*».

См.: «Освоение окружающего мира проявляется в значении, наименовании явлений с точки зрения определения их места в человеческом опыте. В этой связи особый интерес представляют т. н. “школьные сравнения” (учитель – “волк на псарне”; учительская – “дворянское гнездо”; ответ у доски – “репортаж с петлей на шее” и т. п.)» (Белоусов, 1989, 17).

В 1989 г. в ленинградском журнале «Аврора» публиковались подборки присланных «школьных сравнений» под рубрикой «Школьники шутят». Например: «“Парта – доска объявлений”... “Дежурный – мальчик на побегушках”... “Две двойки подряд – Удар! Ещё удар!”... “Срыв урока – Операция “Ы””... “Родительское собрание – Это не должно повториться”» (Аврора, 1989, № 3).

ШКОЛЬНЫЕ шалости, школьные проказы – действия школьников, нарушающие дисциплину.

См.: о 1942–1944 гг.: «В тот год Гурька пошёл в седьмой класс... Своему соседу по парте Николаю Лизунову [Гурька] сказал: “Ты, Лизун, не задевай меня, не мешай. А то я тебе такого козла пушу в башку, что неделю будешь чесаться”. Николаю пришлось смириться. Раз друг говорит – нельзя во время урока запускать бумажных голубей или жужжать воткнутой в парту булавкой, значит, на то есть причины» (Вишнев, 1966, 5–6).

О восьмиклассниках в конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «Сережка Дремов во время перемены подлил на сиденье стула учительницы чернил. И сбоку на белоснежной юбке [учительницы] расплылось большое фиолетовое пятно» (Титаренко, 1982, 165).

О 1982–1985 гг.: «В школе... в... возрасте 10–13 лет устраивали разнообразные розыгрыши друг с другом и с учителями. Весной мальчишки ловили майских жуков и спускали за шиворот – причем было это и на уроках, было столько крику. Или привязывали за ногу жука на

нитку и на уроке выпускали поблизости от учителя. Рисовали мелом на стуле, а так как мы ходили все в форме – это тёмные платья – то все это прекрасно отпечатывалось. Клади на стул кнопки. Писали записки, которые осторожно прикрепляли сзади, на которых было написано: “Ищу работу”, “Если нет коня, садись на меня”. Подкладывали учителю на стол конверт, в котором пуговицу закручивали на резинку – когда разворачиваешь конверт, она шуршит – как будто что-то живое; это же делали и друг другу. Мальчишки делали пугачи – железные трубочки, в которые клали спичечные головки – они стреляли очень громко – даже оглушали – тем самым нас пугали. Были у них также разнообразные трубочки, для которых жевали бумагу и стреляли по девочкам, а мы их – книгами по голове» (541).

О с. Глядянском в 1992–1994 и 1998–1999 гг.: «В нач. классах, мне было лет 8–9, мы постоянно дрались с мальчишками, так как они нас очень доставали. В это время в школе была форма, и приходилось ходить в платьях с фартуками, носить банты. А мальчишки на переменах подбегали и то задирали платья, то дёргали за бант. Было так больно. Также иногда на уроке, если что-нибудь мальчишкам нужно, то они либо били по голове книжкой, либо линейкой по спине или плечам. Еще они разбирали ручки, комкали бумагу в маленькие кружочки, брали в футляр и плевали вместо бумаги, иногда были пластилин или жвачка. Когда в волосы попадали пластилин или жвачка, то мы ревели, так как приходилось либо рвать волосы, либо обрезать... Когда мы учились в 8–9 классах, мне тогда было лет 14–15, то прикалывались над семиклассниками и восьмиклассниками. Мы вымазывали руки мелом, а потом, будто здоровались, хлопали им по спине, оставляли отпечатки от рук на одежде. Мы хохотали, а они не могли понять, над чем мы смеёмся. Ещё мы точно таким же образом наклеивали различные надписи на спину. Например, “Привет, чувак”, “Я корова, ха-ха, даю парного молока”, “Не видишь старшки идут” и т. д. Было тоже очень смешно» (106).

О Шадринске в 1996–2000 гг.: «Расстегивание рюкзака – шалили так примерно в 11–15 лет. Подходили сзади и незаметно расстегивали замки на рюкзаке. А иногда доставали то, что лежало в карманах рюкзака... Ненужную бумагу подкидывали либо в открытую сумку впереди сидящего человека, либо в капюшон на его одежде» (103).

О Шадринске в 1998–1999 гг.: «Прятание рюкзака или сумки – эта шалость была распространена примерно в 7–8 классах. Когда сидели на уроке, то незаметно у какого-то впереди сидящего человека со спинки стула снимали сумку (рюкзак) и передавали её тому, кто имел вероятность незаметно спрятать. Прятали либо в батарее, либо в шкафы, либо за шкафы... Мы одно время раздевались не в раздевалке, а в классе, поэтому имели возможность шалить с верхней одеждой. Иногда из карманов вытаскивали деньги, проездные и другие ценности. А иногда просто скидывали шубу (куртку) с крючка. А если человек, чья была шуба, не нравился, то по ней ещё и топтались» (103).

См. также: *Московский зонтик, Лист бумаги на спине.*

ШКОЛЬНЫЕ экскурсии – экскурсии учеников, организованные школой.

О перв. пол. 1960-х гг.: «В те годы, чтобы приучить к станку, нас довольно часто водили на экскурсии на промышленные предприятия. То на молокозавод, где всем, кроме меня и еще нескольких, досталось мороженое..., то на птицефабрику, где всем выдали по инкубаторскому жёлтому цыплёнку, умещавшемуся в детском кулаке, велели по пути домой подкармливать его слюной изо рта в клюв. Я так и делал всю обратную дорогу, но он все чах, глазки его мутились, и сразу за порогом квартиры он сдох – вероятно, от огорчения и холода. Впрочем, у всех сдохли в тот же день или на следующий...» (Клех, 2003).

О 1973 годе: «13 лет, весенние каникулы, школьная экскурсия в Самарканд и на таджикский Памир; основное время, по несколько суток в одну сторону, занимает дорога на поезде – то есть разговоры с

попутчицами, девочками из параллельных классов» (Бараш, 2006).

О девочке 12–13 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 2000 г.: «В 8 классе мы со школы ездили на хлебокомбинат. Огромные кастрюли, мешалки произвели впечатление. Также ездили на ферму. Нам показывали не только лошадей, коров, кур, свиней, но и страусов» (134).

ШКОЛЬНЫЙ базар – широкая продажа школьных принадлежностей, обычно на специально выделенном месте, предпринимаемая за несколько недель до начала учебного года.

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Вопрос о критике отпадает, – решил отец, покончив со вторым куском. – ... Ребята обути-одеты, все, что требуется для учебы, имеется, а чего еще нет, то мы завтра на школьном базаре прикупим... На Центр. площади Железнодорожского в последние дни каникул хозяевами были школьники. Железнодорожский универмаг отгородил большой кусок площади забором из красных, желтых и зеленых очинённых карандашей в рост пионера. Столбами входных ворот служили громадные круглые пеналы, разрисованные пестрыми цветами. Вверху между пеналами блестела вывеска: “Школьный базар”... Они очутились в толпе озабоченных покупателей. Особенно волновались малыши, пришедшие сюда со своими родителями, чтобы стать обладателями таких привлекательных предметов, как ученическая сумка, голубая ручка с пером “86” и чернильница-непроливайка, кого хочешь замарай-ка. Давно ли Пяня был одним из самых шумливых посетителей школьных базаров! А теперь он покровительственно уступает дорогу пискливой мелюзге и не очень удивляется выдумкам универмага. Вот киоск в форме раскрытого букваря, вот киоск-парта. Ничего себе... Медленно возвращается ромашка, у которой вместо лепестков ученические перья величиной с лыжу. Тоже неплохо... Пронзительно пищит Петрушка, самоотверженно сражаясь с двойками. Пестовые посмотрели и на Петрушку... В собственность Пани перешел портфель из желтой кожи со звонкими замочками, пенал из прозрачной пластмассы и тетради. “Шум, пискотня, даже голова закружилась, – сказал Григорий Васильевич, когда замочки портфеля щелкнули в последний раз. – Пойдем в сад, отдохнем немного”» (Ликстанов, [1953] 1964; 393, 408).

ШКОЛЬНЫЙ бал новогодний – посвященный Новому году школьный вечер с маскарадными костюмами, танцами, представлениями.

О начале 1950-х гг.: «Кружатся пары / Под музыку вальса, / Нарядная ёлка / Сияет в углу. / Ты сегодня отмыла / Чернила на пальцах, / Ты сегодня Снегурка / На школьном балу. / Отложены книжки, / Закрыты тетради. / В районном дворце / Начинается бал...» (Барто, [1953] 1969–2, 40).

«**ШКОЛЬНЫЙ вальс**» – см.: «*Прощальный вальс*».

ШКОЛЬНЫЙ вечер – собрание старшеклассников с танцами, показом номеров художественной самодеятельности.

О середине 1920-х гг.: «В шесть часов начался школьный вечер... Вечер начался с выступления живой газеты с боевым названием “Сигнал”. Живгазетчики маршировали по сцене, сходились, расходились и пели под музыку...» (Басина, 1963, 77–78).

О 1927–1928 гг.: «...В школе были большие перемены. Пришел новый учитель-историк... Много было вечеров, главным образом, для старших. Вместо старых танцев стали танцевать “Два прихлопа, три притопа”. Этот учитель создал “инициативную группу”, отобрав рослых и красивых парней и девушек, одел их в форму – чёрные юбки, белые кофточки, и они всегда возглавляли шеренгу танцующих или вели круг. Особенно нравился танец по кругу, так как один круг двигался вправо, а другой – влево, так что менялись пары, и была надежда встретиться в паре с понравившейся девочкой или с понравившимся мальчиком» (Аксельрод-Рубина).

Об ученике 9 класса в 1940 г.: «26 декабря... В школе будет вечер старших классов... 29 декабря... Сейчас пойду постригусь, ибо если пойду на вечер, то неудобно класс позорить. (Сагайдачный, 1963; 114, 116).

О восьмиклассниках в 1940 – перв. пол. 1941 гг.: «Зимой иногда устраивались в школе вечера для старшеклассников с докладами, выступлениями самодеятельности и с танцами под духовой оркестр. Иногда старших школьников приглашали на вечера в Дом пионеров. Больш-во наших мальчиков не умели танцевать или стеснялись... И девочки часто танцевали друг с другом. Таких вечеров было немного. В Дом пионеров не всегда можно было достать пригласительный, а в школе вечера были не часто... Мы... сдали экзамены за восьмой класс и разошлись на летние каникулы» (Кубанева, 1988).

Из дневника девятиклассницы в Котласе в 1941 г.: «1941 г. 2 января. ...Школьный вечер. Заходим в школу, а электричества и нет! Танцевали при керосиновых лампах. А потом пошли в класс для выступлений. Я читала... из Жуковского. ...Аплодировали много... Потом опять к ёлке. Так набегались в “ручеек”, что и сейчас ноги чувствуют!» (Вещезерова, 1999, 15).

О 1941–1945 гг.: «А как старательно, душевно и мы, и учителя готовились к школьным вечерам! Литераторы и историки брали на себя худ. самодеятельность (неумудрящую и – но разве это так уж важно?), физкультурник – боксер, потерявший на войне руку, – учил ребят боксу и организовывал показательные бои» (Санников, 2001).

О старшеклассниках в 1943–1944 гг.: «Иногда в школе проводились вечера, посвященные знаменательным датам или писателям. Часто эти вечера готовили под руководством учителей сами школьники старших 9–10 классов. Девочки-одноклассницы приходили на эти вечера нарядные, некоторым специально к вечеру шились новые платья, правда, из дешевых, но новых материалов, покупались красивые туфли» (Кубанева, 1988).

О вечере в женской школе с приглашёнными мальчиками в 1944 году в Ленинграде: «“А ты на вечер в “женский монастырь” придешь?” “Вечеруха в нашей параллелке? Дело!... На когда объявлено?” “В субботу”... ..Вечер с самого начала выходил нудным – ни тематическим, ни развлекательным. Девчонки без вдохновения, но с искусственным пафосом, серьёзно и старательно отбарабанили стихи. Потом, сбившись в кучу, хотели что-то спеть, даже занавес полуоткрыли, но раздумали и, рассыпавшись, вместо хорового и сольных выступлений проиграли два додевила, неизвестно в каком репертуаре отысканных. Актёрки в залежах, наскоро ушитых платьях ходили по сцене заведенными манекенами и бубнили под нос что-то невразумительное. В зале все были серьёзны. После драматических представлений гости и хозяйки вечера разошлись “по стенам”»: сдвинув стулья на сцену, мальчишки организовали шпалеру у одной стены, девчонки выстроились у противоположной. Какая-то мама из родительского комитета стала выдерживать тех и других в попытке сбить колонну для показательного бального танца. Из затеи ничего не вышло... Однако вечер понемногу разгорался, становился шумным. То здесь, то там в большом зале раздавался весёлый смех, шуточные призывы, объявления. Кто-то, проверяя проводку, несколько раз гасил общий свет и включал под потолком крутящийся шар, облепленный зеркальными осколками» (Липилин, 1983; 99, 102).

О 1944 году: «...Я принял решение... пойти на школьный вечер для старшеклассников, куда, как я знал, приглашают девчонок из школы, что на улице Парижской коммуны... Радиолова источала сладкие мотивы, но никто долго не решался первым выйти на середину. Наконец две пары закружились – девчонки с девочками. Тогда и ребята решились отделиться от стен. И вскоре весь спортзал заполнился вальсирующими, среди которых поблескивали золотыми галунами погон неизвестно как сюда проникшие “спецы” – курсанты подготовительного военного училища» (Сиснев, 1970; 79, 86).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Минске: «По традиции наша школа приглашала на вечера отдыха девочек женской школы № 21, соответственно и они – нас. Как всегда, сначала был доклад, минут на сорок... а затем – танцы. Каждый такой вечер неизменно

заканчивался дракой, но, конечно, не в помещении, а уже на улице. Например, регулярно били Гошу Довнара, парня с красивым... носом и наглыми глазами, – именно такие типы нравятся девочкам» (Лапидус, 2004).

О нач. 1960-х гг.: «Вечера школьные – одна из форм внеклассной школы... Ежегодно проводятся в школах: выпускные вечера, вечера встречи с выпускниками школы прошлых лет, новогодние балы, новогодние ёлки для младших школьников, весенние “ситцевые балы” и т. п.» (ПЭ, 1964–1, 325–326).

См. «Ситцевый бал».

О нач. 1960-х гг.: «Одна старшеклассница из Краснодара рассказала мне: “На школьные вечера ребята ходить не любят. Мы лучше в парк на танцплощадку сходим. Там хоть джаз. А у нас директор сначала сам все пластинки прослушает, а потом отберет штук шесть вальсов и краковяков – танцуйте. А в десять – все по домам. Ну, мы идем к кому-нибудь домой... и дотанцовываем» (Матвеева, 1966, 12).

О середине 1960-х гг.: «Бывает, что хорошо читающие ученики (школьные “лауреаты”) быстро покидают кружок [выразит. чтения]. Кропотливая работа над исполнением их не увлекает, а с успехом выступить на shk. вечере они могут и без этого» (Завадская, 1968, 25–26).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Школьные вечера... устраиваются несколько раз в году. Каждый класс по очереди отвечает за организацию вечера. Бывают тематические вечера: они посвящаются ист.-рев. и знаменат. датам (годовщине Великой Октябрьской социалистич. революции, празднику Первого мая, Дню Победы и т. д.). Бывают муз. и лит. вечера, посвященные музыке известных композиторов или творчеству поэтов и писателей. Большой интерес вызывают у школьников вечера на морально-этические темы: “Человек человеку – друг, товарищ и брат” (одна из заповедей Морального кодекса строителя коммунизма), “А если это любовь?” и др. На shk. вечерах учащиеся встречаются с участниками Великой Отечественной войны, Героями Советского Союза, лётчиками-космонавтами. Часто устраиваются вечера, посвященные выбору профессии, на которые ребята приглашают Героев Социалистического Труда, членов бригад коммунист. труда, передовиков произв.-ва. Вечер обычно состоит из торж. части, концерта худ. самодеят.-сти и танцев. На вечерах бывают спектакли драм. кружка или популярные состязания членов клуба весёлых и находчивых (КВН). В дни зимних каникул в школах организуются новогодние балы для старшеклассников» (Денисова, 1978, 233–234).

О 1970-х гг.: «Похоже, школьные вечера организуют для того, чтобы расстраивать людей. Танцы всегда начинаются с вальса...» (Левинзон, 1980, 55).

О 1970-х – 1980-х гг.: «“Учась в классе 7-м, мы на наших школьных вечерах начали играть в “бутылочку”. Сначала в момент поцелуя выключали свет, затем эти “двое” выходили в другую комнату, а потом при всех”» (Борисов, 2002, 168–169).

Об учащихся 6–7 класса в Шадринске в 1987–1988 гг.: «В 6 классе к нам пришла новая кл. рук-ца, и в классе началось что-то получаться. Школьные вечера проходили, и все на них стремились. Было интересно, так как сами готовили тогда. Начались первые танцы с девочками, первые целования в темных углах, в сценках на вечерах начали участвовать даже те, кто раньше говорил, что им запахло. Даже сами предлагали что-нибудь новенькое. Всем это нравилось, и все были довольны» (558).

ШКОЛЬНЫЙ билет – вероятно, то же, что *ученический билет*.

О 1931–1932 гг.: «И ещё я пережила настоящее потрясение, когда потеряла недавно выданный “школьный билет”, красную книжечку, служившую нам пропуском в здание школы. Этот случай был примером нашего раннего приобщения к страхам бюрократич. гос-ва с вечными волнениями его граждан по поводу всяческих “документов”» (Старикова, 2003, 240).

ШКОЛЬНЫЙ врач – терапевт-педиатр, ведущий в школе наблюдение за физическим развитием и

состоянием здоровья учащихся и осуществляющий их мед. обслуживание.

О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «В СССР в городах каждая школа обслуживается shk. врачом и мед. сестрой. [Шк. врач] состоит в штате поликлиники. отделения дет. больницы. В сельской местности школы обслуживаются врачами сельских больниц. План работы врач согласует с директором школы. Шк. врач участвует в пед. советах с правом реш. голоса. [Шк. врач] ведёт систематич. наблюдение за физ. разв. и состоянием здоровья школьников; следит за соблюдением гигиенич. норм и правил содержания школ и рацион. режимом обучения; проводит противоэпидем. мероприятия для предупреждения заразных заболеваний; осуществляет систематич. мед. контроль за орг-цией и проведением занятий по физ. культуре в школе; контролирует условия проведения учеб. занятий, орг-цию и условия обществ. полезного и производит. труда; ведёт систематич. работу по гигиенич. воспитанию и обучению учащихся и санитарному просвещению школьников и их родителей» (ПЭ, 1964–1, 417).

О конце 1950-х гг.: «Услышал смех веселый / И врач из нашей школы, / А врач из нашей школы – / Серьёзный гражданин» (Жак, 1960, 16). О конце 1950-х – начале 1960-х гг.: «“Ты... если не скажешь, зачем здесь сидишь, я сейчас вызову школьного врача. А он раз-два – “Скорая помощь”, и ты в больнице”. Решил напугать её. Я этого врача сам боюсь. Вечно он: “Дыши, не дыши...” И градусник сует под мышку. Холодный, как сосулька» (Железников, 1963, 11–12).

О первой половине 1970-х гг.: «В каждой школе есть школьный врач и медсестра. Приём детей проходит в школьном кабинете врача. Шк. врач регулярно проводит профилактич. осмотры учеников, измеряет рост, вес, следит за состоянием здоровья. Систематически проводятся противоэпидемич. мероприятия (детям делают прививки и пр.). Врач контролирует также соблюдение гигиенич. норм и правил содержания школы и следит за рациональным режимом обучения. Часто в школу приходят врачи-специалисты из ближайшей дет. поликлиники для оказания специализир. мед. помощи школьникам. В школе регулярно ведёт приём зубной врач, окулист и др. Всё мед. обслуживание в школе проводится бесплатно. Шк. врач входит в состав пед. совета школы» (Денисова, 1978, 234).

ШКОЛЬНЫЙ двор – двор, примыкающий к школе.

О 1950-х гг.: «А потом кончились уроки, и мы вышли на школьный двор. На баскетбольной площадке суетились и прыгали девчата из соседней школы...» (Аминский, [1961] 1974, 177).

О начале 1960-х гг.: «Школьный двор ограничен с трех сторон домами, с четвертой – глухой кирпичной стеной... Вдоль глухой стены разместились спортивный городок...» (Офин, 1964, 40).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «И мы помчались на улицу, в школьный двор, куда выходило окно пионерской комнаты. А выходило оно в школьный сад...» (Пивоварова, 1979, 171).

ШКОЛЬНЫЙ завод.

О перв. пол. 1980-х гг.: «На нашем школьном заводе “Юный рабочий” всё, как на настоящем пром. предприятии. Директор – семиклассник Сергей Якимович. 29 бригадиров и 455 рабочих – ребята нашей школы. Слесарный и столярный цеха выполняют заказы строительных предприятий города. А кроме этих двух цехов работают ещё четыре: переплётный, кройки и шитья, худ. росписи, макраме и мягкой игрушки. Заработанные средства решили перечислять в Фонд мира. Совет дружины школы № 4, Сосновый бор, Ленинградская обл.» (Костёр, 1985, № 10. – С. 16).

ШКОЛЬНЫЙ инспектор – должность в школе, введенная в ряде регионов в 2000-х гг.

В задачи инспектора входит защита прав и законных интересов несовершеннолетних учащихся, профилактика безнадзорности, правонарушений, преступлений среди учащихся, обеспечение обществ. порядка и обществ. безопасности в образоват. учреждениях, проведение индивидуальной профилактич. работы с учащимися и их

родителями, состоящими на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних, в комиссии по делам несовершеннолетних, защита их прав.

«При поддержке органов исполнительной власти в 24 регионах введены должности шк. инспекторов милиции. Всего в настоящее время в школах работают более 1600 людей в погонах, к которым со своими проблемами напрямую могут обратиться и дети, и родители, и педагоги. Они же проводят уроки права, предотвращают кражи в раздевалках и появление в школе наркотиков, работают с трудными ребятами» (Нурғалиев, 2006, 6)

ШКОЛЬНЫЙ клуб – способ организации внеклассной работы. [...]

О 1941–1945 гг.: «Значит, развитие получила клубная работа в школах Сибири. [...]

О нач. 1950-х гг.: «Заканчивая обзор вопросов, связанных с орг-цией внеклассной работы учащихся, необходимо сказать неск. слов о так наз. школьных клубах. Нек. школы Москвы, Ленинграда и ряда других крупных городов страны организовали клубы для учащихся. [...]

ШКОЛЬНЫЙ оркестр – оркестр, участниками которого являются учащиеся школы.

О 1960-х – 1970-х гг.: «Грунька живёт в большом московском доме. На первом этаже. Грунька очень любит музыку и сама играет в школьном оркестре нар. инструментов. Играет она на балалайке...» (Медведев, 1982, 116).

ШКОЛЬНЫЙ парк – парк при школе.

О вт. пол. 1940-х гг.: «Алла бродила по школьному парку часами, раздумывая, споря с собой, повторяя запомнившиеся стихи, а порой ни о чем не размышляя, чувствуя, как устало кружится голова» (Шаров, 1961, 64).

ШКОЛЬНЫЙ психолог – одна из школьных должностей в 1990-е – 2000-е гг.

О Шадринске во вт. пол. 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Школьный психолог существовал, чтобы раз в год проводить психологич. тесты, причём на уроках. Зачем он это делал, остается загадкой, потому что рез-ты не знал никто, кроме него. Причём тесты были схожие, вообще создавалось впечатление, что это один и тот же тест. Подписывались мы обычно анонимно. За все шк. годы шк. психолог не провел беседы ни с одним двоечником или проблемным ребенком. Поэтому его существование в школе (№ 15) было бесполезно» (012).

ШКОЛЬНЫЙ рэкет – см.: *Вымогательство*.

ШКОЛЬНЫЙ сад – сад при школе.

О 1945–1946 гг.: «Безумное и беспорядочное чтение книг... успешно заменило среднее образование и даже позволило Димке получить медаль... На выпускном вечере, когда в школьном саду рывкали духовыми инструментами инвалиды-железнодорожники, эта медаль жгла Димке карман. Какая тут медаль, если вторую часть “Фауста” не одолел?» (Смирнов, [1985] 1989, 89).

О деревенской школе конца 1950-х – начала 1960-х гг.: «Я через дырку в заборе пробрался в школьный сад» (Козлов, 1963, 41).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «И мы помчались на улицу, в школьный двор, куда выходило окно пионерской комнаты. А выходило оно в школьный сад, рядом росли деревья, и не было, к счастью, никого, кто бы мог нас увидеть» (Пивоварова, 1979, 171).

«**ШКОЛЬНЫЙ словарь**» – «пародийный жанр детской устной прозы, осмысляющий особенности взаимоотношений учителей и учеников, мальчиков и девочек; быта и нравов школы; школьных программ и методов обучения (“Ученик у доски – партизан на допросе”)» (ПЭС, 2003, 308).

См. также: «*Школьные сравнения*».

ШКОЛЬНЫЙ совет – школьный орган, образованный после 1917 года.

О 1917 году: «В класс бежал председатель школьного совета Форсунов» (Кассиль, 1935, 194).

ШКОЛЬНЫЙ спектакль – спектакль, поставленный силами школьников.

О 1919 г.: «Вечером они пошли на школьный спектакль. Перед спектаклем было собрание» (Горбатов, 1968, 237).

О 2005 г.: «Машке, дочери моей подруги, доверили играть в школьном спектакле главную роль – то ли принцесса, то ли королева. Подруга решила шить ей по этому случаю шикарный наряд» (Радулова, 2005, 75).

ШКОЛЬНЫЙ театр – любительский театр, в котором роли исполняют школьники.

О 1999–2006 гг.: «...Худ. руководитель Московского театра русской драмы “Камерная сцена” Михаил Щепенко уже восьмой год подряд проводит у себя Всероссийский фестиваль шк. театров “Русская драма”... Любительский шк. театр – это еще одна возм-сть созидательной силы древнейшего искусства... Шк. театр не может не учитывать дет. психологии и её возможностей... Шк. театр... не ставит своей гл. целью профессионализацию детей. Шк. театр не имеет права эксплуатировать детскость, то есть заставлять детей делать то, что им не под силу, или играть то, что они не понимают или не могут сыграть... Шк. театр, как никакой другой, должен проявлять особ. строгость к “духу времени”: если профессиональная “новая драма” заполнена матерными словечками, то возможны ли они на шк. сцене? Конечно же, нет... А потому задачи шк. театра – прежде всего положительные. Эстетика тут всё же находится в большем подчинении этике...» (Кокшенева, 2007).

ШКОЛЬНЫЙ хор – группа школьников, организованно репетирующих, а затем исполняющих вокальные (песенные) произведения.

О Петрограде в нач. 1920-х гг.: «Довольно много времени уделялось самодеят-сти. В школе существовал духовой оркестр и хор. Ставилось много спектаклей...» (Штерн, 2000).

О девочке в перв. пол. 1930-х гг.: «А ещё я пою в хоре. Это тоже не результат свободного выбора, но очередная “нагрузка”. В хоре обязаны петь все, кому медведь не наступил на ухо и у кого наличествует хотя бы намек на голос. Я отобрана в группу весьма дефицитных “вторых” голосов. Нас всего пятеро: три мальчика и две девочки... Практически наша задача сводится к тому, чтобы перекричать остальных двадцать человек, поющих первыми голосами. Большой частью это удаётся, зато после спевки я зачастую разговариваю пропитым басом. Огорчительно и то, что после каждой фальшивой ноты со стороны “первых” (а фальшивят они часто) приходится по многу раз повторять одно и то же. Когда мы поем “Взвейтесь кострами, синие ночи, мы – пионеры, дети рабочих” или “Возьмем винтовки новые”, – это ещё туда-сюда. Но вот когда мы разучиваем песню о самолетах (забыла название)... В ней есть такие слова: “Тут моторы загудели: Жжам-жу-жу, мы полетели”. Вот на этом “жжам-жу-жу” кто-то из “первых” неизменно пускает петуха. Семен Васильевич, наш учитель пения, грозно стучит смычком по парте, и все начинается с начала. После спевки это окаянное “жжам-жу-жу” звенит в голове до самого вечера» (Лупанова, 2007, 50).

О конце 1940-х гг.: «Наиболее желательной формой внеклассной музыкальной работы с детьми являются хор и оркестр. Хор отличается тем, что в нем участвуют только отобранные ученики. Чаще всего в школах хор организуется на началах добровольного участия детей – в виде кружка. Но некоторые школы организуют шк. хор из числа всех детей, независимо от их желания, считая, что долг каждого ученика, имеющего хороший голос, участвовать в шк. хоре. Хор занимается обычно два раза в неделю, поэтому участники хора могут работать над песнями более сложными, чем те, которые изучаются в классе, и песни могут исполняться на более выс. худ. уровне. В хор должны приниматься дети, имеющие хороший слух (поющие верно) и чистый голос (не хриплый, не сильный). В отдельных случаях можно принимать детей, не имеющих указанных данных, но имеющих большое желание участвовать в хоре. Эти дети в результате старания и настойчивости добиваются того, что не отстают от товарищей и являются ценными участниками хора. Желательно, чтобы хор состоял из детей одного примерно возраста... Хор выступает на шк. утренниках, на праздниках и часто вне школы» (НШ, 1950, 812).

О г. Петропавловске (Казахстан) во вт. пол. 1940-х гг.: «Памятны шк. вечера по знаменательным гос. датам. После прочтения директором доставленного из райкома партии доклада – выступление шк. хора. Затем на сцене появились настоящие артисты...» (Миرونенко, 2004, 4).

О перв. пол. 1950-х гг.: «Значительное отставание нужно отметить в орг-ции шк. хоров. До сих пор ещё не выполнено такое элементарное требование, как создание хора в каждой школе» (ВВВР, 1955, 40).

О Шадринске в 1955–1956 гг.: «Когда обучение стало смешанным и в школе появились девочки, Тамара Александровна создала хор, который стал одним из лучших в городе. Впоследствии в школе было три хора: октябрьский, пионерский и хор старшеклассников (последним и руководила Т[амара] А[лександровна] Калякина). Сколько нужно было сил, времени и умения, чтобы этот хор запел классику. Со сцены зазвучали “Персидский хор” из оперы Глинки “Руслан и Людмила” и хор девушек из оперы Верстовского “Аскольдова могила”. Разучивали под баян..., а выступали под фортепьяно (играл кто-то из учениц). Хор выступал в Шадринске часто и дважды в Кургане» (Плотникова, 1995, 50).

О середине 1960-х гг.: «...Руководство школы создало музыкальный дисбат – школьный хор мальчиков, посещение репетиций которого сделало принудительным. Спасать от него могли только ангина или возрастная ломка голоса. ...Репертуар хора включал исключительно великодержавные хоралы и неск. умильных песенок, вроде “Пусть всегда будет солнце!” или “На дороге чибис” (которого в глаза никто не видел). Хор ползень был дирекции участием во всяких смотрах и торжественных концертах» (Клех, 2003).

О Челябинске в 1966 г.: «1966 год. Я окончила шестой класс... Особая песня – хор. Не было раньше школы, где бы дети не тянули хором песни советских композиторов. Дети, что ли были талантливее? Те, кто петь не мог, завидовали “хористам”. Слова-то какие особенные: репетиция, спевка, выступление, прогон... А уж солисты были местными звездами, объектом обожания и подражания. Их часто освобождали от уроков для дополнительных репетиций, потому что выступлений было очень много – перед ветеранами, в детских садах, в селах пригорода. И никого не удивляла строка в расписании уроков: “В 14.00 – хор”. И времени хватало на все!» (Попова, 2006–3).

Об принудительной записи учеников в хор в нач. 1970-х гг.: «...[Тимка] поразмышлял ещё немного: “...Уроков задают ужас как много. Двойку за стих получил, надо исправлять. И ещё в хор записали. Не хотел, учительница пения сказала: “В обязательном порядке...”» (Матвеева, 1975, 7–8).

ШКРАБ – «Название школьного учителя в первые годы Советской власти... Сокращение слов: школьный работник» (Словарь, 1965–17, 1456).

О нач. 1920-х гг.: «Пока я учился в младших классах, школа претерпевала многообразные изменения и неоднократно переименовывалась, подобно тому как менялись и наименования самой преподавательской профессии. Слово “учитель” шибало в нос реформаторам чем-то старорежимным. И вот учителей перекрестили в “шкрабов” (школьных работников), – свирепствовавшая тогда эпидемия условных сокращений коснулась и учителей. Впрочем, шкрабы были вскорости заменены более благозвучными и не допускавшими иного толкования просвещенцами» (Любимов, 1992, 100).

О 1923–1924 гг.: «Кличка “шкраб” была изъята из употребления, и опять вернулось почетное наименование “народный учитель”. Именно под таким названием в начале 1924 года вышел новый ежемесячный печатный орган союза Рабпрос» (Балашов, 2003, 101).

«ШЛА машина тёмным лесом» – считалка. См.: «Ехала машина тёмным лесом».

О середине 1980-х гг.: «Шла машина тёмным лесом / За каким-то интересом. / Инти, инти, интерес, / Выходи на букву “с”. / Эта буковка не та, / Выходи на букву “а»» (495).

«ШЛА собака по роялю» – игра с произнесением речитатива и хлопками; аналогична игре «Летел лебедь...».

О конце 1980-х гг.: «Ещё была такая игра. Вставляли кругом два и более человек, и одну свою ладонь клали под ладонь соседа, а другую на ладонь, и как бы хлопали своей ладонью по ладошке соседа, он передавал дальше. Каждый хлопок приходился на одно слово: “Летел лебедь по синему небу и загадал число (любое число)” – “Четыре” – “Один, два, три, четыре” на слово “Четыре” проигрывает и выходит из игры тот, по чьей ладошке стукнут, задача того, кто произносит “Четыре”, стукнуть соседскую ладошку, а соседа – отдернуть руку (не раньше слова) чтобы тот шлепнул свою ладонь. К этой игре ещё текст: “Пошла кошка по роялю (или:) Шла собака по роялю) и нажала ноту (любую ноту)” – “Соль” – “До, ре, ми, фа, соль!”» (483).

ШЛЕМ (у девочек) – головной убор.

О 1970-х гг.: «Цигейковая шубка... считалась очень хорошей детской одеждой... Ещё – кофта. Её заставляли надеть под шубу... Что ещё? Рейтузы, шлем. И вечно замерзающие ноги, потому что вся обувь была на тонкой подметке...» (Метелица, 2002, 8).

ШЛЯКИ – то же, что *бабки*.

О 1890-х гг.: «По праздникам Вася большей частью играл в шляки [бабки]. Играть он мастер: как нацелится да покачает перед правым глазом биток, налитый оловом, как взмахнёт да метнёт – кучка шляков врасыпную... [Вася] бросил выигранные у Прошки шляки и сел опять на бревно» (Крутиков, 1959, 4–5).

ШЛЯПА – головной убор с тульей, преимущественно круглой, и полями.

Шляпа у девочек – головной убор с высокой тульей, преимущественно круглой, и полями.

О девочке из состоятельной семьи в нач. XX в.: «Из гимназии распустили в двенадцать... Девочки идут по аллее к площадке..., на которой устроены трапеции и гигантские шаги... Сорвали шляпы, кинули их на песок...» (Будогоская, [1929] 1988, 26).

О тринадцатилетней девочке во вт. пол. 1950-х гг.: «Инна Валерьяновна (в телефонную трубку): Хорошо. Запишите. Одеты в синее пальто, синюю фетровую шляпу, туфли коричневые... невысокая... тринадцати лет... Во время разговора появляется Эльвира, одетая так, как описывает её мать...» (Гераскина, 1962, 114).

Шляпа соломенная – шляпа, изготовленная из соломы.

О нач. XX в.: «Головным убором мальчиков обычно была широкополая, с загнутыми вверх полями, соломенная шляпа с лентой вокруг тульи, со спускающимися за спину двумя концами. У девочек такая же шляпа была украшена бантами или искусств. цветами. Шляпа держалась на голове при помощи резинки (обычно белой).

Шляпа соломенная у девочек.

О совхозе под Ленинградом в конце 1950-х гг.: «Девчонки идут! Тая Федорова и Люба Мигунова из их звена. И с ними третья девчонка, незнакомая. Шляпа на ней соломенная с широкими полями, платке синее в белый горошек. Городская какая-то, что ли?» (Котовщикова, 1962, 11).

Рекомендации девочкам-подросткам на лето 1996 г.: «**ШМЕЛЬ** – «Родственное пчеле насекомое с толстым мохнатым тельцем» (Ожегов, Шведова, 1996, 886).

Ловить шмелей.

О девочке 9 лет в с. Карачельском Шумихинского р-на в середине 1990-х гг.: «Когда мне было 9 лет, мы с подружкой ловили на цветущей акации шмелей. Ловить их нужно в мае, и чем больше шмель, тем лучше. Ловили спичечным коробком; открывали его, подходили к кусту, подставляли коробок и закрывали вместе со шмелем. Было очень страшно, ведь шмель может укусить, и поймать его было непросто. Смысл – нужно загадать желание, а когда шмель засохнет, желание сбудется. А если коробок носить с собой, то майский шмель принесет удачу и счастье. Ловили шмелей многие девчонки, но это было недолго, год или два, потом все забыли про майского шмеля. Мы собирались с девочками, немного приоткрывали коробок и хвастали, у кого самый

большой шмель, рассказывали, где поймали и как было страшно. Первые дни шмель в коробке жужжит. Когда его потрясешь» (142).

«ШМЕЛЬ» – самодельная (не фабричная) игрушка, издающая гудение.

О вт. пол. 1930-х гг.: «Заманчивее всего – потому что запретно – самодельные игрушки разносчиков. Бумажный мячик с опилками на резиночке... Соловей – ... деревянная втулочка со свинцовым сердечком. Нажимая, вращаешь – изводит скрипучими трелями. Шмель – глиняный цилиндрок на веревочке и на прутике. Раскрутишь – гудит» (Сергеев, 1995–1, 9).

«ШНУРКИ в стакане» – (подростковый лексикон) родители дома.

О девочке 10–13 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1997–2000 гг.: ««Шнурки в стакане» – родители дома. Впервые услышала от одноклассника» (134).

«ШНУРКИ поглажу» – (подростково-молодежный жаргон) ирон.: о нежелании выполнять просьбу. Ср.: «Улыбаться по ночам не будешь?»; «Только валенки зашнурю».

О девочке 15–17 лет в 1990–1993 гг. в г. Когалыме Тюменской обл.: «Собиралась сестра в кино. Друг ждал её, наблюдал за подготовкой к выходу из дома, поторапливал. Она ему ответила: “Уже иду, только шнурки поглажу”» (134).

О девочке 13 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1998 г.: «Фраза “Шнурки поглажу” обычно произносилась, когда кто-н. из ровесников или младших просил тебя что-то сделать. И фраза означала, что делать это ты не будешь» (141).

О г. Далматово в 2002–2003 гг.: «Фразу “Иду, только шнурки поглажу!” я узнала в 15–16 лет. Она применялась, когда человек отказывался что-л. делать» (136).

ШНУРКИ связывать – см.: *Шнурок, Шнурки связывать у обуви.*

ШНУРОК (поясок) – «Тонкая верёвка, сплетённая из крученых нитей или прядей» (Словарь, 1965–17, 1495).

Повязывание шнура вокруг головы – вид поощрения за хорошее поведение.

О конце 1850-х гг. в институте благородных девиц: «После общей молитвы и чая девочек привели в класс, и всем был роздан шнурок с кисточками, который они повязывали кругом головы, оставляя кисточки болтаться над левым ухом. Красный шнурок обозначал хорошее поведение, за дурное – шнура лишались, а самая “парфёшка” получала синий шнурок. Второй класс был весь лишён шнура... “Подождите, – торжественно заявила [инспектриса], – вам дадут ещё шнурки. Эта “награда” задержала их ещё пять минут. Девочки готовы были кричать, плакать, топтать ногами со злости, но, как укрощенные дикие зверьки, металы только злобные взгляды, ловили, чуть не рвали “награду” и торопливо повязывали её на голову, затем построились в пары и вышли в зал» (Лухманова, [1903] 1997; 359, 361).

Об институте благородных девиц в конце XIX века: «...белые и красные шнурки за поведение... “От шнурков только волосы секутся...” Белый с двумя пышными кисточками за отличное поведение шнурок точно терновый венец колот мойю голову... На чёрных косах княжны красовалась опять белый шнурок за отличное поведение, а имя её снова было занесено на красную доску» (Чарская; 182, 199, 200, 215).

См. также: *Красная доска.*

Носить шнурок в качестве пояса.

О деревенском 9–10-летнем мальчишке в 1947 г.: «Мать к школе сшила Павлику новую косоворотку, а отец – сапоги... Крёстная Поля... подарила Павлику к новой рубашке витой шнурок-поясок с двумя махорчатыми колокольчиками на концах. Поясок принадлежал ещё деду матери и крёстной – Парамонычу... [Павлик] волновался. И всё из-за обновок, из-за непосильного желания надеть сапоги и рубаху с пояском, выйти на люди и пройти эдак, сунув пальцы за шнурок... Павлик одевался, дрожа от радостного возбуждения... Наконец подпоясался шнурком, сдвинув узел со свисающими смачорчиками влево, как это делал... дядя Ваня, старший брат отца» (Сысоев, 19981, 67–68).

660

Шнурки связывать у обуви – вид детского озорства.

О пионерлагере в 1989 г.: «В лагере традиционно мазали всех пастой зубной, вареньем. Ночью наиболее смелые привязывали шнурки всех ботинок в ряд, и приходилось всё утро заниматься “разрубанием Гордиева узла”, связывали в кучу вещи...» (600).

ШОБЛА – уличная группировка, скопление людей, толпа (обычно о криминально настроенных подростках мужского пола).

О середине 1950-х гг. в Ленинграде: «...Компания сверстников нашего двора отнюдь не повторяла наш полудикий класс. В нашем дворе... собирались в основном дети науч. сотрудников Всесоюз. ин-та растениеводства – то была отнюдь не обычная уличная компания... Есть школа. А есть еще и двор. И я лихо спускаюсь с друзьями по лестнице. Лихо сплевывая вместе со всеми, стою в их толпе. По отдельности я всех их знаю и даже люблю – умные ребята, дети науч. работников, других у нас во дворе почти и нет. С каждым в отдельности можно вести умные душевные разговоры, но когда мы толпой, “шоблой”, уличная бактерия мгновенно распространяется среди нас и вместе мы совсем уже не то, что по отдельности. Хоть не выходи во двор! Но отсиживаться нельзя, пропадешь – это я чувствую. Хотя и тут – пропадешь. Куда податься?» (Попов, 2006).

ШОКОЛАД – застывшая масса из порошка бобов какао с сахаром и пряностями.

О рождественской ёлке в нач. 1890-х гг.: «Никита сорвал с елки хлопушку и разорвал её, в ней оказался колпак со звездой. Сейчас же захлопали хлопушки... Лиле достался бумажный фартук с карманчиками. Она надела его. Щеки её разгорелись, как яблоки, губы были измазаны шоколадом» (Толстой, [1919–1922] 1984, 40).

О девочке в 1913 году: «“Завтра, значит, будет праздник?” / “Праздник, Жанна, говорят”. “Все равно, какая разница, / Лишь бы дали шоколад”» (Инбер, [1913] 1947, 18).

О 1914–1915 гг.: «Сашеньку... он любил, словно родную дочь. Когда она заболела, он... покупал лекарства, приносил скромные лакомства, какие можно было достать в то голодное и нищее время. Однажды, помню, принес плитку шоколада “Золотой ярлык” в сверкающей обёртке. Эта плитка была как бы кусочком солнца, ворвавшимся в нашу темную жизнь. Разломив плитку шоколада пополам, он взял на руки Сашеньку и Стасика, дал им и... сам взволнованный их радостью, ходил с ними по комнате» (Рутько, 1962, 75–76).

О Москве во вт. пол. 1920-х гг.: «Мама... часто брала меня с собой. Я любил эти прогулки, так как они неизменно заканчивались покупкой маленькой шестикопеечной плитки шоколада или трехкопеечной порции мороженого» (Некрич, 1991–1, 52).

О 1949–1950 гг.: «“...Смотри, что у меня есть”, – [мама] открыла тумбочку и достала маленькую коричневую дощечку. “Что это?” “Это очень вкусно! Это шоколад. Я нашему инженеру помогла с чертежами, а он мне вот эту плитку шоколада дал, для тебя. Вот мы пообедаем, и ты будешь есть её с молоком” “А золотой яркорь с обёртки можно вырезать и приклеить на шапку. Правда?” “Правда...”» (Алмазов, 1979, 232).

О старшекласниках в 1949–1951 гг.: «...В общем, Женюра попал во взрослую [спортивную] команду, наполучал талонов и теперь угощал нас шоколадом. Карточки к тому времени отменили, но ели мы все хлипка. Завариха, конечно, отошла в военное прошлое, да и то у всех, а так – картошечка, капуста, хорошо, если с маслицем, ну и каши осточертевшие, и только на праздники мясо. А тут Женюра шоколадом отоваривает» (Лиханов, 1995, 179).

О начале 1950-х гг.: «В ларьке направо – шоколад. / В ларьке налево – лимонад» (Маршак, [1952] 1968–1, 331).

Фигурный шоколад – фигурки животных, сделанные из шоколада.

Вероятно, о 1920-х гг.: «“И то правда, – согласилась Маша, – мы с Глахой снова обелись фигурного шоколада, это ещё в девчонках” “Ага, в деревне шоколадами-мармелладами выкармливали”, – расхохоталась... Нюрка... “Не верите? Да мы с нашим батей и не такого

видали, ей-ей! Безземельные мы были, вот батя и ездил на заработки в город... Вся деревня, бывалоча, ждёт нашего отца, как циркача какого. Вот и привёз нам по кульку фунтового шоколада, красивого. Сели мы в горнице на полу... и не встали, пока не умяли всё до фигурочки. А там всякие зверьки были, мы зайца – ам, за ним медведя... Сильно животами маялись. Шоколад жирный, а мы всю дорогу постились семейно» (Татарикова, 1991, 198–199).

Шоколадка – небольшая плитка шоколада.

Об Одессе в 1905 году: «Папа! – сказал мальчик... – Папа, дай мне пять копеек». «Для чего?» – спросил отец... «Я себе куплю шоколадку», – тихим голосом сказал [Петя]. «Шоколадку? Прекрасно! Против этого трудно что-нибудь возразить»... Отец... подошёл к письменному столу, отомкнул его и подал... мальчику плитку шоколада с передвижной картинкой на обертке, запечатанной, как конвертик, пятью сургучными кляксами... Петя взял шоколадку, пробормотав: «Спасибо, папочка»... Павлик увидел в углу столик с подарками... Подарки были превосходные... Были, кроме того, жестяные коробочки монпансье «Жорж Борман», шоколадки с передвижными картинками и маленький тортик в круглой коробке» (Катаев, 1961; 185, 230).

О десятилетней девочке в 1915 году: «Мне давали утром пятнадцать копеек на завтрак, из этой суммы я копеек пять трагила ещё по пути в гимназию на лакомство. На этом пути тут и там сидели торговцы с лотками. На копейку можно было купить либо три больших леденца..., либо порядочный кусок халвы, а за пятачок – целую шоколадку с начинкой из крема, в цветной бумажке с двумя язычками: потянешь за один язычок – на картинке выскакивает злобное лицо [немецкого кайзера] Вильгельма II, тогдашнего нашего врага, дернешь другой язычок – появляется чубатая голова героя тогдашней войны казака Козьмы Крючкова, прославившегося многими подвигами в битвах с германцами, как тогда называли немцев... Мне очень нравилась эта самостоятельность – сама иду в гимназию и обратно, покупаю, что хочу, не захочу – совсем не буду завтракать, прокормлюсь шоколадками с Вильгельмом и Козьмой Крючковым» (Панова, 1980, 38–39).

Шоколадная «бомба» (с сюрпризом) – шоколадное изделие в виде полога шара (шарообразной бомбы); пространство, не заполненное шоколадом, обычно содержало какой-либо предмет (безделушку, игрушку).

Ср.: «*Киндер-сюрприз*».

См. о Москве начала 1910-х гг.: «Я любила Чуйку... Я подкарауливала в передней брата, когда он, накинув шинель, бежал утром в гимназию, совала ему в руку серебряную бумажку с осколками шоколадной бомбы и умоляюще просила: “Вова, отдай это Чуйке”. Потом подсматривала из окна, не жуёт ли брат мой подарок» (Луговская, [1983] 1987, 54).

Об Украине во вт. пол. 1910-х гг.: «Громадный, как пароход, зеркальный буфет, наполненный пряниками и шоколадными бомбами звенел... Золотой ключик от буфета, по рассказам Коти, был спрятан... И тогда Котя достанет золотой ключик, откроет буфет и вынет шоколадную бомбу» (Ямпольский, 1964, 270).

О середине 1930-х гг.: «И девочки сунули нам деревянный самоварчик, какие попадались в новогодних хлопущах или в круглых шоколадных конфетах, конфета была внутри пустая и называлась бомбочкой, и в ней что-нибудь лежало: такой самоварчик, леденец или просто копеечка» (Александрова, 1992).

О Москве во вт. пол. 1930-х годов: «На углу Третьей Мещанской у кооператива, у Соколова, – с лотком моссельпромщица. Ириски, тянучки, ракушки с белой или розовой начинкой, шоколадные бомбы – внутри пустые. Говорят, раньше в них были какие-н. замечат. маленькие вещицы. Всё это дорого» (Сергеев, 1995–1, 9).

Шоколадная «медаль» – круглая шоколадная плитка, обёрнутая в фольгу и напоминающая по виду медаль.

О 1936–1937 гг.: «На этот раз Дед-Мороз вручил мне красивый бумажный пакет, раскрашенный в красный и зеленый цвета. Я заглянул внутрь и с радостью увидел,

что в пакете мои любимые белые и розовые брусочки пастилы, шоколадная медаль в золотой обертке и мятлые пряники... Дед-Мороз вручил мне еще один приз: пергаментный конверт, раскрашенный в голубой и жёлтый цвета. Я заглянул внутрь и увидел, что там – белые и розовые прямоугольнички пастилы, шоколадная медаль в серебряной обертке и медовые пряники» (Алексин, [1964] 1980; 376, 377).

О начале 1960-х гг.: «...Володя, возвратившись из школы, получил неожиданно подарки: отец принёс ему... книгу Марка Твена “Том Сойер” и водяной пистолет, а мать дала ему мешочек с шоколадными медалями... Володя блаженствовал... Он лежал в ванне, ел шоколад, читал Марка Твена и пулял из водяного пистолета. Разве не жизнь?» (Карпенко, 1962, 31).

Шоколадное яйцо – шоколадное изделие-игрушка в форме куриного яйца, внутри содержало ещё одно шоколадное яйцо с вложенной игрушкой.

О начале 1920-х гг.: «Мое начальное детство... Видимо, ранняя пасха. Потому что Теофил Андреевич, грек, подарил мне большое с узорами шоколадное яйцо. А в нём – я знаю – другое – поменьше, а в этом – третье – маленькое деревянное крашеное... Я жду отца... Папа входит и сразу ко мне. Он приносит какой-нибудь пустяк – карандашик, блокнотик. Он совершенно не умеет покупать, тратить деньги. Да, по-моему, у него в кармане всегда одна мелочь. Но почему-то этот карандашик, блокнотик дороже мне драгоценного шоколадного яйца» (Самойлов, 1993, 212).

Шоколадный заяц – фигура зайца из шоколада.

О Ленинграде 1938–1941 гг.: «А когда был новый год, то даже был Дед Мороз, который раздавал подарки... Каждому дали по кулечку, в котором были кедровые орешки и несколько конфеток-подушечек. Конечно, эти подушечки нельзя даже сравнить с большими шоколадными зайцами, которые были в подарках до войны» (Денисова, 2006).

О конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Майка шла по улице. Остановился троллейбус, бесшумно раскрылись двери, вышла женщина с маленькой девочкой в зеленых валенках. Девочка звонко, на всю улицу, сказала: “Мама! Купи шоколадного зайца!”» (Матвеева, [1973] 1975, 68).

Шоколадный медведь – фигура медведя из шоколада.

О нач. 1920-х гг.: «Мое начальное детство... Видимо, ранняя пасха. Потому что Теофил Андреевич, грек, подарил мне большое с узорами шоколадное яйцо... А дядька-провизор принес шоколадного медведя. Медведь сидит в деревянной коробочке и изображает зоопарк. Другой дядька – владелец “Меркурия” – дал мне неск. тяжелых медных пятаков. Ими я кормлю медведя. Но все это мне уже прискучило...» (Самойлов, 1993, 212).

ШОРТЫ – «Брюки до колен... Англ. short – короткий» (Словарь, 1965–17, 1509); «короткие брюки длиной значительно выше колен, впервые появились в спортивной одежде в 30-е годы XX века как очень широкие короткие штаны для тенниса» (Терешкович, 1999, 434); «род коротких (не входящих до колен) брюк» (Ожегов, Шведова, 1996, 887).

О 1970-х – 1980-х гг.: «В “Артеке” и “Орленке” все дети, и мальчики, и девочки, ходили в одинаковой форме: короткие шорты, рубашка и галстук. Это было очень красиво» (Кон, 1997, 148).

Шорты у девочек.

О середине 1960-х гг.: «Аня была в голубых шортиках с “молниями” на карманах и в белой кофточке без рукавов, загоревшая дочерна... Он быстро вытащил из-под Аниных шорт босоножки...» (Мошковский, [1969] 1987–1; 67, 69).

Рекомендации девочкам-подросткам на лето 1996 года: «Шорты. Тебе понадобится не более одной пары. Лучше всего, если шорты будут суперкороткие, эластичные, но с кармашками хотя бы сзади» (Шумская, 1996, 5).

Шорты у мальчиков.

О перв. пол. 1960-х гг.: «По берегу шла гурьба мальчишек. Передний... в линялых серых шортах, катил огромную, туго надутую автомобильную камеру... За

ним шагал длинноногий беловолосый мальчишка, тоже в коротких шортах, только синих, с большим рюкзаком за спиной» (Мошковский, [1967] 1972, 38–39).

О середине 1960-х гг.: «Пока я поднимал на ноги Алика, пока отряхивал пыль с шорт, пока... дул на его ободренные в кровь... колени и локти, появился Игорь Федоров» (Туинов, 1985, 12).

О перв. пол. 1970-х гг.: «Конечно, этому можно найти оправдание: я ещё совсем малыш, вот на мне синие шортики...» (Левинзон, 1980, 86).

О нач. 2000-х гг.: «...Сын... вытащил из кармана шорт новенький водяной пистолет...» (Кабыш, 2002, 6).

ШПАГА, сражаться на деревянных шпагах.

О начале 1970-х гг.: «Но ребята находили себе занятие. Играли в прятки, в догонялки, сражались на деревянных шпагах...» (Котовщикова, 1974, 33).

ШПАНА – незаконнослушные подростки, несовершеннолетние хулиганы, уголовники.

О 1922–1923 гг. в Новочеркасске: «Городские обыватели на всех углах поносили “приятскую шпану”, подстерегали нас с дреколем в подворотнях, где и разыгрывались настоящие сражения» [...]

О середине 1950-х гг.: «...Были тогда и понятия мальчишеской чести в драке. Даже у шпаны были свои правила игры» (Бондаренко, 2006, 3).

О 1966 г.: «Во дворе шпана играла на деньги – в “чикку”, “трясучку”, “пристенок”...» (Киршин, 2002).

ШПАРГАЛКА – «Листок бумаги с заметками, формулами и т. п., которым учащийся во время проверки его знаний пользуется тайно от преподавателя» (Словарь, 1965–17, 1522).

О гимназии середины 1910-х гг.: «...Зойка училась неважно. Мика с Ириной помогали ей, как могли. В стенке Ириной парты было небольшое круглое отверстие от выпавшего сучка. Через него и передавались Зойке разные записки и шпаргалки» (Филиппова, 1938, 37).

О перв. пол. 1940-х гг.: «Помни: / Тебе не поможет / Шпаргалка! / Зря с ней провозишься, / Времени жалко!» (Барто, [1945] 1969–1, 270).

О старшеклассниках мужской школы в нач. 1950-х гг.: «Что касается экзаменов, то все тот же Коля Шмаков раздобыл напечатанные на машинке ответы на билеты, конечно же, с решениями, и мы тщательно списывали ими крохотные листочки бумаги, изготавливали шпаргалки. Их приготовление было целым искусством, и кое-кто для скорости и экономии сил объединялся в скромные, под обязательства тайны молчания, коллективы, однако это годилось лишь на устных экзаменах, да и то если никто не горит и шпаргалку не отнимают – тогда все эти труды разлетались, будто карточный домик, и один неудачник гробил всех остальных. Так что предпочтение отдавалось индивидуальным усилиям и штучному производству, и если кто станет хулить шпаргалки, я искренне не соглашусь, потому что лично для меня эта кропотливая работа была двойным повторением: сперва по учебнику, потом по шпаргалке, которая получалась как бы письменным конспектом. Не раз выходило так, что доставать шпаргалку не было нужды – так хорошо все запомнилось накануне, или же доставал ее для контроля – сверить, точно ли ты решил задачи своим умом. Сходилось на все сто» (Лиханов, 1995, 263–264).

О конце 1950-х гг.: «Был уже поздний вечер, а заседания учкома всё шло и шло. К столу выходили ученики пятых, шестых классов и однообразно, еле слышно говорили о том, почему они за первую четверть получили двойки. Члены учкома, ученики старших классов, задавали им одни и те же вопросы, потом – выступали, то есть разносили за шпаргалки и подказки... Борис Новиков, выбранный в учком от десятого класса, сидел на первой парте и хмуро сдвигал темные брови. Всё ему не нравилось... Разве не прибегают они, уважаемые старшеклассники, к этим средствам спасения, появившимся, как показывает художественная литература, сотни лет назад, вместе с первой школой, и здравствующими и поныне?» (Махров, 1959, 146). О 1950-х гг.: «Хоть на той контрольной,

скажем, / Я вполне четвёрки ждал: / Петька – с ним контакт налажен – / Мне шпаргалку передал» (Заходер, 1959, 14).

О 1970-х – 1980-х гг. в Челябинске: «Была в нашем классе девочка по прозвищу Машка-шпаргалка. Школьных платьев у неё было два, и одно – специально для экзаменов и контрольных. Платье хитрого фасона: с пышной юбкой, на которой были нашиты кармашки-тайнички. В них вкладывались шпоры по теме экзамена или контрольной. Всё это сооружение было прикрыто школьным фартуком. Но Марья никогда шпаргалками не пользовалась. Просто их присутствие успокаивало её нервишки» (Батист, 2007, 4).

О конце 1990-х гг. в Туле: «“Наши умельцы прятали “шпоры” и в бутерброды, и в ботинки. Особо одарённые писали цитаты к сочинению на чистой стороне “кокакольной” этикетки – приклеиваешь её назад на бутылку и во время экзамена делаешь вид, что зашёл в кашле и надо срочно попить. Есть ещё один вариант: наколоть формулы на кожуру яблока и положить его прямо перед собой на парту – отлично срабатывает!.. Лена К., 10-й класс, Тула”» (из журнала «Маруся», 2000, № 5, с. 24).

ШПИОН – «тайный агент, выведывающий и собирающий важные политические, военные, экономические и прочие секретные сведения для гос-ва, посланного его...» (СИС, 1954, 786); «Лицо, которое секретным, преступным образом собирает или похищает сведения, составляющие гос. или военную тайну, с целью передачи их другому государству, врагу» (Словарь, 1965–17, 1531)

Шпионов искать, выслеживать – характерная черта детства 1930-х – 1950-х гг.

О девочке 6–8 лет в Москве в 1935–1937 гг.: «Я сама почувствовала резкое изменение атмосферы... когда убили Кирова. Хотя мне было всего шесть лет, я хорошо это помню... В воздухе носилось что-то зловещее... Чуть ли не на каждом уроке – я уже ходила в школу – нам читали книжку о пограничнике Карацупе и его верной собаке, мы были помешаны на нём. И сами искали шпионов. Как-то ряд я прибежала домой встрепанная, закричала: “Мама мне некогда! Мы ловим шпиона!” А всё дело было в том, что какой-то дядька стоял в перулке и что-то срисовывал на синюю кальку. Родители были в ужасе, пытались меня вразумить, но очень осторожно» (Яхнина, 2004–1, 18).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Маринка так читалась книг про шпионов, что ей повсюду стали мерещиться шпионы. Вместе со своей школьной подружкой Леной они выискивали на улицах всяких “подозрительных типов” и принимались их выслеживать. На этот раз они долго выслеживали одного гражданина, и расследование завело их во двор, где шла сварка...» (Масс, 1976, 22–23).

Шпионские повести, книжки; книги про шпионов.

Распространено мнение, что детям (детям-подросткам) в 1940-е – 1980-е гг. нравилось читать «книжки про шпионов».

«Вот один из “блуждающих” сюжетов некоторых приключенческих книг. Вражеский разведывательный центр задумал ответственную операцию, суть которой состоит в том, чтобы похитить ценное научное открытие или совершить крупную диверсию с этой целью. В Советский Союз направляется матерый шпион. Ему удаётся перейти границу, найти сообщников среди морально неустойчивых людей и приступить к осуществлению своих подлых планов. Но с первых шагов за шпионом начинают следить наши контрразведчики. От них не может укрыться ни одно его движение. С помощью бдительных и мужественных советских людей наша контрразведка распутала все нити. Короткая и эффективная сцена ареста – и шпион и вся его группа обезврежены» (Шевелев, 1958, 249).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «Маринка так читалась книг про шпионов, что ей повсюду стали мерещиться шпионы... “Ничего, – сказала Маринка. – На меня тоже находит. Недавно на меня так нашло, что я Лену портфелем ударила по голове... Она сказала, что майор Пронин все равно что шпион. Только наш. А он

никакой не шпион, а советский разведчик. Правда?» (Масс, 1976, 22–23).

О 1957 г.: «Показательна беседа с большой группой читателей, особых любителей детективной литературы, в библиотеке 67-й школы, Москва. Вот запись этой беседы... “Все книги о шпионах мне очень нравятся. Когда читаешь такие книги, всегда здорово переживаешь. Но я знаю, что во всех книжках и кино шпионов всегда ловят, и поэтому заранее успокаиваешься” (Пуховицкий Юрий, 6-й класс, Москва)» (Шевелев, 1958, 254).

О конце 1950-х гг. в совхозе под Ленинградом: «Свете становилось жутковато. “Таня, а что, если... если там поселились... шпионы?! Ведь они нас убьют”. Таня... сконфузилась... и призналась: “Насчет шпионов я милиционеру тоже намекнула. А он стал смеяться. Говорит: “Девочка, а, видно, тоже, как мальчишки, шпионских книжек начиталась. В нашем сельсовете военных объектов нет... Шпионам здесь делать нечего”» (Котовщикова, 1962, 17–18).

О восьмиклассниках в конце 1950-х гг.: «“Все равно меня надо переизбрать”. “Почему?” – спросил я. “Я с собой-то едва справляюсь, – тихо, словно по секрету, сказал Мишка. – Мама принесла новую книгу про шпионов. Я и не заметил, как до середины дочитал. Потом, конечно, спохватился. – Мишка тяжело вздохнул. – Где уж мне с ребятами справиться...”» (Зелеранский, 1961, 44).

О конце 1950-х – нач. 1960-х гг.: «Последнее учреждение, куда она пошла, – районная библиотека. “Дайте какую-нибудь работу”. Пожилая библиотекарша в школьном платке с отложным воротничком обрадовалась. Она поняла это так, что вот ещё одна школьница хочет записаться в “друзья книги”, и тут же дала ей грудку зачитанных шпионских повестей подклеивать» (Бейлина, 1966, 54).

О начале 1960-х гг.: «Я нашла свою книгу, а Валенка включил свет и вытащил из-под подушки свою. Последнее время он читал только про шпионов. На обложках обязательно нарисовано что-нибудь страшное: или взрыв, или хватают за глотку какого-то шпиона с револьвером в руках. Валенка на месте спокойно сидеть не может, когда читает эти книги. Только и слышишь от него: “Вот здорово его, собаку, майор распознал!” или: “Обязательно найдётся гад, не уйдёт!” Спросишь его: “Кто, Валенка?” “Шпион, конечно! Не мешай!” – и отмахнётся сердито. А мне тоже очень интересно. В этих книжках такие истории, что прямо от страха дрожишь» (Минчковский, 1966, 136–137).

О середине 1960-х гг.: «Тетя Лиза не выпускала Радика на улицу уже второй день, потому что у него оказалась температура... Температура давно кончилась, но тетя всё равно поила горячим молоком на меду и велела сидеть в комнате. Радик сидел. Сидел и читал шпионскую книжку. Уже вторую, новую, но удивительно похожую на ту, где Агент подрывал лесную промышленность. В библиотеке посёлка вообще почти все книжки были похожими одна на другую. Повальщикам нравились такие – “за шпионов и за любовь”. И завклубом Надя привозила целые груды этих занимательных сочинений, добросовестно выполняя, как говорится, пожелания трудящихся. Радика тоже пришлось по душе захватывающие истории про Агентов и Резидентов. Он только немного огорчился, что шпионы одинаково держались у нас в стране и одинаковые ошибки делали, по которым их находили и вылавливали одинаковые молодые лейтенанты. Но иногда в книжках попадалось разное. В той, например, Агент откусил свой палец, когда совсем засыпался. В пальце была заделана ампула с ядом, он проглотил её и спокойно отравился. А в этой книге – другое дело – Агент не хотел травиться. Он спрятался в самовар и долго отстреливался. И только когда кончились патроны, он перерезал себе горло острой бритвой» (Кузьмин, 1966, 193).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «“А чем тебе плохо? – перешел я в наступление..., – ты лежишь сытый, в тепле и повышаешь свой культурный уровень”. Я

показал на шпионскую книгу, которую Толька держал в руках раскрытой на середине» (Машков, 1974).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Говорит библиотекарь И.Я. Линкова: “Существует хоть и немногочисленный, но почти непобедимый отряд мальчишек и девчонок, которые вообще ни под каким видом ничего, кроме шпионов, бандитов и сыщиков, видеть в книжке не хотят. Изо дня в день, из года в год заняты они непрерывной погоней за очередными сверхпроницательными майорами, за очередным неуловимым “агентом № 25”»» (Бегак, 1985, 33).

См. также: «Библиотека военных приключений»; *Сказки; Фантастика; Чтение, Чтение детьми литературно-художественных произведений как увлечение, любимое занятие.*

«ШПОНОЧНИК» – ружьё, стреляющее проволочными скобами.

О пионерском лагере в середине 1960-х гг.: «...Раньше [вожатая Лена] никогда не стреляла из таких штук. Из луков стреляла, когда была ростом не больше Саньки. Из “шпоночников” стреляла – это такое ружьё, бьет проволочными скобами. А Леркин самострел был каким-то гибридом “шпоночника” и лука» (Крапивин, [1968] 1981, 311).

«ШПОРА» – то же, что *шпаргалка*.

ШТАБ – 1. Руководящий и контролирующий орган чего-либо.

В 1970-х – 1980-х гг. существовали понятия «комсомольский штаб», «пионерский штаб», «штаб дружины». Проводились слёты пионерских штабов (1987) (Мокиенко, 1998, 671).

ШТАБ – 2. Специально обустроенное место тайного сбора детей.

О 1960-х гг.: «Все изменилось во дворе. Хотя все постарому. Просто тем, кому было десять-двенадцать, теперь стало по четырнадцать. Ушло детство. С его уютными уголками в глубинах двора, с его безмятежностью, тайными штабами, беспричинными радостями, гомоном и суетой!» (Матвеев, 1970, 20).

Из книги М.В. Осориной: «Давайте познакомимся с тем, как устроены “штабы” современных детей. Материалом для нас послужат описания, сделанные в основном людьми студенческого возраста, детство которых пришлось на вторую половину 80-х годов XX века. Большой частью это жители городов и поселков Северо-Западного региона России... “Штабом у нас были кусты, вернее, коридоры в них, закрытые сверху ветками и полиэтиленовой пленкой. Кусты были довольно низкими. Нам пришлось натаскать туда чурбачков, оставшихся от распиленных бревен. Они служили скамейками. Штаб был и укрытием, и местом выработки “военных планов”. Взрослые о нём знали и постоянно выгоняли нас оттуда, но штаб воссоздавался снова” (Мария). “Штабы и укрытия – это была какая-то мания. Зимой делали их из снега. Постоянно что-то достраивали. Там мы собирались после школы и обсуждали план захвата крепости противника (которой на самом деле не было)”. [Штабы] могут быть погружены в землю, когда дети находят или выкапывают пещеру, землянку, яму. Они могут находиться на земле: снежная крепость, шалаш, постройка из досок, фанеры, палок, веток, сена, картона, полиэтилена и т. п. Они бывают и внутри помещений: в сарае, в подвале, на чердаке, под лестницей и т. п.. Довольно часто они располагаются на деревьях, особенно в большом городе, как Петербург, где детям трудно найти естественное укрытие. Эти “штабы” на деревьях часто поражают воображение взрослых своей труднодоступностью, внушительной величиной и сложностью конструкций» (Осориная, 1999; 156, 158–159).

ШТАБ – 3. То же, что тайный союз, тайное общество. См.: *Тайные общества у детей.*

«ШТАНДАР» – см. «Штандр».

«ШТАНДАРТ» – см.: «Штандр».

«ШТАНДЕР» – см.: «Штандр».

«ШТАНДЕР-СТОП» – игра с мячом; то же, что «Штандр».

О нач. 1980-х гг.: «Мы очень любили играть в различные игры с мячом. Например, запомнилась мне игра: “Штандер стоп”. Правила. Чертил круг, и все дети вставали за черту этого круга, ведущий стоял в центре круга с мячом и при этом бросал мяч вверх, пока он бросал мяч, все разбегаются в разные стороны, как только он ловил мяч, он кричал: “Штандер стоп!”, и все останавливались. Затем ведущий говорил ([тому,] кто стоял к нему ближе): “Я иду на Олю” и, например, говорил: “Три больших шага и три маленьких”, затем делал эти шаги и бросал мяч в этого человека. Если попадал в него мячом, то тот человек был ведущим, а если нет, то этот же и оставался» (546).

Ср.: «*Стандер-стоп*».

«**ШТАНДР**» – игра с мячом.

О XIX веке – 1930-х гг.: «Это была одна из любимых довоенных игр ленинградских ребят, да и не только ленинградских, думаю. Игра эта очень старая, в неё играли ещё в [XIX] веке» (Якуб, 1988, 55).

О Москве в вт. пол. 1920-х гг.: «На первом месте стояли уцелевшие до наших дней салки... Второе место занимал “штандер” – игра с мячом: как только водящий произносил: “Штандер!”, все обязаны были замереть на месте, а тот, в кого попадал мяч, становился водящим» (Федосюк, 2004, 16).

О середине 1930-х гг. в Ленинграде: «Шло время, и мы включались в игры старших ребят: штандер, “двенадцать палочек”, лапту. В лапту, правда, принимали нас неохотно, а в “двенадцать палочек” – пожалуйста» (Богданков, 1972, 12).

О середине 1930-х гг.: «“Штандер!” – кричит Ватя. Ребята останавливаются, замирают. У Вати в руках мяч. Ватя выбирает, кто стоит поближе, делает три шага. Целится. Кидает мяч. Если попадет – будет водить тот, другой. Если промахнется – опять будет водить он. У кого накопится больше всех штрафных очков, того наказывают: ставят к стене и бьют мячом в спину. Девочек наказывают тихими ударами, ребят – сильными. Так, что потом видно: ходишь с красной спиной» (Коршунов, [1961] 1985).

О вт. пол. 1930-х гг.: «Для нас же, детей, все эти дворовые пространства, казалось, просто были самой естественной и органичной... средой обитания... Для лапты подходила дорожка вдоль шаповаловского дома, “штандер” начинался обыкновенно под тополем, слово его прямой, высоко оголенный ствол задавал высоту “свечки” мяча» (Кравенко, 2007).

О Москве в 1936–1937 гг.: «Двор нашего дома... был сплошь покрыт асфальтом... Во дворе стояла песочница для малышей, старшие играли в мяч (в “штандер”)...» (Воронцов, 1998, 132).

О Казани в 1940–1942 гг.: «[В. Аксенов:] “...Играли во что-то. Из приличных игр играли в городки” “А из неприличных?” [В. Аксёнов:] “Монетку об стенку кидали” “Так что же в этом неприличного?” [В. Аксенов:] “Ну как, деньги же... была ещё такая игра “Штандарт” – сейчас в неё, по-моему, не играют. Все собираются в круг, бросают вверх мяч, кричат: “Штандарт!”, и надо схватить мяч, убежать и спрятаться. Потом была такая игра, когда нужно запянуть мячом, короче, это был повод для более старших детей пофлиртовать. Я помню, сижу, и мне приятель говорит... а там была такая Эська, Эсфирь, татарка, девочка красивая очень... “Смотри, как она ногу поднимает – там у неё под юбкой красивое такое место”» (Смеётся)» (Аксёнов, 2007, 3).

О Москве в 1943–1945 гг.: «Детям хватало места для чего угодно – тихих посиделок, игр... в “чижика”, “штандер”... Летом 45-го по окончании занятий в школе я полностью наслаждался ничем не ограниченной свободой – моим миром стали двор и друзья... (...ничего не проходит бесследно, даже наши мальчишеские “казачки-разбойники” и “штандеры”...)» (Сафонов, 2001).

О Шадринске в 1940-е гг.: «В перемены, в школьном дворе, любили играть в игры... “Глухой телефон”... “Прятки”, “Штандер”...» (Плотникова, 2003, 38).

О 1950–1952 гг.: «Игры начала пятидесятых... Никогда не излагается во мне восторг... игр, даривших

настоящее вольготно-безмятежное детство. В конце апреля, едва подсыхала трава..., начинался штандр. Откуда пришло это название, никто не знал. Собиравшаяся со всей округи на нашу улицу детвора становилась в очерченный круг, водивший выходил на середину и высоко подбрасывал резиновый мячик. Все разбегаются, но с оглядкой – водивший выкрикивал чье-то имя (как правило, самого резвого, успевшего отбежать дальше других), и он должен был успеть вернуться в круг, поймать и крикнуть магическое: “Штандр!” В момент выкрика все замирали. Новый водящий выбирал себе жертву и кидал в неё мячиком. Едва мячик вылетал из рук, все опять бежали, только уже назад, стремясь попасть в спасительный круг, а тот, в кого кидали, ловил мяч и опять громко возглашал: “Штандр!” – и опять все замирали. В свою очередь, он кого-то салил мячиком и так далее... Помимо резвости игрокам необходима была расчетливость, трезвая оценка моментально меняющихся ситуаций. Штандр перемежался с лаптой, прятками и “чижилом”» (Гай, 1987, 77–78).

О Свердловске в нач. 1950-х гг.: «В одном дворе шла игра в “штандар”. Мальчишка высоко, свечой, подбросил мяч, выкрикнул чье-то имя, проехали, проехали, и никогда не узнать, чье имя он выкрикнул, кто рванулся к мячу и поймал его...» (Дробиз, 2004).

О вт. пол. 1950-х гг.: «Здесь, во дворе, про эту игру “землемер” и не слыхивали, играли в “пристеночку”, в экзотический “штандр”...» (Алексеев, 1987, 27).

О Москве во вт. пол. 1950-х гг.: «Здесь, во дворе... играли в “пристеночку”, в экзотический “штандр”... И вот однажды, когда я... стоял у стены, двое мальчишек моего возраста, Женька и Толец, подошли ко мне... Женька заговорил со мной первым... “Ну, чё стоишь? В штандр будешь?” Штандр я считал девчоночьей игрой и потому промедлил с ответом. “Да он не умеет...”, – сказал Толец...» (Алексеев, 1987, 27–28).

О нач. 1960-х гг.: «“Штандер-штандер” с подбрасыванием вверх мяча и выкрикиванием имени того, кто должен его поймать, а остальные разбегаются, пока не поймал названный товарищ, а далее должен этим мячом попасть в кого-то из остановившихся в момент захвата “штандером” мяча... Обыденно и известно...» (Михайлов, 2004, 5).

О Свердловске в середине 1960-х гг.: «Лето... Компания наша очень большая и разномастная: от пятнадцатилетнего Весика до шестилетней меня. ... Игры у нас разные: ... “пуговики”, “штандер”, “чика” и другие» (Смирнова, 2005).

О конце 1960-х – нач. 1970-х гг.: «Только я выйду во двор, только мы начнём играть в лапту или в “штандр”, как меня зовут: “Люся! Домой!”» (Пивоварова, 1979, 23).

О загородном лагере 1980-х гг.: «Каждую минуту мы были чем-то заняты. На пляже играли в “колючку”, “штандер”, “кондалы-закованы» (Кумейко, 2006–2, 7).

См. также: «*Штандер-стоп*»

«**ШТАНДР-СТОП**», «штандер-стоп» – игра с мячом; то же, что «*Штандар*».

О Шадринске в перв. пол. 1960-х гг.: «Игра “Штандер-стоп” была рассказана моей мамой, которая провела детство в г. Шадринске. Она с 1954 года рождения. Мама рассказала, что в эту игру они играли в детстве. Все участники вставали в круг, а ведущий в центре. Он кидает мяч. В то время, как ведущий ловит мяч, остальные разбегаются в разные стороны. Ведущий, поймав мяч, говорит: “Штандер-стоп”. Остальные участники останавливаются на месте. Ведущий определяет одного из участников и говорит, какое расстояние до него. Расстояние измеряется в “гигантах”, “лилипутах”, “лягушках”, “зонтиках”, “плевках”... Пока ведущий идёт к этому участнику, остальные стараются вернуться в круг (начерченный заранее), из которого убежали, а ведущий бросал мяч. Но если ведущий замечает их движение, он говорит: “Стоп”, участники останавливаются, однако как только ведущий отворачивается, участники продолжают свое движение. Достигнув участника, к которому шёл, ведущий кидает мяч в участника, этот участник ловит мяч, но если ведущий не попадает, то ведущий сам ловит этот мяч, а поймав его может

кинуть в другого участника, ещё не находящегося в кругу, так же может поступить и заляпанный участник. Кого заляпали мячом, становится ведущим, и игра продолжается» (529).

О г. Кургане во второй половине 1980-х гг.: «“Штандер-стоп”. В игре участвовали мальчики и девочки. При помощи считалки определяли галящего. Для игры был необходим мяч. Галящий брал в руки мяч, и подбрасывал высоко вверх над головой. И пока мяч был в воздухе, все остальные разбегаются по сторонам. Когда мяч падал на землю, галящий ловил его и кричал: “Штандер-стоп”, и все замирало на своих местах. После этого галящий делал три прыжка к любому участвующему в игре и бросал мяч. Если галящий попадал мячом в него, то происходила смена галящего. В другом варианте игры, мяч вверх мог бросать любой участник игры, тогда галящему было труднее поймать этот мяч. Как правило, так играли дети старших классов» (535).

ШТАНИКИ – «Простореч. Штанишки, штаны».

Из руководства по рукоделию 1953 г.: «Штаники на мальчика дошк. возраста шьют из тонкого сукна, саржи, репса, из бархата и всевозможных шерстяных и полушерстяных тканей, Материала требуется около 1 м. На рисунке 65 мы видим выкройку штанов и лямок... Шить начинаем с лямок... На концах лямок поместим пуговицы, а на спинке на расстоянии 6 см от шва прорежем (и обмечем) петли так, чтобы лямки перекрещивались на спине. Планки для застёгивания штанишек пришиваем к задней половине... Вверху пришиваем пуговицу. На планке под пуговицей прорезаем петлю и обмётываем» (Жилкина, 1953; 138, 140).

ШТАНИШКИ – 1. «...детские короткие штаны» (Словарь, 1965–17, 1555); см.: *Штаны (1)*.

Штанишки у мальчиков.

«При виде мальчугана и разбросанной вокруг детской одежды – лифчика, штанишек и баимачков... – у неё потеплело на душе. Крымов. Инженер» (Словарь, 1965–17, 1555).

О мальчике 2-4 лет в г. Мещовске Западной (ныне Калужской) обл. в 1930–1932 гг.: «Я бегал в коротких штанишках с лямками крест-накрест и всё лето – босиком» (Берестов, 1998, 541).

ШТАНИШКИ, штаны – 2. Род нижнего белья: небольшие женские панталоны.

О конце 1880-х гг.: «...Оба ловко подают девочке помощь и схватывают ее за локти и тянут каждый к себе; кузина Лина ... лежит ..., и её пухлые ножки в белых панталончиках навалились Павлику на плечи и грудь. Павлик смотрит, какие смешные у неё штанишки, все в кружевах, и розовое тело блестит меж кружевом и чулком. Он и не знал, что девочки носят штаны, он думал, что штаны только для мальчишек...» (Крашенинников, [1925], 1991, 55). [...]

О 1960-х гг.: «...Убедившись, что девочка пошла играть в песочек, бабка как ни в чём не бывало продолжает прерванный разговор с соседкой по лавочке. Вдруг снова истошный крик: “Ну что ты сделала со штанишками, паршивка этакая! Задущу я тебя, тварь поганую! Только штанишки надели новые, чтоб ты пропала! Не настаивайся на тебя! Сколько раз говорилось, не становись на коленки, сиди на корточках!”» (Носов, [1967] 1982–4, 419).

ШТАНЫ – 1. «Одежда..., имеющая две короткие или длинные штанины и закрывающая нижнюю часть туловища и ноги» (Словарь, 1965–17, 1555).

Штаны у мальчиков.

О Западной Сибири: в XIX – нач. XX в.: «В чалдонских семьях Баробы маленькие, до 5 лет, мальчики и девочки одевались одинаково: бегали в холщевых “станинах” – рубашках простого, прямого покроя ниже колен, без рукавов. Примерно с пятилетнего возраста детские костюмы уже различались по полу... Мальчикам шили штаны из такого грубого, прочного холста, что, по воспоминаниям, “за гвоздь зацепишься, а они не рвутся, висят, пока не сымут”» (Фурсова, 1990, 93).

О Москве в конце 1920-х – начале 1930-х годов: «Много в нашем подъезде было детей бедных,

полуголодных. Ходили они по-нищенски одетые: мальчишки – в драных, полудлинных штанах, девочки – в вылинявших, застиранных ситцевых платяцах» (Федосюк, 2004, 19).

Об ученике 7-го класса в 1953–1954 гг.: «Толя всегда был хорошо одет. И сегодня, например, на нем была эффектная курточка с молнией, которая очень шла к его смуглому лицу и серым глазам, и отутюженные штаны кофейного цвета с задним карманом» (Дик, 1956, 8).

О вт. пол. 1950-х гг.: «“Предатели!.. – закричал Алеша с горечью, отжимая матроску и штаны... Не так уж приятно чувствуешь себя в мокрой одежде: штаны липнут к ногам, матроска плотно пристала к животу и спине...» (Мошковский, 1959, 75).

Штаны короткие у мальчиков.

«С 1860-х годов все костюмы для мальчиков стали шить с короткими штанишками – так называемыми «кникербокер» (в переводе с немецкого – короткие брюки), – которые напоминали укороченные брюки взрослых; они делались из одной ткани с жакетом или курточкой. Такой вид одежды мальчиков становится «классическим» и переходит в следующее столетие» (Алёшина, 1995, 23). [...]

О вт. пол. 1940-х гг.: «Ходили в школу кто во что горазд. Но как ни экономили на одежде, мальчишки любого класса носили брюки. Ходить в коротких штанишках считалось неприличным» [...]

Штаны на лямках у мальчиков.

О Свердловске конца 1940-х гг.: «Мальчишки в большинстве своем носили вельветовые штанишки на лямках, которые перекрещивались сзади и пристегивались, а сами штанишки застегивались чуть ниже колен». [...]

О 1950-х гг.: «Колька на ходу отстегнул лямки, снял штаны и, подскочив к берегу, пощупал ногой воду» (Зобнин, 1963, 100).

Штаны у девочек.

О 1950-х гг.: «А потом кончились уроки, и мы вышли на шк. двор. На баскетбольной площадке сустились и прыгали девчата из соседней школы. У нас была смежная площадка. Они нарядились в штаны – ни дать ни взять мальчишки...» (Амлинский, [1961] 1974, 177).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Когда я была маленькой, мне казалось, что лучше быть мальчиком, чем девочкой. Я уговорила маму купить мне штаны и стреляла из рогатки. Но сегодня я думаю о том, как хорошо все-таки, что родилась я девочкой. Хотя я снова надела штаны. Однако совсем не для того, чтобы быть похожей на мальчишку. Эти ярко-голубые брюки из тонкой шерсти с лавсаном мне купила ко дню рождения мама» (Киселев, [1966] 1969; 33–34, 37).

ШТАНЫ – 2. То же, что *Штанишки (2)*.

ШТОПАТЬ чулки – см.: *Чулки, Штопать чулки*.

ШТОРМОВКА – «куртка из плотной водонепроницаемой ткани (у моряков, геологов, спортсменов)» (Лопатин, 1997, 802).

О 1960-х гг.: «Группа подростков в штормовках с эмблемой у локтя, отправляющаяся под вечер в поход с ночевкой, враждебна таким ребятам. В основе вражды зависть, в которой они никому в жизни, конечно, не признаются. “Организованным” стараются напакостить, чтобы этим хвалиться в кругу своей братвы. Но если случится так, что парень из подворотни будет принят в отряд, живущий по законам настоящей чести, настоящей дисциплины и работы, – не будет человека более преданного этим законам, чем он. Самое трудное – отвлечь, оторвать его от “братвы” и повернуть к настоящей жизни... Встав в строй с такими же мальчишками, девчонками, как он, получив эмблему на рукав или штормовку, приняв название “дзержинец” или “неунывака”, мальчишка начинает чувствовать, что он под защитой от всего, что было раньше враждебным, – от непонимания взрослых, от мести великовозрастного Толика» (Матвеев, 1970; 25, 38).

ШТУРМ снежной крепости – детская военная игра.

О школьниках конца 1950-х гг.: «А недавно мы устроили военную игру. Мы, “красные», штормовали снежную “крепость”, которую занимали “синие”. Наши

противники яростно отбивались снежками. Один снежок угодил мне прямо в лоб, да так сильно, что в глазах у меня искры вспыхнули. Но я все-таки взбежал на самый верх “крепости” и установил там красный флажок. И после этого “синие” сдались» (Греков, 1960, 71–72).

«ШТУЧКА» – иллюстрированное приложение [для девочек-подростков] к ежемесячнику «Ровесник». Выходит с конца 1990-х гг.

О 2003 годе: «Особенно популярны у нынешних детей и подростков развлекательные журналы. ...Подростки читают “Cool”, “Молоток”, “Штучку”, “СПИД-Инфо”, “Coolgirl”, “Марусю» (Мавлевич, 2003, 12).

ШУБКА – «Обычно о женской, детской шубе» (Словарь, 1965–17, 1602).

О детях из детского сада зимой в 1950-е гг.: «На каждом шубка с поднятым воротником, а воротник ещё повязан шерстяным шарфом, тёплая шапка, рейтузы и валенки» (Нагибин, 1960, 108).

Шубка у девочек.

О Москве 1903 года: «По субботам, около пяти вечера, Ксенька и Аришка всегда встречали остроносую девочку в капоре и в синей бархатной шубке. Это была дочь военного доктора Матвеева с Большой Пресни... Подруги называли девочку в капоре “докторская” или “дылда”... Возле часовни мученика Пантелеймона девочка в капоре остановилась. Она пошарила в карманах шубки и сказала: Трофим, дай гривенник!”... На беговой дорожке из-за ёлок показалась девочка лет тринадцати, одетая в белую меховую шубку...» (Бродская, Голубева, 1938; 7–8, 22).

О девочке 11–13 лет в Ленинграде 1941–1942 гг.: «Гая надела тёплую кофту, сверху лыжный костюм и меховую шубку» (Карасёва, 1960, 27).

О пятикласснице в Москве в середине 1970-х гг.: «...Аня [натягивала] шубку из сусличьих шкур, синюю вязаную шапку и новые чёрные сапожки... Синяя шапка сползала Ане на затылок... Сусличья шубка распахнулась. Пионерский галстук съехал набок» (Пивоварова, 1977; 53, 78).

О 1980-х гг.: «А ещё была такая штука – цигейка... Цигейковая шубка, утепленная изнутри ватином, считалась очень хорошей детской одеждой. У меня их сменилось несколько, с первого класса по... Не помню. По восьмой или по девятой. Они были коричневыми, что делало обладательницу похожей на медвежонка. Взрослых это умиляло. ...Покупались такие шубы на вырост, а затем, после более или менее гармоничного совпадения размера одежды с размером ребенка, они становились коротки и – самое ужасное! – надставлялись снизу широкой полосой цигейки, тоже коричневой, но отличной по оттенку и фактуре от основного меха. И так мы ходили долгие-долгие месяцы...» (Метелица, 2002, 8)

Шубка у мальчиков.

Кинорежиссер и сценарист Л.М. Бердичевский (1945 г. р.) вспоминает: «Когда мне было лет пять или шесть, я гулял с “группой” детей в Ильинском саду, в Москве. Группой руководила... старая женщина в черном пальто... Была зима. Я носил белую шубку и коричневый меховой капор» (Бердичевский).

ШУМОВОЙ оркестр – шумовые оркестры из-за неимения средств на настоящие музыкальные инструменты создавали в 1920-е – 1940-е гг.

О Минске в 1924 г.: «Пионеры очень любили петь, но музыкальных инструментов у нас не было. Однажды кто-то принес в клуб бутылки, ложки, и ребята начали выстукивать мелодии. Так родилась идея создания шумового оркестра. Подобрали разные по размеру бутылки, гребенки, ложки, угольники, бубенцы – и завучал оркестр. Первым номером в нашем репертуаре была популярная песенка того времени: “Всех зазечь своим примером, / Хочет кто помочь отцам. / Приходите к пионеру, / К пионерам, то есть к нам!”» (Пикулик, 1984, 35).

О 1927 г. в Киеве: «Знаете ли вы, что такое шумовой оркестр? Знаете ли вы, какие в нём инструменты? Не совсем? Так слушайте, я расскажу вам. Во-первых, бутылки. О, если бы вы слышали, как умеют они чисто и красиво звенеть! Во-вторых, трещотки. В-третьих,

гребешки, обёрнутые папиросной бумагой. [...]

О 1934–1936 гг.: «...Однажды в пионерском лагере, где я был..., я организовал шумовой оркестр. ...Там были разные инструментики: звонкие треугольники – такие трещотки, еще на расчёсках с бумажкой там играли... У меня была такая фотография, я стою в трусиках и дирижирую оркестром...» (Аким, 1999, 40).

О конце 1940-х – нач. 1950-х гг.: «...[Красный уголок] располагался в большом помещении, где была установлена сцена. На ней занимался шумовой кружок (играли на гребешках через тонкую папиросную бумагу, на деревянных ложках, бутылках, был и металлический трензель, ну, конечно, и балалайка). Под этот “оркестр” пел и хор» (Казарма, 2000).

ШУРИК – персонаж кинокомедии «Операция “Ы” и другие приключения Шурика».

О мальчике 10 лет в с. Крутая горка Шумихинского р-на в 1994 г.: «Когда заканчивали играть в прятки, я шёл домой и смотрел любимый мультфильм – приключения Пятачка и Винни-Пуха... После мультика смотрел кино о приключениях Шурика. Нравилось именно то, когда Шурик убежал от толстого мужика, а тот за ним бегал и кидал, чем попало» (096).

ШУС – школьный совет учащихся, школьный ученический совет, орган школьного самоуправления во второй половине 1920-х гг.

О 1926–1931 гг.: «В школах заправляли ШУСы – школьные советы учащихся; они вели борьбу с бурж. педагогикой, фактически увольняли учителей по своему усмотрению... Как уже говорилось, ещё начиная с середины двадцатых годов, было введено шк. самоуправление, и ШУС – орган этого самоуправления школьников – имел формально равные права с пед. советом, а фактически – часто большие. В школах развернулась “классовая борьба”, и многие старые гимназич. учителя были выброшены из школы. Как обычно бывает в таких случаях, выгнали часть тех, кого действительно следовало выгнать, и многих из тех, кто вызвал классовый гнев учеников (или сослуживцев) либо более или менее случайно, либо в порядке сведения счетов – главным образом выгоняли слишком хороших учителей... В том году всевластие ШУСов кончилось: вводилось единоначалие заведующего школой» (Дьяконов, 1995; 175, 202, 207).

ШУТ – «О человеке, который паясничает, кривляется, балагурит на потеху, в угоду другим» (Словарь, 1965–17, 1621); «роль» ученика в классе, осуществляющаяся в определённом типе поведения: выкрикивания с места, неуместные комментарии, выходки и т. д.

Об ученике 8–9-го классов в 1940 г.: «21 апреля... Когда мы – я и Летун – шли домой, на меня нашли размышления о самом себе. Я взял свое поведение в школе, вспомнил отдельные “эпизоды” и пришел к выводу, что оно чрезвычайно странно. Я не помню ни одного случая, чтобы я что-нибудь говорил серьезно или умно. В школе меня считают или за дурака, или за шута. Если я даже могу сказать что-нибудь серьезно, то обязательно сопровождаю это или глупыми замечаниями, или шутовской гримасой. Сегодня, возвращаясь домой, я заметил Летуну, что небо красиво. Он сейчас же сбоку посмотрел на меня, ожидая какой-нибудь выходки или замечания. Совершенно не хочу быть шутком. Много раз я говорил себе, что, придя в школу, я совершенно по-другому буду вести себя, и снова ломался на переменах и дурачился на уроках... 25 ноября... Я уже говорил о том, что я снова занял в классе свое старое и насиженное место общепризнанного шута. Ребятам, конечно, весело, но мне это душу рвет. Раньше все знали, что я, кроме шутовства, хоть газету могу выпускать, а теперь после истории с “вредной группировкой” и вообще после публичной ссоры со всеми я совсем превратился в шута. “Дурной пример заразителен” и “чуть ли не отличник” (как сказала директорша) Вася тоже свернул на зыбкую стезю шутовства. Ольга признает мой талант шута, но считает меня вредной силой, “реакцией”, с которой надо бороться или, по крайней мере, избегать иметь дело. Это

выводит меня из себя, и я прямо неистовствую» (Сагайдачный, 1963; 47–48, 102).

О середине 1960-х гг.: «Васька, когда в классе “Б” разбирались ампула, закрепил за собой роль – так получилось – классного шута... И вот неожиданно, во время одной из поездок куда-то всем классом, он посягнул на роль шута, которая уже “жала” нашему Ваське, и дня три смешил всех так, что совершенно Васеньку затмил, тот ходил зеленый... Сразу по возвращении из той поездки он сник, вернувшись к облику ничем не выделяющегося, туповатого и осторожного зануды» (Клех, 2003).

ЩЕДРОВКИ – песни, исполнявшиеся детьми во время новогодних обходов.

О перв. четверти XX века: «Новогодние обходы детей совершаются в одних местах в новый год в “Васильев вечер”, в других – в день нового года. При этом поют щедровки, по содержанию они сходны с колядками, но сопровождаются припевом “овсень” или “таусень”. В них входит прославление хозяев. Во многих местах новогодние поздравления сопровождаются пожеланиями хорошего урожая, осypанием хозяев овсом, рожью, гречихой. Вот описание этого обычая в Курской губернии, Судожском уезде: 7 января утром мальчики ходят “засевать”. По двое, по трое, а иногда в одиночку заходят в каждую избу. Войдя в хату, дети разбрасывают по полу зерна ржи, овса, проса и другие злаки и говорят: “Ходит Илья на Василья, / Носит трубу жестяную, / А другую просяную. / Зароди, боже, жита-пашеницу / Всякую пашницу / В доме – добро, / В поле – зерно, / В доме – пирожисто, / В поле – колосисто. / Васильева мать / Пошла щедровать; / Заросилася, замочилася, / На престоле стояла, / Златой крест держала. / А вы, люди, знайте: / Богу свечку ставьте, / А нам грошик дайте. / Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой! / С новым годом! / С новым счастьем! / С новым здоровьем!” Хозяйка дает детям лепешку, пирога, кусок сала или копеечку. Приводим еще характерное новогоднее пожелание в Тульской губернии, распеваемое детьми: “Сею-вею, посеваю, / С новым годом поздравляю, / Со скотом, с животом, / С пшеничкой, с овсецом. / Ты, хозяин-мужичок, / Полежай в сундучок. / Доставай пятак / Нам на орешки, / Вам на потешки. / Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой”. Эта песнь сопровождается также разбрасыванием зёрен» (Капица, 1928, 82–83).

ЩЕЛБАН – удар в лоб средним пальцем руки.

О девочке 10–11 лет в с. Костыгин Лог Целинного района в 1995–1996 гг.: «В детстве я часто наблюдала, как мои старшие братья со своими друзьями играли в карты на щелбаны, которые достались проигравшему. Щелбан – это удар в лоб, совершаемый разгибаемым средним пальцем, который загибается большим» (137).

Из наблюдений за 10-классниками во время педпрактики в Шадринске в 2007 г.: «Неоднократно замечала, как Алексей щёлкал по лбу (или вообще голове) Константина, если тот не реагировал на Алексея. Называлось это действие “Поставить щелбан (фофан)”. Ни для кого, кроме Константина, это действие больше не предназначалось» (020).

ЩЕЛКАТЬ жевательной резинкой – см. *Жевательная резинка*.

«**ЩЕЛКУНЧИК**» – отеч. мультфильм (1974) по мотивам сказки Э.Т.А. Гофмана и балета П.И. Чайковского.

О девочке 3–4 лет в 1990 г.: «Мой самый любимый мультфильм – это “Щелкунчик”. Мне было 3–4 года, в нём привлекло меня то, что главная героиня – Мари – танцевала у новогодней ёлки, мне очень нравилась музыка, особенно “Вальс цветов”, написанная замечательным композитором П.И. Чайковским. Этот мультфильм показывали довольно часто, да и сейчас я могу с удовольствием посмотреть его» (187).

ЩЕЛЧКИ – детская игра; вероятно, то же, что *жохы*.

Описание игры для детей старшей группы детского сада: «Щелчки... Эта старинная нар. игра помогает развивать у детей внимание, координацию движений пальцев и точность удара пальцами в определенном направлении и на определенном расстоянии. От круглой палочки диаметром 1 см воспитатели отрезают 10–15

маленьких кусочков в 1,5–2 см длиной, которые разрезают вдоль пополам; получаются маленькие ровные кусочки дерева (половинки), которые хранятся в коробочке. Дети в порядке очереди берут эти половинки в пригоршню и рассыпают их по столу. Затем играющий щелчком ударяет один кусочек дерева о другой, лежащий в одинаковом положении. Тот кусок дерева, в который он попадает, считается выбитым и берется как выигрыш. Половинки, упавшие друг на друга и лежащие в одинаковом положении, тоже берутся как выигрыш. Если же во время щелчка половинка задевает за другие половинки или падет на лежащие в неодинаковом положении, то играющий передает очередь следующему ребенку; в этом случае он не берет и половинки. Игра продолжается до тех пор, пока все половинки не окажутся выигранными» (Кожевникова, 1961, 93–94).

ЩЕЛЧОК – «Отрывистый удар разгибаемым пальцем (обычно средним или указательным), согнутым и соединённым с большим пальцем. Щелчок по голове – вид болевого воздействия; часто – наказание (расплата за проигрыш) в некоторых играх. [...]

ЩЁТКА – род расчёски.

О 12–13-летней девочке в середине 1970-х гг.: «Потом она... приняла душ, почистила зубы, сто раз провела по волосам щёткой, чтоб они лучше отдыхали и лучше росли» (Иванов, 1979, 51).

«**ЩЁТКА**» – игра с неясным содержанием.

О школьниках в 1932 году: «Но вот мы... подошли к дому Наташи, где должна быть вечеринка... Мы начали играть в лото... Через некоторое время к нам подошла Ю.И.: “Бросьте эту игру, давайте бегать и смеяться”. Она сложила карточки и погнала нас в другую комнату. Там, встав в круг, мы стали играть в “щётку”. Сколько смеха! Я была не очень оживленная, сначала просто не освоилась, потом уже намеренно...» (Луговская, 2004).

ЩИПАТЬ – «Сильно защемлять пальцами кожу тела» (Словарь, 1965–17, 1691).

Щипать девочек (о мальчиках)

О школе во вт. пол. 1900-х гг.: «...В старшем классе мальчики уже учились вместе с девочками... На переменах девочки, учившиеся в нашем классе, первое время держались особняком; мальчишки презрительно обходили их, будто не замечали. Только сын купца Плешкова... иногда от скуки пощипывал девчонок и дергал их за косы. Мне и в голову не приходило, что девчонок надо защищать от приставаний Плешкова: щиплет – ну и пусть себе щиплет, если ему охота! Что им станет – повизжат и перестанут, девчонки все такие – визжалки» (Абрамов, 1959; 82, 83).

ЭКЗАМЕН – «Проверочное испытание чьих-либо знаний (какого-либо учебного предмета, курса и т. п.), производимое по установленным правилам» (Словарь, 1965–11, 1736).

В России первыми учебными заведениями, где проводились экзамены, были школа Э. Глюка (основана в 1705 году) в Москве и Академическая гимназия (основана в 1726 году) в Санкт-Петербурге.

С 1786 года в народных училищах были установлены полугодовые (зимние и летние) публичные испытания. Устав 1828 года отменил публичность испытаний. В 1837 году «Правилами для испытания в уездных училищах и гимназиях» введены экзаменац. билеты и пятибалльная система оценки знаний учащихся. С середины XIX века система шк. экзаменов подвергалась критике, указывавшей на формализм и необъективность экзаменац. практики, причувшей учащихся к механич. зубрёжке. В 1918 году «Положением об единой трудовой школе в РСФСР» были отменены экзамены в учебных заведениях всех ступеней. В 1932 году была утверждена система ежегодных проверочных испытаний в школе.

О 1942–1943 гг.: «...Первый экзамен Галя сдала на “отлично”... Наконец, табель в руках, и вот перед ней желанная строчка: “Переводится в пятый класс. Ударница”» (Рождественская, 1960, 61).

21 июня 1944 г. Совет Нар. Комиссаров СССР принял постановление «О мероприятиях по улучш. качества обучения в школе», суть которого состояла в значит. повышении требований к качеству знаний учащихся. В

постановлении говорилось: «Установить для учащихся, оканчивающих нач. и семилетнюю школу, обязательную сдачу выпускных экзаменов, а для учащихся, оканчивающих сред. школу, сдачу экзаменов на аттестат зрелости. Сдачу выпускных экзаменов и экзамены на аттестат зрелости ввести с 1944–1945 учеб. года». Таким образом, во всех общеобразоват. школах с 1944–1945 учеб. года были введены обязательные выпускные экзамены в IV и VII классах и экзамены на аттестат зрелости в X классе» (НО, 1974, 182; Очерки, 1988, 29).

О 1942–1944 гг.: «Экзамены за начальную школу были не особенно трудны, куда более тревожили предметы по пятому классу. Мы частью должны были сдать их весной, частью осенью – в начале сентября... «Пробежали весенние и летние месяцы. Экзамены прошли легко, и в табели у меня было написано: “Переведен в 7-й класс”» (Бакинский, [1955] 1956; 81, 121).

О Шадринске в 1947 г.: «Знания Ольга Николаевна давала отличные: на выпускных экзаменах за четвертый класс в 1947 году большинство ребят получили хорошие и отличные оценки, и в пятый класс мы пришли с надежными знаниями» (Плотникова, 1995, 50).

О женской школе в 1947 г.: «...В один из майских дней восьмиклассницы держали экзамен по литературе. В первой тройке учениц, вызванных к столу, были Стася Ночка и Елена Стрелова. Елена Вышла спокойно, уверенной рукой взяла со стола билет. “Двенадцатый”, – сказала она Агриппине Федоровне. Стася долго возилась около своей парты, отцепляя юбку от гвоздика, вылезшего из парты, и, не справившись с этой задачей, нервно выдрала клочок старенького платья, которое она не сняла в день экзаменов. По старой ученической примете, платье это приносило удачу... В этот момент тишину нарушил стук уходящей чернильницы, и сразу же раздался виноватый голос Веры: “Агриппина Федоровна, разрешите взять тряпку, я чернила разлила”. “Возьмите”, – отозвалась Фадеева... Вера, пользуясь тем, что Агриппина Федоровна беседует с ассистентом, быстро вышла из-за парты. Тряпка лежала на окне... Вера взяла тряпку, вытерла пролитые чернила и вновь положила тряпку на подоконник... “Достаточно?” – спросил ассистент Фадееву, когда Стася так же хорошо ответила на второй вопрос, и наклонился над бумагой, собираясь вывести 5. Но Фадеева отрицательно покачала головой и сказала: “Следующий вопрос?” “Прочесте ли вы отрывок из поэмы Пушкина “Евгений Онегин” – “Сон Татьяны”». Стася настолько успокоилась, что даже улыбнулась... “И снится чудный сон Татьяне, – начала Стася. – Ей снится, будто бы она идет по снеговой поляне...” И она без запинки прочла весь отрывок... К часу закончились экзамены первой смены... Из тринадцати учениц никто не получил тройки» (Кузнецова, 1983–2; 376, 378, 379–380).

Об экзаменах у учащихся пионерского возраста в конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Вы ещё сидите за партами и обдумываете свой экзаменационный билет, пишете изложение или на листке, украшенном школьной печатью, решаете задачи, а где-то на берегу... речки... плотники и штукатуры... готовят к вашему приезду пионерский лагерь» (Великанов, 1951, 123–124).

О начале 1950-х гг.: «Зато, когда июль настал / И, сдав экзамены весной, / В футбол на улице играл / Не пятый “Б”, а “Б” шестой... А в жарком августе Сергей / Сдавал экзамены опять, / Чтобы догнать своих друзей / Чтоб второгодником не стать» (Сергеев, 1952, 12).

В целях разгрузки учащихся, с 1956–1957 учеб. года в РСФСР были установлены только выпускные экзамены за неполную среднюю и за среднюю школу; во всех остальных классах экзамены были отменены, и учащиеся стали аттестоваться на основе годовых оценок.

См. также: *Государственный экзамен; ЕГЭ; Испытания.*

ЭКИПАЖ разноцветных стрел – радиопередача 1950-х – 1970-х гг.

«Устойчивыми оказались и передачи игрового характера. До сих пор процветают в эфире такие драматизированные игры, созданные в [19]50-е годы, как “Экипаж разноцветных стрел” – передача, немислимая

без живого контакта с аудиторией, или “Путешествие по любимой Родине”...» (Бегак, 1982, 97).

ЭКСКУРСИЯ – «Посещение (обычно коллективное) чего-либо, прогулка, поездка куда-либо с научной, образовательной или увеселительной целью» (Словарь, 1965–11, 1768); форма учеб.-восп. работы, позволяющая организовать наблюдение и изучение различных предметов и явлений в обычных условиях (на природе, на предприятии) или в музеях, на выставках.

О 1950-х гг.: «Дети пошли на экскурсию в лес. Лена крикнула: “Эй!” И в лесу кто-то крикнул: “Эй!” Это было эхо» (Костин, 1961, 42).

ЭКСТЕМПОРАЛЕ, экстемпоралия (латин. extemporale, *мн. ч.* extemporalia, от ex tempore – тотчас, без приготовлений) – «В дореволюционной школе – классное письменное упражнение, состоящее в переводе русского текста на иностранный язык (преимущественно на латинский или греческий) без предварительной подготовки» (Словарь, 1965–11, 1792).

Эволюция применения экстемпорале в русской школе рассматривается в словаре Брокгауза-Ефрона: «В гимназии времен графа Д.А. Толстого [1861–1862 гг.] такие экстемпорале являлись не средством или подспорьем, а чуть ли не целью всего грамматического изучения древних языков. Они назначались два-три раза в месяц и делились на 2 вида: одни имели в виду отдельные правила, только что объяснённые в классе, другие охватывали целый ряд правил, пройденных учениками в течение известного промежутка времени (экстемпорале повторительные). С течением времени значение экстемпорале ослаблялось: их стали всё более и более признавать только одним из способов к лучшему усвоению правил грамматики. Окончательный удар экстемпорале такого рода был нанесен в 1890 году, когда центр тяжести был перенесен на переводы с древних языков на русский. С тех пор на испытаниях зрелости по латинскому и греческому языкам предлагаются отрывки из классических авторов для перевода на русский язык, а экстемпорале (то есть переводы с русского языка на латинский и греческий языки) остаются лишь на переводных испытаниях из IV и из VI кл. Дальнейшую стадию в ослаблении значения экстемпорале представляет время министерства генерала-адмирала Ванновского [1901–1902 гг.], когда письменные переводы по древним языкам были исключены из предметов испытаний зрелости и за экстемпорале всякого рода было признано значение лишь полезного упражнения для лучшего ознакомления с языком».

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ железная дорога – игрушка.

О 1949–1950 гг.: «Электрические железные дороги тогда были ещё редкостью, но всё равно особого восторга у меня не вызывали: электробритва на колёсах» (Чулаки, 1984, 126).

См. также: *Железная дорога.*

ЭЛЕКТРОВЕНИК, электрический веник – о быстро двигающемся человеке.

Автор словаря слышал выражение «шустрый, как электровеник» в Шадринске в 1970-е гг.

О девочке 13 лет в Шадринске в 1999–2000 гг.: «Мы с подружкой Леной отдыхали в лагере “Салют” на первой смене. Лена – очень активный, энергичный человек. Она постоянно бегаёт, что-то делает, не сидит на месте. Однажды её кто-то назвал “электровеник”, имея в виду, что она очень энергичная. Приехал из лагеря, я её часто так называла, и до сих пор в нашей компании можно услышать: “Ленка – электровеник! Опять раньше всех освободилась от дел!”» (132)

О 2003–2004 гг.: «Выражение “как электрический веник” означает подвижного человека в работе. Моя подружка, которая училась в 10 классе (я – в 11) рассказывала мне историю о друге, который убирал свою комнату второпях. Предложение с этим словом звучало примерно так: “Перед моим приходом к нему он бежал по комнате, как электрический веник” (в значении – быстро)» (211).

ЭЛЕКТРОВИКТОРИНА – игрушка.

О 1960-х гг.: «Среди настольных игр в магазинах игрушки можно часто видеть различные электровикто-

рины. Это очень простая штука. На небольшом картонном щитке справа изображены, скажем, портреты известных писателей или корабли различных систем, а слева тексты с именами писателей или описаниями кораблей. Под каждой картинкой и текстом – электрические контакты, которые можно соединять гибким проводом. При правильном соединении контактов, то есть при соединении картинка с соответствующим ей текстом, сверху на щитке загорается лампочка от карманного фонаря. Тоже увлекательное занятие, тут и говорить нечего! Сидишь и соединяешь контакты, проверяя свои знания в кораблестроении или достопримечательностях Москвы. Все это, однако ж, для более старших ребят» (Носов, [1966], 1982–4, 436).

О 1991 году: «Эту электронную игру нам с братом купила мама, мне было лет 6, а брату уже 12. Игра состояла из электронной коробки, размером с тетрадь, лампочки, которая загоралась, если ответ был правильным и двух проводков, подсоединенных к вариантам ответов. На электронную основу накладывались листки с заданиями, их было 5–6 штук. Мне нравились животные – кто чем питается, цветы; а брату нравились правила дорожного движения. Для меня они были ещё сложны да и неинтересны. Потом мы мечтали разобрать коробку, чтобы посмотреть, как загорается лампочка, но не смогли открыть коробку. Потом всё же оторвали у игры проводки – и успокоились. Интерес к ней после этого сразу был утрачен» (012).

ЭЛЕКТРОГИТАРА – струнный щипковый электромузыкальный инструмент с длинным грифом.

О начале 1970-х гг.: «В школе [на вечере выпускников] играла музыка. Десятиклассники с длинными, аккуратно подстриженными волосами стояли на школьной сцене и наигрывали что-то ритмичное, негромкое... Блестели темно-красные электрогитары, даже старый школьный рояль казался нарядным... Потом шёл концерт. Десятиклассники играли на своих электрогитарах.» (Матвеева, 1975; 10, 18).

ЭЛЕКТРОМОБИЛЬ – игрушка для детей.

О середине 2000-х гг.: «Сейчас... педальные машины уже отходят как класс, потому гл. вопрос остается: какой все же электромобиль выбрать? Как пожаловался один читатель, купленная машинка оказалась настолько маломощной, что трёхлетний ребенок мог ездить только по асфальтированным дорожкам, а по травке – ни в какую. Почему? Будем помнить: электромобиль прежде всего игрушка, а не средство передвижения. Хотя, конечно, некоторые из таких игрушек по стоимости могут соперничать со взрослым поддержанным автомобилем. Скажем, электромобильчики ценой выше 30 тысяч рублей наворочены похлеще “Жигулей” и наделены недетской проходимостью... Однако вряд ли стоит лезть в ценовую категорию, предназначенную для отпрысков состоятельных родителей. Покупка дорогого электромобиля вряд ли оправдана вообще (кроме, конечно, гордости перед соседями). Срок службы любой детской игрушки, увы, ограничен возрастом вашего ребенка и его шаловливыми руками. Тем более достойную машину можно найти и в ценовой категории до 12 тысяч рублей... Самая дешёвая электромашина, которую мне удалось обнаружить в магазинах, стоит чуть меньше пяти тысяч рублей и рассчитана совсем на малышей – от года до трех. Что достанется ребенку за эти деньги? Одно посадочное место, одна скорость плюс задняя, один шестивольтовый моторчик с приводом на одно ведущее колесо с резиновой накладкой, кнопка музыки на руле, кнопка “автоматическая езда”, передний свет фар, способность разгоняться до 4 км/ч и преодолевать подъем не более чем в пять градусов. С ростом цены количество опций, естественно, растет. В аппаратах, где посадочных мест два, а грузоподъемность не 30, а 50 кг, электромоторчики тоже уже два и ведущих колес столько же. Две передачи плюс задняя, скорость 8 км/ч и способность преодолевать подъемы до 10 градусов. Тут еще игрушечный телефон, звуковой сигнал, ключ зажигания, коврики на полу и аккумулятор на 12 вольт. На некоторых машинах колеса поуже – для

езды на асфальте, на других пошире – будет удобно на песке» (Бушев, 2007, 25).

«**ЭНЕ-БЕНЕ-РЕС...**», «**Эна, бена, рес...**» – детская считалка.

Примерный текст: «Эне, бене, рес, / Квинтер, финтер, жес, / Эне, бене, раба, / Квинтер, финтер, жаба».

О середине 1930-х гг. в Ленинграде: «Все становились в круг, и слова считалочки начинали перебегать с одного на другого: “Эна, бена, рес...” Эти слова из какого-то таинственного языка были для нас привычными: “Квинтер, контер, жес”. Мы почему-то любили, когда водила Нинка из седьмой квартиры, и старались, чтобы считалочка кончилась на ней» (Яковлев, 1989, 139).

О середине 1960-х гг.: «Все дети любят одни и те же стихи. Считалки, дразнилки. “Аэроплан, аэроплан! / Посади меня в карман!...” Меняется жизнь... Слова умирают, вытесняются другими... Но не меняется, не стареет, живет, дразнится, сверкает – сегодня такая же молодая, как пятьдесят, и сто, и кто его знает сколько еще лет назад, – озорная детская считалка: “Шла кукушка / Мимо сети...” Видно, неспроста эти “нелепицы” не стареют, живут десятки, а то и сотни лет, умудряясь пережить многие, далеко не бессмысленные стихи, написанные настоящими поэтами. “Эне-бене раба, / Квинтер-финтер жаба...” Какая чепуха! Но, видимо, в этой “чепухе” есть что-то, очень нужное детям... Эти заумные “нелепицы”... любят, выкрикивают, выплывают все дети. Все, без исключения» (Сарнов, 1968, 90–91).

«**ЭНИКИ, бэники...**» – детская считалка.

Записано в 2000 году в г. Мезежьегорске от девочки 12 лет: «Эники, бэники, / Ели вареники. / Эники, бэники, / Клец!»

ЭНУРЕЗ – недержание мочи.

О девочках 9–10 лет в институте благородных девиц во вт. пол. 1850-х гг.: «Известный детский ночной грех возбудил к провинившейся бесчеловечное отношение со стороны всех без исключения окружающих. Это несчастье случилось с некоторыми воспитанницами обыкновенно лишь в первый год их вступления в институт, следовательно, когда им было 9 или 10 лет. В младшем классе редко кто из девочек понимал позор доноса на подругу, и никто из них не умел разбираться в том, происходит ли несчастье с товаркой от дурной привычки или от болезни. Совершенно так же плохо были осведомлены на этот счет и классные дамы. Между тем те и другие твёрдо усвоили понятие о том, как постыдно не соблюдать чистоплотных обычаев. Как только утром воспитанницы вставали и одна из них замечала, что у подруги не всё обстоит благополучно, она объявляла об этом во всеулышанье. Провинившуюся осыпали бранью, кричали ей, что она опозорила дортуар, и звали классную даму, которая надевала провинившейся мокрую простыню поверх платья и завязывала ее на шею. В таком позорном наряде несчастную вели в столовую и во время чая ставили так, чтобы все взрослые и маленькие могли все время любоваться ею. Тут опять на несчастную сыпался град насмешек и издевательств, то отовсюду раздавались вопросы – из какого дортуара эта особа? Во время урока несчастную избавляли от позорного трофея, но когда приходилось спускаться в столовую к завтраку и обеду, она опять была украшена им. Этого несчастья воспитаннице никогда не удавалось скрыть от подруг, а между тем оно обыкновенно повторялось... Подруги, считая себя из-за неё окончательно опозоренными, все запальчивее выражали к ней ненависть и презрения, не называя её не иначе как позорными эпитетами, толкали, шипали её. Чтобы предупредить повторение этой слабости, воспитанницы каждый раз, когда кто-н. из них просыпался, считали своею святою обязанностью будить несчастную. В дортуаре было до 30 девочек, они то и дело просыпались ночью и совсем не давали спать злосчастному ребёнку. Понятно, что при этих нападках несчастье с ребенком начинало быстро учащаться и в конце концов делалось хроническим явлением. Такие девочки являлись настоящими мученицами» (Водовозова 1987, 361–362).

О деревенском мальчике в конце XIX в.: «Стенке стукнул седьмой год, и... он ещё не носил штанишек... Штаны была давнишняя думка Стенки... А ночью ему уже снилось, что, перевязав концы штанин, он ловит новыми штанами в Змянке пескарей и головастиков, как это делал Кузька Бобок. И действительно, когда утром, до восхода солнышка, отец и мать с серпами и торбочками в руках, разбудили Степку, подол его долгополой рубахи оказался мокрым, что и доказывало, что Степкин сон – не пустая штука. “Ай, срамец, ай, жених!.. Глянь-ко, как опрудачился”, – зачала головой мать и перекатила его на другое место» (Касаткин, [до 1939] 1991, 23).

О мальчике 7 лет в 1954 г.: «...Не каменная, а деревянная половина города. И дети оттуда были... рваньё. Форменной одежды... у них не было, и даже некоторые приходили просто в галошах на босу ногу... И они писались на уроках, или у них шла носом кровь... И было их – подавляющее душу большинство...» (Юрьенен, [1983] 1992).

Ср.: *Мочепускание*.

«ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ словарь юного...»

«В 1979 издательство “Педагогика” начало издавать фундаментальную серию энциклопедий для детей среднего и старшего возраста по разл. отраслям науки, культуры, искусства (Энциклопедические словари юного – спортсмена, астролога, техника, краеведа, натуралиста, химика, земледельца, художника, филолога, физика, математика, музыканта, биолога, историка и др.)» (ПЭС, 2003, 326).

«ЭРОПЛАН, эроплан...» – См.: *«Аэроплан»*.

ЭРОТИКА – «чувственность» (СИС, 1954, 820); «чувственность, чувственный элемент в чём-либо» (Словарь, 1965–11, 1910); «чувственность, обращённость к половой жизни, к изображению её» (СИ, 1994, 724); «1) выраженная чувственность; 2) половые утехи и их пристойное (в отличие от порнографии) изображение; 3) совокупность всего, что связано с половой любовью» (НСИС, 2005, 1074).

Проявления эротики у детей.

О 1942–1944 гг.: «...Надя, девочка старше его года на три, ему было шесть, а ей, значит, девять, и была у них долгая тайная связь. Они жили полгода в одной квартире, у обоих отцы воевали на фронте, а мамы с утра уходили на службу. Славка оставался совсем один, ждал прихода Нади из школы и сгорал от любовного нетерпения. Она открывала своим ключом, широким жестом его обнимала, “миленький, – говорила, – заждался...” Она грела суп себе и ему, выключала плитку, они обедали, мирно беседуя, как муж и жена, потом они уходили к ней в комнату, раздевались и ложились вдвоём в постель, и так часами лежали, голые, обнимались и нежно друг друга ласкали... Ужас, думал он, вспоминая, вот ведь ужас – такие дети! – но ужаса между тем не испытывал, да и самую эту трезвую мысль проявлял в себе с заметным усилием...» (Карабчиевский, 1993).

Чтение текстов эротического содержания.

О г. Газалкенте Узбекской ССР в первой половине 1970-х гг.: «У каждой девочки были небольшие альбомы, куда мы записывали различные пожелания, небольшие стихи о любви, пожелания, стихи о неразделенной любви... Также мы переписывали какие-нибудь небольшие рассказы о запрещённой любви во всех интимных подробностях, такие тексты брались у других девочек, под ними стояли фамилии знаменитых классиков. Наверное, всё было вымышленным, потому что позднее, когда я знакоилась с лит. изданиями, ничего подобного не находила. Помню, что когда читала один из таких рассказов, было нас несколько девочек. Каждая говорила: “Фу, мне не нравится” или просто посмеивались, но на самом деле – всё-таки какое-то лёгкое возбуждение получали. Потому что, оставаясь наедине, не раз заново прочитывали все интересные подробности. Однажды, когда я читала такую рукопись, в комнату вошла мама, я испугалась, и все бросила в печку. Мне было очень стыдно, больше я такого не читала» (484).

О девочке 13 лет в г. Кургане в 1976 г.: «Соседская девочка дала почитать эротический рассказ о том, как дядя соблазнил племянницу, с описанием полового акта. И ещё, как дядя Ваня мылся в бане. Это было интересно, потому что запрещено. Рассказы переписывались от руки. И прятались от взрослых» (591).

О девочках-подростках в середине 1980-х гг.: «Тайком от родителей мы старались прочитать эротические рассказы, например, Толстой, «Баня»» (479).

Рассматривание эротических изображений.

О школьниках в конце 1980-х гг.: «Приносили они [мальчики] карты с изображением “голых баб” и показывали их нам [девочкам], смеясь при этом. Или вырезали из журналов и клали на парты или молодой учительнице на стол. Мы смущались[сь], краснели и хихикали. А в учебнике анатомии есть два параграфа, которые изучались отдельно. Нам было интересно строение мужских органов, мы очень часто туда заглядывали» (489).

ЭСКИМО – «Название сорта мороженого глазированного шоколадом» (Словарь, 1965–11, 1918).

О Москве в 1932 г.: «Именно на Чистопрудном бульваре летом 1932 года я впервые, отведал новый, фабричный тип мороженого – эскимо на палочке. Этикетка на серебряной обертке была украшена рисунком белого медведя. Поначалу мороженое именовалось “эскимо-пай”, но непонятное “пай” вскоре исчезло» (Федосюк, 2004, 130).

О 1937–1939 гг.: «Стружают на панель ящики с мороженым, и возле них остаются продавщицы в белых халатах. Первую ошутимую и, увы, непоправимую брешь в наших богатствах оставляет эскимо в шоколаде» (Богданков, 1972, 26).

О конце 1930-х гг.: «Я в цирке последний раз был с папой ещё до войны... Папа угощал меня мороженым и сам ел очень много “эскимо”...» (Кальма, 1948, 30–31).

О 1960-х гг.: «Федька Михеев, поговист неделю в Москве у старшего брата..., рассказывал: “...Мороженого “навалом”, – вывернул городское словцо Федька. – Ешь, сколько хочешь. Которое на палочке – “Эскимо” называется”. “Велика ли палка-то?” – смеялись ребята. “Да нет... щепочка, – серьёзно объяснил Федька. – А на ней мороженое в шоколаде прилажено”» (Глебов, 1979, 284).

О конце 1960-х гг.: «Краснощёкий карапуз / ест... само / Эскимо! / Эскимо на палочке / В золотой сверкалочке... / Съел одно. Из сумки мать / Достает ему опять / Эскимо на палочке / В золотой сверкалочке... / Пусть он катится один, / Пусть он чавкает один, / Пусть он хрюкает один – / Эскимосный мамин сын» (Коркин, 1971, [14–15]).

ЭСКИМОСКА – детский, преимущественно девичий, головной убор, 1960-х – 1970-х гг., род шапки.

О мальчике в 1960-е гг.: «“Спасибо, девочка!” – сказала бабушка и улыбнулась Альке. Но Алька надулся изо всех сил и стал так сердито смотреть на бабушку, что она ... забеспокоилась: “Может, ты мальчик? Нынче детей так одевают, что и не поймешь, мальчик или девочка!” Алька отвернулся. Он даже не хотел объяснять. Это все шапка. Сколько раз просил маму купить настоящий трюх, как у Витьки! Тогда бы никто не называл его девочкой. Конечно, в такой шапке-эскимоске его всегда будут принимать за девчонку... “Вот этот? – спросила одна тетя у другой, кивая в сторону Альки. – В эскимоске?”... Алька встал, обеими руками поглубже нахлобучил свою эскимоску... Ничего! В этой шапке еще можно походить» (Леонидова, 1968; 48, 56).

О девочке 5–7 лет в Челябинске в середине 1970-х гг.: «В витринах... гастронома перед новогодними праздниками всегда появлялся сказочный лес. С пушистыми сугробами, отсвечивающими слюдяными блёстками, заиндевелой избушкой и длинноухими зайцами. Приплюснув нос к толстому стеклу, я заворуженно смотрела на нехитрый пейзажик... Отлепить меня от витрины было невозможно. И бабушка... терпеливо поджидала, пока я сопрею в пальто на ватине и кроличьей шапке-“эскимоске”. Выйдя на

мороз, я продолжала думать о полянке в гастрономе» (Кумейко, 2006–8, 8).

ЭТИКА и психология семейной жизни – учебный предмет, введенный в школах СССР для преподавания в 9–10 классах в 1985 г. Преподавание его осуществлялось по меньшей мере до нач. 1990-х гг.

Ист.: Очерки, 1987, 195. Семья и школа, 1989, №№ 1, 5.

«...Мнение... школьницы: “Предмет “Этика и психология семейной жизни” ничего не даёт нам. Мы обсуждаем различные семейные конфликты и т. п. (В других школах, знаю, работы Ленина о семье конспектируют) А то, что интересует ребят, учителя не рассказывают. Да и поздно начинается этот предмет. К 9-му классу все всё уже знаю...” Мнение... публициста Инны Левшиной (газета “Советская культура”): “...Школьный... курс “Этика и психология семейной жизни”... уже в момент его введения в 1984–1985 годах был морально устаревшим... Он был введён в 9 классе, что года на три позже того возраста, когда с сегодняшним ребёнком нужно говорить о браке, семье, любви» (Адашина, 1991, 23).

«ЭТА КНИЖЕЧКА моя про моря и про маяк» – стихотворение В.В. Маяковского.

О нач. 1960-х гг.: «“Эта книжечка моя про моря и про маяк”... Это стихотворение доступно старшим детям. Правильно, что оно включено в “Программу воспитания” для группы, подготовительной к школе» (Державина, 1964; 26, 27).

«ЭТО МЫ не проходили» – игровой радиоспектакль вт. пол. 1980-х гг. о науч. проблемах. Драматургия цикла предполагала участие в передаче слушателей, кот. вместе с героями должны были отвечать на вопросы. Цикл пользовался большой популярностью у мл. школьников.

«ЭХ, ХОРОШО в стране советской жить...» – песня, особенно популярная в 1930-е – 1950-е гг.

О пионерском лагере в 1935–1938 гг.: «Пионерский костер, заканчивающий нашу смену, остался навсегда как самое яркое впечатление детства... Пока шёл концерт, ребята... слушали чтецов и певцов... аплодировали танцорам... Но вот концерт окончен и все разместились на поляне вокруг костра. Тёплые слова приветствия начальника лагеря, песня “Взвейтесь кострами” и фейерверком вспыхивает костер!.. “Костер” объявлен до утра!.. И вот, уже собравшись у догорающего костра, все вместе дружно поем: “Эх, хорошо в стране советской жить! / Эх, хорошо страной любимым быть! / Эх, хорошо стране полезным быть! / Красный галстук с радостью носить!”» (Кубанева, 1988).

О 1937–1938 гг.: «...Долгое время взрослые ограждали меня от всех теневых сторон жизни. Даже опасные анекдоты в моем присутствии не рассказывали. Я покорно выходила из комнаты по первому требованию. “Это не для детей!” – слышала я. Детство у советских детей должно быть счастливым, – об этом написано во всех книжках, на всех плакатах, об этом поется в песнях. “Эх, хорошо в стране Советской жить! Эх, хорошо страной любимым быть! Эх, хорошо стране полезным быть, красный галстук с гордостью носить!” – пела я в детском саду, уже тогда сознавая избранность своей судьбы: мы живем в самой лучшей стране на свете» (Туманова, 1995).

О нач. школе в 1946 г.: «...В полутёмном вестибюле под жёлтыми лампочками водили хороводы. Девчонки... брались за руки, вставали в круг и с песней шагали в заблук друг другу. Иногда шагали резво, потому что песни были бодрые: “Эх, хорошо в стране советской жить”..., “Клен кудрявый”. Иногда шагали помедленнее: “...В далекий край товарищ улетает”...» (Крапивин, 1986, 31–32).

ЮБКА – «Женская одежда, облегчающая фигуру от талии книзу (ниспадающая свободными складками, прямая или суженная в подоле и т. п.)» (Словарь, 1965–17, 1970); «составная часть женского костюма, поясная одежда в виде нескольких частей ткани, сшитых и собранных на пояс» (Терешкович, 1999, 443).

Юбка, юбочка у девочек.

Об 11-летней девочке в Одессе конца 1900-х гг.:

«...Она была в матроске с синим воротником, в короткой плиссированной юбке» (Катаев, [1972] 1983, 170). [...]

Из рекомендации нач. 1960-х для девочек пионерского возраста: «Девочкам лучше всего носить дома платье-халатик... Удобно носить дома и юбку с кофточкой. Юбку лучше сделать из темной ткани (гладкого штапельного полотна), а блузку – из светлого или яркого ситца, вольты, майи. Юбку удобно сделать на сборках, пропустив в поясе резинку. Вариантом такой одежды может быть сарафан с блузкой» (БГКП, 1961, 485). [...]

Нижняя юбка у девочек.

[...] О 1900-х гг.: «Одну за другой городской вынимал из сундука вещи и бросал их на пол. Под конец он выгасил что-то розовое. Ксенька узнала свою нижнюю юбочку. “Стыд какой! Только б не развернули, юбка-то вся дырявая!” – подумала Ксенька, чувствуя, как краска заливает ей щёки. Офицер махнул рукой, и городской бросил юбку на пол» (Бродская, Голубева, 1938, 46). [...]

Юбку задирать – см.: *Задирать (юбку, подол платья).*

Юбку сдёргивать у девочек.

«Играли также и в “московский зонтик”, поднимали юбки не только девчонки друг у дружки, но и парни тоже поднимали юбки, это было класса до 7-го. Очень часто сдёргивали юбки. Сдёргивание юбок. Это происходило в 6–8 классах. Сдёргивали девчонки у девчонок, мальчишки в то время были в классе. Это было в то время, когда были в моде костюмы “тройка”. Сдёргивать иногда получалось, но это было только в том случае, если юбка была на резинке или если дергали поильнее и пуговка отрывалась, а замки уже расстегивались самостоятельно. Если удавалось сдернуть юбку, то человек, у кого сдернули юбку, сразу садился на пол либо просто присяжал за парту и сразу же одевал юбку. При этом очень этот человек краснел и обижался на того, кто у него сдернул и затем в течение дня не вставал со стула, но на следующий день все обиды забывались. Это происходило всегда в школе и только в том классе, где должен быть урок. Это никогда не было при учениках других классов и при учителях» (475).

Юбка, юбочка у мальчиков.

Воспоминания князя Сергея Голицына (1909 г. р.) о 1912 г.: «Глубокой осенью 1912 г. покинули мы любимые края. В Москве на Павелецком вокзале нас встречали – мой отец и лакей Антон... Меня одевали, как девочку, в будние дни – в вышитое... крестьянками полотняное платьице, в праздники, или если в гости идти – в белую матроску с галстучком и в темную плиссированную юбочку, под которой прятались белые кружевные панталончики, колени оставались голыми, на ноги обувались ботинки или туфельки с бантиками... До пяти лет меня так одевали. Став мало-мальски сознательным, я возненавидел и юбочку, и панталончики... Наконец, мать решила. Она сама со слезами остригла меня, кудри спрятала на память, на меня надели штанишки, но короткие» (Голицын, 1993, 24–25). [...]

ЮВЕНАЛЬНЫЕ суды – суды, рассматривающие дела несовершеннолетних.

«В России в этом [2007] году появились ювенальные суды. Они рассматривают уголовные дела, возбуждённые против несовершеннолетних. Главное отличие такого правосудия – более щадящий подход. “Ювенальный судья должен собрать всю информацию в семье, школе и только потом писать приговор”, – сказал... Николай Шилов, руководитель Ассоциации судей по делам несовершеннолетних и проблемам семьи» (Аргументы и факты, 2007, № 1–2 – С. 13).

ЮДМ – см. *Юные друзья милиции.*

ЮДП – 1. Юные друзья пограничников.

О перв. пол. 1960-х гг.: «Отряд ЮДП. ЮДП – это значит юные друзья пограничников. Боевые отряды ребят создаются с некоторых пор при пограничных заставах. Здесь постигают ребята законы крепкой военной дисциплины, боевого товарищества, взаимопомощи, учатся выносливости и смелости, сметливости и ловкости. Кроме отрядов юных друзей пограничников, во всех уголках страны действуют отряды юных друзей

милиции (ЮДМ), юных друзей пожарников и т. д.» (Матвеев, 1965, 58).

ЮДП – см.: «Юные друзья пожарников».

ЮК [юк] – 1. То же что юный коммунист.

О Москве в 1918–1919 гг.: «Одной из первых организаций московской детворы стали клубы и отряды “юных коммунистов” – “юков”. Среди них были 1-й гор. отряд, два отряда в Басманном (потом Бауманском) районе, отряды “юков” в Замоскворечье, в одной из трудовых коммун Сокольников. О “юках” много заботились отделы здравоохранения и просвещения Москвы, инструкторы Всевобуча, которым ведал старый большевик Николай Ильич Подвойский. В Москве “юков” поддерживала Вера Михайловна Величкина, старый член партии, врач. Муж Веры Михайловны В.Д. Бонч-Бруевич всемерно помогал ей в заботах, особенно о физическом воспитании “юков”. После смерти В.М. Величкиной в память ее была издана в 1919 г. книжка о первых коммунистических группах советских детей. Она называлась: “Организации юных коммунистов – “юки””. Правда, в этой книжке было немало советов из опыта скаутского движения, за что её справедливо критиковали Н.К. Крупская и комсомол. Но в работе некоторых отрядов “юков” было и много ценного. Они немало сделали для воспитания детей в холодной и голодной Москве 1918–1919 гг. Вот что рассказывали бывшие “юки” городского отряда: “Наш клуб помещался в длинном двухэтажном доме № 8 на Волхонке. Он цел и сейчас. Во дворе, у дверей, была вывеска: “Клуб отряда юных коммунистов Городского района”. Не забыть первого дня прихода в этот клуб. Входим. Ребята полным-полно. В зале – холодище, пар валит от дыхания, но шумно и весело. Почти у всех под воротниками пальтишек, кацавеек заправлены красные галстуки-косынки. Вдоль стены – лозунги: “Юные коммунисты – залог будущего социалистической Родины”. “Становись!” – скомандовал высокий парень в зелёном шлеме с большой красной звездой. “А нам можно?” – расхрабрились мы, по-военному расправляя ремни на своих куртках, сшитых из отцовских шинелей. “А вы что за ребята?” “Обыкновенные. К “юккам” пришли. Строиться умеем...” Нам разрешили встать в строй. Парень в шлеме оказался помощником инструктора отряда. Строевые упражнения, а потом игры: перетягивание каната, “рыбаки и рыбки” и “третий лишний” – быстро разогрели нас. Наигравшись, уселись тесным кругом на полу. Началась беседа о законе юных коммунистов: “Юк” – верный сын трудового народа”. Потом пели песни: “Горит заря свободной жизни новой”, “Красное знамя” и гимн “юков”: “Молоды “юки” и смелы, / Долго еще нам идти. / Много найдется нам дела, / Мы не собьемся с пути!” Построившись, дружно спели “Интернационал”, а на призыв: “Выполняйте законы “юков” – будьте готовы!” – впервые прозвучал и наш ответ: “Всегда готовы!” В патрулях (так назывались теперешние звенья) было человек по восемь ребят от 10 до 15 лет. Мы выучили и научились объяснять все 10 законов и 9 обычаев “юков”. Каждый патруль получал задание: например, дежурить на пункте детского питания (так назывались тогда бесплатные детские столовые), следить за порядком, за тем, чтобы всем давались равные порции “пшёнки” (похлёбки из пшена и сухой воблы). С началом весны 1919 г. отряд приступил к очистке соседних дворов от обледеленных гор всяких нечистот, скалывал лед. Когда уставали, нас ободряли слова гимна “юков”: “Силой сильны мы народною, / С ней мы все победим!” Особенно благодарны были московские ребята отрядам “юков” за то, что им удалось впервые повидать и услышать Владимира Ильича Ленина на Красной площади 1 и 25 мая 1919 г. Но “юки” ещё не имели прочной связи с комсомолом. Некоторые их инструкторы и не хотели этого. С окончанием гражданской войны отряды “юков” были ликвидированы, и комсомол занялся созданием массовой коммунистической организации детей» (Яковлев, 1962, 31–33).

«В 1918–1919 гг. в ряде губерний (Московской, Ярославской и др.) возникли организации юков (юных коммунистов). Во многих местах это были действи-

тельно революционные детские организации, работавшие в контакте или под руководством комитетов комсомола. В Нижнем Новгороде, например, губком ЮК работал при губкоме КСМ. В 1919–1920 гг. прошли губернские съезды юков, как правило, под организационным и идейным руководством комсомола. Вместе с тем “юкизм, – по оценке II съезда РКСМ, – являясь механической склейкой буржуазной скаутской системы и коммунистических фраз”, ни в коем случае не мог выполнять задач воспитания пролетарских детей. Съезд высказался за ликвидацию организаций ЮК и за передачу их функций РКСМ» (Очерки, 1980, 196).

«“Мы скаутов били?” “На всех углах...” – радостно закивал Санька... “..Название себе придумали...” “Кто?” – не понял Санька. “Скауты! – плюнул Степан. – Юки они теперь называются. “Юные коммунисты”. И попробуй, тронь!” “Эти дылды в коротких штанах – коммунисты?! – опять вскочил Санька. – В шляпах?!” “Да не в шляпах дело!...” – отмахнулся Степан...» (Принцев, 1980, 9).

ЮК [ю-ка] – 2. То же, что юный корреспондент, *юнкор*.

ЮЛА – «Детская игрушка в виде круга или шарика на оси, которая при быстром вращении удерживается в вертикальном положении; волчок» (Словарь, 1965–17, 1981).

О 1994 году: «Когда мне было где-то 10 лет, у меня была юла. Мы с братом младшим играли» (094).

«**ЮНАЯ Россия**» – журнал 1906–1918 гг. См.: «*Детское чтение*».

ЮНАРМЕЕЦ – в 1970-е–1980-е гг.: юный армеец, член военизированного отряда, участвующего в военно-спортивной игре.

В конце 1970-х гг.: «Слово “юнармеец” прочно вошло в нашу жизнь. Говорим ли мы о популярной военно-спортивной игре “Зарница” или о походах по местам былых сражений без этого не обойтись. Но юнармеец – прежде всего школьник, приобретающий на уроках начальной военной подготовки первые необходимые знания о нашей армии» («Комсомольская правда», 1978, 3 июня; цит. по: ТССР, 2001, 876).

О конце 1980-х гг.: «Хотим, чтобы все юнармейцы нашей большой страны занимались по одной программе» («Пионерская правда», 1988, 18 июня; цит. по: Мокиенко, 1998, 679).

ЮНГА – «Подросток, обучающийся морскому делу и исполняющий на корабле обязанности матроса» (Словарь, 1965–11, 1986).

О 1904 году: «Почти каждый день надо было чистить гальюны. На эту грязную, неприятную работу, которую никому не хотелось делать, и посылали юнг и молодых матросов-новобранцев. Особенно мы не любили драить длинные – во всю комнату – медные умывальники... Работы юнгам хватало на целый день. После уборки в помещениях роты убирали в каютах фельдфебелей. Потом кок приказывал принести дров на камбуз» (Винников, 1964, 76–77).

См. также: *Школа юнг*.

ЮНГШТУРМОВКА – «Форма военного образца, которую носили члены юнгштурма, а также советская молодежь в 20-х – начале 30-х годов» (Словарь, 1965–17, 1986); то же, что *юнгштурмовский костюм*.

Юнгштурм – «Организация революционной немецкой молодежи, созданная в 1924 г. для борьбы против фашизма (с 1926 г. стала называться “Красный фронт молодежи”)» (Словарь, 1965–17, 1986).

Юнгштурмовский костюм.

О 1920-х гг.: «Такие они три подружки, Лина, Соня, Инка, друг на друга не похожие. А одеты они одинаково! Одеты они в юнгштурмовские костюмы. Юнгштурмовский костюм – это защитного цвета юбка, такая же гимнастёрка, широкий кожаный ремень с портупеей. Как у красноармейцев... А Дима, глядя в сторону, строго говорит: “Ты лучше собирайся быстрее” “Сейчас, сейчас... – Соня вскакивает. – Отвернись, Димка, я буду переодеваться”. Она сбрасывает с себя голубое платье, надевает юнгштурмовский костюм... ..А это трудно участнику праздника, который... шагает в пионерском

строю, в юнштурмовском костюме. В юнштурмовском костюме и без пальто! Вот какой теплый, чудесный вечер выдался в честь великого праздника – десятилетия Октября!» (Шкаровская, 1963; 5, 19, 72). [...]

ЮНКОР – юный корреспондент; ребенок или подросток, который пишет и печатается в каком-либо периодическом издании.

«Впервые появились юные корреспонденты, когда родились пионерские газеты. В 1924 году в Ленинграде начала выходить газета “Ленинские искры”, и сразу же посыпались в редакцию заметки юнкоров, которые тогда назывались деткорами. А первые корреспонденты “Пионерской правды” назывались пикорами, то есть пионерскими корреспондентами» (Зебзеева, 1978, 28).

О перв. пол. 1960-х гг.: «Юнкор – юный корреспондент. Юнкорские посты создаются в пионерских дружинах, Домах и Дворцах пионеров. Они помогают пионерским, газетам и журналам сообщать оперативно и регулярно о самом интересном, и новом; что рождается в жизни наших пионеров. Девиз юнкора: “Сначала поработай, а потом об этом напиши”» (Матвеев, 1965, 60).

О начале 1970-х гг.: «У “Пионерской правды” много своих юных корреспондентов среди пионеров страны – юнкоров. Ежегодно в Артеке проводятся сборы юнкоров» (Цит. по: Мокиенко, 1998, 680).

ЮНКОРОВСКАЯ организация – организация юнкоров.

Из издания 1925 года: «Большинство юнкорских организаций отказались от казённых форм юнкорского движения» (Цит. по: Мокиенко, 1998, 680).

ЮННАТ – «Ребёнок или подросток, участник кружка по изучению природы» (Словарь, 1965–17, 1990); член юннатского кружка, участник юннатского движения, ребенок, посещающий станцию юных натуралистов.

О перв. пол. 1970-х гг.: «...Юннаты занимаются на станциях юных натуралистов, в кружках юннатов при школах, Домах (Дворцах) пионеров и других учреждениях. Юннаты изучают природу родного края, города, села. Юные ботаники ведут большую работу на пришкольном учебно-опытном участке, проводят опыты по выращиванию с.-х. растений, разводят цветы, овощи, фрукты. Каждый кружок юннатов имеет коллекцию гербариев, которые школьники собирают во время каникул. ...Работают шк. лесничества – юннаты берегут и охраняют лес. Широкое распространение получило такое объединение школьников, как “зелёный патруль”, где ведётся большая работа по охране зелёных насаждений. Юные любители живой природы наблюдают за повадками птиц и животных, создают в школах уголки живой природы, в которых есть белки, ежи, хомяки, птицы и пр. Юннаты – добровольные помощники сотрудников зоопарков, питомников. Под руководством специалистов они ведут учёт редких видов животных и птиц» (Денисова, 1978, 236–237).

«Обычно в [пионерском] звене каждый из ребят чем-то увлекается: один – юннат, другой – конькобежец...» (Бромлей, 1977, 11).

ЮННАТКА – девочка-юннат (юный натуралист), то есть, скорее всего, девочка, посещающая кружок юных натуралистов.

О 1950-х гг.: «Я всегда дружила с Натой / Из квартиры двадцать пять. / Но она не просто Натка! / Нет, она теперь юннатка! / У неё все разговоры / про салат и помидоры. / Даже ночью снится ей / Сны из разных овощей. / У неё прошедшим летом – / Весь наш дом слышал об этом – / Наяву, а не во сне, / Вырос персик на окне. / Ната с нами не играет, / Всё мешочки разбирает – / Сортирует семена... / Стала важная она. / Было скучно мне сначала. / Но недолго я скучала: / Заключила с ней союз – / Мы вдвоем растим арбуз!» (Высотская, 1961, 16).

ЮННАТСКИЕ кружки, кружки юннатов – основная форма организации юннатского движения в школах и пионерских лагерях, во дворцах и домах пионеров, на станциях юных натуралистов.

О конце 1940-х гг.: «Он [Юра Кусков]... шёл на занятия кружка юннатов. Когда все юннаты собрались,

наша учительница Нина Сергеевна, которая руководит кружком юннатов, повела нас в сад и стала показывать, как устроены цветы растений» (Носов, [1950] 1979–1, 343).

О конце 1940-х – начале 1950-х гг.: «Но вот кончается урок. / Идут гулять ребята. / А нас в живой свой уголок / Уводят два юнната. / Здесь в уголке живут ужи. / Мы их берем без страха. / А вот лягушки и ежи, / Удод и черепаха» (Маршак, [1952] 1968–1, 327). См. также: *Юные мичуринцы*.

ЮННАТСКОЕ движение – система внеклассной и внешкольной работы с учащимися, главная цель которой – воспитание у школьников интереса и любви к природе, изучению и охране природы родного края, навыков выращивания растений и ухода за животными, проведение опытнической работы.

«Движение юннатов – юных натуралистов – уникальное в мировой практике воспитания подрастающего поколения. Оно стало массовым в нашей стране с 1918 года. У истоков юннатского движения стояли педагоги – энтузиасты Центральной биостанции им. К. А. Тимирязева (г. Москва). Теперь аналогичные объединения школьников получили широкое развитие во многих европейских странах» (СВ, 1990, 310–311).

О 1920-х гг.: «В эти годы разветвляется... движение юных натуралистов. После создания пионерской организации работа эта развивается в пионерских отрядах, особенно активно в летних пионерских лагерях. Центральный Комитет ВКП(б) поручил ЦК ВЛКСМ и Наркомпросу разработать вопрос о дальнейшем развитии и формах деятельности дет. орг-ций, подобных движению юных натуралистов. В июне 1927 г. по инициативе Московской биологич. станции им. К. А. Тимирязева и ЦК ВЛКСМ был созван Первый съезд юных натуралистов, обобщивший опыт работы кружков и пионерских отрядов. В 1929 г. в стране насчитывалось уже более 500 зарегистрированных кружков юннатов, поддерживающих связь со станцией юных натуралистов. В них работали свыше 15 000 пионеров и школьников» (Очерки, 1980, 128).

О 1920-х – 1980-х гг.: «[В конце 1980-х гг.] юннаты работают по нескольким направлениям: полеводы, садоводы, овощеводы, лесоводы, ихтиологи, орнитологи, аквариумисты, физиологи, агрохимики. Осн. форма орг-ции юннатской работы – кружки в школах, на станциях юных натуралистов, при домах и дворцах пионеров, клубах, в пионерских лагерях и по месту жительства. Их задачи разнообразны: воспитание любви к природе, интереса к сельскохозяйственному труду, углубление знаний по предметам естественного цикла, развитие интереса к исследовательской работе, формирование навыков по выращиванию растений, уходу за животными, культуры труда. Исходя из местных условий и возможностей, создаются “зеленые патрули”, “голубые патрули”, “школьные лесничества”... Большую популярность завоевали праздники юных друзей природы, которые начали проводиться в 1920-е годы. В “день леса” (проводится в мае) юннаты сажают деревья, подводят итоги проделанной работы, организуют конкурсы, концерты, викторины. В “день птиц” (проводится в марте) развешивают искусственные гнездовья: дуплянки, синичники, скворечники... Большой популярностью у слушателей пользуется постоянная передача Всесоюзного радио “Школа юннатов”. Организационным и методическим центром юннатского движения в стране является работающий круглый год (с 1954 г.) павильон “Юные натуралисты и техники” ВДНХ СССР. Для его участников учреждена медаль “Юный участник ВДНХ”» (СВ, 1990, 310–311).

См.: *Юннат, Юннатские кружки, Станция юных натуралистов, День птиц, Зелёный патруль*.

«**ЮНЫЕ безбожники**» – журнал, орган ЦК ВЛКСМ, Нар. комиссариата просвещения и Центр. Совета Союза воинствующих безбожников. Издавался в Москве с марта 1931 по январь 1933 года. Журнал печатал статьи о новейших странах, её промышленности и сельском хозяйстве, о методах антирелигиозной пропаганды. В 1932 году появилась «Страничка детского творчества».

Тираж в 1932 г. – 32 тыс. экз. (Колесова, 1993, 116–117).

ЮНЫЕ друзья милиции, ЮДМ – отряды школьников, помогающие милиции, нар. дружинам. Кружки ЮДМ существовали в 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.

О г. Целинограде (Казахская ССР) в перв. пол. 1960-х гг.: «Они ещё больше сдружились.... Вместе дежурили на улицах, следили за порядком в кинотеатрах, изучили правила уличного движения. Женя Литвинов, Миша Жучков... и ещё сто пятьдесят мальчиков и девочек приняли их в свою дружину юных друзей милиции – ЮДМ, девиз которой: “Увидел беспорядок – не проходи мимо”... Дружина ЮДМ при детской комнате № 1 продолжает свою работу» (Палагнюк, 1965, 56).

О Чимкентской обл. в перв. пол. 1960-х гг.: «Было это в ноябрьское воскресное утро. В тот день ребята из отряда ЮДМ увели с колхозного рынка восемнадцать школьников, торговавших семечками и сухофруктами... “Мы и в соседних сёлах организовали отряды юных друзей милиции, – рассказывает Толя Гречишников. – В Чёрных Водах, в Самсоновке, в селе Орджоникидзе познакомилась с верными ребятами... Сейчас там свои отряды начинают работать”» (Маринина, 1965; 58, 60).

О перв. пол. 1970-х гг.: «В. Крахмалов ходил в школу семь зим, учился в шестом классе и своеобразно выдавал себя за “юного друга милиции”. Под фальшивым флагом ЮДМ Крахмалов отнимал у ребят бутерброды, рогатки, гривенники на мороженое...» (Миксон, 1976, 11).

О середине 1980-х гг.: «Активизировать правоохранительную деятельность отрядов юных друзей милиции, юных дзержинцев» («Русский язык в нац. школе», 1986, № 7; цит. по: Мокиенко, 1998, 181).

ЮНЫЕ друзья пожарников – отряды школьников, помогающие пожарным. Кружки ЮДП существовали в 1960-х – перв. пол. 1980-х гг.

О 1960-х гг.: «...Про наш класс... скоро по всей Москве узнают”. “Это пожарники ездят и всем небось рассказывают”. “Я теперь в “Юные друзья пожарных” ни за что не запишусь”, – сказал Джавад свирепо. “Никто и приглашать не будет. Мы неуспевающие. А неуспевающих ни в какие кружки и “Друзья” не записывают”» (Коршунов, [1968] 1980, 85).

ЮНЫЕ коммунисты – см.: Юки.

ЮНЫЕ ленинцы – о пионерах.

Из пособия 1949 г. для учителей нач. школы: «Товарищ Сталин назвал советских детей юными ленинцами. Это высокое и почётное звание! Быть юным ленинцем – значит уже и сейчас, в детстве, выполнять заветы Владимира Ильича, оправдывать в учебе, в труде доверие товарища Сталина» (НШ, 1949, 448).

ЮНЫЕ мичуринцы.

См. воспоминания о жизни в Шадринске во вт. пол. 1940-х гг.: «И вот однажды в школу пришел знаменитый уральский садовод (он же талантливый детский врач) Аркадий Павлович Бирюков. Он увлек своими рассказами о цветущих садах нас, школьников. Определился состав кружка юных натуралистов (нас звали юными мичуринцами). И началась работа. Прежде всего, мы заложили сад: посадили яблони-ранетки, кустарники. За каждым деревцем был закреплен определенный кружковец. В его задачу входило ухаживать, оберегать его от повреждений, рыхлить приствольный круг. Велика была наша радость, когда мы впервые увидели результаты своего труда.... Юные мичуринцы нашей школы выращивали и цветы. Ещё весной на школьном дворе были разбиты две клумбы, а летом зацвели душистый табак, лилии, фиалки, пионы, кохия. До глубокой осени, сменяя друг друга, цвели посаженные нами цветы. По совету Аркадия Павловича, мы стали выращивать фруктовые деревья у себя дома. У него мы научились окулировке – летом я, например, в своем саду привила к местным сортам яблони мичуринские сорта. В августе 1948 года в городе Кургане состоялся областной съезд юннатов. За успехи нашего кружка я, как староста, была направлена делегатом на этот съезд и там выступила с рассказом о нашей работе. Запомнилось посещение областной станции юннатов» (Плотникова, 2003, 51). «Активистки родительского

комитета и старшеклассники убирали во дворе строительный мусор. Юные мичуринцы копались в саду» (Ликстанов, [1953] 1964, 326). См. также: Юннаты.

ЮНЫЕ натуралисты – см. Юннатское движение.

О 1918–1920 гг.: «Я сделался класса с четвертого руководителем кружка юных натуралистов, участвовал в каких-то городских и даже республиканских юннатских слетах» (Полевой, 1978, 297).

ЮНЫЕ пионеры – детские коммунистические организация 1921–1924 гг.

«...Комсомольцы в конце 1921 г. приступили к созданию первых дет. коммунист. групп... По указанию ЦК партии в конце 1921 г. была создана спец. комиссия для орг-ции детских групп... Московский комитет комсомола разработал и утвердил “Временный устав орг-ции детских групп “юные пионеры” имени Спартака”. Устав был опубликован в книжке “Юные пионеры”. Устав определил гл. цель орг-ции: воспитывать у детей “общественные наклонности, пробудить стремление к знанию, развить всесторонне их натуру и воспитать в них дух классового самосознания, подготовить к будущей общественно трудовой жизни и к борьбе за интересы пролетариата”. Формы орг-ции были предусмотрены следующие: звено из 7–8 детей, отряд из 2–4 звеньев во главе с инструктором (начальником) и его помощником, назначенными комитетом РКСМ района, уезда. Отряды создавались по месту жительства, а также при школах и клубах. В орг-цию принимались только дети рабочих от 11 до 14 лет. Каждый отряд имел звание, каждое звено – флажок. У пионеров был девиз “Будь готов! – Всегда готов!”, а также форма и галстук – косынка красного цвета. Были разработаны текст торж. обещания, шесть “законов” и десять “обычаев” юного пионера. Первые “законы” и “обычаи” пионеров, принятые МК РКСМ, были кратки, но выразительны. “Законы” устанавливали: “1. Юный пионер верен рабочему классу. 2. Честен, скромен и правдив. 3. Друг и брат всякому другому пионеру и комсомольцу. 4. Исполнителен. 5. Трудолюбив, весел и никогда не падает духом. 6. Бережлив и уважает общепольный труд”. “Обычаи” определяли повседневное поведение пионеров: “1. Пионеры не валяются в постелях утром, а поднимаются сразу, как ванька-встанька. 2. Пионеры стелят постели своими, а не чужими руками. 3. Пионеры моются тщательно, не забывают мыть шею и уши, чистят зубы и помнят, что зубы – друзья желудка. 4. Пионеры точны и аккуратны. 5. Пионеры стоят и сидят прямо, не горбясь” и т. д.» (Яковлев, 1962, 33–35).

«В 1921 г. по указанию Центрального Комитета партии было создано спец. совещание по работе комсомола с детьми... Комиссия, созданная на совещании, разработала примерный устав детских групп “Юные пионеры имени Спартака”. Устав определял цель и структуру организации и ее возрастные границы (от 11 до 14 лет). Были также сформулированы основные законы и обычаи юных пионеров. Вторая Всероссийская конференция РКСМ (16–19 мая 1922 г.) приняла решение о создании под руководством комсомола коммунист. дет. орг-ции юных пионеров» (Очерки, 1980, 196–197).

О Минске в 1922 г.: «Весной 1922 года разнеслась весть, что в железнодорожной школе № 25... организовали отряд юных Спартаков. Мы, ребята, проживающие по улице Берсона, собрались и пошли в эту школу. Там уже было много мальчиков и девочек с других улиц, и все старше нас. На стенах висели лозунги и плакаты о борьбе с разрухой, с неграмотностью и религиозным дураманом, а в центре – портрет В.И. Ленина. В толпе ребят то тут, то там появлялся парень в распахнутой кожаной куртке. Он рассказывал о Спартаке, о восстановлении рабов против угнетателей. Говорил, что при комсомольских ячейках фабрик, заводов, сельских Советов будут теперь создаваться отряды помощников партии и комсомола – юных Спартаков. Я пробрался поближе к вожатому и попросил записать в отряд. Он посмотрел на меня серьезным, изучающим взглядом и спросил, сколько мне лет. Я привстал на носки, чтобы казаться выше, и как можно громче ответил: “Девять”. Но это не помогло. Вожатый сказал: “Будешь пока в группе “Волчат”, – и

тут же добавил: – Это младшие братья Спартаков”. Я не мог скрыть своего огорчения. Но вожатый постарался утешить меня и других малышей. “Ничего, – сказал он, – подрастаете и вступите в отряд Спартаков, а пока становитесь на левый фланг нашего строя”... Целыми днями мы пропадали в отряде. Не зная усталости, часто недоедая, с готовностью выполняли поручения старших Спартаков. Особенно нравились нам сборы отряда. Они обычно начинались и заканчивались песнями “Варшавянка”, “Наш паровоз”, “Мы кузнецы”, “Ты, моряк, красивый сам собою” и, конечно же, “Картошка”. Затем проводились беседы “О положении в нашей стране” или “О коммунистических субботниках” и т. п. Однажды вожатый прочитал нам рассказ о первом коммунистическом субботнике, на котором работал и Владимир Ильич Ленин. После этого вместе с комсомольцами железнодорожного узла мы участвовали в субботниках и воскресниках на пассажирской и товарной станциях г. Минска, на строительстве минского аэродрома, помогали разбирать строительный мусор, собирали металлолом. Собранный носили к пионерской комнате, под окнами которой вырастали целые горы металла, битого стекла, костей. Все это погружали на повозки, отвозили на склад, а вырученные деньги шли на покупку книг и брошюр, плакатов, красок, настольных игр для сельских пионеров. В те годы особенно популярными были игры “Старайся вверх”, “Рич и Рач”, шашки и др. Многие игры мы изготавливали сами, а играли в пионерской комнате за самодельными столами. Вскоре Спартаков переименовали в пионеров. Вожатый объяснил нам: “Пионер – это значит первый, это самый передовой, самый лучший молодой товарищ во всех делах, в любом хорошем начинании”. Нас, младших ребят, приняли в пионеры летом 1923 года. Помню, мать сшила мне галстук из трех красных нарукавных повязок. Волнуясь, произносили мы слова Торжественного обещания» (Патент, 1984, 20–22).

Из протокола экстренного заседания пленума ЦК РКСМ 23 января 1924 г.: «Постановили: “Переименовать существующие в СССР детские коммунистические группы пионеров имени Спартака в “Детские коммунистические группы юных пионеров имени т. Ленина”»» (НО, 1974, 263).

ЮНЫЕ спартаки – то же, что *Юные пионеры*.

ЮНЫЕ строители – двухнедельный журнал «Рабочей газеты» для детей от 10 до 14 лет с отделом «Красные маки» для детей от 7 до 9 лет. Издавался с июля 1923 по июль 1925 года сначала в Петрограде (1923, № 1–3), затем в Москве. В журнале печаталось много материалов о жизни и делах пионеров, есть специальный отдел «Страничка пионера». Журнал печатает хронику школьной жизни, заметки о борьбе детей в других странах, очерки о революционерах (К. Либкнехт, парижские коммунары, больше всего – о В. И. Ленине), сообщения о науке и технике, рассказы о животных, птицах, насекомых. Имеются страничка юнкора, «Уголок юного натуралиста», В журнале печатаются повести, рассказы А. Федорова-Давыдова, Ал. Алтаева, С. Ауслендера, П. Замойского и др. «Тематически они актуальны (революция и гражданская война, жизнь пионерского отряда и беспризорников, интернациональная дружба и строительство социализма), в художественном отношении – весьма посредственны. В отличие от своего современника «Нового Робинзона», журнал «Юные строители» главное внимание уделял не беллетристике, а публицистике, при этом не очень-то заботясь о занимательности, учете возрастных особенностей читателя. «В истории дет. журналистики “Юные строители” как массовый пионер. журнал (тираж 30–100 тысяч) явился в известной мере продолжателем “Юных товарищей” и предшественником и современником “Барабана”» (Колесова, 1993, 118–119).

ЮНЫЕ техники – дети, которые вовлечены в различные формы активности, связанные с техникой.

О перв. пол. 1950-х гг.: «Всё чаще стали проводиться такие массовые мероприятия, как день юного техника в пионер. лагерях, в дет. парках и парках культуры и отдыха и др. Среди старших школьников получают распро-

странение творч. конференции юных техников – школьные, междушкольные, районные, областные. Такие конференции проводились в гг. Москве, Ярославле, Ленинграде, в школах Московской и Ростовской областей. Учащиеся выступали с докладами, хорошо иллюстрированными различными самодельными приборами и моделями, на темы: “Великий русский ученый М. В. Ломоносов”, “Русский свет”, “А. Попов – изобретатель радио”, “Физика атомного ядра”, “Жизнь и деятельность академика Н. Д. Зелинского” и др.» (ВВВР, 1955, 25).

См. также: «Юный техник» (1, 2).

«ЮНЫЕ товарищи» – двухнедельный детский журнал, издававшийся ЦК РКСМ совместно с Коллегией дет. учреждений ВЦИК в Москве с 1922 года. Тираж 4–5 тыс. экз. В 1924 г. слился с журналом «Пионер».

Появление журнала было связано с решением о создании в Москве первых пионер. отрядов. Журнал пропагандировал создание пионер. отрядов, раскрывал классовую сущность дет. коммунист. орг-ции, её полит. цели и задачи, формы и методы работы. В 1922 г. журнал провёл сбор почтовых марок в фонд помощи голодающим Поволжья, что явилось первым опытом акт. привлечения детей к общ.-полит. кампаниям.

«Общественно-полит. отдел – главный... Называется он “Важнейшие события”... “Русско-германский договор”... “Эс-эры наказаны по заслугам”, “Гаагская конференция позорно сорвана западными капиталистами”... – вот далеко не полный перечень материалов, вводящих читателя в атмосферу совр. жизни... Беллетристич. отдел “Юных товарищей” довольно разнообразен. Как и в “Северном сиянии”, ведущей является тема революции и гражданской войны, участие в них подростков... Рассказы эти написаны в реалист. ключе... В рассказах Артёма Веселого, О. Эрдберга изображена жизнь совр. подростков, их борьба с нэпманами... “Юные товарищи”, несмотря на то, что вышло всего 8 номеров, занимает важное место в ист. советской дет. журналистики. Он, как бы приняв эстафету у “Северного сияния”, вручил её “Юным строителям”, “Барабану” и “Пионеру”. Это, по существу, самый первый пионер. журнал в стране, кот. несет на себе отпечаток скаутского движения, свойственный первым стихийно возникавшим пионерским отрядам» (Колесова, 1993, 119–121).

«ЮНЫЙ ворошиловский стрелок» – аналог званию и значку «Ворошиловский стрелок».

В июле 1934 года ЦСО утвердил нормы на значок «Юный ворошиловский стрелок» и его изображение: на уменьшенном в размерах значке «Ворошиловский стрелок» в центре полыхал костер – символ пионерской организации. 4 августа 1934 года под Москвой уже открылись первые Всесоюзные стрелковые соревнования «Юных ворошиловских стрелков».

О 1930-х гг.: «Большое внимание уделялось работе оборонных кружков, организации военных игр. Широкое распространение получили кружки юных авиамоделлистов и “ворошиловских стрелков”» (Очерки, 1980, 415–416).

К концу 1934 г. нормы на значок «Юный Ворошиловский стрелок» сдали 20 тысяч пионеров и школьников, а в 1935 году – 68 тысяч. 19 января 1938 года ЦСО изменил Положение о «Юном ворошиловском стрелке», добавив в него нормативы по знанию устройства малокалиберной винтовки, по общим сведениям теории стрельбы. В Положении были усложнены нормативы по стрельбе. Всего с 1935 по 1941 год более 500 тысяч пионеров и школьников стали обладателями значка «Юный ворошиловский стрелок». Значок «Ворошиловский стрелок» был упразднен в 1941 г. в связи с начавшейся Великой Отечественной войной.

«ЮНЫЙ дзержинец» – член отряда комсомольцев – помощников милиции.

О перв. пол. 1980-х гг.: «До самого окончания школы Люция была правой рукой инспектора детской комнаты, стала комиссаром “юных дзержинцев” (Комсомольская правда, 1986, 29 июня; цит. по: Мокенко, 1998, 164).

«ЮНЫЙ динамовец» – название спорт. коллективов, связанных с деять-стью общества «Динамо».

О начале 1970-х гг.: «Многие знаменитые спортсмены нашей страны – воспитанники спортивных коллективов “Юный динамовец”, насчитывающих в своих рядах более 100 тысяч мальчиков и девочек» (Светов, 1973, 170).

«**ЮНЫЙ конструктор**» – набор деталей для детей; см.: *Конструктор*.

О конце 1950-х гг.: «И чего [в Серёжином рюкзаке] только не было: книжки с картинками, жёлтый футбольный мяч, батарейки для электр. фонарика, винтики, гайки, “Юный конструктор” с полным набором металлических деталей. “Зачем тебе “Конструктор” в деревне?...” “...Ребята мне травы покажут, цветы разные..., а я... им всякие городские машины из “Конструктора” строить буду”... Мальчик достал из рюкзака “Юный конструктор” и приподнял крышку. Вид блестящих металлических планок с дырочками, уголников, колёсиков, стерженьков и винтиков поразил ребят. “Что это?” – шепнула Феня. ““Юный конструктор”! – важно пояснил Серёжа. – Могу вам собрать любую машину...» (Мусатов, 1960; 3–4, 5).

«**ЮНЫЙ натуралист**» – ежегодный детский журнал, орган ЦБ юных натуралистов и ЦБ юных пионеров, издавался в Москве сначала как приложение к журналу «Знание – сила», затем как самостоятельное издание с апреля 1928 по июнь 1941 года, затем с 1956 года по настоящее время.

Своим возникновением «Юный натуралист» был обязан развитию юннатского движения в стране. Именно на участников юннатских кружков был изначально рассчитан «Юный натуралист»... Журнал имел отделы «Метеорология и фенология», «Из дневника юнната», «Юннаты и сельское хозяйство» и т. п. «Юный натуралист» в 1920-е годы предназначался сравнительно узкому кругу читателей с вполне определившимся интересом к биологии и сельскому хозяйству, выступал в качестве руководителя юннатского движения. Это был instructивный и довольно скучный журнал. С 1934 года «Юный натуралист» значительно увеличился в объеме, редакция стала приглашать к участию в журнале крупных ученых, появились очерки о жизни в капиталистич. странах. Журнал не только расширил некоторые отделы, но и начал публиковать даже худ. произв-ия. Постепенно тематика публикаций расширилась настолько (вопросы геологии, древней письменности и т. п.), что журнал практически утратил свою специфику. Популярность его стала падать.

«Постепенно “Юный натуралист” постепенно возвращается к своей природоведческой сути, наблюдается сочетание беллетристики, научной познавательности с юннатской работой. К концу 1930-х годов “Юный натуралист” становится хорошо иллюстрированным журналом, в нем печатаются очерки о путешествиях, о редких явлениях природы, о советских ученых и их достижениях. Почти в каждом номере есть 1–2 рассказа. Однако материала о работе юннатских кружков, консультаций специалистов значительно меньше. В 1941 году вышло всего 6 номеров: с началом войны выпуск его был прекращен.

С апр. 1956 г. издание “Юного натуралиста” возобновляется. Теперь это ежемесячный детский журнал ЦК ВЛКСМ, а позднее и Центр. Совета Всесоюз. пионер. орг-ции им. В.И. Ленина. “Юный натуралист” конца 1950-х – нач. 1960-х гг. продолжает традиции, заложенные в предшествующие десятилетия: те же цели, хар-р, приемы, тот же серьезный подход к постановке научных проблем и отбору авторов. Обнаруживается стремление к занимательности.

С 1963 года начинается ломка сложившегося типа журнала. На его обложке появляется новый гриф: “научно-популярный журнал”. В связи с этим меняется главная задача, стоящая теперь перед ним. Она не в том, чтобы объяснить, научить, как выращивать кроликов, овощи, цветы и т. п..., но в первую очередь в том, чтобы с раннего возраста воспитать в детях технического века любовь к природе..., бережное к ней отношение, потребность в повседневном общении с ней.

“Юный натуралист” в новом своём качестве живо

откликается на веление времени, многочисленные рубрики позволяют ему освещать самый разнообразный комплекс вопросов, умело сочетать научность и занимательность; прекрасно иллюстрируется интересными и своеобразными художниками... и фотографиями...» (Колесова, 1993; 27, 123–124) Из журнала, адресованного сравнительно узкому кругу читателей-юннатов, «Юный натуралист» в 1970-е – 1980-е годы становится массовым (1970-е гг. – 2 млн. 600 тысяч, 1984 – 3 млн. 240 тыс., 1985 – 3 млн. 210 тыс., 1986–1987 – 3 млн. экз.). Журнал продолжает выходить и в 2000-е гг.

О г. Снежинске Челябинской обл. в 1993 г.: «Со второго класса (9 лет) нам задавали задания написать различные рефераты. Тогда мама достала подшивку “Юного натуралиста”, откуда я вырезала красивые картинки животных. И любила читать в конце журнала интересные рассказы про животных. В этой рубрике печатали случаи из жизни» (117).

«**ЮНЫЙ натуралист**» – знак отличия за достижения в области юннатского движения, один из трёх нагрудных пионерских значков, учрежденных в 1954 году.

Положение о значке «Юный натуралист». Приложение к постановлению ЦК ВЛКСМ от 10 апреля 1954 года: «Нагрудный значок “Юный натуралист” вводится в целях поощрения пионеров – юных натуралистов. 1. Значок “Юный натуралист” получает право носить пионер, который успевает, занимается натуралистической работой и выполнил одно из следующих условий: а) активно участвует в работе юннатского кружка в школе или внешкольном учреждении; б) ведет дневник наблюдений за явлениями в природе по временам года; ознакомился и научился, пользоваться простейшими метеорологическими приборами; в) один или вместе с товарищами изготовил учебно-наглядное пособие для кабинета биологии (гербарий растений, коллекцию насекомых, муляжи и т. д.); г) приобрел навыки ухода за скотом или птицей; д) проводит работу по охране полезных птиц; е) участвует в посадке и выращивании садов, закладке питомников; научился делать прививки, обрезку деревьев, знает методы борьбы с вредителями сада, ягодников; ж) проводит опытную работу на школьном учебно-опытном, колхозном или приусадебном участках. 2. Значок “Юный натуралист” присуждается советом пионерской дружины. Значок вручается пионеру старшим пионерским вожатым, председателем совета дружины. 3. Значок “Юный натуралист” носится на правой стороне груди» (Сборник, 1958, 71).

См. также: *Значки нагрудные пионерские*.

О начале 1960-х гг.: «... В пионерской комнате ...на стенах вывешивают ... макеты значков “Юный техник”, “Юный натуралист”, “Юный турист”... Совет дружины имеет право... награждать пионеров значками “Юный техник”, “Юный натуралист”, “Юный турист”» (Таборко, Орлова, 1963; 103, 112).

ЮНЫЙ пионер – см. цитату-объяснение ниже.

«Что касается фразеологического оборота “юный пионер”, ставшего базой для возникновения нашего слова [“пионер”], то оно сменило выражение “юный разведчик”, существовавшее ещё до революции и передававшее англ. *boyscout* (вошедшее в наш язык и как материальное заимствование “бойскаут») (Шанский, 1980, 35).

«**ЮНЫЙ пионер**» – тележурнал.

О перв. пол. 1960-х гг.: «“Юный пионер” – еженедельный тележурнал для пионеров Центр. студии телевидения. Появился, позже своих радио- и кинобратьев, но уже достаточно популярен среди ребят, всюду, где принимают Москву» (Матвеев, 1965, 60).

«**ЮНЫЙ радиоконструктор**».

О 1970-х гг.: «“Юный радиоконструктор” – набор радиодеталей, из которых можно было собрать простейший радиоприемник» (Томилова, 2006).

«**ЮНЫЙ техник**» – 1. Ежемесячный популярный иллюстрированный научно-технический журнал для

пионеров и школьников, издаётся в Москве с сентября 1956 года.

О журнале во вт. пол. 1950-х – 1970-х гг.: «Юный техник» явился продолжателем дела, начатого в 1920-е–1930-е годы журналом «Знание-сила». Однако в первые годы издания задачи, поставленные перед ним, значительно уже, чем у его предшественника: помочь школьникам в овладении научно-техническими знаниями... Большинство рубрик в первые 5–10 лет точно отражают характер журнала – «Сверх учебника», «Разумно используй свое свободное время», «Школа ЮТ»... Редакция печатает игры, загадки, развлечения, появляются вымышленные персонажи Дотошкин, Верхоглядкин, Белоручкин. Однако уже в первые годы существования «Юный техник»... стремится к более широкому освещению жизни... «Вести с пяти материков» – эта рубрика – ровесница журнала, и до сих пор остаётся одной из самых интересных в «Юном технике»... Современные достижения науки и техники раскрываются в нескольких аспектах: в историческом (исторический подход к раскрытию тех или иных проблем, статьи по истории открытий и изобретений), в нравственном (статьи о людях науки) и в профессионально ориентированном («Рассказы о профессиях», «Юноше, обдумывающему житье»). «Юный техник» [проявляет] постоянный интерес к делам юных техников («Юные техники – родине», «Помогаем труженикам села» и др.) [В рубрике] «Патентное бюро» (1963 г.)... рассматриваются предложения, изобретения ребят, выдаются свидетельства. [«Патентному бюро»]... адресована половина всей журнальной почты... «Юный техник» печатает [материалы] о ещё не решенных проблемах науки... [О 1970-х гг.] Статьи о новостройках пятилетки, о СЭВе, о героях труда, учёных пропитаны публицистичностью...» (Колесова, 1993, 125–127).

Журнал популяризирует достижения науки, техники, производства, освещает вопросы научно-технического творчества, профессиональной ориентации школьников, публикует научно-художественные произведения. Тираж в 1978 году составлял 870 тысяч экземпляров. В качестве приложения к журналу в 1957–1971 гг. выпускалась «Библиотечка для умелых рук» (24 выпуска в год), с 1972 выходило издание «ЮТ» для умелых рук» (12 номеров в год). Постоянная рубрика 1970-х – 1980-х гг. – «По ту сторону фокуса» (о техническом устройстве фокусов).

О 1997–1998 гг.: «Журнал «Юный техник» выписывали моему старшему брату. Я на журналы наткнулась лет в 13–14 (дер. Подгорка Курганской обл., 1997–1998 гг.). В нём были интересные статьи» (072).

«ЮНЫЙ техник» – 2. Знак отличия за достижения в обл. тех. деят-сти, один из трёх нагрудных пионерских значков, учрежденных в 1954 году.

Положение о значке «Юный техник». Приложение к постановлению ЦК ВЛКСМ от 10 апреля 1954 года: «Нагрудный значок «Юный техник» вводится в целях поощрения пионеров, занимающихся тех. творчеством. 1. Значок «Юный техник» получает право носить пионер, который успевает и выполнил одно из следующих условий: а) активно участвует в работе тех. кружка в школе или внешк. учреждении; б) один или вместе с товарищами изготовил прибор или другое учеб. наглядное пособие; построил модель машины или механизма; в) принимает акт. участие в радиофикации школы, детского дома, колхоза; г) изучил устройство одной из машин: автомобиля, мотоцикла, трактора, комбайна, сеялки, тех. установки – радиоприемник, станок, электродвигатель, киноаппарат. 2. Значок «Юный техник» присуждается пионеру советом пионерской дружины. Значок вручается пионеру старшим пионерским вожатым, председателем совета дружины. 3. Значок «Юный техник» носится на правой стороне груди» (Сборник, 1958, 70).

См. также: *Значки нагрудные пионерские.*

О начале 1960-х гг.: «...В пионерской комнате ...на стенах вывешивают... макеты значков «Юный техник», «Юный натуралист», «Юный турист»... Совет дружины имеет право... награждать пионеров значками «Юный

техник», «Юный натуралист», «Юный турист»» (Таборко, Орлова, 1963; 103, 112).

О середине 1970-х гг.: «Мишка просто и гениально придумал, как соединить трубки. «Молодчина, Мишка, – сказал я. – На Нобелевскую не потянешь, но значок «Юный техник» я тебе подарю»» (Фёдоров, 1979, 14).

«ЮНЫЙ турист» – знак отличия за достижения в области туризма, один из трёх нагрудных пионерских значков, учрежденных в 1954 году.

Положение о значке «Юный турист». Приложение к постановлению ЦК ВЛКСМ от 10 апреля 1954 года: «Нагрудный значок «Юный турист» вводится в целях поощрения пионеров, участвующих в туристских походах и путешествиях по родному краю. 1. Значок «Юный турист» получает право носить пионер 5–7-х классов, который успевает, участвовал в нескольких пеших походах и выполнил следующие условия: а) научился ориентироваться на местности по карте и без карты, с компасом и без компаса, по солнцу, часам, по местным предметам; знает правила передвижения по закрытой, пересеченной местности; знаком с дорожными и топографич. знаками, может читать следы; б) умеет одеться, обуться и снарядиться для похода в зависимости от сезона, длительности похода и способа передвижения; научился преодолевать естественные препятствия в пути (рвы, ручьи, речки, овраги); в) научился выбирать место для привала, оборудовать его простейшим укрытием для ночлега; умеет разжечь костер, приготовить пищу; г) знает правила поведения в походе, умеет оказать первую мед. помощь. 2. Значок «Юный турист» присуждается пионеру советом пионерской дружины. Значок вручается пионеру старшим пионерским вожатым, председателем совета дружины. 3. Значок «Юный турист» носится на правой стороне груди» (Сборник, 1958, 72).

См. также: *Значки нагрудные пионерские.*

О начале 1960-х гг.: «... В пионерской комнате ...на стенах вывешивают ... макеты значков «Юных техник», «Юный натуралист», «Юный турист»... Совет дружины имеет право ... награждать пионеров значками «Юный техник», «Юный натуралист», «Юный турист»» (Таборко, Орлова, 1963; 103, 112).

«ЮНЫЙ химик» – набор для химических опытов для детей.

«...Здесь [на выставке «В поисках утраченного детства» из коллекции реставратора Сергея Романова, развернутой в Музее декоративного искусства] представлены предметы детского окружения с 1870-го по 1980 год... В советские времена продолжалась и традиция производства игр образовательного характера – «Юный химик», «Архитектура нашей Родины», «Я знаю, кто изобрел», разные типы лото – «Зоологическое», «Умножение», «Сказки Пушкина» и др.» (Богомолова, 2006, 4)

О 1960-х гг.: «Когда Витя увлёкся физикой, я ему купила конструктор по электричеству. У нас дома моментально стали перегорать пробки из-за «опытов». Потом в школе началась химия, и я купила набор «Юный химик». Начались взрывы, вонища и вообще чёрт-те-что. Прихожу однажды из школы, Витюшка устроил «извержение вулкана»...» (Кротова, [1996]).

О 1970-х гг.: ««Юный химик» – набор химических элементов и химической посуды, к ним прилагалось описание опытов, безопасных для проведения в домашних условиях. Мне мама привозила такой из Москвы. Главное мое достижение в химии благодаря этому набору – я научилась варить молочную тянучку (был в описании и такой опыт)» (Томилова, 2006).

«ЮНЫЙ художник» – ежемесячный детский журнал. Первый период существования журнала – 1936–1941 гг. Он выполнял две функции: пропаганду искусства и работу с ребятами, серьезно им интересующимися. В каждом номере «Юного художника» обычно печатались беседы о русском и зарубежном художнике с черно-белыми и цветными иллюстрациями; статьи о живописной и скульптурной технике под рубриками «Учимся рисовать», «Цвета и краски»; разборы дет. рисунков, поступающих в редакцию. В дальнейшем все эти рубрики были объединены в три больших гл. отдела:

учебный; худ. наследство; дет. творчество. Журнал почти не повторялся в подаче материала, постоянно искал новые темы: рассказывал о рисунках писателей, о персональных выставках, знакомил читателей с анатомией, с совр. отеч. и зарубежным искусством, с худ. течениями и направлениями и т. п. С середины 1939 г. диапазон тем сузился, появился поверхностный анализ произведений, а то и просто банальный пересказ содержания. Журнал стал скучным, неинтересным, в мае 1941 года вышел его последний номер. (Колесова, 1993; 27, 127–129).

С 1978 г. его издание было возобновлено, оно продолжается по настоящее время. В журнале даются уроки рисования, проводятся конкурсы детского рисунка, читателей знакомят с творчеством мастеров живописи.

«ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ» – иллюстрированный журнал для детей старшего возраста, выходил с 1899 по 1900 г. еженедельно, с 1900 по 1906 год – два раза в месяц.

«Ко второй половине 1890-х годов относится появление и еще двух дет. журналов, хотя теперь и прекратившихся, но давших в свое время нашей дет. лит-ре немало ценного материала. Журналы эти – “Всходы”... и “Юный читатель”... Особенный успех этим журналам доставили их приложения; у “Юного читателя” приложения собственно составляли гл. часть журнала. В этих приложениях, представлявших из себя порядочные по объёму книжки, появился целый ряд весьма ценных соч. науч.-поп. характера и действительно хорошие переводные и оригинальные повести для детей. Все эти приложения, пущенные в отдельную продажу, до сих пор занимают почётное место в нашей дет. литературе...» (Чехов Н., 1909, 74–75).

«На страницах журнала печатаются очерки, посвящённые деятелям русского рев. движения – Радищеву, Рылееву, декабристам, много места отводится событиям в стране и за границей, рассказам и повестям о жизни рабочих, крестьян. Особое место в журнале отводится библиографич. отделу “Список рекомендуемых книг”... Очерки о военных действиях на Дальнем Востоке, о забастовках в Петербурге, Москве, других городах, о голоде во многих губерниях России, о произволе царских чиновников – всё это приближало журнал к реальной жизни... Цензура при первой же возм-сти расправилась с непорочным дет. изданием» (РЖДД, 1982; 38, 39, 41).

Актриса Н.Л. Выгодская (1898–1967) о Санкт-Петербурге в середине 1900-х гг.: «Я считаю, что журнал “Юный читатель” был таким журналом, о котором можно и сейчас только мечтать. ... Дети обожали этот журнал, так как он открывал перед ними мир и уводил от выдуманных глупостей “Задуманного слова” и Чарско-Желиковских. “Юный читатель” познакомил меня с захватывающими приключениями подлинной жизни и подлинного героизма путешествий Миклухо-Макля и Фритьофа Нансена, Амундсена, со ставшими моими друзьями, наравне с детьми и взрослыми из книг моего детства, – животными Сетон-Томпсона, чёрным козлом, медведем и зайчиком, собакой с их благородными характерами и одушевлёнными образами. Вместе с ними я взбиралась мысленно на скалы, убегала от жестоких людей, их преследовавших, часто показывала свое преимущество перед ними... Этот мир завладел моим воображением. Неприсяжные книжки с надписью “Юный читатель” и приложения к нему заполнили полки моей библиотеки. Как интересно было ожидать нового номера, приложения! Журнал вводил в мир периодики..., знакомил с переводами лучшей юношеской литературы Запада. Так узнала я Тома, Гекельбери Фина, Принца и Нишего, и многих других детских друзей. Правда, переводы превалировали в журнале: много ли было у нас отечественных детских писателей-современников, подлинных художников слова? Я помню Анненскую, Станюковича, сказанные имена... Тем большая заслуга была “Юного читателя” на фоне отсутствия Детского театра и бедности детской отечественной книги» (Автобиографии, 1998, 229–230).

«ЮНЫЙ ЭРУДИТ» – ежемесячный «журнал для любознательных» детей старшего школьного возраста.

Рубрики: «Технокалейдоскоп», «Загадка человека», «Загадки истории», «Рождение открытия». Издаётся с 2002 г., тираж 2006 года – 50 тыс. экз.

«Я БАЛЕРИНА. Я из Берлина...» – игра-песня.

О Шадринске в 1988 г.: «У нас во дворе еще была одно время игра, состоящая из песенки, слова которой сопровождалась задираньями юбки: “Я балерина. Я из Берлина. Умею петь и танцевать. Смотрите тут-тут-тут (задирали юбку спереди). Смотрите там-там-там (задирали юбку сзади) и не забудьте по бокам (по бокам)”. Девчонки подначивали друг друга пропеть эту песенку, говоря: “А спорим, не споешь?” И все пропевали, поглядывая с опаской, как бы кто не прошел. В игру “Балерина” играли девочки 7–9 лет. Это было в 1988 году. Обычно в неё играли, собираясь кучкой по 5–6 человек по очереди. Научила в неё нас играть девочка 7 лет, жившая в нашем дворе» (542).

«Я В ДОМИКЕ» – возглас, означающий, что человек временно не играет и его нельзя пятнать (салить, лпать).

О начале 1990-х гг.: «Тот человек, который устал от игры [в “ляпы”], от быстрого темпа, то есть, например, от бега, прыжков и так далее или по каким-то другим причинам может на некоторое время “закраться в домике”. Он должен громко крикнуть “Я в домике” и скрестить на груди руки. Также в такие моменты используются следующие стишки: “Утки, утки, / Я на три минутки!”, “На-на-на, / Ра-ра-ра, / На минутку я!”, “Я КамАЗ / На целый час!” После того как участник немного отдохнул и хочет вступить в игру, он должен громко крикнуть: “Я играю”, “Я в игре”, “Раз, два, три, четыре, пять я иду играть” и так далее» (594).

Ср.: «КамАЗ, КамАЗ, я на целый час»; «Утки, утки, я на три минутки!»

«Я ВАС ЛЮБИЛ...» – стихотворение А.С. Пушкина; с 1970-х гг. изучается в школе (8 кл.).

«Я ДУРОЧКА-СНЕГУРОЧКА...» – начало рифмованного ответа на обзывание: «Дура!» или «Дурочка!»

О нач. 1980-х гг.: «А если тебя назовут “дурочкой”, то можно было сказать: “Я дурочка-снегурочка, / Мой папа – дед Мороз, / А мамочка – фиалочка, / А ты – сопливый нос»» (603).

О перв. пол. 1980-х гг.: «Когда мы с подругами ссорились, то обзывались и дразнились друг на друга как только могли: “Я дурочка-снегурочка, мой папа дед Мороз, а мамочка – фиалочка, а ты сопливый нос» (515).

О 1980-х гг. в с. Понькино Шадринского р-на: «Ответ на “дурочку”: “Я дурочка Снегурочка, / Мой папа дед Мороз, / Моя мамочка – фиалочка, / А ты сопливый нос!» (514).

О середине 1980-х гг.: «Когда девочку называли дурой, то она отвечала так: “Я дурочка – Снегурочка, / Мой папа – дед Мороз, / А ты сопливый нос»» (534).

Ср.: «Дурочка-снегурочка».

«Я ЗНАЮ ПЯТЬ...» – игра с мячом или скакалкой.

О 1980-х гг. с. Понькино Шадринского р-на: «Прыгаешь на скакалке, как тебе удобнее, обычно “любочкой”, и говоришь: “Я знаю пять имен девочек”, и начинаешь называть имена, любые, которые приходят в голову. На каждый прыжок надо назвать имя, и так приговариваешь, например: “Оля – раз, Таня – два, Катя – три, Олеся – четыре, Оксана – пять”. Если ты запнулся и не смог сразу вспомнить имя, то передаешь скакалку следующему игроку. Если без запинки назвал, то продолжаешь: “Я знаю пять имен мальчиков” и опять называешь любые имена, которые приходят на ум: “Коля – раз, Петя – два, Саша – три, Сережа – четыре, Вова – пять”. Нельзя одно и то же имя называть несколько раз, это тоже считается окаркой. Следующий этап игры: “Я знаю пять названий городов”: “Москва – раз, Шадринск – два, Минск – три и т. д.”. Затем “Я знаю пять названий цветов”, затем “Я знаю пять названий деревьев”, “Я знаю пять названий рек”. Кто на каком коне окарается, тот потом с этого коня и начинает. Выигрывает тот, кто первым закончил все эти кони» (514).

О Шадринске в 1990–1991 гг.: «Еще одна игра с мячом обзывается “Я знаю пять имен девочек”. В неё играют обычно парами – по две девочки. Они по очереди перебрасывают друг другу мяч, приговаривая: “Я”

(первая) – “Знаю” (вторая) – “Пять” (первая) – “Имён” (вторая) – “Девочек” (первая) – “Ира” (вторая)... По очереди называют пять имен девочек. Назвавшая пятое имя бросает мяч другой, и игра идет по второму кругу, произносятся слова: “Я” “Знаю” “Пять” “Имён” “Мальчиков”... Перечисляют имена мальчиков, перекидывая мяч друг другу на каждое имя. Затем игра идет на третий, четвертый круг и так далее, пока не надоест, или кто-нибудь не задумается и задержит мяч. Придумывают все новые и новые темы: пять названий городов; пять названий стран; пять названий цветов; пять овощей; пять фруктов; пять кличек собак...» (542).

«**Я ПОМНЮ чудное мгновенье**» – стихотворение А.С. Пушкина; с 1970-х гг. изучается в школе (8 кл.).

«**Я САДОВНИКОМ родился...**» – начальные слова игры «Садовник», выступающие в некоторых случаях в качестве названия самой игры.

О Москве 1943–1944 гг.: «По окрестным плющихинским дворам завелись у меня многочисленные друзья... Детям хватало места для чего угодно – тихих посиделок, игр в “на златом крыльце сидели...” или “я садовником родился...”, прятки, в “чижика”, “штандер”...» (Сафонов, 2001).

«**Я ТЕ РОЖУ растворожу...**» – рифмованная угроза. См. также: «*Таблица умножения*».

О нач. 1860-х гг.: «Так было и с нашей радостью по случаю первого отпуска на побывку домой. Да, мы, отцовские дети, ехали домой, нас ждали с нетерпением родные..., и тут же рядом оставалась несчастная, голодная бурса, которой решительно некуда было ехать... Тетеря догнал меня в коридоре и угрожающим тоном проговорил: “Гостинцев привезешь?.. а? Привезешь? Смотри, всю рожу растворожу, зуб на зуб помножу...” Бедный Тетеря, мне было и жаль его и как-то совестно. Лучше бы уж он ударил меня...» (Мамин-Сибиряк, [1902] 1975, 459).

Из романа Н. Лескова «Соборяне» (1872; часть 2, глава 12): «...[Секретарь ревизора] Термосесов так сдавил Данилку одною рукой за руку, а другою за горло, что тот в одно мгновенье покраснел... и едва прохрипел: “Ради господа освободите! Всё что угодно подпишу!” И вслед за сим, перхая и ежась, он нацарапал под жалобой свое имя. Термосесов тотчас же взял этот лист в карман и, поставив пред носом Данилки кулак, грозно сказал: “Гражданин, ежели ты только кому-нибудь до времени пробрешешься, что ты подал просьбу, то...”... “Я тебе, бездельнику, тогда всю рожу растворожу, щеку на щеку помножу, нос вычту и зубы в дробь превращу!”».

О середине 1930-х гг.: «“Х-хе! Летчик на ероплане! – измывался Санька над ребятами. – С бани летел, в назём угодил! Капитан на мостике?! На печке капитан, в зад у таракан! Ха-ха-ха!” Кто-нибудь из смиренных парней не выдерживал: “Чё сорожина красноглаза дразнитца?” “Он дождется, дождется, на палках в лоскутья искачаем!...” “Попробуй, попробуй! Я те рожу растворожу, зубы на зубы помножу!...”» (Астафьев, 1989–1, 246).

«**Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ...**» – обманная формула «признания в любви».

О девочке 3–6 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1990–1993 гг.: «“Я тебя люблю, как увижу, так блюю”. Второй вариант: “Я тебя люблю, где увижу, там и бью, как собаку в углу”. Такое “признание в любви” слышала я от мальчиков в детском саду. Сначала мальчик говорил: “Маша, я тебя люблю”. Девочка, естественно, смущалась, расплывалась в улыбку. А потом он продолжал: “...где увижу, там и бью...”» (134).

О девочке 11 лет в Шадринске в 1998 г.: «“Я тебя люблю, как увижу – так блюю!” Мальчики в моём дворе так отвечали, когда кто-то из девочек шутил: “Ты влюбился?” “Да, конечно, я её люблю, как увижу – так блюю!” – отвечали они. Девочки тоже иногда так отвечали, делая вид, что на самом деле им никто не нравится» (132).

«**Я У МАМЫ вместо швабры**» – о растрёпанной после сна причёске.

О Катайске в 1998–1999 гг.: «Когда я училась в Катайской средней школе № 2, вставая по утрам ещё не расчёсанная, мама говорила мне: “У тебя что за причёска? “Я упала с сеновала, тормозила головой?”” А я могла

ответить синонимичным выражением: “Нет. “Я у мамы вместо швабры””. Видимо, это выражение подходило к внешнему виду моих волос утром: длинные, нерасчёсанные, спутанные после сна, вздерошенные» (018).

«**Я У МАМЫ дурочка**» – ироническое название причёски у девочки.

О девочке в 1956–1963 гг.: «Ходили в... чёрно-коричневой форме... С исключительно и только чёрными лентами в косах. Мне косы долго укладывали крендельками – была такая причёска. Потом на протяжении детства и отрочества фигурировали вокруг и такие причёски...: ёжик, бобрик, кок, горшок, корзинка, хала, кукиш, валик, бабетта, гаврош, “я у мамы дурочка”, вшивый домик, конский хвост и так далее. Метафоризм обыденной речи» (Бек, 2000).

О конце 1950-х гг.: «Девчонки на неё зашикали, а Оля продолжала: “И теперь совсем не модно причёсываться. Нужно ходить растрёпанной...” “Знаю, знаю, – снова запишала Нинка. – Эта причёска называется “я у мамы дурочка”!» (Чеповецкий, 1962, 32).

О нач. 1960-х гг.: «Начёс... клеймили все. Он считался вредным с точки зрения гигиены... Не признавался и начёс на коротких волосах. Такую укладку, дополненную чёлкой, называли “я у мамы дурочка”» (Лебина, 2007, 125).

О девочке 9–12 лет в с. Ястребинка Пресновского р-на С.-Казахстанской обл. в 1993–1996 гг.: «В моем детстве мы дразнили тех, у кого была безобразная причёска, такими дразнилками: “Я упала с сеновала, тормозила, чем попало!” или “Я у мамы дурочка (дурачок)”» (019).

«**Я УПАЛА с сеновала...**» – ироническое название причёски у девочки.

О девочке 9–12 лет в с. Ястребинка Пресновского р-на С.-Казахстанской обл. в 1993–1996 гг.: «В моем детстве мы дразнили тех, у кого была безобразная причёска, такими дразнилками: “Я упала с сеновала, тормозила, чем попало!” или “Я у мамы дурочка (дурачок)”» (019).

О детях 7–10 лет в г. Далматово в 1994–1997 гг.: «“Я упала с сеновала, тормозила головой”, – так говорили в детстве. Эта фраза обращалась к тому, у кого были растрёпанные, лохматые волосы. Мне так говорила мама, когда я бегала не заплетённая» (136). [...]

«**Я ЧЁ, Пушкин**» – см.: «*Я что, Пушкин?*»

«**Я ЧТО, Пушкин?**» – словесная реакция на вопрос, в ответно-вопросительной форме указывающая на незнание отвечающего.

О 1990-х – нач. 2000-х гг.: «Вопрос “Я что, Пушкин?” задавался в ответ на другой вопрос, на который спрашиваемый не мог ответить. На все сложные вопросы он отвечал вопросом: “Я что, Пушкин?” Тем самым он хотел показать, что заданные вопросы не для его ума. Данное выражение слышала в кругу своих друзей, товарищей с начала 1990-х и по сей день» (154). [...]

ЯБЕДА – 1. Тот, кто ябедничает, доносит, наушничает фискалит.

О гимназии 1890-х гг.: «В первых классах я ходил в гимназию нерегулярно, а с третьего... начал ходить уже вполне исправно. Значит, стало с этого времени повседневно сказываться влияние коллектива гимназических товарищей. Первое, в чем оно проявилось, – в привитии “правил товарищества”. “Ябеда, доносчик, собачий извозчик” – была, пожалуй, первая песенка, выученная мной в гимназии. Не только “выдавать”, но даже жаловаться на обидчика считалось позорным: справляйся сам. Эта “товарищеская мораль” была, конечно, выше той, которую впоследствии сумели до известной степени насадить “воспитатели”: выдавай товарищей, и даже не только тогда, когда тебя спросят, но и сам, по своей инициативе, то есть будь ябедой, доносчиком...”» [...]

О конце 1950-х гг.: «“Дерутся! Людмила Александровна, дерутся!” – завизжала Мила Ильина – самая главная ябеда четвертого “а”» (Дягилев, 1961, 49).

ЯБЕДА – 2. «*Пазг*. Наговор, наушничество, клевета» (Словарь, 1965–17, 2016).

О нач. 1950-х гг.: «После уроков в учительскую Петька, конечно, не зашел. Сунув книжки под брючный ремень, он побежал на пристань... “Как твой день в школе?” “Плохо”. “Я знаю. Мне все рассказал Володя

Молотилов...” “Знаете, так нечего спрашивать. Думаете, совру, Я не трус. А Володьке вашему за ябеду надо рожу растворожить”. “Какая грубость, – воскликнула Зоя Яковлевна и нервно повела плечом. Потом сузила глаза: – Скажи, пожалуйста, ты оставишь когда-нибудь свои замашки?” ...Было тепло и тихо. Мальчишки двора, сбившись в кучу, сидели на бревнах... и о чем-то увлеченно разговаривали. В середине кружка сидел Володька в ярко-красной вельветовой куртке. Петьке показалось, что он улыбнулся ехидной улыбкой, увидев его. Заулыбались будто остальные ребята. И закипели на сердце у мальчишки все обиды. До каких же пор этот Володька будет измываться над ним? Петруха не торопясь подошел к ребятам, исподлобным взглядом обвел их и остановился на Молотилове. Молчал, не находя слов для вызова. Мальчишки тоже молчали. Только Володя – он понял Петьку – встал, небрежно чиркнул пальцем по верхней губе и улыбнулся: “Что скажете, сиротинкой я росла...” “За ябеду пока...” Петька без размаха ударил Молотилова в подбородок и сбил с ног» (Акулов, 1962; 50, 51–52).

«ЯБЕДА-КОРЯБЕДА» – *дразнилка*; начало *дразнилки*.

О 1930-х – 1940-х гг.: «В нашем детстве, если среди ребят попадался ябеда, то дразнили его так: “Ябеда-корябеда, тухлая капуста, съела крысу без хвоста и сказала: “Вкусно!””, – не захочешь после такой дразнилки ябедничать снова» (Семёнов, 1985, 13).

О 1980-х гг. в с. Понькино Шадринского р-на: «Дразнилка: «Ябеда, корябеда, большая шоколадина» (514).

О девочке 8 лет в с. Кундравы Чебаркульского р-на Челябинской обл. в 1994 г.: «Часто были случаи, когда тот или иной человек из твоего окружения начинает на тебя жаловаться. Тогда этого человека смело можно было обзывать: “Ябеда-корябеда, солёный огурец, по полу валяется, никто тебя не ест, муха прилетела, понюхала и съела”. Это было очень обидно, и мы старались не ябедничать» (141).

О девочке 6–9 лет в г. Лянторе в 1992–1995 гг.: «Это было в садике и примерно в 1–3 классах. Если кто-нибудь шёл ябедничать, мы про него говорили: “Ябеда-корябеда, солёный огурец, по полу валяется, никто тебя не съест”» (015).

О детях 7–9 лет в г. Когалыме Тюменской обл. в 1994–1996 гг.: «“Ябеда-корябеда, пустая шоколадина”. Так говорили про тех, кто всегда жаловался» (134).

ЯБЛОКИ красть из сада – см. *Красть яблоки из сада*.

«ЯБЛОЧКО» – танец.

О нач. 1950-х гг.: «Концерт продолжался. Двое-трое четверо ребят исполняли матросский танец “Яблочко”, показывая, как матросы тянут канат, лазают по веревочным лестницам, смотрят из-под “kozyрька” ладони в “морскую даль”» (Казарма, 2000).

ЯЗЫК показывать – см. *Показывать язык*.

«ЯИЧНИЦА с луком» – прозвище *реалистов*.

«“Яичница с луком! Яичница с луком!” Гриша оглянулся. Ну конечно, это кричали ему. Кричали вольные приреченские ребята, рассевишие стайкой на огородном тыну. Пока Гриша не носил формы реалиста, они мало обращали на него внимания. А теперь сколько обидных прозвищ, улолканья и свиста обрушилось на Гришу! Он понимал почему: на нём были ясные пуговицы и жёлтые канты на зеленоватой фуражке – отсюда и прозвище “яичница с луком”» (Кононов, 1958, 144).

Ср.: «*Синяя говядина*», «*Кадет – на палочку надет*».

ЯЙЦА катать – см.: *Катать яйца*.

«ЯМКИ» – детская игра.

О нач. XX в.: «Кукушкин... выскочил на двор и предложил играть в “ямки”... “В “ямки!”” – громко крикнул Павлов. Они стали играть в “ямки”... Долго играли в “ямки”. (Чириков, 1918, 26–27).

Возможно, правила именно этой игры описаны ниже.

О 1950-х гг.: «Ямки. (Игра проводится в средней и старшей группах [детского сада].) В стороне участка по количеству играющих детей роются ямки такого размера, чтобы в них поместились небольшой мяч. Расстояние между ямками 20 сантиметра. Дети становятся в

шеренгу лицом к ямкам на расстоянии одного шага от них. Крайний справа или слева прокатывает мяч по ямкам. Тот играющий, в ямке которого застревает мяч, схватывает его и кричит: “Беги”. Все дети разбегаются, а он бросает им в ноги мяч. За каждое удачное попадание ребёнку в ямку кладётся один камешек. Выигрывает тот, у кого в ямке наберётся 5 камешков. Правила игры. 1. Мяч можно бросать только в ноги убегающих. 2. Бежать надо в разных направлениях в пределах установленных границ» (Кожевникова, 1961, 65).

ЯПОНСКИЙ бильярд – одно из названий распространённой настольной игры. Правила напояняют правила игру в *бикс*.

Описание конца 1930-х гг.: «Японский бильярд... можно сделать из любой доски. Обстругай её рубанком или покрой листом фанеры, чтобы она была совершенно ровной. Нарисуй кружочки с числами... В каждом кружочке сделай небольшую лунку, ударив молотком по стальному шарик. Посредине прибей металлическую крышку от баночки, подставив под нее катушку. Это будет звонок: позвонит шарик – 100 очков. Вбей гвозди в лунки. Еще два гвоздя вбей справа у нижнего конца доски для метательного снаряда. Кольцо растягивается между этими двумя гвоздями. Снаряд – это катушка, через которую пропущено резиновое кольцо. Оттянешь катушку назад, отпустишь – она ударит по шарик. Для шарика сделай в доске еще одну лунку. Боковые стенки – картонные. Стенка, изогнутая дугой, тоже картонная. Концами она приклеена к прямым стенкам. Каждый кружочек по пять шаров подряд. Кто первый наберет 1000 очков?» (Гершензон, 1982, 68–69).

ЯСЛИ (детские) – «Учреждение, где воспитывают детей до трёхлетнего возраста» (Словарь, 1965–17, 2105); дошкольное воспитательное учреждение для маленьких детей (в возрасте от двух месяцев до трёх лет).

«Ясли стали открываться в странах Европы и в России в середине XIX века. Однако педагогическая энциклопедия 1968 года сообщает, что первые российские ясли появились намного раньше – в 1716 году, то есть за сто лет до открытия детского сада в Петербурге. Но опыт этот, судя по всему, не привился и не был замечен общественностью. Другие источники называют дату 1880 г. – открытие первых яслей при Раменской текстильной фабрике (городские ясли) и 1896 год – открытие первых деревенских яслей в пермском губернском земстве. Изначально ясли в некотором роде противостояли детским садам. Детские сады были, по преимуществу, заведениями для состоятельного класса, призванными осуществлять помощь семейному воспитанию. Они были платными и не поражали количеством. Но бесплатных детских садов, открывавшихся специально для бедных слоев населения, вообще были единицы. Существовали они исключительно на пожертвования частных лиц, а потому – скудно и трудно, и закрывались ещё быстрее, чем частные и платные. Ясли были заведением, созданным для детей работающих женщин – фабричных работниц и крестьянок, чтобы они могли работать, даже имея на руках грудных детей. Однако опыт этот был весьма сомнительным. “Ясли при Раменской текстильной фабрике содержались на средства фабриканта, – пишет И.В. Чувашев в “Очерках по истории дошкольного воспитания в России”. – Многие матери не хотели приносить детей в эти ясли ввиду того, что в них не было должного ухода за детьми. Дети в яслях главным образом спали (некоторые няни для большего собственного спокойствия давали детям снотворные средства), а дома вечером и ночью бодрствовали и беспокоили мать. В ясли несли своих детей только те женщины, у которых была “нужда безысходная”, а остальные предпочитали оставлять детей на попечение домашних нянь – сестренки, бабушек и других членов семьи”. Гораздо большее распространение получили так наз. “сезонные ясли” в деревнях. Собственно, деревня не знала детского сада ни в каком виде. А ясли открывались “ввиду очевидной пользы, приносимой ими, во-первых, в деле борьбы с пожарами, возникающими от неосторожного обращения с огнем детей; во-вторых, в деле борьбы с

высокой дет. смертностью; в-третьих, в поднятии продуктивности труда взрослых членов семьи при освобождении их от забот по призыву за детьми, и, в-четвертых, в целях культивирования населения» (Иорданская Е.И. Народные детские сады. – М.: Общественная польза, 1918–1919). Деревенские ясли открывались, как правило, в период летней страды и давали приют не только младенцам, но и детишкам дошк. возраста, которых ещё рано было брать с собой в поле, но на попечении которых уже оставляли младших. «Няньки» приносили малышей в ясли и сами при них оставались. Ясли обычно устраивали в здании школы, которое летом пустовало. Здесь на полу клали чистую солому и на неё – младенцев. Такие заведения не всегда оставляли положительные впечатления у случайных образованных посетителей: «...В соломе копошится детвора. Плач, неприятный запах, окна не открыты, жара и духота страшные. В углах, на скамьях, малолетние няни что есть силы, трясли младенцев, которые заливались пронзительным криком. На дворе кучи ребят играют в камешки. Одна нянька бросила своего ребенка на крыльцо, соблазненная игрой в камешки». Но были ясли, учрежденные не только с «утилитарной целью» – для удобства взрослых, но и преследующие цели педагогические. В этих яслях работали, как правило, образованные женщины, имеющие представление о воспитательной системе детских садов и активно включавшие малолетних нянек в обучение и организованный труд: «...старшие дети помогали в уходе за маленькими и в играх, без всякого труда и принуждения, научились промывать и бинтовать ранки, делать компрессы; научились тушить пожары и т.д. В играх же дети драматизировали рассказы о хороших людях, например, играли “в доктора Газа”, “в Ломоносова”. Всю дневную работу дети выполняли сами, как если бы это была одна большая семья» (по статье Е.И. Иорданской). Такой подход, заключает автор статьи, обеспечивает преемственность яслей и детского сада и готовит детей к жизни и к школе» (Из истории яслей // Дошкольное образование. 2008, № 1. – С. 19).

В 1913 году в России насчитывалось 19 детских яслей (550 детей), в 1940 году имелось около 781 тыс. ясельных мест, к 1977 году – свыше 3 миллионов.

О 1940-х гг.: «В колхозе ясли. В яслях ребята. Няня кормит их. Дети едят, а потом спят. После сна – игра и прогулка. Хорошо детям в яслях!» (Воскресенская, 1949, 64).

О 1948 г.: «Мама... принесла из яслей Лёню, завернутого в красное одеяльце...» (Панова, [1955] 1956, 483).

О вт. пол. 1950-х: «Привела мама Людочку в ясли, и не к малышам, а в старшую группу. “Ты теперь уже большая”, – сказала мама. А Людочка и расплакалась. Не хочет отпустить маму на работу» (Буцень, [1959–1966] 1977, 19).

О конце 1950-х гг.: «Помню себя с раннего детства. Закрываю глаза и представляю зимний холодный деревянный коридор яслей с высокой (тогда мне так казалось) лестницей; санки, стоящие в ряд и ждущие своих седоков. За мной приходят родители, заматывают меня в большую шаль, сажают в санки, и мы едем домой» (Ершова, 2007, 6).

О конце 1950-х гг.: «“Мам, – сказала Лиза, – а почему это мы Никольку в ясли не отдадим? Отдали бы в ясли, да и всё!” “А что, у нас дома с Николькой посидеть некому, что ли? Пускай в ясли несут, кому ребёнка оставить не с кем. А у нас своих нянек хватает. Нечего в яслях место зря занимать!”» (Воронкова, 1966, 459).

С 1960 года в СССР создаются единые дошкольные учреждения – ясли-сады.

ЯСЛИ-САД – дошкольное детское учреждение.

Согласно утвержденному 8 марта 1960 г. Советом Министров РСФСР «Временному положению о дошк. дет. учреждении – яслях-саде», «дошк. учреждение – ясли-сад» создавалось «в интересах осуществления единой системы коммунистического воспитания детей дошкольного возраста...»

Согласно положению, ясли-сады организовывались для ребят в возрасте от 2 месяцев до 7 лет и

комплектовались группами по 20 детей в возрасте до 3 лет (преддошкольные группы), а старше – по 25 (дошкольные группы). В зависимости от длительности обслуживания ясли-сады имели: дневные группы, рассчитанные на пребывание детей в течение 9–14 ч; круглосуточные группы, в которых дети находились 5–6 дней в неделю. В селах детские ясли-сады могли строиться на 50, 90, 140 и 280 мест, в городах и крупных населенных пунктах – на 140 мест. С 1960 г. строительство дошк. учреждений велось уже только по типовым проектам «ясли-сад». Вместе с тем в стране продолжали функционировать и отдельные дет. сады и ясли.

Ист.: НО, 1974, 337; Очерки, 1988, 56.

«**ЯША дурачок**» – игра неизвестного содержания.

Об утреннике в нач. школе в конце 1940-х гг.: «При составлении программы не рекомендуется брать... игры с насмешкой, оскорбляющие чувство достоинства детей (“Яша дурачок”, “Курносые”, “Растяпа” и т. п.)...» (НШ, 1950, 751–753).